

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Книги 1-10

СВАРОГ

Александр Александрович Бушков

Цикл романов "Сварог". Компильция. кн. 1-10

Скучающий в провинциальной воинской части майор ВДВ Станислав Сварог подсознательно жаждет битв. Старый монгольский шаман помогает ему обрести желаемое – в один прекрасный день Сварога засасывает страшная воронка и он попадает на планету Талар, в мир, где живут лары – могучие колдуны, правящие миром. Они практически бессмертны. Они проводят жизнь в увеселениях и дворцовых интригах. Они живут на летающих островах и не интересуются делами простых смертных – обитателей планеты. И Сварог – один из них. С его появлением в этом мире связывают древнее пророчество, вдобавок ему удастся найти легендарное магическое оружие, утерянное несколько сот лет назад. И начинается длинный путь познания и становления в этом странном и опасном мире.

Содержание:

1. Рыцарь из ниоткуда
2. Летающие острова
3. Нечаянный король
4. Железные паруса
5. По ту сторону льда
6. Чужие берега
7. Чужие паруса
8. Чужие зеркала
9. Пленник Короны
10. Враг Короны

Содержание

Александр Бушков Рыцарь из ниоткуда	0005
Пролог Над самой клеткой льва	0005
Часть первая Милорд	0020
Часть вторая Бродяга	0097
Часть третья Один brave	0168
Итог	0247
Глоссарий	0248
Приложения	0286
Александр Бушков Летающие острова	0288
Часть первая Равена, красивый город	0289
Часть вторая Высокое искусство бегства	0460
Итог	0643
Приложения	0644
Александр Бушков Нечаянный король (Сварог – 3)	0646
Глава первая ТАЙНЫ, ТАЙНЫ И ЕЩЕ РАЗ ТАЙНЫ	0647
Глава вторая БЮРОКРАТИЯ КАК ТОЧНАЯ НАУКА	0664
Глава третья КТО КРИЧИТ В НОЧИ	0679
Глава четвертая ГОСТИ В ДОМЕ	0695
Глава пятая ДЕРЕВНЯ С ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯМИ	0717
Глава шестая КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ	0740
Глава седьмая ЛЮДИ В ЮБКАХ, НО НЕ ЖЕНЩИНЫ	0758
Глава восьмая ХОЛМЫ ПОД НЕБОМ	0762
Глава девятая КОРОЛЬ, ЦЕНИТЕЛЬ ИСКУССТВ	0770
Глава десятая ДЕВУШКА ИЗ ЗАМКА БАРРАЛЬ	0778
Глава одиннадцатая ОТРАЖЕНИЕ ЗОЛОТА	0792
Глава двенадцатая МЕЖДУ НАМИ, КОРОЛЯМИ	0804
Глава тринадцатая СЫН УЖАСНОГО КОРОЛЯ	0817
Глава четырнадцатая БРАТЕЦ И СЕСТРИЧКА	0823
Глава пятнадцатая ГОСУДАРЬ В ТРУДАХ, АКИ ПЧЕЛКА...	0828
Глава шестнадцатая ГОСУДАРЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТРУДАХ	0836
Глава семнадцатая НЕ ТОЛЬКО ШПАГИ...	0847
Глава восемнадцатая ЦЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ	0854
Глава девятнадцатая ЕЩЕ ОДИН СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ	0864
Глава двадцатая ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЖИВЕТ ВЕСЕЛО	0873
Глава двадцать первая ВЫСОКОЕ ПЛАМЯ В НОЧИ	0878
Глава двадцать вторая КОСА И КАМЕНЬ	0887
Глава двадцать третья КУПЕЦ СЧИТАТЬ УМЕЕТ	0898
Глава двадцать четвертая САМАЯ КОРОТКАЯ, НО ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ	0906
ГЛОССАРИЙ	0909
Приложения	0946
Александр Бушков Железные паруса (Сварог – 4)	0948
Глава первая Король на прогулке	0949
Глава вторая Каменные небеса	0964
Глава третья Новые знакомства и новые заботы	0978
Глава четвертая Случайные ужасы и нечаянные радости	0995
Глава пятая Дела давно минувших дней...	1019
Глава шестая ...и современные сюрпризы	1034
Глава седьмая Со стороны солнца	1047
Глава восьмая Голос моря	1058
Глава девятая Тени Латераны	1068
Глава десятая Старый знакомый	1081

Глава одиннадцатая Проклятое озеро	1092
Глава двенадцатая Тихий омут	1107
Глава тринадцатая Королевская рыбалка	1119
Приложения	1130
Александр Бушков По ту сторону льда	1132
Часть первая По ту сторону истины	1133
Часть вторая По ту сторону одиночества	1174
Часть третья По ту сторону добра и зла	1189
Часть четвертая По ту сторону льда	1242
Эпилог	1291
Александр Бушков Чужие берега (Сварог – 6)	1293
К ЧИТАТЕЛЮ	1293
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КУДА ВЕДЕТ ТРОПА	1294
ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД МИТРАК	1361
Часть третья ПРИХОД ТЬМЫ	1403
Глоссарий	1482
Александр Бушков Чужие паруса (Сварог – 7)	1490
Часть первая «АДМИРАЛ ФРАСТ»	1490
Часть вторая ПОКОЙ НАМ УЖЕ ДАЖЕ НЕ СНИТСЯ...	1579
Часть третья «СЕРЕБРЯНЫЙ УДАР»	1620
ГЛОССАРИЙ	1664
Александр Бушков Чужие зеркала (Сварог – 8)	1671
Часть первая РОБИНЗОНЫ ГРАМАТАРА	1671
Часть вторая ТУДА И ОБРАТНО...	1722
Часть третья ...НО ОБРАТНО – НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОМОЙ	1768
ГЛОССАРИЙ	1846
Александр Бушков Пленник Короны (Сварог – 9)	1851
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ	1851
ЧАСТЬ ВТОРАЯ НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ	1934
ГЛОССАРИЙ	1983
Александр Бушков Враг Короны (Сварог – 10)	1992
Часть первая ВСЛЕД ЗА СУДЬБОЙ	1992
Часть вторая ВО ВЛАСТИ СУДЬБЫ	2072
ГЛОССАРИЙ	2105

Александр Бушков

Рыцарь из ниоткуда

Человек, хоть однажды сумевший прорваться сквозь бумажные стены обыденной жизни, сквозь эти непрочные стены, которые тем не менее так надежно от рождения до могилы держат многих из нас в плену, неминуемо приходит к открытию: если окружающий мир тебе не нравится, его можно изменить. Надо только принять твердое решение любой ценой изменить его – и ты добьешься своего. Ты можешь оказаться в более неприятном, трудном и даже опасном положении, но может случиться, что жизнь твоя станет ярче, приятнее или, на худой конец, просто интереснее.
Герберт Уэллс. «История мистера Полли»

Авторы стихов, приведенных в романе: Джон Китс, Николай Еремин, Ольгерд Довмонт.

Пролог

Над самой клеткой льва

Восьмого сентября одна тысяча девятьсот девяносто первого года, где-то во второй половине дня, майор Станислав Сварог (для друзей – Стас, для солдат за глаза – Эсэс) окончательно уверился, что сошел с ума. Многие здравомыслящие люди на его месте сделали бы именно такой вывод. Были все основания. Представьте, что вы шагаете по степи и вдруг проваливаетесь по колена в эту сухую твердую землю, причем ноги ваши ниже колен вовсе и не чувствуют ни тесноты, ни сжатия, ни иного неудобства, вообще ничего не чувствуют, словно бы болтаются в воздухе. И вы погружаетесь дальше, медленно, с такой плавной игривостью аэростата, однако ж неотвратимо, лицо ваше все ближе к земле, становящейся бесплотным видением, лишь зрительно отделяющим вас от загадочной пустоты, в которую вы погружены уже по пояс, по грудь, вы брыкаетесь и бьетесь от ужаса и, будто этого мало, вдруг чувствуете, что ваши ноги начинают задевать и сшибать какие-то твердые предметы, а порой вас ловят за щиколотки чьи-то руки и тянут, целеустремленно тянут вниз. И все кончается – примерно на уровне нагрудных карманов форменной рубашки, вы вновь обнаружили, что стоите как ни в чем не бывало на сухой твердой земле, и одежда ваша ничуть не запачкана, и благим матом вы не орете лишь из воздушно-десантного гонора. Представьте еще, что эти фантазмагии происходят что ни день, причем исключительно тогда, когда поблизости нет ни души, никто вас видеть не может и потому нет подтверждения, что все это происходило на самом деле. А также добавим, что «погружения» эти случаются не только в чистом поле, но и на бетонированном полу танкового ангара, и в коридоре третьего этажа, и прямо на лестнице, причем те, кто находился на втором этаже, ваших растущих из потолка ног не видели... Одним словом, вы очень быстро начнете с нехорошим эгоистическим интересом присматриваться к табельному «Макарову». «Макаров», конечно, та еще бандура, и всякий, кто понимает толк в огнестрельных игрушках, согласится, что невероятно трудно попасть из него именно туда, куда целишься, но при всех

недостатках «Макара» достоверно известно: себе в висок никто еще из него не промахивался. Осечки случались, а вот промахов как-то не бывало...

Вот так-то. Не ходите к психиатру, если начнете вдруг регулярно проваливаться под землю и в последний момент выскакивать оттуда, как пробка от шампанского. Психиатр все выслушает, но никогда ничему не поверит, а начнет кормить таблетками, от которых хочется лечь, едва встанешь, встать, как только ляжешь, и, что хуже всего, они не совмещаются со спиртным. Для советского человека, даже слегка и развращенного перестройкой и гласностью, добровольно зайти к психиатру столь же жутко и невозможно, как надеть в штаны, едучи в автобусе, – тем более майору ВДВ, который себя в ином качестве и не мыслит...

С учетом вышеизложенного и вышепережитого нетрудно понять, что майор Сварог пошел поначалу по избитому пути великорусского самолечения от всех недугов – то есть принимал национальное лекарство под скудную закуску, а то и вовсе без таковой. Но это было чревато – во многих отношениях. В преддверии вывода войск из неожиданно оказавшейся суверенной Монголии в перестроечную неизвестность начальство зверело; а телепатически чувявшие наличие спиртного друзья, нагрянув незамедлительно, быстро превращали лечение в обычный гудеж, где добывать очередной пузырь предстояло тому несчастливцу, кто уже не мог без запинки выговорить имечко первого монгольского астронавта – Жутдэрдемидийн Гуррагча. К тому же Сварог ужасно боялся по пьянке проговориться. Ну и жена ныла, конечно. Одним словом, у него помаленьку ехала крыша, и во второй половине дня, ближе к вечеру, майор Сварог философски заключил, что сошел с ума.

Это эпохальное открытие он сделал, как большинство его предшественников – от Ньютона до Эдисона, – в совершенно будничной обстановке, стоя на краю раскопа и тупо пялясь вниз. В раскопе ударно, словно и не советские люди, шуровали археологи, ихние девочки по причине жаркой погоды работали в скупых купальниках, и, когда Сварогу надоедало думать, что он сошел с ума, он смотрел на загорелые спины и думал то, что на его месте думал бы любой нормальный мужик. Впрочем, от хозяйки одной из загорелых спин он уже получил свое в одной из палаток (ну романтика, конечно, палатки, полевой сезон) – правда, в довесок пришлось потом долго слушать, какая свинья оставшийся дома муж (не понимает, не удовлетворяет, изменяет и денег не приносит). Пикантно, но наверняка его собственная жена в тот момент талдычила то же самое Витюше Малову на хате у последнего – в качестве довеска. Ну и хрен с ними со всеми. Все осточертело настолько, что даже разводиться с женой было лень.

Археологи работали в диком темпе, от рассвета до заката. Ходили слухи, что ошалевшая от суверенитета Монголия вскорости начнет драть за позволение на раскопки в валюте, что было вполне логично, – сам Сварог на месте монголов так и поступил бы. Все дерут со всех, и это называется рынок. И все такое прочее. Ленин лезет на броневик, Ельцин лезет на танк, а куда прикажете залезть десантному майору, который любит свое дело, терпеть не может жену и начальство и ничегошеньки не понимает в происходящем? А остается ему разве что залезть на археологическую Свету. Пока дает без валюты. Пока однажды не провалился под землю окончательно.

«А может, там, под землей, что-нибудь хорошее? – уныло подумал Сварог. –

Может, не сопротивляться, когда за ноги тащат? Но с каких это пор за ноги тащили к чему-то хорошему?»

Он зло плюнул, огляделся вокруг, подобрал симпатичный легонький камешек и осторожно кинул его вниз, Свете в загорелую спину, целясь повыше правой лопатки, ну и попал, конечно, зря учили, что ли? Света недоумевающе покрутила головой, узрела его. Сварог изобразил лицом и фигурой немой вопрос с явственной сексуальной подоплекой. Света черкнула ладошкой по горлу, изобразив лицом и фигурой предельную загруженность работой, и вновь принялась царапать своей кисточкой, помаленьку добывая из земли тесаное бревно. Они там, внизу, обнаружили мавзолеей какого-то древнеисторического вождя и сейчас как раз готовились его откупорить. Когда-то строители задумали его даже покруче ленинского – почетный караул так и остался рядом на века, с конями и оружием.

– На столе горела лампа, но Света не давала, – проворчал себе под нос Сварог один из Штирлицевых апокрифов, повернулся через правое плечо и побрел себе прочь к военному городку, уже как-то привычно ожидая, что вскорости опять провалится под землю и будет пинать чьи-то шарящие руки, норовя угодить по пальцам. Шагал и безмятежно напевал:

*А вот они, условия,
а вот она, среда,
а в общем, для здоровья
полезны холода...*

Но он отмахал половину пути и до сих пор не провалился. Ну что ж, хоть что-то приятное в этой жизни. Он немного воспрянул душой – совсем немного, но все-таки – и шагал себе, пока не услышал за спиной быстро приближавшееся «члак-члак-члак», стук копыт по сухой земле. Тогда он остановился и обернулся.

А это старый Мэлсдорж ехал на монгольской, ясное дело, лошадке, крохотной и лохматой, но выносливой и проворной, как черт. Сварог очень любил на них ездить и очень хотел бы увезти такую домой, да ведь не было дома...

Старый знакомый узнал старого знакомого, дружелюбно оскалился, отчего его косенькие глазки совсем было закрылись. И они не спеша двинулись дальше бок о бок – Сварог размашисто шагал, и лошадь шла шагом. Все трое молчали – люди просто так, а лошадь согласно естеству.

– Ты еще имя не поменял? – спросил Сварог.

– Не стоит. Дурная примета, говорят.

Имя у Мэлсдоржа было отнюдь не монгольское, как могло бы показаться несведущему. Монгольским было только традиционное окончание мужского имени «дорж», а «мэлс» означало – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Была такая мода когда-то.

– Уходите? – спросил в свою очередь старый знакомый Мэлсдорж.

– Похоже, – сказал Сварог.

– Куда? – из вежливости спросил Мэлсдорж.

– На муда, – проинформировал Сварог.

– Далеко, однако, насыльник... – оскалился старик, знавший русский не хуже Сварога.

– А вас китайцы сглотнут. Звездой гавкнете.

– Выкрутимся, – сказал Мэлсдорж. – И будем Великая Монголия.

Он был большой великомонгольский националист, но как-то скорее теоретически. Или ностальгически, что вернее.

– Для великой Монголии нужен Чингиз, – сказал Сварог. – А где вы Чингиза возьмете? Гуррагча не потянет.

– Тоже верно, – согласился Мэлсдорж. – Никак не потянет.

И они опять молчали. Сварогу полегчало на душе, он знал, что при свидетеле ни за что не провалится.

– Я мимо ехал – копают, – сказал Мэлсдорж, махнув плеткой за спину, в сторону раскопа. – Скоро совсем выкопают. Плохо.

– Почему?

– Таким лучше лежать внизу. Беспокойные. Раскопаешь такого – хлопот не оберешься. Думаешь, они совсем мертвые? Да нет...

– Херня, – сказал Сварог.

– Сам ты херня. Помнишь, где мой сын воевал? У вас на фронте. А почему у вас получилась война с соседями? Забыл? Потому что за пару недель до того Тимурленга раскопали. Потому и никто не скажет, где лежит Чингисхан, – хотя знает немало народу...

– Ну-ну, – сказал Сварог.

Мэлсдорж полез за отворот синего дэли, добыл из-за пазухи мятую пачку «Мальборо», откусил у сигареты фильтр, выплюнул. Щелкнул длинной китайской зажигалкой, пустил дым меж лошадиных ушей и спросил:

– Знаешь, кто на свете самые умные? Пастухи. Как я.

– Почему?

– У пастухов больше всего времени, чтобы думать. Голова свободная, а времени для мыслей много. Темучин, между прочим, тоже когда-то стада пас...

– Интересная версия, – сказал Сварог. – Слушай, а что там за хан? Какой-нибудь Чингизов племянничек?

– Это не наш, – сказал Мэлсдорж. – Они гораздо раньше нас жили. Светлородые. Очень, очень давно. Когда здесь еще текли могучие реки. Беспокойный каган, не улежит, будет таскать живых...

Сварог невольно вздрогнул. И спросил:

– А как народ назывался?

– Светлородые, – сказал Мэлсдорж. – И все. Имена забываются. Народов было несметное множество, и часто они уносят с собой свои имена...

– Вот именно, – отрешенно поддакнул Сварог. – Уж сколько их сорвалось в эту бездну, разверстую вдали. Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли...

Он не любил выходить из образа тупого майора. Но с Мэлсдоржем было можно.

– Хорошая песня, – сказал Мэлсдорж. – Сам сочинил?

– Да нет...

Они опять замолчали и молчали до самой развилки, места, где Сварогу надо было сворачивать к военному городку, а Мэлсдоржу пылить вперед, в недалекий город.

– Водки выпьешь как-нибудь? – спросил Мэлсдорж. – Заходи, юрта пока на старом месте. Водки много.

– Да ну, – вяло сказал Сварог. – И так жить страшно.

– Совсем страшно?

Сварог поднял глаза. Мэлсдорж спокойно смотрел на него сверху вниз – морщинистая рожа, загадочный прищур. Весь он был как таинственный в своем всеведении бронзовый бурханчик. «Мы ж здесь чужие, – прямо-таки панически подумал Сварог, – мы все уйдем с нашими танками, котельными и радарными, и мы, и аймачные шишки с японскими телевизорами, и Гуррагча со спускаемым аппаратом. И китайцы, если придут, рано или поздно уйдут в ту же бездну. А степь и пастухи останутся, извечные, как закат».

– Нельзя смотреть в глаза, – сказал вдруг Мэлсдорж.

– Что?

– Когда за тобой бегают покойники, нельзя смотреть ему в глаза. Насовсем уволочет.

– Ну, за мной-то покойники не бегают... – слабо усмехнулся Сварог.

– А кто за тобой бегают, живые, что ли?

Сварог дернулся и встал посередине дороги. Он припомнил все слухи, создавшие Мэлсдоржу шаманскую славу, – и японский магнитофон, за который жена прапорщика Швыдко вроде бы обеспечила супругу полную и окончательную, колдовского происхождения трезвость на всю оставшуюся прапорскую жизнь. И нереально быстро сросшуюся ногу военюриста Нежного, и разные сбывшиеся предсказания. И прочие свершения, в том числе те, что, как бы это выразиться, обладали обратным знаком: у капитана Лазуткина, спьяну захватившего Мэлсдоржу в морду, поселилась в ванной огромная кобра, видимая одному только капитану. Кобра капитана периодически кусала, да так, что он орал на весь дом (причем следов укусов не отыскивалось), потом стала гоняться за ним по всему городку, пока не достала окончательно на штабных учениях. Возможно, все дело было не в колдовстве Мэлсдоржа, а в водке. Но генералу из Москвы, рядом с которым прошли выпущенные Лазуткиным в настырную кобру пули, в любом случае следовало посочувствовать. Кстати, лейтенант Круподеров, с одиннадцати вечера и до рассвета искавший в насквозь знакомом военном городке свой дом, был непьющим и шприцев из набора противохимической защиты тоже не употреблял. Но все равно чуть не рехнулся – городок был, а его пятиэтажки не было. В детали он вдавался скупно, но ходил потом к Мэлсдоржу просить прощения и кланяться подарком...

Вспомнив все, что болтали о Мэлсдорже, Сварог испугался еще больше. И от испуга бухнул:

– Помочь можешь?

– Помогают человеку, когда он хочет, чтобы ему помогали, – сказал Мэлсдорж.

– А я что, не хочу?

– А откуда ты знаешь, чего хочешь? – сказал Мэлсдорж и поднял плетку.

Лохматая лошаденка обрадованно рванула вперед, и Сварог остался один – правда, в прямой видимости для часового под зеленым грибком, так что погружения пока исключались.

Дома он залез в ванну, вставил пробку, плеснул три колпачка свято берегавшегося женой дефицитнейшего шампуня. Ванна понемногу наполнялась, пена щекотала плечи, с пола орал паршивенький магнитофон, дешевенький в Японии и стоивший бешеные деньги в Союзе. Сварог курил с закрытыми глазами и пытался представить, что он сейчас в Ницце – но и саму Ниццу он

представлял себе смутно, так что ничего не выходило.

Вообще ничего путного не выходило. А то, что жизнь не вышла, выяснилось уже давно. Стоило ли долбить в училище французский, если не быть атташе ни в Париже, ни даже в Бухаресте, и даже детективов на французском не достать? А те заграницы, где побывать довелось, лучше забыть навсегда. Стоило ли млеть возле ясноглазой студенточки, если из нее через десять лет получилась законченная стерва? Стоило ли становиться хорошим десантником, чтобы удерживать на тронах чужедалных мудаков? Стоило ли читать столько книг?

Все дебаты-кредиты были не в его пользу – поневоле взвоешь. Что же тогда удивительного в «погружениях»? Рехнулся он или все происходит на самом деле, ясно одно: к везучему и счастливому человеку такая дрянь определенно не привяжется.

В дверь, оказывается, давненько уже стучали, потом начали барабанить. Сварог протянул мокрую руку через край ванны, не глядя убрал звук.

– Долго ты еще там? – спросила жена не требовавшим ответа визгливым тоном.

Сварог передернулся и громко, с невероятным удовольствием спросил:

– Ты что, у Витьки подмыться не могла?

Ответа он, понятно, не ждал. Вместо такового грохнула кухонная дверь – а вот этого он и ждал. Закатив глаза, Сварог довольно улыбнулся в потолок, зажег сигарету, закинул голову, шумно выпустил дым.

И провалился в глубину.

Стенок ванны уже не нащупать, он бешено молотил руками и ногами, не находя опоры, в глаза хлынула вода, и пришлось зажмуриться, ничего не соображая от ужаса. Воздуха в груди почти что и не осталось, вода, ставшая холодной, быстро волокла Сварога неизвестно куда. Превозмогая резь, он открыл глаза, инстинктивно рванулся туда, где казалось светлее.

И вынырнул под солнечный свет и голубое небо, фыркая, кашляя, отплевываясь, старался удержаться на поверхности, он вообще-то неплохо плавал, течение волокло его то к берегу, то на стремнину, а по берегу за ним неслись азартно вопившие всадники, и что-то свистело у них над головами, а потом свистнуло и у него над головой. Арканы. Полосатые, черно-белые. Две жесткие колючие петли туго захлестнули поперек туловища, всадники враз остановили коней и потянули Сварога к берегу. Косо волочась поперек течения, давившего на тело упругим напором, выплевывая воду, он смятенно думал одно: откуда в степи такая река? И, только оказавшись на сочной зеленой траве, осознал, какой он идиот, – его ведь достали наконец...

А всадники хохотали от души. И Сварог уже рассмотрел, что их высокие лошади ничуть не похожи на монгольских, а сами они, светловолосые и светлородые, на монголов. Он сидел на траве, а они высились над ним, люди в чешуйчатой броне, ярких разноцветных плащах и остроконечных шлемах с гирляндами лисьих хвостов. Самые что ни на есть реальные, хотя им никак не полагалось быть.

Потом один из них расстегнул большую затейливую пряжку на правом плече и сбросил свой желтый плащ к ногам Сварога. Сварог встал, закутался в плащ. Подъезжали новые всадники, сужая кольцо вокруг него, и вдруг в одном месте кольцо разорвалось, почтительно освобождая проход кому-то важ-

ному, и прямо к Сварогу направился человек с золотой цепью на груди, в золотом широком поясе, с властным лицом начальника. Шлем его был позолочен и украшен черно-бурыми хвостами, а не рыжими, как у остальных. За ним вели белую лошадь, а рядом с лошадью бежал косматый старик без доспехов и без оружия, то и дело разражавшийся ликующими воплями.

– Теперь ты видишь, Великий Меч, что я... – заорал он.

– Что твоя голова пока что остается при тебе, – бросил вождь, не оборачиваясь, и воины расхохотались, качаясь в седлах.

Взмах руки, перехваченной в запястье широким золотым браслетом с драконьими головами, – и всадники рассыпались в стороны, поскакали, сбились табунком метрах в ста, да так и стояли там. Остались только вождь, его коновод и лохматый старик, весь увешанный диковинными амулетами. И Сварог, понятно, запахнувшийся в желтый плащ, из-под которого торчали босые ноги. Сварог оказался выше всех ростом. Он попытался сообразить, почему так вышло, что он прекрасно понимает их язык, но догадки в голову не шли.

– А я совсем собрался было отрубить ему голову, – непринужденно, словно старому приятелю, сказал Сварогу вождь, кивая на старика. – Но он оказался прав. Дым зелий и заклинания и в самом деле позволяют путешествовать во времени.

– Я один помню великое знание, я последний... – завопил старик, отчаянно тряся амулетами.

– И теперь я буду тебя беречь, успокойся... – сказал вождь, вновь повернулся к Сварогу: – Я Нохор. Великий Меч... и кто-то там еще, есть другие титулы, ничуть не тусклее. Но все они – преждевременная лесть. Великие свершения требуют великих походов. Великие походы требуют не только множества воинов, но и немалого числа военачальников. И если случается так, что сказки про древнее искусство колдунов оказались правдой, можно взять военачальников, которые давно умерли... или еще не родились. Как ты.

– Но я-то родился, – буркнул Сварог, чуточку ошеломленный деловым напором.

– Это неважно. Я умер для тебя, ты не родился для меня, но вышло так, что мы встретились.

Глаза у него были желтые и холодные, рысьи. Сварог видывал рысей, а одну даже убил в Забайкалье, хоть и нечестно, из автомата. Сейчас автомата не было, а Нохор опаснее десятка рысей...

Сварог отер ладонями мокрые волосы, мокрые усы. Мыслям далеко до полного сумбура, но все равно потрясение оказалось сильным. И Сварог оторопело молчал. Потом открыл рот. И бухнул:

– Может, это твоя могила и есть...

– Где?

– Там... – Сварог поднял руку, но спохватился, что не знает, в какую сторону показать. – Там, где я был... живу...

– Возможно. У каждого из нас когда-нибудь непременно будет могила. И я не настолько глуп, чтобы рассчитывать прожить... сколько ты говоришь, старый, нас с ним разделяет?

– Две тысячи лет! – ликующе заорал старик. – Ради тебя я превозмог две тысячи лет! Я...

– Две тысячи лет, – сказал Нохор. – Я не рассчитываю даже на сто лет. – Он

улыбнулся одними глазами. – А там, рядом с моей могилой, нет ли случайно твоей?

«А кто его знает, – подумал Сварог. – Может, мы там оба, и Света сейчас нас обоих раскапывает... Кто же это – готы, динлины? Или один из многочисленных народов, от которых не осталось имен? К тому же каждый народ всегда именовал себя совсем не так, как называли его соседи...»

– Я не хочу... – вырвалось у него.

– Может, и не хочешь, – сказал Нохор. – А может, и хочешь. Этот старый болтун, пытаясь мне объяснить свои секреты, твердил, что будто бы не в состоянии уволочь того, кто этого не хочет. Что-то похожее говорил. Он ужасно много болтает, но я не слушаю, признаться, потому что меня интересует конечная цель, а не сопутствующие ей потоки высокоумных слов. Он не врал, что сможет забраться на две тысячи лет вперед и умыкнуть оттуда подходящего человека. Я в этом убедился. И этого мне достаточно. Тебе, я думаю, тоже. Сейчас тебе принесут оружие, одежду, приведут коня. Тебе будет интересно. У меня уже есть трое таких, что умерли сотни лет назад, но ты первый из тех, кто еще не родился...

Глаза, спохватился Сварог, нельзя смотреть ему в глаза, а я смотрю! Он опустил голову, уперся взглядом в сочную зеленую траву, потом посмотрел на реку, широкую, полноводную, быструю, высохшую в незапамятные времена. В те времена, которым предстояло еще наступить тысячи лет спустя. А в «незапамятных» временах он сам сейчас пребывал.

Сомнений в реальности происходящего у него не было решительно никаких. Однажды в далекой жаркой стране – не в той, где Аллах, а там, где посреди столицы, на площади, стоял каменный лев, – он допился до белой горячки и с тех пор считал себя знатоком галлюцинаций. Да наверняка таковым и был, как всякий, кому довелось столкнуться с Белой Леди (как выражался интеллигентнейший алкоголик доктор Зуев, раза три в год тихо гонявший из-под стола опричников, чекистов и вовсе уж экзотическую нечисть вроде друидов). Вокруг, без сомнений, была стопроцентная реальность – с яркой зеленью, шумом реки, запахами конского пота и нагретых солнцем кольчуг, и кожаной сбруи, и пропыленного плаща, в который кутался Сварог. С влажной землей под ногами и ветерком. С неизвестным Истории вождем Нохором, приверженцем крайне оригинальных методов вербовки новобранцев, явно не собиравшимся спрашивать или давать время на раздумье. Единственная поблажка, на которую вождя хватило, – не наезжать, с легкой улыбкой ждать, пока опамтается ошеломленный небывалым прибытием на сборный пункт очередной рекрут.

«А почему бы и нет? – подумал вдруг Сварог. – Почему бы и не стать генералом доисторической конницы? Как бы там ни обстояло, хуже не будет. Это главное. Хуже не будет. Понижают в должности здесь наверняка просто – булавой по темечку. Зато и не превращают в дерьмо собачье в огромных кабинетах, не заставляют строить социализм на другом конце света, бегать за водкой для столичного генерала и нежно поддерживать его превосходительство за локоток, пока оно блюет с крыльца. Деньги здесь не деревянные, а золотые, а подлецов можно вешать, если найдется поблизости дерево. И все такое прочее. Но самое, самое главное – здесь попросту режут и жгут, не подводя под все это идейную базу...

Вот только – воздух... „Мы обрушились с неба, как ангелы, и опускались, как одуванчики“. Все правильно, и некоторых из наших в самом деле кончали еще в воздухе (отчего оставшиеся в живых им порой завидовали), но все равно непосвященному не понять, что такое для десантника, отнюдь еще не старого, провести остаток дней своих прикованным к земле. К тому же...» Сварог чутко прислушался. Где-то над самым ухом явственно слышалось далекое ворчание моторов, гудение дрянных, советской работы, водопроводных труб, орал магнитофон, под гром оркестра с божественной хрипотцой надрывалась Эдит Пиаф:

*Он застонал и упал ничком
с маленькой дыркой над виском.
Браунинг, браунинг...
Игрушка мала и мила на вид,
но он на полу бездыханный лежит.
Браунинг, браунинг...*

Звуки его квартиры прорывались сквозь Необычное.

И Сварог понял, что не сможет. Он не в состоянии был уйти от прежней жизни, хоть и похожей на фантасмагорию, от ее идиотизма и надежд. От неба. Высокие слова отчего-то чаще приходят на ум, когда стоишь голый на берегу. Шум утраченного было мира становился все навязчивее, громче, явственнее, и не потому ли лохматый старикашка, на котором амулетов больше было, чем одежды, ошарашенно заметавшись, вдруг побежал к массивной трехногой курильнице, чадно дымившей неподалеку?!

Сварог кинулся к недалекому берегу, заметив краешком глаза, что всадники рванули галопом ему наперерез, и отметив краешком сознания, что они непременно опоздают. Он сам не знал, почему поступает именно так, – его словно бы вела чужая непонятная убежденность, опытная воля. Плащ полетел в сторону, Сварог прыгнул. В воду он вошел косо, шумно. Целеустремленно и тупо, словно торпеда, пошел на глубину. Сильными гребками разметывая воду, рвался неизвестно куда, плыл словно бы уже не в воде, а в густом синем тумане, липнущем к телу. Потерял всякую ориентацию, не соображал уже, где он и двигается ли вообще. Разноцветные круги перед глазами превратились в плывущий навстречу бледный свет. Удушье стиснуло грудь, Сварог открыл рот, но не почувствовал хлынувшей в горло воды, совсем ничего не почувствовал, ни воды, ни воздуха, и это оказалось самым страшным. Он дернулся всем телом к свету.

И взмыл из родной ванны, расплескивая воду на пол. В горячке выскочил, перевернув магнитофон, дернул хлипкую задвижку, вывалился в комнату, запаленный, голый и мокрый.

Родная жена, изучавшая в кресле не особенно старый номер «Плейбоя», посмотрела поверх цветной красотишки в строгом деловом костюме, но с провокационным вырезом до пупа; хмыкнула, спросила с надеждой:

– Ну что, крыша едет? Зуеву звонить? В трезвой полосе сейчас ваш Зуев, отходняк обеспечит... Вон там, под столом, есть кто-нибудь? Черти, скажем, или душманы?

Сварог, опамятававшись, ответил ей простыми русскими словами (правда, по слухам, происшедшими от китайцев) – в том смысле, что под столом нет никого, а в кресле сидит... и... Жена, видя, что с ним все в порядке, разочаро-

ванно вздохнула и заслонила замусоленным прапорами журналом. Сварог вернулся в ванную, быстренько обтерся, наскоро подтер воду и убрался в комнату смотреть телевизор, а точнее – быть на глазах у этой стервы, что исключало новые неприятности в виде удаленного на два тысячелетия, но оказавшегося таким близким вербовочного пункта. Странно... Считалось, что две тысячи лет назад стремян еще не было, не изобрели. Выходит, были, раз Сварог сам их видел, – они и сейчас еще позвякивали в ушах, как ни орал телевизор.

Интересно, что делает сейчас лохматый старикашка, крайне озабоченный сохранностью своей головы на шее? Они ж меня достанут рано или поздно, подумал Сварог, и эта мысль была сродни устоявшейся зубной боли. Чутье подсказывало, что Нохор в сто раз упрямее любого отечественного военкомата. И нет никакой возможности от него защититься. Нельзя всю оставшуюся жизнь провести безотлучно на чьих-то глазах. Хотя бы в туалет нужно периодически забредать.

Было даже хуже, чем в той стране, где вместо Бога был Аллах, чем в той стране, где торчала на площади статуя льва, – в дальних краях, забывшихся так надежно, что даже цветные ленточки на кителе и шрам на бедре с ними никак не связывались. Если прикинуть, там было даже лучше, там в него попросту стреляли, и можно было отвечать, сколько душе угодно, а теперь – словно волна тащила подальше от берега. С волной не договоришься, от нее не отобьешься...

Не отобьешься?

...Он стоял так, чтобы его видел часовой под зеленым грибком, слушал далекое порывивание танкового мотора и смотрел на дорогу – точнее, скверную колею, пробитую машинами в сухой земле и подпорченную конскими копытами. Таких дорог тут было множество, они сплетались, разбегались, могли завести в самые неожиданные места. Когда-то совершенно трезвый доктор Зуев на старом уазике ухитрился заехать в Китай без всяких пограничных формальностей. Он ехал себе и ехал, заблудился, но ничуть не расстроился, потому что любая дорога куда-нибудь да приведет. И эта старая истина нашла подтверждение, когда впереди показались белые невысокие строения казарменного вида, осененные алым полотнищем на высоком флагштоке. Хорошо еще, остроглазый доктор вовремя заметил, что полотнище-то алое, но вместо серпа и молота на нем красуется большая золотая звезда в компании четырех маленьких, золотеньких... Дело было, между прочим, еще при жизни Мао, когда по обе стороны границы ужасно друг друга не любили. Доктор рванул оттуда быстрее лани, в Китае его никто не заметил, а дома все обошлось, даже потом, когда эскулап проболтался-таки по пьянке, ему никто не поверил, включая бдительного особиста, знавшего по-китайски целых восемнадцать слов.

Сварог стоял и смотрел на дорогу – ничего другого не оставалось. По случаю воскресного дня динамик на столбе орал эстрадные песни, и идеологически выдержанная певица заливалась во всю глотку: «Прощай, король, прощай!» – как будто ее когда-нибудь могли подпустить беседовать к королю да еще разрешили «тыкать». Сварог в уме сказал про певицу матерное, не отрывая взгляда от дороги.

И он был вознагражден, дождался Мэлсдоржа. А тот нисколечко не удивился. Просто придержал конька и хладнокровнейшим образом спросил:

– Что, допек каган?

- Допек, – сказал Сварог.
- Я же говорил – беспокойный... Что, помочь надо?
- Надо, – сказал Сварог.
- Россия идет к рынку, Монголия идет к рынку...
- Что надо? – спросил Сварог.
- Автоматных патронов надо. Волков развелось.
- Делов-то, – сказал обрадованно Сварог. – Автомат не надо?
- Автомат мне уже звезданули, – сказал Мэлсдорж. – А вот золота надо. Не для меня. Для кагана.
- Откупаться? – не понял Сварог.
- Считай, что откупаться...

Если кто-то станет уверять вас, что майору в отдаленном гарнизоне ни за что не звездануть полрюкзака автоматных патронов, пошлите его к черту. Даже не обязательно быть майором. Дело совершенно житейское. Гораздо труднее, не зажигая света и не разбудив жену, ночью отыскать и сгрести в карман ее золотишко. А покинуть ночью территорию, перемахнув через забор из потрескавшихся бетонных плит, и вовсе проще простого, вы не в Чикаго, юноша, вы в советском военном городке...

Эта ночь своей веселой жутью, наверное, запомнится навсегда. Мэлсдорж привел его в какую-то мастерскую, где два монгола только что откупорили водку, совершенно по-русски распотрошив на газете «Унэн» селедку и плавленые сырки. Однако, увидев Мэлсдоржа, они поклонились чуть ли не до земли, убралась в уголок, враз забыв про водку, и пулей выскакивали оттуда, едва Мэлсдорж коротко отдавал непонятные распоряжения. Они разожгли огонь в горне, притащили инструмент и снова пристроились в уголке, испуганно тарачась на Сварога – ему явно перепала доля суеверного почтения.

– Ты тут в законе, я смотрю, – сказал Сварог, неловко топчась посередине и все время натываясь на ржавые железяки.

– Много будешь знать, генералом не станешь, – сказал преобразившийся Мэлсдорж, вдруг ставший ловчее, проворнее, даже, похоже, моложе. – Садись туда и пей водку. Вон водка стоит.

– Да как-то... – зажеманился Сварог.

– Ничего. Им на работе нельзя, не хотят они водки.

Он что-то каркнул через плечо, и безымянные монголы подались из угла, отчаянными жестами показывая Сварогу, как им не хочется водки и как они рады его угостить. Сварог без церемоний уселся на пыльный ящик и взялся за водку. В целях успокоения расстроенных нервов.

Но он не дождался никакого колдовства с заклинаниями и таинственными тенями. Тени елозили по стенам самые прозаические – от занятого работой Мэлсдоржа, время от времени помогавших ему безымянных монголов и самого Сварога. Правда, Мэлсдорж все время бормотал себе под нос, но выглядело это вполне обыденно.

Он работал без усталости – плавил золото, разливал его в крошечные формы, бормотал над формами. Сварогу все же порой становилось жутковато – то глаза у безымянных монголов закатывались в ужасе под самую черепушку, то из-под стола маячила посторонняя тень, то как-то по-особенному посвистывал ветер, – и он наливал себе еще на два пальца, как истый янки, только содовую, понятно, не лил, откуда здесь содовая? А Мэлсдорж работал, как ювелир. Похо-

же, здесь помимо прочего делали еще и женские украшения – иначе откуда все эти тигельки и замысловатые инструменты, красивые, неуместные в мастерской, как две капли воды походившей на обиталище советского слесаря.

Когда в бутылке осталась треть, а крохотные отливки остыли, Сварог сообщил, что мастерит Мэлсдорж: пули под макаровский патрон, две штуки. Мэлсдорж, видимо, сделал главную работу – он сел на ящик рядом со Сварогом и выпил водки, а безымянные монголы вытаскивали из Свароговых патронов коричневые пули и осторожноенько вставляли на их место золотые, следя, чтобы не просыпать пороха и не помять гильзы.

– Стреляй все равно куда, – сказал Мэлсдорж.

– Ну, спасибо...

– Ладно, чего там. Дело не в тебе, майор, хоть мужик ты и хороший. Порядок должен быть. Если ты мертвый – лежи, а не скитайся по чужим векам. У нас от своих не продохнуть, скоро и в степи будет тесно, а тут еще и китайцы плодятся...

Сварог осторожно покачал пули кончиком пальца. Они сидели в гильзах крепко, словно генералы из «райской группы» в московских кабинетах. Мэлсдорж разлил остатки водки в два стакана, зашвырнул свою в рот, не коснувшись губами посуды (Сварог завистливо крякнул), пососал селедочный хвост, держа его за плавники, привычно вытер пальцы о голенище мягкого сапога, подумал и спросил:

– А чего ты, если подумать, ерепенился? Был бы уважаемым человеком, на лошадке скакал, города брал... Все лучше, чем сейчас.

– Да привык я здесь как-то, – сказал Сварог. – Прижился.

Он подозревал, что лукавит – в первую очередь перед собой. Видимо, все дело – в голой степи. Окажись на месте молодого честолобивого степняка король из высокого замка (водопровод и канализация не обязательны), все прошло бы не в пример легче. Но степь выглядела очень уж пустой, необставленной, скучной. А Сварог был неистребимо городским. Степь (пусть и называвшаяся иначе) старательно и яро пыталась убить его и в стране Аллаха, и в стране Льва, в степи пропал без вести отец, степь уже два года держала его здесь в плоской тюрьме без стен. Степь меняла облики и названия, степь ни разу не задела ни осколком, ни пулей, но всегда оставалась злокозненной плоскостью, богатой лишь необозримыми горизонтами да изредка – горами.

Он шумно вздохнул, защелкнул патроны в обойму, обойму в рукоятку, спросил:

– А еще водка есть?

Безымянные монголы, мешая друг другу, торопливо полезли в шкафчик.

Назад Сварог возвращался тепленьким, бодрым и совершенно бесстрашным. Он передернул затвор, вдобавок еще взвел курок, чтобы не полагаться на самовзвод. Сие было чревато – случалось, «Макар», лежа в кобуре или в кармане, сам собой срывался с предохранителя, бабахал самостоятельно, и хозяин получал пулю – в соответствии с присущим ему везением или невезением. Но Сварог хотел подстраховаться.

Он шагал, браво покачиваясь, держа курс на скудные огни военного городка и услаждая себя песней из французского репертуара:

*Его отец был арлекином,
а мать наездницей была.*

*И с колыбели был подкинут
он в мир добра и зла.
А колыбель его висела
над самой клеткой льва,
и слышал мальчик то и дело
судьбы своей слова:
«Ты был рожден акробатом,
твой долг – менять города...»*

Когда-то, в полузабытые времена больших несбывшихся надежд, он пел ее под гитару по-французски, а сейчас помнил только вариант на языке родных осин. Земля под ногами оставалась твердой, разве что норовила, стерва, то и дело вздыбиться и заехать под коленки. Нохор не появлялся. Под луной замаячил справа сутулый, чутко присевший снежный человек алмасты – но этот перебросками во времени не занимался и вряд ли сам знал точно, в каком времени живет. Для ученых он был загадкой, для читающей публики сенсацией, а для местных жителей – неопасной вонючей тварью, обитавшей поблизости с незапамятных времен и потому столь же привычной, как закат или понос. Белые люди в военной форме поначалу принимали его за алкогольную галлюцинацию, но потом тоже приобвыклись, если не считать озверевшего от безделья особиста, полагавшего здесь замаскированные китайские происки.

Сварог поднатужился и гаркнул:

– Зашибу, сука!

Алмасты отпрыгнул не сгибая колен и припустил во мрак, в котором благополучно и растворился. Он уже успел понять, что от белых людей в военной форме нужно спасаться галопом.

– Это нормально, – сказал сам себе Сварог голосом то ли Горбачева, то ли Кашпировского, идиотски захихикал и пошел дальше под огромными звездами.

В эту ночь его так и не потревожили. Утречком он отпился холодной водой и поскорее убрался подальше от семейного очага, пока жена не обнаружила исчезновения золота. Насколько позволяли служебные обязанности и распорядок дня, он то и дело уединялся, откровенно нарываясь. Да так и не нарвался. Начал даже подозревать, что удрученный провалом эксперимента шаман умер от инфаркта или был сторяча укорочен на голову.

Домой возвращаться как-то не тянуло. Он без всякого удовольствия забрел в гости к замполиту Ульянову (ни с какого боку не родственнику). Ульянов без всякой фантазии кушал водку и был мрачен, как никогда, – в голову ему стукнуло, что в нынешние бурные психопатические времена его под горячую руку причислят к родственникам вождя трудящихся всего мира и, чего доброго, положат в Мавзолей. Симптомчики были знакомые, означавшие, что к ночи из холодильника полезет Карл Маркс, и придется бежать за доктором Зуевым, который Карлу непременно прогонит, если только сам не будет гонять друидов. Правда, если подумать, для замполитовой печали были все основания – ходили стойкие слухи, что в ближайшее время замполитов ликвидируют как класс, а ничего другого Ульянов как-то не умел, да и не особенно-то порывался учиться, честно говоря. На сковородке у него догорал разодранный по страничкам партбилет – но Ульянов, как выяснилось, к демократам примыкать вовсе не собирался, просто разочаровался в родной партии, разучившейся де-

лать перевороты. Сварог выпил водки, пожелал Ульянову приятной беседы с Карлом Марксом и направился к археологам.

На полдороге его и достало – и качественно. Он вошел в сухую твердую землю, как утюг в ведро с водой, чисто по привычке побарахтался немного, но потом опомнился, зачем-то поднял руки над головой, решив, что так пойдет легче, – и провалился из солнечного дня в ночь. Поблизости жарко пылали высокие костры, ржали лошади, вокруг стелился странно тяжелый, устойчивый дым из причудливых курильниц на затейливых ножках, и шаман, целехонький и здоровехонький, разразился столь радостными воплями, что голова его, похоже, еще миг назад и впрямь висела на волоске.

А Нохор смотрел на Сварога с нехорошим удовлетворением, как на желанную долгожданную игрушку, улыбался во весь рот, и у висков покачивались черно-бурые лисьи хвосты и еще какие-то плоские золотые висюльки, дракончики и кони. Сварог медленно и плавно, как во сне, опустил руку, дернул большим пальцем клапан кобуры.

– Ну и пришлось же за тобой побегать, – сказал Нохор. – Как за капризной девкой, право слово. Ничего, все позади... – И приказал, не оборачиваясь: – Приведите ему коня.

Кто-то, невидимый за пламенем костров, припустил прочь, отчаянно стуча сапогами. Все так же медленно и плавно Сварог поднял руку, отводя большим пальцем ребристый язычок, он успел еще испугаться, что по неведомым законам колдовства перенесенный в другое время порох не вспыхнет, а пружина не распрямится, – и тут же, в некий растянутый на долгие минуты миг, ощутил, как освобожденный ударник пошел вперед, и кусочек свинца в обтекаемой медной оболочке ввинтился в нарезы, подпираемый упругим, удлинявшимся цилиндром раскаленного газа, коричневая гильза неспешно ушла вправо по параболе... Кажется, рядом вопили, звенели оружием, выхватывая мечи на бегу, кто-то проломился прямо сквозь костер черным чертом в ворохе ало-золотистых искр – но вокруг Сварога уже смыкалась мутная пелена, и, стреляя второй раз, он уже плыл посреди этой пелены в непонятном направлении, видел еще, как прямо перед ним, перед дулом пистолета, возникла в сером тумане дыра с неровными краями, и в ней виднелись далекие костры с мелькавшими на их фоне черными, неправдоподобно четкими силуэтами – а потом исчезли и дыра, и туман. Сварог стоял почти на том же месте, впереди виднелся раскоп, а пистолет был в руке. Чисто машинально он выщелкнул обойму, большим пальцем вышелушил коричневые кургузые патроны. Их оказалось пять. Шестой, дело ясное, сидел в стволе, загнанный туда предыдущим выстрелом, – а две золотых пули остались в неизвестном прошлом. Значит, удалось. Произошло так быстро, буднично и скучно, что на душе стало не радостно, а скучно и больно. Сказкам положено кончаться как-то не так – то ли веселее, то ли необычнее.

Но по дороге к раскопу Сварог пришел к выводу, что сказки всегда кончаются именно так – скучно и буднично. Никто не заглядывал в те будни, что простираются за словами «Тут и сказке конец» – а это еще не конец, там обязательно должно что-то происходить, ведь живы положительные герои и даже часть отрицательных, и удачливому принцу причитается полкоролевства, а спасенной принцессе не обойтись без законного брака, она же не подзаборная какая-нибудь и не кухаркина дочь. Голова дракона (или тролля) валяется в

пыли под забором на заднем дворе, куда ее откатили пинками кухонные мужики, чтобы не мешала таскать с ледника говядину и запечатанные жбаны. У царевны (или принцессы) нет ни одного приличного платья, и нужно ее срочно обшивать, старшие сыновья на стенку лезут от злости, и их вполне можно понять: они, скорее всего, старательно и серьезно готовились к восшествию на трон, изучали экономику, финансы и военное дело, пока младшенький в обществе говорящих серых волков болтался за тридевять земель (к тому же наверняка без паспорта и подорожной, так что дипломатам теперь отписываться не одну неделю). Министры ломают голову, как надлежащим образом разделить королевство пополам, не разрушив устоявшихся хозяйственных связей, не задев границы баронских имений и общинных выпасов. Если там есть биржа, она на всякий случай паникует, и курсы иностранных денег скачут самым причудливым и идиотским манером. Простонародье, усмотрев реальные шансы на лишней уикэнд, гуртуется в кабаках и у дворцовых ворот – вдруг выкатят бочку? Один папаша-король на радостях надрался и тискает фрейлин. А сам принц сидит в горнице и понемногу начинает соображать, что начинается скучная будничная жизнь, потому что спасенная принцесса, став законной супругой, черта с два отпустит освободить других принцесс и рубать драконов, ибо женщины невероятно практичны. В общем, болото, не зря же умница волк предупредил, что больше они не увидятся...

Сварог добрал до края раскопа и глянул вниз. Мавзолей был уже вскрыт, бревна убраны, и гробокопатели в полном составе толпились вокруг, восхищенно лицезрея скелет, лежавший меж каких-то чаш, ржавых клинков с уцелевшими тускло-желтыми рукоятями (значит, золотыми) и прочего хлама, натасканного когда-то в могилу уважения ради. Сварог сначала наблюдал без всякого интереса, высматривая среди загорелых спин Светину, потом вдруг встрепенулся, проглотил подступивший к горлу комок, сбежал вниз по хлипким шатким мосткам и стал проталкиваться ближе под недоуменное оханье тех, кому вгорячах наступал сапожищами на босые ноги.

На запястье скелета тускло желтел массивный браслет с драконьими головами. От черно-бурых хвостов, понятно, не осталось и следа, но обок пустых глазниц лежали плоские золотые висюльки, прикрепленные к шлему, – золотые дракончики и кони. Сварог стал высматривать пули – должны же быть где-то, что им, золотым, сделается? – но на него коршуном налетел ихний главный: бородатый демократ, сидевший на «Огоньке», как наркоша на игле, и оттого питавший к военным людям биологическую ненависть, какую старая дева питает к голым кисулям из «Плейбоя» – по определению доктора Зуева, ерника и консерватора, успевшего с бородатым подраться в зыбкие дни ГКЧП (правда, не по политике, а из обоюдного пьяного куража). Налетел и стал нудить про нетленные ценности науки, коей не имеют права мешать пьяными визитами представители имперской военщины. Сварог к тому времени давно протрезвел, но, чтобы не огорчать интеллигента, огрызнулся в классическом стиле:

– Если ты такой умный, чего строем не ходишь? Сталина на тебя нет...

Выбрался из раскопа и потащился в военный городок. На душе было невыразимо мерзко и хотелось переиграть все назад. Как это сплошь и рядом водится, изничтоженный своими руками шанс казался теперь единственным, ради чего стоило жить, а собственная решимость избавиться от лучшего буду-

щего – достойной последнего придурка. При мысли, что он, побывав за таинственной дверью, сам заколотил ее за собой и обречен отныне на этот мир, тоскливое бешенство захлестывало мозг. Нестерпимо хотелось иного – иных миров, иной жизни, иной судьбы.

Неизвестно, успел ли он подумать, что страстные желания имеют пакостное свойство сбываться.

А может, все произошло так быстро, что и не успел.

Потом пьяный доктор Зуев говорил особисту, что в Англии вот ежегодно пропадают без вести двенадцать тысяч человек, и ничего, никто не делает из этого драмы. Трезвый особист послал его подальше и угрюмо сидел над докладной – он вообще-то привычно узрел в бесследном исчезновении майора С.С. Сварога китайские происки, но совершенно не представлял, как это аргументировать на бумаге. Мэлсдорж кое-что чуял, но его никто не спрашивал.

А в общем, пропавшего толком и не искали – на одной шестой части суши закручивались такие дела, что остальные пять частей пребывали в паническом обалдении, и где уж тут помнить о каком-то майоре, пусть даже кавалере парочки экзотических орденов...

Часть первая

Милорд

Глава 1

Он идет

Сначала была боль – обжигающая, пронизывающая, залившая тело от корней волос до ногтей на пальцах ног. Боль стала столь невыносимой, что вдруг исчезла, оставив тело в полной одеревенелости, и Сварог, оцепеневший, скорченный, увидел, как сквозь окружающий мрак проступают смутно-голубые и смутно-алые линии, наливаются красками, становятся ярко-синими и ярко-алыми, продлеваются, простираются в беспредельность, выгибаются, закручиваются в спирали, синусоиды и кривые, и все это – лишь крохотная часть заполнившего необозримую Вселенную необозримо переплетения.

Он попробовал закричать, но не смог зачерпнуть и глотка воздуха. Правда, и удушья он не ощущал. Тело просто-напросто стало камнем, в котором жило только сознание. Одного он не мог понять: это его несет вдоль разноцветных линий (к синим и алым незаметно добавились зеленые и фиолетовые), кружа и вращая, – или он висит неподвижно посреди этой загадочной необозримости, а разноцветные линии водят вокруг затейливые хороводы? Как бы там ни обстояло, головокружения он не ощущал. Но что он вообще ощущал? Что это не может быть сном, что он прекрасно помнит все предшествующее... И только.

Следовало бы испугаться, но этот то ли полет, то ли висенье посреди кружащейся разноцветной паутины тянулось так долго, что Сварог, как ни удивительно, не испугался, а заскучал. Он долго ругался, но истощил изобретательность и все старые запасы, пробовал читать стихи, но исчерпал боезапас еще быстрее, потому что ругаться гораздо проще, нежели вспоминать стихи. Принялся мысленно разбирать – в строгой последовательности и до последнего винтика – сначала «Макаров», потом «Манурин» МР-73 «Комбат», но запутался в винтиках, плюнул мысленно...

Мысленно?! Нет, самым натуральным образом. Губы шевельнулись, с языка сорвалась слюна и канула во мрак ртутно сверкнувшим комочком. Сварог осторожно вздохнул. Дышалось. Теперь можно было и кричать, вот только зачем? Он протянул руку, попытался коснуться оранжевой (уже появились и такие) линии.

Руку плавно отвело в сторону. Линии вокруг стали шире, напоминали ленты, и с них срывались искры того же цвета, словно высекаемые невидимым ветром, угасали в черноте, и это прибавляло уверенности, что движутся все же линии, а сам Сварог висит неподвижно.

Насколько он помнил, Бог в такой ситуации воскликнул: «Да будет свет!» Однако Сварог чувствовал, что эпигонство здесь неуместно – на всякий случай стоит воздержаться, – а из исторических афоризмов годится лишь краткий и энергичный, изреченный наполеоновскими гвардейцами при Ватерлоо.

Тут его начало кружить, словно насаженного на булавку жука – вокруг булавки, то по часовой стрелке, то против, то вовсе уж небывалыми виражами, и стало ясно, что движется все-таки он. Линии стягивались в сужавшуюся воронку с радужными стенами, где темноты убавилось настолько, что она сама стала лишь узенькими угольно-черными лентами, и в эту воронку засасывало Сварога.

И втянуло головой вперед. Показалось даже, будто воронка явственно булькнула, цинично и торжествующе. И дальше его несло сквозь серо-белесоватую мглу, кувыркающая, швыряющая и подбрасывающая, тыкая под ребра – то чем-то тупым и твердым, то чем-то мягким, упруго поддававшимся, а вокруг мелькали цветные пятна и смазанные силуэты то ли предметов, то ли живых существ.

Хлынул звук – словно врубили клавишу. Было, свиристело, ухало, скрежетало. Щемяще нежные ноты, обрывки песен на непонятном языке, чудесные мелодии перемежались с отвратительным хрупаньем и волчьим воем. Звук накатывал тугими волнами, уши и мозг едва это выносили.

Потом его швырнуло, бесцеремонно приложило о твердо-упругую поверхность – затылком, лопатками, всем телом. И на этом, кажется, полеты окончились, он стал неподвижен. Вокруг царил темнота, поодаль светились силуэты, отдаленно напоминающие человеческие, – светились бледным, призрачным гнилушечьим сиянием.

Сварог шевельнул руками, ногами, приподнял голову. Казалось, совсем близко, всего в нескольких сантиметрах над ним, висела неощутимая плита, чуточку поддававшаяся, но тут же замиравшая броневым листом. Ветвистые фиолетовые молнии, шипя и свистя, сорвались откуда-то сверху, впились в лицо, в голову, в грудь, он дернулся, заорал, но тут же осознал, что никакой боли не испытывает. Страха не было, крепла злость. Он понимал, что его вновь настигли невероятные странности, что это наяву и он заброшен неведомой силой неведомо куда, неведомо зачем. И не было ни сил, ни желания ни пугаться, ни удивляться. Сварог перешел в какое-то иное, не прежнее состояние души – попросту воспринимал окружающее, как оно есть, и не более того. Хотя воспринимать особенно и нечего, окружающее не баловало его впечатлениями. Только темнота и маячившие вокруг немые силуэты, походившие молочно-белесым цветом на бледные поганки. Небогато и скучно, даже уныло. Но была во всем этом некая мрачная неотвратимость, убеждавшая, что это – всерьез и надолго. Отчего-то Сварог был в этом уверен. И почему-то ничуть не

грустил по этому поводу. Но и не радовался – чему, Господи? Ничего пока не произошло...

Силуэты шевельнулись и словно бы подступили ближе. Сварог дернулся – невидимая преграда держала по-прежнему, равнодушно и надежно.

– Скажи свое имя, – услышал он голос, самый обычный, тусклый и равнодушный до бесполости.

Сварог шевельнулся. Все это было всерьез, окружающее проявляло признаки чего-то разумного, разговаривало с ним членораздельно, одним словом, вступало в игру, в какие-то отношения, а в любой игре есть игроки – и есть спортивный инвентарь. Каковым Сварог становиться никак не хотел. Пусть и не прятал в рукаве пока что никаких козырей, даже правил игры не знал.

– Воспитанные люди сначала представляются сами, – сказал он в темноту.

– А если они хозяйева? – бесполом голосом спросила темнота.

– Тем более, – сказал Сварог.

И зажмурился, охнув, – темнота полыхнула багровыми языками пламени, огонь был со всех сторон, жар стягивал кожу, вот-вот, казалось, затрещат и вспыхнут волосы, займется одежда. Это было страшно. Но Сварог, подергавшись в тщетных попытках освободиться, очень скоро определил – огонь словно бы замер на некоем рубеже и дальше не распространяется. Лицо и руки пекло, часы с браслетом охватили запястье жарким кольцом, один нательный крестик на цепочке приятно охлаждал кожу. Но пламя не переступало границы. Прищуренными глазами Сварог наблюдал колыхание огненных языков вокруг. Багрово-золотистые, они сплетались и дергались, вздымались и опадали и отчего-то ничуть не походили на вырвавшийся на волю пожар. Скорее на дерганье и ломанье марионетки, управляемой ловким и умелым кукольником. Их пляска не повторялась механически – но и кукла в сноровистых руках способна на многое и может показаться живой дикарю, ни разу в жизни не видевшему марионеток. Так вот, огонь был мертвый, как марионетка.

– Назови свое имя, – требовал назойливый голос. – Ты стыдишься своего имени? Ты трус? Твое имя слишком позорно звучит, чтобы произнести его, да? Ты трус! Ты боишься!

Хохот нескольких глоток сопровождал арию невидимого солиста. Хохотали наглые, сытые, уверенные в себе, и Сварог рывкнул в ответ, выкрикивая оскорбления, несравненно более обидные, чем те, какими его награждала невидимая свора. Этот дурацкий поединок длился недолго. Голоса умолкли, исчезло пламя, остался неведомо откуда идущий свет без теней.

И в этом свете над Сварогом склонилось чудовище.

Бледно-синее, безволосое, морщинистое. Лысая голова склонялась к лицу Сварога, ровным желтым светом сияли глаза с вертикальными кошачьими зрачками, щелкала треугольная клыкастая пасть, омерзительно вонявшая гнилью и падалью. Ссохшиеся пальцы с черными когтями тянулись к горлу Сварога и никак не могли до него добраться, словно невидимая преграда исправно работала на обе стороны, сковывая Сварога, но и защищая. Узкий язык, красный, острый, дергался в слюнявом зеве. Чудище раскачивалось, брызжа слюной, орало:

– Скажи свое имя! Имя!

Но напугать оно могло разве что таежного отшельника, не приобщенного массовой культурой к хрипящим монстрам и воющим покойникам. А Сварог,

мало того что многого насмотрелся на экране, еще больше жути пережил наяву – и сам творил эту жуть. Чем дальше, тем больше отдавало самой вульгарной комедией, детскими страшилками.

– Пошел вон, – сказал Сварог.

– Это все зря, зря, зря... – забубнили вокруг голоса, словно перекликались.

– Время уходит, уходит, его нет совсем...

– А мы бессильны, бессильны...

– Но мы не можем быть бессильными...

– Не имеем права...

Голоса искажались странным эхом, плыли, слова растягивались, тягучие гласные и резко, как выстрел, звучащие согласные превратили шумевшие вокруг разговоры в сущую абракадабру, и Сварог ничего уже не понимал. Чудовище исчезло – незаметно, словно повернули выключатель, только что дергалось и хрипело над самым лицом – и вот его нет. И никто не пришел ему на смену. Ровный неяркий свет без теней поблек, сквозь него там и сям стали проступать непонятные контуры, путаница наливавшихся четкостью и чернотой линий проявлялась в нечто знакомое. Голова ощутила мягкую прохладу податливой подушки, тело – легкое свежее одеяло. Сварог лежал в постели. Белая комната, мирное голубое небо за окном, сирень на столике у изголовья. Человек в белом халате сидел у постели, лицо у него было доброе и заботливое, он радостно, ободряюще улыбнулся, склонился к Сварогу:

– Ну и задали вы нам хлопот... Знаете, сколько вы здесь лежите и бредите? Долгонько...

Сварог медленно расслаблялся, вытянул руку вверх – ну конечно же, никакой невидимой преграды. Пальцы дрожали – ничего удивительного.

– Бред, – сказал он.

– Бред, – торопливо подтвердил врач. – А теперь напрягитесь-ка, вам следует все вспомнить. Сколько вас было в вертолете? Ну? Вас накрыло почти сразу же после взлета... Вы ведь капитан Лаврин?

– Нет, – сказал Сварог. – Я – майор Сварог. Нас в вертолете...

Что-то странное и неладное случилось с глазами. В той точке, куда он в данный момент смотрел, все виделось резким и отчетливым, но боковое зрение отмечало, что все, оказавшееся не в фокусе, зыбко колыхнется, расплывается...

И еще он совершенно точно помнил – не было никакого вертолета. Он с полгода не садился в вертолет. Да что же это с глазами такое? Там, куда переводишь взгляд, все вновь становится четким, стабильным – но захваченное краешком глаза лицо врача, такое ласковое, такое участливое, напряженно-внимательное, словно подергивается пеленой раскаленного воздуха, дергается, гримасничает, нос стекает к подбородку, уши оплывают, проваливаются внутрь...

Он моргнул, присмотрелся к сирени. От нее совсем не пахло сиренью.

– Ну же, – торопил доктор. – Значит, в вертолете вас было... Вы майор Сварог... дальше! – В голосе у него промелькнуло что-то визгливое, скрипучее.

– Не было никакого вертолета, – сказал Сварог.

– Был, – мягко сказал врач. – Он упал. Вы хорошо помните, кто вы? Назовите себя!

– Вы не знаете, кто я? – спросил Сварог.

– Знаю. Скажите сами. Ваше полное имя.

– Не было никакого вертолета! – сказал Сварог. – Слышите?

Он приподнялся на постели, вскочил рывком, сгреб за халат этого лучезарно доброго врача с заботливыми усталыми глазами. Врач остался неподвижен, как манекен, а Сварог ощутил, что его рука вместо накрахмаленного белейшего халата намертво ухватила что-то жесткошерстное, мохнатое, горячее, живое, – и оно испуганно рванулось, так, что Сварога дернуло следом, он врезался головой в грудь застывшего на стуле врача. И голова прошла насквозь, Сварог свалился с постели, кудрявая шерсть выскользнула из руки, он барахтался на чем-то твердом и холодном, не мог вскочить, как ни пытался.

Тяжелая тьма обрушилась сверху под зазвучавший со всех сторон вой, по свист, визг.

И он провалился в эту тьму, потеряв опору под ногами, под невыносимый вой и визг, выходявший за пределы слуха, сотрясавший каждую клеточку тела, летел куда-то вниз, как камень; сердце захолонуло и словно бы перестало биться от дикой скорости падения и бесформенного хаоса вокруг. Тяжелые клубы мрака кружили вокруг, метаясь во всех направлениях, – а может, это его переворачивало и вертело... Призрачно-белый свет прорывался короткими вспышками неизвестно откуда, и в эти секунды Сварог успевал заметить вокруг, на косматых и плоских черных облаках, свое многократное отражение, нелепо распяленную кружащуюся тень, охваченную плотным кольцом дергающихся нелюдских силуэтов, сопровождавших его с хохотом и воем, писком и царапаньем, их спутанный клубок напоминал странный венок, то и дело менявший очертания, но остававшийся отвратительным для глаза.

Он не знал, сколько продолжалось падение в неведомые глубины. Падал сквозь тьму, сквозь колючие вспышки мертвенно-белого света, отбиваясь от тянувшихся отовсюду лап, тонких, как сожженные сучья, изгибавшихся самым невероятным образом, как не способна изогнуться человеческая рука, царапавших то ли длинными когтями, то ли уродливыми пальцами, оравших и вывших в уши. Падал сквозь мир двух красок – черной и белой, – сквозь странно изменившийся воздух, врывавшийся в легкие, волной удушливого сухого жара, смердящего так, что вонь понемногу перестала ощущаться, застыла в ноздрях, во рту, в глотке плотными пробками, перехватывавшими дыхание.

Падение оборвалось столь же неожиданно, как и началось, умолкли визги и вой, уродливые тени отхлынули во все стороны и пропали неизвестно куда. Остался смрад, окутавший так плотно, что собственное тело казалось Сварогу пустым мешком, надутым жарким вонючим воздухом. Зато под ногами наконец-то оказалась твердая поверхность, напоминавшая шероховатый, выветрившийся камень, покрытый слоем невероятно сухого пепла, в котором ступни утопали по щиколотку. Пошевелившись и переступив с ноги на ногу, Сварог не услышал звука собственных шагов – все звуки терялись и глохли в идущем неведомо откуда то ли вопле, то ли стоне, столь громком и неумолчном, что он скорее казался составной частью окружающего воздуха.

Осмотревшись, он понял, что стоит на крутом склоне невообразимо глубокой пропасти, исполинской воронкой уходившей в бездну, где дна словно бы и не существовало. Сварог это чувал, хотя и не смог бы объяснить, откуда знает. Повсюду, куда ни глянь, на фоне прямо-таки космической черноты отблескивало ало-багровое пламя – оно вздымалось лохматыми языками и тут же опа-

дало, чтобы через миг вновь взмыть рваными гигантскими лоскутьями, оно изливалось тяжелыми фонтанами, гнувшимися к земле, струившимися медленными ручьями, оно светило высокими кострами, рассыпалось на мириады пожарищ, сливалось в чудовищные омуты. Но светлее от обилия огня не становилось ничуть – это был мир без теней, без света, мир, состоявший лишь из мрака и огня. И повсюду, куда ни глянь, корчились, бились, метались черные человеческие фигурки – словно мураши в охваченном огнем муравейнике, их было столько в окружающем необозримом пространстве, в реках и струях пламени, что к горлу подступила дурнота и все чувства, казалось, вот-вот откажутся служить, растворившись в безумии огня.

Больше всего это напоминало ад – и Сварог боялся подумать, что так оно и есть. Сознание вяло теплилось, и сам себе он казался песчинкой на дне колодца – над головой, чуялось, нависли неизмеримые выси, соразмерные расстояниям меж звездами, еще немного – и расстояние меж ним и голубым небом станет непреодолимым...

Он держался, отгоняя пытавшееся заползти в душу безумие. Повторял про себя: это наваждение, мираж, морок, ничего этого нет, а если и есть, не способно ни одолеть, ни проглотить, вот-вот рассеется, как дурной сон, время уходит, они сами говорили, что их время уходит...

Оказалось, он не брошен и не забыт – корявые, дергающиеся, хихикающие тени мелькали со всех сторон меж потоками и озерами дымящегося пламени, дразнили, смыкали круг, плясали на фоне багрового огня, вставляли на рогатые головы, дразнились высунутыми языками – и все это в совершеннейшем безмолвии, можно и подумать, что оглох, если бы не долетал отовсюду этот многоголосый стон.

Тени отпрыгнули, прячась за пламенем, припадая к земле, дикий вой пронесся над склоном кратера, словно бы колыхнув повсюду пламя. Кто-то невероятно высокий, черный, неразличимый, окутанный крутящимся маревом багровых искр, шагнул прямо к Сварогу, навис, жуткий и безликий, сотрясая землю и вздымая пепел поступью тяжелых лап. И взвыл, оглушая:

– Назови свое имя! Иначе оставлю здесь навсегда!

Однако Сварог уже ощущал в себе силы не просто сопротивляться – нападать, фантазмагии и ужасы только злили, минутная слабость пропала начисто, что бы там ни пугало вокруг, как бы ни тужилось. Слишком многое видел и многое прошел, чтобы сейчас сдаваться. Черный еще громоздился над ним, колыхаясь и подрагивая, словно отражение в текучей воде, но Сварог шагнул вперед, чертя в воздухе крест:

– Сгинь, нечистая сила!

Слова приходили сами собой – и черная фигура дернулась, отступая под визг пляшущих дьяволят.

– Сгинь, рассыпся!

Все закружилось вокруг в бешеной карусели, потоки бурлящего пламени, муравьиное скопище черных скрюченных фигурок, тучи сухого пепла, сознание погасло прежде, чем он успел увериться, что победил...

Глава 2 Он пришел

Сварог открыл глаза. Над ним был потолок, сводчатый, светло-серый, в ромбовидных черных узорах, словно бы едва намеченных водянистой черной

тушью. Стены того же цвета, в тех же незамысловатых, но приятных для глаза узорах. Постель, на которой он лежал, стояла у окна, и за распахнутым окном, на небольшом отдалении, слегка покачивались верхушки деревьев. И никаких странностей со зрением. И на сей раз он ощущал запахи – от окна тянуло едва уловимым свежим ароматом загородного леса. Напрягая слух, Сварог даже различал шелест листьев, короткое звяканье – словно захлопнулась металлическая калитка, обрывки непонятного разговора.

Сторожко, словно угодивший в незнакомые места зверь, оглядел комнату. Дверь напротив окна – обычная высокая дверь, полукруглая вверху, аркообразная, с фигурной черной ручкой, затейливо выгнутой. Овальное зеркало в желтой металлической раме – оно отражало часть пола и стены, а Сварога не отражало, он лежал в стороне. Пол то ли устлан серо-голубым ковром, то ли искусно раскрашен. Пожалуй, все-таки ковер, решил Сварог, хорошенько присмотревшись. Он долго пытался понять, чего в комнате не хватает. Сообразил вскоре: нигде не видно ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего светильник. Ни электрических ламп, ни канделябров со свечами.

Проходила минута за минутой, и ничего не случилось. Абсолютно ничего. Никто не появлялся – ни люди, ни чудовища. Едва слышно шелестела за окном листва, легкое дуновение ветерка пронеслось по загадочной комнате.

Сварог решился, откинул пушистое белое одеяло, состоявшее из мириад крохотных белых цветов, неведомым образом удерживавшихся вместе. Опустил ноги на пол. Его первые открытия сводились к следующему: во-первых, он был гол, как Адам, исчезли одежда, часы, обручальное кольцо, только крестик на шее остался; во-вторых, под ногами был действительно ковер, на редкость мягкий. И, разумеется, в-третьих... Самое интересное. Оказывается, за высокой спинкой кровати стоял широкий стол на толстых точеных ножках. Там лежала аккуратно разложенная одежда. Но не она казалась самым интересным, а предмет, как две капли воды похожий на меч в ножнах. Голубые ножны украшены золотыми на вид накладками – листья, стилизованные цветы, звезды с количеством лучей от четырех до семи. Черная рукоять, удобная для ладони, вся в ребристых выпуклостях, с короткой крестовиной. На крестовине и в навершии – красные ограненные камни с фасолину величиной. Хм, рубины? Быть может...

Воровато оглянувшись на дверь, Сварог левой рукой придержал ножны, прижимая их к столешнице, а правой осторожно вытянул меч – длинный, узкий, обоюдоострый. Лезвие зеркально отблескивало. Сварог коснулся им края стола, прижал едва-едва – и осталась глубокая зарубка. Пробормотав смущенно: «Тьфу, черт...», Сварог попытался загладить ее ногтем – не получилось.

Он взмахнул клинком – ну какой же мужик откажется поиграть такой игрушкой? – и опешил. Фехтованием он не занимался сроду, даже в детстве его обошла общая эпидемия – когда в шестьдесят шестом впервые показали французских двухсерийных «Трех мушкетеров» и пару месяцев пацанва лихо сражалась по дворам и улицам кто добротнее выструганными шпагами, кто палками. Логично было бы предугадать, что с мечом он управится не ловчее сельской бабушки, которой сунули автомат с примкнутым штыком и велели поработать с манекеном.

Вышло совсем наоборот. Он как-то удивительно ловко и хватко взмахнул мечом. Непонятно, откуда что бралось, но Сварог почувствовал, что может

владеть этой штукой, и неплохо. Он знал, что умеет владеть мечом, хотя не умел этого никогда. Примерно так можно описать его ощущения и впечатления.

Клинок свистнул в воздухе – Сварог сделал пару выпадов, не суливших ничего доброго противнику, если бы тот оказался напротив, закрылся, нанес сверху вниз косою рубящий удар. И подумал, что выглядит глупее глупого – голый с мечом в руке. Осторожно вложил меч в ножны, приступил к одежде – в конце концов, кому другому она предназначалась, как не ему? Присмотрелся, повертел, приложил к себе – и быстро разобрался.

Трусы были самыми обычными, разве что узковатыми и длинноватыми, чуть не до колен. Носки и белая рубашка с широким воротником раздумий не вызывали. Костюм, светло-серый с красным, заставил его покрутить головой озадаченно – штаны на пуговицах, заправленные в высокие мягкие сапоги, могли в сочетании с рубашкой обратить Сварога и в гусарского ротмистра вне службы, и в принарядившегося ковбоя. Зато кафтан – или камзол – никак не подходил ни двадцатому, ни даже восемнадцатому веку. Хотя и украшенный алым кружевом, золотыми пуговицами и шитьем на обшлагах, он не походил ни на один наряд, более-менее знакомый по историческим фильмам. Ровным счетом никаких ассоциаций не вызывал.

– Хотя специалист из вас, майор, в данном вопросе, прямо скажем, хреновый, – сказал Сварог вслух ради вящей бодрости.

Взвесил на руке цепь, судя по тяжести, золотую – ее, ему ясно, следовало надеть на шею, потому что больше просто некуда, не ногу же обматывать? Вряд ли привычки здешних обитателей настолько уж экзотичны. О назначении трех перстней с красным, синим и бесцветным – бриллиант? – камнями мог бы догадаться и debil. Сварог, чуть повозившись, унизал перстнями пальцы, застегнул литую пряжку широкого пояса с мечом и, твердо постукивая каблуками, прошел к высокому зеркалу.

Ну что ж, могло быть и хуже. Он вовсе не выглядел ряженым. Все было ему впору, костюм сидел, как влитой, сапоги не жали. Присмотрелся внимательнее к своему лицу в зеркале. Это был он и не он – немножко не такой. Волосы и усы стали гуще, кожа слегка посветлела, стала чище и моложе.словно юность вернулась. В курсантах он был точно таким, даже похуже. Сварог ухарски пригладил усы ногтем большого пальца. Румяный молодец в зеркале ему определенно нравился, несмотря на педерастическую золотую цепь – в конце концов, при таком наряде она кажется самой обычной, и если здесь все так ходят...

Подошел к окну, по пояс высунулся наружу, огляделся во все стороны, вверх, вниз.

Он смотрел из окна второго этажа, и над ним было еще несколько этажей. Как велико здание из темно-вишневого кирпича, определить не удалось – и справа, и слева стены круто изгибались, уходя из поля зрения.словно он находился в башне. Повторяя очертания стен, вдоль дома тянулась желтая мощеная дорожка. За ней росли деревья, а за деревьями поднималась круглая темно-красная башенка с затейливыми зубцами поверху и узкими стрельчатыми окнами. И безмятежно сияло солнце. И тишина.

Ну и что дальше? Пора поискать кого-нибудь. Не похоже, чтобы он пребывал на положении узника, да и это старинное на вид здание, окруженное без-

мятежным лесом, не походило на узилище.

Правда, есть один нюанс... Именно в таких зданиях любят размещаться Конторы. А Конторы во сто раз опаснее тюрем...

Он заморгал, тряхнул головой, вцепился в подоконник. Нет, не чудится – темно-красная зубчатая башенка вдруг поплыла вдаль, уменьшаясь, а потом провалилась вниз, словно ушла под землю...

Сварог застыл с разинутым ртом. В голове промелькнуло: «Опять начинается?!» Растерянно огляделся, ожидая новых фантазмагорий и превращений.

Но ничего не происходило. Мир был реален, многокрасочен и четок, шелестели зеленые кроны, сияло солнце, из-за круто выгибавшейся стены здания показались два человека в черном и неспешно пошли по дорожке, чинно беседуя.

– То есть подсознательная боязнь океана? Вы полагаете?

– Вполне вероятно. Я могу показать расчеты траекторий.

Сварога охватило странное чувство – он понимал каждое слово и смысл фраз, но твердо знал, что говорят не по-русски и уж безусловно не по-французски. Повторялась история с мечом – он умел то, чего не умел никогда, знал что-то и не понимал, откуда он это знает.

За его спиной серебристо прозвенел колокольчик.

Звук шел от двери. Сварог обернулся туда. Вот они и начинаются, события... Рука каким-то очень привычным жестом легла на рукоять меча, но пальцы тут же отдернулись – у его неведомых хозяев было достаточно и возможностей, и времени причинить ему вред, пока он то ли валялся без сознания, то ли спал.

Дверь распахнулась плавно, бесшумно, в комнату вошел старый, седой человек в темном костюме того же покроя, что у Сварога, – только вошедший был без меча. Зато на груди у него на золотой цепи висела золотая же эмблема, до смешного, до недоумения знакомая эмблема медиков – змея и чаша. А на левой стороне груди посверкивала красной эмалью и красными камешками то ли звезда, то ли снежинка – нечто весьма напоминавшее орден. С блюдце величиной.

Двигаясь не без грации, но явно суетливо, старик очутился перед Сварогом, быстро окинул его взглядом и изобразил обеими руками нечто церемониально-галантное:

– Я рад приветствовать...

– Доктор? – вопросительно произнес Сварог.

Старик радостно заулыбался:

– Вы меня узнаете?

– Не имею чести, – сказал Сварог. – Эмблема...

– Эмблема? Ах да, разумеется... – Его улыбка все же оставалась натянутой, как он ни пытался это скрыть. – Эмблема, конечно... Как вы себя чувствуете?

– Неплохо, – сказал Сварог. – И если бы знал, где нахожусь, чувствовал бы себя вовсе прекрасно... Послушайте, вы тоже горите желанием узнать мое имя?

– О, что вы! – Доктор раскланялся любезнейшим образом. – Какая в том необходимость? Мне нет нужды интересоваться вашим именем, я его прекрасно знаю. Вы – лорд Сварог, граф Гэйр.

– Я? – только и нашелся сказать Сварог.

– Собственно, можно было бы титуловать вас и маркизом Черро, но Геральдическая коллегия до сих пор не пришла к единому мнению в столь запутанном вопросе. Лично я не сомневаюсь, что ветвь Гэйров в вашем лице имеет все права на маркизат Черро, однако до официального решения вопроса я могу высказываться лишь приватным образом, а нынешняя наша встреча носит в какой-то мере официальный характер, в любом случае я сейчас нахожусь при исполнении обязанностей чиновника лейб-канцелярии ее величества...

Он плел что-то еще, столь же вежливо и многословно, но у Сварога сложилось стойкое впечатление, что доктор просто-напросто не знает, как выпутаться из создавшегося положения. Сварог ему искренне сочувствовал – само он вообще представления не имел, что за положение создалось. Недоразумение? Щекотливая ситуация? А в чем ее щекотливость?

– Извините великодушно, вы не ошибаетесь? – спросил он.

– Простите? – Доктор мгновенно замолчал и привял вид сосредоточенного внимания.

– Извините. Доктор...

– Доктор Молитори, к вашим услугам. Советник одиннадцатого департамента лейб-канцелярии ее величества, вице-камергер...

– Любезный вице-камергер, вы не могли ошибиться? – в тон ему сказал Сварог. – Сварог – это я и есть, но я не лорд и не граф. Не говоря уж о маркизе – вы сами сказали, что с маркизом все в высшей степени сомнительно...

На миг любезное лицо благообразного доктора стало непререкаемо жестким. И Сварог вспомнил.

...Они попросили напиться, и старик принес им воды. Новенькое пластиковое ведро, полное до краев прозрачной воды. Но они с Вильчуром служили тут уже второй год, навидались всякого, и Сварог, коверкая чужой язык и помогая себе жестами, предложил: сам, мол, сначала отпей. По старшинству. Старик обеими руками поднял ведро к лицу, непроницаемому, отрешенному, восточно-загадочному, но в глазах, должно быть, мелькнуло что-то, потому что Вильчур, ухватив за руку одного из стоявших тут же стариковых внучат, другой перехватил ведро, мотнул старику головой: нет, пусть-ка он...

И тогда старик, не меняясь в лице, но наверняка предвидя дальнейшее, выплеснул воду на пыльную каменистую землю. Все было ясно, как перпендикуляр, и Вильчур, не снимая автомата с плеча, выпустил короткую очередь, «семьдесят четвертый» зло тьякнул, подпрыгнув на ремне, и старик медленно опустился прямо на темное влажное пятно, бачата брызнули во все стороны, а в деревне была засада, конечно...

Этот случай как раз и напомнил Сварогу лицо доктора Молитори. Он молча ждал, не отводя взгляда. Доктор произнес вежливо, но твердо, чеканя слова:

– Боюсь, что ошибаетесь именно вы, милорд. Вы – лорд Сварог, граф Гэйр. У вас есть замок и все прочее, приличествующее человеку вашего сословия и принадлежащее именно вам. Вам отведено соответствующее место в обществе. Разумеется, сами вы вправе считать себя кем угодно, это, собственно, ваше личное дело. Не следует лишь делиться этими мыслями с кем бы то ни было. Ради вашего же блага в первую очередь. Вы – лорд Сварог, граф Гэйр. И вы останетесь им навсегда, так как некие процессы необратимы и возврата в какое-либо иное состояние быть не может. Нравится вам это или нет. Нравится мне это или нет. Хотим ли мы с вами этого или нет. Надеюсь, милорд, я выра-

зился достаточно ясно и все расставил по своим местам?

– Безусловно, – кивнул Сварог. И добавил преувеличенно вежливо: – Я просто боялся, как бы не случилось какого-нибудь недоразумения, ошибки, потому и поспешил вас предупредить, как честный человек, что я вовсе не тот лорд и граф, за которого вам было угодно меня принять...

Он замолчал и остался собой чрезвычайно доволен – никогда бы не подумал, что умеет так краснобайствовать.

– Ни о каком недоразумении или ошибке не может быть и речи, – сухо сказал доктор.

– Нравится вам это или нет... – бросил Сварог.

– Совершенно верно. Приватным образом могу вам признаться, что мне это ничуть не нравится.

– Что именно?

– Очень многое, – отпарировал доктор Молитори бесстрастно. – Очень многое, знаете ли.

Он отвернулся и склонился в поклоне – в комнату вошли двое. Прошествовали с величавостью цирковых слонов. Сварогу поневоле захотелось щелкнуть каблуками – они держались с холодной властью высоких чинов, ставшей привычной, как вторая кожа, и представляли, несомненно, армию. Одинаковые бирюзовые с черным костюмы, одинаково расшитые золотыми дубовыми листьями. У каждого на левом плече торчит пышный золотой султанчик, похожий на георгин. Одинаковые мечи в черных ножнах с золотыми накладками-драконами и эфесами, усыпанными зелеными камнями. Почти одинаковые наборы орденов – только у того, что с усами, еще и сине-желтый бант на правом плече, приколотый к рукаву мундира золотой брошью в виде короны. Даже лица одинаковые, холеные и высокомерные, пожалуй, даже не генеральские – маршальские. Точно, маршальские, подумал Сварог, вон сколько понатыкано на орденах бриллиантов и прочих самоцветов, куда там дорогому Леониду Ильичу... У этих даже лампасы золотые, а у нас Гречко так и не додумался...

Оба золотonosных вельможи разглядывали Сварога с минами генштабистов, узревших на улице пьяного прапорщика стройбата. Но и с нескрываемым интересом. Он не знал, как держаться, поэтому стоял «вольно»: во-первых, они ему не начальство, во-вторых, раз уж он сам лорд и граф...

Тот, что с усами, полуобернулся к доктору:

– Итак?

Сварог ему даже позавидовал: вельможа ухитрился вложить в коротенькое словечко массу разнообразнейших оттенков и нюансов. Тут тебе и снисходительное превосходство, и тень барской фамильярности, и многое другое. Доктор, даром что советник и вице-камергер, являл фигурой неизъяснимое почтение. Он поклонился еще ниже:

– Милорд, граф Гэйр согласился со мной, что является лордом и графом...

– Во-от как? – небрежно бросил усатый. – И это единственное достижение, которым вы можете похвастать после столь долгих и усердных трудов?

На доктора жалко было смотреть. Сварог, так ничего и не понявший, тем не менее сделал вывод, что доктор, весьма похоже, потерпел некую катастрофическую неудачу. Обещал несказанно больше, чем сделал. Даже жаль вице-камергера, право слово. Сразу голову отрубят или бросят в яму к медведям?

Эти могут, ох могут...

– Высокий герцог, определенные успехи... – лепетал доктор. – Владение оружием...

– Неужели? – наигранно удивился герцог. – Столь высокие достижения? Гей!

Сварог, уловив краем глаза быстрое движение, отпрыгнул. Два субъекта в черном, неведомо когда вошедшие, надвигались на него с обнаженными мечами, пригибаясь, разведя локти, пошевеливая усами и скаля зубы. Физиономии у обоих были весьма мерзкими. Сварог нерешительно взялся за меч.

– Вот-вот! – подбодрил усатый. – Ну-ка!

Сварог выхватил меч, как раз вовремя – субъекты в черном бросились на него, клинки сверкнули у самого лица. Звон стали, хриплое дыхание... Они хорошо дрались, без дураков, на полном серьезе, но Сварог, что удивительно, им ничуть не уступал и даже ухитрился сдерживать обоих. Он вовсе не чувствовал, будто кто-то им управляет, будто его телом движет неведомая сила. Он делал то, что умел. И зная, что в состоянии убить обоих, – вот только сможет ли? Вместе с обретенным неведомым образом умением он отнюдь не приобрел сноровки хладнокровно вонзить клинок в живое тело. Так ему убивать не приходилось. Да и комната была самая мирная.

– Убивать не обязательно! – словно прочитав его мысли, командным тоном крикнул усатый герцог. – Кончайте схватку, как хотите, только – не убивать! Ну!

Сварог поднажал – и один меч улетел в угол, а его владелец, зажав ладонью глубокую царапину на плече, нанесенную концом клинка, исчез за дверью. Второй проморгал выпад, и Сварог, выполнив по всем правилам отвлекающий маневр, зацепил клинком его правый локоть.

– Bravo. – Герцог два раза приложил ладонь к ладони, что, должно быть, означало бурные рукоплескания. – Насколько я понимаю, на этом и кончаются ваши успехи, вице-камергер?

Он так издевательски подчеркнул это «вице», что даже Сварогу было ясно: Молитори рассчитывал за труды праведные подняться гораздо выше в табели о рангах – но сидеть ему, похоже, в вице-камергерах до самой смерти и в полном бесславии. Если не отнимут и то, что есть.

Жалкий вид доктора подтверждал эту гипотезу. Оба сановника поворачивались к двери.

– Подождите! – Сварог, убрав в ножны меч, рванулся к ним. – А мне... Что мне теперь делать?

Они переглянулись, слегка пожали плечами.

– Да делайте что хотите, право, – сказал герцог. – У вас тут где-то замок, я полагаю? Подробности – у этого вот господина. – Он показал через плечо большим пальцем на доктора Молитори, едва заметно склонил голову и вышел. Следом удалился его спутник, так и не проронивший ни слова во время странной аудиенции. Дверь за ними затворилась как бы сама собой.

– Подробности, – сказал Сварог.

– Что? – Доктор покосился на него непонимающе, зло.

– Герцог вам велел посвятить меня в какие-то подробности.

– Да какие вам еще подробности? – прямо-таки стоном вырвалось из щуплой груди бедняги доктора. – Подробности... Здесь вам, во всяком случае, де-

лать больше нечего. Ступайте в парк и избавьте меня от вашего присутствия...

– Между прочим, я к вам не набивался в гости, – сказал Сварог, чуточку разозлившись. – Так что извольте-ка объяснить внятно, что мне теперь делать.

– Вот как заговорили, – с грустным сарказмом покачал головой доктор. – Сообразили, что со мной теперь можно не считаться...

– Да бросьте вы, – сказал Сварог примирительно. – Я-то при чем? Должен же я знать, что со мной произошло.

– Провалились в дыру во времени, – отрезал доктор. – Есть такие... Угораздило ступить не туда и не вовремя...

Сварог ни капельки не верил. Но видно было, что большего от доктора не добиться.

– Ну а что мне делать?

– Идите в парк, – сказал доктор. – Я распоряджусь, чтобы вызвали вашу виану. И прощайте, смею думать.

– Я вне себя от счастья, видя вашу столь сердечную заботу обо мне, – сказал Сварог. – Очень вам признателен, милорд вице-камергер...

– Я не милорд, – сказал доктор столь печально, что Сварогу стало его жаль, и он великодушно утешил:

– Ничего, глядишь, и станете...

Судя по лицу доктора, Сварог сболтнул совершеннейшую глупость. И если Сварог хоть чуточку разбирался в людях, у него теперь имелся личный враг – нужно надеяться, не способный на серьезные пакости. Личный враг – с первых минут пребывания здесь, где ничего не знаешь и ни в чем не разбираешься? Черт, скромнее надо жить, скромнее...

Он махнул рукой и пошел к двери. Помедлив на пороге, все же обернулся:

– Скажите хотя бы, где я?

– Это называется Талар. – Доктор раздраженно сделал рукой широкий жест. – Или – Великий Талар.

– Страна?

– Планета.

– А когда это?

– Для вас это – будущее. Весьма и весьма отдаленное. – И доктор выпалил со злобным торжеством: – Впрочем, теперь для вас это, сами понимаете, настоящее. И навсегда. С чем имею честь вас поздравить.

– Спасибо, – сказал Сварог и вышел.

Перед ним открылся длинный, широкий, светлый коридор с белыми статуями в нишах, мозаичным полом и расписным потолком, и он бездумно зашагал по этому коридору, тихому и пустому. Почему-то не тянуло ни удивляться, ни грустить, он не сожалел о мире, который покинул, но и не радовался ничему. Он как-то по-другому представлял себе будущее – мегаполисы, бешеные ритмы, колдовращение загадочных механизмов, яркие краски, суэта, неон, синтетика, гигантские объемные телеэкраны на стенах небоскребов... и тому подобное, потрясающее размахом, пестротой красок и чудесами. Вместо этого – тишина и захолустье, герцоги и вице-камергеры, мечи и лорды... Попахивало чем-то средневековым – не в смысле атмосферы, а в смысле атрибутики и декораций. Впрочем, и атмосфера... Ничего, быть графом посреди средневековья – тоже не самая худшая участь...

Он увидел широкую лестницу с прекрасными малахитовыми вазами на площадках, спустился по ней, не обнаружив у двери ни часового, ни привратника, вышел под открытое небо. Вокруг было тихо и пусто. Сварог попробовал ощутить себя графом, чинно гуляющим у замка, но не смог вжиться в образ – совершенно не представлял, что должен чувствовать и о чем думать чинно гуляющий у замка граф. Да ни о чем особенном, наверное. Смотри по обстоятельствам. В его случае обстоятельства самые загадочные. Такое впечатление, что он прибыл сюда вместо кого-то другого, на чье появление весьма рассчитывали: доктор Молитори по соображениям насквозь меркантильным, а вот соображения и резоны величественного герцога и его безмолвного спутника – полная загадка. Герцог был ужасно разочарован, хотя старался чувств своих не показывать...

Замок так замок, решил Сварог. Обживусь. Освоюсь. Найду занятие. Вообще-то благородные они люди, эти раззолоченные фельдмаршалы, оба-двое: могли бы и выставить к чертовой матери без всякого вида на жительство и средств к существованию. Нет, ну откуда эта сноровка в обращении с мечом? И отчего это сначала так стремились узнать его полное имя, а потом, мало того что потеряли к этому всякий интерес, навязали чужое? Наполовину чужое, предположим, и все равно...

Сварог остановился. Задумавшись, он и не заметил, как вышел на опушку леса, и там, за невысокой ажурной оградой темно-красного цвета, был обрыв, высоченный, должно быть: далеко впереди клубились белые облака, гораздо ниже той точки, с которой смотрел Сварог. А еще ниже, в разрывах невесомо-нежной белой пелены, виднелась буро-зелено-серая земля, казавшаяся с птичьего полета, как это обычно бывает, чистеньким, аккуратным, с любовью изготовленным макетом какой-нибудь обетованной страны. С такой высоты не видно ни грязи, ни мух, ни рытвин, ни мусора. Земля кажется прекрасной и благородной с такой высоты.

Именно высота и насторожила Сварога. Чересчур уж высоко. Километра два, самое малое. Пожалуй, даже три лиги наберется. Стоп, каких еще лиг? Да самых обыкновенных, таларских[1], тут же ответил он сам себе.

Подошел вплотную к ограде, достигавшей ему до груди, посмотрел вниз, перегнулся насколько мог. Ноги сразу стали холодными, ватными, как это частенько случается со многими, хлынуло на миг шальное, безумное, жаркое желание броситься вниз.

Но отшатнулся он не поэтому.

Не было никакого обрыва, никакой горы. Вниз уарда[2] на три уходила вертикальная, угольно-черная плоскость, а ниже, под замком, под лесом был только воздух. И облака. Особняк вместе с окружавшим его лесом парил над облаками, ощутимо перемещаясь, пусть и с небольшой скоростью. Летучий замок. Сварог присмотрелся: далеко справа, чуть пониже, над облаками виднелось зеленое пятно – деревья, и среди них вздымаются молочно-белые башенки другого замка, бесшумно, плавно скользившего в ту же сторону, только помедленнее. Что-то яркое, разноцветное, обтекаемое отделилось от опушки и быстро пошло в сторону, противоположную движению.

У Сварога захватило дух. Ничего похожего на тесные самолеты, где ногам мешает кресло впереди, а пониже спины упираются колени сидящего сзади... Будущее начинало ему нравиться.

За спиной вежливо покашляли. Сварог обернулся. Перед ним стоял молодой человек в таком же, как у доктора Молитори, костюме, только цепь была медная и эмблема гораздо меньше. Он торопливо поклонился:

– Милорд, вас ожидает ваша вимана.

Он смотрел на Сварога с отчаянно скрываемым, но рвавшимся наружу любопытством – как-никак был совсем юный.

– Великолепно, – сказал Сварог. – А что делают с виманой – прогуливаются под ручку? Едят на десерт? Или надевают поверх кольчуги, собираясь в гости?

Судя по лицу юнца, он не хуже Сварога помнил – ни единой живой душе нельзя говорить, что произошла накладка и новоиспеченный граф, строго говоря, не совсем граф... Дисциплина и страх победили. Юнец улыбнулся с таким видом, словно понял и оценил хорошую шутку.

– Ну-ну, – сказал Сварог ободряюще. – В конце-то концов, могут у господина графа быть капризы? Скажем, он вдруг ненадолго забыл, что такое вимана. Как вы думаете, молодой человек, коли уж вы медик, – могут случаться у благородных особ внезапные провалы памяти?

Юнец нерешительно кивнул.

– Прекрасно, – сказал Сварог. – Итак?

Юнец решился, огляделся и тихо сказал:

– Вимана летает.

– Ну вот и отлично, – сказал Сварог. – Любопытно, а будет ли рядом кто-то, кто возьмет на себя труд помочь страдающему выпадением памяти благородному графу?

– На вимане прибыл ваш дворецкий, милорд.

– Отлично, – сказал Сварог. – Ведите.

Он шагал следом за юным эскулапом, позвякивал мечом и думал, о чем бы спросить еще, пока он не ввергнут окончательно в коловращение новой незнакомой жизни. Вопросов было множество, и оттого они, ясное дело, ужасно мешали друг другу. Наконец Сварог все-таки выбрал самый глупый и легкомысленный вопрос:

– Скажите, а почему все так стремились узнать мое полное имя? И что это были за рожи?

Молодой человек споткнулся, резко повернулся к Сварогу. Лицо у него стало белым от ужаса, так что и у Сварога невольно поползли по коже ледяные мурашки. Он даже остановился, похлопал юнца по плечу, успокаивая. Тот медленно приходил в себя, но дара речи никак не мог обрести.

– Я пошутил, – сказал Сварог, всерьез опасаясь, как бы милого молодого человека не хватил удар у него на глазах. – Успокойтесь, что вы, в самом деле...

– В-вот ваша вимана, – еле выговорил юнец. – Честь имею откланяться, милорд...

Он неловко дернул головой и заторопился прочь. Раза два казалось, что он вот-вот оглянется, но юнец превозмог себя и скрылся за плавно изгибающейся стеной дома.

Сварог посмотрел в указанном направлении. Там стоял на изумрудно-зеленой лужайке маленький двухэтажный домик – прямоугольный, плавно-обтекаемых очертаний, без выступающих деталей, если не считать галерейки на торце, над дверью. На этаже – по восемь окон на длинной стороне и по четыре – на короткой. Сам домик светло-серый, а полукруглая крыша – алая. Цвета

лорда Сварога, графа Гэйра, надо понимать. Дверь была распахнута, и возле нее навтыяжку стоял благообразный старик самого чопорного облика, в одеянии серого цвета с алыми обшлагами и пелериной, неисчислимым множеством золотых пуговиц. Сварог никогда не видел наяву настоящих ливрей, но это могла быть только ливрея. Он никогда не видел наяву и настоящих, старого закала английских дворецких, но твердо уверен был, что его собственный заткнет за пояс всех бриттов – по всем параметрам. Такой уж у него вид. Одни бакенбарды чего стоят.

Дворецкий склонил голову, ухитрившись в сем незамысловатом жесте совместить величественность и готовность служить сюзерену:

– Прошу пожаловать, милорд.

Сварог вошел в дверь, тут же затворенную за ним дворецким. Посмотрел в окно. Ну разумеется, домик бесшумно оторвался от лужайки и поплыл ввысь. Замок быстро исчез, вимана перешла в горизонтальный полет, скользя над облаками и видневшейся далеко внизу землей. Пару раз там мелькнули скопления крохотных домиков, переплетение ниточек-дорог, участки, выделявшиеся четкими очертаниями и цветом, – поля.

Сварог огляделся, присел в мягкое кресло, отметив при этом, что сумел привычно ловко расположить меч самым удобным образом. Спросил:

– Как вас зовут?

– Макред Двадцать Второй, – склонившись вперед всем корпусом, ответил дворецкий.

– А цифры здесь при чем?

– Двадцать одно поколение Макредов имело честь служить вашим предкам, милорд.

– Ну да? – с любопытством сказал Сварог, впервые узнавший такое о своих предках. Что ж, ясно: вместе с прочими благами ему достался и полный набор благородных предков. Мечта любого нувориша, не стоившая Сварогу ни гроша.

– Именно так и обстояло, милорд. Позволю себе заметить, что ни один из Макредов никогда не обманул доверия графов Гэйров.

– Рад слышать, – сказал Сварог. – Надеюсь, вы не нарушите семейную традицию. Мы летим на землю?

– Нет, милорд. Благородные лары и их особо доверенные слуги обитают в небесах.

– Лары? – спросил Сварог. – Что-то мне напоминает... Ах да, Талар.

– Совершенно верно, милорд. «Талар» на древнем языке как раз и означает «обитель ларов».

– Только ларов? Там, внизу, виднеются какие-то города...

– Милорд, населяющие их варвары недостойны давать планете свое, иное название...

– Ну, вам виднее, – сказал Сварог. – Вы, может, присядете? Ах да, понимаю, этикет... Скажите, а чем мне предстоит заниматься?

– Всем, чем пожелаете, милорд.

– Чем же обычно занимаются лары?

– Они бывают при дворе ее величества, охотятся, развлекаются, иногда посещают другие миры. Порой занимаются науками. Впрочем, науки – как правило, удел младших сыновей.

- Они что же, не получают наследства?
- Отчего же, милорд, получают. Но, видите ли, традиционно считается, что занятия науками – участь, не вполне достойная старших сыновей.
- А я – который?
- Вы – единственный. Следовательно, старший. Более того, вы – последний из рода Гэйров и оттого имеете право на титул «майорат».
- Значит, мои батюшка, матушка...
- На лице Макреда не дрогнул ни один мускул.
- Ваши отец и мать давно покинули этот мир. Близких родственников у вас нет.
- Прискорбно, – сказал Сварог. – Значит, я одинок? Мне же будет скучно.
- На самом деле он только радовался: могли еще, чего доброго, и супругой снабдить...
- У вас есть домоправительница, милорд.
- Да? Ну, это меняет дело, – изрек Сварог, откровенно забавляясь. – Совершенно меняет... Пушки палить будут?
- Простите?
- В честь моего прибытия.
- Нет, милорд. Будет торжественное построение вашей дружины... и на этом, боюсь, церемонии закончатся.
- Так... – Сварог встал и вплотную подошел к дворецкому. – Любезный мой, а думать вам при вашей должности позволяется?
- Не возбраняется, милорд.
- А высказывать свое мнение?
- Если прикажете, милорд...
- Отлично. Приказываю, – сказал Сварог. – Приказываю вам немедленно признаться: что бы вы мне посоветовали? В данной ситуации. Только без лишней дипломатии. Ну? Увертюры можете опустить.
- Если в сознании его собеседника и происходила внутренняя борьба, на обррамленном седыми бакенбардами благообразно-непроницаемом лице это никак не отражалось. Макред сказал:
- Сам я предпочитаю не обсуждать решения и мотивы особ, стоящих неизмеримо выше. Думаю, вам следует избрать такую же линию поведения. И просто жить – не нарушая установлений и традиций, с которыми у вас будет время ознакомиться и усвоить их. Библиотека в замке имеется.
- Вы сущий светоч мудрости, – сказал Сварог. – Постараюсь почаще обращаться к вам за советами. А теперь я хочу посмотреть, как эта штука управляется. Установлений и традиций это не нарушает?
- Ровным счетом никаких, милорд.
- Они вошли в маленькую комнатку с двумя окнами. Из кресла, обращенного к простенку, вскочил человек в костюме цветов Сварога:
- Милорд, ваш пилот Дагоар Восемнадцатый...
- Вольно, – сказал Сварог и осмотрелся.
- Пульт управления поражал спартанской простотой. Из стены перед креслом торчали два рычага, больше всего напоминавшие растопыренные осьмипалые птичьи лапы, – и каждый палец, судя по всему, обладал свободой перемещения нескольких степеней. Из стены выступали две прозрачные полусферы размером с футбольные мячи. Правая была заполнена мешаниной

находившихся в непрерывном, на первый взгляд хаотичном, движении крошечных шариков – белых, синих, желтых и черных. Вторая – налита непроницаемой чернотой, в которой вспыхивали и гасли, перемещались и кружили золотистые искорки. И ничего более.

– Трудно научиться со всем этим обращаться? – спросил Сварог.

Пилот, не обладавший выправкой дворецкого, посмотрел удивленно:

– Двухминутный сеанс соответствующей магии, милорд. Конечно, необходима и короткая практика...

– Понятно, – сказал Сварог, чуточку ошарашенный упоминанием о магии. – Хм... Благодарю за службу. Она что же, летит сама?

– Штурман включен, милорд.

– Понятно, – сказал Сварог. И на сей раз ему действительно все было понятно. Дворецкий кашлянул:

– Милорд, на горизонте – манор Гэйр. Прошу проследовать на галерею...

Глава 3

И охотник вернулся с холмов

Сварог стоял у перил узенькой галерейки. Судя по мельканию облаков и земли, вимана шла на приличной скорости, не уступая истребителю, и в первый миг Сварогу даже страшно стало выходить – ждал тугого потока воздуха, бьющего в лицо. Но, странное дело, на галерейке царило полное безветрие. Что, это и называется – соответствующая магия?

Вимана гасила скорость. Она неслась бесшумно, не ревели моторы, не вертелись винты, не стелился сзади инверсионный след – и потому казалось, будто это она неподвижно застыла в воздухе, а манор наплывает снизу навстречу ей. Четко очерченный квадрат со стороны примерно в две лиги, кусок зеленого леса, неведомой силой сорванный с земли, словно скальп, и подвешенный в небе. Замок из темно-вишневого кирпича с черной крышей, поодаль разбросаны еще строения, побольше и поменьше, тоже довольно красивые. На главной башне развевается знамя – на жемчужно-сером поле алый бегущий конь.

– Странная архитектура, – сказал Сварог. Она и в самом деле была странной. Ни одной прямой линии, стены выгибаются дугами и параболами, повсюду плавные кривые, крыши напоминают китайские – чуть вогнутые, с загнутыми вверх краями. Все остальные здания исполнены в том же стиле.

– Простите?

– Странно все построено, – сказал Сварог. – Ни одной прямой линии. Признайтесь честно: никто из моих предков... – Он сделал многозначительную паузу. – На почве архитектуры?

– Архитектура самая обычная, милорд. Старинная, призванная обезопасить жильцов от вторжения злых духов. Видите ли, многие злые духи способны двигаться только по прямой...

Сварог быстро повернулся к нему. Дворецкий был в своем обычном состоянии – непроницаем и серьезен.

– Только этого не хватало, – сказал Сварог. – Злые духи? И много их здесь шляется? Вы-то сами хоть одного видели?

– Разве непременно надо видеть что-то существующее, чтобы поверить в него, милорд?

– Логично, – сказал Сварог, тяжело вздохнув про себя.

Вимана опустилась на лужайку перед стоявшими в безукоризненном строю дружинниками – десять шеренг по десять человек в каждой. Светло-серые с алым кафтаны, блестящие черные кирасы с золотым силуэтом бегущего коня.

Стоявший на два шага впереди командир – шлем его в знак отличия был украшен белым пером – щелкнул каблуками, и Сварог форменным образом умилелся, услышав донельзя знакомое:

– На кр-ра...ул!

Бравое воинство, как один, воздело вверх блестящие предметы, напоминавшие то ли дубинки, то ли эфесы, – и брызнула сотня золотых вспышек, у каждого в руках оказался меч с блиставшим, ярко-оранжевым лезвием, напоминавшим застывшее бездымное пламя.

– Что рубит? – не поворачивая головы, тихонько спросил Сварог.

– Все что угодно, – прошептал Макред.

Воинство замерло. Никакой подсказки от дворецкого так и не последовало, и Сварог, чувствуя себя в родной стихии, набрал побольше воздуха в грудь, рывкнул:

– Благодарю за службу, орлы!

Солдаты без промедления ответили бравым нечленораздельным ревом, в котором легко угадывался вариант извечного: «р-рады стараться, вашество!» Командир, багровея от усердия, проорал приказы, золотистые лезвия погасли, дружинники слаженно сделали «кругом» и замаршировали прочь, посрамляя выправкой караул у Мавзолея.

– Орлы, – сказал Сварог. – Мы что, воюем с кем-нибудь? Старые счеты, родовая вражда?

Только этого не хватало – получить в наследство еще и родовую вражду с кем-то абсолютно ему неизвестным и не сделавшим ничего плохого.

– Ну что вы, милорд, – сказал дворецкий. – Одна из традиций. У благородного лара должна быть боевая дружина. В незапамятные времена дружины, правда, были конными...

– Одним словом, это доказывает, что лары произошли оттуда? – Сварог показал пальцем себе под ноги.

– Да, милорд. Однако с тех пор, как предки благородных ларов ушли в заоблачные выси, пошла шестая тысяча лет...

– Ну, это уже детали, – сказал Сварог. – Что ж, направим стопы свои к родовому гнезду...

Они направились к замку. Вечерело, от деревьев и зданий потянулись длинные тени, но обычной вечерней прохлады не чувствовалось. Переводя на привычные Сварогу мерки, он сказал бы, что сейчас стоит сентябрь, – а ведь на такой высоте независимо от времени года должно быть холодновато... «Соответствующая магия», – пробормотал он с видом знатока. А что же еще?

Над главным входом красовался гербовый щит – пятиугольный, острым концом вверх. Вдруг всплыло странное слово – «дегоар». Сварог откуда-то знал, что именно так называется гербовый щит такой формы. Светло-серый дегоар с алым конем.

В огромной прихожей с каменным полом, покрытым великолепной резьбой, их встретили трое слуг – двое помоложе, один почти ровесник дворецкого. Неизбежные низкие поклоны, конечно. Сварог уставился вверх – под по-

толком сходились черные балки, с них свисали пестрые вымпелы, знамена, засмотрелся даже, опомнился, повернулся к Макреду:

– Это что, весь штатный расчет? Всего трое слуг на этакую громадину?

– Слуги великолепно владеют соответствующей магией, милорд. И вполне справляются.

– Хорошо, скажите, чтобы шли по местам, – сказал Сварог, уже заинтригованный постоянными упоминаниями о магии. – Что у нас еще? Где моя домоправительница?

Раздался шелест платья, мягкий шелковый шорох подола по каменным плитам.

– Меони, ваша домоправительница, милорд. «Ей-богу, это уж слишком», – подумал Сварог, разглядывая склонившую голову и присевшую в низком поклоне девушку и особенное внимание уделив низкому вырезу ее желтого платья в синюю и красную полосу, щедро украшенного оборочками, кружевами и прочими фестончиками.

Она подняла голову – светлые волосы упали на плечи, – с некоторой робостью улыбнулась Сварогу, не отводя зеленых глаз. Она была такая миленькая, что Сварогу нестерпимо захотелось облизнуться. Он панически искал слова, и дворецкий выручил его:

– Меони, милорд голоден, начинайте готовиться к ужину...

Девушка гибко выпрямилась, улыбнулась уже смелее и ушла. Сварог огромным усилием воли сделал лицо непроницаемым.

– Ну-ну, – сказал он живо. – М-да. И, разумеется, многие поколения ее предков служили верой и правдой...

– Ах, милорд, – философски, с ноткой фривольности сказал Макред. – Это так естественно – домоправительница в замке неженатого благородного лорда...

– Знаете, я с вами согласен, – сказал Сварог и задумчиво покрутил пальцами левой руки в воздухе. – Но что, вот так вот... как само собой разумеющееся?

– Вы полный хозяин в своем замке, милорд. Традиции многих поколений...

– А могу я, простите, повесить вас всех на воротах замка? Там, правда, нет ворот, но сучьев в парке достаточно...

– Как вы, должно быть, понимаете, мне самому это не доставило бы никакого удовольствия, милорд. Но вы, разумеется, в своем праве. Однако должен заметить, что подобные прецеденты случались крайне редко, и слуги благородных графов Гэйров никогда не давали повода...

Кажется, он в глубине души опасался, не собирается ли Сварог зайти в нововведениях чересчур далеко. Сварог же в задумчивости озирал резной каменный пол, широкую лестницу, штандарты на черных балках, гобелены, доспехи на стенах.

Как-то кошка предложила мышке: «Дорогая, пробеги-ка из одного угла кухни в другой, и я тебе отвалю целый кувшин масла». Мышка подумала и отказалась, заподозрив неладное, потому что работа предстояла чересчур легкая, а плата за нее чересчур высокая. В том-то и дело. Чересчур щедро его осыпали подарками. И ничего не требовали взамен – разве что держать язык за зубами и соблюдать правила игры. Прав был товарищ Сталин, неустанно твердивший о бдительности, или ошибался?

– Нужно решить очень важный вопрос, милорд, – сказал Макред. – Завтра

вам предстоит ознакомиться с фамильной книгой заклинаний. В силу... гм, вполне понятных и простительных причин вам должен помочь в этом маг. Прикажете вызвать мага из Мистериора, или... – Он явственно запнулся, выражая голосом легкое презрение, как солидный человек, которому пришлось говорить о неприличном. – Или из Магистериума? Разумеется, право окончательного выбора за вами, и молодое поколение имеет свои вкусы и пристрастия... но я осмелился бы рекомендовать Мистериор.

– А какая разница? – спросил Сварог.

– Милорд, Мистериор освящен установлениями и традициями, а Магистериум... Эти новомодные заведения... Он отнимет у вас гораздо больше времени, не в пример больше, и в итоге...

– Хорошо, на ваше усмотрение, – сказал Сварог. – Ужин скоро будет готов?

– Милорд, ужин будет готов в любую минуту, когда вам угодно. Меони прекрасно владеет нужными заклинаниями.

– Что-что? – сказал Сварог и понял. – Что же, никаких поваров?

– Именно так, милорд. Вот уже тысячи лет благородные лары не потребляют пищу, приготовленную варварским, то есть естественным, образом. Исключение делается лишь для охотничьей добычи.

– А это...

– Не тревожьтесь, милорд. Все сотворенное при помощи магии делится на иллюзорное и реальное, но могу вас заверить: еда таковая совершенно реальна.

– Прекрасно, – сказал Сварог.

– Насколько я понимаю, вы вряд ли захотите ужинать в главной трапезной?

– Догадываюсь по вашему тону, что это нечто просторное и крайне церемониальное... Сделайте что-нибудь попроще. Найдется у меня в замке комната, где не нужно пускаться на другой конец стола за горчицей верхом?

– Прошу вас, милорд.

Он деликатно притворил за Сварогом дверь, оставшись снаружи. Комната оказалась небольшая по здешним меркам, с камином, столом и массивными креслами. Стол был девственно пуст. Меони, напряженно ожидавшая у камина, встрепенулась:

– Прикажете подавать, милорд?

– Конечно, – сказал Сварог, сел за стол и вопреки этикету водрузил на него локти.

– Фамильное серебро? Малый сервиз?

– На твое усмотрение, – сказал Сварог. – Есть хочется, и вовсе неважно на чем.

Он огляделся: ни люстры, ни свечей – ничего. И все равно в комнате светло, и все предметы отбрасывают тени, словно светильники все же есть, только они невидимы.

Отшатнулся – прямо меж его лежащими на столе руками возникло большое серебряное блюдо. То, что на нем лежало, имело весьма привлекательный вид и распространяло крайне аппетитные ароматы жареного мяса, грибов и неизвестных приправ. Следом появились блюда и тарелочки, массивные золотые вилки, графины с разноцветными жидкостями, бокалы из игравшего сотнями разноцветных искорок хрусталя, тонкого, как мыльный пузырь.

Меони стояла, подняв глаза к потолку, беззвучно шевеля губами.

– Хватит! – взмолился Сварог. – Я же столько не сожру, а попробовать всего хочется!

Меони послушно замерла.

– Прошу. – Сварог показал ей на кресло напротив. Она робко присела. В некоторой растерянности Сварог оглядел яства, которых хватило бы на изголодавшийся взвод, и в голову ему пришла совершенно великолепная мысль:

– А начнем мы с вина!

Он нацелился на графин с содержимым благородно-вишневого цвета, но руку протянуть не успел: графин воспарил над столом, накренился, струя вина полилась в тончайший бокал, украшенный разноцветными стеклянными медальонами. Вслед за тем бокал неспешно проплыл над блюдами, не расплескав ни капли, ловко скользнул в руку Сварогу. Сварог растерянно стиснул витую ножку и осушил бокал до дна. Посидел, прислушиваясь к глубинам организма. Организм свидетельствовал, что ничего лучшего в жизни пробовать не приходилось. Сварог только глянул на графин с нежно-зеленым вином – и тот поплыл к бокалу.

После нежно-зеленого, черно-багрового и светло-янтарного вина Сварог откинулся на спинку кресла и сказал:

– Сказка...

– Вам следовало бы сначала поесть, милорд, – тихо промолвила Меони.

– Конечно, – ответил Сварог, сцапал золотую массивную вилку прежде, чем она успела скользнуть в руку, и остался горд этой маленькой победой.

– Прикажете разжечь камин?

– Разжигай. А музыку можешь?

– Какую вам угодно?

– Что-нибудь... романтичное. Скрипки-клавесины. Если только ты знаешь, что такое клавесин.

В комнате стало темнее, дрова в камине вспыхнули ровным, не коптящим пламенем, и по стенам сразу же заколыхались тени. Тихо зазвучала музыка. Почувствовав, что утолил первый голод, Сварог поднял глаза на Меони. Она едва прикоснулась губами к краю своего бокала и ответила чуточку испуганным взглядом. Сварог беспомощно ругнулся про себя. Он никогда не страдал робостью в обращении с прекрасным полом, но трудно было свыкнуться с мыслью, что эта красоточка – его вещь. С обычной доступностью это имело мало общего.

Он вышел из положения simplest способом – придвинул бокал, налил до краев особенно полюбившегося черно-багрового и отправил его по назначению. Спросил:

– Слушай, а почему посуда больше сама не прыгает?

– Я заметила, что вам это не особенно нравится. Я неправильно сделала?

– Ну что ты, все правильно, – сказал Сварог. – А то руками шевелить разучишься. Должен тебе сказать, ты идеальная домоправительница.

Он старался не особенно нагло таращиться на низкий квадратный вырез ее платья, обшитый синим кружевом, но глаза поневоле работали в автономном режиме, тем более что музыка лилась, отдаваясь в висках горячей волной, и на юном личике девушки играли тени. Сварог решительно взял ее за руку. Она чуть заметно вздрогнула и показалась ужасно беззащитной. «Аристократ,

бля», – не без самокритики подумал Сварог.

И спросил:

– Ты откуда?

– Из Антлана, – сказала она чуть удивленно. – Как все ваши слуги... Как все слуги здесь.

– И где же этот Антлан? Внизу?

– Нет. На другой планете. На Сильване.

– Это город?

– Континент, принадлежащий ларам. – Она напряженно ждала. – Милорд, что вам еще угодно приказать?

«Нет, это будет даже похуже изнасилования», – подумал Сварог растерянно. Встал, продолжая держать ее за руку, и они оказались лицом к лицу. Глаза у нее стали совсем испуганные.

– А ты-то сама что хочешь делать? – спросил Сварог, взяв ее за локотки. – Что ты хочешь?

Она прошептала что-то, отворачивая лицо.

– Громче, – сказал Сварог.

– Я хочу... чтобы вы больше были человеком, чем господином, милорд, – выпалила она на одном дыхании и вновь вознамерилась отвернуться, но Сварог не позволил. Как это случается с подвыпившими, его бросило из одной крайности в другую – от жуткого нетерпения в заботливую нежность.

– Пойми ты, я все ж не скотина, – сказал он, как ему представлялось, чертовски веско и убедительно, погладил ее по щеке. – Не бойся...

– Я не боюсь. Установившиеся традиции и вассальный долг...

– Плюнь, – великодушно сказал Сварог. – Освоимся, привыкнем, перебедем... Ты думаешь, мне легко? Зашвырнуло куда-то...

Меони решительно, без тени ласки зажала ему рот ладошкой. Шепнула на ухо:

– Тише... Не надо... Вы же еще не прошли обряда, вас могут слышать, видеть... Милорд, умоляю вас...

– Думаешь? – спросил он шепотом.

– За вами могут наблюдать. Вполне возможно, хотя и не обязательно.

– И все равно готова была...

– Я же обязана вам повиноваться...

– Глупости, – сказал Сварог погромче. – Никому ты ничего не обязана, понятно? Только не надо мне говорить, какой я добрый. Я вообще-то злой. Но я в жизни никого не насиловал. И не привык, чтобы у меня в собственности были люди. А ты мне жутко нравишься вдобавок, и это, оказывается, обезоруживает... Ты когда-нибудь научишься говорить мне «ты»?

– Я попробую. – Она чуть отстранилась, умоляюще заглянула ему в глаза: – Пожалуйста... Я заслоняю комнату, но долго не смогу. Вы должны быть осторожнее, милорд.

– Мне что-нибудь грозит?

– Не знаю. Милорд, я простая девушка из Антлана, где тысячелетиями живут вассалы благородных ларов. И знаю одно: ничто не происходит случайно. Вам следует быть осторожнее и побыстрее овладеть заклинаниями.

– Постараюсь, – сказал Сварог и отпустил ее.

Меони вздохнула с неприкрытым облегчением, опустила в кресло. Сва-

рог сел рядом, чуя, что некая преграда меж ними рухнула.

– Послушай, а зачем мне заклинания? – спросил он деловым тоном, давая ей понять, что их отношения, каких пока что и не было, на сегодня переходят в другую плоскость. – Звать магов, чему-то там учиться...

– Лары – властители магии. Владение магией – качество, отличающее цивилизованного человека, властителя небес, от земного варвара, – заученно продекламировала Меони.

– Ну, если по уставу положено... – сказал Сварог. – К тому же это, должно быть, интересно.

– Не особенно.

– Почему это? – Сварог даже обиделся чуточку. – Можно делать всякие штуки, пошептав в потолок...

– Конечно, – грустно улыбнулась Меони. – Сначала так и кажется. А потом начинаешь понимать – ничего в этом нет...

– Ну почему? – никак не мог понять Сварог. – Можно ведь делать что-то такое... значительное. Ну я не знаю, вызывать бурю или, наоборот, прекращать...

– А зачем? – тихо сказала Меони. – Если посмотреть в самую суть – зачем вам насылать бури?

– Действительно, – сказал Сварог. – Маленький зеленый крокодильчик...

– Что?

– Ты знаешь, что такое крокодил?

– Конечно.

– Так вот. Есть огромный остров. Посреди острова – огромный лес. Посреди леса – огромное болото. А посреди болота сидит на крохотной кочке маленький зеленый крокодильчик и печально думает: «Ну и зачем мне все это нужно?»

Меони звонко рассмеялась, и Сварог подумал, что со своим громадным запасом наверняка неизвестных здесь анекдотов он без труда завоюет себе репутацию записного остряка. Хмель у него почти выветрился – тут угощали отнюдь не советской сивухой из старых автопокрышек.

– Вообще-то мне чертовски нужен хороший советчик... – сказал он.

– Я не гожусь, милорд. Что я знаю? В замке есть библиотека и все остальное...

– Библиотека – это прекрасно, – сказал Сварог. – Но мне нужен и доверенный друг...

– А почему вы думаете, что их у вас никогда не будет? – Меони вдруг схватилась за щеки. – Ой! Сегодня же полнолуние, и скоро полночь...

– Ну и что?

– Идите в портретную галерею, милорд. Можно посоветоваться с вашими предками.

Сварог хотел понимающе рассмеяться, но обнаружил, что она говорит серьезно, глядя испуганно и решительно.

– Пойдемте, – сказала она. – Скоро полночь. Если они захотят вам помочь...

– Нет, ты серьезно? Они что... приходят?

– Боятесь?

– Чтобы я боялся собственных предков? – сказал Сварог браво, хотя по спине и пробежал этакий холодок, предчувствие загадочного. – А ну-ка, пошли!

В коридорах царил таинственный синий полумрак, явно имевший своей природой не естественные вечерние сумерки. Сварог не задавал вопросов. Стараясь ступать потише, он шел за державшей его руку Меони по высоким извилистым коридорам, широким лестницам, сводчатым залам, мимо окон, за которыми стояла покойная звездная ночь, мимо рыцарских доспехов, батальных полотен во всю стену, мозаичных картин от пола до потолка, громадных ваз, чучел тигров, драпировок и ваз. Это было как во сне, про который к тому же неизвестно наперед, страшным он окажется или приятным. Наверняка можно было зажечь свет, но Меони отчего-то этого не делала, и Сварог не стал спрашивать почему. Он покорно шел, шарахаясь поначалу от чучел, застывших в крайне натуральных позах, держа теплую ладошку, чувствуя себя отчего-то совсем юным, не отягощенным воспоминаниями и житейским опытом, которые следовало бы выжечь каленым железом.

Ладошка Меони вдруг дрогнула, трепыхнулась в его пальцах. Девушка обернулась, приложила палец к губам, потянула его в полукруглую нишу – быстро, испуганно. Сварог автоматически крутнулся на каблуках, прижался к стене так, словно из коридора навстречу им должен был заработать пулемет. Рука пошарила у пояса, и он не сразу сообразил, что тело отреагировало, как встарь, и пальцы ищут гранату...

– Что такое? – прошептал он.

– Тс-с! – вовсе уж беззвучно шепнула Меони. – Домовой!

Сварог осторожно выглянул. Поперек коридора протянулись прямоугольники проникавшего в окна звездного сияния, озарявшего синий полумрак. Далеко впереди что-то шевельнулось, пересекло коридор поперек – маленькое, сторбленное, косматое, без четких очертаний, оно скользнуло меж двух высоких ваз на круглых постаментах и пропало куда-то, больше Сварог его не видел, как ни вглядывался.

– Ушел, кажется, – прошептал он, чуточку уязвленный тем, что приходится прятаться в собственном замке от какой-то твари. – Он что, сердитый?

– Нет, но все равно... Не принято его замечать, пусть себе идет...

Ее теплое дыхание коснулось щеки. Сварог повернулся к ней, взял за плечи, оцарапав костяшки пальцев о жесткий ковер на стене, и наконец-то поцеловал по-настоящему. Меони закинула голову, не сопротивлялась, отвечала, потом ее пальцы скользнули по плечам Сварога, ладони уперлись в грудь. Сварог неохотно отвернулся, превозмогая откровенно пещерные желания.

– Скоро полночь, – будто извиняясь, сказала Меони. – Вам пора...

Перед высокой двустворчатой дверью она остановилась, тронула витую ручку:

– Идите. Нет, я подожду здесь, мне нельзя...

Высоченная массивная дверь неожиданно мягко и бесшумно закрылась за Сварогом. Он оказался в длинном прямоугольном зале, заканчивавшемся высоким витражным окном. Справа и слева – нескончаемые шеренги портретов в полный рост, в натуральную величину. Массивные золоченые рамы, пылающие факелы на стенах. Факелы? Сварог стоял совсем рядом с ближайшим, воткнутым в затейливую кованую подставку, но не чувствовал жара и не слышал треска пламени. Это была полная иллюзия факела – и только. Но света давала даже больше настоящего.

Изменчивые тени колыхались на потемневших от времени портретах, и

неподвижно застывшему у двери Сварогу стало казаться, что портреты шевелятся, явственно меняют позы, двигаются, оживают...

Багровое сияние проникло сквозь витражи, поползло от окна к Сварогу, и он едва справился с желанием заорать и пуститься наутек – портреты действительно оживали. Туманное свечение словно бы вспыхивало в глубине обретших трехмерность картин и медленно распространялось на все пространство, заключенное в золоченую раму. Фигуры шевелились, выступали за рамы, призрачно полупрозрачные, меж ними и плоскостью картин явственно обозначалось пустое пространство, лица медленно, слепо оборачивались к Сварогу, отыскав его взглядом, замирали. Он поймал себя на том, что тихонько пятится к двери, и застыл – все-таки они не отдалялись от рам, они стояли и смотрели, словно ожидая чего-то от него...

«Конечно, – вспомнил он, – призраки не могут заговорить первыми».

– Простите, – сказал он негромко. – Мне посоветовали к вам... с вами... Но разве такое возможно?

– Это Фатероль, – прозвучал в ответ столь же негромкий голос. – Он был великим живописцем и великим магом...

– Великим...

– Говорят даже, что он продал душу дьяволу, взяв в уплату волшебные кисти...

– Говорят...

– Никто не знает всего – но его полотна стали дверью, способной порой приоткрываться в тот мир, что терпеливо ждет всех, обитающих по другую сторону...

Голоса звучали отнюдь не демонически, они были почти обычными, человеческими, хотя и лишенными чего-то привычного, важного. Сварог немного приободрился, и тут кто-то резко бросил, почти крикнул:

– Милорды, но разве это граф Гэйр?!

Сварог машинально глянул в ту сторону – бородатый старик в черной кирасе поверх кафтана и широкой золотой перевязи уставился на него подозрительно и зло.

– Мне представляется, что маршал прав, – сказал сосед старика, человек помоложе. – Но не всецело.

– Вы хотите убедить меня, что перед нами – последний граф Гэйр? – поджал губы маршал.

– И не пытаюсь, дядюшка. Но в этом молодом человеке есть что-то странное, не позволяющее решительно и безоговорочно отказать ему в праве именоваться графом Гэйром. В чем эта странность заключается, я не знаю, но вынужден удостоверить ее наличие...

– Адвокатские штучки. Вся эта ваша казуистика... Последний граф Гэйр исчез три года назад в Море Мрака.

– Повторяю, дядюшка, я вовсе не идентифицирую этого молодого человека с последним графом Гэйром, – не уступал адвокат. – И я помню, что последнего графа Гэйра нет ни среди живых, ни в Царстве Теней, что само по себе достаточно странно... Я могу прозакладывать голову – простите этот оборот из лексикона живых, звучащий в нашем обиходе невысокого пошиба шуткой, – что перед нами не граф Гэйр. И тем не менее... В этом человеке есть что-то от нас.

– Да, я тоже это чувствую, – поддержал кто-то.

– И я, признаться. Маршал, вы всегда грешили поспешностью суждений – и решений, увы...

– Не замечал за собой, – буркнул маршал, буравя Сварога прокурорским взором. – Юноша, не соблаговолите ли объяснить, откуда вы взялись в маноре Гэйров, собственно говоря?

– Из прошлого, – сказал Сварог.

– Точнее?

Сварог называл даты, страны, события – но призраки лишь растерянно переглядывались.

«Это в какую же даль меня занесло?» – смятенно подумал Сварог.

– Здесь необходим ученый, – заключил адвокат. – Милорд Орим, не сможете ли внести ясность?

– Боюсь, не смогу ничем помочь, – сказал человек в мантии и большом берете. – Я не могу вспомнить ничего похожего ни в истории Талара, ни в истории Сильваны, не говоря уж... – Он сделал многозначительную паузу, понятную, очевидно, для всех. Кроме Сварога. – Ничего схожего...

– В истории всех планет есть крайне отдаленные периоды, от которых не осталось никаких свидетельств...

– Зато остались те, кто ушел в Царство Теней как раз из таких периодов. Конечно, следует учесть прекрасно известные вам обстоятельства... И все равно в истории человечества нет таких эпох, свидетелей которых мы не встретили бы у себя.

– Вы безукоризненно логичны, братец.

– И прав, смею думать.

– И тем не менее! – не уступал адвокат. – Наш гость – данность, от коей не отмахнуться. Мы должны прийти к какому-то решению, ибо второй раз с этим молодым человеком встретимся нескоро. Нам далеко небезразлично, кто стал владельцем родового замка Гэйров, а ему, думаю, не безразлично, получит ли он наше расположение...

– А если – безразлично?

– Смею заверить, весьма небезразлично, – сказал Сварог. – Поймите, я сюда не рвался. Я не стремился заполучить эти титулы и этот замок. Я вообще не знал, что существуют такие места... Не я все это затеял. И если все это – ваше, мне бы никак не хотелось представлять странным самозванцем... Может, вы знаете, кому и зачем понадобилось меня сюда поселить?

– Увы, – сказал адвокат. – В силу своего положения мы знаем многое о прошлом, но о настоящем знать не можем ничего...

– Есть отличный план! – вмешался молодой, выглядевший ровесником Сварога призрак в шитом золотом мундире, усатый, с тремя пистолетами за поясом и подозрительной трубой в руке. – Незнакомец, вам следует прикончить того, кто все это затеял. А уж потом, когда он окажется среди нас, ему будет затруднительно что-то скрыть. И в следующее полнолуние, пусть это и не скоро, мы найдем, о чем поболтать...

– Самый простой способ разделаться с мышью – поймать ее и насыпать на хвост соли... – бросил маршал. – Кузен, вы навсегда остались гвардейским вертопрахом. Прежде чем отправить к нам виновника, его следует обнаружить. А обнаружив его, обойтись и без нашей помощи.

– Черт, верно... Как-то не подумал. Господа, мне этот парень отчего-то нра-

вится. И если он хоть на самую малую толику Гэйр... Не забывайте, три года истекли. Вы хотите, чтобы перевернули герб и манор сам превратился в призрак, плывущий над облаками? Или был присоединен к владениям невероятно дальнего родственника? Из таковых у нас остались только графы Раль, а они все поголовно – сволочь последняя... Уж если этого парня отчего-то согласились признать графом Гэйром...

– Да, но нужно же разобраться, что за всем этим кроется.

– Вот он и разберется. Он мне не кажется размазней.

– И все же – наши чувства, гордость фамилии... – упорствовал маршал. – Я не припомню, чтобы прежде случалось нечто подобное происшедшему с этим молодым человеком, в облике которого, признаю, усматриваются иные фамильные черты...

– *Иные?* Да он же вылитый Гэйр! – сказал гвардеец. – Сбрейте мне усы или ему прицепите – и получится полное сходство. Говорите, такого прежде не случалось? А скажите-ка, дядюшка, разве случалось раньше, чтобы из Царства Теней исчезали...

– Лейтенант, молчать! – рявкнул маршал.

Сварог заметил, что загадочная реплика гвардейца словно бы вызвала у призраков легкий переполох. И наострил уши. Но никто не возразил маршалу. Очевидно, растяпа-гвардеец по простоте душевной коснулся чего-то такого, что надлежит тщательно скрывать, – то ли от одного Сварога, то ли от живых вообще.

– Позвольте мне, – вмешался старик в черной кольчуге с золотым гербом на груди. – Я вас всех внимательно слушал. Теперь извольте-ка слушать одного из тех, кто и сделал Талар таким, каков он сейчас есть, – быть может, на беду... Мне давно кажется, что лары мельчают. Что исчезло нечто важное, что впереди нет великих целей. Вы хотите полного вырождения? Вряд ли. Слишком многое тогда канет в небытие. Нужна новая, горячая кровь. И не так уж важно, откуда она приходит. Для чего-то же мы сжигали одни города и строили другие? Совершенствовались в магии и в могуществе?

– Сама История вещает вашими устами, милорд сенешаль, – сказал гвардеец, подмигнув Сварогу, уже полностью освоившемуся в этом странном обществе.

– Щенок, – сказал старик в черной кольчуге. – Я таких на кол сажал, случилось.

– Вот только пропустили того, кто помог вам раньше времени переселиться в Царство Теней...

– Перестаньте, – сказал адвокат. – Неужели никто не в состоянии оценить серьезность момента? – Он повернулся к Сварогу: – Боюсь, молодой человек, в чем-то мы покажемся вам смешными и даже глуповатыми. Что поделать, мы ведь призраки людей. Уходя в мир теней, никто не становится ни умнее, ни талантливее, ни могущественнее. Он всего лишь узнает много нового, но это не добавляет ума, а способно лишь прибавить печали – если бы тени обладали прежними чувствами... Так что мы остались, какими были. В том, что это непреложно, вам, извините за бестактность, самому предстоит убедиться через несколько столетий. Вы ведь, я догадываюсь, хотели получить какой-то совет? Ответы на некие вопросы?

– Да, – сказал Сварог.

– Прошлое не годится в советчики, потому что оно не знает настоящего. А ответы вам предстоит искать самому. Разумеется, вас никто и ничто не обязывает. Мир, куда вы попали, предоставляет все возможности прожить жизнь беззаботно, приятно и легко. Но вам, боюсь, это не удастся. То, что случилось с вами, никогда не происходит просто так, по слепой игре случая, природы...

– Я догадываюсь, – сказал Сварог.

– Тогда вам следует быть готовым ко всему. К любому. Чем больше вы узнаете об этом мире, тем сильнее станете, когда придет пора...

– Но у меня создалось впечатление, что на меня махнули рукой, когда поняли, что не достигли желаемого, – сказал Сварог.

– Возможно. Или у вас умышленно создали именно такое впечатление. Здесь, за облаками, давно прекратились войны...

– А жаль, – вмешался призрак в черной кольчуге.

– Войны прекратились, – продолжал адвокат. – Но интриги и заговоры – вещь неистребимая. Вас уже посвятили в тайны книги заклинаний?

– Обещали сделать это завтра, – сказал Сварог.

– Конечно, вам будет трудно. Одно дело – овладеть книгой в пору отрочества и совсем другое – человеку более взрослому, по сути – постороннему... Но вам это поможет.

– И не забудь овладеть родовым умением, – сказал черный пращур. – У каждого рода есть свое заклятие, фамильная тайна...

– Какая у вас?

– Мы, Гэйры, обладаем великим даром – можем вернуть к жизни павшую лошадь. Но только на сутки.

– Великолепно, – сказал Сварог.

– Не кривись. Когда-то это чертовски помогало.

– Думаю, что внизу, на земле, это и сейчас может пригодиться, – сказал адвокат. – Итак, граф Гэйр... Надеюсь, присутствующие не возражают против употребления этого имени применительно к нашему гостю? (Судя по лицам, у некоторых имелось на сей счет особое мнение, но вслух они его не высказали.) Если потребуются законные основания, здесь вполне применим Указ о Сыновьях и постановление Геральдической коллегии, основанное на прецеденте Этерскела, – в части второй...

– Говорите, дядюшка, по-человечески, – сказал гвардеец. – Мы вам и так поверим. Наш гость, думаю, тоже.

– Хорошо. В связи с особыми обстоятельствами обговорено и решено: этот молодой человек признается полноправным графом Гэйром, и на него ложатся все привилегии, преимущества, обязанности, старые счета, пророчества, родовые заклинания и возможные неудобства, проистекающие из его нынешнего положения. Отныне манор Гэйр становится его домом, он обязуется заботиться о чести рода и фамильной славе, каковую должен по мере возможности приумножать, не допуская ее умаления. Поклянитесь на мече, двадцать второй граф Гэйр.

Сварог растерянно коснулся пояса – меч он давно снял, садясь за ужин, но призрак в черной кольчуге выбросил перед собой туманное лезвие широкого меча. Пройдя к нему сквозь двойную шеренгу бесплотных зрителей, Сварог притронулся пальцами к мерцающему клинку, и пальцы погрузились в пустоту – невероятно холодную, ожегшую кожу.

– Ищи Доспех Дорана, – сказал старик.

– Дедушка, кому теперь нужны эти сказки, – бросил гвардеец. – Главное, пусть он домоправительнице скучать не дает.

– Доспех Дорана – вовсе не сказки.

– Все равно. О нем вот уж которую тысячу лет ни слуху ни духу. Он спасал владельца от многих опасностей, но сам себя спасти не мог. Сейчас он может лежать где-нибудь на дне океана, в чьей-то забытой могиле или под мостовой любого города.

– Или висеть на стене в доме того, кто понятия не имеет, чем владеет.

– Все возможно... Что же, прощайте, граф Гэйр, до следующего полнолуния...

Сварог был немного разочарован – снова все прошло скучно и буднично. Ни великих истин, ни роковых тайн, ни ужасных чудес. Тихие семейные посиделки... Он остался на месте, а полупрозрачные туманные фигуры попятились к массивным золоченым рамам, слились с полотнами, и вскоре остались лишь неподвижные изображения давно умерших людей – старики в броне, сновники в орденах, осыпанные самоцветами дамы и молодые офицеры. Вполне возможно, что запечатлевший их художник и не продавал душу дьяволу, – о многих талантах во все времена кружили такие байки...

Пальцы, которыми он коснулся лезвия призрачного меча, побаливали, будто отмороженные. Сварог хотел подойти и рассмотреть портреты, но решил, что это можно отложить на завтра. Повернулся и вышел. Меони порывисто подалась к нему:

– Что, милорд?

– Благословили, – сказал Сварог. – Никакой я теперь не самозванец, с чем себя и поздравляю.

– Великолепно! Пойдемте, здесь было так жутко...

– Зажгла бы свет.

– Опять домовой ходит. Такое редко случается, мне страшно.

– Глупости, – сказал Сварог.

– Только не здесь. Слышите?

Сварог прислушался – снаружи, из теплой звездной ночи, долетали возбужденные голоса. Меони скользнула к ближайшему окну, Сварог пошел следом, выглянул за широкий парапет. Он хотел посмотреть вниз, откуда слышались голоса, но невольно задрал голову к небу.

В небе висел огромный желтый диск, размером с футбольное поле, казалось, он вот-вот обрушится на голову, затрепчат верхушки деревьев, рассыплется крыша... Диск был покрыт туманными параллельными полосами, темноватыми пятнами неопределенных очертаний, а повыше экватора красовалось круглое алое пятно. «Юпитер, чтоб мне провалиться, – подумал Сварог. – Нет, ну что у них тут творится? Куда перенесло Землю?»

С трудом оторвавшись от впечатляющего зрелища, Сварог посмотрел вниз. Среди деревьев мелькали большие шары неподвижного сиреневого света, цепочка таких же двигалась к лесу со стороны служб. Хрипло, пронзительно заревела неподалеку труба. И сейчас же коридор ярко осветился.

Сварог невольно зажмурился, а когда открыл глаза, увидел спешившего к нему Макреда. Дворецкий ухитрился сохранить величавость даже при беге трусцой, но выглядел чуточку испуганным. Он остановился в двух шагах, пы-

таясь отдышаться.

– Ну, что там? – спросил Сварог. – Воры лезут?

– Милорд, ваши гвардейцы уверяют, что в лесу видели Гэйр-Бара.

Меони охнула за спиной Сварога.

– А что это за субъект? – спросил Сварог.

– Фамильный призрак Гэйров, милорд. Безголовый медведь, чье появление случается крайне редко и обязательно предвещает большие перемены.

– К добру или наоборот?

– А вот этого, милорд, никогда наперед не знаешь... Гвардейцы клянутся, что он бродил по лесу...

– Так, – сказал Сварог. – Безобразий и убытков от него много?

– Никаких, милорд, это же призрак...

– Тогда к чему весь этот цирк с иллюминацией?

Макред помолчал, вздохнул:

– Я и сам не знаю, милорд. Так уж повелось...

– Кончайте этот переполох, – сказал Сварог. – Пусть бродит, если ему так уставом положено. А вы укажите мне немедленно родовую спальню. Колыбельную петть не нужно, я и так усну на совесть, можете не сомневаться...

Глава 4

Милорд принимает гостей

Сон, в котором за ним гнались разъяренные титулованные пращурсы, а спасал от них почему-то безголовый медведь Гэйр-Бар, растаял, неуловимо перетекая в зыбкие мгновенья пробуждения, когда еще не понимаешь толком, на каком ты свете, а недавние видения кажутся убедительной реальностью. Глаза еще склеивало сонным наваждением, и Сварог подумал сначала – жаль, что придется расставаться с таким великолепным сном. Потом, не открывая глаз, отметил необычную пышность и мягкость подушки. Открыл глаза и понял – ни с чем не придется расставаться. Он лежал в огромной постели, по которой можно было маршировать строевым шагом, стены были затянуты синим шелком с вышитыми золотом узорами, в окна лились солнечные лучи, играя на рыцарских доспехах в нишах, а у изголовья стояла зеленоглазая светловолосая девушка. Она улыбнулась и сказала:

– Милорд, через четверть часа прибывает маг из Мистериора.

И он осознал, что ничего ему не приснилось, что он остается в благодатных краях заоблачного безделья. Блаженно улыбнулся и сказал:

– Иди сюда.

Меони улыбнулась, мотнула головой:

– Маг прибывает.

– А кофе в постель? – спросил Сварог, твердо решив вести самую велико-светскую жизнь. – Есть хочу.

Меони улыбалась:

– Есть вам нельзя, милорд. Овладение книгой заклинаний требует пустого желудка, – она лукаво склонила головку к плечу, – и неотягощенной неподобающими побуждениями души...

– Ну, ты мне еще попадешься, – сказал Сварог. – Ладно, готовим встречу. Что там полагается – трубачей на стены? Салют из всех орудий?

– Достаточно фанфар и четырех гвардейцев у входа, милорд. Макред уже распоряжается.

Через несколько минут Сварог стоял на верхней ступеньке парадной лестницы. Дверь была распахнута настежь, и у створок попарно стояли навьтяжку четверо гвардейцев. Сияло солнце, небо выдалось безоблачное, внизу виднелись дымки над крохотными крышами неизвестного города, далеко раскинувшегося посреди желтых полей. Интересно, что это за город и над каким он континентом? И как вышло, что земные обитатели деградировали до положения варваров, а меньшая их часть оказалась за облаками?

Гвардейцы слаженно выхватили мечи, и четыре ослепительно сияющих клинка взметнулись «подвысь». Сварог встрепенулся, зашарил взглядом по небу.

К замку приближался странный четырехугольный предмет, в котором вскорости удалось опознать не что иное, как ковер-самолет. Именно так это средство передвижения и выглядело. Посередине темно-красного с серебристыми узорами ковра, поджав ноги и гордо выпрямившись, сидел старик в синей мантии, усеянной золотыми каббалистическими знаками, и остроконечном черном колпаке, увенчанном золотым полумесяцем. Где-то на галерее зазвучали фанфары. Сварог приосанился, чувствуя себя полным идиотом. Больше всего это напоминало скверный фильм для дошкольников, по недостатку денег бедный эффектами.

Ковер-самолет замер в воздухе у подножия лестницы, повисел пару секунд и мягко опустился на траву. Опереточный звездочет выпрямился во весь рост, прошествовал к Сварогу. «Сейчас, чего доброго, руки возденет», – подумал Сварог и оказался провидцем – старик воздел руки, торжественно объявил:

– Да пребудет над сим замком благодать небес!

– Да пребудет, – согласился Сварог, уже натасканный Макредом и Меони.

Слава богу, на этом торжественная часть и закончилась. Старик с деловым видом засеменил вслед за Макредом, возглавлявшим шествие, направлявшееся в подвалы замка, где Сварог, к своему полному разочарованию, не обнаружил ни прикованных в незапамятные века скелетов, ни раскрытых сундуков с грудями сияющих самоцветов, ни даже паутины. По обе стороны сводчатого коридора было множество низких, окованных железом дверей, но коридор оказался чистым, светлым и сухим, так что вряд ли можно было рассчитывать, что за дверями – темницы с забытыми пару сот лет назад узниками, пыточные и сокровищницы.

Дворецкий остановился перед последней дверью, распахнул ее и низко поклонился. Внутри он не вошел, притворил дверь за Сварогом и его гостем.

Внутри было интересно. Именно то, чего Сварогу подсознательно не хватало. Со сводов свисала паутина, внушавшая почтение толщиной и обилием, – она скорее напоминала обрывки рыбачьих сетей. Пауков Сварог не заметил, но они вполне могли укрыться по углам, утопавшим в загадочных тенях, – единственным источником света был висевший под потолком тускло-багровый шар, первый увиденный здесь Сварогом настоящий светильник. На полу лежал толстый слой пыли, ноги утопали чуть ли не по щиколотку, и противно першило в горле. Посередине, на небрежно отесанной каменной глыбе лежала толстенная книга, но Сварог лишь мельком глянул на нее и устоял на стены.

На черепа, пожелтевшие, древние, размещенные на толстых кованых крючьях, вбитых меж закопченными кирпичами стен. Черепов было множество,

но и свободных крюков хватало. Сварогу стало не по себе от такого множества оскалов и пустых глазниц. На лбу одного из черепов тускло отблескивал золотой обруч с зелеными камнями. Другой был увенчан самой настоящей короной – золотой, с прямоугольными зубцами, рубинами и двумя дугами.

– Надеюсь, это не предки? – тихо спросил Сварог.

– Это враги ваших предков, милорд. Наиболее опасные и родовитые, за что и удостоились такой чести. Вот это – подлинная жемчужина. – Он указал на череп в короне. – Король Горрота, черный маг полуденных гор. С тех пор, как этот череп угодил на крюк, прошло четыре тысячи лет, но королевство Горрот существует по-прежнему, и с вашей стороны было бы полным безрассудством оказаться в его владениях. Даже несмотря на ваше положение. Тот, кто захочет отомстить, всегда найдет способ. Ваши предки оставили внизу порядочно врагов, и не все счета истлели от времени...

Сварог покачал головой. Нельзя сказать, чтобы такой поворот дела ему особенно нравился, но что поделать, привилегии идут в паре со старыми неоплаченными счетами. Одно утешение: земные кредиторы в замок не доберутся...

– Вот этот – один из стародавних великих герцогов Харланских. – Старик указал на череп с обручем. – Посему...

– Посему мне и в Харлане не стоит появляться?

– Не стоит, милорд. Ничего страшного, есть много других, более богатых и красивых стран, где вы можете пребывать в полной безопасности.

– Я вижу, предки умели и поохотиться, и нажать доброжелателей... – сказал Сварог. – Слушайте, а это еще что такое?

Череп этот ничем не отличался от остальных – если не считать третьей глазницы, расположенной во лбу над двумя традиционными. Это была именно глазница, а не пробитое каким-то оружием отверстие.

– Боюсь, никто этого не знает, милорд, – сказал маг.

– Но Царство Теней... – сказал Сварог с видом знатока.

– Этот череп привез неизвестно откуда ваш предшественник, последний граф Гэйр. За две недели до своего исчезновения.

– В Море Мрака?

– Так предполагают. Где именно он пропал, неизвестно до сих пор.

– Но разве нет способов...

– Маги не всемогущи, милорд. В особенности когда им противостоят... не менее могучие силы. В этом мире нет такой мощи, которая могла бы назвать себя всепобеждающей. Подозреваю, ее в нашей Вселенной нет нигде. Есть лишь хрупкое равновесие...

– Интересно, – сказал Сварог. – А скажите...

Вот тут у него по-настоящему сперло дыхание. Рядком висели шесть крохотных черепов, и на лбу каждого, на странно темной кости, – позеленевшая медная цепочка с грязно-желтым камешком.

– Не изумляйтесь, милорд, и не волнуйтесь. Это не дети. Это черепа гномов. Маленький, злобный, колдовской народец. Хвала богам, он, кажется, сгинул без следа... В соседних помещениях вы найдете не менее интересные трофеи – черепа животных, ценности отдаленных земель. У вас еще будет время... Давайте исполним то, ради чего мы сюда пришли. Откройте книгу. Вот тут. Положите правую руку на страницу, а левую – на грудь, против сердца. Замерите.

Сварог не видел, что делает маг за его спиной, и делает ли вообще. Над кни-

гой вспыхнуло золотистое сияние, повторявшее ее контуры, медленно распространилось на Сварога, охватило. Ладони коснулось странное, чуть щекочущее тепло, черные, старинного начертания рунические буквы стали алыми, тепло поползло к запястью, заливая, пронизывая все тело, проникая в каждую клеточку, до мозга костей, до кончиков самых крохотных кровеносных сосудов, играя искрами в крови, покалывая изнутри костей, пенясь под черепом. Волна поднялась, захлестнула, схлынула.

Теперь он знал. Как сотворить из ничего еду и питье, как создать табак и зажечь огонь, как позвать слугу, не прибегая к словам, и какие слова следует произнести мысленно, чтобы открыть дверь в замке, не касаясь ее рукой. Как управлять виманой, ялом и брагантом, какие заклинания требуются, чтобы мгновенно освоить любой незнакомый механизм. Как оживить на сутки павшую лошадь, как обезопасить себя и свой замок от тех, кто подслушивает и подсматривает с помощью магии. Как перемещать вещи у себя в замке, как распознать яд в пище и питье, как лишить предмет веса, как разговаривать со змеями и понимать их язык, как читать на Древнем языке и Древесном алфавите[3].

И узнал кое-что еще. Что лара можно ранить или убить только предметом, который держит чья-то рука, а любое другое оружие, которое придется метнуть, бросить, выпустив из руки, не причинит никакого вреда – от камня из пращи до пули. Стрелы, пули, камня, копья, обрушившихся стропил и упавших с потолка плит бояться не следует. Как и рукотворного пожара. Опасность для лара представляет лишь пожар, возникший от естественных причин, и падающий предмет, обрушенный самой Природой. Эти свойства лары с помощью магии приобрели в старые времена, когда еще обитали на земле, и, оказавшись внизу, любой лар имел бы массу преимуществ перед тамошними жителями – хотя, конечно, не мог остаться неуязвимым полностью.

Сварог прислушался к себе – он остался прежним, но где-то глубоко внутри почувствовал еле уловимые изменения. Он напрягся – по телу пробежала дрожь, какую нельзя было бы описать обычными человеческими словами, и череп в золотой короне подпрыгнул на крюке, сухо брякнул, корона перекосилась, придавая ему ухарский вид. Пыль в углу взвихрилась и опала.

Маг снисходительно наблюдал за ним, словно за шалящим ребенком, и Сварог, вновь вспомнив о маленьком зеленом крокодильчике, подумал: а зачем все это, если вдуматься?

И спросил:

– Но ведь это, насколько я понимаю, далеко не все?

– Подавляющему большинству ларов на всю жизнь хватает и этого, – сказал маг. – Конечно, это только первая ступенька, а ступенек много. Но высшая магия, неизмеримо превосходящая все эти домашние мелочи, доступна только тому, кто годами будет совершенствоваться под руководством учителей Мистериора...

– А Магистериум? – вырвалось у Сварога.

И он тут же об этом пожалел – маг уставился на него так, словно Сварог вознамерился вытереть сапоги полой роскошной мантии звездочета. Или уже вытер.

– Магистериум – порождение разврата нравов, не признающего традиций и авторитетов, – проговорил маг с видом крайнего отвращения. – Жалкие по-

пытки достичь Высшего Знания с помощью ремесленных ухищрений, мертвого железа... Прекрасно известно, чем такие попытки кончаются...

«Конкуренция здесь на высоте, – подумал Сварог. – Интересно, в каких выражениях отзывается о Мистериоре Магистериум?»

– Простите, – сказал Сварог насупившемуся магу. – Просто к слову пришлось. Не отобедаете ли со мной?

– Благодарю, я спешу, – сухо ответил чародей.

Больше он не произнес ни слова – молча шагал по коридорам, молча прошел мимо салютовавших ему гвардейцев, шурша мантией, уместился на ковре в величественной позе, и ковер-самолет моментально взмыл в небо. Сварог посмотрел ему вслед, хмыкнул и вернулся в замок, на ходу заставляя взглядом подпрыгивать вазы и доспехи, а чучела тигров – бить хвостами по полу. Встретив Меони, не выдержал и созорничал – остановился, уставился на нее, верхняя пуговица платья девушки вдруг выскочила из обшитой золотой тесьмой петельки.

Меони отшатнулась, ее глаза потемнели.

– Я вижу, вы становитесь настоящим ларом, милорд...

– Брось, чудачка, – сказал Сварог. – А то в мышку превращу. В серенькую, пушистенькую, но все такую же очаровательную...

Она испуганно отодвинулась:

– Вы в самом деле можете?

– Не могу, – сказал Сварог. – И рецептом приворотного зелья меня тоже не одарили, так что можешь не беспокоиться.

Она упорно отводила взгляд, страх в ее глазах не таял. Сварог осторожно, указательным пальцем приподнял ей подбородок:

– Ну что ты? Неужели думаешь, что человек может стать законченной скотиной, освоив какую-то старую книгу?

– Такое слишком часто случалось, милорд...

Сварог сделал вывод, что с правами человека здесь дело обстоит не самым лучшим образом. Потомственные вассалы, лишённые права выбора и собственной воли, как-то не сочетались с межпланетными путешествиями и летающими поместьями. Впрочем, такие вещи – или примерно такие – ухитрились сочетаться во все эпохи. Начиная с тех времен, когда на высокочудного Аристотеля работали рабы, считавшиеся одушевленной вещью.

– Не сердись, ладно? – попросил он. – В моем положении чертовски легко делать промашку за промашкой...

Она улыбнулась, почти успокоившись:

– Мне не полагается сердиться... Будете завтракать, милорд?

Сварог, все еще под впечатлением подвала с черепами, мотнул головой:

– Что-то не хочется пока. Пойду-ка я осмотрю свои военно-воздушные силы. Оказалось, у меня на земле хватает врагов, и порох следует держать сухим...

– Лары не воюют с обитателями земли, – сказала Меони. – Нет такой необходимости. Чересчур неравные силы. Если бы вы оказались внизу один, вам пришлось бы нелегко, несмотря на все ваши заклинания. Но с ларами такого просто не случается, они живут в вышине, недоступные, как боги, а попадая на землю, окружены многочисленной пышной свитой...

– Непременно? – спросил Сварог.

Меони поколебалась:

– Конечно, находятся сорвиголовы, любители приключений... Но они подвергают себя огромному риску. Императорские сановники косо смотрят на тех, кто роняет престиж небожителя перед земными варварами, и тот, кто отправляется вниз в одиночестве, лишается всякой защиты. Есть неписанный закон... Там, внизу, знают, что суровой кары за убийство одинокого лара не последует, и потому могут произойти всякие случайности.

– Они что, накидываются на любого лара, стоит ему там появиться?

– Нет, что вы, – сказала Меони. – Просто любой небожитель, спустившись на землю в одиночестве, без свиты, кортежа, рискует тем, что к нему там станут относиться, как к рядовому обитателю земли. И полагаться ему придется только на себя самого. Там, внизу, есть и разбойники, и звери... Это не Антлан.

– Что он, в конце концов, такое – этот твой Антлан?

– Континент на Сильване. Там находятся поместья ларов – и ваше тоже. Там небожители отдыхают и развлекаются, когда им захочется ощутить под ногами твердую землю. А еще там живут те, кому предназначено становиться потомственными слугами новых поколений ларов. Таков давным-давно установившийся порядок вещей, и не похоже, что он когда-нибудь изменится...

Она отвернулась, голос слегка дрогнул. Сварогу стало неловко. Дают ли в этом мире слугам вольную и может ли им вольная хоть чем-то помочь?

– Пойду посмотрю корабли, – буркнул он и быстро направился к лестнице.

Вимана, как он успел уже убедиться во время полета сюда, была, по сути, летающим садовым домиком (правда, домик этот, подобно имевшимся в наличии драккару и браганту, мог совершать и межпланетные путешествия). Драккар был машиной посерьезнее – похож на виману, только побольше и обтекаемее, такая небольшая крепостца с наклонными стенами и многочисленными башенками, откуда торчали самые разнообразные дула и жерла. Сопровождавший Сварога пилот, командор его крохотного флота, рослый уса-тый блондин в серо-алом мундире с серебряной птицей на груди, сначала сыпал экзотическими названиями оружия, а потом высказался по-военному кратко и энергично:

– Милорд, это нужно видеть. У вас в библиотеке можно ознакомиться с подробными описаниями – но это нужно видеть. Если один драккар пройдет, паля из всех стволов, над любым паршивым королевством улиток... Я не поменял бы свой пост на любой улиточный трон.

– Улитки – это кто? – спросил Сварог.

– Это у нас так прозвали нижних, милорд. У них там есть воздушные шары и фанерные самолетики, но это не меняет дела...

Сварог с любопытством посмотрел на него. Меони, дураку видно, откровенно тяготилась своим положением. А это был другой тип слуги – верный холуй, презиравший тех, кто стоит ниже, даже сильнее своего хозяина. Тот-то из врожденного аристократизма как раз не тратит времени на презрение...

Командор то и дело старался подчеркнуть, что он хоть и вассал, но все же гвардеец благородного лорда, и не стоит равнять его с дворецким и прочими фореиторами. Порой это производило весьма комический эффект, как раз противоположный тому, на какой командор рассчитывал.

– Вы тоже из Антлана? – спросил Сварог.

– Так точно! Ромер одиннадцатый, потомственный пилот графов Гэйров. – Он помялся и добавил с ноткой фамильярности, готовый замолчать в любой

момент, если хозяину такой тон не понравится: – К сожалению, милорд, ни моим предкам, ни мне так и не довелось пока что повоевать по-настоящему...

Сварог искоса взглянул на его застывшие-мужественное, глупое лицо. И сказал:

– Вот как? Дорогой командор, война имеет один существенный недостаток: не только вы стреляете, в вас тоже палят почему зря...

На лице командора читалось, что это-то как раз и здорово. Сварог украдкой вздохнул, отошел от серо-стального драккара.

Брагант оказался чем-то вроде шикарнейшего спортивного автомобиля без колес – Сварог даже воспрянул, отыскав наконец хоть что-то, вполне отвечающее его представлениям о будущем. Бортовым вооружением он значительно уступал драккару, но тоже мог натворить нешуточных дел, если возникнет такая необходимость. Оставался еще ял, служивший чем-то вроде брочки для визитов к ближайшим соседям. В межпланетном пространстве он не летал, вооружения на нем не имелось, и больше всего он напоминал изящную лодочку, куда втиснули роскошное кресло. Отягощать его оружием было все равно что ставить пулемет на байдарку.

Обозрев свои военно-воздушные силы (и воскликнув в душе: да на кой они черт, если здесь ни с кем не воюют?!), Сварог направил свои стопы в библиотеку. Она была обширна, красива и выглядела совершенно нежилой, словно туда за все время ни разу не забредал ни один из Гэйров. Стены покрыты книжными полками с сотнями томов и ячейками, где в сотнях гнезд лежали горизонтально синие стержни длиной с авторучку, с черными головками, напоминавшие огромные спички – местный аналог видеокассет. На маленьком столике стоял синий усеченный конус, а рядом – белая клавиатура. Вот и вся здешняя видеодвойка. Другой стол, огромный, дубовый, с вычурными ножками, должно быть, предназначался для ученых занятий – и был девственно чист. Третий стол – собственно, черная рама на прозрачных ножках с примостившимся сбоку пультом – был, как Сварог уже знал, крайне интересным устройством, за которое продали бы душу дьяволу современные Сварогу шпионы и генштабисты. Оно позволяло увидеть и услышать все, что происходило в любой точке Талара – на улицах, на балконах, в чистом поле. Только внутрь домов заглядывать не могло.

Из украшений имелись большие, невероятно красивые модели парусных кораблей, стоявшие на подставках меж полками. К какому времени относятся корабли, Сварог определить не смог – насквозь незнакомые суда. Был еще огромный глобус, то ли в самом деле старинный, то ли отличная подделка: надписи со старомодными кучерявыми завитушками и лихими вертикальными хвостиками у согласных, пышно-вычурные розы ветров, морские страшилища и сухопутные чудища, очертания суши изображены так, как она представлялась малосведущим географам древности. Суша...

Суша. Сварог покрутил глобус – высотой ему по грудь – и уверился, что он изображает совершенно неизвестную планету. В одном полушарии – большой континент, напоминающий широкий осколок снаряда с рваными краями. В другом – россыпи островов, несколько крупных архипелагов, два длинных острова, протяженных и широких, которые, если учесть размеры планеты, могли и гордо назваться континентами. Второсортными, правда. Вроде Гренландии или Новой Зеландии, каковые, как ни крути, все же не континенты.

Совершенно ясно, что глобус изображал не Землю. Сварог пожал плечами, перешел к черной раме, наугад нажал несколько клавиш. В черной раме возникло удивительно четкое и ясное изображение – кроны деревьев, казавшиеся тугими клочками зеленой ваты, видимая с птичьего полета извилистая лесная дорога, по которой ползли темно-коричневые повозки, запряженные парой лошадей каждая. Казалось, Сварог парит над ними в каком-то бесшумном летательном аппарате, глядя в незастекленный люк в полу. Он крутанул большим пальцем вертикальное хромированное колесико. Теперь какой-то уард отделял его от парусиновых крыш повозок и чуточку большее расстояние – от голов в вязаных колпаках. Двое, сидевшие на облучке, безмятежно беседовали. Гнусавый голос поучал:

– ...это если пшеничка ронерская, дурья твоя голова, тогда и можно пускать ее по два баранчика за гарнец, а над горротской трястись особенно не стоит – мало того что она похуже, народишко против нее имеет жуткое предубеждение, как против происходящей из королевства колдунов. Все это сплошное суеверие, кум, между нами-то говоря. Не настолько, сдается мне, они там в Горроте коварные, чтобы пихать всякую злую магию в каждое зернышко. Сколько лет Горрот торгует лесом, и что, из бревен черти вылазят? У меня самого амбары из горротского леса, стоят себе двадцать лет, мороком не пугают... Но поди объясни ты это всякой сиволапой деревенщине. Значит, что? Значит, покупателя нужно искать специфического – тюремное ведомство или военного интенданта, их клиент все сожрет и рыло воротить не будет. Понял? Но пока ты его найдешь, семь потов сойдет, другие не дурней тебя, и не ты один имеешь дело с горротской пшеничкой. Да и они, покупатели, будут стараться заплатить подешевле, знают, канцелярские крысы, что выбора у тебя особенного нет. Так что не связывайся ты больше с горротской пшеницей, опять в убыток вгонишь...

Сварог выключил прибор. Безусловно, можно было при должном терпении наткнуться на сцены и поинтереснее. Он собрался было от скуки этим и заняться, но что-то мешало ему забавляться «всевидящим оком», смутное беспокойство тянуло назад к глобусу. Очень странному глобусу. Совершенно чужому.

Обернувшись к ячеистому стеллажу, Сварог задумался, шевеля губами. Наконец протянул руку ладонью вверх. Одна из «спичек» метнулась наружу, словно ракета из кассеты боевого вертолета, проплыла по воздуху, опустилась на ладонь. Сварог вставил ее головкой вверх в отверстие усеченного конуса, тронул клавишу пальцем, запоздало спохватившись – ведь мог включить и мысленным усилием.

Воздух над конусом сгустился, потемнел, превратился в шар бархатистого мрака, усыпанного искорками звезд. В нем возникли золотые буквы, отплыли в глубь шара, уменьшаясь, сложившись в слова: «История Талара. Краткий курс». Потом буквы исчезли, на их месте появилась неспешно возвращавшаяся планета, крайне похожая на уменьшенную копию глобуса – правда, очертания материка и островов были несколько иными, да еще добавился большой треугольный остров у северного полюса и другой, формой близкий к кругу, – почти на экваторе. Впрочем... Может быть, это и не острова. Они окрашены в иной цвет, совсем не такой, как прочая суша, и кромка их прорисована как-то иначе...

Ласковый, вкрадчивый женский голос заговорил:

– Мой юный друг! Ты, должно быть, уже знаешь, что именно так выглядит из космоса наша планета, Великий Талар, обитель властелинов-небожителей...

Сварог ударил по клавише. Изображение погасло. Он опустился в кресло, мысли беспорядочно прыгали.

При всем своем невежестве в геологии он помнил: для того чтобы превратить привычные земные континенты в то, что он сейчас видел, потребуются миллионы лет... или страшная глобальная катастрофа. Выбор невелик – неспешная естественная эволюция или катаклизм. Или одно из двух, как говорят в Одессе.

А может, кое-что третье?

Он, не вставая, резко выбросил руку в сторону. Вторая «спичка» спикировала на ладонь, больно царапнув кожу, – так он торопился.

Вновь золотые буквы: «Строение Солнечной системы. Краткий курс». Во мраке вспыхивает косматое, ослепительное солнце. На смену ему возникает планета, наполовину затянутая облаками, но все равно можно разобрать, что она не похожа ни на Землю, ни на Талар. Вокруг нее кружит крупный, серо-коричневый спутник. Женский голос вкрадчиво сообщает:

– Нериада, первая от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутник Голг.

На смену загадочной Нериаде появляется бело-голубая планета, кое-где увитая белоснежными струями облаков, – вокруг нее кружит спутник еще крупнее, зеленый.

Женский голос сообщает:

– Сильвана, вторая от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутник Селена.

Сварог остановил изображение, потом пустил медленнее. Это, несомненно, Земля – только меж Европой и Америкой протянулся с севера на юг неизвестный континент, и еще один, довольно большой, обнаружился в Индийском океане, а третий тянется от северного побережья Азии к Канаде (лишившейся Гудзонова залива), и в океане обнаружились большие, совершенно неизвестные острова, и Австралия сплошной полосой суши соединена с Индией, и от знакомого Сварогу Средиземного моря почти ничего и не осталось, на его месте лишь три озерца, и нет Каспийского моря, зато в Центральной Азии голубеет огромное озеро, и очертания материков иные... Но все же это – Земля.

Сварог почти все уже понял, но все же нажал клавишу.

Появилась светло-рубиновая планета с тремя маленькими спутниками, континентами диковинной формы. Женский голос торопится прокомментировать:

– Тетра, третья от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутники Бадб, Амрун и Брес.

И, наконец, появился уже знакомый Талар.

– Четвертая от Солнца планета – Великий Талар, Земля Ларов, Обитель Небожителей.

Когда возник Юпитер, Сварог выключил экран, не дожидаясь здешнего названия красного гиганта.

Такая вот космогония. Меркурия нет, Нериада вполне может оказаться Ве-

нерой, с Землей и так ясно, а Талар и Тетра (про которую еще неизвестно, мужского рода это название, женского или же среднего) – сплошная загадка. Одна из двух планет – несомненный Марс. Но откуда взялась вторая? Сколько же тысячелетий прошло? Лары ушли за облака пять тысяч лет назад... Судя по очертаниям земных материков, родную планету в прошлом сотрясали нешуточные катаклизмы...

Сварог помотал головой, пытаясь уместить в сознании груды тысячелетий, о которой подозревал, что она огромна. Рассудком он осознавал, насколько далеко от своего времени оказался, но чувства бунтовали – чересчур уж далек оказался путь, он предпочел бы что-нибудь поближе. Разницы, если подумать, никакой, но он чувствовал бы себя уютнее, окажись поближе к родному времени. Слишком далеко. Невероятная чужбина. Очень уж другое все...

Звон гонга проник в библиотеку. Сварог недоуменно поднял голову.

Дверь распахнулась, и Макред возник на пороге в состоянии полной растерянности. На ливрее у него обнаружилась незастегнутая пуговица, он даже запинался:

– М-милорд...

– Опять безголовые домовые?

– Милорд, вас вскоре навестит императрица! Нас только что известили! Вимана уже показалась! Милорд, невиданная честь, за все время существования манора Гэйр коронованные особы посещали его лишь трижды!

– Готовьте, что там полагается, – сказал Сварог, тоже чуточку опешивший.

– Милорд, все готово, дружина построена, императорские штандарты вывешены. Нас известили, что визит ожидается частный, свиты нет, и потому салют производиться не будет – только фанфары...

...Сварог, следуя указаниям Макреда, спустился к подножию лестницы, по обе стороны которой уже стояли гвардейцы в парадных золоченых шлемах и кирасах. Поправил золотую цепь на груди – тоже парадную, настолько усаженную всевозможными драгоценными камнями, что золото едва проглядывало сквозь радужное сияние самоцветов. Впервые в жизни ему предстояло принимать у себя дома коронованную особу, и он немного волновался. И еще ему было тягостно, беспокойство крепло, становясь едва ли не привычной деталью повседневности, такой же обыденностью, как предупредительно-сановитая физиономия Макреда и каменные кони по обеим сторонам парадного входа.

Мышка, мышка, сказала кошка, пробеги-ка из угла в угол, а я тебе дам кувшин масла...

Мышка, в отличие от Сварога, по кухне бегать не стала...

Алое пятнышко быстро росло, превратилось в пурпурного цвета виману с золотой крышей, оконными рамами и галереей. Она опустилась на лужайку, золотая дверь распахнулась, проворно выскочили раззолоченные лакеи и почтительно замерли, придерживая створки. Следом за ними появился субъект, до того украшенный золотым шитьем, алыми кружевами и пышными перьями, что способен был вызвать у свежего человека самый непочтительный смех. Сварог, понятно, сдержался, хотя далось это нелегко. В руке этот павлин держал золотой жезл выше собственного роста, заканчивавшийся вырезанной из огромного рубина фигуркой диковинной геральдической птицы. Каким жезлом торжественно ударил оземь (что не прозвучало должным обра-

зом на заросшей мягкой высокой травой лужайке), напыжился и возгласил:

– Ее величество Яна-Алентевита, императрица четырех миров!

Макред, не шевелясь, взглядом подал знак Сварогу. Вступили фанфары. Ослепительно сверкнули мечи дружинников. Сварог двинулся вперед, старательно придерживая парадный меч, зачем-то считая про себя шаги. Он прошел восемнадцать, остановился перед павлином в человеческом облике – тот выполнил своим жезлом несколько сложных церемониальных приемов, отступил назад и влево, отведя жезл так, словно отдавал караул по-ефрейторски.

У Сварога едва не отвисла самым предательским образом челюсть.

Перед ним стояла девчонка в коротком, воздушном алом платье и пурпурном плаще, расшитом золотом, тяжеленном на вид, но двигавшемся за ней, когда она шла, так легко и послушно, словно он был невесомым. Волну великолепных светлых волос, падавших до пояса, перехватывал надо лбом филигранный золотой обруч с четырьмя шариками – белым, голубым, зеленым и красным. В ушах, на шее, на груди, на пальцах красовался добрый килограмм брильянтов. Точеное личико, от лицезрения коего холодело в сердце, было, как пишется в старинных романах, исполнено подлинного величия – Сварог лишь теперь понял, что имели авторы в виду, увидел, как это выглядит в жизни. Огромные синие глазищи смотрели на Сварога лишь самую чуточку благосклоннее, чем на облака и траву под ногами.

И все равно это была почти девчонка – уже можно думать о ней, как о женщине, не рискуя угодить в сексуальные маньяки, но рановато, пожалуй, превращать думы в жизнь. Сварог чуть опустил глаза – ножки в чулках из розового тумана были, надо признать, безукоризненными и, если так позволено думать в сей торжественный момент, весьма приманчивыми, под стать всему остальному. А сама девица, голову можно прозакладывать, капризна и надменна, как сто чертей: трудно ожидать чего-то другого от императрицы такого возраста, владычицы четырех планет. И совершенно непонятно, почему эта холеная очаровательная куколка решила вдруг самолично наведаться в гости к ничем не примечательному графу.

Сварог поклонился, примяв подбородком пышные синие кружева. На сей раз красноречие его решительно подвело, но сказочная принцесса с большим, надо отдать ей должное, тактом поторопилась его выручить:

– Рада вас приветствовать, граф. Я столько слышала о вашем славном замке, но бывать здесь пока не доводилось...

– Прошу вас, ваше величество, – опомнился Сварог.

Она торопливо прошла вдоль строя гвардейцев, словно все эти церемонии успели надоесть ей до смерти. Наверное, так оно и было. Сварог шел следом, отступив на шаг, а за ним бесшумно скользили два сановника в золотом шитье и орденах, словно получили приказ его конвоировать. Макред успел объяснить, чем отличается частный визит от церемониального, но вести юную императрицу все равно предстояло в главный зал замка, ибо так и следует принимать коронованных особ, если они заглянут на огонек. Самому Сварогу этот зал категорически не нравился – слишком большой, слишком высокий, совершенно идиотское количество доспехов и штандартов, а мебель рассчитана то ли на великанов, то ли на хмельных гуляк – чтобы не доводить их до греха и заставить во время застольных свар рассчитывать лишь на собственные кулаки. Казалось, даже с помощью заклинаний невозможно сдвинуть неподъ-

емные кресла с высоченными спинками.

Похоже, сказочная принцесса была одного с ним мнения – она с тоскливой обреченностью оглядела все это великолепие и решительно присела на табурет в углу – массивный и вычурный, но все же не столь громоздкий. Неожиданно, насквозь знакомым Сварогу по прежним временам движением, положила ногу на ногу («не введи нас во искушение», – ханжески подумал он), взглянула чуточку лукаво:

– Вы можете сесть, граф.

Оба царедворца остались за дверью, и Сварог заметил, что девчонка выглядит теперь не столь надменной. Она сидела, откинувшись на низкую спинку, разглядывала Сварога с жадным любопытством, коего ничуть не пыталась скрывать. Сварог же чувствовал себя крайне неудобно – то ли обезьяной в зоопарке, то ли вызванным к доске нерадивым учеником. Он смутно помнил, что с коронованными особами вроде бы не полагается заговаривать первым, а следует ждать, когда они сами зададут вопрос. Он и ждал.

Должно быть, здесь правила этикета были иными – она вдруг недоуменно подняла пушистые ресницы:

– Почему вы молчите, граф?

– По невежеству, – сказал Сварог. – Я даже не знаю, как к вам следует обращаться.

– На людях – «ваше величество» или «ларисса императрица». С глазу на глаз можно «Яна» и «вы». Достаточно близкие знакомые могут называть меня на «ты», избегая, понятно, любых проявлений фамильярности. Возможно, я и допущу вас в число моих близких знакомых, граф. Есть у меня такие намерения. Точнее, каприз. Когда все твои капризы моментально выполняются, очень трудно не стать капризной. Так что в этом отношении я особа достаточно испорченная, – сообщила она с очаровательной улыбкой.

– А голов вы не рубите? – спросил Сварог.

Она рассмеялась:

– Бойтесь?

– Просто хочу знать, что мне может грозить в случае крупной провинности.

– Последнюю благородную голову у нас отрубили при моем дедушке, более тысячи лет назад. Сейчас могут отправить в ссылку на другую планету, но это случается крайне редко – у нас просвещенная монархия, такая скука... Обычно провинившихся не допускают ко двору, лишают орденов и придворных званий – и, знаете ли, великолепно действует. Но у вас пока нет ни чинов, ни званий, ни орденов, вам бояться нечего. Разве что опасности лишиться моего общества. Серьезная угроза?

– Серьезная, – сказал Сварог.

– Я вас забавляю? – Видя его замешательство, она звонко рассмеялась. – Успокойтесь, я не читаю мыслей. Читать чужие мысли можно, но это превратило бы жизнь в сущий ад для того, кто читает, потому что нет заклятий, способных отгородить человека от потока всех чужих мыслей. Просто ваши мысли легко прочитываются по вашему лицу. Учтите это. И срочно учитесь быть чуточку непроницаемее. – Она приняла самое невинное выражение лица. – Иначе вы для меня моментально отодвинетесь в длинную шеренгу придворных хлыщей, которые мне взглядами все коленки исцарапали...

– Носите платья подлиннее, – расхрабрился Сварог.

– Не могу. Во-первых, у меня великолепные ноги, а во-вторых, такова мода. Давайте оставим эту тему, иначе я, как любое создание нежного пола, буду болтать о нарядах до бесконечности. А вы, как мужчина, не сможете оценить должным образом сей увлекательный разговор. Давайте лучше поговорим о вас. Как вам у нас нравится? Очень непривычно?

Сварог осторожно сказал:

– Меня крайне настойчиво предупреждали, что я отроду был графом, и другие точки зрения чреватые...

– На меня общие правила и запреты не распространяются, – сказала Яна.

– В таком случае... Быть может, вы объясните мне, что же произошло?

– Если я правильно их поняла, они собирались путем какого-то сложного и замысловатого научного опыта вернуть последнего графа Гэйра, неведомо куда пропавшего. А получились у них вы. И с вами творится что-то совершенно непонятное – вы безусловно не он, но в то же время по иным характеристикам и параметрам с ним ассоциируетесь. Вас это, возможно, удивит и обеспокоит, но вы – научный феномен. Вот вам и вся суть. Остальное – пространные и неудобоваримые научные подробности в виде формул, расчетов и жутких фраз, которых ни один нормальный человек не поймет... Я и не пыталась. Вряд ли вы захотите во все это вникать, если только не питаете патологического интереса к науке.

– Не питаю.

– Вот и прекрасно. Когда встал вопрос о вашем будущем, сходство с графом Гэйром сыграло немаловажную роль. Здесь вновь начинаются сложные подробности, на сей раз не научные, а геральдические. Я, с вашего позволения, опущу и их. Будем надеяться, со временем что-нибудь прояснится. Не беспокойтесь, вам это не грозит лишением нынешних прав. Граф Гэйр, похоже, исчез безвозвратно.

– А могу я о нем узнать побольше?

– Увы, не от меня. Я сама его плохо помню, почти не видела. Говорят, он пропал на земле, вечно затевал какие-то рискованные предприятия. Вот и не вернулся из последнего. Не вздумайте последовать его примеру.

– Ну, я даже не знаю, что здесь считается рискованным предприятием...

– В таких делах мужчины быстро осваиваются. Слышите? Не вздумайте ввязываться в авантюры. У нас и без того хватает неприятностей с любителями приключений...

– А мне казалось, что жизнь здесь размеренная и тихая.

– Здесь, в небе, – безусловно. Однако хватает сорвиголов, не способных свыкнуться с размеренной тихой жизнью. То, что многие гибнут, других не останавливает. Есть иные планеты, варвары внизу... – Она с чисто женской непоследовательностью призналась вдруг: – Каюсь, я сама иногда люблю выкинуть что-нибудь шальное. К сожалению, мне никогда нельзя остаться без присмотра и охраны, стоит мне показаться за пределы обитаемых небес... Но я стараюсь. Мне простительно, потому что все смирились с неким неизбежным этапом, и повсеместно известно, что я взбалмошная, своенравная и капризная.

– А на самом деле?

Яна глянула на него укоризненно:

– Граф! Я, конечно, весьма юная особа, без опыта определенного рода, но уж

вам-то следовало бы знать, какое это пустое и бестактное занятие – доискиваться касаясь женщины, какая она на самом деле...

– Как бы там ни было, я вижу, что вы умны...

– То есть – отнюдь не дура? Комплимент принят. Открою вам страшную правду, граф, – я и в самом деле жутко капризна. Что вы хотите, столько поколений предков – самодержцев, а то и вульгарных тиранов...

– И я должен считать себя вашим очередным капризом?

– Ну, не дуйтесь. Вы все-таки не безделушка и не собачка. Считайте, что вы мне очень интересны. Между прочим, это чистая правда. У меня хватает и льстивых интриганов, и влюбленно пялящихся повес... Вы – совсем другой, вы пришли из такого страшного далека... И хотите, чтобы мне было неинтересно? Нет, в самом деле?

Она говорила серьезно, ничуть не ломалась, и Сварог в глубине души соглашался с ее доводами. Императрицам тоже бывает скучно и одиноко, особенно таким вот очаровательным девочкам без опыта определенного рода.

– Итак, я нежданно-негаданно получил шанс попасть в фавориты? – спросил он.

Яна поморщилась:

– Не будьте вульгарным. Фавориты – это из древней истории. Любовники, казнокрады... Любовников у меня пока что нет, а казнокрады у нас невымыслимы, потом сами узнаете почему. У меня есть круг друзей, которых я выбираю сама. Считается, что они смогут благотворно влиять на капризную девицу, иные и в самом деле так полагают в невежестве своем... Хотите попасть в этот тесный круг?

– Хочу, – сказал Сварог.

– Основные правила: не опускаться до фамильярности, не лгать, не выпрашивать почестей и наград, не пожирать влюбленными взглядами. Почестями я вас одарю сама – не щедро и не скупно, ровно настолько, чтобы в соответствии с придворным этикетом получили доступ во дворец. Но предупреждаю сразу: если будете ввязываться во все эти старинные глупости с дуэлями – обижусь и рассержусь всерьез. Дуэлянтов изгоняю беспощадно. Ну посудите сами: какой смысл забираться в глухие уголки парка и драться из-за меня на мечах, если я сама не собираюсь давать никаких шансов ни проигравшему, ни победителю? Хорошо еще, вы не читали всех этих старых романов – звон клинков, серенады под окнами, оброненные платки...

– Увы, у нас таких романов тоже было множество, – признался Сварог. – И не скажу, что я ими пренебрегал.

– Час от часу не легче, – вздохнула Яна. – Ну, тем более. Учтите, дуэлей терпеть не могу.

«Просто ты не вошла еще в тот возраст, в каком ужасно нравится, когда из-за тебя дерутся мужики, – подумал Сварог. – Правда, ходят легенды, что есть и зрелые женщины, которым это не доставляет никакого удовольствия, но такие слухи следует проводить по одному ведомству с рассказами о деревьях-людоедах и порядочных премьер-министрах...»

– И еще, – сказала Яна. – Вы хорошо понимаете, что это навсегда, что пути назад нет?

– Кажется, да, – сказал Сварог.

– Отлично. Теперь вы – неотъемлемая частица этого мира. И я сегодня же

жду вас во дворце. Сейчас уладим формальности...

Она посмотрела на дверь, и сейчас же появились оба сановника. Величаво выпрямившись, Яна сказала с великолепной небрежностью:

– Я сочла нужным даровать графу Гэйру звание лейтенанта лейб-гвардии и титул камергера. Указы подготовить немедленно. Доступ за Бриллиантовых Пикинеров. И все сопутствующее. Виману к отлету. Проводите меня, граф. И не забудьте – нынче же вечером жду вас во дворце.

Он стоял на лужайке и бессмысленно смотрел вслед быстро уменьшавшейся пурпурной точке на фоне безукоризненно чистой небесной лазури. Ему было грустно – какая-то тупая, апатичная грусть, словно фантомные боли в отрезанной ноге, к отсутствию которой на ее законном месте со временем привыкают, но вот от болей порой не удаётся отделаться никогда. Летучие замки. Императрицы. Заклинания. Черепа древних королей в паутине и пыли подвалов. Гербы и потомственные домоправительницы. И это – итог? Нет, в самом деле? Зачем же тогда горящие вертолеты рушились на каменистые склоны, две сверхдержавы швыряли миллиарды на ветер, сиюсь напакостить друг другу во всех уголках света, и прапорщик Вильчур сторел в бэтээре?

«А-а, в бога душу мать, – подумал он. – Зачем? А потому что все эти тягостные вопросы родились не сегодня и не вчера, а теперь они и вовсе потеряли всякий смысл, канув в забвение вместе с породившим их историческим периодом. И не перешибешь плетью обуха – даже с помощью магии...»

Меони ждала его в холле.

– Ну вот, меня приглашают во дворец, – сказал ей Сварог. – На роль экзотической игрушки, сдаётся мне. Придётся ехать.

Меони взглянула на него так, словно он отправлялся в замок людоеда:

– Лучше бы вам туда не ездить...

– Почему?

– Говорят, там упыри водятся...

– В императорском-то дворце?

– Очень уж он древний.

– Люблю старые дома, – сказал Сварог.

– А еще говорят, что легкость нравов там необыкновенная...

– Ревновать изволите, прелесть моя?

– Конечно, я не имею права...

– Брось, все нормально, – сказал Сварог.

– Боги, ну зачем я такая уродилась? – вздохнула она горестно. – Все обыкновенные, нормальные, принимают мир таким, каков он есть, и никаких драм...

– Вот за это ты мне и нравишься, – сказал Сварог, погладил ее по щеке. – Постараюсь не поддаваться легкости нравов...

Закрывая дверь, он оглянулся – Меони казалась очень маленькой и печальной на фоне огромного батального полотна, где конники в синих плащах и конники в красных плащах яростно истребляли друг друга неизвестно из-за чего, и какая-то девица в лазурных одеждах, с еще более грустным, чем у Меони, лицом реяла над побоищем – местная валькирия, надо полагать.

...Он летел, и небеса были пустынными, как и полагается небесам. Лишь однажды далеко слева показался крохотный замок, как водится, окруженный парком. Несколько тысяч поместий, даже весьма обширных, были разбросаны над планетой, словно редкие юрты в бескрайней степи, так что в регулиров-

щиках движения нет никакой нужды...

Интересно, видят ли его с земли? Ял шел на большой скорости, но сопротивления воздуха не было, в точности как на галерее виманы, дым от сигареты Сварога безмятежно клубился, словно на земле в безветренный день... Черт, это еще что такое?

Левее, гораздо ниже, почти параллельным курсом шел небольшой черный коврик, на котором восседал человек в темно-коричневом одеянии. Еще один звездочет куда-то шествует по старинке. Только одет скромно – должно быть, в повседневную форму, синяя хламида с золотым шитьем у них – парадно-выходная...

Коврик-самолетик значительно уступал в скорости и вот-вот должен был остаться за кормой, но Сварога охватило озорное желание пообщаться со случайным попутчиком. Он сбросил скорость и стал снижаться, однако произошло что-то странное – заметив его, человек в коричневом встрепенулся, быстро зашевелил пальцами, коврик камнем упал вниз и мгновенно затерялся в редких облаках. Сварог недоуменно пожал плечами. Должно быть, некие сложности здешнего этикета...

Он махнул рукой и тут же забыл об этом – внизу показалась резиденция юной императрицы. Зрелище было впечатляющее. Над облаками парила крохотная страна – огромные парки, заключенные в рукотворную сеть аллей и дорожек, диковинные цветки десятков фонтанов, поросшие лесом холмы, зеленые поля, скалы с водопадами и гротами, изумрудные лужайки, широкие каменные лестницы, спускавшиеся уступами к тихим речкам и заводям, десятки красивых домиков, разбросанных в дубравах. Над окружающим великолепием господствовал замок – огромный, без четких очертаний лабиринт зданий самой разной высоты (и, похоже, самых разных архитектурных стилей), внутренних дворов, крытых галерей и открытых лестниц, квадратных и круглых башен с остроконечными, плоскими, зубчатыми крышами, куполов, шпилей, затейливых флюгеров, темно-алой и темно-серой черепичной кровли, золотых крыш, алых крыш, даже зеркальных. Сотни окон отражали лучи заходящего солнца. Вся эта пышность выглядела чуточку варварской, но красивой, и другого дома у Сварога отныне не имелось.

Он вздохнул и пошел на посадку.

Глава 5 Развлечения и открытия

Фейерверк рассыпался в ночи мириадами разноцветных огней – одни тут же гасли, взрываясь снопами молниеносных искр, другие медленно чертили сложные кривые, вспыхивали загадочными фигурами, превращались в призрачные парусники, разноцветных чешуйчатых драконов, сложнейшие орнаменты. На кронах деревьев внизу играли тени, ежесекундно менявшие направление и цвет. Сварог смотрел, не в силах оторваться. На широких перилах галереи рядом с его локтем стоял высокий бокал – он моментально наполнялся вином, сам собой, стоило его осушить. В ярко освещенном зале за его спиной играла музыка; аллеи внизу, насколько хватало взгляда, светились рядами разноцветных лампочек, свободно плававших в воздухе над дорожками, лужайками, лестницами и прудами, скопищем светлячков отражавшихся в темной воде.

Он был спокоен и безмятежен. Он никуда не спешил, никому ничего не

был должен, свободен от каких бы то ни было обязанностей и дел. Такого с ним давненько не случалось, и оставалось лишь с полным на то правом тихо блаженствовать. И, честно говоря, чтобы достойно завершить вечер, оставалось снять стоворчивую ляльку, с чем не было никаких проблем. Вполне естественный ход мыслей, свойственный и десантному майору, и придворному графу...

Прелестниц здесь хватало. А прочно устоявшейся моды, похоже, не имелось. Сварог видел красоток в невероятно пышных, громоздких и затейливых нарядах, которые непонятно как и снимать. Видел красоток в отчаянно коротких и открытых платьях. Мужчины тоже блистали разнообразием фасонов. Многие из костюмов, он уже понял, были маскарадными нарядами минувших эпох – но не знал которые, все были для него одинаково экзотичными. Зато стиль галантного обхождения ничем особенным не отличался, и не было нужды переучиваться заново – несколько раз быстроглазые красавицы делали Сварогу вполне недвусмысленные намеки, но он не спешил в здешние блудуары, хотел набраться впечатлений елико возможно больше.

Он допил вино, полюбовался, как искрящаяся пузырьками зеленоватая влага, возникая из ниоткуда, наполняет бокал, поднимаясь к сине-красному ободку на кромке, выполненному тончайшей, как крылья бабочки, мозаикой. Поставил бокал на перила, взглянул вверх.

Юпитер висел в ночном небе, огромный, ало-полосатый. Казалось, до него можно дотронуться, Сварога так и подмывало протянуть руку, но он боялся, что кто-нибудь заметит. По обе стороны алого гиганта выстроился десяток спутников – желтых, белых и зеленых, и самый маленький был размером с привычную Сварогу луну на земном небе.

Над темными кронами вспыхнули исполинские снежинки, переливаясь зеленым, фиолетовым, золотым.

– Интересно, внизу сейчас что-то из всего этого видно? – спросил Сварог соседа.

Сосед, мужчина средних лет с длинным меланхоличным лицом, уже довольно долго стоял на галерее поодаль от Сварога, не навязываясь в собеседники и не пытаясь обратить на себя внимание, – просто убивал время на свой лад, задумчиво глядя вниз. Возможно, это был чиновник королевской канцелярии, отдохавший от дел. Возможно, поэт, рождавший очередной шедевр. Сварог пожил достаточно, чтобы убедиться: хороший поэт – это не обязательно бледный юнец с горящим взором и буйными кудрями, а хороший полковник – вовсе не обязательно двухметровый верзила с физиономией дебила.

– Снизу все прекрасно видно, – сказал сосед, ничуть не удивившись, столь непринужденно, словно охотно поддерживал давно начавшийся разговор. – Если небо безоблачное, зрелище получится впечатляющее. К сожалению.

– Почему – к сожалению?

– Все было бы гораздо проще, окажись там, внизу, полные дикари, считавшие бы нас богами. К сожалению, они цивилизованы настолько, что не верят в нашу божественную природу и умеют завидовать. А зависть, о которой известно, что утолить ее ни за что не удастся, – чрезвычайно опасное чувство. Зависть разжигает изобретательность. Тот, кто не опасен сегодня, может стать опасным через век, через тысячелетие... Вы еще многого не усвоили, граф Гэйр.

– Вы меня знаете?

– Кто другой будет задавать вопросы, моментально изобличая себя, как новичка? Вам следовало бы держаться осмотрительнее. – Он улыбнулся уголком рта. – Я вовсе за вами не слежу. Когда вы сюда вышли, я уже здесь стоял, не обратили внимания? Позвольте представиться: лорд Гаудин, герцог Фергал, надворный советник. Заведую департаментом одной из канцелярий.

– И чем занимаетесь?

– Как и любая бюрократическая контора, сохранением равновесия. Все государственные учреждения, сколько их ни есть и чем бы они ни ведали, стоят на страже равновесия. Ну а детали вас, человека непривычного, утомят, да и к чему они молодому придворному кавалеру, имеющему доступ за Бриллиантовых Пикинеров? Кстати, вы не подумывали о службе?

– Признаться, как-то не думал. Не успел освоиться...

– Резонно. Однако рано или поздно вам надоест вся эта суета. – Он вяло повел рукой. – Конечно, многие, точнее будет сказать, подавляющее большинство, так и проводят жизнь в веселых забавах, но у вас не может быть привычки к праздности, воспитанной с детства. Вы не родились ларом, а это делает вас другим...

– Я берусь только за то, о чем знаю все наперед, – сказал Сварог.

Вся его сознательная жизнь в том и заключалась, что его швыряли в бой, задурманив мозги высокой болтовней, ничего общего не имевшей с реальным положением дел. И он решил, что с него хватит. Если уж предоставляется выбор.

– О, я и не собираюсь втягивать вас во что-то без вашего ведома.

– Я не имел в виду...

– Имели, – мягко сказал Гаудин. – Конечно же имели. Любой здравомыслящий человек на вашем месте опасался бы, что его во что-то втянут. Вам и надлежит быть осторожным.

– Мне что-нибудь грозит?

– Не знаю. Но очень хотел бы узнать. – Гаудин задумчиво поиграл висевшей на груди черной полумаской. – Причем узнать до того, как вы угодите в неприятности.

– Как называется ваш департамент? – спросил вдруг Сварог.

– Скучно, – сказал Гаудин. – Исследовательский департамент канцелярии земных дел. Восьмой департамент.

– Ну да, – кивнул Сварог. – Я, как вы изволили подметить, в здешних делах неопытен, но там, откуда я пришел, за такими скучными и безобидными названиями обычно и пряталось...

– Это лишний раз доказывает, что бюрократия ужасно консервативна и иные традиции вечны, как небеса...

– Значит, я угадал.

– Угадали. Если хотите, считайте мою скучную контору тайной полицией. Если и ошибетесь, не во многом. Или вас отпугивает название и вы предпочитаете более благородное?

– Нет уж, хватит, – сказал Сварог. – Не гожусь.

– Даже не узнав, о чем идет речь?

– Боюсь, везде одинаково. За вход берут золотой, а за выход – десять. Интересно, при отказе у вас принято мягонько пугать?

– Помилуйте, – широко улыбнулся Гаудин. – Ну разве я осмелюсь пугать придворного, к которому проявляет интерес императрица? Кроме того, принуждение страхом – негодный метод. Мы же маги, не забывайте. Здесь любые попытки давления обернулись бы нескончаемым поединком, незримым и безмолвным... Да вы сами ко мне придете. Слишком много загадочного в обстоятельствах вашего появления, чтобы не последовало продолжения... Я могу просто-напросто откланяться и уйти. Вас это устроит?

– Нет...

– Вот видите. Логика событий заставляет вас искать друзей, способных многое объяснить и от многого защитить. К сожалению, последний граф Гэйр придерживался других взглядов. Он любил действовать в одиночку. Все делал один...

– Что именно?

Гаудин тихо, серьезно сказал:

– Граф Гэйр вбил себе в голову, что способен в одиночку бороться с дьяволом.

Сварог ошеломленно воззрился на него:

– Вы что, хотите сказать, что в самом деле...

Гаудин, в свою очередь, уставился на него столь же удивленно:

– А в ваше время сомневались в существовании дьявола?!

– Только этого мне не хватало, – сказал Сварог. – Черт...

– Не к ночи, любезный граф, не к ночи, – мягко сказал Гаудин. – Учитесь следить за словами. Конечно, мы в замке Келл Инир, великолепно защищенном, и все же не стоит к ночи... Дьявол не всемогущ, но это весьма достойный противник, к которому следует относиться чрезвычайно серьезно. Наши далекие предки в свое время проявили изрядное легкомыслие, и за это до сих пор приходится расплачиваться. Боюсь, у графа Гэйра хватило времени, чтобы осознать эту истину и о многом пожалеть. Ну нельзя же заниматься такими вещами в одиночку...

– Так, – сказал Сварог. – Мне, дураку, следовало бы сразу подумать – где заклинания, там и...

– Вот именно. У всего в этом мире есть свой хозяин. В том числе и у тех заклинаний, что служат злу... Ну как, вы все еще считаете, что со мной не следует водить компанию?

– Нет, – сказал Сварог. – Теперь я так не считаю. Если только вы не врете, конечно...

– Зачем мне вам врать, если вы в самом скором времени можете проверить любые мои слова? Подождите, обживетесь немного, и поговорим более серьезно... Нет, правда, у вас не верили в существование дьявола?

– Кто как, – сказал Сварог. – У нас затуманивали мозги всякими красивыми словечками, отрицая существование за ними какой-то конкретной фигуры с собственной волей и побуждениями...

– Еще одно доказательство того, что образ мышления с веками не меняется. Как и человеческая глупость. Дьявол – это не просто зло, это творец зла. И при увеличении зла в мире следует не только воевать с частностями, но и искать корень зла. Одна из коварнейших штук дьявола – убедить, будто его вовсе и не существует.

– Признаться, вы меня ошарашили, – сказал Сварог.

– А вы с самого начала были настроены невероятно благостно?

– Ну, не совсем... – Он кое-что припомнил. – Вы хотите сказать, что в моем случае не обошлось без...

– Я ничего пока не знаю. И нахожусь в том милом состоянии, когда подозревать хочется всех и вся.

– Но магия...

– Не считайте ее универсальной отмычкой, – сказал Гаудин. – Прежде всего потому, что нам противостоят силы ничуть не слабее наших, а в чем-то, надо признать, даже сильнее... Нам следовало бы о многом поговорить долго и подробно, лорд Сварог. Но время неподходящее. Не смею вас больше задерживать. Веселитесь. Вот только... – Его голос звучал совершенно спокойно, даже небрежно, но улыбка показалась Сварогу волчьим оскалом. – Поосторожнее с Яной.

– Что вы имеете... – начал Сварог недобро.

– Право же, ничего конкретного. Просто хочу, чтобы вы помнили: она обладает большой магической силой, способной проявиться в самом ближайшем будущем, но сейчас в ней много от обыкновенной девчонки с ветром в голове. Ну, не смотрите на меня зверем. Должность такая: просчитывать все возможные сложности и в связи с этим регулярно навлекать на себя недовольство окружающих...

Сварог поймал себя на том, что этот человек ужасно его раздражает и злит, но чем-то определенно нравится. Еще и потому, что занимается серьезным делом посреди беззаботного веселья. Глядя вслед удалявшейся сухопарой фигуре, Сварог покачал головой: он верил и в Бога, и в черта, но когда тебе столь скучно и буднично сообщают, что дьявол – не абстрактный обитатель таинственной, далекой бездны, а существо, находящееся где-то рядом и склонное то и дело вмешиваться в окружающую тебя жизнь... Честное слово, это многое меняет.

Он вернулся в зал. Зал был исполинских размеров, в нем преспокойно могла бы вести воздушный бой парочка истребителей, не чувствуя себя особенно стесненно. В глазах рябило от сотен разноцветных костюмов, причем гости вели себя так, словно обычной силы тяготения здесь не существовало – танцующие пары там и сям порхали в воздухе, как яркие мотыльки, другие прогуливались словно бы по невидимым лестницам, не глядя под ноги – и не падая. В одном углу кружился в быстром танце хоровод пестрых фигурок, в другом танцевали попарно под медленную томную мелодию, в третьем пары под бравурные такты летели вперед змейкой, выписывая зигзаги, рассыпаясь и смыкаясь. И у каждой группы была своя музыка, словно ее сопровождал неотступно невидимый оркестр, окруженный незримым барьером, чтобы его игра не мешала другим. Меж танцующими, ухитряясь не задевать их и не нарушить сложных фигур, расхаживали парами и кучками заоблачные жители, хозяйева летающих замков, – чинно беседовали, флиртовали, смеялись.

Сварог никак не мог найти себе места в этом многолюдном чужом веселье. Он был без маски, но лишь раз или два перехватил заинтригованно-любопытные взгляды. Большинство гостей не обращали на него внимания – ларов всего несколько тысяч, но вряд ли все знают всех, молодежь взрослеет и выходит в свет, появляются порой на людях затворники, мизантропы и домоседы, семьи тех, с кого снята немилость... Тем, кто живет более семисот лет, свой-

ственна некоторая рассеянность (он поначалу изумился, узнав, сколько предстоит жить ему самому, но потом свыкся).

Что дальше? Ничего этого он танцевать не умел – подсобных заклинаний на сей счет почему-то не отыскалось. Можно бы поиграть в карты или какие-то сложные настольные игры со стариками, удобно расположившимися на внутренних галереях, но он не знал и здешних игр. Оставалось подпирать стенку да время от времени выходить под ночное небо полюбоваться Юпитером. А когда надоест, искать женского общества. Беглые наблюдения за здешними холеными красотками с деланно наивными глазами и их кавалерами быстро убедили его, что легкость нравов не уступает версальской. До бесстыдной непринужденности, прилежно запечатленной древнеримскими историками, было, конечно, далеко, но это означало лишь, что внешние приличия строго соблюдались, и только.

Сварог чувствовал легкие угрызения совести при воспоминании о грустных глазах провожавшей его Меони, но извечное мужское легкомыслие быстро взяло верх. В конце-то концов, если строго разобраться, Меони ему не жена и даже пока что не любовница, а то, чего она не знает, ей не повредит. И он решил для себя проблему так, как решали ее бесчисленные поколения мужчин во все эпохи.

Обретя ясную и конкретную цель, он воспрянул духом, даже приосанился, и походка приобрела охотничью упругость.

– Граф Гэйр!

Сварог обернулся, на всякий случай вежливо раскланялся, выставив вперед правую ногу, согнув колено и прижав руку к сердцу. Ему приветливо улыбалась из-за карточного стола незнакомая старуха, в длинном, вопреки моде, платье, невероятно дряхлая на вид, но державшаяся удивительно живо.

– Граф Гэйр, рада вас видеть! Здесь про вас рассказывали всякие небылицы – будто бы вы отправились в Море Мрака ловить то ли Великого Кракена, то ли самого дьявола, будто бы вас там превратили в водяного или во что-то похуже... А вы в полном здравии, я рада!

– Эти слухи... – сказал Сварог небрежно, словно заправский светский лев. Он нетерпеливо переступил с ноги на ногу – пару минут назад с удовольствием остановился бы побеседовать, но теперь его влекло шуршанье платьев и звонкий смех поодаль. К тому же старушка могла и разобраться, что беседует не с тем...

– Не спешите, не спешите, – укорила зоркая старуха, подметив его нетерпение. – Успеете еще потискать этих... – И она выразилась о ближайших красавицах с вольной непринужденностью старого драгуна. Решительно смешала в кучу лежавшие перед ней диковинные восьмиугольные карты, фишки, золотые монеты, повернулась к соседу, столь же ветхому старичку: – Вы знаете, барон, бабушкой этого шалопаю могла оказаться я, если бы на достопамятном балу в Аркетане...

Судя по безнадежно-унылому лицу барона, историю эту он слышал столько раз, что давно выучил наизусть.

– Ну вот, барон пригорюнился, – сказала старушка. – Нет бы сказать прямо, что память меня вновь подводит и я в сотый раз вспоминаю одно и то же... Как будто у вас самого память лучше. Граф Гэйр, а ну-ка, куда это вы?! Нет, вы уж оставайтесь с нами и поговорите после столь долгого отсутствия со скорб-

ной памятью герцогиней Рудар, вашим искренним другом и доброжелателем, если не забыли, с вашей несостоявшейся бабушкой... Вы и в самом деле плавали в Море Мрака ловить Великого Кракена? Мой дедушка тоже ловил Великого Кракена, а чем все кончилось? Неужели я вам не рассказывала, как он сгинул неизвестно где? (Сварог машинально мотнул головой.) В самом деле, не рассказывала?! Ну-ка, присаживайтесь! Только сначала вы мне расскажете, где странствовали и что вытворяли!

Спасения не было. Сварог приготовился неуклюже врать с последующим неизбежным разоблачением. Обреченно вздохнул и шагнул к свободному стулу – к великой радости вмиг повеселевшего барона.

Какая-то маска налетела на него, обдав нежным ароматом незнакомых духов, схватила за руку и потащила прочь, через плечо крикнув старушке:

– Извините, герцогиня, похищаю! Нравы у нас, нынешней молодежи, самые ужасные!

Сварог послал герцогине обаятельную улыбку вкупе с пожатием плечами, лицемерно притворяясь, будто ужасно огорчен разлукой. И поспешил вслед за синей маской – по лестнице вниз в аллею, в какие-то закоулки аккуратно подстриженных кустов, белых статуй на черных постаментах и звонких фонтанчиков. Маска остановилась, мимоходом шлепнула по лбу зеленую малахитовую лягушку на круглом постаменте, повернулась к Сварогу лицом:

– Ну как, ловко я вас похитила?

– Весьма изящно было проделано, – поклонился Сварог, откровенно разглядывая ее.

На ней была воздушная белая блузка с глубокими вырезами спереди и сзади, открывавшая круглые плечи и прочее, достойное внимания. Красная юбка сверху тесно облегалась, а внизу свободно ниспадала – недолго ниспадала, впрочем, открывая стройные ножки на значительном протяжении. Роскошная золотистая коса переброшена через плечо на грудь, в косу вплетены золотые монеты, и на шее ожерелье из таких же монет. Незнакомка заложила руки за спину, прислонилась к постаменту и столь же откровенно разглядывала Сварога.

– Интересно, что это за костюм? – спросил он для разминки.

– Крестьянки в Пограничье так носят. Только материал другой. Мне идет?

– У меня такое впечатление, что вам идет все.

– Тебе.

– Что тебе идет все, – охотно поправился Сварог.

– Итак, граф Гэйр, расскажите, как вы плавали ловить Великого Кракена... – Она звонко расхохоталась. – Да нет, я шучу. Не собираюсь слушать ни о каких плаваниях.

– Сними маску.

– Ничего подобного. Так гораздо интереснее. Если бы ты подольше посидел с герцогиней, она непременно рассказала бы тебе историю, как лорд Ратег где-то в этих самых аллеях очаровал прекрасную незнакомку в маске и шелковистая трава стала свидетельницей страстных объятий... – Маска фыркнула. – А потом оказалось, что это его собственная жена. И она долго сетовала, что супруг ни прежде, ни после не приводил ее в такое восхищение... Между прочим, история невымышленная.

– Охотно верю, – сказал Сварог, протягивая руки.

– А где же поэзия? – Маска ловко увернулась, крутнувшись на каблучках, и коса улетела за спину. – Шепни мне сначала что-нибудь возвышенное, чурбан. Скажи, что сразу заметил меня, выделил из толпы и понял, что я прелестнее всех, даже надутой куклы Яны, долго следовал за мной украдкой, не решаясь приблизиться... – Она была не то чтобы в подпитии, но вряд ли себя ограничивала. – Ну?

– Твои губки словно кораллы... – сказал Сварог. Она ничуть не удивилась – значит, в этом мире знали, что такое кораллы. Закинула голову, откровенно забавляясь:

– Неплохо. Продолжай. Зубки, разумеется, как жемчуга. Ладно, не стоит тебя мучить, раз натура ты не поэтическая... – Она гибким движением подалась к Сварогу. – Обними меня за талию, прозаическая натура, только нежно.

– Так?

– Ну, примерно. Стоп, тебе известны границы талии? – Она передвинула ладонь Сварога повыше, положила голову ему на плечо. – Теперь удалимся в глубь таинственных аллей. Границы талии, я сказала... – Она передвинула ладонь Сварога пониже.

Сварог, держа ладонь в установленных границах, полуобняв девушку, медленно шагал в глубь аллей, где, честно говоря, не было ничего таинственного – слишком много разноцветных звездопадов фейерверка над головой, слишком близко от нависавшей над парком блистающей громады дворца, который ничуть не удалился, словно они стояли на месте. Маска постукивала каблучками, стараясь идти в ногу со спутником, молчала. Сварогу почудилась в ней некая скованность. Над головой лопались разноцветные огни. Аллея отлого спускалась к озеру, но маска вдруг остановилась, потянула Сварога в тень огромного дуба. Он следом за ней присел на траву, оказавшуюся уютно-теплой, вовсе не прохладно-сырой, как следовало бы в ночную пору. Маска щелкнула пальцами, и в руках у обоих возникли высокие бокалы.

– Кто ты? – спросил Сварог.

– Фрейлина ее величества. Графиня. Об имени умолчу – муж ужасно ревнив... А ты – граф. Неужели тот самый Гэйр?

– Гэйр, только не тот самый.

– Ну да, старушка вечно путает... – Незнакомка подняла обнаженные руки, сняла маску и отбросила в траву. – Вот это я. Нравлюсь?

– Еще бы, – сказал Сварог. Она и в самом деле была чертовски красива.

– Я красивее императрицы? Если дерзнуть и сравнить?

– Каждая женщина – единственная и неповторимая, – осторожно сказал Сварог. – Зачем сравнивать?

– Молодец. Изящно выкрутился.

– Я серьезно...

– Я тоже. – Она ослепительно улыбнулась. – Ты и в самом деле изящно увернулся от прямого ответа. – В ее глазах отражались огни фейерверка, и Сварогу вновь показалось, что она не знает, как себя теперь вести. – Мой рыцарь, займите же чем-нибудь даму!

Сварог рассказал ей парочку анекдотов – сначала нейтрально-приличных, потом перешел к более фривольным, принятым, в общем, благосклонно. Красавица полулежала, опираясь на локоть, смотрела сверху вниз ему в лицо и смеялась. Сварог замолчал, осторожно взял ее за руку, и тонкие пальчики в

его руке дрогнули.

– Ты что, боишься? – спросил Сварог.

– Я?!

Но прозвучало это чуть фальшиво. Со стороны замка доносилась тихая, печальная музыка. Незнакомка мягко высвободилась, закинув руки за голову, тихо пропела, глядя в небо:

*Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
печален, бледен, одинок?
Поник тростник, не слышно птиц,
и поздний лист поблек.
Э лон аллэ, э лон аллэ,
и поздний лист поблек.
Я встретил деву на лугу...*

И замолчала, посмотрев на Сварога чуть беспомощно. Бог его знает, как следовало все это расценить. Сварог, не глядя, отшвырнул бесшумно канувший в траву бокал, склонился над ней. Тонкие руки сомкнулись у него на шее. Глупо было думать, будто она не понимает, чего хочет, и Сварог, как привык, прошелся губами по нежной шее, по щеке, дыша ее запахом, припал к губам. Тонкая ткань легко сминалась под ладонями, но, несмотря на шумевшее в голове вино и стучавшую в висках кровь, Сварогу становилось не по себе, чем дальше, тем больше. Под его губами неумело шевелились плотно сжатые губы, ее пальцы ужасно неуклюже ерошили ему волосы, и после особенно смелого движения его ладоней неизвестно откуда дернулась в неприятном испуге, уперлась ладонями ему в грудь. Тут и дурак понял бы. Сварог отпустил ее, сел и сказал не без раздражения:

– Слушай, девочка, мама тебе никогда не говорила, что маленьким девочкам не стоит ходить с мужчинами ночью в лес? Ночью в лесу мужчины, знаешь ли, предприимчивые...

– Значит, ты меня узнал?

– Глупости. Я тебя впервые вижу.

– Но...

– Киса, я не великий мудрец, но в силах отличить неопытную девочку от...

– Ну ладно, я сама виновата. Я тебя разочаровала, да? Ты отчего-то вдруг грустнел...

– Как-то не приходилось совращать малолетних, – сказал Сварог. – Даже если они строят из себя опытных шлюшек.

– Обижусь!

– А мне, по-твоему, на такие спектакли обижаться не следует? Совсем?

Она шевельнула пальцами. Сварог едва удержался от смачной, но совершенно неуместной и непозволительной в присутствии коронованных особ фразы.

Перед ним сидела юная императрица, поглядывала чуть виновато, но не особенно уж смущенно.

– Я восхищен, ваше величество, оказанной мне честью. Вы...

– Мы, кажется, перешли на «ты»?

– Вот как? – сказал Сварог. – Хорошо, можешь отнять у меня все титулы, звания и доступ за бирюзовых лакеев, но сказал бы я тебе...

– Догадываюсь.

– Вот и прекрасно. У вас розги не в ходу?

Она гневно сверкнула глазами, и Сварог чуточку сбавил обороты – все-таки это была императрица. Аж четырех планет.

– Что тебя больше всего раздражает – то, что стал жертвой розыгрыша, или то, что дело сорвалось?

– В присутствии вашего величества хотелось бы воздержаться от вульгарностей...

– А мне интересно.

– Ну, маскарад... – покачал головой Сварог. – Ведь рисковала...

– Я? – искренне удивилась Яна, и Сварог вдруг почувствовал, что его руки словно схвачены намертво невидимыми тисками. И тут же это прошло. – Понял? Риска не было...

– И часто ты так забавляешься?

– Не очень. – Она тихо засмеялась. – Правда, редко. Потому что другие, в отличие от тебя, могут легко распознать подмену... Ну не сердись. Все вокруг влюбляются, крутят романы, уединяются в аллеях...

– И тебе тоже хочется.

– Что же я, монстр? Или урод?

– Не спеши, – сказал Сварог крайне миролюбиво.

– Да, а все вокруг?

Сварог благоразумно промолчал. Сейчас это опять была невероятно капризная девчонка, понятия не имевшая о процедуре под названием «ставить в угол», не говоря уж о добротном просоленных розгах.

– Когда ты понял неладное?

– Как только сообразил, что ты абсолютно не умеешь целоваться. Заклинания в таких случаях не помогают?

– Ничуть. За мной так надзирали... Знаешь, что мне понравилось? Как изящно ты увильнул, когда я саму себя обозвала надутой куклой? Другие, как правило, уверяли, что совершенно со мной согласны. Великолепное средство сбивать спесь с иных самоуверенных хлыщей... – Она опустила глаза. – Послушай, я все-таки не маленькая. И все понимаю. Если ты горишь нетерпением удачно завершить веселую ночь, иди, я не обижусь.

Сварог упал в траву и искренне расхохотался, чувствуя, как уходит напряжение и тоска.

– Что тут смешного?

– Хочешь чистую правду? – Сварог приподнялся. – Кажется, я буду ждать с большим нетерпением, когда ты немного подрастешь...

– Этого многие ждут, граф, питая вздорные надежды... – лукаво посмотрела Яна. – Вот только никто из них не хранит целомудрие, ожидая... Но я уже успела понять, что мужчин не переделаешь. Пойдем? – Она гибко поднялась и подала ему руку. – Между прочим, я не особенно и виновата. Это у меня фамильное. Мой дедушка любил развлекаться именно так. В решающий момент разнеженный кавалер обнаруживал у себя в объятиях сурового императора...

– Боже ты мой, – сказал Сварог. – Развлечения... Так импотентом можно стать.

– И становились порой. Хорошо, заклятья выручали... Кстати о заклятиях. Хочешь, полетим к колдунье? Самая настоящая, ее отыскали где-то на земле и поселили здесь. Судьбу она предсказывает, тени мертвых вызывает... Или бо-

ишься?

– Летим, – согласился Сварог, решив, что вечер все равно пропал.

Яна остановилась, подняла глаза к небу. Не прошло и минуты, как над лужайкой возникло невиданное еще Сварогом диво – летучий корабль старинного облика. Крутые бока, золоченая фигура русалки под бушпритом, черные рыла пушек в распахнутых портах, высокая корма, паруса полупрозрачные, призрачные, словно сотканы из мерцающего тумана.

С борта им сбросили трап – веревочный, с широкими деревянными ступеньками и перильцами.

На корме у штурвала стоял человек в высокой шляпе, но Сварог подозревал, что штурвал служит исключительно для завершенности колорита. Они остановились у борта. Корабль взмыл ввысь, потом стал опускаться, огни дворца и буйство фейерверка остались далеко вверху. Внизу простиралась темная земля, кое-где светились тусклые, зыбкие огни, а однажды показались крохотные язычки пожара.

Яна быстро проговорила, глянув снизу вверх и тут же отвернувшись:

– Не нужно думать, что ты вместо игрушки. Я не играю людьми.

Сварог осторожно обнял ее за плечи и коснулся губами щеки. Она не сопротивилась. Сварог не находил в себе и капли отцовских чувств, все его мысли были прямо противоположными. Не заводись, сказал он себе, просто тебя очень давно не гладили по головке, давно тебе не попадались хорошие чистые девочки – если они вообще были когда-нибудь в твоей жизни. Твоя жизнь старательно делала тебя сволочью все эти годы, слишком мало от тебя зависело, а грязи было слишком много...

Корабль шел над довольно большим скопищем мерцающих огоньков. Сварог присмотрелся – угадывались цепочки тусклых фонарей, улицы, дома с высокими островерхими крышами.

– Они нас видят? – спросил он.

– Если кому-то именно сейчас вздумалось смотреть на небо, – сказала Яна. – Это Сноль, столица Снольдера. Вон там – королевский дворец. Видишь?

Сварог различил темные здания, окруженные парком и тонкими сторожевыми башнями.

– Не поугатать ли нам ночную стражу? – Яна оглянулась через плечо на человека у штурвала. – Нет, снова наябедничает канцлеру, будут унылые поучения о традициях и императорском достоинстве... А заставить его все забыть – тут где-то спрятана штучка, которая все запоминает, в Магистериуме постарались, умельцы...

– Слушай, в чем, собственно, разница между Магистериумом и Мистериором?

– Когда-то постижение магии опиралось лишь на разум человека. Это изначальное мастерство и собрано в Мистериоре. А Магистериум постигает тайны мироздания и магии с помощью техники.

– А мне-то казалось, что магия и техника – вещи несовместимые.

– Старики в Мистериоре и по сей час так считают, – рассмеялась Яна. – Отсюда и происходит зачатая дружба...

– А кто прав?

– И те, и другие. То, чем я владею, как раз изначальное, наследство предков. Но наши летающие поместья, виманы, этот корабль – дело рук Магистериума.

Ты чувствуешь тягу к ученым занятиям?

– Не знаю пока, – сказал Сварог. – Не осмотрелся...

Летучий лесок, на опушке которого приземлился корабль, отчего-то показался ему ужасно знакомым – видимо, по многочисленным фильмам ужасов. Голые корявые деревья переплели уродливые ветки, щедро украшенные паутиной, еще более густой и мохнатой, чем у него в замке. Тропинка была узкая и петляла так, словно ее прокладывали после недельного запоя. Сварогу пришлось идти вслед за Яной, потому что бок о бок не получалось, не хватало места. В глубине лесочка то и дело ухало, нелюдски посвистывало, то тут, то там загорались желтые глазищи и тут же гасли, ветви вдруг принимались пронзительно, противно скрипеть и раскачиваться, с костяным стуком ударяясь друг о дружку, а иные склонялись, норовя ухватить за одежду, – но как-то обходилось. Яна уверенно шагала впереди, не обращая внимания на адский концерт, Сварог тоже держался спокойно, но когда нечеловеческий вой и мяв раздался над самым ухом, он поневоле дернулся, налетел на Яну. Яна фыркнула, не оборачиваясь.

– Декорации... – сказал Сварог смущенно.

– Сущее варварство, – согласилась Яна. – В незапамятные времена все скорее всего именно так и выглядело – зачарованные страны, чародейские леса, края нечистой силы... Мне приходилось видеть иные обитатели волшебства, и могу заверить, что выглядят они весьма уныло – до поры до времени, впрочем... Но у нашей колдуньи вкусы насквозь старомодные. Старики иначе не могут. Когда побываешь в Мистериоре, сам убедишься. Но ведьма она настоящая, сильная. Потому сюда и взяли. Мы стараемся, чтобы там, внизу, о магии забыли, но если уж неожиданно проявляются древние способности, их обладателей приходится срочно изымать.

– Почему?

– Для порядка, – сказала Яна уклончиво. – Ничего хорошего занятия магией варварам не принесут, печального опыта достаточно. Пришли. Держись с ней повежливее, не любит она нахалов и скептиков...

Сварог посмеивался про себя: он понимал, что оказался в роли взрослого гостя, которому ребенок вывалил на колени груды своих игрушек и принялся упоенно ими хвастаться. Но что тут прикажете поделывать, если ребенок носит императорский титул? Восторгаться и ахать старательно...

Избушка, конечно же, была покосившаяся и ветхая. И внутри все было выдержано в стиле, который здесь именовался варварским: гирлянды сухих трав, черепа, хрустальный шар на грубом столе, толстые растрепанные книги, чучела каких-то омерзительных тварей, крылатых и бескрылых. Обнаружился и громадный черный кот – он бесшумно убрался в угол и недобро зыркал оттуда зелеными глазищами, сметая хвостом паутину со стен. Старуха смотрела не добрее, она так и просилась на костер со своим крючковатым носом, длинным подбородком, волосатыми бородавками и глубокими морщинами. Мечта инквизитора. Глаза у нее были умные и пронзительные, так что Сварог вскоре почувствовал себя неловко, словно его вдумчиво разглядывали в оптический прицел, не забыв привинтить к прицелу автомат.

Яне, правда, старая ведьма поклонилась весьма почтительно и старательно смахнула пыль с предназначенного для нее табурета. Сварог таких почестей не удостоился, и табурет ему достался пыльный. Они сидели посреди

комнаты, тускло освещенной красноватым пламенем очага, а старуха сидела напротив и бормотала что-то под нос с видом крайней сосредоточенности.

– Грельфи, предскажи ему судьбу, – тихо сказала Яна. – Ты ведь можешь.

– Судьба – не погода, чтобы ее предсказывать, – сварливо откликнулась старуха. – Судьба, как ее ни прозревай, все ж не всегда следует прозрению... Милорд, тебя щадить или не особенно? Да руку дай, темнота...

– Ты, главное, правду говори, – сказал Сварог.

– Отыскала же ты рыцаря, светлая королева... – Старуха не выпускала руки Сварога, чуть ли не чертя по ней кончиком носа. – Опасность ему грозит и в воздухе, и на земле, и на воде. Проще сразу повесить, чтоб не мучился потом...

– Добрая ты, бабушка, – сказал Сварог. – Я это сразу понял.

Старуха так цыкнула на него, что он прикусил язык.

– Удивительная у него способность ввязываться во что попало и все подряд, – сообщила она Яне так, словно Сварога здесь вообще не было. – И если что написано ему на роду, так это череда авантюр, которые могут называть приключениями только юные шалопаи. И все его победы – в неотступном сопровождении утрат, ибо так исстари повелось и останется навечно. Вижу успех, вижу горе, вижу радость, вижу слезы, вижу раны, нанесенные им, и раны, нанесенные ему, вижу короны, вьющиеся над его головой, как пчелы, и иные из тех корон несут беду... Он проникнет туда, куда мало кто проникал, и жизнь его будет нелегка, ибо он попытается изменить жизнь других, а судьба станет то и дело вести его по следу Исчезнувшего... – Она выпустила руку Сварога и закончила весьма прозаично: – Если мне, обломку мертвого прошлого, позволено будет употребить ученое слово «резюмируя»... В чем-то необычная судьба, в чем-то невероятно банальная, ибо все, что прозвучало, применимо ко многим до него и ко многим после, таков уж наш мир... – Она уставилась на Сварога слабо светившимися глазами. – Бойся поспешности, бойся сильных, притворившихся слабыми, бойся коварных, прикинувшихся дураками, а пуще всего бойся тех, кто не предался всецело добру либо злу...

– Что-то очень уж туманно, – сказал Сварог.

– Так оно всегда и бывает, любезный мой. Мудрость туманна. И держись подалее от мостов. Ничего хорошего тебя на мостах не ждет, а плохого может встретиться сколько угодно. Опасайся мостов, не прогадаешь... И надейся на зеркала. А встретишь бабу-гусятницу – передай поклон от старой пряжи.

Кот заорал из угла, старуха выпрямилась на табурете, и Сварог понял, что сеанс прозрения окончен. Он поколебался и спросил:

– А как насчет моих отношений с дьяволом?

Кот взвыл благим матом, старуху подбросило наверх вместе с табуретом, и он со стуком приземлился, едва не сломав ветхие ножки.

– Ходят же такие болваны по свету, – прошипела ведьма. – Хоть к ночи не поминай, балда. Что ищешь, на то и напорешься, любезный мой, вот тебе и вся житейская премудрость, проверенная на астрономическом количестве и умных, и идиотов... Чего еще изволите, нечаянные гости? Предсказания судьбы – вещь туманная, сами видите. Может, чью-то тень вызвать? Это, говоря ученым языком, не в пример конкретнее...

Сварог не успел ничего сказать, Яна опередила:

– Грельфи, хочу видеть капитана Вентраса!

Старуха буднично, словно горшок с кашей, поставила на стол хрустальный

шар, покоившийся в позеленевшей медной подставке, опиравшейся на драконьи лапы. Яна привычно придвинулась ближе, положила ладони на стол, не сводя глаз с шара:

– Во имя четырех мудрецов земли и трех духов моря, мы призываем вас, капитан Вентрас!

Сварог затаил дыхание. Туманный шар засветился изнутри, стал наливать-ся ровным зеленоватым сиянием, и в нем вдруг четко проступило грубое, решительное лицо мужчины в синем берете с большим пером.

– Капитан Вентрас, – сказала Яна, наклоняясь еще ближе. – Отыскали ли вы Винету?

Губы капитана шевельнулись, и явственно прозвучал глухой, безжизненный голос:

– Я всегда находил то, что искал. К сожалению...

– Значит, вы – там?

– Да.

– Судя по вашим словам о несчастье, легенды лгут?

– Те, что предупреждают о таящемся в морских глубинах зле – ничуть. Лгут те, что описывали безмятежно счастливые города, укрывшиеся в пучине от царящего на суше зла. Все не так. Берегитесь Винеты.

– Но у вас же был талисман? Ожерелье Дийама?

Капитан грустно усмехнулся:

– Моя прекрасная собеседница, Ожерелье Дийама лежит где-то на дне, примерно в сорока морских лигах к полному восходу от мыса Ларги. Вместе с половиной команды «Морского коня» и с ним самим. Я был чрезмерно самоуверен, войдя в пролив Бехари без талисмана. Когда везет слишком долго, теряешь осторожность и удача подводит в самый неожиданный момент...

– Значит, Великий Кракен...

Лицо капитана исказилось.

– Красотка, я уже не прежний. У меня новые хозяева. Никогда бы не поверил, что у меня может оказаться хозяин, но так уж вышло... Не спрашивайте. Берегитесь Винеты.

Сияние медленно погасло.

– Я же не все спросила...

– Значит, над ним теперь чужая власть, – сказала старуха. – Ничего не поделаешь, светлая королева. В морских глубинах наше искусство бессильно...

– А кто такой Великий Кракен? – любопытно спросила Сварог. – Что-то я про эту персону уже не первый раз слышу...

– Великий Кракен – злой дух моря, повелитель глубин, – рассеянно ответила Яна. – Неизвестно, есть ли он на самом деле или его создала молва. Некоторые считают, что он навсегда уснул в глубинах, даже если и существовал, и это больше всего похоже на правду. В стародавние времена произошло... одно событие, погрузившее в вечный сон многих чудовищ.

– Вечный? – хмыкнула старуха. – Тысячелетия – это еще не вечность...

– Одним словом, граф Гэйр искал Великого Кракена, – сказала Яна. – Капитан Вентрас – тоже. И Винета существует...

Казалось, она потеряла всякий интерес к колдовским забавам.

– Ну а ты, любезный мой? – спросила старуха. – Также хочешь кого-нибудь увидеть?

Сварог подумал и решился. Он сообразил, что выпадает случай разгадать многие исторические загадки, казалось бы, навсегда покрытые мраком.

Пошептавшись со старухой, он склонился к шару:

– Во имя четырех мудрецов земли и трех духов моря, мы призываем вас, Рудольф Дизель!

Потому что это была одна из самых дразнящих загадок: изобретатель названного его именем мотора сел на пароход на одном берегу Ла-Манша, но среди тех, кто сошел на другой берег, его не оказалось...

Шар оставался тусклым: темным, мертвым.

– Напутал ты что-то, любезный мой, – сказала Грельфн. – Нет такого.

– Как это – нет, если он был?

– Не все мертвые могут приходить, далеко не все... Но тут случай другой. Его вообще нет.

Сварог растерянно пожал плечами. В конце концов, хватало и других знаменитостей, похороненных неизвестно где, сгинувших без вести... Он называл имя за именем, но шар оставался тусклым, как бельмо.

– Не было такого, – в десятый раз сказала старуха.

– Ну, это уже вздор! – разозлился Сварог. – Бабушка, Березняка убило в двух шагах от меня, понятно? Мы лежали рядом, могло угодить в меня, а зацепило его, я сам видел!

Старуха, что-то про себя соображавшая, вдруг огрызнулась, словно замотанная продавщица:

– Где я тебе возьму мертвых, которые еще и не умирали? Думать надо! И я тоже хороша, сразу не сообразила...

Сварог считал, что ничто уже не в состоянии его поразить. Ошибся, выходит.

Теперь головоломка идеально укладывалась, камешек к камешку, картинка к картинке – иные очертания земных континентов, иной набор планет, мертвые, еще, оказывается, и не родившиеся...

Это не будущее. Это прошлое, о котором никто в покинутом Сварогом настоящем и понятия не имел. Неизвестное, непонятно откуда взявшееся прошлое, сгинувшее без следа. Прошлое, которому не полагается быть, если правы школьные учебники и науки двадцатого века. А если они ошибаются, ответ один – это прошлое осталось неизвестным, потому что оно невероятно далекое и не осталось ни камней с надписями, ни книг, ничего...

Видимо, он успел привыкнуть к чудесам за последние сутки. Он принял все довольно спокойно, не стал паниковать, не загрустил особенно, не испугался – что могли изменить его слезы или восторги? Он просто сгорбился на жестком табурете и сказал:

– Значит, меня утащили в прошлое?

– А разве тебе не говорили? – Яна была изумлена даже больше, чем он. – Не может быть!

– Мне сказали, что я – в будущем. В далеком будущем.

– Быть такого не может!

– Спроси у доктора Молитори.

– Будь уверен, спрошу. И строго. Если ты не врешь... – Яна мельком взглянула на него. – А ты не врешь. Какой ему был смысл тебе врать, если ты очень скоро мог узнать правду?

– Может, он хотел выиграть время. Вот эти самые сутки. А зачем – решительно не представляю.

– Предупреждала же я – что-то неладно... – проворчала старуха. – Да кто меня слушает?

– Завтра я разберусь. – Яна решительно встала. – До свидания, Грельфи.

– Всегда к твоим услугам, светлая королева. А этого рыцаря лучше бы держать во дворце под надежной охраной и не отпускать никуда для его же блага... – Она наклонилась к Сварогу и прошептала на ухо: – Берегись мостов.

– Постараюсь, – пообещал Сварог.

На обратном пути вокруг опять подвывало, ухало и таращилося желтыми немигающими глазищами, но Сварог уже не обращал внимания. Когда летучий корабль взмыл в ночное небо, он спросил:

– И много веков вас от меня отделяет... отделяло?

– Не знаю точно, – сказала Яна. – Длиннющая череда тысячелетий. А что о нас помнят там, откуда ты пришел?

– Ровным счетом ничего, – сказал Сварог. – Возможно, тебя это и удивит, меня самого удивляет...

– Не так уж все и удивительно, – тихо сказала Яна. – И на Таларе, и на других планетах были когда-то могучие страны, ушедшие в небытие. И никто о них ничего не помнит. А ведь от нас их отделяет в сто раз меньшее расстояние, чем от твоего времени. Но молчат даже тени, или их нет, теней, хотя достоверно известно, что им полагается быть. – Она помолчала. – Получается, что наше будущее для тебя покрыто неизвестностью точно так же, как для нас самих... А неизвестное будущее всегда можно изменить... Любопытно...

Хватит, сказал себе Сварог. Знания, знания, знания – вот девиз на ближайшее время. Иначе любой обведет вокруг пальца, словно слепого котенка, пихнет мордочкой в блюдце с касторкой вместо молока, и дай-то Господи, чтобы ограничилось касторкой... Решено. Бросаю всякую светскую жизнь и начинаю поглощать знания, как сухая губка – воду.

...Ему следовало бы помнить хорошенько, куда ведет вымощенная благими намерениями дорога. Потом он оправдывался перед самим собой, что вовсе и не забывал эту истину, а виной всему затянувшийся до утра бал. Расставшись с Яной, он отправился во дворец запить очередные сногшибательные новости парочкой бокалов. С которых все и начинается, особенно если опустевшие бокалы моментально наполняются сами.

Глава 6

Открытия и опасности

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко и рядом с ним на невероятно мягкой подушке покоилась чернокудрая головка, вся в твердых мелких локонах, перевитых алмазными цепочками. Кукольное личико, длиннющие ресницы – его новая знакомая безмятежно дрыхла, не позаботившись хоть чем-нибудь прикрыться. Правда, он тоже не позаботился.

– А поутру они проснулись... – пробурчал Сварог, с тоской оглядывая необъятную постель. До столика с желанными графинами шагать и шагать. Здешнее вино было прекрасным, но любому опытному человеку известно, что великолепное качество можно после упорных трудов перешибить количеством. Голова раскалывалась, но Сварог, в отличие от кое-каких аналогичных ситуаций из житейского прошлого, все прекрасно помнил. Увы, особо сладостными

его воспоминания никак нельзя было назвать. Эта кукла с длинным, нежно звучащим и уже забытым именем весь остаток ночи, словно заведенная игрушка, отрабатывала на нем разнообразные постельные эксперименты, и все было настолько скучно, несмотря на ее изоциренную и болезненную фантазию, что к рассвету он примитивно надрался и выпал в осадок, смутно сознавая сквозь сон, что его продолжают использовать.

Он затейливо, с неподдельным чувством выругался про себя. Балы, фейерверки, небеса, бомонд – а голова точно так же раскалывается по утрам, и до столика с графинами не ближе, чем до магазина с пивом... Тьфу, болван!

Он пробормотал заклинание, графин колыхнулся, взмыл со столика и поплыл к нему над разбросанной одеждой и смятыми воздушнейшими покрывалами.

– Посадка производится в заданном квадрате, – воспрянув духом, сказал себе Сварог, заранее протягивая руку.

– Стоит ли? – спросил кто-то за его спиной.

Сварог резко обернулся и охнул – засевшая в голове боль от резкого движения качнулась, словно язык колокола, грохнула по затылку изнутри.

Из-за раздвинувшейся портьеры вышел молодой красавец в сиреновом с черным костюме, при мече, по-кошачьи мягко, неспешно направился к Сварогу. В руке он держал узкий графин с чем-то розовым, небрежно помахивая им.

Сварог растерянно таращился на него. В голове зловеще вертелась классическая фраза из анекдотов: «Муж вернулся из командировки». Незнакомец ничуть не выглядел слабачком, был красив резкой, хищной, мужественной красотой, синие глаза смотрели холодно-насмешливо, густые черные волосы словно бы не пострижены, а отхвачены над плечами лезвием меча. В левом ухе в золотой сережке посверкивал синий камень.

Совершенно не замечая смущения Сварога, нежданный гость швырнул ему графин, проплывший по воздуху и влипший в подставленную ладонь, со скупой улыбкой посоветовал:

– Глотните.

Сварог послушно поднял к губам тонкое горлышко и отхлебнул. Розовая жидкость холодным, щекочущим шариком провалилась в желудок и, прибыв на место, растеклась жаркой волной.

– Черт... – только и выговорил Сварог, еще не веря.

Он чувствовал себя так, словно в жизни не пробовал ничего крепче кефира. Похмелье сгинуло бесследно. И этот волшебный бальзам, подумать только, канул в забвение вместе с Таларом! Самая вопиющая историческая несправедливость всех времен...

– Вот вы и родились заново, – сказал незнакомец. – Давайте знакомиться. Я – лорд Ноут, герцог Орк. Взял на себя смелость вас побеспокоить, чувствуя, что вы не особенно обидетесь. – Он присел на край постели, непринужденно закинув на воздушные покрывала ноги в высоких мягких сапогах. – Вы ведь и сами вскоре начали бы обдумывать, как потихоньку убраться отсюда...

– Не без этого, – сказал Сварог, неуклюже потянул на себя покрывало, оглянулся на спящую нимфу.

– Одевайтесь непринужденно, – махнул рукой Орк. – Я порочных наклонностей не имею, так что ваши обнаженные прелести меня не волнуют. А прелести вашей романтической подруги изучил лучше вас – что, надеюсь, вас не

особенно огорчает, ибо особа сия в постели скучна, как философский трактат о пользе добра.

– Негодяй, – не открывая глаз, сладко зевнула нимфа.

– Спите, наша прелесть, спите, – отмахнулся Орк. – Граф Гэйр, я имею честь принадлежать к узкому кругу друзей императрицы. Вы обо мне еще не слышали, но спешу предупредить заранее – если услышите, что я первый авантюрист Талара, знайте, что это сушая правда. И я никому не намерен уступать столь почетный титул.

– По-моему, я у вас его и не оспаривал, – сказал Сварог.

– Кто знает? Чутье мне подсказывает, что в пустых увеселениях вы не погрязнете. Поэтому нам следовало бы поскорее подружиться. Я давно ищу достойного напарника, но вокруг – такой мусор...

– Что ж, в компании всегда веселее, – сказал Сварог. – Можете предложить что-нибудь интересное?

– Моментально и безотлагательно. Яна мне рассказала об обстоятельствах вашего... прибытия. О том, что доктор Молитори вел себя с вами как-то странно, наврал с три короба. Но пока раскочаются наши почтенные стражи... Хотите, полетим к доктору и возьмем его за глотку?

– А это удобно?

– Помилуйте! Мы же имеем дело не с ларом. Доктор Молитори – выслужившееся антланское быдло, и людям нашего положения с ним можно не церемониться. Летим?

– Летим, – сказал Сварог, заклинанием заставив разбросанную как попало одежду взмыть в воздух и слететься к нему.

– Авантюристы, – лениво бросила нимфа, блаженно потягиваясь, не открывая глаз. – Граф Гэйр, я вас еще увижу?

– Милая, для оживления светских сплетен тебе следовало бы хоть разок изменить нам всем с собственным мужем, – хохотнул Орк, увлекая Сварога к балкону. К перилам был пришвартован брагант с откинутым верхом. – Прощай, несравненная! Садитесь, граф. Надеюсь, вы на меня не сердитесь за столь бесцеремонное похищение?

– Нет, – сказал Сварог. – Но, может, предоставить доктору естественному ходу событий?

– Это означает, что им займутся другие, а мы останемся в стороне. Вы, как никак, лицо заинтересованное. К чему нам узнавать из вторых рук ровно столько, сколько нам сочтут нужным сообщить? Я с этим решительно не согласен. Впервые за последние несколько столетий обнаружен интриган и заговорщик, связанный с внешними силами...

– Вы уверены?

– Уверен. Странности, сопровождавшие ваше прибытие, – не галлюцинации. С вами пытались что-то сделать, вопреки запланированному эксперименту.

– А откуда вы знаете, что со мной пытались что-то сделать?

– Тьфу ты! – в сердцах сказал Орк. – Совсем забыл, насколько вы неопытны... Когда вы упомянули при Яне о неких странностях, подстергших вас на пути, она деликатно извлекла из вашего мозга конкретную информацию. Чего вы, разумеется, и не заметили. Не зря именно ее предки стали императорами Талара, милейший граф... У нее потрясающие возможности.

– Но она же говорила, что не умеет читать мысли...

– Она и не читала, – терпеливо разъяснил Орк. – Она просто взяла конкретную информацию, а это разные вещи... Словом, Молитори – настоящий, неподдельный заговорщик. Такого давно не случалось. Я рискую напрочь подорвать свою репутацию, если немедленно не окажусь в гуще событий.

Сварог расхохотался:

– Вы мне определенно нравитесь, герцог...

– А вы бы посмотрели, каков успех у женщин и какова репутация там, внизу, – скромно сказал Орк.

– Вы бываете внизу?

– Да я там провожу больше времени, чем здесь!

– Но это опасно...

– Знаете рецепт против опасностей? Как только кто-то соберется вас убить, побыстрее опережайте его. Со временем с этой вашей привычкой свыкнутся и перестанут вам надоедать... Вы здесь были?

Сварог сразу узнал темно-красный замок с башенками и кивнул.

– Всю инициативу – мне, – быстро сказал герцог. – Вы еще неопытны. Молчите, держите ушки на макушке, а при необходимости рубите всех подряд, потом разберемся с правыми и виноватыми.

В холле навстречу им кинулся лакей в черной ливрее с вышитым золотом изображением змеи и чаши:

– Милорды, господин вице-камергер проводит важный опыт и убедительно просил...

– По-настоящему важный опыт сейчас как раз и начнется... – Орк ловко двинул лакея рукояткой меча пониже пояса, подхватил, когда бедняга с воплем скрючился, оттолкнул в угол и помчался вверх по главной лестнице. Сварог старался не отставать. Они взбежали на третий этаж, пронеслись по длинному коридору, расталкивая изумленно шарахавшихся встречных, и Орк рванул дверь.

На огромном столе лежало что-то ярко-алое, неопределенной формы, окруженное игольчато-острым, ядовито-зеленым свечением. Доктор Молитори стоял у окна лицом к ним, его лежавшие на столешнице ладони подрагивали, он зачарованно впился взглядом в непонятное и, по мнению Сварога, ничуть не интересное зрелище.

– Гость в дом – удача в дом, – громко сказал Орк. Молитори рассеянно поднял голову. Узнал Сварога. И сломался в долю секунды. Был благообразный славянин и ученый муж – и миг не стало. Остался насмерть испуганный старикашка.

– В штаны вроде бы не наделал, – громко сообщил Орк Сварогу, не оборачиваясь. – Благоухания не чую. Но муки совести явственно изобразились на его достойном лице, убеленном благородными сединами. Вам не кажется, граф?

– Весьма похоже, герцог, – согласился Сварог. – Однако, сдается мне, вы ему льстите, называя эту богомерзкую харю достойной.

– Вы правы, – сказал герцог. – Теперь я и сам вижу, что был излишне мягок в суждениях... – Он медленно, не без театральности вытянул меч и невероятно быстро крутнул его в воздухе, так что клинок со свистом описал сияющий полукруг. – А потому, доктор, извольте отвлечься от этой научной пакости на столе и расскажите внятно и подробно, что за гнусности вы проделывали над

моим благородным другом. Не дожидаясь приятной беседы с лихими ребятами из восьмого департамента.

Как ни странно, доктор Молитори моментально успокоился и даже повеселел. По-прежнему отделенный от них широким столом, он выпрямился, приосанился, заложил руки за спину и хладнокровно спросил:

– Герцог, а вам никогда не говорили, что вы – невероятнейший болван?

Сварог наблюдал за герцогом сбоку – тот сдержался страшным напряжением воли, только ноздри недобро раздувались, и клинок чуть приподнялся. Молитори смотрел на них насмешливо и дерзко. Он держался, словно заранее уверенный в своем превосходстве, и Сварогу это начинало не нравиться. Украдкой он оглянулся – нет, в комнате, кроме них, никого не было, и за спиной никто не стоял. Все же Сварог передвинулся так, чтобы видеть дверь, положил руку на пояс поближе к мечу.

– Правильно, – быстро сказал заметивший это Орк. – Когда такая мразь, пойманная на горячем, вдруг начинает дерзить в лицо, жди подвоха... Итак, любезнейший доктор?

– Жаль, у меня мало времени, – сказал доктор с искренним сожалением. – Как жаль... Могу вам сказать одно, милорды: придет день, крайне грустный для вас, когда мы встретимся и поговорим иначе...

Молниеносным движением он вырвал руку из-за спины и поднес ко рту, ударив себя ладонью по губам от порывистости жеста. Сварог с Орком бросились к нему вокруг стола, с двух сторон, а он уже падал навзничь, рухнул у их ног, лицо его застыло в жуткой гримасе, синело на глазах: изо рта толчками поползла зеленая пузырчатая пена.

– Что-то нечисто... – Орк склонился, напряженно всмотрелся и вдруг отшатнулся: – Граф, прочь!

Сварог отскочил к распахнутому окну. Тело доктора дымилось – бесчисленные струйки черного, смердящего дыма клубились, пока совершенно не скрыли мертвеца колышущимся продолговатым облаком, карикатурно повторявшим очертания распостертого тела. Вместо того чтобы взмыть к потолку, как полагается дыму, облако стало опадать, съеживаться, растаяло без следа, открыв смятую, пустую одежду доктора. И никаких следов трупа.

– Я о таком только слышал, – сказал Орк.

– Что это?

– Эликсир...

И тут загадочный предмет на столе взорвался.

Возможно, это был вовсе не взрыв, что-то другое – но когда Сварог опомнился, в ушах еще вязнул короткий мощный грохот. По комнате плавали лохматые черные клочья, вот они рассеялись – и стал виден лорд Гаудин, он с ледяным выражением лица стоял у двери, а за его спиной в комнату проскальзывали, рассыпаясь на обе стороны, рослые парни в черно-синей форме. Их набралось человек десять, они поигрывали короткими блестящими предметами и смотрели на Сварога с Орком зорко, равнодушно-чутко, как опытные сторожевые псы, готовые по команде хозяина и завилать хвостом, и перехватить горло.

– Где Молитори? – резко спросил Гаудин. Сварог растерянно показал на пустую одежду, Орк развел руками:

– Эликсир Сторга...

И тогда Гаудин заговорил. Его речь ограничилась несколькими краткими эпитетами в адрес Орка и Сварога, с присовокуплением цветистых глаголов и прилагательных. Орк, белый от ярости, шагнул вперед, нашаривая эфес:

– Милорд, я никогда и никому...

– Молчать, – спокойно обронил Гаудин, и Орк, к удивлению Сварога, мгновенно превратился в образец благонравия, только пальцы на эфесе побелели от напряжения, но тут же разжались.

Гаудин обошел стол, наклонился к пустой одежде, выпрямился:

– Ну что ж, милорды, вы существенно облегчили мне работу, лишив преступника, с которым пришлось бы долго возиться, забыв покой и сон... Не смею вас больше задерживать.

Орк шагнул вперед, и Сварог, не поднимая глаз, устремился следом. Гаудин небрежно задержал его:

– Граф Гэйр, я понимаю ваше положение, но все же считал вас чуточку умнее... Отправляйтесь в императорский замок и ждите там, пока я не прибуду.

Сварогу казалось, что у него задымились от жара кончики ушей. Он опомнился только в коридоре.

– Скотина, – сказал Орк. – Наглец чертов...

– Мне показалось, вы очень хотели сказать ему это в лицо, но...

– Но испугался? Дорогой граф, признаюсь вам честно: авантюризм не имеет ничего общего с безрассудством. Есть четкие границы, есть скалы, несокрушимые гусиным пером... А милейший Гаудин – скала. Я пока что не готов сойтись с ним один на один. – Он мечтательно-хищно повторил: – Пока что... Но доктора, если взглянуть правде в глаза, мы с вами бездарно упустили. Вернее, упустил его я, с вас-то никакого спроса.

– Что это за эликсир?

– Мертвеца в большинстве случаев можно допросить. Как и грешную душу. Но, как вы видели, от трупа ничегошеньки не осталось. Боюсь, и душа для Гаудина недосыгаема. Упорхнула к хозяину.

– К...

– Называйте его лучше Великим Мастером, – быстро сказал Орк. – Так спокойнее.

– Почему?

– Многие верят, что Единый Творец, создав этот мир и человека, полностью отстранился от дальнейшего, и всю оставшуюся работу взял на себя Великий Мастер. Оттого человек и вышел... таким.

– А как обстоит на самом деле? – спросил Сварог.

Орк покосился на него, хмыкнул и промолчал. На обратном пути они не разговаривали. Только во дворце, когда брагант приземлился у одной из бесчисленных боковых лестниц, Орк отозвался первым:

– Мне, право, очень неловко. Поверьте, не все мои предприятия кончаются столь печально. Далеко не все. Сегодня вы были свидетелем ошеломительной неудачи – вещи в моей жизни чертовски редкой...

– Бывает, – искренне сказал Сварог.

– Навестите меня в замке. побыстрее. Право, не пожалеете.

Сварог пообещал, и в самом деле собираясь навестить нежданного приятеля. Они вежливо раскланялись, бело-черный брагант герцога взмыл в небо, промелькнул над башенками и исчез вдали. Сварогу вновь стало неуютно и

одинок, он решительно не представлял, куда себя деть. Отправиться, что ли, к караулам Бриллиантовых Пикинеров – особо доверенной страже, охранявшей личные покои императрицы, и проверить, как действуют его привилегии? Неловко как-то... И появление слуги, целеустремленно направившегося прямо к нему, Сварог воспринял, как перст судьбы. Неважно что, но что-то должно произойти.

Слуга низко поклонился:

– Милорд, ее величество ждет вас в зале исторических игр.

Видя легкое замешательство Сварога, он молча поклонился еще ниже и зашагал впереди. Сварог шел следом сквозь череду великолепнейших покоев, превосходивших красотой и роскошью все его представления о дворцах, механически сворачивал, поднимался и спускался по лестницам, и за все время ему не встретилось ни единой живой души. Пожалуй, заблудиться здесь – все равно что оказаться на необитаемом острове...

Зал исторических игр, как и следовало ожидать по названию, таил в себе сплошные неожиданности. Он весь был заставлен столами вроде бильярдных, только раза в два побольше, с пестрыми крышками. Слуга раскланялся, молча удалился. Сварог растерянно оглянулся, прикидывая, в чем же заключаются исторические игры. Яна не появлялась – должно быть, запаздывала, как особа женского пола. Точнее, соизволила задерживаться, как особа венценосная. Заложив руки за спину, Сварог направился к ближайшему столу. Вгляделся и приник надолго.

То, что показалось сначала пестрой крышкой, было на самом деле зеленым холмистым полем с протекавшей посередине синей речушкой, выстроившимися по обе ее стороны военными отрядами с походными шатрами позади каждого. Все крохотное – всадники, пехотинцы с пиками и двуручными мечами, горбатый каменный мост, яркие шатры, – но благодаря непонятному волшебству видимое во всех деталях, вплоть до пряжек на сапогах, какие, если прикинуть размеры фигурок, человеческий глаз и рассмотреть-то не должен по причине полной микроскопичности.

Вкрадчивый голос произнес над самым ухом, заставив Сварога вздрогнуть от неожиданности:

– Двадцать пятое ревуна, две тысячи шестьсот сорок пятый. Река Торм, первый день Банарской битвы.

С правого фланга занимавших позиции на левом берегу войск двинулся к реке конный отряд. Всадники в синем, не сбавляя аллюра, кинулись в воду, преодолевая брод, должно быть заранее разведанный – потому что для противника лихая атака оказалась полной неожиданностью, и «оранжевые» с правого берега ничего о нем не знали, иначе постарались бы заранее поставить там заслон, а не стягивать всю конницу к мосту. У места прорыва «синих» оказался лишь небольшой отряд пехоты. Конники, взметая мириады микроскопических брызг, с маху вынеслись на берег, врубившись, опрокидывая пехоту всей мощью таранного удара. Сварог заранее мог сказать, чем все кончится: конница «оранжевых» бездарно сгрудилась у хорошо укрепленного с «синей» стороны моста, чтобы вернуться к броду, ей придется рассеять свою же пехоту и обоз, а вслед прорвавшемуся «синему» отряду, закрепляя успех, через реку переправляются все новые и новые эскадроны...

– Вы пожелаете досмотреть до реально-исторического конца или захотите

вмешаться? – поинтересовался голос.

Сварог с удовольствием вмешался бы, но не знал, как это сделать, а спрашивать у невидимки отчего-то постеснялся – быть может, автомат не рассчитан на совершенного невежду и диалог выйдет насквозь нелепым. Оказаться в дураках перед роботом, особенно после сегодняшних событий, – нет уж, увольте.

И он отошел на цыпочках. Наклонился над другим столом.

– Шестое фиона, восемьсот пятый, взятие Дерридора, – сообщил голос.

По узкой улочке, застроенной узкими высокими домами, отступали кучки воинов в медных кирасах и остроконечных шлемах – то и дело оставляя на булыжной мостовой убитых, тщетно пытаясь сомкнуться в боевые порядки. А вслед им, рекой вливаясь в проломленные ворота, осыпая бегущих стрелами, оцетинясь длинными пиками, надвигались густые шеренги всадников в черных кирасах, черных шлемах бочонком и белых плащах с золотым тройным языком пламени, обведенным алой каймой. Шансов у защитников было мало, и никакой возможности изменить ход битвы не видно.

Сильный удар в спину швырнул Сварога вперед, он потерял опору под ногами и провалился куда-то, ушиб колени, локти, свалился на бок, запутавшись ногами в собственном мече. Вокруг лязгало, звенело, грохотало.

Сварог поднялся. Голова гудела. Он стоял на узкой улочке, застроенной узкими высокими домами. Его толкали, задевали древками копий пробегавшие мимо солдаты в медных кирасах. Совсем близко, метрах в двадцати, надвигались оскаленные конские морды – головы покрыты железными налобниками с шипами и дырками для глаз, меж ушей колышутся султаны – и щетинились пики черно-белых всадников. Широкие, тяжелые наконечники их посверкивали крайне грозно и убедительно.

Он был внутри игрушки. И отнюдь не в качестве стороннего наблюдателя – его задевали, пихали бегущие, чуть не сшибая с ног. Мелькнула летящая прямо в грудь стрела – и отскочила, словно ударившись о невидимую преграду. Лара нельзя поразить метательным оружием, вспомнил он. С этим все в порядке. Но вот пики...

Он огляделся. Убитые умирали весьма натурально, струилась кровь, вылезали внутренности, но никаких запахов Сварог не ощущал – куклы, конечно, великолепные имитации, игрушки. Все, кроме него. Но вряд ли это способны понять приближавшиеся всадники. Или это очередная здешняя забава? Сейчас все кончится, над ним беззлобно посмеются... Хочется верить, и все же...

Всадники припустили рысью, настигая бегущих, шеренги рассыпались на увлеченные охотой кучки. Сварог дернул огромное литое кольцо двери, к которой прислонился, но дверь не шелохнулась, словно составляла одно целое со стеной, с домом. Копыта стучали все ближе. Сварог обернулся, успел уклониться.

Наконечник копья распорол ему правый рукав, сорвал кожу на плече. Жгучая боль окончательно убедила Сварога, что он здесь на положении остальных пешек и никакими привилегиями не пользуется.

Всадник, едва не приколотивший его копьем к стене, развернул коня и готовился нанести второй удар. Все решали секунды, и Сварог вместо того, чтобы выхватить меч, наклонился, подхватил валявшееся копье и выпрямился, держа его обеими руками за середину.

Всадник-робот замешкался на миг – его, как любого солдата этой эпохи, незнакомого с китайским боем на шестах, смутила непонятная поза противника. Потом программа, должно быть, взяла свое – копьё метнулось вперед, но Сварог уже сам действовал, как автомат. Противник не стоял напротив с таким же шестом, а сидел на неуклюжей лошади, что облегчало задачу.

Черно-белый идиот повторяет удар в правое плечо, не ведая, что существует классическая защита против такой именно атаки.

«Леопард перепрыгивает черный ручей» – так это зовется. Поворот тела, резкий отбивающий удар, тычок другим концом в лицо, в глаз. Изменение стойки, хотя в этом уже нет нужды – всадник выронил копьё, всем телом посунулся влево, и рубящий удар древком окончательно выбивает его из высокого седла, он, гремя, рушится на булыжник...

Выпустив копьё, Сварог подпрыгнул, перевалился в седло, забрасывая ногу в стремя, натянул широкие поводья, расшитые жестким серебром. Конь подчинился, и Сварог погнал его мимо бегущих защитников взятого города, чтобы убраться подальше от свалки, а там и поискать какой-то выход. От коня не пахло живым существом, сзади стучали копыта, пешие отшатывались, а кто-то и не успевал, нигде не видно тихого уголка, куда ни сверни – суета, лязг железа, беготня, схватка...

Когда конь вдруг завалился с двумя длинными стрелами в шее, Сварог понял, что миг удачи миновал, и, едва успев выдернуть ноги из широких стремян, умудрился соскочить, не запутавшись в мече. Улочка. Далеко впереди – бегущие, далеко позади – черно-белые конники. Ну где здесь прикажете искать выход?

Его резко, сильно потянуло вверх, словно подъемным краном, мелькнули внизу узкие и острые, словно рыбы хребты, крыши, мир вокруг неузнаваемо искажился на миг, обернулся мешаниной цветных пятен, причудливых контуров – и Сварог обнаружил, что вновь стоит на сине-красном мозаичном полу, возле стола, на котором продолжается Дерридорская битва. Плечо жгло, рукав помаленьку намокал кровью, а рядом стояли Яна в воздушном зеленом платье и меланхоличный Гаудин, молча хмыкнувший.

– Знаете, герцог, старуха Грельфи советовала его сразу повесить, чтобы не мучился, – сказала Яна. – Честное слово, мне начинает казаться... И кровь, конечно! Стойте спокойно!

Она провела ладонью над раной, пошевелила губами, и боль тут же стихла, даже голова больше не кружилась.

– Ну а кафтан уж поручите кому-нибудь починить, – сказала она так, словно показала язык. – Нет слов... Зачем вы туда полезли? Вы же не знали заклинаний, могли погибнуть!

Сварог огрызнулся:

– Когда я найду того, кто меня туда скинул, непременно узнаю, зачем ему это понадобилось...

Яна и Гаудин переглянулись. Гаудин кивнул:

– Ваше величество, я ничуть не сомневаюсь в ваших магических способностях, но когда я говорю, что во дворце начинает твориться неладное, опираюсь, как видите, на факты.

– Вы считаете...

– Да. Лазейка отыскалась. Конечно, это не страшно, все необходимые меры

будут приняты... Сложность в другом. Центральной фигурой всех странностей упорно оказывается граф Гэйр, который, похоже, раздражает кого-то уже самим фактом своего существования. Поскольку у меня есть основания подозревать, что меня самого граф может и не послушать, прошу вас, отдайте приказ вы. До выяснения всех загадок его следует взять под усиленную охрану. Ради его же блага.

– Ну разумеется, – сказала Яна. – Граф, извольте подчиняться.

Сварог пожал плечами. Тут же за его спиной выросли двое в черно-синей форме.

– С вашего позволения, я его похищаю ненадолго, – сказал Гаудин и, не дожидаясь согласия ни Сварога, ни Яны, взял его за локоть сильными пальцами и подтолкнул вперед. Двое в черно-синем бесшумно направились следом.

– Меня в самом деле толкнули, – сказал Сварог в коридоре. – Мне и в голову не пришло бы...

– Охотно верю. Задумано было неплохо. Как и вчерашнее покушение.

– На меня никто вчера не покушался...

– Это вам так кажется. Прошу сюда.

Он открыл неприметную дверь. Глянув внутрь, Сварог попятился, но Гаудин бесцеремонно втолкнул его в комнату, вошел сам и захлопнул дверь.

На полу лежала очаровательная темноволосая девушка в белом открытом платье. Широко распахнутые синие глаза мертво смотрели в потолок, на груди темнели две небольшие ранки.

– Прелестна, не правда ли? – ухмыльнулся Гаудин. – Молитесь на императрицу, граф... Вы ее вечный должник – и ее, и счастливого случая. Если бы вечером в парк вас увела не императрица, а эта красотка, вы бы пошли?

– Н-ну да...

– Да, как любой. Даже человеку, несравненно лучше вас владеющему магией, не придет в голову проверять всех, с кем он сталкивается на балу, а уж младенцу вроде вас... Теперь взгляните, как эта прелесть выглядит на самом деле. – Он наклонился. – Бароги эт шалотари лайз!

Сварог охнул. На полу лежал человекоподобный монстр, весь мохнатый, кривоногий, на узловатых пальцах чернеют жуткие когти, в приоткрытой пасти белеют загнутые клыки. Сварог понял, что эта морда с острыми ушами, выпученными зелеными глазищами и собачьим носом будет снится ему долго.

– Вообще-то ничего страшного, – сказал Гаудин. – Паршивый вампир из Ямурлака, почти совершенно вымер, разве что десяток-другой еще хоронится по тамошним лесам. Подлинный облик посвященному распознать легко – запомнили заклинание? – серебро валит его наповал. Но если бы он оказался вчера ночью с вами в парке... Кто-то, умеющий обращаться с подобными тварями, привез его сюда. И пустил по вашему следу. Это не зверь, вполне разумное создание, какой-то тупиковый побег эволюции, но, чтобы с ним договориться, нужно кое-чем владеть...

– Вот почему Молиторы смотрел на меня, как на выходца с того света...

– Да, несомненно. Он был уверен, что вас уже нет. Меня утешает одно: силы, действующие против вас, не могут похвастать особым могуществом. К нам проникли пока что мелкие, слабые исполнители, прислуга низшего разряда. Но следует ждать появления кого-то более сильного. А вы крайне уязви-

мы. Вас нужно немедленно отослать в Магистериум.

– Зачем? – невольно спросил Сварог.

– Не в качестве экспоната, не беспокойтесь. Вам срочно нужно вложить в голову минимальный набор знаний, приемов защиты...

– Но почему же только теперь...

– Я ведь не провидец, – сказал Гаудин с виноватой улыбкой, но у Сварога все равно осталось ощущение некоей недоговоренности, словно в рукаве у Гаудина все еще уютно покоилась парочка тузов. – И тороплюсь исправить свой невольный недосмотр. Отправляйтесь в Магистериум, я с ними свяжусь немедленно. Вашей охраны вы по пути не увидите, но это не означает, что ее не будет. Вот, возьмите на всякий случай.

Он положил в ладонь Сварогу небольшой черный предмет размером с пачку сигарет, овальный, скругленный, столь рациональной и продуманной формы, что лег в руку, как влитой.

– Направьте в стену тем концом, где прорезь. Большим пальцем прикоснитесь к кругу.

Сварог подчинился. Пронзительно вжикнуло, светлая молния метнулась через комнату, звучно ударила в стену. Сварог подошел посмотреть. Из резной панели, наполовину в нее уйдя, торчало зубчатое колесико величиной с пятак.

– Идеальное оружие против любой нечисти. Кстати, и человеку придется несладко, если хорошо прицелитесь.

– Спасибо, – сказал Сварог. – Сколько здесь зарядов?

– Что? – не сразу понял Гаудин. – Ах да... Заряд всего один. Когда он вылетает, другой возникает на его месте.

– Магия? – с видом знатока спросил Сварог.

– Техника.

Сварог поднял голову и глянул собеседнику в глаза:

– Слушайте, а вы имеете на меня виды?

– Вы же не юная фрейлина, граф.

– Не надо. Вы меня прекрасно понимаете.

– Ну да, – сказал Гаудин. – Такова уж моя служба, граф, – иметь виды решительно на всякого, кто попадет в поле зрения. Учитывая дичайший кадровый голод. Я, например, имел в свое время виды на Орка, но он решительно неспособен к серьезной работе с регламентом, планами, отчетами и дисциплиной. И если вспомнить... Ну, вам это неинтересно. Старые дела. Конечно, я имею на вас виды. Но все зависит только от вас – ведь еще неизвестно, подойдете ли вы мне... Счастливо.

– Знаете, у нас в ответ на такое пожелание принято было посылать к черту.

– Значит, у вас понятия не имели, как опасно даже в шутку так говорить, – сказал Гаудин без улыбки.

...В отличие от замков и дворцов, непременно окруженных лесами и парками, замаскированных под кусочки обычной земли с аллеями и прудами, Магистериум был исполнен холодного рационализма – в небе висело на разных уровнях десятка полтора огромных зданий, в основном серо-стального цвета, хотя попадались и светло-синие, и белые. Никаких архитектурных излишеств – стены, окна, крыши, причалы для летательных аппаратов, и все. Даже скучно становилось. Унылые фабрики научно-технического прогресса и пере-

дового колдовства. Право же, старомодные маги чем-то ближе...

Сварог, как его напутствовали, направил ял к белой огромной цифре «пять», нарисованной на длинной стальной полосе причала неподалеку от входа. И сразу же из дверей вышел, направился к нему человек в строгой синей одежде, напоминавшей военную форму и украшенной на груди золотым изображением колбы, заключенной в полумесяц, в точности такой, как на колпаке у посетившего Сварога мага. «Похоже, конкурирующие фирмы не стремятся быть оригинальными в выборе эмблем», – подумал Сварог. Он стоял возле яла и разглядывал встречавшего – его ровесник, лобастый, не улыбкавый, как проповедник при исполнении служебных обязанностей. Меча при нем не было. Не было ни перстней на пальцах, ни золотой цепи на шее. Антланец?

– Граф Гэйр? – спросил тот, подойдя, быстро глянул на меч Сварога – чуть насмешливо, с легким превосходством. – Магистр Ронтег. Собственно, лорд Ронтег, маркиз Винеи, но у нас здесь несколько иные установления, традиции и манера обращения...

– О, меня это не коробит, – сказал Сварог. – Я, понимаете ли, не вполне... – Он спохватился и замолк.

– Знаю, – сказал магистр. – Ваш случай меня крайне интересует. К сожалению, все связанное с вашим появлением здесь стало еще и наглядным примером того, что бывает, когда крайне серьезные эксперименты поручают отжившим свое реликтам вроде Мистериора...

Он немного пыжился, но показался Сварогу, в общем, неплохим парнем – просто чересчур уж старался произвести впечатление. Сварог с удовольствием подразнил бы его, но не стал лезть на рожон – позарез необходимы были знания. И он сказал:

– Я надеюсь, когда-нибудь мы с вами долго и серьезно будем беседовать о превосходстве научно-технического прогресса над живыми анахронизмами. Но сейчас мне бы хотелось...

– Понимаю. Прошу. Для начала я вам покажу... ну, хотя бы хранилище апейрона. А по дороге начну рассказывать, если вы ничего не имеете против.

– Наоборот, – сказал Сварог. – И крайне буду признателен, если вы не забудете, что я – совершеннейший невежда.

– Постараюсь. Если увлекусь и погружусь в дебри, не стесняйтесь переспрашивать, – благосклонно кивнул магистр. – Так вот, магия, волшебство, колдовство – лишь определенные проявления определенных законов природы, потому что во Вселенной нет ничего, что не подчинялось бы законам природы. Другое дело, что законы эти крайне многочисленны, по-разному проявляют себя и требуют разных затрат, разных видов энергии. И не имеют ничего общего с так называемой мистикой. То, что серебро для вампира смертельно опасно, – не мистика, а результат особого рода взаимодействия ионов, биополей, молекулярных реакций и тому подобного. Когда человек произносит заклинание, выстраивая в определенном порядке буквы и слова, в его мозгу происходят определенные изменения, слова и буквы – еще и комбинации энергетическо-полевых структур, оказывающих соответствующее влияние на другие энергетически-полевые структуры. Дикарю с островов может показаться, что решающее значение имеет само слово, потому что он представления не имеет, какие процессы стоят за каждым произнесенным словом: физиче-

ские, биохимические, квантовые, гравитационные, иные... Ничего этого маги прошлого не знали и не понимали – они, подобно знахарям, на вкус пробуящим целебные и ядовитые травы, вслепую, крохотными шажками овладевали знаниями, научного механизма которых не в силах были постигнуть. Конечно, они добились определенных успехов, но выше своего предела подняться не могли. Пример. Какой-нибудь колдун прошлого, потратив полжизни, методом проб и ошибок мог на старости лет отыскать заклятье, способное... ну, скажем, стряхивать с деревьев спелые вишни. Наши компьютеры и аналитические машины проделают эту работу за считанные минуты.

– Великолепно, – сказал Сварог. – А если мне, например, потребуется отыскать такое слово, чтобы... чтобы с каждого, кто без спроса войдет ко мне в комнату, падали штаны?

– Если такое заклинание не будет противоречить законам природы, машины его для вас подберут столь же быстро. Все упирается в степень сложности. Если мы возьмем так называемого Великого Мастера, или дьявола – это не более чем явление природы, правда обладающее разумом и определенной злокозненной мощью. Сегодня мы еще не в состоянии посадить его в клетку и показывать экскурсантам, но все, повторяю, упирается в степень сложности. Рано или поздно мы решим и эту, сугубо научную, проблему.

– Даже так? – сказал Сварог. – А Богу у вас клеточка в таблице отведена?

– Ну что вы! Творец Вселенной – это уже по ведомству мистики. А мелкие боги живущих на земле варваров – это всего лишь материализовавшиеся образы, овеществленные мыслеформы, живущие за счет энергетической подпитки. Когда число искренно верующих падает до определенного предела, Бог дематериализуется. Проверено многочисленными экспериментами.

– Лихо, – сказал Сварог.

– И строго научно, смею заверить.

– Но тени мертвых...

– Царство Теней – явление, чье существование точно так же можно объяснить с помощью научных трудов, расчетов и формул. Вас удовлетворяет такое скольжение по поверхности или хотите опуститься поглубже?

– Не рискую пока, – сказал Сварог, всерьез опасаясь, что его могут привязать к креслу и насильно пичкать строго научными знаниями. Он то и дело оглядывался украдкой, но не видел вокруг ничего интересного – скучные светлые коридоры, чистые и пустые, двери, окна, лестницы. – Кое-что я уловил, и этого пока достаточно.

– Вы не испытываете желания серьезно учиться? Неужели собираетесь и дальше сидеть в замке, отдавшись растительному существованию?

– Знаете, не нужно меня торопить и слишком многого требовать с первых минут... – сказал Сварог.

– Ну что ж... Теперь – обещанные эффекты.

Серо-стальная дверь ушла в стену, и они оказались в огромном куполообразном зале. Занимая почти все его пространство, мягко золотился исполинский шар, добрых пол-лиги в диаметре. Казалось, он налит пламенем – неярким, не ослепляющим, нежные переливы света медленно, неспешно, широкими полосами без четких границ проплывали во всех направлениях, вспыхивали, блекли, гасли, наливались ярко, игра золотых струй всех мыслимых оттенков, от нежно-лимонного до густо-оранжевого, напоминала немую музыку,

шар менял краски и очертания цветных пятен, сочетания колоров, словно невиданный калейдоскоп, он излучал тепло, завораживал, притягивал. Сварог невольно пошел вперед, не пугаясь нависающей громады, протянул руку...

– Вы ничего не почувствуете. Магнитная ловушка. Силовое поле, – суховатый голос магистра вернул его в холодную научную реальность, но он еще долго стоял, не в силах оторвать взгляда от наплывавших из глубин шара золотистых волн, переливчатых потоков, водопадов, завихрений, клубящихся разливов золота.

– Что это?

– Апейрон, – сказал магистр. – Растения живут за счет хлорофилла, перерабатывающего солнечное излучение. Животные получают необходимую для функционирования энергию за счет других биохимических реакций – опять-таки перерабатывая излучение Солнца. Апейрон – это вид излучения, идущего из ядра Галактики и служащего питательной средой магии. Если применить аналогию с электромагнитной индукцией, то апейрон играет роль источника тока, замкнутого контура, а заклинания – роль введенного в этот контур проводника. Аналогия, разумеется, довольно груба и притянута за уши для вящей легкости изложения.

– Понятно, – сказал Сварог с умным видом. – Но для меня и электромагнитная индукция – чересчур высокомудная вещь. Питательная среда – вот это гораздо понятнее.

– Древние маги, те из них, кто был одарен соответствующими способностями, могли использовать лишь чрезвычайно слабый поток естественного излучения... правда, ради объективности стоит заметить, что они добивались неплохих результатов. Для своего времени, конечно, – торопливо пояснил Ронтег. – Наука нашла способы аккумулировать и накапливать апейрон, что, как вы, должно быть, понимаете, дает фантастические возможности и позволяет удовлетворять любые потребности. Увы, существует и обратная сторона медали. Вам это может показаться странным, но потребности обитателей замков не столь уж и высоки и довольно примитивны...

– Согласен.

– Рад, что вы понимаете. В сущности, они ведут столь же примитивный образ жизни, как их далекие предки. С минимальными отличиями. И потому многое остается не востребуемым. Можно хоть завтра создать тысячу межпланетных кораблей – но где вы найдете экипажи для них?

– Постойте, – сказал Сварог. – Но есть же Антлан. И те, внизу...

– Есть вещи, которым пока что не стоит учить...

– Варваров?

– Ну, что вы. Скажем так – людей, которых преждевременно знакомить с вершинами техники и науки. Когда-нибудь, через много поколений...

– Значит, копить знания и мощь ради самого накопления?

– Бывают такие неизбежные этапы, – сказал магистр, смутившись самую чуточку. – Поймите, устоявшиеся порядки никогда не удавалось изменить без крупных потрясений, и еще древние мыслители задавались вопросом, стоит ли проблематичная цель разгула этих потрясений... Мало того, нам известен печальный опыт прошлого...

Сварог слишком мало знал, чтобы очертя голову бросаться в столь сложный спор. Он сказал:

– Хорошо, оставим это. Гаудин говорил, что здесь мне впрыснут порцию необходимых познаний...

– Конечно, – с некоторой скукой в голосе отозвался магистр. – Пойдемте. Немного истории, географии, приемы защиты от опасностей...

Сварог вышел следом за ним, оглядываясь на золотой шар с непонятной жалостью, как на посаженную в клетку птицу, которой бы порхать и петь на воле.

Он ожидал чего-то необычного и чудесного, но магистр усадил его в синее металлическое кресло, ловко опустил два торчащих из спинки кольчатых гибких шланга, так что венчавшие их многогранные шары, словно бы из фиолетового стекла, оказались у самых висков Сварога. Сам уселся за пульт, не особенно и сложный.

– Так просто? – с сомнением спросил Сварог, кося глазом влево, на фиолетовый шар, от которого словно бы веяло теплом. Самовнушение, скорее всего, ничего еще не включено.

– Чем совершеннее техника, тем она проще. Самое трудное изобрести и усовершенствовать. Все, не шевелитесь. Итак... Магические приемы защиты, краткие курсы... Заклинания от повешенья хотите? На случай, если вздумаете путешествовать по грешной земле. Болтайте себе в петле хоть до будущего тысячелетия...

– Давайте, – сказал Сварог.

– Дышать под водой хотите? – Магистр определенно рисовался.

– Давайте, – сказал Сварог. – Я не жадный, я предусмотрительный... Какие будут инструкции?

– Сидите спокойно, вот и все. Начали.

Сварог ощутил себя радиоприемником, который вопреки конструкции вдруг мгновенно принял все диапазоны, сколько их ни есть, – лавина образов, лиц, пейзажей, карт затопила мозг, он видел одновременно десятки улиц, домов, гор, островов, сотни голосов выкрикивали ему в уши сотни имен и названий. Сознание не выдержало дикой перегрузки, и он провалился во мрак, где не было ни зрения, ни слуха, ни вкуса, ни осязания.

Придя в себя, он не ощутил никаких болезненных последствий. И остался совершенно таким, каким был прежде. О чем тут же и сообщил магистру. Тот свысока улыбнулся:

– Повторите-ка мне краткий курс истории Талара.

Сварог, к своему изумлению, четко отбарабанил:

– В незапамятные времена, когда Творец поднял из покрывавшего Талар океана землю и заселил ее людьми, в неизреченной милости своей он одарил их и способностью к магии, волшебству и иным искусствам, постигаемым и достигаемым с помощью потока Золотого Апейрона. Увы, люди в гордыне своей и порожденных ею пороках долгие тысячелетия увечили лик подаренной им планеты, создавая ложных богов, наполняя землю, воздух и воду сонмищами гнусных чудовищ, удовлетворяя с помощью магии самые низменные желания, пренебрегая науками и искусствами, погрязнув в невежестве. Так длилось их безрадостное бытие до тех пор, когда божьи избранники, принадлежавшие к лучшим дворянским родам Талара, прервали порочный путь невежества и греха. Именно они, благородные лары, проникнув в тайны науки, создали сияющие небесные обитатели, покончили с распространившейся на все

планеты злокозненной магией, истребили ложные учения, питавшиеся кровью и человеческими жертвами, и в неустанных трудах воздвигли Империю Четырех Миров, став ее мудрыми и милостивыми правителями.

– Вот видите, – сказал магистр. – Могут в Ронеро награждать гражданских Орденом Алого Пламени?

– Нет, – сказал Сварог. – Этот орден только для военных.

– А снольдерская Медаль Процветания?

– Это для купцов.

– Какой чин следует за канцелярии советником?

– Департаментский секретарь.

– Сколько островов содержит Инбер Колбта?

– На сегодняшний день – восемьсот сорок один.

– Дальше можно не проверять, – с довольным видом кивнул Ронтег. – Знаете, я не удержался и снабдил вас даже большим, чем у обычного лара, объемом знаний по географии и земному укладу жизни. Такое впечатление, что Гаудин именно этого и хотел. Вы не в претензии?

– Ничуть, – сказал Сварог. – Послушайте, вы говорили об учебе. Но почему бы попросту не натолкнуть мне в голову необходимых знаний? Чтобы я вышел отсюда готовым магистром?

– Готовых магистров не бывает, – усмехнулся Ронтег. – Потому что это не будет обучением. Увы, в этой области ничто не изменилось с древних времен и, наверное, не изменится. Можно вложить человеку в память гигантские вороха справочников, географических атласов, руководств по управлению аппаратами и агрегатами. Но подлинно профессиональные знания он должен получать обычным путем, осмысливать их; впитывать, делать частью своего мозга и только после этого переходить к следующей порции. Пример. Вы сейчас знаете названия всех ветров, главных созвездий, мелей и островов. Сможете провести корабль от Инбер Колбта в залив Даглати в пору осенних штормов?

Сварог призадумался и смущенно пожал плечами:

– Не получается что-то...

– Вот видите. Здесь уже нужно поработать головой. Личный опыт и выработанный долгими годами практики профессиональный нюх не программируются.

– Понятно, – сказал Сварог. Встал. – Ну, мне пора, пожалуй. Не смею отнимать у вас время, всецело отданное познанию тайн природы. Ибо мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача...

– Кто это сказал? – заинтересовался магистр, пропустив мимо ушей иронию, которую не мог не распознать в голосе Сварога.

– Один ученый. То есть ему еще суждено сказать это через неизвестное количество тысячелетий...

– Великолепный афоризм. Что ж, желаю удачи.

Сварог размашисто шагал по узкому причалу, не огражденному хотя бы символическими перилами – но теперь он знал, в чем причина такой беспечности. Лар не может упасть на землю, даже если он сиганет вниз без парашюта – пролетит уарда полтора, а там его мягко подхватит и вернет назад система спасения, коей оборудованы, говоря сухим языком науки, все летающие жилые объекты. Прочие летающие объекты, служащие для перемещения по воздуху, никогда не могут упасть, как не способно рухнуть на землю облако.

Если только в них находится лар. В довершение всех благодатей, лар может преспокойно прыгать с высоких башен, ибо опустится на землю мягко, как сухой лист. Его можно сбросить с горной вершины в обыкновенной бочке – и эффект будет тот же. К сожалению, покопавшись в новообретенных запасах памяти, Сварог так и не обнаружил ни намёка на способность лара летать самостоятельно. Конечно, и на солнце бывают пятна. Жаль. Но, в общем, ему понравилось быть ларом.

Он оглянулся на здания Магистериума, едва маячившие у горизонта. По совести, ни здания, ни их обитатели ему не понравились. Потому что они были ничуть не лучше тех, что убивают жизнь на королевские охоты и балы. Одни копят знания и мощь ради самого процесса накопления, другие не хотят ни знаний, ни прогресса, третьи и от знаний, и от прогресса просто-напросто отсечены. Это даже не кастовое, не феодальное общество, это гораздо хуже. Плоскости не пересекаются. Средневековый сеньор держал своих вилланов на положении скота, но сам он вовсе не обладал источником знаний и чародейского могущества, откуда мог бы черпать при необходимости.

И эти высоколобые... Им важно одно – утолить любознательность за государственный счет. А потом получается, что атомная бомба для них – великолепная физика, и не более того. И не меднолобые генералы, а высокомудрый интеллектual настаивает, чтобы первая атомная бомба была сброшена непременно на город, чтобы эксперимент получился завершённым, а генералы-то как раз и настаивают на демонстрационном взрыве где-нибудь в глуши, но кто их слушает, если подвернулась прекрасная возможность поэкспериментировать на двуногих мышках и ничего за это не будет...

Он уловил краем глаза движение слева, за левым плечом – на фоне облаков молниеносно промелькнула узкая, хищная тень. Но повернуть туда голову так и не успел – ял словно грянулся о невидимую стену, едва не встал на дыбы, клюнул носом, провалился вниз, в облака, пробив их насквозь. Земля внизу неслась стремительной полосой смазанного, неопределённого цвета, стремительно приближалась.

Часть вторая

Бродяга

Глава 1

Земля, вода и их обитатели

Сварог дергал рычаги, беспорядочно перебирал «птичьи лапы», крутил – все напрасно. Оба бортовых компьютера погасли, стали пустыми стеклянными полушариями, слепыми бельмами. Его стала засасывать слепая паника. Такого не должно было случиться...

Ял не летел вниз камнем, даже не пикировал, но траектория спуска все же была довольно крутой. К тому же его мотало во все стороны, швыряло и разворачивало, несколько раз сменилось направление полета, внизу мелькали, тут же пропадая за спиной, размытые пятна и полосы, земля разрасталась, горизонт все более суживался, стягивался...

Сварог ощущал машину, как мертвый, совершенно мертвый кусок железа, лишь его присутствие на борту удерживало ял в воздухе – лар не может разбиться, упав с высоты, чересчур уж это фундаментально...

Сварог таращился вниз, смаргивая слезы и щурясь, – защита исчезла, тугой поток воздуха безостановочно хлестал по лицу, обжигая, ослепляя. Мелькнула широкая река, пронеслись совсем близко высокие склоны скальных отрогов, ял едва не чиркнул по ним брюхом, скалы взметнулись над головой, машина плюхнулась оземь, под дикий скрежет, высекая искры днищем, взметывая полосы песка и крупной каменной крошки, пробороздила сухой каменистый грунт. И замерла, сдохнув окончательно.

Шляпы на голове не было – сдуло неизвестно когда. Сварог долго не решался перекинуть ногу через низкий борт – ял показался вдруг родным домом, уютным и спасительным, просто невозможно было его покинуть.

И все же он решился. Вылез на землю. Дрожащими пальцами сунул в рот извлеченную из воздуха сигарету, пробормотал заклятье. На кончике указательного пальца вспыхнул невысокий огонек. Сварог жадно затянулся. Огляделся вокруг. Сухая земля и безжизненные бурые скалы. Ни травинки, ни деревца.

Отшвырнув окурок, Сварог зачем-то тщательно размял его каблуком, словно опасался зоркоглазых индейских следопытов. И тут же зажег новую сигарету. Коснулся кожуха. Откинулся квадратный кусок лакированной обшивки, в образовавшемся углублении было пусто и темно. Вот так...

В двигателе каждой машины ларов золотисто светился шарик апейрона размером с грецкий орех, обладавший сроком жизни, сравнимым с возрастом секвойи. Ял Сварога был совершенно новеньким, мог послужить без замены питания и его далеким правнукам – даже учитывая, что средняя продолжительность жизни лара составляла около семисот лет. И Сварог ни от кого не слышал о силе, способной уничтожить конденсированный апейрон...

– Когда нас бьют, нас бьют серьезно... – проворчал он под нос.

Несомненно, он приземлился на Харуме, единственном континенте Талара, где во всех без исключения странах, даже крохотных королевствах, графствах и княжествах Вольных Майоров, хватает агентов Гаудина, где в каждой стране есть императорский наместник и при нем – канцелярия. Так что на первый

взгляд задача кажется простой – следует добраться до населенных мест и торжественно объявиться, где надлежит. Но нельзя забывать, что в великом герцогстве Харлан и королевстве Горрот нет более верного способа самоубийства, чем появиться в одежде цветов графов Гэйров, при накидке и мече, украшенных их родовым гербом. Сварог знал лишь самое необходимое – помнил карты и мог найти дорогу, знал, как отличить по одежде дворянина от члена городской гильдии или сословия, как к ним ко всем нужно вежливо обращаться, а как – презрительно, но представления не имел о здешней повседневной жизни, чего не смогут заменить самые подробные справочники, каталоги и атласы. Но делать нечего. Нужно идти.

Почему-то он был уверен, что не стоит торчать возле яла, дожидаясь спасателей. Они давно появились бы, окажись авария замечена. С опекавшими его людьми Гаудина определенно что-то случилось. Если помощь не пришла немедленно, может не появиться вовсе. Рассчитывать нужно только на себя.

Странно, но эта печальная истина успокоила Сварога. В конце концов он был обут, одет, вооружен мечом и шауром – устройством для метания серебряных звездочек. Голод и жажда ему не грозили, он мог создать себе любую еду и питье, от походного сухого пайка до изысканных яств. Его нельзя ни повесить, ни утопить, ни сжечь на костре. Скверная ситуация, но отнюдь не безвыходная. Бродяга, одаренный таким умением и способностями, – и не бродяга вовсе...

Сварог стал карабкаться вверх по наиболее подходящему для этого склону, предварительно сбросив церемониальную накидку – нечто вроде пончо до колен, перехваченное золотым поясом, украшенное спереди и сзади гербами. Он ободрал пальцы, испачкался, вспотел, но довольно быстро выбрался на вершину. Мельком замеченная с воздуха река оказалась именно там, где он рассчитывал ее увидеть. Ител, могучая, широкая река, охватившая рукавами весь континент. Двигаясь вниз по течению, рано или поздно попадешь к людям. Вокруг не видно ни деревца, так что на плот рассчитывать не приходится – к тому же нечем было бы его связать. Остаются ноги. Если, спустившись с другой стороны, свернуть в тот распадок, пройти по нему, свернуть налево – до реки прошагать предстоит лиг двадцать. Неплохо. А дальше – бережком...

Он оглянулся назад, в противоположную от реки сторону, – и невольно охнул. Впору было вопить. Чересчур много для одного раза.

Там, вдали, за нагромождением буроватых скал вздымался исполинский пик, и вечные льды на его вершине отливали белым, синим, голубым, а пониже зеленели густые леса. Гун-Деми-Тенгри, Гора Грозящих Небу Демонов. Уж лучше бы Горрот или Харлан, пусть даже войти туда предстояло с огромным плакатом: «Я – граф Гэйр. Господ палачей просят в очередь».

Он был в Хелльстаде – проклятой святыми стране зла, духов и демонов, последнем заповеднике нечистой силы, сохранившемся на Таларе. Вовне свои щупальца этот заповедник не протягивал, в свое время чувствительно получив по таковым, но жил своей, загадочной жизнью, остававшейся тайной даже для Магистериума с Мистериором. Одно из тех мест, куда крайне просто войти, но почти невозможно выйти. Самые страшные сказки, какие только есть на планете, – о Хелльстаде. Самые жуткие легенды посвящены этим местам. Из сотни рыцарей, согласно традиции избравших Хелльстад в качестве полигона для испытания молодецкой силушки, возвращался в лучшем случае

один – и сплошь и рядом с помрачившимся рассудком. Случалось, вернувшиеся становились королями – один такой и сейчас восседает на престоле в одном из Вольных Майоров под бдительным присмотром врачей. Несколько экспедиций Магистериума сгинули без следа, потому что проследить за ними не удалось бы – над Хелльстадом переставали действовать системы наблюдения, те самые «волшебные столы»...

Так что Сварог имел все основания зачислить себя в славную когорту отважных первопроходцев – но не чувствовал никакого восторга и немедленно отказался бы от этой чести, подвернись только возможность. Гун-Деми-Тенгри вздымалась к небесам совсем близко – значит, до границ Хелльстада, если идти вдоль реки, лиг сто. Но в любую другую сторону – гораздо больше. Так что ему еще повезло. Можно было угодить на морское побережье Хелльстада, к Фалейскому заливу, куда не заходят корабли – разве что раз в год объявится скрывающийся от погони пират. Нет, определенно повезло...

Выкурив еще сигарету, Сварог стал спускаться к облюбованному распадку. Возвращаться за брошенной у подножия скалы накидкой он не стал. Он шагал и старательно пытался забыть, что поставленная задача – добраться до берега реки – лишь первый шаг на долгом пути; где в любую минуту...

Подумал мельком, что брошенная накидка способна стать следом, который его выдаст здешним обитателям, что надо бы вернуться и подобрать, – но тут же пришло на ум, что еще более заметным следом станет ял, а уж с ним-то ничего не поделать...

Ничего?! Он остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и, поднимая каблуками облачка сухой пыли, стал спускаться назад. Подобрал накидку, свернул ее в ком, сунул под сиденье и произнес заклинание.

Ял, ставший невесомым, взмыл вверх, словно мыльный пузырь, повисел немного, сверкая лакированными боками и позолотой гербов, стал подниматься все выше и выше, слегка отклоняясь к закату под легоньким напором слабого ветерка. Порядок. Вскоре унесет неизвестно куда...

Сварог отправился в прежнем направлении. Минуты за минутами, незаметно сливаясь в квадрансы, улетали в безвозвратное прошлое, а он все еще был жив. Мало того – пребывал в полном одиночестве. Никто на него не бросался из засады, окаймлявшие неширокую долину скалы выглядели обыденно и скучно. Веселья это не прибавляло, но и повода для паники или смертной тоски пока что не имелось. Извилистая долина с крытыми откосами крайне походила на русло высохшей в незапамятные времена реки, но в душе у Сварога, понятное дело, не зажглось ничего похожего на азарт исследователя, программа была незатейлива: унести ноги, крайне желательно – в комплекте с головой. Это он вспомнил жуткую легенду из наспех пролистанной как-то на сон грядущий старинной книги о Хелльстаде, о некоем незадачливом рыцаре, покинувшем эти места разъятым на части – отдельно шагали ноги, отдельно ползло, цепляясь руками, туловище, а голова где-то запропастилась... Попытался вспомнить, что там еще было веселое и располагающее к себе. Семиглавый змей Лотан, чьи головы поочередно (и на том спасибо) задают страннику загадки, одна заковыристее другой; Прожорливое Озеро – таящийся по впадинам сгусток живой, хищной и вроде бы не лишенной разума субстанции, способной прикинуться то зеленым болотцем, то чистейшим прудом; Голова Сержанта, бегающая по лесам на паучьих ножках... И прочие прелести, милые в

общении. Нет уж, лучше не вспоминать...

За очередным поворотом он увидел стену, перегородившую долину по всей ширине, то есть уардов на двести. Подошел и предусмотрительно остановился чуть поодаль. Сложенная из плоских коричневых камней, стена едва доходила ему до пояса и выглядела невероятно древней. Ни следа цемента или иного строительного раствора – камни попросту уложены один на другой, но перед тем обтесаны и старательно подогнаны, так что и кончика меча меж ними не просунешь. И примитивная на первый взгляд кладка до сих пор не лишилась ни одного камня, разве что верхний ряд изрядно разъеден ветрами и дождями. Похоже, когда-то на иных камнях были высечены руны – но ничего уже не разобрать.

Сварогу пришло в голову, что причина такой сохранности – здешнее волшебство. Увы, выяснить это со всей определенностью он не мог, скуден был запас заклинаний. Одно можно с уверенностью сказать: стена – именно то, чем предстает взору...

А другой дороги все равно нет. Вздохнув, он перелез на ту сторону – и ничего не произошло. Разве что долина стала гораздо шире.

Вскоре он увидел дверь. Разместилось это сооружение у самого откоса и выглядело довольно странно: каменное крыльцо, дверная рама из отесанных серых камней, дверь из солидных дубовых досок, скрепленных коваными полосами, – и ни дома, ни стены поблизости. Никаких развалин. Дверь вела из ниоткуда в никуда. А на том месте, где полагается быть ручке или замку – круглое отверстие, куда свободно пройдет кулак, окаймленное проржавевшими шляпками гвоздей, слишком правильное для того, чтобы оказаться последствием буйства стихий. В дыру виднеется откос, камни, темно-зеленый куст.

Сварог обошел ее кругом – дверь как дверь, – подивился, плюнул и направился дальше. Солнце уже скрылось за скалами, следовало поторопиться – ночь в этих широтах наступает мгновенно, словно дернули выключатель...

А потом он увидел скелет. Решил сначала, что это статуя, но когда подошел поближе, неясностей не осталось... Выглядит так, словно самый обычный всадник остановился отдохнуть и окинуть взором окрестности в поисках пресловутого камня, на котором начертаны жуткие предупреждения насчет дорог. Конь в богато украшенной сбруе, на всаднике кольчуга и шлем с высоким гребнем, в руке копьё, меч на перевязи... вот только и конь, и всадник – белые скелеты, непонятным чудом застывшие один в стоячем, другой в сидячем положении. Большим знатоком анатомии Сварог себя не считал, но это были именно скелеты со множеством косточек, непонятно как державшихся на невидимых каркасах. Доспехи нисколечко не тронуты ржавчиной, правда и новыми не выглядят.

– Могучий ты мужик, – сказал Сварог негромко, обойдя вокруг странного всадника.

Звук собственного голоса бодрости не прибавил. Всадник все так же неподвижно сидел в красном кожаном седле, чуть склонив вперед копьё, от него тянулась длинная тень, оба черепа щерились застывшим оскалом, и понемногу подкрадывалась жуть. Кончиком меча Сварог осторожно потрогал лошадиный череп – звук был глухой, костяной, какого и следовало ожидать. Ни конь, ни всадник против такой бесцеремонности не протестовали.

Сварог еще долго оглядывался, быстрыми шагами удаляясь от загадочного

всадника. Терзал совершенно детский страх – а если оживет, пустится следом на всем галопе, целя копьём в спину? В этих местах все возможно...

Обошлось. Довольно скоро поворот скрыл от его глаз останки неизвестного рыцаря, похоже так и не обретшего *полного* покоя после смерти, – но Сварог еще долго оглядывался, порой чувство, будто в следующий миг на плечо опустится чья-то невидимая ледяная рука, становилось столь саднящим, что он вертел головой во все стороны, ругаясь про себя и стискивая в кулаке шаур. Тени становились все длиннее, а вскоре одна легла поперек дороги. Тень от высокой полуразрушенной башни, окруженной стеной с круглыми башенками, – башня вздымалась справа, у откоса. Когда она еще стояла целехонькой, верхушка, очень похоже, вздымалась над берегами высохшей реки. Сварог уже не сомневался, что это высохшая река: кое-где валяются окаменевшие раковины, каменистая земля под ногами гладкая, словно ее тысячи лет шлифовала текущая вода. Но вода исчезла в столь древние времена, что сюда успели прийти люди или кто они там были, построить стены и башни, в свою очередь пришедшие в упадок тысячелетия назад...

Решительно свернув в ту сторону, Сварог приблизился к арке ворот и заглянул внутрь. Из боковых стен торчали насквозь проржавевшие крюки – то ли держатели факелов, то ли петли ворот, – по двору там и сям валялись припорошенные пылью тесаные камни. Полное запустение. Ни звука. Под аркой лежат ржавые железные клетки странного вида, плоские и широкие, как конфетные коробки, – тьфу ты, да это остатки ворот, дерево давно сгнило, уцелела лишь оковка створок... Полукруглую дверь, ведущую в башню, постигла та же судьба – правда, железная коробка уцелела, косо висит на нижней петле...

Сварог присмотрелся. И понял, что ему не мерещится – в темной пасти башни сияло слабенькое, неподвижное радужное мерцание, веером разноцветных лучиков поднимавшееся от пола. Так сверкает в полумраке горсть драгоценных камней, куча бриллиантов – он помнил по собственной фамильной сокровищнице в замке. Правда, здешняя куча, пожалуй, будет человеку по пояс, самоцветы ведрами можно черпать...

На это и рассчитано, что ли? Сверкание манит радужными переливами, так и подмывает зайти, посмотреть только, вовсе не грабить покойников... а внутри ждет что-нибудь веселое вроде упыря или чудовища, сгребет – пискнуть не успеешь...

– А вот те шиш, – шепотом произнес Сварог, отступая подальше от заманчивого мерцания.

Спиной вперед прошел под аркой, держа руку на мече и твердо решив не отвлекаться на придорожные странности, – ненароком влипнешь во что-нибудь такое, от чего уже не отвяжешься...

Шарахнулся влево, выхватив меч, ему не почудилось, он точно видел, что на темно-серой стене слева от арки дернулись две тени – его и *чужая*...

Остановился в боевой позиции, заслонившись изготовленным к рубящему удару мечом. Огляделся.

Рядом никого не было. И до него понемногу стало доходить: учитывая положение скрывшегося за скалами солнца, на стене никак не могла оказаться его собственная тень... Осторожно сделал два шага влево, то и дело поворачиваясь в стороны, готовый к бою.

Тени виднелись на прежнем месте, они выглядели гораздо темнее, чернее

обычных теней, этакое пятна космического мрака, аккуратно вырезанные ножницами. Они двигались. Они жили своей жизнью. Их прибавилось. И они, такое впечатление, никакой угрозы путнику не представляли, занятые своими заботами...

Сварог засмотрелся. В профиль к нему стояла женщина – нет, дама в длинном платье и затейливом головном уборе, из-под него опускаются на плечи то ли уложенные кружками косы, то ли украшения. Голова надменно вздернута, руки сложены на груди, она застыла, с превеликим самообладанием слушая беснующегося перед ней мужчину в столь же пышном костюме неизвестного фасона – вот кому самообладания не хватает, немо открывает рот, явно вопя, потрясает кулаками, топает ногой. За спиной его стоят еще несколько человек, сливаясь в сплошное пятно причудливых очертаний.

Ух ты! Один вдруг отделился от толпы, упругим кошачьим шагом ринулся вперед, черной полосой, пропавшей на миг, метнулся длинный узкий клинок, вошел в спину... Дама ни на миг не изменила величественной позы, только подбородок задрался еще надменнее – а вот для сторонних зрителей все случившееся то ли явилось полной неожиданностью, то ли нервы у них слабые. Мечутся, бестолково сталкиваясь, всплескивая руками, кто-то рванулся в сторону и мгновенно пропал с глаз – хотя на стене еще достаточно места – словно картина ограждена невидимой рамкой экрана. Убийца стоит в вольной, непринужденной позе, уперев кончик меча в носок сапога, не похоже что-то, чтобы его мучили раскаяние или хотя бы неловкость. А дама – очень похоже, она совсем молода, – величественно переступив через труп, движется к нему, грациозно протягивает руку – пышный рукав взметнулся плавной дугой, от силуэта неизвестной красоты прямо-таки веет облегчением и злорадством... Любовная драма со старым мужем и юным амантом? Смерть надоевшего фаворита королевы? Неведомые дела чести? Сварог зачарованно смотрел, как удаляется дама под руку с убийцей, так и не убравшим меч в ножны, как суетятся оставшиеся тени, боязливо приближаясь к убитому. Всадник в шипастом шлеме вдруг появился справа, натянул поводья и что-то стал кричать, потрясая рукой в перчатке с широким раструбом, но Сварог уже зашагал прочь. Темнеет, привидения зашевелились, лучше отсюда убраться...

А потом? У реки он будет не в большей безопасности, чем здесь, как ни крути, а заночевать придется в Хельстаде... Сварог потрогал ожерелье-цепь на шее – меж самоцветами в филигранной оправе и золотыми бляшками имелось немало серебряных колечек. Та самая инкунабула советовала, коли уж вас застала в Хельстаде ночь, оградить себя серебром и щелкать зубами от страха до самого утра в относительной безопасности, но тут же оговаривалась, что совет таковой, судя по иным свидетельствам, сплошь и рядом бесполезен...

Долина раздваивалась. Тогда, с горки, Сварог окинул окрестности лишь беглым взглядом и не помнил всех хитрых изгибов русла, а потому какое-то время стоял в нерешительности. Прямо перед ним, словно острый нос корабля, вздымалась скала, высоко над головой в ней зияло несколько пещерок.

Поразмыслив, Сварог зашагал направо – благо долина тянулась, в общем, в нужном ему направлении. Все то же самое – гладкая каменистая земля под ногами, кое-где – россыпи скатанных камешков. Долина расширялась и расширялась, вскоре Сварог уже шагал по обширнейшему полю – и впереди вдруг

вновь замаячила стена. Сущий близнец первой – те же камни, тот же способ кладки. На сей раз он не колебался, одним прыжком оказался по ту сторону и браво двинулся дальше.

Пока впереди не встала новая стена. Повыше, по грудь. И на вид совершенно иная, отчего-то казавшаяся угрюмой – сложенная из огромных черно-серых камней, бугристых, заплесневевших. Преодолеть ее было гораздо труднее, носки сапог соскальзывали, Сварог перемазался склизкой плесенью – но упрямо лез, бормоча про себя: «Нет таких крепостей, которые б не развалили большевики, знаете ли...»

Дорога вела под уклон. Темнело. Сварог размашисто шагал, не утруждая себя мыслями о жизненных сложностях, но понемногу начал тревожиться. Он и сам не понимал, что ему в окружающем не нравится, но чем дальше, тем сильнее в душе крепло некое неудобство. В конце концов он понял, что ему просто-напросто не хочется идти дальше. Не хочется, и все тут. Хоть режьте.

Остановился и огляделся. Впереди ничего не удавалось рассмотреть – в сгущавшемся мраке земля сливалась с небом, горизонт неразличим, вдали, на пределе зрения, словно бы колюче сияют звезды, необычно низко, будто склон ведет все ниже и ниже, в пропасть. После иных приключений, пережитых на пути в этот мир, Сварог в глубине души преисполнился стойкого недоверия ко всему, напоминающему пропасть, да и легенды иные гласили о провалах, ведущих в подземный мир, о котором не известно ничегошеньки, кроме плохого... Показалось, в лицо дует едва заметный ледяной ветерок. Оглянувшись, Сварог узрел, что вдали, далеко за спиной, небо по-прежнему синее светлой полосой – там сумерки еще не наступили, и это было странно, словно он миновал некий рубеж меж двумя совершенно иными мирами. Смеяться над своими страхами как-то не тянуло. Прежняя дорога стала опасностью привычной, а то, что виднелось – вернее, как раз не виднелось – впереди, прямо-таки отталкивало.

Поблизости росли невиданные прежде цветы – бледно-белые высокие стебли и стрелчатые листья, синие и желтые бутоны выглядят странно блеклыми, будто нарисованными жиденькой акварелью. Впереди, подальше, их все больше и больше, сущие заросли. Превозмогши себя, Сварог опустился на корточки и потрогал стебель. Кончики пальцев явственно ощутили прохладу. Стоило чуть посильнее свести пальцы, стебель беззвучно переломился, нелепо повис, невероятно хрупкий, руку испачкало бесцветным прозрачным соком, и Сварог долго вытирал ее о кафтан. Цветы выглядели так, словно их никогда не касался лучик солнечного света, не говоря уж о том, что белый здесь считался цветом смерти.

Сварог решительно повернул назад, спеша и поругивая себя за эту нервную спешку, добрался до развилки и двинулся другой дорогой, уже прекрасно понимая, что не успеет до темноты выйти к реке.

Темнота, как он и ждал, обернулась полным мраком совершенно неожиданно, будто упал великанский занавес. К этому времени Сварог шагал уже по редкому лесу, покрывавшему широкою долину, – лес, надо отметить, вел себя пристойно, деревья не трогались с места и не пытались ухватить ветвями за шиворот. У Сварога не хватало знаний, чтобы определить, отличается ли звездное небо над ним от того, которое можно увидеть за пределами Хелльстада, но не удивился бы, окажись, что так оно и есть. Мрак для него не представ-

лял досадного препятствия – обучили видеть в темноте не хуже кошки, только заклятье пробубни, но поневоле вспоминалось, что во всяком лесу есть обитатели, с темнотой покидающие логова в рассуждении, чего бы пожрать...

Над горизонтом поднялся желтый серп Юпитера, стало гораздо светлее, все вокруг залили серебристые отсветы, а тени стали черными, густыми и четкими – но Сварог «кошачьего зрения» не отключал для пущей надежности. Временами мерещились быстрые тени, мелькавшие поодаль меж деревьев, – а может, и не мерещились. Но не нападали, и то ладно. Признаться честно, он немного устал, сапоги и меч казались пудовыми – но шагал вперед, как автомат, на упрямом автопилоте, надеясь, что вот-вот увидит реку, забывая нещадным куреньем назойливо требовавший ужина желудок. Ни в каких спасателей он уже не верил, как встарь, полагаясь только на себя, благо имелся большой опыт.

И когда уголком глаза узрел шевеление справа, ничуть не испугался, лишь напрягся, как почувывший волка конь.

Нечто большое, косматое, длинное, на четырех лапах, двигалось уардах в пятидесяти от него параллельным курсом. Для пробы Сварог свернул, сделал крюк, отклонившись немного от избранного маршрута, – мохнатое создание, не приближаясь и не отдаляясь, повторило маневр, словно двигаясь на невидимой привязи.

Так они шли довольно долго – временами, бросив взгляд украдкой, Сварог успевал заметить фосфорически-желтый блеск глаз, но тварь тут же отворачивала голову, демонстрируя как отличную реакцию, так и наличие в башке некоего количества мозгов. Упорно не желала встречаться взглядом – и не отставала, успев за какой-то час надоесть смертельно.

Он не хотел нападать первым – где гарантия, что это не местный безобидный хомячок? – но безмолвный спутник опостылел хуже горькой редьки как раз из-за своей загадочности.

Впереди показалось нечто высокое, на распяленных тоненьких ножках, кажется, полосатое, направилось было навстречу Сварогу, перебегая от дерева к дереву, больше всего смахивающее на куриное яйцо, вставшее на ходули, донеслось басовитое ворчанье, что-то крайне напоминавшее лязг зубов, но мохнатая тварь бдительно выдвинулась вперед, издала плаксивый вой. Яйцо на ходулях застыло, как вкопанное, потом с воем кинулось в лес. Нет, пожалуй, не хомячок. И уж конечно, не благородный самаритянин, провожающий по ночам одиноких путников, чтобы их, паче чаяния, не обидели здешние хулиганы, – что-то не слышно было о подобных хельстадских благодетелях...

Решаться пора, вот что. Заприметив слева невысокий пригорок, Сварог поднялся на вершину, уселся под деревом и, с удовольствием вытянув натруженные ноги, задымил очередной сигаретой.

Мохнатая тварь бродила вокруг холмика, как заведенная механическая игрушка. Теперь Сварог рассмотрел ее чуточку получше – нечто среднее меж вставшим на четыре лапы шимпанзе и некрупной гиеной, хвоста не видно, голова – сплошной комок спутанной длинной шерсти, откуда сторожко поблескивают желтые блестящие глаза (теперь она уже не таилась, то и дело тарацилась на Сварога), косолапая походка. То и дело она похныкивала, всхлипывала, бурчала что-то неразборчивое – но вовсе не казалась жалким, забитым, боязливым существом, наоборот, было в ней что-то липко-подловатое.

Сварог и не заметил, как она, сужая спираль, оказалась ближе на добрый десяток уардов. Забормотала требовательно, жадно. Категорически не нравилась – и в роли ночного спутника, и в общефилософском плане.

Решив наладить общение, Сварог запустил в нее извлеченным из воздуха куском жареного мяса – авось нажрется и отстанет. Мясо упало прямо перед мордой. И тварь, даже не наклонив башку, с такой брезгливостью отбросила его лапой, что стало ясно: если и голодна, жарким по рецепту императорских поваров не прельстится. Но не травоядная же? Не похоже что-то...

Точно такая же участь постигла аппетитную поджаристую булочку...

– Какого ж тебе рожна? – вслух спросил Сварог.

Вместо ответа последовало ворчанье и хныканье – злое, нетерпеливое. Вновь в ее бормотанье послышались членораздельные слова, Сварог стал старательно прислушиваться и тут же понял свою ошибку – тварь, без сомнения, каким-то образом туманила ему мозги, давила на подсознание, гипнотизировала хныкающими стонами и размеренными перемещениями, опять вдруг возникла гораздо ближе, и он не успел заметить, когда это произошло...

Сварог начал беспокоиться. Лучше пересолить, чем недосолить. Похохотать над своими страхами можно потом, в уютной каминной фамильного замка, а сейчас его явно пытаются одурманить с неизвестными целями, все ее бормотанье и гибкие, плавные пируэты вызывают в памяти подползающую к птичке змею... Вот опять показалось, что на миг она растаяла в лунном свете и возникла в другом месте, ближе, по ногам начинает растекаться странная истома, и это не фантазии возбужденного сознания...

Он не собирался быть птичкой. Достал шаур, уже чувствуя и в руках странную вялость, ползущую от кончиков пальцев к локтям, повел запястьем – кисть описала плавную дугу вопреки его намерениям, – нажал на спуск.

Словно молния мелькнула – тварь молниеносно сделала кувырок, скользнув в сторону от Сварога по склону холма, с дьявольским проворством уйдя от серебряной звездочки, летящей немногим медленнее пули. Полное впечатление, что она сбросила личину – уставившись на Сварога злыми круглыми глазами-фонариками, утробно рявкнула. Впервые он увидел ее зубы – неплохую коллекцию игольчатых клыков, влажно сверкнувшую в разинутой пасти. Какое, к черту, травоядное, тут и Кювье не нужно быть...

Сварог дважды выстрелил – и снова безуспешно, тварь, крутнувшись клубком, ушла с линии огня так ловко, что в сердце понемногу начал закрадываться страх: она не собирается снимать осаду, а легкой победой для него и не пахнет, тут ноги бы унести...

Тварь вновь принялась выписывать неуловимо для глаза сужавшуюся спираль, воя, мурлыча, подскуливая, ни на миг не сводя с него зло сверкающего взора, готовая в любой миг отскочить, ее клокочущие всхлипы сливались в мелодию, липкой паутиной оплетавшую тело и сознание.

Пора было как-то спастись. Сварог медленно вытянул меч – что не произвело на его загадочного противника никакого впечатления, разве что самую чуточку прибавило прыти – и почувствовал, что кружится голова, а окружающее все гуще подергивается туманной пеленой.

Поднял руку к горлу, рванул тугой высокий ворот парадного кафтана, освобождая дыхание. Посыпались самоцветные пуговицы, от сильного рывка лопнуло ожерелье-цепь и длинной стружкой стекло к ногам. В приливе отчаянно-

го бешенства Сварог, собрав его в горсть, запустил к подножию пригорка, целя чудищу в морду.

Промазал, конечно, оно увернулось грациозно, гибко, похожее сейчас скорее на вихрь или смерч, чем на живое существо. И тут же застыло в довольно нелепой позе, присев на задницу, подняв передние поджатые лапы. Вялость в теле мгновенно сгинула, Сварог, выпустив рукоять меча, полез за шауром. Рука запуталась в кармане. Когда он извлек овальный предмет, мохнатая тварь уже сидела к нему вполоборота, словно бы и забыв о нем вовсе. И медленно, можно бы даже сказать, отрешенно, самозабвенно перебирала цепь, словно четки. Сварог оторопело смотрел, как она, пропустив меж когтями драгоценную безделку, начала перебирать ее заново, прямо-таки священнодействуя, тихонечко повизгивая с несомненным восторгом.

Некогда было раздумывать. Тихонечко засунув в ножны меч, он бочком-бочком спустился с пригорка, то и дело оглядываясь. Тварь и не заметила его ухода, сидела на том же месте, скрючившись в прежней позе, пребывая словно бы в восторженном трансе. Первое время он еще подозревал коварный подвох, но, удалившись уардов на сто, поверил, что произошло нечто непредвиденное и удача вновь обернулась к нему лицом, обратив более вульгарные детали фигуры кое к кому другому.

И надал, припустил меж деревьев что есть мочи, придерживая болтавшиеся ножны, стараясь не задевать ими за стволы, не шуметь. О следопытских способностях странной твари он не имел ни малейшего понятия, так что следовало убраться подальше, прежде чем ей надоест забавляться с драгоценной безделкой. Может, это такая особая порода хелльстадских чудовищ, на которых драгоценные камни действуют гипнотически? Вводят в транс точно так, как они сами вульгарным подобием пения сирен завораживают других?

Продравшись сквозь жесткие кусты и оставив на длинных колючках вырванные с мясом клочья одежды (парадный наряд был сшит из тончайшего бархата, нисколечко не приспособленного к пешим прогулкам по земным делям), Сварог оказался на широкой дороге. На ней повсюду росли низенькие, то по колено ему, то по грудь, пушистые елочки, но все же это была пришедшая в запустение дорога, сразу видно. Особо не раздумывая, побежал по ней, уже экономя дыхание, войдя в ритм. Отстраненно подумал, что скоро придется шлепать босиком, парадные сапоги долго марш-броска не выдержат – но останавливаться, ясно, не стал. В конце концов, и босиком люди ходят, тут нет ни битых бутылок, ни ржавых консервных банок, как-нибудь выдюжит...

Замедлил бег. Остановился и прислушался. Показалось сначала, что привязалось очередное наваждение. Где там, песня ему не почудилась, впереди чистый и высокий мужской голос забубенно, весело, ни черта не боясь, выводит во всю глотку:

*Ах, это всех касается...
Как шел к себе домой
ты в обществе красавицы.*

Пение приближалось. Тот, кто двигался Сварогу навстречу, держался так, словно был у себя дома, в насквозь знакомых и безопасных местах, где нет нужды таиться и опасаться... Держался хозяином. А значит, был опасен...

Сварог на цыпочках сошел с заросшей молодым ельничком дороги. Ока-

жись вокруг сосны, пришлось бы похуже, а ели – просто клад для ищущего укрытия... Осторожненько, спиной вперед, он пролез меж колючих лап к самому стволу, чуть повозился, выбирая место, откуда сможет видеть кусочек дороги, безбожно пачкая спину смолой, держа шаур наизготовку.

Странно, заливчатская песня доносилась откуда-то снизу, словно ночной певец полз... или росточком вышел пониже пня...

*Ах, это всех касается...
Как посреди невзгод
тебя твоя красавица
лишила всех свобод!*

На дороге замаячило нечто белое, быстро приближавшееся... У Сварога мурашки поползли по спине.

Он наконец-то увидел лицо певца – совсем не там, где ожидал узреть. Лицо как лицо, грубоватая физиономия мужчины лет сорока, бесшабашного любителя гульнуть и поволочиться за девчонками, всклокоченная шевелюра, крупная голова...

А кроме головы, ничего и не было. Человеческая голова проворно скользила над самой землей на толстых паучьих лапах, которые Сварог зачем-то попытался сосчитать, но тут же забыл об этом. В ней не было ничего демонического – всего лишь живехонькая голова, семенившая паучьими лапами, полукрыв глаза, играя густыми бровями, распевавшая:

*Ах, это всех касается...
Как ты живешь с красавицей
в высоком терему,
похожем на тюрьму!*

А следом, держа шеренги, держа четкий строй, слаженно, в ногу, шагали белые костяки, скелеты, иные в кольчугах и разномастных кирасах, иные в продранных кафтанах, кто с мечом у пояса, кто с алебардой на плече, кто безо всего, и без доспехов, и без одежды, и без оружия, они печатали шаг, словно кто-то невидимый проворно управлялся с массой невидимых же ниточек, двигались безмолвно, только временами слышался костяной бряк или короткое лязганье оружия, задевшего соседские доспехи. Конец колонны скрывался за поворотом, но все равно Сварог видел, что их там чертовски много...

Он замер, не в силах, кажется, вдохнуть. Впервые в жизни казалось, что волосы на голове зашевелились, – а может, и не казалось... Прямо напротив него гремел на весь лес задорный голос:

*Ах, и мне б, смеясь и плача,
от души, душою всей,
песни петь – и пунш горячий
разливать в кругу друзей!*

Насчет Головы Сержанта древняя книга нисколько не соврала...

Пение вдруг оборвалось. Едва слышно царапнули хвою паучьи ноги – это голова повернулась вправо-влево, потом опять вправо, таращась прямехонько на то место, где притаился Сварог. Скелеты, словно получив неслышную команду, замерли на месте в идеальном строю. Томительно долгий и жуткий миг. Время остановилось.

Потом голова наморщила брови, лицо исказилось быстро сменяющимися

друг друга гримасами – казалось, соответствовавшими жестам обычного человека, когда он встряхнет головой, чтобы избавиться от наваждения, бросит: «Тьфу, почудилось...» Но тут не было ни туловища, ни шеи, так что голова-паук, погримасничав, еще раз повернувшись на лапах вправо-влево, двинулась с места, заскользила дальше, восвояси, с прежним задором горланя:

*И красавицу хмельную
под покровом темноты
уносить любой ценою
в край загадочной мечты!*

Скелеты, печатая шаг, шеренгами потянулись следом, конца им не было, четверка за четверкой, побрякивая и постукивая, с деревянной тупостью манекенов переставляя ноги и взмахивая руками, маршировала мимо Сварога – а у него рубашка прилипла к спине и ноги подгибались сами по себе. Все же он, не потерявши головы окончательно, смотрел во все глаза и подметил интересную особенность: в голове колонны шагали самые ободранные, если можно так выразиться: одежда в лохмотьях или вовсе отсутствует, оружия у многих нет. Зато чем больше проходило шеренг, тем новее представала одежда, самые последние маршировали уже полностью обмундированные, при сапогах, шляпах и шитых перевязях мечей. Означает ли это, что он видел пленников, жертв, и те, что попались позже, еще не успели истрепать одежонку?

Песня давно уже умолкла вдали, затих стук и лязг, а он все еще не мог заставить себя выйти на дорогу – и выбрался из-под склонившихся к земле колючих еловых лап, лишь убедившись, что пакостная слабость в ногах прошла. Распахнул кафтан, чтобы остудить разгоряченное тело, но рубашка еще долго липла к груди и спине. Если оказался правдивым рассказ о Голове Сержанта – на дороге может попасться и Лотан или Бабка-хихикалка... А от них, согласно тем же источникам, под елочкой не спрячешься... Одно хорошо: по легендам, Лотан «семью семь уардов длиною» – и вряд ли станет заползать в лес, а и заползет, наделает столько шуму и треску, валя вековые деревья, что издали будет слышно, успеешь удрать.

...Он не сразу заметил, что лес вокруг изменился самым кардинальным образом. Стал другим. Не до того было – смотрел во все глаза, не появится ли меж стволами что-нибудь живое, а на сами стволы внимания не обращал...

Лес стал другим. Кора на стволах раза в три потолще еловой или сосновой, бугристая, образовавшая то ли странную чешую, в которой угадывалась определенная гармония, то ли скопище странных барельефов, похожих на черепаший панцирь. Сплошной сетью бугрились толстые корни, почти скрывшие дорогу, так что Сварог то и дело спотыкался, ежеминутно ожидая, что оторвутся подошвы. Ветви непонятных деревьев были покрыты пучками длинных, чуть ли не в локоть, игл. Сварог не удержался, потрогал – оказалось, не иглы, а узенькие жесткие листья, под нажимом пальцев издававшие сухой шорох, тоненькое позвякивание, словно были сделаны из какого-то минерала. В свое время в одной далекой стране он видел деревце-бонсай, выращенное из каких-то кристаллов, – на ощупь было чертовски похоже. В отличие от ельника, здесь даже шум легкого ветерка в кронах был другой – сверху доносилось то же немелодичное позвякивание-шуршанье. Но странный лес не проявлял поползновений его обидеть, так что Сварог немного успокоился душой. Шагал,

высматривая дорогу, порой исчезавшую под скопищем толстых корявых корней, уже не менее получаса двигаясь среди незнакомых деревьев, а конца-краю им все не было. Он старательно отгонял подозрения, что мог сбиться с пути, что окружающее может *меняться*, став совсем другим, не тем, что он видел со скалы. А подозрения такие были...

Справа раздался то ли хохоток, то ли ворчанье. Мгновенно развернувшись в ту сторону, Сварог выхватил меч. Булькающие звуки повторились, еще больше напоминая глумливое хмыканье. Он смотрел во все глаза.левой рукой нашарил в кармане шаур – и тут же отметил шевеление на поляне, среди редкого невысокого кустарника, тоже совершенно незнакомого, немного напоминавшего кривой камыш – только продолговатые шишки покрыты вертикальными густыми веерами листьев-игл.

Показалось сначала, что к нему ползет с полдюжины осьминогов. Присмотревшись, он понял, что имеет дело скорее с растениями, хоть и диковинными: то, что поначалу принял за щупальца, оказалось корнями, двигавшимися с ритмичностью механизма, а над ними, на короткой толстой ножке, бугрилась полукруглая шишка, сверкавшая двумя глазами-полумесяцами. Это были именно глаза, сиявшие волчьей желтизной. Поднимая шаур, Сварог подумал: где глаза, там и пасть...

Парочка странных созданий заходила слева, явно пытаясь отрезать его от дороги, а остальные целеустремленно перли гурьбой, и их проворство Сварогу очень не нравилось. Он прицелился и выстрелил.

Без толку. Явственно слышал деревянный звук удара, но серебряная звездочка наполовину торчала из ближайшей шишки, возле зло сверкавшего глаза. Тварь, ничуть не смутившись такой встречей, приближалась к нему – значит, к нечисти не относится. А твердостью немногим уступает камню...

Говоря по секрету, он с превеликой охотой уклонился бы от боя, ограничься эти создания парочкой угрожающих выпадов, как бывает у диких зверей, прогоняющих вторгшегося на их территорию чужака. Но они недвусмысленно пытались окружить, а шаур их не брал...

Переднее вдруг подобрало лапы, приподнялось на них... Что, прыгать будет? Сварог машинально заслонился мечом по всем правилам. И вовремя – тварь прыгнула, целя ему в грудь чем-то вроде трезубца, враз выросшего на макушке, словно лезвие выкидного ножа. Клинок встретил ее в полете – и отбил, как теннисный мяч. Ощущение было, будто он отразил мечом летящее полено. И все же рану нанес: на месте удара слабым, гнилушечьим мерцанием засветился разрез, тварь издала короткий вопль – и тут же на Сварога кинулись все, мешая друг другу, с сухим стуком перепутываясь ногами, он увидел совсем близко злые желтые глаза, призрачно мерцающие трезубцы, почувствовал боль в ноге и боку, отчаянно завертел клинком, отмахиваясь, прыгая в стороны, сообразив, что проще отсекал им лапы-корни.

Отчаянно боролся за жизнь, вертясь волчком посреди вихря прыгавших ему на грудь проворных созданий, – кажется, их полку прибыло, трезубцы жалили тело, жесткие щупальца тянулись к горлу, взлетали, вертясь, отсеченные лапы, в воздухе повис незнакомый приторный аромат странных смол, за ноги цеплялись сразу несколько тварей, пытаясь вскарабкаться выше, оплести руки, повалить. Сварог уже потерял счет жалящим уколам, лишь отмечал машинально, яростно рубя, что серьезных ран ему пока что не нанесли...

Вокруг него уже сплетался сплошной клубок корявых лап, шишкообразных голов, горящих глаз. Где-то в глубине сознания ослепительно полыхнула мысль: огонь!

Левая рука была оплетена лапами-корнями, как веревками. Он, задыхаясь от дурманящего запаха, окутавшего дождем невесомых капелек, прокричал заклинание – и ткнул возникшим на кончике пальца пламенем в переплетение голов и лап, почти заслонившее от него залитую лунным светом поляну.

Сверкнуло так, словно вокруг воздух был насыщен растертым в пыль порошком. Клубок распался ворохом огненных лоскутьев, снопами искр, твари пылали, как попавшие в пламя свечи пауки, катались по поляне, постепенно замирая. Лишь несколько, до того то ли державшиеся поодаль, то ли поздно прибывшие к месту схватки, улепетывали прочь. В горячке боя Сварог кинулся следом – нельзя было оставлять в тылу уцелевших...

Они бежали недолго – остановились, все пятеро, сомкнулись, словно бы преграждая дорогу к небольшому уродливому бутру, похожему на полусгнивший пенёк, выстроившись перед ним полукольцом, угрожающе шипя, подпрыгивая. Для пробы Сварог попытался зайти справа, пробиться мимо них к этому странному пню, чересчур правильными очертаниями напоминавшему скорее крохотный домик неизвестной архитектуры. Ну так и есть – твари передвинулись по дуге, загораживая дорогу, не попятившись даже при виде огня. Нечто вроде пчелиной матки?! Тем более нужно прикончить...

Ах, как они дрались! Почтище, чем вся немаленькая стая... Порой Сварогу казалось, что его запихнули в мешок к дюжине разъяренных кошек. И все же настал момент, когда он обнаружил, что рубить больше некого – они больше защищали пенёк, чем кидались на грудь, и Сварог поочередно разделался со всеми, заработав еще уйму ссадин и порезов. И обрушил меч на загадочный пенёк.

Клинок неожиданно легко, почти не встретив сопротивления, рассек сверху донизу уродливый пенёк, словно гнилую дыню. В воздухе повис протяжный звон, наружу, будто рой разбуженных шершней, рванулся фонтан желто-бурых огней, и Сварог отпрыгнул подальше, хрипло и шумно хватая ртом воздух.

Ничего жуткого не произошло. Остатки пня больше всего напоминали груды прогоревших угольев, кое-где еще багрово рдели головешки – это догорали твари, – а фонтан тусклых огней, поднявшись выше верхушек деревьев, повис над кронами плоским облаком и медленно растаял.

Сварог перевел дух. Вытер лоб рукавом кафтана, зиявшим неисчислимыми прорехами, бормоча:

– Если это не победа, какого вам еще хрена...

Шумно выдохнул, помотал головой. Казалось, все тело покрыто саднящими порезами, но не видно ни крови, ни ран – твари царапали и жалили, словно сотня спятивших вилок, но мало-мальски ощутимых увечий нанести не смогли. Выходит, здесь и впрямь можно порой выйти победителем из драки, легенды не врут...

Бросив в ножны меч, он присел под деревом и дрожащими пальцами сунул в рот сигарету, самую чуточку гордясь собой. И тут же вспомнил: ночь только началась. Если до самого рассвета ему навстречу будут выскакивать зловещие сюрпризы, дело дрянь, уже сейчас чувствуешь себя выжатым лимоном, по-

следние недели о тренировках и думать забыл, жил в пошлой праздности, тревогодничая, листая книги, болтаясь по балам...

По спине прошла длинная судорога. Яд?! Что, если...

Сигарета выпала из пальцев. И Сварог, еще поднимаясь на ноги, понял, что с ним самим все обстоит нормально – ни корчей, ни судорог. Это бугристый ствол дерева содрогнулся, словно бы сократившись на миг, пройдясь по спине рядами черепаших панцирей-барельефов, оттолкнув...

Вышел на середину поляны, смятенно огляделся.

Лес оживал.

Вокруг величаво колыхались ветки, сталкиваясь, перекрещиваясь, но отчего-то не издавая уже прежнего стеклянного трезвона; стволы в три обхвата качались, словно легкие тростиночки под ветром, могучий шелест доносился со всех сторон. Прямо перед Сварогом, заслонив от него звездное небо, проплыла длинная ветвь, колыша иглообразными листьями, плавно потянувшись к плечу...

Он отскочил, мгновенно и думать забыв о победе. Не вышло победы, ноги бы унести... Рядом звонко треснуло, разверзлась земля – это над ковром палых листьев, роняя рассыпчатые комья, поднимался дугой толстый корень, а повсюду на поляне, куда ни глянь, дергались другие, медленно сокращаясь, шумно высвобождаясь из земли. Звезды над головой, казалось, скачут в сумасшедшем танце – это качались кроны, заслоня созвездия.

Сварог немного опаматовался – и кинулся бежать по дороге, петляя, как заяц, уворачиваясь от тянувшихся наперерез ветвей, с сонной словно бы медлительностью загораживавших путь. Лес был полон могучего шуршанья и шелеста, крепнущих, распространявшихся волнами, но Сварог, мчавшийся со всех ног, эти волны, похоже, опережал. Сообразив это, наддал, силы брались неведомо откуда, и каким-то чудом ухитрился ни разу не споткнуться – а деревья, мимо которых он проносился, стояли смирнехонько, как им и положено испокон веку, но сзади волной взбесившегося прилива накатывался шум оживающей чащобы...

Он уже не выбирал направления, следуя прихотливым изгибам дороги, надеясь, что она выведет из леса. Так и случилось. Деревья расступились, Сварог оказался посреди широкой долины – и еще долго бежал по ней, пока в ушах не стих шум оживающего леса. Посеребренная лунным светом равнина показалась райским местом: здесь царило полное безмолвие, и вокруг, насколько хватало взгляда, – ни малейшего шевеления, необитаемая тишина...

Облегченно вздохнув, он рухнул на спину и, раскинув руки, уставился в звездное небо – и долго лежал так, пока не ощутил, придя в себя и отдышавшись, сырую прохладу земли. Встал, осмотрелся.

Собственно, выбор был небогат – либо блуждать до утра, рискуя вновь и вновь наталкиваться на здешних обитателей, либо затаиться где-нибудь до рассвета. Вот только где? Там, впереди, вроде бы чернеет лес. Но если он окажется столь же странным, оживет? Очертить нательным крестом круг, произнеся старинное: «Бог в черте, черт за чертой»? А если на всю *здесьнюю* нечисть не подействует? Кусты-осьминоги ничуть не испугались серебра, значит, к нечисти не относятся...

И все же не стоило рассиживаться посреди голого поля. Судя по темным пятнам над горизонтом, зиявшим посреди звездной россыпи, там то ли горы,

то ли холмы – осмотреться, может, река и недалеко...

Подкрепившись как следует и выкурив пару сигарет, он со вздохом поднялся и не спеша направился в сторону далекого леса. Светло было – хоть газету читай, за Сварогом послушно скользила длинная черная тень, ныряя в ямки, изламываясь на бугорках.

Первый скелет он обнаружил шагов через сто – голый, не обремененный остатками одежды или оружием. Он не бродил по долине и не торчал на ногах, неведомо какими силами подпираемый, – смирнехонько лежал, щерясь в ночные небеса, как приличному скелету и положено. Сварог постоял над ним, пытаясь определить, что вызвало безвременную кончину – крепкие, молодые зубы наглядно доказывали, что покойный был в расцвете лет, – но так и не доискался. Все кости целы, не поломаны и не изгрызены, просто скелет, и все тут...

Пройдя еще немного, нашел второй – выглядевший точно так же. И чуть подальше – третий. Все это категорически не нравилось. Что-то же должно было их убить? Или – кто-то... Которая версия предпочтительнее в его положении? Он не знал. Прежнее деление на одушевленное и неодушевленное, сдается, не годилось – как и надлежит в месте вроде Хелльстада...

...Потом он вышел к башне. Вернее, сначала заметил тень – узкий черный язык, протянувшийся ему навстречу по равнине, залитой чуточку нереальным лунным сиянием. Свернул, чтобы обойти слева эту тень, и вскоре разглядел сооружение в виде пирамиды с усеченной верхушкой, высотой уардов десять. По углам площадки, всем четверем, торчали какие-то непонятные, невысокие предметы, и в центре возвышалось что-то, напоминавшее то ли широкий крест, то ли язык пламени.

Птица, разглядел он, подойдя совсем близко. Высокая статуя распростершей крылья птицы. И те, по углам, – тоже птицы, но они сидят, плотно сложив крылья, и, похоже, другой породы, знать бы только, какой...

На площадку вела каменная лестница с высокими ступеньками, выглядевшая целехонькой, как и сложенная из продолговатых каменных блоков пирамида. Сварог в задумчивости постоял у подножия. Самым разумным было бы взобраться наверх и занять оборону – однако трудно оказалось бороться с дурацким убеждением, будто он пребывает в безопасности, лишь двигаясь без усталости. Меж тем с точки зрения холодной логики лишь увеличиваешь число подстерегающих тебя опасностей, болтаясь по равнинам и лесам...

Конец колебаниям настал, когда Сварог приметил в отдалении, у кромки леса, перемещение слабо светившихся пятен. Сработал инстинкт – он кошкой взлетел по высоким гладким ступеням, на самый верх, на площадку, окаймленную, как оказалось, невысоким парапетом, не доходившим ему и до колен.

Там было сухо и чисто, площадка выглядела монолитной – нигде не видно хода в глубь пирамиды, люка, проема. Шаги почти не слышны: под ногами, определенно, сплошная кладка без пустот. Пять изваяний, тонкий слой пыли под ногами – и все. Если это что-то вроде кумирни или храма, то в святилище царил довольно-таки аскетичный стиль. А может, в незапамятные времена отсюда унесли все, что можно было унести. Или это гробница, вот только зачем к ней пристроили лестницу? Ну, в конце концов, Мавзолей, с которого вожди принимают парад, мог оказаться вовсе не большевистским изобретением, и патент взят давным-давно под другими звездами...

«Археолог хренов», – одернул себя Сварог. Подошел к парапету и стал высматривать источник свечения. У опушки уже не было никаких огней, но он и не подумал спускаться – пирамида в одночасье показалась родной и обжитой, уходить отсюда уже не тянуло. Он был здесь один, это были его владения... Шагов по десять в длину и ширину, пусть и без крыши. Огромная каменная птица с выветрившейся поверхностью, больше всего походившая на орла – а может, и не орел, – враждебности не проявляла и оживать вроде бы не собиралась. Задрав голову, Сварог разглядывал мощный загнутый клюв и вырезанные с величайшим тщанием перья на груди. Птица была высотой в три человеческих роста, на крыльях виднелись какие-то знаки, не пробудившие в памяти никаких ассоциаций.

Что-то длинно скрежетнуло под каблуком. Нагнувшись, Сварог поднял квадратный кусочек металла с выщербленными краями – с одной стороны половинка обломившейся дужки, на квадратике глубоко выгравирован какой-то знак, напоминающий не руны или Древесный алфавит, а скорее иероглиф с обилием косых черточек, слегка смахивающих на шумерскую клинопись, спиралек и рогулек вроде тех, какими пользуются лозоходцы. Пожав плечами, Сварог бросил пыльную безделку в угол, к парапету, стал разглядывать окрестности.

Если только зрение его не обманывало и Хелльстад не обманывал миражами, далеко на горизонте, там, откуда он пришел (деликатно выражаясь), звезды то и дело пропадали, вновь появлялись, словно их заслоняла размеренно колыхавшаяся полоса. Похоже, оживший лес никак не мог успокоиться. Что-то такое на сей счет было у Шекспира, тамошний лес куда-то отправился семимильными шагами – вот только Сварог совершенно забыл, что это должно было предвещать. Какое-то предсказание определенно имелось. Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсиан... И что? А, не стоит ломать голову. Вряд ли здесь работают шекспировские каноны...

Ну вот, наконец. На полночи, далеко-далеко, по земле словно бы протянулся второй Млечный Путь – тускло-ватозыбкий поток отражений звезд в неспешно текущей воде. Река. На рассвете достаточно будет еще одного хорошего марш-броска...

У подножия башни послышался чистый высокий звук, похожий на звон гонга, поднялся до самых высоких нот и рассыпался переливами серебряных колокольчиков.

Сварог одним прыжком оказался у парапета. У нижней ступеньки в невысоком куполе бледно-золотистого света стояла обнаженная девушка, глядя ему в глаза, весело, доброжелательно улыбаясь.

Черные волосы спускались до пояса, глаза были зеленые, огромные, на смуглой коже сверкало алыми и зелеными самоцветами затейливое ожерелье из золотых треугольников с подвесками.

Он молча ждал, стоя в тени, отброшенной гигантской птицей. Девушка переступила с ноги на ногу, улыбнулась еще шире и спросила:

- Что ты там делаешь?
- Живу я тут, – сказал Сварог.
- Ты там собрался ночевать?
- Есть такая задумка, – ответил он кратко, сторожа каждое ее движение.
- Там холодно и неудобно. – Ее улыбка стала еще шире и обольстительнее. –

Мы можем предложить тебе гостеприимство в наших шатрах, это наш старинный долг – заботиться о попавших в беду путниках... Здесь много чудовищ и нечисти, а мы умеем от них защищаться...

– Кто ты? – спросил Сварог.

– Мы живем здесь испокон веков. – Голос был нежный, как краски на крыльях бабочки. – Переселились в эти края даже раньше, чем тут завелась нечисть. Мы самые древние, путник, и наши законы, принятые на заре времен, повелевают нам помогать всем попавшим в беду...

– А кто тебе сказал, что я в беде? – спросил Сварог не без интереса. Девочка была – с ума сойти.

Серебряным колокольчиком прозвучал нежный смех:

– Я видела, как ты бежал по равнине... Тебя преследуют, верно ведь? Они скоро будут здесь, и эти древние развалины тебя от них не спасут... Ты же видел скелеты? Так кончают те, кто оказался застигнут нечистью ночной порой... Спускайся, я отведу тебя в шатер, а утром тыпустишься в дорогу... Ты ведь к реке идешь?

– Допустим.

– К реке, – улыбаясь, промурлыкала девушка. – Я тебя провожу утром, дальше начинаются наши земли... Или я тебе не нравлюсь?

– Поднимайся сюда, – сказал Сварог.

Она покачала головой:

– Мы передвигаемся только по земле, так уж заведено... Мы не любим зданий, особенно таких, как это, пропитанное черным волшебством. Совсем скоро тебе придется плохо, ты и не представляешь, куда попал. Как только закатится Йагупта, – она грациозным жестом указала на сияющий серп Юпитера, – проснутся здешние духи... Спускайся ко мне, рыцарь. Неужели ты боишься пройти рука об руку с хрупкой девушкой?

Пора было и посмотреть, что представляет собой эта хрупкая девушка...

Он произнес заклинание. Ожидал, конечно, «ряд волшебных изменений милого лица» – но реальная сущность ночной гостьи оказалась такова, что Сварог испытал весьма сложные чувства. Ему пришло в голову: было бы даже лучше, окажись у подножия лестницы *целиком и полностью* отвратное чудовище...

В общем, красавица осталась почти такой же пленительной – личико, прическа, ожерелье и фигура особых изменений не претерпели. Вот только зрачки огромных зеленых глаз превратились в вертикальные щели вроде кошачьих или змеиных.

Змеиных, конечно... Чуть повыше колен ноги неуловимо переходили в толстое змеиное туловище с крупными чешуями, покрытыми зигзагообразным черно-желтым узором, длиной уарда в три, оно плавными изгибами протянулось по земле в сторону от ступенек (словно стрелка компаса, отклоненная магнитным полем), и острый кончик, покрытый толстыми роговыми кольцами, в точности как у гремучки, ритмично и неустанно колыхался над травой, подобно стрелке метронома...

Должно быть, он чем-то выдал себя: лицо девушки-змеи (и в новом облике оставшееся обольстительно-наивным) вдруг напряженно застыло.

– Что с тобой, рыцарь?

– Да ничего особенного, – сказал Сварог. – Стою, смотрю... Что это у тебя там,

сзади, болтается? На змеиный хвост похоже...

– Ах, вот ты о чем... – Она моментально справилась с собой, смотрела с прежней улыбкой, ангел честности и доброты. – Я не хотела тебя пугать... Вы, люди извне, так быстро пугаетесь всего непонятного... Что во мне тебя страшит? То, что я на тебя не похожа? Что же здесь странного? Просто я другая... Это еще не означает, что от меня нужно ждать плохого, верно ведь?

– Убирайся, – сказал Сварог. – Сгинь, рассыпья... Иначе получишь серебром в лоб.

– Ты не рыцарь, – сказала она грустно. – А серебра я не боюсь... Хочешь убедиться? – Улыбка была чарующей, на Сварога ни одна женщина в жизни так не смотрела. – Я хочу тебя, рыцарь, хоть ты и груб... Спускайся ко мне. Там, наверху, одиноко и холодно... Мои поцелуи горячат кровь... Если я тебе не нравлюсь, есть другие, еще красивее...

Осененный внезапной догадкой, Сварог отбежал к противоположной стороне парапета. Так и есть: вдоль стены медленно скользили еще четыре таких же создания. Две девушки, ничуть не уступавшие прелестью его собеседнице, мужчина с густой курчавой шевелюрой и растрепанная старуха с обвисшими грудями, но столь же роскошным ожерельем на шее. Увидев, что обнаружены, они ничуть и не смутились, похоже, девушки заулыбались, замахали руками:

– Спускайся к нам, рыцарь! Мы рады гостям и умеем любить! Не пугайся непонятного, разве оно непременно должно стать враждебным?

– Золотые слова, – проворчал Сварог под нос.

Вообще-то в этом была сермяжная правда. Возможно, змеелюди – добрейшие создания с тысячелетними традициями щедрейшего гостеприимства. Непонятное и в самом деле не обязательно враждебное...

И все же на равнине валяются скелеты. А вокруг простирается Хелльстад. Не время и не место для доверчивости...

Вернувшись к лестнице, он глянул вниз. Девушка стояла на том же месте, увидев Сварога, медленно подняла над головой тонкие руки, грациозно выворачивая кисти, прошлась в танце – даже теперь, когда он видел, что это танцует на хвосте змея, танец завораживал...

Завораживал?! Вот именно!

Отступив к изваянию птицы, он сел на прохладный камень, опустил голову, зажал ладонями уши, но все равно явственно различал неизвестно откуда льющуюся нежнейшую мелодию, прекрасную, как радуга, и девичьи голоса, проникавшие, казалось, под череп:

*Во сне и наяву, едва глаза прикрою,
пульсируют, звучат два сердца, два птенца.
Со мной ты танцевал над солнечной страной –
и все-таки, увы, не разглядел лица...
Слепил полярный день истомою полночной,
сверкая, таял снег, и музыка лилась.
Во сне и наяву мы танцевали молча,
сначала в первый раз, потом в последний раз...*

Он боялся чего-то страшного, ждал, что ноги сами шагнут к лестнице, – но довольно быстро понял, что гипнотического влияния песня на него не оказывает, хотя, несомненно, должна, не зря же так стараются, взлетая до немислимых пределов нежности и печали, голоса девушек-змей...

*Покуда два птенца, крича, рвались друг к другу,
мы, нежно обнявшись, кружились над землей,
со мной ты танцевал под солнечную вьюгу,
во сне и наяву она была со мной.
Покуда длился танец, покуда мы молчали,
покуда длился день, и ночь, и явь, и сон,
два выросших птенца с окрепшими крылами
рванулись в вышину, под синий небосклон...*

Они не могут подняться, облегченно вздохнул Сварог, привалившись спиной к постаменту. Как знать, возможно, все дело в птице – он смутно помнил, что в древней мифологии чертовски много места отводилось битве змеи и птицы, и в здешней тоже, змея и птица – постоянные противники...

И сам не заметил, как стали слипаться глаза.

...Проснулся он от зябкого холодка, ошалело вскочил на ноги, подброшенный памятью о последнем растаявшем кошмаре из сна, – и вспомнил сразу, где он, кто он, что с ним.

Прямо над головой виднелся клочок нежно-голубого утреннего неба. Прямо над головой. А вокруг, словно стены колодца, вздымались зелено-желтоватые кроны, куда ни глянь – ломаные линии толстых веток, покрытых пучками похожих на иглы листьев...

Он стоял у подножия каменной птицы с распростертыми крыльями. Другие, все четыре, сидели по углам площадки, плотно прижав крылья к телу. Башня ничуть не изменилась – но вокруг был тот самый лес. Либо башня переместилась неведомым образом, либо лес в полном соответствии с Шекспиром сдвинулся с места и ночью замкнул кольцо...

Хорошо еще, никаких змеелюдей не видно. Сварог топал ногами, махал руками и ежился, пока не вспомнил про заклинания. Одну за другой торопливо осушил три чашки горячего кофе – хорошо все-таки быть магом, пусть и недочкой, и в приступе нерассуждающей решимости спустился с башни. Дневной свет подействовал на него, как хлыст. Над деревьями сияла ало-золотая полоса восхода, сориентировавшись по ней, Сварог быстрыми шагами направился в ту сторону, где вчера видел реку.

То и дело приходилось переступать через толстые корни, змеившиеся прямо по земле, – да, лес, никаких сомнений, умел ходить не хуже его самого...

Недосмотрел, споткнулся, и тут же, словно это послужило сигналом, лес стал оживать. Кроны зашевелились, ветки плавно опускались к земле, словно бы ища Сварога на ощупь, но он, плюнув на графское достоинство, припустил, как заяц, уклоняясь от шарящих ветвей, насколько удавалось. Несколько раз налетал лицом на пучки листьев, выставив перед лицом согнутую в локте руку, несся зигзагами, а в кронах уже слышался ропот и шум, вроде бы даже членораздельный – нет, на эти штучки нас не поймаешь, подите вы все с поющими змеедевами и говорящими деревьями...

Опомнился, выскочив из леса на равнину, обеими руками отряхнул волосы от запутавшихся листьев. Увидел еще один скелет и почти равнодушно прошел мимо – впереди, среди окаймлявших долину откосов, виднелся широкий проход, вполне подходящий для человека, но узкий для живого дерева с раскидистой кроной...

Оглянулся. Сзади шумело и шелестело, над равниной пронесся странный

звук, напоминавший длинный призывный крик, крайние деревья, кажется, сдвинулись с места – но Сварог уже нырнул в проход, почти бегом пустился среди голых граненых скал. Нет, деревья сюда не пролезут. Зато могут выйти навстречу местные обитатели, а деваться-то и некуда, по скалам не вскарабкаешься...

– Ну вот, – грустно-философски констатировал он, выхватывая меч. Опомнился, перебросил его в левую руку, достал шаур, держа палец над самым спуском. Похоже, это и называется – упомяни о черте...

В узком скальном проходе шириной уарда в два, загораживая ему дорогу, лежал лохматый черный пес.

– Вот и свиделись, – громко, прогоняя испуг, сказал Сварог, прислонился спиной к скале, чтобы сзади не зашел ни один неожиданный сюрприз, стал ждать.

При звуке его голоса пес торопливо поднял лобастую голову, завертел ею вправо-влево, словно бы прислушиваясь. Глаза у него оставались закрытыми. Потом он рухнул набок, открыв голый розовый живот, засучил лапами и жалобно захныкал. Попытался неуклюже встать, упал на землю и заскулил громче.

Сварог перепробовал все известные ему заклинания, но никаких изменений не произошло. То, что он видел перед собой, было истинным обликом неизвестного зверя, который, несмотря на размеры взрослой овчарки, всеми своими повадками и видом чрезвычайно напоминал оставленного матерью без присмотра щенка. Судя по нераскрывшимся глазам – не старше двух недель. Но какова же тогда мамаша?

Сварог выжидал. Непонятного возраста зверь хныкал все жалобнее и громче, упрямо подползая все ближе. Если это и в самом деле щенок, мамаша соответствующего роста, вернувшись, закатит такой концерт посягающему на чад...

Потом он решил. Осторожно обошел зверя, чутко прислушиваясь. За поворотом проход расширялся, выводя в ущелье. Сварог остановился, огляделся, присвистнул. Скулеж за его спиной приближался – щенок полз за ним, теперь Сварог не сомневался, что это и в самом деле щенок, а мать за ним уже не вернется.

От нее почти ничего и не осталось – клочья черной шерсти в кровавых лужах, оторванное ухо размером с газетный лист. Должно быть, она затащила малыша в проход, слишком узкий для напавшего на нее противника, вернулась в ущелье и приняла бой. Либо ее враг не уступал ей силой и размерами, либо врагов была целая стая. Оба варианта не сулили Сварогу ничего приятного. Кровь еще не успела свернуться окончательно – те, кто это сделал, могут отираться неподалеку...

Вернувшись к щенку, Сварог присел на корточки. Веки наконец-то разомкнулись, на Сварога таращились совершенно бессмысленные, мутно-фиолетовые глазищи. Мокрый нос требовательно тыкался в ладони. Щенок уже не хныкал – надрывно орал. Просил есть. То, что перед ним не мать, его ничуть не заботило. Он еще не знал, что таких, как Сварог, здесь не должно быть. И сырое мясо, извлекаемое Сварогом из воздуха, глотал, не жуя, пока не налопался. Затих, завалился на бок и стал неумело ловить ногу Сварога лапищами с полупрозрачными, налитыми розовым когтями.

– Навязался на мою голову, – сказал Сварог озадаченно.

Оставить здесь нельзя – сожрут в два счета.

– Меня самого того и гляди сожрут, – сказал Сварог. – Если не хуже. Но для тебя это слабый аргумент. И для меня это слабый аргумент. – Он говорил громко, чтобы не так тоскливо было посреди бурных скал. – Все дело в том, что наши собаки подрывались на минах, мы их туда привезли и заставили искать мины, так что благодари, сопляк, этих собак, которые еще не родились, потому что мы перед ними чертовски виноваты, может, даже больше, чем перед людьми...

Он долго возился, пока оторвал от кафтана две узких длинных полоски золототканой тесьмы. Одну обмотал вокруг шеи щенка вместо ошейника, другую привязал к ней вместо поводка. Впервые в жизни воспользовался заклинанием, лишившим предметы веса. Правда, это годилось только для мелких предметов, а щенок весил немало, и оттого Сварог почувствовал себя так, словно затащил пятипудовый мешок на пятый этаж – оказывается, у заклинаний были и побочные эффекты... Отдохнув немного, зашагал вперед. Щенок плыл в воздухе, но не похоже, чтобы он от этого испытывал какие-то неудобства.

Короткое мощное шипенье пригвоздило Сварога к земле на открытом месте. Он остановился, завертел головой, высматривая источник звука. Мелькнула дикая мысль – паровоз. Именно на паровоз это больше всего походило, а если искать другое объяснение, заранее жутко делается...

Он так и стоял, когда справа, не так уж далеко от него, поднялась над каменной осыпью черно-зеленая змеиная голова величиной с троллейбус.

Уму непостижимо, сколько успевает человек сделать за считанные секунды. Сварог совершенно не помнил, как он оказался за отдаленным валуном, когда лег, намотав на кулак тесьму, держа щенка у земли.

Змея поводила головой, медленно вытягивая тело на осыпь. Шуршали, хрустывали, скрежетали камни под грязно-белым брюхом. Сварог, не сдержавшись, пощупал ладонью штаны меж ног. Сухо. Но он не удивился и не застыдил бы ничуть, окажись там мокро.

К нечистой силе, мгновенно определил он, змея не имела никакого отношения. И меч, и шаур для нее немногим опаснее булавок, очень уж громадная. Самое подходящее в такой ситуации – мужественно застрелиться... Попробовать отпугнуть ее слабеньким огнем, годным только на то, чтобы прикуривать?

Щенок недоумевающе заскулил. Ему очень понравилось плавать по воздуху, и он сердился, что забава кончилась.

– Молчать... – умоляюще прошептал Сварог.

Змея не слышат. У них нет ушей. Но относится ли это к черно-зеленому чудищу, длинному, как предвыборные обещания?

Голова размером с троллейбус раскачивалась вправо-влево уардах в пятнадцати над землей. Черный раздвоенный язык скользкой лентой выскочил из пасти, затрепетал в воздухе, втянулся назад. Глаза, словно прожекторы, вдруг испустили два конуса бледно-зеленого света, ощупывавших землю и скалы. И Сварог со страхом увидел, как оставленные им, едва видимые следы наливаются угольно-черным, попав в это свечение, и проявляется вся их цепочка, ведущая за валун.

Змея оживилась, теперь все ее тело вытянулось на открытое место. Слепой ужас понемногу овладевал Сварогом, еще миг, и он сделает что-то непоправимое, окончательно потеряет себя, побежит в панике, ничего вокруг не видя и не слыша, и это будет конец.

Холодный мокрый нос ткнулся ему в ухо, скользнул по щеке, и он очнулся. Он был графом Гэйром, и он знал змеиный язык. Вспомнив это, он выпрямился во весь рост, прижимая сапогом к земле импровизированный поводок, рывкнул:

– Что тебе нужно, тварь?

Риск был немалый. Знание языка ничегошеньки не гарантировало. Даже люди, цари природы, разговаривавшие на одном языке, веками лупили друг друга по головам мечами и прикладами. Но другого выхода он не видел. Заболтать и поискать уязвимое место...

Бледно-розовое сияние метнулось к нему, залило с ног до головы, вызвав странное покалывание в висках. Он ждал с колотящимся сердцем. Змея не шевелилась, и это прибавляло надежды. Наконец, после показавшихся веками минут, где-то под черепом у него зазвучал невыразительный, глухой голос, в котором, однако, явственно различалось удивление:

– Ты говоришь на языке глорхов. Ты не похож на глорха. Как это может быть?

Похоже, особым интеллектом змеюка не блистала.

– Просто я так со стороны выгляжу, – сказал Сварог. – А на самом деле я больше тебя буду.

Змея неуверенно сказала:

– Я всех ем. Я самый большой. Я самый сильный.

– Я тебя сам съем, – сказал Сварог. – Я сам гад ползучий. Огнем сожгу, если рассержусь. Видишь?

И он заставил вспыхнуть самый большой огонь, на какой был способен – язык пламени величиной с ладонь. В висках мучительно зануло от перенапряжения. Он помнил, что у змеи есть какие-то органы, которыми они с изощренной чуткостью видят тепло.

И эта не была исключением – она резко отдернула голову, жутко зашипела, припала к земле. И сказала:

– Никто не умеет делать огонь. Только люди Повелителя. Ты из его людей?

У Сварога был большой соблазн объявить себя правой рукой неведомого Повелителя. Но он побоялся запутаться. И сказал:

– Я не из его людей, но я тоже умею делать огонь. И если не отвяжешься – сделаю очень большой огонь, и он тебя сожжет.

Змея не шевелилась, сбита с толку. Наверняка такого с ней еще не случилось – чтобы кто-то, не принадлежавший к ее породе, да еще такой маленький, говорил с ней на ее языке. Вполне возможно, со зверем поумнее такой номер не прошел бы, но чудище оказалось слишком тупым, чтобы уметь сомневаться и ловить на противоречиях.

– Слышала? – Сварог не давал ей времени опомниться и подумать. – Я сам огнедышащий змей, огненный гад.

Со змеей происходило что-то странное: Сварог мог бы поклясться, что она пытается вжаться в камни.

– Значит, ты пришел из моря?

Сварог рискнул:

– Конечно. Едва обсохнуть успел.

– Значит, ты слуга Ужасного?

– Считай, я его друг, – сказал Сварог. – Самый близкий.

Змея вдруг затараторила:

– Господин друг Ужасного, огненный гад, позволь мне уйти. Я не хотел тебя есть. Совсем не хотел. Ты пошутил, прикинулся этим двуногим, маленьким. Я сразу догадался. Позволь мне уйти.

– Убирайся, – сказал Сварог.

Заскрежетало, полетели камни – со всей скоростью, на какую она была способна, змея развернулась на месте, извиваясь, заструилась прочь, моментально скрывшись с глаз, только острый кончик хвоста мелькнул. Удалявшийся хруст щебенки возвестил, что она не хитрит, а искренне торопится прочь. Будь у нее ноги, она неслась бы со всех ног.

Сварог опустил на землю, опершись спиной о скалу, его била дрожь. Он выстрелил с завязанными глазами и угодил в десятку. Что за ужас обитает в океане, если он способен внушать панический страх таким вот монстрам?

– На этот раз мы выкрутились, малыш, – сказал он, борясь с приступом идиотского хохота. – На этот раз. Но дорога у нас длинная...

Он поднялся, зажал в кулаке тесемку и быстро зашагал вперед. Самые безопасные места в Хелльстаде – берега реки. Нечисть предпочитает держаться подальше от текущей воды. Правда, судя по первым впечатлениям, здесь хватает и вполне плотских страхов...

Увы, у него не было ни лодки, ни корабля, и не из чего смастерить плот. Возможно, и существовали заклатья на сей счет, но они покоились где-то в архивах – ну зачем лару бревна или лодки?

Сварог стоял на каменистом берегу, у его ног тихо поплескивали невысокие зеленоватые волны, а на противоположном берегу, далеко, подернутом дымкой, виднелись те же скалы. Стояла первозданная тишина, предстояли долгие дни пути, а у дней были ночи – время нечисти.

– Если мы отсюда выберемся, малыш, мы будем героями, – сказал Сварог.

Он безрадостно смотрел на широкую спокойную реку – и вздрогнул, протер глаза.

Нет, никаких сомнений – по течению плыл трехмачтовый корабль. На мачтах поднято только по одному парусу, самому верхнему – Сварог не знал, как они называются, – и парус на бушприте, под которым красовалась золоченая конская голова. Корабль был большой, океанский, с двойным рядом распахнутых пушечных портов.

Над водой вдруг пронесся тягучий, раскатистый грохот – и далеко за кормой корабля взмыл белопенный столб. Почти сразу же грохот повторился, и снова, и снова, поднятые взрывами водяные конусы, казалось, протянулись по ниточке, словно шеренга солдат на смотре. От неожиданности Сварог выпустил тесьму, легкий ветерок понес щенка над рекой. Сварог, опомнившись, забежал в воду по колени, поймал конец, сгоряча выкрикнул заклинание. Вмиг отяжелевший щенок рухнул ему на грудь, сшиб в воду и негодуяще завопил. Промокший насквозь Сварог выволок его на берег, пробормотал:

– Полежи пока...

И заорал так, что его, должно быть, слышали на том берегу, побежал сле-

дом, вопя, как сто Робинзонов, размахивая руками. Благонамеренных людей, законопослушных бюргеров никак не могло занести в Хелльстад, но выбирать не приходилось. Пираты, авантюристы, контрабандисты, жаждущие подвигов и приключений, бесшабашные оборванные рыцари Вольных Майоров – все лучше, чем здешние чудовища.

Он заорал еще громче, но уже от радости – его явно заметили. На фоне путаницы снастей промелькнули быстро карабкавшиеся снизу вверх фигурки, хлопотали, свертывая паруса, до берега донесся грохот якорной цепи. Вскоре от борта отвалила большая шлюпка и взяла курс прямо на Сварога.

Сварог ждал, весь подобрравшись. Щенок, оставшийся у воды уардах в ста от него, вопил, как резаный. Шлюпка остановилась недалеко от берега, хрустнула днищем по песку мелководья, тот, что сидел на носу, небрежно и умело навел на Сварога арбалет. Стрела была с серебряным наконечником – вполне понятная и уместная здесь предосторожность. Судя по физиономиям, самой разнообразной одежде вместо морской формы и богатому ассортименту навешанного на каждого оружия, народ был выдавший виды и напрочь лишенный сентиментальности. Тот, что с арбалетом, выглядел чуточку интеллигентнее, но и он не казался чужим в компании – этакий бакалавр неизвестных наук, в силу сложности жизни и непредсказуемости ее течения давно и бесповоротно прибившийся к пиратской вольнице. Залысины открывают высокий лоб, на плечи падают пряди сидящих темных волос. Этот человек и нарушил напряженную тишину:

– Ну, и что вы нам интересного скажете?

Кто-то жизнерадостно заржал, но тут же утих.

– Мне бы убраться отсюда, – сказал Сварог. – Тут неуютно.

На этот раз заржали все, кроме человека с арбалетом, принялись толкать друг друга локтями, орать наперебой: «Нет, слышал? Неуютно тут!», и вновь заливаться хохотом. Тут во всю мочь взвыл щенок, обиженный отсутствием внимания, и гогот сразу стих.

– Добыл-таки! – громко удивился кто-то, и на Сварога стали посматривать с уважением. Человек с арбалетом опустил оружие, что-то решая про себя. Наконец сказал:

– Забирайте собаку и лезьте в лодку. Живо!

Сварог опрометью кинулся за щенком. В шлюпку его пришлось тащить на плечах – Сварог не хотел показывать свои способности, открываться. Пока что все козыри у них на руках, так что не мешает и ему утаить парочку в рукаве...

Он сидел на корме и смотрел, как приближается светло-коричневый с синими полосами борт корабля, начищенные медные буквы на носу: «Божий любимчик». Флаг на корме – красно-зеленый с тремя золотыми стрелами штандарт княжества Ортог, одного из Вольных Майоров, даже если и подкреплён был должными документами, означал примерно то же самое, что во времена Сварога панамский и либерийский. Из-за отсутствия других источников дохода имевшее доступ к морю княжество торговало своим флагом, выдавая патенты порта приписки без особо придирчивых расспросов, за что неоднократно огребало резкие дипломатические ноты. Но в таком положении дел были заинтересованы и судовладельцы крупных держав, обделывавшие под удобным флагом дурно пахнущие делишки, так что дело всегда как-то улаживалось. Возможно, пираты. Или пираты не каждый день, совмещавшие это за-

нятие с купеческими делами (здесь, как когда-то на Земле, таковое совместительство кое-где процветало и считалось самым житейским делом). Как бы там ни было, и тем, и другим вроде бы незачем забираться в Хелльстад. Странно. Одно ясно – с нечистой силой они не имеют ничего общего, спасибо и на том...

Не такая уж это была вольница – подняв на талях шлюпку, гребцы дисциплинированно улетучились куда-то, остался только человек с арбалетом. Сварог украдкой огляделся – палуба была чистая, недавно надраенная. Свистела боцманская дудка, хлопали распускаемые паруса. Сварог уложил щенка у борта и вопросительно взглянул на человека с арбалетом. Тот мотнул головой в сторону:

– Капитан. Боцман.

К ним приближался здоровенный краснолицый мужик, чисто выбритый, с роскошными бакенбардами. В левом ухе у него сверкала целой пригоршней разноцветных камней замысловатая серьга, больше похожая на головоломку, расшитый золотом вишневый бархатный кафтан, надетый на голое тело, являл зрителю мощную волосатую грудь, на коей красной тушью наколота русалка в объятиях осьминога – тремя щупальцами морской житель лапал деву, а в остальных держал бутылки и штопор. Пониже, только на сей раз синим и зеленым, была изображена еще одна бытовая сцена из морской жизни – на краю огромной бочки, свесив в нее ноги, восседал моряк, имевший некоторое сходство с капитаном, а плававшая в бочке русалка ублажала его, как выражаются дипломированные сексологи, орогенитальным способом.

За капитаном, отступив на шаг, возвышался над ним головы на две боцман – в кожаных штанах, обнаженный по пояс, не то чтобы страшно мускулистый, но ужасно жилистый. Голова выбрита наголо, а свисающие на грудь усы тщательно перевиты золототканой ленточкой. На шее висели серебряная боцманская дудка и тонкой работы золотое ожерелье с изумрудами, явно украшавшее прежде какую-то знатную даму. На широком кожаном поясе богатая коллекция разнообразного оружия – словно ходячая реклама оружейной лавки. Вот только татуировка у него на груди оказалась скромнее – синий рыбий скелет, державший во рту кортик.

Словом, это было прямо-таки опереточная парочка – пока не рассмотришь хорошенько их дубленые лица и не заглянешь в глаза. Сварог попытался угадать, откуда они. Капитан, темноволосый и синеглазый, вполне мог оказаться гланцем, ронерцем с юга, а то и горротцем. Происхождение лысого, как Фантомас, боцмана, определить было невозможно – глаза светло-серые, холодные, но это еще ни о чем не говорит. Обоим лет по сорок и, что немаловажно, ни у капитана, ни у боцмана не видно ни шрамов, ни следов от пулевых ран. Плавают они явно не первый год. Добраться до своих нынешних постов в этом далеко не самом спокойном ремесле и не заполучить ни единого шрама – значит, оба моряка были крайне ловкими в обращении с оружием и к тому же людьми незаурядными во многих других отношениях. И чертовски везучими, конечно.

Капитан всмотрелся в него и удивленно вытаращил глаза:

– Ты откуда здесь взялся?

Человек с арбалетом быстро зашептал ему на ухо. Боцман подобрался, глядел на Сварога так, словно прикидывал, что из своего богатого арсенала следу-

ет использовать в первую очередь.

– Ничего не понимаю, – сказал капитан. – Это его цвета. Его герб на мече. Даже физиономия его. – Он присмотрелся. – Вот только шрама нет, и вообще он другой какой-то, то ли помоложе, то ли благополучнее...

Сварогу захотелось выругаться от отчаяния. Положительно, здесь нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться на людей, знавших его предшественника...

– Ну, незнакомец! – рявкнул капитан. – Язык проглотили? Какого рожна вам здесь нужно?

– Единственное, что мне нужно, – выбраться из Хелльстада, – сказал Сварог. – Быть может, мы обговорим, на каких условиях вы согласились бы взять меня пассажиром?

Моряки переглянулись.

– В мешок – и за борт, – сказал боцман. – Его милость намеревается смыться из Хелльстада, и его, как по заказу, выносит на берег именно там, где проплывает «Божий любимчик». А подделка, между прочим, довольно бездарная. Граф Гэйр никогда не стал бы спускаться на землю в одежде своих цветов.

– Между прочим, он и не пытался выдать себя за графа Гэйра, – сказал человек с арбалетом. – Он себя пока что никак не называл. Самозванец непременно бросился бы мне на шею и стал укорять, что я не узнаю старых друзей. А он смотрел на меня, как на чужого.

– Вообще-то я тоже мог бы поклясться, что на нас с Блаем он тарацился, как на случайных соседей за трактирным столом, – сказал капитан. – Блай, если бы нам хотели подсунуть подделку, работали бы тоньше. Наконец, это несомненный лар – уж я-то вижу... Ну, незнакомец, что мы решим? «Божий любимчик» пассажиров не возит, а если уж и берет, то тех, в ком ничуть не сомневается. А вы – ходячая загадка. Вы не бойтесь, Блай шутит. В мешке мы вас за борт выкидывать не будем, не палачи же, в самом-то деле. Бережно отвезем на берег и отпустим на все восемь сторон света, шагайте, куда вам больше нравится. Скажете, это все равно будет убийство? Наверняка. Но мы в Хелльстаде, а не в веселых кварталах Дарга. Я отвечаю за свой корабль и экипаж, вплоть до корабельного кота, еще и оттого, что корабль мой собственный. И не могу взять на борт подозрительную личность, к тому же двойника человека, о котором у меня остались самые хорошие воспоминания.

– Вы никогда не слышали такую поговорку: «Не спрашивай, и мне не придется врать»? – спросил Сварог.

– Не слышал, а жаль. Пословица, признаться, неплоха. Но мне больше нравится другая – «Только от мертвых не бывает неожиданностей». – Он подошел поближе. – Незнакомец, мы живем в суровое время и на суровой планете. Будь у меня сердце из чистого золота пробы балонгского Провизориума, я все равно не годился бы на роль благородного дурака из рыцарского романа. Я человек недоверчивый. Благодаря чему и дожил до своих лет, стою на мостике моего красавца, а не гнию где-нибудь в серой гостинице[4], и не в моем черепе морские рыбки мечут икру... Короче, иногда я беру пассажиров. Но плата за проезд у меня особая – полная откровенность. И я не собираюсь ради вас менять устоявшиеся привычки. Более того, ваше поразительное сходство с известной особой заставляет заломить двойную плату. Будете платить или прикажете подать шлюпку?

– Боюсь, у меня нет выбора, – сказал Сварог.

– Это означает, что Блаю нет нужды распорядиться насчет шлюпки?

– Я восхищен вашей проницательностью, – сказал Сварог.

Щенок, о котором как-то забыли, взвыл. Они обернулись туда, и Сварог увидел удивительную вещь – щенок поднял голову и, должно быть унюхав своего спасителя, вдруг затрясся, весь подался вперед, превратился в зыбкую полупрозрачную тень, растянувшуюся от борта до того места, где стояли люди, и через миг как ни в чем не бывало лежал у ног Сварога, тычась мордой в его сапог.

Сварог шумно выдохнул воздух. Похоже, только он один был поражен увиденным.

– Силы небесные! – сказал боцман Блай. – Да он, сдается мне, и в самом деле не знал, что это за зверушка!

– Что это? – спросил Сварог растерянно.

– Гарм, хелльстадский пес, – сказал человек с арбалетом. – Мечта многих. Зверь, обладающий властью над пространством. Всю жизнь будет верен тому, кто окажется рядом, когда щенок впервые откроет глаза. Но чтобы оказаться первым, кого увидел щенок, нужно сначала разделаться с мамашей. А это задача не из легких, даже учитывая, что на время кормления щенка она многие свои качества теряет... Как вам удалось?

– Если честно, я его просто нашел, – сказал Сварог. – Мать погибла.

– Ладно, – сказал капитан. – Охотничьи рассказы оставим на десерт. Меня зовут капитан Зо. Это, как вы успели услышать, – боцман Блай. Это – штурман Борн. А как зовут вас, незнакомец, и все остальное вы нам сейчас расскажете подробно и обстоятельно. Давайте спустимся в каюту. Я распоряджусь, чтобы зверю дали жрать.

Они спустились в капитанскую каюту на корме. Сварог откровенно осматривался. В каюте царил образцовый порядок, изящная прочная мебель явно изготовлена не корабельным плотником, одна стена занята книжной полкой, вторая увешана оружием, а на третьей, над постелью...

В стену накрепко заделаны пять позолоченных крюков, и на четырех – человеческие головы, каким-то чудом выглядевшие совершенно живыми. Кажется, вот-вот откроют рот, шевельнут губами, переведут взгляд... Очаровательная синеглазая женщина с копной золотистых волос, свисавших едва ли не до покрывавшего постель яркого ковра. Смуглолицый мужчина, черноволосый, чернобородый, с рубиновой серьгой в ухе. Длиннолицый старик. Тонкогубый мужчина средних лет с тщательно прилизанными волосами и желчным лицом канцелярской крысы в высоких чинах. Все лица выглядели спокойными, только в глазах у женщины словно бы навеки застыло удивление.

– Любуетесь? – спросил капитан Зо. – Что поделать, есть у меня маленькая слабость, одна-единственная – люблю перед сном выкурить трубочку-другую и распить бутылочку-другую, глядя на эти милые лица и вспоминая, сколь многое меня с ними связывало, как бурно протекали наши встречи и как мы жаждали этих встреч...

– Но она... – показал Сварог на золотоволосую.

– А вот она-то, незнакомец, была самой опасной из всех – прелестница, сука такая, при том, что остальные отнюдь не являли собой образец благонравия, добра и чистоты... Видите пустой крюк? Есть еще одна голова, пока что крепко

сидящая на плечах. Это будет жемчужина коллекции, если только удастся ее обрести. Не смотрите на меня так. Любой из этой милой четверки проделал бы со мной то же самое, и моя кончина была бы не в пример мучительнее. Мне повезло больше, вот и все. Игра была честная.

Сварог вспомнил про черепа в собственном подвале. Что ж, в каждом монастыре свои уставы... Он подошел к высокому кормовому окну – настоящему окну с резными рамами – и смотрел, как пенится за кормой кильватерный след и зеленоватые волны убегают к берегам. За его спиной позвякивала на столе расставляемая посуда.

– Ну, садитесь, – сказал капитан Зо. – Хлебните рому и начинайте исповедь.

Он так и не встал со своего кресла, пока Сварог говорил, а длилось это долго, – сидел и слушал, ни разу не вмешавшись и не перебив. Боцман Блай переживал все гораздо непосредственнее – крикал, ухал, стучал кулаком по столу, выпускал то недоверчивые, то изумленные возгласы. Штурман Борн часто задавал вопросы – и когда речь шла о ключевых моментах, и когда дело касалось малозначащих подробностей.

– Вот... – сказал Сварог. – Больше вроде бы и нечего добавить, хоть режьте...

– Мне тоже так кажется, – сказал капитан Зо. – А вам, друзья?

– Лихо закручено, – покрутил головой Блай. – Лучшее, что я в жизни слышал.

– А главное, во всем этом есть одна чрезвычайно важная деталь, – задумчиво сказал штурман Борн. – Эта история, будь она вымышлена, не могла бы принести нашему герою ровным счетом никакой выгоды – одни хлопоты. Даже если бы мне пришлось гадать, врет он или нет, я бы сказал то же самое. Но гадать нет нужды, я и так знаю, что он говорит чистую правду. Увы...

– Почему – увы? – спросил Сварог.

– Потому что ваше появление причинит нам одни лишние хлопоты. А у нас, поверьте, хватает и своих. Взять на борт человека, против которого что-то замышляют подручные Великого Мастера...

– Надеюсь, вы меня все же не высадите? – натянуто улыбнулся Сварог. – По моему, я заплатил, сколько с меня запросили...

– Никто вас не высадит, – заверил его капитан Зо.

– Потому что неизвестно еще, кому из нас следует больше жаловаться на судьбу, – усмехнулся Борн как-то грустно. – Нам на то, что мы вас подобрали, или вам – что попали к нам...

– Мы тоже не в дружбе с Великим Мастером, вот что, – сказал боцман Блай.

– Но я-то с ним вроде бы не ссорился... – пожал плечами Сварог.

– Быть может, вы бросаете ему вызов самим своим появлением, – тихо сказал Борн. – Мне только что пришло в голову... Вы вполне можете оказаться тем, кого одни пророчества именуют Серым Рыцарем, а другие – Серым Ферзем. Конечно, ошибки бывали и раньше, за Серого Ферзя принимали не тех, что им принесло крупные неприятности, но все же...

– О чем вы?

– Как-нибудь на досуге почитайте старинные книги. Там немало любопытного, а начав толковать пророчества самостоятельно, натыкаешься на еще более любопытные вещи...

– Ладно, – сказал капитан Зо. – Потом дадите ему книги и пусть читает, коли охота. Я сам люблю ученые материи, господа, но высокоумные книги чи-

таю только на отдыхе, когда впереди нет никаких дел, позади не видно пого-ни... Сейчас у меня одна задача – успешно закончить экспедицию... которую следовало бы именовать эскападой. В связи с чем хочу сказать нашему пассажиру несколько слов. Граф Гэйр, нам предстоит выполнить определенную работу. Перед нами – крайне рискованное предприятие, в случае успеха коего Великий Мастер весьма на нас осерчает. Но мы уже столько раз давали ему повод гневаться на нас, так что не стоит особенно ужасаться и жалеть нас, бедняжек. Как-никак все еще живы... Граф Гэйр, хотите сделку? Вы отправитесь с нами и примете самое деятельное участие. А мы за это облегчим вам возвращение туда. – Он указал большим пальцем в потолок. – Поверьте, я вас вовсе не шантажирую. Дело в том, что, когда мы причалим в определенном месте в Пограничье, я с частью людей продолжу путешествие по суше, а «Божий любимчик» останется на якоре. Вы, разумеется, можете в том же самом месте распрощаться с нами и в одиночку пробираться к ближайшему наместнику, никто вас удерживать не станет. Пограничье – не Хелльстад. И все же при таком раскладе вы останетесь один, без денег, без коня. Мы – не исчадия зла, но из-за вас не станем откладывать свое дело и разбиваться в лепешку, чтобы помочь вам побыстрее вернуться в замок.

– Понимаю, – сказал Сварог.

– Рад, что понимаете. Должен честно предупредить – поездка нам предстоит крайне опасная. И ваши качества, коими вы, как лар, обладаете, могут нам пригодиться.

– А что мы будем делать? – спросил Сварог.

– «Мы»? Уже неплохо, – рассмеялся капитан Зо. – Так вот, нам предстоит отыскать группу людей, точно так же выполняющих определенное поручение, захватить одного из них и допросить. И только-то. Детские забавы.

– А они, конечно, постараются не попасть вам в руки и выполнить свое задание? – усмехнулся Сварог.

– Уж это точно, – осклабился боцман Блай. – Из кожи вон вылезут, скоты...

– Но...

– Вы хотите совершенно точно знать, что правда на нашей стороне? – мягко спросил Борн. – Не так ли? А если правды нет? Или обе стороны уверены, что за нее-то и сражаются? Вы разве в жизни не сталкивались с такими ситуациями?

– Очень часто, – сказал Сварог, ни на кого не глядя.

– Вот видите... «Правда» – слишком большое слово. Мы просто собираемся на самую малость преуменьшить количество зла. И наступить на хвост слугам Великого Мастера, не в силах по своей малозначимости чувствительно наступить на хвост ему самому...

– А хотелось бы? – спросил Сварог.

– Ужасно. Так вы колеблетесь?

– Нет, – сказал Сварог.

– Прекрасно, – кивнул капитан.

– Но – за плату, – поторопился Сварог добавить.

– За плату? – Капитан удивленно поднял брови.

– Да. Ту же самую, какую требовали от меня. Откровенность.

– Хотите больше узнать о предстоящем деле?

– Нет, – сказал Сварог. – Сами расскажете, когда сочтете нужным и сколько

захотите. Сейчас меня интересует одно: граф Гэйр, мой предшественник. Я знаю, что моя судьба почему-то оказалась тесно связанной с его судьбой. И хочу узнать побольше. Насколько я понял, он плавал с вами...

– А не бойтесь?

– Чего?

– Что, побольше узнав о нем, можете сами оказаться на той же дороге? Которая неизвестно где закончилась для него...

– Черт возьми, а откуда я знаю, где моя здешняя дорога? – сказал Сварог, разгоряченный добрым ромом. – Может, моя судьба в том и состоит, чтобы идти по пути предшественника?

– А действительно, кто его знает, – сказал боцман Блай, на которого ром тоже подействовал, сделав самую чуточку сентиментальным. – Думаете, я хотел стать чем-то вроде благородного странствующего рыцаря? Я хотел стать обычным корсаром, а получилось черт-те что...

– Вы только не подумайте, что мы и в самом деле какие-то странствующие рыцари, – сказал Сварогу капитан Зо. – Мы в общем-то обычные морские бродяги. Можем подхватить, что плохо плавает, без особых зверств и излишеств, у джентльменов удачи с хорошей репутацией зверства и излишества не в ходу. Швали хватает, правда... Можем взять честный купеческий фрахт – что подвернется, друг мой, что подвернется, иные фрахты оплачиваются лучше иных абордажей... Иногда оказываем за хорошую плату разные услуги тем, кому понадобятся ребята, прошедшие огонь и воду. И бываем не особенно щепетильны, хотя за очень уж смердящие дела не беремся. Таких, как мы, хватает на всех морях. Мы не лучше и не хуже, мы очень типичные, как выразился бы мой ученый штурман. Категорически не способны жить по расписанию. Вот только как-то так стало складываться, что в последнее время мы ввязываемся почти исключительно в те дела, что оказываются направлены против Великого Мастера. И как ни объясняй, что делаем мы это за плату, у нас стала складываться определенная репутация. Иногда это помогает, иногда мешает и в любом случае не прибавляет у Великого Мастера дружеского расположения к нам. Ну что ж, до сих пор нам удавалось избегать связанных с этим хлопот – Великий Мастер уже не тот, что в минувшие эпохи... – Он постучал костяшками пальцев по столу. – По крайней мере, на наших доходах такое положение дел не сказывается, в нищету не впали...

– Ты уж не старайся казаться хуже, чем ты есть, – набычился Блай.

– Я и не стараюсь, – сказал капитан. – Но и лучше, чем я есть, выглядеть не хочу. Хочу быть самим собой. А наш гость должен знать о нас побольше и принимать такими, какие мы есть, как-никак ему с нами идти в дело...

– Мы начали о графе Гэйре, – попытался Сварог переменить тему.

– Граф Гэйр... Знаете, не так уж мало ларов болтаются по суше и по морям в поисках приключений... или выполняя шпионские задания. Граф Гэйр от них весьма отличался. Я бы сказал, в лучшую сторону. Во-первых, он сражался только за себя и потому был родственной душой. Во-вторых, он всерьез боролся с Великим Мастером. И зашел слишком далеко – за ту границу, где Великий Мастер перестает посылать против своего врага слуг и вступает в бой сам. А это поганый рубеж, знаете ли, из-за него мало кто возвращается.

– Но ведь возвращаются?

– Редко... – печально усмехнулся капитан.

– Я слышал, он плавал ловить Великого Кракена...

– И это оказалось его последнее плавание. Поймите меня правильно. Я три раза возил его на «Божьем любимчике» – и только. Мы на многое смотрели одинаково, но меня никак нельзя назвать его другом – у него вообще не было друзей. И никто не посвящен был в его дела. Просто... просто все знали, против кого эти дела направлены. Когда по пятам за человеком мчится стая нечисти, понятно, что он собой представляет. Он был на виду, его многие знали – но могут сказать то же самое, что я сейчас. По слухам, имелись и сподвижники, нельзя, в конце концов, прожить жизнь одиноким волком, – но и о них ничего толком не известно. Я склонен думать, что объясняется все вовсе не какой-то там нелюдимостью – человек, посвятивший себя определенного рода деятельности, должен вести определенный образ жизни... Болтают что-то о монастыре святого Роха и Крепости Королей – но монахи тамошнего братства ребята неразговорчивые, а Крепость Королей до сих пор остается сказкой. – Капитан помолчал. – Однако случилось так, что именно со мной он плыл на Стагар. Оттуда я готов был отвезти его на Инбер Колбта, но он отчего-то изменил решение, пробыв день на берегу. Я ушел к Темайру, а потом узнал, что он на «Синей жемчужине» покинул Стагар. С тех пор никто больше не видел ни его самого, ни «Жемчужины». Неизвестно точно, куда она взяла курс – то ли в Море Мрака, то ли к Катайр Крофинд. Рассказывали, что он отыскиал удочку, на которую можно поймать Великого Кракена или хотя бы выманить его из глубин. Конечно, это не удочка в обыденном смысле этого слова – то ли заклятье, то ли некая магическая вещь. Некоторые считают, что эта удочка и Копье Морских Королей, каким только и можно убить Великого Кракена, – одно и то же. Стагарцы так уверяют, а они лучше всех на Таларе знают морское волшебство.

– А что такое этот Великий Кракен? – спросил Сварог. – Видел его кто-нибудь?

Его собеседники, все трое, помрачнели.

– Великий Кракен – это ужас бездны, – сказал капитан Зо. – Он не показывался много тысяч лет, но в том, что он существует, сомневаться не приходится. Вот только неизвестно, сдох ли он в пучине или крепко спит. Тем, кто его будто бы видел, серьезные люди не верят. Он никогда не поднимался на поверхность полюбоваться солнышком и волнами, глотнуть воздуха и погрузиться в глубины. Если он поднимется, с ним вместе поднимутся жуткие несчастья, способные потрясти всю планету. Так написано в древних стагарских хрониках, а стагарцам я верю, потому что те летописцы отнюдь не предназначали свои труды для посторонних глаз... Там написано еще, что Великий Кракен – морской дух зла из тех времен, когда на планете еще не существовало даже Изначальных...

– Кого?

– Изначальные – это древнейшее население Талара, – сказал Борн. – Те, кто жил на планете, когда сюда еще не прибыли с Сильваны наши предки. А вовсе уж седые легенды смутно упоминают, что и до Изначальных на планете жили совершенно неизвестные народы, о которых даже говорят, что они не были людьми.

– Постойте, – сказал Сварог растерянно. – Там, наверху, мне говорили, что нынешние обитатели Талара – дети именно этой планеты...

– Там, наверху, много могут наговорить... – усмехнулся Борн.

Капитан Зо продолжал:

– Говорят еще, что Великого Кракена давным-давно загнали в глубины легендарные Морские Короли. Можете представить, какими легендами и байками история Великого Кракена обросла за тысячелетия. Которые к тому же отмечены и войнами, уничтожавшими целые библиотеки, и систематической охотой за этими библиотеками – но отнюдь не из любви к бесценным рукописям... Ох! Черт!

Он резко обернулся к двери, сметая локтем бутылки, выхватил кортик. В руке у Блая мгновенно, откуда ни возьмись, появилось нечто напоминавшее крючковатый бумеранг, и он отвел руку для удара. Но тут же опустил, витиевато выругавшись.

Проникшее сквозь плотно закрытую дверь туманное свечение приобрело очертания собаки, протянулось через всю каюту, пронизав на своем пути стол, бутылки, застывшего Борна – и щенок материализовался у ног Сварога. Облизал ему сапог, удовлетворенно заурчал и раскинулся на полу, лоя лапами ножны меча Сварога.

– Тьфу... – с чувством сплюнул капитан Зо. – Старею. Сдают нервы. Очень уж приятный завязался разговор... Ваш кутенок вырастает, граф, это у них быстро получается. Еще немного подрастет – и станет обходиться без этих штучек, просто-напросто возникать и исчезать, как козырная роза из рукава шулера. Повезло вам с приятелем, ничего не скажешь...

– Он сильно вырастет? – спросил Сварог, вспомнив оторванное огромное ухо.

– Не то слово. Видел я их издали, на берегу. Зверюга чуть пониже лошади. И убить ее адски трудно – попробуйте поразить мечом молнию, всегда ускользающую за миг до удара. Огнестрельное оружие, конечно, дает чуточку больше шансов, но не намного. Лет шестьсот назад один дворянин из Демура, голоштаный ловец удачи, стал королем благодаря такой вот собачке, притащив щенка из Хелльстада. К сожалению, это не спасло впоследствии основанную им династию... Знаете что? Попробуйте и вы, право, когда зверь подрастет. Снольдер, конечно, чересчур силен и цивилизован, Ронеро тоже не возьмешь голыми руками, но где-нибудь в Харлане или в моем родном Глане стоит попытать счастья. Тем более что в Глане есть пророчество – однажды королем станет рыцарь с хелльстадским псом, победивший мертвое войско оружием мертвеца. Пока что рыцарь, отвечавший бы этим признакам, не объявлялся.

– Боюсь, это не обо мне, – сказал Сварог. – Сомневаюсь, чтобы мне удалось победить целое войско – все равно, живое или мертвое. Как это, кстати, понимать – насчет мертвого войска и оружия мертвеца?

– Кто знает? – пожал плечами капитан Зо. – Правильно истолковать пророчество – наука сложная. Обычно весь смысл, заложенный древним прорицателем, становится понятным только тогда, когда пророчество сбывается. Ничуть не похожее на все прежние толкования. Да, ведь есть еще Вольные Маноры, которые лет двести никто не пытался объединить. Может, стоит попытаться? Хоть это и нарушит равновесие среди великих держав...

– Нет, спасибо, – сказал Сварог. – Что-то престол меня не слишком прельщает. В особенности если королевство придется сколачивать из Вольных Майоров – чересчур буйная вольница.

– Тогда попробуйте Глан. Прекрасная страна. Правда, сам я давненько там не был – нынешний король меня отчего-то невзлюбил и соизволил внести мое имя в список «злодеев короны». Но все равно моя родина – прекрасный край. А король, должен вам откровенно признаться, большой негодяй, и вряд ли его можно назвать государственным деятелем, способным привести страну к процветанию. Попробуйте удачи. Всегда найдется достаточное количество предводителей кланов, готовых вас поддержать. У вас, как у лара, есть некие преимущества. Кроме всего прочего, ваши предки родом из Глана.

– Слушайте, вы серьезно?

– Да черт его знает, – сказал капитан Зо. – Понятия не имею. Пытаюсь помочь вам определиться в здешней жизни и найти себя. По-моему, там, за облаками, чертовски скучно, вот и Борн того же мнения.

– И все равно меня что-то не тянет в короли, – сказал Сварог.

– И правильно, – поддержал побагровевший и повеселевший боцман Блай. – Торчишь себе на троне, как дурак, а каждый герцог спит и видит, как бы тебя прирезать. А там, где герцогов приструнили и срыли фамильные укрепления, другие напасти – парламенты созывай хоть для видимости, ломай голову над большой политикой, фаворитки из казны гребут, склоки на каждом шагу. В море лучше. Там тебя в спину ну никак не зарежут.

– Уверен? – иронически усмехнулся капитан Зо.

Боцман подумал, понурился:

– Могут, конечно, и на море сунуть нож в спину... Однако ж все лучше, чем торчать на престоле.

– Можно подумать, ты был наследным принцем, но предпочел папиной короне славную судьбу джентльмена удачи... – засмеялся капитан Зо. – Ладно, друзья мои, прикачивайте бутылку, и будем расходиться – вечереет, а у графа Гэйра уже слипаются глаза, денек у него выдался бурный. Да и нам не стоит засиживаться, не на рейде Сегулы стоим...

Глава 2

Вторая кавалькада

Взрыв, глухой и мощный, раздался, когда Сварог натягивал второй сапог. За ним – второй, третий...

Пробежав по коридору, он вылетел на палубу. Огляделся. Не было ни суматохи, ни оживления. Прогремел четвертый взрыв. На сей раз Сварог увидел сквозь путаницу такелажа, как далеко за кормой взлетел белопенный столб – в точности, как вчера, когда он впервые увидел корабль.

У выреза в борту стояли трое матросов. Двое держали узкий жестяной желоб, уложив его второй конец на планшир, а третий укладывал небольшой бочонок. Что-то сделал, стоя спиной к Сварогу, над бочонком взлетело облачко белого дыма, те двое приподняли желоб, и бочонок, оставляя за собой сизую струйку дыма, с рокотом улетел за борт. Все уставились за корму. Сварог машинально стал считать. На десятой секунде гроыхнуло, прямо в кильватерном следе взлетел столб воды. Все трое переглянулись с чувством исполненного долга, положили желоб и праздно расселись на палубе, двое вытащили короткие трубочки, третий принялся лениво пощипывать струны виолона (Сварог уже успел заметить, что у здешних морячков есть два любимых способа убивать свободное время: дымить табаком и тренькать струнами.).

– Все нормально, милорд, – бросил один, заметив Сварога. – Так, балуемся

для порядка... Вы нам не покажете ли фокус с табачком? Очень он у вас духовитый...

Сварог, оделив их извлеченными из воздуха сигаретами, присел рядом на бухту каната и тоже задымил первой утренней. Кроме них, никого на палубе не было, «Божий любимчик» шел под тремя верхними парусами довольно ходко.

– Кто-то вам определенно ворожит, милорд, – сказал сосед. – Мы тут промеж себя как раз говорили. Чтобы вот так из Хелльстада выбраться – везение нужно в кармане носить нешуточное...

Сварог и сам так думал. На душе стоял блаженный покой, вдали проплывали зеленые берега. Взяв у соседа виолон, он побрякал по струнам, разминая пальцы, поинтересовался:

– А вы не слышали, случайно, что это в Хелльстаде за девицы, которые ниже пояса – змеи? И песни вдобавок поют...

– Ну, не то чтобы ниже пояса... – раздумчиво сказал матоос. – чуть пониже, чем ниже пояса, болтают, находились смельчаки, которые их даже и огуливали, поскольку повыше змеи – очень даже добрый товарец. Только сам я сомневаюсь что-то, чтобы имелась у них женская потаенка...

– Имеется, – сказал Сварог. – Сам видел.

– А, все равно. Ты ей всадишь с полным прилежанием, а она тем временем голову откусит, на то и змея...

– Все бабы – змеи, – философски сказал второй.

– Вот я и говорю.

Сварог, перебирая струны, нащупал, кажется, мелодию самого необычного в его жизни ночного концерта:

*Покуда два птенца, крича, рвались друг к другу,
мы, нежно обнявшись, кружили над землей,
я с нею танцевал под солнечную вьюгу,
во сне и наяву она была со мной...*

Матросы вскочили с изменившимися лицами – из-за спины Сварога появилась огромная жилистая лапа и прихлопнула жалобно звякнувшие струны. Лапа принадлежала боцману Блаю, он возвышался над Сварогом, прямо-таки лязгая зубами от ярости.

Сварог медленно поднялся, от растерянности едва не встав навтыжку, как проштрафившийся юный лейтенантик. Явно он сделал что-то не то – очень уж испуганно смотрели матросы – на него, не на боцмана.

– Охренели? – злым шепотом рявкнул наконец Блай. – Совсем уж? Мы уже не в Хелльстаде, бабку вашу вперехлест через клюз... Кончай серенаду. С милорда взятки гладки, а вы-то? – Он всерьез замахнулся. – Марш вниз!

Все четверо гуськом потянулись на нижнюю палубу.

– Что это он? – с искренним недоумением спросил Сварог.

– Да нельзя, милорд, таких слов под открытым небом вслух произносить... – оглянувшись, пояснил матрос.

– Каких?

– Хоть и милорд, а темнота... – Он посунулся к уху Сварога: – Забудьте слово «ВЬЮГА»...

– Почему?

– А потому. – Он говорил тихо и серьезно. – Вы про Шторм слышали?

– Ну.

– А Вьюга будет еще почище. Только про Шторм поминать не запрещается, а насчет Вьюги велено считать, что ее отроду не бывало и никогда не случилось... Ясно?

– Ясно, – сказал Сварог, немного поняв.

* * *

«Ко мне», – приказал Сварог мысленно и заранее отодвинулся назад, но все равно не рассчитал – молнией метнувшаяся сквозь закрытую дверь каюты туманная полоса ударила его в грудь, отшвырнула к стене и обернулась весело гавкавшим щенком.

– Сидеть! – рявкнул Сварог вслух, с усилием отклеивая себя от стенки. Щенок торопливо плюхнулся на зад, взлаял, но, конечно, долго не усидел – тут же вскочил и бросился лизать лицо. Сварог тщетно уворачивался, приговаривая: «Тихо, тихо, Акбар, сидеть!» – но туманная полоса улетучилась наружу.

Звереныш вырослел невероятно быстро. Прошло всего двое суток, а он уже вырос вдвое, крепко стоял на ногах и целыми днями носился по кораблю – то обычным способом, то возникая вдруг в самых неожиданных местах, вплоть до крюйт-камеры, не говоря уж о камбузе, попавшем под постоянную угрозу вторжения с последующим разграблением. Капитан Зо крепился, но по лицу его читалось, что «Божий любимчик» еще никогда не опускался до жалкой роли плавучего зверинца. Сварогу было неловко, но поделаться он ничего не мог – в конце концов, это был обычный месячный щенок со всеми вытекающими отсюда хлопотными последствиями. Штурман Борн, как выяснилось, знакомый с колдовством не понаслышке, второй день сидел над книгами, пытаясь отыскать заклятья, позволившие бы немного утихомирить буяна или сыграть роль привязи, но ничем пока похвастать не мог. А Сварог самостоятельно, совершенно случайно открыл, что щенок выполняет мысленные команды, причем исключительно его собственные.

Сварог распахнул створку окна – до иллюминаторов здесь еще не додумались. «Божий любимчик» уже покинул пределы Хелльстада и шел на всех парусах вниз по течению. По обе стороны тянулись зеленые равнины, перемежаемые кое-где поросшими лесом округлыми холмами, река была пуста. На палубе меланхолично позванивали струны виолончели, и кто-то лениво напевал старинную балладу «Былые годы Сегулы»:

*Были бурными года,
скалы – белыми.
Только все уж, господа,
ставки сделаны.
Дремлют скучные года
немо, глухо,
пусть вода вам, господа,*

Вдруг песня смолкла. На палубе забегали, начиналась суэта. Дважды коротко свистнула боцманская дудка.

Сварог выскочил на палубу. Виновником переполоха на сей раз оказался не Акбар – он мирно лежал у мачты, обстоятельно доглядывая кость от здорового окорока. Кок Мышиный Соус, на сей раз ничуть не обратив внимания на очередную реквизицию его запасов, вместе с другими стоял у правого борта.

Моряки возбужденно орали, пихая друг друга локтями, вытянув руки, указывали друг другу куда-то.

Сварог отыскал свободное местечко у фальшборта, достал подозрную трубу, выменянную у судового плотника на десяток серебряных звездочек из шаура (стрелять пришлось в подушку).

На небольшом расстоянии от реки, заметно отставая от «Божьего любимчика», но двигаясь параллельным курсом, скользило над землей нечто странное. Черный прямоугольник плыл в воздухе, волнообразно, плавно, едва заметно выгибаясь, а над ним, словно прикрепленный невидимым шпеньком к определенному месту этой непонятной штуки, висел белый шар, и на его боку, обращенном к кораблю, немигающе пялился глаз – без век и ресниц, с желтой радужкой и белым кошачьим зрачком. Зрачок то сокращался, то разбухал. Сварогу почудился в этом некий ритм, и тут же кто-то вырвал у него трубу.

– Осторожнее! – сказал штурман Борн. – Не стоит смотреть на него слишком долго. Значит, они продвинулись дальше... – В его голосе звучала тоскливая обреченность.

– Кто? – спросил Сварог.

Штурман промолчал. Свистнула дудка, на ряях перекликались матросы. «Божий любимчик» ощутимо замедлял ход.

– Канониры, к орудиям! – прогремел с мостика усиленный рупором голос капитана Зо. – Верхняя палуба, три орудия поочередно, от юта – огонь!

Корабль слегка качнуло, под ногами трижды прогрохотало, над рекой поплыл густой пороховой дым. Раздался посвист картечи.

Первый заряд прошел впереди загадочного создания – гораздо правее от него, по его курсу взлетела земля. Остальные, то ли один, то ли оба, накрыли цель. Там, где только что были прямоугольник с шаром, закрутился спиралью столб густого черного дыма, пронизанный ядовито-зелеными вспышками, раздался отвратительный, злобный, жалобный вой, издать который могло лишь живое существо, – и тут же оборвался. Дым превратился в антрацитово-черный, почти материальный, неподвижный столб, тут же осевший на землю кучей пыли с далеко разнесшимся сухим скрежетом.

– По местам! – заорал капитан Зо. – Черта не видели?

Люди стали расходиться, возбужденно гомоня.

– Бог ты мой, что это такое было? – спросил Сварог. Борн ответил вопросом:

– Вы помните, что изображено на картах на севере континента?

– Конечно. Необитаемые земли.

Борн горько рассмеялся:

– Пресловутый школьный курс... Необитаемые земли, занимающие едва ли не пятую часть континента... Это весьма обитаемые земли, лорд Сварог. Но единственные их обитатели – вот такие создания. Когда-то там были обычные страны. Три королевства. Теперь там живут эти демоны, появившиеся неизвестно откуда полторы сотни лет назад. Города понемногу превращаются в руины, все заброшено... Мы знаем, что это демоны: они боятся текущей воды, их можно убить лишь серебром, все до одного колдуны, решившиеся изучить их ближе – точнее, все до единого колдуны, оставшиеся после этого в живых, – уверяют, что это порождение нечистой силы. И пришла она извне. Говорят, сто пятьдесят лет назад все и началось после того, как в Демуре приземлилась потерпевшая крушение вимана ларов, вернувшаяся со звезд. Правда, о Глазах

Сатаны чего только не болтают...

– А что же было с людьми? – спросил Сварог.

– Больше всего жертв пришлось на то время, когда люди по глупости кинулись в бой. Даже делая неизбежные поправки на привычку очевидцев привирать и на то, что у страха глаза велики, картина получается жуткая. Эти твари сеяли безумие и болезни, горели поля, бесился скот... Насчет серебра выяснилось чисто случайно. Кто-то из демурских баронов, без всякой пользы сторяча расстреляв все ядра, велел забить вместо картечи серебряные монеты из сокровищницы. Но было поздно. Они успели расплодиться, а серебра не так уж много, да и новость не успела распространиться... Одним словом, выжил тот, кто вовремя сообразил, что нужно собрать все ценное и бежать подальше. За полторы сотни лет, несмотря на мелкие успехи, три королевства перестали существовать. Ходят слухи, что в нескольких местах, где вовремя догадались рассыпать вокруг домов и поместий серебро, люди уцелели. Даже если правда, судьба у них незавидная – оттуда уже не выбраться...

– Почему же их не пытались остановить всерьез?

Борн задумчиво смотрел на проплывавшие вдали зеленые холмы:

– Лорд Сварог, роду человеческому присущ один крупный недостаток: людям свойственно злорадствовать над страданиями ближнего, они считают, что их самих подобное никогда не коснется... В Хорене радовались постигнутой Демур напасти – пока хоренцам не пришлось самим бежать в насмежавшийся и над ними, и над Демуром Коор, от которого теперь только и осталось что принявшие вассальную присягу королю Снольдера беглецы и живущий где-то в глуши потомок последнего коорского короля, имеющий с точки зрения юриспруденции и геральдики все права на престол, но не способный его отстоять. Король Лорана поступил умнее многих – он еще сто лет назад, не считаясь с расходами и жертвами, прорыл канал в самом узком месте перешейка, лишился чуть ли не половины королевства, но зато Лоран превратился в остров, защищенный от вторжения демонов, – вернее, так только кажется... А другие... Большая политика, милорд. Понимаете, в мире не так уж много серебра, и большая его часть – в частных руках. Если бы Снольдер собрал все государственное серебро, выкупил частное, собрал войско из всех, способных носить оружие, отлил из серебра картечь, пули, наконечники для стрел и отправил армию на север – вполне возможно, и удалось бы полностью очистить три королевства от этой нечисти. Нельзя сказать, что ее там астрономическое количество, – они не стоят, фигурально выражаясь, плечом к плечу на всем свободном пространстве, там есть речки, озера, места, занятые городами, деревнями, шахтами... Но те, кто правят в Снольдере, самые обычные люди, отнюдь не горящие желанием обрести сомнительную честь спасителей человечества. И в чем-то они правы. Во-первых, поступить так – означает остаться без казны, оголеть границы, а соседи, можете не сомневаться, моментально увидели бы прекрасную возможность свести старые счеты, отнюдь не пуская в умиление слюни от того, что вся снольдерская армия героически спасает человечество... Во-вторых, пока что неплохой естественной границей служит Ител. Демоны, конечно, могут переправляться через реки – порой достаточно, чтобы поперек реки натянули шелковую нить, для них она – то же самое, что для нас с вами – отличный каменный мост. Но одиночных тварей легко выявлять и уничтожать. Ител представляется отличным рубежом. Продвигаясь

вдоль побережья, Глаза Сатаны сметут большую часть Харлана и остановятся на реке – так что ни Снольдер, ни Ронеро не потеряют ни клочка земли. А судьба Харлана его соседей ничуть не волнует. Есть узкий проход меж истоками Итела и побережьем, по которому демоны могли бы выйти к Святой Земле. Но они не пойдут через Хелльстад – еще двадцать лет назад они вышли к его границам и почему-то остановились. То ли наша тамошняя нечисть пострашнее пришедшей и способна внушить последней почтительный ужас, то ли ворон ворону глаз не выклюет... Так что на ближайшие десятилетия угроза сводится к уничтожению большей части Пограничья, кусочка Ямурлака и половины Харлана. А там, по мнению иных ученых, демоны перегрызутся меж собой, увидев, что не в состоянии расширять далее свои владения, и все как-нибудь уладится само собой. В конце-то концов, на континенте тысячи лет существуют Хелльстад и Ямурлак с их нечистью – и обитатели Хелльстада не лезут наружу, а черные маги и чудища Ямурлака и вовсе благополучно вымерли, лишь редкие экземпляры той или иной породы еще скрываются в глуши... И континент вовсе не провалился в тартарары, наоборот. И еще. Единственным из государств Севера, уцелевшим в своих нетронутых границах, так и осталось королевство Шаган. Если вы хорошо помните географию, оно не защищено никакой рекой. Но демоны отчего-то туда так и не вторглись. Это вселяет дополнительные надежды в души государственных мужей. Старые как мир надежды, сводящиеся к простой формуле: «Авось как-нибудь образуется».

– А лары?

– А ларам – в высшей степени наплевать. Их войска могли бы за пару часов смести эту нечисть с лица земли. Но им пока что плевать. По их меркам, все началось совсем недавно – что для лара полторы сотни лет? – и их самих никоим образом не может коснуться. Первое время они еще развлекались, охотясь на тех тварей с воздуха, но потом забава наскучила.

– Ах ты, – сказал Сварог. – Дайте мне добраться назад, я возьму свои корабли и такое устройю...

– Если вам разрешат, – сказал Борн, не глядя на него. – А вам, скорее всего, не разрешат. Здесь своя большая политика...

– Но у меня есть личная дружина... Боевые корабли...

Борн медленно повернул голову и посмотрел ему в глаза:

– Эта дружина и эти корабли принадлежали еще вашему предшественнику. Неужели он не догадался бы их использовать? Неужели он в одиночку странствовал по земле, полагаясь только на собственный меч, потому что не догадался?

Сварог замолчал. Он стоял и смотрел, как разворачивается, набухает попутным ветром синий парус. На душе лежала непонятная тяжесть, оставлявшая мерзкий осадок, как в бутылке с дрянным портвейном. Выходило, что его мнимая свобода на деле снабжена надежными решетками.

– А что гласят на сей счет ваши пророчества? – спросил он угрюмо. – У вас, я заметил, им большое значение придают...

– О пророчествах мы хорошо поговорили в день первой встречи, – сказал Борн. – За последние столетия их нагромодили столько, что некуда складывать. Сейчас, когда пророкам уже не грозит костер и другие серьезные неприятности, прорицателей, как легко догадаться, развелось видимо-невидимо... Старые мастера внушают больше доверия, но, во-первых, они грешат неверо-

ятно туманным стилем изложения, а во-вторых, немного уцелело. Существовал некогда Кодекс Таверо, написанный в незапамятные времена. Он считался наиболее достойным внимания и выгодно отличался ясностью формулировок. Но от него остались лишь разрозненные обрывки, перемешанные с позднейшими подделками. Капитан Зо по праву гордится своим экземпляром – у него двадцать три пророчества из семидесяти семи, а это считается самым полным сводом из сохранившихся. О будущем короле Глана, рыцаре с хелльстадским псом, написано именно там. Говорят, до наших дней сохранились лишь четыре полных Кодекса – один затерялся где-то на островах, другой якобы хранится в Храме Ашореми, третий – у гномов, четвертый – у короля Стахора в Горрете. Даже если это правда, островов в океане превеликое множество, гномы, по слухам, давно вымерли и дороги в их подземелья уже не найти, а в Храм Ашореми и библиотеку короля Стахора может сунуться лишь полоумный.

– Между прочим, у меня в подземелье висит череп одного из горротских королев, – сказал Сварог и тут же устыдился столь детской похвальбы.

– Между прочим, даже граф Гэйр и герцог Орк обходили Горрот стороной, – сказал Борн. – Доспехи предков нам не всегда приходится по плечу.

– Вы знаете Орка?

– Бог ты мой, его знают везде, – сказал с ухмылкой Борн. – Он ухитряется, не нарушая традиций невмешательства в земные дела, развлекаться на земле так, что в одних местах о нем складывают баллады, а в других – пугают им детей. И то и другое – не без оснований... Бойтесь его. И держитесь подальше.

– Почему?

– Потому что есть люди, настолько далеко стоящие и от зла, и от добра, что совершенно невозможно предсказать, куда их приведет судьба. И от таких лучше держаться подальше, ибо отстраненность и от добра, и от зла порой хуже верного служения злу...

Он надолго замолчал. Воспользовавшись паузой, Сварог решил:

– А вы не можете мне сказать, куда мы плывем?

– Нет, – решительно ответил Борн. – И дело отнюдь не в недоверии к вам. Когда мы будем на месте, уже никто из тех, что хотели бы нам помешать, ничего не сможет изменить. Судя по тому, что за нас пока что не брались всерьез, о нашей миссии имеют лишь самое смутное впечатление. А любое сказанное сейчас слово может стать известным...

– Вы опасаетесь ларов? – напрямик спросил Сварог.

Борн взглянул так, что Сварог почувствовал себя несмышленным ребенком. Потом штурман сказал, старательно взвешивая каждое слово:

– Это очень разные вещи – бояться всего на свете и стараться предугадать все возможные опасности...

Сварог промолчал – сработал армейский рефлекс. В предстоящем походе ему отводилась роль новобранца с лысыми погонами, а новобранцы не имеют права соваться с расспросами и к старшине, не говоря уж о командире части. Капитан Зо очень мил и любезен в роли гостеприимного хозяина, но Сварог нутром чувствовал, что в походе это будет командир, способный согнать семь потов и вымотать все жилы. И команда у него наверняка подобралась соответствующая...

...Причаливали на рассвете, когда над рекой еще стоял туман, звезды про-

пали с неба, предметы не обрели еще четкости очертаний, одна сторона горизонта была уже украшена тоненькой ало-золотой полосочкой, а противоположная – укутана мраком.

«Божий любимчик», на котором были убраны все паруса, стукнулся бортом о длинный деревянный причал, сработанный когда-то на века из потемневших бревен лиственницы. Кранцы из толстых канатов смягчили удар. Вдоль причала, если присмотреться, могло разместиться десятка два кораблей, но Сварог, сколько ни напрягал взгляд, нигде не увидел других мачт.

Два человека в коротких плащах ловко приняли канат и сноровисто закрепили его на толстом деревянном столбе. Сварог стоял у борта, поеживаясь от утреннего холодка. Поодаль, на берегу, смутно вырисовывались в тумане длинные строения. Он одернул только что выданный кафтан, к которому еще не успел привыкнуть, – его переделали с головы до ног во все новое, в добротную, но простую суконную одежду и кожаные сапоги. И вручили нагрудную бляху Золотой гильдии с лоранским гербом[5].

Ножны для меча дали другие, деревянные, обтянутые холстиной, с медными скрепами. Вручили еще вязаный колпак с кольчужной подкладкой и кинжал с серебряным лезвием. Получился вылитый купеческий приказчик. В карман, застегивавшийся на роговую пуговицу, он спрятал шаур, о котором все же умолчал (отдавая плотнику звездочки, Сварог при нем, разумеется, не стрелял).

Точно так же были одеты Блай, Борн и три матроса. Боцман перевязал усы простой тесьмой. Только капитан Зо, выступавший в роли купца-хозяина, был экипирован чуточку роскошнее – пуговицы на кафтане у него были не роговые, а серебряные, ножны меча обтянуты кожей, сапоги украшены оловянными бляшками, а на груди висел знак Сословия мер и весов[6]. Свою великолепную серьгу он снял и с нескрываемым сожалением вдел в ухо простецкое серебряное кольцо. Борн вновь вооружился арбалетом, двое матросов взяли мушкеты и короткие копья с широкими наконечниками, третий прихватил пистолеты и топор на длинном топорнице. Блай сохранил добрую половину своего арсенала. Видимо, в здешних краях семерка хорошо вооруженных торговых людей выглядела вполне обыденно и подозрений не вызывала.

– Лорд Сварог... – Капитан Зо взял его за локоть и отвел в сторону, к мачте. – Слушайте внимательно. Вы были военным – это хорошо. Дело предстоит крайне опасное. Возможно, опасности возникнут в последнюю минуту, возможно, будут сопровождать с самого начала, последуют в любую минуту, с любой стороны и в любом облике. Если встретятся совершенно безопасные места, я вас предупрежу. Следите за остальными и не отставайте от них ни в чем. Если они рубят – рубите, если бегут – бегите следом. И не лезьте ни с какими инициативами. Моим приказам повиноваться беспрекословно. Вот, пожалуй, и все. Только скажите еще: что вы там спрятали в карман? Нет, показывать не обязательно, поверю на слово.

– Вы что, через одежду видите? – удивился Сварог.

– Жизненный опыт. И зоркий глаз.

– Это оружие. Стреляет почти такими же звездочками, которых у Блая целая пригоршня в мешочке. Только серебряными.

– Шуму много?

– Совершенно бесшумная штука.

– Это хорошо. А коли уж стреляет серебром – хорошо вдвойне. Серебра у нас мало, поиздержались... – Он обернулся к остальным, тесной кучкой стоявшим у борта: – Ну, пошли, и да хранят нас Морские Короли... Борн, привязь у собаки надежная?

– Хватит на две недели.

– Ну, нам хватит и недели... при удаче. Трогаемся!

Они спустились по узкому трапу и зашагали меж длинных строений с крохотными оконцами и широкими «двустворчатыми дверями. Больше всего эти сооружения походили на лабазы.

– Это что, город? – тихо спросил Сварог у шагавшего рядом Борна.

– Когда-то это место называлось Фир Норт. Один из самых крупных торговых портов в верховьях Итела. Раньше здесь были лоранские земли. Потом люди ушли. Кое-кто остался, но корабли сюда перестали приходить...

Вскоре они вышли к зданию, когда-то кипевшему жизнью. На первом этаже располагалась большая таверна. Они распахнули дверь с выломанным замком, прошли по залу меж грубых столов, на палец покрытых пылью, мимо пустой стойки (за ней сиротливо стояла сломанная пустая бочка с проржавевшими обручами), поднялись на второй этаж по разошедшей скрипучей лестнице. Судя по многочисленным дверям с выведенными облупившейся краской номерами, здесь в старые времена помещалась гостиница.

– Зря сняли вывеску, – сказал Сварогу капитан Зо. – Добрый старый «Приют моряка», сколько здесь было выпито, сколько золота утекло в карманы шлюх, сколько зубов вымели с мусором... Вот тут Блай юнгой и потерял невинность.

– Вот за этой самой дверью. – Блай на миг приостановился. – А вот эту дверь я вышиб лет пять спустя. Но не кулаком, конечно, а шкипером из Волы...

Капитан Зо толкнул кулаком одну из дверей. Человек, сидевший там у окна, ничуть не удивился их появлению. Он молча кивнул и показал на стол, где одиноко чернела пузатая бутылка рома. Оживившиеся моряки стали разбирать со стола оловянные стаканчики, а Блай ловко выковырнул пробку кончиком кинжала.

– Посмотрите в окно, лорд Сварог, – сказал капитан. – Мы уже привыкли, а вам будет интересно...

Сварог выглянул вниз. Туман уже рассеялся, и прямо под окном шагом проезжали семь всадников в плащах с откинутыми на спину капюшонами. В первый миг они показались Сварогу смутно знакомыми, словно он где-то с ними уже встречался. А потом он сообразил: это же они сами, Сварог, капитан и остальные пятеро!

– Басс, несмотря на годы, все еще крепок. – Капитан Зо кивнул в сторону незнакомца. Тот ухмыльнулся, погладил седеющую бородку. – Дня три эти двойнички продержатся, а когда улетучатся подобно дыму, мы будем уже далеко и, что характерно, совсем в другой стороне... Басс, было что-нибудь серьезное? Или кто-нибудь серьезный?

– Пустяки. Мелкие сошки. Они по-прежнему уверены, что вы пойдете к Храму Ашорема. Туда вся банда и отправилась. Конечно, они все равно пустят окрест разъезды и пару-тройку ублюдков на свободную охоту, но с этими вы справитесь. Может, и меня больше не беспокоят...

– Басс, ты особенно не рискуй, – сказал капитан. – Здесь не Диони, и тебе уже не двадцать...

– Нам не двадцать, Зо. Это ты в основном рискуешь шкурой, а я – выживший из ума чудаков, вместе с кучкой таких же дураков никак не собравшийся уйти из запустелого порта... До сих пор подозрений я не вызывал.

– Вами может заняться кто-то сильный, старина, способный прошибить твой миражи и иллюзии...

– Я знаю, – сказал Басс. – А что прикажешь делать? Оставить все на мальчишек? Они ж жить торопятся, и потому получается сплошной звон мечей со световыми эффектами.

Они негромко заговорили о чем-то своем, неизвестных и непонятных Сварогу делах, и он больше не прислушивался. Сидел прямо на полу, как и остальные, прихлебывал ром по глоточку, потому что второй бутылки, похоже, не предвиделось, и сердце чуточку замирало в предчувствии странствий и опасностей. Чувства его были двойственными – он с нешуточной тоской, как дом родной, вспоминал замок и Меони, но в то же время ни о чем не сожалел, он как-никак был в деле, предстояло что-то серьезное, и жизнь его, как ни прикидывай, обретала какой-то смысл – а ведь с ней, признаться, давненько такого не случалось...

Так они просидели с час. Вторая бутылка все-таки появилась, но не было ни шума, ни болтовни – все напряжены до предела перед броском в неизвестность, и Сварог, пройдя парочку словно бы и не существовавших войн, прекрасно понимал спутников...

Лошадей они нашли уже оседланными. Капитан Зо особо тщательно проверил ремни, крепившие к его седлу какой-то длинный продолговатый сверток, попробовал ногой стремя и ловко вскочил на коня. Басс распахнул ворота конюшни, и семеро один за другим проехали мимо него.

Заброшенные склады и дома, в которых давно никто не жил, тянулись долго. Потом пошла поросшая травой дорога, вившаяся среди невысоких холмов, – одни покрыты редколесьем, другие голые. Пару раз попадались замки – еще не развалившиеся, возведенные прочно, на века, но почему-то с первого взгляда становилось понятно, что и там давным-давно нет ни единой живой души.

Но какая-то жизнь в округе все же теплилась – то в стороне от дороги обнаружится возделанное поле, то замаячит на горизонте стадо из десятка-другого коров. Несколько раз попадались повозки – крестьяне поглядывали на всадников сторожко, с видом наученных горьким опытом, одни держались так, словно готовы были соскочить и припустить в поле, другие держали на виду топоры и громоздкие старинные мушкетеры. Видимо, многие еще с понурым фатализмом цеплялись за родные очаги, продолжали сеять на прадедовских пажитях и гонять скот на прадедовские пастбища, рассчитывая, что на их век спокойной жизни хватит, а в крайнем случае можно успеть сбежать. Растянутая на полтора столетия, неспешно продвигающаяся опасность незаметно становится привычным злом, сопровождающим с колыбели и оттого обыденным. И все равно это была агония, обезлюдившие края, когда-то процветающие околицы Лорана, которые Лоран отсек, как загнивший палец. Края, живущие ныне без всякой власти, законов, подданства и управления, где полагаться приходится только на себя. В других местах, как мимоходом просветил боцман, еще сидели сеньоры, но отсюда благородные господа убрались.

Судя по немаленькой ширине дороги, обозначенной с обеих сторон камен-

ными столбиками с лоранским гербом, она в лучшие времена была оживленным торговым трактом.

Солнце уже клонилось к закату, когда они встретили человека, который никуда не спешил и на диковатого крестьянина ничуть не походил. Он бросался в глаза издали – из-за полосатой желто-красной одежды, щедро разукрашенной нашитыми там и сям маленькими зеркальцами. Сначала, издали, они и увидели одно мелькание солнечных зайчиков на обочине. Капитан Зо вытащил из-под кафтана подзорную трубу – он ее держал за пазухой, как предмет, безусловно неуместный в экипировке бродячего купца, всмотрелся, тщательно запрятал трубу обратно и покачал головой:

– Странствующий циркач. Похоже, один. Публика это обычно придурковатая – попробуй-ка годами глотать огонь и разбивать кирпичи о темечко, но шляется везде и знает много. В оба смотреть у меня!

Он подстегнул коня, и остальные рысью потянулись за ним, держа руки поближе к оружию. Человек, разбрасывавший вокруг себя солнечные зайчики, мельком глянул на них и вернулся к прежнему занятию – он заботливо перебирал и вытирал тряпкой разложенные на пустом мешке атрибуты фокусника: ярко раскрашенные палочки, какую-то посуду, блестящие шары и тому подобную чепуховину.

– Эй, если вы грабители, брать у меня нечего, – сказал он, глядя на подъехавших дерзко и весело. – А если честные купцы, ничего у вас купить не могу – не на что, братва...

– Мы в розницу и не торгуем, – сказал капитан Зо с хорошо сыгранным небрежным презрением, приличествующим серьезному купцу. – Идешь из Фиортена или в Фиортен?

– Из, – лаконично ответил тот, ничуть не смущенный холодной отповедью.

– Что там слышно?

– Там суматоха. Нагрянул отряд харланцев, молотит в ворота бревном и требует кого-то им выдать. Отряд большой, сотни три. Сплошь конница, причем гвардейская, – все в черном с белым.

– Интересно, – сказал капитан Зо. – Расскажи-ка поподробнее. Я как раз еду туда за товаром, оставил там повозки и людей, но если такая заварушка...

– Это точно, лучше переждать, – кивнул циркач. – Под шумок почистят вашу милость от лишнего добра и хорошо еще, если душу не вытрясут... А они могут. Законов в этих краях никаких не наблюдается, равно как и властей.

– Это точно, – в тон ему сказал капитан Зо. – Ну совершенно никаких, ты совершенно верно подметил, наблюдательный ты парень, я смотрю, приятно с таким встретиться на дороге и побеседовать о всяком разном...

Он продолжал плести словесные кружева, небрежно, с застывшей улыбкой, выплескивая этаким шизофренический поток сознания, и это не могло не преследовать какую-то цель. И Сварог наконец понял. Капитан попросту ждал, когда у встречного сдадут нервы, чтобы посмотреть, как он себя поведет. А циркач, слушая идиотскую болтовню, явно занервничал...

– И скажи ты мне, друг любезный... – Капитан вдруг замолчал и несколько мучительно долгих мгновений смотрел сверху вниз на собеседника, меряя его взглядом. – А что это у тебя в мешке живое ворочается?

Циркач молниеносно присел на корточки, протянул, не глядя, руку к мешку, но в воздухе свистнуло короткое копьё, с противным хрустом вошло ему в

шею, отбросило назад, и, пока он падал, в груди у него появились две стрелы. Боцман Блай перекинул ногу через седло, спрыгнул и обрушил на мешок страшный удар топора, принялся рубить, так быстро, что топор превратился в туманную полосу. Шипящее мяуканье тут же оборвалось, от мешка плеснули зеленые брызги, он разлетелся под ударами на кучу лохмотьев, перемешанных с кусками кого-то непонятного, истекающими густой зеленой жидкостью: вот вроде бы ящеричья лапа, кусок перепончатого крыла, чешуйчатый хвост, еще конвульсивно свивавшийся в кольцо...

Только теперь Сварог догадался выхватить меч. Но вмешательства уже не требовалось. Циркач лежал неподвижно в нелепой позе, подогнув колени к подбородку, а от мешка и неведомого живого существа остались одни ошметки.

– Тьфу ты, – с некоторой даже скукой сказал капитан Зо. – Василиск. Ничего интересного, тем более необычного. А говорили, василиски окончательно перевелись.

– Он что, убивает взглядом? – спросил Сварог.

– Да нет, бабья болтовня. Но парализует качественно. Мы провалялись бы достаточно долго, чтобы этот скот успел связать всех, как цыплят на продажу, и радостно бежать за подмогой...

– Интересно, правду он болтал насчет Фиортена? – мрачно спросил боцман Блай.

– Врал, конечно. И насчет осады, и насчет трех сотен. Видишь ты где-нибудь следы большого отряда? То-то. И коням, и людям нужно жрать. Слишком много овса и припасов пришлось бы с собой тащить. А путь из Харлана неблизкий. Нет, я охотно верю, что харланская конница ошивается где-то в Пограничье, но на сотни ей счет не идет. Несколько десятков. А у такого отряда кишка тонка осадить Фиортен. Либо они торчат у Храма Ашореми, либо рыщут ниже по реке. Басс дело знает. А этот был дурак. Сразу нужно было выпускать эту тварь из мешка, а не разговоры разговаривать... Ладно, закопайте все это поодаль от дороги и поторопимся.

Часа полтора они неслись то галопом, то размашистой рысью. Когда по обе стороны дороги появились поля и необозримые виноградники, солнце уже скрылось за горизонтом, и они еще долго ехали меж бесчисленных рядов увитых лозой подпорок, поднимавшихся в гору. Кони начали стричь ушами и радостно пофыркивать, без понукания ускоряя бег: чуяли близость жилья. Сварог и сам явственно почуял запах дыма.

Капитан Зо остановил коня на перевале, обернулся к своему отряду:

– Вот вам и Фиортен и, что характерно, никаких харланцев вокруг.

Сварог подъехал к нему. Да, чтобы взять деревню, пришлось бы повозиться. Окруженные высокой каменной стеной, в низине меж гор стояло несколько сот крепких каменных домов под черепичными крышами, от которых поднимались многочисленные дымки. Деревья, сады и огороды, амбары, в середине – круглая большая площадь. На ней горели огромные костры, и на фоне высокого желтого пламени мелькали в танце вереницы взявшихся за руки фигурок.

– Ваш старый капитан снова на высоте, – сказал Зо. – Чтобы совместить приятное с полезным, я рассчитывал подгадать к празднику, так оно и оказалось. Он среди друзей, в полной безопасности, так что можете поразвлекаться.

Но смотрите у меня, в меру. Неплохое место, лорд Сварог. Деревня богатая, фригольдерская, а при переселении они лишились бы всех вольностей, вот и решили остаться...

Тяжелые дубовые ворота распахнулись для них беспрепятственно, едва караульные перекинулись парой слов с капитаном Зо. Лошадей они оставили в конюшне у ворот, там же сложили и большую часть оружия, но когда Сварог собирался снять меч, капитан перехватил его руку:

– Милорд, в этих краях меч всегда держат при себе. Даже ложась спать в собственном доме, к постели прислоняют...

Позже, когда они всей гурьбой вышли на площадь, Сварог убедился, что с оружием здесь и в самом деле не расстаются – и у пляшущих вокруг костров, и у тех, кто стоял вокруг, даже у подростков, мечи висели на поясах, даже женщины в ярких рубашках с широкими рукавами и белых коротких юбках с искусной вышивкой носили длинные широкие кинжалы. Понятно, в здешних местах крепкое хозяйство нужно уметь отстоять от многочисленных охотников до чужого добра, и подтверждать это умение, должно быть, приходится часто...

Сначала они не разделялись, стояли у огромного чана, где шипело и пузырилось в свете факелов и костров черное молодое вино, и его наливали всем желающим, сколько принимала душа. Правда, вино было легкое, по-настоящему праздничное – ниоткуда не торчали ноги упившихся, никто не рвал друг на друге рубахи. Сварог самокритично подумал: у нас, с таким бесплатным чаном, давно бы все опошили до полной похабщины... И отпил из кружки, скупно, пару глотков – ему приходилось сживать в молдавских винных погребах, и он хорошо помнил коварство молодого вина: льется в глотку, как родниковая водичка, но стакана после четвертого вдруг обнаружишь, что блаженно покоишься под столом...

Вскоре компания странствующих купцов как-то незаметно распалась. Сначала где-то в хороводе исчез боцман Блай, потом потерялся один из матросов, туманно объяснив про живущего поблизости кума, потом пропали остальные двое, которых Сварог не знал по именам, а спустя немного времени рядом не оказалось ни капитана Зо, ни Борна, и Сварог остался один, не особенно этому огорчившись. Он стоял, прислонившись к столбу, поддерживавшему навес над чаном, отпивал по глотку из тяжелой глиняной кружки и чувствовал себя прекрасно. Особенно когда с приятностью озирали женщин, благо посмотреть было на что: у легких рубах вырезы глубокие, на обнаженных шеях ожерелья из древних золотых монет, кавалеры, ухарски вскрикивая, кружат дам, волнующе взметываются короткие юбки, грохочут барабаны, свищут дудки, старики невольно выпрямляют спины, подростки, прячась в боковых улочках, подталкивают друг друга в спину, но на площадь выйти не решаются. «Нет, у нас бы давно нажрались и передрались», – подумал Сварог и поежился от странного ощущения: все, кого он знал и помнил, еще только должны были родиться через долгие тысячелетия, и погибшие еще не погибли... Пропасть, отделявшая его от прежней жизни, оказалась столь широка и бездонна, что рассудком совершенно не воспринималась. Тем более теперь, когда дикая музыка будоражила кровь, и все женщины казались прекрасными. Но та, что стояла поблизости, черноволосая, в красной рубашке и вышитой юбке, красавицей не казалась – она ею была. И юной девочкой она отнюдь не выглядела, так что

Сварог, давно не имевший дела с юными, лишь приободрился. Попросту подошел и спросил ни к чему не обязывающим тоном:

– Я тут стою и удивляюсь – вы красивая, но никто вас не зовет танцевать...

И спохватился – быть может, с точки зрения местных обычаев совершил какую-то жуткую бестактность. Но нет, черноволосая открыто посмотрела ему в лицо, усмехнулась и сказала:

– Я колдунья. Многие меня побаиваются – просто так, без неприязни, по традиции...

– Как-то так получилось, что я колдуний не боюсь, – сказал Сварог. – Я ими даже восхищаюсь иногда. И сегодня тоже.

– А если мне на самом деле сто лет и я только прикидываюсь молодой?

– Быть этого не может, – сказал Сварог. – Я сам умею колдовать, так что...

– Колдовать ты не умеешь, – ответила она. – Ты просто выучил ровно столько, сколько тебе позволили, а это совсем не то... – Она рассмеялась, видя его легкую оторопь. – Теперь понимаешь, что такое – умение колдовать? Вот видишь, и ты испугался...

– Ничего подобного, – сказал Сварог браво. – Я просто огорчился. Раз так, ты прекрасно понимаешь, что у меня на уме, и пошлешь ко всем чертям...

– Чтобы понять, что у тебя на уме, не нужно быть колдуньей.

– И что? – Сварог вопросительно поднял брови.

– И ничего, – засмеялась она. – Любая колдунья – еще и женщина. И если ей не сто лет... – Она протянула руку. – Пошли в круг?

И они вошли в круг, понеслись в хороводе вокруг костра. Сварог выделял руками и ногами совсем не то, что остальные, но никто не обращал внимания. Главное было – попасть в ритм, не сводя глаз с ее улыбающегося лица, и это оказалось не так уж трудно. Труднее было уйти с площади незаметно.

До рассвета весь мир был лишь нежным теплом и запахом сена.

...Сварог пошевелился, зашуршало пахучее сено. Узкое горизонтальное окошко под самым потолком давало достаточно света, чтобы он мог рассмотреть ее лицо, ставшее строгим и печальным.

– Вот и все, – сказала она тихо, мягко отстранила Сварога, когда он потянулся к ней. – Вот и все...

– Но... – сказал он и замолчал, совершенно не зная, что еще сказать.

– Вот и все. Ты, конечно, можешь сказать, что безоглядно меня полюбил и непременно вернешься ко мне после ратных трудов... но ведь это будет неправда, верно?

– Верно, – сказал Сварог. – Я и сам не знаю, что со мной будет завтра...

– Вот видишь. Что бы с тобой ни случилось, сюда ты уже не вернешься. А если и вернешься, то только для того, чтобы вновь остановиться на ночь и утром ускакать дальше, на сей раз навсегда. Так что не нужно ничего обещать. Благо оправдываться не за что.

– Неловко как-то...

– Потому что ты еще не освоился в этом мире. Откуда ты, я не знаю, но чувствую – из страшного далека... Ни в чем себя не упрекай и не старайся усмотреть сложности там, где их не должно быть. Нам было хорошо – вот и все. – Она натянула рубашку на плечи, стянула шнурком на груди, ласково провела ладонью по щеке Сварога. – Нам было хорошо... Правда, мне еще и тревожно. Что-то недоброе впереди. Но здесь ничего иного впереди и ждать не может...

– Почему же вы отсюда не уйдете? – спросил Сварог.

– Потому что Фиортену – три тысячи лет. Когда-нибудь мы уйдем, но это будет в предпоследний миг... Понимаешь?

– Понимаю, – сказал Сварог. – А вы успеете почувствовать, что пришла пора?

– Успеем. Береги себя. Возьми. Не знаю, в какого бога ты веришь, но это всем помогало...

На черном шнурке покачивалась каменная фигурка, вроде бы изображавшая человека, но настолько окатанная, словно бы оплавленная временем и прикосновениями бесчисленных рук, что не понять уже, кого она в незапамятные годы изображала.

– Повесь на шею.

– Что это?

– Это алар. Дух-покровитель из тех времен, когда здесь еще не было Фиортена, когда лары еще не ушли за облака. Их находили в старых курганах, насыпанных еще до потопа и Шторма.

– До чего? – спросил Сварог.

– Ох, ничего ты не знаешь, я вижу... Шторм – так называется череда катастроф, войн и несчастий, предшествовавших уходу ларов в небеса и упадку на земле. А потоп случился лет за пятьсот до Шторма. Надень на шею. Теплый, правда?

– Теплый...

– Он станет холодным, когда тебе будет грозить опасность большая, нешуточная. Уберечь не сможет, но предостережет...

Сварог надел шнурок через голову. Теплая фигурка скользнула на грудь, ниже креста.

– Спасибо, – сказал он.

– А теперь иди. Тебя уже заждались. Где твой меч?

Сварог растерянно зашарил вокруг, разбрасывая сено, наткнулся на ножны.

– Ну вот, – засмеялась она. – Сразу видно, что ты нездешний. Меч всегда должен лежать под рукой...

В воротах Сварог обернулся к ней, хотел сказать что-то нежное и серьезное, но не нашел слов.

Женщина прижалась к нему, гибкая, сильная, теплая, крепко поцеловала и отстранила, заглянула в глаза:

– Иди и не оглядывайся. Мужчины не должны оглядываться, иначе выйдет не к добру...

Сварог быстро шагал мимо просыпавшихся домов – зевали и лениво ворчали на него кудлатые собаки, в хлевах мычали коровы, в кухнях гремела посуда. Вставало солнце, и он вдруг вспомнил, что так и не узнал ее имени, да и свое не называл, но возвращаться, понятно, не стал – чувствовал, что этого никак нельзя делать. Да и не нашел бы дороги. Он прекрасно помнил ее голос, ее запах, ее тело, но дороги назад не нашел бы, как ни старался, не помнил ворот, мимо которых только что прошел, улочек, в которые только что сворачивал. А ведь забывчивостью он никогда не страдал...

У деревенских ворот его и в самом деле ждали возле оседланных коней все шестеро спутников. Обошлось без мужских шуточек вслух, только боцман

Блай хитро подмигнул – левым глазом, правым, левым, правым.

– Ну, приятное позади, – сказал капитан Зо. – Впереди теперь, увы, одно полезное, то есть насквозь опасное. По коням!

Он первым въехал в ворота и приказал:

– Рысью... Между прочим, в окрестностях и в самом деле болтались харланские конники, десятка два. Но очень быстро убрались в сторону Храма Ашоремии. Что доказывает: Басс постарался на совесть.

* * *

Капитан Зо остановил коня, протянул руку:

– Ну вот, милорд. Добро пожаловать в Ямурлак. Вон там, где торчит истукан, Ямурлак и начинается.

Покосившийся каменный истукан с полузатершимися древними письменами на груди торчал на обочине дороги, и не было никакого зримого рубежа – одна и та же земля по обе стороны незримой черты, одна просторная долина с синей каемкой гор вдаль, лес и дорога. Только мерные столбы оказались другими – не круглые столбики с государственным гербом, а каменные шары. Зловещая слава Ямурлака, страны злых магов, безвозвратно ушла в прошлое уже вскорости после Шторма. В отличие от Хелльстада, местные твари были гораздо менее опасными, и на них с превеликим удовольствием отправлялись охотиться окрестные сорвиголовы. А населяли Ямурлак в основном самые обычные люди, хоть и баловавшиеся нехорошей магией. Так что предпринять против них лихой поход тоже считалось своего рода хорошим тоном, причем никто не собирался на отвоеванных землях селиться, дружины удальцов вторгались сюда, чтобы пожечь и порубать в свое удовольствие, а потом уйти на полном галопе. Такие привычки, а вдобавок и странные, неизвестные за пределами Ямурлака эпидемии, довольно быстро страну обезлюдили, хотя еще лет триста назад, мимоходом упомянул Борн, здесь прозябала парочка городов и несколько деревень. Потом и их извели под корень последние искатели золота и экзотических редкостей, и окрестные короли всерьез задумались: а не поделить ли опустевший Ямурлак меж собою? Но тут грянуло нашествие Глаз Сатаны, и эту идею моментально отбросили. Ямурлак умер, как и населявшее его в древние времена зло. В земле и в мертвых городах, по достоверным слухам и преувеличенным рассказам, таилось, правда, немало такого, чего и не стоит выкапывать и подбирать, чтобы не пожалеть потом. А по земле хоронились в глухих уголках крайне редко встречающиеся образцы многочисленных некогда разновидностей нечисти – по-настоящему жуткие и грозные твари вымерли или старательно уничтожены, а то, что затаилось, было, конечно, опасным, но никак не подходило под категорию «неодолимое». Примерно так можно подытожить знания на сей счет, вложенные Сварогу в голову под гостеприимной крышей Магистериума. О деталях и частностях тамошние технократы не позаботились. Так что вся надежда была на спутников.

Спутники держались настороженно, но не хватались за оружие при каждом шорохе. Проходил час за часом, долины сменялись перелесками, а те – нависавшими над дорогой скалами и урочищами, но ничего не происходило. Временами то далеко в поле, а то и близ дороги попадались мертвые города в разных стадиях разрушения, города непривычной, диковатой архитектуры, и тогда снова и снова завязывались жаркие споры – стоит ли пошарить в поки-

нутых домах как-нибудь на досуге и все ли, что там может отыскаться, обязательно приносит несчастье. Блай и один из моряков были уверены, что кое-что способно пригодиться, и в доказательство приводили вполне достоверные случаи. Другие двое с тем же пылом и на столь же многочисленных примерах доказывали обратное. Слушать и тех, и других Сварогу было чертовски интересно, но он немного тревожился, до сих пор понятия не имел, куда они едут и что собираются делать. Ясно, что капитан Зо не подряжался собирать виноград или класть печи, и все же опасность, про которую знаешь наперед, придает определенности...

Когда они проезжали мимо черного замка с высокими башнями, увенчанными странными усеченными конусами, обращенными раструбами к небесам и оттого напоминавшими гротескные зенитки, на полурассыпавшуюся стену моментально взобралось что-то серое, мохнатое, величиной с кошку, зеленоглазое, с пушистым коротким хвостом – и печально заухало, застонало, замахало лапками, закричало что-то вполне членораздельное. Сварог насторожился, но его спутники отнеслись к серому завывавшему созданию прямо-таки наплевательски, покосились мельком и больше не обращали внимания.

– Да это ихний домовой, – пояснил Блай. – Чуть ли не единственная тут совершенно безобидная скотина. И даже в некоторых смыслах полезная. Можно бы подобрать, да не стоит возиться. Капризный, скот. Моря не выносит совершенно, на корабле быстродохнет, а зачем он нам такой? Хочешь, забирай. На суше может пригодиться. Слышишь, надсажается? Скучно ему без хозяина, падле.

– У меня уже есть один, – сказал Сварог. – Куда мне два? Еще передерутся.

– Уж это точно, долго шерсть летать будет... Ну, подаришь кому-нибудь.

– Ну его, – сказал Сварог. – Не возвращаться же.

– А на обратном пути можно и пошуровать. – мечтательно сказал Блай. – Поискать бутылки с джиннами. Их тут еще хватает, говорят. Знал я одного капитана. Попалась ему бутылка с джинном, а тот оказался духом земли, знай таскал изумруды, да не какие-нибудь, ронские...

– Я тоже знал одного судового врача, – отмахнулся капитан Зо. – Единственного, кто спасся с «Прекрасной рыбачки», когда на ее борту откупорили бутылку с джинном...

– Джинны, конечно, разные бывают, – согласился Блай. – Духи воздуха – самые ненадежные. Но ведь и рискнуть можно...

– Иди один и потом откупоривай в чистом поле, – сказал капитан. – Это сколько угодно. Когда я буду подальше.

– Когда-нибудь и рискну.

– Ну-ну... – Капитан Зо вдруг натянул поводья, достал подзорную трубу, всмотрелся: – С вашими джиннами... Тихо! Одна, две... Три. А говорили, вымерли... Ну, может, и обойдется. В лес, живо!

С захода налетали, плавно, бесшумно взмахивая крыльями, три черные птицы, донесся их протяжный крик, странно похожий на человеческий, но некогда было приглядываться – Сварог уже мчался вслед за остальными в лес, под раскидистые кроны темных елей. Всадники остановились, держась тесной кучкой. Со всех сторон лезли в лицо колючие ветки. Кони беспокойно приплясывали. Сварог видел, как Борн выстрелил наудачу, но стрела не доле-

тела, запуталась где-то в кронах. Сверху, словно в ответ, раздался хриплый хохот. Сварог встал на стремянах, отвел ветку, мешавшую рассмотреть кусочек неба.

Птицы, выставив лапы с кривыми когтями, кружили над самыми верхушками елей, то и дело заслоняя небо и солнце. Они были громадными, крылья не меньше трех уардов в размахе, и на длинных голых шеях сидели самые натуральные старушечьи головы с раскосмаченными седыми волосами, злющими лицами, клыкастыми, почти безгубыми ртами. Сварогу показалось, что он встретился с одной взглядом, и он инстинктивно выпустил ветку, шумно свистнувшую мимо щеки.

Время шло, а странные создания, крича заунывно и зло, кружили над лесом.

– Капитан, они не отвяжутся, – сказал Борн. – Придется драться.

– Может, обойдется, – хмуро ответил капитан.

Но в этот миг сверху раздалось каркающее:

– Оставьте нам коней! Оставьте коней! И убирайтесь! Хотим есть! Будет хуже!

– Ничего не пойму, – сказал капитан. – Мне голову давали на отсечение, что этих поганых ворон ни одной не осталось. Последнюю убили лет восемь назад. Басс не мог ошибиться.

– Значит, ошибся, – сказал Борн и добавил со странной интонацией: – Бойся не бодрствующего, бойся спящего... Давайте, капитан. Что, если они подпалят лес?

– Сказки. Если...

Что-то полетело вниз, обрушилось на лес сразу во многих местах, шипя и свистя, и сразу же потянуло удушливым дымом, треск пламени раздался со всех сторон. Сварог услышал команду капитана «За мной!», понесся следом за остальными, низко нагнув голову к конской шее, чтобы не выхлестнуло глаза и не зацепило суком по башке. Спутников он почти не видел – лишь порой, высовывая голову справа или слева, замечал впереди конские зады и людские спины и тут же прятался за гривастую шею, как черепаха в панцирь. Хорошо еще, кони были приучены держаться вместе. Еще два раза на лес обрушился свистящий огненный дождь, пожар разгорался, тянуло жженой смолой. Конь под Сварогом начал беситься, вот-вот готов был понести. Пылающая ветка с маху хлестнула по груди, рассыпав жалящие искры. Над головой неотвязно шумели крылья.

Внезапно лес кончился, и конь с разлету вынес Сварога на огромную поляну – посреди стоял каменный дом с низкой крышей и выбитыми окнами, – помчался прямо к покосившимся воротам. Сварог посмотрел через плечо – птица настигала его, закинувшись назад, как атакующая сова, выставив растопыренные когтистые лапы. Обрывая пуговицу кармана, он выхватил шаур, подпрыгивая в седле, старался прицелиться поточнее. Палец лег на спуск. Черные крылья трепыхнулись, дернулись не в лад, раздался яростный вопль – он не промазал. Но птица не отставала. Сварог не снимал палец со спуска, видел уже, как от метких попаданий взметываются на ее груди черные перья, но гарпия-старуха оказалась невероятно живучей, а значит, к нечистой силе отношения не имела. Сварог что есть силы натянул поводья, осаживая разгоряченного гнедого, выхватил меч, бросил коня в сторону. Он видел, что и осталь-

ные выскочили из леса, несутся к дому. Кому-то тоже удалось остановить коня, и он отмахивался топором от кружившей над ним птицы. От пронзительных старушечьих воплей ломило в ушах.

Раздалась пулеметная очередь, короткая, гулкая. Еще одна. Абсолютно неожиданные здесь звуки. Тяжелое тело шумно грянулось оземь. И еще одно. Снова очередь, подлиннее.

Сварог оторопело огляделся. Капитан Зо стоял у невысокой каменной ограды, расставив ноги, окутанный дымом, уперев в плечо приклад самого настоящего пулемета – с очень толстым дулом, как у первых «Льюисов», широким диском снизу. Длинная очередь сопровождала последнюю птицу до самой земли. Черная тварь, ломая крылья, грохнулась в высокую траву и неподвижно застыла нелепой кучей, как и остальные две. Капитан опустил дымящийся пулемет, отошел подальше от сизого облака, остро вонявшего дымным порохом, грустно сказал Сварогу и Блаю, оказавшимся ближе всех:

– Ну вот, еще не доехали до места, а патроны тратим вовсю. Все из-за вас, обормотов, не хотел, чтобы вам лишний раз дырявили шкуру перед главным делом...

К ним, огибая черные груды перьев, съезжались остальные. Над лесом поднимался дым, вскидывались языки пламени, но опасаться не приходилось – на открытом месте пожар должен был остановиться.

– Посмотрите в доме. На всякий случай, – сказал капитан Сварогу. – Коням – передышка!

Сварог толкнул ногой отчаянно заскрипевшую дверь, вошел, держа шаур наготове. Высокие кресла и стол перевернуты – судя по слою пыли, давным-давно. Одно из кресел лежит поперек скелета в истлевших клочьях кожаной одежды – судя по его позе, кресло упало уже на мертвого, и никто потом не позаботился его вытащить. И не забрал меч, теперь совершенно проржавевший.

Обивка стен висела истлевшими лоскутьями, вконец выцветшими. На крестьянскую усадьбу дом что-то не походил – скорее на охотничий домик дворянина. Сварог заглянул во все комнаты – пыль, запустение, не видно ничего мало-мальски ценного, а все остальное перевернуто вверх дном. Грабили, похоже, в большой спешке. Судя по всему, в самой большой комнате и разыгрался последний акт неизвестной драмы – скелеты там лежали навалом, в беспорядке, во множестве, из-под них не видно было пола. Лохмотья одежды, ржавые кольчуги и шлемы, мечи. Все произошло так давно, что смотреть было ничуть не противно – словно стоишь над раскопом, только что сделанным археологами.

Одни скелеты оказались нормального роста, другие словно бы принадлежали детям – но кости толстые, отнюдь не детские. И оружие у этих странных карликов было самое настоящее, они и мертвыми стискивали полуистлевшие топорща, ржавые рукояти мечей. Мечи и топоры ничуть не уступали по размеру оружию их противников.

Сварог пошевелил носком сапога ржавый двойной топор странной формы. Поднялась пыль, запершило в горле. Что-то прозвенело совсем даже в стороне от его ноги – чистый, высокий звон золотого бокала, ничуть не похожий на хруст трущихся друг о друга двух кусков ржавого железа. Сварог нагнулся, всматриваясь и особо не приближаясь, – вдруг змея, кто ее знает...

Острый алый лучик блеснул меж желтых костей, истлевших лохмотьев и полос ржавчины, сохранивших отдаленное сходство с оружием.

Секунду поколебавшись, Сварог шагнул ближе и решительно разбросал сапогами все, что мешало рассмотреть странный предмет. Достал меч, поворошил лезвием. Выпрямился, держа в руке красивый и нисколечко не пострадавший от времени боевой топор. Черное древко, словно бы покрытое ничуть не потрескавшейся эмалью, сплошь изукрашено рельефным узором из золотых кружочков, едва выступавших над топоричем, напоминавших шляпки гвоздей, – должно быть, задумано не ради одной красоты, а еще и затем, чтобы не скользило в руке. Отливающее синевой лезвие в форме полумесяца с хищно-изящным, выгнутым верхним концом. Большой красный камень в навершии, ограненный пирамидкой со срезанной вершиной, – он-то и сверкнул сквозь вековую пыль. На обушке – глубокая впадина в виде странного рунического знака, никогда Сварогу не встречавшегося.

Сварог взмахнул топором, рассек им воздух крест-накрест – древко удобно лежало в руке, оружие было невероятно красивое и совсем не тяжелое. Никак нельзя было оставить его среди костей и пыли, даже помня все жуткие рассказы о таящих проклятье здешних находках. Мужчины любят оружие нерассуждающей страстью – а этот топор ни у кого не хватило бы духа выбросить.

В соседней комнате громко застучали сапоги, кто-то крикнул:

– Граф, не слопали вас там?

– Я здесь! – откликнулся Сварог.

Вошел боцман Блай, шумно вздохнул:

– Фу ты, мы уж забеспокоились, что-то милорд носу не кажет и голосу не подает. А пылищи... Морские Короли, Лазурная Дева и все сто сорок три морских черта! Якорь мне в задницу, чтоб меня сожрал Великий Кракен, чтоб мне... Топор здесь лежал?

– Да, – забеспокоился Сварог. – А что, бросить от греха подальше?

– Погоди. Погоди-погоди... – Блай схватил его за рукав и потащил наружу. Когда они оказались во дворе, огляделся и подтолкнул Сварога к дереву толщиной с фонарный столб. – А ну-ка, рубани от души!

Сварог размахнулся и едва не полетел носом вперед – сверкающее лезвие, свистнув синей молнией, рассекло ствол так, словно он был картонный и пустой внутри. Дерево постояло секунду, стало заваливаться, обнажив пень с безукоризненной линией среза, гладкой, как стекло. Живое дерево, ничуть не трухлявое, рушилось все быстрее, люди с воплями брызнули во все стороны. Рухнуло. Комель подпрыгнул пару раз и замер.

– Что за фокусы, душу вашу? – взревел капитан Зо за спиной Сварога и Блая. Запнулся на полуслове и тихонечко вымолвил:

– Святая Бригита, Доран-ан-Тег, Топор Дорана... В точности.

– Топор Дорана, – плачущим голосом подтвердил Блай и вдруг взвыл так, словно ему прищемили в дверях что-нибудь чувствительное: – Не зря говорят – новичкам везет! Я ж первый мог зайти и увидеть! Я всю жизнь мечтал!

Он что есть мочи, ничуть не играя, грохнул себя кулаком по бритой голове, воя и мыча.

– Господи, да возьми ты его себе, – торопливо сказал Сварог, протягивая топор, хоть и ужасно жалко было расставаться.

Блай отпрыгнул:

– Убери! Теперь твой...

– Да бери... – сказал Сварог упавшим голосом.

Капитан Зо перехватил его руку:

– Теперь вой не вой... Поздно. Если кто-нибудь у вас его попытается взять, украсть или отнять, лорд Сварог, тому, что характерно, топор оттяпает руку. А то и голову – это же Доран-ан-Тег. И нельзя его ни продать, ни подарить, ни отнять, ни забрать у мертвого. Можно только случайно найти, как вы, потому что вы-то никакого отношения к смерти последнего хозяина не имеете. Действительно, новичкам везет... По коням. Пожар все же может подобраться.

Покачиваясь в седле рядом со Сварогом, то и дело бросая на топор печальные, завистливые и жадные взгляды, Блай рассказывал:

– Двадцать тысяч лет назад Доран сделал полный доспех: кольчугу, шлем, щит, меч, лук со стрелами, топор, копье и кинжал. Кольчугу, шлем и щит ничто не могло пробить, даже молнии ларов, когда они позже появились, говорят, отскакивали. Ну а меч с топором, стрелы и копье с кинжалом пробивают все, что угодно. Никто не знает, что это было за железо, и на каком огне Доран все это ковал, и кто был подмастерьем, но железо и огонь, надо полагать, были не простые и меха раздувал не кузнец-деревенщина... Понятное дело, Доран был непобедим. В балладах поется, что он стал королем всего Харума, и я этому очень даже верю...

– И забыл, что нельзя брать в наложницы дочек свергнутых тобой же королей, – хмыкнул капитан Зо. – Одна его и зарезала, ночью, когда он, что характерно, был без доспехов. Так поется в балладах, и я этому верю...

– А что было потом? – спросил Сварог.

– Потом наследники – были там какие-то – развезли все по разным городам. Для пущей надежности, каждый боялся, как бы другому не удалось подстроить случайность и завладеть всем доспехом сразу. И каждый ломал голову, как бы эту случайность смастерить. Ну, можно же было заманить в сокровищницу любимого сына или там внука, ведать ничего не ведающего, он и нашел бы. Совершенно случайно. А время-то шло, люди умирали, на свете и без Дорановых доспехов происходило немало всякого... Кто-то успевал шепнуть наследникам, кто-то нет, шли войны, сокровищницы горели, их грабили, память стиралась, посвященные хранители понемногу переводились... Кто его знает, как там было во всех подробностях двадцать тысяч лет назад. Словом, настало время, когда Доспех Дорана все-таки пошел по рукам. Сами представляете, какую охалку романов можно написать о судьбе одного-единственного кинжала.

– Ну а в конце-то концов? – спросил Сварог.

– Кольчугу унесли гномы, наверняка сделали из нее несколько маленьких, они единственные, кому такое по силам. А поскольку гномы вымерли, кольчуги и сейчас валяются где-то в их подземельях, куда никто не знает дороги. Лук со стрелами затерялся на Сильване. В шлеме похоронили одного из Морских Королей, и шлем сейчас покоится где-то на дне океана – потому что Морских Королей на суше не хоронили. Щит – у ларов. С копьем когда-то отправился в Хелльстад некий рыцарь, оттуда не вернувшийся. Где сейчас меч и кинжал, не знает никто. Быть может, лежат на дне моря, в чьей-то забытой могиле или висят на стене у любителя старинного оружия, ничего такого не подозревающего. Топор тоже считался пропавшим, но его следы терялись не в Ямурлаке,

а в Сегуре...

– А эти скелеты... Гномы?

– Гномы, – кивнул капитан. – Даже если они узнали Доран-ан-Тег, забрать все равно не смогли. Хотите несколько советов, лорд Сварог? Не увлекайтесь чересчур этим топором и никогда не полагайтесь только на него. Можете стать слишком самоуверенным и разучитесь владеть мечом и саблей. А в жизни может подвернуться множество сложностей, когда и Доран-ан-Тег не спасет. К тому же он сделает вас заметным. Точных описаний нет, и помнят их скорее бродяги вроде нас, чем книжники и антиквары, но какой-нибудь книжный червь может опознать топор, и ваша жизнь превратится в сплошную неприятность... Владельцу оружия Дорана из-за множества завидующих глаз самому не помешает охрана – это и называется научным словом «парадокс»...

– Но его же нельзя отнять?

– Зато вас можно угрохать в какой-нибудь глуши, как сделали с прежним хозяином. И навести туда любимых деток-племянников. Кто откажется оставить потомкам такое сокровище?

– Да, верно...

– И еще. Никогда не забывайте, что ан-Мор и ан-Рагт, меч и кинжал, могут оказаться у кого-то на поясе... Все, кто сделал своим ремеслом войну, стараются этого не забывать. Любой меч, который на вас поднимет противник, может оказаться Доран-ан-Мором. И последнее. Доспех Дорана не дает его владельцу никаких преимуществ в схватке с нечистой силой. Прежде было иначе, существовал какой-то секрет, но он канул в небытие вместе с Дораном...

– Зато с нечистой силой, я вижу, можно легко справиться пулеметом. Я о гарпиях.

– Да что вы, пули были самые обычные, – сказал капитан Зо. – Гарпии к нечисти не имеют никакого отношения. Осколок прошлого, вот и все. В незапамятные времена на Таларе обитало множество самых диковинных созданий, каковые, однако ж, к нечисти никакого отношения не имели. Правда, и нечисти хватало.

– Черт... – сказал Сварог. – Я и подумать не мог, что тут, на земле, делают пулеметы...

– А их только в Снольдере и делают, – пояснил капитан. – Правда, и там их маловато – ну, ручная работа, дело трудоемкое. Если и продают за границу, то по штучке и, сами понимаете, на вес золота. Так что войну ими не выиграешь по причине малого количества. Воюем по старинке, а в Глане и обычный огненный бой не в большом ходу.

– И давно там делают пулеметы? – спросил Сварог. – Это старый образец или новый?

– Лет двадцать, – сказал капитан чуточку удивленно. – Образец? Они всегда такими и были, сколько себя помню...

Сварог недоуменно пожал плечами, глядя на громоздкое оружие. Странно. Весьма. Там, где войны не редкость, оружие любого рода и вида совершенствуется и модернизируется с невероятной быстротой. За двадцать лет можно бы додуматься до сошек, облегчить кожух да и весь пулемет. Здешние мушкеты и пистолеты исполнены рационального изящества, ни унции лишнего веса...

Глава 3

Маленькая неизвестная война

Ночевали в какой-то заброшенной избушке, относительно целой – только окна выбиты в незапамятные времена да часть черепичной крыши рухнула внутрь. Когда вечером капитан распределял, кому и в какой очередности стоять на страже, Сварога он не помянул вовсе. Тот принял это за недоверие, ни словом не намекнул, но на лице, видимо, что-то отразилось. Капитан вдруг повернулся к нему и хлопнул по плечу:

– Голуба моя, ну что вы дуетесь, как юная служаночка на деревенском празднике? Пригласят вас еще танцевать, не беспокойтесь. Вы же понятия не имеете о здешних опасностях и сроду их не отличите от чего-нибудь жуткого на вид, но совершенно безобидного. Беда с этими графьями, право...

Поначалу он думал, что не уснет, но незаметно провалился в забытье, на удивление спокойные сновидения с тихими улочками, чинными прогулками и мирными разговорами. И проснулся вполне спокойно – попросту открыл вдруг глаза, тут же вспомнил, где он и с кем он, пошевелился, оцупав рукой топориче Доран-ан-Тега, лежавшего вдоль тела лезвием к ногам, острием наружу. Поднес руку ко рту, чтобы закурить – и оцепенел, уловив краешком глаза какое-то движение неподалеку.

Уже светало, благодаря выбитым окнам и пролому в крыше Сварог хорошо различал спящих спутников. Слышно было, как за окном прохаживается, зевает с хрустом кто-то из матросов. Сварог мог бы поклясться, что не спит, что все окружающее – наяву.

И женщина – тоже. Она стояла совсем рядом, глядя на него сверху вниз спокойно и отрешенно. Тоненькая, в синем балахоне, синий легкий капюшон чуть сдвинут на затылок, из-под него струятся светлые прямые волосы. Красивое, тонкое лицо, словно бы чуть изможденное или невероятно усталое. Огромные глаза, светло-синие, печальные, до чего же печальные, Боже!

Сварог сторожко пошевелился. Незнакомка неспешно, несуетливо, грациозно даже приложила палец к губам:

– Спи, еще не время...

У нее был очень странный голос – он словно бы и не звучал в воздухе, а возникал в мозгу Сварога. Сварог лежал неподвижно, уставясь на загадочную печальную красавицу, не представляя, что делать. Она грустно улыбнулась уголками губ, гибко склонилась над лежавшим рядом со Сварогом Борном, легонько поцеловала его в лоб. Отошла к одному из матросов, нагнулась, коснулась губами его лба. Все это происходило в совершеннейшей тишине, даже ее странное платье не шелестело по полу.

Потом женщина в синем направилась к двери, оглянулась на Сварога через плечо, бледно улыбнулась.

И вдруг стала таять, растворяться, исчезать, не замедляя шага. Еще миг – и ее уже нет.

И тогда Сварог заорал. Ему было стыдно, но он вопил что было сил, стуча зачем-то обухом топора по полу.

Все подхватились, ошалело хватаясь за оружие, готовые рубить и стрелять. Не усмотрев нигде врага, один за другим оборачивались к Сварогу. В дверь заглянул часовой и тут же скрылся.

– Домовой за уши таскал? – спросил капитан Зо, правда, без такой уж откровенной насмешки, какую Сварог ожидал.

– Здесь была женщина, – уставясь в пол, сказал Сварог. – Светловолосая, в голубой накидке. А потом... потом она пропала. Взяла и растаяла.

Он поднял глаза. Все уставились на него с жуткой серьезностью, от которой брала оторопь. Уж лучше бы смеялись.

– И что? – жадно спросил кто-то. – Что она делала? К кому...

Сварог ответить не успел. Капитан Зо рыкнул:

– Кормить коней, седлать! Живо! Жрать будем на ходу!

Все повалили к дверям. Сварог двинулся было следом, но капитан сгреб его за грудки, быстро оглянулся, убедившись, что они остались наедине, рычащим шепотом бросил в лицо:

– Молчать о подробностях! Никому ни слова! Кого она целовала?

– Только Борна и Шестипалого...

– И все? – пронизывал его взглядом капитан.

– Все, – твердо сказал Сварог.

Капитан Зо чуть ссутулился:

– Вижу, не врете – легко иметь дело с несведущим... Ох, как же это, как мне без Борна... обормота бравого...

– Да кто это был? – спросил Сварог.

– Лазурная Дева, – сказал капитан. – Фея смерти.

– Значит, тот, кого она...

– Вот именно. – Капитан смотрел в сторону. – Тот, кого она поцеловала на рассвете, заката, что характерно, уже не увидит. Болтали, бывают исключения, но не верю я что-то.

– А то, что я ее видел...

– Не тряситесь, – сказал капитан грубо. – Ну и видели, это еще ничего не значит. Она, бывало, и на балу появлялась, при ярком свете и многолюдстве. Черт, как мне хочется, чтобы исключения случались, не могут же сказители все время врать... Ладно. Возьмите-ка себя в руки и застегнитесь на все пуговицы, чтобы те, кто... чтобы никто по вашей роже ничего не прочел. Понятно?

Сварог кивнул. Капитан стоял, понуриив голову.

– Капитан, куда же мы все-таки едем? – спросил Сварог неожиданно для себя самого.

Ему показалось, что капитан откровенно обрадовался возможности сменить тему.

– У нас маленькая война, – сказал Зо. – Совершенно незаметная для большинства людей, такие войны бывают каждый день во всех уголках земли... Вы слышали про навьев? Что, никогда не слышали? Ну да, не успели. Навьи – это мертвые воины. Точнее, мертвецы, которых подняли из могил и сделали солдатами.

– А что, это возможно? – У Сварога поневоле отвисла челюсть.

– Еще как. Достаточно заполучить неповрежденный череп. И знать нужные заклятья. Правда, считалось, что последние мастера этого искусства давным-давно вымерли, им очень целеустремленно помогали вымирать, как всем магам... но что-то в последнее время многое из считавшегося навсегда исчезнувшим объявляется вновь, вот и гарпии... Получаются великолепные солдаты – нерассуждающие, покорные, проворные, кровь не течет, боли не чувствуют, чтобы покончить с таким, нужно отсечь ему башку, но и тогда остальное еще долго слепо крушит все вокруг. Догадываетесь, какие препятствия

стоят на пути владеющего этой поганой наукой? Нет? А это очень просто. Черепа добывают в могилах. Но трудновато было бы обкрадывать могилы, оставаясь незамеченным. Черепов ведь нужно много... Вот кто-то очень хитрый и довольно глупый отыскал выход – потрошит в Ямурлаке и Пограничье заброшенные кладбища. Их много, а присмотра за ними никакого.

– Почему вы считаете его глупым?

– Потому что Пограничье особых неожиданностей не сулит, а вот Ямурлак... Древние обитатели Ямурлака были народом опасным, в них было больше от нечисти, чем от рода человеческого. Понимаете? Тот, кто наберет себе войско из этих молодчиков, рискует головой. На него самого, конечно, плевать с верхушки мачты, но ямурлакские навьи, оторвав такому голову, останутся на этом свете... А может оказаться и опаснее.

– Как это?

– Если ямурлакских мертвецов собирает под свои знамена тот, кто способен крепко держать их в узде. А такой искусник только один... И следует молиться день и ночь, чтобы моя догадка оказалась неверной. Иначе... Я себя не приукрашиваю, лорд Сварог. Я авантюрист и пират. Но есть вещи, против которых сочтет себя обязанным драться бесплатно самый поганый пират – ну, кроме вовсе уж отпетых. Даже Паскуда Даргун... ну, вы же не знаете Паскуду Даргуна...

– Значит, мы...

– Значит, мы уже через час-полтора должны будем прихватить на одном старом кладбище неких любителей древностей. И крайне обстоятельно допросить одного из них. Шансы у нас есть. А вот выбора нет.

– Как будто у меня выбор есть... – невесело усмехнулся Сварог.

Капитан несильно ткнул его кулаком в живот, осклабился:

– Вот и прекрасно. Подробности – по ходу дела. И смотрите у меня... Я сейчас погоню ребят галопом, ни у кого не будет времени думать или приглядываться к вам. Когда начнется заварушка, старайтесь прикрывать Борна. Бывают же чудеса, вдруг обойдется...

Сварог тоже надеялся, что чудеса случаются. Борн ему отчего-то нравился. Да и Шестипалого жаль. И вообще – невероятно тяжело *знать* заранее...

Едва он вскочил в седло, капитан погнал отряд бешеным галопом, так что остальным некогда было таращиться на Сварога, и ему самому некогда было бросать по сторонам хотя бы мимолетные взгляды. Капитан не щадил коней – значит, цель их путешествия близка. Они скакали заросшими высокой травой лесными дорогами, петляли меж холмами, обернутые грубым полотном копыта коней ударяли оземь глухо, почти беззвучно, и оттого окружающее выглядело чуточку нереальным, они сами были как призраки посреди умершей страны, посреди пронизанного солнечными лучами леса. Сбруя не звякала, даже увешанный оружием Блай ухитрялся не греметь своим арсеналом – и они скакали так, пока впереди не вырос верховой. Он стоял на дороге, спокойно опустив руки на шею коня, и на плече у него сидел бурый ястреб. А может, сокол или беркут – Сварог в них плохо разбирался.

Капитан подъехал, быстро, деловито спросил:

– Как?

– Он там. С ним только пятеро, – так же деловито, резко ответил незнакомец. – Все верхами. Одна повозка. Копают со вчерашнего дня. Держатся совер-

шенно спокойно.

– Что в окрестностях?

– Харланские конники в двадцати лигах отсюда. Расположились в старом городе. Две полусотни. Одним словом, все в порядке. И все же что-то неладно, Зо. Очень похоже, что с гробокопателями есть еще седьмой и засел где-то на страже, но меня не это беспокоит...

– А что тебя беспокоит? – вкрадчиво спросил капитан.

– Магар волнуется. – Незнакомец скосил глаза влево, на ястреба, беспокойно переступившего с лапы на лапу. – Странно как-то волнуется, ничего не понимаю, а я ведь с ними вожусь двадцать лет. Что-то неладно в округе.

– Голуба моя, здесь всюду и всегда неладно, – ответил капитан с обаятельной улыбкой.

– Знаю. Но есть что-то, чего я никак не могу уловить, это и беспокоит.

– Бывает. С каждым, – сказал капитан. – Ладно, ты свое сделал, так что можешь ехать восвояси и сообщить, что мы начали работать. А мы начинаем без шума и песен...

Незнакомец кивнул и повернул коня.

– Начали, – сказал капитан, спешиваясь и взваливая пулемет на плечо. – Шестипалый остается с лошадьми. Блай и Чаба верхами заходят слева. Остальные со мной.

Сварог спрыгнул с коня и, держа топор за древко у самого обуха, зашагал за капитаном меж толстенными соснами, покрытыми зеленым кружевом лишайника. Порой на лице липко и невесомо рвалась паутина. Чувства, которые он испытывал, оказались, в общем, давно знакомыми по прежним дракам – чуточку свербило в затылке и время, представлялось, бежит чуть светлее.

Они остановились на опушке и смотрели вниз, прячась за деревьями. Уардах в ста впереди, там, где кончался пологий склон, виднелось кладбище – аккуратные ряды густо поросших травой бугорков, и большая их часть зияет круглыми ямками с футбольный мяч диаметром, окруженными свежевзрыхленной землей. Вдали скопище полуразрушенных каменных домиков – не деревня, скорее, небольшой городок. Ограда кладбища давно рухнула, но маленький храм с высокой квадратной башенкой еще держался.

Потом Сварог увидел людей, зачем-то торопливо пересчитал их – да, шестеро, одеты неброско и небогато, но вооружены отменно. Двое стояли у повозки, зорко оглядываясь вокруг. Четверо были поглощены делом. От могилы к могиле переходил высокий человек с густыми, черными волосами – в них над левым ухом порой отблескивал на солнце кроваво-красный самоцвет. Остановившись, он простирал руки ладонями вниз, разведя их чуть пошире плеч, замирал, что-то шепча. Земля на могиле взметывалась вдруг, словно выброшенная беззвучным взрывом, и в образовавшуюся круглую дыру, словно подброшенный, вылетал череп. Черноволосый, вмиг потеряв интерес к могиле, переходил к следующей, а кто-нибудь их трех, теньями следовавших за ним, подбирал череп и совал его в свой мешок. Они работали молча, слаженно, деловито, и это странное зрелище выглядело до ужаса обыденным – не мерцали колдовские огни, не сверкали молнии, не гремели леденящие кровь заклинания. Четверо весьма напоминали вышедших в поле крестьян.

– А лошадей все-таки шесть, – сказал Борн.

– Если бы я ими командовал, обязательно посадил бы кого-нибудь в башенку наблюдать за лесом, – сказал Сварог. – Потому что внезапно напасть на них можно только отсюда, из леса.

– Вот именно, – блеснул зубами капитан Зо. – И я бы сунул часового в башенку. А седьмую лошадь спрятал бы в храме. Значит, те из нас, кому метательное оружие не грозит, займутся исключительно башенкой. Лорд Сварог, за этим черным мы и пришли. Точнее, нам нужна его голова. Рубите его в капусту, если столкнетесь, но голову оставьте целой.

Издали, там, где слева кончался лес и начиналось чистое поле, раздался долгий, пронзительный крик, похожий на птичий. Лошади чужаков дернулись, беспокойно приплясывая, но тут же успокоились. Черноволосый и его спутники мельком глянули туда и, пожав плечами, вернулись к работе.

– Ага, – сказал капитан. – Блай с Чабой на месте. – Он положил ствол пулемета на толстый сук, примерился. – Ну, когда моя волынка заиграет, можете вступать.

– Срежьте сначала тех, кто стоит дальше от нас, – сказал Сварог.

– Не учите портовую шлюху брать за щеку, – не оборачиваясь, бросил капитан. – Танцы начались, господа!

Загрохотала длинная очередь, широкая спина капитана затряслась в ритме выстрелов, его понемногу заволакивало сизым дымом. Пули мгновенно срезали тех двух у лошадей, швырнули наземь, скомкали. Лошади забились, пытаются оборвать поводья. Черноволосый и его люди схватились за мечи. Сварог, упершись левой ногой в толстый корень, приготовился броском швырнуть тело на открытое пространство... и прямо перед глазами у него полосой взлетели щепы и ветки, по стволам вокруг застучало. Из окна башенки строчил пулемет.

Сварог инстинктивно прижался к стволу, пачкаясь смолой. Он знал, что пули ему ничуть не страшны, но прежний опыт оказался сильнее, и Сварог боролся с ним какие-то секунды. Капитан стрелял по четверым меж могил, а из башенки стреляли по лесу. Перед глазами у Сварога мелькнула спина Борна – штурман выскочил на открытое место, и Сварог, опамятававшись, кинулся следом, обогнал, потом замедлил шаг и направился к башне, не спеша, вразвалочку, отвлекая огонь на себя. Было немного жутко и любопытно. Справа и слева от него взлетала земля, потом пулеметчик, должно быть, принялся лупить прямо по нему, но ни одна пуля Сварога не задевала. Непонятно было, куда они деваются. Если и рикошетили, то беззвучно. Сварог даже вошел во вкус, едва не помахал рукой стрелку, но подумал, что тот опомнится, поймет – и перенесет огонь на Борна. И побежал к башне. Чуть позади объявился Борн, волшебным образом невредимый.

– Ложись, дурак! – бешено заорал Сварог, схватил топором обеими руками и рубанул что было сил по стене башенки. Лезвие отвалило здоровенный кусок замшелого камня, как будто это был пенопласт. И все равно, подрубить башню было бы слишком долго. Сварог нырнул в дверной проем с ржавыми остатками петель, побежал вверх по выщербленным ступеням. Над головой захлебывался пулемет, следом топотал кто-то, наверное, Борн. Лестница вилась вокруг толстенной каменной колонны, и вдруг навстречу Сварогу выскочил бледный перепуганный человек, паля в него из пулемета чуть ли не в упор. Сварог, уже вполне освоившийся с собственной неуязвимостью, остано-

вился и ухмыляясь уставился на окутанного дымом стрелка. Тот наконец сообразил, что занимается зряшним трудом, и опустил пулемет.

– Положи, а то голову оторву, – почти ласково сказал ему Сварог. – Бережно положи, не бросай, вещь испортишь.

Тот, не отрывая умоляющего взгляда от Сварога, опустил на корточки, бережно примостил пулемет на широкой ступеньке. Хотел выпрямиться. Над плечом Сварога сверкнуло что-то жужжащее – и пулеметчик опрокинулся навзничь с метательной звездочкой в горле.

– Борн... – укоризненно бросил Сварог, обернувшись. – Это ж пленный.

– Пленных тут не берут, граф, – отмахнулся тот, перепрыгнув через мертвеца, взбежал на самый верх лестницы и тут же вернулся, выглянул в узкое окошечко. – Больше никого. А капитан уже справился.

Тут и Сварог сообразил, что снаружи стоит тишина. Нагнулся за пулеметом. Вот это уже – нечто в другом роде. Легкий, красивый – тонкий дырчатый кожух, пластмассовый приклад с изящной пистолетной рукояткой, компактный магазин в виде усеченного конуса. Даже ремень имеется, можно повесить на плечо. Так и просится в руки.

– А такие где у вас делают? – спросил Сварог. Борн оглядел пулемет очень внимательно и пожал плечами:

– Таких у нас пока что не делают, граф. Не тот уровень техники. Более чем странная находка... Пойдемте.

Там, снаружи, и в самом деле все было кончено – капитан Зо не потерял ни одного человека, даже раненых не оказалось, а у противника остались в живых одни лошади.

– Даже скучно, – сказал Блай. – Ехали-ехали, и даже подраться как следует не вышло.

– Ты сначала выберись отсюда, – обронил капитан, и бравый боцман чуть помрачнел.

Сварог мог голову дать на отсечение, что все сейчас подумали о Лазурной Деве, сулившей кому-то смерть до наступления заката, но он-то знал точно, что паршивее... Ему показалось, что издали слышится музыка, наваждение упорно держалось, и он недоуменно завертел головой, пока не догадался задраить ее вверх.

Высоко в небесах с полночного заката на полуденный заход проплывал величественно огромный остров. Совсем рядом с живыми и убитыми, с лошадьми и разоренным кладбищем скользила по земле овальная темная тень, покрывавшая огромное пространство, перемещаясь по равнине в сторону леса. Напрягши взгляд, Сварог различил на краю яркие башенки, зеленую пену листвы, узнал казавшееся отсюда крохотным здание над самым обрывом – белое, с оранжевой многоярусной крышей. Чайный домик, один из многочисленных павильонов императорского дворца. Совсем недавно он пивал там чай.

Едва слышная музыка стихала, дворец, небесное видение, лениво уплывал к полуденному заходу, пока не скрылся за лесом окончательно. Сварог невольно дернулся вслед.

– Летают, гады... – то ли мечтательно, то ли порицая прокомментировал боцман Блай, оглянулся на Сварога и осекся. – А вообще, красиво – порхай себе над облачками... Только в море лучше.

– И безопаснее, – сказал капитан Зо. – По крайней мере, сейчас нам даже в Море Мрака или у Диори было бы безопаснее, чем торчать здесь. Борн, лучше всего заняться прямо сейчас. Не стоит рисковать.

– Думаешь?

– Так надежнее.

Борн кивнул. Только сейчас Сварог обратил внимание, что штурман держит в руке отрубленную голову чернобородого, и с нее на траву еще тяжело падают алые капли. Сварога легонько замутило, и он поторопился отвести взгляд, сунул в рот сигарету. Капитан Зо, с интересом наблюдавший за ним, сказал без насмешки:

– Выход один, граф, – побыстрее вбить в голову одну нехитрую истину: всякий, кому вы по доброте душевной не выпустите кишки, тут же выпустит кишки вам. Честное слово, так все и обстоит.

– Я знаю, – сумрачно сказал Сварог.

– Вот и прекрасно. Пойдемте.

Оказалось, в храме и в самом деле прятали седьмую лошадь. Внутри царило полное запустение – да еще лошадь внесла свой вклад. Если когда-то здесь и был надлежащий инвентарь, его давно растащили. Остались четыре голые стены, пол с толстым слоем вековой пыли да каменный постамент посередине.

– Чей это храм? – спросил Сварог.

– Пожалуй, лучше употребить слово «капище», – сказал капитан. – Не было в Ямурлаке храмов, одни капища... – Он кивнул Борну на постамент: – Вполне подойдет, а? Ягмар был демон крайне пакостный, но ввиду отсутствия почитателей покинул этот мир много веков назад. Или, по другим легендам, надежно где-то заточен предками-умельцами. В любом случае обижаться на нас некому. Давай, Борн.

Борн положил голову щекой на постамент, поставил рядом свой мешок и принялся в нем копать, глубоко запустив руки. Кровь все еще сочилась на фиолетовый ноздреватый камень, и Сварог отвернулся, рассматривая стены в тщетных попытках углядеть какие-нибудь фрески или резьбу. Все матросы остались снаружи, в капище были только он, Борн и Блай. Так ничего и не усмотрев на стенах, Сварог обернулся к постаменту.

Голова уже стояла в глубоком металлическом блюде, вроде бы бронзовом, и Борн подливал в него из разноцветных бутылочек разноцветные жидкости. Смешиваясь, они чуть дымились и постепенно превратились в темно-синее подрагивающее желе, искрившееся тусклыми желтыми искорками. Небрежно бросив опустевшие бутылочки на пол (они не разбились, беззвучно увязнув в толстом слое серой пыли), Борн принялся всаживать в желе на равном расстоянии друг от друга серебряные булавки с головками из черного камня в виде трехгранных пирамидок. Вскоре булавки замкнули голову сплошным кольцом. Борн отступил на шаг:

– Готово.

Все, замерев, напряженно уставились на блюдо. Внезапно веки отрубленной головы дрогнули, она медленно открыла глаза, рот задергался, словно бы хватая воздух конвульсивными глотками. Сварог невольно шарахнулся, но остальные стояли спокойно. Медленно оглядев всех стеклянными глазами, мертвец сказал неприятным, шуршащим голосом:

– Как это могло случиться? Вы же были совсем в другой стороне...

– Милейший Гарпаг, – сказал Борн, – эту незатейливую ошибку совершали многие маги – они считали по-настоящему могущественными только себя и напрочь отказывали другим в мастерстве...

– Согласен, – равнодушно, без злобы произнес маг. – Поскольку мне остается одно – смириться с поражением...

– Одно? Ты еще ответишь на вопросы...

– Если мне захочется.

– Гарпаг, – терпеливо начал Борн, – я к тебе испытывал самые разные чувства, но дураком никогда не считал, поверь. Ты прекрасно понимаешь свое положение...

– Понимаю, – сказал Гарпаг, перевел мутный взгляд на Сварога. – И вы здесь, граф Гэйр? Вот уж не ожидал, что вы вернетесь с Инбер Колбта, так прекрасно все было подготовлено, такие силы брошены против одного-единственного корабля. Впрочем, я всегда говорил Еннифу, что следует учитывать...

– Не тяни время, не поможет, – резко сказал Борн.

– Пожалуй, да. Что ж, отвлекающий маневр был исполнен прекрасно. Мои поздравления Бассу. Ну хорошо. – Он хрипло, каркаяще рассмеялся. – Сейчас у меня, сами понимаете, нет причин хранить верность известным вам особам. Жрите. Войско навъев собирает в Харлане герцогиня Мораг, а пружиной всему – наш общий знакомый маг Ногудар. Вот и все. Как говорят сиволапые крестьяне, всего-то и делов. Вот тебе нехитрая истина. Тебе не кажется, Борн, что кое у кого паршиво поставлена разведка?

– Возможно. – Борн поджал губы. – Это уж моя забота.

– А знаешь, в чем наша с тобой беда? – спросил Гарпаг. – И ты и я – мы оба способны на многое, но не умеем предвидеть будущее. А какая-нибудь деревенская бабка умеет, хотя и не кончала университетов, не набивала шкафы старинными манускриптами...

– Хватит, – прервал капитан Зо. – Пусть он лучше расскажет кое-какие подробности.

– Подождите, капитан, – не менее решительно ответил Борн. – Я его знаю давно. И всегда, когда он начинал говорить загадками, следовало ждать любой пакости...

– Ну так спроси прямо! Он же не может сейчас лгать!

– Совершенно верно, капитан, – злорадно усмехнулся Гарпаг. – Лгать я не могу, вы можете выпотрошить меня, как зайца... если у вас есть время. А ну как его нет? Мы оба крупно промахнулись, Борн, оба проиграли...

– Спросите лучше... – шагнул вперед капитан Зо, но Борн, вопреки всякой субординации оттолкнув его, склонился над ухмылявшейся головой и крикнул:

– Что происходит вокруг?

– Он рвется на свободу...

И Гарпаг умолк, его лицо исказилось дикими гримасами. Сварог не сразу сообразил, что это не голова трясется – ходуном ходит поверхность фиолетового камня, покрывается волнами, как взбаламученная вода, колыхается, вот и пол под ногами закачался, из четырех углов камня с ревом ударило вверх фиолетовое пламя, достигло потолка, то, что звучало в ушах, больше всего напо-

минало дикий хохот, все бросились в стороны, вздыбившийся пол свалил их с ног, совсем рядом со Сварогом, задев жесткими волосами его лицо, шлепнулась голова мага, и Сварог еще услышал сквозь ревуший хохот, как с синих губ Гарпага сорвалось:

– Значит, это магист...

И все смолкло. Больше не было пламени, больше не качался пол, камень замер, только поверху, во всю длину его, протянулась глубокая трещина. Люди поднимались, отряхивая пыль, чихая.

– Боже, ну конечно! – простонал Борн. – Он вырвался – Ягмар или кто там был заключен в камне. Человеческая кровь, трехгранные пирамидки – достаточно, чтобы...

– Ну и пошел он к русалочьей матери, – сказал капитан. – Мало в Ямурлаке шляется умирающих демонов?

– И все равно, все равно... – Борн говорил быстро, горячечно. – Гарпаг не врал о Харлане и герцогине Мораг, но... Нас подставили, капитан, и Гарпага, и нас, нас с ним свели здесь. Кто-то точно все рассчитал – что мы будем в спешке допрашивать его на месте, и лучше места, чем это, не найдем, голова в ходе приготовлений будет лежать на постаменте, и на камень попадет хотя бы капля. Демона хотели освободить, и подвернулся удобный случай.

– Ладно, я понял, – сказал капитан. – Нужно рвать когти, а все остальное – излишняя риторика. Пошли!

Они выскочили из капища. Но матросы даже не обернулись к ним – они смотрели в поле, а с поля со скоростью идущего рысью всадника наплывала стена белесого тумана, и меж деревьев на вершине пологого откоса просачивался туман, заволакивая ветви и кроны. Туман надвигался со всех сторон – быстро, беззвучно, целеустремленно замыкая кольцо. Сварог закинул на плечо ремень трофейного пулемета и растерянно глянул на капитана.

– Отсидимся в капище? – предложил боцман.

– Черта лысого мы там отсидимся, – быстро сказал капитан. – И потом, все лошади там не поместятся. Лучше очертя голову кинуться в туман, что бы нас там ни ждало, чем остаться пешими посреди Ямурлака. Год выбираться будем... Борн, можешь что-нибудь сделать?

– Попробую. Если это заклятье Коглума...

– Без риторики!

Борн копался в своем мешке. Туман надвигался, колышась и трепеща.

– Сколько у вас магазинов? – спросил капитан.

– Два, – ответил Сварог.

– У меня и вовсе один. Паршиво. – Он склонился к уху Сварога: – Борна берегите. Если что... В Харлане ищите барона Дальга. Ему и расскажете. Про навьев, про герцогиню и мага, про все остальное. Борн, ученую твою душу!

Борн достал из мешка зеленую палку длиной с локоть и толщиной в палец:

– Но хватит ненадолго!

– Что делать, – сказал капитан. – Орлы, держаться вместе! Если потеряемся – друг друга не искать, не тратить время, каждый прорывается на корабль в одиночку! Вперед!

Туман почти сомкнулся вокруг них. Борн чиркнул самой обыкновенной спичкой, поджег конец своей палки, и она занялась подобно бенгальскому огню, только гораздо медленнее, разбрасывая вокруг снопы зеленых искр. Огля-

нувшись на остальных, Борн поскакал вперед, держа сыплющий искрами факел высоко над головой. Все помчались следом, прямо на сизо-белесую стену тумана, окунулись в него, врезались.

Амулет на груди Сварога леденил кожу. Станный факел Борна чудесным образом рассеивал мглу, словно бы создав пузырь чистого прозрачного воздуха, и этот пузырь несся вместе с всадниками. Казалось, они несутся вскачь в полукруглом туннеле, а за стенами смутно колышутся, то придвигаясь, то отпрыгивая, дергающиеся тени. Жутко было и представить, кто может такие отбрасывать...

– Вместе держаться! В куче! – орал капитан Зо.

Нервы у Сварога не выдержали, и он выпустил длинную очередь в одну из теней, вот-вот готовую высунуться из тумана наперерез. Тень отшатнулась, исчезла с диким шипеньем. Стрела свистнула слева направо перед самым его лицом, за ней полетели другие, со всех сторон, и сзади послышался отчаянный вопль. Лошадь без седока обогнала Сварога, потом Борна, рванулась в сторону и утонула в тумане под торжествующий нелюдской визг многих глоток. «Шестипалый, – подумал Сварог отрешенно, – это его арбалет был приторочен к седлу...»

Его немилосердно швыряло в седле – они мчались наугад, и пару раз конь спотыкался. «Это ненадолго», – подумал Сварог. В любой миг можно ухнуть в канаву, налететь на деревья, угодить в заброшенный город, конь сломает шею себе и седоку, а туман все не кончается... Показалось или спасительный туннель в самом деле стал ниже и уже? Из кулака Борна торчит жалкий огрызок... Дерево! Борн ухитрился обогнуть его, Сварогу это тоже удалось – но это означает, что начинается лес...

Сварог потянул поводья – деревья, сливаясь в черную массу, надвинулись со всех сторон. Борн уже остановил коня, и туман поглотил их – правда, он уже не казался столь непроницаемым.

Борн оглянулся:

– И никого больше?

Сварог тоже оглянулся, увидел рядом одного Чабу. Остальных нет. Множество самых разнообразных звуков доносилось со всех сторон, нечего и пытаться различить посреди этой какофонии знакомые голоса, стук копыт.

– Борн... – Сварог смотрел на него, как ребенок на фокусника. Но сердце тут же упало – лицо Борна стало грустно-отрешенным. Чудеса, похоже, кончились, как это сплошь и рядом случается с чудесами.

– Поехали осторожненько, – сказал Борн, доставая меч.

И поехал вперед, выбирая самые широкие просветы меж стволами. Сварог двинулся следом, вода стволом пулемета вправо-влево. Обострившийся до предела слух четко улавливал тихое бормотанье Чабы:

– Ну прямо Море Мрака, погань такая...

– Ничего, – сказал Борн. – Еще поживем. Похоже, они хотели прижать нас на кладбище, но потеряли теперь...

– Потеряли, – кивнул Сварог и выпустил очередь в темную массу, кинувшуюся к нему. Она шарахнулась, взревела, зашипела, завалилась назад, темный предмет отделился от нее, прыгнул вбок, но Сварог достал и его. Словно откликаясь, где-то далеко в стороне вспыхнула заполошная перестрелка. Сварог мгновенно определил – оружие автоматическое, работают несколько стволов.

Борн вдруг резко развернул коня в ту сторону, где лежало подстреленное Сварогом нечто.

– Штурман, ты что? – вытаращился Чаба.

– Понимаешь, сейчас все суетятся и мечутся, – усмехнулся Борн. – Может, выгодней будет как раз постоять на месте? Подержи коней. Посмотрим, граф, кого вы успокоили.

Сварог осторожно зашагал следом, держа пулемет наготове.

Человек был самый обычный – в длинном чешуйчатом панцире, круглом шлеме с коротким султаном и белом плаще с изображением черного солнца. Он упал ничком, и Сварог не видел его лица, чему ничуть не огорчился.

А в двух шагах, примяв молоденькие деревца, вытянулся диковинный зверь – то ли ящер, похожий на кенгуру, то ли кенгуру, похожий на ящера. Пожалуй, все-таки ящер – безухая голова, зубастая пасть, когтистые лапы. И на спине, укрепленное сложной упряжью, седло странной формы.

– Дела... – сказал Борн.

– Этот плащ – это же знамя Горрота, – сказал Сварог.

– Именно. Но у короля Стахора никогда не было ни таких ящеров, ни таких доспехов, ни привычки таскать плащи в виде собственного флага. Хотя, с другой стороны, штучки с туманом как раз во вкусе Стахора. Пулеметы, каких на земле нигде не делают... Знаете, что меня подбодряет? Очень похоже, здесь рыщут две разные группы.

– Может, отложим головоломки до лучших времен? – спросил Сварог. – А это нам не пригодится?

Он нагнулся и поднял оружие мертвеца – короткое ружье с деревянным изящным прикладом, вместо ствола цилиндр из мутно-синего стекла, в казенной части сдвоенные блестящие шары.

– Осторожно, бережно положите назад, – сквозь зубы сказал Борн. – Я не знаю, что это такое. Даже если Стахор и выдумал что-то новое – все его выдумки не к добру, даже когда с ним умеешь обращаться...

– Вам не кажется, что туман редеет? – спросил Сварог.

– Кажется...

Туман редел, вокруг стало заметно тише, а это уже вселяло кое-какие надежды. От них не так уж и много требовалось – всего-навсего остаться в живых.

Они выехали на открытое место, лес остался слева, и там уже можно различать отдельные деревья. И холмы прорисовываются в тающей понемногу мгле. Вот только дороги нигде не видно. Однако Борн уверенно ехал впереди, и Сварог с Чабой приободрились.

Под копытами зачавкала вода, отовсюду тянуло сырým холодом. Высокая трава, бурая и жесткая, достигала колен коней.

– Болото? – забеспокоился Сварог. Он терпеть не мог болот. Утонуть в болоте – почему-то смерть хуже этой он себе и представить не мог.

– Речка широко разливается в эту пору, – сказал Борн. – Сырости хватает, но земля твердая. Ямы, правда, попадают.

– А до дороги далеко?

– Не особенно, – сказал Борн. – Главное, я определился, где мы есть. И чувствую, что из облавы вырвались. Почти. Если...

Он уже целился из арбалета. Сварог сорвал с плеча пулемет. Те шесть тем-

ных высоких пятен определенно двигались навстречу.

И тут же, подтверждая это ценное наблюдение, навстречу всадникам ударила пулеметная очередь.

Чаба мешком свалился с седла, даже не охнув. Сварог поскакал вперед, стреляя наудачу, и двое рухнули с коней, потом пулемет замолчал, кончилась последняя лента, и Сварог, не глядя, отшвырнул его, схватил топор. Двое всадников бросились к нему, двое промчались мимо, к Борну. Теперь Сварог различал гнедых высоких коней, тусклые кирасы, закрывавшие лица шлемы.

Передний оплошал – он выпустил пулемет и схватился за меч, но ремень пулемета захлестнул эфес, и это подарило Сварогу лишние секунды. Широкое лезвие Доран-ан-Тега вошло в кирасу, как в кусок масла. Сварог развернул коня на месте, хотел отбить меч, но попросту отсек его от рукояти. Срезанный под корень клинок отлетел в сторону, всадник, оставшийся с бесполезным эфесом в руке, прямо-таки застыл аллегорической фигурой Изумления. Топор обрушился на него, снося решетчатое забрало.

Сварог оглянулся. У Борна тоже все в порядке – скачут прочь два коня без всадников, два трупа валяются в мокрой высокой траве. Силен мужик, а на вид – сущий интеллигент...

– Куда вы? – крикнул Борн.

– Подберу его пулемет...

– Некогда. Скачем.

– Но...

– Быстрее за мной. Я убит.

Он дал коню шенкеля, странно выпрямившись в седле, не отнимая правой руки от живота. Обеспокоенный Сварог помчался следом, догнал, заглянул в лицо:

– Вы серьезно?

– Совершенно, – сказал Борн. – Я убит. Рана смертельная. Все остальное – вопрос времени, а я не всемогущ...

Его потрянуло на ухабе, он поморщился и замолчал. Около часа они молча скакали, переходя с галопа на размашистую рысь и вновь пуская коней галопом, – неслись по залитой водой равнине, меж холмов, мимо каких-то бурых развалин, туман редел и редел, наконец они увидели солнце, выскочили под чистое небо. Сварог ждал, что Борн поскачет по равнине дальше, но тот, оглядевшись, свернул в лес. Уставшие кони сами перешли на шаг.

– Здесь поблизости есть избушка, – сказал Борн. – Коня должны отдохнуть, иначе им конец. А нам надо поговорить. Ага, вот она. Никого. Хотя все наши знают это место...

– Видимо, поехали другой дорогой, – сказал Сварог без всякой уверенности.

– Возможно... Помогите мне сойти.

Он не отнимал руки от живота. Крови, правда, не видно, но это-то при ране в живот и есть самое скверное... Сварог подставил руку, помог соскочить. Привязал поводья к покосившейся железной оgrade. Каменный домик выглядел вполне прилично, если не считать пустых оконных проемов. Борн, выпрямившись, словно кол проглотил, зашагал в дом, неся свой мешок, бросил через плечо:

– Накормите коней.

Сварог нацепил им на морды торбы с овсом, он уже успел обучиться этому

нехитрому делу, но кони не торопились хрупать, тяжело поводя боками, все в мыле. Сварог ощущал, что вся его одежда пропитана липким и вонючим конским потом, – а ведь ни в одном мушкетерском романе про это ни строчки... Он прислушался к окружающей тишине, вошел в дом. Поставил топор у порога, начиная уже привыкать к этому – словно фуражку снимал в прихожей.

Борн сидел на полу, в пыли, привалившись спиной к стене, вынимал одной рукой из мешка какие-то непонятные штуки, одни попросту отбрасывал, другие тщательно разбивал рукоятью меча. Сварог закурил и какое-то время молча наблюдал за ним. Теплилась надежда, что все это не всерьез – насчет смерти. Борн выглядел как обычно, только рука прижата к животу да бледности прибавилось.

– Ну вот и все, – сказал Борн, отбрасывая пустой мешок. – Не обижайтесь, что ничего не оставляю вам, но вы все равно не сумели бы этим пользоваться. Коня, понятное дело, возьмете. Трудно вам будет выбираться отсюда в одиночку, да что поделывать.

– Послушайте, я не могу поверить...

– И тем не менее, – сказал Борн. – Никто не может стать полностью неуязвимым. Умения еще хватило, чтобы не умереть там же, в поле, но это лишь отодвинет все на несколько часов. И виной всему – собственная леность и непредусмотрительность. Мог бы научиться лечить такие раны. Показалось долго и сложно, отложил на потом, а случая-то и не представилось...

– А где вы учились – в Магистериуме или Мистериоре? – спросил вдруг Сварог.

– Ого! Когда догадались?

– У капища. Когда вы спокойно шли на пулемет. И там, на поле. Он стрелял в упор, мог срезать одной очередью всех троих, но погиб один Чаба.

– Ну что ж... Вы правы. Лорд Магар, барон Нарт. В отдаленном прошлом.

– Значит, вы не человек Гаудина?

– Я сам по себе, – сказал Борн. – Беглецов оттуда, с благополучных небес, немного, но они есть. Вот только вспоминать о них не любят.

– Но почему же...

– Вы новичок, – сказал Борн. – И прибыли из неудобных, надо полагать, мест. Конечно, в заоблачных замках красиво и привольно, сытно и беззаботно... Но, видите ли, лорд Сварог, это мир без будущего. В первую очередь потому, что лары способны держать земную жизнь под контролем, но не способны разумно ею управлять. Представьте остров, населенный полудикими жителями. Посреди – гора, откуда простреливается любой уголок. И вот на этой горе угнезвился потерпевший кораблекрушение моряк с пулеметом, заставивший туземцев признать себя королем. Что касается силы – он и в самом деле может в любой момент перестрелять всех поголовно. А вот дальше-то что? Как он будет ими управлять? Он прибыл из более цивилизованных мест, ему невероятно скучно изо дня в день разбирать жалобы на потравившую соседскую свинью, мирить двух сплетниц или вводить новые проекты крыш для хижин. Он владыка, но король на горе – сам по себе, а его подданные – сами по себе.

– Но он же может цивилизовать, вести к прогрессу...

– А если ему этого не хочется? Если в этом случае его со временем лишат и пулемета, и власти? Если туземцы, научившись наукам и ремеслам, превзой-

дут своего короля – в прежней жизни не более чем недалекого боцмана? Конечно, я выбрал не самый удачный пример, и все же он в какой-то мере передает сложившуюся ситуацию. Все сами по себе. Там, наверху, для одних смысл жизни в балах и развлечениях, для других – в удовлетворении любопытства посредством науки. И никому не хочется делиться могуществом с теми, что внизу. А на земле свои проблемы. Вот и получается замкнутый круг. Что до подвижников... Очень уж мало их рождалось во все века. Я, например, не подвижник. Мне просто обрыдло наверху. Но я не чувствовал себя в силах что-то изменить. Знаете, теперь можно признаться – я всегда ощущал себя чуточку виноватым перед капитаном Зо. Для него все это – всерьез, ему некуда отступать. А мой Нарт до сих пор парит где-то там, и дворецкий начищает ручку у парадной двери... Возможно, вам повезет больше. Не хочу вас пугать, но будьте готовы оказаться в водовороте серьезных дел. Неспроста все это – ваше появление здесь, дальнейшие события, то, что может вам показаться цепочкой совпадений и случайностей. В этом мире, знаете ли, мало случайного. Просто мы не видим всей картины и не улавливаем во всей полноте замыслов ее творца, вот нам и кажется, будто перед нами – цепочка случайностей.

– Но кто-то же знает ответы? Пусть не все?

– Вы знаете, где расположены острова Твергор?

– В Фалейском заливе, у берегов Хелльстада.

– Правильно. Если больше будет некуда, постарайтесь добраться туда. На острове Роил живет отшельник. Тоже бывший лорд... и тоже не подвижник. Но он был бы крайне интересным собеседником для вас. Бывший профессор Магистериума, кстати.

– В Магистериуме меня кое-чему научили...

– И это оказались жалкие крохи, верно? Таков порядок вещей. Крохи магии, истории, науки. Самое печальное – что большинству и не нужно ничего, кроме крох... – Он грустно улыбнулся. – Хватит. Я охотно бы проговорил с вами дотемна, сил у меня еще хватит, но вам нужно побыстрее выбираться отсюда. Опасно будет идти в Харлан через весь Ямурлак. Возвращайтесь в Пограничье той дорогой, по которой мы сюда шли. «Божий любимчик» будет ждать еще три дня. Но если ни капитан, ни Блай не вернуться – покажите второму штурману этот перстень, принимайте команду и ведите корабль в Харлан.

– А они послушают?

– Они послушают. Перстень имеет одну немаловажную особенность – его можно передать только добровольно, отнять или снять с мертвого нельзя, рассыплется... Кстати, и барон Дальг узнает вас по этому перстню. Вот он и есть человек Гаудина, так что при благополучном исходе дела вы без труда вернетесь к вашей заждавшейся челяди... Если все так и будет, побывайте у меня. Нужно будет выполнить... формальности. Там знают. А вы заберите из моей библиотеки одну старинную книгу. «Об искусстве игры в шакра-чатурандж и связи оной с искусством предсказания». Там очень длинное заглавие, строчки на две, в старину так было принято. И прочитайте о Сером Ферзе. Запомните?

– Запомню.

– И держитесь осторожнее там, наверху. Видите ли, человек добивается больших успехов, когда не лезет на рожон, а присматривается и прислушивается, потихонечку-полегонечку складывая мозаику из кусочков. Обычно в таких случаях поздно спохватываются, когда пресекать уже поздно.

– Гаудин...

– Гаудин – очень умный человек. Есть и другие. Его начальник, герцог Гленор, например. Или лорд Фронвер. Это он ввел в свое время боевые дружины маноров и боевые машины как непрременную принадлежность каждого манора. Вам это наверняка показалось архаичным пережитком?

– Вообще-то да.

– А при нужде эта архаика даст дополнительную армию в полмиллиона и боевой флот из нескольких тысяч кораблей. Одним словом, основная масса обитателей замков – светские бездельники. А большинство придворных – хлам, дурачье. Но есть и острые умы. Они с равным успехом могут и пойти на существенные перемены, и приложить все усилия для консервации существующего порядка. А вы... Вы никогда не задумывались, что представляете собой досадное нарушение установившихся порядков?

– Как-то не успел, признаться.

– Зря. Подумайте над этим. На вашем месте я приложил бы все усилия, чтобы побыстрее стать яркой деталью пейзажа, которую не изымешь незаметно... Пока же, простите, меня удивляют два обстоятельства. Первое – почему вас не убрали там, наверху, тихо и незаметно? Второе – почему вас до сих пор не разыскали?

– А что, они могли?

– Ну, не за час-два, конечно. Но за сутки вас непременно обнаружили бы. Исчезновение вашего яла не могло остаться незамеченным. Система наблюдения и контроля – мощнейшая. Но все же... Я не был там двадцать лет. Кое-что могло измениться в худшую сторону. То, что вы рассказали о докторе Молитори и покушениях на вас, позволяет думать, что Великий Мастер отыскал-таки лазейку. Благо высокомудрый Магистериум в его существование не верит, и все меры предосторожности лишь результат усилий архаичного, безнадежно отставшего от прогресса, но во многом незаменимого Мистериора. Вам во многом предстоит разбираться самому. – Он усмехнулся. – Если захотите, конечно. Можете жить, как большинство: балы, фейерверки, отдых на Сильване...

– Черт его знает, – сказал Сварог. – Я слишком долго воевал за идеи, оказавшиеся дерьмом, и за людей, оказавшихся дерьмом. И теперь, если честно, во все не горю желанием сражаться за идеалы и цели, в которых и не разбираюсь толком.

– Просто вы еще не поняли, что есть силы, против которых непременно нужно драться.

– Возможно, – сказал Сварог. – Пока что мне, простите, наплевать, что Харлан вытаскивает из могил мертвецов и собирает из них войско против соседей. Может, эти самые соседи еще хуже. И загнали бы в рекруты вдвое больше мертвецов, если бы только смогли.

– Не исключено, – пожал плечами Борн.

– Вот видите. Нет, разумеется, я выполню ваше поручение, не сомневайтесь. Но в дальнейшем... Вы уж не обижайтесь...

– Ну что вы! На откровенность не обижаются. Кстати, ответьте уж откровенно еще на один вопрос: в каких вы отношениях с Богом? Я имею в виду единого творца всего сущего.

– Вообще-то верю, – сказал Сварог. – Большей частью. Толковее не смогу

объяснить.

– Нет, что вы, это хороший ответ. Точно передает ваши мысли. Очень, очень многие не могли бы похвастаться даже таким ответом, потому что не верят вообще. По цивилизованности своей. И образуется брешь, куда тут же устремляется Князь Тьмы. Поинтересуйтесь как-нибудь историей горротского флага. Поймете, почему череп одного из горротских королей красуется в вашем замке. Право же, лорд Сварог, жаль, что мы не встретились раньше.

– Я...

– Вам нужно спешить. Да, вот что. У меня будет пустячная просьба, совершенно личная. Когда доберетесь до относительно безопасных мест, наймите музыкантов, пусть сыграют как следует «Тенью жизнь промчалась». Лучше бы фогорошей – есть такие бродячие музыканты, лихие ребята, со смычком в руке рождаются. Есть грешок за душой, любил пображничать по трактирам в годы молодые. – Он улыбнулся и тихонько пропел: – «Гей, сдвинем чары! Трещат пожары, звенят клинки и мчатся скакуны...» Не забудете, если обернется удачно?

– Нет, – сказал Сварог. Ему было горько, такого никогда еще не случалось – чтобы человек, дравшийся бок о бок, уходил подобным образом, спокойно и буднично. Всегда была налаженная суматоха боя, пыль, жара, кишки наружу... Он понимал, что Борн уходит навсегда, и не мог найти слов – еще и оттого, что война была насквозь чужая, а все чародейство, о котором столько понаписано с придыханием и поклонением, на деле выглядит будничнее пыльного верблюда у дукана...

Борн достал флакон из темного стекла:

– Буду весьма признателен, если вы пару минут подождете снаружи. Вы уже успели убедиться, что и свои бранные останки не следует оставлять в этом мире – особенно тем, кто много знает. Смените одежду. Путешествующий в этих краях в одиночку приказчик сразу вызовет подозрения – а вы ведь, не зная здешней жизни, не сможете убедительно врать. Одежда у меня во вьюке, там и деньги. – Он колебался. – Может, мне все же поехать с вами? Часа три еще продержусь...

– А что решат эти три часа? – глядя в пол, хмуро сказал Сварог.

– Верно... Привет Бассу. Прощайте.

– Прощайте, – неуклюже сказал Сварог.

Часть третья Один бравый

Глава 1 Двое в седле

Он вышел из домика, встал спиной к двери. Вокруг царила оглушительная тишина – никаких птиц, белок, бурундуков, ни щебета, ни цоканья, ни жужжания насекомых, ничего живого. Только отдохнувшие кони хрюпают овес...

Пора? Он заглянул в дверной проем. Никого. Только одежда, еще повторявшая очертания сидящего человека: кафтан из плотной ткани, прогнувшись в поясе, опирался на пыльные камни стены. Вот и все. Как не было хорошего человека, сгинувшего на маленькой неизвестной войне. И некогда горевать, да и не нужно это, если честно, никого еще не вернули на землю воплями и следами...

Сварог натянул вместо кафтана приказчика камзол из толстой кожи с нашитыми железными кольцами и пластинками. Разорвал купеческие документы, свои и Борна, сжег клочки. Остался лишь потрепанный лист пергамента с двумя печатями, круглой черной и овальной фиолетовой. Теперь он был капрал Улар Тагобер, уроженец и подданный княжества Горум, Вольный Топор.

Здесь, на земле, давно додумались до удостоверяющих личность документов. Визы, правда, не в ходу. А документы не столь уж надежно удостоверяют личность из-за отсутствия фотографий и отпечатков пальцев. И потому подделывают их давно и с превеликой охотой, и высокий спрос естественным образом влечет за собой высокое качество подделки.

Вольные Топоры стояли вне сословий и гильдий. Собственно, они сами были юридически непризнанным, но де-факто существовавшим сословием – кондотьеры, личная стража мелких эрлов, купеческая охрана, колониальные войска. Свой социальный статус – пусть и невысокий. И попадал туда самый разный народ – от беглого крепостного крестьянина до дворянского сынка, нагрешившего в родных краях. Счастливчики, весьма немногочисленные, выходили в люди – ухватывали богатство, чины, даже дворянство. Другие ограничивались спокойной старостью в собственном трактирчике. Третьи служили до могилы – потому что слишком опасно им было возвращаться в нормальный мир. С одной стороны, прикрытие было идеальное – Вольного Топора можно встретить в любом уголке Талара, а то и на Сильване. И если он дезертир, то это волнует не чиновников и полицию, а его собственную роту, имеющую к беглецу претензии, и никого другого. С другой же – обладатель такого документа, выданного в одном из Вольных Майоров, в глазах любого чиновника или полицейского более крупного государства представал личностью жалкой, ничтожной и совершенно бесправной. И гноить его в участке можно, пока не надоест. К тому же странствующий в одиночку Вольный Топор и в самом деле мог оказаться харланским шпионом, пробиравшимся в Снольдер, снольдерским шпионом, пробиравшимся в Ронеро, ронерским беглым каторжником, решившим податься за моря, морским пиратом, под чужим именем пробиравшимся домой, чтобы купить домик и зажить благонаравно на

склоне лет... Одно хорошо: даже если нечаянно наткнешься на «земляка», можно со спокойной совестью выдержать любую проверку – знай тверди, что лет двадцать скитался вдали от родины, вообще от твердой земли, а то и сидел безвылазно на Сильване и оттого представления не имеешь, что происходило на Харуме все эти годы...

Сварог как следует перерыл седельную суму Борна – чтобы в случае чего избежать вполне естественного вопроса: «Как же это ты не знаешь, что у тебя во вьюке?» Пересыпал в карманы деньги, изучил карту, попытался восстановить в памяти дорогу, насколько удалось.

Он устался на коней как-то по-новому, словно впервые видел такую диковину. Только сейчас понял, что значила лошадь для людей в эпохи, предшествовавшие пару, бензину и электричеству. Единственная возможность относительно быстро перемещаться по земле и убегать от многих опасностей. Вот только коней нужно кормить, поить, ухитриться не загнать, уберечь от самых разных неприятностей. Ни его прежняя память, ни новые знания помочь не могли. Он помнил заклинания, с помощью коих графы Гэйры ненадолго оживляли павших лошадей, но эти фамильные фокусы следует приберечь на самый черный день – неизвестно, как выглядит оживленная заклинаниями павшая лошадь и какие эмоции это зрелище вызовет у окружающих. Лошадь может потерять подкову и охрометь. В подкову ей может попасть камешек. Ее нельзя поить разгоряченную. Он добросовестно попытался вспомнить все читанные когда-то романы, где в качестве подсобного инвентаря выступали лошади. Увы... Все герои, каких он помнил, браво скакали на полном галопе, загоняли лошадей десятками и тут же покупали новых или в худшем случае крали. Не подходит. Лошадей тут не купишь да и не украдешь – нужно еще уметь украсть. Что еще? Кажется, лошадям нельзя жрать клевер. Или это коров касается? Атос как-то говорил д'Артаньяну, что лошадь может поесть из яслей после другой, сапной, и околеть. Но как такие ясли распознать, и что такое сап, и есть ли он здесь?

Посмотрев на коней с некоторым уважением, Сварог сел в седло, перекрестился и тихонько сказал:

– Ну, выносите, залетные, что ли...

Часа через два слева показался памятный ориентир – полуразрушенный черный замок. И снова, как в прошлый раз, на стену шустро взобралось что-то серое, мохнатое, красноглазое, величиной с кошку, с коротким пушистым хвостом и круглыми ушами торчком, замахало лапками, запричитало.

Сварог помнил, что тварь эта неопасная, вроде домового. Пожалуй, будучи в компании, он вновь проехал бы мимо, но одиночество казалось невыносимым, а серое создание что-то вопило вполне членораздельно. В столь паршивом месте рад будешь и такому попутчику...

Поколебавшись, он повернул коня к замку, присмотрелся внимательнее. Раструбы на высоких башнях походили на печные колпаки затейливойковки, с фигурными прорезями – ничуть не похоже на ограду, зачем их там приспособили? А сам замок... Сварог мог и ошибаться, но стены выглядели так, словно над ними поработала орудийная батарея или звено вертолетов. Чрезвычайно похоже.

Подъехал поближе, так что от стены его отделял лишь обрушившийся, заросший высокой травой ров, задрал голову и спросил:

– Ну, чего орешь?

И рассмотрел странную тварь как следует. Печальная ушастая мордочка, в общем, не отмечена печатью порочных наклонностей, как писали в старинных романах (которые станут старинными много тысячелетий спустя, а пока что и не написаны), и больше всего походит на кошачью. Зубы скорее человеческие. Одежды нет, но на шее висит цепочка с каким-то продолговатым предметом.

– Хозяин, заberi меня! – взмолилась тварюшка так жалобно, что Сварогу стало не по себе. – Заberi, отдам джинна! – Оно сдернуло с шеи цепочку и отчаянно замахало предметом. – Забирай все, в замке много кладов спрятано! Все умерли, вся страна пустая, одна нечисть, а идти некуда...

– Спокойно, – сказал Сварог. – Ты, значит, вроде домового? (Существо энергично закивало.) А что умеешь?

– Беречь дом, прибирать дом, распознавать нечисть, петь колыбельные, чистить лошадей, чесать собак...

– А хозяйева где? – спросил Сварог.

Серого прямо-таки передернуло:

– Сюда пришли токереты, с хозяевами у них были счеты...

– Тогда, конечно... – с видом знатока сказал Сварог, понятия не имевший, что такое токереты, и с большой буквы это пишется или с маленькой. – Тогда уж, верно, ничего не поделаешь...

– Милорд лар, хозяин, заberi меня отсюда!

– Ты меня еще милым дедушкой назови, – сказал Сварог, и тут до него дошло. – Та-ак, а с чего ты взял, что я лар?

– Я же умею узнавать.

– Та-ак... – повторил Сварог. – Ладно, лезь на лошадку.

Мохнатое создание с невероятной быстротой соскользнуло по иссеченной осколками стене, ухватилось за протянутую Сварогом плетку, в мгновение ока вскарабкалось в седло за его спиной. Конь ничуть не беспокоился. Создание протянуло цепочку с непонятным предметом:

– Возьми джинна, хозяин.

– Тебе, может, самому нужен? – великодушно спросил Сварог.

– Зачем?

– Вот именно, зачем? – пробурчал Сварог, повертел черный цилиндрический сосудик из непонятного металла, покрытый мелкими выпуклыми иероглифами. – А мне он зачем, скажи на милость? Я тут слышал краем уха, что такие бутылочки откупоривать – себе дороже выйдет...

– Этот – честный джинн. Выполнит три желания. Если хочешь, пойдём в замок, там много всего спрятано...

– Некогда, – сказал Сварог, трогая коня. – Три желания, говоришь? Слушай, а может твой джинн перенести нас в Харлан?

– Может. Только не стоит. Сейчас не старые времена, люди испугаются. Будет гром, блеск, вихрь...

– Понятно, – сказал Сварог.

Черт бы побрал это колдовство. Куда ни ткнишь – ограничения, строго оговоренные условия, регламенты и запреты... Пожалуй, не стоит появляться в Харлане среди грома, блеска и вихря. Скромнее нужно жить... Джинн просидел в бутылке чертову уйму времени, подождет еще пару деньков. Прибере-

жем до лучших времен.

– А кто их рассадил по бутылкам, джиннов? – спросил Сварог. – Случайно, не Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими?

Оказалось, что укупоркой увлекался некий король-маг Шелорис, правивший неизвестно где в незапамятные времена. Из-за чего-то крупно повздорив с джиннами, обитавшими тогда во множестве, злопамятный король принялся их уничтожать, а некоторое количество, должно быть про запас, запечатал в сосуды. Иные, как Сварог уже знал от моряков, обнаруживаются по сию пору, хотя редкость это несказанная.

Подробностей домовой не знал. У его древнего, почти начисто вымершего народца письменности не имелось и летописей не велось, а визиты и обмен новостями становились все реже. Серый оказался мужского пола, имел имя – Карах – и, похоже, был в этих краях чуть ли не последним представителем сгинувшего племени. Насколько Сварог понял, племя это, не лишенное разума, телепатических способностей и зачатков магии, состояло в крайне дальнем и весьма запутанном родстве с гномами и свой расцвет пережило во времена невероятно древние, когда подобные Сварогу люди еще не поселились на Таларе, именовавшемся тогда Грауванн, и здесь обитали какие-то «другие». Карах настаивал, что в старые времена здесь жили именно «другие», не чуравшиеся магии и неизвестно куда сгинувшие под напором пришельцев. Со временем, покинув прежние места обитания (должно быть, и здесь не обошлось без напора пришельцев), соплеменники Караха перешли на положение домашних, в каковом и оставались многие тысячелетия, пережив даже Шторм (который Карах именовал Великой Тряской). Люди о них, в общем, знали, но особо не притесняли, стараясь даже по мере возможности использовать по хозяйству. Даже в замках хозяев Ямурлака, всюду баловавшихся черной магией, можно было прожить, если не мозолить глаза. Но постепенно Ямурлак обезлюдел, замки и города один за другим гибли под ударами не жаловавших черной магии соседей, этот держался дольше всех, в основном благодаря тому, что соседи перестали устраивать сюда лихие набеги, но лет пятьдесят назад нагрянули сводить счеты с хозяевами некие токеры, разнеся все вдребезги. И Карах остался в полном одиночестве – одни родственники и соплеменники умерли, другие подались искать лучшей доли. Карах, как понял Сварог, относился скорее к консерваторам, свято чтившим древние обычаи, и потому остался здесь. Со временем он, похоже, убедился, что с консерватизмом чуточку перебрал, но переигрывать оказалось поздно – двинуться в большой мир в одиночку он не решился, а редкие проезжающие, как правило, с большим азартом начинали на него охотиться, и мысли у них были самые гнусные – Карах без труда проникал в них и убеждался, что в лучшем случае его запихнут в клетку в качестве экзотического украшения, а в худшем – запытают до смерти, не веря, что выдал все клады.

Сварог слушал болтовню нежданного спутника, не переставая следить за небом и окрестностями: гарпии были бы очень некстати. Но время шло, а никто не бросался на него ни с неба, ни с земли, и сзади не объявлялось никакой погони. Что гораздо печальнее – Карах клялся, будто никто сегодня по этой дороге до Сварога не проезжал. Сварог часто оглядывался, долго смотрел назад, когда менял коней, временами вынимал подзорную трубу – нет, ни следа капитана Зо и его людей...

Уже смеркалось, когда они миновали покосившегося каменного истукана с полустершимися письменами на груди, отмечавшего границу Ямурлака. Моросил мелкий противный дождик, Сварог накинул плащ, а Карах забрался к нему на плечо, под капюшон. Кони шли рысцой, становилось все темнее. Карах, изнуренный долгим молчанием и одиночеством, что-то тихо болтал – на сей раз про Морских Королей.

– Черт! – сказал Сварог, резко натянув поводья. Карах от неожиданности качнулся у него на плече, впечатался в щеку пушистой мордой.

– Что случилось, хозяин?

Сварог ругался сквозь зубы. Некого винить, кроме себя самого. Он расслабился за эти спокойные часы без погони и встречных опасностей, не подумал о простой вещи: следовало остановиться на ночлег, пока не стемнело и различима была полузаросшая дорога. Он ведь прекрасно знал, что не успеет за светло добраться до Фиортена, но ехал и ехал в сгущавшихся сумерках, целиком положившись на коня. А конь, бессловесный и нерассуждающий, трусил себе рысцой, пока они не очутились в открытом поле, продуваемом ветром, и уже основательно промокшие под мерзким, мелким дождем.

Карах, видевший в темноте как кошка, не мог ничего углядеть. Этих мест он не знал и в проводники никак не годился.

– Положеньице... – сказал Сварог. – Коней давно бы пора напоить. Воду я могу сделать, но во что я им налью, не в ладони же. И костер развести не из чего.

– Там, впереди, лес, – сказал Карах. – А еще дальше, у самого горизонта, вроде бы горы. Вершины.

– Горы – это хорошо, – сказал Сварог. – Там перевал, а с перевала виден Фиортен. Только как нам до перевала добраться, если ты не знаешь, как он выглядит со стороны?

– Но лары же проходят какую-то подготовку, чтобы выбираться из трудных ситуаций? Учат чему-то...

– Меня учили понемногу, чему-нибудь и как-нибудь... – сказал Сварог мрачно. – Вот и не доучили. Последнее дело – бродить в темноте по лесу, совсем заплутаем.

Юпитера на небе не было – должно быть, еще рано. Обычно Юпитер восходил на здешнем небе ближе к рассвету, часа за три. А сейчас еще и полночи не минуло. Ладно, устроимся где-нибудь на опушке, костерчик разведем...

Он тронул коленями конские бока.

– Там дорога, хозяин, – сказал вдруг Карах. – В лес ведет.

– В лес? Тогда это не та дорога, что нам нужна... – Он замолчал, глубоко втянул ноздрями воздух. – Карах, как у тебя с нюхом?

– Превосходно, – скромно признался Карах.

– Кажется мне или дымком потянуло?

– Тянет. Дымком и едой.

– Великолепно, – сказал Сварог. – Вот тебе и решение проблемы. Фиортен близко, вокруг наверняка есть какие-то усадьбы... Эгей, милый!

Но конь и сам, насторожив уши, устремился вперед. Вдруг Карах насторожился, увидев впереди какой-то темный предмет, а там Сварог и сам углядел словно бы расселину в черной стене леса.

– Столб, – сказал Карах. – А к нему доска прибита.

– Сам вижу.

Сварог зажег самый большой огонь, на какой был способен, достал из сдельной сумы связку лучин и подпалил.

– Таверна «Бык и подкова», – прочитал он вслух. – Чертовски старая вывеска, сгнила вся, но дымком-то тянет все явственней...

Вскоре показалась поляна у дороги, высокий глухой забор, над которым поднималась высокая крыша. Из трубы шел дым, заслоняя звезды. Широкие ворота заперты, конечно.

Сварог постучал кулаком. Потом сапогом. Никакой реакции. Он подумал, снял висевший у седла топор и принялся молотить обухом, валя сплеча. Грохотало на весь лес. Время от времени опускал топор и прислушивался. Собаки здесь определенно нет, ни одна уважающая себя собака не смолчала бы. Ага, наконец-то дверь заскрипела!

– А если это раухи? – спросил Карах.

– Тихо! – цыкнул Сварог. Дождь разошелся не на шутку. – Полезай в суму и сиди там тихонечко, словно тебя и вовсе нету.

Кто знает, как местное население относится к серым мохнатым домовым с ало светящимися в темноте глазами. Возможно, без всякого энтузиазма и респекта.

– Кого там нелегкая носит? – раздался с той стороны ворот боязливый голос, принадлежавший, похоже, человеку пожилому.

– Проезжающие, – сказал Сварог. – Путники.

– Вот и проезжайте себе.

– Папаша, это таверна или что?

– Таверна-то таверна...

– В чем тогда дело?

– Да время больно уж нехорошее, к полуночи...

– Ты что, так процветаешь, что лишние деньги не нужны?

– Деньги всегда нужны, да кто вас знает...

– Я один, – сказал Сварог. – Просто привычка у меня такая – говорить во множественном числе. Я один да два коня – это ведь число множественное...

– Ехал бы ты себе.

– Ворота выломаю, – сказал Сварог.

– Ехал бы ты себе.

Сварог не собирался коротать ночь под ливнем.

– Слушай, старый пень, – сказал он возможно убедительнее. – Я еду в Фиортен, сбился с дороги...

– Возвращайся к вывеске и поезжай дальше по дороге. На третьей развилке свернешь вправо, часика два скорой рысью – и будет тебе Фиортен, как на ладони. Только с перевала спуститься – и дома.

– Лошади устали.

– А ты – не спеши. – За воротами хихикнули. – Особо не гони.

– Ну ладно, я тебя долго уговаривал и честью просил, – сказал Сварог.

Он ударил, не особо размахиваясь. Лезвие легко пробило толстую доску, погрузившись в нее до обуха. За воротами шумно охнули.

– Вот теперь прикинь, старче, – сказал Сварог. – Много у меня времени уйдет на твои ворота или не особенно чтобы уж? Это я еще во вкус не вошел...

За воротами, судя по всему, молча смирились с неизбежным.

– Ладно, – отозвался наконец хозяин. – Только ты мне и за забор заплатишь. Вон, насквозь прорубил.

– Да заплачу, – сказал Сварог. – Открывай.

Заскрипели несмазанные петли – тягуче, противно. Лошади шарахнулись. Слышно было, как хозяин пробежал по двору и закричал откуда-то сверху, наверное, с крыльца:

– Только лошадь сам в конюшню ставь! Толкай ворота!

Сварог толкнул створку, провел коней во двор, захлопнул ворота, осмотрелся в тусклом свете, падавшем сверху, из распахнутой двери. Ага, вот она, конюшня, в глубине двора. Старик стоит на высоком крыльце, готовый юркнуть внутрь, запереться и держать оборону в доме. И арбалет наготове держит, вояка долбаный. Ну что на него злиться – такая жизнь, такие места...

Сварог плотнее прижал ногой створку и задвинул тяжелый брус, ухитрившись занозить ладонь. Провел лошадей в конюшню.

– Я их напою, накормлю. – Карах высунул голову из сумы. – Тут есть колодец.

– Только потише, смотри.

– Не нравится мне здесь, хозяин...

– Мне здесь нигде не нравится, откровенно говоря, – сказал Сварог. – Смотри-ка, а конюшня пустая, нет у него живности... Ну ладно, я пошел.

Он с размаху захлопнул за собой хлипкую дверь конюшни, взбежал по ступенькам, протиснулся в дверь мимо опустившего арбалет старика. Скинул плащ, огляделся, не выпуская из рук топора.

Довольно большая комната ярко освещена четырьмя масляными лампами. В глубине – жарко натопленная печь, черная дверца распахнута, и там колыхается огонь. От кастрюль на плите вкусно пахнет. Около печи стоит пожилая хозяйка и настороженно смотрит на Сварога, засунув руки под передник по крестьянскому обычаю. За грубо сколоченным столом у окна двое мужчин немногим моложе хозяина оставили высокие глиняные кружки и таращатся столь же опасливо.

Сварог огляделся, повесил плащ на прибитые рядом с дверью потемневшие оленьи рога, поставил рядом топор, взглянул на хозяина. Тот кивнул на сидящих:

– Соседи, заехали вот да и припозднились, остались до утра...

– А что это у них в кружках, не пиво часом?

– Пиво. – Хозяин живенько пробежал в угол, к лежащей на козлах бочке, нацедил кружку. – Пиво старое, домашнее, покупного не держим...

Сварог подошел к печи. Глядя на ало-золотистое пламя, отхлебнул из кружки. Его прошиб легонький озноб – то ли озяб под дождем, несмотря на теплый плащ, то ли, что вероятнее, сказалось все пережитое.

– Значит, вот так вы здесь и живете... – не оборачиваясь, произнес он.

– Так и живем, – откликнулся хозяин. – Таверна захирела, по дороге почти никакого движения, разве что соседи заедут...

– Может, вам в комнату поесть принести? – предложила хозяйка. – Комнат много, поедите, поспите...

– А что, мысль, – сказал Сварог. Ему не хотелось сидеть с незнакомыми людьми, отвечать на их вопросы – очень уж устал. Он вяло повторил: – Это мысль. Несите-ка в комнату побольше еды и выпить тоже не забудьте...

Пожалуй, он изрядно продрог. Так и колотит всего. Даже талисман промерз... талисман!

Талисман был ледяным.

Видимо, он все же вздрогнул, потому что хозяин сочувственно спросил:

– Уголек стрельнул?

– Уголек, – медленно сказал Сварог. – Прямо на руку...

Интересно, на чем это приехали соседи, если во дворе не видно повозки, а в конюшне не было лошадей?

Он произнес про себя заклинание. Только не торопиться... Опустил левую руку в карман, набрал полную горсть серебряных монет и с маху швырнул через плечо в сторону сидящих за столом.

За спиной раздался дикий вопль, упал табурет. Тогда только Сварог обернулся, держа шаур наготове. И чуть не заорал сам – вместо хозяина с хозяйкой, вместо заезжих соседей были четыре чудища, клыкастых и когтистых, мохнатых, с собачьими носами, в нелепо сидящей людской одежде. В точности похожие на того, привезенного в императорский дворец по его душу.

Ямурлакские вампиры.

Они шипели, пятились к двери – между ними и Сварогом неодолимой преградой лежали серебряные монеты, и один из «соседей» неуклюже отставил левую лапу, курившуюся зеленоватым дымком.

Серебряная звездочка ударила «хозяину» в грудь, и взлетели клубы зеленого дыма, вампир навзничь рухнул на пол. Сварог давил на спуск, не отнимая пальца, поливая их дождем свистящей серебряной смерти. От нелюдского воя ломило уши. Твари гурьбой, мешая друг другу, пытались протиснуться в дверь. Но это удалось лишь одному, и выскочивший на крыльцо Сварог срезал его посреди двора. Оглянулся внутрь комнаты. Две твари лежали неподвижно, третий пытался ползти, и Сварог выпустил ему звездочку в затылок. Замер. Прислушался. В конюшне бились и ржали лошади.

– Карах! – позвал он во весь голос, перегнувшись за перила.

Скрипнула дверь, Карах осторожно выглянул наружу, побежал к Сварогу, далеко обогнув лежащего вампира.

– Хозяин, я же предупреждал про раухов, а ты не обратил внимания, нужно было сразу попробовать серебром...

– Ладно, ладно, – сказал Сварог виновато. – В следующий раз буду к тебе прислушиваться, честное слово... Есть еще кто в доме, не чуешь?

– Больше никого...

Сварог все же пошел проверить комнаты. Взял с подставки лампу, принялся обходить дом. Открывал пинком дверь за дверью, светил внутрь, держа шаур наготове. Карах тенью крался следом, выглядывая из-за его ноги. Везде пусто, пыльно, но не видно следов разгрома – все выглядит так, словно хозяева внезапно ушли.

Только никуда они не уходили – в одной из комнат обнаружили два высохших трупа, прямо-таки мумии. Жуткий оскал, прилипшая к костям желтая кожа...

– Хозяев застали врасплох, – сказал Карах. – Если тут и были животные, они убежали... или их съели.

– Но они же пили пиво, эти...

– Они едят и пьют человеческую еду и питье запросто. Но любят полако-

миться. – Серенький домовой содрогнулся. – Они и таких, как я, едят...

– Может, они и в самом деле не особенно-то настроены были лакомиться и не собирались нас впускать? – рассуждал вслух Сварог. – Нет, он же мог показаться в натуральном обличье, любой удрал бы сломя голову, плюнув на ливень. А он, паскуда, нарочно отошел подальше, когда я входил в ворота, чтобы лошади не забеспокоились раньше времени...

Если бы не талисман, он преспокойно улегся бы спать. И его прикончили бы.

– Что будем делать, хозяин? – спросил Карах.

– А что прикажешь делать? – сердито спросил Сварог. – Ворота заперты, до утра перебудуем. Хотя такая скотина может со своими когтями и по забору взобраться... Серебра набросаем вокруг, вот что.

Стараясь не смотреть на недвижно лежащих вампиров, он подошел к бочке и налил кружку до краев. Вы хотели, чтобы я поскорее освоился? Прекрасно, я преспокойно стою посреди комнаты и пью пиво, но меня вывернет, откровенно говоря, если съем хоть кусочек из аппетитно пахнущих кастрюль. Но пива я выпью и постараюсь удержать его внутри...

Спать он улегся в конюшне, завернувшись в плащ. Вопреки ожиданиям, кошмарные сновидения не посещали, он почти сразу провалился в тяжелое забытие, пару раз просыпался, слушал спокойное пофыркивание лошадей и вновь засыпал. А потом Карах осторожно потеревил его за рукав, и он открыл глаза. Солнечные лучи проникали в конюшню, стояло такое ясное утро, что все вчерашнее показалось дурным сном. Но посреди двора лежал на прежнем месте мертвый вампир, и пришлось, поборов брезгливость, оттащить падаль подальше – иначе лошади ни за что не хотели выходить из конюшни, храпели и пятились.

– Я всю ночь караулил, – сказал Карах, когда они выехали за ворота. – Ближе к рассвету поднялось какое-то странное зарево на полнеба. Вон в той стороне.

– Пожар где-нибудь.

– Хозяин, я столько пожаров в ночи видел... Очень странное было зарево, совсем не похожее на пожар, оно вдруг поднялось к самым звездам, медленно так... – Он запнулся, поискал слово: – Равномерно. Поднялось, замерло, потом враз пропало. Нехорошее зарево.

– Нехорошего здесь навалом, я смотрю, – процедил сквозь зубы Сварог.

Вернувшись в поле, он быстро отыскал место, где они вчера сбились с дороги. Отдохнувшие лошади шли бодрой рысью. Сварог узнавал урочища, холмы и повороты, испытывал приятное нетерпение при мысли, что, возможно, вновь увидит ее, рассеянно слушал болтовню Караха, прочно зациклившись на ямурлакских вампирах.

И остановил коня на вершине горы, долго всматривался, не веря. Взглянул за подзорную трубу и убедился, что все так и есть.

Не было Фиортена. Весь окружающий пейзаж остался прежним, кроме Фиортена. Вот оно, странное зарево. Простой пожар такого натворить не мог. Черный валик угля на месте окружавшей деревню стены, вместо домов и садов, хлебов и амбаров – невысокие кучки пепла. Странная, страшная карта. Никаких развалин, ничего полуобгоревшего – один пепел. И тишина. Дома и постройки в деревне были главным образом каменные, и если уж камень пре-

вратился в пепел... Это не орда налетчиков с горшками горючей смеси. Это оружие, мощное устройство. На них что-то сбросили. Или рвануло на земле. Как бы там ни было, деревня сгорела в один миг. Это бомба – но ни в одном государстве Талара нет столь мощных бомб. Разве что лары... но зачем им расправляться столь страшно с никому не мешавшей и никому не угрожавшей деревней в Пограничье?

– Говорят, в старину случались такие битвы, – сказал Карах. – Камень горел, как сухое дерево, а дерево вспыхивало, как солома...

– А люди? – зачем-то спросил Сварог.

Карах промолчал. Конечно, глупо думать, что кто-то спасся, если рвануло посреди ночи. Это даже не Хиросима – гораздо хуже...

Вспомнив про Хиросиму, Сварог погнал коней галопом. Но вскоре опомнился – во-первых, это не похоже на атомный взрыв, во-вторых, поработай здесь атом, они и так давно схлопотали бы смертельную дозу. Бог ты мой, не остановись он поболтать с Карахом, не начнись ливень, не сбейся конь с дороги – Сварог вполне мог добраться к ночи до Фиортена и оказаться там в момент взрыва... Вообще-то и такое оружие лару не страшно – но как знать...

Кто-то наносит удары, нервничая, спеша и оттого ошибаясь и опаздывая...

– Карах, это правда, что дьявол никогда не делает ошибок? – спросил он вдруг.

– Говорят, сам дьявол никогда их не делает, – ничуть не удивившись, ответил Карах. – А вот его слуги частенько ошибаются, нет в них того совершенства... Нет, это люди, хозяин, я отчего-то чувствую. Очень плохие люди, очень злые, но все-таки люди.

...Через несколько часов Сварог и сам уверился, что дьяволом тут и не пахнет, когда его конь, пугливо выгибая шею и осторожно ставя ноги, шагал посреди обугленных развалин Старой Гавани, Фир Норта. Эти дома спалили самым обычным образом – кое-где еще шипели головешки, лениво поднимались струйки дыма, колеблемые ветром с реки. Каменные стены уцелели, но покрыты копотью снизу доверху. Это уже были злоба и ненависть, не укладывавшиеся в обычные человеческие понятия. Уничтожение Фиортена еще можно как-то понять с военной точки зрения, но Фир Норт...

Сварог искал Басса и нашел в конце концов – израненного, обожженного, распятого на дверях «Приюта моряка» – единственного здания, оставленного нетронутым. Большие ржавые гвозди загнали в лодыжки и запястья по самые шляпки, кровь темными вертикальными полосами засохла на грязной двери, но Басс, казалось, еще жив. Когда спешившийся Сварог остановился перед ним, немилосердно ругаясь про себя, веки Басса дрогнули, медленно приподнялись, стекленеющие глаза раскрылись, и Сварог напрягся, осознав, каких трудов Бассу стоило сфокусировать на нем осмысленный взгляд.

– Граф Гэйр... Где все...

– Не знаю, – почти крикнул Сварог. – Кто это сделал? Где...

– Быстрее уезжайте отсюда, – внятно выговорил Басс и уронил голову на грудь.

– Он умер, хозяин, – сказал Карах. – Он правильно говорил, нужно побыстрее отсюда уезжать. Здесь был кто-то непонятный, страшный, я таких не встречал...

Сварог прыгнул в седло, на ходу подхватил уцепившегося за полу плаща

Караха и поскакал к реке. Причал тоже сожгли. Кое-где он обрушился в воду, но много обуглившихся свай торчало над мутными волнами, и в некоторых местах сохранился обгоревший настил. Отовсюду несло гарью, у берега колыхались черные головешки. А уардах в ста от берега торчали из воды, накренысь, верхушки трех мачт, и концы оборванного такелажа колыхались, протянувшись по течению...

Сердце у Сварога оборвалось. Сомнительно, чтобы в этом безлюдном месте за эти дни бросил якорь второй трехмачтовый корабль. Значит, все они на дне – веселые бесшабашные удалыцы, спасшие его из Хелльстада, и Акбар, и загадочный помощник капитана, которого Сварог так и не увидел, и пузатый кок по кличке Мышиный Соус, сбежавший в море от какого-то графа из вольных Майоров и на прощанье подавший хозяину к столу замаскированную в невероятно аппетитном соусе тушеную мышатину, каковую граф почти всю и слопал, пока не узрел наконец на дне блюда хвостики...

– Пусть вода вам, господа, будет пухом... – бездумно повторял он привязавшуюся строку из слышанной на корабле баллады.

«Ладно, – подумал он, не отрывая взгляда от верхушек мачт над мутноватой водой. – Может, меня всего-навсего и требовалось крепко разозлить. Что ж, разозлили на свой хребет. Я еще долго намерен прожить на этой планете, но не хочу, чтобы рядом по-прежнему обитали виновники всех этих гнусностей. Плевать на неизвестные подробности. Ясно одно: капитан Зо и его ребята, Борн, Басс, Блай, жители Фиортена – все это были хорошие люди, и тот, кто их убил, должен получить сполна. Такие вот мотивы, не лучше иных, но и не хуже многих... Убедили. Теперь это и моя война».

– Карах, тебе не кажется, что я опасный спутник для долгого путешествия? – спросил он.

– Что делать, – сказал Карах. – Хозяев не выбирают, уж какой попался... Ты меня забрал, придется служить.

– Знаешь что? – Сварог повернул коня. – Вообще-то сейчас начинается самое интересное – мы в автономном плавании, наших ходов никак нельзя предугадать наперед, потому что мы сами их не знаем... – Он старательно изучал карту. – Правда, дорога отсюда всего одна. В пятнадцати лигах ниже по реке значится некий Рут, обозначенный как обитаемое место. Некуда нам ехать, кроме как в Рут. А если на дороге...

– Что-то есть в воздухе, хозяин, – прервал Карах. Сварог глянул вверх, но ничего не увидел. Только редкие облачка и черное круглое пятнышко у горизонта – чей-то замок.

– Ты про него, что ли? – спросил он, показав туда.

– Нет. – Карах задрал к небесам озабоченную мордочку. – Это гораздо меньше, подвижнее... а теперь его нету...

– Ладно, исчезаем отсюда. – Сварог подхлестнул коня.

Часа через полтора они без всяких приключений добрались до обитаемого места под названием Рут. С первого взгляда было ясно, что раньше городок был не в пример обитаемее. Сварог долго ехал по пустым улицам, состоявшим исключительно из заброшенных домов – богатых некогда, бедных, средних. Не разрушенных или сожженных при штурме – просто брошенных однажды раз и навсегда. Иные носили следы разграбления в спешке, но по большинству видно было, что в них похозяйничали обстоятельно, не спеша и ничего

не опасаясь, аккуратно сняли с петель двери, вынули стекла из окон, забрали все, что могло пригодиться в хозяйстве. Захватчикам такое ни к чему. Значит, постарались земляки и соседи, а дома определенно принадлежали тем, кто подался на полдень за лучшей долей.

Сварог свернул за угол. Там уже начинались обитаемые места – из труб идет дым, на улицах попадаются прохожие, а на удобном месте, которое не обойти и не объехать, расположился патруль – пятеро в шлемах и кольчугах, с мечами, копьями, арбалетами и единственным мушкетом военного образца. Тут же стояли две оседланные лошади, а на высоком шесте развевался незнакомый флаг – красная, желтая и белая вертикальные полосы, на красной изображен черный меч острием вверх. Станный флаг, не значившийся ни в одном геральдическом справочнике. А уж в здешней геральдике Сварог разбирался больше, чем во всем остальном: эти знания ему запихнули в голову в первую очередь. Согласно здешним правилам и традициям, красный цвет символизировал отвагу, желтый – богатство, достаток, а вот белый был траурным цветом. На белых конях везли хоронить покойников, в белые одежды облачались неутешные близкие. Одни лишь горротские короли, издавна славившиеся весьма своеобразным чувством юмора, сделали свой флаг белым...

Его заметили и взяли на прицел. Сварог спокойно ехал прямо на них – и остановился в трех шагах, отметив, что наконечники стрел серебряные. И наконечники копий – тоже. Он разглядывал их, а они разглядывали его. Чтобы не нагнетать напряжения, Сварог заговорил первым:

– Документ показать, орлы?

– Сам рисовал? – спросил старший, изучив документ. Остальные хмыкнули невесело.

Сварог сказал чистую правду:

– А откуда я знаю, кто его рисовал?

Орлы хохотнули чуть веселее. Старший бросил:

– Не шевелись. Проверим.

Серебряный наконечник копья медленно поднялся к его груди – Сварог добросовестно замер, – коснулся шеи и отодвинулся гораздо быстрее. Лица у патрулей стали чуточку дружелюбнее, но старший, как ему и полагалось по должности, остался собранным и подозрительным:

– Смотри, если что... Тут у нас адвокаты не водятся. Откуда едешь?

– Из Фиортена, – бухнул Сварог и пожалел, что проговорился. Но что прикажете делать, если других названий он попросту не знал и врать о незнакомых местах опасался?

– Как там?

– Паршиво, – сказал Сварог. – Нет больше Фиортена. Один пепел остался.

– Кто там был?

– Ох, знал бы я кто, – сказал Сварог устало. – Он бы у меня кровью умылся...

Кабаки в городе есть, ребята? Типа постоянного двора?

Они молчали. Расступились, правда, и он медленно поехал прочь. Вдогонку все же крикнули:

– Через базарную площадь, налево у зеленого дома – и прямо до самой реки. Постоялый двор тетки Чари.

Карах смирихонько сидел под плащом. Прохожие, как один, оглядывались на Сварога – кто украдкой, кто открыто. Сварог понял, что приезжие здесь –

вещь редкостная, что он станет темой для вечерней болтовни, ибо с новостями здесь плоховато...

Трижды ему предлагали продать второго коня, один раз спросили, не ожидается ли какой войны, а однажды поинтересовались, не он ли беспутный племянник мамыши Микоты, лет двадцать назад сбежавший искать приключений и с тех пор не объявлявшийся. Сварог каждый раз молча мотал головой.

Он почувствовал вдруг, что Карах зашевелился под плащом, пробрался к шее. Это могли заметить со стороны, и Сварог, не поворачивая головы, прошипел сквозь зубы:

– Тихо! Что там?

– Хозяин, убей его! – зашептал Карах из-под капюшона. – Убей его сейчас же! Это плохой!

Сварог придержал коня, украдкой оглянулся – нет, никто вроде бы не обратил внимания, как приезжий пустился в дискуссию с собственным плащом.

– Вон тот, в черной шапке! – не унимался Карах. – Убей его побыстрее!

Сварог растерянно огляделся. Он как раз проезжал по базарной площади, где не особенно шумно торговали рыбой, старой одеждой, живыми овцами, дровами и пивом. Покупателей было самую малость побольше, чем продавцов. У лотка с рыбой, точно, стоял худой человек в буром кафтане и высокой черной шапке, какую носят на полудне Снольдера – круглой, с плоским донцем и наушниками. Человек этот ничем особенным не выделялся. Гильдейской бляхи у него не видно, но здесь их никто не носит.

– Убей его! – чуть ли не крикнул Карах.

Сварог колебался. Вспомнил, что однажды уже пропустил мимо ушей предостережения Караха и кончилось все дракой с вампирами, а могло кончиться и печальнее...

Пробормотал заклинание, и рука сама дернулась к топору. На месте человека в черной шапке колыхалась мгла, черный сгусток тяжелого дыма, то принимавший зыбкие очертания человеческой фигуры, то переливавшийся в знакомый уже образ – шар над прямоугольником.

– Ах, вот это кто... – сквозь зубы пробормотал Сварог. – Карах, держись!

Он отвязал повод заводного коня, накинул его на столбик ближайшего навеса. Еще раз произнес заклинание. Теперь он вновь видел лишь худого человека, отвернувшегося к лотку с рыбой, – видел то, что и все остальные на площади, окруженной невысокими каменными домами с острыми крышами. Сварог развернул коня так, чтобы оставить худого справа, пустил вскачь. Лезвие Доран-ан-Тега шелестяще свистнуло в воздухе, и сразу же вокруг завопили. Сварог оглянулся, натянул поводья.

Отсеченная голова худого еще кувыркалась высоко в воздухе, невесомо выписывая круги вопреки законам природы и тяготения – словно живое существо, выбиравшее, где бы приземлиться на грязный булыжник. Обезглавленное туловище прочно стояло на ногах, из перерубленной шеи не брызнуло и кровинки, руки подняты ладонями вверх, словно готовятся поймать непоседливую голову, которой, дело житейское, захотелось вдруг полетать отдельно.

Голова упала на обрубок шеи и утвердилась на нем левым ухом. Пространство вокруг худого подернулось туманом, пронизанным тусклыми молниями, и вот тут-то началась настоящая паника, продавцы и покупатели брызнули во

все стороны, даже овцы, мемекая, припустили прочь. Значит, все видели то же, что и Сварог, – как посреди площади возникает, принимая все более четкие, завершенные очертания, повисший над черным прямоугольником белый шар и с его бока немигающе таращится глаз – без век и ресниц, с желтой радужкой и белым кошачьим зрачком.

Нечто вроде туманного диска возникло над шаром, рассыпая искры. Змеистые желтые молнии хлестнули по крышам домов, с грохотом расшвыривая черепицу и жестяные колпаки труб, опустились ниже, вышибая звонко лопавшиеся оконные стекла, выворачивая камни из стен, потянулись еще ниже, к людям...

Сварог выхватил шаур. Вереница свистящих серебряных звездочек пронеслась над ушами коня. И повторилось то, что Сварог уже видел однажды с палубы «Божьего любимчика», – спиралью завертелся густой черный дым, пронизанный зелеными вспышками, омерзительный вой, злобный и жалобный, пронесся над площадью и оборвался. Послышался сухой скрежет, дым кучей пыли осел на грязную булыжную мостовую.

Никто уже не кричал, только овцы блеяли, носясь по площади, а люди застыли неподвижно. Сварог подумал, схватил повод запасного коня и поскакал прочь – не устраивать же пресс-конференцию с митингом?

Постоялый двор под вывеской «Жена боцмана» стоял на отшибе у самой реки – приземистый каменный дом с конюшней и деревянными пристройками, все это обнесено добротным деревянным забором. Посреди двора величественно возлежала свинья и бродили куры.

Сварог проехал в распахнутые ворота и остановил коня у широкого крыльца. Дверь распахнута настежь, но внутри тихо. Из конюшни появился угрюмый высоченный детина. Рукава засучены, за пояс заткнута короткая, тщательно обструганная дубинка. На трактирного слугу он походил не больше, чем Сварог на герцогиню. Но спросил предупредительно, как положено:

– Чего изволите?

– Есть, пить, ночевать, – сказал Сварог. – Все эти удовольствия можете предоставить или только некоторые?

– Все, ваша милость, если есть денежки, – ответил детина. На правом запястье у него Сварог заметил синюю татуировку – русалка с огромной пивной кружкой. Похоже, морская тематика не ограничивалась вывеской.

– Расседлать, ваша милость?

– Расседлай, – сказал Сварог. У него самого это до сих пор получалось довольно неуклюже. Детина, ничуть не удивившись, принялся за работу. Сварог заметил, что и у него получается не лучше. Карах смирнехонько притаился в откинутом капюшоне плаща.

Сварог стоял, прислонившись плечом к столбу, наблюдал с интересом, как детина возится с пряжками и ремнями, беззвучно чертыхаясь под нос.

– Где плавал? – напрямик спросил Сварог.

Детина не стал вздрагивать и цепенеть. Буркнул, не отрываясь от работы:

– Везде помаленьку.

– Фогороши в городе есть?

– Где их нет? Позвать?

– Зови.

– Гулять будете, ваша милость?

– Немножко.

– С радости или с горя?

– А что, есть разница?

– Еще какая, – хмыкнул детина. – Почему-то с радости все спокойно обходится, а как завернет кто с горем, непременно норовит, подлец – уж простите, ваша милость, – запалить таверну. Вы из которых?

– Пожалуй, с горя, – сказал Сварог. – Правда, нет у меня такой привычки – палить таверны.

«И вообще, я в таверне впервые в жизни», – мысленно добавил он.

– Мне что, – сказал детина. – Мое дело предупредить – хоть воды поблизости и навалом, за баловство с огнем и по башке схлопотать можно. Будь вы хоть харланский герцог.

– Там герцогиня.

– Будь вы хоть сама харланская герцогиня.

– Учту, – сказал Сварог.

В таверне и в самом деле никого почти не было. За одним столом молча потребляли пиво серьезные люди – четверо гуртовщиков с бычьими головами на бляхах Серебряной гильдии. Судя по гербам, гуртовщики были ронерские. За другим столом тихонько резалась в кости компания – на вид сплошь темные личности непонятного сословия, числом восемь. За третьим, уронив голову в блюдо с кое-как обглоданными копчеными ребрышками, мирно похрапывал субъект в довольно приличном камзоле. Остальные столы, десятка полтора, пустовали.

Сварог подошел к стойке. Из задней комнаты, вытирая руки передником, вышла тетка лет сорока, с крепкой, отнюдь не расплывшейся фигуркой, не лишённая секс-эпила, но суцая бой-баба на вид. Если это и есть жена боцмана, боцман прочно сидит под каблуком.

– А налейте-ка мне, хозяйка, чего-нибудь для начала, – сказал Сварог, прислоня к стойке топор.

Хозяйка налила ему из кувшина в большой оловянный стакан. Он попробовал – одна из разновидностей здешнего коньяка, не самая скверная. Выпил до половины, посмотрел на хозяйку, а хозяйка посмотрела на него:

– Это вы гулять собрались?

– Да какая там гульба, – сказал Сварог. – Легкое расслабление тела и души, с должной музыкой. С горя, признаться, но таверну поджигать не намерен, не беспокойтесь.

– Перек пошел за фогорошами. Девочек поискать? Тут этот промысел не особо процветает, ну да шлюхи везде сыщутся.

– Уж это точно, – философски сказал Сварог и допил остальное. – Только ну их к черту. Не тянет что-то.

– Это Вольного Топора-то?

– Вы меня, хозяйка, не шибко пытливо спрашивайте, я и врать не буду, – сказал Сварог.

– Тоже верно...

– Вы и в самом деле жена боцмана?

– Вдова, – сказала хозяйка. – Вместе плавали, пока мой дурак не сотворил последнюю в его жизни глупость...

– Это какую?

– Знаете, ваша милость, вы тоже не всюду нос суйте, вот и поладим. Если тетка Чари будет помнить про все глупости, свои и мужнины...

– Понятно, – сказал Сварог. – А на «Божьем любимчике» плавать не доводилось?

Тетка Чари посмотрела на него крайне внимательно и помолчала, словно ждала чего-то. Не дождавшись, пожала плечами:

– Так ведь каждый прохиндей про себя думает, что он – божий любимчик...

Но в глазах у нее определено что-то этакое мелькнуло.

– Бросьте, – сказал Сварог. – Я здесь человек новый, да не вчера родился. Конечно, есть какой-то тайный знак для своих или пароль, но я его не знаю... Вы мне только одно скажите: за последние два дня «Божий любимчик» здесь проходил?

Он поднял руку так, чтобы она увидела перстень Борна. Сам не знал, откуда такая уверенность, но русалку Переку явно наколол тот же умелец, что разрисовал иных моряков капитана Зо.

– Ни слуху, ни духу... – мотнула головой тетка Чари.

– Так... – Сварог повесил голову. – Тогда налейте еще, что ли.

Она плеснула в стакан и задумчиво сказала:

– Может, проще будет вас сразу со двора взащей вышибить? Не люблю я загадок и не люблю, когда чего-то не понимаю...

– Да ладно вам, – сказал Сварог. – Переночую и поеду. И никакого от меня беспокойства. Вы мне лучше соберите поесть, я и в самом деле жрать хочу...

– А этот, что в капюшоне у вас сидит?

– Что, видно?

– Ухо торчит. А теперь спряталось.

– Да он безобидный, – сказал Сварог.

– Сама знаю. Когда была маленькой, в деревне, у нас в амбаре целых два жили. Косу мне заплетали. Ну, вон туда садитесь, что ли.

Он забрал топор и уселся за массивный стол. Тетка Чари, сделав несколько рейсов от стойки, поставила перед ним тарелок и кувшинов.

– Ага, вот и фогороши ваши идут, торопятся, голубчики, с похмелья небось...

Она принесла стопку оловянных стаканчиков, вложенных один в другой, – для фогорошей, рассеявшихся за столом и откровенно потиравших руки.

– За знакомство? – Сварог поднял стакан, разглядывая их.

Народ был колоритный – музыканты из снольдерских степей, в синих штанах, желтых рубашках и красных жилетах, все потертое и штопаное, но на шеях сверкают диковинные золотые украшения, а на пальцах – массивные золотые перстни с крупными самоцветами. Этой привилегии – носить кольца с драгоценными камнями – завидовали все сословия и гильдии, ибо подобным правом обладали одни дворяне.

– Как же это вы, ребятки, всей этой красоты с похмелья не спустили? – спросил Сварог.

Старший, черный, как ворон, усач, сверкнул ослепительными зубами:

– С Сильваны, должно быть, ваша милость? Обычаев наших не знаете? Подыхать будем, а не пропьем. Традиция. Фогорош может ходить хоть голым, но если он при сабле и драгоценностях – чести его урона нет. Ваше здоровье! Музыку лучше слушать после пары наперсточков, а чтобы играть и петь душев-

но, потребно этих наперсточков не меньшее количество. Посему поднимем и опростаем, не унижая себя закуской! У вас печаль или вовсе наоборот?

– Хороший человек умер, – сказал Сварог, ощущая уже после чарки коньяка приятную сдвинутость сознания. – А потому урежьте-ка «Тенью жизнь промчалась», да так, чтобы...

– И никак иначе! – успокаивающе поднял ладонь старший. – Дело знакомое весьма и насквозь. Гей!

Они встали, разобрали инструменты – две явные скрипки, нечто похожее на гитару, только прямоугольное, обвешанный колокольчиками бубен, – переглянулись, кивнули друг другу и действительно урезали так, что все кабацкие шумы и все печали отодвинулись невероятно далеко, осталась только мелодия, удивительным образом и лихая, и горестная:

*Гей, сдвинем чары!
Трещат пожары,
звонят клинки и мчатся скакуны.
Милорды, где вы?
Заждались девы,
хоть мы бывали девам неверны...
Тенью жизнь промчалась!
Тенью жизнь промчалась!
Тенью жизнь промчалась!
Не плачьте обо мне.
Тенью жизнь промчалась!
Тенью жизнь промчалась!
Бешено умчалась
на белом скакуне...
И уже не наши
и мечи, и чаши,
под тобою пляшет
белый аргамак,
знающий дорогу
к черту или к богу.
Конь мой белый, трогай...*

Скрипка рыдала над самой его головой, потом фогороши разомкнули кольцо, кружили меж столиков, то приближаясь к Сварогу, то отдаляясь, полузакрыв глаза, ничего не видя вокруг, ни на миг не прекращая игры.

Сварог поднял глаза – трое из числа темных личностей сидели напротив и выразительно поглядывали на свои пустые стаканы, прихваченные со стола. Сварог налил им, пригляделся внимательно – рожки были самые продувные.

– Внесем ясность, – сказал он, полез в карман, вытащил пригоршню серебра и аккуратно высыпал на стол. – Вот это все, что у меня есть. И я могу по-мужски угостить винцом кого-нибудь, но ужасно злюсь, когда меня, сиротиночку, хотят обидеть... Усекли?

У него оставалось еще десятка три монет в потайном кармане, но об этом он не стал распространяться.

– Нет, такого даже грабить жалко, – сказал один, не отрывая, как и остальные, замороженного взгляда от серебряных кружочков. – Как дите малое...

– Не понял, – сказал Сварог.

– Мы, ваша милость, не записные душегубы и не святые, – сказал собеседник. – Так, посередке где-то болтаемся. Потому что тут, в Пограничье, не любят

чересчур уж сволочного люда, но и святым здесь никак не житье. Мой папа – умнейший был человек, хоть и сплясал в конце концов с Пеньковой Старушкой[7] – всегда меня учил, что не стоит грабить того, кто тебе непонятен, а то боком может выйти... Вы что, сударь мой, никогда не слышали, что в Пограничье, в противоположность всему остальному миру, серебро не в пример дороже золота?

– Слышал, – сказал Сварог.

– Но не слышали, *насколько* дороже. Иначе не стали бы все это на стол вываливать. Вечереет, в кабаке народишко скопляется, и не все такие осмотрительные, как мы, не у всех был такой мудрый папа, как у меня, так что вы от греха подальше все это спрячьте... – Он придвинул Сварогу деньги, ухитрившись при этом ловким движением мизинца отправить две монеты себе в рукав. И тут же поднял руку, подперев щеку ладонью, чтобы монеты провалились поглубже к локтю. – Значит, что? Значит, в здешних делах вы совершенно не разбираетесь, и вам, сдается мне, ох как пригодятся люди, которые за десяток серебряшек дадут дельный совет насчет чего угодно. А то и поручение выполнят за умеренную плату. Другие за вас и больше бы дали.

– Это кто? – тихо спросил Сварог, перегнувшись к нему.

– Да ездят тут всякие...

Сварог сгреб монеты, отсчитал десять и положил перед ним, а остальные спрятал.

– Это за советы или за ответы на вопросы?

– За ответы, – сказал Сварог.

– Ваша милость, тут четвертый день крутятся харланские шпики с полными карманами серебряных и ищут, кто бы согласился для них хватать всех едущих из Ямурлака.

– Значит, вы настолько честные, что предпочитаете десяток серебряных полному карману?

– Расклад такой, что именно так и выходит. Потому что – гораздо безопаснее. Парочка из тех шпииков уже пляшет с Конопляной Тетушкой. Не любят у нас харланцев. А молодой князь, хоть и сопляк, себя поставить сумел. Словом, мы вас предупредили. Народ здесь разный, так что я бы на вашем месте долго в Руте не задерживался. У тетки Чари вам будет безопасно, но разговоры пойдут. Уже по всему городу болтают, как вы этого черта на базаре замочили, только что наши ребята пришли, рассказали. А когда все, кто здесь пьет, по домам разойдутся, все будут знать, где вы на постое имеете честь обретаться.

– Тогда перейдем к советам, – сказал Сварог, сделал знак фогорошам, чтобы продолжали. – Вот еще восемь.

– До десяти двух не хватает...

– Восемь, да две в рукаве – десять, нет?

Прохвост рассмеялся и, сложив ладонь ковшиком, смел монеты со стола себе в пригоршню:

– Верно, десять... Что вам посоветовать?

– Как мне побыстрее попасть в Харлан.

Вот теперь темные личности по-настоящему удивились:

– Но ведь они вас ищут...

– И тем не менее, – сказал Сварог.

– Ну, вам виднее. Может, они просто не хотят, чтобы вы в Харлан добра-

лись, а может, прятаться и в самом деле лучше там, где светлее. Мой папа тоже, бывало, краденое прятал в лавочке аккурат напротив резиденции квартального полицмейстера... Утречком садитесь на коня и скачите вниз по реке, в Адари. У нас здесь одни рыбацкие лодки да два княжеских корабля, а в Адари – приличный по меркам Пограничья порт. За два десятка серебряных вам шикарную посудину продадут – с палубой, трюмом, каютой, капитаном и тремя корабельными патентами на три разных названия... А если отыщете в кабаке «Петух и пивная кружка» такого Брюхана Тубо и сложите пальцы вот так, – он показал, – да отсыплете ему еще пяток, он сам для вас и разыщет, что нужно, пока пиво пьете, вам и бегать не придется.

– Ладно, – сказал Сварог. – Но если что...

– Под землей найдете, дело ясное, – кивнул тот. – Не сомневайтесь, все честно. Только с князем не связывайтесь, он у нас романтик, голову задурит, и пропадете...

– А ну-ка, брысь отсюда! – цыкнула неизвестно когда подкравшаяся хозяйка.

– Тетка Чари, да мы вполне мирно беседуем... – Собеседник Сварога вскочил и примирительно развел руками.

– Соколик мой, я таких на нок-рее вешала... – тихонько сообщила тетка Чари.

Вряд ли она шутила – темные личности сразу поскущнели и, учтиво раскланявшись со Сварогом, заторопились прочь, однако тетка Чари мгновенно извлекла из-под передника нечто напоминавшее деревянные грушевидные нунчаки, сгребла самого разговорчивого за запястье и крутанула так, что тот взвыл.

– Стоять, выползок черепаший! Ваша милость, деньги у них забирать будете?

– Не надо, они их честно заработали, – сказал Сварог.

– Ну-ну... Все равно – брысь! – Она присела рядом со Сварогом. – Надоели, не клиенты, а сплошная шпана. Нет, пора закрывать все к русалочьей матери и перебираться в Ронеро, полузабытую милую отчизну. Благо про нас там все и забыли, все сроки давности вышли, гончие листы давно не кружат...

Сварог вежливо помолчал. Хозяйка посидела, слушая музыку, вздохнула и сказала, как показалось Сварогу, со значением:

– Знала я одного штурмана, ужасно любил, когда ему играли «Тенью жизнь промчалась». И все говорил, что закажет ее по себе вместо заупокойной...

Сварог выдохнул:

– Может, мы и разных штурманов имеем в виду, но мне отчего-то кажется, что одного.

– Вы не из Старой Гавани едете?

– От Старой Гавани остались одни головешки, – сказал Сварог. – И три мачты из воды торчат. «Божий любимчик» должен был нас ждать...

– А Зо? С ним что?

– Мы... ну, в общем, мы прорвались поодиночке, – сказал Сварог. – Может, Зо просто припозднился. Может, там на дне вовсе и не «Божий любимчик»...

– Ну да, – горько усмехнулась тетка Чари. – В таких делах, голубчик мой, обходится без всяких «может». Говорила я своему дураку. И Вентрасу говорила...

– Вентрас в Винете, – вырвалось у Сварога.

Тетка Чари нисколечко не удивилась:

– То-то и оно...

– А что такое эта Винета?

– Как вам еще до сих пор голову не оторвали? Ведь ничегошеньки не знаете... А интересно, знаете хоть, на кого вы жутко похожи?

– Знаю, – сказал Сварог. – До чего мир тесен...

– Мир-то большой, только вы бродите по старым дорогам вашего двойника, вот и нарывааетесь. Вы, часом, не сын?

– Вот уж нет, – сказал Сварог. – Долго объяснять, вам наскучит. Я и сам еще не разобрался до конца в иных странностях.

– Понятно. Может, вам чем помочь? Вы, конечно, не наш, но явно как-то с нашими повязаны...

– Спасибо, сам справлюсь. Скажите, если эти прохвосты что-то посоветовали, на них можно полагаться?

– Можно. И рады бы положить грех на душу, да помнят, где живут. Если что, я им устрою грустную жизнь на фоне сплошных неприятностей... Утром уедете?

– Скорее всего.

– А выскочить из этого дела никак не можете?

– Не хочу.

– Ох, беда с вами, с идейными, – вздохнула тетка Чари. – Не умеете вовремя остановиться. Правда, мой дурень был не из идейных, да тоже не сумел остановиться вовремя. Вот и крутись теперь слабая женщина со всем хозяйством...

– А Перек?

– Перек хорошо умеет махать абордажным топором да лазить по мачтам. А для хозяйства нужна смекалка. Ничего, вскорости начну собираться в Ронеро, подожду пару дней, вдруг Зо на горизонте все же обозначится...

– Если появится, скажите ему, что я ушел в Харлан.

– Тоже, нашли место. Сплошные колдуны. Одно меня утешает: если эти твари, шары чертовы, пойдут дальше, от Харлана половинка останется...

– А вас не беспокоит, что они пойдут еще дальше?

– Они ж не могут переходить реки. Разве что найдется сволочь, устроит им мост. Достаточно натянуть шелковинку поперек реки, иной нечисти это, что мост каменный...

– Боюсь, сволочь отыскалась, – сказал Сварог. – Один сегодня был на базаре. В человеческом виде.

– А я решила, брехня.

– Я сам видел.

– Нет, пора отсюда сматываться. Уж если стали людьми оборачиваться... Значит, его и в самом деле угрохали?

– Да как раз я его и... – сказал Сварог.

– Идите вы! Я-то думала, брехня, пришел старый Шовер, а этот, не сбрехнувши, чарку ко рту не поднесет... – осеклась, уставилась через плечо Сварога. – Вот сюрприз! Князь!

Сварог обернулся. Гомон приутих, даже фогороши заиграли потише. В дверях стоял светловолосый юноша, почти мальчишка. Вокруг высокой тульи шляпы поблескивает княжеская корона, на груди серебряная цепь (хотя со-

гласно законам геральдики князю полагается носить золотую, строго определенного фасона).

Двое в кирасах и рокантонах[8] вошли следом, встали по сторонам двери. Тот, что проверял сегодня на окраине документы Сварога, кивком показал на него князю. Князь направился к столу. Солдаты остались у двери. Тетка Чари проворно вскочила:

– Ваше сиятельство, честь какая... соизвольте снизойти, чем богаты...

На них таращились со всех сторон. Вспомнив, в какой он личине обретается, Сварог встал и низко поклонился, приложив обе руки к груди.

– Я Велем, князь Рута, – сказал юноша. – Где мы можем поговорить?

Тетка Чари побежала впереди:

– Сюда, ваше сиятельство, тут ни одна живая душа... – Она распахнула дверь в просторную заднюю комнату, выскочила, вернулась с огромным подносом. – Чем богаты...

– Поставьте и уходите, – бросил князь. – Станете подслушивать – повешу.

Тетка Чари, пятясь, вывалилась за порог и тщательно прикрыла тяжелую дверь, схваченную поперек коваными железными полосами. Князь нервно прошелся по комнате, сел на скамью, посмотрел на Сварога:

– Садитесь. Кто вы?

– Путешественник, – сказал Сварог.

– Куда направляетесь?

– Вниз по реке.

Сварог задумался – отчего это князь так вежлив? Обычно любой, обладающий гербом, «тыкает» Вольному Топору без зазрения совести – если только чувствует силу на своей стороне. Странное поведение для полновластного хозяина, привыкшего походя грозить виселицей встречным-поперечным...

Князь смотрел на него напряженно и беспомощно. Сварог ждал, скрестив руки на груди. Снаружи не долетало ни звука, дверь была сработана на совесть.

– Что у вас за странный флаг? – спросил наконец Сварог.

– Это флаг Пограничья. – Князь задрал подбородок с видом гордым и непреклонным.

– А зачем там белая полоса?

– Потому что на нашей земле – беда.

– Зачем там меч, я уже понемногу догадываюсь, – сказал Сварог. – Интересно, а Пограничье знает, что у него такой флаг?

Князь понял иронию, к тому же спохватился наконец, что инициатива ушла у него из рук. И рассердился:

– Я вас могу и повесить...

– А смысл какой? – поднял брови Сварог.

Князь показал ему согнутую серебряную звездочку, должно быть угодившую в стену:

– Ваша?

– Да, я обронил несколько на площади... – сказал Сварог.

Звездочка вдруг полетела в него. Сварог не шелохнулся, и звездочка отскочила от его груди, словно отброшенная ударом невидимой теннисной ракетки.

– Ну конечно, – сказал князь. – Следовало ожидать. Снизошли к нам пораз-

влечься?

В его голосе прозвучали такое презрение и ярость, что Сварогу стало не по себе.

– Не совсем, – сказал Сварог. – Верить или нет, дело ваше, но у меня серьезное дело. И я не ищу ссор... если мне их не навязывают.

– Я вам не собираюсь навязывать ссору.

– Тогда зачем же вы на меня выверились? – тихо, даже ласково спросил Сварог. – Никого не трогаю, пью вино, честно сказать, по весьма печальному поводу...

– Простите, – сказал князь. – Я понимаю, что лично вы ни в чем не виноваты...

– А кто виноват и в чем?

Князь прошел к столу, налил себе черной «драконьей крови». Постоял с чаркой в руке, резко задрал голову, осушил до дна. Повернулся к Сварогу:

– Все хуже и хуже. Они уже начали оборачиваться людьми, и кто-то помогает им пересекать реку... Думаете, не найдутся люди, которые станут им помогать?

– Ну, не столь уж я хорошего и высокого мнения о человечестве, – сказал Сварог. – Конечно, найдутся, уже нашлись... Чего вы от меня-то хотите?

Князь схватил его за рукав, приблизил яростное и упрямое, совершенно мальчишеское лицо:

– Я сам не знаю, чего хочу. Но их нужно остановить. Вам уютно и спокойно там, наверху, вас все это не касается. А мы живем здесь. И отступаем, отступаем... Они уже расхаживают по эту сторону реки...

– Я понимаю, – мягко сказал Сварог. – Но я, честное слово, не могу поубивать их всех. Одному такое не по силам.

– Я просил аудиенции у императрицы, – сказал князь. – Здесь, понятное дело, нет имперского наместника, пришлось ехать в Ронеро. Мне ответили, что ее величество удостоивает аудиенции лишь правителей юридически признанных государств. Понимаете? Мы, здешние властители, имеем все права вольных ярлов, можем возводить в дворянство, но нас как бы не существует. Имеющие глупость здесь обитать – словно бы призраки. С юридической точки зрения.

– Ну, она же наверняка и не знала о вашей просьбе, – сказал Сварог. – В таких случаях наместник сам решает...

– Разве нам от этого легче? Конечно, мы всегда можем перебраться в какое-нибудь из соседних государств, принять подданство, многие так и поступили. Я, несомненно, останусь при прежнем титуле... Но здесь – наша родина. Мы хотим жить на родине. Однако не в силах отстоять ее сами. А для вас сместь их с лица земли было бы детской забавой...

«Положеньице, – подумал Сварог. – Кто бы мог представить, что придется принимать упреки за всех, благоденствующих сейчас в небесах? Не рассказывать же ему свою историю? Даже если поверит, то чем ему это поможет?»

Князь ему нравился – из таких сопляков, бывало, получались отличные солдаты. Если только их не убивало в первом же бою.

– Иногда кажется, я сойду с ума, – сказал князь. – Или соберу людей, мы переправимся через реку и постараемся перебить их, сколько сможем...

– И много вы соберете людей на такое предприятие?

– Мало. Но нет сил сидеть и смотреть. Нет терпения ждать, когда сбудется пророчество. В него уже и не верят...

– Какое пророчество? – заинтересовался Сварог.

– Из Кодекса Таверо.

– А что там сказано?

– Неужели не знаете? Говорят, у вас там, наверху, богатейшие библиотеки.

– Я, вертопрах такой, редко навещал библиотеки, в чем сейчас искренне каюсь...

– «Когда Сатана пошлет глаза свои на землю, и они, пятерясь и десятерясь, нечистыми ордами заполонят многие области из ныне цветущих, сея зло, рухнут могучие государства, а иные, отделенные от угрозы землями, не имеющими королей, в слепоте своей и гордыне будут полагать, что избавлены от напасти, но это – ненадолго. И единственным путем к избавлению станет пришествие отмеченного Богом Серого Рыцаря, во многом схожего с фигурой шакра-чатуранджа, именуемой Серый Ферзь, ибо тому рыцарю суждено пройти долгий путь по дороге неведения меж Добром и Злом. И предсказанное мною не есть предначертанье – ибо кому ведомы помыслы Господни? Лишь самому Господу. Но если миру суждено спастись от Глаз Сатаны, его спасет Серый Рыцарь, отыскавший Златовласую Привратницу, единственную, кому под силу запереть замок на двери, которой нет; о которой все будут думать, что она есть, а о призраке станут полагать, что он жив и обладает горячей кровью; принцессу, дочь короля, жестокого короля Длинной Земли».

– Чертовски внятно, признаться, – сказал Сварог. – Изложено простым и ясным языком, понятным каждому дураку...

– С пророчествами так и обстоит. Предсказатели не всегда могут облечь в простые и ясные слова то смутное, что им открылось... Но за девятьсот лет сбылись многие из пророчеств Таверо.

– Да, я слышал.

– Конкретные указания здесь все же есть, – сказал князь. – Девятьсот лет назад, когда жил Таверо, никто не мог понять, что подразумевается под Длинной Землей. Но триста лет спустя Конхобар разделился на два королевства – Ронеро и Глан. На одном из древних языков, употреблявшихся книжниками и алхимиками, Ронеро как раз и означает – «Длинная Земля». Нынешний король носит прозвище Ужасный, а принцесса Делия – светловолосая...

– Только вот в конце – полная невнятица.

– Да, согласен... – Князь поднял серебряную звездочку. – Как вы это делаете?

– Есть у меня метатель... – Сварог следил, как меняется лицо князя, и легко угадал его мысли. – И не просите, не отдам. В чужих руках эта вещь все равно не станет работать. Я попробую что-нибудь для вас сделать... – Фразочка получилась пошлая, но другой Сварог не нашел.

– Дайте нам серебра. Побольше. Вам это ничего не стоит. Хотите стать королем? Земли, захваченные Глазами Сатаны, сейчас по всем законам бесхозны, любой, кто их очистит от нечисти, имеет полное право провозгласить себя королем, даже королем королей – там ведь три королевства, три патримона[9] ... – Увидев усмешку Сварога, он стиснул кулаки, но опомнился. – Или хотя бы добейтесь для меня аудиенции...

– Попробую, – сказал Сварог. – Но это будет нелегко...

Если лары до сих пор ничего не предприняли против Глаз Сатаны, значит,

у них есть свои причины и мотивы. А от коронованной особы порой очень мало зависит, особенно если она столь юная. Но мальчишка, должно быть, привыкнув распоряжаться здесь самовластно, свято верит, что так же обстоит и в других державах...

– Быть может, от императрицы скрывают правду, – продолжал князь. – Она такая юная... – В его устах это утверждение прозвучало довольно комично. – И чересчур полагается на придворных.

«Ну да, конечно, – вздохнул про себя Сварог. – Везде одно и то же – царь не знает, президенту не докладывают... Но высшие сановники и в самом деле – сила. Значит, идти нужно не к императрице».

– Честное слово, я сделаю все, что в моих силах, – сказал он. Прозвучало это казенно и сухо, и он хотел было ободряюще хлопнуть князя по плечу, но вовремя спохватился. – Только учтите, князь, – я добираюсь домой круглым путем, мне предстоит трудное дело и неблизкая дорога... Так что наберитесь терпения.

– Я все равно буду занят ближайшие дни, – признался князь. – Соберу дружину и поеду вразумлять барона Готара. Редкостная скотина. Решил, что ответит беду, если примется жечь колдунов – только вот в колдуны у него попадают по малейшему подозрению, а то и за малейшие провинности.

– Вы уж себя поберегите для великих дел, – сказал Сварог.

Князь огромным усилием воли сдержался, чтобы не разгневаться, но попрощался все же молча, кивком.

Сварог вернулся в зал.

– Гуляем дальше, ваша милость? – подошел к нему старшина фогорошей. – Их сиятельство вышел гневен, мы уж подумали, что вас потащат на другую пляску, попечальнее...

– Обошлось, – сказал Сварог, протянул старшине десяток серебряных монет. – Хватит на сегодня, пожалуй.

Тетка Чари, сразу видно, сторала от желания хоть что-нибудь выведать о только что закончившейся встрече на высшем уровне, но таверна была набита битком, гуляки засыпали ее заказами, и она порхала по залу, как пчелка, успевая и перешучиваться со знакомыми, и отпускать мимолетные, но полновесные плюхи, когда чья-нибудь нахальная ладонь устремлялась к наиболее приманчивым абрисам ее фигуры.

Сварог сел за свой стол, налил вина и вороватым движением переправил кусок мяса в капюшон – Караху. Спиной ощутил легкое шевеление – домовою аппетитно зачавкал.

– Баллады послушать не желаете, ваша милость? – предложил возникший у стола потрепанный старикашка с громоздким струнным инструментом под мышкой. – На любой вкус, печальные и веселящие душу, трогательные и браваурные... «Баллада о принцессе и мельнике», «Баллада о битве при Тагор-Муре», «Баллада о графе Гэйре и Великом Кракене»...

Сварог собрался было одарить старика грошиком и отправить восвояси, но, услышав последнее название, вострепнулся:

– Ну-ка, давай про Кракена...

Старик, опасаясь, что заказчик передумает, плюхнулся на табурет, водрузил на колени свою бандуру и с маху ударил по струнам, не тратя времени на настройку. Похоже, его агрегат после любой настройки звучал бы гнусаво, и

Сварог примирился с неизбежным. Услышав пение старца, Шаляпин с Карузо наверняка удавились бы, предварительно придушив дряхлого менестреля, но дребезжащий голос старика обладал одним-единственным достоинством – он вонзался в кабацкий гомон, как шпага в бисквит, и Сварог, несмотря на шум вокруг, легко разбирал каждое слово:

*Удачи императоры,
бродяги ста морей,
кто в вице-губернаторы,
а кто и на нок-рей.
Э лон аллэ, э лон аллэ,
а кто и на нок-рей...*

Баллада оказалась длиннейшей, изобиловала каноническими повторами и надоедливými припевами, но Сварог героически слушал и постепенно убеждался: несмотря на горы словесного мусора, кое-что попало в балладу из реальности. Несколько раз упоминалась баркентина «Беспутная русалка», имена моряков, весьма настойчиво – Море Мрака и Ферейские острова с названиями портов и даже улочек, селений, скал и отмелей. Описание Великого Кракена и жаркого сражения даже несведущему казалось нагромождением древних ходячих штампов, но финал выдался неожиданным. В противоположность подавляющему большинству баллад, вещавших о достижении конкретных целей – или, наоборот, о конкретном проигрыше, – эта гласила, что «дальнейшее знают лишь немые волны». Которые, понятное дело, никому не могут поведать ничего определенного о судьбе схватившихся в поединке смертельных врагов. Это было весьма нетипично. Что-то попало туда прямоком из реальности, от тех, кто знал что-то, видел, встречался... Или от тех, кто знал знавших, что в принципе одно и то же. Откуда, скажите на милость, в балладу попала строфа «не ищите его среди мертвых, не найдете его среди живых»? Такое можно было услышать только от того, кто прекрасно знал, что так все и обстоит...

Когда дряхлый бард умолк наконец, с размаху вдарив всей пятерней по струнам и с закинутой головой испустив печальный вопль, Сварог налил ему вина и принялся допрашивать с пристрастием. Но ничегошеньки не узнал. Баллады, как повелось исстари, странствовали от одного певца к другому, разгуливали в списках, и барды, если не были авторами исполнявшихся ими творений, знали о их истории не больше, чем граммофон – о биографии Шопена. След обрывался, его попросту не было.

Глава 2 Двое на палубе

Когда до заката оставалось совсем немного, он стоял у фальшборта, достигавшего ему до пояса, и смотрел, как уплывают назад обветшавшие каменные дома Адари, облицованный каменными плитами причал с зиявшими многочисленными проплешинами, в которые энергично перла высокая сорная трава. И на полном серьезе пытался догадаться, о чем думал Колумб, отплывая в свой исторический рейс. После долгих раздумий Сварог пришел к выводу, что Колумб столь же пытливо озирает свою команду и задавался тем же вопросом: «Интересно, как эта сволочь себя поведет, когда порт скроется за горизонтом?»

...Проснувшись на завтра не столь уж рано, не с таким уж тягостным похме-

льем, но все же с хворой головой, он подлечился парой чарок «медвежьей», «драконьей» и прочих кровей, велел оседлать коня и поехал к мосту, где стоял караул. Часа три проторчал там. Часа два, уже пешком, слонялся по берегу, смоля сигарету за сигаретой и тоскливо поглядывая на широкую реку. Но трехмачтовый парусник с конской головой под форштевнем так и не появился на серой, неспешно текущей воде. Лишь однажды показался парус – но это крохотное одномачтовое суденышко натужно тащилось против течения со стороны Харлана, влекомое слабеньким попутным ветерком.

В конце концов он смирился с неизбежным и сказал себе: «Ты остался один, парень. Тянуть нельзя, даже новичкам не может везти до бесконечности». Криво усмехнулся, тихо пропел под нос:

– Ну не подведи, ты теперь один... бравый.

Сплюнул, в последний раз глянул на реку – ничего утешительного, конечно, – и зашагал к таверне.

До Адари он добрался без всяких приключений. И дальше пошло как по маслу – легко отыскался и кабак «Петух и пивная кружка», и Брюхан Тубо, чей стан был прямой противоположностью кипарису. Пузан с продувной рожей ничуть не удивился ни условному знаку, ни поручению. Через полчаса Сварог стал полновластным и единоличным владельцем «Гордости Адари» – надежного на вид одномачтового кораблика с командой, абсолютно ненадежной на вид. Первая и единственная реформа, какую Сварог с удовольствием провел бы в роли судовладельца, – это на всякий случай повесил бы на мачте своего капитана и двух матросов, можно даже в художественном беспорядке, без всяких икебан. Но выбирать было не из чего, клиентура и дружки Брюхана Тубо в ангелах не числились. К тому же Брюхан постарался не на шутку – он явно почитал Сварога не последним среди гангстеров Пограничья авторитетом и потому подобрал команду, на его взгляд, надежнейшую – чтобы не ударила в грязь лицом, если клиенту вздумается попирагтствовать или устроить иное мокрое дело.

Сварогу не пришлось особенно стараться, чтобы поддержать свой авторитет среди экипажа «Гордости Адари». За него все сделал случай – и порочные наклонности, присущие отдельным представителям сословия речных моряков.

Сварог оглянулся и хмыкнул. Владелец самой продувной из трех рож сидел у мачты и, тихонько поскуливая сквозь зубы, баюкал правую руку, заматанную лоскутом какой-то тряпки. Когда корабль готовился отдать якорь, именно этот субъект забрался в кормовую надстройку, где в единственной на суденышке каюте Сварог сложил свои пожитки. Потом, хныкая и стеная, он клялся, что хотел лишь из любопытства осмотреть багаж нового хозяина, и не более того. Как бы там ни было, свидетелей не оказалось (Карах притаился в капюшоне плаща, а плащ был на Свароге), одно можно утверждать с уверенностью – этот болван полез рассматривать топор. И Доран-ан-Тег, не терпевший таких вольностей от посторонних, смахнул ему четыре пальца, оставив один большой. Теперь вся троица таращилась на Сварога с нескрываемым ужасом, и все его распоряжения исполнялись бегом, насколько это было возможно на крохотной посудине.

Он глянул на капитана, и тот проворно подбежал, вынул изо рта глиняную трубку, даже пристукнул каблуками латаных сапог.

– Ваша милость?

– Когда войдем в Ямурлак?

– Затемно, – сказал капитан и, поколебавшись, решился: – А вы там, часом, причаливать не собираетесь?

– Не собираюсь. Что, боишься? Столько лет тут плаваешь, мог бы и привыкнуть...

– Всякое бывает. В Ямурлаке с незапамятных времен было тихо, да вот с недавних пор опять зашевелились. Болтают, плавают здесь какой-то, души скупают или попросту нанимает корабль, вроде вашей милости, не в обиду будь сказано, и командует плыть в Харлан. А по дороге велит причалить в Ямурлаке – и поминай как звали... Никто не возвращается.

– Откуда же это известно, если никто не возвращается?

– Болтают...

– Что же ты не отказался?

– Откажешь Брюхану, как же... Не знаю, что там насчет ловца душ, но в последние дни на реке определенно что-то происходит.

– Что?

– Кто его знает... Сначала в низовья прошел «Божий любимчик», а это корабль капитана Зо, доводилось слышать? Потом – «Призрак удачи» Джагеддина. А три дня назад объявился душегуб Гронт на «Трех козырных розах». Название, правда, заменил, повесил другое, ну да у нас попадаетея народ бывалый, они ж его по рангоуту вмиг опознали. Все трое – люди крайне известные на всех морях, головы их в иных местах оценены в крайне солидные суммы, а в других они, наоборот, чуть ли не почетные граждане. И Гронт, что странно, шел под горротским флагом.

– Замаскировался, – сказал Сварог. – Дело житейское.

– Да ведь самая забубенная головушка сто раз подумает, прежде чем поднимать горротскую «кляксу»! Не любит король Стахор, когда без разрешения пользуются его флагом, и, если изловит... Значит, Гронт и в самом деле пошел на службу к Стахору. Была в нем, конечно, гнильца, но чтоб идти под «кляксу»... – Он перехватил иронический взгляд Сварога и словно бы даже обиделся: – Что, ваша милость, думаете: «чья бы корова...»? Но тут, понимаете ли, есть большая разница: грешить людям меж людьми или душу загубить на службе у Стахора... Так вот, я и говорю: три капитана, люди знаменитые и, добавим, друг друга на дух не терпевшие, вдруг объявились в одном месте, причем не в море, на реке. Не драться же они здесь собрались, для таких дел море не в пример просторнее...

– А что, по Ителу любой может плавать свободно? Заходи из моря – и плыви?

– Конечно, ваша милость. Исстари заведено – середина реки свободна для плавания, без всяких таможен и разрешений. Ведь если кто-то пришлый станет разбойничать по берегам, уйти в море ему будет трудновато – быстро перехватят. – Тут он спохватился, словно сообразил что-то. – Как это вы, ваша милость, таких простых вещей не знаете?

И перепугался, не распустил ли язык больше дозволенного.

– Память отшибло, – сказал Сварог. – Кирпич, знаешь ли, с крыши упал. Прямо на темечко.

– Это, понятно, неприятность... Ну, наше дело маленькое, я в ваши дела не

лезу, не подумайте. – Он оглянулся на увечного. – Сколько учили дурака – не лезь, даже если незаперто... Так про что это ты?

– Про свободу плавания.

– Ага. Тут, ясное дело, есть нюансы. Середина реки свободна, но если у берегов сильной державы захотят избидеть мелкую сошку вроде нас, придется нам туго, потому что заступаться некому... Доказывай потом соседям по камере, что взяли тебя в свободных водах. Они поверят, да толку – чуть. Ну и соседи по сухопутью, понятно, при случае пакостят друг другу со всем возможным усердием, и в мирное время тоже. А нам, в Пограничье, приходится и вовсе несладко – люди мы бездержавные, обидеть всякий норовит. Между прочим, коли уж зашла речь о пиратстве – скоро будем проплывать мимо исторического места. На весь Ител славилось когда-то при прадедах. Старики болтают, будто бы там прямо из скалы появлялись пираты. Налетят, мечами посекут, ограбят – и назад в скалу. Может, и врут. А может, в старые времена там и вправду были ворота.

– Куда?

– Черт их знает. В неизвестные места. Вроде бы в древности хватало таких ворот, только потом их то ли лары запечатали, то ли они сгнули сами по себе. Но сейчас-то их точно нет. Сами посудите, ваша милость: откройся сейчас ворота в неизвестные места, оттуда незамедлительно поналезло бы всякого неизвестного народа. Да и здешний люд шлялся бы на ту сторону за милую душу, народ у нас такой – хлебом не корми, дай пролезть в любую щелку, особенно если там нет охраны, но есть подозрения, что можно спереть что-то полезное в хозяйстве.

– Ну, насчет этого – народ везде одинаковый, – сказал Сварог.

– Вот я и говорю... Видите холм? Еще развалины на вершине? Говорят, там похоронен стародавний барон. Упырь. С баронами такое тоже случается – Ямурлак под боком, вредно влияет даже на титулованных. Ходят слухи, что в полночь барон вылезает наверх, ищет, кого бы неосторожного сцапать. Что же до русалок...

– Да ты, я смотрю, книгу написать можешь о здешних диковинах, – сказал Сварог.

– Эх, умел бы я писать, читать-то с грехом пополам выучился... А что вы думаете? Был у нас такой Одноухий Пакрен, ходил на посудине вроде этой. Вышла у него в Снольдере небольшая неприятность по поводу контрабанды, определили ему пару лет, и сидел он в одной камере с каким-то ученым типом, которого туда упекли из-за превратностей судьбы, – политика, интриги, кто-то из фаворитов загремел в немилость, а с ним, как водится, на всякий случай подмели всех его дворецких-библиотекарей и прочих конюших. А Пакрен у нас был повернутый на сказках про Ител и от скуки рассказывал их этому библиотекарю целыми днями. Того возьми да и выпусти – политика перевернулась, фаворит опять в фаворе... Недельки через две приходят и за Пакреном – которому, между прочим, еще полтора года досиживать – и волокут прямиком к тому ученому типу. Тип тоже весь из себя в милости и процветании, пишет как раз ученый труд о сказках и преданиях. И Пакрен два месяца живет, как король, жрет-пьет самое лучшее и вспоминает сказки, каковые записывать к нему специальный канцелярист приставлен. А когда выжали его досуха, библиотекарь или кто он там похлопотал у фаворита, и вернули Па-

крену его корыто, велели убираться к такой-то матери и больше не попадаться. А этот ученый тип вдобавок от радости Пакрену полный карман денег насыпал – они ж деньгам цену не знают, очкастые, да еще состоя при таком вельможе... Пакрен, не будь дурак, в Адари уже не вернулся, завел канатную мастерскую в Ронеро, в гильдию пролез, даром что одноухий... От книг тоже иногда бывает польза народу вроде нас. Вы, ваша милость, книги часом не пишете?

– Бог миловал, – сказал Сварог.

– Жаль. А то бы я вам столько порассказал про древние дела да исторические места... Вон там будто бы и появлялись из скалы пираты... Ваша милость, накликали! Чтоб они провалились, исторические места!

Сварог посмотрел туда. Похоже, и в самом деле нарвались. Из узкой расщелины в заросших лесом скалах выплыли две длинные галеры, двухмачтовые, хищно-изящные, с зарифленными парусами, без флагов и вымпелов. Весла взмыли, слаженно ударили по воде – и галеры целеустремленно понеслись поперек реки, настигая «Гордость Адари». Слышно было, как ритмично звенят гонги, задавая темп гребцам. На палубах толпились люди в кожаных штанах, ярких, разноцветных рубашках, и лучи заката десятками солнечных зайчиков разбрызгивались на длинных, сверкающих клинках.

– А ведь исчезали корабли! – охнул капитан. – Решили на того, что скупает души, да вот что оказалось...

– Не уйдем? – спросил Сварог без всякой надежды.

– Куда там, полное безветрие... Ваша милость, бегите за топором! Очень он напоминает один легендарный топорик, глядишь, и отобьетесь...

Сварог метнулся в каюту и выскочил с Доран-ан-Тегом.

Капитан вооружился мушкетом, рулевой – громадным тесаком. Только покалеченный в дело не годился и бестолково тыкался от борта к борту.

– Это обыкновенные люди, – шепнул Сварогу на ухо вдруг высунувшийся из капюшона Карах.

Капитан покосился на него и разинул рот.

– А ты скройся! – цыкнул Сварог на верного домового. – Капитан, да там ведь...

– Сплошь бабы, ваша милость, – поддакнул капитан. – Даже без доспехов, форс держат, стервы...

Действительно, у форштевней обеих галер теснились женщины – рослые, красивые девахи в высоких сапогах, кожаных штанах и ярких рубашках. Золотые ожерелья, широкие запястья с самоцветами – но мечи самые настоящие, и лица исполнены нешуточной азартной решимости.

Галеры настигали, они вдруг разминулись и зашли с обоих бортов. Раздался звонкий, властный девичий голос:

– Спускайте парус!

Корабли шли нос в нос, галеры были повыше, и Сварог задрал голову, отыскал взглядом кричавшую – черноволосую красавицу в сиреневой рубашке, с особенно богатым ожерельем на шее. Несмотря на суровость ситуации, он невольно смерил ее оценивающим взглядом и пожалел, что их встреча случилась при столь уголовных обстоятельствах. Но пора было настроиться на серьезный лад – спортивные девочки, ловкие, мечи держат умело, и их, скажем честно, многовато для бравого экипажа «Гордости Адари». И в военно-strate-

гическом плане, и во всех остальных смыслах. Вот случай, когда остается лишь пожалеть, что выбор столь богатый...

– Я сказала – парус! – совсем сердито крикнула черноволосая.

– Девочки, шли бы вы домой, – громко сказал Сварог, перекрикивая плеск весел. – Честное слово, мы спешим, у нас срочные дела... Что вы такие задиристые? Мамы хоть знают, куда вы пошли гулять?

Раздался взрыв смеха – веселого и явно издевательского. Амазонки звонко хохотали, уверенные в себе, – для чего имелись все основания. Потом в воздухе засвистели широкие ножи, почти сразу же перерубившие трос, и треугольный парус, сминаясь, соскользнул на палубу, его концы свисали с обоих бортов, бороздя воду. Голая мачта отчего-то показалась невероятно жалкой.

Корабль вдруг рыскнул носом. Сварог оглянулся. На рулевого наведены несколько луков, высоких, сложных, рулевой уже бросил и штурвал, и тесак, всем видом показывая, что он человек мирный. Капитан, однако, крепился из чистой амбиции, с надеждой косясь на Сварога. Сварог пожал плечами:

– Ладно, бросайте мушкет...

Капитан тут же с превеликим облегчением последовал его совету. Сам Сварог топора не выпустил – он только отступил к кормовой надстройке, чтобы не зашли со спины. Черт, спиной к доскам не прижаться – Карах в капюшоне, задавишь... А они уже развернули галеры носом к бортам беспомощно дрейфующей по течению «Псевдогордости Адари», опустили принайтованные к мачтам абордажные мостики-корvusы, тяжелые крюки с треском впились в палубу, с обеих сторон стучат подкованные сапоги...

Вскоре на него нацелились десятка два клинков и вдвое больше азартных сердитых глаз. Сварог усиленно пытался настроиться на боевой лад и не мог, хоть тресни. Все понимал, но не мог.

– Бросай топор, – приказала черноволосая, оказавшаяся вблизи соблазнительной до жути. Видя, что Сварог никак не реагирует, она раздраженно дернула подбородком в его сторону. Длинная стрела сорвалась с тетивы, вжикнула – и отскочила, еще в воздухе разваливаясь на куски. Девицы удивленно заохали, только черноволосая удержалась, но глазищи поневоле расширились:

– Колдун? Или... – И она улыбнулась дерзко, весело. – Кажется, нам повезло больше, чем я рассчитывала. Посудина никудышная, вся добыча – два будущих гребца, но я, похоже, первая, кому удалось взять в плен лара...

Рыжая, стоявшая с ней рядом, вдруг вытянула меч к самой груди Сварога, и он автоматически взмахнул топором, снеся конец клинка, словно головку одуванчика.

Вот тут их достало по-настоящему, даже черноволосую нахалку. Так и разинули рты. И шансы у него были серьезные – крушить направо-налево, пока не опомнились, в толчее их длинные мечи будут только мешать друг другу, и луки в ход не пустишь, они без доспехов, а на нем – кольчуга, выдержит кучу слабых колющих ударов – слабых, потому что в свалке таким мечом для рубящего просто не размахнешься, пойдут главным образом колющие тычки. И получится резня.

Если бы он смог. А он не мог. Он смотрел, представляя, что останется от этого надменного личика, от этой черноволосой головки после свистящего неотразимого удара Доран-ан-Тега, – и не мог поднять руку. Они не ассоциировались для него с врагом, которого следовало победить любой ценой, – и это все

губило.

Сварог оглянулся на левый берег, оказавшийся гораздо ближе. Место было заметное – прямо напротив сцепленных корпусами кораблей чернела среди деревьев высокая скала, похожая на восклицательный знак, а если пошлее – на фаллос. Тем лучше. Он бочком, бочком отступил к борту, прежде чем кто-то догадался в чем дело, и успел что-то предпринять, вытянул руку с топором над бортом, не без внутренней борьбы разжал пальцы. За бортом шумно плеснуло. Топор Дорана отправился на дно, откуда извлечь его мог только сам Сварог – или любой после его смерти, но никак не раньше.

– Это нужно понимать так, что ты сдаешься? – насмешливо спросила черноволосая.

– Это надо понимать так, что мне вас стало жалко и не хватило духу порубить в капусту к чертовой матери, – сказал Сварог сердито. – Живи уж, красотка.

Она сузила глаза:

– Может, ты и не врешь, что смог бы нас изрубить... Но это лишь доказывает, что боевого духа у тебя маловато. Значит, ты побежденный, с какой стороны ни смотри.

– А тебя розгой никогда не драли? – с любопытством спросил Сварог.

Она так и вскинулась, от нее прямо-таки искры полетели. Сварог ответил ей невиннейшей улыбкой, и она, взяв себя в руки, глянула свысока:

– Ну что ж, безоружный пленник может резвиться, как ему угодно... – Обернулась к своим: – Осмотрите корабль. Этому наглецу на всякий случай свяжите руки и ведите их всех на галеру.

Сварог испугался было, что его станут обыскивать дотошно и обнаружат Караха, но Карах сидел тихонечко, как мышь под метлой, а Сварога лишь бего охлопали, проверили, нет ли кинжала за голенищем, скрутили руки за спиной и молча показали на мостик. Он зашагал на галеру. Там его втокнули в кормовую каюту, привязали за руки к поддерживавшему потолок резному столбу и оставили одного. Он пошевелил запястья – веревки держали крепко, не причиняя, однако, боли. Опыт у этих очаровательных чертовок был богатый.

– Ну что, Карах, влипли? – спросил он тихо.

– Выберемся, хозяин. Осмотримся. Угроза не смертельная.

– По-моему, угроза как раз смертельная, когда вокруг столько кошек, – проворчал Сварог. – Хроническое разбегание глаз заработать можно. Ладно, седи тихо, запоминай дорогу по мере возможности, а там посмотрим, как тебя легализовать, и вообще...

С трех сторон каюты были высокие окна, и он глянул назад. Корвусы вновь подняли, вертикально прикрепили к мачтам, а «Гордость Адари» уже погружалась в воду, заваливаясь на корму. «Называется, побыл судовладельцем, – печально констатировал Сварог. – Интересно, колебался бы капитан Зо или без всяких сентиментальных метаний души шарахнул бы по красоткам картечью со всего борта? У них самих, кстати, ни одной пушки не видно...»

Стукнула резная дверь – вошла черноволосая. Стянула перевязь с мечом, повесила на затейливый крюк, по-хозяйски стуча каблуками, подошла и остановилась перед ним:

– Стоишь?

– Стою, – сказал Сварог. – Постою, не беспокойся.

– Ты правда лар?

– Правда, – сказал Сварог. – Так что можешь плясать от радости – непременно попадешь в летописи.

Она фыркнула, щуря карие глаза:

– В летописи я и так попаду, не беспокойся. Есть за что. Как твое имя?

– Лорд Сварог, граф Гэйр, – сказал он, искренне радуясь, что наконец нашелся кто-то, у кого это имя не вызвало никакой реакции, будучи абсолютно неизвестным.

– Ого... – сказала она. – Впрочем, у нас и графы найдутся... Я – Грайне, царица Коргала.

– Понятно, – сказал Сварог, хотя ничегошеньки не понял.

Никакого Коргала на континенте нет. А на Таларе нет царских титулов – только короли. Откуда же она тогда? И почему оба говорят на одном и том же языке? Вот только произношение у нее незнакомое – нигде вроде бы так не растягивают гласные в конце слова и не двоят «р»...

– Говорят, вы могучие колдуны, – сказала она с ноткой осторожности. – Почему же ты так легко поддался?

– А может, я просто развлекаюсь, – сказал Сварог. – До поры до времени. Потом как начну молниями швыряться...

Она чуточку отодвинулась:

– В самом деле, странно, что хозяин небесного замка путешествовал на таком корыте... – И упрямо задрала подбородок. – Все равно, я не из пугливых. Если уж на что-то решилась... Вот что. Скорее всего ты не лар. Ты – незаконный сын лара от земной женщины, говорят, такие числятся рангом пониже...

– Эй, полегче на поворотах, – сказал Сварог. – Я тебе не кто-нибудь, а законный сын.

– Все равно, постой пока...

Она вышла. Ритмично звенели диски, галеры гуськом вошли в узкий проход меж скал, где бок о бок ни за что не уместились бы, перепутались веслами. «Бедный мой экипаж, – подумал Сварог, – ведь определяют за эти самые весла...»

Проход загибался вправо. Весла слаженно ударяли по воде, не поднимая брызг. Вокруг словно бы потемнело – нет, скорее поглубело, синяя, цвета ясного неба мгла сгущалась, пока совершенно не скрыла проплывавшие совсем рядом шершавые, выветрившиеся скалы. Голубизна превратилась в угольно-черную тьму. Сварогу показалось вначале, что он ослеп. Но, едва глаза немного привыкли, он увидел за окнами россыпь ярких, крупных звезд.

Там, на Ителе, солнце еще не зашло. А здесь – где, хотелось бы знать? – уже стояла глубокая ночь. Выходит, речные слухи о таинственных воротах в иные миры оказались правдой?

Щеку Сварогу зацекотал пушистый мех. Он спросил:

– Ты чего высунулся?

– Запоминаю дорогу, – сказал Карах.

Сварог не успел найти ответ – скрипнула дверь. Вошла Грайне со светильником, укрепила его в торчавшем из стены железном кольце. Стянула сапоги, швырнула в угол, закинула руки за голову, выгнулась, потянулась:

– Ну вот мы и дома...

– Это что, Сильвана? – наугад спросил Сварог.

– Это Сильвана... Удивительно удачный набег получился. Посудина попала жалкая, зато я взяла в плен лара. В последний раз здесь за нами погнался какой-то странный корабль: парусов на нем не было совсем, весел тоже, но он плыл против течения. И дымил трубой, как кухня в праздничный день, по бокам крутились колеса... Но ворота были недалеко, темнело, мы ушли.

«Повезло вам, что они не начали стрелять, – мысленно добавил Сварог. – Вам, дурехи, попался военный паровой фрегат или купеческий корабль – в эти места и купцы не ходят без пары пушек на борту. Судя по всему, вы пиратствуете на Ителе совсем недавно – иначе смутные слухи давно стали бы конкретными и подробными донесениями, на охоту вышли бы военные пароходы».

– Что ты молчишь?

– Думаю, – сказал Сварог. – О том, что от вас останется, если за вас всерьез возьмется такой корабль.

– И что останется?

– Мусор на воде.

– Догадываюсь, – кивнула она. – У многих есть то, чего нет у нас. Они не полагаются на добрые мечи, трусы этакие, выдумали всякие штуки... Но мы все равно будем ходить в набеги – сколько сможем.

– Традиции славных предков, а?

– Не смей смеяться над такими вещами!

– И не думаю. Я сразу понял, что ты девушка решительная.

– Я – царица. А ты – военная добыча, поэтому помалкивай.

Она подошла вплотную, закинула голову и всматривалась в его лицо, загадочно поблескивая глазами.

– Только подумать – живой лар, подарок для летописцев. – Она мечтательно прищурилась. – Грайне, царица Коргала, первая из воительниц, пленившая лара в Год Высокой Воды...

– Ох, какие ж вы ребенки еще... – сказал Сварог.

– Молчать. Военной добыче язвить не полагается.

– А что сделаешь?

– Что хочу, то и сделаю, – пообещала она. – А в первую очередь мне хочется себя потешить после столь славного набега. – Она обеими руками взялась за литую пряжку его пояса, глядя в глаза. – Благо вы мне нравитесь, лорд и граф...

– Эй! – забеспокоился Сварог.

Поздно. Она уже опускалась на колени, и вскоре мужская гордость Сварога оказалась в плену умелых губ – обстоятельно и надолго. Вскоре он признал, что в участи пленного есть свои приятные стороны и никак не протестовал против дальнейшего развития событий, принимая в них активное участие. События переместились на ковер, где все дальнейшее и происходило. Одно лишь чуточку портило Сварогу все удовольствие – он никак не мог забыть поначалу, что в капюшоне небрежно отброшенного Грайне в угол плаща третьим лишним обитает Карах. Но потом забыл, примирился как-то, сосредоточившись на том, чтобы заставить это буйное дитя природы, оказавшееся в мирных условиях столь нежной и пылкой, сдаться первой. И малость позлорадствовал про себя, когда шальная девчонка – царица, говоришь? – в конце концов стала легонько отталкивать его ладонями, не открывая глаз. Он усмехнулся во мраке, извлек из воздуха сигарету, зажег огонь на кончике пальца.

Граине встрепенулась, изо всех сил стараясь не выглядеть испуганной:

– Эти ваши колдовские штучки...

Сварог медленно выпустил дым, намотал на указательный палец прядь ее шелковистых волос:

– Знаешь, а ты – очаровательное дитя природы...

– Вот только не надо с места в карьер себя ставить, – сказала она упрямо. – С тобой хорошо, но не забывай, кто ты и кто я, – и соизволила улыбнуться. – Но с тобой и правда хорошо. И ведь доволен до ужаса, что заставил меня сдать первой? Что ж, признаться, по ночам вы, мужчины, можете иногда одерживать победы, но это еще не значит, что днем ты можешь забывать об устоявшихся традициях...

– Понял, – сказал Сварог. – И давно вы живете по таким обычаям?

– Испокон веков, – гордо ответила Граине. – Женщины правили всегда. Пусть в других местах и не так, у нас нынешний порядок сохранится навсегда. Послушай, а зачем ты пускаешь дым?

– Устоявшаяся традиция, – сказал Сварог. – Вещь нерушимая, сама понимаешь.

«Нет, в будущем следует помалкивать насчет всего происшедшего, – подумал он. – Чтобы майора, лорда и графа изнасиловала, привязав к столбу, такая вот нахалка, пусть и очаровательная... Как ни крути, плюха по репутации. Допутешествовался».

Правда, он не чувствовал себя таким уж оскорбленным. Во-первых – ничего противоестественного не произошло. Во-вторых – все же не на глазах общественности... Он глянул поверх обнаженного плеча Граине – Карах, паршивец, нагло торчал у окна, запоминая дорогу. Сообразил, стервец, что присутствующим не до него. Хорошо, хоть задом повернулся...

– У меня с собой домашняя зверушка, – сказал он. – Так что не удивляйся. Вон стоит.

Граине ничуть не удивилась:

– Так это же не зверушка – домовой. У нас они тоже есть. Ночью косу заплетет – и не почувствуешь.

– Всю жизнь мечтал – косы заплетать, – сказал Карах, не оборачиваясь.

– А если за хвост – и в воду? – рассердилась Граине.

– Тогда, конечно, умолкаю, – сказал Карах. – Убедили. Трепещу.

– Ох, я бы тебя и в самом деле искупала, – фыркнула Граине. – Но ведь убьешь тебя – везения лишишься...

– Потому и спокоен, – сказал Карах. – Жутко вы, люди, боитесь удачи лишиться...

– Вот и помалкивай. – И обернулась к Сварогу: – И ты тоже привыкай к нашим порядкам. Кстати, ведь и у вас, ларов, не мужчина правит – императрица. Мы не такие уж дикие, тоже про нее слышали.

«Значит, я на Земле сейчас, – подумал Сварог. – Интересно, в каких местах? Где же это в незапамятные времена обитали этакие амазонки?»

– А географические карты у вас есть? – спросил он.

– Что? – недоуменно уставилась на него Граине.

– Ну, где имеет честь располагаться твой Коргал?

– На Араосе. По Араосу мы сейчас и плывем. Араос впадает в Дугар, а Дугар где-то далеко, очень далеко впадает в океан. Но до океана мы еще не доплыва-

ли.

«Значит, континент, – подумал Сварог. – И бессмысленно спрашивать его название – наверняка континенты сейчас зовутся совершенно по-другому».

– Ты привыкнешь, – безмятежно сказала Грайне. – Приживешься. Если у меня от тебя родится девочка, положение твое в обществе станет выше, а когда она достигнет совершеннолетия, еще повысится. А там и Отцом Царицы станешь.

– Ты что, хочешь сказать, мне у вас придется поселиться насовсем?!

– А как же иначе? – искренне удивилась она. – Жизнь у нас не такая уж легкая, врагов хватает, и без мужчин не обойтись, если они знают свое место и служат существующему порядку. Лар нам весьма пригодится. Мне пора иметь ребенка, а это дело серьезное, нужно семь раз отмерить, это те, кто пониже, могут подбирать, что придется, а я царица, я отвечаю за Коргал... – Она уставилась в потолок, прикрыла глаза, любуясь мысленно грядущим процветанием своей державы. – Так что ты как нельзя более кстати подвернулся. Можно строить далеко идущие планы.

«Ну, это мы еще посмотрим, – подумал Сварог. – Барон Дальг не может ждать до бесконечности, завариваются серьезные дела, так что некогда в роли принца-консорта – так, кажется, эта должность зовется? – создавать из неведомого Коргала сверхдержаву».

– А если убегу? – спросил он.

– Попробуй, – прищурилась Грайне. – Про вас, ларов, точно известно, что летать просто так, безо всего, сами по себе, вы не умеете. Если тебя не стали спасать сразу, значит, не знают ни о чем. А по земле от нас сбежать трудновато. Даже если твой домовый запомнит дорогу.

– Да я из деликатности к вам спиной повернулся, – сказал Карах. – Чтобы не смущать.

– Рассказывай, – фыркнула Грайне. – Хитрец нашелся... Пожалуйста, запоминай дорогу сколько угодно. Очень это тебе поможет...

Очень уж уверенно она говорила – что-то за такой уверенностью должно было крыться, и Сварог чуточку обеспокоился. Он погасил сигарету и положил руку на плечо девушки, но она отстранилась:

– Нет, одевайся. Скоро Коргал.

Сварог следом за ней вышел на палубу, в ночную прохладу. Весла застыли, поднятые над водой, словно вздыбленная щетина исполинского кабана. Галеры шли под парусами, река оказалась гораздо уже Итела, по обе стороны, насколько можно рассмотреть, темные холмы, поросшие лесом, а в небе ярко светят звезды и широким искристым поясом протянулся Млечный Путь. Далеко впереди по левому борту виднеются огни.

При их появлении столпившиеся у левого борта амазонки оживились, украдкой подталкивая друг друга локтями, слышались шепотки, смешки и фыркание. Грайне окинула суровым взглядом свое моментально присмирившее воинство и шепнула Сварогу на ухо:

– Если что замечу – тут же отрежу под корень...

«Эта может», – подумал Сварог и шепнул в ответ:

– Милая, да я ж очарован и околдован тобою одной, неужели не заметила? Твоя застенчивость и скромность...

Охнул, чувствительно получив локтем под вздох, сердито замолчал.

По узкому проходу, охранявшемуся двумя квадратными каменными башнями, галеры вошли на веслах в большую бухту, где стояли десятка два кораблей, – такие же галеры и разномастные парусники, большие и маленькие. Даже невежественный в морском деле Сварог сразу определил, что это – военная добыча, собранная с бору по сосенке в самых разных местах. Поодаль, на холме, там и сям светились огоньки – судя по их расположению, Коргал – город не столь уж маленький. Вот и соседний холм усыпан огнями, и еще один, и еще... «А не Рим ли это часом? – подумал Сварог. – Не город ли, что некогда стоял на месте Рима?»

Амазонки группами расходились в разные стороны – из порта вело несколько дорог. Грайне, отдав какие-то распоряжения, покинула галеру одной из первых. Своего незадачливого экипажа Сварог так и не увидел. Он шагал следом за девушкой мимо каких-то каменных пакгаузов, удивляясь полному отсутствию часовых. Хотел было спросить Грайне, в чем причина такой беспечности, но Карах внезапно высунулся из капюшона, шепнул на ухо:

– Очень плохая тварь, хозяин.

– Ага, заметил? – обернулась Грайне. – Тем лучше. И вы любопытствуйте, милорд...

Она свернула с утоптанной дороги, остановилась у лежавшего поблизости камня – высотой ей до пояса, уарда два в диаметре, почти правильный, разве что чуточку бугристый шар со срезанным основанием. В Ямурлаке попадаются очень похожие.

Девушка положила ладонь на макушку валуна, наклонилась, что-то сказала, хотя прозвучали эти слова сущей бессмыслицей. Сварог отшатнулся – камень вдруг ожил, тяжело шевельнулся, раскрылись две горизонтальные щели, освещенные тусклым Табагровым сиянием, словно пробивался свет пылающего внутри костра. И тут же закрылись – будто сильный свирепый зверь вновь задремал.

– Значит, они живые? – вслух подумал Сварог.

– Плохие твари, хозяин, – обеспокоенно подтвердил Карах. – В Ямурлаке они тоже водятся, правда, их мало осталось. Одни спят много лет, и их не добудить, но есть и такие, что просыпаются ночью, рыскают по дорогам... И у них есть пасть...

– И еще какая, – кивнула Грайне. – Двигаются они очень быстро, если возникнет такая нужда. И только в Коргале помнят, как их приручать.

– Кольцо вокруг Коргала? – спросил Сварог небрежно.

– Даже два, – улыбнулась ему Грайне. – Они и в воду могут спускаться. Говорят, в стародавние времена они в морях и обитали, но отчего-то ушли на сушу.

«Понятно, почему нет часовых, – подумал Сварог. – Такая тварь проломит днище любому кораблю, а пешего или конного с размаху расшибет в лепешку. Влипли».

Они поднимались по нешироким улицам, косо вившимся вокруг холма. Невысокие каменные дома, чистая мостовая, вымощенная тесаным камнем. Из-под ворот вслед им лениво побрехивали собаки.

– Я-то думал, тебе устроят триумфальную встречу, – сказал Сварог. – С цветами и трубами.

– Глупость какая, – отмахнулась Грайне. – Дела говорят сами за себя. Завтра все и так будут знать.

– Даже без свиты ходишь...

– Если царица ходит ночью одна по своему городу – это кое-что о городе говорит...

– Логично, – сказал Сварог. – Буду где-нибудь королем – учту.

– Ты-то? – фыркнула Грайне.

– А что? Есть, знаешь ли, любопытное пророчество. Как на меня скроено и шито.

– Ну-ну...

Она потянула тяжелое кованое кольцо, открыла калитку рядом с высокими воротами. Сварог вошел следом за ней на широкий мощный двор, освещенный несколькими факелами. Со всех сторон выскочили поджарые мохнатые собаки, узнали хозяйку и отчаянно замахали хвостами, набежали слуги со служанками, низко кланяясь. Грайне прошла меж ними с неизвестно откуда взявшейся величавостью. Сварог поспешил следом, косясь на любопытных собак, взявшихся его обнюхивать, чувствуя себя весьма неловко и глупо.

Это, конечно, оказался не Версаль, где Сварог и не бывал, признаться, но сомневаться, что он попал во дворец, не приходилось – гобелены на стенах, сплошь батальные, мозаичные полы, даже высокие зеркала кое-где попадались. Коридоры, правда, узковаты, а потолки в вековой копоти из-за многочисленных светильников.

– Ну? – спросил Сварог, когда она остановилась перед дверью с полукруглым верхом, украшенной то ли золотыми, то ли позолоченными бляшками и полосами. – Где тут мое законное место? На коврике у порога?

– Здесь твое место. – Грайне, взяв его за рукав, втокнула внутрь. – На коврике у порога будет жить твой мохнатый нахал. А для тебя найдется занятие и внутри.

Она за шиворот вытащила Караха из капюшона, бесцеремонно кинула на коврик и захлопнула дверь у него перед носом. Повернулась к Сварогу, уже не величавая, а откровенно веселая и нетерпеливая:

– Значит, решил, что я всегда сдаюсь первой?

Глава 3

Графьев прибавляется

Конечно, это был не Рим. Хотя бы потому, что холмов оказалось не семь, а всего четыре, сплошь застроенных каменными домами, окруженными ухоженными садиками, – и множество домиков, уже деревянных, разбросано вокруг холмов. На холмах жили амазонки с челядью и самые уважаемые ремесленники – корабельщики и оружейных дел мастера. В домах на равнине обитали пастухи, пахари и ремесленники рангом пониже. Гребцы, самые бесправные в здешней иерархии, обитали в портовых казармах.

Прошло четыре дня. Сварог, предельно занятый лишь ночами, в светлое время суток только и делал, что слонялся по Коргалу да выпрашивал дворцовую прислугу о порядках, деталях и установлениях. Порядки особой сложностью не отличались – пастухи пасли, пахари пахали, ремесленники мастерили. Все они были мужчины. На долю женщин из знатных семей выпало занятие благороднее – война и оружейное ремесло (был, правда, и мужской военный отряд, но к нему амазонки относились примерно так, как спецназовцы к стройбату). Новорожденных мальчиков здесь, вопреки Гомеру, со скалы не бросали, но они автоматически становились людьми второго сорта, лишены-

ми всех прав, кроме обязанностей. Даже имуществом они могли владеть, лишь пока обитали одни. Едва в домике последнего гончара появлялась женщина – пусть пришедшая из материнского дома в одной рогожке, а все нажитое мужик сколотил своим горбом, – она автоматически становилась полновластной хозяйкой. Ничего похожего на религию Сварог не заметил. Рядом с дворцом царицы стоял небольшой храм, но та, кому там поклонялись, была не богиней, а какой-то древней владычицей, прославленной выдающимися деяниями в незапамятные времена.

Сварог задумчиво смотрел вниз с верхнего балкона дворца. Холм, где стоял дворец, был самым высоким из четырех, а дворец – самым высоким зданием. Так что открывался живописнейший вид на много лиг вокруг – зеленые леса, желтые поля, порт, река, дороги. И двойное кольцо маргов. Сотни три недвижимых буро-коричневых округлых валунов словно бы опоясали магическим кругом холмы и поселения, порт и пашни. Только пастбища оказались снаружи – но и там появлялись марги, патрулируя по одному или по двое. Должно быть, такие предосторожности приняты против какого-то внешнего врага.

«А я ведь в Ямурлаке мимо них несколько раз проезжал, – с запоздалой злостью подумал Сварог. – Мог и врезать топором по темечку, знать бы раньше... Что им не сиделось в море? Служанки рассказали, что марги, выйдя некогда на сушу, господствовали в былые времена, но теперь вымирали, сохранившись в отдаленных уголках Сильваны. Что самое интересное – эти загадочные создания обладали разумом и своим языком, но только в Коргале сохранилось древнее умение беседовать с ними, приручать и дрессировать. Да и здесь обладали таким даром немногие посвященные вроде Грайне.

У Сварога остался один путь к освобождению – рискнуть и выпустить из бутылки джинна. Но для этого, понятно, требовалось уединение – чтобы хватило времени найти с джинном общий язык, пока не поднялся всеобщий переполох. А уединиться не удавалось. В любой миг могли ввалиться слуги, во дворце не было запиравшихся изнутри комнат и чердаков. Оставалось дожидаться, когда Грайне отправится в очередной набег, а ее покои останутся в полном распоряжении Сварога. Можно бы рискнуть и откупорить джинна прямо на балконе – но Сварогу отчего-то ужасно хотелось уйти эффектно и не спеша, продемонстрировав во всей красе пресловутое мужское превосходство. Как-никак джинн тоже мужского рода...

В общем, жилось Сварогу здесь неплохо. Поначалу он решил, что каждая здешняя юбка будет хихикать ему вслед, но то, что ему самому казалось издевкой над привычным патриархатом, для местных баб было привычным старозаветным укладом. Королевские слуги не фыркают вслед очередной фаворитке, от которой можно схлопотать даже больше неприятностей, чем от самого короля. Так и здесь. К Сварогу относились даже с некоторым почтением – насколько можно испытывать почтение к индивидууму второго сорта, будь он хоть трижды лар.

Карах, напротив, ныл, скулил и плакался – домовые чужаков не жаловали, яростно защищая обжитое местечко, так что пришельцу в первую же ночь крепко досталось от местных, и Грайне пришлось поселить его в шкафу в своей спальне, с помощью какого-то ритуала обезопасив шкаф от законных обитателей дворца. Однако те, разобидевшись, всячески пакостили, дразнили по ночам собак, ухали под дверь, прятали вещи Сварога. Карах, коего мало забо-

тило эффектное утверждение извечного мужского превосходства, слезно умолял Сварога побыстрее выпустить джинна и почти уже уговорил. Вот и сейчас Сварог убрался на балкон, спасаясь от очередной порции жалоб и уговоров. Грайне спозаранку ушла к оружейницам, она втихомолку готовила что-то грандиозное, пообещав Сварогу обязательно посоветоваться с ним, когда все будет готово. Насколько он понял из туманных недомолвок, она собиралась немножко завоевать соседей, а тех трудно было запугать маргами – потому что у них имеется что-то свое, столь же мощное и эффективное, чего у Грайне не имелось.

За спиной деликатно кашлянули. Он обернулся – у перил стояла хорошенькая служаночка, уже не раз опалявшая его довольно откровенными взглядами. Но с Грайне, увы, шутить было опасно. Сварог решил поначалу, что настырная девчонка вновь взялась за свое, нахмурился, но она заторопилась:

– К вам гость пришел, в голубой комнате сидит...

– Что еще за гость? – искренне удивился Сварог. – Ты пуговики-то верхние застегни, звезда моя, а то обоим влетит...

Егоза засмеялась:

– Ох и трусы же вы, мужчины...

– Помолчи, отчаянная, – сказал Сварог. – Так что там за гость?

– Друг одной благородной воительницы. Между прочим, будет посмелее некоторых... В голубой комнате сидят. Вина попросил и вас дожидается. Пока вас искали, кувшин допил.

– Наш человек... – сказал Сварог, уворачиваясь от нее в узком коридоре – так и норовила задеть бедром.

Голубая комната была прозвана так за старинную голубую обивку в бело-золотых узорах и высоченные, белые с синим фарфоровые вазы, взятые в качестве трофея бабушкой Грайне в каких-то отдаленных краях. Про себя Сварог из-за сочетания колеров окрестил горницу Израилем и не раз попивал там винцо, глубокомысленно размышляя: «Если это Израиль, то я, стало быть... Лэ хаим, бояре!»

За столом в Израиле сидел худощавый молодой человек лет двадцати пяти. Длинные светлые волосы, каким позавидовала бы не одна красотка, падали ниже плеч, но лицо было отнюдь не женственное – узкое, ястребиное, обветренное. Стоя в полумраке глубокого дверного проема, Сварог приглядывался к незнакомцу. Наряд определенно таларского покроя, дворянский, на пальцах поблескивают два самоцветных перстня.

– Начал второй кувшин, – жизнерадостно сообщил молодой человек. – Давно мечтал дорваться до дворцовых подвалов, там лучшее во всем Коргале вино. – Сварог вышел на свет, незнакомец даже привстал от удивления: – Граф Гэйр?! Вы, значит, здесь?

– Да, мать вашу! – невольно взвыл Сварог. – И здесь достали... И не он, понятно? Я – граф Гэйр, только другой. Когда-нибудь я вам объясню этот курьез природы... Вы с Талара, надо полагать?

– Да. Леверлин, граф Грелор. А может, уже и не граф – видите ли, батюшка порой грозит лишить меня титула и наследства. Когда мы с ним виделись последний раз, он собирался послать верхового за нотариусом... Так что, вполне возможно, я уже простой дворянин без графской короны в гербе.

– Вы из каких мест?

– Из Ронеро. Ремиденум.

– Это что такое? Город?

– Странно вы шутите, – пожал плечами Леверлин. – Нет, серьезно не знаете? Неужели образование на небесах столь плохо поставлено? Ремиденум, о собрат мой по несчастью, – это университет в Равене, старейшее на Харуме учебное заведение. Прославленное не только своей древностью и научными достижениями, но еще, замечу с гордостью, и благодаря подвигам его студентов в тех областях, что мало общего имеют с изучением премудрых наук... Если попадете в Ремиденум, не заикайтесь, что сроду о нем не слыхивали, – из дуэлей не выпутаетесь...

– Учту, – сказал Сварог. – Значит, вас тоже...

– Вроде того. Когда несколько дней назад стали гулять упорные слухи о распахнувшихся Воротах и странных пиратках, я по непоседливости своей решил проверить все самолично. Нанял кораблик – и поймал приключение на свою голову. Кто же знал, что отсюда невозможно бежать... Мне эта идиллия уже начинает надоедать. Дважды приходилось бежать из тюрем, но отсюда не убежать. Я с ужасом обнаружил, что толстею! Сидячая жизнь...

– Это ужасно, – согласился Сварог. – Но я как раз обдумываю побег, и есть определенные шансы...

– Подождите, – сказал Леверлин гораздо серьезнее, без тени прежнего балагурства. – Побег – это прекрасно. Но давайте уж откровенно. Быть может, мне следовало бы молча примкнуть к вам... Но я, простите, становлюсь злым, осторожным и крайне недоверчивым, когда чего-то не понимаю. Я не возьму в толк, откуда взялся второй граф Гэйр, столь похожий на первого.

– Ладно... – сказал Сварог, безнадежно вздохнув. Он вкратце рассказал свою историю, но представил дело так, будто не бывал ни в каких Хелльстаде и Ямурлаке, а потерпел аварию в Пограничье и пробирался оттуда в Харлан, к тамошнему имперскому наместнику, чтобы вернуться к себе на небеса. И не было ни капитана Зо, ни «Божьего любимчика», ни всего остального.

– Хорошо врите, – резюмировал Леверлин. – Убедительно... Лорд Сварог, в Ронеро, как и везде, хватает глупцов, но среди питомцев Ремиденума вы не найдете ни дураков, ни легковерных. Что это вас вдруг потянуло в Харлан? Сразу чувствуется, что в земных делах вы мало что смыслите, но тот граф Гэйр исколесил Пограничье вдоль и поперек. Вас там очень быстро заставили бы выложить вашу историю – и непременно предупредили бы, что из-за сходства с вашим предшественником вам в Харлане будет небезопасно. Да и не любят в Пограничье Харлана. Вас непременно отговорили бы от посещения сего осеннего черной магией герцогства. Народ в Пограничье, в общем, неплохой. И новоиспеченный лар вроде вас, оказавшись там, обязательно стал бы пробираться не в Харлан, а в Ронеро или в Лоран, где тоже есть имперские наместники, а страны эти не в пример для вас безопаснее... Жители Пограничья именно это и посоветовали бы, непременно воспользовавшись удобным случаем лишний раз пожаловаться императрице при вашем посредстве на свое тяжкое житье-бытье. Они, чудаки, еще верят, что императрица им поможет... Вы же скитались где-то несколько дней, объявились в платье Вольного Топора на плывущем в Харлан корабле, причем при вас был загадочный топор, судя по описанию моей воинственной подружки-хозяйки, весьма напоминающий Доран-ан-Тег...

– Ну ладно, – сказал Сварог. – Рискну и буду с вами откровенным. В конце концов, я вас в случае чего всегда успею прикончить, предупреждаю честно... Так вот, в Харлане собирают войско из ямурлакских мертвецов, и я, боюсь, остался единственным, кто об этом знает, кроме, конечно, самих заговорщиков...

Леверлин, словно бы ничуть не удивившись, произнес медленно:

– Какого же рожна вы здесь торчите?

– Получилось вот...

– Получилось! – зло бросил студент. – Вы что, должны были найти в Харлане кого-то, кто способен все это сорвать?

– Вроде того.

– Нужно выбираться отсюда. Немедленно.

– Вы тоже каким-то боком причастны к этим играм?

– Ни к чему я не причастен, – сказал Леверлин. – Я не святой подвижник. Но иногда люблю подраться, есть вещи, против которых необходимо драться... Нынешний случай – как раз из таких.

Почему-то Сварог сразу ему поверил. И сказал:

– Видите ли, у меня есть джинн. Тот, кто мне его отдал, клянется и божится, что с этим джинном можно договориться...

– Отлично. Если так и случится, лучшего нечего и желать. А если джинн окажется духом переменчивых стихий, начнется столь буйное безобразие, что мы, если уцелеем сразу, вполне сумеем сбежать, когда он примется разносить Коргал вдребезги и пополам... Маргам будет не до нас. Приступим?

– Прямо сейчас?

– А что?

Сварог пожал плечами:

– Глупо, конечно, но я хотел уйти красиво...

– Кто мешает?

– Нас могут подслушать, начнется суматоха...

– Святая Бригита! А винные подвалы? – Он показал пальцем вниз. – Ручаюсь, никто из челяди не решится протестовать, когда вы поведете туда своего гостя. Вы ж тут – ночной король...

– А в морду? – угрюмо поинтересовался Сварог.

– Бросьте, я и сам в таком же положении, не забыли? Ну, пойдете. – Он поднялся, забрал прислоненный к ножке стола виолон – инструмент вроде гитары, только прямоугольный. – Все мое ношу с собой. Имею слабость сочинять посредственные вирши и распевать таковые под собственное бречанье. А наши милые хозяйки обладают-таки еще одним исконно женским качеством, кроме известного нам по ночной поре, – обожают слушать любовные баллады, и я имею здесь успех, какого на родной планете ожидать не мог...

План стал претворяться в действие молниеносно. Никто и в самом деле не решился препятствовать Сварогу – пожилая ключница, ведьма старая, имела на сей счет свое мнение, но безропотно выдала светильник и ключи. Конечно, ворча вслед насчет молодости и неопытности иных благородных особ, давших чересчур много воли разным прохвостам. И с тоской поминала добрые старые времена, когда прохвосты таковые знали свое место. Сварог не стал связываться, но Леверлин, уже ступив на верхнюю площадку ведущей во мрак лестницы, обернулся:

– Хочешь, харя, наябедничаю царице, что ты тайком главного кухаря принимаешь и хозяйкиным вином потчуешь?

И захлопнул дверь погреба. Они осторожно спустились вниз. Леверлин огляделся, высоко держа светильник:

– Вот в таком месте я и хотел бы покоиться после смерти, можно и в уголке...

Под сводчатыми потолками в шесть длинных рядов выстроились огромные бочки, лежавшие на мощных козлах и каменных подставках. На стеллажах из неоструганных досок поблескивали из песка горлышки бутылок.

– Я не выдержу, даже сознавая серьезность минуты, – признался Леверлин. – Иначе в Ремиденуме меня проклянут.

Он огляделся, подхватил с крючка оловянный ковшик и направился к ближайшей бочке. Открыл кран, налил, осушил до дна, пошел к другой, причмокивая и ухая. Сварог сам не удержался при виде такой роскоши – снял другой ковшичек, поменьше, продегустировал. Окликнул нежданного напарника:

– Бросьте. Всех все равно не успеете обойти.

– Но какое богатство...

– Лучше объясните, как мне извлечь из узилища нашу единственную надежду?

– Просто сорвите пробку. Только учтите – если верить авторитетам, джинн выполняет лишь три желания, потому формулируйте четко и семь раз отмерьте...

– А если он разбушуется?

– Выбора нет. – Леверлин огляделся. – Коли уж он начнет все крушить, есть утешение: нас завалит этими великолепными бочками, а если особенно повезет, мы успеем захлебнуться в вине.

Сварог достал кинжал и принялся ковырять пробку, маленькую, покрытую толстым слоем чего-то вроде смолы, почти окаменевшей. Порезал палец, выругался.

– Осторожно, – прошептал за его спиной Леверлин.

– Соскользнуло лезвие, черт... Ну!

Он поддел пробку острием, надавил, и она, чмокнув, вылетела, описала дугу, укатилась за бочки. Из горлышка сосуда неспешно пополз то ли дым, то ли туман удивительно чистого алого цвета. Сварог едва удержался, чтобы не закинуть сосудик подальше в угол. Дым ширился, но не расплывался, не таял, края его оставались четко очерченными, он взмыл к потолку и постепенно принял облик полупрозрачной человеческой фигуры – понятно, лишенной всякого восточного колорита вроде чалмы или халата. По ней непрестанно пробегали словно бы волны зыбкого холодного огня, она светилась изнутри, мерцала, рдела, как угли в прогоревшей печи, то темнея, то наливаясь алым пламенем. Лицо походило на человеческое, только уши были острые, а подбородок раздвоен, как коровье копыто.

Джинн, колыхаясь под сводами, смотрел на них, а они таращились на него, задрав головы. Леверлин опомнился первым:

– Кто ты?

Глава 4 Побег по-графски, с участием джинна

– Я – Урак-Омтар, дух огня, – ответил джинн не столь уж и оглушительным, но странно рокочущим голосом, казалось заставившим вибрировать и барабанные перепонки, и череп Сварога. – Это вы меня освободили?

– Мы, – опомнился и Сварог. – Надеялись, что и ты нам поможешь, мы и сами в беде...

– Я знаю закон, – пророкотал джинн. – Его нарушают духи воздуха и воды, они непостоянны, изменчивы, как ветер и вода, но огонь благороден и чист. Если не знаете, кому верить, верьте духам огня... ну и земли, пожалуй. Жив ли еще Шелорис, самый могучий из подлейших и самый подлый из могучих?

– Боюсь, никто у нас не помнит ни его, ни названия страны, где он правил, – сказал Леверлин.

И тут же в головах у них взорвался гремящим эхом хохот джинна.

– Так ему и надо, собаке в черной короне! Его забыли, а я жив! Значит, и Шангара больше нет?

– А где был этот Шангар? – спросил Леверлин.

– На полуденном восходе континента, – сказал джинн. – Небольшая страна, почти сплошь взятая в кольцо горами и по суше, и по морю, кроме трех мест на побережье, примыкавшая к заливу, где ревели вулканы...

– Вам это о чем-нибудь говорит? – спросил Сварог.

– Это чрезвычайно напоминает Горрот. Правда, вулканы давно потухли, веков сорок назад... Ну да, все знали, что Горрот вырос, как на фундаменте, на каких-то остатках древней злой магии...

– Вулканы погасли? – забеспокоился джинн. – Я не могу без вулканов, я дух огня...

– Не паникуй, – успокоил Леверлин. – На островах еще найдется пяток вулканов, без жилья и купанья не останешься... Ах, лорд Сварог, как бы мне хотелось подольше с ним потолковать. Ценнейшие для историков сведения...

– Я соскучился, – сказал джинн. – Хочу на свободу.

– Мы тоже, – сказал Сварог. – Но дело в том, что мы даже не на Таларе...

– И вас сюда посадили, как это у людей принято? – Джинн огляделся. – Дверь без заклятий. Сейчас дуну...

– Стой! – заорал Сварог. – Подожди ты! Нам не из подвала нужно выбраться, а из города...

Джинн снисходительно усмехнулся, деловито присмотрелся к стенам подвала:

– Город сровнять с землей, сжечь или просто развалить? Как желаешь?

– Не спеши, – сказал Сварог. – Я хочу, чтобы, когда я тебя попрошу, все в городе уснуло. Все живое, кроме меня, его, здешней царицы и трех моих матросов. Пусть и марги уснут... Можешь сделать?

– Что еще за марги? – не понял джинн. Выслушав Сварога, кивнул: – Пойду посмотрю.

Он сжался в крохотную алую точку, микроскопический огонек метнулся вверх, к двери.

– Довольно мирное создание, – сказал Сварог.

– Пока ему не приказали развалить город... Судя по старым книгам, дух огня свято соблюдает договоры, но врагам его приходится несладко. Однако у меня, я вижу, хватит времени...

Он проворно налил себе еще ковшик и принялся смаковать. Вниз пронес-

лась огненная полоска толщиной с иглу, разрослась в джинна.

– Ничего трудного, – пророкотал он. – Это живые существа, не владеющие магией. Смешно, но они чем-то сродни духам огня – внутри у них горит свой огонь... Они уснут. Все уснут, кроме тех, кого ты назвал. Это первое желание?

– Да, – сказал Сварог. – Теперь второе – ты быстренько домчишь корабль, на который мы сядем, до места, которое я тебе укажу.

– Третье желание?

– А вот с третьим придется несколько дней подождать. Идет? Ты просидел пару тысяч лет, что тебе пара дней?

– Я знаю закон, – проворчал джинн. – Что поделать, придется ждать...

Он съежился в искорку, искорка скрылась в сосуде. Сварог спрятал его в карман, испугавшись в первый миг, что одежда вспыхнет, но никакого жара не почувствовал.

– Ну, пошли, – сказал он. – Начнем представление, как только Грайне вернется...

– А какое у тебя третье желание?

– Сам пока не знаю, – сказал Сварог. – Я подумал, что оно нам пригодится в Харлане...

– Толково. Пошли... нет, погоди-ка. – Леверлин осмотрелся, прошел в угол и вышел оттуда, волоча на плече бочонок кварталов[10] в тридцать. – Тяжеленько, но доволочу. В дороге пригодится.

– Хотите, я набью корабль этими бочками? – раздался приглушенный голос джинна.

– Э, нет, – прокряхтел Леверлин. – Это выйдет третье желание. У меня душа разрывается от тоски по этим бочкам, но постараюсь пережить...

Ключница наверху воззрилась на них ледяным взглядом, но промолчала. Леверлин кряхтел, согнувшись, держа в другой руке за гриф покрытый золотистым лаком виолон, однако героически пер бочонок по длинным коридорам. Попадавшие навстречу служанки хохотали, а та, что преследовала Сварога жаркими взглядами и намеренно расстегнутыми верхними пуговками, даже пошла следом, приговаривая:

– Кому-то может и влететь за такое самоуправство...

Сварог повернулся к ней:

– Как жаль, синеглазая звезда моя, что мы больше никогда не увидимся...

– То же самое я сказал милым бочкам... – пропыхтел Леверлин.

– Ну вы и набрались, – расхохоталась служаночка. – Сварог, царица может и задержаться у оружейниц...

Ойкнула и шарахнулась к стене. В коридоре стояла Грайне, с любопытством разглядывая процессию. Покрутила головой, нахмурясь:

– Великолепное зрелище...

– То ли еще будет, милая, – сказал Сварог. – Урак-Омтар, давай.

– Ты не сказал, сколько им спать, – раздался где-то рядом рокошующий голос.

– До темноты, – решил Сварог.

– Выполнено.

Глаза Грайне расширились, взгляд скользнул мимо Сварога. Он оглянулся – синеглазая служаночка медленно сползла по стене на пол. Поодаль виднелась еще одна, прикорнувшая посреди коридора.

– Что такое? – вскрикнула Грайне.

Леверлин поставил бочонок, перевел дух, подошел и выдернул у нее из ножен меч. Подумав, выкинул в окно. Далеко внизу клинок зазвенел на камнях. Она остолбенела от изумления, даже не успела помешать. Только повторила:

– Что такое?

– Все спят, – сказал Сварог. – И марги тоже. А мы уходим, извини...

Леверлин деловито оторвал от портьера золототканый шнур, быстро и ловко скрутил девушке руки за спиной, пока она не успела опомниться. Сварог поморщился.

– Ничего, – сказал Леверлин. – Я их успел изучить. На минутку отвернешься – и получишь в спину чем-нибудь острым. Правда, прекрасная царица? Да ты посмотри на нее. Ее в жизни так не оскорбляли, она в тебе сейчас бездонными своими глазами дыру прожжет... Как ты еще не задымился?

В самом деле, глаза Грайне метали молнии – к счастью для беглецов, в переносном смысле.

– Не сердись, что поделаешь... – сказал Сварог примирительно.

– Значит, ты с самого начала притворялся, будто мы тебя победили, а на самом деле... Развлекался?

Сварог покачал головой:

– Ничего подобного, веришь ты или нет...

Она подошла к окну, зорко, с надеждой огляделась. Сварог смотрел через ее плечо. Во дворе, скошенные молниеносным сном, лежали где попало слуги и собаки, и на улицах виднелись спящие, вдали, у подножия холма, замерли повозки – возницы сползли с козел, лошади легли, опустив оглобли к земле. Сонное царство. Сварог хмыкнул. Вспомнив о верном домовом, бросился в комнату, позвал:

– Карах!

Никакого ответа. «Тьфу ты, мы ж и тебя сосчитали по забывчивости», – спохватился Сварог. Рванул дверцу шкафа. Карах посапывал, свернувшись клубочком, – ему вместе со всеми предстояло проснуться лишь с темнотой. Сварог взял его под мышку, вышел в коридор, растерянно пожал плечами:

– Я про него забыл, и он тоже... Он знал дорогу...

– Ну, дорогу я тоже знаю, – сказал Леверлин. – Они меня везли днем. Пошли, граф? Только прекрасную царицу обязательно следует прихватить с собой, чтобы проводила нас до причала. Если не захочет нежно махать нам вслед платочком, ее дело. Но пусть непременно проводит. Иначе она быстро освободит руки, едва мы выйдем из дворца, а там уж что-нибудь придумает. Тебе метательное оружие не страшно, а вот мне не хочется получить стрелу в спину на пороге вновь обретенной свободы...

Он нагнулся и, кряхтя, взвалил на плечо бочонок. Сварог мог бы закливанием сделать его ношу невесомой, но не стал рисковать – боялся, что в этом случае бесшабашный студент непременно захочет прихватить еще парочку бочек, и получится лишняя трата времени.

Сам он быстренько заскочил в оружейную комнату и выбрал два меча получше. Взял Грайне за локоть:

– Пошли?

Она с вызовом уперлась каблуками в пол, напряглась, всем видом показывая, что с места не сдвинется.

– Унизительно будет для царицы, если ее поволокнут, как мешок, два суще-

ства низшего порядка... – сказал Сварог.

Подействовало. Грайне пошла впереди, гордо воздев голову, выпятив грудь. Под пыхтенье плетущегося следом Леверлина они спускались по улицам, огибая спящих людей и животных. Возможно, Сварогу и показалось, но раза два он явственно услышал гулкое хихиканье джинна. Он смотрел на чудную фигурку Грайне и никак не мог поверить, что видит девушку в последний раз. Все так и следовало сделать, понятно, но расставаться с ней было нелегко. Она слишком уж ярко и внезапно вошла в его жизнь, очень уж неожиданно пришлось прощаться. Конечно, любые расставания – это одновременно и новые надежды, но...

Он остановился и постучал рукояткой меча по макушке марга. Получился именно такой звук, какой и бывает, если постучать железом по камню.

– Ты мне еще попадешься, – сказала Грайне, не оборачиваясь. – Жизнь положу, но поймаю. Что я тогда с тобой сделаю, ты бы знал...

– Мечты, мечты, где ваша сладость... – сказал Сварог. – Знаешь, меня устраивало и то, что ты со мной до этого делала, к чему разнообразить?

– Я тебя буду искать днем и ночью...

– Хочешь хороший совет? Не нужно больше плавать за Ворота. Есть оружие, против которого не поможет вся ваша храбрость. Даже если ты не боишься смерти, подумай – можешь остаток жизни провести пленницей, живой диковинкой при каком-нибудь королевском дворе...

Они ступили на мощный камень причал, и Сварог, к превеликому удивлению, увидел на небольшом одномачтовом кораблике какое-то шевеление. Три человека, суетясь и сталкиваясь, ставили парус – двое работали во всю силу, а третий неловко тыкался боком, помогая им одной рукой, потому что вторая была перевязана до локтя. Сварог, усмехнувшись, набрал побольше воздуха и гаркнул:

– Хозяина бросаете, прохвосты?

– Ваша милость! – радостно завопил капитан. – А мы вот видим, все дрыхнуть завалились, ну и рискнули, благо терять нечего! Вас искать не стали, уж извините.

Леверлин перевалил через борт бочонок, прыгнул на палубу следом за ним. Сварог осторожно уложил Караха у низкого борта, повернулся к девушке:

– Будем прощаться?

Грайне смотрела на него с бессильной ненавистью и явно не собиралась ронять слезы. Вздохнув, Сварог сказал:

– Мне с тобой было чертовски хорошо, но нельзя же держать живого человека вроде игрушки, пойми ты, чудачка...

Он обнял ее, наклонился и крепко поцеловал в губы, чувствуя себя ужасно виноватым – из-за пощечины, нанесенной по самолюбию юной царицы. Но все равно не получилось и тени трогательного прощания – вопреки иным авторам чувствительных романов. Грайне ничуть не разнежилась и не прильнула к Сварогу с прерывистым вздохом. Она просто-напросто попыталась двинуть ему коленом в то место, к которому раньше относилась не в пример нежнее. Хорошо еще, он вовремя сообразил, когда она резко отодвинулась, успел увернуться, но все равно по бедру прилетело крепко.

– А еще царица... – покачал он головой.

– Ты ко мне еще придешь, – сказала она, охваченная страстной надеждой,

что когда-нибудь так и случится. – Приползешь, когда окажется, что та жизнь не дала тебе счастья...

В уголке глаза Сварог заметил у нее крохотную слезинку, но не сомневался, что это – признак бессильной ненависти, не имеющий к лирике никакого отношения. Совершенно не зная, что еще сказать и нужно ли что-то говорить, он помялся и спросил:

– Сколько тебе лет, воительница?

– Девятнадцать. Развяжи руки. Не могу же я остаться вот так... и убирайся, видеть не хочу!

– На свете всегда найдется кто-то, кто сильнее нас... – шепнул ей Сварог на ухо. Разрезал кинжалом шнур, из предосторожности повернув девушку к себе спиной, прыгнул на палубу и громко сказал: – Урак-Омтар, двигай посудину. Место укажем.

– С какой скоростью? – не преминул уточнить педантичный дух огня.

– С обычной. Слово мы идем под хорошим попутным ветром.

С треском оборвался причальный канат, но кораблик не тронулся с места.

– Хочешь, я сделаю так, что она станет думать по-другому и уплывет с тобой? – пророкотал джинн.

– Дурак ты, а еще дух огня, – сказал Сварог. – Трогай.

Корабль отвалил от причала и, невзирая на мертвый штиль, поплыл к выходу из бухты, задрал нос и пеня воду, словно торпедный катер. Сварог смотрел за корму. Грайне неподвижно стояла у самой кромки причала, смотрела вслед, ее фигурка становилась все меньше и меньше, потом девушку заслонила башня. Сварог ее больше не видел и подозревал, что не увидит уже никогда. Это оказалось больно, так думать. Он обернулся, хотел распорядиться, но Леверлин уже возлежал у бочки с невесть откуда раздобытым ковшиком, и тут же стояла пустая оловянная чарка. Сварог опустил на колени, повернул медный краник, и полилось благоухающее черное вино.

– Ну, за пьянящее дыхание свободы? – спросил Леверлин.

Прозвучало это как-то уныло. Сварог молча выпил, резко дернув рукой, пролил немного на грудь и смахнул капли ладонью.

– Странно, – сказал Леверлин. – Меня вроде бы ничем не удивить, исколесил мир и не был обделен вниманием нежного пола, но вспомнил вдруг свою рыжеволосую пантеру и подумал – может, другой такой у меня никогда не будет?

– Это тебе просто хочется посмаковать счастливое избавление, – сказал Сварог хмуро.

Корабль резво бежал по широкой реке – с зарифленным парусом, против течения. Капитан и матросы так и не отошли от этаких чудес – сидели кучкой у мачты, с почтительным ужасом таращились на Сварога, надолго забыв о своих полных чарках. Леверлин лежал, грустно глядя в небо, тренькал на виолоне на три такта и с нарочитым пафосом напевал:

*А он скакал домой с войны,
вез подарки для жены –
самоцветы из чужой стороны...
Он безжалостно загнал
пять коней,
он не ел, он не пил, он не спал*

*мчался к ней.
Он шагнул через порог,
он был молод и высок –
но увидел, что другой был у ней...
Он достал свой верный меч,
повидавший столько сеч,
он смахнул головку с плеч –
эх, златовласую...*

– По сторонам зорче смотри, – сказал Сварог. – Как бы не проехали, я-то дороги не знаю...

– Я могу вас довезти, куда только скажете, и сам найти дорогу, – сказал джинн, которому чертовски не терпелось на волю. – Это будет третье желание.

– Ну потерпи, ладно? – сказал Сварог. – Ты мне еще понадобится в Харлане...

Когда они отыскивали Ворота – перемычку неподвижного синего тумана в узкой расселине, все повторилось, как в прошлый раз: корабль нырнул в синюю мглу, мгла сгустилась до полной непроглядности, вскоре рассеялась, посудина выплыла на Ител.

– Ну вот и все, – сказал Сварог.

Неуправляемый корабль тут же развернуло кормой вперед и в столь постыдной позиции понесло течением – джинн, вьедливый, словно стряпчий, счел, что строго выполнил свои обязанности согласно договору о втором желании. Моряки, не дожидаясь приказа Сварога, бросились к мачте. Быстро развернули кораблик в нормальное положение, капитан встал за штурвал и повел суденышко к высокой скале, похожей на вопросительный знак. Сварог, свесившись над бортом, громко позвал (вспомнив поучения Блая):

– Доран-ан-Тег!

Взметнулся фонтан брызг – топор взлетел над волнами и, описав дугу, оказался в руке Сварога, больно ударив древком по ладони – Сварог не успел разжать пальцы пошире.

– Впечатляюще, – присвистнул Леверлин. – Где ты раздобыл этот славный топорик?

– Потом расскажу, когда будет время, – сказал Сварог. – Интересно, чья это конница там нарисовалась?

Он достал подзорную трубу, всмотрелся. Десятка два верховых, желтые с черным кафтаны. Один как раз смотрел на кораблик в подзорную трубу. Показалось, они встретились глазами, Сварог вздрогнул, опомнился, с видом сучающего зеваки медленно опустил трубу и спросил:

– Харланцы?

– Они, – поддакнул капитан. – Гвардейцы. Наверное, людей с «Божьего любимчика» до сих пор сторожили по дорогам.

– Интересно, что они о нас подумали? – спросил Сварог.

– А что им думать? – хмыкнул капитан. – Один в наряде Вольного Топора, один в дворянском и мы, местные... И нас, всех пятерых, для экипажа такого кораблика маловато. Кораблик ронерской постройки. Они наверняка решили, что речные пираты захватили ронерскую посудину. На что им глубоко наплевать.

– Леверлин, у тебя есть документы? – спросил Сварог.

– Ну разумеется.

– А у вас, капитан?

– Аж три, ваша милость. И все, каюсь, на разные фамилии и подданства. Вот только на кораблик у нас патента нет... ну да у меня в голенище два чистых зашиты. Впишем, что захотим, дело знакомое. Название на борту есть, «Морская жемчужница», порт приписки сочиним из головы...

– Весело будет, если нападём на того, кому этот корабль знаком.

– А мы его в Риуме купили, ваша милость.

– Ну и что? – не понял Сварог.

– Риуме – первое в Пограничье место по продаже ворованного и прочего неправомерно доставшегося. Кораблей в первую очередь. Кого ни спросят насчет чего подозрительного – купил в Риуме у хромого да чернявого, еще один зуб у него со свистом... Все понимают, в чем дело, а доказать нельзя. Главное – как следует осмотреть кораблик, и если попадется что лишнее, выкинуть за борт.

Так они и сделали, но не нашли ничего, кроме кое-какой посуды. Никакого груза в трюме не оказалось. Видимо, амазонки успели похозяйничать.

Что гораздо хуже, не оказалось ни еды, ни воды. Бочонок вина к тому времени был объединенными усилиями опустошен и вышвырнут за борт. Создавать заклинаниями еду и питье Сварог не хотел, чтобы не выдавать себя как лара. Капитан и так узнал много такого, чего ему не следовало бы знать. По этой же причине Сварог героически отказался от своих сигарет, извлекаемых из воздуха, довольствуясь одной из трубок капитана и его скверным горлодером. А есть и пить хотелось не на шутку. Один Карах безмятежно дрых у борта, ничуть не встревоженный наступившим на корабле голодом, поскольку не знал ни о голоде, ни о побеге. Джинн был начеку и настойчиво предлагал завалить корабль изысканнейшими яствами вкупе с лучшими винами – очень ему не терпелось поскорее развязаться с избавителями и отправиться восвояси. Но Сварог, твердо решивший побереечь третье желание для серьезного дела, потребовал карту и, обнаружив, что ближайшим населенным пунктом является уже знакомый ему понаслышке Готар, решительно приказал:

– Курс на Готар!

Одного он боялся: что с тамошним бароном, пристрастившимся жечь людей на кострах, уже прискакала разбираться рать молодого князя. Тогда всем будет не до проезжих корабельщиков.

Глава 5

Государственный переворот как импровизация

Подплывши к Готару, они обнаружили, что городишко выглядит крайне Пубого – дома ветхие, прямо-таки готовые рухнуть. Причал был вымощен камнем в незапамятные времена, и половина плит давно вывалилась. Дыры кое-где залатали досками, но особого старания при этом не проявили. На волнах покачиваются три лодки и большой одномачтовый баркас без палубы – судя по груде сетей на корме, рыбацкий. На фоне всего этого «Морская жемчужница» выглядела роскошным океанским лайнером, бросившим по случайности якорь в захолустном райцентре. Экипаж Сварога представления не имел, что такое океанский лайнер и райцентр, но оценил ситуацию верно – несмотря на полное отсутствие свидетелей-аборигенов, моряки приосанились и гордо поплеывали за борт – даже покалеченный, чьи раны уже начали под-

живать.

– Ну, пошли? – сказал Сварог Леверлину.

– А топор ты не берешь? Здешний хозяин – скотина редкая, к нему лучше приходить в гости вооруженным до зубов...

Сварог прихватил топор, они осторожно прошагали по дряхлому причалу и направились к ближайшим домишкам. В первом никого не оказалось. Во втором тоже. Из домов воняло, вокруг валялся всякий хлам, бродили бесприютно худые свиньи. Только у третьего домика, на лавочке, обнаружилась старуха – ветхая, под стать причалу и городку. Она молча выслушала Сварога, ничего не поняла, и они еще долго добросовестно орали ей в ухо. Из ее шамканья только и дознались, что жрать самим нечего, а весь народ на площади. Сварог сунул в иссохшую ладонь монетку (при виде которой старуха едва не лишилась чувств), и они быстрым шагом направились дальше, держа курс на видневшуюся над крышами каменную башенку с развевавшимся вымпелом – баронский замок и, следовательно, центр города. Должна же в центре отыскаться хоть одна лавчонка со съестным?

На площади перед баронским замком они обнаружили целых три лавчонки – но все оказались заперты. В угрюмом молчании стояло сотни три народа, должно быть все городское население, способное передвигаться, и над головами толпы виднелись верхушки двух столбов, вокруг которых что-то происходило: оттуда слышались шум и ругань, но ни дыма, ни огня пока что не видно.

Они быстро протолкались в первый ряд, весьма невежливо работая рукоятями мечей и древком топора. Видя их хорошую одежду и оружие, те, кто стоял поближе, торопились дать дорогу, но толпа была очень уж спрессована, и повозиться пришлось.

Они переглянулись. Леверлин побелел от злости.

– Ну, так, – сказал Сварог. – Слухи ничуть не преувеличены...

По краю пустого пространства вокруг столбов прохаживались воины, человек двадцать, в кольчугах старинного фасона, но добротных, вооруженные мечами и топорами. Огнестрельного оружия Сварог не заметил. Еще несколько человек складывали кучи хвороста вокруг столбов с привязанными к ним людьми, и на них покрикивал красовавшийся на черном коне субъект в кольчуге с серебряными накладными украшениями и баронской короне на лысоватой башке.

Сварог пригляделся к тем, у столбов. Девушка в бедном домотканом платье, довольно красивая. Скорее всего местная. А вот мужчина определенно не отсюда – высокий, темноволосый, с аккуратной бородкой, в изодранной, но совсем недавно роскошной одежде, синей с вышивкой золотом.

На шее у барона красовалось изящной работы золотое ожерелье с синими самоцветами – оно никак не вязалось с хозяином Готара, а вот на человеке в синем смотрелось бы весьма естественно – как и висевший при бедре барона меч в дорогих ножнах, с усыпанной рубинами рукоятью...

– Ну, с кого начнем? – спросил Леверлин сквозь зубы.

– Ты что, хочешь...

– А ты до конца досмотреть собираешься? – На узком лице студента не осталось ни бесшабашности, ни благодушия.

– Да нет, – сказал Сварог. – Просто...

– Не знал, можно ли на меня рассчитывать?

– Ну... в общем, да.

– Ну, в общем, я на тебя не обижаюсь, – передразнил Леверлин. – Знакомы без году неделя... Ладно. Забыли. Но если ты еще когда-нибудь решишь, что на меня нельзя полагаться, – не посмотрю, что ты милорд, Его небесное великолепие... – Студент огляделся. – Так. Время есть, они еще повозятся, только начали... Знаешь, этот, с бородкой, определенно моряк. Одежда у него стагарского пошива. Но не колдун, мочки ушей на месте. Стагарский волшебник им уже давно устроил бы стихийное бедствие. Колдовство у них специфическое, сугубо морское, но неплохо работает и возле реки, впадающей в море. Проливной дождь или ветер, такой, чтобы крыши срывало, – это и здесь пригодилось бы...

– Я делаю барона, – сказал Сварог. – Во-первых, он здесь главный и без него начнется сумятица, во-вторых, лошадь, оставшись без седока, начнет метаться, прибавит паники. Держи мне спину, только смотри, сам не подвернись...

Они говорили тихонько, но стоявшие рядом все же кое-что расслышали, стали потихоньку отодвигаться, насколько удалось.

– Вся загвоздка в этих, – кивнул Леверлин на толпу. – Если кинутся на подмогу хозяину – задавят массой...

– Живи ты в таком дерьме, ты бы его любил и защищал?

– Люди – существа непредсказуемые... Вдруг они не захотят лишаться ни такого зрелища, ни хозяина? Ну как, начнем сразу или с разговором?

– С разговором, – сказал Сварог. – Вот что, диспозиция меняется. Как только я начну, кидайся и режь на парне веревки. Уж он-то за барона драться не станет.

– Не стоит. Если его сначала пытали, а вполне могли, он весь ломаный, и толку от него будет чуть. Только время потеряю.

– Тоже верно... Идем?

Они прошли мимо воинов и направились прямо к барону. Теперь их видели все. Кто-то охнул. Они шагали легко, размашисто под взглядами сотен глаз. Сварог ощутил легкость во всем теле и почувствовал, что движется, как некая машина, без единого лишнего движения. Люди у костров перестали складывать хворост и таращились на них. Барон – тоже. «Сейчас он рывкнет, – подумал Сварог, – не может не рывкнуть... А этот вот белобрысый совсем мальчишка, жалко...»

– Эт-то что за франты? – раздалось наконец рывканье барона. – Что нужно?

Ощувив прилив веселой ярости, Сварог посмотрел снизу вверх в одутловатую харю. Его голос звучал невыносимо надменно:

– Я – лорд Сварог, граф Гэйр. Что здесь происходит?

– Я – Леверлин, граф Грелор, и хочу задать тот же вопрос.

Сварог убедился, что его имя барону незнакомо. Но вот титул – самый захудалый барон Пограничья не мог не знать, что «лордами» титулуют только ларов.

– Что я хочу, то здесь и происходит, – рывкнул барон. И добавил тише, чтобы не слышали его вояки: – Милорд, если Его Небесное Великолепие нарушает традиции и без должного почета разгуливает по нашей убогой земле, с ним по скудоумию нашему могут и бесчестно обойтись...

«А он не трус, – отметил Сварог. – Подонок, но не трус. И неплохо осведомлен о традициях...»

Барон гнусно усмехнулся:

– Ваше Небесное Великолепие, тридцать топоров – это тридцать топоров, как ни крути. Если вы сообразоволяте дожжаться окончания церемонии, я при-му вас в своем замке с почетом, какой только способен оказать. Мы люди тем-ные, но понимаем: иногда и высоким господам неба хочется развлечься на земле без лишней пышности...

Пожалуй, он готов был покончить дело миром. Вот только Сварог никак на это не мог согласиться. Он быстро огляделся. Воины, сбитые с толку вполне мирным разговором, содержания которого они не слышали, поступили, как все солдаты в подобных случаях: опустили оружие, расслабились, тупо ожи-дая, пока дело вернется к какой-то определенности.

Леверлин крикнул человеку у столба:

– У вас, случаем, не будет к нам просьбы?

Человек ответил быстро, но с достоинством:

– Господа, я никогда и ни у кого не просил помощи, но иногда приходится отбрасывать прежние привычки. Не могли бы вы развязать эти веревки и одолжить меч? Остальное я сделаю сам...

– Боюсь, церемонию придется отменить, барон, – сказал Сварог.

Шаур он держал в левой руке, нацелился сначала в конскую грудь. Однако, когда рука барона дернулась к мечу, передумал – живи, лошадка, ты одна ни в чем не виновата, – шагнул вперед и размахнулся топором, не особенно и ши-роко.

Лезвие вошло в обтянутый кольчугой жирный бок – косо и глубоко. Барон еще валился с седла, брызгая кровью, а Сварог уже развернулся на каблуках к кучке воинов, выстрелил в ближайшего, пустил очередь звездочек в группу стоявших поодаль. К его радости, моментально начался вполне приличный переполох. Конь рванулся вперед, но Леверлин, ловкий и проворный, как кошка, схватил повод и одним махом взмыл в седло. Зрители шарахнулись кто куда, разногласо вопя. Воины тоже не являли собой образец единства и боевой стойкости – кто остался на месте, кто откровенно пятился, лишь чело-век пять неуверенно двинулись к Сварогу.

Передний размахнулся топором для хорошего броска. Сварог, осклабясь, ждал. Топор тяжело полетел в его сторону – и срикошетил от невидимой пре-грады, отлетел вбок. На того, кто его бросал, это произвело неизгладимое впе-чатление, да и остальных потрясло. Сварог сделал выпад и обрубил половину клинка белобрысого сопляка, оказавшегося ближе всех. Леверлин волчком вертелся с конем, ожидая атаки, но никто на него пока не бросался. Со сторо-ны немногочисленных зрителей, рискнувших остаться на месте, послыша-лись крики:

– Лар! Лар!

Наступил самый интересный момент. Либо солдатня, превозмогши страх, навалится всем скопом, и тогда все завертится по-настоящему, либо они выиг-рали. Стало тихо, только раненые стонали и охали. И в этой тишине вдруг за-вопил Леверлин, во всю мочь, словно хотел докричаться до летучих замков:

– Ваганум! Ваганум!

Он кричал что-то еще, про клятву, кажется. И все вдруг изменилось самым решительным образом. Воины, собравшись в кучку на почтительном рассто-янии от Сварога, аккуратно стали складывать все свое оружие наземь. Это было

настолько неожиданно, что Сварог оглянулся – не въезжают ли на площадь конники князя Велема?

Ничего подобного.

Воины, покончив с разоружением, выстроились неровной шеренгой. Леверлин шел к нему, ведя коня в поводу, улыбаясь во весь рот:

– В Ремиденуме еще и прилежно зубрят науки...

– Детали, – только и сказал Сварог, все еще удивляясь.

– Бывает набег ради грабежа, бывает война, а в земном праве есть еще и ваганум. Когда пришлый дворянин побеждает в схватке владельца манора, чтобы самому сесть на его место. Конечно, тут свои условия: владелец вправе использовать всю свою вооруженную силу, а пришелец обязан иметь, самое большее, одного спутника. Потому, хоть для ваганума теоретически открыт даже Снольдер, на деле успеха можно добиться лишь в такой вот глуши. Особенно когда подданные не хотят защищать хозяина.

– Значит, теперь барон – ты?

– Не было у меня хлопот... – усмехнулся Леверлин. – Ты. Быстренько начинай командовать, время не ждет... Ну!

Сварог приосанился, принял позу, показавшуюся ему самой величественной, оперся на рукоять топора, указал на столбы и рявкнул:

– Отвязать!

Воины, не очень и удивившись, побрели к столбам. Сварог неуверенно оглянулся на молчавшую толпу и крикнул:

– Все прекрасно, ребята, вольности последуют!

– Идиот! – поморщился Леверлин. – Они ж к тебе сейчас с просьбами и нуждами кинутся, затопчут...

Толпа и в самом деле колыхнулась вперед, лица из тупых стали вполне человеческими, охваченными надеждой. Но воины по жесту Леверлина уже выстроились меж Сварогом и толпой, а Леверлин уже кричал, воздев руки:

– Спокойствие! Барону нужно время, чтобы разобраться с вашими нуждами! Вольности вам обещаны, и они будут! Стоять!

Поддействовало. Толпа замерла в прежней позиции.

– Обрати-ка внимание на эти рожи...

Сварог обратил. Пятеро с нагло-угодливыми рожами холуев-любимчиков и одетый еще богаче пожилой субъект с лицом до того добродетельным и праведным, что мог оказаться лишь вором и сатрапом.

– Ага, – сказал Сварог понимающе. – Ну-ну...

Он направился к приближенным покойного барона, махнул на ходу воинам, и они, уже успев подобрать оружие, заторопились следом.

– Управитель? – спросил Сварог.

Субъект с лицом праведника часто-часто закивал.

– А повесьте-ка его, пожалуй, – сказал Сварог. – Что это за управитель, если довел город до такого похабства?

Воины сграбастали управителя, но он с неожиданной резвостью вывернулся и пал в ноги, цепляясь за сапоги:

– Ваша светлость, я ж вам пригожусь...

– Ладно, оставьте его пока, – сказал Сварог. – Остальных вешайте.

Он плохо представлял, как именно следует управлять государством, пусть и крохотным, но по наитию решил: в таких случаях не мешает громогласно

пообещать вольности и немедленно повесить наиболее запачканных деятелей прежнего режима. Для укрепления своего авторитета в массах и в целях борьбы с коррупцией. Народу такое поведение всегда нравилось. Особенно когда вешают самых упитанных.

Пятерку холуев до виселицы, торчавшей в уголке площади, так и не довели – толпа, оттеснив воинов, захлестнула и смяла бывших фаворитов. Началась шумная, азартная толчея. Управитель глянул в ту сторону, затрясся.

– Ну, поговорим о государственных делах, – сказал ему Сварог. – Здесь люди от природы такие бедные или барон все мало-мальски ценное сгреб в закрома родины?

– Барон, ваша светлость, барон, подлец, негодяй, мерзавец, скотина...

– Без лирики, – сказал Сварог. – Где же в таком случае баронские закрома?

– В Ронеро, ваша светлость, в банках Равены, барон собирался перебираться туда... Я знаю, где лежат все бумаги и счета... – Он вдруг кинулся к бездыханному телу недавнего хозяина и тут же вернулся, обеими руками протягивая Сварогу баронскую корону.

Сварог повертел ее, напялил на голову, подумал и кивнул:

– Ладно, поживешь пока. Скройся в замок и сиди там тихонечко. Холуев до топчут, непременно про тебя вспомнят... – Он жестом отправил одного из воинов следом за управителем, а второго спросил: – Винный погреб в замке есть?

– Как же без него, ваша светлость?

– Выкатите-ка народу пару бочек, – милостиво распорядился Сварог. – Не больше. Так, чтобы пришлось по хорошему ковшу на рыло. Самим пока не брать в рот ни капли, а то повешу. Дома у тех холуев были хорошие?

– Лучшие в городе, ваша светлость.

– Разграбить, – сказал Сварог. – Но аккуратно. Чад и домочадцев на время этой веселой забавы увести в замок.

– А управителев дом? – с деловым интересом спросил служивый.

– Управителев дом дарю вам всем, моей верной дружине, – сказал Сварог.

– Выходит, мне теперь на управительевой дочке жениться можно? Она не против, да папаша рыло воротил...

– Женись, – сказал Сварог. – Но чтобы по всем правилам у меня, без блуда!

Судя по лицу вояки, дружина отныне готова была за нового барона в огонь и в воду.

– Ваша светлость, а какие будут распоряжения насчет девок!

– Которых? – не понял Сварог.

– У барона в замке – десять девок, как бы для рукоделия и кухонной работы...

– По домам всех.

– Да ведь прижились, стервы, нравится им...

– По домам, – сказал Сварог, повернулся к Леверлину: – Как у меня получается?

– Неплохо для начала. А дальше?

– Увидишь, – хмыкнул Сварог. – Я тут кое-что предпринял. Так, а где наш спасенный?

Человек в синем наряде стоял поблизости – уже со своим ожерельем на шее и мечом на поясе. Он с достоинством раскланялся:

– Милорд, я ваш неоплатный должник. Вас не обидело столь скупое изъяс-

ление благодарности?

– Ничуть, – сказал Сварог. – Коли это не секрет – как вас занесло на костер?

– Больно признаваться, милорд, но причина в излишней самонадеянности. Когда твое имя заслужит определенную репутацию на морях, забываешь, что на суше обстоит несколько иначе. Я неосмотрительно отправился на берег, взяв с собой лишь троих матросов. Увы, этот дикий уголок оказался одним из тех мест, где славное имя капитана Джагеддина совершенно неизвестно...

– Чем я могу вам помочь? Ваш корабль где-то поблизости?

– Милорд, если вы дадите мне оседланного коня, это будет с вашей стороны столь же неоценимой услугой... Поверьте, я очень спешу.

Он упорно избегал подробностей. Должно быть, имел на то веские причины. Что ж, не стоит лезть в чужую жизнь...

– Джагеддин, – припомнил Сварог. – Капитан «Призрака удачи»?

Капитан поклонился:

– Для меня большая честь, что милорду известно название моей ничтожной лохани...

– Не слышали ли вы в последние дни что-нибудь о капитане Зо?

Вопрос, видимо, нетактичный – Джагеддин слегка поморщился.

– Милорд, мы с капитаном Зо не интересуемся делами друг друга. Наши сложные отношения принимают порой самые разнообразные формы и выражения... Мы старые соперники. Во многом.

– Ну, в таком случае можете поздравить, – сказал Сварог сухо. – Похоже, выиграли вы – потому что оказались тем, кто просто-напросто пережил соперника...

И отвернулся. Он не обязан был вести галантные беседы с этим совершенно чужим удальцом, случайным встречным.

Джагеддин столь же сухо произнес за его спиной:

– Несмотря на всю сложность наших с Зо отношений, я никогда не стал бы мелко злорадствовать, узнав о его смерти. Как и он, узнав о моей. Хотя каждому из нас было бы приятно, пади соперник именно от его руки...

– Я вас и не подозреваю в мелочности чувств, – сказал Сварог. – Насчет коня сейчас распоряжусь. Удачи.

– И вам. Повторяю, я ваш должник.

Он коротко поклонился и отошел к спасенной от костра девушке.

– Провалиться мне на этом месте, он собирается взять ее с собой, – сказал Леверлин. – Ну, его дело. Знаменитый морской волк... Интересно, что он потерял в этой дыре?

– Не знаю, – сказал Сварог. – И знать не хочу. Хватит с меня загадок, со своим бы делом справиться... Ага, вон их ведут, голубчиков...

– Кого?

– Понимаешь ли... – сказал Сварог. – Я велел солдатам доставить того местного лавочника, у которого в городе самая лучшая репутация. И нашего беспалого. В мое отсутствие они тут будут распоряжаться втроем – прежний управитель, лавочник и беспалый. Три прохвоста будут бдительно следить друг за другом. Возможно, когда-нибудь они и сговорятся воровать в добром согласии, но такое случится не скоро. Как тебе реформы и преобразования? Распоряжусь ослабить налоги и тому подобное...

– Боюсь, жизнь не особенно улучшится. Так, самую чуточку.

– А что делать? – пожал плечами Сварог.

Через час он поднимался на корабль полноправным бароном, вольным ярлом, имевшим право возводить в дворянство подобно королям, унося с собой в мешке корону, половину казны (остальное оставил на хозяйство троице управителей) и пергаменты с печатями, которые ему в качестве новоявленного владельца предстояло еще заверить у ближайшего императорского наместника. Как он узнал, в его полном и безраздельном владении отныне находились городок Готар, три десятка деревень, земли площадью четыреста пятьдесят три квадратных лиги и тысячи четыре народу. Что ему со всем этим делать, он решительно не представлял и надеялся, что в будущем все как-нибудь утрясется само собой...

Глава 6 Милорд, которого нет

Если Харлан и был заповедником злых колдунов и черных магов, на его внешнем облике это никак не отражалось. Попав в его пределы, Сварог видел по обоим берегам Итела самые обыкновенные селения, городки, пашни, пастбища, замки и храмы. На реке попадалось множество пузатых купеческих коггов и влекомых лошадьми барж, иногда величественно проплывали большие океанские корабли с иностранными флагами. Раза три встречались парусные военные фрегаты под харланскими вымпелами, а однажды пропыхтел колесный пароход с высокой черной трубой и пушками на палубе, но «Морская жемчужница» ничьего внимания не привлекала, словно стала невидимкой.

Столица Харлана Аран оказалась самым обыкновенным городом – не блиставшим умопомрачительной роскошью, но и не убогим. Она была разделена рекой пополам, берега повсюду забраны в камень, но ни одного моста Сварог не увидел – Ител здесь был в лигу шириной, и столь длинные мосты, возможно, просто не умели строить.

Сварог самонадеянно велел было капитану править к первому же попавшему причалу, но оказалось, что порядки здесь (как и в других державах, впрочем) жесткие: все, кто прибывал из-за границы водным путем, должны были причаливать в особой гавани, где их ждали таможенный досмотр, проверка бумаг и прочие прелести гостеприимства. Пришлось плыть дальше, соблюдая все предосторожности: наперерез в обоих направлениях сновали лодки, иные простенькие, иные с роскошными балдахинами, множеством гребцов, раскрашенные и покрытые резьбой.

– Одного я не пойму, – сказал Сварог Леверлину. – Какого черта они построили город по обоим берегам? Река-то широченная...

– Старинная традиция, – пожал плечами Леверлин. – Есть древнее поверье – только та столица благополучно просуществует до скончания времен, что стоит на обоих берегах реки. С военной точки зрения это приносит лишние хлопоты – такой город не окружить крепостной стеной. Но традиция, несмотря на все неудобства, держится стойко. Подозреваю, в прошлом, до Шторма, существовал какой-то великий город, расположенный на обоих берегах, воспоминания о его славе в такой вот форме и запечатлелись...

У нас в Равене есть великолепные мосты. И в Ноле тоже. А у харланцев нет ни денег, ни мастеров. Словом, богатый человек всегда заведет собственную лодку, а если у тебя и на перевозчика нет – сиди себе на своем берегу...

Встретили их сугубо по-деловому – на борт поднялся десяток солдат в темно-голубых мундирах со светло-синим шитьем, тут же разбежавшихся обшаривать корабль сверху донизу. За ними появился ужасно важный чиновник в коричневом кафтане, перепоясанном серебряным поясом с серебряной чернильницей – знаками Сословия Чернильницы – и нашивками канцеляриста. Чин был невеликий, третий от конца, но пыжился его носитель неимоверно, в продолжение досмотра расхаживал вдоль борта, заложив руки за спину, выпятив хилую грудь, украшенную из отличий лишь квадратной медалькой Бронзовое Перо и пряжкой за выслугу лет, не удостаивая прибывших на «Морской жемчужнице» и мимолетным взглядом. Хорошо еще, до личного обыска здесь не додумались, и Карах пересидел весь шмон в своем обычном укрытии, капюшоне плаща Сварога.

Обыск, впрочем, был недолгим. Чиновник проверил их документы с таким видом, словно заранее знал, что все это чистейшей воды подделка (хотя поддельных там была ровно половина), а новоприбывшие – воры, аферисты и убийцы. Закончив, он смерил всех пронизательным взглядом – снизу вверх, сверху вниз, снизу вверх. Вообще-то с дворянами полагалось бы вести себя и почтительнее, но в пору очередных обострений с Ронеро ронерский граф был здесь персоной неавторитетной, а барон из Пограничья, к тому же еще не утвержденный имперским наместником, и вовсе презренной личностью. Пожевав губами, чиновник задумчиво сказал:

– Конечно, ничего подозрительного... да ведь и вообще ничего, ни постелей, ни вещичек, пара чарок да узел с едой... Вы откуда свалились, благородные лауры[11] и brave морячки? Где-то я кой-кого из вас видел, уж не в Менторской ли тюрьме годика два назад, когда вас пятый раз выпускали после очередной отсидки?

Он играл столь фальшиво и бездарно, что не получил бы ангажемента и в странствующем балаганчике – разве что на роль колонны без речей. Но Сварог, прекрасно понимая, в чем тут намек, сказал лениво:

– Ну что вы, сударь, просто превратности жизни таковы, что иногда плывешь на чем придется...

И опустил в широкий коричневый карман пяток кругленьких золотых аргументов, чего чиновник словно бы и не заметил, но подобрел моментально:

– Да нет, насчет Менторской тюрьмы – это я перепутал. Столько людей мелькает... Ваши превратности жизни меня не касаются, лишь бы у нас вели себя благонаправно.

Он хотел спуститься по трапу вслед за солдатами, злыми оттого, что лично им ничем не удалось поживиться. Сварог догнал его, сунул в карман еще одну монету;

– Не подскажете ли, где и как нам разыскать барона Дальга?

Чиновник удивился без всякого наигрыша:

– Но, лаур, его же похоронили позавчера... Несчастный случай на охоте.

Постоял, но, видя, что ничего больше не получит, сошел по трапу. Сварог с Леверлином переглянулись.

– Вот так, – хмуро сказал Сварог. – Несчастный случай...

– Думаешь?

– А какая нам разница? Нет больше барона. – Он лихорадочно искал выход. – Мы не привлечем внимания, если сразу двинемся к имперскому намест-

нику?

– Ни малейшего. В любой приемной наместника тьма народу с прошениями. От непризнанных изобретателей до нищих вдов.

– И никого не гонят?

– Зачем? – пожал плечами Леверлин. – Кому-то могут и подкинуть парочку монет, кого одарят красивой бумагой с красивыми печатями – читано со вниманием, благодарят за рвение, лорд и камергер такой-то...

– Пошли. Карах, как тебе это место?

– Плохое место, – не высываясь, ответил домовой. – Не знаю, как и объяснить. Явного ничего не чувствуется, но словно бы в воздухе есть примесь... Как скверный запах, только это не запах...

– В общем, неуютно, – кивнул Сварог.

На улицах за ними вроде бы не следили. Резиденция имперского наместника представляла собой роскошный дворец какой-то странной архитектуры – в небесах Сварог не видел ничего подобного. Видимо, здание специально так задумали, чтобы оно отличалось от любых других земных построек. Ограда была и вовсе уж необычной – затейливая решетка в два человеческих роста из лучей густо-алого цвета, временами мерцавших золотыми искрами.

– Прикоснешься – без руки останешься? – спросил Сварог.

– Или без головы, если головой, – кивнул Леверлин. – Странно, что придется объяснять такие вещи лару. Ты посмотри, сколько ходатаев, долго придется торчать...

Очередь человек из пятидесяти – в основном с гильдейскими бляхами, но попадались и представители Семи Сословий, и дворяне – тянулась к небольшому, но богатому на архитектурные излишества домику, пурпурному с золотым, стоявшему вне решетки, у ворот, исполненных из переплетения того же алого цвета. Вдоль очереди прохаживались четверо полицейских в коричневом, и порядок стоял образцовый – едва выходил очередной проситель, следующий скрывался за пурпурной дверью с золотым гербом наместника. Кто-то почти сразу же оказывался снаружи, кто-то задерживался надолго, кто-то покидал канцелярию радостным, кто-то унылым, а один вылетел, словно его вытолкнули пинком, упал, вскочил, отряхнулся и под тихие смешки захромал прочь. На Сварога повеяло родным, полузабытым...

Он сунулся было к полицейским, представившись бароном и предъявляя золотые аргументы; но они, о диво, не оказали обычного своего волшебного действия – полицейский молча выдвинул меч на треть и бросил назад в ножны. Пришлось встать в очередь и проскучать часа три. Сварогу, как бывшему советскому человеку, это занятие было насквозь знакомо, и он особо не нервничал, но Леверлин, поджидавший его в сторонке, извелся вконец.

Когда подошла очередь Сварога, уже смеркалось.

За дверью оказалась не столь уж большая, но с невероятной роскошью отделанная комната без окон – узорчатый мрамор, яшма, малахит, драгоценные камни, золото, серебро, ковры, затейливая люстра с электрическими лампочками, висящая под потолком без всякой видимой опоры. Большой портрет Яны на стене, исполненный прямо-таки в лучших традициях соцреализма: она на троне, фигура едва видна из-за самоцветов, сплошь покрывших пышнейшее платье. Что до платья, Сварог в жизни не видел на юной императрице столь идиотского сооружения, никогда не видел ее столь величавой и надмен-

ной, а столь огромную корону она удержала бы на голове лишь с помощью магии. И все равно Сварог обрадовался ей, как живой. Показалось даже, будто он уже дома.

Раззолоченный чиновник сидел за золотым столом, усыпанным драгоценными камнями во всевозможных узорах и сочетаниях. Оба блистали, и стол, и чиновник, свет люстры окутывал их мириадами крохотных радуг. Любой земной житель себя не помнил бы от благоговения, но Сварог, осмотревшийся довольно откровенно, решил, что странное золотое украшение на горле чиновника – скорее всего ларингофон. А золотая серьга в левой мочке, закрывавшая всю ушную раковину, – приемник.

Из чистого любопытства он сначала пошел окольным путем: показал баронские документы и объяснил, каким образом вступил во владение ими. Чиновник, ничуть не удивившись, сунул их куда-то в стол, вскоре вынул, глянул на что-то невидимое Сварогу (должно быть, экран, укрытый от посетителя за тейливыми украшениями по кромке стола), вернул:

– Бумаги Вольного Топора у вас поддельные. Ронерской работы. – Выдержал театральную паузу. – Но грамоты барона Готара настоящие. Поздравляю вас, барон, – изобразил он улыбку. – Ваши права признаны Высокой Коронай. Что бы там ни было в прошлом, баронскую корону вы получили вполне законным образом, а всевозможные старые счета, могущие возникнуть, – это отныне ваша собственная забота...

«Интересные порядочки... и интересная система учета, – подумал Сварог. – За пару секунд он ухитрился как-то проверить и подлинность бумаг, и подлинность рассказа, любопытно...»

Чиновник глянул вопросительно-нетерпеливо – очевидно, ошарашенному новоявленному барону следовало убираться восвояси, вознеся должную благодарность Высокой Короне. Однако Сварог, развалившись в раззолоченном кресле алого бархата, сказал небрежно:

– А теперь – настоящее дело. Я – лорд Сварог, граф Гэйр. Быстренько свяжите меня с кем-нибудь из восьмого департамента.

Чиновник от изумления растерял всю величавость:

– Я вас правильно...

– Правильно, – сказал Сварог. – Мне немедленно нужно связаться с лордом Гаудином.

Некогда было разводить церемонии – вряд ли на такую должность согласится уважающий себя лар, этот тип явно из Антлана... Удивленно на него таращась, чиновник беззвучно зашевелил губами. Продолжалось это недолго. А вот ответ он выслушивал гораздо дольше. И, когда дослушал, отчего-то удивился еще сильнее, его взгляд стал словно бы виноватым.

– Ну? – нетерпеливо спросил Сварог.

Чиновник немного опомнился и четко выговорил:

– Канцелярии Его Небесного Великолепия, имперского наместника графа Оглера неизвестно лицо, именуемое себя титулом, на который имеют право лишь Господа Неба. Канцелярии неизвестны названный вами лорд и названный вами департамент.

– Вы что, все здесь с ума посходили? – Теперь уже Сварог себя не помнил от изумления.

– Прошу вас удалиться. – Чиновник смотрел удивленно и виновато, но го-

лос его отливал металлом.

– Но...

– Если я коснусь этого шара... – он поднял ладонь над золотым шаром, покоившимся на львиных лапах из цельного топаза, – вы очень быстро покинете помещение. И не забудьте бумаги, барон.

Бесполезно было продолжать разговор, нечего и пытаться прорваться к наместнику силой – здесь непременно установлена надежная защита от нагледцов и посерьезнее... Все бессмысленно. Чувствуя себя побитой собакой, не пытаясь строить догадки, Сварог что есть мочи хлопнул дверью, выходя – полицейские и очередь воззрились на него с ужасом, – спустился по мраморным ступеням, окаймленным полосами дымчато-зеленого нефрита, бездумно зашагал вдоль улицы. Вскоре его догнал Леверлин:

– Что там? Тебя с такой физиономией можно продать вместо аллегорической фигуры вселенской печали...

Сварог сказал медленно:

– Оказывается, меня нет. Не существует на свете. Никто в жизни не слышал ни обо мне, ни, что удивительнее, об имперской разведке и одном из ее начальников...

Он огляделся, присел на невысокую каменную тумбу, хотел достать из воздуха сигарету, но вовремя спохватился, сказал, не поднимая головы:

– Так не бывает. Передумай они и реши вышвырнуть меня за дверь, это было бы обставлено как-нибудь иначе, голову даю. Тот, кто мне все это передал, сам понимал, что его начальники брешут мне в глаза... Что там, наверху, переверот какой-нибудь? Или наместник – или тот, кто все решал на подступах к наместнику, – чей-нибудь агент?

– Чей? – осторожно спросил Леверлин.

– Откуда я знаю? Чепуха всякая в голову лезет... Спасибо, хоть бароном благодаря тебе стал, хватит на пропитание.

– Может во всем этом сыграть роль смерть барона Дальга?

– Может, – сказал Сварог. – Или не может... Или может? Или все же не может?

– Успокойся. – Леверлин положил ему руку на плечо.

– Да я спокоен. Просто не понимаю ничего...

Леверлин ничего не сказал, и они долго сидели молча. Давно стемнело, но неподалеку сияла озаренная электрическим светом резиденция наместника, и их фигуры отбрасывали влево длинные тени.

Наконец Леверлин сказал немного неуверенно:

– Даже если ты и сумеешь управлять самолетом, в Снольдер, чтобы добыть самолет, ехать не следует. И самолетам, и воздушным шарам к замкам ларов не приблизиться, достоверно известно. Однако... В Шагане есть волшебники, способные летать по воздуху. Очень трудно их отыскать, но они есть, верно тебе говорю... Найдем корабль побольше, поплывем морем в Шаган...

– Недели две плыть?

– Даже меньше. Ветра благоприятные, сезон... Постараемся найти такого волшебника и уговорить его...

– Нет, – сказал Сварог. – Видишь ли, те, кто считал, что здешнее дохлое войско следует остановить, были отличными парнями. Они все погибли, а я остался – это, знаешь ли, должок. Отрабатывать надо.

– Будем отрабатывать, – сказал Леверлин. – Так... Ручаться можно, что барон Дальг был человеком имперской разведки, но суть не в том. Как у всякого харланского сеньора, у него была дружина. В Харлане такие порядки еще в ходу. Дружина и верные люди. Кто-то из них может оказаться особо доверенным. Имперская разведка легко и быстро помогла бы барону проверить всех его людей – с ее-то возможностями. Ну что, это шанс?

– Это шанс, – сказал Сварог. – Хлипкий, правда, но другого у нас и нет.

– Пошли на корабль?

– Может, сразу отправимся искать дом барона?

– Нужно забрать топор и Караха, – сказал Леверлин. – Купим в порту коней – в любом порту в любое время можно купить что угодно.

– Вот на коней, боюсь, у меня уже не хватит...

– Видишь ли... – замялся Леверлин. – Когда мы бежали из Коргала и ты ходил за мечами, я, каюсь, запустил руку в шкатулку с драгоценностями твоей царицы и сунул в карман, сколько уместилось в пригоршне. На дорожные расходы. Как чувствовал.

Сварог покачал головой:

– Граф, а как быть с дворянской честью?

– Дворянская честь не понесла ни малейшего урона, – серьезно заверил Леверлин. – Мы там были пленными, не дававшими слова чести. В этом случае, убегая из плена, можно угадать хоть весь замок...

– Бог ты мой, – сказал Сварог. – Мало того что нас там поймали, так мы еще, выходит, драгоценности сперли, словно шлюха у клиента? Хороши же граф и барон...

И они жизнерадостно заржали, сидя на тумбе, – невольно оттягивали момент, когда придется встать и дороги назад может уже и не выпасть, билет окажется в один конец.

Глава 7

Это есть наш последний...

По дороге в порт они все трезво взвесили и решили, что предприятие следует отложить до утра. Во-первых, не следует ломиться в дом к покойному барону посреди ночи. Во-вторых, покупка коней посреди ночи, спешные расспросы о доме барона могли привлечь лишнее внимание, в том числе и тех, кому внимательным быть положено по долгу службы. А это совершенно ни к чему, учитывая, что играть предстояло против герцогини харланской, того еще цветочка. Больше всего Сварога беспокоили здешние маги. Леверлин успел рассказать: хотя колдунов и магов всех разновидностей согласно строжайшему, заведенному ларами порядку полагается выявлять и сдавать в канцелярию наместника, полиция и секретные службы всех стран втихомолку пытаются утаивать часть добычи и использовать отловленных колдунов в своих узкопрофессиональных целях. Карах, правда, клялся и божился, что не чувствует обращенного на них внимания колдуна, а Сварог с некоторых пор стал безоговорочно верить своему серому Санчо Пансо. На военном совете из двух человек и одного домового постановлено было следующее: людям – до утра спать, не забивая себе голову излишними страхами, домовому – до утра бдиль, благо дело привычное ввиду изначально присущего ему ночного образа жизни, пусть и нарушенного в последние годы дневным высматриванием подходящего хозяина. Решения совета были немедленно претворены в жизнь.

– Сделаем так, – сказал Сварог капитану, уже сидя в седле. – Ждите трое суток. Если на четвертые нас не будет, это означает, что вам более незачем испытывать судьбу. Поднимайте паруса и исчезайте.

– Куда?

– Куда хотите, – сказал Сварог. – Корабль в этом случае ваш. Будет желание, оседайте в Готаре. Что-то непонятно?

Капитан почесал в затылке, посмотрел на безоблачное небо, на усеянную разноцветными парусами и лодками реку, махнул рукой:

– Да что там непонятного... Только б лучше вам живыми вернуться. Хотя я, ваша светлость, простите, так и не соображу, кто вы такой есть, из вас хороший атаман получился бы, большие дела проворачивать...

– Мне самому что-то захотелось живым вернуться, – сказал Сварог. – Есть такое стремление...

И тронул коня, не в силах избавиться от глупого наваждения – будто где-то уже видел что-то подобное, будто в его жизни такое уже случалось. Сначала он грешил на пресловутую «ложную память», но вскоре, не успели они еще выехать из порта, доискался до истины и сути.

Точно так покидал корабль капитан Зо. И не вернулся. Да и некуда ему стало возвращаться. Ассоциации эти бодрости духа не прибавляли. Но что если эти совпадения и есть залог успеха? Он повернулся к Леверлину:

– Как ты думаешь, почему барон Дальг стал работать на имперскую разведку?

– А это имеет значение?

– Возможно, – сказал Сварог. – Если ради примитивного золота или чистого холуйства – один расклад. Но если тут присутствовала некая идея... или нечто, с натяжкой именуемое идеей, наши отношения с его вассалами могут сложиться совершенно иначе...

Леверлин думал, покачиваясь в седле и даже, о чудо, не обращая внимания на девиц, вполне достойных внимания. Наконец спросил:

– Можно ли считать идеей стремление стать великим герцогом?

– Почему бы и нет?

– Ради чего мертвое войско понадобилось герцогине Мораг, любому дураку ясно, – сказал Леверлин. – Ты знаешь, почему Харлан – всего лишь великое герцогство?

– Нет.

– Харлан – всего лишь часть бывшего королевства Улад. Сто двадцать лет назад большую часть королевства захватил Снольдер, захватил как раз те земли, что являются «рекс патримон». И снольдерские правители с тех пор носят титул «король королей», потому что...

– Ну, это я знаю.

– Прекрасно. Так вот, когда сто двадцать лет назад из окраинных провинций Улада возник Харлан, его великие герцоги поклялись однажды отвоевать утраченное. Что стало причиной доброй полусотни войн. Но силы слишком неравны. А вот с войском из навьев Мораг может и рискнуть...

– Хорошо, но при чем здесь стремление Дальга стать великим герцогом?

– Не торопи. Предки Мораг, сто двадцать лет назад пришедшие к власти в Харлане, не имели никакого отношения к королевской династии Улада – вся фамилия погибла при штурме столицы. Предки Мораг были всего лишь влия-

тельными в этих местах баронами...

– Стоп! – сказал Сварог. – Начинаю соображать. Никаких освященных веками династических прав? Тот, кому удастся спихнуть Мораг и удержаться на троне, будет, цинично говоря, столь же законным властелином, как она сама?

– Именно. Главное здесь – удержаться... Мне рассказали, барон Дальг был немногим старше меня. Вполне может быть, ему показалось скучным всю жизнь просидеть в баронах. А поддержка ларов в столь деликатном деле кое-что да значит. Особенно если Мораг балуется черной магией...

– Так, – сказал Сварог. – А вассалы-дворяне у него были?

– Несомненно. Барон из старого и богатого рода с обширными владениями не мог не иметь дворян-вассалов.

– Это великолепно, – сказал Сварог.

...Пригородный дом покойного барона Дальга был окружен цветниками, аккуратными лужайками и легкими павильонами современной постройки, но сам он оказался старинным – возведен глухим квадратом, виднеется лишь один-единственный ряд узеньких окон, и то под самой крышей. Старинный замок, отлично приспособленный, чтобы выдержать долгую осаду. Леверлин тут же подтвердил эту догадку Сварога, указав на едва заметные углубления – остатки рва.

Ворота выглядели под стать – из-под полос железной оковки дерева и не видно. Сварог постучал обухом топора в закрытое изнутри узенькое окошечко. Подождал, загромыхал сильнее.

Окошечко открылось внутрь, в щели показались подозрительно зыркавшие глаза. Сварог молча приблизил к ним указательный палец с перстнем Борна. Окошечко тут же захлопнулось, зато заскрипел засов, и в воротах распахнулась узкая высокая калитка – как раз проехать всаднику.

Засов заскрежетал за их спинами. Они оказались в мощном внутреннем дворе. Несколько человек в кирасах и робарах[12], вооруженные мечами и топорами, стояли близко к воротам, а еще несколько с арбалетами – подальше. Сварог оценил такую диспозицию – если въехавшие во двор гости и зарубят привратников, те, кто стоит далеко, успеют утыкать их стрелами, прежде чем они распахнут ворота для нападающих.

– Кто здесь распоряжается после смерти барона? – громко спросил Сварог, ни на кого не глядя. – Есть командир или доверенное лицо?

– Капитан Хартог, ваша милость, – ответил кто-то. «Неплохо», – подумал Сварог. На «г» здесь оканчиваются исключительно дворянские фамилии. А капитан в данном случае – не морской офицер и не пехотный чин, а начальник дружины владетельного сеньора.

– Он здесь?

– Здесь, ваша милость. Как доложить?

– Лорд Сварог, граф Гэйр.

Один тут же сорвался с места и побежал в замок, бухая сапогами, гремя доспехами. Они направились следом.

Внутри замок оказался перестроенным и обставленным на более современный лад. Но приняли их не в одной из роскошных гостиных, а в огромной оружейной, где было положенное число фамильных доспехов и целые залежи новехонького оружия. Из-за тяжелого дубового стола встал мужчина лет пятидесяти с длинными седыми волосами и жутким ветвистым шрамом на левой

щеке и с ходу спросил:

– Разрешите взглянуть на перстень?

Сварог молча снял с пальца и подал. Хартог молча изучил. Кивнул:

– Садитесь, Ваше Небесное Великолепие, – и вопросительно покосился на Леверлина, ожидая разъяснений по поводу его статуса.

– Леверлин, граф Грелор, – сказал Сварог.

– Садитесь, ваше сиятельство, – сказал капитан Леверлину. – Итак, вы от Борна, господа, хотя я вас и не знаю... Раз перстень у вас, это означает, что Борна и его людей нет в живых. Как и бедняги барона...

– Это в самом деле был несчастный случай? – спросил Сварог.

Хартог пожал плечами:

– Когда человеку пускают стрелу в спину, это никак не назовешь счастливым случаем, не так ли?

– Понятно, – сказал Сварог. – И когда, по вашим расчетам, за всеми за вами придут?

Капитан тут же ответил:

– Думаю, дня через два. Как только она поймет, что с Гарпагом кончено. Надеюсь, ваше появление означает, что с ним кончено?

– Кончено, – кивнул Сварог. – Что вы теперь намерены делать?

– Что тут делать? Забрать все, что удастся, и нынче же ночью уходить на рысях к ближайшей границе. Всем. Она не станет доискиваться, кто из нас был посвящен в секреты, а кто ничего не знал... Или вы, милорд, можете предложить что-то другое?

Сварог вынул из воздуха сигарету, зажег, задумчиво выпустил дым. Капитан и бровью не повел.

«Разговор начался блестяще, – подумал Сварог не без гордости. – Хартог ни на миг не заподозрил, что гости – случайные в игре люди и никого не представляют. Но дальше... Ке фер? Фер-то ке?

Каков он, капитан Хартог? Он неглуп. Старый солдат. И если дворянин к пятидесяти годам не смог вскарабкаться выше поста капитана при молодом бароне, означает это одно: вышеназванный дворянин беден, как церковная мышь, и нет у него ни связей, ни влиятельных родственников. Слишком далеко еще до времен, когда поручики из захудалых провинциальных фамилий смогут становиться генералами и императорами. Даже здешний военный гений, если он беден и лишен связей, обречен на прозябание в безымянном полку[13], разве что произойдет вовсе уж фантастическое стечение обстоятельств – король узрит посреди битвы или генеральская дочка ни за кого иного идти не пожелает... Кстати, в его годы тяжело становиться ищущим подданства бродягой, даже если в шкатулке кое-что и припасено. На седле много не увезешь».

– Капитан, только не сердитесь, душевно вас прошу... – сказал Сварог. – Ведь случались минуты, когда вам казалось весьма несправедливым, что трон великих герцогов займет мальчишка Дальг, а не, скажем, опытный, проживший, неглупый человек в летах? Обреченный на третьи роли оттого только, что по воле судьбы беден и лишен влиятельной родни?

Он замолчал, поднял голову и глянул капитану в глаза. В этих глазах, помимо всего прочего, теплилась и надежда – нешуточная, безумная. Капитан и в самом деле так думал – и не единожды. Очень уж спокойно он выслушал...

«Мать вашу так, – подумал Сварог, – как же случилось, что я с такими дипломатическими талантами выше майора в провинциальном гарнизоне не долезу? Да по тем же причинам, что и Хартог...»

Если Хартог умен, скажет что-нибудь вроде: „Соблаговолите выразиться яснее, милорд“. Если он очень умен, он вообще не раскроет рта...»

Время шло. Капитан Хартог молчал. Как рыба, которая проглотила жирную муху и теперь прислушивалась к своим ощущениям: настоящая ли муха и нет ли в ней крючка?

– Хорошо, – сказал Сварог. – Вы прекрасно понимаете, что я не мог с первого взгляда вспылать к вам симпатией, вы же не юная служаночка с тугой попкой... Мне нужна ваша помощь. А вам нужен я. Сколько у вас конных и оружных? Готовых выступить немедленно?

– Двести.

– Где сейчас Мораг и сколько у нее людей, способных носить оружие?

Во тут капитан впервые глянул удивленно. Гася его сомнения в зародыше, Сварог быстро сказал:

– Не нужно. Некогда удивляться. И думать некогда. Да, так получилось, что я чего-то важного не знаю. Не успел узнать. Бывает. Подумайте лучше о том, что второго такого случая вам не представится никогда. Пойдете за мной – станете великим герцогом. – Он извлек из воздуха новую сигарету и зажег на кончике пальца самый большой огонь, на какой был способен. – И наплевать, что о новом герцоге подумают богатые бароны. Главное, что станут думать там. – Он показал большим пальцем в потолок.

– Это у вас не Доран-ан-Тег?

– Представьте, он, – нетерпеливо сказал Сварог. – Где Мораг?

– В загородном поместье. Двадцать миль отсюда.

– Там крепость? Замок?

– Нет, обычный особняк.

– Охрана?

– Человек двадцать.

– И все? – искренне удивился Сварог.

Хартог впервые улыбнулся, и шрам на щеке искривился вовсе уж жутко.

– При ней два мага, милорд. Официальных, дозволенных Высокой Короной. Достаточно, чтобы вовремя поднять тревогу.

– Магов я беру на себя, – сказал Сварог. – Но с остальными мне возиться лень, и ими займетесь вы.

– Милорд, вы не поняли! Там и размещено все войско навьев, в старых казармах!

– Навьев я тоже беру на себя, – сказал Сварог.

И все-таки в глазах старого вояки дотлевала искорка сомнения.

– Милорд, я вам верю, но...

– Урак-Омтар, сможешь спалить казармы? – спросил Сварог.

– Обижаете, милорд... – раздался рокошущий бас.

– Ну? – спросил Сварог. – Или будете доживать остаток дней в скромном домике где-нибудь в Ронеро?

– Пожалуй, милорд, я все же попробую дожить остаток дней великим герцогом Харланским... – тихо сказал Хартог и ударил в гонг. Вбежал солдат. – Пошли кого-нибудь в Дорт. Пусть садятся на коней и скачут сюда. Мы выступа-

ем.

– Это далеко – Дорт? – спросил Сварог.

– Три лиги отсюда. Деревня барона. – Он спохватился: – Приказать, чтобы подали поесть?

– Вина разве что, – сказал Сварог, ощущая приятную расслабленность от выигранного поединка. – Скажите, а вы не боитесь, что ваш отряд перехватят на пути к границе?

Хартог скупно улыбнулся:

– Собственно, Мораг сейчас осталась без конницы. Даже те бароны, что не любили Дальга, не послали бы нам наперехват свои конные дружины – баронам не по вкусу пришлось, что одного из них убили так. Смерть от стрелы в спину – подлая смерть. У Мораг сейчас осталась только пехота. Видите ли, в отличие от держав покрупнее у нас не так уж много коронных войск... Половина коронной конницы рассыпалась по Ямурлаку и Пограничью, все еще ловит вас. Другая половина спешно выступила на закат – там, меж морем и Ителлом, рыскает какое-то чудище: то ли гатуран, то ли хелльстадский пес. Давненько такого не случалось. Из деревень толпы бегут в города, несутся курьеры с паническими донесениями. Оно и в города врывалось уже.

– Дела, – равнодушно сказал Сварог. Грустно усмехнулся. – Был один хелльстадский пес, вернее, щенок, который так и не вырос... Ну, это мои печали. Поговорим о деталях...

...Нет, положительно у страха глаза велики. Рассказни о харланских черных магах, бродящих табунами повсеместно, были беззастенчиво раздуты молвой – до поместья Мораг оставалось лиг пять, а Карах, сидевший на плече Сварога в качестве живого магоотметчика, все не подавал голоса. Сварог вспомнил, что и Гарпаг не чуял их присутствия, хотя они подобрались уардов на двадцать. Видимо, маги хороши в ближнем бою, но бесполезны в роли радаров дальнего обнаружения. Сильных повыбили и переловили, осталась мелочь...

Мысли упрямо возвращались к Гарпагу и его последним словам.

– Леверлин, подумай хорошенько, – сказал Сварог. – Кто на Таларе официально именуется магистром?

– Магистр – глава факультета в университете.

– Еще?

– Так, ну... В Снольдере магистром именуется председатель коллегии столичных адвокатов. Правитель Святой Земли – великий магистр.

Скакавший рядом Хартог добавил:

– В Лоране магистром называют главного королевского врача.

– Да, верно, – кивнул Леверлин. – Вот и все.

– Ничего себе – все...

– А кто тебе нужен?

– Среди всех этих магистров нужно отыскать одного-единственного. Но известно о нем только, что его называли «магистр».

– А полегче у тебя поручений нет? – спросил Леверлин. – Море ложкой вычерпать, веревку из песка свить...

– Да это не поручение, – сказал Сварог. – Еще одна загадка. Однажды...

Карах заорал ему в ухо что-то непонятное, и времени переспросить не оказалось – лошади шарахнулись, унимая свою, крутнувшуюся волчком, Сварог

заметил, что весь отряд сбился с аллюра, смешался в беспорядочную толпу, среди которой то и дело взвивались на дыбы истошно ржущие кони.

Темная полупрозрачная полоса неясных, туманных очертаний мельтешила впереди, метаясь по дороге, то и дело вылетая на обочины. Сварог вспомнил о славе предков-лошадников, заорал должные заклинания, какие-то чудом всплывшие в памяти, – и кони замерли смирнехонько. Но веселее от этого не стало.

Черный мохнатый зверь высотой в рост человека загородил дорогу, широко расставив передние лапы, встопорщив шерсть на холке. В раскрытой пасти блеснули такие клыки, что по спине у Сварога забегали мурашки.

– Что, начались штучки магов? – прокричал он Хартогу, оказавшемуся уярдах в двадцати.

– Хуже, милорд, хуже! Гарм, хелльстадский пес! Все пропало! Половину отряда положим!

Сварог швырнул кому-то поводья, перекинул ногу через седло, спрыгнул наземь, схватил за шкуру Караха, сорвал с плеча, сунул в протянутую руку Леверлина. Сделал два шага вперед, сжимая древко Доран-ан-Тега. Либо все решит один хороший удар, либо половина конников ляжет здесь, время будет потеряно, а уж боевой дух...

– Ну... – хрипло сказал он то ли топорю, то ли самому себе, сделал еще два шага, невероятно осторожных, словно ступал босиком по битому стеклу.

Черный зверь стоял, не сводя с него глаз. Глухо рыкнул. Сварог примерился.

Еще два шага.

Зверь вдруг бешено замахал хвостом, подпрыгнул, покатился по земле, вскочил, попытался встать на задние лапы.

Из Сварога словно выдернули какую-то жилочку, на которой все и держалось.

– Боже мой, – сказал он. – Малыш. Да как же ты вымахал...

Он отшвырнул топор и бросился вперед. Увидел, как ближний всадник поднимает арбалет, заорал:

– Не стрелять, повешу!

Черная молния сбила его с ног и катала по земле, то наваливаясь так, что трещали ребра под кирасой, то облизывая лицо горячим мокрым языком. Он отпихивался ладонями, орал, не в силах унять щенка, беспомощно барахтаясь посреди вихря восторга и обожания. И когда наконец смог встать, унимая прыгавшего вокруг Акбара, чувствовал себя так, словно его долго молотили цепями.

– Ну конечно, малыш, – сказал он, пытаюсь привыкнуть к зубастой пасти, жарко дышавшей на уровне его лица. – Следовало сообразить, что у тебя-то был шанс спастись... Это ты меня искал тут? Или просто безобразничал?

Порядок удалось восстановить быстро, послушные фамильным заклинаниям Гэйров кони шагали в строю, но в глазах у них стоял ужас, и Сварог думал, что они непременно заработают стойкую шизофрению. Всадники тоже чувствовали себя не лучшим образом, хорошо еще, что истосковавшийся по хозяину пес держался возле его коня, не отставая ни на шаг. Один Карах, сидевший высоко, был беспечен, прилежно сообщая через равные промежутки времени, что внимания магов к отряду пока что не ощущает. От джинна Урак-Ом-

тара комментариев не поступило – но временами Сварог явственно слышал тихий рокочущий хохоток.

Примерно в лиге от поместья, в редком сосновом лесу, Сварог слез с коня, прошел вперед по дороге с Леверлином и Хартогом. Они то и дело косились на неотступно сопровождавшего Акбара – пес не то чтобы замышлял против них что-то, но показывал всем видом, что терпит их присутствие только из уважения к хозяину и готов по малейшему жесту поотрывать головы. Вряд ли во время своих странствий он проникся любовью и уважением к двуногим...

– Мы едем туда вдвоем, – сказал Сварог Хартогу. – Когда начнется заварушка, вы врываетесь в поместье на полном галопе и аккуратно вырубаете под корень все, что сопротивляется. Прimitивная диспозиция, но другой, по-моему, и не требуется.

– А как я узнаю, что заварушка началась? – невозмутимо спросил Хартог.

– Вы непременно увидите, – пообещал Сварог. – Урак-Омтар, ты меня понял? Когда прикажу поджечь эти чертовы казармы, постарайся, чтобы пламя увидели даже здесь. И можешь быть свободен.

– Почему бы не спалить все поместье, прямо сейчас? – пророкотал джинн. – Что мне стоит?

– А ты сможешь предварительно вытащить оттуда герцогиню?

– Прости, но это было бы четвертым желанием, – сказал джинн. – А уговор есть уговор.

– Зачем нам герцогиня? – спросил Лаверлин. – Даже если только половина из того, что о ней рассказывают, правда, лучше бы пустить ее с дымом без всяких разговоров...

– Извините, граф, но лорд Сварог прав, – сказал Хартог. – Она много знает.

Леверлин молча отдал честь по-ронерски – приложил к сердцу вытянутую дощечкой правую ладонь – и направился к лошадям.

– Карах, в сумку, – сказал Сварог.

– Хозяин, мне бы с тобой. Вдруг я почувствую что-то.

– Куда ж я тебя дену? Плащ надевать не буду, драться помешает.

– А я просто сяду к тебе на плечо, – упрямылся Карах. – Ты же берешь этого зверя?

– Ему не объяснишь...

– Зато я выгляжу гораздо безобиднее.

«И в самом-то деле, – подумал Сварог. – Когда в одном помещении окажутся балующаяся черной магией хозяйка войска из мертвецов и громадный хелльстадский пес – в этой честной компании маленький серенький домовый будет выглядеть безобидно, словно канарейка в клетке...»

Лесок кончался уардах в двухстах от границ поместья. Ухоженный парк с фонтанами и статуями, белыми каменными лестницами, спускавшимися к пруду. Подстриженные в виде шаров и конусов деревья, длинные зеленые полосы густой живой изгороди, посыпанные желтым песком дорожки. В глубине парка виднелось большое светло-коричневое здание с высокими стрельчатыми окнами, террасами, балконами, изящными декоративными башенками цвета осенних листьев, усеявшими крышу из желтой черепицы. Райский уголок. Представить трудно, что неподалеку – угрюмый каменный ящик, набитая навьями старинная казарма.

– Ну вот, а ты хотел спалить такую красоту, – сказал Сварог.

– Все равно, когда здесь промчится конница, красоты поубавится. – Леверлин вздохнул. – И потом будет уйма работы. Нам же мало этого вояку на трон посадить – ему еще удержаться надо, чтобы ты мог спокойно обитать при нем в почете и сытости... А на небесную помощь рассчитывать нечего. Придется нам поработать...

– Нам?

– Не бросать же тебя одного? Придется помочь первое время. Должен же ты наконец увериться, что я не лоботряс, а серьезный человек. И потом, здесь, по слухам, такие вина...

«Салага ты, а не серьезный человек, – подумал Сварог. – Отличный друг, настоящий рыцарь, готовый прикрыть спину, но при всем при том – пацан пацаном. И все же хорошо, что такие живут на свете. Серьезности у него прибавится, если не сложит голову в первом же бою...»

Кони уже шагали по дорожке. Вблизи статуи оказались весьма омерзительными. Обнаженные девушки с прекрасными, но хищными лицами, ниже пояса – змеи. Звери вроде гиен, но с огромными ушами летучих мышей. Волки с почти человеческими головами.

– Интересно, – сказал Леверлин. – Хороши вкусы хозяйюшки... Вот эти – предмет поклонения сатанинских культов, разгромленных лет пятьсот назад, но в глухих уголках еще существующих. Эти вроде бы обитали в седой древности у отрогов Харгофера. А эти, если не считать иных рассказчиков жертвами белой горячки, и посейчас живут в Хелльстаде.

– Живут, – поддакнул Карах. – Правда, могли уже и вымереть...

– Надеюсь, вымерли, – проворчал Сварог, косясь на упомянутую кошмарную тварь. – Очень надеюсь...

– А вот эта паскуда, единственная из всех, мне совершенно незнакома, – сказал Леверлин.

– Я бы на твоём месте этому только радовался, – плюнул Сварог, глядя на пузатое создание с короткими ручками-ножками, личиком дебила и огромной лысой головой с кривыми рожками.

– Интересно... – задумчиво произнес Леверлин, словно не слышал. – Все эти изваяния изображают либо мифических, либо реально обитавших существ. У всех есть прототипы в жизни или мифологии. Но этот рогатый пузан мне решительно неизвестен, и это странно...

– Отложи-ка ученые загадки на потом, – сказал Сварог. – Нет, остановят нас когда-нибудь или они так в себе уверены?

– Нас видят, – вдруг сказал Карах. – Нас не глазами видят. Это бы ничего, обычная магия, но здесь что-то плохое...

– Не трясись, – хохотнул джинн. – Я не обязан давать вам советы или что-то растолковывать, но духи огня помнят добро, мы благородные существа... Так вот, я не чую здесь никого могучего или особенно опасного. То, что здесь обитает, вам вполне по силам.

– Ты прав. Только не совсем, – сказал Карах. – Еще здесь пахнет кем-то... или чем-то... Его здесь нет, но остались следы. И я их боюсь.

– Кто боится следов? – фыркнул джинн. – Только такие крохи... Ну да, смердит какой-то нечистью, но ее здесь нет. Не описайся, крохотуля.

– А кто тебя не выбросил в подвал? – обиделся Карах. – Не подари я тебя хозяину, скучал бы еще сто лет...

– Тихо вы, оба, – сказал Сварог. – Вон, живая душа нарисовалась.

На крыльцо вышел почтенный дворецкий в светло-коричневой с желтым, в тон зданию, ливрее, украшенной золотым галуном и гербами герцогини. По вышколенности и невозмутимости он не уступал Макреду – смотрел на визитеров так, словно сюда что ни день заявлялись всадники в доспехах, домовые и хелльстадские псы, так часто, что успели примелькаться и надоесть. Акбар рыкнул на него, с надеждой покосившись на Сварога. Сварог погрозил ему кулаком. Дворецкий и бровью не повел:

– Как прикажете доложить, господа?

– Барон Готар и граф Грелор. Прибыли из Пограничья.

– У вас дело к высокой герцогине?

– Передайте ей, что мы прибыли от Гарпага.

– О, в таком случае я проведу вас без доклада. Можно ли попросить вас оставить собаку снаружи?

– Боюсь, он не послушается, – сказал Сварог. – Молод еще, ни сладу, ни удержу...

– В таком случае прошу вас пройти, ваша светлость. О лошадях не беспокойтесь, за ними присмотрят. Надеюсь, и собака, и зверюшка у вас на плече будут вести себя в доме пристойно? Не хотелось бы применять к ним... меры убеждения.

– Они хорошо воспитаны, – сказал Сварог. Он боялся, что оскорбившийся Карах и тут ввяжется в спор, демонстрируя умение владеть членораздельной речью и разумность, но домовый благоразумно помалкивал.

Внутри обнаружилось то же несоответствие, что в парке: изящная мебель, подобранные в тон драпировки, золото и хрусталь и тут же статуи монстров, только поменьше тех, что в аллеях. Акбар настороженно сопровождал Сварога шаг в шаг, напрягшись, чуть оцетинившись. Они шли за бесшумно ступавшим дворецким, не встретив ни единой живой души, пушистые ковры гасили все звуки, и они сами себе казались призраками.

Дворецкий подвел их к высокой двустворчатой двери. По обе ее стороны стояли какие-то странные воины – не шевелились, словно бы и не дышали, и лица у них были совершенно серые, как мышьяная шерсть. Сварог догадался, кто это, и ему стало не по себе.

Дворецкий коснулся створок, и они бесшумно распахнулись. Встав у левой, спиной к ней, он торжественно возгласил:

– Ее высочество великая герцогиня харланская!

Открылся огромный зал, совершенно не гармонизировавший с анфиладой великолепных покоев, по которым они только что прошли. Противоположная двери стена закрыта гигантской черной портьерой, на ее фоне особенно ярко сверкают золотой трон и золотая статуя козла с отвратительной мордой – он поднял левую переднюю ногу, словно сделавший стойку сеттер, голова угрожающе наклонена вперед. Боковые стены – алые. Потолок и пол – черные, покрытые мириадами золотых каббалистических знаков. Окон только два, узких, высоких, с крохотными фиолетовыми и зелеными стеклами в массивных, затейливых свинцовых переплетах, но в зале тем ни менее светло, как снаружи.

Они шли вперед, пока уардах в десяти от трона их не остановил повелительный голос:

– Стойте!

И они остановились. Сварогу так и не выпадало доселе случая поинтересоваться возрастом герцогини, почему-то она представлялась костлявой седой мегерой. Но Мораг оказалась довольно красивой женщиной лет тридцати, разве что в темных глазах и уголках рта таилось нечто то ли истеричное, то ли злобное. Судя по открытому палевому платью и темным косам, уложенным в затейливую прическу и перевитым алмазными бусами, ничто человеческое ей не чуждо. О том же свидетельствовал и стоявший у трона молодой красавец с холеным надменным лицом, одетый с пошлой роскошью преуспевающего фаворита. Сварога он занимал меньше всего. Гораздо меньше, чем двое в темно-алых мантиях: у каждого в волосах над левым ухом поблескивал кроваво-красный самоцвет – как у Гарпага. Правда, эти были гораздо моложе Гарпага.

– Итак, вы из Пограничья, – сказала Мораг. Голос оказался приятным, звонким. – Вы принесли какие-то известия от Гарпага? От нашего дорогого Гарпага? Как благородно с вашей стороны было пренебречь собственными делами ради нашей скромной персоны...

В ее голосе звучала неприкрытая ирония. Один из магов провел в воздухе ладонями. Меж вошедшими и тронем возникла едва заметная глазу пелена, невесомый занавес, словно бы вышитый загадочными знаками – трепетными, искристыми, как пылинки, попавшие в солнечный лучик.

Сварог выхватил шаур, выстрелил дважды и с огромным облегчением увидел, что завеса исчезла, а маги сломанными куклами опускаются на испещренный каббалистическими знаками пол. Он слышал, как сзади визгнул выхваченный Леверлином меч, как с рыком вскочил усевшийся было Акбар, но не оглянулся – смотрел, как удивление на лице Мораг сменяется страхом, а страх – злобой. Красавчик тоже оказался не из трусов – выхватил меч и шагнул вперед, заслоня герцогиню. Сварог сказал:

– Будете умницей – останетесь жить. Будете умницей?

Красавчик кинулся на него с мечом. Сварог, ухмыльнувшись, небрежным взмахом снес клинок по самую рукоять, оставив фаворита ошеломленно тарашиться на эфес с косым обрубком лезвия. Вновь обернулся к Мораг:

– Прикажите вашему мальчику стоять тихо. Зашибу ведь.

– Отойди! – резко бросила Мораг красавцу, и тот повиновался, зло ворча, отошел на прежнее место. – Что вам нужно? Кто вы такие?

Она невероятно быстро овладела собой, чертова баба. И Сварог догадывался о причинах – поблизости, в старых казармах, полным-полно этих причин...

– Я – лорд Сварог, граф Гэйр...

– Врете, – спокойно перебила она. – Лорд Сварог, граф Гэйр, должна вас огорчить, а себя лишний раз порадовать, давно получил сполна...

– Ну хорошо, – сказал Сварог. – Какая разница, кто я такой? Гораздо интереснее узнать, что мне нужно, правда?

– И что же вам нужно?

– Хочу сообщить, что вы низложены.

– Кто же это меня низложил? – обольстительно улыбнулась Мораг. – Впервые слышу...

– Я, – сказал Сварог. – Простите, но пришлось...

– Любезный незнакомец, вы мне нравитесь. Обожаю наглецов. В постели

они обычно великолепны, но с вами, боюсь, придется расстаться слишком быстро, чтобы мы успели...

Конечно, она полагалась на свое мертвое войско. И все равно не должно бы ей оставаться столь спокойной. Пока ворвется стража, ее десять раз успеют убить. И все же она совершенно спокойна. Что-то тут не так...

– Ладно, хватит, – сказал Сварог. – Урак-Омтар, начинай.

– Выполняю, – раздался рокошующий голос. – И прощайте.

Алая лента огня рванулась из накалившегося кармана Сварога, ширясь и разбухая, стрелой мелькнула к окну. Со звоном посыпались наружу осколки витража. Все обернулись туда, даже Мораг и ее красавчик. Вдали, над деревьями, взметнулись к небу ало-золотые языки пламени, сопровождаемые раскатистым грохотом и гулом, а мигом позже жаркий вихрь встряхнул зеленые кроны так, что листья брызнули во все стороны, ливнем посыпались на чистенькие аллеи и газоны.

– Вот и нет у вас больше навьев, – сказал Сварог. – Сейчас тут будут две сотни конников. Вопросы есть?

Пламя, взлетевшее едва ли не к облакам и продолжавшее бушевать, было весьма наглядным аргументом. И Сварог с любопытством ждал, что же она теперь предпримет.

Она с искаженным лицом дернула одно из золотых украшений подлокотника. И еще раз. И еще. Нет, эта штукавина, явно не сработавшая, служила не для вызова стражи – двое серолицых влетели в зал, застыли у двери, а Мораг все еще дергала золотую шишечку.

– Что там такое? – спросил Сварог, стоя вполборота к двери и краем глаза наблюдая за навьями. – Мы должны были провалиться под пол или она вместе с тронном?

– Она, – сказал Карах. – Там, под тронном, колодец, а под вами ничего такого нет...

– Назад! – отчаянно завопила Мораг. – Заприте дверь снаружи!

Навьи выскользнули в дверь и захлопнули ее за собой. Раздался грохот засова. Сварогу это не понравилось – тем более что Мораг вновь исполнилась уверенности в себе. И злобно, торжествующе расхохоталась:

– Даже если ты – Серый Рыцарь, ты дурак. Сейчас придет Он и сыграет по своим правилам...

Она обернулась к гигантской черной портъере. И почти сразу же произошло невероятное: Акбар поджал хвост, прижал уши и с диким воем бросился в угол, сжался там, пытаясь прикрыть голову лапами. По полу прокатился серый клубок – кубарем скатившийся с плеча Сварога Карах помчался к запертой двери, в слепом ужасе колотясь о дубовые панели. Словно бы горсть ледяного крошева соскользнула по телу Сварога от шеи к животу. Амулет рассыпался?!

Что-то сверкающее, длинное, заостренное вылетело прямо из портъеры, словно из стены черного тумана, пробило Мораг насквозь. Запрокидываясь, оседая, она оказалась лицом к Сварогу, и он увидел на прекрасном, злобном, гаснущем лице лишь безграничное удивление. Окровавленное острие, торчавшее из ее груди, больше всего напоминало кусок льда. Так и есть – когда Мораг рухнула ничком, разбросав руки, острие сломалось с глухим хрустом.

Красавчик бросился к ней, опустил на колени. Из-за разбитого окна до-

несся грохот множества копыт и азартный посвист, крики и лязг стали.

Сварог оглянулся через плечо – Акбар осторожно выходил из угла, ставя лапы так, словно шагал по тонкому льду. Карах перестал биться о дверь. Что бы там ни таилось за портьерой, ОНО ушло.

– Ну вот и все, а я-то думал... – сказал Сварог.

И тогда упала портьера.

И за ней открылся другой зал, вполовину меньше этого: весь черный, без окон, с кучей пепла посередине, огороженной кругом из обломков неотесанных камней.

И там стояли навьи, штук пятьдесят.

Они приближались, надвигались беззвучно мягким кошачьим шагом, чуть пошевеливая клинками, их лица ничего не выражали, и они до ужаса походили друг на друга.

«Хартог ошибся, – оторопело подумал Сварог. – Не знал всего. Они еще и в доме, и в парке несомненно, иначе почему там до сих пор продолжается сеча? Будь охранников всего двадцать, как говорил Хартог, две сотни конников стоптали бы их, едва заметив...»

Навьи надвигались, обтекая двумя потоками тело Мораг и застывшего над ней красавчика, вновь смыкая строй. Отступая к двери, Сварог вырвал из кармана шаур, выстрелил в ближайшего. Попал. Но тот, с глубоким разрезом на груди, все так же надвигался, и из раны не показалось ни капли крови.

Бесполезно, понял Сварог. Правы те, кто их описывал. Их нужно разрубить в куски, иначе не остановишь... Рубить двери бессмысленно, не успеешь, не дадут...

Черная полоса, едва напоминавшая очертаниями исполинскую собаку, ворвалась на правый фланг навьев и ополоумевшей молнией замелькала среди них, сбивая с ног, расшвыривая, во мгновение ока произведя среди стройных рядов жуткий беспорядок. Началась свалка – но отвлекла она лишь половину наступавших.

Сварог, держа древко обеими руками, бросился вперед. Он рычал, как зверь, и в самом деле перестав быть человеком, молотил направо и налево, рассекая, рубил, уворачивался, окраиной сознания отмечая сыпавшиеся на него удары, но в горячке не чувствовал боли. Старался не ослепнуть от ярости, дрался расчетливо, насколько мог, в первую очередь обрубая руки с мечами и снося головы.

Навьи отхлынули вдруг, оставив меж собой и Сварогом широкое пространство, усеянное жутко изрубленными телами, – и все эти обрубки шевелились... Безголовая фигура, лишившаяся правой руки, левой, шаря неуверенно, слепо, пыталась вцепиться Сварогу в горло. Доран-ан-Тег, свистя, рассек ее пополам, и она рухнула. Акбар еще дрался, с ним ничего не могли поделать даже эти верткие дьяволы – мечи рассекали пустоту, мешая друг другу. Сварог, обнаружив, что с него сбили рокантон, отер лоб тыльной стороной ладони, глянул на руку – кровь... Леверлин стоял рядом, они обменялись быстрыми взглядами. Студент тоже был окровавлен, но крепко стоял на ногах.

Навьи вновь двинулись на них.

– Отойдите от двери, – услышал Сварог сзади четкий, громкий, спокойный голос. Леверлин вздрогнул – он тоже слышал.

– Отойдите от двери, живо! В стороны!

Сварог, не рассуждая, отпрыгнул. Леверлин сделал то же самое.

С дверью произошло нечто странное – цельные створки вдруг превратились в ряды висящих в воздухе резных квадратиков, в просветы меж ними виднелся коридор и непонятные синие силуэты. Потом исчезли и эти висевшие без опоры кусочки, остатки резных панелей. В зал хлынули синие фигуры – комбинезоны в обтяжку из отливающей металлом ткани, головы и лица закрыты глухими капюшонами, в руках странные ружья.

Синие вытянулись густой цепочкой от стены до стены, встали локоть к локтю, вскинули свои странные трехстволки со стволами словно бы из пронизанного золотистыми нитями стекла – и, похоже, повели беглый огонь. Не было вспышек, не слышалось ни звука, но навьи один за другим цепенели вдруг, чернели, как головешки, и на пол падали, уже окончательно почти рассыпаясь пеплом. Сварог рванулся к Акбару, оказавшемуся на линии огня, но его схватила за локоть неслышно возникшая рядом синяя фигура, и раздался спокойный голос:

– Для живой материи это не опасно. Впрочем, постарайтесь успокоить собаку. И не суетитесь.

Раздвинув двух синих, Сварог увидел в противоположной стене аккуратный квадратный проем, и перед ним – такую же шеренгу, ведущую огонь. Беззвучная мясорубка работала – они методично целились, нажимали на спуск, и вскоре в промежутке меж двумя синими шеренгами замерло всякое шевеление, только Акбар стоял над кучами пепла и недоуменно озирался, не понимая, куда девались враги. Зарычал на синих.

Сварог с трудом успокоил его. Ныло все тело, но кираса с кольчужными рукавами из запасов барона Дальга оказалась прочной. По виску ползла теплая струйка. Возле трупа Мораг все так же, уперев локти в колени и зажав ладонями голову, сидел роскошно одетый красавчик, казавшийся сейчас самой нелепой деталью картины.

Синие разбрелись по залу, осматривая все углы. Один направился к Сварогу. Акбар, рыча, прыгнул наперерез. В руке синего что-то негромко хлопнуло с ярко-оранжевой вспышкой, и пес, окостенев подобно изваянию, медленно повалился набок.

Сварог поднял топор. Синий провел справа налево по горлу большим пальцем правой руки, поддел край капюшона и стянул его, откинул на спину. Сварог увидел лицо Гаудина – спокойное, вялое, меланхолическое.

– Снотворное, – сказал Гаудин. – И только-то. Чтобы не путался под ногами. У вас кровь, стойте спокойно... – Он сложил ладонь ковшиком, провел надо лбом Сварога, беззвучно шевеля губами. – Вот так... Поздравляю, лорд Сварог. Порой, наблюдая за вами, я испытывал неподдельное восхищение. А со мной такое редко случается, я скуп на чувства. Для чужака в этом мире вы держались прекрасно...

Сварог долго смотрел на него. Потом медленно протянул руку к его груди. Пальцы непонятным образом соскальзывали с синей ткани.

– Не старайтесь, не получится, – сказал Гаудин. – Неужели вам станет легче, если вы схватите меня за глотку и встряхнете как следует? Глупости... Милый мой, я не нянюшка. И не сентиментальная девица. Я разведчик. Я второе лицо в секретной службе империи. И обязан помнить: тот, кто строит козни против вас, угрожает не одной вашей драгоценной персоне, а кое-чему большему. И

когда представилась столь великолепная возможность, когда вы оказались в роли живца, я обязан был выжать из ситуации максимальную выгоду. Вам не кажется, что за вами числился небольшой должок? За столь радушный прием нужно было и заплатить самую чуточку... Кстати, если вас интересует. Есть несколько непроясненных моментов, но в целом ситуация ясна: тот, кто сбросил ваш ял на землю, этим и ограничился. Не без оснований рассчитывал, что в Хелльстаде вам придет конец. Мы ведь отыскиали вас, когда вы уже плыли на «Божьем любимчике»... На дуэль вызывать будете?

– Подите вы, – зло сказал Сварог. – Непременно нужен был еще и спектакль в канцелярии наместника?

– Признаться по совести, можно было обойтись и без него, – усмехнулся Гаудин. – Но хотелось посмотреть, на что вы способны. Что вас больше всего злит – то, что вы оказались не таким уж одиноким героем, или то, что вас не вытащили вовремя? Я уже говорил в свое время, что имею на вас виды... Поймите, я не дал бы вам погибнуть. В Старой Гавани ваш домовой однажды почувал-таки один из моих драккаров, спустившийся слишком низко. Мы бы вмешались, возникни поистине смертельная угроза.

– Не буду я на вас работать, – сказал Сварог.

– Да будете, куда вы денетесь, – махнул рукой Гаудин.

– Вы замечательно бережете ваших людей, – зло бросил Сварог. – Капитана Зо и барона Дальга уже уберегли...

– О, эти дилетанты... – вздохнул Гаудин. – Они работали оба на Снольдер, поймите вы. Конкретнее – на Морское Бюро, есть там такая контора. Ну с чего вы взяли, что это мои люди? Они вам говорили? Нет? Вот видите. Вы просто сделали неверные выводы. Мы за ними наблюдали, верно, чтобы облегчить себе работу. Но на меня они никогда не работали. Хотя капитан Зо в плане возможного сотрудничества меня интересует...

– Опоздали.

Гаудин рассмеялся:

– Ах, вы решили... Лорд Сварог, на дне у Старой Гавани покоится трехмачтовый корабль под названием «Три козырных розы».

«Божий любимчик» потопил его, сам изрядно пострадал, но прорвался в низовья реки. А ваша собачка сбежала в суматохе. Уверен, Зо предусмотрел, что на корабль у пристани могут напасть. Он, выйдя к Старой Гавани днем позже вас, сразу определил, что это чужие мачты. И сушей направился к Великому Каналу. А «Божий любимчик» вышел в море через Снольдер, плывет за капитаном... Вот так. Что до барона Дальга... Юноша был честлюбив и прекрасно понимал, на что идет. Будь он моим человеком... Моих людей так примитивно, стрелой в спину, не уберешь.

– Значит, люди Дальга вовсе не рассчитывали на вас...

– Естественно. С чего бы им на меня рассчитывать? Снольдер послал бы сюда все имеющиеся у него самолеты, попытался бы поджечь казармы прежде, чем войско навъев выйдет к его границам. Или подал бы жалобу наместнику, что вероятнее. В таких случаях мы вмешиваемся немедленно. Кстати, чем это вы ухитрились поджечь казарму? Удивили вы меня жутко этим фейерверком...

– Джинн, – сказал Сварог. – Дух огня.

– Неужели они еще остались? Занимательно... Герцогиню убили вы или

ваш спутник?

– Она... С ней произошло что-то странное.

– Хорошо, потом расскажете подробно. – Он обернулся, поманил одного из своих людей: – Передайте на виману императрицы, что они могут спускаться. Опасности нет. Только сначала приберите там... самое неприглядное. И ведите сюда новоявленного великого герцога. – Он хитро глянул на Сварога. – Вот вам прекрасный случай страшно мне отплатить. Императрица считает, что я обнаружил вас всего час назад. Стоит вам рассказать ей, как обстояло на самом деле, и я кану в бездну опалы...

– Вы же прекрасно понимаете, что я этого не сделаю, – сказал Сварог зло.

– Понимаю, – ухмыльнулся Гаудин. – Я сразу понял, что душа у вас добрая, нежная, трепетная... Потому и уделяю вам столько времени... – Он оглянулся. – Граф, можно попросить вас подойти?

Леверлин приблизился с видом гордым и независимым. Крови на нем не было – успели поработать люди Гаудина, но кираса носила следы жестоких ударов. На плече у него примостился Карах. «Отсиделся где-то в уголке, – обрадовался Сварог, – а я уж думал, растоптали в свалке мохнатого...»

– Поздравляю, молодой человек, – сказал Гаудин. – Вы с лордом Сварогом прекрасно справились.

– Старались, знаете ли. – Леверлин смотрел на него без особого пиетета. – Спасибо, что помогли... в самом конце.

– Ну, без нашей помощи конец для вас мог оказаться и печальнее... Любезный граф, я прекрасно понимаю, что такое питомцы Ремиденума, коим свойственны бравада и удадь в любых обстоятельствах. Но сейчас сюда войдет императрица, и постарайтесь вспомнить все, что вам известно об этикете.

– Я дворянин, милорд.

– Вот и отлично. Лаур великий герцог... – Он слегка поклонился подошедшему Хартогу и бросил торчавшему за его плечом синему комбинезону: – Снимите корону с бедной дамы и принесите сюда. Размер, думаю, не тот, да потом подгонят...

Кираса на Хартоге была в длинных вмятинах, и держался он чуточку виновато. Понурился, сказал Сварогу:

– Милорд, я и не подозревал, что полсотни этих тварей были и во дворце. Прорывался к вам, как черт.

– Много потеряли? – спросил Сварог вяло.

– Человек сорок. Потом появились...

– Тише, господа, – сказал Гаудин. – Императрица. Визит совершенно неофициальный, но об этикете забывать не следует. – Он за шкурку снял Караха с плеча Леверлина и поставил на пол. – Любезный мой, посидите где-нибудь в уголке, домовые церемониалом, даже малым, не предусмотрены...

Сварог молча поднял верного домового на руки – из мальчишеского желания досадить. Гаудин промолчал.

Синие комбинезоны, так и не откинувшие капюшонов, построились в две шеренги, взяли оружие на караул. Вошли несколько камергеров и блестящих гвардейцев – кое-кто был Сварогу уже знаком, а за ними появилась Яна в черном мужском костюме с сиреневым кружевным воротником и такими же манжетами. На голове красовался лихо заломленный черный берет с пышным белым пером, приколотым алмазной брошью, а на боку – невыносимо

изящная шпага. «Мерлезонский балет, – зло подумал Сварог. – Зеленый охотничий костюм из тончайшего бархата. Черный батальный костюм для посещения царственной особой поля боя, когда там уже успели присыпать опилками красные лужи, подмести и пинками откатить в канавы неэстетично отрубленные головы...»

Но, несмотря на тупую боль то ли от ударов, то ли от сознания, насколько жестоко его провели... Несмотря на роль дурацкой марионетки, несмотря... Черный берет подчеркивал золото волос и синеву глаз, она была прекрасна и ни в чем не виновата, искренне обрадовалась ему. А с Леверлина можно ваять аллегорическую статую «Поэт, пораженный красотой юной королевы».

Хартог, брякнув доспехами, рухнул на левое колено, как и предписывал этикет. Интересно, а с этого какую аллегория ваять? Только сейчас до Сварога дошло, как лихо и беззастенчиво старый вояка его использовал с превеликой выгодой для себя. Рисковал капитан головой. Но игра того стоила. Хартог во все не рассчитывал увидеть лара, но, когда таковой воспоследовал и Сварог с ходу предложил капитану трон великих герцогов, тот, мысленно махнув рукой на все несообразности и неясности, сделал самую большую в своей жизни ставку. И получил самый крупный в жизни выигрыш. Ну и черт с ним... Сварог слушал вполуха, как Гаудин называет имена и описывает подробности. Потом увидел обращенные к нему сияющие глаза Яны, наивные до глупости, растерянно поклонился, стыдясь сжигающей его злости.

– Вы герой, граф Гэйр, – сказала Яна. – Я безумно рада вас видеть. Какое счастье, что вас отыскали наконец...

– Заслуги лорда Гаудина на этом поприще неопределимы, – сказал Сварог. – Оставить его без должной награды было бы вопиющей несправедливостью.

Яна повернула руку ладонью вверх, мигом позже ладонь чуть опустилась под тяжестью затейливого ордена, многолучевой золотой звезды. Приложила орден к синему комбинезону Гаудина, и регалия волшебным образом прилипла, осталась на груди, когда Яна отняла руку. Вторая, в точности такая же, оказалась на груди Сварога, потом настал черед Леверлина и Хартога. Сварог скопил глаза вниз. Звезда была величиной с тарелку, лучей там насчитывалось не меньше дюжины, подлиннее и покороче, по ним блистающими пунктирами протянулись бриллианты, сапфиры и рубины, да вдобавок орден был украшен ажурным золотым плетением, причудливыми арабесками, выглядел пышным до нелепости. Во рту у Сварога стоял вкус дешевого мыла.

Она уже обнажила шпагу, блестящую, как зеркало, а камергеры и гвардейцы завистливо таращились глупыми глазами на новенькие ордена. Она слегка ударила по левому плечу оцепеневшего от торжественности момента Хартога и звонко, старательно произнесла:

– Данной мне властью и в силу традиций Империи Четырех Миров посвящаю вас, рыцарь, в великие герцоги Харланские со всеми правами и обязанностями, кои влечет за собой сей титул!

Видно было, что она впервые участвует в подобной церемонии и ей это страшно нравится. Сварогу захотелось взять ее за руку, подвести к трупу Морага, все еще лежавшему на прежнем месте (и заслоненному спинами синих), сказать: «А вот это труп, ваше величество. Когда убивают живого человека, получается труп».

Он сдержался, конечно. Ни к чему расстраивать лишними трупами юных

девочек, в данный момент мнящих себя персонажами древних рыцарских романов. Чем меньше человек увидит в жизни трупов, тем лучше. Тем более что самим трупам все равно, служат они в воспитательных целях или нет.

Воспользовавшись тем, что Яна захотела осмотреть зал, Сварог тихонько вышел в коридор. Повсюду следы жестокой схватки: кое-где лежат трупы – но остались только выглядывшие наиболее пристойно и эстетично, те, что вполне могли сойти за бутафорию к съемкам лихого боевика. Как и следовало ожидать. Казармы еще догорали – над кронами висел вертикальный столб грязно-бурого дыма, слабо колыхался, понемногу истаивая. Одни газоны изрыты конскими копытами, на других стоят боевые драккары и пурпурная с золотом вимана Яны. Повсюду в картинных позах застыли Бриллиантовые Пикинеры – лейб-гвардия, усачи в черных мундирах, обильно украшенных алыми кружевами и густыми рядами бриллиантовых пуговиц, нашитых где только возможно. Пики с фигурными наконечниками, на которые они небрежно опирались, были, понятно, не пики, а излучатели чего-то впечатляющего и крайне эффективного, Сварог толком так и не узнал. Поодаль, держа под уздцы коней, почтительно косясь на заоблачную гвардию, выстроились уцелевшие солдаты Хартога. Вот и все. Итог как итог, не хуже и не лучше многих. И Сварог, глядя на разгромленный парк, печально подумал: неужели и здешняя жизнь станет лишь повторением пройденного?

Он подергал разлапистую звезду, но звезда сидела прочно, как пришитая.

– Смешно, – сказал неслышно подошедший Гаудин. – Сколько служу по департаменту, награждали исключительно к торжественным дням, и моя скромная персона помещалась обычно в конце длинного списка. И вдруг на грудь мою порхнул один из высших орденов. Не без вашей помощи.

– Не стоит благодарностей, – сказал Сварог, отвернувшись.

– Канцлер будет в растерянности и ярости. Из-за удостоившихся столь же высокого отличия ваших сподвижников. По старой традиции для земных обитателей отведена парочка вполне пристойных, но третьеразрядных орденов, но императрица, не подумав, одарила ваших соратников Полярной Звездой, которой удостоивались и немногие короли. Занятный казус.

– Должно быть, – вяло согласился Сварог.

– Конечно, личная канцелярия ее величества обязана будет отправить награжденным патенты, ибо решение императрицы отменено быть не может, дабы не компрометировать перед обитателями земли принципа непогрешимости трона...

– Бросьте, – сказал Сварог. – Что случилось?

– Крайне любопытная арифметика имеет место быть, – меланхолично сказал Гаудин. – Здесь уничтожено около шести сотен навьев – но экстренно предпринятое обследование выявило в последние дни в Ямурлаке и Пограничье около семи тысяч относительно недавно вскрытых могил...

– Что? Значит, остальные где-то в Харлане?

– Нет.

– А где?

– Не знаю, – сказал Гаудин. – К этому можно добавить, что моей службе неизвестны ни всадники на ящерах, атаковавшие вас возле храма, ни виновники гибели Фиортена, я просто не представляю, кто это может быть, их не должно существовать, и тем не менее... Ну что, не будете со мной работать?

– Буду, – сказал Сварог. – Но исключительно оттого, что у меня появились свои счета. Но если вы думаете...

– Ничего я не думаю. Я решаю, подходит мне человек или нет. Вы мне подходите, лорд Сварог. Вам не приходило в голову, что все это время вам самим диким, фантастическим образом везло?

– Приходило.

– Если верить иным ученым, везение – физическая категория. Как время, гравитация или электромагнитное поле. Словом, вам следовало бы доискаться до сути своего предназначения в этом мире. Есть одна старинная книга...

– «Об искусстве игры в шакра-чатурандж»?

– Уже знаете? Ах да, Борн... Не смотрите на меня так. Никто его не заставлял выбирать именно эту дорогу.

– Что это за очаг там, в доме?

– Это жертвенник. Капище сатанистов, воссозданное с превеликим тщанием согласно старинным «черным трактатам». И пусть вас не удивляет, что портьера, сквозь которую пролетело убившее Мораг ледяное копье, при тщательном осмотре оказалась совершенно целой. Она, как и многие, излишне полагалась на хозяина, преспокойно пожертвовавшего ею, как только он понял, что больше она никакой пользы не принесет. Вы не обратили внимания на отсутствие в особняке зеркал?

– Как-то не приглядывался. Не было времени.

– Там нет ни единого зеркала. Очень странно для дома, где обитала молодая, красивая женщина, имевшая в услужении десяток юных красавиц... Видите ли, свой истинный облик порой можно скрыть так надежно, что не помогут и предназначенные для выявления такового заклинания, но зеркало нельзя ни обмануть, ни зачаровать. Очевидно, в доме обитал еще и некто, имевший веские поводы опасаться зеркал. Если вам доведется когда-нибудь попасть в дом, где нет ни единого зеркала, постарайтесь покинуть его побыстрее. – На его лице появилась жестокая усмешка. – Как только улетит императрица и ускачет новоявленный великий герцог, я выжгу это гнездо на лигу вокруг. Коли уж все можно списать на штурм, бой... Вы знаете, как для того, кто умеет видеть, выглядят одержимые присутствием нечистой силы города? Они закутаны мглой, акварельно-серой, полупрозрачной, устойчивой... Пойдемте. Вашу собаку уже перенесли в виману, делать нам здесь больше нечего...

Навстречу им шел Леверлин. Сварог остановился, не зная, что сказать. Любые слова были бы не теми.

И Леверлин заговорил первым:

– Ну что, все у тебя отлично?

– Боюсь, что да, – сказал Сварог, мучительно подыскивая слова. – А ты?

– Опустошу винные подвалы герцога, насколько удастся, потом поплыву домой. Любезный батюшка, увидев беспутного сына с Полярной Звездой на груди, будет в умилении. Если подвернутся приключения – заходи. Равена, Ремиденум. Там меня знают даже кошки на крышах, только не нужно спрашивать дорогу у пожарных – студенты Ремиденума с их цехом в традиционной вражде... Удачи, дружище!

Итог

В зеркале, занимавшем весь простенок, отражался спесивого вида субъект в мундире Яшмовых Мушкетеров – янтарного цвета, с рядами пуговиц из желтых опалов и золотым лейтенантским шитьем в виде виноградных листьев, а также – блиставшей слева Полярной звездой. Сварог отвернулся от своего отражения, ни в чем, собственно, не виноватого.

– Вас интересует какая-то определенная книга, милорд? – спросил дворецкий.

– «Об искусстве игры в шакра-чатурандж».

– Сию минуту, милорд.

Сварог уселся в высокое старинное кресло и смотрел, как дворецкий в белой с сиреневым ливрее поводит рукой, и прямо в ладонь ему, описав плавную дугу, спускается с одной из верхних полок толстый том в черном кожаном переплете.

– Прошу вас, милорд.

– Благодарю. Скажите... что теперь будет с замком?

– Вероятнее всего, во владение вступит один из дальних родственников, которому перейдет титул и манор лорда Магара – дабы род не пресекся. Вы разрешите задать вопрос?

– Разрешаю, – сказал Сварог.

– Обстоятельства кончины последнего лорда Магара покрыты тайной... Я надеюсь, лорд Магар не посрамил чести своего благородного рода?

«Это тоже итог, – подумал Сварог хмуро. – Неужели отважные поступки должны завершаться тем, что пустой замок достанется препустому наследнику, а напыщенный холуй в бакенбардах будет задавать идиотские вопросы?»

– Я полагаю, сам лорд Магар именно так и считал, – сказал он. – И имел на то все основания.

– Благодарю вас, милорд...

Он легко нашел нужное место – наугад открыв книгу там, где лежала чуть выцветшая закладка из плотной белой бумаги, покрытая небрежно нарисованными от руки парусными кораблями.

«Правило двадцать второе: Серый Ферзь может вводиться в игру лишь однажды, любым из игроков, кто решится на это первым. Поскольку неизвестно заранее, на чьей стороне будет сражаться ферзь, он именуется серым, каковое наименование носит и в дальнейшем. На чьей бы стороне ни вводился в игру Серый Ферзь, его боевые качества, перечисленные выше, не изменяются.

Правило двадцать третье: после ввода в игру Серого Ферзя противная сторона вправе вместо своего следующего хода ввести в игру на своей стороне фигуру, именуемую Гремилкар, чьей главной задачей является охота за Серым Ферзем ради возможного его уничтожения».

– Прекрасно, – произнес вслух Сварог, охваченный нехорошими предчувствиями. Конечно, жизнь не повторяет игру автоматически и бездумно, но в одном игра и жизнь абсолютно схожи: на каждого охотника всегда найдется кто-то, для кого именно этот охотник станет дичью...

– Простите, милорд, вы что-то сказали?

Со двора доносилась тихая и печальная церемониальная музыка. Оркестр был замковый, а вот мелодия – заимствованной у кого-то из земных компози-

торов. Трам-пара-пам, та-та-та-парам... гроб на лафет, он ушел в лихой поход, гроб на лафет, пушка медленно ползет...

Сварог, заложив руки за спину, прошелся по залу. Обернулся к выжидательно застывшему дворецкому:

– Как вы думаете, изобретатель игры в шакра-чатурандж был умным человеком?

– Согласно легендам, ученый, коему в древности приписывалось изобретение этой игры, слыл великим мудрецом.

– Будь он не столь мудрым, меня это, возможно, устроило бы больше, – сказал Сварог.

Когда совершенно не представляешь, что тебе делать и откуда ждать удара, изреки пустую, но эффектную фразу, и это создаст удобную иллюзию, будто последнее слово остается за тобой...

И всерьез сможешь притворяться, что тебе полегчало.

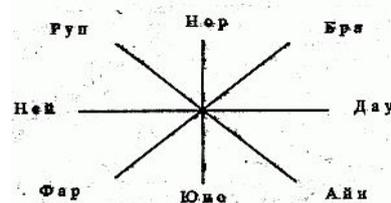
Нет, в самом деле помогает, говорят.

Глоссарий

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О летосчислении

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма – ибо какое-то время его затухающие волны все прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерииум, 3466

г. Х.Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летоисчисление – так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов – 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле – 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летоисчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня – 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане – 613 год Вольности.

Календарь

Таларский год состоит из семи месяцев – Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц – из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса – канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии – свои праздники.

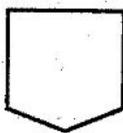
Геральдические щиты

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов – для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

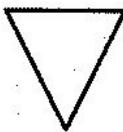
1. Дотир

2. Джунарг

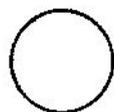

3. Даугар

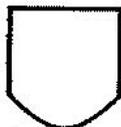

4. Дроглор

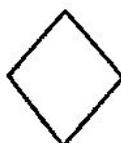
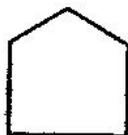
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

Флаги государств

Флаги Виглафского Ковенанта.[14]

Лоран – горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан – «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер – желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро – горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан – горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот – белое полотнище с черным солнцем.

Шаган – вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур – горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля – фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг – синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза – темно-синее полотнище с белым кругом. В круге – черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый – мудрость. Зеленый – надежду. Черный – упорство. Красный – отвагу, жизненную силу. Желтый – богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

Гербы государств

Виглафский Ковенант

Лоран – дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой – три золотых кольца. На синих – по золотому якорю.

Харлан – дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах – по коричневому мечу острием вверх. В коричневых – по белому мечу острием вверх.

Снольдер – даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита – золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро – даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей – золотая лилия, на черной – Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан – дегоар. Щит – черный с золотой каймой. В центре – золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам – золотые цветы чертополоха.

Горрот – домблон. На белом фоне – черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган – дрогмор. На синем поле – золотой колокол.

Сегур – дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя – золотой парус на зеленом поле, нижняя – пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне – черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

Прочие гербы

Святая Земля – дуарат. На зеленом поле – золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг – джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями – золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза – дрогмор. На темно-синем фоне – красная ладонь.

Короны Виглафского Ковенанта

Лоран – корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[15] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого – рубин, огранный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан – обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью огранными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер – корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках – по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками – по три бриллианта, огранных «розой». Впереди, надо лбом, – золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неогранный, весом 480 квинтунов[16]). Зубцы отсутствуют.

Ронеро – корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка – рубин, огранный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан – корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 – в виде трилистников клевера). В основании

каждого зубца – рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, – желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот – корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена – рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых – солнце, выточенное из черного опала.

Шаган – корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех – ограненные рубины, у основания четырех – ограненные изумруды.

Сегур – корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев – ограненные сапфиры.

Прочие короны

Корона Великого Магистра Святой Земли – открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, – крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне – крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра – она из железа.

Дворянские короны и титулы

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны – потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых – миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови – потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукругием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона – обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона – обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона – обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона – обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза – обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждо-

го – прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х.Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Майоров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) – золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) – золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций – золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, введенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

Краткие сведения о Реверене Гонзаке

Реверен[17]*Гонзак* (3627 Х.Э. – ?) – скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х.Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Майоров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы там ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х.Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установле-

ниях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сивльванский скрибано, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н.Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О титулах, сословиях и многом другом

(Письмо третье, реверена Гонзака)

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские – воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой

Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля – это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Сова – это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет одного наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуется пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней – разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества – подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит – Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в

целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах – но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

Золотые гильдии

1. Оружейников (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Мехащики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувов (цехи: Стеклодувов, Стеклопосуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

Серебряные гильдии

1. Кораблестроителей.

2. Моряков.

3. Речных матросов.

4. Мастеров изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды,

Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псаря.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики – дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеров (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

Бронзовые гильдии

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеводы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопек, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

Медные гильдии

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

Железные гильдии

1. Заводские мастеровые.

2. Мусорщики.

3. Мастера паровых машин.

4. Мастера воздушных шаров и планеров.

5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.

6. Портовые рабочие.

7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.

8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям – со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих – ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, – увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней – эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскош-

ными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые – в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров – гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл – человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не слугитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин – люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же – рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Не совершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О купеческом союзе, именуемом Ганза

(выдержки из шестого письма реверена Гонзака)

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пи-

ратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств – процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, – не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится – ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего – как это было с Сандоварским Уложением[18]. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров – одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные – не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[19] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Ле-

гата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда – что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О загадочной и поразительной стране Иллюзор

(письмо седьмое реверена Гонзака)

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, – мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой – к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, – тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо – ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, – суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причаст-

ные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых – где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь – ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности – но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто – написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда – во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко – звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересидевшая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того

не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит – знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей неизменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О крае, именуемом Святой Землей

(выдержки из восьмого письма реверена Гонзака)

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников – ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как

расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне – они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

Некоторые заметки о военном деле

(выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака)

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск – например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попада-

ются там и ронины. Полки эти именуется номерами и по роду войск – например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, – а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуется также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» – древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти – все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций – они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых – всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), – одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший – ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, другой мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области,

где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще – полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», – там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командой лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, – то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В упомянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов – тисовые, для полковников – виноградные листья, а для генералов – дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое – дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа[20].

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти ны-

нешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, – ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами[21]. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими – капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой – на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов – таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро – адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране – адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов – один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний – Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов – и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офи-

церов, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься – я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено – лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей – и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей – и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы – благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик – лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места – да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет – лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные – рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

Некоторые заметки о морских островах

(выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака)

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова[22]. А пока что, другой мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство – моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител – есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, – а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь – Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими из-

влекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них – что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров[23], и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой – от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна – оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая – рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обрат-

но те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходится, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма

тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьё Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром – каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур – последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур – землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур – права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны – или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превы-

шает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что по купеческой привычке это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько – замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака – таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу – и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль[24].

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый перщерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую[25], а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», – фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов – из них более всего известны венис[26] и бакан[27]. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но

слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего – разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О городах

(выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака)

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые – королю, а третьи – вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном – власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

Некоторые замечания о головных уборах

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой – поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар – фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон – твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты – крученный шнурок.

Капарат – круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана – фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаун-

ского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах – излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила – матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» – твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами – форменный головной убор военных моряков.

Буниль – остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным наатыльником. Будничным головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль – вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер – форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон – твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка – остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

Краткие сведения об одежде

Камзол – короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* – более длинный, почти до колен. *Колет* – камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) – одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы – как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

Замечания о богах и храмах

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого – Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное

или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью – от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ – в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореме осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореме»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, – самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореме. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел – те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слои общества верят, что молитва Ашореме облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореме в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореме находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореме отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореме могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореме – кошка.

БРИГИТА – богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует – лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ – самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини – крестьяне обоюбого пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной жен-

щины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мезтью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался – ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно[28].

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС – бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса – исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ – бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседа-

ющего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей – и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) – бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился – главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Катауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки – с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри – статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славились прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла – исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак – их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку – грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла – военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь – три в Снольдере, два в Конеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл – покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС – бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители

бога – исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени – взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» – лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х.Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» – старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА – так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье – Сет-Змеенос, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

Роспись классных чинов, или чиновничьих классов

1. Колонный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Майоров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генераль-

ским чином, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 – к капитанам, 11–12 – к лейтенантам, 13–14 – к сержантам.

Монетная система

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» – 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты – круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медный готирам.

Медный готир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты – круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» – монета в 7 статов.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» – монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шатан

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав – круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последнее время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты – круглые, балиган – семиугольный, пятерик и семерик – семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты – прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты – круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные – в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные – все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты – золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы – серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрут, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

Ордена и медали**Глан**

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце»

(награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок»

и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов[29].

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный?)

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»[30].

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:
«Процветание» (купеческая).
«Око» (полицейская).
«Ларец».
«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:
«Три золотых кольца».
«Отличие Престола».
Военные ордена:
«Рыцарская лента».
Орден Заслуги.
«Меч и кольцо».
«Золотой якорь» (военно-морской).
Орден Тигра.
Гражданские ордена:
«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шатан

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости
«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедр.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней – «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Майоров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

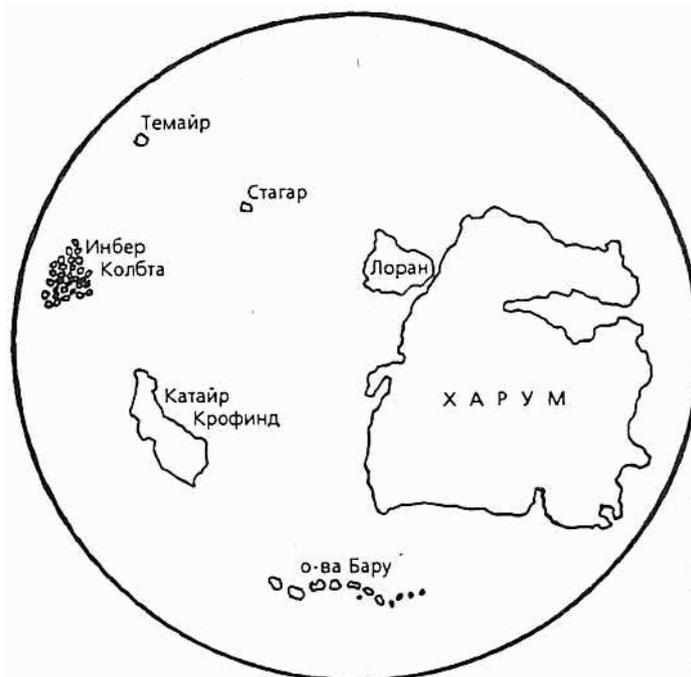
Ордена Сегира, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Приложения

Планета Талар. Полушарие заката

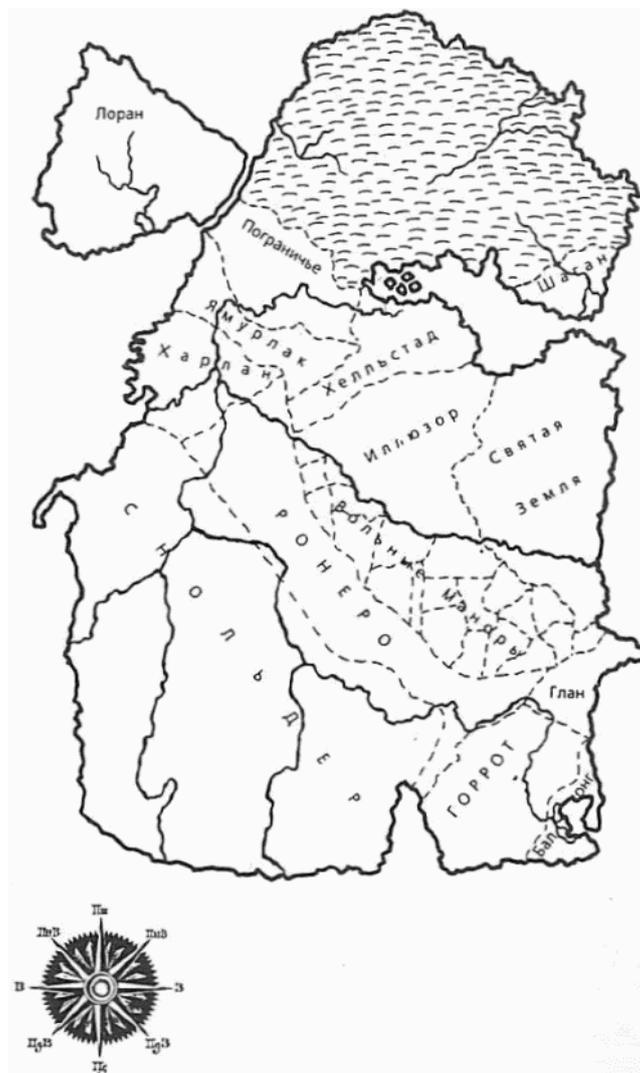

Планета Талар. Полушарие восхода

Физическая карта континента Харум Политическая карта континента Харум

Александр Бушков Летающие острова

– Ты говорила, что звезды – это миры, Тэсс?

– Да.

– И все такие же, как наш?

– Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей яблони. Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

– А мы на какой живем – на красивой или на подгнившей?

– На подгнившей.

Томас Гарди. «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»

Авторы стихов приведенных в романе: Анна Ахматова, Ольгерд Довмонт, Редьярд Киплинг, Маттиас Клаудиос, Аркадий Кулешов, Хорхе Манрике, Новелла Матвеева, Борис Пастернак, Хуан де Тассис Перальта, граф де Вильямедиана, Марина Цветаева, Роберт Рождественский.

Часть первая

Равена, красивый город

Глава 1

Заговорщики под шорох снежинок

Темно-зеленая ель была великолепна. Сварог навиделся их достаточно и мог оценить должным образом. Настоящая новогодняя елка, все другие, сколько их ни есть, напоминали бы драного помоечного котенка, оказавшегося рядом с тигром.

Ель вздымалась на добрых сто ударов и могла укрыть под кроной всю гвардию иного Вольного Манора. Она была настоящая. Ее ничуть не заботил тот факт, что она произрастала лигах в двух над земной твердью, среди огромного летающего острова, где для новогодних праздников воздвигался зимний дворец Яны, – понятно, это был не дворец, а целый город. Сварог посмотрел в ту сторону. Ель была впечатляющая, но такая стройплощадка поражала гораздо больше. От полупрозрачного диска, повисшего высоко над новым островом, то и дело ударял вниз тоненький сиреневый луч – и секундой позже вырастало очередное строение. Если моргнуть, можно и не заметить, как возник поблизости павильон бордового кирпича с темно-синими башенками по углам и золотыми флюгерами. Вот только каждый раз над диском столь же мгновенно вспухало неслышным взрывом белое тяжелое облако, и несколько минут шел натуральный густой снегопад, после чего бесследно исчезало. Сварог, прилежно нахватавшийся азов и вершков, уже примерно соображал, в чем тут фокус.

Создаваемые с такой, казалось бы, легкостью куски жареного мяса и тонкие напитки, сигареты и дворцы хотя и возникали как бы из ничего, состояли из обыкновенных атомов, которые за секунду сколачивала в единое целое заданная программа. Каждое заклинание, если вкратце, и было такой программой, либо отысканной инстинктивно после долгих проб и ошибок за тысячелетия магической практики, либо созданной более прогрессивным способом – на здешних вычислительных машинах. Только-то и всего. Нечто вроде генов и хромосом, по которым природа создает флору и фауну.

Естественно, эти гены и хромосомы, эти программы нужно знать заранее, если хочешь что-то создать. Безликие «просто меч» или «просто дворец» никогда не возникнут по желанию неопытного мага – разве что есть программа, своего рода типовой проект сигареты, меча или дворца. Ну а штучная работа требует подробного знания. Так что создать хотя бы одну штучку «Мальборо» или орден Почетного легиона Сварогу не помогли бы ни весь апейрон Вселенной, ни все здешние машины.

Ну а снег и холод – неизбежный побочный продукт, как выхлопные газы при работающем моторе. Когда большое число атомов группируется в материальный объект, атомы не возникают из ничего – их, конечно, можно синтезировать, но гораздо проще и рациональнее попросту выдернуть из окружающего воздуха. На долю секунды возникает вакуум, который в полном соответствии с присловьем о не терпящей пустот природе мгновенно заполняется воздухом, и в результате неких процессов получается резкое похолодание в некоем объеме, снежная туча и снегопад. Для атмосферы – чересчур ничтож-

ная потеря. Чтобы ее компенсировать, если уж вам непременно приспичило быть педантом-филантропом, достаточно послать драккар и обратить в пар десяток триаров[31] морской воды.

Увы, эти сведения, почерпнутые из школьного курса для начинающих, убили всю поэзию и тайну, крившиеся прежде в глазах Сварога в магии...

– Терпеть не могу холода и снега. – Гаудин неуклюже поднял воротник роскошной меховой шубы. – Обычно Новый год всегда праздновали в Антлане, со снегом, конечно, но и с искусственным климатом, без этого дурацкого ветра. Так и швыряет в лицо чертов снег...

Искусственный климат должен был воцариться и здесь с окончанием строительства, как во всех летающих владениях ларов, и Гаудин это прекрасно знал, но все равно ворчал, раздосадованный даже не погодой, а опозданием тех, кого они ждали. Сварог больше помалкивал. Не так давно он узнал, что его странствия по Талару происходили, оказывается, в разгар зимы. Именно так здесь и выглядел разгар зимы – ни морозов, ни снега, просто потом гораздо теплее, вот и все...

И все же лары, пять тысяч лет празднуя Новый год, отождествляли его со снегопадом. Лучшее доказательство, что их предки и впрямь когда-то прибыли сюда с Земли, сиречь Сильваны. Правда, на Сильване сейчас стоял то ли август, то ли сентябрь, но это лишь означало, что лары когда-то жили в тех местах, где в канун нового, по их счету, года лежал снег и стояли холода. А на Таларе, если верить древним преданиям, даже до Шторма не было настоящей зимы...

Сварог не выдержал, наклонился, скатал тугий хрусткий снежок и запустил в спину Гаудину, пониже воротника. Лорд удивленно обернулся:

– Что это вы?

– Так играют дети зимой, – сказал Сварог.

– Ну да, что-то такое я смутно помню, в Антлане, в раннем детстве... Глупость какая. Сейчас, в преддверии едва ли не самой важной в вашей жизни минуты, затевать варварскую детскую игру...

– Это я от застенчивости, право слово, – сказал Сварог, отряхивая влажные ладони. Гаудин хмыкнул:

– Я недолго вас знаю, граф, но успел понять, что застенчивость вам мало свойственна...

– Тогда считайте обуревающие меня чувства тягостным недоумением. Коли застенчивость не подходит. Seriously, я в самом деле не пойму, отчего столь влиятельные персоны должны встречаться этак по-воровски. Как сказал бы старинный романист, в воздухе веяла неуловимая атмосфера зловещей тайны. Начальник разведки Империи, военный министр...

– У нас нет военного министра, потому что мы ни с кем не ведем войн, – мягко сказал Гаудин. – Лорд Фронвер всего-навсего заведует департаментом под номером три. И занимается тем, что примерно можно назвать «изучением проблем защиты и обеспечения безопасности в гипотетических кризисных ситуациях». Фактически он военный министр, вы правы, но не забывайте о тонкостях бюрократии и этикета...

– Понятно, – сказал Сварог. – Я в свое время вдоволь наслушался этих обтекаемых терминов, за которыми обычно скрывается... изучение проблем. Терминами меня не удивишь. Но меня и в самом деле удивляет, почему такие лю-

ди, как их ни называйте, крадутся украдкой на незаконченную стройку...

Гаудин смотрел на заснеженную равнину, где один за другим возникали фантастические дворцы, изящные лестницы и бездействующие пока фонтаны, осыпаемые обильным снегопадом из низких, клубящихся, то и дело вспухавших над головой туч. Пожалуй, сейчас он был не просто меланхоличен по всегдашнему своему обыкновению – по-настоящему печален. Сварог терпеливо ждал, борясь с ощущением, что Гаудин напрочь забыл о его присутствии.

– Я в странном положении, признаться, – сказал наконец Гаудин, не поворачиваясь к нему. – Словно бы вынужден извиняться перед вами за какие-то замшелые пережитки старины, которые вы у нас обнаружили свежим взглядом... Собственно, это правда. Все так и обстоит. Я о пережитках. Помните, мы с вами как-то говорили о приключенческих романах и обнаружили, что те, которыми увлекаются наши мальчишки, и те, ваши, которым еще предстоит возникнуть, удивительно схожи? И в чем-то отражают жизнь. Так вот, как ни грустно мне в таком признаваться, кое в чем наша жизнь ничем не отличается от той, что кипит внизу. У нас есть много вещей и возможностей, которых внизу нет. И мы знаем больше. Вот и все. А в остальном – до жути похоже. Те же интриги, и у подножия трона, и поодаль от него, та же дворянская вольница, те же примитивные страсти и побуждения, имеющие подоплекой те же примитивные цели – борьба за титулы и отличия для себя и за опалу для врага... Мы точно такие же – только у нас есть развитая магия, компьютеры и межпланетные корабли. Понимаете?

– Кажется, да, – сказал Сварог.

– Иногда я не верю, что у нашего бытия есть цель, – тихо сказал Гаудин. – Я не осуждаю и не оправдываю существующий порядок, я просто не знаю другого и не собираюсь ломать голову, выясняя, возможен ли другой и каким он должен быть. Но мне иногда горько. До того, как вы появились, мне и мыслями не с кем было поделиться, хотя молодежь о чем-то таком шепчется... Вы знаете, почему при работе внизу мои люди вынуждены соблюдать строжайшую конспирацию и максимум осторожности? Да в первую очередь оттого, что всякий владелец манора вправе держать внизу свою агентуру. И соглядатай какого-нибудь чванного болвана, дурака-камергера, придворного соперника герцога Гленора или моего, при малейшей нашей оплошности настроит донос. А его хозяин при малейшей возможности поднимет в Тайном Совете или Палате Пэров невероятный шум, вопя о систематическом и злонамеренном нарушении традиций... Беда традиций в том и состоит, что они не учитывают неизбежных изменений. И в том, что защита славных традиций – идеальнейший способ сводить счеты.

– Но вы же обязаны работать... – сказал Сварог. – Вы, черт побери, стоите на страже и все такое прочее...

– Стою, – усмехнулся Гаудин. – Но дело даже не в интриганах. Очень многие попросту хотят, чтобы наша работа велась так, как она велась тысячелетие назад. И ставят палки в колеса не из интриганства, а из самых благих побуждений... И они не в силах уяснить, что может возникнуть новая, не предусмотренная традициями опасность. Самый весомый аргумент у них один: мы достаточно могущественны, чтобы справиться с любой угрозой. Потому что справлялись до сих пор...

– Ну да, – сказал Сварог. – Человек с пулеметом на вершине горы посреди

населенного дикарями острова...

– Любимая метафора Борна. И в ней, должен сознаться, есть своя правда... В общем, иногда работать нам невероятно трудно. Любой болван в силу древних вольностей и привилегий может шпионить за моими людьми. – Гаудин хищно ухмыльнулся. – Правда, у таких шпииков не написано на лбу, чьи они люди, и с ними могут произойти... прискорбные инциденты. Но все это ужасно отвлекает и усложняет работу.

– У вас что же, так никогда и не нашлось сильной руки, способной поприжать эту вольницу?

– Отчего же... Но наше положение в чем-то гораздо хуже положения земных королей. У них всегда найдутся союзники, которых можно натравить на титулованную вольницу, – свободные горожане, мелкие дворяне, купцы-банкиры, офицерство, всем обязанное одному лишь монарху... Ничего этого здесь нет. Здесь есть только владельцы замков – и их слуги. Конечно, попытки были... Но после смерти герцога Дальрета – кстати, до сих пор неизвестно, естественной ли – сменилось три поколения, и у нас прочно забыли, что такое твердая рука. Герцог рубил головы не колеблясь, но он взвалил на плечи чересчур тяжкую ношу и был очень уж одинок...

– Вообще-то рубить головы – не самый лучший выход... – осторожно сказал Сварог.

– Я знаю. Но иногда невыносимо тяжело смотреть на эти спесивые, тупые морды... Орк, по крайней мере, азартный игрок и авантюрист, он мне мешает, но виден насквозь, как и его цели. Гораздо хуже – тупые морды, обремененные родословной... Я не могу даже снабдить своих резидентов современными средствами связи – потому что раньше так не делали, и я обязан соблюдать традиции. Ну, хватит. Вам еще многое предстоит узнать. А сам я... я очень хотел бы доискаться, почему в вашем будущем не осталось памяти и о нас, и о Таларе. Вообще-то это еще отнюдь не означает, что в будущем Талар перестал существовать, вовсе не означает...

– Как это? – Сварог с любопытством наострил уши.

– Если допустить... Ага, вот они!

Синяя с золотом вимана, пробив низкие тучи, опустилась в нескольких шагах от них – Сварог даже отшатнулся, показалось, что летающий домик падает прямо на голову. Дверь распахнулась, и он, чуть не до колен проваливаясь в сугробы, метя снег полами шубы, неуклюже заспешил туда следом за Гаудином.

Едва дверь закрылась за ними, вимана тут же пошла вверх, вертикально, на огромной скорости, небо за высокими окнами из синего стало темно-фиолетовым, покрылось колючими звездами – вимана вошла в верхние слои атмосферы, и Сварог уже не мог определить, движется она или застыла на месте. Он сбросил шубу прямо на пол, следуя примеру Гаудина. Подошел к огромному камину – пламя, скорее всего, было иллюзией, опустился в тяжелое кресло. Молча взглянул на сидевших напротив. Все они выглядели немногим старше него, вовсе не казались надменными, но держались со спокойным, уверенным превосходством людей, привыкших, что от них зависит очень многое.

– Герцог Гленор, – сказал Гаудин.

Узкое породистое лицо, тяжелая челюсть. Совершенно невозмутимое лицо.

Образец джентльмена. Должен чертовски нравиться женщинам – хотя кто способен понять женщин?

– Лорд Фронвер.

Больше похож на рассеянного ученого, чем на военного министра Империи. А поскольку он все-таки военный министр, с человеком столь обманчивой внешности ухо следует держать остро...

– Лорд Кримтон. – На вопросительный взгляд Сварога Гаудин добавил: – Лорд Кримтон – второй человек в департаменте, отвечающем за установки, концентрирующие апейрон, и заводы, где производится все необходимое. Промышленность, жизнеобеспечение, удовлетворение потребностей... И я ничуть не польщу лорду Кримтону, назвав его человеком, на котором и держится эта махина, – потому что официальный глава департамента... гм, мягко говоря, не уделяет департаменту должного внимания.

«Ну, понятно, – подумал Сварог. – Молодые дельные заместители, на которых все и держится, и сановное старичье, официально стоящее во главе. Знакомо. Чересчур. Самое печальное в таких ситуациях – у стариков не хватает ума ограничиться чисто парадными функциями, они стремятся давать ценные указания и вмешиваться во что ни попадя, отчего результаты выходят плачевные до жути».

Он внимательно посмотрел на Кримтона – этот больше всего походил на добродушного кабатчика, толстый и высокий, очень сильный на вид, кудрявый, с ухоженными бакенбардами, какие на земле обожают холить моряки. Только рот чересчур жесткий и маленький, портит весь образ. Но Сварогу человек этот, в общем, глянулся.

– Лорд Тигернах. Из Мистериора.

Ну, это ясно – синяя мантия, покрытая золотыми каббалистическими знаками, рядом, на столике, – черный колпак, увенчанный золотым полумесяцем. Маг выглядел не старше остальных, но волосы совершенно седые.

– Не будем терять времени, – сказал Гленор. – Лорд Сварог, здесь собрались люди, в чьих руках находится непосредственное управление разведкой, промышленностью и вооруженными силами. Нас можно заменить, можно при нужде действовать в обход нас, но пока что мы крепко держим штурвал... Мы не замысливаем никакого заговора – еще и потому, что заговор, устроенный нами троими, никогда не увенчается успехом без помощи десятков сторонников на ключевых постах рангом ниже. Мы также не составляем какого-то тайного общества – еще и потому, что тайное общество, как правило, возникает ради какой-то конкретной цели. А мы, даже сегодня, пока что не можем назвать наши задачи и стремления конкретной целью. Скажем так – здесь собрались люди, обеспокоенные нынешним положением дел в Империи. И только. Возможно, в будущем и придется создать что-то вроде тайного общества. Время покажет. Но сейчас я назвал бы нас людьми, стремящимися к реформам, – в обстановке, когда высокое начальство и значительная часть общества не желают никаких реформ.

– Реформы – это прекрасно, – сказал Сварог. – Простите, если я ляпну что-то нетактичное... но очень уж часто бывало, что реформаторы считали себя солью земли, а своих противников тупыми ретроgrадами, но впоследствии оказывалось, что все обстояло несколько... иначе. Иными словами, со мной уже однажды сыграли втемную. Больше что-то не хочется...

– Мысль вполне разумная, – кивнул Гленор. – Я вас понимаю. И не стану запугивать, но хочу, чтобы вы накрепко уяснили одно: речь пойдет о важнейших государственных тайнах. И хочу быть в вас полностью уверенным. Либо вы отклоняетесь и вернетесь к веселой доле придворного вертопраха, либо играете в нашей команде. Но пути назад уже не будет. Слишком многое поставлено на карту. И при необходимости мы найдем способ разделаться с вами так, что даже императрица не доищется правды.

– Это я понимаю, – сказал Сварог. – Но я до сих пор не слышал ничего конкретного...

– Это следует понимать как согласие?

– Да.

– Хорошо. Прежде всего определим четко: вы – не один из нас. Пока что. Вы – исполнитель, облеченный огромным доверием. Если вы обдумаете все трезво и беспристрастно, согласитесь сами, что просто-напросто не заслужили еще положения равного. Еще и оттого, что плохо знаете нашу жизнь. Разумеется, с помощью соответствующей техники можно набить вашу голову информацией. Но этот ворох разнообразных сведений будет бесполезным, а то и откровенно вредным без определенного жизненного опыта... Понимаете?

– Понимаю, – сказал Сварог. – И не собираюсь возражать.

– Отлично. Конечно, со временем вы можете достичь неких высот. Но пока что вам не следует претендовать на многое... Это не задевает вашего честолюбия?

– Да я вообще не знаю, честолюбив я или нет.

– Значит, честолюбивы, – усмехнулся Гленор. – В должной мере. И это меня устраивает. Вы прекрасно провели операцию там, внизу...

Теперь усмехнулся Сварог:

– Если бы я еще знал, что провожу операцию...

– Ну, вы знаете, почему получилось именно так. Насколько я понимаю, обиды не таите? Прекрасно. У вас есть вопросы?

– Я хочу понять наконец, как я здесь очутился и почему это сопровождалось... странностями.

– Ну, это просто объяснить, – сказал Гленор. – После того как мы провели скрупулезное расследование... Нашлись лихие экспериментаторы из молодых, замыслившие вернуть из неизвестного далека пропавшего без вести графа Гэйра. И выдернули вас. Характер вашей загадочной связи с графом Гэйром так и остался непроясненным. Или есть достижения, Кримтон?

– Увы, – пожал плечами Кримтон. – Опуская ученые подробности, в которых не сведущ не только лорд Сварог, но и прочие, постараюсь выразиться попроще... Лорд Сварог, исследование некоторых параметров вашего мозга, совокупности биологических излучений организма и генетического кода привело к поразительному выводу: данные характеристики и параметры во многом схожи с характеристиками и параметрами графа Гэйра. Хотя и не повторяют их. Кто-то из молодых выдвинул шальную гипотезу... Скажите, вы хорошо помните своего отца? Он не отличался какими-либо... странностями, необычными для окружающего времени способностями, которые могли казаться сверхъестественными?

– Вот это поворот! – сказал Сварог. – Значит, вы думаете... Нет. Как ни вспоминаю, ничего подобного не нахожу. Он погиб, когда мне было десять лет. Но

я его хорошо помню. И ничего странного за ним не замечал.

– И все же я хотел бы отработать эту версию.

– Давайте отработаем как-нибудь, – пожал плечами Сварог. – Но мне плохо верится... Послушайте, показал бы мне кто-нибудь портрет вашего графа Гэйра. У меня в замке нет ни одного.

– Я распоряжусь, – кивнул Гленор. – Где-то должны остаться материалы. Что касается ваших первых часов здесь... Гаудин, вы ведь этим занимались, вот и расскажите.

– Ну, мой рассказ был бы гораздо более захватывающим, не ускользни от нас доктор Молитори, – усмехнулся Гаудин. – Доктор Молитори был агентом некоей силы... которую мы, отбросив дипломатию, прямо назовем Князем Тьмы. В реальном существовании этой силы в последнее время многие сомневались, и это позволило означенной силе какое-то время действовать нагло и безнаказанно. И подчинять себе людей, превращая их в свои послушные орудия. К сожалению, не одних потомственных слуг родом из Антлана... Лорд Сварог, помните, как вас навещали двое гвардейцев?

– И одного из них называли герцогом...

– К превеликому нашему сожалению, – четко выговорил Гаудин, размеренно кивая. – Это действительно были гвардейцы, лары, и один из них был герцогом.

– Были?

– Были, – кивнул Гаудин. – Они успели покончить с собой. Как несколько других. Я взял лишь двоих, мелкую сошку, узнал не так уж много, но все же... Вами попытались завладеть, едва вы появились. Потому от вас и требовали так настойчиво назвать полное имя. Иначе не получить должной власти над человеком. О подробностях вам позже, если будет время, расскажет лорд Тигернах. Сейчас это несущественно. Итак, вами попытались завладеть – не вышло. Тогда Молитори попытался уничтожить вашу личность, ваше «я» – скорее всего, чтобы заменить какой-то другой личностью. Это ему тоже не удалось. Невозможно было попросту разбить вам голову первым попавшимся табуретом и уничтожить труп – слишком многие знали об эксперименте, в котором доктору Молитори отводилась ограниченная роль. И вас, скрепя сердце, выставили в замок Гэйров, чтобы при первой возможности потихоньку убрать. Вскоре для общения с вами доставили с земли ямурлакского вампира. Когда ничего не вышло, испортили ял. Вот и все, если вкратце.

– Странно.

– Что именно?

– Очень уж мелкого пошиба пакости, – сказал Сварог. – Мне всегда казалось, что у существа, именуемого Князем Тьмы, большие возможности...

– По части вмешательства в человеческую жизнь? Ну, не такие уж большие. Необходимы одушевленные инструменты. Чем они незауряднее, чем сильнее, деятельнее, умнее – тем ощутимее вмешательство, – Гленор посмотрел ему в глаза. – Вы хотели правды? Получайте, я хочу быть с вами предельно искренним, вы должны поверить, что вас больше не станут использовать, как вы изящно выразились, втемную... Так вот, дорогой мой. На каждого из ныне живущих и на земле, и в небесах действует магия, колдовство, чары. И, чтобы они не действовали, человек должен защититься либо хорошо изученной магией, либо верой, либо соответствующими предметами. Так обстоит со всеми

без исключения... кроме вас. Магия, колдовство, чары и тому подобное на вас не действуют. Вообще. Вас можно обмануть иллюзией – как это мог проделать ямурлакский вампир, в котором больше от примитивного гипноза, чем от настоящей магии. От вас можно что-то скрыть за магической завесой. Но на вас невозможно ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ. Те, кто умеет защитить себя и других от черной магии, долго учатся. А у вас это получается само собой. Врожденное, как цвет волос. Вот так, лорд Сварог. Теперь понимаете, почему у меня не дрогнет рука избавиться от вас в случае необходимости, несмотря на всю симпатию, какую я к вам испытываю? Ни о чем подобном вы не подозреваете, но вы – страшный человек. Вас невозможно подчинить. Либо вы ценнейший союзник, либо опаснейший враг. И я прошу вас оценить мою откровенность. Игра идет честная.

– Ну, спасибо, – сказал Сварог.

– Не забывайте, что при всем при том вы – обычный смертный. Бывают случаи, когда не поможет ни хелльстадский пес, ни Доран-ан-Тег. Как и любому другому, вам следует опасаться удара ножом в спину или отравы в бокале. Мало того. Существуют способы воздействия на расстоянии, не имеющие отношения к Высокой Магии, – и они, подозреваю, могут оказаться против вас столь же эффективными, как против любого из нас...

– А конкретнее?

– Увы, – Гаудин по всегдашнему обыкновению грустно покривил губы. – Вот так, с маху, я не берусь перечислить... Слишком много старых фолиантов придется изучить, провести кое-какие исследования. К тому же неизвестно пока, какие штучки из тех, что считаются забытыми, сохранились где-нибудь в потаенных закоулках... Честное слово, я не кривлю душой, глупо было бы в данной ситуации. Всего лишь хочу вас предостеречь от излишней самоуверенности. Здесь тот же самый механизм: своя система оговорок, не уступающая по сложности любому головоломному купеческому контракту. Будь у нас хоть два-три дня, я мог бы сказать что-то конкретное, однако... – Он досадливо поморщился. – Нет времени, совсем. Чуть погода сами поймете. Человек не может быть всеведущим. Две тысячи лет считалось, что «заклинания сухой ветки» исчезли безвозвратно, – и вдруг наш агент натывается на неграмотного крестьянина, владеющего всеми девятью... – Гаудин несколько натянуто улыбнулся. – Вообще-то вас порой спасало чистейшей воды везение. Помните ту тварь в Хелльстаде, что заинтересовалась вашим ожерельем настолько, что оставила вас в покое?

– И хотел бы забыть, да где там... – хмыкнул Сварог.

– Мои люди откопали в старых книгах ее полное описание. Именуется эта тварь «аземана» и представляет собою довольно опасную разновидность вампира, владеющего, судя по всему, той самой техникой дистанционного воздействия, не имеющей ничего общего с магией. Вы могли отбиться от нее мечом – а могли и не успеть... И срабатывает против нее одно-единственное средство: вовремя подсунуть груду одинаковых, однотипных предметов, которые она, прах ее побери, тут же примется бесконечно считать и пересчитывать, пока не наступит рассвет. В книге написано, в старые времена для защиты от нее путники прихватывали с собой горсть зерна, детских стеклянных шариков, пуговиц, пригоршню перца, наконец... Кстати, считалось, она вымерла еще до Шторма, даже в Ямурлаке исчезла начисто. В общем, вам невероятно повезло.

– А змеелюди? – жадно спросил Сварог.

– До них, откровенно признаться, еще не докопались. Я же говорил, слишком много старых книг пришлось бы перелистать.

– У вас что, такие данные в компьютеры не вводятся?

– Вот то-то и оно, что не вводятся, – нехотя произнес Гаудин. – Некоторые. Старинные книги сплошь и рядом таят массу загадок. Своеобразных мин, ловушек, сюрпризов, каверз. Даже те, что непосвященному покажутся вполне безобидными и не имеющими отношения к магии. Одни тексты опасно механически копировать. Другие можно сколько угодно читать глазами, но при попытке произнести вслух самые внешне безобидные фразы бывают сюрпризы, от смешных до печальных весьма. Наши далекие предки забавлялись с магией чересчур уж изощренно, безоглядно используя ее где только возможно... что их и привело к печально известному концу. Пользуясь случаем, хочу заодно предостеречь и от опрометчивых забав с древними инкунабулами. Мало ли что вам попадется внизу... Люди опытнее вас порой оказывались в нештучных хлопотах... Давайте перейдем к делу. К тем самым важнейшим государственным тайнам, которые вы, судя по вашему лицу, отчаянно жаждете познать. И совершенно зря, замечу. У зрелого человека государственные тайны по размышлению вызывают лишь разочарование и печаль... Так вот, о нашем мире вы уже сейчас знаете примерно столько, сколько знает обычный лар, светский вертопрах, не обремененный государственной службой или страстью к познанию мира. Увы, таких среди нас – девяносто девять из сотни... Откровение первое: мы не всезнающи и не всеведущи. И наши средства наблюдения, вопреки устоявшемуся мнению, никак нельзя назвать всепроникающими. Иные районы Талара для нас закрыты. Мы не в состоянии видеть и слышать, что делается в Хелльстаде. Он словно бы прикрыт незримой броней. Техника, которую туда отправляют, моментально выходит из строя. Агенты, будь то лары или жители земли, либо пропадают без вести, либо возвращаются полупомешанными – и это при том, что обычные искатели удачи порой выходят из Хелльстада не потеряв ни конечностей, ни здравого рассудка. При всем при этом наши коллеги из Мистериора клянутся, что Хелльстад никак нельзя назвать местом, где безраздельно царят силы зла. Что-то другое. Что, мы не в силах доискаться. Далее – Горрот. Там – иное. Мы можем смотреть и слушать, в Горроте сидит императорский наместник, любой из нас, явившись туда с соблюдением этикета, встретит надлежащий прием, наши тайные агенты возвращаются оттуда с полезной информацией – но сохраняется впечатление, будто там идет вторая, скрытая жизнь.

– А на чем это впечатление основано? – спросил Сварог.

– На чутье, – бледно улыбнулся лорд Тигернах. – На интуиции. Так опытный моряк по цвету неба предсказывает будущий шквал, хотя не в состоянии объяснить словами, что его гнетет...

– Мы в любой момент можем смести Горрот до последней былинки, – продолжал Гленор. – Но для этого нет веских, законных оснований. То, что Горрот расположен на землях, где когда-то обитал сильнейший из черных магов древности, известный как король Шелорис, – еще не основание. Стандартные процедуры никакой черной магии там не выявили. А интуиция Мистериора, да простит меня Тигернах, – чересчур зыбкий юридический фундамент... Далее. Мы не в состоянии проникнуть в тайны иных храмов – и Шагана, и иных

братств Единого, взять хотя бы братство святого Роха. Утешение одно – мы твердо знаем, что эти тайны не служат силам зла. Шаган каким-то чудом остановил на своих рубежах Глаза Сатаны...

– Пойдите, – сказал Сварог. – Там, в Пограничье, были люди Стахора...

– Эти мелочи вы потом обсудите с Гаудином. Мы же сосредоточимся на более серьезных проблемах. В конце концов, места, где бессильно наше могущество, не особенно нас беспокоят – это всего лишь мелкий укол для самолюбия. При необходимости сможем обрушить туда такую мощь, что любые опасения заранее беспочвенны... – Он помолчал, словно собираясь с духом. – Сейчас нас должно занимать одно – Глаза Сатаны. Ваш рассказ об одном из них, обернувшимся человеком, сам по себе мог бы переполнить чашу терпения, однако... Произошло нечто страшное, лорд Сварог. Два дня назад, близ рубежей Пограничья, на занятой Глазами Сатаны территории сбит боевой брагант...

– Ваш? – задал Сварог идиотский вопрос и тут же пожалел.

– Наш, разумеется. Ни у кого, кроме Империи, нет боевых летательных аппаратов... Брагантов было три. Когда первый вдруг рухнул и остальные пошли на помощь, один из пилотов успел передать, что хотел предварительно обстрелять Глаза Сатаны – там были пулеметы с серебряными пулями, – но оружие отказало. Потом связь прервалась. Точного места катастрофы никто не знал, пришлось искать...

– Я поднял по тревоге эскадрилью Серебряной бригады, – сказал Фронвер. – Это серебряные машины, оснащенные всем необходимым для действий против нечистой силы или черной магии. Случаи, когда их бросали в бой, можно пересчитать по пальцам одной руки. Конечно, они оказались на высоте. Они отыскали место катастрофы, уничтожили там все шары на пол-лиги вокруг, сели и забрали трупы... одиннадцать человек, убитых неизвестным образом. Десять антланцев и один лар, лорд Кадор.

– Это, конечно, самое тягостное... – сказал Сварог.

– Бросьте шутить! – Гленор почти кричал. – Речь даже не о сословных предвзвешиваниях... Дело не в огласке. Впервые сбиты наши боевые машины, понятно вам? Мы ни в чем теперь не можем быть уверены. Мы привыкли считать их мыльными пузырями, опасными лишь для обитателей земли. Придется наспех принимать колоссальные меры предосторожности. Я говорил с канцлером. Положение щекотливейшее, все здесь присутствующие это подтвердят. Теоретически мы способны уничтожить Глаза Сатаны в считанные минуты. Можно обрушить такой ливень серебряных стрел, что вся земля, занятая сейчас Глазами Сатаны, будет усыпана серебром по щиколотку. Но едва об этом зашла речь, канцлер подвергся сильнейшему давлению со стороны Магистериума (при слове «Магистериум» Тигернах выпрямился и поджал губы). Наши высокоумные ученые категорически против уничтожения не исследованного ими до конца феномена, чью причастность к силам зла они столь же категорически отмечают. Позиции Магистериума в Тайном Совете и Палате Пэров нельзя назвать слабыми... Я с большим уважением отношусь к науке, но с горечью вынужден признать, что Магистериум, скажем честно, превратился в огромный склад бессистемно сваленной информации, и его сотрудники видят смысл жизни исключительно в тупом, бездумном накоплении знаний. Они трясутся над своим капиталом, как банкиры Балонга – над набитыми золотом подвалами Круглой Башни. Я искренне удивлен, почему лорд Кримтон до сих

пор не поседел...

– Потому что стараюсь сохранять хладнокровие, общаясь с этой компанией, – усмехнулся Кримтон. – Но за будущее ручаться не могу, так что вскоре вы и в самом деле можете увидеть меня седым, Гленор... Все так и обстоит, лорд Сварог. Магистериум требует, чтобы никаких крупномасштабных операций не предпринималось, ибо им необходимо продолжить изучение Глаз Сатаны, чтобы наука не понесла невосполнимой утраты...

– А не может ли это объясняться... – неуверенно начал Сварог.

– Тем, что среди них оказались люди Князя Тьмы? – без улыбки закончил за него Гленор. – Выдвигалась такая версия. Но мы, мне кажется, выявили всех... Что обостряет ситуацию. Гораздо легче изобличить и схватить чужого агента, нежели переубедить фанатика, уверенного в своей правоте и не желающего понять, какой вред он приносит. Итак. Мы располагаем всеми техническими возможностями уничтожить Глаза Сатаны, но этому препятствует сложный клубок интриг. Против такого решения выступает не только Магистериум, но еще и те, кто считает, что нелишним будет сохранить на какое-то время Глаза Сатаны как средство давления на государство земли. Эти силы способны как провалить голосование в Палате Пэров, так и помешать чисто технической стороне операции. Смешно и стыдно вспомнить, но в свое время появление Глаз Сатаны послужило еще и поводом для очередной грызни за власть и посты. Так уж устроен человек – даже если планета вдруг станет рассыпаться на кусочки, кто-то обязательно использует это как повод в интригах против начальника... И еще. Там действительно опустилась вимана, вернувшаяся из межзвездной экспедиции с мертвым экипажем. Первое время полагали, что она завезла эту нечисть на борту. Потом оказалось, что все гораздо сложнее. Там, где она села, есть Ворота...

– Вроде тех, сквозь которые я попал на Сильвану? – спросил Сварог.

– Именно. История Ворот запутанна и загадочна. До сих пор ничего почти неизвестно. Когда-то их имелось немало, они либо соединяли планеты, либо вели в совершенно неизвестные миры. Но после Шторма перестали действовать, и о них остались только легенды. Несколько недель назад Ворота, сквозь которые вы угодили на Сильвану, вдруг открылись. Ничего серьезного, мы полностью контролируем ситуацию. Ничего страшного не произойдет, если корабли царицы Коргала немного попираствуют на Ителе... Между прочим, демон, которого освободил неумышленно Борн, если верить древним легендам, как раз и открывал иные Ворота. Но и здесь ничего страшного не произошло. Демон на свободе, мы за ним присматриваем пока, однако никаких новых Ворот не открылось...

– Или мы не обнаружили пока открытия новых Ворот, – сказал Гаудин.

– Ну, это вопрос времени... Так вот, лорд Сварог. Глаза Сатаны идут через Ворота, и этому как-то способствуют действующие до сих пор бортовые агрегаты виманы. Это еще одна из причин, по которым Магистериум возражает против крайних мер. И здесь я впервые готов признать его правоту. В этом именно пункте. Кто знает, какую катастрофу можно вызвать, бросив в бой технику... Нам пришлось обратиться к опыту прошлого.

– Когда все прочие средства были признаны бесполезными, – бросил маг.

– Да, именно, – с застывшим лицом произнес Гленор. – Лорд Тигернах, вам необходимо наше покаяние? Извольте. Мы в тупике. Мы чересчур доверяли

науке и технике. Мы перестали верить в существование Господа и Князя Тьмы и вернулись к этой вере не по велению души, а оказавшись припертыми к стене... Добавьте сами столько обвинений и прегрешений, сколько вам будет угодно, обличайте и мечите молнии праведного гнева... Но что этим исправишь? Мы выросли такими, нас такими воспитали. Я и теперь, признаюсь честно, не могу назвать себя истинно верующим – очень уж мы привыкли, что религия – удел невежественных обитателей земли... Упрекайте и клеймите нас, пока не сорвете голос... если считаете, будто этим что-то исправите. Стоит ли? Быть может, предпочтительнее забыть прошлое и постараться спасти настоящее?

– Я не собираюсь никого порицать или упрекать, – сказал маг. – Но поймите, слишком мучительно было видеть, как вы уходите все дальше по дороге, ведущей в никуда. Наши предки так и умерли, никого ни в чем не убедив...

– Прошу вас, оставим это, – сказал Гленор. – Потом, если хотите, я посыплю голову пеплом, надену сандалии и пройду пешком к храму святого Роха через весь континент... Я серьезно. Если покаяние хоть что-то искупит...

– Это вы сами для себя решите, – ответил маг. – Лорд Сварог, теперь, мне думается, вы получили кое-какое представление о возложенной на вас миссии...

– На меня?!

– Вспомните Кодекс Таверо. И пророчество о Сером Рыцаре и Принцессе Длинной Земли, Златовласой Привратнице...

– Помню, – сказал Сварог. – Однако мне говорили, будто не все пророчества Таверо исполнялись...

– Верно. Однако сбывшихся достаточно, чтобы относиться к Кодексу серьезно. Не могу сказать, что безоговорочно отождествляю вас с Серым Рыцарем, иначе – Серым Ферзем. Но очень уж многозначительны совпадения, и это вселяет надежды... Лорд Кримтон, кажется, приготовил какие-то научные объяснения?

– Скорее – научные гипотезы. Межзвездные виманы в свое время были снабжены дополнительными системами защиты. В иных случаях иные системы корабля мог отключить лишь определенный член экипажа, на чьи параметры организма они настроены. Совпадения крайне редки, но встречаются чаще, чем одинаковые отпечатки пальцев у двух разных людей. Если допустить, что Делия обладает теми же «параметрами ауры»... Термин совершенно не научный – но научный занимает добрых две строчки и состоит из прямо-таки непроизносимых терминов...

– Я, со своей стороны, назвал бы это промыслом божьим, – сказал маг. – Но суть важнее, чем любые слова...

– Вообще-то это авантюра, – сказал Сварог.

– Жуткая, – с застывшей улыбкой кивнул Гленор. – Если вы согласитесь, пойдете один... или вдвоем. С минимумом снаряжения, без всякой поддержки и прикрытия. Скрываясь и от людей из противостоящего лагеря, и от службы Гаудина. То, что вам предстоит совершить, вполне отвечает понятию «сделать невозможное». Но другого выхода нет. Что скажете?

Сварог молчал. Перед глазами у него всплыло злое и отчаянное лицо князя Велема. Потом он увидел сожженный в пепел Фиортен.

– Я не говорю, будто я – противник авантюры, – сказал он. – Но кое-что меня смущает. Значит, я должен явиться пред светлые очи принцессы Делии Ронер-

ской, с обаятельной улыбкой предложить ей оставить богатый и уютный папин дворец, чтобы отправиться со мной в путешествие, где на каждом шагу можно потерять голову? А если она пошлет меня ко всем чертям? Если она во все не мечтает спасти человечество? Если она эгоистка или просто трусиха?

– Конечно, – сказал Гаудин. – Но знаете, есть благоприятствующие моменты. Дело даже не в том, что внизу сохранились стойкие традиции рыцарских подвигов. Суть крайне меркантильна. Перед обитателями земли еще не встала вплотную проблема перенаселенности, но ее приближение наиболее опытные политики чувствуют давно. Количество крестьян, которые не могут дробить до бесконечности наделы, горожан, не имеющих работы, отпрысков благородных родов, обреченных майоратом на нищету, подходит к критической точке. Земля понемногу истощается, как ни спасайся трехпольем. Вот вам обратная сторона теплого, стабильного климата, позволяющего собирать два урожая в год. Там, внизу, этого еще не понимают во всей полноте, но начинают осознавать угрозу и облекать ее в четкие формулы... Территории, занятые Глазами Сатаны, – это бывшие королевства Хорен, Демур и Коор. Вы знаете, что такое рекс патримон?

– Да, – сказал Сварог.

– Отлично. С точки зрения земного права, эти земли ничьи. Лоран потерял права на нынешнее Пограничье, убрав оттуда свою администрацию. Тот, кто изгонит нечисть, автоматически получает права на три королевских короны. И, если только у него хватит сил удержать обретенное, может еще со спокойной совестью присоединить и Пограничье, и Ямурлак – Ямурлак, откровенно говоря, больше не опасен, его можно вычистить от остатков тамошней нечисти силами любого из земных королей. Лорд Сварог, если вы изложите Конгрегу Ужасному наши планы, он выслушает вас крайне внимательно... А если вернетесь живым, воздвигнет вашу золотую статую на главной площади столицы. Возможно, даже конную. С поверженным драконом у ног, что-нибудь этакое символизирующим... Не уверен насчет статуи, но не сомневаюсь, что вам окажут самый радушный прием. Это не столь уж авантюрное предприятие. Главная трудность – ступив на занятую Глазами Сатаны землю, добраться до виманы. К сожалению, мы не можем запрашивать у Магистериума никакой информации о вимане, они моментально заподозрят... Лучше всего вам плыть с Делией в Шаган. Там можно найти помощь. Единственный шанс, зыбкий, проблематичный, но другого попросту нет. Иначе – смута с непредсказуемыми последствиями...

Сварог вдруг понял, что герцог выглядит не столь надменным, сколь невероятно уставшим.

– Хорошо, – сказал он. – Я всю предшествующую жизнь мечтал когда-нибудь спасти человечество. А совать голову в львиную пасть – мое любимое развлечение с детских лет. И колыбель моя висела над самой клеткой льва... Но вы гарантируете, что памятник будет непременно конный и непременно с драконом? Золото не столь существенно, я согласен и на бронзу...

Глава 2

Напарница с мечтой о гербе

— Как вы думаете, я держался не особенно хамски? – спросил Сварог. – Они, часом, не рассердились?

Гаудин хмыкнул:

– Им некогда злиться. Они ушли от канцлера весьма удрученными...

– А канцлер знает?

– Он – канцлер. Второе после императрицы лицо.

– И что?

– Сейчас он еще не знает, знает он или нет. Понимаете? Когда все окончится удачей... или поражением, тут-то и настанет время канцлера. С самого начала одобрявшего дельный план или слыхом не слыхивавшего об этой авантюре...

– Это и называется большой политикой?

– Ну да, – хладнокровно сказал Гаудин. – Именно политика, именно большая. И я не стал бы в чем-то упрекать канцлера. Таков уж его пост – балансировать меж лагерями, кликами и сторонами, опекать юную императрицу, мирить, насколько возможно... У него хватает забот. Империя, пышно именуемая Империей Четырех Миров, скажем откровенно, контролирует только две планеты, на которых хватает сложностей...

– Да? – жадно спросил Сварог. – А что с двумя остальными планетами?

– Вам это сейчас совершенно ни к чему знать.

– Слушаюсь.

– Не обижайтесь. Ну к чему вам сейчас еще и это?

– Ладно, я знаю свой шесток, – сказал Сварог. – Лучше скажите – удалось выяснить что-нибудь насчет загадок, сопровождавших... экспедицию капитана Зо?

– Очень немного. Описанного вами странного ружья мы так и не нашли. Но пулемет отыскали. Очень похоже на работу гномов. Сами они ничего не в состоянии были изобретать, так уж сложилось, – зато с небывалой изощренностью совершенствовали изобретенное людьми. Пулемету не больше трех лет, возможно, последние поселения гномов еще сохранились где-то... Но остальное – сплошной туман. Мы нашли два десятка трупов этих странных воинов в плащах из горротского флага. Их косили из пулеметов в упор, вместе с верховыми ящерами, зрелище омерзительное... Кто это сделал и при чем тут Стахор, неизвестно. Я начинаю верить, что прав был Борн – кто-то подставил Гарпага, чтобы освободить демона. Кстати, этот ваш демон Ягмар, хранитель Ворот, традиционно считался фигурой вымышленной.

Я обложился ветхими свитками, штудирую легенды и предания, пытаюсь доискаться, что еще, помимо демона Ягмара, может оказаться не древней мифологией, а правдой. Не самое приятное занятие. Мороз пробирает, стоит представить, что Балор, к примеру, и в самом деле до сих пор спит где-то в пещере...

– Это еще кто?

– Очаровательная тварь. По легендам, у него был только один глаз, зато его огненный взгляд испепелял целые армии и сжигал дотла города... Хотите почитать?

– Вы же сами сказали – не стоит забивать голову перед серьезным делом, – буркнул Сварог. – Просветите лучше – в самом деле летописи древних времен уничтожены почти начисто, на девять десятых, или это очередное вранье и в ваших библиотеках есть все?

– Увы... О Морских Королях, например, вы не отыщете ни одной достоверной строчки, хотя они существовали, несомненно. Так и со многим другим.

Одни предания и сказки. И мы здесь ни при чем. Ну, почти ни при чем. Любой умный король старается прополоть древние библиотеки, как грядку с морковкой. С тех пор как обнаружили, что бумага и пергамент удивительно быстро вспыхивают, это их качество использовали без зазрения совести... Вы знаете, многие, как и я, уверены, что нашим далеким предкам вообще не стоило поселяться на этой планете, – добавил он без всякой связи. – Но это произошло так давно, двигавшие ими мотивы нам неизвестны... Пойдемте. Я вас познакомлю с моим человеком, отвечающим за Ронеро, а потом – с одной юной дамой, которая вас будет туда сопровождать.

Сварог, уже шагнув следом за ним к двери, остановился от удивления:

– Дама? Да еще и юная?

– Помощница вам не помешает.

– Но...

– Поверьте мне на слово, эта юная дама кое в чем превосходит мужчин.

– Ну, коли так... – проворчал Сварог, вспомнив Коргал. – Другое дело, конечно, и вообще...

Лорд Брагерт, несший на широких плечах тяжкий груз ответственности за Ронеро, оказался рыжим, молодым и веселым до легкомыслия. У Сварога даже создалось впечатление, что это мальчишка, упоенно играющий в сыщиков-разбойников. Но дело свое он знал неплохо – обстоятельно и подробно инструктировал Сварога, то и дело зажигая украшавшие его кабинет многочисленные экраны, чтобы наглядно все проиллюстрировать (Сварогу чертовски хотелось обойтись без мнемограмм, без этих знаний, насильно впихнутых в мозги, словно сало в шпигованного зайца, – и Гаудин после недолгого раздумья пошел навстречу).

– А теперь – гвоздь программы, – сказал Брагерт крайне торжественно. Он сидел на мраморном подоконнике и безмятежно болтал ногами, игнорируя укоризненные взгляды Гаудина. – Проникнитесь серьезностью минуты, лорд Сварог. Ее высочество принцесса крови и наследница трона, очаровательная Делия Ронерская! Вступают фанфары!

Никакие фанфары, конечно, не вступили. Брагерт величественно простер руку. Сварог снова не угадал, который из экранов вспыхнет. Пришлось развернуться вместе с вертящимся креслом.

– Прекрасна, не правда ли? – гордо спросил Брагерт с таким видом, словно это он создал на свет сие очаровательное создание.

– Да... – сказал Сварог.

Она была прекрасна, золотоволосая и сероглазая. Разумеется, это оказался не портрет, а украдкой сделанный снимок, цветной и объемный, понятное дело. Делия словно бы смотрела на них из окна – вернее, это они словно бы стояли у окна, а она, превращенная злым волшебником в статую, смотрела в их сторону чуть надменно и чуть лукаво – черный конь в темно-вишневой, шитой золотом сбруе, алый кафтан, синий гланский берет с красным пером, голова гордо поднята, золотые пряди струятся по плечам, руки в вышитых перчатках уверенно держат повод. Настоящая принцесса из сказки, способная десятками разбивать сердца и вдохновлять на немыслимые подвиги.

– Последняя королевская охота в Бритмилле, месяц назад, – сказал Брагерт. – На кабанов они охотятся по старинке – верхом, с пиками, мы у них давно переняли эту забаву, прекрасное и азартное занятие. Попробуйте как-ни-

будь на Сильване. Девушка с характером, не правда ли? Это вам не жеманница времен рафинированной Аурагельской династии...

– Характер чувствуется, – кивнул Сварог.

– Умна, образованна, немного гордячка, но это – фамильное. Кровь Баргов да вдобавок бабушка из Горрота... Любовник – лейтенант гланского гвардейского полка, не первый любовник в ее молодой жизни, однако, должен подчеркнуть, что на фоне царящей при тамошнем дворе легкости нравов очаровательная Делия выглядит едва ли не святой. Ибо никогда не имела двух любовников одновременно и новый роман заводит, лишь подведя черту под предыдущим. Мне это в женщинах нравится. А вам?

– Да, пожалуй, тоже, – сказал Сварог.

– Надеюсь, и тамошняя легкость нравов придется вам по вкусу. Нельзя же работать круглые сутки? Крайности, понятно, оставим другим. Вроде вот этого, – он зажег экран. – Благообразная морда, верно? Герцог и министр. Предпочитает весьма юных девочек. А этот, для разнообразия, мальчиков. Вот эта милейшая герцогиня, извольте полюбопытствовать, пять лет назад предлагала совсем в ту пору молоденькой Делии полмиллиона ауреев золотом за одну ночь. Ну, когда герцогиню при большом стечении публики разорвали лошадьми на Монфоконе, герольды, понятно, объяснили народу, что герцогиня учинила государственную измену, хотела продать порты соседям, волхвовала на фарфоровое блюдо и восковые фигурки... Такое редко случается. Нельзя приставать к принцессе со всяким противоестественным непотребством – а в остальном полная свобода, если потихоньку и без огласки... Конгер – человек умный. Снисходительно позволяет приближенным тешиться маленькими слабостями – зато, если возникнет необходимость срочно лишить кого-то головы, повод не нужно долго искать и мучительно выдумывать... Одним словом, равенский двор – тот еще зоопарк. Но, я уверен, Делия, когда вскоре настанет ее время, сможет взять его в руки.

– Вскоре? – поднял брови Сварог. – Королю, как вы только что сказали, едва за пятьдесят, и он, по-моему, мужик крепкий...

– Да у него рак печени, – безмятежно сказал Брагерт. – Самое большее через месяц он сляжет, а там пойдет быстро... Об этом еще не знает ни он сам, ни его лейб-медики – но мой-то врач знает... Случается, в таких случаях канцлер приказывает нам помочь врачами и лекарствами. Но Ужасному он что-то не намерен помогать...

– Почему?

– Высокая политика, – пожал плечами Брагерт. – Как специалист по Ронеро, могу строить версии – на мой взгляд, канцлеру не по вкусу чересчур тесное сближение Ужасного со Снольдером. Канцлер предпочитает властвовать, разделяя. А Делия терпеть не может Снольдер – ее стародавние распри больше волнуют, чем отца, она по молодости лет не политик... Что означает в будущем соответствующую смену сановников и ориентации...

Сварог взглянул на Гаудина. Тот оставался невозмутим. Интересно, есть где-нибудь во Вселенной места, где слова «высокая политика» и «дерьмо» – не синонимы? Ох, вряд ли...

Брагерт сказал:

– Если вы ждете от меня каких-то обобщений – могу сказать, что Ронеро не лучше и не хуже всех прочих государств. И потому, мысля глобально, не так

уж и важно, под чью корону угодят три королевства... Признаться, я охотно отправился бы с вами в Равену. Так и не успел в свое время исследовать знаменитые столичные подземелья. Второй подземный город; лабиринты, катакомбы, где-то в глубине смыкающиеся с подземельями, построенными еще до Шторма, – кладезь тайн и открытий...

– Это лорду Сварогу вряд ли понадобится, – сухо сказал Гаудин. – Не думаю, чтобы у него нашлось время лазать по подземельям. Особенно тем, что построены еще до Шторма. У него хватит своих опасностей.

– Кого вы ему даете?

– Мару.

Брагерт присвистнул и сделал большие глаза:

– Я вас поздравляю, лорд Сварог. Вас ждут незабываемые впечатления.

– Ветрогон, конечно, – сказал Гаудин Сварогу в коридоре. – Но других к нам и не заманишь... Сюда, прошу вас. Познакомьтесь с будущей напарницей.

Войдя первым, Сварог недоуменно огляделся. Никакой дамы в комнате не обнаружилось – в кресле сидела лишь девчонка лет четырнадцати, с темно-рыжими волосами и темно-синими глазами. Костюм на ней был темно-коричневый, мужской – такой носят слуги в замках. Но, пожалуй, все же не горничная – волосы подстрижены по-мужски коротко, едва прикрывают уши, а глаза чересчур дерзкие и уверенные даже для балованной служаночки.

– Проходите, – Гаудин легонько подтолкнул его в спину. – Знакомьтесь. Это и есть Мара, ваша напарница. Мара, это лорд Сварог, твой командир.

Девочка встала и, вытянувшись по-военному, коротко поклонилась Сварогу. Теперь она походила на смазливого кадета.

Сварог растерянно обернулся к Гаудину:

– Это что, розыгрыш какой-то?

Гаудин усмехнулся одними губами:

– Представьте, не один человек простился с жизнью, потому что был настроен столь же несерьезно, как вы сейчас...

Мара смотрела на Сварога серьезно, не без дерзости.

– Нет, ну как это... – пожал он плечами.

– Встаньте к стене, – сказал ему Гаудин. – Вот так. – Достал из воздуха длинную серебряную шпильку, протянул Маре и что-то шепнул.

Девчонка подняла шпильку перед собой в вытянутой руке, держа двумя пальцами за середину. Выпустила. Глядя Сварогу в глаза, поддала в падении носком черного башмака.

Над ухом Сварога глухо стукнуло, скосив глаза, он обнаружил, что шпилька торчит в резной панели впритирку к его виску. Это впечатляло.

– Вам, понятно, метательное оружие ничем не грозит, – улыбнулся Гаудин. – Но житель земли был бы уже мертв... Попробуйте ее взять, лорд Сварог. Просто скрутить. Но предупреждаю: всерьез, в полную силу.

Сварог отстегнул меч, поставил его в угол и двинулся вперед, чуть расставив руки, готовый мгновенно уйти в защитную стойку. Подошел так близко, что отлично мог рассмотреть нос в веснушках и густые ресницы. Девчонка, глядя ему в глаза, едва заметно напряглась. Сварог прищурился, сделал еще шаг.

Он так и не успел заметить ее броска. Только что стояла у стены – и вдруг ее там не стало.

На него налетел вихрь, и комната вздыбилась, выбив пол из-под ног. Когда его оставили в покое, он обнаружил себя лежащим в углу, позорно распластанным в нелепой позе. Вскочил. Девчонка стояла в прежней позе стойкого оловянного солдата, только глаза чуть заметно смеялись.

– Попробуйте еще? – любезно предложил Гаудин.

– Нет, спасибо, – Сварог сердито отряхнулся. – С меня довольно. Верю. Скажите, а она вообще-то живая? Настоящая?

У него возникло стойкое убеждение, что Гаудин про себя покатывается со смеху.

– Мара, покажи лорду Сварогу, что ты настоящая, – невозмутимо сказал Гаудин.

Клятая девчонка, покачивая бедрами, походкой манекенщицы подошла к Сварогу почти вплотную, закинула голову, приоткрыла рот, провела языком по губам и, прищурившись, послала ему столь зазывный и чарующий взгляд, что Сварога поневоле проняло, и всерьез. Она медленно подняла руки и сомкнула запястья у него на шее. Сварог с некоторой опаской отвел ее руки и мог бы поклясться, что Гаудин фыркнул под нос.

– Она живая и настоящая, – сказал Гаудин. – Когда-то мы пережили краткий период увлечения роботами и думающими машинами, но все кончилось серией весьма неприятных и печальных инцидентов, о которых мы как-нибудь поговорим за бокалом вина у камина... Когда случится спокойный вечер. Мара, подожди в коридоре.

Она бесшумно вышла. Сварог покрутил головой.

– Вот так, – сказал Гаудин. – Есть на Сильване одно отсталое племя. До сих пор по праздникам приносят своему идолу в жертву новорожденных. Хорошо хоть не убивают, просто оставляют возле истукана. Ну а мы их незаметно забираем. И некоторые попадают в нашу школу, где учат долго и старательно. Многие годы. И вырастают идеальные убийцы, лазутчики, телохранители, бойцы. Не смотрите на меня так. Они бы все равно умерли, оставь мы их там. А в школу мы отправляем одного из сотни, только тех, кто предрасположен к такому именно ремеслу, – есть способы определить безошибочно...

– М-да.

– Поверьте, безопаснее сцепиться с десятком Вольных Топоров, чем с этой девочкой.

– Да нет, я верю...

Гаудин поморщился:

– Лорд Сварог, умоляю вас, постарайтесь без слюнявой лирики... Ход ваших мыслей ясен: вам мерещится, что достаточно показать ей зверюшек в зоопарке, подарить куклу или почитать сказочки... Не уподобляйтесь сентиментальной старой даме. Лучше и не пробовать, все равно ничего не выйдет, это недвусмысленный приказ. Она не моральный урод и не чудовище – всего-навсего живет той жизнью, для которой создана. Разумеется, в ее личности осталось что-то от обыкновенного ребенка, но это еще и боевая машина с дюжиной покойников на счету. Вы для нее – командир, король, повелитель. Постарайтесь побыстрее с ней поладить. Наши люди успели привыкнуть к таким напарницам и напарникам, вам же придется учиться на ходу. Зато я буду за вас спокоен – если можно в этом деле оставаться спокойным, конечно. Итак, приказы не обсуждаются?

– Не обсуждаются, – хмуро сказал Сварог.

– Прекрасно. Я понимаю, что именно вы станете подсознательно беспокоиться за нее, – но это пройдет после первой же стычки, когда вы увидите ее в работе. Вы...

Быстро вошел Брагерт, глянул вопросительно.

– Докладывайте, – сказал Гаудин.

– Последнее сообщение из Равены. Сегодня ночью в королевском дворце произошло что-то вроде короткой стычки. Подробности пока неизвестны. Убиты несколько гвардейцев из охраны Делии. Сама она цела и невредима, ее видели утром. Вы велели докладывать обо всем...

– Хорошо, идите, – Гаудин задумчиво потер лоб. – Вот так и живем, лорд Сварог, – извольте теперь гадать, то ли это покушение на принцессу, то ли ночная жизнь дворца, никогда не блиставшая благонаравием... Забирайте Мару и отправляйтесь к себе в замок. Вечером я за вами прилечу. Спустим вас в Снольдере поблизости от одного из портов, сядете на пароход, поплывете в Ронеро... Ступайте. Не обижайте Мару.

– Вот уж что мне в голову не придет... – искренне сказал Сварог, вспомнив беззвучный вихрь, швырявший его с потолка на стены.

Он вышел. Мара тут же поднялась со светло-коричневого дивана у стены и молча пошла рядом, стараясь попадать в ногу, украдкой косясь на него снизу вверх.

– Ну что ж, прелестное дитя... – сказал Сварог, ломая голову, как же с ней держаться. – Скажи-ка, куском теста человека можно убить?

– Запросто, – она едва заметно улыбнулась. – Сначала...

– Избавь от подробностей. Тебе уже объяснили, что мы будем делать?

– Да.

– И как ты к этому относишься?

Она дернула плечом:

– Приказ есть приказ. Вы командир.

– Ты.

– Нет, командир вы.

– Ты не поняла. Предлагаю перейти на «ты».

– Есть.

– А тебе самой как больше нравится?

– Все равно.

– Стой, – сказал Сварог, и она послушно остановилась. – Это правда, что ты сейчас подумала: «И чего ты такой дурак?» Приказываю отвечать.

– Если приказываете, то что-то вроде я и подумала...

Сварог откровенно, не таясь, почесал в затылке:

– Послушай, прелестное дитя, как бы нам побыстрее найти общий язык? Чего ты не любишь?

– Когда мне рассказывают сказки с таким видом, словно отчего-то решили, что я не читала ни одной. Когда ко мне относятся несерьезно, – она запнулась, но все же закончила с непроницаемым видом: – Когда меня называют «прелестное дитя».

– А что ты любишь? Три-четыре позиции хотя бы.

– Летать по воздуху. Охотиться на кабана. Шоколад, горький. Мужчин, которые мне понравятся, – она дерзко глянула Сварогу в глаза. – Да.

– Что – «да»?

– Отвечаю на твой последний вопрос.

– Это какой?

– Который ты не стал задавать – нравишься ли ты мне.

Сварог едва не подавился смехом, но справился:

– Послушай, а если я сейчас заржу, это будет означать, что я отношусь к тебе несерьезно?

Мара впервые задумалась:

– Наверное, да...

– Тогда не буду, прелест... тьфу, Мара. Или ты предпочитаешь, чтобы к тебе обращались как-то иначе?

– Мне нравится, когда меня зовут «кошка».

– Тебе удивительно подходит, – сказал Сварог.

– Я знаю.

– И подразумевается, конечно, не домашняя мурлыка, а?

– Конечно, – мимолетно улыбнулась Мара.

– А мечта у тебя есть, кошка?

– Конечно. Я мечтаю заслужить дворянство. Это невероятно трудно, но иногда удается, за особые заслуги трону... Тогда я сама смогла бы составить себе герб. Я бы взяла дикую кошку. Золотую. На синем.

Вот сейчас это и впрямь была мечтавшая о кукле девочка. Почти что.

– Считай, тебе невероятно повезло, – сказал Сварог. – Останусь тобой доволен – получишь дворянство.

Мара грустно сморщила нос:

– Одна императрица может возводить в дворянство.

– Это здесь, – сказал Сварог. – Я ведь еще и барон там, внизу, в Пограничье. Взаправдашний вольный ярл, каковой имеет право возводить в дворянство.

Она остановилась, обернулась, разинув рот, словно ребенок перед витриной кондитерской, уставилась широко раскрытыми глазами:

– Что я должна сделать?

Сварог с удивлением понял, что и в самом деле стал во мгновение ока господином, командиром и повелителем. Чуть смущенно пожал плечами, подтолкнул ее к распахнувшейся двери виманы:

– Да господи, ничего. Пошли. Когда вернемся, получишь дворянство. Ни за что, просто так. Обещаю.

«Не каркай, дубина, не каркай, – зло и тоскливо подумал он. – Ты вернись сначала. Барон, так твою... Ладно, пусть у нее уже сейчас будет герб, потому что детям не следует играть в такие игры, и коли уж их затащило в эту чертову мельницу, не тобой устроенную, пусть у одного хотя бы будет кукла...»

Он не врал девчонке ни капельки – согласно законам Империи, оставался полноправным вольным ярлом, имеющим право возводить в дворянство, равно как и лишать такового (а также другие права и привилегии, см. Латеранское уложение которого-то года...). Когда он вернулся из Харлана, к его превеликому удивлению, самым серьезным и сложным предметом обсуждения стало как раз нечаянно свалившееся на него баронство, к которому департамент герольдии отнесся более чем серьезно. Почтенные старцы из капитула, оставив все прежние дела, совещались четыре часа без отдыха и перекуров – в присутствии подыхавшего от скуки Сварога, понимавшего из их разговоров

не более одной десятой. Когда он, озверев, заикнулся было, что, в общем, не претендует на нежданный манор и готов отречься, старцы удивленно воззрились на него, дружно бормоча что-то о легкомысленной молодежи, не уважающей традиций. И упоенно продолжали диспут, плавно переходящий в свару и обратно. От тоски Сварог понемногу стал их понимать. С одной стороны, прецедентов прежде почти не случалось. С другой – традиции должны быть соблюдены. Вокруг этих двух тезисов и крутилось все. Рехнуться можно было от параграфов, забытых имен, ссылок на императорские указы и исторические примеры, которыми щедро осыпали друг друга сановные старцы, похоже, впервые за несколько сот лет столкнувшиеся с чем-то по-настоящему увлекательным. Наконец большинством голосов решено было не отдавать столь занимательную игрушку Палате Пэров и Тайному Совету, а разобраться своими силами – чтобы было что вспомнить и рассказать внукам... После второго голосования старцы, опять-таки большинством голосов, постановили, что лорд Сварог, граф Гэйр, лейтенант лейб-гвардии и камергер, имеет право отныне присовокупить к своим титулам еще и «барон Готар» – со всеми вытекающими отсюда правами и вассальными обязанностями по отношению к Императрице Четырех Миров.

А коллизии, буде таковые возникнут, станут разрешаться тем же департаментом герольдии, истосковавшимся по настоящему делу...

– Ты не шутишь? – настойчиво спросила Мара, сбив его с мысли. – Обещаешь?

– Тьфу ты, – сказал Сварог и, не раздумывая, потащил меч из ножен. – А встаньте-ка вы на колени, любезная моя. – И прикоснулся концом клинка к ее плечу. – Я, барон Готар, в силу данной мне власти и согласно древним традициям, жалую вас дворянством, дабы вы несли это высокое звание с честью и в час развлечений, и в час испытаний... Ну вот и все, можешь встать, кошка. Сочиняй герб.

Ее глаза сияли таким счастьем, что Сварог, которому доставить ей это маленькое удовольствие было не труднее, чем выкурить сигарету, почувствовал себя крайне неловко – словно перевел старушку через дорогу, а она вдруг принялась совать ему миллион в твердой валюте. Вот и пригодилось для чего-то полезного дурацкое баронство...

Глава 3 Отец

Заложив руки за спину, Сварог подошел к мраморным перилам и задумчиво посмотрел вниз. С ярко-зеленой лужайки перед фронтоном замка доносились азартные возгласы и гулкое веселое гавканье. Там схватились две ярких индивидуальности, и коса нашла на камень – Мара пыталась сграбастать Акбара за шкурку или хотя бы коснуться ладонью, но огромный черный пес переигрывал ее на всем поле. Бешено метался вокруг так, что Мара казалась окутанной черным туманом, и, как бы ни крутилась рыжая кошка в немыслимых стойках и блоках, руки встречали либо пустоту, либо жуткие клыки, щелкавшие рядом с ее пальцами. Она чуть ли не плакала от обиды и злости, но не сдавалась. «Дети» – проворчал Сварог, вернулся в библиотеку и сел за стол, совершенно не представляя, чем ему за столом заниматься.

Вообще-то в доме был порядок. Пес немного скучал, рос не по дням, а по часам, носился по всему поместью, возникая, как обычно, в самых неожиданных

местах. Карах прижился в домике дворецкого – в замок он и носа не казал, ссылаясь на какие-то неизбежные сложности в отношениях с фамильным домовым, проистекавшие из непонятных Сварогу древних традиций маленького народца. И набивался сопровождать Сварога в новых путешествиях. Сварог туманно пообещал – но это было еще до разговора с Гленором и его друзьями. Караха никак нельзя брать с собой в Ронеро. Польза от него там оказалась бы немалая, но как прикажете его замаскировать в огромном городе?

Хуже всего обстояло с Меони. Черт его знает, что с ним такое приключилось после всех странствий, но отныне Сварог относился к девушке как к младшей сестренке, без капли влечения. Она, явно ожидая другого, ничего не понимала, а Сварог ничего не мог ей объяснить – не получалось, хоть и пробовал пару раз, слова выходили какие-то дурацкие, невнятные и чужие, она обижалась и грустила, стараясь этого не показывать. Вот с Макредом не было никаких хлопот – он добросовестно устроил фейерверк по случаю пожалованного Сварогу ордена, самолично выбрал из слуг управителя и отправил его в Готар и, не моргнув глазом, принял к сведению, что в замке будут обитать отныне хелльстадский пес и ямурлакский домовый. Сварогу казалось даже, что дворецкий гордится всеми выходками и свершениями хозяина – эксцентричность здесь весьма ценилась, а отблеск славы дворянина падал и на слуг.

Пожалуйста, легок на помине – Макред возник в дверях библиотеки, одной рукой держа у груди, строго параллельно полу, массивный серебряный поднос:

– Милорд, личный посыльный герцога Фронвера только что доставил пакет. На словах ему велено передать: это все, что герцогу пока что удалось раздобыть. Вы должны знать, о чем речь.

– Ну да, знаю, – сказал Сварог. – Девчонка поужинала?

– Еще нет, милорд, она только что прошла в оружейную и забавляется там с фамильной коллекцией. Как вы полагаете, стоит за ней присмотреть, чтобы случайно не поранилась? Все оружие отточено...

– Она не поранится. Не тот ребенок.

– Да, ребенок, я бы выразился, крайне энергичный и своеобразный. Милорд, осмелюсь спросить, не означает ли ее появление, что вы опять собираетесь... путешествовать?

– Боюсь, так оно и будет, – сказал Сварог. – Давайте пакет. Можете идти.

Он снял с подноса желтый цилиндрический сверток. Обертка сразу же рассыпалась при его прикосновении в мгновенно растаявшую пыль, оставив на ладони синий стержень с черной головкой – здешнюю видеокассету. Сварог сунул ее в круглое отверстие, придавив пальцем черную головку до упора, коротким мысленным приказом нажал клавишу. Попятился, не оглядываясь уселся в кресло, закурил.

Экран вспыхнул, налился неправдоподобно сочными красками. Молодой человек в светло-сером и алом, снятый сбоку двигавшейся рядом с ним камерой, быстро шагал по аллее, меж двух рядов усыпанных крупными алыми цветами кустов, придерживая меч левой рукой и широко отмахивая правой. Взглянул прямо в объектив, взмахнул ладонью, словно собирался отдать честь, но передумал в самый последний момент, улыбнулся во весь рот. По улыбке и взгляду Сварог понял: снимает женщина, и отнюдь не чужая.

Сварог застыл с сигаретой у рта.

А фильм продолжается, тот закуривает, держа сигарету до жути знакомо – меж безымянным и средним, а большой и указательный сомкнуты в колечко – вот он стоит, опершись локтем на крышу низкого синего браганта, вот он беседует с кем-то незнакомым, движения размашистые, но четкие, и оттого кажутся отрепетированными, выверенными. Все. Экран вспыхивает беглым мерцающим светом. Сварог вернул запись чуть-чуть назад, остановил кадр.

Вопреки всем ожиданиям, он не почувствовал ни особого удивления, ни потрясения. Был к чему-то подобному подсознательно готов. Возможно, уже догадывался сам, но не хотел облекать догадки в четкие мысли и слова...

Пропавший где-то в Море Мрака лорд Сварог, граф Гэйр. Он же – военный летчик майор Сергей Васильевич Сварог, пропавший без вести где-то над ближневосточными песками, там, где официально словно бы и не было никогда ни его самого, ни друзей, ни их истребителей. Его жесты, его походка, его голос, поворот головы, манера курить и смеяться, стоять, опершись локтем.

Отстраненно, механически Сварог подумал, что все сходится и все объясняется. И то, что отец был сиротой, и то, что случайно встреченный Сварогом полковник, окончивший летное училище в том же выпуске, не помнил среди своих однокашников никакого Сергея Сварога, и даже то, что отец любил мурлыкать под нос совершенно неизвестные мелодии. И его прямо-таки фанатический интерес к астрономии и истории – должно быть, настойчиво искал хоть малейший след, пытался определиться в пространстве и времени...

Понять чужой язык, врать в чужую жизнь, озаботиться нужными документами, создать биографию и сделать так, чтобы никто никогда не задавал вопросов, – пустяки для мага. Особенно если он оказался в мире, где конкурентов и соперников в колдовском искусстве у него нет. Безусловно, какое-то время он укрывался где-то, присматриваясь, приглядываясь, изучая. У него была масса времени, ему не грозила ни голодная смерть, ни бдительный участковый...

Означает ли его вторичное исчезновение, что сила, вышвырнувшая его в другое время, в чужой мир, достала и там? Безусловно, на Землю двадцатого века он попал помимо своего желания... Безусловно, к его исчезновению из двадцатого века приложили руку вовсе не земляне.

Сварог в свое время кое с кем встречался, осторожно, на полунамеках поговорил с теми, кого словно бы и не было никогда в Сирии.

Именно потому, что их там словно бы и не было, отцовский «МиГ» искали очень долго и очень старательно. Местные командос, обыскавшие огромные пространства, были отнюдь не лопухи и в песках чувствовали себя увереннее, чем дома. Но не нашли ни единого обломочка. И вертолеты вернулись ни с чем. Никакого воздушного боя не было, «фантомы» «вероятного противника» в этом квадрате не появлялись. Перелета к противнику не было. Просто-напросто еще один из множества самолетов, которые взлетели однажды да так и растаяли в небе, как потом оказалось. Случается, иные находят – через десять, двадцать, полсотни лет. Других, скорее всего, так и не найдут никогда.

В какую же графу занести «МиГ-ППФ» с сирийскими опознавательными? Истребитель в тогдашнем тамошнем камуфляже – светло-коричневые пятна вперемежку с темно-коричневыми, на фюзеляже и крыльях – зелено-бело-черные круги с тремя красными звездочками на белом кольце, и на киле – сирийский флаг...

Выключив экран, Сварог встал, прошелся взад-вперед вдоль высоченных книжных полок. Никакой радости – одна вялая грусть, вызванная неразрешимостью загадки. Почему он стал именно военным летчиком? Имело это какой-то смысл и цель?

Резная дубовая дверь тихонько приоткрылась. Вошла Мара, остановилась на пороге и тихо спросила:

– Тебя ждать в спальне?

Сварог подошел к ней, указательным пальцем задрал ей подбородок, заглянул в глаза, прикидывая, что в библиотеке могло бы сойти за розгу. Она медленно опустила ресницы.

– Знаешь, я не святой, но с женщин натурой никогда не брал, – сказал он. – Даже за дворянство. У меня в Готаре это делается бесплатно.

Она моментально открыла глаза. Видно было, как на юном дерзком личике отражается усиленная работа мысли, в ускоренном темпе сменяют друг друга обида, злость, воинская дисциплина. Сварог с интересом ждал, видя, что она оскорблена в лучших чувствах. Хорошо еще, что она приучена свято соблюдать субординацию, а значит, головой вперед в угол улетать не придется.

Наконец она выпрямилась, как струна, тихо бросила:

– Дурак.

И в мгновение ока бесшумно исчезла в коридоре. Сварог ухмыльнулся ей вслед, не на шутку подозревая, что общение с ним неизбежно повлияет на девчонку в худшую сторону – в том смысле, какого боялся Гаудин. «Вот и прекрасно, – подумал он с чувством глубокого удовлетворения. – Нельзя делать из детей боевые машины, девочки не должны быть идиотскими ниндзями, которых невозможно представить на карусели или хотя бы с мороженым в руке, пусть уж мужики убивают друг друга, у них хорошо получается, насобачились...»

– Прибыла вимана лорда Гаудина, милорд, – сказал появившийся неизвестно когда Макред.

– Прекрасно, – кивнул Сварог. – Отвлеките пса, чтобы не увязался следом. Заприте Караха... Макред, вы, конечно, понимаете, что я улетел на Антлан охотиться на кабанов?

– Не нужно, милорд, – сказал Макред.

– Что?!

– Прежний граф Гэйр всегда улетал охотиться на Антлан, до тех пор пока... Дурная примета. Если вы не возражаете, милорд, почему бы вам не отправиться на пляжи Ракамерати?

– На ваше усмотрение, – сказал Сварог. – Да, Макред... Вы очень удивитесь, узнав, что прежний граф Гэйр – мой отец?

– Я этому ничуть не стану удивляться, милорд, – сказал дворецкий. – Та же походка, тот же голос... Даже, осмелюсь заметить, та же привычка сорить пеплом мимо пепельницы, на ковер, когда вы читаете в библиотеке.

– Вот не замечал.

– Ваш отец тоже никогда не замечал, милорд...

Глава 4

Белый пароход

Предусмотрительно отослав Мару в другую комнату, Гаудин с невозмутимым видом повествовал, поглядывая на Сварога:

– С возведением в дворянство, лорд Сварог, порой случаются любопытнейшие курьезы и казусы. Взять хотя бы короля Гитре из Вольных Майоров. Казна у него была пуста, и никакой надежды пополнить ее не имелось. Тогда он в течение года за приличные денежки возвел в наследные принцы девятнадцать благородных дворян из Гонеро, Горрота и Снольдера. Благо у него и законных наследников не имелось. Естественно, ни один из новоиспеченных принцев понятия не имел, что существуют еще восемнадцать. Полученные денежки король стал транжирить с таким размахом и фантазией, что уже через два месяца скончался от излишеств. Можете себе представить, что творилось в столице, когда туда примчались девятнадцать наследных принцев и узнали, что их – девятнадцать. С прискорбием должен сказать, что на трон так и не вошел ни один – кто-то из влиятельных баронов объявил себя дальним родственником покойного короля. Правда, у него хватило то ли благородства, то ли благоразумия всего лишь выслать из королевства облапошенных претендентов. Самое смешное, согласно действующему праву они до сих пор сохраняют права на титул наследного принца, все девятнадцать, так что будущая история королевства, боюсь, таит еще немало потрясений... Но барон Эдис, тоже из Вольных Маноров, переплюнул короля Гитре. Пьяница выдающийся, даже на фоне тамошних нравов. Однажды, после парочки утренних кувшинов на опохмелку, он пришел к выводу, что для его достоинства унижительно править сиволапым мужичьем. И восхотел править исключительно благородными дворянами. Будучи скор в поступках, не стал мешкать и с соблюдением всех правил возвел в дворянство все население своего манора, три тысячи четыреста с чем-то человек.

– А здесь что самое смешное? – без улыбки спросил Сварог.

– То, что не более двух десятков новоиспеченных дворян, обретя золотые пояса, разбежались искать счастья за пределами баронства. Бойкая молодежь, понятно. Остальные почесали в затылках, на скорую руку, как сумели, составили себе гербы, после чего вновь принялись пахать и лепить горшки – жить-то на что-то надо... За такие именно фокусы у владельцев Вольных Майоров и отобрали право возводить в дворянство. Достойно сожаления, что эту меру не распространили и на Пограничье.

– Я уловил ваши тончайшие намеки, – сказал Сварог. – Но, насколько могу судить, не нарушил традиций и законов...

– О, разумеется. Изящно отыскивали лазейку, совершив именно то, против чего я вас и предостерегал.

– Вы же сами советовали побыстрее с ней поладить.

– Я и раньше знал, что вы не дурак...

– Спасибо.

– ...но были и останетесь мальчишкой, – спокойно закончил Гаудин.

– Я себя, наверно, уже не переделаю.

– Вот это-то и опасно, – вздохнул Гаудин. – Ну хорошо, оставим это. Поговорим о деле. Информации у вас достаточно, а остальное узнаете на месте. Серьезного мага сделать из вас за это время было невозможно, пришлось обучить на скорую руку самым необходимым вещам – до боевого применения коих, искренне хочу верить, не дойдет... Теперь – политика. Большая политика. Через двадцать девять дней – Новый год. По давней традиции, в последний день старого года канцлер представляет императрице, Тайному Совету и Пала-

те Пэров развернутый доклад о состоянии дел в Империи. И если мы скроем от него историю со сбитыми брагантами... вернее, скрыть не удалось, он и сам уже знает, конечно, но если мы не представим официальную бумагу... Впрочем, если мы ее представим, лучше не станет, получится превеликий шум и долгие дискуссии с непредсказуемыми последствиями. Поэтому Глаза Сатаны должны исчезнуть без следа еще до Нового года. Так что у вас примерно двадцать семь дней. Чтобы попасть во дворец, к Делии, достаточно будет нескольких часов. Плавание паромом по Ителу до моря и по морю в Шаган отнимет у вас не больше двух недель – погода стоит благоприятная, в это время штормы у берегов континента редки. Времени у вас достаточно. Если все пойдет гладко... – Он помолчал и вдруг признался, сделав над собой некоторое усилие: – Знаете, я пытаюсь молиться. Получается плохо, мы почти забыли, как это делается. Подозреваю порой, что и Гленор пытается...

Рядом звонко щелкнули каблуки. Это вошел пилот:

– Милорд, вы были правы. Нас преследуют. Вимана без ходовых огней, держится примерно в двух лигах от нас. Насколько я могу судить, наблюдение с их стороны чисто визуальное.

– Вот так, – криво усмехнулся Гаудин. – Нет закона, запрещавшего бы летать за другой виманой. Кому-то страшно хочется узнать, куда мы собрались... Катрик, установите «паутину».

– Но, милорд...

– Я отвечаю. Поставьте «паутину» и увеличьте скорость, пусть врежутся на полном ходу...

– А это законно? – спросил Сварог, когда хмурый пилот вышел.

– Совершенно незаконно, – признался Гаудин с хищной улыбкой. – Более того, подобное воздушное хулиганство решительно запрещено. Однако станции наблюдения подчиняются мне. И наш преследователь, кто бы он ни был, жаловаться ни в коем случае не побежит, можете мне поверить...

Он движением век погасил свет в салоне и напряженно уставился во тьму за окном. Сварог смотрел туда же. Ярko светили звезды, слева, довольно далеко, россыпью огней сиял чей-то манор – судя по обилию и разноцветью, там задавали бал. На фоне звезд вдруг вспыхнула путаница ярко-сиреневых линий, и в самом деле похожая на паутину, горела секунды три, потом погасла, в том месте зажглись малиновые вспышки, тут же провалившиеся вниз.

– Ну вот, самая обычная вимана, – сказал Гаудин. – Ничего страшного – повиснут на «уровне безопасности», спасатели чуть помедлят, ибо получили от меня недвусмысленный приказ... Не надо столь удрученно морщиться. Тот, кто вывел из строя ваш ял, поступил не в пример подлее. Я надеюсь, вы в меру злопамятны? Ничего, право, нет плохого в том, чтобы быть в меру злопамятным и мстительным... Главное – не увлечься.

...Огромный снольдерский речной паром, белый с тройной алой каймой по бортам, гордо именовался «Морской Король» и выглядел скорее длинным, трехэтажным барским особняком, по капризу свихнувшегося архитектора украшенным парой высоченных гребных колес и двойной трубой с фигурными коваными раструбами. По здешним меркам лайнер был сама роскошь и возил исключительно чистую публику, дворян и Сословия – а прочих деликатно отпугивал запредельными ценами на билеты. В каюте Сварог обнаружил даже ванну, воду забирали из реки системой хитро устроенных труб и подо-

гревали паром.

В дополнение ко всем роскошествам на пароходе, вне всякого сомнения, имелись и шпики в широком ассортименте, от речной полиции до заграничной разведки, их просто не могло не оказаться на судне, совершавшем регулярные рейсы меж портами двух сопредельных держав, соперничавших истари. Сварог попытался было вычислить хотя бы одного-единственного топтуна, но быстро оставил это занятие – пришел к выводу, что хорошего шпики ни за что не вычислишь с маху, а иной насквозь подозрительный субъект, неустанно зыркавший по сторонам колючими глазками, вероятнее всего, окажется везущим большие деньги или ценные бумаги агентом богатого банкирского дома. Он сам, кстати, в таком именно обличьи и выступал, щеголяя в бархатном хомерике с увесистым кошельком на серебряном поясе, в сопровождении рыжеволосого «племянника». Ну а замок его сундука был бы не по зубам любому здешнему шпику – что вряд ли кого-то насторожило бы, купцы обожают хитроумные запоры...

Единственное неудобство – то и дело приходилось уворачиваться от попыток настоящих купцов втянуть его в какую-нибудь сделку. Вот и сейчас, в ресторане, он едва отвадил почтенного дельца, предлагавшего партию тканей со склада в Балонге. Купец наверняка был настоящий и серьезный, но дешевизна партии наводила на мысль, что в Балонг этот товар попал от мореплавателей, кои любят именовать себя джентльменами удачи, хотя судебные протоколы и прочие юридические бумаги упорно именуют их несколько короче и непригляднее...

Купец перестал настаивать, когда до него дошло, что Сварог все понял. И тонко намекнул, что чрезмерная осторожность и излишняя в торговых делах щепетильность способны лишь навредить. Разведя руками, Сварог сообщил, что маменька воспитала его в духе именно чрезмерной щепетильности, а поскольку старушка крепкая, до сих пор держит в руках бразды и ключи от главной кассы, дело, собственно, и не в воспитании даже... Купец сочувственно хлопал его по плечу и обнадежил: мол, все мы смертны, а старушки особенно... Сварог согласился, допил свой графин «Оленьей крови» до самого доньшка и покинул ресторан.

Привлеченный короткой, непонятной возней, сопровождаемой странными звуками, он поднялся на верхнюю террасу и обнаружил в уголке любопытную картину. Какой-то субъект сидел, привалившись спиной к вычурным перилам, и, закатив глаза, держался обеими руками за живот. Он-то и издавал эти странные звуки, и вид у него был самый что ни на есть печальный. Над ним, заложив руки за спину, стояла Мара и откровенно любовалась своей работой. Судя по золотому шитью на синем хомерике, мелко завитой светлой бородке и таким же кудрям, субъект был купцом из Балонга.

– Прелестно, – сказал Сварог, подходя. – Не слышу объяснений.

– Терпеть не могу, когда мне руки в штаны суют, – объяснила Мара. – Да еще потные.

– Это, конечно, аргумент, – сказал Сварог. Купец что-то забормотал. Сварог наклонился к нему послушать. Выпрямился, хмыкнул:

– Видишь ли, он страшно извиняется – он-то был уверен, простая душа, что ты – мальчик...

– Да? – фыркнула Мара. – В таком случае добавлю-ка я ему еще немножко...

– Отставить, – сказал Сварог, наклонился к стонущему купцу. – Между прочим, в Ронеро только что ввели новую статью насчет педиков. Там что-то веселое и увлекательное насчет тисков на известное место и раскаленного железа... Пожаловаться в Равене портовым властям? Ты ж, сукин кот, самым нахальным образом развращал мою юную, непорочную племянницу, полагая ее племянником...

Насчет нового закона он врал, конечно. Но от ронерского короля Конгера, последние двадцать лет вполне заслуженно носившего прозвище Ужасный, можно было ожидать любого сюрприза – и купец в ужасе закатил глаза. Ободряюще похлопав его по плечу, Сварог кивнул Маре, приказывая следовать за ним, и пошел прочь. Отойдя подальше, остановился и спросил с интересом:

– А разве боевая машина имеет право возмущаться, когда ее лапают?

– Если это не входит в правила игры, – сказала Мара. – Глупости, отлежится и подумает о жизни... Смотри, скоро причалим. Последний снольдерский порт, завтра утром – Равена...

– Не боишься?

– Я не умею, – сказала Мара. – Взрослые почему-то удивляются, когда я это говорю, но я и в самом деле не умею бояться...

– Ничего, подрастешь – научишься, – сказал Сварог. – А то, знаешь, тем, кто не умеет бояться, в первую очередь и прилетает в лоб что-нибудь тяжелое...

– Если бы в нашей работе нужно было уметь бояться, нас бы этому научили.

Логично. Увы, жизнь сплошь и рядом протекает не по логике. Сварог не стал ей этого объяснять, просто взъерошил темно-рыжие волосы на затылке и уставился на берег – «Морской Король» и в самом деле приближался к пристани, где уже выстроились в готовности повозки с углем, ящики с вином и ноильщики. Пассажиры степенно стояли в сторонке.

– Смотри, – тихо сказала Мара. – Вон там, у штабеля, – милорд Брагерт.

– Действительно, – всмотревшись, кивнул Сварог. – Интересные дела...

У штабеля окованных железом ящиков стоял Брагерт собственной персоной – в строгом коричневом хомерике без шитья, с объемистым кошельком у пояса. Программа такой встречи никак не предусматривала, и Сварог озабоченно нахмурился.

Брагерт тоже их высмотрел. Он был на удивление серьезен и мрачен. Едва опустили трап с фигурными балясинами перил, Брагерт поспешил на борт, взбежал на верхнюю палубу с вовсе неуместной для серьезного купца прытью и направился навстречу Сварогу, распростерши руки, горестно вопя на весь пароход:

– Вы были правы, почтенный Торма, а я жестоко ошибся! Этот мошенник и впрямь задал стрекача со всей наличностью, да еще взгрел из кассы все латеранские векселя! Ужас! Разорение! Пойдемте скорее, посмотрим, что можно спасти!

Сварог изобразил соответствующее случаю потрясение чувств. Они чуть ли не бегом направились в каюту. Слышавшие вопли Брагерта купцы поглядывали кто сочувственно, кто со злорадством, радуясь, что их самих беда обошла, а благородные дворяне брезгливо уступали дорогу, вздернув подбородки, демонстрируя всем видом, что они-то бесконечно далеки от торгашеских делишек и сопутствующих тому невзгод. Мельком Сварог заметил, что любитель

мальчиков в синем хомерике торопится к трапу, подталкивая кулаком в поясницу согнувшегося под тяжестью его сундука носильщика, – а ведь плыл в Равену. Видимо, решил не испытывать судьбу...

Мара захлопнула за ними дверь каюты и осталась снаружи нести караул. Когда они остались одни, Брагерт ничуть не просветлел лицом.

– Плохие новости, лорд Сварог. Не особенно, но все-таки, – сообщил он, плюхаясь на мягкий диванчик. – Гаудин меня вчера забросил сюда, бродил, как зверь по клетке, в ожидании вашего парохода... Скверное донесение получили. На таможне в Равене лежит розыскной лист на почтенного купца Торма и его юного племянника.

– Кем выдан? – спросил Сварог спокойно.

– Полицией казначейства[32].

– Понятно. То есть, я хотел сказать, совершенно непонятно.

– Еще бы. Если уточнить, что за полицией казначейства может скрываться кто угодно – от морской разведки до Королевского Кабинета. И наоборот. Хватало примеров. Предписывается вас обоих немедленно задержать. Основания не указаны, но в данном случае это и не обязательно. Полиция казначейства ищет купца, самое обычное дело – неуплата налогов, нарушение таможенных правил, мошенничество, ложное банкротство... Если подходить буквоедски, вы можете обжаловать это в столичной Купеческой палате – выдачу на вас розыскного листа, в котором не указаны вины, но самозванцу соваться в Палату с такими жалобами как-то не с руки...

– Как насчет совпадения? – спросил Сварог.

– Исключено. Когда в таких вот случаях подбирают имена, тщательно проверяют, чтобы не случилось совпадения. Еще один Торма Трай, да еще с племянником, точно так же плывущий в Равену на снольдерском судне, – нет, не верю я в совпадение... – ухмыльнулся он. – Собственно, все не так уж плохо. Описания внешности нет. Никакого. Только имя, сословие и упоминание о безымянном племяннике... можно сказать, ровно столько, сколько может узнать средний колдун, применив Заклятье Ключа. Если он видел вас в хрустальном шаре, именно так и получится: облик ваш знает, фальшивые имена тоже, а вот глубже проникнуть не способен. Официально-то мы давно изъяли все хрустальные шары, а владевших должными заклятьями переловили, но разведке не пристало верить официальным сообщениям... Колдуны вас, часом, где-нибудь по дороге не тревожили?

– Нет, – сказал Сварог. – Если только ваша методика не дает сбоев, никакого колдуна я ни разу поблизости не чувствовал. И Мара тоже. Как насчет утечки... – и он многозначительно показал пальцем на потолок.

– Исключено.

Сварог сказал без выражения:

– Если мне память не изменяет, в проникновение за облака людей Князя Тьмы тоже не верили сначала...

– И все же, – твердо сказал Брагерт.

– Ну, что ж... Как нам теперь быть?

– Либо отступить...

– Не пойдет, – сказал Сварог.

– Либо сменить одежду, статус, документы и плыть дальше, бодро притворяясь, будто ничего не произошло... Мы подумали и решили, что самый про-

стой и оттого действенный выход для вас – стать самим собой.

– Графом Гэйром? – слегка удивился Сварог.

– Ну что вы! Бароном Готаром. Одним махом снимает все сложности... – Брагерт расстегнул свой кошель, достал золотой дворянский пояс с массивной вычурной пряжкой. – Вот ваш компьютер, Гаудин решился-таки снабдить, после таких новостей, когда стало ясно, что задание ваше чуточку осложняется... И разрешил дать вам шаур, сделали, какой вы просили. – Он положил на диван ремни с кобурой, из которой выглядывала рукоятка небольшого черного пистолета. – Не оставляйте его где попало: как только окажется от вас далее, чем на пять уардов, тут же рассыплется в прах, мирно и бесшумно... Если что, достаточно отбросить подальше – и никаких улик. Вся одежда, какую вам придется изготовить, будет с защитным слоем, выдержит меч, копьё... Только лоб постарайтесь не подставлять...

– Лихо, – сказал Сварог. – У меня создалось впечатление, что Гаудин беспокоится, а?

– Вы бы на его месте не беспокоились?

– Брагерт, – сказал Сварог, – есть что-то, что Гаудин от меня в этом деле скрывает?

– Ничего конкретного, право, – ответил Брагерт почти сразу же. – Слово дворянина. Не считаете же вы нас настолько подлыми?

– Не считаю, – сказал Сварог. – Но не могу отделаться от ощущения, будто от меня что-то скрывают.

Брагерт досадливо поморщился, глянул на часы, на дверь каюты. Слегка понизил голос:

– Я бы это назвал иначе. Вас не во все посвящают. По-моему, это логично и вполне объяснимо. И есть чисто человеческие причины... Вам самому было бы приятно сознаться кому-то в слабости? Ну, не слабости, не знаю, как назвать...

– Я знаю, – сказал Сварог. – Как бы тут дипломатичнее... Рубите мне голову, но я убежден, что налицо некоторые расхождения меж декларируемым могуществом и реальностями...

Ему показалось, что Брагерт вздохнул словно бы облегченно:

– Я-то ожидал больших ересей, лорд Сварог... Ну да. Ну и что? Любое государство во все времена чуточку преувеличивало свои возможности, и сановники это любили, и отдельно взятые ведомства, от конюшенного до военного... Речь, правда, не о могуществе. Что касается военной, технической и научной мощи, во всем этом мы неизмеримо превосходим землю. Другое дело, что возможности восьмого департамента чуточку пониже декларируемых. И еще. Мы частенько сталкиваемся с тем, чего не понимаем и не знали прежде. Это не столь уж великая тайна, известная многим и на небесах, и на земле. Вы ведь это хотели услышать? Ну и услышали. Изменилось что-то в вашем отношении к нам или к миру?

– Нет, пожалуй, – сознался Сварог.

– Вот видите... – Он отвел взгляд, машинально покосился на дверь каюты. – Скажу больше. Несколько дней назад наши средства постоянного слежения зафиксировали ночью над Равеной крайне любопытное явление. Одно из тех явлений, что недоступны взору непосвященного и фиксируются лишь особыми приборами. С вашего позволения, я не буду подробно описывать его суть –

слишком сложно и по-ученому заумно. Скажу коротко: имело место применение неизвестной нам черной магии.

– А дальше?

– Нет никакого «дальше». Такие вещи случаются, хоть и крайне редко. Явление фиксируют, регистрируют, описывают – и начинается долгое, нудное расследование. Иногда оно завершается успехом. Иногда так и не удается отыскать концов. Мы многое забыли и многое утратили. Как писал Асверус: «Портной над нами подшутил, оставив ножниц след, – и вот природы дивных сил как будто вовсе нет»... А они есть, только мы разучились их опознавать, не говоря уж о том, чтобы пользоваться ими... – Его лицо стало задумчивым и грустным. – Знаете, лет пятнадцать назад случился интересный инцидент. В Магистериуме испытывали новое устройство для исследования космоса, какой-то чертовски сложный телескоп, не оптический, на ином принципе. И один их молодой магистр забавы ради навел его на Талар. И увидел совершенно другой мир – иные континенты, моря, города... До сих пор не улеглись страсти. Никто не понимает, что, собственно, он видел. И что это за мир. А повторить эксперимент так и не удалось – шла настройка, аппаратура работала в самых причудливых режимах, записи не велось. В конце концов наши ученые мужи ради вящего спокойствия постановили считать, что имели дело с иллюзией, созданной настраиваемой аппаратурой. Электронный мираж – такие тоже бывают... Правда, магистру этот случай сломал всю карьеру – он не успокоился, бросил все прежнее, стал сущим анахоретом, до сих пор пытается воспроизвести условия эксперимента, ни о чем другом и думать не хочет. Так что ничего особо страшного не происходит, лорд Сварог. Чутьочку стыдно было Гаудину признаться перед вами, чужаком, в том, что он не столь могуществен, как принято считать. Вот и все. И нет пока оснований думать, что наблюдавшийся феномен как-то связан с вашей миссией. Когда о вас и слыхом не слыхивали, случались феномены и удивительнее. И давно уже молчаливо признано, что не стоит особенно ломать над ними голову. Магистр, ставший одержимым одной-единственной навязчивой идеей затворником, – еще не худший исход. Не так давно один из экспертов, занимавшихся островом Диори, сошел с ума. По его теории, мир, в котором мы живем, являет собой замкнутую временную петлю. И развалины города на равнине Бри Лейт якобы развалины нынешней Латераны. Нынешней.

– А может...

– Вздор, – твердо сказал Брагерт. – Ничего похожего. Но теория изложена ярко и убедительно, как с сумасшедшими порой бывает, кое-кто верит до сих пор... Скользящая дорожка, одним словом.

Я все это наговорил исключительно для того, чтобы вы не чувствовали себя жертвой хитрющих интриганов и не ломали чересчур голову над неизвестными явлениями... Работайте спокойно, вот и все. Как с Марой, все нормально?

– Да пожалуй, – пожал плечами Сварог. – Притерлись вроде.

– Вы ее, главное, не обижайте.

– Обидишь ее, как же... – Сварог прислушался. – Колокол?

– Ага, сейчас станут убирать трап. Ну, я пошел. Удачи!

Хлопнула дверь, и еще долго было слышно, как Брагерт, удаляясь, поносит на чем свет стоит жуликоватого приказчика. Сварог впустил Мару и запер дверь на засов. Задернул синие вышитые занавески, повертел в руках писто-

лет-шаур – конечно, в десять раз удобнее того, прежнего, – взял пряжку-компьютер, закрыл глаза, сосредоточился.

Совсем другое дело, если тебе старательно вложили в голову полный курс обращения с этой штукой, до последней запятой. Мысленные команды, вставшая перед глазами зеленовато мерцающая схема. Стой себе зажмурившись, едва заметно пошевеливая пальцами. А для непосвященного, стороннего наблюдателя – сущее колдовство, вдруг, откуда ни возмись, на полу возникает одежда, дворянские высокие сапоги из мягкой кожи, бадагар с пышным сиреневым пером, меч. Вот только холодом тянет все явственнее, снег, неизбежный спутник такого вот сотворения, тает на полу десятками мокрых пятнышек...

– А драгоценностей не будет? – спросила Мара чуточку разочарованно. – Мы же дворяне.

– Мы бедные дворяне, – сказал Сварог. – Совсем даже захудалые. Хотя, конечно, все не так: покойный барон, скопидом такой, все мало-мальски ценное держал в ронерских банках, так что до своих закромов еще нужно добратсья... Но как только доберемсья, куплю тебе драгоценностей, хочешь?

– Хочу.

– А тебе можно?

Мара чуточку замялась, подумала:

– Ну, вообще-то, если правила игры требуют... Мы же дворяне, и по документам, и на самом деле...

«Будет тебе еще одна кукла, – подумал Сварог. – Бьюсь об заклад, будь твоим начальником кто-нибудь другой, ему и в голову не пришло бы подарить тебе колечко, а у тебя язычок не повернулся бы попросить – уставы не велят... Вот и ладненько. Ребенку нужны куклы».

Он взял платице, бросил Маре:

– Топай в ванную. Вещички купеческого племянника сразу выброси мне.

– Я могу и здесь...

– Опять?

Она удалилась в ванную. Вскоре оттуда вылетели в приоткрытую дверь вещи «племянника», потом раздался шум льющейся из крана воды. Купеческая одежда кучей лежала на полу. Короткое заклинание – и она исчезла без следа, как дым.

– А говорят – Джеймс Бонд, Джеймс Бонд... – проворчал Сварог, бегло пробежал документ с печатями, удостоверяющий личность барона Готара, вольного ярла. Племянница (как и «племянник» допрежь) по малолетству имела право обходиться вовсе без документов. Сварог зажег масляную лампу со стеклянным колпаком и фарфоровым абажуром, белым, в сиреневой цветочек – в каюте заметно стемнело, наступал вечер. Натянул красно-зеленые штаны, селадоновую[33] рубашку с кружевным воротником и манжетами, посмотрелся в зеркало – что ж, получился вполне добротный барон, не хуже иных прочих. Растянулся на постели и закурил.

Скрипнула дверь ванной.

– Интересно получается, – сказал Сварог, не глядя в ту сторону. – Люди Гаудина, прохвосты, мою подпись на документе подделали. Я же и есть барон Готар, сам должен подписывать всем подорожные, и себе в том числе. Снабжать меня бумагой с моей же собственной подделанной подписью – это уже

особый цинизм. Как думаешь?

Посмотрел в ту сторону. Аккуратно уложил сигарету в стоявшую на полу пузатую медную пепельницу:

– Та-ак, кошка. Это как прикажете понимать?

– А ты не знаешь? – спокойно спросила Мара.

Платице лежало на кресле, а она стояла, завернувшись в широкое льняное полотенце, безмятежно смотрела на Сварога, чуть склонив голову к левому плечу, совершенно женским, уверенным взглядом, не допуская двойных толкований. Потом преспокойно убрала руки, и полотенце соскользнуло на пол.

– Кошка... – грозно начал Сварог, героически пытаюсь отвести взгляд. Не получалось, хоть ты тресни.

– Ой, да брось, пожалуйста, разыгрывать святого Амакоса, – тихо сказала Мара. – Сними лучше свои кружева идиотские.

Сварог сел и медленно стянул через голову рубашку. Он честно пытался бороться с собой, но не выходило. Никак. Он никогда не числил себя в сексуальных маньяках и половых неврастениках, да вот беда – представшая его взору фигурка была уже отнюдь не детская. Просто юная женщина точно знала, чего хотела. И никакого совращения малолетних. Вот и все, если вкратце. Чтобы не хотеть ее, нужно оказаться либо импотентом, либо идиотом, а о партийной организации здесь вряд ли услышат в течение пары-тройки ближайших тысячелетий...

Стоя на коленях у постели, Сварог в последнем приступе благонаравия попытался внушить себе, какая он скотина, но самобичевание очень быстро вылетело из головы. Мысленно махнув на все рукой, он коснулся губами нежной кожи. Мара, не открывая глаз, легонько прижала ладонями его затылок, и он ощутил щекой нежный изгиб бедра. Дальнейшее случилось легко и нежно, и, пока его язык господствовал над влажными тайнами, мучительное наслаждение пронизывало тело так, что хотелось кричать, кровь колотилась в виски, и он впервые потерял голову. Кажется, она стонала. Кажется, ее тело медленно выгибалось и опадало, как колеблемый ветром стебель цветка. Плохо соображая, зная лишь, что обрел наконец необъяснимое, долгожданное, Сварог лег с ней рядом, слушая тяжелое дыхание, обнял по-настоящему и ни о чем больше не сожалел.

Глава 5 Принцесса, которой нет

... Так уж ему везло, что, выйдя утром из каюты уже в дворянском облике, при мече, золотом поясе и баронском перстне, он нос к носу столкнулся с капитаном. Капитан в великолепном мундире, синем с серебром, тоже при дворянском поясе, мече и графском перстне, остановился с маху, не скрыв изумления. Он прекрасно помнил Сварога как почтительного купца, и теперь недоуменно шевельнул пышными усами:

– Оказывается, и на моей скромной посудине случаются чудеса. Как я успел заметить, ваш племянник уже превратился в очаровательную благородную девушку, теперь, понятно, очередь за вами...

Сварог с ходу преподнес ему историю барона Готара – совершенно правдивую (он лишь ввел в нее юную племянницу, бедную сиротку, вдруг оказавшуюся законной наследницей богатого поместья).

Капитан задумчиво шевелил усами. Сварог сообщил, что на означенное поместье претендует еще дальний родственник, от которого следует ждать любой подлости, и девочку необходимо было доставить в Равену окольными путями, в замаскированном виде. Выслушав вежливо и внимательно, капитан фыркнул:

– Век живи – век учись. Каждый день узнаешь что-то новое, увлекательное – еще и этим моя служба мне мила...

Вежливо раскланялся и ушел, прежде чем Сварог успел подвергнуть его небольшому испытанию с помощью магии, дабы узнать, до какой степени капитан во все это поверил. Ситуация создалась щекотливейшая. Они были уже в Ронеро, но пароход оставался кусочком снольдерской территории, где капитан второй после бога. Правда, все обстояло не так уж плохо. Для таларского дворянина позором считается стать полицейским осведомителем. Зато заграничный шпионаж – занятие по той же древней традиции вполне дворянину, самому титулованному, приличествующее. Значит, самое большее, что может сделать капитан, если он имеет отношение к секретным службам, – упомянет о странном бароне в своем донесении, вернувшись в Снольдер. И только. Нет, все обойдется...

Он поднялся на верхнюю террасу, отыскал Мару, молча встал рядом. Она подняла на Сварога лукавые глаза:

– Выспался? Ну вот, а ты боялся...

Сварог, по-прежнему ни о чем не сожалевавший, вдруг заподозрил, что начинает краснеть: щекам стало что-то очень уж подозрительно горячо. Он повернул рыжую синеглазую кошку лицом к себе и крепко поцеловал. Отстранил, взглянул серьезно и внимательно. Судя по ее удивленным глазам, ее еще ни разу не целовали на палубе роскошного парохода, и вообще, похоже, обходились гораздо незамысловатее и проще, чем следовало бы обходиться с красивой девушкой в развеваемом легким утренним ветерком красивом коротком платице ронерской дворянки. Сварог прекрасно знал, что такое спецназ, и потому ничуть не надеялся на мгновенное перевоплощение ее в нормальную девушку – такое случается только со сказочными принцессами, да и то заколдованными, но некие надежды на будущее все же питал. Воевать должны мужики.

Сварог притянул ее к себе, и она неумело приподнялась на носках, обхватив его за шею. Сзади деликатно покашляли. Они отскочили к вычурным перилам, и капитан во всем великолепии прошествовал мимо, позвякивая золотыми шпорами и бормоча словно бы себе под нос:

– Бедные сиротки, конечно, одиноки и печальны, и утешить их – долг подлинного дворянина...

– Может, следовало бы его убрать? – деловито предложила Мара. – Я могу незаметно, никто ничего не заподозрит, он вообще умрёт через неделю...

Перемена была столь резкой, что Сварог с досадой махнул рукой.

– Я что-то глупое предложила?

– Нерациональное, – сказал Сварог, чтобы не вдаваться в дискуссии. – Нет ни смысла, ни потребности... Красивый город?

– Да. Только стратегически уязвимый.

– Не без этого...

Равена, как и прочие столицы, размещалась по обоим берегам Итела. Паро-

ход уже пересек городскую черту, и по обе стороны уплывали назад высокие каменные дома под острыми черепичными крышами, берега были забраны в серый гранит, и над крышами дрожали потоки раскаленного воздуха, пронизанного едва заметными дымами: город просыпался, повсюду готовили завтрак. Кое-где по-над берегами еще стелился сизый рассветный туман, знаменовавший здешнюю зиму. «Зима, тоже мне, – подумал Сварог, глядя на низкие портовые здания, проступавшие сквозь зыбкое полупрозрачное марево. – Ни снега, ни настоящих холодов. Только-то и всего, что самую чуточку прохладнее, да облака, когда зарядят зимние дожди, выглядят унылее и угрюмее, чем летом». Правда, он еще не видел нынешнего лета своими глазами, и эта фраза была вычитана из здешнего романа.

– Тебе не холодно?

– Разве это холод? – удивленно взглянула Мара. – Вот на Сильване... И потом, нас учили переносить холод.

– А как получилось, что вас так рано научили...

– Заниматься любовью? – непринужденно закончила за него Мара. – Это просто. Видишь ли, женщина показывает гораздо лучший результат, если незадолго до того была с мужчиной. Наука. Так нам объясняли на лекциях, и я пришла к выводу, что наука права.

– Ну да, наука, – проворчал Сварог. – Чему бы путному учили, яйцеголовые...

Мара потупилась в наигранном смущении:

– Но я вчера ночью поняла, что многому нас довольно бездарно учили...

– Кошка, во второй раз ты меня покраснеть не заставишь.

– Но в первый раз ты и в самом деле покраснел. Этак пикантно запунцовел...

– Р-разговорчики, – сказал Сварог. – Меня, понимаешь ли, по-другому учили. Хватит. Давай о делах. Если, паче чаяния, нас вздумают задержать на таможене, будем прорываться. Жестко.

– А это будет рационально?

– Пожалуй, – сказал Сварог. – Я обдумал. Графиня, к которой мы едем, особа при дворе влиятельная. Из ее особняка нас согласно здешним законам смогут извлечь только по «золотому листу», именем короля. И заниматься нами будет личная королевская полиция. А у нас найдется чем расположить к себе короля...

– Если прикажешь, я его расположу к нам очень быстро. Нас учили...

– Молчать, – сказал Сварог. – Тебе известно, что такое ревность?

– Но какое отношение это имеет к работе? – искренне удивилась Мара.

Сварог мысленно плюнул и промолчал.

Таможенное дело здесь пребывало отнюдь не в зачаточном состоянии и было поставлено на совесть. Причал оказался обнесен солидной решеткой в два человеческих роста, и покинуть его можно, только пройдя через низенький и длинный кирпичный домик (и у домика, и по ту сторону решетки там и сям прохаживались стражники в темно-бордовом, выглядевшие отнюдь не лопухами). Сварог не без грусти вспомнил патриархальные обычаи харланской столицы. Здесь была более цивилизованная страна – следовательно, взятки брали не в пример изящнее и культурнее, хорошо еще, что дворян первыми пропускали в таможеню. Внутри домик был разгорожен вдоль кованой решет-

кой в половину человеческого роста, перемежавшейся десятком широких столов, за которыми восседали чиновники в темно-зеленых вицмундирах таможенного департамента, судя по знакам различия – мелкая сошка.

– Пустяки, – тихо сказала Мара, наморщив нос. – Если что, хватай твой любимый топор и иди первым, я прикрываю...

Сварог положил перед пожилым узколицым чиновником свою подорожную. Тот внимательно прочитал ее, потом еще раз, гораздо медленнее, уставился в потолок, перевел желчный взгляд на Сварога:

– Так... Барон Готар – это вы и есть, надо полагать?

– Да уж надо полагать, – сказал Сварог.

– Где же это у нас Готар?

– В Пограничье, – сказал Сварог, чуть насторожившись.

Чиновник задумчиво уставился в потолок:

– Слышал что-то такое, как же... Ни суверена, ни порядка, ни надлежащей администрации... Весело живете?

– Как посмотреть, – сказал Сварог. – С утра всякую шваль вешаем, не одних только канцелярских крыс, хотя, если придет такая потребность, любую чернильную душу с Конопляной Тетушкой повенчаем и слез лить не станем...

Стоявший за спиной чиновника стражник откровенно заржал.

Чиновник поджал губы, с ног до головы оглядел Мару:

– Дочка?

– Племянница, – сказал Сварог.

– Понятно. Троюродная, надо полагать? Или родство еще более дальнее? Что ничуть на теплоту тесных родственных отношений не влияет, вовсе даже, я бы сказал, наоборот...

Стражник приготовился заржать, но встретил взгляд Сварога и с ходу передумал. У Сварога же возникли стойкие подозрения, что дело нечисто. Сначала показалось, будто таможенник примитивно вымогает взятку, но тут же стало ясно, что все гораздо серьезнее.

Судя по жалкому серебряному шитью – всего-то по три коротеньких веточки остролиста на каждом рукаве и узенькая кайма на воротнике, – таможенник пребывал в убогом чине канцеляриста, сиречь третий от конца согласно здешней Табели о рангах. Пояс на нем был не дворянский, а серебряный, Словия Чернильницы. Чиновник столь ничтожного класса, к тому же не дворянин, ни за что не стал бы держаться столь нагло с благородным, пусть даже захудалым бароном из Пограничья. Скорее наоборот – именно дворяне из Пограничья не в пример более свирепо относятся к малейшему посягательству на их честь. Будь Сварог обычным вольным ярлом, чиновник давно лишился бы половины зубов – он вдобавок ко всему ни разу не назвал Сварога ни «вашей милостью», ни даже «лауром». И неприятности у ярла были бы минимальными – благородные свидетели подтвердят, что чернильная крыса сама спровоцировала барона столь хамским обращением, грузный маркиз возле соседнего стола уже сделал Сварогу недвусмысленный знак, могущий означать лишь одно: «Да заедьте вы ему в ухо, ваша милость!» Сварог ограничился тем, что придвинулся к столу и грозно сказал:

– Шевелись, крыса чернильная, уши обрежу!

Чиновник, опустив глаза, стал копаться в бумагах.

А Сварог вдруг ощутил, как по вискам ему словно бы провели чем-то мяг-

ким и пушистым, невидимой кроличьей лапкой.

Вот оно что. Здесь, в зале, был колдун, осторожно прощупывал Сварога Заклятием Ключа. Наверняка и Мару тоже. Дохленький колдун, признаться. Интересно, где он? Кто-нибудь из праздно бродивших по залу стражников?

– Ну? – спросил Сварог. – Скоро ты там?

– Порядок в нашем деле необходим, ваша милость, – ответил чиновник, не поднимая глаз от вороха печатных бумаг. – А то случаются... бароны и племянницы...

Невидимая пушистая лапка продолжала оглаживать виски.

– Ну? – повторил Сварог. – Как там в вашем розыскном списке? Насчет противоестественных сношений с чиновниками – типа мужеложества или взятки – про меня ничего не написано? Не грешен?

Стражник заржал. Канцелярист поднял глаза:

– Добро пожаловать в славное королевство Ронеро, ваша милость.

– Благодарю, – сказал Сварог. – Это вы, кажется, со стола обронили?

Он положил прямо на розыскные листы медный полугрош – самую мелкую монетку, какая ходила здесь в обращении. Чиновник очутился в пикантном положении: взять грошик – засмеют сослуживцы, гордо смахнуть со стола – можно и получить по морде. Поэтому он притворился, будто никакой монетки на столе и нет. Стражник распахнул решетчатую дверь, и Сварог с Марой сделали первые шаги по королевству Ронеро в качестве совершенно благонадежных приезжих. Два носильщика волокли следом не подлежащий досмотру сундук благородного лаура – в котором и не имелось ничего предосудительного, кстати.

В Равене наличествовали извозчики – еще один отличительный признак цивилизации. И торговались они вполне цивилизованно – угадав приезжего, заламывали несусветную цену. Сварог, однако, не видел смысла экономить, и через пару минут они с Марой уже сидели в запряженном парой каурых габолере[34]. Извозчик болтал без умолку, расписывая достопримечательности и исторические места, мимо которых они имели честь проезжать. Сварог ему не мешал – это было даже интересно и позволяло, не вызывая подозрений, вертеть головой во все стороны. В какой-то миг он вопросительно глянул на Мару, та чуть заметно кивнула и подняла указательный палец.

За ними следили. Уардах в сорока позади, не обгоняя и не приближаясь, тащился всадник на чалой лошади, судя по одежде – небогатый дворянин. Он подхлестывал лошадь, когда экипаж рысью проносился по улицам, где не было ни достопримечательностей, ни исторических мест, и натягивал поводья, когда извозчик ехал медленнее...

Из чистого любопытства он попросил возницу сделать крюк и проехать по набережной – чтобы взглянуть на Мост Короля Уитреда, самый большой на планете, соединявший берега Итела вот уже четыреста лет (а река здесь была шириной лиги в полторы). Как обычно и водится, ни снимки, ни видеозаписи не могли передать очарования и мощи серой гранитной громады, вздымавшейся на овальных быках настолько высоко, что под мостом свободно могли проплывать не особенно крупные корабли. Это был целый городок – с многочисленными лавками, тавернами и мастерскими по обе стороны проезжей части, с несколькими храмами, полусотней статуй и монументов. По стародавней традиции городок этот пользовался всеми правами квартала – с соответ-

ствующими чиновниками, полицией, отличительным знаком и прозвищем для обитателей. Как не единожды случалось в истории (и не только таларской), стойкая молва гласила, что без помощи дьявола архитектор никак не мог обойтись...

Наперерез им промчался что есть духу трубивший в рог всадник – судя по черно-синей накидке, расшитой золотыми лилиями, королевский герольд. Извозчик мгновенно натянул вожжи. Двигавшиеся навстречу экипажи тоже остановились, не доезжая до перекрестка.

– Что такое? – спросил Сварог.

– Король изволит следовать, ваша милость.

Вслед герольду проскакали двое в красных мундирах и коротких черных плащах – ликторы, личная стража. За ликторами – четверка синих мушкетеров. Вскоре раздалось басовитое урчание мотора единственного в Ронеро автомобиля, а там показался и он сам, неспешно миновал перекресток – огромная, синяя с золотом карета с чистейшими, почти невидимыми стеклами, королевским гербом на дверцах, посеребренными колесами и двумя лакеями на запятках. Шофер сидел снаружи, на чуточку переделанном облучке, и выглядел раз в десять спесивее любого короля – учитывая уникальность его профессии, даже простительно. Насколько Сварог помнил, это был какой-то герцог. Автомобиль, понятно, снольдерской работы.

За стеклами Сварог увидел четкий орлиный профиль Конгера Ужасного и златовласую головку Делии. Лицом к ним на переднем сиденье застыли, напряженно выпрямившись, двое раззолоченных придворных. У дверцы скакала черноволосая красавица в парадном мундире полковника синих мушкетеров – Арталетта, герцогиня Браг, незаконная дочь Конгера. Следом – еще четверо мушкетеров и блестящая кавалькада придворных. Лошади извозчика вели себя на удивление спокойно – как и все остальные, бывшие на улице в этот миг, запряженные в экипажи и верховые.

«Охрана чисто символическая, – отметил Сварог. – В то время как даже министру полагается по чину восемь Ликторов. Ну, сие нам знакомо, ничего странного. Короли и императоры, носившие заслуженные титулы Жестоких, Ужасных и Грозных, как правило, доживали до преклонных лет и умирали естественной смертью, почти не сталкиваясь с покушениями и серьезными заговорами – зато мягких и либеральных венценосцев били табакерками в висок, тащили на эшафот, свергали и изгоняли...»

– Куда это он? – спросил Сварог.

– В храм Хорса, – охотно ответил извозчик. – Не в пример батюшке, король наш – человек богобоязненный, храмам покровительствует весьма благочестиво, и всем богам оказывает почет...

Сварог усмехнулся. Просмотренное им у Гаудина досье короля являло образ далекого от всякого благочестия циника и материалиста, истребившего в борьбе за престол четырех родных братьев, разогнавшего ротой черных драгун уитенагемот[35], преспокойно казнившего десять лет назад великого понтифика храма Симаргла[36], когда тот сунулся в большую политику, и, наконец, в прошлом году присвоившего дворянское достоинство любимой охотничьей собаке...

– Выдумали черт знает что, – ворчал извозчик. – Если этих вонючих телег станет много, куда лошадей деть прикажете? Все снольдерцы, чтоб им прова-

литься. Никогда от них ничего хорошего не было и впредь не будет. Понаехали. Поналетели. Самолеты приволокли. Позавчера летали над предместьями, всю скотину распугали, народ, кто потемнее, по сараям да по колодцам начал прятаться. Доиграемся до второго Шторма, верно вам говорю, ходят слухи, и памятник Морским Ястребам хотят убрать – ввиду нашей нынешней тесной дружбы со Снольдером, дабы не омрачать дружбу воспоминаниями о прошлых войнах...

– Что за памятник?

– А вот сейчас и увидим, если пожелает ваша милость. Гей!

Он свернул влево, на гранитную набережную, остановил лошадей. Посреди полукруглой площади стоял высокий черный камень, отесанный с одной стороны. На отесанном месте сиял золотом силуэт корабля, а выше, на диком камне, прикреплен золотой ястреб с мечом и якорем в лапах.

– Видите вон то здание, ваша милость, с колоннами? Школа гардемарин «Морской ястреб». Так вот, когда восемьдесят лет назад снольдерский флот напал на Равену, войск в городе почти что и не было, одни гардемарины. Отыскалась пара пушек. И эти парни, ваша милость, держались трое суток, пока не подошла армия, держались против трехпалубных фрегатов и морской пехоты, подожгли три корабля. Из них, понятно, девять десятых выбили начисто, из гардемарин... А теперь эти снольдерские летуны над столицей порхают, как у себя дома. Неужто снимут памятник? У меня прадед боцманом служил на «Бешеном коне» – был такой учебный корвет при школе. И когда гардемарины собрались пустить брандер на адмиральский корабль, прадед по нахальству характера такого случая упустить никак не мог.

– И что? – спросил Сварог.

– А как оно бывает с брандерами? Рвануло прежде, чем они успели спустить шлюпку – и не осталось ни снольдерского корыта, ни гардемарин, ни прадеда. Хорошо еще, дед мой к тому времени уже имелся на свете... Адмиральский фрегат потом подняли, кое-что в Морской музей поместили. Музей смотреть будем, ваша милость?

– Да нет, – сказал Сварог. – Поезжай-ка ты напрямиком в особняк графини Дино. Оружейников, четыре.

– Слушаю, ваша милость. Обратите внимание на данную достопримечательность, каковую у себя в Пограничье вам, уж простите, видеть никак не доводилось... Видите на крышах два золотых шпиля? По обе стороны площади? По особо торжественным дням вон оттуда и досюда, над всей, считай, площадью загорается как бы великанское окно, и любой, какого бы сословия и гильдии ни был, может лицезреть торжественное шествие Императрицы Четырех Миров со всем двором... Жаль, ваша милость, что вы этакое не видели. Вот где красота и великолепиие...

– Да уж могу себе представить, – сказал Сварог. Он сам два раза присутствовал на таких шествиях – но никто ему не говорил, что церемония порой транслируется на землю. Хотя о телевизорах для земной знати слышать доводилось.

В дальнем конце площади неотвязно маячил конный шпион.

Особняк графини Дино стоял посреди большого сада, окруженного кирпичной стеной с частоколом железных шипов поверху. У массивных воротных столбов из розового песчаника, увенчанных гербами с графской короной,

азартно резались в кости слуги графини и ронины-прихлебатели – понятно, разбившись на две кучки согласно сословию. Слуги крыли друг друга последними словами и хватали за ливреи, дворяне погромыхивали мечами, но сквернословия и рукоприкладства, как люди благородные, меж собой не допускали. Гам стоял на всю улицу. Сварог воочию убедился, что Ронеро держит первенство на континенте по беззаветной любви к азартным играм, пари, состязаниям и головоломкам. Понятно теперь, почему именно в этом королевстве уголовное право было обогащено Игорным кодексом.

Никто и ухом не повел, когда габолер остановился у ворот. Возможно, они не заметили бы и королевского автомобиля.

Сварог подумал, покопался в кошельке, вытащил золотой аурей, хорошенько прицелился и угодил в нос самому шумному лакею. Настала тишина, возникло замешательство, и все взоры обратились к экипажу. Сварог спрыгнул на вымощенную тесаным камнем мостовую, протянул руку Маре и громко сказал, не глядя на челядь:

– Доложить графине – барон Готар. Сундук в дом. Живо. Головы поотрываю.

Один лакей опрометью помчался в дом, остальные, толкаясь и мешая друг другу, подхватили сундук. Дворяне приосанились и отвесили церемонные поклоны – народ был довольно обтрепанный, но при золотых поясах, понятно.

Показался шпион. Он медленно проезжал мимо, старательно притворяясь, что не видит ни ворот, ни публики.

Высмотрев среди дворян самого задиристого на вид и потертого, Сварог ловко сунул ему за обшлаг несколько золотых:

– Кажется, лаур, я вам остался должен за вчерашнюю гульбу?

И показал глазами на шпиона. Потертый, ничуть не удивившись, вышел на середину улицы и заорал что есть мочи, глядя мимо всадника:

– Эй, лаур, ты кого имел в виду, столь гнусно ухмыляясь?

Шпион, прижав руку к груди, стал было вежливо уверять, что он вообще не ухмылялся, тем более гнусно, но потертый с большой сноровкой сдернул его за ногу с лошади, подскочили остальные, и мгновенно завязалась свалка со звоном клинков и невнятными выкриками. Ухмыльнувшись, Сварог взял Мару под руку и повел к дому по дорожке из красного кирпича. Навстречу уже несли лакей:

– Просят пожаловать, ваша милость...

Графиня встретила их, стоя у подножия ведущей в особняк лестницы – что согласно здешнему этикету означало весьма радушный прием. Сварог удивленно приподнял брови. Он почему-то решил, что резидентом Гаудина окажется суровая старуха, такая Екатерина Медичи на излете века, искусенная в интригах и ядах, с кинжалом в рукаве и суровым взором.

Перед ним стояла светловолосая и сероглазая особа в коротеньком розовом платье, прехорошенькая, но легкомысленная и ветреная на вид, как десяток синих мушкетеров. Быть может, бабушка-интриганка попросту прихворнула?

– Барон Готар к вашим услугам, ваша светлость, – сказал Сварог, кланяясь. – Могу ли я узнать...

Большие серые глаза, которые пуританин назвал бы бесстыжими, а поэт – игривыми, моментально изучили его с головы до ног.

– Другой графини нет, – сказала особа. – Вы ведь это хотели узнать? Я – Маргилена, графиня Дино, самый лучший и самый верный конфидент милорда

Гаудина.

Сварог невольно покосился на торчавшего тут же лакея.

– Что я с тобой сделаю в случае чего? – безмятежно спросила графиня.

– Под землей отыщете и мужское достояние в мясорубку засунете, ваша светлость, – серьезно ответил лакей.

– Именно... – графиня подняла тонкий указательный палец, украшенный огромным брильянтом. – Не беспокойтесь, барон, люди у меня надежные. Прошу в дом.

Она пошла впереди, как и полагалось радушной хозяйке. Первые разведанные, добытые Сварогом в Ронеро, заключались в открытии того факта, что ножки у графини были великолепные. Что до мини-платьев, виной всему была Яна, появившаяся как-то на экране телевизора в крайне короткой юбке. Женская половина земной аристократии, чуткая к малейшим веяниям моды, мгновенно сделала выводы и подхватила почин, благо не имелось на сей счет никаких запретов ни религиозного плана, ни бытового. Уже через месяц дело приняло официальный оборот – высочайшими указами земных королей длина платьев и юбок была должным образом регламентирована: крестьянки повинны носить платья до пола, женщины семи Высоких Сословий – до колен. Для дам-дворянок установили лишь верхнюю границу приличий, а в остальном они были вольны. Впервые услышав об этой истории, Сварог развеселился было, но вскоре пришел к выводу, что новый обычай ничуть не умнее и не глупее всех прочих традиций, сопровождавших дворянство в его путаной и бурной истории. По крайней мере, он приятнее, чем, например, золотые болоховки французских придворных дам...

Графиня провела их в золотисто-сиреневую гостиную, усадила за стол. Лакей принес поднос с пузатой черной бутылкой «Кабаньей крови» и радужными бокалами тончайшего гаарского стекла знаменитой марки «Золотой мыльный пузырь». Пить из них было даже жутковато – казалось, бокал вот-вот разлетится в пыль под тяжестью налитого вина. Сварог покосился в угол, на огромный выключенный телевизор, посмеявшись про себя.

В последние годы канцлер, по словам Гаудина, разработал некую программу, имевшую целью немного сблизить дворянство земное и небесное. Благородные обитатели Талара совершенно бесплатно получили телевизоры. У королей они работали восемь часов в сутки, у герцогов – семь. И так далее. Экраны появились в сословных и гильдейских Собраниях и на площадях столиц. Канцлеру это ровным счетом ничего не стоило, а дворянство ухватилось за невиданную привилегию когтями и зубами, интригуя и борясь за право смотреть телевизор лишние полчаса с тем же пылом и жаром, с каким сражалось за королевскую милость, поместья и чины. Высочайше пожалованной привилегией можно объявить, строго говоря, что угодно. Главное – провозгласить, что это привилегия, да оформить все должным образом. Программы, правда, были убогими, но и наверху, в летающих замках, они не умнее и не содержательнее, столь же пустые, нескончаемые сентиментальные сериалы, боевики да песенки. Сплошь и рядом на землю идет то же самое, что и для хозяев летающих маноров. А наверху, в свою очередь, зачитываются земными пустенькими романчиками, всю их экранизируя.

Графиня изящно закинула ногу на ногу, вынула из золотой шкатулки длинную сигарету, каких здесь не делали, – продемонстрировала самый что ни на есть

великосветский стиль. Сварог галантно поднес ей огонь на кончике пальца.

– Ого... – она прикурила, не особенно и удивившись. – Значит, вы не просто пограничный барон... Что ж, следовало ожидать. Постойте-ка... – вдруг уставилась она на Сварога с восторженным ужасом. – Но ведь это означает... Серый Рыцарь?!

– Иногда я подозреваю, что так все и обстоит, – сказал Сварог дипломатично. – Если только Таверо не был шутником.

– Ну что вы... – Она кивнула в сторону Мары. – Быть может, мы отправим детку посмотреть драгоценности или платья, а сами займемся делами?

Детка глянула на нее искоса, потом уставилась на украшавшие стены шпаги и стилеты определенно не без намека.

– Видите ли... это, в общем, никакая не детка, – сказал Сварог. – Это моя полноправная помощница.

– Ах, вот оно что, – графиня с интересом обозрела Мару. – Понятно, а я-то ломала голову, зачем она с вами... Милорд Гаудин мне немного рассказывал, но я, признаться, не думала, что они такие обыкновенные и милые... Опять?! – она гневно оглянулась на дверь.

Вошел богато одетый и крайне унылый субъект лет сорока, затоптался у входа:

– Душа моя, осмелюсь напомнить, сегодня двадцать первое... Маргилена...

Графиня смерила его ледяным взглядом:

– Если вы, золотко, еще раз осмелитесь ввалиться, когда я принимаю гостей, ваше скромное украшение окончательно зарастет паутиной... Брысь!

Унылый субъект покорно вывалился спиной вперед, распахнув задом створку двери.

– Это, если так можно выразиться, супруг, – безмятежно пояснила графиня. – Понятно, я не чудовище, когда-то следует, отринув любовников, исполнить супружеский долг, дело святое... Эта беспросветно скучная и наводящая тоску процедура свершается два раза в месяц, двадцать первого и сорок шестого, и в означенные дни, с раннего утра, сей обуянный похотью сластолюбец не дает мне прохода, стена и оглаживая. Великие небеса, в доме не протолкнуться от смазливых служанок – нет, подавай ему меня. Извращенец. Вообразите, он иногда усаживается в саду, под окнами моей спальни, и хнычет, словно фамильное привидение Верготов. Многих это только развлекает, но попадают тонкие натуры, их эти всхлипы нервируют... Вам такой концерт понравился бы?

– Нет, конечно, – сказал Сварог, прилагая титанические усилия, чтобы сжать мускулы лица в неподвижную маску.

– Вы смейтесь, если хотите. Милорд Гаудин вечно надо мной смеется. Однажды он так хохотал, что пролил мне на живот чашку горячего шоколада. Вам, конечно, весело, а каково было мне, с моей необычайно нежной кожей? Целый месяц после этого меня любили в самых невероятных позициях, чтобы не задеть обожженного живота...

– Умоляю вас... – сказал Сварог жалобно, чувствуя, что вот-вот смахнет со стола взрывом хохота драгоценные невесомые бокалы.

– Но это все чистая правда, – заверила графиня. – Я, разумеется, не дура, иначе ни за что не попала бы в конфиденты. Просто я, как выражается милорд Гаудин, яркая индивидуальность, с чем полностью согласна, да и вы, навер-

ное, тоже... И еще. Всеми этими прибаутками я, уж простите, пыталась оттянуть весьма тягостный разговор о наших делах...

– Почему – тягостный?

– Потому что ее нет, она исчезла...

– Кто?

– Делия, – сказала графиня.

– Полчаса назад я ее видел в автомобиле короля.

– Это не она.

– А кто?

– Не знаю, – сказала графиня, и в ее глазах Сварог увидел страх. – Двойник, нежить, морок, наваждение... У меня есть человек, прекрасно умеющий распознавать такие создания, под какими масками они ни прятались бы. Наследственность, знаете ли. Говорят, его прабабка была колдуньей.

– А верить ему можно?

Графиня бледно улыбнулась:

– Можно. Это барон Гинкер, протектор[37] Равены. Работает на милорда Гаудина лет десять. Кстати, я его жду с минуты на минуту.

– Что случилось? – спросил Сварог, ежась от неприятного холодка.

– Не знаю. Никто не знает. Несколько дней назад в королевском дворце что-то произошло ночью. А утром на месте Делии оказалась... эта тварь. Король, насколько можно судить, ничего не замечает, как и все остальные, а судя по вашей реакции, и люди милорда Гаудина пребывали в неведении. Барон, это не двойник-человек. Она как две капли воды похожа на Делию, она вполне материальна, я сама касалась ее руки... Но это не человек, Гинкер клянется. С того утра она и близко не подходит к лошадям и собакам. Лошадей и собак не обмануть никакой магией, они почуют мгновенно... Она перестала носить серебряные браслеты Делии, фамильные.

– А что дворцовые маги? Их, насколько я знаю, двое при короле.

– Один исчез бесследно. Второй держится так, словно ничего не произошло.

– А любовник Делии, гланский лейтенант?

– Исчез. Пропали еще человек десять – ликторы Делии и люди из дворцового караула.

– А что говорят при дворе?

– Ничего. Большинство и не подозревает о случившемся. А туманные слухи, бродившие среди меньшинства, очень быстро прекратились. Должно быть, оттого, что для них совершенно не было пищи. Глухо упоминалось о ночной драке – и на этом все кончилось. За годы правления нашего короля случались вещи и загадочнее – но всегда была конкретная информация. Сейчас же никто ничего не понимает...

– Ваш барон Гинкер не пробовал деликатно намекнуть королю?

Графиня молча взглянула на него.

– Понятно, – сказал Сварог. – Жить барону еще не надоело... К кому король способен прислушаться?

– Пожалуй, к официальному легату императрицы. Но это же нереально, как я поняла?

– Совершенно, – сказал Сварог. – Кстати, я тоже нереален. Меня здесь нет. Я вам мерещусь.

– Вот видите... Дела скверные, барон. Даже если все поголовно догадаются,

что это не Делия, а неведомая нечисть в ее облике, подавляющему большинству будет все равно. Кроме разве что искренних друзей – но их у Делии очень и очень мало, как и случается обычно с принцессами. Не столь уж важно, от кого получать милости и кому служить, принцессе или оборотню. Понимаете? Лишь бы только была уверенность, что оборотень не исчезнет через неделю, а продержится долго. Или вы лучшего мнения о человечестве?

– Ну что вы... – сказал Сварог угрюмо. – Кто за всем этим стоит? У вас нет предположений?

– Ни малейших, – призналась графиня. – Случай настолько небывалый, что я поостереглась строить гипотезы... Ждала вас. Быть может, следует срочно связаться с милордом Гаудином?

– Не получится, – сказал Сварог. – Нет у меня такой возможности. Едва я пересек ронерскую границу, все оборвалось. Я действую в одиночку. Увы, не могу объяснить причин...

– Помилуйте, догадаться нетрудно, – сказала графиня. – Вы ничем от нас не отличаетесь, уж простите. Интриги, козни, тайна... Все то же самое, господа, все то же самое... Эти слова обожают грустно изрекать мой наводящий тоску супруг, обнаружив у дверей моей спальни очередные сапоги. Все то же самое. Миссия ваша насквозь неофициальна, и ее следует держать в тайне от любого – ну что тут непонятного?

Сварог задумчиво наклонил бутылку над своим бокалом, глядя на густое, багровое вино. Не получилось лихой прогулки. Неужели Гаудин не знал? А что он мог сделать, даже если бы знал?

– Единственная надежда – король. Не так ли? – спросил он.

– Да. Уж он-то любит Делию без памяти...

– А нам осталась самая малость – раздобыть веские доказательства...

– Самая малость, – с бледной улыбкой подтвердила графиня.

Золотой колокольчик у входа звякнул. Графиня живо подбежала и распахнула дверь:

– Барон, вы опоздали на три минуты! Если бы я назначила свидание в своей постели, вы и тогда опоздали бы?

– Признаюсь с прискорбием – да, – поклонился вошедший. – Даже манящий образ вашей постели, милейшая Маргилена, не в силах победить безжалостную старость, прочно овладевшую вашим покорным слугой...

Пожалуй, он кокетничал и прибеднялся. Это был пухлый лысый коротышка лет шестидесяти, слабый и неопасный на первый взгляд, но на щекастой физиономии Тентира[38] холодно голубели колючие и внимательные глаза, а обманчиво вялые движения скрывали, похоже, недюжинную силу и проворство, вполне пригодные и для ублажения дам, и для схватки на мечах.

– Барон Гинкер, – представился толстяк. – Имею несчастье заведовать одной из столичных полиций. Вы позволите узнать ваше очередное имя?

– Барон Готар. Имя настоящее.

– А это осмотрительно?

– Пожалуй, да, – сказал Сварог. – Вообще-то у меня есть еще несколько имен...

Гинкер цепко взглянул на него:

– Я бы рискнул предположить, что среди ваших титулов отыщется и графский... Впрочем, это лишь предположения, о которых я уже забыл. И другими

вашиими именами интересоваться не намерен. Могут подвесить на дыбу, знаете ли, и если сболтнешь что-нибудь ненароком, выйдет плохо и тебе, и людям. Императорский замок высоко, а пыточные гораздо ближе...

– У вас же, насколько я знаю, пытка для дворян лет пятнадцать как отмена, – сказал Сварог.

– Вы не обидитесь, если я рискну предположить, милейший барон, что в нашем окаянном ремесле вы – человек новый и неопытный? Нет? Отлично. Так вот, есть печальные прецеденты, когда пытка применяется ко всем без исключения, без оглядки на вольности и привилегии. Наш случай к таковым как раз и принадлежит, ибо впрямую затрагивает короля, а следовательно, все мы прямехонько попадем либо в Королевский Кабинет, либо в Багряную Палату, каковые не связаны никоими установлениями, кроме воли монарха... При этой юной особе можно говорить непринужденно?

– Да, – сказал Сварог.

– Понятно. – Гинкер с непонятым выражением лица оглядел Мару. – Милочка моя, вы эту прекрасную фамильную вилку из парадного сервиза вертите просто так или готовы при нужде вогнать мне ее в глаз? Метнувши?

– В сонную артерию, – сказала Мара. – Если в глаз, вы ж начнете вопить, хотя бы несколько секунд, а если в сонную – это мгновенно...

И они вежливо раскланялись, созерцая друг друга не без уважения.

– У вас очаровательная спутница, барон, – сообщил протектор. – Живая, непосредственная... Я краем уха слышал о любопытном учебном заведении, которое она, я полагаю, окончила. Мне не помешало бы нечто подобное, но вряд ли удастся преодолеть косность мышления министра полиции... Что вы знаете, барон? – спросил он, резко меняя тон.

– Ровно столько, сколько известно графине.

– Уже легче. Итак, суммируя и обобщая... Полагаю, уже можно примерно – подчеркиваю, примерно – набросать эскиз происшедшего. Мелкие, несущественные подробности я опущу. Около четырех часов ночи неподалеку от апартаментов принцессы Делии имело место некое оживление, переместившееся затем в старое крыло дворца, оттуда – к Полуденным воротам, по улицам Медников и Всех Добродетелей, вплоть до переулка Белошвеек, где то ли прекратилось, то ли удалилось в неизвестном направлении, изменив свой характер и суть. Это теоретическое описание. Практика же означает, что ночью группа неизвестных лиц попыталась ворваться в покои принцессы. Защищавшие ее ликторы и гланские гвардейцы Лохерварского полка вместе с принцессой и ее близким другом, лейтенантом вышеназванного полка Данаби, с боем отступали к Полуденным воротам через старое крыло, теряя убитых, а возможно и раненых, которых нападавшие потом добились. Рискну предположить, что стража Полуденных ворот, по некоторым сведениям, оказалась на стороне Делии. Отступавшие, теряя людей, достигли переулка Белошвеек, где разыгралась последняя схватка, унесшая жизнь лейтенанта Данаби. Правда, свидетели, которых я имел глупость оставить на свободе, назавтра бесследно исчезли... Дальше – неизвестность. Принцесса исчезла. Во дворце не было ни переполюха, ни общей тревоги. Девяносто девять человек из ста уверены, что ночью произошла пьяная драка меж гвардейцами соперничающих полков. Король лично повелел сохранить все в тайне, дабы не выглядет в глазах соседей варварами, способными учинить спьяну резню во дворце монарха. Род-

ственникам убитых приказали держать язык за зубами. На месте Делии отныне – нечто. Вот и все, если вкратце. У вас, конечно, будут вопросы?

– Вы совершенно уверены, что на месте принцессы – «нечто»?

– Уверен.

– Откуда вы это знаете?

– Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

– Хорошо... – сказал Сварог. – Все равно я быстро смогу проверить и сам... Почему Делия и ее люди пробивались прочь из дворца? Надежнее и естественнее было бы забаррикадироваться в комнатах, дожидаться, когда поднимется шум на весь дворец, сбежится стража... Почему она бежала из дворца любящего отца, где ей, теоретически рассуждая, ничто не могло грозить?

– Эта загадка до сих пор мучает и меня, – признался протектор. – Невероятно нелогичный поступок, полностью противоречащий здравому смыслу и опыту телохранителей, гвардейцев. По-моему, существует одно-единственное объяснение: обстоятельства нападения были таковы, что пришлось действовать вопреки здравому смыслу. За пределами дворца было безопаснее, чем в нем. Но что они увидели, я не берусь гадать. Они могли броситься прочь из дворца, увидев короля, пришедшего во главе отряда убить дочь. Но король в ту ночь не покидал своей спальни, мне достоверно известно... Быть может, гвардейцы увидели... неких существ... не принадлежащих нашему миру...

– Для кого происшедшее может оказаться как нельзя более выгодным?

– Для многих. Начиная от Снольдера, озабоченного позицией Делии, и кончая представителями двух-трех знатных родов, имеющих кое-какие права на престол. Однако я вновь осмелюсь увести ваши мысли на дорожку, ведущую в направлении иного мира... И снольдерская разведка, и мечтающие о троне потомки прежних династий – все это наше, человеческое. Меж тем происшедшее пахнет древним, забытым чернокнижным искусством. Не случайно один из двух придворных магов исчез, а другой, по всему видно, перепуган насмерть. Нынешние наши маги – бледные тени древних. Предсказания погоды, заговоров и покушений, не более того. Здесь постарались на совесть и безжалостная поступь истории, и некоторые имперские департаменты... Нас, я бы сказал, очень старательно избавляли от высокого магического искусства, великодушно позволив прозябать кое-где по тихим углам жалким ремесленникам.

– Вы полагаете, здесь замешаны... мы? – спросил Сварог прямо.

– Не исключаю. О, разумеется, не официальные... инстанции. Иначе вы-то уж знали бы. Просто частные лица, преследующие частные цели... Хотя, по слухам, в Горроте еще не перевелись знатоки древнего искусства. Так что все возможно.

– Арталетта?

– Не думаю. Арталетта то ли вполне довольна своим нынешним положением, то ли попросту не рискнула бы затевать собственную игру. Я непременно знал бы. Кстати, она довольно косо поглядывает на новую Делию, возможно, чувствует что-то... И самое печальное – я не могу искать принцессу с помощью своих людей. Кто-то из моих мальчиков непременно работает на конкурентов, если до кого-нибудь из моих придворных соперников дойдут слухи... Ни одна из наших тайных служб – а их в Равене действует восемь – не получала приказа искать принцессу. Потому что принцесса жива, здорова и находится

на прежнем месте. Зато... – он сделал паузу. – Зато настоящую Делию, сбиваясь с ног, ищут иностранцы. В определенных кругах наблюдается прямо-таки небывалое оживление. Даже те известные мне агенты сопредельных держав, кого я привык считать спокойными и серьезными людьми, словно рехнулись вдруг и носятся по столице как угорелые. Знаете, кого они все так старательно ищут? «Девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию». Эту девушку ищут снольдерцы, горротцы, гланцы, лоранские шпионы, ганзейцы, даже люди небезызвестного герцога Орка. Такое впечатление, будто известие о происшедшем, оставшись тайной для нас, моментально распространилось среди соседей-соперников. Наши же службы, повторяю, еще ничего не знают обо всей этой суете – хотя через пару дней непременно узнают. Единственная отечественная контора, участвующая в поисках, – канцелярия адмирала Амонда.

– Кто это?

– Командир Синей Эскадры. Вероятно, он что-то пронюхал быстрее других. А это довольно удивительно – последние пять лет он пребывал в опале, безвылазно сидел у себя в Джетараме и в столицу приезжал всего три раза. И тем не менее его люди ищут Делию не менее рьяно, чем, допустим, агенты снольдерского Морского бюро. Зрелище презабавное, несмотря на весь трагизм ситуации. Скоро одна половина населения столицы будет спрашивать другую: «Вы не видели девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию?» А это обязательно случится, как только весть о странных поисках дойдет до наших милых сыскарей... Во всем этом есть и хорошая сторона – тогда и у меня будут развязаны руки, смогу на законном основании бросить на поиски всех своих прохиндеев. Вот только не опоздать бы...

Сварог осторожно спросил:

– Тысячу раз простите, но вы уверены, что...

– Что меня не водят за нос? Что все именно так и обстоит? Любезный барон, я занял свой нынешний пост тридцать лет назад, еще при старом короле. И пребываю в должности все эти годы, не видя пока что ни малейших признаков опалы. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Пожалуй...

– Вообще-то я рискнул и послал нескольких своих людей... о нет, не на поиски. Им предстоит узнать, что кроется за стремлением иностранных шпионов отыскать девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию. Правда, это не многим отличается от поисков, по правде говоря, совсем не отличается. Но мои люди этого не знают. Что не мешает им работать со всем усердием... Больше всего я опасаясь, что Делия оказалась хитрее всех нас, то есть – отыскала укрытие, сама мысль о котором нам и в голову не придет. Извечная проблема профессионалов и дилетантов. Профессионал, будь он семи пядей во лбу, давно загнал свой ум в некие шаблоны. А она – новичок. Мы, вполне возможно, по три раза на дню проходим в двух шагах от ее убежища...

– Послушайте, я ведь тоже новичок, откровенно вам признаюсь, – сказал Сварог.

– Ну да? Прекрасно. Попробуйте предложить версии...

– Бежала за границу...

– Было! Версия отработана во всех разновидностях. Не покидала она Равену, головой клянусь!

– Она вовсе не покидала дворца...

– Было. Покинула.

– Скрывается в казармах гланской гвардии...

– Было. Нет ее там.

– Погибла... – с трудом выговорил Сварог. – Ночь, закоулки, бандиты...

– Исключено. Она жива.

– Во что она была одета, по крайней мере?

– Мужской дворянский костюм. Шляпа и сапоги, понятно. При ней должен быть меч, два кинжала, ожерелье, несколько перстней. По крайней мере, именно этого недосчитываются. Но это еще ни о чем не говорит. Ожерелье могли украсть лакеи, а меч она могла кому-то подарить. Малоправдоподобно, и все же... Самое странное во всей этой истории – то, что принцесса, мало что знающая о внешнем мире, ухитрилась спрятаться столь надежно. Я вовсе не считаю ее тепличным цветком, но бытие принцессы – это жизнь, заключенная в строго очерченный круг определенных людей, знаний и опыта. Она не знает, как расплачиваться в лавках, не знает и цен, понятия не имеет, как остановить извозчика, отдать письмо на почту, кликнуть полицейского, отличить приличный квартал от подозрительного, получить комнату в гостинице, наконец, у нее никогда не было при себе денег... И все же она ухитрилась исчезнуть бесследно.

– Есть еще одна версия, – сказал Сварог медленно. – Мне тяжело об этом говорить...

– Князь Тьмы и его прихвостни? – моментально подхватил барон. – Мимо.

– Почему?

– Вы знаете, что такое гиман?

– Нет, – сказал Сварог.

– Это оберег. Обработанный в виде креста Единого, фигурки святого или просто отесанный камешек. Сделан он из камней хижины Круахана – одного из самых почитаемых в Глане святых отшельников, жившего в те полузабытые времена, когда наши предки относились к религии не столь равнодушно. У Данаби был гиман. И он его подарил Делии. Ее может убить обычным оружием любой бродяга, но ни сам Князь Тьмы, ни его многоликие прихвостни не смогут к ней и приблизиться. Маргилен, будьте серьезнее. Я старый человек и знаю, о чем говорю. Я знал человека, рискнувшего с гиманом на шее проникнуть на занятые Глазами Сатаны земли и вернуться оттуда невредимым...

– Я вам верю, барон, – сказал Сварог. – Я очень хочу вам верить... Вы, конечно, проверили район, где она исчезла, этот самый переулок Белошвеек?

– Конечно. Там побывали все. Вам когда-нибудь доводилось видеть оживленную улицу, где девять десятых прохожих – тайные агенты и шпики, вышедшие на задание? Несмотря на всю серьезность ситуации, забавнейшее зрелище...

– Остается одно, – сказала графиня. – Катакомбы под столицей.

– Плохо верится, – сказал барон. – Те, что служат пристанищем всякому жулью, известны мне наперечет. Я бы знал, появись там принцесса. А отдаленные, на глубине, те, что молва полагает созданными еще до Шторма... Во-первых, никто не знает туда дороги. Во-вторых, там, где тысячи лет не ступала нога человека, могут поселиться другие жильцы... Возможно, человеку с гима-

ном на шее там безопасно, но и ему нужно что-то есть и пить... – Он вдруг повернулся к Маре. – А что думает наша юная соратница?

– Я бы спряталась в публичном доме, – сказала Мара.

– Неплохо. Там стали искать в последнюю очередь. Однако уже искали. В борделях. В бедных кварталах, где народ простой и бесхитростный, – там со старинным рвением почитают трон, как нечто святое, и охотно спрятали бы королевскую дочку... Искали даже на дворцовой кухне... Увы, есть только одна ниточка. Покойный Данаби. Его сослуживцы написали в Глан. По тамошним обычаям, родственники по клану не мстят за убитых на войне или в честном поединке, но обязаны отомстить за убитого подло, коварно. Двое братьев Данаби, как мне удалось установить, плывут в Ронеро. Прибыв сюда, они примутся искать убийцу...

– И будут искать год, – хмуро сказал Сварог. – Что ж, остается взглянуть на то, что обретается вместо Делии. Нам трудно будет попасть во дворец?

– Днем – нет ничего проще, – сказала графиня. – Если нужно, я немедленно еду туда и беру вас с собой. Только одеться следует побогаче, понятно.

– Черт, у меня же нет баронской короны...

– Полтора года назад этикет слегка изменили, – сказала графиня. – Теперь корона нужна только на больших приемах. У вас есть другая одежда?

– Конечно. Вот только... Что там обо мне подумают и за кого примут?

– То есть как это – за кого? – удивилась графиня. – За моего нового любовника, естественно. А мой новый любовник – явление столь же обыкновенное, как полицейский на перекрестке. Мне случалось появляться во дворце и в сопровождении несравненно более экзотических личностей... Боюсь вас огорчить, но вы рядом со мной будете выглядеть скучнейшей деталью пейзажа. Я прикажу заложить коляску?

– Приказывайте, – сказал Сварог.

Графиня выпорхнула за дверь. Протектор поклонился Сварогу и степенно вышел следом. Избегая встречаться взглядом с Марой, Сварог потянулся к невесомой рюмке, но, испугавшись, что она разлетится в руке, подхватил бутылку и с давней сноровкой сделал добрый глоток прямо из горлышка. В голове молниями вспыхивали лихие, фантастические планы – вот он с помощью уличного фонаря и местного аналога азбуки Морзе сообщает Гаудину о случившемся, вот он врывается в тронный зал и кричит королю: «Да ты присмотришься получше, кого пригрел на груди!» Потом он взял себя в руки и скрупулезно перебрал в памяти все, чему его научили, вернее, запихнули в голову это умение готовеньким.

Его обучили, как с помощью «третьего глаза» увидеть за внешним обликом подлинную сущность, присутствие черной магии и нечистой силы, буде такое имеет место. Обучили отводить глаза окружающим, так что тем казалось, будто Сварог стал невидимым или преспокойно уходит. Обучили лечить наложением рук раны от любого здешнего оружия – и даже смертельные, если приступить немедленно и у пациента не задет мозг. Обучили безошибочно распознавать, когда человек говорит правду, а когда лжет. Мгновенно освоить обращение с любым механическим агрегатом («А вдруг понадобится удирать от погони на паровозе или, берем более прозаичный случай, чинить корабельную паровую машину?» – сказал Брагерт. Гаудин сначала скептически pokrutil головой, но, подумав, согласился). Чуть опасность – правда, представала

она не в конкретном образе, а в неосязаемом виде грубо, остро входившего в сознание предчувствия беды. Неузнаваемо изменять свой облик и облик других – с помощью весьма нехитрой магии словно бы надевать маску (правда, следовало сторониться зеркал, беспощадно отражавших истинное лицо).

Вот вместе и взятые по отдельности, эти хитрости и премудрости могли принести немалую пользу. При других обстоятельствах. Сейчас он был бессилён. Никто не предвидел, что ему понадобится умение отыскать в огромном городе надёжно спрятавшегося человека...

Посмотрел на Мару, искренне надеясь, что не выглядит очень уж беспомощно. Она ответила спокойным взглядом, чуть пожала плечами с бравым видом. Подавив мгновенно схлынувшую вспышку раздражения, Сварог спросил:

– Тебе приходилось когда-нибудь терпеть поражение?

– Ни разу, – улыбнулась она. – Впереди меня все разбегалось, а позади меня все рыдало...

– А, ну да. Головой-то тебе работать не приходилось...

– Это твоя задача, – спокойно ответила девчонка, и Сварог мысленно признал ее правоту. – Ну что тут беспокоиться? Мы не потерпели еще поражения, потому что и не начинали работать.

Глава 6 Поиски начинаются

Выйдя на крыльцо, Сварог поманил в сторонку того самого задиристого и потрепанного прихлебателя:

– Ну, что там обнаружилось?

– Это был человек адмирала Амонда, ваша милость. Мы его вынудили назвать имя и место службы – не драться же с неизвестным... Служил в канцелярии Синей Эскадры.

«Ничего не понимаю, – подумал Сварог. – Получается, этот опальный адмирал знал заранее о прибытии новых участников игры?!»

– Лишнего не сболтнет? – спросил он.

– Уже не сболтнет, – ухмыльнулся дворянин. – Мы ж его проткнули. С соблюдением всех традиций. Вызывали все по очереди, и на третьем дуэлянте, то бишь на мне, везение его кончилось. Полиция его уже увезла. Не будет никаких хлопот, все чисто. Благородному Доверу этот скот пропорол бок, хоть и неопасно для жизни, да неприятно...

– Ладно, черт с ним, – сказал Сварог. – Вот вам на поправление нервов и лекаря для благородного Довера...

Одернул пышный камзол, поправил шляпу, пробормотал:

– Надев широкий бадагар, шпионы едут на бульвар...

И сел в коляску рядом с графиней. Мара в новом платье чинно выпрямилась на переднем сиденье. Человек шесть прихлебателей верхами двинулись следом в качестве почетного эскорта. Черная закрытая карета протектора, запряженная четверкой, развернулась и умчалась в противоположную сторону.

– Что собой представляет этот ваш барон? – спросил Сварог.

– Неужели вы к нему не применили... должное искусство?

– Применил. Во-первых, он мне не врал, а во-вторых, и в самом деле обладает кое-какими магическими способностями, очень слабыми, правда. Но меня и ваше мнение интересует. Есть вещи, которые и с помощью магии сразу не

откроешь...

– Человек, сумевший тридцать лет продержаться на посту протектора. Этим кое-что сказано, не правда ли? Лет десять работает на милорда Гаудина. При известных обстоятельствах барон Гинкер, не сомневаюсь, способен продать даже вас. Но для этого еще должен отыскаться покупатель, которому вас можно продать безнаказанно, а такого покупателя я в окружающей реальности что-то пока не вижу... – фыркнула графиня. – Рассказать вам, как он придумал себе порок? В Равене есть роскошный особнячок, тихий притон для великосветских педиков. Так вот, милейший барон демонстративно оказывает ему покровительство и бывает там что ни день. На самом деле он вовсе не педик и, вместо того чтобы предаваться срамным грехам, встречается там со своими шпиками. Зато все враги свято верят, что отыскали его уязвимое место – о чем не раз наушничали королю. Но его величество, знающий истинное положение дел, лишь посмеивается в усы... А настоящий грешок барона где-то укрыт. И никто не знает, какой. Но что-то есть, я уверена, и милорд Гаудин со мной соглашается, правда, даже ему не удалось отыскать следов...

– Понятно.

– И еще, – сказала графиня. – Он безоговорочно поставил на Делию, так что вывернется вон из кожи, чтобы ее отыскать, а еще лучше – оказаться ее единственным спасителем...

Какое-то время они ехали молча, и Сварог с простительным провинциалу любопытством созерцал уличную толчею.

– Графиня, что же вы их не приоденете? – спросил он, кивнув на гордо восседавших в седлах потертых вассалов.

– Все равно пропьют и проиграют, мерзавцы, как их ни одевай, – безмятежно сказала графиня. – Что поделать – младшие сыновья дворян моего графства, приходится кормить-поить согласно древним традициям... Граф Леверлин даже как-то написал эпиграмму на того вон усатого, была дуэль...

– Вы знаете Леверлина?! – оживился Сварог.

– Ну естественно! Как я могу не знать члена столь старинной фамилии? Он часто бывает при дворе. А вот его отец – сущий затворник. Чудак и патриархальный оригинал. Не принимает дам, одетых по последней моде, помешан на традициях. У него в столице есть загородный дом – куда мне, как и многим, дорога закрыта. Вообразите, его супруга и дочки до сих пор носят платья старого фасона, бедняжки! Но Леверлин-младший... – она мечтательно прищурилась. – Это моя головная боль и беда. Его невозможно пленить, понимаете? Проведя со мной безумную ночь, он преспокойнейшим образом исчезает на месяц. Поэт, что вы хотите... Я не могу сердиться на поэтов. – Она продекламировала нараспев:

*От череды непризнанных открытий –
ознобом по спине.*

Что ж над бокалом вы молчите?

Позвольте мне –

*за все, что нам когда-то снилось,
да не сбылось.*

*За все, что, как бы мы ни бились,
не удалось.*

*За то, что снегопадом шалью –
печаль в лицо...*

– Между прочим, эти строки посвящены мне. Барон, вы когда-нибудь видели снегопад?

– Приходилось.

– Это красиво?

– Иногда – очень.

– Леверлин не раз бывал на Сильване, видел снег, а я вот никак не выберу времени...

– Вы не знаете, он в Равене сейчас?

– На прошлой неделе его видели в Ремиденуме, – сказала графиня. – Он недавно вернулся откуда-то с орденом Полярной Звезды, можете себе представить? Наместник прислал ему патент. Но Леверлин ничего не рассказывает, такой таинственный... Вы, случайно, не знаете, за что его могла наградить императрица? Ходят туманные слухи о каком-то загадочном побойце в Харлане, но милорд Гаудин притворяется, будто ничего не знает... Где вы с Леверлином познакомились?

– В Готаре, когда я там, выражаясь высоким стилем, водворял справедливость, – осторожно сказал Сварог. (Нужно же блюсти мужскую дружбу и солидарность, ей не следует знать, что бывают случаи, когда и Леверлина удастся пленить – правда, не в переносном, а в самом прямом смысле...) – Графиня, у вас, часом, не сожалеют о прежнем бароне? Насколько я знаю, он тоже бывал при дворе...

– Да что вы! Жуткая была свинья. Он, приехав в Равену, только тем и занимался, что плодил новоиспеченных дворян за приличные денежки, и добро бы якшался с приличными людьми... Многие даже хотели вызвать его на дуэль, но ему удавалось как-то изворачиваться... Вам только спасибо скажут. Что это с вами?

– Ничего, – сказал Сварог. – Красивая вывеска, верно?

Они как раз проезжали мимо стоящего особняком двухэтажного дома из желтого песчаника. Над дверью укреплены бронзовые изображения кружки и кровати – старинный символ гостиницы с трактиром, а серебряная каемка свидетельствует, что заведение предназначено для благородной публики и владелец его принадлежит к Серебряной гильдии. А рядом красовалась вывеска, больше походившая на подлинное произведение искусства. Золотые буквы «ЖЕНА БОЦМАНА», стилизованные под старинный алфавит Аугел, повисли над сине-зелеными волнами с белыми гривками пены. Вдали, на заднем плане, плывут корабли под разноцветными гроздьями тугих парусов, а справа изображена юная красавица с распущенными волосами, в морском кафтане с широкими обшлагами и лихо сбитой на затылок лангиле. Картина подернута нежной дымкой, той самой, которую загадочным образом умели вызывать на свои полотна старые итальянские мастера – которым еще предстоит родиться через тысячелетия.

У входа гордо стоял увалень в новехонькой ливрее, прислуживавший некогда в корчме тетки Чари в Руте. Даже не будь его, Сварог все равно сообразил бы, что заведение принадлежит старой знакомой: юная морячка на вывеске выглядела именно так, как, должно быть, выглядела лет двадцать назад вдова пиратского боцмана. Значит, бой-баба все же перебралась в Ронеро, как и собиралась.

– Вот об этом я с вами и хотела поговорить, – сказала графиня. – Каюсь, на-

рочно велела кучеру ехать этой улицей... Художник, нарисовавший эту картину, – талантливый юноша. Вот только, к его несчастью, родился в семье члена Бронзовой гильдии. Что, как вы понимаете, если и не закрывает ему дорогу в Сословие Свободных Искусств, то, по крайней мере, делает ее невероятно долгой... Художники, как и многие другие, неохотно допускают чужаков туда, где пахнет славой и деньгами...

– Прекрасно вас понимаю, – сказал Сварог.

– Прекрасно. Вас не затруднило бы возвести его в дворянство? После того, как ваш предшественник одарил гербами целое скопище случайной швали, столь благородный жест бесспорно создаст вам репутацию покровителя искусств, подлинно светского человека...

– Ради вас, графиня, я готов и на большее.

– Невероятно талантливый мальчик. У меня дома стоит моя статуя его работы, я вам потом покажу.

– Я подозреваю, этот юноша еще и красив? – ухмыльнулся Сварог.

– Ох... – вздохнула графиня. – Такой милый, очаровательный, робкий мальчик... И гордый, никогда не брал моих подарков. Итак, на вас можно рассчитывать?

– Конечно, – сказал Сварог.

– Купи газету, – велела графиня сидевшему на козлах лакею.

Тот свистнул мальчишке-разносчику, швырнул ему монетку и подхватил протянутый лист.

– Мне – то же самое, – сказал Сварог.

Газеты здесь существовали лет сто. Правда, они несколько отличались от тех, к которым Сварог привык, но, как он был уверен, в лучшую сторону. Масса конкретной, точной информации, детальное и дельное изложение событий – и полное отсутствие интеллигентских соплей, какие в прежнем мире Сварога бывали размазаны на целую полосу. Никто не расплывался мыслью по древу, не разоблачал покойных королей, не учил читателя жить и не навязывал своих точек зрения как единственно правильных. Придворная хроника, правда, была скучновата, как и непременные колонки «Сегодня в наш город прибыли» и «Сегодня наш город покинули», что с лихвой искупалось невероятным количеством головоломок и шарад, порой весьма недурственных и заковыристых. Были там и результаты скачек, всех мыслимых боев – гусиных, петушиных, собачьих, итоги неисчислимых лотерей и спортивных состязаний. Положительно, Равена ничем не уступала ни Монако, ни Лас-Вегасу (где равенские жители наверняка освоились бы моментально).

По дороге то и дело попадались целые гирлянды вывесок букмекерских контор с непременным добавлением, проставленным внизу крупными буквами: «ЗДЕСЬ ВЕДУТ ДЕЛА ЧЕСТНО». Для неграмотных вывески были продублированы красными квадратами с черными контурами лошадей, гусей, игральных костей и кошельков. Понятное дело, патенты на право открыть игорный дом или букмекерскую контору стоили огромных денег и направляли в королевскую казну нескончаемый ручей золота. К вящему огорчению почтенных олдерменов из ратуши – они в свое время проглядели этот источник дохода, и ронерские короли, люди неглупые, объявили игорный промысел «коронной привилегией», прежде чем магистраты гербовых городов успели опомниться и отхватить свой кусок.

Коляска подъехала к золоченой ограде королевского дворца. Четверо Золотых Кирасир, несших стражу у распахнутых ворот, не шелохнулись, не повели и бровью – вышколенные дворцовые стражи, привыкшие оборачиваться живыми статуями. Правда, патриархальными нравами здесь и не пахло – стоило Сварогу пройти под руку с графиней в высокие ворота и сделать несколько шагов по широкой аллее, обрамленной подстриженными в виде львов темно-зелеными кустами, он заметил внутреннюю охрану. Рослые молодцы с равнодушными лицами, в сверкающих золотом голубых ливреях камер-лакеев, прохаживались там и сям, словно бы не замечая ничего вокруг, небрежно поигрывая длинными, увенчанными королевским гербом тростями из лакированного дерева. Сварог уже был наслышан о мастерстве здешних оружейников, наловчившихся прятать в такие трости и клинки, и пистолеты. Камер-лакеи попадались навстречу в самых неожиданных местах, кое-где их было больше, чем степенно гулявших придворных, – король, переживший четырех братьев-соперников, неплохо знал историю. А история учит: на одного венценосца, настигнутого кинжалом убийцы посреди оживленной городской улицы, приходится десятка полтора, убитых в собственном дворце, а то и в собственной спальне...

Где-то поблизости негромко играл оркестр. Очаровательно улыбаясь встречным дворянам, графиня быстрым шепотом то и дело наставляла:

– Можете вертеть головой, вы же провинциал, никто не удивится. Обнажите голову – на этом месте испустил последний вздох Эльгар Великий, традиция предписывает... Вон на том мостике, каменном, с барельефами, гвардейские офицеры закололи графа Сувазана, фаворита, дурно влиявшего на Магона Третьего... А в той вон беседке во времена Хродгара Красавчика барон Боклю застал с любовником свою ветреную супругу и зарубил обоих одним ударом, на каменной скамье до сих пор видна щербина от меча. Кое-кто уверяет, что призраки влюбленных до сих пор появляются в Календы Фиона, но я сама не видела...

Сварог старательно вертел головой, занятый своими мыслями.

– Обычно Делия в это время гуляла в сосновой роще, – тихо сказала графиня, когда они вышли к фонтану. – Эта поступает точно так же...

Все встречавшиеся им дружески раскланивались с графиней, удостаивая Сварога лишь мимолетными взглядами, – но это, конечно же, не означало, что о его появлении не станут судачить. Более того – весть о его прибытии непременно попадет в газеты. Знать бы только, кто равнодушно пробежит взглядом колонку «Сегодня в наш город...», а кто...

– Помилуйте, какая неожиданная встреча! – раздался веселый голос.

Перед ними стоял герцог Орк – в зеленом бархатном костюме, с неизменной серьгой в ухе. Улыбнулся Сварогу весьма дружелюбно:

– Очень рад вас видеть, лаур, вот только не припомню вашего имени, уж не посетуйте...

– Барон Готар, к вашим услугам, – сказал Сварог, оценив его предусмотрительность.

– Ах да, в самом деле... – он цепко глянул на Мару. – Эта очаровательная юная дама, должно быть, ваша племянница?

– У вас отличная память, – сказал Сварог.

– Рад познакомиться, лауретта, – герцог поклонился Маре самым изыскан-

нейшим образом. – Вы, кажется, спешите куда-то? Не смею задерживать, да и сам спешу... Принцесса Делия сейчас в сосновой роще. Да, принцесса Делия... – повторил он со странной интонацией. – Барон, навестите меня нынче же. Найдется о чем поговорить. Адмиральская, шесть. Для вас я всегда дома. Честь имею.

Он поклонился и заспешил навстречу блондинке в палевом платье, показавшейся на боковой аллее.

– А с ним у вас какие отношения, графиня? – с интересом спросил Сварог.

– Никаких. Я лучше пойду в королевский зверинец и отдамся первому же леопарду. Будет гораздо безопаснее.

– Ого...

– Это страшный человек, – тихо сказала графиня.

– Почему?

– Потому что никто не в состоянии понять, что ему, в конечном счете, нужно от жизни. От таких следует ожидать всего, и финал бывает самым неожиданным...

Сварог вспомнил, что уже слышал от Гаудина что-то похожее.

Мимо плещущих фонтанов, украшенных позеленевшими медными статуями, и игрушечных замков в рост человека они прошли в сосновую рощу. Роща, конечно, была ухоженная и благоустроенная – мощные дорожки, беседки, павильоны... Придворных здесь, в отличие от аллей, оказалось превеликое множество, и Сварог вскоре высмотрел центр притяжения – по дорожке прогуливалась Делия в сиреневом платье, увлеченная беседой с высоким представительным стариком в коротком синем плаще и мундире камергера, сплошь затканном золотыми королевскими лилиями.

– Герцог Сенгал, – тихо пояснила графиня. – Через подставных лиц владеет крупным торговым домом «Субур Насс и сыновья». Милорд Гаудин в последнее время начал им всерьез интересоваться.

– Почему?

– Иные корабли герцога подозрительно зачастили к берегам Диори. Давно уже идут слухи, что на Диори, если повезет сохранить голову на плечах, можно отыскать что-то связанное с магией Изначальных. Тех, кто населял Талар до прибытия наших предков...

– Я знаю, что такое Изначальные, – сказал Сварог. – Слышал краем уха...

– Между прочим, Сенгал из тех, кто держит сторону Делии. В последние дни они почти неразлучны.

– В последние дни? – задумчиво повторил Сварог.

– Он идет к нам...

Герцог раскланялся с графией, и завязалась пустая светская болтовня, но у Сварога осталось твердое убеждение, что Сенгала интересует главным образом Мара. Видимо, то же подметила и графиня, она быстро сказала:

– Займите беседой прелестную племянницу барона, герцог, я обещала представить барона принцессе. Нужно поспешить, пока вокруг нее никого нет...

Герцог охотно подал руку Маре и повел ее прочь. Сварог уставился ему вслед, сосредоточился...

За плечами герцога трепетали широко распахнутые крылья странных очертаний, не похожие ни на птичьи, ни на нетопырьи, сотканые словно бы из буроватого тумана, окаймленного широкой черной полосой. Временами

угольно-черные вспышки превращали крылья в лоскуты непроглядной Тьмы. Как Сварог ни рылся в памяти, ассоциаций и параллелей подыскать не мог – эта разновидность зла знатокам Гаудина оказалась неизвестной. Но в том, что Сварог видит перед собой Зло, сомневаться не приходилось. Судорога невольного омерзения прошла его от макушки до пят, и он поскорее вернул себе обычное зрение. Итак, неведомое зло, имевшее прямое касание к черной магии, – но магия эта странная, неизвестная, не значившаяся в каталогах восьмого департамента...

– Что с вами? – прошептала графиня. – Быстрее, пока она одна!

И незаметно подтолкнула его локотком под ребра.

– Разрешите, ваше высочество, представить барона Готара...

Сварог низко поклонился, прижав шляпу к груди обеими руками, как того требовал этикет (наверняка эта церемония была придумана в старые времена, чтобы руки у подошедшего к царственной особе оказались занятыми). Выпрямился.

Делия была в точности такой, как на снимке. Только еще красивее. Она выглядела живой и настоящей, двигалась, улыбалась и дышала, как живой человек, ее грудь размеренно вздымалась, вокруг витал нежный аромат лучших духов...

Сварог всмотрелся.

Он приготовился увидеть все, что угодно, – и ничуть не удивиться при этом. Сколь угодно жуткое, омерзительное, непонятное...

И не увидел ничего.

Совсем ничего.

Мелодичный голос Делии доносился из пустоты, приятно пахнущей тонкими духами. До резей напрягая «третий глаз», удалось рассмотреть полупрозрачный контур. Так рисуют человечков дети – ручки-ножки-огуречик... И все. Подобная разновидность нежити восьмому департаменту неизвестна.

От того места, где едва виднелся «человечек», уходила куда-то слабо светившаяся нить. Куда-то? Прямо в ту сторону, где уединился с Марой герцог Сенгал...

Рядом с ним вновь оказалась прекрасная принцесса, смотревшая на него чуточку удивленно:

– С вами все в порядке, барон? У вас странный вид...

Графиня молниеносно пришла на помощь, хотя наверняка ничего еще не успела понять:

– Барон дрался на поединке, рана еще не зажила... – Она ухватила Сварога под локоть. – С вашего позволения, ваше высочество, мы удалимся, я отведу барона в беседку...

Видя, что они уходят, к принцессе обрадованно хлынули придворные, и никто уже не обращал на Сварога внимания. Следом за графиней он добрал до беседки и облегченно плюхнулся на позолоченную скамейку.

– Что с вами? – спросила графиня. – Действительно, лицо у вас, как у приговоренного к смерти... Ну? Что вы увидели?

– Ничего, – сказал Сварог. – Это и есть самое странное, понимаете? Это не оборотень, не замаскированная колдунья, там вообще ничего нет. Никакой индивидуальности, никакой личности, если можно так выразиться. Я не понимаю, что это такое. Однако оно как-то связано с Сенгалом...

Графиня уставилась на него, по-детски приоткрыв рот:

– И что же делать?

– Искать настоящую Делию, – сказал Сварог.

– Барон, вы великолепны!

– Это я от безнадежности, – ответил он.

Появилась Мара, уселась рядом и тихонько фыркнула, оглядываясь на аллею.

– Ну, и о чем мы там так мило ворковали? – спросил Сварог, в трех словах изложив ей результаты своих исследований.

– Приглашал в любое удобное для меня время осмотреть его коллекцию драгоценностей, – доложила Мара. – Пожирал взглядами, брал за ручки, в аллее обнял и погладил, подлец, по бедру. По девственному. И все это было сделано с большой сноровкой и изяществом.

– А ты?

– А я смущенно опускала глазки и лепетала, что кто-нибудь может увидеть.

– Ну понятно, – сказала графиня. – Высмотрел провинциалочку, жеребец. Он у нас славен мастерским соображением юных красоток. Может, так и сделаем, барон? Пошлем к нему девочку? Ведь разнежится, старый глист, язык распустит...

– У меня и мертвый заговорит, – заверила Мара.

– Нет уж, – сказал Сварог.

– Ну, тогда можно его попросту убить, – предложила графиня.

Мара оживилась.

– Зачем?

– Предположим, именно он – главный виновник происходящего. Или один из главных. Если он вдруг умрет, среди сообщников обязательно начнется тихая паника, они засуетятся, покажутся на свет, наделают ошибок. Исчезнет эта странная связующая нить меж ним и двойником, которую вы усмотрели...

– В этом что-то есть, – сказал Сварог. – Вот только сначала нужно найти сообщников и присмотреться к ним...

– Правда, у него охрана немногим хуже королевской. Даже здесь за ним ходят.

– Ну, это работа для меня, – сказала Мара. – Он у меня...

– Не спешите, милые дамы, – сказал Сварог. – Дедушка довольно неприятный, я согласен, но нужно осмотреться... Сделаем так. Если у вас нет других планов, вы едете домой, а меня по дороге высаживаете на Адмиральской.

– Герцог – опасный человек...

– Потому-то я с него и начну, – сказал Сварог.

Глава 7

Беспутный внук добропорядочной бабушки

На Адмиральской Орк занимал довольно скромный двухэтажный особнячок из темно-красного камня. Но место было выбрано крайне умно: нечетной стороны улицы не было вообще, там протянулся незастроенный пока пустырь. А на четной с одной стороны высилась глухая стена чьего-то богатого поместья, с другой – уныло красовались остатки фундамента начисто сторевшего дома. Того, кто вздумал бы следить за особняком Орка, увидят за версту. И не подтянешь незаметно отряд для внезапного нападения.

Сварог помахал вслед коляске, за которой браво рысила кучка прихлебате-

лей – как они коней-то до сих пор не пропили? Поднялся на узкое крыльцо, дернул широкую вышитую ленту звонка. Внутри звонко брякнул колокольчик, дверь, обитая медными гвоздями шляпка к шляпке, моментально распахнулась.

За ней стоял украшенный кинжалами и пистолетами субъект со столь располагающей к себе физиономией, что руки сами тянулись убрать подальше кошелек и подвинуть поближе рукоять меча.

Сварог глянул через его плечо. В прихожей стояли еще пятеро, не менее благообразные.

– Ну? – спросил привратник.

– Барон Готар, – сказал Сварог.

– Проходите, ваша милость, как же, имеем указание... Вот к этому прохвосту не поворачивайтесь той стороной, где у вас кошелек – у него грабки работают независимо от ума. А к этому, я невероятно извиняюсь, не стоит поворачиваться жопой. Вот в это кресло располагайтесь. Ваш стакан. «Кабанья кровь» или «Слезы красавицы»?

– «Слезы», – распорядился Сварог, преспокойно усевшись. – Где герцог?

– Наверху, изволит охаживать маркизу. Не беспокойтесь, получили строящий приказ в случае вашего появления незамедлительно сдергивать его сиятельство с любой маркизы. Грошик, живо!

Тот, кого назвали Грошиком, опрометью кинулся на второй этаж. Сварог отпил великолепного белого вина – нет, дряни они здесь не держали, – оглядел выжидательно уставившихся на него головорезов и спросил:

– А не скажете ли вы мне, бравы ребяташки, как бы вы искали в городе девушку, как две капли воды...

Тот, что впускал его, прямо-таки взвыл:

– Ваша милость, и вы туда же?! Да не знаю я, с ног вконец сбились!

– Поднимайтесь сюда, друг мой, – раздался с галереи голос Орка. Он стоял, в картинно-небрежной позе опершись на перила, без кафтана, в кружевной рубашке. – Рад вас видеть.

– А маркиза? – спросил Сварог.

– Подождет, стервочка. Поднимайтесь.

Он провел Сварога в небольшую красную гостиную, указал на кресло:

– Садитесь. Наливайте, что хотите, выбор богат... Итак, рад вас видеть, лорд Сварог... и весьма удивлен был, увидев вас. Неужели Гаудин вас так быстро завербовал? Да не мнитесь вы, как застенчивая целочка! Все равно не поверю, что вы заявили сюда поправить расстроенные нервы. В компании с одной из гаудиновских кошек-убийц и его верной Маргилены? Не смешите! Тоже ищете Делию? Значит, они решились все же очистить три королевства? И благородство сего предприятия вас не могло не увлечь...

Сварог сказал наугад:

– Вы представляете, что Гаудин сделает, если...

– Представляю, – сказал Орк. – Прекрасно представляю. На свою беду, я переиграл с образом волка-одиночки, и позиции мои довольно шатки... Но я и не собираюсь вам мешать, граф! Я вам готов со всем усердием помогать в меру сил и возможностей. До некоей точки...

– И карты на стол? – спросил Сварог.

– Все до одной, – заверил Орк. – Помните, я предлагал вам вместе приняться

за серьезные дела? Повторяю предложение.

– Конкретно?

– Предположим, вы находите Делию, достигаете Ворот и отправляете эту нечисть в небытие... Что потом? Кому будут принадлежать освободившиеся земли? Ронеро? А с какой стати? Только потому, что она умная и красивая? По-моему, ей можно предложить другую, довольно выгодную сделку: мы спасаем ее и делаем так, что ее восстанавливают в правах. И все.

– Кому же достанутся три королевства?

– Нам с вами, – сказал Орк. – Там три королевских короны. Три плохо делится на два, но это лишь начало. Будут новые приобретения, и они позволят поделить короны более гармонично.

– Лихо, – сказал Сварог.

– Только не подумайте, что это – авантюра. Я долго все обдумывал. Вы на собственном опыте убедились, что законы Империи не запрещают ларам становиться на земле баронами... и королями. Подданные у нас будут, немало найдется охотников поселиться на освобожденных от нечисти землях. Там множество городов, пусть и пришедших в запустение. Замки и пашни, богатые рудные залежи. К нам хлынет масса народа, от герцогов до навозников. Вы ведь, наверное, согласитесь, что у обитателей летающих замков совершенно нет будущего? Думали об этом?

– Думал, – сказал Сварог. – Согласен.

– Вот видите. При умелой постановке дела к нам присоединится и часть ларов. О, я вовсе не собираюсь свергать нашу очаровательную императрицу. Нет необходимости. Пусть блистает, как ей и положено. Есть более деликатные способы неспешно и надежно взять их за глотку... Понятно, потребуются долгие годы. Но у нас, в отличие от земных жителей, впереди – несколько сот лет. Для одного – неподъемный труд, а вот вдвоем стоит рискнуть. И на Сильване есть люди, с которыми можно договориться. Между прочим, две планеты прекрасно делятся на два.

– А зачем? – спросил Сварог. – Можете вы объяснить более-менее внятно, зачем затевать все это?

– Не могу. Но у меня есть два веских аргумента. Во-первых, никому не станет хуже. Вы ведь понимаете, что лары искусственно тормозят на земле развитие науки и техники?

– Я подозревал, – сказал Сварог.

– Правильно подозревали. Добрая половина наших агентов занята исключительно тем, что бдительно надзирает за состоянием науки, техники, инженерного дела. Вам не доводилось еще видеть снольдерских паровозов? Они двигаются по четырем рельсам.

– Но зачем?

– Лишний расход металла, лишняя нагрузка на промышленность, и без того слабую. О, никто не предписывал и не указывал... Просто серьезные ученые, именитые, титулованные, с помощью всей здешней математики доказали: паровоз, если поставить его всего на два рельса, непременно сойдет с них, едва тронувшись с места. Объяснять вам, кто мягко и ненавязчиво сделал этих светочей науки высшими авторитетами, или сами догадаетесь? А пароходы? Знаете, отчего до сих пор не приделали к ним винт? Да потому, что еще один непререкаемый авторитет в области судостроения наглядно доказал ко-

ролю несостоятельность такого движителя. Он спустил на воду судно, где винт был приделан спереди – огромный, в тех же масштабах, что на самолете... Ничего удивительного, что первое же испытание этого монстра показало полную несостоятельность винта в роли судового движителя. Примеров множество. Можно отыскать перспективных молодых гениев, пока они еще юные и голодные... О, их никто не убивает. Достаточно осыпать золотом и направить их энергию на создание заведомо мертворожденных идей и проектов. Или спойть. Или устроить карьеру, богатую невесту, пост при дворе, дабы отвлечь от работы. И, наконец, можно забрать наверх, поймав на самую страшную приманку – обилие знаний. Бедняга глотает знания, пока не сообразит, что все усвоенное он применить на отсталой земле просто не в состоянии. И в Магистериуме появляются новые преданные служители...

– Позвольте, почему же Снольдеру не воспрепятствовали делать пулеметы и самолеты?

– Потому что и пулеметы, и патроны к ним, и самолеты производят чуть ли не вручную, по штучке. Они дороже золота, и наладить сколько-нибудь массовое производство нет возможности. Зато налицо резкий технологический разрыв: в иных странах еще в ходу арбалеты, в другой – смастерили вооруженный легким орудием автомобиль. От чего возникают самые разнообразные коллизии, соперничество...

– И что же ваше «во-вторых»?

– Во-вторых... Во-вторых, никто не задумывается, что поток апейрона, на коем зиждется благополучие ларов, может и иссякнуть. Пока такие предположения не вышли из стадии тщательно засекреченных гипотез, но игнорировать их нельзя. Даже если это произойдет через сотни, тысячи лет, нужно подготовиться. Магия подчиняется, если подумать, тем же законам, что и солнечная активность, глобальные изменения климата... Как вам мои аргументы? И еще. Каких бы ошибок мы с вами ни натворили – лучше действовать ошибаясь, чем сохранять старый порядок вещей. Империя в нынешнем ее виде себя изжила.

– А я-то считал вас вертопрахом... – сказал Сварог.

– Многие до сих пор считают меня пустым авантюристом, и это мне только на руку... Что скажете?

– Это серьезно, – сказал Сварог. – Весьма серьезно... А как нам быть с Князем Тьмы? С Горротом, наконец?

– Не преувеличивайте ужас, исходящий от Князя Тьмы. А Горрот... Горрот на какое-то время может стать надежным союзником и противовесом иным силам. Как и тот, чье имя вы произнесли с таким отвращением.

– Бывают противовесы, с которыми лучше не связываться, – сказал Сварог. – Сунешь пальчики в рот – и не заметишь, как челюсти руку по плечо заграбастают...

– В таком предприятии невозможно обойтись без риска. У вас, лорд Сварог, есть одно ценнейшее качество: на вас не действует...

– Я знаю.

– Ого! Они решились вам это рассказать?! Не ожидал от них, право... Но так даже лучше. Теперь вы понимаете, что станете равноправным партнером. А Делия... Ну почему она непременно должна остаться в живых после совершения столь славного подвига?

– Вам ее не жаль?

– Вы пришелец, – сказал Орк. – Вы недавно здесь. Будь вы с раннего детства воспитаны, как лар, на многое смотрели бы иначе. Вы собственно, юнец-лар. В юности мы все жалостливы и сентиментальны. Но став старше, осознаем: за время твоей жизни на земле сменится два десятка поколений, у нас еще не появится новой морщинки, а тысячи девушек, не менее очаровательных, чем Делия или Арталетта, превратятся в седых старух. Внизу живут быстро... Что вам Делия? Через тридцать лет вы ничуть не изменитесь, а она или ваша Мара... – улыбка Орка стала слегка напряженной. – И потом, вы – мой должник, лорд Сварог. Вы не знали? Навьи, которых вы спалили в поместье Мораг, были, строго говоря, не ее, а мои. Проба сил, легкая разминка. Вы мне помешали, уничтожив навьев и убив Гарпага, который мне еще пригодился бы...

– А вы знаете, кому служили Мораг и Гарпаг?

– Они служили в первую очередь мне. А кому они поклонялись в свободное время, меня ничуть не интересует. Все эти байки насчет Зла и Добра...

– Где остальные навьи?

– Вы же спалили всех, – пожал плечами Орк.

«Врет, – подумал Сварог, придавая лицу безразличие. – Никак не могло случиться, чтобы воскрешением навьев занимались одновременно два разных человека. Возможно, Орк причастен ко всему случившемуся в Ямурлаке. Если Борн и Фиортен на его совести, это многое меняет. Меняет все. Очень уж коварная вещь – уступки. Сначала вступаешь в вынужденный союз с тем, кто тебе весьма не по нраву, переступаешь через Борна, потом – через золотоволосую принцессу, ну а там легко и незаметно привыкаешь переступать через трупы, не ужасаясь ни их количеству, ни знакомым лицам. А за пределами доски настойчиво маячит черная тень...»

– Что вы знаете об исчезновении Делии и этом... двойнике? – спросил Сварог.

Орк вертел стакан, не спуская глаз с его круглых боков, украшенных желтыми и синими стеклянными медальонами.

– Лорд Сварог... – сказал он, не поднимая глаз. – Вы прекрасно понимаете, что я не буду брать с вас никаких клятв. Если вы решите меня обмануть, вас не остановят никакие здешние клятвы, а тех, которые вы не смогли бы нарушить, я не знаю, не могу даже сказать, есть ли такие... Вы знаете достаточно. Делия нужна мне для моих целей. Если вы станете мне мешать, превратитесь во врага. Я рискую – и рискну. Однако вы должны осознать: если вы обманете, станете мне противостоять, у вас не будет более страшного и упорного врага, чем я. У меня останется в жизни одна цель – уничтожить вас. И если не удастся до вас добраться... или – пока не удастся добраться до вас самого, я буду уничтожать все, что вам дорого. Я никогда не шучу такими вещами и не бросаюсь словами зря...

– Я это прекрасно понимаю, – сказал Сварог.

Они долго смотрели друг другу в глаза.

– Это Сенгал, – сказал наконец Орк. – Мне на Диори не повезло, а вот его люди что-то нашли и ухитрились унести ноги. Молва упорно твердит, что именно на Диори скрывались последние Изначальные, что остров отнюдь не случайно покрыт вековыми льдами, возникшими вовсе не благодаря усилиям природы... Я потерял два корабля из трех и половину людей с третьего... Лад-

но, это моя головная боль. Сенгалу повезло. Вопреки всем байкам, самое ценное, что можно отыскать на Диори, – книги. Магические книги Изначальных. Сенгал добыл, самое малое, одну. Между прочим, он умеет читать на языке Изначальных. Я тоже. И даже некоторые земные книжники... Но во дворец к Сенгалу не смогли проникнуть даже... словом, люди, умеющие одолеваять ограждающие вход заклятия. Его библиотека словно закрыта невидимой стеной.

– Вы имели в виду людей Стахора?

– Да. Итак, книга у него. Созданный им двойник Делии – продукт иной, чужой магии, искусства Изначальных. Сенгал держит при себе какого-то стагарского колдуна, вдвоем они неплохо сработали... Вы, должно быть, поняли уже, почему настоящую Делию ищут все разведки Талара? К Кодексу Таверо серьезные люди всегда относились с большим доверием. Кстати, предсказания лишены непреложности. Рядом с Делией может и не оказаться Серого Рыцаря...

– Значит, многим стало известно о двойнике?

– Конечно. В любом государстве найдутся люди, обладающие познаниями в магии, достаточными, чтобы распознать на месте прежней Делии... Словом, к вашему появлению тайны, считайте, и не осталось. Один Конгер ничего не подозревает. И если Сенгалу удастся отыскать настоящую принцессу раньше нас, после смерти короля на трон взойдет кукла. Кукла Сенгала... Отправьте к нему вашу девчонку. Возможно, ей удастся добыть книгу, а самого герцога...

– Нет.

– Да вы понимаете... К чему это чистоплюйство?

– Предложите что-нибудь другое, – сказал Сварог.

– Придется... – махнул рукой Орк. – Я по примеру Гаудина сам начал дрессировать юных красоток – конечно, пантерам Гаудина они в подметки не годятся, но для здешних сойдет... Одна такая прибудет дня через три – пришлось отправлять ее чертовски кружным путем, чтобы Гаудин не разнюхал. Кроме того, через несколько дней сюда прибудут люди Стахора и привезут милейшую зверюшку, которая непременно вынюхает Делию. Ах, если бы вы знали, до чего умен и изобретателен Стахор, работать с ним – удовольствие.

– Зачем же я вам, если все решено?

– Ну, во-первых, лучше работать вдвоем. Во-вторых... Я тоже серьезно отношусь к работам Таверо. И склонен думать, что Серый Рыцарь – это все-таки вы. Возможно, без вас просто не обойтись. Ее же нужно как-то доставить к Воротам, и идти придется через Шаган. В Шагане недолюбливают и меня, и Стахора. Я предельно откровенен, как видите. Что, по рукам?

– По рукам, – сказал Сварог.

«Похоже, я наконец научился лгать с непроницаемым лицом, – подумал он, выходя из особняка Орка. – Но что прикажете делать? Орк начал первым. И связался с черными силами, от которых нужно держаться подальше...»

Сварог задумчиво шагал по улицам, высматривая извозчика, но они, как назло, сквозь землю провалились. Смеркалось. Фонари на ночь зажигали далеко не на всех улицах, и здесь их почти не было, но грабителей Сварог не особенно боялся – на трезвых и вооруженных рыцари удачи предпочитали не нападать...

Он не сразу сообразил, чего ему хочется, а сообразив, не на шутку удивился.

Так и подмывало претворить в жизнь весьма странное желание: вынуть из

кармана кошелек, бросить его на землю и побыстрее уйти, не оглядываясь. Самому ему такое и в голову не пришло бы. Кто-то внушал ему такую мысль...

Улочка, по которой он шагал, была безлюдна, по обе стороны расположились купеческие лабазы – глухие стены без окон, такие, что и пушкой не прошибешь, высоченные заборы, усыпанные битым стеклом.

Медленно вынув кошелек, Сварог бросил его на землю и пошел прочь. Средоточился. Резко шагнул вбок. Теперь тот, кто крался за ним следом, видел быстро удалявшегося двойника, а самого Сварога видеть не мог. Если только незнакомец был слабее в магии. Однако здесь попадаются крепенькие самородки, как ни бдят наверху...

Нет, самородок все же оказался слабеньким. Худая фигура в низко нахлобученном на глаза бонилоне, явно не замечая Сварога, кинулась к кошельку. Сварог подождал, пока тот подберет туго завязанный кожаный мешочек, вышел из невидимого состояния. Аккуратно взял воришку правой рукой за глотку, а левой за правый локоть, спиной вперед протащил, наступая, до ближайшей стены, притиснул к ней и вежливо спросил:

– Тебя мама не учила в детстве, что воровать нехорошо?

Пленник так ошалел, что не сопротивлялся вовсе. Сварог рассмотрел молодое худое лицо с редкими кошачьими усиками, бляху Бронзовой гильдии – держатель домашней птицы, надо же...

Застучали копыта – неведомо откуда возник разъезд городской стражи. Двое всадников проскочили мимо и остановились поодаль, третий присмотрелся, держа копьё наготове:

– Что такое?

– Морду бью, – сказал Сварог. – Свои счета. Он не жалуется. Ты ведь не жалуешься?

Пленник молчал.

– Видите, не жалуется, – сказал Сварог. – Сами обойдемся, без всякой полиции...

Стражник оглядел обоих. Вообще-то «бордовые», служившие при ратуше, старались, как могли, вытаскивать горожан из стычек с дворянами, но пленник Сварога не просил помощи, и это сбивало с толку. Всадник махнул рукой, не желая впутываться в непонятное дело:

– Ладно, только чтобы без трупов...

Все трое пустили коней рысью и исчезли за поворотом.

– Сдай я тебя как вора? – спросил Сварог.

– Магистратский суд, – уныло ответил пленник.

– А как колдуна?

– Королевский суд, а то и Багряная Палата...

– Оценил мое великодушие?

– Оценил.

– Не благодаришь, пощады не просишь... – задумчиво сказал Сварог. – Гордый или понимаешь, что придется отслужить?

– Понимаю. Только уговор – без мокрого... И без педерастических штук.

– Сплю я только с женщинами, а убивать умею и сам, – сказал Сварог. – Попробуешь убежать, только хуже будет.

– Понял...

– Тогда шагай рядом, как застенчивая невеста, и рассказывай – как ты дока-

тился до такой жизни и почему тебя, соколика, до сих пор не изловили охотники за колдунами. Только без вранья, не пройдет...

Тот нехотя и вяло принялся рассказывать. Выяснилось, что зовут его Паколет, потомственный вольный горожанин, двадцати четырех лет от роду. Родитель с мамашей пятнадцать лет назад подались искать счастья на Бран Луг, да так и сгинули – ни весточки, ни их самих, хотя бабка уверяет, что живы и не особенно бедствуют. Кое-какое колдовское умение досталось как раз от бабки, ухитрявшейся всю жизнь остаться незамеченной охотниками за колдунами и передавшей это умение внуку. С честным трудом, бойцовыми гусями, которых бабка разводила, как-то не заладилось. Военная служба не привлекала, на Острова не тянуло, особых талантов, позволивших бы попытаться удачи и сменить гильдию, не отыскалось. Одним словом, получился приבלатненный шалопай. Первое время вертелся возле гусиных боев и игорных домов, но потом стало ясно, что его способности вот-вот выявят. И хорошо еще, если сразу прикончат, – могут втянуть шестеркой в крайне серьезные дела, где конец будет еще печальнее. Шустрый юноша осторожно, не увлекаясь, стал заниматься кражами, благо бабка неосмотрительно передала внучку старинную колдовскую премудрость – открывать без ключа любой замок. Стоило прохвосту наложить руки и сосредоточиться, как сам собой отворялся любой хитроумный запор...

Конечно, выложил он не все – но рассказал достаточно. И не врал, как мгновенно определил Сварог.

– Вот такие дела... Что предлагать будете, ваша милость?

– Предлагать... – рассеянно повторил Сварог. – Друг ты мой, а есть ли у тебя настоящая мечта?

«Нужно сколачивать команду, вот что. Леверлина в Равене может не оказаться. Дворяне Маргилены не годятся – люди верные, но свыклись с блаженной жизнью мелких прихлебателей. Одной Мары мало – не всюду ее пошлешь. Нужны четыре-пять человек, накрепко привязанных к нему надеждами на будущее вознаграждение, не особенно благодетельных и решительных. Но вербовочного пункта не откроешь и объявление в газету не дашь...»

– Мечта? – задумался Паколет. – Да надоела такая жизнь, вот и все. Купить бы хороший домик под городом с куском земли, нанять бабке служанку, чтобы смотрела за любимыми гусями... Я бы давно это устроил, да бабка на ворованные деньги не соглашается. И плешь давно проела, требует завязать. Говорит, людям вроде нас, с нашими способностями, ворованное счастья не приносит, а сулит одни беды. Вообще-то не она одна так говорит...

– Домик – это пустяки, – сказал Сварог. – И деньги будут... ну, не то чтобы благородные, но добытые честно.

От прежнего барона ему досталось четверть миллиона ауреев в золоте и камешках. Богатства эти покойник с хомячьим упорством стаскивал по зернышку в три равенских банка, и Сварог оказался единственным наследником.

– А что делать?

– Сам не знаю, – сказал Сварог.

– Я не заложу. В полицию как-то не с руки, могут и вычислить, что за душой. Пока обходилось, да бабка что-то загрустила, говорит, не к добру все это. Самое время к кому-то прибиться. А от вас, ваша милость, черным вроде бы не пахнет...

– Говорю тебе, сам еще не знаю, что будешь делать, – сказал Сварог. – Зай-

дем сейчас в одно заведение, кое-что и обсудим.

Остановившись у ярко освещенного входа, прямо под вывеской, изображавшей жену боцмана, Сварог подтолкнул локтем привратника:

– Не узнаешь? Зазнался?

– Ваше сиятельство!

– Тихо, – сказал Сварог. – Здесь я – барон Готар.

– Тетка Чари вас как раз поминала, а вы – вот он...

– Она здесь?

– Скоро будет. Прошу, ваша милость, прошу! Этот с вами? Ну тогда ладно...

Да, а капитан Зо жив оказался, слышали?

– Слышал, – сказал Сварог.

Они с Паколетом уселись в дальнем углу. Заведение первого разряда – высокие зеркала, чистехонькие скатерти на столах, резные дубовые панели, позолота, хрустальные люстры... Ничего похожего на продуваемый сквозняками, рассохшийся и прогнивший дом в Руте. Паколету было неудобно, но Сварог толкнул его ногой под столом и шепнул:

– Делай вид, что ты переодетый граф...

Он сунул мордату лакею золотой и велел отправить кого-нибудь в дом графини Дино, передать, что барон жив и здоров, но задержится. Потом заказал хороший ужин, благо и сам успел проголодаться. И понемногу, в промежутках между блюдами, рассказал почти все – о том, что произошло с принцессой, о том, что он ее ищет, о том, что с найденной принцессой предстоит отправиться в три королевства. И даже о том, что он – лар. Он лишь не стал посвящать собеседника в сложности большой политики...

– Хитрющий вы человек, ваша милость, – сказал Паколет с крайне печальным видом. – Теперь я к вам пришит намертво. И не сбежишь, и не продашь. Выложи я все это любой серьезной конторе, проживу ровно столько, пока они не убедятся, что больше я ничегошеньки не знаю... Таких свидетелей на этом свете ни одна полиция долго не держит...

– Зато будет домик, – сказал Сварог. – А хочешь – дворянство. Уж извини, я за тобой не гнался, за шиворот не хватал, сам на меня набежал... Боишься?

– Еще бы.

– Это хорошо, – сказал Сварог. – Главное, чтобы ты боялся в меру. И люди, что будут работать со мной из одного страха, мне не нужны. Лучше уж сразу распрощаемся и разбежимся по-хорошему. Так что – подумай.

– Уже подумал. Ронерцы, ваша милость, люди азартные и рискованные, а равенцы – особенно. Вот оно что... Может, с бабкой посоветуемся? Увидит, что я взялся за благое дело, – дурного не присоветует...

– Непременно, – сказал Сварог. – Ты, значит, слышал что-то краем уха?

– Ага. Мудрено было бы не услышать. Тихари оживились несказанно, и наши, и от сопредельных соседей, и от соседей дальних, и вообще непонятно кто шныряет... Перетрясли всю «ночную парикмахерскую», то есть...

– Тех, кто кошельки по ночам стрижет, – догадался Сварог. – И днем тоже... Что у вас обо всем этом говорят?

– Да болтают, что отыскалась какая-то девка, как две капли воды похожая на принцессу. Ведено ее изловить и доставить ко двору, чтобы работала двойником. В старину у каждого приличного короля, а то и вельможи, были двойники – здорово помогает против покушений. Ну а в том, что такую девку ищут

соседи, нет ничего удивительного – она и им пригодится на предмет заговоров. Только наши, кто поумнее, считают, что все запутанней – очень уж много шума из-за какой-то похожей девки... Значит, говорите, она еще в городе? Нам бы еще парочку латро...[39]

– В каком смысле?

– В смысле – солдат. Я так понимаю, вы хотите собрать человек несколько на манер верных оруженосцев? Лучше всего поискать Вольных Топоров или отставников из армии. Тех, кто сейчас не у дел, а денег не скопил и сидит на мели. И не юнцов, а людей в среднем возрасте – они битые-перебитые, любопытствовать отучились давно, и за приличную плату работают, как обученный мясницкий пес: зря не гавкают, мимо ноги не цапнут и спят на одно ухо...

– Неплохая мысль, – кивнул Сварог. – Где их проще всего искать стоит?

– На постоянных дворах и в порту. Хозяйственные, что скопили денежек и решили расплеваться с акиллой ради домика в предместье, тут не годятся. Нужны те, кто прокутился и ждет удачи. Прикажете поискать?

– Не спеши, – сказал Сварог. – Хозяйка этого заведения получше тебя разбирается и в портах, и в латро...

– Она и впрямь такая, как на вывеске?

– Вон она идет, оглянись и сравни.

Паколет обернулся:

– Ну, если она и впрямь жена боцмана, боцман не на торговом корыте служил и ловил отнюдь не рыбку...

– Уж это точно, – сказал Сварог.

К ним приближалась тетка Чари, в черном атласном платье пониже колен, с бляхой Серебряной гильдии на груди, чуточку даже помолодевшая и выглядывшая гораздо пикантнее. Лакея, по неловкости налетевшего на нее спиной, она, совершенно как в былые времена, ткнула кулаком в поясницу и тихо пожелала схватить якорь в задницу. Остальные зашмыгали по залу еще проворнее. Нет, от прежних ухваток она отречься не собиралась.

– Вот так гость! – На лице была искренняя радость. – Не помню только, как вас титуловать...

– Барон Готар, – сказал Сварог.

– Ах ты! Значит, это вы того кабана и проткнули? Слышала, как же. Туда ему и дорога. – Она села рядом со Сварогом, махнула лакею: – Ратагайского со-рокалетнего, живо! – и показала пальцем на потолок: – Значит, добрались благополучно? По правде говоря, и обрадовалась же я, узнавши...

– Как вы ухитрились?

Тетка Чари понизила голос:

– Я тут привадила одну клушу. Баронесса, из титульных[40]. Муж служит по таможенному департаменту, вдруг да пригодится когда-нибудь... Ну, подарочки-наливочки... И позволила она мне в знак особого расположения глянуть в телевизор. А в телевизоре показывают торжественный выход императрицы, и за ней среди прочих шествует един крайне мне знакомый путешественник, быстро промелькнул, да у меня глаз острый. Нет, как вы на графа Гэйра похожи...

– Оказалось все же, сын, – сказал Сварог.

– А я что говорила? Неспроста было такое сходство... Знаете, что Зо живехонек, и на дне там лежал вовсе не «Божий любимчик»?

– Знаю.

– Ну вот, а наделали шума, не опознав толком стеньги. Что с вас взять, сухопутных, да и воздушных вдобавок... Капитана Зо на дно пустить трудно, я еще тогда сомневалась. – Она покосилась на Паколета. – А это тоже милорд? Нет, местный, по роже видно... Выходит, вы опять в делах и хлопотах?

– И в нешуточных, – кивнул Сварог. – Вы-то как?

– А что я? Недельки через две, как вы нас покинули, собралась и я в дорогу. Вот, позавчера открылись, последний политес навели. Чуть не все накопления убухала. Тут, как видите, трактир, рядом и на втором этаже – комнаты для проезжающих из чистой публики, и никаких клетушек с девками, и никакой дурной травки. Конечно, к себе приличный постоялец может водить, кого хочет, лишь бы выглядели пристойно и гостили тихо. А вот травку – ни в каких видах. Перека вон в ливрею обрядила, идет она ему, как зайцу лангила. Сама приписалась в Серебряную гильдию, подол чуть не до колен, лет двадцать назад бы такую юбочку... Полицейские уже в гости заходили, не ниже квартального, дворяне в трактир потянулись, постояльцы есть, денежка закапала... – Она вздохнула. – И отчего-то, граф, моментально накатила дикая скука... Думала, жить станет весело и легко, а скука уже заедает до полной невозможности, что дальше будет, и думать боюсь...

– Присоединяйтесь ко мне, – скорее шутя сказал Сварог. – Весело будет, ручаюсь...

– А что вы такое затеяли на сей раз? Знаю я ваши дела – если хоть немного удались в папашу...

Вот уж в ней Сварог был уверен, не выдаст и не подведет. Склонившись через стол, он фразам в десяти изложил суть дела. Тетка Чари ошарашенно слушала, потом запустила столь соленую руладу, что два лейтенанта Малиновых Драгун за соседним столиком покосились на нее с уважением и завистью.

– Живут же люди! – восхищенно охнула она. – С ума сдвинуться, что заворачивают! – И поскучнела. – Скука скукой, да не сняться мне с вами, граф, отяжелела в корме, с мели не сойду, да и страшновато опять пускаться в такие дела... Но помочь – всегда пожалуйста. Денег у вас, конечно, завались, значит, одалживаться не будете... Может, что узнать, потолкаться в порту? Я уж там кое-кого встретила...

– Мне бы наемника, – сказал Сварог. – А лучше двух. Серьезных, солидных и готовых на все без лишних вопросов и колебаний.

– Парочку сразу не обещаю, а один найдется прямо сейчас. У меня на постое. Второй этаж первым отделали, и пока трактир еще не открылся, я уж три недели постояльцев пускала... Товар первостатейный. Въехал он сюда, что твой герцог, весь в золоте да три недели золотишко это и спускал, пока не остался в одном исподнем. Капрал Шег Шедарис, из Вольных Топоров. А почему первостатейный? Потому что пятнадцать лет в Топорах и живой, до капра-ла дослужился. Трусов они быстро раскусят и моментально выгонят, так что, если мужик полтора десятка лет отмахал железом и остался не особенно и продырявленным, при трех медалях, это о нем малость говорит... И потом... Пропился он, обормот, до исподнего, сапоги спустил и опустевший сундук – но из оружия и амуниции хоть бы дрянный шомпол тронул... Я уж его, грешным делом, хотела к хозяйству с какого-нибудь боку присовокупить, мужчина видный и с понятием насчет скупающей вдовы... Да уж ладно, забирайте. Сей-

час-то разговора с ним не получится, похмелился последним поясом с серебряными цацками, а завтра я его возьму в оборот, полечу рассольчиком... Нет, ну дела! Принцессу я видела. Красивая девка, жалко. Вы в порту не искали? Да нет, в порту знали бы, то есть я бы непременно знала... Да, а ведь у нас в Руте через неделю после вашего отбытия была добрая потеха! Князь со своими орлами налетел-таки на Готар, все из себя в боевом азарте, а в Готаре старого барона уж под забором закопали, управители от нового, то есть от вас, всю распоряжаются, народишко от ваших щедрот до сих пор не протрезвел – одним словом, полные реформы со снижением податей и хмельными надеждами...

Глава 8 15 и 14

– Вот тут останови, – сказал Паколет извозчику, спрыгнул и завозился у щеколды.

Во дворе бдительно заготали проснувшиеся гуси.

– Подождешь, – приказал извозчику Сварог. Тащиться назад пешком не хотелось.

– Отчего же не подождать, хоть до утра, если монета соответственная... – Извозчик поудобнее устроился на облучке, свесил голову на грудь и моментально задремал.

Следом за Паколетом Сварог вошел на темный двор, замощенный досками. Справа, в загородке из жердей, беспокоились гуси, гоготали и вытягивали шеи в дыры. В маленьком деревянном домике горела тусклая лампа, свет пробибался под дверь мерцающей полоской. Над входом висели в ряд пучки сушеных трав – корнями вверх.

Они вошли. В комнате бабушки не оказалось никаких атрибутов колдовского ремесла – обычная комнатка небогатой опрятной старушки. Сварог ступил на домотканый коврик, лежавший у низкого порога – и в комнате раздался высокий, певучий звук, словно кто-то задел висевший на стене виолон. То ли пение потревоженной струны, то ли стон. Сварог прянул в сторону, и непонятный звук оборвался.

Старуха медленно встала. С морщинистого лица на Сварога смотрели молодые глаза строгой учительницы. И тут же низко поклонилась, прижав обе руки к груди:

– Добро пожаловать, светлый король...

– Ух ты, сработало! – восхищенно прошептал за спиной Паколет. – А я думал – чудит бабка...

– Вы, бабушка, меня ни с кем не путаете? – спросил Сварог.

– Камень не путает, – сказала старуха.

Теперь Сварогу припомнилось, что нога и в самом деле наступила на какой-то лежавший под ковриком посторонний предмет. Он нагнулся, поднял край половичка – там лежала широкая каменная плитка, плоская, почти квадратная.

– Осколок Асконского камня, – как о чем-то совершенно будничном, сказала старуха. – А камень этот, ваше величество, исстари славился тем, что стонал, едва его касался тот, кому на роду написано стать королем. А мне вот на роду написано умереть вскоре после лицезрения короля, над чьей головой засияет множество корон. Ну что ж, грех жаловаться, пожила...

– Бабка, ты что плетешь? – забеспокоился Паколет. – Не из таких переделок выходили...

– Помалкивай, – отрезала старуха спокойно. – Только и умеешь глаза отводить, чтобы кошельки вытаскивать. Потому и дальше не продвинулся... Ему на роду написано быть королем, мне – прожить, сколько отмерено, и ни часом дольше, а тебе, мошеннику, – раз в жизни послужить хорошему делу... Садитесь, ваше величество.

– Спасибо, конечно, – сказал Сварог, усаживаясь. – Только не верится что-то, хоть и предсказывали уже однажды. Плохо представляю, что мне делать с коронами, особенно если их много.

– Что делать – это уж ваша забота, – сказала бабка. – Кто ж вам это подскажет? Только берегитесь мостов...

– Мне и это уже говорили однажды, – сказал Сварог. – Стоп, стоп... А ведь вас свободно можно назвать бабкой-гусятницей?

– Так и зовут.

– Тогда вам привет от старой пряхи по имени Грельфи.

– Значит, жива еще? – кивнула старуха. – Вот кому повезло, никаких тревог и хлопот – угодила век доживать при императорском дворе. Ах, как мы с ней, будучи молодыми, спешили радоваться жизни... Так радовались, что этот вот шалопай, – она кивнула в сторону Паколета, – княжеским внуком мог бы быть, хоть незаконным, да княжеским... Ну да вам это скучно покажется. Подумаешь, две девки с ветром в голове... Вы ведь за серьезным делом пришли? У вас на душе тревога...

Сварог рассказал.

– Вот оно что, – задумчиво сказала старуха. – То-то от королевского дворца в последние дни веет таким злом, что людям понимающим оно прямо-таки видится в облике черного ветра...

– Можете вы ее отыскать? – спросил Сварог.

– Попробую увидеть, где она, что вокруг нее... Достаньте ее вещичку, любую, хоть носовой платок. Попытаюсь. Человека с гиманом трудно отыскать белым колдовством, сразу вас предупреждаю, но черной магией, хвала Единому, и вовсе невозможно...

– Тем лучше, – сказал Сварог. – Значит, Сенгал ничего не добьется. А Орк со Стахором – тем более.

– Сенгал-то не добьется, магией Изначальных он ее не достанет. Что до горротцев – тут, ваше величество, вы крупно ошибаетесь. Они – самые опасные. Потому что никакая это не черная магия...

– Как так? – не на шутку удивился Сварог. – Всем известно...

– Заблуждение – это и есть то, что всем известно, – сказала старуха. – Стахор вовсе не черный маг. Ну да, Горрот разместился на месте древнего королевства Шелориса. Ну и что? Под Джетарамом, глубоко в земле, покоится капище Черного Бела, но нынче там черной магией и не пахнет... Стахор оказался умнее многих и хитрее. Пока другие гонялись за тайнами старинной черной магии, он искал знания, забытые и новые, искал там, где до него никто искать не додумался. И набрал нешуточную силу. Так я чувствую, а словами объяснить не могу, не знаю я столь ученых слов... Берегитесь Горрота. Будь это магия, с ней не в пример проще и легче было бы справиться, а знания побиваются лишь знаниями. Идите, ваше величество, побыстрее раздобудьте вещичку от

принцессы – коли уж вы появились, мне осталось недолго, нужно успеть, сколько смогу...

– Ну, дела, – сказал Паколет во дворе. – Что же, мне теперь вас вашим величеством называть?

– Зови просто – командир, – сказал Сварог. – Смекнул?

– Ясно. Вот только не нравится мне, что бабка о смерти заговорила. Ох, не нравится. Бабка сроду не ошибалась...

– Должны же и колдуньи когда-нибудь ошибаться, – Сварог похлопал его по плечу. – Сам я до сих пор сомневаюсь насчет королевских корон над моей непутевой головушкой... Ну, держи ухо востро. Связь через «Жену боцмана».

Он под гогот гусей захлопнул калитку, шагнул в накренившуюся на рессорах коляску, откинулся на обитое кожей сиденье.

Извозчик мгновенно проснулся:

– Едем, ваша милость?

– Едем, – сказал Сварог. – Давай на Королевскую. Особняк графини Дино. Знаешь?

– Еще бы. С неделю назад возил туда художника, так ейные дворяне, пока ждал, у меня с упряжи три серебряных бляхи срезали, так мимолетно, что и концов не найти...

– Кстати, почему улица так называется? Короли там в самом деле жили?

– Да нет, ваша милость. Жила там лет двести назад одна кондитерша, и была она, надо полагать, весьма соблазнительная – раз тогдашний король к ней, одевшись ловчим, ездил пять раз на неделе. Шило в мешке не больно-то утаишь, со временем опознали его величество, прозвали улицу Королевской, а потом оно так приклеилось, что старое название забыли, а новое в официальные бумаги залетело да так и осталось... Гуся ездили подбирать, ваша милость?

Он принял Сварога за любителя гусиных боев, каким оказался сам, и пустился в длинейшие рассуждения о любимом виде спорта. Как всякому фанату, ему наплевать было, что Сварог молчит, – болтал за двоих, вполне серьезно подавая за Сварога реплики и вопросы, свято веря, что судьба послала ему родственную душу и оба оживленно беседуют.

Сварог лениво глазел по сторонам. В небе сиял Юпитер – стояло полнолуние, вернее, полноюпитерье, или, совсем точно, полносемелие (Юпитер здесь именовался Семел). Далеко перевалило за полночь, но жизнь продолжалась, самая разносторонняя, а то и непонятная, как всякая ночная жизнь. Наслаждаясь свободой, разгуливали «ночные дворяне». Дело в том, что по здешним законам должника дворянского звания кредиторам изловить было непросто. С восхода солнца до заката (отмечаемых ударами колоколов Главной Башни) дворянина можно арестовать в его собственном доме только за строго определенные преступления (в число коих неоплата долгов не входит). Точно так же его нельзя сцапать за долги на улице – с заката до восхода. Легко сообразить, что неисправные должники днем отсиживались дома, а с первым ударом закатного колокола величаво выплывали на улицы, от чего возникали разнообразные детективные коллизии: шпики кредиторов шныряли по пятам, стараясь подпойть или иным способом удержать потерявшего бдительность должника на улице – до рассветного колокола. Дошло до того, что на иных злых неплательщиков стали принимать ставки – сколько они продержатся в

столь пикантном состоянии. А там, понятно, пошли и махинации...

Улицы заливало алое сияние; тени пролегли невероятно четкие. Кто-то устроил серенаду под окном, наглухо задернутым тяжелыми портьерами. Они, однако, порой вздрагивали, когда уголок легонько приподнимала девичья рука. А через несколько домов кто-то непринужденно разлегся посреди улицы, пристроив под локоть оплетенную бутыль. Прогуливались парочки, кого-то оттеснили подальше от уличного фонаря и лупили доской от забора, из распахнутых дверей кабачков и заведений для гусиных боев валили табачный дым, пьяные песни и ругань, а из распахнутого на третьем этаже окна доносились нежные звуки флейты. В доме напротив жена торжественно встречала загулявшего супруга – звонко разлеталась глиняная посуда, грохотали опрокинутые табуреты. В переулках кое-где звенели мечи, вдоль стен пробирались личности, пытавшиеся прикинуться невидимыми, проезжали тяжело груженные купеческие возы и шибавшие в нос издали бочки золотарей, скакали дворяне, рысили полицейские...

Район был не из респектабельных, но Сварогу такая жизнь нравилась. Было в ней что-то от того загадочного, бурного, кровавого и романтического времени, когда жестокие пираты писали недурные стихи, талантливые поэты выполняли грязные шпионские поручения, ваятели, не догадываясь, что потомки провозгласят их безгрешными гениями, вспарывали животы недругам и совращали кто служанок, кто мальчиков, священники наблюдали звездное небо и защищали осажденные крепости. Собственно, здесь сейчас именно такое время и стояло. Быть может, ему когда-нибудь предстояло заслужить у потомков титул Великой Эпохи. А может, уместиться в паре строчек пухлого академического труда. Король Конгер удостоится короткого абзаца в учебнике, а имена тайных агентов и потаенные политические игры, как водится, канут в небытие. И никому не будет дела до людей, сто лет назад мучительно старавшихся переиграть противника, потому что прошлые заботы и тревоги покажутся устаревшими и мелкими в сравнении со своими...

Сварог прекрасно понимал, что многое от него не зависит, как ни пытайся воспрепятствовать. Но Орка он обязан был взять на себя и выставить из Равены. Во-первых, Орк с помощью горротцев может найти Делию первым. Во-вторых, он станет серьезнейшей помехой, едва поймет, что Сварог все же начал свою собственную игру. Выставить Орка из Равены, но так, чтобы герцог не заподозрил Сварога, – сущая головоломка... Головоломка...

Натравить на него протектора? А если у герцога есть заступники не хуже? Распустить о нем некий невероятно компрометирующий слух, такой, что он будет вынужден обратиться сам? Но какой?

И тут Сварога осенило. С озарениями так и обстоит – либо они вообще не появляются, либо настигают, как удар молнии. Чем больше Сварог обдумывал идею, тем сильнее она ему нравилась. Он бесцеремонно оборвал рассказ извозчика о потрясающем гусе по кличке Серая Смерть:

– Сейчас открыты какие-нибудь мастерские?

– Это которые?

– Ювелиры, медники... – Сварог лихорадочно думал. – Вот именно, ювелиры!

– Целый квартал. Там день и ночь делают головоломки, не из жести и кости, как для простолюды, а дорогие, для благородной публики. Ночная сме-

на подмастерьев непременно трудится...

– Гони! – приказал Сварог.

Он метался по кварталу ювелиров, как вихрь. Подмастерья получали монеты горстями – с пожеланием помнить, что его здесь никогда не было. Сварог не сомневался, что они промолчат: ювелиры были народом серьезным и сплетничать о клиентах, даже самых странных, не любили. Вдобавок им подвернулся удобный случай заработать втайне от хозяина...

Впрочем, он принял все меры предосторожности, размещая заказ по частям. В одной мастерской ему из тонкого серебряного листа за квадранс[41] смастерили коробочку размером с портсигар и крышку для нее. В другой столь же быстро нарезали из такого же листа пятнадцать квадратиков по указанной Сварогом мерке. В третьей на квадратиках выгравировали цифры – от единицы до пятнадцати.

Получилась выполненная наспех и грубовато, но готовая к немедленному употреблению головоломка под названием «пятнадцать». Прибыв наконец в особняк графини, Сварог расспросил дежурившего в прихожей дворянина и совершенно точно выяснил, что в Ронеро такая головоломка совершенно неизвестна. «А ведь выгорит, – подумал он весело. – Определенно выгорит...»

– Ваша милость, а что с ней делают? – приставал заинтересовавшийся дворянин.

– Через часок объясню, – отмахнулся Сварог.

– Ну, наконец-то! – В прихожей появилась графиня, небрежно запахивая халат из розовых кружев – не халат, а одно название. Дворянин превратился в статую. В другое время и Сварог не остался бы равнодушным, но сейчас мысли подчинены одной цели...

– Маргилена, милая, – сказал Сварог, сжав ее руку. – У вас найдется в доме большая, пустая комната?

– Ну, танцевальный зал... Больно!

– Простите... Пойдемте туда, немедленно!

– Сумасшедший, у меня такая нежная кожа... Подождите, я возьму лампу. Нет, по этой лестнице. Мара уже спит, а я ложусь поздно, да и интересно было, куда вы запропастились...

Слева отворилась дверь, выглянул граф в халате, но, узрев супругу под руку со Сварогом, сделал вовсе уж скорбное лицо и тихонько юркнул назад.

– Все еще ждет? – спросил Сварог.

– Конечно. Пришлось его ублажить на скорую руку, но сей похотливый субъект не успокоился. Однако уже двадцать второе, так что ждать ему придется долго... Сюда. – Она вошла первой, поставила лампу на ближайшее кресло. – Ничего, что темновато?

– Пустяки, – сказал Сварог, достал из кармана головоломку и положил ее на паркет. Оглянулся, сел в кресло. – Вам лучше уйти, вы легко одеты, а здесь сейчас станет холоднее...

– Чепуха. Если вы затеваете что-то интересное, я хочу посмотреть. – Она решительно опустилась в соседнее кресло. – А это будет страшно?

– Боюсь, это будет скучно, – сказал Сварог. Действительно, копировать вещи с помощью заклинаний – скучная работа и еще более скучное зрелище. В особенности если заниматься этим приходится долго. Но ничего не поделаешь, надо стараться. И Сварог трудился, как отбойный молоток. Выходило

штук двадцать в минуту. На паркете росла гряда плоских серебряных коробочек, посверкивавших в алом свете, лившемся сквозь высокие окна, они грозились друг на друга, вырастали кучи, рассыпались, звеня. В зале стало холоднее, повсюду летали снежинки. Графиня стоически терпела, но в конце концов не выдержала:

– В самом деле, не столь холодно, как скучно... Вы до утра собираетесь их штамповать? Я-то полагала, магия – крайне увлекательное зрелище...

– Не всегда, – сказал озябший Сварог. Осмотрел кучу, глянул на часы. – Штук пятьсот. Хватит для начала...

– И что теперь будет?

Сварог встал, разминая спину, чувствуя себя так, словно затащил мешок с углем на верхушку Главной Башни.

– Если я все правильно рассчитал, будет превеселое зрелище, – сказал он. – Утром прикажите сложить все это в мешки, кроме одной, и пришлите ко мне самого толкового вашего человека. – Он удовлетворенно оглянулся на кучу. – Да, для начала хватит. Результата, правда, придется ждать пару дней...

– За это время я умру от любопытства. – Она поежилась. – Если раньше не умру от холода. – Пойдемте, выпьем по бокальчику. Вы увидите нечто, ужасно вам знакомое. Там нет окон, и я упростила Гаудина поставить эти великолепные лампы с непроизносимым названием, а еще выпросила замок, каких у нас не делают, ключ только у меня, и при случае я там спасаюсь от сладострастного супруга, когда на него нахлынет это извращение – волоочь в постель собственную жену. Снимите сапоги – там ратагайский ковер. Входите, входите, – она подтолкнула его в темноту, захлопнула дверь, и их окутал непроницаемый мрак, только под потолком светился рядок вентиляционных отверстий. – Не вздумайте смотреть «кошачьим глазом», все впечатление испортите. Итак!

Вспыхнули неяркие электрические лампочки, упрятанные в синие, желтые и красные стеклянные шары. Сварог оторопело огляделся.

Довольно большая комната. Стены, потолок и пол выкрашены в нежно-розовый цвет. Посередине – круглый ковер со сложным ало-голубым узором и пушистым ворсом по щиколотку. В углу статуя розового амарского мрамора, рядом – вычурный синий шкафчик. И все.

– Узнаете? – радостно спросила графиня. – Только статуя там была другая.

– Честное слово, не узнаю что-то, – растерялся Сварог.

– Великие небеса! Да это же будуар Аспалины. Точная копия!

Тут до него стало помаленьку доходить:

– Ну да. Телевизор. Сериал. Серий пятьдесят?

– Восемьдесят, – поправила графиня, извлекая из шкафчика бутылку кели-маса[42] и золотые чарочки. – «Любовь и смерть среди роз». Неужели не видели?

– Как-то не довелось...

– Жаль. Такой увлекательный фильм... А как вам моя статуя? Работа Гая, того самого мальчика...

Статуя изображала обнаженную графиню, стоявшую в непринужденной, изящной позе, с виноградной гроздью в одной руке и копьем в другой.

– Слушайте, да это же талант! – вырвалось у Сварога.

– А я вам что втолковываю? Статуя весьма символична – копьем я, словно

Ашореми, без промаха поражаю сердца неосторожных, а гроздь сладкого винограда... – Она вызывающе прищурилась. – Вам объяснять?

– Не нужно, – сказал Сварог.

Ему уже стало ясно, что невинным из этой комнаты не уйти. Но он не особенно печалился по этому поводу – на него наконец подействовал должным образом халат-одноназвание.

– Про меня говорят, что я грациознее всех умею лежать на ковре, – сказала графиня. – Оцените, правда ли это. Да разметайтесь непринужденнее и вы, вы же устали...

Сварог разметался непринужденнее, посмотрел на нее:

– Молва не врала...

– Вы настоящий кавалер, – сказала графиня. – А ваш Гаудин всегда принимался хохотать. И говорил, что я – самая большая чудачка, какую он видел в жизни. И непременно добавлял: но очаровательная до жути. Вы согласны с последним утверждением?

– Всецело, – сказал Сварог. – И давно уже ломаю голову – как получилось, что именно вы стали с ним работать?

– Потому что я незаменима. Вы, мужчины, существа прямолинейные и простодушные. Какой бы магией ни обладали. Когда вы затеваете заговор или тайную интригу, вас видно за кобонд[43]. А меня никто не принимает всерьез, ни друзья, ни враги. И я добиваюсь успеха там, где мужчины расшибают лбы. Как-никак моими усилиями были добыты бумаги торгового дома «Браллер». Слышали?

– Конечно, – лихо солгал Сварог, блаженно вытянувшись на мягчайшем ковре. – А в истории с алмазными подвесками королевы вы принимали участие?

– Нет, – удивилась графиня. – Даже не слышала. Вы про какую королеву? Наша умерла, когда я была еще ребенком...

– Я и забыл, это совсем другая история... – сказал Сварог.

– Вы надо мной смеетесь?

– Над собой, скорее...

– А она не будет ревновать, ваша юная головорезка... или головорез, как правильно?

– Не знаю, право, – сказал Сварог. – А ревновать она не будет. Не умеет. К сожалению.

– Ах, воо-от как... К сожалению? – Графиня склонилась над ним, лукаво улыбаясь, легонько провела ладонью по его щеке. – Простите, барон, ничего не могу поделать, дабы сохранить вашу невинность... Моими любовниками либо бывают, либо нет. А притворяться в глазах двора моим любовником, не будучи таковым... Подобного цинизма, крайне для меня унижительного, я в жизни не допущу. Закройте глаза. Я посмотрю в ваше мужественное лицо, потом нежно поцелую, и вы не должны думать ни о чем, кроме меня...

Сварог устало закрыл глаза. Когда к его губам прильнули нежные губы, успел подумать, что он – порядочная скотина. Но руки как-то сами собой протянулись, комкая невесомые кружева.

...Снилось что-то смутно-тревожное, бесформенно-кошмарное, он с трудом вынырнул и не сразу вернул себя к реальности – перед глазами маячили алоголубые узоры, и он не сразу вспомнил, где находится. Он пребывал в полном

одиночестве, если не считать мраморной графини, с загадочной улыбкой протягивавшей ему кисть винограда.

Сварог собрал крайне живописно разбросанную одежду, облачился, отыскал закатившийся под ковер баронский перстень. Осушил чарочку келимаса, подумал, подошел к мраморной графине и погладил ее по щеке.

– Ваш виноград прекрасен, – сказал он. – Чем больше ешь, тем больше хочется. Интересно, почему мы все такие клятые кобели, честное слово, мне стыдно, но ведь это ненадолго...

– Ты прелесть.

Он обернулся, как ошпаренный. В дверях стояла вторая графиня, живая, веселая и свежая.

– А мы тут, видите, самокритикой балуемся... – смущенно сказал Сварог.

– Вы ею всегда только балуетесь, – сказала графиня, подошла и чмокнула его в щеку. – Я весела и счастлива, как видишь. Ты меня очаровал. Отныне изволь обращаться ко мне на «ты», как подобает любовнику. На «вы» я только с теми, кто еще меня не любил, да с супругом. Ну, и с королем, конечно. Прими рапорт, мой генерал. Я послала человека к Гинкеру. Твои загадочные коробочки увязаны в мешки, а одна пребывает отдельно. Один из моих верных прохвостов, самый толковый, ждет. Исключительно толковый малый, однажды подделал вексель Банка Круглой Башни, а это надо уметь... Послушай, я умираю от любопытства.

– Пойдем, – сказал Сварог.

В танцевальном зале стояло несколько угловатых мешков, и возле них ожидающе прохаживался дворянин, тот самый потрепанный и задиристый. Сварог открыл коробочку и сказал:

– Вот это – головоломка. Как по-вашему, что с ней нужно делать?

Дворянин был ронерцем и потому раздумывал не более минуты:

– Тринадцать... Пятнадцать... Ага, вот так... – он довольно ловко стал двигать квадратики грязноватым пальцем. – Нужно их передвинуть так, чтобы цифры стояли по порядку, верно? Не вынимая?

– Совершенно верно, – сказал Сварог. – Вы сейчас отвезете мешки в лавки, где торгуют головоломками. По мешку в лавку.

– Ваша милость, лучше бы сначала выправить патент, это ж приличные деньги...

– Это долго?

– За полчаса можно справиться.

– Валяйте, – сказал Сварог. – Можете взять патент на свое имя, мне безразлично. И меня не интересуют вырученные от продажи деньги.

– Благодарю, ваша милость! Прикажете бежать?

– Стоп, – сказал Сварог. – Теперь начинается самое главное. – Он выстроил квадратики по порядку, от первого до пятнадцатого, потом поменял местами «15» и «14». – Насколько я знаю, решение задач на премию у вас обставляют так, что сжульничать невозможно? Стряпчий, свидетели...

– Верно, ваша милость.

– Найдите такого стряпчего. Пусть оформит все, как надлежит, – ну, вам лучше знать... И объявите: тот, кто вернет квадратики в прежнее положение – из этого, именно из этого! – получит тысячу ауреев золотом. Все поняли? Выполняйте.

Дворянин махнул лакеям, они взвалили брякающие содержимым мешки на плечи, и вся компания скрылась. Сварог самодовольно улыбнулся, гордый собой.

Память у него была необычайно цепкая, и в ней, словно в рыбацкой сети с мелкими ячейками, застревало превеликое множество самых разных сведений, случайно прочитанных или услышанных...

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века в США придумали эту игрушку, моментально проникшую в Европу, разразилось форменное национальное бедствие. Играли все – в городах и деревнях, на заседаниях германского рейхстага и в лондонском Сити. Хозяева контор и магазинов специальным приказом запрещали клеркам и продавцам брать в руки «пятнашку» в рабочее время. Когда за решение одной из позиций была назначена большая премия, торговцы забывали открывать магазины, крестьяне – кормить скотину и пахать, машинисты – останавливать поезда на станциях. Люди ночами простаивали под уличными фонарями, двигая квадратики.

А та позиция, та задача, между прочим, оказалась неразрешимой. Но математики доказали это гораздо позже, и чума под названием «пятнадцать» свирепствовала еще долго. В Равене, никаких сомнений, горячка вспыхнет еще более азартная...

– Я обижусь и рассержусь, – напомнила о себе графиня.

– Маргилена, дорогая, – сказал Сварог. – Как по-твоему, сколько времени пройдет, пока эта игрушка завоюет столицу?

– Великие небеса, да уже к вечеру ее начнут продавать сотнями! Через два-три дня она будет в кармане у каждого...

– Великолепно, – сказал Сварог. – Видишь ли, если поменять местами «15» и «14», невозможно вернуть квадратики в прежнее положение, не вынимая их из коробки. Невозможно. Научно доказано.

– Что-то я не пойму... Ну и что?

Сварог ухмыльнулся:

– Пока ученые математики обратят внимание на очередную забаву, много воды утечет... И скажи-ка ты мне, как поведут себя славные равенцы, если через пару дней пройдет слух, что по наущению горротцев герцог Орк, убив автора, украл секрет решения и хочет тайно увезти?

Графиня оторопело уставилась на него, охнула и неудержимо захохотала. Сварог подхватил ее в объятия и долго хлопал по спине, пока не успокоил.

– Ой. Ой. Ой... – Она торопливо приводила в порядок прическу. – Да его дом разнесут по камешку, а самого разорвут на мелкие кусочки, если он не отдаст секрета... Горротцев будут ловить на улицах, начнется такое... Ты великолепен! И ведь Орк ни за что не догадается...

– Очень надеюсь, – сказал Сварог. – Наверху на его авантюры и без того смотрят косо, если он окажется замешан в такой скандал, вмешается наместник и своей властью выставит его отсюда...

Графиня вновь залилась хохотом. В дверь обеспокоенно просунулся унылый граф Дино.

– Брысь! – цыкнула Маргилена, замахиваясь коробочкой, и граф улетучился, как призрак. – Попросить кого-нибудь, чтобы проткнули болвана на поединке? Да нет, жалко дурака...

– Ну, он тебя, наверное, страшно любит... – сказал Сварог с дешевым вели-

кодушием счастливого соперника.

– Да мне от него тошно! Он лампу всегда гасит, неловко ему, извольте ли, видеть! И спину царапает!

– Тогда понятно... – сказал Сварог. – Милая, я страшно жрать хочу.

– Ну, еще бы, целый день мотался по городу... Пойдем, я уже распорядилась. Супруга пригласим к завтраку, счастлив будет, болван... – Она вышла в коридор и громко постучала в одну из дверей. – Граф, мы вас приглашаем к завтраку, поторопитесь!

В сопровождении сияющего графа они спустились в столовую.

– Мара еще спит? – спросил Сварог. Облизнулся, накладывая себе на тарелку зажаренных до хрустящей золотистой корочки голубей.

– Боюсь, совсем наоборот.

– Как это понимать?

– Она давно уехала к Сенгалу. Смотреть коллекцию драгоценностей, понимаете ли... Мы все с ней обсудили и решили, что второго такого случая не представится. Со смазливými малолеточками наш герцог превращается в тряпку, веревки вить можно...

Сварог встал, не отодвигая кресла. Зазвенели, разбиваясь, бокалы, вино потекло по вышитой синей скатерти, шарахнулись лакеи. Графиня тоже встала, побледнев, попятилась, не сводя с него огромных испуганных глаз. Он чувствовал, как лицо стянуло в дикую гримасу, как кровь барабанит в виски.

Граф отважно бросился наперерез, и от его дурацко-унылой физиономии, исполненной к тому же отваги, Сварог как-то опомнился, сник. Сел за стол, оттолкнул тарелку с голубями, ни на кого не глядя, потянулся к бутылке, отыскал на столе целехонький бокал. Воображение услужливо подсовывало ему яркие, четкие, замысловатые картинки происходящего сейчас в доме герцога, он выругался, яростно засопел от злости и стыда.

– А ты, оказывается, бешеный... – все еще со страхом, но и с ноткой восхищения проговорила Маргиленa. – Я думала, убьешь... Я ведь ее не принуждала, она сама предложила, еще раньше. Великолепный случай подвернулся, грех не использовать...

Он сердито отставил опустевший бокал. Разорвал пополам голубя, механически вгрызаясь. Кусок не лез в горло. Проглотил с трудом, не жуя, вновь потянулся к бутылке.

– Прости меня, ты не от ревности страдаешь, – тихо сказала Маргиленa. – У тебя просто взяли попользоваться красивую игрушку, и тебе жутко обидно. Послушай, тонкая натура, когда вчера ночью ты с превеликой готовностью взялся меня ублажать, ты как-то не особенно задумывался о верности и ревности? И сейчас, если заглянуть в самые глубины души, рад, хотя тебе стыдно и обидно, рад, что свалилась гора с плеч, решение взял на себя кто-то другой, и может получиться что-то полезное для дела...

Сварог исподлобья глянул на нее.

– Не нужно в меня ничем швырять, – сказала она. – Во-первых, я смертельно обижусь, а во-вторых, я совершенно права. Никого ты еще не любишь. И я вообще любить не умею, чудовище этакое. Ну не получается никак. Зато и ревновать не способна совершенно, настоящей ревности без настоящей любви не бывает. А ты ревновать пытаешься, не полюбив. В точности, как мой болван, – она кивнула на сидевшего с унылой миной графа, отрешенного, как

буфет с серебряной посудой. – Только наоборот – этот любит, а ревновать не умеет...

Она была умна, она была кругом права, но легче от этого не стало. Сварог уже справился с приступами слепой ярости, порывом немедленно мчаться куда-то и что-то делать, но где-то в области сердца засела противная заноза. Мы все такие, какие есть, и все наши беды оттого проистекают, что мы хотим видеть других такими, какими хочется нам, – но чтобы мы сами при этом нисколько не менялись...

– Ей ничего не грозит? – спросил он, не поднимая глаз от тарелки. – У этого скота есть магические книги, какие-то загадочные подручные...

– Все равно он ум теряет, заполучив в постель юную красотку, – ответила Маргилена довольно уверенно. – В прошлом году одна бойкая особа стянула у него пригоршню драгоценностей – и ничего, преспокойно скрылась... Вряд ли он опытный маг, просто ему свалилась в руки удача, а магические книги – вещь сложная, трудная для овладения и опасная. Начитавшись их, могучим не станешь... В общем, мы договорились – если она не вернется к четверем, буду что-то предпринимать.

– Интересно, что? – ядовито спросил Сварог.

– К четверем приедет Гинкер. Если понадобится, он пошлет в особняк герцога своих людей – по официальной просьбе озабоченного дядюшки... У Сенгала при дворе хватает врагов.

– Может, не ходить вокруг да около? – спросил Сварог. – Обвинить его в занятиях предосудительной черной магией, опечатать библиотеку, арестовать...

– А Делия тут же за него вступится. Та Делия, что сейчас во дворце... Станет твердить, что его оклеветали, а книги подбросили. Король ее любит, верит...

– Верно, – сказал Сварог. Посмотрел на часы – четырнадцать, полдень. – Прикажи оседлать мне коня.

– Но ты...

– Да успокойся, никаких глупостей. Займусь текущими делами, чтобы не торчать здесь...

– А я придумала великолепный способ еще сильнее разжечь страсти вокруг твоей головоломки, – похвасталась графиня. – Велю распустить слух, что дворянин, решивший задачу, проведет со мной безумную ночь.

– А мне вы разрешите участвовать, дорогая? – оживился граф. – О какой головоломке идет речь?

Сварог глянул на него, фыркнул весело и пошел к двери.

Глава 9

Капрал, который уцелел

К «Жене боцмана» он подъехал, чуть успокоенный прогулкой на полном га-лопе, но все еще был мрачнее тучи. Перек, поручив его коня конюшенному мальцу, повел Сварога на второй этаж, не задавая вопросов. Показал на дверь в конце коридора, под шестнадцатым номером, неуклюже поклонился и, прежде чем уйти, шепнул:

– Сегодня в пятом поселились какие-то шпики. Пожилой, представительный, и два молодых мордворота на подхвате. Пожилой подошел к хозяйке и как ни в чем не бывало заявил, что ему позарез нужно поговорить с бароном Готаром...

– Ясно... Ты посматривай, – сказал Сварог и толкнул кулаком дверь шестна-

дцатого номера.

На массивной кровати лежал в одних коротких черных кальсонах кандидат в рекруты – лет сорока, с меланхоличным, обветренным солдатским лицом и короткими пышными усами, нечесанный не менее недели. На груди и плечах был вытатуирован синим распростерший крылья Симаргл. Такой тут был обычай – солдаты, моряки и странствующие торговцы накалывали на теле два-три изображения бога, в которого верили, чтобы обнаруженный труп могли похоронить по соответствующему ритуалу. Поперек шеи наколота синяя полоса шириной в палец, а пониже огромные буквы РУБИТЬ ЗДЕСЬ – это уже были солдатские хохмочки. Усатый, не шевельнув и пальцем, уставился на Сварога так, словно пытался сообразить, не чудится ли ему после долгой гульбы.

Сварог придвинул ногой табурет, сел и не спеша осмотрелся. Рядом с кроватью на полу стояли все необходимые медикаменты – высоченный кувшин с черным харпедельским пивом, стеклянная банка, где в прозрачном рассоле плавали среди смородиновых листьев и стеблей укропа тугие аппетитные огурчики, и блюдо с копченой поросятиной, потому что нужно же когда-то и поесть. В одном углу рядами и шеренгами, сомкнутым строем македонской фаланги теснились разномастные и разноцветные бутылки, немногим уступавшие фаланге в численности. В другом аккуратно стояла выдавшая виды кираса с лежавшим на ней рокантоном, а рядом аккуратно сложено все прочее: меч в потрепанных ножнах, боевой топор, две седельные кобуры с пистолетами, связка метательных звездочек, нанизанных на бечевку, как бублики, какие-то угловатые мешочки, кожаные свертки.

– Здорово, – сказал Сварог.

– Хур Симаргл[44], – проворчал лежавший. – Вы мне, часом, не мерещитесь?

– Нет.

– Докажите.

– Как? – спросил Сварог.

– Если вы настоящий, то должны знать что-то такое, чего я не знаю, – со знанием дела объяснил латро.

Сварог подумал, взял из угла виолон, покрытый растрескавшимся лаком, повозился со струнами и забренчал:

*Вам жить, а мне – не очень,
тот близок поворот.
О, как он строг и точен,
незримого расчет.
Зверей стреляют разно,
есть каждому черед.
Весьма разнообразный,
но волка – круглый год.
Волк любит жить на воле,
но с волком скор расчет –
на льду, в лесу и в поле
бьют волка круглый год...*

Незаметно он и сам увлекся, прогоняя дурное настроение:

*Не плачь, о друг единый,
коль летом иль зимой*

*опять с тропы волчиной
услышишь голос мой...*

– В жизни не слышал, – проворчал лежащий. – Душевная песенка. Вы, значит, и есть тот самый граф?

– Он, – сказал Сварог. – Откуда родом?

– Отсюда, из Гонеро. Из Гальмагеры. Это у харланской границы. Был гуртовщиком. Серебряная гильдия. А у хозяина была дочка. Он нас как-то застукал и полез в зубы...

– А ты – его?

– А я – его. Тогда он меня жердью. А я схватил топор, и как-то так пришлось по голове, с первого раза... Мясники – люди серьезные и мстить умеют, не бегая по королевским судам. У него одних братьев четверо да двое зятьев. Схватил документы, прыгнул на хозяйского коня – и помчал по жизни. Подался через границу, а в Харлане как раз стояли три роты Топоров...

– Потом?

– Харлан, Острова, Вольные Маноры, полдесятка войн, Сильвана. Три медали – харланская «Скращенные топоры», гланское Железное Кольцо и снольдерская «Дубовый лист». Есть орден от царя Гипербореи.

– Неплохо, – сказал Сварог. – Тетка Чари тебе рассказала про принцессу?

– Ага. Будем искать?

– Будем, – сказал Сварог. Выудил острием кинжала приглянувшийся огурчик, стянул зубами с лезвия и с хрустом сжевал. – Найдем принцессу и поедем с ней в три королевства. Сущие пустяки, верно?

– Сущие пустяки, – согласился капрал. – Плата?

– Сам назначишь. В пределах разумного.

– Нечистая сила и черная магия попадутся?

– В немереном количестве.

– Тогда – пятнадцать желтяков в день. Я таких денег стою. Дворянство дадите, помимо золота?

– Чтобы потом приехать в золотом поясе в родные места и с форсом проехать мимо кое-каких домишек?

– Именно.

– Дам, – сказал Сварог.

– По рукам. К завтрашнему дню буду готов к употреблению. Нужно только купить одежду.

– Держи, – Сварог положил рядом со жбаном кошелек, прикоснулся к шляпе указательным пальцем и вышел. Капрал ему понравился. Как раз такой и нужен – пехота-профи. Все это прекрасно и могуче – боевые слоны, гуляй-города, танки, баллисты и браганты, но главную ношу всегда выволакивала на себе пехота, точку ставила пехота, и так будет вечно...

Чуть подумав, он прошел на другой конец коридора и толкнул дверь пятого номера. Заперто изнутри. Постучал кулаком.

Лязгнула щеколда. Дверь чуточку приоткрылась, выглянул крепкий парень, купеческий приказчик на вид. Не тратя времени на приветствия и объяснения, Сварог подшиб его приемом, двинул коленом ниже пояса и кулаком отправил к окну через всю комнату. Вошел, локтем притворив за собой дверь. Вынул пистолет и остался стоять у двери.

Из смежной комнаты неторопливо вышел пожилой смуглолицый мужчи-

на в расстегнутом бархатном хомерике, медленно показал Сварогу пустые руки и сквозь зубы бросил стонавшему у окна незадачливому крепышу:

– Молчать.

Тот моментально затих. Повинуясь указательному пальцу пожилого, с трудом поднялся и, согнувшись, потащился в соседнюю комнату.

– Прошу вас, граф Гэйр, – сказал пожилой. – Садитесь. Я очень хотел вас увидеть, но не ожидал, что вы явитесь столь быстро и энергично...

– Я сегодня не в настроении с утра, – проворчал Сварог. – Так что не взыщите, – и сел спиной к окну.

– Надеюсь, ваше дурное настроение не повлияет на вашу способность трезво, взвешенно принимать серьезные решения?

– А у меня есть такая способность?

– Безусловно.

– С кем имею честь?

– Я – граф Раган. Заведую Седьмым коллегиямом министерства иностранных дел Снольдера. Заграничная разведка короля. И приехал сюда, чтобы просить вас о небольшом одолжении.

– Вовсе даже маленьком, – кивнул Сварог. – Три королевства, освобожденные от непрошенных жильцов, должны отойти к Снольдеру?

– Я восхищен вашей проникательностью.

– Это было нетрудно... – сказал Сварог. – Интересно, как вы меня отыскали?

– Во время ваших подвигов в Харлане вы невольно обратили на себя внимание. Кстати, я уполномочен передать вам личную благодарность его величества за устранение нешуточной угрозы, нависшей над рубежами Снольдера. Король заранее согласен на то, чтобы награду вы выбрали себе сами – орден, земли, титул герцога, а то и принца фамилии, управление одним из освобожденных от Глаз Сатаны королевств или всеми тремя сразу со званием и привилегиями вице-короля...

– Как вы меня отыскали? – повторил Сварог.

– Милорд, я не знаю, как вышло, что прежний граф Гэйр исчез, а вместо него появились вы. И не намерен ломать над этим голову – я не теоретик, я практик. И по роду своих занятий обязан интересоваться серьезными людьми, активно вмешивающимися в серьезные дела. Операция по уничтожению харланских навьев была крайне серьезным делом. Вас запомнили. Тогда еще, правда, не знали толком, кто вы такой... Но потом капитан Зо написал доклад. Вы не раз появлялись в свите императрицы – я регулярно смотрю телевизор, уделяя особое внимание придворной хронике... Внезапно вас обнаружили на нашем пассажирском судне, идущем в Ронеро. Я поручил своим людям в здешней полиции казначейства внести вас в розыскные листы. Хотелось взглянуть, как вы отреагируете, узнав об этом. И посмотреть, узнаете ли вы об этом... Вы очень быстро узнали. Моментально сменили личину, не задерживаясь и не сворачивая с дороги. Речь могла идти только о тайной разведывательной миссии. Оказавшись в Равене, вы немедленно принялись разыскивать принцессу Делию. Милорд, мы, как и многие, очень серьезно относимся к Кодексу Таверо...

– Прекрасно, – сказал Сварог. – А если бы нас сцапали на таможне?

– Через час вас отпустили бы, согласившись, что произошло недоразумение, – только и всего...

– А почему – именно вы?

– Простите?

– Почему именно вы должны завладеть тремя королевствами?

– Потому что мы – самая развитая и цивилизованная страна планеты. Не подумайте, что я панибратствую, но если кто-то и более близок к ларам, так это мы, согласитесь. У нас есть авиация, двигатели внутреннего сгорания, мы осваиваем электричество, пусть в ничтожных масштабах.

– Но сословное деление – в точности такое, как у прочих.

– Естественно, – сказал Раган. – Но наши крестьяне давно стали арендаторами. Меж тем в Харлане и Вольных Манорах еще действует крепостное право, а здесь, в Ронеро, на аренде сидит не более половины крестьян, и дворянский их владелец до сих пор может пороть по своему хотению... Мы – самая передовая страна.

– Понятно, – сказал Сварог. – Заняв три королевства с их рудниками и стратегическими портами, вы несказанно увеличите свое влияние на континенте. Возможно, в перспективе – единое государство, всеобщий мир и прочее...

– Вы удивительно быстро все схватываете.

«Всеобщий мир – вещь неплохая, – подумал Сварог. – Вот только крови во имя всеобщего мира проливается гораздо больше, чем во имя войны. И при всеобщем мире под отеческой опекой Снольдера не приписанные к сословию гениальные скульпторы будут по-прежнему первыми сдергивать шляпу при встрече с третьим помощником младшего королевского повара. А те, из кого получились бы талантливые физики, инженеры, писатели и врачи, так и не научатся читать и до смерти будут крутить хвосты коровам, если их угораздит родиться в крестьянском домишке... Конечно, и под ронерским скипетром будет именно так. Все равно нельзя считаться самыми цивилизованными и передовыми оттого только, что у вас есть электронная машинка для облупливания крутых яиц и колбаса двухсот сортов, а у соседей ничего этого нет...»

– А вам не кажется, что это будет нечестно по отношению к Делии, без которой ничего и не добиться?

– Великие небеса, при чем тут честность, когда речь идет о высокой политике и серьезной стратегии? Что до прелестной Делии... Если она будет вести себя разумно, ее оставят в живых. Ей можно объяснить, что конкретный и осязаемый ронерский трон предпочтительнее далеких земель. Как-никак мы, отыскав ее, спасем ей жизнь, что само по себе немало.

– Не пойдет, – сказал Сварог.

– Это следствие вашего скверного настроения или осознанное, взвешенное решение?

– Осознанное и взвешенное, – сказал Сварог. – Послушайте, вам не страшно впутываться в дела ларов?

– Страшно, – признался Раган. – Но кое-какие обстоятельства придают мне смелости. Иные детали вашей миссии позволяют судить, что сейчас за вашей спиной – не официальная мощь Империи, а воля отдельных сановников. Что там, наверху, у вас есть свои сложности и запутанные политические интриги. Что вы представляете вовсе не императрицу и не институты власти... Ну а там, где ссорятся и интригуют большие люди, и малым мира сего предоставляется шанс ухватить свой кусок... Простите за некоторый цинизм и бесцеремонность, но вы сейчас встали на одну доску с нами...

– Не спорю, – сказал Сварог. – И все же давайте пожмем друг другу руки и разойдемся по-хорошему.

– Никак невозможно. Я не авантюрист-одиночка. Вы служите пославшим вас, а я служу своей стране. Слишком многое поставлено на карту, и потому возможны любые неожиданности...

Сварог ухмыльнулся:

– Что ж, если так чешутся руки, попробуйте меня убить...

– Никто не говорит о таких крайностях. Вас защищает ваше положение, вы ведь тоже не авантюрист-одиночка. Но другие, лишённые ваших привилегий и преимуществ...

Сварог наклонился к нему:

– Слушайте, вы! Я офицер императорской гвардии. Я друг императрицы. И если вы пальцем тронете кого-то из моих друзей, пошлю свои корабли и оставлю от вашей столицы кучу пепла. Возможно, у меня и будут из-за этого серьезные неприятности. А может, и нет...

Он оценил графа по достоинству. Тому было страшно, очень страшно, но отступить Раган не собирался.

– Вы не поняли, милорд. Повторяю, речь не идет о крайних мерах. Но мы можем мешать – бескровно, зато нешуточно... Что, если достаточно серьезные инстанции обратятся к наместнику императрицы с покорнейшей просьбой повлиять на графа Гэйра, устраивающего авантюры, коих благородным ларам никак не следует устраивать? Не исключено, что наместник и не подозревает о вашем присутствии здесь...

Сварог сжал зубы. Угроза и впрямь нешуточная. Наместник, конечно же, сообщит обо всем министру двора, и весть о пребывании здесь Сварога долетит до тех, кто способен все погубить. То самое, чего боялся Гаудин... И все же время есть – Раган не станет поднимать шума раньше времени. К наместнику он побежит не раньше, чем сам найдет Делию – или узнает, что ее нашел Сварог. Есть время, есть...

– Вы меня лучше не злите, – сказал Сварог. – Уж если разговор у нас пошел циничный и бесцеремонный – что мне мешает прикончить вас здесь же?

– Здравый смысл. Вы не станете навлекать лишние хлопоты на хозяйку этого уютного заведения. Надеюсь, у вас не возникло детской мысли сообщить мой здешний адрес местной полиции? Видите ли, есть неписанные правила чести для благородных людей из серьезных контор... Разведчиков моего ранга не арестовывают, это было бы слишком вульгарно. Равным образом и начальник какой-нибудь из ронерских разведок чувствовал бы себя у нас в полной безопасности. Этикет... Граф, я не расцениваю ваш отказ как сигнал к немедленному открытию военных действий. Но вы, конечно, понимаете, что мы стараемся предотвратить любые... неожиданности. В конце концов, если придется выбирать меж возможной потерей для нас трех королевств и жизнью одной-единственной особы, мы предпочтем скорее, чтобы эти земли остались в прежнем состоянии, так никому и не доставшись. А там видно будет...

До этих его слов еще оставалась зыбкая надежда на компромисс. Теперь она растаяла. Слова графа означали примерно следующее:

«Пусть весь мир летит к чертям, лишь бы мы остались при своем корыте». А такая философия всю сознательную жизнь выводила Сварога из себя – но раньше у него не хватало возможностей мешать тем, кто по этой философии

живет...

– Ладно, – сказал Сварог. – Надеюсь, неясностей меж нами не осталось.

– Надеюсь, – любезно поклонился граф.

«Врагов прибавляется, – думал Сварог, спускаясь по лестнице. – Главная сложность, кажется, не в том, чтобы отыскать Делию, а в том, чтобы, найдя ее, сохранить это в тайне от своры конкурентов...»

Проходя через трактир, он присмотрелся – ага, так и есть! В высоком зеркале отражались двое дворян, они старательно, споря и мешая друг другу, гоняли пальцами квадратики в коробочке...

В особняке графини произошли некоторые перемены. По саду прохаживались несколько незнакомых Сварогу дворян в запыленной дорожной одежде. В отдалении, возле конюшен, слуги прогуливали коней, прежде чем напоить. Все новоприбывшие увешаны оружием.

– Ничего, что я проявила инициативу? – спросила Маргилена, когда он вошел. – Вызвала из графства десятка два отборных прохвостов, еще до твоего приезда. Только что добрались.

– Все правильно, – сказал Сварог. – Мало ли какие гости могут нагрянуть. Покажи-ка мне эту штуку, никогда прежде не видел.

Графиня положила ему на ладонь круглый камешек в замысловатой оправе: знаменитый таш.

На острове Дике добывали камни с весьма необычными свойствами, в том числе и эти, черные с золотисто-зелеными прожилками, сидевшие в породе гнездами, как горный хрусталь. Как объяснили Сварогу в Магистериуме, минерал этот приобрел свои загадочные свойства предположительно под тысячелетним воздействием проникавшего в земную твердь потока апейрона. Если разрезать камешек пополам, отшлифовать половинки в виде полусфер, заключить их в оправу, сплетенную из полосок латуни, меди, стали и золота, а потом коснуться свинцовой иглой – два человека с помощью этого устройства смогут переговариваться, даже находясь на противоположных концах планеты. Можно разделить камень и на десять частей – смотря сколько абонентов вы намерены иметь. Львиная доля добытого камня уходила, понятно, на нужды военных и полиции, но кое-что доставалось и почтарям с дворянами. В чем тут секрет, Магистериум так и не доискался, но в утешение себе вспоминал, что точно так же обстоит и с электричеством, и с антигравитацией, которыми широко пользуются в быту, так и не проникнув в их суть...

Попадались минералы и с более удивительными свойствами – но в том-то и пикантность, что эти свойства обнаруживались чисто случайно, методом тыка. И, вполне возможно, иные камни, пока употреблявшиеся одними ювелирами, скрывали и более поразительные качества...

Сварог вернул графине таш. Она, улыбаясь во весь рот, показала в сторону:

– Вот, полюбуйте. Одна из первых жертв чумы.

В уголке сидел граф Дино и, отрешившись от всего сущего, гонял квадратики указательным пальцем.

– А вот и я, – раздался знакомый голос, весьма веселый.

В дверях стояла Мара. Сварог хмуро уставился на нее, отметил распухшие губы, наливавшиеся на шее синяки и перстень на пальце – огромный желтый алмаз, окруженный сапфирами. Открыл было рот, но перехватил иронический взгляд графини и заткнулся, не произнеся ни слова. Молча подошел,

сдернул чересчур широкий для ее пальца перстень и с размаху запустил в распахнутое окно.

– Но это же военный трофей, – грустно сказала Мара. – Я вполне заслужила.

Вопрос, конечно, философский: неосознанное бесстыдство не есть ли невинность? Но Сварога не тянуло к философии. Он смотрел на искусанные губы, невинное личико, и сердце щемило в приливе двух противоположных чувств: то ли обнять ее, то ли врезать как следует.

– Обошлось? – спросил он сухо.

– Как нельзя лучше для меня и как нельзя хуже для него, – Мара потерла шею ладонями. – Синяки останутся. Фантазия у него самая гнусная...

– Избавь меня от подробностей.

– Это же для пользы дела, – она всерьез недоумевала. – Нет, ты в самом деле сердисься? Но это же для пользы дела, мне хорошо только с тобой...

Графиня за его спиной откровенно фыркнула.

– Ступай в ванную, отмойся, – сказал Сварог.

– Как по-твоему, что это такое? – Мара расстегнула поясok и подхватила на лету выпавшую из-под платья книгу в темно-красном переплете, усыпанном странными белыми знаками. – У него это была единственная на незнакомом мне языке... Не есть ли это то самое, что мы искали?

– Господи боже мой, – сказал Сварог оторопело. – Он же обязательно заметит...

– Он уже ничего не заметит, – Мара выдернула из-под воротника приколотую там обыкновенную швейную иголку и, держа двумя пальцами, показала ему. – Когда я ее воткнула, он не заметил... Нас хорошо учили. Ну, я пошла в ванную.

И преспокойно удалилась. Сварог наугад раскрыл книги. Красные страницы из непонятого материала, не похожего ни на бумагу, ни на пергамент, ни на ткань. Густые строчки белых непонятных знаков. Вполне возможно, он держал книгу вверх ногами. А может, читать ее следовало, держа горизонтально, и строчки должны были идти параллельно переплету... Он почти пробежал по коридорам, остановился перед зеленой с золотом дверью, за которой шумела вода, громко спросил:

– Значит, ты его прикончила?

– Входи.

Он чертыхнулся, вошел. Мара блаженно вытянулась в огромной мраморной ванне, укутанная снежно-белой пеной. Улыбнулась подняла из пены тонкую сильную руку:

– Снимай все и полезай сюда.

– Рассказывай! – рявкнул Сварог.

– Это и называется ревность? Глупо...

– Кто тут командир?!

Она осеклась, личико стало замкнутым и строгим:

– Есть, командир. Когда я приехала, он почти сразу потащил в спальню...

– Без этих подробностей.

– Слушаюсь. Одним словом, вдоволь наигравшись, он разнежился и стал предлагать переселиться к нему. Я навела разговор на книги, потом на магию, и он похвастался, что у него есть настоящая магическая книга Изначальных с острова Диорн. Мы пошли в библиотеку, и он показал эту самую книгу. Игол-

ку я прихватила с собой, в волосах спрятала, и когда он опять взыграл, прижал меня к полкам, незаметно воткнула... Есть разные точки. Можно сделать так, чтобы человек умер через неделю, через месяц. Я сделала так, чтобы он умер сразу. Одедась, забрала книгу – перстень он сунул еще раньше – и ушла. Заклинания с библиотеки он снял, когда мы туда входили, а потом, понятно, вновь поставить их не успел... Никто меня не остановил. У него там обретается странный тип. Несомненный стагарец, причем колдун – мочки ушей обрваны, на щеке, вот здесь, маленькое синее клеймо...

– Знаток морского волшебства? Мы вообще-то на суше...

– Чем-то неприятным от него веет, – сказала Мара. – Морское волшебство, меня учили, не доброе и не злое. Но если очень постараться, получится крен в какую-то одну сторону, так что они разными бывают, стагарцы... Он видел, как я уходила. Вроде бы ничего не заподозрил, но все равно уставился, как заправский волк... Если он слабый колдун, никто не беспокоится. Решат, что сердчишко старика не выдержало достойных пылкой юности ветреных забав... А если и догадаются, все равно ничего не изменить. Не оставлять же им было книгу?

– Действительно...

– Ты меня даже не похвалил.

– Хвалю, – без всякого выражения сказал Сварог.

Судя по выражению ее лица, она осталась недовольна:

– И перстень отобрал...

– Лежи, отмокай, – сказал Сварог и вышел.

В гостиной сидел барон Гинкер, издали разглядывая лежащую на столе книгу. Увидев Сварога, закивал с ласковой укоризной, словно журил внука за съеденное без спросу варенье:

– Круто начинаете, милый. Хотя, если подумать, черт с ним, туда и дорога...

– Пошлите туда людей, – сказал Сварог. – Наверняка его уже обнаружили, начался переполох, сообщили квартальному, так что мы ничем не рискуем...

– Послал полчаса назад. И сам сейчас поеду туда. Давно хотелось покопаться в его бумагах...

– Я с вами, – сказал Сварог. – А как насчет...

– Вот, возьмите, – барон вытащил синий платочек из тончайшего шелка, вышитый золотом. – Между прочим, камеристка уверяет, что за последние дни уже несколько платков пропало...

Когда черная карета барона остановилась у высоких решетчатых ворот, там уже стояли две таких же, с медными полицейскими эмблемами на дверцах. Конный полицейский грозил плеткой столпившимся на почтительном расстоянии зевакам из низших гильдий. На крыльце особняка шептались с многозначительным видом несколько личностей в цивильном, одетые под горожан среднего достатка, с бляхами Серебряной и Бронзовой гильдий. Барон приоткрыл дверцу, поманил толстым пальцем. Один из цивильных подбежал, забрался в карету:

– Стагарца не нашли, ваша милость. Успел смыться. Объявлять в розыск?

Барон посмотрел на Сварога. Тот чуть заметно кивнул.

– Объявляйте, душа моя, – сказал барон. – В список номер один, по всей форме. И чтоб живым непременно. Вот его милость объявляет приличную награду.

Цивильный выскочил на улицу и стал что-то втолковывать конному полицейскому.

– Будем ловить, – сказал барон.

– Барон, а слухи вам распространять приходилось? – спросил Сварог.

– Тем живем, голубчик. Самые разнообразные. Зависит от обстоятельств.

– Не распустить ли слух, что убрали его снольдерцы?

– Не стоит, – сказал барон. – Королю такие слухи ужасно не понравятся. Сейчас главное – пустить следствие мимо вашей девочки, и без того есть риск, что сопоставят, опознают ваши цвета. В Равене, помимо моей полиции, работают еще Багряная Палата, Королевский Кабинет, сыскной отдел городской стражи, полиции Торговой палаты и министра финансов, четыре контрразведки – морская, армейская, генерала гвардии, Мост Печалей[45]. И все они смертью Сенгала непременно займутся... У нас, душа моя, и без того все за всеми следили, ну а теперь – особенно.

– Вам виднее, – сказал Сварог. – Скажите, а где для меня смогут прочитать эту абракадабру?

Он достал прихваченную с собой книгу, наугад перелистал красные страницы. Барон немного отодвинулся:

– В полиции у меня таких умников нет, хвала Единому... Нужны книжные черви, причем не состоящие на определенной службе. Королевская библиотека, Морской архив, Ремиденум...

«Все дороги ведут к Леверлину», – подумал Сварог. Повторил задумчиво:

– Все следят за всеми? А за домом Маргилены? Я до сих пор не замечал, кроме одного случая...

– Разумеется, следят. Только весьма искусно.

– Что бы такое придумать, чтобы сбивать их с хвоста при нужде? Пока меня не особенно беспокоили, но скоро, чую, станут наступать на пятки...

– Что же вы сразу не сказали, голубчик? Найдем парочку подходящих мест, из тех, что сами используем. Кстати, уж простите, но поступили вы необдуманно, приказав в первый же день прикончить того шпика.

– Я не приказывал...

– Увы, вассалы нашей очаровательной Маргилены недостаток ума возмещают двойным усердием... Хорошо еще, это был человек адмирала Амонда. Адмирал в опале, так что жалоб и скандала не будет...

– Что он собой представляет, этот ваш адмирал?

– Ужасный человек – прямой и бесхитростный. Отсюда следует – невозможно предсказать, что он выкинет, совершенно непонятно, зачем он вообще ввязался в эту игру... – Он прислушался. – Ну вот, дождь начинается.

Действительно, по крыше кареты застучали крупные капли, а вскоре хлынул ливень, мутные косые струи заволокли улицы, по брусчатке текли потоки, унося мусор. Зеваки наконец-то кинулись врассыпную. Враз промокший до нитки полицейский в цивильном с тоской взирал на карету.

Барон чуть опустил стекло, махнул рукой. Тихарь обрадованно припустил к особняку, разбрызгивая лужи.

– Отвезти вас домой?

– Если вас не затруднит, подбросьте к Королевской улице. Нужно побыстрее отвезти платок...

– С удовольствием. Самому хочется побыстрее все закончить. Только, изви-

ните, не к самому дому – чтобы не сболтнуть потом, представления не имею, куда вы ездите, и все тут...

– Откуда такой пессимизм, барон?

– Сердце что-то не по-хорошему давит последние недели, – признался Гинкер. – Все уговариваю себя, что покойная бабушка тут ни при чем, что это не предчувствие, а самовнушение, да щемит по-прежнему...

...Дождь лил до самого вечера. Стало темнеть, пришла ночь, а ливень все хлестал по крышам и кронам деревьев, по мостовой и дорожкам. Сварог долго стоял у высокого окна и смотрел, как на фоне Юпитера, размытым алым пятном мерцавшего сквозь облака, покачиваются черные верхушки каштанов в парке. Неподалеку, в беседке, горела яркая лампа, оттуда доносились лихие песни – прихлебатели отыскивали выброшенный Сварогом перстень, и, узнав, что могут оставить его себе, моментально нашли дорогой безделушке применение, обменяв на соседний кабачок с винным погребом (хозяин коего не прогадал, а вот потерявшая братия совершенно не подумала, что погреб непременно опустеет, и очень быстро).

В воротах маячили две закутанные в плащи фигуры – приехавшие сегодня дворяне встали на стражу.

Ливень этот весьма Сварогу не нравился. Потому что ничуть не походил, как он выведет, на традиционные зимние дожди – долгие, но мелкие, моросливые. Поневоле наворачивались нехорошие догадки. В такую погоду от полицейских не дождешься рьяной работы, как ни погоняй, попрячутся по трактирам и кофейням – а стагарцы, сказала Мара, обожают смываться от погони с помощью подобных фокусов...

Не зажигая лампы, Сварог побросал одежду на кресло и залез под одеяло, натянув его до горла. Заноза в сердце ныла по-прежнему, тупо и назойливо. Никто больше, кроме него, не комплексовал и не печалился, он тоже старательно пытался махнуть на все рукой и забыть, но что-то плохо получалось. А две его боевых подруги, чтоб им провалиться, смешливо переглядывались за ужином и о чем-то шушукались весь вечер. Подыскать бы вместо них еще парочку капралов... Он уже видел в наплывавшей полудреме двух немногословных, выдавших виды мужиков, одного в кирасе, другого в кольчуге...

Вздрыгнул и открыл глаза. За приоткрытым окном шумела, плескала, хлюпала вода, а в полумраке к нему подступали две смутно белевших фигуры. Сварог дернулся было, но фигуры с визгом и хохотом с размаху бросились на постель, одеяло улетело куда-то, и тут же выяснилось, что ночные гости вполне материальны. Он и без того давно убедился, сколь решительны и напористы эти особы в достижении поставленной цели – но это уж было чересчур...

– Как это все понимать? – Он изо всех сил старался держаться сурово и серьезно, но трудно оставаться суровым, когда тебя бесцеремонно щекочат, вольничая невероятно рискованно и беззастенчиво.

– Как обдуманное нападение, – промурлыкала ему на ухо графиня. – В нашем маленьком войске наметилась глупая напряженность, и я спешу погасить ее в зародыше – так решил военный совет из двух крайне расположенных к вам и совершенно не ревнивых красавиц. Другого способа вернуть вам утраченное душевное равновесие мы просто не видим. Разумеется, вы вправе орать на весь особняк, что вас насилуют...

И за него принялись обстоятельно, нежно, целеустремленно. Действительно, глупо было бы созывать воплями лакеев, однако светское воспитание – вещь упрямая, и он какое-то время отстранялся, чувствуя себя конфузливой невестой во время энергично протекавшей брачной ночи, но вскоре мужское начало взяло верх. Когда нежные женские губы ласкают шею, а другие, щеко-ча кожу быстрыми поцелуями, решительно продвигаются вниз по незащищенному кольчугой животу, светским человеком остаться невозможно. Тем более – лихому барону из Пограничья.

Словом, настоящим мужиком себя чувствуешь, когда сумасшествие схлынет и к тебе прильнут две умиротворенные и довольные тобой женщины. Все сложности улетают за окно, в мокрый сумрак.

– По-моему, душевное спокойствие в армии восстановлено, – сказала графиня. – Как ты думаешь, Мара?

– Мне тоже так кажется.

Сварог и сам так считал, но помалкивал из скромности. К тому же ему стало казаться, что в стороне двери что-то начинает светиться...

Графиня отчаянно завизжала. Спрыгнула с высокой кровати и притаилась за ней, стоя на коленях. Мара тоже востропнулась сначала, но быстро овладела собой, вскочила и выставила вперед кинжал.

Сварог сунул руку под подушку, на ощупь отыскал пистолет.

От двери к ним медленно скользил призрак герцога Сенгала с зеленовато-бледным лицом, в распахнутой на груди белой рубашке, покрытой пятнами крови.

Слышно было, как серебряная пуля с сухим треском ударила в дверь. Призрак плыл к постели.

– Это не обычное привидение, – сказала Мара.

Сварог уже и сам это видел... Графиня тихонько застонала.

– Верни книгу, – сказал призрак замогильным, конечно же, голосом.

– Успокойся, – сказал Маргилене Сварог. – Это одна видимость, иллюзия, никакой магии...

– Отнеси книгу ко мне домой, – сказал призрак.

Сварог выбрался из постели и поднял графиню с колен, уже не обращая внимания на диковинного гостя:

– Успокойся. Это вроде телевизора, только без всякого телевизора, понятно?

Из сада донеслись крики и бряцанье оружия. Прошлепав босыми ногами по полу, Сварог распахнул створку и крикнул:

– Что там такое?

Сквозь пелену дождя к окну подбежала темная фигура с обнаженным мечом:

– В саду полно призраков, барон!

– Марш в дом, и черт с ними! – рявкнул Сварог. – Ничего страшного, просто пугают! – Погладил графиню по плечу. – Одевайся, нужно же что-нибудь придумать...

– Ой!

– Маргилена, ничего страшного...

– Да нет, я ногу уколола. Что ты здесь разбросал?

Пройдя прямо сквозь призрак, Сварог натянул штаны, взял со стола лампу и снял с нее стеклянную крышку. Моментально стало светло. Призрак

немного поблек, но не исчез, расхаживал по комнате и страдал всяческими карами, если ему немедленно не принесут домой украденную книгу. Очень быстро Сварог обнаружил и поднял с пола шарик размером с лесной орех – похоже, стеклянный, мутно-зеленый, с тупыми толстыми выростами.

– Это тебе знакомо? – спросил он графиню.

– Первый раз вижу.

Сварог в сопровождении неотвязного призрака прошел к столу, примостил шарик меж выпуклых узоров резьбы и обрушил на него рукоять кинжала. Шарик мерзко хрустнул, но уцелел. Расколосся лишь после страшного удара обухом Доран-ан-Тега. И моментально исчез призрак.

– Что за пакость? – поежилась графиня.

– Подарок от неизвестного изобретателя, – сказал Сварог. – Дружеское напоминание о том, что книги красть нехорошо.

Выглянул в сад. Меж деревьев плавали светящиеся силуэты, призывая на голову убийцы проклятье всех богов и требуя вернуть книгу. Кто-то пробрался в сад и, без сомнения, раскидал там эти шарики, а один ухитрился запулить в окно спальни, благо было приотворено. Это не магия, а создание пытливого человеческого ума – значит, нужно быть осторожным вдвойне.

– Орлы! – крикнул Сварог за окно. – Перстень пропили? Извольте-ка отработать! Зажечь факелы и искать маленькие стеклянные шарики. Найдя, разбивать. Шевелись!

Милое предупреждение, но за ним может последовать что-нибудь посерьезнее. Бабка-гусятница была кругом права... Он сердито захлопнул окно. В саду вспыхивали факелы – графинины дворяне уже поняли, кто нынче здесь командует. Маргилена, завернувшись в атласное одеяло, сидела на постели, рассматривая ступню, ухитрившись и в этой позе остаться грациозной. Мара же, не озаботясь одеванием, сердито расхаживала взад-вперед, похлопывая по ладони лезвием кинжала.

– Знать бы, кого следует убить... – бросила она.

– У меня такое впечатление, что никто никого не убьет, пока не будет найдена принцесса, – сказал Сварог. – Но, как пишут в романах, интрига завязывается... Маргилена, переводит дом на режим осажденной крепости. Охрану днем и ночью, собак привязать...

Ему казалось, что он стоит голым посреди людной площади: все его видят, стерегут и высмеивают каждое движение, а он, стыдливо прикрывшись обеими руками, лишен даже удовольствия треснуть по ближайшей ухмыляющейся морде. Условия для работы самые антисанитарные. Если так пойдет дальше, наводнившие город шпики станут вежливо раскланиваться с ним на улицах и подносить зажженные спички. А ничего еще не сделано, если честно...

Глава 10

Цитадель ученых познаний

Никто посторонний с ним утром не раскланивался, понятное дело. Но едва Коляска, в которой сидел он с Марой, выехала из ворот, следом поехала другая. Очень скоро сзади, на почтительном расстоянии, обнаружили три всадника – каждый держался сам по себе, словно бы не замечая ни Сварога, ни конкурентов. Процессия получилась самая сюрреалистическая.

– Отравить бы их как-нибудь, – мечтательно сказал Сварог. – Только ведь не получится. Ну-ну! – перехватил он выразительный взгляд Мары. – Если мы

их перережем, появятся и другие, всего и результатов... Ну-ка, кошка, сосредоточились...

И они выпрыгнули из неспешно тащившейся коляски – но для непосвященного наблюдателя все выглядело так, словно они остались там сидеть. Именно так посчитали шпик в экипаже и двое всадников, проследовав мимо стоявших у края тротуара Сварога с Марой и не видя их.

А вот третий всадник задержался. Бросив поводья на шею коню, он возился с застежкой перчатки – и Сварог не сомневался, что этот шпик их видит. Либо владеет должной магией и столь примитивными штучками ему глаз не отведешь, либо призвал себе на помощь некие достижения науки – похоже, не только на небесах магия и наука определенным образом связаны... Судя по густым и темным, подстриженным в кружок волосам и вислым, нафабренным, с острыми кончиками усам, всадник был чистокровным горротцем.

– Пойдем, – сказал Сварог и взял Мару за руку. – Чуть погодя и его страхнем с хвоста. А пока представь, что мы мирно гуляем по городу, и я за тобой ухаживаю, как за самой обыкновенной девушкой.

– А как ухаживают за обыкновенными девушками?

Сварог вдруг вспомнил, что начисто почти забыл, как это делается. Очень уж давно не доводилось ухаживать романтично.

– С ними гуляют по городу, покупают цветы... Целуют в подъездах...

– Но ведь целоваться гораздо удобнее в постели.

– Действительно, – сказал Сварог. – Да вот заведено так... – Романтический настрой улетучился, и он махнул рукой. – Лучше отделайся-ка от хвоста, только незаметно, и чтобы остался жив. Ты хвасталась, будто что-то такое можешь...

– Запросто, – сказала Мара, достала из кармана горсть монет, выбрала два медных тяжелых грошика. Один тут же сунула в рот, повернулась и пошла навстречу всаднику.

Сварог смотрел во все глаза, но не уловил момента. Всадник вдруг схватился за глаз обеими руками, а мигом позже его конь, получивший в глаз вторым медяком, мотнул головой, дико заржал, вздыбился, исполнил пару пируэтов и опрометью понесся вдоль улицы. Шпик едва держался в седле, уцепившись одной рукой за гриву, а другой все еще зажимая глаз. Со стороны все выглядело невинно и буднично – норовистая лошадь вдруг испугалась чего-то и понесла. Прохожие привычно шарахались к стенам, а уличные мальчишки с дикими воплями понеслись следом, выкрикивая обидную дразнилку.

Они быстрым шагом завернули за угол и оказались на рыночной площади. Сварог остановился.

– Почему встали? – недоуменно воззрилась Мара.

– Из хитрости, – сказал Сварог. – Любой нормальный человек на нашем месте сейчас неся бы во все лопатки, путая след. Так наш преследователь и решит. А мы люди ненормальные и потому останемся на месте, пока он носится по соседним улицам. Клянусь своим баронством, непременно собьется со следа и забредет черт-те куда...

Однажды, в курсантские годы, именно эта тактика и спасла его от патруля, свято верившего, что беглец никак не должен стоять на месте. А Сварог, свернув бегом за угол, тихонько укрылся меж гаражами – и патруль, азартно грохоча сапогами, промчался мимо в неизвестные дали.

Они стали бродить меж прилавков, не привлекая ничьего внимания: скука – исконно дворянская привилегия, и, маясь от таковой, дворянин может забрести куда угодно. Никто и не удивится, лишь бы благородный лаур и вправду выглядел ходячим воплощением ипохондрии. И Сварог старался, отрешенно вороша кончиком пальца кукурузные початки, обозревая с брезгливой миной кочаны капусты и связки лука, словно диковинных зверей. Торговцы облегченно вздыхали, когда он проходил, – благородные дворяне еще и обожали чудить, славясь в сей области неистоимой фантазией.

Господские кухарки старательно наполняли снедью свои вместительные корзины, не особенно трясясь над хозяйскими денежками. Народ победнее увлеченно торговался. Шныряли подозрительные субъекты с беспокойными глазами, и кто-то уже вопил, хватаясь за карман, откуда только что испарился кошелек, и в ту сторону недовольно трусил рысцой городской стражник в лиловом мундире с городским гербом на груди, придерживая у бедра неточенный отроду меч. Меж рядами расхаживали фигляры, скучными голосами распевая скверно зарифмованные песни, расхваливавшие достоинства окрестных лавок и тамошних товаров – старинный рекламный трюк, ничуть не увядший и с появлением газет (а сочинением этих сомнительных шедевров подрабатывали студенты Ремиденума).

Внезапно резкие аккорды виолона перекрыли этот ленивый, устоявшийся гомон. Сварог оглянулся в ту сторону. На пузатой бочке с неразборчивыми синими клеймами стоял юноша в поношенном коричневом костюме с золотым дворянским поясом и бадагаре без пера. Он бил по струнам, и кое-кто из окружающих бочку пятился, словно от знакомой неприятности, кое-кто проворно скрылся за лотками, а один, юркий, неприметный, бегом припустил за угол.

*День назывался четвергом,
рассвет был алым.
Змея вползала в тихий дом,
змея вползала...
Рассвет будил грядущих вдов
тревожной нотой.
Змея ползла среди холмов,
змея пехоты...
Коварный лев тянулся вновь
к чужой короне,
и, чуя будущую кровь,
храпели кони...*

Юный дворянин пел с бледным, отчаянным лицом, и площадь затихала, только на прилежавших улицах слышался стук колес. Определенно здесь случилось нечто из ряда вон выходящее, плохо вязавшееся с мирными торговыми буднями, достаточно взглянуть на лица стоящих поблизости – испуганные, напряженные, злые. И отнюдь не удивленные.

*Свистела первая стрела
холодной былью.
На стебли лилий тень легла,
на стебли лилий.
Друг другу мстя за прошлый гнев,
за все разбои,
готовы лилия и лев,*

готовы к бою...

И вдруг пожилой пузатенький оружейник подхватил – столь же вызывающе, зло:

*Войну зовем своей судьбой,
но – вот наука! –
закончить внукам этот бой,
закончить внукам...*

И еще несколько голосов вплелись:

*Король, куда же вы ушли?
Бароны, где вы?
Ведь тот костер, что вы зажгли,
погасит дева...*

Неподалеку от Сварога появился давешний брюхатый стражник – и с ним еще один, пощуплее. У этого из поместительного кармана торчал аппетитно пахнущий коричневый хвост копченой рыбины. Сварог слышал, как тощий тихо спросил:

– Может, посвистеть, кум?

– Убери ты свисток, медальку все равно не заработаешь, – пропыхтел толстый. – Тут политика. И золотой пояс. Пусть коронные мозоли набивают. И пошли-ка отсюда, кум, так оно для жизни спокойнее...

И оба, стараясь не спешить, стали удаляться. Чтобы не влипнуть неизвестно во что, да еще, как оказалось, политическое, Сварог подхватил Мару под локоть и показал взглядом на одну из улочек. По брусчатке лягнули подкованные копыта – подскакали трое в красно-черном, патрульная полиция протектора. Прежде чем скрыться в тихом переулочке, Сварог еще успел увидеть, как на пути у всадников загадочным образом возникла пивная бочка на высоких колесах, а юношу слушатели сдернули с бочки и, прикрывая спинами, бегом выпроваживали в сторону проходного двора. Они переглянулись, и Мара молча пожалала плечами. Молодой фонарщик, переждавший события за этим же углом, пояснил:

– Нездешние, ваша милость? Это, извольте знать, баллада графа Асверуса [46] «Лилия и лев», высочайше запрещенная к распеванию и печатному распространению. Поскольку сейчас у нас со Снольдером нежная дружба, Сорокалетней войны, надо полагать, и не было вовсе...

Коснулся шляпы, тряхнул кудрями и зашагал прочь, дерзко насвистывая на мотив только что прозвучавшей песни.

...Они еще немного попетляли по улицам, и Сварог, пропустив парочку свободных извозчиков, махнул третьему.

Ремиденум, цитадель знаний и учености, внушал уважение. Попасть туда можно было только через широкие ворота (пусть и лишившиеся к нынешнему времени створок). Над воротами красовался древний, выщербленный и оплывший от старости герб – три совы в дрогlore. Тут же развевался флаг: фиолетовый с золотой каймой и теми же тремя совами – белыми, опять-таки с золотой каймой. На низком бочонке сидел стражник в наряде времен Троецарствия[47], пьяный, судя по виду, еще с прошлого года. Завидев Сварога с Марой, он оживился, вытащил из-за бочонка подержанную алебарду и заорал:

– Стойте, благородные господа! Поклянитесь, что не состоите в родстве с

презренным Тиморусом!

– Клянусь, – сказал Сварог. Подумал и достал серебряный аурей, каковой стражник принял как ни в чем не бывало. – Любезный, а почему совы у вас на флаге таких колеров?

Стражник заученно отчеканил:

– Потому что ученые познания, ваша милость, приносят и процветание, символизируемое цветом золота, но частенько влекут и смерть, символизируемую белым, и забывать об этом не след.

За воротами начинался целый городок – кривые узенькие улочки, старинные здания со стрельчатыми крышами, причудливыми флюгерами, тяжелыми окованными ставнями и водосточными трубами, заканчивавшимися драконьими мордами из позеленевшей меди. Архаические фонари в виде перевернутых пирамид помнили, пожалуй, не то что Троецарствие, а еще и Сандоварскую[48] битву. Повсюду виднелись бюсты и статуи ученых мужей, державшие в руках разнообразные атрибуты их учености. Компаниями прогуливались студенты в коротких фиолетовых плащах и такого же цвета четырехугольных беретах, напоминавших пухлые подушечки. Кое-кто из них и в самом деле, как мимоходом удалось расслышать, вел чинные и глубокомысленные ученые беседы, но большинство решали головоломки, шествовали в кабак, перекликались из окна в окно и с хохотом пересказывали подробности вчерашних походов.

Сварог понял, что поиски наугад бесполезны. И отвел в сторонку первого попавшегося сшолара, с рассеянным видом подпиравшего уличный фонарь.

– Граф Леверлин! – воздел глаза к небу рыжий юнец. – Ваша милость, вы, конечно же, не похожи на сердитого кредитора из винной лавки или полицейского насчет вчерашней мочальной бороды, неведомо как выросшей у памятника королевы Боне, но не есть ли вы разгневанный отец благонравной девицы вкупе с оною?

– А в глаз тебе дать, фиолетовый? – деловито спросила Мара. – Меня, случилось, оскорбляли, но чтобы обзывать благонравной девицей...

– Мои извинения, юная дама... Кто-нибудь говорил вам, что вы прекрасны, как утренняя заря?

Сварог громко сказал «гм».

– Восторги неуместны, осознал и каюсь, – сказал рыжий. – Надеюсь, вы простите сии дерзкие слова несчастному маркизу, лишенному наследства, но не способности радоваться прекрасному. Не должны ли дворяне помогать друг другу, господа? Ибо неумеренность накануне, как подмечено мудрецами еще в незапамятные времена, уравнивается разумной умеренностью наутро – но грубый материалист, хозяин подвальчика «Перо и астролябия» требует осязаемых подтверждений данной философской сентенции.

Сварог подал ему золотой аурей.

– Боюсь, что неумеренность вновь одержит верх над рассудочностью, – признался повеселевший студент. – Сверните за угол, миновав три дома, зайдите в четвертый по левой стороне. Поднимитесь на третий этаж и отыщите комнату, где на двери приколочена бляха гильдии пожарных. Чтобы вас не приняли за кредитора или иного врага человечества, постучите вот так: тук-тук, тук. Мое почтение!

Он коснулся берета и с видом обладателя всех сокровищ короны величаво

спустился в подвальчик, над которым и в самом деле красовались огромные проржавевшие перо и астролябия – старинная вывеска из тех времен, когда содержатели трактиров прекрасно обходились без писаного текста. Поразмыслив, Сварог пошел следом и вскоре вышел с двумя пузатыми черными бутылками «Кабаньей крови».

На одной из дверей третьего этажа и в самом деле была приколочена бляха Бронзовой гильдии с изображением вишапа[49] и двух скрещенных пожарных топоров. Сварог постучал – тук-тук, тук. Дверь моментально распахнулась, высунулся Леверлин, в расстегнутой рубашке:

– Где тебя черти... Дружище, какими судьбами? О, простите, лауретта... – Дверь захлопнулась. Вскоре он появился в аккуратно застегнутом кафтане. – Прошу!

Внутри царил самый причудливый беспорядок – вороха книг, пустые бутылки, мечи, диковинки вроде яркой раковины или человеческого черепа, державшего в зубах за шпенек кокарду городской стражи. Несмотря на весь хаос, было чисто и подметено, чувствовалось, что случаются эпизодические вторжения домовитых особ женского пола.

– Я тут жду одного болвана, – непринужденно сказал Леверлин, словно они расстались только вчера. – Вышел в подвальчик и пропал, как король Шого. Но ты позаботился, я вижу? Ох... Помнишь литы восхитительные погреба Коргала? Кстати, как тебя зовут?

– Барон Готар, – сказал Сварог, располагаясь в кресле и с приятностью взирая на друга.

– Отлично, не нужно привыкать к новым именам. Из чего следует, что ты не особенно скрываешься?

– Как знать...

– Понятно. Стаканы вчера были в камине, они и сейчас там, благо не топло. Сударыня, хотите леденец? – Он протянул Маре фаянсовую вазочку. – Меня опекает хозяйка кондитерской, почтенная пожилая особа, никак не могу втолковать ей, что не ем леденцов...

– А что такого натворил некий Тиморус? – спросил Сварог.

– Был пятьсот лет назад такой министр. Возымел предерзостное желание лишить Ремиденум старинного права на колокол. Потом его казнили – не за эти поползновения, понятно, за вульгарное казнокрадство. Но в Ремиденум до сих пор запрещен доступ особам, состоящим с ним в родстве. Традиция...

Мара, похрустывая леденцами, медленно обошла комнату, оглядываясь. Вытащила из-под груды книг меч с посеребренной рукояткой и крестовиной в виде орлиных лап, взвесила в руке.

– Лауретта, вы не порежетесь? – забеспокоился Леверлин.

Мара молча взмахнула мечом, несколько раз крутанула, выпуская рукоять из пальцев, перехватывая в воздухе. Меч со свистом порхал вокруг запястья, словно легкий пруттик. Положила его назад, очаровательно улыбнулась Леверлину.

– Ого, – сказал Леверлин, внимательно посмотрел на нее, потом на Сварога. – Дружище, ты снова во что-то серьезное ввязался? Твоя юная спутница похожа на гланскую дворянку – там даже девиц сызмальства учат владеть оружием... Ты что, из Глана к нам нагрязнул?

– Не совсем, – сказал Сварог. – Но в хлопотах и неприятностях по самые

уши. Садись и слушай.

В прошлое свое путешествие Сварогу без конца приходилось рассказывать свою собственную историю. Теперь – историю Делии. Как и в прошлый раз, он уже наловчился излагать суть кратко и доходчиво.

– Странно, – тихо сказал Леверлин, когда Сварог замолчал. – Очень странно...

– Почему?

– Потому что жизнь и без того странная... – уклончиво ответил Леверлин. – Что ж, многое становится понятным. Даже по Ремиденуму стали шнырять темные личности и разыскивать девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию. Одного мы даже взяли в серьезный оборот, но он, очень похоже, и сам не знал, для кого трудится и зачем...

– Может, она...

– Здесь ее нет. Ручаюсь. Слышал когда-нибудь о тайных студенческих братствах? Как бы много ни было в этом игры, одно положительное качество имеется: в Ремиденуме от посвященных ничего нельзя удержать в тайне. Я бы знал... Пожалуй, нам придется потруднее, чем в Харлане.

– Нам?

– А что, ты намерен выпить вина и распрощаться? – ухмыльнулся Леверлин. – Как студент Ремиденума и дворянин, никак не могу остаться в стороне. И не напоминай, что мне могут оторвать голову. Мне ее могли оторвать двадцать раз по гораздо более ничтожным поводам... Покажи-ка книгу. Великие небеса... Ты представляешь, что таскаешь под полкой?

– Немного.

– Такие книги следует сжигать, не раскрывая, – тихо сказал Леверлин. – То, что в ней таится, – не наше, не человеческое, но от этого оно не стало менее опасным. Приходилось слышать сказочку про незадачливого ученика чародея?

– Ну а все же – где мне ее могут прочитать?

– Я могу ее прочитать, – досадливо поморщился Леверлин. – В конце концов, читать – не опасно. Гораздо опаснее неумело претворять в жизнь прочитанное... Видишь ли, как ни парадоксально, у нас не осталось ни одного письменного источника, созданного нашими предками до Шторма, зато известно около восьмидесяти книг и документов Изначальных, исчезнувших примерно за двадцать тысяч лет до Шторма. Обнаружилось несколько хранилищ. Правда, научная ценность равна нулю – в основном это подробные и скучные летописи и хозяйственные документы. Магические книги Изначальных, всплывавшие на поверхность, рано или поздно сжигались. А их язык одно время стал тайным языком алхимиков, а лет триста назад возникла вдруг глупая мода – дворяне его учили, чтобы слуги и низшие не могли понимать. Словом, я ее возьму в отчий дом, доверяешь? В отцовской библиотеке есть хорошие словари, кое-какие исторические работы. И его духовник – человек ученый. Вдвоем сделаем, что сможем. Посидим ночь, не впервые. Приезжай завтра утром. А я вас сейчас провожу, возьму извозчика и незамедлительно отправлюсь в родовое гнездо. – Он надел плащ и берет, прицепил меч, сунул книгу под колет. – Ничего, если завтра я тебя использую в чисто эгоистических целях? Мой почтенный родитель, увидев орден за харланское дело, до сих пор с сомнением крутит головой, невзирая на патент... А я вновь в шаге от очередного изгна-

ния.

– Сделаю, что могу, – сказал Сварог. – Старина, я...

– Не нужно делать столь растроганную физиономию, – усмехнулся Леверлин. – Я тебе еще в прошлый раз сказал, что можешь на меня положиться. Вот и полагайся. Я рад вновь оказаться посреди очередного волнующего приключения, когда вокруг не протолкнуться от темных сил и злодеев с мечами... Лауретта, хотите, я как-нибудь расскажу вам о моих прошлых приключениях и спою свои баллады? О, не сверкайте так глазами и не рубите меня ни вдоль, ни поперек... Я смущенно умолкаю. Ты счастливец, милорд. Допьем бутылочку перед дорогой?

– Послушай, а что такое Сорокалетняя война? – спросил Сварог. – Сегодня на рынке спели вполне приличную балладу, вызвавшую странный переполох...

– А... Снова? Сорокалетняя война случилась в пятьсот десятом и продолжалась не сорок лет, а сорок два, но история любит круглые цифры... Когда умер наш тогдашний король, снольдерская королева, его сестра, согласно некоторым законам могла претендовать на трон. Естественно, снольдерцы пожаловали в гости – в количестве двадцати полков. А новый наш король, дядя покойного, был личностью совершенно ничтожной и почти сразу же бежал в Харлан. И сорок два года шла война – то вяло, то ожесточенно. Уже и королева умерла, сменились поколения, а перестать все как-то не могли. Потом появилась графиня Браг – между прочим, прабабушка Арталетты – и ввиду полнейшего бессилия мужчин взяла дело в свои руки. И прекратила эту вялотекущую войну, как ни удивительно. Конная статуя на Королевской площади – это и есть памятник в честь Золотой Девы, как ее прозвали за доспехи.

– А ее, часом, потом не сожгли? – спросил Сварог, вспомнив про Жанну Д'Арк и подивившись параллелям.

– Нет, с чего ты взял? Она стала герцогиней, кончила дни в мире и покое, в почтенных годах. Асверус родился как раз в год окончания Сорокалетней войны. Теперь баллада запрещена...

– Случайно, не за нее графа ткнули кинжалом?

– Нет, что ты. – Леверлин оглянулся и вытащил из кучи потрепанную книжечку. – За «Беседу двух пастухов о правлении короля Горомарте». Вот.

*Если б вздора не вещали
нам пророки-болтуны
да, нажившись от казны,
впредь ее не истощали,
если б, наконец, блюли
все закон святой и строгий
и король не рвался в боги,
а министры – в короли...*

Строки эти, понятно, не понравились ни королю, ни первому министру, и кто из них послал убийцу, уже, пожалуй, не доискаться... Пойдемте? Кто там стучит?

Он открыл дверь и, чуть растерянно отступив, пропустил в комнату девушку лет девятнадцати в зеленом платье, с бляхой Бронзовой гильдии, приколотой на груди, – значит, она сама была мастером, кондитером, судя по знаку. Девушка была премиленькая. Она присела в поклоне, держа перед собой боль-

шой пакет.

– Госпожа Рита Гей, почтенная хозяйка кондитерской с Жемчужной улицы, – невозмутимо сказал Леверлин. – Госпожа Гей, простите, я оставляю вас здесь, а сам крайне невежливо покину жилище до завтрашнего полудня. Барон прибыл, чтобы отвезти меня на коллегиум министерства финансов – министр заявил, что без меня не начнут обсуждать доклад о повышении морских тарифов... Только, умоляю вас, не смазывайте замки пистолетов взбитыми сливками. И не говорите, будто я шучу. У вас удивительный дар использовать предметы не по назначению, и не спорьте. Разве не вы насыпали в камин угля? Камин – идеальное место для хранения стаканов, там их ни за что не разобьют...

– Очень почтенная дама, – сказал Сварог, когда они вышли на улицу.

– Весьма. Если бы не ее склонность кормить людей леденцами, она смело могла бы считаться дамой, безукоризненной во всех отношениях... Как тебе Ремиденум? Если возникнет нужда, спеши с принцессой сюда. Спрячем. Университет имеет право на герб, флаг и колокол, его привилегии не смеют нарушать и короли. Здесь учатся отпрыски лучших фамилий со всего континента, даже с Сильваны, никто не посмеет ввести сюда полицию или войска...

– Это прекрасно, – сказал Сварог. – Но, как я успел присмотреться, ваш университет легко блокировать и взять измором...

– Здесь можно просидеть год. Припасов хватит.

– Главная моя задача – не отсидеться, а незамеченным скрыться из города с принцессой, – сказал Сварог.

– Бежать из города лучше всего под хороший переполох, – сказал Леверлин. – Кстати, о переполохе – будь уверен, мы внесем свой вклад в шумиху вокруг коварных горроцев, укравших секрет головоломки.

– И коварного Орка.

– И коварного Орка... Жаль, конечно, что позиция оказалась нерешаемой, – у нас уже начались пари, господа студенты рассчитывали на премию и иные профессора тоже...

Глава 11

Самолеты как символ колдовства

Бабка-гусятница печально развела руками:

– Нет, ваше величество, никак не получается. Не могу я взять в толк, где она. Вроде бы среди людей, в шумном месте, но не поймешь – мужчины это или женщины, первый раз со мной такое. Обычно определяешь по вещи сразу: что вокруг, кабак это, лавка, ученая библиотека или солдатский лагерь... Шумное место, грешное. Магией, кстати, там и не пахнет. Но что это за место – не знаю, хоть казните... С предсказанием будущего или разными штуками, помогающими при бегстве, у меня выходило обычно не в пример лучше.

Сварог угрюмо ссутулился на табурете:

– Но она в Равене все же?

– В Равене, ваше величество. Жива и здорова, не скажешь, что под замком. Паколет расстроился ужасно, когда у меня не получилось, бегают по городу, пытаются что-нибудь выведать. Оно и хорошо, что его тут нет. Я пока вам наследство отдам, светлый король. – Она вытащила из сундука легкий на вид холстинный сверточек. – Чтобы со мной не сгинуло без всякой пользы. Кому и отдать, как не вам?

– Ох, опять вы... – с досадой сказал Сварог. – Тот домишко, напротив вашего, кажется, пустует? Сегодня же его куплю и посажу там охрану...

– Чему быть, того не миновать.

– Посмотрим. Сегодня же там сядет охрана.

– Сядет, сядет... – ласково, как несмышленишу, закивала ему старуха. – Но судьба моя – умереть с зимними дождями вскоре после лицезрения короля, явившегося в простом облике, и ничего тут не поделаешь. Записано так – и не чернилами писано, не на бумаге...

Украдкой вздохнув, Сварог спросил:

– Можно подыскать какие-нибудь заклинания против изобретательных горротских выдумок?

– Против всего и вся на свете, кроме вас, можно подыскать заклинания, – ничуть не удивилась бабка. – Вот только надо заранее знать, против чего идешь... Понимаете? Если, к примеру, человек не знает, что на свете существует град, как он отыщет заклятье против града? Или от меча, в жизни меча не выдавши? Только сильные маги могли – но их давно повывели...

...Их встречали согласно древнему этикету, давно канувшему в забвение: двое церемониймейстеров с жезлами сопровождали коляску от ворот до парадного крыльца, с торжественными лицами шагая у дверок и время от времени возглашая:

– Благородный гость графа! Благородная гостья графа!

Один из них вызвал дворецкого, четверо графских дворян отсалютовали мечами, и дворецкий повел Сварога с Марой по анфиладе покоев, обставленных старинной мебелью, – слава богу, ничего не возглашая. Сварог подумал: «Если здесь и обитали привидения, они были столь же старомодными и чопорными, не употребляли вульгарных слов, стенали вполне благовоспитанно и не выставляли напоказ ржавые цепи». Он ничуть не удивился бы, встретив домового, обряженного в отглаженную ливрею с гербовыми пуговицами.

– Их сиятельство старый граф ждет в библиотеке, – сказал дворецкий.

– Но нам нужен молодой...

– В этом доме подчиняются распорядку, заведенному старшим графом, ваша милость, – отрезал дворецкий со столь непреклонной учтивостью, что Сварог замолчал.

Старый граф поднялся ему навстречу из-за огромного корромандельского [50] письменного стола – высокий и худой, прямой, как луч лазера, очень похожий на Леверлина, только длинные волосы совершенно седые. Подлинный аристократ – потому что выглядел величественнее любого дворецкого, а этого было невероятно трудно достигнуть. Рядом с ним стоял столь же старый человек в коричневой сутане с крестом Единого на груди – три перекладины и цветущее дерево вместо четвертой, верхней. Сварог порадовался, что не зря листал старые книги и нарядил Мару в платье до пола, фасона времен королевы-матери, – юность старого графа пришлась на эти именно бурные годы.

Все действующие лица разглядывали друг друга с соблюдением максимально возможной учтивости.

– Во времена королевы-матери столь юные девушки не стриглись столь коротко, – сказал наконец старый граф. – Коса считалась неременной принадлежностью всякой подлинной дворянки.

Он не предложил сесть, что было плохим признаком.

«Выставят», – подумал Сварог.

И сказал столь же холодно-учтиво:

– Возможно, вину этой юной дамы искупает то, что в дворянство она была возведена считанные дни назад...

– Это совершенно меняет дело, – согласился граф. – Однако для подобных случаев были предусмотрены накладные косы. Вы об этом не знали?

– Не подозревал...

– Надеюсь, ко времени вашего второго визита упущение будет исправлено... если таковой визит состоится. Позвольте предложить вам кресла и представить моего духовника отца Калеба, священника храма на улице Смиренных Братьев (Отец Калев молча склонил голову). У меня к вам несколько вопросов, барон... барон Готар, как мне доложили. Что до вашего баронства, не вижу ничего дурного в том, что старинный обычай ваганума был соблюден должным образом. Насколько мне известно, все происходило в полном соответствии с традициями. Да и предшественник ваш являл собой образец редкостной скотины, позорившей звание дворянина. Однако... Время от времени я смотрю телевизор...

– Вы?! – искренне удивился Сварог. Насколько он был наслышан, граф считался яростнейшим противником всех и всяческих новшеств, в доме у него не было ни ташей, ни карбильских[51] ламп.

– Как лояльный подданный императрицы, я обязан повиноваться высочайшим указаниям. Смею вас заверить, я смотрю лишь придворную хронику, пренебрегая пошлейшими фиглярскими зрелищами. И едва лишь мне представится случай лицезреть императрицу, я немедленно выскажу все, что думаю о ее непозволительно коротких юбках – разумеется, в тех выражениях, какие титулованный дворянин может употреблять в присутствии венценосной особы. Но мы отвлеклись... В числе сопровождающих императрицу придворных мне довелось видеть и вас – в гвардейском мундире, со знаками камергера. Я не покажусь вам чрезмерно назойливым, если попрошу представиться полным титулом?

– Отнюдь, – сказал Сварог. – Лорд Сварог, граф Гэйр, барон Готар, лейтенант Яшмовых Мушкетеров, камергер двора, кавалер ордена Полярной Звезды...

В глубине души он рассчитывал произвести впечатление – но вышло, похоже, совсем наоборот.

– Ваше небесное великолепие! – сварливо сказал граф. – Позвольте на правах старшего по возрасту выразить вам свое решительное порицание. Появлением на земле без надлежащей свиты и несоблюдением должного этикета вы позорите ваши титулы и положение. Говорю это вам совершенно откровенно. Буде вы чувствуете себя оскорбленным, прошу назвать вид оружия, какой вы предпочитаете, и с таковым проследовать со мной на лужайку перед домом. Если вы верите в Единого, отец Калев выслушает и мою, и вашу исповедь, как требует дуэльный кодекс. Если же вы поклоняетесь ложным богам, предоставляю вам время, дабы совершить языческие ритуалы...

– Я вовсе не чувствую себя оскорбленным, – сказал Сварог. – Ваши справедливые упреки наполняют мое сердце раскаянием... – больше всего он боялся, чтобы Мара не фыркнула.

– Рад, что вы, в противоположность большинству нынешних молодых людей, способны испытывать раскаяние... Поймите, юноша: дворянин может

странствовать переодетым в костюм человека, стоящего ниже его на общественной лестнице, лишь в двух случаях: когда речь идет о выполнении возложенной лично венценосной особой миссии либо, – он сложил губы таким образом, что это могло означать и улыбку, – либо когда дело касается любовной интриги. В вашем случае, насколько я понимаю, дело обстоит иначе, и это позволяет мне выступить с упреками...

«Ну, я ж тебя», – подумал Сварог, почтительно склоняя голову:

– Ваше сиятельство, буквально на днях Геральдическая Императорская Коллегия постановила: лица, обладающие и земными, и небесными дворянскими титулами, вправе держать себя с соблюдением того этикета, каковой требуется для обладателя какого-то одного титула.

Что было чистой правдой. Вот разве что единственным обладателем и земного, и небесного титулов был сам Сварог...

– Это совершенно меняет дело, – сказал граф. – Прошу простить за поспешность. Однако очередного выпуска альманаха Геральдической Коллегии я еще не получал, что и подвигло на непродуманные высказывания... – Он торжественно выпрямился. – Можете всецело располагать мною, барон. Любое мыслимое содействие, какое только потребуется...

– Благодарю, – сказал Сварог. – Любое мыслимое содействие оказывает ваш сын.

Граф пошевелился – для него это явно было внешним признаком волнения.

– Следовательно, я могу с полным доверием отнестись к его патенту на орден? Признаться, я не считаю этого шалопаю способным на подделку бумаг императорской канцелярии, но вся эта история весьма загадочна – столь высокий орден на груди юнца столь сомнительной репутации... Поневоле закрадываются сомнения...

– Отбросьте сомнения, – сказал Сварог. – Вам известно, что случилось недавно в Харлане?

– Разумеется.

– Мы там были вдвоем. И это все, что я могу сейчас сказать.

– Барон, вы меня невероятно обрадовали...

– Будьте к нему снисходительнее, – сказал Сварог. – Он серьезнее, чем вам кажется.

– Быть может, в таком случае следует поручить ему тяжбу?

– Вы с кем-нибудь судитесь?

– Да, только что подал бумаги в коронный суд. Видите ли, барон, появление в Равене этих новомодных самолетов открыто и недвусмысленно нарушает «Закон о колдовстве», принятый триста восемьдесят четыре года назад королем Стениором Четвертым. Согласно этому закону, любое лицо, будь то ронерский подданный или иностранец, поднявшееся на глазах свидетелей в воздух, неважно, силой заклятья или с помощью каких-либо приспособлений, подлежит в зависимости от своего общественного положения либо сожжению, либо заключению в тюрьму, либо баниции[52] с непременным условием. Я – достаточно просвещенный человек и понимаю, что колдовством здесь и не пахнет. Но поскольку закон до сих пор не отменен должным указом, он продолжает действовать. Поле для скачек, на котором нашли пристанище самолеты нашего нахального соседа, не принадлежит ни королевскому домену, ни ратуше – это выморочная коронная земля, подчиняющаяся юрисдикции коронного

судьи Равены. Каковой в соответствии с «Законом о колдовстве» обязан немедленно принять меры к задержанию вышеозначенных лиц и преданию их суду с предварительным уничтожением вещественных доказательств путем публичного сожжения...

– Великолепная мысль, граф, – сказал Сварог. – С вашего позволения, я немедленно готов обсудить ее с вашим сыном, как и другие, не менее серьезные вопросы, ради которых я и прибыл.

– Не смею вам мешать, барон. – Когда Мара поднялась вслед за Сварогом, граф поспешно добавил: – Простите, лауретта, но я вынужден просить вас остаться и удовольствоваться моим обществом. Юная незамужняя дама не может находиться без камеристки в комнате, где присутствуют холостые дворяне...

Мара обреченно уселась вновь. Сварог ободряюще ей подмигнул и пошел за дворецким. Видимо, он не опомнился еще от беседы со старым графом – войдя в указанную ему комнату Леверлина, начал было велеречиво:

– Позвольте, граф, узнать результаты возложенного на вас поручения... – спохватился, досадливо махнул рукой. – Тьфу ты...

– Вот так и живем, – сказал Леверлин. – Riskнешь остаться на обед – каждая новая тарелка будет ставиться перед тобой под звуки четырех фанфар и вопли мажордома. «Жаркое его небесного великолепия!», «Салфетка его небесного великолепия!» Остаешься обедать, умоляю!

– Черта с два, – сказал Сварог. – Спасибо, что предупредил... И так?

– Ты не станешь на меня сердиться?

– За что?

– Да сожгли мы твою книгу, – сказал Леверлин. – Под утро мы с отцом Калесом, найдя искомое, посоветовались и решили – лучше этому ученому труду вылететь в трубу с пеплом. А гореть она не хотела, крайне неприятное было зрелище...

– Да черт с ней, раз вы нашли... – сказал Сварог нетерпеливо. – В чем там секрет?

– Целая глава была посвящена искусству создания виденного тобою двойника – под благозвучным названием «чегаор-тетайн». Подробности этого процесса не стоит повторять, да и вряд ли они тебя заинтересуют... Кроме одной, самой существенной и объясняющей кое-что. Жизни такому двойнику отведено на три недели. Три и семь – Изначальные, похоже, придерживались той же магии чисел, что иные наши колдуны... Три недели. Отсюда следует: примерно через шестнадцать дней пребывающее сейчас во дворце создание перестанет существовать – и зрелище будет красочное, с эффектами... Правда, есть средство сохранить двойника неограниченно долгое время. Для этого нужно, чтобы прообраз, настоящая Делия, был с соблюдением особого ритуала принесен в жертву в присутствии двойника. Тогда подменьш обретет плоть и кровь, долгую жизнь всецело подвластной создателю куклы... Если с книги не сняли копии и никто после смерти Сенгала не знает ритуала, мы наполовину выиграли. Но я склонен допускать худшее...

– Я тоже, – сказал Сварог. – У Сенгала не могло не остаться сообщников. Такое предприятие требует организации...

– И что ты намерен делать?

Сварог достал сигарету и пустил дым в потолок:

– А ничего. Они сами загнали себя в ловушку. Им непременно придется доставить Делию во дворец, к двойнику, а не наоборот. Если ее отыщут раньше нас, именно те, кто собирается «закрепить» двойника, вмешаются люди протектора. Если ее отыщут те, кому она нужна как ключик к трем королевствам, бабка-гусятница сумеет определить ее новое укрытие. И мы перехватим их по дороге. Наконец, нам самим может повезти. Видишь какие-нибудь изъяны в моей задумке?

– Пожалуй, нет. Разве что ее попытаются убить...

– Убить ее попытаются не раньше, чем она попадет ко мне. Никак не раньше...

Глава 12 «Я ее нашел!»

Сварог по сути бездельничал. Он навестил сначала Орка, потом снольдерского любителя риска, разговаривал с обоими недолго, чуть ли не стоя, создавая впечатление, что невероятно спешит. Уже возле особняка Орка к нему обрадованно сели на хвост потерявшие было след шпики – с которыми он учтиво раскланялся из коляски. Того, получившего от Мары монетой в глаз, он больше не видел – но один из новых, хоть и не похожий внешне на горротца, при каждом резком движении девчонки торопился отъехать подальше, что выдавало его принадлежность к белому флагу с черным солнцем.

Остаток этого дня и весь следующий Сварог болтался без дела по дому графини, готовому к любым неожиданностям: у ворот и в саду прохаживались вооруженные дворяне, вдоль стен, позвякивая скользившими по натянутым канатам цепями, бегали здоровенные псы мясницкой породы, черные, гладкошерстные, с отрезанными ушами и хвостами. Гребень стены покрылся железными «ежами», ворота закрыты плетенками из колючей проволоки. Все слуги вооружены. Особняк стал наглядной иллюстрацией к историческому роману о войне Кабанов с Волками[53], когда лихие налеты среди бела дня на городские дома недругов были делом самым обычным. Войдя в азарт, Маргилен велела было выкатить из каретного сарая две старинные фамильные пушки, но Сварог ее отговорил, пожалев пауков, давно устроивших в жерлах дачи. По городу ползали пущенные людьми Гинкера слухи – что барон Готар собирается перевезти в дом графини сокровища своего предшественника и загодя принял меры предосторожности. На самом деле Сварог, превращая особняк в крепость, хотел заставить своих конкурентов решить, будто найденную принцессу он намерен укрывать у графини. Между тем укрыть ее должна была бабка-гусятница...

Конкуренты не дремали. В окошках дома напротив порой довольно откровенно поблескивали стекла наведенных на особняк подзорных труб. Время от времени по улице проезжали и проходили субъекты, чья профессия сомнений не вызывала. Все эти знаки внимания Сварога мало занимали и ничуть не трогали. Он довольствовался тем, что без особой необходимости частенько обходил посты. И ждал. То есть делал единственное, что мог. Если так вели себя и остальные главные игроки, ситуация не имела в шахматах ни аналогии, ни названия – участники игры отошли от доски, а их пешки, кони и слоны совершенно самостоятельно носились по черным и белым квадратам, не нанося урона противнику.

Тяжба старшего графа прямо-таки молниеносно закончилась его полным

поражением. Король Конгер Ужасный, узнав о поступившей к коронному судье жалобе на нарушение «Закона о колдовстве», не стал ни гневаться, ни ввязываться в затяжную возню судейской бюрократии. В тот же самый день снольдерские самолеты перелетели на заброшенный ипподром, принадлежавший самому королю, а королевские домены, считалось, вне всяких законов, кроме воли венценосца... Изящный ход, беспроигрышный и не ведущий за собой никаких репрессий. Узнав о нем, Сварог совершил действия, недвусмысленно квалифицировавшиеся законами Ронеро как «оскорбление величества словом». Но поскольку свидетелями были люди верные – Мара и отрешенный от всего сущего, кроме «пятнашки», граф Дино, – Конгеру так и не довелось узнать, что некий барон назвал его в сердцах сукиным котом и осколком феодализма. Впрочем, последнее оскорбление вряд ли понял бы и король, и зловещая Багряная Палата...

За бабку-гусятницу Сварог не беспокоился – он приезжал туда, убедившись, что слезки нет. Трудами барона Гинкера из домика напротив выставили хозяина-огородника, сполна заплатив ему за недвижимость и намекнув, что его развалюха понадобилась конторе, о которой и думать страшно, не то что называть вслух. Со сторожайшим напутствием держать язык за зубами огородник был выставлен в противоположный конец города, где купил домик не хуже и затаился, как мышка, а на его бывшем подворье поселились несколько неразговорчивых верзил – в количестве, достаточном для круглосуточного наблюдения за бабкиным домом. Сварог хотел избежать любых неожиданностей – и потому у бабки поселился приехавший из деревни родственник, скрывавший под кафтаном пистолет, налитую свинцом дубинку и полицейскую бляху. Капрал Шег Шедарис, трезвехонький, как стеклышко, приобрел новую одежду, пробавлялся двумя кружками пива в день и готов был прыгнуть в седло по первому зову трубы. Леверлин сидел в Ремиденуме, ожидая боевого клича. Тетка Чари купила на деньги Сварога десяток выезженных лошадей и держала у себя в конюшне. Сварог запасся у Гинкера полицейской бляхой, офицерской, с золотой каймой. Одним словом, все было расписано, как по нотам. И Сварог задавался одним-единственным вопросом: есть ли у конкурентов столь же детальные планы на случай, если он найдет принцессу первым? Пожалуй, есть, и вопрос следует сформулировать иначе: насколько действенными окажутся их планы, учитывая, что конкуренты все же действуют шпионским образом на территории чужой державы?

А ночи, две подряд, выдались бурными. Прекрасно спевшиеся боевые подруги заявлялись к нему с темнотой – и, несмотря на все приятные стороны этих вторжений, Сварогу приходилось нелегко. Пожалуй, он охотно раскрыл бы графу Дино секрет решения – но решений-то не существовало... Что до головоломки, она завоевала Равену в двое суток, и страсти понемногу накалялись... Сейчас, стоя ранним утром на галерее, Сварог думал почти весело: когда бомба взорвется, от особняка Орка останутся одни стены...

– Когда же мы будем драться? – спросила бесшумно подошедшая Мара.

– Надеюсь, до этого вообще не дойдет, – сказал Сварог, ухитрившись не вздрогнуть от неожиданности и чертыхнувшись про себя. – Один умный человек написал как-то, что лучший полководец – тот, кто выигрывает сражение, так и не развязав битвы...

– Никогда не слышала.

– Он давно жил, – сказал Сварог.

Проще говоря, он еще и не родился, но не стоит объяснять боевой подруге эти сложности. К тому же Сварог не уверен был до конца, что это – прошлое. С тем же успехом и долей вероятности окружающее могло оказаться пресловутым параллельным пространством, очередной копией Солнечной системы, живущей по иным картам, иному календарю и иным часам.

– Вообще-то в этом утверждении есть резон, – сказала Мара. – Для больших сражений это, возможно, и годится. Но я не возражала бы против легкой разминки...

– Не накаркай, – сказал Сварог. – Я очень хотел бы убраться отсюда тихо и благопристойно, не протыкая по дороге встречных. – Он повернул голову на стук колес. – Поздравляю. Кажется, в романах это и называется «интрига завязывается». – Он перегнулся через перила и закричал дежурившим у ворот дворянам: – Пропустить!

Паколет влетел в ворота, размахивая большим синим конвертом «соколиной почты»[54], держа его на виду скорее для сторонних наблюдателей – так что это, вероятнее всего, была уловка. Опрометью бросился на галерею, к Сварогу, перепрыгивая через три ступеньки. Сварог напряженно ждал с колотящимся сердцем, надеясь на лучшее, но из суеверия ожидал самого худшего.

Паколет остановился перед ним, тяжело дыша, словно сам бежал всю дорогу в оглоблях вместо извозчичьей лошади. Счастливо улыбнулся во весь рот, отступил, опять придвинулся, большими пальцами взъерошил свои редкие усики. Сварог взял его за локоть и потащил в комнату с занавешенными окнами.

– Командир!

– Ты не спеши, – посоветовал Сварог, сам охваченный радостным возбуждением. – Членораздельно, спокойнее...

Паколет швырнул бесполезный конверт:

– Ваше величество!

– Спокойно! – рявкнул Сварог. Подействовало. Спокойно, даже чуточку равнодушно Паколет сказал:

– Нашел я ее. Бабка не догадалась, а я догадался, как-никак бабка у нас примерная гусятница, а я – ночной парикмахер и всякое повидал... Эти, которые не мужчины и не женщины, – притон для педрил! Понимаете, почему бабке не удалось? Вы ж сами с магией знаете, командир! У нас эта мода давненько приугасла, пока лет двадцать назад не занесли из Балонга...

Кажется, Сварог понял. Запах мысли. Возьмите у матери-собаки щенка, хорошенько натрите его кошачьей шкуркой, положите назад – и какое-то время мать будет в полном недоумении, не в силах определить, к какой же породе относится это странное существо. Потому что для собаки запах важное того, что она видит глазами. Так и с колдунами. Они чуют запах – в данном случае запах мысли. У женщины свой запах мысли, у мужчины свой. И колдун, если нет практики, непременно собьется со следа...

– На Морской, неподалеку от переулка Белошвеек, есть притон, – продолжал Паколет. – Столь высокого пошиба, что это уже не притоном называется, а салоном, где собираются сплошь благородные. Хозяином там разорившийся барон. Полиция не препятствует, потому как туда похаживает сам барон Гинкер. Грешен, командир, я там частенько брал кошельки, так что место знако-

мое. У педрилы мозги, как бы вам объяснить, сдвинуты с обычного ритма, его «оседлать» легче... Ну вот, когда мне эта мысль стукнула в голову, поднял я бабушку спозаранку, сожгла она тот платочек, сделала «черный настой», сунул я склянку в карман, помчался на Морскую, подошел к дому – и фыркнул настой так, что пробка вылетела, и залило мне весь бок...

– Иди переоденься в мужское, – бросил Сварог Маре. – Возьми свое оружие, какое есть.

Фокус с «черным настоем» он тоже знал. Настой на пепле из сожженной вещи разыскиваемого человека, если его готовил знающий дело колдун, багровеет и пенится, стоит ему оказаться неподалеку от хозяина вещи. Этот прием не годится для поисков наугад – попробуйте обойти большой город вроде Равены, вытаскивая скляночку под каждым окном, у каждой калитки... Зато этот метод прекрасно срабатывает, когда есть подозрения на какой-то определенный дом. В старину этим широко пользовались, чтобы уличить преступника, если находилась оброненная им вещь, а женщины, заподозрив конкретную соперницу, бежали к колдуну с платком мужа и ловили его на горячем.

Неужели Гинкер, владелец этого притона, ведет двойную игру? Или дело в той самой логике непрофессионалов и он сам ни о чем не подозревает? Бордель для педрил – последнее место, которое ассоциируется со словом «женщина». А темнее всего – под пламенем свечи. Слухи об этом роскошном притончике гуляли при дворе, могло дойти и до Делии...

Вот и все. Бабка-гусятница приютит. Лошадей у тетки Чари в избытке. Нынче же днем группа всадников с железными документами и выправленными по всей форме подорожными покинет город. А отъехав в безлюдные места, сядут на пароход и поплывут в Харлан – туда ближе всего, там заправляет Хартог, не столь давно взошедший на престол, чтобы успеть преисполниться неблагодарности. И дальше – море...

Сунув Паколета за стол в красной гостиной напротив равнодушного ко всему на свете, кроме «пятнашки», графа Дино, поставив перед верным мошенником бутылку и стакан, Сварог побежал к себе в комнату, переоделся в простой дорожный костюм. Собирать ему было почти что и нечего – Доран-ан-Тег, пару пистолетов да несколько туго набитых кошельков и кое-какие бумаги. Застегнул кожаный колет, глянул в зеркало – еще один дворянин-путешественник, какие в превеликом обилии снуют по дорогам королевства. Застегнул на груди перевязь, так, чтобы ножны меча оказались за спиной, а рукоять торчала над плечом. Оказалось, так носить меч и в самом деле гораздо удобнее – выигрываешь секунды, можно, выхватив, нанести удар без всякого замаха...

– Вот и все?

– Вот и все, Маргилена, – сказал Сварог, обернувшись. – Сюда мы в любом случае не вернемся, хотя шпики должны думать иначе...

– И это все, что ты можешь сказать?

Сварог смотрел в ее печальные серые глаза и лихорадочно искал слова. Ну что тут скажешь?

– Ты удивительная женщина, – сказал он. – Серьезно.

– Я знаю. И постарайся никогда ко мне не возвращаться. Во-первых, я не умею долго спать в одиночестве и терпеть не могу воскрешать былые привязанности. Очень быстро забываю прошлое. Во-вторых, для тебя время идет по-

другому, ты и не заметишь за хлопотами, сколько лет пронеслось – а с нами обстоит чуть иначе. Береги девочку. Удачи... Серый Рыцарь.

Приподнялась на цыпочки, чмокнула его в щеку, отвернулась и вышла из комнаты. Сварог подумал, что лучшего прощания нельзя и выдумать.

Когда они втроем сели в коляску, Сварог спросил:

– Ты меч в руках когда-нибудь держал?

– Вот уж чего не доводилось, – сказал Паколет. – Драться могу неплохо и с ножом тоже управлюсь. Если честно, найдется за мной и полдюжины порезанных, и даже один жмурик. Но вот военного оружия в руках не держал...

– Тогда не стоит и пробовать, – сказал Сварог. – Будешь пока что пребывать в обозе.

Хвосты они рубили там же, где и в прошлый раз, когда ехали к Леверлину. В одном из хитрых домов, охваченных вниманием барона Гинкера, – входишь в сапожную лавку, ныряешь в дверцу за прилавком, и сидящий в задней комнате посвященный человек бегом провожает тебя по лабиринту переходов, лестниц, коридорчиков, тупиков и дворишков, пока не окажешься за квартал отсюда, на совершенно другой улице, вовсе даже перпендикулярной той, где размещен исходный пункт. Помимо сапожной лавки, имелись другие входы и выходы, так что лабиринтов было несколько – и все они затейливо вмонтированы в самые обыкновенные доходные дома, так что жильцы ничего не подозревают и привыкли к шмыгающим мимо незнакомцам.

...Паколета оставили в обозе, сиречь в карете отца Калеба. Леверлин и капрал Шедарис заняли позицию у задней калитки, выходящей в безлюдный переулок, где не было домов – лишь стена чьего-то парка. Сварог же с Марой поступили как вежливые люди: подошли к парадным воротам в стене, окружавшей ухоженный сад и двухэтажный красивый домик с желтой черепичной крышей.

Рядом с воротами блестела начищенная медная ручка звонка в виде бутона розы, но переигрывать с вежливостью не стоило – условного сигнала они не знали, а на беспорядочный трезвон наверняка вышел бы неприветливый тип в ливрее без герба и сообщил, что господа в отъезде, а ему насторого велено никого не пущать, чтобы не пропадали серебряные ложки... Поэтому Сварог, определив по заклепкам калитки, где с внутренней стороны находится засов, оглянулся и, убедившись в полном отсутствии свидетелей, нанес в то место страшный удар топором. Толкнул калитку ногой, и она бесшумно распахнулась на добротнo смазанных петлях.

Они прошли по дорожке, никого по пути не встретив, как ни в чем не бывало вошли в дом. В прихожей и в самом деле обнаружился хмурый верзила в ливрее без герба, уставившийся на них несколько оторопело:

– Как это вы сюда? Здесь владение...

– Друг мой, – мягко прервал его Сварог. – У вас есть нравственный стержень или высокие идеалы?

Верзила не испугался бы удара, но таким вопросом он на миг был приведен в состояние полного оупения. Сварог ударил его локтем в подбородок, подставив подножку, потом, когда верзила уже валился, резко выпрямил руку и добавил ребром ладони по черепу. Прислушался. Где-то поблизости жеманно смеялись, на втором этаже лениво позвякивали струны виолончели – но никаких признаков оживленного веселья. Должно быть, не время.

Верзила зашевелился. Сварог дал ему время привыкнуть к новой ситуации и спросил:

– Где хозяин? – для вящего эффекта приблизив к горлу лезвие топора. – Хозяин где? Зарежу, сучий потрох...

Тот на всякий случай вовсе не произнес ни слова, только показал рукой на второй этаж.

– Вставай и веди, – приказал Сварог, убирая топор.

Верзила встал, потирая то челюсть, то висок, покорно пошел впереди. Мара замыкала шествие. Сварог не волновался ничуть – скорее, в голове была совершеннейшая пустота.

Распахнулась дверь, в коридор выпорхнули двое некрашенных юнцов в женских платьях. Сварог молча показал им кулак, и они понятливо юркнули назад, спасаясь от грубой прозы жизни. Верзила молча тащился впереди.

– Эй, ты, часом, не онемел? – полубопытствовал Сварог.

Верзила угрюмо проворчал:

– У нас сегодня барон Гинкер ожидается, шли бы вы подобру-поздорову, пока не огребли хлопот выше ушей...

Сварог молча ткнул его обухом в поясницу, и тот пошел быстрее. Остановился перед дверью в конце коридора и наладился было нырнуть в нее первым, но Сварог его на всякий случай придержал. Сам нажал на ручку, осторожно заглянул внутрь. Спина к нему сидел в кресле старик и что-то увлеченно писал, временами воздевая глаза к потолку и помахивая пером. Походило на творческие муки поэта. Удовлетворенно кивнув, Сварог хотел войти.

За его спиной раздался непонятный звук, оханье. Сварог резко обернулся. Верзила оседал, выронив литой медный кастет, а Мара преспокойно убирала за голенище кинжал. Сварог, досадливо поморщившись, вошел и, чтобы не довести седовласого до инфаркта, громко сказал:

– Гхм!

Тот обернулся. Судя по его изменившемуся лицу, муза резво упорхнула. Предупреждая вопросы, Сварог вразвалочку подошел, прислонил топор к столу и надежно сграбастал старика за худую черепашую шею. Придавлив немного, отпустил. Сказал веско, с расстановкой:

– Душу выну. Сволочь. Тварь. Задавлю. Где принцесса, мать твою?

Глаза старика невольно скозились в сторону приоткрытой двери в глубине комнаты. Сварог обернулся туда – и очень вовремя. Она уже надвигалась с занесенным мечом в руке – очаровательная, долгожданная, прекрасная в гневе... Сварог мысленно умилился и отпрыгнул, крикнув Маре:

– Стоять! Старика держи!

Делия сделала выпад. Уклонившись, Сварог схватил ее за рукав у запястья, отработанно взял на прием, выкрутил руку – меч лязгнул об пол, – левой обхватил поперек груди, прижал к себе. Делия молча, яростно вырывалась, колотя его затылком в грудь.

– Я тебя отшлепаю, – сказал Сварог. – На друзей с мечом бросаться нехорошо.

Она чуточку унялась. Сварог ногой отшвырнул подальше ее меч и спросил:

– Звезда моя, будете вести себя примерно, если я разомкну нежные объятия?

Делия ответила словами, каких благовоспитанная принцесса и знать-то не должна, не то что произносить без ошибок, нисколько не путая ударения.

– Ладно, рискнем, – сказал Сварог, не без сомнений отпуская девушку.

Она с кошачьей грацией прынула вбок, прижалась к обитой зеленым штофом стене, выхватила кинжал из-за голенища высокого сапога – она была в мужском охотничьем костюме – и стояла так, быстрыми взглядами во все стороны оценивая обстановку. Конечно, она была и испугана, и рассержена, но видно, что начала уже думать, гадать, шевелить мозгами и прикидывать шансы – по лицу видно. Сварог, глядя на нее не без эстетического наслаждения, благодушно спросил:

– Ваше высочество, отчего вы на меня так уставились?

– У вас улыбка совершенно идиотская, – сердито и настороженно ответила Делия.

– Возможно, – сказал Сварог. – Я так долго и старательно вас искал... Бросьте в меня кинжалом, принцесса. Прямо в мою честную, открытую физиономию. Многое поймете.

– Я и в самом деле могу бросить...

– Умоляю вас это сделать.

Ее лицо стало жестким, решительным, но в лицо все же бросать не стала – нацелилась в ногу. Кинжал отлетел в сторону, зазвенел на полу.

– Попробуете еще? – предложил Сварог.

– Вы лар? – спросила она недоверчиво.

– Ну, наконец-то, – сказал он. – Я – лорд Сварог, граф Гэйр, между прочим, яшмовый мушкетер императрицы, и я вас ищу который день... Пойдемте.

– Почему я должна вам верить?

– Да потому, что больше некому верить, – сказал Сварог. – У вас под дверями что, очередь просителей, наперебой предлагающих им верить?

– Я никому теперь не верю...

– И вы намерены провести в этом приятном заблуждении остаток дней, не покидая сего милого заведения?

«Сейчас, – подумал Сварог, – или она сломается, или придется наплевать на этикет и волоочь ее в карету силой, потому что время уходит и возможны любые неожиданности самого пакостного характера».

И она сломалась. Уронив руки, устало вздохнула:

– Я так больше не выдержу. Хочется хоть какой-то определенности, ничего не понимаю...

Жалеть ее, а там более утешать было некогда, Сварог решительно подошел, взял за руку:

– Нужно спешить. Я вам все расскажу в карете.

– Во дворец? – В ее глазах вспыхнула надежда.

– Нет, – сказал Сварог. – Вам же нельзя во дворец. Убьют.

– Я знаю, – вяло кивнула Делия.

– Тогда идемте. Заберите оружие. Где ваша шляпа? – Он повернулся к Маре. – Быстренько сходи в комнату, принеси...

Когда Делия уже направилась к выходу и вернулась Мара, Сварог вдруг подумал, что старый владелец заведения что-то подозрительно притих. Подошел к столу. Почтенный старец откинулся на спинку кресла, и глаза у него уже стекленели. Догнав Мару, Сварог воззрился на нее с немым вопросом. Она

преспокойно пожала плечами:

– Зато никому не расскажет. Надо бы найти тех двух, да некогда, пусть живут...

И ужасаться ее манере работать было некогда. Сварог, махнув рукой, поспешил за принцессой.

Гинкер появился, когда они уже спустились в прихожую. Он увидел принцессу, он ее узнал. И стало ясно, что двойной игры он не вел и о присутствии Делии на своей явочной квартире не подозревал. Какой-то миг казалось, что он уже не оправится, рухнет замертво. Но старые царедворцы – народ все же закаленный...

– Сколько лет вы были протектором, тридцать? – безжалостно ухмыльнулся Сварог. – Ваше счастье, что не я тут король...

– Логика непрофессионала... – еле выговорил барон. – Я же говорил...

– Да, помню, – Сварог упер указательный палец ему в грудь, повыше ониковой пуговицы в золотой оправе. – Слушайте внимательно. Двойнику во дворце осталось жить недели две. Потом весьма эффектно издохнет. Так что не вздумайте начать свою игру... Мы уезжаем из города, как вы понимаете. И чтобы...

– Я не ребенок, – угрюмо отозвался барон.

– Вот и прекрасно. Я с вами свяжусь, если будет такая надобность. Где тут проход к задней калитке? Пойдемте, принцесса.

Они вышли из безлюдный переулок – к огромному облегчению Леверлина и капрала.

– Но зачем мы уезжаем? – остановилась вдруг Делия. – Вы же сами сказали только что – этой... осталось две недели. Вы же о ней говорили? Граф Леверлин, вы?! А это... – Она уставилась на Шедериса, явно прикидывая, граф это или герцог. – Вас я не знаю...

– Ничего, это верный человек, – сказал Сварог, побыстрее уводя ее от калитки. – Увы, принцесса, нам придется покинуть город. И потому, что чересчур опасно ждать здесь две недели, и потому... – он решил ковать железо, пока горячо. – Вы знаете пророчество Таверо о златовласой принцессе, которой суждено спасти три королевства? Отлично. Вам никогда не приходило в голову, что это – о вас?

– Я иногда набиралась дерзости так думать...

– А если вы узнаете, что Серый Рыцарь – это я и есть?

– Послушайте, – сказала Делия устало. – Я сейчас готова верить всему и спасти что угодно от кого угодно. Только побыстрее увезите меня, куда угодно. Я... – она уткнулась в плечо Сварога и захлебнулась плачем.

Леверлин рванулся к ней, но Сварог, одной рукой обняв принцессу, остановил его жестом:

– Ничего страшного, дружище. У человека наконец появилась в жизни какая-то определенность, и он понял, что находится среди друзей...

Глава 13 Бесприютные

В карете она немного успокоилась. Сидела, тесно прижавшись к Сварогу (не от избытка чувств к благородному избавителю, а по причине насквозь прозаической – шестерым там было не повернуться), и, уставясь на плотно занавешанное окно, вполголоса рассказывала.

Ночью в коридоре появились какие-то странные существа (Сварог из деликатности не стал уточнять, как вышло, что принцесса оказалась ночью в коридоре). Делия сама видела, как синий мушкетер, которого они схватили, рухнул, почернев и ссохшись, как головешка. Но против гланцев и их освященных в древних храмах Единого мечей страшилища оказались бессильны. Тогда, после короткого замешательства, на охрану принцессы набросились самые обычные люди, державшиеся до того позади. Ими командовал герцог Сенгал, и с ними была еще... она сама. Слово отражение ожило и покинуло зеркало. Лейтенант Данаби действовал, особо не рассуждая, и решил пробиваться наружу. Сначала они хотели пробиться в казармы гланской гвардии, но быстро поняли, что врагов слишком много и все пути отрезаны. Тогда кинулись подальше от дворца. В переулке Белошвеек разыгралась последняя схватка, из которой живой вышла одна Делия. Она тоже не особенно рассуждала – просто единственным знакомым ей в этом районе ориентиром был домик-притончик (о нем рассказывали придворные сплетницы, а как-то и показали во время верховой прогулки). Пробираться в одиночку к гланским казармам она не рискнула и правильно сделала – уже через пару минут после того, как она перемахнула через стену в сад, по переулку стали шнырять всадники. В саду она просидела до рассвета, потом пробралась в дом и наткнулась на старика хозяина. Иллюзий она не питала и прекрасно понимала, что старый педрила, промотавший все состояние на скаковых лошадей и мальчиков, видит в ней лишь козырь для азартной игры с баснословным выигрышем при удаче – но так, если подумать, было даже лучше. А выбирать не из чего...

Сварог переглянулся о Леверлином. Описанные Делией создания как две капли воды походили на статую странного существа из замка Мораг, оставшегося загадкой даже для Гаудина. Впервые у Сварога зародились подозрения, что все происшедшее отнюдь не замыкается на чернокнижнике-герцоге, отыскавшем древний магический трактат. Но он пока что не стал ни с кем делиться своими догадками. И не стал спрашивать Делию, почему она так и не попыталась связаться с дворцом, решив отложить это на потом.

– Знаете, почему я вам верю? – спросила вдруг Делия. – Не только оттого, что с вами знакомый мне граф Леверлин. Вы – самая странная компания, какую я в жизни видела. Шайки злодеев такими не бывают...

«Интересно, что ты вообще видела в жизни, кроме дворца, балов и охот, – подумал Сварог. – И где исхитрилась узреть шайку настоящих злодеев, кроме как на экране телевизора и иллюстрациях к приключенческим романам? Но наблюдение верное – компания и в самом деле странноватая...»

– Хорошо, – сказал он, чтобы отвлечься от серьезных и тягостных раздумий. – С этой минуты я присваиваю нашему славному отряду наименование Странной Компании. Принцесса, вы не откажетесь стать шефом полка? Хотя этот полк не тянет даже на гран-платунг[55], иным не уступит...

Делия устало улыбнулась, больше из вежливости. Все же она отлично держалась – время такое, эпоха жеманных, хрупких, бледненьких принцесс на горошине если и наступит, то очень не скоро. Да и наследственность неплохая. Говорят, Конгер сажал ее на коня раньше, чем научилась ходить.

– Что мы будем делать? – спросила Делия.

– Мы будем делать сущие пустяки, – сказал Сварог. – Сейчас мы вас спрячем. Вернее, все спрячемся. А потом постараемся сделать все, чтобы репута-

ция Таверо не пострадала. Всей Странной Компанией свалимся в гости к одной милой старушке, переждем немного и отправимся к харланской границе, нынешний герцог обязан мне троном и вряд ли успел стать неблагодарным.

– А потом?

– Не стоит загадывать. Пока что наш сияющий идеал и светлая мечта – харланская граница...

– Я могла бы обратиться к гланской гвардии. Они не могли не почувствовать неладного. Они-то поверят...

– Вполне возможно, – сказал Сварог. – Но, насколько я знаю вашего батюшку, он, будучи уверенным, что настоящая принцесса пребывает во дворце, станет решительным, недоверчивым и неговорчивым. Выйдет большая кровь и сумятица, мы ничего не добьемся, кроме риска для вас получить случайную стрелу. Или пулю. Или – не случайную... А время все равно работает на нас. Эта тварь во дворце долго не протянет. Надеюсь, ее конец будет достаточно зрелищным, чтобы у свидетелей возникли кое-какие вопросы...

...Он не обратил сначала внимания на дым – в Равене частенько где-нибудь горело. Но чем ближе карета подъезжала к Королевской, тем сильнее несло гарью. Сварог высунулся из окна, глядя вперед. Сердце неприятно колыхнулось в груди.

Пожарные как раз отъезжали. Гнедые упряжки четверкой уносили вскачь огромные бочки на колесах, сверкающий начищенными медными частями замысловатый насос и две длинные повозки, набитые отчаянными усачами в красных кафтанах. Над головами у них торчали длинные багры. Судя по чистой одежде, им не пришлось лезть в пожарище.

Зевак оказалось не особенно много, и гуртовались они на почтительном расстоянии. Забор и калитка почти не обгорели, но во дворе что-то еще чадило, лениво догорало, жидкие струйки дыма колыхались на слабом ветерке. Во дворе, к удивлению Сварога, шумно гоготали неведомо как уцелевшие гуси. У калитки растерянно топтались шпики, бдившие в доме напротив, – бдившие, как оказалось, из рук вон плохо...

Сварог втянул голову внутрь кареты. Встретил взгляд Паколета и медленно кивнул.

– Бабка! – Паколет рванулся наружу, но Сварог поймал его за руку, стиснул:

– Сиди! Может, обошлось...

Распахнул дверцу и выскочил. Завидев его, гинкеровские шпики оживились. Старший, Мушери, благообразный седой прохвост, выступил вперед, одергивая кафтан, словно военный мундир. Похоже, он радовался, что прибыл наконец кто-то, имеющий отношение к начальству, и можно свалить все с плеч:

– Несчастье, ваша милость...

– Вижу, что не карнавал с плясками, – сказал Сварог. – Что случилось? Вы куда смотрели, свинячьи выкидыши?

– Ваша милость, полыхнуло сразу, как только эта стерва вошла в калитку, и полминуты не прошло...

Рапорт его был профессионально четким и подробным без многословия, но рассказывал Мушери ни с чем не сообразные, вовсе уж фантастические байки. По его словам, все началось с того, что в калитку без стука прошмыгнула женщина, одетая небогатой горожанкой, – и через несколько секунд полыхнуло,

домик загорелся, как пучок сухой соломы, причем не было взрыва. Он, Мушери, не вчера родился и знает, что существуют разнообразные горючие смеси, применяемые в военном деле, но у загадочной гостьи не было ни в руках, ни под платьем никакого сосуда, они бы заметили. Да и бабка ничего такого дома не держала.

С приездом пожарных обнаружили новые странности. Домик сгорел дотла, но примыкающие к нему загородни с гусями и сараюшки остались целы. На пожарище обнаружили два обгоревших трупа и моментально опознали: бабку по фарфоровым расписным бусам, а неотлучно пребывавшего при ней сыщика – по золотому зубу и казенному оружию. Зато странная женщина исчезла бесследно. На улицу она не выскакивала. С двух сторон к бабкиному двору примыкали высоченные заборы соседей – и шпики непременно заметили бы человека, взбиравшегося на забор. С четвертой же стороны... Сварог все прекрасно видел и сам. С четвертой стороны к бабкиным невеликим владениям прилегал высокий отвесный холм, звавшийся Тель-Варрон, Варронский холм. В незапамятные времена с королевского замка на вершине этого холма и пошла столица – серо-коричневые развалины и сейчас еще виднелись там, почти сглаженные временем. Ни одна женщина – да и любой обыкновенный человек, будь то молодой, полный сил скалолаз, – не смогла бы в мгновение ока вскарабкаться на высоченный откос, по которому за все время существования замка так и не смогли подняться неплохо вооруженные осадной техникой враги. Мушери определенно считал, что это была не женщина, а создание из тех, кого не следует поминать к ночи... И еще. Все произошло молниеносно. Кинжал сгоревшего полицейского пребывал в ножнах, пистолет – сзади, за поясом. Ни он, ни бабка даже не пытались спастись – трупы лежали посередине комнаты. Мушери развел руками с видом совершенно безрадостным и исполненным искреннего, нешуточного изумления, до сих пор не прошедшего. Двое его людей, не таясь, сложили пальцы в фигуры, отгонявшие, согласно поверью, злых духов. Дальнейшие расспросы бесполезны – к чему теперь мелкие детали происшедшего?

– Что теперь передать барону? – озабоченно спросил Мушери.

– Все так и передайте... – сказал Сварог.

Медленно вернулся к карете, хлопнул дверцей. Переодетый кучером отец Калев, не дожидаясь распоряжений, хлестнул лошадей. Сварог поднял голову, встретился взглядом с Паколетом.

– А ведь чувствовала... – мертвым голосом сказал тот и умолк. Сварог понурил голову, уставился на квадратные, по моде, носки своих сапог, но все равно знал, что все смотрят на него. Нельзя было сидеть вот так, молча, словно надгробное изваяние на собственной могиле, – он был командиром, и следовало заботиться о боевом духе своего невеликого воинства.

– Ничего... – сказал он, радостно отметив, что его голос звучит не столь уж беспомощно. – Вы, принцесса, не один день просидели под носом у тех, кто вас яростно искал. Что вам стоит провести несколько часов в одном доме с начальником снольдерской разведки, который вас тоже ищет? Дело почти что привычное...

– Великие небеса, мне все равно, – устало отозвалась Делия, попытавшись, впрочем, улыбнуться.

– «Жена боцмана»? – моментально догадался Леверлин.

– Ну да, – сказал Сварог. – По моим подсчетам, уже сегодня возможны выражения бурного негодования тех, кому никак не удастся справиться с «пятнашкой». Если же добрые жители столицы окажутся терпеливыми, дворяне Маргилены немного помогут, они уже действуют по всему городу. Будет переполох, и всем станет не до нас. А пока что я приму небольшие меры предосторожности, так что не пугайтесь происходящего с вашими соседями, потому что с вами будет происходить то же самое. Это к каждому относится.

Заклинания на изменение облика все жегодились. Теперь напротив него сидела мужеподобная рыжая девица, в которой только по одежде можно было узнать прежнюю Делию. Вместо Мары – светловолосая дурнушка с блекло-синими глазами и жидкой челкой. Паколет, наоборот, из светлого стал чернявым и косоглазым. Капрал и Леверлин тоже стали совершенно непохожи на себя прежних, как и сам Сварог. Все это была не более чем иллюзия, которую могли разоблачить немногие люди в столице – и каждое зеркало...

– Присмотритесь друг к другу, чтобы привыкнуть, – сказал Сварог. – И держитесь подальше от зеркал, зеркала нас отразят в самом что ни на есть подлинном виде...

– Надеюсь, я сейчас не особенно уродлива? – спросила мужеподобная рыжая девица с таким видом, словно ее сейчас только это и волновало.

– Вы очаровательны, принцесса, – сказал Сварог, отчаявшись понять женщин.

Он смотрел, как Странная Компания, фыркающая и похохатывая, переглядывается, привыкая заново друг к другу. Похоже, они чуточку развеселились. И не все понимали, что за них взялись всерьез, что они проиграли первый тайм...

Через полчаса Сварог убедился, что проиграл и второй.

«Жена боцмана» уже догорала. Он увидел пламя, едва карета вывернула на широкую Адмиральскую. Поскольку дело происходило почти в центре города, пожарных, зевак и полицейских собралось превеликое множество. Толпа запрудила улицу, пешая и конная полиция вкупе с городской стражей тщетно отжимала ее от сиявшей пустыми провалами окон, лениво дымившей каменной коробки, закопченной и мокрой. Пожарные, уже проделавшие главную работу, бдительно прохаживались вокруг, разбивая баграми тлеющие головы и заливая их из ведер. Отстраненно и холодно Сварог констатировал, что в обоих случаях соседним домам повезло: огонь на них не распространился, чудесным образом ограничив ярость границами конкретного владения... Возможно, неведомые поджигатели именно так и задумывали – и умели управлять этими странными пожарами. Сварог ничего еще не знал о случившемся в «Жене боцмана», но в совпадениях нисколько не верил – домик бабки-гусытницы и «Жена боцмана», единственные в городе места, где он мог надежно укрыться, не могли вспыхнуть оба сразу, почти в одно и то же время, вследствие глупой случайности...

Хорошо еще, никаких подозрений бесприютная Странная Компания не вызвала – перед толпой остановились, не в силах пробиться, десятка три разномастных экипажей. Старикашка в лиловом с серебром вицмундире тюремного ведомства, департаментский секретарь, громко разорялся насчет своей прерванной поездки, вызванной государственной необходимостью. Но на него не обращали внимания, не говоря уж о том, чтобы расступиться и дать дорогу, – его собственный кучер сбежал с козел таращиться на пожар, как все прочие

возницы да и их господа. Так что Сварог, энергично ринувшийся сквозь толпу, подозрений не вызывал – одни шумные протесты, тут же утихавшие, едва те, кого он расталкивал кулаками и рукоятью меча, оглядывались и убеждались, что имеют дело с дворянином.

Вывеска, произведение искусства, сгорела начисто, осталась лишь железная рама. Выгорела и каменная конюшня, где стояли лошади Сварога. На мокрой брусчатке, дымя и шипя, испускали последние искры разномастные головешки – в точности Свароговы педантично расписанные планы, если мыслить образно. Некуда податься. К Маргилене возвращаться никак нельзя, проще сразу повеситься на ближайшем фонаре, благо есть перекладины...

Покосившись влево, Сварог отшатнулся и хотел было замешаться в толпу, но вспомнил, что сейчас он неузнаваем. Шагах в десяти от него понуро стоял начальник снольдерской разведки. Судя по его костюму, неполному и пребывавшему в жалком виде, граф спасался из горевшего дома через окно, изрядно перемазавшись при этом в известке и кирпичной пыли. Тут же торчали два его молодчика, грязные и хмурые, бдительно зыркая по сторонам. Значит, снольдерцы тут ни при чем...

С превеликой радостью Сварог углядел тетку Чари, перепачканную в грязи и копоти, но невредимую. Она что-то объясняла бравому усатому квартальному – точнее, энергично и обстоятельно, с привлечением всех красот и перлов морского лексикона высказывала свое мнение о поджигателях и объясняла, что с ними сделает, если они ей ненароком попадутся. Квартальный почтительно слушал, явно стараясь запомнить как можно больше шедевров изящной словесности, рожденной вдали от твердой суши.

Его позвал пожарный, и он отошел. Воспользовавшись удобным моментом, Сварог протиснулся поближе, дернул тетку Чари за прожженный рукав:

– Пора сматываться, госпожа гильдейская трактирщица...

Она недоуменно уставилась на незнакомца. Должно быть, узнала голос:

– Граф?!

– Я самый. Пошевеливайтесь. За мной.

И вновь ввинтился в толпу, как бурав в мягкую сосновую доску. Тетка без расспросов и охов-вздохов поспешила следом. Открыла дверцу кареты, миг ошарашенно взирала на сидевших там, потом решительно полезла внутрь. Сварог задержался возле козел.

– Куда же теперь? – тихо спросил отец Кaleb. – Быть может, в один из наших храмов? Братья вас охотно спрячут...

– Опасно, опасно... – сказал Сварог. – И для нас, и для братьев. Кто-нибудь умный быстро выстроит логическую цепочку, если не выстроил уже. Мы пока что отвечаем на их ходы, а нам пора делать свои, неожиданные и непредусмотренные...

От лошадей, притомившихся за день, остро шибало потом. От колеса кареты, приходившегося Сварогу по грудь, несло дегтем. Толпа, где все стояли к нему спинами, напоминала прессованную ветчину. На душе было смутно и паскудно, но безнадёжности Сварог не чувствовал, он еще долго готов был барахтаться в этом чертовом горшке со сметаной, пока не получится масло...

А высоко в небе равнодушно и неспешно проплывал чей-то замок – возможно, его собственный. И никто из стоящих на улице не обращал внимания на скользившую по земле округлую черную тень – самое обычное зрелище, –

никто не задирает голову, чтобы полюбоваться на столь обыденную деталь небосклона. Пожар, даже погашенный, был гораздо интереснее – старое развлечение, никогда не приедавшееся.

– Итак? – тихо спросил отец Калев.

– Итак, я делаю ход, – сказал Сварог.

Он сказал, куда следует ехать, забрался в карету. Сел прямо на пол, потому что больше некуда было, но и на полу оказалось не уютнее, со всех сторон стискивали сапоги и ножны мечей. Пахло гарью, пылью и сапогами – но, увы, такие картины и запахи, каким бы эпохальным событиям они ни сопутствовали, никогда не войдут ни в школьные учебники, ни в романы. Мушкетерские лошади никогда не воняли потом, мушкетерские слуги не воняли чесноком, а мушкетерские дамы никогда не ловили на себе блох...

– Перек сгорел, – печально сказала тетка Чари. – На море из жутких передряг выкарабкивался, а тут вот сгорел. Из подвала не успел выскочить, когда эта стерва...

– Кто? – насторожился Сварог.

Подробности заключались в следующем: тетка Чари, проходя по коридору первого этажа, вдруг нос к носу столкнулась с совершенно незнакомой женщиной, видом и одеждой напоминавшей гильдейскую шлюху среднего пошиба – как раз такую, что могла бы невозбранно разгуливать по Адмиральской. Незнакомка, как крыса, прошмыгнула мимо хозяйки в первую попавшуюся дверь, и не успела тетка Чари изумиться такой наглости, как за этой дверью словно бы произошел беззвучный взрыв, хлынуло пламя...

– В конюшне кто-то успел распахнуть ворота, кони и разбежались, – сказала тетка Чари. – А вот Перек сгорел. Да и я чудом выбралась. На кораблях пару раз приходилось гореть, привыкла сразу улепетывать подальше, хоть на палубе и не разбежишься особенно. Сиганула в окно...

– А эта женщина так и не появилась потом?

– Да не могла она выбраться, – сказала тетка Чари. – Никак не могла. Едва она дверь за собой захлопнула, внутри полыхнуло, да так, что ослепнуть можно...

– Слышал кто-нибудь о чем-то подобном раньше? – спросил Сварог.

Никто не отозвался.

– Ну ладно, – сказал он. – Павшие духом есть?

Даже если таковые и были, никто не признался вслух в своей к ним принадлежности.

Глава 14 Виват, богема!

*Где краса былых прелестниц,
их прически и наряды,
их духи?
Воздыхатели у лестниц,
и пылавшие взгляды,
и стихи?
Где старинные напевы,
где забытые актеры
и таланты?
Где бывшая слава, где вы,
разодетые танцоры,*

музыканты?

Сварог мимолетно оглянулся через плечо, посмотрел в комнату. Там царила сподлинно творческая атмосфера: Гай Скалигер, автор вывески «Жены боцмана» и статуи Маргилены, стоял у мольберта, Леверлин, чтобы Делии не скучно было позировать, услаждал ее слух балладами собственного сочинения под собственную же игру на виолоне, а Делия сидела в ветхом кресле с облупившейся позолотой, и на лице у нее была даже не печаль – тягостное ожидание, жажда каких угодно перемен. Увидев ее лицо, Сварог почувствовал что-то вроде бессильного стыда и отвернулся, оперся на щербатые перила дряхлой, зато каменной галереи. Из-за этой галереи и из-за того, что дом был целиком каменным, прежний хозяин драл с постояльцев нещадно, но Гай, приняв от Маргилены деньги за статую, купил весь дом и занял один этаж, оставив в двух других прежних постояльцев, собратьев по ремеслу, – совершенно бесплатно.

Сюда, на Бараглайский Холм, Странная Компания внедрилась моментально и непринужденно, не вызвав ни у кого подозрений. Здесь и своих таких имелось превеликое множество – приходивших неизвестно откуда и уходивших неизвестно когда бродячих актеров, алхимиков, искавших эликсир бессмертия и любовный напиток, странствующих музыкантов, непризнанных ученых, циркачей, акробатов, изобретателей жутких на вид агрегатов непонятного даже самим создателям назначения, художников и поэтов. А также тех, кто считал себя художником, поэтом или скульптором – но без всяких к тому оснований. Народец был пестрый – от бывшего дирижера Королевской оперы, обнищавшего к старости, до торговца «напитком удачи» – шумный, много и изобретательно пьющий, беспокойный, но неопасный. Шпиков на душу населения здесь насчитывалось гораздо меньше, чем в других районах города, – во-первых, не настали еще времена, когда полицейские власти начнут тотально шпионить за творческими людьми и богемой, а во-вторых, любой «тихарь», работавший со здешним людом, подвергался нешуточной опасности рехнуться окончательно. Богема крепко пила, а подвыпив, каждый давал волю самой необузданной фантазии, меняя по три раза на дню свою собственную биографию и мнение о соседях. В сторону приукрашивания и запутанности, понятно. Чтобы отделить правду от пьяных побасенок, требовались титанические усилия. И давно известно было, что шпииков переводят сюда в наказание. Одним словом, на Тель-Бараглае жилось не в пример спокойнее – если не особенно распускать язык самому.

*Графы, герцоги, маркизы,
благородные личины,
господа,
чьи причуды и капризы
смерть уносит в час кончины
без следа,
чьи свершенья и утраты
в годы мирного покоя
и войны
в край, откуда нет возврата,
неподкупною рукою
сметены...*

Они прекрасно вписались в здешнюю пеструю коловертъ. Разорившийся маркиз откуда-то с полудня, с границы Фагерстарских Болот (это Сварог) и его домашние актеры, пустившиеся на поиски счастья вместе с бывшим хозяином, потому что так оно привычнее. Столица всегда манит надеждами на фортуна. Поди проверь и заподозри, если капрал Шедарис за время скитания в Вольных Топорах обучился жонглировать чем попало (лучше всего у него выходило с пустыми бутылками), Мару завтра же взяли бы в любой балаганчик метательницей ножей, талантливый карманник Паколет легко мог сойти за фокусника (если вы думаете, что ваши часы у вас в кармане, то вы больше так не думайте!), Леверлину не нужно было особенно напрягаться, чтобы выдавать себя за бродячего менестреля. Даже Сварог мог при нужде побренчать на виолоне, не вызвав дождя гнилых яблок. А тетка Чари была незаменима, если возникала необходимость послать кого-то к русалочьей матери и дать в лоб, не впутывая мужчин. Никакие чары не могли скрыть осанку и манеры Делии, но на Бараглайском Холме они подозрений не вызывали – здесь можно было встретить титулованных особ с родословной не короче. Через два дома от Гая обитал восемнадцатый герцог Немер, старший сын, лишенный наследства и изгнанный из родового гнезда суровым папашей за неодолимую страсть к игре на театре. А на соседней улице частенько обреталась у любовника-скульптора под видом третьеразрядной артистки молодая вдовствующая графиня. Хватало, конечно, и самозванцев, жаждавших после пятой бутылки поведать всем и каждому о своих гербах и генеалогическом древе, идущем прямиком от Дорана или Морских Королей, – но в том-то и юмор, что среди таких болтунов могли оказаться и люди, нисколько не вравшие...

*Все, что любим и покоим,
все, что дорого и мило
в суете –
лишь разведка перед боем,
чтобы смерть нас подманила
к западне.
Мы галопом до упаду
мчимся вдаль легко и резво,
без преград,
и на всем скаку – в засаду.
Повернуть бы, да отрезан
путь назад...*

– Весьма актуально, – проворчал под нос Сварог, глядя на Равену.

Вид с Бараглайского Холма открывался великолепный – Тель-Варрон с его грудой старинных камней, страшный холм казней, Монфокон с огромной каменной виселицей, возведенной некогда знаменитым архитектором, впоследствии люто запившим и в приступе белой горячки кинувшимся головой вперед с высшей точки своего детища (стоявшего с тех пор четвертую сотню лет).

В другое время, беззаботное, можно любоваться видом без конца. Расстояние и высота скрывали от глаз грязь и чад, а от носа – ароматы кухонь и выгребных ям, не видны облупившиеся фасады и выщербленные стены, нищие и шлюхи. Все дома были маленькими и красивыми, утопали в кудрявой тугой зелени особняки и дворцы знати, малиновым затейливым тортом красовалась ратуша; далекие прохожие, всадники и экипажи казались пестрыми ку-

колками, Ител – бирюзовым потоком жидкого стекла, корабли в порту – изящными моделями. Даже серые воздушные шары, висевшие на пристани вдоль берега, почти правильным полукругом отсекавшие часть левобережного города по суше, выглядели вполне безобидно. Ветра не было, и тросы натянулись вертикально. Над бортом одной из плетеных корзин вдруг блеснул солнечный зайчик – подозрная труба...

Сварог зло стиснул зубы. Половина левобережья, как раз та, где они находились, была заблокирована обстоятельно и надежно. Шары висели над городом день и ночь, разве что несколько раз в сутки лебедки опускали тот или иной к земле, чтобы сменить наблюдателей. На реке стояли под парами баркасы речной полиции, готовые перехватить любую лодку, и на пресловутый «покров ночи» рассчитывать нечего – Сварог знал: с Дике привозили какой-то слоистый, словно слюда, минерал, и из него делали очки, позволявшие видеть во мраке.

На земле кольцо замыкали конные жандармы Багряной Палаты и кавалеристы столичного гарнизона: черные драгуны, серебряные кирасиры и гран-ала короля – триста преданных Конгеру, как псы, безземельных дворян и ронинов. В город пропускали всех. Из города выпускали по пропускам с некоей печатью короля – заставляя к тому же всех выезжающих смотреться в зеркало. По столице бродили упорные слухи, что некая разбойничья шайка, обнаглев до предела, в стоворе с казначеями похитила из сокровищницы один из знаменитых алмазов ронерских королей. Параллельно гуляла другая сплетня: что насчет алмаза все враки, а на самом деле из тюрьмы бежал черный колдун, собиравшийся напустить мор на столицу и продать побережье чужеземцам. Судя по некоторым деталям, оба слуха распускала полиция.

Внутри, в кольце, никаких облав не проводили. Более того, полицию протектора определенно не брали в игру. И это беспокоило Сварога больше всего – то, что жизнь внутри кольца облавы протекала как ни в чем не бывало, не прерываемая суею жандармов. Король вряд ли причастен к подмене собственной дочери этим монстром с коротким периодом распада, выражаясь терминами ядерной физики. Значит, кроме Сенгала, был еще кто-то влиятельный и достаточно близкий к трону, добившийся неизвестными аргументами согласия короля на подобную облаву, не случавшуюся лет десять, со времен мятежа Белых Повязок. Интересно, что за ложь преподнесли королю, чем его напугали? Конгера не обвести вокруг пальца примитивной интригой... В первую ночь на Бараглайском Холме Сварог, размышляя, заподозрил даже, что и короля подменили какой-нибудь иллюзорной тварью. Специально спустился в город, подстерег направлявшийся в храм Хорса королевский автомобиль и проверил догадку с помощью должных заклинаний. Нет, король был настоящий, прежний.

Но почему же они ждали, неизвестные охотники? А может, и не ждали вовсе. Может, как раз старательно искали – способами, не имевшими ничего общего с обычным полицейским сыском. Или – эта мысль была Сварогу особенно неприятна, но могла оказаться святой истиной – попросту ждали прибытия кого-то такого, чего-то такого, способного обнаружить дичь быстро и безошибочно. А в игре – не только король, но и Горрот. Вернее всего, люди Стахора приняли поначалу убийц Сенгала за обычных местных интриганов, почему и устроили рассчитанное на дешевый эффект «явление призрака». А потом об-

наружили свою ошибку... Загадочные поджигательницы, живые факелы, таинственным образом исчезающие с пожара, свидетельствовали, что игра пошла по крупной и кое-кто не боится рассекретить свои последние достижения. Сварог не видел фигур противника, вообще не представлял, кто против него играет и на какие новые ходы способны эти фигуры. Правда, его тоже потеряли из виду, но от этого не легче. Он заперт в Равене. И он, и Мара в состоянии отвести глаза любому – но там, где людей много, где расположились караулы и оцепления, любой, стоящий в отдалении, обязательно заметит беглецов. К тому же Делия отводить глаза не умеет, а без нее бежать бессмысленно. Нет, все-таки идиотская штука эта магия с тысячами оговорок, строгих правил, неизменных условий и прочих поправок к конституции. Где хваленое всемогущество магов? Впрочем, легенды вряд ли врут: просто ни одно ремесло не терпит самоучек и торопыг, овладение серьезной магией, как любое мастерство или изящное искусство, требует долгих лет и упорных трудов...

*Мир, ты всех нас убиваешь,
так хоть было б в этой бойне
чем платиться.
Но таким ты пребываешь,
что отрадней и достойней
распроститься
с этой жизнью многотрудной,
для утрат нам отведенной
и пустою,
безутешной и безлюдной,
и настолько обойденной
добротою...*

Как бы там ни было, Орк здесь ни при чем. Равенский азартный народ не обманул ожиданий Сварога. Когда слухи о кознях горротцев и Орка, укравших загадку головоломки, в должной степени овладели должным количеством умов, бомба взорвалась. Ярость усугублялась тем, что каждый, тщетно ломавший голову над разгадкой, чувствовал себя обворованным...

Железная ограда вокруг горротского посольства устояла – но ворота вылетели, и, прежде чем прискакала королевская конница, ни одного целого стекла в посольстве не осталось. Поджечь его, правда, не успели, но парадную дверь из резного красного дерева привели в жалкое состояние. Зато от особняка Орка остались лишь обгорелые стены. Впервые в жизни Орку пришлось позорно бежать, и скрыться в резиденции наместника, каковой, несомненно, будучи не в восторге от такого гостя, побыстрее отослал его наверх.

Отогнанные от посольства разгоряченные равенцы еще пару часов рыскали по городу, выискивая горротцев и колошматя всех, кто имел несчастье быть похожим на подданного Стахора. Потом на улицах появились разъяренные лазоревых кирасир. Мрачные бородатые верзилы никого не учили жить и не воспитывали, они просто проезжали шагом с палашами наголо, строго поглядывая из-под украшенных крыльями шлемов, но горячие головы поняли их совершенно правильно и понемногу рассосались с проезжей части. Кое-кого сцапала опомнившаяся полиция, кое-кого отходили плетьюми, не арестовывая, но особых репрессий не последовало. Конгер умел выпускать пар народного недовольства и терпел подобные массовые гуляния, пока они не заходили

слишком далеко. Уже в тот же вечер по городу распространяли печатную прокламацию горротского посла, клявшегося, что его держава не имеет никакого отношения к покраже секрета головоломки и не намерена вмешиваться во внутренние дела славного ронерского королевства, своего душевного соседа. Послу, разумеется, никто не верил, но общественное мнение пришло к унылому выводу, что концов теперь все равно не найти. Газетка, всем давно известная как рупор полиции, громогласно заявила, что удивлена глупостью своих сограждан: секрет головоломки есть вещь совершенно нематериальная, и украсть его просто невысказано, ибо он остается при каждой головоломке. Это была чистейшая правда, но ей тоже не верили по двум причинам: во-первых, из-за репутации газетки, во-вторых, всякому, не отыскавшему решения, не в пример приятнее было полагать себя обкраденной жертвой темных сил, нежели тупицей. В общем, переполох был знатный, и Сварог окончательно укрепился в убеждении, что стал, учено говоря, важным фактором международной политики – вот только пользы от этого не было никакой, кроме изгнания Орка...

*Приходя в нее, мы плачем,
и горьки с ней расставанья
поневоле;
Путь наш муками оплачен,
долгий век – одно названье
долгой боли.
Смертным потом и слезами
достаются наши крохи
утешенья.
Но всегда приходят сами
и до гроба с нами вздохи
и лишенья...*

«Господи, хоть бы переменял пластинку», – тоскливо подумал Сварог. Хотел даже посоветовать это Леверлину вслух, понятно, в более понятных этому веку терминах, но удержался. К поэтам и художникам он относился с толикой суеверного уважения – потому что они умели то, чего он не умел и никогда не будет уметь. Быть может, сотни лет спустя Леверлин станет для нынешнего столетия кем-то вроде здешнего Шекспира. Любое столетие и любое общество обожают покойных талантов. Бумаги графа Асверуса продаются сейчас на вес алмазов – и, по слухам, кто-то из архивистов Багряной Палаты обогатился несказанно... Возможно, лет триста спустя почтенные седовласые леверлиноведы будут паразитировать на его творческом наследии, скрупулезно подсчитывая, сколько раз Леверлин употребил слова «любовь» и «печаль», спорить, не следует ли считать точку на семьдесят пятой странице, седьмая строка сверху, непроставленным восклицательным знаком или мушиной какашкой. И появится толстенный труд, доказывающий, что авторы десяти предыдущих фолиантов заблуждались, и ночь с семнадцатого на восемнадцатое Датуша Леверлин провел не в трактире «Золотой кот», а под арестом за драку с пожарными. Чем черт не шутит, появятся еще и костюмные фильмы с душещипательными романами, и все это будет сплошное вранье от чистого сердца, романтики ради. А к кондитерской Риты Гей будут водить туристов, и в примечаниях к пятому тому мелким шрифтом будет упомянут некий барин Готар

(он же Гомар или Потар, в точности неизвестно, см. шестой том). Этак, чего доброго, и сам, ничуть на себя не похожий, угодишь в исторический многосерийный боевик...

Мысли эти чуточку развеселили Сварога, и он, бросив последний взгляд на озаренный заходящим солнцем город, на чьи-то болтавшиеся в вышине замки, вернулся в комнату. Гай складывал кисти, портрет был почти готов, и написан он был на железном листе. Опечаленный гибелью вывески «Жены боцмана», Гай намеревался впредь работать исключительно в изобретенной его учителем технике – картина пишется красками особого состава на металлическом листе и подвергается обжигу по известной лишь мастеру технологии. После чего ее можно топить и жечь, сколько заблагорассудится, – все равно урона не будет никакого.

Делия уже удалилась в сопровождении Леверлина. Сварог рад был, что они ушли. Никто из Странной Компании не попрекнул его и словом, никто не приставал с расспросами насчет планов на будущее. И это было хуже всего – их вопрошающие, полные надежды взгляды, бросаемые украдкой, когда им казалось, что Сварог ничего не замечает...

– Мы вам еще не надоели, Гай? – спросил Сварог, располагаясь в древнем, но прочном кресле.

– Так интереснее жить, барон, – пожал плечами Гай.

Он был совсем юн, этаким кудрявый фавн. Пожалуй, нетрудно представить его красневшим перед крайне эксцентричной графиней по имени Маргилена, но Сварог успел уже убедиться, что юноша тверд характером, упрям и целеустремлен. Отнюдь не ангел, плоть от плоти и кровь от крови этого мира. Но вряд ли продаст. Во-первых, понимает, что свидетели подобных закулисных интриг долго не живут, а во-вторых, исчезновение Сварога в подвалах автоматически лишит художника полученного от барона дворянства, не подтвержденного пока что юридически, ибо означенному барону пока как-то не с руки навещать Геральдическую коллегия. А без герба Гай, несмотря на все свои таланты, обречен на Бараглайский Холм.

– Ну а все-таки? – спросил Сварог скорее лениво.

– Вы догадываетесь, как вас будут искать... традиционными методами?

– Примерно, – сказал Сварог. – Сначала четко определяют, где нас никак не может оказаться. И начнут искать там, где мы оказаться можем. Если речь идет о традиционных методах...

– В любом случае наш сумасшедший Бараглай – последнее место, куда они заявятся. Я в свое время прочитал парочку старинных книг... В мозгах здешних жителей царит такая каша, что собьется со следа любой нынешний маг. Вас это утешает, барон?

– Не особенно, – сказал Сварог. – Что мы с вами знаем о нетрадиционных методах? Да и время, время поджимает...

– Жаль, что здесь нет моего учителя. Мэтр Тагарон изобретал судно для подводного плавания. Правда, он так и исчез, ничего не добившись, ходили слухи, что он строит свое судно где-то на Островах, но о нем и до его исчезновения болтали столько, что даже мы, его ученики, не знали, где правда, а где фантазия...

– Подводная лодка мне не помешала бы, – согласился Сварог. – А вот как насчет подземных ходов? Я наслушался немало историй, рассказывают даже о

подземных городах и пещерах размером с приличное княжество...

– Кто знает? – пожал плечами Гай. – Это уже из области прочно забытого. Вполне возможно, что не все построенное под землей строили гномы, но гномов давно нет, а сказки – материя туманная...

– Может, мне поговорить с Анрахом?

– Попробуйте. У него богатая библиотека. Если только он не испугается.

– Чего?

Гай внимательно посмотрел на него:

– Конечно, традиции обязывают вассала быть откровенным с сюзереном...

– Вот и привыкайте к дворянским обычаям, лаур Скалигер.

– А если эти секреты окажутся опасными для самого сюзерена?

– Живем только раз, – сказал Сварог.

– А что вы скажете о возможной ссылке на Сильвану?

– Насколько мне помнится, маркиз Вильмор даже оттуда ухитрился сбежать...

Гай не знал, что Сварог – лар. А Сварог не торопился просвещать.

– Барон, за интерес к иным старинным книгам можно попасть даже не на Сильвану, а в замок Клай. В летучую тюрьму ларов. Оттуда уже не сбежишь.

– И туда можно угодить за интерес к сборникам сказок о подземельях?

– Легенды о подземельях могут оказаться главой какой-то другой книги, невероятно предосудительной.

– Хм, тоже верно...

– Между прочим, мэтр Тагарон бежал еще и потому, что всерьез опасался замка Клай.

– За подводное судно?

– И за него тоже. Но в замок Клай он не попал, такие вещи не скрывают, совсем наоборот... А на Островах и в самом деле есть где спрятаться. Правда, беглецу-отшельнику уже не построить никакого судна, да и науками не больно-то займешься – нужны книги, лаборатории, инструменты... Он дружил с Анрахом. Меня в эти дела не посвящали, я ими и не особенно интересуюсь, кстати. Мое дело – кисть и резец. Быть может, вы посчитаете меня циником или трусом, но я не собираюсь совершенствоваться в изящных искусствах в замке Клай, где узникам предоставлены все блага, за исключением свободы... Меня два года назад допрашивали. После исчезновения Тагарона. Допрашивала полиция ларов, умеющая мгновенно отличать правду от лжи.

– И все же вы нас прячете?

– Мне необходимо дворянство, – сквозь зубы сказал Гай. – Пришлось рискнуть. Вот таков уж я, таким и принимайте. Хорошо еще, что мэтр Тагарон не интересовался археологией...

– А это тоже чревато?

– Ох ты! – в сердцах сказал Гай, со звоном поставив на стол бокалы. – То ли смеяться над вами, барон, то ли, наоборот, завидовать – как беспечно живут в Готаре, не слыхивали о запертых темах... Впрочем, это понятно: какая в Готаре археология? Нет, разумеется, и у вас, если как следует поплевать на ладони, прежде чем взяться за лопату, да как следует помолиться, чтобы не заметили с зорких небес, можно ожидать открытий... Но кто там у вас возьмется копать? В общем, археология – самое опасное занятие в нашем печальном и развеселом мире. В равной мере это касается и рудознатцев, знаете, тех, что

ходят с рогулькой...

– Послушайте, я все-таки не из зверинца вырвался, оставив хвост в вольтере... Но все же – при чем здесь рудознатцы?

– Рудознатцы – инструмент двойного назначения. Могут к вящему процветанию державы искать воду или золото, но способны с тем же успехом высмотреть в недрах нечто предосудительное. Далее, по нисходящей, следуют механики, прочие изобретатели. За ними антиквары, конечно, – он пояснил, не дожидаясь вопроса, подметив удивленный взгляд Сварога: – Видите ли, порой, хотя и крайне редко, самые поразительные открытия делались в антикварных лавках. Или у букинистов. Даже если допустить, что верна лишь десятая часть гипотез и догадок, земля таит множество удивительных вещей – и то, что принадлежит жившим до Шторма, и памятники более древних эпох, когда здесь не было человека. Правда, положено считать, что мы жили на Таларе всегда. Существует официально утвержденное прошлое, и не годится осквернять стройные, изящные конструкции грубыми по причине своей реалистичности пристройками... Понимаете?

– Лучше, чем вам кажется, – кивнул Сварог.

– Возможно, в запретах и есть какой-то смысл... Под землей хватает такого, чему лучше всего там и оставаться. Знаете историю про кошку из черной бронзы, которую мирные крестьяне выворотили плугом под Боирмо? На ночь лучше не рассказывать.

– Вот и не рассказывайте, – проворчал Сварог, вставая. – Что ж, уговорили. Пойду поговорю с Анрахом, да и книгу нужно вернуть...

Глава 15

Человек из золота

Он не стал проходить через комнаты. Опасался встретить кого-то из своих. Грустно быть генералом разбитой армии, но гораздо хуже – вождем обреченной на бездействие. Вышел на галерею и стал опускаться по наружной лестнице. Один из воздушных шаров как раз раскачиваясь пошел к земле. Сварог покосился в сторону Монфокона – несмотря на изрядное расстояние, виселица четко рисовалась на фоне ало-золотистого заката. И вокруг – пять высоких изящных башен с круглыми площадками наверху, напоминавшими исполинские гвозди. Еще одно изобретение Конгера – осужденного заводят наверх, запирают изнутри люк, и он остается на площадке. Сиди, созерцай город и потихоньку подымай от голода и жажды, пока окончательно не отдашь богу душу. Не хочешь так прозябать – бросайся головой вниз с высоты уардов сорока, не зря земля вокруг заботливо выложена булыжником. Бывает, осужденных приковывают наверху, чтобы не сиганули. Бывает, ставят жбан воды. Но всем отрезают языки, чтобы не беспокоили воплями окрестных жителей...

Сварог зашел в таверну с учитывавшей специфику района вывеской «У бархатного занавеса». Отстранил парочку то ли шлюх, то ли ряженных великосветских любительниц острых ощущений, мимоходом дал по морде скульптору-педикю, на свою беду потянувшегося было погладить Сварога ниже спины, мимоходом похлопал по спине лысого сизоносого трагика и заверил, что тот гений и нынешнее его бедственное положение, ясный день, суть происки бездарных завистников – словом, держался, как свой человек, и потому не привлек внимания. Кабатчик, подобно своей клиентуре, тоже имел во взгляде этакую творческую отрешенность, проблеск безумия. Любой корчмарь с года-

ми приобретает философский взгляд на жизнь, а уж тот, что содержит кабачок для богемы, быстро отучится удивляться чему бы то ни было...

Днища стоявших за его спиной бочек были расписаны самыми разными сюжетами, и хозяин эти творения подгулявших художников берег свято – вполне могло оказаться, что лет через полсотни его внукам отвалят за что-нибудь из этого золотом по весу. Бывали прецеденты.

Сварог купил бутылку «Драконьей крови», отлитую с полукруглой ручкой, что было удобно как для ношения, так и для кабацких драк. Лениво поинтересовался:

– Ну, как оно, если – в общем и философски глядя?

– Да сплошная хреновина, – сказал хозяин. – Философски-то глядя. Полгорода вон заперли. Ночью по улицам призраки шастают. Дождемся, гномы из-под земли полезут...

– Они ж вымерли начисто, гномы, – сказал Сварог.

– Это такой народец, что пакостить будет, даже начисто вымерши... Племянник у меня не смог поехать за вином в Традесант, не выпустили. Алмаз короны, ха! Бабушке моей рассказали бы, любила покойница байки слушать и сама травила, что твой боцман... – Он перегнулся поближе к Сварогу и понизил голос: – Вот насчет колдунов – это верно. Колдуны появились. Выходит, не всех извели...

Сварог насторожился, но виду не подал. Выложил на стойку пяток серебряных сестерциев и показал на помещавшуюся особняком бочку с розовым дургарским – оно было не по карману доброй половине присутствующих, но своих денег стоило. Хозяин налил серебряную высокую чарку – не долил, понятно, чисто автоматически – и перед лицом очевидной прибыли невольно стал еще словоохотливее:

– Если ищут алмаз, зачем заставляют смотреться в зеркало? Нет, маркиз, верно вам говорю про колдунов. Человек опытный такие вещи чувствует за версту – по тому, что носится неуловимо и воздухе... В городе видели Немого Пса. А если эта зверюга бродит ночами и выискивает кого-то, как встарь, жди беды.

– Врут, – сказал Сварог, в жизни не слышавший про Немого Пса. – Пить меньше нужно, не увидишь ни псов, ни крыс...

– Кто его знает... Только Немого Пса видел и Буга-Скрипач, а он при белой горячке зрит исключительно лягушек, привычка такая у человека... Да и от белой горячки его отделяло добрых полведра. Как увидел Пса, бежал от Мельничной до холма, побросав бутылки – полные, заметьте, от него такого при любых горячках не дождешься, будь они белее снега... Влетел ко мне – краше в гроб кладут, а уж я его всяким видал. Клянется, что Пес шлялся по Мельничной и вынюхивал, тварь, улицу, да обстоятельно так. А за ним тащились бесшумно трое в плащах и каталанах, и кому это быть, как не Проклятым Егерям? Значит, жди беды. И все оттого, что до сих пор где-то лежат не погребенными косточки герцога Юнтеса...

Сварогу стало скучно, он допил вино, вышел на улицу и направился вниз, к самому почти подножию холма, где обитал учтивый народ, огульно окрещенный «алхимиками». Обособился он не без причины. Во-первых, ученые эксперименты там порой завершались крайне шумно, и осколки после взрывов разлетались крайне далеко. А во-вторых... После разговора с Гаем о некоторых

весьма небезопасных научных дисциплинах Сварог стал подозревать, что «алхимики» обособились не из мизантропии – их туда выжили, на окраину...

Начинало темнеть, кое-где появились фонарщики с высокими лестницами. Помахивая бутылкой, Сварог спустился по мощеной пологой улочке, напоминая ему ялтинские, свернул налево – и едва не выхватил пистолет, когда наперерез ему метнулся из переулка жаркий язык пламени – но это всего лишь репетировал в гордом одиночестве уличный глотатель огня.

– Смотри, забор не подпали, опять по морде получишь, – сказал Сварог, уже знакомый с местной скандальной хроникой. Снова свернул налево, поднялся на высокое крыльцо каменного домика, дернул старинную ручку звонка в виде змеи, глотающей собственный хвост, – символ то ли познания, то ли вечности, то ли того и другого, вместе взятого. В глубине домика задребезжало, гулко пролаяла собака, смолкла. Скрежетнул засов, на пороге появился мэтр Анрах, всмотрелся, узнал:

– А, маркиз... Заходите.

Камин ярко пылал, и на столе горела лампа под колпаком из тончайшего фарфора, белого, с просвечивающими синими рыбами и алыми водорослями. Чертовски уютная была лампа, и дорогая. Судя по ней и кое-каким другим вещичкам, Анрах знавал и лучшие времена.

Сварог по заранее рассчитанному маршруту прошел к столу и сел. Здоровенный пастушеский пес, серый, кудлатый кураш, молча поднялся, отошел подальше и шумно улегся в углу, положив голову на лапы. Сварог все время чуял на себе его спокойный загадочный взгляд – но так случалось каждый раз, когда он сюда приходил, и он привык.

Хозяин поставил на стол пузатые серебряные чарочки, отодвинул толстую потрепанную книгу – названия на черной кожаной обложке не было. Сварог содрал лезвием кинжала смолу с высокого горлышка бутылки, раскачал кончиком пробку, выдернул.

– Прочитали? – спросил Анрах.

Сварог достал из кармана небольшой толстый томик: «Записки искателя затонувшего континента Альдарии, составленные по опыту трех своих собственных морских путешествий, а также по рассказам и свидетельствам, почерпнутым из бесед со сведущими людьми». Тисненное серебром название занимало всю обложку, едва осталось место для маленького якорька внизу.

– Каково же ваше мнение?

– Занятно, – сказал Сварог. – Но аргументов маловато. Если они вообще есть... Альдария должна была существовать, потому что должна же она была существовать, черт возьми! К этому, если вдумчиво прочесть, все аргументы и сводятся. Записки Гонзака, подтверждающие его теорию, у него, конечно же, украли...

– Действительно, – кивнул Анрах. – Боюсь, что бедного профессора разыгрывали все, кому не лень. Грех не подоить богатого бездельника, готового раскошелиться на подозрительных «лоцманов» и еще более подозрительные «древние карты». Да и «записки Гонзака», цитируемые им, ничуть не похожи на стиль Гонзака и пестрят скорее сегурским жаргоном... Хорошо еще, что для профессора все кончилось благополучно и кровопускание устроили только его кошельку, а не ему самому...

– А что, были примеры и печальнее?

– Случались. Взять хотя бы Гонтора Корча. Не слышали? Лет десять назад у него вышла крайне интересная книга, «Ночные колеса». О ночных извозчиках. То, что они сами рассказывали. В основном, конечно, смешные и грустные истории из жизни гуляк и бытия ночной столицы. Влюбленные парочки, ночные бандиты, охота за должниками... Но попадаются весьма странные и загадочные случаи, которых извозчики, люди недалекие, сами выдумать никак не могли... Прочитайте, если попадетсЯ. Ночные извозчики – это целый мир, микрокосм со своими легендами, фольклором, даже со своими призраками и специфическими суевериями. С этой же точки зрения Корч хотел описать и Фиарнолл, крупнейший торговый порт на восходе. Упоминается в хрониках уже четыре тысячи лет назад. Между прочим, Корча и автора «Альдари»», несмотря на все несходство, объединяет одно – оба отчего-то придерживались сенсационной версии, имевшей одно время хождение, но быстро забытой – будто роверен Гонзак пропал вовсе не в наших полуночных губерниях, а где-то неподалеку от Фиарнолла. Но Корч из Фиарнолла не вернулся. В портах, случается, самый разный народ исчезает бесследно. А уж в Фиарнолле... Ходят слухи, там едва не лишился головы даже небезызвестный герцог Орк...

Сварог поморщился и поспешил увести разговор от Орка:

– Что же, по-вашему, могло случиться с Корчем?

– Да что угодно. Бандиты, похитители людей. Микрокосм... Ваше здоровье!

Он был низенький, лысый, крючконосый, с венчиком седых курчавых волос вокруг лобастого черепа. И суетился сегодня как-то особенно оживленно, глаза так и поблескивали.

– Новое приобретение? – спросил Сварог. – Раритет?

– Новый маленький успех, который в то же время стал грустным разочарованием. С успехами такое случается. – Не дожидаясь вопроса, он просеменил к книжной полке, схватил прислоненную к переплетам картинку в узкой медной рамке. – Вот, взгляните.

Сварог взглянул. Человек в темно-желтом камзоле сидел на красивом вороном коне, и в обоих не было ничего удивительного. Он пожал плечами:

– После общения с Гаем могу сказать одно: этой картинке лет сто...

– Сто двадцать.

– И называется такая манера, по-моему, кирленской школой.

– Верно, – кивнул Анрах. – Никто ничего не замечал сто двадцать лет... Изволите ли знать, сто двадцать лет назад благородный граф Кэнш, с большим сходством изображенный на этом портрете – что подтверждается другими известными полотнами, – сопровождал на прогулке благородного барона Торадо, к которому питал давнюю неприязнь и место коего в канцелярии министра финансов давно стремился занять. Они были вдвоем, без слуг. В лесу на них напали волки. Графу Кэншу удалось ускакать. Барона волки загрызли. Король, благоволивший к барону, но не особенно расположенный к графу, отрядил тщательнейшее следствие, в конце концов очистившее графа от всех и всяческих подозрений. Слишком многие свидетели, в том числе верные слуги барона, видели, что при графе, когда он уезжал с бароном, не было и перочинного ножика. Слишком опытными были королевские егери, выступившие в роли экспертов по звериным укусам. Волки, никаких сомнений. В те времена они еще водились в Роблейских лесах во множестве. Граф получил место... А совсем недавно я наткнулся на этот портрет, считавшийся пропавшим.

Он сделал эффектную паузу, и Сварог, чтобы доставить старику удовольствие, поторопился спросить – с искренним, впрочем, любопытством:

– И что же в этом портрете особенного?

Анрах подал ему большую лупу в затейливой серебряной оправе с литой ручкой:

– Присмотритесь получше к этому прекрасному коню. Точнее, к его морде.

Сварог присмотрелся, опустил лупу. Снова посмотрел:

– Послушайте... Это что, фантазия художника?

– Это добросовестность художника, – торжествующе возвестил Анрах.

– Но у этого, с позволения сказать, коня самые натуральные волчьи зубы!

– Правильно, – сказал Анрах. – Никакой это не конь. Он называется шарук и водится на Сильване, в Великих Степях. Говорят, тамошним кочевникам иногда удается их приручать, и это, несомненно, правда, судя по происшедшему. Шарук и в самом деле внешним видом не отличается от коня, но зубы у него скорее волчьи. Это плотоядное животное, и, кстати, грешит людоедством. Представления не имею, как графу удалось его раздобыть и незамеченным переправить на Талар – на Сильване он никогда не бывал, должно быть, не вошедшие в Историю доверенные лица постарались. Никто ничего не заподозрил – кто станет заглядывать в зубы самому обычному коню? Это на картине он горячится, закусил удила, открыл пасть... Граф очень быстро от него избавился – есть упоминание о пожаре в конюшне. А добросовестный художник, родной племянник графа, погиб при странных обстоятельствах. Картина попала к антикварам всего месяц назад, когда разорившиеся потомки графа распродавали имущество... Понятно, почему граф ее не уничтожил – любил, должно быть, иногда разглядывать, гордясь своим хитроумием...

– Где же здесь разочарование?

– Все действующие лица давно мертвы, – сказал Анрах. – Уличать преступника бессмысленно, а его потомки ни в чем не виноваты...

– Да, верно. Прошлое хранит немало загадок... – сказал Сварог, перебрасывая мостик к тому, что его занимало.

И Анрах облегчил ему задачу:

– Вас интересует что-то конкретное?

Сварог посмотрел ему в глаза и сказал насколько мог равнодушно:

– Древние подземные ходы, ведущие на тот берег.

– Не самая любопытная загадка древности, – сказал мэтр после короткого раздумья, – но в сочетании с известием об установленной недавно блокаде части города она становится весьма любопытной... Вам очень нужно на тот берег?

– А вы горите желанием помочь закону? – спросил Сварог.

– Я не горю желанием ни помогать закону, ни нарушать его. Мне было бы легче беседовать с вами, маркиз, знай я, кто вы такой на самом деле...

– А если для меня это, наоборот, создаст трудности?

– Я ведь не начинал этого разговора, – тихо сказал Анрах. – Вы сами начали... – и он оглянулся в угол.

– Не тревожьте собачку, – сказал Сварог. – Я непременно успею выстрелить первым. Люблю собак, не хотелось бы... Так вот, я не крал никаких алмазов. И я не черный маг, я вообще не маг.

– Насчет алмаза – суцая ерунда, это ясно любому мало-мальски сообрази-

тельному человеку, – кивнул Анрах. – Алмаз очень легко спрятать – но на заставах никого не обыскивают, а если и обращают внимание на вещи, то только те, что способны послужить укрытием человеку – ящики, бочки... Между прочим, черные маги ничуть не боятся зеркал, если предстают в своем истинном облике. Отсюда легко сделать вывод, что кордоны и прочие полицейские забавы преследуют одну-единственную цель: задержать кого-то, кто изменил облик... Даже не схватить – задержать в Равене...

Он подошел к каминной полке и снял с нее замысловатый предмет, с равным успехом способный оказаться и старинным пистолетом (джетарамские оружейники любили делать такие замысловатые устройства), и деталью самогонного аппарата. У него имелась выступающая трубка с отверстием, и смотрело оно прямо на Сварога.

– Пистолет? – спросил он.

– Пистолет, – кивнул Анрах.

Сварог ухмыльнулся и вынул свой. Огляделся, выискивая что-нибудь подешевле, чего не жалко попортить. Выстрелил в полено у камина, и оно дернулось под бесшумным ударом серебряной пули, чуть подпрыгнуло на медном листе, защищавшем пол от случайных угольков.

– У меня – лучше, – сказал Сварог.

– Впечатляет, – признался Анрах. – Между прочим, в руках у меня старинный секстан, совершенно безобидный. Уж простите... Хотелось увидеть даже не ваше оружие – вашу реакцию на нацеленный ствол... Понимаете ли, маркиз, вы мне сразу показались чуточку странным. Мало найдется провинциальных дворян, знающих слова «микрокосм» и «абиссальный». Я стал к вам присматриваться. Вы всегда старались двигаться по комнате так, чтобы не отразиться ненароком в зеркале – значит, истинный облик у вас другой, не тот, что я вижу. Но вы без всякой опаски берете в руки серебро, – он кивнул на чарочки, – и пес вовсе не настроен к вам враждебно – он просто чувствует, что с вами что-то не так, но это не имеет никакого отношения к черной магии. И, наконец, только что завершившаяся мизансцена. Я служил в молодости в кавалерии, повоевал, знаете ли. Под прицелом моего «оружия» вы держались удивительно безмятежно. Слово заранее знали, что пули, сиречь метательное оружие, не причинят вам вреда. Так может вести себя только лар. Правда, насколько я могу судить по нашим беседам – а я порой ставил ловушки, простите, – вы не знаете иных вещей, очевидных для всякого лара. И все же готов прозакладывать голову – вы родились не на Харуме...

– Вы ведь рисковали, – проворчал Сварог. – Я мог и выстрелить.

– Нет. Я вам зачем-то нужен. Представления не имею, почему вы оказались в таком положении, да и не хочу этого знать... Но вы ищете помощи. Увы, это еще не означает, что вы ее здесь найдете. Я не сведущ в том, что вам нужно. И не хочу ввязываться в историю, за которой, несомненно, кроются интриги скупающих небожителей. Для вас это – непонятные мне игры, а для меня все может кончиться печально. В моем возрасте, знаете ли, начинаешь ценить жизнь и привыкаешь бережно расходовать оставшееся время, стараясь растянуть подольше...

– Понятно, – сказал Сварог. – Вас тоже допрашивали по делу Тагарона?

– Да. Я на заметке, понимаете ли...

– Так, – сказал Сварог. – А если я вам скажу, что перед вами – Серый Ры-

царь?

Вот теперь он изумил старика по-настоящему. Как серпом по известному предмету.

– Такими вещами не шутят, молодой человек, – тихо сказал Анрах.

– Я не шучу, – сказал Сварог. – И это не игра. Вот только совершенно не представляю, как мне это доказать. Нет на мне ни узоров, ни заверенных нотариусом особых примет... Быть может, есть какой-то способ проверить?

– Только один, – грустно усмехнулся Анрах. – Когда Серый Рыцарь совершит что-то из предсказанного ему...

Сварог развел руками:

– Пока что похвастаться нечем... До трех королевств мне еще только предстоит добраться.

– Вам еще и до принцессы предстоит добраться. Если вы и в самом деле Серый Рыцарь, вас определенно стараются не пустить во дворец...

Сварог ухмыльнулся:

– Во дворце уже нет принцессы. Она в другом месте, мэтр. Помните, у Таверо? О призраке все станут думать, что это и есть настоящая принцесса...

– Действительно... Великие небеса, как же мне, старому дураку, раньше в голову не пришло?! – Он, похоже, преисполнился решимости и азарта. – Если вы и в самом деле Серый Рыцарь... Скажите: это вы пустили в оборот головоломку с пятнадцатью цифрами?

– Я, – не без удовольствия сказал Сварог. – Хотелось насолить кое-кому, чтобы мне не мешали...

– Кто вам мешал?

– Многие, – сказал Сварог. – Люди Стахора, граф Раган, из Снольдера, герцог Орк...

– Со Стахором ясно, – громко, задумчиво сказал себе под нос мэтр Анрах, направляясь к книжным полкам и доставая огромный фолиант. – Раган, Раган... Ничего похожего... Вы знаете герб Орка?

– Еще бы. На золотом фоне – черный волк и белая восьмиконечная звезда.

– Все сходится, – с некоторой торжественностью произнес мэтр Анрах. – Простите, но я не мог предполагать, что это произойдет со мной, да еще так просто и буднично... Что Серый Рыцарь однажды вечером постучит ко мне в дверь...

Сварог поднял брови. Похоже было, что существовал некий тест, позволяющий безошибочно опознать Серого Рыцаря – и Сварог это испытание выдержал. Но в чем секрет?

– Я к вашим услугам, – еще торжественнее возгласил Анрах. – Сейчас же заяду за книги, и если только удастся что-то найти... Буду сидеть всю ночь.

Сварог блаженно расслабился, видя, что все сложности позади. Напрашивалось единственное объяснение – есть другой текст Кодекса Таверо, более полный, и Анраxu он знаком.

Полагалось бы откланяться и убираться восвояси, старику и так придется провести бессонную ночь – но Сварог остался сидеть, вертя в руке серебряную пузатую чарочку, покрытую эмалевыми узорами. Очень уж уютно пылал огонь в камине, здесь было покойно и тихо, а в доме Гая маленький отряд Сварога, не жалуясь и словом, ждал приказов, волевых решений, по капельке теряя надежду...

– Послушайте, – сказал он вдруг. – Подводная лодка Тагарона – это легенда или реальный проект?

– В теории все звучало весьма убедительно, – ничуть не удивившись, ответил Анрах. – Вспомнили о подводной лодке, размышляя, как выбраться отсюда?

– Да, подумал, как прекрасно было бы незаметно и тихо ускользнуть, скрывшись под волнами...

– Увы, Тагарон так и не успел ничего построить.

– А почему его... преследовали?

– Запрещенный движитель. То есть – винт. Удивлены? Многие, втихомолку проделав расчеты, убедились, что винт все же прекрасно подходит в качестве движителя. Понятно, если расположить его сзади. – Анрах почесал в затылке. – Ладно, теперь уже все равно, вы меня втянули в игру гораздо опаснее...

Он подошел к шкафу, открыл скрипучую дверцу и бережно достал двумя руками великолепно сработанную модель длиной с локоть. Сварог заинтересованно присмотрелся. Лодка больше всего напоминала пузатое веретено с бочкообразной рубкой, рулями – один горизонтальный и два вертикальных – и крохотным винтом. Осторожно, кончиком пальца Сварог крутанул изящно выточенный бронзовый винт, шестилопастный, размером с ромашку. Винт легко и послушно повернулся на оси.

– Все правильно, ни малейшего изъяна в конструкции, – сказал он. – Но интересно бы знать, какой двигатель ваш Тагарон собирался поставить. Паровой не годится. А другие... Снольдер хранит их секрет как зеницу ока.

– Есть еще и третий путь, – усмехнулся Анрах. – Самый опасный, правда. Двигатель есть, только он забыт. Вернее, некие могущественные силы постарались, чтобы он канул в забвение. Но обрывки прежних знаний порой всплывают в самых неожиданных местах, и многое зависит от простого везения... Тагарон не сказал мне главного, не хотел впутывать, но у меня осталось впечатление, что описание двигателя он нашел. Вероятнее всего, в старинной книге. Хотя есть еще в иных храмах настенные надписи, понятные только тем, кто владел тайными жреческими языками. В седой древности – когда, никто не знает точно, – существовали некие довольно простые устройства, преобразующие энергию апейрона в механическое движение. Судя по некоторым намекам авторов старинных хроник, ими пользовались в первое тысячелетие после Шторма, до... – он замолчал, явно не в силах себя заставить произнести запретное слово.

– Я понимаю, – кивнул Сварог.

– Болтают, достаточно лишь проволочек из определенных металлов, не обязательно драгоценных, нескольких самоцветов, особых стеклянных приспособлений, которые под силу любому стеклодуву... Хотя, конечно, все не так просто, я уверен. Но Тагарон мог отыскать описание. Если так, ему пришлось бежать, и незамедлительно.

– Как же у вас не обнаружили модель?

– А меня про нее не спрашивали с пристрастием, – ухмыльнулся старик. – Никто, должно быть, о ней и не знал – так, смутные подозрения, доносы... У нас обожают писать доносы наместнику – как во все времена, впрочем, тут наше столетие ничем особенным не выделяется. Конечно, если бы спросили прямо, я бы не смог утаить, сами понимаете... Но, признаться, к делу Тагарона

был причастен лишь самым краешком. Один из многих знакомых, беглый допрос проформы ради. Я вообще-то был на заметке, но опять-таки в качестве малозначительного свидетеля...

– Бурное у вас прошлое, я смотрю, – усмехнулся Сварог.

– Ну что вы... Это из-за истории с дурачком с Волчьей. Не слышали?

– Нет.

– А история занятная. Жил-был дурачок, сын мастера из Серебряной гильдии. Совершенно безобидный, в лечебницу не отдавали, благо семья зажиточная, могли прокормить. Сидел себе целыми днями на заднем дворе и лепил из глины все, что на дурацкий умишко взбредет. Особенно любил делать домики. Дурак дураком, но лепил весьма-таки искусно, во всем остальном был совершеннейший кретин и неумеха, кроме этого. Родня не препятствовала – двор большой, место есть, чем бы ни тешился, лишь бы на улицу не выходил... Много у него было налеплено всякого, и в том числе – огромная модель Равены. Года два трудился, получилось недурственно для дурачка. Конечно, модель была весьма приблизительная, и все же... Просиживал он над ней часами: куколок по улицам переставляет, спички бросает, иногда, простите, на крыши мочится – и так далее, всех деталей я и не знаю, никто ж не присматривался... А потом занесло во двор одного головастого студента из Ремиденума. У всех, кто был причастен к той истории, до сих пор осталось стойкое убеждение, что кое-какими официально запрещенными способностями студент тот обладал. Подробности темны и туманны – но, в конце концов студент обнаружил, что многие забавы дурачка потом отражаются на жизни реального города. Грубо говоря, дождь идет там, где он пописает, дому, который разломает, либо сгореть суждено, либо появится в нем какая-то беда... Словом, прослеживается четкая взаимосвязь, и это не совпадение, не натяжка. Студент, очень похоже, языка за зубами не удержал. Полицейскую логику для данного случая понять предельно легко.

– А ежели этот дурак завтра по королевскому дворцу – по модели, то есть – поленом стукнет?

– Совершенно верно, – поклонился мэтр Анрах. – Уловили мгновенно. Прискакали люди из Багряной Палаты, исчез дурачок, исчезли вообще все обитавшие в доме, да и парочка соседей вдобавок – из тех, что язык за зубами не удержали. И студент исчез, даром что сын маркиза. Велено было считать отныне, что не было никогда такого дурачка, и глины не было, и отца с матерью, и вышеупомянутых соседей. Всем все привиделось. Краем уха я слышал потом, что модель месяц держали в подвалах Багряной Палаты, водили туда особо доверенных профессоров... – он злорадно ухмыльнулся. – Но поскольку дело было чересчур уж серьезное, приобрело размах – оказалось позже, что и Багряной Палате все эти чудеса привиделись, и затерялся наш дурачок где-то за облаками... Но не уверен, что и там отыскали разгадку. Помню превосходно этого парня: кретин законченный, слова не мог членораздельно выговорить, мычал и гугукал, не более того... Если вам так уж интересно, поинтересуйтесь у знакомых, чем эта история кончилась...

Сварог пропустил мимо ушей очевидную иронию. Не из одного благодушия – с ним творилось что-то странное и неладное. Он тряхнул головой, проморгался как следует. Но это подступило вновь – на миг исчезли уютная комната с пылающим камином, собака, мэтр, ряды книг на массивных полках. И

вместо всего этого врывалась, прямо-таки впечатывалась то ли в зрачки, то ли в сознание... скупое освещенная улица, темный дом. Под черепом пугающе, необъяснимо пульсировал настойчивый зов. Все чаще надвигались, все дольше задерживались перед глазами эта улочка и этот дом. И Сварог отчего-то не испытывал страха, хотя в его нынешнем положении следовало бы пугаться всего непонятного.

– Что с вами? – встревоженно спросил Анрах.

Сварог зажмурился. Теперь улица и дом с высоким крыльцом, с горбатой крышей неотвязно стояли перед глазами вместо ожидаемой темноты. Открыл глаза – комната, никаких видений. Но зов не утихал, Сварог знал теперь, что кто-то угодил в беду, и это не морок, не иллюзия, не ловушка. Знал, и все тут. Стоило ему вновь зажмуриться, перед глазами вспыхнули, накладываясь на потускневшее слегка изображение незнакомой улочки, две руны – «ра» и «агор». И знак из Древесного алфавита – Тар, символ самшита.

– Все в порядке, – быстро сказал Сварог, открыл глаза, попытался улыбнуться самым естественным образом, и это, видимо, у него неплохо получилось – Анрах спокойно взял у него модель и пошел прятать обратно в шкаф. Пес бдительно приоткрыл глаза, шевельнул ушами и вновь погрузился в чуткую собачью полудрему, не видя поводов для вмешательства.

Чем бы ни было это видение, оно пришло извне. Кто-то звал его, попав в беду, кто-то из своих – это сочетание рун и знака было паролем Гаудина. Знак соответствовал нынешнему дню недели – через полчаса, когда настанет полночь, вместо Тара к рунам добавится Шел... Сварога твердо заверили, что никто посторонний не в силах этот пароль разгадать, а на чем зиждется эта уверенность, он расспрашивать не стал, чтобы не забивать голову совершенно бесполезной информацией. И он знал, что времени у него мало. Неужели Брагерт прибыл в Равену? И попал в беду?

Он встал, отодвинув стул:

– Мне пора. Очень на вас надеюсь, хотя понимаю, что никаких гарантий быть не может...

Он быстро сбежал по каменным ступенькам, посмотрел вправо-влево, словно ожидая подсказки. И она тут же последовала – в виде непонятного ощущения, неизвестно откуда взявшейся стойкой уверенности, что идти следует непременно налево, мимо заброшенной пивоварни, сгоревшей от молнии пару лет назад, мимо полуразвалившегося забора, неизвестно зачем ограждавшего заросший лопухами и лебедой пустырь, мимо низенького домика, где из-за плотно зашторенных окон все же пробивались мерцающие разноцветные вспышки и на десять уардов вокруг тянуло замысловатой смесью химической вони – там в поте лица трудился алхимик. На ходу Сварог оглянулся и обычным зрением, не задействуя «кошачий глаз», посмотрел на дом Гая. На третьем этаже слабо светилась парочка окон – Мара дежурила.

Оставалось надеяться, что дом, куда его ведут, расположен внутри «волчьих флажков». В одиночку, ночью, он, правда, миновал бы любые кордоны, но сие – лишние хлопоты...

Спустился с холма. Дальше потянулись прилично освещенные улицы. Какой-то частичкой сознания Сварога прочно завладел чужой зов – не лишая свободы воли, что с ним было бы невозможно, его тем не менее словно бы вели за руку, прямо-таки автоматически разворачивая на перекрестках. Ночная

жизнь продолжалась, ничуть не нарушенная грандиозной облавой, – люди во все времена обладали великолепной способностью как бы не замечать непонятных им загадочных забав власти, если только это не касается тебя самого и в твою персональную морду не тычут казенной алебардой... Заслоняя звезды и огни на городских холмах, чернели воздушные шары. Дворяне в этих кварталах почти не обитали, так что серенад под балконами не наблюдалось. Но пьяных гуляк попадалось немало, проезжали редкие извозчики, неподалеку под фонарем лениво рубились двое дуэлянтов, прошла ватага вездесущих студентов Ремиденума, прикидывая, похоже, что бы им учинить для нарушения ночного покоя мирных обывателей. В глубине темной подворотни торчала кучка определенно уголовного элемента – они, притихнув, заинтересованно уставились на Сварога, но ближе не подошли – с трезвым и вооруженным решили не связываться. Пару раз попадались конные полицейские – обычные разъезды, не усиленные, тройки черно-красных.

Свернул налево, к горбатому каменному мостику над узенькой речушкой. Чутьку насторожился, заметив справа темную фигуру, но тут же убрал руку с меча – человек стоял спиной к нему, пригнувшись, напрягшись, вцепившись обеими руками в высокий парапет, не обращая внимания на довольно громко прозвучавшие шаги Сварога. То ли поэт в наплыве вдохновения, то ли собрался топиться. Если верно второе, незадачливый самоубийца нездешний – даже Сварог знал уже, что в самом глубоком месте древней поусохшей речушки не глубже, чем по пояс, и тонут там исключительно пьяные вусмерть. Пусть пробует, сколько душе угодно, не стоит и отговаривать...

Он уже миновал непонятого субъекта, когда тот резко присел за парапетом и, вытянув шею, стал вглядываться куда-то.

– Не клюет? – спросил Сварог лениво.

– Что?

– Рыбка, говорю, не клюет? Ничего удивительного, ее тут и не водится...

Не вставая с корточек, незнакомец сказал настороженно:

– Полиция.

– Где? – оглянулся Сварог, но ничего такого не усмотрел ни вблизи, ни поодаль.

– Это я – полиция, – сказал тот. – Агент третьего разряда, необмундированная служба. Вот думаю, свистеть или не стоит... Вы их видите, лаур?

– Кого? – Сварог тоже уставился в том направлении.

– А вон там, где напротив фонаря – тумба. То ли свистеть, то ли драпать со всех ног...

Сварог всмотрелся. На том берегу, куда он как раз собирался перейти, уардах в ста от моста, справа, и в самом деле красовалась напротив фонаря круглая кирпичная тумба, предназначенная для афиш и полицейских объявлений. Не было нужды подключать «кошачий глаз», света и так хватало, чтобы рассмотреть высоченного короткошерстного пса с широкой тупой мордой, медленно ступавшего посреди пустой улицы. Морда опущена к самой земле, мотается вправо-влево – пес что-то вынюхивает, несуетливо, целеустремленно, с медлительностью нерассуждающей машины. Ни капли охотничьего азарта. А следом, шагах в трех, движутся три фигуры в плащах и каталанах, и этот кусочек ночной жизни выглядит весьма странно из-за полной своей непонятности...

– Так есть они там, лаур? – шепнул агент третьего разряда. – Или мерещится?

– Не мерещится, – сказал Сварог. – Странная собака, не знаю я такой породы...

Шпик не то засмеялся, не то всхлипнул:

– Еще бы! Немой Пес и Проклятые Егеря, как на картинке... Я на своем участке видел всякое, а вот нечистой силы не доводилось...

Нечистая сила? Позвольте не согласиться, господин тихарь. Сварог уже произнес про себя заклинание, но перед его взором осталась та же картина, все так же ступает по брусчатке непонятный пес, а следом, словно ведя его на невидимом поводке, спокойно шагают хозяева, ничуть не похожие на «ночных парикмахеров». В самом деле, существа егеря, топящие жертву. Сварог не стал гадать, кем эта жертва может оказаться. Просто ему все это пришлось не по нутру. В последнее время ему категорически не нравилось все непонятное – по причине тесной связи с его персоной.

– Никакой там нечистой силы нет, – сказал Сварог. – Свисти давай. – Он пошарил по карманам, отыскал невостребованную бароном Гинкером полицейскую бляху и помахал ею под носом тихаря. – Свисти, говорю!

И пошел дальше. Свернул в проулок. Только сейчас раздалась пронзительная трель, она тянулась, как длиннющий товарный состав, – должно быть, у шпики оказались хорошие, непрокуренные легкие, и воздуха он набрал полную грудь. Сварог приготовился было услышать отдаленные ответные свистки и стук копыт, суетливую музыку ночной облавы – но свист оборвался столь же резко, как и возник, раздался столь жуткий вопль, что у Сварога стянуло кожу на затылке, И – полная тишина, изредка нарушавшаяся странными звуками, в которые не хотелось вслушиваться, не говоря уж о том, чтобы попытаться их опознать. Любое живое существо, заслышав такое, обязано взять ноги в руки, врубить инстинкт самосохранения и утешать себя мыслью, что в иных обстоятельствах графу позволительно улепетывать не хуже простолюдина. Если нет свидетелей, а оставшийся за спиной противник непонятен насквозь, к тому же впереди ждут более важные дела...

Опомнился и сбавил скорость он квартала через три. У моста, если прислушаться, вроде бы стучали копыта, но Сварог не сомневался, что шпики больше нет. Такой крик обычно бывает последним в жизни...

То самое место, несомненно. Фонарь со старинной перекладной, заканчивающейся двумя медными шарами – для удобства фонарщика, чтобы упираться лестницу. Дом с высоким крыльцом. Ни в одном окне нет света. Сварог двигался без лишней суеты, он не верил, что это засада, но «кошачий глаз» все же задействовал, толкнул ногой легко распахнувшуюся дверь и с пистолетом в руке ворвался в обширную прихожую, где печально смотрели со стен олени головы и ни одна живая душа его не подстерегала, а нечистью и не пахло.

Проскочив в комнату, он еще, как положено, быстренько взял на прицел угол-другой, но и там никого не оказалось, так что он устыдился этих шерифских штучек, коим добавляли комизма задевавшие за каждый косяк ножны меча, опустил пистолет и приоткрыл дверь в другую комнату, рукой уже, не пинком.

На широкой кровати в углу лежал человек, и по тому, как он в совершеннейшем мраке моментально нашел Сварога взглядом, Сварог определил, что

неизвестный видит в темноте не хуже его самого. Последовало короткое молчание – Сварог не знал, что теперь делать, а лежавший не торопился облегчить ему задачу. В конце концов Сварог спросил:

– Это вы меня... звали?

Лежащий улыбнулся довольно странно – одни губы раздвинулись, а лицо в этом словно бы и не участвовало. Ему было лет тридцать на вид – значит, могло оказаться и все триста, если это все же лар, – а его дворянская одежда, как отметил уже немного приобвыкшийся на земле Сварог, носила следы недавнего пребывания в Горроте: отвороты высоких дорожных ботфортов украшены бляшками из шлифованной яшмы, и воротник кафтана по горротской моде вырезан по краям полукружьями. Незнакомец лежал неподвижно, как статуя, даже головы не повернул, скашивая глаза на Сварога.

– Я вас звал, – сказал он, и при этом его нижняя челюсть почти не шевелилась. – Возьмите стул и сядьте поближе, а то утомительно все время коситься... Вот так. Я совершенно не представляю, сколько мне осталось, поэтому слушайте не перебивая. Лорд Раутар. Восьмой департамент. О вас я знаю от Брагерта. У меня нет связи с Гаудином, у вас ее тоже нет, но вы проживете дольше... Когда доберетесь, передайте Гаудину, что у Стахора в Горроте – Ледяной Доктор. Запомнили? Ледяной Доктор. Оба слова – с большой буквы, это прозвище. Когда он не поверит, а он, конечно же, не поверит, попросите его посмотреть запись. В кошельке на столе найдите снольдерский двойной гриван. Знаете, каков на вид двойной гриван?

– Да.

– Он там один, не ошибетесь. Это видеокассета. Пусть посмотрит в замедленном действии, лучше всего покадрово, как взорвалась стена крепости. У меня все.

Он умолк и облизнул губы. Деловито попросил:

– Возьмите кинжал, разрежьте мне одежду... хотя бы на ноге.

Сварог двумя пальцами оттянул ему суконную штанину и осторожно надрезал.

– До голого тела.

– До голого...

– Пощупайте пальцами. Что чувствуете?

– Тело как тело.

– А я уже не чувствую, как вы прикасаетесь... – медленно сказал Раутар. – Поднимите мою руку. Любую.

Сварог взял его за запястье, приложив ровно столько сил, сколько требуется, чтобы поднять безвольно лежащую руку. Но его пальцы, не ожидавшие такой тяжести, дернулись вверх, сомкнулись в воздухе – а рука и не шевельнулась...

– У вас что, руки привязаны? – недоуменно пригляделся Сварог.

– Нет. Это золото, а оно тяжелое. У меня внутри. И скелет, и череп – сплошное золото. Потому мне и не пошевелиться. Пощупайте мне ладонь.

– Ладонь как ладонь, разве что холодная, – пожал плечами Сварог. – И самые обычные кости прощупываются.

– Ничего удивительного, они не изменили формы, только стали целиком золотыми. Боюсь, следом настанет черед мышечной ткани, а там – то ли кровь, то ли мозг. Право, не знаю, что раньше заместится золотом. Да и не хо-

чется гадать...

– Но как это с вами... – Все это было настолько жутко, что Сварог не смог удивиться, а думать не стал ради экономии времени.

– Я работал в Горроте. И со свойственным мне оптимизмом – на что, впрочем, давал право кое-какой жизненный опыт – полагал, что Ледяной Доктор меня не раскроет. Но он как-то меня вычислил. Мне не препятствовали уехать из Горрота, все началось уже здесь, вчера.

Сварог вдруг спросил:

– Откуда вы знаете, что это – золото? Не свинец?

– Потому что все симптомы как две капли воды походили на случай с лейтенантом Аттисом. Два года назад. Только тогда мы так и не поняли, что с ним случилось. Думали, просто прихворнул. Вечером я ушел из его комнаты, там, в гостинице, а утром обнаружил... золотую статую. То же самое...

– Послушайте, – у Сварога вспыхнула надежда. – Как вас должны были забрать? Вимана?

– Да. Но она будет ждать в Снольдере.

– Плохо... Все это – магия?

– Нет. Могу ручаться, что это – чистейшей воды наука...

– Но ведь... – сказал Сварог растерянно. – Я в этом не разбираюсь, однако... Для превращения элементов нужны ядерные реакции или основанная на апейроне магия...

– Значит, возможны и «холодные» реакции. Если вы – гений. А Ледяной Доктор – гений.

– Как же он сумел...

– Право, не знаю, – сказал Раутар. – И если его когда-нибудь изловят, во что я свято верю, не стоит его расспрашивать – нужно примитивно прикончить на месте. Гений, лишенный даже крох морали и человечности, должен как можно быстрее отправиться в небытие. Вот никогда бы не подумал, что стану морализировать, да обстоятельства заставили...

– Но нужно же что-то делать, – сказал Сварог. – Есть резиденция наместника...

– Пока вы раздобудете в эту пору какую-нибудь повозку, пока довезете до резиденции, пока они свяжутся – будет поздно. К тому же меня нет здесь, как и вас. Я – призрак. Это создаст дополнительные сложности, потому что сохранить все в тайне нужно в первую очередь не от здешних...

– Понятно... – зло сказал Сварог.

– В общем, давайте без лирики, граф. Расскажите лучше кратко, как у вас дела, а я пока отдохну – чертовски трудно шевелить челюстью, словно гирию к ней привязали...

Сварог кратко рассказал последние новости.

– Ничего не понимаю, – сказал Раутар.

– Больше всего мне не понравились эти типы, работающие под призраков, – егеря с собакой. Орк говорил что-то о горротской зверюге, способной отыскать принцессу...

– У вас есть варианты на крайний случай?

– Поднять смуту, – сказал Сварог. – С участием принцессы и тех полков, что ей поверят.

– Вы рискуете потерять Делию.

– Я еще больше рискую, сидя на Бараглайском Холме. И она тоже.

– Резонно, – согласился Раутар.

И надолго замолчал. Только глаза двигались. Сварогу понемногу начинало казаться, что это и есть симптомы конца, он хотел потрогать запястье Раутара, но не смог себя заставить. Сгорбившись, сидел на массивном табурете, вяло проклиная про себя тот день и час, когда во все это ввязался, плохо представляя границы понятия «все это» и уныло сознавая, что никогда уже не спрыгнет с этой карусели...

– Можно рискнуть, – сказал Раутар. – Под церковью святого Круахана начинается древний подземный ход на тот берег. Насколько я помню, церковь внутри «волчьих флажков». Но я в натянутых отношениях с Братством святого Роха, и на меня ссылаться в их присутствии не следует...

– Как найти ход? – жадно спросил Сварог. – Есть у меня один человек...

– Не знаю. Если быть точным, ход там когда-то был, уж это-то известно достоверно. Но существует ли он сейчас... Чертовски древний ход, иные подозревают, что он существовал еще до Шторма... Вам пора идти.

– А вы? – вырвалось у Сварога.

– Я? Дом принадлежит мне. Рано или поздно какой-нибудь прохвост сюда обязательно заберется. И разбогатеет. Родится еще одна легенда, Равена на них богата... возможно, легенды и не будет – если тот, кто найдет золотого человека, окажется умным и лишенным привычки болтать во хмелю. – Он коротко рассмеялся. – Не удивляйтесь, лорд Сварог. Я живой человек, и мне страшно. Но когда вы доживете до пятисот пятнадцати, привыкнете ко многому относиться философски... Идите. Не забудьте монету. Обычные деньги заберите тоже, пригодятся, беглецу полезно иметь как можно больше денег. Увы, больше ничем не могу быть полезен...

Сварог высыпал на стол монеты, поворошил. Отыскав квадратную с круглой дырочкой посередине, украшенную двумя вздыбленными снольдерскими львами, сунул ее в узкий потайной карманчик. Остальные ссыпал в кошелек, не глядя сунул его за голенище. Полагалось что-то сказать, но мысли блуждали в сплошном сумбуре, и ничего не подворачивалось на ум.

Словно отгадав его мысли, Раутар усмехнулся:

– Право же, я в лучшем положении: моя смерть у меня перед глазами и не таит никаких неясностей, а ваша – где-то в неизвестности...

Пожалуй, это оказалось лучшее прощальное слово, какое Сварог слышал, – злая шутка человека, имевшего право быть беспредельно циничным... Не бабы и не романтики, в самом-то деле. Сварог выпрямился, отдав ему честь на ронерский манер – согнутая в локте рука брошена к сердцу, ладонь выпрямлена дощечкой, – поклонился и вышел, задев ножами косяк.

Ужасно не хотелось возвращаться через мостик, но в обход пришлось бы очень уж далеко. Сварог шагал быстро и настороженно, держа пистолет в опущенной руке, подбадривая себя мыслью, что выдававшие себя за призраков, все четверо вкупе с собакой, весьма даже смертны.

Он задержался на мосту. Тишина, не видно ни полиции, ни горротцев. Темные брызги крови уже подсохли на древнем камне. Судя по их обилию и разлету, выглядит все так, словно таинственный зверь, налетев на незадачливого агента, с размаху рванул его клыками не хуже, чем мог бы рвануть кусок ветчины не жравший неделю бродяга. Вот так. И если ужасаться по всякому по-

воду, проще и практичнее сразу приладить петельку на ближайšie ворота.

Обратный путь, как часто бывает, оказался не в пример длиннее. Поэтому, когда на Сварога выехал из переулка вдрызг пьяный всадник из благородных, пустившийся то ли задираться, то ли жаловаться на жизнь, то ли все вместе, Сварог, не особенно размышляя, поймал его за руку, выдернул из седла, без всяких угрызений совести вскочил на коня и помчался к Бараглайскому Холму, слыша, как пьяный шумно ползает по мостовой и орет отчего-то: «Измена!».

Конь оказался свежим, застоявшимся, и Сварог в считанные минуты пролетел по крутым улочкам, присмотрелся издали к дому Гая – на внутренней лестнице мерцает тусклый светильник, все спокойно, – спрыгнул, хлопнул коня ладонью по крупу, и тот потрусил прочь. Даже если не воссоединится с хозяином, бесхозным долго не останется – как-никак столица, цивилизованный град, где отношение к чужому добру, особенно к тому, что бродит без присмотра по ночам, насквозь философское.

Направился в дом, стал не спеша подниматься по внутренней лестнице, скупое, в самую плепорцию для влюбленных, освещенную керосиновой лампой, висевшей на крюке меж вторым и третьим этажами. Наконец-то добрался домой – вот именно, домой, он давно привык возводить любое временное пристанище в гордое звание дома, тогда становится не так грустно жить, наоборот, бывает чуточку веселее. Мимоходом он подумал, что настоящего-то дома, собственно говоря, философски глядя со всех точек зрения, у него никогда и не было. Нынешний замок, порхавший сейчас где-то за облаками, на эту роль что-то не годится. А вскоре и этот дом придется покинуть. Но развить эту мысль он не успел – поднялся на площадку, а там на низких перилах сидела Мара в своем натуральном обличье, закинув ногу на ногу, задумчиво поглаживая лежавшую рядом игрушку из своего богатого арсенала, больше всего напоминавшую морского ежа, бьющегося в падучей.

– Любопытно, где изволит шляться благородный лаур? – поинтересовалась она, не усмотрев на лице Сварога особой озабоченности. – А меж тем добродетель юной девы, несмотря на ее нынешний дурнушечий облик, подвергается постоянной угрозе со стороны творческого люда, так что колено означенной девы покрыто мозолями от частого соприкосновения с буйствующей плотью. Однако, смею заметить, к иной плоти дева была бы не в пример более благосклонна, буде плоть таковая недвусмысленно заявила бы свои права способом, не допускающим двойного толкования...

Сварог поднял ее с перил, и какое-то время она молчала – по чисто техническим причинам, если только уместно столь сухое определение, когда в твоих объятиях юная женщина, сводящая с ума и необычностью своей, и диким сочетанием разнообразных противоречий... вот только на шее у тебя и Странная Компания, и все отсюда проистекающее, а где-то лежит золотая статуя и кровь подсыхает на мосту...

Тонкие пальчики, способные и нежно приласкать, и моментально отправить в мир иной, скользнули ему под рубаху способом, не допускающим двойного толкования, но Сварог героически превозмог себя, отстранил ее и распорядился:

– Доклад по гарнизону.

Она моментально перестроилась, хотя и не всецело:

– Вокруг – тишина. Гарнизон частично отошел ко сну.

– Точнее?

– Хозяин отошел ко сну. Бабкин внучек отошел ко сну. Жена боцмана, по некоторым данным, читает очень вольному топорю наставление по морскому делу. Граф Леверлин до сих пор беседует с ее высочеством о придворном этикете. Одним словом, все при деле. Одна я сторожу, как верный солдат... или как дура.

Сварог усмехнулся. Относительно Делии и Леверлина он и сам третий день питал стойкие подозрения. Вообще-то ее последнего любовника не так давно убили у нее на глазах... Ну да будем реалистами. Принцессы – своеобразный народ. А лучшего способа отвлечься от всех горестей и не сыщется, пожалуй.

– Если милорд соизволит расстелить здесь свой плащ, нет нужды идти в комнаты.

– Ты серьезно или притворяешься? – спросил Сварог, распустив шнурки плаща и сбросив его на пол. Лег, оперся на локоть и устало зажмурился.

– Насчет чего? – Она перестала расстегивать платье.

– Так спокойна и безмятежна...

– А что тебя удивляет? – искренне изумилась Мара, опускаясь рядом. – Согласна, положение не из веселых, но дулом в спину пока что не тычут. Что-нибудь придумаем, ты у нас по этой части мастак...

Сварог покосился на нее. Она закинула голову, опустила длинные загнутые ресницы, приоткрыла рот – безмятежно ждала поцелуя. Детский возраст – это детский возраст. Ребенок ни за что не поверит в собственную смерть – особенно когда вокруг наблюдаются сплошь чужие...

– Возможно, мы завтра уйдем, – сказал Сварог.

– Куда? – Мара мгновенно открыла глаза. Он кратко изложил.

– Гениально! – Мара обхватила его за шею и звонко расцеловала. – Я всегда верила, что ты у меня великий полководец.

– Может, там и нет хода...

– Должен быть, раз он нам так нужен, – сказала Мара. – Монашеские братства – сплошные кладези секретов, их даже Гаудин опасается раздражать... Вина принести по такому случаю?

– А когда оно мешало? – хмыкнул Сварог. Она гибко выпрямилась, запахивая платье. И тут же неуловимым движением подхватила с перил своего стального ежа, замерла, моментально обернувшись готовой к прыжку дикой кошкой. Сварог вскочил, выхватил пистолет. Сам он не слышал ни единого постороннего звука.

– Идет, – шепнула она. – Один.

Сварог нашел стволом пистолета бесшумно ступавшую вверх по лестнице грузноватую фигуру. А мигом позже узнал. Мара тоже. Слегка растерянно покосилась на Сварога.

Барон Гинкер в строгом темном камзоле, опустив руки по швам, глядя перед собой, поднимался по ступенькам беззвучно, как дым. Что-то с ним было не так. Мара отступила на шаг, медленно, без единого лишнего движения, словно перелилась, перетекла в сторону упругая капелька ртути.

Теперь и Сварог понял. Керосиновая лампа светила барону в спину, хоть и тускло, слабо – но от каменных перил легла негустая тень, а вот барон совершенно не отбрасывал тени. Он поднимался, медленно и бесшумно, прижав ру-

ки к бокам, как исправный солдат на смотре, глядя перед собой, вышел на площадку, теперь их разделяли шесть-семь ступенек лестничного пролета, и Сварог увидел, что барон бледен, как стена, а в правом виске у него чернеет дыра с опаленными краями. Глядя иным, магическим зрением, видел перед собой то же самое – призрака с простреленным виском. Поднял было пистолет, но тут же вспомнил, что серебро не способно причинить призраку вреда и сам призрак никому не способен причинить вреда – разве что порой своими речами, но тут уж вина не его, потому что истины, изрекаемые иными призраками, вовсе не ими самими придуманы...

Барон остановился пятью ступеньками ниже, поднял голову. В глазах – ни малейшего отблеска мысли.

– Что случилось, барон? – произнес Сварог, удивившись, сколько буднично звучит его голос.

– Они ломались в кабинет, – произнес барон странно глухим голосом, словно бы это были и не колебания воздуха, а нечто иное, воспринимавшееся не слухом, а мозгом. – Засовы уже поддавались. Я выбрал меньшее зло. Нельзя было попадать к ним живым.

– К кому? – спросил Сварог. Кто мог ломиться в кабинет к протектору столицы? Разве что Багряная Палата...

Барон молчал. Лампа вдруг вспыхнула ярче, заколыхались тени, наливаясь чернотой. Высоко над головой в незастекленном окошечке свистнул ветер – неприятно, шипяще.

– Закажите по мне успокойную, – сказал барон. – Именем Творца.

– Хорошо, – сказал Сварог. – Если вы мне расскажете, что происходит во дворце. Кто прячется за сценой.

Барон молчал, глядя умоляюще.

– Что они от вас хотели? – спросил Сварог.

– Я ошибся, как никогда в жизни. И ухитрился погубить себя сам. Все короли любят, когда их полиция раскрывает заговоры. И я решил придумать заговор. Очень хорошо все продумал, тщательно. Взял одно из пугал древнего чернокнижья, поселил его в столице, подобрал кандидатов в сообщники, тайные служители. А оказалось, что придуманное существует на самом деле. И они пришли, прежде чем я успел...

– О чем вы?! – спросил Сварог.

– Успокойную.

– Обещаю.

– Именем Творца?

– Именем Творца.

– Улица Зеркальчиков, сорок пять, – сказал барон. – Вдова Гуродье, собственный дом. У нее все мои бумаги. В том числе и план «заговора». Имена, разумеется, притянуты мною, но картина оказалась точной. Я хороший полицейский, хоть вы и смеялись надо мной тогда... Заберите все бумаги. Это плата...

– Чем они мне помогут сейчас?

– Сейчас – ничем. Пригодятся когда-нибудь потом.

– Хорошо, – сказал Сварог. – Теперь скажите мне вот что. Когда мы с вами говорили...

Он на миг отвел глаза, создавая сигарету, а когда поднес ее ко рту, призрака

уже не было. Только пламя колыхнулось в высоком стеклянном колпаке лампы да ветер взвыл посреди безветренной ночи.

– А ведь у меня по всем порогам и подоконникам была мелом проведена черта с соответствующими знаками, – сказала Мара. – Против таких вот визитеров. Ты, наверное, подошвой стер впотьмах... – Она опустилась на плащ, тряхнула головой. – Нужно сходить подновить, а то еще кого-нибудь дождемся...

– Пора убираться из этого красивого города, – сказал Сварог в сердцах.

– А кто спорит? Вот только... – она задумчиво покачала головой. – Настоящий это призрак нашего безвременно усопшего сообщника, впутавшегося в какое-то темное дело, или очередная пакость неизвестных доброжелателей?

– А смысл?

– Пакость и есть пакость, какой в ней высший смысл?

– Вот тут ты права, – сказал Сварог. – Сколько ни ломал голову, в толк не возьму, зачем этот чертов стагарец устроил такой долгий ливень. Неужели только для того, чтобы убежать подальше? Жаль, что ни ты, ни я не умеем насылать ветер. Чтобы оборвало к чертовой матери эти клятые воздушные шары да унесло подальше.

– А смысл?

– Много ли смысла в пакостях? – усмехнулся Сварог.

– Нерационально. Не в шариках дело. В такой ситуации нужно стрелять и резать без всякой поспешности, только тех, кто стоит на дороге. – Похоже было, визит призрака отбил у нее на сегодня охоту к лирике. – Помню, в Снольде-ре два месяца назад мы искали один документ...

Сварог хмыкнул:

– Насколько я тебя знаю, два месяца назад из-за каждого угла торчали ноги...

– Да ну, – скромно сказала Мара, мечтательно глядя сквозь него. – Документ был в шкатулке, и ее нужно было забрать из загородного дома. Я чинно и благоправно поднялась на третий этаж, забрала шкатулочку и вернулась к лошадям, никуда не сворачивая и не отвлекаясь. И каждый, у кого хватило ума спрятаться в камин или выпрыгнуть в окно, остался жив. А кто не спрятался, я не виновата. – Она бросила на него быстрый лукавый взгляд. – Бедный, я тебя опять пугаю?

– Удивляешь, – сказал Сварог чистую правду.

– А еще?

– Возбуждаешь. И удручаешь.

– Это еще почему?

– Твое ремесло...

– Милый мой сюзерен, мы опять приближаемся к точке, где перестаем друг друга понимать...

– Ладно, замнем, – сказал Сварог, устало погладив ее руку. – Слушай, а мечта у тебя есть?

Она чуточку замялась, но все же выложила:

– Хочу стать королевой.

Сварог хотел фыркнуть, но потом подумал, что мечта эта – не лучше и не хуже любой другой. На то она и мечта. Особенно здесь, где престолы частенько брались «на шпагу». Если вспомнить, сколь предосудительные субъекты

ухитрялись нахлобучить все же на темечко корону, Мара с ее детской мечтой выглядит светлым ангелом...

– Осталась самая малость, – сказал Сварог. – Выйти замуж за короля.

– Ну уж, таких пошлостей мне не нужно. В интересах дела еще можно под кого-нибудь примоститься, но ради собственного блага никак не стоит...

– Что я в тебе ценю, так это – непринужденность...

– Я человек независимый, – сказала Мара. – И хочу завоевать себе королевство сама. Конечно, смешно распахивать рот на большое, но найдутся и маленькие, по моим хрупким плечам. В Манорах. Есть еще Сегур. Я там была однажды – очаровательный остров. Жалкая кучка гвардейцев и король-растяпа, без единого наследника.

– А потом?

– Что – потом?

– Ну, завоевала ты королевство. А дальше что?

– Надеваю я корону...

– Ну?

– Сажусь я на трон...

– Ну? – с интересом повторил Сварог. Она задумалась, нахмурилась:

– Да ну тебя! Все испортил!

– Я тут ни при чем, – сказал Сварог. – Видишь ли, мечты имеют паршивое свойство – сбываться. Поэтому всегда нужно иметь что-то про запас.

– А у тебя-то самого есть мечта? – прищурилась она.

– Выбраться отсюда. Чтобы Делии удалось...

– Это не мечта, а отличное выполнение задания, – безжалостно отрезала Мара. – А мечта?

– Мечты, похоже, нет... – растерянно сказал Сварог, подумав как следует.

– Вот видишь, А у меня есть. Чья взяла?

Сварог покрутил головой:

– Слушай, много вас таких?

– Хватает. Человек пятьдесят. Большинство, конечно, довольно тупые приложения к мечам, но есть и умные. Я, да будет тебе известно, существо особо строптивное, своенравное и самостоятельное. Это я не сама придумала, а бесстыдно подслушала. Из-за моей репутации Гаудин и поручил мне за тобой присматривать. Что ты поднял брови выше макушки? Ну да, милорд ваше небесное великолепие, вы здесь командуете, вы умеете бить людей топором по голове, и вы великолепно справились в Харлане. Но вам еще долго предстоит учиться прокладывать себе дорогу по трупам, не распуская при этом сопли и не гадая, была ли у проткнутого вами бедолаги седенькая бабушка... А я этим умением давно овладела, – она скромно потупилась. – Надеюсь, я не нанесла урона твоей мужской гордости? Всегда готова искупить женственной покорностью...

И с интересом наблюдала за ним. Однако Сварог уже понял, что лучший способ сохранить лицо при общении с напарницей – это выглядеть совершенно бесстрастным.

– А тебе не приходило в голову, что Гаудин использовал удобный случай, чтобы от тебя отделаться?

– Гаудин – сплошная меланхолическая загадка, – сказала Мара. – Меланхолическая личность касается облика, а загадочность – ума и характера. Какие ходы он

просчитывает наперед и сколько их, угадать невозможно. Сейчас мы выполняем задание. Я не сомневаюсь, что игра затеяна всерьез и ставки высоки – но одновременно наше задание хитрыми ходами, непонятными и неизвестными нам с тобой, связано с достижением и других целей. Нет, я не утверждаю, будто так и есть. Но допустить стоит... Большинство его поручений – с двойным и тройным дном.

– Должность у человека такая... – сказал Сварог задумчиво. И направился на террасу – подышать прохладным ночным воздухом на сон грядущий. Окрест стояла тишина, только через два дома отсюда на гребне крыши раздавалось звяканье виолы и явственно долетало меланхолическое пение:

*Этот витязь бедный
никого не спас,
а ведь жил он в первый
и последний раз.
Был отцом и мужем
и – судьбой гоним –
больше всех был нужен
лишь своим родным...*

У трубы виднелась темная фигура, сидевшая верхом на коньке, как на лошади.

– Твой-то опять надрывается, – лениво сказал Сварог бесшумно появившейся рядом Маре.

– Я вот в него сейчас чем-нибудь попаду... – безжалостно заявила сподвижница.

Сварог фыркнул. Обитавший неподалеку юный уличный певец, сосед лишнего наследства восемнадцатого герцога Немера, положил глаз на Мару (отчего-то очаровавшую его даже в своем новом облике, не столь уж и прекрасном) и регулярно угощал серенадами.

– Сейчас я его...

– Отставить, – сказал Сварог. – Традиция такая, терпеть нужно...

*От него осталась
жажда быть собой,
медленная старость,
замкнутая боль.
Неживая сила,
блики на воде.
А еще – могила.
Он не знает, где...*

– И так тошно, а тут еще тоску наводит...

– Помолчи-ка, – сказал Сварог, насторожившись. – Видишь?

– Что?

– Вон, левее, прямо над мостом...

– Ничего там нет, – уверенно сказала Мара. Сварог протер глаза, поморщился:

– Ну как же нет? Что-то вроде орла.

– Ничего я там не вижу.

Сварог не настаивал. Однако был уверен, что ему нисколечко не почудилось: над городом, очень низко, кружили уже три огромных черных птицы,

почти не шевеливших крыльями, подобно парящим орлам, временами заслоняли далекие огни домов, уличные фонари. И летали они, не выбираясь за пределы оцепленной зоны...

– Нет там ничего, – пожалала плечами Мара. – Пошли спать, а?

– Пошли, – сказал он решительно. И подумал: нет, пора отсюда убираться, такие собаки и такие птицы ничего хорошего не сулят...

Глава 16 Право убежища

Харчевня именовалась без особых претензий – «Кошка и кастрюля». Кошек, помимо той, что на вывеске, обнаружилось целых три – зажавшихся до того, что они дремали под столами, брезгливо игнорируя брошенные им в приступе пьяной любви к животным мясные отгрызки.

Мара легонько придавила одной хвост носком башмака, но та открыла один глаз, лениво вытянула хвост из-под подошвы и вновь задремала.

– Не мучай животное, – мельком заметил Сварог без особой укоризны.

– Настоящая кошка должна быть зверем, – Мара нацелилась на кошачий хвост уже каблуком. – А эта...

– Если она заорет, привлечешь к нам внимание.

Вот это моментально подействовало, и Мара унялась. Сварог глянул на распахнутую дверь – отец Калев все не появлялся, а пора бы... Ввалилась компания, еще с порога заоравшая, что вина им нужно много, а вот закуска вовсе и не обязательна. Судя по гильдейским бляхам, явились речники топить в чарке горе – «Кошка и кастрюля» располагалась неподалеку от одного из портов, и попавшие в кольцо блокады речные суда обязаны были встать на мертвый якорь, а паромы – прервать сообщение меж берегами. По этой причине речной народ пил с утра до вечера, но в обличении властей не поднимался выше Речного департамента, августейшую особу не затрагивая, – в любом порту хватало шпииков.

Сварог думал о своем – пытался понять, почему их с Марой бросили. Какие бы там сложные интриги ни плелись среди правящей верхушки, они не объясняли бездействия и деликатности Гаудина, столь несвойственных начальнику тайной полиции, особенно в столь серьезном деле. Гаудин уже должен был знать о призраке, подменившем принцессу. Мог бы и направить связного, мог бы помочь. Противники Гаудина были владельческими особами, но их люди оставались шпионами-любителями, а у Гаудина имелась в руках Контора. Как показывает исторический опыт, Контора побивает в три хода дилетантов любого ранга...

Поневоле подворачивалась невеселая, но веская гипотеза – Гаудину сейчас не до земной тверди, что бы эпохальное там ни происходило. На тверди небесной случилось нечто столь серьезное и важное, что лихая компания Сварога обречена на автономное плаванье. Вульгарно говоря, наверху шерсть летит клочьями. Так частенько случается, стоит юной императрице надолго увлечься силванскими охотами – впрочем, придворные баталии с тем же успехом разыгрываются и в отсутствие старого и сурового, собаку съевшего на кознях и интригах монарха...

Что, если точнехонько так все и обстоит? При этой мысли стало невероятно неуютно. Но он браво плюнул под стол – благо нравы грязной харчевни позволяли – и подумал, что уж если его за тридцать с лишним лет не смогли уgro-

бить в обители развитого социализма, здесь и подавно не слопают, подавят-ся...

– Ты что это под стол плюешь, барон? – спросила Мара.

– Придумал, как организовать ситуацию, когда всем станет не до облавы и не до нас.

– Как?

– Поджигаем королевский дворец. Со всех восьми концов.

– Лихо, – Мара посмотрела на него с уважением. – Только мне придется изрядно повозиться, чтобы состряпать «слезы дракона». Есть такой горючий состав. Даже на воде полыхает так, что любо-дорого. Значит... Смолы немеряно здесь же, в порту, пробежаться по аптекам пошлем Паколета, нашатыря на Ба-раглае полно у любого алхимика...

– Да погоди ты, – сказал Сварог. – Я же шутил.

– Да? А план не столь уж наивен. Послушай, если и в самом деле...

Сварога спасло появление отца Калеба, одетого арматором средней руки. Харчевня, хоть и захудалая, делилась на две половины: «пьяную» и «деловую». В первой вино трескали ради самого процесса, а во второй – потягивали, обсуждая дела. Сварог обосновался в «деловой», где разговоры шепотом были в порядке вещей, и те, кто беседовал, сдвинув над столом головы, выглядели не заговорщиками, а совершенно приличными людьми – например, контрабандистами, а то и «ночными рыбаками»[56].

– Братья согласились вам помочь, – сказал отец Калеб. – Однако должен предупредить: к вам до сих пор питают некоторое недоверие, причины которого мне непонятны...

– Пусть питают, – сказал Сварог. – Лишь бы помогли.

– Вам сказали правду. Под церковью святого Круахана и в самом деле начинается подземный ход. И он не моложе самой церкви. А она стояла на этом месте еще до Шторма. Разумеется, ее не раз перестраивали, а то и отстраивали заново... Словом, предприятие крайне опасное.

– Вы боитесь, что ход засыпан?

– Я боюсь, что он цел, – сказал отец Калеб. – Очень уж нехорошей славой окутаны старинные подземелья. Сами братья туда не спускались, и это кое о чем говорит. Когда тысячи лет из поколения в поколение передается совет держаться от подземелий подальше, слухи рождаются не на пустом месте.

– Насколько я знаю, гномы вымерли, – сказал Сварог. – И еще. Никто ведь не слышал за последние тысячелетия, чтобы из подземелий выползло нечто... необычное.

– Это еще ни о чем не говорит. Из Хелльстада за всю его историю тоже почти не выползло ничего необычного. Но попробуйте туда сунуться... История планеты длинна. До людей у нее были другие хозяева – а до тех властвовал кто-то еще. Там, внизу, может оказаться целый мир, о котором мы ничего не знаем, – и, если хотя бы сотая часть легенд правдива, этот мир любовью к человеку не проникнут.

– Не слишком ли много страхов вокруг подземного хода, соединяющего берега?

– Даже в обычных катакомбах, оставшихся после добычи камня, в туннелях, где проходят подземные стоки и водопровод, случаются странные и страшные вещи.

– Вы пришли меня отговаривать? – спросил Сварог.

– Я не вправе. Но братья просили передать: они ни за что не отвечают. Это может оказаться смертельно опасным.

– Да что вы говорите! – хмыкнула Мара. – А мы-то до сих пор занимались безобидной игрой в «четыре волчка»...

– Не перебивай старших, – хмуро сказал Сварог. – Простите, святой отец, но она права. В нашем положении не привередничают.

– Я все понимаю. Но опасюсь за вас. Вчера к братьям пришел и попросил убежища стагарский колдун – насколько я понял, тот самый, что жил у Сенгала. Убежище ему по старинному обычаю предоставили, хотя и посадили под замок до тех пор, пока не найдут способа переправить его подальше. Так вот. Он невероятно напуган и, представьте, знает о ходе, берущем начало в церкви. Но бежать по нему категорически отказался, предпочтя запертую снаружи келью и ожидание...

– Я бы его сразу пристукнул, – сказал Сварог. – Подослали, быть может?

– Нет, – усмехнулся отец Калев. – Братья не склонны к излишней доверчивости и жизнью умудрены. Наша церковь в свое время побывала и гонимой, что не прибавило ни беззаботности, ни легковерия. Есть клятвы, которые стагарцы не нарушают, и лгать после их произнесения не способны. Братья подвергли его должному испытанию. Скорее он производит впечатление человека, слишком поздно осознавшего, во что он впутался.

– Иногда и я сам на себя произвожу такое впечатление, – проворчал Сварог.

– Вечная беда стагарцев – они столь часто балансируют меж добром и злом, что иногда достаточно одного опрометчивого шага...

– Могу я с ним поговорить, перед тем как спущусь в подземелье?

– Отчего бы нет... С наступлением ночи...

– Послушайте, мне только что пришла в голову гениальная мысль, – сказал Сварог со скромностью Ньютона, секунду назад получившего по темечку историческим яблоком. – Почему необходимо дожидаться ночи, чтобы спускаться в подземелье? Там же темно и так, в любое время суток...

– Действительно... – механически кивнул отец Калев, но тут же его лицо вновь приняло озабоченное выражение.

...Отбытие их с Бараглайского Холма прошло незамеченным широкими кругами богемы. Отец Калев, вновь обрядившийся кучером, пригнал вместительный рыдван, в каких ездили горожане средней руки. Творческие люди весьма ревниво следят за успехами и жизнью тех своих коллег, кто хоть чуточку именит, но отъезд третьеразрядной балаганной труппы (равно как и ее прибытие несколько дней назад) никого не интересовал. Поскольку непоплаченных счетов за ними не числилось, лавочники и трактирщики и не встрепенулись. Один квартальный стражник бдительно заявился окинуть рыдван зорким оком – но, получив двойной серебряный аурей, смягчился и пожелал счастливого пути (Сварог сообщил ему, что они намерены немного подработать на купеческой свадьбе).

Мэтр Анрах появился во дворе, когда Сварог уже собирался последним залезть в дряхлый экипаж. Подойдя, виновато развел руками, тихо сказал:

– Ничего не нашел, уж не посетуйте...

– Зато я, кажется, нашел, – сказал Сварог.

– Что ж, ни о чем не стану спрашивать, но... – он помялся. – Не знаю, помо-

жет ли это вам... Почти все авторы при упоминании о подземельях советуют беречься зеркал.

– Что они имеют в виду?

– У меня осталось впечатление, что они не знают этого сами. Просто повторяют пришедшее из глубины веков предупреждение. Вы учтите на всякий случай...

– Учту, – сказал Сварог. – Прощайте. Может, встретимся когда-нибудь...

Залез в рыдван, окинул взглядом свое воинство. Воинство держалось бодро и браво, на сей раз без всякого наигрыша – впереди замаячила надежда, а это перевешивало все связанные с оной возможные опасности. Капрал Шедарис держал на коленях последнее достижение пытливого конструкторской мысли – громадный четырехствольный пистолет, каковой извлек, едва оказавшись в повозке.

– Ты его спрячь пока, – сказал Сварог. – Уличных боев, право слово, не предвидится.

Капрал не без сожаления упрятал громоздкое чудо техники в мешок. Паколет поерзал на лавке:

– Наши ребята плели про катакомбы всякие страхи...

– Вот и проверим, – сказал Сварог, взглядом приказав ему заткнуться.

Покосился на Делию – она выглядела так, словно и радоваться хотела, и боялась обмануться.

– Ничего, ваше высочество, – сказал Сварог. – В следующий ваш проезд по улицам этого беспокойного города встречать вас будут совершенно иначе, клянусь...

Он и сам искренне верил в то, что говорил. Делия устало улыбнулась ему, а тетка Чари вздохнула:

– Великие небеса, как спокойно и беззаботно жилось в пиратах... Нет, понесло же меня на сушу...

– Зато на суше не утонешь, – сказал Сварог.

– Да уж, кому быть повешену...

– Бросьте, – сказал он. – Я всегда успею возвести вас всех в дворянство. А дворян вешать не положено. С ними обходятся со всем возможным почетом, голову сносят церемониальным мечом и непременно на золоченой колоде. Это вам не грязная веревка, натертая прошлогодним дешевым мылом...

Шуточка была цинично-казарменная, но такие лучше всего и действуют в подобных переделках...

Церковь святого Круахана, сложенная из темно-красного кирпича, вздымалась к небу три колокольни с острыми шпилями и немного походила на крепость – малым количеством окон и толщиной стен. Последний раз ее отстраивали из развалин пятьсот лет назад, до Латеранского трактата[57], и это сказало на настроении зодчих. Впрочем, и новые храмы, принадлежавшие Братству святого Роха, были построены так, чтобы отсидеться в них при осаде: загадочное братство, посвятившее себя борьбе с черной магией, не без оснований опасалось коварных сюрпризов.

Чем оно занималось, плохо представлял даже Гаудин – по наблюдениям Сварога, державший в отношении Братства почтительный нейтралитет. Но если где-то обнаруживался пробитый серебряной стрелой маг или таинственно сгорала подозрительная антикварная лавка, грешившая продажей книг из

Черного Перечня, можно было прозакладывать голову, что в девяти случаях из десяти здесь не обошлось без нелюдимых братьев в коричневых рясах...

Один такой встретил их у входа – мрачный широкоплечий монах, на которого даже бывалый капрал косился с уважением. На поясе у него висел скрамасакс[58] в железных ножнах и три символа Братства – серебряный клеверный трилистник, бронзовая фигурка коня[59] и вырезанный из дерева сжатый кулак.

Не задавая вопросов, он повел их в обход алтарного зала, низкими коридорами без окон – в подземные этажи. К стагарцу и в самом деле относились без всякой доверчивости: у входа в келью, где его поместили, сидел еще один монах, столь же внушительного сложения, держа меж колен внушительный посох, окованный с одной стороны широкими медными кольцами (вполне возможно, и с выкидным клинком внутри, монахи это практиковали и были мастерами гойкара[60]).

Сварог вошел, оставив остальных за дверью. В углу ровно, без копоти, горел масляный светильник. Табуретов здесь было два, так что Сварог немедленно сел на свободный и без церемоний принялся разглядывать стагарца – нарочито неторопливо, хмуро, чтобы тот понервничал и понял, что убивать его не будут, но и марципанами потчевать не собираются.

Он был не старше Сварога. Мочки ушей, должно быть, обрезаны в самом раннем детстве – не видно шрамов, кажется, что уши были такими отроду. Значит, потомственный колдун – это-то Сварог о стагарцах знал. На левой щеке – маленькое синее клеймо, неизвестный Сварогу знак. Морской колдун смотрел исподлобья и благостностью характера, сдается, не отличался.

– Ну что, сукин кот? – ласково спросил Сварог в качестве вежливого приветствия. – Докатился? Или, выражаясь изысканнее, накликал на свою жопу приключений?

Стагарец глянул сущим волком и тихо напомнил:

– Я под защитой храма. Как приверженец Единого Творца.

– Твое счастье, – сказал Сварог. – Но меня что-то не тянет пускать пузыри от умиления. Скажи-ка лучше, как это ты, приверженец Единого, ухитрился во все это вляпаться?

Хмурый колдун, прямо-таки передернувшись, заторопился:

– Я потому и бежал, когда понял, во что ввязался...

– А лучше было не ввязываться вообще, – наставительно сказал Сварог, поймав, что и сам бы охотно последовал сему золотому правилу, да вот никак не удается. – Давай поболтаем. Я уже знаю, что Сенгал решил подменить принцессу призраком. Но подробности и цели мне неизвестны. Как и твоя роль в этом.

– Я познакомился с ним на Стагаре, и он уговорил меня отправиться с ним на Диори. Похоже, он знал, где лежит клад. Но не знал языка Изначальных.

– И ты ему по-дружески переводил. Совершенно бескорыстно, а? По доброте душевной?

– Он обещал мне книги. Я возвысился бы над всеми, даже над Варгасом с Совиного Мыса. Вам не понять...

– Что ж, я многого не понимаю, – сказал Сварог. – И в особенности не понимаю дураков, которые ввязываются в такие вот игры – свято веря, что никто не станет убирать лишних свидетелей по миновании в них надобности...

– Ну, я еще долго был бы ему нужен, – усмехнулся стагарец чуточку раскованнее. – Хватило бы времени, чтобы вовремя почуять опасность и приготовить дорожку для бегства. А что до его замыслов... Простите за цинизм, но я не здешний. Вассальной присяги здешнему королю не давал, и принцесса мне чужая. Каждый за себя, в конце-то концов.

– Насколько я знаю, эгоистов на Стагаре не особенно любят. И подобный образ мыслей там не в чести.

– Но за него вовсе не зачисляют в выродки без всяких колебаний. Вы не читали Федра? Душа – это колесница, влекомая двумя лошадьми, черной и белой, они тянут в разные стороны и плохо подчиняются вознице...

– Ладно, – сказал Сварог. – С земляками тебе самому разбираться... А Федра я не читал. Давай о делах. Значит, Сенгал с твоей помощью решил подменить принцессу... Отсюда и начнем.

– Род Сенгала имеет кое-какие права на трон. Как десяток других родов. Если бы пресеклась династия Баргов...

– Без подробностей. Я и так верю.

– Если бы подмена прошла гладко, с соблюдением всех условий...

– То есть – с убийством настоящей принцессы?

Стагарец сделал пренебрежительный жест, означавший что-то вроде: «Стоит ли о таких мелочах?»

– То существо... оно, будучи оплодотворенным смертью оригинала, могло бы существовать десятки лет, став полностью послушным своему хозяину. Конечно, при регулярном соблюдении иных ритуалов. Король очень болен, хотя об этом никто почти не знает. Сенгал женился бы на «принцессе». Это создание совершенно нематериально, но ребенок, которого все считали бы родившимся у королевы, был бы сыном Сенгала, самым настоящим.

– Нужно признать, покойный искренне заботился о будущем своего потомства, – сказал Сварог. – Ну а теперь выкладывай – что там у вас пошло наперекос?

Стагарец сказал после долгого молчания:

– Я знал, что магические книги Изначальных добротой не дышали. Но не ожидал такого дуновения зла. Впервые встревожился, когда мы готовили... подмену. Потом стало еще хуже. У Сенгала были и другие помощники, кроме меня. Порой даже кажется, что те, которых он считал своими слугами, становились хозяевами. Когда в решающую ночь появились эти твари, сомнений не осталось. Сенгал стал орудием. Я это понимал, а он – нет. Я ко многому отношусь без особых предрассудков, но предавать душу в когти Великого Мастера...

– Подробнее.

– Да зачем вам это? Вы что? Катберт-Молот? Тоже мечтаете поразить сатану сияющим копьем? Да и нет там особых подробностей. Сенгала все больше подминала Черная Благодать (Сварог впервые слышал это название, но не подал виду). В решающую ночь во дворце появились люди, которых я никогда прежде не видел, но гадать, кому они служат, не было нужды. Все получилось наполовину. Этот гланский рубака все сорвал. Слуги Великого Мастера не могли подступиться ни к нему, ни к принцессе, а когда Сенгал наконец пустил в ход обычных солдат, было поздно, она успела скрыться. Сенгал паниковал. Время существования двойника, не оплодотворенного смертью оригинала,

ограничено, строго отмерено. Сюда слетелись шпионы от всех соседей. Потом Сенгала убила ваша девка...

Сварог, не вставая, ловко пнул его в голень:

– Выбирай выражения, тварь!

– А что, называть ее парнем или деточкой? – огрызнулся стагарец, шипя от боли и потирая ногу. – Девочка – это косы, невинность, куклы-конфеты... Определение «дикая кошка» вас не коробит?

– Не коробит. Значит, ты оставался с патроном до самого конца. Хотя прекрасно понимал уже, кто правит бал. А когда он умер...

– Когда он умер, исчезло лежащее на его библиотеке заклятье, и книги можно было унести. Жаль, напихать под одежду удалось немного, а книга Изначальных исчезла вовсе... Ну что вы так смотрите? Я ведь не выдал вашу кошку, а мог бы...

– Не мог. Побоялся бы, что Великий Мастер за отсутствием других козлов отпущения выместит зло на тебе. И припустил со всех ног... А ливень зачем устроил?

– Чтобы затруднить погоню. И потом... Сенгал отчего-то решил, что вы – из Снольдера. И хотите увезти принцессу на самолете. Я в то время ему поверил. И хотел, чтобы вы пока что оставались здесь. Чтобы все остались в столице, пока я успею скрыться. Не ожидал, что за меня возьмутся столь рьяно. Гоняли, как зайца, и азартнее всего охотились горротцы, что было едва ли не хуже Великого Мастера... Ну что вы так смотрите? Я ведь мог и сдаться погоне. Отказ от злого дела – уже само по себе есть служение добру...

– Снова Федр?

– Нет, Амруз.

– Знаешь, я что-то с этим Амрузом решительно не согласен, – сказал Сварог. – Ладно, эти тонкости оставим святым братьям... Пусть они и с тобой разбираются, я здесь не хозяин. На твое счастье. Скажи-ка лучше, отчего это ты не захотел бежать подземным ходом?

– Наверху, несмотря ни на что, безопаснее – вот вам и вся суть...

Видно было, что ничего он больше не скажет. Конечно, если позвать за грубевшего душою Шедариса, умеющего развязывать языки пленным вопреки рыцарским правилам войны... Но вряд ли позволят монахи. Следовало бы сунуть стагарцу нож под ребро вящего спокойствия ради – но убивать «на всякий случай» Сварог еще не привык.

– Ну, живи уж, сукин кот, – сказал он задумчиво.

Встал и вышел. Странная Компания, незаметно для себя подравнявшаяся воинской шеренгой, встретила его вопросительными взглядами.

– Ничего интересного, – сказал он чистую правду, повернулся к монаху. – Ведите нас, святой брат.

– Вы все обдумали?

– Все, – сказал Сварог решительно.

Глава 17

Хозяин подземелья

Монах шел впереди с керосиновой лампой в поднятой ручище. Они спускались все ниже и ниже – по винтовой лестнице, по сводчатым переходам, по галерее, проходившей над большим залом, усеянным невысокими каменными надгробиями. Воздух стал тяжелым, душноватым. Сварог слегка пома-

хивал Доран-ан-Тегом, вновь привыкая к нему после долгого бездействия. Рубин в наивысшей кроваво отблескивал.

– Где кончается ход, никто не знает, – тихо сказал великан-монах. – Если уж вас не удалось отговорить, остается только молиться за вас...

Сварог подумал, что впервые за него кто-то будет молиться, но промолчал, чтобы не суесловить.

Они остановились в сводчатом склепе. Там было две двери – та, в которую они вошли, и вторая, толстенная и тяжелая, дерева почти не видно из-под железных полос, усеянных серебряными трилистниками и силуэтами коней.

Она была заперта на обычный висячий замок, не такой уж и большой – на купеческих лабазах можно увидеть гораздо внушительнее. Монах снял с пояса связку ключей и забренчал ими, перебирая.

– Дверь хорошо сохранилась для пяти тысяч лет, – сказал Сварог, не вынеся молчания.

– Ее периодически чинили и меняли, – отозвался монах. – Но никто никогда не спускался вниз. Оттуда тоже ни разу не появлялось... никого и ничего. Но это не успокаивает...

Он наконец нашел нужный ключ, вставил его в продолговатую скважину, повернул, разнял замок и дужку. Потянул дверь за чугунную ручку, и она отворилась с визгом, скрежетом.

– Вот теперь можешь доставать свою артиллерию, – сказал Сварог капралу.

Тот с превеликой готовностью извлек пистолет, накрутил ключом пружины во всех четырех колесцовых замках, опустил кремни к колесикам. Мара вынула меч. Монах молча роздал каждому по пучку добротных сделанных просмоленных факелов, чиркнул огромной серной спичкой, и все зажгли по одному.

Ничего страшного за дверью пока что не наблюдалось – довольно широкая каменная лестница, полого уходящая во тьму, по ней можно идти троим в ряд.

– Ну, с богом, – сказал Сварог. – Держать строй, что бы ни случилось.

– Дверь я буду держать открытой сутки, – сказал монах. – А там – уж не посягайте...

Сварог молча двинулся первым, подумав, что при нужде он вынесет эту дверь топором в три минуты. Под сводами хватало места, чтобы шагать во весь рост. Пыли вокруг вопреки ожиданиям почти не было, и плохо верилось, что этой аккуратной кладке, где не выкрошился ни один кирпич, пять тысяч лет. Время от времени Сварог поднимал руку, они останавливались и настораживали уши, но, ничего не услышав, продолжали спускаться по невысоким ступеням. Ход плавно заворачивал вправо. Сварог оглянулся вверх – дверной проем светился далекой тусклой звездой. А там и скрылся за поворотом. Понемногу Сварог стал замечать, что спуск этот – нечто вроде винтовой лестницы огромного диаметра.

И вдруг она кончилась – последняя ступенька была уже не ступенькой, а каменным полом большого зала. Сварог первым шагнул в проем – и ослеп, вспышка белого сияния ударила в мозг. Шарахнулся, наугад махнув перед собой топором крест-накрест, слыша сзади крики и оханье, попытался все же что-то рассмотреть сквозь плававшие перед глазами разноцветные круги – и тут же, ожесточенным морганием смахивая застилавшие глаза слезы, заорал что было сил:

– Стоять! Спокойно! Друг друга порежете!

Потому что единственная опасность, какая им угрожала, – зацепить клинком друг друга. Светло стало оттого, что под потолком вспыхнуло не меньше десятка молочно-белых полушарий. Они вошли – и автоматически зажегся свет, крайне смахивавший на электрический. Только и всего.

Сварог оглянулся – его воинство, за исключением Мары и Делии, сгрудилось в проходе, не ступая в зал, выставив перед собой мечи и четырехствольную пушку. Раненых не видно, зато в испуганных числятся все.

– Назад, – кивнул Сварог. И сам вслед за Марой и Делией вернулся на лестницу.

Свет в зале тут же погас. Стоило Сварогу шагнуть со ступеньки на пол, лампы вспыхнули вновь. Облегченно переведя дух, Сварог так и не смог отделаться от безмерного изумления – очень уж эти штучки, автоматика высокого класса, не вязались с тем, что они оставили наверху. Тот, кто все это построил, знал и умел не в пример больше. Что же, история в свое время повернула вспять? И буксовала пять тысяч лет? Станный для истории поворот. Впрочем, не такой уж странный, если учесть иные разговоры о странностях технического прогресса, рожденных волей человека...

– Впечатляет, – сказала Мара.

– Смелее, – подбодрил Сварог остальных. Они ничего еще не понимали, но, видя его спокойствие, один за другим выходили в зал, гася факелы, притаптывая их сапогами. Сварог оглядывался. На противоположной стене – огромное запыленное зеркало от пола до потолка. Слева – несколько дверей с закругленным верхом, то ли из темного стекла, то ли металлические. Справа – восемь или девять ступенек ведут в огромный полукруглого сечения туннель, освещенный такими же светильниками, – отсюда видны два. Пол выложен белыми, черными и красными каменными плитками в форме ромба, в нишах меж зеркалом и ступеньками стоят белые статуи рыцарей в латах (доспехи совершенно незнакомого фасона). Стены мозаичные, зелено-бело-черные – совершенно абстрактные узоры, никаких аналогий в современном декораторском искусстве. Это ничуть не походило на жилое помещение – контора, вокзал, присутственное место... Сварог вытащил компас. Все правильно – если войти в туннель и свернуть направо, как раз попадешь на тот берег. Если только туннель достаточно длинный и не сворачивает.

Контора, вокзал... Метро? Он тряхнул головой – казалось, вот-вот над головой захрипит динамик, послышится грохот поезда, и из шеренги дверей напротив к туннелю хлынет поток пассажиров. Оглядел своих – окажись они в аэропорту или на станции метро, выглядели бы не менее нелепо. И Сварог видел, что они ощущают эту нелепость, пусть и не представляя, в чем она заключается. Соприкоснулись два разных мира.

– Здесь все настолько не такое... – тихо сказала Делия. – Мы с отцом были во дворце императрицы, но там другое... Там мы не чувствовали себя чужими...

Сварог решительно направился к зеркалу. Он не ошибся – под ним и в самом деле что-то лежало на полу. И эта находка Сварогу весьма не понравилась. Белые человеческие кости – кисть пятипалой руки, все еще сжимавшая длинный, без пятнышка ржавчины кинжал с изогнутым лезвием и чашеобразной гардой, украшенной изумрудами. Концы лучевой и локтевой костей выглядели так, словно руку у ее обладателя попросту оторвали еще при жиз-

ни – и она пролежала здесь неизвестное количество веков, а то и тысячелетий, пока плоть не исчезла. Рука с кинжалом выглядела здесь совершенно инородным телом – как и компания Сварога.

Стоя почти вплотную к зеркалу, Сварог взглянул в него. Почему нигде нет пыли, кроме как на зеркале? Зеркало не понравилось еще больше, чем сжимавшие оружие кости. Вроде бы зеркала темнеют, старея, да еще пыль толстым слоем – и все равно, как-то не так оно отражало, словно бы и не себя Сварог там видел, отражение держалось в глубине, да и колыхнулось вовсе не в такт его движениям...

Он всадил в зеркало лезвие топора – сам не понимая, что делает и зачем. Показалось даже, топор сам ударил, потянув за собой руку. Сварог отпрыгнул – но никакого ливня рушащихся с дребезгом осколков не последовало. Остался глубокий косою разрез – но не знавший преград топор вошел едва до половины лезвия... Разрез медленно, но явственно для глаза затягивался, отражения в темной глубине дернулись, словно отступая. Сварог выругался вполголоса. Остальные напряженно уставились на него издали. Из разреза тремя медленными полосами поползла тяжелая густая жидкость, черная с алым отблеском. Казалось, силуэтов в глубине зеркала прибавилось, они собрались в кучку.

– Пошли отсюда, – сказал Сварог, первым направляясь к ступенькам. – Боевой порядок!

Боевой порядок был оговорен заранее – Сварог впереди, Мара с Леверлином прикрывают Делию, тетка Чари прикрывает бесполезного в серьезном бою Паколета, а Шедарис прикрывает тыл.

Они шагали по туннелю – мимо часто попадавшихся ниш со статуями и черных проемов, за которыми уходили вниз невысокие, по пояс человеку, неосвещенные туннели. Они-то и беспокоили Сварога больше всего – оттуда в любой момент могло выпрыгнуть что-нибудь скверное. Судя по пройденному расстоянию, над головой уже – река.

Снова десяток ступенек – вверх. Там туннель продолжается. Но его перегородивает белая стена.

Нет, не стена...

Туго натяните поперек туннеля частую рыболовную сеть, вместо узелков на пересечениях нитей поместите белые шарики размером с горошину. Потом уберите сеть – а шарики останутся висеть в воздухе в строгом порядке, удерживаемые неизвестной силой. Именно так преграда и выглядела.

Сварог остановился перед ней. Сквозь нее просматривался туннель, преспокойно уходящий вдаль, и уардах в ста – очередной подъем.

Тронул шарики рукояткой пистолета, надавил. Потом проделал то же самое пятерней.

Шарики слегка отодвигались – до некоего предела, затем невидимая натянутая сеть упруго возвращала их в прежнее положение, стоило убрать руку. Он просунул меж шариками палец – палец невозбранно прошел на ту сторону. Махнул топором.

Парочку шариков ему удалось разрубить – но кусочки висели на прежнем месте, преграда не понесла ни малейшего урона. Сварог зажег огонь на кончике пальца и ткнул им в ближайший шарик – никакого эффекта, не загорается, не плавится, даже не накаляется... Тупик.

Все молчали.

– Возвращаемся? – предложил Леверлин неуверенно.

– А куда потом? – безнадежно спросил Сварог.

Подошел к ближайшему проему, заглянул внутрь. Ход косо уходил вглубь, где он кончался, и кончался ли вообще, Сварог не мог рассмотреть и с помощью «кошачьего глаза». Жестом призвал к полной тишине, оторвал с пояса чеканную серебряную бляшку, прочитал заклинание, усиливавшее слышимые окрест звуки, размахнулся что было мочи и запустил бляшку в проем, просунув следом голову. Прошло несколько секунд, а она все катилась, подпрыгивая и постукивая, потом провалилась куда-то, упала с небольшой высоты, звякнула, долго еще катилась, крутясь и подпрыгивая – и наступила тишина. Похоже на вентиляционные каналы – и пол там, внизу, тоже каменный... Рискнуть? Если там тупик, в крайнем случае с помощью топора нетрудно будет вырубить ступеньки, вылезти назад, калек и увечных в его отряде нет...

Он медлил, не зная, на что решиться. А с решением не следовало тянуть. Армию, неважно, громадная она или крохотная, спланирует осязаемый враг или конкретная цель. А блуждания наугад по неизвестным подземельям даже хуже военной неудачи. Но еще хуже – оставаться на месте...

И тут же, словно кто-то, имевший склонность к издевке, прочитал его мысли и выловил из них сожаление по отсутствующему врагу, со стороны покинутого ими зала послышались легкие шаги, настолько тихие, что Сварог их ничем не услышал бы, но заклинание еще действовало. Остальные не слышали – только Мара неуверенно встрепенулась да Паколет, внук во многих отношениях примечательной бабки, повернулся в ту сторону и достал из-за голенища нож.

Вскоре ее увидели все – рыже-белая пятнистая кошка ростом с теленка, напряженно вытянувшись в струнку, медленно поднялась по ступенькам и остановилась в отдалении, нехорошо прижав уши, поводя злыми желтыми глазами. И стала приближаться упругими шажками. Хвоста у нее не оказалось, но это не помешало с ходу определить, что настроение у нее самое скверное и миром вряд ли разойтись.

За спиной у Сварога кто-то коротко ахнул.

– Тихо, – сказал он, не оборачиваясь. – Кошки не видели? Самая обычная кошка, только здоровая...

Говоря это, он уже поднимал пистолет.

Кошка прыгнула вбок так стремительно, неуловимо для глаза, что он сам едва не ахнул. Похоже, она прекрасно понимала, что сулит наведенное в лоб дуло, – и пуля звучно ударила в стену, посыпались крошки мозаики. Еще два выстрела столь же бесцельно попортили стены, кошка увернулась, перемещаясь к ним короткими, неожиданными зигзагами, таившими в себе нечто гипнотизирующее. Никак не удавалось угадать, где она окажется в очередной миг, пуля за пулей летели мимо.

Слева грохнул пистолет Шедариса – кошка увернулась, зло прошипела, оскалилась. Густая струя порохового дыма повисла в воздухе, и Сварог отскочил вбок, крикнул:

– Не стрелять! Сомкнуться!

Кошка остановилась, зашипела, стала приседать. «Сейчас прыгнет, – понял Сварог. – И начнется». Он перехватил топориче обеими руками, у самого обу-

ха: главное, удачно подставить лезвие...

Мимо него метнулась маленькая фигурка – Мара бросилась вперед, выставив руки, словно ныряя в бассейн, перекувыркнулась в воздухе, на миг исчезнув из поля зрения, вновь возникла, приземляясь на пол совсем в другой стороне, извернулась, с силой метнув в немыслимом пируэте что-то пронзительно прожужжавшее... Кошка повалилась на пол, как подрубленная, стараясь освободить стянутые чем-то передние лапы, забилась, выгибаясь и рыча, но Мара уже вскочила, выбросила руку, сверкнуло что-то туманно-серебристое, бешено крутясь. Из горла кошки торчала половина глубоко ушедшей металлической звездочки.

Сварог метнулся вперед, обеими руками обрушил топор. Мара тут же рванула его назад за пояс – но кошачья лапа в агонии успела скребнуть по сапогу, прорвав голенище поперек.

– Не надо было лезть, – спокойно сказала Мара. – Ногу не задело? Вот и прекрасно. Подумаешь, вздорное животное. Сама справилась бы.

И резко обернулась к ступенькам. Тут же оба поняли, что не ослышались: бухающий шлепок повторился, и еще раз, и еще с ритмичностью метронома, приближаясь неторопливо, звуча столь мощно, что пол едва заметно сотрясаясь под ногами. «Идет ее хозяин, – испуганно подумал Сварог. – Если хозяин под стать своей зверюшке...»

Но ничего не было видно. Потом на доступном взгляду участке туннеля, на каменном полу, еще довольно далеко пока, появилась черная с алым отливом лужица – это из ниоткуда, из воздуха упала огромная капля, он кровоточил. Появилась вторая, третья, все в равных промежутках, шаги гремели под сводом...

Пустив в ход заклинание, Сварог увидел. Огромная неуклюжая фигура едва не задевала макушкой потолок, ручки свисали до колен, и вся она словно сплетена была из перепутанных как попало мохнатых веревок, лишавших чудиче четких очертаний. Там, где положено быть голове, виднелось что-то похожее на округлый бугор, на нем светилась горизонтальная алая щель – то ли единственный глаз, то ли пасть. Сварог не смог определить, что это такое – азов магии, напиханных ему в голову, словно изюм в булку, решительно не доставало.

Он выстрелил. Великан, чуть вздрогнув, размеренно шагал вперед. Сварог не снимал палец с курка, но вскоре сообразил, что это бесполезно. Дюжина серебряных пуль давно заставила бы сдохнуть любую нечисть и остановить создание из плоти и крови. Либо это что-то третье, либо Сварогу никак не удалось угодить в уязвимые места. «Берегитесь зеркал», – вспомнил он.

– Ты его видишь?

– Конечно, – сказала Мара.

– Что это?

– Представления не имею, насчет такого нас не учили...

У них еще было время. Немного, правда. Но скоро оно подойдет вплотную, и никто его не видит, только Сварог с Марой... Что же, поставить все на единственный козырь – топор Дорана? Но зеркала он не смог прорубить, застрял на половине...

Сварог махнул Маре и бросился назад, к оцетинившимся мечами спутникам, недоуменно вертевшим головами. Следом грохотали шаги, слышалось

что-то вроде удовлетворенного, утробного ворчания. Сварога вел инстинкт, а не рассудок – такое с ним случалось не впервые, и всегда он оставался цел...

Он молча указал Маре на ближайший проем, и она ногами вперед метнулась туда. Слышно было, как она, гремя чем-то, звонко царапая металлом о металл, катится вниз. Стук подошв. Краем глаза Сварог заметил вспыхнувший далеко внизу свет, и почти сразу же раздался крик Мары:

– Сюда все!

Ничего не стоило говорить – он лишь мотнул повелительно головой, и все, один за другим, бросились в проем без промедления и дискуссий. Замешкавшегося Паколета Сварог сцапал за шиворот и отправил вниз, как мешок. Оставшись в одиночестве, оглянулся.

Великан задержался возле кошки с отрубленной головой – вокруг нее уже натекла черная с алым отливом лужа, – взвыл, замахал лапами, метнулся вперед. Но Сварог вперед ногами бросил тело в туннель, покатился на спине по наклонному, гладкому металлическому скату, гремя мечом, прижав к груди топор и прикидывая трезво: неизвестному монстру сюда ни за что не пролезть, если только он не умеет вытягиваться шлангом...

Спрыгнул с высоты примерно трех четвертей уарда, легко удержался на ногах. И оказался в широком туннеле, параллельном только что покинутому ими, но короткому, с тупиками в обоих концах. Лестница с железными фигурными перилами ведет вниз.

Прислушался. Наверху ревел великан, судя по звукам, наотмашь валил кулаками в стены. Но спускаться что-то не торопился. Не следовало вообще-то тыкать оружием во все непонятное, но Сварог еще более уверился, что топор рубанул сам по себе, хотя таких штук за ним раньше и не водилось. Топор принадлежал еще более далекому прошлому, чем туннель, – но от обеих эпох остались лишь легенды, поди усмотри связь, поди пойми с ходу...

Он без промедления стал спускаться по лестнице, громко напомнив про боевой порядок. Впереди услужливо вспыхнул свет. Что-то вроде лестничной площадки, круглый зальчик со статуей посередине – черный камень, обнаженная женщина на спине могучего оленя – снова лестница, несколько раз изгибавшаяся под прямым углом. Сварог уже понимал, что на тот берег вряд ли попасть. Выбраться бы наверх... Он приободрился, подумав, что есть шанс оказаться вне кольца блокады. Самое приятное – никто больше не беспокоит, не навязывает с рыком и воем свое общество...

В очередной раз вспыхнул свет. У Сварога уже не было сил удивляться, но он все же удивился.

Они стояли на перроне. Вот вам метро, вот вам и станция. Два ряда рельсов уходят в туннель, справа и слева. И у перрона стоит поезд, светло-синие с красным вагоны, не тронутый ни ржавчиной, ни гнилью.

– Это же поезд! – воскликнула Мара.

– Только без паровоза, – кивнул Леверлин. – Я их видел в Снольдере. И даже ехал однажды.

– Я тоже, – сообщил Шедарис. – Даже два раза. Когда там служил. Паровоза и в самом деле не видать, а рельсов только по два. Как же он не падает?

– Образованные вы у меня ребята, – сказал Сварог задумчиво.

Подошел к краю перрона, заглянул в вагон. Он был полон скелетов, кости грудями валялись и на скамьях, и на полу. Не видно ни клочка одежды, но не

похоже, чтобы мертвых кто-то трогал после того, как случилось Нечто и поезд навсегда остался на станции – просто останки естественным образом переходили в состояние скелетов, костяки разваливались, черепа падали, раскатывались...

– И вон там... – показала Мара.

На перроне, у ведущей вверх лестницы, лежало еще десятка два скелетов – да, судя по их позам, Сварог угадал верно, и мертвецов никто не трогал. Что же здесь произошло? Быть может, за красивым псевдонимом Шторм скрывается некрасивая, насквозь обыкновенная война? Следов пламени нет, поезд не обстреливали. Нейтронная бомба? Кто бы тратил их на метро... Газ? Бактерии? Газ давно разложился бы, а вот бактерии – твари живучие...

– Подземелья когда-нибудь связывали с распространением неизвестной заразы?

– Пожалуй, нет, – подумав, сказал Леверлин. У Сварога чуточку отлегло от сердца. И он повторил вслух:

– Значит, была война?

Он и не ждал ответа, понятно, но Леверлин сказал тихо:

– Возможно, и война...

Сварогу показалось, что теперь он может объяснить кое-какие факты, мучившие его прежде полной несуразностью, объяснить существование кое-каких предметов и явлений, вроде бы и не полагавшихся данной эпохе. У него и раньше были подозрения, но внятно выразить их он не умел. Дело вовсе не в прогрессивном влиянии высокоразвитых ларов. Газеты, консервы, общее состояние умов... Несмотря на замки, доспехи и пирамиду феодальных отношений, порой жизнь Ронеро смутно напоминала Сварогу покинутый им двадцатый век – только лишенный кое-каких технических достижений. В образе мыслей, в укладе жизни было нечто, свойственное более поздним столетиям, это улавливалось подсознательно, не находя выхода в словах...

Лары здесь ни при чем. Они-то как раз тормозят прогресс. Сварог только теперь понял, что в Равене наблюдал вокруг себя то, что можно назвать мучительным, неосознанным повторением прошлого, новым витком спирали. Шторм смел с лица земли не примитивное общество, как написано в изданных наверху школьных учебниках, а то, что принято называть технологически развитой цивилизацией. То ли война, то ли неизвестное глобальное бедствие отшвырнуло обитателей планеты на тысячелетия назад – но не всех, а только тех, кто остался на земле...

Сколько же лжи в том, чему его прежде учили? Пожалуй, не меньше, чем в покинутом, полузабытом уже мире...

Над широкой лестницей висела продолговатая вывеска, желтая с черной каймой. Знакомые руны, разве что начертанные каким-то неизвестным шрифтом. Черные руны на желтом фоне: «Келинорт». Название станции, несомненно. Город был здесь и до Шторма. Отчего-то вывеска рядовой станции забытого метро потрясла его больше, чем набитый скелетами поезд.

– Поздравляю, – сказал Леверлин. – Одну смертную казнь мы уже заработали. За лазанье по запретным подземельям.

– Что бы тебе раньше сказать, – хмыкнул Шедарис. – Глядишь, испугались бы и не полезли.

– Ничего, мы еще кучу приговоров заработаем, – сказал Сварог. – Со мной

это несложно...

Они стояли кучкой на перроне, словно и в самом деле ждали припозднившегося поезда. Шедарис присмотрелся к скелетам и сообщил:

– Не нравится мне это.

– Что?

– А то, что при них нет ни монетки, ни пряжки. Поезд-то уцелел, почти как новенький...

Сварог мысленно с ним согласился. Одежда, понятно, истлела. Но металлических или пластмассовых предметов должно было остаться немало – часы, портсигары, авторучки, украшения, пуговицы, очки, кошельки, прочая мелочь... Ничего. Ни единой вещицы. Если Нечто уничтожало и неживую материю, оно обязательно растворило бы и поезд, и все вокруг, оставив голый камень...

– Лучше бы нам отсюда убраться, – сказал Паколет. – Неровен час, вынырнет еще что-нибудь препохабное...

– Пошли, – просто и буднично сказал Сварог.

И первым шагнул на лестницу, руководствуясь примитивной логикой: чтобы выбраться из метро на поверхность земли, нужно идти все время вверх... Ну да, за поворотом на стене обнаружилась желтая стрела с черными буквами: «Выход в город».

Очередной лестничный переход упирался в кирпичную кладку – судя по манере исполнения, эта чужеродная заплатка принадлежала гораздо более поздним тысячелетиям. Сварог не ждал, когда сзади послышатся разочарованные вздохи – он был зол из-за очередного провала, а потому с маху обрушил на стену топор, твердо решив прорываться с боем, что бы там ни оказалось по другую сторону. Иного выхода все равно нет.

Впрочем, он не крушил напропалую – аккуратно вырубил прямоугольный кусок скрепленных добротным раствором красных кирпичей размером с дверь.

Кусок рухнул на ту сторону – совершенно беззвучно, словно был сделан из пенопласта. Времени удивляться не было – на той стороне Сварог увидел темный, пыльный сводчатый подвал, загроможденный бочками и ящиками насквозь привычного вида. И махнул своим.

Он последним выскочил на ту сторону – прямо по вырубленному куску. И вдруг тот шевельнулся под ногами, поднялся навстречу, как подъемный мост. Сварог едва успел прыгнуть в сторону. А кирпичи легли на место и мгновенно слились со стеной в единое целое, так, что никаких следов от топора и не осталось. Взлетела пыль, все торопливо принялись сдерживать чиханье.

– Теперь ясно, что имели в виду те, кто уверял, будто подземелья надежно запечатаны... – сказала Делия шепотом.

Сварог огляделся. Откуда-то просачивался полосочкой бледный свет. На одной бочке стояла пустая бутылка из-под дешевого вина и лежали огрызки яблок, самое большее суточной давности. Так что подвал был обычным подвалом, отделенным лишь несколькими ступеньками от того уровня, который на географических картах принято называть «уровнем моря».

Он поднялся по четырем деревянным ступенькам, потрогал дверь – потянул на себя, толкнул от себя. Заперта снаружи на толстенный резной замок. Сварог нацелился было рубануть по нему, но решил не поднимать шума и по-

дозвал социально близкого элемента Паколета – чтобы заодно и проверить на практике его дар бесценный, полученный от предков.

Дар не подвел – Паколет наложил на замок ладони, возвел к потолку глаза, на лице изобразились вдохновение и сосредоточенность, и в замке что-то хрупнуло, скрежетнуло (должно быть, давно не смазывали). Сварог потянул дверь на себя, она и открылась.

Петли завизжали, как убегающая от сексуального маньяка голливудская блондинка. И кто-то, стоявший спиной к двери над раскрытым ящиком, обернулся, охваченный вполне понятным испугом: не каждый день из запертого единственного входа в подвал лезут непрошеные гости. Чтобы паника не распространилась дальше, Сварог бомбой влетел в комнату и аккуратно оглушил хозяина. Огляделся. Больше всего это напоминало заднюю комнату какой-нибудь лавки: стол с весами и счетами, полки с кулками, бочоночками, мешками. Окно тщательно занавешено. Сварог отогнул уголок занавески, осторожно выглянул – по улице идут люди, проезжают экипажи. Что за улица, он определить не смог. Хотел позвать Паколета, но тот присел над ящиком, заинтересованно изучая содержимое – мешочки с какой-то сушеной травой, один развязан. Тем временем в комнату вошли остальные. Сварог кивнул Маре на дверь, ведущую, скорее всего, в лавку. Она проскользнула туда.

– Понятно... – сказал Паколет, вставая. Подошел к столу и хозяйственно прибрал в карман все лежавшие там деньги, пояснив: – Мы монету не чеканим, а расходы еще будут... В полицию хозяин все равно не побежит.

– Почему? – спросил Сварог.

– Потому что в ящике – «чертов табачок». Травка с Островов. Курительная дурь. Пять лет каторги с конфискацией движимого и недвижимого, а также урезанием уха. – Он обозрел лежащего. – А у него уши целы, так что ему их будет жаль...

Вернулась Мара и отрапортовала:

– Лавка. Я ее заперла изнутри и опустила шторы. Там за прилавком торчал какой-то хмырь. Сейчас он под прилавком и упакован тщательно, как дорогой товар.

Лежащий стал подавать признаки жизни. Перевернулся на спину, увидел вооруженных незнакомцев и определенно заскучал.

– Ничего, бывает, – дружелюбно сказал Сварог. – Мы тебе не мерещимся, мы всамделишные. Вон там, в ящике, у тебя что?

Тот мрачно забубнил, что ящик, во-первых, вовсе и не его, пришли совершенно незнакомые приличные люди и попросили подержать пару часов; а во-вторых, пять минут назад ящика тут вообще не было, и каким чудом он в комнате оказался, непонятно, так что это происки конкурентов...

– Молчать, – сказал Сварог, и запутавшийся в противоречиях оратор послушно притих. – Где твоё заведение? Адрес у тебя какой? Я имею в виду адрес вот этой лавки, где мы сейчас.

– К-каштановая, двадцать пять...

Увы, они оставались в блокаде...

– Значит, так, – сказал Сварог. – Ты никому не рассказываешь, что мы заходили, а мы никому не рассказываем, какие гербарии ты тут держишь. Надеюсь, твоё воображение способно оценить простоту и выгоду этой нехитрой сделки?

Лежащий подтвердил энергичными гримасами и дрыганьем конечностей, что все понимает и принимает с восторгом. После чего его связали и присоветовали к лежащему в лавке, заткнув рот. Сварог принес из лавки несколько бутылок вина, прикрыл за собой дверь. Ни на кого не глядя, принялся старательно вытаскивать концом кинжала осмоленную пробку, боясь вопросов. Точнее, одного-единственного: «Что будем делать?»

Но вопросов не было. Лишь Мара вздохнула:

– Прогулялись...

Боевые соратники расселись кто где и столь же старательно сражались с пробками. Паколет с Шедарисом, как люди бесхитростные и простые, чуть ли даже не из народа, делали это зубами, заставив Делию грустно возвести очи горе.

– Прогулялись бездарно, бесцельно и бесплодно, – сказал Сварог. – Но я, знаете ли, от всего этого окончательно расвирепел и стал усиленно думать. По земле и под землей нам не пройти. По воде тоже. Но воздух-то остается, друзья мои! Почему я раньше не подумал про самолеты? Должно быть, оттого, что это означает наделать шума. Но в нашем положении не выбирают...

Остальные смотрели на него так, словно он предложил спереть королевский дворец. Для всех, даже для Делии, самолеты были невероятной экзотикой, ничуть не соотносящейся с реальной жизнью, чересчур уж абстрактным понятием. Только Мара оживилась.

– Самолеты находятся на старом ипподроме, – сказал Сварог. – Правда, он за пределами «волчьих флажков», но это лишь создает дополнительную трудность, не более того. Если уж уходить с шумом и оглаской, какая нам разница? Я смог бы управлять любым не хуже снольдерцев.

– Охрана там большая, – задумчиво сказал Левердин. – Всем сразу глаза не отведешь. Если только у тебя нет чего-нибудь в запасе...

– Нет, – сказал Сварог. – Невидимыми можем делаться только мы с Марой, вам я могу лишь изменить внешность...

– Вот видишь. Ипподром окружен так, что каждый пост видит соседей, – возможно, как раз на случай визита умельцев, умеющих отводить глаза караулу.

– Вот именно, – сказал Шедарис. – Старая хитрость. Раньше, когда колдунов водилось не в пример больше, они запросто проскакивали через посты, вот и выдумали давным-давно особую систему расстановки караулов. Помогает, между прочим, я на Сильване убедился, да и здесь всякое бывало...

– Так... – сказал Сварог. – А если смастерить какую-нибудь чертовски авторитетную бумагу от короля? Там, кроме снольдерской охраны, хватает и местных солдат...

– Мы же не знаем, какие на сей счет у них приняты предосторожности, – покачал головой Леверлин. – Шег, что бы ты сделал на месте начальника охраны?

– Самое простое, – не задумываясь ответил капрал. – Четко оговорил бы, кто может пройти внутрь и с какой бумагой. А в случае сомнительной бумаги задержал бы голубчиков и связался с теми, кто эту бумагу выдал.

– Вот то-то, – сказала Мара. – Самого короля они наверняка пропустят, но по поводу бумаги от него снесутся с дворцом...

– Значит, нужно брать языка, – сказал капрал. – Лучше офицера. Они ж сме-

няются, а потом свободно шляются по окрестным трактирам. Дело нехитрое – в кожаный мешок насыпается крошенный табак, самого дешевого сорта, накидывается на голову, язык и пискнуть не успевает. Применим испытанные меры убеждения, он и расколется.

– И, если он обманет, сами влезем в капкан, – сказала Делия. – Как бараны.

– Есть способы обезопаситься, – капралу его идея определенно нравилась. – Оставляем в надежном месте надежно упакованным. Пугаем мнимыми сообщниками... Командир, ведь нет другого выхода?

– Так говорите, самого короля они пропустили бы? – задумчиво произнес Сварог. – А я ведь могу и королем прикинуться, я его видел, так что получится...

– А кортеж? – пожалала плечами Делия. – У отца решительно не в обычае разъезжать верхом с крохотной свитой. Последний год он появлялся в городе только в автомобиле. Нужен или пышный, многочисленный кортеж, или, по крайней мере, автомобиль – а он единственный в стране. Пожалуй, и в самом деле придется брать пленного. – Она слабо улыбнулась. – Кто бы подумал, что мне придется заниматься такими вещами в собственном королевстве...

– Подведем итоги, – сказал Сварог. – Нужен либо пышный кортеж, либо автомобиль. Ни того, ни другого у нас нет. Только возможность прикинуться королем... и принцесса, черт возьми!

Делия заинтересованно повернулась к нему.

– Знаете, в чем ваша сила? – спросил Сварог. – Никому нельзя сейчас доказать, что во дворце на вашем месте пребывает двойник. Но если где-то вне дворца появитесь вы, именно вы – любой, не знающий, где сейчас находится принцесса из дворца, вас за настоящую и примет! У нас есть поддельный король и самая настоящая принцесса, а это неплохой задел...

– Великолепная ситуация, право же! – рассмеялась Делия. – Та принцесса, которую считают ненастоящей, хотя на самом деле она настоящая, должна изображать ту, которую считают настоящей, хотя на самом деле она ненастоящая...

– Казуистика прелестнейшая, – кивнул Сварог. – Здорово закручено. Так вот, у меня родилась авантюра. Совершенно безумная, а потому имеющая все шансы на успех. По-моему, успехом заканчиваются два рода авантур – либо те, что совершаются в глубочайшей тайне, либо, наоборот, невероятно дерзкие и шумные, происходящие с такой наглостью, что никто и предвидеть не в состоянии... Я намерен устроить переполох на всю столицу, действовать наглым образом, нарушая все законы. Ни у кого нет возражений? Судя по вашему одобрительному молчанию, вы всю жизнь мечтали попасть в «злодеи короны»?

Он сделал паузу, оглядел внимательно и строго свое притихшее воинство. Слава богу, в его рядах не было ни романтиков, ни ловцов приключений – такие обычно гибнут первыми, предварительно ухитрившись завалить все, что только можно. Мара при исполнении, у Делии и Паколета нет другого выхода, тетка Чари с Шедарисом вышли из всех передряг, обучившись великому искусству всегда оставаться в живых. Один Леверлин выпадал из общей картины – но и в нем Сварог был уверен.

Он вздохнул и начал:

– Попрошу слушать внимательно, старательно выискивая слабые места и

непродуманные ходы. Прежде всего, Делия, вы набросаете возможно более точный план королевского дворца. Игра начинается с того, что мы с Марой входим в боковые ворота. В любом дворце, помимо парадных входов, есть боковые ворота, и не одни...

Глава 18

О практическом использовании серых медведей

В любом дворце есть боковые ворота, и не одни – для лакеев низшего ранга, мастеровых, поставщиков провианта и топлива, печников и золотарей... Это в королевские покои пробраться крайне трудно, а калитки для челяди весьма доступны. Они охраняются теми же синими мушкетерами и золотыми кирасирами – но попадают туда на стражу в виде наказания и к своим обязанностям относятся не в пример халатнее.

Не понадобилось даже отводить глаза. Сварог с Марой, одетые горожанами средней руки, с бляхами мясников, с небольшими мешками за спиной, провели в ворота пегую корову, самую настоящую и купленную на свои деньги. Человек, ведущий животину на дворцовые кухни, выглядит вполне благонадежно и благонамеренно, благодаря корове став даже более незаметным, чем если бы он шел сам по себе. Их мешки проверять не стали – обычно проверяют, что человек выносит (особенно если он идет оттуда, где многое можно вынести), а входящий с мешком подозрений не вызывает, благо здесь еще не водятся террористы с бомбами. Кирасиры и ухом не повели, терзая «пятнашку».

Корову они сбыли с рук очень быстро – остановили какого-то кухонного мужика и велели отвести в хлевы при кухне, как заказанную якобы господином третьим помощником распорядителя. Потом отыскали укромный уголок в зарослях черемухи за деревянным сортиром, развязали мешки и из зарослей вышли уже синими мушкетерами. Появление таковых в районе кухонь и кладовых никого не должно было удивить – синие мушкетеры частенько туда заходили, привлеченные изрядным количеством молодых смазливых прислужниц, не имевших привычки отказывать господам гвардейцам. Юный вид Мары подозрений не вызывал – король частенько в виде особой милости приписывал отпрысков знатных родов к гвардейским полкам с правом ношения мундира. Не вызывал подозрений и Доран-ан-Тег в руке Сварога: господа мушкетеры, будучи поголовно дворянами, любили носить вне строя фамильные реликвии вроде старинных мечей или прославленных в родовых хрониках протазанов.

Приходилось пробираться по довольно людным местам «благородной» половины дворца – с применением того, что в колдовском лексиконе именуется «отводить глаза». Даже если кто-то незамеченный оказывался поодаль, вне зоны воздействия, он видел издали двух шагавших с деловым видом мушкетеров, и не более того. Дворец со всеми своими службами, особняками, парками и прудами раскинулся на полусотне югеров, а синих мушкетеров насчитывалось не менее двух тысяч – так что запомнить всех поголовно не могли и здешние «топтуны».

– Я начинаю думать, что ты гений, – сказала Мара. – Никто и не почесался...

– Не накаркай, – сквозь зубы сказал Сварог. Они как раз проходили мимо одной из бесчисленных лестниц собственно дворца – правда, с той стороны, что считалась задворками королевской резиденции. У перил стояла Арталетта в полковничьем мундире, как обычно. Сварог мимоходом оглянулся на нее – и

ощутил легкое беспокойство.

Она не должна была их видеть, они заметили девушку еще издали и приняли должные меры. Но черноволосая красавица вдруг встрепенулась, подошла к самым перилам, уставилась прямо на Сварога, от растерянности остановившегося, и лицо ее приняло странное выражение – нет, она все же не видела их, но, нет сомнений, усмотрела что-то. Сварог опомнился и ускорил шаг. Оглянулся издали – Арталетта даже шагнула вниз по ступенькам, остановилась, встряхнула головой, словно отгоняя наваждение, лицо ее стало растерянным, она колебалась...

– Ходу, – сказал Сварог. – Что-то с ней не то.

Они пересекли двор, спустились по широкой лестнице и вошли в ворота королевского зверинца, совершенно не охранявшегося. Огромный буро-коричневый мамонт с Сильваны для замысла Сварога не подходил, и они миновали огромный вольер, огороженный рядами торчащих из земли шипов, прошли мимо диких кабанов с отрогов Каталаунского хребта, взятых сюда за устрашающую величину, мимо зебр, львов, верблюдов, меланхолично висевшего на ветке удава, обезьян, касатки в огромном пруду, крайне несимпатичного крокодила, диких быков, содержащихся для травли собаками.

И вышли к экспонату, которому помимо своей воли предстояло стать их сообщником. Большой кусок земли был огорожен высоким железным забором из прутьев толщиной с человеческую ногу. Внутри возвышалась настоящая скала с вырубленной каменотесами пещеркой. У входа валялись кости, несло тухлятиной. Хозяина не видно – сидит внутри. Сварог перенес все внимание на ворота.

Ограда никак не могла обойтись без ворот – чтобы сначала запихнуть в них живого пещерного медведя, а потом вытащить, когда он подохнет. Ворота, как и ограда, были сработаны на совесть, не по силам даже серому медведю из гланских гор – но у них имелись трубообразные петли, до которых легко добраться снаружи...

Вокруг полное безлюдье. Сварог кивнул Маре. Она вытащила тонкие веревки из-под кафтана, ловко забросила арканы на верхушки воротных столбов, затянула петли. Сварог, как заправский лесоруб, засунул топор за пояс сзади, взобрался наверх и, удерживаясь одной рукой, снес петлю метким ударом. Вновь сунул топор за пояс, подтягиваясь на руках, перебрался по верху ворот ко второй петле, срубил и ее, побыстрее съехал вниз по второму аркану, обжигая руки даже сквозь кожаные перчатки. Ворота тяжело колыхнулись, держась лишь на двух нижних петлях. Сварог чувствовал себя как во сне, когда можно творить все, что угодно, заранее зная, что ничего за это не будет.

Теперь начиналась ювелирная работа. Сварог снес одну нижнюю петлю, в два прыжка достиг второй – ворота уже тяжело, неспешно заваливались внутрь, – срубил и ее, отскочил. Словно в замедленной съемке, ворота величаво обрушивались внутрь вольера. Теперь следовало улучшить момент, когда они окажутся над самой землей, заклинанием лишить их веса, а едва они лягут в воздухе горизонтально, не успев подняться высоко, вес тут же вернуть – чтобы и не воспарили над зверинцем, вызвав ненужный ажиотаж, и упали наземь без особого шума.

Получилось. Ворота упали с высоты локтя – почти бесшумно, но земля от удара тяжело содрогнулась. И пещерный медведь с тяжеловесной грацией вы-

летел наружу разобраться в происходящем – возможно, в наследственной памяти у него хранились нехорошие воспоминания о землетрясениях в горах. Или о сотрясавших землю лавинах и обвалах. Серая косматая гора высотой в холке не меньше пяти уардов.

Похоже, он удивился, обнаружив вдруг, что в ограде зияет дыра, – стоял, ворочая лобастой башкой, прижав уши, и без того почти незаметные. Возможно, его сунули сюда совсем крохотным и он не представлял, как распорядиться с маху столь неожиданно свалившейся свободой. Коротко, недоуменно рыкнул, глядя на людей без всякого страха.

– Обижай его быстренько, – сказал Сварог.

Мара прицелилась и угодила медведю в нос метко брошенной мушкетной пулей, тяжелым свинцовым шариком. Что было и больно, и обидно. И они припустили прочь, как в жизни не бегали. Отвести глаза можно только человеку, с животными это не проходит. А убивать зверя никак нельзя – он им нужен был в качестве живого источника паники.

Сварог оглянулся на бегу – медведь косолапил за ними не столь уж резво – в конце концов, обида была не смертельная, и для вечно сытого, разленившегося зверя отыскались на свободе занятия поинтереснее, чем гнаться за двумя нахальными человечками. Вокруг была масса незнакомого зверья, воспринявшего освобождение медведя довольно бурно – мамонт трубил, львы ревели, остальные орали всяк на свой лад, обезьяны верещали, как демократы на митинге, грозно фыркали кабаны, имевшие с медведями свои счеты, даже удав быстренько убрался повыше к верхушке дерева. Медведь решительно развернулся к вольеру мамонта, решив, видимо, что неразумно оставлять в тылу такую громадину, не напугав ее, как следует. Хотя они были с разных планет, склоку затеяли моментально, без всякого удивления друг другом – медведь ревел, мамонт трубил, оба старались перекричать соперника, а все остальные дикими воплями развязали форменное светопреставление. Медведь и мамонт грузно металась по разные стороны шипов, прекрасно соображая, что эту преграду им не одолеть, но разойтись миром упорно не желали. «Если это не переполох, уж и не знаю, чем вам угодить...» – подумал Сварог, кивая Маре. Она выхватила из-за голенища заряженный мелкой дробью пистолет, опустила курок на колесико и послала заряд медведю в ляжку.

Вот тут он вспомнил про обидчиков. Но они уже промчались мимо обратившегося в соляной столб егеря, выскочили в ворота и кинулись вверх по лестнице. Егерь обогнал их, вопя во всю глотку. Он оказался крутым профессионалом – выскакивая из зверинца, успел захлопнуть за собой ворота, каковые сейчас медведь и пытался вынести. Судя по грохоту, через минуту-другую ворота должны были рухнуть, потому что были деревянными и довольно легкими, без оковок.

В окрестностях понемногу разгоралась паника. Поблизости резко затрубил военный рожок, отовсюду слышался топот и громкие команды – как водится в таких случаях, полностью противоречившие ситуации, так как никто еще не понял, что стряслось.

Сварог с Марой честно пытались внести ясность, вопя на бегу:

– Звери вырвались! Зверинец разбегаются!

Где-то в стороне улепетывали егеря, крича примерно то же самое. Чем только распространяли панику все дальше и шире. Правда, паника не была

такой уж всеобщей – кучки ливрейных топтунов и гвардейцев сбегались к зверинцу, слышались выстрелы, но гораздо больше пока что было тех, кто сломя голову несли, сам не зная куда.

Сварог с Марой вбежали во двор, кинулись к желтому каменному сараю, где помещался автомобиль. Стерегли его, как рассказала Делия, довольно бдительно. Когда навстречу из двустворчатых распахнутых дверей кинулись пятеро синих мушкетеров с мечами наголо, Сварог просто не успел бы отвести им глаза – для этого нужно сосредоточиться. Он ушел в сторону, ткнул пробежавшего мимо по инерции гвардейца рукоятью топора в поддых. Роли были расписаны заранее, но он все же задержался, готовый прийти на помощь Маре, – она осталась одна против четырех.

Но тут он впервые увидел, на что способны эту жуткие детишки Гаудина. И невольно залюбовался, глядя, что творит Мара. Это был страшный балет, неуловимый глазом танец из изящных, отточенных пируэтов, переворотов, уходов, уклонов и выпадов. Порой Мара пропадала из поля зрения, обнаруживаясь совсем в другом месте, и мечи гвардейцев раз за разом пронзали и рассекали пустоту, словно они, опасаясь задеть девчонку, валяли дурака. Зато ее удары были скупыми и меткими.

Высший класс боя – ее меч ни разу не скрестился с клинками нападавших. Против нее осталось трое, потом двое, потом один, потом ни одного – и все произошло так быстро, что Сварог лишь теперь осознал, какая Багира досталась ему в спутницы, напарницы, любовницы...

Вбежал в сарай. Роскошный королевский автомобиль, вымытый и начищенный, сверкал в гордом одиночестве среди огромного помещения. Солнечные лучи, проникавшие сквозь высокие окна, играли на позолоте, серебре и самоцветах, на тонких, как яичная скорлупа, стеклах.

Сварог взобрался на место водителя. Мара уселась рядом. Делия не смогла внятно объяснить насчет ключа зажигания – где вы найдете принцессу, изучавшую бы конструкцию своего парадного экипажа? Это было самым уязвимым местом во всем плане, но Сварог рассуждал логически: ключ зажигания просто-напросто не нужен единственному в стране автомобилю, королевскому, избавленному, казалось бы, от угрозы угона, как не нужен он паровозу или океанскому лайнеру. А в крайнем случае можно оборвать провода и замкнуть напрямую...

Он оказался прав. Ничего похожего на скважину для ключа. Никаких циферблатов и лампочек. Две педали, почти горизонтальный руль в виде штурвала, пара рычагов да круглая красная рукоятка – на особицу от остальных. Сварог отвел ее вниз – и под ногами у него мощно заурчал мотор.

Дальше было совсем просто. Даже если бы его не наделили должным заклиниванием, он и сам справился бы. Автомобиль медленно выкатился во двор. Сварог объехал неподвижное тело, прибавил газу и помчался по широкой аллее. Глянул влево, в сторону зверинца. Там продолжалась заваруха – мелькнула меж сараев серая косматая туша, пальба гремела беспрестанно, надрывались горнисты и барабанщики, дико ржали лошади. Хамство, конечно, невероятное, вопреки всякому этикету и уголовным уложениям, – но все для пользы трона, если подумать...

На них показывали пальцами, застывали обалдело, но никто и не пытался заступить дорогу. Сварог их понимал. Примерно так они себя чувствовали бы,

завидев королевский трон, совершенно самостоятельно несущийся по аллее. Все равно, что угнать «Шаттл» и рассекать на нем над Чикаго...

Дворцовые ворота были распахнуты, как всегда в эту пору, а стоявшие там кирасиры привычно обратились в статуи, не присматриваясь, кто сидит за рулем. Сварог вежливо раскланялся с ними, пролетая мимо. Мара хохотала и кричала, что она его любит беззаветно. На площади кто-то бухнулся на колени. Сварог свернул на широкую Адмиральскую и затормозил в условленном месте. Ждавшая его здесь пятерка, не тратя времени на бурные проявления радости, кинулась внутрь, а улица, остолбенев, наблюдала, как королевский автомобиль уносится прочь, оставляя длиннющий шлейф из криков, суеты, ржанья понесших лошадей, звона разбитого стекла и грохота перевернутых лотков. Сварог искренне надеялся, что этот день войдет в легенды и хроники, не говоря уж о полицейских протоколах.

Все было готово. Шедарису Сварог загодя придал облик короля Конгера, смастерив самую богатую одежду, на какую был запрограммирован его компьютер. Остальные тоже были облачены роскошно. За время ожидания они, слава богу, внимания не привлекли – «королю» завязали лицо платком, словно у него болели зубы. В конце концов, им предстояло лицедействовать всего несколько минут. Погоня, не стоит обольщаться, помчится вслед довольно скоро, но переполох, несомненно, перекинется на соседние и близлежащие улицы, и, как это всегда бывает, десять надежных свидетелей укажут десять разных направлений... А многочисленные охотники за Делией и вовсе не успеют ничего сообразить.

Вот и граница блокированного района. Улица перегорожена рогатками, какие на войне применяют для защиты флангов от неприятельской кавалерии. Стоят кучки черных кирасиров и жандармов Багряной Палаты в ало-золотом. В стороне, на тротуаре – громоздкий ворот с прикрепленным к нему канатом воздушного шара и пулемет на грубой железной треноге, нацеленный вдоль улицы. Сварог сбавил ход, медленно подвел машину к препятствию, привстал и рывкнул:

– Очистить дорогу! Король!

Шедарис приблизил лицо к стеклу и грозно нахмурился, а в другом окне показалась Делия.

Должно быть, так выглядел бы визит товарища Сталина в захолустный милицейский участок. Казалось, люди здесь ни при чем – рогатки словно вихрем вынесло на тротуары. Сварог торжественно проехал мимо и прибавил газу.

Мотор вдруг чихнул, и на миг Сварога обдала волна панического ужаса – если кончится бензин или сломается любая пустяковина, все пропало...

Нет, обошлось... Впереди показались две стройные башенки, ограждавшие вход на ипподром. Домов вокруг стало меньше, а садов все больше – это начались кварталы цеха садовников и огородников, в свое время поселившихся вокруг ипподрома из-за кладезей навоза, да так и оставшихся, когда ипподром понемногу пришел в запустение.

Сварог снял правую руку с руля и перекрестился. Мара передвинула поудобнее рукоять меча.

У высоченных стен ипподрома, напитавшихся вековой копотью, стояли военные палатки из синей парусины, до крайности напомнившей Сварогу джинсовку. На воткнутых в землю пиках развевались флажки с эмблемой Пя-

того драгунского полка – желтые с черным задорным петушком и цифрой «5». Кое-где горели костры с кипевшими на них котелками, лениво бродили драгуны в расстегнутых камзолах, без шлемов и портупей, но караулы стояли плотным кольцом, а у самых ворот, кроме драгун, разместились еще снольдерские мушкетеры в синих камзолах с красными рукавами и красных штанах.

Сварог плавно остановил машину, спрыгнул и, не глядя особенно по сторонам, рявкнул:

– Караульного офицера!

Сбежались свободные от стражи драгуны, но близко, конечно, не подошли, толпились на почтительном отдалении, подталкивая друг друга локтями. Из машины вышел «король», орлиным взором озирая враз присмиривших зевак, следом появилась принцесса. Сварог одернул кафтан с лейтенантским шитьем и рявкнул еще громче:

– Караульный офицер – к его величеству!

Вперед протолкался бледный драгунский капитан, отдал честь, но по причине восторженного обалдения не смог рапортовать.

Чтобы помочь бедняге, Сварог гаркнул:

– Вызвать командира к его величеству!

Его величество тем временем направился прямо в ворота, сопровождаемый очаровательной дочерью и немногочисленными свитскими. Драгуны расступились, вытягиваясь в струнку. Снольдерцы чуть помедлили, тоже отступили, но во фронт все же не встали, ненавязчиво дав тем самым понять, что у них есть собственная гордость и они, вообще-то, имеют честь служить под знаменами другого монарха. У Сварога руки чесались отобрать у одного из них начищенный пулемет, но это означало бы провалить все. Он догнал Шедариса и шепнул на ухо:

– Не перепутай самолет, королевская морда...

Король величественно кивнул, не поворачивая головы. Они вышли на огромное овальное поле, поросшее высокой травой, уже пожухшей по зимнему времени. Сварог увидел самолеты, стоявшие в две линии: деревянные лакированные бипланы, выкрашенные в ярко-красный цвет, с гербом Снольдера на хвостах. Маленькие одномоторные истребители и двухмоторные бомбардировщики раза в три побольше. Удивившись было – к чему им истребители, если самолеты есть только у них? – Сварог тут же вспомнил, что воздушные шары и планеры есть во всех почти странах, снольдерцы, должно быть, люди предусмотрительные...

Поодаль маячили снольдерские мушкетеры, но близко не подходили, не получив пока что четкого приказа. Однако все равно словно бы невзначай перехватили мушкеты и пулеметы так, чтобы держать незваных гостей под прицелом.

Их догнали драгунский полковник – уже в летах, низенький, усатый, с заметным брюшком, и другой полковник, снольдерский, молодой лоцный красавец. Сварог отстал от «венценосца» и свиты, задержал обоих офицеров, недвусмысленно раскинув руки:

– Господа...

– Что случилось? – выпучил глаза драгун. – Почему его величество без кортежа?

– Его величество пожелал вдруг осмотреть самолеты, – сказал Сварог ней-

тральным тоном опытного царедворца.

– Простите, лаур, но это так неожиданно... – пожал плечами молодой мушкетер.

Сварог посмотрел на них, кивнул с печальным видом, очень даже воровато оглянулся на удалявшегося «короля» и словно бы украдкой постучал себя по лбу средним пальцем, сделав соответствующую физиономию.

Драгун громко охнул. Мушкетер поднял брови.

– Как гром с ясного неба... – удрученно сказал Сварог. – Во дворце паника... Господа, умоляю вас не показывать вида...

Мушкетер неуверенно начал:

– Откровенно говоря, лейтенант, полученные мною приказы не предусматривают столь скоропалительного визита...

Сварог грустно вздохнул:

– Короли выше приказов, лаур. Особенно те, что неожиданно захворали. Я уверен, лаур, вас высоко ценят при дворе вашего монарха, но короли не станут ссориться из-за одной отрубленной головы, тем более, учитывая обстоятельства... Прошу вас, оцените ситуацию должным образом... Его величество весьма плох...

Полковник смотрел вслед «королю». Ход его мыслей Сварог просчитывал прекрасно. Свой монарх был далеко, а неожиданно рехнувшийся Конгер, и прежде слывший лютым, здесь, в нескольких шагах. Безумные короли сносят головы не хуже нормальных, а жаловаться на тех и на других бесполезно, не говоря уж о том, что лишившийся головы бедолага жалобу принести не сможет по чисто техническим причинам...

И мушкетер, судя по его лицу, капитулировал.

– Уберите ваших людей подальше, – сказал Сварог. – Проведите, покажите, дайте объяснения, как ни в чем не бывало. Скоро придут лейб-медики, за ними послали...

Полковник взял свисток, висевший у пояса на позолоченной цепочке, продудел какой-то сигнал, пронзительной трелью разлетевшийся по всему ипподрому. Его солдаты, опустив оружие, потянулись к воротам.

– Пойдемте быстрее, – сказал ему Сварог, повернулся к драгуну. – А вы возвращайтесь к своим людям. Пока его величество не выйдет с ипподрома, никого не впускать. Нашлись заговорщики, они могут воспользоваться печальной неожиданностью. Лейб-медики придут в синей карете, всех остальных, невзирая на лица, встречать огнем. Надеюсь, ваши люди помогут? – повернулся он к мушкетеру.

Тот кивнул:

– Заговорщики или кто бы там ни был – но на ипподром они не попадут. Новых приказов отдавать нет нужды, достаточно уже имеющихся.

Драгун бежал к воротам. Полковник-мушкетер направился со Сварогом к самолетам. Все в порядке – любую погоню встретит пулеметный огонь. Неудобно немножко, но что прикажете делать, если другого выхода нет? Все шло так хорошо, что Сварог про себя возблагодарил Господа.

Шедарис прекрасно все рассчитал – он стоял перед последним в ряду, самым дальним от ворот самолетом, бомбардировщиком, где их не могли увидеть оставшиеся у ворот. Правда, по самому верхнему ряду трибун прохаживались караульные, но они были слишком далеко для прицельного выстрела из

любого оружия, да и все внимание их было обращено наружу.

Сварог не торопился праздновать победу. Здесь не может не оказаться людей из снольдерских тайных служб, приставленных блюсти секреты самолетов, самого на сегодняшний день передового оружия. Солдаты предпочитают не ломать голову над сложностями – а контрразведчик, наоборот, обязан видеть подвох буквально во всем. Вряд ли это сам полковник – но при нем, быть может, втайне от самого полковника, состоит какой-нибудь лейтенант, а то и сержант, а то и последний бензиночерпальщик, самолетный хвостокрут... Все остальные аэропланы могут броситься в погоню – дежурная смена летчиков где-то поблизости, не может ее не быть...

«Король» величественным жестом дал понять, что хочет подняться в самолет, и полковник приставил к двери позади крыла удобную деревянную лесенку с поручнями. Шедарис не по-королевски проворно взобрался по ней и исчез внутри – так уверенно, словно всю жизнь прослужил в авиации. Следом поднялась Делия. Но Сварогу полковник решительно заступил путь:

– Простите, лаур...

– О, разумеется, – кивнул Сварог, разглядывая металлические тросы и распорки, соединявшие крылья. Едва полковник скрылся в самолете, обернулся к Маре: – Можешь его обидеть, но не до смерти...

Остальные завороченно таращились на огромные, изящно завершенные пропеллеры в рост человека. Мара взлетела по лесенке. Медленно досчитав до пяти, Сварог кинулся следом. За ним карабкались остальные.

Внутри все обстояло как нельзя более благолепно: полковник лежал лицом вниз и не шевелился, а Мара вязала его по рукам и ногам его же собственным парадным кушаком с золотыми кистями. Сварог пинком оттолкнул лесенку, захлопнул низкую дверцу, закрыл ее на засов и, пригибаясь, чтобы не задеть головой низкий потолок, укрепленный изнутри шпангоутами, направился в нос, в застекленную пилотскую кабину. По дороге он узрел справа и слева два бортовых пулемета.

Вдоль фюзеляжа тянулись длинные ящики, заканчивающиеся изогнутыми трубами, уходившими в пол – должно быть, там и помещались бомбы.

Пилотская кабина из-за сплошного почти остекления походила на дачную веранду. Там стояло одно-единственное, прикрепленное к полу кресло, в которое Сварог немедленно и уселся. Возле двух курсовых пулеметов сидений не было – должно быть, из-за малой скорости и неуклюжести аппарат никогда не занимался пикирующими атаками.

Приборов, понятно, минимум – компас, запаянная сверху трубочка, полная золотистой жидкости, – явно указатель топлива – да указатель высоты со стрелкой и циферблатом, рассчитанным на лигу (выше, как Сварог помнил, аппаратам тяжелее воздуха подниматься запрещалось). Два рычага газа, рычаг руля поворота, две внушительные педали управления элеронами, две красные рукоятки с треугольными ручками – бомбосбрасыватели. А справа торчит из пола высокий бронзовый стержень, явно пустотелый, на нем металлическая полусфера срезом вверх, а на срезе – затейливая скважина. Для ключа зажигания. Хорошо, что с ними Паколет, иначе ничего не вышло бы... но подчинится ли ему это устройство?

Сварог подвигал педалями и рычагом, оценивая натяжение тросов, сопротивление элеронов и кия. То, что он мгновенно осваивался с любым земным

механизмом, еще не означало, что он сможет управлять самолетом, словно заправский ас...

Оглянулся – Странная Компания, за исключением Мары, взирала на него восхищенно и уважительно. Мара взирала на него нетерпеливо.

– Неужели полетим? – охнул Паколет.

– Поползем, – хмыкнул Сварог. Встал, подошел к гнутой стеклянной стене, оглядел поле, соседний самолет, прикидывая, где у него бензобак. Повернулся к Маре. – Сними любой пулемет с турели. Шег, доставай арбалет. Вам обоим предстоит цирковой номер...

Он кратко объяснил им суть, задумчиво взглянул на бесчувственного полковника. Если дома и не смахнут блестящему гвардейцу голову, карьера бесповоротно загублена. Следует причинить как можно меньше вреда тем, кто ни в чем не виноват...

– Готово, – сказала Мара. – Этого выкидываем?

– Оставляем, – сказал Сварог. – Ну, по местам. Последний парад наступает. Приказ один – держитесь за что попало, вон ручки повсюду понатыканы, наверняка для того и приспособлены.

У ворот раздались выстрелы – должно быть, явилась погоня, и ее увлеченно расстреливали.

– Давай, – сказал Сварог Паколету, садясь за рычаги.

Паколет с вдохновенным видом возложил ладони на скважину. И тут же звонко застреляли моторы, Сварог понемногу прибавлял газу, проверяя их на разных оборотах, колыхнулись винты, превращаясь в туманные круги. Моторы следовало прогреть хоть немного, а это означало – ждать... Темные фигурки забегали по гребню, замахали руками. Сварогу не хватило терпения. Самолет дрогнул, развернулся вправо. Трава полегла под тугой воздушной волной, Сварог сбросил обороты, остановил машину.

Слева застрочил пулемет – Мара, высунув ствол в распахнутую дверцу, расстреливала шеренгу истребителей, Сварог видел, как из пробитых баков брызнули прозрачно-золотистые струйки бензина, как, оставляя за собой черную полосу дыма, пролетела в ту сторону зажигательная стрела. И вспыхнуло яркое пламя. Он вновь подумал: «Ну, если это не переполох...» И самолет покатился по полю, набирая скорость. Сварог понимал, что уничтожить все истребители не удастся, но стараться следовало на совесть, напакостить, сколько возможно. Слева брызнул бензин из железных бочек, сложенных штабелем; Оглянувшись и убедившись, что Мара уже захлопнула дверцу и никто не выпадет, Сварог решительно прибавил газу, нажал на педали, ощутив себя на миг невесомым – и от радости, и оттого, что бомбардировщик наконец оторвался от земли...

Часть вторая

Высокое искусство бегства

Глава 1

Паренек от сохи

Люди, бежавшие к ним от ворот, вдруг стали крохотными, с жуткой быстротой проваливаясь вниз вместе с землей и травой. Кажется, они стреляли на бегу, ну да, их окутал пороховой дым. Мелькнули и исчезли башенки, увенчанные жестяными конями в облупившейся позолоте, сады слились в пухлую зелено-желтую массу, улицы стали узкими, дома крохотными, все казалось с высоты чистеньким и аккуратным, как будто там и в самом деле не было ни грязи, ни беспорядка...

За спиной слышались оханье и визг – Сварог мог и ошибиться, но особенно звонко визжала в восторженном ужасе некая принцесса. Сделав широкий разворот, он вновь пролетел над ипподромом, дернул красную рукоятку, потом вторую. Оглянулся – но различил лишь верхушки разрывов, бурых фонтанов вздыбленной земли и не смог определить, насколько удачно сбросил бомбы. Глянул на компас, поднял машину выше и вошел в разворот. Равена медленно уплывала назад, а с нею – все связанные с этим прекрасным городом печали и тревоги, освобождая тем самым место для новых, что не замедлят явиться, да и наверняка нагрянули уже... Отбросил совершенно неуместное сейчас желание высмотреть сверху особняк Маргилены, вывел газ на максимум.

Иллюзий он не питал и не полагал себя лучшим бомбометателем континента. Вскоре же все уцелевшие самолеты взвьются в воздух. Даже если и нет соответствующего приказа. Чести снольдерской армии нанесена оглушительная оплеуха из разряда тех, что смываются только кровью – утнан самолет, да вдобавок злодейски похищен командир полка...

Хорошо, что за гулом моторов невозможен вдумчивый разговор, да его команда и не рискнет отвлекать его разговорами в такой момент. Но кто-то из них наверняка уже сейчас понял, в каком направлении движется самолет – по курсу, строго перпендикулярному тракту, ведущему к харланской границе. Вопросы непременно прозвучат – но позже. А сейчас, слава богу, не нужно объяснять им, что все его прежние планы исхода из Равены были рассчитаны на спокойный потаенный уход – а не на эффектный, привлечший внимание всей столицы лихой прорыв. Даже если везение будет невероятным и до харланской границы самолет долетит беспрепятственно, там все будет готово к встрече, и бомбардировщик нос к носу столкнется с парочкой свежих эскадрилий. Камень по прозвищу таш ничем не уступит рации. На месте снольдерцев Сварог, наплевав бы на все договоры, преследовал бы беглый аэроплан над харланской территорией. Значит, они именно так и поступят. Харлан отпадает. Тянуть нужно в противоположную сторону – к границам Вольных Майоров. К отрогам Каталаунского Хребта. Тогда противник будет один – ронерские пограничные войска. Зато места там малонаселенные, диковатые, почти сплошь горы да леса... А если возникнет крайняя необходимость... Не хотелось и думать о том, что он понимал под «крайней необходимостью», – но, в конце концов, однажды он уже вернулся оттуда, и, что характерно, живым. Да еще щенка вынес...

Уходили минуты, сливаясь в квадрансы. Бомбардировщик летел над желтыми сжатыми полями, буро-зелеными равнинами, лесами, трактами и городками. Порой Сварог оглядывался, но погони не усматривал. Странная Компания уже привыкла немного к экзотическому для них (и для Сварога, впрочем, тоже) средству передвижения. Мара исчезла в хвосте, у третьего пулемета, стрелявшего назад и вверх, а капрал Шедарис с бравым видом обходил бортовые огневые точки, проверяя, удобно ли будет стрелять из столь непривычной позиции. Полковник давно пришел в себя, перестал уже биться и дергаться, но таращился исключительно свирепо. Сварог мельком посочувствовал ему – и резко обернулся.

В монотонно-ровное гудение моторов вдруг вплелись пулеметные очереди, короткие, явно пристрелочные, раздалось несколько длинных, за спиной, и в кабину потянуло тухлой гарью дымного пороха.

Леверлин показал Сварогу три пальца. Сварог глянул туда. Черная полоса густого дыма дугой выгибалась к земле, и на конце ее алел истребитель. Работа Мары. Два других, смущенные столь профессиональной встречей, торопливо разомкнули строй, уходя в стороны, отказавшись от погони...

Справа показались еще два. Истребители с явным преимуществом в скорости, да и в маневренности понятно, но ни один из четырех пока что не стрелял. Сварог спохватился, что не знает, сколько на каждом пулеметов, – но это опять-таки из разряда несущественных подробностей...

Леверлин с Шедарисом палили из бортовых пулеметов – в белый свет, как в копеечку. Сварог им не препятствовал – пусть считают себя при деле, чем меньше праздности в такой ситуации, тем лучше... Пулемет Мары изредка огрызался короткими очередями, но вся эта пальба, и умелая, и дилетантская, пропадала втуне – истребители держались на безопасном расстоянии. Какой у них запас хода? Радиус действия? Приказ? Они обязательно предпримут что-то, когда поймут, что вскоре придется поворачивать восвояси... или будут преследовать; пока не выжгут горючее, оставив каплю для посадки? Как-никак, в отличие от Сварога, они летят над официально дружественной территорией...

Оставалось одно – лететь в избранном направлении, каждый миг ожидая атаки. Мелькнула была идея уходить на бреющем, но Сварог тут же отбросил ее, как волюнтаристскую – разрыв в скорости не так уж и велик, они его не потеряют, а вот расстреливать его сверху им будет даже удобнее...

Как всегда, подлости начались в самый неожиданный момент. Истребители вдруг рванулись к нему со всех сторон, со всем проворством и виражами, какие позволяла конструкция. Сдвоенные желтые вспышки очередей тускло замерцали над тупорылыми капотами, пороховой дым тут же сносило ветром назад, так что они могли лупить длинными. Сварог всем телом ощущал, как содрогается тяжелая машина под ударами пуль, стекло справа – беззвучно за гулом моторов – разлетелось, осколки брызнули по кабине, все кинулись на пол, кроме Леверлина с Шедарисом, навалившихся всем телом на приклады пулеметов...

Сварог бросил самолет вниз. Маневр был далек от изящества и грациозности, остро ощущалось, как огромен и неуклюж этот патриарх авиации, способный лишь на самые примитивные пируэты. Но и лететь, как по ниточке, было нестерпимо, да и опасно. Еще один преследователь угодил под пулемет Мары – новый чадный шлейф потянулся к земле. Три оставшихся висели на хво-

сте. По кабине они больше не били, но фюзеляж содрогался от частых попаданий. Сварог не понял сначала, куда они так старательно метят, а потом догадался – когда самолет стал вдруг хуже слушаться рулей, а столбик бензина в стеклянной трубочке с ужасающей быстротой пополз вниз, вниз, вниз...

Они пробиты бензобак. И задели тросы управления. Будет ли пожар? Судя по двум вспыхнувшим истребителям, будет вскоре.

Сварог решительно повел самолет к земле, гася скорость. Истребители стогряча проскочили вперед, возвращались по широкой дуге. Сбивая их с толку, Сварог резко отвернул с потерей высоты. Уровень бензина падал, падал, падал. В пробоинах туго посвистывал ветер, земля летела навстречу, то и дело вздыбливаясь, кренясь – это самолет кренился вправо-влево, летели навстречу кроны деревьев, лес казался бесконечным, и уже крепко припахивало гарью. Сварог увидел испуганное лицо Делии, Паколета, обеими руками пытавшегося вцепиться в гладкий дощатый пол и обжигавшего пальцы о россыпи катавшихся по кабине горячих гильз. Краем глаза заметил алое пятно – промелькнувший наискосок истребитель.

И сосредоточился на одной цели – посадить машину. Глаза ломило от напряжения, он немигающим взглядом уставился вниз. И решительно сбросил газ, усмотрев обширную прогалину посреди темно-зеленых сосен, повел самолет туда.

Винты из туманных дисков вновь стали лопастями, беспомощно дергавшимися в тщетных попытках совершить хотя бы один полный оборот, уцепиться за воздух. Рассекаемый ими воздух упруго гудел, Сварог отжал рычаги так резко, что в обычных условиях самолет камнем рухнул бы на верхушки сосен, но на борту был лар, и бомбардировщик шел вниз по отлогой кривой, и пулеметов больше не слышно, ни своих, ни чужих...

Вот теперь разрыв в скорости стал разительным. Истребители исчезли – положили чересчур размашистый вираж и проскочили мимо. Правый мотор уже дымил вовсю. Толчок последовал такой, что Сварог едва не вылетел из кресла, – колеса коснулись земли. Лар обязан уцелеть при падении, но нигде не заповедано, что он обязан уцелеть с максимальным комфортом для своей драгоценной персоны... Сварога трясло и подбрасывало, но он, по крайней мере, сидел и мог цепляться за рычаги. Другим пришлось худо, их перекатывало по полу... Самолет остановился. Сварог вскочил:

– Уходим, быстро! Мара, пулемет!

Пахло бензином, гарью, пороховым дымом. Правое крыло уже полыхало вовсю, и от него занимался фюзеляж. Сварог выхватил кинжал, разрезал разрезал кушак на ногах полковника, поднял его за шиворот, толкнул к двери. Показал на него пальцем Леверлину, чтобы присматривал.

Шедарис пытался извлечь из гнезда второй пулемет, но у него никак не получалось. Сварог подхватил свой топор, подтолкнул капрала к выходу, вышвырнув пинком мешок с боевыми пожитками Вольного Топора. Стоял у двери и смотрел, как они один за другим спрыгивают на землю и бегут что есть мочи. Выпустил Мару с пулеметом на плече, спрыгнул последним сам, пошатываясь после всей этой воздушной акробатики. Глянул вверх.

Над лесом показался истребитель – алая изящная игрушка, удивительно медленно, на взгляд привыкшего к другим скоростям Сварога, плывший над клочковатыми верхушками сосен.

– К лесу! – заорал Сварог.

Отобрал у Мары пулемет, задрал к небу тупорылое дуло и давил на спуск, пока не окутался клубами дыма. Очередь получилась неприцельной, но должный эффект возымела: истребитель шарахнулся вправо и ушел за лес, как раз в тот момент, когда у Сварога кончились патроны.

Он с облегчением отшвырнул эту бандуру, вдвое длиннее и тяжелее обычных пехотных, от которой больше не предвиделось никакой пользы. Не спеша направился к лесу, где пряталась под деревьями его команда. Все бдительно косились на полковника, даже со связанными руками сохранявшего гордый и непреклонный вид.

– Ну, что вы скажете о моем искусстве водить самолет? – спросил Сварог без капли тщеславия. – Даже колеса не подломил, садясь...

Слышно было, как где-то в отдалении кружат истребители. Бомбардировщик всюду пылал, охваченный огнем от стеклянной кабины до кончика хвоста.

– Ты был великолепен, – сказала Мара голосом восторженной школьницы, серьезным до полной иронии.

– Вы тоже, – великодушно признал Сварог. – Ни одного обморока, и раненых не видно. Орлы вы у меня, орлицы и орлята...

На поляне идилично догорал бомбардировщик. Громыхнули взорвавшиеся наконец бензобаки. Пленный полковник стал громко требовать, чтобы ему развязали руки и дали меч – если, конечно, среди пленивших его (следовала гирлянда сочных эпитетов) и в самом деле есть дворяне, с которыми благородному графу не зазорно скрестить клинок.

Сварог хмуро сказал Шедарису:

– Дай его сиятельству по шее. Но тактично, со всем уважением.

Шедарис тактично размахнулся раскрытой ладонью, но Леверлин перехватил его локоть:

– Командир, это все-таки пленный и дворянин!

– Тогда отставить, – кивнул Сварог капралу. Шедарис угрюмо проворчал что-то насчет того, что он и графьев вешал на воротах и не обязательно за шею, но кулак убрал. Тем временем Сварог критически оценивал ситуацию: свободы у них было столько, что даже чересчур, а вот из средств передвижения оказались только собственные ноги. Была у них и карта, довольно подробная, – вот только они не представляли, где именно ухитрились приземлиться. Следовало продвигаться к ближайшим населенным пунктам, где найдутся продажные лошади, – а также полиция, солдаты и прочие прелести цивилизации. Таши работают мгновенно, а погода прекрасная, и вдобавок к переговорным камням уже, несомненно, дрыгают суставчатыми лапами все телеграфные башни – и сообщение опередит даже всадника, не говоря уж о пешеходах...

И все же это лучше, чем уныло сидеть в городе. Гонишься ты за кем-то или сам бежишь от погони – жизнь в обоих случаях обретает смысл и ясность...

– Кто-нибудь представляет, где мы находимся? – спросил Сварог. Все молчали.

– Похоже, Горталан, – сказал наконец Леверлин. – Горталанская провинция. По-моему, я сверху видел Горт, очень уж характерная архитектура губернаторского дворца, ни с чем не спутаешь. Но, миновав Горт, мы еще долго летели...

– Восходные области Горталана, – кивнула и Делия. – Или уже начались за-

катные области Селона.

Сварог развернул карту. Чтобы не тратить зря времени, ища глазами незнакомые названия, попросил:

– Ткните кто-нибудь пальцем в Горт.

Леверлин ткнул пальцем. Сварог удовлетворительно хмыкнул. Места довольно обитаемые, хватает населенных пунктов, отмеченных как города. А истребителей уже не слышно, подались восвояси на последних каплях...

– Ну, так, – сказал он. – Прикинем начерно. Если подумать, мы все в одинаковом положении – и дичь, и погоня. Гнались за нами чужеземные летчики, которые вряд ли знают эти места. Они в азарте вниз не смотрели, им самим предстоит определяться на местности... И объясняться с властями там, где сядут. А в столице какое-то время будут прикидывать, как лучше организовать облаву местными силами и какую легенду местным властям подбросить... Словом, я уверен, что несколько часов у нас есть. А может, и больше. У беглецов сто дорог, а у погони одна. Тут им не Равена... Учитывая, что мы можем и...

Он осекся, покосившись на пленного: тот кипел от злости, но уши насторожил. Следовало сначала разобраться с этим балластом – убивать его было бы подло, но и таскать с собой глупо.

Сварог повернулся к нему:

– Как думаете, если попадете к своим, вам сразу отрубят голову или сначала устроят допрос с пристрастием на предмет возможного соучастия? Обстоятельства против вас...

Судя по взгляду полковника, тот не ожидал от родной юстиции ни беспристрастности, ни гуманизма.

– В любом случае карьера ваша напрочь погибла, – сказал Сварог. – Мне очень жаль, что так получилось, но у нас не было выбора... Будете сдаваться погоне или предпочтете новые бумаги – дворянские, заметьте – новую одежду и возможность начать жизнь сначала? Вы старший сын или ронин?

– Ронин, – глядя в землю, сказал полковник. Выждал положенное время, чтобы сохранить лицо и гонор, потом процедил с таким видом, словно оказывал величайшее одолжение: – Давайте бумаги. Ясно уже, что вы не обычный шпион, тут пахнет чем-то посложнее. Но я все равно вас когда-нибудь найду, и тогда мы поговорим как надлежит...

– Поговорим, – сказал Сварог легкомысленно. – А сейчас будет у вас дворянская грамота, уедете куда-нибудь на Острова, если голова у вас на месте, сделаете карьеру... До сих пор, признайтесь, карьеру делали благодаря древности рода, а? Что?!

Резко обернулся. Прямо на него двигалась Делия, странно задрал голову, шагая походкой механической куклы.

– Что?! – встревожился Сварог.

Она явственно закатывала глаза, побледнела, но все же нашла силы произнести с неподражаемым аристократизмом:

– Простите, граф, после всех этих воздушных кувырканий неудержимо тянет блевать...

После чего шумно вломилась в кусты, скрывшись из глаз, и, судя по звукам, деликатно приглушенным, впрочем, обрела покой и нервную разрядку. Успокоившись, Сварог спросил:

– Еще кто-нибудь хочет? Валяйте, пока есть время...

Паколет, словно только и ждал разрешения, кинулся за ближайшее дерево. Остальные держались. Тетка Чари даже гордо подбоченилась, что воздушные кувырки – мелочь в сравнении со штормягами, пережитыми в качестве как жены боцмана, так и вдовы такового. Сварог показал Маре взглядом на полковника и сказал вслух:

– На полчаса.

Милая девочка понятливо кивнула, упруго шагнула вперед и неуловимым взмахом руки отправила полковника в беспомощность.

– А теперь – рассыпаться, смотреть в оба за окрестностями и не мешать, – приказал Сварог. – Если кто-нибудь заберется на дерево, вообще прекрасно.

Он снял пояс, уселся поудобнее, прислонившись спиной к дереву, положил пальцы на пряжку-компьютер и мысленно вошел в его память, отрешившись от всего окружающего. Вокруг сразу стало холодно, даже снежинки запорхали, тут же тая. Невольно постукивая зубами от холода, Сварог работал, как машина.

Он изготовил на всю компанию дорожную дворянскую одежду с легким уклоном в милитаризм. Черные перья на шляпах, камзолы с широкими рукавами, которые легко закатать перед рубкой, сапоги армейского образца: скроены без различия на правый и левый, чтобы не терять ни секунды при побудке, а напяливать первый подвернувшийся на любую ногу. Сделал соответствующее количество кусков пергамента и пустил кататься по ним «волшебную палочку», имевшую вид пистолетного шомпола – на сей раз она штамповала паспорта отдаленного княжества Памрод, дворянские грамоты и отпускные свидетельства. При таком наборе подорожных благородных лаурам не требовалось. Внешне все выглядело совершенно благолепно: дворяне из небогатого Памрода, отслужив свое в одном из ронерских полков (он выбрал для пущей надежности прочно застрявший на харланской границе Седьмой драгунский), возвращались домой. Полковника, правда, он сделал лоранским дворянином, согласно подорожной направлявшимся в Балонг, – а там пусть выкручивается сам, не дитя малое.

Замерз ужасно. Собрав своих орлов, роздал одежду и отправил в разные стороны переодеваться. Оставшись один, сначала попрыгал вдоволь, махая руками и ухая. Согревшись и бормоча: «У нас лакеев нет, знаете ли, принцессы и те сами переодеваются...» – сложил рядом с полковником новую одежду, меч, свернул бумаги трубочкой и сунул тому, все еще бесчувственному, за отворот кафтана. Не без сожаления положил рядом один из своих кошельков, какой полегче.

Старую одежду отнесли к обгоревшему остову бомбардировщика, все еще тлевшему и дымившему, кинули на угли. После чего, не дожидаясь команды, все сомкнулись в шеренгу, вопросительно глядя на Сварога, и он отметил, что его орлы-орлицы начинают проявлять известную сыгранность, превращаясь в настоящую воинскую команду. Он прошелся перед строем – не особенно увлекаясь два шага влево, два шага вправо – и сказал:

– Прекрасное зрелище. Семь дворян – и ни одного коня. Ну, что нам врать по этому поводу, придумаем на ходу, а теперь – форсированным маршем двинемся вперед. До ближайшего населенного пункта, где можно купить или украсть лошадей. Первое предпочтительнее, не стоит шуметь, да и опытных

конокрадов среди нас не вижу... Марш!

И первым направился на полночный закат, держа курс на ладонь правее клонившегося к горизонту солнца. Вскоре Мара спросила, держась рядом и не обгоняя:

– А почему – туда?

– А потому что никакой разницы, – мудро сказал Сварог.

Возражений и дискуссий не последовало. Минут десять они шагали по лесу, становившемуся то гуще, то реже. Близости цивилизации пока что не замечалось, но отчаиваться не стоило.

Сварог поймал себя на мысли, что ожидает увидеть вскоре телеграфные провода, рельсы и асфальт, – и плюнул беззлобно, посмеявшись над собой.

Мара бесшумно догнала его, сказала тихо:

– Такое впечатление, что за нами следят...

– Ничего я что-то не чувствую, – сказал Сварог. – Может, полковник очухался и прет следом, кипя мезтью? Поглядывай назад.

Но тут же оказалось, что смотреть следует вперед – кусты впереди вдруг затрещали, колыхнулись, и из них вылез здоровенный детина с румяной физиономией сельского жителя. Видно было, что двигается он нарочито медленно, дабы сторяча не вlepили пулю. На плече он без усилий держал одной рукой пулемет – стволом назад, с примкнутым магазином.

Сварог аккуратно взял его на мушку. Остальные оцетинились во все стороны пистолетами и мечами. Но вокруг стояла тишина. Сварог мог бы поклясться, что верзила был один.

Незнакомец ухмылялся напряженно-примирительно. Сварог рассмотрел его повнимательнее. Совсем молодой, в темно-зеленом крестьянском платье с фригольдерской бляхой и кожаной каталане, украшенной зубами небольшого зверя, – какого именно, Сварог не брался с ходу определить. Из оружия, кроме пулемета, только скрамасакс на поясе (на ношение коего крестьянину требовалось особое разрешение). Откуда у крестьянина пулемет?

Молчание затягивалось, время не терпело, и Сварог спросил:

– Ну?

– Пулемет не купите? – осведомился детина. – Без подначки, всерьез.

– Проходи, – сказал Сварог. – Не подаем. И не покупаем ничего. Не сезон.

– Тогда по-другому, – сказал тот. – Может, вам нужен компаньон с пулеметом? Согласен и за харчи.

– Самим жрать нечего, – прищурилась Мара.

– Не с тобой разговаривают, сопля, – сказал верзила.

– Молчать, – сказал Сварог подавшейся вперед Маре. – А скажи, голубь, как это ты на нас набрел?

– Гулял по лесу и увидел, как вы тут развлекаетесь, – он показал пальцем в небо. – Шуму наделали на всю округу. Давно хотел посмотреть на эти штуки. А что, завлекательно... Только падать оттуда, должно быть, невесело..

– Деревни поблизости есть? Или города?

– Гутиорс, – верзила показал пальцем направление. – Минут сорок шагать, если быстро.

– Деревня?

– Город. Королевский. Дыра, конечно, в сотню домов, но что касается статуса – полноправный королевский город. Аж три кабака и бургомистр.

– А лошадей там достать можно?
– Смотря каких. И смотря сколько.
– Верховых. Хороших. На всю компанию. И желательно бы еще заводных.
– Вряд ли у них столько наберется на продажу. Разве что поискать по окрестным поместьям, тут многие конные заводы держат, и ярмарка была месяца полтора назад, а до новой еще месяц, так что имеет смысл...

– Понятно, – сказал Сварог. – Ну что ж, в указанном направлении – шагом марш. А ты, найденыш, шагай рядом и подробно рассказывай. Откуда пулемет, отчего ты завел столь барские привычки – гулять по лесу... И почему корона на бляхе у тебя отнюдь не ронерская. Постарайся произвести на меня хорошее впечатление, тебе же лучше...

Он взглянул на Мару, и та понятливо опустила веки, взяв нежданного спутника под чуткую ненавязчивую опеку. Сварог размашисто шагал, чуть петляя меж деревьев, слушая верзилу и частенько поглядывая на него – чтобы проверить искренность.

Верзила звался Бони Скатур Дерс (Сварог уже знал эту систему[61]) и происходил из карликового королевства Арир, принадлежавшего к Вольным Манорам и славного лишь тремя достопримечательностями: королевской коллекцией штопоров для винных бутылок, единственным в Вольных Манорах фригольдерским селом Скатур и редким консерватизмом монархов в выборе имен – вот уже почти шестьсот лет на престоле восседали исключительно Арсары, вплоть до нынешнего Сорок Второго.

А дней десять назад Арсар Сорок Второй решил, что с его королевства довольно и двух достопримечательностей... Как и в большинстве Майоров, хорошей пахотной земли там было мало, а со Скатура, обладавшего многими старинными привилегиями, никак нельзя было драть три шкуры. Но хотелось ужасно. Очень уж богатые были уголья. Маленькие тираны, как известно в сто раз хуже больших – в крохотном королевстве не в пример труднее убесть от алчного взора монарха...

И была задумана ловушка, в которую Скатур не замедлил угодить, прямо-таки влетел на полном ходу. В один далеко не прекрасный день туда нагрянул один из королевских камергеров. Для начала он отказался соблюсти ритуал вежливости и уважения к статусу фригольдеров, затем, объявив, что желает осчастливить Скатур своим пребыванием, выступил с кучей оскорбительных и совершенно неприемлемых для фригольдеров требований вроде девок на ночь для себя и своих сержантов и мытья ног в доме старосты.

Камергеру вежливо напомнили о статусе села. Камергер совсем невежливо оскорбил статус. Возникла перепалка, в ходе которой старосту съездили плетью по голове. Фригольдеры сгоряча ударили в набат, благо у Скатура имелось и право на колокол. Королевские сержанты из эскорта камергера начали палить во все стороны – как теперь понятно, не сгоряча, а во исполнение строгого приказа, – убив и ранив несколько человек. Двоим из сержантов удалось ускакать, а остальным выдали сполна. Самого господина камергера, надежно привязав, стали опускать в колодец вместо ведра, чтобы поостыл малость. То ли купавшие чересчур увлеклись, то ли сердце у старика не выдержало – после очередного подъема обнаружилось, что сановник не подает признаков жизни. Его добросовестно попытались откачать, но камергер оживать отказался. После чего его бесславно кинули под забор и, немного опамятавшись,

пришли к выводу, что самое время запира́ть ворота и садиться в осаду. Во взаимоотношениях королей и фригольдеров такое случилось далеко не впервые, процедура была отработана. Происшедшее сулило долгие неудобства, но было злом привычным, как град или бешеные волки в окрестных лесах. Согласно освященному столетиями опыту, все должно было кончиться парой недель осады, кое-какой кровью, неизбежным выкупом и очередным подтверждением вольностей. В конце концов, камергер нарывался сам.

Но не прошло и получаса, как стало ясно, что игра идет по непредвиденному раскладу – ворота уже горели, полыхали первые дома, а в село ворвались дворянская дружина, панцирная королевская пехота и самый страшный враг, все уничтожавший на пути, – ополчение из крепостных крестьян. Сроду не слышавшие о классовой солидарности, они люто ненавидели фригольдеров, поскольку те были как бы свободными, а они сами – насквозь подневольными...

Скатурцы дрались хорошо, быстро сообразив, что драка пошла на уничтожение, но они оказались застигнутыми врасплох и совершенно не готовыми к бою. А противник планомерно выжигал все перед собой, уничтожая все живое... Угодья и скот виделись не в пример лучшей добычей, нежели отнюдь не бедные крестьянские дома...

Верзила Бони был гуртовщиком, повидал свет, гоня скот на продажу и в Ронеро, и в Снольдер, и в Харлан, возил оттуда потребные товары, видел море, бывал на иллюзорских пастбищах, единожды проезжал даже через Ямурлак, а однажды чуть не улетел с купцами на Сильвану. Тяги к плугу он не испытывал ровным счетом никакой, наоборот, предпочитал бродячую жизнь в седле и шумную жизнь в сопредельных великих державах, проявляя живой интерес к достижениям технического прогресса (хотя о существовании таких терминов, понятно, и не подозревал). Когда старейшины решили тайком, на всякий случай, приобрести пулемет, именно Бони выполнил эту деликатную миссию и обучился стрельбе. Это искусство он и продемонстрировал, насколько мог, на улицах горящего Скатура. У него еще оставалось полтора магазина, когда стало ясно, что все кончено. Никого не осталось в живых, кроме горстки успевших прорваться в лес (в одном месте подступавший вплотную к окружающей село стене). Расстреляв еще полмагазина, Бони пробился сквозь оцепление, поймал коня и помчался в полную неизвестность. У Волчьих Голов[62] он остаться не захотел, перешел ронерскую границу, лишившись по дороге коня, и положение у него стало – хуже не придумаешь. Во-первых, бумаг с собой не было ровным счетом никаких, а те, кто мог бы под присягой засвидетельствовать его личность, обитали слишком далеко отсюда, и добраться до них было трудновато. Горстку беглецов из Скатура Арсар Сорок Второй вполне мог объявить даже и не скатурцами вовсе, каковые поголовно полегли в результате развязанного ими самими мятежа, а королевскими крепостными или беглыми каторжниками. Кто взял бы на себя труд проверить, как там обстояло на самом деле? До имперского наместника тоже нужно сначала добраться...

Во-вторых, беспаспортный, безденежный, бесправный бродяга, незаконно перешедший границу чужой страны, заведомо обречен на неисчислимые неприятности, но если у него при себе имеется пулемет, положение становится и вовсе погибельным. Безопаснее, пожалуй, носить с собой алмаз величиной с кулак. Любой встречный, располагавший влиянием или попросту пре-

данной охраной, моментально попытался бы завладеть столь ценной в хозяйстве вещью, как пулемет, приняв самые крайние и незамысловатые меры к тому, чтобы нынешний владелец сокровища замолк навсегда... И потому Бони решил пробираться в Пограничье – там хватает опасностей, но и законов не особенно-то много, что позволяет отвечать ударом на удар, не опасаясь полиции и судебных крючков. Оказавшись невольным свидетелем лихого приземления самолета, беглец рассудил с крестьянской сметкой – кем бы ни была эта странная компания, она наверняка сама находится в положении дичи и потому не горит желанием строить козни против беззащитного путника, который может оказаться и полезным...

Парень не врал, Сварог мог утверждать это со всей уверенностью. Разве что умалчивал об иных деталях, но это-то вполне простительно в его положении. Вреда от него в ближайшее время не предвидится, а пользу и в самом деле принести может – парень неглупый, выдавший виды, точно так же оказался вне закона, да и пулемет, пусть с единственным магазином, им не помешает...

– Ну, а почему именно в Пограничье? – спросил Сварог. – Можно было наняться и к ганзейцам...

– В Пограничье еще остались вольные эрлы. Они же ярлы – кому как больше нравится. А мне позарез нужно дворянство. Отслужил бы, как мог, со всем прилежанием. Хватило времени кое о чем подумать, пока метался по лесам. Будь я дворянином, на законном основании устроил бы Сорок Второму роскошный ваганум, так что никакого Сорок Третьего не было бы и в помине.

– Так на это нужны деньги, – сказал Сварог. – И немалые. Арир – это... гм, это не Готар какой-нибудь...

Бони покосился на него:

– Да знаю я парочку «придорожных банков»...

– Это еще что?

Шагавший слева от Сварога Шедарис пояснил:

– У гуртовщиков с купцами концы отмахивать приходится длинные, и не всегда по цивилизованным местностям. Вот они и прячут денежки в подходящих местах неподалеку от дороги. Придорожный банк, она же «пыльная казна».

– Точно, – сказал Бони, и его простецкое лицо на миг стало хищным. – Все равно теперь денежки эти бесхозные. Чтобы нанять хороший отряд, может, и не хватит, да я бы из шкуры вывернулся, чтоб подработать...

– Если бы раньше не прикончили, – хмуро сказал Шедарис. – Или возьмет ярл у тебя пулемет, а вместо дворянства отблагодарит кордом[63] в спину...

– Риск, конечно, есть, – согласился Бони. – А что делать? Я ему, суке, за Скатур... Ладно. Теперь вроде бы ваша очередь? Вы-то кто?

– Странная Компания, – хмыкнула Мара.

– Это я и сам вижу. А поточнее можно?

Сварог промолчал, кивнув Маре. Она наставительно сказала:

– А поточнее, прелестное дите природы, – прикончить нас стремятся чуть ли не все вокруг, а вот друзей что-то не наблюдается...

От любопытства Бони даже не обиделся за «дите»:

– Не тяни kota за хвост, лауретта, душевно тебя прошу. А то нечестно получается – я-то вам все выложил...

– Ты читать умеешь?

– По-печатному. И от руки, если не коряво. Я человек бывалый, писать бы еще обучиться...

– А сказки и пророчества читал?

– Больше слушал, – признался Бони. – У нас в Скатуре старики мастера... – он помрачнел. – Были...

– Про Серого Рыцаря слышал?

– Доводилось. Это который должен извести Буркалы Сатаны? Занятыице не для трусов...

– Так вот, – скучным голосом сказала Мара. – Это – Серый Рыцарь. Это – его верные сподвижники. И все они держат путь в три королевства. И либо ты присоединяешься к этому увлекательному предприятию, либо скромно делаешь в штанишки и пускаешься восвояси, потому что забот и без тебя хватает...

– Шутишь?

– Только у меня и хлопот – с тобой шутить. Всю жизнь мечтала, повизгивая от нетерпения...

– Да не шутит она, не шутит, – мрачно подтвердил Шедарис. – Вот тебе и Серый Рыцарь, и прочие семью семь удовольствий... Может, и в самом деле проще тебе будет податься восвояси?

Бони смерил его гордым взглядом:

– Что? Я, значит, трус, а ты, выходит, рыцарь Шугута с семью мечами?[64] Топорик, а ты про Вурдалачью Ночь не забыл?[65]

Шедарис, скрипнув зубами, схватился за меч.

– Отставить, – бросил Сварог. – Не до шуток.

Бони даже остановился от удивления:

– Нет, серьезно? Слушайте, тогда ведь и принцесса должна быть... – Он оторопело переводил взгляд с Мары на Делию, пытаюсь угадать. – Ваше высочество... – взгляд его окончательно остановился на Делии.

– А может, это не она, а я – принцесса? – спросила Мара.

– У тебя, уж прости, вид не тот... – отмахнулся Бони.

– Поймите, так ведь Серый Рыцарь – оттуда... – Он невольно глянул в небо. – И будущий король вроде Дорана, старики говорили, а они знают такое, что нигде не прочтешь, очень уж старая у нас деревня... – И он вдруг широко ухмыльнулся с бравым видом. – Похоже, подворачивается прекрасный случай насчет дворянства...

– Ты его заработай сначала, – криво усмехнулся Сварог.

– Наизнанку вывернусь, – истово сказал Бони. – Все. Гоните – не уйду. Три королевства там или четыре... Весь ваш, до печенки. То-то вы к харланской границе, чтобы через Ямурлак и Пограничье...

Сварог помрачнел – верзила ухитрился затронуть болезненное место. Впрямую об этом еще не говорили, но подразумевалось, что у него есть точный план, как попасть в три королевства. А плана как раз не было, вернее, его приходилось срочно менять, потому что старый ничего случившегося не предусматривал...

Чтобы сменить тему, Сварог быстро сказал, положив пальцы на пряжку:

– Ладно. Насколько я понимаю, ты все прикинул и понимаешь, на что идешь?

– Понимаю, – Бони расстегнул камзол и вытащил висевшую на шнурке бесформенную фигурку. – Могу поклясться Великой Матерью. В наших местах Ве-

ликую Мать почитают, не псину какую-нибудь.

Сварог махнул рукой:

– Без церемоний. Верю. Но если что...

– То – еще как, – подхватила Мара.

– И моментально, – пообещал Шедарис, на лету ухвативший оскорбительный намек на Симаргла, но сдержавшийся.

– Хватит вам, – рявкнул Сварог. – Если еще хоть раз придется вас разнимать – обоих вышвырну без отпускного свидетельства! Усекли?

Определив на глазок рост Бони, он принялся на глазах у всех мастерить соответствующую одежду. Бони зачарованно уставился на него:

– Ну ничего себе... А лошадей, значит, вы этак не можете?

– Увы, – сказал Сварог с искренним сожалением. – Зато пароход твердо обещаю, как только доберемся до реки. – Он бросил Бони охапку одежды. – Но насчет лошадей самим придется озаботиться.

– Проезжал я в Харлан по этим местам. Окрестные дворяне приторговывают... Да, а погоня за вами есть? По земле, я имею в виду. Как это у вас обстоит в небе, я уже видел...

– Если погони нет, наверняка будет, – сказал Сварог. – Поэтому из Гутиорса нам следует убраться как можно скорее. До наступления ночи отыскать лошадиного барышника...

– Да знаю я тут одного, – сказал Бони. – У самого-то денег не было, вот я и нацеливался, когда стемнеет, разжиться коняшкой возле кабака. На мне и без того грехов достаточно, чего бояться... Одному-то это проверить легко, а вот восьмерым потруднее. Придется честно покупать.

И полез в кусты переодеваться. Остальные обступили Сварога, глядя вопросительно.

– Он не врет, – сказал Сварог. – Возьмем. Правда, первое время придется присматривать...

– Присмотрим, – заверила Мара.

А тетка Чари мечтательно сказала:

– Поскорее бы добраться до Итела и сесть на пароход. На воде как-то спокойнее...

«И любой там, наверху, при некоторой сноровке сможет нас рано или поздно вычислить», – мысленно добавил Сварог. Мысленно же чертыхнулся, сказал:

– Предложите светлую идею. Как так вышло, что восемь благородных дворян и дворянок путешествуют пешком?

Странная Компания прилежно погрузилась в раздумье. Первой отозвалась Делия:

– Означенные дворяне ввязались в некое пари с другими дворянами, поставив на кон лошадей. И проиграли. Подробностей выдумывать не стоит – нет нужды растолковывать их каждому встречному-поперечному. Главное, никто не удивится. Все в духе Ронеро, встречались пари и диковиннее...

– Великолепно, – искренне сказал Сварог. – Кроме того, у нас в запасе есть прием, великолепно сработавший нынче же утром. Вы, принцесса, всегда можете изображать в этих местах себя самое. Вы на охоте, далеко забрались...

– К вашим услугам, – серьезно сказал Делия. – Если только нам не приготовят какого-нибудь пакостного сюрприза...

– Будьте уверены, – сказал Сварог. – У меня стойкое впечатление, что пакостных сюрпризов нам приготовят кучу. Но и мы, как показали последние события, способны на сюрпризы. Это немного утешает, вам не кажется?

Она слабо улыбнулась:

– Пожалуй...

Глава 2 Городок и его обитатели

Из кустов вылез Бони, завернул пулемет в свой старый камзол, и они двинулись вперед. Вскоре вышли на мощный тракт – как раз неподалеку от каменного мерного столба, круглого, украшенного медным государственным гербом, позеленевшим от бремени лет. Далеко впереди виднелись крайние дома городка, и шагать, видя конкретную цель, стало веселее. Шедарис даже замурлыкал бодрую песенку:

*Эх, носы не вешать,
когда нас станут вешать...*

Ехавший навстречу на одноколке крестьянин оглядел их с большим любопытством, но приставать с вопросами, понятно, не посмел. Примерно так же повел себя и габелар[66], торчавший с пикой у входа в город, – но этого они зацепили сами, осведомившись о ближайшем постоялом дворе, достойном благородных особ. При этом Сварог громко проворчал, обращаясь к своим, но считывая в первую очередь на скучавшего стража, враз наострившего уши:

– Все традиции мы соблюдали, господа. Дали ему уехать со всеми выигранными лошадьми, но если он нам тут попадет, имеем все основания затеять поединок... Любезный, тут не проезжали два дворянина с восемью лошадьми в поводу?

– Никак нет, ваша милость! – браво рявкнул тот.

– Ну, если приедут, вы нас найдите, в долгу не останемся, – благосклонно пообещал Сварог. – Я ему покажу, как коней выигрывать... Пойдемте, господа.

Отыскав постоялый двор с лирическим названием «Свинья и сковородка», навестили нужные места, умылись, расположились в зале для благородных, блаженно вытянув ноги, а слуги уже проворно таскали на стол блюда, тарелки, кувшины и бутылки. Между делом Сварог успел преподнести хозяину историю с проигранными конями, принятую тем безоговорочно, но со специфическим выражением лица, гласившим, что слыхивал хозяин и не такое, и каждый сходит с ума по-своему, а благородные лауры – тем более, с присущей им фантазией. И пообещал послать мальчишку за лошадиным барышником.

Дела понемногу налаживались. Долгое время все старательно жевали, глотали и отхлебывали. Потом стали понемногу отваливаться от стола, только Бони неутомимо похрустывал косточками аппетитно зажаренных в сметане зайцев, урча, что следует отъестся за все прошлые скитания, и здешняя жратва, как ни крути, получше украденных гусей, зажаренных в лесу на костре и слопанных без крупинки соли.

Сварог лениво смотрел в окно. За окном была крохотная площадь, украшенная крохотной ратушей и тремя громадными свиньями, блаженно развалившимися как раз посередине. Он машинально извлек из воздуха сигарету, прикурил от указательного пальца, дернулся было, но вспомнил, что кругом свои, и глубоко затянулся. Бони уставился на него, перестав даже от изумле-

ния чавкать, потряс головой, вновь захрустел косточками и зачавкал – но уже гораздо более философски.

– Вино, признаться, не из лучших, – грустно сказал Леверлин. – С тоской вспоминаю погреба Коргала...

– Это где? – поинтересовалась Мара.

– На Сильване. Там мы с графом Гэйром одержали...

– Одну из самых блистательных своих побед, – проворчал Сварог. – Граф, вы были неподражаемы...

– Потом расскажете? – чуть ли не одновременно потребовали Мара с Делией.

Сварог чуть смутился, фыркнул, отвел глаза – передернулся от пронзительного свинячьего визга. Глянул в окно.

Свиньи уже улепетывали в разные стороны с удивительным для таких туш проворством, а виновник переполоха, конный габелар, уже слетел с седла, прогрохотал сапогами по невысокому каменному крыльцу и, растворив парадную дверь молодецким пинком, скрылся в ратуше. Конь, оставшись в одиночестве и непривязанным, постоял немного, подумал и лениво побрел прочь.

Сварог насторожился. Нравы в такой глуши, конечно же, насквозь патриархальные – но не настолько же, чтобы нижние чины королевской полиции пинками открывали двери в ратушу? Для такого поведения и такой спешки должны быть веские основания. А в совпадения он верил – но не до такой же степени...

Насторожились все. Те, кто сидел к окну спиной, равнялись на реакцию тех, кто сидел к окну лицом. Бони вскочил, шумно отпихнув задом кресло.

– Сидеть! – тихо распорядился Сварог. – Не дергаться и не суетиться. Чтобы крупно обидеть здешнюю армию, нам достаточно будет пары минут. Гарнизоны поблизости есть?

– Ближайший лигах в пятидесяти, – сказал Бони.

– Ну вот... Спокойно. Представим, что мы в театре и смотрим увлекательную пьесу.

– Вам, городским, хорошо говорить, – проворчал Бони, послушно усаживаясь. – А я, куда только ни заносило, в театре так и не сподобился побывать. Поэтому вы представляйте, будто вы в театре, а я представляю, будто угодил на состязание обжор...

И он уцапал с блюда последнего зайца. Какое-то время не происходило ровным счетом ничего. Потом из ратуши вылетел габелар, ошалело оглянулся в поисках коня и, придерживая меч, побежал куда-то, совсем не в ту сторону, куда конь ушел. Вверху тягуче закрипело. Сварог подошел к окну, распахнул высокую створку, выглянул.

Сине-черный флаг на вершине непропорционально высокого шпиля ратуши колыхнулся, дрогнул, толчками пополз вниз, задерживаясь под скрип тросика по плохо смазанному блоку, рывками проваливаясь, пока не исчез из виду. Тихо подошла Делия, остановилась рядом. Она была бледна.

– Это еще что такое? – растерянно спросил Сварог. – Для спуска флага должны быть веские основания, даже я знаю...

– Неужели отец... Если сейчас поднимут белое полотенище...

Сварог попытался с ходу прикинуть, что может означать внезапная смерть

короля лично для них. Если она естественная – никому, возможно, не станет дела до беглецов. А если продолжают непонятные игры...

Делия тихо охнула.

Вверх ползло алое полотнище. Флаг, несомненно, долго пролежал свернутым в забвении и запустении – явственно виднелись выцветшие места поперечных сгибов, полотнище выглядело каким-то скукоженным, и если бы не легкий ветерок, придавший ему минимум достоинства, повисло бы нелепым кульком в попытках принять прежнюю, более привычную форму.

– А это еще что означает? – в полном недоумении спросил Сварог.

– Шаррим, – тихо сказал Делия. – Я и не помню, чтобы...

– Последний раз это было двадцать семь лет назад, – сказал подошедший Леверлин, – когда король... гм, только становился королем. Нет, как же серьезно за нас взялись, уважать себя начинаешь...

– Да что это такое на наши головы, в конце концов? – нетерпеливо спросил Сварог, уже понимая по их лицам, что начались сюрпризы, и определенно пакостные.

– А это такая облава, – кривя губы, сказал Леверлин. – Чрезвычайное положение – то ли по этой провинции, то ли по всему королевству. Никто отнюдь не имеет права покидать городов и сел, где в данный момент находится. А те, кого застало в пути, – их по прибытии надлежит на всякий случай задерживать. Пока не выяснится точно, кого именно ищут. Словом, замереть всем, кроме беглеца. И погони, понятное дело. Вообще-то мы успели проскочить в город, но кто его знает... Последний раз шаррим объявляли... – он покосился на Делию, вдруг опустившую глаза, – когда некий государственный муж хотел задержать беглецов...

– Я с этой пакостью сталкивался пять лет назад, когда служил в Харлане и Мораг ловила заговорщиков, – хмуро сообщил Шедарнс. – Вот не думал, что ради меня...

– Значит, нам отсюда не выйти? – спросил Сварог. – Из города, я имею в виду?

– Только с боем, – пожал плечами Леверлин. – Теперь на всех дорогах появятся кордоны...

– Не обязательно, – возразил Шедарис. – Если это полное «замри», передвигаться будет только погоня...

– Не легче, – сказал Леверлин. – Мы все еще без коней. И покупать их теперь – привлечь внимание...

– Ну и что? – безмятежно спросила Мара. – Если ближайший гарнизон в полусотне лиг? Городишко этот наша компания при нужде положит к ногам за пять минут.

– Почему бы и нет? – оживился Леверлин. – Габеларов здесь человек десять, это даже не смешно. С нашим бравым командиром, его жутким топором, пулеметом и всеми нами, скромно скажу, не лишенными известной удали, одолеть такое воинство удастся вмиг. Пошарив по конюшням, найдем потребное число лошадок. Можно даже оставить расписку. А там видно будет.

– Мой любимый лозунг... – проворчал Сварог. – Ладно, подождем пока захватывать города. Диспозиция следующая: Леверлин направляется к выходу из города, тетка Чари – к другому, там они беспечно прогуливаются, высматривая, не покажется ли какая погоня. Шедарис с Паколетом, поодиночке,

столь же беспечно мотаются по городу, высматривая конюшни, дислокацию габеларов и все прочее, представляющее интерес. Я иду на разведку в ратушу. Остальные сидят здесь. Бони, кончил бы ты жрать.

– Это я от волнения, – сказал Бони, торопливо откладывая толстенную донольскую колбасу.

– Если кто-то попытается вас здесь взять, не стесняйся, берись за пулемет. И если здесь начнется стрельба, все остальные бросают текущие дела и сбегаются сюда. Ну, расходимся.

Он выходил последним. Мара догнала его в дверях.

– Отставить, – тихо сказал Сварог. – Кошка, я верю, что ты и в одиночку можешь завоевать этот город, но такие подвиги пока что не нужны. Береги Делию. Главное, береги Делию. И приглядывай на зашим новым другом.

Он захлопнул за собой тяжелую дверь. В общей зале маялся хозяин. Завидев Сварога, охнул:

– Что же это творится, ваша милость?

– Да ерунда все, – отмахнулся Сварог и вышел.

Пересек площадь, огибая свиней, вошел в ратушу, наугад распахнул несколько дверей, натываясь то на писцов, с празднично-обалделым видом восседавших за столами, то на дорожную пошлину, по милому провинциальному обычаю взятую натурой и сваленную кучами – мешки и мешочки, бутылки с вином, локти материи, живой спутанный баран, печально взиравший на Сварога снизу вверх. Наконец в одной из комнат, богаче остальных обставленной, Сварог обнаружил унылого толстяка с медальоном бургомистра на шее, серебряной чернильницей на золотом поясе и золотыми перстнями на пальцах. В перстнях поблескивали драгоценные камни – дворянин, из ронинов, вероятно всего.

Сварог придвинул ногой кресло, сел, развалился и начал капризно-нагло:

– Это что же у вас такое творится, если барона, вдобавок вольного ярла, вдруг задерживают в такой дыре и заявляют, что он, видите ли, эту дыру покидать не вправе? Со мной же отряд, и не такое выдавший, я ж ваш городишко запалю с восьми концов и отвечать не буду, герцог заступится... Я ж тебя заставлю собственную чернильницу выхлебать...

– Лаур, я вас прекрасно понимаю, – заторопился бургомистр, выставляя напоказ пухленькие пальцы. – Поверьте, уж я-то прекрасно понимаю все чувства дворянина...

Сварог притворялся, будто лишь теперь заметил дворянские перстни:

– Ох, простите, лаур, я уж было хотел обойтись с вами, как с быдлом... Но, право, неприятно чертовски. У меня любовница, само очарование, не виделись две недели, я истосковался, лечу на крыльях любви, и вдруг...

– Шаррим, – развел руками бургомистр. – Монаршья воля, барон.

– Да, конечно, – сказал Сварог угрюмо. – Но вы бы видели ее стан, ноги. Я схожу с ума – соперники, долгое отсутствие... Худшие подозрения в измученной душе, теперь еще и задержка... Ну что там стряслось?

– Сам теряюсь, – бургомистр аж трижды развел руками. – Как гром с ясного неба! Таш лежал у меня дома, я его с собой не таскаю – провинция, знаете ли, вызовы редки, а самому докладывать нечего. И вдруг он начинает пищать, домоправительницу перепугал до смерти, давненько не слышала этого писка, вызова, не сообразила поначалу. В передней был габелар, сунул его в карман,

прискакал ко мне... Его превосходительство губернатор передал королевский приказ: немедленно объявить шаррим. Я, грешным делом, стал уже забывать, что это за шаррим такой, его превосходительство тоже, по-моему, не сразу вспомнил... И – никаких объяснений.

– Вы не расспрашивали?

– Его превосходительство? Ох, лаур, не с моего шестка... Впрочем, было заявлено: объяснения и более точные инструкции воспоследуют. Великие небеса, а у меня осталось шесть габеларов! Да их и была-то дюжина. Четверо уехали по деревням со сборщиком податей, двое с такого похмелья, что под угрозой смертной казни не встанут. Господа гвардейцы тоже, наверное, уже в лежку, на них рассчитывать нечего...

– Какие гвардейцы? – насторожился Сварог.

– Вчера утром приехали, да пока что и задержались. Малиновые драгуны. Десять рядовых с кадет-лейтенантом, ремонтеры. Чепраки без королевской короны, значит, они вне строя – ибо ремонт лошадей в мирное время к понятию воинской командировки не относится, а считается поездкой по текущим делам полка, я сам немного служил, знаю... А когда господа малиновые драгуны вне строя, перепить их могут разве что синие мушкетеры. Признаться, я опасаясь за трактир, он у нас лучший из трех... В общем, у меня шесть разлившихся дуболомов. Что, если его превосходительство прикажет выставить заставы? И как мне с шестью людьми обеспечить задержание беглецов? Я представления не имею еще, что за беглецы, но ясно, что терять им нечего, и они мне такое устроят при попытке задержания... Может, собрать городское ополчение? Конечно, смех один, два года не было ни смотров, ни учений...

– Если узнаете что-то новое, обращайтесь ко мне, – сказал Сварог. – Я обитаю вон там, напротив. И людей у меня... кое-какое количество. Видавших виды. Всегда готов услужить, как дворянин дворянину.

– Великие небеса, вы меня чрезвычайно обяжете!

– Пустяки, – великодушно сказал Сварог.

– Итак, я на вас полагаюсь, лаур?

– Разумеется, лаур!

Сварог раскланялся и удалился. По дороге из ратуши он думал: хорошо это или плохо, что покуда не сообщили повсюду их приметы? Пожалуй, плохо. Это означает, что те, кто послал погоню, прекрасно знают: облик у беглецов может меняться и оказаться каким угодно. Конечно, же, успели допросить стражу на ипподроме...

– Командир!

Он поднял голову и узрел запыхавшегося, но жутко довольного Паколета.

– Командир, там...

– Тихо, – сказал Сварог. – Марш в трактир.

Подтолкнул верного прохвоста к двери и направился туда сам. Сзади позвали:

– Ваша милость!

Сварог неспешно обернулся. Бургомистр поспешал к нему, размахивая коротенькими ручками. По площади тащилась телега-двуколка, груженная осыпанными мучной пылью тугими мешками. Свиньи лениво возвращались к месту постоянной дислокации. Бургомистр ловко увернулся от телеги, столь же привычно пнул ближайшую свинью, подбежал к Сварогу, схватил за рукав

и азартно зашептал:

– Ну вот, хоть что-то изволили прояснить его превосходительство... К нам скачут синие мушкетеры, королевский полк... Не весь полк, конечно, отряд, но командует им сама герцогиня Браг... Они еще далеко правда, но скачут лихо, подмены по всему тракту...

– А кого ловят, так и не сказали? – спросил Сварог.

– Дали понять, что это известно герцогине, а нас пока что не касается...

«Арталетта-то здесь причем? – подумал Сварог. – Ничего не понимаю...»
Сделал бдительную физиономию и сказал таинственно:

– Лаур бургомистр, эти малиновые драгуны вам так-таки и не кажутся подозрительными?

Бургомистр опешил, потом испугался, потом увлекся этой мыслью:

– Думаете, лаур? – судя по тону, он был из тех градоначальников, кто всю жизнь мечтает поймать шпиона или «злодея короны». – Вообще-то что-то с ними не то – кадет-лейтенант на девок ничуть не реагирует, у одного рядового книга в кармане, у другого компас зачем-то... Во времена моей военной молодости гвардеец и книга были вещами несовместимыми... Великие небеса! У меня шесть пентюхов, а тех одиннадцать и оружием по уши увешаны...

– Придется вас выручить, – сказал Сварог. – Проверим, чем эти так называемые драгуны дышат. Ребята у меня тертые, службу знают... Так что если в том районе вдруг начнется шумное веселье типа заварушки, не паникуйте и не вмешивайтесь.

– Понимаю, – бургомистр часто-часто кивал. – А позволительно ли будет спросить: вы, лаур, часом не имеете ли отношения к службам, кои облечены миссией и высочайшим доверием...

Сварог значительно воздел указательный палец, и бургомистр умолк, подтянулся в тщетной попытке принять воинский вид.

– Разрешите идти?

– Разрешаю, – сказал Сварог. Посмотрел вслед толстяку, пожал плечами, произнес с непонятной интонацией:

– Провинция...

И вошел в дом. В общем зале уже выпивали человек десять горожан, здраво рассудивших, что смутные времена непонятно отчего грянувшего чрезвычайного положения лучше всего коротать за чаркой. Трактирщик шустро подбежал:

– Что там, лаур? Я в окно видел, вы с бургомистром говорили...

– Тс! – сказал Сварог. – Из королевской сокровищницы украли фамильный брильянт.

– Розовый?

– Желтый. С того вон таракана величиной.

– А дальше? – хозяин обозрел указанного матерущего таракана.

– А дальше король разгневался, ясное дело, – сказал Сварог. – Ловить велел. Поймаю, кричит, в масле сварю, и ради пущего зверства – в трактирном, которое безбожно водой разбавляют.

Хозяин даже не обиделся, жадно внимая:

– И ловят?

– Себя не помня от рвения, – сказал Сварог, похлопал его по плечу и прошел в залу для благородных, где к нему навстречу бросился Паколет:

– Командир, там...

– Малиновые драгуны, – сказал Сварог. – Десять штук. Плюс кадет. Плюс коняшки. Где они обосновались?

– В «Кошке и окороке». Лошади там же, в конюшне. Драгуны пьют, но на ногах еще держатся вполне уверенно.

– Будем бить, – весело сказал Бони.

– Командир, а может, ты их как-нибудь усыпишь? – воодушевился Паколет. – Бабка сама не умела, но говорила, что если умеешь, дело нехитрое...

– Точно, – сказал Бони. – У нас один...

– А я вот не умею, – сказал Сварог. – Придется бить, в самом-то деле... Только без особых увечий, а то от нашего удальства посторонним и так выходят сплошные неприятности...

– Сделаем, – кивнул Бони с загадочной ухмылкой.

Паколет помчался снимать с караулов Лаверлина и тетку Чари. Шедарис вскорости объявился сам – он независимо от Паколета набрел на «Кошку и окорок». Когда все собрались, Сварог, самую чуточку хмельной от азарта, сказал:

– Вопросов два. Принцесса, умеете ли вы быстро и ловко седлать коня? И знакомо ли нашему Паколету благородное искусство кабацкой драки?

Принцесса и Паколет кивнули.

– Тогда диспозиция проста, как здешний бургомистр, – сказал Сварог. – Принцесса с Шедарисом идут в конюшню, быстренько седлают драгунских лошадей, вообще всех пригодных, какие там попадутся. Мара следит, чтобы им в этом не помешало всякое хамье, – только не увлекаться, кошка. Все остальные со мною, бравым, во главе, сидят в трактире, и, если конокрадские развлечения будут замечены раньше времени, по моему сигналу начинают швыряться стульями, но тактично...

...Песню о короле Амдараке и мельничихе они слышали, не дойдя еще до «Кошки и окорока» уардов пятьдесят. Драгуны орали весьма немелодично, но с поразительным задором. Шла истинно гвардейская гульба, но табуреты и посуда из окон пока что не летали. Назначенная в конокрады тройца с деловым видом направилась в конюшню и исчезла за широкой двустворчатой дверью. Тут же там кто-то охнул, и настала тишина, только слышно было, как всхрапывают кони, а один, норовистый, зло завизжал. Самое время пустить в дело фамильное искусство графов Гэйров. Сварог прижал ко рту ладони, сложив пальцы домиком, дунул в ту сторону, шепнул надлежащие слова. Храп и перестук копыт тут же прекратились. «Цены мне нет, – гордо подумал Сварог, направляясь в трактир. – Но среди славных предков, чует душа, были-таки конокрады...»

Гвардейцы вперемежку с визжащими девками устроились за тремя сдвинутыми столами, вокруг которых зияла почтительная пустота – местные теснились по углам. Только пятеро гуртовщиков устроились поближе к драгунам. Девки при них не было ни единой, и, судя по хмурым лицам верзил в серых кафтанах со снольдерскими гильдейскими бляхами, им пришлась поперек души проведенная драгунами тотальная мобилизация доступного прекрасного пола. Видно было, что здесь и до Сварога вызревала добрая потасовка.

Сварог сел так, чтобы видеть в окно дверь конюшни. Драгуны на его компа-

нию пока что внимания не обращали, да и остальные тоже. Хозяин принес вина. Облик у хозяина был страдальческим – в предчувствии неминуемого погрома заведения.

Сядясь, Сварог мимолетно взвесил в руке табурет – в самый раз. Бони с Паколетом сноровисто проделали то же самое. Тетка Чари задумчиво коснулась заткнутых за голенище грушевидных нунчак – похоже, тех самых, которыми усмиряла пьяниц в Пограничье. Мешок Шедариса, завернутый в плащ пулемет Бони и виолон Леверлина оставили в сенях. Все было в порядке.

– Жалко будет, если уйдем тихо, – сказал Бони. Сварог хмыкнул.

– Разносить трактир в черепки – это высокое искусство, – поведал Бони. – Как у вас в городах говорят, изящное. Мы, скатурцы, всегда разносили соседние, на любой ярмарке, а вот в нашем селе такое никакому соседу учинить не удавалось...

– Ты ногами под столом не дрыгай, – сказал Сварог. – Попадешь по топору, он тебя без ноги оставит.

Верзила охнул:

– Командир, на свете есть только один такой топор...

– Подкованный ты парень, я смотрю, – сказал Сварог.

– Память о старых временах, командир, лучше всего у крестьян и сохраняется. А также песни, предания, заклинания и обряды. Города живут быстро и беспamięтно, а у нас жизнь течет по налаженному кругу, и мало что меняется за века. Был у нас один старичок, он бы, не сходя с места нарисовал карту Талара до Шторма. – Бони понизил голос. – И про те времена, что стояли до летучих замков, можно было кое-что услышать. Жаль, я бродяжничал, раньше-то и не особенно слушал, а теперь спросить не у кого...

Сварог смотрел в окно.

– Кто его знает, чем все кончится, – сказал вдруг Бони. – Так что предупреждаю заранее: как только достану эту штуковину, тут же перебирайтесь мне за спину, а то и сами попадете под веселье...

Он вытащил толстый железный футляр, в каких охотники носят порох и кремни, свинтил крышку, медленно перевернул, крайне осторожно вытряхнул оттуда что-то завернутое аккуратно в обрезок шерстяной ткани, продолговатое. Костяная дудочка, очень старая на вид, вся покрытая тонюсенькими темными трещинами. Столь же осторожно уложил ее назад, пояснив:

– От деда осталось. Вот кто умел...

Сварог вопросительно поднял брови. Леверлин, напротив, преспокойно спросил с видом знатока:

– Самопляска или пугалочка?

– Самопляска, – Бони глянул на него с уважением. – Видел?

– Читал.

– Ну да, в городах у вас все эти дела давно повывели под корень, а в деревнях, особенно в глуши, кое-что и припрятали со старых времен от бдительного небоскребного ока... Если потихоньку, только для своих – ни тебе огласки, ни урона. – Покосившись на Сварога, он смущенно откашлялся. – Да какая там магия, пустячки для домашнего хозяйства...

– Не у вас одних, – хмыкнул Сварог, глядя на Паколета. – Ох, не у вас одних. И Шедарис мимоходом проговорился про пустячки Вольных Топоров, и городах кое-что осталось. И даже...

Он резко обернулся к окну – в конюшне вдруг бухнул мушкетный выстрел. Один из драгунов вскочил, отпихнул девку и с видом моментально протрезвевшего помчался к выходу. Вскоре Сварог увидел, как он несется по двору и исчезает в конюшне. Остальные драгуны, покосившись вслед, из-за столов не полезли, но все же иные выжидательно поглядывали в окно. Почему выстрел всполошил именно этого усача? Его мушкет, что ли? Шедарис как-то хвастался, что знаток определит выстрел знакомого оружия посреди любой канонады...

– Начали, – сказал Сварог, приподнимаясь.

– погоди, командир, – Бони решительно взмыл с табурета. – Нельзя порочить славное искусство, дай-ка я сам разожгу...

Он подошел к столу драгун, раздвинул двух так, чтобы ему хватило места опереться на сталешницу обеими руками, слегка склонился вперед и заговорил.

Говорил он спокойно, негромко, чуточку скучающим тоном. Речь его была выдающимся в своем роде образцом ораторского искусства, она изобиловала метафорами, гиперболами, синонимами и эпитетами, блистала незатертыми сравнениями, затрагивала генеалогию до седьмого колена, сексуальные привычки, нравы и обычаи драгун вообще и малиновых в частности, причем в изложении Бони генеалогия, привычки, нравы и обычаи были таковы, что, будь все правдой, драгун не пустила бы на порог любая уважающая себя тюрьма, резонно опасаясь за моральную чистоту уже квартировавших там убийц и разбойников.

Гуртовщики восхищенно внимали. Даже Сварог заслушался. Малиновые усачи, преодолев оцепенение, начали наконец понимать, что все изложенное столь высоким штилем относится именно к ним. Их физиономии сравнялись цветом с мундирами, а там и побагровели вовсе уж грозно. Еще миг – и они с ревом рванутся из-за стола...

Бони опередил. Схватив две глиняные пивные кружки, он без замаха припечатал их к усатым харям справа и слева от себя – только брызнули черепки пополам с темным пивом. Молниеносно ухватил одного малинового за ворот и ремень, выдернул из-за стола и запустил к гуртовщикам. Те, ничуть не растерявшись, приняли нежданный подарок судьбы в кулаки.

Сварог рванулся из-за стола, а за ним и сподвижники. Бони уже пересчитывал табуретом драгун, временами ловко отстраняясь, чтобы пропустить разбегавшихся с визгом девок. Мелькали кулаки и табуреты, порхали кружки и тарелки, с грохотом падали столы, гуртовщики напирали с тыла сомкнутым строем, выказывая немалый опыт в таких забавах, ужом вертелся Паколет с кочергой, Сварог, как и подобает полководцу, держался поодаль, отшвыривая случайно налетевших на него драгун, косился в окно.

Драка незаметно обернулась хаотичной свалкой всех против всех – вмешались горожане, внося полную неразбериху, потому что дрались и меж собой, и с гуртовщиками, и с драгунами. Самый рослый гуртовщик, получивший от Паколета кочергой, кинулся на него, но был повергнут табуретом Леверлина, а второй отоварен теткой Чари, сверкнули два-три клинка, зазвенела сталь о сталь. Девки заполошно визжали где-то под окнами, но хозяин не спешил вмешаться – как водится, решил поставить в счет все убытки проигравшей стороне, тем, кто останется на поле боя...

Обе створки конюшенной двери распахнулись во всю ширь. Пригибаясь, чтобы не задеть за притолоку, рысью выехала Делия, держа в поводу двух оседланных коней, за ней показалась Мара.

Сварог, крутнувшись на месте, сбил драгуна ударом пятки под коленку и заорал:

– Уходим! Лошади поданы!

Его бравые сподвижники, отмахиваясь кочергой, нунчаками, кулаками и табуретом, выдрались из гущи боя. Неизвестно, какой здесь сработал инстинкт, но вслед за ними кучей кинулись вдогон все остальные, и военные, и статские. Сварог, перехватив топор правой рукой за самый конец рукоятки, без замаха разрубил пополам стол, что для непосвященных выглядело крайне эффектно – для посвященных, впрочем, тоже.

Драгуны и гуртовщики, по-братски перемешавшись с обывателями, застыли. Воцарилась тишина, только на полу охали увечные. Даже девки на улице притихли. Копыта стучали у самого крыльца, слышался боевой клич Вольных Топоров:

– Хуу-гу!

И тогда пронзительно засвистела костяная дудочка. Бони дул в нее, надувая щеки, старательно перебирая пальцами по отверстиям, раскачиваясь в такт. Понемногу стало получаться что-то похожее на плясовую. И в ритме этой плясовой, напоминавшей ратагайский улах, драгуны с гуртовщиками, включая горожан, как-то странно задержались, с общим выражением предельного изумления и ужаса на лицах принялись притопывать, довольно-таки слаженно хлопая в ладоши и поводя локтями, выстроились в две неровные шеренги – и, повинувшись дудочке, пошли откалывать удалые коленца, налетая на столы, топча черепки посуды. Лежавшие, словно увлеченные вверх рывками невидимых веревок, поднялись один за другим, охая и кряхтя, столь же заливчато пустились в пляс. Один даже орал дурным голосом:

*Ой, лайди-дада-дуду,
шла девица по воду,
а за девкой юной
мчали два драгуна...*

Бони не торопился уходить. Сварог за ворот вытянул его на крыльцо, только там верзила оторвал дудку от губ, ловко спрятал в футляр и заорал в распахнутую дверь:

– Это вам Скатур, а не что-нибудь!

Сварог прыгнул в седло, сделал Шедарису знак из арсенала жестов-команд Вольных Топоров, чтобы капрал скакал замыкающим, выхватил плетку из-за голенища, ожег коня. Гнедой помчал по немощеной широкой улице. Краем глаза Сварог еще заметил остолбеневшего на крыльце ратуши бургомистра, но помахать ему рукой уже не успел.

Они скакали прочь из города, гиканьем распугивая встречных. Встречные дисциплинированно шарахались к стенам и заборам, не пробуя никого задержать – и вряд ли что-нибудь соображая.

С габеларом, торчавшим на окраине, хлопот не было никаких – слышав гром копыт и вопли, он загодя спрятался за пустую бочку и притворился, что его тут вовсе и нет. Мимо него промчались на всем скаку и неслись галопом

по тракту минут пять. Потом Сварог натянул поводья, свернул в лес, спрыгнул и закинул уздечку на сук.

– Почему стоим? – спокойно спросила подъехавшая Мара.

– Буду вас переодевать, – сказал Сварог. – Благо бургомистр за нами погоню не пошлет и время есть. По нашу душу скачут синие мушкетеры в неизвестном количестве, о чем уже извещены господа губернаторы. Вот я и решил, что нам гораздо приличнее будет щеголять в мушкетерской форме. Пока догадуются... Насколько я помню, за такое самозванство по закону что-то суровое полагается, но мы уже столько законов нарушили... Между прочим, принцесса, погоней командует ваша сводная сестренка.

– Ну она же не знает... – грустно усмехнулась Делия.

– Конечно, не знает, – сказал Сварог. – Не стоит сразу думать о человеке плохо. И ее гвардейцы, я уверен, отличные ребята. А это еще хуже – потому что они костями лягут, чтобы исполнить свой долг, но нас-то это никак не устраивает...

– Почему мы так спешим? – тихо спросила у него Делия. – Я вовсе не отказываюсь плыть в три королевства, но Леверлин говорил, что *это*... что оно через несколько дней исчезнет само. Многие сообразят наконец, в чем дело, нас перестанут ловить, и мы сможем ехать спокойно. В конце концов, можно найти надежное место и переждать.

Сварог почувствовал жгучий стыд – за тех, кто его сюда послал. Она была умна. И предлагала дельную вещь. Но ей никак не следует знать, что заоблачные интриги, если подумать, ничуть не сложнее и не благороднее тех, что плетут внизу. В чем-то заоблачные примитивнее даже. И победу, как тысячу раз случалось в истории и тысячу раз еще случится, позарез необходимо подогнать к торжественной дате, к празднику. И все потери заранее разрешено считать неизбежными...

И самое грустное – если рассказать ей правду, она наверняка все поймет и отсиживаться в лесной сторожке не станет. Не та девочка. Только вот язык не поворачивается. Старинную легенду-предсказание о Сером Рыцаре и Златовласой Принцессе, яркую, красивую, романтическую, язык не поворачивается опаскудить скучными позднейшими примечаниями о буднях секретных служб и придворных интригах. Интересно, сколько у Сварога было предшественников, рассуждавших точно так же? Видимо, немало – потому что красивых легенд о романтическом прошлом так и осталось не в пример больше, чем скучных мемуаров, срывающих покровы, маски, расставляющих все точки...

– Мы не можем ждать, – сказал он, уставясь на свои сапоги. – Никак не можем...

Делия кивнула и ничего больше не спросила. Сварог устало обрадовался ее молчанию. Зря радовался. Потому что заговорил Леверлин:

– Мы все дальше удаляемся от харланской границы...

– Вот именно, – кивнул Сварог. И решил: – Как ты сам думаешь – подпустят нас к харланской границе? Или к рубежу Вольных Маноров?

– Да нет, – сказал Леверлин довольно спокойно. – Эти границы и обложат в первую очередь. А посему... Тебе не кажется, что нам все же следовало бы знать твои планы на ближайшее будущее? – Он усмехнулся. – Думаю, все присутствующие и так понимают, что в нашем путешествии можно и сложить голову. Но, как ни странно, иногда на душе становится гораздо спокойнее и лег-

че, если знаешь точно, где тебе предстоит рисковать головой...

Остальные молчали, но Сварог понимал: они думают то же самое.

– Ну ладно, – сказал он. – Я ведь с самого начала не обещал вам легкой жизни... Нам нужно добраться до Итела. Там у нас будет пароход. Погрузим и лошадей...

– А если реку блокируют? – спросил Шедарис.

– Это против правил, – сказала тетка Чари. – Середина реки свободна для судоходства, – и тут же понурилась: – Правда, можно подыскать и параграф, по которому допускается... В Морском кодексе их пруд пруди.

– И в «Законоуложении о королевских преступниках» не меньше, – сказал Леверлин. – Учитывая, что ни одно посольство за нас не вступится...

– Если река перекрыта, высадимся на берег, – сказал Сварог. – Прижмут к Ямурлаку – пойдем через Ямурлак, не такие уж страшные места, скорее скучные. (Бони энергично закивал).

– А если нас прижмут к Хелльстаду?

После короткой паузы Сварог сказал:

– Тогда пойдем через Хелльстад. Я там уже был – и жив, руки-ноги целы. Выбора-то нет, господа мои, никого я не держу...

– Ну и пойдем через Хелльстад, – безмятежно сказала Мара. – По-моему, предсказатели свое дело знали. Если уж там написано, что Серому Рыцарю вкпе с принцессой суждено дойти и избавить...

То ли она по младости лет не боялась и Хелльстада, то ли все великолепно рассчитала – после девчонки, готовой идти навстречу любым опасностям, трудно как-то признать себя трусом.

– И все-таки Хелльстад – это, знаете ли, Хелльстад... – пробормотал Леверлин. – Вот если бы было написано, что и спутникам Серого Рыцаря суждено добраться...

– И что характерно, я никого не принуждаю, – буркнул Сварог.

– Ну вот что, – решительно сказала тетка Чари. – Кто не рискует, не ездит в карете четвериком. Гербы, они так просто не даются...

Бони молодецки шваркнул каталану оземь:

– И живем мы один раз... Хочу герб. И лягу костьми. Хотя, конечно, лучше бы и герб заработать, и костьми не лечь, – он с вызовом уставился на Шедариса.

Тот покривил губы:

– Если пошел такой расклад, мы не трусливее деревенщины...

– Влип я с вами, – грустно сказал Паколет. – Воровал бы себе по мелочи, так вы в легенду тащите...

Сварог, стараясь делать это незаметно, облегченно вздохнул.

Глава 3

Берег правый, берег левый

Сварог, широко расставив ноги, смотрел с пригорка на великую реку. Ител смогуче струил воды, и другой берег был далек, на той стороне крохотной полосочкой зеленели леса, и от реки, спокойной, изначальной, явственно веяло мудрым равнодушием к суете суши. Попробуйте победить воду... Ее можно разложить на кислород и водород, вскипятить, заморозить, выпить – но все это будут булавочные уколы, мелкие пакости. Потому что все реки впадают в море, а море можно высечь, если в коронованную голову взбредет такая фан-

тазия-дурь, но даже бог, не самый слабый, не сумел некогда выпить море. И Морские Короли, сдается, вовсе не были Королями Моря...

Таковы уж реки, особенно великие, – они, гипнотизируя, незаметно погружают в философические раздумья. Освобождаясь от наваждения, Сварог пошевелился, топнул ногой и промурлыкал неведомо откуда привязавшееся:

*А вот они условия,
а вот она, среда,
а в общем, для здоровья
полезны холода...*

И задумался о вещах практических. Он был чуточку горд собой. Правда, ни в одном языке нет звучного, емкого и похвального определения для человека, сумевшего хорошо руководить долгим бегством... Но делу это не мешает. Пока что им все удавалось, только три лошади из двенадцати потеряли подковы и их пришлось оставить, потому что в тороках драгун не нашлось ни подковых гвоздей, ни нужных инструментов, а Сварог их делать не умел. Да еще Паколет немилосердно натер задницу так, что скакал, стоя в стремях. Зато ни одного коня они ухитрились не загнать. Четырех самых плохих поменяли в первом же городке после Гутиорса, попавшемся на пути, влетев туда как вихрь и так торопя местного бургомистра грозным рыканьем вперемешку с заверениями, будто они и есть часть отряда Арталетты, что бедняга, должно быть, опомнился не раньше, чем бешеная кавалькада напрочь исчезла из виду и на большой дороге осела поднятая копытами пыль.

Еще два городка они миновали на рысях, выпрашивая семенивших следом бургомистров, не появлялись ли здесь искомые беглецы. Выяснилось, что в одном городке ничего подозрительного усмотрено не было, зато в другом обалдение от нежданно грянувшего шаррима достигло должного пика, обернувшись приступом шпиономании: бургомистр, пыхтя, успел поведать Сварогу, что отдельные бдительные граждане углядели в поле небольшой отряд горротских кавалеристов в полной форме, ускакавших после произведенного в их сторону неприцельного мушкетного выстрела. Сварог прокричал, что благодарит за службу и приказывает бдительно далее, но про себя лишь посмеялся – в здешних краях, удаленных от Горрота на тысячи лиг, зрелище горротских кавалеристов в полной форме повинно было проходить по ведомству белой горячки.

После второго городка он приказал сворачивать в лес и забирать на полуденный закат, подальше от больших дорог. Не стоило зарываться. Преследователи меняли лошадей гораздо чаще и очень скоро должны были узнать о своем «авангарде». И тогда неминуемо поступит новый приказ – допустим, предписывающий задерживать любых синих мушкетеров, если только с ними нет Арталетты. Сварог мог, конечно, придать облик Арталетты Делии, но предугадать все каверзы невозможно: скажем, в отряде настоящей Арталетты эталон подлинности мог служить невероятно усатый сержант или какой-нибудь рыжий горнист...

Вряд ли осталась без должного внимания выдумка Сварога, с помощью которой он захватил самолет. И поскольку в его положении для надежности следует предполагать самое худшее, допустить, что их будут выслеживать с помощью магии, вроде бы повсеместно запрещенной, искореняемой и преследуе-

мой, но упорно и нежданно вновь и вновь являвшей себя миру в самых разных обличьях и по самым разным поводам...

Основания для таких тревог имелись. Несколько раз Сварог испытывал странные и неприятные ощущения, он не смог бы описать их словами. Но именно эта странность, пугающие нахлывы необъяснимого, то заставлявшие затылок деревенеть, то ледяным обручем стискивавшие грудь, как раз и позволяли верить, что это не родилось в его мозгу, а пришло извне. То, что магия не могла причинить ему вреда, еще не означало, что его нельзя выследить с помощью магии...

Однажды Мара пожаловалась на схожие ощущения. Паколет молчал, однако пару раз оглядывался что-то очень уж испуганно, когда бояться вокруг было нечего...

Остаток дня, весь следующий и утро очередного они пробирались без дорог, выдерживая направление по компасу. Два раза натыкались на дровосеков-углежогов, безвылазно сидевших в чащобе второй месяц и оттого слыхом не слыхавших о городских развлечениях вроде шаррима. Один раз сами вспугнули кучку всадников в зеленом, моментально припустивших в дубраву и потому вряд ли принадлежавших к породе тех, кто преследует.

И вышли к Ителу. Куда именно вышли, никто не знал, но погрешность была небольшая – лиг пятьдесят в ту или другую сторону...

Ощувив рядом чье-то присутствие, обернулся, но Мара, как и следовало ожидать, успела бесшумно подобраться вплотную. И невинно щурилась, глядя снизу вверх и случайно якобы касаясь бедром.

– Гарнизон? – спросил Сварог официальным тоном.

– Сидит под деревом при выставленном часовом и травит байки для поднятия воинского духа. Повелитель мой, нет ли у нас получасика свободного времени? – Она оглянулась на густые заросли орешника и потянулась с мечтательной улыбкой, полузакрыв глаза. – Для жутко конфиденциального разговора...

– Нет у нас получасика, – сказал Сварог. – И вообще, суровые условия походной жизни...

Мара прищурилась:

– Между прочим, когда мы ночевали на заброшенной ферме не далее как вчера, наша златовласка и граф нашли способ скрасить суровые походные будни. О вдове боцмана и ее воздыхателе я и вовсе умолчу, как девушка скромная и застенчивая. Окружающие опасности лишь возбуждают, милорд...

– То-то ты всю ночь вертелась, – сказал Сварог задумчиво. – Под нашим общим-то плащом. Я думал, бдишь...

– Следовало бы догадаться. Но ты был настолько угнетен лежащим на твоих плечах грузом ответственности...

Сварог тяжело вздохнул:

– Ты хоть понимаешь, что мы, голову даю, пойдем через Хелльстад?

– Тем более. – Мара гибко прильнула к нему и зашептала на ухо: – Да не заводи ты себя, дурак, мы ведь везучие, вся банда. Мы притянули друг друга, как магнитики, а это неспроста, великие дела обещает...

И странный образ возник перед ним на мгновение – непонятный зал, где все красное и черное, и высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, и странные плоские чаши на круглом столе, и холод, холод, пронизав-

ший все вокруг, даже место, занятое Сварогом в пространстве...

Охнув, как от боли, он прижал Мару к себе, словно заслоняя.

Она удивленно отстранилась:

– Что с тобой? Затрясло всего...

– Ничего, – сказал Сварог, опамятававшись от наваждения. – Следующая ночь твоя, разрешаю сделать ее сколь угодно бурной. А сейчас поднимай народ. Идиллически поплывем по речке-реченьке...

Он спустился к самой реке, внимательно посмотрел на спокойную воду у берега, определив, что здесь достаточно глубоко, сосредоточился, зашевелил губами, старательно повторяя не столь уж сложные слова, служившие, собственно, чем-то вроде детонатора, запускавшего неведомый сложный механизм. В конце концов, многие ли из тех, что выключают свет в доме, представляют хотя бы чуточку сложность электромагнетизма и двойственную природу электрона? Если вообще слышали о том, что электрон двуличен...

Темное облако возникло над берегом и тут же взорвалось во все стороны невесомыми тучами снежинок, таявших еще в полете. Гулкий, тугой всплеск сотряс воду, взлетели брызги, окатившие Сварога, попавшие за шиворот, в сапоги. Он отпрыгнул, выругав себя за неосторожность.

А на воде уже слегка покачивался колесный пароход с перекинутыми на берег широкими сходнями – синий с двумя красными полосами, высокой черной трубой, увенчанной затейливо вырезанным раструбом из толстой жести, красными кожухами гребных колес, начищенной медью на капитанском мостике и высокой мачтой с тремя зарифленными прямыми парусами. Звался он «Принцесса» (определенно шуточки Брагерта), и под косым бушпритом сияла свежей позолотой фигура девушки в старинном платье и короне, выполненная в старинном же стиле знаменитой мастерской Итилосо Лаваронского. На носу красовалась «чертова флейта» – стандартная военно-морская ракетная установка с пятью направляющими в виде разрезанных вдоль труб, снабженными огромными колесцовыми замками. Две пушки у бортов, пулемет на мостике, корму ограждает высокий фальшборт – как и было задумано на всякий случай, места для лошадей хватит. Флагшток гол – но где-то на мостике есть флаги на все случаи жизни. Чистенький и новенький, как игрушечка, пароходик, похожий и на патрульное судно речной охраны, и на ганзейский гукор[67]. Одна беда – прежний план предусматривал наемных кочегаров, а теперь придется управляться собственными силами...

«Принцесса» стояла правым бортом к берегу. Якорь опущен – или, как это говорится, отдан. Пытаясь вспомнить, как по-морскому именуется правый борт, да так и не вспомнив, Сварог взбежал по трапу, поднялся на мостик, уважительно оглядел высокий штурвал со множеством пузатеньких ручек, массивный компас, сверкающую воронку переговорной трубы, ведущей в машинное отделение. Заглянул в высокий шкафчик: в нижнем отделении стояли свернутые в трубочки флаги, в верхнем лежали судовой патент и прочие бумаги. Поразмыслив, он выбрал флаг Ганзы – авось не узнают и не обидятся, а если обидятся, переживем, – поднял его на флагштоке, заполнил соответствующим образом документы. Одежду вновь придется менять – ронерские синие мушкетеры выглядят столь же нелепо на ганзейском корабле, как ганзейские матросы на страже возле опочивальни Конгера. Значит, снова придется возиться. Сварог, мужской и дамский портной, а учитывая и Делию, еще и по-

ставщик двора...

Он оглянулся. Странная Компания в полном составе – один Шедарис отсутствовал – сгрудилась на берегу, восхищенно разглядывая «Принцессу».

– Ну, соколики, каков пароход? – молодецки подбоченившись, крикнул сверху Сварог. – Ведите лошадей! Адмирал командует отплытие!

– Отход, – громко поправила тетка Чари.

– Разговорчики, боцман! – крикнул Сварог весело. Ему не пришлось встречать с фамильными заклинаниями Гэйров – строевые кони повиновались без особых капризов. Их тщательно привязали к ввинченным в планшир кольцам, и Сварог распорядился:

– Мара – к машине. Паколет шурует уголек. Вам тоже придется поработать лопатой, любезный граф, потому что Шедариса я поставлю к «флейте», а Бони к пулемету...

– Впервые сожалею об отсутствии военного опыта, – хмыкнул Леверлин.

– Поэтам полезно изучить изнанку морской романтики, – безжалостно сказал Сварог. – Насколько я помню, во дворце у Грайне ты как-то растапливал камин, так что справишься. Общие принципы те же. Тетка Чари – к штурвалу. Я, как вы понимаете, командую, то есть с решительным видом стою на мостике.

– А я? – спросила Делия.

Сварог подумал и заключил:

– Вы тоже стоите на мостике, но вид у вас не столь решительный, потому что у вас нет офицерского чина, а я, как-никак, лейтенант лейб-гвардии... По местам. А я пока что займусь портняжным ремеслом.

Когда он закончил и поднялся на палубу, из трубы уже поднимался дымок, на глазах густевший, ветерок сносил его на берег – поэт с прохвостом шуровали на совесть, да и уголек был отборный. Сварог склонился к надраенной медной воронке и, надсаживаясь с непривычки, заорал с нее:

– Как дела?

В ответ раздался почти неузнаваемый голос Мары:

– Еще квадранс – и можем ехать.

Наверху, на берегу, раздался пронзительный свист, сделавший бы честь Соловью-разбойнику. Кони вскинулись, прядая ушами. Сварог показал Бони на пулемет, бросил тетке Чари: «Поторопите кочегаров, кто его знает...», сбежал по сходням, поднялся вверх по пологому откосу, пробежал уардов пятьдесят меж редкими соснами и, жадно хватая ртом воздух, кинулся бегом на вершину довольно высокого и крутого холма, где стоял Шедарис.

Капрал застыл статуей, прижимая к глазу подзорную трубу. Сварог привез ее с собой из-за облаков, и она, ничем не отличаясь с виду от изделий земных мастеров, была раз в десять сильнее любой харумской.

– Что там? – тронул Сварог за плечо напрягшегося капрала.

Тот протянул трубу:

– Левее солнца, левее тех двух горюшек, правее распадка, у самого горизонта...

Сварог довольно долго водил трубой, пытаясь привязаться к перечисленным Шедарисом ориентирам. Поймал место. У самого горизонта четко выделялись на зеленой равнине синие крапинки. Они двигались, они порой отбрасывали мгновенные, ослепительные солнечные зайчики – так сверкает солн-

це на стволах мушкетов и отполированных рокантонах, так сияет только амуниция отборных гвардейских полков, начищенная с особым рвением и шиком...

Сварог прикинул расстояние и махнул рукой, опустив трубу:

– Даже галопом до берега – не менее получаса. До них лиг пятнадцать, и галопом они не смогут, кони наверняка устали...

– Не в том дело.

– А что тебе не нравится?

– Тебе не кажется, что они идут очень уж целеустремленно? – спросил Шедарис, наедине всегда называвший Сварога на «ты». – Прямо по нашему следу, сдается...

– Собаки? – предположил Сварог без всякой уверенности.

– Хотелось бы думать... Только не похоже, командир. Что-то не слышал я про собак, натасканных на следы подков. Которых к тому же и понюхать не довелось.

– Действительно...

– Знал я на Сильване одного лейтенанта. У него для таких случаев была дощечка, а на дощечке на гвоздике вертелся деревянный барашек. И эта бяшка всегда показывала лбом на беглецов, в ту сторону, откуда крадутся неприятельские разведчики, на близлежащее жильё... Ну, без заклинаний в таком деле не обойтись, конечно, что-то лейтенант знал...

– Он не с ними, случайно? – хмыкнул Сварог.

– Да нет, – серьезно сказал Шедарис. – Случилось одно жаркое во всех смыслах дельце, сгорели вместе с домом и лейтенант, и барашек. Один там рылся потом, да где уж, все – в головешки... Может, таких барашков или иной пакошти по свету много разбросано?

– Может, – сказал Сварог с сердцем. – Хороших вещей на свете всегда мало, а этакой дряни...

Он поднял трубу, на сей раз не в пример быстрее отыскав синие крапинки. Они почти не увеличились и вряд ли шли галопом, но двигались столь же целеустремленно. Сварогу поневоле вспомнился глорх-болтун и собственные следы, тут же высвечивавшиеся в виде черных аккуратных отпечатков...

– Ну, если они и в Хелльстаде не отцепятся... – начал он, спохватился и умолк.

– Ну что ты, командир, как истеричная дама, – усмехнулся Шедарис одним ртом. – Ясно же, что идти нам непременно через Хелльстад, все настроились, не бойсь...

– Пошли, – сказал Сварог и стал спускаться с холма.

Шедарис ничуть не удивился возникшему из воздуха пароходу – равнодушно, привычно протопал по сходням и надолго прилип к ракетной установке, поворачивая ее во все мыслимые положения, опуская и поднимая замки.

Тетка Чари пребывала на мостике в полном одиночестве, поворачивая вентиляционные трубы, напоминавшие кобр с раздутыми капюшонами.

– Это вы зачем? – спросил Сварог.

– Ох... Вы ж говорили, что умеете управлять этой посудинкой.

– Штурвал крутить смогу, – сказал Сварог. – И знаю, где что дергать у машины.

– То-то и оно... Трубы надо поворачивать по ветру, чтобы не загасило топ-

ку...

Сварог сконфуженно пожал плечами – ну да, обретенные магическим путем знания порой зияли пробелами, можно мгновенно обучиться стрелять из пулемета, но нельзя мгновенно стать опытным стрелком... Спыхватился:

– А где принцесса? И Бони?

– Я их погнала вниз. Пусть пошуруют, пока не разведем пары.

– Ох... Бони еще ладно...

– А что? Девка крепкая, с охоты не вылезает, и откормлена лучшими харчами. Вчера на нас с Шегом на ферме, где ночевали, чуть не до утра с потолка пыль сыпалась. Их высочество с графом на втором этаже расположились, а мы, как легко догадаться, на первом...

– Нет у вас почтения к аристократии, – грустно сказал Сварог.

– Голубчик, мы у Инбер Колбта герцога по доске за борт отправили. Спроводили, только пузыри пошли, в точности такие, как от простого народа бывают...

На палубе появились Бони и Делия, густо припорошенные угольной пылью.

– Простите, принцесса, обстоятельства... – сказал Сварог, пытаясь не рассмеяться.

Делия бросила с великолепной небрежностью:

– Я нахожу, что попасть пикой в кабана на всем скаку гораздо легче, нежели углем в неподвижную топку... Не удручайтесь, милорд. Было очень романтично.

– И вашим будущим биографам не придется высасывать из пальца колоритные детали, – сказал Сварог, откровенно улыбаясь. – Идите переодевайтесь, господа. Отваливаем.

Минут через пять все уже щеголяли в зеленой с черными рукавами форме ганзейских моряков. Сварог сдвинул на затылок твердый кожаный лангглантан с медным гербом Ганзы и золотым капитанским шитьем, приосанился и гаркнул:

– Самозванцы, вперед!

Бони с Шедарисом убрали сходни, перешли на нос и налегли на брусья кабестана. Заскрежетала цепь, из воды показался новехонький якорь, течение стало понемногу разворачивать корму, относя пароход от берега.

– Куда? – спросила тетка Чари.

– Вниз по реке, – сказал Сварог. – До границы Вольных Майоров рукой подать, и если нам там устроили западню, мы это быстро обнаружим...

Тетка Чари прокричала команду в воронку. Колеса дрогнули, пошли на первый оборот, плицы замолотили по воде, слегка забеспокоились лошади – и «Принцесса» величаво (как хотелось думать Сварогу) двинулась вниз по реке. В лицо повеяло прохладным ветерком, и в жизни словно бы прибавилось смысла – вода всегда ассоциируется со свободой, на воде не бывает шлагбаумов и волчьих ям, хотя засад хватает...

– Вообще-то декорации довольно идиотские, – сказала тетка Чари, ловко перехватывая пузатенькие рукоятки штурвала. – Ганзейская посуда, везущая десяток лошадей под седлами военного ронерского образца... Впрочем, чего только ганзейские корыта не возят, мы однажды перехватили одно с породистыми кошками в клетках, груз с Сильваны для знатных дам. Пришлось за-

брать судовую казну и отпустить восвояси. Кошечки, конечно, стоили больших денег, да везти их, чтобы продать, – вовек потом от шуток не отмоешься...

– Нам бы только не встретиться с настоящими ганзейцами, – сказал Сварог задумчиво. – Выйдут лишние хлопоты. Те, кто нас ловит, и так опознают под любой маской, сдастся мне...

– Почему вы так решили? – спросила Делия. Сварог ответил вопросом:

– У вас в последнее время не было ощущения, что во дворец запустило коготки постороннее колдовство?

– Нет, – после короткого молчания ответила она. – До этой проклятой ночи ничего подобного...

Сварог сердито фыркнул, но тут же вспомнил, что и люди Гаудина, которых не могло не быть во дворце, ни о чем подобном не доносили. Что Гаудин представления не имел о принцессе-подменше.

– Вот разве что серебряная комната... – неуверенно сказала Делия.

– Какая? – насторожился Сварог на всякий случай. – Что с ней?

– Весь последний месяц в покоях отца обкладывали серебром одну небольшую комнатку. Потолок, пол, стены, внутреннюю сторону двери. Сначала прикрепили тонкие каменные плитки, и не из простого камня, а уж на них укладывали серебряные пластины. На клею из Гарамы. Никто не знает, что туда намешивают гарамцы, но клей – вечный... А окно заплели сеткой из серебряной проволоки, в три слоя, отстоящих друг от друга довольно далеко – там глубокий проем, стены толстенные. Старая часть дворца... Серебряные пластины чуть ли не в джайм толщиной. И это странно.

«Еще бы, – мысленно согласился с ней Сварог. – Чтобы защититься от нечистой силы, хватит и тонюсенького слоя, достаточно просто-напросто посеребрить стены, как серебрят рукояти мечей для небогатых дворян и медную посуду для тех, кто не в силах позволить себе большего, а марку держать хочет. Гальванопластики здесь, понятно, не существует, но сусальное золото и серебрение – не тайна как для честных ремесленников, так и для фальшивомонетчиков. Мудрит что-то Конгер. А с ума он не сошел и всегда знал точно, чего хочет. Чего он хотел на этот раз?»

– А камень был какой? – спросил он.

– Бельзор. Непонятно...

Тетка Чари присвистнула. Сварог растерянно кивнул:

– Действительно...

Бельзор – еще одна разновидность чудо-камней, добываемых на Островах. Добывают его горняки с заткнутыми ушами, и на тамошние прииски с превеликой охотой берут глухих, потому что люди с нормальным слухом долго не выдерживают, несмотря на высокую плату и хитромудрые затычки для ушей...

Бельзор именуют «орущим камнем». Невидный, темно-коричневый с редкими белыми крапинками, мягкий и слоистый, как слюда. Этот минерал был бы совершенно бесполезным, не надели его природа преудивительнейшим качеством. Чтобы высечь из кремня искры, нужно скребнуть по нему железом. Чтобы бельзор издал дикий поросячий визг, достаточно чиркнуть по нему ногтем.

Никто не знает, почему так получается, это самый обычный камень. Должно быть, и Творец любит порой пошутить. Или создавал этот камень с даль-

ним расчетом, неисповедимым для смертных... Легко понять, что работающие с бельзором мастерские располагаются за городской чертой – никаких официальных предписаний на сей счет нет, но любой, вынужденный жить по соседству с таким заведением, подожжет его через неделю и непременно будет оправдан в суде...

– Значит, ваш папаша хочет там устроить сокровищницу, – сказала тетка Чари. – Только и всего. Где же еще применяют бельзор, как не в «денежных комнатах»?

– У нас прекрасная сокровищница, – покачала головой Делия. – Прадед достроил. Она и без того выложена бельзором, за девяносто лет туда ни один вор не смог забраться. Правда, дедушкин министр финансов украл пару миллионов – но путем махинаций с документами, а это совсем другое...

– Интересно, что ваш дедушка с ним сделал? – фыркнул Сварог.

– Шкуру содрал, конечно, – безмятежно сказала Делия. – Дедушка был крут.

– Содрал в прямом смысле или в переносном?

– В обоих. Так что не удивляйтесь, милорд, моей стойкости в борьбе с невзгодами. У меня великолепная наследственность. Кто-то из первых Баргов, кажется Могарек, месяц прятался в лесной хижине, питаясь сырыми зайцами и молодым крыжовником, но своего часа дождался и столицу отвоевал назад... Но все-таки, как вы думаете, зачем отцу такая комната?

– Я вижу единственное объяснение, – сказал Сварог. – Ему нужна была комната, где в стене не сделаешь незаметно дырочку.

– Это и так ясно, – пожалала плечами Делия. – Но зачем?

– Чтобы не просунули трубочку, не прыснули ядом...

– Глупости, – сказала она. – Отыщется сотня случаев подсунуть яд проще и незаметнее... Странно...

– А знаете, что лично мне кажется странным? – спросила вдруг тетка Чари.

– Что?

– Полнейшая пустота на реке. Ни единого суденышка.

– Этот чертов шаррим...

– Шаррим, между прочим, не должен распространяться на середину реки, поскольку там – нейтральные воды. Мы – на самом кратком речном пути, соединяющем закатный и несходный берега континента. Обычно здесь не протолкнуться от иностранных судов. Раз двадцать приходилось проплывать по Аки и Рону и всегда стоит чуть ли не толчея... А сейчас – пусто, словно проплыл Великий Кракен. Или согласно девятому параграфу Кодекса о речном судоходстве перекрыты ронерские границы. Особые условия, дающие право на исключения... – Она повернулась к Бони. – Ступай-ка ты, соколик, в кочегарку. Посиди там, вдруг понадобится выжать полный пар. А с пулеметом и командир справится.

– Я в истопники не нанимался... – слабо, скорее для самоутверждения, ерепенился Бони.

– Принцесса тоже не нанималась – и ничего, кидала. Марш!

Бони потащился вниз. Микрофоны, осенило Сварога. Выложенная бельзором комната – прекрасная защита от любопытствующего нахала, которому вздумается продырявить стену тонюсеньким сверлом и просунуть микрофон на тонюсеньком проводке... Стоп! Земные разведки микрофонами не располагают пока что. А для восьмого департамента микрофоны с проводами – поза-

вчерашний день. И если Конгер ухитрился неведомыми способами дознаться о существовании микрофонов, мог заодно и узнать, что они бывают без проводов, так что любой бельзор будет бессилён... Действительно, странно. Ладно, это проблемы Конгера, тут со своими бы разделаться...

– Накаркала я, – без выражения сказала тетка Чари.

– Что? – встрепенулся Сварог.

Она кивком показала вперед.

Над горизонтом, где зеленоватая вода сливалась с голубым небом, создавая некое подобие лоранского флага, меж крутыми, обрывистыми берегами, взметнувшимися на добрую сотню уардов, чернело шесть дымков с разлохмаченными вершинами, в равных почти промежутках протянувшихся поперек реки.

– Торжественная встреча, – сказала тетка Чари. – Медяшка надраена, пушки заряжены...

– Может, совпадение какое? – уныло предположил Сварог, сам в совпадения не веривший.

– Когда шесть вымпелов поперек фарватера? Голубчик, нас в лихие времена столько раз ловили и поджидали в засаде, что я такие вещи спиной чувствую. – И вопросительно взглянула на него, понимала субординацию насквозь и оттого не стала ничего предлагать сама, оберегая авторитет командира. Правда, единственными свидетелями их разговора были капрал и Делия, но это ничего не меняло.

– Полный вперед, – сказал Сварог. Перехватив ее неодобрительный взгляд, пожал плечами. – Лучше уж убедиться поскорее. Если что, быстренько повернем, а буде окажется, что и вверх по течению приготовлена столь же теплая встреча, причалим к тому берегу и поскачем на отдохнувших лошадках...

– И весело поедем в Хелльстад? – тихо спросила Делия. – Потому что другого пути просто не будет...

– И весело поедем в Хелльстад, – сказал Сварог, подвигал пулемет на громоздком станке, вверх-вниз, вправо-влево. – Шег, без команды не стрелять!

– Понял, – бросил капрал, не оборачиваясь. Он уже уложил в желоба ракеты и замер, хищно пригнувшись, держа обе руки на огромных барашках поворотных винтов.

Сварог, вытянув шею, взглянул на головки громоздких ракет. Покрутил головой. Капрал уложил одну с красным оперением и три с желтым. Красное оперение означало картечь, а желтое – «гаррогельский огонь», студенистую адскую смесь, браво горевшую даже на воде, нечто вроде здешнего напалма. Шедарис готовился воевать обстоятельно и серьезно, на совесть отрабатывая будущий герб...

Проследив направление его взгляда, тетка Чари хохотнула и заунывно процитировала:

– «Применение „гаррогельского огня“ судном, не входящим в состав военных флотов держав Виглафского Ковенанта, влечет за собой причисление означенного судна к пиратским независимо от флага и обстоятельств применения. Экипаж поголовно карается повешением или пожизненными каторжными работами». Вот не думала опять попасть под пятый параграф...

– Со мной вас всех ждет масса удовольствий и острых ощущений... – задумчиво сказал Сварог, выругав про себя отвечавшего за боеприпасы «Принцес-

сы» Брагерта. Ну, в конце концов, не выбрасывать же за борт «желтоперки»?

На душе у него стало скверно. Беспокоила не засада как таковая, а выбранное для нее место – аккурат лигах в трех от того места, где беглецы вышли к реке. Снова совпадение? Бабушке вашей скажите...

Он взял подзорную трубу, раздвинул во всю длину. Дымки из тонких ниточек стали уже канатами.

Шесть больших пароходов стояли на якорях, развернувшись форштевнями против течения, навстречу беглецам, – внушительные военные корабли с двумя пушечными палубами, выкрашенные в бледно-зеленый цвет, чтобы сливались с волнами для взгляда далекого наблюдателя. Кормовых флагов Сварог не видел, однако и так не сомневался, что корабли – ронерские.

Пожалуй, были серьезные шансы проскочить с разгона меж любыми двумя и пересечь ронерскую границу, прежде чем крейсера снимутся с якорей. Паровая машина на «Принцессе» самую чуточку совершеннее харумских, уголь самый качественный...

Но мешает немаловажное препятствие – нынешний экипаж «Принцессы» не способен на лихие гонки. Кочегары из людей Сварога никудышные, они быстро устанут, и оторваться от крейсеров не удастся, и неизвестно, сколько еще засад впереди, а до моря – добрых полгоры тысячи морских лиг, то есть вдвое больше сухопутных... Харланская речная граница наверняка перекрыта еще тщательнее. Словом, все дороги ведут через Хелльстад...

Все это молниеносно пронеслось в голове у Сварога, пока «Принцесса», браво вспенивая воду, прошла полсотни морских уардов.

– Сигнальные флаги есть? – спросила тетка Чари.

– На веревках меж...

– На кораблях веревок нет, – машинально поправила она. – Тросы, линии, концы, штаги...

– В общем, флагов там только два вида, и оба клетчатые, – сказал Сварог. – Бело-черные и желто-черные.

– Понятно. Сигнал лечь в дрейф... или, учитывая, что мы на реке, – стать на якорь. Иначе будут топить.

– Да? – сказал Сварог, – Ну и хамье... Пусть догонят сначала. Поворачивайте, пора вновь переходить в кавалерию.

Над дымами поднимался синий шар – с одного корабля как раз запускали привязной аэростат. Он вдруг замер, как-то неуверенно дернулся – заметили, бя! «Принцесса» сбавила ход и начала поворот. Под форштевнем третьего слева крейсера что-то багрово сверкнуло, и небольшой предмет – то ли шлюпка, то ли бочка – с шелестящим ревом понесся в сторону «Принцессы», оставляя за собой двойную полосу черного дыма, протянувшуюся над самой водой.

Сварог показал туда, но тетка Чари уже круто положила штурвал на левый борт. Впрочем, новейшее изобретение здешнего военно-морского гения резко замедлило ход, не достигнув цели – кончилось горючее.

Торпед здесь не было по причине отсутствия в обиходе винта. Но пытливая конструкторская мысль отчаянно искала лазейки, голь на выдумки хитра, и кто-то головастый додумался до брандера с ракетным двигателем. Запас топлива был невелик и моментально выгорал, управления не имелось никакого, и все же это оружие неплохо показывало себя, будучи примененным против крупных мишеней, стоящих бортом, на спокойной воде, на короткой дистан-

ции. Однако встречное течение, как Сварог только что убедился своими глазами, враз притормозило «торпеду» и сбило с курса. Видимо, кто-то от излишнего рвения выпалил в божий свет, как в копеечку, не успев толком подумать.

Торпеда, уже не дымя и не грохоча, беспомощно качнулась на воде, течение подхватило ее и кормой вперед понесло к крейсерам. Теперь, когда именно к ним оказался обращен длинный шест контактного взрывателя с перекладиной на конце, там, должно быть, почувствовали себя неуютно – наставала их очередь уворачиваться.

Нет, уворачиваться они не стали – слаженно грохнул залп носовых орудий, сразу же накрывший несчастную торпеду, и ее собственный заряд взорвался с нехилым грохотом, взмыл пенный фонтан, волна от взрыва кинулась догонять «Принцессу», но безнадежно отстала. «Принцесса» неслась на полном ходу, явственно задирая нос, как в переносном, так и в прямом смысле, крейсера, уже снявшиеся с якоря, маячили далеко позади. Шедарис, оказавшийся не у дел, торчал у перил по левому борту, далеко высунувшись над водой и глядя назад. Делия тоже смотрела назад с чрезвычайно азартным видом, словно спокойно сидела на ипподроме. Только Сварогу некогда было глазеть на погоню, он лихорадочно размышлял, гадая, есть ли у засады связь с конной погоней и сколько людей может оказаться у Арталетты. Там, на берегу, не удалось сосчитать хотя бы приблизительно. Вряд ли особенно много, не больше платунга. Большому отряду трудно передвигаться галопом, он неминуемо станет растягиваться, да и кормить коней, менять их большому отряду гораздо труднее...

– Ага! – воскликнула тетка Чари.

– Что? – очнулся Сварог.

Она показала на гребень обрыва, где торчал высокий столб, раскрашенный в красно-белую полосу:

– Помню я этот маяк. Сначала проглядела впопыхах, а теперь понятно, где мы есть (Сварог торопливо развернул перед ней карту). Вот тут примерно. Масштаб, правда, мелковат, но определенно мы где-то здесь...

– Отлично, – сказал Сварог. – Значит, до хелльстадской границы всего ничего.

– Тьфу ты, вот не думала, что придется мне такому факту радоваться...

– Между прочим, с капитаном Зо я познакомился как раз в Хелльстаде, – сказал Сварог.

– По реке-то и мы в Хелльстаде ходили, – вздохнула тетка Чари. – И на «Беспутной русалке», и на «Морском крокодиле». На воде безопасно, хоть и маячит по берегам... всякое. Иногда. А порой – одно сплошное благолепие, тишина и красивые пейзажи... Командир, не пора ли к берегу? А то впереди показалось что-то, ужасно смахивающее на дымки...

– Берег крутой, – сказал Сварог, напряженно вглядываясь в откосы. – Рано, коням не взобраться. Понесло же меня мерить реку в длину...

– Нужно же было рискнуть. Никто не знал про засаду.

– Положительно, господа, мне хочется подраться, – вмешалась Делия. – Бежим, бежим...

– У вас в этом мире другое предназначение, принцесса, – терпеливо сказал Сварог, не отрывая взгляда от берега. – Да и не стоит драться при таком соотношении сил, сплошной позор получится, право...

Дымки впереди росли, да и крейсера сзади не отставали. Сзади ударила

пушка – опять-таки от чистого усердия, бомба впустую рванула над водой. Конни затопотали, прижимая уши. Наконец Сварог увидел справа вполне подходящее для конного десантирования место и показал туда. Склонился к переговорной трубке, заорал, надсаживаясь с непривычки:

– Глуши машину! Все наверх! Приехали!

Снизу высыпали перемазанные кочегары, крайне обрадованные окончанием аврала. Следом показалась Мара, тоже порядком припорошенная угольной пылью.

– Когда все сойдут, откроешь кингстоны, – бросил ей Сварог.

Не стоило смущать преследователей зрелищем парохода, растаявшего подобно призраку. Так что «Принцессу» ждала участь крейсера «Варяг».

Пароход ткнулся скулой в берег. Проскрежетала якорная цепь, отчаянно затрещал кожух правого колеса – несколько плиц сломалось, но это уже не имело значения. Бони, не обделенный силушкой, в одиночку перебросил на берег тяжеленные сходни.

Высадка десанта проходила в бешеном темпе, но без всякой суматохи. Шедарис топтался у ракетного станка, ему ужасно хотелось пострелять напоследок, и Сварог его вполне понимал – довольно унижительно бежать столь долго, так ни разу и не огрызнувшись...

Оглянулся. Крейсер, подходивший сзади, дымил лигах в двух, а подходившие спереди были еще дальше. Ну не ждать же их специально, чтобы доставить себе удовольствие? Особенно если учесть, что пушек и ракет там не в пример поболее, и хватает своих азартных парней.

Решительным жестом Сварог приказал капралу убираться на берег. Тот подчинился, оглянувшись горестно на новехонький ракетный станок, так и не побывавший в деле. По сходням прочапал копытами последний конь, палуба опустела. Сварог кивнул, и Мара скрылась в трюме. Крейсер, пеня воду, целеустремленно пер к ним. Дымки впереди тоже приближались со всей возможной резвостью, но погоня, как ни понукали там кочегаров, оказалась в ремизе.

Из люка выскочила Мара, подняла большой палец. Столь знакомый жест, оказавшийся седой древностью таларского происхождения, отчего-то огорчил Сварога, и он грустно подумал, что капитаном ему довелось пробыть всего ничего. Но не было времени лелеять печали, палуба ощутимо кренилась, а он не собирался доводить капитанский гонор до абсурда, отправившись на дно вместе с кораблем. Подтолкнул Мару к трапу, схватил Доран-ан-Тег, сбежал на сухую каменистую землю, вскочил в седло. Над рекой пронесся тягучий шипящий свист снаряда, и неподалеку от уходящей под воду «Принцессы» взлетел белопенный столб – настырный крейсер из последних сил пытался – достать, но безнадежно проиграл этот раунд.

Глава 4

Граф, который чтит традиции

Сварог погнал коня наугад, ориентируясь по солнцу и забирая к хелльстадской границе, от которой их отделяло лиг пятьдесят. Странная Компания браво неслась в неизвестность, нахлестывая коней. Они долго скакали по перелескам и равнинам, ненадолго переходили на рысь и вновь пускались галопом. Сварог начал беспокоиться за коней, пора было дать им роздых, но тут показали наконец поля с пожухлой стерней, выгоны, окруженные заборами

из толстых жердей, утопанные скотом дороги, а там и большая деревня в низине, за которой чернел на холме господствующий над окрестностями пятибашенный замок – три башни пониже, две повыше, вокруг подножия холма идет вторая, внешняя стена с бастионами.

– Это еще что такое? – удивился Сварог. – Стены...

Он помнил, что лет сто назад кто-то из тогдашних Баргов, голубиной кротостью примерно равный Конгеру Ужасному, задумал извести под корень магнатские амбиции и в борьбе с буйной титулованной вольницей издал указ о сносе всех частных укреплений, проводя его в жизнь с помощью тех громахающих штук, что и в этом мире исстари считались последним доводом королей. За свои новшества в области архитектуры он удостоился в конце концов то ли мушкетной пули, то ли отравленного пудинга, но наследный принц, оказавшийся пареньком решительным, продолжил дело, и стены замков были скрыты. Но этот, на холме, был укреплен по всем правилам, однако маловат для государственной крепости...

Делия поняла его недоумение:

– Здесь, в Заречье, на границе с Хелльстадом, Чоррийский указ не действовал. Стены и прочие укрепления местным дворянам разрешили оставить. На всякий случай, все-таки пограничье...

Сварог вспомнил свою знакомую хелльстадскую змеюку, подумал, что в Хелльстаде могут отыскаться твари и почище, с сомнением покрутил головой. Нет, стены – защита весьма проблематичная. Впрочем, есть еще Волчьи Головы...

– Если это поместье – здесь есть лошади, – сказал он. – Каковых можно купить... или обрести иными методами, в нашем положении вполне простительными.

– Золотые слова, – поддакнул Бони, погладив приклад пулемета.

– Замок – это еще и дружина, – рассудительно сказал Шедарис.

– А выбор у нас есть? – прищурилась Мара. – Любую половину дружины я беру на себя. Надеюсь, с другой половиной вы как-нибудь управитесь.

– За что я тебя люблю, так это за твою жизнерадостность, – сказал Сварог. – Оптимизм всегда достоин уважения... А посему едем к замку. Может, все обойдется миром...

И тронул коня, подумав мельком, что форма ганзейских матросов сейчас выглядит довольно нелепо – особенно если матросы эти движутся верхами в противоположном от реки направлении. Но не было времени на очередной маскарад. И вся надежда на дворянскую спесь, на то, что здешний хозяин поможет собрату лауру скрыться от погони, – обитающие на захолустной границе сеньоры на многое смотрят иначе и проще, нежели утонченная столица...

Отыскав стежку, они въехали в деревню, еще издали чуточку удивившую их тишиной и полным безлюдьем. Только кое-где шмыгали кошки. Не видно ни людей, ни какой бы то ни было скотины, собачьи будки пусты, возле них валяются цепи с расстегнутыми ошейниками, ворота хлебов распахнуты, кое-где валяется оброненная впопыхах утварь – миски, кочерга, новый башмак...

– Ну, этого мы навидались, – хмыкнул Шедарис. – Они все ушли в замок. Но никакой противник сюда еще не наехал – все дома целые, а наш брат солдат, попав во вражескую деревню, по детской резвости непременно что-нибудь да подпалит...

– Может, это они от нас спрятались? – предположил Паколет, браво подбоченившись в седле и стоя на стременах, чтобы поберечь стертую задницу.

– Не переоценивай, дружок, себя... – хмыкнул капрал.

Сварог натянул поводья, достал из чехла подзорную трубу и стал обозревать замок. Фортеция выглядела готовой к серьезной осаде – широкий ров, окаймляющий холм, заполнен водой по самую кромку, мост опущен, но на стене над воротами внешней стены маячат двое с алебардами, и возле них лениво поднимается дымок над котлом со смолой. Тому, кто возьмет эту стену, придется немало повозиться и с замком – наступать нужно по довольно крутому склону, с умыслом засаженному высокой травой, даже на вид влажной, скользкой, а также зарослями колючего кустарника. А одно-единственное бревно, пущенное сверху, натворит дел, сметая шеренги наступающих, как кукол...

На внутренней стене курились тонюсенькие сизые дымки – похоже, иные стрелки вооружены старинными фитильными мушкетами. Кое-кто опирается на древки прадедовских алебард с огромными широкими лезвиями, вырезанными самым причудливым образом, со множеством шипов и крючьев. Но виднеются и современные мушкеты, и парочка пушек, а вон и пулемет лежит посередине зубца в форме ласточкиного хвоста...

– Там есть какой-нибудь флаг? – спросила Делия.

– Никакого, – ответил Сварог, не отрывая от глаза трубу.

Рядом с часовыми на внешней стене появился человек в отделанной серебром кирасе и рокантоне с высоким гребнем, украшенным вдобавок щеткой из лошадиных хвостов. Посмотрел на всадников, и, как это часто бывает, возникло ощущение, что они со Сварогом встретились взглядами. Сварог ждал, не опуская трубу, и его терпение вознаградилось: человек в кирасе обернулся к замку, взмахнул длинным мечом, и над главной башней взвился флаг с гербом. Следом толчками взвилось крайне странное знамя: три узких алых вымпела, три черных, три белых. Люди на стенах заорали, махая оружием.

Пожав плечами, Сварог передал трубу Делии:

– Взгляните, принцесса. Может, вам знакомы здешние народные обычаи? Я решительно теряюсь...

Делия трубу не взяла – длиннющие разноцветные вымпелы были отлично видны и невооруженным глазом. Глаза ее округлились, рот приоткрылся совершенно по-детски.

– Жизнь становится все интереснее... – покачал головой Леверлин.

– Да объясните вы! – рявкнул Сварог.

– Это рокош, – сказала Делия. – Старинная разновидность мятежа. Как бы освященного законом, понимаете? Вассал согласно древнему праву может поднять рокош против сюзерена. Сюзерен, разумеется, будет стараться его подавить, но людей бунтовщика в этом случае нельзя вешать без суда и следствия, а самого его следует судить непременно Судом Королевской Скамьи, и...

– Хватит, я уловил суть, – прервал Сварог. – Судя по вашему удивлению... Сколько веков уже не развлекались таким вот образом благородные дворяне?

– Лет триста или больше...

– Но юридически рокош не отменен, как и ваганум? – догадался Сварог. – Забавная вещь – юриспруденция...

– Я бы этих судейских сначала вешал, а потом разбирался, – проворчал Ше-

дарис.

– Посмотрите лучше назад, господа, – безразличным тоном сказала тетка Чари. – Что-то там, далече, пыль подозрительно клубится, на фоне леса ее прекрасно видно...

– Вперед, – сказал Сварог, тронул коня и первым поехал меж домов, к дороге, упиравшейся прямо в подъемный мост. Когда до моста, сбитого из толстенных плах и окованного железом поперек, оставалось шагов сорок, на стене громыхнуло, и тяжелая мушкетная пуля звучно шлепнула в утоптанную землю перед конем. Сварог тут же натянул поводья. Чутьочку подумав, извлек из седельной сумы баронскую корону вольного ярла, на всякий случай изготовленную по его заказу в последние дни пребывания в Равене, нахлобучил на голову. В сочетании с нарядом ганзейского капитана зрелище, должно быть, оказалось презабавное, но на стене молчали – возможно, здешний бесхитростный провинциальный народ видывал баронов во всяких обличьях и был наслышан о превратностях жизни и ее крайней сложности, выражавшихся в самых диковинных примерах.

Человек в кирасе и рокантоне нагнулся над зубцом, внимательно изучая Сварога. Сварог тоже смотрел во все глаза. Теперь он видел, что хозяин замка совсем молод, даже юн, а старым показался издали из-за буйной черной бородици (надо сказать, по-юношески реденькой, хоть и длинной).

– Назовитесь, – сказал чернобородый.

– Барон Готар, вольный ярл, – сказал Сварог.

– Сказать по правде, лаур, когда я в прошлый раз, год назад, видел вас в Равене, вы были потолще и омерзительнее рожей, ничуть на себя нынешнего не походили...

– Ничего удивительного, лаур, – сказал Сварог. – Вы видели прежнего барона, а я – нынешний.

– Наследник?

– Как сказать... – пожал плечами Сварог. – Вам про ваганум доводилось слышать?

Чернобородый просиял:

– Лаур, рад встретить дворянина, соблюдающего славные обычаи и старинные традиции! Прежний барон был страшной скотиной... Я – граф Сезар. Готов пригласить вас в гости, но обязан сразу предупредить: я в рокоше, и вы рискуете...

– Предоставляя нам гостеприимство, граф, вы рискуете еще больше, – вежливо сказал Сварог, оглянулся. Погоня была еще далеко. – На нас объявлен шаррим, да будет вам известно...

– Хур Симаргл! Все верно – три дамы, одна как две капли воды похожа на принцессу... Только мужчин не четверо, а пятеро. Прошу в замок, господа! Вы у друзей! Это не за вами ли скачут? Пыль столбом у леса...

– За нами, – скромно сказал Сварог.

– Великолепно! Просто превосходно, клянусь перьями из хвоста Симаргла! В замок! Эй, шантрапа, пропустите этих дам, этих господ и поднимайте мост! Хур Симаргл, дождались, наконец появился и неприятель!

Сварог проехал в ворота, спрыгнул с коня и повел его вверх, к замку. Странная Компания въехала следом, и люди графа налегли на огромные рукоятки воротов, заскрипели цепи.

– Великолепно! – восторгался граф, шагая рядом со Сварогом и от возбуждения то и дело забегая вперед. – Наконец-то будет осада! Вы не поверите, барон, я объявил рокош еще двое суток назад, но власти самым возмутительным образом это игнорировали. Сегодня утром я не вытерпел, посадил ребят на коней, мы поскакали в Илки, выпороли бургомистра, спалили архив, а с ним по случайности и всю ратушу, разогнали габеларов, выпустили вино из бочек, осквернили гербовый столб... И что бы думаете? Никто так и не нагрязнул. Все, должно быть, заняты вами. Следовало бы обидеться и вызвать вас на поединок, но вы, во-первых, мои гости, во-вторых, ищете убежища, а в-третьих, наконец-то притащили на хвосте людей короля, и теперь-то им от осады не отвертеться, начнется веселье!

– Простите, граф, а из-за чего вы, собственно, объявили рокош? – осведомился Сварог осторожно.

– Но, барон! – удивился граф. – Неужели непременно нужно иметь причину? Какие пошлости, право! Настоящий дворянин обойдется без всяких крючкотворств. Рокош – старинная привилегия дворянина, и этого достаточно! В один прекрасный день я спохватился, что прожил на свете двадцать лет и успел воспользоваться всеми привилегиями дворянина, даже такими забытыми, как «седьмой жбан пива» и «исцеление старух рукавицей» – всеми, за исключением рокоша. Нужно было что-то предпринимать. Я вас удивил, барон?

– Ну что вы, я уважаю людей с твердыми принципами... – сказал Сварог. – Могу вас заверить, осада выйдет первосортная. За нами гонятся синие мушкетеры, на реке стоит несколько крейсеров, и вся эта орава не замедлит обложить замок. Вам следовало бы все взвесить...

– Мне не хотелось бы нарушать законы гостеприимства, барон, но если вы и далее будете подвергать сомнению серьезность моих намерений, может прийти и до дуэли...

– Я умолкаю, – сказал Сварог.

– Вам нужен приют или у вас иные планы?

– Иные, – сказал Сварог. – Нам нужно немного отдохнуть и скакать дальше.

– Никаких сложностей, барон. Лошадей я вам дам, их у меня много, с темной вышущу подземным ходом. Ход длинный, в половину лиги, и до сих пор не раскрыт. Выходит в лес, вы ускользнете, как король Шого, проверено предками на опыте... А куда вы направляетесь, можно ли узнать?

– Тут недалеко, – сказал Сварог. – В Хелльстад.

Граф не удивился:

– Великолепно, клянусь ушами Симаргла! Пока мы с вами живы, рыцарство не умерло. О причинах, влекущих вас в Хелльстад, я не спрашиваю – они достаточно вески, коли уж на вас объявлен шаррим. Будьте покойны, дворянин не задает лишних вопросов, особенно каталаунский... – Он оглянулся. – Ваша спутница и впрямь похожа на принцессу Делию, вот только в глазах нет конгеровской наследственной блудливости, как у настоящей...

Сварог обернулся как раз вовремя, схватил под уздцы коня Делии, которого она успела повернуть к воротам:

– Принцесса, умоляю вас!

– Возможно, граф, вам только нравится, когда ваш взгляд называют блудливым, – ледяным тоном произнесла Делия, тщетно пытаясь вырвать у него повод. – Но я такого слушать не намерена.

– Барон, так вы еще и граф? – поднял брови Сезар. – Успокойтесь, милочка, я имел в виду не вас, а настоящую...

– Она и есть настоящая, – устало сказал Сварог.

Вот тут Сезар удивился по-настоящему:

– Господа, вы меня решительно сбили с толку... Должен честно предупредить, что быстрота мышления в число наших фамильных достоинств никогда не входила...

– Это видно, – безжалостно сказала Делия.

– Ну ничего не понимаю... – Он обеими руками сбил рокантон на затылок и погрузил пальцы в буйную шевелюру, немилосердно ее терзая. Вскоре просиял: – Ага, начинаю соображать! И шаррим с ясного неба, и все остальное... Неужели фейт?[68] Давненько у нас такого не случалось...

– Угадали, – чтобы избежать лишней болтовни, сказал Сварог, умоляя Делию взглядом умерить гордыню и помалкивать. Она возмущенно отвернулась. – Граф, мы обязаны были хранить молчание, вы понимаете...

– Ни слова более! Я вас понял, барон... граф...

– Милорд, – сказал Сварог, чтобы добить его окончательно.

– Милорд? Понятно, – сказал граф ошарашенно, явно оставив все попытки хоть что-то понять. – Шаррим, рокош, фейт – одновременно?! Господа, в какое интересное время мы живем! Прошу в замок, лауры... – И он уставился на спутников Сварога, явно пытаясь сообразить, сколько еще среди них переодетых милордов и принцев. Сокрушенно вздохнул: – Еще раз простите, принцесса, за необдуманное слово, я как-никак в рокоше, вот и положено осыпать ругательствами короля и весь его род, традиция требует... Можно ли мне осведомиться, по какой причине вы объявили фейт?

– От скуки, – безмятежно сказала Делия. – Принцесса не обязана искать причины, вам не кажется?

– Великолепно! – восхитился Сезар. – Ответ, достойный крови Баргов! Могу ли я считать себя вашим верным рыцарем?

Леверлин хмуро уставился на него, Сезар моментально все понял и больше в верные рыцари не навязывался. С надеждой покосился на Мару, но та гордо показала язык. Попытка ожечь взглядом тетку Чари была пресечена зверским взглядом капрала.

Сварогу давно уже казалось, будто чего-то недостает, привычного и естественного. Наконец он сообразил: в отличие от прошлых приключений, сейчас в нем не опознавали на каждом шагу прежнего графа Гэйра, и ему больше не было нужды рассказывать свою историю – жаль, только начал привыкать и втягиваться...

Кованая решетка у входа в замок была поднята, и ее острые концы зловеще нависали над самыми головами, когда они проходили под аркой ворот. Внутренний двор оказался просторнее, чем выглядел снаружи. В загонах сгрудился крестьянский скот, а его владельцы толпились тут же, вооруженные чем попало. И особенного боевого пыла Сварог на их лицах не усмотрел – только извечное крестьянское терпение. Но видно было, что юный сеньор давно приучил их к любым неожиданностям.

– Говядины полный замок, – пояснил на ходу Сезар. – В замке есть подземный колодец, пороховой погреб набит по самую крышку. Так что просижу я здесь, пока самому не надоест. Обещал еще подойти отец Грук, смиренный

слуга Единого, лесной отшельник со своей паствой...

– Не с той ли, что живет под волчьей головой? – спросил Сварог.

– Здесь, в Заречье, мы на многое смотрим терпимее, – сказал Сезар. – А среди Волчьих Голов и в самом деле хватает вполне приличных людей, загнанных под зеленый флаг не страстью к разбою, а житейскими обстоятельствами. Хотя и откровенных душегубов, конечно, полно. Каталаунский Хребет, что вы хотите. Сам святой Катберт в свое время сказал, что к здешним обитателям не стоит подходить с обычной меркой... Паства отца Грука обожает подраться, не особенно и заботясь о поводах, так что рад буду вскоре узреть родственные души. Нужно же, чтобы рокош вышел как следует, чтобы не пришлось потом краснеть ни перед соседями, ни перед судом, чтобы предки в гробах не ворочались... Прошу в башню, господа, повара с утра стараются, как каторжные, а вы, должно быть, проголодались...

К нему подбежал дружинник в начищенной кирасе и азартно зашептал на ухо.

– Поздравляю, господа, началось, – сказал Сезар. – К воротам уже прискакала какая-то банда, именующая себя синими мушкетерами. И командует ими, по определению моего верного оруженосца, смазливая черноволосая девка. Одеты, правда, как настоящие синие мушкетеры... Пойду взгляну.

– Я с вами, – сказал Сварог.

– Подождите, я тоже. – И Делия шепнула на ухо Сварогу: – Вдруг удастся ей что-то объяснить...

– Попробуйте, – сказал Сварог. – Но что-то не верится...

Они поднялись на внешнюю стену по каменной лестнице без перил. У ворот, с той стороны, топтались десятка два синих мушкетеров. Их кони выглядели свежими – явно меняли где-то неподалеку.

– Прикройте пока лицо, – сказал Сварог Делии, и она низко надвинула бадагар.

Сезар прорычал вниз:

– Ну, хамье, какого рожна приперлись?

Оскорбленные дворяне ответили дружным ревом, но Арталетта подняла руку в красной замшевой перчатке, и все моментально умолкли. Сварог констатировал, что черноволосая красотка неплохо управляется с буйными гвардейцами. И вежливо раскланялся с ней, снявши бадагар.

Она смотрела на Сварога внимательно и недобро – должно быть, знала о нем больше, чем хотелось бы. Какое-то время они мерились взглядами, и ее прекрасные синие глаза Сварогу крайне не понравились – таилось там что-то дикое, жестокое, непонятное, прежде Сварог ее такой не видел. Чтобы внести ясность, произнес про себя должное заклинание – и растерянно пожал плечами.

Вокруг ее стройной фигурки, затянутой в полковничий мундир, зловеще чернел странный ореол, напоминавший гирлянду причудливых снежинок, – совершенно непонятный, неизвестно что означавший. Примерно так Сварог чувствовал себя когда-то в Монголии, ради развлечения тыкая пальцем в клавиши компьютера и тупо взирая на сменявшие друг друга таблицы, желтые на черном, то ли просившие что-то сделать, то ли прилежно о чем-то докладывавшие – на английском, с которым он был не в ладах...

Примерно так было и сейчас, разве что теперь он был трезв. Одно разли-

чие: он не знал, что видит, но не сомневался, что витавшая вокруг Арталетты аура связана с самым черным злом. Слишком много непонятного – столько, что перестаешь его опасаться...

Арталетта потрянула головой, отбросив на спину повисший на шнурке форменный бадагар. И крикнула:

– Немедленно опустить мост и сложить оружие! Именем короля!

Сварог покосился на Сезара. Граф был великолепен. Он тщательно оправил кирасу, водрузил на голову рокантон так, чтобы его гребень был строго перпендикулярен земной поверхности, величественно скрестил на груди руки в кольчужных рукавах и невыносимо долго держал паузу, доводя всадников до белого каления. И, на миг упредив раскрывшую было рот Арталетту, звучно заговорил:

– Милая девица, если вы хоть немного разбираетесь в геральдике и сопутствующих ей дисциплинах, равно как и в старинных традициях благородного дворянства, вам следовало бы давно понять, что водруженный над сим замком вымпел рокоша прямо-таки обязывает нас отнестись и к отдаваемым от имени короля приказаниям, и к нему самому без малейшего почтения. Совершенно, я бы сказал, наплевательски. Я готов пропустить в замок вас одну, если только не заломите за ваши услуги чересчур дорого.

Она сдержалась невероятным усилием воли. Побледнев от злости, выговорила холодно:

– Я – Арталетта, герцогиня Браг, полковник Синих Мушкетеров. Полагаю, это имя известно и в вашем захолустье? Именем короля приказываю сложить оружие и сдаться. Люди, стоящие рядом с вами, – государственные преступники, злодеи короны...

– Помилуйте, я сам вот уже третий день – государственный преступник и злодей короны, – сказал Сезар. – Объясняю вам внятно и разборчиво: я тут объявил рокош согласно исконным вольностям. А посему на короля нам плевать. И чихать тоже. И даже, я бы сказал... ну, вы поняли. Если вы в самом деле дворяне, ведите себя, как положено. На штурм, господа, на штурм!

– Не пройдет и часа, как вам предоставят это удовольствие.

– Вот и прекрасно! – захохотал Сезар. – К чему тогда лишняя болтовня?

Сварог придвинулся к Делии, встал так, чтобы моментально заслонить ее при нужде, тихо предложил:

– Ну, попробуйте...

Делия сдвинула бадагар на затылок, она волновалась. Арталетта что-то тихо приказала своим, Сварог насторожился, переглянулся с Сезаром. Тот легонько хлопнул по спине пулеметчика. Пулеметчик кивнул, не оборачиваясь.

– Алетта! – громко сказала Делия. – Я могу доказать, что я – настоящая, могу вспомнить все, что знаем только мы с тобой, начиная с детства...

Мушкетеры вдруг развернули коней, уносясь прочь. Арталетта подняла руку с пистолетом, но Сварог загородил Делию, и пуля ушла неизвестно куда. Он выхватил из-за пояса два своих пистолета, выстрелил вслед. Стена окуталась дымом – строчил пулемет, вразнобой грохотали мушкеты, свистели арбалетные стрелы. Двое всадников вылетели из седел. Третий упал вместе с лошадью. Остальные унеслись под защиту ближайших деревенских домов.

– Я же говорил, – сказал Сварог Делии. – Не стоило пытаться.

– Не могу поверить, что она хотела меня убить...

– А если она не верит, что вы – это вы? И если она – уже не совсем она?

– О чем вы?

– Потом...

Сезар, совершенно их не слушавший, торжествовал:

– Почин есть, милорд! И счет, хур Симаргл, в нашу пользу! Ах, ты, еще ползет...

Он выхватил пулемет у дружинника. Сварог глянул в поле. Тот, что упал с конем, пытался отползти, упираясь локтями и волоча ноги.

– Подождите, – Сварог отвел пулеметное дуло. – Как насчет пленного, граф?

– Мне он совершенно не нужен. На данном этапе осады. Что он может знать?

– Зато мне он весьма пригодился бы. Он же из тех, кто за нами гнался.

– Ах да, я не сообразил. Быстрота мышления не входит... Эй, опускайте мост! Волоките сюда этого обормота! Интересно, кем меня пугала герцогиня? Неужели королевские войска уже подходят? Быстро что-то. В округе имеется егерский полк и сотня конных габеларов, а это убого. Ни егеря, ни габелары штурму крепостей не обучены.

– Я же говорил, что на реке стоят крейсера, – сказал Сварог. – Если они снимут с кораблей команды и пушки...

– Простите, милорд, но вам определенно не приходилось ни штурмовать замки, ни защищать их... Моряки, ха! Если у них на борту есть морская пехота, дело осложнится. Если же нет – я настроен наплевательски. Как они притащат пушки? Коней, допустим, соберут по окрестностям, ладно, но где взять упряжь для перевозки пушек? И потом, у половины корабельных орудий вообще нет колес, а у другой колеса крохотные, ничуть не подходящие для перевозки по суше. Матросы брать замки не обучены, жалкое выйдет зрелище, если они рассчитывают только на крейсера...

Каким бы чудачком граф ни выглядел, военное дело он знал, и тенью следовавший за Сварогом Шедарис посмотрел на Сезара не без уважения. А похвалы капрал раздавал скупно.

Вернувшись во внутренний двор, Сварог уже не увидел ни своих людей, ни лошадей.

– Вступило в действие знаменитое гостеприимство Сезаров, – сказал граф. – Ваннх комнат у меня целая куча, благодаря артезианским колодцам. Вон та башня в полном вашем распоряжении, два десятка комнат, размещайтесь, как привыкли. А подземным ходом я вас выведу меж ночью и рассветом, в Час Лешего, когда дрыхнут самые рьяные караульные и меж стволами ползет туман вперемежку с видениями...

– Ход надежный? – спросил Сварог.

Граф блеснул великолепными зубами:

– Милорд, вы недооцениваете Сезаров! В старые времена, признаться, иные из них развлекались на королевских трактах... Ход выложен камнем, есть вентиляция, совершенно незаметная снаружи, и выходит в симпатичный крутой овраг, сущее ущелье. А овраг этот тянется в лес еще лиги на три. Предки все предусмотрели. Вы уйдете отсюда, словно святой Рох по водам с острова Снимуре, тихо и безопасно. Позвольте представить – моя милая супруга. Не знаю, что бы я делал без ее вдохновенной поддержки. Дорогая, это... барон Готар. У него срочные дела в Хелльстаде, так что он, увы, не сможет погостить подоль-

ше.

– Рада вас видеть, барон, – сказала графиня чуть застенчиво. – Извините, не можем вас принять, как должно, с фейерверками и крестьянскими плясками на лугу, муж, как видите, в ссоре с королем, предстоят хлопоты...

Ее ничуть не удивило, что Сварог собирается в Хелльстад – должно быть, окружавшие ее мужчины на мелочи не разменивались, и безумная удаля считалась здесь нормой поведения.

– Пришел отец Грук, и с ним – сорок человек, – сказала она мужу. – Я их разместила на заднем дворе. Сегодня штурм будет?

– Сомневаюсь, – фыркнул Сезар. – Пойдемте, милорд, познакомлю вас с лесным пастырем.

Лесной пастырь сидел на перевернутой корзине и расправлялся с жареной индейкой – только жалобно похрустывали птичьей косточки. Он был лет на десять постарше Сезара, на локоть повыше, шире вдвое, чревом превосходил втрое. Мускулами не обижен, крайне жизнерадостная физиономия, румяная от здорового лесного воздуха, шрам на щеке. Рядом, прислоненная к бочке, стояла дубинка длиной с оглоблю, наполовину окованная стальными кольцами – да и железный массивный крест, висевший на цепи, способной удержать волкодава, в два счета можно превратить в жуткий кистень, стоит снять с шеи.

Вокруг расположились дюжие молодцы в зеленых кафтанах и кожаных каталанах, с длинными сложными луками, короткими мушкетами, мечами и чапагами – маленькими топориками на длинных топорницах, пригодными и для рубки, и для гойкара. Все усердно жевали мясо, черпали из бочки нэлыг [69] и держались с веским спокойствием тертых ребят, прекрасно знающих, ради чего их создали. Тут же лежали пять-шесть гланских ладаров – пепельных, поджарых псов, похожих на догов, зорко следивших, как оголяются от мяса наиболее приманчивые косточки.

– Отец Грук, смиренный лесной пастырь, – сказал граф. – А это барон Готар, он направляется в Хелльстад, у него там срочные дела.

Отец Грук что-то благодушно проворчал, швырнул ближайшему псу остатки индейки и вытер руки о подол рясы:

– В Хелльстад так в Хелльстад. Не удивляйтесь, барон, что я так спокойно принял известие о цели вашего путешествия. Если рассуждать философски, Хелльстад есть непреложная реальность, принадлежащая нашему миру, и нет ничего удивительного в том, что он служит конечной целью чьего-то путешествия. Правда, я впервые вижу человека, у которого там срочные дела. Сам оборот удивляет – «срочные дела»... Все остальные, с кем мне доводилось общаться, употребляли другие обороты, и многие честно говорили: совершить бы наспех хоть что-то героическое да побыстрее унести ноги. Бывало, и уносили. Иные, кому особенно везло, уносили ноги вместе с головой.

– А что, бывало – и по отдельности? – спросил Сварог.

– Ого! – серьезно сказал отец Грук. – В позапрошлом году один лихой бедолага вышел оттуда, неся свою забубенную головушку в руках. И в зубах головушка держала кошель с золотом. Лиги четыре прошагал, прежде чем свалился. Видите вон того верзилу? Сейчас-то соколом смотрит, а в тот день, узревши этакое путника, сидел на верхушке дуба и щелкал зубами на весь лес. Уж я-то точно знаю, ибо сидел на соседнем суку и зубами щелкал не тише, хотя в на-

ших местах полагалось бы ко всему притерпеться. Золото мы потом забрали, каюсь, хелльстадское – не обязательно дьявольское, самые настоящие монеты оказались, только ужасно старые, иных даже ювелиры не опознали... Вам туда непременно нужно?

– Увы, – сказал Сварог. – Дела. Что поделать.

– Топорик у вас интересный, право... – он глянул цепко, умно. – Ну, да чего только с собой не таскает проезжий народ... Сам бы охотно сходил с вами, столько лет рядом живу, да так ни разу и не собрался. Да паству мою никак не уговорить, а в одиночку неуютно как-то. Бог даст, выберусь. Как только поднакоплю решимости на славный подвиг. Есть там, если верить слухам, заброшенная церквушка, а в ней, по тем же слухам, сам святой Сколор оставил знаменитый свой посох, которым во времена оны выгнал всю нечистую силу из Горрота...

– А она опять поналезла, – буркнул Сезар, зачерпнул из бочки нэльга себе и Сварогу, и они уселись на корзины. – Да, барон, пленный-то ваш помер, едва принесли... Вот я и говорю: ваш святой Сколор нечистую силу выгнал, а она опять набилась во все щели, стоило святому уйти подальше...

– Все оттого, что люди не почитают Единого Творца и поклоняются созданиям, незаслуженно именуемым богами, – сказал монах. – Взять хотя бы вас, граф. С вашим крылатым псом. Ну зачем вам, человеку умному, сей богомерзкий кумир?

– А когда он существует! – запальчиво сказал граф. – Я его сам видел.

– Это еще не значит, что ему нужно поклоняться, как богу. Вы еще перед моими песиками падите ниц, они ведь тоже существуют, а при случае цапнут почище Симаргла...

– Отец!

– Граф!

Но препирались они, видно было, насквозь привычно, с добродушной терпимостью старых знакомцев, давно оставивших надежду друг друга переубедить. Сварог вдруг сообразил, что ничегошеньки не знает о Хелльстаде. Одни общие фразы, из-за крайней расплывчатости не позволявшие даже испугаться, как надлежит. А его собственный визит туда не одарил ни особыми ужасами, ни глубокими познаниями...

– Послушайте, – сказал он. – Старая церковь, вы говорите? Но, насколько я знаю, Хелльстад изначально был страной зла, а церковь означает, что когда-то и там шла самая обычная жизнь...

– В этом-то и суть пробелов в сегодняшних наших знаниях, – сказал отец Грук. – Никто не знает в точности, как обстояло до Шторма. Сплошь и рядом никто не знает также, что имели в виду авторы иных древних хроник – какие их иносказания следует понимать буквально, а какие так и останутся иносказаниями, чей подлинный смысл забыт начисто. Сам я давно подметил одну любопытную закономерность: в Хелльстаде, голову даю на отсечение, слишком многое слишком часто меняется. Люди, проходившие по одним и тем же местам, описывают их совершенно по-разному. Географические ориентиры – горы, реки – остаются прежними, а вот обитатели меняются разительно. Что решительно противоречит доброй старой сказочной традиции, по которой, скажем, обитающий у ручья с медными берегами дракон так у этого ручья и останется, пока его не укукошат. Но чтобы дракон вдруг откочевал куда-то, а

берега из медных вдруг стали хрустальными и к ним перебрались болотные хохотунцы – такого в сказках не водится. Я, понятно, чисто умозрительные примеры привожу.

– Но ведь Хелльстад – не сказка, – сказал Сварог.

– Тем более! Все должно подчиняться определенным законам, даже магия и заколдованные страны. А когда законы, как выясняется, не действуют...

– Тогда? – жадно спросил Сварог.

– Тогда приходится признать, что загадку нашим скромным разумением не одолеть, – вздохнул отец Грук. – И нужно идти самому, проверять рассказы и гипотезы, но поди ты выбери время, да и храбрости следует поднакопить. И насущной жизненной необходимости в этом вояже пока что нет...

– А легендарный посох?

– Чтобы наложить руку на этот посох, надо кое в чем не уступать его прежнему хозяину...

– Да, насущная жизненная необходимость... – вздохнул Сварог, вставая. – Пойду я, пожалуй, к своим людям. Не проводите, граф?

– Ну конечно, пойдете.

Когда они отошли шагов на двадцать, граф покрутил головой.

– А ведь не вытерпит, пойдет в Хелльстад. Давно уже собирается с духом... Честное слово, и я с ним пойду. Если уцелею после всего этого. Умная голова отца Грука давно оценена, теперь и со мной то же будет. Старые предания гласят, что в Хелльстаде удачи добивался главным образом тот, кому в большом мире терять было совершенно нечего. Правда, удача эта может выпасть двойкой, неизвестно, к добру или к худу – если не врут насчет хелльстадского короля, если он в самом деле есть и большой мастер искушать... Вон туда, видите вход?

Сварог вошел в башню. Там было чисто, подметено, висели на крюках вдоль лестницы керосиновые лампы, пол устилала грубые домотканые половики. В общем-то, замок – жилище уютное, если за ним следить. И жить там, где не бывает зимы.

Он стал подниматься по лестнице, пробуя тяжелые двери. Две оказались запертыми, третья отворилась.

Леверлин, Делия и Шедарис сидели за столом, с полководческим азартом водя пальцами по огромной карте. Мара, засунув ладони под ремень, критически разглядывала огромный неуклюжий арбалет на стене и моментально обернулась на едва слышный скрип двери.

– Военный совет? – спросил Сварог.

– Разговор о странностях бытия, – ответил Леверлин.

– И где же вы их усмотрели?

– В нашем нынешнем положении.

– А что, в нем есть странности? – хмыкнул Сварог. – Вот не замечал, по-моему, все ужасно буднично...

– Они дело говорят, – Мара взяла подзорную трубу и принялась смотреть в окно.

Сварог сел, спросил уже серьезно:

– Какие странности вы видите, господа мои, и где?

– Очень странно как-то нас ловят, – сказал Леверлин. – Мы с принцессой дворяне и в военных делах обязаны худо-бедно разбираться. А у капрала

огромная практика.

– Видели бы вы, как наш платунг ловили во время Таромайской войны, – не без самодовольства сообщил капрал. – Мы, надо сказать, были не без греха – сперли кое-что из княжеской сокровищницы. Между прочим, так и не поймали, иначе бы я тут не сидел... Так вот, там я впервые и понял, какая сложная и коварная вещь – толково поставленная облава. А Таромай, между прочим, – паршивенький Вольный Манор...

– Итак, – нудным профессорским тоном начал Леверлин. – Мы вчетвером долго все обсуждали и пришли к выводу, что ловят нас крайне бездарно. Против нас – могучая государственная машина с опытными тайными службами, хорошей полицией, телеграфом и другими средствами связи. И тем не менее к объявленному шарриму весьма подходит унижительное определение «пресловутый». Конечно, большую часть пути мы прошли без дорог, лесами, обходя крупные города и гарнизоны. Но оказались у самой границы, так и не увидев признаков грандиозной облавы. Здесь, в Заречье, и вовсе царит сонная тишина. А такого не должно быть. Места отнюдь не идиллические – контрабандные тропки, поблизости – четыре границы. Насколько помнит принцесса, в Правом Треугольнике[70] размещены самое малое пять егерских полков – опытные, хваткие головорезы, привыкшие гонять контрабандистов и разбойников. Я не специалист, но за двадцать минут набросал план, вызвавший полное одобрение капрала, – поднять воздушные шары и планеры, рассыпать по лесам егерей, выставить на трактах и лесных тропах конные дозоры с собаками, посты на господствующих над местностью высотах. Это мы идем по незнакомым нам местам, а егеря и пограничные габелары знают здесь каждый кустик...

– Может, они из-за шарима сидят по казармам? – спросил Сварог.

Делия ответила вопросом:

– А вы стали бы полагаться в игре с такими ставками исключительно на кучку мушкетеров, пусть и наделенных странной способностью неотвязно идти по следу?

– Пожалуй, нет, – признался Сварог.

– Вот видите, – сказала Делия. – Это не похоже на отца. Он ни за что не допустил бы подобного безобразия. Дело тут не в семейной гордости, просто я знаю, на что способны его генералы и протекторы. Мы бы не дошли до реки... – Она внимательно посмотрела на Сварога. – Ну, вы ведь тоже так подумали?

– О чем?

– Что отца уже нет, а вместо него... *что-то...*

– Была у меня такая мысль, – сказал Сварог. – Но я ее по размышлении отбросил. Даже если на месте вашего отца... нечто, не обладающее умом и волей, остаются те самые генералы и протекторы, люди опытные. Что, их тоже всех подменили?

– Вот и я им говорю, – сказал Шедарис. – Ситуация в точности отвечает старой солдатской мудрости: «Слушаю, но не исполняю». Приказы, быть может, и поступают исправно, но никто не торопится их выполнять. Пару раз по нам пальнул крейсер, вот и все.

– Вот что, господа мои, – сказал Сварог. – Все это – зряшная гимнастика для ума. Как бы мы ни изоцряли свои пытливые недюжинные мозги, загадку эту

нам не разгадать. И все эти дискуссии положения нашего не облегчат. Правда, и не отяготят. И на том спасибо... Уж лучше будем отдыхать. Выезжать придется до рассвета.

– Словом, не будем искать короля Шого, – не оборачиваясь, бросила Мара через плечо. – Ага, пылит что-то на горизонте, но слишком далеко пока...

– Послушайте, кто такой король Шого? – спросил Сварог. – «Исчез, как король Шого»... «Искать короля Шого»...

– Попусту тратить время, – пояснила Мара. – Искать короля Шого – заниматься заведомо бесполезным делом.

– А в чем тут соль?

– Плохо же вас учили истории, милорд, – улыбнулась Делия. – Около двух тысяч лет назад король Шого создал могучую державу, занимавшую около двух третей Харума. Даже, кажется, успешно очищал Ямурлак от нечисти – тогда в Ямурлаке ее водилось множество... Король исчез среди бела дня, когда шел из тронного зала, чтобы сесть в карету. Дворец в Аррахе сохранился до сих пор, я там бывала, туда до сих пор заходят любопытные. Прямой коридор без окон поворачивает под прямым углом, тянется уардов двадцать и выходит на крытую галерею, откуда во двор ведет лестница. Король прошел мимо стоявшей у поворота стражи, свернул за угол, но на галерее, где ждала свита, так и не появился. Коридор – сплошной камень, без окон, дверей, потайных ходов и люков. Загадка... В свое время ею интересовались даже лары, но ничего, насколько мне известно, не обнаружили. Король словно растворился в воздухе. Иные некроманты клялись, что им удалось вызвать душу короля, но каждый раз оказывалось, что они лгали...

– И версий за две тысячи лет набралось на приличную библиотеку, – сказал Леверлин. – Одна беда – ни одна проверка не поддается...

– Идут, – возвестила Мара. – И не вижу я что-то в их стройных рядах боевого задора...

Сварог подошел, взял у нее трубу. Из-за леса показался пеший отряд человек в триста. Красные мундиры, расшитые на груди черной тесьмой, а по рукавам – белой, черные лангилатаны с узкими полями, отделанные медью. Матросы с крейсеров. Впереди, как и положено, шел командир, сверкая золотым шитьем. Ехавшая рядом Арталетта что-то горячо ему втолковывала, то и дело нагибаясь с седла, а он шагал темнее тучи, хмуро уставившись в землю. Пушек при отряде не было.

– Ну, это несерьезно, – сказал Сварог. – Пожалуй, нашего хозяина даже обидит такая пародия на штурм... Пойду отдохну. Кто знает, где мои командирские покои?

– Пошли, – сказала Мара.

Когда они вышли на лестницу, на внешней стене бахнула пушка – граф Сезар радостно приветствовал визитеров.

– А не пахивают ли эти странности родным восьмым департаментом? – задумчиво сказал Сварог.

– Вряд ли, – мотнула головой Мара. – Давай уж и дальше рассчитывать исключительно на себя... Между прочим, в твоей комнате отличная ванна, я уже поплескалась. Вода, правда, чуть тепленькая, ну да нам, бродягам, не привыкать. А на полу совершенно великолепные медвежьи шкуры, ничуть не облысевшие, мечта юной девы.

– Послушай, юная дева, а если кто-нибудь ввалится? Мы в осажденном замке как-никак, – сказал Сварог, чтобы подразнить ее, он и сам сторал от нетерпения.

– Там засовы внутри. И я всех предупредила, что командир будет занят разработкой стратегических планов. Иди купайся. Вино на столе, штопор на подоконнике, юная дева, как легко догадаться, будет на медвежьих шкурах.

Глава 5

Гадание в час лешего

Впереди шагал граф Сезар с керосиновой лампой. Следом шел Сварог, ведя под уздцы коня. Древние Сезары и в самом деле умели обустроиваться – ни один камень не выкрошился из старинной кладки, сверху через равные промежутки падали тоненькие лучики алого света (который Сварог простоты ради до сих пор именовал про себя лунным), веяло прохладой. Копыта коней бесшумно ступали по выложенному войлоком полу. С поверхности земли не доносилось ни звука. Осада и в самом деле обернулась чистой комедией. Моряки расположились в деревне под защитой домов и время от времени вяло постреливали из мушкетов – их командир не был идиотом и не собирался бросать их на убой. Иногда появлялась Арталетта, бесившаяся от злости, что легко можно было определить даже без помощи подзорной трубы. Ближе к вечеру притопало две роты пехотинцев в синих мундирах, с легионными значками. За ними подъехали четыре упряжки с орудиями – но это оказались не осадные жерла, а обыкновенные полковушки. И боевого духа осаждающим прибытие пушек не добавило – как и появление двух верховых в раззолоченных чиновничьих вицмундирах (судя по перьям и позументу на высоких виклерах, не ниже пятого класса). Сановники с безопасного расстояния обозрели замок, посоветались с Арталеттой и обоими командирами, отбыли и больше не показывались. Четыре пушки стали изредка постреливать по воротам внешней стены, из-за малого своего калибра не причиняя урона. Сварог окончательно убедился, что Сезар – чудак весьма прагматичный и предусмотрительный, а затеянный им рокош так и не перерастет в кровавую бойню. Как выяснилось, согласно каким-то старым правилам «горродельский огонь» против дворянских замков применять воспрещалось, а убитых с королевской стороны пока что насчитывалось всего трое (это означало, что у графа есть все шансы отделаться штрафом и золотым арестом[71] на пару лет). У Сварога зародились подозрения, что Сезар, изрядно помотав нервы чиновникам вплоть до столичных, намерен дожидаться, когда государственная машина раскачается, к замку нагонят парочку полков и сотню пушек, окрестности изроют траншеями, контрэскарпами и тихими сапами – и вот тут-то замок самым коварным образом сдастся. Судя по некоторым намекам отца Грука, так оно и обстоит. Возможно, дело было заверчено еще хитрее – если вспомнить, какой беспредел будет твориться на разбойничье-контрабандных стежках, пока все внимание и рвение пограничных властей будет приковано к мятежному замку...

Тусклый свет керосиновой лампы упал на высокую дверь, окованную продольными железными полосами.

Сезар открыл глазок, припал ухом к слуховой трубке и надолго замер. Бони держал наготове пулемет, пока граф бесшумно откатывал вправо дверь по хорошо смазанным роликам. В лицо им пахнуло холодком ночного леса. Сезар

выскользнул во тьму и вскоре вернулся, прошептал:

– Все тихо. Удачи, господа! Хур Симаргл!

Сварог вывел коня под звездное небо. Дверь была устроена в крутом склоне широченного оврага. Высоко над головой виднелась причудливая кайма леса, деревья на краю оврага росли довольно редко, иные накренились, меж ними светили звезды, и тишина, Сварог чувствовал, была мирной. Один за другим из проема появлялись кони – копыта обмотаны тряпками, тщательно уложенные переметные сумы ничем не брякают, сапоги по мягкой земле ступают бесшумно. Сварог сам себе показался призраком. И ощутил легкое возбуждение – предстоял последний рывок, Хелльстад, как ни странно, обернулся желанной целью, которой все жаждали достичь побыстрее, тамошние опасности были неизвестными, а оттого словно бы и не страшными...

Сварог пожал руку Сезару и подумал, что хороших людей ему все же встречается в этом мире больше, чем скверных, но этого не выскажешь словами, в чем вся печаль. Вскочил в седло и приказал:

– Тронулись, держать строй...

Всадники двинулись вперед, как тени Зачарованной Кавалькады. Проходили полные напряжения минуты, но сверху не гремели выстрелы, не трубил тревогу рожок, никто не заступал дорогу, и Сварог самую чуточку расслабился. Всё, находящееся под землей, насколько он знал, в большинстве случаев скрыто от любых магических усилий. Таинственное чутье Арталетты, гнавшее ее по следу лучше любой гончей, здесь окажется бессильно, и они успеют выиграть время. По крайней мере, Сварог надеялся, что так оно и обстоит. Сварог легонько коснулся конской шеи. Коней (Сезар щедро одарил каждого и заводным) следовало беречь пуще самих себя. Это последние. Других неоткуда будет взять – разве что в Хелльстаде отыщутся лошадиные барышники, готовые принять в уплату деньги большого мира...

Вот и конец оврага. И никакой засады. Проскочили. Как и объяснял отец Грук, слева виднеется покосившийся каменный конь, ушедший в землю по колена, покрытый мелкими трещинами, почти сплошь заросший цепким плющом и увитый плетями синего вьюнка. Этот конь не имел никакого отношения к Хорсу – старинный межевой знак, магический символ, отгонявший нечисть, поставленный в неизвестные времена неизвестно кем. Лесовики болтали, что в полночь он восстает из земли и на нем объезжает чащобу Лесная Дева. Сначала Сварог им не поверил, но вспомнил, что ему собственными глазами довелось лицезреть Лазурную Деву, чье существование официальной городской наукой решительно отрицается, и сейчас на всякий случай бросил каменному коню под ноги серебряную монетку, как его научила паства отца Грука. Поехал дальше. За спиной еще чья-то монетка звякнула о камень.

Он смотрел во все глаза. Так и есть – слева показалась старая просека, заросшая папоротником, высоченным, по грудь коням. Кони шли размеренной поступью, папоротник тихо шелестел, пару раз Сварога мазнула по лицу невесомо-липкая паутина, и он торопливо вытер щеки тыльной стороной ладони. Хотелось курить, но он крепился. Порой то слева, то справа раздавались эти непонятные ночные звуки, каких хватает в любой чащобе во все времена: резкий вскрик, то ли птичий, то ли лешачий, далекое уханье, взвизги, тихое фыркание, тихий треск веток, шорохи... Кони то и дело настораживали уши, косясь в полумрак, но особенно не беспокоились, а потому не тревожился и Сва-

рог.

Мара вдруг подняла левую руку и растопырила пальцы – подзывала его. Сварог дал коню шенкеля и моментально оказался рядом. Она тихо сказала, вертя головой:

– Дымком несет. Из-за поворота.

– Пожар?

– Не похоже. Дымок кухней пахнет.

Сварог принял, но не ему с безнадежно испорченным курением чутьем было состязаться с дикой кошкой. Он только спросил:

– Думаешь, жильё?

– Думаю.

– Лесной пастырь меня ни о чем таком не предупреждал...

И он поехал первым. Заводной конь послушно чапал следом. Сварог опустил руку на седло, коснулся ладонью рубина, украшавшего топор, смиренно висевший у луки топориком вниз.

Действительно, жильё. Довольно большой дом на расчищенной вырубке, окруженный невысокой оградой и больше всего похожий на обиталище зажиточного фригольдера. Светится только одно окошко.

Откуда-то выкатился здоровенный лохматый пес и побежал вдоль ограды параллельно всадникам, скупно побрехивая. Пес оказался самым настоящим. Сварог тихонечко цыкнул на него, подумав, что собака – это хорошо. А замычавшая в хлеву корова – еще лучше. Ибо домашние животные на подворье и нечистая сила в доме – две вещи несовместимые.

Скрипнула дверь. Высокая старуха, кутаясь в мужской плащ с капюшоном, проворно спустилась с высокого крыльца и направилась к низким воротам. Пес моментально подскочил к ней, заплясал вокруг. Потом успокоился вдруг и чинно удалился в будку – и осталось полное впечатление, что он получил недвусмысленный, неслышный людям приказ.

Сварогу понадобилась пара секунд, чтобы убедиться: с черной магией старуха не имеет ничего общего. Но это еще не значит, что она вообще не имеет отношения к магии. Он чувствовал себя в безопасности, но подлинного облика старухи не смог ни рассмотреть, ни понять. Отчего-то казалось, будто перед ним нечто столь же изначальное и незыблемое, как лес и облака над кронами. И он, как нередко уже случалось, подчинился инстинкту.

Старуха, не произнеся ни слова, распахнула створку ворот и взялась за другую.

– Мы к вам в гости, бабушка, вроде бы не собирались... – сказал Сварог, остановив коня напротив нее.

– А в засаду вы собирались? – проворчала старуха.

– Вот уж туда мы точно не стремимся...

– Почему же прямо на засаду едете?

– Кто там, впереди? – спросил Сварог, решив не удивляться. Начнешь удивляться, суетишься в три раза больше и задаешь кучу ненужных вопросов...

– А вам, в вашем положении, не все равно? – старуха управилась со второй створкой. – Те, кто исчезнут с рассветом. И лучше вам не стараться им доказать, что в этом лесу вы самые пробивные... Очень может быть, что и докажете. Вот только вас после этого не в пример меньше останется...

Сварог молча направил коня в ворота. Он так и не смог вспомнить с маху,

кто из здешней нечисти исчезает с рассветом, – да и не собирался ломать над этим голову.

Странная Компания дисциплинированно повернула следом, и на дворе сразу стало тесно от сгрудившихся верховых.

– Коней ведите в конюшню сами, – сказала старуха, безбоязненно похлопав по шее Сварогова жеребца (что тот перенес совершенно спокойно). – Слуг нету. Да не тревожьте вы топор, граф Гэйр, пусть себе висит.

«Снова начинается», – подумал Сварог и сказал:

– Я не тот граф...

– Сама вижу, что не тот, а этот.

– Откуда?

– А вы откуда знаете, что я не вампир?

– Знаю уж, – сказал Сварог.

– Вот и я знаю.

– Может, знаете еще, когда меня произвели в капитаны? – спросил Шедрис.

– Ты до лейтенанта сначала дослужись, – отрезала старуха. – Проверять вздумал, сопляк... Поживи капралом. А вот кем ты умрешь, это я тебе, пожалуй, скажу, когда присмотрюсь поближе. Если ладонь дать не побоишься.

Капрал, человек независимый и невоспитанный, повел коней в конюшню (странно обширную для такого домика с одинокой хозяйкой), бормоча под нос, что побоится он доверить старухе одну-единственную вещь, которую непременно доверил бы, будь она годочков на сотню помоложе. Старуха, обладавшая, похоже, тонким слухом, ласково сказала вслед:

– Будешь нести похабщину – верь или не верь, ты у меня и молоденьким станешь без надобности...

– Бабка, да я так, из ворчливости, – отозвался капрал не без испуга в голосе. – Что ты, в самом-то деле?

Сварог без опаски поднялся следом за старухой на высокое крыльцо. Бони с пулеметом не расстался, поставив его у двери. Расселись по лавкам и на табуретах.

– Есть хотите? – спросила старуха.

Есть они не хотели после графского хлебосольства.

– Ну, тогда просто так сидеть будем и ждать рассвета... – самым обычным тоном сказала хозяйка.

Сварог огляделся – да, обычная комната крестьянского дома. Вот только... Почему к обычному крестьянскому дому нет никакой дороги, даже утоптанной стежки? Ладно, к постоялому двору ямурлакских вампиров как раз и вела дорога...

– А покажи-ка ты нам, бабка, что-нибудь этакое, – сказал Бони. – Сидеть нам тут долго, а бабка ты необычная...

– У трех из вас будут на головах короны, – сказала старуха небрежно, словно отмахнулась от надоедливой мухи.

Сварог призадумался. В первую очередь, конечно, Делия – как-никак наследница престола. Следом, вероятнее всего, идет он сам – очень уж часто здешние колдуньи предсказывали ему корону, совершенно непонятно, правда, которую, все вроде бы расхватали и никто своей отдавать на сторону не собирается. Кто же третий? Его спутники замороженно переглядывались, тоже

пытаюсь угадать.

– Я и сама не знаю, кто, – тут же сказала старуха, отвечая на невысказанный вопрос, начертанный на всех без исключения лицах. – Это ж не письмена, господа проезжающие. Это образы, их еще прочитать нужно, а они, знаете ли, не всегда читаются. Вот и приходится предлагать их, какие есть, без всякой расшифровки... Три короны над тремя головами я вижу, а вот распознать эти головы – не взыщите...

– Ну, а что нас ждет в ближайшем будущем? – спросил Сварог.

– Это вам к астрологу следует, граф. Они большие мастера делать предсказания и на будущий год, и на завтрашний день. И не все из них шарлатаны – да сама я этого не умею. Удачи предсказывать бессмысленно – у всякого, кто играет в игры вроде ваших, удач впереди немало. Как и потерь. Насчет мелких неудач у меня плохо получается. Вот насчет крупных, к коим безусловно относится смерть... – Прохаживаясь по горнице, она вдруг мягко взяла ладонь Шедариса, вопросительно посмотрела.

Капрал оказался на высоте: даже и не пытаюсь вырвать руку, ответил вызывающим взглядом.

– Ты умрешь генералом, – заключила старуха.

– Значит, проживу еще чертову уйму времени, – хладнокровно прокомментировал капрал.

– Ну, кто следующий? – На ладонь Леверлина она взирала подольше. – Берегись нежных песен, они могут принести и смерть...

– Я их и сам пою...

Она всмотрелась, покачала головой:

– Пожалуй, берегись тех песен, что другие поют...

Мара с видом крайнего скептицизма протянула руку.

– Берегись солнца.

– Учту и постараюсь побережусь, – отозвалась Мара покровительственным тоном рассудительного взрослого, не спорящего по пустякам с капризным ребенком.

– Голову тебе отрубят лучший друг, – сообщила старуха Бони.

– Эх, бабушка, будь у тебя зубов побольше, стало бы их поменьше... – вздохнул верзила, с точностью до миллиметра измерив взглядом дистанцию меж своим кулаком и острым старухиным подбородком.

Делия смело протянула сверкнувшую перстнями руку.

– Маленьких опасностей остерегайся еще сильнее, чем больших.

Принцесса подняла бровь, но удержалась от вопросов.

– Эх, а ну-ка... – азартно воскликнула тетка Чари, протягивая руку.

Ответ последовал мгновенно:

– Смерть тебе сулит шакра-чатурандж...

Тетка даже огорчилась:

– Я-то думала – море... В чатурандж я и до того не играла, а теперь и учиться не стану...

– Ну, давай грабку, – капрал подтолкнул Паколета локтем. – Ты у нас последний остался, на закуску...

– А командир? – запротестовал Паколет.

– Командир пойдет замыкающим, как ему в иных случаях и положено...

Одноглазый робко вытянул руку.

– Смерть тебя подстерегает там, где много съедобного мяса без костей, – сказала старуха.

Паколет откровенно почесал в затылке. Сварог, придав себе бравый вид, протянул ладонь.

– Вот вам, граф, я такие вещи предсказывать не берусь, – пожала плечами старуха. – Вы кое-какими законами и правилами ну совершенно не предусмотрены... Учено говоря, расстояние безменом не измеришь, а вес линейкой не определишь... Только берегитесь вы мостов, очень вас прошу. Потому что сулят они вам сплошные неприятности. И своей крови остерегайтесь. – Она оглядела их всех, одного за другим. – Уж как получилось, господа мои, лучше объяснить не могу, по-другому и не бывает... Что всплывает, то и выкладывает. А чем это обернется – знать не дано.

– Был у нас в роте один организм, – сказал Шедарис. – В кости мошенничал гениально, но суть не в том... Предсказано ему было, что ждет его смерть от животного, на котором ездят верхом. Парень с тех пор и близко не подходил не то что к лошадям – ко всему, на чем только ездят верхом, к ослам, верблюдам. Дело было на Сильване, там верблюды водятся... Ну вот. А зарезала его из-за кошелька в одном поганом городишке местная шлюха, на которой, прошу прощения у принцессы, верхом ездили по-всякому. И если она была не животное, то я – университетский профессор мудрой науки астрономии...

– Улавливаешь суть, – благосклонно кивнула старуха. – Я-то решила сперва, что ты чурбан чурбаном – а у тебя, гляди-ка, проблески...

– Говорят, правда, что высказанное на людях предсказание не сбывается...

– Когда как. И смотря где. И смотря с кем.

Леверлин кивнул:

– Написано об этом много...

– И, как у вас, книжных людей, водится, все солидные авторы друг другу противоречат? – спросил Сварог. Леверлин развел руками:

– Есть такое обыкновение у авторитетов... Так что твой мост – не обязательно натуральный мост, соединяющий берега реки. Это может оказаться и улочка, звавшаяся в незапамятные времена Мостом Кожевников, и деревня, и какое-нибудь урочище с местным прозвищем Чертов Мост...

– Как хотите, а к доске для шакра-чатуранджа я и близко не подойду, – заявила тетка Чари. Шедарис положил ей руку на колено:

– А я постараюсь остановиться подальше от генеральских чинов – даже не на полковнике для пущей надежности...

Паколет жалобно воззвал:

– Объясните вы мне, где много съедобного мяса без костей!

– Да на кухне, – сказал Шедарис. – У особы познатнее, где мясо отборное...

– Не пойдет, – хмыкнула Мара. – Любой знатный человек ест и рыбу, и птицу, так что кости все равно будут...

– Бабка не говорит, что там совсем нет костей, – сказал Шедарис. – Она говорит, что мяса без костей там много. Точно, кухня. Может, даже дворцовая. А тебе бы я посоветовал: как только встретишь человека с солнцем в гербе – в геральдике частенько встречается, – на всякий случай приканчивай его первой или уж гляди в оба. Да, и у Горрота солнце на флаге, черное, правда...

– Учту, – сказала Мара. – Ну-ка, руку убери!

– Да я так... – буркнул Шедарис, но руку убрал с рукоятки пистолета.

– Что вы там? – вскинулся Сварог.

– Есть такое поверье, – старуха безмятежно скрестила руки на груди. – Мол, если убить колдунью, предсказанное и не сбудется. Только это опять-таки – смотря чем убивать, когда как... Спасибо, деточка.

– Не за что, – сказала Мара. – Я не из доброты душевной. Просто отчего-то чувствую, что ничего у него не вышло бы.

– Это точно, – многозначительно кивнула старуха.

Шедарис уставился в пол, бормоча:

– Да болтают, понимаете ли...

– Капрал! – грозно сказал Сварог. – Я тебя, мать твою...

– Скажи деточке спасибо, что остался жив, – без всякой злобы сказала капралу старуха. – Не сердитесь на него, граф, дело житейское. Научитесь когда-нибудь прежде думать, а уж потом хвататься за оружие... Между прочим, светает.

– Нет, у меня ты генералом точно не станешь, – пообещал Шедарису Сварог и встал. – Собирайтесь. – Когда все направились к двери, обернулся к старухе. – Вам, может, деньги нужны?

– Вы ж мне уже дали, – усмехнулась старуха. – Прощайте, граф. Я, право слово, хотела как лучше. Всегда полезно предупредить, хоть предостережение и видится туманным... Как смогла. А там, впереди, вас и в самом деле ждали.

«Когда ж это я давал ей деньги?» – подумал Сварог. И понял вдруг.

– Готов спорить, если мы вдруг вернемся, дома уже не найдем на этом месте? – просил он.

Старуха медленно кивнула. Глаза у нее были зеленые. Цвета весенней яркой листвы. Сварог ощутил не страх, а легкое стеснение, не представляя, что еще сказать и как держаться. Он торопливо поклонился, вышел и в два прыжка сбежал по ступенькам, услышав настигший его, словно бы ставший бесплотным и удивительно напоминавший шум крон под ветерком молодой девичий голос:

– Не все, что в лесу, нравится лесу...

Он прыгнул в седло, крутнул плеткой в воздухе, давая сигнал выезжать со двора. Небо из неуловимо-серого становилось неуловимо-синим, мир словно рождался заново, стоял тот волшебный миг рассвета, когда нет ни мрака, ни света, ни ночи, ни дня, но любоваться этой красотой было некогда. Еще и от того, что непонятное обычным людям и неопишуемое обычными словами неудобство в спине, ощущение тяжелого взгляда в затылок прямо-таки вопило: Арталетта уже в седле...

Подметив, что Шедарис с помощью довольно неуклюжих маневров остался в арьергарде, а рядом с ним держится Бони, Сварог бросил Маре повод своего заводного коня, подскакал к обоим заговорщикам и сказал:

– Значит, улучить момент, вернуться тихонько... А?

– Так ведь не нами придумано, что если прикончить такую вот вещь-ню... – мрачно сказал капрал. Бони решительно кивнул:

– Меня старики учили, как делать...

– Соколик ты мой, а про Лесную Деву тебе твои старики ничего не говорили? – спросил Сварог. – Ну-ка, рысью марш, герои!

Вскоре впереди открылась большая ложбина. По ее дну струился быстрый ручей, а подъем и спуск оказались довольно крутыми, коням поневоле при-

шлось перейти на шаг. Сам Сварог именно здесь и устроил бы засаду. Стороной не объедешь – чащоба. Он пропустил всех вперед, огляделся. Никто, конечно, не увидел того, что открылось ему – а он видел словно бы черные клоуны дыма, все еще реявшие меж желтыми стволами сосен на фоне росной паутины, над изящными листьями папоротника. Здесь их поджидало Зло, ушедшее с рассветом. Не следовало терять времени, однако он все же спрыгнул с коня, сделал несколько кругов, пригибаясь к самой земле. И в одном месте, где не росла трава, отыскал-таки на влажной песчаной почве смазанный четырехпалый след, напоминавший птичий, только огромный. И сразу вспомнил Ямурлак, мертвого верхового ящера с нелепо задранной четырехпалой лапой – похожа... Открытие оказалось бесполезным – все равно никто, даже Гаудин и Карах, не знали, что это за твари, откуда берутся, зачем приходят и куда уходят потом...

Стоя рядом с камнем, он напряг слух. Сквозь ставший оглушительным птичий гомон где-то далеко, на пределе восприятия, пробивался глухой ритмичный перестук копыт – кони шли полным карьером.

Он вскочил в седло. Достал кожаный мешочек и покопался в нем двумя пальцами. Наследство бабки-гусятницы оказалось не столь уж и большим – колдуны передают свои знания всерьез только лежа при смерти, а если сложится иначе, тебе достанется пара подручных мелочей... Очень полезных, правда, в дороге. Там лежал маленький клубок желтых ниток, две красные ленты, одна синяя, большой моток бечевки и грубо вырезанный из черного камлота силуэт – так рисуют дети, то ли собака, то ли волк, ясно лишь, что это не корова и не крокодил. К камлоту был плотно приметан белыми нитками волчий зуб.

Ленты негодились – Сварог не нашел бы в душе сил ни поджечь этот лес, ни затопить его водой. Он взял за хвост волка, швырнул через правое плечо левой рукой. Что бы там ни завладело Арталеттой и ее людьми, под ними самые обычные кони, все прекрасно получится...

Он негромко произнес, как учила старуха:

– Дует ветер от Камня Блуйгне, от Крепости Королей, несет ветер жизнь неживому, острые зубья к зубу, пламя глаз и шерсть черного цвета, цвета смерти и печали, чтоб сверкнули клыки, как семью семь печалей, и вонзились, как тридцать три тоски, чтобы сверкнули глаза, как семью семь невзгод...

И подхлестнул коня. Конь отчаянными скачками взобрался на песчаный склон. Сварог оглянулся и успел еще увидеть, как из папоротника поднимается черная спина громадного волка. И подумал, что заклятье, должно быть, ужасно древнее, сочинено в забытые эпохи, когда цветом смерти и печалей не считался еще белый...

Кавалькаду он догнал быстро. Все внимательно слушали Делию, а она рассказывала:

– ...и когда королю предсказали, что он будет поражен на балу ударом в сердце, сам он лишь посмеялся, потому что был совершенно бесстрашным человеком. Но начальник тайной полиции обязан относиться серьезно решительно ко всему, когда речь заходит о жизни монарха. Начался бал, где ликторов в маскарадных костюмах было едва ли не больше, чем гостей. Короля опекали искусно и неустанно, не отступая ни на шаг, отчего то и дело происходи-

ли разные мелкие недоразумения. Бал близился к концу, а злоумышленник все не появлялся. И тут вошел курьер с письмом. Любимый и единственный сын короля погиб на попавшем в шторм корабле. Король рухнул, как подкошенный, и в ту же ночь скончался...

– Это сказка? – спросил Сварог.

– Это правда, – ответила Делия. – По крайней мере, именно так хронист описывает конец династии демурских Рогесов...

Потом Шедарис вспомнил про одного своего дружка из Вольных Топоров, которому было предсказано, что смерть он примет от кошки. К пророчеству дружок отнесся с величайшей серьезностью, ни за что не останавливался в доме, где были кошки, более того, со временем пошел дальше, стараясь прикончить любую мурлыку, имевшую несчастье попасться ему на глаза, за что в конце концов заработал среди своих прозвище Кошкодав. Несмотря на все предосторожности, Кошкодаву все же случилось раньше срока отбыть из нашего мира, когда во время пустычной стычки в крохотном городишке на голову ему рухнула тяжеленная вывеска трактира «Синяя кошка»...

Капрал склонен был считать, что от судьбы не уйдешь (правда, больше всего его удручало, что сделанное ему предсказание лишено всякой конкретности), Леверлин придерживался иной точки зрения, и они долго забрасывали друг друга соответствующими примерами из жизни и из книг, но так и остались каждый при своем убеждении. Мара непочтительно оборвала ученый спор, заявив обоим, что они, по крайней мере, точно знают теперь, какой образ действий следует избрать, чтобы побыстрее покончить счеты с жизнью, буде потеряют к таковой охоту – одному следует быстренько дослужиться до генерала, а другому – сутки напролет слушать нежные песни, каковые его непременно доканают...

Глава 6 С комфортом и уютом

Никто и не догадался бы, что они вышли к Хелльстаду, если бы не остатки древних пограничных знаков и укреплений. Несколько тысяч лет назад, в смутную и до сих пор загадочную эпоху забытых потрясений, уже после Шторма, когда лары ушли за облака, а на земле царил сущий хаос, от Хелльстада ждали ужасных нашествий невиданных чудищ. И тогдашние правители пытались обезопасить свои рубежи, как умели. Вдоль границы сооружали засеки на много лиг в глубину, рыли грандиозные рвы, возводили длинные стены, магические кромлехи, часовни, сажали замороженные деревья, посвященные забытому ныне лесному богу Даргасу, даже натягивали серебряные цепи и устраивали целые поля серебряных колокольчиков, звеневших при малейшем ветерке. Время шло, никаких нашествий не происходило (хотя слухов о вышедшей из Хелльстада одиночной нечисти хватало, и вряд ли все они были сказками), и понемногу успокоившиеся короли переходили к более насущным делам вроде войн с соседями и усмирению то бунтующих крестьян, то разгулявшихся баронов. Рвы и часовни пришли в запустение, засеки сгнили и сгнули без следа. А серебро частью разворовали, частью успели вернуть в казну.

Остатки такого рва они сейчас и увидели – заросшую травой канаву с оплывшими краями, уардов в полсотни шириной и глубиной в локоть, не более. Слева возвышался покосившийся менгир со стершимися остатками то ли надписи, то ли магического рисунка-оберега, а рядом – наполовину выросшие в

землю плиты рухнувшего строения, заросшие зеленым лишайником. Канавка тянулась в обе стороны, насколько хватало взгляда. А по другую сторону – те же сосны, те же тисы, плавно поднимавшаяся вверх долина, а за ней – поросшие лесом округлые холмы и голые скалы. Пейзаж, где демонического и зловещего было не более, нежели в канцелярии равенского департамента освещения улиц.

Сварог оглянулся на спутников. Их лица не выражали ни особой бравады, ни особого страха – просто все тягостно напряглись в ожидании неизвестных опасностей. Кто знает, кому было неуютнее: им, ногой туда не ступавшим, но с детства привыкшим считать Хелльстад воплощением зла, или Сварогу, убравшемуся оттуда живым, но едва не наделавшему в штаны при общении с глорхом. Одна Мара, получившая чуточку иное воспитание, во всем блеске не ведавшей смерти юной беззаботности нетерпеливо теребила поводья.

Медлить далее было глупо, назад все равно не повернуть, и Сварог первым тронул коня, бросив:

– Ну, с богом, что ли...

Пересек ров. И ничего не произошло. Он даже засомневался в глубине души, что перешел границу. Но сомнения тут же рассеялись, стоило мимоходом глянуть на кроны сосен. По обе стороны рва росли могучие сосны – и тени от них падали навстречу друг другу. Оглядевшись внимательнее, Сварог с неприятным холодком под сердцем обнаружил, что его собственная тень протянулась навстречу тени Мары, первой двинувшейся за ним. Он смотрел во все глаза – но прозевал неуловимый миг, когда тень юной всадницы изменила направление на сто восемьдесят градусов, протянувшись к солнцу, светившему Мару в спину.

– Видел тени? – спросила Мара, подъехав.

– Видел, – угрюмо сказал Сварог. Остальные тоже все видели, но ехали, словно ничего не произошло.

– Куда теперь? – совсем буднично спросил Шедарис, когда они на пару ферлонгов[72] углубились в таинственные земли.

Сварог огляделся, прикинул направление по солнцу и махнул в сторону скал:

– Туда, пожалуй...

– Может, сначала подеремся? – спросила Мара.

– С кем это?

– А вон с теми назойливыми типами.

Сварог оглянулся, зло сказал сквозь зубы:

– Ну, это меня уже достало...

По другую сторону рва стояла тесно сбившаяся кучка всадников, человек двадцать. Половина – в форме синих мушкетеров, которую Сварог начинал уже тихо ненавидеть, половина в зеленых с желтым шитьем мундирах пограничных егерей. Почти все они были без шляп – несомненно, часть большего отряда, отполовиненного пусть недолговечным, но свирепым и тяжелым в общении колдуньиным волком. Колдовство бабки-гусятницы дало сбой – они все должны были остаться в той ложбине с порванными глотками или, по крайней мере, лишиться всех лошадей. А они прошли. Причина, скорее всего, в Арталетте – в том, что за ней стоит...

Арталетта стояла впереди, у самого рва, яростно жестикулируя, взмахивая

плеткой, но не похоже было, что ее пылкие речи и строгие приказы двигаться вперед находят горячий отклик в массах. Со стороны противника последовало несколько выстрелов, вслед за чем на границе вспыхнули ослепительно огненные шарики и тут же погасли. Свиста пуль беглецы так и не услышали – Хелльстад, судя по всему, умел защищаться от направленного извне хамства. Сварог кивнул Маре. Она выхватила пистолет и наугад выпалила. Еще один огонек полыхнул и погас точнехонько на границе.

Дискуссия в рядах преследователей достигла финала – Арталетта вытянула коня плеткой, в три прыжка миновала ров и, не сбавляя аллюра, понеслась по владениям Хелльстада.

– С-стерва... – сказал Сварог не без уважения. Следом за ней неслись человек восемь. Два мушкетера, остальные – егеря. Оставшиеся у рва повернули коней, целеустремленно припустили в лес.

– Ну, пора кончать с этими догоняшками, – сказал Сварог. – Сколько можно?

Бони кивнул, слез с седла, отвязал пулемет, лег и по-крестьянски обстоятельно стал выбирать удобную позицию, елозя животом по земле, вытягивая шею и всматриваясь.

– Граф! – умоляюще воскликнула Делия.

– Я понял, – мрачно сказал Сварог. – Что ж, я не добрый, мне просто нужно разобраться... Эту бешеную девку брать живой, понятно? Чтоб ни волоска с ее головы... Держите коней!

Он спрыгнул на землю, вынул топор из петли. Всадники Арталетты неслись вскачь – вопреки всем законам тактики, решительно запрещавшей кавалерии атаковать вверх по склону. Должно быть, их тоже допекло, и они хотели побыстрее со всем этим покончить. Бони, прижав приклад к плечу, поднял голову:

– Командир, скажи историческую фразу. Больно уж торжественный момент.

Сварог не видел в моменте ничего торжественного, но всегда старался удовлетворять мелкие капризы своего воинства, если они не шли в ущерб делу. Подумав, он сказал историческую фразу:

– Огонь!

Пулемет загрохотал, понемногу заволакивая дымом все вокруг себя. Лошади волновались, шарахались, ржали – а там, впереди, кони летели наземь вместе со всадниками, как сбитые кегли, кто-то вылетел из седла, и его гнедой промчался мимо Сварога, кто-то повернул назад, но все равно не успел, кто-то стал забирать в сторону, но его достал выстрел Мары. Благородную ратную схватку это ничуть не напоминало, но тут уж было не до благородства. Полное поражение погони обозначилось почти моментально – одна Арталетта неслась вперед, и Сварог, приложив ко рту вертикально правую ладонь, послал ей навстречу несколько коротких слов, магию Гэйров, оказавшуюся вполне актуальной и весьма полезной – и ее конь, пробороздив землю задними ногами, застыл, как вкопанный. Арталетта, еще не понимая сгоряча, что произошло, бешено его шпорила.

Сварог подошел к ней и, поигрывая топором, сказал:

– Слезайте, герцогиня, приехали...

Она спрыгнула на землю, замахнулась мечом. За пистолеты и не пыталась

хвататься – видимо, знала, что против Сварога это бесполезно. Сварога так и подмывало одним ударом отправить ее к праотцам, особенно когда он увидел вблизи ее совершенно безумное лицо с посиневшими губами, но не следовало срывать раздражение на человеке, вполне возможно, ставшем жертвой загадочного зла. Он снес ее клинок у самого эфеса, а потом, плюнув на всякую галантность, метко угодил ей концом топорщица в солнечное сплетение.

И все равно, вязать ее пришлось вчетвером, она сопротивлялась с фурией, для обычного человека вовсе уж невероятной. Связанная, принялась кататься по земле. Сварог растерянно гадал, что делать дальше.

– Держитесь подальше, принцесса, – сказал он. – Честное слово, укусит... Скажет мне кто-нибудь, что с ней теперь предпринять?

– Прикладом по башке, – мрачно предложил Бони, посасывая прокушенный палец.

– Раздеть ее надо и осмотреть, как следует, – подал голос Паколет. – Вдруг что и найдем.

– Чувствуешь что-нибудь? – заинтересовался Сварог.

– Да толку от меня, вот бабка... Короче, это не в ней. Столько-то я просекаю, а дольше не хватает учености. Или наговорная иглолка, или что-то в одежде, а может, и опоили, тогда придется тягомотнее...

– Это сколько же у нас будет покусанных, пока осмотрим? – с сомнением сказал Сварог.

– Палку в пасть, завязочки на затылке, – со знанием дела предложил Шедарис.

– Четыре колышка в землю, привязать руки-ноги. Тогда не подрыгается. Бывало... – он крякнул и поспешно умолк.

Сварог не стал уточнять, для чего предназначалась такая технология – примерно догадывался и сам, что с ее помощью творят в захваченных городах. Он кивнул:

– Ну ладно. Походно-полевой сеанс борьбы с черной магией, говорите...

Присел на корточки, когда все было готово, попытался применить все, чему его научили. Явственно видел загадочный черный ореол, окаймлявший лежащую девушку, эту гирлянду причудливых черных снежинок, бесплотных, как дым, вызывавших в висках неприятное покалывание. Осторожно коснулся растрепавшихся черных волос и убедился, что ищет, где следует: ладонь кольнуло в нескольких местах, словно он трогал не просто колючего, а еще и невероятно холодного ежа.

– Держи-ка ей голову покрепче, – сказал он Шедарису. – Помогите кто-нибудь, быстро! Да навалитесь вы без церемоний, чтоб не дергалась! Есть там что-то! Принцесса, не путайтесь под ногами!

Растопырил пальцы, собрал волосы в пучок, откинул с висков. Паколет, во многих ситуациях бесполезный балласт, здесь оказался прав: за ухом под нежной кожей сидела длинная то ли игла, то ли булава, наружу торчала лишь странная головка. Бесцеремонно намотав ее волосы на кулак, Сварог тремя пальцами ухватил крохотную треугольную пластинку, примерился как следует, дернул.

Арталетта испустила дикий вопль, испугавший коней. И обмякла с закрытыми глазами, запрокинув голову, едва не перекусив палку во рту. Сварог одной рукой перехватил кинувшуюся к ней Делию, сунул принцессе под нос

черную булавку с треугольной головкой, покрытой микроскопическими знаками:

– Вот и все, надо полагать.

– Она же без сознания!

– Что делать дальше, я совершенно не представляю, – честно признался Сварог, вонзил булавку в землю и притоптал каблуком. – Нашатыря у нас нет... носки, что ли, с кого-нибудь снять?

Вновь присел на корточки, похлопал Арталетту по щекам, не глядя, взял у кого-то фляжку, брызнул в лицо водой. Цвет лица стал уже совершенно нормальным, ни следа этой жуткой синюшности, и больше всего девушка походила на безмятежно спящую.

«Врачевать так врачевать», – подумал Сварог, зажимая ей ладонью рот и нос. Она дернулась, но кусаться не стала, ресницы затрепетали, глаза медленно раскрылись. Больше она не выглядела ни злой, ни бешеной, но недоверчивый Сварог побыстрее убрал руку, развязал ремешки и вынул из ее рта палку.

– Кто вы? – спросила она медленно, с трудом ворочая языком, повернула голову. – Где я?

– А вы кто? – спросил Сварог.

– Я – Арталетта, герцогиня Браг. Что происходит? Кто вы все такие?

Сварог кивнул Делии:

– Вот теперь можете побеседовать по-родственному. Но развязывать я ее пока не стану, уж не взыщите...

Взглядом приказал Маре быть начеку, поманил за собой остальных, устало улыбнулся:

– Вот так, соколики, командир ваш – мастер на все руки...

Там, куда он вогнал булавку, медленно поднималось над землей пронзительно-синее свечение, раздулось до размеров крупной тыквы, подернулось бурными полосочками и погасло.

– Горсть золота тому, кто объяснит, что это такое, – сказал Сварог вяло.

Награда осталась не востребованной – да он и не ожидал откровений. Делия что-то горячо говорила, опустившись на колени, лицо Арталетты было недоверчивым и испуганным, вокруг стояла тишина, кони пощипывали траву, и Сварог больше всего боялся расслабиться. Он не смотрел в ту сторону, где лежали трупы, – этих пешек нужно бы пожалеть, но жалеть некогда...

Делия оглянулась на него. Сварог подошел.

– Развяжите, – попросила Арталетта. – Все тело затекло.

Он рассек веревки кинжалом, вернул его Маре и спросил:

– Ну, что скажете, герцогиня?

– Если все, что говорит Делия, правда...

– Правда, – сказал Сварог устало. – Чистейшая. Хотите верьте, хотите нет, некогда с вами возиться, а бить себя в грудь, клясться и убеждать ничуть не тянет...

Мара бдительно стояла рядом, поигрывая кинжалом.

– Где мы? – спросила Арталетта. – Неужели это...

– Это Хелльстад, – сказал Сварог. – Куда вы сами нас старательно загнали. Я повторяю, некогда вести с вами чинные беседы. И я до сих пор вам не доверяю, если честно...

– Это было, как сон, – сказала Арталетта. – Один сплошной кошмар. Я ска-

чу, я вас вижу, только не глазами, знаю, как вас найти и где, и у меня нет ни собственной воли, ни желаний. Меня гонит вперед, как ураганным ветром в спину. Останавливаться нельзя, мне становится плохо, если задержаться хоть ненадолго, жар, все тело горит, страх смерти...

– А когда все это началось, можете вспомнить?

Она задумчиво покачала головой:

– Когда... Утром. Потом убежал медведь, оно уже оказалось в голове, и я видела вас с этой девчонкой полупрозрачными, как призраки, я тогда еще не знала, что должна вас поймать... Потом мне сказали. Но вас уже не было в городе.

– Кто сказал?

– Не помню. Ни лица, ни фигуры, ни голоса. Он все время приказывал... а может, она или оно. Оно все время говорило из-за спины, как быстро ни поворачивайся, увидеть не удастся. Если подумать... Все началось с завтрака. Видимо, что-то подмешали – я едва добрела до кабинета, уснула прямо в кресле, а когда проснулась, оно мной уже командовало...

– Веселый у вас дворец, принцесса, – сказал Сварог. – Ни за что бы не согласился в нем жить. Действительно, тут начнешь городить себе серебряную комнату... Ох, не зря ваш папенька что-то хитрое изобретает, неудобно ему... Ну что же, герцогиня... Садитесь на лошадку и отправляйтесь домой.

Арталетта передернулась:

– Там волк, с коня ростом...

– Нет там больше волка, – сказал Сварог. – Волк был одноразовый.

– Какой волк? – удивилась Делия.

– Был тут один... – сказал Сварог. – Она знает.

– Пусть она едет с нами, – сказала Делия.

– Нет, – сказал Сварог. – Дело даже не в том, что я ей не доверяю до конца. Если ей можно доверять полностью, она нам гораздо больше пригодится в Равене.

Делия надменно вздернула подбородок, но Сварог сказал резко, безжалостно:

– Мы, простите, не в «четыре шарика» играем. Принцесса, вам не кажется, что вы мне кое-чем обязаны? И обещали меня слушаться?

На сей раз Арталетта оскорбленно воздела очаровательную растрепанную головку:

– Ну, если вы мне не доверяете! Где конь? Я немедленно возвращаюсь в столицу и сделаю все, что смогу...

Сварог невольно залюбовался обеими – хороши были, чертовски, раскрасневшиеся в приливе фамильных амбиций. И чем-то очень схожи, хоть и происходили от разных матерей – гордой статью, конгеровскими синими глазами, дерзкими и властными, породой. Каким бы тираном и братоубийцей Конгер ни был, за таких дочек ему кое-что можно и простить... Но второй раз пускаться в рискованную экспедицию, имея в подчинении настоящую, капризную и гордую принцессу, – нет уж, увольте...

– Только поосторожнее, ладно? – сказал он Арталетте. – Тот, кто все это устроил, наверное, все еще во дворце...

Он посмотрел вслед удалявшейся рысью всаднице, деликатно тронул за локоть Делию:

– Пойдемте, принцесса. Ничего с ней не случится. Второй раз так просто не попадетсся...

– Надеюсь, – сказала Делия. – Страшно хочу надеяться... Послушайте, быть может, попробуем вернуться и идти другой дорогой? Я ее убедила...

– А остальных кто убедит? – пожал плечами Сварог. – Смешно, но здесь я от чего-то почувствовал себя в безопасности. Поедем напрямик, к морю. Мы с вами как-никак персонажи пророчества, вы не забыли? С нами ничего не может случиться...

Смешно, но он и сам чуточку в это верил.

Делия устало улыбнулась:

– Вам со мной не очень трудно?

– Я думал, будет гораздо тяжелее, – искренне сказал Сварог. – Просто вас жизнь к такому не готовила... а кого она готовила? Но вы прекрасно держитесь. Вы замечательная, в другое время я непоправимо влюбился бы в вас... Идемте, отряд заждался...

Сев в седло, он достал компас из замшевого чехольчика. Чертыхнулся. Изящная стрела размеренно вращалась, помедленнее, чем это делает секундная стрелка часов, но столь же целеустремленно и неостановимо. Гвозди забивать таким компасом.

С таким видом, словно собирался сделать это с самого начала, от достал бабкин клубок, прошептал над ним должный наговор и швырнул под копыта коню. Желтый клубочек высоко подпрыгнул, не хуже резинового мячика, замер, покружился на месте и, наконец, уверенно покатился, подпрыгивая на ухабах, огибая крупные камни.

Все изумленно таращились на него, даже Паколет.

– Это что такое? – спросил Шедарис.

– Это наш компас и проводник, – со всей возможной безмятежностью ответил Сварог, трогая коня. – Других здесь не бывает, знаете ли. Не теряйте его из виду, но и по сторонам посматривайте...

Клубок задавал темп. Он катился не особенно быстро, и кони, двигаясь рысью, вполне за ним успевали. К кавалькаде прибились еще две лошади, оставшиеся без всадников и привыкшие ходить в строю. Сварог только порадовался такому прибавлению материальной части, приказав взять их на чембуры.

Всадники поднялись на гребень. Внизу расстилалась необозримая долина, выглядевшая вполне мирным уголком дикой природы: ни дымка, ни строения, ни малейшего движения. Правда, справа виднелось что-то округлое, бело-желтое, чересчур уж правильных для природы очертаний, скорее купол, но клубок бодро катился в том направлении, и пришлось ему довериться.

Вскоре все хорошо рассмотрели, что там белеет впереди, но коней не придержали, подъехали вплотную. Череп, лежащий у скалы, в точности походил на человеческий, но был повыше любого всадника и напоминал скорее дом, возведенный окончательно спятившим зодчим. На левом виске зиял пролом, куда мог бы протиснуться человек. Других костей поблизости не видно.

– Вот вам и легенды о великанах, – сказал Леверлин тихо. – Не на пустом месте изощралась фантазия...

Сварог попытался представить этого гиганта живым – а заодно и неизвестного врага, проломившего череп. Образ получался неуютный и жутковатый.

Мара, вынув ногу из стремени, непочтительно постучала каблуком по тол-

стенной грязно-желтой кости. Череп ответил глуховатым эхом, словно треснувший колокол. Он покоился на земле прочно, как каменная стена, и Сварог кивнул в ответ на вопросительный взгляд напарницы, ему самому было интересно. Мара ухватилась обеими руками за верх глазницы, гибко изогнулась и ногами вперед прыгнула внутрь. Видно было, как она ходит там, оглядывается, нагибается. Вскоре она тем же путем выбралась наружу, взлетела в седло, пожалала плечами:

– Там лежит свинцовый шар довольно грубого литья. Если сравнить с размерами черепа, очень похоже на великанскую пулю из соответствующего мушкета...

– С мушкетом сможет каждый дурак... – сказал Бони. – Тем более с соответствующим. А вот у нас в Скатуре лет через пятьсот после Шторма ухайдакали такого же дядю, когда он приперся на выгон и стал ловить коров. И ухайдакали простыми деревенскими средствами, какие были под рукой. Старики рассказывали.

– А ты скелет видел? – фыркнула Мара.

– Нет, конечно. Но место, где его закопали, всякий в деревне знал. Так и звалось – Великаний Лужок.

– А вашим пращурам с молодого вина не привиделось?

– Возможно, и не привиделось, – заступился Леверлин. – Вряд ли такой верзила был один на всем белом свете... Меня другое смущает: неужели ваши пращуры смогли его прикончить цепами и вилами?

Бони ухмыльнулся:

– По правде говоря, наши ему приволокли чан вина, куда заранее намешали волчьей красавки... Тут же окошел, не допивши.

– Ладно, естествоиспытатели, едем дальше, – сказал Сварог. – Если начнем устраивать научные диспуты вокруг каждой находки – надолго задержимся...

– Командир, а вот это – находка или вовсе наоборот? – Шедарис произнес это внешне спокойным, безжизненным голосом, он застыл на коне в неудобной позе, ладонь медленно-медленно ползла к седельной кобуре. – Вон они, от солнца заходят...

Сварог поднял голову. С стороны солнца по небу надвигалось журавлиным клином десятка полтора округлых предметов, и за ними, немного отставая, скользили по земле их тени. Предметы были огромны – если шли на приличной высоте или с человека ростом – если держались невысоко. Прикинув, Сварог пришел к выводу, что верно второе.

За спиной у него глухо клацнул затвор пулемета.

– Не стрелять, – сказал он яростным шепотом.

Больше всего они походили даже не на отсеченные головы, существовавшие сами по себе, – на гигантские маски, зеленые, синие, грязно-белые. Но чудовищные подобию лиц выглядели живыми: они таращились выпученными глазами, подмигивали, расплывались в гримасах, обнажая квадратные желтые зубы, высовывая широкие, алые, с закругленными концами языки, откровенно дразнились, пучили глаза, отчего на лбу возникали валики морщин, поводили широкими ушами, похожими на крылья летучих мышей, болтавшимися свободно, как разболтанная калитка на одной петле. С нечистью они не имели ничего общего – разве что вдруг отказало умение Сварога распознавать таковую. И он медлил, поглаживая обух топора.

Затылки у них, успел заметить Сварог, все же были, но головы выглядели сплюсненными. Они кружили как-то лениво, недобро облизываясь, откровенно причмокивая с самым гнусным видом, пуча глаза. Казалось, это война нервов продолжается целую вечность, и Сварог не знал, чего он больше всего боится – то ли нечаянного выстрела кого-то из своих, то ли внезапной атаки, когда эти твари кинутся вниз и начнется беспорядочная свалка, которой невозможно будет управлять.

Хриплый, трубный голос оборвал немую сцену:

– Эй вы, предъявите подорожную!

Это было настолько нелепо, что Сварог подавился идиотским смешком. Пересилил себя и громко ответил:

– А откуда мы знали, что здесь нужна подорожная?

Вверху раздался утробный гогот:

– Она тут и не нужна!

– Что же вы ее тогда требуете?

– А мы ее и не требуем, – заржала другая рожа. – Просто интересно стало – вдруг подорожная у вас есть?

– А девочки у них мя-аконькие, – подхватила третья. – Мясо молоденькое...

– И лошади вкусные...

– Да и мужчины не старые, поглотать стоит...

Шедарис не выдержал, привстал на стременах и в сочных, выразительных словах описал все подробности расстройства пищеварения, каковое постигнет всякого, рискнувшего им пообедать. Головы дружно загоготали, дразнясь языками, и вдруг, словно вспугнутые воробьи, прыгнули вверх всей стаей с небывалой синхронностью, снова выстроились журавлиным клином и понеслись прочь, кувыркаясь в воздухе, ухая, визжа и хохоча. Сварог едва разжал пальцы, намертво впившиеся в топориче. Когда он успел выхватить Доран-ан-Тег из чехла?

– Странно, – сказала Мара. – Ну не испугались же они нас? Закрутись все по-настоящему, еще неизвестно, кто кого уделал бы.

– Может, они здесь вместо шутов, – сказал Сварог, убирая топор. – Или здешние юродивые именно таковы и есть...

Но сам он в такое верил плохо. И больше всего ему не понравилось, что первая же встреча с обитателями Хелльстада обернулась откровенной клоунадой. Такое не бывает без причины в местах, подобных Хелльстаду. Со змеей обстояло совсем иначе, она была страшная, но тупая, а эти рожи, несмотря на шутовское обличье, вовсе не выглядели примитивами...

Клубок вопросительно колыхнулся. И Сварог сказал:

– Вперед.

Клубок вел их среди скал весьма заботливо, с человеческим прямо-таки разумением выбирая легкую для коней дорогу и задавая приемлемый темп. Смешно, но на это время клубок и стал командиром, потому что самому Сварогу никак не подворачивалось оказии покомандовать – вокруг было тихо и спокойно, и ничто живое больше не нарушало девственной чистоты небес своим внезапным появлением, и не попадалось более никаких монстров, и окружающую тишину никак не тянуло называть гнетущей. Самая обыкновенная тишина. Это покойное благолепие Сварога и раздражало больше всего, он нико-

гда еще не был в столь дурацком положении – радоваться, что нет драки, что его люди целы и невредимы, и в то же время понемногу стервенеть от мирной тишины...

Он даже оживился, когда, обогнув скалу, все увидели впереди, на равнине, что-то сверкнувшее металлическим блеском в лучах уже кренившегося к горизонту солнца, нечто протяженное, показавшееся бесконечным. Узкая сверкающая полоса пересекала равнину чуть наискосок, появляясь из-за горизонта и уходя за горизонт. Сварог долго смотрел на нее в подзорную трубу, перебирая сравнения и ассоциации. Озарение, как ему и полагалось, полыхнуло словно бы из ниоткуда. Только что его не было – и вот оно, в голове, и удивляешься, как раньше до этого не додумался.

– Рельсы в Хелльстаде? – проворчал Сварог себе под нос. – Более чем оригинально...

Но это и в самом деле больше всего напоминало новехонький рельс, словно вчера проложенный, дабы подгадать к их визиту.

Остальные молчали. Он понял, в чем дело. Спросил:

– Кто-нибудь в жизни видел рельсы? Что, не узнаете? Вы же в подземелье, по-моему, насмотрелись вдосыт...

– Но их же должно быть четыре, – пожал плечами Леверлин. – Или в крайнем случае два...

– Я вам открою страшную тайну, – сердито сказал Сварог. – Иногда достаточно всего-навсего одного. Поезд удержится. Только не спрашивайте меня, почему – я сам плохо представляю... – Он ошеломленно помолчал. – Есть в Хелльстаде какое-нибудь государство?

– Что? – Леверлин смотрел непонимающе. – Да не должно здесь быть никакого государства, откуда ему взяться...

– Так все-таки – «нет»? Или – «не должно быть»?

– Послушай, сам я здесь не бывал. Из всего сумбура, что нагородили вернувшиеся отсюда, удалось извлечь немного полезного, и никто еще не составил мало-мальски пригодного путеводителя... но про государство не может быть и речи. Даже государство чернокнижников, магов, нечистой силы... Здесь только чудища и опасности. Да, кое-кто говорит о хелльстадском короле, но это еще не означает государства, согласись...

– Согласен, – сказал Сварог. – Но перед нами несомненный рельс. Рельсы – пути сообщения – государство...

– Если только это рельс, – сказала Мара.

– Чертовски похож, – сказал Сварог.

– Смотри, вон там!

С той стороны, куда она показывала, появился движущийся предмет, он словно парил над рельсом, мчался слева направо с приличной, но не столь уж безумной скоростью. Сварог торопливо вперился в подзорную трубу. Прямоугольная платформа, окрашенная ярко, весело – лимонно-желтый с синими разводами вроде павлиньих перьев и белыми узорами. Там была еще надпись, несомненная надпись светло-малиновыми буквами, но прочитать ее на таком расстоянии не удалось даже в Сварогову сильную трубу. Целеустремленно, с постоянной скоростью, совершенно бесшумно, огражденная высокими синими перилами платформа пронеслась к горизонту, за каковым и сгинула во всей своей загадочности. Загадка? Сварог вспомнил заброшенное метро

под Равеной, где за пять тысяч лет не вылетел ни один мозаичный камешек, не отлетела и чешуйка краски, не проржавел и крохотный болтик, даже пыли с паутиной не прибавилось. Поспешные версии, как известно, вещь рискованная, но почему бы и на поверхности земли древней технике не сохраниться столь же идеально? Стоит воспользоваться тестом Оккама и допустить, что это осталось с прежних времен, – и получаешь простую, вполне пригодную гипотезу, не требующую нагромождения допущений и оговорок...

Он посмотрел на клубок. Тот шевельнулся и покатил вниз по склону – гораздо медленнее, чем катился бы обычный шарик. Сварог пустил коня следом. Клубок свернул, покатился параллельно рельсу, уярдах в пяти от него. Бесшумная, как призрак, платформа обогнала кавалькаду, всхрапнули кони, Сварог невольно вздрогнул от неожиданности, успел рассмотреть, что выглядит она как новенькая, точная копия первой, а вот надписи на борту разобрать не успел, платформа выжимала лиг сто в час.

Вскоре они увидели впереди остановку. Станцию. Разъезд. То есть это Сварог окрестил в уме строение остановкой – и готов был отстаивать свою точку зрения в споре с любым оппонентом, подвернись таковой. Новехонький на вид павильон – изящно выгнутая белая крыша, три стены из малиновых и синих стеклянных блоков. И вывеска, где синим по светло-серому значилось: «Кардея».

Клубок крутнулся на месте и замер.

– Ну, и что ты предлагаешь? Ехать? – проворчал Сварог, как будто надеялся на ответ.

Разума в клубке имелось не больше, чем в лесном орехе. Безмозглый сгусток магии, он был создан для одной-единственной цели: единожды указать своему владельцу самую безопасную дорогу. Все наследство бабки-гусятницы состояло из одноразовых магических штучек. Причем личность и моральные качества владельца никакого значения не имели. Вора клубок провел бы подалее от полицейских, купца – подалее от разбойников, и так далее. Эрго...

Сварог спрыгнул с седла, прошел под крышу. Вдоль стен тянулись белые, изящные, вроде бы пластмассовые лавочки, пол был из синих квадратных плиток, ничуть не скользивших под подошвой, а на одной из боковых стен, на уровне груди Сварога, белела плоская коробка, отнюдь не внушавшая непосвященному комплекса неполноценности. Потому что там была одна-единственная кнопка, черная, квадратная, и две лампочки в виде полушарий. Верхняя светилась синим, нижняя не горела. Ничуть не колеблясь, Сварог придавил большим пальцем кнопку – и синяя лампочка погасла, а нижняя засветилась красным.

Сварог вернулся к своим, но на коня не сел.

– А что дальше? – с любопытством спросила Делия.

– У меня сильные подозрения, что следующая платформа теперь остановится, – сказал Сварог. – Если так и случится, мы сядем и поедем. Благо нам почти в ту же самую сторону. Наш поводырь отчего-то спокоен, а я склонен ему верить. Если платформа остановится, значит, и там, где мы решим сойти, остановить ее будет легко. Хоть убейте, не связываю я это сооружение с чудищами и злыми чарами. Правда, смешно будет, если окажется, что на платформе стоит автоматическая касса, наши монеты туда вряд ли пролезут...

Увы, никто не смог оценить его последнюю фразу должным образом – все,

включая Мару, не поняли, в чем тут юмор, вообще не усмотрели юмора.

Вскоре показалась платформа. Плавно гася скорость, она остановилась напротив павильона, осела, скрыв под собой рельс, став совсем низкой, по колени лошадям, и синие поручни на обращенной к людям стороне опустились, ушли в желтый борт. Теперь можно было не торопясь прочитать надпись, сделанную, как и в метро, абсолютно знакомыми буквами: «Тахарот – Тодиар». Клубок, подпрыгнув, взлетел на платформу, откатился к перилам и замер.

Сварог попробовал платформу ногой – ничуть не колышется, – решился взойти. На перилах впереди – узкая коробочка с окошечком, где светилась надпись «Кардея», и одной-единственной кнопкой. Гениально просто. И почему-то ни единого кресла, лавки, сиденья. Что, поездка по этому маршруту считалась короткой и пассажиры предпочитали стоя любоваться окружающей природой? Ага, вот – узкая белая клавиша с черным силуэтом стула. Надо полагать, нажмешь – стулья и выскочат снизу. Но придется постоять, иначе кони не уместятся...

Не прибегая пока что к фамильному умению Гэйров-лошадников, он потянул коня за повод, и тот, поколебавшись, спокойно ступил на платформу – она не гремела, не чадила и оттого, надо полагать, совсем гнедого не пугала. Следом завели коней остальные. Сварог, уже с показной лихостью, нажал кнопку.

Перила поднялись. Вспыхнула новая надпись: «Куманте», но Сварог не стал больше трогать кнопку. Платформа плавно приподнялась над рельсом и устремилась вперед. Положительно, сотня лиг в час, не меньше, однако скорости не ощущается и ветер вовсе даже не бьет в лицо, есть тут какой-то секрет... Сварог ободряюще оглядел спутников, но они и без того держались молодцом.

– И это – дорога предков? – спросила Делия, встав рядом с ним.

– Очень похоже, – сказал Сварог. – Какая-то фантастическая сохранность...

– Сказка... Поневоле позавидуешь.

– Предкам? – криво усмехнулся Сварог. – Право, не стоит, принцесса. Голову могу прозакладывать, бок о бок с этими приятными удобствами у них имелась масса такого, отчего вы пришли бы в ужас...

Но Делия его не слушала, задумчиво улыбалась, подставив лицо легкому ветерку, мечтательно полузакрыв глаза. Сварог мысленно махнул рукой, догадываясь, где блуждают ее мысли и фантазии. Зримых остатков древних ужасов в наличии не имелось, а яркая платформа, невесомо летящая среди заросших лесами холмов и зеленых равнин, была доподлинной реальностью. Сварог отстранил ладонью ткнувшуюся ему в плечо тяжелую конскую морду, облокотился на перила и молча глазел по сторонам. Уходил квадранс за квадрансом. Час, полтора, два... Платформа неслась, не задерживаясь на многочисленных остановках. Вокруг – равнины и холмы, потемневшие после захода солнца леса. И ни единого чудища ни на земле, ни в небе, ни малейших следов цивилизации, если не считать самого монорельса. Идиллия и пастораль.

– Граф, – громко сказал Сварог, не оборачиваясь. Леверлин подошел справа.

– Слышал ты о чем-нибудь подобном? – спросил Сварог, похлопав ладонью по перилам. – Или, может, читал?

– Ни строчки и ни словечка...

– Занятно, – сказал Сварог. – А ведь эта штука расположена в жалких паре лиг от границы, и конца-края ей пока что не видать. Что, никто из тех, кто сю-

да забредал, так и не наткнулся на рельс?

– Куда ты клонишь?

– Сам не знаю. Размышляю вслух.

Кто-то охнул за его спиной, беспокойно зафыркали кони – впереди вдруг открылась неширокая река, рельс пересекал ее, держась на ажурных, уходящих в воду опорах. На миг и у Сварога замерло сердце, но платформа лихо пронеслась на другой берег над серой морщинистой водой, с высоты показавшейся твердой и неподвижной. Рельс круто забирал влево, протянувшись вдоль реки. Возможно, это и был таинственный исток Итела. Дорога пошла под уклон. Справа темнел лес, впереди показался залив, нечто вроде бухточки, отделенной от реки узким каналом. Бухточка была чересчур уж округлая, а канал чересчур уж прямым для игры природы. Возле бухточки желто-коричневым полумесяцем выгнулось невысокое каменное здание со стрельчатыми окнами, башенками и нависавшими над водой террасами.

Глава 7

«А дальше – древние дороги...»

Платформа замедлила ход, остановилась. Рельс кончался у темно-синего сооружения, напоминавшего решетчатую антенну радара, врытую нижним краем в землю. Рядом на двух столбиках красовалась вывеска: «Тодиар».

– Поздравляю, приехали, – сказал Сварог. – Дилижанс дальше не пойдет.

Перила опустились, и он сошел на землю первым, отметил в окружающем некую странность, но никак не мог сообразить, в чем она заключается. Клубок скатился следом, замер у сапога.

– Выводите коней, – распорядился Сварог. – Нужно же где-то ночевать. Дом есть, а хозяева, сдаются мне, уже не объявятся.

Больше всего одноэтажное здание походило на уютную гостиницу – вполне возможно, стилизованную под некую тогдашнюю старину. Под то, что считалось стариной пять тысяч лет назад. Сварог уже почти не сомневался, что видит дело рук людей, населявших Талар до Шторма, – и шрифт надписей был тем же, что в метро, и еще что-то неуловимое, некое сходство дизайна, уловленное не разумом, а словно бы чутьем... Так уж выглядел этот красивый, целехонький, ничуть не тронутый разрушением дом. Он был из другого времени, не нынешнего.

Наконец Сварог сообразил, что показалось ему странным. Опережая их, той же дорогой прошли две платформы. Сворачивать им было некуда, ни единого ответвления по пути не оказалось. С рельса они не сходили, иначе непременно попались бы на глаза. Но все же исчезли, как дым.

Растерянно оглянулся. Его brave сподвижники стояли, держа коней под уздцы, дисциплинированно дожидаясь дальнейших указаний, а за их спинами был только рельс и никакой платформы там уже не имелось...

– Ты что, черта увидел? – тихо спросила Мара. – Аж глаза на лоб вылезли...

Он молча ткнул пальцем за их спины. Все оглянулись и тоже увидели – точнее, уже ничего не увидели.

– Колдовство, – поежился Бони и сильнее зажал под мышкой пулемет, как будто любимая громыхалка могла уберечь его от злых чар.

– Вряд ли, – подумав и припомнив кое-какие заоблачные чудеса, сказал Сварог. – Скорее уж – высокоразвитая техника. Платформа, добравшись сюда, по миновании в ней надобности просто испаряется. Куда она девается, я вам не

скажу – образования не хватает...

– Ну, уж если это не колдовство, тогда неизвестно, что колдовством и звать... – проворчал Шедарис.

– Говорят тебе, наука, – чуть свысока глянула на него тетка Чари. – Командиру виднее.

– Я и не спорю, – угрюмо сказал капрал. – Командиру виднее. Я так понимаю, все это построено до Шторма? А помните ту симпатичную зверушку из подземелья? Как бы и здесь на нас что-нибудь бойкое и зубастое не выпрыгнуло...

– Пойдем посмотрим, – обыденным тоном сказал Сварог и взял коня под уздцы.

Клубок покатился перед ним к невысокому, в три ступеньки, крыльцу между двух рядов фонарей на изящных, с большим искусством выкованных столбах. Фонари были четырехгранные, их стекла напоминали скорее крохотные витражи. И вдруг они все разом вспыхнули в сгущавшемся сумраке, справа и слева, так что и люди, и кони шарахнулись, оказавшись в полосе света. Сварог исключением не стал. Зажглись и несколько окон по обе стороны крыльца – это осветился обширный вестибюль с ковром на полу, длинными мягкими диванами вдоль стен и фонтаном посередине. Фонтан действовал как ни в чем не бывало, подсвеченные хитро укрытыми в бортике круглого бассейна разноцветными лампочками струи зыбкими, искрящимися дугами окружали бронзовую статую – русалку, грациозно опирающуюся на якорь.

Клубок подкатился ко входной двери и вопросительно замер. Сварог распахнул перед ним дверь, пропустил внутрь, словно даму, встал на пороге с топором наготове и смотрел, как желтый проводник, описав вокруг фонтана своеобразный круг почета, остановился в гордом одиночестве возле сооружения из деревянных резных панелей, напоминавшего стойку портье.

– Это кто же свет включил? – подозрительно поинтересовался Шедарис.

– Скорее всего, фотоэлемент, – рассеянно сказал Сварог.

– Люблю я тебя, командир, за редкий дар толково изъясняться...

– Ладно, не ной, – сказал Сварог. – Если я где-то почую колдовство, так и скажу. А насчет всего, что есть не колдовство, а наука, объяснить придется до утра....

Вошел в вестибюль, с любопытством огляделся. Под ногами упруго пружинил ворс роскошнейшего ковра, в простенках висели огромные полотна в массивных золоченых рамах, а на полотнах кипели морские сражения – гроздь белых парусов, целых и разорванных в клочья, тяжелые тучи порохового дыма, пламя, облепленные людьми сломанные мачты на волнах, чернеющие в воде головы, незнакомые флаги и вымпелы, багрово-золотистое зарево... И потемневшие от времени штурвалы на стенах – определенно настоящие. И модели фрегатов в стеклянных ящиках. Несомненный уклон в морскую тематику, причем военно-морскую... Если это и в самом деле приют моряков, окружающий комфорт недвусмысленно указывает, что простые боцманы и прочие гардемарины с кондукторами сюда вряд ли попадали. Неброская роскошь и отсутствие вывески – сие нам знакомо донельзя...

Он сделал несколько шагов в глубь коридора, потрогал начищенную (сколько тысячелетий назад?) медную ручку первой же двери. Дверь бесшумно подалась, за ней обнаружился шикарный гостиничный номер: уютные ко-

жанные кресла, ковер во весь пол, огромный телевизор непривычного дизайна, но легко узнаваемый, и что-то крайне похожее на видеомагнитофон, и что-то весьма смахивающее на компьютер, и затейливая люстра с кучей висюлек цвета чистейшего аквамарина. Окна выходят на заливчик. И никакого следа нечистой силы.

Мара бесшумно выскользнула из-за его спины, распахнула дверь в глубине комнаты. Спальня. Огромная, идеально застеленная кровать. За стеклом бара батарея разнокалиберных бутылок с красочными этикетками.

– Отдыхать здесь умели, – сказала она.

– Разлагались со вкусом, – кивнул Сварог.

Он добросовестно обошел все номера, коих набралось всего по семь в каждом крыле, зажигая повсюду свет. Везде одно и то же – комнаты словно пять минут назад убраны до блеска в преддверии адмиральского смотра. Можно подумать, здесь и не жили-то никогда.

– Ну вот что, – сказал Сварог, вернувшись на крыльцо. – Заводите-ка коней внутрь. Расписание боевых дежурств – обычное, сложившееся за время славного похода. Оружие держать под рукой, но расслабляться не возбраняется. – И закончил брюзгливо: – Потому что мне сердце отчего-то вещует: либо нас вообще не потревожат, либо заявится что-то такое, против чего можно бороться только путем немедленного самоубийства... Другие мнения есть?

Не было других мнений. Коней завели в вестибюль, чему они не особенно и удивились. «Бедный ковер», – подумал Сварог, глядя на импровизированную конюшню, имевшую явственный оттенок этакого варварского сюрреализма. Шедарис, одержимый, должно быть, теми же мыслями, хохотнул:

– Видок, конечно, жуткий, да видел бы ты, командир, как мы в Лоране ставили лошадок на ночь в музей с ученым названием «минералогический»...

И разошлись они по роскошным номерам – Делия с Леверлином, Сварог с Марой, тетка Чари с Шедарисом, Бони с пулеметом. Паколета оставили на страже за стойкой портье. Сварог еще раз прошелся по комнатам, снабжая всех едой и питьем, ободряюще похлопал Паколета по плечу (тот грустно-философски развел руками) и ушел к себе.

Мара, скинув сапоги и блаженно вытянув ноги, развалилась в кресле перед телевизором.

– Там, между прочим, роскошная ванная, – сообщила она. – Течет и холодная, и горячая, еще какие-то краники. Чур, я плескаюсь первая. Может, телевизор включим?

– Так он тебе и заработает, – сказал Сварог. Однако, чисто машинально, подошел и потыкал пальцем в кнопки.

Огромный экран вспыхнул всеми цветами радуги.

– Да я пошутила... – успела еще сказать Мара.

И замолчала. Музыка, яркие декорации, игра цветных огней, камера скользит то по эстраде, то по залу, выхватывая аплодирующих зрителей. Самый обычный концерт, самая обычная публика, только одета по незнакомой моде. Зато молодая певица, темноволосая красотка в открытом алом платье, поет на знакомом языке, почти не изменившемся за пять тысяч лет:

*Но кто мы и откуда,
когда от этих лет
остались пересуды,*

а нас на свете нет...

Сварогу стало чуточку жутковато – так идеально подходила песня к ситуации, о чем певица, умершая тысячи лет назад, и подозревать не могла. Как и все, кто сидел в зале. Они были заблудившимся в веках миражом, все эти люди, как и сама гостиница. Вот только одни миражи, как и положено порядочным видениям, неосязаемы, а другие можно потрогать и даже жить в них... Порой изображение пропадало на миг, его сменял электрически гудевший, затейливый черно-белый узор, какие-то хитрые помехи, должно быть, сопровождающие загробное существование таких миражей. Но помехи случались редко, и Сварог перестал бояться, что телевизор вспыхнет или взорвется.

– Совершенно иначе представляла себе Хелльстад, – сказала Мара.

– Да ну? – хмыкнул Сварог, направляясь к компьютеру.

Заложенная ему в сознание программа-отмычка не подвела и теперь. Сварог вновь ощутил словно бы прошивший тело слабенький удар тока – едва положив пальцы на клавиши, он знал, как с этой штукой управляться.

Только вот не от всякого знания бывает толк. На черном экране монитора вспыхнули желтые буквы: «Пожалуйста, наберите код нужного вам абонента». А какие у него здесь абоненты? И где взять коды? Сварог вяло выругался.

– Эй! – позвала Мара. – А ведь в шкафу барахлишко...

Сварог подошел к распахнутому ею шкафу. Внизу рядом с черными низкими сапогами стоял большой коричневый чемодан, а на металлических плечиках висел синий с сиреневым френч, расшитый золотом по рукавам и лацканам, украшенный полудюжиной затейливых, совершенно незнакомых орденов. Из-под него виднелись синие брюки с красно-золотым узеньким лампасом. На полочке лежала синяя шляпа в виде полумесяца острыми концами вниз (на концах красовались золотые кисточки, а сама шляпа щедро вышита золотой канителью). Рядом – великолепной работы кортик в ножнах. Мара им немедленно завладела и с решительным видом заткнула за пояс. Сварог не препятствовал. Взял шляпу, повертел, положил назад – настоящая, тяжелая, парадная, похоже. Двумя пальцами вытянул из бокового кармана френча торчавший наружу лист белой бумаги, свернутый в трубочку.

Короткая строчка букв и цифр, видимо, код. И совершенно понятный текст.

«База „Стагар“ Полночного Флота – штандарт-навигатору Горонеро. Получением сего немедленно прибыть базу. Вертолет за вами выслан. 11.24 шифровкой морского министра объявлена Белая Тревога. Вероятность учений исключена. ОДШ-4 Турзо».

«Если ОДШ не означает „оперативный дежурный штаба“ – я не граф, а балерина», – подумал Сварог.

Потом он подумал: «Это нам тоже знакомо. Блаженствуешь в глуши, понекому разоряешь бар, прижимаешь горничных, которым по должности положено быть отзывчивыми и безотказными, а депеша уже в пути, и все летит к чертям. Если и в те времена белый был цветом смерти и траура, Белая Тревога наверняка означала что-то крайне серьезное. Но вряд ли штандарт-навигатор, судя по золотому шитью и допуску в эту уютную гостиничку, чин немалый, мог предвидеть, что все это означает Шторм... Более того, есть сильные подозрения, что высланный вертолет сюда не добрался и штандарт-навигатор остался здесь навсегда – собираясь по тревоге, можно бросить все пожитки. Но

какой офицер оставит мундир и кортик? Черт, как же *это* выглядело пять тысяч лет назад? Ничего хорошего, если вкратце, тут и гадать нечего – апокалипсис...»

Он подошел к компьютеру и пробы ради отстучал предварявший депешу код. Что было вознаграждено вполне прогнозируемым ответом: «Простите, база „Стагар“ на вызов не отвечает». Интересно, имела эта база отношение к нынешнему Стагару или просто – случайное созвучие? Сварог скомкал депешу и отправил под стол, в корзинку для бумаг. Вряд ли она представляла интерес для историков. Мара тем временем вытащила чемодан, положила посреди комнаты, попробовала замки – заперто – и занесла ногу, чтобы сбить замки точным пинком.

– Эй, а это не мародерство? – спросил Сварог лениво.

– Учитывая возраст чемодана, это скорее археологические раскопки, – сказала Мара и нанесла молниеносный удар, сорвавший замки. Вывалив содержимое на пол, присела и стала энергично ворошить кучу, что мало походило на методичный обыск, но Сварог удержался от ехидной реплики, ему и самому было интересно.

Небольшой кожаный бювар – Сварог заглянул внутрь, увидел конверты, бумаги, фотографии и швырнул на стол. Форменные рубашки с якорьками на воротнике, трусы, носки. Куча книг в ярких мягких обложках – на одних девицы в неглиже, на других амбалы с пистолетами, на третьих жуткие чудища, а на иных – все вместе. Названия соответствующие: «Брюнеты в жизни Лонеллы», «Удар из-за угла», «Месть призрака».

– Богатый у него был внутренний мир, – фыркнула Мара.

– Может, ему просто хотелось прочистить мозги и отвлечься от серьезности жизни, – сказал Сварог. – Так тоже бывает. Что-то я тебя ни разу не видел за чтением древних философов, да и себя за этим занятием что-то не заставлял...

Мягкая коричневая кобура с пистолетом параметров «Вальтера ППК». Возможно, наградной – весь в золотых накладках с крохотными сапфирами, гравированными парусниками, якорями и неизвестными гербами. Обойма полная, патрона в стволе нет, конечно.

В общем, ничего удивительного. Обычный чемодан обычного офицера на отдыхе. Только один-единственный предмет категорически не гармонировал и не вписывался – бронзовая дверная ручка затейливой, тонкой работы. Или не ручка. Штырь, на котором нормальной ручке полагалось бы держаться в двери, здесь заканчивался хитроумным переплетением бронзовых лепестков, таким экзотическим цветком, идеально вписывавшимся в полусферу.

– Если это и ручка, место ей не в двери, – задумчиво сказала Мара.

– А где?

– Откуда я знаю? Как в том анекдоте... Послушай, а мог он быть сумасшедшим? Зачем нормальному офицеру с собой такое таскать?

– Чего только не таскала с собой военная братия в качестве сувениров... – сказал Сварог. – Может, это ключ от его служебного сейфа. Или какого-нибудь пульта. Кто их теперь разберет... Все? Иди-ка ты в ванную.

Она ушла, а Сварог, положив на стол кобуру и загадочный предмет, устроился в кресле с одним из романов.

«Вспышка сверкнула в темноте туннеля, и над головой Федерера раздался характерный свист пули. Федерер немедленно ответил огнем. Глухой шум падаю-

щего тела возвестил, что сыщик не промахнулся...»

Незаметно для себя Сварог зачитался. Непобедимый сыщик Федер, паля по всему, что двигалось, вышел живым и невредимым из туннеля, из подожженного со всех концов гаража, из залитого водой подвала, где падали сверху капли горящего бензина, а в воде плавали загадочные зубастые и кусучие «аранлегулы», пробрался-таки в кабинет, вырубив по пути еще парочку злодеев, но драгоценностей в сейфе не оказалось, а это неопровержимо свидетельствовало, что графиня...

– Как там древние философы? – спросила Мара над самым ухом.

Сварог не сразу вернулся к действительности, потянулся даже перевернуть страницу, но Мара отобрала книгу и швырнула на стол.

– Представляешь, драгоценностей в сейфе не оказалось, – сказал он, печально провожая взглядом летопись подвигов неуязвимого Федера.

– Значит, маркиза сперла. Или прочие графини. Как в таком деле без графинь?

Она улыбнулась, посвежевшая, чистенькая, в синем пушистом халате, влочившемся по полу. Судя по мундиру и халату, штандарт-навигатор был верстой коломенской. Сварог потянулся к ней, но боевая подруга непостижимым образом переместилась в пространстве, оказавшись за спиной. Правда, из-за великанской хламиды должного эффекта не получилось – видно было, как мелькнула по комнате смазанная синяя полоса.

– Теряешь хватку, – сказал Сварог. – Тебя было видно.

– Тебя бы закатать в такой балахон... Иди поплавай. В кои-то веки после походной любви под плащом – такая роскошь и все условия...

Отправляясь купаться, он украдкой, пока Мара отвернулась, сцапал со стола приключения Федера, но только в ванной обнаружил, что промахнулся, и, не глядя, сунул под камзол бювар с навигаторскими бумагами. Ничего не поделаешь. Со вздохом он улегся в огромную мелкую ванну, синюю в светло-зеленых узорах, пустил воду, тоненькую струйку пенистого шампуня из особого краника, еще струйку – какого-то зеленого эликсира, приятно пахнущего хвоей. Подумал, что жить в Хелльстаде можно, хмыкнул, закурил и свободной рукой принялся перебирать бумаги, положив бювар на удобную фарфоровую полочку, приспособленную к ванне ради вящего комфорта.

Там оказалось служебное удостоверение штандарт-навигатора в роскошном оформлении и солидном исполнении – в синей замшевой обложке, с обилием печатей, секреток, штампов и кодов. Судя по фотографии, флотский чин был немногим старше Сварога, но пост занимал серьезный – начальник отдела штаба Полночного Флота. Цветные фотографии запечатлели самого Гороноро и его коллег-приятелей в такой же форме – то напыщенно-вальяжных на палубе и у пирса, на фоне громадных орудийных башен, гроздьев разнообразнейших антенн, подводных лодок и остроносых ракет, то хмельных, веселых за столом в обществе симпатичных девиц. Несколько снимков военных кораблей, полным ходом идущих в открытом море. Фотография светловолосой, черноглазой красотки в крохотном золотистом купальнике, безмятежно лежавшей на залитом солнцем пляже. Рядом сидит, вывалив розовый язык, потешная ушастая собака, серая в черную крапинку. Красотка нарисовала на песке якорь и весело улыбается – конечно же, о войне ни слуху, ни духу, все веселы и беззаботны, все живы пока... На обороте аккуратная надпись: «Мы с

Дуфи бросаем якорь здесь. Ждем. А.» Несколько бланков с грифом Полночного Флота и базы «Стагар», покрытых сущей абракадаброй из цифири и странных значков – как бы не ошибиться, но это может иметь прямое отношение к навигации... Очень уж похоже на перечни координат. Две глянцевые картонки с кодами и цветными полосками – должно быть, пропуска, довесок к удостоверению. Одна украшена силуэтом надводного корабля, другая – подводной лодки. И повсюду, на каждом документе, на каждом бланке, эмблема-крест: горизонтально, рукоятями к центру – два меча, вертикально, проушинами к центру – два якоря, и крест этот посередине скреплен кругом, вернее, змеей со странной головой, глотающей собственный хвост.

Итак, до Шторма существовали великолепно оснащенные военные флоты, знавшие толк в бюрократии, – вот и все наблюдения.

Длинный розовый конверт, адресованный на базу «Стагар» штандарт-навигатору Горонеро, Сварог оставил напоследок и взялся за него, лишь убедившись, что бювар опустел.

«Тогир, милый! Я боюсь, чем дальше, тем больше, и, что страшнее всего, что самое скверное, я прекрасно знаю, чего боюсь. Поэтому письмо пойдет не почтой – ты сам постарался просветить насчет ваших хитроумных цензурных аппаратов. Спасибо, наука пошла впрок... По счастью, здесь оказалась Донайра с „Рагнарока“, она и передаст. Уж она-то, надеюсь, не стукачка. Хоть ты и объяснял с важным видом, что в стукачи вы вербуете только таких, о ком никогда и не подумаешь... Все равно. Если она и стукачка, письмо в любом случае попадет к тебе. Тогир, ЭТО приближается. Это будет не простая война. Шар заволакивает кровавая пена, мне даже не нужно к нему подходить, он вспыхивает сам, и это страшнее всего. Я проверяла трижды – с шаром, с кольцом в хрустальной вазе, с облаками. Результат неизменен. Я боюсь даже представить, что ждет Талар. Очертания континентов в шаре меняются, искажаются самым диким образом. Это не война, даже атомная, это хуже – глобальная катастрофа, ужас, совершеннейшее небытие! Вот уже три дня не хожу на пляж – Маска Смерти на лице каждого встречного, видеть это невыносимо. Между прочим, некоторые начинают держаться странно и уезжают вдруг, хотя вовсе не собирались. Подозреваю, это тоже Керуани – мы ведь сплошь и рядом не знаем друг друга, не спросишь же открыто... Облака даже не красные, Тогир, – они черные! Понимаешь? Уж тебе-то следовало бы знать, что магия никогда не обманывает. Она полна символов, верно, однако символы, в отличие от слов, двойного толкования не допускают. Мы все обречены! Обречены, Тогир! И не надо напоминать о присяге, о гербе – мой герб не моложе твоего. Это вовсе не будет дезертирством, какое тут дезертирство, если обречены все воюющие стороны, если не будет ни победителей, ни побежденных? Если вообще не будет выживших? Ты не изменишь своим и не сыграешь на руку противнику, потому что не останется ни своих, ни врагов. К тому же... Я не верю, что Изначальные мертвы. Для этого они были слишком коварны. Они спят... или уже проснулись? А то и не все спали... И мы расплатимся за предков-завоевателей, мы не так уж и виноваты, вовсе мы не виноваты, разве в том, что родились, – но суда с адвокатами у нас не будет, и это наши предки сжигали Девейн-Горт... И никто не предоставит нам последнего слова, нас вообще не будут слушать. Нас уже нет, Тогир. Я избегаю зеркал, чтобы не увидеть Маску Смерти у себя на лице. И по той же причине

убрала твои фотографии. Но хочу верить, что мы спасемся. И верю, что Древние Дороги не лгут. Милый, любимый, единственный, самый лучший, желанный мой! Мое небо, мое сердце! Если ты меня любишь, беги! Времени нет!»

Остальное – уже другими чернилами. И почерк из аккуратного, мелкого стал размашистым, почти неразборчивым, словно писали в страшной спешке или не помня себя от волнения:

«Только что умер Дуфи. Форброна чувствует беду, ты сам прекрасно знаешь древнюю историю наших псов... Когда молодой здоровый форброн умирает так, как умер Дуфи, это может означать только одно. Он лизал мне руки, просил прощения, что бросает меня, но этого знания, такого ужаса он вынести не смог. Тогир, это конец. Я больше не могу умолять – нет сил. Но время еще есть. Возможно, Белой Тревоге еще будут предшествовать Синяя с Красной. Или одна Красная. Магия таких тонкостей не улавливает и не передает – но она беспощадно предсказывает итог. Так вот, я задержусь ровно настолько, чтобы похоронить Дуфи. А дальше – Древние Дороги. Уж лучше они. Назови меня дрянью, подлой, но я спешу уйти из этого мира, пока он играет всеми красками, пока он незыблем и беспечен, как встарь, хочу его запомнить именно таким, чтобы не покидать бегством дымящиеся развалины. Довольно с меня и последних открытий. Словом, самое позднее через час я уже буду на Древней Дороге. Вероятнее всего, Мерцающая Корчма или Овраг. Нам трудно будет отыскать друг друга – если хотя бы половина рассказней о Древних Дорогах верна. Зато известно совершенно точно: туда нет доступа Изначальным, и все другое несущественно. Остается надежда – и некая определенность. На всякий случай напишу еще раз все заклинания. Я ухожу – и жду тебя. До встречи. Анелла».

И ниже – две строчки совершенно бессмысленных слов, на сей раз выписанных с прежней аккуратностью, каллиграфически, тщательнейше. Сварог, едва глянув на них, сунул письмо в конверт – чтобы не перенестись, чего доброго, неведомо куда в совершенно голом виде, без оружия, не зная заклятья на возвращение...

Видимо, она все же ушла. Решилась, по письму видно. Ей было чертовски страшно... А вот ушел ли за нею вслед по неведомым дорогам штандарт-навигатор, успевший прочитать сообщение о Белой Тревоге? С которой, похоже, все и началось, грянуло без промежуточных Синих-Красных... И где эти Древние Дороги? Уж, конечно, не в этом мире...

Сварог выбрался из ванны, встал под поток теплого воздуха, моментально его обсушивший и волшебным образом насытивший все тело бодростью, живым электричеством. И все равно из ванной он выходил понурый – в ушах словно бы еще стоял долетевший сквозь пять тысячелетий женский крик. Сколько ни успокаивай себя воспоминанием, что истлели самые прочные кости и рассыпалась самая прочная броня, сколько ни огорчайся собственными заботами – на душе пасмурно. Здесь, в доме, нет ощущения, что эти пять тысячелетий и в самом деле протекли плавно и величественно... Здесь прошлое не умерло, не покрылось слоем пыли, не превратилось в черепки и скелеты...

Мара лежала на роскошной постели, сбросив халат на пол, и так углубилась в книгу с красавицей в пышном платье на обложке, что вовсе не заметила явления Сварога. Сварог уселся рядом и потянул ее за ухо. Она нехотя под-

няла затуманенные глаза:

– В самом деле, захватывает. «Глаза барона искрились любовным томлением, столь долго таившимся под спудом. Он нежно привлек к себе Кармину, прильнул к ее полураскрытым алым губкам. Прерывистое дыхание юной маркизы выдало обуревавшие ее чувства, которые бедняжке пришлось так долго таить от безжалостного света, готового с циничной насмешкой надругаться над святой наивностью первой любви...» – она мечтательно закинула голову. – Граф, ну почему я от вас никогда не слышала подобных речей?

– А ты смогла бы разминировать мост? – спросил Сварог строгим голосом экзаменатора.

– Плевое дело. Если мы имеем дело с пороховым шнуром, без химических взрывателей... – Мара спохватилась, негодуя фыркнула. – Ну, нечестно! Только я настроилась...

Сварог рассмеялся, привлек ее к себе и прильнул к полураскрытым губам, даже не пытаясь разобраться в обуревающих его чувствах. Знал одно: так неистово и яростно они друг друга еще не любили – растворяясь друг в друге, теряя всякую связь с окружающим бытием, зная друг про друга, что оба слышат где-то на границе сознания беззвучное карканье: «Вокруг Хелльстад, Хелльстад, Хелльстад...»

Глава 8 Без недомолвок

Сварог открыл глаза, прислушался, пытаясь понять, что его разбудило.

Для этого и не потребовалось особого напряжения чувств. Дверь в кабинет была полуоткрыта, как он ее оставил, – только сейчас там горела на столе лампа и в спальню падала полоса света, достигавшая постели, задевавшая краешек лезвия Доран-ан-Тега. Потом в кабинете послышались шаги – кто-то прошелся по комнате, ступая громко, уверенно, ничуть не прячась. Шумно отодвинули кресло.

Сварог толкнул локтем Мару – но ее ровное, глубокое дыхание ничуть не изменилось, она безмятежно спала, хотя такого с ней не могло случиться. Не отрывая взгляда от полосы света, Сварог ощупью нашел плечо девушки, потряс. Мара должна была мгновенно вскинуться – но она спала. Мелькнула дурацкая мысль – Горонеро вернулся за чемоданом...

На полпути задержав протянувшуюся было к топору руку, Сварог бесшумно вытащил из-под подушки пистолет – тот, что стрелял серебряными пулями. Замер, прикидывая варианты.

Вариант был один – встать и выйти туда... В кабинете громко откашлялись – вновь открыто, демонстративно. Кто бы там ни сидел, он честно предупредил о своем присутствии, и это сбивало с толку. Мара перевернулась на другой бок, лицом к стене, умиротворенно посапывая. Пора было решаться. Помогая себе одной рукой, Сварог влез в штаны, опустил ноги на пол и бесшумно направился к двери, держась подальше от полосы света.

– Входите, что же вы, – послышался оттуда спокойный мужской голос, совершенно незнакомый.

Сварог вошел, держа под прицелом расположившегося в кресле человека, – лампа на гибком кольчатом шнуре опущена вниз, лицо и фигура нежданного гостя скрыты мраком. Не помог и «кошачий глаз», как Сварог ни напрягался, лицо сидящего оставалось словно бы подернуто густой мглой.

Сварог слегка повел стволом.

– Не нужно, – так же спокойно сказал сидящий. – Вреда вы мне не причините, но придется уйти, а нам непременно нужно побеседовать. Рубашку не накинете ради пущей респектабельности? Вы, во-первых, гостя принимаете, во-вторых, вы граф, барон и лорд, а среди моих многочисленных титулов есть и княжеский.

Сварог, чувствуя себя на удивление спокойно, придвинул второе кресло и сел, бросив пистолет на колени. Сон схлынул, голова была ясная, и он ни на миг не собирался упускать инициативу. Посему демонстративно пошевелил пальцами босых ног, шумно почесал голый живот, взял со стола бутылку с красивым парусником на пестрой этикетке и налил только себе, пояснив:

– Вам не предлагаю. По слухам, другой у вас любимый напиток...

Сидящий напротив посмеялся коротко и вежливо, как человек, способный понять хорошую шутку. И продолжал беззаботно:

– Вполне понимаю ваше мальчишеское желание показать себя крутым и несгибаемым, но не оставить ли нам и состязания в плоском остроумии, и скоропалительные колкости?

– Я вам особых колкостей не говорил.

– Ну, собирались. Ведь правда? Мы с вами не дети. Я не страдаю повышенной обидчивостью, но вам, дорогой лорд Сварог, следовало бы отнестись ко мне чуточку уважительнее, потому что я – это... я.

Он поднял лампу повыше, покрутил регулятор, осветив все вокруг. Сварог жадно уставился на непрошеного гостя и ощутил легкое разочарование. Гость был одет в скромный темно-серый камзол, обшитый черной тесьмой, – ни дать ни взять, добропорядочный горожанин Бронзовой гильдии, не выше. И лицо самое что ни на есть народное – скуластое, худое, располагающее лицо неглупого крестьянина или служаки-сержанта, работяги и философа войны. Руки, спокойно лежащие на коленях, – тяжелые, неуклюжие, с натруженными ладонями. Только глаза выбиваются из образа – темно-желтые, словно бы бездонные, удивительным образом и умные, и пустые, зрачок-точечка, словно проколота иглой дырка в иную реальность, где нет ничего, кроме абсолютно го мрака.

– Неплохо, – сказал Сварог. – Великолепная маска. Это не колкости, я серьезно говорю. С такой физиономией ко мне и следует являться. Свой мужик, ах, какой свойский, не усатенький демонический красавчик, не седовласый благообразный аристократ...

– Даже если вы все понимаете, ваше подсознание независимо от ваших побуждений играет на моей стороне, – усмехнулся гость. – Вы знаете, кто я, но от моей маски никуда не деться... Вам постоянно приходится делать над собой некоторое усилие, чтобы видеть за маской сущность...

– А как насчет настоящего облика?

– Вы не то чтобы этого не перенесете, но... Понимаете, нет таких слов... Вы человек, а я – совершенно другое.

– Кстати, о сущности, – сказал Сварог. – Кто мне поручится, что передо мной – самый главный? Не заштатная нечисть, обосновавшаяся вблизи пансиончика? Не мелкий здешний бес?

Несколько секунд стояла тишина, и слышно было, как в холле время от времени тревожно фыркают лошади, ржут коротко, испуганно, словно вскри-

кивая.

– Забавно, – сказал наконец гость. – С таким оборотом дела мне почти не доводилось сталкиваться. Ну не могу же я, простите великодушно, выправлять самому себе солидный документ с подписями и печатями? Что за абсурд... Ага... Вас ведь там, наверху, насколько мне известно, обучили наспех мелким фокусам? Вот и попробуйте усмотреть мою истинную сущность. Потом поделитесь впечатлениями...

– Вы правы, это мысль, – со светской улыбкой сказал Сварог и произнес про себя нужные слова.

С таким он еще не сталкивался. Все в комнате осталось по-прежнему, и в то же время она пропала, Сварог был в двух местах сразу, в двух мирах, одинаково реальных, и перед ним грузно перекатывались, клубились в непонятной бездне исполинские потоки мрака. Тьма обрела мириады оттенков, переливов и колеров, то оформляясь в осязаемое переплетение необозримо гигантских змей, то расплываясь невесомыми извивами туманов, пронизанных колючими лучами черных, ослепительно черных звезд. Он погружался в бездну, липкую, засасывающую, сомкнувшуюся над головой, уплывал в нескончаемые пучины, и все, имевшее формы, очертания, контуры, иные, кроме черной, краски, осталось наверху, в неизмеримой дали... И это был Ужас.

Зажмурившись, сжав кулаки, он вернул себя в прежнее состояние.

– Вы удовлетворены? – мягко спросил гость. – Неужели то, что вы видели, душонка мелкого беса? У которого и нет души...

– Удовлетворен, – сказал Сварог, не в силах побороть странную слабость во всем теле.

– Впечатлениями поделитесь?

– Нет. Я не смогу этого описать. Что это?

– Вы видели Тьму. Из Тьмы и слагается Вселенная. А на долю света, простите за убогий каламбур, приходится ничтожнейшая доля...

– А если отделить тьму, над которой вы властны, от той, что к вам не имеет никакого отношения? Это какая доля будет?

– О, не стоит... – слегка поморщился гость. – Не нужно этого, не будем играть в слова... Я – хороший логик, слышали, должно быть? И практика у меня неизмеримо богаче, отточена на дискуссиях с интеллектуалами, стократ превосходящими по подготовке вас. В иных спорах и мне случалось оказаться посрамленным. Все равно, не надо погружаться в пучины схоластики. «Что есть взгляд в кромешной темноте?» И тому подобное. Вам все равно не превзойти, к примеру, Катберта... Поздняя ночь, скорее уж раннее утро, в заброшенной тысячелетия назад гостинице для военно-морских чинов сгинувшего мира сидят мятущийся граф и Князь Тьмы – и старательно состязаются в красноречии... Нелепо. Как если бы мы, подобно оперным тенорам, стали петь свои реплики. Мы же не персонажи философского трактата...

– А какой стиль вы предпочитаете?

– Насквозь деловой, – сказал гость. – Сбережем время.

– Что же вы хотите? Договора не вижу...

– Помилуйте, вы же взрослый человек, лорд Сварог... Или всерьез верите, что я заставил бы вас расписываться кровью? А то и в случае вашего согласия обрек бы на вечные муки после смерти? Все это – примитивный вздор. Нет ни вечных мук, ни вечного блаженства. Все одновременно и сложнее, и проще.

Одни в свое время становятся частицей Тьмы, а другие – частицей Света. Вот краеугольный камень, фундамент. Все остальное – детали, частности, дополнения.

– Но чего же вы все-таки хотите? И что предлагаете?

– Хочу я немногого – чтобы вы, собравшись утречком, повернули назад в Равену. Где и вы, и ваши спутники вернутся к прежним занятиям. Не беспокойтесь о принцессе. Мелкие неприятности, клянусь Великой Тьмой, улаживаются походя...

– А что взамен?

– Да ничего! – досадливо поморщился гость. – Ничего. Вы удивлены или разочарованы? Нет, если вам так уж необходимы все эти пошлые глупости – бриллианты размером с кулак, какой-нибудь трон, толпы прелестниц – составьте на досуге список, не ограничивая себя решительно ни в чем. – Он презрительно скривился, махнул рукой. – Что угодно. Корону Четырех Миров? Место в моей свите? Место – немедленно, корону – чуть погодя, быстро это не делается... словом, дать я могу почти все. Но ничего не предлагаю. Потому что способен вознаградить вас не в пример щедрее – вовремя остановить. Чтобы вы избежали всех глупостей, какие можете совершить. Вот настоящая награда и достойная плата. Покой. Если хотите позаботиться еще о ком-то, скажите.

– Интересно...

– Удивлены? Я так и думал. Но если вы рассудочно все взвесите, поймете, как велика награда. Поймите, я не в ответе за все, что обо мне придумали и наговорили за тысячелетия... И категорически отвергаю все попытки приписать мне стремление насадить повсюду Хаос. Тяга к Хаосу – забава тех самых мелких бесов. Мне нужен Порядок. Иной, правда, не тот, что нужен кое-кому другому, не будем вспоминать его к утру...

– Ну, это мы проходили, – сказал Сварог. – Разный бывает порядок. Вам нужен один, мне другой.

– Вам не порядок нужен, – сказал гость. – Вы стремитесь остаться среди тех, кто обуян идиотским стремлением облагодетельствовать человечество. Облагодетельствовать отсутствием зла. Жратвой и питьем. Книгами и картинами. Электрическим светом на улицах и чистыми лестницами. Задача благородная, но невыполнимая. В первую очередь по причине скотской сущности этого самого человечества. Оно разрушит, опошлит, осквернит и опохабит все мудрое, чистое и возвышенное, дай ему только волю. На каждый недюжинный ум приходятся тысячи голов быдла, озабоченного наполнением желудка и поисками щели, куда можно излить сперму. Пусть желудок стремятся наполнить не хлебом, а жареными павлинами в тончайшем соусе из соловьиных язычков – животная сущность от этого не меняется. Вас всегда будут предавать и продавать, использовать втемную, с циничным расчетом. Неужели вы не навоевались? Когда-нибудь, безмерно уставши от того, что считали великими свершениями, вы с ужасом поймете, что все было зря, все было впустую. А еще вы вспомните, что вас искренне пытались предостеречь...

– Это все – обещание благодеяний, – сказал Сварог. – А как насчет угроз?

– Что ж, угроз у меня – богатейшая палитра, и все до единой я могу претворить в жизнь... Но самая крупная и страшная угроза, какую я твердо могу вам обещать, – это клятва никогда не вставать на вашем пути... ну, почти никогда. Вы и сами, если только не утомнитесь, заработаете себе столько поражений,

потерь и горечи, сколько я не смог бы вам причинить при всем старании. Я, как и тот, – за свободу воли...

– Но прежде...

– Все прежние покушения на вас – либо самодеятельность мелких исполнителей, либо мелкие шуточки, легкие уколы, ленивая разведка боем. Вам эти шутки показались скверными? Простите старика, так уж привык...

– Где мой отец? – резко спросил Сварог.

– Не знаю, – без малейшей заминки ответил гость. – Об этом я вам и говорил – страшен не враг, а бездействие врага... Я ведь не всемогущ, вам доводилось слышать? Представления не имею, куда он по одержимости своей ухитрился провалиться. Я предупредил его, как сейчас вас... И так?

– Ну не прельщает меня перспектива стать частицей Тьмы, – сказал Сварог.

– Потому что вы не представляете, чего себя лишаете, и оттого в вашей решимости нет мудрости. Ну как можно отнестись к слепому от рождения, отказывающемуся прозреть и увидеть полотна великих мастеров, прекрасные скульптуры? Хотите, я проведу вас по мирам, чьих многообразия и сложности вы и представить не можете? Хотите проникнуть в тайны пространства, Вселенных, неощутимо существующих бок о бок, в одной и той же точке бытия? Пропутешествуйте по всем уровням, закоулкам и этажам мироздания, какие мне доступны, и после свободно, без малейшего принуждения решите все сами. Хотите такого путешествия? Ни к чему, замечу, вас не обязывающего?

– Нет, спасибо.

– Бойтесь дать слабину?

– Я просто считаю, что тот, кто выдумал поговорку «Коготок увяз – всей птичке пропасть», был гением, – сказал Сварог. – Не хочу я с вами больше разговаривать, поговорили...

– Подумайте о других, о тех, кого таскаете за собой. Вы их всех загубите.

– Я никого не принуждаю.

– Принуждаете. Тем, что сами не сидите спокойно.

– Я же сказал – довольно, – сказал Сварог. – Вы не верите в людей, а я верю... даже после всего... И мне не нравится тьма. В любых ее проявлениях. Вам объяснить по буквам?

Гость встал. Его голос звучал ровно, даже безразлично:

– Я еще с вами встречусь. В пору, когда в сердце у вас не будет ничего, кроме пустоты. Я не злопамятен, но люблю, когда рано или поздно признают мою правоту. И вы сами, слышите, сами согласитесь, что прав был я. И это будет лучше всякой подписи под договором... Ожидайте и бойтесь этой неминуемой встречи, любезный граф...

Впервые лицо его исказилось в хищной улыбке, он склонил голову и исчез, словно нажали выключатель. Порыв ледяного ветра свистнул по комнате, от закрытой двери к закрытому окну, стегнув Сварога по лицу холодной лапой, взметнув штору, потрянув раму так, что задребезжали стекла. Сварог налил себе еще чарочку забористого навигаторского коньяка пятитысячелетней выдержки, ахнул залпом, подошел к окну, прижался лбом к прохладному стеклу, уставился на бухту, реку и деревья, подернутые мутно-серой рассветной мглой. На душе было неуютно и муторно. Он и раньше знал, что война ему объявлена серьезная, но теперь убедился воочию. Самые серьезные угрозы как раз высказывают тихо и спокойно, без дурацких эффектов и страшных

рож...

И все же, будь Хелльстад вотчиной Князя Тьмы, тот держался бы не в пример наглее...

Почти в центре бухточки явственно перемещался бурун, напоминавший широкий наконечник копья, след плавника. Жаль, под рукой не было подходящего оружия, иначе непременно шарахнул бы туда на всякий случай. Сходить, что ли, к Бони за пулеметом? Нет, не похоже, чтобы в гостиницу забредала здешняя фауна, иначе непременно остались бы следы, сломанная дверь хотя бы. А от Князя Тьмы следует ожидать более сложных пакостей, нежели некий зубастый обитатель вод. Да и бурун быстро продвигается по каналу, уходя в реку...

Сварог плюнул, стянул штаны и полез в постель, твердо решив перед сегодняшней неизвестностью еще хоть пару часиков отработать взаимодействие щеки с подушкой. Мара шевельнулась, сонно спросила, не размыкая глаз:

– Что такое?

– Пописать выходил, – успокоил ее Сварог, чмокнул в щеку и подгрреб под голову подушку.

Глава 9 Будни Гулливера

Как следовало из докладов, ночь для всех остальных прошла спокойно. Никто, похоже, и не заметил наступившего перед рассветом приступа мертвого сна – потому что и так спали без задних ног. Один Шедарис, дежуривший последним, выглядел чуть смущенно – раздумывал, признаться или нет, что заснул на посту.

Сварог, пихавший в свою седельную суму охапку увлекательных навигаторовых книжек, посмотрел на бравого капрала, не вставая с корточек, хмыкнул:

– Да знаю я, что ты дрых...

– Командир, да со мной такого не случалось, курвой буду...

– Не переживай, – сказал Сварог. – Ты тут ни при чем совершенно. Потом расскажу...

Он задумчиво достал из-под стола загадочную «дверную ручку», прикидывая, кинуть ее обратно или взять с собой. Глаза у капрала и вовсе полезли на лоб:

– И у тебя, командир?

– Ты о чем?

– Об этой штуковине. Я ее у тебя что-то раньше не видел...

– Ничего удивительного, – сказал Сварог. – Я ее здесь нашел.

– Сейчас, сейчас...

Капрал бомбой вылетел в дверь, прогрохотал сапогами по коридору и вскоре вернулся. Протянул Сварогу бронзовую штуковину. Форма другая, узоры не те, завитушки-лепестки на конце штыря ничуть не похожи – и все же некое неуловимое сходство стиля и исполнения поневоле заставляет предположить, что обе ручки вышли из одной мастерской. Разве что капралова уже покрыта зеленой паутиной да изрядно поцарапана.

– А у тебя твоя откуда? – спросил Сварог.

– Когда служил на Сильване, был у нас один, родом, кажется, из Лорана. Штуку эту он берег пуще добычи. И после второго ведра начинал напускать

тумана – мол, это его талисман на самый крайний случай. Убережет, если припечат так, что другого выхода не будет. Только не уберег. Получил он топором по башке в одной дурацкой стычке, мозгами раскинул так, что любо-дорого... Ну, его барахлишко потом разыграли на всех, как водится. Эта хреновина мне и досталась. Выбрасывать жалко – вдруг это и в самом деле талисман и найдется знающий человек, научит с ним обращаться? Мне кажется порой, тот чудак и сам не знал, как это штука работает и для чего служит, иначе давно проговорился бы, хоть намеком...

– А про Древние Дороги ты что-нибудь слышал? – спросил Сварог.

– Про них только одно и известно – что соваться туда может только полоумный. Такое впечатляет, командир: когда о чем-то ничегошеньки не известно, но твердо оговорено, что дорожка туда – верный путь для самоубийц. Предки...

Пинком распахнув дверь, вошла Мара, чернее тучи. На конце обнаженного клинка она несла какой-то черный, сморщенный комочек, пронзительно вонявший паленым.

– Это еще что? – поинтересовался Сварог.

– А это наш бывший поводырь. Клубочек бабкин, извольте любить и жаловать.

Сварог помотал головой:

– Тьфу ты, до чего мелко... Это он, должно быть, сгоряча. – Предупреждая вопросы, сказал самым непререкаемым тоном: – Вот что, соколы мои, живо завтракать. Сгорел наш клубочек, сгорел. А чего же вы хотели – пройти по этим клятым местам весело и игриво, без малейшей неприятности?

– И кони так держатся, словно на них домовой катался... – задумчиво сказал Шедарис.

– Катался, – сказал Сварог. – Есть тут домовой...

– Как же мы теперь, без поводыря?

– А по солнышку, – сказал Сварог. – Как пращурьы наши в незапамятные времена. Благо солнышко в должном месте и никаких фокусов пока что не выкидывало, гуляет по обычному маршруту. – Он решительно сунул свою «ручку» среди прочих вещей. – Так что – надеемся на лучшее и готовимся к худшему. Особая точность тут не нужна, нам бы к морю выйти, и ладненько...

...Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Временами Сварогу казалось, что отныне он на веки вечные возненавидит коней и в жизни не полезет в седло, а сядет лучше на раскаленную плиту и высидит на ней битый час без всякого ущерба для задницы, давно уже превратившейся в сплошную мозоль. Он утешал себя тем, что Паколету с теткой Чари, самым некавалерийским в отряде людям, приходится еще хуже, однако ж они не жалуются и как-то притерпелись.

Собственно, больше всего его доставала скука. Скорость лошади – это всего лишь скорость лошади. Чересчур уж медленное перемещение для того, кто привык к другим скоростям, тем более что ничего вокруг не происходит, нет погони, нет угрозы, остается покачиваться в седле и за неимением других занятий – думать, думать, думать. Тянутся равнины, тянутся леса – редколесье, густолесье, попадаются холмы и скалы, озерца и овраги, ручьи и небольшие

болотца. Но ни разу не попало больше не то чтобы строения – поросших травой развалин. Ни единого сооружения или предмета, к которому прикасалась бы человеческая рука. И никаких скелетов. И ничего живого. Мертвая тишина. Это угнетает невероятно, и все раздумья крутятся вокруг парочки вопросов: почему Хелльстад, прямо-таки обязанный служить приютом чудовищам и нечисти, напоминает сонное царство? Почему, кроме загадочных летучих рож, больше похожих на вульгарные игрушки, никакой живности не встретилось? Даже если сделать все мыслимые поправки на буйную фантазию хронистов, книжников, сказочников, менестрелей и трактирных болтунов, приходишь к выводу: окружающего благолепия никак не должно быть. Отчего-то же исчезали экспедиции и восьмого департамента, и Магистериума, и земных университетов, и просто десятки одиноких волков, ловцов удачи...

Не похоже, чтобы спутников Сварога такие мысли занимали и угнетали. Они откровенно радовались тишине и покою, даже Мара блаженствовала. Что ж, вся умственная работа ложилась на отца-командира, отчего ему хоть волком вой...

Прескверно чувствовал себя отец-командир. От полного отсутствия информации и, выражаясь ученым языком, внешних раздражителей в голову лезла самая несусветная чушь – параллельные пространства, сопряженные миры, девятые измерения и прочие «черные ямы» (название он только что выдумал сам от безделья по аналогии с «черными дырами»). Начинало мерещиться, будто они давно уже незаметно для себя соскользнули в неведомые иные пространства и вокруг уже не Хелльстад, а какая-нибудь Древняя Дорога, бесконечная, как время, и равнины, перемежаясь лесами, будут тянуться до бесконечности. Они ехали целый день, часа через два должно зайти солнце, и следующий ночлег будет лишен всякого комфорта и уюта. Хорошо хоть, солнышко не торчит в небе, как пришипленное, исправно движется в полном соответствии со стрелками часов...

Для борьбы с монотонностью пути Сварог временами выпускал вперед боевое охранение – то одного, то двоих. Или менял местами всадников в колонне, или заставлял осматривать подковы. Он вовсе не чудил – каждый толковый командир знает, что солдат не следует расхолаживать бездельем. Подобная езда без происшествий похуже праздного лежания в казарме...

Вот и сейчас он отправил вперед Делию с Шедарисом – уардов на триста, дав направление на видневшуюся над лесом голую скалу, похожую на лошадиный зуб. Лес здесь был довольно редкий, и меж высоченных раскидистых дубов попадались странные карлики, не выше человеческого роста, выглядевшие, однако, не молоденькими подростками, а настоящими вековыми дубами, во всем подобными нормальным: пышные кроны, толстые узловатые стволы, вот только всадник смотрит на них сверху вниз... Проезжая мимо, Сварог сорвал крохотный желудь, меньше кедрового орешка, повертел, подивился и выкинул – великанские черепа, крохотные желуди...

Увидев, что Делия с капралом несутся назад подозрительно резво, он испытал нечто вроде облегчения, как ни странно – замаячила некая определенность...

– Соприкосновение с противником? – спросил он, оживившись, подав остальным знак остановиться.

Делия откинула за плечо выбившиеся из-под шляпы золотистые пряди, по-

жала плечами:

– Не знаю. Там что-то непонятное. Такие пятнистые маленькие штуки, они летают и жужжат. Кружат над одним местом, как привязанные...

– То ли они и в самом деле маленькие, то ли летают очень далеко, – уточнил прилежный капрал.

– А почему именно «штуки»? – спросил Сварог.

– Не похожи на животных и на птиц тоже, – сказала Делия. – Такой у них вид...

– И на самолеты тоже не похожи. – Шедарис задумчиво почесал щеку, мучаясь от недостатка подходящих слов. – Самолет с крыльями и летает грузно, а эти – вроде красивой шкатулки. Словно стекло отблескивает. Но кружат очень уж осмысленно, словно ищут что-то.

– Они вас не заметили?

– Да нет вроде... И так вертятся, и эдак... Очень уж быстрые, если будем обходить стороной и они нас заметят, непременно догонят. Такое у меня впечатление.

Сварог лихорадочно размышлял. Обернулся к Бони:

– По птицам стрелял?

– Из лука и из мушкета.

– Значит, знаешь, что такое упреждение?

– А то!

– Ну, для пулемета, работающего по летучей цели, принцип тот же... – сказал Сварог.

– А почему не я? – моментально вмешалась Мара. – Уж я-то пулемет лучше знаю.

– Ты у нас – мастер штучной работы, – сказал Сварог. – И с пистолетом справишься. Леверлин, тетка Чари, Паколет – с заводными лошадьми. Остальные – за мной. Показывай дорогу, Шег...

Пятеро верховых осторожно двинулись вперед. Подзорную трубу Сварог засунул за пояс. Уардов сто они проехали рысью, потом Шедарис с Делией перешли на шаг, остановились, Делия вытянула руку:

– Вон там, в конце прогалины, они кружили...

Сварог спрыгнул с коня, прошел вперед, к крайним деревьям. Явственно слышал вдалеке однотонное механическое жужжанье, ритмичный шелестящий стрекот, и эти звуки показались странно знакомыми, но опознать их никак не удавалось, видимо, еще и оттого, что подсознание ему упрямо талдычило: здесь этого быть не должно... Сбивая тем самым с толку.

Прижав к глазу холодный окуляр трубы, он наугад нашаривал источник звука. Ветви, сучья, кроны... Стрекотанье приблизилось, вновь чуточку отдалилось, приблизилось – отдалилось, словно производивший его предмет настойчиво кружил над одним и тем же местом, как и докладывала разведка.

Сварог замер – чисто случайно в поле зрения оказалось искомое, и он охнул от удивления. И узнавания...

Над лесом, левым бортом к Сварогу, висел вертолет, красивая, хищно вытянутая стрекозиная тушка в зелено-бурой камуфляжной раскраске, кое-где вздымавшаяся буграми с торчащими из них дулами. Сварог хорошо рассмотрел две головы в круглых шлемах за прозрачным фонарем, толстенькие колеса, эмблему на хвосте: черный крылатый меч в белом круге, а ниже – белые,

привычные цифры. 51. Одновинтовой вертолет, несомненно боевой. Из-за леса поднялся второй, этот повис дельфиньим рылом к Сварогу, преспокойно выставляя себя напоказ, и оба замерли в воздухе, пилоты, должно быть, совещались. Сварог опустил трубу, глянул в ту сторону невооруженным глазом, оценил расстояние до вертолетов – не меньше лиги. Все равно скверно.

Блин, еще два! Ему самому от пуль никакого вреда не будет, пулеметы там или пушки, плевать, но несдобровать его людям и коням, лес негустой, не спрятаться, а на равнине догонят в два счета. Четыре боевых вертолета не могут существовать сами по себе, они подразумевают радиосвязь, армию, государство, высокий уровень организации. А вдруг после Шторма уцелел не только отель для высоких чинов? И заблудившиеся в веках вертолеты... Нет, вздор, вздор... Но что делать? Драться с ними кишка тонка...

Он вновь посмотрел в трубу. Вертолеты зависли на разной высоте, все четыре. Один чуточку отличался раскраской – такой же камуфляж, но по борту от носа до кончика хвоста с акульим плавником-килем тянется двойная золотистая полоса, а на боку, кроме крылатого меча, еще одна эмблема: в черном горизонтальном овале – золотой силуэт короны, неизвестной таларской геральдике, как земной, так и небесной.

– Это же вертолеты, – сказала Мара за его спиной. – Как на картинке...

– Вот вмажет эта картинка из всего бортового... – зло бросил Сварог.

Сжав зубы, он смотрел вдаль, оттягивая момент, когда нужно будет принять решение, зная, что оттягивать до бесконечности нельзя.

Вертолеты вдруг разлетелись, два ушли влево, один вправо, тот, что с короной, пошел вперед, ниже, ниже...

И тут в глазах Сварога молниеносно изменились пропорции расстояния.

Вертолет с короной шел к земле... на фоне дуба, росшего уардах в двухстах от Сварога! Вертолет был меж Сварогом и деревом. Значит, Сварог ошибся, положившись лишь на зрение, не привязавшись к пейзажу... Вертолеты казались маленькими вовсе не оттого, что находились далеко. Они и были маленькие. С кошку величиной, а то и меньше, крохотные боевые машины, крохотные пилоты. Лилипутия. Будни Гулливера. Даже окажись у них в бустерах не пулеметы, а пушки, если прикинуть пропорции, снаряды не так уж и страшны, главное – беречь глаза.

Вертолеты спустились к самой земле, растянувшись в шеренгу, прошли над прогалиной, прямо-таки принохиваясь, как гончаки, и вдруг резко отвернули влево, все четыре, послышалось сухое стрекотанье, дула засветились желтыми иголочками пламени. Все четыре ожесточенно палили в лес, по невидимой Сварогу цели, заслоненной толстенными дубами. Крайний вертолет шарахнулся, как вспугнутая муха, – похоже, из леса ответили огнем. Остальные рассыпались, безостановочно паля. Следовало бы потихоньку убираться отсюда – если они нарвались на какую-нибудь линию фронта, в большом количестве даже такие крохотульки могут оказаться опасными...

В лесу, у самой земли, ослепительно блеснуло, бахнул негромкий взрыв, и из-за дуба повалил черный дымок. Вертолеты достали-таки неизвестного противника.

– Вот что, – сказал Сварог. – Потихоньку сматываемся, пока они заняты...

– Поздно, – с кривой улыбкой бросила Делия, глядя через его плечо.

Сварог оглянулся. Вертолеты стремительно неслись к ним. Заметили! И он,

взлетая в седло, еще успел подумать: пилоты отчаянны до глупости или им не впервой драться с великанами и есть наработанный опыт?

Потом думать стало некогда.

Он первым бросился навстречу стрекочущим малюткам, уже не надеясь, что кончится миром. Вертолеты издали открыли огонь, передний, не сворачивая, шел прямо в лицо.

– Глаза берегите! – заорал Сварог. – Рассыпаться!

Поднял пистолет, ведя стволом снизу вверх, не снимая пальца с курка, – вертолет пьяно колыхнулся, словно врезавшись в невидимую стену. Сварог видел, как разлетается прозрачный фонарь кабины, как лилипутская машинка переворачивается, дымя, как замирает винт. Вертолет рухнул в траву, взметнув дым и пламя.

Слева громыхнул гулкий выстрел из кремниевого пистолета. Еще. Еще. Шедарис палил навскидку и мазал, конечно. Пригнулся, вжимая голову в плечи, бросая коня в стороны, пытаюсь увернуться от кружившего над самой головой вертолетика. Его конь дико заржал, подбрасывая зад – ужалило очередь.

Всадники рассыпались по прогалине. Сварог беспрестанно стрелял, но промахивался или не мог угодить в уязвимое место. Бони, окутанный сизым дымом, едва удерживался на бесновавшемся коне – и все его труды пропадали впустую, верткие крохотульки уходили от очередей – тут масштабы работали на маленьких пилотов, они были проворнее гиганта...

Сварог поискал взглядом Мару. Ее конь уносился в лес, а Мара стояла, широко расставив ноги, держа мушкет одной рукой. Неуловимая перемена позиции – грохнул выстрел, вертолет дернулся, вихляя и дымя, пошел к земле, нырнул, попробовал набрать высоту и, оказавшись под огнем Сварога, рухнул, нелепо задирая нос. Бони азартно добил его у самой земли – но взрвался он, только грянувшись оземь.

Остервенело оглядевшись, Сварог увидел, как совсем близко от него вертолет с короной несется к Делии, выписывая зигзаги, словно крылатая ракета, а принцесса, ссутулившись, заслонив глаза вывернутой наружу ладонью, должно быть, оцепенела от страха. Четвертый вертолет все еще кружился над разрядившим все свои стволы Шедарисом, отмахивавшимся от него, как от назойливой мухи.

Сварог скакал к принцессе и понимал, что не успеет. Вертолет, как по ниточке, несся прямо ей в лицо, он не стрелял, решив, видимо, бить в упор и на верняка. Сварог катастрофически не успевал, стрелял на скаку, нелепо подпрыгивая, и мазал, мазал...

– Лицо! Лицо закрой! – заорал он что есть мочи, всем своим существом предчувствуя желтые язычки огня на концах крохотных стволов.

То, что произошло миг спустя, навсегда впечаталось ему в память.

Делия вдруг отвела ладонь от глаз, выпрямилась, бледная, решительная, прекрасная, прикусив нижнюю губу, выбросила вперед правую руку – и громыхнул тяжелый двуствольный пистолет, пороховой дым окутал девушку одновременно с первыми вспышками выстрелов вертолета – но тут же лобастая прозрачная кабина брызнула стеклянными крошечками, и вертолетик с короной, пролетев по инерции мимо шарахнувшегося коня Делии, врезался в землю.

Четвертый вертолет, взмыв вертикально вверх, застыл на пару секунд и, выписав сложную кривую, помчался прочь, к тому месту, где Сварог увидел

их впервые. Бони понесся было следом, паля напропалую, но Сварог вернул его яростным криком, мешком свалился с коня, подбежал к Делии:

– Все в порядке?

Она оперлась на его руку, сошла с коня спокойно, даже величественно, словно они были на королевской охоте, взглянула в глаза:

– Что-то покалывает правую щеку, посмотрите...

Сварог приблизил лицо. На щеке алели три микроскопические капельки крови. Очень бережно Сварог вытер их тыльной стороной указательного пальца – Делия даже не вздрогнула, и новые не выступили, – облегченно вздохнул:

– Пустяки, занозы... Сами выйдут, я думаю.

– Значит, это меня ничуть не обезобразит? – озорно сверкнули синие глаза.

Сварог тихо засмеялся:

– Нет, вы удивительная...

– Да, мне это часто говорят, – Делия одарила его невиннейшим взглядом. – И я сама начинаю в это верить...

«Ох, как бы я хотел в тебя влюбиться, – подумал Сварог, – да вот поди ж ты, не получается. Боевой товарищ, и все тут».

Отглянулся. Над прогалиной поднимались три струйки дыма – обломки вертолетов еще чадили в траве. Прочие боевые товарищи съезжались к нему, еще охваченные медленно остывающим возбуждением боя. Только Шедарис выглядел понуро и виновато.

– А не пора ли нам отсюда поскорее убираться со всей возможной скоростью? – спросила Мара. – Ничего я прежде не слышала о таких лилипутиках, но народец это склочный, все видели...

Сварог молча сел на коня и поехал к тому месту, где вертолеты обстреливали неведомого противника. У него возникли смутные догадки, еще не оформившиеся окончательно, но удержавшие от бегства...

Под дубом еще курился черным дымком крохотный вертолет – в точности такой, как преследовавшая его четверка. И точно такая же эмблема сохранилась на полубогоревшем хвосте. Сварог опустился на корточки, заглянул в кабину. За рычагами скрючилась обгоревшая черная куколочка ростиком не больше мизинца. В ноздри ударил отвратительный запах гари, жженой резины и синтетики, спаленной человеческой плоти – запахи не бывают ни большими, ни маленькими, смерть пахнет одинаково... Брезгливо отдернув голову, Сварог хотел встать. Но вместо этого опустился на четвереньки и так прополз несколько шагов к синему пятнышку, четко выделявшемуся на фоне бледно-зеленой жухловатой травы. Услышал за спиной шаги, не оборачиваясь, выставил ладонь – чтобы не подходили ближе, всмотрелся.

Человек в синем мундире, украшенном неразличимыми в деталях золотыми нашивками, лежал на боку, поджав ноги, прижимая ладони к груди, – ладони были в крови. Следов огня не видно – видимо, его зацепило очередь, и он успел отползти, насколько хватило сил. Сварог жадно разглядывал это диво – и вдруг заметил, что крохотное личико еще живет, кривится от боли, а губы шевелятся. Сварог растерянно дернулся. Он не представлял, как перевязать такую кроху, не покалечив.

Мара осторожно пристроилась рядом, прошептала:

– Шевелится... Сделай «чуткое ухо», что ты копаешься?

Спохватившись, Сварог произнес должное заклинание, обострившее слух, и тут же расслышал бормотанье:

– Перископная глубина... Я сказал – перископная глубина! Торпедная атака со стороны солнца всеми аппаратами... Зря, все зря... Крохотный король навсегда останется смешным, даже если вырастет...

Человечек бредил.

– Эй, – осторожно позвал Сварог, немного отодвинувшись.

Раненый то ли услышал его, то ли почувствовал на лице дыхание великана – и повернул голову, всмотрелся, выговорил громче:

– Посты все-таки были, следовало ожидать...

– Как вы? – тихо спросил Сварог.

– Не орите... Конечно. Вы из Вентордерана?

– Я из Ронеро, – сказал Сварог. К его удивлению, раненый ничего не стал переспрашивать:

– Равена... это лучше, если не врите... портфель... имперскому наместнику... получите награду... черный портфель, я его вынес...

Сварог быстро прошептал на ухо Маре:

– Портфель. Черный. Его габаритов, конечно. Поищи. – И вновь нагнулся к раненому: – Откуда вы?

– Снизу... пещера... командир субмарины, теперь при штабе, до конца... пусть капитуляция... надоело это идиотство... поколение за поколением... где погоня...

– Трех мы сбили, четвертый ушел, – сказал Сварог. – Они могут вернуться с подмогой?

– Вряд ли... он не рискнет днем... что вы здесь делаете...

– Свои дела, – сказал Сварог. – Чем вам можно помочь? Рана тяжелая?

На глаза навернулись слезы – так он щурился и напрягал взгляд до рези, пытаясь рассмотреть крохотное личико. И он мог бы поклясться, что это лицо кривится сейчас в усмешке.

– Нигде уже не болит, – сказал раненый. – Значит, конец. Жаль, нет выпить...

Сварог вытащил из кармана плоскую серебряную фляжку, прихваченную в баре навигатора, отвинтил колпачок, растерянно замер, соображая, что тут можно предпринять. Осторожно выворотил концом кинжала комочек земли рядом с головой раненого, уместил колпачок в образовавшейся ямке, плеснул туда янтарную жидкость.

Раненый дернулся со стоном, отнял руки от груди, приподнялся, прополз, опираясь на кулаки, опустил лицо в коньяк – по его росту колпачок был для него побольше иной бадьи. Долго не шевелился. Сварог забеспокоился, но вскоре моряк, двигаясь гораздо энергичнее, перекатился на спину и попытался рассмеяться:

– Лучшая выпивка в моей жизни. Благодарю.

– Похоже, мы нашли портфель, – сказал Сварог, увидев, что Мара держит кончиками пальцев черный квадратик размером с ноготь мизинца.

– Отлично. Теперь отодвиньтесь, взорвется граната.

– Но...

– А что вы еще можете предложить? Ну, живо!

Долго было бы растолковывать, что гранаты Сварогу не страшны, ни боль-

шие, ни маленькие. И он молча поднялся на колени. Раненый резким движением перевалился на живот, спрятав под грудь руки. Хлопнул негромкий взрыв, тело подбросило, из-под него взвилось сизое облачко и тут же растаяло. Сварог медленно снял бадагар. Подумав, вновь достал кинжал и тщательно забросал землей крохотное тело.

Выпрямился и увидел на прогалине свой отряд в полном составе.

– Очень мило, – сказал он хмуро. – Я вам где остаться приказывал? А если бы нас здесь...

– То без тебя нам все равно конец, – сказал Леверлин. – А без Делии путешествие теряет всякий смысл. Так что давай уж в будущем рисковать всем сроком. – Он ухмыльнулся. – К тому же тут нет ни доски для шакра-чатуранджа, ни нежных песен, ни съедобного мяса без костей...

– Зато костей хватает, – проворчал Сварог. Подошел к ближайшему исковерканному вертолету, уже догоревшему, натянул перчатку, поднял за хвост. Тяжелый, конечно. – Интересно, – сказал он, демонстрируя трофей остальным. – Означает ли эта корона, что у них там есть свой король?

– Где – там? – спросила тетка Чари.

– В пещере, – сказал Сварог. – Перед смертью люди обычно не врут. Раненый говорил про пещеру – надо полагать, огромную...

– Плохо представляю пещеру, где плавают подводные лодки, – пожала плечами Мара.

– Торпедная атака со стороны солнца... – задумчиво произнес Сварог. – Вряд ли в пещере есть солнце, как по-твоему?

– Да расскажи ты толком! – не выдержал Леверлин.

– Тогда уж и поедим заодно, – сказал Сварог. – Привал. Только быстро. Я верю, что они не вернуться, но береженого бог бережет...

– Без еды обойдемся, – безмятежно отмахнулась Делия. – Рассказывайте, граф.

Сварог постарался изложить все предельно четко и как можно короче – ему интересно было, что скажут о лилипутиках местные уроженцы. Даже если в портфеле и лежали кое-что объяснявшие документы (а так, скорее всего, и было), без микроскопа их не прочесть, а ближайший микроскоп неизвестно где...

– Вот и все, – сказал он и промочил малость пересохшую глотку добрым глотком из фляжки. – А теперь напрягите-ка память и вспомните все, что может иметь отношение к этим лилипутикам. Уж если мы столкнулись с проблемой, нужно ее обсудить по горячим следам, коли есть время. Благо в нашем тесном кругу представлены самые разные сословия: тут вам и принцесса, и колдунья внук, и фригольдер, и ученый студент, и много странствовавший латро, и... гм, морская путешественница.

Сама по себе огромная пещера в недрах земли не особенно и удивляла – Сварог успел одолеть некоторое количество старых книг и в своем замке, и в богатейшей библиотеке восьмого департамента. В недрах, по самым достоверным данным, таились прямо-таки исполинские подземелья, где некогда обитали гномы. То, что ходы в подземелья оставались неизвестными и недоступными, достоверности ничуть не умаляло. Другое дело, что вымершие гномы были народцем довольно крупным, Сварог сам видел скелеты, а вот о столь крохотных подземных жителях нигде не упоминалось...

Итак... Среди крестьян испокон веков кружили рассказы о крохотном «земляном народце» – то дьявольски злокозненном, то способном при ласковом обращении и обогатить, и выручить из неприятностей. Но Сварог, выслушав Бони, поскучнел – все эти рассказы прочно, как патрон в обойме, сидели в рамках самой обычной сказки. Так же обстояло и с морским фольклором в изложении тетки Чари – она не смогла вспомнить ничего, наводившего бы на мысль о загадочных подводных лодках. Хватало и пропавших без вести кораблей, и разнообразной нечисти, таившейся в глубинах, но даже крошки-кровососы, по слухам, будто бы обитавшие в дебрях Инбер Колбта, не пользовались техникой и, по рассказам, были крохотными обезьянками с крыльями наподобие стрекозиных... Да один шкипер, выделявшийся необузданной фантазией даже среди морского народа, любил рассказывать, как однажды его корабль лишился в бурю всех мачт и волны прибили его к неведомому острову, где обитали люди ростом с мизинец, и все у них было такое же крохотное – деревья и животные, замки и города. Шкиперу нисколько не верили: во-первых, все таларские моря были за тысячелетия исхожены и изучены вдоль и поперек и острова известны наперечет, тем более обитаемые; во-вторых, никаких доказательств шкипер не представил; а в-третьих, кто-то трезвомыслящий тут же наповал сразил рассказчика вполне логичным вопросом: если его корабль пошел ко дну, а все деревья на том острове оказались не крупнее трости, как вралю удалось выбраться оттуда, из чего он построил лодку или плот, из этих самых тросточек? Шкипер стал нести что-то насчет магии, которой его обучили крохотные островитяне, окончательно запутался в деталях и больше с этой историей в приличном обществе не выступал.

– Не то, – вздохнул Сварог.

– Я еще буду вспоминать, – виновато пожала плечами тетка Чари. – Трудно вот так, с ходу, перебрать все, что в жизни приходилось слышать...

– Пойдем дальше, – сказал Сварог. – Что слышала о лилипутиках почтенная гильдия «ночных парикмахеров»?

Как поведал Паколет, его покойная бабка ни о чем подобном в жизни не заикалась. А среди городского уголовного люда жило древнее поверье: якобы с помощью сложного ритуала, совершенного в полночь на кладбище, можно вызвать крохотного гномика, способного стать неоценимым помощником в воровском ремесле. Как это обычно и водится, никто этого ритуала не знал сам, а о счастливицах слышал из десятых уст.

Шедарис крохотных человечков видел раза два в жизни – в юности, не имея еще должного навыка в истреблении спиртного и не обучившись грамотно выходить из запоя. В более зрелые годы лилипутики-видения уже не являлись, а о реальных он не слышал ничего, достойного внимания командира...

Делия еще в раннем детстве по недосмотру нянек услышала легенду о «белых карликах Бранбарга»[73]. В ночь перед смертью коронованной особы по замку шествовала вереница карликов во всем белом либо горько рыдавших, либо смеявшихся – в зависимости от того, пользовался умирающий государь народной любовью или наоборот. Естественно, за сотни лет не было недостатка в любителях выдавать желаемое за действительное или попросту потрепать нервы коронованной особе. И потому ронерские короли издавна поступали весьма круто с теми, кто будто бы узрел в Бранбарге белых карликов

(что, впрочем, болтовню на эту тему так и не пресекло окончательно).

– Остался ученый студент, – сказал Сварог, с надеждой глядя на Леверлина.

Тот медленно помотал головой:

– От меня толку выйдет ровно столько же, сколько от предыдущих ораторов... Во многих гильдиях кружат предания о крохотных домовых-подмастерьях – вроде крестьянского «земляного народца». Оставишь им кувшинчик сливок, а они за ночь сапоги и сошьют...

– Что-то не похоже, чтобы эти лихие вертолетчики за кувшинчик сливок взялись шить сапоги... – сказал Сварог.

– Вот именно... Что еще? Про особенно искусных ювелиров и часовщиков любят рассказывать, будто в особо тонких работах им помогают крохотные мастера. Но такое болтали о многих искусниках – то им помогают крошки-подмастерья, то сам дьявол. Плохо верят люди, что их ближние достигли в чем-то высокого мастерства исключительно собственными трудами... Да, а в Сегуле в антикварной лавке я однажды увидел крохотный, с указательный палец, человеческий скелетик в золотом гробике. Продавали его в качестве останков короля «земляного народца», приносящих владельцу удачу и богатство. Купил я его курьеза ради. Потом, в Ремиденуме, его тщательнейшим образом изучили и пришли к выводу, что это виртуозная подделка из слоновой кости. В антикварных лавках такого товара хватает. Есть мастерские, где на заказ сделают хоть чучело Великого Кракена, хоть скелет русалки... – он повертел в пальцах крохотный желудь с карликового дуба. – А ведь это их дубы. Вход в пещеру где-то неподалеку, вот желуди наверх и попали. В другое время я с большим удовольствием слазил бы туда...

– Вот именно, в другое время, – Сварог встал. – По коням. И если кто-то что-нибудь еще вспомнит, тут же выкладывайте.

Вскоре крохотные дубы, попадавшие все реже, окончательно исчезли. Покачиваясь в седле, Сварог не в силах был оторваться мыслями от подводных лодок. Плохо верилось, будто в недрах земли расположились настоящие моря, и вовсе уж невозможным выглядело бы допущение, будто там есть свое солнце. Значит... На чьи же корабли выходил в торпедную атаку с стороны солнца покойный моряк?

Существует какой-то проход, по которому вертолеты могут вылетать из пещеры. Может найтись и проход для субмарин – не зря столько говорят о подземных рукавах Итела. Подводная лодка – идеальное средство, чтобы передвигаться в большом мире, оставаясь незамеченным. Земные флоты представления не имеют о термине «противолодочные средства», а контроль ларов ниже уровня моря не простирается. Если прикинуть пропорции, подводная лодка лилипутов будет уардов десяти длиной. Ител – река глубокая. Не составит особого труда выйти по нему в океан... вот только зачем? Какие у лилипутиков могут быть интересы и цели в большом мире? Но раненый знал о Ронеро и Равене – значит, в пещеру попадает информация о Таларе. И язык тот же, и даже цифры – те же... Но подводная лодка не может совершать дальних рейсов без дозаправки...

Может. Если она атомная. Достаточно компактный реактор при соответствующем развитии науки и техники создать можно – а подземная техника, судя по вертолетам, харумскую превосходит стократ. Кстати, атомная бомба размером с апельсин была бы лилипутикам вполне по плечу – если они умеют обо-

гащать плутоний, если у них есть плутоний...

При этой мысли Сварогу стало не по себе. Атомная бомба, тайком доставленная в крупный земной город, понятия не имеющий о таком устройстве, совершенно незащитный перед ядерной атакой... Стоп, что-то очень уж безудержный полет фантазии получается. Уж если давать простор шальным гипотезам, почему бы и не допустить, что наверху все прекрасно известно, а погибший был агентом Гаудина и спешил с донесением? Иначе зачем ему имперский наместник?

Леверлин поравнялся со Сварогом, теперь их кони шли голова в голову:

– Знаешь, есть одна старая история... Ты не подскажешь, как надежнее всего воевать с подводной лодкой? Какие-нибудь пушки?

– А как глушат рыбу, ты знаешь? – спросил Сварог. – Гранатами?

Леверлин пожал плечами:

– Не приходилось...

Зато Шедарис, ехавший слева от Сварога, оживился:

– Ну, это дело знакомое. Берется обычная граната, присобачивается непромокаемый подрывной шнур подлиннее, приматывается к палке потолще, чтобы палка плавала, а граната погрузилась, – и поплыла рыбка кверху пузом, только успевай собирать. А если запал новомодный, химический, получается еще проще – бросай и лезь за рыбкой...

– Точно так же и с подводными лодками, – сказал Сварог. – Кверху пузом она не всплывет, потому как железная, но если бомба рванет достаточно близко – лодка, что характерно, потонет...

Леверлин задумчиво начал:

– История двадцатилетней давности. Жил один старый граф, большой любитель научных забав и экспериментов. Иные из его забав кончались взрывами, и близкие, опасаясь за родовое гнездо, уговорили его построить для научных занятий особый домик, подальше. Старик согласился, а дом построил на берегу Итела, был у него там кусок земли. Дом этот стоял на берегу заливишка, вернее, бухточки, отделенной от реки узким рукавом вроде того, что мы видели на месте прошлого ночлега... Собственно, там было несколько домов, и немаленьких. При графе состояло человек пятьдесят – ученые, инженеры, писцы, чернорабочие. Денег у него хватало и платил хорошо.

– Свой университет? – хмыкнул Сварог.

– Пожалуй. Между прочим, наряду с кучей действительно глупых забав граф сделал и несколько серьезных открытий – в области химии и механики главным образом. Блестящий был дилетант, хватался за все подряд, увлекался то химерами, то дельными вещами – словом, личность противоречивая. Так вот, странности начались года через полтора после того, как он перебрался к бухточке. Он стал замкнутым – а до того бомбардировал ученые заведения подробнейшими отчетами обо всех своих изысканиях. Кое-кто, не получая от графа ни строчки, стал даже думать, что старик умер... И однажды в родовом поместье появились трое подмастерьев, в жутком состоянии внешнего облика и рассудка, сущие безумцы. По их словам, в поместье давно уже творилось что-то неладное – правда, ни в одной бумаге нет подробностей. Не исключено, что подробностей троица и не приводила... Зато о последнем дне они рассказали подробно. Ближе к вечеру граф вдруг собрал всех своих людей и велел немедленно отрезать бухту от реки. Берега там каменистые. Заложили бочку с

порохом, подорвали утес, и обломки завалили протоку. Потом граф распорядился опустить в бухту бочонки с порохом и взорвать под водой. Действительно, так глушат рыбу. Я только сейчас сопоставил...

– И взорвали?

– Взорвали, – кивнул Леверлин. – Попробуй послушайся... Пять бочонков. Непромокаемый подрывной шнур к тому времени уже был изобретен. А ночью что-то произошло. Когда трое дошли до этого места, решительно перестали выглядеть нормальными людьми. Только повторяли на все лады – это, мол, был ужас... И заверяли, что они – единственные спасшиеся. А к ночи умерли и они. Естественно, был шум и была огласка – дворянин старинного рода, человек заметный, король к нему благоволил... Родственники сразу же поскакали туда, а следом прибыл для расследования и коронный судья. Обнаружили они на месте поместья обгоревшие развалины и трупы. Вскоре самым загадочным образом умерли еще несколько человек из побывавших там, в том числе и судья. Пошли толки, идиотские слухи, следствие довольно скоро прекратили из-за полной невозможности докопаться до истины. Официальная – и самая правдоподобная – версия гласила, что граф пал жертвой собственной неосторожности. Он давно пытался получить новое взрывчатое вещество, еще до того, как перебрался к бухте... С тех пор развалины совершенно заброшены, место считается проклятым, и его обходят десятой дорогой. Мой двоюродный дядя был дальним родственником сестры графа и пять лет назад за отсутствием более близких наследников унаследовал кусок земли, куда входит и бухточка. В кадастрах Землемерной Палаты та земля официально значится как «мертвое место». Есть такой юридический термин. Например, общие могильники, где хоронили умерших во время эпидемий, или место, где когда-то стоял дом «королевского злодея», но потом его снесли, посыпали землю солью и объявили «мертвой до скончания времен». «Мертвые места» исключены из всякого оборота, с них не берут земельного налога...

– Ага, – сказал Шедарис. – Своими глазами видел холм, где закопаны сотни три не самых бедных жителей одного богатого города. Со всеми кошельками и драгоценностями. Сокровища неслучайные. Прошло триста лет, но самые отпетые головушки туда не лезут с лопатами – город-то вымер от «багровой трясовицы»...

Леверлин кивнул:

– У графа была в поместье немаленькая казна – на текущие нужды. Не слышно, чтобы кто-то попытался рыться в развалинах. Очень уж дурная слава у того места... Что скажешь?

– Насчет проклятья судить не берусь, – сказал Сварог. – Но если допустить, что он хотел уничтожить в бухте подводную лодку – более разумных и толковых действий и представить нельзя...

И подумал: «Такая бухточка была бы идеальной промежуточной стоянкой. Если лилипуты незамеченными передвигаются за пределами Хелльстада, они могут делать это одним-единственным способом – под водой. А на этом пути поневоле достигнешь высот изощренности и изобретательности...»

– А как объяснить все остальное? – спросил Леверлин.

– Представления не имею, – пожал плечами Сварог. – Нужно посмотреть на месте, понырять...

Леверлин помрачнел:

– Неужели эти крохи могут оказаться такими опасными?

«Еще как, – столь же хмуро подумал Сварог. – Если вспомнить иные изыскания пытливого военной мысли, сопутствующие эпохам, когда умели делать такие вот боевые вертолеты... Атомная бомба, радиологическое оружие, химическая и бактериологическая война, лазеры... Возможно, подземное государство лилипутов – доброе и благостное. Почему тогда их вертолеты оснащены автоматическим оружием? Губительным, правда, лишь для сограждан, но кто сказал, что у них есть только это? Коли без всяких угрызений совести стреляют по своим, в чужих палить еще легче. А в лексиконе их морских офицеров присутствует термин „торпедная атака“. Скверные симптомчики...»

И тут он вспомнил – толчком. Хелльстад, берег реки, он впервые увидел «Божьего любимчика», но еще раньше услышал грохот, увидел фонтаны от взрывов. В ту минуту было не до раздумий, зато потом, когда он проснулся в каюте и выбежал на палубу, разбуженный грохотом, никаких сомнений не осталось: люди капитана Зо швыряли в Ител нечто, больше всего напоминавшее примитивные глубинные бомбы... Очень уж многозначительно для простого совпадения. Но тетку Чари расспрашивать бесполезно – с капитаном Зо она никогда не плавала, а Зо, Сварог успел убедиться, ни единой тайны своего корабля посторонним не доверяет, будь они и собратьями по нелегкому ремеслу... Выходит, Зо знает? Как бы там ни было, есть еще один интересный вопрос, о котором Сварог прежде как-то не задумывался: а собственно, что делал тогда в Хелльстаде капитан Зо? Откуда он возвращался? Неужели перед столь важной и ответственной операцией, какой была охота за Гарпагом, отправился к истокам Итела забавы ради, полюбоваться на Хелльстад? Что-то было...

Увы, по телефону с капитаном не свяжешься. И где он сейчас, неизвестно – вроде бы, когда Сварог собирался на землю, «Божий любимчик» ушел к островам Девайкир, опять-таки неведомо зачем...

Они обогнули холм, и Сварог взмахом плетки приказал уклониться правее – там было поровнее. И впереди, на равнине, его уставший от окружающей безжизненности взгляд моментально и цепко выхватил далекое шевеление. Взмах руки – и отряд встал.

– Похоже, потянулись обитаемые места... – сказал Сварог.

Равнину усеивали хаотично разбросанные среди огромных иззубренных листьев полосатые шары, зелено-черные, крутобокие, крайне напоминавшие арбузы. А на окраине этой бахчи без особого шума кипела яростная драка. Загадочные мохнатые создания, темно-бурые и светло-рыжие, кидались на человека в синем, то наваливаясь кучей, скрывавшей его с головой, то, рассыпаясь, подступали вновь, вертелись вокруг, прыгали, норовя вцепиться в горло и свалить. Человек отбивался странным топором, вертясь, как волчок. Бешено крутилась сверкающая сталь, порой разбрызгивая веера алых капелек. Все вокруг усыпано мохнатыми телами – неподвижными, бившимися в агонии, ползущими.

Сварог вымахнул на открытое место, послал коня вперед, свободной рукой выхватывая топор. За его спиной слитно грохотали копыта, кто-то выстрелил, кто-то испустил прошивающий уши разбойничий свист. Мохнатые сориентировались мгновенно – замерли, встав на дыбки, потом разом отхлынули от человека с топором и на четвереньках припустили к близкому лесу, невероятно проворно петляя среди арбузов. Еще миг – и все исчезли, как не было...

Сварог натянул поводья. Вновь, как и с вертолетами, масштабы он прикинул неправильно – доверился глазам, а глаза подвели. Человек в мешковатой синей одежде, с рыжей шевелюрой, до глаз заросший густой бородицей, ростом был не выше годовалого ребенка, но сложение отнюдь не детское – широкоплечий, коротконогий, почти квадратный, огромные ладони с поросшей рыжей шерстью тыльной стороной сжимают древко лабриса, двойного топора. На груди большая медная бляха, и на ней в виде трехлучевой звезды отчеканены те же лабрисы: три штуки, топорищами к центру, а лезвиями наружу. Из рыжей, вившейся тугими кольцами поросли зло и настороженно тарасились колючие серые глазки.

– Чтоб мне сдохнуть! – охнул Шедарис. – Натуральный гном! Как на картинке!

Карлик сверкнул на него глазами и выставил перед собой топор, покрепче уперся в землю ножонками, пригнулся. Неподалеку в луже крови вытянулась крохотная, под стать гному, лошадка – серая, косматая, с длиннющим хвостом и заплетенной в толстые косички гривой. Она уже не дышала, огромный лиловый глаз, налитый застывшим ужасом, уставился в небо.

Какое-то время они с гномом молча переглядывались.

– Воюешь? – спросил наконец Сварог.

– А тебе какое дело? – отозвался гном не писклявым, как ожидалось, а низким, густым голосом. Выговор у него был странный: словно бы, произнося согласные, каждый раз прилязгивал зубами.

– Характерный... – ухмыльнулся Шедарис. – Самое время поспрашивать его про клады...

– Ну зачем тебе сейчас клады? – ласково спросила Мара.

Капрал чуточку смутился:

– Да ведь исстари заведено: как поймаешь гнома, первым делом пытай насчет кладов...

– Ты меня поймай сначала, пыталщик, – мрачно отозвался гном, медленно поворачиваясь по сторонам, словно пытаешься угадать, кто бросится на него первым.

Сварог тем временем приглядывался к мохнатым созданиям – иные еще пытались уползти. С белку величиной, только бесхвостые, мех густой, богатый, а морды, даже у мертвых, выглядят чересчур уж умными для простых грызунов. На крохотных запястьях – чеканные браслеты, а возле иных трупиков валяются длинные, узкие, изогнутые ножи...

– И что ж ты с ними не поделил? – поинтересовался Сварог.

– Да было что, – отрезал гном.

– Ясно, – сказал Сварог. Неподалеку лежал мешок, а в нем явственно круглились два арбуза. – Ты, голуба моя, к ним в огород залез, они и осерчали...

– Кто ж знал, что они поблизости, – пробасил гном без малейшего раскаяния. – Не обеднели бы.

– Непринужденная у тебя натура, я смотрю, – покачал головой Сварог.

– Какой есть, – сказал гном. – Если жрать хочется. Нужно отсюда убираться, вот что. А то нагрянут всей бандой. Их тут нечитано. Продай коня. Их у тебя хоть завались.

Леверлин за спиной гнома корчил Сварогу страшные рожи, сопровождая это яростными непонятными жестами, и Сварог, кажется, понял...

– А что взамен? – спросил он гнома с видом заправского торговца. – Кони в этих местах – товар редкий...

– Один клад.

– Не пойдет, – торопливо вмешался Леверлин, не выдержав. – Если верить предкам, гномы однажды данного слова не нарушают, но казуистические прорехи выискивают не хуже наших крючкотворов с Людоедского бульвара[74]. Ты согласишься, а потом окажется, что до этого клада месяц ехать. Или год копать. Ни к чему нам сейчас клад, пусть ответит на три вопроса. Для науки это бесценный материал. Идет?

– Идет, – сказал гном.

– Только поклянись сначала двойным топором, двойной киркой и каменным небом.

– Грамотный... – пробурчал гном. – Ладно, клянусь двойным топором, двойной киркой и каменным небом, что отвечу на три вопроса без лжи.

– Где здесь безопаснее всего переночевать? – тут же спросил Сварог.

– В ту сторону, – показал гном. – Если поспешите, еще до заката увидите курганы. Безопаснее всего ночевать на вершине. Любого.

– Значит, гномы не вымерли? – быстро спросил Леверлин.

– Где мой конь? – ответил вопросом гном.

Сварог кивнул Делии, и она отвязала повод одного из двух своих заводных. Сунув топор за пояс, за спину, гном хозяйственно подобрал мешок, закинул его за плечо, ухватил край зубами, освободив руки, разбежался, подпрыгнул, уцепился за стремя и одним махом с кошачьим проворством взмыл в седло. Лошадь фыркнула, переступила на месте, но к странному всаднику отнеслась, в общем, спокойно. Шедарис словно бы невзначай повел дулом пистолета, приготовившись принять незамедлительные меры, если гном вздумает удрать, не расплатившись сполна. Но клятва, должно быть, оказалась из тех, что нарушать не годится ни при каких обстоятельствах: гном поерзал в седле, примеряясь к поводьям, ответил:

– Гномы не вымерли. Третий вопрос.

– Тихо! – вскрикнул Леверлин.

– Молчать всем, – поддержал Сварог. – Думайте, граф, ради науки...

Гном молча ждал. Из-за буйной бородицы никак не удавалось разобрать, что за выражение у него на лице.

– Ага! – Леверлин радостно воздел указательный палец. – Спроси его, где они сейчас живут, он быстренько ответит: «В подземелье». Уговора не нарушит, а вопросы кончатся...

– Грамотный... – проворчал гном.

– Вы остались на Таларе?

– Нет, – сказал гном, как плюнул. – Я могу ехать?

– Валяй, – кивнул Сварог.

Гном гикнул, вцепившись обеими руками в гриву, ударил ножонками по конским бокам – и галопом унесся прочь.

– Все же, сдается, не много ты узнал, – сказал Сварог Леверлину.

– Почему? Не так уж... Если они покинули Талар, а так оно определено и есть, уйти они могли только на Сильвану. Были такие подозрения и раньше, а теперь можно говорить с уверенностью. По-моему, выжал, сколько удалось...

– Господи, как мало порой нужно для счастья ученым людям, – сказал Сва-

рог. – А если они ушли не на Сильвану? Если они отправились шляться по Древним Дорогам?

– Они же не идиоты... – ответил Леверлин, спохватился, глянул с интересом: – Кто это тебя просветил насчет Древних Дорог? О них повсюду забывать начали, даже наверху.

– Ты же помнишь? А чем я хуже? Нашел я один интересный документ эпохи, дам почитать, если стоянка будет безопасная... – Он огляделся. – В самом деле, нужно убираться. Не ровен час, эти мохнатые нахлынут целой ордой... У кого мешок во вьюке? Срежьте-ка быстренько по паре арбузов на брата и скачем.

Глава 10 Кто бережет курган

Гном не врал – на закате они увидели впереди с десяток прихотливо разбросанных курганов, оплывших от времени, но все еще высоких и широких, довольно крутых. Очень уж они походили друг на друга, чтобы оказаться творением слепой природы. Сварог наудачу выбрал один из ближайших, указал на него, и вереница всадников, описав по склонам суживающуюся кверху спираль, поднялась на вершину, поросшую, как и весь курган, сухой реденькой травой. Места для лагеря нашлось предостаточно. Они еще не кончили расседлывать лошадей, как Шедарис, управившись со своими раньше всех, пошел вокруг строянки, густо раскладывая серебряные монеты.

– Никак не похоже это на природные холмы, – сказал Сварог Леверлину. – Именно курганы, хотя я, признаться, курганов в жизни не видел... Интересно, кого тут могли хоронить? Или не стоит поминать к ночи?

– Да не стоит, пожалуй. На всякий случай. Что у тебя за документ? Насчет Древних Дорог? На постоялом дворе нашел?

– Ага, – сказал Сварог, доставая письмо. – Займись, а я пошел.

И направился поить-кормить лошадей. Да и людям следовало подкрепиться. Каждый раз, создав одним махом столько воды и провианта, он ощущал нешуточную усталость, словно переколол машину дров. Лег, удобно устроил голову на чьем-то вьюке и принялся блаженно пускать дым, глядя, как на темном небе проступают первые блеклые звездочки – словно призраки ночных светил. Темнота в Хелльстаде отчего-то наступала заметно быстрее, чем водится в нормальных землях, и хозяйственный Бони уже складывал в кучу сушняк, коим нагрузил своих заводных коней в дубраве.

– Ну зачем тебе тут костер? – лениво поинтересовался Сварог. – Еще увидит кто...

– Захотят, углядят и без всяких костров, верно? – махнул рукой крестьянский сын, ловко нащипал кинжалом лучинок, воткнул кинжал в землю. – Шег, где там арбузы?

Подошел Шедарис с растерянным и озабоченным видом. Молча показал две половинки «арбуза».

От них пахло мясом – свежим, сырым. И темно-красная мякоть на вид ничем не отличалась от мяса. Сварог потыкал его пальцем – упруго-плотное. Капавшая с половинок жидкость в полумраке казалась черной.

– Выкинь ты их, – сказал Сварог решительно, вытер палец о штаны и направился к Леверлину. Тот сидел с письмом в опущенной руке, невидящим взором уставившись в пространство. Рядом, задумчиво глядя на него, поло-

жив руку ему на плечо, стояла Делия.

– Впечатления? – спросил Сварог.

– Нет у меня впечатлений, – сказал Леверлин тихо. – Видишь ли, это первый написанный до Шторма связный текст, попавший нам в руки. До сих пор было только несколько копий, в трудах первых книжников. И веры этим копиям мало... Как и «надписям» на скалах и утвари. Ведь ничего не осталось, ни книг, ни вещей, ни домов. Топор Дорана принадлежит столь далекому времени, что к нему относишься с полным равнодушием, он и во времена, предшествовавшие Шторму, был антиком... А здесь – совершенно целый дом, вся эта великолепная домашняя утварь... Чего им еще не хватало? Нет, решили воевать...

Сварог мягко сказал:

– Знаешь, я уверен, сейчас очень многие то же самое думают о королях и дворянах. Зачем им еще и воевать, если у них есть перстни с самоцветами, телевизоры и водопровод в доме... А что до книг – я из своей комнаты прихватил на память все, что там нашлись, десятка полтора, но это, господа мои, бульварное чтиво ничуть не лучше того, что мне случилось листать в Равене... И мне отчего-то не верится, что где-то в подземельях еще ждут своего часа сокровища духа. Похоже, все началось так внезапно... – Он помолчал. – Интересно, что это были за Керуани?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Леверлин.

Чересчур уж торопливо и равнодушно он это произнес – и Сварог с удивлением открыл, что впервые за время их знакомства Леверлин с ним неискренен. Брошенный на Леверлина выразительный взгляд Делии тоже должен был что-то означать. Что-то такое эти двое знали – и делиться со Сварогом не хотели. Его это обидело, но он промолчал, решив отменить все разборки до лучших времен. В конце концов, мир не обязан вращаться вокруг его персоны, и всякий имеет право на свои секреты...

– Собаки, способные чуют грядущие несчастья, – сказал Леверлин. – Особая порода. Значит, не сказка...

Делия выразительно глянула на него, и Сварог вполне отчетливо ощутил себя третьим лишним.

– Ну, я пошел... – начал он.

Земля исчезла из-под ног, близкий огонь костра рванулся куда-то вверх, Сварог, вмиг вспомнив свои монгольские злоключения, в ужасе дернулся к Делии и Леверлину, цепляясь за них, дотянулся, схватил за полы камзолов – и сообразил, что все трое медленно опускаются вниз в крошечной тьме, в облаке трухи и пыли, забивавшей уши, глаза, рот. Падение с приличной высоты – но благодаря Сварогу его друзья не рисковали расшибиться в лепешку. Уже обретя присутствие духа, Сварог «кошачьим глазом» видел вокруг бревенчатые стены. Вскоре его ноги коснулись укрытого грубой тканью пола – и ткань рассыпалась под сапогами, а под ней оказались трухлявые бревна. Сварог задрал голову. Высоко вверху зияло отверстие неправильной формы, в которое они и сверзлись. Но почему?

Еще выше равнодушно светили звезды.

Скрежетнуло – это Делия выхватила меч.

– Оставьте, – сказал Сварог. – Это гробница, похоже. Вокруг никого. Нечто вроде купола, выложенного изнутри бревнами. Там и сям валяются какие-то

предметы, а в центре нечто вроде помоста, там лежит что-то длинное, покрытое тканью... Точно, гробница. На то и курган... Как же мы сюда сверзлись? Потолок не выдержал, что ли?

– Эй! – слышался сверху голос Мары, довольно спокойный. – Живы?

– Живы, – крикнул Сварог. – Тащи веревку!

– Как вас угораздило?

– Тащи...

Его оборвал отчаянный визг Делии – принцесса, храбро переносившая доселе все мытарства, тяготы и опасности, сейчас, не помня себя от страха, визжала, как завидевшая мышь кухарка. Меч, правда, не бросила – но шарахнулась, вцепившись в Сварога, оказавшегося ближе. Рядом дважды щелкнул курок – Леверлин выхватил пистолет. От всех троих протянулись зыбкие длинные тени – гробница осветилась мутно-зеленоватым сиянием, колышущимся, неприятным. А из дальнего угла на них надвигалось нечто белое, напоминавшее фигуру в бесформенном балахоне, от нее веяло сырым холодом и незнакомыми запахами, гнилостными, тяжелыми. Физиономия этого создания оказалась не страшной и не уродливой – она была настолько другой, чуждой всему на свете, самому этому миру, что сердце леденело не от страха, а от совершенно непонятных ощущений, к приятным решительно не относившихся.

Мара что-то кричала сверху. Сварог не отвечал, старательно ловя на мушку наплывавшую фигуру. Несколько раз даванул на спуск. Бесплезно. Тварь надвигалась. С таким он еще не сталкивался. Есть случаи, когда исключений из правил попросту не бывает. Нечисть – а это именно нечисть – обязана раствориться или хотя бы отступить. Но белая фигура игнорировала незыблемые доселе законы. Ее огромные фасеточные глаза горели пронзительно-сиреневым светом, а редкие острые клыки странной формы – ярко-желтым, на шее сияло ожерелье из разноцветных треугольных камешков – удивительно чистые спектральные цвета, вся палитра радуги, хоть и в беспорядке, словно внутри горят крохотные лампочки, озаряя чистейшее стекло. Руки взметнулись, из широких рукавов показались когтистые трехпалые ладони – и корявые пальцы тоже унизаны разноцветно светящимися шариками. Оно остановилось шагах в пяти, и на том спасибо, но положение аховое, если бессильно испытанное серебро...

Не в ушах, а прямо в голове у Сварога зазвучал шелестящий, бесплотный голос, где эмоций было не больше, чем в стуке тележных колес:

– Я – Йор-Фулаох, Радужный Демон, страж гробницы, чей покой вы нарушили огнем, пролитой кровью и железом. Никто не смеет безнаказанно осквернять гробницы великих вождей...

– Мы вовсе и не хотели... – вскрикнула Делия. Значит, тоже слышала.

– Меня не заботит, хотели вы этого или нет. Мое дело – беречь покой и наказывать тех, кто его нарушит. Все, кто приплыл на заклятый остров нарушить покой вождей, здесь и останутся до исхода времени...

– Остров? – растерянно сказал Сварог. – Да что ты несешь такое, какой остров...

Он пытался выиграть время, не представляя, какой от этого может выйти толк. Чудище колыхалось перед ним, словно абсурдная помесь тумана с новогодней елкой. Делия прижалась к нему, вся дрожа. Столь мерзкого бессилия Сварог еще не испытывал.

Леверлин внезапно шагнул вперед:

– Ты знаешь, что такое планета?

– Конечно, – бесстрастно произнес демон.

– Как называется эта планета?

– Йорхор.

– Святая Бригита... – охнул Леверлин. – Не может такого быть.

– Чего? – рявкнул Сварог.

Голос Леверлина словно бы резко повеселел:

– Йорхор... Ох, как интересно...

– Да что такое?! – Сварог за это время еще пару раз выстрелил в чудище, чего оно словно бы и не заметило.

– На языке Изначальных Талар назывался Дагросар, это-то мы знаем, – сказал Леверлин. – А Йорхор – так планету называли те, кто обитал здесь до Изначальных. Точнее, до сих пор это было гипотезой... Значит, она верная. Значит, Изначальные тоже, вопреки названию, откуда-то сюда пришли. Йорхор – это даже не сотни тысяч лет назад. Миллион, быть может. Между нами и этим красавчиком – словно бы ступенька...

Сварог начал понимать. Магия Изначальных влияет на нынешних обитателей Талара, подчиняясь тем же законам, что и магия последних, – но как быть с созданиями, грубо говоря, отстающими по фазе? Если на него не действуют нынешние методы борьбы с нечистой силой – подействует ли на них древняя магия демона исчезнувшего времени?

Леверлин тем временем крикнул:

– Ну, давай! Покажи, что ты можешь!

Радужный Демон застыл, распростерши руки. Колыхались тени, ползли минуты. Делия горячо дышала в щеку Сварогу. Он высвободился, прошел вперед и остановился прямо перед демоном, весь озаренный теперь радужным светом. Страх и растерянность понемногу таяли, сменяясь прежней решимостью. Потому что ничегошеньки с ними не происходило, разве что незнакомые запахи стали сильнее. Вблизи физиономия демона напоминала застывшую карнавальную маску – фасеточные глазищи занимают добрых две трети треугольного лица, ушей не видно, нос на манер клюва, сливается с верхней челюстью...

– Что, не получается? – спросил Сварог едва ли не сочувственно.

– Вы давно должны были... – протянул демон.

– Да пойми ты, – сказал Леверлин. – Ушли не только твои хозяева, но и те, кто пришел им на смену. Миллион лет, а то и дольше... Тебя никогда не учили, что в мире нет ничего вечного? Здесь уже не остров, часть континента, никто и не знал, что тут когда-то был остров...

Они со Сварогом полностью овладели собой, только Делия держалась поодаль. Демон медленно-медленно опустил руки, его голос оставался столь же бесстрастным, но меж словами появились долгие паузы, соответствовавшие, быть может, эмоциям:

– Континент... ничего прежнего... никого прежнего... миллион лет...

«Не помер бы, – подумал Сварог. – Такая плюха любого уложит».

– Это что еще за сумасшедший фонарщик? – раздался юный дерзкий голосок.

Сварог оглянулся. Мара стояла, отвязывая с талии конец спущенной сверху

веревки.

– Это демон, – сказал Сварог. – Из прежних времен. Совершенно выдохся, бедняга. Сущее привидение демона, я бы сказал...

– Ну, перепугали вы нас. Бог знает что подумали, а вы тут с привидениями демонов шушукаетесь... – Мара задрала голову и закричала наверх: – Все в порядке!

Обошла вокруг радужно сиявшего демона, задумчиво его разглядывая, хмыкнула, пожалала плечами и направилась к помосту. Леверлин пошел следом, даже Делия стала с любопытством озираться. Демон торчал посреди гробницы перестоявшей все сроки новогодней елкой, нелепый и бессильный. Сварогу стало его немного жаль, и он громко сказал:

– Орлы, поуважительнее, что вы, как деревенщина в музее. Великий вождь все-таки...

– Один из самых великих, – печально подтвердил демон. – Он разбил войска фоморов, срыл крепости Змеинового мыса, спустился в подземную страну вараджей и захватил драгоценности их гнусных владык, изгнал жрецов Змееного, нанес рану Великому Кракену...

– Что? – повернулся к нему Сварог. – Эта пакость уже тогда жила в глубинах?

– Великий Кракен уже обитал здесь, когда наши предки пришли на Йорхор. Твой друг прав – для живущих вечности нет. Но она существует для Зла...

– Да? – усмехнулся Сварог. – Что-то твое зло испытание временем не выдержало...

– Ты уверен, что я представляю зло по отношению к твоему добру? Что наши добро и зло друг на друга похожи?

– Ни в чем я не уверен, – сказал Сварог. – И вдобавок – не философ. Я авантюрист на государственной службе. Это вот он – ученый, да и то недоучившийся. Хоть ты не втягивай меня в философские споры, я их по темноте своей старательно избегаю, о чем что-то не сожалел...

Он подошел к помосту. Из-под плотной материи, расшитой странным узором с преобладанием спиралей и треугольников, выступала верхняя половина скелета. И скелет был не человеческий, судя по черепу. Больше всего череп напоминал физиономию стража гробницы – те же огромные глазницы, верхняя челюсть-клюв, редкие клыки странной формы. Сварог осторожно прикоснулся пальцем к уголку покрывала, и уголок рассыпался хлопьями тяжелого праха. Миллион лет – это серьезно... Наряд покойника, должно быть, рассыпался пылью уже давно – меж ребер, сходящихся острым клином, отчего грудная клетка напоминала лезвие колуна, валялись в беспорядке то ли бляшки с выпуклым узором, то ли пуговицы, пряжки, обрывки звеньев рассыпавшихся цепочек, тусклые прозрачные камешки. Из-под покрывала виднелась рукоять меча – с гардой, похожей на четырехлопастный пропеллер, вся в спиральных узорах.

– Три ночи горели костры, – бормотал за спиной Радужный Демон. – Три ночи били барабаны, ритуальный напиток богов, шипя и пенясь, лился в пламя, и падали под жертвенным ножом пленники, и ржанье Горлорга походило на рыданье, ибо он ведал, что никогда уже не понесет вождя по Древним Дорогам...

– Что? – Сварог обернулся. – Ваши кони могли скакать по Древним Доро-

гам?

– Горлорг – не обычный конь. Это Конь Талисмана, – Демон вытянул худую руку и указал на лежавший слева от черепа массивный треугольный предмет, напоминавший наконечник копья с выпуклыми гранями. – Конь Древних Дорог. Он все еще ждет зова, он и сейчас на тамошних пастбищах, потому что время на Древних Дорогах течет иначе, а то и не течет, то оно есть, то его нет...

Сварог, охваченный шальным желанием, не выдержал:

– Меня очень интересуют Древние Дороги...

– Иными словами, Талисман? Я могу предложить тебе то, что на языке смертных существ называется сделкой. Отдам тебе Талисман и расскажу, как с ним обращаться. Но ты уйдешь со своими людьми, ничего больше не тронув, и никогда больше не потревожишь гробницу. – Его голос едва уловимо изменился, что могло означать и злорадство. – То, что я оказался бессилен, еще не означает, что ты можешь безнаказанно нарушать данное слово. И еще. То, что наше добро и зло могут не совпадать с вашим, ты подметил верно. А потому предупреждаю честно: вина за возможные последствия, каковые влечет обладание Талисманом, ложится не на чьи-то древние козни, а на того, кто возжелал владеть вещью, сотворенной не в его мире...

– Согласен, – сказал Сварог, отстранив легонько потянувшего его за рукав Леверлина.

– Слово вылетело, – бесстрастно отметил демон, протягивая Сварогу Талисман. – Я и сам не знаю, что из былых законов потеряло силу, а что уцелело. И потому уговор...

– Я же дал слово, – сказал Сварог. – Идите, орлы.

Когда он после короткой беседы с демоном тет-а-тет последним взобрался по веревке под звездное небо, Леверлин покачал головой:

– Тебе не кажется, что он тебя примитивно надул? Коли уж он так легко расстался с Талисманом, там могло остаться что-то неизмеримо более ценное, от него-то и отвлекал внимание, жертвуя меньшим...

– Все возможно, – пожал плечами Сварог. – Но в конце-то концов, мы не гробокопатели и не археологи Королевской академии. И не стоит печалиться о том, что осталось неизвестным. А Древние Дороги стали меня чертовски занимать... Привычка у меня такая, как у сороки, – собирать коллекцию всевозможных экзотических находок. Сам не заметил, как и появилась.

– Был у нас один придурковатый, – сообщил Бони. – Все хвастал, что знает калиточку, выходящую на Древние Дороги, и порой там гуляет. Врал всякое, благо не проверишь. Так и сгинул. Спыхватились однажды, что долгонько не появляется, стали искать, а он как в воду канул. Правда, нашли у него в лачуге какой-то странный горшок, у нас таких сроду не делали...

– Ладно, – сказал Сварог. – Давайте-ка спать. Чем бы дыру огородить, чтобы кони не попадали...

И осекся. Не было никакой дыры – нетронутая земля, жесткая трава. Молча махнул рукой, завернулся в плащ и устроился у догорающего костра, на сон грядущий недобрым словом помянув гнома. Гном оказался редкостной паскудой – но и Сварог был хорош. Следовало семь раз отмерить и взвесить каждое слово. Во фразе «Где здесь безопаснее всего переночевать?» он пропустил «нам». И гном, скрупулезно соблюдая букву уговора, и не солгал, и не сказал всей правды. Хотя... Кто его знает. Быть может, самим гномам как раз безопас-

нее всего ночевать на вершинах курганов. И кто мог знать насчет огня, железа и крови, отворяющих гробницу?

Сон надвинулся какой-то зыбкий, нечеткий, никак не складывался в нечто осмысленное, мелькали странные лица, бессвязные обрывки разговоров, все плыло, смысл ускользал. И вырвал Сварога из тоскливой полудремы реальный, гулкий выстрел. Он вскочил, путаясь в плаще, отшвырнул его, схватился за топор.

Кто-то успокаивал коней, кто-то, пригнувшись, вертелся во все стороны, держа мушкет наготове. Стряхнув остатки сна, Сварог присмотрелся. Нападающих не видно. Бони шарил стволом пулемета, выискивая цель. Мара с Шедарисом, согнувшись в три погибели, чиркая спичками, осматривали землю, старательно целя из пистолетов в освещенные места.

Ни противника, ни пострадавших. Успокоившись, Сварог спросил:

– Что такое?

– Видел я его! – не разгибаясь, отозвался Шедарис. – Крохотный такой, стерва, как жучок...

– Но бежал-то он на двух ногах, – сказала Мара.

– А кто спорит? На двух. Да шустро, падла, что твой таракан...

– Командир! – позвал Леверлин. – Ты в темноте видишь, у тебя лучше получится...

Он стоял над Делией, а она сидела, как-то странно склонив голову, прижавшись правой щекой к плечу.

Сварог одним прыжком оказался рядом. Она показала указательным пальцем, не касаясь шеи:

– Здесь кольнуло... И ноет.

Осторожно, растопыренными пальцами Сварог подхватил и перекинул направо ее роскошные волосы, присмотрелся. На шее темнела крохотная точка, явственно выступая над кожей. Кончиками нестриженных за время путешествия ногтей он ухватил что-то твердое, потянул, вырвал. Делия тихонько ойкнула, потерла шею пальцем, улыбнулась:

– Все, не больно... И кровь не идет, так, царапина...

Сварог поднес ладонь к глазам, разглядывая скользкую от крови занозу. Больше всего это напоминало десантный кинжал с широким, затейливым, зазубренным с одной стороны лезвием – но длиной он был с ноготь мизинца. Вытащив из кармана уже порядком измявшийся конверт с письмом подружки штандарт-навигатора, Сварог запрятал туда находку, сложил конверт вчетверо и спрятал назад.

– Тихо! – поднял палец Леверлин.

Вдали, на равнине, с той стороны, откуда они пришли, раздалось жужжание. Оно быстро удалялось, перемещаясь словно бы над самой землей. Вертолет улепетывал на предельно малой высоте – вот что это было. Крохотный вертолетик. Бони сторяча развернул туда пулемет, Сварог успел рывкнуть:

– Отставить! Далеко, полная темень... Как все случилось?

Оказалось, Шедарис, которого Мара сменила на карауле, стал было укладываться спать, но, как он честно признался, загляделся на спящую Делию. И увидел, что по шее у нее, по белому кружеву воротника ползут словно бы два паука – большие, размером с палец, и передний уже вылез к уху, на кожу. Одного капрал моментально смахнул ладонью, второй ухитрился как-то со-

скользнуть наземь. Шедарис нацелился прижечь его спичкой, ибо пауков с детства ненавидел – и обнаружил при вспышке, что никакой это не паук, вообще не насекомое, что это удирает на двух ногах крохотный человечек. Тут вскочила Делия, подбежала Мара, тоже заметила человечка и выстрелила наугад...

– Уж простите, принцесса, – глядя в землю, покаянно сказал капрал. – Угли догорали, осветили вам лицо, и были вы очаровательны, как фея...

– Ладно, – сказал Сварог. – Ты ей, похоже, жизнь спас, ценитель прекрасного...

– Значит, нож? – тихо спросила Делия.

– Нож, – сказал Сварог. – Крохотный, конечно, но если бы второй нашарил сонную артерию...

Ноги у него стали ватными от запоздавшего ужаса – он ведь мог и не успеть остановить кровь... Делия, обведя их застывшим взглядом, подошла к потупившемуся капралу, приподнялась на цыпочки и чмокнула в щеку. Из смущенного бормотанья Шедариса стоявшие поблизости разобрали, что за принцессу он готов умереть.

– Вот только почему они прицепились именно к принцессе? – нарушил сентиментальную сцену деловой вопрос Мары. – Она ведь не с краешку спала – в самой середине...

– Потому что именно она сбила единственный вертолет, отмеченный короной, – сказал Сварог. – Другого объяснения я что-то не вижу. Стоит лишь предположить, что он принадлежал невероятно важной особе, персоне, связанной с короной, что эта персона была на борту и погибла... Сам король? Любимый сын? Любимый дядя? Лучше не гадать, все равно не узнаем. Но должна же корона что-то значить?

– Подготовочка у них... – не без уважения сказал опомнившийся капрал.

– Ребята лихие, – кивнул Сварог. – Следили за нами издали, надо полагать, и не один вертолет, а несколько, мы после драки с ними отмахали изрядный конец, один-единственный вертолет давно выжег бы горючее. Передавали нас друг другу, приземлились подальше, в темноте отправили группу... Задание для самоубийц, дураку ясно. Но они сделали все, что могли. Нельзя не уважать... Вот что. Вы двое, – он указал на Леверлина с Шедарисом, – назначаетесь личными телохранителями принцессы. Глаз не спускать. – Он взял Делию за локоть, отвел на пару шагов. – Простите, принцесса, за столь дерзкие и вульгарные подробности, но впредь, когда вам понадобится в уединении проинспектировать кустики, непременно предупредите Мару, пусть идет с вами и озирает окрестности. Это строжайший приказ. Пока мы отсюда не выберемся, уединения для вас не существует.

– Думаете, они вернуться? – тихо спросила Делия.

– Не знаю. Но рисковать не будем. Вы ухлопали кого-то, за чью смерть они вознамерились мстить. Однако возможности у них невеликие...

Он не кривил душой, именно так и считал – за время пути успел многое обдумать. Да и неудачное покушение добавило кое-что к прежним размышлениям. Очень уж примитивно оно было обставлено: несколько командос, высаженные вертолетом... Значит, у лилипутиков нет ни реактивных самолетов, ни авиабомб, ни ракет «воздух – земля», способных нанести человеку рану не легче той, что оставляет разрывная пуля. Реактивные самолеты – излишняя

игрушка для пещеры, какой бы гигантской пещера ни была. А отсутствие бортового ракетного вооружения, транспортируемых по воздуху взрывных устройств можно истолковать двояко: либо этого еще не научились делать, либо, что гораздо вероятнее, – там, внизу, одно государство. У них просто-напросто нет противника, внешнего врага, против которого следовало бы создавать боевую авиацию. В таком случае вертолеты – не более чем полицейское оружие. А для скрытных путешествий по большому миру годятся исключительно подводные лодки.

И все же следовало сделать поправку на неизвестное. Под землей таился целый мир, о котором ничегошеньки не известно – тут лучше бы обойтись без скоропалительных выводов и не считать свои гипотезы святой истиной... Чертовски пригодился бы пленный, вот что. Смело можно сказать: вертолет улетел раньше, чем оставшийся в живых (или оставшиеся) десантник успел до него добраться. Но отыскать брошенных командос – дело немыслимое. Даже если не затоптали в суматохе, под каждую травинку не заглянешь, а заклинаний подходящих нет. Затаился под любым седлом, под расстеленными плащами... Ко всем неприятностям прибавилась еще одна: теперь и небо таило угрозу. Незаметно подкравшийся вертолет может и швырнуть канистру с какой-нибудь химической пакостью. Судя по всему, нападение на Делию готовили в страшной спешке, вызванной яростью кого-то власть имущего, второпях отданным приказом, неминуемо влекущим столь примитивное исполнение – и это тоже знакомо до отвращения... Что случится, когда за дело возьмутся более умные люди? Или они достаточно удалились от входа в пещеру? Но входов может быть и несколько. Словом...

Словом, удирать надо побыстрее, вот что.

Глава 11

Король во всем великолепии

Встали рано, когда солнце еще не выглянуло из-за курганов. Радужный Демон и крохотные преследователи не подавали признаков жизни – зато Мара с Леверлином, когда Сварог проснулся, уже старательно разгуливали на четвереньках там, где ночью лежала Делия, чуть ли не тычась лицами в землю, передвигаясь так осторожно, словно повсюду рассыпано битое стекло или посверкивают проволочки противоположностей. И вскоре Мара удовлетворенно хмыкнула, без тени брезгливости подняла что-то двумя пальцами, положила на ладонь, подошла показать Сварогу. Вокруг, сталкиваясь головами, столпились остальные.

На ладони в нелепой позе лежал крохотный трупик – в пятнистом буро-зеленом комбинезоне, голова закрыта капюшоном, на поясе виднеются какие-то черные чехлы, одна нога в высоком черном ботинке вывернута совсем уж неестественно. Ощувив смешанную с отвращением жалость, Сварог буркнул:

– Закопайте его. И седлайте коней.

«Всегда одно и то же, – зло подумал он, направляясь за своим седлом. – Неразбериха, спешка, идиотские приказы – и нелепо гибнущие рядовые. Мир упорно не меняется...»

За курганами простиралась до горизонта унылая равнина, не обремененная ориентирами и красотами пейзажа. Мару с Шедарисом Сварог определил периодически поглядывать на небо и слушать в четыре уха. Сам он был откровенно мрачен – потому что единственный из всех представлял, что такое ата-

ка с воздуха, пусть и проведенная крохотными боевыми машинами.

Однако с воздуха сюрпризов не последовало, зато на земле началась суцая чертовщина. Когда конь шарахнулся, храпя, Сварог сначала зашарил взглядом по небу, и переключил его внимание лишь сдавленный вскрик Делии, вытянувшей вперед руку.

Там шагали ноги – не особенно и спеша, пересекая им путь. Две голые человеческие ноги, правая и левая, синюшно-белые, аккуратно отсеченные на всю длину, они целеустремленно, размеренно переступали по земле, и никакого туловища при них не наблюдалось. Сахарно белели аккуратно перерубленные кости, багровело мясо – никакого человека-невидимки, просто две отрубленные ноги, пустившиеся странствовать. Отряд моментально сбился в кучу, Мара неуверенно потянулась за пистолетом, Сварог яростно зашипел на нее, и все застыли в седлах, боясь дохнуть. Зрелище было столь дикое и неожиданное, что не нашлось никаких мыслей, даже панических, и это оцепенение передалось дрожащим всем телом лошадям.

Ноги спокойно удалились, топча и раздвигая сухо шуршащую траву. Их долго провожали взглядами, Шедарис зачарованно выругался оборотами, во все уж противоречившими этикету, но златовласая принцесса, не обратив внимания, сама вполголоса отпустила такое, что Сварог фыркнул. Она опомнилась, чуть покраснела:

– Дичаем, граф, право...

– Одичаешь здесь, – сердито сказал Сварог. Ноги размеренно мелькали вдалеке. – Поехали побыстрее...

Вскоре на берегу ручья, заросшего высоким камышом, они наткнулись на жирного, крайне деловитого енота. Енот примостился над медленной серой водой, обмывая желтый человеческий череп, старательно вертел его крохотными когтистыми лапками, окунал, вытаскивал и внимания на путников, проехавших в трех шагах, не обращал совершенно. У Сварога руки чесались вlepить пулю в мохнатого полоскуна, просто так, от злости на непонятные, начавшиеся-таки поганенькие чудеса, но он крепился, и кавалькада проехала мимо, не задерживаясь. Сварог прикидывал направление, стараясь ни о чем не думать; так было легче. Но нехорошее предчувствие тупо ныло где-то под ложечкой.

И напоролись. Черные кольшущиеся пятна вдруг стали возникать впереди, словно расплывались в прозрачной воде кляксы туши, сначала казалось, что они появляются хаотично, но вскоре обозначилась четко очерченная ими гигантская дуга, далеко протянувшаяся по равнине, замыкавшая всадников в полукольцо облавы, а пятна приняли форму громадных черных псов. До них было не так уж и далеко, они медленно надвигались, то и дело замирая, насто-роженно всматриваясь, прижав уши.

Сварогу не раз доводилось пугаться во время странствий по Харуму, но такой страх его еще не захлестывал. Основой было пронзительное осознание бессилия – полного и окончательного. Он помнил дьявольское проворство Акбара и понимал, что шанса нет ни малейшего. И все же взялся за топор.

Кони давно остановились, прикованные к месту заклинанием Сварога, – иначе понесли бы. Псы один за другим садились, вывалив розовые языки, они не грозили и не нападали – просто преграждали дорогу, и их было столько, что страх помаленьку истаивал, перевалив все мыслимые высшие точки и от-

того притупившись. В жизни так случается. Когда страха слишком много, его просто не чувствуешь. И отчаянно хочется проснуться...

Отчаянно цепляясь за любую соломинку, Сварог повторял про себя: «Они не охотятся стаями. Не охотятся стаями». Он слышал это от кого-то. Определенно. Еще на «Божьем любимчике». Хелльстадские псы, в отличие от обычных волков и диких собак, повадками схожи скорее с тиграми и медведями. У каждого своя территория, строжайше охраняемая. И коли уж они собрались вместе, то... Что?

То их *натравили*.

Он бросил взгляд вправо-влево. Его орлы держались достойно, на лицах читалась скорее обреченная решимость, чем страх. Шедарис даже оскалился не хуже псов.

Немая сцена затягивалась, и поведение гармов все больше убеждало, что дело тут нечисто. Ни один дикий зверь так себя не ведет. Он либо нападает, если превосходит числом или твердо надеется на победу, либо бежит – а в крайнем случае делает угрожающие выпады. А эти сидели, ни один не лег, не встал. Выполняли приказ... или ждали такового.

Сварог вздрогнул, услышав ненатурально спокойный голос Делии:

– А в самом деле, с чего мы взяли, что за нас так и не возьмутся всерьез?

«Старухина бечевка, – вспомнил он. – Но неизвестно, куда понесет ветром...» Косясь на псов, сказал сквозь зубы:

– Если здесь есть хозяин...

– Есть, – уверенно ответила Делия, глядя назад через его плечо. – Обернитесь. Если это не хозяин, я съем свою шляпу. И вашу тоже.

Сварог обернулся. Да, впечатляло.

С противоположной стороны на них надвигался замок, летевший над равниной на высоте человеческого роста. Он не походил ни на замки ларов, ни на земные фортеции – несколько соединенных крытыми галереями зданий с прильнувшими к ним круглыми башнями, темно-вишневые стены с выпуклым белым узором, черные крутые крыши, затейливые флюгера и горгульи цвета старого золота, стрельчатые окна, сплошь в радужных разноцветных витражах, изящные зубцы... Замок был прекрасен незнакомой, чужой красотой и казался выточенным из одного куска с недоступным человеческим рукам изящным мастерством. Невесомо плывущий над землей, он выглядел самой естественной деталью пейзажа, ничуть не казался нелепым или необычным. Замок был здешний, а они – чужими, со всем их изумлением и испугом. Никогда еще за все время пребывания в Хелльстаде Сварог не чувствовал так остро, что попал в совершенно *чужой* мир, живущий отдельно...

А в следующий миг, вспомнив о долге командира, четко произнес про себя все необходимые слова.

Что бы там ни таилось в замке, сам замок был именно таким, каким предстал взору. И вместе с тем... Сварог в который уж раз проклял убогость мага-недоучки, то бишь себя самого. Перед ним – далеко не впервые – оказалась некая загадка, чьей сути он не понимал. Слово бы и нет здесь ни зла, ни добра, а замок – не просто замок. И это все, что оказалось доступным «внутреннему взору», точнее не выразишь по невежеству своему в высокой магии...

Замок остановился, опустился наземь. Высокая дверь (определенно парадный вход) вдруг медленно и плавно откинулась, словно подъемный мост, на

ее внутренней стороне обнаружились ступени. Приглашение было самое недвусмысленное, и все же они, как легко догадаться, медлили. Приходи, красотка, в гости, муже говорил паук... Тогда за спиной раздалось короткое могучее рычание, словно гром тяжело ворохнулся в безоблачном небе, псы придвинулись разом и садиться уже не стали, замерли, растопырив передние лапы, угрожающе склонив головы.

Сварог первым слез с коня, угрюмо бросил:

– Пошли? На замок людоеда что-то не похоже...

– На замок примитивного людоеда, – тихо повторил вслух Леверлин его невысказанную мысль. – Людоед с чувством прекрасного, сдается мне, еще опаснее...

Бони решительно взвалил на плечо пулемет. Сварог покосился с большим сомнением, покачал головой, но промолчал. И пошел впереди, как и надлежит отцу-командиру, громко насвистывая «Пляску смерти», песенку невеселую, но все же не относившуюся к похоронным маршам: «Гроб на лафет, он ушел в лихой поход...»

Поднявшись по широким ступеням, они оказались в длинном высоком коридоре, сечением напоминавшем перевернутый колокол. Стены были темно-розовые с белыми прихотливыми прожилками, на равном расстоянии горели неярким золотистым свечением ажурные шары, словно бы висевшие в воздухе у стен, едва касаясь камня, выглядевшего монолитным и, вот чудо, теплым. Чтобы проверить это странное, неотвязное впечатление, Сварог ворогато провел ладонью по ближайшему плавному изгибу. Ненамного, но теплее все же, чем обычный камень, и словно бы отталкивает ладонь, самую чуточку, едва заметно.

Впереди показалось что-то, летящее навстречу. Птица. Золотая, украшенная дивной чеканкой, сверкавшая радугой самоцветов. Распахнув неподвижные крылья-веера, она подлетела, замерла в воздухе, отвесила церемонный поклон (едва слышно, мелодично звякнули золотые чешуйки на шее, колыхнулись над головой огромные рубины на тоненьких стебельках), развернулась на месте вокруг невидимой оси и очень медленно поплыла назад, в глубь коридора, распространяя тонкий, как весенняя капель, звон.

Все молча направились следом. Высокие коридоры, широкие лестницы, залы, колонны – зеленые с черным, густо-алые с синим, фиолетовые с пурпурными прожилками, золотистые с черными нитями, полупрозрачно-лимонные с таинственным переплетением темных прожилков внутри. Повсюду этот странный камень, менявший цвета, оттенки и сочетания красок, как личины, чересчур красивый, чтобы опощлять его роскошными украшениями. Только однажды Сварог увидел в нише невысокое золотое деревце тончайшей работы, а в другом месте – коня из темного камня, выглядевшего страшно древним, вытесанного грубовато, примитивно, но казавшегося идеально завершенным, так что еще один, слабехонький удар резца бесповоротно испортил бы скульптуру. Под ногами не было ковров, но шаги отдавались глуховато, словно прихотливые узоры каменного пола, похожие то на письмена, то на древние географические карты, поглощали звуки.

Неожиданно за очередным поворотом открылась высокая стрельчатая арка, а за ней – огромный зал в розовато-лиловых тонах с алыми и черными прожилками. В обрамленных полуколоннами нишах стояли черные сундуки, все

в золотом узоре с неизбежными самоцветами, а сводчатый потолок усыпан красными камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты.

У стены, на троне, будто вырезанном из цельной глыбы янтаря, сидел человек в пурпурной мантии и ажурной митре цвета серебра. Птица, пролетев над его головой, опустилась на спинку трона меж двух прозрачно-золотистых шаров, застыла. Сварог весь подобрался, удивляясь, как много можно ухватить взглядом в минуту опасности.

Слева от трона – странное сооружение, больше всего напоминающее груды черных и фиолетовых шаров, отчего-то не рассыпавшихся согласно закону всемирного тяготения, а слипшихся подобно виноградной грозди, только высотой в три человеческих роста. Совершенно не гармонирует со всем остальным – и, коли уж присутствует, надо полагать, вещь в обиходе необходимая.

Справа от трона – двое в богатой одежде незнакомого фасона, один помоложе, другой постарше. Смотрят не без интереса. Меж тронном и стеной – две лежащие пантеры из черного металла.

Человек на троне шевельнулся, лениво и плавно переменял позу – и пурпурная мантия на миг вспыхнула радужными переливами. Его митра, Сварог хорошо рассмотрел, состояла из множества серебряных сосновых шишек, сплетенных в нехитрые узоры. Работа тончайшая, каждая чешуйка видна, шишки словно бы удерживают вместе не искусство мастера, а волшебная сила. Скверно. По легендам, короны из сосновых шишек носят горные тролли, точнее, их короли, личности насквозь злокозненные и человеку враждебные изначально. Правда, и горные тролли, и их короли проходят по разряду совершеннейшей небывальщины, но мы в Хелльстаде, господа, мы в Хелльстаде...

И Сварог вежливо наклонился по всем правилам придворного этикета, прижав ладони к груди (для чего пришлось, чтобы освободить руки, засунуть топор за пояс). Их разделяло шагов двадцать. Он хотел было подойти ближе, но один из стоявших у трона остановил его, чуть заметно пошевелив ладонью.

Что-то обрушилось на него невидимой лавиной. Беззвучный удар оказался так силен, что Сварог не сразу и распознал его природу. Прошло несколько долгих, мучительных секунд, раздиравших разум и душу неопишуемой людскими словами болью, прежде чем он понял: это зауряднейшее Заклятье Ключа, это маг прощупывает мысли. Как и вся здешняя магия, на Сварога заклятье не подействовало – но все равно, удар был невероятно могуч. Сварог сам было попытался определить, кто перед ним. После такой плюхи он словно бы полуслеп и наполовину оглох в магическом смысле, умение-то было не принесенное с собой, а полученное здесь и оттого здешним воздействиям вполне подверженное...

И все же он, словно через мутное стекло, разглядел, что человек в короне горных троллей ничего общего с нечистой силой не имеет.

Человек на троне удивленно поднял левую бровь:

– Недурно для мира, где колдовство забыто и задушено... Или вы из Керуани?

– Я из Готара, – взвешивая каждое слово, ответил Сварог. – Я – барон Готар. И представления не имею, где такое место – Керуани...

– Где это – Готар?

– В Пограничье, ваше величество, – ответил за Сварога придворный постарше.

– Ах, вот как... – холеное, породистое лицо осталось то ли равнодушным, то ли исполненным устоявшейся брезгливости ко всему и вся. – И что же вам понадобилось в моем королевстве, барон? Вас не предупреждали, что к незванным гостям здесь относятся... прохладно?

– У меня не было другого выхода, – сказал Сварог осторожно. – Нас прижали к вашей границе, и мы рискнули... – Он искал обороты поцветистее. – В наши планы отнюдь не входило нанести оскорбление или бесчестье вашему славному королевству, равно как и его владыке, но, движимые необоримыми обстоятельствами... Позволено ли мне будет осведомиться о вашем благородном имени, если сие не противоречит этикету...

– Я – Фаларен. Первый – и последний. Король Хелльстада. Говорите проще. Пожалуй, я разрешу вам сесть, как-никак с вами дама, принцесса...

«Просек, сука», – мысленно охнул Сварог. Глаза короля на миг стали сосредоточенно-отрешенными, потом он сделал небрежный жест, и Сварог, по наитию обернувшийся, узрел за спиной фиолетово-черное кресло, словно бы составлявшее одно целое с полом, – и за спинами его людей возникли такие же. Краешком глаза успел заметить, что лица у его орлов растерянные, болезненно искажившиеся, – на них обрушился тот же удар, и им пришлось еще хуже.

– Девчонка – ваша дочь? – спросил вдруг король.

– Племянница, – сказал Сварог.

И затаил дыхание. Но король преспокойно кивнул. «Все не так плохо, – подумал Сварог. – Есть шансы. Это человек, и Высшего Знания он не достиг, если не может читать мысли, если не может узнать имя, коли оно не названо...»

– Племянница. – кивнул король. – Значит, наследственное. И все остальные... Как вам удалось, обладая такими способностями, остаться незамеченными бандой этих летучих идиотов? Я имею в виду ларов.

– Мы старались этих способностей не проявлять, – сказал Сварог. – Места у нас захолустные, на них давно махнули рукой...

– Это похоже на ларов, – улыбнулся король одними губами. – Прежде всего, дорогие гости, хочу вас попросить не бросаться на меня с мечами и не палить из ваших примитивных хлопушек. У иных из вас это шальное желание сажеными буквами начертано на лицах... Видите ли, я бессмертен... почти. На мне заклятье, – сказал он, словно извиняясь. – Ни один из рожденных под этим солнцем не может причинить мне вреда. Охотно позволил бы вам развлечься, сколько душе угодно, встретиться мы этак три тысячи лет назад. Но меня давно уже не занимает людское бессилие против нашей персоны – исчезла всякая прелесть новизны... Или дать все же вашей очаровательной, упрямой девочке возможность убедиться? Я же вижу, как сжигает ее недоверие. Ко мне так редко попадают дети... Хорошо, наша персона будет милостива. Пожалуйста, детка.

Сварог не оборачивался, не видел даже, что бросила Мара. Зато видел, что из этого вышло: мелькнуло что-то темное, крутящееся и в тот же миг исчезло в тусклой вспышке перед самой грудью короля.

– Думаю, этого довольно? – вежливо спросил Фаларен. – Оставим эти скучные забавы и перейдем к более интересным вещам. Признаюсь, я пресыщен жизненными впечатлениями – по причине их удручающего однообразия. И,

когда случается что-то любопытное, небывалое доселе, я терзаюсь любопытством, как самый обычный человек. Вы меня не на шутку заинтересовали, дорогой барон, и вы, господа и дамы. Хелльстад не может пожаловаться на забвенье. Нас посещают не столь уж редко. Но все визитеры столь же удручающе однообразны. Большая их часть заявляется сюда в поисках кладов и приключений. Другие, их меньше, пытаются укрыться здесь от врагов, пересидеть погоню, наивно надеясь, что я оставлю их в покое, если они забьются куда-нибудь в уголок и затаятся, как мышки. Впрочем, порой я и оставляю их в покое, все зависит от настроения, друзья мои, с какой ноги встанешь, увлечен ты делом или празден... Но впервые за последние четыре тысячи лет – впервые! – здесь появилась компания, решительно не похожая на всех прежних гостей. Не кладоискатели, не беглецы, не ищущие уединения отшельники. Вы целеустремленно пересекаете Хелльстад на пути к своей, неведомой цели – мимоходом, словно лесную полянку или деревню при дороге. Давно, давно уже мои владения не использовали столь бесцеремонно, в качестве проезжего тракта...

– Вас это обижает? – невинно спросил Сварог.

– Обижаться на людей? Мне?! – усмехнулся Фаларен. – Меня это ужасно заинтриговало, милейший. Всего лишь. И я приказал оставить вас в покое. Мои Летучие Рожи – примитивные шуты, привратники, не более. Правда, они отхватят вам голову, как вы отхватываете кусок печенья... Но я не велел вас трогать. Решил подождать. Это великолепная игра – сидеть и думать, пытаюсь угадать, как поведет себя очередной захожий бродяга. Признаюсь вам, первое время не трогают никого – пока я не решу, что угадал намерения незваного гостя. И тогда начинается забава. Я редко отдаю конкретные приказания – разве что гость особенно меня заинтересует. В большинстве случаев, стоит мне убедиться, что мы столкнулись с очередным примитивом, вступают в игру давно отработанные механизмы – и не всегда я досматриваю до конца.

– Насколько я знаю, были люди, которым удалось отсюда выбраться...

– Ну естественно! Я же не стремлюсь уничтожать абсолютно всех, кто ко мне попадает. Во-первых, порой оставить в живых бывает еще забавнее. Какой-нибудь бродяга, отягощенный тем, что он полагает ценной добычей, вырывается из Хелльстада, себя не помня от радости и славя свои везение, удачу и богатырский меч... Меня такой исход развлекает, давая повод к философским раздумьям об ограниченности людского ума и относительности всего сущего. Во-вторых, нужно быть практичным. Если станет известно, что отсюда не возвращается *никто*, ко мне перестанут заходить в гости – кто решится на заведомо обреченное предприятие? И я лишусь развлечения, а у меня и без того почти не осталось развлечений... О, если бы я наконец решился засесть за книгу! Это была бы поучительная и грустная книга, барон, столько репутаций славных героев, попавших в летописи, удостоившихся монументов, гербов и корон, рассыпалось бы прахом... Но никто не оценит сей труд по достоинству. Вернемся к вам. Вас оставили в покое. Наблюдали, конечно. И я убедился, что мои владения для вас – не более чем досадная преграда, которую вы стремитесь побыстрее преодолеть, направляясь к морю. Каюсь, у меня не хватило терпения подождать, пока вы достигнете берега, и я послал собак... вы неплохо держались. Иногда я *начинаю* с собак, и многим этого бывает достаточно, улепетывают, бросая доспехи...

– И они гибнут?

– Не всегда, что вы. В том-то и прелесть игры. Хотя трусов я не люблю. Смелый еще имеет шансы, но трус... – холодные сине-зеленые глаза чуть сузились. – Не одобряете таких забав, а?

– Вам виднее, как распорядиться у себя дома, – сказал Сварог.

– Совершенно справедливо. С какой стати мне становиться добреньким? Почему-то волшебные страны считаются самым подходящим местом для бесцеремонных прогулок без согласия хозяев. Как бы вы себя повели, начни по вашему баронству болтаться незваные пришельцы из иного мира, охотиться на ваших коров, обижать ваших крестьян, долбить стены вашего замка в поисках кладов?

– Многие и не подозревают, что вы существуете, – сказал Сварог. – Считается, что здесь нет хозяина. Только туманные слухи о некоем короле...

– Не заступайтесь за них, за этих наглых людишек. Они с той же бесцеремонностью ломались бы сюда... По крайней мере, четыре с половиной тысячи лет назад, когда о моем существовании было прекрасно известно всем поголовно, это ничуть не останавливало нахалов, наоборот...

– Сколько же вам лет? – с ненаигранным любопытством поинтересовался Сварог.

– Пять с половиной тысяч... И сколько-то там еще прежних. Кажется, сорок с небольшим. Точнее не помню, годы для меня... вы же не помните, сколько вам минут?

– Значит, вы жили еще до Шторма?

– Я с удовольствием расскажу вам о себе, – сказал король с ноткой нетерпения. – Но сначала вы расскажете, куда направлялись и зачем, чтобы наша персона утолила любопытство. Тогда и решим вашу судьбу. Возможно, окажетесь полезны. Вы мне представляетесь довольно интересным для провинциального барона экземпляром, ваши люди храбры и вымуштрованы, не паникуют, во всем положились на вас – чувствуется выучка. К тому же с вами принцесса, а особы королевской крови в последний раз посещали эти места... да, около полутора тысяч лет назад. О, простите, долг гостеприимства...

Он слегка завел глаза под лоб, и откуда-то из дальнего угла зала вереницей поплыли золотые подносы с фруктами и разноцветными винами в хрустальных графинах невыносимой прозрачности. Когда один остановился в воздухе рядом с локтем Сварога, тот легонько отшатнулся – как-никак он был захопленным бароном, не привыкшим к таким чудесам. И в то же время быстренько проверил угощение, убедившись, что ни отравы, ни наведенного заклятья нет, налил себе черного вина. Потом сказал:

– У вас несколько странные порядки, ваше величество. Гости, люди совершенно случайные, сидят, а придворных ваших вы оставили стоять...

– Да? – Король с непритворным удивлением оглянулся. – Совсем забыл, конечно... А напомнить они не осмелились, вымуштрованы не хуже ваших... Можете сесть, господа.

Сварог смотрел во все глаза. Пол за спинами придворных беззвучно вспучился двумя бутонами, они раскрылись, формируясь, покрываясь дырами, выгибаясь, – и появились два кресла. Придворные уселись с явным облегчением.

– Я не деспот, – сказал король. – Просто, любезный барон, как-то забываешь о всяких мелочах... Итак. Попробую сначала догадаться сам, нужно тренировать интеллект... Вы, конечно, не Керуани, иначе не остановились бы перед

гармами. Керуани были великие мастера общаться с собаками, это умение не подводило их даже с гармами. Впрочем, Керуани давно исчезли... Но в вашем роду, несомненно, были сильные маги, затаились, ничем себя не проявляя, оттого и избежали пристального внимания ларов. Примерно так же обстояло и с вашими людьми. Какое-то время вы сидели тихо... А потом... Вас что-то погнало в дорогу с неодолимой силой? И цель заставила наплевать даже на Хелльстад?

Сварог молча поклонился. Все оборачивалось прекрасно – Король Сосновая Шишка сделал неверное предположение, а дальше строил на нем стройную, логически непротиворечивую версию. «Захолустный барон, потомок притаившихся магов»... Говорят, так бывает и с шизофрениками – логика непоколебима, построения изящны, вот только исходная предпосылка абсолютно неверна...

Был страшный соблазн врать и дальше, но Сварог побоялся запутаться. К тому же его люди не обладали теми же способностями и защитой, пока что им удалось выкрутиться, но при малейшем подозрении за них возьмутся всерьез. Что-то странное говорил король о его орлах, какую-то фразу, достойную детального анализа, но ведь не переспросишь...

– Мы идем, чтобы уничтожить Глаза Сатаны, – сказал он, чувствуя под ногами вместо каменного пола тонкий лед. – Отец... он оставил мне письмо, которое следовало вскрыть к определенной дате. Дата эта наступила три недели назад. Там говорилось, что на основе какого-то старинного предсказания мне суждено доставить в три королевства принцессу Делию Ронерскую, которая одна и способна уничтожить Глаза Сатаны. Вот и все, если вкратце. Мы отправились в путь...

Король взглянул через плечо Сварога, и тут же раздался голос Делии, звонкий, ровный, чуточку надменный:

– Барон выразил суть удивительно кратко и точно.

Взгляд короля стал пронзительно-сверлящим, он прямо-таки лежал на плече Сварога, как железный шест, и Сварог поймал себя на том, что перестал дышать. На короле заклятье, его не может убить никто, родившийся под этим солнцем... но Сварог-то, если вдуматься, родился под другим светилом! Эти предсказания с их казуистическими крючками... Там же не сказано, будто короля не может убить вообще никто...

– Ну что ж... – медленно произнес король, и по его лицу Сварог понял, что испытание выдержал. – Вы говорите правду...

Да, вот именно. Сварог уже давно понял, какие юридические крючки и коварные оговорки кроются за чеканными, казалось бы, пророчествами, напоминающими строгие математические формулы только с виду...

– Мы вас разочаровали? – спросил Сварог.

– Ничуть. Меня разочаровало то, что ответ на загадку наконец прозвучал. Печально, когда с тайны падают все покровы – ведь скука подступает вновь... Что ж, задумка была неплоха. В этом унылом мире давно не случалось столь дерзких и масштабных предприятий, на меня прямо-таки пахнуло добрыми старыми временами, когда богатыри были богатырями, а колдуны колдунами... – Он небрежно бросил через плечо: – Вам известно что-нибудь о таком пророчестве, Лагефель?

Тот, что постарше, моментально отозвался:

– Так называемый Кодекс Таверо, ваше величество. Один из его разделов, а именно...

– Избавьте меня от таких подробностей, Лагефель. Вам до сих пор не хватает умения воспарить над несущественными деталями, охватывать умом целое... Пророчество было. Этого достаточно. Правда, это означает лишь, что однажды оно было произнесено. И не более того. Вам доводилось слышать, барон, что не всякое пророчество с роковой непреложностью воплощается в жизнь?

– Доводилось, – кивнул Сварог, насторожившись еще сильнее, если только такое было возможно.

– Будущее – вовсе не застывший монолит, скрепленный пророчествами и предсказаниями, как вечным «кромольским раствором». Секрет «кромольского раствора», кстати, нынешними гильдиями каменщиков утрачен... – Король усмехнулся. – Барон, вы и ваши спутники – идеалисты? Подвижники? Вы одержимы горячим желанием облагодетельствовать человечество?

– Боюсь, до таких высот наш идеализм не простирается, – сказал Сварог, усмехнувшись елико возможно циничнее.

– Благодарю за откровенность. Скорее уж на лицах иных из ваших людей читается не идеализм, а страстное желание проникнуть взором в мои сундуки... Вон тот здоровенный, с крестьянской рожей, скоро прожжет их взглядом... Сокровища там, милейший верзила, сокровища, как же без них? Барон, чего вы ждали – герцогской короны? Земель? Орденов?

– Возможно, я вас разочарую, но мое нахальство простирается на все сразу... – сказал Сварог.

– Ничего, – благодушно сказал король. – Дело житейское. Идеалисты среди магов – великая редкость, сколько живу, встречать не доводилось. Возможно, есть что-то такое в потоке апейрона, влияющее на сознание мага... Словом, идеалистов нет. Другое дело – святые, но меж святыми и магами мало общего еще и оттого, что магия подчиняется законам природы, а чудеса, творимые святыми, проистекают... гм, из другого источника. Нет, барон, вы меня не разочаровали, это я вынужден вас разочаровать. Наша персона не желает, чтобы Глаза Сатаны были уничтожены. Не вздумайте только подозревать меня в симпатиях к силам Тьмы. Я одинаково равнодушен и к Тьме, и к Свету, я – это Нечто Третье, хотя мудрецы и вбили себе в голову, будто такого не может быть... Даже мой мэтр Лагефель когда-то так считал, до знакомства со мной. Не смущайтесь, мэтр, вы с тех пор на глазах поумнели... Я – это я, – он значительно поднял палец, и в его голосе сквозило самодовольство. – Ибо добился всего собственными трудами, без помощи и темных сил, и светлых, а посему свободен и от обязательств перед ними, и от симпатий с антипатиями. Даже лары вынуждены со мной считаться. Я еще в древние времена предпринял кое-какие меры, делающие их бессильными передо мной. Так вот, мои взгляды можно назвать свободными и исполненными терпимости. Здесь может разгуливать Князь Тьмы, когда ему захочется. А в горах на полуночи обитает отшельник из приверженцев Единого, я велел его не беспокоить. Подлинно могучему владыке присуща терпимость. Особенно такому, как я. За те тысячелетия, что я здесь правлю, ушло в небытие столько темных и светлых богов, столько бессмысленных сражений Света и Тьмы отгремело...

Сварог мысленно поздравил себя с удачей – не пришлось ломать голову,

проявляя чудеса проницательности, на какие он, трезво мысля, и не способен. Король сам преподнес свой главный пункт, на блюдечке. Мания величия в самой примитивной и недвусмысленной форме. Справедливости ради стоит заметить на полях – а чего еще прикажете ожидать от самодержца, ухитрившегося усидеть на троне пять с половиной тысячелетий?

И еще – Король Сосновая Шишка как-то не тянул на настоящего мага. Хоть Сварог и не видел настоящих никогда... То, что он владыка Хелльстада, ничего еще не доказывает. На иных тронах, отнюдь не захолустных, сиживали и дебилы, и просто дикие посредственности. Правда, это ничуть не умаляет могущества Хелльстада, но ведь и с земными державами точно так же обстояло...

– Иными словами, вы намерены мне воспрепятствовать? – спросил он.

– Ну разумеется, – сказал король. – По-моему, я уже воспрепятствовал...

Что-то не клеилось. Если за всеми имевшими несчастье сюда забрести наблюдают с момента их появления, почему Сварог в прошлый раз выбрался незамеченным? Или в этом и заключалась игра? И король, сразу его опознавший, готовит коварнейшую ловушку, играет, как кошка с мышкой?

– Ну что же, умные люди, оказавшись в вашей ситуации, тактично молчат, – сказал король. – Вы молчите, а значит, умны. Что вас больше интересует – ваша участь или желание узнать движущие мною мотивы?

– Второе, – сказал Сварог. – Поскольку догадываюсь, что моя участь не от меня зависит...

– Верно. И все же... Каждый сам определяет свою участь. Определили свою и вы. Я решил взять вас на службу. Даже великому владыке прискутит одиночество, если оно затягивается. Ему нужны верные слуги...

«И свежие слушатели, способные должным образом оценить хозяйские монологи», – добавил для себя Сварог. Как учит история, выслужившиеся из грязи князя четко делятся на две категории – одни стараются напрочь забыть свое свинопасье прошлое, вытравить его из памяти окружающих. Другие, наоборот, кстати и некстати любят вспомнить вслух, из какой грязи поднялись. И та, и другая линии поведения еще не свидетельствуют ни о высоком интеллекте, ни о широте души. Просто одни – снобы, а другие – нет. Фаларен, скорее, из тех, кто бережно сохраняет помянутую грязную канаву, огородив ее золотым забором, и любит под настроение показывать гостям...

А вслух он сказал:

– Я безмерно благодарен, ваше величество, за столь высокую честь. Но не представляю, чем могу оказаться вам полезным...

– Откровенно говоря, я тоже в данный момент не представляю, – признался король. – Но непременно что-нибудь придумаю. Мое владение ничуть не напоминает убогое поместье, куда нанимают работников для примитивных конкретных дел. Подлинный ум заглядывает далеко вперед... Эти господа, – незначительный жест ладони, – тоже не имели сначала четко определенных обязанностей, но со временем оказались полезными. Так же поступим и с вами. Да, есть еще ваши люди... Можно отправить их восвояси, насыпав полные карманы бриллиантов, а можно и использовать в какой-нибудь новой забаве... – Он опять глянул мимо Сварога. – Прелесть моя, не нужно столь гордо и возмущенно вскидывать вашу изящную головку. Сколько лет правит в Ронеро ваша династия? Тысячу двести? Я сидел на этом троне, когда предки всех вас бродили в звериных шкурах, отброшенные Штормом к началу времен... Итак, ваши

люди, барон. Неплохая коллекция индивидуумов, в той или иной мере одаренных магическими способностями. Жаль разбивать столь тщательно подобранный оркестр. Пожалуй, и они мне пригодятся. Жалую долголетие, роскошь, удовлетворение всех и всяческих прихотей... и так как далее, нужно подчеркнуть, недостающее вписать самим. Согласием не интересуюсь, поскольку не предоставляю выбора. Надеюсь, среди вас нет идеалистов и безумцев, способных отказаться и подвергнуться моему гневу? – И он медленно обвел всех капризно-деспотическим взором.

Стояло молчание. Сварог волчьим чутьем угадывал – все полагаются на него, прекрасно понимая, что ничего другого не остается.

– А главным вашим предназначением станет – помочь мне победить скуку, – продолжал Фаларен. – Скука – единственный и главный враг бессмертного. Впервые она объявила войну уже через несколько столетий после моего воцарения. Перед вами – неутомимый воитель, в борьбе со скукой испробовавший все. Все мыслимые разновидности добрых и злых поступков. Добро быстро истощает изобретательность, оно удручающе однообразно и оттого становится невольным союзником скуки. Зло не в пример многограннее, оно тысячелик, но пороки, извращения и злодейства тоже в конце концов исчерпываются, как ни пытаешься их разнообразить, порой вовлекая в свои забавы миллионы смертных двуногих, не ведающих о том... – он мечтательно уставился в потолок. – И со временем обнаруживаешь, что собственноручно содрать кожу с какой-нибудь принцессы так же скучно, как и столкнуть в бессмысленной схватке две самые сильные державы... Да-да, это я развязал Лабурскую войну... вы ее не помните? Вот видите, как все бессмысленно... А короля Шого и его таинственное исчезновение еще помнят? Ах, даже вошло в поговорку? Ну конечно, это был я. Показалось забавным сесть на престол обычного земного королевства, потом, очень быстро, стало скучно... Насколько мне известно, иные глупцы там, наверху, всерьез подозревают меня в попытках развязать с ними войну за власть над Империей Четырех Миров. Болваны. Власть над Империей мне наскучила бы столь же быстро. Хотя, оговорюсь, стоит и попробовать. Но что прикажете делать потом? Лишь тот стремится к власти, кто примерно знает отпущенный ему срок...

– Но видите же вы хоть какой-то выход? – с интересом спросил Сварог.

– Конечно же! Во-первых, история человечества при всей ее черепашьей медлительности и однообразии – материал для изучения. Любопытно увидеть, куда все придет и чем кончится, будут ли повторены прежние ошибки, каким станет финал... И если после очередной катастрофы – которая нашу персону, разумеется, не затронет – на смену придет иная раса, как это стряслось и с Изначальными, и с Хоррами, и с чередой их предшественников, впереди меня ждут новые впечатления и острые ощущения. Во-вторых, я еще не исчерпал всех загадок этого мира. Есть еще и Багровая Звезда, и Нериада и Тетра с их тайнами, я оставил их напоследок, и теперь пришла пора...

Сварог покосился на сановников – король сидел к ним спиной, и они смогли чуточку расслабиться. На лицах у них читалась безудержная, безграничная скука. Все эти монологи оба бедолаги явно выучили наизусть и могли отбарабанить без запинки, разбуди их посреди ночи. И король не может этого не понимать. Еще одна беда бессмертного – ему необходимы свежие слушатели, и менять их желательно почаще, иначе все кончится полубезумным обитате-

лем необитаемого острова, часами церемонно беседующим с попугаями и пальмами. Пожалуй, бессмертие и впрямь коварнейшая ловушка. Если настаивает одиночку. А если одиночка вдобавок – личность весьма посредственная, он ничуть не поумнеет за все тысячелетия, как ни штудируй умные книги...

– Как же вышло, что вы стали властелином Хелльстада? – спросил Сварог. – Если Хелльстад существовал еще до Шторма... Но эта гостиница, оставшаяся целехонькой, как-то не совсем уместна в волшебной стране...

Ему и в самом деле было интересно. Но имелась еще и подоплека – он подсознательно оттягивал неизбежную схватку, боялся, что может ее проиграть, злился на себя за этот страх, но ни на что не решался пока...

– Вы, право, неглупы, – сказал король. – Гостиница для флотских чинов никак не вяжется с волшебной страной. Хелльстада, конечно же, до Шторма не было. Пока я его не создал. – В его голосе прозвучала кокетливая мечтательность, словно придворная красотка вспоминала свои победы. – Здесь, на сотни лиг вокруг, были великолепные курорты. Вы еще не видели ни Граневильского водопада, ни Озерной Страны, а ведь все сохранилось с тех времен, моим тщанием... Я любил отдыхать в этих краях – о, не в той гостинице, где вы побывали, для нее у меня не хватало кистей на эполетах...

– Вы были моряком? – спросил Сварог. – Военным?

– Угадали. Только корабли, естественно, неизмеримо превосходили все, какие вам доводилось видеть в жизни. К моему превеликому сожалению, барон, вы пока что не представляете, что такое атомный авианосец Длинного Прыжка. Верх совершенства и мощи (Сварогу очень хотелось спросить, что такое Длинный Прыжок, но это могло и выдать его знакомство с термином «атомный авианосец», так что он промолчал). К счастью, я был на суше, когда это началось, здесь, где отдыхал обычно. Бедняга «Трезубец», он сейчас то ли лежит на дне в Фалейском заливе, то ли пребывает в таких местах, что оторопь берет... Что случилось с успевшими взлететь самолетами, даже я не берусь гадать. Увы, никогда не питал пристрастия к сложным наукам. Ученый у меня есть, и этого достаточно. Не королевское дело – всерьез заниматься науками.

«А служил ты, не исключено, каким-нибудь квартирмейстером, – подумал Сварог. – Даже пять тысяч лет спустя напоминаешь разбогатевшего буфетчика, благо все твое государство – это ты сам, и нет окружающего мира, где престижно быть сведущим в науках или хотя бы меценатом. Господи, это ж не человек, это растение, его и положить не грех...»

– Это была война? – спросил он.

– Все вместе. Мне трудно судить, катаклизмы ли вызвали войну, война ли спровоцировала катаклизмы или все разразилось одновременно и обстояло еще запутаннее... Достоверно известно одно: и война, и катаклизмы стали буйством сорвавшейся с цепи магии, разбушевавшегося колдовства. Были лаборатории, засекреченные, разрабатывавшие нечто такое, что, должно быть, послужило детонатором. Вам, к счастью, все это совершенно незнакомо – напыщенные ученые болваны, беззаботно ковырявшиеся во внутренностях непонятного им могучего чудовища, живого, заметьте, и отчего-то убежденные, что чудовище на такое обращение не обидится...

Увы, Сварогу это было знакомо. Брезгливое отвращение к недоумкам-ученым, беззаботно дергавшим за усы демонов, – единственное, в чем он с королем полностью согласен. Всегда одно и то же – интеллигент считает, что спо-

способность мыслить делает его равным Богу, начисто забыв, что Бог – это создатель, а роль ученого при всей ее значимости и богатстве интеллектуальных исканий сводится к должности прилежного регистратора и толкователя. Создавать может один лишь Бог, и там, где человек посягает на это умение, кончается Хиросимой, Штормом, Судным днем...

– Интересно, успели они улететь из гостиницы? – подумал он вслух. – Я там нашел на столе срочный вызов...

– Сомневаюсь, что успели, – ничуть не удивившись, сказал король. – Там промчалось... нет, вы не поймете, барон. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Никто ничего не понимал. Для многого из творившегося тогда слов в человеческом языке нет, не было и не будет. Меня еще долго преследовали сны...

Сейчас он казался Сварогу ближе и понятнее. И все равно его следовало убить, потому что добровольно этот заживевший псих их ни за что не отпустит. Остаться, войти в доверие, ждать подходящего случая – чересчур скользкий и чреватый полной неизвестностью путь, а время уходит...

– Как же вам удалось? – спросил он тихо.

– Везение, признаюсь откровенно, – сказал король. – Именно у меня отыскались необходимые качества, какие-то врожденные способности, хотя Керуани в нашем роду определенно не было. Мой ученый, – легкий кивок в сторону мэтра Лагефеля, – порой пытается отыскать объяснение, но забредает в непролазные дебри даже раньше, чем я перестаю его понимать. Бывают прирожденные лозоходцы, прирожденные кулинары и даже прирожденные палачи. Так и со мной. Когда пронесся Поток... Я называю это Потокom за неимением лучшего слова... больше всего это было похоже на дакату. Вам не случалось видеть дакату? Порой смертным удается попасть под нее и остаться в живых...

– Не видел, – сказал Сварог. – Даката – это что-то из морского фольклора? Нечто магическое, ужасное и легендарное?

– Да, так. Ладно, если вы не видели дакату, не поймете... Когда пронесся Поток и слизнул все и всех вокруг меня, я, к своему превеликому изумлению, обнаружил, что остался цел и невредим. Но очень скоро оказалось, что Поток не исчез. Что он – во мне. То ли я его впитал, то ли он меня. Кстати, первое время я долго и безуспешно искал подобных себе, потом перестал... Одним словом, я обрел удивительные способности. О первых пробах невозможно вспоминать без смеха – учился на ходу, да к тому же менялся еще довольно долго. Постепенно удалось многое упорядочить, усвоить и производить осмысленные действия, к тому же время подгоняло – Шторм все еще буйствовал, требовалось уцелеть, выжить, наладить безопасное и спокойное бытие... На нечто грандиозное я не замахивался. Хелльстад в нынешних его границах, надо признать, вышел таким чуточку по воле случая. Когда все немного успокоилось, принялся обустриваться. Ну а одновременно со мной обустривались бежавшие за облака и ухитрившиеся выжить субъекты, которые потом стали называть себя ларами. Высокое дворянство, ха! Вообще-то дворяне там были, что правда, то правда, но их насчитывалось не более четверти, это потом они все поголовно сочинили себе красивые гербы или захапали оставшиеся бесхозными. Кучка ученых, причастных к определенным лабораториям, родня, технический персонал вплоть до уборщиков, охрана, горсточка армейцев, случайные маги, друзья-приятели, бабы... Ни одного члена тогдашних венценосных фамилий там не оказалось. Предок нынешней императрицы был, правда, герцо-

гом, но по женской линии происхождение у милейшей Яны-Алентивиты самое сиволапое – герцог женился на какой-то красотке из обслуги, чуть ли даже не поварихе... Еще и оттого они меня ненавидят, те немногие, кто знает обо мне, – я-то прекрасно помню, кем были хваленые прадеды, основатели большинства родов. Им бы успокоиться, в конце концов, любой король, если вдуматься, происходит из быдла, у меня тоже не было герба... Но они знают, что я помню... Небесные повелители, ха! Лет с тысячу спустя они отважились вернуться на землю, попытались возродить королевства и прочие державы, но выживший народец стал очень уж диким и примитивным, получилось сплошное безобразие, и они, не продержавшись и ста лет, вновь упорхнули за облака, на сей раз окончательно. Но перед тем по своему дурацкому обычаю ломать все, до чего способны дотянуться слабыми ручонками, вызвали очередной глобальный катаклизм, именуемый в народе Вьюгой. Вы о Вьюге, вероятнее всего, и не слышали, любезный барон? Ну да, о ней высочайше велено забыть, дабы никто не узнал, что могучие лары проявили себя беспомощными идиотами...

– Вы их не любите, я вижу... – усмехнулся Сварог.

– Презираю, вот и все. Они которое тысячелетие стремятся быть владыками, совершенно не представляя, что им в этой роли делать. А делать-то и нечего! Остается гордо парить за облаками, старательно выпалывая внизу все, что способно в будущем усилить землю. Знаете, отчего они пять тысяч лет так старательно сохраняли в неприкосновенности прежний язык, на котором говорили до Шторма? А когда внизу появилась письменность, позаботились, чтобы и алфавит остался прежним? Да потому, что овладение новым языком, изменение его сулит прорыв в новые области магии, а это им решительно ни к чему. Но они недооценивают людской изобретательности, а я на нее посмотрелся на своем веку. Лазейка обязательно отыщется, там, где и предполагать нельзя...

Он говорил что-то еще, Сварог слушал плохо – чересчур был взволнован. Короля следовало убить, иначе отсюда не вырваться. Взять и убить посреди разговора – а это не так просто, хоть и успел привыкнуть ко многому. Обыкновенный человечиска, препустой, ничего от демонического чудища – потому-то и жалко его, потому-то он и страшен...

Чтобы решиться, Сварог подумал о тех, кто сидел у него за спиной, о каждом по очереди. Стиснул зубы, заводя себя. Они, каждый по отдельности и все вместе, были в тысячу раз ценнее зажравшегося пустоцвета, по чистой случайности сумевшего посреди сотрясавших планету катаклизмов ухватить один-единственный выигрышный билет. У Сварога была цель. И она, как бы ни кривились гуманисты, оправдывала средства. Те мушкетеры, охранявшие королевский автомобиль, те егеря, что попали под пулемет, представления не имели, что угодили пешками в чужую жестокую игру. Уж они-то были во всех отношениях лучше Фаларена, но их нельзя было не убить... Пора решаться. А История, как давно подмечено, вновь соврет по своему обыкновению. Наведет глянец, побрызгает духами, летописцам нет дела до погибших пешек и лирических пустяков вроде «внутреннего борения». Летописцы имеют дело с результатом. Пресловутым итогом.

– Вы меня не слушаете, барон?

– Каюсь, ваше величество, каюсь... – сказал Сварог. – Простите тысячу раз,

но я рискнул бы все же просить вас позволить нам идти своей дорогой. Для вас смысл жизни состоит из забав, но в остальном мире обстоит как раз наоборот...

– Вы что, белены объелись? – Голос короля стал резким, холодным. – По-моему, все решено. Мне очень интересно понаблюдать, что произойдет дальше с Глазами Сатаны, как они будут двигаться. Сюда они не пройдут, на границе возведена роскошная серебряная стена, в которую они и уткнулись... Вы же выразили полную покорность? С чего вдруг...

– Пока вы забавляетесь игрушками, гибнут люди, – сказал Сварог. – Можете вы это понять? Мыслить, как взрослый человек?

Он нагло нарывался. И король гневно выпрямился, хлопнул ладонью по широкому подлокотнику, вскочил. Сановников враз покинула сонная одурь. Вряд ли в этих стенах с королем когда-нибудь разговаривали столь дерзко. Прямо-таки клопоча, как перекипевший чайник, Фаларен, шурша и шелестя бесценной мантией, прошелся взад-вперед у стены. За спиной лязгнуло – это Мара выхватила меч, чуть присела, разведя руки, готовая играть вторую скрипку в любом концерте. Король кипел. Видимо, ему никогда не давали отпора, и он плохо представлял, что следует делать, чтобы гнев выглядел по-королевски достойно.

– Положительно, такой наглости... – протянул король неожиданно тонким голосом, огляделся, честное слово, растерянно, словно проверяя, у себя ли он в тронном зале. – Вы полагаете, вашим мнением будут интересоваться? – Голос креп, набирая уверенность. – Или плохо представляете, что такое моя воля? – Его глаза стали страшными. – Я вам напомню, с кем вы...

Сварог метнул топор, и время остановилось. Доран-ан-Тег, туманный свистящий круг, невероятно долго плыл к замершему в немом удивлении королю, чуть вскинувшему руку не забытым за тысячелетия инстинктивным жестом, застыли в креслах сановники, весь мир оцепенел, рубин в навершии топора описывал зловещие алые кручи, и на лице короля изумление так и не успело смениться страхом...

Отсеченная голова в серебряной митре покатила по полу, кровь взлетела фонтаном, темная на пурпуре, и тело, сделав шаг, шумно грохнулось у трона. Рукоять топора, вернувшегося к хозяину, больно ударила Сварога по скрюченным пальцам. Он не почувствовал боли, вперившись взглядом в угасающие глаза самого древнего на планете короля. В голове вертелось – никому не может везти до бесконечности...

Огляделся. Его орлы оказались на высоте – Мара с Шедарисом приставили клинки к груди сановников, а остальные развернулись полукольцом с оружием наготове. Механически переставляя ноги, Сварог подошел и поднял с пола митру. Изумительная работа, каждая чешуйка видна...

Побуждение было внезапным, оно не схлынуло, и оттого к нему как-то ментально удалось привыкнуть. В конце концов, случались вещи и диковиннее. Сварог надел митру, оказавшуюся ему самую чуточку великоватой из-за короткой прически, повернулся к присутствующим и спросил:

– Кажется, это называется ваганум?

Пол вдруг косо вздыбился под ногами – казалось, накренился весь замок, – вернулся на место, дернулся вверх, и Сварогу показалось, что он стоит на исполинской патефонной пластинке, вращавшейся тяжело, грузно. Сквозь аква-

рельно-прозрачные краски ближайшего витража видно было, как за окном медленно проплывают справа налево низкие холмы – это замок вращался вокруг оси. И тут же все кончилось. Замок остановился. Мелодичный звон волнами поплыл по залу, затекая во все уголки. Это из-под другой арки, в противоположной стене, входили шеренгой золотые истуканы, напоминавшие экзотические рыцарские доспехи. Позвякивая при каждом шаге, они, прошествовали на середину, четко повернулись через левое плечо со сноровкой вымуштрованных гвардейцев и замерли лицами к Сварогу. Лиц, правда, не было, забрала опущены.

– Ну, и что это означает? – спросил он громко.

– Слуги приветствуют вас, ваше величество, – сказал сановник постарше. – Особенного страха на его лице не было. – Знали вы заранее или нет, это уже неважно... У вас на голове не обычная корона. Когда-то, в незапамятные времена, король сделал несколько предметов, приспособлений и устройств, облегчавших ему управление своими владениями. Тогда он, по его меркам, был совсем молод и не потерял интереса к творчеству, переделкам и усовершенствованиям. Потом он ко всему этому остыл и не предпринимал ничего, что можно было бы назвать крупными усовершенствованиями...

– Увлёкшись борьбой со скукой? – сказал Сварог.

– Можно это и так назвать. Из-за давнего заклатья король решил, что он в полной безопасности, а потому не придумал ничего, что воспрепятствовало бы переходу его достояния в чужие руки...

– А не безопаснее ли прикончить эту парочку без особых дискуссий? – деловито перебила Мара. – Кто их знает, что за пташки.

– И с кого они кожу драли, – мрачно поддержал Шедарис, озирая осиротевших царедворцев без всякого доверия. – Мертвый, известно, не кусается...

– Мы шкуру ни с кого не драли, молодой человек, – сказал тот, кого король называл мэтр Лагефель. Второй, по имени неизвестный, по-прежнему безмолвствовал.

– Вообще-то он не врет, – сообщил Сварог задумчиво. – Но я не сказал бы, что моментально воспылал к ним доверием. Служба у покойного борца со скукой не представляется мне богоугодным делом. Или вас, господа, завлекли сюда коварством и принудили силой? Вы отвечайте, а я проверю, врете вы или нет, я это умею, знаете ли...

Мэтр Лагефель смотрел на него спокойно и словно бы устало:

– Истина где-то посередине. Я попал на нынешнюю должность не по своей воле, но принял ее без особых колебаний. Я ученый, господа. Потому и пошел в Хелльстад. Экспедиция Латеранского университета, четыреста двадцать лет назад, о ней давно забыли. Здесь у меня открылась возможность познавать такое, чего я никогда не узнал бы во внешнем мире, проживи хоть сто жизней...

– Понятно, – кивнул Сварог. – Пока ваш хозяин развлекался, как умел, вы штудировали науки. Ради бескорыстной страсти к познанию. Прекрасная вещь – одержимость...

Тот немного смешался, но глаз не опустил:

– Я такой, какой есть. Не подумайте, будто я специально стараюсь втереться к вам в доверие, но я ведь вас не выдал. В прошлый раз, когда вы свалились неподалеку от Итела на летающей лодке ларов, мы вас видели. И сейчас узнали почти с первых минут. Но промолчали.

– Ага, – сказал Сварог. – Значит, хозяин сплошь и рядом текущие дела на вас перекладывал? Есть какое-то устройство? И если границы нарушены, оно дает сигнал?

– Вроде этого. Сам хозяин этим не занимался. И он был не настолько сильным магом, чтобы обходиться без подручных приспособлений. Откровенно говоря, никудашный был из него маг... Словом, мы вас не выдали. Хотя в прошлый раз, конечно, доложили о странном госте. Король отсутствовал, и вы успели убраться отсюда до его возвращения... Он очень заинтересовался, ведь летучие лодки ларов никогда не падают. Даже попытался отыскать вас во внешнем мире, но не получилось...

– А вы? – Сварог повернулся ко второму. – Вас тоже погнала сюда необоримая страсть к познанию?

– Не совсем, ваше величество. Я ронин. Терять было совершенно нечего, вот и рискнул, прибил к отряду. Шли искать то ли кладов, то ли славы, уж и не помню. Угодил сюда, да, знаете ли, и прижился. Служба нетрудная, а плата велика – вдобавок ко всему еще и долголетие. Я был чем-то вроде управителя, если перевести на обычные мерки, а мэтр Лагефель – библиотекарем.

– И никого больше?

– Никого. Королю давным-давно надоел пышный двор.

«Бог ты мой, – подумал Сварог в растерянности и тоске. – И эти места служили пугалом пять тысяч лет. Зажившийся на белом свете морячок с давно рассыпавшегося прахом авианосца, то ли боцман, то ли каптенармус, один небрезгливый книжник, один бродячий ронин, парочка устройств и приспособлений – вот вам и Хелльстад...»

Он усмехнулся:

– И оба вы неустанно служили восторженными слушателями?

– Эта часть наших обязанностей была тягостнее всего, – усмехнулся в ответ управитель уже довольно смело. – Но и к ней, в конце концов, удалось привыкнуть. Что ж, все позади. Я надеюсь, в вашем лице мы обрели повелителя, мыслящего не в пример шире и дерзновеннее. Вы очень быстро освоитесь, мы приложим все силы, чтобы...

– И что же? – спросил Сварог. – Теперь это все мое? Без малейших условий?

– Все это ваше, пока вы живы. В деталях вы быстро разберетесь, ваше величество, – почтительно поклонился управитель. – Нельзя ли полюбопытствовать: как вам удалось обойти заклятье? Кто вы такой? Вы никак не можете оказаться простым ларом...

Не отвечая, Сварог задумчиво разглядывал многочисленные сундуки в нишах, опустевший трон, застывшую изящной статуэткой золотую птицу. Столь неожиданно обретенный престол и новое положение, безусловно, на многое сулили ответы и делали обладателем множества тайн. Но, несмотря на всю увлекательную выгоду, проистекавшую из обладания серебряной короной, – не врал насчет короны Лесная Дева, черт возьми! – Сварогом владело одно-единственное желание: побыстрее убраться отсюда.

– Должен вас разочаровать, господа, – сказал он. – Некогда мне осваивать хозяйство. Как-нибудь потом. Вы сами прекрасно слышали, с каким делом мы едем.

Управитель поднял брови:

– Вы серьезно, ваше величество? Поймите же, Хелльстад – ваш. И вам сле-

дует мыслить новыми категориями. Что вам теперь мелкие заботы внешнего мира? О, я вовсе не пытаюсь вас отговаривать, но гораздо интереснее было бы, как это собирался сделать покойный король, спокойно понаблюдать со стороны, как будут продвигаться дальше Глаза Сатаны. Как они упрутся в Ител, что тогда произойдет...

– Любезный управитель, – сказал Сварог. – Извольте-ка запомнить на будущее: ваши советы насчет доставшегося мне владения и освоения такового всегда будут приняты с благодарностью. Но во всем, что касается моих намерений и дел, – приказы не обсуждаются.

Управитель низко поклонился. Сварог против него ничего не имел, но челядь следовало сразу поставить на место – еще и потому, что он неуверенно себя здесь чувствовал. Трудно привыкнуть к мысли, что Хелльстад теперь твой...

Он оглянулся на шеренгу золотых истуканов:

– Долго они тут будут торчать?

– Если они вам не нужны, прикажите им уйти, – чуть заметно улыбнулся мэтр Лагефель.

Сварог, полагая насмешку, нахмурился:

– Но я же не...

И умолк, удивленный. Он откуда-то знал, как командовать мысленно золотыми болванами. И скомандовал. И они вышли, мелодично погромыхая. Странная Компания во все глаза таращилась на своего предводителя, а он, в свою очередь, торопливо перебирал новые знания, лежавшие на некоей полочке в мозгу так уютно, словно пребывали там всю жизнь и даже успели чуточку подернуться паутиной.

– Корона? – громко спросил он.

– Корона, ваше величество, – кивнул мэтр Лагефель. – Иные способности, какими обладал король, погибли вместе с ним, но того, что осталось вам в наследство, достаточно, чтобы управиться с Хелльстадом. – Он указал на то самое странное сооружение из черных и фиолетовых шаров. – Это и есть хранилище знаний, основной центр управления всем... здешним бытием.

Сварог подошел поближе и обошел вокруг, заложив руки за спину. Теперь он рассмотрел, что каждый шар под прозрачной оболочкой состоит из множества шариков помельче, а те – из скопища совсем уж крохотных, и так, похоже, продолжается до некоего предела, за которым человеческий взгляд бессилен. Приблизил лицо – и ближайšie шары заполнились мириадами его уходящих в бесконечность отражений.

– Ну и где здесь нажимать? – спросил он. – Что вертеть?

– Разрешите, ваше величество? – спросил управитель. Сварог кивнул Маре – та отвела клинок от горла управителя, но неотступно сопровождала его, когда он торопливо шагнул к Сварогу, прямо-таки горя энтузиазмом и преданностью. Подойдя, он не сотворил ничего чудесного – просто-напросто коснулся ладонью одного шара, фиолетового, отмеченного бледно-золотистым значком. Десятка три шаров плавно разлетелись в стороны, словно на невидимых рычагах, повисли, открыв проем в рост человека, а за ним, внутри, лениво колыхались струи белого тумана. Не просовывая голову внутрь, Сварог осторожненько заглянул туда – казалось, белесая мгла занимает пространство гораздо большее, чем можно бы предполагать, высчитывая объем.

– Ну и где здесь нажимать? – повторил он.

– Минуту, ваше величество... – управитель деликатно протиснулся мимо него к проему.

И отчаянным прыжком, головой вперед рванулся в туман, где моментально растворился, сгинув с глаз. Мара в азарте рванулась было следом, Сварог поймал ее за воротник, резко обернулся к библиотекарю, словно бы и не удивленному:

– Это и называется – верные, преданные слуги?

– Сбежал, ваше величество, – спокойно сказал тот. – Должно быть, решил, что будущее непредсказуемо, и не надеялся, что вы его отпустите добром...

– И где же он теперь? – вкрадчиво, с угрозой спросил Сварог.

– Вероятнее всего, он сейчас что было прыти улепetyвает от границ Хелльстада во внешний мир. Это еще и устройство для перемещения, при жизни короля мы не сумели бы им воспользоваться, но теперь, пока вы еще не освоились... Где он решил перейти границу, представления не имею. В любом месте мог... Конечно, не там, где к нашим рубежам подступили Глаза Сатаны. Насколько я его знаю, все драгоценности, что удалось утаить, он держал при себе...

– Вы еще и драгоценности утаивали, преданные люди? – нехорошо усмехнулся Сварог.

– Он.

– Нет, надо бы его прикончить, – сказала Мара. – Сюрпризов будет меньше.

– Вы очень добрая и отзывчивая девочка, – чуть напряженно усмехнулся мэтр Лагефель.

– И не добрая, и не девочка, – отрезала Мара.

– Но вы ведь – сообразительная? Вот и подумайте: если вы меня прикончите, его величеству придется потратить гораздо больше времени, чтобы освоить все, и это получится гораздо труднее. Я уже понял, что новый король вовсе не собирается немедленно воссесть на трон, но потом, управившись с делами, он из элементарного любопытства непременно захочет изучить здесь все – от подвала до флюгеров...

– Что, очень жить хочется? – фыркнула Мара.

– Не стану отрицать, – слегка поклонился мэтр Лагефель. – Прожив четыреста с лишним лет, как-то привыкаешь к этому занятию – жить дальше... Хочется задержаться в этом мире подольше. И ради моей библиотеки, и ради желания узнать, что будет с миром дальше... и ради самой жизни, не отрицаю.

Он смотрел почти спокойно, устало. Сварог, вовсе не жаждавший лишней крови, решил рискнуть. Интеллигента гораздо легче держать на поводке, нежели вороватого управителя, библиотеку с собой не унесешь...

– Отставить, – сказал Сварог Маре, нетерпеливо игравшей кинжалом в опасной близости от сонной артерии подконвойного. – Оставляю мэтра в прежней должности, но ежели что...

– С чего начнем, ваше величество? – совсем мирно спросил библиотекарь.

– С вопросов, конечно, – сказал Сварог. – Как вам выдавалось долголетие – куском или ломтиками?

– Пожалуй, «ломтиками» – самое удачное выражение...

– И что, ваш напарник решился сбежать, не получив очередного ломтика?

– Ему осталось еще лет двести. Видимо, он предпочел эти верные двести

лет и утаенное золото непредсказуемости...

– Логично, – сказал Сварог.

– Кроме того, служба у вас может таить известные неудобства...

– Точнее?

– Король не особенно утруждал себя чтением. Барон поначалу тоже не посещал библиотеку, но от скуки пристрастился к книгам. Он не хуже меня помнил Кодекс Таверо. Если вы – Серый Рыцарь, а так оно, вернее всего, и обстоит, то всякий, кто служит у вас, рискует попасть в немилость к Князю Тьмы. – Он взглянул Сварогу в глаза. – Хотя покойный король в самомнении своем и привык думать, что занимает почетную позицию высоко над схваткой, на самом деле довольно давно был заключен некий молчаливый уговор... Так давно, что король успел уверить себя, будто стоит в стороне. Князь Тьмы не задевает нас, пока мы не наносим ущерба его интересам. А уничтожение Глаз Сатаны ему весьма не понравится...

– Так-так, – сказал Сварог. – И что, теперь эти пакостные глазыньки могут к нам нагрязнеть?

– Нет. Король говорил о серебряной стене чистую правду. А в заключенном некогда уговоре ваше появление, понятно, не предусматривалось. Понимаете ли, у Князя Тьмы есть крайне уязвимое место. Будущее для него закрыто, он не в состоянии предвидеть. Строить далеко идущие планы он может, но это ведь совсем другое...

– Неужели он не знает о Кодексе Таверо?

– Неужели вы никогда не слышали о страшной самоуверенности и ограниченности? Один Господь от этого избавлен...

– Ясно, – сказал Сварог. – Итак, что мне нужно сделать?

– Войти туда, осмотреться, изучить все. Опасности нет никакой. Я буду вас сопровождать, ваши люди тоже могут...

– Я бы на твоём месте... – начала Мара, покачав головой.

– Да нет, я же вижу, что он не врет, – решительно прервал ее Сварог. – Тут другая загвоздка... Пожалуй, это потребует времени, а?

– Разумеется. Пару дней хотя бы, для азов...

– Тогда не стоит и пробовать, – сказал Сварог не без сожаления. – Некогда. Подождет эта великолепная игрушка до моего возвращения, никуда не денется.

Он взял сочный, нежнейший персик с висевшего у локтя подноса и откусил, вытянув шею, чтобы не закапать камзол.

– Подожди, – забеспокоилась Мара. – А этот так и останется разгуливать на свободе?

Сварог доел персик, бросил на поднос скользкую косточку и ухмыльнулся:

– Да успокойся, милая, не лучусь я добротой и верой в человечество... Любезный мэтр на время моего отсутствия будет вынужден несколько ограничить передвижения, хотя от голода и жажды не умрет...

– А если вас тем временем убьют? – уже далеко не так спокойно поинтересовался мэтр.

– Рад, что вы желаете мне успехов... – сказал Сварог. – Если убьют, получите свободу, но не раньше. Как видите, я осваиваюсь с короной.

– И что она тебе еще подсказала? – поинтересовалась Мара.

– Что до моря мы доберемся в небывалой роскоши и уюте, – сказал Сварог. –

Прямо в замке, благо летучий. А коням придется гулять самостоятельно, что поделаешь... Вот только... – Он надолго замолчал, прислушиваясь к новым ощущениям, крайне необычным и весьма непростым. – Странное у меня чувство, замок словно бы и не мертвый...

– Он и не живой, – сказал мэтр Лагефель. – В человеческом языке нет подходящих слов, или их, вернее, забыли... Вентордеран – не мертвый и не живой. Он – нечто иное. Его чувства – не совсем чувства, но они у него есть. Я подозреваю, такие здания умели строить до Шторма – насколько можно судить по редким обмолвкам короля... И не сказал бы, что замок особенно был привязан к королю. Королю было свойственно несколько преувеличенное презрение ко всему окружающему, выражавшееся порой прямолинейно и без малейшего такта. Вентордеран никогда не выйдет из повиновения хозяину, но ему свойственна толика симпатий и антипатий, как и живым существам.

– Хорошенькое дельце, – сказал Шедарис, опасливо оглядываясь во все стороны. – Как примется вдруг капризничать, еще пришибет колонной или клетчатой чашкой за седалище цапнет...

– Главное, не ковыряйте стены столовым ножом. – На губах библиотекаря мелькнула мимолетная улыбка. – Капризы – это исключено...

– Твоим бы хлебалом, дедушка, да медок наворачивать... – пробурчал капрал довольно громко.

Однако успокоился. Мара по-прежнему надзидала за библиотекарем, но остальные понемногу разбрелись по углам. Леверлина отчего-то особенно заинтересовали пантеры, Делия с профессиональным, надо полагать, интересом озирадала трон. Вызванные Сварогом золотые болваны выносили труп короля.

– Куда ты его? – спросила Мара.

– За ворота, – хмуро сказал Сварог. – Пусть закопают где-нибудь. Препустой человечиска был, и что-то не тянет меня устраивать ему погребальную процессию с венками и факелами... Эй, эй! – окликнул он благодушно. – Это что же, своего короля грабить?

Бони, подняв крышку ближайшего сундука, откуда так и брызнуло радужным сиянием бриллиантов, запустил туда широченную ладонь и горстью, как семечки, переправлял камни в карманы.

Ничуть не смешавшись, он хладнокровно пояснил:

– Когда выберемся, мне еще короля Арсара свергать, сволочь старую. А такое предприятие требует серьезных денег. Тут еще до лешевой матери остается, командир, не обожру я тебя...

– Да ладно, – великодушно сказал Сварог. – Черпайте, ребята, в шляпы и за голеница, я ж обещал, что вы у меня либо голову сложите, либо озолотитесь.

Мэтр Лагефель охотно пустился в пояснения – иные сундуки были по крышки полны самоцветами, иные – украшениями, иные, – золотыми монетами всех времен и народов, включая напрочь исчезнувшие из писаной истории и людской памяти. «Бог ты мой, ну зачем он все это копил?» – недоуменно подумал Сварог. Леверлин не проявил никакого желания набивать карманы, поглощенный пантерами. Делия с Марой, не в силах побороть женскую натуру, мимо драгоценностей не прошли, но утомонились довольно быстро. Остальные надолго прикипели к королевским сокровищам, и Сварог получил немалое удовольствие, наблюдая за ними: как они замороженно бродят от сундука к сундуку, хватая новое, выкладывая прежнее и философски убеждаясь в

конце концов, что пора остановиться, потому что семи жизней у человека не бывает, а за одну-единственную промотать любую добычу решительно невозможно. Тетка Чари опомнилась первая, отошла, смущенно улыбаясь:

– Слышала я сказочки про такие клады, да по глупости не верила. Теперь и гостиницу отстраивать как-то смешно. Впору снарядить эскадру да поплавать вольной адмиральшей...

– Подождите, то ли еще будет, – сказал Сварог рассеянно. – Отвоюем мы для Конгера земли, и сделает он вас всех графами да герцогами, благо вакансий на означенных землях предвидится немерено... Принцесса, не поспеет ли ваша батюшка для таких-то орлов?

Делия отрешенно улыбнулась ему, из чистой вежливости, сказала тихо:

– Грустно. Вы не отсюда, граф, вам не понять, сколь жуткой славой был овеян этот замок и весь Хелльстад. А в итоге – жалкий человечиска на троне, зажавшийся фигляр...

– В жизни так оно частенько и бывает, знаете ли, – сказал Сварог.

Мэтр Лагефель с ноткой задетой гордости поторопился уточнить:

– Сколь бы ограниченным ни был покойный король, это отнюдь не лишает Хелльстад его нешуточного могущества...

Сварог, ничуть не пытаясь проникнуться этим могуществом, столь неожиданно свалившимся прямо в руки, задумчиво погладил стену. Словами это не описать, но ему чудилось присутствие огромного живого пса, теплого и преданного. И обрадованного – самое подходящее слово. Слишком много пинков и просто пренебрежения пришлось вынести от старого хозяина, пожалуй, и самого-то себя не любившего из-за безмерной мании величия. Венец мании величия – когда обожествляют даже не себя, а свой трон...

Пол едва заметно дрогнул под ногами – громада Вентордерана двинулась, плавно скользила к восходу, к океану. Пес уловил желание хозяина и торопился исполнить. Холмы и горизонты неспешно уплывали назад, скоро скрылись из виду и сидевшие в ряд громадные хелльстадские псы, провожавшие взглядами новоявленного повелителя, словно солдаты на смотре.

«Да ведь это ВЛАСТЬ, – вдруг подумал Сварог. – Власть над краем, где бессильны и обитатели небес. И никто больше не сможет дергать за ниточки, поучать и приказывать... вот только на что эту власть употребить, против кого обратиться и за что бороться?»

– Что ты так прикипел к этим кискам? – спросил он Леверлина.

Леверлин сказал, не оборачиваясь, не вставая с колен:

– Об этих кисках с незапамятных времен кружит любопытное поверье – будто они могут оживать. Но что для этого нужно делать, никто не знает. А знаменитую историю с кошкой из черной бронзы, выкопанной крестьянами на свою беду, многие считают сказкой. Да, те же самые, что в Акобаре, словно из одной мастерской...

– Существует такое поверье, вы правы, – мэтр Лагефель исправно играл роль предупредительного гида. – Эти статуи были антиками еще задолго до Шторма. В Вентордеране немало подобных редкостей. Король когда-то интересовался пантерами, но так и не доискался разгадки. Возможно, ваше величество сможет продвинуться гораздо дальше на пути познания посредством устройства, которое ваш предшественник, насколько я могу судить, использовал далеко не в полную силу...

– Э, нет, – сказал Сварог. – Кажется, договорились уже – новый король полезет внутрь этой штуки не раньше, чем разделается с текущими делами... Стоп, я этого не заказывал!

В зал вошел золотой истукан и направился прямо к нему, неся на вытянутых руках, прямо-таки благоговейно, пурпурную мантию, переливавшуюся при малейшем колыхании всеми оттенками алого, багряного и малинового. Вид у истукана был серьезный и сосредоточенный, как у какающей собаки.

– Он исполняет свои обязанности, ваше величество, – сказал мэтр Лагфель. – Вы их еще не научились различать, но это ваш камердинер. Король никогда не ходил без мантии, разве что в спальне снимал. За тысячи лет появляются устоявшиеся привычки... Позвольте помочь?

– Форма одежды – дело святое... – проворчал Сварог. – Надеюсь, это не та же самая?

– Ну что вы, ваше величество!

Оказалось, дело нехитрое и мантия снабжена удобными застежками, совершенно незаметными снаружи, словно брежневский стульчик на Мавзолее. Сварог, с непривычки наступая на полы, прошествовал к высокому, под потолок, зеркалу, обозрел себя и нашел, что выглядит в должной степени глупо, то есть именно так, как и надлежит королю-выскочке с живым замком и скопищем жутких чудищ вместо нормальных подданных. Обернулся. Странная Компания, включая Делию, таращилась на него серьезно и уважительно. Только Мара из-за спины Шедариса показала язык без всякого почтения к торжественной минуте. Сварог прошел к янтарному трону, ухитрившись ни разу не наступить на подол багряной хламиды, сел, положил руки на подлокотники и вполне искренне попытался ощутить себя грозным, могучим самодержцем, но в голове упрямо вертелся анекдот о маленьком зеленом крокодильчике. Он махнул рукой, слез с трона и спросил:

– Просьбы, прошения, челобитные? Еще по пригоршне брильянтов, быть может?

– У меня покорнейшая просьба, – сказала Делия совершенно серьезно. – Нельзя ли отыскать ванную?

– Разумеется, принцесса, – сказал Сварог. – Их тут навалом. Вас проводят. До моря нам еще ехать и ехать, и посему объявляю гарнизону роскошный отдых со всеми излишествами.

Он сосредоточился, и тронный зал наполнился мелодичным звоном потревоженного золота – появились истуканы, с церемонными поклонами уводившие его верных сподвижников, дабы вкусили заслуженного отдыха. Сподвижники, успевшие освоиться со многими чудесами и молниеносными переменами в судьбе, шествовали без всякой робости. Только Мара осталась, сопровождая книжника, словно вторая тень. Некоторое время Сварог откровенно забавлялся, путешествуя мысленно по закоулкам дворца, наслаждаясь незнакомым доселе чудом – он оставался на троне, чувствуя его всем телом, и в то же время словно бы бесплотным духом блуждал по коридорам, лестницам, анфиладам пышных покоев, обозревая древние статуи, золотых зверей, яшмовые статуи, коллекции драгоценностей и оружия. Потом он наткнулся на раздевавшуюся в ванной Делию, смущенно фыркнул и вернул зрение в тронный зал. Встал, прошелся возле трона, за ним почтительно следовал мэтр Лагфель, за мэтром бдитительно следовала Мара. Сварог резко остановился (отчего вся процессия

сбилась с ритма), обернулся:

– А теперь поговорим о серьезных вещах. Мэтр, что вам известно о маленьком народце из подземной пещеры?

– Только то, что они существуют и обитают там, – ответил тот. – Покойный король ими ничуть не интересовался, полагая их полными ничтожествами, а сами они наверху никогда не появлялись. Насколько я знаю, они живут в пещере с незапамятных времен, возможно, обитали там еще до Шторма, хотя с уверенностью сказать не берусь.

– Можно узнать о них побольше?

– Боюсь, нет. Вся магическая власть – да и любая прочая – короля Хелльстада имеет силу лишь на поверхности земли. В свое время король не озаботился расширить свои возможности, а потом все устоялось, иные законы стали незыблемыми, иных установлений уже не изменить. Впрочем, попробуйте впоследствии, вдруг и удастся придумать что-то... Знаете ли, у нас здесь обитают, если можно так выразиться, старые постояльцы. Гномы обитали под Хелльстадом, когда он не был еще Хелльстадом, но позже ушли. Около тысячи лет назад. Иногда здесь появляются одиночки по каким-то своим делам, они не причиняют вреда, а интереса не представляют. Есть и приبلудившиеся позже, милостиво оставленные в покое – вроде тех полумразумных мохнатых тварей, Крошек-Огородников, вы их видели...

– Понятно, – сказал Сварог. – Потом разберемся. Теперь скажите: есть у нас реальная возможность отказать от дома персоне, именуемой Князем Тьмы? Проще говоря, выставить его из Хелльстада ко всем чертям?

Мэтр то ли задумался, то ли откровенно мялся. Из-под арки, распростерши неподвижные крылья, вылетел огромный сокол цвета старой бронзы с черным, как ночь, клювом, бесшумно проплыл над головой Сварога, обдав легоньким дуновением, уселся на спинку трона рядом с золотой птицей-мажордомом, с тихим звоном сложил крылья и застыл. Глаза из ограненных рубинов, подсвеченные изнутри загадочным сиянием, уставились куда-то в пространство.

– Видите, даже ваш телохранитель встревожен, – тихо сказал мэтр Лагфель.

– Что-то он не тревожился, когда покойному хозяину пришлось туго, – буркнул Сварог.

– Потому что ничуть не встревожился сам хозяин. Это же механизм, он не мыслит – появляется на зов. Вы его не звали, но от вас, стоило завести разговор о Князе Тьмы, помимо вашего желания исходила такая тревога, такое беспокойство, что сокол счел это за призыв...

– Я и не вру, будто спокоен, – сердито сказал Сварог. – Вы не виляйте. Мне нужно знать точно, и не вынуждайте вы меня на всякие пошлости вроде классического монаршего гнева...

– Избавиться от Князя Тьмы не столь уж сложно, ваше величество. Но персона эта, осмелюсь заметить, весьма могущественна, злопамятна и крайне мстительна, следует трезво взвесить все последствия...

– Зарубите себе на носу, милейший мэтр, – сказал Сварог. – Нам с ним вдвоем тесно. У меня в королевстве, на этой планете – и далее везде...

Глава 12

Отшельник в стиле эпохи

Он последним спустился по лестнице Вентордерана, оглянулся на замок. То ли оставшаяся на голове корона причиной всему, то ли Сварог стал во многом опытнее и без подручных предметов, но от Вентордерана явственно веяло печалью, словно зябким холодом. Мэтр Лагефель, пребывавший сейчас под домашним магическим арестом, заверял, что замок не потеряет своих качеств и за пределами Хелльстада, и на нем, если возникнет такая блажь, можно совершить хоть кругосветное путешествие, что над землей, что над морем, но Сварог в который уж раз постановил, что жить следует скромнее. Появление Вентордерана в большом мире вызвало бы совершенно излишний фурор с паникой – и пересуды в буквальном смысле слова долетели бы до небес. Если их не опередят доклады гаудиновских наблюдателей. Чего доброго, налетят сторяча лихие ребята из Серебряной Бригады...

Лестница поднялась – очень медленно, словно замок надеялся, что Сварог передумает и вернется. Сварог ободряюще похлопал ладонью по темно-желтому с белыми прожилками парапету, отвернулся, подошел к откосу.

Вниз можно было спуститься без особого труда. Там, стиснутая откосом и морем, тянулась неширокая полоса каменистой земли, усеянная отшлифованным волнами плавником. Солнце уже наполовину скрылось в воде, от него протянулась колышущаяся дорожка цвета расплавленного золота, повсюду лежали длинные тени, от Вентордерана, от валунов, от них самих, стояла тишина, в море не видно ни единого паруса, и, если повернуться спиной к замку, легко представлялось, что планета безлюдна и пуста.

Сварог без нужды поправил серебряную корону. Очередной отрезок пути – вроде бы самый бесхитростный, но, как положено, таивший сплошную неизвестность. До берегов Шагана предстояло преодолеть лиг восемьсот (правда, если считать в морских лигах – ровно вдвое меньше выходит), и нежелательные встречи вполне возможны. Уж если их так старательно ловили на суше, вряд ли оставят эту скверную привычку на водах. Так что стоит рискнуть и отчалить на ночь глядя...

– Не беспокойтесь, командир, – наверняка угадав его мысли, тихо сказала тетка Чари. – Не буду врать, что знаю залив, как свою ладонь, но доводилось хаживать и здесь. Вода глубокая, отмелей и подводных скал почти что и нет, компас опять будет работать. С темнотой поставим паруса – и суток через двое, если повезет...

Сварог молча кивнул и стал спускаться первым. Солнце окончательно утонуло, исчезла золотая дорожка, и стало прохладнее. За спиной шептались Паколет и Шедарис – первый беспокоился, что вечерний колокол явно отзвучал, а потому можно наткнуться на любую нечисть, второй, мысливший прямолинейными военными категориями, успокаивал, что Сварог как-никак здешний король, а значит, верховный главнокомандующий всей здешней нечисти, каковая в большинстве своем, как обнаружилось, и не нечисть. Паколет сомневался: вся ли нечисть в курсе, что у нее новый король, кроме того, обнаружилось ведь, что не все здешние обитатели почитают короля своим сувереном...

Теперь, снизу, берег открылся на значительном протяжении. Сварог первым увидел дом у самой воды и остановился. Дом был старинный на вид, сложенный из обомшелых валунов, с плоской крышей из потемневших плах. Он напоминал скорее блокгауз, где можно неплохо отсидеться, если только у противника не найдется пушек. В узеньких окнах целы все стекла, дверь и окон-

ные рамы покрашены, к вбитому меж двумя валунами кованому крюку привязана большая шлюпка. Очень похоже, что здесь живут.

– Это еще кто на моих коронных землях? – чисто риторически спросил Сварог.

– Похоже на приют мореходов, – сказала тетка Чари. – Кто поотчаяннее, даже сюда заходят отсидеться.

– Гранату в окно ради пущей вежливости, – предложила тихая и воспитанная девочка Мара. – Капрал, у тебя вроде осталась?

Шедарис, уже привыкший относиться к ней серьезно, молча полез в мешок. Сварог цыкнул на них – дверь медленно отворилась. Громко щелкнул взводимый курок чьего-то пистолета.

На крыльцо вышел бледный чернобородый человек в высоких морских сапогах, натянутых во всю длину, и темно-вишневом бархатном костюме, чересчур чистом и опрятном для простого матроса. Совершенно спокойно оглядел пришельцев, ничуть не смущаясь при виде направленных на него стволов и обнаженных клинков (Сварог не оглядывался, но хорошо знал свою команду, нипочем не удержавшую бы сейчас рук в карманах), поклонился и сказал как ни в чем не бывало:

– Прошу в дом, господа. Особой роскоши не обещаю, но гостей принять смогу. Я сейчас один в доме, корабль вернется не скоро...

– Благодарю, мы, собственно, торопимся... – сказал Сварог медленно. Помолчал и резко бросил: – Ну и какого черта вам, любезный, в земле не лежится?

После ночлега у ямурлакских вампиров он зарекся входить в такие дома, не оглядевшись предварительно. А оказалось, дома-то и нет: наполовину развалился, крыша давно рассыпалась, крыльцо тоже, окна зияют пустотой, лодка вовсе не на привязи, и то, что от нее осталось, напоминает мокнущий в воде у берега рыбий скелет, а меланхоличный хозяин оказался самым обычным призраком, опасности не представлявшим. Правда, ему по всем канонам не следовало бы показываться смертным на глаза до полуночи – но здесь все-таки Хелльстад...

– Ну? – Сварог напал без особого запала. – Что вам не лежится, спрашиваю? Отправить назад по всем правилам?

По правде говоря, премудрость изгнания призраков он пока что не превзошел – но не признаваться же в этом первой встречной нежити?

Призрак подался назад.

– Кто это? – спокойно спросил Бони. – Морок, что ли?

– Обыкновенный призрак, – сказал Сварог. – У толкового некроманта таких – на пучок десятков.

– То-то одежда на нем такая старомодная... – Бони, засунув обе руки за пояс, подошел поближе, хладнокровнейшим образом оглядел призрака, склоняя голову вправо-влево, заключил: – У нас такой же в лесу под деревней лет сорок болтался, как стирания рубаха на ветру, что ни ночь, шатался, все давно привыкли уже, благо вреда от него не было. По всему видно, прирезали где-то на большой дороге, вот и таскался без погребения. Если по совести, надо было поискать шкелет и упокоить, как надлежит, да все руки не доходили. – Помолчал и хмуро добавил: – А теперь уж и некому. Это в городах у вас напрочь отвыкли от любой нежити, а в деревнях еще попадают самые разные обморочки, и если они безобидные, отношение к ним самое равнодушное, как к гнило-

му бревну при дороге...

Вообще-то и простым глазом, не обремененным магическими свойствами, можно было подметить, что человек в бархате порой странно колышется, словно колеблемое легким сквознячком пламя свечи, и тогда сквозь него явно просвечивает грубое дерево двери. Так оно и бывает, если призрак вылезет до полуночи, в неурочное время, – не получится того качества...

– Просвечивает, – сказал Бони. – Рано вылез. Будем гнать в три шеи, командир? Влепи-ка ему на семь заклятий, на восемь ветров, а я подмогну, ежели что...

Но Сварогу не хотелось ронять свой авторитет даже в такой мелочи. Помедлив, он сказал:

– Заклятья – дело серьезное. Что их рассыпать попусту. Ну, любезный, что вам не лежится?

– Я бы и рад, – сказал призрак.

– Ну, точно! – Бони хлопнул себя по бедрам. – Это называется – непогребенные косточки. И насколько я понимаю, они тут где-то близенько валяются.

– А насколько я понимаю, – ехидно добавила Мара, – если косточки оказались беспризорными и их хозяина бросили без погребения, он, очень даже вероятно, не из порядочных... Учитывая место.

– Ну, зачем так уж сразу, – сказал Сварог. – Есть еще жертвы кораблекрушений...

– Это конечно, – сказала тетка Чари. – Вот только порядочные люди сюда не заходят и домиков таких в этих местах не ставят. Чтобы безвинный утопленник оказался в аккурат возле этого блокгауза, должен, учено выражаясь, получиться чистейшей воды феномен, вроде синего алмаза гланских королей...

– Я и не выдаю себя за благонаправного купца, – сказал призрак. – Что причиталось, то и получил. Не к тому повернулся спиной, будучи без кольчуги под камзолом. Но лежать без погребения одинаково тягостно и праведнику, и грешнику.

– Это точно, – хмуро пробасил капрал. – Давайте закопаем, что ли. Тебе как, яму выкопать, или – в море?

– Лучше бы в море.

Паколет возбужденно протиснулся вперед:

– Спросите его про клад! Вдруг есть...

– Шпана переулочная, – фыркнула тетка Чари. – Какой тебе еще клад нужен после командирской сокровищницы? По всем карманам каболары[75] распишаны...

– Тьфу ты, я и забыл...

– Вот и помалкивай. – Она повернулась к призраку. – А что это тебя до сих пор не похоронили по-людски? Корабли не заходят?

– Заходят. Только все сначала, вроде этого одноглазого, начинают допытываться, где зарыт клад. А клада давно уже нет.

– Ладно, – проворчал Сварог. – Вы тут договаривайтесь, а я пошел мастерить пароход...

Отвернулся и решительно направился к зеленоватой воде. Через минуту уардах в десяти от берега, где начиналась глубокая вода, носом к берегу стоял пароход – точная копия бесславно погибшей на Ителе «Принцессы». Сварог сосредоточился, шумно обрушился в воду якорь, взлетели брызги – и вновь на-

стала тишина. Показалось, на горизонте крохотным темным треугольничком маячит косой парус. Сварог торопливо приставил к глазу подзорную трубу, но ничего не узрел, то ли почудилось, то ли судно ушло.

Мара позвала его, и он подошел к задней стене полуразрушенного дома. Рядом с замшелым валуном белели кости – лежавший ничком скелет. Одежды и сапог не сохранилось (а то и сняли сразу же), слева, под лопаткой, чернеет трухлявая рукоятка проржавевшего ножа.

– Вот он, красавчик, – тихо сказала тетка Чари. – Со шхуны «Синяя касатка». Сроду о такой не слышала, очень уж давно дело было, судя по одежде... Шег, давай упаковывай.

Капрал послушно присел на корточки и без всякой брезгливости стал собирать кости в мешок.

– А этот... где? – спросил Сварог.

– Растворился, как дым. Когда твердо пообещали, что похороним честь по чести. – Она задумчиво покрутила головой. – Клада от него не дождалась, да и зачем теперь клад, но кое-что с покойничка все же получили. Сказал он мне старое морское заклинание, якобы из Книги Бездны. Правда, про Книгу Бездны чего только не врут, притом никто ее в глаза не видел, разве что стагарцы, так от этих не дознаешься...

– Какое хоть заклинание? – вяло спросил Сварог. – Полезное или так себе?

– Вот я и сама ломаю голову. При нынешнем полном упадке колдовства любое заклинание – вроде бы прибыток, даже самое бесполезное, потому что никогда не знаешь, где оно пригодится и на что его можно выменять... Короче, командир, заклинание это способно отпугнуть рогатого ящера. Вот только водится рогатый ящер на приличных глубинах и наверх не поднимается, разве что перед большим землетрясением. Или извержением подводного вулкана. А это редко случается и всякий раз попадает в ученые книги как феномен столетия. На моей памяти его видели один раз, у Инбер Колбта. И не такая уж это грозная тварь, если на борту пушки. Гривастый крокодил не в пример опаснее, так что преподнесли нам вещь, в хозяйстве совершенно бесполезную. Задаром, правда...

– Это, конечно, утешает, – столь же задумчиво сказал Сварог. – Ну а кто сказал, что находить нам суждено исключительно полезные вещи?

Через полчаса он стоял на мостике «Принцессы», держа корабль на курсе, указанном теткой Чари. Одежду решил не менять – места были безлюдные. Тетка внимательно наблюдала, как капрал укладывает на фальшборт широкую доску. Остальные взирали на них довольно безразлично – речь шла о совершенно чужих костях, погребаемых из чистой любезности.

Тетка Чари что-то недолго бормотала, глядя в море (Сварог так и не спросил, в какого бога верил пират, да и не собирался выяснять). Отошла от борта, кивнула. Капрал поднял доску, мешок с костями и положенным для тяжести булыжником шумно проехал по ней, за бортом плеснуло, и тут же клокочущая под колесом вода настигла, стерла этот всплеск. Самое время философски подумать о бренности бытия, да хватает других забот.

– В Шагане бывать не доводилось? – спросил Сварог, не оборачиваясь. – Вас ведь где только не носило, граф...

– Был однажды, – сказал Леверлин. – Самая обычная страна. И воруют, и заводят любовниц, и торговцы обсчитывают за здорово живешь. Обыкновенные

люди, и в чем их отличие от нас, объяснить трудно, хотя это отличие и существует. Это, ваше величество, неведомые тайны души, как выражался один пьющий монах. Откровенно говоря, я человек легкомысленный, молюсь одной Бригите, да и то парой фраз, отец Калев на меня рукой махнул, и затрудняюсь я объяснить, что такое «верить по-настоящему»... Но уважаю их очень, ибо самому не дано...

Он говорил тихо, отрешенно. Делия положила ему руку на плечо – в сумраке остро сверкнули бриллиантовые перстни. Тетка Чари что-то скомандовала, и Паколет с Шедарисом бросились к мачте. Догадавшись, что пришла пора довериться ветру, Сварог склонился к медной воронке:

– Стоп машина!

– Уф! – облегченно вздохнула воронка голосом Бони. – А то ведь уголек швырять не нанимался...

– Перетерпишь, – безжалостно сказал Сварог, заткнул воронку конусообразной пробкой на цепочке и повернулся к поднявшейся на мостик тетке Чари. – Курс прежний?

– Прежний, ваше величество. Для короля у вас неплохо получается. Вот только не стоило бы торчать на мостике рядовым членам экипажа, будь они графья с принцессами...

– Как уголек швырять, стодится и принцесса, а с мостика, значит, слазь? – сказала Делия сварливым баском ярмарочной торговли, весело рассмеялась, взяла Леверлина под руку. – Пойдемте, граф, погуляем на носу.

– На юте, горе мое, – проворчала вслед тетка Чари, схватила рупор с полочки рядом со Сварогом и гаркнула: – Шег, осьминога тебе в задницу, кто так крепит? Обмотай сначала раза три, ага, так! А ты, кошелечных дел мастер, натягивай потуже, не бойся пернуть! Послал черт командочку, хуже, чем на...

Она замолчала, недоуменно озираясь. Сварог ничего не понял сначала, но мигом спустя его шатнуло в сторону правого борта, да так, что от неожиданности он упустил гладкие, пузатенькие рукоятки штурвала. «Принцессу» круто развернуло влево, почище, чем машину на крутом повороте. Купол звездного неба колыхнулся над головой и тут же вернулся в прежнюю позицию – это Сварог сцапал штурвал, выпрямился. Плечом отшвырнув его, тетка Чари крутанула штурвал вправо, на полный оборот – и никакого толку. «Принцесса» все быстрее и быстрее неслась новым курсом, неизвестно кем проложенным, – целеустремленно, тупо и неотвратно, как поезд, на полном ходу вдруг лишившийся машиниста. Парус вздулся пузырем – навстречу ходу. Жалобно, как старая береза под ураганым ветром, скрипнула мачта.

Первой опаматовалась тетка Чари, изрыгнув отборнейшие проклятия вперемежку с громогласными командами. Все, кто был на палубе, кинулись спускать парус, и это, как ни поразительно, удалось им почти моментально. Скорость ничуть не упала, но мачта больше не грозила завалиться – а корабль, казалось, уже скользит над водой, сопротивления воды не чувствуется совершенно. Неизвестно на что надеясь, Сварог еще раз крутанул штурвал, от души, что есть мочи, но результат вышел самый плачевный, то есть не вышло никакого. Куда бы ни направлялся корабль, повиноваться команде он отказался напрочь. Сварог, лихорадочно пытаюсь вспомнить, найдутся ли на «Принцессе» шлюпки, услышал за спиной короткий треск и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сорвавшийся с талей баркас по широкой дуге уле-

тает за корму, в ночь.

И постарался взять себя в руки, вспомнить о долге отца-командира. На мостике уже столпился весь его отряд, даже кочегары вылезли, почуяв недоброе. Паники в рядах не было ни малейшей. Во-первых конкретного врага в пределах видимости пока что не имелось, а во-вторых, инициатива принадлежала отцу-командиру – что его, понятно, лишь удручало, он тоже был в полной прострации. Оставалось лишь испробовать «третий глаз», что он и сделал.

– Ну? – вскоре спросила тетка Чари, уже освоившаяся с его возможностями и тактикой.

– Совершенно не представляю, что это может означать, – сказал Сварог. – Нас словно бы волокут на канате, и выглядит он красной светящейся линией. Где она кончается, и не видно, но определенно где-то далеко. И если это даст кому-то зыбкое утешение, спешу обрадовать: не вижу ничего, что говорило бы о присутствии сил зла...

– Но это магия?

– Несомненно, – сказал Сварог. – И высокосортная. Между прочим – мы и в самом деле летим над водой, совсем низко, правда, но все же... Сами взгляните.

– Значит, влипли, – спокойно бросила Делия. – Командир, а не способны вы в качестве владыки Хелльстада предпринять чего-то эффективного и могучего?

– Будь это в Хелльстаде... – вздохнул Сварог. – Не успел я толком со своим могуществом разобраться, сами знаете...

Корабль скользил над темной водой, как призрак. Скорость была дикая – Сварог глянул за борт и поневоле отпрянул, закружилась голова, так все сливалось в мерцающие полосы, но на палубе этого не ощущалось ничуть. А в открытом море не нашлось ориентиров, по которым можно определиться, и потому, если не смотреть за борт, а уставиться вперед, все не так уж и жутко... Оставалось одно – ждать. И они ждали.

– Компас работает, – сказала тетка Чари. – Как ни в чем не бывало. И волочит нас, похоже, напрямиком к островам Твергор.

– А там водится что-нибудь необычное?

– Не припомню что-то. – Она задумалась. – Вообще-то о них, как о всяких необитаемых островах, кружит множество побасенок – клады капитана Бонета, девицы-оборотни, кабаны-людоеды. Правда, добрую половину слухов пускают как раз те, кто имеет на таких островах свой интерес, чтобы отпугнуть посторонних. Подыскали вы удобное местечко для кренгования или зарыли клад – вот и пускаете сказки о старике-змееноге, чтобы обходили стороной... Одно я знаю точно: там есть остров, к которому никто не может причалить. Остров Ройл. Как ни мудри с парусами, корабль относит прочь, словно пьяного боцмана от проповедников трезвости. И паровые тоже...

– Даже если это правда, с нами обстоит как раз наоборот, – сказал Сварог. – Нас-то, наоборот, притягивает...

Тетка Чари явственно поежилась:

– Говорят, такие фокусы с кораблями выкидывает Магнитная Скала. Но она четко к Морю Мрака относится. Если только существует, конечно.

– Плевать, – заявил Бони. – Командир вытащит.

– Вы на командира-то надейтесь, но и сами ушами не хлопайте, – хмуро

сказал Сварог. – Я у вас не бог... И, между прочим, вижу впереди остров.

– Даже два, – сказала Делия. – Второй чуть правее и дальше.

– Пулемет готовить? – деловито спросил Бони. – А то – ракетами шарахнем.

– погоди ты, – отмахнулся Сварог. – С мысли сбил...

Словно бы две загадки, вовсе даже друг с другом не связанные, пришли на ум одновременно, они мешали друг другу, да еще Бони крикнул под руку, и оттого одна загадка сразу же ускользнула, а вторую никак не удавалось разгадать. Нужно что-то попросту вспомнить, нечто связанное с островами Твергор...

Часть звезд вдруг пропала с небосклона – это их закрыла гора, высокий остров, к которому они неслись, сбавляя скорость. Сварог увидел узкий вход в бухту, стиснутый двумя утесами дубняк, подступавший к самой воде. Острова Твергор... И почему-то вспоминается бедняга Борн... стоп! Он говорил, тут кто-то живет! Ну да, теперь вспомнил...

Корабль вошел в бухту, как клинок в ножны, двигаясь словно бы отяжелело, грузно, против сильного встречного течения, – но это лишь означало, что он опустил на воду после бешеного бега над волнами. Капрал без команды пробежал на ют, и слышно было, как там скрежетнул ракетный станок.

– Вон он стоит, у деревьев, – сказал Сварог сквозь зубы и крикнул громче: – Шег, отставить! Чует мое сердце, не испугать здешних жителей нашим арсеналом...

Замеченный им человек не спеша шагал к берегу. «Принцесса» остановилась, якорь самостоятельно прогрохотал в клюзе, разматывая цепь, плюхнулся звучно в воду.

– Сходни, – приказал Сварог. – Всем оставаться на борту. И не единого выстрела!

Сошел на берег по торопливо поданным сходням и, непринужденно помахая Доран-ан-Тегом, как тросточкой, направился к незнакомцу. Дабы не выглядеть излишне агрессивным, остановился первым, оперся обеими руками на топориче и выжидательно замер. Человек шел к нему, самый обычный человек. Вернее, самый обычный лар. Однако при попытке прощупать его детальнее Сварог, маг-недоучка, грянулся о невидимую стену. Случись такое с телом, отшиб бы бока – а сейчас, при очередной дилетантской попытке баловать с магией, осталось странное ощущение, помесь рези в желудке с мгновенно накатившей и схлынувшей невесомостью.

– Не стоит повторять, – сказал человек. – Это и у того, кто посильнее вас, не получится.

– Не буду, – сказал Сварог. – Вы – лорд Ройл? Борн говорил...

– Да.

– Остров назвали по вас или вас – по острову?

– Остров по мне. Первым это в шутку сделал Борн. На самом деле остров называется Алайт.

– И к нему никто не может пристать?

– Не может. Вы и в самом деле так невозмутимы?

– Конечно же, нет, – сказал Сварог. – Но положение обязывает. Я ведь командир... и король. Трусить неуместно.

Его собеседнику на вид было лет пятьдесят – значит, все пятьсот. Лысоватый, с великолепной ухоженной бородой. Коричневая ряса с откинутым ка-

пюшоном, в точности такие носят монахи Братств, но на поясе нет никаких символов, да и пояс не из веревки.

– Простите за бесцеремонное приглашение в гости, – сказал Ройл без всякой удрученности в голосе. – Обстоятельства. Я долго раздумывал, какую форму предупреждения избрать, и в конце концов решил, что вы не поверите никаким предостережениям...

– Пожалуй, так оно и случилось бы.

– Что, никому не верите?

Сварог усмехнулся:

– Бывают исключения. Кое-кому я верю, взять хотя бы тех, кто сейчас на борту. Но чуждые силы, неожиданно возникающие на пути, меня в первую очередь настораживают...

– А как обстояло с этим беднягой, хелльстадским королем? Судя по его короне у вас на голове...

– Он, честное слово, напросился сам, – сказал Сварог. – Я просил одного – дать нам уйти. Вы о нем сожалеете?

– Не знаю. Мне он немного нравился, потому что был безобиден. Бесспорно, иные его забавы переходили все и всяческие границы, но по большому счету бедолага остался ребенком, а дети злы и себялюбивы. Страшно представить, чем могло кончиться, окажись на его месте тиран, одержимый подлинной страстью к власти...

– Это интересный, где-то даже философский вопрос, – сказал Сварог. – В данную минуту меня интересует другой, более практический...

– Вам не утомительно все время смотреть «кошачьим глазом»? – усмехнулся Ройл. – Давайте отойдем подальше по берегу, не мнитесь, вы уже поняли, что я не представляю для вас угрозы. Хочется поговорить с глазу на глаз.

Сварог оглянулся, прикинул расстояние:

– На корабле и так не услышат.

– Вы полагаете? – с загадочным видом усмехнулся Ройл. – У вас на корабле хватает чутких ушей...

И неспешно направился вдоль берега. Сварог раздраженно пожал плечами, видя, что потерял всякую инициативу, но двинулся следом.

Под дубом обнаружился стол в стиле Чалатара[76], словно угодивший сюда с террасы загородного дворянского особняка: накрыт для легкого ужина, посередине горит сиреневая карбильская лампа с колпаком из тончайшего стекла в виде таларского глобуса. Повинуясь жесту хозяина, Сварог сел первым, прислонил топор к столу и спросил:

– Что это за чуткие уши на моем корабле?

– Оглянитесь.

Лампа светила неярко, и Сварог хорошо различал уардах в ста темный контур «Принцессы». Оттуда протянулись в сторону стола словно бы три узких луча карманных фонариков: один зеленоватый, тусклый, два других – сапфирово-синие, гораздо длиннее и ярче. Но сидящих не достигали и они, рассеиваясь и пропадая где-то на полдороге.

– Зеленый – это ваша девочка в меру своего скромного умения пытается до нас дотянуться. Ну а синие – результат усилий двух других ваших людей, и, не будь у меня наработанной защиты, они все видели и слышали бы...

– Чуть, – сказал Сварог. – Двое моих?

– Вы уверены, что знаете все о своих людях? (Сварог промолчал.) Любезный граф, у них есть свои маленькие тайны, как и у вас – секреты от них. Вполне естественное явление, вы ведь и сами в них из-за этого не сомневаетесь... Поговорим о хлопотах посерьезнее. Я хотел вам помочь. Сейчас в заливе курсируют девятнадцать кораблей из разных стран, которые я не стану перечислять, потому что вы легко догадаетесь и сами... Неужели вы решили, что после бегства из Равены от вас отстанут... заинтересованные стороны?

– Я так и не думал, – сказал Сварог. – Вообще-то «Принцесса» неплохо сконструирована, меня клятвенно заверяли, что при нужде она уйдет от любого здешнего корабля, хватило бы кочегаров...

– Возможно. А об этом что вы скажете?

Справа от стола словно бы распахнулось широкое окно с видом на вечерний океан, укутанный мягкими тенями подступающего сумрака. На воде лежало чудовище. Черный панцирь, напоминавший пухлый желудь, усажен длинными шипами в три ряда, щупальца покачиваются на волнах, раскинувшись веером, под краем панциря светятся зеленоватым гнилушечьим мерцанием три круглых глаза. Рядом с ним вдруг появился крохотный кораблик, раза в три короче самого короткого щупальца. Выглядел кораблик жалко.

– Ваша «Принцесса», – пояснил Ройл. – С точнейшим соблюдением масштаба. Много ли вы смогли бы сделать даже с вашим великолепным топором? Магия здесь ни при чем. Всего-навсего морское чудовище, считавшееся вымершим еще до Шторма, – но океан велик, то и дело там обнаруживается нечто, числившееся в нетях... Лорд Сварог, сдаётся мне, вы до сих пор не представляете, какая идет игра и сколь велики ставки. Это не телевизор, как вы уже поняли, – экран компьютера я моделирую. На самом деле оно плавает у поверхности, не показываясь наружу. И парочка кораблей упорно крейсирует поблизости, словно зная о чудовище и готовясь натравить...

– Горрот?

– Вряд ли. Чьи-то неизвестные корабли. Знаете уже, как это бывает: флага нет, место постройки еще ни о чем не говорит, на борту самый разный народ со всего света... Иные древние источники связывают эту тварь и с Великим Кракеном, и с Князем Тьмы, что, в принципе, есть два лика одной сущности. Забудьте вы сейчас и об этой твари, и о кораблях. Не это главное. Вам нужно добраться до Шагана, там вас уже не достанут. Я помогу.

– Значит, мне следует благодарить вас за спасение?

Хозяин не поднимал глаз. Экран как-то незаметно погас.

– Забавно, – сказал наконец Ройл. – От скуки я тысячу раз вел во всех подробностях долгие беседы с кем-то вроде вас. Но когда вы сидите здесь вживе, все, оказалось, следует начинать заново... Пожалуй, вы не должны меня благодарить, лорд Сварог. И потому, что эта услуга не потребовала от меня мало-мальски серьезных трудов, и оттого, что я не чувствую себя достойным принимать благодарность... Что вам говорил обо мне Борн?

– Да ничего, собственно. Что вы существуете и живете отшельником.

– В том-то все и дело... Максимально точное определение. Я не служу злу, потому что не люблю зла, и не служу добру, потому что не представляю, что мне для добра сделать. Я не борец. Не гожусь в борцы. Не мое призвание. Лары мне глубоко противны, а обитатели земли, откровенно говоря, – совершенно чужие. Нет ни сил, ни желаний, ни стремления проникнуться их бедами и

разделить их радости. Одной нелюбви к злу еще слишком мало, чтобы стать рыцарем добра с обнаженным мечом. Добавьте ко всему этому, к такому образу мыслей кое-какие магические возможности, позволяющие окружить остров непроницаемой для всякого воздействия защитой, – и получится... отшельник. Я не удивлюсь и не обижусь, если вы меня осудите. Покойный Борн положил массу сил и времени, чтобы подвигнуть меня на некие глобальные дела. Какие, он плохо представлял и сам. Я отказался. Он не порвал со мной окончательно, но отказа не забыл... Признаюсь, со своей стороны я считал избранный им образ жизни чем-то вроде детской игры в солдатики. Возможно, мы оба неправы. Возможно, один я неправ. И вы можете...

– Кто я такой, чтобы вас осуждать? – проворчал Сварог. – Катберт-Молот или святой Рох? И зачем вам, простите, мое скромное мнение?

– Я слишком долго прожил один, – со смущенной улыбкой сказал Ройл. – Долгое одиночество порождает самые причудливые метания духа. Иногда охватывает бешеное, неудержимое желание исповедаться и услышать себе приговор...

– Тут нужен священник, – сказал Сварог, чувствуя себя крайне неловко. – Я не гожусь.

– Священник скажет, что мне следует обратиться к богу. Но что прикажете делать, если я, как ни стараюсь, не могу и не умею «обратиться к богу»?

«Беда с этими интеллигентами», – растерянно подумал Сварог, а вслух сказал:

– Я тоже не умею...

– Но вы – действуете.

– Вы тоже, – ободряюще сказал Сварог. Беседа начинала его тяготить. – Странно, что там, где следует, меня о вас не предупредили, хотя уделяли внимание гораздо более мелким деталям.

– А я – государственная тайна, – чуть веселее признался Ройл. – Никто не предполагал, что мы с вами можем встретиться. А о нашей с Борном дружбе они как-то забыли, много воды утекло, да и Борн погиб. Понимаете, Борн был для них понятен, а я – нет. Похоже, меня до сих пор подозревают в коварных замыслах. И в покое не оставляют. Взгляните.

Сварог задрал голову. В зените висела большая синяя звезда, ее лучи светили холодно, остро, даже заломило глаза, словно он слишком долго таращился на пламя электросварки.

– Что это?

– Так для систем моей защиты выглядит орбитальная станция слежения. Мой персональный шпик на «суточной» орбите. Иногда, очень редко, случается атака. О, ничего смертельно опасного. Просто, изобретя что-нибудь новенькое, проверяют на прочность мою защиту. Видите ли, ни одна государственная машина, сколь бы терпима и могуча она ни была, по самой природе своей не потерпит полностью независимого и неподконтрольного индивидуума. Сам факт его существования, как бы нейтрален он ни был, становится словно бы ревом охотничьего рога для гончей. По-моему, и я, и недотепа Фаларен возбуждали подозрения как раз тем, что ничего не предпринимали, – такова уж логика тайной полиции. Приготовьтесь в роли короля Хелльстада столкнуться со страхом и недоверием... Ну вот, теперь вы многое обо мне знаете. Судите, как хотите. Только одного не нужно, умоляю – не просите меня к чему бы то

ни было примкнуть, присоединиться, встать в ряды... Не смогу.

Они долго молчали.

– Знаете, чего мне порой хочется? – вдруг спросил Сварог. – Забрать три королевства себе. Пустить всякого, кто пожелает. И в меру разумения наладить там жизнь чуточку более свободную и добрую.

– Не получится.

– Я же сказал: «чуточку более».

– Все равно.

– Но тянет попробовать. Ужасно.

– Ох, как вы молоды... Завидую. В юности, в студенческие годы, от разговоров на схожую тему сам воздух, казалось, сыпал искрами, я прекрасно вас понимаю, вот только не выйдет у вас ничего... Вы нигде не учились?

– Разве что убивать, – сказал Сварог. – А вы, насколько я понимаю, были в Магистерииуме?

– Ого! Проект «Алмазная стрела». Не доводилось слышать? Значит, все еще засекречен. Институт, пытавшийся увидеть прошлое. Когда-то там работали и я, и Борн, и столь загадочно исчезнувший лорд Луинтар. Семьдесят лет адского труда – и все впустую. Возможно, при удаче ни я, ни Борн не пришли бы к нынешнему своему состоянию, да и Луинтар был бы жив. Коли вы ничего не слышали об «Алмазной стреле», работы определенно продолжаются...

– А магия тут не поможет?

– То, что осталось от магии, ничему уже не поможет, – пренебрежительно махнул рукой Ройл. – Создавать из воздуха дворцы и отлавливать реликтовых демонов «Серебряной сетью» – еще не магия. Уже не магия, вернее. Конечно, надутые идиоты вроде Багорена полагают, будто кохлеарный прорыв... О, простите. Кому это теперь интересно... Одним словом, вы можете ничуть не беспокоиться. Наверху не заметили происшедшего с вашим кораблем. Я все же считался неплохим ученым в прежние годы и прямо причастен к разработке иных систем... И в Шаган я вас смогу доставить незамеченными гораздо быстрее, чем вы сами тащились бы. Лучше всего вам будет высадиться в Гриммортеле и отправляться напрямиком в тамошнее Братство Святого Роха. Утром...

– Если вас не особенно затруднит, я попросил бы отправить нас прямо сейчас, – сказал Сварог. – Это возможно?

– Разумеется. Но хотелось поговорить с вами подольше...

– Мне тоже, – сказал Сварог мягко. – Но я боюсь расслабляться. Мне нужно мчаться вперед. И времени остается все меньше. Представления не имею, сколько времени у меня отнимет пребывание в Шагане, да и до виманы еще нужно добираться...

– Вы уложите в два-три дня. Братство Святого Роха, я уверен, уже знает все от равенских друзей. К сожалению, информация столь же быстро передается и куклосами «Радуги»...

– Кем?

– Вы серьезно? – Ройл едва не упустил бокал. – Представления не имеете, с кем схватились? Кто вам мешает и противостоит?

– Мне постоянно противостоят разнообразные «черные», – сказал Сварог. – Это-то я уже уяснил.

– И никогда не слышали о «Черной радуге»?

– А что, есть и такая? Радуга обычно семицветная...

– Узнаю Гаудина, – сказал Ройл. – «Каждый знает ровно столько, сколько ему необходимо в данный момент». Возможно, в вашем случае он, при всей моей к нему неприязни, был прав. Не следовало посвящать нового человека во все сложности жизни, к тому же и для его престижа сие было унижительно: углубившись в историю вопроса, ему пришлось бы признаться, что он до сих пор не может истребить куклосы...

– Пойдите, – сказал Сварог. – Я только сейчас сообразил... Выходит, вы обо мне отлично осведомлены?

– Я же говорил, что причастен был к серьезным работам. Не только они наблюдают за мной, удовольствие взаимное... Так вот, «Черная радуга», она же «Черная благодать» – это черное братство служителей зла, состоящее из разбросанных по всему свету групп-куклосов. Возникло оно около двух тысяч лет назад, когда разгромили храм Сета-Змеенога. Все сведения по этому делу есть даже в земных библиотеках, почитайте как-нибудь... Братство это существует до сих пор, несмотря на все усилия небесных и иных из земных властей, – очень уж серьезный и деятельный у него покровитель. Многие из тех, кто владеет сохранившимися азами «золотой», то есть основанной на добре, магии, живут, не зная друг о друге и не поддерживая никаких связей. Другое дело – черные. Зло деятельно и энергично. Среди его адептов почти нет одиночек – разве что стагарцы, патриархально балансирующие меж двумя силами. Да король Стахор, великий мистификатор, лицедей и мастер напускать туман, то и дело выдающий авансы то мраку, то свету, но упрямо ведущий свою игру... Не берусь судить непрерываемо, но в случае с двойником Делии и Арталеттой явно прослеживается рука равенского куклоса. Впервые вы им встали поперек дороги, убив Мораг. Сшибли пинком осиное гнездо и прошли мимо, не заметив. Правда, с вами пытались покончить еще до того... но в том-то и заключается трагикомический парадокс, что не устрой они аварию вашему ялу, Мораг осталась бы жива, а вы, возможно, так и не замешались бы в схватку – или ворвались бы в нее гораздо позднее... Словом, против вас действуют организованные и сильные враги.

– Понятно, – медленно сказал Сварог. – А у меня после объяснений Гаудина как-то незаметно осталось впечатление, что люди, злоумышлявшие против меня там, наверху, – случайно совращенные нестойкие душонки, досадные исключения, выродки...

– Я и не говорю, что их много; но всех Гаудин не выловил, и крайне опасно считать их выродками и досадными исключениями... Насколько мне известно, в последние годы наверху появилась еще и «Черная пустота». Крайне рафинированная разновидность поклонения и служения злу с потугами на большую философию. Видите ли, если зреть в корень, ничего этого нет, – он постучал пальцами по столу. – Ни стола, ни этих дубов, ни берега. Нет понятий «твердое» и «мягкое», «прочное» и «аморфное». И дым костра, и стальной меч – лишь скопление разделенных пустотой атомов. Разве что скопление атомов в виде меча более твердое и устойчивое, чем скопление атомов в виде дыма... Ощущения – тоже не более чем условность. Прикасаясь пальцами к лезвию меча, вы ощущаете, что он тверд и остер. Меж тем это означает лишь, что стайка атомов под условным названием «палец» сблизилась со стайкой атомов по прозвищу «меч». Пустота соприкоснулась с пустотой. Далее для научного обоснования (если возникнет такое желание или надобность) приво-

дятся фундаментальные законы, объясняющие сущность магии. И магия, и физическое воздействие – не более чем перемещение атомов. И удар кулаком в зубы, и создание с помощью заклинания кувшина с вином – явления одного порядка. И в первом, и во втором случае вы с помощью возникающих в клетках вашего мозга комбинаций атомов (ибо мысль материальна) переместили в пространстве определенные группы атомов...

– Я рискну продолжить, – сказал Сварог. – Поскольку все на свете – лишь скопление атомов и перемещения таковых, понятия «добро» и «зло» становятся чисто абстрактными понятиями. И – все дозволено...

– Совершенно верно. Разумеется, это учение облечено в гораздо более изысканные и наукообразные формы.

И выражено не в пример более многословно. На умы, надо признаться, порой воздействует. Вас, быть может, удивит, но больше всего приверженцев «Черной пустоты» насчитывается не среди невежественных придворных вертопрахов, а среди людей высокообразованных, с рационалистическим складом ума...

– Иными словами, в Магистериуме, – сказал Сварог.

– Как ни печально... Когда лет пятьсот назад в одном из земных государств некий книжник выпустил ученый труд, где впервые, пусть на примитивном уровне тогдашней эпохи, излагались идеи «Черной пустоты», король отреагировал быстрее, чем мудрые университетские профессора и священники. Незадачливый автор сторел на костре из собственных книг. Некоторые склонны вульгаризировать этот поступок короля, считая, будто он попросту испугался: вдруг его подданные задумаются, стоит ли повиноваться монарху, каковой, по зрелом размышлении, есть не более чем скопище атомов, теоретическая пустота? Но я читал королевский указ, и там есть примечательные строчки: «Поелику этот богомерзкий труд способен отвратить незрелые умы от осознания понятий добра и зла, уничтожив в глазах иных всякую разницу меж таковыми понятиями...» Но сейчас книжников не жгут даже на земле. А на небесах царит и вовсе уж умилительная терпимость...

Со стороны моря донесся короткий треск, сменившийся длинным шипением, над кораблем взлетела зеленая сигнальная ракета, описала дугу, на несколько секунд озарив «Принцессу» и волны колышущимся тусклым свечением с резкими тенями. И погасла еще в воздухе.

– Что это?

– Мои орлы шалят, – сказал Сварог. – Деликатно напоминают, что они, личности и индивидуальности, озабочены отсутствием отца-командира... Пожалуй, мне и в самом деле пора.

Ройл посмотрел на берег:

– Ну да, ваша девочка раздумывает, не запустить ли еще одну. Интересно, почему Гаудин послал с вами именно ее?

– А в чем вы усматриваете странность?

– Не знаю, стоит ли называть это странностью... Ваша девочка – из породы так называемых всадников. Все малолетние «леопарды» Гаудина, и мальчишки, и девчонки, подобно фигурам шакра-чатурандж, делятся на пешек и всадников. Пешек больше. Они подвергаются обработке с применением всех достижений науки, после чего навсегда становятся не в пример ближе к роботоподобным боевым машинам, чем к людям. И процесс этот необратим. Мень-

шинство, всадники, остаются людьми. Их мозг не подвергается... гм, реконструкции, все ограничивается обучением боевым искусствам, а интеллект, наоборот, стремятся развить. Я вовсе не пытаюсь настроить вас против Гаудина. Всю жизнь питал к нему смешанные, двойственные чувства: уважаю за яростную борьбу со всем черным и ненавижу за... иные поступки. Просто... Все его действия, шаги, операции подчинены определенным целям, просчитанным на много ходов вперед. Все. И вы обязаны это помнить, если хотите играть с ним на равных. Именно девочка, именно «всадник»... Можно объяснить просто: вы новичок на Таларе и такая спутница не в пример предпочтительнее хмурого юнца-убийцы, глухого и слепого ко всему, что выходит за рамки конкретного задания. Но простота – не в характере Гаудина... Особенно в случае с вами.

Глава 13 Когда никуда не спешат

Ожидание атаки стократ тягостнее самого жестокого боя – в бою некогда думать...

Сварог уже отошел от предпоследнего, самого стремительного этапа пути – феерическое скольжение «Принцессы» над ночным морем, доставившее к берегу еще до рассвета, монастырь Святого Роха, где его встретили так буднично, что стало даже чуточку обидно, завтрак на скорую руку и пятичасовая бешеная скачка к границе, где по другую сторону, как он прекрасно видел из окна замка, тянулись те же равнины, те же перелески. Городок у горизонта, насколько удалось рассмотреть в подзорную трубу, выглядел прекрасно сохранившимся, да и проходивший мимо него тракт, упиравшийся в шаганскую границу, построенный когда-то на века, казался проложенным вчера – ни одна травинка не пробила меж продолговатых белых плит, уложенных на щебень и листовенничную кладку.

Вот только ничего живого не видно на той стороне, даже птиц не заметно, как ни шарил Сварог трубой. И Глаз Сатаны не наблюдалось. Поначалу Сварог решил, что они во множестве будут рыскать вдоль границы, пялясь немигающими взглядами, как голодные волки у изгороди скотного двора. Нет, до самого горизонта с зеленовшей кое-где каемкой лесов и холмов – ни малейшего шевеления. Ну да, колокольный звон разносится далеко...

В замке, принадлежащем некоему графу, как-то связанному с Братством Святого Роха, Странная Компания впервые за время пути оказалась в полнейшей безопасности – и совершенно не у дел. Самого графа в замке вообще не было, слуги двигались бесшумно, как тени, и появлялись редко, исключительно на звук колокольчика, брат Тивадар пропадал по своим загадочным делам, прямо связанным с завтрашним предприятием (о характере коих отмалчивался, мягко заверяя, что все будет подготовлено должным образом и Сварогу после всех тягот не стоит забивать этим голову), другие монахи не приходили, в отведенных гостям комнатах не хватало только птичьего молока, благо здесь не существовало запретов ни на мясо, ни на вино – короче, можно наслаждаться безмятежным покоем. Если забыть, что им завтра предстоит, – а забыть-то и не удастся. А неподалеку сидит Мара, в отличие от командира являющая собой воплощение безмятежности, и при взгляде на ее невозмутимое личико обуревают разнообразнейшие чувства – от грешных помыслов до желания прочитать вдумчивую лекцию о печальной участи иных чрезмерно

уверенных в себе суперменов.

Но ничего не выйдет – ее спокойствие не от излишнего суперменства, а от полнейшего неумения бояться риска и смерти. Попробуйте заставить бедуина из сердца африканских пустынь проникнуться опасностями, подстерегающими пловцов на быстрой реке с коварными омутами и голодными крокодилами...

Сварог уютнее утвердил ноги на столе, поправил на коленях виолон и принялся бренчать:

*Над землей бушуют травы,
облака плывут, кудрявы,
и одно, вон то, что справа –
это я.
Это я...
И нам не надо славы,
ничего уже не надо,
мне и тем, плывущим рядом,
нам бы жить – и вся награда.
Да нельзя...*

Мара уже прекрасно усвоила, что эта песня в его устах означает крайний предел дурного настроения и откровенной хандры.

– Ты еще «Пляску смерти» виртуозно изобрази, – фыркнула боевая подруга, золотая дикая кошка на синем фоне.

Сварог, как ни в чем не бывало, ухом не поведя, заиграл «Пляску смерти»:

*Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход.
Гроб на лафет! Пушка медленно ползет...
Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костьми.
Гроб на лафет! И барабан – греми...*

В него полетел его собственный бадагар, чувствительно угодивший по уху, но карательных мер он предпринять не успел. Раздался короткий вежливый стук в дверь, и вошел брат Тивадар, косая сажень, мужик могучий и совсем бы симпатичный, если бы не жуткий синий шрам во всю правую половину лица, больше всего напоминавший отпечаток когтистой трехпалой лапы. Сварог виновато убрал ноги со стола, второпях свалив блюдце со сливами, кинулся подбирать узорчатые осколки, от смущения громыхая на всю комнату.

Словно не заметив, великан-монах уселся за стол, налил себе полстакана розового вина, медленно выпил и кивнул:

– Все готово. Завтра, с рассветом... Не прогуляться ли нам в аллеях, граф Гэйр?

Сварог охотно вскочил, подхватил шляпу – привык уже, как и следует дворянину, выходить под открытое небо непременно с покрытой головой.

– А я? – вскочила Мара.

– Лауретта, есть разговоры, касающиеся лишь двоих...

Мара разочарованно уселась – поняла уже, что с братом Тивадаром не поспоришь.

Неизвестно, что за гости посещали замок раньше. Но сейчас он прямо-таки лучился самым неприкрытым и непринужденным весельем. Одна из дверей в конце коридора оказалась приоткрытой, оттуда доносились переливчатые переборы Леверлинова виолонна, сделанного на особый заказ в одной из лучших

мастерских, и голос Делии, певшей с откровенно хмельной задушевностью:

*В тяжелой мантии торжественных обрядов,
неумолимая, меня не встретить.
На площади, под тысячами взглядов,
хочу я умереть.
Чтобы лился на волосы и в губы
полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
и гарцевал мой конь...*

На первом этаже из-за толстой, надежно притворенной двери доносился тем не менее громоподобный хохот Шедариса, притопы и прихлопы под звон струн расстроенного дагараса[77], звяк кубков и уханье – там отдыхали от трудов праведных остальные четверо. Сварог сконфуженно покосился на спутника снизу вверх:

– Мои орлы не особенно вольничают?

Брат Тивадар усмехнулся здоровой стороной лица:

– Лишь бы они смогли завтра держать оружие...

– Смогут, – сказал Сварог. – Этого у них не отнять.

– Вот и прекрасно. Грешно не вино и не тот, кто его пьет. Вы не в обители виргинатов, граф...

Они спустились с невысокого крыльца, украшенного каменными мифологическими зверями, пошли меж двумя рядами высоченных и густых черных кедров. Вверху зашуршало, сердито цокнула белка. Уардах в двухстах, на невысоком округлом холме, на фоне потемневшего вечернего неба четко рисовалась высокая круглая башня, и маленькое окно под самыми зубцами было озарено изнутри чуть колыхающимся пламенем свечи.

– Там и вчера всю ночь горела свеча... – сказал Сварог рассеянно.

– Разумеется. Там читают «Неостановимое поучение смиренного». Свод молитв, отгоняющих нечистую силу. Некий брат, чье имя забыто, составил ее в незапамятные времена...

– Давно читают?

– Не особенно. Последние четыре с половиной тысячи лет. Конечно, башню много раз чинили и перестраивали, а люди смертны, но чтение не прерывалось ни на минуту. Такова церковь, лорд Сварог...

– И это останавливает...

– Останавливает вера, – сказал брат Тивадар. – Это заклинание сплошь и рядом остается механизмом, послушно действующим в любых руках, а с молитвой обстоит несколько иначе... Успокойтесь, я не собираюсь вести с вами богословские беседы – ваше время еще не пришло. Человек сам должен почувствовать, когда для него настала пора идти в храм, – со своей печалью или стремлением к истине... Поговорим о конкретных делах. Все готово, как я уже сказал, мы можем отправиться на рассвете.

– Это очень опасно?

– Для подавляющего большинства людей. И совершенно безопасно для вас. Но это еще не означает, что вам следует вести себя беспечно, словно посетителю зверинца. Там не одни только Глаза Сатаны. Порой появляется нечто иное, отношения к нечистой силе не имеющее, но смертельно опасное. Я проникал туда одиннадцать раз. Есть братья, совершившие по три десятка вылазок. Хва-

тает и не вернувшихся, и гибнут не обязательно новички. – Он поднял руку к лицу, так и не коснувшись, однако, шрама, словно шрам болел до сих пор. – Приходится еще останавливать лихих рыцарей, стремящихся туда из одного шального желания совершить подвиг. Кое-кого мы отговариваем, но далеко не всех. Иных потом удается и спасти...

– Значит, вы – что-то вроде заставы?

– Не только. Там до сих пор живут люди.

– В дельте Сентеры?

– Те – в относительной безопасности. Есть другие. В самом сердце трех королевств. Им удалось отгородиться серебром...

– Значит, это не сказка?

– Конечно, нет. К сегодняшнему дню нам известны одиннадцать таких островков. Кто-то обезопасился серебром, рассыпанным вокруг фермы, кого-то спасла близлежащая церковь. За последние сто лет многих удалось вывести оттуда. Но есть и люди, категорически отказавшиеся уйти. В одних местах это монахи, в других – упрямые фригольдеры с семейством, упорно не желающие оставлять землю предков. Есть еще два крайне заносчивых дворянина, укрепившиеся в манорах. При всем несходстве этих людей и разных взглядах на Единого – там есть и приверженцы Симаргла, и Хорса – всех объединяет одно: они свято верят, что еще при их жизни нечисть сгинет. Что ж, отрицание Зла порой становится первым шагом к Добру... – Он долго молчал, бесшумно шагая, мимоходом касаясь широкой ладонью разлапистых кедровых веток. – Лорд Сварог, вы, должно быть, понимаете, что я не стал бы уводить вас в уединенное место ради вышесказанного? Все это преспокойно можно было поведать у стола, за бутылкой вина, в компании вашей юной спутницы. Но у меня есть еще одна миссия...

– Валите с места, – сказал Сварог.

– Речь пойдет о Сером Рыцаре. То есть о вас. Ибо сейчас ваше тождество с Серым Рыцарем ни у кого уже не вызывает сомнений, ни у нас, ни у нашего противника. Таверо – не единственный, писавший о вас. Есть еще книга святого Круахана. Заглавия она не имеет, но среди богословов давно повелось именовать ее «Слово о четырех воплощениях Сатаны». «Во времена, когда еще не было Времени», как любят выражаться старинные авторы, князь Тьмы создал четыре своих воплощения: для стихий Огня, Воды, Воздуха и Земли. В этих воплощениях, в каждом из них – частичка его личности и сути. Грубо говоря, воплощения эти – нечто вроде якорей, удерживающих его в этом мире, позволяющих посещать наш мир, когда заблагорассудится, передвигаться по нему относительно свободно. Когда четыре Черных Воплощения будут уничтожены – если они будут уничтожены, – Князю Тьмы станет заказан путь в иные обжитые им места, и многие дороги окажутся для него запретными, а могущество – подорванным. Воплощение Воды – Великий Кракен. Воплощение Огня – дракон Брелганд. Воплощение Земли – исполинская змея Митгард. Воплощение Воздуха неизвестно до сих пор. Великий Кракен спит где-то в пучине, и местоположение его, как и змеи Митгард, остается тайной. Дракон Брелганд около двух тысяч лет назад был сражен братом-рыцарем.

– Но не хотите же вы сказать... – начал Сварог, ощущая нехороший холодок под сердцем.

– Святой Круахан считал, что именно Серому Рыцарю суждено сразить три

оставшихся Черных Воплощения. Во всем остальном он ни разу не ошибся... Нет, не думайте, что это предсказания, что они на что-то обрекают вас. Речь скорее идет о том, что именно вы можете это сделать – а никто другой не сможет... Вы вправе и отказаться от столь опасного и нечеловечески трудного предприятия. Господь избирает, но не принуждает своего избранника пройти путь до конца. Всегда остается свобода воли и свобода выбора. Даже ваш отец, человек целеустремленный и непреклонный, однажды дрогнул, терзаемый сомнениями... Простите. Возможно, жестоко было с моей стороны взваливать на вас такую ношу перед завтрашним... Но иногда следует сказать все сразу. Как бросаются в холодную воду... или в бой.

Какое-то время они шагали молча, незаметно для себя повернув в обратный путь, к замку.

– Подождите, – сказал Сварог и остановился первым. – Я не говорю, что готов... и не отказываюсь. Это слишком грандиозно, вы понимаете? Я дерьмо, если смотреть широко. Я паршивый офицер из засранного гарнизона. Мне до сих пор кажется порой, что непременно проснусь... Вы уверены, что не ошибаетесь? И моя спина все это выдержит?

– А разве до сих пор вы смиренно сидели в золотом углу, пресыщаясь радостями жизни?

– Меня просто вовлекало во все эти дела, как в водоворот.

– Неудачная ассоциация. Водоворот увлекает щепки. Мусор.

– И еще – случайного пловца.

– Борьба добра со злом – не мертвая, нерассуждающая вода. Лорд Сварог, вы искренне полагаете, что до сих пор занимались смешными мелочами? Поймите, от вас не требуют, чтобы вы немедленно вдели ногу в стремя и поскакали во весь опор, потрясая копьём. Просто-напросто вы знаете теперь, что сможете это сделать. Никто больше не сможет, а вы сможете. Древние строки не сулят вам ни легкой жизни, ни счастья, что, впрочем, не означает, будто вас будут постоянно преследовать неудачи и потери... Вы знаете теперь, в чем ваша судьба. И как вы этим знанием распорядитесь – ваше право. В конце концов, вы видели достаточно зла – и с маленькой буквы, и с заглавной.

– Видел, – сказал Сварог. – Вот только добра я что-то видел гораздо меньше. Я не говорю, что его вовсе не существует, но маловато я его видел, откровенно-то говоря...

Ему показалось, что монах улыбнулся во мраке:

– Лорд Сварог, у вас никогда не возникало ощущения, что вы невероятно молоды?

– Здесь у меня такое чувство не единожды возникало, – признался Сварог.

– Ничего удивительного. Вы склонны к максимализму и торопливым обобщениям, как любой юнец, потому что прожили здесь всего два месяца. В определенном смысле это и есть юность. Я не из тех, кто схоластически прячется за цитаты, но есть замечательное высказывание Катберта-Молота: «Тому, кто не свершает добрых дел, глупо сокрушаться об упадке добра». Все в наших руках... Простите, мне пора, – указал он на башню. – Скоро мой черед.

Они распрощались, и Сварог направился к замку, пребывая в полнейшем смятении чувств. Как-то незаметно он свыкся с мыслью, что жизнь ему здесь суждена запутанная и бурная, но не ожидал *такого*...

В обширной прихожей он постоял у старинных доспехов неведомого рыца-

ря, бережно, без единого пятнышка ржавчины сохранявшихся в углу, на дубовой подставке. Это не бутафория, а настоящий доспех, когда-то побывавший в жарком деле – так и сям видны недвусмысленные вмятины.

Не без зависти послушал, как безмятежно и лихо веселятся загулявшие соратники. Дагарас тренькал не в лад, но тетка Чари выводила со всей возможной аффектацией:

*А якорь счастья не приносит:
он одинок, его бросают одного;
причалият к суше,
уйдут – и бросят,
а если в море ураган,
уж обязательно бросят его...*

Два хмельных баса вкупе с хмельным тенором старательно орали припев:

*По всей руке – татуировка:
русалка, шхуна, якорь, сердце и подковка.
Драчливый кортик,
бульдог-фиордик...
Зачем ты, юнга, себе ручонки портишь?*

Сварог помнил эту песню по «Божьему любимчику». Он едва не зашел туда отвести душу за чаркой, но вспомнил, что Маре обещали принести микроскоп, и направился наверх.

И встретил Делию. Вот теперь она выглядела настоящей принцессой – открытое короткое платье из тончайшего палевого бархата, украшенное желтыми кружевами, золотистыми лентами, великолепные волосы уложены крупными локонами, в золотых прядях сверкает огромными изумрудами древняя диадема из сокровищницы Вентордерана, подаренная ей Сварогом. Принцесса, чье предназначение в жизни – чаровать, пленять и похищать сердца. Правда, прическа слегка растрепалась, а на открытом плече наливаются розовым след долгого поцелуя, но это лишь прибавляет прелести.

– Граф, отчего вы так серьезны? – Она послала ему лукавый, чуть хмельной взгляд и хотела пройти мимо.

– Потому что думаю о серьезных вещах, – сказал Сварог, довольно невежливо стоя у нее на дороге. Что ж, не встретиться она сейчас, пришлось бы отложить до другого раза, но коли уж так удачно вышло...

– Думаете о завтрашнем дне?

– Не только. Пытаюсь понять, что вы от меня скрываете.

– Я?! Великие небеса, с чего вы решили? – Она нетерпеливо притопнула туфелькой. – Конечно, вы теперь король, но я же дама. Согласно этикету я не могу обходить вас, как столб, вы должны уступить дорогу. Достойно ли это короля – задерживать даму, спешащую к любовнику?

– Бросьте, – сказал Сварог. – Вы не так уж пьяны и ветрены, как пытаетесь представить... Вы насторожились, я же чувствую...

– Допустим. И что же я, по-вашему, от вас скрываю?

– Я и сам плохо представляю, – сказал Сварог, почувствовав себя довольно глупо. – Знаете, я никудышный маг, да что там, я и не маг вовсе... Но кое-что я все же умею, вдобавок в последнее время стал чутким к умолчаниям и логическим прорехам, должно быть, образ жизни, роль загнанного зверя сказывают-

ся. Вокруг вас что-то многовато странностей и темных мест. Почему вы, скрываясь в том домике, даже не пытались снестись ни с отцом, ни с друзьями, хотя они у вас есть? Как вышло, что вы видите в темноте не хуже меня? Почему я порой не могу определить с помощью магии, когда вы говорите правду, а когда лжете? Как вам удалось сбить тот вертолет в Хелльстаде? Откуда у вас вдруг взялся пистолет? Когда мы вас нашли, у вас его не было, такого пистолета не было ни у одного из моих людей, мы его не захватывали в стычке, Сезар ничего из оружия не дарил. А после схватки с вертолетами, когда можно было все не спеша обдумать, у меня осталось стойкое убеждение, что вокруг вас, когда вы этот пистолет выхватили, явственно стало холоднее... Что за магией вы владеете? Владеете, не спорьте... Все по отдельности выглядит безобидно, но вместе взятое заставляет ломать голову...

– Над чем? – спросила Делия. – Ну, над чем? Надеюсь, вы не подозреваете меня в служении темным силам? Или в том, что мое бегство из дворца было инсценировкой? Нет? И на том спасибо. В чем же вы хотите меня уличить, что услышать?

– Кто такие Керуани?

– Откуда мне знать?

– Врете, – сказал Сварог убежденно. – Керуани, возможно, больше и не существуют, но что-то схожее осталось. Я чувствую, что тайные общества не сводятся к одной лишь «Черной благодати», что вокруг идут какие-то потаенные игры...

– Вы великолепны, граф. – Делия подошла вплотную и коснулась губами его щеки. Ростом она почти не уступала Сварогу, и на цыпочки ей становиться не пришлось. – Жаль, что мы не были знакомы раньше, кто знает, как все повернулось бы... Вы отважны и умны, и ум у вас острый... Конечно, я бесконечно благодарна вам, вы спасли мне жизнь... Но скажите честно, для чего вам чужие тайны? Ради того, чтобы испытать удовольствие от решения загадки? И только? Коли уж вы поняли, что существуют некие секреты, должны бы сделать следующий шаг: понять, что речь идет о крайне серьезных вещах. Секреты, которые не раскрывают даже в благодарность за спасение жизни, потому что они не являются чьей-то единоличной собственностью... Вам никогда не приходило в голову, что в иных делах вам все еще не доверяют до конца? Не оттого, что питают недоверие к вам лично, а потому, что вы – частица недалекой мощи, диктующей всем остальным свою примитивную волю? Недалекой в обоих смыслах – и близкой, и глуповатой... Вы – лучшая частичка. И все же не принадлежите всецело этому миру...

– Простите, – сказал Сварог, уставясь в пол. – Совершенно не следовало затевать этого разговора. Нужно было подумать сначала, и крепко...

– Не думайте, что я настроена к вам враждебно хоть в малейшей степени, – Делия положила ему руку на грудь. – Как-никак я уже доверила вам свою жизнь. И доверю вновь, если придется. И буду драться бок о бок с вами, когда понадобится. Но сейчас вы требуете того, чем я одна распоряжаться не вправе. И Леверлин тоже. Хотите достаточно веский аргумент? Вы слишком неопытны в нашем мире, очень уж недолго здесь пробыли...

– Откуда вы знаете?

– На облаках прочла, – улыбнулась Делия.

– То самое, присущее Керуани умение?

– Ой... Просто пословица. Видите, вы даже простых пословиц не знаете. Не сердитесь. Когда-нибудь мы с вами обязательно поговорим о многих увлекательных, страшных и загадочных вещах. Мое слово. Не сердитесь?

Сварог молча поцеловал ей руку, стоял и смотрел, как она уходит по коридору грациозной летящей походкой. Печально вздохнул и отправился к себе.

Мара сидела за микроскопом, левой рукой пинцетом придерживая на предметном стекле нечто неразличимое, крохотное. Время от времени отрывалась, быстро писала несколько строк и вновь принималась к окуляру. Сварог тихонько сел в углу и принялся наблюдать.

– Сейчас, немного осталось, – сказала Мара, не отвлекаясь и не оборачиваясь. – Увлекательное чтение, весьма. Наши крохотные друзья достигли высот дипломатии, изощряются и виляют... Переполох, когда мы вернемся, будет нешуточный. Подданные твои, скажу я тебе, народец своеобразный...

– Почему мои?

– Ну, не мои же. Кто из нас король Хелльстада? – Она размашисто черкнула еще несколько строк, встала и блаженно потянулась. – Все. Прочитай и оцени по достоинству.

«Ваше Императорское Величество!

К вам обращаются люди, с традиционно-юридической точки зрения, вполне вероятно, и не являющиеся вашими подданными, но безусловно признающие ваш титул, престол и сюзеренитет. Пребывая в вынужденном затворничестве около пяти тысяч лет, мы в последнее время благодаря достижениям нашей науки и техники получили возможность навещать большой мир и получать довольно точную и подробную информацию о его делах, в том числе и о начале вашего правления – каковое, мы надеемся, будет долгим и славным. К сожалению, по ряду серьезных причин короли Токеранга (как именуется наша страна) были лишены возможности засвидетельствовать вам свое почтение. К числу таковых причин следует отнести и отсутствие на территории Хелльстада, под поверхностью коего располагается Токеранг, имперского наместника, равно как и любых других чиновников вашей администрации.

Дабы не осталось недомолвок, должны предупредить сразу: это письмо – плод размышлений группы довольно высокопоставленных лиц, занимающих ключевые или близкие к ключевым посты в вооруженных силах, полиции и гражданских учреждениях. Группа эта не представляет ни короля, ни правительство, не знающих о ее существовании. Возможно, вы посчитаете нас простыми заговорщиками. Чтобы снять с себя столь неприглядный ярлык, спешим объяснить причины, побудившие нас выбрать именно такой образ действий. Во-первых, правящий ныне король не является вашим вассалом – следовательно, и мы, совершая противоречащие законам Токеранга действия, тем не менее не предстаем нарушителями имперских законов. Во-вторых, как ни печально это сообщать, но король и его брат-наследник преисполнены самой откровенной и прискорбной гордыни и спеси, публично заявляя, будто не видят причин и поводов становиться вашими вассалами, оправдывая свою дерзость тем, что за последние тысячелетия еще не имели случая убедиться в способности вашей администрации осуществлять должный контроль над нашими землями (равно и землями, под которыми мы находимся). Обладание ракетно-ядерным и иным, не менее эффективным оружием, увы, позволяет королю и далее упорствовать в своих заблуждениях.

Мы, группа прогрессивно мыслящих руководителей, полагаем, однако, что следовало бы радикально покончить с таким положением дел, таящим в себе зерно возможных конфликтов и недоразумений. Ведущиеся в настоящее время научно-исследовательские работы по возвращению нам (и всему созданному нашими руками) нормальных масштабов, повторяющих масштабы большого мира, внушают опасения, что успешное их завершение еще более распалит гордыню нашего короля и приведет к непредсказуемым последствиям. (Заметим сразу, что мы, как и вы, потомки прежних обитателей Талера, в результате катастрофы, именуемой Штормом, пришедшие в нынешнее состояние сверхкарликов.) Взвесив все, мы взяли на себя смелость предложить вашему величеству свои услуги и сотрудничество ради урегулирования столь сложной и деликатной ситуации. Отстранение от власти короля и высокопоставленных сторонников конфронтации мы могли бы взять на себя, проведя это быстро и бескровно. Со своей стороны, администрация вашего величества могла бы оказать нам помощь в завершении проекта „Нормальный масштаб“, что ускорило бы превращение Токеранга в вассальное королевство Империи Четырех Миров. Разумеется, столь сложные вопросы требуют долгих консультаций и вдумчивого обсуждения. Однако смеем напомнить, что Токеранг по своему научно-техническому развитию неизмеримо превосходит многих ваших вассалов, и потому взаимопонимание можно будет отыскать не в пример легче. В знак того, что данное послание благополучно достигло адресата, просим с наступлением темноты зажигать над воротами резиденций ваших наместников в государствах Харума четырехгранные фонари с двумя синими противостоящими сторонами, одной красной и одной желтой. Узнав, что наша петиция получена, мы найдем способ незамедлительно связаться с вами с более конкретными предложениями.

От имени общества „Друзья Империи“:

Регонт Вистар, Адмирал Трех Львов, начальник штаба подводного флота.

Альконтер Лог Дерез, генерал-гранд, начальник столичного округа Крылатых Мечей (военная полиция).

Даргарт Чендери, коронный министр научно-технического обеспечения Проекта „Нормальный масштаб“.

Клорена, Токеранг.

4896 г. Каменного Неба (3716 г. Х.Э.)

– Действительно, весьма дипломатично составлен, – сказал Сварог. – Эти ребятки не прочь свергнуть своего короля, но торгуются отчаянно – мягко намекают, что увешаны серьезным оружием по самые уши, а в Хелльстаде их ни за что не достать и оттого лучше пойти с ними на мировую – с предоставлением особых привилегий, понятно... Что ж, просидевши неуязвимым пять тысяч лет, можно преисполниться гордыни... – Он взглянул на Мару и ухмыльнулся во весь рот. – А слабое место у них есть, как не быть... Если бы этот их проект «Нормальный масштаб» был близок к успеху, держались бы иначе.

– Наверняка держат в рукаве что-то еще, – сказала Мара. – Они же непременно должны подстраховаться, чтобы их не надули, на том и стоит политика...

– Ракетно-ядерное оружие – сама по себе угроза серьезная.

– Но они же крошки? А ядерная бомба – большая?

Сварог взял из вазы персик:

– Бомбочки такого размера достаточно, чтобы снести половину Равены. Если только у них есть плутоний. Похоже, я прав был насчет субмарин... – Он помрачнел. – Фонари над воротами резиденций наместников. Фонари. Над воротами.

– Ну и что? Сигнал как сигнал.

– Попробуй мысленно представить все резиденции и определить, видно ли их с Итела, – сказал Сварог. – Я бывал только в харланской и видел ронерскую. А ты говорила как-то, что знакома со всеми столицами.

– По фильмам, макетам. А в Акобаре и Сноле бывала.

– Вот и думай, – сказал Сварог. – Даю вводную. Ты на подводной лодке, способной поднять перископ высотой не выше локтя. Какую из резиденций наместника ты сможешь увидеть с реки?

И еще раз перечитал подобострастно-нагловатую петицию. Минут через пять Мара пожала плечами:

– Черт, да ни одна резиденция не видна, дома заслоняют... – И вдруг нахмурилась. – Во-от оно что...

– Догадалась? – сказал Сварог. – Или у них есть агенты нормального роста, или они сами устроили наблюдательные пункты. Во всех столицах. Наблюдательные пункты, явки, конспиративные квартиры, резидентуры. А это означает – тайные базы подводных лодок, склады горючего, если лодки не атомные, ремонтные мастерские, переброска персонала. Притом радиосвязью пользоваться нельзя, засекут немедленно. И ведь они не могут не понимать, что мы натолкнемся на эту мысль, об укрытиях. Значит, спрятались надежно. Представляешь размах? Нет, без помощи обычных людей такой паутины не создашь, а я по всегдашней привычке готовиться к худшему склонен допускать, что есть и паутина, и бомбы... Готовь дырочку для ордена, прелесть моя синеглазая. Представляешь, что мы открыли? – и тут же поскуцнел: – Но чтобы обезопасить их, придется поработать...

– Глупости, – отмахнулась Мара, во всем блеске юной самонадеянности. – Все равно они – лилипутики, хоть и вооруженные до зубов. За нами, мой повелитель, – Империя. Не видел ты бортового залпа крейсера... Мы их наловим, посадим на стол, и будут маршировать перед игрушечным замком, как миленькие. – Она деланно зевнула, лукаво косясь на него, стянула камзол, заложила руки за голову и медленно потянулась, повернувшись к Сварогу в профиль. – Словом, я пошла в ванную. Монахи не обидятся, если мы здесь немного напракажем...

И направилась в ванную, сбрасывая по дороге одежду. Сварог смотрел ей вслед чуточку отрешенно. Он тоже верил в мощь Империи, но крохотные воинственные создания могли причинить неизмеримо больше вреда, чем полугала девчонка. Для Мары земля виделась не более чем полигоном, населенным объектами, которых следовало, смотря по вводной, то охранять, то убивать, то игнорировать, если они вели себя мирно, но Сварог, так уж выпало, провел на земле гораздо больше времени, чем за облаками, у него здесь хватало друзей, и поневоле ловишь себя на непреклонном желании защищать эту землю...

Примитивное искусство победы

... Если кто-то станет уверять вас, будто путешествие на ковре-самолете – приятная и романтическая прогулка, значит, сам он никогда на этой штуке не летел, и вы можете со спокойной совестью послать его подальше, как препустого теоретика.

Ковер жесткий, как доска. Сидеть на нем неудобно – особенно если хочешь смотреть вниз. Приходится, скорчившись в нелепой позе и вцепившись одной рукой в широкую петлю, пришитую неподалеку от края, вытягивать шею. Стоит увеличить скорость – и тугой ветер бьет в лицо, хоть ты и нахлобучил поглубже шлем, а нижнюю часть лица замотал шарфом, глаза все равно слезятся, потому что нет в обиходе заклинаний, способных усмирить встречный ветер. Ведь ветра этого не существует как естественного перемещения воздушных масс, он возникает лишь при быстром движении, и магической управы на него нет. И сам ковер выглядит довольно уныло, ветхий, потертый, кое-где под ногами зияют прорехи размером с ладонь, узоры едва различимы, торчат оборванные нити.

Брат Тивадар, заметив, должно быть, его разочарованные взгляды, пожал плечами:

– Чем богаты... Все давно забыли, как их делать, да и запрещено. Когда они вконец обветшают, новых уже не раздобудешь.

Они с Делией и Марой сидели на ковре-флагмане. Следом, далеко рассыпавшись цепью, шли еще три с остальными сподвижниками Сварога и тремя монахами. Различить сподвижников и монахов было легко – первые целиком упрятаны в серебряные кольчуги из мельчайших колечек, а вторые – в своих повседневных коричневых рясах (правда, подшитых кусками серебряной сетки так, чтобы не стесняли движений) и серебряных шлемах. Один Сварог щеголял лишь в кирасе и рокантоне, самых обычных, – и это его чуть смущало, словно он выпендривался. Но что поделать, если обитателям здешних мест он не по зубам?

Они летели невысоко, уардах на ста. Глаза Сатаны вовсе не кишели кишмя, как поначалу думалось Сварогу, – плавали над землей в одиночку и кучками на приличном расстоянии друг от друга, их насчитывались тысячи, но уж никак не мириады. Правда, чем дальше диковинная эскадрилья углублялась в покинутые человеком земли, тем больше шаров, обратив к ним немигающие глаза, сопровождали неотступно, сбиваясь в табун.

– Пока что – никакой опасности, – сказал брат Тивадар. – Они нас давно знают, учены... Но у Ворот может начаться драка. В последнее время тут появились твари, ничуть не страшась серебра. Их мало, но мирно с ними не разойдешься...

– Вроде этого? – Делия спокойно показала влево. Оттуда, медленно взмахивая черными крыльями, налетало чудище – крылья странных очертаний, вроде лезвий лабриса, круглая морда с тремя желтыми глазами и впечатляющим набором клыков, две длинные когтистые лапы, берущие начало меж шеей и кромкой крыльев, сжимают что-то длинное, бугристое, черное...

– Оно, – сказал брат Тивадар. – Опустите забрала, – и первым опустил на лицо серебряную маску с узкими прорезями для глаз. – Сейчас оно выстрелит и сбежит...

Вз-з-зиууу! Ливень черных шариков обрушился на людей, шарики рикоше-

тили и от Сварога, и от серебряных доспехов. Отшвырнув свою пушку, чудище в изящном развороте спикировало на ковер, выставив перед собой когтистые лапы.

И смялось, словно газетный лист под ударом вихря, черным комом провалилось вниз. Мара опустила разряженный арбалет, обернулась к ним, подняла забрало:

– Вы вроде бы говорили, святой брат, что оно выстрелит и удерет?

– До сих пор они именно так и поступали... Неужели чуют что-то? Осмотрите ковер! Тщательно!

Совсем рядом с сапогом Сварога набухал черный клубок, выпуская во все стороны тонюсенькие черные щупальца, намертво вцепившиеся в ковер, змеившиеся, испускавшие густой дым... Сварог растерянно уставился на него, не зная, что следует предпринять. Оттолкнув его, брат Тивадар молниеносно очертил вокруг шара круг кинжалом, звонко распарывая ветхий ковер, – и шар улетел вниз, оставив в ковре дыру, куда можно просунуть и голову, если только возникнет такое дурацкое желание. В дыре виднелись скользившие над землей Глаза Сатаны.

– Вот так, случилось, мы и теряли людей, – сказал брат Тивадар.

– Это, стало быть, не животное? – спросил Сварог. – Вполне осмысленно стреляло?

– Да какая разница? – Глаза монаха были холодными и яростными. – Чем больше разума у создания, служащего злу, тем быстрее его следует убить...

Он вынул из кошелья на поясе горсточку крохотных серебряных стрел и прямо сквозь проделанную шаром дыру сыпанул их вниз. Сварог дважды видел, как гибнут Глаза Сатаны, и сейчас произошло то же самое – столбы густого черного дыма, пронизанные ядовито-зелеными вспышками, многоголосый отвратительный вой... Оставшиеся, разомкнув строй, по-прежнему сопровождали ковер.

– Раньше они всегда убегали после такого, – сказал монах. – Нет, действительно чуют. Готовьтесь к доброму бою, сердце подсказывает...

Далеко впереди, справа, полыхнула ослепительная зарница, окрасив полнеба чистейшим изумрудным свечением. Миг спустя в том же месте разлилось алое свечение, быстро принявшее форму правильного исполинского круга, – лишь нижний его краешек был срезан мглистым горизонтом с зубчатой полосочкой леса. Круг вновь позеленел, подернулся беспорядочной паутиной алых ветвистых зигзагов. Сварог обернулся к брату Тивадару, но монах и сам смотрел туда в крайнем изумлении. Вспышки зеленого и алого накладывались друг на друга, словно в рехнувшемся калейдоскопе, так что глаза едва ли не перестали различать цвета этой беззвучной какофонии. Что бы это ни было, оно не перемещалось, полыхая исполинскими вспышками, к которым прибавились и фиолетовые, столь же яркие, спектрально-чистые, а там и паутина стала черной...

Загадочное диво осталось позади, ковры вновь летели в пустом небе, сопровождаемые растущей сворой Глаз Сатаны.

Драккары появились сзади, пересекая их курс наискосок. Сгоряча Сварог принял их за очередных обитателей чертова логова, но тут же опознал боевые машины Серебряной Бригады, напоминавшие изящные, острые наконечники копий. Три драккара пронесли мимо, как пули, сбросили скорость и верну-

лись на коротком развороте, медленно прошли слева. Передний выглядел жутко – будто огромная могучая кувалда с размаху врезала в борт, оставив глубокую впадину на половину длины машины, окруженную лучиками разломов и трещин. Но драккар уверенно держался в воздухе впереди ведомых, и за прогнувшимся внутрь боковым стеклом Сварог различил взмах руки, способный сойти и за приветствие, чью-то оскалившуюся в застывшей улыбке незнакомую физиономию. Описав круг вокруг них, драккары рванули вперед тем же курсом и моментально исчезли из виду.

– Не спрашивайте, – сказал Сварог торопливо. – Сам ничего не пойму.

– Здесь нет силы, способной нанести такие повреждения...

– Значит, теперь есть, – выговорил Сварог сквозь зубы.

Ковер плавно пошел вниз по отлогой кривой. Монах, вцепившись одной рукой в петлю, свободной опустил маску. «Начинается», – подумал Сварог, вытаскивая из-за пояса Доран-ан-Тег.

И увидел Чащобу.

Одинокие деревья, словно выскочившие вперед из боевых порядков нетерпеливые застрельщики-егеря, росли на равнине там и сям – кучки зеленых, коленчатых, серпообразных стеблей высотой с колокольню, скользких на вид. И толстые, покрытые фиолетово-синей чешуей загогулины, торчащие из земли, словно вставшие на хвост жирные кобры – эти уступали ростом человеку. Бурые чаши размером с ведро, на нескольких коротеньких стебельках, усыпанные по кромке мутно-белесыми пульсирующими бусинками, желтоватые волокнистые мотки спутанных волокон – повыше стога сена. И еще какие-то окрашенные в унылые оттенки серого и темно-синего полосы, осьминожьими щупальцами расходящиеся от рыхлых на вид бурых клубней. Черные кусты – сплошное переплетение шипов, прямых и изогнутых.

А впереди вздымалась сплошная стена, где все это сливалось воедино, переплетение невысказанных лиан, корявых веток, уродливых цветов, колючек, мешанина блеклых красок, гротескных изгибов – джунгли, настолько чуждые и отвратительные, что тошнота подступала к горлу.

– Где вимана? – спросил Сварог.

– Там, – брат Тивадар показал в чащу. – Рядом с Воротами. Это от Ворот все распространяется...

Мара показала в сторону – там, разметавшись и оскалась, лежала черная трехглазая тварь. И еще одна, и еще. Множество. Когти сжаты в последней судороге, крылья зияют прорехами, земля заляпана зелеными густыми потеками. Шагнув вперед, Сварог носком сапога отбросил крыло и увидел изящную серебряную стрелу, до половины ушедшую в землю. Похоже, Серебряная Бригада все-таки внесла свой скромный вклад – хотя этот вариант ни на каких советах не проигрывался...

Он оглядел свое воинство – неузнаваемые под серебряными масками, напряженно застывшие фигуры в серебряных кольчугах и коричневых рясах. Только Мару можно опознать по росту да Делию – по выбившимся из-под шлема золотым прядям. Пожалуй, вот тот, на голову выше остальных, – это Бони, сменивший пулемет на сверкающую секиру. Итак, дошли все же. И никаких сложностей впереди, никаких интриг, возни разведок и тягостных ночей. И нет ни знаменосцев, ни трубачей.

Вокруг, на значительном расстоянии, уже сомкнулось кольцо – сотни глаз

установились с холодным бешенством, что-то потрескивает с противным электрическим шипением, сыплются фиолетовые искры, но все это – вдали, последние потуги, бесплодные попытки остановить...

Вой и шипенье раздались в чащобе. И тогда Сварог пошел вперед, как кабан сквозь камыши, прорубая дорогу, стараясь не поддаваться азарту, размеренно махая топором. Не в первый уж раз казалось, что Доран-ан-Тег, подобно живому существу, сам по себе наносит удары расчетливо и скупно, став легким, подвижным, живым. Спутанные клубки отсеченных веток рушились на голову, брызгая соком, Сварог уклонялся, отталкивая плечами и локтями эту дрянь, орошавшую вонючей липкой жидкостью. Выдирал ноги из гибких петель, стелющихся над землей, рокантон давно слетел, в волосах застряло что-то колючее и склизкое, рушились зеленые стволы, застревая в путанице лиан, косо повисая. То и дело навстречу выныривали оскаленные рожи, цепкие лапы тянулись к горлу, хватали за руки, он уклонялся, не различая облика нападавших, наносил удары без размаха, рыча:

– Всем вместе! Не разбредаться!

Сосредоточился на одном – ударить первым, снести преграду, не зацепить своих. Успевал порой бросить взгляд вокруг – все живы вроде бы, все на ногах, валят вперед сомкнутой кучкой, слышится резкое хаканье – это удар попадает в цель – звенит, сталкиваясь ненароком, сталь, из глоток рвутся ругательства, короткие, чтобы хватило дыхания матюгнуться на одном выдохе. Сварог ухитрялся еще прикрывать Делию, насколько удавалось, – а с другой стороны шел брат Тивадар с двуручным мечом.

Они продвигались медленно, потеряв всякое ощущение времени, не стало ни мыслей, ни чувств – одно первобытное упорство и тщательно отмеренная ярость. Шли вперед посреди воя, оханья, визга, фонтанов мутно-скользкого древесного сока, зеленой крови, чужого ужаса и злобы – будто века минули и нет другого мира, нет ничего, одна омерзительная сеча, взлетающие что ни миг мечи и топоры, сносившие живое и неживое...

Тупо уставясь на возникшее среди лиан невиданное явление, Сварог с рычаньем прыгнул вперед, опомнился не без труда, вновь стал человеком, вернувшись от начала времен, где рвало друг друга зверье, – но в голове еще долго плескались сладкие волны хмельного остервенения.

Он едва не напал с топором на виману. Она возвышалась перед ним – огромная, трехэтажная, зеркально-черная, напоминавшая безликие коробки Магистериума. Нечто вроде сине-багрового плюща оплетало стены, свешивалось прядями с плоской крыши, полузакрыв квадратные окна, высокую дверь над тремя полукруглыми ступенями – и дверь была чуть приоткрыта. Шагая к ней деревянной походкой робота, Сварог пытался пробудить в себе хотя бы тень торжества, но понимал, что не сможет. Дорога к заветной цели отнимает все чувства и переживания – на то она и дорога.

Дверь распахнулась легко. Внутри чужая растительность отчего-то не проникла, все здесь было чистым, блестящим и раздражающе ярким, как сто двадцать лет назад: синий ковер под ногами, мозаичные стены теплых, желто-оранжевых тонов, золотистые мягкие кресла.

В одном сидел скелет, откинувшись на косую спинку, вытянув руки вдоль широких пушистых подлокотников. Сварог подошел поближе, немилосердно пачкая ковер вонючими следами. Скелет без малейших повреждений, раски-

нувшийся в спокойной позе решившего вздремнуть человека. Ни одна косточка не сдвинута.

Брат Тивадар аккуратно притворил за собой дверь, и этот будничный жест, легкий стук, казалось, разбудили неведомые силы. Скелет дернулся, пытаясь встать. Не рассуждая, не сообразив отшатнуться, Сварог толкнул его обухом топора – кости, будто только и ждавшие этого сигнала, осыпались кучей на кресло и на пол. Никто даже не успел удивиться, предпринять что-то, вскрикнуть. Необычное на этом и закончилось – кости больше не шевелились.

Все уже подняли забрала. Вид у них был самый плачевный – кольчуги зияют прорехами, свисают гроздья вырванных колечек, доспехи заляпаны жуткой мешаниной древесного сока и крови неизвестных созданий. Вот только лица, кое у кого исполосованные кровавыми царапинами, несмотря на всю усталость, выглядят именно так, как надлежит лицам победителей. И это заставило Сварога вспомнить, что последнего удара они пока что не нанесли.

Снаружи, за окнами, он увидел совсем не те джунгли, сквозь которые они только что прорубались добрую тысячу лет. Там багровело чужое небо с пронзительно-колючим, белоснежно-ледяным солнцем, по буро-желтой равнине протянулись длинные черные тени от непонятных громад – то ли утесов, то ли грубо обтесанных статуй, и в небе проплывали бахромчатые черные лоскутья, чересчур осмысленно двигавшиеся для гонимых ветром листьев или туч. Но эти странности его уже не занимали – пора было кончать работу.

Все объяснения он помнил назубок. Не произнеся ни слова, стал подниматься по широкой лестнице из розового камня. Следом молча шли остальные. Черный скелет, лежавший навзничь на втором этаже, дернулся, зашарил руками, ища опоры. Носком сапога Сварог угодил по черепу, и кости, как в прошлый раз, тут же рассыпались, будто лишившись враз невидимых скреп.

На втором этаже задерживаться нет нужды. Третий. Здесь уже нет роскошных покоев, ковров и малахитовых ваз – огромный зал, наполовину занятый непривычного вида пультами, черными, синими и белоснежными, и там нет ни кнопок, ни клавиш. Только странные рычаги, смахивающие то на птичьи лапы, то на цветы, то на плавники. И половодье огней всех цветов радуги – вспыхивающие прямо в воздухе акварельно-прозрачные цифры, символы, знаки, полосы, зигзаги, круги с разноцветными секторами, параболы, гиперболы, спирали, огни, огни, огни... На сей раз даже Сварог не мог разобраться во всей этой причудливой мешанине и определить, что работает исправно, а что разрегулировалось за сто двадцать лет.

Три черных скелета в синих креслах шевельнулись при их появлении, подняли руки, касаясь рычагов, – и пляска огней кое-где изменилась резко, а кое-где осталась прежним монотонным чередованием непонятных фигур и знаков. Сварог с застывшим лицом прошагал мимо, ребром ладони сшибая угольно-черные черепа, к светло-синей стене с черной широкой дверью, снабженной золотисто-овальной нашлапкой кодового замка. Казалось, снаружи нарастает тоскливый нелюдской вой, пронизывающий каждый атом воздуха и стен.

Кода Сварог не знал. Никто у Гаудина его не знал – нельзя было запрашивать Магистерииум, чтобы там не заподозрили неладного, не поняли, что готовится покушение на одну из их любимых игрушек.

Он оглянулся. Мара, не двигаясь с места, растерянно развела руками.

– Потеряла? – рявкнул он сгоряча, спохватился. – Прости...

Отмычки у нее больше не было. Сделанная в виде небольшого браслета электронная отмычка после пребывания в Хелльстаде превратилась в бесполезный кусок бронзы – как и парочка других приборов, бывших при Маре. Заклятья покойного Фаларена, защищавшие его от вторжения любой техники ларов, действовали исправно и после смерти незадачливого короля – а у Сварога не было тогда времени проникать в эти тонкости...

Он нацелился было топором на то место, где предполагались запоры, но передумал вдруг и поманил Паколета.

Беспутный внук благочестивой бабушки, звеня изорванной кольчугой, сосредоточенно и важно положил ладони на замок. Сварог затаил дыхание. Мелодично звякнуло, прозвучала бесстрастно-бесполая, простенькая электронная мелодия из трех нот – и двери машинного зала дрогнули, створки разошлись в стороны, скрылись в стенах.

Ничего особенно уж экзотического внутри не оказалось – лес соединяющих стены и потолок толстых белых колонн, усеянных змейками мигающих огоньков и мерцающих знаков. Иные покрыты бледно-золотистой оплеткой, косой решеткой, иные – пушистой пленочкой инея, а две – прозрачны и внутри колышутся, переливаются тяжелые густо-золотые струи. Пульт, к которому они так долго добирались и так яростно стремились, выглядел и вовсе уж скучно: синий грибок на тонкой синей ножке, украшенный золотым контуром человеческой ладони.

Первым положил туда руку Сварог – из желания увидеть, в какую форму будет облечен отказ. Убийственных в прямом смысле слова сюрпризов он не боялся: во-первых, что бы то ни было, метательное на него не подействует, а во-вторых, что весомее, убежден был, что никакой стреляющей защиты нет.

Нерационально было бы снабжать замок чем-то убийным – кто-то из членов экипажа мог оказаться молодым любителем шуток и сунуть туда руку из чистого озорства, что же, убивать его за это?

Грибок засветился венчиком густо-алых огней, откуда-то сверху рявкнула басовитая сирена – коротко и пренебрежительно, словно плюнула смачным матерным словечком. Сварог отступил, кивнул Делии.

Златовласая принцесса, прекрасная даже в мешковатой серебряной кольчуге, изодранной и испачканной, в сбившемся на сторону шлеме с маской, торчавшей козырьком над глазами, с косой, уже подсохшей царапиной на щеке и спутанными грязными локонами, сделала шаг вперед, не выпуская меча. Сварог осторожно высвободил из ее пальцев черную рифленую рукоять и отбросил клинок, не глядя. Царапая подушечки пальцев, сорвал застежки и стянул с ее руки кольчужную перчатку. Делия протянула руку и, сжав губы, накрыла ладонью золотой контур.

Венчик зеленых огней по кромке грибка. Гриб медленно ушел в пол. Гасли покрывавшие колонны огоньки и знаки, замедлялось кружение золотых струй, они словно бы замерзали, прозрачные колонны становились непроницаемо белыми. Корабль засыпал. Сварог повернулся и зашагал прочь, по-прежнему ничего волнующего не испытывая. Великие предприятия всегда кончаются буднично, как осенний дождь.

В зале уже погасли почти все огни и краски. Спускаясь вниз по лестнице, они видели, что за окнами вместо утрюмых картин неизвестного чужого ми-

ра появились не менее отвратительные, но здешние как-никак джунгли. Диковинная чащоба умирала на глазах – одни ветки истаивают, как уходящий призрак, другие рассыпаются струйками дыма, гибнут, пропадают, стекают крупными каплями мутной слизи, лес растворяется, как злой мираж, как кошмарный сон, и сквозь него проступают дубы и сосны вдаль, синее небо, облака, солнце, два высоченных камня – пресловутые Ворота. И наваждение сгинуло окончательно, не оставив следа.

Встав у двери, Сварог пропустил всех наружу. Достал из мешочка бабки-гусятницы красную ленту, бросил через левое плечо, произнес все нужные слова, пришедшие бог ведает из какого далека. Потому что в уснувших машинах дремала память, готовая к употреблению в любой момент, – память о мире, откуда приходит Зло, и ее никак не стоило отдавать лихим экспериментаторам из Магистериума, способным походя, из неутолимого научного любопытства, подпалить мир. И экспертам Гаудина тоже не следовало этот трофей отдавать. Гаудин безусловно не одобрил бы – ну и черт с ним...

Выскочил под солнце. Все его люди уже что есть духу бежали прочь, угадав его намерение, сообразив, что он замыслил напоследок какое-то безобразия, – и за ними, как верные псы, скользили над самой землей четыре стареньких, продранных и потертых ковра. Сварог не спеша двинулся следом.

Уардах в пятистах остановились. Пламя захватило все три этажа, вырывалось из распахнутой двери, и вимана казалась стеклянной шкатулкой, налитой бурлящей, клокочущей алой водой. Вимана была чудом научной мысли, и при другом раскладе пламя, даже магическое, наверняка погасили бы хитрые устройства – но они уснули вместе с мозгом корабля, и все, что было внутри, сторело во сне. Стены и окна выдержали, конечно.

Лишившись пищи, ярое пламя понемногу затухло, но дым долго еще валил, выбиваясь тугими клубами сквозь единственный отыскавшийся выход.

– Сообразили, черти? – устало спросил Сварог. – Утекли?

Мара ухмыльнулась:

– Ну, когда ты остался, стало ясно, что следует ждать эффектной концовки...

Монахи стояли на коленях посреди жухлой зимней травы, подняв к небу грязные, исцарапанные лица. В приливе блаженной усталости Сварог сказал про себя, сам толком не представляя, к кому обращается: «Видишь? Мы это сделали, и сделали хорошо. На нас все-таки можно полагаться...»

В небе снова возникли три драккара, подлетели на дикой скорости, мгновенно замерли в воздухе, пренебрегая законами инерции и тяготения, плавно опустились на землю. Ближе всех к Сварогу оказался тот, изуродованный. Вблизи он выглядел вовсе уж страшно – весь левый бок в лохмотьях рваной, вздыбленной серебряной обшивки, покрыт глубокими воронками, разрывами, вмятинами.

Справа мягко щелкнула дверца. Вылез офицер и, с небрежным гвардейским изяществом печатая шаг, направился к Сварогу – элегантный, безукоризненный, как теорема Пифагора, лейтенант Серебряной Бригады в черно-сиреневом мундире со множеством серебряных шевронов, нашивок и эмблем, с золотыми лавровыми ветками на лацканах и умопомрачительным кортиком у бедра, в зеркально блистающих белых сапогах. На лице – рассеянность и скука, высший шик «охотников за демонами». Словно и не его машина выдержала страшную схватку.

– Граф Гэйр? – Он небрежно-лихо отдал честь, глядя только на Сварога, не удостоив остальных и мимолетного взгляда. – Маркиз Оклер, командир крыла. Мои поздравления. Надеюсь, вы не в претензии за то, что мы немного распугали здешних пташек?

– Ну что вы, – сказал Сварог. – Где это вас угораздило?

– Пустяки, – гвардейский пижон и бровью не повел. – Небольшая стычка. Прошу в драккар. Вас с нетерпением ждут.

Сварог улыбнулся, глядя ему в глаза. Оглянулся на свою притихшую команду и сказал столь же небрежно:

– Благодарю. Я в состоянии добраться сам. Видите ли, у меня не все дела здесь закончены...

Глава 15 Полуденный огонь

Город походил на пышный праздничный букет, собранный любовно и тщательно.

С балконов и с подоконников свисали гербовые полотнища с золотой бахромой – где новенькие, где ветераны, помнившие не одно торжественное шествие и не один коронный праздник. Сине-черные штандарты и деревянные позолоченные короны красовались в строжайше утвержденных Департаментом Церемоний местах (поскольку дело государственное и любая самостоятельность тут неуместна). Но в память о старинных вольностях гербового города его жителей следовало побаловать и иллюзией сопричастности к принимаемым в верхах решениям. А потому не возбранялось вносить свой вклад в декорум. И от окон протянулись чуть ли не до земли полосы разноцветных тканей, смотря по богатству домохозяев – от дорогущего узорчатого абердарского далматина в невиданных цветах и сложных орнаментах до матово-синего бархата с Катайр Крофинд. Кое-кто по простоте душевной вывесил праздничные скатерти, расшитые и украшенные по кромке шлифованными полудрагоценными камнями. Пестрели гильдейские знамена, даже за гулом толпы слышно было, как в близлежащих храмах трезвонят колокола, звенят гонги и птелосы[78]. Время от времени с Итела долетал тяжелый гром пушек – стоявшие на реке корабли палили бортами, и слева, над крышами, висели клубы дыма.

Крыши были усеяны людьми, как подсолнух – семечками. По старому обычаю, во время таких шествий зевакам разрешалось взбираться даже на памятники, и бронзовый король Арленг, первый Барг, восседал на могучем бронзовом жеребце в компании доброго десятка студентов Ремиденума – самый отчаянный вскарабкался его величеству на плечи и устроился удобнейшим образом, свесив ноги по обе стороны вошедшей в легенды королевской бороды.

Вдоль улиц рядами стояла гвардия, блиставшая ради такого случая не просто парадными мундирами, а мундирами коронного парада, шившимися за свой счет и украшавшимися драгоценными камнями на пределе возможностей каждого гвардионца (а поскольку brave вояки располагались спиной к толпе, среди которой замешалось немало темного народа, промышлявшего делами неправедными даже в столь торжественные дни, иным камешкам суждено было поменять хозяев еще до проезда кортежа).

Виновница торжества возглавляла процессию – в костюме вишневого бархата, в сиянии фамильных самоцветов, в короне и синем геральдическом пла-

ще, расшитом золотыми лилиями. Сварог, ехавший слева и чуть позади, поглядывал на ее гордое, отрешенно-надменное личико и развлечения ради вспоминал совсем другой – то перемазанной углем на мостике «Принцессы», то собиравшей хворост для костра. И мечтал, чтобы все это побыстрее кончилось – знал, что в пурпурной мантии и серебряной короне привлекает внимание не только в качестве бравого сподвижника в одночасье прославившейся на всю планету принцессы. Нравы здесь были бесхитростные, и народ попроще откровенно тыкал в него пальцами, дивясь и перешептываясь с восхищенным ужасом (можно представить, какие ходили слухи и как горячечно работала фантазия). Один раз на узкой Жемчужной, когда ликующие «поселяне и слуги» оказались вплотную к процессии, до Сварога уже долетело из толпы чье-то заполошное оханье: «Горный дух...» – и ответная реплика: «Сам ты, куманек, горный дух, уж прости на грубом слове. И вовсе это Змеиный Король, старики-то знают. И хвост у него змеиный, только под мантией не видно, подобрал, чтоб народ не пугать выше меры...» После чего Сварог явственно слышал фыркание в рядах Странной Компании – но все лица, стоило ему обернуться, оказались серьезными и важными.

Это был единственный раз, когда его орлы поддались легкомыслию. Новоявленные дворяне блаженствовали в лучах славы – вполне заслуженной, черт возьми. Однако самому Сварогу ничего так не хотелось, как оказаться наконец в королевском дворце. Где нипочем не избежать новых торжественных церемоний и обильных наград, которые из дипломатии и согласно правилам хорошего тона придется принимать, но любопытных глаз, по крайней мере, будет в тысячу раз меньше. Он мысленно прикинул: еще и не выехали на Адмиральскую, а ведь по ней придется проехать из конца в конец (лиги три, не меньше) в роли обезьянки шарманщика...

Делия обернулась, позвала его взглядом. Он подъехал, откровенно завидуя невозмутимости принцессы, державшейся столь свободно, словно и не на них глазела вся Равена от мала до велика, словно толпы вокруг и не было.

– Теперь вы, конечно, нас покинете?

– Не сразу, – сказал Сварог. – Кое-кто обещал поговорить со мной откровенно...

– Обещания я держу... Вас ждет там, наверху, что-то вроде отчета?

– Увы, – сказал Сварог. – Придется.

– Но вы же теперь – король. И не простой король. Нет нужды давать кому-то отчет. С Хелльстадом за спиной вы получили независимость, не снившуюся ни одному здешнему монарху... – Она грустно улыбнулась. – И вызовете к себе ненависть, какой не удостаивался ни один земной монарх...

– Догадываюсь, – сказал Сварог. – Это-то меня и тревожит, честно говоря.

– Странно, но со всеми вами мне было безопаснее, чем во дворце... Подвиги кончаются уныло, не правда ли?

– Еще бы, – сказал Сварог. – Потому что не кончаются, подобно сказкам, и жизнь продолжается... Не грустите. Вы – опять вы. А мои орлы, кроме Мары, остаются с вами. Только не торопитесь делать их герцогами и генералами. Они хорошие люди, и мне не хотелось бы, чтобы у них закружилась голова...

– Знаете, у меня тягостно на душе, – сказала она. – Мы ведь привезли в Равену войну.

– Как так?

– Вы до сих пор не поняли? Мало провозгласить три королевства ронерским владением. Нужно еще их удержать. Не рассчитываете же вы, что наши близкие и дальние душевные соседи столь восхитятся славным подвигом, что из рыцарского благородства даже не попытаются урвать себе кусочек столь сладкого пирога? Рудники, порты, пашни, леса... Это война. Тяжелая и долгая. Все против всех. Когда-то давно так было и с Островами, до окончательного их раздела войны шли около восьмидесяти лет, да и потом не сразу успокоилось...

– Верно, – хмуро сказал Сварог. – Я об этой стороне дела совершенно не думал. Казалось, самое главное – дойти... Простите за избитую фразу, но вы всегда можете на меня рассчитывать. Я плохо представляю, что лежит по закромам в моем странном королевстве, но подозреваю, там отыщутся весьма веские аргументы.

– И если вы их пустите в ход, выступая на нашей стороне, восстановите против себя императорский двор... Знаете, каким был бы идеальный выход? Вам следовало провозгласить эти земли своими.

– Но...

– Вот у вас, у короля Хелльстада, их поостерегутся отнимать, – серьезно сказала Делия. – Конечно, мне хотелось бы раздвинуть пределы Ронеро до полных берегов... но на деле, боюсь, получится не новая великая держава, а истощенная войной до предела нынешняя. Право же, я предлагаю не столь уж нелепый выход.

– Вы умница, – сказал Сварог. – Я для вас горы сверну, только позовите. Но принять ваше предложение – означало бы ограбить вас самым примитивным образом.

– Почему же, если я согласна, чтобы меня ограбили? – Она засмеялась. – Думаете, мне не жалко? Не хочется остаться в Хрониках с почетным титулом Делии Собирательницы Земель? Нет, я все обдумала. Мы можем получить долгую, страшную войну, и лучше ее избежать.

– А что скажет ваш отец? Пока что он на троне. Вряд ли он захочет...

– Пожалуй, в нынешней ситуации следует скорее прислушиваться к тому, чего хочу я, – синие глаза потемнели в приливе фамильного, упрямого гнева Баргов. – После того, как со мной обошлись в собственном дворце. Отца я беру на себя.

– Но у меня же нет подданных, черт побери, – сказал Сварог, все еще пытаюсь свести все к шутке. – Хорош я буду в этой мантии посреди безлюдных земель, усыпанных опустевшими городами и заброшенными замками... Я вам не рассказывал притчу о маленьком зеленом крокодилчике?

– Подданных у вас быстро отыщется превеликое множество. Младшие сыновья, безземельные крестьяне, потомки беглецов из трех королевств, избыток гильдейских отпрысков...

– Неужели вы так хорошо успели все обдумать?

Делия лукаво покосилась на него:

– Дорогой граф, мы с Леверлином посвящали время не одним лишь легкомысленным забавам – хотя, каюсь, наши чинные дискуссии о будущем государственном устройстве трех королевств не раз прерывались в самых серьезных местах...

Догнавший их камергер, не человек, а живая подставка для ходячей вывес-

ки бриллиантов, умоляюще взглянул на принцессу:

– Ваше высочество, помашите рукой народу, вы совершенно не обращаете внимания на ликующих подданных... – и опасливо покосился на Сварога: – Простите, ваше величество, что дерзнул прервать вашу беседу, но со стороны ее высочества были бы как нельзя более уместны изъявления милостивого расположения...

И придержал коня, давая им проехать вперед. Сварог воспользовался случаем:

– Помашите народу, принцесса, мы поговорим позже...

И натянул поводья. Кортёж как раз свернул на узенькую Волчью, откуда предстояло выехать на Адмиральскую. Трубачи и герольды, ехавшие впереди вроссыпь, торопливо перестраивались в колонну по трое, окаймлявшие процессию ликторы оказались совсем близко к Делии, и Сварогу легко удалось отстать. Он медленно ехал, едва не задевая лапами мантии вытянувшихся в струнку гвардейцев, взиравших на него во все глаза – без присущего суеверному простонародью страха, потому что бравым усачам не полагалось бояться и самого дьявола, не говоря уж о странном змеином короле, сиречь горном тролле. Улица была тесная, как зауженный недотепистым портным кафтан, тротуар чуть ли не в ладонь шириной, и зрители разместились главным образом на подоконниках, бесстрашно свесив ноги и цепляясь друг за друга: но что поделаешь, если в незапамятные времена Волчья наряду с более презентабельными проспектами удостоилась нешуточной Привилегии «улицы королевских кортежей и коронных шествий». То ли отважный бочар спас здесь короля от страшного волка, то ли отважный король – бочара. В точности неизвестно. Но эта тройца – король, бочар и волк – присутствовала во всех вариантах преданий.

Гвардейцы стояли не локоть к локтю – на уставном расстоянии, именуемом «длина мушкета». И в промежуток меж двумя черными пикинерами вдруг прошмыгнул невесть откуда взявшийся незаметный человек. Бдительный ликтор, тоже вынырнув невесть когда, собрался было наехать на него конем, но Сварог удержал его жестом: незнакомец не походил ни на убийцу, ни на челобитчика, в глазах у него читалось нечто, заставившее им заинтересоваться.

Человек пошел рядом, уцепившись за стремя. Они молча мерились взглядами, потом незнакомец бесстрастно сказал:

– Лорд Сварог, Князь Тьмы напоминает, что высшая форма его недовольствия – не вмешиваться в события вообще...

Мысленно прицелившись, Сварог высвободил ногу из широкого золоченого стремени и впечатал каблук в неприметное, брюзгливое лицо. Незнакомец спиной вперед улетел в шарахнувшую публику. Бешено оглянувшись, Сварог увидел Шедариса совсем рядом, кивнул в ту сторону и сделал понятный для любого Вольного Топора знак.

Капрал в таких случаях не вступал в дискуссии и не терзался сомнениями – молча выполнял приказ. Он круто развернул коня в ту сторону, визгнул выхваченный меч, послышался свист клинка и тупой удар. Не оглядываясь, Сварог ехал дальше. На сердце стало спокойно.

Вновь ударили корабельные пушки. Над крышами заполошно носились вспугнутые голуби и воробьи. Узкая, кривая Волчья наконец осталась позади, и кортеж выехал на широкую Адмиральскую, словно бы даже затерявшись на

ней, как щепотка крупы на тарелке. Здесь вдоль тротуаров стояла шеренгами конная гвардия и гардемарины из школы «Морской ястреб», а публика была почти сплошь благородная, дворяне и сословия, и не теснилась на тротуарах, а вольготно разместилась на высоких подмостках в несколько ярусов. Время от времени поэты с горящими взорами и буйными кудрями принимались декламировать баллады и оды, но их не слышно было за гулом толпы и приветственными криками, ибо благородные вопили не хуже простонародья, каждый точно так же надеялся, что именно на него упадет пусть мимолетный, но милостивый взгляд принцессы. Кто-то пригоршнями швырял с балкона цветы, кто-то рассыпал золото, кто-то по старинной традиции размахивал шестом, увенчанным конской головой и увешанным колокольчиками – отгонял злых духов и призывал на головы виновников торжества благословение Хорса.

Сварог задумчиво посмотрел через плечо. Сразу за Странной Компанией ехал в окружении блестящих офицеров своей эскадры загадочный адмирал Амонд – сухопарый старик с непроницаемым лицом каменного истукана, какие еще встречаются близ дорог в Ямурлаке. На нем был синий мундир с золотыми адмиральскими касатками (геральдическими, имевшими самое отдаленное сходство с настоящими), для моряка он удивительно непринужденно держался в седле, прямой, как мачта, и столь же мало подверженный эмоциям.

...В Ронеро Сварог решил возвращаться из трех королевств самым коротким путем. Они переплыли залив, высадились на хельстадском берегу, где их встретил верный Вентордеран, добрались на нем до Итела, а там Сварог в третий раз создал новехонькую «Принцессу», и они двинулись вниз по течению, наняв в Пограничье нескольких кочегаров, не скрывая уже своего настоящего облика.

Конечно, молва их не обгоняла. О происшедшем в Пограничье еще не знали, ибо там не было ни газет, ни телеграфа. Зато в Харлане, остановившись за пасть углем, они сами узнали прелюбопытнейшие новости, доставленные всезнающими речниками еще до подхода официальных сообщений.

Все рассказчики, ничуть не расходясь в существенных деталях, повествовали, что король Конгер вкупе с адмиралом Амондом провели какую-то коварнейшую, изощренную интригу, вынудив ронерскую «Черную благодать» выползти на свет божий и раскрыться. Что по всему королевству идет грандиозная облава на куклосы. Что заговорщики пытались подменить принцессу Делию неким созданным с помощью самой черной некромантии оборотнем – не подозревая, что тем самым суют руки в настороженный волчий капкан, обрекая себя на разоблачение и гибель. Что принцесса Делия еще до претворения в жизнь гнусного замысла заговорщиков отправилась в три королевства, дабы сбылось пророчество Таверо, и вот-вот должна появиться во всем блеске триумфа, чтобы упасть в объятия сурового и хитроумного родителя, решившего окончательно и бесповоротно очистить свои владения от черных магов.

Сварога такая трактовка событий ошеломила – как, впрочем, и всех остальных, включая Делию. Справившись с удивлением, в глубине души он посмеивался – дело житейское, не впервые власти в лице короля, давшие поначалу маху, попытались срочно подстроиться к ситуации, объявив себя всеведущими и с самого начала, извольте ли видеть, прекрасно обо всем знавшими. Зато

Делия была вне себя от ярости, вспомнив свои мытарства. И Сварог уже не сомневался, что встреча отца с любящей дочерью пройдет отнюдь не идиллически – если вспомнить, что в жилах обоих течет буйная кровь Баргов, не выдохшаяся ничуть за последнюю тысячу лет. Он попытался было мягко втолковать расвирепевшей принцессе, что положение поневоле обязывает венценосцев изящно маскировать крупные промахи, но Делия, сверкая глазами не хуже пантеры, кипела:

– Изощренные интриганы, знавшие все наперед?! Да они ручки целовали этой твари, пока я пряталась в борделе и не знала, буду ли завтра жива!

Потом она немного успокоилась и перестала швыряться матросскими словечками. Однако когда на рассвете на ронерской границе «Принцессу» встретили выстроившиеся поперек реки разукрашенные флагами расцветивания королевские фрегаты, еще издали сотрясавшие берега пушечной пальбой, и на борт к ним поднялся адмирал Амонд, на Делию вновь накатило, и она держалась с адмиралом так, словно он и был виновником всех ее невзгод. Странно, но адмирала это словно бы нисколечко не удручало, и Сварог частенько ловил на себе совершенно непонятные взгляды старика – то ли пытливые, то ли насмешливые. И порывался поговорить по душам – но как-то так получалось, что за несколько часов плавания до Равены ни Сварогу, ни Делии не удалось остаться с адмиралом наедине. Вряд ли это было случайностью, офицеры имели четкие инструкции. Можно и не гадать, кого первого постигнет опала, стоит Делии взойти на трон...

Возможно, из-за этой обиды она и держалась столь надменно, гордо воздев голову, ехала впереди, совершенно не обращая внимания на пеструю толпу.

И тут Амонд, чуть подхлестнув рыжего, «солнечного» жеребца, оторвался от своих офицеров, проехал меж теткой Чарн и Леверлином. Поравнялся со Сварогом, теперь их кони шли голова в голову. Украдкой покосившись на безмолвного спутника, Сварог подметил, что на круглой тулье лагнилатана, прямо под вычурной золотой бляхой заметна тщательно заделанная кожаной заплаткой круглая дырочка. И спросил не без иронии:

– Заветная шляпа, а?

– Верно, – невозмутимо ответил адмирал. – Картечь. У Инбер Колбта. Моряки – люди суеверные, ваше величество.

– Значит, с вас сняли опалу?

– Я никогда не был в опале, – сказал старик столь же бесстрастно. – Вам приходилось когда-нибудь видеть, как ловят рыбу на свет? На носу лодки разжигают костер, и к нему из ночного мрака плывет рыба. И ее бьют острогой... или выхватывают подсачком. Обычно человек, угодивший в опалу, но по-прежнему располагающий верными ему войсками и сторонниками при дворе, становится тем самым костром, на который плывет рыба. Хищная рыба, не самая глупая... Искренне полагающая, что опальный жаждет мести. Так и бывает... если опала настоящая. А когда она оказывается мнимой, рыба обречена на острогу... – Он жестко усмехнулся. – У короля, скажу вам честно, хватает недостатков. Одного среди них нет – излишней доверчивости. Вообще нет доверчивости. И чтобы обмануть его в серьезном деле, потребуется нечто большее, чем старания доморощенных черных магов с их сотканными из вонючего воздуха двойниками... – Он повернул голову и уставился на Сварога холодными светло-синими глазами. – Разумеется, принцесса ни о чем не подозревала.

Мы не могли рисковать. К тому же опасности для нее не было почти никакой. По двум причинам. Во-первых, всем она нужна была живая. Во-вторых... Не хотелось бы сейчас об этом говорить.

Сварог смотрел на него и видел, что адмирал не врет. И не мог разобраться в собственных ощущениях, понять, чего там больше – разочарования или злости. Пожалуй, злости. Потому что разочаровываться вроде бы не в чем и не в ком...

– Понимаю, мы доставили вам много неприятных минут, – кивнул адмирал. – Но игра требовала максимального правдоподобия. Потому мы и заперли вас на ограниченном пространстве, как поросенка в загородке, каким охотники приманивают волков... «Черная радуга» охотилась за вами, а мы смыкали петлю вокруг них. Шла охота на охотника. И допустимые потери оказались неизмеримо ниже намеченных, собственно, они были ничтожными...

– Допустимые потери... – повторил Сварог с горечью.

– Не будьте ребенком. Это война. Зато теперь в наших руках – добрых три четверти членов «Черной благодати». Куклосы в Ронеро практически разгромлены. Уцелевшие разбежались и прячутся, бегут за границу, они еще долго не опомнятся... Таких успехов не случалось лет пятьсот, со времен Катберта-Молота. Понимаете вы это? Не было другого выбора. В сущности, мы, как не раз уже случалось, проделали за ваши тайные службы изрядную работу. А ваши с принцессой переживания и сантименты – это, простите, ненужная лирика.

Он покачивался в седле, бесстрастный и невозмутимый, глухой к любым возражениям. «Снова в роли куклы, – задыхаясь от бессильного бешенства, подумал Сварог. – И, что самое скверное, не найти убедительных аргументов против адмирала. Как бы ты ни изоцрялся, тебе сунут под нос результат, а результат таков, что и в самом деле превращает в сентиментальный лепет все протесты...»

– Значит, вы знали обо мне с той минуты, как мы приплыли в Равену?

– Кое-что о вас мы узнали еще раньше, – сказал адмирал. – Чего вы хотели? Оказаться в гуще столь серьезных событий – и не обратить на себя внимания?

– И все же я усматриваю кое-какие несообразности, – сказал Сварог, пытаясь выглядеть столь же бесстрастным. – Рискуя, вы превзошли меру допустимого. Я уж не говорю о том, что Делию могли убить чисто случайно – при погоне, в стычке... Арталетта, сдается мне, оказалась и для вас совершенно неожиданным сюрпризом? То, что с ней произошло?

– Конечно. В таком предприятии ни за что не обойтись без неприятных сюрпризов и непредвиденных ходов противника. Но она ведь не смогла причинить вам ощутимого вреда? Объявленный нами шаррим, как вы, должно быть, согласитесь, вспомнив все происшедшее, служил в первую очередь вашему удобству. Не считая Арталетты, никто вас не преследовал и не пытался задержать.

– Ну да, – сказал Сварог. – Нас всего лишь умело и продуманно загоняли в Хелльстад. Как вы могли пойти на такой риск? Либо вы с королем – самонадежные идиоты... либо ваша уверенность в том, что с Делией ничего не случится даже в Хелльстаде, была основана на чем-то весьма серьезном. Я об этом думал уже. Сохранившиеся тексты Таверо, каких нет у других, или нечто иное?

Адмирал помолчал. Впереди зазвучали во множестве фанфары. Уже показались две высокие башни Адмиралтейства, крытые темно-красной черепи-

цей, – голова кортежа приближалась к Морской площади.

– Тексты Таверо, – сказал Амонд. – Так называемые Дополнения к Кодексу. Еще более редкий манускрипт, чем сам Кодекс. Видите ли, за последние сто лет люди, именовавшие себя Серыми Рыцарями, появлялись дважды. Первый, явившийся к снольдерскому двору, был примитивным авантюристом, его разоблачили очень быстро, а там и опознали, сбежать не успел... Со вторым не так просто. По-моему, он искренне верил, что предсказание о Сером Рыцаре относится к нему. Кое-какие обстоятельства благоприятствовали. И король Орс из Вольных Майоров тоже поверил, что Златовласая Привратница – его дочь. Репутация короля позволяла именовать его и Ужасным, королевство Орс когда-то носило прозвище «Длинная земля»... Сгоряча не обратили внимания, что другие детали предсказания нисколько не совмещаются с данными действующими лицами. Или обратили, но решили, что строки Таверо не стоит толковать очень уж буквально, достаточно, что совпадает половина... Можно с уверенностью сказать, что Дополнения им были неизвестны. Но о Воротах они кое-что слышали, как-никак Ворота, хоть и бездействующие, были достопримечательностью Демура... Кстати, я до сих пор не знаю, что именно вы там сделали. Как нужно было запереть «дверь, которой нет»?

– Потом, потом, – нетерпеливо сказал Сварог. – Что там было дальше?

– Рыцарь с принцессой и небольшим отрядом отправился в три королевства. И никто не вернулся. Никогда. Теперь вы понимаете, что король должен был твердо увериться? В Дополнениях сказано... – Он прищурился. – Сейчас... «Когда пятнадцать цифр изгонят из города волка, а мертвый станет бесполезным проводником...» Между прочим, мы до сих пор не понимаем, что это означает.

– Потом! Дальше!

– «...и принцесса покинет город, но не по земле и не по воде», – заученно процитировал адмирал. – Когда вы захватили самолет, эти слова нашли превосходное объяснение. – Он холодно улыбнулся. – И оставалось сделать все от нас зависящее, чтобы проверить последнее утверждение: «И принцесса пройдет невредимой через Хелльстад». Собственно, делать ничего и не пришлось, вы полагали облаву настоящей и справедливо рассудили, что путь у вас один, через Хелльстад. Когда вы переправились в Правый Треугольник, мы уже не сомневались, куда вы отправляетесь. И тревожились, скажу вам откровенно, скорее по инерции, за Арталетту, с которой приключилась какая-то беда, а не за Делию. Таверо, бывало, ошибался, но в мелочах, не настолько же... И все закончилось успешно. Вы сделали свое дело, мы свое, не менее эффективно. – Он быстрым, чуть насмешливым взглядом окинул наряд Сварога. – Полагаю, у вас нет оснований жаловаться на судьбу? Я пожилой и много повидавший человек, но и мне, скажу по секрету, немного не по себе, когда рядом едет король Хелльстада. Вооруженный топором, подозрительно напоминающим прославленное в легендах оружие...

– А вы не боитесь получить по голове этим легендарным оружием? Мне ведь теперь никто не указ...

В холодных глазах адмирала на миг мелькнули обычные человеческие чувства – но страха, пожалуй, все же не было, хоть ты тресни...

– Что ж, если вы считаете, будто исправите этим что-то, вернете кого-то...

– Простите, – сказал Сварог. – Погорячился. И не во мне дело. В конце кон-

цов, со мной столько раз играли втемную, что я незаметно свыкся, и злюсь, когда все всплывает, лишь первые пять минут... Но есть еще и она, – он дернул подбородком, указав на Делию. – Она отличный товарищ и отличный солдат, уж я понимаю... Мать вашу так, всегда ведь остаются случайности! Особенно на войне, большой или маленькой. До определенного момента у вас просто не могло быть твердой уверенности, что все обойдется благополучно. Случайная пуля...

– Ну, хорошо, – сказал адмирал. – Не хочется отчего-то представлять в ваших глазах законченной скотиной. Придется выдать одну из государственных тайн, благо вы не из болтливых. Вы никогда не слышали о Мане Антакайде?

– Нет. Что это?

– Не «что», а «кто». Мане Антакайд – астролог. Сейчас он уже умер. Когда Делия родилась, именно он составил гороскоп. Все предсказанное им всегда сбывалось – даже его собственная смерть, происшедшая в результате совершенно вроде бы непредсказуемой случайности... Он предрекал, что никакое оружие никогда не способно будет причинить Делии вреда.

Сварог вдруг насторожился, сам не понимая отчего. Словно вдали прозвучал выстрел, так далеко, что долетел до тебя не сам отзвук, а его тень, и теперь пытаешься понять – было или почудилось? Мать Бальдра взяла клятву со всех, кроме оелы...

– Вы помните подробно? – спросил он. – Слово в слово?

– Конечно. «И никакое оружие, холодное или огнестрельное, покинувшее мастерскую под этим небом, под этим солнцем, не сможет причинить ей вреда». Ну, где тут каверза? О сивланском оружии и речи быть не может – Сивлана освещена тем же солнцем. А оружия гномов уже три тысячи лет никто не видел и не держал в руках, оно сгнуло вместе с гномами. Не говоря уж об оружии с Диори – каковое, впрочем, изготовлено было и под этим солнцем, и под этим небом...

Они выехали на широкую Морскую площадь, почти идеальным полукругом примыкавшую к Адмиралтейской улице. И добрую половину дуги этого полукружья занимало Адмиралтейство – громада в семь этажей из коричневого камня, стрельчатые окна, темно-красная черепица, по углам две круглые башни с острыми конусами крыш, шпили увенчаны золотыми фрегатами, а меж башнями, по кромке кровли – шеренга позеленевших медных статуй, мифологических фигур вроде Морского Коня, Тюленьего Короля и Жемчуголова. Правее – квадратное возвышение, Камень Глашатаев, откуда до сих пор возглашали порой важнейшие новости и королевские указы. Сейчас с протянутого меж башнями каната свисали длинные морские вымпелы, их разноцветье и подбор определенно что-то значили, но Сварог не умел их читать. Люди в поисках лучшего местечка для обозрения поднялись даже на нижние ступени Камня Глашатаев (на сам камень, понятно, никто не осмелился забраться, это при любых праздниках воспрещалось).

– Что вас беспокоит?

– Предсказания, – медленно сказал Сварог. – Точнее, форма их изложения – таящая, как я успел убедиться, каверзы и лазейки. Может отыскаться оружие, может... Правда, оно уже дважды было применено против принцессы, но вреда не причинило, так что можно бы и успокоиться. И все же... Почему ваш астролог не написал просто: «Смерть ее никогда не последует от оружия»?

– У астрологии свои законы изложения, как в поэзии. И я не большой их знаток, мне достаточно помнить, что Антакайд никогда не ошибался. Успокойтесь. Нет причины...

– Есть причина! – почти крикнул Сварог. – Есть, понимаете вы?

– Возьмите себя в руки. На нас обращают внимание ликторы...

– Пошли они... – сказал Сварог грубо. Ощущение мучительного неудобства, тупой тревоги в сердце не проходило. – Посмеетесь потом над моими глупыми страхами, разрешаю. Уводим кортеж на галопе. Во дворец.

И, видя, что адмирал колеблется, пустил коня рысью, не пытаясь разобраться вдумчиво в своих смутных и непонятных страхах, догоняя Делию, чтобы схватить ее коня под уздцы и дать своему шпоры, не объясняя причин. На скаку выбросил вверх руку, дважды разжал стиснутые в кулак пальцы, подавая своим сигнал тревоги. Как бы ни удивились, препятствовать никто не посмеет, Делия не разучилась еще сначала повиноваться его командам, а потом спрашивать...

Белая дымная полоса, завиваясь спиралью, метнулась ему наперерез высоко над головами толпы, чертя синусоиду, снижаясь, неотвратно выходя на прямую, и он вонзил шпоры в конские бока, бросил гнедого вперед, уже различая обострившимся взглядом черную остроконечную палочку, исторгавшую этот дым, спеша заслонить Делию, остановить мгновение, вернуть время назад – и понимая в секундном промельке трезвого расчета, что никому еще этого не удавалось...

Яркая вспышка, и мгновенно взметнувшееся туманно-чадное облачко заволкло Делию. Сварог натянул поводья – так, что конь взвился на дыбы и едва не рухнул, сбившись с аллюра. Слетел на брусчатку, схватил широкий синий повод, жесткий от золотых блях и нашитых лилий.

Делия соскользнула с седла ему на руки, от неожиданной тяжести и рывка он не удержал равновесия и упал, завалился спиной вперед, осмысленно и умело рухнув так, чтобы смягчить для нее падение собственным телом. И потому, как безвольно мотнулось ее тело, уже знал, что дело плохо. А потом, когда встал на колени, поддерживая девушку,хватило одного взгляда. Похуже разрывной пули. Ладони мгновенно стали влажными и липкими. На алом кровь – черная... Глядя поверх ее плеча, видел, что под самой крышей одной из башен Адмиралтейства еще тает, расплывается тугое белое облачко, видел, как подбегает Леверлин, на себя не похожий из-за перекосившей лицо жуткой судороги, а остальные, оставшись в седлах, смыкают тесное кольцо, заслоняя от всего окружающего.

Опомнился. Стараясь изгнать, вытолкнуть из сознания все посторонние мысли, отгородиться от заполошного конского топота и криков, наложил ладони на ужасную рану, зажмурился, закинул голову, повторяя про себя все нужные слова, и снова, стараясь не сбиться, беззвучно шевеля губами, с заходящимся в смертной тоске сердцем.

Не почувствовав под ладонями ни малейшего движения, открыл глаза. Делия лежала неподвижно, золотые локоны разметались по грязной брусчатке, лицо было совершенно спокойным, а в глазах отражалось небо. И он понял, что бессилён. Этой разновидности оружия обучавшие его азам врачевания не предусмотрели, потому что не знали о существовании такого. Не уберег. Спас от всего, а теперь вот не уберег.

Грузно поднялся и стоял, цепляясь за высокую луку седла, – конь Делии послушно остался на месте. Остановившимся взглядом смотрел, как сквозь раздавшуюся толпу несутся к Адмиралтейству ликторы, как ловят его коня, как мечутся люди, как гвардейцы, сами ничего не соображая, то отжимают зевак мушкетами, держа их перед грудью обеими руками, то озираются, тщетно ожидая ясных приказов. И Сварогу хотелось кого-нибудь убить. Поискал бешеным взглядом Амонда, увидел Мару и осознал, что она, еще не понимая всего, моментально пресечет любую его безумную выходку.

И обмяк, словно выдернули некую жилочку, на которой все и держалось. Впустил происшедшее в сознание. Вновь смог думать, а не просто кипеть тупой ненавистью, но боль оказалась столь огромной, что переросла в вялую отрешенность. Такое случается, не обязательно на войне, сознание заключает боль куда-то в дальний уголок – но жизнь у боли долгая...

Когда к нему почтительно подвели пойманного гнедого, он не сразу сел в седло. Старательно вытирал руки, скомкав протянутый кем-то большой синий платок. Там, где лежала Делия и стоял рядом с ней на коленях Леверлин, уже не протолкнуться было от нахлынувших царедворцев, сплошь накидки с гербами и золототканые плащи придворных чинов – но все стояли недвижно, словно окаменев. Сварог вспомнил, что на его глазах произошло еще одно историческое событие – династия Баргов пресеклась. Король еще жив, но вряд ли успеет за отведенное ему время жениться и озаботиться продолжением рода. Новые земли оказались решительно не ко времени. И предсказанная Делией война все-таки разразится. Кто-нибудь ее обязательно развяжет, даже если Ронеро с исчезновением династии погрязнет во внутренних распрях и не примет участия, упоенно драться будут другие. Бесхозные земли возбуждают еще сильнее, чем слабо защищенные.

У парадного подъезда Адмиралтейства все еще продолжалась суета, мелькали ликторы, подъезжали новые всадники, со стороны дворца показались шеренги малиновых драгун. Кто-то уже распорядился энергично и толково – гвардейцы выстраивали цепи на прежних местах, из-под арки Адмиралтейства вылетели платунги конной полиции, быстро, привычно оттесняя толпу крупными обученных коней. Толпа отошла после первого шока, еще бурлила, колыхалась, но хаос и панику удалось погасить. Вокруг того места, где стоял Сварог, вокруг Делии, придворных, Странной Компании все теснее сжималось кольцо бдительно поигрывавших мечами конногвардейцев, хотя это было уже совершенно ни к чему.

Сварог завертел головой.

– Адмирал уехал, – тихо сказала Мара, наклоняясь к нему с седла. Она была бледна, и на лице четко проступили веснушки. – И правильно сделал – не велика удаля подставлять лоб под твой топор... Что у вас с ним такое вышло?

Сварог молча вставил ногу в стремя, сел в седло. Направил коня на гвардейцев, и драгуны торопливо разомкнулись. Он ехал прямо к Камню Глашатаев, и толпа расступалась в совершеннейшем молчании, и кто-то неотступно сопровождал его верхом, но он так и не обернулся за все время оказавшегося невероятно длинным пути. Поводья липли к рукам, гнедой выгибал шею и фыркал, чуя кровь, перед Камнем он слегка заартачился, но быстро покорился и осторожно зашагал вверх по низким широким ступеням.

Камень был всего уардов трех в высоту, но с самого верха, да еще с седла, с

высокого коня, площадь открывалась взгляду целиком, до самых отдаленных уголков, – море голов в разнообразнейших шляпах, разноцветье мундиров, повсюду флаги, вымпелы, гирлянды цветов и ярких бумажных фонариков. Украшения эти вмиг стали ненужными и нелепыми, но никто их, конечно, не успел еще убрать. И тишина, медленными волнами распространявшаяся все дальше.

Когда эта тишина, молчаливое ожидание и тысячи глупо вытаращенных глаз стали невыносимыми, он поднялся на стременах. Хотелось сказать что-то большое и важное, но у него не было слов, он никак не мог отыскать достойные слова. А если они были, значительные и ценные, их никак не годилось орать во весь голос перед замершей толпой.

И он закричал, не в силах избавиться от впечатления, будто обращается к кому-то одному:

– Я, лорд Сварог, граф Гэйр, король Хелльстада, объявляю три королевства своим безраздельным и неотъемлемым владением, каковое намерен защищать от любого, дерзнувшего посягнуть на мои земли огнем ли, сталью или дерзкой стопой!

Глава 16 Предпоследняя

Сварог сидел на широком парапете, покачивал ногой и смотрел на реку, непривычно пустынную для этой поры дня. Мара сидела тут же, смотрела в другую сторону и развлекалась от души – выбирала из горсти медной мелочи монетку и, не прицеливаясь, запускала в кого-нибудь из благопристойных горожан, чинно гулявших по набережной неподалеку, неизменно попадая то по кончику носа, то по уху. Задетый невольно вздрагивал, щурился от боли, но продолжал променад, притворяясь, будто ничего не произошло вовсе, а на парапете никто и не сидит. Обижаться ему не полагалось по службе – добрых три четверти гуляющего благонравного народа были тихарями из тайной полиции, приставленными к Сварогу для пушного бережения. А остальные наверняка – иностранные шпионы, отнюдь не оставившие своим вниманием новоиспеченного короля, пусть и не состоящего в Виглафском Ковенанте.

Эта сюрреалистическая пастораль продолжалась довольно долго – терпение у Мары было железное, и она маялась от безделья, а господа шпики, как ни проклинали про себя судьбу, сойти с дежурства не могли.

– Двадцать четыре, – сказала Мара.

– Что?

– Я их считаю. Для разминки. Трое, скорее всего, были случайными прохожими, должны же и такие тут оказаться? Но за две дюжины тихарей ручаюсь. Сейчас пойду по второму кругу. Дай мелочи, у меня кончается.

– Уймись, – сказал Сварог беззлобно. – Люди на работе.

И посмотрел в сторону Монфокона. Оттуда несколькими потоками тянулся над городом тяжелый черный дым, и, если приглядеться как следует, можно было различить крохотные языки огня и отблески косых лучей заходящего солнца на парадно начищенных алебардах и наконечниках копий. Историческую виселицу застилал дым, и рассмотреть ее не удавалось, да Сварог и не стремился. Король правил кровавую тризну, все изловленные к тому времени адепты «Черной благодати» прощались с жизнью, и почти каждый – довольно медленно.

– Адмирал катит, – объявила Мара и к превеликому облегчению тихарей ссыпала оставшиеся медяки в карман.

Амонд подъехал один. Шпики старательно сделали вид, что знать его не знают. На сей раз старик был без формы, в темном дворянском платье, с белой траурной лентой на шляпе. Он небрежно бросил поводья одному из топтунов, подошел к Сварогу и встал у парапета, заложив большие пальцы за пояс. Сварог, не переменяя позы, исподлобья смотрел на него.

– Там, в башне, ничего не нашли, – сказал адмирал. – Более того, окно, на которое указывают все достойные доверия очевидцы, и не окно вовсе – это вентиляционный проем размером с тарелку, и ведет он на чердачок в полчеловеческого роста высотой. Когда-то его специально сделали для голубей – тогдашний морской министр их любил. Попасть туда изнутри, с винтовой лестницы, невозможно – стена сплошная.

– Значит, где-то есть потайной ход.

– Но ни один человек не пролезет...

– Пролезет, если человек размером с мизинец, – сказал Сварог.

– О чем вы?

– Это моя забота, – сказал Сварог. – Раз вы не знаете, ничем мне помочь не сможете. И не будем об этом. У вас ко мне дело или?

– Я не хочу, чтобы вы считали, будто она погибла из-за меня. Король, узнав об обстоятельствах ее смерти, держался почти так же, как вы только что. Он тоже знает что-то, чего не знаю я, и ее смерть для него – не загадка. Страшная трагедия, но не загадка. Признаться, я впервые в жизни был на волосок от смерти не в море, а во дворце. Он махал мечом и орал, что зарубит меня и застрелится сам, что это мы ее убили, отправив в Хелльстад. К счастью, он умеет сдерживать гнев – хотя, с прискорбием должен заметить, на этот раз его заставила бросить меч не рассудительность, а далеко зашедшая болезнь и слабость, так что трезвомыслие возвращалось медленно. И я сказал ему то, что думал. Могу повторить вам то же самое. Либо виноваты мы все, либо не виноват никто, а третьего не дано. Если бы не появились вы, Серый Рыцарь, если бы Таверо не получил от небес этого дара... Виновных так много, что нет ни одного. Так уж было угодно силам, с которыми нам не поспорить....

– Я вас ни в чем не обвиняю, – устало сказал Сварог. – Я тоже научился сдерживать гнев, ваше счастье, что не подвернулись на площади... Вы только за тем и приехали, чтобы рассказать, что не виноваты?

– Нет. Король хочет вас видеть. Есть тайны...

– А я не хочу. Вы, быть может, и не поймете, но у меня такое ощущение, будто кончилась моя юность. Я больше не бегу, сломя голову, на слово «тайна». Я устал. Так и передайте королю. Да, добавьте еще, что там, где предстоит мстить, я обойдусь без него. – Он чувствовал, как рот и пальцы сводит злой судорогой, но остановиться пока не мог. – Боже мой, там все будет гореть до горизонта, если только отыщется горизонт...

Амонд долго и внимательно смотрел на него, щуря холодные глаза. Подъехала коляска тетки Чари, остановилась в стороне.

– Простите, меня ждут, – сказал Сварог нетерпеливо.

– До встречи. – Адмирал коротко поклонился и, почти не сгибая колен, зашагал к своему коню. Сварог подхватил топор в чехле, кожаный мешок с застежкой, в каких носят бумаги стряпчие, вразвалочку подошел к коляске и

сел. Следом запрыгнула Мара. Верзила в ливрее тряхнул вожжами. Продубить так ему физиономию, несомненно, могло только море. Среди тихарей возникло оживление, из выходявших на набережную улиц мгновенно показались разнокалиберные экипажи, всадники, иные с оседланными лошадьми в поводу – и не прошло и минуты, как следом тащилась целая процессия. Местные шпики держались ближе, а иностранные агенты в силу деликатности своего положения – в хвосте, конечно.

– Вы не в студейские ли поступаете? – спросила тетка Чари, кивнув на мешок.

– Отнюдь, – сказал Сварог. – Наследство Гискара. Враги долго и старательно выискивали его тайный порок, но никто не додумался, что протектор был злым книжником, что старательно и скрывал, ибо несолидно для его должности и стези... Как у вас дела?

– Кораблик я вам нашла, – сообщила тетка. – Очень приличная бригантина. Человек надежный, довезет со всем тщанием. А зачем это вам? Неужели от наместника улететь не можете?

– Наследство – это куча бумаг, – сказал Сварог. – И нужно просмотреть их хотя бы бегло, вдруг потом не будет времени... А где орлы?

– Улетели орлы. Бони собрался незамедлительно свергать короля Арсара. Успел набрать человек полсотни, и сплошь такие рожи, что я за него спокойна, а на месте короля заранее бы повесилась. Граф поехал с ним, оно и понятно, для него сейчас нет лучше лекарства, кроме как позвенеть мечом вдоволь, снести парочку голов, самому получить протазаном по каске... Тут и мой капрал следом увязался – подозреваю, по тем же поводам. Очень уж ему принцесса в душу запала, все пил и матерился, что не успел заслонить. Ну а какого лешего Паколета с ними понесло, я уж и не знаю. За компанию, должно быть, трудно было после всего взять да и остановиться. Совершенно не знал, куда себя приткнуть – воровать дальше как-то смешно, а в дворянах непривычно...

– Итак, вы у нас теперь графиня? – Сварог глянул на ее руку с новеньким перстнем-коронай. – На большее что, не расщедрились? Или вы сами не зарывались?

– Да как сказать, командир... Понимаете, такое впечатление, будто король ничуть на вас и не обиделся, когда вы те земли забрали себе. А может, стремно показалось менять объявленную королевскую волю, кто его там ведает... Одним словом, приехали за нами за всеми и повезли в Королевский Кабинет. Я-то, деревня, думала, это и впрямь кабинет, а там целый домина на четыре этажа, куча королевских советников, а уж просто советников – тех и вовсе, что грязи. И покатило все, как в сказке: кладут перед нами грамоты на титулы, а самих титулов и не вписано. Диктуйте, говорят, что вам вписать – только, понятно, в принцы не лезьте, потому как это уже против правил. Ну, граф Леверлин туда вообще не ездил. Тоскует. И вообще, говорит, мои предки королям города дарили в старые времена... Паколет по скромности отхватил маркиза, потом, правда, жалел, что продешевил. Из орденов повесили на него Бирюзовую Цепь – тоже сам выбирал, орден средненький, да понравился нашему щипачу, больно уж, говорит, красивый. Мой обормот почесал в затылке, надел на шею Алое Пламя и попросил вписать его в бароны. Я, сказал мне потом, человек раздумчивый, в грязи ползать не люблю, но и на самый верх карабкаться смешно, следует держаться золотой середины... Зато с Бони был суций цирк.

Крестьянин наш, прямая душа, наложил лапу ни более ни менее как на Алмазный Венец, выше коего и не бывает – с лентой, мечами и подвесками. Мне это, говорит, для вящего авторитета необходимо, мне еще короля свергать, так что выглядеть я должен соответственно. И по той же причине зачислил себя в герцоги. Тамошние золоченые шишки и ухом не повели, вписали в герцоги. Доходит очередь до меня. И начинаю я рассуждать в точности, как мой Шег, – ну что мне делать на самых верхах? Неуютно как-то. Хотела было в баронессы, да вспомнила, что деревня наша стояла на графской земле, я ведь из дворянских крестьян – и так мне в детстве мечталось стать графиней... Пишите графиней, говорю. Записали. Я вежливо интересуюсь: а нельзя ли мне вместо ваших орденов патент на чин флотского лейтенанта? Они на дыбы: у нас в державе, мол, даме флотских чинов не полагается. Я им втолковываю: флаг-капитанства не прошу, но экзамен на лейтенанта хоть сейчас сдам, не отходя от стола, поскольку есть кое-какой опыт морского плавания. Мы вам, говорят они, на слово верим, госпожа графиня, но даму во флотские офицеры и сам король не решится произвести, потому что это против всех традиций и будет бунт. Ну, взяла я себе с горя Скипетр Морских Королей – все-таки морской орден, в якорях весь, самоцветы синие... Вот тут они носами покрутили, да уговор дороже денег, и на ордена есть юридическая лазейка. То бишь нет традиционного запрета, потому что дам испокон веков этим орденом не награждали, специально запрещать и в голову не пришло... И вышли мы все оттуда, как четыре новогодних елки. А эти, кабинетские, нам закатываньем глаз и шевелением ушей дают понять, что мы, олухи, все же продешевили... Ну вот, и улыбнулись наконец, а то сидели, как сыч... Ничего мы не продешевили, скажу я вам. После походов с вами, командир, все эти титулы и ордена – чистый мусор... Да, а вы-то что? Ну, с вами понятно, вы теперь и сами король, можете измышлять любые ордена, а вот Мару можно было с нами отпустить, чтобы ей что-нибудь блестящее навесили. Право слово, заслужила девка.

– Да я ее и не держал...

– Глупости, – сказала Мара. – Я сама когда-нибудь буду королевой, зачем мне сейчас побрякушки от чужих королей?

– Скромница она у меня, – погладил ее по голове Сварог.

– Просто у меня хорошая память, – сказала Мара. – Лесная Дева предсказала, что троим из нас суждено надеть короны. Один уже напялил. Остаются целых двое, почему бы мне среди них не оказаться?

В стороне королевского дворца глухо, тяжело ухнул пушечный залп. После короткой тишины в нескольких местах печально ударили колокола, неспешно, с большими промежутками меж ударами, и в эти паузы вплетался долгий, медленно затухавший звон птелосов. Сварог понял, посмотрел на реку. В этих широтах ночь подступала моментально, падала, как занавес, вода уже стала почти черной, дома над рекой протянулись темной стеной. Пора было ударить колоколу Главной Башни, означая наступление ночи, а двум десяткам звонниц в разных концах столицы этот удар повторить. Но, что случилось невероятно редко, Вечерний Колокол так и не прозвучал. Еще дважды ударили пушки, продолжался печальный перезвон храмовых колоколов, гонгов и птелосов, что-то засветилось там, где королевский мост соединялся с левым берегом, а длинная лодка заскользила к середине реки, прозрачно белая на фоне темного могучего потока. Остановилась, удерживаемая слаженными

взмахами весел, Сварог снял шляпу.

Сине-желтое пламя, яркое, горевшее ровно, вспыхнуло у борта лодки и, отделившись от нее, поплыло по течению, вскоре миновав то место на набережной, где сидел в коляске Сварог со спутниками. Теперь они видели, что это фонарь в форме перевернутой и усеченной снизу пирамиды, синий, покрытый золотыми геральдическими лилиями. Рокубон, погребальный фонарь ронерских королей. Сварог долго смотрел ему вслед. С этим фонарем, отправившимся к океану, уходили в небытие Барги – развратники и покровители храмов, великие стратеги и дебилы, меценаты изящных искусств, то осыпавшие золотом художников, то сжигавшие по пьяной прихоти фаворитки библиотеки и ценнейшие полотна живописцев прошлого; чернокнижники и святые, моты и скупцы, полнокровные эпикурейцы и аскеты-ханжи, собиратели и неудачники – и, наконец, личности, бесцветные во всех отношениях.

Фонарь скрылся за близлежащими домами, но Сварог долго еще смотрел на темную реку, чувствуя себя чужим в этом городе, где больше не было Делии, которую он не сумел уберечь. Потом сказал, ни на кого не глядя:

– Знаете, о чем я подумал? Оказывается, в отличие от нашей бравой компании, великому множеству народа так и не случается за всю свою жизнь кого-нибудь убить. Странно, правда? Как другой мир, честное слово... – И совсем тихо произнес:

*И вы едва ли
вблизи когда-нибудь видали,
как умирают.
Дай вам Бог и не видать...*

Глава 17 Унылая бригантина

Ледяной Бугас, Шкипер Темного Моря, капитан почтенной бригантины «Невеста ветра», четвертые сутки пребывал в унылом, каком-то устоявшемся недоумении. С теткой Чари он был знаком с незапамятных времен, знал за ней (как и она за ним, взаимно) столько озорных дел, что хватило бы на полдюжины Монфоконов, и сделал бы ей одолжение не в пример серьезнее, чем просто отвезти из одного места в другое, вдобавок за хорошую плату, парочку ее друзей, обходясь с ними со всей любезностью. Бригантина все равно уходила в море, а каюта квартирмейстера так и пребывала пустая (ибо сам квартирмейстер давненько покачивался на рее горротского корвета «Гривастый крокодил», должным образом просмоленный для долгой сохранности – а нового еще предстояло подобрать со всем тщанием).

Вся беда была в том, что Бугас терпеть не мог нераскрытых загадок. Любых. Водился за ним такой грешок, из-за которого капитан дважды совершенно бескорыстно впутывался в опасные дела, пахнущие серьезными тайнами, ради одного удовольствия оказаться среди знающих разгадку. Бывают страстишки и похуже, а на доходы капитанская слабость мало влияла, так что команда давно свыклась – всех на свете денег все равно не захпаешь, нужно иногда что-то и для души...

Но эта странная парочка была загадкой непробиваемой. Высокий барон со спокойными серыми глазами серьезного убийцы, привыкшего перерезать глотку лишь при необходимости (какое качество Бугас в людях ценил и уважал, будучи сам таким же), и смазливая девчонка – лауретта (сначала пред-

ставлялось – дочка или племянница, оказалось – любовница).

Поначалу Бугас, еще не увидев их, решил, что у них хлопоты с легальным выездом из страны. Каковую гипотезу вроде бы подтверждало невиданное количество тихарей, перед самым прибытием странной парочки прямо-таки хлынувших в порт; как зерно из распоротого во всю длину мешка. Но парочка поднималась на бригантину открыто, без малейшего волнения, а тихари, такое впечатление, порывались встать навытяжку и таращились пугливо, как пассажиры захваченного «купца» на абордажную команду. И «вольную»[79] Бугасу принес из капитаната вместо обычного писмоводителя, с благодарностью получавшего за эту услугу серебрушку, сам комендант порта, министерский секретарь, чин, как известно, приравненный в армии к полковнику, а на море к флаг-капитану. От какого неслыханного феномена, ни разу не случившегося ни с одним мореходом, будь он честный каботажник или головорез с корсарским патентом в кармане, Бугас ошалел настолько, что по многолетней привычке сунул его превосходительству сестерций – а тот, ровно пребывая в некотором затмении чувств, монету взял...

Первые два дня барон, отвлекаясь лишь на завтраки, обеды и ужины, за творником сидел в каюте покойного квартирмейстера и, по докладам главного кухаря, беспрестанно читал бумаги, которых у него с собой был целый мешок. Даже с наступлением темноты ставил «карбилку» и продолжал шуршать. Добросовестный кухарь, за годы плавания на «Невесте ветра» малость заразившийся от капитана той же страстишкой, успел запустить глаз – благо бумаги барон после его прихода не прятал и ничем не прикрывал. Кухарь клялся, что никакими картами кладов или «золотыми шарами»[80] и не пахнет. Насколько удалось усмотреть, обычная ученая заумь, упражнения книжников. Скорее Бугас мог оказаться главой снольдерских виргинатов, проповедовавших трезвость, целомудрие и полный отказ от мясного, чем барон – книжником. И все же он сидел над своими бумагами двое суток, как пришитый.

Одно можно утверждать со всей уверенностью: виргинатом барон не был. Мясо он наворачивал, подаваемое вино аккуратно выпивал, а кухарю, заодно и убиравшему в каюте, девчонка в первый же вечер непринужденно и буднично заметила, что возиться с двумя постелями не следует, нужно приготовить одну на двоих. Веселого нрава кухарь, простодушно попытавшийся ухмыльнуться, вдруг на пару секунд выпал из реальности и обнаружил себя лежащим на полу с дикой болью в области ложечки. Увы, и он сам, и все остальные не связали сначала этот феномен с рыжей девчонкой – решили, что кухарь опять обожрался и получил что-то вроде апоплексического удара.

Рыжая лауретта, в отличие от спутника, часто и подолгу гуляла по палубе, откровенно маясь скукой. Поскольку выяснилось, что мужская постель ей знакома, а соблазнительна была девчонка, как чертенок, мысли иных морских волков помоложе приняли игривый оборот. Заметивший это Бугас процедил сквозь зубы, что два раза он не повторяет, а пассажиры – друзья его друзей, так что любой, вышедший за рамки хорошего тона, немедленно пожалеет, что родился на свет. Большинство из одержимых игривыми мыслями вообще оставили всякие поползновения от греха подальше, но Красавчик Ройбен, разбивший больше женских сердец, чем князь Клубур – стаканов[81], и не подумал обстенить паруса[82]. Увешавшись всеми своими побрякушками и

разодевшись в лучший «береговой» наряд, он с виолоном наперевес тенью скользил за синеглазой прелестницей, что ее определенно забавляло.

К полудню второго дня на юте раздался дикий вопль, и сбежавшиеся вахтенные подняли с палубы Красавчика, правая ключица у него оказалась сломанной. Бугас моментально провел дознание – но Красавчик клялся богом Руагату, старушкой мамой и долей в добыче, что из рамок он не выходил, а всего лишь с надлежащей галантностью и грацией положил руку синеглазке на талию. И обнаружил себя на палубе.

Девчонка разгуливала как ни в чем не бывало с самым беспечным и примерным видом. Сопоставив феномены кухаря и Красавчика, общественное мнение ужаснулось, сделало выводы, и рыжую стали сторониться, насколько это возможно на палубе не самой большой бригадины. Кухарь появлялся в каюте пассажиров, превратив лицо в бронзовую маску, лишенную и намеков на мимику. Бугасу, попытавшемуся было с несвойственной ему неуклюжестью бормотать какие-то извинения, очаровательное рыжее создание мило улыбнулось:

– Не удручайтесь, капитан, я за такие пустяки, вдобавок без приказа, еще никого не убила...

Капитан пошел и напился в компании с зеркалом.

Бугас нападал на идущие с Островов «золотые караваны», высаживал в Хельстаде искателей приключений, искал клады, закапывал клады, проникал на Дике в поисках пещерного жемчуга, первое прозвище оправдал даже дважды, а второе – трижды[83], с горротским корсарским патентом топил снольдерские корабли и наоборот, трижды бегал из тюрем, один раз с каторги и один – с «чертовой мельницы»[84], искал в лабиринтах Инбер Колбта Крепость Королей, освоил все виды контрабанды, прямо на рейде Малабы дрался с Джагеддином, два года (когда особенно припекло) обретался на Сильване, где полгода прослужил флаг-капитаном гиперборейского флота и едва не был возведен в дворянство, но потом приговорен к плахе за разные прохиндейства, едва унес ноги и полтора года пробивался более привычным ремеслом, не отягощая себя мундиром. Семь раз его награждали орденами (и трех потом лишили высочайшими указами, но Бугас все равно их носил), четырежды вешали «в изображении», а однажды всерьез собирались набить из него чучело (на той же гостеприимной Сильване). Словом, у капитана «Невесты ветра» была самая обыкновенная, ничем не примечательная биография типичного джентльмена удачи. И он, нутром и нюхом чуявший Необычное, день за днем ждал, когда странный барон наконец признает, что достаточно присматривался и валял дурака, – и предложит Нечто. Капитан заранее готов был согласиться, предвидя, что мелкого или глупого дела этот предлагать не станет.

Но ничего подобного Бугас не дождался. На третий день барон покончил с бумагами и принялся гулять, потребовав корзину вина и виолон. Гулял он серьезно и сосредоточенно, без битья посуды и шума истребляя содержимое корзины, порой брался за виолон, и тогда из каюты неслись приятные, но совершенно неизвестные песни – иной раз даже на незнакомом языке. Дважды, уже к вечеру, он даже плакал – коротко и зло, так что это походило на рычанье пса. Капитану, не единожды с таким сталкивавшемуся (и самому пару раз отводившему душу именно таким образом), уже было ясно, что этот человек то ли спихнул благополучно неподъемное дело, то ли заливает серьезное го-

ре – а то и все сразу, похоже. Капитан пытался как-то связать все это с последними ронерскими странностями, о которых толковали черт-те что, но просто-ял в Равене всего два дня, занятый погрузкой выше крыши, а все новости, какие залетели в уши, оказались чересчур уж запутанными и сумбурно изложенными. Тетка Чари, похоже, что-то знала, и вообще страшно интересно было, как это ей удалось просквозить аж в графини, но очень уж мимолетно они свиделись.

И Бугас, тихо сатанея от всех непонятностей, посиживал в своей каюте, аккуратно по соседству с квартирмейстерской, попивая «Касаточью кровь» и коряво записывая за бароном очередную незнакомую прежде балладу:

*Наш век – арена битв...
Но как посмели
вы, раб Его, вы – человек, не Бог,
жизнь молодую положить у ног
властителя чертовской карусели?
Сильнейшие сломить его хотели,
да не сумели выиграть войну...*

*Я им не ставлю этого в вину.
Пусть полегли они, мы следом ляжем.
Но кто-то встанет над курганом нашим
и в рог бараний скрутит сатану.
Не отпевайте ж до поры живого –
проснется жнец, когда зерно взойдет...*

Он не унизился бы подслушивать специально, однако переборка была тонкая, а голосище у барона – дай боже. Были моменты, когда капитану все же нестерпимо хотелось унизиться – но останавливал его, прямо скажем, не горор, а скорее уж предчувствие, что ничего он не узнает, ибо барон не из тех, кто во хмелю развязывает язык. Вот и сейчас он в который уж раз рычал, что не уберег, но отомстит так, что ужаснется сам черт. Но никаких имен и названий, ничего конкретного так и не последовало. Зато последовала песня на абсолютно незнакомом языке, нечто вроде:

*Nat zemlej buszujt trawy,
oblaka pluvut kudrivy,
i odno, won to, chto zprawa,
etto ij...*

Капитан не понял ни слова, но пригорюнился пуце – от всех непонятностей, вместе взятых. Впервые он был посередине загадки – и она ему не подчинялась. До сих пор он терпел поражения, но это совсем другое дело. Не удалось найти ни Крепости Королей, ни иных кладов – однако это означало лишь, что их следует искать в другом месте, причем тут поражение, это и не поражение вовсе...

На третий день, ближе к вечеру, барон появился на палубе, отыскал Бугаса и вежливо осведомился, нельзя ли раздобыть газет. Бугас без малейших возражений (решив, что эта просьба может и дать ему ключик) повел «Невесту ветра» к ближайшему крупному порту (они плыли уже по Ягартале) и выслал шлюпку с наказом раздобыть все газеты за последние двое суток. Раздобыли без особого труда, привезли кипу. Барон перебирал их в молниеносном темпе,

определенно высматривая что-то конкретное. И отыскал-таки, прочел крайне внимательно, рассмеявшись коротко, жестко, сунул лист синеглазой. Синеглазая столь же вдумчиво это прочитала, улыбнулась и сказала спутнику совершенно непонятную сторонним свидетелям фразу:

– Вот видишь, вас уже двое, так что не скаль ты зубы над моими светлыми мечтами, в самом-то деле...

Когда они направились в каюту (девчонка заявила, что такое дело полагается отпраздновать), Бугас ухитрился непринужденно забрать у рыжей газету, и она небрежно отдала. И тут же впился жадным взглядом в то место, он хорошо запомнил, что оба читали.

Это были новости из Вольных Майоров. Из королевства Арир, если точно. Там в одночасье все встало вдруг с ног на голову. Некий ронерский герцог (о котором ничего толком неизвестно, даже имя приводилось в трех вариантах), объявив ваганум по всем правилам, вдруг вторгся в пределы королевства с сильным отрядом из Волчьих Голов, Вольных Топоров, каталаунских дворян и прочего пограничного лихого народа. Сметая выставленные впопыхах жиденькие заслоны баронских дружин, они оставляли за собой переполох и пожарища, сжигая маноры, оказавшие сопротивление. И очень скоро местная знать наперегонки бросилась изъявлять герцогу свою полную лояльность, а те, кто находился вдалеке от театра военных действий, увели свои отряды в поместья, после чего король лишился трех четвертей войска. Оставшаяся у него наемная панцирная пехота вышла из игры – она, вообще-то, выстроилась в боевые порядки у столичных предместий, но галопом подскакавший к ним герцог швырнул наземь горсть невиданно огромных бриллиантов и прокричал, что дарит это им на бедность, пусть сделают выводы. Камни оказались настоящими, и пехота мгновенно сделала выводы – боевые порядки вмиг распались, панцирники в жуткой схватке из-за нежданного подарка судьбы принялись истреблять друг друга, и конница герцога, пройдя через них, как горячий нож сквозь масло, помчалась к королевскому дворцу, где и нашел свой бесславный конец Арсар Сорок Второй, оказавшийся последним в длинном ряду Арсаров Арирских. Герцог возложил на себя корону под приветственные крики магнатов – не вполне искренние, быть может, зато громогласные.

После прочтения сего Бугасу сделалось еще грустнее, потому что дело запуталось еще туманнее и круче. Он с превеликой охотой взял бы кого-нибудь на абордаж, просто так, чтобы только успокоить расстроенные нервы, но на реке, проплывая к тому же в пределах Снольдера, такие номера откалывать было опасно. Свободные от вахты моряки сидели в кубрике, как мышки, но капитан, против обыкновения, пребывал тих. Даже когда он перехватил вдрызг пьяного кухаря, отправившегося потрогать барона серебряным половником и глянуть, что из этого выйдет, взрыва не последовало. Бугас лишь благостно улыбнулся и, наставительно подняв палец, сказал:

– Дурень, эта загадка так просто не решается...

Кухарь, уже смирившийся было с килеванием на пару оборотов, от непривычно ласкового тона протрезвел. А капитану в приступе светлой отрешенности от бытия захотелось вдруг совершить что-нибудь доброе, и он распорядился отнести болящему Красавчику сливового пудинга. Потом напился. Он медленно загонял себя в состояние напрочь измененного сознания, знакомое каждому пьющему, лежа в кресле, задрав сапоги на привыкший к такому об-

ращению стол, созерцая занимавшие полстены материальные доказательства своих прошлых триумфов. В стеклянном ящичке утрюмо нахохлилось чучело летучей мыши-бормотуньи, полтыщи лет считавшейся мифологической тварью из туземных легенд – до появления у острова Гурган «Невесты ветра» и лихой экспедиции в джунгли, основанной, впрочем, на вдумчивом анализе легенд, которые Бугас промывал, как золотоносный песок, пока не извлек четкие указания. На особой полочке, прикрепленный проволокой, покоился Перстень Ланкара, который долгие годы полагали магическим украшением, несущим гибель любому новому владельцу, не знающему отворотного заклятья – пока не объявился капитан Бугас и не доказал, что никакой магии тут и не ночевало, а все смерти происходят от дьявольски хитроумного механизма с отравленной иглой, заделанного в перстень неизвестным умельцем и исправно проработавшего сорок лет. Ящичков двадцать с застекленной передней стороной было отведено мелким предметам из найденных им кладов. В других лежали расшифрованные рукописи. Была еще невзрачная пластинка с коротким текстом, поднятая со дна океана в известном лишь Бугасу месте и неопровержимо свидетельствовавшая (для того, кто понимает), что Бугасу, единственному на Таларе, известны координаты затонувшей страны Альдарии. Увы, ученые профессора с редкостным единодушием, немислимым во всех прочих случаях, в подлинность пластинки напрочь не верили (ибо для половины из них это означало бы похерить собственные книги и диссертации, построенные на решительном отрицании Альдарии), и после конфуза в Латеранском университете Бугас зарекся предъявлять ее «фиолетовым». Сам он нисколько не сомневался, что пластинка подлинная, но никак не выпадало удачи вторично протралить дно в том месте и раздобыть что-нибудь еще – в прошлом году неподалеку разместилась база горротского военного флота, чьи адмиралы с некоторых пор считали Бугаса лучшим украшением нок-рея. Стояло несколько солидных ученых фолиантов, чьи авторы, хоть раз на полтыщи страниц, да упоминали мимоходом капитана Бугаса, отмечая его вклад или ссылаясь на его свершения. Имелась и бутылочка с джинном, которую Бугас пока опасался открывать – письма стерлись, к какой стихии принадлежит джинн, неизвестно, а восстановить надписи руки не доходили, хоть и имелась хитрая технология, которой Бугаса научил один фальшивомонетчик из Абердара. Ждали своего часа несколько предметов из предшествовавших Шторму эпох – раздобытых там, где знающий человек может разжиться многим. В углу, у самого пола, прятался нарочито неказистый, грубо сколоченный ящичек, заслуженно считавшийся, однако, жемчужиной коллекции, ибо содержал неоспоримое доказательство того, что крохотные моряки на маленьких подводных лодках, о которых втихомолку болтают всякую чушь, есть не миф и не мистика, а самая доподлинная реальность. И еще много всякого, способного, пожалуй, принести Бугасу титул почетного доктора Ремиденума – и обеспечить пожизненное роскошное проживание в замке Клан...

Но самая манящая загадка – это та, что приходит последней. И капитан тихо сатанел, вполуха слушая доносившуюся из соседней каюты самую будничную болтовню, перемежавшуюся долгим молчанием определенно лирического порядка. Он все еще искал связь меж загадочной смертью принцессы Делии, ошеломительным явлением толпе неведомо откуда вынырнувшего короля Хелльстада, разгромом ронерской «Черной благодати», неслыханным пове-

дением коменданта порта и песнями на незнакомом языке, – но мозг уже погружался в здоровый алкогольный сон, и последней связной мыслью было – «барон на кого-то чертовски похож».

Окажись на столе на одну бутылку меньше, капитан, изоцривший ум в решении хитрых загадок, мог и ухватить конец клубочка. Но черная пузатая бутылка рома знаменитого сорта «Семь якорей» (варившегося с ананасами, корицей и ароматическими травами пяти разновидностей) сыграла ту же роль, что и отлетевший каблук короля Гарепо Злосчастливого, по легенде как раз и ставший причиной поражения королевской армии в Сандоварской битве. И капитан ухнул в сладко пахнущее ромом беспмятство, успев еще подумать, что вспомнил, на кого барон похож, но завтра обязательно забудет.

И забыл, конечно. Проснувшись утром в том же кресле и меланхолично посасывая из горлышка столь обычное для такой ситуации лекарство, он уже совершенно точно знал, что совершил вчера великое открытие, но клятая бутылка «Семи якорей» все стубила. В каюту после деликатного стука сунулся главный кухарь (не похмельный, а просто еще не ложившийся со вчера) и прошелестел:

– Барон нас намерен покинуть. Просит лодку.

– Хоть две, – подумав, сказал капитан. – Пусть плывет, пока мы с тобой окончательно не рехнулись.

Он допил лекарство и выбрался на палубу, терзаясь унылой ненавистью к миру и человечеству. Справа виднелись на горизонте темно-синие отроги гор Оттершо. Слева тянулись бурые торфяники. Места были малообитаемые, насквозь неинтересные и какие-то нелепые, одному барону и пришло бы в голову здесь высаживаться – вполне достойное завершение. Барон уже стоял у борта, аккуратно сложив рядом боевой топор в чехле, мешок с бумагами и еще какой-то непонятный сверток – тот еще подборчик багажа, в самый раз для ситуации. Синеглазая, правда, принесла самый обычный кожаный дорожный сундучок – но Бугас готов был продать душу морскому черту, что самым обычным содержимым там и не пахнет.

Он сумрачно поклонился издали, осведомившись:

– Надеюсь, путешествие было приятным, барон?

– В высшей мере, – ответил барон столь же вежливым поклоном, шагнул на трап.

Два человека, позарез друг другу необходимые, но в тот момент об этом не подозревавшие, надолго расстались, причем каждый полагал, что больше они не увидятся никогда.

Вимана, ожидавшая Сварога на берегу, была конечно же, невидимой для окружающих.

Итог

«Четырем мирам и восьми сторонам света! Мы, Яна-Алентевита, Императрица Четырех Миров, Высокая Госпожа Небес, рассмотрев результаты операций, известных под рабочими названиями „Полночные Ворота“ и „Серебряная черта“, сим повелеваем:

1. За особые заслуги перед Империей, не требующие развернутых пояснений и перечислений, наградить лорда Сварога, графа Гэйра, барона Готара, камергера Двора, лейтенанта лейб-гвардии Яшмовых Мушкетеров, орденом Высокой Короны с гербовой цепью.

2. За причастность к вышеупомянутым заслугам наградить писмоводителя третьей категории восьмого департамента Канцелярии земных дел Мару, известную также как лауретта Сантор, орденом Имперского Меча с бантом.

3. Удовлетворить прошение лорда Сварога, графа Гэйра, об исключении из списков восьмого департамента означенной лауретты Сантор и о переводе ее в дружину лорда Сварога.

4. Удовлетворить представленный Геральдической Коллегией протокол о признании за графом Гэйром прав на титул „король Хелльстада“ со всеми проистекающими отсюда геральдическими и юридическими последствиями (проект каковых надлежит незамедлительно представить для окончательного решения);

5. Аресты сотрудников Магистериума, произведенные восьмым департаментом, признать правомочными, отклонив все вызванные таковыми арестами прошения и докладные записки.

6. Лишить лорда Алферса, герцога Ингера, и лорда Герена, барона Аркаса, членства в Нашем Тайном Совете и званий пэров Империи, поместив обоих в тюрьму Лоре.

Дано и собственноручно подписано в Нашем замке Келл Инир третьего Датуша 5507 Небесного Года».

... На экземпляре высочайшего указа, переданном лорду Сварогу, графу Гэйру и прочая, и прочая, рукой императрицы приписано:

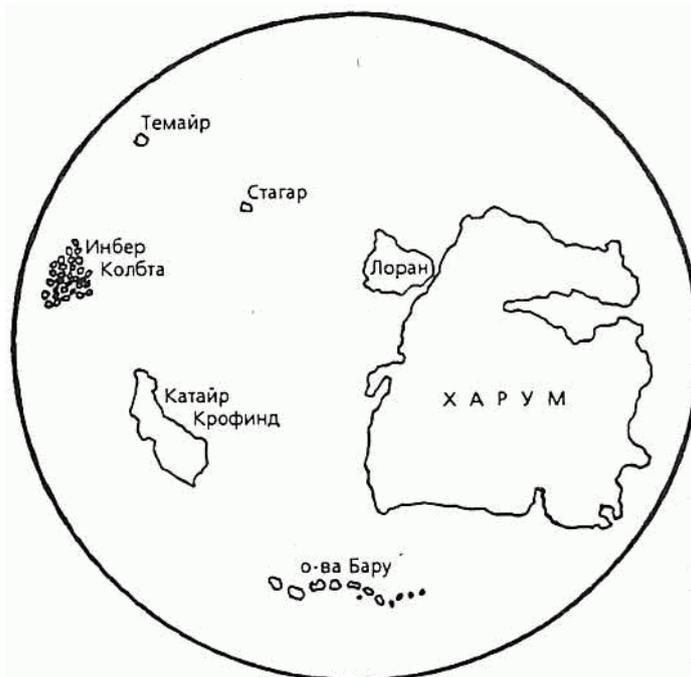
8. (Конфиденциально). Запретить лорду Сварогу, графу Гэйру, впредь подавать прошения об отставке его как с военных, так и придворных должностей, строго предупредив, что в случае очередного такого прошения графа ждет лишь автоматическое повышение в воинских званиях и придворных должностях.

Приложения

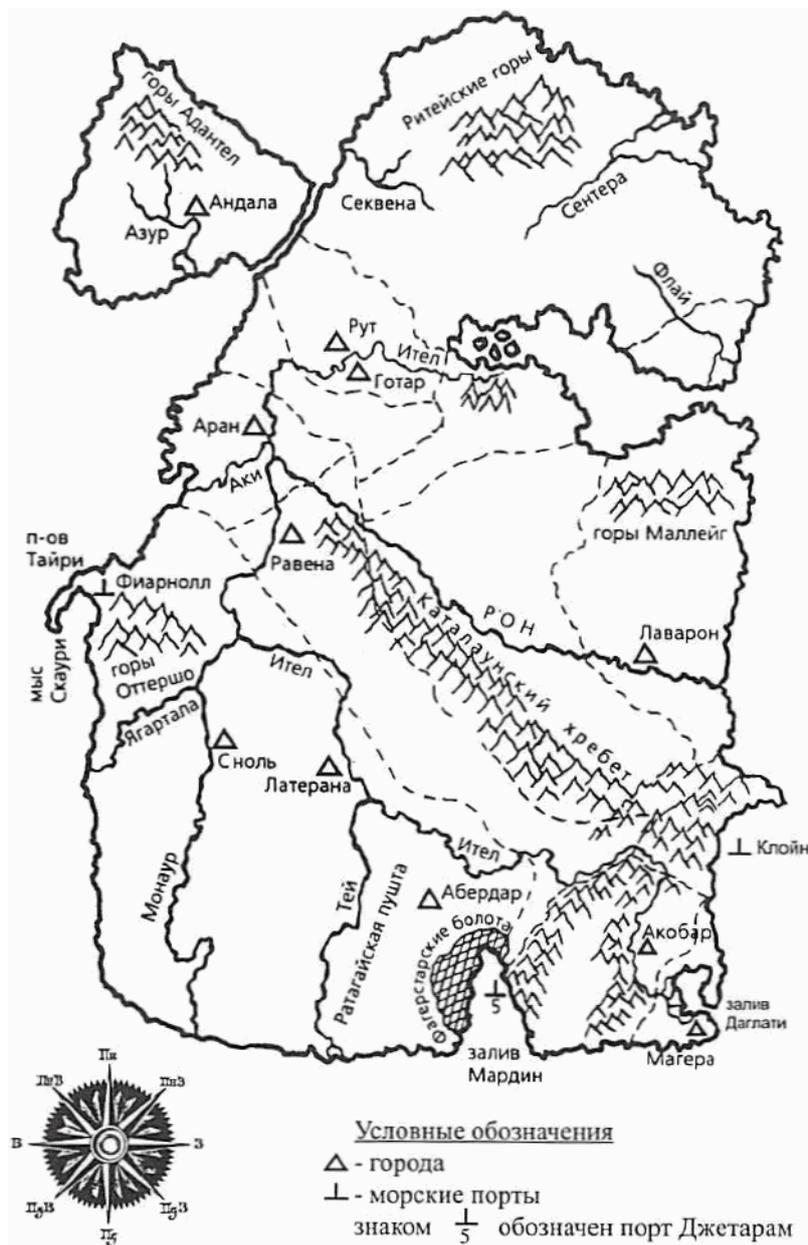
Планета Талар. Полушарие заката

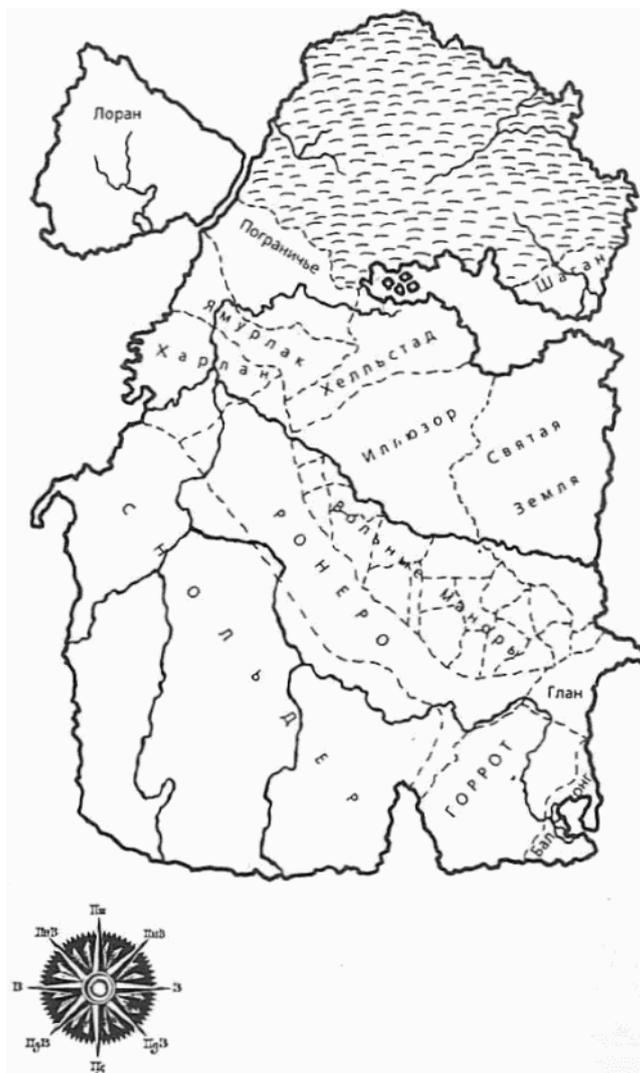

Планета Талар. Полушарие восхода

Физическая карта континента Харум Политическая карта континента Харум

Александр Бушков Нечаянный король (Сварог – 3)

«...И случилось так, что принц Люциар, вернувшись с охоты из лесной чащобы, увидел лишь пыль вдали, поднятую удалявшимся вскачь гонцом. И увидел он еще глубокую печаль на лице верного наставника своего и сберегателя от многих невзгод и опасностей, мага Шаалы, великого знатока как тайн земных и небесных, так и человеческой природы.

Тоска и тревога проникли в сердце принца, и он спросил:

– Не печальную ли весть привез мне гонец, скакавший с прапорцем переносчика важнейших вестей на седле?

И ответил ему, не скрывая грусти, маг Шаалы:

– Печальнейшую, мой принц. Он привез вам королевскую корону...»

Истинная и подробная повесть о принце Люциаре и его рыцарях

Глава первая

ТАЙНЫ, ТАЙНЫ И ЕЩЕ РАЗ ТАЙНЫ

Как всегда бывало со здешней аппаратурой, четкость оказалась фантастической, а цвета, краски и оттенки смотрелись в несколько раз ярче, свежее и прекраснее естественных. словно бы распахнулось окно, но не в реальный мир – в лучший, более красочный. Жаль только, что открывшееся взору зрелище было бесконечно далеким от идиллий и пасторалей. И представало самым что ни на есть будничным, и не только по здешним меркам, – те, за кем они наблюдали, воевали вновь, только-то и всего. Кого можно удивить войнами?

Сварог, однако, смотрел с любопытством: он впервые наблюдал со стороны осаду крепости. Все выглядело совсем иначе, нежели во время достопамятного сидения в осаде на хлебах у графа Сезара. Тогда подступившие к стенам воители выглядели и энергичнее, и даже романтичнее где-то, они старались изо всех сил, они с ног сбивались, ретиво суеются, – по крайней мере, первое время.

Теперь же и неискушенному наблюдателю ясно было, что осада тянулась долгонько и давно превратилась из романтического предприятия в опостылевшую повинность. Уяснить это оказалось легко еще и оттого, что снимавший находился в лагере осаждающих, поодаль от передовой, но и не в самом глубоком тылу. Как уточнил с отрешенным видом Гаудин, примерно посередине, меж лагерем и первой линией апрошей и контрэскарпов, кое-где подбравшихся к темно-серым стенам крепости на расстояние выстрела из лука. Последнее обстоятельство играло на руку скорее осажденным: траншеи, хоть и защищенные земляными валами со щитами из толстых жердей, были пустихоньки. Сварог уже прожил в этом мире достаточно, чтобы знать, сколь искусны здешние лучники в стрельбе по настильной траектории – когда утяжеленная стрела, обрушившись словно бы с ясного неба, порой не просто убивает, а прищипливает неудачника к земле, словно жука в гербарии. Стрел превеликое множество – торчат в жердяных щитах, валяются на земле. Прямо на камеру рысцой двигалась кучка людей – солдаты в фиолетовых с черным мундирах волокли легкие носилки, кусок парусины на жердях. На носилках неподвижно вытянулся офицер, и из груди у него торчало длинное древко с алым оперением.

Не так уж и много на Таларе мест, где луки с арбалетами до сих пор предпочитают огненному бою...

– Гланская граница? – отчего-то полусшепотом спросил он. – Осаждающие – в мундирах горротской пехоты, это я уже могу определить...

Сидевший рядом Гаудин пошевелился, словно выйдя из задумчивости, хрустнул пальцами:

– Что ж, вы освоились. Не припоминаю, чтобы здесь вам вкладывали в голову знания о земных мундирах... Все верно. Горротско-гланская граница, неподалеку от Гасперийского перевала. Крепость Корромир, извечное яблоко раздора. Столько раз переходила из рук в руки, что известие об очередной схватке за нее вызывает нервный хохоток. Ронерцы даже сочинили поговорку: «Бесконечный, как драки за Корромир». Не слышали в Равене?

– Не доводилось.

И они вновь надолго замолчали, напряженно глядя на экран, не отводя глаз, ожидая неизвестно чего, – должно же что-то быть, не зря снимавший это человек погиб диковинной и жуткой смертью, превратившись в золотую статую...

Но ничего особенного не происходило. Дюжина пушек на высоких желтых лафетах, поставленных колесом к колесу, ни шатко ни валко постреливала по воротам, в свою очередь служа мишенью для крепостных лучников, для редких мушкетных выстрелов. Из-за немаленького расстояния до стены стрелы теряли убойную силу, но и пушкарки по той же причине не могли похвастаться особенными успехами: ядра небольшого калибра мячиками отскакивали от толстенных железных полос, сплошь покрывавших низкие широкие ворота. Этаким вялотекущий пат. Разместившиеся справа от пушек спешенные драгуны в расстегнутых синих кафтанах даже не смотрели в сторону пушкаррей – сидели на земле в расслабленно-удобных позах опытных вояк, наловчившихся использовать любую передышку. Кто жевал, кто дымил трубочкой, кто просто расслабился душой и телом, погрузившись в недолгую солдатскую нирвану. Не похоже, чтобы их готовили к атаке.

– Я, конечно, не специалист... – осторожно сказал Сварог. – Но есть стойкое подозрение, что с такими пушками они немногого добьются. Против крепости, я имею в виду. Это же дохлые полковушки, а тут нужны осадные орудия, жерла...

– Вот именно, – сказал Гаудин. – Но тут есть загвоздочка, благоприятствующая осаждаемым. По тамошним горным тропам чертовски трудно протащить осадные жерла. Недели две придется возиться. Потому-то Корромир всегда пытались брать лихим налетом. А если не получится сразу, осада затягивается надолго, как сейчас видим. Зауряднейшее зрелище.

– Но отчего-то же он снимал...

– Да, и отчего-то с ним обошлись... как обошлись. Не так уж и глупо было задумано. Не окажись там вас, мы могли и не узнать ничего. Золотую статую переплавили бы, а монета могла затеряться навсегда...

И вновь напряженно уставился на экран. Сварог примолк – видно было, что Гаудину не до разговоров, – курил в полумраке, чувствуя себя неловко в пурпурной мантии хельстадского короля (хорошо еще, митра стояла где-то на столе, освободив голову от лишней тяжести), казавшейся сейчас маскарадным нарядом среди высоких экранов, россыпей разноцветных огоньков, компьютеров и прочих электронных игрушек. Увы, ничего тут не поделаешь: согласно строгому этикету, в Канцелярию земных дел, где они сейчас пребывали, полагалось являться одетым по всей форме – если ты из тех, кому такая полагается по званию, по должности, по чину. Гаудин тоже восседал сейчас в парадном мундире своего ведомства, щедро изукрашенном жестким золотым шитьем, кисточками и гербовыми пуговицами, при всех орденах. Тонкий и абсурдный, чисто бюрократический юмор ситуации заключался в том, что Канцелярия земных дел была единственным присутственным местом, где Сварог, будучи земным королем, обязан был появляться исключительно в королевской «парадке» и никак иначе. Во всех других случаях можно было выбирать самому – меж мундиром Яшмовых Мушкетеров, камергерским кафтаном или попросту подобающим дворянину костюмом. Но коли уж тебя занес-

ло в Канцелярию земных дел – будь любезен одеться по всей форме. При всех здешних дворянских вольностях, заставлявших поневоле вспомнить то ли Польшу семнадцатого столетия, то ли Швецию – восемнадцатого, там и сям правила бал скрупулезнейшие и незыблемые бюрократические регламенты, ничуть не зависевшие от особы, восседавшей в данный момент на императорском троне.

С дворянской вольностью, между прочим, все обстоит гораздо проще, подумал он, невидяще уставясь на сонное шевеление канониров у окутанных тяжелым сизым дымом пушек. Все зависит от личности самодержца, от того, личность ли самодержец. Мало кто помнит, что во времена ставшего притчей во языцех польского шляхетского разгула по другую сторону Балтики, в Швеции, творилось то же самое. Словно отражение в зеркале, право слово. Заполнившее парламент шведское дворянство являло собою коллективного диктатора, плевавшего и на интересы всех прочих сословий, и на интересы государства. Единственной привилегией короля было то, что ему полагалось в парламенте два голоса, а не один, как у всех прочих (что, легко догадаться, ничего не решало). Жаркие дискуссии, кипевшие в парламенте, касались одного-единственного животрепещущего вопроса: кому продаваться? Выбор был невелик – Франция, Пруссия, Россия. Как легко догадаться, рвение парламентских ораторов, призывающих полностью подчинить шведскую политику и армию интересам одной из вышеназванных держав, напрямую зависело от полученного из данной державы золота, стыдливо именовавшегося «пенсией». На горизонте реальной угрозы замаячил неминуемый раздел Швеции меж тремя заинтересованными сторонами... как произошло с Польшей чуточку позже.

В Польше так и не нашлось твердой руки. Зато молодой шведский король Густав-Адольф оказался гораздо умнее и хитрее, чем о нем полагало обленившееся умом от долгой вседозволенности дворянство. И когда в один далеко не прекрасный день в провинции вспыхнули крестьянские мятежи, ничего не подозревавший парламент без особых опасений доверил королю временное командование армией, ведать не ведая, что означенные мятежи как раз и разожжены тайными королевскими агентами (ради вящей скрупулезности нелишне упомянуть, что параллельно вспыхнули и бунты, к которым король не имел никакого касательства). Нежданно-негаданно в королевских руках оказались отборные полки, которые он быстро сумел расположить к себе. И кончилось все тем, что вскорости парламент оказался окружен пушками. У орудий браво вытянулись канониры с зажженными фитилями, по близлежащим улицам маршировали гвардейцы с примкнутыми багинетами, грохотали рассыпчатой дробью барабаны, носились взад-вперед, пыжась от собственной значимости, конные безусые поручики... Словом, происходящее являло собою картину классического военного переворота согласно лучшим образцам. Энергичным шагом вступивши в зал заседаний, король объявил господам дворянам, что по зрелому размышлению он решил покончить с прежним бардаком и править отныне самодержавно. Вообще-то, согласно свидетельствам очевидцев, король вроде бы благородно соглашался выслушать и иные мнения, противоречившие его замыслам, о чем и заявил во всеуслышание, – но окружавшие монарха подвыпившие гвардейцы со шпагами наголо что-то чересчур уж пристально озирались в поисках оппонентов и выглядели

довольно хмуро. А посему все королевские предложения были приняты единогласно, самодержавие оказалось провозглашенным с некоей долей будничности, чуть ли не рутины. Правда, королю этого не простили, несколько лет спустя некий граф смертельно ранил его на балу, но возврата к прежним вольностям дворянство так и не дождалось...

К превеликому сожалению, с бюрократией такие номера не проходят, потому что не существует, строго говоря, центра средоточия, некоего здания, которое можно захватить и парализовать лихим налетом подвыпивших гвардейцев с обнаженными клинками... Вспомнив об этом, Сварог немного погрузтел. Было, правда одно утешение: в его собственных владениях, что в Хелльстаде, что в Трех Королевствах, ни бюрократии, ни чиновников не существовало вовсе, а значит, не с кем и воевать. Правда, и народонаселения не имеется, если не считать нескольких сотен одичавших анахоретов, пересидевших напасть в Трех Королевствах за изгородью из серебряных монет и утвари. Что до обитателей Хелльстада, то они, за исключением мэтра Лагефеля, к роду человеческому не принадлежали вовсе, а потому вовсе уж вопиющей нелепицей было бы создавать бюрократический аппарат для управления ими. Чиновнику, конечно, все равно – за приличную плату и красивый вицмундир он согласится управлять и ронерскими землепашцами, и хелльстадскими гигантскими змеями-глорхами, но на кой черт королю...

– Зашевелились!

– Что? – встрепенулся Сварог.

– Оживились что-то, – сказал Гаудин, не отрываясь от экрана.

Праздно сидевшие драгуны, очевидно, повинувшись чьей-то команде, стали дружно подниматься на ноги, без спешки, но и не копаясь застегивали мундиры, нахлобучивали рокантоны, разбирали короткие штурмовые протазаны – широкие лезвия порой сталкивались с протяжным звоном, – затягивали перемычки с мечами и пистолетами. Там и сям словно из-под земли возникли энергично размахивавшие руками сержанты, слышалось их повелительное рычание, одинаковое под любыми звездами и во все времена, кое-где замаячили лейтенанты и капитаны, на правом фланге тяжело хлопнуло вынутое из чехла знамя, которое развернули одним энергичным рывком. Откуда-то из-за спины снимавшего появились еще драгуны, уже выстроенные в густые, локоть к локтю, шеренги, с подтянутыми офицерами, а слева выдвинулись несколько платунгов в зеленом – судя по высоким колпакам без полей, с медной отделкой, гренадеры. Штурмом пахивало все явственнее: шеренга за шеренгой продвигалась к траншеям, сбиваясь в плотную массу, удаляясь от зрителя, но благоразумно не приближаясь пока что к той незримой границе, за которой можно получить пулю или стрелу. Сразу в нескольких местах раздались резкие трели рожков. Пушки вдруг загромыхали чаще; едва они успевали грузно откатиться назад после выстрела, пробороздив каменистую землю станинами, голые до пояса канониры бросались к дулам с банниками и шуфлами.

Сварог присмотрелся – и недоуменно воскликнул:

– Да они же холостыми бьют, вы только посмотрите!

– Очень похоже, – кивнул Гаудин. – Ни ядер не видно, ни картечи...

Тяжелый дым понемногу заволакивал пространство меж орудиями и стеной, канониры суетились в черно-сизых струях, словно черти на адской кухне,

с крепостной стены, приглушенный немаленьким расстоянием, донесся звук горна – в крепости играли боевую тревогу. Шеренги горротцев все густели, знамен уже развернулось не менее полдюжины, справа над рядами поднялся вексиллум...

Изображение дернулось – снимавший, такое впечатление, переместился вперед. Объектив на уровне человеческой груди – уж не в орден ли камера вмонтирована? Или – в пуговицу? Сварог хотел спросить об этом, но постеснялся приставать с такими мелочами – очень уж напряженным, застывшим стало лицо начальника тайной полиции.

На правом фланге взвилось королевское знамя, белое с черным солнцем. Грохотали барабаны, но из-за безостановочного рева пушек это можно было понять лишь по бешеному мельканию палочек в руках застывших статуями барабанщиков. Ветер дул в спину снимавшему, и дым стелился к крепости, уже едва видневшейся за мутно-серой пеленой.

«Только идиот способен сейчас броситься на приступ, – подумал Сварог. – Штурмовых лестниц не видно, ворота целехоньки, со стен можно косить наступающих, как куропаток в садке. И все же они, несомненно, готовятся к броску... их командир то ли сошел с ума, то ли имеет в зачатке что-то коварное». Снимавший резко развернулся влево, захватив в объектив высокого генерала в перехваченной алой орденской лентой черной кирасе, окруженного кучкой раззолоченных штабных и адъютантов. Черная борода с первыми седыми нитями, черные пронзительные глаза, отрешенно-умное лицо, судя по первому впечатлению – тот еще волк. Сварог поневоле оценил птицу по полету – если штабные нет-нет, да и принимали картинные позы, словно рассчитывая на восхищение дам или художников-баталистов (хотя поблизости не имелось ни первых, ни вторых), без нужды сжимали эфесы мечей и, горделиво этак подбочениваясь, отставляли ножку (один, болван этакий, даже поднес к глазу подзорную трубу, словно и впрямь надеялся рассмотреть что-то в непроглядном пушечном дыму), то бородатый генерал, не глядя по сторонам и не отвлекаясь на напыщенные позы, спокойно, несуетливо *работал* – отдавал короткие приказы, изредка сопровождая их скупыми жестами, и шеренга выстроившихся перед ним вестовых таяла в лихорадочном темпе. Отдав честь и крутнувшись на каблуках, юные кадеты опрометью разбежались в разные стороны, привычно придерживая ножны. Умел человек грамотно работать, Сварог даже залюбовался. Вот только лицо генерала было отчего-то исполнено то ли брезгливости, то ли неприязни, застывшей прямо-таки маской. Когда появились новые лица, числом трое, генерал откровенно отвернулся от них, зло поджав губы. Похоже, ему хотелось от души сплюнуть под ноги. Но не плюнул, а, явственно преодолевая себя, обернулся к подошедшим, преувеличенно низко поклонился. Что-то за всем этим должно было крыться...

Вообще-то, троица была странноватая. Можно выразиться, дисгармоничная. Молодцеватый полковник в неизвестном Сварогу мундире, гражданский чиновник неизвестного Сварогу ранга (не настолько уж хорошо он разбирался в горротских униформах), субъект в дворянском платье, не особенно и роскошном, державший на поводке высокого черного пса, похожего на гланского ладара – пастушьего волкодава. Полковник, хотя и молодцеват, все же не похож на строевого командира, что-то неуловимое в его поведении заставляет думать, что на боевых он оказался, очень может быть, впервые в жизни. А его

цивильные спутники и вовсе уж неуместны здесь, на фоне подготовки к штурму. Однако держится троица вполне уверенно, подошли к генералу, словно не видя, насколько он недоволен их появлением, встали рядом как ни в чем не бывало...

– Что это за мундиры? – не выдержал Сварог.

– Военный – из Канцелярии Главного штаба. Судя по нашивкам на левом плече, труженик канцелярского стола. Среди наград ни одной боевой. Гражданский – в мундире Королевского кабинета, королевский советник. Чин немаленький. Но что ему тут понадобилось, ума не приложу. Генералу они не по нутру, сразу видно, однако терпит...

С изображением вдруг что-то произошло. В мгновение ока. Люди и предметы выглядели теперь резко-контрастными, почти что черно-белыми, поблекло многоцветье красок, исчезли полутона и оттенки, батальная сцена походила теперь на блеклую старинную гравюру. Зато исчез пушечный дым, ставший теперь едва заметным туманом, неуловимой дымкой, и можно было разглядеть крепостные стены. Конечно же, там готовились к отражению штурма – на стенах полно людей, над каждым зубцом поблескивает каска, а меж зубцами торчат дула мушкетов и в гораздо большем количестве – арбалеты. На площадке над воротами дымит круглый котел со смолой – совсем уж древнее средство, но по-прежнему эффективное... Ворота, как и следовало ожидать, целехоньки.

– Догадался переключить на другой диапазон... – машинально прокомментировал Гаудин. – Раньше нужно было...

– А кем он там был? – спросил Сварог.

– Не знаю, – сухо ответил Гаудин. – Долго не приходило отчетов, есть своя специфика...

Боевые порядки осаждающих были безукоризненны. Сварог физически ощущал повисшую над бранным полем напряженную тишину, знакомую по прежней жизни.

Он не уловил момента, когда черная собака сорвалась с поводка. А может, ее отпустили специально. Черное поджарое тело мелькнуло меж солдатами, стелясь в целеустремленном, неудержимом беге, перемахнуло траншеею по широкому дощатому мостику. Две других траншеи пес просто-напросто перепрыгнул с изумительным проворством – и помчался к воротам, его бег напоминал полет стрелы по прямой. Со стен, насколько Сварог разглядел, по собаке не стреляли.

Он на секунду отвел глаза от собаки, привлеченный шевелением меж зубцов, и потому не успел заметить, как *это* произошло...

Казалось, крепость сотряслась, словно бумажная, – но это, скорее всего, вздрогнул снимавший, как любой на его месте. Ослепительное, лимонно-желтое пламя рванулось из проема ворот, мгновенно распространилось, взлетев над зубцами, – и с внутреннего двора крепости взлетели гейзеры огня, пожирая корчившиеся на стенах фигурки, взметнулись над зубцами чудовищными плюмажами, выше флюгеров на башнях... Крепость вмиг окуталась странным пламенем, напоминая теперь уголек в печи.

Горротские шеренги пришли в движение. Надрывались рожки, трещали барабаны, ряд за рядом, сомкнув строй, опустив протазаны, двигался к бушующему пламени – без особой, сразу видно, охоты, но сержанты неистовствова-

ли, крутя палашами над головой, орал офицеры, в боевых порядках размеренно шагал генерал в черной кирасе, сопровождаемый штабными и адъютантами, уже не принимавшими картинных поз. Судя по поведению всех, происшедшее им было в диковинку, – но приказ и воинский долг гнали вперед, прямо в пламя, сожравшее уже, кажется, всех до единого защитников крепости.

Сварог отыскал взглядом странную тройцу: они-то не двинулись с места, стояли, сложив руки на груди, переглядываясь с гордым видом несомненных триумфаторов. Удалось даже расслышать, как полковник проговорил:

– ...не меньше, чем «Рубиновый клинок», господа мои, честью клянусь! А то и «Солнышко» с мечами и цепью! Вот попомните мои слова, такая удача...

Лимонно-желтое пламя волшебным образом утихло, унялось, исчезло совершенно. Что-то полыхало в крепости, что-то дымило, чадные языки огня вставали над стенами, но это было *иное*, привычное, человеческое, если можно так сказать, лишённое всякой необычности и странности... Стены были пусты, а вместо ворот зиял проем, камни покрывал слой копоти, и можно было рассмотреть валявшиеся во дворе ссохшиеся трупы, больше напоминавшие головешки...

По рядам прокатился рев – ободренные исчезновением диковинного пламени, штурмующие ринулись вперед, расстроив боевые порядки, сломав строй, обгоняя офицеров. Пытаясь опередить всех остальных, знаменосец с королевским штандартом, явно зарабатывая положенный за подвиг орден, пропустил к воротам заячьими прыжками, так, что за ним с трудом поспевали четыре штандарт-юнкера с мечами наголо. Ну конечно, той дюжине, что первой ворвется в неприятельскую крепость, полагается не просто орден, а еще и почетная подвеска к нему, изображающая башню... Ах, как чешут ближайшие, отпихивая друг друга...

Знаменосец ухитрился-таки первым влететь в ворота, сообразив в последний миг наклонить знамя, чтобы не сломать о низкий свод золоченое навершие древка. Вот и готов свежий кавалер. Следом повалили окончательно сломавшие строй солдаты. Генерал в окружении блестящей, повеселевшей свиты остановился неподалеку от ворот, подбоченившись, – как и предписано здешними воинскими обычаями, дожидаясь, когда какой-нибудь прыткий офицерик, пыжась от выпавшей на его долю нешуточной чести, доложит по всем правилам, что фортеция взята. Тогда только и подобает полководцу величественно вступить под своды покоренной твердыни...

Вспыхнул свет. Изображение погасло.

– Раутар говорил, нужно посмотреть покадрово... – тусклым голосом сказал Сварог.

– Это успеется, – отмахнулся Гаудин. – По-моему, и так все ясно. Я помню ваш отчет. В точности так обстояло в Равене с теми двумя пожарами, верно? Разве что там были люди, а здесь – собака. Принцип один. Живые существа, представляющие собою мощные зажигательные бомбы...

– Ага, вот именно, – сказал Сварог. – Нет другого объяснения. Псина подбежала к воротам – и моментально полыхнуло... Что это было такое?

– Не знаю, – быстро, досадливо ответил Гаудин. – Не знаю, вот и все...

Впервые за все время, что Сварог его знал, бесстрастный и ироничный глава тайной полиции Империи выглядел растерянным. Но это моментально

прошло, вернулась прежняя маска, олицетворение меланхоличной загадочности.

– Я не знаю, – повторил Гаудин совсем спокойно. – И не скажу, что это приводит меня в уныние, а о страхе и речи быть не может. Там, внизу, хватает неразрешенных пока загадок. Сейчас прибавилась новая, только и всего. Вздумай я предаваться терзаниям из-за каждой новой загадки, давно бы сошел с ума. Но зрелище впечатляет, признаться. Это что-то новенькое. Как бы мне хотелось добраться до короля Стахора...

– Но у вас есть...

– Эта запись? Увы, доказательством она служить не может. – Улыбка Гаудина тоже была прежней, насквозь знакомой. – Все доказательства – я имею в виду пса – бесследно исчезли. Как *те*, в Равене... Вам не раз уже, должно быть, приходилось слышать, что мы живем в эпоху просвещенной монархии. Нельзя призвать Стахора к ответу на основании этой записи. *Что* мы ему, собственно, можем предъявить? вспомните, что вам сказал Раутар по поводу происшедшего с ним: не магия, а чистейшей воды наука. Подозреваю, мы и теперь имеем дело с чем-то похожим... а это опять-таки усложняет поиск доказательств. Неминуемы бюрократические игры и засасывающие, словно болото, бесконечные словопрения. С ходу можно сказать, что первым поднимет шум милорд имперский наместник Горрота, которому обязательно покажется, что данное разбирательство ставит под сомнение его компетентность и служебное рвение. Вам-то такое в диковинку, а я уже научен горьким опытом. Наместники – народец своеобразный. Снова начнут кричать, что я веду подкопы посредством данного случая под сам институт имперских наместников, пытаюсь создать впечатление, будто они не в силах сами контролировать происходящее во вверенных им королевствах, – и так далее, и тому подобное...

Сварог произнес безразличным тоном:

– Раутар говорил о некоем Ледяном Докторе. Он особенно подчеркивал, что Ледяной Доктор – в Горроте...

Гаудин выпрямился в кресле, его голос звучал сухо и непреклонно:

– Вздор. Даже у толковых профессионалов есть свои пунктики и заблуждения. К тому же состояние, в котором он тогда находился, могло повлиять на психику. Вы, конечно, не знаете, откуда вам знать... Так вот, за последние сорок лет Ледяного Доктора с превеликим шумом и вселенской помпой «обнаруживали» трижды. В разных уголках Талара. И всякий раз оказывалось, что тамошние странности имели более приземленное объяснение. Это порочная привычка, право, – связывать любую странность с Ледяным Доктором. Нет никакого Доктора. Больше нет. Был, да весь вышел. Когда сбили его драккар, я был в одной из боевых машин, ясно вам? Я вел погоню, я видел его труп, который впоследствии опознали... А вы говорите!

– Ну, я просто повторяю то, что слышал от Раутара, – сказал Сварог примирительно. – То, что он просил непременно довести до вашего сведения. Я прилежно отрапортовал, и не более того. Собственно, я плохо представляю, что это за Доктор такой... Даже не знаю, с земли он или... отсюда.

– Отсюда, – сказал Гаудин. – Немного найдется людей, которых я бы с превеликим удовольствием зарезал собственными руками. Не убил на дуэли, не застрелил, а именно зарезал бы, как крестьяне режут скотину, и рука не дрогнула бы, пусть это и несовместимо с дворянской честью... Уникальная была лич-

ность, лорд Сварог. И гораздо дольше, чем следовало, украшала собою Магистериум...

– А все-таки, он антланец или лар?

– Лар, к сожалению, – поморщился Гаудин. – Потому и смог развлекаться так долго. Не спорю, вполне возможно, он был и вправду гением... но вот имелась ли у него душа, сильно сомневаюсь. Как учит меня жизненный опыт, тех, кто реально заключил договор с дьяволом и продал душу, в сто раз меньше, чем о том судачит молва... и мне временами кажется, что уж у него-то договор был... Попробуйте представить себе ученого с могучим, холодным умом, но абсолютно не отягощенного морально-этическими препонами...

– Представляю.

– Да нет, вряд ли, – убежденно сказал Гаудин. – Уверен, не представляете. Если как-нибудь захотите обеспечить себе стойкую бессонницу на несколько ночей, попросите у меня его досье. Я вам его предоставлю. Там все отчеты о его лихих экспериментах – по крайней мере о тех, которые стали известны. С недельку вас не хуже болотной лихорадки будет колотить отвращение к миру и человечеству, гарантирую. – Он понизил голос. – Канцлера, знаете ли, вытошнило, когда он осматривал лаборатории, а уж его светлости лучше, чем кому-либо, знакома изнанка нашего мира, вся грязь, все стыдные тайны... Были, например, эксперименты с генной инженерией: вроде попыток получить гибрид человека с крокодилом или создать дерево-людоеда вроде кусай-дуба из ратагайских сказок. Женщины, которым не давали родить, – пытались сделать так, чтобы ребенок и далее развивался во чреве. Это Ледяной Доктор вычитал в каких-то древних книгах, что таким путем некогда выращивали сильнейших магов-эмпатов... Попытки создать собственных кентавров, в подражание силванским. Животные с человеческим мозгом. И так далее, и тому подобное. За всяким экспериментом – десятки уничтоженных людей, как антланцев, так и похищенных на Харуме. Все-таки он был гением, мерзавец этакий. Многие им сотворенные монстры, как ни удивительно... функционировали, и довольно сносно. Я до сих пор не уверен, что мы вскрыли все. И все нашли... В общем, он заигрался, как частенько случается с подобными типами, даже гениальными, тем более гениальными. Лабораторным сырьем стали, самое малое, шестеро ларов. Увы, действовать пришлось в страшной спешке, а потому все закончилось банальной и бездарной перестрелкой с погоней... но как бы там ни было, мы его настигли и прикончили. – Он мечтательно прищурился. – Тогда мы болезненно и весьма качественно прищемили хвост Магистериуму с его любимыми теориями о безграничных путях познания, не скованных никакими запретами и моралью. Нагнали страху. Возмущение в обществе было чересчур велико. На какое-то время они, в Магистериуме, притихли, перестали заглядывать *за грань*. Но, как показал ваш случай, всех сорняков так и не вырвали. По чести говоря, я и теперь, после недавних арестов, не уверен, что мы выдрали все корешки. «Черная радуга» – вещь серьезная...

Сварог понимающе помолчал. Уж тут-то он прекрасно был осведомлен. Ему успели рассказать подробно о том, как две боевые машины Магистериума вышли на перехват его ковров-самолетов, чтобы уничтожить без колебаний всех, кто там был, о том, как поднятые по тревоге браганты Серебряной Бригады в коротком и яростном воздушном бою, не стесняясь в средствах, остановили преданных науке интеллектуалов... В результате чего, будем реалистами, у

Сварога прибавилось в Магистериуме потаенных недругов, о чем он старался не думать...

– А может, все же...

– Бросьте, – поморщился Гаудин. – Говорю вам, мы опознали труп со стопроцентной вероятностью. Есть методы...

– Но ведь не на пустом же месте родилось убеждение, что он уцелел? Если уж его «находили» трижды? Было, надо понимать, нечто, сближавшее эти случаи...

– Глупости, – сказал Гаудин. – Похожесть еще не означает тождественности. Забудьте о нем. Раутар, как и кое-кто из его предшественников, гонялся за миражами. Безусловно, у короля Стахора есть потаенные лаборатории, где работают над какой-то, вульгарно выразимся, чертовщиной... но это, уверен, абсолютно земное. А уровень земного чернокнижья, в том числе и того, что пока укрывается от нашей службы, не настолько уж высок. А что до Ледяного Доктора... Видите ли, все без исключения его эксперименты требовали *здесь* аппаратуры, *здесь* возможностей, *здесь* достижений. И никак иначе. Допустим – исключительно ради вас на миг допустим! – что он остался жив. Чисто теоретически, абстрактно допустим. И что же? Никакой гений не способен, скрываясь где-то на земле, восстановить оборудование, даже жалкое подобие *здесь* лабораторий. Нет, исключено. А эти три... живых бомбы... Я повторяю, до сих пор там и сям всплывает из небытия нечто, считавшееся прочно забытым. Или объявляется очередной гений – гении, прах их побери, совершенно непредсказуемы. Но ничего страшного. Если хотите, возьмите у меня так называемый «Кодекс жути ночной». Под этим пышным названием скрывается сухой отчет о примерно двухстах с лишним феноменах, которые мы до сих пор не в состоянии объяснить. Ну и что? Все это – мелконькие, локальные феномены, в большинстве вовсе не опасные при условии осторожного с ними обращения. Вы – человек здесь новый, а потому, простите, с детским восторгом бросаетесь к иным сомнительным сенсациям. А я долгоношко служу, много насмотрелся... Словом, «Кодекс» я вам пришлю нынче же вечером. Изучите на сон грядущий. И станете гораздо спокойнее относиться к разным чудесам... Ну, а что касается Горрота... Доберемся когда-нибудь и до Стахора. И умельцев, мастеров живые бомбы, непременно возьмем. Невозможно предвидеть появления иных гениев, предвидеть, что им может прийти в голову. Однако *выявленных* хитроумцев не так уж трудно вылавливать... – Он вдруг ухмыльнулся. – Вот взять хотя бы вас. Нет, я не в том смысле, что вас следует вылавливать... Я о том, что вы собственной рукой покончили с одной из самых жутких и устойчивых легенд – я о Хелльстаде. А ведь тысячи лет люди сочиняли страшные сказки... И как же вы себя теперь чувствуете в роли хелльстадского короля?

– Как идиот, – признался Сварог. – Нет никаких страшных тайн – по крайней мере, мало-мальски *больших*. Мелочишки, правда, наберется целый ворох, но это не то... По большому счету, у меня в руках вдруг оказалась огромная, сложная игрушка – я еще не изучил Хелльстад до конца, но выводы могу сделать уже теперь. Действительность оказалась донельзя прозаической: кучка реликтовых чудовищ, немножко тварей, в свое время сконструированных покойным королем, несколько уцелевших со времен Шторма зданий... Знаете, вашему миру крупно повезло. Подумать страшно, что могло случиться, если

бы в свое время власть над Хелльстадом захватил кто-то поумнее и несколько разностороннее покойного короля...

– Но ведь сейчас, по-моему, именно это и произошло? – каким-то незнакомым голосом, пусть и с деланной бравадой, сказал Гаудин.

Нехорошее у него было сейчас лицо... Молчание затянулось. Они не смотрели друг другу в глаза. Наконец Сварог сказал с кривой улыбкой:

– Типун мне на язык... Скажите сразу, я, вообще-то, смогу по окончании нашего разговора из этой комнаты выйти? И пойти куда захочу? И не опасаться, что по дороге или чуточку позже вдруг...

Он прекрасно понимал, что улыбочка у него сейчас вымученная. В точности как та, что прямо-таки зеркальным отражением застыла сейчас на застывшем лице Гаудина.

– Полноте, к чему такие мысли и подозрения, – мягко сказал Гаудин. – Императрица ни за что не позволила бы и не простила нам...

– Многозначительная оговорка, – сказал Сварог. – Открывает простор для домыслов и реконструкций кое-каких недавних бесед, посвященных моей скромной персоне. Дискуссии о моей дальнейшей участи были, надо полагать, весьма оживленными?

– А вы ожидали чего-то другого? – серьезно спросил Гаудин. – Нет, в самом деле? Бросьте, вы не настолько наивны. Интересно, на моем месте вы что, встретили бы новость о новом хозяине Хелльстада милой и лучезарной улыбкой идиота? Позвольте усомниться.

– Послушайте, – в сердцах сказал Сварог. – Я вовсе не стремился заполучить эту шапку. – Он сердито хлопнул ладонью по безвинной митре из серебряных сосновых шишек тончайшей работы. – На землю меня отправили вы. И в Хелльстад, строго говоря, меня загнал не только Конгер с Амондом, но еще и вы, обозначив именно такие условия игры. Вам не кажется? Можно подумать, что я рвался к хелльстадскому трону из всех человеческих сил... Да я с превеликим удовольствием убрался бы оттуда, отпусти он нас по-хорошему!

– Согласен, все произошло по глупой случайности. Но ведь это ничего не меняет...

– Так выйду я отсюда или нет? – почти грубо спросил Сварог.

– Да выйдете, успокойтесь... – усмехнулся Гаудин. – Позвольте быть с вами предельно откровенным, как встарь: дискуссии о вашем будущем и в самом деле имели место... и они были, нетрудно догадаться, более чем оживленными. Но они отнюдь не напоминали деловую встречу наемных убийц в окраинном трактире. И людоедских предложений прозвучало гораздо меньше, чем вам, сдается, мерещится. Во-первых, ситуация из тех, что не терпит излишней торопливости. Во-вторых... Вы знаете, мы не испытываем перед Хелльстадом столь уж панического страха. Как-никак все эти пять тысяч лет он не доставлял окружающему миру ни малейших неприятностей. Гипотезы о том, что Хелльстад представляет собой самозамкнувшуюся систему, ничуть не склонную к внешней экспансии, родились не сегодня и не вчера. Их вдумчиво разрабатывали еще наши предки – и оказались, в общем, правы. В конце-то концов, у нас достаточно возможностей, чтобы справиться и с Хелльстадом. В-третьих же... Можете не верить, но порой я испытываю к вам самую обычную человеческую симпатию. И хочу верить, что сумел вас немного узнать. И потому не жду от вас особенных неприятностей. Конечно, некий риск остается...

Власть всегда меняет людей, частенько не в лучшую сторону, эта нехитрая и печальная истина проверена всей историей человечества. А уж власть над Хелльстадом... И как тут не зародиться опасениям? Вполне понятно, что вас еще долго будут пристально изучать, и к интересу здесь примешивается боязнь...

– Боязнь чего?

– Если пользоваться строго научной формулировкой – неизвестно чего, – грустно усмехнулся Гаудин. – В том-то и беда. Больше всего люди склонны пугаться неизвестного, и ваш покорный слуга отнюдь не исключение. Вы только поймите меня правильно, ситуация деликатнейшая, хотелось бы обойтись без детских обид и ненужного гонора... Меня тоже нужно понять, дураков и любителей решать сложные вопросы с кавалерийского наскока я умею сдерживать... но и сам просто обязан немного тревожиться... По долгу службы, если хотите. Даже если вы со мной искренни и не держите камня за пазухой, есть другая опасность... В Хелльстаде не одни лишь игрушки да реликтовые чудища. Коли уж там имеются, как бы это лучше сформулировать... законсервированные кусочки прошлого, можно опасаться самого худшего. Я даже не того боюсь, что вы в один прекрасный день начнете играть против нас. Я боюсь, что там может покоиться *нечто*. О чем даже покойный король не подозревал. Бывали уже... ситуации. Когда после совершенно безобидных слов или действий вдруг распаивалась некая бездна и оттуда появлялось то самое нечто. Вы же сами с чем-то подобным сталкивались – тогда, в туннеле, когда неведомо откуда, очень может быть, из того загадочного зеркала, на вас двинулся великан...

– Да, воспоминания мерзопакостнейшие, – согласился Сварог.

– Со старыми зеркалами вообще следует быть предельно осторожным, имейте в виду... Итак, вернемся к Хелльстаду. С одним неприятным сюрпризом мы уже столкнулись – я имею в виду подземное государство крохотных человечков, этот ваш Токеранг. Вы ведь не имеете на него никаких средств влияния?

– Ни малейших, – признался Сварог. – Мэтр Лагефель клянется и божится, что мой предшественник о них знал, но воздействовать никак не мог. Кажется, он не врет, я проверил, покопался в компьютере. Не могу сказать, что освоил его, как свою спальню, но по поводу Токеранга он всякий раз выдавал полное отсутствие информации...

– А ведь опасность нешуточная, вам не кажется?

– Да, – сказал Сварог, глядя в пол, меж носков своих мягких коричневых сапог. – Но я обещал с ними посчитаться, и, будьте уверены, посчитаюсь. Делии я им не прощу, у меня до сих пор стоит перед глазами Морская площадь и летящая ракета... А ведь Лесная Дева была права: маленькие опасности иногда страшнее больших... Вы зажигали фонари возле резиденций наместников?

– До сих пор зажигаем. Никакого результата.

– Боюсь, это может означать одно, – уверенно сказал Сварог. – Авторов послания выявили, разоблачили и поволокли куда следует для задушевной беседы – то есть такой, когда берут за душу, лезут в нее с сапогами...

– Признаться, меня их невзгоды не особенно волнуют, – усмехнулся Гаудин. – Быть может, даже лучше будет, если там, под землей, окончательно победят изоляционисты. Если вдумчиво изучить послание, станет ясно, что

там нет и тени альтруизма. Наши неизвестные друзья изощренно торговались, якобы невзначай упоминали о своей силе...

– Что-то их противники мало похожи на изоляционистов, – сказал Сварог. – Помнится, речь там шла о том, что ведутся работы по возвращению им «нормальных» размеров... Они что, и в самом деле могут представлять опасность для... для нас?

– Для нас – вряд ли.

– Значит, для земли, – уверенно сказал Сварог. – Я с некоторых пор принимаю земные беды близко к сердцу...

– Вы это произнесли таким тоном, словно я-то – бездушный монстр... – покривил губы Гаудин. – Зря. Мне вовсе не хочется, чтобы у земных королевств начались неприятности. В конце концов, речь идет о наших вассалах, которых мы обязаны защищать... Уже началась лихорадочная работа. Увы, мы испокон веков создавали систему контроля и наблюдения, охватывающую лишь землю, земную твердь. Никто не занимался морскими глубинами, вообще всем, что лежит ниже уровня воды. И дело не только в нерадении. Есть обстоятельства...

– Какие?

– Всякие, – уклончиво сказал Гаудин. – Объективные, право же, причины... Мы срочно постараемся исправить упущение, но, как вы понимаете, здесь есть сложности. Магистерииум лучше пока не посвящать – неизвестно, куда их заведет в данном случае гипертрофированная страсть к познанию... А вот Хелльстад – это целиком ваша забота. Наши технические средства там по-прежнему бессильны, отыскать вход в подземелье – должен же он существовать! – можете только вы.

– А почему, собственно, ваша техника там не работает?

– Не знаю, – сказал Гаудин. – Честное слово. Такое впечатление, что для решения этой загадки нужно сначала доискаться до причин и сущности самого Шторма. А эти задачи до сих пор не решены, хотя используются самые разные средства...

– В том числе и проект «Алмазная стрела»?

Какое-то время Гаудин ошеломленно молчал. Его улыбка была натянутой:

– Лорд Сварог, вы великолепны... О проекте «Алмазная стрела» осведомлен не всякий член Палаты Пэров... Кто вам мог проболтаться? Вряд ли императрица. Следовательно, выбор невелик: либо Борн, либо Ройл. Пожалуй, все-таки Ройл – окажись это Борн, вы проговорились бы раньше, после первого возвращения с земли. Значит, Ройл... Интриган чертов. Да, существует такой проект. Отчаянные попытки если не создать машину времени, способную перенести разведчика в прошлое, то хотя бы увидеть это прошлое. Увы, достижений пока никаких, кроме неудач... Не хочу очернять Ройла в ваших глазах, но, право же, в отшельники его загнало не разочарование в нашем образе жизни, а собственное бессилие, научная импотенция. Он сделал слишком много широковещательных заявлений о грядущих успехах, но в итоге ничегошеньки не добился. Душевный кризис, череда скандалов, разрыв отношений, бегство на этот его островок...

– А может, задача вообще не имеет решения?

– В том-то и оно, что имеет, – печально сказал Гаудин. – Ладно, поделюсь кое-какими тайнами, вы и без того уже знаете столько, что заслуживаете то

ли пожизненной изоляции в замке Клай, то ли допуска по высшей форме... Так вот, в одну сторону межвременные тоннели, случалось, срабатывали...

– Подождите. Насчет замка Клай – это все же циничная шутка?

– Да конечно, – пожал плечами Гаудин. – Дело обстоит как раз наоборот – ее величество, скажу вам по секрету, намерена ввести вас вскорости в Палату Пэров вместо лорда Алферса, а это как раз и подразумевает совершенно иной уровень допуска к тайнам... Так вот, о Шторме со всей уверенностью можно сказать одно: катаклизм сей сопровождался, помимо всех прочих эффектов, часть которых нам до сих пор неизвестна, еще и страннейшими искажениями пространства-времени. Учено выражаясь, имели место проколы пространственно-временного континуума, отличавшиеся различной протяженностью вектора... Не стесняйтесь признаться, что ничего не поняли. Я сам в свое время стал более-менее разбираться в сути явлений лишь после многочасовых лекций... Если проще – были случаи, когда в результате пронесшегося над планетой Шторма материальные... и даже разумные объекты оказывались выброшенными из прошлого в будущее. То есть – из времен Шторма в наши. В семьсот третьем году над континентом вдруг возник неведомо откуда реактивный самолет. Вот именно, неведомо откуда, без каких бы то ни было визуальных эффектов. Взял и возник в небе. К тому времени уже существовала отлаженная система контроля за воздушным пространством Талара, но поскольку самолет, повторяю, появился без малейших звуковых и световых эффектов, операторы потеряли несколько минут. Когда вылетела Серебряная Бригада, самолет уже садился на обычное крестьянское поле. Он разбился. Как потом выяснилось, в баках не осталось ни капли горючего, и летчик поневоле пошел на вынужденную. Пилот погиб, но вот обломки самолета удалось идентифицировать. Наши предки уходили за облака в жуткой спешке, среди страшной неразберихи и хаоса, когда планету уже сотрясали непонятные катаклизмы, но у них все же оказалось с собой некоторое количество книг, видеозаписей и дискет. Словом, это был одноместный палубный штурмовик с авианосца, боевая машина из времен, непосредственно примыкавших к Шторму. Второй схожий случай произошел шестьсот с лишним лет спустя. Над континентом вновь возник из ниоткуда самолет – на сей раз роскошная спортивная игрушка с представителями тогдашней золотой молодежи на борту. Их было пятеро, обоего пола. Драккары его легко настигли и подхватили силовым полем...

– И что? – жадно спросил Сварог, даже пошевелившись от жгучего любопытства.

– Все оказалось не так заманчиво, как мы сгоряча размечтались, – как-то странно усмехнулся Гаудин. – Как источник информации они... оказались, грубо говоря, дерьмом собачьим. Невероятно тупые и ограниченные субъекты. Золотая молодежь повсюду одинакова. Они весело проводили время на модном и дорогом курорте, когда началось нечто пугающее – они даже не могли толком описать этих явлений. Компания решила немедленно лететь в столицу, под уютное крылышко родителей. Они поднялись в воздух – и тут с ними что-то произошло. Словно выключатель повернули. Только что внизу был морской берег – и вдруг на его месте оказался совершенно незнакомый ландшафт, суша без малейших следов океана.

– И что с ними было потом? У вас?

– Случай был экстраординарный, – с непонятым выражением лица протянул Гаудин. – Они являли собой бесценный кладезь информации о прошлом, а наши предшественники были в чем-то прямолинейнее и решительнее нас... Бесценный кладезь...

– Это тупые-то и ограниченные?

– Вам приходилось слышать, что человеческий мозг, независимо от того, что может рассказать его обладатель, все равно хранит память обо всем, что человек видел, слышал и пережил? Понимаете, всю информацию... Человеку только кажется, что он все забыл. – Гаудин отвел взгляд. – Есть аппаратура... Тогдашним приборам было далеко до их нынешних аналогов, дело происходило четыре тысячи лет назад... Сверху торопили...

– Они все погибли? После... обработки?

– Они все выжили, – сказал Гаудин глухо. – И даже прожили потом немало лет. И не все остались совершеннейшими кретинами, двух даже удалось приблизить к нормальному состоянию... ну, почти нормальному. С цинической точки зрения самое грустное то, что и выкачали-то из них гораздо меньше, чем поначалу рассчитывали, хотя и нельзя сказать, что работали зря...

После долгого молчания Сварог спросил:

– Значит, всякий раз *проколы* были связаны с... летательными аппаратами?

– Не только. В две тысячи третьем один из наших мелких агентов на захо-лустной ярмарке наткнулся на обыкновенного баронского крестьянина, щего-лявшего в странной одежде, не похожей на все, что к этому времени было из-вестно. Поскольку существовала обширная инструкция – кстати, она действу-ет до сих пор, – предписывающая сообщать по начальству обо всем... *не похо-жем*, агент поднял тревогу. Землероба сгребли в тот же день возле родной де-ревеньки. Странная одежда оказалась курткой из синтетического материала, сделанной во времена, непосредственно примыкавшие к Шторму. Это опреде-лили довольно быстро. А вот ее бывший хозяин... В один прекрасный день он взял да и объявился в той деревушке. Попросту вышел из леса, производя впе-чатление то ли тронутого, то ли пьяного. Упорно твердил, что прибыл из дру-гого мира, всему изумлялся, молил объяснить ему, что случилось с планетой, – словом, с точки зрения захо-лустных баронских крестьян, был то ли юроди-вым, то ли попросту скорбным на голову...

– А сам он что говорил?

– До самого не добрались по уважительной причине – он к тому времени лет двадцать уж был покойником. Умер от старости вполне естественной смертью. Несколько стариков его помнили, они-то и рассказали... Видите ли, он, немного придя в себя и осмотревшись, должно быть, понял, что беспово-ротно вырван из своего времени и пространства. И, как ни странно покажет-ся, прижился в деревне. Оказалось, умеет возиться с железками, кузнец как раз искал толкового подручного... Ремесленники в деревне всегда нужны, до-ложили управителю, выделили ему хатенку, приписали к манору, а там и невесту подыскали. Ну, прижился. Полиция по его душу не приезжала, в ро-зыскных листах не значился – так чего же беспокоиться и мудрить? Пусть себе возится в кузне... Деревня – замкнутый микрокосм, знаете ли. Особенный ми-рок, в некоторых отношениях почти что другая планета. Говорят, первое вре-мя рвался в город, то ли к властям, то ли к ученым людям. Потом притих. Должно быть, наслушался того-сего о Шторме, понял, что деваться некуда. Ну,

прожил отведенный природой срок, помер – а одежда осталась. Куртка была очень уж добротной, и в конце концов тот обормот, сосед его бывший, рискнул натянуть одежонку, когда поехал на ярмарку... Был еще один случай. Еще один человек. Никто его никогда не видел, но о нем написал святой Рох во втором томе «Печальных странствий». Они случайно встретились на каком-то постоялом дворе в ронерской провинции. Мы самым тщательнейшим образом анализировали текст и пришли к выводу, что ошибка исключена. Соседником святого мог быть лишь человек, переместившийся во времени из периода, опять-таки непосредственно примыкавшего к Шторму. Вот только его следов не отыскивали, как ни старались. Известно только, что он состоял в свите какого-то вельможного герцога. Должно быть, сумел адаптироваться лучше, нежели тот, из деревни. Или попросту встретил в нужном месте нужных людей, не каких-то задрипанных крестьян... В конце концов, язык практически не изменился, это ему облегчало дело. Неглупый и решительный человек мог, преодолев шок, *врасти* в тогдашнюю жизнь, оставшись для нас незамеченным. Очень возможно, были и другие – те, кто в наше поле зрения не попал... Вы понимаете теперь, чего я опасюсь?

– Пожалуй, – подумав, кивнул Сварог. – С таким же успехом в будущее может оказаться выброшенной какая-нибудь тогдашняя супербомба – за пару минут до взрыва...

– Совершенно верно, – устало сказал Гаудин. – Бомба. Или какой-нибудь крейсер, который с перепугу откроет огонь по земному порту. Да мало ли что – колба из военной лаборатории с возбудителем какой-нибудь чумы, крылатая ракета с ядерной боеголовкой, наконец, какой-нибудь вихрь, уничтожающий везде, где проносится, живые существа, – о чем-то подобном сообщают предки... Вот если бы вдумчиво покопаться в компьютере Хелльстада...

– Руки чешутся, а? – спросил Сварог без особой подковырки.

– Ну естественно, – самым обычным тоном ответил Гаудин. – А вы все-таки против?

– Я боюсь, что вы там что-нибудь испортите, – сказал Сварог чистую правду. – Вся эта штукавина каким-то хитрым образом замкнута на меня... на коронованного короля, я имею в виду.

– Это-то канцлера и останавливает, – кивнул Гаудин. – Да и ситуация не из простых. Канцлер, как я уже говорил, боится излишне довериться Магистерии, Мистериор бомбардирует нас требованиями соблюдать предельную осторожность и опять-таки не доверять Магистерии, в Тайном Совете нет единодушия, а императрица настрого повелела не рубить сплеча... Так что я не тороплюсь. И очень хочу, чтобы вы мне верили, по-прежнему видели во мне вашего доброжелателя. Вам ведь необходимы друзья, лорд Сварог, – особенно теперь. У вас в последнее время появилось слишком много влиятельных завистников. Ваши успехи и иные свершения автоматически вызывают кое у кого люютую зависть... Что произошло, кстати, меж вами и Орком?

– Ничего серьезного, – сказал Сварог быстро. – Так, мелкие ссоры из-за сущих пустяков...

Конечно, следовало бы рассказать Гаудину о забавах Орка с навьями, поделиться кое-какими подозрениями, но он не мог себя пересилить и *настучать*. Уважающий себя офицер стучать не будет. Уважающий себя король – тем более. Нужно сначала кое в чем разобраться самому, в конце концов. О том, что

Орк готовит войско из навьев, он знал лишь от самого герцога. А тот мог и приврать...

– По-моему, вы чего-то недоговариваете.

– Да что вы! – возмутился Сварог елико мог искренне.

– Ну, смотрите, вы взрослый человек. Орк, между прочим, в отличие от вас вряд ли станет играть в благородство. Уж я-то знаю, как давно и целеустремленно он рвался к хелльстадским тайнам... Правда, при этом у него хватило хитрости и благоразумия, чтобы не связаться с «Черной благодатью», хотя Алферс и пытался его втянуть... Но вашего положения это не облегчает. Орк вас с некоторых пор откровенно ненавидит. А моя служба пока что не имеет оснований вмешиваться. Лично я не верю Орку, когда он болтает на всех углах, что вы рветесь к власти над миром...

– И правильно делаете, – сказал Сварог грубовато. – Я решительно не могу понять, зачем мне власть над миром.

– Да я-то понимаю... А вот у глупца-обывателя есть такая поганенькая черта – любит приписывать другим свои низменные побуждения. Он на вашем месте непременно постарался бы достичь высшей власти, а потому убежден, что и вы втихомолку к тому же стремитесь. Учитывайте эту сторону человеческого мышления. Наконец, у этой проблемы – я имею в виду хелльстадскую корону на вашем челе – есть и совершенно неожиданные аспекты. Сами убедитесь, когда поговорите с директором Канцелярии земных дел...

– А что ему нужно? Я так и не знаю, зачем он меня вызвал.

– Что может быть нужно бюрократу? – усмехнулся Гаудин. – Привести реальность в полное соответствие с циркулярами и прочими предписаниями, но ни в коем случае не наоборот... Упаси боже, чтобы было наоборот! Сама мысль о такой возможности истинного чиновника приводит в ужас... Лорд Сварог, у вас чертовски усталый вид: мешки под глазами, повышенная нервность в движениях... Прихворнули?

– Вздор, – сказал Сварог. – Что-то плохо спится всю последнюю неделю. Какая-то дурацкая полубессонница-полудрема, кошмары снятся беспрестанно... У вас не найдется какого-нибудь надежного эликсира вроде того, что спасает от малейших признаков похмелья? Голова раскалывается, в глаза словно песку насыпали. Я решил было, что это заклинания какого-то неизвестного доброжелателя, но они ведь на меня не должны действовать.

– Давайте посмотрим...

Гаудин, хитрым образом сложив пальцы правой руки, пытливо уставился на Сварога и долго молчал. Сварог терпеливо ждал. Он и в самом деле чувствовал себя прескверно – настолько, что вслух на это пожаловался.

– Нет, не чувствую ничего, что свидетельствовало бы о пущенных в ход заклинаниях... – сказал Гаудин. – Я вам сегодня пришлю своего врача... если только не побойтесь что-то из его рук принимать.

– Бросьте, – сердито сказал Сварог. – Я вам до сих пор имею глупость доверять... – улыбнулся он вяло. – И потом, мы, Гэйры, умеем распознавать подсынутые нам зелья...

– Я помню, – без улыбки сказал Гаудин.

Глава вторая

БЮРОКРАТИЯ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

«Гаудин в сложнейшем положении», – думал Сварог, шагая по бесконечным коридорам Канцелярии земных дел – высоким и широким, где зеркальные стены сменялись причудливыми переплетениями золотых узоров от пола до потолка, яркими мозаиками на разнообразнейшие сюжеты, от ласкавших глаз геометрических орнаментов до батальных сцен и сюжетов из незнакомых Сварогу мифов. Экзотические деревья в хрустальных кадках, щедро украшенных созвездиями самоцветов, исполинские гобелены, паркет ручной работы, беломраморные статуи, наборы доспехов и оружия, огромные, причудливейшие люстры, настоящие дебри из хрустальных подвесок, в чащобе коих, казалось, должна кипеть своя незнакомая и странная жизнь, а еще – потрясающей красоты ковры, медальоны из разноцветных эмалей, силванские павлины в золотых ажурных клетках, участки стен, представлявшие собою стены аквариумов, – там в голубоватой, подсвеченной воде плавали всевозможные морские диковины поразительного облика...

Вот именно, Гаудин в сложнейшем положении. Умирает от желания покопаться в тайнах и загадках Хелльстада, пройти по коридорам Вентордерана, облететь страну вдоль и поперек, своими руками коснуться компьютера... Но слишком горд, чтобы напроситься в гости. Быть может, и сама роль гостя для него унижительна. Ну что же, не стоит торопить события, пусть созреет и свыкнется с мыслью, что Сварог – уже не тот робкий, ничего не знающий новичок, многое изменилось за полтора года, и бесповоротно; по большому счету, Гаудин ему более не начальник, если вообще был когда-то начальником. Не стоит задирать нос и подпускать ненужной спеси, но нынешнее положение Сварога, как ни крути, требует иной системы отношений...

Он побывал уже во многих здешних присутственных местах, но нигде не видел столь пышной, пошлой чуточку, чрезмерно обильной и разнообразной роскоши, определенно рассчитанной на то, чтобы ошеломить и поразить вызванных сюда земных королей и их первых министров, ненавязчиво указать им их истинное место в вассальной пирамиде Империи. К стыду своему, он и сам на какое-то время поддался замыслам неведомых творцов Канцелярии – слишком длинными были коридоры, слишком много золота, самоцветов и архитектурных изысков, глаза поневоле разбегались, продуманная, изысканная роскошь подавляла и впечатляла, заставляла ощущать себя маленьким, покорным, незначительным, этаким деревенским недотепой, впервые в жизни узрившим своими глазами пышность и великолепие *высших*...

Он боролся с этим чувством, как мог. Благо попадавшиеся на пути чиновники, пусть и раззолоченные, вальяжные, все, как один, старавшиеся шествовать с чванно-загадочным видом обладателей нешуточных тайн и высшего могущества, на короля Хелльстада косились все же с некоторым оттенком почитательной боязни. Усердно старались этого не выказывать, но Сварог-то, пусть и уставший от странной бессонницы, разбитый, видел у них в глазах глубоко запрятанную опаску. Как бы ни храбрился Гаудин, как бы ни доказывал, что Хелльстада он, собственно, и не боялся вовсе, нельзя отмахнуться от очевидного факта: слишком уж долго нынешнее Сварогово владение суще-

ствовало в качестве самой пугающей тайны планеты. И с этим нельзя не считаться, господа мои спесивые, с этим нельзя не считаться, так что извольте опустить профиль на квинту и померить спесь...

Понемногу и его собственная походка изменялась – он уже не просто шел, а шествовал, намеренно задрал голову и выпятив нижнюю губу, как умел: сюда, в Канцелярию, прибыл не обычный земной монарх, которого за спиной можно и обозвать по обычаю антланцев, высокопробных холуев, «улиткой», – нет уж, позвольте вам не позволить, к вам соизволил заглянуть король Хелльстада, неподвластного вашей технике и заклинаниям... Ага, вон тот, даром что в чине коронного советника, поспешно склонил голову в чрезмерно низком поклоне, а те двое, помоложе да и чинами пониже, и вовсе отступили к стене, хотя достаточно было места, чтобы они могли пройти, не коснувшись пурпурной мантии...

Сварог не ответил на поклоны – даже пресловутым «милостивым наклонением головы», прошествовал мимо, словно не заметил их вовсе. И впервые пожалел, что при нем нет королевского посоха, очень уж славно было бы громко, с вызовом постукивать им по полу. Но тут уж ничего не поделаешь – геральдический посох монарха обязан быть увенчан гербом королевства, а у Сварога пока что не было ни герба, ни флага, ни многого другого...

Двое лакеев, сущих великанов, в усыпанных самоцветами зеленых ливреях, проворно распахнули при его приближении двустворчатые золоченые двери приемной – и тут же заиграли невидимые фанфары, навстречу кинулись двое кабинет-секретарей, осторожно коснулись кончиками пальцев рукавов мантии, делая вид согласно этикету, что поддерживают под руки со всем респектом. А стоявший у двери в кабинет директора великан-глашатай громко гласно рявкнул, так, что уши заложило:

– Его величество король Хелльстада к его небесному сиятельству!!!

Дверь широко распахнулась, Сварог вступил в кабинет – заранее проинструктированный, знавший уже до мелочей предстоявшие ему сейчас клоунские номера. И повел себя соответственно: остановился у порога (дверь за его спиной бесшумно и медленно затворилась), сложив руки на груди, чуть склонив голову.

Директор, вставший с кресла, выпрямившийся за своим исполинским столом с позолоченными углами, словно уард проглотил, столь же церемонно склонил голову.

Тогда Сварог двинулся вперед, прошел ровно половину отделявшего его от стола расстояния, остановился посередине выложенного из ценнейших пород дерева круга, поклонился уже пониже, поднял голову:

– Ваше небесное сиятельство, мой старший кузен, высокий принц короны...

Директор, покинув кресло и обойдя стол (но не переходя некую невидимую линию), выполнил строго регламентированный жест рукой:

– Мой младший кузен, ваше величество, король... Прошу вас. Кресло к услугам вашего величества.

– Вы крайне любезны ко мне, мой старший кузен, – церемонно ответил Сварог и сел.

На этом китайские церемонии и окончились. Почти. Чтобы окончательно обозначить неофициальный характер визита, должны были еще появиться кабинет-лакеи со скудной снедью и питиями, предназначенными не для того,

чтобы вульгарно набить ими желудок, а стать очередным символом.

Директор тронул золотой колокольчик, плавно потряс им, послышалась необычно громкая трель. Сварог терпеливо ждал, не вертя головой, разглядывал все, что только имелось в поле зрения.

Справа высился громадный прямоугольный аквариум – его стенки в два человеческих роста были из столь прозрачного, чистейше надраенного стекла, что казалось, будто никаких стенок и нет вовсе, в углу просто-напросто возвышается куб прозрачной воды, удерживаемой магическими силами. Меж высоких, чуть колыхавшихся зеленых растений лениво проплывали, плавно поводя плавниками, огромные белоснежные карпы, обитавшие исключительно в заоблачных дворцах, выведенные без всякого участия магии, трудами многих поколений лейб-рыбарей, – знаменитые императорские карпы, которых императоры жаловали, словно ордена, отбирали у впавших в немилость, а также вкушали раз в год на церемониальном ужине (и опять-таки, самый микроскопический ломтик редчайшей рыбы, попавший на тарелку счастливого, считался знаком неслыханной милости). «У каждой Марфушки свои игрушки», – подумал Сварог, глядя на размеренно разевавших рты рыбин с чисто гастрономическим интересом, – он успел уже проголодаться, а у директора не поешь...

Все свободное от аквариума пространство, всю стену за спиной директора занимали величественные полки из черного дерева, уставленные толстенными томами в кожаных переплетах, со столь ярким золотым тиснением, словно обложки были изготовлены за час до визита Сварога. Книги своей многочисленностью и однообразием навевали тоску, да и содержанием тоже, заранее, ибо там, как Сварог уже знал, было собрано невероятное количество императорских указов, предписаний, регламентов, росписей, уставов, законов, положений, кодексов и прочих бюрократических премудростей, без которых не мог существовать ни один чиновничек, даже самый низкопоставленный.

Лакеи все еще не появлялись – в этом опять-таки был заложен свой высокий смысл, знаменовавший высшую степень расположения к гостю. Если бы Сварогу хотели продемонстрировать с ходу недовольство, а то и начальственный гнев, холуи мгновенно выросли бы за спиной, едва он опустился в кресло, плюхнули бы на стол ломившееся от снеди блюдо. Ну что же, стиснем зубы и перетерпим эту церемониальную тянучку...

Директор, принц короны, член императорской фамилии, родной дядя императрицы, был высок, худ и костляв, он казался скверно сделанной куклой, лишенной почти всех человеческих слабостей, – да и был таковым в действительности. Злые языки – а конкретнее, другой дядюшка Яны, принц короны Элвар, – уверяли, будто он и ночи проводит в этом кабинете, устраивая перед сном оргии, заключающиеся в перечитывании древних кодексов и подсчете в каждой книге глав и параграфов, разделов и подстрочных примечаний. Наверняка Элвар был пристрастен, но сейчас, при взгляде на эту продолговатую физиономию со впалыми щеками и тусклыми, как старый пергамент, губами, поневоле верилось сплетням, будто директор поставил перед собой задачу: пересчитать все до единой буквы в бесчисленных томах, а потом отыскать в получившемся числе высший магический смысл и связь с путями звезд...

Вот с Элваром было гораздо проще – он, беззаботный толстяк, эпикуреец и патологический бездельник, повадился к Сварогу в гости чуть ли не через

день. Сварог имел однажды неосторожность поведать Его императорскому высочеству об эликсире под названием «самогонка», широко употреблявшемся в том мире, откуда он нагрязнул. Элвар живо заинтересовался, пришлось, привлекая в помощь дворецкого, собрать классический самогонный аппарат, работавший с предельной нагрузкой. Его высочество потреблял самогонку в количествах, способных ужаснуть не только Сварога, но и запойного комбайнера из какой-нибудь муромской глубинки, но при этом ухитрялся остаться в полном здравии. Гораздо хуже приходилось его свите, которую он притаскивал к Сварогу в гости и накачивал тем же эликсиром, – они, бедолаги, переносили зелье не в пример хуже, быстренько оказываясь под столом, но, разумеется, не могли противоречить члену императорской фамилии, не говоря уже о том, чтобы отказаться ему сопутствовать в манор Гэйр.

Между прочим, это Элвар пустил в обиход две намертво приставших к братцу-директору клички: Костяная Жопа и Новогодняя Елка. С первой все было более-менее ясно – а сейчас Сварог понял и смысл второй...

Директор, его императорское высочество принц короны Диамер-Сонирил, был увешан высшими орденами земных королевств чуть ли не до пят. Как и полагалось принцам императорской фамилии, он носил через левое плечо желто-черно-синюю ленту, заколотую на бедре большой звездой Высокой Короны (что означало автоматическое пожалование его всеми остальными имперскими орденами), но она едва виднелась под гербовыми цепями, звездами, кронгами высших степеней, золотыми розетками и орденскими бантами. Не человек, а ходячий справочник по земным регалиям – тут вам и «Круглая башня», и сегурский орден Морских Королей, и Чертополох, и «Черное солнце», и «Золотой сфинкс», и гиперборейская «тарелка», чье название Сварог запомнил, и гурганская пектораль. Оставалось насквозь непонятным, как он ухитряется таскать эту немаленькую тяжесть, без магии тут никак не обойтись... Но, с другой стороны, ежели применить к ордену уничтожающее его вес заклинание, не обесценит ли это награду? Вот вам глубочайшая философская проблема, господа мои, вам, должно быть, смешно, но один из придворных мудрецов в трактате «О сущности отличий» подобные вопросы на десятки страниц размазывал...

Бесшумно появившийся кабинет-лакей поставил слева от Сварога фарфоровый подносик, на котором сиротливо покоилась крохотная чашечка кофе, навевавшая тоску хрупкостью и размерами. Сварог же, не выказывая владевших им чувств, деликатно взял двумя пальцами тоненькую ручку, поднес ко рту сине-белый сосудик и омочил губы пахучей и горячей жидкостью. Церемонии были выполнены, пора начинать беседу...

Поставив свою чашечку, директор поднял на Сварога блеклые глаза:

– Полагаю, мы можем теперь говорить без лишней напыщенности. Прежде всего хочу заверить вас, король Сварог, что мною в первую очередь движет стремление помочь вам в делах, на которые вы по молодости и неопытности не обращали внимания вовсе. Знаете ли, все эти странствия в поисках приключений, все равно, ваши ли или других так называемых «бродячих рыцарей», конечно, производят впечатление на неопытное юношество и обеспечивают хлеб насущный авторам остросюжетных романов, а также менестрелям и летописцам, но вот что касается нас, скромных канцелярских тружеников... Признаюсь вам по совести, сорвиголовы вроде вас порой приводят меня в

ужас. Жизнь человеческого общества – это стремление к порядку, каковой достигается посредством проистекающих от владетельных особ законов и установлений, а уж мы, скромные чиновники, как раз и занимаемся претворением в жизнь поступающих сверху предписаний. Говоря высоким стилем, посвящаем жизнь долгой и многотрудной борьбе за превращение хаоса в строгий порядок. Вы по молодости лет и не представляете, какую дисгармонию вносите в размеренное течение жизни. Прежде чем рубить направо и налево разных там чудовищ, возлагать на себя короны и создавать новые государства, следовало бы заранее продумать последствия, но этого-то вы, молодежь, и не умеете категорически... Но не огорчайтесь, для того и существуем мы, слуги ее императорского величества, на то и поставлены, чтобы вносить строгий порядок...

– Быть может, вам будет благоугодно выражаться конкретнее? – осторожно спросил Сварог.

– Не спешите. Вам следует уяснить, что королевская корона возлагает на вас многочисленные и сложные обязанности, вовлекает вас в разностороннюю деятельность по поддержанию порядка, хотите вы этого или нет... Как известно – и уже подтверждено соответствующими рескриптами, – Ее величество признала за вами права на королевство Хелльстад, а равно и на земли, в обиходе доселе вульгарно именовавшиеся Тремя Королевствами, но с точки зрения строгой отчетности обязанные зваться по всей форме: королевство Демур, королевство Хорен и королевство Коор... Мои поздравления. Но здесь-то и начинается большая и сложная работа, которой вы пока что не спешите заняться, чем нарушаете столько правил и вносите беспорядок в столь многочисленные разделы отчетности, что у меня волосы встают дыбом...

– Простите?

– Начнем с Хелльстада, – сказал директор. – Меня совершенно не интересуют тамошние чудеса и странности – оставим эти материи поэтам, магам Мистериора и восторженным юнцам. Я же, как глава известной Канцелярии, обязан добиться того, чтобы вы привели в порядок требуемую отчетность, причем в кратчайшие сроки...

– Соблаговолите объяснить, – смиренно сказал Сварог.

– Извольте. Королевство – это не абстрактное понятие и не ваша личная игрушка. Королевство – это субъект юрисдикции, обязанный обладать всеми соответствующими атрибутами, институциями и структурами. Согласно параграфу третьему пункта второго «Установления о вассалитете»...

Он сделал движение пальцами, с полки за его спиной вмиг вспорхнул толстенный том в черном кожаном переплете, сам собой раскрылся и, обогнув голову директора, описав плавную кривую, подлетел к Сварогу, остановился в воздухе перед его глазами, так, чтобы Сварог без труда мог прочесть должный параграф.

– Всякое королевство должно обладать, во-первых, государственным флагом, – наставительно продолжал директор. – Во-вторых, гербом, в-третьих, королевскими печатями – Большой, Средней и Малой, причем области применения каждой опять-таки строго регламентированы соответствующими статьями законоустановления. Описания всего этого вы давно обязаны представить в Геральдическую коллегию, послав копии таковых описаний в мою Канцелярию, а также в Кабинет императрицы и Палату Пэров. Где они, позвольте

спросить?

– У меня как-то не было времени, – ответил Сварог в неподдельной растерянности. – Да и никто меня не предупредил...

– Ваша неопытность, конечно, служит смягчающим обстоятельством, – кивнул директор. – Но мы с вами именно для того и встретились сегодня, чтобы привести в порядок все ваши дела... Пойдем далее. Всякое королевство обязано обладать денежной системой – и вы опять-таки обязаны представить во все заинтересованные инстанции полное описание денежной системы королевства Хелльстад вкупе с иллюстрациями, выдержанными в установленном масштабе. Копии на сей раз следует отправлять еще и в Канцелярию по экономическим делам...

– Простите, ваше высочество... – решился Сварог вставить словечко. – Но дело-то в том, что у меня в королевстве, я имею в виду Хелльстад... собственно говоря, населения и нет вовсе. По крайней мере, такого населения, которое пользовалось бы деньгами. У меня там обитают в основном гигантские змеи, собаки, а также...

– Я же сказал – *эти* мелочи в мою компетенцию не входят, – брюзгливо прервал директор. – Если у вас нет населения, которому необходима денежная система, вам просто-напросто следует именно это и написать в соответствующей главе Большого Реестра Королевства... но вы ведь пока что вообще не завели Большого Реестра?

– Увы... – развел руками Сварог.

– А обязаны, молодой человек! Поскольку Большой Реестр Королевства – краеугольный камень вашей отчетности, все остальные отчеты делаются исключительно в его рамках. Советую вам незамедлительно составить Большой Реестр, этим вы облегчите задачу в первую очередь самому себе. Когда у вас будет надлежащим образом оформленный Большой Реестр, управление королевством значительно облегчится. Далее. Любое королевство обязано обладать Геральдическим Кодексом, охватывающим систему титулования, орденов, структуру Сословий и Гильдий, роспись классных чинов, принятых для служащих гражданских органов управления, а также нестроевых военных департаментов. Военного Кодекса у вас, разумеется, тоже нет. Вот видите... В него входят отчетные сведения о ваших вооруженных силах: количество и наименование гвардейских и обычных полков, численность флота, артиллерийского парка, списки генералов и офицеров, полное описание знаков различия, описание воинских знамен, вексиллумов и значков, а также штандартов, вымпелов и гюйсов. Не ерзайте, молодой человек! Я, кажется, догадываюсь, что вы хотите сказать: что у вас нет ни армии, ни флота... Что ж, это ваши личные хлопоты. Вы вправе либо не заводить армии вообще, либо нарядить ваших генералов в кружевные фартучки с рюшечками... но в любом случае следует соблюдать строгую отчетность. Если у вас нет военных кораблей или артиллерии, об этом должна иметься соответствующая запись в должной графе и разделе. Далее. Вы обязаны составить Географический Кодекс: описание числа провинций с точными картами, рек и пахотных земель, лесов, залежей полезных ископаемых... Кроме того, всякое земное королевство обязано представить роспись органов управления, полицейских структур, тайных служб...

Он говорил и говорил, сухо, казенно, бомбардируя Сварога все новыми и новыми требованиями, приводя в совершеннейшее уныние, – а с полком за его

спиной, повинуюсь небрежным жестам, вспархивал том за томом, от книг уже рябило в глазах, они методично распахивались перед глазами Сварога, ощущавшего уже нешуточную головную боль. Прекословить он и не пытался, прекрасно понимая, что оказался затянутым в шестеренки гигантской машины, лишенной всяких человеческих чувств, – и, кроме того, вовсе не настроенной к нему враждебно. Просто она вертелась, как привыкла за тысячелетия, – и воевать с ней было решительно невозможно, потому что шестеренок этих, строго говоря, и не существовало в виде материальных объектов. Можно воевать с людьми, чудовищами, демонами, зверьем, но даже волшебный топор Сварога ничего не смог бы поделаться с этими аккуратными шеренгами переплетенных в черную кожу томов. Предположим, он изрубил бы книги в кусочки – ну и что? Ничего не поделаешь с Сущестующим Порядком... Жаловаться императрице тем более бесполезно – она тоже не в силах нарушать свои же собственные законы...

– Все это в полной мере касается и Трех Королевств, – сказал директор. – Что-то вы осунулись, молодой человек... Право же, я вам искренне сочувствую. *Теперь*, надеюсь, понимаете, насколько сложна и разветвлена наука государственного управления, а равно – строгой отчетности? Это вам, простите, не страшилищ бить топором по голове. Воевать с монстрами – штука нехитрая, любой крестьянин справится, а вы попробуйте наладить *предписанные* управление и отчетность...

Несмотря на скупую мимику малоподвижного лица, он выглядел триумфатором, и Сварог в глубине души признавал за ним эту роль, прекрасно сознавая, что разбит наголову. И в самом деле, гораздо легче и проще без особых изысков бить чудищ топором по голове...

– Есть еще Вероисповедальный Кодекс, – чуточку мягче сообщил директор. – Основные вероисповедания, количество храмов и все прочее...

– Интересно, а если я откажусь от Трех Королевств? – вслух подумал Сварог, ругая себя за это проявление слабости.

– А вот это, должен вам сообщить, не такое простое дело! – вскинулся директор. – Королевство, если оно закреплено за вами соответствующими указами императрицы, – не какая-то там водяная мельница из известной сказки, которую можно передавать из рук в руки, словно старый башмак. Ситуации, когда вы можете быть лишены высшей властью королевских прав, известны наперечет, установления на сей счет законодательно оформлены – и здесь мало вашего собственного желания. Отречение короля от трона, совершенное данным королем добровольно, признается законным и входит в силу только в случае соблюдения должных статей...

Очередной том вот-вот должен был, шелестя страницами, порхнуть с полки, и Сварог торопливо вскинул ладонь:

– Не нужно, я вам верю на слово... Главное я понял: так просто мне от своих королевских корон не отделаться...

– Совершенно верно... ваше величество, – с тусклой улыбкой подтвердил директор. – Далеко не так просто, ох как непросто. И я вновь вам повторяю: вы взвалили на свои плечи дело, требующее громадной ответственности. Чтобы не превращать наш разговор в пустую пикировку или ходульный набор нравоучений, заключу вкратце: вам необходимо в двухнедельный срок привести отчетность в полный порядок.

– А у вас не найдется какого-нибудь краткого руководства? – уныло спросил Сварог. – Инструкции какой-нибудь? «Что нужно знать начинающему королю». Что-нибудь в этом роде...

– Ну разумеется, ну конечно! – отеческим тоном сказал директор. – Неужели вы думаете, что наша задача – загнать вас в тупик и подвергнуть моральным пыткам? Молодо-зелено... Задача чиновника – облегчать жизнь всем, и королям в том числе, путем просвещения и учебы. Говоря поэтическими образами, я сравнил бы чиновника с компасом, помогающим путнику обрести нужное направление. К великому моему сожалению, молодежь наша еще не прониклась этими нехитрыми истинами, предпочитая вместо того сочинять глупые и несмешные анекдоты о бюрократах. Соблаговолите получить нужные пособия – но вот я не стал бы употреблять прилагательное «краткие», когда речь идет о пособиях в столь серьезных и ответственных делах...

Поблизости от левого локтя Сварога возникли прямо из воздуха три толстых книги, плавно опустились на стол. Стопка эта оказалась толщиной в две ладони – что ж, на фоне заполнивших всю стену фолиантов можно считать сии пособия образцом деловой краткости...

– Трудно только первое время, – сказал директор ободряюще. – Когда вы все это изучите, составите необходимые кодексы и приведете отчетность в порядок, управлять станет не в пример легче... И почему вы, собственно, столь печальны? Вам вовсе не обязательно заниматься кодексами и отчетностью самому. Подыщите себе толковых министров...

– Легко сказать, – уныло протянул Сварог. – Где же я их возьму, у меня-то и подданных... – и тут его осенило. – Послушайте, а первый министр... вообще министры непременно должны быть людьми?

Кажется, он чуточку озадачил его императорское высочество – тот всерьез задумался на несколько минут. Впрочем, вряд ли для состояния, в которое он впал, подходило определение «раздумье» – Сварогу казалось, что он слышит, как совсем рядом щелкают шестеренки немудреного механизма, как шелестят страницы оправленных в черную кожу томов.

Наконец директор сказал, совершенно бесстрастно:

– Я не могу припомнить какого бы то ни было официального документа, который прямо запрещал бы занятие поста министра лицом... не принадлежащим к человеческой расе. Равным образом нет и высочайшего указания на то, что министры либо иные королевские чиновники обязаны непременно быть людьми. Отсюда проистекает, что вы вольны назначить своим министром... кого угодно. Лишь бы назначенный мог вести делопроизводство и отчетность согласно установленной форме. Кстати, вы ведь знакомы с ронерским королем Конгером? Так вот, он в свое время возвел в дворянское достоинство одну из любимых охотничьих собак исключительно благодаря подобному юридическому казусу: видите ли, не было прямых запретов на возведение в дворянское достоинство существ, не принадлежащих к роду человеческому. То есть, *подразумевалось*, конечно, что в дворянство всегда возводили только людей, – но это не было закреплено юридически. Сейчас, конечно, после столь конфузного примера, пришлось ввести в уложения прямые запреты – но законы обратной силы не имеют... – Он попытался улыбнуться шире, чем обычно, давая понять, что намерен весело пошутить. – Таким образом, назначить первым министром вы можете кого угодно, но я все же не рекомендую вам выбирать

для этой цели борзую собаку или любимого жеребца. Прямого запрета нет, но остаются чисто практические соображения: борзая собака или скаковой конь не будут заполнять за вас кодексы и отчеты...

– Не беспокойтесь, принц, – сказал Сварог без улыбки. – Я буду руководствоваться чисто практическими соображениями...

– Только постарайтесь не затягивать. У вас всего две недели. Помимо прочего, отсутствие пакета документов тормозит назначение к вам имперского наместника... точнее, четырех, по одному на каждое ваше королевство.

– Вот, кстати, о наместниках, – сказал Сварог. – У меня вдруг появилась идея... По-моему, нынешняя система императорских наместников весьма несовершенна и нуждается в реорганизации.

– Почему вы так полагаете? – насторожился директор.

Сварог сделал достаточно серьезное лицо и тоном солидного государственного мужа, озабоченного исключительно процветанием империи, сообщил:

– Система «один наместник на одно королевство», по-моему, не учитывает сложившихся реалий. Вот, скажем, принадлежащие некоторым державам острова достаточно велики. Настолько, что сами не уступают в размерах иному Вольному Манору: Катайр Крофинд, Бран Лут, Дике... Однако наместников там почему-то нет. Более того: я не возьму в толк, почему нет императорских наместников в тех Вольных Манорах, что не носят ранга королевства. А таких, между прочим, целых восемнадцать. И, наконец... Почему бы не расширить систему наместников, не углубить ее? Скажем, в королевстве имеется двадцать провинций. Согласно моему проекту, система должна принять следующий вид: в королевстве – императорский наместник, а в каждой провинции – подчиненные ему имперские губернаторы... Улавливаете мою мысль?

Он осекся – принц-директор уставился на него выкаченными глазами с видом человека, пораженного неожиданным апоплексическим ударом. Продолжалось это недолго, принц тут же опомнился, выхватил из воздуха высокий стакан с какой-то бледно-желтой жидкостью и одним глотком осушил его до дна. В воздухе распространился тонкий аромат хорошего вина.

Что-то твердое толкнулось Сварогу в сжатые ковшиком пальцы. Инстинктивно сжав непонятный предмет, он опустил глаза и увидел у себя в руке такой же хрустальный стакан с вином.

– Выпейте, – торжественно сказал директор. – За это, право же, стоит выпить. Примите мои поздравления, молодой человек. И простите за то, что я полагал вас легкомысленным вертопрахом. Вы подали великолепнейшую идею, не побоюсь этого слова, эпохальную! Только подумать, что никто прежде не додумался... Ну конечно же, расширение и углубление структуры! Bravo! Великолепно! Конечно же, имперские губернаторы в каждой провинции, подчиненные наместнику королевства! Вы умнейший человек! Одним махом решится столько вопросов...

Сварог оторопело уставился на него, зажав стакан в руке. Без сомнения, господин директор говорил совершенно серьезно – а ведь Сварог всего-навсего попытался не слишком тонко поиздеваться над бюрократической системой, довести ее до абсурда... Черт, прежде чем открывать рот, следовало бы вспомнить, что для бюрократии любое «расширение» и «углубление» становится не абсурдом, а манной небесной!..

– Новые штатные единицы, – рассуждал вслух его высочество. – Как мини-

мум сто штатных единиц. Дополнительные фонды... да нет, какие там сто, ведь всякий имперский губернатор будет нуждаться в канцелярии, аппарате... Если стандартный штат аппарата при наместнике составляет двадцать шесть единиц, то любому имперскому губернатору мы просто-таки обязаны выделить не менее десяти сотрудников... Снимается проблема кадрового резерва, мы одним махом покончим со множеством кандидатов, которые сейчас бесцельно толкутся в департаментах, пишут прошения, интригуют, подсиживают... Всем найдется место... Знаете что, лорд Сварог? – воскликнул он восторженно. – Бросьте вы ко всем чертям эту затею с королевствами. Я вам помогу быстро и эффективно освободиться от этой ноши. И поступайте ко мне секретарем канцелярии. Гарантирую чин имперского тайного советника, льготную выслугу, прочие блага – это все для начала, а там посмотрим... Грех не привлечь в свое учреждение человека, который способен рождать столь полезные и толковые идеи... Как вы?

– Простите, ваше императорское высочество, но вынужден отклонить столь заманчивое предложение, – торопливо сказал Сварог, вовсе не расположенный попадать из огня да в полымя. – Не чувствую в себе достаточно способностей для государственной службы, уж не посетуйте...

– Жаль, жаль, – пожевал губами принц. – Но вы все же подумайте, я не тороплю...

...Уже спускаясь по широкой лестнице Канцелярии, щедро украшенной статуями и фонтанами, Сварог отыскал еще одно надежное средство, способное улучшить отношения с Новогодней Елкой: следует незамедлительно учредить высший орден Хелльстада, с хорошую тарелку размером, непременно с гербовой цепью, самоцветами и кронгами позатейливее. И вручить со всеми полагающимися почестями. А ордена Трех Королевств даже не придется придумывать, достаточно покопаться в библиотеке Геральдической коллегии и восстановить старые. Нужно принимать правила игры, коли уж нет возможности от этой игры отвертеться или изничтожить ее к чертовой матери...

Он быстро спускался, шурша мантией, озабоченный больше всего тем, чтобы не наступить на ее подол, не ляпнуться на ступеньках, – позору не оберешься, явный урон для королевского достоинства... Трое раззолоченных чиновников со всей возможной важностью несли за ним «Кодекс жути ночной», три фолианта кратких пособий для начинающего короля, а также четыре бархатных коробки – королевские Походные Печати, по одной на королевство, которыми Сварог должен был пользоваться, пока не приведет в надлежащий порядок кодексы и отчетность. Бюрократическими причиндалами он обрастал с удручающей быстротой. И ничего тут не поделать. Пусть даже подданных – кот наплакал, пусть даже добрая их половина к роду людскому не принадлежит, пусть даже кандидатов в министры и верные сподвижники можно пересчитать по пальцам одной...

Он даже приостановился. Все из-за чертовой бессонницы, голова не работает толком, иначе давно додумался бы...

Не стоит мудрить. Нужно побыстрее навести справки на земле – что сейчас поделявает Странная Компания. Вот уж на кого можно полагаться и в более серьезных делах. Вот только захотят ли его бывшие сподвижники бросаться в очередное нелегкое предприятие? Как-никак обзавелись орденами и титулами, равно как и деньгами, «дабы поддерживать свое нынешнее положение»,

если использовать стандартную земную формулировку. А верзила Бони и во все стал королем, пусть всего лишь в Вольном Маноре. Людям свойственно стремиться к безопасному уюту, особенно тем, кто попал в князи из натуральной грязи...

Его вимана стояла на прежнем месте – двухэтажный перламутрово-серый домик с алой крышей, и возле распахнутой настежь входной двери навтыяжку стоял верный Макред в парадной ливрее. Картинка мирная, идиллическая. Правда, ее немного портило присутствие в нескольких уардах от виманы боевого драккара, представлявшего собою ровно треть личного Сварогова военно-воздушного флота. Черная крепостца с дюжиной башенок добросовестно оцетинилась дулами и жерлами. Сам Сварог с превеликой охотой избавился бы в мирных полетах от столь могучего вооруженного эскорта, но это была не его идея: Гаудин не то чтобы посоветовал, а прямо приказал летать исключительно в сопровождении драккара, пока не сгладятся кое-какие *шероховатости*... Он и сам передвигался от одного летучего замка к другому под конвоем двух брагантов Серебряной Бригады. А значит, обстановочка и в самом деле оставалась напряженной.

– Прошу пожаловать, милорд!

Верный Макред на сей раз произнес это что-то чересчур уж громко, почти крикнул.

Сварог поднял бровь, прислушался. На втором этаже что-то звонко упало, послышался азартный возглас, чей-то испуганный визг. И тут же все утихло.

– Ах, вот оно что, – сказал Сварог понимающе. – Опять покрываете этих шалопаев, Макред? В конце концов, мы не у себя дома, здесь официальное учреждение, и не из последних... Заберите у этих господ все, что они принесли. Взлетаем. В манор.

Он прошел в дверь, облегченно вздохнув, снял тиару, положил ее на столик у двери, недавно поставленный именно для этой цели, сноровисто расстегнул пряжки мантии, сбросил с плеч, не глядя – к ней, пока не успела упасть на пол, тут же кинулись два лакея в ливреях его фамильных цветов – и поднялся на второй этаж, на ходу доставая сигареты: Костяная Жопа терпеть не мог курения, а потому во всем его обширнейшем заведении не было уголка, где можно устроить перекур.

– Так-так-так-так, – сказал он, входя в гостиную. – Издали слышно, что вы тут на головах ходите, разгильдяи...

Вопреки его пессимистическим ожиданиям, разрушения оказались невелики: пара вычурных кресел перевернута, да сорванная с окна портьера косо повисла на золоченой палке, подметая пол, и возле нее застыл навтыяжку ливрейный холуй, ожидая точных указаний Сварога.

– Навести порядок, – бросил ему Сварог, сел в кресло, из-за своей массивности оставшееся в прежней позиции. С удовольствием затянулся, присвистнул: – Еще и ваза...

Растрепанная Мара повесила голову, без особого раскаяния посверкивая глазами из-под рыжей челки, поправляя на груди покосившийся орденский бант. Карах поместился над камином, за часами, откуда торчало лишь его мохнатое ухо. Неподалеку от кованой каминной решетки изящнейшей ручной работы валялась на ковре немаленькая груда осколков, самые крупные из них сохранили фрагменты тончайших узоров, черных на светло-ко-

ричевом фоне.

– Карах! – рявкнул Сварог. – Встать в строй! Я кому сказал?

Серенький домовой после недолгих колебаний все же покинул свое нехитрое убежище, тихонечко вышел, повесив уши, чуть ли не строевым шагом пересек комнату и встал рядом с Марой, вытянув лапки по швам.

– Вольно, – сказал Сварог. – Все же я не зря занимался с вами строевой подготовкой, шалопаи, она и не из таких людей делала. Что же это мы наблюдаем? Не осколки ли коллекционной, насквозь антикварной вазы? Без малого три тысячи лет стояла себе ваза, что характерно, при всех властях и при любой погоде, а стоило вам, обормотам, в моем замке завестись... Что на сей раз? Ну?

Мара отважилась первой:

– У нас тут возник небольшой спор по поводу быстроты реакции, и некоторые мохнатые стали выпендриваться...

Карах строптиво вмешался:

– На меня, конечно, ордена не вешают, как на некоторых, но вот посмотрел бы я, смогла бы ты чесануть вверх по отвесной стене замка, когда по пятам гонится голодный ямурлакский болотожор...

– Я и говорю: от болотожора бегают только трусы. Или бесполезные создания вроде тебя. К чему от него бегать, когда ему можно без особого труда выколочь буркалы палкой...

– Отставить, – сказал Сварог. – Ясна картина. Снова начали взапуски носиться по потолку, только на сей раз вазу мою фамильную в щепки разнесли без всякого уважения к трем тысячелетиям. И плевать вам, что она в музейные каталоги внесена черт-те сколько лет назад... Разболтались, хорошие мои, что-то давненько я вас не водил в бои и походы... На сей раз вы у меня так просто не отделаетесь, гнев мой будет ужасен, а кара, мало того, что неотвратима, так еще и молниеносна... Мара...

– А? – независимо откликнулась рыжая кошка, ничуть не склонная проливать слезы над безвозвратно погибшим антиквариатом.

– Садись, – сказал Сварог, похлопав по широкому мягкому подлокотнику. – И ты, варвар мохнатый, не стой столбом. Ну вот что... Слушайте меня внимательно. Лауретта, я вас назначаю первым министром королевства Хелльстад, а также трех прочих королевств, каковые имею несчастье возглавлять. Карах, не лыбься – потому что тебе предстоит возглавить Королевские кабинеты четырех вышепоименованных держав. Сию же минуту можете приступать к своим обязанностям, я сейчас покурю и шлепну печати на указы...

Мара гибко наклонилась, чмокнула его в щеку:

– Я вам несказанно благодарна, ваше величество, за столь высокое назначение, нынче же ночью постараюсь отблагодарить, насколько это в моих скромных возможностях...

– Ночью у тебя будут более серьезные дела, нежели ублажать королей, – сказал Сварог без улыбки. – Я не шучу, ребята. Все серьезно. Мы в паршивой ситуации, признаюсь честно. Поскольку вновь оказалось, что бюрократия всемогуща, от меня требуют в кратчайшие сроки привести в порядок отчетность. Вон там, в трех тонюсеньких книжечках, – все инструкции и образцы документов. Нынче же вечером берите виману и отправляйтесь в Вентордеран. Запрягите мэтра Лагефеля, пусть помогает. Пока не управитесь, на глаза мне не

показывайтесь. Сначала разберитесь с Хелльстадом, а потом покопайтесь в библиотечных файлах Геральдической коллегии, извлеките оттуда все данные по Трем Королевствам. Понятно?

Новоиспеченные сановники не выказали особой радости, но и протестовать не посмели, зная крутой нрав своего короля. Глядя на их поскучневшие физиономии, Сварог хмыкнул:

– Ничего, ребятки, справитесь. А то очень уж долгонько бездельничаете, давно я подвигов не совершал... и слава богу, по-моему. Для нормального человека противоестественно слишком часто совершать подвиги. Я с радостью констатирую, что нас ждет пусть и тягостная, но вполне мирная, рутинная работа по приведению королевской отчетности в тот благостный вид, что только и способен убоготворить имперских бюрократов. Согласен, дело нудное и унылое, но лучше уж возиться с бумагами, чем гоняться с топором наголо за всякой нечистью...

– Это кому как, – сказала Мара деланно безразличным тоном.

– Ох, поскорей бы ты выросла, прелесть моя, звезда очей моих, – сказал Сварог удрученно, одной рукой приобняв ее за тонкую талию, другой почесав за ухом Караха и ощущая при этом некое благостное подобие тихого семейного счастья. – Поскорей бы отучилась носиться с мечом по горам и подвалам.

– Да никогда в жизни.

– Ну ладно, – сказал Сварог. – Тебя не переделаешь, чувствую. Тогда вот тебе моя монаршая воля: если за неделю приведешь в порядок все бумаги, разрешу набрать отряд и очистить Ямурлак от остатков тамошней нечисти. Поскольку он примыкает к моим землям, нужно там навести, наконец, порядок... А там и присоединить, благословясь, да и с Пограничьем пора что-то делать...

– Ты серьезно?

– Вот именно, милая, – сказал Сварог. – В конце концов, это не игрушки. Коли уж свалились мне на шею эти королевства, нужно их как-то обустроить, вдумчиво и предельно серьезно... Но имей в виду: не справишься за неделю с отчетностью, не видать тебе Ямурлака, как своих ушей. Уяснила?

– Накрепко, мой повелитель, – заверила Мара вполне серьезно. – Однако... Можно, я сделаю наоборот? Сначала скачаю из геральдической библиотеки всю информацию по Трем Королевствам. Это гораздо проще. А Хелльстад оставлю на потом.

– Идет, – поразмыслив, кивнул Сварог. – Главное, уложиться в неделю. Потом надо будет поискать на земле наших друзей из Странной Компании... – Он щелкнул пальцами и приказал выросшему как из-под земли лакею: – Кофе. И побольше, и покрепче... Голова раскалывается. Могу я нормально выспаться, наконец? Что ни ночь, чертовщина какая-то в голову лезет, непонятно что мерещится...

– Ничего удивительного, – сказал вдруг Карах. – Она идет к Талару.

– Кто идет? – не понял Сварог.

– Багряная Звезда, хозяин, – убежденно сказал серенький домовый. – Она еще далеко, но идет-то она к Талару... Ты меня не зря научил читать-писать, я вчера сидел с книгой про небо и теперь знаю, как это называется, – *орбита*. Путь звезд. Орбита у нее очень длинная, вытянутая, к Талару она подходит раз в пять тысяч лет, но коли уж пройдет близко – жди всяких жутких невзгод...

– Вот и учи после этого всяких там домовых писать, а тем более читать, –

фыркнула Мара. – Багряная Звезда – чистой воды сказочка, выдуманная каким-то шутником в древние времена...

– Сама ты сказочка, рыжая, – огрызнулся Карах. – Говорю тебе, она идет к Талару, я ее чувствую на небе, мы умеем... выходит, и хозяин тоже. Всякие бессонницы и кошмары у него начались в аккурат, когда она замаячила вдалеке... Старики говорили, так оно и бывает, у меня тоже голова как дурная...

– Почему – «как»? – ангельским голосом спросила Мара.

– Подожди, – сказал ей Сварог. – Не вмешивайся... Что это за звезда такая?

– Я и не знаю, как толком объяснить, хозяин. Вообще-то, она и не совсем звезда... И не совсем планета... Просто называют ее так... Она сейчас, я так прикидываю, примерно в паре месяцев своего лета от, как это по-книжному... от орбиты крайней планеты нашей системы... потом еще пару недель будет пролетать в нехорошей близости, пока опять не уйдет на новые пять тысяч лет с какими-то там столетиями... Багряная Звезда, хозяин, – очень плохая планета. Сама по себе она вроде бы и не несет особенного зла, зато про нее точно известно, что она пробуждает всякую погань, которая до того крепко спала, усиливает то зло, что потаенно бдило, вообще она как бы факел, если его кинуть в ведро с горючей жидкостью... Вот так примерно наши старики рассказывали, у нас ее боялись испокон веков, еще с тех времен, когда вас на Грауванне и не было вовсе, когда Грауванн еще не звался Таларом, и слова такого никто не знал... *Другие*, которые жили до вас, про нее тоже знали, что-то такое с ее помощью вытворяли... Кое-кто говорил, это их и погубило...

– Нет, полный вздор, – решительно сказала Мара, едва Сварог разрешил ей высказать свое мнение. – В жизни не слышала ни про какую Багряную Звезду, а нас, между прочим, неплохо учили, гораздо лучше, чем этого ушастого, который и читать-то по складам научился месяц тому...

– Значит, плохо учили, – упорствовал Карах. – Ты как думаешь, почему грянул Шторм? Потому что аккурат в те времена прошла неподалеку Багряная Звезда – и что-то там с чем-то перемешала, отчего получились все ужасы и потрясения...

– Ага, и молоко у коров свернулось, а у медника собака сдохла...

– Поживешь с мое на белом свете – немного поумнеешь...

– А за хвост? – вскинулась Мара.

– Хватит! – прикрикнул Сварог. – Тут вам не латеранский ученый диспут, где позволительно чернильницами швыряться и за профессорские мантии друг друга таскать... Вы, голуби мои, как-никак теперь высокие королевские министры, так что ведите себя пристойно, привыкайте. Со временем, даст бог, обростем подданными и заживем нормальной жизнью, так что учитесь должному этикету... Я поговорю насчет этой звезды с кем следует. Ты уверен, Карах?

– Точно тебе говорю, хозяин, – упорствовал домовой. – Старики говорили, у тех, кто умеет *чувствовать*, так оно и начиналось обычно – бессонница подступает, всякая ерунда по ночам чудится... Вроде бы есть какие-то отворотные церемонии и заклинания, но я их не знаю. У нас ученых было маловато, а потом, когда начались... ямурлакские пертурбации и *наши* начали понемногу разбегаться в поисках лучшей доли, ученые и вовсе куда-то запропали – чтобы не запытали до смерти всякие там охотники за старой магией и кладами. Ты уж поосторожнее держись, мало ли что может *проснуться*...

– Вот тебе живая иллюстрация к теории о вреде излишнего образования, – насмешливо сообщила Мара. – Научил ты его грамоте на свою голову, от первой же прочитанной книжки в головенке все перепуталось...

– Дуреха рыжая, – беззлобно огрызнулся Карах. – Жизнь тебя еще не жевала во все зубы...

– Да-а?

– Ага. Только и умеешь, что мечом махать да с хозяином спать.

Мара прищурилась, медовым голоском спросила:

– А ты что, завидуешь? Тому, другому или всему сразу?

Карах от обиды прямо-таки заплясал на широком подлокотнике.

– Великий Солнцеворот! Первому завидовать смешно, мы с мечами никогда не баловались, у нас в этой жизни другие цели и, учено выражаясь, функции, а что до второго – типун тебе на язык, рыжая язва! Я тебе не извращенец какой-нибудь, я самый обыкновенный представитель древнего племени фортиколов, и сейчас, чтобы ты знала, нахожусь в расцвете лет и сил! Еще когда-нибудь найду себе супругу из своего племени! Не могли же фортиколы вымереть окончательно! И нарочно позову тебя на Брачный Хоровод, чтобы посмотрела, как приличные существа устраивают свадьбы!

– Ну-ну-ну! – осадил Сварог верных сподвижников, новоиспеченных министров. – Вы у меня сейчас кофий из рук вышибете... Кончай цапаться. К дому подлетаем. Мара, незамедлительно займешься библиотекой, как только поужинаем. Вот, кстати... Карах, ты по-прежнему намерен у дворецкого обитать? Что за выкрутасы?

– Никаких тут нет выкрутасов, – насупился Карах. – Соблюдаю старые порядки, только и всего. Мы – фортиколы, а они – фартолоды, вот и весь сказ, какое тут может быть пересечение, положено в разные стороны расходиться, издали друг друга завидевши...

– У меня как-то не было случая спросить... – сказал Сварог. – Откуда они вообще у нас в замках взялись?

– Вам виднее, – дипломатично ответил Карах. – Они когда-то, как приличный «потаенный народец», тоже обитали на земле, а вот поди ж ты, вон они где оказались...

– Знаешь что? – сказал Сварог. – У меня как-то руки не доходили. Будет время, посажу к тебе писца с хорошим запасом бумаги и велю изложить все, что ты знаешь касаясь нашего мира и его обитателей...

– Отчего же нет, – пожал плечами Карах. – Я – создание благонамеренное и приличное, нет на памяти ничего такого, о чем рассказывать было бы стыдно.

– Наплетет он тебе, – сказала Мара. – Ум за разум зайдет.

Карах оцетинился:

– По крайней мере, что познания мои, что воспоминания – насквозь мирные. А вот любопытно было бы твои мемуары почитать. Ужасно однообразное будет чтение, с одним-единственным запевом: «Режу это я кого-то под раскидистым дубом». «Сношу это я башку...»

Мара задумчиво произнесла, мечтательно глядя в пространство:

– Интересно, как это я до сих пор ни единого домового не прикончила? Даже недоумение берет, мало того – сущая досада: столь печальный недочет в биографии...

– Ты полегче, дворянка скороспелая, – отозвался Карах. – У нас мечей нет, но заклинания найдутся. Недельную икотку не хочешь?

– Я тебя тогда не то что через неделю – на другой день в замковом колодце утоплю...

Сварогу все эти их пикировки, имевшие целью потаенную борьбу за расположение хозяина и стремление выставить соперника в смешном виде, были уже знакомы, а потому он и не относился к ним всерьез. Лишь проворчал, выстукая в роли строгого и справедливого повелителя:

– Стыдно, господа министры... Как дети малые. Да, Карах, вот еще что... Интересно, почему вы с моим домовым такие разные? Ты, как я давным-давно убедился, создание общительное, я бы даже выразился, общественное... А вот его я за полтора года и видел-то раза два, и то издали.

– Повадки такие.

– Чем он вообще занимается? – пожал плечами Сварог. – Может, и вовсе бездельничает?

– Да вряд ли, – рассудительно поведал Карах. – Я ж говорю, у нас повадки разные. Не любят фартолоды вам на глаза попадаться, только и всего, но это ж еще не значит, что он лодыря гоняет или о тебе не заботится. Как он может не заботиться, если ему по сути своей положено? Домовые предавать не умеют.

– Они одни, да? – фыркнула Мара.

– Хватит вам, не начинайте опять, – вполне серьезно на сей раз оборвал Сварог. – Голова раскалывается.

Глава третья КТО КРИЧИТ В НОЧИ

Итак, каталаунский живой покойник... ну что о нем еще скажешь? Живой покойник, и все тут, к этому емкому определению, очень похоже, позаимствованному составителем книги от местных жителей, совершенно нечего добавить...

У закатной оконечности Каталаунского хребта, в глухой и малонаселенной ронерской провинции, граничащей с маркизатом Арреди из Вольных Маноров, есть небольшая деревня. Как часто бывает в этих местах, ее население состоит главным образом не из землепашцев, а охотников и ремесленников – специфика округа, знаете ли, пахотной земли мало, да и та скудная, каменистая, почти не родит. Подобных уголков хватает в районах, примыкающих к Каталауну: захолустье, глушь, военного нападения опасаться нечего из-за захудалости примыкающих Вольных Маноров, так что тут нет и мало-мальски серьезных воинских гарнизонов (а ведь давно подмечено умными людьми, что таковые своим наличием оживляют экономику, ну, а отсутствием, легко понять, развитию последней не способствуют); торговые пути, большие дороги и даже контрабандные тропки проходят на значительном отдалении, что опять-таки имеет для экономики печальные последствия; новых людей почти что и не бывает, разве что указующий перст властей и полиции именно сюда зашвырнет очередного ссыльного; обитатели варятся в собственном соку, не хватая звезд с неба и не подкапываясь под фундаментальные вопросы бытия... Скука и глушь.

Одно существенное отличие: именно в этой глуши и помещается одна из

не нашедших решения загадок. Не столь уж и далеко от деревни, всего-то лигах в двух, если выйти на окраину, свернуть налево и прошагать в гору, все время в гору, отдуваясь и смахивая обильный пот. А там, на лысой вершине заурядной горушки, по причине малозначимости даже не имеющей имени, как раз и помещается то ли он, то ли оно...

Там есть могила, почти у самой вершины, – глубокая, однако незасыпанная. Еще деды пробовали засыпать, но со временем убедились, что занятие это абсолютно бесполезное: как ни засыпай, а земля все равно куда-то девается, как в прорву. Давным-давно плюнули и перестали.

В могиле помещается мертвец – по описаниям смельчаков, именно мертвец, черно-синий и вонючий, тронутый разложением, да так отчего-то и задержавшийся на этой стадии восьмой десяток лет. Точнее говоря, не помещается, а где-то даже *обитает*. Поскольку он лежит смирнехонько только днем, в светлое время, а с наступлением темноты выползает, тварюга, из своей вечной квартиры, ползает и култыхает вокруг – никогда не отдаляясь, впрочем, от своей ямины далее трех-четырех уардов. Иногда неразборчиво причитает и стонет, но далеко не каждую ночь, причем закономерностей в его поведении не усматривается вроде бы никаких: может ныть и подвывать неделю подряд, а потом молчать месяц. Иные толкователи из тех, что без всякого на то основания тщатся представить себя деревенскими колдунами и поиметь под этим соусом почет и уважение односельчан, а также материальные блага в виде яиц, сметаны и битой дичины, пытаются порою уверять, что усматривают некие закономерности, позволяющие то предсказывать погоду, то урожаи и охотничьи успехи, то будущее родственников и соседей, – но по некоей традиции, идущей опять-таки от дедов, им, в общем, не верят и высмеивают. Деды давным-давно определили, что ничего подобного нет, а потому нечего и выделяться.

Живой покойник, в принципе, безопасен для окружающих. Все незатейливые правила техники безопасности отработаны давным-давно: хорошо известно, что, ежели подобраться к нему вплотную, может и грызнуть, и придушить, а потому уже добрых полсотни лет старательно соблюдается определенная опытным путем безопасная дистанция. Деревенские парни, правда, частенько шлятся на горушку – оскорблять живого покойника словесно, кидать в него ветками и камешками, чтобы потом хвастаться перед девками. Местный вьюнош, ни разу не ходивший за полночь тревожить живого покойника, согласно неписаной молодежной традиции, считается словно бы и неполноценным, авторитетом не пользуется и успеха у девок не имеет. Но лезть к самой могиле не решаются и записные ухари – достоверно известно, что укус у обитателя горушки ядовитый, те, кого он оцарапал даже слегка, непременно помирали от огненной горячки и загнивания крови, так что некоторые правила поведения молодая деревенская поросль впитывает если и не с молоком матери, то уж с тех времен, как начинает разуметь человеческую речь.

И вот так – добрых семьдесят лет. Достаточно, чтобы живой покойник превратился из будоражащей воображение загадки даже не в местную достопримечательность – в привычную деталь пейзажа. Восьмой департамент наткнулся на это чудо-юдо лет через двадцать после того, как оно завелось в тех местах, а потому отчет зияет пробелами, которые вряд ли когда-нибудь будут

заполнены. Точную дату появления нечисти не удалось определить с точностью не только до месяца, но и до года, ибо старики перемерли, а пришедшие им на смену сами помнили плохо, откуда эта диковина взялась и при каких обстоятельствах. Некоторые упрямо твердили, что это – один из былых обитателей деревни, которого за некие жуткие грехи категорически отказался принять к себе потусторонний мир (вариант: имело место некое проклятье, наложенное на грешника проходившим в этих местах святым Круаханом). С точки зрения Магистериума, объяснение это было насквозь ненаучным, но, вот беда, научного просто-напросто не имелось. Научными методами было неопровержимо доказано, что это существо на горушке и в самом деле представляет собою труп покойного человека, который, тем не менее, все же способен передвигаться и издавать звуки. И только. Под него не смогли подвести научно-теоретическую базу, как ни бились, а потому оставили в покое. Ликвидировать не пытались – кому-то хватило ума вовремя прислушаться к словам стариков, в один голос заверявших, что на их памяти живого покойника пытались и сжечь дотла, завалив сушняком, и засыпать негашеной известью, – но сушняк с завидным постоянством отказывался гореть, а известь должного действия ни разу не производила...

Что ж, порой лучшая линия поведения – не делать ровным счетом ничего, старательно игнорировать загадку, которую не в состоянии одолеть все научно-материалистические методы...

Сварог сердито и небрежно отшвырнул толстенный «Кодекс жути ночной» на столик у изголовья своей необозримой кровати, фамильного ложа, по которому можно было маршировать строевым шагом, если только взбредет в голову такое идиотство. Книга глухо шлепнулась за пределами круга света от ночника. Гаудин, надо отдать ему должное, в который уж раз оказался прав: все описанные в книге феномены, какими бы ни были диковинными и жуткими, воображения отчего-то не будоражили, потому что их было слишком много, потому что каждый из них наблюдался многие десятки лет (а то и сотни), но так и не получил мало-мальски подходящего объяснения...

То ли сон не шел, то ли он попросту боялся смежить веки, зная, что снова окунется в зыбкий полусон, обволакивавший странными кошмарами, пугающими и надоедливymi, не удерживавшимися в памяти. Даже загадочное питье, лимонно-желтая жидкость в круглом графине, доставленное одним из доверенных медиков Гаудина, не действовало должным образом: оно лишь погружало в расслабляющее отупение, но глубокого, здорового сна не могло вызвать. А потому Сварог на вторую ночь велел Макреду выбросить графин в мусорную урну – в то чудо техники, что здесь выполняло роль мусорной урны, растворяя в неяркой вспышке любой неорганический предмет. И снова маялся, валяясь на огромной постели в надежде, что природа каким-то чудом возьмет свое...

Справа от постели, на огромном ковре, тихонько посапывал Акбар, время от времени повизгивая и дергая лапами, – вот кому снились нормальные сны, вот кто дрыхнул без задних лап, даже зависть брала... В нишах темными глыбами стояли древние рыцарские доспехи, слабые лучики света, который Сварог до сих пор упрямо именовал про себя лунным, освещали лишь один угол огромной спальни, где стоял старинный глобус Талара, – с постели можно было рассмотреть, что бледное сияние высвечивает Ферейские острова. Сварог

находился сейчас в столь измененном и болезненном состоянии мысли, что готов был усмотреть в этом некое знамение, а то и предсказание. Некоей трезвой частичкой сознания он понимал, что все это – дичь собачья, но не получал от этого успокоения... Может быть, это некая загадочная зараза, действующая исключительно на того, кто не был урожденным обитателем небес? И нужно слетать на землю, пожить там, развлечься и развеяться, чтобы...

Он передернулся, подскочил на постели, уселся, весь в противном холодном поту.

Непонятно откуда доносился крик... или звук? Не имеющий отношения к чему-то живому? Или все же – крик?

То ли тягучая нота боевой трубы, то ли бесконечный стон, исторгнутый глоткой неизвестного живого существа, – жестяной плач, нытье на одной ноте, слишком реальное для того, чтобы оказаться галлюцинацией, слишком странное для того, чтобы остаться реальностью, плаксивый, вибрирующий вой, он тянулся, тянулся, тянулся...

Сварог перегнулся с кровати – Акбар безмятежно, глубоко сопел. Учитывая его невероятно чуткий слух – и беспокойство при появлении поблизости чего-то по-настоящему *странного*, свойственное всем без исключения хелльстадским псам... Объяснение напрашивалось унылое. Пора всерьез жаловаться опытному врачу – здесь тоже имеются свои психиатры, пусть и непоименованные так прямо, но выполняющие те же функции...

Протяжный крик не смолкал, не набирал силу, не делался тише, он тянулся нескончаемой нотой, лез в уши, проникал под череп, вызывая пакостнейшее ощущение: словно бы череп стал пустотелым сосудом, наполненным чем-то вязким, вибрировавшим в такт, понемногу разогревавшимся, – и все это в твоей собственной голове... И что-то отзывалось в углу, словно бы резонируя. Так колеса проехавшего за окном тяжелого экипажа вызывают дребезжание стеклянной посуды в шкафу, тоненькое, на пределе слышимости...

Он огляделся, ища источник. Слез с постели – пол приятно согрел босые ступни, – сделал несколько шагов, присмотрелся, изо всех сил борясь с ощущением, будто мозги в голове начинают кипеть, побулькивая и клокоча. Протянул руку, осторожно приблизив пальцы к лезвию Доран-ан-Тега.

Он уже не мог определить, мерещится ему или все происходит на самом деле. Все сильнее казалось, что от острейшего лезвия топора исходят крепнущие колебания, ощущавшиеся подушечками пальцев, что лезвие вибрирует в унисон мягким толчкам изнутри черепа. Что огромный рубин засветился изнутри собственным блеском.

«Все, – уныло подумал Сварог, слушая ни на секунду не замолкавший жестяной вой. – Нужно действовать, принять какие-то меры, пока сохранились остатки здравого рассудка, пока это не захлестнуло по макушку. К врачам пора, все всерьез... Или на самом деле что-то воеет в ночи?»

Он сунул ноги в мягчайшие ночные туфли, застегнул рубашку и вышел в коридор, где стояла покойная тишина, где горела лишь одна лампа из пяти, – но неподалеку услужливо вскочил с мягкого диванчика один из множества ливрейных лакеев, на всякий случай дежуривших и по ночам ради мгновенного исполнения хозяйских прихотей (Сварог и не собирался бороться с этой вековой традицией). Склонил голову:

– Милорд?

Сварог осторожно спросил:

– Вы ничего не слышите?

– Милорд? – отозвался лакей вопросительно-недоуменно.

Сварог уже давно открыл, что именно такая интонация в устах верной прислуги означала вежливое непонимание и невысказанную просьбу к хозяину разъяснить подробнее, что именно взбрело ему в голову на сей раз.

– Вот этот звук... – сказал Сварог, у которого и теперь стоял в ушах, в голове, под черепом нескончаемый стон-воплъ. – Довольно громкий, протяжный... Вы его слышите?

Лакей твердо сказал:

– Простите, милорд, я ничего не слышу. Стоит полная тишина.

– Нет, ну как же... – упрямо сказал Сварог, уже не думая о том, что выглядит полным идиотом. – Вот оно... слышите?

– Нет, милорд...

Сварог не помнил его имени – пусть кто-то и сочтет это отрыжкой феодализма, но он решительно не мог держать в голове имена слуг, а привлекать магию для таких пустяков не хотел. Благо и необходимости не было помнить имена...

Он присмотрелся. Лакей, замеревший в безукоризненной стойке «смирно», выглядел безупречной статуей, но он стоял прямо под лампой, под ярко-золотистым шаром, распространявшим мягкое, не беспокоившее глаз сияние. И без труда можно было разглядеть, что физиономия вышколенного молодца далеко не так безмятежна, как он хотел показать... «С ума схожу, что ли? – подумал Сварог смятенно. – Плохо уже понятно, что кажется, а что в реальности имеет место быть...»

– Почему у вас такое лицо? – резко спросил Сварог. – Что тут случилось?

– Ничего, милорд...

– Врете, любезный мой, – сказал Сварог убежденно. – Если вы не забыли, ваш хозяин умеет безошибочно отличать правду от лжи. Незатейливая магия из разряда домашней... Вы мне сейчас говорите неправду... Итак?

Лакей решил:

– Милорд... Я и в самом деле не слышу никаких *других* звуков, о которых вы изволите спрашивать... Но... Что-то неладно, милорд. Что-то неладное в замке...

– Что? Я вам приказываю высказать все, откровенно! Ясно?

– Как прикажете, милорд... Только я и сам не могу толком объяснить... Что-то такое... *повсюду*... Прямо колотит всего... Стою это я, а вон там вроде бы черная кошка шасть – и прошмыгнула! Вот оттуда вон туда... Почудилось, конечно, только было полное впечатление...

Сварог посмотрел в ту сторону. Если доверять лакею, то эта неведомо откуда взявшаяся в замке черная кошка выскочила прямо из стены и в стену же ухитрилась скрыться...

– Отроду не было в замке никаких привидений, – продолжал лакей, ухитрившись ответить на невысказанный Сварогом вопрос. – В лесу, сами знаете, иногда появляется безголовый медведь, Гэйр-Бар, ваш фамильный призрак, но крайне редко... А в замке никогда ничего подобного и не водилось, разве что домовой, но он – никакой не призрак... Ничего не пойму, в воздухе что-то такое, милорд, волосы дыбом встают, и ветерком, полное впечатление, *насквозь*

продувает...

Сварогу стало чуточку легче – похоже, не один он ощущал в окружающем нечто странное. Ну, а дальше? Какой толк от слов перепуганного лакея? И что тут можно сделать?

– Ну ладно, – сказал он неловко. – Посматривайте тут. Если и дальше станут шастать из стены в стену – неизвестные кошки или случится еще что-то – немедленно зовите меня, это приказ.

Он вернулся в спальню. Протяжный жалобный вой все еще звучал в ушах, и невозможно было определить, откуда он исходит. Снаружи все-таки?

Он распахнул дверь, поддавшуюся легко и бесшумно, вышел на галерею, в ночную прохладу. Приблизился к балюстраде. Лес стоял темной безмолвной стеной, в ближайшем доме для прислуги светились несколько окон. Если не знать наверняка, ни за что не догадаешься, что паришь сейчас за облаками, над грешной землей... Земля как земля, лес как лес, звезды...

Он присмотрелся. Сам не смог бы определить, что тут странного и неправильного, но что-то в ночном небе было не так...

Слева, над высокой острой башенкой одного из лакейских флигелей, чуть левее старомодного прорезного флюгера в виде восседавшего на ветке ушастого филина, светились нечто, вызывавшее в мозгу эти странные и непонятные ощущения, – некое зудение в глазах, мягкое давление на них, словно заноза ухитрилась проникнуть под череп и сейчас пронизывает его насквозь, не причиняя боли, но вызывая... Черт, как облечь в слова те неприятные ощущения, для которых и нет слов?

Будто мерцающий алый уголек, будто видимый вовсе и не глазами...

Он отвернулся. Двинулся по галерее, опоясывавшей весь второй этаж, не поворачивая больше головы к странному огню в ночном небе, но чувствуя его присутствие. Оказавшись у окна кабинета, заглянул внутрь.

Господа высокие министры, несмотря на поздний час, трудились рьяно. Мара сидела у компьютера, всеми десятью пальцами колотя по белой клавиатуре, над синим усеченным конусом вспыхивали географические карты, какие-то таблицы и списки, изображения гербов, орденов и мундиров, проплывавшие сверху вниз и снизу вверх, сразу из трех прорезей тянулись белоснежные листы, то недлинные, то скручивавшиеся в свитки. Примостившийся на резном подлокотнике ее кресла Карах временами вставлял словечко – и Мара то отмахивалась резким движением плеча, то выслушивала внимательно. Все прилегающее к столу пространство было завалено листами и свитками, эскизами ярких мундиров, картами.

Оба министра, как и полагалось в приличных королевствах, уже были титулованными господами. По размышлении Сварог присвоил Маре титул графини – чтобы не баловать ее особенно, с расчетом на будущее и возможные повышения за усердную службу, а Караха, изрядно поломав голову над нестандартностью ситуации, сделал-таки бароном. Новым циркулярам, о которых упоминал Костяная Жопа, это, если придирчиво вдуматься, все же не противоречило: ими запрещалось «возводить в дворянство и присваивать титулы неразумным существам, не принадлежащим к роду человеческому». И только. Здесь опять-таки крылась юридическая лазейка, простор для опытного крючкотвора: с одной стороны, Карах к роду человеческому безусловно не принадлежал, с другой же, как ни примеривайся, был существом вполне ра-

зумным, а следовательно, под циркуляр не подпадал. Именно так, мудро рассудив, решили обожавшие Сварога старцы из Геральдической коллегии – и недвусмысленно намекнули, что ждут от него очередных сложных сюрпризов, скрашивающих их скучнейшее доселе бытие. Сварог обещал непременно что-нибудь придумать...

Сварог тихонько вошел. Мара через плечо бросила на него затуманенный взгляд, бормоча:

– Королевский казначей обязан пребывать в ранге коронного советника... Тьфу ты, голова идет кругом!

– Ты, случайно, не слышишь каких-то *странных* звуков? – спросил Сварог насколько мог небрежнее.

В ушах у него стоял пронзительный вой. Мара вяло улыбнулась, пожалала плечами:

– Только бумажное шуршанье. У меня этот звук скоро в ушах торчать будет, как пробки...

– А ты, Карах?

Серенький домовой выглядел понурым и неуверенным – дело тут, конечно, не в усталости, а в том, что он вопреки загадочным правилам этикета все же поневоле вторгся на территорию своего коллеги, вошел в замок.

– Да вроде бы ничего такого... – сказал он грустно.

– Иди за мной, – мотнул головой Сварог в сторону галереи. – А ты работай, работай, никаких вопросов...

Карах послушно плелся за ним, жался к ноге. Нагнувшись, Сварог привычно подхватил его, посадил на плечо и, стоя у балюстрады, показал в ночное небо:

– Вон там, левее филина... левее флюгера, я имею в виду. Светится там что-то красное или мне чудится?

– Над той крышей?

– Ага.

– Я же тебе говорил, хозяин, а ты не верил, – тихонько сказал ему Карах, щечка уха пушистой мордочкой. – Это и есть Багряная Звезда... – В его голосе сквозило удивление. – Оказывается, ты ее тоже можешь видеть, кто бы мог подумать... Я-то решил, что только такие, как я, могут...

– Красная? И словно бы мерцает? И в глазах какое-то неприятное давление чувствуется?

– Ну да. Не надо на нее долго смотреть, не стоит... Маре бы показать, только ей все равно не докажешь, она-то не видит... Потом-то все увидят, да поздно будет...

– А никакого воя ты и в самом деле не слышишь? – спросил Сварог упрямо.

– Да нет, ничего такого. Тишина кругом. Хозяин... Это все неспроста...

– Удивительно верное замечание, – фыркнул Сварог. – Ладно, иди работай. Маре – ни словечка ни о чем таком. Коли уж она и не видит ничего, и не слышит... Ну, живенько!

Едва Карах проворно скатился с его плеча и нырнул в дверь, Сварог направился назад.

И сообразил вдруг, что непонятный вой, столь досаждавший ему, исчез. Напрочь. Его больше не было слышно. Словно повернули выключатель.

Ощувив нешуточное облегчение, Сварог выдохнул полной грудью. Голова

по-прежнему побаливала и глаза жгло, словно туда сыпанули песку, но это уже были классические симптомы бессонницы, не имевшие ничего общего с загадочными странностями. Он почти вбежал в спальню, раздеваясь на ходу, швыряя одежду куда попало. Осторожно обошел спящего Акбара, чтобы не наступить в полумраке верному псу на хвост или на лапу, нырнул в постель, в безупречную чистоту прохладных простыней. Уткнулся лицом в подушку, яростно пытаясь *нырнуть* в сон, в беспамятство, пока снова не послышался загадочный вой...

...Он шагал сквозь странные препятствия, напоминавшие хаотичное нагромождение сгнивших остовов множества кораблей, – повсюду ряды насквозь проеденных разрушением досок, то прямых, то плавно выгнутых, похожих на исполинские скелеты длиннющих змей, – но все же это были доски, пахнущие сырой прелью гнилого дерева, серо-зеленые, полурассыпавшиеся. Не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на проход, коридор, – и Сварог шел прямую, грудью, всем телом наваливаясь на закрывавшие путь переплетения хрупких досок. Они уступали напору, с едва слышным шорохом разваливались, осыпая трухой – невесомой, густой, забивавшей нос, глаза, уши. Их не становилось меньше, впереди, сколько он ни шел, вставали все новые нагромождения, лабиринты, груды...

Он не знал, где оказался, куда идет и зачем. Знал только, что не должен останавливаться, – и продолжал шагать, всем телом проламывая преграду. В том, что сгнившие доски так легко уступали его напору, как раз и таилась мучительная странность происходящего.

Не было ни темноты, ни света. Непонятно, как это могло получаться, но именно так и обстояло – мир без темноты и света, без теней, отчетливо различимый далеко вперед и в стороны, клубившийся трухлявыми облаками древесной крошки...

Сон? Или явь? Непонятно. Кажется, кто-то крадется следом. И это плохо, это тревожно, это страшно. Сварог несколько раз оглядывался, ясно видел оставленный им в этом переплетении туннель, но всякий раз нечто ухитрилось стремительно отпрянуть за ближайшую доску. А ведь оно было там, было, за ним кто-то крался с самыми что ни на есть дурными намерениями, не приближаясь отнюдь не из страха, а скорее уж из желания как следует помучить, подленько натешиться страхом и неизвестностью.

Отчего-то, подчиняясь тем же неведомым правилам, он не мог не только остановиться, задержаться, но и повернуть назад. Брел, как автомат, проламывая грудью, плечами, лицом гнилые доски. Чересчур реально для сна...

Что-то мелькнуло справа и слева, шевеление, проворные тени перебегают меж досками, сжимая кольцо, дышать все тяжелее, горло забито древесной трухой, пахнущей незнакомо и неприятно, перед глазами стоит пелена, скоро ничего уже не будет видно...

Он пытался бороться, вырваться из этого наваждения – все равно, наяву оно или в кошмаре. Пытался остановиться, а то и повернуть назад, на миг ощутив себя свободным, рванул наугад, кажется, даже не в сторону, а куда-то вниз, пытаясь проломить всей тяжестью тела то, что под ногами... а что у него под ногами? Почему он не видит, что у него под ногами?

Мгновенный спазм, ощущение падения.

Он вырвался из кошмара – и, кажется, только для того, чтобы тут же по-

пасть в другой.

Он лежал в собственной постели лицом вверх, на ворохе скомканных простыней, мокрехонький от пота, с колотящимся сердцем. В спальне стоял непонятный полумрак – мутновато-синий, придававший знакомым предметам и мебели незнакомые очертания. В горле стоял ком, глаза резало. Синеватый полумрак – никогда ничего подобного в замке не случалось – пронизывали струи более темного тумана, колыхавшиеся лениво и словно бы осмысленно, ширившиеся, распространявшиеся так, словно поставили задачей захватить все пространство... а ведь это уже не сон, никакой не сон, хотя вокруг и творится дикая чертовня!

Визг, тьяканье, уханье, дикий вой в дверях спальни! Что-то тяжелое, темное прыгнуло с его груди, скребнув по животу и бокам чем-то острым, твердым – когти? – кинулось к двери, туда, где катался огромный клубок, шипя, воя, издавая вовсе уж невыносимые для слуха звуки, не похожие ни на что прежде слышанное. И Сварог отчего-то знал совершенно точно, что на сей раз ему не чудится, что он бодрствует, и все это происходит с ним в доподлинной реальности.

Он прыгнул с постели, побуждаемый смутными инстинктами, звавшими в бой. При этом со всего маху наступил обеими ногами на хвост Акбару, но пес, вместо того, чтобы вскинуться с недовольным рывканьем, так и лежал, как лежал, и его тяжелое дыхание что-то не походило на привычное, сонное...

Сварог протянул руку к топору – и случилось нечто необычное, прежде никогда не случавшееся. Древко уплыло у него из рук, отодвинулось от готовых сомкнуться пальцев. Доран-ан-Тег, будто обретя собственные побуждения и планы, крутнулся, завертелся, по кривой линии проплыл над кроватью, к стене, – Сварог едва успел отскочить, – и взмыл под потолок.

Барахтавшийся клубок распался на несколько темных фигур, одна, самая маленькая, осталась лежать неподвижно, а остальные, кажется, четыре, скрюченные, какие-то *неправильные, не такие*, шустро рванулись в коридор, скрылись из глаз.

Сам толком не понимая, что делает, Сварог рванул следом, выхватив на бегу из ножен любимый меч – из синеватой толладской стали, с обтянутой сиванской акульей кожей рукоятью. Мягко шлепнулись на пол кожаные ножны. Его обогнало что-то круглое, туманное, свистящее – и от дубовой двери спальни брызнули щепки, дверь разлетелась на куски.

Сварог выскочил в коридор – по-прежнему освещенный привычными лампами, золотистыми шарами. Под ближайшим шаром, рядом с мягким диванчиком, лежал лакей: вытянувшись, нелепо отбросив руку, с закрытыми глазами, вроде бы живой...

Вспомнив кое-какие бытовые мелочи, что есть мочи заорал:

– Свет!!!

Моментально вспыхнули все лампы и люстры, замок оказался залит светом, словно в день большого приема. По широкому коридору что есть мочи улепетывали четыре скрюченных фигуры, в росте почти не уступавшие взрослому человеку, кривоногие, с шишковатыми головами, покрытые то ли темной клочкастой шерстью, то ли обрывками ветхого тряпья. Передняя далеко опередила остальных, то неслась на двух ногах, то по-обезьяньи припадала на четыре, три остальных отставали – они хромали, шипя и повизгивая, оставляя

на светлом полу пятна зеленой жидкости, а у замыкающей зеленая кровь прямо-таки была над левым плечом буйным фонтанчиком. Должно быть, именно этой твари в непонятной схватке досталось сильнее всех. Она вдруг поскользнулась на ровном месте, с трудом поднялась, закултыхала вдогонку своим, издавая пронзительные вопли страха и боли...

Сварог в нерассуждающем азарте неся следом – голый и растрепанный, в одних модных трусах, черных с белыми корабликами. Уже ясно было, что это не сон, бок и локоть не на шутку саднило – это он порезался острыми обломками двери, – босые ноги ощущали пушистость ковра, теплые неровности мозаики, все вокруг было доподлинной реальностью, с той четкостью и многообразием ощущений, что невозможна в самом подробном сне...

Еще одна распластавшаяся на полу фигура – Макред, ага, а подальше второй лакей, и оба не похожи на трупы... Сварог надал еще, но никак не мог сократить расстояния до этих дьявольски проворных тварей.

Коридор кончился, и вся четверка, гремя когтями, скользя по мозаике, свернула вправо, клубками покатила по широкой лестнице на первый этаж...

Оттолкнувшись свободной рукой от мраморных перил, Сварог прыгнул через пролет, больно стукнулся пятками. Но и этот лихой прыжок расстояния не сократил. Подвывая и лопоча, то и дело брызгая зеленой кровью, неведомые твари неслись прямехонько к высоченному старинному зеркалу, фамильной гордости, овалу от пола до потолка, заключенному в затейливую золоченую раму.

С зеркалом происходило что-то странное. Отражать-то оно отражало, но вместо стекла был словно бы слой горячего воздуха, отчего все видневшееся в зеркале колыхалось и дергалось, то и дело причудливо изламываясь, до полной неузнаваемости, а временами там сверкали тусклые вспышки, размазанные, мутные, видимые словно через толстый слой воды... Овальная часть пространства, четко ограниченный вычурной рамой, казался разверзшимся проемом.

Упругий, шелестящий свист возник над головой Сварога, над самой макушкой, так что волосы, казалось, взвихрились. И в следующий миг туманный диск косо спикировал из-под потолка к лестнице, прошел над ступеньками, опускаясь все ниже и ниже, пикируя целеустремленно и неотвратимо, словно разумное, живое существо. Почти по самой его кромке светился ярко-алым узкий пояс. «Да ведь это рубин в навершии топора...» – сообразил Сварог, топоча по ступенькам.

Доран-ан-Тег, превратившийся в туманный диск, обогнал его, чиркнул по ближайшей фигуре, из-за потери крови, надо полагать, уже не способной передвигаться быстрее, едва ли не ползущей. Налетел, коснулся...

Фигура беззвучно лопнула, разлетелась взрывом темных мокрых ошметков, мгновением позже то же произошло с другой, и еще, и еще, вот ни одной не осталось, только клочья, запятнавшие пол кляксы... Сварог едва сумел остановиться, цепляясь левой рукой за рыцарские доспехи у подножия лестницы, пребольно ушиб запястье, пятки и пальцы босых ног, но удержался на ногах. Не замедляя полета, взмыв еще выше, вертясь с невероятной быстротой, топор по безукоризненной прямой впечатался в самую середину зеркала.

Не было ни стука, ни разлетевшихся осколков. По вестибюлю пронесся мощный неопиcуемый звук, нечто вроде пронзительного визга, завершивше-

гося могучим выдохом – фф-у-уу-хххх! – и из стены выметнулся горизонтальный фонтан, смесь пузырчатых гроздьев, прозрачных и блистающих, с чем-то вроде дымных клубов, эта лопочущая, клокотавшая, пахнувшая чем-то резким струя едва не достигла Сварога, от растерянности так и торчавшего в обнимку с фамильным доспехом, – и тут же пропала, растаяла, фукнув напоследок волной тяжелого смрада.

Стало невероятно тихо. Мозаичный пол вестибюля был усыпан мокрыми ошметками, отвратительными зеленоватыми кляксами. А зеркала больше не было, рама осталась висеть, но вместо неведомо куда и как исчезнувшего стекла Сварог видел лишь стену, обитую синим бархатом в мелкий золотисто-алый цветочек.

Туманный диск – откуда он возник на сей раз и где пребывал в момент этого странного выброса, Сварог так и не успел заметить – повис меж ним и рамой, замедляя вращение, повернувшись перпендикулярно полу, понемногу превращаясь в знакомый топор, вертевшийся все медленнее. И наконец, обратясь топориком вниз, а рубином, соответственно, к потолку, подплыл к хозяину уже совсем плавно, медленно, будто воздушный шарик, колыхаемый легким сквознячком, ткнулся в руку...

Сварог машинально сжал пальцы, стиснул черное древко, покрытое не потрескавшейся за тысячелетия эмалью, сплошь изукрашенное рельефным узором из золотых кружочков, едва выступавших над топориком, напоминавших шляпки гвоздей. С некоторой неуверенностью покачал топором, справа налево и сверху вниз, И не ощутил ни сопротивления, ни каких бы то ни было попыток Доран-ан-Тега вновь действовать самостоятельно. Теперь это снова был обычный боевой топор, ну, предположим, не самый обычный, но полностью покорный хозяину, как и положено любой вещи...

Второй раз с ним такое случилось, а первый раз был в том подземелье, в туннеле под Ителом, в роскошных переходах древнего метро, когда Доран-ан-Тег *самостоятельно*, разве что не столь энергично, как теперь, рубанул по странному зеркалу: и из зеркала потекло нечто вроде крови, а вскоре оттуда вылез загадочный великан со своей быстрой, как молния, огромной кошкой...

– Интересно, что за счеты у тебя с зеркалами? – тихо, одними губами прошептал Сварог так, словно рассчитывал получить внятный ответ. – *С такими вот* зеркалами? И почему...

Он представления не имел, почему, зачем, откуда и как. О Доране сохранились буквально крохи толковой информации, тонувшие во множестве противоречивших друг другу легенд, побасенок и апокрифов, – пара почти нечитаемых надписей на музейных камнях, несколько невероятно древних манускриптов, да еще Доспех Дорана, от коего остался только топор, а где пребывало все остальное, неизвестно. То ли странствующий рыцарь, то ли король всего Харума, то ли монах забытого ордена – баллады и сказки мешали друг другу как раз своим обилием и разноречивостью...

Он поднял голову, услышав наверху звук шагов, появилась Мара, плетущая неуверенной походкой только что очнувшегося от дурманного беспомыслия человека, она моргала и трясла головой, пошатывалась, но меч держала в руке крепко.

– Что стряслось? – спросила она хриплым, сонным голосом. – Я вдруг очну-

лась на полу, физиономией в бумагах... Голова раскалывается, Карах рядом валяется, а в замке суматоха, от воплей люстры трясутся...

– У нас были гости, – сказал Сварог с застывшим лицом. – Только и всего... Вызывай орлов из восьмого департамента, кажется, это сугубо по их части...

Аккуратно поставив топор у перил, он стал подниматься по лестнице, чувствуя, как болят, ноют и свербят все ушибленные и поцарапанные места. Показался Карах, шагавший той же сонной, заплетавшейся походкой, отчаянно лупавший глазами. Верный домовый тащил за собой волоком один из украшавших стену кабинета клинков, изогнутый, с рукоятью в бирюзе. Завидев Сварога, он смущенно пояснил:

– Я думал, хозяин, вас тут всех поубивали на смерть... Самое натуральное зло, тут и особого чутья не надо, сразу ясно. И фартолод твой погиб, я хоть и валялся начисто одурманенный, а почувствовал в тот же миг, в голове будто бомба взорвалась... Ну, думаю, пырну напоследок хоть одну гадину, чтобы не было обидно помирать...

– Положи железку, порежешься, – без улыбки сказал Сварог, свернул в коридор и направился к своей спальне.

Карах, послушно отложив клинок, плелся следом и что-то неустанно бормотал про Багряную Звезду, про то, что она стала себя *оказывать*, про то, что он предупреждал, хоть некоторые сильно умные по причине юной глупости и не верили, язвы рыжие...

Сварог ощущал себя слишком разбитым, чтобы цыкнуть на него как следует. Он отметил с радостью, что и дворецкий, и лакеи уже помаленьку приходят в себя, ворочаются, встать пытаются.

Среди обломков и щепок – всего, что осталось от резной дубовой двери, вмиг выхлестнутой Доран-ан-Тегом напрочь, – лежало крохотное тельце домового. На человека это существо походило еще менее, чем Карах, но Сварог не ощущал отвращения – он навидался разнообразнейших созданий и успел накрепко уяснить, что внешность – еще не главное.

«Такие дела, – подумал он печально и отрешенно. – Я его и не разглядел-то толком, пока он был жив, ни словечком с ним не перекинулись, а он, оказывается, *берег* и, когда пришла такая минута, на смерть пошел не колеблясь. Он им тоже крепенько приложил, но силы, видимо, были очень уж неравны...

Вот и нету у меня больше фамильного домового, а я даже поблагодарить не успел...»

...Одевшись наспех, чтобы не встречать серьезных людей в скудном исподнем, он сидел на широкой ступеньке, на ковре, уперев локти в колени, переплетя пальцы, устало понурившись. Смотрел, как деловито суетятся заповолившие вестибюль орлы Гаудина. Ничегошеньки не понимал в происходящем, даже приблизительно не мог догадаться, что означают все эти таинственные и сложные манипуляции, сделавшие бы честь любому колдуну дикарского племени, – но лучше уж было сидеть здесь, чем в своих покоях, где и вовсе ничего не происходило, здесь он как-никак был на переднем крае событий, пусть и насквозь непонятных...

Слуги куда-то исчезли, бесшумно и поголовно, справедливо полагая, что все эти господские сложности не должны их касаться, а сами они пользы хозяину принести не в состоянии. Зато чада и домочадцы, если можно так выразиться, присутствовали в полном составе. Акбар, которого все равно бесполез-

но было запирать из-за его умения проникать через любую запертую дверь, а то и сквозь стену, растянулся во всю свою немалую длину на нижней площадке и, положив на лапы громадную башку, чуть прядал ушами при каждом очередном непривычном звуке, временами тоскливо косясь на Сварога с неприкрытой надеждой на то, что хозяин вдруг смилостивится и позволит отхватить парочку голов, – ему визитеры решительно не нравились. Мара сидела смирно, взирая на происходящее с профессиональным интересом, а вот Карах, укрывшийся меж Сварогом и перилами, выступал олицетворением вселенского скепсиса: он то и дело, явственным шепотом, подавал критические реплики, из которых следовало, что не только во всемогущество, но и в мало-мальскую полезность мертвой техники, дурацкого стекла и глупого металла он не верит ни на копейку, а применительно к данному случаю – в особенности. По его глубокому убеждению, сформировавшемуся отнюдь не сегодня, основанному на богатом житейском опыте и мудрости предков, почти вся человеческая техника была и остается тупиковым путем, глухим закоулком, в который род людской как-то свернул по ошибке, да так и не нашел в себе ни ума, ни мужества повернуть обратно. Особенно когда речь идет о самой доподлинной древней магии, позабытом злом колдовстве, недавно пробужденном неотвратимым приближением Багряной Звезды. «То ли еще будет, – убежденно вещал он, – то ли еще будет, наплачемся, спохватимся...»

Поначалу Сварога лишь развлекало злопыхательство мохнатого критикана, руссоиста доморощенного, забавляло, и не более того. Однако время шло, и понемногу ему стало казаться, что Карах во многом прав. По крайней мере, в данном случае.

Он впервые видел такие приборы и понятия не имел ни о их принципе действия, ни назначении. Там были прямоугольники из дымчатого стекла, установленные на треножниках и окаймленные цепочками разноцветных огоньков, чья игра, переливы и перемещения определенно несли глубокий научный смысл; замысловатые решетчатые конструкции и ажурные шары, наполненные сиянием всех оттенков радуги; медленно вращавшиеся колеса со спицами из разноцветных лучей; кубы, раструбы и полусферы словно бы из начищенного золота, усыпанные то снаружи, то изнутри тонюсенькими стерженьками из того же материала с головками из прозрачайшего синего стекла; серые металлические ежи – и множество еще более причудливых устройств, вовсе ни на что не похожих, казавшихся творением шизофреника с технической жилкой, коего по оплошности санитаров заперли на недельку на огромном складе телевизорного завода...

И уж тем более он не понимал смысла манипуляций, которые ловко и уверенно проделывали операторы со всем этим сюрреалистическим арсеналом, – они работали столь споро и загадочно, что казались то ли могучими волшебниками, то ли валявшими дурака шарлатанами, намеренными продать глупому провинциальному барону машину для вызывания дождя либо волшебную крысоловку (сама подманивает, сама хватает, сама головы откручивает, успевай мешок подставлять). Не понимал ни словечка из длинных фраз, сопровождавших учено-полицейские забавы. Что поделать, коли ученье – свет, но неученых – тьма...

И все же *поведение* их со временем перестало быть секретом. Потому что они все явственнее вели себя, как люди, потерпевшие поражение. Не способ-

ные похвастать хотя бы крохотным успехом. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы в этом разобраться. Растерянно переглядывались, откровенно пожимали плечами, мотали головами в ответ на вопросы Гаудина, заставлявшего некоторых повторять манипуляции снова и снова. Все больше огней и цветных лучей гасло, все больше приборов отключали и убирали в чехлы, выносили за дверь. В конце концов Сварог уже не сомневался, что эти трое возьмется со своим радужным колесом, единственным оставшимся в строю устройством, из чистого упрямства...

Похоже, того же мнения был и Гаудин. Какое-то время наблюдая со стороны, он в конце концов подошел, решительным шепотом отдал короткий приказ – и главный из троицы подчинился, зло нахмурясь, безнадежно махнул рукой. Выключили и светящиеся спицы обода, отнюдь не ставшего колесом Фортуны.

Гаудин обернулся. Перехватив его угрюмый взгляд, Сварог поднялся и подошел к нему через вестибюль, который уже привели в порядок, замысловатыми устройствами подобрав всю устилавшую его неприглядную дрянь. Высокая рама зеркала выглядела на стене довольно нелепо, Сварог мельком подумал, что следует приказать слугам убрать ее к чертовой матери.

– Ну что? – спросил он вяло.

Гаудин пожал плечами, отводя его под локоток в самый дальний угол:

– После вашего топора трудно провести быстрый анализ. Ошметки... Это живые существа, органические объекты... были. Имеется некий фон, позволяющий судить, что они обладали некими магическими способностями, не особенно сильными.

– Ну, я к тем же самым выводам пришел без всяких анализов, – хмыкнул Сварог. – Живые, конечно. С когтями – горло до сих пор ноет, царапины вздулись... И насчет зачатков магии было нетрудно догадаться: бьюсь об заклад, это они мне и били по мозгам несколько ночей какой-то чертовщиной... Но ведь это не должно на меня действовать, а?

– Отсюда явствует, что мы столкнулись с чем-то качественно новым, – сказал Гаудин без выражения. – Такое случается. Они пришли из зеркала...

– Ценное наблюдение, – сказал Сварог. – Я и сам начинал о том подумывать...

– Не язвите. – Лицо Гаудина было усталым и печальным. – Все серьезнее, чем вам кажется. Таких *прорывов* в замках не случалось очень и очень давно. Если добавить, что мы ничего не понимаем в происшедшем...

– Что, совсем? – спросил Сварог сочувственно.

– Ну, не так чтобы... Я сформулировал бы иначе: мы примерно понимаем, что произошло. Выражаясь предельно доходчиво для дилетанта, мы столкнулись с известным теоретически и практически явлением, которое ученые именуют длиннейшими, совершенно непонятными профану терминами... а мы, практики, – *пробоем*. Пробой – это своего рода тоннель, возникающий на краткое время меж нашим миром и другими пространствами, континуумами, уровнями, мирозданиями. Выберите сами то определение, которое для вас более благозвучно и привычно... Вы понимаете суть?

– Да, кажется, – сказал Сварог. – Нечто похожее на Врата?

– Именно. Врата – одно из проявлений *пробоя*. Проявления многочисленны: Заводи, например; не исключено, что и Древние Дороги... Только не требуйте

у меня разъяснений. Что такое Заводи, вы узнаете сами, посидев пять минут за компьютером, а пути к Древним Дорогам закрылись так давно, что некоторые не верят в их нынешнее существование, ими не занимались несколько тысяч лет. Итак, произошел пробой. К вам нагрянули в гости некие твари из неведомого измерения. В этом-то и загвоздка: мы не понимаем, *откуда*. И не понимаем, что им помогло найти тропинку в наш мир. С зеркалами испокон веков связано немало странностей... с некоторыми из зеркал, слава богу. Но в вашем случае – ни аналогий в прошлом, ни объяснений.

– Хотите объяснение? – спросил Сварог. И тут же вспомнил, что в серьезнейших делах категоричность здорово вредит. Добавил не столь напористо: – Или, избегая скоропалительных выводов, рабочую гипотезу?

– Извольте, – спокойно кивнул Гаудин. – Рабочие гипотезы тем и хороши, что позволяют давать полную волю фантазии, не возлагая при этом на себя ответственность...

Не особенно ободренный этим замечанием, Сварог молча пошел впереди. Они вышли под ночное небо, спустились по невысокой парадной лестнице. У нижних ступенек стояла вимана Гаудина, ее окна ярко светились, и видно было, как на первом этаже угрюмые специалисты размещают последние чехлы с загадочной аппаратурой.

– Мы что, должны куда-то идти?

– Нет необходимости, – сказал Сварог. – Мы только отойдем в тень, чтобы лучше были видны звезды... Взгляните вон туда, левее флюгера, что изображает сову. Видите вы там что-нибудь в небе? На ладонь левее и выше птичьей головы...

– Там звезды, – терпеливо произнес Гаудин с видом человека, на своем веку встречавшего массу чудаков. – Насколько я помню, вон та крупная, голубоватая, называется Марут. Что до других, вряд ли буду столь категоричным. Астрономией я почти не интересовался, так уж получилось, что в моей работе она не нужна... почти.

– А красная?

– Там нет красной. Десяток обычных, белых, и одна голубоватая, Марут...

– Значит, вы ее не видите, – уныло сказал Сварог. – А я вот ее вижу – именно там, похожую на пылающий в золе уголек. И мой Карах ее видит. Он уверяет, что это – Багряная Звезда, та самая, которая...

– Створаживает молоко у коров прямо в вымени, вредно влияет на столовое серебро и подталкивает отдельных нестойких личностей к карманным кражам... – безразличным тоном подхватил Гаудин. – В отличие от большинства беспечных обывателей, мне, увы, приходится держать в голове массу древних мифов, смешных и жутких...

– Мифов?! Но мы же ее видим!

– Лорд Сварог... – мягко сказал Гаудин. – Я вовсе не подвергаю сомнению ваши слова. Нет ничего удивительного в том, что какой-то человек видит то, чего не видят другие. Брагерт – помните его, надеюсь? – не так давно раскопал где-то на земле старинное заклинание, с помощью которого человек может видеть микробы, но не любые, а исключительно возбудителей сапа... Всякое случается. Я верю, что вы оба и в самом деле видите в небе *нечто*. Но хочу всего-навсего напомнить, что у вас нет никаких доказательств в пользу версии, будто ваши ночные визитеры – порождение Багряной Звезды... Уверения ва-

шего домового меня не убеждают. Не то чтобы он врал умышленно, но... Очень уж изошренная, поэтичная, а порой и зловещая мифология у Маленького Народца. Вы-то впервые с этим столкнулись, но что до меня, я не склонен выделять из множества древних людских и нелюдских сказок какую-то одну-единственную. Чем Багряная Звезда предпочтительнее Серебряного Ветра, Морского Табуна или Снизу-Вверх-Дождика... о которых вы и не слыхивали, верно? Вот видите... Мифологические явления природы, земные и небесные феномены, зловещие и добрые знамения, перечисленные в алфавитном порядке и кратенько описанные, занимают целую книгу, и довольно толстую...

– Но там же есть что-то... – упрямо сказал Сварог.

– Я проверю, – заверил Гаудин. – Даю вам слово. В конце концов, существуют обычные... и не вполне обычные средства наблюдения за небосклоном, есть соответствующий отдел. Я нынче же отдам приказ. И незамедлительно сообщу вам о результатах. – Он оглянулся на парадную лестницу. – Между прочим, ваш домовый, честно признаться, представляет большой научный интерес...

– Это вы бросьте, – решительно сказал Сварог. – И не вздумайте, добром предупреждаю...

– Ну что вы, успокойтесь. Я всего лишь рассуждал вслух, чисто теоретически. Кстати, о теориях, то есть рабочих гипотезах... Их ведь множество, если ввериться безудержному полету фантазии. Скажем, ваши ночные непрошенные гости, следствие вашего нового положения, достались вам в наследство вместе с хелльстадским королевским венцом. Как родовая месть у отсталых племен Сильваны или в таларской глубинке. Стоит только предположить, что эти твари были как-то связаны с вашим покойным предшественником, а теперь эти отношения по праву наследования перешли к вам... независимо от вашего желания. Теперь они к вам тянут лапы из Зазеркалья... Не читали сказочку про портного, которому в наследство от дяди-колдуна вместе со всяким хламом достался ларец с тремя демонами?

– Нет, – сказал Сварог.

– Стали они требовать работы, а портняжка-то и не знает заклинаний, которыми их можно утихомирить...

– И что?

– Придушили бедолагу, конечно, – хмыкнул Гаудин. – Сказочка не столь уж оторвана от житейской практики, как может показаться...

– Вы что, серьезно считаете...

– Да что вы, – сказал Гаудин. – Всего-навсего в свою очередь фантазирую и теоретизирую. Стараюсь вам доказать, что рабочие гипотезы приобретают вес, только будучи подкрепленными серьезными доказательствами. – Он деликатно полуотвернулся, давая понять, что не располагает более временем. – Прислать вам «Каталог природных явлений, добрых и зловещих»?

– Нет, спасибо, – буркнул Сварог. – У меня дел невпроворот, королевскую отчетность в порядок привожу...

И снова поднял голову к ночному небу. Тяжко вздохнул. Над черным силуэтом филина по-прежнему пронзительно алела Багряная Звезда.

Глава четвертая ГОСТИ В ДОМЕ

У бесшумно воплотившегося на пороге верного Макреда было чрезвычайно непонятное и загадочное выражение лица. Можно даже подумать, будто он пребывал в полнейшей растерянности, которую не смог скрыть, – вот только, да будет вам известно, вышколенный слуга, тем более дворецкий манора, «первый после милорда», попросту не имеет права поддаваться вульгарным эмоциям, будучи при исполнении служебного долга. И тем не менее...

– Что там? – спросил Сварог, без всякого раздражения отодвигая подальше эскизы орденов, коими королю Хелльстада надлежало удостаивать и жаловать.

И аристократически поднял бровь в знак недоумения – он старательно изучал здешнюю светскую мимику, язык жестов и телодвижений, чтобы не выглядеть белой вороной.

– Милорд... – положительно, дворецкий был чуточку выбит из колеи. – Явился скрывающий лицо незнакомец, назвавшийся маркизом Керригатом, и просит незамедлительно его принять...

– Великолепная фраза, – оценил Сварог, подумав. – Прямым из старинного рыцарского романа, а?

– Пожалуй, милорд... В особенности если учесть, что маркиз Керригат – лицо вымышленное, это как раз и есть персонаж романа, только не рыцарского, а любовного...

Внизу весело гавкнул Акбар – словно в колокол бухнули.

– И почему же у вас столь неопишное выражение лица, Макред? – спросил Сварог. – На себя не похожи. Неужели вас способен удивить столь примитивный розыгрыш?

– Это императрица, милорд, – почтительно оцепенев, выпалил Макред. – В замаскированном облике, ничуть не похожа на себя, но это ее величество императрица, никаких сомнений. Я не стану попусту тратить ваше время, милорд, излагая вульгарные и долгие подробности, каковые вам вовсе и не должны быть интересны... скажу лишь, что я, как дворецкий, обязан безошибочно узнавать любого благородного обитателя небес, даже если он изволил придать себе иной облик... Этому обучают дворецких, но не простых слуг... Там, внизу, императрица.

– Да? – сказал Сварог удивленно. – А свита? Охрана? Строжайший церемониал?

– С ней никого нет, милорд. Это неслыханно, но все так и обстоит. Она прибыла на обычном браганте, которым управляла сама. Никто в замке и не подозревает... В столь небывалой, экстраординарной ситуации, нарушающей все мыслимые правила этикета, я счел себя обязанным хранить тайну...

– Бесценный вы мой, что бы я без вас делал... – сказал Сварог почти растроганно. – Ну что же... Сдается мне, отправить ее восвояси было бы и вовсе вопиющей бестактностью... Проводите вашего маркиза в библиотеку. И стойте на страже, чтобы нам никто не мешал... Где Мара?

– Лауретта Сантор еще не вернулась из Готара, и с ней господин... Карах.

Сварог понимающе кивнул. Его высокие министры работали в поте лица,

превращая Готар в жалкое подобие королевской столицы. Поскольку Хелльстад в силу своей известной специфики так и оставался закрыт для внешнего мира (Сварог плохо изучил свое новое приобретение, а потому и не лез пока что ничего перестраивать), а Три Королевства являли собою почти безжизненные пространства, он по размышлению решил устроить временную канцелярию, такую походную ставку, как раз в Готаре. Готар со всех точек зрения смотрелся не более чем убогой дерегушкой, но тут уж ничего не поделаешь – полноправный земной король просто-таки обязан располагать местом, куда могут прибыть послы коллег-монархов, куда будут приходиться послания. Этаким почтовый ящик, своего рода штамп о прописке. Следовало заранее почувствовать господам дипломатам, которым придется пока обитать в крестьянских лачугах и шатрах, но бюрократия – дело ответственнейшее, в чем его не перестает убеждать Канцелярия земных дел, не терпящая ни малейших отклонений от заведенных порядков. Король обязан иметь столицу, а в столице – иностранных послов. Что до декораций и интерьеров, нигде не сказано, будто королевская столица непременно должна быть многолюдным городом с каменными дворцами, башнями и проспектами. В конце концов, известный самодур король Гитре однажды устроил свою столицу на мельнице, с хозяйкой которой состоял в игривых отношениях. И ничего, сошло, иностранные послы, как миленькие, два года жили в походных шатрах на берегу речушки, а первый министр за неимением других помещений обитал и вовсе на чердаке. Те, кто к нему являлся за орденами и чинами, готовы были не то что на чердак – на крышу взобраться, а тем, кто получал выволочку, было опять-таки все равно...

Акбар проскочил в библиотеку первым, беззаботно стуча когтями по драгоценному паркету из сиванского бука. Следом чинно вошла невысокая фигура, живописно и романтически закутанная в длиннейший, до пола, черный плащ, с нахлобученной на нос шляпой. За ее спиной мелькнула вытянутая физиономия Макреда, ошарашенного небывалыми новшествами, – и дворецкий тут же бесшумно притворил дверь, у которой, нет сомнений, намеревался лечь костью при возникновении таковой надобности.

– Мне кажется, он меня узнал, – безмятежно сказала Яна, сбрасывая плащ и шляпу на ближайшее кресло. – Иначе почему у тебя ни капельки удивления в лице? Я слышала краем уха, их чему-то подобному учат, но надеялась, что это вранье...

– Увы, выходит, что нет, – сказал Сварог, наблюдая за ней с любопытством.

Юная императрица – в темном мужском костюме, со скромным, одиноким, сиротливым таким бриллиантом на пальце величиной всего-то с горошину – опустилась в другое кресло, изящно мотнула головой, разбросав по плечам освобожденные от шляпы волосы. В отличие от Сварога, она казалась совершенно безмятежной, словно вообще не слыхивала о придворном этикете, хитросплетениями напоминавшем то ли лабиринт, то ли бред сумасшедшего. За прошедшие полтора года она выросла – уже не грациозно-неуклюжий подросток, а расцветающая девушка, очаровательная до сладкой жути, – однако, не без оснований подозревал Сварог, «вырасти» еще не значит «повзрослеть»...

– Что-то случилось? – спросил он, не теряя времени.

– А почему должно было что-то случиться? – Ее величество Яна-Алентевита удивленно подняла бровь, и у нее это получилось не в пример изящнее и есте-

ственнее. – Просто решила заглянуть к тебе в гости без всяких помпезных церемоний. Взяла брагант из ангара Серебряной Бригады и прилетела. В Келл Инире остался великолепный двойник, насквозь нематериальная иллюзия, конечно, но убедительная. Кто посмеет ущипнуть императрицу, чтобы убедиться, что она настоящая?

– Логично... – проворчал Сварог.

– Не столь уж и сложные заклинания, я слышала мельком, ты его тоже применял во время последней поездки на землю... Там, в Равене.

– А, ну да, конечно... – кивнул Сварог, спешно приводя в строгий порядок мысли. – «Твердая тень»?

– Именно. Двойник усердно работает в кабинете с важными государственными бумагами, беспокоить государыню в подобных случаях строжайше запрещено. Пикинеры у каждой двери, никто и не заподозрит...

В ее голосе звучало нескрываемое детское удовольствие, заставившее Сварога горестно вздохнуть полной грудью и укоряюще вздеть очи к потолку. Все это в воображении, разумеется, он до сих пор не ощущал в себе таланта воспитателя, тем более для обладавших необъятной властью юных красавиц, пусть и умных, но взбалмошных. Между прочим, идеальная ситуация и для государственного переворота, и для царубийства. Если бы по дороге сюда с ее брагантом что-то случилось, истинное положение дел обнаружилось бы бог весть когда. Здешние летательные аппараты считаются безотказными и защищенными от всех мыслимых опасностей, но смогли же полтора года назад ребята из «Черной благодати» сбить его ял над Хелльстадом...

– Ты не царедворец по натуре, – сказала Яна со знакомой легкой улыбкой. – И потому до сих пор не научился превращать свою открытую, честную физиономию в церемониальную маску. У тебя на лице во-от такими буквами изображено осуждение и порицание.

Сварог с безразличным видом пожал плечами, чувствуя себя стеклянным, – не самое лучшее ощущение, особенно в данной ситуации. Усевшийся рядом с креслом черный пес, которого строгий этикет не волновал ничуть, безмятежно вывалил розовый язык длиной в локоть, и его шумное дыхание колыхало волосы на затылке императрицы – Акбар и в сидячем положении был выше стоящего человека, хотя расти, кажется, уже перестал. Отвернувшись, Сварог сделал ему страшные глаза – слюна с языка капала прямо на черный бархатный рукав.

Яна, притворившись, что ничего не заметила, протянула руку и легонько коснулась кончиками пальцев черной лоснящейся шерсти:

– Про них в старых книгах понаписана уйма ужасов... А оказалось, собака как собака, разве что огромная.

– Ага, – сказал Сварог мрачно. – Разве что через стены может проходить и перемещаться в пространстве самым диковинным образом... Впрочем, лопать в три глотки это ему не мешает... В самом деле, ничего не случилось?

– Клянусь короной первого императора! – подняла она узкую ладонь. – Могу я однажды почувствовать себя обыкновенным человеком, прилететь в гости буднично и незаметно, без раззолоченной орды за спиной? – Яна прищурилась. – Придет время... Ваше королевское величество... младший мой кузен, когда вы тоже научитесь находить неизъяснимую прелесть в вопиющих нарушениях сковывающего этикета... Попомни мои слова. До меня быстро доходят

иные новости. Насколько я знаю, ты уже успел понять, что есть некие механизмы, громоздкие, скрипучие и неприятные, которые вертят королями вопреки их желаниям... Правда?

– Что греха таить. Уяснил, – сказал Сварог с чувством. – Я уже верчусь в этих дурацких механизмах, вторую неделю...

– Ну да, я вижу, – бросила она быстрый взгляд на эскизы орденов. – Вот этот, насколько я догадываюсь, предназначен для моего дражайшего родственника Диамера-Сонирила, по прозвищу, которое благовоспитанная девица не должна произносить вслух?

Сварог мрачно кивнул.

– Добавь еще на гербовую цепь какие-нибудь разлапистые висюльки, – деловито посоветовала Яна. – И вот здесь присовокупи глупой роскоши – лучше побольше, ажурных ободьев, самоцветов... Он несказанно растает душой и будет тебя обожать. Бедняге так мало нужно для счастья... Что за идиотскую идею ты ему подсунул? К чему нам такое количество наместников?

– Я забавлялся, – сказал Сварог, пряча глаза.

– Ну, я-то так и подумала... А этот болван принял все всерьез, сочинил длинейший меморандум, который мне пришлось читать... Послушай, я давно тебе, уж прости за пошное слово, даровала всевозможнейшие беспрепятственные доступы за пикинеров и кабинет-лакеев, права являться без доклада... Почему ты у меня не бываешь? Только честно. Я всегда рада тебя видеть. Что-то не так?

– Твой «ближний круг», я уже подметил, четко делится на две категории, – сказал Сварог. – Повзрослевшие товарищи детских игр, из хороших фамилий, понятно, и светские хлыщи, попавшие за пикинеров исключительно благодаря знатности рода. Вторых я не переносу. А что до первых... В общем, симпатичные мальчики и девочки, но я для их компании староват. Вот тебе вся правда. А теперь еще и обязанности навалились нежданно, привалили эти клятые королевства, я, что самое печальное, чувствую за них ответственность, не могу бросить просто так... Это с Готаром было легче – большущая деревня, и не более того, там у меня троица управителей, следят друг за другом, а потому, как я слышал, воруют умеренно. Если только Мара их не повесила, с нее станется...

– Вот кстати! Я о ней наслышана. Как бы на нее наконец посмотреть? Когда вам вручали ордена, я ее и не разглядела толком, шеренга была длинная, все тянулось согласно этикету...

– Она в Готаре сейчас. Дела. Как-никак первый министр, пусть и довольно эфемерной державы. Прилетит только утром, я думаю.

– Жаль. У вас с ней... легко?

– Пожалуй, – медленно сказал Сварог, почти не удивившись ее осведомленности. – Очень точное определение. Нам и в самом деле легко...

– Ну вот... – сказала Яна с непонятной интонацией.

Встала, задумчиво подошла к высоченному глобусу Талара, легонько крутнула его указательным пальцем – и с тем же непонятным выражением на точеном личике направилась дальше, к мозаичной стене. Акбар дружелюбно наблюдал за ней, вывалив язык. Заложив руки за спину, склонив голову к левому плечу, Яна созерцала произведение старинного скульптора (или как там они назывались, мастера-мозаичники?), чье имя вылетело у Сварога из памя-

ти. Выдержанная в изумрудно-синих красках мозаика изображала златовласую девственницу в старомодном платье, сидевшую под могучим дубом в компании белоснежного златорогого единорога, только что, надо полагать, ею усмирённого, ибо зверь сей, как известно даже из школьного курса мифологии, покоряется лишь непорочной деве, а тем, кто себя не соблюл, нечего и пытаться изображать дедушку Дурова.

Сварог терпеливо ждал, стоя в свободной позе. Пауза что-то затягивалась, в библиотеке стояла неловкая тишина.

– Древние считали, что приручить единорога – это подвиг, – чересчур уж равнодушным тоном сказала Яна, обращившись к нему. – Увы, мне этот подвиг уже никогда не совершить...

Сварог едва не пробормотал по инерции какую-то светскую бессодержательную глупость вроде «Вот как?» – одну из тех ничемушных реплик, что ничегошеньки не значат, но тем не менее помогают поддерживать беседу. Но до него довольно быстро дошло, сообразил, что к чему и каков тут лежащий на поверхности подтекст, и почему она так уставилась – словно бы с вызовом, с комической важностью девочки, впервые надевшей взрослые туфли на высоких каблуках или платье с вырезом. Ах, вот оно что... Свершилось, понимаете ли, и мы теперь ничем не хуже прочих, испробовавших взрослые тайны... Но как прикажете держаться? Чтобы обошлось и без пошлости, и без равнодушия – каковое, думается, заденет ее еще сильнее, нежели пошленькая реплика... Задача.

Яна ждала, напряженная, серьезная и невинно прекрасная. Принужденно улыбнулась:

– Вот такие дела...

Сварог осторожно сказал, отгоняя крутившуюся в голове крайне соблазнительную картину воспитания этой вертихвостки при помощи мощного солдатского пояса:

– Наверное, следует поздравить? Смотря как ты сама к этому...

Она на миг опустила глаза:

– Я не сказала бы, что встретила с чем-то неприятным, пожалуй, наоборот... – Тихо подошла, остановилась перед ним, подняла лицо: – Ты можешь объяснить, почему вы такие?

– Кто?

– Мужчины, конечно!

– Да какие? – спросил он в полнейшей растерянности.

«Вперехлест тебя растуды через пьяного осьминога! – припомнил он одно из любимых присловий боцмана Блая с „Божьего любимчика“. – Неужели у тебя подружки не нашлось, чтобы с ней об этом пошептать?!»

– Мне нужен серьезный совет, – сказала Яна. – Я ни с чем подобным еще не сталкивалась, приходится учиться на ходу...

– Изволь. У меня и в мыслях нет зубоскальства.

– Уже через неделю он начал вести себя совершенно неприемлемым образом, – тихо, почти бесстрастно сказала Яна, словно излагала заученную теорему строго по учебнику. Она вновь опустила глаза. – Как некий хозяин, имеющий право и покровительственно держаться, и давать советы совершенно непререкаемым тоном, вообще вел себя так, словно я кукла, вещь, словно у меня нет мозгов, желаний и воли, да и не должно быть, ни собственных

стремлений, ни права голоса... Дело не в том, что он простой гвардеец, а я – императрица, совсем не в том... По-моему, любая горничная полезла бы на стену от такого обращения... Как объяснить...

– Я, кажется, понял, – сказал Сварог. – Тебе просто подвернулся... неправильный объект. Дурак и ничтожество. Уж поверь моему опыту, умные ведут себя совершенно иначе, и такие типы вовсе не олицетворяют собою весь мужской род... Я бы рискнул посоветовать...

– Спасибо, уже не нужно! – она вскинула огромные синие глаза, сверкнувшие холодной венценосной спесью. И вмиг из растерянной девочки обратилась в Высокую Госпожу Небес. – Все и так завершилось быстро и решительно. Данный субъект, в одночасье осыпанный повышениями и регалиями, после завершения сего золотого ливня моментально отправлен на Сильвану. Протирать штаны на одном из высоких, почетных, но совершенно бесполезных постов. С недвусмысленным напутствием подольше там оставаться и по собственному желанию на Талар ни в коем случае не возвращаться. Иначе потеряет все жалованное.

– Поздравляю, – серьезно сказал Сварог. – Так и следовало.

Он редко появлялся в «обществе», но кое-какие светские сплетни до него все же долетали – гости заглядывали частенько, особенно старички из Геральдической коллегии и принц короны Элвар, любитель как ядреной самогонки, так и свеженьких придворных сплетен. Так что Сварог поневоле был в курсе иных нашумевших перемещений, падений и взлетов. Ну да, вот именно, три дня назад некий герцог и лейтенант Яшмовых Мушкетеров, красавчик, повеса и болван редкостный (родовит весьма и, кстати, как раз из «ближнего круга»), неожиданно для всех был уволен из гвардии, получив взамен нереально для него высокий чин гражданской службы, орден Высокой Короны с цепью – и в тот же день отбыл на Сильвану возглавлять одну из канцелярий. Феерический взлет для ничем не примечательного светского хлыща, необъяснимый одной лишь знатностью рода, – хватало придворной шушеры и родовитее. О причинах, что самое интересное, толком не знал даже Элвар – скучающий небесный бомонд при всей своей испорченности, мило именуемой легкостью нравов, все же не додумался до очевидного...

– Знаешь, что самое печальное? – сказала Яна, отворачивая чуть порозовевшее личико. – Я бы не прочь расширить полученный опыт... но в следующий раз заранее буду подозревать самое худшее, бояться, что получится еще унылее, что сама я никого и не интересую, что всем нужны лишь проистекающие возможности, милости и ордена... Теперь я понимаю, почему иные летают на землю и живут там инкогнито...

– Это у тебя пройдет, – сказал Сварог со всей возможной убедительностью. – Вот такие коллизии, хотим мы того или нет, как раз и называются жизненным опытом. Скверно, конечно, но пока не споткнешься на ровном месте, шишек не набьешь...

И вспомнил собственную законную супружницу – уже как сон, как что-то насквозь нереальное. Вся прошлая жизнь уже казалась подзатянувшимся сном.

– Хорошо еще, что я не влюбилась, – сказала Яна задумчиво. – Иначе было бы тяжелее.

Сварог чувствовал себя чертовски неловко. Вряд ли он годился в поверен-

ные сердечных тайн милых девиц – по его глубочайшему убеждению, выбранное взбалмошной девицей на такую роль существо мужского пола обязано быть либо ветхим старцем, либо законченным импотентом, и никак иначе. Ни отцовских, ни братских чувств он в глубинах своей незатейливой души не ощущал вовсе. Скорее уж, если взглянуть правде в ее бесстыжие глаза, его чувства были полной противоположностью вышеназванным. Особенно после только что прозвучавших признаний, когда в душе ворочалась и порывивалась завистливая ревность к счастливицу, ухитрившемуся всего-то оказаться под рукой в нужный момент, а более ничем не примечательному...

Великие небеса, как обтягивал фигурку бархатный камзол! Такова уж нехитрая и прямолинейная мужская логика: Сварог, уже довольно избалованный здешними красотками (как-то незаметно для себя стал модной достопримечательностью заоблачного бомонда благодаря своим земным приключениям и их последствиям), все же не мог в присутствии Яны сохранять равнодушные. Но меж томлением духа и конкретными практическими шагами зияла пропасть. Видимо, виной всему – вьевшиеся за долгие годы в плоть и кровь армейские стереотипы. Как-никак это была императрица – особа номер один в системе строгой субординации. Ухаживать за ней всерьез казалось столь же вопиющей бесцеремонностью, как в прошлой жизни – ввалиться в кабинет маршала Советского Союза, выставить на стол бутылку водки, примостить рядом горбушку, плавленый сырок и, не выбирая выражений, предложить хлопнуть по граненому за все хорошее. Должно быть, прошлое-то забывалось понемногу, но многое засело в подсознании...

А потому Яна казалась прекрасной и недоступной, как далекая звезда с ночного небосклона (впрочем, любимой метафорой здешних поэтов для данного случая была почему-то радуга). Насколько проще все было с чередой доступных и прямолинейных светских красоток, яркими ночными бабочками пропорхнувших через его спальню при насмешливом поощрении Мары, полностью лишенной женской ревности...

– Я тебя смутила? – с любопытством спросила Яна.

– Не особенно, – сказал Сварог. – В конце концов, все это естественно и даже банально... Я понемногу приобретаю светский лоск...

– Да, я наслышана, – кивнула она с безразличным видом.

И не стала развивать свою мысль, но посмотрела очень уж многозначительно, заставив Сварога смущенно отвернуться к высокому стрельчатому окну, за которым розовел над белыми облаками закат.

– Садись поближе, – сказала вдруг Яна. – И слушай внимательно. Давай поговорим о более серьезных вещах. Как ты отнесешься к тому, чтобы занять кресло канцлера? Верни на место нижнюю челюсть, пожалуйста. Говорю тебе, начинается серьезнейший разговор о государственных делах.

– Я?!

– Вот именно. Ах да, ты, как и большинство, представления не имеешь о некоторых важных событиях, приключившихся буквально вчера... – И она продолжала с ясной, мечтательной улыбкой: – Я проявила себя жуткой самодуршей, знаешь ли, узурпаторшей, тираншей... По сути, я совершила натуральнейший государственный переворот, задуманный практически в одиночку, проведенный в жизнь, не могу не похвастаться, блестяще. Я специально изучила и опыт кое-кого из коронованных предков, и некоторые, мягко гово-

ря, решительные шаги земных королей, раздраженных излишним вмешательством в их дела всяких там парламентов...

Сварог мрачно спросил:

– Ты не про то ли намекаешь, как Конгер окружил драгунами уитенагемот и разогнал его к чертовой матери?

– Совершенно верно, – с невинной улыбкой благонамеренной девочки кивнула Яна. – Я, правда, не стала претворять в жизнь план Конгера во всех деталях, а потому никого не били по шее рукоятями мечей и не выбрасывали в окошки... Но суть и последствия, признаюсь, те же. Были подняты по тревоге Бриллиантовые Пикинеры и Серебряная Бригада, Келл Инир окружили боевыми машинам и на четыре часа изолировали от внешнего мира под предлогом репетиции военного парада... Я одним указом отменила около сотни самых замшелых установлений и правил. Ни Палата Пэров, ни Тайный Совет, эти скопища болванов и чванных невежд, более не имеют ни малейшей возможности влиять на государственные дела. Они решительно ни на что не смогут более влиять. Момент был выбран, снова похвалю свое коварство, как нельзя более подходящий: оба заведения после известных арестов кое-кого из их членов по делу «Черной благодати» пребывали в ошеломлении и оцепенении. Я и ударила в самое сердце... Каюсь, била не в сердце, а пониже пояса, но другого такого случая могло и не представиться...

– Да это... – сказал Сварог растерянно. – Это же революция!

– В какой-то мере, – ангельским голосом подтвердила Яна. – И, что самое приятное, изменения необратимы. Старики – впрочем, далеко не все – и особо стойкие ревнителю традиций втихомолку ворчат по углам, но никто не в силах чему бы то ни было помешать – любые попытки подпадают под обвинение в государственной измене... Те, кто помоложе, искренне рукоплещут, поскольку привыкли относиться к этим «заповедникам старичья» с тихим презрением, люди дела, те, кто работает по-настоящему, довольны, а светские бездельники и вовсе не способны на организованное сопротивление... Вот теперь тебя проняло по-настоящему, я же вижу... Ты ведь тоже не принимал меня очень уж всерьез? Взбалмошная девочка с отличной фигуркой, а? В общем, теперь я правлю самовластно. Реальные нити управления – в руках Кабинета и канцлера. Что скажешь?

– Ничего, – честно признался Сварог. – Слов нет.

Он прожил здесь достаточно долго, полтора года, был посвящен во многие секреты – и мог в полной мере оценить размах свершившегося, его значение и последствия. И Палата Пэров, и Тайный Совет – пережившие в свое время многолюдные говорильни, согласно канонам тысячелетней давности имевшие право дилетантски вмешиваться буквально во все, топить любую новую идею в бесконечных дискуссиях, забалтывать проекты, которых попросту не понимали, приводя специалистов в тихое бешенство. Управление делами Империи в одночасье упростилось несказанно. И самое пикантное во всей этой истории то, что интересы бюрократов вроде Костяной Жопы, надо полагать, не пострадали нисколечко, а потому чиновничье племя, есть такое подозрение, выступило единым фронтом с молодыми реформаторами – не столь уж это ново в истории человечества. То, о чем они когда-то с оглядкой шептались с Гаудином и его друзьями перед последней командировкой Сварога на землю, вдруг стало реальностью.

– Ну как? – с живым интересом спросила Яна. – Согласись, я гожусь не только на то, чтобы раздевать меня взглядом и выпрашивать ордена?

Сварог помотал головой:

– Слов нет, ваше императорское величество.

– То-то, – важно, торжествуя сказала Яна. – Рада, что ты оценил по достоинству мои скромные усилия и экспромты с дебютами... Итак? Что скажешь насчет кресла канцлера? Я говорю совершенно серьезно.

– Подожди, – сказал Сварог. – Чем плох нынешний? Все, что я о нем знаю, укладывается в простое определение – мощный мужик. Совсем не стар, умен, его многие уважают, я не о светских хлыщах говорю...

– Не спорю. Но дело-то в том, что канцлер мне достался *в наследство*. От отца.

– Ага, – сказал Сварог. – А тебе, значит, непременно нужны новые люди? Никак с прошлым не связанные?

– Вот именно. Не столь уж оригинальная, зато эффективная практика.

– Увы, не всегда... – сказал Сварог. – И это у тебя – единственный мотив для смены канцлера?

– Ну, вообще-то... – протянула Яна.

Сварог подметил, что прежней уверенности у нее внезапно поубавилось. И твердо сказал:

– Точно, единственный мотив.

– Ну и что?

– Заранее прости за резкость... – сказал Сварог. – Вот эта твоя идея мне категорически не нравится. Прекрасно, что ты оттерла от государственных дел две этих бесполезных говорильни... Но насколько блестящим был *этот* ход, настолько слаб и вреден другой... Менять канцлера только потому, что он тебе достался в наследство от прошлого царствования... Нет уж. Я попросту не справлюсь. Нельзя назначать толкового капрала командиром полка – это совсем другой уровень. Есть лестницы, которые никак нельзя преодолевать бегом, прыгая через три ступеньки...

– Но ты же назначил министрами Мару и своего домового?

– У меня всего-то тысячи три подданных – главным образом в Готаре, состоящем из полудюжины деревенок. Собственно, Готар и есть одна большая деревня... Господи, да я во многом не разбираюсь, многого до сих пор просто не знаю! Я тебе наломаю таких дров, что выправлять положение будут годами... Нет уж!

– А если я разгневаюсь всерьез?

Ему было неуютно. Однако в голосе Яны не ощущалось особенного гнева, скорее уж, такое впечатление, подтвердились какие-то ее предположения...

– Вряд ли, – сказал Сварог. – Ты себя показала умницей и вполне зрелым государственным деятелем...

– Вот только примитивной лести не нужно!

– Я вполне серьезно. Если ты разгневаешься всерьез, я в тебе разочаруюсь и буду считать, что ты еще не выросла...

– Хитрец ты, оказывается...

– Скорее уж реалист.

– Что же, я не могу на тебя более рассчитывать?

– Наоборот, – сказал Сварог. – Любое поручение, любой приказ. В лепешку

ради тебя разобьюсь. Только не предлагай мне постов, до которых я попросту не дорос.

– Ну что же... – с расстановкой промолвила Яна. – Что же тут поделаешь... Возможно, это и в самом деле не лучшая моя идея. Но отсюда плавно вытекает, что есть посты, до которых ты вполне дорос...

Ее прервал тоненький серебряный звон. Яна обернулась к большой, искусно выполненной модели корабля, боевого парусного фрегата, стоявшей на лакированной подставке в ближайшем углу. Туда же уставились Сварог и насто-роживший уши Акбар.

Крохотный, с ноготок, серебряный якорь, только что касавшийся подставки, быстро поднимался вверх, словно прятавшиеся внутри крохотные человечки крутили брашпиль, – тонюсенькая сверкающая цепочка быстро уползала в клюз. Хлопнув, сами собой развернулись украшенные гербами и геральдическими чудищами паруса, вздулись, будто наполнились ветром, не ощущавшимся никем в комнате. На корме взвился бело-желтый клетчатый вымпел, очевидно, означавший готовность к походу. Во время своих недолгих плаваний Сварог наблюдал нечто похожее, в наборе сигнальных флагов уважающего себя судна обязательно имелись такие вымпелы. Наглухо прикрепленный к подставке кораблик, казалось, пустился в плавание по несуществующему морю.

– Это ты развлекаешься? – обернулась к нему Яна.

– Нет, честное слово, – сказал Сварог. – Это такая фамильная безделушка. Дворецкий деликатно сообщает, что хочет меня незамедлительно видеть по какому-то спешному делу... Как бы в Готаре чего не случилось... Извини, я...

– Да, конечно...

«Вот именно, не случилось ли чего в Готаре? – обеспокоенно подумал он, быстрыми шагами направляясь к двери. – С Марой несколько гвардейцев, да и без них ее голыми руками не так-то просто взять, да и вооруженными тоже, но мало ли... Когда начинаются дворцовые перевороты, ошеломляющие реформы и резкие перемены, когда у тебя множество врагов, причем об иных ты и не подозреваешь, пока не кинутся из-за угла...»

Чуть приоткрыв дверь, он выскользнул наружу. Нет, лицо у Макреда было, конечно, озабоченным, однако...

– Что-то случилось?

– Не думаю, милорд, – чопорно ответил дворецкий. – И все же я рискнул вас побеспокоить... Только что в замок прибыл и желает незамедлительно с вами встретиться его светлость герцог Дирмед, канцлер Империи. Герцог одет в приличествующий его рангу мундир, при орденах и парадном оружии. Следовательно, либо речь идет об официальном визите, либо он в таком виде явился к вам прямо из дворца, что опять-таки свидетельствует о серьезности и неотложности дела, по которому его светлость прибыл...

«Неужели выследили девчонку?» – подумал Сварог. И быстрым шепотом распорядился:

– Задержите его на пару минут, Макред, соврите... впрочем, не врите. Просто-напросто не говорите всей правды. Скажите, что у меня дама, и потребуются какое-то время, чтобы деликатно ее выпроводить... Светский человек поймет...

– Безусловно, милорд. Я могу идти?

Сварог кивнул, вернулся в библиотеку и выпалил с порога:

– Канцлер. При мундире и орденах. Выставить за дверь никак невозможно...

– Его выставишь, как же... – ничуть не удивившись, понятиливо кивнула Яна. – С отцом они, бывало, в голос спорили...

– Но ведь не выгонял его твой батюшка, а? – прищурился Сварог. – Значит, ценил... Что же делать-то?

– Какие пустяки... – Она встала, подошла к стене с мозаичной девственницей. – Я попросту уйду не вполне обычной дорогой, чтобы не создавать излишних сложностей... До скорого!

Она выбросила ладонь, начертила перед собой в воздухе какую-то не особенно сложную фигуру – и уверенно двинулась к стене, вошла в нее, словно привидение, во мгновение ока пропала с глаз, так что Сварог, не ожидавший столь эффектного исчезновения, даже отшатнулся.

Опомнился. Приоткрыл дверь, разрешающе кивнул Макреду. И встретил канцлера стоя, как и диктуют правила хорошего тона в разделе «Прием гостей воспитанным хозяином».

Канцлер, судя по всему, тоже читал эти правила, особенно раздел «Поведение воспитанного гостя», – он приложил левую руку к сердцу и раскланялся, держа шляпу с пышным пером на отлете, потом переложил ее в левую руку, а правую опять-таки прижал к сердцу и раскланялся вторично. Сварог выполнил плавный жест правой рукой, указывая на кресло. Канцлер церемонно в данное кресло опустился. На чем торжественная часть, собственно говоря, и закончилась, к несомненному облегчению сторон.

– Вино, быть может, ваша светлость? – спросил Сварог, решив быть гостеприимным до предела. – Или прохладительные?

– Нет, спасибо, – сказал канцлер самым обычным голосом. – Не утруждайте себя...

На нем и в самом деле был раззолоченный придворный мундир с парой дюжин орденов. «Надо бы и ему что-нибудь хельстадское преподнести, с цепями и висюльками, – спохватился Сварог. – По дипломатическому протоколу полагается... Интересно, он в самом деле не успел переодеться, или хотел произвести впечатление, напомнить лишний раз, что он тут – первый после императрицы?» Если верно второе, то ситуация довольно пикантна – пять минут назад Сварогу стоило только слово сказать, чтобы самому оказаться в таком мундире, в кресле канцлера...

Он украдкой рассматривал гостя – до сих пор видел его лишь на дворцовых приемах, то есть в обстановке, больше напоминающей кукольный театр: каждое слово и всякое перемещение любого человека расписано и регламентировано заранее, и получается музыкальный ящик с марионетками...

Показаться невежливым он не боялся: очень скоро сообразил, что канцлер занят тем же самым, украдкой рассматривает его с несомненным любопытством.

– Простите, что пришлось нарушить ваше уединение... – сказал канцлер.

– Пустяки, – ответил Сварог. – Дама все равно собиралась уходить... У вас какое-то дело ко мне?

Его собеседник, широкоплечий мужчина лет сорока (то бишь, несомненно, четырехсот), с первыми ниточками седины в густых коротких усах и жесткой

шевелюре, на первый взгляд казался не великого ума субъектом, простоватым и незатейливым. Такое уж у него было лицо, поистине *капральское*, плохо сочетавшееся с расшитым тяжелыми золотыми узорами мундиром и гирляндой орденов. Однако поддаваться этому впечатлению не следовало, ох, не следовало...

– Возможно, вы и не поверите, лорд Сварог... – сказал канцлер. – Но я до сих пор не могу в *точности* сформулировать цели и мотивы моего визита. Мне хочется взглянуть на вас, пообщаться, составить о вас некоторое впечатление... но дело даже не в этом, все сложнее. Враждовать нам пока не из-за чего, слухи, будто вас прочат на мое место, я считаю дурацкими. Если вы – человек умный, откажетесь, а если глупы, мне вас будет очень легко подсадить и обыграть...

В конце концов, с него ведь не брали слова хранить кое-какие разговоры в тайне? Сварог решил:

– Я отказался.

– Очень похоже, что вы не врете... Что ж, это доказывает, что человек вы неглупый и прекрасно понимаете, сколь беспомощны были бы в этой роли... Значит, враждовать нам не из-за чего. Сотрудничать... здесь я тоже пока что не вижу, в каких областях мы могли бы стать с вами союзниками и соратниками. Вероятнее всего, если стремиться к точности формулировок – а за мной водится такой грешок, – я хотел бы понять, что вы за человек, чего хотите от жизни и каких неприятностей можно от вас ждать...

– От меня?

– От кого же еще? – усмехнулся канцлер. – Известно ли вам, в чем, если отбросить словесную шелуху и поэтические преувеличения, удел государственного мужа? Да попросту ждать неприятностей со всех сторон, поскольку со всеми *радостными* новшествами и событиями легко и охотно справляется орда нижестоящих, перебрасывая наверх право принимать решения по жизненным *тяготам*... Вы еще попомните мои слова, когда *всерьез* начнете править в качестве земного короля.

– По-моему, я вовсе не собирался доставлять вам неприятности...

– При чем тут ваши *побуждения*? – пожал плечами канцлер. – Простите за цинизм, но сам факт вашего существования – постоянная головная боль, источник неприятностей, *фактор*. Хотите вы этого или нет. В свое время, вскоре после вашего первого возвращения с земли, в узком кругу вполне серьезно обсуждалось, не убрать ли вас.

– То есть?

– Не будьте ребенком! – с досадой сказал канцлер. – Убрать – и означает убрать... – Он недвусмысленно черкнул большим пальцем по горлу. – Гнев императрицы меня не пугал: всегда можно обставить все так, что ни одна живая душа не будет сомневаться в подлинности «несчастливого случая», даже наша императрица с ее нерядовыми способностями... После долгих дискуссий и размышлений я решил оставить вас в живых. Не в доброту дело и не в иных пророчествах, как будто на вас пошитых: пророчества, знаете ли, вовсе *не обязаны* исполняться, они представляют собою лишь один из вариантов будущего, вовсе не обязательно, чтобы именно он претворился в жизнь. Мне просто-напросто однажды пришло в голову, что убирать вас будет неразумно и непрактично. Что польза может перевесить возможный вред. Как видите, я не стара-

уюсь казаться лучше, чем я есть... Что поделаться, должность такая. Монархи и канцлеры не могут, увы, руководствоваться обычной людской моралью и этикой. Сами убедитесь.

– Надеюсь, что нет.

– Убедитесь, – сказал канцлер. – Или не сможете стать хорошим королем... Так вот, я надеюсь извлечь из вас пользу... и хочу, чтобы вы мне в этом помогли. Вам, часом, такое заявление не кажется ли верхом цинизма?

– Представьте себе, нет, – усмехнулся Сварог. – И какую же пользу вы из меня собираетесь извлечь?

– Если бы я знал... – с обезоруживающей прямоотой усмехнулся канцлер. – Если бы я знал... Вы уже принесли пользу, уничтожив Глаза Сатаны, – но вот где вас использовать *далее*... Пока не знаю. Опять-таки, отдавая дань своей привычке, сформулирую пожелания: я хотел бы, чтобы, буде возникнет такая необходимость, вы пошли бы навстречу моим просьбам... Могу я заручиться вашим согласием?

– Я не любитель давать опрометчивые обещания, – сказал Сварог. – Но, в принципе, сотрудничать с вами не отказываюсь. Если это не пойдет во вред тем людям, к которым я отношусь с симпатией.

– Императрица к ним относится?

– Безусловно.

– Вот видите. Я желаю ей только добра...

– А не может ли случиться так, что *ваши* и *ее* представления на сей счет могут разойтись? – безразличным тоном спросил Сварог.

Канцлер бросил на него колючий взгляд. Нахмурился:

– По-моему, проблема допускает лишь однозначное толкование. Она слишком молода и неопытна. Не спорю, она провела просто блестящую операцию – я о расправе с Палатой Пэров и Тайным Советом. Но в ней еще много детского. Поэтому *взрослые* должны мягко на нее влиять... А вы, несомненно, относитесь к тем, кто имеет на нее влияние.

– Я? – искренне удивился Сварог.

– Вы, дорогой мой, вы. Хоть и сами о том не подозреваете. Ваше загадочное появление, ваши земные подвиги... Она готова прислушиваться к вашему мнению, а это очень важно. Главное, чтобы влияние приняло *должное* направление.

«Ага, понятно, – подумал Сварог. – Не столь уж сложная комбинация. Ты будешь влиять на меня, а я должен влиять на нее... Интересно, к этому гвардейскому болвану ты тоже подкатывался? Или он для тебя был слишком глуп? Пожалуй. Иначе не кончил бы столь печально, уж ты-то научил бы его наилучшей линии поведения...»

– Я, простите за прямоту, рассчитываю на определенную благодарность с вашей стороны, – продолжал канцлер. – Как-никак именно я сразу после вашего появления добился, чтобы вы обрели нынешний статус. В ту пору вы были абсолютно беззащитны, а наши лихие умельцы из Магистериума добивались, чтобы вас передали им в качестве... назовем вещи своими именами, в качестве подопытного животного. Их крайне интересовал – и до сих пор интересуется – механизм вашего переноса в наш мир...

– Ну да, понимаю, – сказал Сварог. – Проект «Алмазная стрела», верно? Путешествия во времени?

– При чем тут путешествия во времени? – с искренним недоумением вскинул голову канцлер. – Какое вы имеете отношение к...

– Но ведь я – из вашего будущего...

Он замолчал на полуслове. Канцлер скривился, как от зубной боли, он походил на игрока, по собственной воле сдавшего противнику все козырные карты. Даже легонько ткнул себя по лбу полусогнутой ладонью.

– Поздравляю, лорд Сварог, – желчно усмехнулся он после короткого молчания. – Я давненько уже не попадал впросак... Хорошо. Я буду с вами предельно откровенным, чтобы вы оценили мое к вам расположение... Я-то думал, доктор Молитори успел вам сказать, потому и не удержал язык за зубами... Позвольте вас удивить. Вы не имеете никакого отношения ни к нашему будущему, ни к вашему прошлому. Вы совершили путешествие не во времени, а в пространстве. Пришли из одного из тех миров, которые для простоты называют Соседними Страницами. Их по-всякому именуют ученые: параллельные миры, Иномирья, Слоистые Пространства... Мне же больше нравится не вполне научное, но удивительно точное определение: Соседние Страницы. Если уподобить нашу многомерную Вселенную толстой книге, то миры похожи на страницы. Покинутая вами планета – не в прошлом, а где-то *рядом*. Где именно, я так и не понял, такое впечатление, что физики не вполне понимают это и сами...

– Но Гаудин...

Канцлер досадливо махнул рукой:

– Об *истинном* положении дел не знал даже Гаудин. Даже императрица. *Правду* знаем только я и трое ученых. Причины такой секретности весьма просты: дороги в Соседние Страницы и Заводы – пожалуй, самая головоломная на сей день загадка для науки. До Шторма обстояло совершенно иначе – они-то *умели*... Древние Дороги – это как раз и есть пути меж параллельными мирами. Иные наши предки, обитавшие на Таларе до Шторма, умели ими пользоваться... Мы – нет.

– А что такое Заводы?

– Для простоты изобразим это в таком вот виде... – Канцлер, оглядевшись, придвинул лист бумаги и извлеченным из-за златотканого обшлага стилосом изобразил нечто вроде прямой линии, там и сям украшенной примыкающими к ней кружочками. – Эти кружки и есть Заводы. Заводь – не параллельный мир, а, скорее, примыкающий к нашему миру параллельный *анклав*. Некая область самых разных размеров – от нескольких югеров до стран, не уступающих размерами Ронеро. Мы точно знаем, что они существуют, что иные обширны и обитаемы... но мы не знаем, как открывать туда дорогу.

– Так-так-так... – сказал Сварог. – Вот почему я так и не нашел на карте Сильваны города Коргала... Ни в одном справочнике о нем не упомянуто...

– Вот именно. Судя по всему, Коргал – это то ли Соседняя Страница, то ли Заводь. Более детальных объяснений я вам дать не в состоянии: проход открылся неожиданно и столь же внезапно закрылся, причем на *той* стороне остался корабль речной полиции, посланный в погоню за этими вашими разбойницами. Вам повезло вовремя унести оттуда ноги...

– Интересно, – сказал Сварог. – А эти твари, что вылезли из доброго старого фамильного зеркала? Могли это оказаться жители какой-то Заводы?

– Почему бы и нет? Возможно... Опять-таки мы ничего не в состоянии

утверждать уверенно. Мифы о причастности зеркал к Древним Дорогам, Заво-
дям и Соседним Страницам... точнее, к путям в таковые, так и остаются пока
мифами, из которых при всем усердии нельзя извлечь рационального зерна.
Связь происшедшего с вами с Багряной Звездой опять-таки проблематична.

– Вы хотите сказать...

– Ну да, – скучным голосом сказал канцлер. – В том месте, где вы ее виде-
ли на небе, и в самом деле зафиксирован некий объект, находящийся на
огромном расстоянии и перемещающийся с определенной скоростью, вычис-
ления еще не завершены, но уже сейчас можно говорить, что период обраще-
ния данного тела по своей весьма вытянутой орбите и в самом деле может
быть близок к пяти тысячам лет...

– Но ведь это означает...

– Это ничего еще не означает, – отчеканил канцлер. – Ни-че-го. Даже при
моей привычке во всем видеть возможные неприятности. Именно потому,
что я реалист и прагматик, я и не могу *пока* относиться серьезно к болтовне
вашего домового. Поживем – увидим. Недели через три к ней навстречу вый-
дут виманы Магистериума, тогда-то мы и будем располагать какой-то *точной*
информацией. И если появятся основания для тревоги, я первым ее подниму...
Вы готовы дать слово держать *все*, что от меня услышали, в тайне?

– Готов, – подумав, кивнул Сварог. – Лишь бы это не повредило...

– Не повредит, будьте уверены. Так вот, я пока что не докладывал импера-
трице о... ситуации с Багряной Звездой. Не стоит торопиться. Очень надеюсь,
что вы последуете моему примеру. Я не нагнетаю жути и не пугаю... но если
вы хоть одной живой душе передадите содержание нашего разговора... С вами
все будет кончено.

– Я, кажется, дал слово, – сердито сказал Сварог. – А теперь позвольте отве-
тить на цинизм цинизмом. Я тоже иногда люблю точные формулировки. Вы
меня *чуть* боитесь, но и убрать не решаетесь, и использовать в серьез-
ных делах боитесь...

– Где же тут цинизм? – усмехнулся канцлер с некоторым превосходством. –
Вы очень точно изложили положение дел, вот и все... Да, *чуть* боюсь. Да,
немного не доверяю. А почему я должен безоглядно вам доверять? Коли вы
непредсказуемы? Не в силу некоего коварства, а попросту оттого, что все еще
чужой здесь... Вы слишком мало у нас прожили, чтобы проникнуться...

– Полагаете? – сказал Сварог почти грубо. – Не сочтите за высокие слова, но
кое с чем, кое с кем я намерен бороться до последнего издыхания...

Перед глазами у него снова стояла Морская площадь – и белая дымная по-
лоса, неотвратимо скользившая к Делии. И кровь принцессы на руках, и кри-
ки, и заполошный конский топот...

– Знаю, – сказал канцлер. – И очень хочу верить, что Серый Рыцарь – все же
вы... Потому вы и живы до сих пор. И я рискну вам поверить настолько, чтобы
ознакомить вот с этим...

Он извлек откуда-то из воздуха небольшой лист бумаги и решительно по-
ложил перед Сварогом.

Талар

Замков 5011

Обитателей 29 652

в том числе:

императрица
членов императорской фамилии 11
стариков 11 781
детей 3205
ИТОГО годных к службе,
работе, науке 14 654

**Реестр состоящих на службе,
занятых работой, науками:**

Канцелярии, коллегии 564
Армия 190
Серебряная Бригада 42
Дворец Келл Инир 432
Корпус инженеров 52
Магистериум 56
Мистериор 24
8-й департамент 78
ИТОГО 1438
Светское общество 13 216

Сильвана

2 города, 1654 замка
Обитателей 14 924
в том числе:
стариков 5206
детей 2875
ИТОГО годных к службе,
работе, науке 6843

**Реестр состоящих на службе,
занятых работой, науками:**

Кабинет императрицы на Сильване 114
Кабинет императрицы на Селене 446
Канцелярии, коллегии 232
Армия 60
Серебряная Бригада 38
Корпус инженеров 26
Сильванский отдел Магистериума 32
Сильванский отдел Мистериора 16
Сильванский отдел 8-го департамента 62
ИТОГО 1026
Светское общество 5817

Изучив немудреную справку, Сварог прочитал ее вновь. И еще раз. Тогда только стал понемногу *понимать*.

Подняв голову, встретил взгляд канцлера, который так и не смог понять – то ли затаенная боль, то ли злость, то ли все вместе, и еще многое...

– *Теперь* вам ясно, где самое слабое место? – произнес канцлер совсем ти-

хо. – Учтите еще, что добрая половина из тех, кто все же значится в обоих Реестрах, – придворные бездельники, паркетные шаркуны, немочь бледная... Занятых реальным делом и вовсе мало. Даже если считать всех, по головам, – нас всего-то тысяч пятьдесят. По большому счету, это население не самого большого земного города...

– Иными словами, система без будущего? – безжалостно сказал Сварог. – Занятая лишь поддержанием существующего положения?

Канцлер не смотрел на него, он ссутулился в кресле, не отрывая взгляда от собственных колен. Длилось это всего пару мгновений, потом-то перед Сварогом вновь оказался холодный, прагматичный и умный сановник – но главное было сказано... И не встретило отпора.

– Вот в чем главное препятствие, – тихо сказал канцлер. – Нигде и никогда не смейте этого произносить... но я и в самом деле не вижу ни будущего, ни перспектив. Пятьдесят тысяч человек, из которых реальным делом занимается лишь пара тысяч, пусть и обладающие невиданными научными достижениями, страшным могуществом... Этого мало. За что ни возьмись, этого мало.

«Неужели ты за этим и пришел? – вдруг осенило Сварога. – Тебе попросту не с кем больше поделиться! Действительно, *такое* невозможно носить при себе, свихнуться можно...»

– Но ведь можно...

– Умоляю, постарайтесь без скоропалительных выводов! – В голосе канцлера зазвучал прежний металл. – Сначала вспомните, что имеее дело не с наивными идиотами, что за тысячелетия были всесторонне рассмотрены самые разные проекты и иные из них претворены в жизнь... Уверен, вам сейчас, как глупому, уж простите, новичку, приходит в голову нечто эпохальное... Мы, скажем, должны просто-напросто поделиться технологиями и научными знаниями с обитателями земли, вместе строить новое будущее... Да?

– Что-то вроде... – осторожно сказал Сварог.

– Удивительно, как никто раньше не додумался! – иронически раскланялся с ним канцлер. – Как в голову никому не пришел самый простой выход? Любезный мой лорд Сварог, примерно через тысячу лет после Шторма начали рассуждать в точности так, как вы сейчас. Они спустились из-за облаков и начали делиться. Но кончилось все Вьюгой – катаклизмом, хоть и уступавшим по размаху Шторму, но не менее трагическим. Ряд техногенных катастроф вкупе с войной, где использовались самые передовые технологии и достижения науки... Да если бы все дело было только в том, чтобы одарить людей пластмассовыми стульями вместо деревянных, телевизорами и самолетами! Вы всерьез полагаете, что душа человеческая изменится к лучшему исключительно из-за обладания благами науки и техники? Сами по себе эти блага ничего не решают и ни к чему хорошему не ведут. Поскольку не ликвидируют ни одной проблемы, а вот *новых* добавят несказанное количество. Шлюха всегда останется шлюхой, эгоист – эгоистом, подонок... Между прочим, не мы одни тихо и ненавязчиво тормозим на земле технический прогресс. Со стороны земных обитателей имеет место встречный, если так можно выразиться, процесс... Гаудин вам никогда не рассказывал историю с железобетоном?

– Нет, – угрюмо сказал Сварог.

– Жаль, поучительная история... Лет семьдесят назад один земной умелец, архитектор, самостоятельно и в одиночку додумался до изобретения бето-

на. Это не столь уж сложно даже при земном уровне науки и техники. Бетон – не компьютер. Очень быстро он сделал следующий шаг – бетон с железной арматурой. Железобетон. Подлинная революция в строительстве... с одним многозначительным дополнением. Строить дома и крепости, конечно же, стало бы гораздо легче, быстрее и дешевле... но при этих условиях очень быстро обратились бы в нищету и полнейшее ничтожество многие члены Сословия Циркуля, инженеры и архитекторы, которым поздно было бы переучиваться. В полнейший упадок пришли бы кое-какие цеха Золотых гильдий... Так вот, мы ни в коей мере не причастны к бесследному исчезновению талантливого изобретателя, надо полагать, не умевшего просчитывать последствия и держать язык за зубами. Там, на земле, сами управились. О том, что такой изобретатель когда-то жил, а потом пропал без вести вместе со всеми своими записями, расчетами и первыми образцами, наши агенты узнали чисто случайно, через полсотни лет после его пропажи, когда сын одного каменных дел мастера решил на смертном одре исповедаться – и рассказал, чему был свидетелем в юности... Так-то.

– Что же, выхода нет вовсе?

– Я не хочу в это верить, – сквозь зубы произнес канцлер. – Не хочу. Мы будем его искать... Постараемся найти. Я вам все это рассказал еще и для того, чтобы удержаться от скоропалительных решений. Чтобы вы поняли, сколь серьезны стоящие перед нами проблемы. Перед нами. Потому что жить вам здесь, в этом мире. А человек вы чертовски энергичный... и потому выгоднее будет не примитивно убирать вас, а познакомить со всеми сложностями, тупиками и проблемами. Благо вы еще и умны. Я хочу, чтобы вы поняли, насколько хрупок и во многом не познан наш мир, чтобы не рубили сгоряча...

Он говорил проникновенно и дружелюбно, в его голосе звучало искреннее расположение. Забыть бы еще, что перед Сварогом – изощреннейший политик... Воспользовавшись паузой, Сварог продолжал невинным тоном, таким, чтобы при необходимости все сказанное можно было обернуть в шутку:

– ...чтобы я понял одну простую и важную истину: по сути, если смотреть в самый корень, Небесная империя не столь уж благостна, благополучна, могуча и перспективна, чтобы пытаться захватить над ней власть... Верно?

Ожидаемого возмущения не последовало: канцлер смотрел на него бесстрастно и устало. Молчание затягивалось.

– Простите, я не дипломат, да и политик никакой... – сказал Сварог. – Ну, а все-таки? Не подозреваете ли вы меня в стремлении захватить власть над Империей?

– Я вынужден допускать именно такое развитие событий как теоретическую вероятность. Можно *допустить*, что когда-нибудь эта идея обоснуется у вас в голове.

– Да зачем мне? – искренне сказал Сварог. – Простите за откровенность, но мне вовсе не улыбается править полусотней тысяч спесивых бездельников, среди которых, вот чудо, все же затесалась пара тысяч тех, кто занимается реальным делом... Мне было бы невероятно скучно.

– Я ведь не утверждал, что вы *пытаете* такие планы, – спокойно сказал канцлер. – Речь идет о теоретической вероятности. Как знать, возможно, вам однажды покажется, что именно вы сможете что-то *сделать лучше*. С этого, знаете ли, и начинается... В вас есть что-то от идеалиста, не отрицайте. Только

идеалист отправился бы с принцессой Делией в Три Королевства. И вы не отказались от власти над ними, хотя это и сулит одни лишь хлопоты...

– Я только хотел...

– Предотвратить неизбежную войну, обязательно разгоревшуюся бы в случае, если Три Королевства окажутся бесхозными, – кивнул канцлер. – И вы не хотели оставить столь сложную и опасную игрушку, как Хелльстад, на произвол судьбы. То есть считали, что сделаете лучше. То, о чем я и говорил. Вы сами-то можете поручиться, что вам через энное количество лет не захочется ради чьего-то очередного блага взвалить на себя новые хлопоты? Вот видите... Поймите меня правильно. Легко просчитать нахального властолюбца, авантюриста, стремящегося к власти ради власти и тех благ, что из обладания ею вытекают. Таков, например, ваш добрый знакомый герцог Орк. Именно оттого, что в глубинной сути своей он не более чем примитивный властолюбец, как раз и не способен причинить *серьезного* вреда. Его интриги и замыслы не блещут умом и новизной, а потому расстроить их крайне легко. А с идеалистами вроде вас обстоит гораздо труднее. Потому что решительно невозможно предсказать, когда и где в вас вспыхнет желание спасти человечество...

– Но ведь кое-что мне удалось сделать? – спросил Сварог.

– Это-то меня и настораживает, – признался канцлер. – Идеалист, которому удаются опасные и сложные предприятия, опаснее вдвойне...

Акбар смотрел на него сумрачно и сосредоточенно, словно прикидывал, каков канцлер на вкус и стоит ли тратить усилия, чтобы это выяснить.

– И почему вы с такими настроениями до сих пор не воткнули мне в спину что-нибудь острое? – сказал Сварог.

– Я уже подробно объяснил, почему.

– Ну ладно, – сказал Сварог. – Тогда позвольте и мне кое-что вам объяснить. Есть одна серьезнейшая причина... точнее, препятствие на пути к короне Империи. Это очаровательное препятствие зовут Яна. Вы правы, нельзя заранее предсказать, что придет человеку в голову через год, два, десять... Однако одно я вам могу предсказать не хуже Таверо: я никогда ничего не сделаю ей во вред. Ясно вам?

– Подоплека? – холодным тоном привыкшего ко всему врача спросил канцлер. – Некие отцовские чувства или сексуальные побуждения?

– Быть может, все сразу, – сказал Сварог. – Быть может... И еще что-то, что не выразить словами. У меня никогда не было детей... и я никогда не встречал такой девушки. Какое-то шальное сочетание ума, взбалмошности и прелести, голова порой кружится...

– А что, если в этом и заключается выход?

– В чем? – искренне не понял Сварог.

– Поженить вас, – с непроницаемым лицом пояснил канцлер. – Чем не решение проблемы? Впервые эта идея пришла в голову Гаудину, по размышлении я увидел в ней рациональное зерно... Почему бы и нет? В самом деле, идеальный выход. Одним махом расправляемся с массой сложностей, тревог и противоречий.

– Ох, и светлая у вас башка... – раскланялся Сварог.

– Вы же сами признались, что она вам нравится?

– Она мне чертовски нравится, – сказал Сварог. («Какого черта, что я несую, почему так с ним откровенен?» – мелькнуло в голове). – Но и ее мнением не

мешало бы поинтересоваться...

– Ну, особых сложностей я здесь не вижу, – сказал канцлер. – Два опытных и умных взрослых человека, объединенные общими целями и задачами, без труда могли бы разработать эффективный план и претворить его в жизнь. Если задаться целью непременно соединить вас брачными узами, основанными на...

У него медленно отвалилась челюсть. Застывший взгляд уперся во что-то за спиной Сварога, а тот в приливе некоего озарения уже знал, кого увидит, повернув голову...

Так оно и оказалось. Неведомо откуда возникшая Яна стояла в нескольких шагах от стола, скрестив руки на груди. Акбар радостно гавкнул в знак приветствия.

– Возможно, кто-то заявит, господа мои, что я вульгарно подслушивала, – промолвила она столь ледяным тоном, что Сварогу почудился иней в углах библиотеки. – Однако среди прочего я слышала, как некий государственный муж подробно и аргументированно объяснял, что монархи стоят выше вульгарных эмоций, морали и этики. Ведь это вы говорили, герцог? Так что, милорды, прошу считать, что я всего лишь руководствовалась высшими государственными интересами. Монарх никогда не подслушивает – он *осведомляется* об умонастроениях и жизненных планах подданных...

– Герцог, я и понятия не имел... – еле выговорил Сварог, чувствуя, как кровь бросилась в лицо. – Чем угодно клянусь...

– Верю, – сказал канцлер, таращась куда-то в пространство отрешенным взором. – Мне следовало прежде всего установить, кому принадлежит тот брагант, что стоял у парадной лестницы, *прослушать* примыкающие покои...

– Ваши планы касательно моего замужества, герцог, изящны и прагматичны, – медленно продолжала Яна. – Однако о них я хотела бы поговорить в самую последнюю очередь... а то и не говорить вовсе. Во многих романах пишется, что стареющие мужчины обожают играть в свах для молодежи... – медленно, с издевкой цедила она слова. – Не будем об этом. Есть более серьезные темы для разговора... – Она сделала неуловимое движение пальцами, и та самая злосчастная справка, которой канцлер так поразил Сварога, сама порхнула ей в руку, хотя канцлер чисто машинально и пытался перехватить бумагу на лету. – Интереснейший документ, – сказала Яна, продекламировала нараспев: – Стариков... детей... реестр состоящих на службе... Почему вы этого никогда не показывали *мне*?

Это были уже не шутки. Кончились шутки. Юная императрица была разъярена всерьез. Глаза потемнели от гнева, они были теперь цвета тяжелой грозовой тучи, и что-то во взгляде, физически ощутимое, давящее, свирепое заставило волосы Сварога шевелиться, а мелкие предметы на столе – подпрыгивать с глухим дребезжанием и стуком. Вряд ли Сварогу мерещилось – в библиотеке и в самом деле потемнело, воздух казался густым, тяжелым, щекочущим горло, словно перечный настой...

Должно быть, на Сварога эта неведомая сила действовала не столь уж сильно, – а вот канцлеру досталось сполна. Он не сам поднялся из тяжелого кресла – та же сила приподняла его, как марионетку, взметывая его волосы будто порывами ветра, дувшего со всех сторон сразу, заставляя гирлянду орденов колыхаться со звоном. От золотого шитья на канцлерском мундире взвились

невесомые облачка – это на глазах истаивали галуны, рассыпаясь золотой пылью. Акбар, сам не способный к какой бы то ни было магии, но безошибочно чувствующий ее присутствие, остороженько попятился в угол – и шерсть на нем вдруг встала дыбом, как иглы на дикобразе, бедного пса зацепила самым краешком эта рванувшаяся на свободу сила, энергия, некая древняя магия...

Потом показалось, что канцлера чуточку *отпустило*.

– Ну, и что вы мне скажете? – звенящим голосом выпалила Яна.

– Ваше величество, – промолвил канцлер почти спокойно. – Все цифры, содержащиеся в этой справке, абсолютно все, вам не единожды докладывались, они присутствуют во множестве поданных вам документов, вы давно знакомы с точнейшими статистическими данными...

– *Вразбивку* докладывались, – оборвала Яна. – Раздерганные на три десятка сводок, отчетов и меморандумов, утопленные во множестве другой цифири, заполняющей обширные доклады и толстые тома... А мне нужна была именно *такая* бумага – краткая и шокирующая. Следовало, чтобы вы мне объяснили с помощью такой вот коротенькой справочки, какая перед нами разверзлась пропасть. Так, как в три минуты растолковали это лорду Сварогу. В этом ваш долг канцлера и заключался. Что вы молчите? Я вам приказываю немедленно объясниться!

Библиотека медленно возвращалась в прежний вид – опала вздыбленная шерсть на Акбаре, так и не покинувшем благоразумно своего дальнего угла, посветлело, чернильницы и прочие старинные безделушки больше не выплясывали, как пьяные матросы, воздух казался обычным. Прилив неконтролируемой ярости, надо полагать, миновал. Вот только канцлерский мундир так и не вернулся к прежнему состоянию – он словно бы подвергся атаке полчищ диковинной моли, питавшейся исключительно золотой канителью...

– Хорошо, ваше императорское величество, – сказал канцлер с отчаянным видом человека, поставившего на карту все, что только возможно в этой жизни, а то и саму жизнь. – Попытаюсь объяснить... Дело в том, что я считал – и до сих пор так считаю, – что вы еще не достигли того рубежа, за которым человек – а в особенности монарх – может именоваться по-настоящему взрослым, способным принимать взрослые решения. И пока этот рубеж вами не пройден, я полагал своим долгом беречь вас от некоторых сложностей нашего бытия. К некоторым истинам человека – и в особенности, повторяю, монарха – следует подводить постепенно и осторожно. В противном случае чересчур уж велик риск, что монарх примет неверные решения. Я всего лишь выполнял то, что обещал вашему отцу...

– Его действительно отравили? – вопрос прозвучал, как резкий хлопок хлыста.

«Даже так?! – охнул про себя Сварог. – Вот даже как?! И ведь ни одна живая душа не заикнулась...»

– Вопрос спорный...

– Да или нет? – почти крикнула Яна.

– Я не стал бы с порога отметать столь печальное предположение, в пользу которого свидетельствуют некоторые обстоятельства и странности...

– То есть – да? – Из потемневших глаз Яны вновь ударило нечто, не имевшее вида и названия, морозившее кровь в жилах. – Вы и от *этого* знания меня

оберегали? Глупенькую, наивную, маленькую девочку? А тем временем составлялись вот такие бумаги и «Черная благодать» развивалась у вас под носом, прямо в Келл Инире...

– Мною руководило лишь стремление к благу империи и вашему лично-му...

Сварог был неплохо защищен от здешних магических штучек, но Яна владела чем-то, *выламывавшимся* из этого установления. Он вновь ощутил, как волосы ему взметает порыв странного ветра, видел, как сгущается полумрак в библиотеке, как в этом вязком полумраке вспыхивают странные *медленные* искры, как бумаги на столе разлетаются, шурша и свиваясь.

Все это ничуть не направлено против него, его задело лишь краешком налетевшей грозы, но легче от этого не стало...

Потому что он видел лицо Яны, побелевшее, неумолимое. Она расшвирипела не на шутку. Выпала редкая возможность самолично лицезреть во всей сомнительной красе классический приступ неудержимого монаршего гнева – когда дозволено все и нет тормозов, когда с плеч падают головы и в щепки разлетаются кресла под высшими сановниками, когда сама история, споткнувшись в беге, с грохотом рушится на скаку, как подстреленный конный рыцарь в доспехах...

И понимал – если нечто непоправимое и не произойдет, то *прозвучит*. А это одно и то же, разница, право, тут невелика...

Вокруг уже все плыло, деформировалось, сплеталось в сплошной клубок дергавшихся теней, пронизанных порывами ледяного ветра, – и посреди этого хаоса льдисто светилось белоснежное, ставшее маской лицо Яны с темно-синими провалами глаз.

Сварог шагнул вперед, заслоня остолбеневшего канцлера и, чувствуя, как на лицо ему все сильнее давит что-то невидимое, тугое, недоброе, почти крикнул:

– Ваше величество, мы в моем замке, и этот человек – мой гость!

Ощупью, бесцеремонно нашел ее запястья и стиснул что было сил. От пальцев к локтям метнулся словно бы разряд электрического тока, но он не разжал рук, пытаясь *сломать* взглядом это невидимое, напиравшее, швирипое...

И вдруг все кончилось, будто повернули выключатель. Яна поникла, опустила веки, ее тонкие запястья дрогнули, и Сварог торопливо разжал пальцы. Отступил на полшага. В углу жалобно поскуливал Акбар.

Сварог знал, что победил. Он и сам не мог бы объяснить, *что* пустил в ход, чем заслонился – да и от *чего* заслонял канцлера, не вполне понимал, но твердо был уверен, что выиграл непонятную схватку. «Что со мной происходит такое?» – подумал он растерянно. Хелльстадская корона всему виной или что-то другое?

– Интересно, что мне теперь с вами сделать, господин канцлер? – спросила Яна.

Голос звучал неприязненно, сердито, сварливо – но гроза рассеялась, молнии угасли.

– Все, что будет угодно вашему величеству, – смиреннейше сообщил канцлер.

– Я подумаю, – пообещала она зловеще, задрала подбородок. – А теперь, хотя это и прозвучит посягательством на хозяйские права лорда Сварога, я бы

вас попросила удалиться. – Она шагнула вперед, взяла Сварога под руку и откровенно прильнула к нему. – Будьте учтивым человеком, не мешайте даме, собравшейся провести вечер в обществе любовника...

Выражение лица его светлости канцлера описать словами было решительно невозможно. Сварог подозревал, что его собственная физиономия выглядит столь же неопишимо. Яна тем временем склонила голову ему на плечо и своим ангельским голоском сказала:

– И если я услышу, ваша светлость, что вы против него что-то замышляете... Вот *тогда* вас никто и ничто на этом свете не спасет... Что же вы стоите? Я вас более не задерживаю, можете вернуться к государственным делам, которые вы решаете с таким изяществом и блеском...

– Да, конечно, разумеется... – пробормотал канцлер.

Неловко поклонился, не сводя со Сварога ошарашенного взора, спиной вперед двинулся к двери, уже в полнейшей растерянности наткнулся на нее спиной, нашарил ручку, повернул, исчез с глаз...

Глава пятая ДЕРЕВНЯ С ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯМИ

– Ну и зачем? – с укором спросил Сварог, когда дверь за канцлером надежно закрылась. На столе, правда, осталась его забытая впопыхах шляпа с пышнейшим белым пером, но вряд ли канцлер за ней вернется, даже если вспомнит.

– Что – зачем? – невинно взглянула отодвинувшаяся от него Яна.

– Выдумки насчет любовника.

– Вполне обдуманное коварство, – пожалала она плечами. – Урона для девичьей репутации не будет никакого, он все равно ни с кем столь ошеломительной новостью не поделится. А вот тебе будет гораздо безопаснее жить. Будучи уверен, что ты мой любовник, он поостережется против тебя что-нибудь замышлять.

– Значит, ты его...

– Да оставляю я его в прежней должности, успокойся... Ты на его место не хочешь, и кого в таком случае назначить, я решительно не представляю. Буду утешать себя тем, что Дирмед – зло известное и привычное. – Она, поморщившись, повертела руками, разглядывая запястья. – Останутся синяки, вот, уже пятна проступили... Надо же было так стиснуть...

– Я вот подумал почему-то о том, что розга – все же не самое бесполезное изобретение человечества...

– Вот уж нет, любезный граф, – лучезарно улыбнулась Яна. – Снова озабочены моим воспитанием? Хвала небесам, я уже в том возрасте, когда пороть девушку – не метод воспитания, а самое натуральное извращение... – Она поморщилась. – Действительно, синяки останутся.

– Прости, – осторожно сказал Сварог. – Но у меня было впечатление, что вот-вот случится нечто жуткое...

– И правильное было представление, – подтвердила она сердито. – На меня иногда... накатывает. Нечто вроде эпилепсии у землян, только в основе какая-то старая магия. Сама толком не умею этим управлять... Наследственность, знаешь ли. Могла и размазать по ближайшей стеночке в виде фрески

под старину... – Она пытливо посмотрела на Сварога. – А ты, выходит, умеешь *это* гасить...

– Боюсь, мы в равном положении, – признался Сварог. – Я тоже не представляю, как это у меня получается.

– Интересно, у тебя в роду не было ли в незапамятные времена...

И она замолчала, чуть ли даже не испуганно.

– Керуани? – сказал Сварог.

– Интересно, откуда ты знаешь про Керуани? – воззрилась на него Яна в полнейшем недоумении. – Неужели на земле просветили? Это, вообще-то, считается одной из самых засекреченных тайн прошлого...

– Ты, наверное, забыла, – сказал Сварог. – Это ведь я нашел то письмо в мундире навигатора, в отеле...

– Какое письмо?!

Яна смотрела на него с искренним недоумением. «Так-так-так, – подумал Сварог сердито, – что же, ей и про то, что я нашел в отеле, не доложили? Ай да Гаудин! Похоже, среди господ сановников прямо-таки соревнование идет: кто надежнее оградит юную императрицу от сложностей и загадок бытия...»

– То письмо, что написала навигатору Горонеро его подруга, – выговорил он помимо воли, хотя собирался, твердо собирался замять эту скользкую тему.

«Да что с языком нынче такое? Как шнурок развязался...»

– Решительно не понимаю, о чем ты, – пожалала плечами Яна.

На счастье Сварога, ее мысли внезапно приняли иное направление. Яна задумчиво прошлась по комнате, обходя упавшие со стола бумаги, а когда обернулась, на лице играло беззаботное лукавство:

– Значит, милорд, вы решительно отказались на мне жениться? Это в чем-то даже и оскорбительно... Можете вы внятно объяснить, почему отказались от первой красавицы Империи?

И снова непонятная откровенность себя проявила – он совсем было собрался отделаться вежливой, пристойной шуткой, но как бы со стороны услышал собственный голос:

– Быть может, оттого, что опасаясь лишних сложностей. Мне их и без того хватает. С Марой гораздо проще, идеальное сочетание боевого товарища и верной подруги, не отягощенное сложностями... А тот, кто окажется *с тобой* в одной постели, чует мое сердце, кроме несказанного удовольствия обретет еще и ворох нешуточных сложностей... – Он хлопнул себя кулаком по губам и прямо-таки взвыл: – Да что со мной такое?

– Сказать? – прищурилась Яна. И, медленно покачивая указательным пальцем, не без удовольствия продекламовала:

– Шальное сочетание ума, взбалмошности и прелести, от которого кружится голова... Что ж, за этот порыв искренности тебе многое можно простить...

– Это все – ты? – предположил Сварог.

– Ох! – вздохнула Яна, закатив глаза. – Я, кажется, не давала оснований подозревать себя в столь низком коварстве... Я тебе сейчас объясню. – У нее прорезался исполненный удовлетворенного превосходства тон строгой учительницы, объясняющей карапузу элементарные истины. – И ты поймешь, насколько неопытен – да, до сих пор... Посмотрим...

Она взяла со стола забытую канцлером шляпу, поднесла к носу роскошное белое перо, принялась и удовлетворенно кивнула:

– Ну, разумеется... Полюбуйся.

Пальцами левой руки прочертила над пером какую-то нехитрую фигуру – и перо превратилось в невероятно красивый мираж, сотканный из синего сияния, переливавшийся разными оттенками, походивший на неземной цветок.

– Порошок из корней синего сивьянского лотоса, измельченный в тончайшую пыль, – будничным тоном пояснила Яна. – Надлежащий церемониальный взмах шляпой – и пыль распространяется по комнате, ты ее вдохнул незаметно для себя... Таковы уж, милорд, свойства этого порошка, что человек, его вдохнувший, начинает отвечать чистейшую правду, о чем бы его ни спрашивали. Он просто не может лгать.

– Но ведь я умею определять яды!

– Да это не яд! – таким тоном, словно показала язык, объяснила Яна. – Яд – это то, что вредит организму, вызывает болезнь или смерть... Понятна тебе казуистика? Говорение правды не наносит человеку *прямого* вреда – исключительно косвенный в виде жизненных последствий. А это уже по другому ведомству...

– Значит, он...

– Дошло, наконец! Конечно. Это и называется «подпустить лотоса». Защититься можно с помощью простейшего заклинания... но ты-то его не знаешь, а? Интересное зелье, правда? Лотос этот на Сивьяне растет в жутко недоступных болотах, где-то на краю земли, но все равно десятки авантюристов пытаются его добывать, потому что при продаже из-под полы он идет даже не на вес золота – на вес алмаза. Представляешь области применения? Полиция, тайные службы, ревнивые мужья и так далее, и так далее... У тебя на лице написано сейчас столь искреннее расположение к герцогу... Пренебреги. Сам виноват – тебе следует получше изучить нравы и приемчики господ сановников... С точки зрения государственных интересов, о которых герцог так печется, ничего страшного не произошло – он всего лишь вызвал тебя на откровенность. Да и мне было интересно послушать, что ты обо мне думаешь, – сама бы никогда не решилась на такую пакость... Не красней. Теперь ясно, что тебе можно безоговорочно верить, а это немало...

Она помрачнела, теперь-то видно, что в прежней веселости было много напускного. У Сварога язык чесался спросить, как же все-таки обстояло дело с ее отцом, – но лишь законченный скот мог бы сейчас об этом заикнуться. Нужно продумать, к кому можно подкатиться со столь деликатными расспросами, – пожалуй, к кому-нибудь из старцев Геральдической коллегии, когда они в очередной раз нагрянут в гости и упьются до изумления...

Яна тем временем опустилась в кресло и рассеянно постукивала пальцами по широкому резному подлокотнику. Лицо у нее стало сумрачное – прошла игривая бравада, вернулись сложности бытия... Сварог ее прекрасно понимал.

– Послушай, – сказал он тихо. – Если я могу чем-то...

– Можешь, – вскинула она голову, оборвав на середине фразы. – Покажи мне Хелльстад. Или хотя бы твой тамошний замок, о котором ходит столько обширных и дурацких сказок... Ну что ты в лице переменялся? Неужели все мужчины и вправду одинаковы – обещаете звезды с неба, а в пустяковой конкретной просьбе отказываете моментально... Это ведь абсолютно безопасно, как я понимаю. И замок сейчас как раз над Хелльстадом?

– Скорее уж над границей Хелльстада и Пограничья, – поправил Сварог ма-

шинально. – Примерно так...

– А какая разница? Ну, что же ты? Время не такое уж позднее, едва стемнело...

– Ну хорошо, – кивнул он. – Возьмем виману...

– А вот это совершенно не нужно, – оживилась Яна. – Сам поймешь.

Она вскочила, нахлобучила шляпу и одним движением пальца заставила лежащий на соседнем кресле обширный плащ взмыть в воздух и закутать ее до пят.

Сварог вздохнул, нахлобучил королевскую митру и после недолгого размышления взял топор – в Хелльстаде полезно носить вместо королевского посоха именно Доран-ан-Тег, как-никак кроме совершенно покорных его воле обитателей-подданных там изволили проживать существа разной степени разумности, но объединенные одной нехитрой жизненной установкой: чихали они с высокой колокольни и на прежнего короля, и, соответственно, на нынешнего. Особой опасности они пока не представляли, но с их наличием следовало считаться...

За дверью, как и ожидалось, бдил верный Макред, в струнку вытянувшийся при виде хозяина и его «гостя», которого дворецкому не полагалось узнавать.

– Я ненадолго и недалеко, Макред, – сказал Сварог с освоенной им аристократической небрежностью. – В Хелльстад.

– Как будет угодно милорду, – ответил Макред своей обычной универсальной формулой.

Сварог вышел на парадное крыльцо, приостановился, ожидая, что будет делать Яна. Она спустилась с широкой лестницы первой, уверенно направилась мимо своего браганта, мимо вековых дубов, мимо дома для слуг. Сварог шагал следом, держа топор небрежно, словно чемодан.

– И далее? – спросил он, когда Яна остановилась перед невысокой ажурной оградкой, высотой человеку всего-то по колено, за которой начинался обрыв – и бескрайнее небо, в котором замок парил которую тысячу лет.

– Давай руку, – сказала она спокойно, и Сварог послушно сжал ее узкую ладошку. – Нам примерно в том направлении? Прыгаем.

И, преспокойно встав ногой на оградку, оттолкнулась от нее, взлетев над темной бездной. Сварог, не удивившись и не запоздав, прыгнул следом.

Ни малейшего страха он не ощутил – сработали десантные рефлексy, из-под ног привычно исчезла твердь земная, и воздух принял его. Судя по встречному ветру, они опускались довольно медленно, почти со скоростью плывущего под куполом парашютиста. Сначала на них надвинулись снизу темные облака, потом, очень скоро, внизу распахнулась освещенная половинкой Юпитера-Семела ночная земля, темные пространства с редкими, мерцающими кое-где огоньками. Слева Сварог увидел широкую гладь Итела с лунной дорожкой на воде и крохотным одиноким корабликом – судя по всему, это плыли куда-то отчаянные обитатели Пограничья, и вряд ли с законопослушными намерениями.

Они опускались не отвесно, а по широкой дуге. Сварог взглянул на Яну, и она ответила рассеянной улыбкой, ветерок развеивал ее волосы, юное лицо казалось незнакомым и загадочным.

Потом он ощутил в сознании краткий, неопиcуемый обычными словами

толчок – и понял, что летит над Хелльстадом. Опять-таки не укладывавшимся в слова призывом вызвал Вентордеран. Далеко впереди вспыхнуло радужное сияние, многоцветное и яркое. Сварог указал на него Яне, она понятиливо кивнула, повернулась всем телом в ту сторону, увлекая за собой Сварога.

Приземление получилось не в пример более мягким, чем это обычно бывает с парашютистами, – никакого толчка, только что они летели сквозь ночную тьму, снижаясь, и вдруг оказались на твердой земле.

– Между прочим, ты и сам все это должен уметь, – сказала Яна. – Только не озаботился обучиться... Как красиво!

Вентордеран наплывал на них, озаренный радужным сиянием, круглые башни и крытые галереи, крутые крыши и затейливые флюгера – все светилось мягко переливавшимися полосами мягкого, разноцветного, не резавшего глаза огня. Плавно и медленно откинулась парадная лестница.

– Прошу, ваше величество, – сказал Сварог.

Яна приостановилась:

– Это же не просто замок... Он живой и неживой...

– Ну да, – сказал Сварог буднично. – Я это давно почувствовал, в первую же встречу, но до сих пор не пойму, что он такое. Одно знаю: он ко мне *расположен*, хотя и не могу выразить словами, в чем это заключается...

Он и впрямь не в первый уже раз ощущал, как замок его *приветствует*, как накрывает с головой приятная теплая волна, как укутывает всего, с ног до головы, далеко вокруг простираясь, исходящее от загадочного, как бы живого строения облако радости от встречи с хозяином, готовности служить верно...

Безусловно, ему хотелось произвести впечатление на Яну, а потому в длинном высоком коридоре, сечением напоминавшем перевернутый колокол, выстроились в две шеренги золотые болваны-слуги, над головой парила птица-мажордом, сверкавшая радугой самоцветов.

Однако на императрицу, скорее всего, производила впечатление не эта чуточку аляповатая роскошь, доставшаяся в наследство от не грешившего высокими эстетическими запросами покойного короля – Келл Инир был, пожалуй что, пышнее и богаче, – а сам замок, сам Хелльстад. Притихшая, она шагала в ногу со Сварогом, беззастенчиво вертя головой, пожирая взглядом окружающее. Тихонько сказала:

– А здесь совсем не страшно...

– Это же не пещера людоеда, – сказал Сварог. – Это – уютное королевское обиталище. Впрочем, и за стенами нет ничего особенно уж страшного. Несколько реликтовых чудовищ, на которых у меня еще не было времени взглянуть, огромный кусок курортной местности, сохранившийся после Шторма в полной неприкосновенности, самые обычные равнины, леса и горы...

– А эти... крохотульки?

– Мы пока что не нашли входа в пещеру, – досадливо сказал Сварог. – Как ни бился мой управитель со здешними механическими чудесами. Мой покойный предшественник, такое впечатление, и не стремился узнать о них побольше, отчего-то сохраняя осторожный нейтралитет. Ничего, – усмехнулся он, чувствуя, как лицо вновь сводит злой гримасой. – Когда-нибудь я их непременно отыщу, и мы кое за что крепенько поквитаемся...

В тронном зале их ждал мэтр Лагефель, подневольный управитель замка, –

особо, впрочем, не тяготившийся своей подневольностью. Цинично рассуждая, куда ему было податься? В большой мир, где за четыреста с лишним лет перемерли все его знавшие и даже их правнуки? Богатейшая библиотека замка держала его здесь получше любых кандалов. Сварог и сам давно порывался исследовать книжные полки, но где взять время, особенно теперь?

– За время вашего отсутствия ничего особенного не произошло, государь, – сказал он Сварогу, с любопытством косясь на Яну. – Искатели кладов и приключений пытались проникнуть в наши пределы трижды. Всякий раз, в соответствии с вашими приказами, были выставлены без урона для жизни и здоровья. Неподалеку от Озерной Страны снова болтался конный гном, на сей раз я засек место, где он скрылся под землей, туда посланы Золотые Шмели, и утром я буду знать, как обстоят дела...

– Когда ваши Шмели найдут, наконец... – сказал Сварог.

– Я ищу, государь, честное слово!

– Верю, – сказал Сварог. – Ладно, будем надеяться, что повезет все же... Позвольте вам представить... (Тонкие пальчики Яны многозначительно стиснули его запястье)... мою юную знакомую, пожелавшую осмотреть замок.

– К вашим услугам, госпожа моя, – поклонился мэтр Лагефель. – Быть может, показать вам королевскую сокровищницу? Или залы с древними произведениями искусства?

– Позвольте, я сама осмотрюсь, – вежливо, но непреклонно сказала Яна, озираясь.

Лагефель взглянул на Сварога. Тот опустил веки. Управитель послушно отступил на два шага, замер в выжидательной готовности.

Яна, заложив руки на спину, повернулась на каблуках. Кажется, ее несколько не интересовали ни трон, словно вырезанный из одного куска янтаря, ни черные сундуки в золотых узорах и самоцветах, ни сводчатый потолок, усыпанный красными камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты.

Она уверенно направилась к сооружению, больше всего напоминавшему груды черных и фиолетовых шаров, отчего-то не рассыпавшихся согласно закону всемирного тяготения, а слипшихся подобно виноградной грозди высотой в три человеческих роста.

Сварог двинулся следом, а рядом с ним почтительно семенил мэтр Лагефель, с навыком опытного музейного смотрителя пустившийся в объяснения:

– Надобно вам знать, юная дама, что это сооружение являет собою как хранилище определенных знаний, так и некий центр управления многими, так сказать, аспектами и областями жизни нашей страны...

– Можно потрогать? – спросила Яна, не оборачиваясь, держа ладонь возле фиолетового шара, состоявшего под прозрачной оболочкой из множества шариков помельче, а те – из скопища вовсе уж крохотных, и так далее, до предела, за которым человеческий взгляд бессилён.

– Разумеется, это не опасно...

Она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к фиолетовой поверхности, гладкой, блестящей и теплой, как янтарь, который долго сжимали в руке. Погладила безукоризненный шар.

Сварог с сожалением подумал, что так и не нашел времени пока изучить это устройство – хотя понадобилось бы совсем немного времени, учитывая

некоторые способности, коими он владел.

– Можно посмотреть, как это работает? – спросила Яна.

Мэтр Лагефель вновь вопросительно воззрился на Сварога, и Сварог вновь легонько кивнул. Управитель легонько коснулся пальцами фиолетового шара, отмеченного бледно-золотистым значком. Десятка три шаров плавно разлетелись в стороны, словно на невидимых рычагах, повисли в прихотливом беспорядке, открыв проем в рост человека, а за ними, внутри, лениво колыхавшиеся струи белого тумана – всего-навсего, как Сварог уже знал, нечто вроде двери, открывавшейся с помощью довольно простенькой руны. Каковую Лагефель тут же и начертил в воздухе.

Туман моментально рассеялся, открыв небольшое помещенье в форме цилиндра с янтарно-желтой поверхностью (стены сплошь покрыты неярко светившимися алыми, синими и зелеными квадратами с загадочными знаками, буквами алфавитов Аугел и Дарант, рунами и цифрами). Свободно разместиться там мог лишь один человек – ну разумеется, личная королевская игрушка, рассчитанная на одну персону, как рассчитан на одного любой королевский трон. Разумеется, у иных королей есть и супруги-королевы, но предшественник Сварога таковой не обладал. Да и в случае с венценосной супружеской парой трон все равно не бывает двухместным – для каждого ставится свой, отдельный.

Сварог лениво думал об этих неведомо почему пришедших в голову глупостях, пока Яна, деликатно просунув внутрь голову, разглядывала пульт управления. Наконец она, не оборачиваясь, констатировала:

– Но ведь это, получается, обычный компьютер?

Лагефель удивленно воззрился на Сварога. Тот тихонько сказал:

– Эта юная дама разбирается в сложной технике, мэтр...

– Разумеется, – поклонился в спину Яне Лагефель. – Можно, конечно, называть это устройство самым обычным компьютером... вот только задачи он решает не вполне обычные, поскольку его содержимое и возможности касаются исключительно того, что свойственно лишь Хелльстаду...

– Хотите сказать, что таких компьютеров нет и там? – спросила Яна и, так же стоя к ним спиной, показала указательным пальцем вверх.

Лагефель ее понял. И твердо сказал:

– Могу вас заверить – *такого* нет и за облаками. Они там не умеют многого из того, на что способен наш государь, владелец сего устройства...

– В опалу когда-нибудь попадете за беззастенчивую лесть, – шепнул ему на ухо Сварог.

– Мне думается, государь, красивых девушек просто необходимо *поражать*, – таким же деликатным шепотом ответил Лагефель. – И потом, я совершенно прав в своих утверждениях... Не так ли?

– Можно мне что-нибудь нажать? – спросила Яна.

После неизбежного обмена взглядами Лагефель пожал плечами:

– Только под моим наблюдением, юная дама. Если позволите, я буду стоять у вас за спиной...

Сварог тоже придвинулся к проему, и они с мэтром стояли плечом к плечу в немного неудобной позе.

– Просто прикоснуться пальцем? – спросила Яна.

– Да, – сказал Лагефель, внимательно смотревший через ее плечо. – Быть

может, вам будет интересно совершить своего рода путешествие по Хелльстаду с помощью системы наблюдения? Здесь есть прекрасные уголки, где еще до Шторма отдыхали наши предки, там стоят сохранившиеся с той поры здания... Или вы пожелаете взглянуть на здешних чудищ? То, что сейчас ночь, не имеет никакого значения...

Яна прервала его:

– А что означает этот значок?

– Отсюда открываются пути опять-таки к путешествиям... но совершаемым уже самим человеком. Оттуда ведут коридоры в самые разные места на Таларе, и не только...

– Можно нажать?

– Пожалуйста...

Яна прикоснулась кончиком указательного пальца к алтому квадрату с буквой «ро». Вертикальный участок стены перед ней, полоса шириной в локоть, от пола до потолка, вмиг покрылась россыпью новых знаков, букв и цифр. Пальцы Яны запорхали посреди этой абракадабры – слишком быстро, слишком уверенно, так что они оба спохватились не сразу... Новая россыпь разноцветной абракадабры, еще одна, мэтр Лагефель, побуждаемый толчком Сварога, подался вперед, пытаясь мимо Яны протиснуться в тесный «стакан»...

И охнул, согнувшись, схватившись за живот, так, в скрюченном положении, и вывалившись спиной вперед Сварогу под ноги. Яна, азартно манипулировавшая со светящимися знаками, крикнула:

– Не мешайте, граф! Это безопасно...

– Опять? – рявкнул Сварог, у которого ее капризы сидели в печенках. – Я и сам не разбираюсь...

– Зато я разбираюсь, – отрезала Яна. – Не мешайте!

Лагефель, коего юная императрица столь решительно и безжалостно обезвредила не самым хитрым приемом рукопашного боя, постанывал на полу. Бесцеремонно ухватив его за жесткий, шитый золотом воротник, оттащив в сторону, Сварог ринулся вперед, твердо решив так же вытащить за шиворот юную сумасбродку наружу и с максимальной дипломатией объяснить ей, как положено вести себя в гостях юным особам, пусть даже коронованным...

Он опоздал на какой-то миг. На месте покрытой знаками полосы вдруг образовалось словно бы окно в иной мир – там стоял ясный солнечный день, там, совсем близко к проему, росли зеленые деревья с толстыми стволами и доносился пронзительный крик какой-то птицы. Яна решительно сделала один-единственный шаг – и сразу оказалась на той стороне, под деревом, отскочив от проема подальше, обернулась со спокойным, даже веселым лицом, махнула Сварогу:

– Я ненадолго, правда!

И тут же загадочный проем исчез, вновь появилась янтарного цвета стена с россыпью иероглифов. Сварог остался стоять, разинув рот.

Весь ужас происшедшего доходил до него медленно – словно неспешно нагревался на слабом огне кирпич, – но все же он понял вскоре свое идиотское и печальное положение: императрица Четырех Миров, Высокая Госпожа Небес исчезла неведомо где, черт знает куда заброшенная компьютером Хелльстада, – быть может, к нашему миру тот кусочек леса не имел никакого отношения. Одна. Неведомо где. И ведь что-то она знала, знала! Вполне осмысленно,

целеустремленно искала что-то...

– Мэтр, вашу мать! – рывкнул он так, что эхо рванулось носиться по залу, отскакивая от колонн и стен.

Лагефель, страдальчески кривясь, пытался подняться на ноги. Тем временем Сварогу пришел в голову более простой выход – и он, одним рывком оказавшись внутри янтарного стакана, положил на стену ладони, стгоряча давнув на нее так, будто собирался проломить...

Вложенное ему полтора года назад в голову умение не подвело и теперь – отныне он *знал*, как управлять королевским компьютером. Однако особого облегчения это не принесло, поскольку оставались кое-какие сложности...

Он оказался в положении человека, умеющего управлять автомобилем, но решительно ничего не знавшего о том, что таится под капотом. Нажав несколько светящихся квадратов, вышел на нужную базу данных. Компьютер прилежно сообщил, что предыдущий пользователь прошел через «тоннель дау-два» и оказался прямым в «ответвлении энчери-три-пять» – какая точность, мать вашу за ногу! – «второй ветви» «этажа Лореш».

Вот так. С одной стороны, Сварог получил исчерпывающую информацию. С другой же... Он понятия не имел, что из себя представляют все эти этажи, ветки и прочие сучья... Оказалось, в очередной раз, впрочем, что это сугубо разные вещи – «знать» и «уметь управлять»...

– Мэтр!!!

Лагефель, охая и постанывая, пытался деликатненько просунуться внутрь так, чтобы не задеть повелителя. Без всяких церемоний Сварог посторонился, схватил управителя за плечо и дернул внутрь. Теперь «стакан» напоминал обычный советский автобус в час пик.

– Что это все значит? – крикнул Сварог яростно. – Вот эти все ветки и этажи?

Он еще раз, для вящей наглядности, вызвал на стену весь путь, проделанный Яной по недрам компьютера.

– Она прошла через дверь и закрыла ее за собой...

– *Это* я понимаю, кот ты ученый! – заорал Сварог. – Куда она прошла? Куда делась? Разнесу тут все, мать твою!

– Это проход в соседний мир... нет, не в мир... мир – это ведь целая планета, целая вселенная... а эти места словно бы кусочки... небольшие комнатки, прилегающие к главному зданию...

– Заводи, что ли?

– Да, некоторые используют именно эту терминологию, например, именно так они именуется в трактате...

– К черту трактаты! – рычал Сварог. – Подотрись трактатами! Это, выходит, какая-то Заводь?

– Да, государь...

– Так, – сказал Сварог, обретя холодную ясность мышления. В конце концов, ничего *жуткого* пока что не произошло. – Я сейчас открою дверь, а ты присматривай, чтобы она случайно не закрылась...

– Случайно она закрыться не может...

– Все равно присматривай, – сказал Сварог.

Протиснулся мимо управителя, набрав предварительно все нужные коды, схватил прислоненный к стене топор и вернулся в «стакан», где уже зиял про-

ем. Тот же солнечный день, те же деревья, вот только птица больше не орала – видимо, Яна ее спугнула...

Сварог выскочил на ту сторону. По инерции пробежал пару шагов вперед, огляделся. Зрелище было, мягко скажем, не вполне обычное: посреди мирного пейзажа, зеленого редколесья – деревья очень походили на сосны, хотя иголки выглядели иначе – торчал проем в другой мир, словно вырезанный магическим ножом аккуратно и четко, в этом проеме виднелись янтарные поверхности в разноцветной каббалистике символов и растерянная физиономия мэтра Лагефеля.

Ну, а дальше-то что? Земля, поросшая густой зеленой травкой, среди которой там и сям виднелись тугие бурые шляпки грибов, не сохранила никаких следов. Куда Яна отправилась, в какую сторону, определить невозможно. Если только ты не куперовский индейский следопыт – а к ним Сварог вовсе не принадлежал. Как он ни рылся в памяти, перебирая всю магическую чепуху – ну, и не такую уж чепуху, – которую ему тут натолкали в голову, не нашел ничего, способного сейчас помочь. Если и были на свете заклинания, превращавшие человека в Кожаного Чулка или Чингачгука, Сварог таковыми не владел...

Он пробежал в одну сторону, в другую. Куда ни глянь – тихий, мирный лес. Деревья, трава и грибы. Покойные лесные запахи и тишина. Тупик.

Быть хотелось от дикой безнадежности ситуации. Быть, быть, что-то это напоминает, какие-то ассоциации проявляются... Ну конечно же, болван ты этакий!

Он бегом вернулся назад, в «стакан», мимоходом крикнув оторопело посторонившемуся Лагефелю: «Ничего не трогать, пусть так все и остается!», опрометью выскочил из тронного зала. И понесся к выходу по широким коридорам, уворачиваясь от торчавших там и сям золотых истуканов, уронив беломраморную скульптуру, с грохотом разлетевшуюся в куски у него за спиной.

Оказавшись у парадного входа, набрал в рот побольше воздуха и шумно его выдохнул, мысленно издав пронзительный свист. Собственно, это и не свист был, а... К черту такие ученые тонкости, не до них сейчас!

В нескольких шагах от замка ночная тьма еще более сгустилась – на земле сидел огромный хелльстадский пес, случайный, оказавшийся ближе всех. Одно из тех созданий, что, к счастью, безоговорочно выполняли любой приказ своего короля...

Через несколько секунд Сварог уже мчался обратно в тронный зал, а по пятам за ним бесшумно несло черное чудовище с лошадь размером. Еще издали Сварог отчаянно замахал мэтру – да уйди ты с дороги, мать твою так! Лагефель ошалевшим зайцем выскочил наружу, Сварог ворвался внутрь, как ураган, проскочил на ту сторону – и, когда пес встал с ним рядом на жесткой земле неведомого мира, приказал ему: «Ищи!» Конечно, опять-таки мысленно.

Огромный черный зверь пригнул голову, шумно принюхался – и вскоре, обрадованно рывкнув, трусцой припустил по лесу. Сварог двинулся следом, зорко оглядываясь, но так и не усмотрев пока что никаких чудищ, черных магов, лесных разбойников и прочих опасностей. Они двигались по самому обычному лесу, потом оказались на самой обычной прогалине, вновь углубились в самый обычный лес...

Так они отмахали с поллиги – впереди, держа нос над самой землей, трусил пес, следом двигался Сварог. Он, наконец, обнаружил первое отличие здешне-

го мира – несмотря на то, что вокруг, как и было первоначально подмечено, стоял ясный солнечный день, на небе не было солнца. А также луны, звезд и прочих небесных тел. Откуда брался свет, непонятно. Ну и хрен с ним, не это главное...

Выйдя из леса, они оказались возле неширокой дороги, тянувшейся из-за горизонта к высокому округлому холму. Судя по узким колеям, навозу и отпечаткам копыт, по ней ездили исключительно экипажи, приводившиеся в движение животными. Впрочем, это ни о чем еще не говорило – в иных уголках покинутой Сварогом Земли вполне мирно уживались и запряженные лошадьми телеги, и сверкающие лимузины с двигателями внутреннего сгорания...

Пес свернул направо, к холму, они двигались теперь по обочине дороги. Оказавшись на вершине зеленого холма, Сварог быстренько огляделся. Там, куда они направлялись, дорога снова сворачивала в лес. По сторонам, насколько хватало взгляда, простиралась то леса, то открытые пространства – причем некоторые из них походили на посевы, что опять-таки говорило о присутствии человека... или, по крайней мере, неких существ, умеющих возделывать землю и сеять на ней что-то. В конце концов, мохнатые Крошки-Огородники, выращивавшие в Хелльстаде «мясные» тыквы, вообще не были людьми...

Они спустились с холма, миновали неширокий лесок. Пес уверенно шел по следу... но Сварог остановил его. Следовало осмотреться. Начинались обитаемые места...

Слева, уардах в двухстах от дороги, расположилась самая натуральная деревенька – полсотни домов, довольно неказистых, дощатых и бревенчатых, с конусообразными крышами. Отсюда можно было рассмотреть, как меж ними спокойно, неспешно передвигаются некие фигуры – ходившие на двух конечностях, вроде бы похожие на людей. Донеслось что-то вроде коровьего мычания и собачьего бреха. К добру подобные этнографические наблюдения или к худу?

А вот справа, буквально в двух шагах от дороги, расположилось длинное каменное строение. Вывеска на нем была непонятной – на почерневшей доске с полдюжины загадочных знаков, измалеванных белой краской давным-давно и уже порядком осыпавшихся, – но этот дом с покосившейся крышей более всего напоминал самую обычную придорожную корчму. Коновязь слева от входа, к которой привязаны три низеньких мохнатых лошаденки, запряженных в четырехколесные телеги, не особенно и отличавшиеся от таларских. Изнутри, через распахнутые окошки, слышны разговоры – вроде бы на понятном языке...

Решительно потянув за тронутое ржавчиной кованое кольцо, Сварог распахнул противно завизжавшую низкую дверь и вошел. Точно, корчма. Не из роскошных. Столы и табуреты из грубых плах, пол давно не метен, запахи недвусмысленно свидетельствуют, что мясо тут лежалое, а капусту готовили на не самом лучшем кухонном жиру, уже не единожды участвовавшем в процессе. И тем не менее именно *эти* незатейливые бытовые детали вкупе с уже подмеченными позволяли думать, что вокруг – не какие-то там края вампиров или волшебные страны, черт-те кем населенные, а нормальные, в общем, места, где живут нормальные, в общем, люди.

Те экземпляров шесть-семь, что за столами хлебали варево из грубых глиняных мисок, запивая какой-то сивухой из грубых оловянных стаканов, от людей почти не отличались. Уши у них, правда, были несколько иной формы, совсем круглые и без мочек, волосы странного пепельного цвета, неуловимо чужого, а носы что-то чересчур уж маленькие, сущие пуговки, но все же у них больше общего с каким-нибудь таларским землеробом, чем с ямурлакским вампиром... Одежда незатейлива, однообразна – этакая посконная рота, уж никак не बारे...

На Сварога взглянули мельком – и продолжали хлебать да запивать. Лишь хозяин, лысоватый пузан в кожаном жилете на голое тело, вышел из-за стойки, присмотрелся более внимательно, особенное внимание уделив топору.

– Чво ваша мылсть жалают? – спросил он громко и, пожалуй что, почтительно. – Услужить можм, чем угодно будит вашей мылсти, едой, пытьем, али там прочиго...

Сварог его, в общем, понимал – тот же язык, только здорово исковерканный.

– Здесь не проходила девушка в мужской одежде? – спросил он внятно, ломая голову, как бы исковеркать слова так, чтобы стало понятнее. – В черном костюме, синеглазая?

– Про што ваша мылсть толкуит? – почесал в затылке хозяин. – Девышки в мыжской отешти не бывають, прилишние, я в виду имею. Девышке в жескей отеште хотить полошено.

– Значит, не заходила она сюда? – настаивал Сварог. – И мимо не проходила? Девушка в мужской одежде?

Тут один из сидевших за столом лицом к окну завопил так, словно кто-то спрятавшийся под столом попытался его охолостить и в этот самый момент уже залез в штаны жуткими клещами. На его вопль обернулись остальные – и дружно подхватили, вскочив, обливая себя варевом из перевернутых мисок, опрокидывая табуреты, тыча пальцами в окно.

Там, за окном, ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось – всего-навсего черный гарм, хелльстадский пес размером с лошадь, заглядывал в оконце, шумно сопя, для чего ему пришлось наклонить голову так, что отлично просматривался весь его немаленький рост.

Однако, судя по бурной реакции здешних пейзажей, гармов они никогда в жизни не видели и увиденное привело их отнюдь не в восторг, а в самый что ни на есть панический настрой. Не сговариваясь, они шумным табунком кинулись за стойку, пытаясь спрятаться за ней всем скопом.

Трактирщик обычно – существо более развитое, нежели простые крестьяне, ничего толком в этой жизни не видевшие и слаще репы яства не едавшие. Однако и здешний хозяин поддался панике, за стойкой, правда, прятаться не стал – да там и не повернуться было, – но шустро присел, загородившись опрокинутым столом, и тоже орал благим матом, выставив перед собой неведомо откуда выхваченный мясницкий ножище.

Ясно было, что эта компания ни к черту не годится в качестве собеседников и источника полезной информации. От души плюнув на пол – судя по виду, привычный к такому обращению, – Сварог повернулся и вышел, стараясь не зацепить серебряной митрой низкую притолоку. Вновь приказал псу: «Ищи!» – и быстро зашагал за ним следом, еще какое-то время слыша, как в

корчме орут на разные голоса что-то вовсе уж несуразное и непонятное.

Они достигли места, где дорога раздваивалась: накатанная тележными колесами и изрытая копытами, вонявшая навозом колея сворачивала влево, а вправо уходила узенькая тропа, заросшая высокой, по колено, травой. На самой развилке стоял серый каменный столб в полтора человеческих роста, обхватом в добрую сосну. На нем красовался глубоко выбитый знак, по виду довольно древний, но прекрасно сохранившийся как раз из-за этой своей глубины. У Сварога он опять-таки не вызвал никаких ассоциаций и воспоминаний.

Пес решительно свернул на заросшую тропу. Сварог следом. Тропа прихотливыми извивами петляла по лесу, уходила под уклон, все ниже и ниже, а лес густел и густел, выглядел все более негостеприимным, нехоженым.

Правда, никакой опасной лесной живности пока что не обреталось в непосредственной близости – иначе пес учуял бы. Он вдруг резко остановился, так что Сварог чуть не налетел на него, поднял голову, прядая огромными ушами, вытянувшись в струнку, глухо, клокочуще заворчал. Шерсть у него на загривке встала дыбом, верхняя губа дергалась, обнажая белоснежные клыки.

Что-то там, впереди, ему очень не нравилось... У Сварога прошел по спине холодок нехорошего предчувствия. Он крепче стиснул топор, поудобнее перехватил древко.

И явственно расслышал впереди, совсем неподалеку, отчаянный женский визг – и еще какие-то громкие звуки, ни на что знакомое не похожие, но показавшиеся омерзительными, чужими, опасными...

Бросился вниз, не колеблясь и не рассуждая, – чересчур уж низка вероятность того, что здесь, в глуши, куда дорога давным-давно заросла, оказались одновременно две девицы, зовущие на помощь заполошным визгом...

Пес топал следом, жарко дыша в затылок. Сварог с трудом затормозил, еле удержал равновесие, взрывая каблуками траву.

Внизу, в ложбине, он увидел небольшое озерцо, почти идеальный круг диаметром уардов в двадцать. Деревья подступали к нему вплотную, повсюду над темной водой свисали беловатые корни.

А в воде творилось нечто невообразимое. Хаотичное мельтешение чего-то живого, подвижного, многочисленного, всплески и веера брызг – все это никак не складывалось поначалу в понятную картину. Лишь через несколько томительно долгих мгновений он смог сообразить, что же видит, и то после того, как взгляд зацепился за человеческую фигурку, оказавшуюся почти в центре этого безобразия...

Яна отчаянно билась, то выскакивая над водой по колени, то погружаясь по шею, а то и ухаю с головой. Черный камзол превратился в лохмотья, шляпы не видно, золотые волосы намокли и спутались. Зеленые кольчатые щупальца, взметавшиеся вокруг нее, бешено плясавшие в воздухе, молотившие по воде, как плети, словно бы не прикреплены к какому-то телу – как Сварог ни таранился, казалось, щупальца растут сами по себе, из дна, как водоросли, ото всюду, жуткой чащобой.

Он замер, чувствуя, как волосы встают дыбом под королевской митрой. Каким-то непонятным способом Яна защищалась, как могла, и временами успешно – стоило ей взметнуть перед лицом скрещенные запястья с растопыренными пальцами, как вокруг нее, судя по дерганьям щупалец, возникало нечто невидимое, упругое, сильное, расшвыривавшее эту зеленую мерзость,

гнувшее ее, как порывы ветра – траву. Но что-то не ладилось – то ли девушка теряла силы, то ли щупальца как-то находили лазейки и слабые места в невидимой подвижной броне. Они смыкались все теснее и теснее, временами Сварог уже не мог рассмотреть за их переплетением Яну. Слева над водой, за спиной Яны, вдруг медленно поднялось со дна что-то полукруглое, огромное, шишковатое, выбросившее на толстых отростках с десятков самых натуральных глаз, желтых, с черными кошачьими зрачками...

Мимо Сварога бесшумно пронеслось длинное черное тело, ухнуло в воду, взметнув мириады тяжелых брызг, – пес, уловив невысказанный приказ хозяина, ринулся в бой. При дьявольском проворстве гармов и их умении на секунды словно бы выпадать из нашей системы ощущений, оборачиваясь бесплотной полосой тумана... Зеленой твари придется туго...

Жаль, что тварь об этом не имела ни малейшего понятия! После первых бесцельных мельтешений и дерганий вокруг нового врага зеленые щупальца целеустремленно сомкнулись, раздался громкий, истошный визг гибнущего зверя – и в щели этого омерзительного кокона струями ударила алая кровь, щупальца разомкнулись, взлетели какие-то черно-багровые клочья, уже неузнаваемые...

Издав сдавленное рычанье, в котором не было ничего человеческого, Сварог решил действовать. Уж если так быстро и бесславно погиб пес, то ему самому, сунься он в воду, оторвут голову еще проворнее – а подходящих заклинаний в памяти не отыскать, и есть только один выход... А Яну уже не видно за переплетением щупалец!

Почти не размахиваясь, он метнул топор в ту сторону, где вздымалась над водой шишковатая, усеянная желтыми буркалами башка. Оставалось надеяться лишь, что Доран-ан-Тег, до сих пор во многом загадка, вещь в себе, не подведет и на сей раз...

И вновь в воздухе упруго, шелестяще просвистел туманный круг, украшенный алым кольцом, колыхнулся, лег горизонтально, врезался в воду... В следующий миг озеро словно вскипело, превратилось в бурлящий, клокочущий ад. Уже не различить было, где взбаламученная вода, а где щупальца, в разных местах взлетали фонтаны зеленой жидкости, непонятные ошметки и клочки, вода, казалось, закипает, словно со дна ударил гейзер...

Увидев мелькнувшее посреди этого шумного безумия белое пятно, Сварог прыгнул в ту сторону, выхватив меч. Тут же оказался по пояс в липкой взбаламученной воде, глаза залило, ноги по щиколотку ушли в ил. Наступая на что-то дергавшееся, подвижное, живое, наугад отмахиваясь клинком от возникавших перед ним щупалец и ухитрившись-таки рассечь пополам парочку, он упрямо пробивался в ту сторону, где над водой то пропадала, то вновь появлялась белая рубашка Яны. В одном можно быть уверенным: что бы ни творилось вокруг, хозяина топор не заденет, как ни разбушевался...

Что-то ухватило его за ногу под водой, нахально и цепко. Сжав рукоять меча обеими руками, он наугад вогнал клинок, сверху вниз. Попал – тварь отцепилась... Вокруг все пенилось, бурлило и клокотало. Сварог упрямо продвигался вперед, временами оступаясь и шумно падая в воду с головой – вода попала в рот, и вкус был неопишимо мерзким, – а вокруг летели брызги, ошметки, тугой свист рассекаемого воздуха слышался со всех сторон...

Отчаянным рывком он преодолел разделявшее их расстояние – Яна опять

исчезла под водой, но теперь Сварог ее отчетливо видел слезившимися глазами, да и вокруг стало гораздо спокойнее, тише. Присел на корточки, выпустив меч, обеими руками нашарил человеческое тело, рывком вздернул девушку над водой и, взвалив на плечо, поволок к берегу, взметывая при каждом шаге тучу брызг. Она оказалась отнюдь не хрупкой тростиночкой, но он не выпускал, тащил, поднявшись над водой по бедра, по колени, по щиколотки...

Понатужившись в последнем усилии, ухитрившись не поскользнуться на мокрой грязи у берега, вытащил Яну на сухое место, пронес еще несколько шагов и опустил на траву лицом вверх. От ее камзола остался лишь воротник, с которого свисало несколько полосок бархата, рубашка из тончайшего полотна превратилась в клочья, и взору открылись пленительные картины – сейчас, в этот миг, волновавшие не больше, чем трава под ногами. Усевшись – почти упав – рядом с ней, Сварог оглянулся, шумно отдуваясь, выхаркивая остатки воды.

С обитателем озера произошли необратимые перемены – как всегда бывало там, где поработал на совесть Доран-ан-Тег. На воде – превратившейся скорее в неопишное месиво – сплошным слоем колыхались отвратительные куски. Мгновением позже топор по изящной дуге взмыл из воды, подлетел к Сварогу и шлепнулся в траву совсем рядом, только руку протяни.

Яна дернулась, издала нечто, напоминавшее сдавленный кашель. Сообразив, в чем тут дело, Сварог бесцеремонно перевалил ее лицом вниз, подпер ей живот коленом, нажал – и ее долго, шумно, обильно рвало жидкой зеленоватой гадостью. Когда окончательно прекратились спазмы и малопримечательные коронованным особам звуки, Сварог некоторое время все же подождал. Убедившись, что процесс вроде бы прекратился, вновь перевернул ее пузом вверх, нашарил в кармане мокрый носовой платок – с монограммой и графской короной, ясное дело, – вытер девчонке рот и лицо. Она уже таращилась довольно осмысленно, хотя до сих пор отчаянно и звучно икала. Порвал бы своими руками, как Тузик грелку, дура, взбалмошная соплюшка без царя в голове...

Длиннющие мокрые ресницы отчаянно затрепетали – очухалась настолько, что осознала себя голой по пояс. Возвращаются женские рефлексии мирного времени вроде стыдливости – ага, оклемалась, зар-раза, ручками прикрывает мокрые прелести – ну совсем хорошо, и не блюет больше, и в себя пришла...

Стянув с себя мокрый кафтан, отвернувшись, Сварог швырнул его девушке, грубо рывкнул:

– Прикройся, странница по неведомым дорожкам!

Опустившись затылком в жесткую траву, блаженно вытянулся, достал двумя пальцами из воздуха зажженную сигарету и жадно втянул дым. Стояла совершеннейшая тишина, в просветы меж верхушками похожих на сосны деревьев проглядывало ясное небо, почти такое же голубое, как над Таларом, – хотя и наличествовал в этой синеве некий различимый глазом *иной* оттенок...

– Это чудовищная ошибка... – послышался над головой неуверенный голосок Яны, и она вновь закашлялась.

– Вот именно, – сказал он, не меняя позы. – Чудовищная ошибка природы. По имени Яна-Алентевита. У природы тоже иногда бывают приступы безумия, и тогда она творит нечто вроде тебя... Убил бы дуру своими руками...

Отшвырнул окурок, смачно плюнул и направился к озеру. Минут пять по-

бродив по колено в вонючем липком месиве, пару раз погрузившись по шею впустую, все же отыскал меч, отряхнул его от всего налипшего и бросил в ножны.

Когда он вернулся на берег, Яна уже сидела, обеими руками придерживая на груди его камзол, на вид вполне здоровая и оклемавшаяся. Она попыталась, правда, принять смущенный и пристыженный вид, но в голосе слышалась прежняя беззаботность:

– Кто же знал, что здесь окажется эта тварь вместо...

Беззаботность эта и вывела окончательно Сварога из себя. Искушение было очень уж велико, а другого такого случая могло и не выпасть за всю оставшуюся жизнь...

Она и пискнуть не успела, когда Сварог надел на нее, вмиг выкрутив руки и завалив физиономией в траву. Удерживая ее за запястья левой – она так растерялась, что не сообразила пустить в ход какие-нибудь магические штучки, – правой расстегнул тяжелую пряжку и вытащил из петель ремень, стряхнул с него ножны с мечом. Завернул ей камзол на голову, на глазок отмерил должную длину ремня, намотал остальное на кулак. Размахнулся с превеликим наслаждением, бормоча:

– И никакое это не извращение, а запоздавшее воспитание...

После первого удара, звонкого, хлесткого, Яна завопила – но Сварога уже ничто не могло остановить.

Вспоминая классика: эх, взлетали батоги посреди весны! И уж точно – с отяжечкой... Сварог трудился, как бездушный механизм, обрабатывая широким кожаным ремнем парочку округлостей, к которым совсем иным образом мечтали подступить светские хлыщцы.

Опомнился, когда она в голос заплакала. Досадливо покрутил головой, отбросил ремень, охваченный вернувшейся жалостью, поднял ее из травы. Уткнувшись ему в грудь, Яна самозабвенно рыдала. Выплакавшись окончательно, затихла.

– И плевать мне, – сказал он потерянно. – Хоть в опалу, хоть на Сильвану, хоть на плаху головой...

– Дурак! – горько всхлипнула она. – Дурак, скотина, больно как, позор какой...

– Какого пса из-за тебя погубил, горе ты мое... – отрешенно сказал Сварог, пропустив мимо ушей ее дальнейшую тираду – любопытно, где она ухитрилась послушаться словечек, не красивших и ронерского драгуна?

– Убила бы своими руками... – прохлюпала Яна.

– Это потом, – безжалостно сказал Сварог. – Давай-ка убираться отсюда побыстрее. Тут, как выяснилось, люди живут, а в такой глухомани, где бы она ни располагалась, нравы одинаково незатейливые – не любят тут таких странных чужаков...

И пошел вперед, не оглядываясь. Краешком глаза подметил, что Яна все же потащила следом, ворча, ругаясь под нос и в десятый раз озвучивая нехитрую истину – мол, в жизни ее так не оскорбляли, она еще припомнит и непременно отомстит...

Ну вот, накаркал. На открытом месте, возле серого каменного столба с непонятным иероглифом, толпилось человек двадцать землепашцев, возглавляемых пузатым трактирщиком. Сбившись в кучку, они оцетинились разно-

образными сельскохозяйственными орудиями производства сплошь мирного назначения – вилы, грабли, оглобли, косы...

Сварог мимоходом подумал, что здешние места, очень похоже, давненько не видали ни войн, ни мятежей, иначе эти колхозники непременно прихватили бы что-то более пригодное для боя. Даже ни единого топора не видно, а вот на Таларе пахотные мужики первым делом похватали бы топоры...

Не замедляя шага, он шел прямо на толпу, нехорошо улыбаясь и помахивая топором. Землепашцы заскучали и стали потихоньку пятиться. Трактирщик, пытаясь вдохнуть хотя бы малую толику боевого духа в свое присмирившее воинство, заорал, потрясая давешним мясницким тесаком:

– Непырядок тварите! К управителю пжалте, он вас свидет на суд гаспадину быррону! Ходёют всяки, парадок булгачат, без их скоко жили...

– Милый! – проникновенно и ласково сказал Сварог, надвигаясь. – Да живите вы и дальше без нас, кто ж вам мешает? Уйди с дороги, голопузый, пока я не вздумал по деревне погулять, здешних девок попутать...

Тщательно примерившись, он без замаха рубанул по толстому каменному столбу. Доран-ан-Тег исправно снес его верхнюю треть с непонятным знаком, Сварог вовремя отскочил, и неподъемный камень тяжело грянулся оземь.

Вот тут незатейливых селян проняло по-настоящему. Аж с лица спали. Закрепляя успех, Сварог взмахнул топором и заревел тремя медведями:

– Р-разбежись, корявые! Поубиваю, мать вашу, и фамилий не спрошу!

Нестройный боевой порядок рассыпался окончательно – сбивая друг друга с ног, бросая вилы и дреколье, крестьяне порскнули кто куда. Дольше всех продержался трактирщик, но и он, когда Сварог придвинулся вплотную, громко айкнул, отпрыгнул спиной вперед и припустил в лес. В три секунды поляна очистилась, только в лесу хрустели ветки и удалялись испуганные крики.

Завидев неподалеку низенькую мохнатую лошадку, запряженную в старую телегу, Сварог, не раздумывая, сорвал вожжи с ветки, прыгнул на служившую облучком доску, прямо-таки отполированную широким крестьянским задом, повернулся и крикнул Яне:

– Давай поживее!

Она кое-как забралась, шипя сквозь зубы от боли в подвергшихся обработке местах. Намотав вожжи на кулак, Сварог привстал, набрал побольше воздуха в грудь и испустил залиvistый волчий вой, как его в свое время научили лихие молодцы в ронерском пограничье.

И угадал правильно – волчий вой определенно вызвал у лошадки не самые приятные ассоциации, надо полагать, некое подобие волков имелось и здесь... Стряхнув сонную одурь, коняшка взяла с места в галоп. Судя по звукам за спиной, Яну немилосердно швыряло во все стороны, пока не догадалась переползти вперед и обеими руками уцепиться за Сварога.

Он стоял на телеге, хлеща лошадку и понукая ее волчьим воем. Следовало торопиться. Судя по краткой речи трактирщика, здесь имелся свой «гаспадин быррон», а значит, вместо не привыкших к серьезной драке крестьян могли нагрянуть какие-нибудь стражники, умевшие обращаться с оружием. Особой опасности они не представляли, но вряд ли отвязались бы без хорошей драки, а посторонних увечить решительно ни к чему, они-то в чем виноваты?

Обратный путь они проделали, таким образом, гораздо быстрее. Лошадка была ухоженная и домчала быстро. Увидев впереди проем, откуда выглядывал

обеспокоенный мэтр Лагефель, Сварог натянул вожжи. Оглянулся. Так и есть: довольно далеко меж деревьями мелькали трое верховых, что было силы нахлестывавшие высоких коней, ничуть не похожих на крестьянских, и на головах у них, точно, красовались шлемы, а на поясах болтались мечи...

Спрыгнув и подхватив Яну, Сварог оборвал с парадных штанов чеканную золотую бляшку и засунул ее под сиденье – в качестве компенсации неведомому владельцу телеги. Во всех известных ему мирах прекрасно знали, что такое золото, и относились к нему должным образом, так что и здесь, скорее всего, нежданному подарку найдут применение...

Дверь в таинственную Заводь закрылась за их спинами. Яна пошатнулась, Сварог вовремя ее подхватил.

– Ванну, – прошептала она мечтательно. – Постель чистую, вина и отдыха... На ногах не держусь...

– Распорядитесь, мэтр, – угрюмо сказал Сварог.

...Остановившись перед дверью, он деликатно постучал и вошел. С порога сказал безразличным светским тоном:

– Мой управитель сказал, что вы желаете меня видеть, ваше величество...

– Подойди сюда и присядь, – сказала Яна самым обыкновенным, разве что чуточку сварливым голосом. – Мы так и не закончили разговор, который начали еще наверху, в твоём замке...

Сварог пытливо присмотрелся к ней – что ж, судя по тону, ему не сегодня отрубят голову и не сегодня сошлют... Яна лежала на животе, укутанная в пышнейшие покрывала, неведомо по какому образцу сотворенные Вентордераном. Они были в одной из самых роскошных спален замка – повсюду золото, колонны из цельных самоцветов, хрусталь тончайшей работы, высокие зеркала и мозаики. Сварог эту комнату не любил, в противоположность покойному предшественнику, и, когда бывал здесь, ночевать устраивался в другом крыле, в более скромных покоях.

– Я совершенно не могу лежать на спине, – хмуро сообщила Яна.

– Это бывает, – сказал Сварог, в глубине души ни о чем не сожалеющий. – Ничего, скоро пройдет.

– Никогда больше не смей так со мной поступать.

– Я ни за что не буду просить прощения, – сказал Сварог, стараясь все же не задираться. – Не сдержался, да... Ты хоть понимаешь, что едва не погибла? Если бы я не прихватил с собой топор, погибли бы оба – я все равно полез бы за тобой туда... Сгинули бы, и никто ничего не узнал бы... Ты обязана вести себя, как взрослая, ты же императрица...

Яна – чистейше вымытая в десяти пенных эликсирах, свежая, причесанная и ни в чем, похоже, особенно не раскаивавшаяся, потупила, конечно, глаза в наигранном смирении – но у Сварога осталось стойкое убеждение, что и это печальное приключение ее ничему не научило. И дело тут не в балованности – соплячье ее возраста попросту не осознает, что такое смерть. Не понимает, как такое может случиться – весь мир останется, но тебя не будет... И ничего тут не поделаешь, господи мои...

– Знаешь, – сказала Яна с искренним удивлением. – На эту тварь почти не действовало все, что я пустила в ход...

– Это ведь, насколько я понимаю, другой мир, – сказал Сварог язвительно. – И законы природы, законы магии там совсем другие. Это-то мне успели вдол-

бить в голову – с какими сложностями сопряжено порой пользование магией, когда речь идет об *иных* пространствах... По-моему, и тебе должны были давно поведать нечто подобное... Зачем тебя вообще туда понесло? У меня возникла шальная мысль, что ты *знала*, куда идешь... Как такое может быть?

– А вот и может... – сказала Яна. – Есть одна старинная книга – «Записки кавалера Андермата о его достопримечательных странствиях». Написана около тысячи лет назад. На земле она, по-моему, не сохранилась, но у меня в библиотеке есть экземпляр... Там, по моему глубокому убеждению – да и специалисты то же говорят, – главным образом пересказаны древние мифы, но попадаются и загадки посерьезнее. В одной из глав целая страница заполнена таинственными символами, которые, по уверению автора, открывают дорогу к месту, где в лесном озере обитает существо, хранящее все знания о нашем мире – с начала времен и до нынешнего дня. Совсем недавно один мой хороший знакомый предположил, что эти загадочные знаки – не более чем символы определенных компьютерных операций. Он увлекается компьютерами, просто гений... И, между прочим, три знака из полутора десятков в точности повторяют те, что используются в *наших* компьютерах... Теперь понимаешь? Когда я оказалась у пульта управления, набрала те три знака – и загорелись *остальные*, те, что начерчены в книге Андермата. Я пошла дальше – и увидела все те же символы... Ясно тебе? Оказалось, это не миф, а чистая правда. Там, за «дверью», я произнесла заклинание из книги – и *увидела* путь к озеру, как и писал Андермат... Представь себя на моем месте. Кто же знал, что вместо обладателя всех знаний о нашем мире из озера поднимется такая тварь...

– Интересно, – медленно сказал Сварог. – Хотя я в толк не возьму, как твой кавалер ухитрился привести в своей книге одну из здешних компьютерных программ, открывающую дорогу в одну из Заводей... Что он сам-то об этом пишет?

– Напускает тумана. Кто-то ему поведал об этих знаках при обстоятельствах, которые он пока что не может раскрыть...

– Загадочка, – сказал Сварог. – Тысячу лет назад, говоришь? Надо будет расспросить управителя...

– Ну, теперь ты понимаешь, что я чувствовала? Все знания о нашем мире... *Все*. Что бы ты делал на моем месте?

Пожалуй, на ее месте Сварог тоже сунулся бы к озеру – но не стал заявлять об этом вслух из педагогических соображений, чтобы не зачеркивать недавно проведенную воспитательную работу. Он по размышлению ограничился тем, что неопределенно пожал плечами. Подумав, сказал:

– Знаешь ли... Уж если строить шальные гипотезы, то можно и предположить, что эта тварь как раз и *была* тем самым хранителем знания. Только не расположена была делиться своими знаниями с каждым встречным-поперечным, в точности так, как иные сказочные персонажи вроде Темного Коня или Бабки-Лопотуньи. Предпочитала держать знания при себе, а путников попросту жрать...

– Ты серьезно?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Сварог. – Ее уже не спросишь, топор поработал качественно. Но почему бы и нет? – Он старательно уводил разговор от недавнего печального инцидента, потому что юная императрица при каждом порывистом движении морщилась, страдальчески кривила губы. – Нигде

не сказано, что хранители знаний должны иметь пленительный облик. По легендам, гораздо чаще бывает как раз наоборот. Что там писал твой кавалер тысячу лет назад о *механизме* получения знаний у хозяина озера?

– А вот об этом он как раз ничего и не писал! – воскликнула Яна. – Описывал дорогу, символы, и не более того...

– Чует мое сердце, что сам там не был, – сказал Сварог. – Потому и жив остался, книжки мог сочинять... А вообще... Как нас учат легенды, имеющие иногда привычку оборачиваться реальностью, частенько бывают некие *условия*. Темный Конь, насколько я помню, возникнув перед незадачливым путником, с некоторыми их категориями не общается изначально – он сразу затаптывает косоглазых, первых сыновей в семье, мужей вдов... кажется, еще снохачей и сапожников. Интересный подбор, кстати. Один прохиндей в Равене мне клялся-божился, что видел Темного Коня... Ну вот, а всем остальным, кого сразу не прикончит, эта чертова лошадка принимается задавать загадки, и тут уж как повезет. А Бабка-Лопотунья вообще привечает лишь тех, кто успел породить на свет девочек. Другими словами, нельзя исключать, что был некий пароль или условие – ну, как с легендой о Безумном Часовщике: в его владения следует входить босиком, иначе сразу конец...

– Ты серьезно все это говоришь?

– Не знаю, честное слово, – сказал Сварог. – Расслабляюсь умом, наверное, после столь бурно проведенного путешествия...

– Как бы мне телом расслабиться? – ехидно поинтересовалась Яна, морщась при очередной попытке повернуться набок. – Скажи, как опытный палач и садист, скоро это пройдет?

– Пожалуй, – осторожно ответил Сварог, понятия не имевший, как быстро проходят последствия доброй порки у подобного оранжерейного цветочка.

– Великие Небеса, а завтра к обеду мне нужно будет, кровь из носу, принимать сивльванских послов, что характерно, *сидя* на троне...

Сварог опустил глаза. Сейчас, когда бурные приключения остались позади и он ощущал некий конфуз, хуже всего было, что она не разобиделась так уж смертельно. Насколько проще было бы собрать узелок и с посыпанной пеплом главою топтать себе в опалу, в изгнание, в ссылку...

– Ладно, давай закончим разговор, – сказала Яна к его великому облегчению. – Мне почему-то так и казалось, что ты не примешь канцлерского кресла. У меня был заготовлен и другой вариант. Кажется, гораздо более для тебя подходящий...

Она подняла руку, прошептала что-то, извлекла из воздуха – на сей раз с некоторым, вполне заметным усилием – белый свиток. Протянула Сварогу. Предупредила:

– Только не думай, что этот документ родился в результате очередного взбалмошного... экспромта. Я многое обдумала.

Сварог пробежал глазами недлинный текст, половину которого, как водится, занимали титулы императрицы и стандартные формулировки. Сим указом, датированным сегодняшним – точнее, уже вчерашним – числом, на лорда Сварога, графа Гэйра, отныне возлагались обязанности начальника девятого стола Императорского Кабинета. Любая должность в Кабинете считалась весьма почетной, однако...

– А чем этот стол занимается? – спросил он недоуменно.

– Собственно говоря, его еще не существует, – сказала Яна. – С ним обстоит в точности так, как с твоими королевствами, – есть начальник и печать. И все. Ну, а что касемо занятий... По моей задумке, это должна быть новая секретная служба.

– Очень мило, – оторопело сказал Сварог. – А чем же я все-таки должен буду заниматься?

– Это ты сам определишь по ходу дела, – твердо сказала Яна. – Я тебя ни в чем не ограничиваю. Любые земные загадки, тайны, секреты, заговоры, представляющие опасность для престола Империи. И тому подобное. Ты примерно представляешь уже, каков круг обязанностей Гаудина. То же самое – а также все, что тебе покажется заслуживающим внимания.

– Представляю, с каким восторгом это воспримет Гаудин...

– Вот уж его чувства меня не интересуют ни в малейшей степени, – сказала Яна со взрослой жесткостью. – Перед тем, как подписать эту бумагу, я запросила справку о тайных службах земных королей. И моментально наткнулась на многозначительную закономерность: практически в каждой державе таких служб *несколько*. Да, они конкурируют, а иногда и откровенно враждуют, но именно оттого, что их несколько, ни одна не в состоянии захватить монополию на информацию, на истину... И король никогда не пойдет на поводу у какой-то одной конторы, поскольку всегда может с помощью других перепроверить что-то, подстраховаться... Неужели тебе такая мысль кажется очередной детской выдумкой?

– Ни в коем случае, – сказал Сварог. – Все правильно, в общем...

– Вот видишь! У меня есть только восьмой департамент. Отец мирился с таким положением вещей, но мне, как показали иные события последних недель, пора что-то менять... Я не хочу, чтобы Гаудин решал, о чем мне следует знать, а о чем – нет. Нужна подстраховка. Безусловно, он примет новшества без всякого энтузиазма... но кого это волнует? Не станете же вы, в конце концов, воевать в открытую? Будут кое-какие трения... Ну и что? Речь идет о государственных интересах. – Она слишком энергично пошевелилась на постели, и вновь личико перекопилось гримасой боли. – Помнится, не далее как сегодня вечером ты говорил, что готов сделать для меня все, что угодно... А когда потребовались реальные дела... И так?

Повесив голову, Сварог тяжело вздохнул.

– Я могу расценивать этот стон как согласие? – немедленно спросила Яна.

– Пожалуй...

– Это не ответ, а уловка судейского крючка.

– Я согласен, – сказал Сварог.

– Твое слово?

– Мое слово.

– Поздравляю, – кивнула Яна. – Не забудь указ, с этой минуты ты – официальный начальник стола.

– А люди? – тоскливо спросил Сварог. – Кадры? Штат? Техника?

– Что до техники – подумай сам, что тебе нужно. Все получишь незамедлительно. С людьми гораздо хуже. Мне их просто неоткуда взять. Неужели забыл документик, который тебе показывал канцлер? Используй землян, тут тебе гарантирована полная свобода рук. Впрочем, у меня есть три кандидатуры... Помнишь лорда Брагерта?

– Конечно.

– Гаудин его все-таки выгнал – за какую-то очередную лихую авантюру. Милорд Гаудин может себе позволить кого-то выгонять, а вот мы с тобой не имеем права пренебрегать любым кандидатом. Вполне может случиться, что тебе понадобится именно лихой авантюрист.

– Ну, если только в этом качестве... – покрутил головой Сварог. – Он, вообще-то, толковый парень...

– А колдунью Грельфи помнишь?

– Еще бы.

– Вот тебе и ученый консультант, – решительно сказала Яна. – Она в последнее время ведет себя как-то странно, просится жить на землю, чего-то не договаривает... А ведь она, между прочим, – великий знаток всевозможных позабытых тайн.

– Что же Гаудин ее не использовал?

– У них что-то не сложилось, – сказала Яна. – В подробностях старуха скупа. Ну, а с тобой, быть может, и сработается... По крайней мере, когда я с ней такую возможность обговаривала, она не согласилась сразу, но и не отказалась, обещала подумать, а это, заверяю тебя, кое о чем говорит. В особенности если учесть, что она тоже видит Багряную Звезду... Поговори с ней хотя бы, не убудет тебя.

– Хорошо.

– Есть еще один человек, – сказала Яна. – Граф Элкон.

– Что-то я его не помню...

– Мой ровесник. Из «ближнего круга». Между прочим, это как раз он наткнулся на книгу Андермата. Ты с ним у меня пару раз встречался. Помнишь, вы говорили об игре в «пятнашку»?

– А, ну да... – добросовестно припомнил Сварог. – Значит, это он и был... Вихрастый такой юнец, ради выпендрежа носит очки, которые ему совершенно не нужны...

– Не ради выпендрежа, а в подражание земным книжникам, – энергично поправила Яна. – Он очень интересуется всевозможными земными тайнами. Пять лет назад ухитрился сбежать на землю и прожить там неделю, прежде чем его отыскали. Единственный из наших мальчишек, кому такое предприятие удалось...

– Как так?

– Он все тщательно продумал, – сказала Яна. – Прихватил с собой несколько золотых безделушек и убедительные бумаги, им самим смастеренные. Продал золото в Равене, выдал себя за сироту из провинции, дворянского отпрыска, которого злой дядя обобрал до нитки. Сумел заинтересовать математическими познаниями одного столичного профессора – тот, конечно, и не представлял, откуда такие познания – и был даже принят в Ремиденум, в «коллегию нижней скамьи». Есть там такое отделение для особо одаренных детей. Вскоре его отыскал восьмой департамент и вернул родителям.

– Вообще-то, десять раз подумаешь, прежде чем брать на работу эдакого шустрика... – сказал Сварог.

– Ну, тогда он был на пять лет моложе... Ты не о том думаешь. Я же сказала, он – единственный из наших мальчишек, кому удалось сбежать на землю. Это означает, что он еще пять лет назад сумел обхитрить серьезнейшую аппарату-

ру наблюдения и контроля, неделю скрываться от всего восьмого департамента... Это меняет дело?

– Пожалуй, – сказал Сварог. – Это и есть, значит, твой компьютерный гений? Интересно, сможет ли он...

– Залезть в некоторые базы данных? – с понимающей улыбкой подхватила Яна. – Закрытые для всех остальных? Не сомневайся. Может. Сама убедилась.

– Что ж, вполне возможно, и пригодится...

– А самое интересное я приберегла напоследок, – прищурилась Яна. – Элкон уже вполне законно, с моего разрешения, проучился год в Латеранском университете – опять-таки, понятно, под земной легендой. Вернулся три месяца назад. Так вот, он своими глазами видел ночью в Латеране... – она сделала эффектную паузу, – подводную лодку, на которой были крохотные, с мизинец, человечки. Тогда ему никто не поверил, и я тоже, но потом, после твоей встречи с крохотульками где-то в этих местах... Кстати, Гаудин к нему всерьез приглядывается. Но ты его интересуешь больше.

– Хорошо, ты меня убедила, – кивнул Сварог. – Побеседуем... Тебе, наверное, надо выспаться? Поздно уже, а завтра еще нужно засветло вернуться назад... Как мы это сделаем, кстати?

– Точно так, как прибыли сюда, только в обратном направлении. С помощью твоей штуковины переместимся куда-нибудь за границы Хелльстада, а там будет совсем просто: беру тебя за руку – и взмываем. Здесь это опять-таки не действует, я уже пробовала... Пригаси, пожалуйста, свет. Я не вижу ничего, похожего на светильники...

– Ну, это просто, – сказал Сварог.

Описал двумя пальцами в воздухе несложную фигуру – и яркий свет померк, лишь неподалеку от постели остался висеть в воздухе небольшой шар, весь состоявший из тусклого свечения, нечто вроде ночника.

– Спокойной ночи, – раздался в полумраке спокойный голосок Яны, лишенный и тени неприязни.

– Спокойной ночи, – отозвался Сварог и тихо вышел.

Побрел к своей спальне по золотистому коридору с причудливым переплетением черных арабесок на стенах. Что ж, все закончилось благополучно, она не только не затаила обиды, но даже одарила новым назначением...

Он резко остановился, словно налетев на стену. Хлопнул себя кулаком по лбу, не удержавшись, воскликнул вслух:

– Ну и болван!

Только теперь до него дошло, что он в очередной раз стал жертвой утонченного женского коварства.

При других обстоятельствах он если и не отказался бы от нового назначения, то постарался бы выпросить побольше времени на раздумья, а там, смотришь, проблема отпадет сама собой. Но теперь, когда Яна так откровенно страдала от боли, отказывать было неудобно, он чувствовал себя виноватым за то, что устроил безжалостную экзекуцию...

Меж тем клятая девчонка то ли давно уже излечила себя сама от всех последствий качественной порки, либо сделала это сейчас, когда он покинул спальню. В Хелльстаде не работают лишь те заклинания ларов, что обращены *вовне*, но сохраняют силу другие, касающиеся *самого* человека, владеющего ими. Она преспокойно сотворила на его глазах указ о назначении, пусть и с

некоторой заминкой. Без сомнения, могла и в три секунды вылечить себя, справиться с гораздо более серьезными ранами, нежели исхлестанная добротным кожаным ремнем задница...

Чтобы проверить догадку незамедлительно, он сильно царапнул мякоть большого пальца левой руки острым шпеньком пряжки. И провел над пораженным местом ладонью, бормоча слабенькое лечебное заклинание.

Царапина затянулась мгновенно, все прекрасно действует... Сварог выругался про себя, крутя головой.

Но ничего уже не изменишь, увы. С какими глазами он завтра откажется от честного слова? И думать нечего. Что ж, примите поздравления, новоявленный глава новехонькой, с иголки, тайной службы Империи. Службы, у которой имеются лишь ее начальник и казенная печать, – а всем остальным предстоит обрести по ходу дела.

Ну что ж, сам виноват. Не вспомнил вовремя, что коварство – высокое искусство, коему женщины обучаются еще в колыбели, и возраст тут совершенно ни при чем.

Глава шестая КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ

– **И** ты ее не приголубил, хочешь сказать? – спросила Мара с искренним недоумением, даже возмущением.

Она сидела на низком столе, забравшись на него с сапогами, вся в пыли и засохшей грязи, уставшая, но довольная жизнью, – два дня с отрядом конников выслеживала какую-то банду, имевшую наглость вторгнуться в пределы Готара и крепко пограбить в трех деревнях. В конце концов агрессоров она вычислила, прижала к реке, разбила в пух и прах, а пленных живописно развесила на вековых деревьях. Так что настроение у нее было превосходнейшее и откровенно игривое.

– Это как-никак императрица, – сказал Сварог наставительно, зная заранее, что ни такой тон, ни такие аргументы на нее не подействуют.

Так и оказалось. Мара громко фыркнула:

– Фу-ты ну-ты, этикетки гнуты... Между прочим, это в первую очередь красивая молодая девка. Могу спорить, давненько уже втихомолочку жаждет, чтобы ей прилежно заправили «сладкий корешок». Зря она вокруг тебя вертится, что ли? Или ты решил, что ее привлекают твои таланты государственного мужа? На твоём месте я бы эту куклу уложила хотя бы из коллекционерского тщеславия... Извольте ли видеть, девка заявляется к нему в гости, дрыхнет в его спальне, а он, как дурак, в другой конец замка спать шлепает...

– Милая моя, – сказал Сварог рассеянно. – Меня порой убивает даже не твой непроходимый цинизм, а полнейшее отсутствие ревности...

В самом деле, чего не было, того не было. Амурные похождения Сварога на стороне ее ничуть не волновали, а когда к нему в замок с определенными целями наведывались светские красотики, Мара имела обыкновение, встав за спиной очередной гостью, с помощью нехитрых драгунских жестов показывать, что следует делать, – вдруг он сам, болезненный, не догадается... При всем при том сама она считала долгом хранить Сварогу верность – так что ситуация сложилась, мягко говоря, нестандартная.

– Я как-то пыталась тебя ревновать, – сообщила Мара. – Но так и не поняла, как это делается и зачем это нужно, все равно ко мне вернешься. Куда мне от тебя деться? После того, как с такой изощренностью совратил меня на пароходе...

– Я? Тебя? – удивился он. – Мне помнится, обстояло как раз наоборот...

– Ты просто забыл, – безмятежно отмахнулась Мара. – Стыдно тебе вспоминать, как обольщал юное и невинное создание... Нет, правда, почему ты ее не приголубил?

– У меня неотложные государственные дела, – сказал Сварог металлическим голосом. – И вообще, нечего залезать с ногами на стол, я на нем важные бумаги раскладываю...

Вот такой тон она прекрасно понимала. Спрыгнула со стола, подчеркнуто лихо отдала честь и покладисто улетучилась, звеня шпорами. Оставшись один, Сварог никакими государственными делами заниматься не стал – за полным отсутствием таковых на данный момент, – а вышел на балкон и с удовольствием обозрел бывшее сонное захолустье, где жизнь уже второй месяц была ключом.

Население Готара с трехсот человек увеличилось вдесятеро. Городишко превратился в одну огромную строительную площадку – едва прослышав о приличных заработках и грандиозных планах по перестройке столицы, неведомо откуда заявилися артели гильдейских строителей и даже парочка инженеров с неплохими рекомендательными письмами. Замок в два счета привели в порядок, украсили и благоустроили, хотя он до сих пор отчаянно вонял высыхающей краской, штукатуркой и свежим деревом.

Как-то незаметно образовалась своя полиция, с самым натуральным министром во главе. Министр этот, нестарый прохвост благообразного облика, совсем недавно был начальником полиции в захолустном городишке ронерского пограничья, через который проходил один из торговых трактов. Как водится, проезжих купцов частенько стригли в свою пользу и полиция, и городские власти – дело, в принципе, житейское, и в купеческих расчетах на этот вид убытков давно отведен соответствующий процент...

Плохо только, что отдаленность от столиц и провинциальная патриархальщина со временем притупляют чувство меры... Опытный полицейский стригаль и не заметил, как заигрался. Хапнул чересчур много, да вдобавок с кем-то не поделился. Обиженные, добравшись до столицы, подняли шум, дошло до короля, и Конгер в благих целях борьбы с коррупцией приказал мздоимца повесить. Тот едва успел улизнуть в чем был, и, добравшись до Пограничья, попал Маре на глаза. Поскольку выбирать было не из чего, Сварог по размышлении определил беглеца в министры полиции, предварительно напугав как следует и наглядно доказав, что врать ему бессмысленно. Самое пикантное, что этот обормот и в самом деле умел работать – созданная им в кратчайшие сроки, на пустом месте полиция довольно успешно ловила воров, карманников и прочий разбойный люд. На окраине, у большой дороги, уже стояла парочка виселиц, где смирнехонько покачивались любители чужого добра, – Сварог с ходу согласился со своим новоиспеченным министром полиции в том, что постройка тюрьмы – дело дорогое и хлопотное, и его вполне можно отложить на более благополучные времена, пока что ограничившись самыми радикальными мерами.

Теми же ударными темпами формировалась и армия. Прибились самые настоящие гвардейские офицеры, числом двое, один из Харлана, второй аж из Снольдера, в капитанских чинах. Харланец вдрызг проигрался в карты, после чего непринужденно запустил руки в полковую казну – но ухитрился проиграть и казенные суммы, после чего оставалось только улепетывать побыстрее и подальше. Снольдерского капитана на спешное дезертирство из родной державы подвигли чуточку более благородные причины – будучи застигнутым своим же полковником с молодой супругой последнего, он в ходе стихийно возникшей дуэли ухитрился продырявить отца-командира насмерть, а поскольку тот был родным братом кого-то из королевских фаворитов, капитан не стал полагаться на милость судьбы и ударился в бега.

Поразмыслив, Сварог зачислил обоих на службу в прежних чинах. Казна, и военная в том числе, хранилась у него под надежными заклинаниями, а моральный облик Мары тревог не вызывал – скорее уж сама продырявит бравого капитана насмерть в случае непотребных поползновений.

Вообще-то, оба дезертира дело знали. Они набрали сотни полторы рекрутов из безземельных крестьянских парней и бродяг помоложе и муштровали так, что и Сварог при всем желании не мог бы усмотреть промахов. Вот и сейчас харланец гонял неподалеку от замка десятка три пентюхов, не умевших распознать, где у них правая нога, а где левая, поскольку отроду не задумывались над такими тонкостями. Что ж, средство на сей предмет было придумано в незапамятные времена... Если прислушаться, ветерок доносил старательное рыканье капитана:

– Р-рыба – колбаса, р-рыба – колбаса, р-рыба – колбаса! Шевелись, босоногая команда, это вам не гусаков сношать на тяткином подворье! Р-рыба – колбаса, р-рыба – колбаса!

Рекруты старательно взметали пыль босыми ногами – к левой у каждого был привязан кус колбасы, а к правой – речная рыба. Судя по опыту других держав, незатейливый метод должен был себя оправдать через пару недель.

Кроме того, на прошлой неделе в Свароговых владениях вдруг объявился отряд Вольных Топоров, числом около восьмидесяти. Это уже был народ посерьезнее и поопытнее, не чета собранным с бору по сосенке крестьянским дуболомам и пойманным на большой дороге молодым бродягам, которым министр полиции с душевной улыбкой предлагал нехитрый выбор: либо сплестись с Конопляной Тетушкой, либо отслужить срок в армии Его величества короля Хелльстада, и прочая, и прочая. Командир Топоров оказался старым знакомым Шедариса, сослался на его рекомендацию и, едва Сварог убедился, что хмурый усач со шрамом на роже не врет, тут же зачислил всех на службу.

Как-то незаметно приросли и чиновничеством – опять-таки, как нетрудно догадаться, все поголовно представители этого славного племени были вынуждены покинуть родные места после таких упущений и прегрешений, за которые им вряд ли удалось бы отделаться простым позорным увольнением с «волчьей головой».

Да, вот именно, господа мои! Сварог с превеликим удивлением обнаружил, что на Таларе «волчий билет» был отнюдь не фигуральным выражением. Здесь крупно проштрафившемуся чиновнику, когда выгоняли его со службы, шлепали в документы печать с изображением волчьей головы. После чего обладатель документа мог распрощаться с государственной службой навсегда.

Легко догадаться, что этот продувной народец, пристроенный Сварогом к бумажной работе, отнюдь не являл собою образец честности и благонравия – но где прикажете взять других?хлопот они, в общем, не доставляли – после того, как двух, проштрафившихся уже здесь, министр полиции с санкции Сварога отправил на те самые нехитрые плотницкие сооружения, что неразрывно связаны с искусством веревочных дел мастеров...

В общем, за все это время Сварог утвердил штук двадцать смертных приговоров. И никак нельзя сказать, будто он после этого взметывался в холодном поту по ночам. Ничего подобного. И отправленные его волей на виселицу покойники по ночам не приходили стенать под дверью.

Ничего тут не поделатъ. Молодая столица была слишком уж хрупким сооружением, вроде тончайшей стеклянной вазы, какие выдувают мурранские мастера. Когда-нибудь в далеком светлом будущем, когда наладится нормальное течение жизни и появятся все необходимые государственные институты, можно будет и перейти к нормальной практике, завести суды, адвокатов и тюрьмы с двухразовым питанием. Пока же не было других средств сохранить дисциплину, навести порядок и приучить народишко к соблюдению законов. Единственным средством надежного убеждения – и предостережения нестойким – оставалась Конопляная Тетушка. В конце концов, если смотреть в корень и дойти до самой сути, он тщательно проверял всякий смертный приговор – и был уверен, что невиновного никогда не вздернут. Никто не принуждал, рассуждая философски, того косоглазого болвана выворачивать в темном закутке карманы припозднившихся земляков, двух бродяг харланского происхождения – двинуть крестьянину дубиной по голове и увести его лошадь, а чиновника – нагло добиваться благосклонности смазливой вдовушки в обмен на составление документа, который он и так по долгу службы обязан был ей выдать.

Так что Сварог не чувствовал ровным счетом никаких угрызений совести. Какие там детинушки кровавые в глазах...

Главная головная боль у него была – ходоки, они же просители, рвавшие либо стать его подданными, либо осчастливить чертежами хитроумных устройств.

Они шли нескончаемой вереницей – младшие сыновья дворянских фамилий, оставшиеся и без поместий, и без службы, крестьяне свободные и беглые (неуклюже прикидывавшиеся свободными), отставные солдаты, не нашедшие применения своим талантам на гражданке (или просто решившие поискать счастья на новом месте), обнищавшие ремесленники, списанные с кораблей моряки, дезертиры, недоучившиеся студенты, разорившиеся купцы, воры и разбойнички, решившие вдруг завязать, откровенные авантюристы с чертежами местностей, где зарыты богатейшие клады, состарившиеся пираты и романтические юнцы-школяры, безработные мастеровые...

Кое-кого моментально пристраивали к делу. Искателей веселой вольной жизни либо загоняли в армию, либо вышибали за границу со строгим наказом во второй раз не попадаться. Проще всего было с теми, кто просил земли на территории Трех Королевств, – эти большей частью были народом степным, прибывали с женами и детишками, скудным скарбом и даже с кошками. Их, предварительно проинструктировав насчет трудности предприятия, снабжали толикой денег, кое-каким сельхозинвентарем и переправляли на

тот берег Итела. Часто попадались соискатели земельных владений, предъявлявшие ветхие бумаги, неопровержимо свидетельствовавшие, что их предки как раз и обитали некогда в Трех Королевствах. Однако очень быстро министр полиции разнюхал, что некая тайная мастерская в Снольдере, оперативно откликаясь на требования текущего момента, переключилась с поддельных дворянских грамот, патентов на чин и векселей на эти самые «старинные» бумаги. Сначала Сварог рассвирепел было, но по зрелом размышлении подумал: а какая, собственно, разница? Пусть себе поднимают землю, если им охота. Если получится – из них выйдут оседлые, степенные подданные. Если сбегут, убоявшись трудностей, – министр полиции забреет их в армию или выпихнет за границу. Все равно свободных земель в Трех Королевствах было столько, что подпольные граверы, мастера фальшаков, могут невозбранно трудиться еще лет сто...

Особую категорию составляли непризнанные изобретатели и прожектеры, предлагавшие то красиво вычерченные эскизы вечных двигателей, то волшебные эликсиры самого разного предназначения – от вызывавших невидимость до усмирявших ярость сварливых тещ, а также рассказывавшие о своих встречах со всевозможными мифическими созданиями и вымогавшие на поминку таковых щедрые денежные авансы.

С этими Сварог разбирался лично. Впрочем, их поток поредел значительно после того, как были введены некоторые новшества: изобретатель вечного двигателя давал подписку, что ознакомлен с законом, согласно которому он будет повешен, если сработанный по его чертежам вечный двигатель не проработает хотя бы часа; авторы волшебных эликсиров должны были испытывать их на самих себе. И так далее. Поскучневшие прожектеры отныне значительно реже дарили Сварога своими откровениями и эпохальными выдумками.

Гораздо неприятнее были другие новости...

К нему уже две недели потоком шли сообщения о том, что лоранцы во множестве высаживаются на побережье, судя по начатому строительству, собираются обосноваться там всерьез, причем речь идет не о каких-то одиночках-авантюристах. Судя по размаху и количеству задействованных кораблей, это не самодеятельность, а настоящая долгосрочная программа, которую превращает в жизнь королева Лорана.

Как принято меж коронованными особами, Сварог отправил ей вежливое послание, где в дипломатических выражениях напоминал, что речь идет, собственно, о принадлежащих ему землях, на коих он пользуется всеми правами монарха. (Послание составлял самый настоящий дипломат – департаментский секретарь снольдерского министерства иностранных дел, вынужденный спешно покинуть отчизну после того, как выяснилось, что он продал сопредельной державе кое-какие секретные документы своего ведомства).

Как принято меж коронованными особами, лоранская королева ответила не менее вежливым посланием, составленным в столь же изящном стиле высокой дипломатии, ни в чем не отступавшем от канонов. Однако за обтекаемыми формулировками без труда читались насмешка и категорическое нежелание пойти навстречу законным требованиям собрата-монарха. Королева, во-первых, напоминала, что значительная часть земель, известных ныне под собирательным названием Три Королевства, когда-то, до нашествия Глаз Сата-

ны, принадлежала Лорану, так что она, собственно говоря, лишь восстанавливает историческую справедливость. Во-вторых, Ее величество мягко уточняла: по имеющимся в ее распоряжении данным, «брат мой, король Сварог» располагает на сегодняшний день ничтожно малым количеством подданных, что-то около пяти тысяч, а со столь ничтожными людскими ресурсами ему не освоить Три Королевства и через сто лет. По этой причине его новоявленная венценосная сестра и решила пойти навстречу законным требованиям своих подданных и восстановить нормальную жизнь на землях, все равно остающихся бесхозными.

Экс-дипломат в два счета, со ссылками на многочисленные параграфы международного права, доказал Сварогу, что его венценосная сестрица откровенно лукавит, поскольку те самые земли были когда-то брошены лоранцами, с них выведены войска, удалена администрация и символы королевской власти.

Правда, легче от того, что на стороне Сварога было международное право, отнюдь не стало, поскольку законные права ни черта не стоят, если нет вооруженной силы, способной качественно их отстаивать.

Перед ним было два пути: либо жаловаться императрице, либо начинать войну. Первое казалось унижительным, а на второе его карликовая армия из роты Вольных Топоров и пары сотен не обученных толком рекрутов была решительно неспособна. Так что оставалось помалкивать, стиснув зубы.

В Лоран инкогнито отправился Брагерт – добывать точную информацию, подкупать и плести заговоры. Сварог верил, что парень справится. По натуре своей Брагерт органически не годился в аналитики и кропотливые исследователи: он был рожден для того, чтобы проникать куда-то переодетым и под чужой личиной, драться на мечах, влипать в авантюры, покупать и продавать секреты, устраивать заговоры, плести захватывающие интриги. Гаудину он в этом качестве оказался не нужен, а вот Сварогу, наоборот, именно такой со-рвиголова и необходим...

Взглянув на часы, Сварог встрепенулся, вернулся в комнату, взял со стола массивный колокольчик и встряхнул им как следует. Тут же вошла Мара, уже успевшая переодеться и принять ванну, в ответ на невысказанный вопрос кивнула:

– Сверху сообщают, что парень появится через полчаса. А бабулька уже в замке, сидит с Карахом, чешут языки насчет старых времен и страшных тайн. По-моему, они друг другу определенно приглянулись...

– Понятно, – сказал Сварог. – А что это ты в придворный мундир влезла и ордена нацепила?

Мара прищурилась:

– Этот высокородный обормот, который должен прибыть, должен с самого начала понять, кто есть кто. Когда я с ним связывалась по видео – и переодеться еще не успела после охоты, – он меня назвал «девочкой» и попросил позвать «кого-то из доверенных людей графа Гэйра». Я ему, конечно, объяснила ситуацию в меру своих скромных возможностей, но он все равно держался заносчиво. Ничего, я с него спесь соблю...

– Ага, – сказал Сварог. – Ордена, мундир, золоченый меч... Знаешь, что я тебе посоветую? Иди-ка ты скинь все это, надень платьишко покороче и пооткрытее да сыграй роковую женщину. Так ты его гораздо быстрее смутишь, по-

верь моему циничному опыту. Парень совсем зеленый, купится...

– Ты серьезно?

– Совершенно.

– А сам-то? Как новогодняя елка...

– Я – король при исполнении.

– А я – первый министр.

– Ты меня, конечно, прости, – сказал Сварог, – но сочетание всей этой мишуры и не особенно взрослого личика в данном случае производит впечатление чуточку комическое... Здешний народ тебя уже видел в деле, он-то и не подумает тебе вслед хихикать, а вот для свежего человека... Иди-иди. Я серьезно.

Мара вышла, недовольно вертя головой. Оставшись в одиночестве, Сварог подошел к зеркалу, поправил многочисленные ордена – в том числе, о парадоксы дипломатии, и высший лоранский. Так уж здесь было заведено, каждый король присылает свежейиспеченному коллеге свои высшие регалии.

Он посчитал необходимым встретить будущего юного сотрудничка при полном параде – чтобы юнец сразу понял: обстановка насквозь официальная, и делами здесь занимаются сугубо серьезными. А учитывая, что парнишка, несмотря на все свое вольнодумство и авантюризм, все же потомственный лар, кое-какие каноны должен был всосать с молоком матери...

Сварог щеголял сейчас в новом мундире, черном, обильно украшенном алыми кружевами и густыми рядами бриллиантовых пуговиц, нашитых где только возможно. Да, мы теперь – лейб-гвардия, извольте ли знать... Чтобы к новоявленному столоначальнику Императорского Кабинета с самого начала отнеслись со всей серьезностью, Яна присвоила ему звание капрала Бриллиантовых Пикинеров. Чин не такой уж малый, как может показаться людям, незнакомым с заоблачными порядками: полковником у Бриллиантовых Пикинеров числится сама императрица, пикинерские капитаны, соответственно, согласно табели о рангах, равны гвардейским генералам, лейтенанты – полковникам, а капралы, как легко догадаться – капитанам гвардии. Так что для бывшего лейтенанта Яшмовых Мушкетеров это по всем статьям было чистейшей воды повышение...

Поправив орденские цепи, ленты и кронги, он вышел в коридор, где бдительно и абсолютно неподвижно стоял усатый Вольный Топор. Кивнув ему, Сварог свернул за угол, спустился по короткой лестнице и вошел в первую же дверь.

Карах сидел на столе, печально держа в лапках гланский орден Чертополоха. Собственно, этот словесный оборот никак не отражал истинного положения вещей. Орден был как раз в рост Караха, серенький домовый мог спрятаться за ним, как за старинным щитом, а вот носить никак не мог, равно как и прочие высшие знаки отличия, пожалованные ему как главе Королевского Кабинета по строгому дипломатическому протоколу...

– Не переживай, – сказал Сварог. – Чуточку разгребусь с делами, закажу для тебя копии поменьше, чтобы мог носить, как все нормальные министры... Здравствуйтесь, почтенная! Как добрались?

– Без хлопот и приключений, – кратко ответствовала колдунья Грельфи.

Старуха нисколько не изменилась с тех пор, как они виделись в первый и последний раз, полтора года назад: крючковатый нос, длинный подбородок, волосатые бородавки, глубокие морщины, умный и пронзительный взгляд,

неизменно вызывавший у Сварога ассоциации с оптическим прицелом.

– Что же ты натворил, ваше королевское обормотство... – сказала она сварливым басом.

– А что такое?

– Одна-единственная подруга была на земле – и ту загнал в гроб.

Сварог вспомнил бабу-гусятницу, бабу Паколета. И вновь ощутил укор совести – он ничего не мог сделать тогда для нее, ничем не успел помочь, он попросту и предполагать не мог, что им подвернулась *убийственная* тайна...

– Ладно, ты тут взглядом пол не буравь, все равно не провертишь, это даже я не умею, – фыркнула ведьма. – Это я так, светлый король, ворчу по привычке. Дураку ясно: коли уж она взялась тебе помогать, значит, сама так хотела... Так уж было на облаках написано, и ничего тут не поделать... Значит, будем вместе работать?

– Если вы не прочь, – сказал Сварог. – Правда, я пока так и не представляю толком, в чем будет заключаться ваша работа... Ну, это мы определим по ходу дела. А где ваш обаятельный котик, который умеет орать с неподражаемой гнусностью?

– Здесь уже. И вещички перевезла.

– Да, я помню, у вас была масса интересных вещичек, – сказал Сварог светски. – Черепа, чучела каких-то уродов...

– Кому чучела, а кому необходимый магический инвентарь, учено говоря, – проворчала старуха. – Ты что такой веселый, твое величество? Прибаутками так и сыпешь...

– Дела идут нормально, – пожал плечами Сварог. – Ничего пока что не случилось, а это уже плюс...

– Ну ладно, зубоскаль дальше, – покачала головой Грельфи. – Только скажи этой своей рыжей вертихвостке, чтобы она мне в спину не фыркала. А то устрою что-нибудь вроде ночной почесухи, света белого не взвидит...

– Не обращайтесь на нее внимания, я вас душевно прошу, – серьезно сказал Сварог. – По большому счету, дитё дитём, только и умеет, что качественно убивать людей, а этим искусством никого особенно не удивишь в наши суровые времена... Вы же мудрая дама...

– Никакая я тебе не дама, – сварливо отозвалась старуха. – Нашел даму... Ладно, пренебрежем... Ты хоть знаешь, что по Готару болтается добрая дюжина шпионов? Самых настоящих шпионов из всех без исключения стран?

– Точно не знал, но мы с министром полиции такой оборот дела предвидели давно, – серьезно сказал Сварог. – Ничего удивительного. Ясно было, как день, что к нам рано или поздно начнут засылать шпионов. Пусть себе шныряют, дело житейское. Наладим со временем контрразведку, начнем, как положено, кого вылавливать, кого перевербовывать и перекупать...

– Это-то ладно. Только кроме *житейских* шпионов у тебя завелась парочка субъектов погнуснее...

– Так-так-так... – сказал Сварог, посерьезнев. – Что, неужели «Черная благодать»?

– Угадал, проницательный мой...

– Я их пока что не чуял...

– Ай-ай-ай! Он их, видите ли, не чуял... Прости на дерзком слове, твое величество, мы здесь все свои, так что давай уж без церемоний... Хотя ты и король

Хелльстада, любезный мой, это тебе особого мастерства не прибавило. Почуешь всякую нечисть не раньше, чем заклинания пробормочешь, да нужно еще, чтобы нечисть болталась поблизости, сама на глаза лезла... У меня, голубчик, школа другая, старая, настоящая... Только огляделась – и сразу вижу: ага, вон тот и тот, живут там-то и там-то...

– Так за чем же дело стало? – энергично сказал Сварог. – Сейчас вызову полдюжины Топоров, и вы обоих быстренько возьмете... Я правильно рассуждаю?

– Ну вот, наконец-то заговорил, как серьезный человек... Только дай мне с ними сначала поговорить, я им объясню, что следует надеть на шею, что положить в сапог и как бить обухом по тени, если что...

– Вам и карты в руки, – сказал Сварог. – А что вы думаете про юного графа Элкона? Насколько он будет нам полезен, и выйдет ли из него толк?

– Присмотримся еще, – осторожно сказала старуха. – В деле проверим, жизни поучим... исключительно способный парнишка. И в том, что касается компьютеров, и в овладении кое-какими искусствами. Вот бы кого в ученики, но не получится – чует моя душа, у нас и так будет забот полон рот... В общем, пока что – сопляк сопляком, в точности как твоя рыжая. Но ежели его грамотно вести по жизни...

– Это уже кое-что, – кивнул Сварог.

В дверь деликатно поскреблись. Слуга просунул внутрь голову и деловым шепотом сообщил:

– Государь, ожидаемый вами гость прибыл...

– Пойду поговорю, – сказал Сварог. – Карах, вызови командира Топоров и отдай от моего имени все необходимые приказы. Эту парочку нужно безотлагательно брать, только «Черной благодати» мне тут и не хватало для полного счастья... Успехов!

Он поднялся этажом выше и без стука вошел в кабинет Мары. Сразу увидел, что к его рекомендациям она отнеслась серьезно, но, конечно же, не удержалась от импровизаций... Она сидела в золоченом кресле, положив ногу на ногу, что при коротенькой юбочке выглядело весьма фривольно, и, обстреливая сидевшего напротив собеседника целыми залпами кокетливых взглядов, светским тоном вопрошала:

– Вам не кажется, любезный граф, что эротические циклы сонетов Нолонга Агана, особенно «Нимфы источника» и «Лесная переключка», на сегодняшний день устарели совершенно? Для своего времени они были шокирующим откровением, но сегодня, право же, смешно читать тексты, весь вызов которых заключается в примитивном наборе нехитрых сценок, представлявших Агану верхом неприличия? Кого сегодня могут поразить смелостью картинки вроде той, когда юный егерь «обнажает белоснежную грудь пастушки» или «совлекает платье с девственных бедер»? Не правда ли, это устарело по сравнению с современными видеосериалами?

У юнца предательски пунцовели уши, Сварог видел, как он старательно блуждает взглядом по комнате, избегая смотреть на то, что открывали коротенькая юбка и смелый вырез. Сварог понял, что нужно немедленно прийти на помощь.

– Граф Элкон? – спросил он деловым тоном. – Рад с вами познакомиться. Вы, я вижу, не скучаете?

– Ну что вы! – Парнишка неловко встал. – Графиня была так любезна, что

взялась посвящать меня в сокровищницу старинной поэзии...

– Да, разумеется... – сказал Сварог. – Графиня, вот кстати... Вы опять бросили свою любимую куклу прямо на лестнице...

Мара рассерженно уставилась на него, но Сварог стойко выдержал взгляд боевой подруги – он вовсе не просил ее смущать парня настолько...

– Садитесь, – сказал он гостю. – Вынужден попросить всех присутствующих перейти к более скучным материям, нежели эротические сонеты. Итак, вы уже познакомились... Прекрасно. Надеюсь, подружитесь.

Он откровенно разглядывал навязанного ему сотрудничка. Парень как парень – худощавый, вихрастый, в тонких золотых очках. Действительно, именно такие и носят книжники. Стекла, конечно, простые, зато солидности прибавляет, на земле очки испокон веку считаются атрибутом учености, неофициальной эмблемой Сословия Совы...

– Графиня, друг мой, – мягко сказал Сварог. – Примите позу, более приличествующую серьезному совещанию... (Мара поджала губы, но прекословить вслух не стала, села нормально и глазки строить перестала). У вас какие-то вопросы, граф?

– Ну, собственно... Я так и не знаю, что вы решили на мой счет...

– Будем считать, что вы уже зачислены на службу, – сказал Сварог. – У нас интересная служба – даже я сам пока что не знаю, чем она будет заниматься завтра, да и состоит она всего из троих бравых служаек, включая вас... Давайте для начала выясним, как к вам обращаться. Граф? По имени?

– Можно и по имени, разумеется! Я, в свою очередь...

– Знаете, Элкон, – задумчиво сказал Сварог. – Так уж повелось, что мои ближайшие соратники в неофициальной обстановке именуют меня «командир». Ничего не имеете против, если мы вас попросим не нарушать традицию?

– Конечно! – обрадованно воскликнул юнец. – Я очень рад... Мне почему-то казалось, что вы ко мне будете настроены весьма даже неприязненно...

– Почему? – искренне удивился Сварог.

– Понимаете ли... командир... Я на свой счет особых иллюзий не питаю. И не собираюсь что-то из себя *строить*. Ну да, ничего еще не достиг, ничего серьезного не совершил. Одни амбиции и большое желание сворачивать какие-то горы... Не самая лучшая находка для человека вроде вас, успевшего кое-что в этой жизни совершить... Вам ведь нужны... люди серьезные. Только... Если человеку не дают шанса что-то сделать, как можно определить, что из него получится? Вот так... Словом, я решил, что вы ко мне скверно отнесетесь из-за...

– Из-за того, что вас мне навязали?

– Ну да.

– Глупости, Элкон, – сказал Сварог. Парнишка начинал ему нравиться. – Никто вас не навязывал. Будьте уверены, я нашел бы способ избавиться от навязанного... Я просто подумал: а вдруг из вас и в самом деле выйдет толк? Будем вас пробовать в деле. От вас потребуется одно – дисциплина.

– Да, я понимаю...

– Вот и отлично. Если толк выйдет, то что ж... А если нет – это быстро выяснится. Говорят, вы неплохо разбираетесь в компьютерах?

Парнишка вздернул подбородок:

– Да вот смею думать...

– В базы данных восьмого департамента забраться сможете?

– Первый и Второй Круги я уже проходил не единожды, – сказал Элкон гордо. – Бывал и в Серебряной Ограде. С Крепостью обстоит чуточку сложнее, но я обязательно ее взломаю. Что до...

– Стоп! – поднял ладонь Сварог. – Сначала объясните кратенько, о чем вообще идет речь...

В течение следующих трех-четырех минут он выслушал краткую, толковую и чрезвычайно полезную лекцию о базах данных восьмого департамента: три уровня сложности, по восходящей, структура, содержимое, методы связи с Главным информаторием, взломанные коды, рабочие наработки по одолению тех, что пока не поддаются. Все было изложено так доступно, что Сварог разобрался в предмете без всякого труда и почти не переспрашивал в особо трудных местах. Ради одной этой беседы стоило вытаскивать парнишку на землю...

– Любопытно, – сказал он искренне. – И что же, никто прежде не пытался...

– Чисто по-дилетантски, – сказал Элкон с таким выражением лица, что сразу становилось ясно: себя-то он дилетантом не считает ни в коем случае. – Отдельные любители, от нечего делать, из озорства...

– Из озорства... – как эхо, повторил Сварог. – А вы, значит, друг мой, свое поведение озорством не считаете? В таком случае, чем же?

Парнишка ненадолго задумался. Вскинул голову:

– Мне давно уже кажется, что многое у нас делается не так. Упущено что-то важное, некоторые организации закоснели и озабочены лишь поддержанием существующего порядка вещей... Я и сам не могу объяснить точно, но мне кажется, что многое можно сделать лучше... Вы считаете, что у меня непомерные амбиции?

– Как знать... – задумчиво сказал Сварог. – Я сам потому тут и сижу, что показалось однажды, будто многое могу сделать лучше именно я. Тут главное, чтобы эти амбиции принесли реальную пользу... Сердце мне вещует, что вы нам подходите, Элкон. Мы сами чуточку авантюристы и одержимые амбициями нахалы, особенно эта рыжая особа, с которой, хочу верить, вы сработаетесь. Я слышал, вы несколько лет назад сбежали на землю. И мне показалось, что вы уже тогда проявили завидную целеустремленность – это была не просто экскурсия, а четко проработанный план, а? Зачем вам это понадобилось?

– Меня интересовали – и теперь интересуют – земные книжники, – сказал Элкон. – Полагаю, на земле от нас до сих пор ухитряются очень многое скрывать, за что я их нисколько не упрекаю... Но ведь не мог же я заявиться к ним в своем истинном обличье, они бы моментально замкнулись...

– Вот это правильно, – кивнул Сварог. – У меня есть некоторый опыт общения с книжниками. Так просто к ним в доверие не войдешь...

– Совершенно верно, командир. Я хотел вращаться. Стать земным студентом, ненавязчиво и целеустремленно сблизиться с нужными людьми... Больше всего меня, конечно, занимало Медовое Урочище. Никогда о нем не слышали?

– К стыду своему... – признался Сварог. – Не могу я пока что объять необъятное, сами понимаете.

– Это место находится в пределах Каталаунского хребта, на границе Ронеро и одного из Вольных Маноров. Урочище это, со всех сторон стиснутое горами, в длину занимает около двадцати лиг, а в ширину – примерно пять. Там еще

со времен Шторма обосновались пчелы. Дикие. Особенно крупные и злые. Их там миллионы, командир. Все урочище – один сплошной пчельник. Последние пять тысяч лет человеческая нога туда не ступала, даже у восьмого департамента что-то не сложилось. Меж тем многие легенды настойчиво твердят, что там скрыто Нечто... Никто не знает, что именно. Однако назойливо подчеркивается, что речь идет о чем-то большем, нежели примитивный клад или даже затерянный город. Там что-то, оставшееся от прошлого, от времен до Шторма. Ведьма Грельфи тоже так считает. Я как-то был у нее с императрицей, мы познакомились и неожиданно пришли друг другу по душе. Пробуем подходить к проблемам и загадкам с разных сторон – она знает древнюю магию, а я хорошо владею компьютерами. Пытаемся придумать нечто, совместившее бы оба подхода...

– Это не менее интересно, – сказал Сварог. – Но мы о ваших с Грельфи совместных изысканиях поговорим попозже, когда выдастся свободное время... Меня сейчас гораздо больше интересуют ваши латеранские наблюдения. Что там было с подводной лодкой?

– Да просто я ее видел собственными глазами, – сказал Элкон. – Это случилось полгода назад, в районе... Вы не бывали в Латеране?

– Нет пока.

– Вот, посмотрите. – Элкон выдернул из воздуха карту, начерченную от руки. – Я сам перерисовывал из старого земного атласа... Вот тут, в лиге от города, Ител разделяется на несколько рукавов, которые потом опять смыкаются, – но на определенном протяжении образовалось десятка два островков, которые местные называют Речная Россыпь. Там довольно безлюдно, укоренилось стойкое убеждение, что места эти небезопасны. Никто не помнит, почему, слишком уж давно сложилось это убеждение, опасных зверей там, во всяком случае, нет, и не слышно, чтобы в последние годы с кем-то там приключилась беда. Но горожане все равно туда не ходят, я имею в виду...

– Взрослых, солидных, степенных, а? – хмыкнул Сварог. – А вот те, кто помоложе...

Элкон улыбнулся в ответ:

– Ага... Те, кто помоложе, туда как раз забираются втайне от родных. Ходят легенды, что там зарыты клады... И потом, побывать там, принести оттуда речную гальку особого вида – очень престижно, я бы сказал, придает вес и уважение среди сверстников и... девушек. И уж тем более для уважающего себя студента Латеранского университета просто немислимо показаться в приличном обществе без ожерелья или браслета из этих камешков. Они в других местах отчего-то не встречаются. – Элкон полез в карман и продемонстрировал (в первую очередь Маре) нечто вроде ожерелья из дюжины синих с красными и желтыми прожилками камешков, и в самом деле довольно красивых. – С научной точки зрения, конечно, нет никакой загадки – в тех местах выходит на поверхность жила этого самого минерала с длинейшим научным названием... но не в том дело. Главное, есть давние, сложившиеся традиции. Я их хотел соблюсти, как вы, должно быть, понимаете, имелись причины...

– Причина, надо полагать, была красивая? – бесцеремонно вмешалась Мара.

– Весьма, графиня, – ответил Элкон моментально. – Ничуть не хуже вас...

«Осваивается парень, – одобрительно подумал Сварог. – Вон и уши уже не красные...»

Неторопливо прохаживаясь по комнате, он мимолетно выглянул в низкое окно, почти бойницу, выходящее на внутренний двор. Появилась старуха Грельфи, шагавшая весьма даже браво для своих лет, без всякой клюки, одетая скромной, небогатой горожанкой. За ней целеустремленно топали пятеро рослых молодцов, тоже обычные, ничем не примечательные на вид «градские обыватели». В руках и на поясах у них не было оружия, но что-то под одеждой было, конечно, укрыто.

«Чует мое сердце, что особого толку от этого не будет, – подумал Сварог, уже набравшийся кое-какого опыта в борьбе с „Черной благодатью“. – Опять, в который раз, сграбастают парочку пешек, от которых даже пыткой ничего не добьешься, серьезных тайн не вытрясешь, поскольку и не посвящены они в серьезные тайны. Если только живыми возьмут, если только они опять языки себе не пооткусывают, отравы не глотнут. Редко случаются удачи – как тогда в Равене, когда Конгеру удалось изловить парочку крупных рыбин...»

– В общем, я отправился туда ночью, – продолжал Элкон, уставясь на Мару с некоторым вызовом. – Так почти все делают. Днем может появиться конная полиция – Речная Россыпь считается принадлежащей к Королевскому парку, и доступ туда посторонним ограничен... Хотя Королевский парк начинается лигах в трех... Короче говоря, принято ходить туда ночью. Протока была шириной уардов в сто. В ту ночь стоял туман, знаете, стелился полосами, время от времени проглядывала вода, а потом опять наплывала мгла... Я как раз наломал полные карманы «узорчиков», хотел отправляться восвояси, и тут... Я их видел-то всего минуты две, потом туман снова сгустился... По реке плыла подводная лодка, совершенно такая, как на снимках и фильмах, показывавших жизнь до Шторма. Сейчас у нас нет подводных лодок, но до Шторма их было множество... В точности такая. Только длиной она была уардов в десять, не больше, и на палубе стояли крохотные человечки, с мизинец. Я их отчетливо видел, ночь была лунная, среди тумана образовалась прогалина, и минуты две я на них таращился, благо субмарина двигалась очень медленно... Честно вам признаюсь, я испугался. Это не походило ни на что известное. Подумал даже потом, что это мираж из прошлых времен, призрак, Блуждающий Образ... Но императрица мне рассказала о вашей с ними стычке в Хелльстаде. Тот человек тоже говорил что-то о подводных лодках?

– Вот именно, – кивнул Сварог. – Он, конечно, бредил перед смертью, но бред этот неопровержимым образом свидетельствовал, что умирающему прекрасно знакомы термины «подводная лодка» и даже «торпедная атака»... Никакой это был не мираж.

– Теперь-то и я не сомневаюсь. Я искал в информатории, подключался к базам и восьмого департамента, и некоторых коллегий... Ничего. Вполне может оказаться, что-то такое и есть, но я искал неправильно, не те вопросы ставил... Не знаю. Гораздо интереснее косвенные следы... Вы знакомы с системой глобального наблюдения, созданной восьмым департаментом?

– В самых общих чертах, – вынужден был признать Сварог.

– А я изучил ее вдумчиво. Так вот, да будет вам известно, командир: эта система включает в себя устройства, которые занимаются исключительно надзором за проявлениями магии... и визуальным наблюдением. И все. У нас,

оказывается, попросту нет службы наблюдения за эфиром. Это-то понятно, впрочем, ни на Таларе, ни на Сильване нет *земных* радиостанций... И все равно для очистки совести им следовало бы время от времени прослушивать и эфир... – Он замолчал, уставился на Сварога с некоторой обидой: – Бьюсь об заклад, вы сейчас подумали что-то вроде: «Твоего совета не спросили, сопляк...»

Сварог, подумав, признался:

– Ну, не в таких уничижительных выражениях, конечно... но что-то вроде этого я и в самом деле подумал. В конце концов, там служат неплохие профессионалы...

Элкон моментально отпарировал:

– Эти неплохие профессионалы работают по канонам тысячелетней давности. Косность мышления, знаете ли. Они за тысячелетия *привыкли* к мысли, что на земле нет радиопередатчиков, а следовательно, нечего и работать в *этом* направлении... Я, когда меня заставили покинуть Латерану дражайшие родители, не успокоился. Собрал кое-какую аппаратуру, не столь уж сложную. Мой старший брат работает в Магистериуме, он помог...

Парнишка замолчал, уставился на Сварога с видом фокусника, взявшегося за покрывало на клетке, в которой минуту назад был натуральный лев, а сейчас, после произнесенных вслух волшебных слов, должно появиться, надо думать, нечто удивительное и совершенно на льва не похожее, красивая девушка, скажем, или стая голубей.

– Ну, давайте, любезный, – усмехнулся Сварог. – Удивляйте нас, темных...

Элкон сказал с расстановкой:

– За эти полгода аппаратура *семнадцать* раз перехватывала и записывала *чужие* передачи. Кто-то на земле, пусть и очень редко, с опаской, но пользуется радио. Короткие передачи в УКВ-диапазоне, зашифрованные с помощью довольно сложного ключа. Я до сих пор ни одной не расшифровал. А это означает, что у *чужих* есть свои, не менее сложные, быть может, компьютеры.

– Обмен короткими шифровками меж лодками и базой... – задумчиво произнес Сварог. – Меж двумя лодками...

– А я о чем говорю! – торжествующе воскликнул Элкон. – *Они* существуют и пользуются радио! К сожалению, я не могу пока их запеленговать – тут нужна аппаратура, которую в домашних условиях все же не собрать, чересчур сложная и громоздкая, даже при нашем уровне техники. Тут нужны усилия государственной службы...

– Я понял намек, – кивнул Сварог. – Если у вас, любезный мой, будут отнюдь не любительские возможности за спиной, можете выйти на конкретный результат?

– Надо поработать...

– Bravo, – сказал Сварог. – Я бы насторожился, пообещай вы решить проблему одним махом, на счет «раз»... Значит, кое-какое представление о сложностях серьезной и вдумчивой работы у вас уже имеется... А это хорошо. В таком случае, не будем тянуть. Отправляйтесь на соседний этаж, там увидите дверь, украшенную надписью «Королевский Кабинет». За дверью помещается серое и ушастое создание, печально сидящее на столе в окружении доброй полдюжины орденов. Это домовой по имени Карах... а кроме того, барон и заведующий Кабинетом. Познакомьтесь с ним, попросите подыскать вам подходящую комнату. И, не откладывая, садитесь за работу. Напишите мне подробный ме-

морандум: какой вы видите гипотетическую службу радиоперехвата. Причем, учтите, если технику мы вправе запрашивать любую, с людьми обстоит гораздо сложнее. Наше свежее испеченное учреждение, несмотря на всю его солидность и патронаж императрицы, страдает от жесточайшего кадрового голода... Ну, и о секретности забывать не стоит. В общем, вы поняли, надеюсь... Ступайте.

Элкон встал. И, уже направляясь к двери, обернулся. Совсем другим тоном спросил:

– А можно будет когда-нибудь посмотреть Доран-ан-Тег? И вашу собаку? И...

– И в Хелльстаде побываете, – понятиливо кивнул Сварог, пряча улыбку, – сейчас перед ним стоял самый обычный мальчишка, робко просивший «по-трогать настоящий пистолет». – Будет время... Идите.

Когда дверь закрылась за новым перспективным сотрудником, Сварог повернулся к Маре:

– По-моему, приобретение неплохое.

– Да вроде бы, – кивнула Мара. – Вот только, готова биться об заклад, этот компьютерный гений живую женщину еще в руках не держал. Точно тебе говорю.

– Опять ты...

– Я, между прочим, серьезно, – сказала Мара без улыбки. – Коли уж этот парнишечка будет заниматься серьезными делами в компании серьезных людей, ему нужно срочно повзрослеть во всех смыслах. Зачем нам юнцы, мающиеся неудовлетворенными желаниями? Нам нужны люди опытные, все стороны жизни познавшие.

– Что-то в этом есть... – подумав, кивнул Сварог.

– Ну, это я организую, – деловито сказала Мара. – Есть тут в замке одна деваха из новых горничных, в меру смазливая, в меру легкомысленная. Объясню ей задачу, подкину золотишка – и она в два счета из него хваткого мужика сделает, пискнуть не успеет. Девственники, равно как и девственницы, в нашем многотрудном ремесле категорически противопоказаны, поскольку...

В дверь осторожненько постучали. Сварог крикнул:

– Войдите!

Слуга, не переступая за порог, тихонечко доложил:

– Государь, к вам просится господин департаментский секретарь.

– Давай его сюда, – кивнул Сварог. – Надо полагать, какие-то иностранные новости...

Вошел помянутый секретарь – тот, что покинул родные места после неудачной торговли секретными документами, сравнительно молодой человек с ранними залысынами. Двигался он плавно и неспешно, говорил всегда тихо, редко поднимая глаза, – почти образец опытного дипломата, несуетливого в жестах и словах. Сварог пока что не торопился возводить его в министры – и оттого, что не хотел чрезмерно баловать своих сподвижников с изрядно подпачканной репутацией (министр полиции был исключением, такова уж его многотрудная служба, шеф полиции должен внушать к себе почтение еще и пышным титулом), и по другим причинам, гораздо более пикантным...

Ограничился Сварог тем, что, как и в случае с гвардионцами, позволил своему дипломату именоваться прежним титулом.

– Проходите, господин департаментский секретарь, – сказал он весело. – Что там у нас новенького на ниве международных отношений?

Беглый дипломат держался странно и был на себя не похож – глаза бегали, а руки явственно тряслись. «С похмелья он, что ли? – подумал Сварог. – Вроде бы особо не закладывал...»

Вошедший вдруг пал на колени самым натуральным образом и, глядя на Сварога снизу вверх, с испуганным, отчаянным лицом воззвал:

– Государь, позвольте покаяться!

– Ну, валяйте... – не без интереса сказал Сварог, тут же прикинув про себя: если это белая горячка, нужно, не затягивая, кликнуть лакеев, пусть вяжут...

– Государь, я – шпион... Это все ложь – насчет продажи секретных документов и бегства. Меня к вам послал седьмой коллегиум министерства иностранных дел, наша заграничная разведка...

– Тьфу ты, – поскущел Сварог. – Так это мне известно, любезный. Я, правда, не знал в точности, на какую из секретных служб имеете честь трудиться, но что вы мне врите насчет своих мнимых прегрешений, знал с самого начала, когда мы с вами впервые говорили... Умею я такие вещи, знаете ли... Что же мне теперь с вами делать? Обманом вы вкравлись в доверие моей королевской милости, змею я, выходит, на груди пригрел, натурального патентованного шпиёна...

Он нисколько не сердился – а на что, собственно? Человек подневольный, ему дали задание, он и пошел. В конце концов, не «Черная благодать» заслала, а обыкновенная сопредельная разведка, дело, как неоднократно подчеркивалось, житейское. И, между прочим, открывает простор для комбинаций.

Мара раздумчиво сказала:

– Вообще-то, на крайней справа виселице, кажется, крюк свободный есть. А если и нет, то сучьев достаточно. Я утречком у реки с дюжину обормотов развесила – так там еще места хватит на сотню таких вот...

По лицу коленопреклоненного шпиона ползли крупные капли пота, его трясло.

– До чего же вы все-таки милое и ласковое создание, графиня, – сказал Сварог. – Душою отдыхаешь, на вас гляючи... Ну почему сразу вешать? Приличный человек, разведчик, не карманник какой-нибудь... К тому же сам пришел с повинной... вот, кстати, любезный! Мне решительно непонятно, что это на вас нашло. Встаньте с коленок, садитесь к столу и рассказывайте. Вешать вас никто не будет, графиня Сантор просто шутит по присущей ей жизнерадостности... В крайнем случае перевербуем, всего и делов. Ну-ну, вставайте и садитесь. Я серьезно. Дипломат у меня один-единственный, не вешать же его по столь пустяковой причине, только потому, что он, извольте ли видеть, шпион...

Секретарь присел к столу, деликатно уютившись на краешке стула. Он немного оправился, но все еще, похоже, ждал подвоха.

– Да не тряситесь вы! – поморщился Сварог. – Я говорю серьезно. Никто вас не вздернет. Только, если уж пошел откровенный разговор, извольте объяснить, что вас, голубь мой, сподвигло покаяться.

– Мне приказало начальство, – признался незадачливый шпион, сидя навзрыжку. – Мой непосредственный начальник – граф Раган, заведующий седьмым коллегиумом. Вы с ним когда-то встречались в Равене...

– Как же, помню, – кивнул Сварог. – Неглупый человек и весьма целеустремленный... Продолжайте.

– Сегодня утром я получил письмо... Мне предписывается вам открыться... и сообщить, что граф Раган вас уверяет в искреннем к вам расположении. В случае, если вы когда-либо пожелаете установить с ним... какие-то неофициальные отношения, мне поручено служить посредником.

– Ага, – подумав, кивнул Сварог. – Это он таким образом вас подстраховывает, чтобы я сгоряча вас не вздернул... Ну что же, он о вас определенным образом заботится... Продолжайте.

– Это все, государь, шифровка была короткой... Я выполнил все предписанное...

– Интересно, – сказал Сварог. – Ох, как интересно... Это король ему приказал или граф действует по собственной инициативе?

– Не могу знать, ваше величество! – по-солдатски отчеканил дипломат. – Я – человек маленький, в такие тонкости не посвящен.

«Ох, как интересно, – повторил про себя Сварог. – И совершенно непонятно, как расценить столь дружеский жест. Откровенно протягивают руку на дружбу, а? Что же им все-таки нужно? Раган уже однажды открытым текстом высказал, что им нужно. Там, в Равене. Три Королевства им нужны. У них – избыток населения и недостаток пахотных земель, истощаются рудники, цены растут, да к тому же король у них, мягко говоря, государственным умом не блещет, по достоверным сведениям из надежных источников, ничем, кроме балеринок из Королевского театра, и не интересуется, и, что еще хуже, в фаворитах у него такие же ничтожества, не нашлось своего кардинала Ришелье... Что же они замышляют, а? Отрубите мне голову, но, похоже, наконец-то началась самая что ни на есть высокая политика... Дела...»

– Ну ладно... – сказал он, чтобы не затягивать паузу. – Итак, я вас простил, оставайтесь в прежней должности, будем ждать дальнейшего развития событий. Ваш начальник рассчитал все правильно: вас нельзя вешать хотя бы из чистого любопытства – кто знает, для чего со мной хочет установить... неофициальные отношения граф Раган, человек в королевстве не последний... Ну что же... У вас ко мне только это?

– Нет, государь, – возразил чуточку воспрянувший духом дипломат. – Есть несколько сообщений. По достоверным сведениям, сегодня в Чедире собрались все вольные ярлы Пограничья: князь Рут, князь Инес, ярлы Стенима и Галевина, Баррадина и Канира. По предварительным данным, речь пойдет об одном-единственном вопросе: как им относиться к возникновению вашего государства на месте Готара. В окружении сразу трех ярлов есть люди седьмого коллегіума, так что вскорости мы будем знать точно, о чем шла речь и что они там решали...

– Вот видишь? – повернулся Сварог к Маре. – Крайне полезный человек, хотя и шпион. А тебе сразу вешать...

– Я чисто теоретически рассуждала. В целях воздействия, чтобы меньше запырался...

– А он и не запырался, – сказал Сварог. – Тут все обстоит гораздо интереснее, кажется, начинается большая политика... Что еще?

– Лоранская королева отправила в Харлан одного из своих особо доверенных дворян. Харлану предлагается союз, направленный против вас, великому

герцогу обещают изрядный кусок Трех Королевств. Однако он отказался...

– Ничего удивительного, – жестко усмехнулся Сварог. – В отличие от лоранской королевы, герцог меня однажды видел в очень серьезном деле и прекрасно представляет, на что я способен, ежели меня, простую душу, всерьез рассердить... Еще?

– С утра ко мне явился гланский посол. Ночью приплыл корабль с его земляками. Очень похоже, некая делегация... которая хочет встретиться с вами неофициально. Посол не сказал ничего конкретного... но у меня осталось впечатление, что он настроен крайне серьезно. Обеспокоен и взволнован. Мне думается, вам следует их незамедлительно принять... Мой человек был на пристани. Хотя они и кутались в плащи, он по некоторым деталям легко определил, что в составе делегации самое малое трое глэрдов – это их высший титул, соответствующий князю или герцогу. Такие люди не предпримут столь дальнее странствие по пустякам... С ними монах из какого-то Братства.

– Что еще?

– Это все...

– Ну что же... – сказал Сварог. – Отправляйтесь к послу и скажите, что я готов их принять. Совершенно неофициально. Мне это только на руку, поскольку при нашем кадровом голоде у нас до сих пор не набралось достаточно опытного народа, чтобы устроить официальный королевский прием, черт знает как смотримся на фоне сопредельных держав... Разумеется, мои ближайшие соратники тоже будут присутствовать. Ну, живенько! Одна нога здесь, другая там!

Едва помилованный двурушник вылетел за дверь, Сварог повернулся к Маре:

– Быстренько приведи себя в подобающий вид. Мундир и все ордена.

Мара злопамятно сощурилась:

– А как насчет чуточку комического сочетания всей этой мишуры и полудетского личика?

– Тут другой случай, – терпеливо сказал Сварог. – У них в Глане порядки старинные, молодежь раненько взрослой становится. Я читал кое-что... Им ты чрезмерно юной не покажешься.

– Ага. Особенно если покажу кое-что с мечом...

– Я тебя умоляю! – поморщился Сварог. – Не вздумай что-то такое выкидывать. Я-то к тебе уже привык, а вот сторонние люди... Нам пора становиться уважаемыми – особенно теперь, когда вокруг нас заваривается самая натуральная большая политика...

– Я все понимаю, ваше величество, – сказала Мара смиренно. – Из всех сил постараюсь соответствовать...

Глава седьмая

ЛЮДИ В ЮБКАХ, НО НЕ ЖЕНЩИНЫ

Среди множества загадок, которые обожают загадывать друг другу таларские детишки, есть одна, рассчитанная на вовсе уж сопливых карапузов: «Люди в юбках, но не женщины – это кто?» Самые маленькие еще теряются, зато ребята постарше ответит браво, не задумываясь: «Тоже мне! Гланцы, конечно!»

Так уж исторически сложилось, что гланцы вместо штанов носят юбки, пусть и не вполне похожие на женские. Обычай этот идет с незапамятных времен, по слухам и туманным легендам, существовал еще до Шторма. Сварогу и прежде доводилось встречаться с гланскими гвардейцами, так что он ничуть не удивился, когда к нему в полукруглый зал чинно вошли вереницей семеро крайне живописных субъектов: в ослепительно белых рубашках, прошитых золотой нитью, жилетах из медвежьей шкуры мехом наружу, ярких беретов с пышными перьями, кожаных сапогах, с мечами и кинжалами на широких поясах – и при всем при том в коротких, выше колен, шерстяных юбках, красных, синих и черных, в разноцветную клетку. На шее у каждого красовалась массивная золотая цепь с овальным медальоном, украшенным изображением оскалившейся медвежьей головы, – действительно, глэрды, как на подбор – высшее дворянство. За ними показался широкоплечий мрачный монах в коричневой рясе. На поясе у него кроме длинного скрамасакса в железных ножнах висели символы Братства святого Роха, прекрасно Сварогу знакомые: серебряный клевер-трилистник, бронзовая фигурка коня и вырезанный из дерева сжатый кулак. Судя по тому, что именно он оказался в составе делегации вместе с семьей глэрдами, это был не простой боевой монах, а кто-то из немаленького начальства.

Сварог, как и полагалось, церемонно выслушал имена:

– Глэрд Даглас, глэрд Баглю, глэрд Маки... смиренный брат Фергас...

Появившийся последним гланский посол, хотя и был лицом донельзя официальным, хотя и носил на шее золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха (что свидетельствовало о его титуле глэва, аналогичном маркизу, барону или графу), вел себя тише воды, ниже травы, словно юный кадет в компании усыпанных боевыми орденами полковников. Он уселся на самое дальнее от Сварога и самое близкое к двери кресло с таким видом, словно был допущен сюда из милости и боялся при малейшей оплошности быть вышвырнутым за дверь.

Меж тем Сварог при прежних встречах успел убедиться, что человек это самлюбивый и гордый. Такое его поведение могло свидетельствовать об одном: члены делегации были настолько уважаемы и влиятельны в Глане, что гордецу-дипломату поневоле пришлось стушеваться и обернуться образцом скромности...

Живописные усачи средних лет и почтенные седовласые старцы степенно рассаживались, одергивая юбки совершенно другими, не женскими движениями. Сварог вспомнил, что цвет и клетки на юбках означают принадлежность к тому или иному клану. И всерьез задумался: а не есть ли это каким-то чудом отразившийся в параллельном мире, словно в зеркале, призрак Шотландии?

Очень уж похожи иные детали...

– Рад вас приветствовать, господа мои, – сказал он вежливо, без лишней чопорности, неуместной на таком вот неофициальном приеме. – Надеюсь, плавание было безопасным и приятным... Позвольте представить моих министров: графиня Сантор и барон Карах. Тайн от них у меня нет...

Он с любопытством следил за реакцией визитеров. И остался чуточку разочарован: они без малейших эмоций смотрели на рыжую девчонку в раззолоченном мундире и примостившегося на широком подлокотнике Сварогова кресла серенького домового, ради такого случая надевшего через плечо черную с белым ленту гланского ордена Пещерного Медведя (будем надеяться, гланских сановников такое зрелище не оскорбит...)

Правда, самый старший из них, тот, что звался глэрд Даглас, мимолетно улыбнулся:

– Ваше величество, когда мы посылали орденские знаки вашим министрам, мы и не предполагали, что один из них – не человек.

– Надеюсь, это не вызовет никаких... недоразумений?

– О, что вы, государь... Существа таковые нам давно и прекрасно известны, доказали свой ум и полезность... хотя я никогда не подумал бы, что одному из них удастся дослужиться до столь высоких постов и заслужить титулы... Надо полагать, по заслугам, – поторопился он добавить. И добавил, обращаясь к Караху:

– Ваши... соплеменники, барон, без сомнения, услышав об этом, будут горды...

Покосившись на Караха, Сварог заметил, что домовый прямо-таки заерзал от любопытства – он давненько уже пытался узнать, где же все-таки на Таларе обитают его ушедшие из Ямурлака собратья. Но новоявленный барон и министр был достаточно дисциплинирован, чтобы встать, прежде чем закончится протокольная часть...

– Быть может, вина, господа мои? – предложил Сварог по долгу хозяина.

– С вашего позволения, государь, мы пока что откажемся, – ответил за всех Даглас. – Нам хотелось бы перейти прямо к делу, если вы не имеете ничего против...

– Не имею, – кивнул Сварог.

«А они напряжены, – отметил он спокойно. – Сидят, как на иголках. Особенно парочка самых молодых, да и старики, как ни владеют собой, волнуются...»

– Перед вами, государь, – выборные, отряженные для высокой миссии на Совете кланов, – сказал Даглас. – Можно смело говорить, что нам даны все необходимые полномочия, и мы вправе делать самые ответственные заявления... Если желаете, мы можем предъявить составленный по всем правилам и удостоверенный личными печатями глав кланов документ...

Он сделал движение рукой, словно собирался открыть висевший на поясе кошель из черной козлиной шкуры.

Сварог предупредил его попытку, решительно протянув руку, – он вспомнил, что усомниться в честном слове дворянина повсеместно означает нанести тому смертельное оскорбление, а уж что касается патриархально помешанных на чести гланцев...

– Не трудитесь, глэрд. Мне достаточно вашего слова.

– Я польщен, государь, что вы так говорите, – величественно кивнул ста-

рик. – Я буду краток. Мы, выбранные главами кланов, явились сюда, чтобы предложить вам корону королевства Глан – со всеми правами и обязанностями, вытекающими из владения таковою...

Что немного странно и немного смешно, но Сварог не ощутил ни особого волнения, ни особого удивления. Сам поразился такой бесчувственности – как-никак момент был историческим, что ни говори.

И тем не менее... В душе ничто не колыхнулось. А немногие мысли, приходившие на ум, были, вот стыдобушка, напрочь лишены эмоций, лирики и романтики. Вполне деловито, холодно он калькулировал в уме: «Короли там никогда не были самодержцами, вечно приходилось править с оглядкой на старые традиции и „мнение кланов“, а уж мятежей и возмущений на каждый век писаной истории приходилось столько, что иному государству хватило бы на тысячелетие... С другой стороны – это как-никак *страна*. Несколько полков полного состава, множество вооруженного народа, сызмальства приученного владеть оружием. При нужде из них можно составить ополчение, не уступающее иным регулярным полкам соседей. Несколько военных кораблей морского плавания, крепости, университет, серебряные прииски... По сравнению с нынешней своей „державой“ – сущий клад...»

Неужели эти мысли означали, что он помаленьку становится *настоящим* монархом, выше всего ставящим пресловутые – а почему, собственно, пресловутые? – государственные интересы? С гланцами можно всерьез прищемить хвост этой наглой молодой красотке, лоранской королеве, можно отправить в Три Королевства тысяч двадцать народу...

– Я понимаю, государь, что наша страна – не самое ценное приобретение, – продолжал Даглас. – Земли скудны, враг силен, жители вольнолюбивы и строптивы... И тем не менее мы решили обратиться именно к вам. Король после несчастного случая на охоте не проживет долго, он еще цепляется за жизнь, но лекари не дают ни малейшей надежды. Мы больше всего боимся, что после его кончины начнется, как уже не раз случалось, война кланов. Нет достаточно авторитетного и сильного претендента, сумевшего бы устроить всех. А вот вы нам представляетесь именно такой кандидатурой... Вы, наверное, сами не отдаете себе в том отчета, но вы известны на континенте больше, чем вам думается. После вашего похода в Три Королевства, после завоевания вами Хелльстада вы стали чересчур заметной фигурой... И уж во всяком случае тем, против кого остерегутся бунтовать иные наши мятежные вельможи. Мы хорошо и долго изучали настроения людей, собирали мнения, прислушивались к разговорам... да что там, откровенно признаюсь, разослали множество тайных агентов, и после их подробных донесений я могу говорить со всей уверенностью – вы будете сидеть на троне *крепко*. Мы, со своей стороны, приложим все силы, чтобы стать вам надежной опорой.

– Простите, глэрд, а вы хорошо обдумали мою кандидатуру? – спросил Сварог. – Признаюсь сразу: характер у меня не из легких, я ни за что не соглашусь с ролью чисто декоративной фигуры. – Глядя в глаза седоусому старику, он продолжал внятно и жестко: – Может оказаться так, что я потребую беспрекословного повиновения и найду способы его добиться...

– Мы к этому готовы, государь.

– Ваше величество... – заговорил вдруг монах, и судя по тому, как раскрывший было рот Даглас так и не произнес ни слова, Сварог понял, что человек в

коричневой рясе здесь равный среди равных, если не более. – Со своей стороны, могу вам гарантировать полную и безоговорочную поддержку Братства. Каковое, как многим прекрасно известно (казалось, он обращает эти слова не к Сварогу, а к семерке глэрдов), распространяет свою деятельность на весь континент, и по зову братьев из одной страны на помощь всегда готовы прийти остальные. Я не хвастаю, государь, я говорю о реальном положении дел – Братство не знает границ... Вам доводилось уже встречаться с нашими братьями – и они о вас очень высокого мнения. Не считите за дерзость, но мы, как могли и как умели, постарались вас изучить. Вы уже показали себя как борец с известным Злом. И я вас прошу вновь вступить в борьбу. На нас движется Горрот. Многие из того, что было против нас пущено в ход, относится к *тому*, кого вы ненавидите не менее нашего. При взятии горротцами крепости Корромир...

– Возможно, вас это удивит, но я знаком с этой историей, – мягко прервал Сварог. – Мне пришлось даже наблюдать...

– Тем лучше, ваше величество. В таком случае вы даже лучше представляете себе угрозу, чем мне казалось поначалу... У нас нет доказательств, позволивших бы апеллировать к императорскому трону. Однако от этого ситуация не стала менее грозной. Против нас выступила Тьма. И вы кажетесь нам единственным, кто способен ее остановить. Если вы готовы взвалить на себя эту ношу...

– Согласен, – сказал Сварог.

И услышал единодушный вздох облегчения. «Мало мне было своих забот? – подумал он с усталой обреченностью. – А впрочем, как знать, вдруг да выгода и окажется взаимной...»

– Мы немедленно свяжемся с Советом, – сказал Даглас, изо всех сил стараясь не улыбаться во весь рот. – Кстати... Известно ли вам, государь, что ваши далекие предки обитали в Глане еще до Шторма? *Значительно* ранее Шторма?

– Я слышал краем уха, – кивнул Сварог.

– Сохранились даже остатки одного из ваших замков – конечно, за семь тысяч лет от него осталось совсем немного... Ваши предки тогда звались не Гэйры, а Гайры.

– А что случилось с королем? – спросил Сварог.

– Лошадь понесла и ударила его головой о сук.

– Печально, – сказал Сварог из чистой вежливости, чтобы только не молчать.

– Это еще не самое печальное, государь, – сказал монах. – Печальнее всего то, что за полтора года с королевской фамилией произошла череда столь же трагических и на первый взгляд вызванных совершенно естественными причинами смертей. Сначала вдовствующая королева-мать, женщина вполне крепкая, почувствовала головокружение на крутой лестнице, упала и сломала шею. Потом младший брат короля утонул всего в полулиге от берега – лодка отчего-то перевернулась при ясной погоде и полном отсутствии волнения на море. Юноша был отличным пловцом, но тут отчего-то оплошал, и волны выбросили на берег труп без признаков насильственной смерти, а двух моряков так и не нашли. Через месяц смирные лошади, запряженные в карету дяди короля, отчего-то понесли, бросились с обрыва, прежде чем кто-нибудь успел выпрыгнуть, и все, кто сидел в карете, погибли. В деревянном летнем дворце, где

остановилась супруга короля, внезапно полыхнул странный пожар, никто даже не успел выскочить, в том числе, понятно, и ее величество. (Сварог тут же наострил уши, но благоразумно промолчал.) Дочь короля, уже совершеннолетняя по нашим меркам девица, была зарублена среди бела дня в королевском замке внезапно спятившим стражником. Малолетний сын короля умер в результате опять-таки несчастного случая – в его комнате обвалились рыцарские доспехи аккурат в тот момент, когда мальчик стоял рядом и разглядывал их. Теперь несчастье с самим королем... За полтора года некая сила покончила со всеми законными претендентами на престол. Возможно, мы вам покажемся излишне подозрительными, но никто из нас не верит в роковую цепь случайностей... хотя прямых доказательств обратного у нас тоже нет. Мы просто знаем, кому выгодна эта череда смертей...

– Ну что же, – сказал Сварог. – Зачислите-ка и меня в ряды излишне подозрительных, право же, ничего не имею против... Быть может, настало время для вина, господа?

– Пожалуй, – кивнул Даглас.

Глава восьмая ХОЛМЫ ПОД НЕБОМ

Высокий каурый жеребец Мары поравнялся с ним, и боевая подруга шепотом поинтересовалась:

– Интересно, каково оно – в юбке ходить?

Не поворачивая головы, с истинно королевским величием Сварог ответил:

– Надо вам сказать, гланфортесса, что юбкой эту деталь одежды именуют люди несведущие. На деле же никакая это не юбка, а мужской тартан.

– Ну, а все-таки?

– В этом есть свои выгоды, – сказал Сварог как ни в чем не бывало. – Одеваться проще. Когда случается боевая тревога, в штаны порою и не запрыгнешь спросонья в три-то секунды... Очень, понимаешь ли, рационально.

– Ну да, я так и подумала, – кивнула она с непроницаемым лицом, встряхнула рыжей гривой, перетянутой дворянской повязкой с золотыми цветами чертополоха, присвистнула, подняла коня в галоп и помчалась по луговине, описывая широкую дугу.

Сварог же ехал чинно, как и полагалось королю, – выпрямившись в седле, крепко держа широкие черные поводья, вышитые тем же чертополохом и золотыми медвежьими головами. За его правым плечом знаменосец торжественно вез старинный королевский штандарт – окованный золотом огромный череп пещерного медведя на длинном шесте, позванивавший замысловатыми висюльками. Вокруг, охватив широким, надежным кольцом, скакали с каменными лицами молодые дворяне из Медвежьей Сотни – королевской лейб-гвардии, народ отчаянный, сплошь безземельные и безденежные младшие сыновья. С кем с кем, а уж с ними Мара моментально нашла общий язык, поскольку в Глане с его бедноватой патриархальностью амазонки были отнюдь не редкостью, даже в Медвежьей Сотне их насчитывалось десятка полтора. Вот Элкону пришлось потруднее – ездить верхом он почти не умел, как и владеть мечом, а тех, перед кем он мог бы похвастать виртуозностью в обра-

щении с компьютером, в стране попросту не имелось (впрочем, как и в прочих державах континента). Отношение к книжникам в Глане было, конечно, уважительным, но и с долей легкого пренебрежения – по старинке тут жили, по прадедовским традициям, согласно коим выживание зависело в первую очередь от оружия, а уж в последней степени – от покрытых типографскими значками или чернильными строками листов бумаги. Признаться, в этом была своя сермяжная правда: маловато в этой бедной стране возможностей для серьезного книжника, не развернешься...

Впрочем, судя по виду, парнишка не комплексовал. Сварог уже дознался тишком о причинах столь горделивого вида – та самая беспутная горняшка, подученная Марой, сумела-таки быстренько внушить юному вундеркинду, что он и в других отношениях весьма неплох. Так что на лице Сварогова «министра науки» откровенно играла удовлетворенная мужская гордость. Ну и ладненько, Мара права, от сотрудинок с комплексами толку не добьешься...

Сам Сварог втихомолку отдыхал душой. В отличие от Готара, где буквально все пришлось строить на голом месте, здесь от него и не требовали впрягаться в работу подобно могучему ломовому жеребцу ялмарской породы. За неделю, предшествовавшую сегодняшней коронации, так и не нашлось, собственно, серьезных дел, достойных приложения королевской десницы. Разумеется, он изучил и подмахнул множество бумаг, но это была рутинная, связанная со сменой монарха, и не более того. Длилась она всего-то день-два, а потом наступило затишье.

Страна жила и работала, как нехитрый, но надежный механизм. Как успел понять Сварог, авторитетный король здесь исполнял главным образом роль пожарной команды, в чьих услугах решительно не нуждаются, пока нигде не запыляется и стоит тишь, гладь да божья благодать. И это его на данном этапе полностью устраивало – он не ощущал в себе *бесцельного* реформаторского зуда, желания крушить и перестраивать ради самого процесса. Свою идею о переселении части гланцев в Три Королевства он, понятно, не оставил, но план этого нешуточного мероприятия взялся уже разрабатывать по его приказу глэрд Таварош, толковый, по отзывам, министр, при здешней управленческой незамысловатости свободно управлявшийся и с финансами, и с мореплаванием, и с земледелием, да много с чем еще. А самому Сварогу, судя по деликатным, но достаточно твердым намекам, предстояло вскоре сосредоточиться на более приличествующем гланскому королю занятии: как следует намять холку горротцам, захватившим кроме крепости Корромир еще и все Заречье.

К этой идее он отнесся с превеликой охотой и по вдумчивом размышлении собирался применить против Стахора Горротского его же оружие: средства войны, мягко скажем, нетривиальные, зато напрямую не нарушавшие правил. Коли уж Стахору было угодно развлекаться с живыми зажигательными бомбами в облике обычных дворняг, пусть не плачет, если сам столкнется с неприятными сюрпризами... Проще говоря, Сварог намеревался приволочь из Хелльстада парочку глорхов, исполинских змеек с некоторыми зачатками интеллекта, и, не мудрствуя лукаво, запустить их в Заречье с приказом особо не церемониться с попавшимися на пути горротцами.

Даже если Стахор после такой диверсии начнет жаловаться и забрасывать императрицу челобитными (хотя, по слухам, горротский король до таких пошлостей опускаться не любит), все обойдется. К нечистой силе глорхи не от-

носятся, это не более чем исполинские змеюки, пусть и обладающие кое-какими *странноватыми* способностями. Элкон, по просьбе Сварога как следует покопавшийся в земных законах, вскоре прибежал с торжествующим видом и заявил: согласно таким-то и таким-то параграфам известных уложений, глорхов вполне можно провести по бумагам как «боевых животных, выдрессированных соответствующим образом и относящихся к исстари обитающим на Таларе либо Сильване видам». Свароговы змеюки этим требованиям отвечали как нельзя лучше: во-первых, несомненные животные, не люди и не демоны, а во-вторых, обитают уж настолько исстари... Так что Стахора ждали неприятные сюрпризы. Планами своими Сварог пока поделился лишь с привезенной им сюда троицей верных сподвижников, но гланцам эта затея, надо полагать, придется по вкусу... И поделом Стахору, сам виноват, нечего баловаться с сомнительными изобретениями непонятного пока происхождения...

Ехавший впереди глэрд Даглас свернул с тракта на узкую тропу. Кавалькада повернула следом, и они еще с полчаса ехали среди невысоких, поросших лесом холмов, пока не оказались перед продолговатым бугром, увенчивавшимся грудой обомшелых камней. Кое-где они были разворочены, очищены от мха, в двух местах выкопаны неглубокие ямы.

Медвежья Сотня рассыпалась, надежно оцепив окрестности. Сам Сварог к неустанному его бережению, порой переходившему все границы бдительности, относился чуть насмешливо, но вот его сановники настаивали именно на таких неусыпных предосторожностях, открытым текстом напоминая о трагедии королевской фамилии, за полтора года странным образом пресекшейся начисто.

Сварог подчинился – и не стал им говорить, что сам он пока что не ощущал, как ни старался порой, присутствия какой бы то ни было черной магии в опасной близости. Он хорошо знал, что ему на это ответили бы Даглас, Таварош или ведавший здешними спецслужбами Баглю: что во всех прошлых *невзгодах*, постигших всю без исключения венценосную семью, знающие люди тоже не усмотрели ни малейших проявлений черной магии.

Неплохо было бы вытащить сюда старуху Грельфи, но она сейчас разбирается со взятыми живьем шпионами «Черной благодати», и что-то там у нее затнулось...

Даглас вытянул руку в черной замшевой перчатке:

– Извольте полюбопытствовать, мой король. Это и есть замок Гайров, стоявший здесь более семи тысяч лет назад. Вон там, у остатков главной башни, мои люди раскопали плиту с высеченным гербом...

Бросив поводья подскочившему телохранителю, Сварог спрыгнул на землю, одернул черный в желто-красную клетку тартан и вразвалочку зашагал к грудке камней. Оказалось, что под юбку здесь надевали добротные суконные портки длиной чуть ли не до колен, так что с верховой ездой никаких хлопот не возникало. А привыкнуть к тартану оказалось нетрудно: что поделать, король обязан чтить традиции...

Он стоял, опираясь на древко Доран-ан-Тега, задумчиво глядя на бесформенную кучу почти сросшихся с землей камней и добросовестно пытался пробудить в душе хоть какие-то чувства. Ничего не получалось. На расчищенной щербатой плите и в самом деле легко узнавался герб Гэйров – скачущий конь и меч, высеченные глубоко, неуклюже. Он понимал, что все так и есть, что

здесь когда-то обитали его отдаленнейшие предки, – не специально же для него соорудили древние развалины, здешние глэрды отнюдь не ангелы, но все же не стали бы опускаться до такого...

И все равно ничто не ворохнулось в душе. Слишком много времени прошло. Семь тысяч лет – срок, не вполне и вмещающийся в сознание. Сохранись какие-нибудь портреты, изображения, документы, было бы проще проникнуться, а так... Продолговатая груда заросших черно-зеленым мхом камней, уже ничем почти и не напоминавших рыцарский замок, справа проглядывает нечто похожее на примитивную лестницу, в ямах виднеются бурые черепки, впору повторить вслед за святым Рохом, на склоне лет написавшим «Размышления о движении и покое»: «Все, чего ни коснись, хоть ненадолго, да пребывает в покое однажды, и только Время движется неустанно, увлекая за собой даже то, что считается олицетворением покоя...»

Не было ни Времени, ни Вечности – только груда замшелых камней, переживших и долгие тысячелетия покоя, и Шторм, их полную противоположность.

Неизвестно отчего хмурясь, он вернулся к поджидавшим его в отдалении спутникам, взял поводья у телохранителя и рывком взмыл в седло. Медвежья Сотня торопливо сомкнула кольцо, а перед глазами у Сварога на миг вновь встала непонятная и тягостная картина, навевавшая и прежде: странный зал в черно-красных тонах, высокие окна и плоские золотые чаши на столе, и полное одиночество, и смертельная тоска...

Отгоняя это неведомо почему привязавшееся видение, он потрянул головой и подхлестнул горячего коня. Свита галопом понеслась вслед, гремя оружием и звеня трензелями.

...Еще часа через полтора они подъехали к гребню холма, перевалили через него и стали спускаться в долину, напоминавшую огромный амфитеатр, разве что без скамеек. Она была весьма обширной, не менее трех лиг в диаметре, почти посередине зеленели три округлых высоких холма. И повсюду по склонам, куда ни глянь, стояли люди, пешие и конные, в молчании и строгом порядке, в праздничных одеждах. Их было, пожалуй что, несколько тысяч. Со всей страны собрались – главы кланов и простые дворяне, землепашцы, мастеровые и моряки, книжники и инженеры. Отдельной пестрой кучкой стояли иностранные послы – Сварог их сразу высмотрел, во-первых, по церемониальным вымпелам соответствующих держав, во-вторых, по штанам. Прах побери эти вековые традиции... Но ничего не поделаешь. Коронация есть коронация.

Подъехавший стремя в стремя Даглас сочувственно шепнул:

– Старинные обычаи, мой король, увы...

И, спешившись, сам принял у него поводья. Обреченно вздохнув, Сварог положил топор на траву и, перехватив насмешливый взгляд Мары, преспокойно отвернулся. И направился в гордом одиночестве на вершину самого высокого холма – по неширокой тропинке, окружавшей его спиралью.

На вершине дул легонький ветерок, всадники и пешие казались крохотными, как шахматные фигурки. Навстречу Сварогу, оживившись, двинулись три древних старухи – в простых черных платьях с вышитыми на груди медвежьими головами, седые космы перехвачены широкими повязками из серебряной нити. Морщинистые лица вроде бы светились искренним доброжелатель-

ством, но дряхлость их навевала неприкрытую тоску, напоминая о неумолимо текущем времени, не знающем остановок и покоя. Смертельно не хотелось когда-нибудь и самому стать таким же, подпираться корявой клюкой и шамкать беззубо. Как бы исхитриться и помереть в относительном расцвете лет, в каком-нибудь жарком бою, в бездумной сече?

– С прибытием, мой светлый король, – проговорила передняя старуха и поклонилась ему не так уж низко. Должно быть, дело тут было не в отсутствии должной почтительности, а в чисто физических возможностях. Пожалуй что, поклонится земно – так и не разогнется потом, церемонию испортит...

– Приветствую вас, хранительницы земли, – гладко отвечивал Сварог, как учили.

Поначалу, узнав о процедуре здешней коронации, он насторожился – не влипнуть бы ненароком в какой-нибудь языческий ритуал, от которого потом не отмоешься, но мрачный брат Фергас его опасения развеял в два счета, пояснив, что речь идет всего-навсего о возникшем в полузабытые времена безобидном обычае, не имевшем ничего общего с поклонением поганым идолам. Новоиспеченный король припадает к Матушке-Земле, всего-то и дел, ни кровавых жертв, ни молений черт знает каким силам...

Старуха, казавшаяся высохшей и бесплотной, как большая бабочка из гербария, приступила к делу незамедлительно:

– Раздевайся, твое величество. Люди ждут.

– Совсем? – поежился Сварог.

– А ты как думал? Ты не топчись, не топчись, нас ничем таким уже не удивишь ни в каких смыслах, повидали на своем веку и не такие диковины... Да какие это диковины, если прикинуть...

Вздыхнув, Сварог принялся снимать с шеи в первую очередь тяжелые орденские цепи. Среди высших регалий сопредельных держав уже не было гланского ордена Чертополоха, который пришлось снять сразу, едва он согласился занять здешний престол. Так уж было на Таларе заведено – ни один земной король (да и императрица тоже) никогда не носит орденов собственного государства, поскольку он и так распоряжается всеми наградами, как полновластный хозяин, достаивает и лишает. По размышлению Сварог признал в этом не только определенную логику, но и сермяжную правду...

– Ты одежонку-то на землю клади, клади, – не отставала старуха. – Вешалок тут нету. Трава чистая, не украдет никто, кому тут красть, сам подумай...

Косясь на далеких зрителей, Сварог стягивал последнее. Ну, в конце концов, подзорных труб ни у кого из зрителей нет, тут вам не театр с балеринами, так что придется перетерпеть, в конце концов, это не стриптиз, а ответственной церемонией, где никому не придет в голову скалить зубы, за исключением Мары, но ее отсюда и не рассмотреть вовсе...

Оставшись голым, как Адам до грехопадения – лишь с нательным крестиком на шее, единственным предметом, оставшимся от его прошлой жизни, Сварог зябко поежился. Ветерок был не столь уж и пронзительным, но голому человеку и под таким неуютно.

– А это у тебя что? – узрела старуха, тыча сухим пальцем в крестик.

– А этого ты, бабушка, не трожь, – сказал Сварог решительно. – Не твоего ума дело.

– Ох уж, так и не моего... Один ты умный и хочешь правильно жить... Лад-

но, ложись уж, твое величество... – проговорила старуха и подтолкнула его в спину легоньким кулачком.

Его уже проинструктировали заранее, как именно следует ложиться, – и Сварог опустил в траву лицом вниз, раскинув руки, приник лицом к земле. Мягкая трава щеки не щекотала, пахла дикой свежестью. Где-то рядом, чуть ли не над самым ухом, послышался отчаянный скрежет кремня по кресалу, потом потянуло дымком. Ну вот, теперь отлежаться, пока не догорит запаленная главной старухой лучина (в старину, когда часов еще не было, именно так время и отмеряли), и можно спускаться с холма, чтобы получить, наконец, корону и стать стопроцентным королем...

В следующий миг с ним произошло что-то непонятное, неотвратимо *могучее*...

Словно мощный порыв ветра пронизал насквозь ставшее бесплотным, как туман, тело, ворвался в мозг, промчался меж ребрами и вырвался из спины навстречу небу, но этот ураган был не холодным, а приятно теплым, всепроникающим, растворившим на миг в чем-то, чему названия не было изначально...

Сварог то ли растворился в чем-то необозримом, то ли оказался переполнен целой Вселенной, стянувшейся в то место, что занимал в пространстве он сам. Перед глазами, в голове с нереальной быстротой мелькали картины и образы. Несмотря на молниеносность их мельтешения, несмотря на то, что они ни разу не повторились, он каким-то чудом ухитрялся их различать, видеть четко – и поросший высокой травой берег тихой реки, и сухую, потрескавшуюся землю, забывшую о дожде, и скачущих по полю коней, и яростно рычавшего у скалы пещерного медведя... Мириады пейзажей щедрой и бесплодной земли, мириады животных и птиц – проходили *сквозь* его сознание, он был везде и нигде, по всей планете сразу, летел под облаками и полз среди высоких кустов... А потом через сознание рванулись потоком вовсе уж непонятные образы: то клокочущий огонь, то тьма в прожилках непонятного свечения, над головой повисла невероятная тяжесть камня – а в следующий миг он стал бездонной водой, видения и образы стали мешать друг другу, сливаясь в неостановимое падение неведомо куда, к необозримым, но отчего-то вовсе не пугавшим глубинам...

Когда он пришел в себя и слабо заворочался, почувствовал все тот же *дикий* аромат мятой травы, льющуюся на лицо воду. Жалобно охнул, пытаюсь понять, на каком он свете и *есть* ли он вообще. Руки-ноги шевелились по его хотению, всем телом ощущалась твердость земли, а уж когда над головой раздалась затейливая матерная тирада, абсолютно несовместимая с высокой торжественностью момента, он и вовсе почувствовал себя прежним, обитателем нашей грешной земли.

Разлепив глаза и присмотревшись, он убедился, что ругается главная старуха, стоявшая над ним на коленях, – вычурно, громко и самозабвенно, на зависть пьяным драгунам и пиратским боцманам. Вторая осторожненько лила ему на лицо холодную воду из выдолбленной сухой тыковки, а третья просто стояла, разинув рот так, что любой внимательный наблюдатель мог бы убедиться, что у нее осталось всего четыре зуба, да к тому же половина из них – одно название. Лица у всех были настолько ошарашенными, что Сварог, несмотря на страшную слабость во всем теле и полную пустоту в голове, все

же сообразил: что-то пошло наперекосяк, в совершенно неожиданном для них направлении...

Выпустив последнюю матерную руладу, старуха чуть отодвинулась от него, глядя, пожалуй что, со страхом:

– Светлый король, простите дуру старую, что с вами говорила неподобающе, как с простым каким венценосцем... Вы что стоите, безмозглые? Одежду его величеству, живенько, что он, своими руками должен все с земли поднимать? Я кому!!!

Две ее товарки со всей скоростью, на которую были способны, кинулись за одеждой. Сварог пошевелился, поняв, что чувствует себя вовсе не так скверно, как только что казалось, осторожно встал на колени, а там, приободрившись, и выпрямился во весь рост. Из долины доносился рев волюнок – здешняя церемониальная музыка особо торжественных случаев, для человека непривычного сравнимая с добрым ударом по морде. Главная старуха с необычным проворством кувыркнулась ему в ноги. Сварог растерянно наклонился над ней:

– К чему такие церемонии?

– И не уговаривайте, светлый король, не встану... – отозвалась старуха в почтительном испуге.

Первая заповедь истинного короля – ничему не удивляться и всегда настоять на своем... Сварог, подпустив металла в голос, отчеканил:

– Приказываю встать! Что за глупости...

Старуха поднялась, помогая себе корявой палкой. Две других уже стояли рядышком, держа на вытянутых руках одежду и регалии. Руки у них явственно тряслись.

– В чем дело? – спросил Сварог. – Вроде шло, как обычно...

– Вот то-то, светлый король, что совсем даже необычно... – промолвила старуха, все еще испуганно моргая. – Тут на моей памяти побывало восемь королев, но не припомню я ничего похожего, да и прошлые хранительницы никогда ни о чем подобном не заикались. С тех самых пор, как стоит королевство, случая не было, чтобы король с Матушкой-Землей *обнялся* по-настоящему... Обычай и обычай... Полежал себе, пока лучина горит, и пошел корону на башку напяливать... А с вами вон как обернулось... По-настоящему. Мать-Земля к вам так *приникла*, что даже я почуяла, мышь ничтожная, пыль под ветром... Такое, болтают, случалось только в старые времена, до Шторма, когда и люди были другими, и не отвернулась от них Мать-Земля... Ох, и непростой вы человек, ваше светлое величество...

Она вновь попыталась бухнуться на колени, Сварог едва ее удержал, – и принялся торопливо одеваться, чувствуя себя почему-то неловко, словно тем, что оказался *не таким*, испортил привычную церемонию. Пожал плечами:

– И что теперь? Что все это должно означать?

– Не знаю, светлый король, – покаянно откликнулась старуха. – Уж простите дуру темную, но не знаю я, да и никто, наверное, не знает, забыли начисто... Кто ж знал, что однажды все выйдет по-настоящему, что Мать-Земля всерьез *отзовется*... Ох, большие дела вам на роду написаны, коли Матушка изволила отличить от прочих и выказать благоволение... Извольте с холма спуститься, корону принять...

Поправив тяжелые золотые цепи, Сварог стал спускаться прежней дорогой,

опять-таки не чувствуя ничего, кроме смущения, неловкости и даже, пожалуй, откровенной тоски, – вновь столкнулся с чем-то непонятным, однако имевшим к нему самое прямое отношение. Мало было сложностей, тайн и сюрпризов...

Поджидавший его Даглас, стоявший впереди шеренги молчаливых глэрдов, шагнул навстречу, обеими руками протягивая корону с зубцами в виде цветков чертополоха и трилистников клевера. Подхватив ее, Сварог возложил золотой обруч себе на голову так, чтобы огромный желтый алмаз Индари, как и положено, оказался над переносицей (это было не труднее, чем надевать фуражку, помогли армейские рефлексy). Старуха тем временем самозабвенно шептала что-то Дагласу на ухо. И седоусый глэрд вдруг осунулся лицом, отступил на шаг, растерянно пробормотав:

– Мой король... Да что же это... *Всерьез?*

На его лице читался благоговейный страх и нешуточное почтение. И Сварог, вновь мысливший насквозь циничными категориями уже приобретенного кое-какой опыт государственного мужа, подумал: а ведь управляться с ними теперь будет гораздо легче, вон как подобрались, чуть ли не по стойке «смирно». Что бы это ни было там, наверху, но авторитета ему оно прибавило вмиг и несказанно.

Приветственные крики из тысяч глоток раздались со всех сторон, так что Сварогу захотелось зажать уши. Однако он все же расслышал, как Даглас негромко распорядился, поманив юного телохранителя:

– Так и объявите народу: что *это* случилось всерьез...

Оказавшаяся рядом Мара спросила со всей юной непосредственностью:

– Что там такое стряслось, что они все забегали?

Сварог тихонько ответил:

– Сам не пойму, но подозреваю, что-то эпохальное.

– Вечно ты во что-нибудь да ввяжешься, – хмыкнула боевая подруга. – Стыдно с тобой на люди выйти...

Сварог с несказанным удовольствием отвесил ей легонький подзатыльник и, не поворачивая головы, спросил:

– Ты-то что-нибудь понял?

– Подумать надо, – отозвался сидевший на старом месте, в капюшоне плаща, Карах. – Тут сразу и не разберешься...

Глава девятая

КОРОЛЬ, ЦЕНИТЕЛЬ ИСКУССТВ

— С незапамятных времен считается, что планета живая, – говорил Карах, удобно устроившись на столе напротив Сварога. – Только не так, как люди, мы и животные, иначе как-то. Говорят еще, что она умеет думать и рассуждать, – опять-таки не так, как те, кто на ней живет. А некоторые набирались смелости утверждать, что остальные планеты тоже живые.

– Ну, я тоже что-то такое слышал мельком, – сказал Сварог. – И что отсюда следует?

– Откуда я знаю? – сказал Карах. – Давным-давно, ходят такие слухи, с планетой умели *разговаривать* – и такие, как вы, и такие, как я. Только это было так давно, что никто и не помнит, как все было и что для этого нужно. Может, она от тебя хотела что-то? Вроде бы картины вроде тех, что ты описываешь, должны какое-то чувство выражать – смотря о чем идет речь, радость там или печаль...

– Нет, – сказал Сварог. – Добросовестно пытался все припомнить, но точно тебе говорю: не было там никаких эмоций вроде радости или печали. Я просто видел и ощущал кучу странных вещей. И все... Старухи сами в растерянности, они ничем не могут помочь – всего-навсего обслуживали некий обычай, состояли при нем, как привратники при доме. Где бы нам найти понимающего человека? *Это* с таким размахом прошло, так меня затянуло, что, режьте мне голову, *мелочью* оказаться никак не может. Вас бы туда, чтобы прочувствовали...

– Пусть Элкон пошарит по базам, – предложила Мара. – Для чего мы его на службе держим?

Вихрастый раскланялся с ней самым вежливым образом:

– Госпожа гланфортесса, при всем вашем уме и очаровании вы, простите на худом слове, малосведущи в компьютерах и информатике. Мало уметь ими пользоваться, надо знать еще некоторые тонкости. Искать можно все, что угодно... но объясните вы мне, *что* именно искать? Я просто-напросто не знаю, какую *формулировку* применить. «Земля – как живое существо», казалось бы... Я попробовал. И ничего не нашел. Под этим определением в глобальной сети ничего нет. Я допускаю, что грандиозный массив информации может упасть нам в руки после первого же нажатия клавиши... но не раньше, чем мы отыщем его точное определение. Понимаете?

– А ведь урезал он тебя, – сказал Сварог удовлетворенно. – Не правда ли, госпожа графиня, любительница скоропалительных решений?

Крыть ей было нечем, но Мара по своей всегдашней привычке не собиралась сдаваться просто так. Пробормотала:

– Вот что делают с юными книжными червями объятия смазливых служанок... А ведь неделю назад на коленки на мои боялся посмотреть... Сделала я тебя взрослым на свою голову...

– Привыкайте, Элкон, – сказал Сварог, заметив, что парень все же чуточку запунцовел по старой памяти. – Привыкайте к этой непринужденной, творческой и веселой атмосфере, что царит на наших дружеских посиделках... Таков уж стиль нашей команды.

– Я понимаю, – ответил Элкон, судя по тону, приготовивший хорошую острую шпильку. – Некоторая агрессивность госпожи гланфортессы вызвана, мне думается, тем, что здесь она оказалась, откровенно говоря, не у дел. Подходящего занятия для нее что-то не находится, разве что на коне живописно скакать, красуясь перед градскими обывателями...

– А на мечях со мной не хочешь попробовать? – поинтересовалась Мара. – На деревянных, не бойся... Три схватки по семь минут, а? Синяков наставлю... А то возьмусь тебя очаровывать, чтобы терзался потом бесплодными мечтаниями... Думаешь, не умею? Я хотя и верная любовница, но, как любая женщина, чаровать посторонних мужиков умею...

– Люблю я вас, – сказал Сварог растроганно. – Какой вы у меня дружный, спаянный, спевшийся отряд... Как вы все обожаете друг перед другом выпендриваться... С вами и жить веселее, право слово. Только что же вы, такие остроумные и язвительные, не можете помочь своему командиру и королю, когда у него возникла настоящая надобность разобраться с очередной тайной? Что приуныли? Чует мое сердце, придется мне в очередной раз самому справляться. А у меня вон прошения нерассмотренными лежат, целых три штуки...

Он придвинул к себе три свитка – два из них перевязаны простыми веревочками, завязанными узлом, третий обернут трехцветной тесьмой цветов какого-то клана, скрепленной сургучной печатью.

Ну вот, на двенадцатый день его пребывания здесь наконец-то заработало устройство прямой связи с народом – в стену королевского замка была вделана бронзовая медвежья башка с разинутой пастью, куда невозбранно дозволялось опускать челобитные, жалобы и прошения. Башка была соединена наклонной трубой с ящиком, ключ от которого имелся только у его величества, – приспособление простейшее, но дававшее определенный шанс, что народные чаяния и просьбы минуют канцелярские лабиринты...

– Итак... – сказал Сварог, распарывая кинжалом веревочки и шелковую тесьму. – Что же нам пишут... Некий глэв по имени Анегас вот уже одиннадцать лет обивает пороги Военной канцелярии с чертежами изобретенного им «секретного пороха», который срабатывает только в гланских мушкетах, а ежели попадет в руки к врагу, то ни за что не вспыхнет... Ох, чует мое сердце, что если за одиннадцать лет изобретением благородного глэва так и не заинтересовались военные, то не стоит оно выеденного яйца. Вообще, «чертежи пороха» – это звучит, наталкивает на мысль, что к изобретателю лекарей надо отправить... А вообще, нужно посмотреть. Для очистки совести. Так... Купец Дандоро нашел серебряную руду в Амелоевском урочище, о чем спешит сообщить... Понятия не имею, где у нас такое урочище, но это вам не «чертежи пороха» – дело полезное... И, наконец, прошение от некоего юного художника, который... ах, еще и оскорбление действием...

У входа мелодично прозвенел гонг – кто-то с той стороны двери, хоть и обладал правом свободного доступа, все же не вломился, как деревенщина, а деликатно давал знать о себе. Не глядя, Сварог на ощупь отыскал под столешницей бронзовую завитушку и нажал, отчего за дверью звякнул колокольчик, давая позволение.

Вошел глэрд Таварош, седой и подвижный, с неизменным кожаным мешком для бумаг под мышкой. Лицо у него было какое-то странное – выражение его точному определению не поддавалось.

– Плохие новости? – спросил Сварог, на всякий случай сначала предположив худшее по свойственному ему оптимизму.

– Как сказать, мой король... – Таварош пребывал в некоторой растерянности. – Только что пришли донесения с границы... Горротцы уходят из Корромира.

– Что? – поразился Сварог. – *Сами?*

– Да, мой король. Мало того, они очищают Заречье. Разведчики клянутся, что видели своими глазами, как они сворачивают лагерь, уходят колоннами, увозят пушки и обозы... В Корромире их, собственно, уже нет, горротский флаг спущен, крепость выглядит совершенно пустой, они даже не стали ничего разрушать напоследок или жечь... Глэрд Даглас приказал нашей коннице переправляться в Заречье и двигаться следом до границы, не ввязываясь в стычки...

– И правильно, – сказал Сварог. – Ничего не пойму. Ну да, я написал Стахору письмо. Мягко укорял его за вторжение в мое королевство, вроде бы ничем не спровоцированное. И в достаточно дипломатических выражениях намекал, что могу принять ответные меры, которые его неприятно удивят... Не мог же он испугаться парочки туманных намеков? Не тот человек...

– Да уж, с вашего позволения... – кивнул Таварош. – Стахору всегда была свойственна чрезмерная уверенность в себе...

– Не поверю, что он испугался, – покачал головой Сварог. – Лоранцы в схожей ситуации нагло высаживали десанты на мои земли... где и до сих пор пребывают. У меня попросту не было сил, чтобы дать им сдачи надлежащим образом. И Стахор не мог не знать о том, что творится на побережье Трех Королевств... Почему же он *сейчас* покорно отступил после одного-единственного, обычного письма? Задумал что-то, а?

– Наверняка. Но что именно, я не могу догадаться...

– Вы не одиноки, глэрд, – сердито сказал Сварог. – Что ж, остается ждать дальнейшего развития событий, потому что мы все равно не додумаемся, в чем тут фокус... – Он задумчиво посмотрел на тартан Тавароша, синий в белую и черную клетку, и тут его осенило. Цвета те же самые, что на стягивавшей прошение тесьме. – Послушайте, глэрд... Не знаком ли вам некий молодой художник по имени Аркас, и не из вашего ли он клана? У меня тут лежит его прошение, в котором он жалуется на косность королевских сановников и их невежественное равнодушие...

– Медведь-прародитель! – воскликнул Таварош и всплеснул руками, едва не выронив мешок. – Он и до вас добрался... Ну конечно, как я не подумал сначала... А впрочем, что можно поделаться с «медвежьей пастью»...

– В чем там дело? – спросил Сварог. – Очень эмоциональное письмо, знаете ли. Молодой человек жалуется, что нигде не может найти поддержки и управы на злых критиканов...

– Государь мой! – твердо сказал Таварош, справившись с минутным смятением. – Этот тип и в самом деле принадлежит к моему клану, о чем я горько сожалею... Смею вас заверить, я – человек достаточно широких взглядов и прекрасно понимаю, что искусство имеет право на существование, а то и на субсидии государства... Однако денег из казны я ему не дам! Казните меня, не дам!

– Ну что вы, успокойтесь, – сказал Сварог. – Может, ему не так уж много и

нужно? Как-никак собирается основать Академию высокого художества, как он пишет. Насколько я знаю, никакой Академии художества в Глане нет, быть может, стоит...

– Государь! – отчеканил Таварош. – Если вы прикажете, я выдам из казны любые деньги на любые проекты... Только не посмотреть ли сначала вам самому на эти его художества? С тех пор, как он вернулся из Равены, я об этой Академии слышу по пять раз на дню – он племянник моей супруги, двери дома так просто не закроешь... Может быть, я слишком старомоден, но от этих художеств у меня порою ум за разум заходит!

– Почему?

– Потому что я этих художеств не понимаю, – признался Таварош. – Если в мире действительно что-то перевернулось и то, что он малюет, и в самом деле признается художеством, то нам, старикам, пора в гроб... Я вовсе не противник живописи, государь, у меня дома висят и семейные портреты, и пейзаж с ивами, и пейзаж с кораблем, и батальные полотна... Но Аркаса я бы за его мазню в каменоломни отправил! Дороги мостить! Чтобы не позорил уважаемое семейство! Я вполне серьезно, мой король!

– Ну что же, – сказал Сварог. – Вообще-то, королям согласно правилам хорошего тона положено быть ценителями и покровителями искусств... Распорядитесь-ка доставить во дворец и вашего родственника, и картины. У меня все равно нет никаких серьезных дел, давайте-ка ненадолго посвятим себя искусству...

...Он вошел в высокий сводчатый зал в сопровождении Тавароша, Мары и сидевшего у нее на плече Караха (Элкон с контрабандно протащенным сюда компьютером заперся в своих покоях, дабы подключиться к системе восьмого департамента и своими глазами увидеть, что происходит в Заречье). Вдоль стены уже было расставлено десятка два полотен, и возле них в претенциозной позе – этакая смесь скромности и творческой гордости – стоял пухлощечкий молодой человек примечательного облика. На нем, правда, был тартан геральдической расцветки – но его комически дополняли блуза из грубого полотна, в какой, Сварог помнил, ходили ронерские маляры, высокий колпак из белого шелка, расписанный яркими полосами и зигзагами. Вместо золотой дворянской цепи на шее красовалась серебряная, и на ней висел медальон с изображением мифологической птицы Сириин – символ Сословия свободных искусств и творческого вдохновения. Такие Сварог уже видел, но они всегда были довольно скромных размеров, а не с тарелку величиной.

– Вот в таком виде он по столице и шляется, – шепотом наябедничал Таварош. – Не пойми что. Супруга глаза выплакала, знакомые злословят... Каменоломни и не таких перевоспитывали...

– Ну, бросьте, – так же шепотом ответил Сварог. – Творческие люди – народ особый, стоящий выше глупых условностей, а потому...

Он замолчал. Он увидел картины – и содрогнулся. За спиной громко фыркнула Мара. Подойдя поближе и присмотревшись гораздо внимательнее, Сварог громко произнес в пространство:

– Это что, какая-то шутка?

– Государь! – укоризненным, вальяжным тоном отозвался мастер кисти. – Я бы не осмелился шутить с высоким искусством...

Сварог оторопело пялился на холсты. Разноцветные кляксы, широкие поло-

сы, загогулины и зигзаги, лихие мазки шириной в ладонь, дикое сочетание колеров...

– Позвольте, юноша! – поднял он бровь. – Не могу назвать себя тонким знатоком живописи, но должен же быть сюжет и смысл... Что касаясь этого, – он указал на одно из полотен, – такое впечатление, будто вы краску с завязанными глазами из ведерок выплескивали...

– Государь! – вскричал пухлощекий в совершеннейшем восторге. – Я восхищен вами! С первого же взгляда вы безошибочно определили творческий метод, коим создавалось именно это полотно! – Он свысока глянул на остолбеневшего Тавароша. – Дядюшка, вам бы следовало поучиться у его величества, подлинного знатока искусства. Государь, я счастлив обрести в вашем лице...

– Погодите, погодите, – оборвал Сварог. – У вас что, все... в таком вот стиле и направлении?

– Государь! – с чувством сказал молодой человек. – Простите за похвальбу, но именно я могу считаться творцом этого направления! В основе всякого художественного произведения лежит взгляд творца на окружающий мир. Полотна, на которые вы благосклонно обратили ваше высокое внимание, как раз и являются отражением моего взгляда на мир, моего понимания мира. Я так вижу! И стремлюсь не следовать рабски устаревшим канонам, предписывающим тупо добиваться сходства, сюжета и смысла. Главная задача художника – отразить свое видение мира! Полтора года, государь! Полтора года я обиваю пороги тупых бюрократов и закосневших консерваторов, требуя совершенно ничтожных сумм на организацию Академии высокого искусства, но ответом были лишь насмешки невежд... Смею думать, что теперь в вашем лице...

Он разливался соловьем, тыча испачканным красками указательным пальцем в испачканные краской холсты. Сварог мрачно слушал, прикидывая, сколько же угроблено красок и холста, которым можно было найти и полезное применение, – рубашку сшить, вывеску намалевать. Таварош скривился, как от зубной боли. Сварог всерьез опасался, что он вот-вот шарахнет родственничка по голове своим тяжелым мешком с бумагами. По углам зала стояли, как статуи, телохранители с протазанами – им-то не полагалось показывать какие бы то ни было эмоции и чувства, что бы ни творилось вокруг. Даже Мара притихла, не в силах придумать с ходу убойную шуточку.

«В дурдом его, что ли? – угрюмо подумал Сварог. – Интересно, а есть ли здесь дурдом? Как-то не успел выяснить, кто ж знал, что понадобится...»

И тут его осенило. Он даже осклабился от удовольствия. И щелкнул пальцами, громко приказав:

– Карандаш и бумагу! Живо!

За спиной послышался тихий топоток, энергичное перешептывание дворцовых лакеев. Буквально через полминуты кто-то, возникнув за спиной Сварога, почтительно протянул ему большой лист белейшей бумаги и остро заточенный карандаш.

Сварог отмахнулся:

– Это не мне. Отдайте этому господину... Любезный мэтр, не будете ли вы столь любезны нарисовать мне лошадку? Обыкновенную лошадку?

Пухлощекий художник уставился на него изумленно и тупо. Растерянно вертел в руках бумагу.

– Король приказывает, – сказал Сварог с садистским наслаждением.

– Король приказывает, ты слышал? – обрадованно поддержал глэрд Таварош, еще ничего не понявший, но заметно воодушевившийся.

Художник коснулся бумаги остро заточенным грифелем, провел несколько линий. Уронил руки, понурил голову. Едва слышным шепотом сообщил:

– Не получится...

– А почему? – безжалостным голосом коронного прокурора наседал Сварог. – Не умеете, а? Отвечайте, когда вас король спрашивает!

– Отвечать, когда спрашивает его величество! – заорал сияющий Таварош.

– Так не умеете? – спросил Сварог ласковее. – Я правильно понял?

– Не умею, ваше величество, – кивнул художник, не поднимая глаз.

– А домик нарисовать сумеете?

– Нет...

– Кошечку? – не отставал Сварог. – Птичку? Собачку? Уличный фонарь? Вывеску для трактирщика? Что молчите? Выходит, вы умеете только *это* малевать? – показал он на испачканные холсты. – Ну вот, с вами кое-что проясняется...

– В каменоломни на годик, – в полный голос сказал Таварош. – У нас не одного шалопаю таким вот творческим методом воспитали... Государь...

– Ну что вы, право, – сказал Сварог. – Не хотите же вы, чтобы наша держава приобрела среди соседей дурную славу места, где творческих людей отправляют в каменоломни за то, что у них есть свое видение мира... Эй, там, кто-нибудь! Походного казначея сюда.

За спиной опять по-мышинному тихо забегали лакеи. Вскоре в зале появился походный казначей, а в дворцовом просторечии «ходячий кошелек» – здоровенный детина, у которого на поясе висел тяжеленный кожаный кошель с отделениями для золота, серебра и меди. Согласно этикету, ему полагалось всюду сопровождать короля – на случай, если его величество пожелает оказать кому-то высокую милость в виде незамедлительной денежной награды.

– Подойдите сюда, – кивнул Сварог перепуганному художнику. – Подставьте-ка подол этого вашего балахона...

Запустил руки в кошель и высыпал в подол добрую пригоршню золотых монет. Прежде чем художник сумел что-то сообразить, громко распорядился:

– Секретаря сюда. С гербовой бумагой для королевских указов. Доставить этого субъекта на границы государства и разрешить беспрепятственно убраться, куда только пожелает. Назначить пенсию такого размера, чтобы хватило на скромную жизнь. И записать накрепко: если когда-нибудь окажется на территории моего королевства, будет незамедлительно повешен. Одним словом, баниция с веревкой. Сформулируйте сами, как полагается... Такова моя воля, – добавил он обязательную формулу. – Малую королевскую печать. С ее приложением указ вступает в силу. Все.

Откуда-то из-за спины выскочили два молодца в алых кафтанах дворцовой стражи, привычно ухватили художника за локти, вздернули на воздух и бегом протащили к выходу, прежде чем он успел сообразить, что происходит. Следом поспешил секретарь, на ходу посыпавший чернила песком из поясной песочницы.

Таварош смотрел на Сварога восхищенно и преданно. Мара тихонько поаплодировала.

– Правим, как получается, – скромно сказал Сварог.

Недоуменно повернул голову, услышав шаги, каким в королевском дворце звучать, вообще-то, не полагалось (если только не сам король изволит так грохотать сапожищами), – быстрые, тяжелые, бесцеремонные. Поймав его взгляд, Мара передвинулась так, чтобы заслонить его, опустила руку к мечу.

Вошел глэрд Даглас, в высоких сапогах для верховой езды, он был покрыт пылью и грязью, на голове тускло поблескивал рокантон, а грудь стягивала кираса.

– Плохие новости, государь, – выдохнул он вместе со сгустком пыли (который успел подхватить ладонью). – Неподалеку отсюда, всего в десяти лигах от столицы, – мятеж. В замке Барраль убит королевский пристав, они заперли ворота и отказались подчиниться положенному троекратному увещеванию, самый натуральный мятеж против престола. Конница выступит через несколько минут...

– Это – против меня? – спокойно спросил Сварог.

– Возможно, и не *лично* против вас, государь. Однако мятеж против престола следует гасить в зародыше. Вы всего вторую неделю на троне, необходимо железной рукой...

– Кто? – спросил Сварог.

– Какая-то девица, – хрипло сказал Даглас, откашливаясь. – Только что введенная в права юная наследница.

– Вот как? – уже привычно поднял бровь Сварог уже привычным жестом. – А почему не седой прожженный интриган? Это было бы обыденнее, понятнее...

– Право, не знаю, – сердито сказал Даглас. – Не о том надо думать.

– Верно, – кивнул Сварог. – Моего коня к воротам. Медвежьё Сотню в седла. Вы, любезный глэрд, в последнее время что-то очень уж часто отдаете приказы от моего имени...

– Государь, вы же не можете сами...

– Это противоречит этикету?

– Нет, что вы. Но...

– Хотите чеканную историческую фразу? – спросил Сварог холодно. – Я могу все, что хочу, – и хочу все, что могу. Не шедевр изящной словесности, уж не взыщите, но что поделать, какая на ум пришла, иные короли за всю свою жизнь так и не родили ни единой простенькой исторической фразы... На коней, господа мои, на коней!

Он сделал столь резкий и красноречивый жест монаршей десницей, что господа глэрды выскочили в дверь впереди своего короля. Впрочем, в обстановке мятежа и сопутствующей сумятицы это не было столь уж вопиющим нарушением этикета.

«Быть может, и нечего мне там делать, возле замка, – думал Сварог. – Но пора мягко и ненавязчиво поставить их на место – то бишь решительно построить. Что-то у них стало входить в привычку отдавать приказы от моего имени. Нет уж, привыкнуть они должны к противоположной мысли: если король чего-то возжелал, по его желанию и случится. А в общем, судя по первым наблюдениям, что в Пограничье, что здесь королевское ремесло немногим отличается от работы какого-нибудь капитана из той, *прошлой* жизни, которому досталась раздолбайская рота. Механизмы наведения порядка чертовски по-

ХОЖИ...»

Приотстав, он удержал Мару за жесткий воротник камзола:

– У тебя как сложились отношения с Медвежьей Сотней?

– Нормально, – сказала боевая подруга. – Они тут в некоторых отношениях люди незатейливые. Лишь бы ты умел работать мечом. Если тебя за это умение уважают, совершенно неважно, сколько тебе годочков стукнуло и что именно у тебя пониже пупа расположено. А что?

– Держи ушки на макушке, – распорядился Сварог. – Я, знаешь ли, твердо решил при малейшей к тому возможности научить их правильно репку чистить...

На обширном замковом дворе шла деловитая суета – строилась в «кабанью голову» Медвежья Сотня, к крыльцу вели покрытого попоной с геральдическими эмблемами Сварогова коня, бегали взад-вперед с ужасно озабоченным и ретивым видом и те, кто имел прямое отношение к предстоящему походу, и те, кто нахально воспользовался моментом, дабы попасться монарху на глаза в облике воплощенного усердия. Трое монахов под предводительством брата Фергаса вынырнули из-за угла с таким видом, что и не нужно было их спрашивать, куда собрались.

В довершение сумятицы в ворота влетел на заморенном коне гонец – на его белоснежной некогда накидке еще можно было рассмотреть сквозь толстый слой пыли и грязи черное солнце с горротского флага. Коня подхватили под уздцы, гонца бегом повели к Сварогу. Он, как положено, упал перед Сварогом на левое колено, протягивая засургученный пакет. Через его голову Сварог посмотрел на тяжело водившего боками коня – нет, среди свисавших с седла прапорцов не было клетчатого, красно-белого, значит, об объявлении войны речь не идет.

Приняв пакет из рук гонца, он согласно традиции махнул «ходячему кошельку», чтобы *отсыпал* скакавшему день и ночь вестнику. Гонец, не думая пока что о презренном металле, отошел к стене, расстегнул грязные штаны и с величайшим облегчением принялся на нее мочиться – поскольку прежде у него не было времени. Все смотрели на него понимающе и не препятствовали – гонец был в своем праве.

Сунув пакет за голенище, Сварог взлетел в седло, дал коню шпоры и взмахнул кожаной перчаткой.

По дороге, когда на длинном и ровном отрезке дороги кони шли спокойной рысью, он извлек пакет, сорвал печати, раскрошив их в пыль, прочитал короткое послание. Король Стахор в весьма вежливых, даже изысканных выражениях извинялся перед своим «братом и добрым соседом» за досадное недоразумение, то есть за «прискорбные события» у замка Корромир и в Заречье, «невольные повлекшие непонимание и рознь». Сообщал, что «повинные в том лица» уже понесли должное наказание, и он искренне надеется, что брат и добрый сосед, король Сварог, известный своей мудростью и хладнокровием, сохранит с ним самые сердечные отношения.

Как Сварог ни вчитывался, не мог нигде усмотреть и тени тонкой иронии – не говоря уж о грубой. И это было чуть ли не загадочнее всего: по точным сведениям, Стахор дорожил своей репутацией острослова и во всякое свое послание коронованным собратьям что-нибудь этакое вворачивал...

Глава десятая

ДЕВУШКА ИЗ ЗАМКА БАРРАЛЬ

— Глэрд Даглас, – сказал Сварог, опуская подзорную трубу, – а вам не кажется ли, что наши люди чуточку переусердствовали?

– Ничуть, мой король, – без промедления ответил Даглас. – Мятеж в данном случае опасен не своими реальными воплощениями, а чисто символическим смыслом, вкладываемым в это понятие. Первый мятеж против трона в ваше царствование. От того, как мы на этоотреагируем, многое зависит...

С сомнением пожав плечами, Сварог осматривал местность уже без трубы, невооруженным глазом. Он был не на шутку разочарован. Судя по воплям и суматохе, сопровождавшим неприятное известие, замок Барраль показался ему заранее этаким могучей твердыней, источником нешуточной и реальной опасности. Действительность же оказалась намного прозаичнее. Далеко впереди, в лиге от них, стоял небольшой замок из темно-коричневого песчаника, старинной постройки, сразу видно, – по сути, квадрат со стороной уардов в тридцать, четыре башни по углам, пятая, главная, не так уж и высока. Классическое обиталище небогатого дворянина, распространяющего права сюзерена на две-три деревушки и пару овечьих отар (земля в полночном Глане очень уж бесплодная, и ее практически не пашут, отдавая предпочтение овцам, маленьким горным коровам и лошадям).

– Вон там и там – принадлежащие к замку деревни? – показал он трубой.

– Да, мой король, – поклонился глэрд этих мест, чьим вассалом как раз и была взбунтовавшаяся нахалка. – Собственно, вы отсюда видите все владения Барраля – две деревни, долина, с правой стороны – примыкающие к морскому берегу земли... Посконники сбежались в замок, деревни пусты...

Сварог покосился на него и промолчал. Чем-то ему определенно не нравился глэрд Рейт – то ли узкими губами и вечно ускользающим взглядом, то ли навязчивым подобострастием. Он простер свою неприязнь настолько, что на всякий случай, частью от нечего делать, *проверил* здешнего властелина всеми доступными методами, оставшимися незаметными для окружающих, но не обнаружил ни малейших следов нечистой силы, чернокнижья либо причастности к «Черной радуге».

Две деревни. Горсточка крестьян, пастухи, немногочисленная замковая челядь – в таком вот скудном и убогом хозяйстве слуг не так уж много, ораву не прокормишь... Не столь уж великий подвиг им предстоит, если вдуматься...

Словно отвечая на его мысли, Даглас пояснил, делая скупые жесты рукой в кожаной перчатке:

– Это, конечно, не отнимет много времени. Наши мушкетеры уже во-он на той горюшке. Видите? Она господствует над замком. В старые времена, когда не было огненного боя, бессмысленно было бы посылать туда лучников – стрелы все равно не долетят. Однако мушкет прекрасно достанет. Когда все начнется, они будут простреливать и двор, и стены почти на всем их протяжении. Пушки подвезут не позднее, чем через полчаса. Ворота ветхие, не рассчитаны на отпор ядер. Все кончится еще до заката...

«Ну да, – подумал Сварог, оглядываясь на стройные ряды конных гвардейцев, успевших перед штурмом пропустить пару добрых чарок здешней мож-

жевеловой водки. – И начнется резня. Никто, чуется моя душа, не станет останавливать раззадоренных вояк – нужно же показать, что при новом царствовании с мятежниками шутить не намерены... Чего ей, дурехе, не сиделось спокойно?»

– А почему, собственно, мятеж начался? – спросил он, обращившись к хозяину здешних мест.

– Невероятно злокозненная семейка, мой король! – воскликнул глэрд Рейт в приступе неподдельной злости. – Что ее отец, что дядя, что она сама – волчонок кашку не кушает, как у нас говорят... Их никогда, пока были живы, не поймали на контрабанде, но мы-то знаем, что это за корабли ложились в дрейф неподалеку от берега, что за тюки на шлюпках переправляли под покровом ночи... А эта паршивка еще и чернокнижьем балуется. Точно вам говорю, ваше величество! Один человек, совершенно надежный, видел у нее не что-нибудь – «Книгу ночных трав», а это уж, надо вам сказать, то еще чтение... Брат Фергас не даст соврать...

– «Книга ночных трав» – и в самом деле чернокнижный трактат, – спокойно сказал монах. – Одного я до сих пор не уяснил, любезный глэрд: почему вы, прекрасно зная о ее неподобающих ночных занятиях, тем не менее настойчиво пытались устроить ее брак с вашим племянником?

– Я? Ну да... Но кто же знал? Как только мне стало известно, я отменил обручение по всем правилам...

– Мне говорили иначе, – обронил монах.

Он как-то странно смотрел на Сварога – совершенно непонятный взгляд, то ли безмолвный призыв, то ли предостережение... У Сварога понемногу стало складываться убеждение, что монах знает больше, чем говорит, хотя по каким-то своим причинам не хочет (или не может?) высказываться открыто.

– Интересно, кто это вам такое говорил?! – с неприятными, визгливыми нотками в голосе воскликнул глэрд.

– Люди, – кратко ответил монах.

«А ведь он волнуется, этот Рейт, – подумал Сварог. – Ему неудобно, он нервничает все сильнее... Во что это меня опять впутывают?»

– Вы что вообще хотите сказать, святой брат? – сварливо спросил Рейт. – Вы куда клоните?

– Мне просто кажется странным, что юная благонравная девица взбунтовалась ни с того ни с сего, – спокойно ответил монах. – И не нашлось рядом никого, кто подсказал бы ей: предприятие затеяно безнадежнейшее...

Сварогу тоже начинала казаться странной вся эта история. Что-то за всем этим крылось. Он еще раз оглянулся на конные шеренги – сотни четыре, не меньше, – на клубившуюся вдали пыль (это на тракте показались упряжки с пушками), на застывшее лицо монаха. Рейт ухитрился так и не встретиться с ним взглядом.

– Как погиб пристав? – спросил вдруг Сварог. – Это ведь он там лежит? – кивнул он в сторону покрытого дерюгой длинного предмета, лежавшего на траве уардах в пятидесяти.

– Совершенно верно, мой король, – поклонился Рейт. – Гвардейцы нашли его в опустевшей деревне и привезли сюда...

– Обыщите тело, – распорядился Сварог.

Он и сам не представлял толком, для чего отдал этот приказ, – похоже, про-

сто-напросто хотел посмотреть, как поведет себя Рейт, столкнувшись с чем-то, чего решительно не понимает. Иногда такие приемчики приводят к поразительным результатам – это ему еще в Равене втолковывал барон Гинкар, покойный мастер полицейского сыска...

Властный жест глэрда Баглю – и двое субъектов в темных камзолах, вооруженные, но без дворянских цепей, направились к покойнику.

– Ваше величество... – Рейт сделал непроизвольное движение, словно хотел загородить им дорогу конем, но в последнюю секунду опомнился. – К чему это?

– Вы подвергаете сомнению поступки короля? – спокойно спросил Сварог.

– О, что вы... Я просто... Простите...

Он замолчал, утирая со лба пот. А ведь прав был покойный Гинкар – иногда такие штучки приводят к интереснейшим результатам. Что он засуетился, собственно? Подумаешь, обыщут труп...

Клубившаяся за пушками пыль приближалась. Сварог в упор смотрел на глэрда Рейта, а тот ерзал в седле, смахивал пот все чаще и чаще...

Человек в темном камзоле, кланяясь, подошел вплотную к коню Сварога, показал содержимое своей шляпы:

– Связка ключей, государь, какая-то бечевка, яблоко, огарок свечи, кошелек... Прикажете открыть? – Он положил шляпу наземь и проворно высыпал содержимое замшевого мешочка себе на ладонь. – Ровно двенадцать золотых...

Ничего еще не понимая, но нюхом ухватив *направление*, Сварог обернулся к Баглю:

– Я в таких вещах не разбираюсь... Это нормальная сумма для кошелька королевского пристава из сельского захолустья?

Покрутив головой в задумчивости, Баглю протянул:

– Я бы сказал, мой король, что сумма совершенно ненормальная. Полугодовое жалованье пристава – они в деньгах не купаются... Безгрешных слуг в этом мире не найти, будь это в городе или более богатых краях. Я бы рискнул предположить с уверенностью, что пристав только что хапнул взятку, – монетка к монетке, новенькие, *одномоментно* полученные, нет сомнений... Вот только в местах вроде Барраля столь жирных взяток не дают – по причине скудости. Взятки в таком вот захолустье дают в лучшем случае серебром, а главным образом овечьим сыром, сеном и окороками...

– Может быть, покойный просто получил жалованье? – спросил Сварог, любясь струйками пота на челе Рейта.

Баглю решительно мотнул головой:

– Жалованье им платят помесечно, и не золотом, а серебром...

– Ну что же, – сказал Сварог. – Возможно, нашему приставу для каких-то своих житейских надобностей потребовалось золото, и он обменял на него в столице свои сбережения... но отчего же так нервничает глэрд Рейт? – и уставился на вышепоименованного. – Итак, отчего вы на глазах бледнеете, любезный?

– В-вам показалось...

– А вы никогда не слышали, что у меня есть безошибочные методы выявлять ложь? – лениво спросил Сварог. – Взять! – рявкнул он внезапно.

Он так ничего и не понял, но видел, что Рейт врет...

Двое молодцов из Медвежьей Сотни в единый конский мах оказались по бокам глэрда, выхватили из ножен палаш, выдернули из-за пояса кинжал и два пистолета.

– Снимите его с коня, отведите в сторону и ждите дальнейших приказаний, – распорядился Сварог. – Баглю, вам ничего не кажется странным в происходящем?

– Возможно, мой король... – осторожно ответил тот. – Но я пока что не представляю, за что тут можно ухватиться...

– Я тоже, – кивнул Сварог. – А потому... Всем оставаться на месте. Я сам поеду в Барраль и попытаюсь выяснить, отчего они вдруг решили взбунтоваться... – Он двинул коня на ближайшего телохранителя. – Дайте дорогу, глэв!

Юноша растерянно отъехал... но наперерез решительно бросился командир Медвежьей Сотни, долговязый и костлявый глэрд Макол, загородил дорогу своим гнедым с видом героя рыцарского романа, отважно кинувшегося в бой с великаном:

– Мой король! Я обязан беречь вас, и мой долг...

Сварогу он не нравился с первых дней – во-первых, зануда, во-вторых, забота о монархе явно переросла в мелочную опеку. Никакой гибкости, зато апломба выше головы...

Натянув поводья так, что его черный Дракон присел на задние ноги, Сварог рывкнул от всей души:

– Глэрд Макол, я лишаю вас должности за неповиновение королю! Гланфортесса Сантор, ко мне! Примите командование над Медвежьей Сотней, такова моя воля!

Макол открыл было рот... Сварог смотрел на него хмуро и внимательно, постукивая пальцами затянутой в перчатку руки по обуху укрепленного у седла Доран-ан-Тега. Громко поинтересовался:

– Глэрд, вам понятны последствия?

Рядом уже приплясывал, звенел трензелями горячий жеребчик Мары, недвусмысленно положившей руку на эфес палаша. Бросив через плечо быстрый взгляд на всадников из Медвежьей Сотни, Сварог что-то не заметил на лицах особого протеста – Макол всех достал своим занудством.

Подъехавший Даглас, старательно сохраняя на лице невозмутимость, тихонечко сказал:

– Государь, позвольте на правах старшего по возрасту...

– Господа глэрды, – громко сказал Сварог, тщательно подпустив в голос металла. – Не вынуждайте меня гневаться... Гланфортесса!

Кивок Маре, ее властный жест – и конные телохранители, подчиняясь новому командиру, сомкнули вокруг них кольцо, руки лежали на эфесах палашей и рукоятках пистолетов, усатые и безусые физиономии не выражали ничего, кроме холодной решимости исполнить любой приказ. С ликованием в душе Сварог понял, что выиграл. Стоявшие в отдалении гвардейцы так и не поняли, что же произошло внутри кольца телохранителей, зато оба высокородных глэрда, судя по поскучевшим лицам, прекрасно помнили иные здешние установления. Вздумай они протестовать в голос, чему-то препятствовать – выйдет даже не мятеж, а «неповиновение пред лицом короля», еще более чреватое. За последнее обоих, наплевав на знатность, могут по первому же кивку короля положить шеей на ближайший пенек да и смахнуть голову к чертовой

матери, не утруждаясь затяжным судопроизводством... Гланские патриархальные законы – палка о двух концах: иные из них идут на пользу исключительно дворянской вольнице, зато другие, наоборот, дают нешуточные преимущества как раз королю...

– Возвращайтесь к войскам, глэрд, – сказал Дагласу Сварог. – И прикажите им оставаться в строю, пока я не вернусь. Ни единого выстрела, вам понятно?

– Вас там убьют... – понурясь, сказал Даглас, уже окончательно сломленный.

– Вы знаете, это многие пытались сделать, – сказал Сварог. – Не чета этой соплячке в Баррале. А вот не получилось, поди ж ты...

Он кивнул печальному сподвижнику и пришпорил коня. Коротким галопом помчался по равнине, прямо к воротам Барраля. Замок рос на глазах, теперь Сварог мог рассмотреть, что на всем протяжении стены над зубцами торчат головы. Над перекрытием ворот развевалось уже знакомое Сварогу по прежним странствиям знамя: три узких алых вымпела, три черных, три белых. Девчонка объявила рокош по всем правилам...

Стрела, мелькнув меж зубцами, воткнулась в землю уардах в десяти перед конем, и Дракон, храпя, мотнул головой.

Спохватившись, Сварог натянул поводья, спрыгнул на землю – для него самого стрелы и прочий метательный хлам были абсолютно безопасны, но не стоило подвергать риску коня... Он достал из седельной сумки острый железный костыль с кольцом, в два счета продел в него поводья, забил костыль каблуком в землю. Достал топор и, вскинув его на плечо, не спеша направился к воротам замка.

В него полетели еще две стрелы – эти были направлены верной рукой, не то что первая, достигли цели. Однако, как легко догадаться, некая неведомая сила (о природе которой сам Сварог до сих пор имел довольно смутное представление) отшвырнула их в стороны. На стене раздалось громкое удивленное оханье – кто-то не сдержал эмоций.

Когда до ворот осталось не более десяти уардов, Сварог остановился, оперся на топор привычным жестом и, задрав голову, стал разглядывать собравшихся. Он не заметил на лицах особой ненависти, но настроены они были решительно, сразу видно. Те самые патриархальные традиции, конечно, предписывавшие крестьянам вставать грудью за своего хозяина, даже если ему стукнуло в башку поднять мятеж против короля...

Кто-то смелый, размахнувшись, метнул в него извечное оружие мятежных землепашцев: вертикально укрепленную на древке косу. С ней, ясен день, произошло то же, что со стрелами.

– Орлы, да бросьте вы баловать! – крикнул Сварог беззлобно. – Ну не действует на меня это, точно вам говорю! Зачем инструмент портить, он денег стоит...

– Вы кто такой, ваша милость? – настороженно спросил бросивший косу здоровенный детина в белой овечьей безрукавке мехом наружу.

– Здешний король, обормот! – незамедлительно отозвался Сварог. – Пора бы и в лицо признавать, в двух шагах от столицы обитаете, простота!

На стене перешептывались, тыча в него пальцами по крестьянской привычке. Сварог терпеливо ждал, пуская дым – последнее обстоятельство, точнее, извлеченная из воздуха сигарета, вновь стало темой для пересудов.

– А что надо-то? – наконец крикнул хозяин косы.

– Сопли подбери, косматый! – гаркнул Сварог. – Хозяйку лучше позови! Буду я тут с тобой языком чесать...

Как в таких случаях бывает, теперь на стене похохатывали над обладателем белой безрукавки. Внезапно они почтительно шарахнулись в стороны – меж щербатыми зубцами появилась девушка в великоватой ей кирасе и нахлобученном на нос рокантоне. И то, и другое, надо полагать, досталось ей по наследству от родственников мужского пола, и у нее не нашлось денег за то, чтобы догнать доспех по своим размерам.

Она привычным движением сдвинула шлем на затылок и, глядя на незваного гостя без всякого дружелюбия, крикнула:

– Что вам нужно?

– Милая, я – здешний король, – сказал Сварог. – И пришел для переговоров...

– Никаких переговоров! – оборвала она решительно. – Убирайтесь!

– Эй, белобрыся! – крикнул Сварог. – Я все-таки король, и, между прочим, именно этой державы!

– Провалитесь вы вместе с державой! – посоветовало белобрысое создание. – Я в мятеже! Делайте со мной, что хотите, но за этого скота я не выйду!

– А кто тебя принуждает?

– Вы, кто же еще!

– Тут какая-то ошибка, – сказал Сварог. – В жизни никого не принуждал выходить замуж, и не собираюсь!

– Брежете в глаза, а еще король! – отрезало юное создание в отцовских доспехах. – Убирайтесь к лешему, пока живы!

Эта бесцельная перебранка могла продолжаться до бесконечности, и если у Дагласа или кого-то еще не выдержат нервы, все полетит к чертям, Мара в одиночку может и не воспрепятствовать... Пора было переходить к решительным действиям. Выплюнув окурок, Сварог решительно взял топор обеими руками и двинулся к воротам – из потемневшего от времени дерева, густо окованного тронутыми ржавчиной железными полосами. В самом деле, пушки вынесли бы их в два счета...

Кажется, ему на голову пытались бросать со стен всякую дрянь – по сторонам что-то такое падало. Но Сварог, не обращая внимания на пустяки, ожесточенно рубил. В шесть ударов он проделал в древних воротах достаточный для торжественного вступления короля проем. И вступил.

В дальнем конце небольшого дворика, отгороженные жердями, блеяли столпившиеся овцы. Со стен по выщербленной каменной лестнице, отчаянно топоча, неслись взбудораженные землепашцы, потрясая своими нехитрыми орудиями. Впереди всех бежала белобрыся, догадавшаяся сбросить налезавший ей на глаза рокантон. Так, ничего особенного – конопатая девчонка, розовощекая и крепенькая, типичная сельская жительница, выросшая на молоке и свежем воздухе. И уж определенно с характером, тут и гадать нечего...

Орущая толпа все же остановилась в нескольких шагах – никому не хотелось лезть в пекло поперед батьки. Они вопили и делали угрожающие выпады топорами и вилами, но никто не спешил в заводицы. Отступив к стене, чтобы ему не зашли ненароком за спину, Сварог зорко следил за ближайшими острыми предметами – он не боялся ничего, летящего в воздухе, но нечто острое в руках того, кто нанес бы удар, могло отправить Сварога к праотцам с

тем же успехом, что и простого смертного... Перекрывая гомон, он крикнул:

– Гланфортесса, неужели вы собираетесь поступить против правил чести?

Он не зря штудировал перед сном толстые тома с описанием наиболее типичных – и, что важнее, до сих пор бывших в ходу – гланских обычаев. Благородной особе, вызванной на поединок другой благородной особой, настрого запрещается прибегать к помощи посторонних, а уж тем более своих же собственных крестьян.

Чтобы не осталось никаких неясностей, он громко пояснил:

– Я вас вызываю на честный бой, гланфортесса! По всем правилам!

– Все назад! – завопила она так звонко, что у Сварога заложило уши. – Бросьте оружие!

Сварог осклабился – девчонка свято блюла традиции. Что ж, к лучшему...

Толпа отхлынула, бросая свое дреколье. Девчонка зорко следила, чтобы это проделали все, орала на замешкавшихся, тыча в их сторону мечом. Наконец во дворике образовалось изрядное пустое пространство, а все посторонние сбились в кучу у стены, овечьего загона и главной башни.

– Начинайте, – вежливо поклонился Сварог.

– Провалитесь вы! – огрызнулась белобрысая, бросаясь на него с занесенным мечом.

Легко и привычно уклонившись, Сварог коротким взмахом топора снес ее клинок у самого эфеса. Она не сразу сообразила, что произошло, с маху остановилась, какое-то время (в течение коего Сварог мог десять раз снести ей башку) недоуменно разглядывала то, что осталось у нее в руке, и, отшвырнув бесполезный обрубок, выдохнула с детской обидой:

– Это нечестно!

– Почему вдруг? – пожал плечами Сварог. – Это же не магия, просто топор такой... Хотите продолжать?

Заполошно оглянувшись, она подхватила с земли крестьянский топор, бросилась на Сварога, яростно закусив губу...

Доран-ан-Тег, рассекая воздух, отрубил верхнюю часть древка вместе с лезвием. На сей раз девчонка среагировала на утрату оружия гораздо быстрее: без замешательства выхватила из-за голенища кинжал и кинулась в атаку, что с ее стороны было исключительно жестом отчаяния.

Выпустив древко топора, Сварог поймал ее руку, взял на прием, подсек и опрокинул белобрысую скандалистку наземь. По толпе пронесся шумный вздох, но никто не двинулся с места.

– Ну как? – спросил Сварог, присев над ней на корточки и все еще удерживая выкрученную за спину руку. – По-моему, поединок закончен, и вам остается подчиниться победителю...

– Это нечестно, – яростно прошептала она, уткнувшись щекой в каменную утоптанную землю. – У вас же Доран-ан-Тег...

– А разве касается его есть какие-то запреты? – спросил Сварог тоном опытного крючкотвора. – Что-то я не слышал ни о каких запретах... Итак?

– Отпустите.

– А волшебное слово?

– Признаю себя побежденной, – нехотя пробурчала она.

– Громче, – безжалостно сказал Сварог. – Чтобы ваши вассалы слышали и вели себя соответственно...

Закусив губы в бессильной ярости, она долго сопела, надеясь, наверное, на одно из тех чудес, что спасают в подобных ситуациях героев рыцарских романов, – появится в сиянии и блеске мудрая фея-крестная, выпрыгнет из-под земли горный гном или нагрянет на крылатом коне рыцарь-избавитель. Сварог терпеливо ждал, когда она сообразит, наконец, что жизнь все же отличается чуточку от рыцарских романов.

Наконец она смирилась, крикнула во весь голос:

– Я побеждена! Ясно вам?

Сварог мог бы поклясться, что пронесшийся по толпе гомон вполне заслуживает эпитета «облегченный». Традиция традицией, верность верностью, а все-таки все это против здоровой крестьянской природы – запирается в замке и сидеть там в осаде, пока твой сюзерен из-за каких-то непонятных тонкостей жизни дерется с королем...

Теперь все было в порядке. Нечего бояться вил в спину. Сварог поднялся с корточек и помог встать ей. Девчонка стояла перед ним, уронив руки, повесив буйну головушку. Не поднимая глаз, сказала:

– Воля ваша, рубите голову, только я за него все равно не пойду...

– За племянника глэрда Рейта?

Она кивнула.

– Ну, коли уж наше общение всецело подчинено рыцарским правилам, вы обязаны верить честному слову короля, гланфортесса, – сказал Сварог. – Так вот, я вам даю слово, что не собираюсь вас принуждать выходить замуж. Ни за рекомого племянника, ни за кого-то еще. Откровенно вам признаюсь, глэрд Рейт на меня произвел самое скверное впечатление, и сейчас он, строго говоря, находится под арестом. И самое лучшее тому доказательство – это то, что я, как болван, дерусь тут с вами на топорах, как будто у меня нет более важных дел. То, что здесь я один, а не орава осаждающих с пушками...

Белобрысая вскинула глаза, полные внезапно вспыхнувшей надежды:

– Почему же вы тогда прислали мне повеление?

– По-моему, тут определенно какое-то недоразумение, – сказал Сварог мягко. Смущенно фыркнул: – Я за последние дни подписал кучу бумаг, доставшихся от прежнего царствования, вполне возможно, среди них и затесалась какая-то, вызвавшая... гм, непонимание и все последующие события... Мы можем с вами где-нибудь сесть и спокойно поговорить? Честное слово, я не припомню никаких бумаг, которые бы вас касались... Я подмахнул такую грудку, три секретаря подсовывали охапками...

– Как же так можно? – сказала она укоризненно. – Вы же король, прибежище справедливости...

«Так и есть, – подумал Сварог сконфуженно. – Определенно читает на ночь рыцарские романы, как моя Мара, – там именно такие словеса встречаются...»

– Король, знаете ли, тоже человек... – сказал он осторожно. – Давайте договоримся: мы забудем обо всех этих играх в победителей и побежденных, вы пригласите меня в замок, и мы все спокойно обсудим. Если была допущена какая-то несправедливость, обещаю ее исправить...

– Вы не врите насчет Рейта? – бухнула она и тут же покраснела до кончиков ушей. – Что я несу, дура... Прошу вас, ваше величество, такая честь! Мой замок в полном вашем распоряжении! – Она гордо выпрямилась и махнула наблюдавшим издали вассалам. – Живо, стелите ковер! Несите из подвала вина! Его

величество изволит посетить замок!

Судя по лицам добрых поселян, они были окончательно сбиты с толку столь замысловатым коловращением жизни. Однако несколько из них, похожие на слуг, шустро кинулись выполнять приказ. Остальные вразброд заорали нечто приветственное, подбрасывая в воздух шапки.

– Уберите прежде всего бунтарский флаг со стены, – мягко посоветовал Сварог. – При нынешних обстоятельствах он там уже совершенно и не к месту... Кто у вас тут посмышленнее? Подзовите его сюда. – Он достал из кошелька на поясе все необходимые принадлежности, набросал несколько строк, припечатал перстнем и протянул листок босоному парню, и впрямь носившему на лице некоторые признаки смышленности. Спohватившись, добавил золотой. – Бегите, юноша, туда, где верховой держит мое знамя. Знаете, как оно выглядит? Прекрасно. Отдайте бумагу рыжей девушке в красном берете, на гнедом коне, она там одна такая, ошибиться нельзя. Живенько!

– Прошу вас, ваше величество! – сделала широкий жест белобрысая мятежница.

– Как вас зовут? – спросил Сварог. – Мы так оживленно общались, что не успели познакомиться...

– Меня зовут Миала... гланфортесса Кернан.

– Рад познакомиться, – сказал Сварог. – Ну, меня вы уже знаете...

Слуги и в самом деле вытащили длинный потертый ковер, спеша и мешая друг другу, расстелили перед входом в небольшой каменный домик, прилепившийся к главной башне. Вассалы все так же орали, нестройно и оглушительно, старательно подбрасывая шапки. Чтобы не выходить из образа и не портить картину, Сварог отвечал подданным «милостивым наклоном головы», как это именуется, искренне надеясь, что у него получается, как надлежит.

Двухэтажный каменный домик, старинный и ветхий, отличался сразу бросающейся в глаза честной бедностью. Белобрысая хозяйка поначалу краснела по всякому поводу – провалившаяся половица, лукошко с котятками на лавке, продранный гобелен, за который неспешно убралась толстая мышь, но Сварог притворился, что ничего не замечает, и она понемногу успокоилась.

Как и полагается в любом уважающем себя замке, здесь имелся главный зал, где хозяева, смотря по обстоятельствам, то бражничали с гостями, то устраивали заговоры, то играли свадьбы. Мебель пришла в ветхость, фамильные портреты потемнели и стали неразличимыми, но на хозяйском столе, как полагалось, стояла массивная серебряная солонка, а стены были увешаны богатейшей коллекцией оружия (имевшего в большинстве своем, правда, чисто музейное значение). Хозяйка остановилась, отчаянно пытаясь вспомнить соответствующие правила. Смущенно пожала плечами:

– Кажется, я должна поднести вам ломоть хлеба, посыпанный солью на восемь сторон света... Или нет...

– Откровенно вам признаюсь, я тоже новичок в этих делах, – сказал Сварог, поставив топор к столу. – Поскольку посторонних тут нет, давайте пренебрежем строгим этикетом. Помнится, когда король – на охоте, скажем, или там застигнутый дождем – заходит в чей-то замок, от сторон не требуется очень уж строгое соблюдение этикета... Садитесь.

И, подавая ей пример, придвинул разохшееся кресло с едва видневшимся

на спинке гербом. Она уселась рядом.

– Да снимите вы кирасу, – сказал Сварог. – Давайте я вам помогу расстегнуть пряжки... Вот так.

В приоткрытую дверь заглянула чья-то испуганная физиономия, скрылась, и к столу вереницей двинулось четверо слуг, неся разнокалиберные блюда – золотое, два почерневших серебряных и простое деревянное. Стол украсился жареной курицей, накромянной головкой сыра, копченой бараниной и здоровенным жбаном вина. Все та же честная бедность, хлеб, конечно, привозной, вон как его мало, как тонко нарезан, на золотом блюде выложен. Сами обычно простецкие лепешки жуют, надо думать, ну да, проходя через комнаты, видел в углу каменную зернотерку...

Чтобы не обижать напряженно уставившуюся на него хозяйку, Сварог пожевал хлеба с сыром и баранины. Вино неожиданно оказалось отменным. Белобрысая хозяйка тоже справилась со своей оловянной чаркой не хуже иного мужчины.

– Итак... – сказал Сварог. – С чего бы начать... Где здесь, собственно говоря, начало... Вы-то сами как думаете?

Она задумчиво повертела оловянную чарку с выпуклыми изображениями диких кабанов и оленей. Вскинула глаза:

– Я должна была выйти замуж за племянника глэрда Рейта... Они так решили с отцом, когда отец еще был жив, а я была совсем маленькая. Отец был его вассалом...

– А вы-то сами хотели?

– Как сказать, ваше величество... – сказала она со взрослой рассудительностью. – Нужно как-то устраивать жизнь... Вы же видите, замок – одно название, стены скоро обрушатся, рассыпалось все... Хозяйство убогое, одни овцы. Было три рыбацких баркаса, только два в прошлом году попали в шторм, а третий продали за долги. Ну вот... А он ничего, собой недурен и обходителен, глэрд Рейт обещал нам построить дом в столице, выделить земли за Кошачьим ручьем – там заливные луга, отличные сенокосы, даже ячмень сеют. И прибыльная мельница, куда ездит вся округа. У нас здесь, в глуши – ведь чистая глушь, хоть от столицы всего-то десятков лиг, – на такие вещи смотрят просто, по-крестьянски...

«И тем не менее рыцарские романы ты почитывала, лапочка, – подумал Сварог. – Вон, целая полка...»

– Вам это, наверное, кажется чем-то низким?

– Ну что вы, – сказал Сварог. – Я не всегда был королем. Жизнь есть жизнь, и ее надо как-то устраивать...

– Рада, что вы понимаете, Ваше величество, – продолжала ободренная девица, личико которой пунцовело уже не только от здорового природного румянца, но и от доброго вина. – Не урод и не старик, в конце-то концов, стерпит, как известно, и слюбится, а там и дети пойдут... У меня еще до свадьбы с деньгами стало получше – глэрд Рейт договорился с какими-то корабельщиками, сдал им мой кусок побережья в аренду, они нормально платили, я две овчарни подновила, сыроварню новую поставила, слуг придела... Надобно вам знать, ваше величество, что в здешних местах к морскому берегу можно попасть без помех только через мои земли. В обе стороны – кручи и обрывы... Очень мне помог глэрд с корабельщиками...

«Контрабанда? – подумал Сварог. – И этот скот девчонке собственные грешки приписал? Нет, не похоже что-то. Для мало-мальски серьезной контрабанды гланское побережье малопривлекательно по причине бедности здешнего народа. *Серьезная* контрабанда идет по реке Рон, почти на всем своем протяжении протекающей через Вольные Маноры, чьи не избалованные большими доходами владельцы и „удобный флаг“ с радостью предоставят, и таможенные печати шлепнут, не утруждая себя вдумчивым досмотром груза. Тот жалкий ручеек контрабанды, что течет с гланского морского побережья в глубь страны, так же патриархален и незатейлив, как сама эта страна, – сукно, водка, дешевые кружева... Глэрд Рейт – человек зажиточный, ему нет ни смысла, ни выгоды связываться со столь убогим предприятием. Тут что-то другое... Что?»

– И похоже было, что все сладится, – рассказывала девушка, подливая вина ему и себе. – Мы уже начали гулять об ручку по округе, он меня возил в танцевальный зал в столицу – как жених, все честь честью...

Сварог ей не мешал – пусть обвыкнет, выговорится, сама придет к сути. Главное, она не врала, он это знал совершенно точно. Ни разу стоявшее вокруг ее фигурки желтое сияние, вызванное кое-какими заклинаниями, не подернулось серыми кляксами. И он преспокойно слушал – в кои-то веки довелось посидеть с самым обыкновенным человеком, не шпионом, не лукавым царедворцем, не черным магом...

– А потом, месяца три назад, – она потупилась, – начал он, ваше величество, ко мне всерьез подступать, как с ножом к горлу, насчет того, чтобы не дожидаться церемонии, а уже теперь малость побаловать, как законный муж с законной женой... Я, государь, не какая-то там кисейная недотрога, готова кое-что парню позволить, в особенности законному жениху, но такой уж дурой меня мама воспитала, в традициях рода и в дворянской чести. После свадьбы – со всем нашим пылом и прилежанием, а вот допрежь – погодите, господин жених... Одно дело, когда парень руки распускает, это даже как-то и положено, только вот насчет сеновала – уж извините... А он разгорелся, так и норовит уложить где ни попадя...

Сварог присмотрелся к ней внимательнее. До холеных светских красавиц ей, конечно, далеко, но девочка была все же приятная, ладненькая и симпатичная, так что легко понять томящегося жениха, вынужденного ограничивать себя доступными служанками...

– Все руки ему отбила, – хихикнула хозяйка замка. – А потом, когда надоело баталии вести что ни день, приставила кинжал к животу и пригрозила зарезать... Он тогда стал меня сбивать с пути истинного уже не руками, а подарками и обещаниями. Сначала дарил брошки-колечки, только толку от этого было мало, вот он и начал меня завлекать разными таинственными намеками – мол, я и не представляю, за кого замуж иду, они с дядей не просто богачи, а сидят на тропинке в далекие загадочные миры... как бы хозяйка единственного постоянного двора на бойком тракте, понимаете? Все, кто оттуда идет, мимо них пройти никак не могут, а потому платят им дань – и снова, когда обратно идут.

– Врал, наверное, – сказал Сварог, подначивая ее. – Чего ни придумаешь, чтобы от такой красавицы своего добиться...

– Скажете тоже! – махнула она на него рукой, совершенно освоившись. – Не красавица, а сплошные конопушки... Да нет, не врал! Я сама поначалу думала,

что врет, но он подарки делать стал... Я таких никогда и не видела. Вот представьте себе: самый обыкновенный стеклянный шар, с кулак... Капаете на него капельку воды – там, наверху, есть особая вмятинка – и он всю ночь до рассвета светился почище лампы! Я его пастухам отдала, овцы как раз окотились, а керосин жечь накладно... Он в деревне сейчас, в овчарне. Или – самая вроде бы обыкновенная сковородка, только без ручки и с толстым дном. Если повернуть на ней особый шпенек, она сама печет, что хочешь – и без огня, и без масла... Она у меня в кухне сейчас, хотите, покажу?

– Потом, – сказал Сварог. – Я и так верю.

– Вот вы – король, повидали мир, людей... а кое-кто у нас говорит, что вы и вовсе лар... Видели вы такие штуки?

– Не доводилось, – искренне сказал Сварог. – Похожее что-то видел, но вот в точности таких... Нет. Это не отсюда.

– Ну, и мне в конце концов пришлось признать, что он мне нисколечко не врет. Что там и в самом деле какие-то непонятные тропинки неведомо куда... И когда он опять стал приставать, я поставила вопрос ребром: пусть он мне покажет этих чужаков, – в ней вновь проглянула истовая любительница рыцарских романов с их поразительными и ужасными чудесами. – Торговались мы до одури, как перекупщики на ярмарке, я уж вам и не буду рассказывать, ваше величество, какого озорства он с меня за это потребовал, – ну да ладно, от этого девушки не убудет, пришлось согласиться, меня уже любопытство разбирало, как чесотка... Короче, ночью он меня провел в замок. У глэрда и не замок, строго говоря, одно название – ни стен, ни башен, дворец дворцом, так что пробраться туда черным ходом вовсе даже нетрудно... Спрятались мы под лестницей в большом зале, дождались часа... мамочки мои! – Она передернулась. – Не соврал! Висит на стене преогромное зеркало, от пола до потолка, сначала было самое обычное, а потом по нему огоньки забегали, все гуще и гуще, из зеркала туман поплыл, заволок все, улетучился неведомо куда – и стало видно, что это уже не зеркало, а как бы туннель в скале, у нас есть такой неподалеку... Светится изнутри, и идут оттуда какие-то... в плащи с капюшонами закутаны, ни рук не видно, ни лиц, одни плащи, походка какая-то неправильная, не такая, дерганая... – Она привстала и прошлась, переваливаясь, добросовестно пытаюсь передать неправильность походки. – Тюки несут, длинные свертки, ведут ящерицу, длиннющую, вроде морского гривастого крокодила, а у нее на спине тоже куча тюков привязана... А глэрд Рейт стоит себе возле рамы, как ни в чем не бывало, словно он с ними сто лет знаком, сто жбанов вместе выпили, кланяется да ручкой делает, и они ему кивают, уроды, шеей дергают, словно череп на палке наклонили... И стук, словно когтями по полу брякают... – Она театрально, с размаху шлепнула себя по лбу. – Кое-как я оттуда убралась, ноги не гнулись. Уж в тот вечер, когда провожал в замок, этот оборот меня лапал, как хотел, а потом, в лесочке, прислонил к дереву, и распрощалась я со своей невинностью без особого барахтанья, потому что от страха была, как вареная, пошевелиться не могла, перед глазами стояли эти чудилы в капюшонах с их нелюдской походочкой...

Сварог давно уже слушал внимательно и цепко, позабыв кивать и поддакивать, нехорошо сузив глаза. Она не врала, ни словечка не врала...

– Оклемалась я только у себя в спальне, – продолжала девчонка охотно. – И поняла, насколько влипла. Невинности, конечно, жалко, ну да все равно с ней

расставаться бы пришлось... Хуже другое. Вы, наверное, государь, и не знаете, но в нашей державе испокон веков бытует такое мнение, что ничего доброго из зеркала выйти не может. Даже поговорка такая есть: «Чтоб к тебе ночью из зеркала гости нагрянули!», и поговорки есть вроде «Хуже, чем из зеркала вылезший...». Откуда это пошло и на чем основано, я не знаю, только с малолетства помню, как пастухи рассказывали страшные сказки про зеркала, зазеркальные омерзительные страны, про чудовищ, что оттуда вылазят, кровь пьют и порчу наводят... И вот – нате вам! Оказалось, что выходить мне замуж за самого натурального зеркальщика! И не знаю, как до утра досидела, оба зеркала у себя в спальне завесила, чтобы ненароком не вылезли... На рассвете осторожноенько посоветовалась со старым Грегуром – он у отца был вместо оруженосца, а потом, по дряхлости, за дворецкого, в молодости поехал по свету, даже на Сильване бывал, видывал виды... Он мне и сказал твердо: барышня, не связывайся! Душу погубишь! Ничего, мол, доброго из зеркал выйти не может...

– И тогда... – сказал Сварог.

– И тогда я ему написала, что разрываю обручение – хоть оно и с записью...

– Как это? – искренне не понял Сварог.

– Так у нас заведено, государь. Есть просто обручение, его еще можно отметить, совсем даже легко, но после простого обручения происходит другое, уже серьезнее, с клятвенной записью в шнурованной книге королевского нотариуса нашей губернии, и вот оно-то имеет почти такую же силу, как законный брак, отказаться от него по простому капризу никак нельзя. И глэрд, и королевский пристав тебя заставят, как миленькую, и будут правы по закону. Вообще-то, правило полезное, оно для того и придумано, чтобы к браку относились серьезно и никому не было кривды... только в таких вот случаях, вроде моего, оборачивается скверной стороной. Потому я вместе с письмом глэрдку отослала и прошение вашей королевской милости – написала, что у меня есть веские причины идти против установлений, что жених мой, как и его дядя, – завзятый чернокнижник, и в семью к ним я ни за что не пойду... Только от вас пришло распоряжение оставить все по-прежнему... Так и написано: «Оставить в прежнем состоянии». И ваша подпись. Хотите, покажу? Вот оно у меня, в холстинку завернуто...

Обнаружив свою несомненную подпись на листке бумаги с Малой королевской печатью, прищипленном к прошению с помощью засургученной булавки, Сварог смущенно опустил глаза. Сказал виновато:

– Я же говорил – секретари подносили вороха бумаг... Скорее всего, я твоего прошения и не видел вовсе, а видел сделанный писцами экстракт на две строчки, с пометкой заведующего канцелярией. Согласуюсь с этой пометкой, я и подмахнул...

– Как же так можно, ваше величество...

Сварог поерзал на шатком стуле. Не стоило посвящать ее в запутанные дебри бюрократии, причудливые странствия бумаг, резолюций и пометок, способных надолго ошарашить человека неподготовленного...

– На другой день прискакал королевский пристав, то есть ваш, – сказала девушка. – Вся округа знает, что он у глэрда на полном содержании, с потрохами, душой и телом... Велел мне нынче же готовиться к свадьбе. Я так понимаю, жених мой проболтался дяде. Убить меня они опасались, вот и решили

быстренько устроить свадьбу, чтоб обезопаситься на будущее. По нашим законам, будет вам известно, супруги друг против друга свидетельствовать не могут, их показания изначально в расчет не принимаются... Я, конечно, взвилась, у меня кровь отцовская, буйная. А его, должно быть, крепенько настропалили, чтобы без меня не возвращался. Врезал мне по шее – до сих пор больно, – обозвал непристойным словом и заорал, чтобы я собиралась в три минуты, иначе он меня за волосы притащит... Он даже и не дворянин вовсе, из градских обывателей выслужился... Мои вассалы его сгоряча приложили пастушьим посохом по темечку – всего-то разок, зато на совесть, он и не дрыгался почти, душа вылетела, как пробка из бутылки... И ничего мне больше не оставалось, кроме как поднимать мятеж... Одна была надежда – что на суде вашей милости все же дадут объясниться, а там – как знать...

Сварог грустно покривил губы. Конечно, мятежников, объявивших рокош по всем правилам, не полагается вешать на месте, их непременно должен судить Высокий Суд Королевской Скамьи... если выживут при штурме. Десять против одного за то, что успевшая принять водочки гвардия, разгоряченная боевым азартом и разъяренная неизбежными потерями, с ходу порубила бы в капусту всех, до кого смогла бы дотянуться клинками, как оно частенько и случается. В общем, глэрд Рейт рассчитал все почти безошибочно, и шансы выиграть у него были: Сварог мог и не поехать к замку. А глэрд мог лично принять участие в штурме – он же сюзерен здешних мест, это, в конце концов, его обязанность – и уж нашел бы случай дотянуться до девчонки, даже уцелей она при штурме... Неглупо.

– Собирайся, – решительно сказал он, вставая. – Побеседую я по душам с твоим глэрдом, так, что надолго запомнит...

Глава одиннадцатая ОТРАЖЕНИЕ ЗОЛОТА

... В сводчатом подвале, расположенном значительно ниже уровня земли, было душно и темно – на стене, воткнутый в ржавую железную державку, чадил и потрескивал одинокий смоляной факел. Здоровенный одноглазый субъект самого неприятного облика, стоя лицом к присутствующим, ворочал железные прутья, раскалявшиеся на углях в продолговатом железном же ящике, столь невозмутимо и буднично, словно готовил шашлык, а не пытошные орудия. Из одежды на нем имелась лишь короткая кожаная юбка. Его подручный, столь же здоровенный и неприятный – вот только у этого оба глаза были целы, – громко ругал третьего, должно быть, самого младшего по должности:

– Ты что принес, орясина? Тебя за чем посылали? – Он встряхнул лязгнувший мешочек. – *Подноготные* гвозди тоненькие, как бабские шпильки, они ж на самом виду лежат, под клещами для откусывания яиц... А ты мне что приволок? Гвозди для забивания в задницу. Думать надо, иначе всю жизнь так и будешь гвозди мастерам подавать... Посмотри на *постояльца*, дубина! Жирноват постоялец, в такой заднице любой гвоздь увязнет, такому первым делом нужно под ногти заколотить, еще до того, как железом погрели... Паш-шел! Чтобы вихрем мне принес подноготные! Да смотри, клещи не перепутай! Как они выглядят, которыми яйца откусывают?

– Оне широкие... – робко отозвался подручный.

– Хоть чего-то в башке задержалось! Правильно, золотце! Вот под ними и лежит мешочек с подноготниками... Бегом, чтоб подошвы горели!

Подручный, гремя гвоздями в мешочке, ошалело выскочил в низенькую дверцу. Сварог, сидевший на низкой неструганой лавке, обеими руками ослабил застежки кружевного воротника. Глянул в сторону – там, надежно привязанный к вбитым в кирпичную кладку железным костылям, с кляпом во рту помещался глэрд Рейт, не обремененный одеждой вовсе. Судя по его белому лицу, текущим вперемешку со струйками пота слезам, гримасам и выкаченным из орбит глазам, устремленным на раскалявшиеся понемногу прутья, благородному господину было немного не по себе. Однако Сварог не чувствовал к нему ни малейшей жалости – и, откровенно говоря, ничуть не тяготился здешней обстановкой. Одно из тех житейских дел, коими королям, увы, приходится порою заниматься...

Глэрд Баглю, заложив руки за спину, вышагивал по подвалу из конца в конец, его породистое лицо пылало нешуточным охотничьим азартом. Печать профессии, знаете ли: будь ты трижды герцогом из невероятно древнего рода, многолетние труды по управлению секретной службой накладывают свой отпечаток. Сейчас он был на *троне* – и, как хороший охотничий пес, трепетал от возбуждения.

Палач, ухватив рукой в толстой перчатке холодный конец раскаленного прута, поднял его над углями. Довольно хмыкнул: прут раскалился так качественно, что напоминал уже не железо, а прозрачный столбик багрового, невыносимо жаркого пламени... Судя по звукам, Рейт обмочился самым позорным образом.

– Сразу железом погладим или сначала подноготные прикажете, ваша ми-

лость? – буркнул палач. – Где этот болван провалился...

Взглядом поманив глэрда, Сварог вышел с ним в соседнее помещение, столь же сводчатое и душное. Там со вбитого в потолок кольца свисали толстые ремни, на лавках и просто на полу навалом лежали всевозможные замысловатые штуки, способные сделать пессимистом любого.

– Послушайте, Баглю... – тихонько сказал Сварог. – А он, часом, не сдохнет? Он и так-то ни жив ни мертв... Может, начнете с племянника?

Баглю загадочно усмехнулся:

– Мой король, вы, уж простите, плохо разбираетесь в тонкостях нашего неприглядного ремесла... Во-первых, означенный племянник – здоровенный детина и отнюдь не трус, с ним было бы гораздо больше возни. Во-вторых, главой предприятия является как раз дядя. В-третьих же... Вам следует глубже изучить законы и уложения собственного королевства. В случае, если преступник не был взят с поличным, если следствие не располагает неопровержимыми уликами, пытку можно применять лишь в том случае, если на то дадут письменное разрешение четырнадцать присяжных королевского суда, равных обвиняемому по положению, титулу, званию, сословию... Как показывает опыт, присяжные опять-таки требуют доказательств и улик... Конечно, вы как король можете отринуть законы и повелеть пытать по вашему высокому желанию... но к чему вам репутация тирана? Увы, у нас нет ни малейших улик. Вы сами видели то зеркало – оно ничем не отличается от других... Если из него и в самом деле в урочный час полезут какие-то твари, этот час надо еще знать, дожждаться его... В замке мы не нашли никаких *странных* предметов, никаких следов нечистой силы или черной магии...

– Но отчего же вы в таком случае...

– Государь, – проникновенно сказал Баглю. – Милейший Рейт – не из храбрецов. Ручаюсь, у него сейчас вылетели из головы все юридические тонкости, вы же видели, как его корежит...

– Ах, вот оно что... – с ухмылкой сказал Сварог. – Ну, тогда следует ковать железо, пока горячо...

– Именно это я имел в виду, государь.

– Пойдемте, – сказал Сварог. – Пока не опомнился, сукин кот, и не начал вопить о своих правах... Я постараюсь вам не мешать, милейший Баглю.

– Наоборот, ваше величество! – живо воскликнул Баглю. – Было бы просто прекрасно, если бы вы... Я не осмелюсь предложить своему государю соучаствовать в нашем треклятом ремесле, однако... Вы решили, он пришел в такое отчаяние оттого, что испугался меня? Лестно, конечно, для моей скромной персоны, но на деле, будь я здесь один, он быстренько справился бы с собою, вспомнил о своих законных правах, о том, что я, по сути, такой же глэрд, и не более того... Он *вас* боится, понимаете? Простите за правду, но за вами после всех ваших приключений тянется шлейф грозной загадочности. Никто ничего не знает толком. Публике известны лишь результаты ваших свершений – и народная молва, по-моему, совершенно справедливо, расцвечивает известное ей домыслами и пересудами, подозревая, что на поверхности лишь вершина, а есть еще могучие корни, пребывающие во мраке... Я и сам так думаю, извините на вольном слове, потому что давно занимаюсь этой грязной работой и хорошо представляю, сколько остается под землей. Что же тогда говорить о фантазии толпы? Одним словом, это вы его ввергаете в смертельный ужас...

– Ну что ж, – сказал Сварог. – При такой сволочи и в палачах состоять как-то не зазорно... Пойдемте.

Они вернулись в помещение, где в углу мрачно сидел брат Фергас, невозмутимый главный палач позванивал раскаленными прутьями, а прикрепленный к костылям глэрд Рейт дошел до крайней степени слабодушия, о чем недвусмысленно свидетельствовал распространившийся по подвалу запах, поневоле заставивший Сварога закрыть нос платком.

Он все же превозмог себя, подошел почти вплотную и, зловеще уставясь на пронзительно пахнущего Рейта, с расстановкой спросил:

– Вы, сдается мне, решили, что надолго обосновались в этом неудобном местечке? Глупости, Рейт. Это глэрд Баглю, человек романтической натуры, полагает, что нет на свете ничего страшнее железок, которыми забавляется вон тот хмурый дядька... Да полноте, вы еще не бывали в гостях у меня в Хелльстаде, незнакомы с тамошними милыми созданными, которые нормальному человеку и в страшном сне не привидятся... Вот именно, глэрд. К чему мне здесь, в Глане, репутация тирана и зверя, безжалостно пытающего титулованных дворян? Я вас нынче же заберу к себе в Хелльстад, там вы быстренько поймете, что такое настоящее узилище и настоящие ужасы. И никто не станет требовать у меня отчета – ну какие в Хелльстаде, к лешему, присяжные? Я там и без них обхожусь. И косточек не найдут...

Решив, что затягивать удовольствие дальше неразумно – чего доброго, померет с перепугу, – сделал одноглазому многозначительный жест. Тот, поняв его совершенно правильно, бесшумно приблизился и двумя мощными пальцами выдернул изо рта Рейта добротный многоразовый кляп из кожаного мешочка с пенькой.

Какое-то время глэрд осторожненько закрывал рот, медленно возвращая в нормальное состояние сведенные судорогой мышцы лица. Потом, косноязычно шевеля языком и пуская слюни, пролепетал:

– Ва... ва...

Сварог терпеливо ждал, когда родится что-то более осмысленное.

– Ва-ва-ваше вели...

– Ну да, – сказал Сварог. – Это я, мое величество. Полновластный король здешней державы. А вы, милейший, – лукавый, злокозненный подданный, который едва не погубил невинного человека, да вдобавок, что гораздо тяжелее, связался с неведомой нечистой силой, выползающей из зеркал без всякого дозволения тамошни и пограничной стражи... Что же, прикажете вас кормить пряниками и придворные звания жаловать? Плохо вы меня знаете... Обращению с публикой вроде вас я учился у моего соседа и брата Конгера Ужасного, а у него, должен вам сказать, если разоблаченного куманька нечистой силы сжигают на костре, тот считает, что ему крупно повезло, – потому что иные помирают долгонько...

– Государь! – отчаянно возопил Рейт. – Чем угодно клянусь: они к нечистой силе не имеют никакого отношения! Я – слабый человек, поддавшийся соблазну, что есть, то есть, но не настолько я не дорожу жизнью и душой, чтобы связываться с нечистым! Спросите брата Фергаса, он ведь наверняка с вами был в моем замке! Они странные, верно, только не имеют они ничего общего с нечистой силой!

Брат Фергас, вовсе не настроенный разрушать столь успешно протекавшее

дознание, уперся в него тяжелым взглядом и молчал, явно не собираясь выступать в роли адвоката.

– Интересно, откуда мне знать, правду вы говорите или опять врете по своему подлому обыкновению? – спросил Сварог хмуро. – Тебя, мерзавца, спасет лишь полная откровенность. Как только начнешь врать или вилить...

– Ваше величество! – истово воскликнул Рейт. – Располагайте мною, умоляю!

Сделав вид, что пребывает в задумчивости, Сварог старательно нахмурился, подперев чело рукой, потом поднял голову и громко распорядился:

– Эй, кто-нибудь! Отвяжите его и дайте какую-нибудь дерюгу, чтобы не оскорблял нашего королевского взора столь отвратным видом. Только сначала хорошенько вытрите его чем-нибудь, чтобы я мог свободно вздохнуть...

Он был доволен собой – изъяснялся в добротном стиле тех самых рыцарских романов, к которым пристрастилась Мара, а сам он их лишь пролистывал перед сном, чтобы заснуть наверняка.

Палач с помощниками отвязали благородного глэрда, привычно облили его водой из бадейки, обтерли ветошью, накинули на плечи какую-то драную холстину и, подчиняясь жесту Сварога, выпихнули в соседнее помещение.

– Садитесь уж, – сказал Сварог, указывая на широкую лавку. Однако глэрд шарахнулся от предлагаемой мебели, как черт от ладана. Присмотревшись, Сварог понял причину: снабженная воротами и кольцами скамья была явно предназначена для следственных действий вроде растягивания. Дрожа, кутаясь в рванину, глэрд отодвинулся в уголок, подальше от длинных щипцов, воронок и прочих интересных приспособлений, уселся там на корточки, легонько постукивая зубами. Сварог, не чинясь, уселся на помянутую скамью. Там же поместились Баглю с монахом, а главный палач встал над допрашиваемым, хмуро пояснив:

– Оне иной раз норовят башку об стену разбить, чтоб, значит, ноги сделать от правосудия...

– Ну что вы, друг мой, – сказал Сварог почти весело. – Наш благородный глэрд, я уверен, любит жизнь во всех ее приятных проявлениях и ни за что не станет добровольно ее укорачивать... Но вы все равно стойте, где стоите. В самом деле, мало ли... Итак?

– Я их не звал! – сообщил Рейт, ежась. – Отроду не занимался чернокнижьем, и в замке у меня вы ничего подобного не найдете!

– Мы и не нашли, – сказал Сварог. – Вот только у меня есть подозрение, что это еще более запутывает дело...

– Ну что вы, государь! Все просто! Вернее, это теперь кажется простым и привычным, а сначала я испугался насмерть... вернее, не испугался, а удивился, потому что тогда, два года назад, они не сами показались, начали подбрасывать золото... Зеркало висело в замке с незапамятных времен, и никогда за ним не замечалось никакой чертовщины...

Сопя и хлюпая, стена и ежась, он попытался было углубиться в исторические изыскания, повествуя о заслугах своих предков и себя лично перед предшествующими гланскими королями, но Сварог эти поползновения пресек моментально и безжалостно, прикрикнув ледяным тоном:

– Предками тут не заслонишься. А передо мной у тебя заслуг нет, одни прегрешения. Без лирики мне, а то сюда уложу! – похлопал он ладонью по пытош-

ной скамье. – И подрасти помогу, а то что-то ты у нас коротковат...

Под чадящим факелом бесшумно примостился писец, нацелил карандаш на бумагу с ловкостью человека, привыкшего споро работать и в столь неприятных условиях. Тяжко вздыхая, глэрд Рейт стал описывать историю своего морального падения, попутно предаваясь самобичеванию и выдавая всех, кого только мог вспомнить и припутать.

Как многое в нашей жизни, эти события развернулись совершенно неожиданно. В одно прекрасное утро озадаченный дворецкий сообщил хозяину, что с большим фамильным зеркалом в «доспешной зале» происходит какая-то чертовщина. Прибыв на место происшествия, хозяин собственными глазами убедился, что сказано, пожалуй, слишком мягко. Зеркало, как ему испокон веков и полагалось, исправно отражало все одушевленные существа и все неодушевленные предметы – вот только на той стороне лежал у самой рамы желтый предмет размером с кулак, которого на этой стороне не было. Здесь его не было, а там он был.

Призванные в качестве независимых свидетелей племянник глэрда и двое доверенных слуг с ходу констатировали, что ни хозяину замка, ни дворецкому вовсе не чудится, – желтый предмет, словно бы металлический, а формой больше всего напоминающий полушарие, и в самом деле лежит на *той* стороне при полном отсутствии его аналога на этой.

Воцарилось тягостное недоумение. Все гипотезы, на какие только хватало взбудораженной фантазии, не поддавались проверке экспериментальным путем, поскольку никто представления не имел, как попасть в Зазеркалье. Очень быстро сами собой на ум пришли древние легенды и жуткие рассказы о неведомых зазеркальных обитателях и их несомненной связи с тем, кого негоже поминать к ночи, – да и среди белого дня произносить это имечко неуютно.

Племянник, как человек юный и вольнодумный, стоял на том, что из зеркала вовсе не обязательно приходят одни напасти, – есть и легенды прямо противоположные, хотя их гораздо меньше. Дворецкий, как человек старого закала, видел тут в первую очередь происки нечистого. Глэрд колебался меж двумя крайностями, а слуг, в общем, особо и не привлекали к дискуссии.

В конце концов послали в деревню за Кривым Маком – старикашкой вредным, хвастливым и пьющим, но все-таки обладавшим кое-какими несомненными способностями колдуна и чертозня, в чем давно убедилось поколения три крестьян, да и благородных дворян. Прибыв на место, Мак первым делом сожрал бараний бок и насосался глэрдова лучшего пива от пуза, долго чванился и расписывал свои подвиги, потом все же взялся за дело, побуждаемый частью звоном золота под носом, частью угрозами стереть в порошок и подвести под стародавнюю, но до сих пор официально не отмененную статью закона «о предерзостных ведунах». Мак завонял весь первый этаж, сжигая какие-то сушеные корешки и зелья, изрисовал дубовый паркет углем и мелом, забодал всех громкими невразумительными заклинаниями, но все же в итоге твердо заверил, что никакой нечистой силы он тут не зрит. Не зрит, и все тут, хоть ты тресни. Посоветавшись, ему поверили – субъект, конечно, был своеобразный, но, по устоявшемуся мнению всей округи, дело свое знал и профессиональной репутацией дорожил. Страхи рассеялись, недоумение осталось.

На другой день, утречком, благодаря налаженной дворецким сети внутри-

замкового стукачества, был вовремя изобличен и задержан один из двух посвященных слуг, пытавшийся покинуть замок с тем самым желтым предметом в кармане. После парочки затрещин и угрозы без всякого суда сгноить в подземелье он признался, что на рассвете обнаружил эту штуку уже на *этой* стороне и беззастенчиво прибрал к рукам, потому что по весу эта загадочная хреновина больше всего напоминала то ли золоченый свинец, то ли золото.

Слугу заперли в подвал и снова послали за Маком, приказав подать из кухни пиво и бараний бок. Часа два провозившись с загадочной находкой, начав и на шумев не меньше, чем в прошлый раз, Кривой не обнаружил связи ни с черной магией, ни с нечистой силой. Тогда глэрд, севши на коня и поскакавши в столицу – а столица та была недалеко от села, – явился к знакомому ювелиру, которого знал давно и мог на него полагаться.

Ювелир, затратив вдесятеро меньше времени, чем Мак, с помощью сугубо профессиональных методов изучил предмет и заверил, что они имеют дело со слитком чистейшего золота, чья стоимость... Глэрд не велел ему продолжать – он и сам отлично разбирался, сколько может стоить слиток высокопробного золота величиной с мужской кулак. Сумма получалась приличная даже для вполне зажиточного глэрда.

Таким образом, в головоломной загадке моментально обнаружались и приятные стороны. В ту же ночь глэрд Рейт, его племянник и верный дворецкий, погасив все лампы, засели в «доспешной зале», на всякий случай вооружившись до зубов и прихватив все отыскавшиеся в замке божественные книги, числом полторы (не часто, увы, в сем замке обращались к писаниям святых мудрецов, и полторы-то еле наскребли...).

Примерно за полчаса до полуночи зеркало, насколько удалось рассмотреть в лунном свете, помутнело, покрылось странными огоньками, мерцающими и кружащими, минут через несколько все они погасли, а туман рассеялся – и по ту сторону зеркала обнаружилась непонятная фигура, укутанная в балахон с капюшоном, освещенная слабым источником света так, чтобы ее было видно. В нее едва не пальнули сторяча, но опомнились – кто, кроме этого создания, мог положить сюда золото? Чистейшее и на приличную сумму?

Неприятным голосом, не вполне похожим на человеческий – глэрд особо отмечал это обстоятельство, хотя и не мог объяснить, в чем же отличия, – фигура вполне членораздельно и внятно попросила их не пугаться, заявив, что является существом из плоти и крови, не имеющим ничего общего с нечистой силой, и намерена заключить взаимовыгодное соглашение вроде торгового, а в знак серьезности своих намерений и дружелюбия уже выплатило маленький задаток.

Слово «задаток» глэрдку весьма понравилось, а еще больше привлекало то, что слиток золота величиной с кулак существо небрежно поименовало «маленьким». Перспективы открывались интереснейшие. Расхрабрившись, глэрд велел спутникам убрать подальше оружие, а загадочного гостя в балахоне пригласил выйти из зеркала, присесть за стол, как принято меж благородными людьми, и обсудить все по-деловому, а не на ногах, подобно продающим корову простолюдинам. Гость вышел, предупредив предварительно, что он на той стороне не один, и в случае какого-нибудь коварства за него отомстят молниеносно и надежно. (Что, между прочим, свидетельствовало о некоторой осведомленности существа о человеческой природе и психологии.) Глэрд и не

помышлял о каких-то коварных ходах: дело было не только в золоте, он слишком хорошо понимал уже, что создания, способные забросить на нашу сторону из Зазеркалья слиток золота, могут, пожалуй что, набросать оттуда и каких-нибудь зажигательных снарядов в самый неожиданный момент. Да и разглядел уже, что зеркальное стекло исчезло начисто, что на *той* стороне нет уже отражения зала, зато в полумраке шевелятся смутные фигуры, направив в их сторону дула и жерла.

Уселись тут же, в зале. Глэрд так и не видел ни лица гостя, ни хотя бы кончика пальца, но тот, по крайней мере, мог сидеть, как человек, а изъяснялся вполне вразумительно, лексикон его был богат, речь – гладка. По размышлении глэрд вынужден был признать, что, не видя собеседника, а лишь слыша, принял бы его за обыкновенного образованного человека, а то и дворянина. То, что голос загадочного гостя был скрипучим и каким-то *не таким*, картину не портило – в конце концов, глэв Гюсан, которому искусные лекари вставили серебряную трубку в развороченную картечью на войне глотку, хрипел и скрипел при каждом слове не в пример диковиннее, а вот поди ж ты, привыкли и научились понимать...

Вскоре выяснилось, что незнакомец в балахоне – своего рода купец, но не простой, а высокопоставленный, что-то вроде старшины Сословия Мер и Весов, если переводить на привычные мерки, а с подобным купеческим сановником и дворянину сидеть за одним столом не зазорно. И дело его опять-таки насквозь знакомое: означенный субъект «по ряду причин, излагать которые было бы слишком долго и сложно», намеревался проложить через «доспешную залу» глэрда нечто вроде торгового маршрута, за что, конечно же, готов был платить владельцу данного места, как принято в цивилизованном обществе. По его заверениям, место, откуда он вышел, было не какой-то там магической страной или обиталищем нечестивых демонов, а обыкновенным миром, таким же, как Талар или Сильвана, но расположенном в пространстве так заковыристо, что он, гость, и сам толком не понимает, как это можно объяснить обыкновенными человеческими словами, поскольку, к тому же, не обременен особой книжной ученостью, предпочитая торговые дела.

Глэрд и сам не особенно требовал научных объяснений – его гораздо больше интересовали материальные вопросы. Он быстренько смекнул: очень похоже на то, что какие-либо *другие* зеркала загадочного гостя не устраивают, что именно это, в замке, ему позарез необходимо. Как с Кантарийским перевалом: нет в округе другого места, где было бы так удобно проложить большую дорогу, нет, хоть ты тресни, и тому, кто вознамерился бы сделать крюк, пришлось бы отмахать добрых две сотни лиг. Вот и платят купцы соответствующую пошлину благородному глэву, на чьих родовых землях помянутый перевал расположен, крихтят, жалуются, но платят, никуда ведь не денешься, поедешь в обход – еще больше затратишь...

С *этой* точки зрения глэрд и повел дальнейшую беседу. Существо в балахоне мысли Рейта уловило моментально – и весь последующий разговор представлял собою банальнейший торг. Глэрд боялся продешевить, а существо, хоть и издавало звуки, вполне соответствующие крихтению, хоть и порывалось пару раз, совершенно как опытный таларский купец, убраться восвояси, но все же не очень торопилось, подтверждая тем самым первоначальные догадки глэрда, что особого выбора у загадочного гостя-то и нет. После демон-

стративных вскакиваний и прощаний, после торга и взаимных обвинений в чрезмерной алчности дело все же начало понемногу налаживаться. К рассвету ударили по рукам – чисто в переносном смысле, поскольку конечностей гостя глэрд так и не увидел, о чем не особенно и сожалел: а зачем, собственно? Какая разница, как выглядит конечность, протягивающая тебе золото?

И по тропе двинулись караваны... В течение двух лет деловые партнеры с той стороны появлялись из зеркала строго по своему расписанию – один раз в одиннадцать дней, которое не нарушили ни разу. Число путешественников, наоборот, не было чем-то незыблемым и неизменным: как правило, от семи до десяти, а иногда с ними были один-два тяжело навьюченных ящера. Всякий раз они успевали от заката до рассвета проделать путь со своей поклажей от замка глэрда до морского берега и обратно (иногда кто-то из них уплывал с грузом на корабле, иногда – нет). Поскольку маршрут этот пролегал по землям глэрда и его вассала, малолетней гланфортессы, где чужие появлялись крайне редко (а ночью и свои не болтались под звездным небом), тайну удавалось хранить надежно.

Откуда взялся корабль, на котором увозили грузы, глэрд не имел представления. Ему просто сообщили, что корабль придет, и посоветовали арендовать у юной дворянки единственный подходящий для импровизированной пристани участок на многие мили побережья. (Сам он, обдумав все, высказал предположение, что стал не первым и не единственным из таларских жителей, кто наладил с «балахонщиками» торговые дела.) Как же иначе, если на корабле были самые натуральные люди?

Разумеется, пришлось как следует поработать со слугами. Им преподнесли версию, которая никого не удивила, потому что не несла в себе ничего нового и необычного: его светлость тоже решил в конце концов заняться контрабандой. В пограничных местностях, так уж истари повелось, отношение к контрабанде незатейливое и насквозь житейское – как у крестьян к севу или выпасу овец...

Следить, ясное дело, приходилось недреманно. За эти два года с жизнью распрощались пятеро слуг – кто по пьянке наговорил в деревенской корчме лишнего, кто чересчур уж нагло потребовал увеличения платы за молчание, а один вообще собирался, как честный подданный его величества, донести в полицию. *Отбытие* из нашего мира всех пятерых было обставлено столь продуманно, что никто ничего не заподозрил. По тем же причинам пришлось, пусть и с болью душевной, *расстаться* с Кривым Маком, каковой тоже начал звонить языком на всех углах, а в силу непредсказуемости характера старикашки любые заключенные с ним договоренности были вилами на воде писаны. Пряча глаза и проронив слезинку, глэрд поведал, что ни у кого так и не возникло мыслей, будто смерть седого чертозная вовсе не была следствием неумеренного потребления спиртного.

Легко догадаться, что глэрд старал от любопытства, пытаясь выяснить, что же лежит в загадочных тюках и ящиках, но никак не мог до них добраться, все его предложения о помощи в переноске решительно отвергались. Где-то через год, когда взаимовыгодные отношения устоялись и окрепли, он все же поставил вопрос ребром, заявив: как он может быть уверен, что его не обманывают с выплатами пошлины, если не знает, что в мешках? И пригрозил разорвать прежние договоренности в одностороннем порядке.

Вновь состоялся разговор по душам – если точнее, откровенная свара, но, как и рассчитывал хозяин замка, более подходящего маршрута у его зазеркальных друзей, похоже, не имелось. Ему показали содержимое нескольких тюков по его выбору, но, вот незадача, подавляющее большинство обнаружившихся там предметов настолько не походили на что-то известное, что об истинном их предназначении глэрд просто не мог догадаться (как и сам Сварог, добросовестно выслушавший длиннейшие, но не ставшие от этого понятными описания). Лишь некоторые вещички вроде уже конфискованных людьми Баглю у пастухов «водяной лампы» и «волшебной сковородки» оказалось возможным приспособить к повседневным нуждам (как и полдюжины других, найденных в замке опять-таки ищейками Баглю). Глэрду они были не столь уж и необходимы, но из чистого стяжательства он требовал присовокупить их к обычной плате.

Будущее казалось безоблачным – «зазеркальщики» пока что не собирались искать новый маршрут либо отказываться от старого, после брака племянника с хозяйкой замка Барраль ее земли должны были самым естественным образом соединиться с глэрдовыми (и побережье в том числе), купленный с душой и потрохами королевский пристав, со своей стороны, обеспечивал тайну и безопасность...

Беда, как водится, грянула неожиданно. Слабым звеном в цепочке оказался родной племянник, кровиночка, сволочь этакая. Кто же мог предположить и просчитать заранее, что он, пылая плотскими желаниями, устроит невесте экскурсию с демонстрацией кое-каких диковинок? Отправить паршивца следом за Кривым Маком и ненадежными слугами не поднималась рука – кроме племянничка, у вдового и бездетного глэрда других наследников не было, земли при другом раскладе отошли бы короне как выморочные, а герб был бы принародно перевернут, что означало пресечение рода. Пришлось помиловать обормота, измочалив, правда, об него арапник, – и ускорить свадьбу, насколько возможно. В Барраль был отправлен продажный пристав... Последствия известны.

...Сварог долго вдыхал полной грудью свежий вечерний воздух, казавшийся невероятно сладким после подвальной духоты, пропитанной дерьмом, копотью и грехами человеческими. Потом задумчиво сказал:

– Он не врал, я уверен. Вполне возможно, о чем-то я попросту не спросил, но любое вранье я бы выявил... В самом деле, это никак не похоже на нечистую силу...

– Решительно не похоже, – кивнув головой, подтвердил брат Фергас. – Ни малейших следов мы не выявили. Что ж, так легче...

– Смотря кому, – поморщился Баглю. – Лично мне, как главе известной канцелярии, крайне неприятно, что под носом у меня регулярно проскальзывают контрабандисты. То, что они приходят из зеркала, ситуации не меняет – из зеркала ты там или откуда, а пошлину платить изволь, и документы у тебя должны быть в порядке...

– Рейту они говорили, что таскают свою поклажу из одного *ненашенского* мира в другой... – протянул Сварог. – Но вы правы, милейший Баглю: пользоваться нашим миром без нашего дозволения – по меньшей мере бестактно. А по большому счету, это вульгарнейшее нарушение наших законов. И отвечать должен по всей строгости.

– Никуда они от нас уже не денутся, – мстительно поведал Баглю. – Замок занят гвардейцами, всех без исключения причастных мы перехватили и посадили под замок. День следующего визита знаем точно. Уж я их встречу... Не смотрите так, государь, я не собираюсь, словно глупый юнец, бросаться с голыми руками на эти их жерла. Дадим им выйти и тихонечко сграбастаем на полпути к морю. А тот корабль никуда не денется, наши корветы перехватят. Вообще-то, ваше величество, о *подобных* случаях я должен незамедлительно ставить в известность Канцелярию земных дел, ее восьмой департамент...

Сварог спокойно сказал:

– Но ведь вам известно, что совсем недавно ее величеству императрице было угодно распорядиться о создании еще одной конторы, чей глава стоит выше милорда Гаудина?

– Разумеется... господин капрал Небесной лейб-гвардии!

– Так-то, – сказал Сварог. – То, о чем восьмой департамент не знает, ему и не повредит... Я дам вам людей, вооруженных кое-чем посерьезнее мушкетов. Опасаюсь, у этих созданий под балахонами может оказаться и оружие... Одно-го я не пойму: почему никто в округе не заметил вьючных *ящеров*? Создания в балахонах еще могли в ночном мраке сойти за людей, но ящеры-то?

– Ваше величество... – легонько усмехнулся Баглю. – Вы, должно быть, невнимательно читали ученые книги о гланской фауне... У нас еще водятся горные вараны, нигде на континенте их уже не осталось, вымерли, а у нас тысячи две осталось. Есть умельцы, которые приучают пойманных совсем крохотными детенышей и к плугу, и к вьюку. Так что здесь нет никакой загадки: их ящеры очень похожи на горных варанов, только и всего...

Он неотрывно следил за каретой с занавешенными окнами, стоявшей у входа в подвал. Вывели глэрда Рейта, закутанного в плащ с опущенным капюшоном, затолкали внутрь, стражники вскочили на запятки – и карета тронулась.

– Езжайте, милейший Баглю, – сказал Сварог. – Я же вижу, вы сгораєте от нетерпения продолжить разговор, вытряхнуть из него все остальное... Езжайте.

Баглю с видимым облегчением поклонился, бросился к своему коню, взлетел в седло и поскакал вслед за каретой, уже свернувшей к главным воротам королевского замка. Сварог медленно зашагал по брусчатке бок о бок с монахом. Поодаль маячил слуга, но приближаться опасался, полагая не без резона, что его величество поглощен важнейшими государственными делами.

– Как же вы проморгали... – произнес Сварог.

– Потому и проморгали, что это нечто насквозь житейское, – задумчиво сказал брат Фергас. – Не имеющее отношения к потустороннему, к магии... И ведь не только мы проморгали... А в общем... Наши Братства не всемогущи, государь. Конечно, досужие языки нам приписывают нешуточное могущество и обладание некими страшными тайнами, но признаюсь, ваше величество, в этом все же много от сказок. Нет ни особого могущества, ни каких-то тайн. Просто-напросто мы старые и опытные *охотники* – вот и все... Боремся с Тьмой, как умеем. А упорство и решительность, увы, не всегда заменят могущество... Тот же случай, что и с вами, уж простите за дерзость. Вам тоже присуща решимость и упорство, но они не делают вас всемогущим...

– Да уж, к великому моему сожалению... – сказал Сварог печально. – Нужно

нам с вами как-нибудь выбрать время и обстоятельно поговорить по душам, причем я буду выступать не в роли короля, а в качестве главы той самой конторы, о которой мы говорили с Баглю... Меня беспокоит Горрот... даже не сам Горрот, а то, что внешне там все благополучно, все в рамках имперских законов и установлений – но, я уверен, есть и *оборотная* сторона.

– Полностью с вами согласен, – кивнул брат Фергас. – Не примите за лесть, государь, но вы нашли отличную формулировку. Полная открытость и благолепие – и некое потайное дно, как в старинных шкатулках.

– Значит, вы...

– Мы ничего не можем выяснить, – сказал монах. – Те, кто оттуда возвращаются, не могут выяснить ничего... конкретного. Другие бесследно пропадают, и мы опять-таки не в состоянии отыскать следов. Или улики. О, никто не создает помех деятельности Братства – но люди исчезают, словно тают в воздухе...

– А что, если пойти на него войной? – размышлял вслух Сварог. – Повод найти нетрудно, никого не удивит даже отсутствие повода – когда это оно считалось препятствием к развязыванию войны?

– Для серьезной войны у Глана не хватит сил. Вам ведь нужна не очередная пограничная стычка, а полный разгром Горрота и его захват?

– Желательно бы, – кивнул Сварог.

– У Глана на это никогда не найдется сил. Впрочем, как и у Горрота в отношении нас.

– Союзников бы нам, – сказал Сварог мечтательно. – Коалицию с Ронеро или Снольдером... Попробовать, что ли?

– Ронеро не до нас, – подумав, сказал монах. – Конгер умирает, ему остались считанные дни. А законного, признанного всеми наследника нет – только внебрачная дочь и около двадцати королевских родственников, в большинстве своем людишек пустых и никчемных. В Снольдере обстановка еще унылее – там есть совершенно никчемный король, но нет сильных министров, имевших бы вес... Никакой коалиции нам в обозримом будущем не склотить. Наши Братства не в состоянии выступать в чистом поле против армий...

– Бог ты мой, – в сердцах сказал Сварог. – Я, конечно, и раньше предполагал, что быть королем непросто, но только теперь понял, как это тягостно. Точно знаешь, что хочешь, что нужно сделать, – и отчетливо видишь, что сделать не в силах ничего...

Они понемногу приближались к королевскому дворцу – не столь уж большому зданию старинной постройки, с узенькими окнами и навесными башенками-машикулями, задуманному в первую очередь как рубеж обороны, а не средоточие комфорта. Откровенно говоря, почти спартанская простота сего обиталища Сварогу не очень так уж и нравилась, он был уже чуточку избалован небесной роскошью.

Возле узкого высокого крыльца – опять-таки идеально приспособленного для долгой обороны – стояла Мара в компании нескольких телохранителей. Слуга так и тащился следом, то порываясь подойти, то робко отступая.

– Вам нужно беречься, государь, – сказал монах бесстрастно. – Эта неожиданная вежливость Стахора – я об оставлении им Заречья и Корромира – меня беспокоит даже больше, чем какой-то откровенно враждебный акт...

– Меня тоже, признаться, – серьезно сказал Сварог. – Но вот от чего прика-

жете беречься, святой брат? Не знаете? И я не знаю... Положительно, этому болвану что-то от меня нужно!

Он приостановился и жестом приказал тащившемуся по пятам слуге подойти.

Тот, кланяясь, как подобает, тихо сообщил:

– Государь, в столицу прибыл ваш младший брат...

– Вы что-то путаете, любезный, – сказал Сварог почти весело. – Нет у меня братьев и не было... – И тут же спохватился. – Тьфу ты, я и не подумал... Конечно же, младший брат... Харланский герцог или кто-то из Вольных Маноров?

Старательно пуча глаза и держа руки по швам, слуга доложил:

– Несколько часов назад в столицу на купеческом корабле приплыл король Арира из Вольных Маноров – под вымышленным именем, в сопровождении кого-то из своих баронов, тоже путешествующего инкогнито. Оказавшись в столице, король открыл свое подлинное имя и заявил, что хочет с вами увидеться по конфиденциальному делу... Глэрд Таварош ждет распоряжений... Он говорит, что король настоящий...

– Интересно, какого черта ему от меня нужно? – в недоумении спросил Сварог. И, не стесняясь нарушать этикет перед лицом подданных, размашисто хлопнул себя по лбу. – Я с сегодняшними событиями забыл все на свете... Бони!

– Именно так, государь. Король Арира Бони Скатур Дерс Первый. Подлинное имя барона мне неизвестно, его так и не назвали...

– Ничего, я и сам знаю, – нетерпеливо сказал Сварог, улыбаясь. – Готов биться об заклад, барона зовут Паколет... Ноги в руки, любезный! Марш на кухню, и пусть повара наготовят столько, чтобы хватило на целый платунг голодных драгун! И бочоночек из погреба, из *заветного* отделения! Ну, не стой столбом! Чтоб подошвы горели!

Слуга, оскальзываясь, кинулся прочь – к поварне.

– Добрые знакомые? – спросил монах.

– Друзья, – сказал Сварог, все еще улыбаясь. – А у меня не так уж много друзей... Простите, святой брат, я вас оставлю...

Уверенно стуча каблуками по древней брусчатке, он быстро зашагал к Маре, на ходу прикидывая, как проще и незаметнее всего улизнуть из замка.

Глава двенадцатая

МЕЖДУ НАМИ, КОРОЛЯМИ

Оказалось, незаметно покинуть древние стены – предприятие самое нехитрое... Мара, как командир королевских телохранителей, уже была посвящена в эту тайну, более того, располагала двумя комплектами ключей: своим и личным королевским. Нужно было спуститься в подвал под домиком для стражи у ворот, там, в самом дальнем углу, отпереть низенькую дверцу, спуститься на дюжину ступенек, пройти уардов сто по сводчатому туннелю, выложенному не пропускающим сырости «жабьим камнем», снова преодолеть дюжину ступенек, но уже вверх, – и оказаться в небольшом домике по ту сторону площади, отделявшей королевский дворец от прочих городских строений. Хозяином домика по традиции был отставной гвардеец, надежный и семью семь раз проверенный. За четыреста лет существования подземного хода пользовались им часто – одни гланские короли, подобно Гарун аль-Рашиду, любили прогуляться по своей столице в облике простого прохожего, другие искали за пределами замка любовных приключений, третьи плели какие-то интриги там, где у стен нет ушей... Но задуман и построен был потайной ход в первую очередь не для пустых забав, а с чисто утилитарными целями: чтобы монарх в случае такой необходимости мог бы спастись от убийц. Гланские патриархальные традиции наложили свой отпечаток и на эту область жизни: в отличие от иных держав, где частенько заставляли свергнутых королей подписать бумагу об отречении, после чего все же сохраняли жизнь в каком-нибудь отдаленном замке, гланские заговорщики не разменивались на столь пошлое бумаготворчество, предпочитая попросту и без затей проткнуть короля чем-нибудь острым, чтобы, чего доброго, не сбежал потом из заточения и не отомстил по всей строгости. Шутки шутками, а Баглю рассказывал Сварогу о двух королях и одной королеве, которым этот ход спас жизнь, что за четыре столетия в замке были убиты семеро самодержцев, которым не дали возможности добежать до спасительного подвала...

Отчасти и по этой причине замок Клойн (с которого некогда и взяла начало одноименная столица) Сварогу как-то сразу не пришелся по вкусу. Не особенно и приятно обитать в замке, где имеются пять комнат и две лестницы, некогда запятнанные кровью твоих злодейски загубленных предшественников. (Что интересно, ни один из них отчего-то так и не появился впоследствии в виде призрака. Но это ничуть не повлияло на отношение Сварога к неудобной каменной громаде.)

Вот купленный Марой дом примерно в полулиге от замка – совсем другое дело. Там никого никогда не убивали, там было тесновато, но уютно, а главное, можно обходиться без кучи положенных по этикету постельничих, чашников и прочих холуев, с утра до вечера болтавшихся за дверью то королевской спальни, то королевского кабинета...

Сварог стоял за портьерой, пока замковые слуги расставляли на столе привезенные с королевской кухни яства, вкатывали тот самый заветный бочонок. Слышал только, как Мара покрикивала:

– Громоздите, громоздите! Чтобы стол ломился! Бочонок поставьте просто так, пробку я как-нибудь и сама вышибу! А то знаю я, как в таких случаях бо-

чонки наполовину пустеют...

– Госпожа гланфортесса... – послышался укоризненный тенорок третьего помощника главного королевского кухаря. – Вот уж воистину беспочвенное обвинение...

– Знаю я, – безжалостно ответила Мара. – Оглянуться не успеешь, как ополовините. Кто на пиру в честь коронации печеного фазана под полой унес прямо с блюда? Не я вами заведу, объедалы-опивалы, а то наплакались бы вы у меня... Все выложили? Вот и шагайте восвояси, да пригласите сюда тех двух господ...

Когда захлопнулась дверь, Сварог вышел из своего укрытия, оглядел стол, как положено, ломившийся от массивных золотых блюд, кубков, чеканных мисок, поставцов и чаш. Стол невыносимо заманчиво благоухал тушеным, пареным, пряженым, ставленным и верченым – да вдобавок свою лепту вносили горы фруктов, сладостей и заедок. Несмотря на вороватость, кухари и их подручные свое дело знали – за таким столом и в самом деле не стыдно одному королю принять другого.

Мара присвистнула сквозь зубы:

– Одну копченую рыбу все-таки ухитрились спереть, прохвосты. Хорошо помню, что их было семь, «благоприятное число», а теперь не более чем шесть...

– Не придирайся, – сказал Сварог. – Между прочим, они о тебе то же самое думают – что ты под шумок, пользуясь служебным положением, кормишь своих гостей с королевского стола... А что еще им думать, коли они не знают, что я тут?

И повернулся к двери, чувствуя, как рот сам собой растягивается в улыбке. Дружелюбно рявкнул:

– Ну, что встали, обормоты? Почему никто на шею не бросается? Не к чужим приехали!

Первым вошел Бони – такой же здоровенный, вот только румянца в лице что-то поубавилось, да над ремнем явственно выпирал живот. Двигавшийся следом Паколет тоже мало напоминал уже прежнего тощего недокормыша – щеки у него лоснились, фигура приобрела такую сытую округлость, разве что редкие кошачьи усики остались прежними. Оба и двигались как-то иначе – осанисто, вальяжно, степенно.

– Ну что вы в дверях торчите?! – нетерпеливо воскликнул Сварог, делая шаг вперед.

– Кто ж вас знает, ваше величество, – осторожно сказал Бони, неторопливо продвигаясь к нему. – Вы, говорят, заматерели, не счесть титулов с орденами, Небесным Престолом отмечены... Полезешь по старой памяти ручкаться, позору не оберешься...

– Болваном был, болваном и остался, – сказал Сварог беззлобно, крепко обнял его, похлопал по спине, потом тем же способом приветствовал Паколета. Отстранился, внимательно их оглядел. – Ребятки, а ведь вы, провалиться мне на этом месте, здорово жирком обросли...

– И не говори, командир, – уныло сказал Бони *прежним*, естественным тоном, моментально заставившим вспомнить старые доблестные времена (не столь уж и старые, впрочем, всего-то полгода промелькнуло). – Чего уж нас щадить, скажи попросту: салом заплывааете, кабаны... Святая правда. – Он

звучно похлопал себя пониже ремня. – Эвона, бурдюк топырится, чтоб ему... Привет, рыжая! – обернулся он к Маре. – Волосья отрастила, похорошела-подросла, оружием увешана, как встарь... Много народу поубивала, пока не виделась?

– Мне хватит, – скромно ответила Мара.

– То-то мы, пока шли, видели – из каждой канавы ноги торчат, сразу на тебя и подумали...

– Трепло деревенское, – с достоинством ответила Мара.

– Увы, рыжая, увы... – ответил Бони с той же неприкрытой грустью. – Давно уж не деревенское, а вполне даже королевское. Ты не смотри, что я корону дома на гвозде оставил, – мы нынче тоже настоящие короли, хоть и младшие братья *больших*... А это кто? – Он подошел к Элкону, обошел его кругом, как столб, критически оглядывая. – В очечках, надо же...

В мгновение ока он сграбастал юнца поперек талии, оторвал от пола и ловко крутанул на триста шестьдесят градусов, так, что пятки молодого лара на секунду оказались направленными в потолок. Ухитрившись при этом не уронить у него с носа очки, поставил назад, поцокал языком:

– Хлипковат. Надо полагать, он у тебя, командир, по ученой части?

Элкон сердито поджал губы, но грубость стерпел, вежливо раскланялся:

– Совершенно справедливо изволили заметить, милейший, по ученой главным образом...

– Ну, ничего, дело полезное, – благодушно сказал Бони. – Я вон тоже научился читать не только по-печатному, но и по-писаному, и даже, командир, не поверишь, писать умею! Почти что без ошибок. А если мне на ошибку какая въедливая зараза укажет, я уже не конфузюсь, а спокойно отвечаю: мол, своим королевским указом велел намеренно изменить эту, как ее... орфографию и в данный текущий момент как раз по этой новой орфографии и пишу... – Он похлопал Элкона по плечу. – Молодец, держись командира. У командира редкостный талант выводить в люди всех, кто ему вовремя подвернется под руку и найдет в себе достаточно ума, чтобы встать под знамена, в ряды, так сказать... Вот посмотри на меня, кто я был в прошлом году? Беглый мятежник без гроша в кармане, без документов, без цели в жизни... А теперь? Натуральный король, с подданными, с дворцом, с фаворитками, чтоб их черти взяли... А этот вот хмырь, – показал он через плечо большим пальцем на ухмылявшегося во весь рот Паколета, – и вовсе в Равене кошельки тырил, курей воровал по окраинам. Зато теперь – фу-ты, ну-ты! – ронерский маркиз и арирский барон, поместье у него, замок с башенками, вассалы шапки ломают, орденами звенит... А все почему? Потому что вовремя догадался в ногу маршировать за командиром...

– Все это весьма познавательно, – как ни в чем не бывало поклонился Элкон. – Однако я и без ваших поучений успел понять, что лорд Сварог – личность незауряднейшая.

– А он у тебя с гонором, командир, – фыркнул Бони. – Если еще и не дурак, далеко пойдет... Так-так-так... – сказал он, подошел к столу и, не обращая внимания на заманчиво благоухающие яства, усажившись на Караха, примостившегося на широкой спинке дубового стула. – Чтоб меня об сарай шваркнуло! Натуральный домовый! И в орденах весь, надо же... Отроду не слышал про домовых при орденах, даже с простенькой медалюшкой, по-моему, ни одного не

было...

Карах, тоже уже обучившийся придворным политесам, вежливо ответил:

– Между прочим, любезный король, я имел честь сопутствовать командиру в опаснейших предприятиях, пока вы у себя в деревне гусей пасли...

– Вот уж чего сроду не делал, – беззлобно ответил Бони. – У нас в Скатуре гусей не было. Гуртовщиком был, это точно, не отрицаю, да это ж не позор... Значит, это тоже сподвижник? Ну, в таком случае – наше нижайшее! Командир в сподвижники кого попало не выберет – вон, один я чего стою... Писанный балладный персонаж. Вы чего так скептически ухмыляетесь, господин в очечках? Про меня, чтобы вы знали, самый настоящий поэт самую настоящую поэму пишет, самым что ни на есть стихослагательным манером – то ли блямбом, то ли холерой, не помню точно... В пяти частях, с восхвалительным прологом и прославительным эпилогом. Точно вам говорю, настоящий поэт, из Сословия Свободных Искусств, в трех университетах учился, книжки печатал. Я его не уговаривал, сам из Ронеро приبلудился...

– И жрет у тебя на поварне, поди, за троих? – невинным голоском поинтересовалась Мара. – И вино хлещет за четверых, и золотишко у тебя тянет?

– Не без этого, – чуть смущенно сознался Бони. – А что поделать? Приличный король должен покровительствовать искусствам, это везде написано. Мой придворный стихоплет хоть поэмы пишет и репутацию ценителя искусств мне создает, а просто придворные, все эти там камергеры и кухмистеры, за те же денежки только милости выпрашивают и золотые вилки с солонками со стола прут на каждом обеде... Повесил одного с вилок в зубах, так, ты думаешь, помогло и перевоспитало? Хрена с два! Хоть к столу солонки приколачивай, право слово...

– Вот, кстати, о столе, – спохватился Сварог. – Что же мы стоим, как монументы? Прошу к столу! От души нагромоздили!

К его некоторому удивлению, долгожданные и радовавшие душу гости уселись за стол определенно нехотя, восторгаясь его роскошью и обилием, такое впечатление, исключительно для того, чтобы не обидеть радушного хозяина. Бони лениво пожевал ломтик фаршированной креветками форели. Паколет равнодушно, будто повинность исполнял, отломил крыло у каплуна, плававшего в сложнейшем соусе «семь обжор»... Помнивший их аппетит Сварог поначалу недоумевал про себя, потом спросил прямо:

– Зажрались, ребятки, в королях и баронах?

– Вот то-то и оно, командир... – печально отвечивал Бони, вороша вилок салат с таким видом, словно перед ним была отрава. – Зажрались, зажирили, брюхи ходить мешают... Не было б на свете вина, жизнь и вовсе смысл бы потеряла... – Он поднял сверкнувший неограниченными самоцветами кубок и решительно осушил его до дна. – Что бы мы делали, бедные короли, без доброго винца... Между нами, королями, командир, – кто же знал, что жизнь наша королевская такая паскудная...

– Правда? – серьезно спросил Сварог.

– Святая правда, – не менее серьезно ответил Бони, приканчивая второй кубок вместимостью не менее чем в полторы бутылки. Щеки у него моментально покраснелись прежним деревенским румянцем. – Ты у нас, конечно, дело другое – у тебя, как ни крути, держава *настоящая*. У тебя и войны *взаправдашние*, как у больших, и дворянские мятежи, я краем уха уже слышал, солид-

ные, и армия, и университет, и все такое... А вот знал бы ты, какая это дыра – Вольный Манор! – Его разбирало на глазах. – Неопикуемая дырища! Чтoб ей провалиться со мной вместе! Чтoб только дырка на географической карте осталась!

Мара, насмешливо наблюдавшая за ним, не преминула тут же вмешаться:

– Насколько я помню, никто тебя на арирский престол силком не тащил, в спину оглоблей не подталкивал...

Вoпреки обыкновению, Бони не огрызнулся и не отшутился. Сказал печально:

– Ну что, сваял дурака. С тобой не бывало, что ли? Отомстить этому гаду, Арсару, конечно, следовало, но вот за каким чертом я на освободившийся престол влез, сам толком не пойму. Такая уж была обстановка – воинство мое подуживало, бароны в пояс кланялись, корону трясущимися ручками протягивали... Вспомнил я сказки и баллады да подумал: отчего бы нет? В сказках, господа мои, бравый герой завсегда, спихнувши или прикончивши коварного тирана, сам на трон садится. Вот я и сел, дубина. Сначала повелел отыскать уцелевших скатурцев, чтобы облагодетельствовать, – земляки как-никак. Нашли человек двадцать. Душевного разговора о старых временах не получилось – в пояс кланяются, признавать боятся, два часа поил, да так и не разговорил толком. И понял я, что возврата к прошлому нет, особенно когда от прошлого остались одни головешки. Ну, отсыпал им золотишка да отправил восвояси. И сижу себе дальше на престоле, как дурак, правлю помаленьку. Вот именно, что помаленьку: где ж в нашей глуши развернешься? От нечего делать пошел воевать с соседом – у меня в соседях князь Велембан, совершеннейшая скотина, ободрал всех, как охотник белку, невест из-под венца утаскивает, половину земель в Балонге заложил... И что? Он, когда услышал, что мы идем на его столицу, собрал казну во вьюки и с самой доверенной челядью ускакал в изгнание, как миленький. – Бони невольно приосанился. – Это оттого, командир, что кое-какие слухи о наших славных свершениях под твоим мужественным руководством и до нашей глуши уже докатились, уж прости за прямоту, но и я в лучах твоей нешуточной славы иногда купаюсь... Репутация образовалась... Ну, что делать? Не вышло войны. Присоединил я его княжество к моему Ариру по праву ваганума и вернулся домой, как идиот, ни разу даже мечом никто не махнул... Подданные триумфальную встречу устроили, поэт мой впереди шагает и оды декламирует – а меня тошнит от всего от этого...

Паколет, тоже успевший разделаться с парочкой кубков, громко хихикнул:

– Ты еще расскажи, как они тебе почетные титулы преподнесли...

– Молчал бы ты, баронская морда... – печально отмахнулся Бони. – Ну да, точно, преподнесли. Собиратель Земель, Победоносный Воитель, еще как-то там... Подхалимы собрались мою конную статую на площади возводить, но тут уж я из себя вышел, рявкнул так, что без команды разбежались, а скульптор, для этой угодливой цели ими за большие деньги из Ронеро выписанный, с перепугу так из дворца припустил, что за границей только и остановился... Сижу, правлю дальше. Бароны на цыпочках ходят, самому кусок до рта донести не дают. Я даже мечтал, чтобы устроили они, наконец, какой-нибудь заговор – все-таки развлечение, да и можно их потом на воротах развешать... Да разве от них дождешься? Пятки мне чесать на ночь готовы, доченок в фаворитки наперегонки так и подсовывают... – Он покосился на Элкона. – Ты, от-

рок, уши пока заткни, тебе еще рано про баб слушать...

Элкон преспокойно ответил:

– Могу вас заверить, ваше величество, что мои познания в этом предмете отнюдь не теоретические.

– Ну, тогда слушай, – махнул рукой Бони. На его щекастом, сытом лице отобразилось нешуточное страдание. – А эти доченьки – особая статья и новая печаль. Не успеет из-под тебя вылезти, зараза, начинает зудеть: мол, нельзя ли папеньке прирезать угодий? Или золотую цепь пожаловать? Или в камергеры произвести? Да вдобавок каждая в законные королевы рвется. Однажды подрались – ну, была картина! Бродячий цирк такой комедии не урежет! Одним словом, командир, вспоминаю я наши с тобой странствия и от тоски чуть подушку не грызу: как мы от погони бегали, под кустами спали и жрали что попало, как в Хелльстаде со страху писались, как с демонами в Трех Королевствах хлестались... – Его голос достиг высот пафосной мечтательности. – И под смертью ходили что ни день, и по воздуху летали, и по воде улепетывали, весь мир на нас шел войной... Вот была жизнь! Вот когда человеком себя чувствовал!

– Взял бы да и отрекся, – насмешливо посоветовала Мара.

– Не могу, – уныло признался Бони. – Духу не хватает. Крестьянская натура не позволяет – коли уж тебе досталось хозяйство, из рук его не выпускай... На этот счет есть какое-то ученое словечко, что-то насчет репы – реплекс вроде бы... Реплекс у меня такой...

– А у тебя? – поинтересовалась Мара, с подначкой глядя на Паколета.

– А мне его бросать неудобно, – столь же печально, как только что его коронованный сюзерен, признался Паколет. – Как он один останется со всей этой сволочью? У меня то же самое, командир: жизнь не в жизнь... Бони меня по великодушью своему пожаловал в бароны – когда свергали короля Арсара, кого-то из баронов по ходу дела пристукнули, и остались бесхозные земли... Только радости от этого никакой. Походил я гоголем ровно месяц – потом надоело. Не умею я этого – пиры устраивать, с соседями-олухами на охоту ездить, вассалов судить по выходным дням в самой что ни на есть торжественной обстановке, управителивы книги проверять, воровство выискивая... Осто-чертело.

В горницу тихонько проскользнула старуха Грельфи. Увидев, что на нее обратили внимание, замахала сухонькими ручками:

– Не беспокойтесь, светлый король, я где-нибудь с краешку примощусь, корочку пожую и водичкой запью...

Однако, усевшись за стол, наложила себе на золотую тарелку немало вкусных кусочков и в кубок наплескала отнюдь не родниковой водички. Встретив взгляд Сварога, непритворно вздохнула:

– Умаялась, государь. Весь замок облазила от подвалов до крыши, а уж зеркало три часа изучала, попробовала на нем все, что только умею... И сквозь решето на него смотрела, и семь иголок раскладывала, и на птичье крыло ворожила...

– И что с ним, с зеркалом? – жадно спросил Сварог.

– Откровенно тебе скажу, государь, – не понимаю... Ничего даже отдаленно похожего прежде не видела, в жизни не сталкивалась. – Грельфи выглядела не на шутку удрученной и усталой. – Что-то я за этим зеркалом увидела, знать бы

только – что... Поначалу решила, что это Древние Дороги – нет, шалишь, совсем другое что-то... Заводь, думаю. Опять нет, никакая не Заводь. И уж никак не Соседняя Страница. Там какая-то *Бездна*, светлый король. – Она произнесла последнее слово, выделяя и чеканя каждую букровку. – Вот и все, что я углядела. Насквозь непонятная мне *Бездна*, жутко мне от нее, холодом на меня от нее дует... Но ихний Кривой Мак был прав, и монах тоже, – зеркало это, *Бездна* эта не имеет отношения ни к черной магии, ни к нечистому. Просто *Бездна*... – Она пожалала плечами в тщетных попытках облечь в четкие человеческие слова непонятные ей самой образы. – Насквозь мне непонятная. Поддержать бы тех, в балахонах, что из нее вылезают, за шкурку, в глаза посмотреть, «серебряным трезубцем» попытаться... Или, скажем, «четырьмя углами»...

– Вы это о чем? – жадно спросил Бони.

– Да так... – скупое ответил Сварог, потому что хвастаться было нечем. – Очередная напасть, лезет тут из одного зеркала непонятно кто и непонятно откуда...

– Видал? – Бони отнюдь не по-королевски подтолкнул Паколета локтем. – Живут же люди! Я так понимаю, командир, у тебя вроде намечается очередное рискованное предприятие?

– Насчет риска пока не знаю, – честно признался Сварог. – Но загадочка серьезная и пакостная, чует мое сердце...

– Командир! – вкрадчиво сказал Бони. – А не найдется ли у тебя по старой памяти местечка в рядах? Для нас обоих? Ты не смотри, что у меня брюхо отросло, – поболтаться по бездорожью недельку-другую, сухим куском питаюсь, оно и пропадет...

Паколет торопливо закивал:

– Да уж понятно, для обоих. Куда тебя одного отпускать, деревенщину...

– Мне мест в рядах не жалко, – сказал Сварог. – Ряды, честно признаюсь, настолько редки, что тоска берет. Вот только... Вы хорошо подумали, ребятки? Сейчас вы как-никак при достатке и покое...

– А кто ж его знал, что достаток с покоем – такое дерьмо! – треснул по столу кулачищем захмелевший Бони. – Это поначалу, не зная, думается, что лучше собственной поварни и парчовой одежды ничего на свете нет. А приобвынешься – и тоска берет. Я, командир, сплошная деревенщина, как точно подметил этот хмырь с воровским прошлым. Однако ж успел врубиться в одну нехитрую истину: с тобой человеком себя чувствуешь. А не долбаным королем с засиженного трона. И дерешься, что характерно, за что-то путное. Вот тебе и весь сказ. Ты не думай, я тебе и трезвым то же самое повторю. Задолбало меня это королевство, спасу нет. Если...

У двери мелодично забренчал колокольчик. Кивнув Маре, чтобы подошла, Сварог быстренько облокотился на стол, закрыл лицо ладонью, сдвинув на ухо широкий гланский берет. Теперь, с закрытым лицом, он как нельзя лучше напоминал захмелевшего гуляку, к которому вошедший не особенно и будет приглядываться.

Он так и не расслышал, о чем говорила Мара с пришедшим, – Бони громкогласно принялся, загибая палец за пальцем, перечислять все неудобства королевского положения, пропади оно пропадом, в синий прах и вперехлест через колодец по лешачьей матери... Тем временем Грельфи, умиленно расслабившись лицом, выпрашивала Паколета о его покойной бабке, своей бывлой по-

друге, – и голосина у нее тоже не напоминал мышинный писк.

Наконец Мара вернулась – с совершенно спокойным лицом, значит, никаких новых хлопот пока что не предвиделось, – уселась на свое место и тихонько сообщила Сварогу:

– В замок только что приехал граф Грелор из Ронеро, уверяет, что он – чрезвычайный и тайный посол короля. Верительная грамота имеется. Ты ему нужен прямо-таки незамедлительно. Говорит, что знаком с тобой.

– Граф Грелор? – проворчал Сварог, перебирая в памяти всех своих титулованных знакомых, которых к нынешнему времени уже набралось немерено. – Что-то такое в голове вертится... – И звонко хлопнул себя по лбу, по королевскому челу. – Ну я болван! Впрочем, титулом он пользовался так редко... Орлы! – рявкнул он. – А ну-ка, минутку внимания! К нам Леверлин приехал!

– Я ж говорю – судьба! – ухнул Бони. – Стягивается помаленьку старая гвардия, неспроста! Зови его сюда, у нас еще полбочонка осталось...

– В самом деле, – сказал Сварог Маре. – Пошли за ним человека, пусть едет сюда, к старым друзьям. Вряд ли он за это время стал настолько спесив, чтобы непременно требовать приема во дворце, да и посол-то он – тайный. Посол, надо же. Помнится мне, всякая государственная служба была ему решительно...

Он растерянно замолчал. Глухой удар, могучий, тяжелый, сотряс землю, казалось, совсем рядом, во дворике, куда завели коней. И тут же кони, прекрасно было слышно, тревожно заржали, загремели подковами по брусчатке. Посуда на столе – массивная, литого золота – подпрыгнула, как живая, жареный каплун, словно бы твердо решив избежать королевских и дворянских желудков, полетел со стола на пол.

– Эт-то чего такое? – громко осведомился Бони. – Меня на стуле так и подкинуло, а я ж не пушинка... Землетрясение?

– Не знаю, – пожал плечами Сварог. – Если верить знающим людям, давненько у меня в королевстве не случалось землетрясений...

Он подошел к окну, повернул вниз медную вычурную ручку и потянул на себя низкую старинную раму с забранными в свинцовый переплет круглыми стеклышками. Высунулся наружу, в ночную прохладу.

Судя по звукам, вокруг разгоралась самая настоящая паника. Сразу в нескольких местах, и далеко, и где-то совсем рядом, послышались многоголосые крики, испуганные и громкие, по мостовой грохотали копыта – кто-то опрометью пронесся верхом, кто-то бегал возле дома на противоположной стороне улицы, размахивая горящим фонарем. Еще верховые, еще бегущие... Во мраке, слабо освещаемом лишь парочкой тусклых фонарей, вырывавших из темноты то чье-то насмерть перепуганное лицо, то лошадиный круп, то блеск огня на лезвии меча, метались конные и пешие, недоуменно перекликаясь, и пешие шарахались от конных, а конные сами не знали, куда им скакать...

Сварог отпрянул – совсем рядом, перед самым лицом мелькнуло широкое лезвие туфы в руке промчавшегося под окном всадника.

– Да куда ж ты! – заорал ему вслед кто-то под окном, едва не размазанный по стене мчавшейся лошадью.

Показалось, что все же настала, наконец, некая упорядоченность – и шаги бегущих, и грохот копыт потянулись в одном направлении, в сторону дворца.

Высунувшись из окна вновь, Сварог перевесился через широкий подоконник и наугад гаркнул в темноту:

– Эй, что там творится?

Снизу ответил перепуганный женский голос:

– Ко дворцу все спешат, сударь! Кричали только что: дворец, мол, развалился! Короля убило, Матушка-Медведица! Камнем так и завалило, рассыпался дворец!

Кажется, ей что-то ответил мужской голос, более рассудительно. Сварог уже не слушал – махнув Маре, бежал вниз по узенькой крутой лестнице. Оказавшись в небольшом внутреннем дворике, где все еще бились и ржали кони, сорвал со столбика поводья, вскочил в седло и, круто развернув храпевшего Дракона, вылетел в ворота, успев пригнуть голову, чтобы не треснуться лбом о низкую каменную арку. Оказавшись на улице, поскакал к дворцу.

Едва только свернул за угол, увидел воду – она текла навстречу во всю ширину улицы, покрыв брусчатку пальца на два, в ней отражались уличные фонари и факелы, всадники, поднимая брызги, неслись к площади, и туда же бежали пешие, хлюпая подошвами.

Бросив беглый взгляд через плечо – его догоняла Мара с двумя телохранителями, – Сварог дал коню шенкеля. Дракон рванул вперед в ореоле сверкающих брызг. Отчаянным усилием Сварога ухитрился обогнать телохранитель и, мчась на голову впереди, закричал:

– Дорогу королю! Королю дорогу!

Подействовало: пешие и конные раздались в стороны, слышались крики:

– Король! Король! – И кто-то заорал вовсе уж истошно: – Жив его величество! Жив!

Сварог вынесся на площадь, натянул поводья. Горячий жеребец взмыл на дыбы, но Сварог его мигом успокоил. Застыл в седле, словно собственная конная статуя, уронив поводья на луку седла, оторопело таращился на залитую янтарно-желтым сиянием ночного светила площадь – Семел-Юпитер как раз выглянул из-за туч.

Он не узнавал собственного замка, покинутого пару часов назад. Над стенами больше не возвышались башни и крыши – да и сами стены стали ниже на добрую треть, с них исчезли все до единой башни, машикули и зубцы. Из дыры на месте ворот шумно вырывался поток воды – толстенной струей, словно кровь из рассеченной артерии. И со стен текла вода, переливаясь через них на всем протяжении. Справа вдруг с грохотом обвалился кусок, несколько скрепленных прочным цементом валунов, – и в образовавшуюся неровную брешь тут же хлынул поток. Какое, к черту, трясение земли... но что это, боже правый?!

Вода лилась из замка могуче, неостановимо, словно там бил чудовищный фонтан. Дракон приплясывал, звонко лязгая подковами по мокрой брусчатке. Вокруг Сварога росла толпа конных и пеших, но никто не осмелился переступить некую границу, сделать хотя бы шаг навстречу неведомо откуда взявшейся воде.

Сварог присмотрелся: нет, не показалось. Там и сям в лениво струившейся воде бились рыбы, большие и маленькие, еще какая-то мелкая живность вроде крабов...

Неподалеку от него, впереди, на ноги с трудом поднялись несколько человек, шатаясь, побрели подалее от замка, по колено в воде, то и дело оглядываясь, ускоряя шаг, насколько удавалось. На них не было сухой нитки – но Сварог узнал гвардейскую форму, черные в золотую клетку юбки. Только один из них был в штанах, а следовательно, чужеземец.

В следующий миг Сварог его узнал, спрыгнул с седла – Мара успела подхватить повод, – кинулся навстречу, подхватил:

– Живой?!

– Да вроде бы, – с трудом ворочая языком, прохрипел Леверлин. – Порядочки ваши спасли – пока читали документы, пока искали дворецкого... Еще бы минутка – и проехал бы в ворота... А там, похоже, уже никого живого... Вода с неба рухнула, словно само небо...

– Точно так, ваше величество, – слабым голосом поддержал мокрехонький гвардеец, невежливо опершись на Сварога, словно на придорожный столб. – Вода вдруг обрушилась с неба, сплошным потоком, одной великанской каплею, прямехонько во дворец, во двор, стены рушились, как картонные, клокотало, хрустело...

Его молодое безусое лицо все еще было белым от ужаса, он вдруг задергался и тоненько застонал на одной ноте, отворачивая лицо от разрушенного замка. Кто-то, выдвинувшись из толпы, решительно оторвал его от Сварога и повел в сторону, еще человек пять, гремя оружием, торопливо обступили Сварога, заслоняя неведомо от какой опасности, шлепали по воде копыта и совсем рядом послышался напряженный, но спокойный и властный голос глэрда Баглю:

– Расступитесь, леший вас задери! Дорогу королю, дорогу! – Подъехал вплотную. – Ваше величество, умоляю вас, немедленно уезжайте отсюда! Господин посол? Вы живы?

– Кажется, – ответил мокрый как мышь Леверлин, оглядывая себя. – Даже королевские грамоты целы, только мокрехоньки...

...В комнате Мариного домика почти ничего и не изменилось – разве что добавились Леверлин с Баглю да легкомысленное настроение как рукой сняло. Бони ухитрился чуточку протрезветь, но после некоторого колебания вновь наполнил кубок.

Баглю, меривший шагами комнату из конца в конец, ударил перчаткой по ладони:

– *Капля*, ваше величество! Обыкновенная капля. Только диаметром уардов в сотню. Я еще не все донесения собрал, но и того, что известно, хватит... Капля, понимаете? Человек десять в порту и в городе видели, как со стороны моря плыла этакая «круглая туча», как остановилась над замком, а потом, словно по команде, обрушилась вниз потоком... В замке уцелели человек пять, а погибло не менее семидесяти...

Сварог угрюмо молчал. Не было надобности просить разъяснений. Все было ясно и так. Великанская капля воды диаметром уардов в сто должна весить сотни, тысячи ластов. Когда эта масса, внезапно освобожденная, обрушилась на дворец, строения и стены рухнули, словно спичечный коробок под ударом кулака, давя и погребая все живое...

По спине судорогой прошел запоздалый холодок страха. Не покинь он замка украдкой, вполне мог оказаться среди погибших. Он мог дышать под водой

не хуже, чем на воздухе, упавшая на голову балка и даже валун не причинили бы ни малейшего вреда, но вот, согласно законам магии, точнее, исключениям из них, обрушившаяся на него стена (в том случае, если бы имела соприкосновение с землей) раздавила бы в два счета, как самого обычного смертного... Не появившись Бони с Паколетом, он остался бы в замке и преспокойно отправился спать в старинную королевскую опочивальню с ее дурацким балдахинном на витых столбах и рыцарскими доспехами по стенам...

– Что-то не слыхивала я про такую магию, – нарушила общее молчание старуха Грельфи. – Чего-чего, а такое вот нашествие с неба, будь оно магической природы, почувяла бы заранее и, уж будьте уверены, упредила б...

– Это Стахор, – убежденно сказал Баглю, оскалась в подобии злой улыбки. – Это все он... Он и вас не оставит в покое, мой король... Вот вам ответ, отчего они так сговорчиво очистили Заречье, ушли из Корромира... Это Стахор!

– А доказательства? – устало спросил Сварог.

– Кому же больше? – взвился Баглю. – Кому по силам *такое* устроить? То у него дворняги вспыхивают, как зажигательные бомбы, то из моря взлетает капля размером со скалу... Это точно была морская вода, я своими глазами видел рыбу. Морская форель, треска, ракушки, крабы... Водоросли, что в реке не растут... Это Стахор!

– Хорошо, – сказал Сварог, уставясь в пол. – Хотя у нас и нет никаких доказательств, будем считать, что это – штучки Стахора. Для простоты и пущего душевного спокойствия. Ну, и что дальше? Что мы в этой ситуации способны предпринять? Скажет мне кто-нибудь?

Как и следовало ожидать, ответом ему было общее молчание – кто отвернулся, кто в стену уставился. Только Карах в конце концов отважился встрять:

– Что-то я такое слышал в детстве, похожее, но так давно и вскользь... Толком и не припомню.

– Вот и помалкивай, – хмуро бросила Мара. – Может, мне этого скота попросту прикончить? Попроюсь в Горрот, найду способ подойти к нему вплотную – а дальше будет совсем просто...

– Возможно, гланфортесса, я и одобрил бы этот план, – подумав, сказал Баглю. – Хотя он и противоречит рыцарским традициям. Но не уверен я, что вам удастся к нему проникнуть. Слишком много людей там пропало без вести – и шпионов, и монахов...

«И даже самый настоящий лар из восьмого департамента, – мрачно добавил про себя Сварог. – Он не пропал без вести, правда, – но на глазах превращался из живого человека в золотую статую, и до сих пор никто из высокоумудрых специалистов не знает, как такое могло произойти. Вот только не стоит вам об этом рассказывать – совсем падете духом...»

– Я – другое дело, – упрямо сказала Мара.

– Уймись, – сказал Сварог. – Я тебе потом расскажу одну печальную историю, и она, уверен, спесь с тебя собьет... – Он повернулся к Леверлину. – Ну, а ты-то какими судьбами объявился в облике тайного королевского посла? Помнится, тебя придворная служба никак не привлекала...

– Времена меняются, знаешь ли, – сказал Леверлин серьезно. – Долго объяснять... Конгер хочет тебя видеть, дело у него важнейшее, отлагательств не терпит ни малейших. Он совсем плох, уже не встает и давно не может есть... Нужно поторопиться. Я тебя никогда ни о чем не просил, но сейчас просто-таки

умоляю. Мы должны немедленно отправиться в Равену.

– Вот кстати, – насупясь, оборонил Баглю. – Любезный граф, я ничуть не подвергаю сомнению ваши полномочия и верительную грамоту... но не объясните ли, как это вы ухитрились попасть в пределы нашего королевства? Вы не пересекали границу, вы не приплыли морем – просто возникли словно из-под земли...

– В некотором смысле... – Леверлин не смотрел на него, неотрывно глядя на Сварога. – Дружище, мы должны торопиться... Времени нет совсем.

– Подожди, – растерянно сказал Сварог. – Даже если плыть на пароходе, пройдет не меньше недели...

Последние события сделали его недоверчивым – и потому он, едва вернувшись в этот тихий и уютный домик, пустил в ход все свое умение. Чтобы убедиться точно: это именно Леверлин, старый друг и сподвижник, боевой товарищ, а не какая-нибудь тварь в его облике. Ошибки быть не могло: это Леверлин, и никто другой...

– Есть другая дорога, не такая длинная, – загадочно сказал Леверлин. – Со всем даже короткая... Мы можем отправиться немедленно. Говорю тебе, дело важнейшее и срочное.

– Другая дорога? – с сомнением произнес Баглю. – Ваше величество, мне все это страшно не нравится...

– Умерьте вы подозрительность, глэрд, – махнул рукой Сварог. – Этому человеку я доверяю полностью. Не так уж много на свете таких людей... – И решительно поднялся. – Глэрд, вы уж сами придумайте что-нибудь, чтобы объяснить мое недолгое отсутствие. С вашей сноровкой это будет легко. – И грозно нахмурился. – Кажется, вы намерены возражать?

– Да что вы, ваше величество, – ответил Баглю с грустной покорностью судьбе. – С вами не поспоришь, я это уже уяснил на недавних примерах...

...Сварог никогда не бывал в той части города, куда Леверлин привел его и Мару, – закатная окраина, тихий квартал степенных ремесленников, главным образом Золотой и Серебряной гильдий, а потому дома здесь были в два, а то и в три этажа, а на проходящих женщинах красовались золотые и серебряные украшения. Хозяин одного из домов встретил пришедших молча, словно так и следовало, словно к нему каждый день посреди ночи вламывались незнакомые люди. Он лишь поклонился и отодвинулся в сторону с видом человека, от которого ничего сейчас не зависит. Леверлин уверенно направился в дальнюю комнату, своим ключом отпер низенькую дверцу, мимоходом прихватив со столика лампу. Первым спустился по узкой каменной лесенке.

Еще одна дверь, такая же низкая, окованная затейливыми железными полосами. Леверлин отпер и ее, другим ключом, пропустил вперед Сварога с Марой, вошел сам. Они оказались в невысоком и коротком, длиной не более десяти уардов коридоре – а может, тоннеле, – сплошь выложенном замшелым камнем. Тщательно задвинув засов, Леверлин тихо сказал:

– Вот и все...

Сварог с любопытством огляделся. Дверь, в которую они вошли, была единственной. Впереди – тупик. Однако, твердо решив по своему давнему обыкновению ничему не удивляться лишней раз, он сказал с наигранной бодростью:

– Что-то это не похоже на короткую дорогу...

– И тем не менее... – слабо усмехнулся Леверлин. – Идите за мной.

Он первым двинулся к противоположной стене, и все трое встали возле замшелой кладки, судя по виду, сложенной очень и очень давно. Пахло плесенью, сыростью, раздавленными тараканами.

– И что дальше? – скептически хмыкнула Мара. Вместо ответа Леверлин решительно задул лампу. Пояснил уже в темноте:

– Так будет лучше, честное слово...

Не теряя времени, Сварог посредством всего четырех произнесенных про себя слов вернул способность видеть в темноте.

И ничего не увидел. Совсем. Коридор исчез, вокруг клубились, струились, завивались тяжелыми спиралями непонятные потоки – то ли дыма, то ли неведомой жидкости, что-то *пронеслось* сквозь его тело, словно порыв ветра сквозь решето, в глазах помутнело окончательно, непонятная тяжесть на миг пригнула к земле...

Послышалось чирканье спички, вновь вспыхнул фонарь. Вокруг снова были каменные стены, покрытые плесенью и мхом. Та же дверь, тот же засов.

– И что теперь? – спросила Мара, судя по тону, нимало не потерявшая самообладания.

– Все, – ответил Леверлин просто.

Он подошел к двери, одним движением открыл хорошо смазанный засов, поманил их.

За дверью не было ни комнаты, сквозь которую они только что прошли, ни самого домика. В лицо им пахнуло ночной прохладой, они стояли в небольшом искусственном гроте, и в проеме на ночном небе виднелись звезды.

А уардах в двадцати от них возвышался прекрасно знакомый Сварогу королевский дворец в Равене – высокие острые крыши над верхушками сосен, Башня Звездочетов слева... Он даже узнал это место в парке: поблизости должна стоять позеленевшая от времени медная статуя Эльгара Великого, где-то неподалеку и фонтан...

Из гордости он не пустился в расспросы немедленно, но Леверлин, должно быть, прекрасно понимавший его состояние, тут же пояснил:

– Вот так и выглядит коротенький кусочек Древних Дорог, на который нам чисто случайно посчастливилось наткнуться...

Сварог отложил в памяти это «нам» – у него и раньше имелись кое-какие вопросы к боевому товарищу, которые вспомнились вновь. Тем временем Леверлин, достав свисток, прошил ночной воздух пронзительной трелью. К нему моментально кинулся бесшумно возникший из ближайших кустов человек в ливрее, что-то кратко сообщил на ухо. Даже в ночной тьме Сварог разглядел, какое у старого друга озабоченное и горестное лицо.

– Пойдемте, – сказал Леверлин, кивком отпуская лакея. – Времени совсем мало...

Глава тринадцатая

СЫН УЖАСНОГО КОРОЛЯ

В обширной комнате все три высоких окна были распахнуты настежь, но все равно в ноздри навязчиво лез тот неопределимый запах, что свойствен тяжким болезням. К нему примешивалась и острая, резкая вонь – это в жаровне у изголовья густо дымили какие-то корешки, и лейб-медик в простом холщовом балахоне с закатанными рукавами с помощью небольших мехов непрерывно гнал этот дым на лежащего короля. У изголовья неподвижно – руки на коленях, фигура напряжена – сидел невысокий человек с грубым, некрасивым лицом тупого золотаря или деревенского дурачка. При одном взгляде на него с трудом верилось, что он способен хотя бы сложить в уме один и два, но, судя по вицмундиру коронного министра (более высоких чинов на земле попросту не имелось) и по тому, что он был здесь единственным посторонним (лекари, конечно же, не в счет), человек это был не простой и отнюдь не глупый – дураков и примитивов Конгер возле себя не держал...

Свет давала одна-единственная карбамильская лампа, горевшая у самого изголовья, так что комната тонула во мраке, но Сварог и так чувствовал, что никто не прячется по углам, не подслушивает за портьерами. Еще на лестницах и в коридорах, когда Леверлин уверенно вел его в покои смертельно больного короля, он видел, что это крыло дворца прямо-таки набито стражей, – повсюду, в три ряда перегораживая дорогу, стояли Синие Мушкетеры и ликторы в цивильном с оружием на изготовку, а в парке верхами расположились конные гвардейцы, дворец был набит войсками вплоть до головорезов адмирала Амонда из морской пехоты, в большинстве своем по собственному желанию выдернутых с каторги, дабы искупить лихой службой пожизненные или просто астрономические сроки...

– Уйдите все, – раздался слабый голос. – Коновалы – тоже.

Человек в мундире коронного министра встал первым, проходя мимо Сварога, легонько кивнул ему с видом старого знакомого, хотя Сварог мог бы поклясться, что видит его впервые в жизни. Вышел на цыпочках. Следом заторопились лекари. Последними комнату покинули Леверлин с Марой.

– Подойдите сюда, лорд Сварог.

Сварог подошел, повинувшись слабому жесту иссохшейся руки, опустился в кресло, с которого только что встал министр. И постарался придать своему лицу безразличие, насколько удалось, – человек в постели был страшен...

Кто-то несведущий наверняка не поверил бы, что этот обтянутый желтоватой кожей скелет совсем недавно звался королем Конгером Ужасным. Не было грозного короля, да и человека, собственно, уже не было. Была мумия, которая как-то еще ухитрялась двигать головой, глазами, открывать рот и произносить членораздельные слова... Сварог так и не отыскал в душе жалости – тот, в постели, уже пребывал по ту сторону нормальных человеческих эмоций, не только жалости не вызывал, но даже и отвращения...

– Мы так и не успели познакомиться в... прежние времена, – сказал Конгер, едва заметно шевеля совершенно прозрачными губами. – Впрочем, для сожалений нет ни места, ни времени... Лорд Сварог, я буду краток. Я хочу оставить королевство вам. Законных наследников нет. За Арталетту я боюсь, ее попро-

сту убьют, передай я корону ей... Есть еще девятнадцать человек обоего пола – всякие там троюродные племянники моего деда и двоюродные братья тетушки брата моего дяди, которые в условиях безвластия и смуты могут собрать кое-какие силы и претендовать на престол... но эту компанию мы с вами успеем отправить к праотцам, пока не развязали хаоса... Вас я знаю плохо, главным образом по... той истории. Говорят о вас много и разное, но одно я для себя уяснил накрепко: вы никогда не пойдете на мировую со Злом. С той вполне конкретной, материальной фигурой, которая... ну, вы знаете. Вы с ним виделись. Я, представьте, тоже. Удостоился, ага... Одно неперемное условие: берегите Арталетту. Если вы ее обидите, я приду *оттуда* и постараюсь дотянуться до вашей глотки... Поклянитесь богом.

– Богом клянусь, – сказал Сварог спокойно.

Как и в прошлый раз, во время беседы с нагрывшимися в Готар глэрдами, он не чувствовал ни удивления, ни радости. Снова в голове роились исключительно практичные, *крестьянские* мысли: армия, военный флот, выход к морю, малоземельные крестьяне и безземельные ронины для Трех Королевств, полиция и разведка...

– Вам меня жаль? – спросил вдруг Конгер.

– Я вам сочувствую, как любому на вашем месте, – ответил Сварог, почти не думая. – Но жалеть... Я вас практически не знаю, нельзя сказать, что вы мне *близки*...

– Прекрасно, – сказал умирающий, растянув губы в слабом подобии улыбки. – Просто прекрасно, что вы не сюсюкаете, а говорите все как есть... Лорд Сварог, мне не нужен на моем престоле романтик или идеалист... а вы ведь, по слухам, не из таких? После тирана ни в коем случае нельзя отпускать вожжи, ослаблять хватку, понимаете? Хотя бы в первое время, но вам предстоит вешать и рубить головы, даже если вы не хотите. Если вы дадите в первое время хоть малейшую слабину, если дрогнете – начнется разброд. Мои подданные, от последнего посконника до коронного министра, должны чувствовать на горле все ту же железную перчатку... Потом, когда вы *обживетесь*, когда создадите свой *механизм*, возьмете все нити... о, тогда можете поиграть в вольности и послабления, но опять-таки с большим разбором и оглядкой. Люди не ценят тех, кто дает им вольности и свободы, полагая такие поступки проявлениями слабости. Зато жестокие короли им близки и, что важнее, понятны... Нельзя играть в доброту *теперь*, когда к нам опять нагрывула в гости... Вы слышали что-нибудь про Багряную Звезду?

– Я ее вижу, – сказал Сварог.

– Даже так? Неплохо...

– Но знаю я о ней мало.

– О ней никто и не знает не то что много, но хотя бы *достаточно*, – сказал Конгер. – Слишком давно она появлялась в последний раз, много воды утекло... Даже видите... Неплохо. У вас там, наверху, должно быть, знают больше?

– Крепко сомневаюсь, – сказал Сварог. – Некоторые колдуны, точнее, колдуньи...

Конгер решительно оборвал:

– Мне это уже ни к чему. Не будем терять времени. *Главные* инструкции я вам только что дал. Если будете им следовать – из вас, надеюсь, выйдет толк, и королевство мое вы не пустите на семь ветров... *Теперь* – детали. Их тоже не

столь уж много. Тот субъект с рожей палача, что вышел, – Интагар, министр полиции. Будет предан, как собака. Родом из Железной гильдии, понимаете? Всего достиг умом и горбом – отчего слишком многие его ненавидят. Потерять ваше доверие и расположение для него равносильно моментальной смерти – все, кого по моему приказу ставил на место и допрашивал, все, кому оттоптал мозоли и встал поперек горла, тут же его прикончат. Он в таком положении, что никогда не сможет найти союзников... Возможно, когда-нибудь вы и решите его повесить – но не в ближайшие несколько лет. Сначала прочно встаньте на ноги... Далее. Сейчас он вернется и покажет вам списки. Сановники, царедворцы, военные, министры. Разделены на несколько категорий. Одних следует незамедлительно казнить, потому что они по-настоящему опасны и сильны, в руках держать их мог только я, а с вашим восшествием на трон, как бы вы ни были решительно настроены, они непременно поддадутся соблазну, захотят *вертеть* вами, а вы пока что неопытны в здешних делах, и это кончится опять-таки ненужной смутой... С других достаточно ссылки, тюрьмы или простого отрешения от должности – они мгновенно перестанут представлять угрозу. Есть еще список тех, кого я просто не успел изучить как следует, потому что назначил их совсем недавно. Тут уж отдаю дела на ваше полное усмотрение. Есть и другие списки – тех, кого стоит продвинуть *резко*, высоко, тех, кого следует продвигать неспешно, тех, кого ни за что не стоит повышать по причине некоторых качеств, не позволяющих воспитать из них надежных помощников... Умоляю вас, отнеситесь к этим спискам со всей серьезностью: у вас ведь нет собственных верных людей. Есть какие-то, но их ведь горстка... Я помню, подписывал им патенты на титулы и ордена... Крестьянин, вдова боцмана, еще кто-то... Словом, поработайте с *вашим* министром полиции как следует. Вы хотите о чем-то спросить?

– А почему вы решили, что они будут повиноваться *мне* столь же покорно, как вам?

– Во-первых, лорд Сварог, у вас есть собственная жутковатая слава. Король Хелльстада, как же... Если закрепите ее решительными действиями – удержитесь. Во-вторых, те, кто поименован в списках на продвижение, в большинстве своем уже уяснили, что своей дальнейшей карьерой они будут обязаны вам, а это по-житейски гораздо надежнее, нежели ловить призрак удачи... В-третьих... Я вас, знаете ли, попросту усыновляю. С соблюдением всех формальностей. После этого вы становитесь законнейшим сыном короля Конгера Ужасного. Я проделал бы то же самое с Арталеттой, но она не *удержит*, она обыкновенная девушка, умная и храбрая, что правда, однако за ней не тянется шлейф жутковатой и загадочной славы вроде вашей. Делия, Делия, боже, если бы Делия... Но так уж случилось... Мы так и не нашли этих крохотулек, Интагар потом вам покажет бумаги...

– Будьте уверены, я их найду, – сказал Сварог, чувствуя, как кривится лицо в злой гримасе. – Я-то уже знаю, где искать, и они мне заплатят за все и за всех, пожарища там будут стоять до этого их каменного неба. Это определенно пещера, громадная пещера, где-то под Хелльстадом...

– Об этом мне уже *поздно* слушать, – оборвал Конгер. – Как вам граф Грелор?

– Я с ним кое-где побывал бок о бок, – сказал Сварог. – И на него-то уж полагаюсь...

– Ну, ваше дело. Я вам по его поводу скажу одно: он не годится в государственные мужи. Человек, надо полагать, верный, надежный и преданный – но никогда не поручайте ему что бы то ни было *возглавлять*. Слишком любит тайны, мечи и вино... Понимаете?

– Да, – сказал Сварог. Он присмотрелся – из уголка рта Ужасного выползла струйка крови. – Позвать врачей?

– Не стоит, бесполезно... Лучше кликните Интагара.

Сварог быстро прошел к двери, приоткрыл ее и не глядя сказал в щель:

– Коронного министра к королю...

Интагар вошел так же на цыпочках, тщательно прикрыл за собой дверь, подошел к постели и вопросительно глянул на Конгера. Тот распорядился:

– Покажите списки.

Министр полиции с непроницаемым лицом вытащил из-за отворота вицмундира толстую, туго свернутую бумажную трубку, с поклоном подал Сварогу.

– Там все подписано сверху, – сказал Конгер. – Категории, я имею в виду. Кого куда. Что с кем...

– Ваше величество, я бы все же вписал графа Гаржака в список тех, кому назначена *прогулка* на Монфокон...

Конгер вновь раздвинул пергаментные губы в улыбке:

– И за что же вы его так не любите? Вроде бы ничего плохого вам не сделал...

– Граф непредсказуем, – бесстрастно сказал Интагар. – И, к несчастью, слишком много знает. Настораживающее сочетание. Я рискну вновь просить вас, государь...

– Разве он плохо работал?

– Государь, я только что высказал свои мотивы...

Какое-то время Конгер раздумывал, уставясь в потолок и шевеля бледными губами. Повернул лицо – жуткую, обтянутую кожей маску:

– На усмотрение моего *сына*. Вам понятно?

Интагар молча поклонился.

– Есть у меня такой шалопай в заграничной разведке, – пояснил Конгер. – Как я только что сказал, на ваше усмотрение, лорд Сварог. Если милейший Интагар попытается до вашего решения что-то с графом предпринять – повесьте означенного Интагара к лешьей матери, чтобы не своевольничал... Идите, Интагар, и скажите, чтобы там все приготовили. Не стоит мешкать. Лорд Сварог, а вы наклонитесь-ка поближе, если вам не настолько уж противно...

Сварог наклонился к самому его лицу, поневоле вдыхая густой и тоскливый запах смертельной хвори. Глаза у Конгера были яркие, молодые, упрямые.

– В ночь после вашей коронации идите на Балкон Семи Соколов, – почти прошептал Конгер. – Спросите, вам покажут... Той ночью там обязательно пройдут Белые Карлики, это...

– Я знаю, – сказал Сварог. – Мне рассказывали. Они провожают в последний путь каждого из Баргов. Если добро перевешивает все сотворенное зло, они плачут, если наоборот – смеются...

– Вот именно. Я их видел, когда Делию... Они плакали. Все до одного плака-

ли навзрыд. Лорд Сварог... – Он шептал так тихо, что Сварог едва различал слова. – Я сам их уже не увижу и не узнаю, конечно... Но мне хочется, чтобы вы посмотрели... Просто посмотрите, как они... Я в жизни совершил много хорошего... и массу дурного. – Он внезапно поднял высохшую руку и стиснул пальцы Сварога так, что тот едва не вскрикнул. – Кто бы нам сказал, были мы правы или ошибались... Я верю в бога и потому мне страшно, совсем скоро узнаю совершенно точно, как он меня оценит... Боже мой, почему мы так беспечны и нерадивы, пока не подступит... Что это там, в углу? – вскрикнул он.

Сварог резко повернулся в ту сторону. В полумраке явственно виделось лазурное облачко, словно бледный кусочек неба, проступающий сквозь хмурые грозные тучи, казалось, можно различить уже светлые прямые волосы, красивое тонкое лицо, словно бы чуть изможденное или невероятно усталое...

– Это та, про кого я думаю? – спросил Конгер громко.

– Кажется, да, – твердо сказал Сварог.

– Ко мне! – неожиданно сильным, звонким голосом крикнул умирающий король так, что Сварог невольно отшатнулся. – Все ко мне! Монахов, священников, министра двора!

...Сам Сварог, голый и вымазанный кровью, которой его то и дело поливал из золотой миски какой-то раззолоченный болван с невыносимо гордой физиономией, чувствовал себя неуютно и неловко – он лежал меж широко раздвинутых ног Конгера, тоже голого, громко стонавшего наподобие роженицы (на него тоже лили кровь, залившую промежность), и все это действие происходило в огромном зале, где им с королем оставался лишь крохотный кусочек свободного пространства, а все остальное заполняли усыпанные самоцветами, одетые в бархат и шелка министры, генералы, сановники и титулованная знать. Все, как один, стояли навтыжку, смирнехонько, лица у них были невыносимо серьезные, гордые, значительные. Сварог прикрыл глаза – хорошо еще, что старинный обычай усыновления не требовал от него самого орать и хныкать (бывают ведь упрямые младенцы, не орут, появляясь на свет, хоть ты их режь).

Над самым ухом прошелестел требовательный шепот. Четверка лейб-медиков – на сей раз не в холщовых балахонах, а в богатых вицмундирах и черных шапочках Сословия Чаши и Ланцета – тут же придвинулась с разных сторон, подхватила Сварога на руки и подняла повыше, показывая присутствующим. Один, паскуда, рукой в тонкой замшевой перчатке бесцеремонно ухватил Сварогову мужскую гордость – он играл свою роль с величайшим рвением, притворяясь, что вдумчиво исследует пол новорожденного дитяти. Именно он и завопил мгновением спустя:

– У короля сын, благородные господа и дамы! У короля – сын, сын, сын! В согласии с пожеланиями его величества нарекается Сварог Барг!

Хуже всего было красоваться в таком вот виде перед дамами, – но Сварог терпел, поднятый на вытянутых руках четверки как можно выше, думал раздраженно: «Как бы не уронили, черти, сломать себе ничего и не сломаешь, но все равно конфуза не оберешься...»

Потом его опустили пониже, старательно принялись заворачивать в синюю мантию, расшитую золотыми геральдическими лилиями Баргов. Хорошо еще, что роль несмышленного младенчика, только что явившегося на свет бо-

жий, на этом и заканчивалась. Подчиняясь тому же требовательному шепоту, Сварог встал на собственные ноги, кутаясь в мантию и стараясь не встретиться взглядом ни с кем из присутствующих, прекрасно зная, что стоявшая где-то в толпе Мара по своему обыкновению не обойдется без подначек и шуточек.

Кто-то охнул у него за плечом. Сварог опустил глаза.

Глаза Конгера гасли, словно он больше не мог *держаться*. Из рта широкой лентой хлынула кровь, удивительно алая и обильная. В гробовой тишине торопливо расступались блиставшие самоцветами сановники, разодетые дамы и увешанные орденами генералы – по образовавшемуся проходу бесшумно скользила...

Она осталась в точности такой, какой Сварог ее видел в последний раз в зыбком рассветном полусумраке, в заброшенной избушке где-то посреди Ямурлака, – тоненькая, в синем балахоне, со струившимися из-под капюшона светлыми прядями. Гибко склонилась над Конгером, легонько прикоснулась кончиками пальцев к его лбу, выпрямилась, прошла назад той же дорогой, меж далеко раздавшихся придворных, военных и чиновного народа. Проходя мимо Сварога, бросила на него мимолетный взгляд, бледно, печально улыбнулась, словно бы извиняясь перед новым хозяином дворца за визит без дозволения, – и Лазурная Дева, фея смерти, стала таять, растворяться, исчезать, не замедляя шага. Еще миг – и ее уже не было посреди широкого пустого пространства.

Казалось, прошли долгие часы, прежде чем кто-то зычно возгласил посреди мертвой тишины:

– Король умер! Умер король!

И тут же кто-то раззолоченный, суетливый, бряцавший орденами, лучившийся фальшивым сочувствием и фальшивым воодушевлением, опрометью кинулся к Сварогу от колонны – стремясь опередить других, кинувшихся вдогонку, *хлынувших* со всех сторон, наперерез, толкаясь, злобно пихаясь локтями. И опередил-таки, шустрый. Крепко схватив Сварога за мантию, обернувшись к наседавшей толпе, уже непритворно сходя с ума от радости, даже приплясывая, заорал что было мочи:

– Да здравствует король!!! Да здравствует король, Сварог Барг!!!

И носить ему теперь до смерти почетнейшее придворное звание Королевского Возвестителя, проныре этакому...

Глава четырнадцатая БРАТЕЦ И СЕСТРИЧКА

Он возвышался над собравшимися в громадном зале – как и полагалось королям. Десяток длиннейших столов тянулись на всю протяженность зала, а вот перпендикулярно к ним, на особом возвышении, куда вели целых семь ступенек, как раз и помещался королевский стол, рассчитанный всего-то человек на двадцать. Гвардейцы у ступенек, гвардейцы по всей длине помоста, гвардейцы за спиной, у стены, две дюжины ливрейных лакеев, напряженно застывших на расстоянии вытянутой руки от пирующего с верными сподвижниками короля, церемониальная гербовая посуда, вся отлитая из золота, массивная, старинная, поразительное количество разнообразнейших яств и напитков, способное утолить голод и жажду у драгунской роты...

Даже неудобно было чуточку оттого, что за этим богатейшим дастарханом восседали всего пятеро, считая Сварога. Он загодя, через министра двора, передал Арталетте, что желает видеть за почетным столом и ее, но министр вернулся, разводя руками: герцогиня Барг вежливо, но решительно ответила, что не чувствует себя вправе сидеть на королевском помосте, особенно в столь торжественный день... Гадать о причинах отказа у Сварога не было ни времени, ни желания, он попросту махнул рукой – и ограничился четверкой сподвижников. Чтобы увидевшая рядом с ним этих людей дворцовая публика заранее поняла, кто есть кто. Он позвал бы и Леверлина, но тот еще не вернулся из Глана.

Так что, согласно известной поговорке, компания была небольшая, но очень порядочная: Бони в королевской короне, аксамитах и парче; бывший воришка Паколет во всем великолепии герцога и барона; Мара в самом роскошном платье, какое только мог измыслить лейб-портной (принявший ее за обыкновенную фаворитку нового монарха и потому, не мудрствуя лукаво, прибегнувший к массе кружев, брильянтов и атласных лент); Элкон в неизменных золотых очках, одетый дорого, но скромно, как и подобает ученому книжнику.

Первое время Сварог, выставленный на всеобщее обозрение, чувствовал себя обезьяной в зоопарке, но потом это прошло – на него особенно и не таращились, предпочитая пить и есть в три глотки. Коронационный ужин – событие редкостное, на столы в этот торжественный день приносят множество блюд, которые так и именуются: «яства коронации». В другие дни, какими бы праздничными они ни были, такого не отведаешь. Так что почтеннейшая публика спешила всего попробовать, чтобы было потом чем хвастать. Что до короля, он представляет значительно меньший интерес: никуда не денется, строго говоря, так на престоле и останется, его еще можно будет повидать сто раз, а вот такой еды, быть может, второй раз в жизни уже и не попробуешь...

О короле и забыли, откровенно говоря, – особенно когда как следует выпили. Веселье било ключом, надрывались музыканты, звенела посуда, за портьерой в глубине помоста время от времени появлялся бульдог в человеческом облике, министр полиции, окидывал орлиным взором окрестности – и, убедившись, что все в порядке, вновь скрывался за тяжелыми складками вишневого бархата. Сварог, надо сказать, вовсе и не убивался от недостатка внима-

ния – добросовестно высидеть свое и убраться восвояси...

Какое-то время он высматривал среди знати Маргилену с мужем, но так и не разглядел, в зале собралось человек с тысячу, и в глазах рябило от жарко сиявших дворянских корон, самоцветов, богатых одежд. Арталетту он тоже не увидел. Проще всего было бы подозвать лакея и спросить – должен же кто-то знать такие вещи, – но обращаться к ним не хотелось: из-за раззолоченных ливрей и одинаково бесстрастных лиц, лишенных и тени человеческих эмоций, они казались заводными болванчиками, возникало даже подозрение, что они и говорить не умеют...

Итак, свершилось. Он прошел через это длинное и помпезнейшее испытание – коронацию по-ронерски, ничего общего не имевшую с патриархальным гланским обрядом. Здесь все было обставлено не в пример роскошнее: торжественный проезд гвардии в парадных мундирах, гром пушек стоявших на реке военных кораблей, толпы принаряженного народа, город, украшенный гербовыми полотнищами с золотой бахромой, штандартами, позолоченными коронами, полосами разноцветных тканей, свисавших с балконов и окон, гильдейскими знаменами... Он уже немного разбирался в таких вещах и понимал: за день-два такое торжество не организуешь, не подготовишь. Отсюда следовало, что свой план Конгер задумал давненько и проводить его в жизнь начал загодя, так что в нужный час осталось лишь отдать приказ...

Немного неудобно было перед гланцами: смех, а не король – просидев на престоле пару недель, покинул подданных в спешке, словно преследуемый кредиторами должник. Однако на тайном совещании с глэрдами (когда он вернулся в Клойн той же загадочной дорогой, о которой так и не выдалось случая расспросить Леверлина толком) Таварош, Даглас и Баглю в один голос заявили, что так, пожалуй, и лучше. Учитывая вчерашний загадочный катаклизм, почти до основания уничтоживший королевский замок. «Если это и в самом деле Стахор, – сказал Таварош. – В Равене ему будет труднее до вас добраться, государь». В конце концов, ничто не мешало Сварогу по-прежнему числиться гланским королем – а со страной тем временем преспокойно управится и Совет из тех самых глэрдов, что позвали его на царство (с добавлением брата Фергаса). Вслух об этом, понятно, не говорилось, но у Сварога осталось впечатление, что господа глэрды про себя облегченно вздохнули: очень уж удачно для них сложились дела. И грозного короля, твердо намеренного править самовластно, поблизости нет, и трон занят законным владыкой, пусть и пребывающим в отдалении. Правда, на всякий случай Сварог быстро составил указ, по которому лишь он сам и никто другой мог вводить в Совет глэрдов новых членов в случае естественной убыли. Мало ли что может взбрести кому-то в голову, пока король далеко, пусть берегут друг друга – человеческая природа, как подтвердит вам любой министр полиции, ох как несовершенна, и следует заранее исключить ситуацию, при которой кому-нибудь интригану покажется выгодным устроить заговор с резней...

Ну что же, будем править. Плохо только, что и здесь, как давеча в Готаре, придется первым делом ради вящего спокойствия державы, ради высших государственных интересов кого-то вешать. Удел королей, увы... Лучше всего было в Глане, там он так и не успел пролить кровушки, даже скотину Рейта не особенно и тянет казнить. Отобратить в пользу той девчонки изрядный кусок угодий, а самого по старому обычаю гланских королей сослать в какую-нибудь

самую отдаленную глэрдову деревушку, чтобы томился там среди овцепасов и углежогов, пока не смягчится сердце монарха...

– Что? – очнулся он от раздумий.

– Я говорю, командир, тебе первым делом надо занять Вольные Маноры, – склонившись к его уху, поведал Бони конспиративным шепотом. – Верно тебе толкую, как король королю. Там и руды хорошие, которые они по своей бедности толком разрабатывать не умеют, и торговое судоходство по Рону, и корабельные леса Каталлаунского хребта...

– Гром меня порази! – сказал Сварог с непритворным удивлением. – Бони, дружище, да ты ведь, я смотрю, не только баронских дочек валял и вино кушал... Мыслишь вполне стратегически.

– Ага, мне уже именно это слово и говорили, – скромно сказал Бони. – А в общем, это все немногим сложнее, чем обычные думки крепкого крестьянского хозяина: вот прикупить бы тот выпас, да прирезать ту пашенку, да ухитриться как-то соседскую межу подальше передвинуть, в свою пользу, конечно...

– Растешь на глазах, – фыркнула Мара.

– Не язви, рыжая, – с достоинством сказал Бони. – Мечом махать – дело нехитрое. А вот нам, королям, нужно еще и мыслить... тем самым ученым словом говоря. Верно тебе говорю, командир, нужно занимать Вольные Маноры. Благо тамошний народишко к тебе, в общем, расположен. Надоели им свои корольки да барончики. О тебе в Манорах, знаешь ли, оч-чень оживленно и с симпатией судачат. Говорят, что у тебя немерено свободной земли в Трех Королевствах, а вот людей, наоборот, нехватка... Что ты удивляешься? Мужик – создание практичное, ежели мне будет позволено употребить еще одно ученое слово. А пахотной земельки в Манорах мало, горы как-никак, Каталлаун... Вообще прикидывая, можно со временем и оттяпать у Святой Земли тот кусок, что за Роном, – и будет устье Рона у тебя в руках, а не у этих святош. Они ж там, в Святой Земле, – народец обнищавший... Ты подумай, а? У меня, как у всякого приличного короля, имеются шпики в заграницах, так что настроения я знаю...

– Подумаем, – сказал Сварог рассеянно. – Дай ты мне на престоле освоиться...

Со своего помоста он видел в распахнутое, от пола до потолка, окно, что на прилегающей к замку луговине горят во множестве костры, взлетают разноцветные фейерверки: там, в соответствии с той же вековой традицией, устроили угощение для простого народа, простенько, но обильно, без особых затей – быков целиком жарили, вино из бочек ковшами черпали...

Кто-то легонько коснулся его плеча. Подняв глаза и увидев *значительное* лицо министра полиции, Сварог вспомнил еще об одном деле, которому как раз настал черед. Поднялся, кивнул остальным:

– Гуляйте, други, во всю широту души, а у меня тут кое-что неотложное образовалось...

...На узеньком небольшом балконе на каменных перилах и в самом деле красовались семь соколов, статуэтки высотой в локоть, высеченные давным-давно из темного песчаника. Никакого красивого вида с этого самого балкона не открывалось – лишь узкая полоска земли меж глухой стеной королевского зоопарка и высоким, сплошь заросшим соснами холмом. Впрочем, теперь-то Сварог знал, для чего балкон когда-то устроили именно здесь...

Он долго стоял у перил, источавших запах старого пыльного камня, между двумя соколами, потрескавшимися и выщербленными, и в голове не было никаких особенных мыслей. Издали долетали шумы праздника, и не понять было – то ли из дворцового зала, то ли с луговины, пьяный гомон мог с равным успехом принадлежать и сборищу чванных дворян, и толпе разгоряченного даровым вином простолюду.

Они появились совершенно неожиданно. Только что внизу не было никого – и вдруг...

По узкой полоске заросшей низкой и мягкой травой земли шагали вереницей с дюжину карликов, чьи макушки достигали пояса взрослого человека. Они выглядели обычными людьми, только очень маленькими – Сварог видел с балкона, как их босые ноги приминали траву, что призракам вовсе несвойственно, – но и в самом деле казались *странно* белыми: белые, как чистый снег, лица, ступни и руки, словно светившиеся собственным тусклым сиянием балахоны, белоснежные (но не седые!) волосы и даже зрачки круглых глаз какие-то беловатые...

Самые обычные безбородые лица – одни мужчины, ни женщин, ни детей... Сварог смотрел во все глаза, придвинувшись вплотную к перилам, пачкая застарелой пылью пышное королевское одеяние, затаив дыхание.

Они не лили слезы и не смеялись, их личики были застывшими, сосредоточенными, невероятно серьезными. Так ни разу и не рассмеявшись, не проронив ни слезинки, они медленно, очень медленно прошептали внизу, скрылись за углом здания...

Расслышав совсем рядом чей-то вздох, Сварог порывисто обернулся, нащупывая рукоять широкого кинжала. И убрал руку с пояса, увидев в полумраке Арталетту – в коротком синем платье с траурной белой лентой на плече, с уложенными в сложную дворянскую прическу волосами. Должно быть, она стояла здесь довольно давно. Все еще смотрела вслед исчезнувшему Белым Карликам. Потом сказала тихо:

– Они не смеялись и не плакали...

– И что это означает? – спросил Сварог, уже сам смутно догадавшись, каким будет ответ.

– Они не знают, чего в нем было больше – хорошего или дурного. По легендам, такое редко случается – люди обычно или явные злодеи, или откровенные добряки...

– Как сказать, как сказать... – пробормотал Сварог. – Не все так просто... Почему вы отказались сесть за королевский стол, герцогиня?

– Потому что там для меня нет места, – сказала она, гордо вскинув черноволосую головку. – Потому что дочь я незаконная, а милостей ваших вроде бы не удостоилась...

Она вновь напомнила Сварогу Делию – быть может, и не было особого внешнего сходства, но поворот головы, голос, стать...

Даже чуточку жутко стало, и он сделал над собой усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

– Вы, наверное, меня ненавидите? – вдруг спросила Арталетта.

– За что, господи? – искренне удивился Сварог.

– За ту историю...

– Бросьте, – сказал Сварог решительно. – Это были, строго говоря, вовсе и

не вы. Я сам выдернул у вас из-за уха эту чертову булавку, неужели не помните?

– Все равно, – упрямо сказала девушка. – Меня учили монахи... Нечистой силе не так-то просто овладеть человеком, если нет *лазейки*. А в моем случае такая лазейка была. Я ей завидовала, понимаете? Никак нельзя сказать, что ненавидела или даже недолюбливала, – но я ей завидовала, долго, упорно, чуть ли не каждодневно. Она была *законная*. Все принадлежало ей. А мое положение было хоть и почетным, но все же специфическим – прижитая на стороне байстрючка, с которой хватит и полковничьего мундира... – Она стояла рядом, касаясь Сварога плечом, печальная и прекрасная. – Завидовала, завидовала... пока *оно* не нашло эту самую лазейку... И погубила ее в конце концов.

– Вот это вы бросьте, Арталетта, – сказал Сварог серьезно. – Все, что произошло из-за этой чертовой булавки, никоим образом не повлияло на... Тут другие причины. Но это уже моя боль, моя собственная. Моя боль, моя месть, мое упущение...

– Вы ее любили?

– Наверное, нет, – сказал Сварог. – Вряд ли. Возможно, у меня просто-напросто не хватило времени, чтобы успело что-то такое родиться... Нет. Но мне от этого не легче. – Он осторожненько повернул девушку лицом к себе. – Бога ради, не думайте, что я к вам отношусь плохо. Я дал слово вашему отцу вас беречь, хотя и без этого обещания сделал бы то же самое...

Боже, как она была красива и загадочна в полумраке, как похожа сейчас на Делию... Пальцы сами коснулись тонкого бархата, под которым таилось нежное, упругое тело.

Арталетта не отстранилась, впервые попыталась улыбнуться:

– А вы не забыли, что с некоторых пор стали моим братом?

– Названным, сестричка, названным, – сказал он хрипло. – А это совсем другое, здешние законы даже позволяют названным братьям жениться на названных сестрах...

– Надеюсь, вы не собираетесь делать мне предложение? – Она улыбалась почти весело. – Я ведь довольно грубое и дерзкое существо, мушкетерский полковник...

– Вы в первую очередь прекрасны, как фея, – сказал Сварог искренне.

Он и сам не понимал, что с ним творится, но чувствовал простоту и естественность происходящего. Балкон, ночь, загадочные темные глаза девушки, до ужаса похожей на Делию, ничуть не пытавшейся уклониться от объятий...

Она не сопротивлялась, когда Сварог притянул ее вплотную, закинула голову, медленно прикрыла глаза и подставила губы. Возможно, в происходящем и было нечто сумасшедшее, но вот противоестественного не было ни капли...

У него так и не возникло ощущения, что ему *уступают*, – а это прибавило дерзости и нежности. Руки Арталетты сомкнулись у него на шее, поцелуй был долгим, как его путь из бесприютных бродяг в короли, совсем близко с грохотом лопнул и рассыпался мириадами алых искр очередной фейерверк, и мерцающее красное сияние добавило в происходящее нереальности.

Сварог шел за ней по дворцовым коридорам, как во сне, чувствуя себя бездумным и легким, проходил мимо застывших гвардейцев, словно мимо пустого места. Дверь ее спальни тихо захлопнулась, щелкнул засов – и они вцепились друг в друга по-настоящему, как будто ища поддержки и опоры в этом

чертовом мире, жестоком ко всем без разбора. Бархат вспорхнул невесомым облачком, едва слышно скрипнула постель, от долгих поцелуев перехватывало дыхание, кто первым взял на себя все, так и осталось непонятным, но это уже не имело никакого значения – двое слились в единое целое так, словно это было навсегда, тяжелое дыхание смешалось, и бедолага Сварог, нечаянный король, впервые за много дней избавился от забот...

За окном звонко лопались шипящие фейерверки.

Глава пятнадцатая **ГОСУДАРЬ В ТРУДАХ, АКИ ПЧЕЛКА...**

Проснувшись утром, довольно рано, он не почувствовал ни стыда, ни раскаяния. А почему, собственно? Взрослые люди вправе поступать так, как им нравится, в особенности если не нарушают никаких законов и не ущемляют каких-либо третьих лиц... Он долго разглядывал мозаичный потолок, на котором посреди дикого леса вскачь неслись за упитанным здоровенным кабаном бесшабашные охотники в зеленых плащах и кожаных каталанах, упрямо склонившие рогатины. Покосился на Арталетту – она безмятежно посапывала, разбросав по смятой белоснежной подушке черные спутанные локоны, лицо ее казалось спокойным и довольным, вряд ли ей снилось что-то плохое. Вот только из-под сбившейся с прежнего места подушки предательски выглядывала «чертова флейта», громадный четырехствольный пистолет, излюбленный путешественниками, поскольку одним залпом мог при удаче скопить с полдюжины нападающих. То-то ночью Сварогу что-то мешало, твердое, большое и непонятное... В раскрытом ящичке золоченого ночного столика виднелась рукоять еще одного пистолета, двуствольного, а совсем рядом с постелью, только руку протянуть, стоял меч без ножен с эмблемой Синих Мушкетеров на эфесе. «Бедная девочка, – подумал он сочувственно. – Натерпелась страху и неизвестности...»

Осторожненько выбравшись из груды тончайших простыней, тихонько оделся и выскользнул из спальни – а вдруг ей, когда проснется, будет неловко? – вышел в коридор, сверкавший полированным малахитом и золоченой лепниной. Двое ликторов, стоявшие прямо напротив двери, и без того неподвижные, обратились в статуи. Сварог, придав себе невинный и беззаботный вид, как ни в чем не бывало прошел мимо, не удостоив их и взглядом, – именно к такому поведению следовало привыкать, по коридорам и лестницам торчит множество живых истуканов, если обращать на каждого внимание, если принимать в расчет мысли и чувства каждого, получится совершенно не по королевски...

Открыв высокую застекленную дверь, вышел на балкон. Утро было такое ясное, мир казался столь свежим и чистым, словно в первый день творения, когда человек еще не появился со всеми своими грехами и пакостями, что Сварог впервые за много дней ощутил счастливую, умиротворяющую легкость. Справа, на луговине, еще суетилась целая армия лакеев, уничтожавших следы вчерашнего народного гулянья, в кроне ближайшей сосны щебетала какая-то птица, зеленел парк, лучи восходящего солнца заливали окна ало-золотым сиянием, и не было ни одной войны, и не было пока что придворных интриг...

Вот только короли не имеют права предаваться безделью даже в такое утро. Особенно когда следует срочно обдумать идею, пришедшую ночью в голову, – если не особенно скромничать, поистине гениальную...

Если подключить к основанию Трех Королевств прежнюю бюрократию, орду закосневших чиновников с их волокитой, казнокрадством и слепым следованием писанным параграфам, можно всерьез опасаться, что благородная и невероятно масштабная затея погрязнет в *старых* порядках, как в болоте. Следовательно...

Следовательно, нужна *партия*. Вроде КПСС. Не очередная бюрократическая структура, а партия, спаянная конкретной идеей, не зависящая от чиновников, подчиняющаяся лично королю, стоящая над всеми прежними государственными институциями. Должны быть первые, вторые и третьи секретари, обкомы и горкомы, знаки для особо отличившихся в золоте, серебре и меди. И все такое прочее. Туда преспокойно можно будет отбирать людей, не обращая внимания на титулы либо отсутствие таковых, на строгую систему иерархии чиновничьих званий, на устоявшиеся традиции и заслуги рода...

Разумеется, называться все это должно как-то иначе – нет на Таларе никаких партий, даже бледного подобия, время еще не пришло, и слава богу. Не стоит пугать ревнителей традиций *чересчур* уж шокирующими новшествами. Пусть это будет, скажем, нечто вроде рыцарского ордена, какие существовали еще лет триста назад... развивая идею... некая смесь рыцарского ордена с монашеским, с Гильдией и Сословием... нужно хорошенько все проработать, найти толкового человека, способного взять на себя массу бумаготворчества, король подаст четкую идею, начертит контуры, а уж по ним кто-то должен прорисовать детали... Решено! Орден Возрождения Трех Королевств – название не самое гениальное, но в качестве рабочего вполне сойдет. Когда чиновничья рать спохватится, ей уже просто-напросто не останется жизненного пространства, она прочно окажется в подчиненном положении. Великий Магистр... Нет, не подходит, такой уже есть в Святой Земле. Король... ну, нехай король будет главный... главный зодчий, речь ведь идет о строительстве... а ведь прорисовывается что-то уже сейчас! Зодчий провинции, зодчий округа, зодчий волости... города... секретарь зодчего, советник зодчего... ух ты, мать твою, как оно идет, словно по маслу! Колос как символ землеробства, лопата как символ строительства... и чего-то там как символ остального... Ну и голова у вас, милорд Сварог! Все вы предусмотрели, господа сановники, министры и придворные, а вот предвидеть королевскую затею насчет партии вряд ли смогли, не хватит у вас ума на такое... Конечно же, полицейское наблюдение *изнутри*, строжайший пригляд – как только освоятся, начнут и воровать, и козни плести, и подсиживать друг друга, и секретарш пользоваться, устраивая их третьими помощницами старшего зодчего... Но пока додумаются, тайная полиция их уже *осветит* самым надежным образом...

Бодрый и охваченный жаждой деятельности, он вернулся в коридор, зашагал к своим покоям. У огромного, под потолок, мурранского зеркала торчала еще одна ранняя пташка – Мара вертелась перед чистейшим высоченным стеклом, старательно охорашиваясь, одергивая мундир лейтенанта Арбалетчиков, самого старого здешнего гвардейского полка, давно уже вооруженного мушкетами, но сохранившего прежнее почетное звание. О старинном оружии напоминало лишь золотое изображение арбалета на правом рукаве черного

мундира.

Увидев Сварога, она живо отвернулась от зеркала, прищурилась:

– Надо же, какой шустрый у нас младенчик! Три дня, как на свет родился, а уже по девкам бегают...

– Тихо ты, – сказал Сварог не без смущения. – Поблизости холуи торчат...

– Подумаешь, – безмятежно сказала Мара, поправляя черный бадагар с белым пером в попытках придать ему наиболее ухарский вид. – Ты король или кто? Я тут потолковала с министром двора, он мне рассказал, как Конгеров папаша прямо в тронном зале фрейлин примащивал на стол для скипетра...

– Мы должны избавляться от наиболее одиозных традиций прошлых царствований, – сказал Сварог ханжески. – Образцом добродетели служить, знаешь ли... Как у тебя в полку?

– Ну не могла же я за пару часов втолковать всем и каждому, что относиться ко мне следует предельно серьезно, – сказала Мара. – Но определенная работа произведена. Я изо всех сил старалась быть скромницей, поэтому дуэлей за это время произошло только три. Успокойся, все живы, хотя один без уха остался... Ничего, начали помаленьку проникаться и осознавать, какое сокровище им на голову свалилось, через недельку по струнке ходить будут... Да, имей в виду: тут у тебя во дворце освободилась вакансия... не помню, как она в точности называется. Тот идиот, что носит за королем письменные принадлежности.

– Лейб-мэтр Королевского Пера, – сказал Сварог уже с некоторым знанием дела. И тут же обеспокоился: – Что стряслось?

– Да ничего особенного, – безмятежно сказала Мара. – Позавчера, перед коронацией, когда я еще болталась по дворцу в скромном платьице, никому толком не известная, прижал в темном углу и вознамерился совлечь одежды. Все бы ничего, да начал за корсаж монеты совать, под юбку залез с ходу, никак не хотел поверить, что ему сейчас руки поломают... Я, девушка скромная и неопытная, сопротивлялась...

– Господи ты боже мой, – сказал Сварог растерянно. – Где труп?

– Я тебя умоляю, не делай ты из меня чудовище... – ухмыльнулась Мара. – Ничего я ему не поломала, всего-то постучала по организму да пощекотала кинжалом в особо нежных местах... Когда его лакеи видели в последний раз, скакал к воротам на неоседланном коне и кричал, что подал в отставку... В общем, имей в виду, что вакансия свободна, вдруг понадобится кого-то повысить... Элкона хотя бы, он у нас до сих пор без придворного звания...

– Где он, кстати?

– А он с его величеством, королем Арира, пустился по фрейлинам, – с невинным выражением лица наябедничала Мара. – Ничего, пусть парнишка привыкает к дворцовым нравам, ему самоутвердиться нужно, перебеситься...

– Министра полиции не видела?

– Конечно, видела, – пожалала плечами Мара. – Спозаранку по дворцу болтается с таким видом, будто намерен арестовать всех и каждого, бумагами трясет... Вон он, за статуей приютился...

– Очень кстати, – громко сказал Сварог. – Подите-ка сюда, ваше превосходительство. Нам, в отличие от многих, в эту раннюю пору потрудиться придется...

Едва они вошли в королевский кабинет, Интагар вытащил из-за обшлага те

самые списки и вознамерился подсунуть под нос, но Сварог бесцеремонно отстранил тугую бумажную трубку:

– Это немного подождет. Мне срочно нужна консультация по другому поводу. Нужен человек, который смог бы...

Очень трудно объяснить, что тебе требуется партийный идеолог – особенно когда беседуешь с человеком, в жизни не слышавшим о такой, с позволения сказать, профессии, да и о партиях тоже... Сварог сам понимал, что был излишне многословен и порой путался в объяснениях. Однако понемногу министр полиции, судя по глазам, начал его понимать, и в конце концов, улучив подходящую паузу, решительно сказал:

– Я понял, государь... Такой человек есть. Герцог Лемар. Служил по министерству двора, имел чин министерского советника... но главным его занятием как раз и было подыскивать убедительные объяснения для тех или иных государственных... акций, именно он подобрал великолепную мотивировку для нашего прошлогоднего вторжения в Вольные Маноры, для лоранской войны, введения в финансовый оборот беспроцентных векселей казначейства, новой пошлины с ганзейских кораблей... с ходу и не смогу перечислить все. Признаюсь вам честно: я его ненавижу, мы были врагами... но для того, что вы задумали, необходим, пожалуй что, как раз герцог Лемар. Разумеется, при условии, что вы будете прочно держать его в узде. Он из тех субъектов, у которых за спиной постоянно должен маячить даже не полицейский, а палач...

– Ну, это мы обеспечим... – сказал Сварог. – У вас есть на него дело?

Министр полиции усмехнулся уголком рта:

– Как и на всех, государь...

– Пошлите за ним верхового.

– Боюсь, ваше величество, посылать придется корабль...

– То есть?

– Он вот уже семь месяцев, как отправлен в бессрочную ссылку на Стагар, – сказал Интагар. – Стагар, вообще-то, принадлежит лоранской короне, но по давнему уговору меж королями туда отправляют некоторых своих ссыльных все державы Виглафского Ковенанта. Очень уж удобное местечко: всего четыре места, где к острову могут приставать корабли и лодки, нелюдимое местное население, крайне недружелюбно относящееся к любому приезжему... И бежать оттуда трудно, и почти невозможно наладить переписку с внешним миром, найти сообщников для какой-нибудь пакости... Надежное местечко.

– А за что его туда законопатили?

– За человеческие слабости, государь, – вновь усмехнулся министр полиции одной стороной рта. Сварог уже стал привыкать к этой его гримасе. – У герцога их было две: страсть к драгоценностям, особенно антикварным, и юным девушкам. Отсюда проистекало все остальное: в том, что касается драгоценностей, – вымогательство, подделка завещаний, подлоги, шайка доверенных грабителей; в том, что касается девушек, – принуждение, шантаж, лишение свободы, зелья, опять-таки шайка доверенных... Король терпел гораздо дольше, чем я бы на его месте. Герцог в конце концов заигрался. Получилось так, что месяца три не было ситуации, к которой он мог бы приложить свои способности, – и, естественно, влияние его и значимость ослабли, а учитывая, что от своих страстей он и не думал отказываться, действуя с присущим ему размахом... Составился заговор, были предъявлены непроверяемые улики

вкупе с многочисленными жалобами... Титул ему оставили, но орденов и чина лишили, а также определили конфискацию всего движимого и недвижимого, кроме родового поместья. Конфисковали бы и его, но не оказалось младших сыновей... Ну, и отправили на Стагар.

– Подозреваю, вы тоже руку приложили?

– И даже не буду каяться, государь. Он вполне заслужил. По моему глубокому убеждению, все меньше и меньше появлялось акций и ситуаций, требовавших искусства герцога. Он переставал быть нужным...

– И вы, я так понимаю, блестяще совместили личную вражду с государственными интересами? – усмехнулся Сварог. – Вы бы хоть глаза потупили, сокол вы мой тайный... Ладно. Меня более всего привлекает и интригует то, что вы, несмотря на личную вражду, все же высоко оцениваете его способности...

– Что же делать, если он ими обладает.

– Резонно, – сказал Сварог. – Принесите мне его дело... нет, не все целиком. Составьте экстракт о прегрешениях, предельно краткий, – а вот образцы его творчества мне нужны в полном и всеобъемлющем виде. Сколько времени вам понадобится?

– Минута, государь. – Министр полиции проворно выхватил из кармана записную книжку, черкнул несколько строк карандашом, вырвал листок и, приоткрыв дверь, подал его кому-то, шепотом отдав приказание. Вернулся к столу, толстой плите синего стекла на золотых затейливых ножках. – Скоро бумаги доставят...

– И пошлите за ним корабль, – твердо сказал Сварог. – Я сейчас набросаю повеление. Просто-напросто помилование. Ордена и чины пока что возвращать не будем, как и конфискованное, – пусть сначала из кожи вывернется... – Он громко прищлепнул на сургуч Малую королевскую печать, протянул листок министру. – Так, что у нас со списками? Ага... Вот что, любезный мой Интагар... Я тут немного подумал и решить быть милостивым. Ну зачем нам нужно непременно казнить этих девятнадцать человек, имеющих кое-какие основания претендовать на престол? Будем милосердны. Если этого так уж требуют интересы государства, можно сослать их на тот же Стагар, там они будут неопасны...

– Невозможно, государь, – твердо сказал Интагар.

– Эт-то как понимать, милейший? – грозно поинтересовался Сварог. – Моя королевская воля...

– Ваше величество, еще ни один король, если не считать сказочных персонажей, не научился воскрешать мертвых... – быстро прервал Интагар. И продолжал с невинным, честным, ясным взглядом: – Прискорбное недоразумение произошло, государь, в ночь кончины короля Конгера. Эти девятнадцать недель содержались в крепости на том берегу реки, той ночью их решили перевезти в тюрьму Давут, уже на этом берегу... Погрузили на барку... Неопытный шкипер посадил суденышко на камень – есть там коварное местечко с парой подводных утесов, опытные капитаны его обходят, а новички, да еще подвыпившие... Словом, барка затонула, ни один из девятнадцати не выплыл. Шкипера, конечно, должным образом наказали... нет, и в этом случае даже вы не можете уже его помиловать...

– Та-ак... – протянул Сварог. – Неплохо...

– Воля короля была выражена совершенно недвусмысленно, – сказал ми-

нистр полиции, стоя навытяжку. – На вас этого греха нет.

– Пожалуй, – покрутил головой Сварог. – А прочие списки – на казнь и высылку? Вы их тоже... осуществили?

– Нет, государь. Здесь уже требуется ваша подпись. Чтобы все поняли: с вами шутки плохи. Я очень надеюсь, что вы выполните волю вашего покойного... приемного отца. Милость тут неуместна. Взгляните. Под именем каждого кратко описаны прегрешения. Если у вас есть сомнения, я прикажу принести дела. Клянусь вам чем угодно – ни один из них не страдает безвинно. Все они совершили проступки и преступления, караемые по нашим законам смертной казнью или ссылкой.

– А ведь вы, любезный, мне не врете... – задумчиво сказал Сварог. – Но ведь другие, с теми же прегрешениями и преступлениями, остались на свободе?

– Увы, государь... Если вы начнете приговаривать *всех*, не с кем будет работать. В списки, как вам наверняка говорил король, попали только те, кто способен на *шатания*. Те, от кого следует ожидать верной вам службы, остаются на прежних постах, при старых должностях. И у вас всегда будет возможность достать дела и сдуть с них пыль. – И он проникновенно добавил: – Что поделать, если нельзя иначе...

– Пожалуй... – сказал Сварог неохотно, глядя в стол. – Пожалуй что... Нет другого выхода, страну следует взять в руки, чтобы на фоне покойного короля я не казался слабачком... Все правильно, да... – Он потянулся за пером и вдруг отдернул руку. – Послушайте, любезный мой... Списки вашей рукой писаны, а?

– Совершенно верно.

Сварог вкрадчиво сказал:

– А теперь признайтесь-ка мне быстренько: есть кто-то, кого вы внесли в эти списки *самочинно*? Уже после того, как их продиктовал король?

– Нет, – моментально ответил Интагар.

– А вот теперь – врете, – удовлетворенно сказал Сварог. – Нагло врете. Я умею это определять безошибочно, учтите... Ну? Нет на этом свете незаменимых министров полиции...

Почти сразу же Интагар ответил, напрягшись и побледнев:

– Я слышал краем уха об этом вашем умении, но думал – враки... Вы правы, ваше величество, каюсь. Вот эти двое – в списке на казнь. И эти трое – в списке на ссылку.

– Вот теперь вы опять говорите чистейшую правду, – хмыкнул Сварог. – Объяснения последуют?

Интагар сказал с видом бледным и решительным:

– Да, государь. Вам когда-нибудь плевали в лицо?

– К счастью для таковых нахалов, нет.

– Вот видите... А теперь представьте, что это *вас*, проходя мимо, небрежно шлепает перчаткой по лицу высокородный граф и, головы не поворачивая, небрежно роняет: «Посторонись, быдло...» И представьте еще, что все это происходит в церемониальном зале, при скоплении придворных. Потом представьте, как *вашу* дочку – дочь министра, но увы, не дворянина – прижимает в углу столь же высокородный, лезет за корсаж и велит прийти к нему сегодня, если она хочет заработать пару золотых. Представьте, что вы просто-напросто не имеете права поднять руку в ответ, вообще одернуть наглеца...

– Ого, – сказал Сварог. – А ведь в вас что-то человеческое проснулось...

– Я-то стерплю многое, государь. Должность такая. Но дочек я растил не для того... Воля ваша, казнить или миловать. Но я вас заверяю в одном: те, кого я *вставил*, никакой пользы вам не принесут, поскольку даже с ролью камер-лакея справиться не могут...

– Ну, хорошо, – сказал Сварог. – В конце концов, если здесь, во дворце, форменный гадюшник... Я сделаю только одно исправление: троих кандидатов на ссылку оставлю в списке, но добавлю к ним тех двух, кого вы предназначили на плаху. И сделаю это, мой любезный министр полиции, еще и для того, чтобы вы накрепко свыклись с мыслью: в жизни и смерти волен один я. Ясно вам?

– Да, государь, – покорно ответил министр.

– И еще один нюанс, – безжалостно продолжал Сварог. – Сколько украли вы лично? Чем обогатились? Ну-ка! Можете врать, но я ведь сразу узнаю...

С каменным выражением лица Интагар опустил на колени, повесил на шею пояс, что означало полное его смирение перед королевской волей, и негромко заговорил. Сварог слушал, время от времени заглядывая в лежавшие перед ним бумаги. Задумчиво постучал пальцами по столу. Обобщая и сравнивая, приходилось признать: хотя министр полиции и опустил кое-что себе в карман, безбожно путая таковой с государственным, все же, по большому счету, он хапнул неизмеримо меньше, нежели иные высокородные. Даже сравнивать смешно.

– Ну вот, и теперь не врите, – сказал Сварог. – Детишкам на молочишко, а? Встаньте и наденьте пояс на место. Мое величество по размышлению вас милует, но напоминает, что и с вашего дела могут однажды сдуть пыль... Подготовьте указ: все поименованные в этих вот бумагах, – он хлопнул ладонью по стопе донесений, с точностью до гроша сообщавших, кто сколько украд, из каких сумм и когда, – обязаны в течение двух недель внести половину в казну, на нужды нового учреждения, которое моей волей создается для освоения Трех Королевств. У этого учреждения пока что нет ни названия, ни штата, но это я решу в скором времени. Две недели. Кто не подчинится или рискнет меня обсчитать, потеряет не только все нахапанное – *вообще* все, вкуче с родовыми поместьями, независимо от того, есть там младшие сыновья или нет. Себя, так и быть, можете в этот список добровольных жертвователей не включать, но строжайше проследите, чтобы все остальные не увильнули... Что там? Ага, материалы по этому вашему герцогу... положите их на стол и ступайте... Стоп, стоп! Что это ваши ребятки приволокли? Я же человеческим языком распорядился: *экстракт*. А вы мне суετε следственное дело, судя по толщине...

Министр полиции энергично возразил:

– Государь, это и есть *экстракт*, сиречь краткий список прегрешений. Сам следственные дела занимают четыре шкафа и насчитывают семьдесят две стандартных укладки, то есть картонных чехлов для бумаг толщиной в половину локтя...

– Да? – с интересом сказал Сварог. Повертел головой. – Вы здесь не мелочитесь, я вижу... Если сложить стопкой... тридцать шесть локтей, ага... Впечатляет. Ладно, идите.

Оставшись в одиночестве, он быстренько подмахнул зловещие списки, предварительно все же прочитав их вдумчиво, – не дай бог, обнаружится ка-

кой-нибудь старый знакомый, которого, несмотря ни на что, следует вытаскивать из этой паскудной ситуации: муж Маргилены, к примеру, или адмирал Амонд...

Нет, никого знакомого. Ну что ж, так даже легче. Не надо было, господа мои, нагло смахивать в карман казенные суммы, прирезать владения бедных невлиятельных соседей, подсылать убийц к врагам и любовникам жен, продавать государственные секреты сопредельным державам, ет цетера, ет цетера. Вы не хуже и не лучше многих других, но королю Сварогу, новоявленному Баргу, нужно *себя поставить*, так что не взыщите...

Закурив, он придвинул к себе бумаги томившегося в ссылке герцога Лемара – никаких сомнений в том, что он там именно томится, на Стагаре не особенно и развернешься касаясь юных девиц и антикварных драгоценностей, особенно если ты ссыльный после конфискации. Так, начнем с достижений...

А ведь достижения несомненны, господа мои! Необходимость вторжения королевской армии в три Вольных Манора обоснована с изяществом и блеском – тут вам и ссылки на иные стародавние традиции, и перечень параграфов международного права... И с пошлинами для ганзейцев убедительно закручено, и с векселями, и с конфликтом из-за «вольного фарватера»...

Пожалуй, он отыскал нужного человечка. А что касаясь его прегрешений...

Сварог вдумчиво изучил и стопку мелко исписанных листов, именованных «экстрактом прегрешений». Экстракт впечатлял – чего там только не было... С тем же изяществом и блеском, надо признать, герцог проворачивал свои неприглядные делишки. Одна затея с ограблением коллекции престарелого маркиза чего стоит – это ж надо додуматься, не просто нарядить своих разбойничков привидениями Проклятых Егерей, но еще и продумать соответствующую пиротехнику, звуковые эффекты, три недели до того проводить в жизнь кропотливо продуманный план со множеством свидетелей явления призраков, учеными заключениями... Ничего удивительного в том, что маркиз поверил, лишь через полгода заподозрив неладное, когда увидел одно из ожерелий (надо полагать, отнюдь не антикварное) на одной из юных подружек герцога, тогда только ему пришло в голову, что призраки вряд ли способны спать с девками и делать им подарки...

Да, и эти девицы... Приятного мало: одну злодейски умчали из отчего дома в карете без окон, другую... ай-яй-яй, однако...

Сварог горестно вздохнул, старательно почесал в затылке, изо всех сил пытаясь отыскать смягчающие обстоятельства – не для окружающего мира, а для своей слабо зудевшей совести. Ну, в конце концов... В конце-то концов, наш герцог обирал не бедных старушек на большой дороге, не у ребенка последнюю конфетку отнимал. Многие из тех, кого он *облегчил*, сами в грехах по уши...

То же и с девицами. Юные, конечно, но все же не малолетние, уже вполне созревшие для, так сказать, фривольного с ними общения. Никакой педофилии, а это кое-что да значит... Что ж поделать, если этот развратник и ворюга необходим державе? Иногда у королей просто-напросто нет выбора, приходится, зажав нос и натянув перчатки, работать с тем, что есть... Решено, милуем... Уже помиловали.

Глава шестнадцатая

ГОСУДАРЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТРУДАХ

Поигрывая пером в тяжелой золотой оправе, сохраняя на лице беззаботность и безразличие, он наблюдал, как в Рубиновый зал входят господа военачальники: все три маршала, в том числе маршал гвардии (и каждый горделиво держит пресловутый маршальский жезл, довольно-таки увесистое полено в синей эмали с золотыми лилиями, скрещенными мечами и королевской короной), полдюжины генералов, из них четверо гвардейские (и каждый постукивает по полу генеральским эспантоном, коротенькой пикой, увенчанной гербом), и два десятка полковников, на три четверти гвардейцы (у этих в руках не было ничего, поскольку полковникам не полагалось никаких таких *таскальных* знаков отличия). Будь это цивильные сановники, пришлось бы поломать голову над тем, как их разместить – одному по чину и титулам полагается стул со спинкой и подлокотниками, другому – только со спинкой, третьему и вовсе достаточно табурета (между прочим, девять разновидностей мебели используется в таких случаях). С военными гораздо проще – и маршалу, и полковнику полагается одинаковый стул...

Правда, как легко догадаться, своя иерархия существует и здесь – маршалы горделиво разместились в первом ряду, за ними сидели генералы, ну, а полковникам, как легко догадаться, достался арьергард. Пока рассаживались, кое-кто из них украдкой озирался: покойный король никогда не приглашал сюда военных. И потому многие из них даже и не подозревали о некоторых архитектурных излишествах, коими зал был снабжен...

Строго говоря, название было неофициальное, по документам зал проходил как «покои малых приемов номер одиннадцать». Но опытные обитатели и заведующая дворца именовали его Рубиновым, поскольку небрежное употребление в разговоре именно этого слова автоматически означало принадлежность к имеющим доступ и знающим некие секреты. А все дело было в том, что во семьдесят лет назад тогдашняя королева, застигнутая в этом самом зале своим венценосным супругом в довольно пикантной ситуации с участием некоего гвардейца, столь порывисто вскочила с дивана, что зацепилась за его гнутую ручку своим знаменитым рубиновым ожерельем, застежка лопнула, и все сорок два камня оказались на полу. Король тогда, поднапрягшись, с ходу родил историческую фразу: «Рубины – лакеям, а этим двум – крепость!» Игравшие роль загонщиков лакеи дружно считали эту фразу прямо-таки гениальной, хотя у парочки прелюбодеев, конечно же, было другое мнение...

Некоторое время Сварог тянул многозначительную паузу – если вовсе уж откровенно, испытывая при этом совершенно детское удовольствие: редко случается, чтобы майор ВДВ получил вдруг возможность распоряжаться кучей маршалов и генералов (пусть даже дело происходило не на Земле, а в некоем параллельном пространстве). Потом, отложив перо, обвел присутствующих орлиным королевским взором и сказал:

– Господа мои, вы военные люди, и я буду краток. Господин начальник Главного штаба (самый старший маршал ответил почтительным наклоном головы), господин маршал гвардии (тот же жест), господин начальник Штаба гвардии (генерал дряхлого возраста наклонил голову ниже всех)! Делом, ради

которого я вас позвал, предстоит в первую очередь заняться именно вам. Моя королевская воля такова: вы обязаны в кратчайшие сроки разработать план быстрого занятия войсками всех Вольных Маноров.

Он внимательно следил за выражением лиц. Видел, как физиономии практически всех полковников и генералов помоложе осветились этакой хищной радостью, вполне естественной для энергичных карьеристов, отчетливо сознававших, какими выгодами может для них обернуться маленький победоносный поход. И глупо было бы их за это упрекать – военные для того и существуют, чтобы воевать, да к тому же расти по службе... Кому и на кой ляд нужен лейтенант, не мечтающий стать хотя бы полковником?

Плохо только – и Сварог, как человек сугубо военный, это знал прекрасно, – что иные субъекты, достигшие высоких чинов, с некоего момента начинают бояться войны. Потому что при неудачном обороте дел потерять можно гораздо больше, чем приобрести...

Судя по всему, именно такие мысли и обуревали тех, к кому он обратился в первую очередь. На лицах кое-кого из высших начальников отразился не просто испуг – ужас. Господин начальник Главного штаба даже вскочил на ревматические ноги – и так, стоя навтыжку, возгласил:

– Государь, это невозможно!

– Я не ослышался, милейший? – спросил Сварог хладнокровно. – Если мне слух не изменяет, вы употребили то самое слово, которое ни один уважающий себя монарх не может выслушать спокойно... Что это за слово такое «невозможно»? Я что, отдал вам приказ пешим строем маршировать до Инбер Колбта по морю?!

Про себя он ликовал – все прошло даже глаже, чем замышлялось, они сами лезли в мышеловку, – но, понятное дело, грозно нахмурил брови, показывая всем своим видом, насколько он рассержен.

– Собственно, я неудачно выразился... – промямлил маршал, сообразив, что перегнул палку. – То есть возможно, конечно, но...

– Но – что? – недобро и громко спросил Сварог.

– Государь, – поспешил прийти на помощь незадачливому коллеге маршал гвардии. – Господин маршал несомненно имел в виду сложившуюся к сегодняшнему дню политическую практику...

– Час от часу не легче, – сказал Сварог. – По-моему вы, господа, судя по вашим мундирам, военные? С какой стати военные начинают рассуждать о политике?

Маршал гвардии, не поднимаясь и словно бы даже с некоторым покровительством в голосе, продолжал:

– Видите ли, государь, существует пусть и не оформленное каким-то писанным соглашением, но тем не менее словесно утвержденное всеми участниками Виглафского Ковенанта правило: Вольные Маноры не должны подвергаться полному занятию войсками держав, участвующих в...

– Вы умеете считать? – холодно прервал Сварог. – Виглафский Ковенант состоит из восьми держав: Хелльстад, Ронеро, Глан, Харлан, Снольдер, Горрот, Лоран и Шаган. Королем первых трех я имею честь быть. Три голоса. У меня есть также некоторые средства воздействия на Великого герцога Харланского. Даже если все остальные державы выступят единым фронтом, в чем лично я сомневаюсь, в любом случае голоса разделятся поровну... Прделайте в уме те

же расчеты, они несложные...

– И тем не менее... – Господин маршал гвардии до сих пор не понял еще, что ему наступает конец. – Сложившиеся традиции...

– Иными словами, – чеканя каждое слово, отрезал Сварог, – вы, господа мои, недвусмысленно и злостно отказались выполнять выраженный в самых недвусмысленных выражениях приказ своего короля? – И, не вставая, не меняя позы, он набрал побольше воздуха в грудь и взревел: – Ко мне, гвардия!

Рубиновый зал моментально наполнился шумом и стуком: сразу восемь потайных дверей распахнулись с двух сторон, и оттуда, бесцеремонно грохоча сапогами, звеня оружием, повалили Синие Мушкетеры и Арбалетчики, выставив клинки и пистолеты, окружили кольцом стулья с господами военачальниками. Арталетта, командовавшая своими гвардейцами, держалась скромнее (привыкла все-таки к субординации за четыре года военной службы, а тут вдобавок предстояло арестовать ее самого главного начальника – маршала), зато не связанная такими условностями Мара, не чинясь, встала лицом к остолбеневшим чинам и, расставив ноги в ботфортах, поигрывая клинком, громко поинтересовалась:

– Хочет кто-нибудь проявить непочтение пред лицом короля?

Желающих что-то не находилось. Тем временем меж застывшими с оружием наизготовку гвардейцами проворно проскользнули люди в синей с золотом форме дворцовой полиции, а за ними появились и вовсе уж сущие пугала – мрачные субъекты в темно-красных мундирах с золотым шитьем в виде языков пламени. Приставы Багряной Палаты, личной королевской инквизиции, подчинявшейся лично Конгеру, а теперь, понятно, Сварогу. Ими с помощью скупых выразительных жестов молча руководил высокий старик в поношенной коричневой рясе – отец Алкес из Братства святого Круахана, человек в общении тяжелый и сложный, аскет и самую чуточку фанатик, но при всем при том никому не шивший липовых дел.

И заработал конвейер. Кого-то хватали приставы, кого-то люди министра полиции – вот только маршалов, как и полагалось по традиции, брали гвардейцы. Со стороны казалось, что происходит хаотическое мельтешение разномастных мундиров, но на деле операция была десять раз просчитана заранее и проводилась в жизнь с невероятной быстротой и ловкостью. Прошла буквально пара минут – и вновь воцарилась тишина, все вторгшиеся исчезли вместе со своей добычей, плотно прикрыв за собой потайные двери, как будто и вовсе не заходили в гости. Но с ними бесследно улетучились два маршала из трех, три генерала из шести и восемь полковников из двух десятков. Оставшиеся сидеть на стульях даже не успели толком испугаться или удивиться. Рано вешать министра полиции, ох, рано... Еще послужит правому делу, поскольку всякое королевское дело и есть правое...

Сварог философски смотрел на оставшихся, не чувствуя ни волнения, ни раскаяния. Исчезли все поименованные в списке Конгера – так что его собственной вины, его собственного самодурства тут не было ни капли. В конце концов, никто не заставлял того высоченного генерала связываться с «Черной благодатью» – мало показалось уже имевшегося, захотел вознестись еще выше с помощью отнюдь не воинской доблести, а тайного общества черных магов. И маршал гвардии, позволивший себе (в точном соответствии с предсказаниями Конгера) расслабиться в компании своих верных генералов настоль-

ко, что дерзнул вспомнить о старых временах, когда именно гвардия как возводила на престол королей, так и убирала их оттуда с помощью то заранее заготовленного отречения, то массивного канделябра...

У королей свои правила, не имеющие ничего общего с мыслями и побуждениями обыкновенных людей, не обремененных ответственностью за державу. Купец прогоняет в три шеи нерадивого приказчика, а король, еще не усевшийся прочно на троне, своих генералов отправляет на Монфокок...

Взяв из невысокой стопочки заранее подготовленный и уже припечатанный по всем правилам указ, Сварог громко сказал:

– Генерал Далгар, подойдите! Обдумав все всесторонне, я решил возложить на вас высокое звание маршала гвардии. Будьте верны и честны.

Ах, как сиял в одночасье вознесенный к вершине сорокалетний вояка! Ткнул Сварог пальцем в любого из присутствующих – заколол бы моментально, сапогами бы затоптал и не стал бы их мыть месяц, чтобы подольше похвастаться. И остальные, кого он возвышал, лучились яростной верностью: всем обязанные королю Сварогу и никому другому, обожающие, преданные, любого загрызут и не поморщатся... Так и рождаются верные слуги. О том, что все они значились в другом списке покойного короля, посвященном повышениям, им, конечно, не следовало знать – такова уж высокая политика...

– Я надеюсь, господа, что план занятия Вольных Маноров будет мне представлен в самом скором времени, – сказал он небрежно. – Дельный и всеобъемлющий. О политике можете не думать – на это у вас есть король...

– Слава королю! Да здравствует король!

«Неплохо для майора, – подумал Сварог, слушая громогласные – и, что характерно, совершенно искренние – вопли. – Ишь, как орут громче всех новоявленные маршалы... А все-таки приятная штука – власть. Мановение пальца – и нет никаких генералов...»

– Можете идти, господа мои, – сказал он решительно, чтобы не тешить душу чересчур уж долго этими славословиями. – А вы, полковник Фалек, останьтесь...

Он усмехался про себя, глядя, в каком смятении чувств пребывает скромный полковник Синих Егерей, не попавший в число благодетельствованных, – ареста, конечно, не боится, понимает, что всех, кого хотели взять, взяли сразу, пылает яростной надеждой и боится поверить в свою фортуна...

Этого Сварог выбрал самостоятельно – из полудюжины таких же. Храбр, но не родовит, без должных связей, сумел выбиться в командиры далеко не самого престижного гвардейского полка, но оставаться ему в этой должности до седых волос, если только не произойдет чего-то чрезвычайного: скажем, невероятно лихого подвига на глазах короля или что там еще бывает в сказках...

– Я дам вам поручение, полковник, – сказал Сварог доверительно, выйдя из за стола, взяв полковника под локоть и прохаживаясь с ним по обширному залу. – Одно из тех, которые либо поднимают человека высоко, либо сбрасывают в неизвестность, – понятно, в зависимости от того, насколько успешно он поручение выполнит... Вы пойдете в Пограничье. Возьмите свой полк, еще парочку легионов или «безымянных». Артиллерия, ракеты – по потребности. Как и саперы. Сами продумаете, что вам нужно для выполнения задачи, я вас не ограничиваю. Моряки предупреждены, вы получите столько кораблей, сколько понадобится. Ваша задача – в кратчайшие сроки навести в Пограничье пол-

ный порядок и, высокопарно выражаясь, взять его под мою королевскую руку. Там сейчас правят с полдюжины разболтавшихся за времена безвластия вольных ярлов... Только имейте в виду: мне нужны усмиренные земли, где не прервалась нормальная жизнь. Никакой выжженной земли. Подданные, а не трупы. Силу применять только в тех случаях, когда без этого не обойтись. Вы меня хорошо поняли?

– Да, ваше величество. Вполне.

– Ну, а потом... – сказал Сварог, подмигнув, – а потом вновь сядете на корабли и проплывете вдоль побережья Трех Королевств. Туда начали совершенно незаконным образом высаживаться лоранцы, строить там что-то, знамена водружать... У нас нет войны с Лораном. Но я не намерен терпеть такие выходы...

– Я понял, государь!

Усмешка на лице полковника была достаточно умной и тонкой, и Сварог успокоился.

– Вот в этом случае я вас не ограничиваю, – тонко улыбнувшись, признался Сварог. – Кроме, конечно, рыцарских правил ведения... нет, не войны, какая же это война? Скажем, рыцарских правил наведения порядка в наших отдаленных землях... У вас есть ко мне просьбы? Скажем, младший братец, которому нужно повышение, или деньги, или что-то еще?

Он видел по лицу полковника, что тот на краткий миг едва не поддался искушению, уже открыл было рот, чтобы о чем-то все же попросить, но в последний момент преодолел себя, подтянулся и посерьезнел:

– Думается, об этом пока рано говорить, государь...

«А из него будет толк, – одобрительно подумал Сварог, глядя вслед полковнику, строевым шагом покидавшему Рубиновый зал. – Не стоит полагаться на тех, кто начинает *просить*, ничегошеньки еще не сделав».

Он повернулся навстречу бесшумно скользнувшему в зал министру полиции, на чьей уродливой физиономии сквозь обычную бесстрастность все же просвечивала гордость за хорошо проделанную работу. И одобрительно кивнул:

– Неплохо. Изящно было проделано.

– Осмелюсь заметить, вы проявили незаурядную мудрость, государь. В самом деле, не стоило брать их поодиночке, по домам. Вы *подняли* тех, кто был повышен, принародно, тем самым...

– *Повязал*, что уж там, – усмехнулся Сварог жестко. – Вы ведь это хотели сказать? А насчет мудрости... Начинаете льстить?

– Самую чуточку, ваше величество, – сказал министр полиции без выражения. – Так полагается... Разрешите продолжать аресты по плану? Всех, кто станет выражать недовольство, протестовать, вслух ругать вас...

– Только не увлекайтесь, – сказал Сварог. – Гораздо хуже те, кто станет рукоплескать мудрому решению короля, но про себя-то *затаит*...

– Будьте уверены, государь, – *бдим*... Ваше поручение касательно розыска дворян, именуемых графиня Чари и барон Шедарис, выполнено. Данные дворяне, в соответствии с данными мне инструкциями, доставлены во дворец *вежливо*.

– Зовите немедленно, – сказал Сварог.

– Осмелюсь попросить ваше величество немного подождать... В приемной

давно уже дожидается Мастер Печальных Церемоний с бумагами для доклада... Требующими вашей незамедлительной резолюции.

– Требуем – примем, – сказал Сварог, чуть поморщившись. – Давайте его сюда, я постараюсь побыстрее...

Этим пышным и совершенно непонятым для непосвященного титулом именовался не главный похоронщик, как можно было подумать, а главный палач, на которого Сварогу хотелось взглянуть еще и из чистого любопытства. Он, разумеется, прекрасно понимал, что глава над палачами сам никого не потчует раскаленным железом и не рубит голов, но все равно ожидал увидеть нечто подобное министру полиции. В Рубиновый зал, однако, вошел пухленький седой господин в мундире королевского секретаря и золотых очках, добрый и домашний на вид, походивший по первому впечатлению то ли на университетского профессора, то ли на архивариуса, любителя певчих птичек, аккуратно подающего нищим. Сварог даже подумал, что министр полиции что-то перепутал и запустил к нему не того, но под мышкой у импозантного седого господина была кожаная папка со зловещей эмблемой в виде золотого топора особой формы в черном круге, так что никаких сомнений не осталось...

– Опять смертные приговоры? – спросил Сварог в лоб, едва указав визитеру на стул без подлокотников и мягкого сиденья, положенный тому по чину.

– На сей раз все обстоит наоборот, государь, – приятным голосом отозвался Мастер Печальных Церемоний, бережно выкладывая перед Сварогом папку. – Вам предстоит рассмотреть бумаги по королевским помилованиям особого рода.

«Эт-то еще что такое? – растерянно подумал Сварог. – Кто бы подсказал...»

Недолго думая, он сказал почти весело:

– Милейший Мастер, признаюсь честно: я представления не имею, что такое королевские помилования *особого рода*. В Главе мне с этим не приходилось сталкиваться...

– В сущности, это совсем несложно, государь, – ответил лейб-палач. – Так уж истари заведено, это давняя традиция... Любой приговоренный к смертной казни или пожизненной каторге вправе обратиться к вашему величеству с просьбой о помиловании – это и будет *простое* помилование. А помилование *особого рода* – это прощение, гласящее, что его автору известен некий важный секрет, особо серьезная тайна, позволяющая ее обладателю просить о смягчении наказания. Как правило, если выяснится, что автор не лгал и тайна его достаточно важна, король милует осужденного – смертник получает пожизненную каторгу, а каторжанин, говоря профессиональным жаргоном, «вечник», – сокращение срока лет до двадцати.

– И что, часто открывается что-то по-настоящему важное?

– Очень редко, государь, – сокрушенно признал лейб-палач. – Добрых три четверти ходатаев попросту морочат голову, рассчитывая вырвать пару недель жизни или сбежать, когда их повезут указать закопанный клад. Почему-то среди этой публики – должно быть, в силу неразвитости и лености ума – особенно популярны истории о богатых кладах. Впрочем, иногда, крайне редко, они не врут... В любом случае механизм отработан. Все обставляется так, что сбежать по дороге решительно невозможно: сажают его, голубчика, в клетку, ставят клетку на повозку... Тут уже не сбежишь. Я вам принес девять прошений. О четырех могу вам сказать заранее, что это чистейшая выдумка:

они касались как раз кладов, но ни один, несмотря на все старания, не найден. Еще четыре сообщили под видом «важнейших тайн» обычные сплетни из жизни иностранных дворов, которые и так известны нашей разведке. А вот девятый... Признаюсь, я в растерянности, государь. Содержание выглядит бредом сумасшедшего чистейшей воды, но его автор впечатления безумца никак не производит. Как всегда бывает в спорных случаях, я сам с ним встречался, и он оставил странное впечатление... С одной стороны, история бредовая. С другой же... В прошлом году в Равене, как мне под большим секретом сообщил министр полиции, произошло нечто похожее...

– Дайте посмотреть, – сказал Сварог.

– Первый сверху лист, государь. Сам он едва умеет держать перо в руке, цапает, как курица лапой, – моряк, что вы хотите, эта публика грамотой не обременена. Но мы, как полагается, сделали копию – каллиграфическим почерком, работал опытный писец. Извольте взглянуть.

Сварог прочитал первые строчки. Пробормотав «Так-так-так...», заглянул в конец, вновь вернулся к началу, пробежал документ взглядом, бросил его на стол:

– Где смертник?

– В тюрьме, конечно. Здесь, в Равене.

– Сколько потребуется времени, чтобы его сюда доставить? – быстро спросил Сварог.

– Я думаю, около часа, – подняв глаза к потолку и старательно пошевелив губами, ответил лейб-палач. – Нужно, как следует из инструкций, заковать его в дополнительные кандалы, соединить их железным прутком, чтобы максимально ограничить движения... Следует обезопасить ваше величество от любых...

– К лешему ваши инструкции! – бесцеремонно прервал Сварог. – Там, в приемной, девушка, лейтенант Арбалетчиков. Она поедет с вами в качестве конвоя. Могу вас заверить, это лучше любых кандалов, какие вы только сумели измыслить... Идите и передайте ей мой приказ: заключенного доставить сюда немедленно. И передайте министру полиции, чтобы пропустил ко мне двух дворян, которых он привез... Живо!

Означенный министр полиции, пропустив в кабинет привезенных, попытался было задержаться, словно бы невзначай, но Сварог решительно отправил его прочь тем самым повелительным мановением руки, коему уже неплохо научился, опробовав на подданных в двух королевствах. Вышел из-за стола, направился навстречу былым сподвижникам, на ходу громко констатировал:

– Отлично выглядите, господа дворяне, вид прямо-таки цветущий. Чудеса делает с человеком спокойная жизнь законопослушного обывателя...

– Вот именно, – мрачно сказал бывший капрал Вольных Топоров, а ныне полноправный барон. – Всякие пакости такая жизнь с человеком делает...

Сварог присмотрелся к ним. Тетку Чари даже и неудобно было теперь вульгарно именовать теткой – натуральная графиня, каким-то чудом обретшая степенную статью. Теперь она выглядела лет на десять моложе – конечно же, трудами парикмахеров, портних и «художников благородных лиц» (так изящно здесь назывались гримеры для благородных). Сияющая дворянская корона, драгоценности, орден... Само совершенство, приходилось делать над собой усилие, чтобы вспомнить ее в простеньком платье, хозяйкой полурассыпав-

шейся корчмы в Пограничье, бодро осыпающей матерками незатейливую публику...

– Ну почему же – пакости? – сказал Сварог весело. – Посмотрите на графиню, любезный барон, – помолодела, похорошела...

– И не говорите, командир, – отозвалась она прежним разбитным голосом. – Вы не поверите: гвардейские лейтенанты стойку делают и намекают на счет койки – иные даже в возвышенных стихах.

– А она и рада хвостом вертеть, – мрачно сказал Шедарис. – Недавно проткнул одного такого поэта – шуму было...

– Потому что деревенщиной ты был, Шег, деревенщиной и остался, не понять тебе никак, что такое благородное обхождение, – живо отпарировала Тетка Чари.

– Почему? Я же его проткнул не вертелом в переулке, а вызвал на дуэль по благородному, как барону и положено. Нечего было совать всякую похабщину.

– Горе ты мое! «Тонкий стан» и «упругие перси» – это не похабщина, а поэтические эпитеты. Ну, подал молодой человек стихи с подобающей галантностью...

– Ага, – еще мрачнее сказал бывший капрал. – А перед тем долго тебя гладил по этим самым поэтическим эпитетам.

– Ну, так уж и гладил! В танце кавалер имеет право прикасаться к даме, а дама имеет право кокетничать в пределах допустимого. – Она вздохнула. – Вот так и живем, государь. Никакой светской жизни. Стоит мне с кем-то потанцевать или позубоскалить, мой обормот начинает зубьями скрежетать и прикидывать, как бы на дуэль вызвать бедного кавалера. Никак я ему не могу втолковать: даже верная подруга имеет право и глазами поиграть, и поддержать фривольные словесные игры...

– По балам так и порхает, – сообщил Шедарис угрюмо.

– Должна же я душу отвести за все, что недобрала в нищей юности и пиратской молодости, осьминог ты насморочный?!

– Вот так и живем, командир... Хоть в Волчьи Головы подавайся.

Сварог присмотрелся к нему внимательно. Обнаружил те же симптомы, что и у Бони с Паколетом: упитанные щеки отвисли, второй подбородок наметился, талия подозрительно раздалась до тех пределов, когда именовать ее талией уже язык не поворачивается.

– Хорош, ваше величество? – перехватил Шедарис его критический взгляд. – Самого с души воротит. По утрам бегаю две лиги туда, две назад, с мечами прыгаю часа два, а когда и старую пушчонку поднимаю – у меня в замке на заднем дворе отыскалась, валялась без лафета, дуло мусором забили... Думаете, помогает? Ничего подобного. Брюхо отвисает, как вымя у коровы... Командир, можно я вопрос поставлю дерзко? Вы, похоже, не зазнались ничуть, с вами можно попросту, как в старые времена... Если готовится война или какое-нибудь рискованное предприятие вроде прежнего, я бы с удовольствием тряхнул стариной... Честное слово. Я не мальчик, за слова отвечаю. Просто... просто погубит меня такая жизнь в конце концов.

– А ведь он дело говорит, командир, – согласилась Тетка Чари, вмиг потеряв прежний кураж. – Раньше жилось беднее, но гораздо интереснее. И под смертью ходили, и спали под кустом, а все равно жизнь была *настоящая*. Что у ме-

ня теперь? Кавалеры стишки кропают да норовят со всем галантерейным обхождением в койку уложить, а то и вовсе где-нибудь в темном переходе к пыльной стенке притиснуть и платишко задрать. Сначала льстит, потом надоедает, а там хоть волком вой – никакой особой разницы с простыми кабацкими танцульками. Все отличие в том, что шкипер норовил грудяшки потискать и корешок на язычок положить, а галантерейный маркиз хочет к персям припасть и жаждет, чтоб мои лепестки розы вокруг его нефритового жезла сомкнулись...

– Это кто же жаждет? – громко сопя, спросил Шедарис с совершенно зверским лицом. – Тот баран в синем бархате?

Тетка Чари отмахнулась:

– Да это я так, для примера... Одним словом, никакой разницы. Сядешь поболтать со знатными клушами – вскорости от тоски так зеваешь, что челюсть того и гляди хрупнет. Ленточки да рюшечки, да туфельки с острым носком, из ратагайской замши... Кому из них удалось при храпящем в другом крыле законном муже с лейтенантиком перепихнуться и вовремя его в окошко выпроводить, чей муженек к праздникам непременно получит повышение, кому благосклонно улыбнулся сам министр... Как подумаю, что мечтала когда-то в знатные дамы выбиться, – тоска берет! Кто ж знал, что этот их высший свет – такое болото... Туфельки с пряжечками, туфельки без пряжечек, корсажик на три пуговички, мушка над левой бровью означает, что дама холодна, а над правой – вовсе даже наоборот... Вперехлест через мамашу морского черта, я ж сорок абордажей помню... или уж тридцать-то точно... Командир, может, нам с Шегом по старой памяти и отыщется местечко, чтобы тряхнуть недавней стариной? А то я при такой жизни, право слово, или любовника заведу, или пуцу этих гусынь по морской матери в три загиба с четырьмя кандибобрами...

– Сговорились вы, что ли? – сказал Сварог задумчиво. – Я-то полагал, что устроил вам жизнь, как мог, подыскал тихую пристань...

– Тошно в тихой пристани, командир. И плесенью пахнет, – сказала Тетка Чари уныло. – Рановато мы на берег списались, вот что. Оказывается, еще годочков десять погулять по морям не мешало бы. Давеча получили письмо от Бони, накарябал, что заедает его тоска неопишуемая, и собираются они с Паколетом к тебе ехать, чтобы выяснить, не предвидится ли войны или приключений... Тебе они не писали?

– Не писали, – ответил Сварог рассеянно. – Сами нагрянули. Здесь они, куда им деться. Может, это судьба? – Он посмотрел поверх плеча Шедариса – там, маяча в приоткрытой двери, подавал загадочные знаки министр полиции. – Сядьте-ка в уголке да послушайте. Есть интересное дельце...

Жаждающий помилования выглядел так, как и обязан был выглядеть постоялец уголовного тюрьмы, – грязный, заросший, вонючий. Сварог невольно отодвинулся подальше. Он успел бегло просмотреть и экстракт прегрешений, и приговор суда – дело было насквозь житейское. Морячок с богатым жизненным опытом, попробовавший и вольной пиратской житухи, и речной контрабанды, устроил в портовом кабаке переполох с поножовщиной, порезал двух случайных собутыльников, дешевую девку и слугу, а кабатчика ухитрился убить до смерти – и, не останавливаясь на достигнутом, тем же тесаком прикончил полицейского. За все это в совокупности королевский прокурор впол-

не резонно приговорил буяна к отправке на те незамысловатые танцульки, где пляшут с Конопляной Тетушкой.

Министр полиции, бдительно поместившись меж Сварогом и босым грязнейшим субъектом – сквозь дыры в лохмотьях у того там и сям просвечивали татуировки, – поначалу прямо-таки потел от усердия, но Мара так многозначительно играла кинжалом, а смертник так искренне ее боялся, что даже человек-бульдог успокоился, видя, что заключенный в надежных руках.

– Ну, давай, – сказал Сварог, подойдя к приоткрытому окну, чтобы быть поближе к свежему ветерку. – Облегчай душу, рожа...

Моряк, с надеждой таращась на него сквозь падавшие на глаза лохмы, принялся складно и подробно рассказывать: как в прошлом году, аккуратно в месяце Фионе, его шхуну наняли для какой-то загадочной поездки двое обходительных господ, судя по выговору, манжетам и воротникам, явные горротцы; как он моментально почуял, что дело грязное, но, получив горсть золотых кругляков, конечно, согласился; как с наступлением ночи на борт погрузили огромный, наглухо заколоченный ящик и приказали выходить в море; как часов через пять плавания они оказались на рейде Джетарама, лигах в трех от берега; как эти загадочные господа, не по-господски ловко орудуя гвоздодером и клещами, выломали боковую стенку у ящика, предварительно придвинув его к борту, – и оттуда проворно выполз, перевалился через низенький фальш-борт и ухнул в море самый на вид обыкновенный коричневый тюлень из тех, кого называют «морскими собаками»; как после этого наниматели приказали уходить на всех парусах куда угодно, лишь бы подальше. Вскоре, оглянувшись, моряк прекрасно рассмотрел в семеловом свете, как море за спиной вспучилось громаднейшей волной, самым натуральным мареном, – и этот марен, заслоняя звезды, помчал к берегу со скоростью призового скакуна...

Битый жизнью морячок, повидавший столько, что иному хватило бы на семь жизней, в совпадения не верил. Инстинктом хищного зверя моментально связав тюленя и невесть откуда взявшийся марен (которому его наниматели ничуть не удивились), он, не раздумывая долго, рыбкой нырнул за борт с того места, где стоял. Что ему, несомненно, и спасло жизнь – вынырнув далеко от суденышка, чтобы глотнуть воздуха, он услышал на борту pistolетную пальбу: два обходительных господина с горротским выговором в лихорадочном темпе избавлялись от свидетелей, которых и было-то всего трое... По нему тоже стреляли, но не попали в темноте, а плавал он отлично. Возможно, наниматели, перебив экипаж, и пустились бы за ним в погоню на захваченной шхуне, но тут на море началось волнение от обрушившейся на порт и отхлынувшей гигантской волны. Он ушел на глубину, думал уже, что не выгребет, однако выплыл в полном изнеможении и ушел берегом. Никого из своих ребят он больше не видел, как и почти новенькой шхуны. О разрушениях, причиненных мареном, он узнал на другой день – вся округа только об этом и толковала: марен выбросил на берег два новехоньких военных фрегата и множество суденышек поменьше, разрушил склады с военно-морским имуществом, погубил тысячи две народу...

«И сорвал отсылку подкреплений на остров Брай, где в то время как раз разыгралась очередная ронерско-горротская войнушка, – прокомментировал про себя Сварог. – Помню, как же. Слышал об этом марене...»

Жестом велел Маре вывести вонючего рассказчика в приемную, он обер-

нулся. Тетка Чари вскочила:

– А помните, как мою гостиницу спалила эта стерва? Словно зажигательной бомбой вспыхнула! Прекрасно помню, как она от меня шмыгнула в комнату – и там моментально полыхнуло...

– Вот именно, – сказал Сварог. – А вторая такая же дамочка, тоже удивительным образом вспыхнув, спалила домик Паколетовой бабки с нею самой и с полицейским...

«И дворняга, – добавил он мысленно. – Точнее, пастуший волкодав, который тоже превратился в бомбу и уничтожил ворота крепости и Корромир. Здесь у нас кое-что другое – не зажигательная бомба, а рукотворный марен, но этот висельник прав, какие, к лешему, совпадения...»

– Здесь, пожалуй что, есть зацепка, – сказал он и, не теряя времени, повернулся к министру полиции. – Таверна «Ржавый якорь», чей хозяин познакомил этого субъекта с горротцами... Конечно, они и его могли убрать... а если нет? Если были заранее уверены, что смогут без шума прикончить всех на шхуне?

– Разрешите...

– И моментально! – прикрикнул Сварог.

Министр полиции опрометью бросился отдавать приказы.

– Интересные дела, командир, – сказал Шедарис, моментально стряхнувший всякую меланхолию. – Сдается мне, ты и не собираешься жирком обрастать...

– Я бы с удовольствием, – сказал Сварог. – Только вот не дают мне покоя, хоть ты тресни. Не успеешь расположиться у камина в домашних шлепанцах, как прибегают звать на трон или, бери выше, спасать империю...

– Куда с оружием приходиться? – деловито спросил Шедарис.

Сварог взглянул на них, увидел в глазах тот же серьезный, рассудочный азарт, что и в недавние времена, – и уже не пытался отговаривать. Они были взрослыми и сами все понимали. Похоже, это и впрямь судьба – собраться вновь Странной Компании, плечом к плечу, на всем галопе рвануться прочь от спокойной жизни...

– Сюда, – сказал он спокойно. – Завтра же поутру.

И в голове у него сама собой зазвучала старая песенка: «Но, слава богу, есть друзья и, слава богу, у друзей есть шпаги...»

Глава семнадцатая НЕ ТОЛЬКО ШПАГИ...

Здесь, в маленьком домике с высоким крыльцом и горбатой крышей, не изменилось ничего: ярко пылал камин, а на столе горела лампа под колпаком из тончайшего фарфора, белого, с просвечивающими синими рыбами и алыми водорослями. Серый кудлатый пес пастушеской породы лежал в углу, положив голову на лапы. Вот только задевались куда-то пузатые серебряные чарки, и принесенную Сварогом по старой памяти «Кабанью кровь» пришлось разливать по простым глиняным стаканам. У него осталось стойкое впечатление, что мэтр Анрах вступил в печальную полосу финансовых неурядиц; и парочка картин пропала со стены, и не было больше на столике безвкусной, но довольно дорогой серебряной вазы. Книг, правда, прибавилось.

Вступив в круг света, Анрах осторожно положил на стол черный кожаный мешок с бумагами покойного протектора. И сам он ничуть не изменился: пожилой шустрячок, низенький, лысый и крючконосый, с венчиком седых курчавых волос вокруг лобастого черепа. «А у него дела и впрямь плохи, – подумал Сварог сочувственно. – Щеки ввалились. Раньше неплохую закуску выставлял, а теперь принес горсточку изюма на фарфоровом блюде вместо старого серебряного, и лицо при этом было очень уж виноватое...»

– И каковы же ваши впечатления, мэтр? – спросил он с интересом. – Заслуживает ли это внимания, и насколько? Видите ли, сам я сплошь и рядом не могу определить ценность иных исследований, иногда вообще не понимаю, о чем идет речь...

– Ну что вам сказать... – Мэтр Анрах взял стакан и отпил пару добрых глотков. – Вы меня заинтриговали, барон... Простите, я еще не привык называть вас «государем»...

– Именуйте, как вам удобнее, – махнул рукой Сварог.

– Вы меня всерьез заинтриговали, – признался Анрах. – Судя по размаху идей и направлений поиска, по явной дерзости мысли и полному отсутствию преклонения – да что там, простого уважения – перед авторитетами, автор, во-первых, не вовлечен в систему официальной науки, во-вторых, вовсе не стремился к признанию. У него наверняка есть неплохое состояние – некоторые исследования требовали дальних поездок, работы в архивах, приобретения редких и дорогих книг. Он упоминает некоторые труды, существующие буквально в нескольких экземплярах, древние инкунабулы – и, к стыду своему, признаюсь, о трех из них я только слышал, но никогда не держал в руках. Возьмем хотя бы «Хронограф атмосферических явлений и феноменов». Есть только два экземпляра – один в горротской королевской библиотеке, другой на Сильване, у царя Гипербореи. Меж тем у вашего книжника, судя по постоянным ссылкам, была под рукой своя книга, третий экземпляр. А «Второе путешествие шкипера Ратами к Ледяным Берегам» известно лишь по двум десяткам цитат в древних трудах, но ваш знакомый пишет так, словно держал под рукой полный вариант... Кроме того...

Сварог деликатно прокашлялся.

– Простите, я, похоже, увлекся, – сказал Анрах. – Безусловно, автор этих заметок вряд ли заслуживает того, чтобы включить его в число крупных уче-

ных, но, как богатый дилетант, достиг вершин. Иные наметки по-настоящему ценны, жаль, что не развернуты в большие работы. Право же, он умен, начитан и дерзок в суждениях. Я могу с ним познакомиться? Нам нашлось бы о чем поговорить.

– Он умер, – сказал Сварог.

– Жаль, – сказал Анрах искренне. – Очень жаль. Я сам не имею никакого отношения к официальной науке... после того, как она сама сделала именно такой вывод, – горько усмехнулся он. – Так что нам было бы о чем и поговорить, и поспорить. Я, например, в толк не возьму, почему он изо всех мифологических фигур, носящих титул Безумцев, занялся исключительно Зодчим. С точки зрения завлекательности, ореола тайны, привлекающего в первую очередь богатых дилетантов, были бы предпочтительнее Безумный Часовщик, Безумный Пастух, Музыкант или, на худой конец, Рисовальщик. Но нет, его почему-то привлекал именно Безумный Зодчий, он должен был выбросить астрономическую сумму денег, всерьез ища реальные корни мифа... Впрочем, его, безусловно, не интересовали материальные стороны иных тайн – что интересно, вашего книжника совершенно не привлекали пресловутые клады острова Диори. А ведь подавляющее большинство тех, кто занимается тайнами Ледяного Острова, в первую очередь, как собака на кость, бросается на любые упоминания о кладах, сокровищах, легендарных истуканах в человеческий рост, вырезанных из цельного самоцвета... Я мог его знать?

– Не знаю, были ли вы знакомы... – сказал Сварог. – Барон Гинкар. Это его бумаги.

– *Протектор*? Ведь не было другого барона Гинкара...

– Именно, – кивнул Сварог. – Была у него тайная страстишка, как у других – тихушное пьянство или девочки. Он был тайным книжником, знаете ли...

Мэтр Анрах долго сидел молча, с растерянным, мрачным лицом. Потом прошептал так тихо, что Сварог едва расслышал:

– Великое небо, зачем же он так бездарно растратил свою жизнь? На что? Придворные интриги, полицейские дела, карьера... У него были великолепные задатки...

– Ну, все зависит от точки зрения, – пожал плечами Сварог. – Сам он, очень похоже, вовсе не считал, что растратил жизнь бездарно. Вот это, – он коснулся кожаного мешка, – для него так и осталось отдушиной, развлечением в свободную минуту...

– Ну да, конечно, – саркастически ухмыльнулся Анрах. – Такое следовало скрывать. Добрая половина бумаг относится к тем областям знания, занятие коими считается не просто предосудительным – опасным и запретным... А на первом месте все-таки была карьера... – Он все еще потрясенно вертел головой. – Кое-что придется теперь пересмотреть, с учетом сказанного вами. Я в свое время полагал, что он целеустремленно охотился за книгами из Финестинской библиотеки ради каких-то полицейских надобностей... а он, ясное дело, разыскивал их для себя... Что с ним случилось? По городу до сих пор бродят туманные, но определенно зловещие слухи, болтают даже о демонах из распечатанного сосуда, а другие уверяют, что он вовсе и не погиб, а был арестован тайной полицией ларов и увезен в замок Клай...

– Да нет, он в самом деле погиб, – сказал Сварог неохотно. – Это печальная и до сих пор во многом загадочная история... Ко мне попали далеко не все его

бумаги. Вдова... человек, у которого они хранились, уверяет, что большую часть бумаг незадолго до кончины протектора забрал некий доверенный, – и на его след я пока что не наткнулся...

– Зачем это вам? – тихо спросил Анрах. – Теперь?

– Вы полагаете, что человек, добившийся королевской короны, с превеликой охотой отдастся безделью и развлечениям? – спросил Сварог. – Охота, балерины и балы?

– Во всяком случае, многих этот нехитрый набор вполне устраивал. Откуда я знаю, к чему стремитесь вы? При том даже, что вы – Серый Рыцарь? Предсказания вовсе не обязаны претворяться в жизнь во всей полноте...

– Да, я уже это слышал, – сказал Сварог. – Увы... Я, возможно, и стремлюсь подсознательно к спокойной, мирной жизни под сенью хрустальных струй... или как там писал Асверус?.. Но так уж получается с завидной регулярностью, что о беззаботном безделье нечего и мечтать.

– Вы снова в... хлопотах?

– Можно это и так назвать, – усмехнулся Сварог. – Правда, у королей это вроде бы называется как-то иначе... Не в том суть. Я пришел с определенным предложением. Вы знаете уже, что я – здешний король...

– Представьте себе, – в тон ему улыбнулся мэтр Анрах. – Ваши портреты еще не получили должного распространения, но я по пристрастию своему к публичным зрелищам был на улице, когда вы с Делией торжественно въезжали в Равену. В одеждах хельстадского короля. У меня есть знакомый, он живет на Адмиральской, и у него на втором этаже удобный балкон... Я вас сразу узнал, а потом о вас очень много говорили, и о воцарении в Глане, и о борьбе с «Черной радугой»... И, наконец, было объявлено, что Конгер на смертном одре усыновил вас... Я полагаю, вся улица забита сыщиками в цивильном?

– Ну что вы, – сказал Сварог. – Со мной приехал один-единственный человек, он ждет с лошадьми. Терпеть не могу, когда вокруг толпится охрана, испытал уже это в Глане, хватит с меня...

– Что произошло в Клойне? – спросил Анрах жадно. – Ходят всевозможные слухи о странной катастрофе, постигшей королевский замок, но никто ничего не знает точно...

– Мы об этом еще поговорим, – сказал Сварог. – Давайте вернемся к моему предложению. Мне нужен человек, способный стать кем-то вроде ученого советника. Пойдете?

– Почему я?

– Потому что вы – единственный, с кем я более-менее знаком здесь, – сказал Сварог. – Шучу... Во-первых, меня совершенно не устраивают господа, представляющие официальную науку. Во-вторых, вовсе не потому, что они глупы, – там достаточно умных людей. Просто они зашорены. Они слишком крепко усвоили, что можно, а что нельзя, они научились не замечать и не знать того, что может помешать их карьере, вызвать недовольство властей. Вы – другое дело. Мы с вами общались достаточно долго, чтобы я успел составить о вас некоторое представление. Вы не бунтарь, конечно, вы не состоите ни в каких тайных обществах вроде студенческих – я уже знаю о них кое-что, как видите, – но тем не менее постоянно и целеустремленно ходите *по краю*. Интересуетесь тем, чем, с точки зрения властей и официальной науки, вовсе не положено интересоваться. Я помню все наши разговоры – за добрую половину затронутых тем

мы с вами, безусловно, *подлежали*... А ведь вы не знали тогда, кто я такой... И, наконец, вы меня не выдали, хотя имели полную возможность.

Анрах печально улыбнулся:

– А вам не приходило в голову, что я так поступил не из душевного благородства, а из циничного расчета? Вы были *чересчур* загадочны и непривычны, могло оказаться, что это одно из тех дел, когда убирают даже случайных свидетелей... Выгоднее было молчать.

– Ну а какая разница? – пожал плечами Сварог. – Во-первых, вы нас не выдали, а это главное. Во-вторых, вы обладаете определенными знаниями – а мне необходимы такие люди...

– Интересное предложение, – задумчиво произнес Анрах. – Судя по вашей интонации, по словечкам «определенные знания», «такие люди», вы твердо намерены заниматься как раз тем, что не приветствуется ни властями, ни официальной наукой?

– Одно немаловажное уточнение, – сказал Сварог терпеливо. – Власть теперь – я. А официальная наука, стоит мне приказать, начнет выполнять команды «Равняйся!» и «Смирно!» не хуже вымуштрованного гвардейца... Это несколько меняет ситуацию, не правда ли?

– Но остается еще...

– Вы имеете в виду... – Сварог ткнул пальцем в потолок.

– Именно. Я имею в виду одно из скромных, незаметных учреждений при Канцелярии земных дел, именуемое без всяких затей восьмым департаментом...

– Хотите свежие новости из императорского дворца? – усмехнулся Сварог. – Так уж повернулось, что перед вами сидит глава другой, новорожденной имперской секретной службы, чье место в придворной иерархии находится гораздо выше восьмого департамента...

– Вы серьезно?

– Абсолютно, – сказал Сварог. – Вот вам указ, подписанный ее императорским величеством... Ну чего вам бояться в *такой* вот ситуации? Вы во мгновение ока окажетесь на недосягаемой для полиции и чванных академиков высоте...

– Вот эта высота меня и пугает, – признался мэтр Анрах. – Очень уж высоко. Чересчур неожиданно и чересчур высоко... Что я у вас буду делать?

– А я и сам еще не знаю, – сказал Сварог. – Я собираю людей *впрок*. Если возникнет необходимость, мне не придется в лихорадочной спешке подыскивать надежных специалистов. Они будут под рукой. Вы долго и старательно занимались тайнами этого мира...

– Далеко не самыми значительными и жуткими.

– Все равно. Мне и этого достаточно. Вполне возможно, вы знаете что-то такое, что мне не нужно *сейчас*, о чем я даже и не догадываюсь. Но завтра... Через месяц...

– Спасибо, – поклонился Анрах. – Никогда еще не чувствовал себя банкой маринованных огурцов, которую хорошая хозяйка запасает впрок...

– Обиделись?

– Ничуть. Мне просто страшновато, если вы хотите полной откровенности. Я слишком долго жил... так, как жил. И тут вдруг являетесь вы...

– А вам нравилось так жить, мэтр? – бесцеремонно прервал Сварог. – За

плотно задернутыми шторами, с оглядкой перебирать бумаги и предметы, за которые вас в любой момент могли потащить на допрос? Не иметь возможности открыто общаться с такими же, как вы? В жизни не поверю, что вас привлекала такая жизнь...

– Что поделать, привык...

– А вы наберитесь смелости отвыкнуть резко, – сказал Сварог. – Я, конечно, не говорю про всякие глупости вроде высокого чина и проистекающих отсюда доходов... но и это имеет значение, черт возьми. Книги и раритеты никто не отдает бесплатно... Я вам дам знания, мэтр, о которых вы и мечтать не могли. Любые, к каким у меня есть доступ. Хотите иметь под рукой библиотеку Хелльстада? До которой у меня самого не доходят руки? А библиотеку императорского дворца? Молчите, молчите! А глазки-то загорелись, я же вижу...

– А у кого на моем месте они бы не загорелись? – опустив глаза, сказал Анрах. – Будь на вашем месте кто-нибудь другой, я мог бы подумать, что меня искушает дьявол, – да-да, он, знаете ли, тоже использует иногда *такие* приманки, если верить некоторым свидетельствам... Послушайте, что вы все-таки хотите знать?

– Я же говорю – не знаю пока, – честно ответил Сварог. – Просто вы – тот самый человек, который мне нужен, вот вам вся нехитрая правда... Хотя... Вы когда-нибудь слышали что-то о крохотных подземных обитателях Хелльстада?

– Вы имеете в виду «моряков-крохотулек»? Тех, кто плавает по морям на подводных лодках?

– Ага! – радостно воскликнул Сварог. – Ну вот вам и доказательство того, что я был все-таки на верном пути! Вот чем вы мне уже сейчас можете быть полезны!

– Боюсь, вы меня неправильно поняли... – грустно сказал Анрах. – Сам я о них мало что знаю. Есть один моряк – к превеликому сожалению, из джентльменов удачи, поэтому найти его непросто. Он тоже увлекается загадками из разряда запрещенных... Вы с ним, конечно же, никогда не встречались, это капитан Бугас...

– С «Невесты ветра»? – прямо-таки взревел Сварог. – Да я же плывал на его корабле!

– Совершенно верно...

– Где он?

Анрах развел руками с видом искреннего огорчения:

– Где искать пирата? На восьми ветрах, как говорится... У него хранилась в каюте одна любопытная вещичка, принадлежавшая прежде «морякам-крохотулькам», от него-то я и узнал кое-что... По-моему, в прошлом месяце его видели...

Он замолчал и повернул голову, услышав знакомое Сварогу дребезжание звонка. Пес громко залаял, но тут же умолк, видя решительный жест Анраха. Мэтр шустро прошел к входной двери – ничего старческого в походке, до дряхлости еще очень и очень далеко, – вскоре вернулся, растерянно сказал:

– Похоже, это к вам...

Увидев на пороге Мару и пошептавшись с ней, Сварог, нимало не колеблясь, приказал:

– Давай их сюда, немедленно!

Первым вошел Леверлин, в своем обычном дворянском платье, но перепачканном, рваном и прожженном в дюжине мест. Лицо у него было в копоты, смешанной на левой щеке с подсохшей замысловатыми разводами кровью. Следом плелся глэрд Баглю, столь же грязный, оборванный, в прожженной одежде, с наспех перетянутой куском полотна головой. Сквозь полотно проступала кровь, но держался глэрд относительно браво.

– Садитесь, – распорядился Сварог. – Вы не станете возражать, мэтр? Там, на столе, вино... Вы, как я понимаю, шли по Древней Дороге? (Последняя фраза была им с умыслом добавлена специально для Анраха.)

И оказала свое действие – глаза мэтра мгновенно озарились знакомым Сварогу по прежним временам огнем...

Схватив протянутую Сварогом полную бутылку, Баглю отодвинул предложенный было стакан и надолго присосался к горлышку. Не без сожаления оторвавшись, передал ее Леверлину – тот в три глотка допил оставшуюся половину. Мара стояла у порога с бесстрастным выражением лица.

– Чует мое сердце, что там все пошло прахом, – сказала она громко. – С такими физиономиями, как у них, об успехах не докладывают...

– Боюсь, гланфортесса, будь вы с нами, оказались бы в том же положении, – вежливо, но твердо сказал Баглю. – Драться на мечах там было не с кем...

– Докладывайте! – рявкнул Сварог.

Он сидел, вертя в руках отвергнутый глэрдом стакан, и слушал, как Баглю, раскрасневшийся от вина, подробно и четко излагает голые факты.

Засада в замке Рейта успела уже остервенеть от напряженного безделья, дожидаясь урочного часа, когда старуха Грельфи вдруг подпрыгнула, словно ее укололи шилом в самое седалище, и что есть мочи заорала: мол, им следует немедленно убираться отсюда, со всех ног и сломя голову, иначе всем придет конец. И припустила первой к выходу со скоростью, сделавшей бы честь многим молодкам. Они и сами не могли толком объяснить, что их заставило ментально поверить и опрометью припустить вслед за старухой, но, как бы там ни было, это им и спасло жизнь. Едва Леверлин, Баглю и дюжина их людей успели отбежать от замка уардов на сорок, как земля сотряслась, раздался могучий, непонятный, никогда прежде не слышанный и ни с чем известным не ассоциировавшийся то ли шелест, то ли свист – и замок превратился в кучу щебенки. Не взорвался, не взлетел на воздух, а словно бы завалился внутрь самого себя. Точнее они не могли объяснить. Когда обернулись, услышав за спиной этот странный звук, на месте замка, в его прежних границах, уже лежала куча перемолотого в крошку кирпича и камня, ничуть не похожая на развалины, остающиеся после любого известного взрывчатого вещества. И тут же по ним хлестнула словно бы взрывная волна, опалив жаром, осыпав мириадами искр, сбив с ног и проволочив по земле добрую дюжину уардов. Но все остались живы, не считая царапин, ссадин, ожогов и парочки вывихнутых рук...

Тем, кто на двух военных кораблях вышел в море, чтобы перехватить загадочное суденышко, досталось меньше, но и они потерпели полное и сокрушительное поражение. Они видели, как корабль – на вид обычная шхуна – приблизился к берегу, уже приготовились идти на abordаж, но тут, словно получив неведомым путем некое известие, шхуна – дрейфовавшая со свернутыми парусами! – вдруг развернулась и помчалась в море со скоростью, примерно втрое превосходящей скорость не только военного парусника, но и любого

земного парохода. Выстрелить по ней никто так и не успел – промчавшись меж двумя корветами, загадочная шхуна с той же поразительной скоростью ушла в открытое море и моментально растворилась в ночном мраке. Гнаться за ней было бы попросту бессмысленно – не могли даже приблизительно определить направления, в котором она скрылась, не говоря уж о том, чтобы догнать...

– Все, – убито сказал Баглю и умолк, с надеждой поглядывая на полную бутылку.

Перехватив его жаждающий взгляд, Сварог кивнул:

– Валяйте... Что ж, господа мои, они нас обставили. Стахор это или не Стахор, но мы остались в дураках. Хорошо еще, что все живы...

– О чем вы? – прямо-таки ерзая на стуле, спросил мэтр Анрах.

Услышав этот тон, Сварог уже не сомневался, что его ученый приятель влип по самые уши. И сказал небрежно:

– Да вот, знаете ли, из зеркала в одном замке вылезала с завидной регулярностью некая компания странных существ, не имевшая вроде бы отношения к нечистой силе... Вообще-то, это страшная государственная тайна, но мой ученый консультант имеет право...

– Я согласен, – сказал мэтр Анрах не лишенным азарта голосом. – Вы не дьявол, лорд Сварог, но искушать умеете не хуже... Правда, вынужден вам сказать, чтобы не осталось недоразумений... Я даю согласие не только оттого, что вы меня поманили новыми знаниями. Есть еще один, более шкурный повод... Я боюсь. Помните, я вам рассказывал о мэтре Тагароне, том самом, что изобрел подводную лодку? Я недавно получил от него письмо. Он, оказывается, в Горроте. Сделал мне примерно то же самое предложение, что и вы – быть ученым консультантом при некоем тамошнем научном заведении. Странное письмо. Предельно туманное, намекающее на некие ослепительные перспективы и головокружительное вознаграждение, проникнутое несвойственным ему в прежние времена чванством и превосходством... Писал он сам, несомненно, – там встречаются обороты, которые были свойственны только ему, упоминания о событиях, о коих знали только мы с ним... Но дело даже не в письме. Дворянин, который его доставил, мне категорически не понравился. Я, если помните, служил в гвардии, был на войне, повидал кое-что. Люди с такими глазами переступают через труп, как через бревно, и убивают не задумываясь... Он без особых дипломатических уверток дал мне понять, что выбора нет. Либо я приму предложение, либо со мной произойдет какой-нибудь несчастный случай. У меня осталось еще два дня из отпущенных на раздумья трех... Все это время возле дома отирались какие-то люди...

– Я никого не видела, – уверенно сказала Мара. – Что-что, а уж наблюдение засекла бы... Впрочем, рядом – заброшенная пивоварня, туда-то я не заглядывала – к чему? Там может целый взвод и сейчас прятаться... На улице остался ликтор в цивильном, что прискакал с ними... – кивнула она на оборванных и опаленных пришельцев.

– Посмотри, – сквозь зубы бросил Сварог.

Она кивнула и бесшумно выскользнула в дверь. Баглю, ничуть не удивившись, вытянул из ножен фамильный палаш, процедил:

– Горротцы, говорите? Оч-чень кстати...

Мара вернулась, мотнула головой:

– Ликтор на месте, кони – тоже. Ни одного тихаря на улице, но насчет пивоварни – кто его знает...

– Поистине, мэтр, вы у нас человек незаменимый, – сказал Сварог спокойно. – Не беспокойтесь, сейчас переправим вас во дворец, там им до вас будет гораздо труднее дотянуться... Мара! Вызывай министра полиции. Чтобы через четверть часа тут не протолкнуться было от его головорезов, прочесать улицу, обыскать и пивоварню, и прочие прилегающие строения... – Он повернулся к Анраxu. – В положении короля есть некоторые приятные стороны, не правда ли? Это вам не старые времена, когда меня гоняли, как зайца... Живо собирайтесь.

– Но мои книги? – растерянно воззвал мэтр Анрах. – Коллекции? Собака?

– Мара, – хладнокровно добавил Сварог. – Добавь еще, пусть сюда пригонят дюжину повозок и десятка два носильщиков... Вот так и живем, мэтр. Приказы мои, что характерно, немедленно исполняются. Мелочь, а приятно...

Глава восемнадцатая **ЦЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ**

Тишину нарушал лишь хруст и шорох плотной бумаги, пропитанной каким-то алхимическим составом, чтобы не боялась воды: на такой бумаге здесь главным образом печатали военные и морские карты, поскольку снадобье из-за каких-то редчайших компонентов выходило дороже золота, и растрачивать его на цивильные нужды было бы расточительно (конечно, это не касалось королевских указов и самых важных документов).

Адмирал Амонд обложился ворохом лоций и карт глубин, залитых синевой разных оттенков, от прозрачно-акварельного до густого, чуть ли не черного, с сосредоточенным видом понимающего человека манипулировал циркулями, круглыми линейками и еще какими-то штурманскими причиндалами, в которых Сварог не разбирался совершенно. Анрах терпеливо сидел рядышком, время от времени по просьбе адмирала тихонько уточняя что-то.

Сварогу пока что не находилось дела, и он в ожидании хоть каких-то результатов или хотя бы версий маялся от скуки. Он внезапно оказался в состоянии самого пошлого безделья. За две последних недели не случилось решительно ничего, требовавшего бы личного вмешательства самодержца: страна жила спокойно, без смут и мятежей, подданные, как им и полагалось, прилежно занимались кто законными, кто незаконными ремеслами (но последних искали и ловили опять-таки без вмешательства короля, вовсе не обязанного вникать в такие мелочи). Из Глана тоже приходили лишь самые оптимистичные новости: горротцы притихли, коварных сюрпризов из разряда феноменов больше не случалось, глэрда Рейта после надлежащего внушения выпустили на свободу, чтобы использовать в качестве приманки на случай, если его загадочные приятели вдруг решат объявиться вновь (незадачливого дружка обитателей Зазеркалья поселили в один из его замков поплотше, строго запретив таковой покидать, да вдобавок королевским указом, который Сварог подмахнул с особенным удовольствием, лишили доброй четверти земель, каковые передали наследнице Барраля в виде компенсации за все причиненные ей неудобства).

Впрочем, Сварог не особенно и рассчитывал, что те, из зеркала, вернутся на

спаленную явку, – но попытка, как известно, не пытка. Из тех же соображений министр полиции до сих пор держал на Бараглайском холме штук двадцать своих отборных тихарей: на случай, если горротцы начнут все же выяснять, куда запропастился мэтр Анрах. Зачем он вдруг понадобился Стахору – непонятно, да и сам мэтр не знал, *какие именно* его знания привлекли горротского короля, несомненно стоявшего за Тагароном...

Собственно говоря, Сварог остался в полном одиночестве. Мара, добившись, наконец, выполнения вскользь данного ей Сварогом обещания, отправилась почистить Ямурлак от затаившейся по чащобам нечисти – во главе двух конных легионов, пары сотен Вольных Топоров, изрядного отряда любителей авантур, привлеченных в экспедицию как тягой к приключениям, так и солидным вознаграждением в золоте. С ней поехал Карах – в качестве долголетнего ямурлакского обитателя, тамошнего уроженца, а следовательно, бесценного научного консультанта. Туда же дружно рванули Шег Шедарис и Бони с Паколетом, решившие, что лучшей возможности малость подрастрясти жирок может и не подвернуться. Что до Тетки Чари, она все это время прочесывала многочисленные портовые кабачки, выискивая старых знакомых, которые неисповедимыми путями могли довести до сведения капитана Бугаса, что нашелся наконец-то человек, способный оценить его коллекции по достоинству. Вообще-то, параллельно Бугаса искала и вся заграничная агентура министра полиции (как выяснилось, с полгода назад прибравшего к рукам и внешнюю разведку), но Сварог, вспоминая лично знакомых ему господ пиратов, в том числе и самого Бугаса, слабо верил в успех шпииков, заранее прикинув, сколько из них не вернется. Шпииков джентльмены удачи особенно не жаловали и давно наловчились устраивать им плаванье в один конец, то бишь сверху вниз... Зато у Тетки Чари шансы определено были...

Леверлин куда-то исчез – и у Сварога осталось впечатление, что былой сподвижник, вынужденный силой обстоятельств открыть кое-какие тайны, попросту избегает с ним встреч. Это было чуточку неприятно – дело, конечно, не в обидах, какие могут быть обиды на человека, вынужденного хранить *чужие* тайны даже от боевых друзей? – но все равно остался неприятный осадок...

И, наконец, Элкон пропал *навверху*, в Келл Инире, с помощью добрых знакомых из Магистериума разрабатывая для новорожденной разведслужбы Сварога систему спутников-наблюдателей, способных прослушивать эфир на всех диапазонах и вообще надзирать за планетой так, как этого до сих пор не делал восьмой департамент. Задание не из легких, но Сварог надеялся, что парень справится, – на таких вот серьезных поручениях и проверяются растущие кадры, к тому же других кандидатур у него все равно не было...

Даже ведьма Грельфи поддалась захватившей всех жажде деятельности и отправилась в Глан, чтобы с помощью каких-то своих методов поискать *другие* зеркала, откуда могут вылезать существа в балахонах.

Честолюбивый полковник Фалек из Синих Егерей со всем своим полком в полном составе и парочкой артиллерийских батарей уже десять дней действовал в Пограничье, вразумляя господ вольных ярлов, с помощью то кнута, то пряника втолковывая им, что с прежними вольностями, как ни печально, придется расстаться. Судя по двум лоранским нотам, он даже быстрее, чем рассчитывал Сварог, вышел к побережью, и его корабли, двигаясь к устью Секвины, без лишних церемоний сметали бортовыми залпами все, что предпри-

имчивые соседи успели там возвести. (На обе ноты по указанию Сварога министр иностранных дел ответил довольно резко, вполне резонно заметив, что речь идет о внутренних делах, о наведении его величеством Сварогом Первым порядка в своих законных владениях, и совершенно непонятно, почему господа из Лорана дерзают этим возмущаться – уж не хотят ли тем самым признать, что официально поддерживали нарушение границ их подданными?! Неизвестно, что подумали в королевском дворце, но третьей ноты не последовало.)

А по Вольным Манорам, вдоль течения Рона, довольно браво продвигался экспедиционный корпус маршала гвардии, ради вящего запугивания действовавший сугубо под хелльстадским знаменем Сварога. Судя по поступавшим донесениям, владельцы карликовых держав сдавались без особенного сопротивления – были заняты уже девять Маноров из двадцати одного, а нечто похожее на вооруженный отпор встретили лишь в трех, да и там быстро все уладили без особых церемоний.

Вот тут Сварог разворошил осиное гнездо! Практически из всех стран континента посыпались ноты разной степени эмоционального накала. Шаган и Снольдер отделались довольно формальными посланиями (лишний раз подтвердив тем самым расчеты Сварога – в первом королевстве после уничтожения Глаз Сатаны он был трудами монахов из Братств весьма популярен, а второе определенно подавало сигналы, недвусмысленно свидетельствовавшие о твердом намерении дружить), зато письма из Горрота, Лорана, Балонга и Святой Земли сочились ядом и источали такой жар, что их боязно было брать в руки, не надев предварительно толстых перчаток. Сварога взახлеб обвиняли в злодейском попрании вековых традиций и единогласных решений Виглафского Ковенанта. Пикантность ситуации была еще и в том, что Балонг никогда в Ковенанте не состоял, а Святая Земля, бывшее королевство Нимаан, была из означенного Ковенанта исключена еще четыреста лет назад, когда приверженцы отца Патарана свергли и уничтожили тамошнюю королевскую фамилию...

Исторической точности ради следует добавить: хотя широкая общественность, за исключением всезнающего министра полиции, так об этом и не узнала, дипломатические ноты последних четырех государств Сварог читал не где-нибудь, а в постели Арталетты под охлажденную «Кабанью кровь», декламируя вслух особенно лихие перлы, что вышеупомянутый эмоциональный накал значительно снижало и безусловно не возымело того эффекта, на который, быть может, короли и их дипломаты всерьез рассчитывали. И это познавательное чтение вслух продолжалось до позавчерашнего дня – потом Арталетта, хотевшая немного развеяться, тоже отпросилась в Вольные Маноры со своими мушкетерами.

А несомненный юмор ситуации крылся в следующем: поскольку занятие (будем так это деликатно называть) Вольных Маноров проходило исключительно под хелльстадским флагом, то и ноты, соответственно, прямехонько отправлялись, согласно строгому дипломатическому протоколу, в Готар. Где их, сноровисто орудуя шилом и бечевкой, подшивал господин департаментский секретарь, педантично отписывая в ответ на каждую: в настоящий момент его величество, король Хелльстада, имеет честь пребывать за пределами своего королевства, ведомый важнейшими государственными делами, но по его возвращении сии бумаги будут ему доложены...

Сварог прекрасно понимал, что сочинением возмущенных нот дело и ограничится – далекий Шаган вмешиваться не намерен, Снольдер будет, очень похоже, держать нейтралитет, а прочие не способны на *большую* войну. А посему он отправил глэрдну Дагласу указание взять парочку гвардейских полков и со своей стороны границы вторгнуться в те Маноры, что были ближе к Глану. Под тем же хелльстадским знаменем. «Обойдется, – подумал он с той долей здорового цинизма, которая должна быть свойственна всякому толковому королю. – Проскочит...» В общем и целом, он не собирался ничего палить и жечь, и свергать кого-то без особой необходимости тоже не приказывал: восемь князей, графов и баронов, вовремя догадавшихся принести ему вассальную присягу, так и остались на прежних местах, а что до покойного девятого, то он был сам виноват – никто его не заставлял бросаться в конную атаку во главе бездарно обученной и скудно вооруженной дружины, которую Синие Егеря опрокинули и рассеяли чуть ли не в пять минут... Впрочем, насколько Сварог знал из донесений, на вакантный *трончик* маршал гвардии тут же посадил какого-то то ли племянника, то ли троюродного брата покойного барона, в отличие от глупца-родственничка более гибкого к требованиям текущего политического момента... И двинулся дальше, пачками распространяя манифесты, в которых Сварог, как положено, обещал всевозможные вольности и светлое будущее.

...Он сидел у окна, слушал вполуха тихие разговоры мэтра с адмиралом и от нечего делать перелистывал великолепный альбом репродукций «Сто сорок видов Латераны». Сначала бегло, потом все внимательнее, уже не переверачивая по три страницы зараз.

Только теперь до него стало помаленьку доходить, отчего поэты посвятили Латеране столько стихов, художники – полотен, а все без исключения путешественники, как таларские, так и сивльванские, отзывались об этом древнем городе исключительно восхищенно.

Латерана была прекрасна. Старинные дворцы, живописные проспекты, четыре десятка разнообразнейших мостов, из которых ни один не повторялся, университет – сам по себе городок в городе, гробницы ронерских и снольдерских королей, набережные, крепость Руэт, королевский дворец, башни и обсерватории, музеи и крытые манежи, ипподромы и термы... Сейчас понятно, почему за этот город две сопредельные державы, Снольдер и Ронеро, воевали в среднем раза четыре за столетие – и отнюдь не для того, чтобы разрушить, почему Латерана дважды побывала столицей Снольдера и дважды же столицей Ронеро. Там, за облаками, он просмотрел массу фильмов о таларских городах, но ни один не оказал на него такого впечатления, как Латерана. Ничего удивительного, что Элкон сбежал из дому именно в Латеранский университет, а не в Ремиденум... Лепота – и ничего тут больше не скажешь...

– Что вы сказали? – встrepенулcя он, поднял голову и убрал с колен тяжеленный альбом в кожаном переплете с золотыми углами.

– Опрометчивых гипотез я всегда опасался... – сказал адмирал Амонд. – Но не могу отделаться от впечатления, что *они* устроили себе базу где-то вот здесь, у самого маленького из островов Девайкир... Я попытался поставить себя на их место – и не нашел лучшего укрытия. Идеальная пристань для небольших подводных лодок, таких, какими мне их описал граф Элкон. Вот здесь, в трех местах, – прекрасные фарватеры. Ни один корабль нормального

размера по ним не пройдет – глубина достаточная, но ширина не позволяет проплыть к берегу даже посыльной шхуне, разве что баркас пройдет, но ему совершенно нечего делать в том лабиринте... А вот для тайной базы место, повторю, идеальное. Остров практически безлюден, разве что пираты иногда туда заходят для кренгования...

Ну да, вот именно... «Невеста ветра» как раз и приплыла как-то к этим безлюдным берегам, чтобы очистить дно от ракушек. И там светлой ночью бродивший в одиночестве по прибрежным скалам Бугас подобрал странную вещичку, о которой потом рассказывал Анраху. Сам Анрах так и не понял, что это такое, но Сварог моментально узнал в его описании самую обыкновенную надувную лодку из какого-то синтетического материала – вот только размером она была с ладонь, как раз для крохотных человечков ростом в палец. Кому она принадлежала, сомневаться не приходилось: на следующую ночь Бугас, отправившись в то же место, своими глазами видел, как у берега долго кружили две таких же лодочки, полные людей-крохотулечек, – только эти были, такое впечатление, из металла и двигались, как говорил Бугас, «сами по себе, жужжа и чирикавая». Сварог допускал, что первая лодка попала в катастрофу и ее экипаж погиб, а потом их старательно искали крохотульки с подлодки. Почему бы и нет? Всякое может случиться...

– О них я впервые услышал еще юнгой, – сказал Амонд, постукивая циркулем по карте. – Есть некий набор морского фольклора, который вешают на уши каждому новичку. Никакого сцепления с реальностью: они проходили по тому же ведомству, что Призрак Кухаря или Чайка-Вещунья... я не включаю сюда Серую Погибель или Водяного Бегуна, потому что они-то как раз существуют в реальности...

– Вы полагаете, адмирал? – усмехнулся Анрах.

– Уважаемый мэтр, вы – человек, простите, сугубо сухопутный, – отрезал Амонд. – А я хожу по морям тридцать два года. Выдумка – выдумкой, а реальность – реальностью. Серая Погибель, или даката существует на самом деле.

Анрах вежливо промолчал, но видно было, что он остался при своем мнении. Сварог не расположен был углубляться в бесцельные теоретические споры. Он сказал:

– Если я правильно понял, адмирал... Никто и никогда не относился к ним, как к реальным существам?

– По крайней мере, мне об этом не известно, – кивнул Амонд. – Поскольку никаких вещественных доказательств в руки ни к кому не попадало... если не считать Бугаса, как уверяет наш мэтр. В принципе, я верю: Бугас известен своей коллекцией диковин на двух планетах, хотя, разумеется, он далек от ученых заведений и научных диспутов. Однажды попытался выступить с докладом, но сведения, которые он где-то откопал, шли вразрез с официальной наукой, и кончилось все конфузом, после которого он зарекся... К тому же некоторая... гм, специфика его ремесла не позволяет сплошь и рядом с картой в руках объяснять, где именно он отыскал ту или иную диковинку... Ваше величество, вы твердо уверены, что эти подводные лодки существуют? Такие, какими вы их описываете?

– Быть может, не в точности такие, – сказал Сварог, тщательно подбирая слова. – Но в их существовании я уверен.

– Плохо... Лично я просто не представляю, как можно с ними бороться. Тео-

ретически я хорошо представляю себе, что такое торпеда – их у нас давно пытались делать, но не существует на земле подходящего двигателя. – Он печально покрутил головой. – Ваше величество, в узком кругу могу признаться, что мне страшно. Одна такая лодка способна отправить на дно целую эскадру...

– Ну, пока что они не давали о себе знать, – сказал Сварог. – Хоронятся и таятся, как могут, – и до сих пор им это удается... В конце концов, это моя головная боль, адмирал. От вас одно требуется: вдумчиво изучить лоции и подыскать места, где они *могут* устроить базы. А остальное я беру на себя... Если подвести итоги, все обстоит не так уж плохо.

Раскрылись они лишь однажды: тогда, на Морской площади...

В дверь деликатно поцарапались – Сварог уже давно освоился с этой манерой господина министра полиции. Он вышел в коридор. Как ни скуп был Интагар на мимику и эмоции, Сварог все же мог определять, какие настроения на данный момент владеют его верным бульдогом. Судя по некоторым признакам, ничего из ряда вон выходящего в окрестностях не случилось. Что ж, неплохо. В русле общей тенденции: затишье у нас, господа, покойное затишье, и слава богу...

– Итак? – спросил Сварог. – Давайте как обычно...

Он и эту манеру Интагара изучил – начинать с самого маловажного и двигаться по восходящей (разумеется, это касалось лишь вот таких *застойных* деньков...).

– Мои люди задержали странного субъекта, – прилежно доложил министр полиции. – То ли сумасшедший, то ли просто слаб на голову. Он в Равене недавно, называет себя художником, но рисует какие-то кляксы и зигзаги... Сегодня выяснилось, что вы его приговорили в Глане к баниции с веревкой...

– Ах, вот кто объявился... – хохотнул Сварог. – Ну да, конечно, следовало догадаться, что не в Вольные Маноры он двинет, там люди еще более темные, чем я, и столь высокого искусства не оценят...

– Прикажете повесить в соответствии с вашим указом? – по-деловому осведомился министр полиции.

– Э, нет, – сказал Сварог. – Он, в общем, не виноват, что меня именно сюда пригласили в короли... Доставьте его на снольдерскую границу и отпустите к лешевой матери. На тех же условиях: если когда-нибудь окажется в моих владениях, будет безжалостно повешен... включите в соответствующие списки.

– Будет исполнено. Прибыл гонец из Пограничья, от полковника Фалека, он сейчас отдыхает. Насколько я понял, ничего особо важного – обычный отчет...

– Ну, в таком случае и нечего его беспокоить, – сказал Сварог. – Когда отдохнет, приведете. Это все?

– Нет, государь. Во дворец привезли герцога Лемара. Судя по донесениям сопровождавших его людей, он довольно бодр и питает надежды... Всю дорогу он старательно составлял некий трактат – вы же сами распорядились с ходу поставить перед ним задачу, чтобы побыстрее понять, чего от него ждать...

– Сейчас посмотрим... – оживился Сварог.

– И последнее, государь. На снольдерском «Морском Короле» в Равену только что прибыл граф Раган...

– Ага, старый знакомый, – кивнул Сварог. – Надеюсь, не под своим честным именем путешествует?

– Ну разумеется, государь. Предъявил бумаги на имя простого дворянина, путешествующего «по собственным надобностям». Как водится, за ним внимательно наблюдали, не делая никаких попыток к аресту: есть неписанные правила, в отношении разведчиков столь высокого ранга не принято применять вульгарный арест... Что любопытно, его встречали здесь совершенно незнакомые мне люди. Я полагал, что все его особо доверенные лица и хозяева его личных конспиративных квартир мне известны наперечет... – развел Интагар руками с некоторой долей самокритичности. – Оказалось, у него здесь есть и *запасные* «потайники», ничем себя прежде не проявившие... Он сейчас в гостинице «Золотое дерево». Под плотнейшим наблюдением...

– Ну, посмотрим, – пожал плечами Сварог. – Пойдемте...

Человек в простом дворянском платье встал при его появлении – но не вскочил с холуйской поспешностью, а, скорее, с большим достоинством выпрямился. Жестом отослав министра полиции (как ни хотелось тому задержаться), Сварог придвинул кресло, уселся и с наработанными уже навыками величественно повел рукой:

– Вы можете сесть. Прошу без церемоний.

– Благодарю вас, государь, – степенно ответил ссыльный прохвост, усаживаясь.

Сварог откровенно разглядывал его: лет сорока пяти, недурен собой и невероятно благообразен, светловолос, с темными, почти черными бровями (что считается несомненным признаком *породы*), с красивой проседью на висках и гордой осанкой.

– Прежде всего, ваше величество, – заговорил первым герцог, – позвольте поблагодарить вас за восстановление справедливости в отношении моей скромной персоны. Я рискнул заключить, что именно вам обязан освобождением и даже привлечением к работе... в чем я нисколько не сомневаюсь, ибо слава о вашем уме и доброте долетела и до далекого, унылого Стагара...

Голос у него был низкий, приятный, прямо-таки обволакивающий. Если бы Сварог не читал собственными глазами толстенный список прегрешений герцога, сейчас нимало не сомневался бы, что перед ним сидит честнейший человек, оклеветанный злыми и подлыми завистниками. Бездна обаяния, честнейший, незамутненный взор, весь облик лучится добротой, безобидностью, верностью... Такой кому угодно способен повесить лапшу на уши и продавать эскимосам холодильники, а жителям Сахары – электрообогреватели. Понятно теперь, почему сумел облапошить такое количество народу, среди коего было маловато доверчивых дурачков, и почему добрых три четверти совращенных девиц вешались на шею без принуждения или угроз, даже кое-кто из злодейски похищенных из отчего дома...

А герцог, ободренный молчанием его величества, разливался соловьем – лесть была хотя и явственная, но не грубая, уж никак не примитивная. Скорее герцог выглядел умным человеком, который воздаст должное другому, еще более умному, – и это опять-таки производило впечатление. Сварог с неудовольствием обнаружил, что ему все же приходится делать над собой некоторое усилие, дабы воспринимать этого прохвоста так, как герцог того заслуживает, судя по бесстрастным полицейским экстрактам...

В конце концов он решительно поднял ладонь:

– Достаточно, герцог... – И не удержался от шпильки: – Вы знаете, перед тем,

как вернуть вас со Стагара, я просмотрел кое-какие бумаги, касающиеся вашей персоны. Очень подробные и обширные...

– Ах, ваше величество! – отозвался герцог прочувствованно. – Вы в благородстве своем и не подозреваете, сколь изощренны и подлы могут быть в своих надуманных наветах иные бесчестные людишки, мастера клеветы и обмана...

И он даже прикрыл глаза рукой, удрученный несовершенством нашего мира и злокозненностью его обитателей.

– А история с ожерельями маркиза Калагана – тоже навет? – проверки ради поинтересовался Сварог.

– С чьими ожерельями?

На благородном лице герцога ясно читалось, что он никогда в жизни не слышал этого имени и в глаза не видел никаких ожерелий.

Сварог мог и поверить – если бы не слышал доклада Мары, по его приказу проверившей достоверность кое-каких досье из богатейшего собрания министра полиции... Прохвост, конечно. Редчайший экземпляр... но ведь потому и понадобился, а? Именно потому, господа мои...

– Хорошо, меня, надо полагать, ввели в заблуждение, – сказал он, откровенно ухмыляясь. – Покажите, что вы там сочинили...

Почерк у герцога был невероятно разборчив и четок – как у коронного писаря с двадцатилетним стажем. Сварог перелистнул несколько страниц, потом вчитался.

Он старался сохранять бесстрастное лицо (чтобы этот прохвост не понял, насколько он королю нужен), но в глубине души понимал, что лучшего сотрудничка и не сыскать. Лемар на лету ухватил его идею, черновые наброски насчет Ордена Возрождения Трех Королевств, врученные Сварогом отправленному на Стагар полицейскому чиновнику. И поработал с ними так, словно всю жизнь служил в ЦК КПСС. Правки после него не требовалось, все продумано до мельчайших деталей – устав Ордена, чья благородная деятельность направлена на благороднейшие цели; система партийного... тьфу ты, орденского руководства, расписанная по городам, округам и провинциям, завершенная, стройная и толковая; отличительные знаки и символы, награды в трех металлах, почетные цепи к ним – сам Сварог до этого не додумался, как и до нарукавных нашивок, означающих орденский стаж, – ежемесячные собрания, годичные Большие Советы (слова «партийный съезд» герцог попросту не знал, иначе, несомненно, употребил бы); кандидаты и полноправные члены, разыскания и поводы к таковым... И все это набросано на коленке, в плавании, в неудобной повозке?! Вот это сотрудничек! Тошнит от него, и повесить так и подмывает – но ведь незаменим! Беглые заметки Сварога превратились в нечто законченное, заслуживающее претворения в жизнь с завтрашнего же дня...

– Ну что же, – сказал он, вставая. – Вам сообщат о вашей дальнейшей судьбе, любезный герцог...

В коридоре терпеливо ждал министр полиции. У его ног, виляя хвостом, сидел здешний курьез, порожденный самодурством покойного Конгера, желавшего чем-то изощренно унижить свое дворянство: серый с черными крапинами охотничий пес, волею короля носивший дворянское достоинство (подкрепленное, как полагается, гербом, выгравированном на золотом ошейнике). Ря-

дом с каменным лицом стоял лакей, коему вменялось в обязанность ухаживать за четвероногим лауром и по мере понимания исполнять все его желания, кроме одного-единственного: у хвостатого дворянина не должно было родиться потомства (именно такое соломоново решение принял недавно Сварог, решивший сохранить жизнь безвинному песику, но не доводить ситуацию до абсурда – ведь, если судить с точки зрения незыблемых геральдических правил, все щенки, родившиеся бы от благодетельствованной дворняги, автоматически получали благодаря отцу то же дворянское достоинство – ведь он не мог в членораздельных словах *лишить* потомство благородного звания, а следовательно...).

Рассеянно потрепав по голове блохастого дворянина, Сварог в ответ на просительный взгляд министра полиции решительно произнес:

– Верните ему, пожалуй что, гражданский чин. И только. Не стоит его баловать сверх меры, будем держать в черном теле. Чтобы поработал как следует... Я бы его с удовольствием повесил, с каким бы удовольствием...

– Я вас прекрасно понимаю, государь, – проникновенно сказал министр полиции. – Но, вы сами убедились...

– Сволочь редкостная, – с чувством сказал Сварог. – Но каков сотрудничек... Между прочим, поручите ему составить парочку манифестов для Вольных Маноров в добавление к уже имеющимся. И... – оглянувшись на слугу, он взял министра под локоток, отвел его подальше. – И пусть сочинит что-нибудь убедительное для той области Святой Земли, что расположена по *нашу* сторону Рона. Чует мое сердце, наши лихие генералы вскоре сгоряча и туда вломятся, а у меня, рассуждая по-государственному, нет никакого желания их останавливать. К чему? Устье Рона будет в наших руках, а столица на другом берегу реки окажется под прицелом наших орудий, после чего они станут гораздо створчивее... Пусть этот прохвост извратится, насколько умеет.

– Будет сделано, государь! Гонец от Фалека отдохнул и рвется к вам...

...Бравый лейтенант Синих Егерей вскочил ему навстречу, щелкнув каблуками так, что эхо отразилось от высоченного, в золотой лепнине потолка. Выхватил из-за отворота мундира толстый засургученный пакет и, четким жестом выбросив руку, протянул его Сварогу, звенящим от возбуждения голосом отчеканил (несомненно, заранее предвидя, что ждет *такого* вестника):

– Государь, полковник Фалек докладывает, что убеждение Пограничья завершено! Гарнизоны находятся во всех столицах вольных ярлов и наиболее крупных населенных пунктах, редкие очаги сопротивления *погашены*, мы полностью контролируем эту провинцию! Последним было занято княжество Рут – вот там нам пришлось немного повоевать...

– Рут? – спросил Сварог, вертя пакет и хмурясь при воспоминаниях.

– Так точно, ваше величество! Тамошний князь, вздорный юнец, пытался организовать конную контратаку. Наша «волчья сотня» их вырубил начисто – там и была-то горстка... Полковник отдал приказ похоронить князя согласно рыцарским правилам ведения войны, что и было незамедлительно выполнено... Других эксцессов не последовало, население приведено к полному повиновению...

Его усатенькое лицо было ревностным до глупости. Сварог его не видел сейчас – перед глазами стоял забавный светловолосый юнец, почти мальчишка, всерьез намеревавшийся броситься со своим крохотным отрядиком про-

тив Глаз Сатаны. Именно от него Сварог впервые услышал о пророчествах Та-веро и Сером Рыцаре. Именно о нем Сварог тогда подумал: из таких получают отличные солдаты... если не убьют в первом же бою.

Что ж, так и вышло. Жизнь не успела обтесать вихрастого романтика...

Душа была полна стыда и тоски. Он никогда не думал, что запущенный его волей неумолимый механизм однажды прокатится шипастыми колесами и по таким вот мальчишкам...

«Но ведь этот юнец ничего не успел *сделать!* – пытался успокоить его кто-то умудренный жизнью, знающий все ее тяжелые сложности. – Он только болтал языком и картинно хватался за меч! И ничего больше. Он мешал грандиозному предприятию, направленному на благородные цели. Его, несомненно, уговаривали сначала по-хорошему, Фалек кропотливо выполнял инструкции, и перед его войсками всегда шли увещеватели с манифестами! Кто ему мешал сложить оружие, не болтаться под ногами? Независимость Рута, которой мальчишка так гордился, смешна и нелепа! Он сам виноват, сам, сам!»

У собеседника, существовавшего лишь в сознании Сварога, было лицо герцога Лемара – Сварог отчего-то знал это совершенно точно. Жгучий стыд и тоска никак не проходили, и Сварог, спохватившись, повернулся к не повинному ни в чем лейтенанту, пожалуй, ровеснику князя:

– Благодарю вас, лейтенант. Поздравляю с орденом «Звезда отваги».

И, уклоняясь от неизбежного в таких случаях шумного, уставного вопля, выражения благодарности, побыстрее вышел в коридор. Так и не вскрыв пакет, остановился у колонны, едва не застонав вслух от тоскливого стыда. И это тоже называется – дорога королей... И это тоже следует пережить, чтобы не вспоминать больше никогда...

– Ваше величество, что с вами?! – обеспокоенно воскликнул министр полиции.

– Пустяки, – сказал Сварог торопливо. – Ничего серьезного... Один мой давний знакомый погиб, только и всего...

– Ваше величество... Граф Раган прислал своего человека к одному из моих доверенных лиц. Он просит незамедлительной аудиенции – как заверяет, по серьезнейшему делу...

– Хорошо, – сказал Сварог бесстрастно, как и подобало королю. – Организуйте все, как нужно, не мне вас учить... Только сначала быстренько раздобудьте мне добрую чарку... нет, не вина, чего-нибудь покрепче, келимаса хотя бы... Живо!

Глава девятнадцатая

ЕЩЕ ОДИН СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Еще в прошлом году, во время приснопамятного эпизода с королевским зверинцем, Сварог убедился, насколько легко остаться незамеченным во дворце, особенно если владеешь кое-какими заклинаниями, позволяющими мгновенно и неузнаваемо изменять внешность. Так произошло и сейчас: они с министром полиции, насколько на себя не похожие, преспокойно прошагали чуть ли не полторы лиги: два канцеляриста министерства двора, в весьма незначительных чинах, судя по мундирам, но снабженные теми бляхами-пропусками, что позволяли пройти всюду. Если их в чем-то и заподозрили, то только в том, что оба – замаскированные полицейские, занятые одним из тех дел, в которые непосвященным лучше не соваться по причине несомненной вредности означенных дел для жизни и здоровья чересчур уж любопытных.

Снольдерского гостя разместили на втором этаже самого обычного зданьяца у самой дворцовой ограды. Официально оно принадлежало королевской поварне, но Сварог, имевший уже некоторый опыт, с ходу определил, что эти специфические молодцы, отиравшиеся при входе и на первом этаже, на кухарей похожи не более, чем на балерин.

Перед дверью он остановился, раздумывая: оставить Интагара здесь или взять с собой? Пожалуй, все-таки с собой – при разговоре со столь скользким собеседником, как Раган, его не менее опытный коллега по ремеслу будет необходим...

Комнатка была самая обыкновенная, обставленная без претензий, – и в самом деле, то местечко, где могут скоротать свободный часок королевские кухари. Граф поднялся им навстречу, глянул недоумевающе, но Сварог одним движением ладони вернул себе и спутнику прежний облик.

– Ах, вот оно что... – сказал Раган понимающе. – Я было решил, что продолжатся бюрократические согласования... Вы ничуть не изменились, ваше величество, со времен нашей последней встречи, разве что прибавилось осанности, что вполне логично – вы уже не тот затравленный беглец, каким я вас когда-то знал...

– Вы полагаете, ко мне в тот период подходило слово «затравленный»? – усмехнулся Сварог, придвигая к себе обычное жесткое кресло. – Прошу садиться, господа. Старые знакомые могут обойтись без придворных церемоний... Я вас внимательно слушаю, граф.

Он видел, что граф с прошлых времен заметно изменился: такой же крепкий и смуглый, но на висках прибавилось седины, а лицо выглядело похудевшим и осунувшимся.

– Дело у меня несколько неожиданное... – начал было граф и тут же умолк, явно подыскивая обороты.

– Хотите, я вас поражу сверхъестественной проницательностью? – усмехнулся Сварог. – Шучу, конечно... Проницательности у меня не больше, чем у самого обыкновенного человека, увы. Просто... не так уж и много серьезных дел, с которыми вы в данной ситуации могли бы ко мне обратиться. Либо вы собираетесь предложить мне как-то поделить Три Королевства, либо намерены последовать примеру кое-каких сановников сопредельных с вами дер-

жав... – Он все же оборвал фразу, чтобы не выглядеть глупцом в случае, если первые его предположения все же не оправдаются.

– Да, вот именно, – сказал Раган с заметным облегчением. – Вы изволили облегчить мне задачу... Я – государственный преступник, ваше величество, поскольку прибыл к вам от людей, твердо намеренных предложить вам снольдерскую корону при...

– При живом и правящем законном короле, – охотно закончил за него Сварог. – Что ж, дело, в общем, житейское...

«Неужели их так допекло?» – подумал он с некоторым удовлетворением. Благодаря Интагару он давно составил более-менее точное представление о снольдерских делах. Король ленив и безволен, не интересуется ничем, кроме балерин и конских бегов, родня и фавориты увлеченно растаскивают казну, сильных личностей среди министров нет, вдовствующая королева – Старая Матушка, Старая Королева, Старая Гадюка, как ее называют в зависимости от отношения к ней добрые подданные, – шестой год сидит под домашним арестом в отдаленном замке среди гор Оттершо, но даже из своего захолустья умудрилась организовать три неудачных покушения против венценосного сыночка, коего люто презирает, – а у сыночка не хватает должной твердости на то, чтобы если и не казнить матушку смертью, то хотя бы заточить в настоящее узилище...

– Что, неужели так плохо? – спросил он с любопытством.

Раган уныло кивнул:

– Сами понимаете, если мы решились на заговор, государственный переворот, смену династии... Я не сомневаюсь, благодаря этому господину, в чьем уме и деловой хватке я давно убедился... – он вежливо поклонился Интагару, – вы неплохо осведомлены о наших печальных делах, но даже он вряд ли знает иные подробности... Казна пуста, последние займы, сделанные в Балонге, исчезли в сундуках фаворитов и шкатулках балерин из Королевского театра. Армии задолжали жалованье за три месяца, а гвардии – за два...

– Ну, это нам известно, – бесстрастным тоном ученого-исследователя бросил министр полиции.

– А вам известно о проекте королевского указа, предписывающего очистить армию – и гвардию тоже! – от офицеров ратагайского происхождения? – ни на кого не глядя, сказал Раган. – Нет? Вот видите, господа мои... А ведь это – добрая треть офицерского корпуса. И не самая худшая треть... Причина удручающе проста: его императорское высочество принц Хаген, отчего-то возмнивший себя крупным специалистом по железным дорогам, соизволил начертить проект новой дороги так, что при этом она пройдет через Гернотскую долину, напрямик... При строительстве, несомненно, будут уничтожены и город Гернот, и гробницы былых ратагайских королей, и храмы Симаргла. Все то, что ратагайцы почитают и свято берегут. Это все равно, что снести Латерану... Конечно же, начался ропот. Конечно же, господа из министерства полиции, усмотрев великолепный повод отличиться, представили дело так, будто налицо уже сформировавшийся заговор против трона и ратагайцы намерены отделиться в своих древних границах, по Тею и Ителу. Уже арестовано не менее двадцати человек – что не прибавило ратагайцам умиротворенности. На прошлой неделе, ночью, налетевший неведомо откуда конный отряд перебил на берегу Тея военных топографов, намечавших первый отрезок дороги, – и с

ними их конвой, двух королевских чиновников. Кое-где на курганах начали зажигать по ночам костры – древний сигнал к мятежу. Я хорошо знаю ратагайцев, государь, в некоторых отношениях они чертовски похожи на ваших гланцев: патриархальный, воинственный и бесшабашно смелый народ. Если события будут развиваться в том же направлении – а в ином из-за позиции короля и его братца им развиваться просто некуда, – мы очень скоро получим самую настоящую гражданскую войну. И не в одной Ратагайской пуште. На землях бывшего Улада уже второй год потаенно работают лоранские эмиссары, туда по контрабандным тропкам идет лоранское оружие и лоранское золото. По достовернейшим сведениям, за этим стоит еще и Балонг – у всех разгорелся аппетит на Фиарнолл, лучший порт побережья. В дельте Монаура действуют горротские агенты – там уже случилась парочка мелких мятежей, подавленных пока что без труда, но чутье подсказывает, что следует ждать настоящего. Классическая ситуация, прекрасно знакомая по нашей – и не только нашей – истории: та же, что и в стае волков с одряхлевшим вожаком. Соседи, чуя слабость престола, всерьез намерены урвать себе кусок... Я не пессимист, но информация у меня обширная. Еще несколько лет – и по окраинам разгорятся нешуточные мятежи, отложится Ратагайская пушта, вторгнутся соседи... да вот хотя бы вы, король Сварог. Умоляю вас, не делайте столь обиженного лица! Это азбука политики – отхватить от ослабевшего соседа долю и себе, двигаясь в русле общей тенденции. Будь вы ангел во плоти, интересы государства и настояния министров рано или поздно побудят вас присоединиться к разделу... Кстати, оба принца намерены убедить-таки короля объявить вам войну: эти сиятельные дураки, простите за вульгаризм, раскатали губья на земли Трех Королевств, совершенно не понимая, что в нынешнем нашем состоянии мы не выдержим большой войны, тем более с вами... Одним словом, мы всесторонне обдумали печальную ситуацию. Мы пристально наблюдаем за вашими действиями... и в конце концов пришли к выводу, что выбирать следует меньшее зло. Уж простите за такое определение, душевно умоляю... Лучше вверить свою судьбу крутому и жестокому правителю вроде вас, чем наблюдать, как королевство катится в пропасть...

– Это я-то – крутой и жестокий? – с некоторой обидой спросил Сварог.

– А разве нет? – удивленно посмотрел на него Раган. – Я же говорил, мы внимательно наблюдаем за вами... Вы наводите порядок железной рукой – что примечательно, не встречая особого отпора. За вами тянется звонкая и жутковатая слава покорителя Хелльстада и освободителя Трех Королевств. Во-все не намерен вам льстить, но на континенте вы сейчас – самый популярный человек, с которым многие связывают нешуточные надежды... Позвольте уж и нам примкнуть...

– Ну, а как все это выглядит в реальности? – Тихим, вкрадчивым голосом министр полиции задал тот самый вопрос, что готов был вот-вот сорваться с языка Сварога. – Задействованные силы, размах?

Раган, взвешивая каждое слово, ответил:

– На сегодняшний день в заговоре состоит около двадцати человек. Я, разумеется, имею в виду не исполнителей, а людей достаточно высокопоставленных. Например, князь Гарайла – генерал, ратагаец из знатного рода, очень популярный в гвардии. Командир эскадры Одного фонаря – ему подчиняются все военные корабли, стоящие сейчас в столице. Военный комендант столицы и

комендант крепости Сагварон. Начальник арсенала, командиры полков. Министерство полиции будет поддерживать короля, но у нас уже готов план занятия его надежными частями.

Сварог покосился на министра полиции. Тот, чуть заметно кивнув, процедил:

– Это довольно серьезно...

– Да уж, позвольте так думать... – сказал граф Раган. – План прост и эффективен: король часто выезжает в загородный замок, всего в пяти лигах от столицы. С ним обычно бывает около двадцати ликторов и два платунга гвардейцев, не более. Замок не укреплен, это не более чем небольшое роскошное поместье. Достаточно будет пары сотен гвардейцев, чтобы его занять и арестовать всех без особого шума. Тем временем и в столице займут все ключевые пункты, произведут аресты... Составить убедительный манифест не столь уж трудно. Мы соберем уитенагемот и *постараемся*, чтобы он единогласно проголосовал за ваше избрание. Ну, а потом... При грамотной постановке дела серьезного сопротивления не дожидаться, а мелкие заговоры мы раздавим без труда. В отличие от многих других претендентов, вам есть чем *прельстить* будущих подданных – от пустых богатейших земель Трех Королевств до наведения порядка и установления внутреннего мира. – Он полез в лежавший на столе кожаный чехол для документов и вытащил оттуда стопу перевязанных простой бечевкой листов. – Между прочим, у нас уже есть проект переселения избыточного населения в Три Королевства. Составлен моим ближайшим сподвижником по этому *предприятию* герцогом Бресингемом. По оценкам специалистов, весьма неплох. Юноше всего девятнадцать лет, но из него может получиться многообещающий государственный деятель. Горячо вам его рекомендую. Господин министр полиции наверняка о нем слышал...

– Ну разумеется, – кивнул Интагар. – Пожалуй, ваше величество, граф во многом прав... Очень перспективный юноша, к тому же, несмотря на пышный титул, беден и лишен влиятельных родичей, а это, знаете ли, воспитывает бойцовские качества... Позвольте высказать свое скромное мнение, государь? Мне представляется, что план нашего гостя не так уж плох. Разумеется, при условии, что наш гость искренен – о, простите, граф, но мы ведь с вами люди сурового ремесла, не в оранжереях цветочки идилические выращиваем...

Граф поджал губы, но стерпел.

– Нет, что касается искренности, то наш гость говорит чистую правду, – сказал Сварог. – Уж такие-то вещи я умею определять... Любезный граф, мне одно непонятно... Почему вы составили комплот в мою пользу, а не обратились к Старой Королеве? Судя по тому, что я о ней знаю, она не хуже меня, а то и лучше сумела бы навести порядок... Из материалов, коими меня снабдили, рисуется облик весьма решительной дамы, не поколебавшейся подослать убийц к родному сыну...

– Признаться, мы об этом думали, – сказал граф. – Все дело в вас, государь. Не будь вас, она стала бы идеальной кандидатурой. Но вы с ней ни за что не уживетесь в качестве правителей сопредельных держав. Кончится все той самой большой войной. Вы для нас гораздо предпочтительнее – с позиций строгого прагматизма. Собственно, Старую Королеву даже не придется арестовывать – достаточно лишь надежно заблокировать замок, где она сейчас пребывает...

– И когда же вы планируете...

– Как можно быстрее, – без промедления ответил граф. – Как только король поедет в свое пригородное поместье – а это может произойти завтра-послезавтра. У меня беспокойно на душе, государь. Заговор находится в самой критической стадии – его необходимо расширять, подняться, фигурально выражаясь, на следующую ступеньку – а это, как учит нас история, резко повышает опасность провала. (Министр полиции, поймав взгляд Сварога, кивнул в знак согласия.) Здесь, в Равене, до сих пор остаются наши самолеты, по старому договору с Конгером, который вы оставили в силе... Можем вылететь вместе...

– Ну что же, – медленно сказал Сварог. – Я согласен, тут не над чем особенно размышлять. То, что вы предлагаете, снимет многие сложности и противоречия... Но вот что я хотел бы у вас спросить. Простите, конечно, но... Неужели у вас совершенно нет каких-то личных мотивов? Знаете, я не доверяю *чистой воды* идеалистам, какими бы побуждениями они ни руководствовались. Господин Интагар, – сделал он жест в сторону своего бульдога, – мне вполне понятен, и оттого я ему доверяю. А вы... Передо мной, если цинично, сидит совершеннейший бессребреник и идеалист, абсолютно все свои помыслы отдавший благу государства... Простите, но так не бывает.

– Действительно, вы правы... – отведя на миг глаза, согласился Раган. – Видите ли, государь... У меня пятеро сыновей. Старший, откровенно вам признаюсь, по ряду причин самый нелюбимый, но у меня нет законных возможностей лишить его майората, а если бы даже таковые возможности и нашлись, все равно трое останутся без всяких средств к существованию. При том довольно прохладном отношении ко мне, какое существует среди окружения короля, нечего и надеяться на мало-мальски хорошую карьеру для них. Меж тем в Трех Королевствах они могли бы... Схожие побуждения есть и у остальных. Князь Гарайла, как я уже упоминал, – ратагаец. Вся его карьера вот-вот обрушится – а он отличный военный. Герцог Бресингем влюблен – но его юная дама сердца, увы, из семьи преуспевающих царедворцев, так что надежд у юноши никаких... Так и с остальными: у каждого, кроме нешуточной боли за судьбу державы, есть и чисто личные причины...

– Вот вы меня и успокоили, – усмехнулся Сварог. – Знаете, граф, меня уже нельзя назвать новичком на троне – как-то незаметно набрался опыта. И успел осознать, что *чистой воды* идеалистов следует опасаться, как огня – или проворуются потом, как не способны даже записные циники, или дело провалят с феерическим неумением и невезучестью. Ну, а коли уж вам всем свойственна здоровая корысть, с вами можно иметь дело... Я согласен.

...Он стоял у окна, рассеянно барабанил пальцами по широкому мраморному подоконнику, пока граф Дино за его спиной неспешно шуршал бумагами. В свое время Сварог испытал нешуточное потрясение, обнаружив имечко унылого мужа легкомысленной Маргилен в списке Конгера «на повышение». Основываясь на прошлых своих впечатлениях, искренне полагал графа пустым и придурковатым, даже светским хлыщом, но оказалось, что человек, в домашней обстановке прочно пребывавший под каблучком ветреной женушки, с чьими демонстративными изменами давно смирился, на королевской службе считался одним из лучших финансистов державы, перспективнейшим и растущим молодым управленцем.

Бросив украдкой взгляд через плечо, Сварог в который уж раз убедился, что

перед ним совсем другой человек: ничего похожего на ту запомнившуюся ему тряпку, на сжившегося со своим унылым положением рогоносца, робко вымаливавшего у очаровательной супруги полчаса любви раз в месяц. За столом сидел совершенно другой человек – уверенный в себе, жесткий профессионал, не боявшийся даже легонько спорить со своим королем, если был уверен в своей правоте. Совершенно непонятно теперь, как можно существовать форменным образом в двух лицах: растущий государственный муж и жалкий рогоносец-подкаблучник. Ну да, он ее любит, бедолага. Но помочь ему в этой ситуации не способны и десять королей... Мыслимо ли издать указ, обязывающий графиню хранить супружескую верность и аккуратно выполнять супружеский долг со всем прилежанием? На посмешище себя выставишь, и только – потому что ветренная Маргиленка указом пренебрежет...

– Итак? – спросил Сварог, заслышав деликатное покашливание графа и возвратившись к столу.

– Весьма толковый проект, государь, – сказал граф Дино, складывая аккуратно стопочкой страницы, исписанные четким, крупным почерком. – Сначала я решил, что он принадлежит вам, но кое-какие специфические детали, выражения и термины заставляют думать, что его составил коренной снольдерец... Можно ли узнать, кто он, или это секрет?

– Для вас – нет, любезный граф, – сказал Сварог охотно. – Это – герцог Бресингем.

– Ах, вот оно что... Мне следовало давно догадаться. Толковый юноша, его проект об унификации налогов был не лишен недостатков, но в целом неплох, беда только, что попал на отзыв к гораздо более глупым людям... хотя они и носили титулы принцев крови.

– Другими словами, его можно брать в министры?

– Будь вы снольдерским королем – несомненно. Быть может, он собирается поступить на нашу службу? Я бы с ним с удовольствием поработал. Он в столице? Как-то же попал к вам проект...

– Долго рассказывать, граф, – сказал Сварог уклончиво – до поры до времени кое-какие планы надлежало держать в тайне даже от ближайших сотрудников. – Значит, в этом проекте нет недостатков?

– Недостаток там один, зато весьма существенный, – сказал граф уверенно. – Правда, заключается он в тех обстоятельствах, что нисколько не зависят от автора проекта... Деньги, ваше величество. Та же история, что с моим проектом, который я вам принес. – Он указал на вторую стопку бумаг. – Мы могли бы, особенно не напрягаясь, в течение трех-четырех лет переселить в Три Королевства около восьмисот тысяч ваших подданных, большая часть которых с превеликой охотой на это согласилась бы. Однако... Дело даже не в расходах на само переселение, которые, правда, велики. Нам ведь придется восстанавливать там города и укрепления, создавать порты, гарнизоны, администрацию, дороги, почту, торговлю... Все это следует непременно учитывать, если мы хотим в краткие сроки создать полноценное государство. Итог я выразил на третьем листе. Доходы королевства обозначены зелеными чернилами, наши долги и расходы – красными, потребная на освоение Трех Королевств сумма – золотыми.

Сварог снял две первых страницы и заглянул на третью. Не удержавшись, громко присвистнул и pokrutil головой:

– Вы хорошо все сосчитали?

– Ваше величество! – с некоторой обидой воскликнул граф Дино. – Я полагал, что успел себя зарекомендовать, как...

– Ну ладно, ладно! – примирительно поднял ладонь Сварог. – Я вам верю, покойный король вас аттестовал в самых лестных выражениях. Сумма, знаете ли, очень уж... Сто миллионов ауреев золотом...

– Боюсь, это лишь предварительные расчеты, – твердо сказал граф. – Как показывает практика, при осуществлении таких проектов следует добавить еще процентов десять на непредвиденные расходы и процентов пять – на казнокрадство...

– Да уж, – сказал знакомый с прозой жизни Сварог, ничуть не пытаясь возмутиться. – Вы еще чересчур оптимистичны, граф, всего пять процентов на казнокрадство отводите... Раскрадут все десять, сколько ни вешай... Есть на этом свете чиновники, которые не воруют?

– Нету, государь, – убежденно сказал граф Дино. – Бывают, конечно, курьезы, но раз в столетие...

– Вот кстати, – сказал Сварог вкрадчиво. – А вы-то сами приворовываете из фондов казначейства?

Помявшись, граф поднял на него глаза:

– Государь, я уже знаю, что вы каким-то загадочным образом безошибочно определяете ложь... *Сейчас* – не подворываю. У меня достаточно денег и земли... Когда был помоложе и пониже чином – случилось... Потом получил наследство, повышение, мне стало хватать...

– Не врете, любезный, – убежденно сказал Сварог. – Ну что же, уважаю тех, кто умеет вовремя остановиться... Насколько я понял, Снольдеру потребуются примерно такие же суммы или еще большие, чтобы переселить в Три Королевства миллион двести тысяч человек, как это предлагает герцог Бресингем?

– Да, государь.

– У них есть такие деньги?

– Нет. Как и у нас. Их финансы в еще более расстроенном состоянии, а долги Балонгу раза в два больше наших – учитывая последние займы.

– Всюду этот Балонг... – проворчал Сварог. – Как они, паршивцы, ухитрились подгрести себе под седалище столько? Куда ни толкнись – балонгские банки...

– Так уж исторически сложилось, государь. В древние времена, когда им принадлежало уже устье Итела, они начали с таможенных пошлин, сделали ставку не на военную силу, а на займы, векселя, банки... Вот и выросли поменьку, вовремя пригнув конкурентов.

– То есть, у них-то денежки есть?

– У них – несомненно. Возможны, конечно, разные оценки, но если взять среднюю, привязать к курсу золотого аурея... Запасы Круглой Башни оцениваются миллиарда в два ауреев золотом.

– Черт знает что, – искренне сказал Сварог и помолчал, привыкая к пришедшей вдруг в голову идее. – Зачем людям такие деньги? Каким-то поганым ростовщикам? Они дадут нам займы эти двести миллионов?

– Сто, государь...

«Черт, едва не проговорился», – сердито подумал Сварог. И торопливо поправился:

– Да, я оговорился... Конечно же, сто...

– Боюсь, что нет, государь. Во-первых, мы им и так должны более пятидесяти миллионов. Во-вторых, даже если и дадут, то по своему обыкновению опутают вас такой системой залогов и процентов, что добрая половина Трех Королевств очень скоро перейдет к ним в руки совершенно законно...

– Черт знает что, – повторил Сварог. – Хорошо, идите. Там, за дверью, торчит, как обычно, министр полиции, позовите его сюда...

Едва дождавшись, когда Интагар закроет дверь, Сварог схватил его за локоть, оттащил в дальний угол и тихонько спросил:

– Любезный мой, вы как относитесь к авантюрам?

– Смотря к каким, – осторожно ответил министр полиции.

– То есть?

– Иные авантюры приводят к успеху... тогда они, что вполне естественно, перестают считаться авантюрами. Другие так и остаются чистойшей воды авантюрами, поскольку проваливаются. Первые вполне приемлемы, а вот вторые...

– Мне этот подход нравится, – усмехнулся Сварог. – А вот скажите-ка мне: захватить Балонг и выпотрошить его Круглую Башню – это к какой категории относится, по вашему разумению?

Пожалуй, впервые за все время знакомства Сварог наблюдал на лице своего верного бульдога явную оторопь. Интагар даже попятился, ошеломленно пялясь на повелителя.

– Ну что вы, как робкая девственница в объятиях драгуна... – усмехнулся Сварог. – Подумайте. Это реально?

Ошеломление так и не пропало с лица министра, когда он, глядя на Сварога удивленно и преданно, выпалил:

– Государь! А ведь *сейчас* это уже не авантюра! При нынешней обстановке...

– То есть? – быстро спросил Сварог.

– Свое положение Балонг сохранял слишком долго в первую очередь из-за *многочисленности* сильных харумских держав. Неужели вы думаете, что за эти тысячи лет никому не пришла в голову эта дерзкая мысль – захватить Балонг со всеми его богатствами? Помилуйте... Загвоздка лишь в том, что это не под силу кому-то *одному*. Я говорю не о военной силе – для этого, по старым прикидкам, достаточно трех-четырех полков и военной эскадры... Другое дело, что на подобного нахала моментально ополчились бы, забросив прежние противоречия, все остальные державы. Ну кто позволит прыткому нахалу единолично захватить сокровища Балонга? Лишить всех остальных источника займов? Первое правило Виглафского Ковенанта гласит: Балонг нейтрален и неприкосновенен.

– Но ведь теперь... – сказал Сварог.

– Вот именно! Ваше величество, вы – гений! Какая, к лешему, лесть! – Министр полиции даже приплясывал от восторга, что с ним случилось впервые. – Если вы станете снольдерским королем, Виглафский Ковенант окончательно превратится в картонную декорацию, а с ним – и его решения, установления, правила... Сколько бы ни ворчали и не пердели нотами, – простите за хамство! – реального противодействия оказать не смогут! Ваше величество!

– Ну-ну, уймись, – сказал Сварог. – Ишь, распрыгались... Как все это должно выглядеть в реальности? Ну-ка, превзойдите сами себя – и, богом клянусь,

у вас будет в кармане дворянский патент, которого вы тридцать лет добивались...

– Все просто, государь, – почти мгновенно ответил министр полиции, и его уродливая физиономия расплылась в улыбке, отнюдь не прибавившей ему красоты и обаяния. – У нобилей и патрициев Балонга есть старая мечта – уравниваться в правах с дворянами, самим стать дворянами. За тысячи лет они потратили груды золота и драгоценностей на подкуп сановников и королей, но это тот редкий случай, когда бессильно и золото, и драгоценности. Их предпочитают держать в их нынешнем положении, справедливо опасаясь, что они, приобретя дворянские права, очень быстро станут не номинальными, а подлинными хозяевами континента. Сейчас, в нынешнем своем статусе, они много не могут купить, арендовать, подчинить... Словом, у них всегда найдутся люди, способные составить сильную партию... которая подчинится любому королю, способному предоставить им дворянское достоинство. А это, как легко догадаться, открывает простор для комбинаций. Они будут стараться перехитрить такого короля, отделавшись малой частью накопленного в Круглой Башне, но и король, со своей стороны, вправе хитрить. Ведь если, допустим, от вашего имени такое предложение им сделаю я – а потом все обернется как-то не так, главный спрос будет с меня. А я не король и даже не дворянин, мне простительно нарушать слово... Особенно если окажется, что ваше величество тут ни при чем, вы и знать-то не ведали, что мне, прохвосту этакому, пришлось в голову...

– Хорошая мы с вами парочка, – убежденно сказал Сварог. – Далеко пойдём, а?

– Ваше величество, не честите за грубую лесть, но мне очень приятно с вами работать. Такого размаха и дерзости при покойном короле не было и быть не могло...

– Ну-ну, не захваливайте, – скромно сказал Сварог. – Приходят вот в голову идеи, жизнь заставляет... В самом деле, это ведь чертовски несправедливо – нам не на что обустроить Три Королевства, дабы облегчить жизнь погрязшим в нужде подданным, а они там тупо копят золото в подвалах... Начинайте работать. Ни за что не поверю, что у вас нет в Балонге своих людей – это у вас-то?

– Найдутся...

– Ну так что же вы опять мнетесь?

– Ваше величество, – сказал министр полиции грустно. – Пока вы беседовали с графом Дино, пришло донесение... Ничего серьезного, но история щекотливая и печальная...

Глава двадцатая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЖИВЕТ ВЕСЕЛО

Доклад, написанный аккуратнейшим, разборчивым почерком опытного полицейского писарчука, привел Сварога в некоторую растерянность. Он не в состоянии был уяснить без полных объяснений, почему такими глупостями занимается сам министр полиции, да еще считает нужным со скорбной миной докладывать о случившемся королю. Надо полагать, у Интагара имелись на то веские причины – но в чем тут соль?

Не торопясь пока что задавать вопросы – следует самому вникать в непонятное, насколько удастся, – Сварог перечитал бумагу еще раз, внимательно и подробно. И вновь не уловил юмора.

В докладе господина старшего полицейского советника одного из округов Равены подробно, со множеством неизбежных полицейских канцеляризмов и казенных оборотов, излагалась история вчерашней драки, имевшей место в Академии Изящной Словесности меж сторонниками двух почтенных профессоров Ремиденума, возглавляемых обеими профессорами. Ничего особенного в этом Сварог, уже знакомый с правилами поведения научных диспутов, частенько именно так и завершавшихся, не увидел.

В тщетной надежде хоть что-то понять, он, подняв глаза на стоявшего напротив Интагара, прочитал вслух, намеренно гнусавя и мелодраматически подвывая в стиле бездарного актера:

– «...вслед за тем студенты рекомого члена Сословия Совы и титульного советника Гизехартена, вооружившись разнообразными и многочисленными подручными предметами, как то: каминными кочергами, разнообразными фрагментами деревянного происхождения, в просторечии именуемыми палками, кувшинами из-под слабоалкогольных напитков, метлами из дворницкой, клепками от разбитых бочек, бросились на оппонентов. Последние, сомкнувшись под предводительством рекомого дворянина, члена Сословия Совы и титульного департаментского секретаря Фалера, вооружились в ответ практически тем же списком предметов, позволяющих их использование для причинения телесных увечий. Вслед за тем дерущиеся, громко оскорбляя тишину и общественную нравственность неподобающими эпитетами, направленными взаимно в адрес друг друга, пришли в тесное соприкосновение, посредством вышперечисленных предметов умышленно причиняя противнику повреждения различной степени тяжести и расстройства здоровья, не подчинившись прибывшим для принятия мер обмундированным нижним чинам патрульной полиции, каковые, числом трое, были предерзостно сброшены с казенных лошадей, причем последние от всеобщего громкого хаоса пришли в возбужденное состояние и галопом совершенно самостоятельно покинули место происшествия, причем одна из трех принятыми мерами пока что так и не обнаружена, причем подозреваемый в ее присвоении уже задержан... Рекомые нарушители расширили сферу правонарушения, втянув в нее своих прибывающих на помощь коллег и друзей, вследствие чего растущее правонарушение из аудитории переместилось во двор и на прилегающую улицу, именуемую Кузнечной, где в события были вовлечены по причине задевания их различными предметами и обыватели, не имевшие отношения к Академии...»

Министр полиции скорбно смотрел на Сварога – по лицу читалось, что эту веселость повелителя он находит совершенно неуместной.

– Ну и кадры у вас, любезный Интагар, – покрутил головой Сварог. – Полиции платят приличное жалованье, могли бы найти, наконец, не чуждого изящной словесности человечка, который бы обрабатывал их корявости, благообразную форму придавал... На Бараглайском холме хватает грамотного народа, нужно только подобрать тех, кто пьет достаточно умеренно...

– Если это прямой приказ, я озабочусь...

– Да уж, считайте это прямым приказом, – решительно сказал Сварог. – Чтобы мне впредь не приходилось читать такие вот перлы: «...и при этом член Серебряной гильдии Чурнис был умышленно поражен фрагментом древесного ствола в верхнюю часть организма, в просторечии именуемую головой...» Если случайному прохожему двинули поленом по башке, то пусть так и докладывают, а не разводят тут косноязычие... И, наконец, при чем тут я? Самый обыкновенный научный диспут, вот уж которое столетие они кидаются чернильницами и дерутся кочергами, когда иссякают аргументы... Я-то при чем?

– Ваше величество, соблаговолите обратить внимание на эту вот строчку... – Он почтительно показал пальцем с широким подстриженным ногтем. – «В результате чего...»

– «В результате чего не установленным пока участником был серьезно поврежден путем сбрасывания, неизбежного вследствие этого соприкосновения с булыжной мостовой и разбиения на части, бюст его величества покойного короля Эльгара Великого...»

– Ну и?

– Это – коронное преступление, государь, – печально сказал министр полиции. – Согласно недвусмысленно сформулированным законам королевства, любое, даже случайное повреждение каких бы то ни было изображений членов правящей династии, живущих ныне или покойных, равно нанесение повреждений или оскорблений гербу или флагу государства либо изображению королевской короны почитается коронным, то есть наиболее тяжким и опасным преступлением, обязывающим полицию немедленно произвести аресты всех участников данного... инцидента с последующим наказанием по всей строгости: смертная казнь непосредственным виновникам, каторга и тюремное заключение менее виновным...

– Вы что, хотите сказать, что все причастные...

– Таковы законы, установленные вашими державными предками, государь, – непреклонно изрек министр полиции. – Прецеденты известны. И всегда следовала самая суровая кара. Отвертеться удастся лишь совершенно случайным прохожим вроде этого самого Чурниса – да и то им придется из кожи вон вывернуться, чтобы доказать свое случайное прохождение мимо места, где совершилось одно из самых тяжких коронных преступлений...

– Ах, вот оно что... – сказал Сварог, теряя веселость. – Вот почему вы так серьезны... Что же, виновные...

– Под стражей сейчас находится ровным счетом пятьдесят восемь человек, – сказал министр полиции. – Включая как профессоров со студентами, так и всех, кто оказался в зоне оцепления, когда прискакали три платунга конной полиции.

– Та-ак... – растерянно протянул Сварог. – Но насколько я знаю Ремиденум,

там незамедлительно ударят в колокол, объявят мятеж... на что, кстати, они имеют неотъемлемое право согласно древним традициям.

– Уже ударили, ваше величество, – понурился Интагар. – Вход в Ремиденум закрыт баррикадами, все его обитатели толкуются на улицах, высказывается идея идти на выручку и освободить всех арестованных. А это совсем серьезно, государь. На территорию Ремиденума мы не вправе вводить полицию или войска, но когда они окажутся на улицах, став тем самым подвластны нашей юрисдикции, неизбежны столкновения и кровь... Даже в предыдущее царствование такое случалось трижды. Среди студентов Ремиденума много дворян, имеющих право носить меч, – в том числе иностранных, даже с Сильваны... Всякий раз дело кончалось кровью, дипломатическими нотами, Монфоконом...

– И что же делать?

– На прилегающих к Ремиденуму улицах уже сосредоточивается конная полиция и драгуны десятого легиона, – бесстрастным тоном доложил министр полиции. – Стрелки размещены на крышах. Если они выйдут, беспорядки не дадут значительного распространения, все будет погашено в зародыше... И я заранее предвижу конфуз и международный скандал...

– Черт бы побрал и полицию, и законы, и этих ваших ученых... – в сердцах сказал Сварог. – Мне что, нечем заняться? Тихо, король думать будет!

Он упер локти на стол, опустил на них голову и несколько минут сидел так. Когда вскинул глаза, сиял от радости:

– Интагар, мошеник вы этакий, что бы вы делали без мудрого короля Сварога! Где располагался бюст?

Не раздумывая, министр полиции прилежно доложил:

– На кирпичной подставке, пристроенной к стене. Вообще-то, он там находился добрых восемьдесят лет...

– И я еще должен вас учить? – поморщился Сварог. – Моментально подыщите какого-нибудь подрядчика, смотрителя, реставратора, по чьей вопиющей халатности и недосмотру подставка пришла в негодность, что повлекло самостоятельное падение бюста на мостовую. Бюст упал самостоятельно, ясно вам? Из-за ветхости подставки и нерадения тех, кто призван был ее вовремя отремонтировать. То, что это оказалось сопряжено с... научным диспутом, – чистейшей воды совпадение, и не более того. Найдите, кого посадить. Потом тихонечко выпустите, я его помилую... а если отыщется среди подрядчиков или смотрителей вор или казнокрад, заслуживающий петли или тюрьмы, тем лучше, можно и не миловать... Ясно вам? Автору доклада и прочим полицейским чинам внушите, что они прискорбно ошиблись... уж вы-то сумеете, хороший мой! Доклад переписать. Арестованных выпустить и разогнать по домам. Обоих профессоров – ко мне. Я их проработаю с песочком, чтобы надолго запомнили...

...В чем нельзя было упрекнуть Интагара, так это в медлительности. Обоих ученых профессоров доставили даже быстрее, чем Сварог ожидал.

Выйдя в Рубиновый зал – с малой короной на голове, постукивая золоченым посохом, украшенным гербами и коронами всех подвластных ему земель, – Сварог умышленно медленно приблизился к обоим провинившимся, понуро стоящим в окружении полудюжины храбрых полицейских капралов. Профессор Гизехартен был худ, высок и печален. Профессор Фалер был невы-

сок, толстоват и печален. Судя по лицам, они успели прочувствовать, проникнуться и живо представить себе, что ожидало их впереди...

– Великолепно, – произнес Сварог ледяным тоном, озирая обоих суровым взором. – Значит, вот так и выглядят почтенные слуги науки, обязанные подавать пример юношеству, сеять разумное, доброе и вечное...

Следовавший за ним по пятам лейб-летописец ожесточенно чиркал карандашом в огромном блокноте. Специально для него Сварог внушительно повторил:

– Да, вот именно – сеять разумное, доброе и вечное... Вы полагаете, господа, что похожи сейчас на людей, способных осуществлять столь благородное предприятие? Посмотрите на себя! – рявкнул он от души. – Стыд и срам!

Пожалуй, он не преувеличивал. Оба предводителя враждующих армий являли собою самое печальное зрелище: круглые береты с серебряным изображением совы оба в схватке потеряли, плащи тоже, одежда изорвана и грязна до неприличия. Каким-то чудом профессор Фалер ухитрился сохранить в неприкосновенности золотой дворянский пояс, над которым торчало из огромной прорехи голое поцарапанное брюхо, наглядно свидетельствовавшее, что его обладатель вовсе не был аскетом и знал толк в чревоугодии.

– Срамота, – громко заключил Сварог, ткнув концом посоха в вышеупомянутое брюхо, отчего его обладатель зябко поежился и загрустил еще больше. – Не профессора, а бродяги из-под моста... Да вдобавок повинны в коронном преступлении... Каковое на сто шагов попахивает то ли Стагаром, то ли Монфоконом...

Худой профессор дробно постукивал зубами. Чревоугодник мелко трясся. Сварог со вкусом разглядывал их, уверенный, что сумел привести в должное состояние.

– Можете вы что-нибудь сказать в свое оправдание? – осведомился он раздраженно. – Вот вы...

Толстяк протянул, обливаясь потом:

– Тр-радиции, ваше величество... Вековые традиции...

– Интересно, – сказал Сварог. – Сшибать с постаментов изображения моих достославных предков, выходит, – вековая традиция? Пожалуй, все-таки не Стагар, а Монфококон... – Он всерьез был разозлен на этих болванов, едва не устроивших самый настоящий городской бунт. – С такими традициями вам там самое место...

Толстяк пал на колени, невнятно бормоча что-то насчет полнейшего раскаяния и надежд на милость короля. Худой более-менее держался – но от него стал распространяться какой-то подозрительный запах.

Безжалостно выждав еще некоторое время и решив более не затягивать забаву – иначе, чего доброго, обоих кондрашка хватит, – Сварог веско сказал:

– Счастье ваше, что мое величество в добром расположении духа. К вашему везению, господа мои, недоразумение выяснилось. Бюст доблестного Эльгара Великого упал не в результате вашего безответственного поведения, а вследствие преступной халатности зрителей...

И подумал, что оба наверняка не испытывали в своей долгой жизни нахлыва столь могучего, пронзительного, всеохватывающего счастья – только что стояли перед плахой, и вдруг им объявили, что вышла ошибочка...

– Встаньте, вы же дворянин, – сказал он толстяку. – На сей раз вы легко от-

делались, но смотрите у меня... Я вас буду держать на заметке... – И, потеряв интерес к забаве, спросил: – Из-за чего, собственно, разгорелась потеха?

Мгновенно воспрянувший толстяк, тыча в противника пальцем, возопил:

– Государь, этот невежда и шарлатан осознанно и злоумышленно вступил на путь фальсификации научных данных!

Худой заорал в ответ:

– Только такой болван, как ваша милость, может перепутать ценный научный документ с фальшивкой!

Еще миг – и они вцепились бы друг другу в лохмотья, но Сварог мигнул капралам, и те с большой сноровкой разделили драчунов.

– Вы еще перед моим королевским величеством на кулачки сойдитесь... – сказал Сварог. – Стыдно, господа! Можете вы внятно объяснить, что вас ввергло в такую, с позволения сказать, агитацию? Каков предмет спора?

Понемногу из потока взаимных оскорблений и попреков в шарлатанстве стала выкристаллизовываться научная истина. Оказалось, что оба служили по кафедре поэзии и посвятили свою жизнь творчеству Асверуса, о коем сочинили многочисленные труды – опровергающие друг друга, как легко догадаться. Худой профессор, нырнув в пыльно-паутинные недра архивов, извлек оттуда обветшавший документ, по его мнению, неопровержимо доказывавший, что Асверус был как-то связан с королевской разведкой и выполнял в Латеране некие тайные поручения. Что радикальным образом противоречило концепции толстого профессора, по которой именно тогдашний начальник королевской разведки был в числе главных гонителей великого поэта, его первым врагом и чуть ли не сам направлял руку неизвестного убийцы. Естественно, концепции моментально столкнулись с неопишуемым шумом и скандалом. Последствия известны во всех подробностях.

– Черт знает что, – сказал Сварог, окончательно потеряв интерес к историко-поэтическим изысканиям. – Завидую вам искренне, господа мои, – у вас хватает свободного времени, чтобы заниматься такой вот ерундой... (При этих словах оба профессора воззрились на него с пламенем во взоре, на миг объединенные единым порывом.) Ерундой, уж простите... – повторил он решительно. – На сей раз я вас отпускаю, но со строжайшим наказом умерить впредь накал ученых диспутов... доиграетесь! – и сделал величественный жест десницей.

Капралы, сомкнувшись вокруг подконвойных профессоров, в два счета вытеснили их за дверь. Сварог повторил:

– И хватает же времени заниматься такой ерундой... – Потом шутливо спросил: – Ну, а вы, господин министр полиции, что думаете о подобных изысканиях?

Интагар пожал плечами:

– Знаете, ваше величество... Когда я еще был молод и только начинал службу, один умный и опытный человек, которого я считаю своим воспитателем, сказал интересную вещь: реальная история гибели Асверуса ничуть не похожа на ту, что присутствует во всех ученых трудах... Он не вдавался в подробности, а я не стал этим интересоваться – какой смысл ворошить дела давно минувших дней? Он еще жив сейчас...

– Вот как? – спросил Сварог с вялым интересом. – Любопытно... Но вы правы, у меня тоже нет ни малейшего желания ворошить исторические загадки.

С меня и современных довольно, не знаю, что с ними-то делать...

Глава двадцать первая ВЫСОКОЕ ПЛАМЯ В НОЧИ

Пока что государственный переворот больше напоминал самый безобидный пикник на лоне природы: они сидели вчетвером у подножия лесистого холма, надежно закрывавшего их горевший без дыма скудный костерчик от наблюдателей со стен королевского замка. Раган то и дело вставал, отходил в темноту и тихонько разговаривал там с невидимыми собеседниками. Молодой герцог откровенно нервничал, не находил себе места. Полной ему противоположностью оказался князь Гарайла – он преспокойно поджаривал на невысоком огоньке наколотую на длинный кавалерийский стилет толстую багальскую сосиску и совершенно немелодично мурлыкал себе под нос:

*Вскипает грозно барабанный бой
Под стать сердцам, разбуженным войною,
И, словно споря с брэнностью земною,
Гремит «К оружию!» и торопит в бой.
Зловещий гром! И грянут вразнобой
Клинков громады всей мощью их стальнойю,
И жуть окатит ледяной волною,
И содрогнется тут смельчак любой...*

Что до Сварога, он курил сверх меры, устроившись так, чтобы за спиной у него был крутой откос, со стороны коего никто не сможет зайти за спину. Кроме Доран-ан-Тега, за пазухой простого дворянского кафтана у него таилось оружие, возможно, даже пострашнее – изящный небольшой предмет из небесного арсенала. Он так и не понял принципа действия, да это и не важно, но эта штучка размером с портсигар мгновенно рвала водородные связи меж молекулами, превращая любое живое существо в лужицу горячей воды. Он видел, что эти люди ему не лгут, что они и в самом деле твердо намерены провести свои планы в жизнь. Но истинный король обязан быть подозрительным и недоверчивым. Нельзя исключать совершенно, что речь шла о грандиозной провокации, что эти трое сами могут оказаться неведающими куклами в руках опытного кукловода. Ловушка великолепная: Сварог Барг, король Хелльстада, и прочая, и прочая, нелегально проникнув на территорию сопредельной державы, организовал заговор с целью свержения тамошнего законного короля... Позору не оберешься. Даже если выйдешь из этой провокации живым, год придется отмываться и оправдываться, поскольку широко известно: вора бьют не за то, что украл, а за то, что влип...

Гарайла самозабвенно заливался соловьем:

*Мне в самый раз лихая доля эта,
Шагаешь, под собою ног не чуя,
И стискиваешь яростно эфес...*

Он замолчал, критически оглядел дымящуюся, лопнувшую сосиску и вновь поднес ее к мастерски разведенному им самим костерочку, вовсе не дававшеему дыма.

– А последний куплет? – поинтересовался молодой герцог Берсингем.

– А все, – кратко ответил генерал, медленно ворочая сосиску.

– Господи, князь... Там есть еще и завершающее трехстишие:

*Душа, однако, шлет к престолу света
Мольбы: «Величья, славы не ищу я —
Жить, жить под сенью всеблагих небес!»*

– Нет там ничего подобного.

– Есть. Стихотворение отыщется в любом обширном сборнике Асверуса.

– При чем тут Асверус? Это написал полковник Лингар.

– А я вам говорю, что это Асверус, слово дворянина.

– Ну, если слово дворянина... – проворчал Гарайла. – Никуда не денешься, будь по-вашему. Я-то всю жизнь думал, что полковник это сам сочинил... А знаете что? Ваше завершающее трехстишие все равно совершенно там ни к чему. Только пакостит хорошую военную песню. Всеблагие божьи небеса, конечно, вещь серьезная и авторитетная, но пусть уж к ним попы с монахами взывают, им уместнее. Асверус, говорите? Жалко. Терпеть его не могу.

– За что?

– Шпион он был, ваш Асверус, вот и все. Хоть и гений. Одно другому не мешает, знаете ли...

– Интересно, – сказал Сварог, вмешавшись в пустую болтовню, чтобы не чувствовать себя вовсе уж одиноким. – Не далее как позавчера слышал у себя в Равене то же самое.

– Глупости, – отрезал молодой герцог. – Грязные сплетни.

– И ничего подобного! – упорствовал Гарайла. – Государь, вы там у себя в Равене подымите архивы, вам, королю, будет просто... Верно вам говорю: этот ваш Асверус, хоть и гений, а в свое время участвовал в шпионских делишках – здесь, у нас. Эти-то его делишки королеву Дайни и погубили. У меня в Черных Драгунах есть один капрал, так вот, его дедушка тогда служил в охране королевы и знал все точно... Никакой это был не рыбий яд, попавший в котел по недосмотру повара, а самое натуральное убийство. И шпионские делишки, в которых ваш Асверус играл первый смычок...

– Почему же обязательно шпионские? Бывают еще тайные дипломатические миссии, разведывательные консультации...

– Это на ваш тонкий вкус, – фыркнул Гарайла. – А я человек простой, чуть ли даже не из народа, и все эти делишки, все чохом, называю шпионством, как и надлежит... Как бы ни затуманивали суть высокими словесами... Хотите сосиску, ваше величество?

– Нет, спасибо, – сказал Сварог.

Гарайла, не чинясь, принялся сам обрывать зубами со стилета дымящиеся кусочки, дергал головой по-волчьи и причмокивал от удовольствия. Пробурчал с набитым ртом:

– Что бы ни было, а поесть перед делом нужно. Это вам не бой, где положено кишки пустыми держать...

Сварогу он, в общем, понравился – это был незатейливый и упорный профессионал войны, на которых испокон веков держится любая армия. Если точнее, фанатик конницы. Артиллерию и саперов он еще терпел как бесполезную порою подсобную силу, без которой в нынешние времена иногда не обойтись и кавалерии, а вот пехоту презирал несказанно, военный флот полагал вещь совершенно бесполезной (если только он не занят перевозкой кавале-

рии). В отличие от остальных заговорщиков, он учинил Сварогу форменный допрос – так и ходил вокруг, сыпя коварными вопросиками, через один таившими в себе подвохи и ловушки. И лишь убедившись, что Сварог всерьез понимает толк в военном деле, успокоился, стал относиться с надлежащим уважением. Когда Сварог от большого ума заикнулся, что может назначить генерала военным министром, Гарайла не на шутку возмутился, гордо заявив, что этот пост его нисколько не интересует.

Сказано это было искренне – генерал Гарайла по прозвищам Черный Князь и Кентавр Кривоногий категорически не желал ни высоких постов, ни титулов, ни сокровищ. От жизни он хотел одного: лететь куда-то, неважно куда, во главе конных полков, и беспокоило его одно: как бы дальнейшее расширение Свароговой державы не привело к тому ужасному состоянию, когда воевать будет просто не с кем. Впрочем, Сварог его успокоил, заверив, что на их век войн хватит, – и выяснил попутно, что у Гарайлы, оказывается, давным-давно лежат в столе тщательно проработанные планы кавалерийской войны против всех стран континента, за исключением разве что Хелльстада (исключительно по причине отсутствия точных географических карт такового и сведений о силах неприятеля) и Иллюзора с Ямурлаком (по причине их безлюдности). Даже для островов Бран Луг и Дике у него имелись соответствующие точные диспозиции (увы, с учетом помощи неизбежного зла, то бишь военного флота). Одним словом, во многих смыслах это был бессребреник и чуть ли не идеалист. Короля он просто-напросто люто ненавидел, поскольку тот по своей слабости и недомыслию разваливал армию (и особенно конницу), недостойн был сидеть на престоле, и его следовало оттуда сбросить к лешевой матери. Вот и вся идейная подоплека, если вкратце...

Молодой герцог Берсингем был потоньше и поумнее и, как вскоре обнаружилось, несмотря на юный возраст, обладал кое-каким жизненным опытом: еще в пятнадцать ушел кадетом в гвардию, служил два года, участвовал в Лоранской кампании, потом поступил по министерству финансов, но из-за отсутствия должной протекции не был оценен по достоинству, задвинут на малозначащую должность, где ему предстояло сидеть до пенсии. Все его проекты начальством регулярно отклонялись – официально из-за непроработанности и скороспелости, а на деле – оттого, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Когда одну из его разработок беззастенчиво присвоил себе некий департаментский секретарь (и, проведя ее в жизнь, удостоился высокого ордена, но притворился, что подлинного автора на свете не существует вовсе), герцог подал в отставку и демонстративно поступил приказчиком в один из торговых домов – и для того, чтобы найти средства к существованию, и потому еще, что высший свет был невероятно шокирован, когда разнеслась весть, что за неким прилавком отмеряет ткани и продает кружева потомок столь знатного рода. Потом он влюбился в некую юную красавицу из столь же знатного (но, увы, преуспевающего семейства), потом к нему, достаточно присмотревшись и изучив, постучался граф Раган – и еще один свежеиспеченный заговорщик оказался в рядах. Гарайла, как подметил Сварог, относился к юноше с некоторым уважением и однажды бухнул откровенно: «Жаль только, что служил в артиллерии. Будь он кавалеристом, цены бы не было...»

Дожевав сосиску, Черный Князь отер стилет от копоты, сунул его в ножны за голенище и длинно зевнул:

– Пора бы уж, господа... Рассвет скоро.

– И прекрасно, – сказал бесшумно возникший у костра Раган. – Часовые будут клевать носом.

– Эти ваши пехотные дела... – проворчал Гарайла. – Ладно, сам вижу, что лихая кавалерийская атака тут неуместна... Что слышно?

– Морская пехота продвинулась почти к самым стенам. Как и предвиделось, в лесу сидело с дюжину патрулей и секретов. Все обезврежены без шума. Лишь бы не подвел ваш полковник...

– Не подведет, – заверил Гарайла. – У него свои причины...

За спиной Рагана из темноты появилась фигура в егерской шляпе, склонилась к уху графа. Выслушав, тот отослал гонца небрежным движением руки и произнес звенящим от волнения голосом:

– Ну все, господа. Пора...

Они торопливо встали – Гарайла тщательно затоптал костерчик – и, отводя от лица ветки, направились в обход холма. По дороге к ним присоединялись бесшумные тени в форменных егерских каталанах, кто-то сопровождал в некотором отдалении, время от времени вокруг раздавались птичьи крики и словно бы писк ночных зверьков – чересчур близко и чересчур много для *настоящей* лесной фауны... До рассвета было еще далеко, но темнота понемногу сменялась зыбкой серостью, как всегда в этот час придававшей миру легкую нереальность: затуманилась граница меж живым и неживым, белая хмарь висит меж стволами, заглушает и без того тихие шаги, путает ощущения, посылает мороки... Сварогу вдруг показалось, что с ним это уже было. Случается иногда...

Шагавшие впереди фигуры рассыпались, притаившись за крайними деревьями. Широкая прогалина, шедшая чуточку под уклон, ярдах в двухстах впереди – загородное королевское поместье, где его незадачливое величество сейчас и изволил пребывать с супругой и наследником, с обоими принцами-братьями, с фаворитами и приближенными министрами.

Оно и впрямь нисколько не напоминало укрепленный замок: кирпичная ограда в рост человека с затейливыми декоративными зубцами окружала обширное пространство, где стоял большой красивый дом с башенками и флюгерами, балконами и высокими острыми крышами, окруженный конюшнями, людскими и поварнями. Раган был прав: взять это беззаботное именье ротой хватких вояк ничего не стоило...

– Ну что же, господа... – тихонечко произнес Раган каким-то замороженным шепотом. – Пора...

– Может, все же и меня туда пустите, граф? – спросил Гарайла без особой надежды. – Хочется мне там по душам поговорить с некоторыми господами...

– Я же сказал, – непреклонно возразил граф. – Ваше место здесь. Вы обещали подчиняться.

– Я и не спорю...

– Капитан! – бросил Раган в сторону. – Начали!

Из-за куста, к которому он обращался, проворно выскользнула фигура в каталане и коротком плаще, придерживая короткий кавалерийский меч, пригибаясь, метнулась прочь и вскоре растаяла в белесой мгле. Сварог смотрел во все глаза.

– Вы ничего не увидите сейчас, государь, – догадался Раган. – Они пойдут

сначала с той стороны, там лес почти вплотную подступает к стенам...

Секунды ползли, как улитки. Рядом шумно сопел Гарайла, механическим движением то вынимая меч из ножен на ладонь, то задвигая его назад, что производило неприятный тихий скрежет.

– Генерал... – поморщился герцог. – Довольно уж...

– Что? – опомнился Гарайла, смущенно покрутил головой, убрал руку с эфеса.

Ползли секунды-улитки, сливаясь в колонны, в бесконечные шеренги...

– Ага! – сказал кто-то рядом.

Сварог присмотрелся. Над гребнем стены, на противоположной ее стороне, сразу в нескольких местах возникло нечто шевелившееся, моментально перемахнувшее внутрь – проворные человеческие фигуры, ловко прыгавшие во двор. Их становилось все больше и больше, судя по движениям иных, они спускались по веревкам, закрепленным на зубцах. Видно, как бесшумно распахнулись ворота – и во двор хлынуло не менее двух взводов. Ясно уже, что часовые бесшумно сняты то ли стрелами, то ли плюнь-трубками, что никто пока не обнаружил вторжения...

– Ма-арская пехота... – протянул Гарайла с непонятной интонацией. И, смилостивившись, добавил: – Но идут четко, правильно идут, хоть и мокрохвостые...

Так! Явственно донесся звук пистолетного выстрела. Звонко разлетелось стекло. Обнаружены! И наплевать – поздно, поздно!

В главном здании сразу в нескольких высоких окнах заметались пятна тусклого света – на первом этаже, потом на втором, на третьем... Раздалось врассыпную еще несколько выстрелов – судя по их хаотичности, никакого организованного отпора, там, внутри, паника и неразбериха, никто ничего не понимает, и нет толкового командира. Сварог прекрасно помнил по прошлой жизни, что такое внезапный и сокрушительный удар спецназа, а здешняя морская пехота, как бы ни фыркал в ее сторону Гарайла, драться умела: сброд, каторжники, висельники, которым накрепко вбито в голову, что отступать они не имеют права ни за что и никогда, иначе их встретят свои же пули...

Свет распространялся по зданию, мелькали высокие, дерганые тени, хлопали выстрелы. Конский топот! Это по двору заполошно носились выпущенные кем-то лошади – должно быть, кто-то сразу попытался скрыться, но и это было предусмотрено...

Сварог не испытывал ничего другого, кроме яростного азарта – невыносимо тяжело было наблюдать ожесточенную схватку, в которой нельзя участвовать. Рядом переминался с ноги на ногу, фыркал Черный Князь, обуеваемый теми же незамысловатыми чувствами.

Свет в здании не угас, но мелькание теней вроде бы прекратилось, выстрелы поутихли. Стекло в одном из окон первого этажа вылетело наружу, и в темном проеме замигал вспышками сигнальный фонарь, красный, яркий: длинный-длинный-короткий...

– Все, господа! – почти крикнул Раган. – Кончено!

– Чего же мы стоим? – рявкнул Гарайла. – Где кони? Скачем туда, самое время...

– Не спешите, друг мой, не спешите... – как-то очень уж многозначительно отозвался Раган. – лейтенант, сигнал!

Слева выломилась из кустов проворная фигура, выскочила на открытое пространство, вытянула вверх обе руки – и из ее сжатых кулаков, из картонной трубки ушла в темные небеса сигнальная ракета, взлетела высоко-высоко пульсирующим алым угольком, пошла вниз по дуге, рассыпаясь искрами, заливая окрестности тусклым мерцанием...

Ууу-ффф-шшш! Уууу-фффф-шшшш!

Лесочек слева от Сварога озарился яркими вспышками, вырвавшими из темноты четкие силуэты деревьев и черные фигуры людей, метавшиеся на фоне чего-то большого, непонятного, то ли телег с задранными оглоблями, то ли...

Могучий шипящий свист, огненные полосы! Оставляя за собой длинные дымные хвосты, не менее дюжины боевых ракет пронеслись над луговиной к замку, упали во двор, мгновенно разбухнув шарами нестерпимо яркого огня, ударили в главное здание, вышибая окна и вспыхивая внутри бушующим пламенем, растекаясь по стенам и крыше огненными водопадами, охватывая огненными языками людские и конюшни...

Новая стая ракет, еще более многочисленная! Замок пылал, как стог сена, высоченное пламя взметнулось в ночи, озаряя двор, по которому бестолково металась люди. «Горродельский огонь, – понял Сварог. – Здешний напалм... Но как же это?»

Ракеты больше не взлетали из лесочка – батарея отстрелялась. Громко и уверенно протрубил рожок, с другого конца прогалины ему ответила вторая кавалерийская медь, пронзительно и грозно. С двух сторон из леса вымахнула конница, рассыпаясь четыремя колоннами, охватывая пылающий замок со всех сторон. Загрохотали пистолетные выстрелы – пальба платунгами и алами...

– Вот и коннице нашлось дело, – сказал граф Раган, чье лицо в отсветах пожара казалось отлитым из меди. – А вы жаловались, князь... Конница, правда, не ваша, но какое это имеет значение?

Сварог бросился к нему, схватил за плащ:

– Что это все значит?

– Сущие пустяки... мой король, – ответил граф бесстрастно, не делая попыток вырваться. – Эти грязные заговорщики из морской пехоты успели-таки злодейски уничтожить королевскую фамилию, но надежные войска, призванные восстановить порядок, делают свое дело. К превеликому сожалению, они опоздали и не смогли помешать *главному* злодейству – но безусловно успеют покарать убийц. – Он смотрел на Сварога серьезно и строго, без тени улыбки. – Не нужно, мой король, чтобы у вас было слишком уж много тех, кто потом будет напоминать об оказанных услугах... Чем их меньше, тем лучше. Простите за то, что я не обо всем поставил вас в известность. Но, во-первых, отречение с последующим заключением – чересчур уж рискованная штука, а во-вторых, *ваша* совесть чиста. Ну, а я, грешный, как-нибудь переживу...

– Ну, прохвост... – протянул Гарайла с некоторым даже восхищением. – Заковыристо...

– Напротив, предельно просто, – без выражения отозвался Раган. – Случались исторические прецеденты... Ваше величество, не соблаговолите ли отпустить мой ворот? Дыхание перехватило, право слово...

Опомнившись, Сварог выпустил мягкий ворот плаща. На фоне высокого

пламени носились всадники, выстрелы еще звучали, но гораздо реже, стало светло, как днем.

Он не испытывал никаких особенных чувств – лишь в душе что-то сломалось, как в прошлый раз, когда доложили о случайной и нелепой смерти князя Рута. Начал привыкать к мысли, что в этом мире есть два пути: дорога обычного человека и дорога королей. И то, что ждет тебя на второй дороге, обычному человеку может показаться нелепым, диким, отталкивающим. Но такова уж участь королей, обязанных сплошь и рядом руководствоваться *иными* мыслями, чувствами, побуждениями; а вот собственные твои желания на дороге королей в расчет не берутся, тебе частенько просто-напросто запрещено их иметь...

– Прохвост... – повторил Гарайла. – Спиной опасно поворачиваться...

– Не говорите глупостей, генерал. – Раган впервые усмехнулся, довольно, впрочем, грустно. – Затаи я против вас что-то, не стал бы мешать, разрешил бы отправиться туда... – Он кивнул в сторону ярко осветившейся прогалины, где со свистом и гиканьем носились всадники, где во дворе еще постукивали редкие выстрелы, а королевский замок был сплошь охвачен ревушим высоким пламенем, напоминая поставленную в костер птичью клетку.

– Ну ладно, – подумав, заключил Гарайла. – Не зарезав каплуна, обед не приготовишь... Чего уж теперь по ним плакать... Герцог?

Молодой герцог, задумчиво глядя на огонь, ответил почти спокойно:

– Вы совершенно правы, генерал, пожалуй... Что тут скажешь? Король умер – да здравствует король!

И он, подчиняясь ритуалу, протянул руку в сторону Сварога, коснулся его плаща, как надлежало, показывая всем своим видом, что он и не стремится к титулу Королевского Возвестителя, просто считает своим долгом, чтобы все было по правилам. Несколько голосов за их спинами восторженно заорали:

– Да здравствует король!

Сварог, опираясь на топор, не оборачиваясь к ним, коротко поклонился и, выполняя свою неизбежную задачу, произнес:

– Благодарю вас, господа, никто не будет оставлен милостями.

«Мать вашу так, – тоскливо подумал он. – Ну почему нельзя обойтись без крови, куда ни ткнись? И все же... Я сумею лучше, я же всерьез хочу, чтобы они были счастливы, не теснились на своих убогих участках голодные мужики, не отправлялись в неизвестность младшие дворянские сыновья, не скитались без дела безработные цеховые мастера... Чтобы в Снольдере не вспыхнула гражданская война, чтобы тупые паучки из Вольных Маноров не высасывали последнее непосильными налогами... Я же не для себя стараюсь, в конце-то концов, а для всех этих, которых даже не знаю в лицо, которых так и не увижу никогда... Почему же всегда шагать через кровь и грязь?! Кто только эту дорогу королей придумал?»

Тем временем граф, отойдя на несколько шагов, что-то говорил в сложенные ковшиком ладони, где был зажат переговорный камешек-таш. Поднеся ладонь к уху, выслушал ответ. Быстрыми шагами вернулся к ним:

– Неплохие новости из столицы, ваше величество, господа... Крепость Сагварон покорилась без сопротивления, арсенал под нашим контролем, министр полиции арестован. Во Дворец Ласточек уже свозят почтенных заседателей уитенагемота, по дороге старательно убеждая их проявить государ-

ственную мудрость... Небольшое недоразумение возникло лишь с полком Алых Пищальников, как и следовало ожидать, но оно вполне успешно решается на месте имеющимися силами... Не стану скрывать, имеется один-единственный досадный прокол. Только что доложили, что Старая Королева, как выяснилось, еще позавчера исчезла из замка, но я не вижу здесь особенных причин для тревоги.

– Вы и ее хотели... – хмыкнул князь.

– Ну что вы, генерал, – с усталой, довольной улыбкой запротестовал Раган. – Я всего лишь предвидел различные варианты событий, только и всего...

– Да хватит вам вилять, – добродушно сказал Гарайла. – Лично я ничего не имел бы против, пришиби кто Старую Гадюку, – от нее одной может выйти больше вреда, чем от любой оппозиции...

– Помилуйте, вы преувеличиваете, – сказал Раган. – В Оттершо она не пользуется особенной любовью, там нет войск, к которым она могла бы обратиться. Насколько я ее знаю, сбежала за границу, или пробралась в Фиарнолл, или уплыла по Ягартале... Вот только как она узнала? Впрочем, ничего удивительного – при ее-то шпионах... Как бы там ни было, если и узнала, никого там не предупредила, – кивнул он в сторону пожарища. – И неудивительно... Господа, на коней! Нам пора в столицу...

Сварог знал, что навсегда запомнит эту скачку – бешеную, на всем галопе, со сменными лошадьми, неведомо откуда возникавшими за очередным поворотом, с коноводами, успевавшими прокричать вслед: «Да здравствует король!»

На заставе их пропустили мгновенно, разбежавшись в стороны загодя, отсалютовав мушкетами и наспех проорав вслед что-то соответствующее моменту. Когда они скакали по городу, уже светало. Слева, далеко от их дороги, пылало длинное здание, оттуда доносились крики и мушкетные залпы. Широкий мост со старинными каменными статуями по обеим сторонам. На реке стояли военные корабли с распахнутыми пушечными портами, один из них внезапно дал залп всем бортом, окутался тяжелым дымом, и кони шарахнулись, лязгая подковами по булыжнику моста. Залп, очень похоже, был холодным.

Ни единого постороннего на улицах – только там и сям стоят шпалерами пешие и конные гвардейцы, отовсюду несетя четкая, рассыпчатая дробь барабанов, свистят полковые флейты и трубят кавалерийские рожки.

– Министерство полиции! – на скаку прокричал граф, тыча рукой.

Угрюмое четырехэтажное здание из бурого камня, окна кое-где выбиты, вокруг в шесть рядов стоят хмурые гвардейцы, но не заметно ни военных действий, ни пожара. И правильно – такие дома следует занимать со всем прилежанием, дабы ни одна интересная бумажка из множества там скопившихся не пропала для нового царствования...

Они вскачь подлетели к огромному красивому дворцу, выкрашенному в светло-зеленый цвет, с белыми колоннами, светло-коричневой крышей, стрельчатыми башенками и многочисленными статуями перед входом. Они изображали, сразу видно, представителей всех Сословий, Гильдий, а также благородных дворян, как титулованных, так и обычных, а потому Сварог без особых раздумий догадался, что это и есть Дворец Ласточек, служащий пристанищем слабому ростку здешней демократии.

Впрочем, с ростком демократии обращались весьма бесцеремонно: во дворе и на широченной парадной лестнице не протолкнуться было от господ гвардейцев в разноцветных мундирах, над коими витал явственный аромат спиртного. Большинство из них стояли с клинками наголо, бессмысленно и широко ухмыляясь от общей торжественности момента, – и дружно приветствовали Сварога нечленораздельным ревом, вспугнувшим гнездившихся на фронтоне ласточек, от каковых дворец, надо полагать, и получил свое название.

Сжав губы, ничего не видя вокруг, он шагал вверх по лестнице – в алой мантии и серебряной хелльстадской митре, как и было задумано Раганом, резонно полагавшим, что именно *эта* корона из Свароговой коллекции способна оказать самое убедительное воздействие на смятенные умы народных представителей. Перед ним неуклюже расступались, звеня оружием, вскидывая клинки в некоем подобии салюта, обдавая свежим перегаром, пуча глаза. И кто-то в синем мундире бежал впереди, то и дело оглядываясь с почтительным ужасом в глазах, расталкивая замешкавшихся прикладом изукрашенного гвардейского мушкета, кто-то неотступно сопровождал по пятам, отталкивая тянувшиеся к Сварогу руки, отводя клинки, способные, чего доброго, выколоть глаз королю.

Залы, коридоры, залы, коридоры... Повсюду пьяная гвардия, отшатывавшаяся к стенам. Перед высоченной двустворчатой дверью, украшенной великолепной резьбой, кто-то деликатно придержал Сварога за локоть, и он остановился. Возникший из-за спины Раган чуть приоткрыл одну половинку двери, прислушался, жестом пригласил Сварога. Тот приблизился.

В щелку видно было, что в огромном зале, на белокаменных скамьях, установленных этаким амфитеатром, сидит множество разнообразного народа – чем ближе к уровню пола, тем знатнее, чем выше, ближе к потолку, тем проще. Но лица у всех были словно бы одинаковые – бледные, застывшие, испуганные маски, наспех отштампованные скульптором-халтурщиком. Стояла тягостная тишина, и человек на овальном возвышении звучно, выразительно, громко и проникновенно зачитывал манифест.

Того же содержания, что и многочисленные листовки, которые на глазах Сварога во множестве расклеивали по стенам, углам, фонарным столбам и тумбам. Ему даже не было нужды слушать, он прочитал творение герцога Лемара еще в Равене. И, надо сказать, остался доволен. Вот только о злодейском убийстве королевской фамилии в первоначальном варианте не было ни слова – кто же мог знать? – но кто-то, мало уступавший Лемару в красноречии и убедительности, уже здесь вписал недостающее, тонко уловив особенности стиля герцога. Сварог машинально подумал: «Надо потом поинтересоваться, кто писал – человек нужный, безусловно...»

Злодейское убийство всей королевской фамилии... безутешная держава... невозможно допустить и тени хаоса перед лицом козней известных своим коварством сопредельных государств... законность и преемственность власти... государственная мудрость лучших представителей дворянства, Сословий, Гильдий и народа, вручивших корону королю Сварогу Первому, известному своим благородством, добротой и неутомимой энергией... пути к процветанию, довольству и всеобщему счастью... солнце надежды, воссиявшее над страной...

И все такое прочее. Гладкие обороты, красивые словеса, тень угрозы, дохнувшая на собравшихся, щедрые обещания и клятвенные заверения, милости и послабления...

– Пора, ваше величество, – прошелестел над ухом требовательный голос Рагана.

Сварог двинулся вперед, прошел под сотнями испуганных взглядов, поднялся на то самое возвышение и прочно утвердился на нем, обеими руками опираясь на рукоять топора, подняв голову, чувствуя, как лицо стало застывшей маской, почти такой же, как у всех этих, в зале...

Посреди мертвой тишины чеканно прозвучали слова человека в золотом шитье, опустившего руку с манифестом:

– В соответствии с добрыми старыми традициями королевства Снольдер любой, кто считает короля Сварога Первого недостойным взойти на трон, может заявить об этом открыто и честно!

Улиточки-секунды снова пустились в странствие. Тишина была такая, что слышно, казалось, как первый солнечный лучик ползет по белой колонне.

В огромном зале не нашлось самоубийц. Ни единого. И вдруг («Наверняка, – подумал Сварог, – по чьему-то знаку») сборище народных представителей взорвалось отчаянным многоголосым воплем:

– Да здравствует король!!!

«А все-таки вы – мразь», – подумал он грустно, глядя, как взлетают в воздух шляпы и шапки, как надрываются крикуны...

Глава двадцать вторая КОСА И КАМЕНЬ

Сварог ожидал чего угодно – ну, скажем, кружевных подвязок, с милой непосредственностью оставленных балеринами меж особо секретных докладов на высочайшее имя; кошечек с бантами на шеях, игриво гонявших по полу незаполненные офицерские патенты; россыпи орехов, которые его величество колот Большой королевской печатью. Чего-то вроде. Но действительность превзошла все его самые смелые догадки и предположения.

Королевский стол был девственно пуст. Совсем. Ни в полудюжине вместительных ящичков инкрустированного малахитом и изумрудами стола, ни в трех шкафчиках, снаружи казавшихся хрупкими игрушками, но внутри представлявших собою двойные железные ящички с прослойкой песка толщиной в ладонь (огнеупорные сейфы, верх изобретательности здешних мастеров), ни в двух больших секретерах не нашлось буквально ничего, свидетельствовавшего бы о том, что предшественник Сварога занимался когда-либо государственными делами.

– Он что же, работал не здесь? – спросил Сварог почти беспомощно.

Раган pokrивил губы:

– Он вообще не работал, государь. Государственные бумаги были столь докучным и раздражающим мусором, что прочитывались на коленочке, а потом разбрасывались где попало, невзирая на степень секретности. Я держал возле него двух человек под видом лакеев, и они только тем и занимались, что собирали самые серьезные бумаги, пока не попали в неподобающие руки... Увы, они не всегда успевали... Печати таскал с собой один из братцев-принцев – и

порой сам их шлепал на патенты и дипломы, не утруждая его величество лишними заботами и даже не сообщая, что наплодил новых дворян, офицеров или чиновников... Так и со всем остальным. Один из министров всерьез собирался повеситься. Другой слег с сердечным ударом, когда секретнейшие сводки казначейства попали в поварню, где в них завернули сладости для дорожной кареты. Я вам многое мог бы порассказать... Лыщу себя надеждой, что после *этого*, – он широким жестом обвел кабинет, безукоризненно чистый и не отягощенный и малейшим следом государственных дел, – вы лучше станете понимать наши мотивы.

– Пожалуй... – кивнул Сварог, рассеянно проводя пальцем по зелено-черным малахитовым разводам. – Ну что же, граф... Кажется, *удержались*?

– Да, судя по донесениям...

– Правду, – сказал Сварог. – И ничего кроме. Лгать и льстить начнете потом, когда я сяду твердо, – впрочем, я и тогда сумею моментально отличить правду от лжи...

– Я помню, ваше величество, об этой вашей способности... способной приводить иных царедворцев в уныние. Итак... В столице наведен полный порядок. С Алыми Пищальниками покончено, заводилы препровождены в крепость, мелкую шушеру после допроса и наставлений отправили на все восемь сторон света с «волчьими печатями». Все, обладающие мало-мальским влиянием или сидящие на мало-мальски значимых постах, но при этом ненадежные, тоже посажены в крепость.

– Граф...

– Их всего-то человек семьдесят, – сказал Раган преспокойно. – Успокойтесь, государь, никто не намерен зверствовать и портить вам репутацию. Кое-кого, конечно, придется либо оставить за решеткой подольше, либо... Ничего не поделаешь. От тех, кто со сменой династии потерял все, следует ждать любых подлостей. Лучше уж заранее пройтись по язве каленым железом... Далее. Министерство полиции, точнее, его головку, уже энергично чистят. Но, главное, войска, как в столице, так и в провинциях, в подавляющем большинстве своем на нашей стороне, и это не лесть, государь, а реальное положение дел. На всей территории страны пока отмечено лишь семь мелких стычек. Я не вижу причин для беспокойства. Если мы в сжатые сроки *почистим* все гнойники, сюрпризов не будет. Спектр настроений – от полного равнодушия до энтузиазма.

– Старая Королева?

Раган помрачнел:

– До сих пор не обнаружена, увы. Никто не представляет, куда она могла деться. Не хочу делать поспешных выводов, но дело, такое впечатление, пахнет магическими штучками. Мне только что по ташу доложили из Оттершо... Она выехала из замка утром, одна, на обычную свою прогулку. Явные и тайные посты внешнего кольца стоят на лигу от замка. Так вот, они клянутся и божатся, что Старая Королева нигде не появлялась. Ее конь, что полностью запутывает дело, вскоре был найден. Но сама она пропала бесследно. Можете быть уверены, служба наблюдения за королевской матушкой была единственным, к чему его величество всерьез приложил волю и изобретательность... Разумеется, существуют какие-то потайные горные тропки, по которым к ней приходили гонцы и уходили от нее, – как-то она ухитрялась связываться с

внешним миром и даже готовить покушения... Но не могла же она уйти по ним в полном одиночестве, пешком? Ни за что не поверю! Тот, кто родился и вырос в королевском замке, знаете ли, во многих отношениях беспомощнее ребенка. При всем уме и энергии такой особы есть масса вещей, о которых она попросту не знает, поскольку никогда ими не интересовалась, понимаете?

– Да, я сталкивался с подобными ситуациями, – кивнул Сварог.

И вспомнил, как великое множество профессионалов в свое время так и не смогло отыскать принцессу Делию, тоже не знавшую многого об окружающем мире, – потому что ей просто повезло, и это везение обрубило все следы...

– Ее уже ищут, – продолжал граф. – Полиция, егеря, люди с обученными собаками... Я думал поначалу, что она скрылась в сопровождении верных людей, но – пешком, в одиночку... Ничего не пойму... Вы разрешите мне вас покинуть? Дел невпроворот...

– Да, разумеется, – кивнул Сварог. – Скажите там, чтобы принесли кофе.

На лице графа изобразилась искренняя растерянность:

– Государь... Я решил полностью сменить ближнюю дворцовую прислугу, а уж кухарей тем более, потребуется время...

– Великолепно, – сказал Сварог с досадой. – Королю, владеющему тремя четвертями континента, не могут раздобыть кофе... Любезный граф, во-первых, я умею определять яды, а во-вторых, вряд ли кто-нибудь столь оперативно устроит заговор с отравлением... Пошлите кого-нибудь в кордегардию, когда мы въезжали во дворец, я видел, как они там носили кофе в котелках...

Граф поклонился и быстро вышел. Сварог закурил, уселся за стол, водрузил на него локти и вспомнил анекдот о маленьком зеленом крокодильчике. Положение было самое дурацкое – на какое-то время, пока все устроится, определится, обозначится, король оказался существом ненужным, неприкаемым, задвинутым в пыльный угол. И ничего тут не попишешь: денек-другой и в самом деле придется терпеливо ждать, пока все устаканится, а тогда уж пытаться что-то возводить на месте прежнего...

Дверь распахнулась. Здоровенный черный драгун внес на вытянутых руках медный поднос, где красовался простой солдатский котелок и узелок из белого ситца в красный горошек. Выпучив глаза от усердия, он осторожненько, словно по льду, прошагал по скользкому начищенному паркету, водрузил ношу на стол:

– Ваше величество, раздобыли вот... Был приказ... Тут, стало быть, кофий, тут печенье, пошарили по ранцам, уж не побрезгуйте, с поварни кто разбежался, кого в шею выставили...

– Молодцом, – сказал Сварог, оживившись. – Благодарю за службу. Дверь можете оставить открытой.

Гвардеец отдал честь и спиной вперед покинул кабинет. Судя по его поведению, во дворце он был впервые в жизни. Золотого пояса на нем не наблюдается, следовательно – из простых. Ну, так даже надежнее...

В приоткрытую дверь он видел, что в роскошной приемной торчит не менее десятка Черных Драгун, – полк, где князя Гарайлу уважали и обожали, считался самым надежным с точки зрения новой власти, и Кентавр Кривоногий, не спрашивая согласия Сварога, занял им дворец для вящей надежности. Идея была толковая, но Сварог решил при первой же возможности стянуть сюда еще и здешние отряды гланской гвардии – как-никак его самые давние, если

можно так выразиться, подданные, как бы ни были надежны драгуны, а с гланцами еще спокойнее, да и пора проявлять определенную самостоятельность, пора *строить*. Здесь, пожалуй что, придется потруднее, чем в Глане и Ронеро, – там он был *званный*, а тут – *возведенный*. Есть некоторая разница, кое-кто вокруг подсознательно считает себя чуть ли не Свароговым благодетелем, да так оно и есть, если разобраться, одной кровью повязаны...

В приемной вдруг возник некий переполох – там протопали сапоги, словно в казарме, слышались громкие, возбужденные голоса. В следующий миг тот солдат, что приносил кофе, прямо-таки влетел в кабинет. И очень похоже было, что товарищи его после краткого совещания попросту затолкнули сюда, как уже имевшего некоторый опыт общения с коронованными особами...

– Ваше величество! – в полной растерянности воскликнул драгун, вытянувшись. – Там Старая Матушка! Черт ее ведает, откуда взялась, но она сюда идет...

– Ну и что? – преспокойно спросил Сварог. – Пусть себе идет... Не препятствовать!

Получив четкий приказ, драгун воспрянул, вывалился в приемную, где громко повторил только что полученные распоряжения.

Сварог сел за стол, оставаясь, в общем, спокойным, – всего лишь одна-единственная дама, и не более того...

Она вошла величественно, неспешно, как и подобает королеве, пусть лишенной и тени власти задолго до появления Сварога. Размеренно постукивая посохом с двумя коронами, снольдерской и уладской, остановилась перед столом, шагах в четырех от Сварога. За ее спиной, за распахнутой дверью Сварог видел, как в приемной толпятся Черные Драгуны со злобно-растерянными лицами, держа руки поближе к эфесам мечей и рукоятям пистолетов. Судя по их напряженным позам, Старая Матушка – она же Старая Королева, Старая Гадюка, кому как больше нравится, – внушала бравым воякам если и не страх, то уж почтительное опасение.

– Мельчает народец, – ровным, безразличным тоном сообщила Сварогу Старая Королева. – Еще во времена моего дражайшего батюшки люди были проще – достаточно было первому встречному капралу мигнуть, и в два счета вогнали бы пику в спину, не посмотрели бы, что перед ними королева-мать... А эти расступаются, в затылке пятерней скребут... Распустились.

Поднявшийся из-за стола Сварог молчал – благо к нему лично попреки не относились, не он такие порядки устанавливал и не он этих людей отбирал, – разглядывая нежданную визитершу с большим интересом. Опомившись, сделал повелительный жест, и драгуны захлопнули дверь, наверняка радуясь, что нашелся кто-то, взявший на себя ответственность в столь щекотливом деле.

Она вовсе не выглядела старухой – ей и было-то, вспомнил Сварог, пятьдесят один. Высокая и статная, все еще красивая, без единой седой ниточки в темных волосах. При первом же взгляде на нее возникли стойкие ассоциации со строгой учительницей, привыкшей справляться с любым скопищем шалопаев.

– Вот это, значит, и есть знаменитый король Сварог, – продолжала она спокойно. – Тот самый, что сшибает короны, как спелые груши, а теперь вот и до нашего захоlustья добрался... Кто же вы мне, согласно этикету? Дражайший

кузен? Нет, у меня в роду были и Барги, а вы, хоть и приемный, но полноправный Барг, так что нужно как следует подумать...

– Предпочитаю самое простое обращение – «ваше величество», – сказал Сварог решительно, подумав, что пришла самая пора перехватывать инициативу и напомнить о кое-каких реалиях. – Незатейливо, быть может, но вполне отвечает положению дел...

– Это намек на то, что бедной старой затворнице следует сразу уяснить свое место посреди решительных перемен?

– Ну отчего же «старой», моя дражайшая родственница? – спокойно улыбнулся Сварог.

– Неплохо, – заключила Старая Королева. – Ни тени раскаяния в глазах. И правильно, откровенно говоря. Слезы лить по несчастным моим загубленным деткам не собираюсь, уж такое я чудовище, – очень уж ничтожными и ничемными выросли. Будь я мужчиной, могла бы, по крайней мере, утешаться предположениями, что детушки вовсе и не мои, но женщине от материнства не отвертеться никак, сама, увы, эту бледную немочь рожала... Вот и довели до полного краха династию, узурпатора на выручку звать пришлось... И ведь имеет место всеобщее ликование, ничего с этим не поделаешь...

– У вас был свой человек среди заговорщиков? – спросил Сварог. – Очень уж вовремя вы исчезли из замка... Я плохо знаю тех, кто мне... помог, но крепко подозреваю, что они и против вас хотели предпринять... энергичные меры...

– А сами вы не знаете, ваше величество?

Сварог впервые за все время разговора опустил глаза:

– Я был уверен, что их просто арестуют и заставят подписать отречение...

– Если вы так думали, милейший, вам еще тянуться и тянуться, чтобы стать *настоящим* королем, – отрезала Старая Королева. – Кто же это оставляет низложенного предшественника живым? Это, хороший мой, против традиций. Если кому-то вздумается затеять новый заговор, лозунгов и знамен даже искать не нужно: вот он, бедненький, обиженный, свергнутый, престольчик у сюсеньки малюсенькой отобрали злые дяди, ай-яй-яй... Опередили вы меня, любезнейший родственник, – я как раз стала понимать, что ядами и стилетами немногого добьешься, что нужно по старой традиции гвардию возмущать...

– Ну, тут уж – кому как повезет, – сказал Сварог.

– Можно к вам, милый родственник, обратиться с серьезной просьбой? Если вы намерены от меня избавиться решительно и бесповоротно, сделайте это *пристойно*. Меня всегда ужасала непристойная, вульгарная смерть. Взять хотя бы королеву Аугле – в поганой темнице, кишасей крысами и тараканами, трое вонючих доезжачих душили грязной веревкой... Хрип, язык наружу вывалился, дерьмо течет... А потом, не мытую месяц и в рубище, где-то на заднем дворе закопали... – По ее лицу промелькнула гримаса нешуточной брезгливости. – Нет уж, предпочитаю что-то более приличествующее моему положению: если уж на эшафот, то с полным соблюдением надлежащего этикета – войска шпалерами, народ в праздничном, корону снимают с головы и уносят на подушке четверо дворян, палач в белом, барабанная дробь, позолоченный топор... Если вздумаете обвинить меня в каком-нибудь страшном заговоре – готова подыграть абсолютно во всем. Лишь бы *церемония* была обставлена по королевски. Одно немаловажное уточнение: не хочу, чтобы припутывали чер-

ную магию. Я не слишком дерзка в просьбах?

– А пощады просить вам, конечно, кажется чересчур унижительным? – с интересом спросил Сварог, успевший оценить собеседницу по достоинству: она говорила совершенно серьезно, какие там шуточки...

– Если вы твердо решили со мной разделаться, никакие мольбы не помогут, а прельстить мне вас нечем: кладов не зарывала, серьезных тайн не знаю, а для постели вашей я старовата, конечно, – у вас ведь молоденьких невпроворот, доходили до меня кое-какие сплетни и донесения... Жить, конечно, хочется, – сказала она просто и открыто. – Но к чему унижаться, если это все равно не спасет? Взойдешь на эшафот с достоинством – по крайней мере, память останется, какой-нибудь щелкопер в хроники вставит, распишет со всем восторгом. Меня всегда восхищала историческая фраза короля Хея перед плахой: повернулся человек к палачу и этак небрежно, через губу, процедил: «Дышите в другую сторону, любезный, от вас луком несет...» Не слышали? А ведь у вас в Глане дело происходило, хоть и давненько...

– Интересно, как бы вы поступили на моем месте? – задумчиво спросил Сварог.

– К чему гадать? Местами нам все равно не поменяться, у каждого свое...

Дверь шумно распахнулась, и в кабинет ворвался князь Гарайла – запыхавшийся, в расстегнутом мундире. Поведя налитыми кровью глазами, он облегченно вздохнул, привалился спиной к косяку, держа руку на эфесе меча, отдышался и с видом кота, словившего, наконец-то, хитрющую мышь, замурлыкал:

*Мамочка моя, мама,
Полно меня стеречь!
Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь...
Зря, что ли, говорится:
«Сладок запретный плод»;
Когда взаперти девица,
Сильнее любовь влечет...*

Не удостоив его и взглядом – лишь слегка повернув голову в сторону генерала, Старая Королева произнесла восхитительно ледяным и равнодушным тоном, заставившим Сварога про себя взвыть от зависти (сам он еще не достиг таких высот в обращении с голосом и интонациями):

– Если уж вы, милейший, взялись цитировать Сарагата, то у него есть не менее впечатляющие строки, гораздо более подходящие к случаю, нежели пошленькие любовные куплеты, набросанные им в ранней юности:

*Где возвышались арки и столпы —
Теперь обломков громоздится груда...
Плачевный вывод следует отсюда:
Как мы в своей кичливости глупы!
Доверившись несбыточным надеждам,
Я дом в песках выстраиваю зыбких,
Хоть знаю сам: моя затея – бред.
Подобно всем упрямам и невеждам,
Я вижу совершенные ошибки,
Но ошибаюсь вновь – себе во вред...*

Она декламировала легко и свободно, с мимолетной презрительной усмеш-

кой – должно быть, стремилась в случае, если победители все же намерены предать ее лютой смерти, извлечь для себя максимум морального удовлетворения. Сварог испытывал к ней все более крепнувшее уважение: не дама – кремень... Такие и нужны... Вот именно!

Гарайла, фыркнув насколько мог непринужденнее, осведомился:

– Это не про вас ли, дражайшая королева-матушка? В самую точку зашпандорено...

«А ведь он ее на сей раз уел, – подумал Сварог. – При полнейшей своей непривычности к светским словесным поединкам. Неудачные вирши она выбрала, нужно признать. Ну ничего, сейчас я вас буду строить, рядами и колоннами...»

Шагнув вперед, сверля немигающим взглядом князя, он рывкнул пусть и не с королевскими интонациями, но уж, безусловно, со сноровкой бывалого строфика:

– Князь, кто вам позволил врывать в королевский кабинет без доклада? Распустились тут при старом царствовании! Я вас научу сапоги с вечера чистить, а утром надевать на свежую голову!

– Ваше... – неосмотрительно вякнул Гарайла.

– Молчать! – заревел на него Сварог так, что даже Старая Королева изменилась в лице. – Три шага вперед! Кр-ругом! Шагом марш отсюда!

Великое дело – воинская субординация. Человек, отдавший родимой коннице тридцать лет, прошагавший все ступеньки от юного кадета до генерала, как и надлежит, аккуратненько шагая с одной на другую, не спеша и не прыгая, просто обязан впадать в гипнотический транс, когда на него рычит непосредственное начальство... Так произошло и с Гарайлой – он вытянулся изо всех сил (лишь кривые ноги старого кавалериста помешали его фигуре превратиться в идеальный перпендикуляр), четко повернулся через левое плечо, приставив носок, потом дерганным шагом механической игрушки двинулся к выходу. «Сделано дело! – радостно отметил Сварог. – Армия, судари мои, свое всегда возьмет!» И подал новую команду, видя, что генералу осталось до двери не более одного-единственного шага:

– Стоять! Кр-ругом! Ко мне!

Гарайла выполнил и это, звучно пристукнув каблуками, сделав ретино-зверское лицо, остановился перед Сварогом. Тот, мысленно ухмыляясь, командовал:

– Вольно! Хотите что-то мне сказать, генерал?

– Да что там... – проворчал Гарайла. – Порядком наконец-то во дворце повелось... Только, ваше величество, вы поосторожнее с этой... дамочкой, еще ткнет чем в спину... Не удивлюсь, если у нее в посохе лезвие на пружине...

«Я тоже не удивлюсь», – подумал Сварог. Подойдя вплотную к генералу, хлопал его по плечу, задушевно, проникновенно сказал:

– Полно вам, князь. Нам ли, старым воякам, бояться женщины, даже если у нее лезвие на пружине? Собственно говоря, я и сам хотел вас вызвать. У меня возникла идея касательно некоей армейской реорганизации... У нас есть маршал гвардии, есть просто маршалы, но никто до сих пор не додумался до простого и полезного решения: ввести пост маршала кавалерии. Я решил это упущение исправить. Поздравляю вас с чином маршала кавалерии. У меня нет при себе королевских печатей, они погибли в пожаре, а новые еще не изготов-

лены... но вы, смею думать, поверите своему королю на слово?

Ответа он не дождался – князь попросту не мог выговорить ни слова от изумления и радости, преданно таращился на Сварога выкаченными глазами, определенно повлажневшими. Отныне Сварог мог быть совершенно уверен: есть здесь один человек, который за него умрет, не раздумывая...

«Буденный ты наш, – растроганно подумал он. – Ишь, и усищи-то, как у Семен Михалыча... А ведь польза от этого несомненная – все знающие люди в один голос твердят, что князь в кавалерийской войне – то же самое, что гроссмейстер в шахматах, сиречь в шакра-чатурандже. А войны нам еще предстоят, чует мое сердце...»

Потом ему в голову пришла шальная мысль: а что, если Гарайла и есть здешний аналог Буденного? Черт его ведает, как обстоит в параллельных мирах с аналогами... Он даже присмотрелся к низенькому широкоплечему крепышу, пытаясь высмотреть сходство с портретами красного маршала, но решил по размышлении все же воздержаться от скоропалительных выводов.

– Князь, – сказал он мягко. – Надеюсь, в столь знаменательный день вы мне не откажете в маленькой просьбе?

– Все, что угодно! – рявкнул новоиспеченный маршал. – Моя жизнь и кровь...

– Ну что вы, я не требую от вас больших жертв... – вкрадчиво прервал Сварог. – Можете вы помириться с ее величеством?

Гарайла моментально поскущел, – но радость была слишком велика и он, подумав, махнул рукой:

– Если уж вы просите, государь... Исключительно ради вас...

– А в чем, собственно, причина? – спросил Сварог с неподдельным любопытством. – Я сразу заметил: судя по обмену взглядами, пылавшими искренней теплотой и дружелюбием, судя по некоторым репликам, по общему настрою, вы с ее величеством давненько друг друга недолюбливаете...

– Причина, государь, проста, – неохотно ответил Гарайла. – В свое время, пятнадцать лет назад, один головотяп был назначен полковником Алых Егжей, хотя у меня были все преимущества старшинства и выслуги. Вот только этот новоявленный полковничек пользовался поддержкой ее величества, в то время она была еще не королевой-матерью, а супругой здравствующего монарха...

– Что ж, *маршал*, вы все правильно излагаете... – кивнула королева-мать.

Гарайла, изо всех сил пытаясь придать своему простоватому тону оттенок тонкой иронии, бухнул:

– Злые языки судачили, что преданность его вашему величеству простиралась и от рассвета до заката, и, что характерно, от заката до рассвета...

– И что с того? – бровью не поведя, едва заметно улыбнулась Старая Королева. – Все равно его величество, мой законный супруг, был настолько увлечен волочением за фрейлинами и камеристками, что на такие пустяки, как добродетель его законной половины, не обращал ровным счетом никакого внимания... Помнится, я и вам делала недвусмысленные намеки, но вы оказались столь толстокожим, что даже при том нашем свидании в тисовой аллее битый час толковали о породах лошадей, аллюрах и преимуществе ратагайской сбруи над гиперборейской, пока я не потеряла терпение и не улизнула под благовидным предлогом...

– Симарглов хвост! – озадаченно фыркнул Гарайла. – Так вы, значит, тогда намеки делали?

– Великие небеса! – Старая Королева воздела очи горе. – Иначе зачем бы мне с вами торчать возле Жемчужного грота целый час? Возле грота, в коем как раз и протекала львиная доля супружеских измен и романтических историй?

– Кто же знал... – проворчал Гарайла. – То-то я смотрю, как мимо него ни пойдешь, парочки торчат... – Он задумчиво покрутил головой, несколько ошарашенный новыми знаниями об окружающем мире, и решительно вытянулся перед Сварогом: – Разрешите идти, государь? Работы невпроворот...

– Идите, маршал, – охотно кивнул Сварог.

Гарайла отдал честь, развернулся на месте и быстрыми шагами промаршировал к выходу. Несомненно, разум у него уже кипел от громадьи планов, реорганизаций, новшеств и реформ, связанных с новым назначением, – и ничего другого ему от жизни не было нужно, счастливой, умиротворенной душе. Сварог даже позавидовал мимолетно – вот так, походя, экспромтом почти вознес человека к вершине желаний. Нужно будет придумать ему красивый маршальский мундир с вышитыми золотом боевыми скакунами, скрещенными клинками и еще какой-нибудь хренотенью. Горы свернет...

– Неплохо, должна признать, – сказала Старая Королева. – Если бы эта идея пару лет назад пришла в голову мне...

– Меня бы здесь сейчас не было, – понятиливо кивнул Сварог. – Я понимаю. Что делать...

– К чему это умилительное примирение?

– А вы еще не поняли, ваше величество? – усмехнулся Сварог. – Я вовсе не собираюсь вас убивать или сажать в крепость. К чему эти пошлости, когда я задыхаюсь от острейшей кадровой нехватки? Вы умны, энергичны... и, чуется мое сердце, не испытываете особенного почтения перед единственной и неповторимой человеческой жизнью, дающейся один раз...

– Да, это в моем стиле, – спокойно кивнула она. – Рада, что вы это оценили. Я же видела, как вы, разговаривая с маршалом, краем глаза все же следили за моими движениями... И правильно делали, похоже, из вас еще выйдет толк. Между прочим, у меня в посохе и в самом деле есть лезвие с пружиной – совершенно необходимая вещь для бедной старушки в наши беспокойные времена... Не подскажите ли, как намерены меня использовать?

– Охотно, – сказал Сварог. – Я вас направлю в Три Королевства. С самыми широкими полномочиями. А заодно поручу вам Пограничье и Ямурлак – там мои ребята сейчас как раз вылавливают по чащобам уцелевших чудовищ, но, думается, и на ваш век хватит...

– Неужели наместницей?!

– Ну, это будет называться чуточку иначе, – сказал Сварог. – Ваш официальный титул отныне звучит следующим образом: Первый Подмастерье Главного Зодчего Ордена Возрождения Трех Королевств...

– Это еще что такое? – поинтересовалась она с искренним недоумением.

– Вы все скоро узнаете, – заверил Сварог. – Мне отчего-то кажется, что вы быстро освоитесь с этой работой... Ничего особенно уж нового, в принципе...

– А вы не боитесь, что...

– Что вы укрепитесь там и попытаетесь отложиться? – понятиливо подхва-

тил Сварог. – Нет, не думаю... Три Королевства очень уж долго придется обустроить, чтобы они стали тем местом, где по-настоящему умный человек захочет воцариться. Одним словом, как только у меня будут новые печати, я оформлю бумаги по всем правилам – и вы отбудете к месту службы...

– Интересно, а на какие деньги вы собираетесь обустроиваться? Королевство по уши в долгах и займах – как, впрочем, и все остальные ваши владения. Ходят, правда, слухи о несметных богатствах Хелльстада, о сундуках с невиданными самоцветами... но если вы попытаетесь их продавать, лишь обрушите рынок ювелирных изделий – еще до того, как получите мало-мальски значимую прибыль...

– Положительно, я в вас не ошибся, – сказал Сварог. – Вы тонко и моментально подметили слабое место всего проекта... Но могу вас заверить, что я кое-что придумал.

– Что?

– А не расскажете ли, как вам удалось ускользнуть из замка в горах Оттершо? – спросил Сварог. – Обстоятельства были довольно странными... Молчите? Вот видите, у меня тоже есть свои тайны. Я не спрашиваю, согласны ли вы, и так видно. Составьте хотя бы приблизительные списки того, что вам потребуется, и тех, кто сам потребует. Не думаю, что кто-то рискнет этим землям угрожать, но нужно предусмотреть все: армейские части, полиция, чиновники...

– Вы забыли о шпиках, государь. Впрочем, я и так понимаю, что от нихazole меня будет не протолкнуться...

– Что поделаеть, – сказал Сварог с обаятельной улыбкой. – Вы же умная женщина, ваше величество, сами все понимаете. Я в меру добрый, но не благодушный. Успел уже понять, что лучший друг короля – это тайная полиция, разумеется, при условии, что есть кому за ней следить... Итак, армия, полиция...

– И несколько кораблей, – перебила она. – Военных, я имею в виду.

– Вы что, намерены устраивать морские сражения? – поднял бровь Сварог. – Пока вроде бы не с кем...

– Ваше величество, – ответила она без тени улыбки. – Вы что-нибудь слышали о Великом Кракене?

– Разумеется, – сказал Сварог. – От монахов. Великий Кракен – одно из земных воплощений Князя Тьмы, так называемое Воплощение Воды. Правда, иные ученые мне говорили, что Великий Кракен – не более чем предание...

– Это предание *просыпается*, – сказала Старая Королева, глядя ему в глаза так, что Сварогу моментально стало неуютно. – Какую бы околесицу ни несли ваши ученые. И когда он начнет всплывать на поверхность, на землю обрушатся неслыханные беды. Вы можете мне не верить...

– Знаете, – серьезно сказал Сварог, – бывают моменты, когда я готов верить всему... еще и оттого, что считаю тех, кто мне рассказал о Великом Кракене, крайне серьезными людьми. Может быть, вы, в таком случае, знаете даже, где хранится легендарное Копье Морских Королей? Которым только и можно его убить?

– Увы, нет. Мне только известны кое-какие приметы, неопровержимо свидетельствующие, что Великий Кракен ожил. В первую очередь начнет всплывать рыба. И морские птицы будут покидать море.

– Ага, – сказал Сварог. – Вот оно в чем дело... Хорошо, корабли у вас будут.

Надеюсь, вы верите, что я искренне намерен...

– Я знаю, что вы не врете, – сказала Старая Королева, вновь став похожей на строгую учительницу.

Дверь приотворилась. В щель с надлежащим почтением просунулся драгун, большей своей частью оставаясь в коридоре, откашлявшись, доложил:

– Ваше величество, его светлость просят вас пожаловать... Там какие-то срочные дела...

– Сейчас иду, – сказал Сварог. – Извините, ваше величество...

«Как прикажете понимать это „Я знаю“? – подумал он, повернувшись к двери. – Как будто она... Но ведь здесь, на земле, только я один такое умею: безошибочно определять, врет человек или говорит правду. На земле это умение забыто напрочь, по самым достоверным сведениям...»

Уже взявшись за ручку, он обернулся и послал нечто – немудреный, короткий магический сигнал, позволивший бы ему понять, с чем он, собственно, имеет дело. Слово негромко свистнул – ничего особенно сложного, если тебя этому научат на небесах...

И растерянно замер. Если перевести то, что произошло с его сигналом, на обычные человеческие слова, то выглядело это так: словно бы человек небрежно взмахнул мечом, рассчитывая ткнуть незащищенного противника, но неспешно опускавшийся клинок вдруг с лязгом и звоном наткнулся на некий невидимый щит, отразивший ленивый взмах так, что меч едва не вывернулся из пальцев...

Все это произошло в совершеннейшей тишине. Сварог ошарашенно смотрел на Старую Королеву, а она недоуменно подняла бровь с таким видом, словно ничего и не случилось, и ей странны его нелепая поза, застывший взгляд...

Он вовремя опомнился. Во-первых, никакого присутствия черной магии – а это уже кое-что. Во-вторых, так просто эту дамочку не расколешь и не разговоришь. В-третьих – какие-то срочные дела. Ничего, это не самая сложная загадка, может и подождать. Никуда не денется, в эти смутные времена Сварог для нее – единственная защита...

И он, вежливо раскланявшись, захлопнул за собой дверь.

Глава двадцать третья КУПЕЦ СЧИТАТЬ УМЕЕТ

— Как вам удалось так быстро все наладить? – спросил Сварог с любопытством, глядя на ливрейных лакеев, раззолоченными куклами торчавших во множестве в коридорах и на лестничных маршах и выглядевших вполне уверенно, ничуть не похожих на пентюхов от сохи или верстака. – По моему, они смотрятся вполне презентабельно. Где вы их взяли столько? Вы говорили, замените всю дворцовую прислугу...

– Боюсь, государь, в суматохе и спешке я неточно выразился и не сумел дать всеобъемлющие пояснения, – сказал Раган с непринужденностью опытного царедворца, не смеющего прямо сказать монарху, что тот чего-то второпях не понял. – Заменить всех – предприятие, пожалуй что, нереальное. Полный штат дворцовой обслуги – более двух тысяч человек. Но всех менять нет нужды. Я лишь убрал тех, кто непосредственно и регулярно общался с королевской фамилией. А таких набралось сотни полторы, не более. И убрать их было необходимо. Человеческое мышление – штука прихотливая... Для большинства особо приближенных холуев король и его родные – милейшие люди, благодетели. На праздники и просто в хорошем расположении духа бросали золотые, а то и кошельки. Выполняли мелкие просьбы – тетушку пристроить на поварню, дядю взять в привратники, беспутного племянника из полицейских неприятностей вытащить, судебскую тяжбу в свою пользу обернуть... Ну, а если уж на смазливую дочку или супругу падет благосклонный взор короля или его братьев – и вовсе прекрасно, безбедная старость обеспечена... Они любили покойных самозабвенной холуйской любовью. И кто-то из них вполне способен был сунуть вам в спину нож – известны прецеденты... Я их не просто убрал – на их места *продвинул* других – младших помощников, третьих ассистентов, подменных и запасных... Эти в лепешку расшибутся, для них уже вы – *светоч*... Ну, а подавляющее большинство прислуги старого короля в жизни не видело и вас вряд ли увидит – если только несказанно повезет... Вот, посмотрите на этого, мы сейчас мимо него пройдем... Он на вершине желаний: из младшего омахивателя пыли с фарфора, обязанного не попадаться на глаза никому из господ, – в открыватели парадной двери на королевском этаже. Нам с вами и не понять, как он счастлив...

– Действительно, – согласился Сварог, когда они миновали дверь, – распахивая ее, лакей всю душу вложил в это нехитрое действие. – Граф, давно хотел вас спросить... Что вы думаете о Великом Кракене?

– Ничего, – не раздумывая, ответил Раган. – Мне просто некогда интересоваться морскими байками. Когда у вас будет время на развлечения и отдых, поговорите с людьми из Морского Бюро. Вот *там*, в морской разведке, есть специфический народец – уморительное сочетание толкового разведчика и прилежного коллекционера старинных баек. Вроде адмирала Браса – во всех прочих отношениях образца трезвомыслия и деловой хватки... И агентура у них соответствующая, взять хотя бы вашего доброго знакомого капитана Зо... Я, простите за каламбур, обеими ногами стою на земле, моя специальность – разведка на континенте. А моряки – забавный народец, они ухитряются быть одновременно и прагматиками, и мистиками, и романтиками... Хотя и Гарай-

ла у нас из той же породы. Свято верит любым байкам, кои касаются лошадей. Мне достоверно известно, что он организовал целую экспедицию на поиски Темного Коня – безрезультатную, конечно... Кстати, если вы намерены его использовать по прямому назначению, лучше вызовите немедленно, пока он не начал с присущим ему размахом праздновать новое назначение...

– Мысли читаете? – усмехнулся Сварог.

– Вычисляю и комбинирую, ваше величество. Коли уж Хартог к нам приискал из Харлана лишь с двумя солдатами, тайно, переодетым, это может означать только одно... Я давно уже слежу за тамошними событиями. Как выразился бы Гарайла в своей весьма специфической образной системе, великий герцог упустил поводья, и кони понесли. Спесивые бароны, вдобавок лоранские деньги, вдобавок «Черная радуга», затаившаяся со смертью Мораг, а потом осмелевшая...

– Ну, попытаемся что-нибудь сделать, – жестко, одним ртом усмехнулся Сварог. – Вы правы, так ведут себя лишь люди, ищущие немедленной помощи... Пошлите кого-нибудь отыскать Гарайлу. И нужно подготовить эскадру, мы должны заблокировать Харлан с моря, чтобы никто не сбежал в Лоран... Нужно еще привлечь людей из ронерской... из *моей* Багряной Палаты, у них есть полезный опыт. Но прежде поговорим с ганзейцами. Вряд ли они просили о тайной аудиенции, чтобы просто поболтать или заключить какие-то мелкие торговые соглашения... Мне везет, а?

– Я бы это назвал по-другому, государь. В вас видят достаточно привлекательную и сильную фигуру...

– Я понимаю, – сказал Сварог. – Да, касаясь Старой Королевы... Надеюсь, вы уже поняли – ни один волос с ее головы...

– Я понял, государь. Вот, кстати... Мне было не до мелочей прежде... На ронерской границе задержали какого-то странного типа, именующего себя художником. По тамошним полицейским бумагам он проходил в списках «баниции с веревкой», а теперь, поскольку ваши владения распространились и на Снольдер, он естественным образом перешел по наследству к нашей полиции...

– Бог ты мой! – тяжело вздохнул Сварог. – Как же он мне осточертел! Путается под ногами, как... – Не найдя подходящего сравнения, он досадливо махнул рукой. – Ладно... Как-то незаметно складывается устоявшаяся традиция... Пусть отвезут на харланскую границу и гонят в три шеи на ту сторону... Куда нам?

– Направо, государь. Я приказал отвести их в канцелярию – там вас еще никто не знает в лицо, да и я не примелькался...

Действительно, они прошли через длинную анфиладу высоких залов, битком набитых чернильными душами, и никто не обратил на них внимания. Сообразили, конечно, что гости, судя по одежде и уверенной походке, – не из простых, и оттого на всякий случай ретиво схватились за перья с таким видом, словно именно от них зависели судьбы державы. Но ни на одном лице не мелькнуло и тени узнавания. Пахло чернилами, лежалой бумагой, горячим сургучом, взятками и приписками.

Раган уверенно свернул на узкую лестницу, ведущую под крышу. У закрытой двери бдил угрюмый малый, одетый под канцеляриста, но явно привыкший работать на свежем воздухе с чем-то поострее перьев, судя по здоровому

румянцу и оттопыренной поле вицмундира, а также полному отсутствию чернильных пятен на руках.

Он вежливо посторонился, глядя сквозь Сварога отработанно ускользящим взглядом. Раган распахнул дверь. Небольшая комната со скошенным потолком и двумя окнами, полки ломятся от бумаг, но лежат они открыто, слой пыли вырос толщиной с палец, и чернильницы на трех столах сухи.

Трое мужчин в простой добротной одежде незнатных путешественников поднялись им навстречу – неспешно, с достоинством людей, знающих себе цену и чуждых лакейства. Ласково-пронзительные взгляды опытных купцов, один уже в пожилых годах, седой, двое других помоложе. Рядом, на пустом стуле, лежат кожаная труба для бумаг и кожаный мешок, с каким ходят высокопоставленные чиновники (портфели были здесь пока что неизвестны, и Сварог всерьез подумывал, что следует их заново «изобрести»).

– Прошу садиться, господа, – сказал Сварог и, подавая пример, первым опустился на шаткий и скрипучий казенный стул с огромной жестяной биркой на спинке. – С кем вы, гости, торг ведете и куда теперь плывете? – спросил он весело.

Седой посмотрел вопросительно.

– Это стихотворение, – сказал Сварог.

– Простите, ваше величество, – сказал седой серьезно. – Я всегда был далек от поэзии и потому не смог оценить в должной степени смысл ваших слов... Простите великодушно мое невежество...

– Ну что вы, – сказал Сварог великодушно. Не стоило упрекать гостя за незнание стихов, которых в этом мире не существовало вовсе. – Не соблаговолите ли изложить дело, которое вас ко мне привело?

– Позвольте без околичностей и дипломатических поклонов, ваше величество, – сказал седой. – Перед вами – делегаты, избранные Ганзейской Палатой специально для этой поездки и облеченные всеми полномочиями как для переговоров, так и для подписания документов, в случае, если таковое состоится... Прошу.

Он ловко достал из кожаной трубы для бумаг толстый свиток, развернул его с хрустом, подал Сварогу. Сами письменные полномочия занимали всего-то дюжину строчек – а пониже чуть ли не уард новехонького пергамента занимали подписи и печати, на первый взгляд казавшиеся совершенно одинаковыми оттого, что все, чуть ли не сто, были круглыми, но потом Сварог, взглядевшись, стал различать многочисленные гербы.

– Все в порядке, ваше величество, – прошептал на ухо Раган, деликатно заглядывавший через плечо. – Должные формальности соблюдены...

– Слушаю вас, господа, – сказал Сварог спокойно.

– Ваше величество. Ганзейская Палата, высший орган управления и высшая инстанция Ганзейского Союза Вольных Мореплавателей, всесторонне обсудив ситуацию, обращается к вам с просьбой взять означенный Союз под свою высокую руку – со всеми правами и обязанностями, отсюда проистекающими, – выговорил седой на одном дыхании и низко, торжественно поклонился.

Сидевший слева от него, судя по обветренному лицу, несомненный моряк, добавил:

– До сих пор не существовало титула главы всей Палаты, но таковая после

долгого обсуждения пришла к выводу, что отныне целесообразно будет учредить пост Генерала-Старшины Ганзейской Палаты – по образцу генерал-капитанов городов – и просить ваше величество его на себя возложить...

Он замолчал и с видимым облегчением утер платком вспотевший лоб – если седой явно был не новичок в дипломатических беседах, и длинные обороты слетали у него с языка самым привычным образом, то моряк, сразу видно, заучивал эту тираду долгонько...

– Мы надеемся, что такое решение послужит к взаимовыгодной пользе, – добавил третий.

– Ну что же, господа, – сказал Сварог по-прежнему спокойно. – Пожалуй, взаимная выгода и в самом деле присутствует... Вы – отличные моряки, опытные купцы, у вас серьезный военный флот и серьезная армия... В моих делах это будет очень кстати. Что до вас... Как вам пришла в голову эта идея? Давайте поговорим откровенно и обстоятельно...

– Как легко догадаться, мы с определенного времени наблюдаем за деятельностью вашего величества со всем вниманием, – сказал седой (судя по документам, носивший титул Легата и имя Токпарс). – Когда до нас дошли кое-какие сведения о предприятии, задуманном господином графом, – поклон в сторону Рагана, – над будущим пришлось задуматься со всей серьезностью, ибо к тому же нам стало известно о той деятельности, которую люди вашего почтенного министра Интагара ведут в Балонге...

Он замолчал, глядя на Сварога наивнейшими глазами седого ребенка. Оценив по достоинству этот взгляд и чуть заметную улыбку, Сварог сказал без малейшего стеснения:

– Да, что-то там в Балонге назревает, такое впечатление... Вам это не нравится?

– О, что вы, наоборот! – воскликнул седой. – Учитывая наши с Балонгом трения и многовековое соперничество, не буду лгать, что мы удручены вашими... приготовлениями. Наоборот. Эти кровососы, не умеющие ни торговать толком, ни грамотно заниматься морскими перевозками, набивающие сундуки благодаря одному только пошлomu ростовщичеству... Простите, ваше величество. Увлекся. Вражда и в самом деле чересчур давняя... Так вот, Палата уже не сомневалась, что в самом скором времени интересы вашего величества, вашего растущего государства и Ганзы неминуемо придут в соприкосновение. Мы слишком долго существуем в нынешнем своем виде и научились планировать далеко вперед... Зная решительный характер вашего величества, нельзя исключать, что соприкосновение это примет... энергичный оборот. Могу вас заверить, мы не боимся войн и умеем отстаивать свои вольности и свое добро. Однако личность вашего величества и обстоятельства, при коих ваша держава расширяется с небывалой быстротой... Словом, мы пришли к выводу, что любая война превратится в чересчур затянутое и бесперспективное предприятие, от которого не будет пользы ни Ганзе, ни, простите за откровенность, вашему величеству. После четырехдневного обсуждения было решено поступить именно таким образом, о котором мы уже имели честь довести до вашего сведения... Вы сами желали предельной откровенности, ваше величество... Мне не хотелось бы, чтобы у вас создалось мнение, будто мы капитулировали. Право же, все обстоит совершенно иначе. Мы привезли вашему величеству договор, смею думать, в полной мере учитывающий интересы обеих сторон.

Учитывая особые обстоятельства, гарантом договора мы желали бы видеть императрицу... Не угодно ли ознакомиться?

По его знаку моряк извлек из объемистого мешка целую кипу листов, исписанных аккуратнейшим писарским почерком.

– Ого! – сказал Сварог. – Страниц сто, а?

– Всего сорок две, ваше величество. Здесь три экземпляра – для вас, для нас и для Канцелярии земных дел.

«Что же, господа купцы, в деловой хватке вам не откажешь», – подумал Сварог, укладывая себе на колени все сорок два листа.

Он читал внимательно, стараясь не пропустить юридических крючков и подводных камней, буде таковые отыщутся. Но после вдумчивого изучения не нашел ловушек и мин. Детальнейше проработанные условия, чем-то во многом напоминающие договоры о вассальной присяге или соглашения королей с «гербовыми» городами. Новоявленный Генерал-Старшина вправе требовать верной службы и повиновения, но иные хитроумные статьи не позволяют ему превратиться в сатрапа и беззастенчивого грабителя...

– Думаю, у вас нет возражений, граф? – спросил Сварог.

Раган, изучавший второй экземпляр, мотнул головой.

– И это все мотивы, которыми вы руководствовались? – небрежно спросил Сварог. – Те, что вы перечислили?

– Да, ваше величество...

– Простите, любезный Легат, но вы мне сейчас врете, – сказал Сварог без всякого возмущения – торг есть торг...

Седовласый Легат на миг опустил глаза:

– Я слышал краем уха об этом вашем умении, но не верил до конца. Поделом... Есть еще одно обстоятельство, ваше величество, последнее, а быть может, и решающее. Боюсь, что Великий Кракен просыпается. Старые моряки говорят об этом все настойчивее. (Сварог видел краем глаза, что Раган недовольно поджал губы, но оставил этот демарш без внимания.) Разумеется, многие *на суше* этому не верят, считая все страшными сказками, но наша жизнь большей частью связана как раз с морем, и мы вынуждены серьезно относиться к старинным приметам... Уже не менее чем в семи местах выловили мертвых глубоководных рыб – той самой породы, что как раз и должна первой бежать от проснувшегося в глубинах ужаса. Бежать на поверхность, навстречу гибели. Есть и другие признаки...

– Не нужно, – хмуро сказал Сварог. – Мы поговорим об этом как-нибудь потом. Я, могу вас заверить, тоже отношусь к этой твари из бездны достаточно серьезно... Найдите мне перо и чернила, граф. У меня нет снольдерских королевских печатей... вас устроит хельстадская?

– Вполне, ваша милость Генерал-Старшина...

...Сопоставив донесения разведки с тем, что он сейчас увидел, Сварог уже не сомневался, что великий герцог Харланский уже и сам понимает: герцогство его, образно выражаясь, уместилось на подошвах пыльных кавалерийских ботфортов... Длинные седые волосы поседеть далее просто физически не могли – но повисли спутанными колтунами, лицо осунулось так, что жуткий ветвистый шрам на щеке представлял собою вовсе уж неприглядное зрелище. Сварог помнил крепкого пятидесятилетнего мужика, по-солдатски прямого, с развернутыми плечами, а сейчас перед ним стоял осунувшийся старик с туск-

лыми глазами.

– Здравствуйте, герцог, – сказал он, садясь. – Судя по поспешности и откровенной неофициальности вашего визита, дела обстоят не самым лучшим образом...

– Вы еще мягко сказали, – бесцветным голосом ответил Хартог, тяжело опускаясь на стул. – Меня обложили, как лиса в норе, я и не предполагал...

Он сидел ссутулившись, опустив руки меж колен. Граф Раган с непроницаемым лицом стоял у входа, всем своим видом показывая, что решений он не принимает, королю ничего не смеет советовать, и вообще он здесь – так, для мебели...

Сварог не чувствовал к этому сломленному старику ни расположения, ни неприязни. Слишком малозначительной *сейчас* для его дел и намерений была эта сторбленная фигура. Старый вояка однажды рискнул блефовать по высшей ставке, он добился тогда своего, пришел к тому, что считал вершиной мечтаний, но кусок оказался не по зубам, не зря же говорят, что желаний своих надо бояться, ибо они сбываются...

– У меня мало времени, – сказал Сварог решительно. – Позвольте, я расскажу все за вас, Хартог. В деталях я не силен, но вряд ли они сейчас имеют значение... Однажды вы, воспользовавшись тем, что я плохо разбирался в неких тайных делах, заполучили с моей помощью трон великих герцогов. Я не в претензии, отнюдь, вовсе не собираюсь вас упрекать за то, что вы меня тогда легонько обжулили... Наоборот, вы мне изрядно помогли, вы и ваши люди... Но времена меняются, знаете ли... Впрочем, я отвлекся. Давайте о вас. Вам казалось сначала, что беспокоиться не о чем. Но ваши подданные, цинично выражаясь, плевать хотели на то, что вас возвела в великие герцоги сама императрица. Родовитые бароны не питали особого расположения к бывшему капитану дружины одного из них. Вы хорошо воевали, но дипломатом, интриганом, правителем, судя по финалу, оказались никудышным. Да вдобавок невыполотая «Черная радуга» всерьез собралась мстить за покойную герцогиню...

– Вы и не представляете, до какой наглости они дошли, – убито поведал Хартог. – Средь бела дня на площади перед замком...

– Я же сказал – эти детали нам вряд ли сейчас полезны, – безжалостно оборвал Сварог – вполне вежливым тоном, правда. – Чего же вы от меня ждете?

Хартог вскинул на него потухшие глаза:

– Я думал, удастся как-то договориться насчет помощи...

– Мой дорогой герцог, – мягко сказал Сварог. – С тех пор, как мы виделись в последний раз, очень многое изменилось. Я уже не странствующий романтик, а правящий король, причем нескольких держав. И в этом качестве, уж не посетуйте, должен руководствоваться в первую очередь самым оголтелым прагматизмом... Хорошо, предположим, я введу войска, кого-то там перережут, кого-то сошлют и посадят, с кем-то поступят так, как и положено поступать с черными магами... Но потом-то мы уйдем – а вы останетесь. Где гарантии, что не придется начинать все сначала? К тому же... Вы ведь так и не женились, насколько мне известно? Законного наследника нет. И при... трагическом развитии событий, назовем это так, мне уже придется иметь дело неизвестно с кем... Стоит ли огород городить?

В дверь бесшумно проскользнул неприметный лакей – по крайней мере, ливрея на нем была лакейская, со знаками министерства двора. Он принялся

шептать что-то на ухо Рагану, и тот, чуть-чуть послушав, кивком показал на Сварога:

– Сами доложите все королю.

– Ну вот, Хартог... – пожал плечами Сварог, когда доклад был закончен и неприметный улетучился, как дух. – События пошли даже быстрее, чем мы с вами тут рассчитывали. В Аране мятеж, бароны ищут вас, армия расколота... как ни удивительно, некоторые полки все же выступают на вашей стороне, они стягиваются под столицей, смута разворачивается всерьез... Какая тут может быть помощь, Хартог, смешно... Приносите вассальную присягу по всем правилам. А впрочем... Нет у меня времени на благотворительность. Вы сейчас напишете отречение в мою пользу, а я честно обеспечу вам спокойную старость в достатке и полной безопасности. Подыщу какой-нибудь пост, более подходящий для ваших способностей. Но в Харлан вам, ничего не поделаешь, придется поехать – чтобы те, кто еще на вашей стороне, не вздумали дергаться... Найдите чернила и бумагу, граф.

...Прежде у Гарайлы своих покоев во дворце, естественно, не было, а потому он обосновался в одном из охотничьих павильонов в глубине парка. До настоящего разгула было еще далеко – все приглашенные попросту не успели собраться. Только пятеро служак в кавалерийских мундирах разных полков, чин от генерала до лейтенанта, обступили низенький столик с пузатым бочонком, из которого Гарайла черпал серебряным ковшиком, разливая в протянутые чарки. В распахнутую дверь видно было, что в зале лакеи накрывают длинный стол, с каменными лицами выкладывая на золотые блюда самую простую снедь в виде колбас, окороков и копченой рыбы.

Взяв новоявленного маршала за локоть, Сварог увел его в зал. Пятеро кавалеристов, определенно не знавшие его в лицо, и внимания не обратили, как и лакеи, впрочем.

– Не подумайте, ваше величество, – заторопился Гарайла. – Я на дворцовую поварню не посягал. Дал вестовым денег, сколько было в карманах, они поскакали в ближайшую лавку, навалили в мешок чего подешевле и побольше, пару бочоночков навьючили...

Сварог присмотрелся к нему – маршал был почти что трезв. Он забрал у Гарайлы полный ковшик, осушил до дна, облегченно вздохнул, мотнул головой, на несколько минут прогоняя дела и заботы. Подумав, предложил:

– Маршал, спойте что-нибудь лирическое...

Гарайла с превеликим удовольствием затянул, не мешкая:

*Уже молчит в полях война
Который год.
И все же ждет его она,
И все же ждет.
Бог знает, кто ему она,
Наверное, жена...
Ах, сколько там дорог-путей,
В чужой стране!
Ах, сколько было злых людей
На той войне!
А в это время ждут вестей,
Наверное, вдвойне...*

Он выводил куплеты самозабвенно и невероятно фальшиво, даже привыкшие к любым чудачествам господ вышколенные лакеи морщились украдкой, когда им казалось, что никто на них сейчас не смотрит. Однако Сварог, на пару минут отмякнув душой, с блаженным выражением лица слушал тот стон, что у Гарайлы звался песней.

*Она рукой слезу утрет,
Она права.
Бранить за поздний твой приход —
Ее права.
...Но наверху над ним растет
Наверное, трава...*

Черный Князь замолчал, от избытка чувств смахнув со щеки несуществующую слезу. Растроганно морщась, поведал:

– Вы бы слышали, ваше величество, как я пою «Последнего знаменосца»... Все говорят, эта баллада мне особенно удастся... Прикажете исполнить?

– Увы, маршал, некогда, – сказал Сварог, решив, что отведенное для отдыха и потехи время миновало. – Нас с вами зовут неотложные государственные дела. Только что великий герцог Харланский с соблюдением всех формальностей передал свое государство под мою твердую руку... У нас есть на харланской границе кавалерийские полки?

– До черта, ваше величество! – не задумываясь, ответил Гарайла. – Два гвардейских и три конных легиона, а еще можно в три дня подтянуть конных егерей... И какая-то пехота под ногами как всегда путается, куда ж без нее...

– Мне говорили, что у вас есть планы войны с любой таларской державой...

– Не без этого, – гордо заверил Гарайла. – Я в свое время и для Сильваны чертил кое-какие карты... Тамошние Великие Степи идеально приспособлены для действий конницы. Вот только попасть туда весьма затруднительно...

– Ну, в настоящий момент не будем уноситься мыслями в недостижимые дали, – сказал Сварог. – Я вам поручаю занять Харлан и привести его к покорности. Будет, конечно, участвовать и военный флот... но вам придется выполнять самую срочную и важную задачу. Пустите конницу вдоль побережья, чтобы захлопнуть мышеловку с моря. За ямурлакскую границу не беспокойтесь, ее закроют ронерские полки, а ваша цель – побережье. Там, в Харлане, есть кое-какой народец, который ни за что не должен сбежать. Понятно?

– Разрешите выполнять? – спросил Гарайла браво и, дождавшись кивка Сварога, кинулся в прихожую, что было мочи заорал стоявшим вокруг столика с бочонком: – Ну-ка, живо, выпили, что держим, – и на коней, господа мои, на коней! Его величество зовет нас в бой, а потому – шевелись, копытники, шевелись!

Пять чарок одновременно взлетели доньшками к потолку – и Сварог уже не сомневался, что кавалерия державы в его руках, а это кое-что да значило...

Глава двадцать четвертая

САМАЯ КОРОТКАЯ, НО ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

На втором этаже королевского дворца, в кабинете, наконец-то принявшем вид средоточия серьезных дел и важных бумаг, сидел его величество король. По имени, естественно, Сварог, согласно порядковому номеру – Первый. Чем черт не шутит, когда-нибудь мог появиться и Второй...

Бывают все-таки в жизни светлые моменты. События последней недели пока что не давали поводов для огорчений, а вот успехов случилось предостаточно.

Никакого такого независимого и самобытного Великого герцогства Харланского на политической карте континента более не имелось. Кентавр Кривоногий вломился туда, как кабан в камыши, двумя потоками конницы – один хлынул вдоль побережья, флажковой азбукой и фонарями переговариваясь с идущими в том же направлении эскадрами, второй, то рассыпаясь растопыренными пальцами, то вновь собираясь ударными клиньями, пошел на столицу, попутно выясняя политическое лицо и лояльность местных баронов и в случае необходимости меняя первое самыми радикальными средствами, а вторую усиливая теми же методами. Два полка гвардейской конницы, замешанные в заговоре и сдуру выступившие наперерез, Гарайла остановил на левом берегу Аки, опрокинул, загнал в пойму и разбил вдребезги в жестокой двухчасовой рубке. После чего армия под ногами Черного Князя уже не путалась, благоразумно сложив оружие. Столицу заняла ронерская морская пехота, после чего открытое сопротивление как-то само по себе прекратилось. Ну, а вслед за лихой кавалерией степенно и неторопливо вошла пехота – в сопровождении изрядного числа полицейских агентов и людей из Багряной Палаты.

Практически одновременно, вот совпадение, вот сюрприз, в столице Балонга Магере произошли прискорбные беспорядки. Часть тамошних титулованных обывателей (в том числе два Патриция Круглой Башни), возмутившись против прежнего руководства, объявила о его низложении ввиду неумелого ведения дел, финансовых злоупотреблений и политических промахов, способных опять-таки привести к громадным убыткам. Немногочисленная армия, никогда не воевавшая с внешним супостатом и служившая лишь для поддержания внутреннего порядка, также оказалась расколотой, и на улицах столицы закипели схватки.

Началось все это ранним утром, а к полудню в события решительно вмешались войска, принадлежавшие к нескольким государствам, но выступавшие под знаменем хелльстадского короля. Чтобы восстановить порядок и пресечь ненужное кровопролитие, они высадились с военных кораблей, которых почему-то оказалось очень уж много в гавани. На рейде палили холостыми зарядами фрегаты и корветы, в заливе Даглати и по берегам всех четырех рукавов Итела высаживалась морская пехота, повсюду распространяли отпечатанный огромным тиражом манифест, сочиненный герцогом Лемаром, но подписанный, понятное дело, Сварогом. Как всегда в таких случаях бывает, вынужденный наводить порядок король скорбел о напрасных жертвах и обещал нешуточное процветание вкупе с защитой старинных вольностей. Вышедшие из

подполья агенты Интагара и графа Рагана дирижировали этой умело налаженной суматохой.

К вечеру столица была в руках Сварога. Его генералы не могли, конечно, с ходу разобраться в секретах набитой золотом Круглой Башни и не менее интересного здания, пятиэтажного Дворца Золотых Пчел, где в сотнях железных ящичков хранились заемные письма и ссудные договоры – кладезь информации, позволявшей очень многим крепенько взять за глотку как в подвластных Сварогу державах, так и в тех, что были этого счастья пока что лишены. Однако в руки господ из тайной полиции попало достаточно народа, посвященного во все тайны обоих хранилищ, а уж разговорить их – вопрос исключительно времени и опыта...

Патрициев Балонга подвели как раз тысячелетние традиции и надолго затянувшееся безопасное житье. Их попросту никогда никто не завоевывал. И когда это наконец произошло, сопротивляться по-настоящему не сумели, не знали толком, как это делается. Сварог чересчур уж быстро ворвался в игру, его не успели изучить и привыкнуть к новомодным методам...

Примерно так же обстояли дела с Вольными Манорами, привыкшими за долгие столетия, что завоевывать их так же неприлично, как дворянину выйти на люди без шляпы. А посему Свароговы войска прошли по карликовым государствам, нигде не встретив серьезного сопротивления. По большей части дело ограничивалось тем, что передовые конные отряды влетали в ту или иную столицу, объявляли, от чьего имени они действуют, разбрасывали сработанные тем же Лемаром манифесты, поражавшие красотой слога и убедительностью, и с ходу подсовывали ошарашенному властелину договор о вассальной присяге. Случались и стычки, кое-где перераставшие в настоящие бои, но исход везде был одинаков.

Немного увлекшись, господин маршал гвардии перешел границу Святой Земли (где из-за слабости Вольных Маноров никогда не держали большого войска наследники отца Патарана) и, не объявляя официально войны, в трех местах вышел к Лаварону. Сварог отправил ему на самолете гонца с устным приказом не зарываться, но и не отступать до особого распоряжения.

Дипломатических нот пока что не последовало – из-за того, что все разворачивалось слишком быстро, и привыкшие рассуждать по старинке господа дипломаты не успевали за молниеносными переменами. Налаженная за тысячелетия система военно-дипломатических противовесов, традиций и установлений рухнула в одночасье – что Сварога не особенно и беспокоило. Вдумчиво проконсультировавшись со знающими людьми, он ухитрился не нарушить ни одного писаного закона империи, а в Виглафском Ковенанте (созвать который рано или поздно придется) у него было отныне пять голосов против трех, что превращало означенный Ковенант в сущую комедию...

И сейчас он, не отвлекаясь на пустяки вроде неизбежных трений с соседями и предстоящих жарких диспутов в Канцелярии земных дел, где его небесные недоброжелатели обязательно будут интриговать и скулить, занимался гораздо более важным делом – внимательно изучал составленный лейб-писарями указ о переносе столицы в Латерану.

Собственно говоря, он не придумал ничего нового – в земной истории такое не единожды случалось. Переноса столицу на новое место, одним махом избавляешься от множества проблем, отягощающих жизнь каждого короля. В

Латерану можно будет взять только тех, кому доверяешь, тех, без кого не обойтись. Будет меньше назойливых царедворцев, чиновного племени – и уж почти не будет тех, кто знает и помнит, кому король Сварог обязан иными тронами... Многое можно начать с чистого листа. Ну и, наконец, очень уж ему нравилась Латерана... Прекрасный город, судя по альбомам Анраха, описаниям путешественников и просмотренным видовым фильмам.

Держа на весу хрусткий пергаментный лист, он медленно прочел про себя полный список своих нынешних титулов. Неплохо для затурканного майора ВДВ, надо сказать...

Сварог Первый Барг, король королей, король Хелльстада и Хорена, Демура и Коора, Глана и Ронеро, Снольдера и Улада, Великий герцог Харланский, герцог Ямурлакский, барон Готар, князь Рут, князь Чедир, князь Инес, ярл Стенима и Галевина, Баррадина и Канира, Генерал-Старшина Ганзейской Палаты, Первый Патриций Балонга, Высокий Покровитель Вольных Маноров. И это все о нем, господа мои, и это все о нем...

Он до сих пор еще не привык к мысли, что большая часть изображенного на огромной карте в три краски континента находится под его властью. Но к таким вещам люди привыкают быстрее, чем кажется...

Прижав к пропитанной синей краской подушечке Большую королевскую печать, Сварог уже довольно сноровисто прижал ее к историческому документу. Оттиск получился четкий, без малейшего изъяна.

За окном смеркалось, солнце уже село, и темные лагаварские ели в парке казались черной стеной. Распахнув высокую, сплошь застекленную дверь, Сварог вышел на мраморный балкон, в вечернюю ясную прохладу. Поднял голову, не в силах избавиться от противного ощущения: казалось, где-то внутри холодит странная заноза, и непонятно даже, где. Но ощущение не из приятных.

Высоко над острыми верхушками елей светилась тусклым алым пятном заметно увеличившаяся в размерах Багряная Звезда, которую, кроме него, мало кто был способен увидеть.

Она приближалась к Талару все это время в полном соответствии с законами небесной механики.

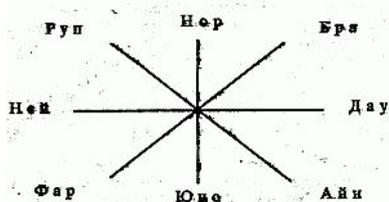
Она приближалась.

ГЛОССАРИЙ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма – ибо какое-то время его затухающие волны все прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерийум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление – так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов – 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле – 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня – 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане – 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев – Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц – из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса – канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии – свои праздники.

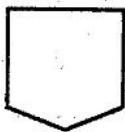
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов – для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

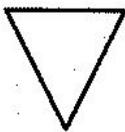
1. Дотир

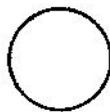
2. Джунарг

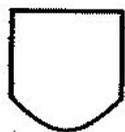
3. Даугар

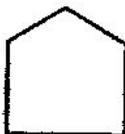
4. Дроглор

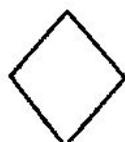
5. Домблон

6. Дегаар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблona.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта.

Лоран – горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан – «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер – желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро – горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан – горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот – белое полотнище с черным солнцем.

Шаган – вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур – горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля – фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг – синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза – темно-синее полотнище с белым кругом. В круге – черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый – мудрость. Зеленый – надежду. Черный – упорство. Красный – отвагу, жизненную силу. Желтый – богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран – дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой – три золотых кольца. На синих – по золотому якорю.

Харлан – дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах – по коричневому мечу острием вверх. В коричневых – по белому мечу острием вверх.

Снольдер – даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита – золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро – даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей – золотая лилия, на черной – Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан – дегоар. Щит – черный с золотой каймой. В центре – золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам – золотые цветы чертополоха.

Горрот – домблон. На белом фоне – черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган – дроглар. На синем поле – золотой колокол.

Сегур – дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя – золотой парус на зеленом поле, нижняя – пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне – черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

Прочие гербы

Святая Земля – дуарат. На зеленом поле – золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг – джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями – золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза – дрогмор. На темно-синем фоне – красная ладонь.

Короны Виглафского Ковенанта

Лоран – корона закрытая. Обруч шириной в два джайма с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого – рубин, огранный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан – обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью огранными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер – корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках – по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками – по три бриллианта, огранные «розой». Впереди, надо лбом, – золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов). Зубцы отсутствуют.

Ронеро – корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка – рубин, огранный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан – корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 – в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца – рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, – желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот – корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена – рубин, огранный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых – солнце, выточенное из черного опала.

Шаган – корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех – огранные рубины, у основания четырех – огранные изумруды.

Сегур – корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев – огранные сапфиры.

Прочие короны

Корона Великого Магистра Святой Земли – открытая. Обруч шириной в

джайм. Впереди, надо лбом, – крылатый диск с неограниченным рубином в центре, на противоположной стороне – крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра – она из железа.

Дворянские короны и титулы

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны – потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых – миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови – потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона – обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона – обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона – обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона – обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза – обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого – прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Майоров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.
2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) – золотые шпоры и золо-

тую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) – золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций – золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен Гонзак (3627 Х. Э. – ?) – скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Майоров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы там ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «дикуватых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О титулах, сословиях и многом другом

(Письмо третье, реверена Гонзака)

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские – воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля – это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы – это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оногo наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей

изящно выгравирована мифологическая птица Сирии, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят-ся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней – разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества – подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит – Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки

на собственных судах – но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

Золотые гильдии

1. Оружейников (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувов (цехи: Стеклодувов, Стеклопосуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

Серебряные гильдии

1. Кораблестроителей.

2. Моряков.

3. Речных матросов.

4. Мастеров изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псаря.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики – дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеров (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

Бронзовые гильдии

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.
4. Почтари и телеграфисты.
5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеводы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

Медные гильдии

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

Железные гильдии

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетеры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям – со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем,

изошренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих – ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, – увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней – эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые – в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров – гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершенно шуточки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лест-

нице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл – человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видется со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует за костелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин – люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашаются, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же – рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О купеческом союзе, именуемом Ганза

(выдержки из шестого письма реверена Гонзака)

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств – процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, – не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против

Ганзы ждать не приходится – ибо не случилось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего – как это было с Сандоварским Уложением. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров – одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные – не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеет. Те из ронинов (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда – что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О загадочной и поразительной стране Иллюзор

(письмо седьмое реверена Гонзака)

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накопле-

нии знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, – мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой – к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изоэтрности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, – тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо – ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, – суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых – где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь – ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкой. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первоначальном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности – но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто – написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где

бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда – во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко – звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит – знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О крае, именуемом Святой Землей

(выдержки из восьмого письма реверена Гонзака)

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников – ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось презрительно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне – они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлени-

ем роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

Некоторые заметки о военном деле

(выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака)

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск – например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск – например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, – а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» – древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спе-

сивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти – все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций – они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых – всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), – одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший – ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще – полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», – там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам

войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, – то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов – тисовые, для полковников – виноградные листья, а для генералов – дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое – дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, – ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими – капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше

обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой – на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов – таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро – адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране – адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов – один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний – Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов – и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься – я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено – лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после

десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей – и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей – и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы – благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик – лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места – да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет – лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные – рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

Некоторые заметки о морских островах

(выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака)

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство – моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител – есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, – а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь – Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них – что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров, и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах

останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой – от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна – оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плутом, а большая – рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевоза убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Де-

мур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьёу Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром – каковой,

очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур – последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур – землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур – права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны – или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадле-

жит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что по купеческой привычке это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько – замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака – таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу – и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», – фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов – из них более всего известны венис и бакан. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего – разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О городах

(выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака)

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые – королю, а третьи – вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит

в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном – власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой – поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар – фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон – твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты – крученный шнурок.

Капарат – круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана – фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах – излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила – матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» – твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами – форменный головной убор военных моряков.

Буниль – остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль – вязанный колпак, украшенный лентами.

Виклер – форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон – твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка – остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол – короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* – более длинный, почти до колен. *Колет* – камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) – одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы – как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого – Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью – от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ – в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремы осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремы»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, – самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремы. По старинке богине поклоня-

ются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел – те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми – кошка.

БРИГИТА – богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует – лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ – самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини – крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Ма-

тери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался – ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС – бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса – исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ – бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей – и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) – бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился – главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы

сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки – с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри – статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славились прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сивланским обычаям, служители Симаргла – исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак – их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку – грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла – военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь – три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл – покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС – бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога – исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени – взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» – лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» – старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА – так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье – Сет-Змеенос, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совер-

шаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Колонный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Майоров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 – к капитанам, 11—12 – к лейтенантам, 13—14 – к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» – 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты – круглые. Для Бран Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской

Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медный гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты – круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» – монета в 7 статов.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» – монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шатан

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав – круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты – круглые, балиган – семиугольный, пятерик и семерик – семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты – прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты – круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрас-

тающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные – в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные – все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты – золотой и серебряный дالر.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы – серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрут, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце»

(награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок»

и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов.

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный?)

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скращенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шатан

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедр.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней – «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Майоров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

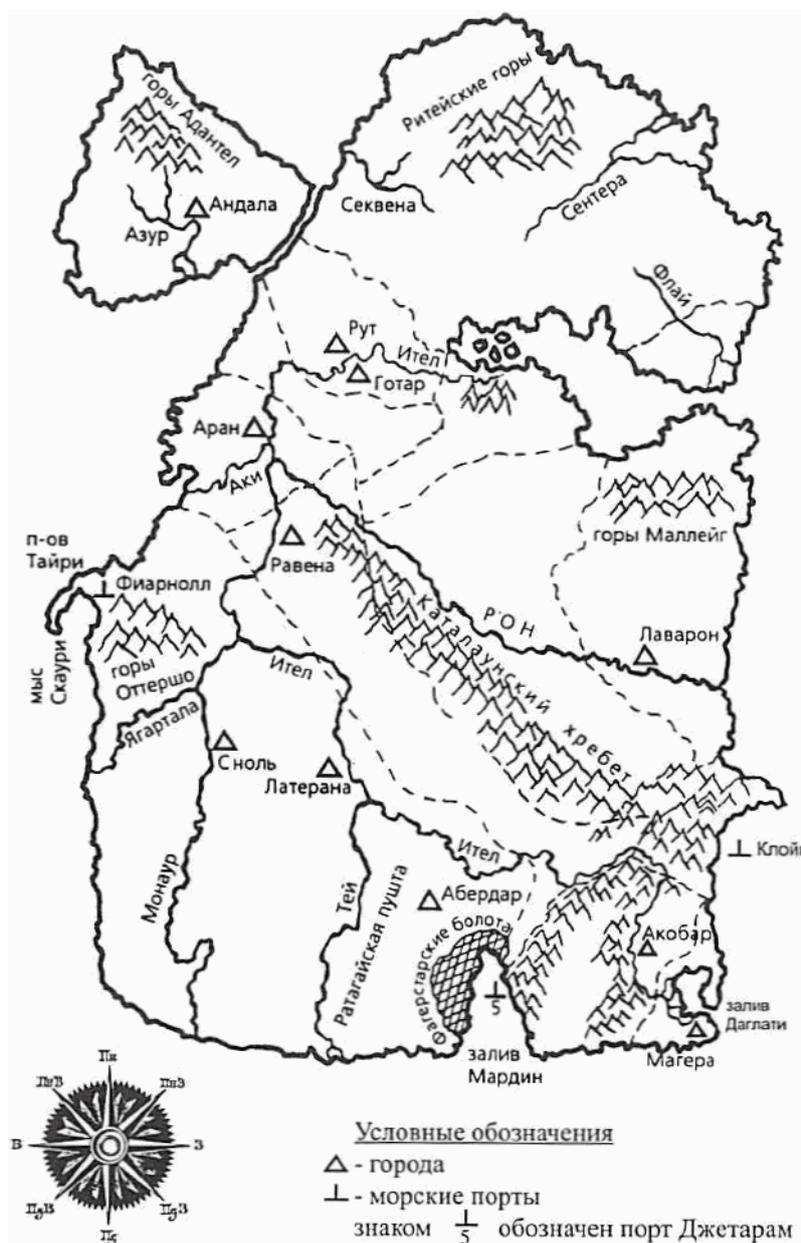
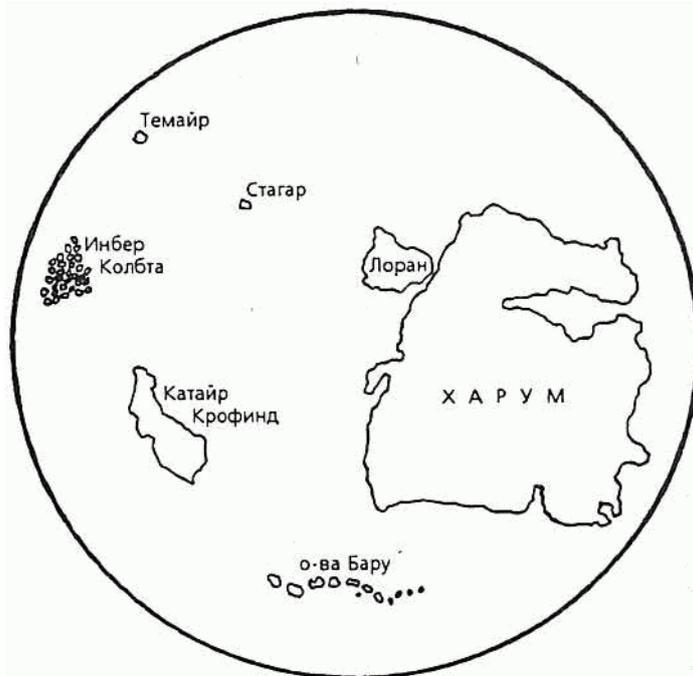
Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Приложения

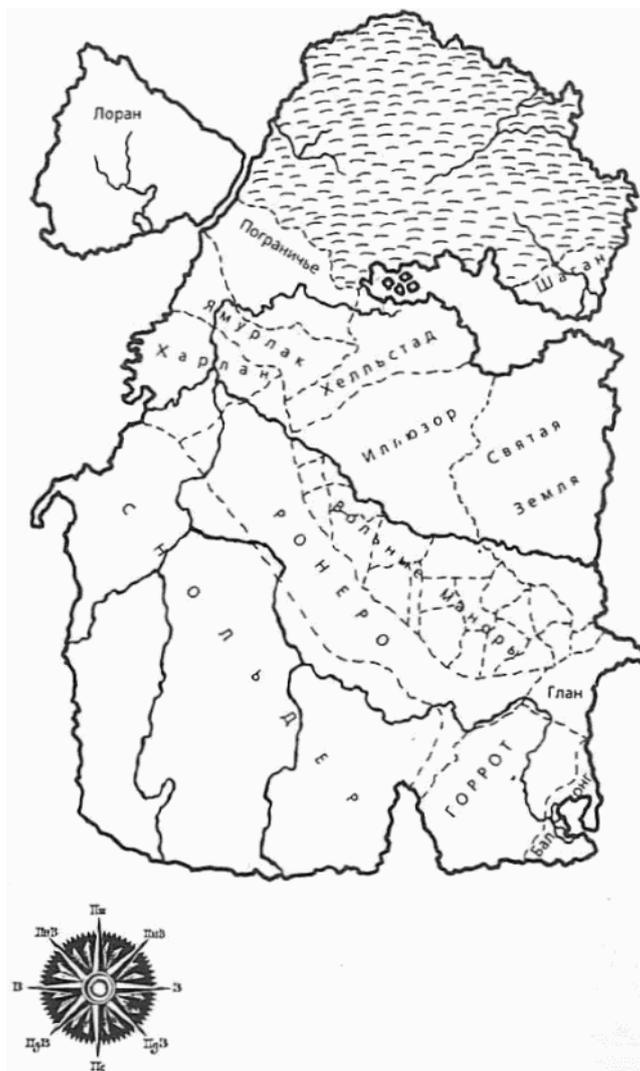
Планета Талар. Полушарие заката

Планета Талар. Полушарие восхода Физическая карта континента Харум

Политическая карта континента Харум

**Александр Бушков
Железные паруса
(Сварог – 4)**

*Небо над его страной плыло
на железных парусах.
Ст. Лем «Триолет»*

Глава первая

Король на прогулке

Еще гремела где-то на закатной окраине города заполошная мушкетная пальба, чересчур беспорядочная для регулярного боя по всем хладнокровным правилам. Еще болталась на шпиле ратуши простреленная шальной пулеметной очередью горротская «клякса», до которой пока что не дошли руки. Еще отстреливались засевшие в построенном на века купеческом складе какие-то то ли дураки, то ли оптимисты, и против них с азартными матерками спешенные Синие Драгуны уже выкатывали полковую пушку, гремя ее окванными колесами по брусчатке. Еще бессмысленно носились, сами не зная куда, кучки верховых из разбитого на границе и отступившего сюда в совершеннейшем беспорядке полка каких-то егерей, то ли Красных, то ли Малиновых, леший их там поймет, некогда вдумчиво разбираться в геральдических оттенках и колерах...

Все это были судороги, агония, последние трепыхания курицы с отрубленной головой. Лихая кавалерия скандально известного короля Сварога на третий день вторжения в Горрот наконец-то одержала первую серьезную победу – после успешных пограничных сражений, проскочив, не останавливаясь, полдюжины захолустных городков, не имевших даже гербов, заняла приличных размеров коронный город, к тому же центр провинции. По всем меркам это был нешуточный успех, повозиться пришлось на совесть – особенных укреплений тут не имелось, но здешний гарнизон оказался вовсе не декоративным, что по количеству, что по качеству, и ломали его сопротивление с полудня до самого вечера.

После чего, как и полагается по законам войны, состоялся въезд короля в покоренный город. Въезд, впрочем, был лишен особой торжественности и пышности. Сварог ехал на своем черном Драконе (том самом, гланском) посреди широкой улицы, застроенной одноэтажными неказистыми домишками градских обывателей невеликого достатка, с огородами, клумбами в палисадничках и сохнувшим на веревках бельем. Здоровенный малый в чине штандарт-капрала, пыжась от гордости, вез за ним малое походное знамя без королевской короны на навершии – поскольку это была не «объявленная война», а «боевой набег». Штандарт-капрал впервые в жизни выполнял столь ответственную миссию, он вообще впервые оказался на войне, и потому, как это всегда с новичками бывает, едва не лопался от захлестывающих его эмоций. Примерно так же выглядел и Элкон – в изукрашенной золотыми насечками кирасе, в сверкающем новехоньком рокантоне, с устрашающим набором пистолетов за поясом и мечом на роскошной перевязи. Косясь временами на эту колоритную парочку, Сварог откровенно ухмылялся. Мара, наоборот, выглядела унылой – ей чертовски хотелось затесаться в любую из многочисленных заступающих схваток, но Сварог не отпускал, рассудив, что в этой мелочевке и без нее обойдутся, а из девчонки пора воспитывать серьезного государственного деятеля или толкового офицера.

Вдоль низких заборов, бдительно зыряя во все стороны, держа руки на эфесах палашей, скакали удальцы из Медвежьей Сотни и ронерские ликторы еще Конгеровской школы, старательно прерывая не только его королевское

величество, но и Леверлина с Анрахом. Двое последних, правда, вовсе не выглядели перепуганными штафирками – первый видывал виды и похлеще, а второй в молодости служил в гвардейской кавалерии и прошел не одну кампанию. Зато замыкавшие кавалькаду полдюжины чиновных холуев из Министерства двора, в чьи обязанности входило благоустраивать королевский быт, где бы государь ни пребывал, ежились и вжимали головы в плечи при каждом отдаленном выстреле – народец был совершенно не военный, ошалевший от страха и суровости обстановки. Сварог им нисколечко не сочувствовал – не все же время просиживать штаны в уютном и безопасном королевском дворце, хапая чины и регалии, пусть впервые в жизни попробуют настоящей жизни, байбаки тыловые.

Заметив непонятную суету справа, на обширном дворе с какими-то амбарами и штабелями бочек, он легонько потянул двумя пальцами широкий повод, толкнул конский бок левым коленом, и умница Дракон, отлично выезженный, свернул в ту сторону, остановился. Сварог присмотрелся, встав на стременах. Разочарованно покривил губы, с маху вникнув в ситуацию, довольно обычную на войне.

Двое Вольных Топоров держали за руки девушку в синем горротском мундире, с пустыми ножнами на поясе, а третий неспешно и сосредоточенно обрывал с ее кафтана медали, лейтенантские золотые жгуты, какие-то начищенные подвески, прочие мундирные причиндалы. Еще полдюжины полукругом стояли вокруг, нетерпеливо теребя пряжки поясов и подавая насквозь деловые советы. Одним словом, Сварог воочию наблюдал впервые в жизни одну из здешних неприглядных реалий, проистекавших из убеждения, что война – сугубо мужское дело, и всякая нахалка, рискнувшая натянуть военный мундир, должна быть готова к тому, что ее при случае используют по прямому назначению, утверждая пресловутое мужское превосходство.

Затрахают девчонку, подумал он с вялым, мимолетным сочувствием. Дело так не оставят, в обоз уволокут, знаю я Топоров. Ну, в конце концов, всех не пережалеешь, негоже с маху ломать вековые традиции, не нами заведено, не на нас и кончится. Король к таким вещам должен относиться философски.

Он хотел было дать Дракону шенкеля, но встретился с ней взглядом. Лицо белое, как стена, обрамленное рассыпавшимися черными волосами, а в глазах такое отчаяние, что неуютно становится. Чем-то она напомнила Сварогу Делию, хотя была совершенно на нее не похожа.

Морщась от стыда за собственную, неуместную для серьезного короля слабость, он все же остался на месте. Обернулся, кивком подозвал мгновенно подскакавшую Мару, дернул подбородком в сторону двора и кратко, веско распорядился:

– Безобразие пресечь. О девушке позаботиться.

Мара всмотрелась, кивнула, развернула своего гланского каурога и послала его вперед, через изгородь – в великолепном прыжке с места. Погнала коня прямо на зрителей, и те торопливо брызнули в стороны (на Мару кое-какие вековые традиции не распространялись, о ней многие тут были наслышаны и относились с боязливым уважением). Сварог, не сомневаясь, что все будет в порядке, поехал дальше как ни в чем не бывало. Он уже вполне привык к тому, что все его приказания исполняются в точности и моментально – давненько над этим трудился, без жалости отсеивая нерасторопных и непонятливых.

Трон – дело деликатное, дашь слабинку – не заметишь, как тебе на шею сядут и ножки свесят...

Отъехав в окружении приближенных, он самую чуточку пожалел о глупой филантропии. Гуманист слюнявый, раздраженно попрекнул он себя. Когда земляки этой паршивки каким-то неведомым образом обрушили на королевский замок в Клойне воду с ночных небес, погибло человек сто, в том числе и такие вот девчонки, разве что не благородных кровей, причем не военные во все – служанки, поварихи, швейки. Стоп, но ведь эта – ни при чем? А кто знает? Ладно, не возвращаться же, повезло дура, так повезло...

Выехав за город, он остановил коня в чистом поле. Вокруг простиралось самое настоящее вольное раздолье – с возвышенности, на которой помещался город, зеленые равнины отлого спускались вниз, превращаясь в живописные долины с кудрявыми перелесками, сжатыми полями, небольшими деревушками, старинными руинами, извилистыми медленными речушками, озерами, ветряными мельницами. А справа и слева у линии горизонта виднелись зубчатые синие полосы гор. Вид открывался великолепный и необозримый, но Сварога не интересовали сейчас красоты природы. Он с радостью отметил, что на многие лиги вокруг, как ни взглядывайся, не заметно ни малейших признаков перемещения войск – не пылят колонны по дорогам, не сверкает солнце на остриях пик и лезвиях гуф, не катят артиллерийские запряжки. Войсковая разведка порой попадает пальцем в небо, но на сей раз ее донесения поистине полностью соответствовали – горротских войск поблизости не было.

Завтра, следовательно, выступаем в поход. Не нужно быть князем Гарайлой, чтобы сообразить: эти равнины идеально подходят для быстрых перемещений конницы. Сварог прекрасно помнил карты этих мест. Равнины здешние, крестьянские края с россыпью деревушек, тянутся далее лиг на восемьдесят, а вот потом... Потом придется потрудиться. Там, впереди – еще один перевал, прикрытый крепостью, которую ни за что не обойти по диким горам. Придется крепость обкладывать по всем правилам военного искусства. Через день-другой подтянется пехота на реквизированных повозках, саперные легионы, осадная артиллерия, да и два десятка бомбардировщиков ждут приказа на той стороне границы. Так что посмотрим... По большому счету, это все же не война, всего лишь с размахом устроенная разведка боем, но именно так и задумано – настала пора проверить на прочность короля Стахора и его войско, поквитаться немного и за летающую ночью водицу, и за собак, оборачивающихся клубками ярого огня... Только случай спас его в Клойне, горротцы всерьез намеревались его убить, так что слюнявая болтовня о неспровоцированной агрессии неуместна...

Пока что не было никаких *странностей*. Война, как война, стычки, как стычки. Сварог вдобавок к прочим задачам всерьез озаботился боевым слаживанием полков из разных своих королевств – полк снольдерских конногвардейцев, полк ронерских, отряд из Глана и три сотни Вольных Топоров с Шедарисом во главе, а командует всеми князь Гарайла, потому что лучшего и не найдешь, когда речь идет о конных вторжениях. Не стоит зарываться, пытаться откусить кусок шире морды – подтянем войска, осадим крепость, проведем парочку штурмов, а там будет видно. Если не завяжем надолго, можно и рвануть через перевал – за ним снова начинаются обширные равнины, а на равнинах Кентавру Кривоногому и его бешеной коннице нет равных, по ту сторо-

ну границы стягивается еще десяток кавалерийских полков. А что до *странностей*... Вряд ли Стахор рискнет среди бела дня устраивать какую-нибудь непонятную пакость вроде исполинской капли. Собака-поджигатель, правда, объявилась при осаде Корромира светлым днем... Но это была не более чем собака, а против нескольких тысяч кавалеристов потребуется что-то гораздо более масштабное...

Загоняя беспокойство поглубже, он выпрямился в седле. Чтобы доставить удовольствие свите, приосанился, добросовестно обозрел окрестности орлиным взором из-под руки, величественно и степенно – вылитый полководец со старинной мозаики, знай наших...

Обернулся, кивком подозвал Элкона, когда тот подъехал, тихонько спросил:

– Ну что?

– Абсолютная тишина, командир, – так же тихо ответил Элкон. – Все детекторы молчат. Ни проявлений магии вокруг, ничего-то, пусть и не магического, но... нестандартного.

У Сварога чуточку отлегло от сердца, он кивнул. Юный сподвижник был взят в поход по сугубо деловым причинам – он прихватил с собой несколько компактных и мощных приборов, способных засечь иные *странности*. Это, конечно, напрочь противоречило очередным писаным и неписаным правилам небесной бюрократии, но наябедничать *наверх* вроде бы некому, да и положение Сварога при дворе позволяет ощутимо вольничать.

Он предпочел не думать о том, что ту ночную *капелюшку* не засек ни один прибор – не стоило заранее настраивать себя на плохое.

Позади послышался стук копыт. Сварог обернулся величественно, как и подобает победоносному королю. На полном галопе подлетел юный ронерский лейтенант, сиявший, как новенький аурей, широкой улыбкой триумфатора, размашисто отдал честь:

– Государь, князь Гарайла докладывает, что сопротивление противника сломлено совершенно! Ваше величество ждут в ратуше!

Сварог кивнул и повернул коня. Все правильно, мальчики, подумал он. Не стоит вас одергивать и расхолаживать. Пыжьтесь сколько душе угодно. Ощущайте себя частичкой победоносного воинства, это воспитывает в нужном духе...

В городе уже не слышалось выстрелов, суматоха утихла. На шпиле ратуши, как и подобает в данной ситуации, развевался хелльстадский штандарт – черное полотнище с золотым силуэтом Вентордерана. Абсолютно законный флаг, с соблюдением всех формальностей зарегистрированный и в Геральдической Коллегии, и в Канцелярии земных дел, внесенный во все бюрократические реестры. Сварог отправился в поход под этим именно флагом, чтобы было *жутчее*. Тактика себя оправдала уже не единожды – и при занятии Балонга, и в Вольных Манорах. Следовало эксплуатировать сложившуюся за тысячелетия пугающую славу Хелльстада, пока еще действует страшилка...

Он откровенно осклабился, вспомнив, какой именно герб выбрал для Хелльстада. Сине-зеленый дотир (извечные цвета воздушно-десантных войск покинутой Земли) и на этом фоне две вертикальные золотые полосы с золотой пятиконечной звездочкой меж ними. Проще говоря, майорский погон. Увы, никто здесь, кроме него самого, не мог оценить выдумку по достоинству,

но все равно приятная получилась шуточка. Герб тоже зарегистрирован чинчином...

Толпившиеся у входа солдаты встретили его восторженными воплями, к поводьям Дракона потянулась добрая дюжина рук. Ответив величественным поднятием монаршей шуйцы – еще один старательно отрепетированный перед зеркалом жест из необходимого королевского набора – Сварог приосанился и рывкнул:

– Ну что, орлы, дойдем до ихнего поганого Акобара?

Орлы ответили утвердительным ревом. Великое все-таки дело – пылкая и беззаветная любовь армии, подумал Сварог. Еще и оттого, что любимый армией король может цинично признаться, пренебречь мнением всех прочих слов общества. Он, не глядя, бросил поводья в чьи-то руки и, звеня золотыми шпорами, вошел в ратушу в окружении сподвижников, охраны и холуев – еще один исторический момент, хоть картину пиши, хоть монумент ваяй, хоть мозаику выкладывай...

К его некоторому удивлению, столпившиеся в углу вояки так и остались стоять спиной к своему королю. Тут было с дюжину гвардейцев и Топоров, а также Гарайла и Шег Шедарис в новехоньком капитанском мундире, каковой Сварог буквально-таки заставил его надеть после долгих уговоров. Помнивший о неприятном пророчестве Шег руками и ногами отбивался поначалу от любых офицерских чинов, являвшихся бы ступеньками к генеральскому званию – и Сварог в конце концов пригрозил, что вовсе перестанет брать его с собой на войну, нельзя же командовать отрядом, будучи в прежнем чине капра-ла...

Все собравшиеся здесь, как замороженные, уставились в угол, не по-обычному тихие. Бесцеремонно раздвинув парочку подданных, Сварог протолкался в первый ряд, присмотрелся. На его непросвещенное мнение, ничего особо интересного там не имелось – всего-навсего угол, отгороженный невысокой, ниже колена, железной решеткой не особенно и искуснойковки, в длину и ширину не более локтя. У стены, на щербатых каменных плитах, лежало нечто вроде ограненной стекляшки сочно-зеленого цвета, величиной с куриное яйцо.

Невысокий человечек в цивильном, стоявший впереди всех, определенно был бургомистром означенного города – судя по цепи с гербовым медальоном и соответствующими подвесками. Плюгавый такой, невидный, лысоватый, весь какой-то угнетенный жизнью – сразу чувствовалось, что не одно вторжение иноземного супостата тому причиной, что бургомистр чуть ли не отроду был записным меланхоликом. Ага, золотой пояс – дворянин. Ручаться можно, из захудалых – успешный, богатый и благополучный обладатель золотого пояса ни за что не вольется в ряды провинциального чернильного племени...

Ни на кого не глядя, он бубнил заученно:

– Итак, господа мои, это и есть знаменитый проклятый изумруд Гайтен, регулярно и неотвратимо приносивший несчастье владельцам совершенно независимо от того, каким способом они вступили во владение, была ли то беззастенчивая кража, честная покупка, случайная находка – или дарение. Семьдесят один владелец за последние сто лет, все скрупулезно подсчитано. Камень, да будет вам известно, вот уже двенадцатый год лежит на том самом месте, куда укатился, выпав из цепенеющих пальцев последнего владельца,

благородного маркиза Адельстана, зарубленного в двух шагах отсюда внезапно спятившим городским стражником. Самоцвет с тех пор никто так и не трогал из опасения, что простое взятие его в руку для перенесения может быть воспринято некоей неведомой злой силой, тяготеющей над камнем, как то самое вступление во владение. – Его скучное лицо озарилось бедной улыбкой: – Быть может, господа мои, среди вас отыщется смельчак и вольнодумец, не верящий в бабушкины сказки, и заберет изумруд себе? Вы все люди военные, храбрые и отчаянные, что вам стоит? Прошу покорно, вы всех нас чрезвычайно обяжете. Без церемоний!

В его голосе звучала неподдельная надежда.

– Ищи дураков, – пробормотал Вольный Топор за спиной Сварога. – Сейчас прямо разбежались...

Сварог протиснулся к случившемуся тут же мэтру Анраху, склонился к его уху и шепотом спросил:

– Не брешет бургомистр?

– Нисколечко, – задумчиво отозвался Анрах. – Все так и обстоит, как он рассказывал. Чрезвычайно поганый камушек, вроде вашего Доран-ан-Тега или Дубового Веретена, только наоборот. – Он вострепнулся: – Государь, у меня есть просьба...

– Чуть погодя, – сказал Сварог. – У меня тут неотложные дела...

Его так и подмывало, еще с утра, совершить что-нибудь историческое, но никак не подворачивалось случая. Вовсе уж бесцеремонно распахав бравых вояк – те, обратив наконец внимание на своего короля, торопливо расступились – Сварог присмотрелся, тщательно примерился. И обрушил на роковой самоцвет обух Доран-ан-Тега.

Заклятый изумруд с прозаическим дребезгом раскололся, раскрошился, на полу осталось пятно мутно-белесого крошева. Старательно очистив от него обух топора затянутыми в перчатку пальцами, Сварог стянул ее, бросил за загородку, обернулся к присутствующим и веско сказал:

– Пожалуй, это снимает проблему, а?

Присутствующие ответили тихим восторженным гулом. Бургомистр, пожав плечами, сказал уныло:

– Пожалуй что, пожалуй... Раньше-то никто не решался, а может, не додумались... Я так понимаю, вы и будете знаменитый король Сварог? И до наших убогих мест, выходит, добрались?

– Не наговаривайте на себя, – сказал Сварог непринужденно. – Не такие уж и убогие у вас места, судя по первым беглым впечатлениям – природа красивая, крестьяне старательные, как говорится, тучные нивы и пажити... Извините, так уж получилось. Сложилось устойчивое мнение, что вас давненько что-то не завоевывали, вот и пришлось... Вы, надеюсь, не в претензии?

Окружающие жизнерадостно заржали.

– Крепко опасаясь, что мои претензии во внимание приниматься не будут, – меланхолично поведал бургомистр. – Ничего не поделаешь, война – дело житейское. Но мне, как лицу, несущему ответственность за вверенный мне город и прилегающие места, как уроженцу сего города, этот город жалко, уж не взыщите...

– Вот это вы зря, милейший, – усмехнулся Сварог. – Мои солдаты – люди в высшей степени культурные, гуманные и утонченные, присмотритесь только

к их одухотворенным лицам...

Бургомистр печально пожевал бледными губами. Сварог, в общем, его понимал: достаточно было взглянуть на ближайшего к ним Топора с отрубленным в незапамятные времена правым ухом и парочкой страхолюдных шрамов на красной роже. Прочие физиономии тоже как-то не блистали поэтической утонченностью.

– Лет пятнадцать назад, во время последней войны, у нас стояли снольдерские мушкетеры, – уныло протянул бургомистр. – Прекрасно помню, как они с чердака ратуши сбросили буфет старинной работы, который сами туда каким-то чудом и затащили. Не буфет был, а настоящий антиквариат, теперь уж нет таких краснодеревщиков. Я уж не вдаюсь подробно во все прочее...

– Поменьше пессимизма, старина, – сказал Сварог небрежно. – Не путайте моих добротных витязей с буянами отжившей эпохи. Все будет хорошо. Приведем ваш город к покорности, присягу принесете, как полагается... Обещаю послабления, вольности... и все такое прочее. Мое величество строги, но справедливы, кого угодно спросите...

Он отвернулся, крепко взял за перевязи мечей Гарайлу и Шедариса, отвел в дальний конец обширного зала и сказал вполголоса:

– Вот что, сударики мои... Чтобы в городишке было тихо и благолепно. Ясно вам? Я его и в самом деле собираюсь взять под свою высокую десницу. На меня смотреть, а не под ноги! Я прекрасно понимаю – не романтик как-никак и не идеалист, – что справному солдату после успешного штурма следует чуток оттянуться... Не нами заведено, не нам и посягать на вековые традиции. Но чтобы аккуратно у меня! Чтобы это был именно чуток! Оставить в городе ровно столько войск, сколько необходимо для патрулирования и контроля. Остальных вывести на равнину и устроить лагерь. Кабаки не громить, а вежливо и деликатно выкатить пару-другую бочек с заднего хода и без молодецких воплей...

Гарайла скрупулезно уточнил:

– Надеюсь, платить за вино не обязательно?

– Мы же не извращенцы, маршал, – усмехнулся Сварог. – Чтобы за вино платить во взятом штурмом городе... Далее. Что касается прекрасного пола. Упаси бог кого обидеть какое-нибудь непорочное создание, единственную отраду души седовласых родителей... Уяснили нюансы? Вот прекрасно. Доведите эти нюансы до всеобщего сведения, и немедленно. Вешать буду на воротах, ежели что... Мы сюда пришли не разнузданными мародерами, а благородными избавителями здешнего трудолюбивого народа от тирании короля Стахора, его произвола и притеснений. Эту мысль тоже постарайтесь довести до подчиненных во всем ее благородном величии. Я на вас полагаюсь. Между нами говоря, я сам толком не знаю в деталях, что за кривды, произвол и притеснения чинил Стахор, но завтра с обозом придут три повозки печатных прокламаций сочинения герцога Лемара, там все подробно и цветисто изложено доходчивым и убедительным языком. Изыдите, орелики!

Сподвижники, таращась на него с искренней преданностью, отдали честь и заторопились к выходу.

– Ты был великолепен, – ехидно сказала Мара.

– Я всегда великолепен, пора бы знать... – рассеянно ответил Сварог. – Вот только устал, как собака. Найдется тут местечко, где умученный король может

голову преклонить и хлопнуть чарку без посторонних глаз?

К нему тут же бесшумно подкрался на цыпочках один из дворцовых холуев в чине советника, точнее, лейб-постельничего, если переводить на придворные чины, и, почтительно горбясь, сообщил:

– Ваше величество, все устроено, извольте проследовать. Приложили все усилия, насколько было возможно в походе...

Сварог направился было за ним, но, перехватив умоляющий взгляд Анраха, милостиво кивнул:

– Пойдемте, мэтр, расскажете, что там у вас наболело...

Он поначалу решил, что придется выходить из ратуши, но придворный указал на внутреннюю лестницу в противоположном углу. Подобострастно семеня рядом, скороговоркой доложил, что к ратуше, если любопытно его величеству, пристроен роскошно обставленный двухэтажный домик, где обычно останавливались прибывающие из столицы сановники, посланные по каким-то надобностям в эту пограничную глушь. Покои, само собой разумеется, со всем тщанием и недреманной бдительностью проверены на предмет коварных вражеских козней, причем ни малейших признаков таковых не обнаружено... Сварог благодушно слушал вполуха. Судя по тому, как лез из кожи лейб-постельничий, он рассчитывал на приличный орден по итогам победоносной кампании, или иное аналогичное отличие, пожалуй, следует озаботиться, украсить всю эту кучку холуев какими-нибудь бляхами. Не менее, нежели верность армии, королю необходима преданность ближайшей челяди – никогда не знаешь, как все обернется. Еще одна из тех досадных мелочей, которые нужно постоянно учитывать, хотя иные и поперек горла. Плюнуть бы на все и на пару недель затвориться в Вентордеране, с мимолетной тоской подумал он. Книжки полистать, побродить по сохранившимся от времен «до Шторма» зданиям. Просто отдохнуть. Но на кого же оставить разросшееся хозяйство? Куда ни взгляни – повсюду реорганизации, реформы, перестройки и нововведения, требующие постоянного монаршего присмотра...

Он вошел в комнату, несомненно служившую роскошной приемной заезжим сановникам, снял перевязь с мечом, поставил Доран-ан-Тег, прислонив его к золоченому столику, со вздохом облегчения плюхнулся в кожаное кресло и блаженно вытянул ноги. Повел рукой в сторону соседних кресел:

– Мара, мэтр... Садитесь, Анрах, рассказывайте, в чем у вас нужда и почему именно здесь вам что-то вдруг от меня понадобилось... Давайте, я сам попробую угадать, это будет хороший отдых от военных дел... Здешняя библиотека? Если она только имеется в этом захолустье... Я прав? Никаких сложностей. Все, что вам только приглянется для ученых занятий, конфискуем в два счета. Реквизиции, репарации... Говорите. Я пошлю с вами Топоров, этим ребятам с их милой привычкой грабить все подряд интересен сам процесс...

– Вы почти угадали, государь. – Мэтр Анрах ерзал и откровенно волновался, глаза его горели. – Это и в самом деле библиотека раритетов, но она не в городе...

– А где?

– Понимаете, лигах в пятидесяти к полуденному закату есть одно фамильное поместье... Графы Черенна, старинный, богатый род. Нынешний хозяин майората – с позволения сказать, страстный библиофил и собиратель старинных рукописей. Притча во языцах среди *настоящих* книжников и серьезных

ученых. Он лет двадцать собирает книги и рукописи, письменные раритеты, но в жизни не прочитал ни строчки. Библиотека ему нужна исключительно для того, чтобы ею *хвастать*. Другие хвастают любовницами, сворами охотничьих псов, собраниями драгоценностей или старинного оружия, а этот... Если бы вы знали, как его ненавидят! – Раскрасневшегося мэтра явственно передернуло от нахлынувших эмоций. – Денег у него куры не клюют, его люди рыскают по всему континенту, по Сильване, заявляются на все аукционы и торги, рыщут по распродажам, платят антикварам, чтобы первыми узнать о появившихся редкостях... Перебивают цены... И все эти сокровища потеряны для ученого мира, для научного обихода! У него собрано множество уникальных изданий, порой в единственном экземпляре, говорят, есть даже считающиеся бесследно пропавшими бумаги Асверуса и Гонзака... Грех не воспользоваться случаем. Мне понадобилось бы не так уж много солдат... Если бы вы знали, как это важно для науки!

– Примерно представляю, – сказал Сварог. – Я ведь умею читать, если вы запытавали, мэтр, как когда-то ссужали меня раритетами, еще в Равене... В самом деле, возмутительно. Собака на сене. Научный мир нам не простит, если не вмешаемся. Хорошо, я распорядюсь, чтобы вам дали «волчью сотню» и полдюжины повозок...

Мара негромко сказала:

– Ежели мне будет позволено вмешаться со своими скромными уточнениями...

– Валяй, – сказал Сварог, уютно развалившись в мягком кресле. – Я сегодня благодушен и милостив, даже ни единой головы не снес, сам себе удивляюсь... Излагай, боевая подруга.

– Замок укреплен? – повернулась Мара к мэтру.

– Ни в малейшей степени. Это просто загородное поместье, там нет ни дружины, ни серьезной охраны. В этих краях давненько не было войн, окрестные владельцы благодушествуют...

– Тогда нет смысла гнать туда сотню, да еще с повозками. Сотня всадников переполошит всю округу, а в окрестностях и без того народ напуган. Мало ли что... Вдруг этот гад дом подожжет, чтобы никому не досталось?

– Вы правы, графиня, от него этого можно ждать...

– Вот видите. Гораздо рациональнее послать небольшой отряд. С дюжину головорезов, лучше всего Шеговых Топоров, они к таким привычны. *Всю* библиотеку, я так понимаю, нам даже с сотней людей и повозками взять не удастся? Вот видите... Прихватим несколько вьючных лошадей...

Мэтр Анрах осторожно сказал:

– Простите, ваше величество, ведь нет твердой уверенности, что мы надолго удержим эти места?

– Никакой, – честно ответил Сварог. – У нас всего-то экспедиционный корпус, а не полноценная армия. Если против нас подтянут серьезные силы, придется отступать за рубежи...

– В таком случае, лауретта Сантор кругом права. Возьмем сколько удастся, самые уникальные экземпляры. У меня с собой подробный каталог – граф их спеси ради издает в великолепнейшем исполнении, я примерно представляю...

– Вообще-то я тоже могу поехать, – оживилась Мара. – Делать мне тут совер-

шенно нечего, а за мэтром следует присмотреть.

Анрах обиженно вскинулся:

– Лауретта, не забывайте, что я тоже был офицером конной гвардии, ходил в походы...

– Сто лет назад, – отрезала Мара со всей беспощадностью юности. – А сколько лет, как вы мундир сняли и над книгами корпите? Вот то-то. Ваше дело – коллекции, а мое – безопасность.

– Вообще-то, дорогой мэтр, она права, – сказал Сварог. – Если командовать возьмется она, я буду за всех вас совершенно спокоен. Уговорила, кошка рыжая. Отправитесь утром. Возьмешь пятнадцать Топоров, столько же вьючных лошадей из обоза, парочку пулеметов. С Шедарисом я завтра поговорю. А сегодня все наслаждаются заслуженным отдыхом...

Когда мэтр Анрах вышел, рассыпаясь в благодарностях, Сварог, чуточку подумав, подошел к высокому окну, распахнул тяжелую створку и выглянул, прислушался. На город уже опустилась ночь, окна нигде не горели – градские обыватели затаились по домам, пережидая смутные времена. Где-то неподалеку несколько полупьяных голосов красиво выводили «Хромую маркитантку», но, в общем, было спокойно и тихо – не слышно истошных воплей непорочных девиц, чья добродетель внезапно оказалась под угрозой, никто не бегает, взывая о помощи и милосердии, нигде не видно пожаров. Что ж, военачальники добросовестно выполнили приказ...

Затворив окно, Сварог облегченно вздохнул, потянулся и сообщил:

– Кто как, а я – дрыхнуть. Ты идешь?

– Да нет, – как-то странно улыбаясь, сказала Мара. – У меня еще куча дел. Без меня сегодня обойдешься.

Сварог пытливо взглянул на нее, пожал плечами, пытаясь доискаться до смысла этой загадочной и лукавой ухмылки, но в конце концов мысленно плюнул и ушел в спальню.

Направился к роскошной постели под тяжелым балдахинном, где по обе стороны изголовья ярко горели корромильские лампы из тончайшего сиреневого стекла. Если обнаружится, что от прежних постояльцев остались клопы – выволочка будет лейб-постельничим и гран-камергером, а не ордена...

Остановился с маху, недоуменно присмотрелся и мысленно возопил: «Что за черт?»

Поверх белоснежного атласного одеяла смиренхонько возлежала девушка, очаровательная и незнакомая, с роскошными черными волосами, стелившимися волной, в тончайшей ночной сорочке, досконально обрисовавшей великолепную фигуру. Лежала она совершенно неподвижно, вытянув руки вдоль тела, отчего сначала показалась куклой или маревом-наваждением, которое способны подпускать иные колдуны (Сварог и сам умел нечто подобное создавать, причем даже движущееся). Но тут же он углядел, что девушка дышит, темными глазами повела, уставясь на него напряженно, настороженно.

Он пригляделся получше. И понял, что он все же ее знает. Именно ее сегодня избавил от общения в амбаре с дюжиной Топоров. Только тогда она была запыхавшаяся, растрепанная, в мундире без пуговиц, оцепеневшая от смертной тоски, а сейчас выглядела так, словно над ней долго и вдумчиво трудились дворцовые искусники, «изящного украшения мастера», которые, между прочим, имелись в свите...

Прямо-таки задохнувшись от злости, он вывалился в прихожую, подошел к Маре, восседавшей на прежнем месте с легкой улыбкой на губах, ткнул большим пальцем себе за плечо и сдавленным шепотом осведомился:

– Эт-то что такое? У меня в койке?

– Ну, это... эта, – невозмутимо сказала Мара. – Которую ты от Топоров отбил. А что не так? Ломается? Сейчас исправим...

– Какого черта ты все это затеяла? – спросил он сердито, едва сдерживаясь, чтобы не наградить боевую подругу смачным подзатыльником, от коего звон пошел бы на всю ратушу.

Мара недоуменно пожала плечами:

– Мы думали, ты ее для себя приглядел. Ну, и соответственно... Свистнула я холуев, они ее выкупали, причесали, духами побрызгали, чтобы найти подходящую сорочку, перешерстили дюжину домов побогаче. Объяснили, что к чему и какая ей, дурехе, честь выпала. Приятная девочка, бери да пользуйся. Согласно вековым традициям военных обычаев. – Мара деловито уточнила. – Так она что, все же ломается? Я ее сейчас воспитаю...

И преспокойно направилась мимо Сварога в спальню.

– Стоять! – шепотом рявкнул Сварог. – Смирно!

Мара дисциплинированно вытянула руки по швам, недоуменно глядя снизу вверх, словно бы даже с нешуточной обидой. Сварог вздохнул – длинно, тоскливо, безнадежно. Одно он знал совершенно точно, в который раз убедился: какие подвиги ни совершай, хоть горы сверни, это все пустяки, а вот Мару ни за что не перевоспитать, не родился еще тот титан, богатырь, герой...

– Слушай, рыжее чудовище, – сказал он в совершеннейшем унынии. – Ты когда-нибудь научишься ревновать?

– А смысл? – дернуло плечом поименованное чудовище. – Все равно я у тебя одна такая, единственная и неповторимая, и наши отношения прервет только смерть... А если тебе вдруг приспичит завалить очередную случайную телку – дело житейское, к чему делать из этого драму и на голове скакать со скрежетом зубовным? Ну, так ты будешь ее пользоваться, или мы зря старались? Иди и присмотришь хорошенько, до чего аппетитная девка. Главное, начни, а там и не заметишь, как втянешься. Может, мне с тобой пойти? Советом помочь, поруководить?

Сварог помотал головой, старательно сосчитал про себя до десяти. Распорядился:

– Стоять смирно.

Вернулся в спальню, подошел вплотную к изголовью. Очаровательная военная добыча смотрела на него все так же настороженно, с тоскливой безнадежностью. Спросила:

– Подол задрать, или вы сами?

– А как же гордая нестигаемость? – спросил Сварог ядовито.

Она сердито поджала губы, после короткого промедления ответила:

– В конце концов, лучше с одним на атласе, чем с кучей солдатни. Придется перетерпеть. Король – это все же не так позорно, как если бы в амбаре с бродягами...

– Логично, – сказал Сварог. – Есть в этом своя правда... Встать.

– Что? – вскинула она искусно подведенные брови.

– Встать, – сказал Сварог спокойно. – И шагом марш отсюда. Дверь вон там.

Я кому сказал?

Недоверчиво косясь на него, девушка слезла с высокой постели. Осведомилась с некоторой вольностью:

– Не нравлюсь? Странно, они все так старались...

– У меня есть свои дурацкие предрассудки, – задумчиво сказал Сварог. – В жизни никого не принуждал. Мне хватает и тех, что готовы по доброму согласию. Ну, что стоишь?

Нетерпеливо взял ее за руку повыше локтя и повел к двери. В приемной, хмураясь под насмешливым взглядом Мары, распорядился не допускающим возражений тоном:

– Найди этой особе приличную одежду и устрой где-нибудь в безопасном месте.

– Слушаюсь, мой король, – ответила Мара безразличным тоном.

Прекрасная пленница покосилась на Сварога с задумчивым и непонятым выражением лица.

– Я вас умоляю, сдерживайте чувства, – сказал он, усмехаясь во весь рот. – Не нужно бросаться мне на шею и шептать слова благодарности, равно как и орошать слезами признательности мою богатырскую грудь. Оставим эти красоты поэтам и романистам.

– Благодарное же у вас настроение, – сказала девушка с ноткой строптивости.

– А почему бы и нет? – сказал он. – Благодарен, как все победители.

– А не рано ли?

– Поживем – увидим, – сказал он. – Начало удачное, вам не кажется?

– Но конец-то всегда в тумане...

– Это местная пословица?

– Это реальная жизнь, – ответила девушка не очень весело, но определенно с долей дерзости. – Кампания ведь только началась.

Мара нехорошо прищурилась:

– Что-то эта твоя военная добыча чересчур быстро осмелела. Определенно дерзит. Давай я все же позову Топоров? Мы же не звери, семи-восьми будет достаточно, устроят ей веселенькую брачную ночь, чтобы не корчила из себя...

Девушка смолчала явно ценой величайших усилий, помня все же, что она здесь не в гостях, но одарила Мару выразительнейшим взглядом – мол, сойтись бы нам в чистом поле...

– Отставить, – сказал Сварог. – Над пленными издеваться не годится. Будем благородны, как победителю и положено.

– Вот кстати, ваше величество, – сказала девушка серьезно. – Коли уж вы напомнили, что я пленная, не соблаговолите ли обращаться со мной, как надлежит по правилам войны? Все-таки я лейтенант конной гвардии... Верните мне мундир и распорядитесь отвести к остальным пленным.

– Где ее мундир?

– Валяется где-то тут, в чулане, – сказала Мара. – Пуговицы, правда, нет ни единой – пооборвали, когда ее в амбаре разложить собирались.

– Меня устроит и мундир без пуговиц, лишь бы он был мой, – сказала девушка. – А что до ваших подковырок, лауретта... искренне вам желаю не попасть в руки *нашим* гвардейцам, когда ваша доблестная армия очень скоро будет отсюда улепетывать сломя голову. Вряд ли с вас труднее стянуть штаны,

чем с меня...

– Наглая, спасу нет, – в полный голос сказала Мара Сварогу таким тоном, словно тут никого больше не было, кроме них двоих. – Может, все же свистнуть Топоров?

– Хватит тебе, – сказал Сварог. – Наша гостья – неглупая девушка. Она уже поняла, что с ней никто не будет обращаться по-скотски, и приобрела некоторую уверенность. И потом, она наверняка гордячка, вот и пытается, удерживаясь в рамках, все же показать сварливый нрав... – он повернулся к пленнице. – Улепетывать, говорите? Вот что я вам скажу, лауретта... Не соблаговолите ли назвать ваше благородное имя? Если только у вас нет причин его стыдиться...

– Ни малейших, – вздернула она подбородок. – Я – Далиана, графиня Слатеро. Живу в Акобаре, на улице Златошвеек.

– Очень приятно, – сказал Сварог. – А меня зовут Сварог Первый, уж позвольте без титулов... Так вот, дражайшая графиня, я обязательно приглашу вас в гости на бокал вина, когда возьму ваш Акобар. Не обязательно во время этой кампании, но, честью вам клянусь, вы не успеете очень уж состариться...

– Вы и в самом деле полагаете себя хозяином Харума?

– Если поразмыслите на досуге, быть может, согласитесь, что я прошел большую часть пути к этой цели, – спокойно сказал Сварог. – Честь имею, аудиенция окончена. Мара, проводи госпожу графиню. И смотри у меня...

– Да ладно, – фыркнула Мара. – Повинуюсь. Пошли, пленница, искать твои тряпки, пропахшие пороховым дымом и пробитые сотней вражеских пуль...

Не глядя им вслед, Сварог вернулся в спальню. Налил себе до краев «Кабаньей крови», взяв бутылку с богато сервированного предупредительными холуями столика, погасил обе лампы и сел в кресло у окна, приоткрыв створку, чтобы впустить ночную прохладу. Сделал большой глоток и расслабленно откинулся на мягкую высокую спинку.

Слышно было, как внизу, по брусчатке, тяжелым шагом прохаживаются часовые, во множестве отряженные беречь высочайшую особу. Удачно получилось, что окна выходили на ту часть небосклона, где не видно Багряной Звезды – а ведь она приближалась, она уже была настолько близко, что некоторые, пусть и не наделенные особыми способностями, но особо чувствительные к разнообразным небесным феноменам, начинали что-то такое *чувать*, уже пошли толки в народе, о чем прилежно доносила тайная полиция. И ведь это еще цветочки. Примерно через месяц, по точным данным, на нее начнут реагировать еще больше людей – в точности так, как на изменение атмосферного давления сердечники или на погоду – ревматики. А еще через месяц ее будут видеть все. И вот тогда...

Но Багряная Звезда, если откровенно, была не самой большой заботой. Еще и оттого, что никто не знал конкретно, чего от нее ждать, какие именно бедствия и напасти могут свалиться на голову. Страшных рассказней и жутких преданий кружило множество, и в обывательских пересудах, и в потускневших старинных рукописях, но точной информации не имелось. По крайней мере, даже Элкон, втихомолку шаривший по самым тайным компьютерным кладовым, до каких только мог дотянуться, ничего не нашел – да и Гаудин клятвенно заверял, что ничем подобным не располагает.

Была еще и другая загадка – не столь глобальная, касавшаяся его одного, но

именно оттого невероятно мучительная. Эти долгие, странные, до ужаса реальные сновидения, затянутые, логично продолжавшиеся, никогда не повторявшиеся. Сны о Димерее, о Граматаре, о девушке Клади, о броненосце «Серебряный удар». А теперь еще и о Каскаде...

В первый раз, когда *это* накатило, он едва не подвинулся умом – открыл глаза, увидел вокруг орду встревоженных лейб-медиков и сановников, не сразу и убедивших Сварога, что он более чем трое суток пролежал в каком-то странном оцепенении, не похожем, хвала Единому Творцу, на смерть, отравление, летаргию или магический удар извне – но и с обычным сном не имевшим ничего общего. Убедили, в конце концов, приведя кучу свидетелей из тех, кто не склонен шутить глупые шутки над своим грозным повелителем, предъявили газеты за три дня, отвели к главным дворцовым часам с точным календарем...

Он поверил – но с тех пор лишился покоя. Сны о Димерее были до ужаса реальны, он помнил массу деталей, самых мелких, каких обычно не полагается *нормальным* сном. У него ощутимо побаливало в тех местах, куда во время димерейских приключений приходились удары. У него еще стоял на губах вкус женских поцелуев, морской воды и обедов в харчевнях. Если суммировать воспоминания и ощущения, трудно отделаться от навязчивого впечатления, что за эти три дня оцепенелого беспамятства он и в самом деле *прожил* долгие недели в каких-то неведомых мирах...

Потом это повторилось – сны, ничуть не похожие на сны, полные мельчайших подробностей и реальных ощущений. И в третий раз. Теперь, наконец, нечто новое – Каскад...

Как он ни старался, не мог отыскать разгадку. Никто не мог помочь. Элкон во время долгих компьютерных странствий не отыскал в массиве фактов, легенд и непроверенной информации ничего хотя бы отдаленно похожего. Мэтр Лагефель разводил руками. Анрах недоуменно скреб в затылке, даже не оборачиваясь к своим книжным полкам. Гланские старухи, вещуньи и ведуньи, скрипя немногими сохранившимися зубами, сознались в своем совершеннейшем бессилии прояснить хоть что-то. Верная колдунья Грельфи твердила, что это неспроста (до чего же глубокая и оригинальная мысль! – горько усмехался Сварог), что Сварог, очень может оказаться, кругом прав, и эти сны в самом деле вовсе даже не сны, и она, точно, что-то такое *унюхивает*. Но и она не могла сказать ничего конкретного, ругаясь от бессилия почище пьяного драгуна, растерянно разводя руками, мучительно подыскивая в человеческом языке сравнения тому, что она чувствует – мол, отголоски далекого крика на пределе слышимости, неясная тень в небе...

В конце концов Сварог, обозлясь и отчаявшись, прекратил эту пародию на расследование к чертовой матери – еще до того, как столкнулся в очередном наваждении с ваффен-корами и йорг-капралами и оказался в постели с Миной, и пристукнул-таки зловещего монстра Визари, оказавшегося, впрочем, поганым самозванцем...

Быть может, во всей этой фантазмагии была повинна опять-таки Багряная Звезда. А может, в данном случае на нее грешили зря, и причина совершенно не в ней. Поди доищись...

Залпом осушив чарку, куда входило не менее полбутылки – его любимая чарка, из дворца, с выпуклыми драконами, настоящее ратагайское чеканное

серебро двухсотлетнего возраста, если и не сам Актараунтар, то кто-то из лучших учеников – Сварог вздохнул тяжело и жалобно, с нешуточной тоской. Я ничего не успеваю, признался он себе. Я не в силах объять необъятное, а в сутках, как ни бейся, по-прежнему всего двадцать шесть часов, и никакая магия не способна растянуть время. Остается неразобранной, даже не просмотренной бегло библиотека Вентордерана и неосвоенным даже на сотую долю его загадочный компьютер... да что там, я до сих пор не изучил Хелльстад досконально и представления не имею обо всех загадочных созданиях, что еще таятся по тамошним темным уголкам. Даже бумаги покойного Гинкера – всего-то невеликих размеров мешок вроде тех, какие носят судейские – передоверил Анраху. Даже нет времени вызвать, наконец, загадочного коня Горлорга, хотя дело это минутное, и Грельфи уверяет, что камень-хранитель жив, он *дремлет* в ожидании зова. Не выдалось до сих пор минутки поговорить по душам с Леверлином – а тот определенно что-то скрывает, достаточно вспомнить кусочек Древних Дорог, чьей тайной, оказывается, давным-давно владеет одно из тайных студенческих братств Ремиденума. За последнюю неделю так и не заглянул в свою свежее испеченную секретную службу, остается надеяться на Брагерта, а тот хоть и надежный малый, но вертопрах и шалопай...

И так во всем, чего ни коснись: руки не доходят, нет времени, некогда, недосуг, отложим на потом, до лучших времен... Время и силы отданы текучке, бытовухе: освоение Трех Королевств, *притирание* друг к другу всех подвластных ему держав, превращение их в единое *хозяйство* – финансы, армия, таможенные дела, торговые соглашения, устаревшие в новых условиях законы и регламенты, которые следует отменить, но никак не с бухты-барухты, и новые, для новых исторических условий; законы, которые опять-таки необходимо принять в сжатые сроки, что обещает новые хлопоты. И так далее. Лавина казенных бумаг, в которых нужно отделить серьезные дела от обычной чиновничьей блажи, череда просителей и прожектеров, сотни мелких, но жизненно необходимых решений, которые никто не имеет права принять кроме него, тысячи бумаг, которые без его подписи затормозят дело...

И ведь никуда от этого не денешься, не бросишь начатое на полдороге, не оставишь хозяйство. Не уйдешь в монастырь и не сбежишь в глухомань сажать капусту. Остается тянуть этот воз, горько вышучивая себя самого – за каким чертом понесло идиота в короли? Вот и теперь – логика событий требует устроить Горроту разведку боем, и никуда от этого не денешься. Он не бахвалился перед острой на язык пленницей – Акобар жизненно необходимо взять, Горрот следует разнести вдребезги. По очень простой причине, именуемой инстинктом самосохранения: история с разрушенным в Клойне королевским замком показала, что Стахор хочет его убить. А значит, рациональнее и выгоднее нанести удар первым, не дожидаясь от противника новых покушений...

Глава вторая

Каменные небеса

Как гласит ронерская поговорка, «Утро прекрасное – страхи прочь». Сварог лишний раз убедился, что народная мудрость, как ей испокон веков и положено, редко когда обманывает. Утро выдалось ясное, над острыми крышами свежезавоеванного города виднелась безукоризненная небесная лазурь удивительной чистоты. Судя по тому, что проснулся он в полном одиночестве, и не толпились вокруг встревоженные холуи вкупе с прихваченным в поход лейб-медиком, на сей раз обошлось без очередного трехдневного приступа непонятной катаlepsии, в продолжение которого его мучили бы очередные головоломные и до ужаса реальные приключения в неведомых мирах. Как ни странно, он ощутил легкий укол разочарования: во-первых, если вдумчиво рассудить, вреда от этих снов не было ни малейшего, а во-вторых, любопытно чуточку – чем же закончатся дела с Каскадом и настоящим Визари?

Выглянув в окно, он увидел, как внизу шагом проезжает экспедиция, отправляющаяся устроить под флагом высоких научных интересов самый обыкновенный грабеж. Мара впереди, на своем кауром, бодрая, веселая, олицетворение живости и деловитости, сияющий Анрах, примкнувший к ним Леверлин, что ж, в качестве ученого кадра выйдет неплохое подспорье мэтру, пятнадцать увешанных оружием Топоров с двумя пулеметами, полтора десятка вьючных лошадей. Перегнувшись через подоконник, Сварог крикнул:

– Эгей, слуги бескорыстного познания! Вы там не увлекайтесь особенно, по сторонам поглядывайте!

– Не первый раз замужем! – звонко откликнулась Мара, подхлестнула каурога, и кавалькада рысью скрылась в узких извилистых улочках.

Сварог смотрел им вслед без особой тревоги – в таких делах можно было полагаться что на Мару, что на Топоров, Шедарис наверняка отобрал лучших. А противник в округе пока что не замечен...

По своему всегдашнему обыкновению, ограничив королевский завтрак внушительной чашкой кофе с печеньем, он накинул мантию, привычно нахлобучил хельстадскую корону и, помахивая Доран-ан-Тегом, словно тросточкой, вышел в приемную.

И моментально подступили деловые будни военной кампании – с мягких кожаных кресел торопливо вскочили трое гонцов, пропыленных до того, что определить цвет мундиров не было никакой возможности. Сварог слушал рапорты, стоя в величественной позе. Все, как на подбор, донесения содержали исключительно приятные новости, показывавшие, что все пока, тьфу-тьфу, идет согласно расчетам. К городу уже подходили пехотные части и осадная артиллерия, а два конных полка, форсированным маршем шедшие из Абердара, были уже лигах в двадцати отсюда. Эскадра адмирала Амонда, усиленная гланскими кораблями, бросила якоря неподалеку от проходившей по Ителу границы меж Гланом и Горротом, готовая при получении соответствующего приказа двинуться вниз по реке, на Акобар.

Военная кампания на глазах приобретала масштабность и размах, превращаясь из простого рейда в серьезную войну. Ободренный этой мыслью, Сварог спустился вниз. Там стоял бургомистр с полдюжиной магистратов, все уны-

лые и задумчивые. Бургомистр обеими руками держал перед собой объемистый ларец из темного дерева с гербом города на крышке.

– Ага, давно пора, – сказал Сварог благодушно. – Что-то вы долго копались...

С печальным вздохом бургомистр открыл крышку и, сделав шаг вперед, протянул ларец Сварогу, занудно бубня приличествующую случаю бюрократическую формулу: мол, город с покорностью слагает к ногам победителя... надеясь на милость и благородство...

Присмотревшись к ключам от города – в количестве трех, – лежавшим на выцветшем зеленом бархате поперек длинного ящичка, Сварог почувствовал легонькое разочарование. Ключи оказались не золотыми и даже не серебряными – из потускневшей и местами покрытой зелеными пятнами бронзы, не особенно искусной работы. Сразу видно – провинция, пограничная глушь... И все же это были самые настоящие символические ключи от города, знаменовавшие покорность, и Сварог, пробормотав в ответ заезженную присказку о милостях и вольностях, принял ларец, громко захлопнув крышку, сунул его в руки следовавшему по пятам адъютанту. Укоризненно сказал:

– Плохо следите за символом города, господа магистраты. Поди, лет сто не меняли и в жизни не чистили? Подносили мне ключи и роскошнее, из чистого золота...

Бургомистр уныло забубнил что-то про недостаток финансирования со стороны столичных властей.

Сварог прервал:

– Ладно, обойдемся тем, что есть, мое величество не привередливы... Ну как, господа хорошие? Есть какие-нибудь признаки разрушений и грабежей, коих вы пессимистично опасались?

– Не наблюдается пока что, – честно признался бургомистр.

– Вот видите, – сказал Сварог. – А вы боялись... Я же предупреждал вчера, что мои солдаты – люди одухотворенные и утонченные...

– Вот только двадцать шесть бочек вина, как ведьма помелом смахнула, – пробубнил один из магистратов, крайний справа, такой пузатый и краснолицый, что не мог оказаться никем другим, кроме как виноторговцем с размахом. – В основном-то, по чести вам признаюсь, рядовая бормотуха, для градских обывателей, но они ж вдобавок укатили три бочки розового, пятилетней выдержки, припасенного для благородных гостей...

– Но кабаки-то целы? – прищурился Сварог.

– Кабаки-то целы, – вынужден был признать магистрат.

– Вот видите, – сказал Сварог. – Витязи мои – добрейшей души ребята, могли ведь и кабаки с землей сровнять, и служанок в лагерь уволочь, и контрибуцию наложить на владельцев... Не переживайте, судари мои. Двадцать шесть бочек на два конных полка полного состава и два отряда – это, скажу вам как знаток, суцкая капелька. Не видели вы еще, как гуляет моя морская пехота или там черные Егеря... В общем, ничего не попишешь. Неизбежные тяготы войны. Утешайте себя тем, что вы внесли свой небольшой вклад в борьбу против тирании короля Стахора, коего, надобно вам знать, мы решительно намерены свергнуть за произвол и полнейшее безразличие к нуждам народным...

Судя по лицам, бургомистр с магистратами предпочли бы, коли уж иначе никак нельзя, ограничиться чисто моральным вкладом в дело свержения тирании. Но, как люди, обремененные немалым житейским опытом, они благо-

разумно промолчали, сгибаясь в поклонах. Сварог еще раз пообещал им вольности, процветание и снижение налогов, потрепал бургомистра по плечу и вышел из ратуши.

Отдохнувшие кони нетерпеливо приплясывали, звеня трензелями. Сварог прыгнул в седло, и кавалькада помчалась по улицам, где и в самом деле не наблюдалось ни малейших следов солдатского буйства – разве что на небольшую конную статую какого-то древнего горротского короля, украшавшую круглую площадь, кто-то натянул грязные подштанники, а на конец скипетра насадил огромную гнилую брюкву. Сварог только фыркнул, проносясь мимо.

Потом его догнал скверно державшийся в седле советник, одетый в приличествующий чину мундир Министерства двора, но на самом деле служивший по ведомству Интагара. Нелепо подпрыгивая и страдальчески морщась, сообщил:

– Государь, если вы свободны от военных дел... Мы тут, в городе, взяли одного странного типа, именующего себя художником. Мой помощник заверяет, что по розыскным спискам он числится по разряду «баниции с веревкой». Поскольку теперь на эти земли распространяется ваша власть, следует, согласно букве закона...

– Что? – не сразу понял Сварог.

– Как это – что? Повесить согласно правилам...

– Все бы вам вешать, милейший, – сказал Сварог рассеянно, пытаясь вспомнить, о ком, собственно, идет речь. – Не надоело? Посмотрите, какое утро: травка зеленеет, солнышко блестит...

– Мы, государь, никого не вешаем, – сухо, даже строго, с профессиональным достоинством ответил шпик. – Вешать – это обязанность мастеров печальных церемоний. А наше дело – сыскать и представить, коли он значится в «гончих листах». Вот, стало быть, сыскали, следует распорядиться...

К тому времени Сварог уже вспомнил о своей давней шутке – увы, как это частенько случается с неопытными королями, мимолетная шутка в мгновение ока обратилась крохотным, но полноправным винтиком огромного бюрократического механизма. Их там мириады, таких шестеренок, и ни одну нельзя выломать, иначе все к чертовой матери рассыплется...

– В конце концов, ваше величество, вы сами изволили издать именно такой указ, – настойчиво, чуть ли не наставительно тянул советник. – Значит, должен быть порядок. Либо исполнить, либо отменить с получением новых указаний, одно из двух...

– Ладно, – сказал Сварог. – Помнится, я его обещал в том указе повесить, если он злонамеренно проберется на мои земли. А он, строго говоря, не пробирался, мы сами сюда пришли... В общем, некогда мне возиться еще и с этим, вышибите его к лешему за пределы занимаемой нами территории, и пусть все идет своим чередом... Это ведь точное указание, а?

– Несомненно, ваше величество, – сказал советник уверенным тоном человека, узревшего ясную, конкретную цель. – Будет исполнено...

– Вот кстати... – сказал Сварог. – Что вы, учитывая ваши занятия и специфический профессиональный опыт, думаете о жителях этих мест, наших новых подданных?

– Странные они какие-то, государь.

– Да? – сказал Сварог. – И в чем же, по-вашему, эта странность заключается?

– Не пойму, отчего они скалятся...

– Скалятся? – поднял брови Сварог.

– Вот именно, ваше величество. Вчера они, как и всегда бывает в таких случаях, смирнехонько прятались по домам, и судить о их настроениях по их лицам было бы затруднительно, потому что не имелось доступных для обозрения лиц. А сегодня они понемногу выползли на улицы, и мы присмотрелись... Как-то странно они на нас лыбятся, ваше величество. Не пойму, в чем странность, но она безусловно присутствует. Вроде бы и скалиться им особенно не с чего, а все равно... Вы сами посмотрите.

Сварог бросил внимательный взгляд на кучку градских обывателей, торчавших на углу, возле харчевни, откуда уже тянуло жареной рыбой, кухонным чадом и острыми приправами. Действительно, несмотря на почтительные позы, на всех без исключения лицах застыли, словно наклеенные, странные, двусмысленные, непонятные ухмылочки, то ли злорадные, то ли просто полные затаенной насмешки. Сварог с некоторой оторопью понял, что труженик тайного сыска был кругом прав: улыбочки эти абсолютно не соответствуют сложившейся ситуации, текущему моменту. Словно они знают что-то, чего мы не знаем, подумал он сердито. Их прямо-таки *распирает*...

– Видели, ваше величество? Мне не привиделось, верно?

– Верно, – сказал Сварог. – Какие-то странные у них морды... Непонятно.

– Ничего, государь, дайте срок, мы тут *развернемся* – по всем правилам. Осведомление, подробные сводки с раскладкой по сословиям и гильдиям...

– Вот и займитесь как можно скорее, – сказал Сварог сухо.

И дал Дракону шенкеля, глядя перед собой, чтобы не видеть этих странных физиономий, не ломать голову над скрытой в этих ухмылках *неправильностью*. В Горроте и без того хватало странного и неправильного, причем и он, и его специалисты тайной войны, Сварог мог ручаться, знали далеко не обо всех...

Очень скоро кавалькада оказалась за городом, практически на том самом месте, откуда Сварог вчера обозревал живописные окрестности. Только теперь картина разительно изменилась: безлюдная прежде равнина кипела жизнью. Огромный военный лагерь, где разместились не менее пяти тысяч человек, радовал взор любого, находящего, что одно из самых прекрасных зрелищ на свете – грамотно устроенный бивуак.

Стройными рядами протянулись парусиновые палатки, походные коновязи, кожаные водопойные корыта. В предписанных уставом местах воткнуты в землю полковые знамена и двухцветные вымпелы ал. Как положено исстари, у каждого знамени стоят четверо часовых со штандарт-перевязями на кирасах, а у каждого вымпела – двое. В нескольких местах тянутся к небу черные дымки походных кузниц, и к ним выстроились недлинные очереди кавалеристов, чьи лошади нуждаются в перековке. Палатки полковых коновалов, как полагается, отмечены бело-зелеными вымпелами. Дымят кухни, откуда доносится приятный аромат мясной похлебки. Слева, опять-таки огородив небольшое пространство уставными веревками с зелеными треугольными лоскутами, суровые профосы, здоровенные хмурые дядьки в кожаных колетах, с засученными по плечи рукавами, сноровисто охаживают розгами голую задницу растянутого «на четыре колышка» бедолагину, значит, заслужил...

Одни только Вольные Топоры нарушали уставную гармонию – в знак свое-

го исконного, вольного статуса установили палатки не аккуратной шеренгой, а хаотичной кучей. Но это была одна из тех мелочей, в которых Топорам следовало потакать. Главное, отсюда видно, что и в их расположении не заметно ни малейших следов безделья или предосудительных в походе забав – все в порядке, кто оружие точит, кто сбрую проверяет...

Проезжая шагом мимо палаток, Сварог зорко приглядывался к физиономиям своих бравых ребят. И в конце концов должен был признать, что его приказ об умеренности был выполнен в точности: видно, конечно, невооруженным глазом, что вчера *употреблял* каждый второй, не считая каждого первого – но в меру, в плепорцию, так что сегодня не заметно ни единой рожи, сведенной тяжким похмельем. С Черным Князем шутки плохи – не дожидаясь приказа короля, своей волей велит профосам ободрать зад провинившемуся, а то и повесит на вздернутых оглоблях в обозе...

Справа послышался звук, казалось бы, несовместимый с общей картиной, но только не для знающего человека. Затарахтел мотор единственного привезенного с собой в обозе самолета. Ага, собрали наконец...

Сварог повернулся в ту сторону. Истребитель как раз сорвался с места, побежал по равнине, набирая скорость, и трава упруго пригибалась по обе стороны от него под напором воздушной струи от превратившегося в туманный круг винта. Оторвался от земли и пошел вверх, круто набирая высоту, полетел в сторону перевала и крепости. Человек десять в синих с серебром мундирах – батальон аэродромного обслуживания, хотя и именовавшийся здесь иначе – остались стоять в горделивых позах, всем своим видом демонстрируя превосходство над архаичными родами войск и причастность свою к семимильной поступи технического прогресса. Оказавшиеся поблизости гланские конники, народ патриархальный, смотрели вслед умчавшемуся на разведку самолету с явным неодобрением, а один, не скрываясь, помахал перед лицом вправо-влево сжатым кулаком – так в Глане отгоняют нечистую силу. Ничего, ребята, привыкнете, весело подумал Сварог. Стальной конь идет на смену крестьянской лошадке... черт, а не добиться ли, чтобы в обиход вошли трактора? Гораздо легче было бы осваивать целину в Трех Королевствах. Нужно будет провентилировать вопрос *наверху*, заранее прикинув, кто будет против, а на кого можно полагаться...

Он повернул коня в сторону палатки Черного Князя. Шатер Гарайлы абсолютно ничем не отличался от прочих, разве что размерами был самую малость побольше. Перед ним, охраняемый шестью часовыми, стоял штандарт маршала гвардии – черное знамя с вышитыми золотом скачущими конями, подковами и скрещенными мечами. Штандарт этот в минуту передышки и хорошего настроения придумал сам Сварог, и новоиспеченному маршалу он пришелся по вкусу; правда, Гарайла, налюбовавшись эскизом, деликатно поинтересовался, нельзя ли добавить Симаргла и «мертвую голову» – старый геральдический символ ратагайской конницы. Сварог, пребывая в самом добром расположении духа, разрешил. По его глубокому убеждению, штандарт с добавлением «мертвой головы» стал напоминать махновское знамя – но, поскольку о махновцах здесь никогда не слышали и вряд ли когда-нибудь услышат, не стоит быть излишне придирчивым эстетом... Главное, маршал был в восторге, а человек он нужный и глубоко преданный, пусть себе тешится...

Палатка Гарайлы стояла в гордом одиночестве, на расстоянии в добрых

двести уардов от лагеря, и примерно на половине этой дистанции растянулись цепочкой с дюжину караульных гвардейцев. Причина тут была отнюдь не в маршальской спеси, каковой Гарайла и не страдал, – просто так уж истари повелось, что палатка военачальника, в которой часто проводятся секретнейшие совещания, должна стоять на отшибе, чтобы разговоры в ней никто не мог подслушать. Вполне разумный и эффективный обычай для мира, в котором шпионы пока что не пользуются микрофонами...

Завидев Сварога, караульные вытянулись по стойке «смирно». Он спрыгнул с коня, привязал поводья к походной коновязи, где уже стояло с дюжину боевых скакунов, жестом приказал свите оставаться на прежнем месте и в одиночестве направился к палатке.

Вход, как маршалу и полагалось по чину, стерегли шестеро с клинками наголо. Сварога, разумеется, и эти не остановили, исправно вытянувшись. Он приподнял закрывавший вход полог и вошел.

Маршал сидел лицом к нему за раскладным столом, заваленным картами. Увидев короля, нацелился было вскочить и рапортовать, но Сварог, видя, что маршал погружен в серьезные дела, показал рукой, что беспокоиться не следует. Оглядевшись, придвинул ногой неказистый, но прочный раскладной стул, сел и закурил.

Гарайла с озабоченным, хмурым лицом продолжал возиться с линейкой и огромным бронзовым циркулем, и это затянулось надолго. Сварог терпеливо ждал, стряхивая пепел в стоявшую на полу тарелку с обглоданной костью.

Закончив наконец, Гарайла отодвинул инструменты, но головы не поднял. Подперев голову руками, сжав кулаками уши, вперил взор в ворох карт на столе – по сложившемуся у Сварога твердому убеждению, уже ничего не рассчитывая и не обдумывая. Просто сидел и таращился на стол с чрезвычайно отсутствующим видом. Определенно у него было дурное настроение, а ведь это плохо вязалось с первыми успехами кампании. Сварог даже забеспокоился: что, если разведка притащила какие-нибудь скверные новости? Скажем, поблизости все же объявились превосходящие силы противника в таком количестве, что разумнее сразу отступить. Жаль, если так. Удачно все началось, и продолжается пока что не самым худшим образом...

Словно забыв о присутствии Сварога, Гарайла вдруг затянул, по своему обыкновению, самозабвенно, но фальшиво, коли уж называть вещи своими именами, невероятно гнусавым голосом:

*– Помню, брала наша конница
Тиморейские поля...
У меня с тех пор бессонница
и два корявых костыля...*

Он нудил «Балладу о Тиморейском кровавом поле», не видя и не слыша ничего вокруг, со скорбным и отрешенным лицом.

Как водится, среди калек-нищевродов, корысти ради измышлявших себе самые романтические и славные биографии, хватало фальшивых ветеранов Тиморейского поля, но Гарайла-то как раз был из тех, кто в самом деле вырвался оттуда тридцать с лишним лет назад... Знаменитая была резня. Война в Лоране. Дядя короля, бездарь и ничтожество, возмечтавший о славе полководца и военных орденах с кронгами и скрещенными мечами, скот, которому

никто не имел права противоречить, лично повел на Тиморейскую равнину два конно-гвардейских полка – без разведки, наплевав на предостережения командиров. Они попали в засаду. В полулиге от них лоранские саперы взорвали дамбу, и вода хлынула на поля широким потоком, отрезая дорогу к отступлению, превращая землю в хлюпающую грязь, кони моментально увязли где по колено, где по грудь – да вдобавок с трех сторон *резанули* картечью замаскированные, заранее пристрелянные батареи... В общем, из четырех тысяч человек вырвалось едва двести, в том числе и юный кадет-лейтенант Гарайла. Слабое утешение было в том, что придурка королевской крови накрыло первым же залпом...

Сварог бросил окурок в тарелку и поднял брови в нешуточном изумлении. Он уже достаточно хорошо изучил сподвижника: Гарайла обычно затягивал эту балладу, будучи на пределе уныния и самой черной меланхолии, так что впору встревожиться. Что же у нас стряслось *настолько* уж скверного?!

Наконец Гарайла поднял голову и, уставясь куда-то сквозь Сварога затуманенными глазами, громко спросил:

– Почему?!

– Любезный маршал, – терпеливо сказал Сварог. – На вопрос, поставленный таким вот неопределенным образом, сам собой напрашивается классический ответ, уж простите... По кочану. Почему – что?

Маршал немного опамятовался. Теребя свои роскошные усищи, сказал тоном ниже:

– Почему все идет как-то не так, как-то неправильно, я имею в виду...

– А точнее? – спросил Сварог тихо и серьезно.

– Горротцы ведут себя насквозь неправильно, – сказал Гарайла. – Только что вернулись разведчики, государь. Я посылал толковых ребят в горы, в обход крепости Чаган, мимо перевала. Войско там, конечно, не пройдет, даже платунг, но пара-тройка горцев, привыкших лазать по кручам, может кое-чего добиться. Ходили гланцы из вашего отряда. Один-таки сорвался с кручи в ущелье, двое благополучно вернулись. Знаете, что они рассказывают? В долинах, по ту сторону перевала, за Чаганом, вообще не видно никаких перемещений войск. На десятки лиг вокруг. Они несколько часов сидели на вершине с подзорными трубами, погода прекрасная, воздух прозрачный, даже кучку военных было бы видно издалека... Но там вообще нет войск. Это насквозь неправильно. Горротская тактика для этих мест известна не одну сотню лет. Единственно выигрышная в данных географических условиях: не держаться особенно за тот район, что мы уже заняли, сосредоточивать войска за Чаганом и предпринимать оттуда контратаки. Так было *всегда*. Пятнадцать лет назад, еще до Стахора, чтоб на него чесотка напала, я тут проходил во времена последней с ними войны. Тогда они нисколько не отступили от заведенного порядка: даже не дали нашим подойти к Чагану вплотную, скатились с перевала четверьмя полками, под прикрытием крепостных орудий... Сейчас – ничего подобного. Ну не идиоты же они, в конце концов! У Стахора немало толковых генералов, служивших еще при позапрошлом царствовании, я многих знаю лично, как это у военных водится... Это насквозь неправильно. Они не могут не понимать: если мы, пусть даже не взяв Чаган, просто-напросто заключим его в осаду, все равно им придется трудно, мы прочно сядем на перевале... Получается, что они совершенно добровольно предоставляют нам шанс прорваться

за перевал... – он умолк и взглянул на Сварога со странным выражением. – Ваше величество... А вы ничего такого не организовали? Может, я о чем-то не знаю? А вы заранее знали? Могли бы хоть намекнуть, я как-никак не интендантский капрал...

– Ничего подобного, – сказал Сварог. – Честью клянусь. Представления не имею, в чем дело.

– Но тогда... Так себя ведет только натуральный изменник...

– Или человек, который готовит какой-то поганый сюрприз, – совсем тихо произнес Сварог. – Нет, я и на этот счет ничего не знаю, не нужно на меня так смотреть...

– Ваше величество, вы что, тоже что-то такое чувствуете? – спросил Гарайла, отводя взгляд.

– А вы? – уклончиво поинтересовался Сварог.

– В том-то и дело, – признался маршал совершенно незнакомым голосом. – У нас, степняков, на такие вещи, надобно вам знать, смотрят серьезно: смутные предчувствия, непонятная тоска...

– Я слышал, – сказал Сварог. – Я и сам к таким вещам отношусь без всякой насмешки...

– Вот то-то и оно, – сказал приободрившийся Гарайла. – Знали б вы, как меня *мутит* уже второй день... Самое паршивое – ничего нельзя описать словами. Просто места себе не находишь, тоска, хоть волком вой с кургана. Но это не надуманные страхи – со мной такое уже бывало и перед Тиморейскими полями, и перед Аскаранской битвой, и еще пару раз, непременно в преддверии чего-то особенно кровавого и немаленького по размаху... Душу *мозжит* – нет никакого спасу...

Он сердито засопел и с размаху вогнал в стол ножку огромного циркуля, пригвоздив карту окрестностей к стопке других.

– Вообще, творится леший ведает что, – сказал он чуточку отрешенно. – И не только здесь. У меня аккурат перед кампанией были в гостях ратагайские старые знакомцы. Ну, посидели, выпили... Когда языки развязались, все в голос стали твердить, что в последнее время в Ратагайской пуште *нечисто*. Знаменья всякие нехорошие, о которых только старики и помнят, в степях ночью промелькивает всякая нечисть, которой там отродясь не водилось, воеет в сумерках непонятно кто, как ни разу прежде... Кони себя ведут так, словно тоже все это чувствуют, табунщики обеспокоены не на шутку... Иные даже говорят, что ночью в степях видели Барлая, и кое-кто из них – люди безусловно надежные, шутить и врать не станут. А это совсем скверно, это к худу. Барлай, по прикидкам, лет с тысячу как не показывался... Слышали про такого?

Сварог кивнул. Он и в самом деле помнил главу из какой-то старинной книги. Барлай – то ли злой дух, то ли неприкаянный демон, согласно уверениям древних книжников, рыщет ночами по степи, сбивая с дороги припозднившихся путников, от которых потом и косточек не находят, детей уносит от шатров, наводит порчу на жеребых кобылиц. Как выглядит он сам, в точности неизвестно, не осталось, бают, в живых свидетелей, видевших его вблизи, но более везучие – те, кто наблюдал страшного всадника издали, уверяли, что носит он на конском скелете, в сопровождении реющих над головой двух скелетов степных филинов с зеленым огнем в пустых глазницах, а следом мчится стая белых волков – не скелетов, настоящих, вот только у них человечьи голо-

вы, то ли у вожака, то ли у половины, то ли сразу у всех...

– Бабьих сказок я сам не люблю, – продолжал Гарайла уныло. – Но есть ведь разница между выдумками и доподлинной нечистью. Видывал сам кое-что, как же... А знаете, в чем тут причина? Вы когда-нибудь слышали про Багряную Звезду, ваше величество?

– Доводилось, – кратко ответил Сварог.

– Вот старики и говорят, что она опять обнаружилась, летит к Талару, и кое-кто ее даже видит, и от нее-то все несчастья. А некоторые вообще твердят, что всем нам будет полный каюк, когда она подлетит ближе и пройдет совсем рядом. Вроде бы в старые времена и Шторм именно от нее произошел...

– Не нравится мне ваше настроение, маршал, – сказал Сварог.

– Мне самому, думаете, нравится? – убито признался Гарайла. – Но ничего ж не попишешь... И еще, знаете что... Конные разъезды, которые я рассылал по долине, возвращаются в некотором недоумении. Извольте ли знать, эта деревенщина окрестная, по единодушным рапортам наших ребят, ведет себя как-то странно. Все до единого описывают это одинаково: стоят, мол, землеробы долбаные, и смотрят с непонятной подковырочкой, лыбятся насмешливо, голову можно прозакладывать. Словесно не хамят, ничего подобного, они ж не полные и законченные дураки, понимают, что можно получить плетью по хребту, и это в лучшем случае... Но пялятся с определенной издевкой, а это странно и опять-таки неправильно. Если хотите, я позову разведчиков, сами доложат...

– Не нужно, – сказал Сварог. – Мне только что докладывали примерно то же самое, только касаясь горожан... Положительно, вы правы. Что-то вокруг носится в воздухе... этакое. Будем пока что использовать именно эту формулировку за неимением более точных. – Он помолчал, наклонился вперед и впился в Гарайлу пытливым взглядом. – Ну, и что прикажете делать? Какой дельный совет может дать королю в столь *склизкой* ситуации его верный, испытанный в сражениях маршал? Интересно знать, вы бы на моем месте скомандовали войскам отступление только потому, что душу у вас *мозжит*, а сиволапое мужичье вокруг скалится как-то странно?

После долгого молчания маршал отозвался упрямо:

– Как хотите, ваше величество, а я бы ни за что коней не повернул. Если чего-то такое чудится, это еще не причина трубить отступление. Хрен дождутся. Нельзя отступать, пока не расшиб морду в кровь. Не раньше, чем все черти... Как говорится...

– Вот то-то, – сказал Сварог с неприятным вздохом. – А потому...

Он замолчал, прислушался к своим ощущениям. Нет, ему вовсе не чудилось – полное впечатление, что из-под серебряной хельстадской короны на шею, на затылок и плечи текут струи холодной воды.

Стараясь вести себя непринужденно, чтобы маршал ничего не заметил, он снял корону, вертя ее в левой руке, провел правой по волосам – нет, сухо... Вновь нахлобучив серебряный колпак, состоящий из множества мастерски отчеканенных сосновых шишек, ощутил то же самое: корона распространяла противный, зябкий холод, прямо-таки изливавшийся волной. С чего бы это вдруг, Сварог не знал. В свое время мэтр Лагефель немногим смог ему помочь в этом вопросе: все, что связано было с короной, осталось тайной покойного короля, каковой все интимные секреты унес с собой на тот свет...

Стиснув зубы и притворяясь перед самим собой, что он и не чувствует во все никакой прохлады, что ничего этого нет, Сварог сказал твердо:

– Давайте, маршал, пока что забудем о всевозможной мистике, не важно, существует она, или нет. И про странности – ни слова. Мы с вами – люди военные, и перед нами стоят...

Он замолчал, недоуменно повернул голову в сторону полога – там снаружи внезапно заорали сразу несколько голосов так панически, во всю глотку, совсем рядом, что моментально стало ясно: дело неладно. Возле самого шатра командующего такой переполох не может возникнуть без серьезной причины...

В следующий миг с неба обрушился невыносимый грохот, истошный рев, механический, нарастающий. Сварог еще успел опознать в нем шум самолетного мотора – и тут же рев, казалось, понесся прямо на палатку, поневоле заставив вжать голову в плечи, что-то грохнуло по палатке так, что шесты с отчаянным треском подломились, стало темно и душно – это шатер обрушился на него и Гарайлу, тяжелая пыльная парусина придавила к земле в унижительной для короля позе, а грохот пронесся совсем рядом, и что-то трещало снаружи, кто-то вопил, бежали люди и ржали лошади...

Под руку подвернулось древко Доран-ан-Тега, и Сварог, не медля, полоснул наугад, вмиг распоров парусину, в глаза ударил солнечный свет; он проворно выпрямился в образовавшейся прорехе, увидел рядом Гарайлу – тот точно так же выбрался на солнышко, не потеряв присутствия духа, вспорол палатку за сапожным кинжалом.

Корона съехала на глаза. Поправив ее одним ударом кулака, Сварог огляделся и заспешил туда, куда уже бежали и караульные, и оказавшиеся поблизости солдаты.

Истребитель – тот самый, ушедший на разведку – еще несло по равнине на брюхе, его мотало и швыряло, от него с треском отлетали дощечки, лопались распорки, винт взвыл на невыносимой ноте и, превратившись в искореженную полосу дерева, отлетел в сторону... Отвалилось правое крыло, ударившись о камень, самолет развернуло на сто восемьдесят градусов, и он, превратившись в грудку обломков, наконец-то замер, обращенный кабиной к Сварогу.

К нему бежали со всех сторон. Сварог оказался рядом одним из первых. Пилота, не теряя времени, принялись вытаскивать из кабины. Крови на нем вроде бы не заметно, он выглядел совершенно невредимым – смельчакам везет – но был бледен, как смерть, все еще не мог поверить, что удалось сесть, что уцелел...

Его, поддерживая с двух сторон, поставили перед Сварогом не потерявшие головы караульные гвардейцы. Видно, что летчик вполне может стоять сам, и не было времени на гуманизм – Сварог, набрав побольше воздуха, рявкнул на зевак:

– Р-разойтись!

Солдаты так и брызнули во все стороны. Сделав два шага, Сварог оказался лицом к лицу с пилотом – круглое молодое лицо, тщательно подстриженные усики, лейтенантское шитье на мятом мундире...

Караульные проворно отскочили, вытянулись. Пилот остался стоять вполне самостоятельно, слегка пошатываясь.

– Докладывайте! – крикнул Сварог, чтобы побыстрее привести незадачли-

вого летуна в чувство. – Вы же офицер, мать вашу!

– В-ваше величество! – довольно четко выговорил офицер. – Ничего нельзя было сделать, я обломал колеса вместе со стойками об одну глыбу... Пришлось на брюхо плюхаться... Еле вывернулся из гущи, ничего подобного прежде...

– О чем вы? – спросил Сварог почти нормальным голосом.

Лейтенант медленно-медленно поднял руку, указывая на что-то поверх плеча Сварога – и тут же рядом, в лагере, сразу несколько труб заревели «тревогу»: туру-ту-ту-ту-та-та-та, туру-ту-ту-ту-та-та-та!

Сварог обернулся – и застыл на месте с отвисшей челюстью.

Со стороны перевала со скоростью, не уступавшей скорости самолета, наплывали какие-то темные пятна, их уже было неисчислимое множество, десятки, а может, и сотни, они летели слаженно, словно соединенные незримыми нитями, закрывая собой добрую половину неба, и перед ними по равнине скользили черные, неправильной формы тени...

Все таращились в небо, оцепенев, даже трубы захлебнулись, наступила совершеннейшая тишина, и в этой тишине непонятные небесные объекты подлетали все ближе и ближе, были уже над головой, и на Сварога то и дело падала тень. Он не мог определить высоту, на которой они летели, потому что не мог прикинуть размеры, не понимал еще, что это такое. Больше всего походило на гигантские глыбы необработанного, дикого камня...

Он вспомнил Клойн и содрогнулся от приступа неконтролируемого страха, первобытного ужаса, что случилось с ним чрезвычайно редко. В лагере тревожно заржали лошади – полное впечатление, все сразу, несколько тысяч.

Послышался басовитый гул рассекаемого воздуха – и в десятке шагов от Сварога обрушилась вниз первая глыба, рухнув прямехонько на то место, где только что была коновязь с его Драконом и дюжиной гвардейских коней, где стояла кучка всадников из его свиты и охраны...

Тяжко вздрогнула земля под ногами, показалось, что качнулась от страшного удара вся планета. Глыба коричневатого шершавого камня размером с трехэтажный дом, выглядевшая дико и *неуместно*, громоздилась совсем рядом, Сварог видел ее неровную поверхность, показалось даже, что из-под нее доносятся крики людей и конское ржанье, чего, конечно же, не могло быть...

Земля содрогалась от множества тяжких ударов – глыбы рушились вокруг, на людей и палатки, на коней и пушки, это был ад, страшный своей непонятностью. Отовсюду неслись крики, ржанье, конский топот. Сварог оглядывался и не узнавал местности – везде, куда ни глянь, возвышаются глыбы дикого камня, превратившие равнину в некий лабиринт с узкими проходами, по которым носятся, сталкиваясь и падая, всадники, пешие, кони без всадников...

Кто-то бесцеремонно рванул Сварога за плечо, развернул в сторону – маршал Гарайла, оскалившийся, простоволосый. Он что-то яростно прокричал, махая кулаком, и в Сварога вцепилась добрая дюжина рук, забросила в седло неведомо откуда взявшегося чужого коня, как мешок. И тут же кто-то, подхватив коня под уздцы, помчал галопом, петляя в лабиринте, меж щетинившихся острыми гранями каменных стен, и кто-то скакал рядом, впереди, вокруг, разгоняя потерявших голову солдат воплями и ударами плеток.

Он смотрел перед собой, в голове не было ни единой мысли.

...Сварог угрюмо сидел на подсунутом кем-то, неведомо откуда взявшемся походном раскладном стульчике, пустыми глазами глядя на поле, где все еще

вяло и неуклюже строились в шеренги конные и пешие, потерявшие коней, где сидели на земле раненые и наводили порядок с лошадьми – те, кто узнал свою, тут же, не мешкая, предъявляли на нее права. Рядом, как истукан, торчал Гарайла – с застывшим лицом, уже давным-давно переставший извергать потоки самой изощренной ругани, на какую способны только конногвардейцы.

Дело происходило еще на горротской территории, лигах в двадцати от границы. Небо было голубым, безукоризненно чистым – ни единого облачка – на нем так и не появилось более не то что одной-единственной летающей скалы, но даже камешка. И все равно люди то и дело косились в ту сторону, откуда пришлось спасаться в паническом бегстве.

Время от времени к Гарайле подбегали порученцы, рапортовали что-то, и он тихонько передавал содержание Сварогу. Нельзя сказать, чтобы повторилось что-то подобное Тиморейской резне – по первым, приблизительным подсчетам под обрушившимися с неба камнями погибла примерно половина людей и лошадей. Но все равно это был натуральнейший разгром – Сварог видел лица солдат и понимал, что *сейчас* нет на свете силы, нет авторитета, способных повернуть их обратно, в сторону столь торопливо оставленного города. То, что случилось, было выше человеческих сил. Оставалось навести некоторое подобие порядка, кое-как построить уцелевших – и уходить на свою территорию. У него темнело в глазах от стыда и унижения, но он уже опамятовался, пришел в себя и прекрасно понимал, что ничего больше сделать не может.

Гарайла наклонился к его уху:

– Кажется, все. Последние уцелевшие *выбрались*. Удалось спасти ваш штандарт, и мое знамя, и одно полковое...

– Ну да, – сказал Сварог тусклым голосом. – Это, конечно, сейчас самое важное...

– Это – *символы*, государь, – отрезал Гарайла. – Они гораздо больше значат, чем может показаться... Я сейчас прикажу их поднять, хоть чуточку укрепить дух...

Сварог понимал, что маршал прав, но на душе было так мерзко и погано, такая опустошенность навалилась, что хотелось выть. А ведь так удачно все начиналось... Но *как?* Как? Средь бела дня, при ясном небе, десятки летящих в лазурном небосводе скал... Положительно, Стахор обнаглел до предела, такие вещи нельзя прощать...

Он повернул голову, встретился взглядом с Элконом – юнец потерял где-то начищенный рокантон, а роскошная кираса покрылась вмятинами, на щеке красовались сразу три засохших царапины. Но стоял мальчишка, упрямо задрал подбородок, и в глазах светилась не подавленность, а яростная, упрямая ненависть. Это хорошо, мельком подумал Сварог. Пусть учится набивать шишки и получать по морде очень даже чувствительно, жизнь состоит не из одних триумфов, удач и побед...

Мара, вспомнил он только теперь. Леверлин. Анрах. Они же остались там...

– Все, государь, – сказал Гарайла с явной настойчивостью. – Пора убираться к лешевой матери.

– Нужно послать людей, – сказал Сварог. – За нашими. Там где-то мэтр Анрах... и мои друзья...

Лицо маршала напоминало маску.

– Ваше величество, боюсь, мне некого послать. Вы же военный, должны понимать... Это тот случай, когда невозможно настоять на выполнении приказа. Они не пойдут. Даже мои кавалеристы не пойдут, как ни горько и стыдно признаться...

– Шег? – повернулся Сварог в другую сторону.

Шедарис, растрепанный, в порванном на плече мундире, пожал плечами:

– Не пойдут мои ребята, командир. Не получится. Я сам, конечно, пойду, если ты прикажешь, но что от меня одного толку... Гланцы не согласятся.

Сварог оглянулся назад – туда, где стояли в безукоризненном порядке подошедшие с утра подкрепления, так и не успевшие выдвинуться к крепости Чаган. Перехватив его взгляд, Гарайла помотал головой:

– Бесплезно. Они ж видели, как мы все драпали... Ваше величество, мы даже не знаем, где их искать...

И здесь он был прав: Сварог сам не представлял в точности, где именно располагалось это чертово поместье любителя раритетов. Даже точного направления не знал.

Сузив глаза, он все же спросил:

– Ну что, Шег, тряхнем стариной?

– О чем вопрос, – сказал Шедарис угрюмо, но не мешкая. – Тряхнем стариной...

Но на пути несокрушимо и прочно, как крепостная башня, встал маршал Гарайла. Придвинувшись вплотную, он произнес яростным шепотом:

– Ваше величество, садитесь в седло и командуйте отходом. Я все понимаю, у меня тоже есть друзья... Вы – король, вы себе не принадлежите... Делайте со мной потом что хотите, но если что, я прикажу вас связать и увезти в повозке. Со всеми вы не справитесь, даже если топором вашим легендарным начнете махать...

Лицо у него было решительное, окостеневшее. Сварог понял, что настаивать бесполезно, что Черный Князь его отсюда ни за что не выпустит. И ссутулится на стульчике, чувствуя, как ярость борется в нем с горем. Оставалось надеяться и верить, что Мару и ее Топоров голыми руками не возьмешь, что проскочат как-то незамеченными, проберутся, ускользнут... Оставалось только надеяться.

Под внимательным взглядом Гарайлы он сел на подведенного коня – серого, незнакомого. Вокруг тут же бдително сомкнулись гвардейцы, которым Гарайла шепотом отдал какой-то приказ. Прекрасно понимая, что это сейчас не охрана, а конвой, Сварог отказался от борьбы. Шагом выехал на пригорок, оглядел свое приунывшее, разгромленное воинство, приподнялся на стременах. Набрал побольше воздуха в грудь. Как-никак он был профессиональным военным и слишком хорошо понимал сейчас, как много значат в такой ситуации *правильные* слова командира.

– Гвардейцы! – закричал он, стоя в стременах. – Слушай меня!

Постепенно смолкли разговоры и вялая суэта, все лица повернулись к нему, настала тишина. Безошибочно уловив *момент*, Сварог взревел:

– Гвардейцы! Выше головы! Что вы ползаете, как оттраханные, мать вашу за ногу! А ну, рожи подняли, гляди веселей! – он сделал хорошо рассчитанную паузу и продолжал с тем же яростным напором: – Вам не в чем себя винить. Вы отличные солдаты, может быть, лучшие солдаты на свете. Вы сделали все,

что в человеческих силах, ребята, честное слово! Нам нанесли удар оттуда, откуда никто на свете не мог его ждать, понятно вам? Мы пришли сюда воевать честно, как полагается солдатам. И мы воевали честно и храбро. Мы разделили бы их, как святой Рох – ведьмину дубовую рощу! Кто же знал, что эти гор-ротские паскуды, пидарасы, хренососы, трахальщики собственных мамаш, не умеют воевать, как положено солдатам?! Вас никто не победил, ясно вам? Вам просто обрушили на голову долбаную магию, которой нормальный человек противостоять не может, даже вы, храбрецы, не в состоянии, даже я! Понятно? Нас никто не победил, нам просто устроили подлянку вопреки законам войны! Вдолбите это себе в голову и не смотрите так, будто жизнь кончена! Мы еще вернемся! Я, Сварог Барг, король Хелльстада, даю вам слово: рано или поздно разберусь с ихней поганой магией и найду способ отбить у них охоту колдовать! И вот тогда мы с ними поговорим, как пристало солдату говорить с такими пидарасами! Раком поставим, как портовую шлюху! Все, кто тут стоит, получат особую медаль! И когда их долбаный Акобар будет гореть с восемью концов, вы все первыми по нему пройдете особой колонной, этими медалями сверкая! Это я вам говорю, Сварог Барг, король Хелльстада! Плюньте мне в рожу, если они очень скоро не умоются юшкой и соплями! Спасибо, ребята, вы отлично себя показали! А сейчас мы уходим домой от этой поганой сволочи, но это ненадолго, честью клянусь!

Он поднял руку величественным жестом и кивнул музыкантам. Поредевший военный оркестр откликнулся почти сразу же, засвистели флейты, взревели трубы, загремели литавры и хрипло откликнулись волынки гланского отряда. Сварог развернул коня головой в сторону снольдерской границы и, оставаясь на месте, указал в ту сторону. Надрывался оркестр, чуть вразнобой исполняя наиболее подходящий к случаю лихой кавалерийский марш, старинную «Пляску смерти»:

*Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход!
Гроб на лафет! Пушка медленно ползет...
Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костьми!
Гроб на лафет! И барабан – греми!
Сворачивай знамена – и за мной!
Три холостых патрона – и за мной!
Вой барабанный слушай —
за мной, за мной, домой!*

Он застыл, как собственный конный монумент, а мимо него под «Пляску смерти», под неумолчную барабанную дробь тянулись шеренги конных и пеших. Нельзя было ожидать, что его получившее нешуточную встряску воинство мгновенно исполнится прежней отваги и уверенности в себе – но рожи, он видел, стали уже не такими похоронными, а это кое-что да значило. Мечь, подумал он, ощущая в голове холодную, рассудочную пустоту. Только мечь. Все прочие дела побоку. Горрот – как рак: запустишь, не вылечишь. Решено...

Глава третья

Новые знакомства и новые заботы

Над морем всходило солнце – при чистейшем небе, при полном штиле. Это было прекрасное зрелище, пробиравшее порой до печенок не только юных мечтательных поэтов, но и иных моряков, просоленных словно вяленая треска. Однако Сварог пребывал в крайне дурном расположении духа, и потому все эти красоты его нисколько не трогали. Тем более что он как раз усмотрел на бескрайней зеленовато-синей глади, казавшейся с высоты необозримым полем сплошного застывшего стекла, какую-то непонятную, грязно-белесо-серую полосу, вовсе не сочетающуюся с обычными красками океанского простора – словно какая-то паскуда без чувства прекрасного в душе плеснула мутным клеем на полотно Айвазовского, и клей застыл, протянувшись по картине.

Он коснулся одного из рычагов, и драккар резко пошел вниз. Две сопровождавших его боевых машины Серебряной Бригады моментально повторили маневр, слаженно и неотступно шли справа и слева, чуть позади. Строжайшее распоряжение императрицы о запрещении Сварогу летать без охраны действовало до сих пор – причем сам Сварог в свете многих последних событий вовсе не настроен был его нарушать. Мало того, по собственному желанию сменил легкомысленный ял на закрытый драккар с жутким набором бортового оружия и полным комплектом защитных полей. Он давненько уже излечился от легкомыслия и относился к окружающему миру чрезвычайно серьезно, потому что мир этот каждую минуту мог преподнести не просто очередную подлянку, а нечто непонятное.

Медленно гася скорость и высоту, он в конце концов повис неподвижно над морем, на высоте сотни уардов. Опустил стекло, высунулся наружу – и тут же сплюнул за борт, поднял стекло так резко, что едва не прищемил ухо. В кабину хлынуло неопишное зловоние – гниль, тухлятина, желудок выворачивает. И опустился еще ниже, уардов до десяти. Вот теперь можно было рассмотреть во всех деталях то, что покрывало воду на протяжении пары югеров...

Скопище дохлой рыбы, плававшей белесыми брюхами вверх – их тут были тысячи и тысячи, больших и маленьких, круглых и длинных, щетинившихся веерообразными плавниками и змееподобных. И среди знакомой дохлятины он узнавал иные породы, потому что не раз встречался с ними за обеденным столом – попадались довольно странные экземпляры, совершенно непривычного, порой крайне экзотического облика, не просто плававшие пузом к небу, а напоминавшие жертв неведомого маньяка. Выглядели они так, словно взорвались изнутри, а значит обитали на больших глубинах, никогда не поднимаясь к свету, и внутреннее давление, когда упало внешнее, разорвало их к чертовой матери, превратило в лохмотья...

Он долго смотрел вниз, прижав лицо к прозрачному стеклу. Уже несколько раз слышал от свидетелей, а теперь впервые видел своими глазами – в точности так, как рассказывали моряки. Необозримые скопища дохлой рыбы, в том числе глубоководной, которую какие-то силы погнали наверх так властно, что это оказалось сильнее инстинкта самосохранения.

Он прекрасно знал, о каких силах идет речь. И моряки, и книжники настойчиво твердили, что во множестве всплывшая дохлая рыба – один из несомненных признаков пробуждения где-то в глубинах Великого Кракена. Он даже не пошевелился пока что, он ничего не успел сделать – он просто *проснулся* после тысячелетней спячки, но и этого оказалось достаточно, чтобы морская живность, сбиваясь в стаи, рванулась к поверхности. Ну, а что такое Великий Кракен, Сварог и сам прекрасно знал. Давным-давно объяснили монахи. Вот только никто не ведал, на каких именно широтах следует искать Кракена – дохлая рыба попадалась в самых разных уголках Талара, в обоих полушариях, во всех морях. А в старинных книгах на этот счет никаких указаний не имелось – точнее, называлось десятка два мест, разбросанных по всей планете, что заставляло относиться к подобным «источникам» наплевательски. Двое-трое из древних авторов даже уверяли, что Великий Кракен спал где-то на дне реки, в особенно глубоком месте – но и это нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть...

Левый драккар подлетел и остановился совсем рядом, так что можно было дотронуться до него рукой. Стекло уползло вниз, в окне показалась унылая усатая физиономия капитана Лакора. Не обращая никакого внимания на густую вонь, он сказал без выражения:

– Это уже восемнадцатый случай за этот месяц, граф.

– Мне докладывали о десяти, – сказал Сварог.

– Ничего удивительного. Остальные скопища дохлятины мы видели в тех местах, что лежат в стороне от оживленных морских трасс...

Он смотрел уныло и сердито. Хотел сказать еще что-то, но передумал в последнюю минуту, поднял стекло, и его драккар отошел в сторону.

Сварог коснулся панели и помчался в сторону континента, увеличивая скорость до максимально возможной. Драккары охраны не отставали. Он подумал, что Серебряная Бригада – чуть ли не единственное подразделение, которому можно полностью доверять за облаками. Отличные ребята, форменные фанатики, видящие смысл жизни в истреблении нечисти, три четверти личного состава – *каста*, продолжающая вековые семейные традиции. Одна беда: их не наберется и сотни на двух планетах, а Бриллиантовых Пикинеров немногим больше...

Он вывел скорость на максимум, и вокруг переливался сиреневыми отблесками продолговатый пузырь ионизированной плазмы. Земля внизу казалась смазанным пестрым пятном, и это было к лучшему – он не хотел сейчас смотреть на необозримые просторы, вроде бы безраздельно ему принадлежащие, но на самом деле полные тайн и поганых сюрпризов.

Самый настоящий капкан, подумал Сварог хмуро. В первые дни его пребывания здесь все представлялось иначе, казалось простым и понятным, застывшим и несложным. Вверху – потрясающая технотронно-магическая мощь, внизу – красочное, живописное средневековье. А оказалось... Он до сих пор не мог подобрать точного определения тому, что наблюдал вверху и внизу. С одной стороны, классическая формула: верхи не могут, низы не хотят. Однако осложняется все еще и тем, что верхи ничего почти не хотят от жизни, за исключением нехитрого набора привычных развлечений, а низы, пожалуй что сами и не представляют толком, чего именно хотят. Что делать в таких условиях упрямо могущественному реформатору, порой решительно непонят-

НО...

Автопилот предупредительно мяукнул, и Сварог сбросил скорость. Внизу показался Латеранский дворец, краса и достопримечательность – здания из светло-коричневого и черного камня посреди зеленых рощиц, цветников и садов, остроконечные крыши, зеленые и серые, горбатые старинные мостики через речушки, лодки на озерах, башни и галереи, гроты и фонтаны, статуи и мощные дорожки, высокие старинные ограды, с утраченным ныне мастерством откованные из бронзы золоченые флюгера...

Невидимый для окружающих драккар опустился на плоскую крышу, почти квадратную, окруженную высокой кирпичной оградой. Лет двести назад один из тогдашних королей устроил здесь голубятни, от которых к нынешнему времени не осталось и следа – и Сварог приспособил крышу под свой личный аэродром. На нее выходила одна-единственная лестница, бдительно охранявшаяся гланскими гвардейцами, ведущая к тому же в личные апартаменты Сварога, так что место удобное...

Он вылез, захлопнул дверцу, драккар остался невидимым для всех, кроме стоявшего у самой ограды Элкона. Юнец нетерпеливо направился к Сварогу, блестя медалью за горротский поход – Сварог, как и обещал, роздал их незамедлительно – и в глазах у него явственно маячил невысказанный вопрос...

Чувствуя себя отчего-то неловко, Сварог взял мальчишку за локоть, отошел на несколько шагов и сказал, глядя в сторону:

– Пустой номер, Элкон. Они мне ничем не смогли помочь – ни восьмой департамент, ни остальные... Этих скал, что рушились нам на головы, словно бы и не существовало. По крайней мере, следящая аппаратура засекала их чисто визуально. И только. Так и выглядит дело – исключительно визуально...

– Но этого не может быть! – запальчиво вскрикнул Элкон. – Скалы не летают просто так. Либо это магия, либо антигравитация...

– Логично, – сказал Сварог. – Именно так рассуждают и наверху. Вот только приборы не засекали ни проявлений магии, ни работы каких бы то ни было антигравов...

– Значит, это не приборы, а...

– У вас есть другие, Элкон? – мягко, тихонько спросил Сварог. – Более точные, надежные? Вот видите... У меня их тоже нет. И ни у кого нет. Поэтому компетентные круги остаются при прежнем мнении: в Горроте наблюдался неизвестный доселе и пока что необъясненный современной наукой природный феномен: ни с того ни с сего сотни три глыб разного размера вдруг поднялись из каменоломни и с близлежащих скальных осыпей, пролетели в строгом порядке несколько лиг на приличной высоте, а затем, обретя прежний вес, обрушились вниз, на то место, где по случайному совпадению как раз устроила бивуак наша доблестная армия. Король Стахор в совершеннейшем недоумении, он прямо-таки умоляет высокие небесные инстанции произвести самое скрупулезное расследование, потому что ему боязно теперь сидеть на престоле – а вдруг очередная глыба ему самому прямо на макушку упадет? Так обстоят дела, мой юный друг... – Сварог поднял ладонь: – Я вас умоляю, не нужно ругательств и скороспелых гипотез. Ругательства ничему не помогут, а скороспелые гипотезы всегда плохи... Повторяю, я изложил официальную точку зрения, подкрепленную авторитетом Магистериума, Мистериора и секретных служб. Чтобы ее опровергнуть, нам нужно *доказать*, что все происходило

совершенно иначе. Но мы пока что ничего не в состоянии доказать.

– Но вы же не верите, что...

– Что произошел неизвестный природный феномен? – жестко усмехнулся Сварог. – Ну конечно, не верю, особенно после Клойна... Очень уж избирательно действуют феномены – один разносит мой замок, другой давит в лепешку половину моей армии... Нет уж, такие феномены непременно ходят на двух ногах и обладают мордой, которую можно набить... – Он помолчал, присмотрелся к собеседнику. – Элкон, ответьте честно. После горротского разгрома вы случайно не чувствуете, что у вас опустились руки? Нет ощущения побежденного?

Мальчишка задрал подбородок, прямо-таки отчеканил:

– Руки у меня не опустились. Они у меня чешутся...

Сварог усмехнулся:

– Ну вот и прекрасно. Главное, запомните: нельзя всю жизнь только побеждать, иногда и по морде попадает весьма чувствительно... Это – теория. А что до практики... Ну разумеется, должно быть объяснение. То ли это разновидность магии, ускользнувшая пока что от выявления и классификации, то ли вид антигравитации, опять-таки незнакомый пока специалистам. И вот что, Элкон... Мне пришла в голову совершенно безумная идея, солидные ученые мужи и опытные контрразведчики меня засмеяли бы, но их и близко нет, а мы с вами, мне отчего-то кажется, парочка изрядных сумасбродов, не обремененных заботами о репутации. А? Я – спесивый король, а вы – мальчишка. Какое нам дело до респектабельных правил игры? Короче говоря, я хочу, чтобы вы, дружище, с головой окунулись в безумные идеи и экстравагантные гипотезы. Переворошите все компьютерные архивы и библиотеки. А я дам соответствующую команду кое-кому из моих здешних помощников...

– А что искать?

– Я же сказал, – ухмыльнулся Сварог. – Безумные идеи, сумасшедшие аналогии, отвергнутые официальной наукой гипотезы. Бред, чушь, фантазмагорию. Девять десятых того, что вы накопаете, будет и в самом деле никчемным бредом. Но нельзя исключать, что в остатке сверкнут золотые крупинки... Понимаете ход моих мыслей?

– Да, кажется, – сказал Элкон с ноткой уверенности.

– Вот и отлично, – сказал Сварог. – Ищите нечто вроде каталаунской черепахи. Никогда не слышали? Есть такая притча... Один купец строил дом, и у него никак не ладилось – то готовые стропила обрушатся, то стену подземный ручей подмывает, то подмастерья уворуют и пропьют запасенную черепицу. Так продолжалось до тех пор, пока к ним не забрел странствующий монах. Огляделся, прикинул, что к чему, объяснил, что следует сходить к ближайшему бочагу, выудить оттуда старую черепаху и сварить из нее суп к чертовой матери. Или просто прибить ее панцирь на ворота, уж не помню точно. Главное, как только уладили все с черепахой, стройка успешно завершилась без происшествий... Усекли метод? Ищите *нечто* подобное. Если Стахор отыскал *нечто*, мы тоже можем при удаче доискаться...

Он ободряюще похлопал мальчишку по плечу и направился к лестнице. Только отойдя достаточно далеко, убрал с лица беззаботную улыбку.

Во всем, что касалось мнения ученых, магов и разведчиков, он нисколько не солгал мальчишке. Он просто-напросто не сказал всей правды, чтобы не

расхолаживать. А вся правда заключалась в том, что Сварогу официальное мнение Магистериума, Мистериора и восьмого департамента излагали не первые лица, а заместители заместителей. Потому что все первые лица – в том числе и канцлер с Гаудином – пребывали на секретнейшем совещании у императрицы, куда Сварога никто не озаботился пригласить. Хотя по занимаемой *наверху* должности он просто обязан был там присутствовать. В чем убедился, узнав точный список затворившихся в покоях императрицы сановников – исключительно люди дела, ни единой декоративной фигуры или бездельника вроде Костяной Жопы. Именно в таком составе не менее десяти раз собирался насквозь неофициальный, но с некоторых пор обладавший всей полнотой власти в империи «черный кабинет» Яны – и всякий раз исправно приглашали Сварога. А вот сейчас впервые не позвали, и это неспроста, подозревать можно все, что угодно. Но мальчишке о таких вещах знать необязательно – пусть думает, что все в порядке, все шагают вперед дружными, сомкнутыми рядами, нет никаких интриг и внутренних сложностей. Рано ему еще вникать в подобную грязь...

Он шагал по дворцовым коридорам мрачнее тучи, переполненный злым бессилием – и окружающие, в большинстве своем профессиональные холуи, просекали это моментально, даже те, кто в другое время словно бы невзначай постарался попасться на глаза, а то и выказать каким-либо образом ретивость и преданность, держались поодаль. Гвардейцы личной стражи, как им и полагалось, стояли в нишах и у лестниц, как статуи, ухитряясь не дышать, замерев в совершеннейшей неподвижности. Лакеи при чинах бесшумно отшатывались к стенам, сгибаясь в поклонах, а просто лакеи, ливрейные услужители, ухитрялись становиться невидимками.

И потому Сварог прямо-таки недоуменно вскинул голову, когда ему наперерез довольно-таки энергично ринулся субъект средних лет в палевом с серебряным шитьем придворном мундире, судя по тройным позументам и геральдическим нашивкам на рукавах, пребывавший в чине кабинет-камергера – не самый высокий чин, но и не маленький, нечто вроде капитана в войсках.

Кабинет-камергера этого он смутно помнил, но по имени не знал – чиновных в новом королевском обиталище шныряло не менее сотни, а ливрейных и вовсе неисчислимо, Сварог еще не успел их всех запомнить. Всех знал разве что Интагар, пропускавший через сито тройных проверок каждого, от кухонного мальчишки до хранителя Большой Королевской Печати...

Сварог остановился и вопросительно поднял бровь отработанным жестом. Кабинет-камергер держался почтительно, но без излишней угодливости, и это понравилось.

– Ваше величество, – сказал он вполголоса. – Вы велели пригласить к вам сегодня графа Гаржака... Ваше повеление исполнено, граф во дворце. Поскольку аудиенция неофициальная, из разряда частных бесед, я позволил себе проявить инициативу и объявил графу, что вы его примете в Желтой гостиной... Или вы распорядитесь иначе?

– Да нет, зачем? – сказал Сварог, не раздумывая. – Какая разница? Все правильно, идемте...

Он не успел еще изучить как следует огромное четырехэтажное здание, отведенное под личные королевские покои, но в Желтой гостиной бывал несколько раз, и она ему нравилась – отделана мозаикой из сивланского ян-

таря соответствующих оттенков, все остальное подобрано в тон: портьеры и мебель, вазы и лепнина, гамма от густо-золотистого до светло-соломенного, даже цветы в тех же колерах...

Кабинет-камергер распахнул дверь – светлое дерево в резных узорах, золотистый лак – пропустил Сварога вперед, согнулся в поклоне:

– Прикажете позвать графа?

– Зовите, – сказал Сварог.

Кабинет-камергер бесшумно прикрыл дверь, исчезнув в коридоре. Задумчиво достав из воздуха сигарету, Сварог прошел в глубь гостиной, прикидывая, какое из дюжины кресел удостоить королевского седалища.

Что-то шевельнулось на столе справа. Сварог резко повернулся в ту сторону, так и не закурив.

Из-за высокой фарфоровой вазы, желтой с белыми узорами, в которой красовались незнакомые ему цветы, вышла на задних ногах какая-то небольшая пушистая зверушка, похожая на Караха, но не точная копия, гораздо меньше, величиной с крупного котенка. Этаким комочек светло-серого меха, из которого торчат голые розовые лапки. Длинный пушистый хвост с умильным помпончиком на конце, забавная мордочка, большие зеленые глазки с вертикальным кошачьим зрачком, круглые ушки, влажный серый носик пуговкой. Вид у нее был самый что ни на есть домашний, ручной, так и подмывало посадить на ладонь и пощекотать брюшко.

Зверушка подошла к краю стола и остановилась, добродушно, без всякого страха уставясь на Сварога умными круглыми глазами. Он зажег огонь на кончике пальца, прикурил, выпустил густую струю дыма и дружелюбно спросил:

– Ты откуда взялась?

Зверек вдруг шарахнулся назад, к вазе, налетел на нее пушистой спинкой, жалобно пискнув. За спиной Сварога открылась дверь, незнакомый голос произнес почтительно:

– Государь... ах ты ж мать твою!

В следующий миг Сварог, будучи бесцеремонно отшвырнут в сторону, отлетел на широкий, обитый стеганым атласом диван – и от растерянности не сразу пришел в себя, остался сидеть в неловкой позе. С ним так еще не обходились в собственном дворце...

– Стража! Стража! – во всю глотку орал вошедший, с лязгом выхватывая меч.

Сварог видел только его спину в сером камзоле, перетянутом золотым дворянским поясом. Держась между диваном и столом, незнакомец с поразительной быстротой виртуозил обнаженным мечом, норовя проткнуть зверушку насквозь – а та, истошно визжа, шипя, уворачивалась, металась по столу с невесть откуда взявшимся проворством, так и норовя прыгнуть, но всякий раз перед ней возникало острое, и она отскакивала, уже не добродушная, не дружелюбная, сузив глаза в щелочки, широко разевая пасть с великолепным набором кривых белоснежных клыков – поверить нельзя, что их столько обнаружилось у крохотной зверушки...

– В сторону, государь, в сторону! – орал незнакомец, мельком оглядываясь на Сварога, сосредоточив все внимание на метавшейся по столу зверушке. – Держитесь подальше! Стража, мать вашу!

Грохнула об стену распахнутая дверь, ворвались дежурные гвардейцы с

клинками наголо, с пистолетами наготове, с ожесточенными, оскаленными лицами. Уставились на Сварога, ожидая конкретных приказаний – но он молчал, ничего еще не соображая.

Незнакомец отпрыгнул назад, ловко выхватил у одного из гвардейцев «чертову лапу» – тяжелый двуствольный пистолет, выпалил навскидку. Картечь снопом стеганула по столу, разнеся вдребезги бесценную вазу, сметя ее к чертовой матери вместе со зверушкой, осколки брызнули по комнате, взлетели лепестки цветов...

В следующий миг стрелка схватили несколько рук, и меч, и разряженный пистолет у него выбили, вопросительно воззрясь на Сварога – не прикажет ли прикончить нахала тут же, не доводя дело до суда?

Сварог наконец-то встал. Сделал пару неуверенных шагов, обошел столик, пригляделся. Серая зверушка, пробитая парой-тройкой картечин, уже подыхла – лежала в куче осколков и желтых широких лепестков, конвульсивно дергаясь, затухающе шипя, что твоя гадюка. Пасть у нее разинута во всю ширину – да, вот именно, недурственный набор клыков, и с концов четырех самых длинных еще каплют тягучие струйки зеленоватой жидкости, неприятной на вид...

Что-то тут было не так.

– Отставить, – сказал Сварог, обращившись к охране.

Они моментально отпустили пленника, вытянулись. Сварог пригляделся. Молодой человек лет двадцати пяти, долговязый, худощавый, с лицом, выражавшим характер дерзкий и независимый. Светлые волосы растрепаны, усы подстрижены на кавалерийский манер – концами вниз. Одет, как подобает дворянину, но довольно небогато.

В гостиную уже набилось дюжины две оказавшихся поблизости зевак, они теснились, не переступая некоей невидимой границы, но, как всегда в подобных случаях бывает, строгий придворный этикет соблюдался лишь частично, и в задних рядах вполголоса, возбужденно тараторили – те, кто видел хоть что-то, торопились поделиться с теми, кто ничего не видел вообще, рождались самые фантастические версии происшедшего...

Неприятно оглядев всю эту ораву – тут и стражники, и ливрейные, и наделенные чинами – Сварог нахмурился, распорядился громко:

– А ну-ка, все выкатились отсюда! Нет, вы останьтесь, и вы тоже... – он указал на растрепанного незнакомца и субъекта, хотя и одетого ливрейным лакеем, но, судя по специфической физиономии и особому взгляду, украшавшего своей персоной список доверенных кадров Интагара.

Зеваки хлынули прочь, немилосердно толкая друг друга в дверях, оттапывая ноги. Совсем скоро Сварог остался только с вышепомянутыми двумя персонами. Спросил, глядя на растрепанного:

– Вы, часом, не граф Гаржак?

– Он самый.

– Ну, хоть какая-то ясность... – сказал Сварог. – А это вот что за хрень?

И дернул подбородком в сторону пушистой тварюшки, уже переставшей биться.

– Обитает на окраине Фагерстарских болот, – ответил граф Гаржак деловито. – Более нигде не встречается. У нее – два ядовитых мешочка, яд оттуда идет на четыре клыка. Паскудное создание. Нападает на кого удастся, на человека в

том числе. Прикидывается безобидненькой, а потом – как прыгнет... И пирует на падали.

Сварог моментально сложил в уме два и два – и получил, разумеется, четыре. Тоже мне, бином Ньютона... Повернулся к шпику:

– Тут был кабинет-камергер, румяный такой, не особенно пожилой. Не знаю имени, откровенно говоря, даже внешность толком не помню.

– Мне он известен, государь, – кратко ответил шпик.

– Отлично, – сказал Сварог. – Разыскать подлеца, немедленно! Если успеете... И живьем брать, живьем, чтобы допросить как следует!

Шпик кивнул и пулей выскочил из гостиной. Сварог задумчиво уставился в пол. Нельзя сказать, что он места себе не находил от запоздалого страха, но некий холодок все же прополз по спине – на него совершенно не действовал змеиный яд, но это существо не относилось к змеям, так что последствия могли быть самыми печальными. Вот сволочи...

– Пожалуй, это натуральное покушение, а? – спросил он то ли собеседника, то ли самого себя.

– Несомненно, ваше величество, – серьезно и тихо ответил граф Гаржак. – Конечно, эта тварь могла забраться в трюм какого-нибудь корабля и приплыть с грузом в наш порт, случается подобное со всякой экзотической живностью из далеких земель... Но все равно, чересчур уж фантастическое стечение обстоятельств понадобилось бы, чтобы она забрела во дворец, пробралась незамеченной сюда...

– И аккурат в тот момент, когда у меня здесь назначена аудиенция, – закончил Сварог. – Классическое покушение, чего уж там... И получается, что вы мне ненароком спасли жизнь? Ну, спасибо. Излить на вас щедрой рукой лавину милостей? Что мне стоит, в конце-то концов...

– Был бы крайне признателен вашему величеству, если бы вы обошлись без этих пошлостей, – сказал Гаржак решительно. – Скажу вам по совести, для меня ценен и значим сам факт. То, что я однажды спас от верной смерти короля, и не какого-нибудь завалящего... Ну, так получилось, я бывал в Фагерстаре и знаю этих гадин...

– И что за места? – с неподдельным интересом спросил Сварог.

– Неопишуемый гадюшник, ваше величество, – убежденно сказал Гаржак. – Болота, топи, трясины, непроходимые дебри, масса всякой нечисти и поганых тварей, которые только в тех краях сохранились. Хорошо еще, я прошел *краешком*, а про сердцевину болот рассказывают вовсе уж жуткие страсти, которым охотно веришь. Вот хотя бы взять...

– Об этом – потом, – сказал Сварог. – Нет у меня времени на экзотическую географию... Значит, вы и есть достопримечательный граф Гаржак. Не скромничайте, я листал ваше дело у Интагара. Интересный вы молодой человек, право. Столько проказ, прегрешений и предосудительных приключений за вами числится, что иному, не столь бойкому, хватило бы на семь жизней...

– Очень уж живой у меня характер, ваше величество, – без особого раскаяния отозвался граф. – Не одно, так другое...

– Охотно верю, – сказал Сварог. – Будем откровенны, у вас есть и положительные качества. За вами хватает нарушений закона, но вот *подлостей* что-то не прослеживается. Есть некая незримая грань, которую вы никогда не переступали.

– Приятно слышать, ваше величество.

– Ну, что поделатъ, если это правда, – сказал Сварог. – Не зря же ваш папенька от вас официальным образом отрекся, но герба не лишил все же, а это оставляет лазеечку к примирению и прощению...

– Боюсь, отец на это пойдет исключительно на смертном одре. Он – человек суровый и упрямый... И вполне крепкий, так что, хочется надеяться, до примирения и прощения дойдет еще очень не скоро...

– Ну ладно, это все лирика, – сказал Сварог. – Поговорим о серьезных делах. В свое время, когда король Конгер перед смертью давал мне кое-какие наставления, речь шла в том числе и о вас. Сугубо между нами, но Интагар настаивал, что вас следует повесить, однако король категорически воспротивился...

– Понятно.

– И что же именно вам понятно, граф? – прищурился Сварог.

– Король Конгер был человеком умным и на свой лад справедливым. Ну, а Интагар меня не удивляет. Вполне логично, учитывая наши с ним непростые отношения.

– И как по-вашему, за что он хотел вас повесить?

– У нас с ним разные взгляды на жизнь, ваше величество, – без малейшей заминки сообщил Гаржак. – На слишком многое смотрим по-разному. Он полагает, что все вовлеченные в особого рода деятельность должны стать чем-то вроде часовых механизмов – исполнять приказы, не рассуждая и не обсуждая. Ну, а я... Такой уж у меня дурной характер, ваше величество. Я ему не внесенный в списки штатный подчиненный на твердом жалованьи. Я всегда пытался сохранить столько свободы, сколько возможно. Не за все подряд брался, оставлял за собой право и отказаться иногда, и вступить в спор. Ему это крайне не нравилось, а учитывая, что кое-какие секреты мне были известны, нет ничего удивительного, что он...

– Да, пожалуй, это похоже на Интагара... – сказал Сварог. – Ну, а как же вы уживались с Конгером, с такими-то привычками? Насколько я его знаю, туго пришлось бы тому, кто стал бы ему перечить, прекословить, отказываться от поручений...

– Дело в том, ваше величество, что Конгер, к моему счастью, меня *понимал*. И поставил дело так, что мне никогда, к счастью, не пришлось ему перечить или отказываться...

– Но привычка-то эта у вас осталась, – сказал Сварог. – Никуда не делась. Поэтому возникает вполне закономерный вопрос: что мне с вами делать дальше? Повесить вас никто, разумеется, не повесит, не настолько я неблагодарен. Как можно вешать человека, который спас тебе жизнь? А впрочем, я и до того не собирался вас вешать. Но и использовать вас в прежней роли, знаете ли... Дашь вам поручение, а на вас, чего доброго, очередной стих найдет, станете отказываться, а то и в споры лезть... А я человек хотя и терпимый, но все-таки король, знаете ли, и дела у меня серьезные. Мне нужны толковые исполнители, а не сотоварищи по дискуссиям... Вдруг да не уживемся? А характер у меня – не сахар, откровенно вам признаюсь. Может кончиться для вас плачевно. Не проще ли будет, не мудрствуя, отправить вас в почетную отставку? Подыщем какую-нибудь спокойную должность, жалованье положим неплохое, определим в гвардию или на гражданскую службу...

– С тоски сдохну, ваше величество. Что в гвардии, что на гражданской

службе. Обожаю жизнь беспокойную, не обремененную регламентами... Может, распространите вашу милость настолько, что оставите в прежней службе и в прежнем качестве?

– Можно и так сделать, – сказал Сварог. – Даже Интагар не отрицал при всей своей к вам неприязни, что вы провели несколько блестящих операций... Но могу ли я на вас полагаться, вот в чем вопрос.

– Можете, ваше величество, – твердо сказал Гаржак. – Не сочтите за комплимент, но вы – человек совсем другого полета, нежели Интагар с его рутинной. Я о вас немного наслышан, сами понимаете. И чуется мое сердце, что на *вашей* службе не заскучаешь, и не те у вас будут поручения, чтобы от них отказываться. Поклясться вам гербом, как полагается? Я таких клятв никогда не нарушал...

– Обойдемся без этого, – сказал Сварог. – Иногда подмывает быть великодушным и отказаться от формальных клятв... только имейте в виду, что к людям, когда они в подобных ситуациях не оправдывают доверия, относятся весьма сурово...

– Я знаю, – кивнул Гаржак с серьезным видом. – Можете на меня положиться. Слышал краешком уха про ваши дела, чертовски охота в них поучаствовать...

– Ловлю на слове, – усмехнулся Сварог. – Вы, конечно, уже знаете, какая неприятность у меня вышла в Горроте...

– Да уже все наслышаны, по-моему...

– И что вы думаете об этих летающих каменюках?

– Что тут думать? – деловито сказал Гаржак. – Это либо магия, либо какие-то неизвестные знания, леший ведает, у кого почерпнутые...

– А если я вам скажу, что не обнаружено признаков ни того, ни другого? Ни известной нам магии, ни известных нам знаний?

– Но нам ведь не все известно о магии или знаниях...

– Золотые слова, – сказал Сварог. – А про то, что случилось в Клойне вам известно?

– В самых общих чертах. Болтают всякое... После смерти Конгера я в некоторых... делах уже не участвовал, и Интагар со мной секретами больше не делился. Одни говорят о некоем колдовстве, другие и вовсе невероятные ужасы плетут...

– Ничего особенно ужасного там не было, – сказал Сварог. – Магии, кстати, тоже. Просто-напросто одной безмятежной ночью над городом проплыла капля воды размером со здешний дворец – и обрушилась на мой тамошний замок, снеся все к лешевой матери, погубив уйму народу. Вот и все, если вкратце.

– Ага... В одном случае камни летали сами по себе, в другом – вода. И никаких концов не найти...

– Вот именно, – сказал Сварог. – Я знаю, вы несколько раз бывали в Горроте. По деликатным делам. Вот мне и стало интересно: что вы думаете о Горроте? Есть там что-то потаенное? Что вообще из себя представляет король Стахор? У меня под началом оказалась целая куча тайных служб, я велел приготовить отчеты, и они постарались на совесть. Но отчеты готовили люди высокопоставленные, те, кто сидит в золоченых кабинетах, и сами давненько уж не отправлялись на выполнение деликатных поручений... если вообще отправля-

лись. А вы там бывали... Что скажете?

– Начнем со Стахора?

– Начнем со Стахора, – кивнул Сварог.

– Ну, Стахор... – Гаржак добросовестно задумался, на его лице отразилась усиленная работа мысли. – Пожалуй, в нем нет ничего, что его как-то отличало бы от других горротских королей, как прежних, так и нынешних. На трон уселся восемь лет назад, когда ему было двадцать два, после того, как его отец умер самым естественным образом. Умный человек, с характером, министров подобрал дельных, но особенно много им не передоверяет, старается сам вникать во все мало-мальски важное. Из тех, кто *сам* правит, понимаете? Не промах насчет придворных красоток, остроумный, охотой увлекается в меру, книги почитывает... Может и голову снести, но *глупого* тиранства в нем нет... Если охарактеризовать стратегически – тот еще противничек. С таким придется повозиться.

Сварог усмехнулся:

– Ну, я это и сам понял, когда на меня с безоблачных небес сыпались камешки размером с дом... А *сам* Горрот? Характеризуя стратегически?

– Горрот, Горрот... – Гаржак потер лоб, задумчиво улыбнулся. – Знаете, ваше величество, если подойти беспристрастно, там пока что не замечено ничего *потаенного*. Ничего, что делало бы это королевство необычным. Ну да, я знаю, когда-то давным-давно, в незапамятные времена, еще до Шторма, там вроде бы, согласно байкам, была населенная черными магами страна, и на троне восседал самый главный из них, Шелорис... Только, по большому счету, государь, все это происходило настолько давно, что не осталось точных сведений. Если вообще происходило. Ничего ведь нет, кроме сказок и легенд. Леший ведаёт, что там творилось до Шторма. Сейчас, во всяком случае – страна как страна, народ как народ. Нечисти и магов по темным закоулкам не больше, чем в других державах. Совершенно не за что зацепиться.

– И тем не менее там что-то происходит, – сказал Сварог. – Кроме того, о чем мы с вами говорили, случалось и еще кое-что, того же пошиба...

– Объяснение у меня одно... Тех, кто устраивает всю эту, грубо выражаясь, хренотень, слишком мало, и они очень уж надежно укрыты. Какая-то кучка при самом короле, и круг посвященных настолько узок, что наружу ничего не просачивается. Иначе давным-давно хоть кто-то узнал бы хоть что-то... – он помолчал. – Я вас разочаровал, государь?

– Ничего подобного, – сказал Сварог. – Я сам пришел примерно к тем же выводам, и то, что вы их подтвердили, уже неплохо.

Вообще-то у меня есть след, подумал он. Запись происшедшего тогда у крепости Корромир преспокойно лежит в архивах. Те, кто выпустил эту странную, зажигательную собаку, определенно люди в чинах, не мелкие и не случайные. Их можно опознать, это будет не особенно трудно – и тянуть эту ниточку, аккуратно разматывая клубок. Прокрутить запись графу, задействовать системы наблюдения... Что-то да получится.

– Кое-какие идеи у меня есть, граф, – сказал он задумчиво. – И мы с вами в скором времени...

В дверь деликатно поскреблись. Сварог подошел, чуть ее приоткрыл, увидел усатую, исполненную преданности и служебного рвения физиономию молодого гланского глэрда, племянника Баглю, поставленного командовать те-

ми, кто денно и ночью охранял «аэродром». Мать твою, подумал он с тревогой. Только не говорите мне, что и там что-то нехорошее стряслось...

– Ну? – настороженно спросил он.

– Ваше величество... – зашептал глэрд, сторожко поглядывая через его плечо на незнакомого ему Гаржака. – Там, на крыше, лауретта... Красивая такая, незнакомая. Неизвестно откуда взялась, из воздуха. Значит, изволила прилететь, как вы вот давеча... Не простая, надо полагать, а как бы не *оттуда*. Требуется вас...

«Мара!» – вспыхнула у него шальная надежда и тут же погасла. Этот парень был прекрасно знаком с Марой еще с недолгой осады замка Барраль, служил под ее началом в Медвежьей Сотне, пусть и недолго, не мог бы ее не узнать...

– Сейчас, – сказал он тихо. Вернулся в комнату, подозвал Гаржака. – Я вынужден уйти, граф, государственные дела. Найдите кого-то из холуев, скажите, чтобы вас поселили в доме для «гостей короля», сошлитесь на меня. Возможно, вы мне понадобится уже сегодня...

Он быстро шагал по коридорам, наплевав на предписанное этикетом королевское достоинство, требовавшее не идти, а *выступить*, поднялся по лестнице, прыгая через три ступеньки. Усатые верзилы в клетчатых юбках расступились заранее, едва завидев его издали, и Сварог прямо-таки выскочил на крышу, под открытое небо.

Его догадка подтвердилась полностью: посреди крыши стоял прекрасно ему известный драккар императрицы – в окружении шести машин Серебряной Бригады, и повсюду, куда ни глянь, торчали в напряженных позах стрелки означенной Бригады, держа наготове свои хитроумные пушки. Сварог моментально прикинул: шесть драккаров, не менее сорока телохранителей, практически весь личный состав «серебряных». Меры безопасности – чрезвычайные. Что-то опять стряслось.

Девушка в дорожной дворянской одежде двинулась ему навстречу, мгновенно испарился облик-наваждение, фальшивая личина, гостья, как уже стало ясно, оказалась юной императрицей.

Он не успел ничего сказать, как-то отреагировать – Яна схватила его за руку и потащила к своему драккару. Оторопевший Сварог дал себя запихнуть в машину. Устроился на сиденье и вопросительно посмотрел на Яну, выглядевшую усталой, осунувшейся, даже, такое впечатление, готовый заплакать.

– Случилось что-то? – спросил он осторожно.

– Да. На островах Гуломан.

– Это где такие? – искренне удивился он. – Что-то не припомню...

– Я тоже с трудом вспомнила, – сказала Яна, устало глядя перед собой. – Полдюжины крохотных, необитаемых островков на полночном полюсе. Никому не нужные голые скалы вдали от морских путей... Короче говоря, сегодня ночью один из островков был уничтожен ядерным взрывом практически на чисто. Взрыв наземный, мощностью примерно в пятнадцать мегатонн. Есть запись службы наблюдения... Посмотришь?

Сварог кивнул, молча, не находя слов. Яна коснулась пульта, и на лобовом стекле вспыхнул экран. Качество записи, конечно, было фантастическое – Сварог словно висел сейчас над ночным океаном на высоте пары лиг и смотрел, как внизу вспыхивает нестерпимо яркая точка, разбухает, превращаясь в неотвратимо растущий холм желто-багрового пламени, исполинским грибом

несущегося в небеса – прямо ему в лицо. Гриб резко отпрыгнул влево – это, надо полагать, резко сместился вправо летающий объект, с которого вели съемку, и разбухающий, растущий гриб поднялся выше уровня глаз наблюдателя, все выше и выше, клубясь пламенным шаром, кутаясь в облака тяжелого черного дыма, распространяя сияние – пульсирующее, зловещее, адски горячее, несомненно, но на вид отчего-то казавшееся холодным как лед...

– Вот так, – сказала Яна. – Классический ядерный взрыв. Примерно с этого момента я сама наблюдала, как он растет, уходит в стратосферу...

– Ты?!

– Ну да. Понимаешь ли, взрыв случился как раз в то время, когда Келл Инир стоял над полночным полюсом. Автоматика моментально подняла тревогу, отвела замок в сторону, тут же включились защитные поля, так что никто не пострадал. Вообще, вреда от него не будет и земле – места совершенно безлюдные, от излучения и ударной волны никто не пострадал, а образовавшееся радиоактивное облако перехватили и обезвредили корабли Магистерии...

– Прах меня побери, – сказал Сварог. – Ты изъясняешься, как заправский специалист по ядерной физике...

– Ничего удивительного. Пришлось кое-что изучить в лихорадочном темпе. Ядерная энергия считается позавчерашним днем, но все архивы сохранились... – она посмотрела Сварогу в глаза. – Это не природный феномен и не магические забавы. Вообще-то так с самого начала думали, но *некто* особо позаботился, чтобы мы ненароком не свернули на ложный путь, не тратили время... Когда на то, что осталось от острова, высадились эксперты, вокруг плавало несколько десятков стеклянных шаров. Что-то вроде буйков. Самые обыкновенные шары из тонкого стекла, и каждый украшен четкой надписью: «Небольшой сюрприз для великой империи». Эксперты заверяют, что шары ни за что не уцелели бы, окажись они там до взрыва. В воду они попали уже определенно после того, как гриб от взрыва поднялся достаточно высоко...

– Очаровательно, – сказал Сварог. – Не только напакостили, но и визитную карточку оставили, чтобы не было никакой ошибки... Вот, значит, по какому поводу собралось сверхсекретное совещание, куда меня отчего-то не позвали вопреки заведенному порядку. У меня, кажется, есть кандидат в подозреваемые...

– У нас тоже, – сказала Яна. – Почти сразу же вспомнили о письме, которое ты привез из Хелльстада. Подземная страна крохотных человечков под названием Токеранг. Они ведь упоминали, что располагают ядерным оружием... правда, это мог быть и блеф. Но оказалось, не блеф. К тому времени уже было известно, что у них есть подводные лодки...

– Вот именно, – сказал Сварог горько. – Все совпадает... Меня что, не хотели беспокоить посреди ночи? Или есть еще какой-то мотив?

Яна отвела взгляд, но тут же посмотрела ему в глаза:

– Извини, конечно... Но это я распорядилась тебя не вызывать. И, как выяснилось, оказалась права. Нашлись люди, которые высказывали в твой адрес всевозможные... гипотезы.

Сварог посмотрел на нее довольно неласково:

– Ну разумеется, не первый раз... Логика железная: поскольку эти лилипуты обитают под моим Хелльстадом, следовательно, я с ними в сговоре, тут и

гадать нечего. Хочу вызвать всеобщее смятение и под шумок возвести себя на трон империи. Так ведь это формулировалось?

Яна смущенно ерзала на сиденье, старательно отводя взгляд.

– Ну что уж там, давай без церемоний, – сказал Сварог. – Так все было?

– Не совсем. Это не «формулировалось», а просто высказывалось некоторыми в качестве одной из версий, требующих, разумеется, точных доказательств...

– Ну, невелика разница, – сказал Сварог. – Что пнем по сове, что сову об пень...

Яна сверкнула на него глазами:

– Только не смей думать, будто я тебе не верю! Я-то тебе верю, понятно? И из них тоже вряд ли кто-то всерьез думает, что ты заодно с этими... Просто... просто они говорят, что вынуждены учитывать все возможные варианты. Разумный цинизм, необходимый в государственных делах. Ты же сам король, должен понимать...

– Самое смешное, что я эту логику вполне понимаю, – сказал Сварог медленно. – И нисколько не обижаюсь. Просто-напросто в душе остается неприятный осадок... Доказательств нет, а подозрений с меня никто не снимает. Вот и доказывай теперь, что ты тут ни при чем.

– Теперь понимаешь, почему я тебя не вызывала? Могла возникнуть глупая склока, это только повредило бы делу... Я решила поговорить с тобой с глазу на глаз, доверительно...

– Приятно слышать, – сказал Сварог. – Благодарю за доверие...

– Перестань, пожалуйста, – сказала Яна тихим, беспомощным, почти жалобным голосом. – И без тебя тошно...

– Прости, – сказал Сварог после неловкого молчания. – У меня тут неприятности, хлопот полон рот, нервы на пределе... Значит, вот так. Демонстрация немаленьких возможностей, и визитные карточки вокруг рассыпаны, чтобы без всяких неясностей... Ну конечно. Они должны знать, что мы о них знаем. Но не в том дело... Я иногда, когда отыщется время, вновь вспоминаю эту историю и добросовестно ломаю голову над одной-единственной загадкой: почему те, кого, очевидно, следует условно именовать оппозицией, так и не вышли с нами на связь?

– Оппозицию могли известить под корень, – сказала Яна. – Начисто.

– Так не бывает, – энергично возразил Сварог. – Точно, так не бывает. Всегда кому-то удастся уцелеть, и он начинает думать о мести. А случается еще, что оппозиция, пусть и изведенная под корень, становится примером для других, которые ради совершенно других целей начинают пользоваться теми же методами. Тут главное – показать пример... Развитая техника – это довольно сложно устроенное общество. Что, в свою очередь, означает существование многих групп с самыми разными интересами...

– Ну да, – сказала Яна. – Эксперты примерно то же самое говорят. Создали массу теоретических моделей, играют в стратегические и тактические *вероятности*... Так что перестань, пожалуйста, гадать. Все равно экспертов ты не переплунешь. А теории меня сейчас совершенно не интересуют. Нужна *практика*. А вот практических вариантов никто мне и не смог не то что обосновать, но даже предложить. Чисто абстрактные рассуждения о нашей невероятной мощи, о том, что при нужде мы без особых хлопот сметем не то что

континент, а всю планету... Облако пыли на орбите от нее оставим...

Сварог внимательно посмотрел на нее:

– А ты-то сама готова отдать такой приказ? Чтобы от Талара осталось лишь облако пыли?

– Ни в коем случае, – сказала Яна, не промедлив нисколечко. – Разве что в случае... в случае какой-то невероятно глобальной и страшной угрозы, когда и в самом деле встанет вопрос: либо всему миру уцелеть, либо планете погибнуть. Пока что я такой угрозы не вижу. В конце концов, против нас ядерное оружие бессильно. Любая ракета будет перехвачена, а подводные лодки... Через пару недель, когда начнут работать новые станции слежения, мы сможем их засекать.

Вот именно, для вас, подумал Сварог. А для всех остальных? Он представил ядерный гриб, во всем своем смертоносном великолепии растущий над Равеной или Клойном, и ему стало не по себе.

– Ты их еще не нашел? – спросила Яна. – У себя, в Хелльстаде?

– Я тебе, по-моему, никогда не врал, – сказал Сварог. – Не нашел. Теоретически понятно, что они где-то под Хелльстадом, можно даже примерно определить район – неподалеку от ронерской границы. Если их вертолеты смогли выбраться на поверхность, значит существовал достаточно удобный выход. Но сомневаюсь, что он и сейчас открыт. На их месте, после боя и всего последующего, я бы такой проход подорвал и завалил. Вряд ли им это не пришло в голову... Ищу. И безуспешно. Слишком многое в Хелльстаде, как оказалось, было *замкнуто* на моего покойного предшественника, хранилось исключительно у него в голове... А ваша техника там не сработает, и я опять-таки не знаю, почему. Ничего, я их найду... Я им никогда не прощу Делию, у меня свои счета... Можно тебя спросить? Против меня что, всерьез копают?

Яна горделиво выпрямилась, сказала с прекрасно знакомой уже Сварогу горделивой спесью:

– Главное, чтобы тебе доверяла я. Я тебе доверяю. Следовательно, всех остальных можно не принимать в расчет... И мало того... Хочешь выслушать неожиданное предложение?

– Ну...

– Мы об этом уже говорили когда-то, но на уровне допущений... Теперь вопрос стоит крайне серьезно. Я все обдумала тщательно и всерьез. Как ты посмотришь, если я тебя сделаю канцлером... а также, если можно так выразиться, всем остальным?

– То есть?

– То есть, я тебя назначаю чем-то вроде сатрапа и тирана, – сказала Яна серьезно. – Ты подчиняешься только мне, а сам командуешь решительно всем – армией, восьмым департаментом, администрацией.

– А прежних куда? – усмехнулся Сварог.

– На почетную пенсию.

– Лихо...

– И, между прочим, вполне реально. Ты же помнишь, как я пару месяцев назад *упростила* управление империей? Все теперь замкнуто на десяток человек – канцлер, Гаудин, еще несколько. Гвардия и Серебряная Бригада выполняют любой мой приказ. Ты будешь... ну, назовем вещи своими именами. Диктатором ты будешь.

– А – зачем? – тихо спросил Сварог. – По большому счету?

Яна ответила, опять-таки не промедлив не секунды:

– Потому что я убедилась: они больше не годятся. И канцлер, и Гаудин, и остальные. Они были на своем месте в *прежней* ситуации, а теперь, когда многое меняется буквально на ходу, когда возникают новые опасности и новые проблемы, они просто не способны перестроиться. Ты согласен?

– Согласен, – осторожно ответил Сварог. – Но не пойду в диктаторы.

Вот она, вершина карьеры, подумал он тоскливо. Взлететь настолько, что выше просто некуда. Но в том-то и грустная пикантность ситуации, что этот пост совершенно не привлекает – мы же не юные романтики, в конце-то концов...

– Почему?

– Из чистого расчета, – сказал Сварог. – Хладнокровного и где-то откровенно циничного. Хорошо, ты их всех выгонишь на пенсию, и я буду диктаторствовать, и меня даже никто не зарежет... Вот только это ничем не поможет ни мне, ни тебе. У меня не появится никаких новых возможностей. Разве что смогу распоряжаться той самой невероятной мощью, которая как раз по причине своей невероятности ни на что толковое не годится... Понимаешь? Обдумай все еще раз – и убедишься, что я прав. Зачем мне армия, которую не бросишь в бой? Зачем мне восьмой департамент, который так и так не способен оказался работать в *новых* условиях? Нет, пусть все остается по-прежнему. Я постараюсь этих недомеров отыскать с помощью того, чем сейчас располагаю... И знаешь... Почему мы решили, что там, внизу, оппозицию вырезали под корень? Тебе не приходило в голову, что она как раз победила?

Он улыбнулся, видя на лице Яны безграничное удивление, и продолжал серьезно:

– Я над этим уже думал... Действительно, почему мы решили, что авторы того письма проиграли? Может, наоборот? Вспомни-ка: письмо вовсе не похоже было на униженное прошение. Наоборот. В нем определенно присутствовал легонький шантаж, они выступали не просителями, они довольно прозрачно намекали, что хотят предложить некий торг... Ядерный взрыв в отдаленном уголке планеты тоже больше похож на шантаж и прелюдию к долгому торгу... Попробуй рассмотреть происходящее и с этой точки зрения. И не хмурься так, мы вовсе не загнаны в угол, а это главное...

– Я не потому в тоске, – сказала Яна, отчаянно пытаясь улыбаться безмятежно и весело, что получалось у нее плохо. – Просто, понимаешь ли... Я в некоторый момент обнаружила, что реальность совсем не похожа на то, что мне представлялось поначалу. Когда я вступила на престол, все выглядело совершенно иначе – устоявшимся, неизменным, лишенным сложностей. А оказалось, впереди сплошные неожиданности, нечеловеческие хлопоты и сложности...

– Тебе чертовски повезло, – сказал Сварог, подумав. – Иллюзии рассыпались, когда тебе было совсем немного лет. А мне вот пришлось с иллюзиями расставаться чуть ли не в старости. Я поначалу решил, болван, что королем быть невероятно легко: рывкнешь, грохнешь кулаком по столу, издашь полдюжины указов, в крайнем случае прикажешь снести парочку голов – вот и вся недолга, ничего сложного. А оказалось, это такая каторга... Ничего, прорвемся.

...Он не смотрел вслед взлетевшим драккарам – сразу же энергично развер-

нулся и сбежал по лестнице. Поймал зашивую золотом ливрею первого попавшегося холуя и вполголоса распорядился:

– Интагара в Желтую гостиную. Немедленно. Хоть из-под земли, хоть с того света...

Не было необходимости, пожалуй, столь категорично отдавать приказ касаемо главы тайной полиции. Была у Интагара крайне полезная для Сварога привычка – когда в Интагаре возникала срочная и насущная надобность, он возникал словно из-под земли. Вот и теперь объявился самое большее через пару минут после того, как Сварог вошел в Желтую гостиную, сердито грохнув дверь.

– Вот кстати, – сказал Сварог неприятным голосом. – А кто это к нам соизволит в гости заглянуть? Глава тайной полиции собственной персоной, которому я плачу приличное жалованье, чинами одаряю, два ордена пожаловал и даже не повесил ни разу... Не подскажите ли, господин Интагар, что это за экзотическая живность гуляет у меня по дворцу, как у себя по чащобе? Да вдобавок ядовитая, стерва, как три гадюки...

И он ткнул пальцем в сторону столика, где по-прежнему лежало в куче осколков и начавших уже вянуть лепестков маленькое, но смертельно опасное создание.

– Это мой промах, государь, – сказал Интагар, превратив бульдожью физиономию в маску почтительности и непритворной скорби. – Любые оправдания тут бесполезны.

Я всего лишь хочу смиренно уточнить, что от инцидентов, подобных сегодняшнему, уберечься невозможно. Простите, но именно так и обстоит. Когда во дворце постоянно обитают несколько сот человек, рано или поздно кто-то *проскочит* меж расставленных сетей... Ученые математики для этого даже изобрели какой-то специальный термин...

– Другими словами, математиков вместо вас и следует повесить. – Прищурился Сварог.

– Я не это имел в виду...

– Ладно, – сказал Сварог. – Все хорошо, что хорошо кончается. Вот за что я вас все-таки ценю, дружище Интагар, так это за то, что вы не подонок. Пробы на вас ставить негде, но вы не подонок. Не стали вину перекладывать на начальника дворцовой стражи, хотя он, если разобраться беспристрастно, виновен не менее вас, он ведь, как и вы, обязан проверять благонадежность дворцовых дармоедов...

– Я не раз говорил, что вам следует усилить охрану...

– Чтобы пара-другая придурков за мной топала по пятам?

– Хотя бы.

– Я тоже краем уха слышал о математических забавах, – сказал Сварог. – Помоему, согласно той же самой математической теории с тем же успехом один из телохранителей может мне однажды вогнать нож в спину... Есть такая вероятность?

– Увы...

– Ладно, – повторил Сварог. – Некогда мне устраивать вам выволочку. Когда-нибудь, когда проштрафитесь всерьез, я вам припомню и старое, и новое, как это у королей водится... Займемся делом. Вы не забыли, что должны были представить мне сводку о любых упоминаниях о крохотульках?

– Прекрасно помню, ваше величество. Но вы же сами говорили, что на первом месте у нас – Горрот...

– Обстоятельства изменились, – сказал Сварог. – Детали вам неинтересны, это совершенно наше дело, уж не взыщите. Но одно вы запомните накрепко: все уходит на второе место. Абсолютно все, ясно вам? На первом месте у нас отныне будут крохотульки, это не моя прихоть, не королевская блажь, а самая опасная для меня на данный момент угроза. Вбейте себе в голову, что все так и обстоит... Сроку вам – до вечера, хоть из кожи вон вывернитесь!

Глава четвертая

Случайные ужасы и нечаянные радости

В одном из своих малых кабинетов – коих насчитывалось с полдюжины – Сварог отпер затейливым ключом высоченный гардероб и достал светло-зеленый с серебром мундир капитана дворцовой стражи, в который тут же и облачился. Встал перед зеркалом, поправил пояс с мечом, золоченые аксельбанты и прочие висюльки. Произнес нужные слова и, скрупулезности ради проведя рукой по лицу, убедился, что заклинание и на сей раз исправно работало: пальцы ощутили совершенно чужую физиономию.

Вышел в коридор и неторопливо направился к парадному входу. Он еще три недели назад придумал этот фокус, позволявший расхаживать по дворцу, не привлекая лишнего внимания. Все, кому это надлежало, прекрасно знали, что этот капитан облечен особым доверием короля, пребывает в фаворе, выполняя деликатные поручения, а потому имеет доступ куда только можно и пользуется особыми привилегиями. Кое-кто наверняка догадывался, как обстоит на самом деле, но болтать языком не решался... Интагар уж точно знает, слишком хитер...

Одним из немногих, заранее посвященных Сварогом в тайну, был глэв Калэб, пожилой, с проседью, на первый взгляд, – вылитый старослужащий капрал, не блещущий особенным умом и сообразительностью. На деле же он давным-давно работал в тайной службе Баглю, куда не принимали ни дураков, ни тугодумов. При Свароге он на всякий случай контролировал Интагаровы дела, насколько это было возможно – таковы уж неписанные правила толкового короля, не может быть у него одной-единственной тайной полиции, во всех отношениях предпочтительнее, когда их с полдюжины. Бюрократических проволочек и нестыковок, конечно, прибавляется, зато присмотр надежнее...

Вот ему-то Сварог сообщил, куда направляется. И знакомыми коридорами вышел на галерею, опоясывавшую на приличной высоте огромный светлый зал Королевской приемной, где, как обычно, яблоку негде было упасть. Чинные разговоры вполголоса сливались в неумолчный гул, напоминавший рокот вхолостую работавших мельничных жерновов; благородные дворяне обоего пола, титулованные и простые, прохаживались группами, парами и по одиночке, теснились вокруг записных остроумцев и игорных столов, вышколенные лакеи с невероятной ловкостью пробирались меж раззолоченных сливок общества, балансируя огромными подносами с мороженым и прохладительными напитками (спиртного тут не полагалось исстари, поскольку считалось, что Королевская приемная – это вам не таверна).

Какое-то время Сварог добросовестно пытался определить невооруженным глазом Интагаровых шпигов, которых здесь имелось немало, но, как и следовало ожидать, окончилась эта затея ничем. Поди угадай, кого из обладателей золотых поясов и золотых ожерелий бульдог завлек в свои сети, играя на слабостях человеческих, компромате и тщеславии людском...

Королевская приемная была одной из тех стариннейших и в общем безвредных традиций, на которые у Сварога не хватило духу посягать. Прежде всего оттого, что это скопище бездельников никому не мешало, а вот информацию иногда шпики выуживали бесполезную...

«Приемной» этот зал именовался не вполне правильно. Никого отсюда никогда не приглашали к королю. Для тех, кто являлся во дворец по королевскому вызову или будучи приглашенным на церемониальное мероприятие, существовали другие входы и другой порядок. Просто так уж повелось с незапамятных времен, поскольку теоретически считается, что любой дворянин может быть в любой миг призван пред королевские очи, следует содержать специальное помещение, где дворяне таковые с максимальным комфортом смогли бы дожидаться случая. Иные толкались тут лет тридцать кряду, так и не удостоившись за это время аудиенции. Что, заметим в скобках, никого особенно не печалило – просто-напросто допуск сюда сам по себе считался одной из исконных привилегий, чуть ли не знаком отличия. Хорошим тоном считалось небрежно обронить: «Ну да, разумеется, я поутру ежжу в Королевскую приемную...» Соответственно, отлучение от сего зала считалось крупной немилостью и непременно оформлялось соответствующим указом самодержца.

Высмотрев нужную персону, Сварог неторопливо спустился по витой каменной лестнице и направился в ту сторону. Перед ним словно бы невзначай расступались высокородные господа, даже графы и герцоги, поскольку данный капитан, как уже упоминалось, считался доверенным лицом короля, фаворитом, прочно сидевшим на своем месте, и относиться к нему следовало со всем респектом...

Как и следовало ожидать, благородный граф Сагудан обретался здесь вместе с супругой и дочерью, каковую, по точной информации, давненько уж пытался подсунуть Сварогу в качестве очередной фаворитки. Согласно тем же исконным традициям. Он бы и жену попытался пропихнуть в королевскую опочивальню, но, учитывая ее почтенный возраст, заранее отказался от подобных попыток...

Сварог оставался тверд, как скала. Юная графинечка была, в общем, довольно приятным созданием, но, по достоверным данным Интагара, дарила своей благосклонностью чересчур уж многочисленных вертопрахов, от придворных кавалеров до дворцовых псарей помоложе и с обхождением. Так что Сварог резонно полагал: королю негоже стоять в очереди, к тому же без всякой уверенности, что он окажется в ней последним...

Сам по себе граф для него никакого интереса не представлял – мало того, что спесив, так еще и глуп. Однако была у него одна-единственная, чрезвычайно ценная в некоторых случаях черта: он был всезнайкой. Как губка, впитывал чуть ли не все кружившие по столице пересуды, сплетни, пикантные рассказы и слухи. Оставалось лишь, когда в том возникала нужда, отделить зерна от плевел.

Сварог подошел к ним и раскланялся, приложив к шляпе один лишь указа-

тельный палец – только неотесанная деревенщина в таких случаях бралась за поля бадагара всей пятерней. Граф, толстяк с красной рожей выпивохи и жуира, пренебрегавшего пустяками вроде апоплексии, приветствовал его со всей возможной почтительностью. И, конечно же, сходу взял быка за рога:

– Милейший капитан, извините за назойливость, но вы же сами говорили, что его величество совсем скоро утвердит новый список фрейлин... По знатности рода, по нашей извечной преданности монархам моей кровиночке там самое место... Благодарность моя была бы безграничной...

Вышепомянутая кровиночка, изрядно декольтированная, взирала на Сварога так томно и преданно, что не оставалось никаких сомнений – лично она готова отблагодарить господина капитана за эту услугу, абсолютно не мешкая, тут же, за ближайшей портьерой. Ну уж хрен вам, дорогие мои, подумал Сварог беззлобно. Обойдусь и без таких фрейлин, должна же при дворе сохраняться хотя бы зыбкая видимость морали и нравственности. Тем более что последние донесения касаясь этой особы поступили не далее как вчера – не только псари, но и придворные конюхи, извольте знать. Но хороша, шлюха такая, чего уж там. Не будем ни от чего зарекаться...

Деликатно взяв под локоток графа, Сварог отвел его в сторону, где нашлось уединенное местечко. Граф покорно семенил рядом, вполголоса поминая про безграничную благодарность – весьма, впрочем, осторожно, учен был горьким опытом; Сварог уже однажды отшил его, не выбирая выражений, когда его светлость попытался вульгарно совать «капитану» кошельки с золотом и дарственные на деревеньки...

– Любезный граф, – сказал Сварог вполголоса. – Право же, я всегда чувствовал к вам неизъяснимую симпатию, и при первой же возможности попытаюсь для вас что-нибудь сделать... А чтобы вы не сомневались в моем дружеском расположении, я вам по величайшему секрету расскажу, каким образом можно снискать благосклонность короля. Надеюсь, это останется между нами?

Граф закивал с величайшим энтузиазмом – надо полагать, действительно не собиравшись с кем-то делиться столь полезными секретами...

– Есть одна старая, весьма загадочная тайна, которой ее величество в последнее время увлечен, – сказал Сварог совсем тихо. – Доверюсь вам по-дружески: любой, кто доставит королю не сплетни и не басни, а точную информацию, может рассчитывать на щедрейшее вознаграждение. Узнав это, я в первую очередь подумал о вас...

Граф обратился в слух, пылая яростной надеждой.

– Есть старая легенда... – сказал Сварог. – Якобы где-то по соседству с нами, то ли в прилегающих лесах, то ли в самой Равене или Латеране обитают крохотные, с мизинец, человечки. Вполне реальные люди, а не персонажи из сказки, только крохотные. Король хочет об этом узнать как можно больше. Причины мне неизвестны – кто мы такие, чтобы обсуждать монаршую волю? Главное, одно известно совершенно точно: это не мимолетный каприз, это настоятельное королевское желание, и тот, кто его величеству потрафит, честное слово, попадет в случай...

– Леший меня задери! – выдохнул граф с чрезвычайно азартным лицом. – А ведь я о чем-то подобном в свое время слыхивал... Не могу сейчас вспомнить точно, что, где и от кого, но ходили такие разговоры... Капитан, золотце мое, я

вас умоляю, не делитесь пока этим секретом с кем попало! А я, со своей стороны, твердо вам обещаю: из кожи вон вывернусь, но разузнаю, что возможно!

– Только помните: не слухи и сказки, а достоверная информация, – сказал Сварог. – Королю не замажешь глаза дешевыми враками...

– Ну разумеется, разумеется! Будьте благонадежны...

– Я на вас полагаюсь, граф, – сказал Сварог с тонкой улыбкой заправского придворного интригана, поклонился и направился прочь, уже ни на кого более не обращая внимания, разве что напоследок окинув мимолетным взглядом прекрасную, морально неустойчивую графскую доченьку, не видевшую особой разницы меж атласными покрывалами и охапкой соломы в придворной конюшне.

Покинув приемную через парадный вход, он целеустремленно пошел к боковым воротам, миновал стражу, не удостоив ее и взглядом, свернул налево, где во множестве теснились аккуратные домики, принадлежавшие различным дворцовым службам и особо доверенной обслуге, имевшей право жить на территории дворца. Попасть сюда было людям из внешнего мира гораздо проще, чем, скажем, в королевскую резиденцию, хотя и тут имелись свои ограды, своя стража, так что соблюдались некоторые строгости...

В одном из таких домиков с недавних пор прочно обосновалась верная колдунья Грельфи, как-то незаметно превратившая свою скромную обитель в штаб-квартиру самой натуральной секретной службы, пусть и не блиставшей пока особенными успехами, но отнюдь небесполезно с прицелом на будущее; так что Сварог без возражений согласился эту новую службу финансировать из казны, в разумных пределах, конечно, поскольку казна, как известно, не резиновая даже с учетом безжалостно раскулаченного Балонга...

Атмосфера царила, он убедился, самая что ни на есть рабочая: в передней толклись с таинственными рожами какие-то загадочные молодцы авантюрного облика, закутанные в плащи, градские обывательницы с физиономиями профессиональных сплетниц, плутоватые господские лакеи и прочий скользкий народец, от которого порой бывает немало пользы небрезгливому и непредубежденному человеку.

Как завсегда, Сварог, не мешкая, направился к неприметной двери в углу, распахнул ее решительно, отодвинул с дороги крепкого малого с дубинкой под полой кафтана. Взбежал на второй этаж по крутой скрипучей лесенке, для приличия постучал в дверь и тут же распахнул ее, не дожидаясь приглашения – король, знаете ли, везде у себя дома, куда бы его ни занесло...

То, что он увидел внутри, более напоминало не деловую встречу, а дружеские посиделки. На столе, покрытом аккуратной скатеркой с таромайскими узорами в крупную клетку, возвышалась приличных размеров бутыл «Слез дракона», опорожненная едва на треть. Разделенные тарелками с небедной закуской, за столом сидели Грельфи и, вот чудо, отец Алкес из Братства святого Круахана, многолетний начальник Багряной Палаты, доставшийся Сварогу в наследство от Конгера и оставленный в прежней должности, поскольку был человеком устрашающей энергии и редкой преданности, как многие, прошедшие суровую конгеровскую школу.

– Так-так-так, – сказал Сварог весело, уставясь на бутыл. – Вот, значит, куда идут ассигнования из секретных фондов?

Отец Алкес, высокий костлявый старик в поношенной коричневой рясе,

установился на него выжидательно, но определенно неприязненно. О том, кто скрывается под личиной капитана дворцовой стражи, он пока что представления не имел.

Перехватив взгляд старухи, Сварог кивнул.

– Это, святой отец, король Сварог собственной персоной, – сказала Грельфи. – Только под чужим обликом – ну, сами понимаете, так оно удобнее по дворцу расхаживать, чтобы не липли просители и прочий безответственный люд...

– Сидите, сидите, – сказал Сварог, видя, что монах почтительно приподнялся. – Мы тут попросту, без чинов... Пожалуй, я себе тоже налью, если вам не жалко.

Он достал из высокого старинного буфета еще одну чарку, подсел к столу запросто.

– Грех вам, государь, – сказала Грельфи обиженно. – Вино на свои деньги куплено, не настолько уж я бедная, чтобы казну обирать...

– Да знаю я, – сказал Сварог, набулькивая себе до краев. – Рад вас видеть, святой отец. Я так понимаю, вы уже установили нормальные рабочие отношения, познакомились?

Старуха громко расхохоталась. Отец Алкес, гораздо более скупой на эмоции, тем не менее ухмыльнулся.

– Мы, ваше величество, знакомы чуть ли не полсотни лет, – сообщила Грельфи. – Уж сорок пять-то по крайней мере. Вот разве что не виделись давненько. А когда-то свели самое тесное знакомство. Уж как меня тогда искали и ловили по всей Равене сыскари отца Алкеса – до сих пор вспомнить жутко. Почитай весь город перевернули... И попадись я вам тогда, вся из себя юная и прекрасная, вы ведь, злыдень известный, непременно бы меня на монфоконе спалили, как крестьяне хорька, изловленного в курятнике?

– Не стану отрицать, – скупое усмехнулся отец Алкес. – Вы, уж простите за откровенность, этого тогда вполне заслуживали. Достаточно вспомнить, сударыня, как вы тогда торговали направо и налево и притворным зельем, и отворотным, и даже «стеклянной пылью», что вовсе уж не лезло ни в какие ворота и безусловно подлежало самому строгому наказанию... как и теперь подлежит. Порчу насылали направо и налево, это вам было, что высморкаться, мало того, ворожили на «лунную тень» и, не отрицайте, однажды на перекрестке восьми дорог пытались продать с перьями и потрохами жареного гуся сами знаете кому...

– Дура была по молодости лет, – призналась старуха Грельфи с несколько сконфуженным видом. – Чего ж вы хотите в девятнадцать-то годочков, когда ветер в голове. Сами по себе колдовские знания, они ж человеку ума не прибавляют...

– Боюсь, попадись вы тогда, подобные рассуждения на судей бы нисколько не повлияли...

– А кто спорит? – фыркнула старуха. – Однако ж проскользнула я тогда у вас меж когтей, святой отец, и, что характерно, без всякой вредоносной магии, исключительно уму и ловкости благодаря... А то сожгли бы, как пучок соломы...

– Вот кстати, – сказал отец Алкес, уставясь на нее с неприкрытым любопытством. – Коли уж мы поумнели, помирились, предав забвению былую вражду и прошлые недоразумения, согласились, что прошлое быльем поросло... Меня

до сих пор мучает любопытство, быть может, и не подобающее смиренному служителю Господа... Что у вас тогда вышло с канцелярии советником Трайлогом, может, признаетесь наконец? Трайлог давным-давно в могиле, ему никакие признания уже не повредят. Понимаете ли, я до сих пор не верю, что вы ушли от облавы из-за его оплошности, нерасторопности... Это на него никак не похоже. Уж если он устраивал облаву, его молодцы должны были занять все переулочки, не оставив лазейки. Так как? Были у нас в свое время на его счет определенные подозрения, учитывая иные слабости его характера, хоть никто никогда ничего не доказал...

Он наполнил чарки, сверля собеседницу внимательным взглядом, так и пылавшим нешуточным любопытством. Ага, подумал Сварог. Чую родственную душу. Терпеть не может наш инквизитор оставлять за собой нерешенные загадки...

– Давайте, что ли, выпьем за здоровье нашего дорогого гостя, светлого короля Сварога, – сказала Грельфи, опрокинула свою чарку с лихостью кавалерийского сержанта, пристукнула ею по столу, ухмыльнулась. – Ну, коли уж Трайлог в могиле... Да и столько времени пролетело... Признаюсь вам по совести, святой отец, что вы с вашим острым умом зрили в самый корень. Ускользнула я отнюдь не потому, что Трайлог лопухнулся – он был, надо отдать должное покойному, служакой отменным и сыскарем хватким. Вот только, как вы точно подметили, не свободен был от маленьких слабостей. Он меня все-таки лично приловил в корчме «Пьяный индюк», помните такую? Вот только я в ту пору, в девятнадцать лет, была ничуть непохожа на вяленую треску из рыбного ряда, как теперь. Дрогнуло суровое сердце вашего доверенного помощника, и отпустил он меня переулочками, предварительно получив свое в кладовой на соломе. Уж я постаралась на совесть – тут не до лености, когда до монфоконских костров всего ничего, рукой подать... Такие вот секреты древней истории.

– Прохвост... – с неудовольствием процедил отец Алкес.

– Не судите его слишком строго, святой отец. Во-первых, ручаться можно, он в зрелых годах уже не допускал подобных предосудительных срывов, верно ведь? Он тогда был молод, а я, хоть и поверить трудно теперь, была девушка видная. Не стоит дурно о покойниках, к чему... А во-вторых, если бы вы меня тогда спалили без всякой жалости на монфоконском холме, кто бы теперь служил верой и правдой его величеству королю Сварогу? Много воды утекло, я давным-давно взялась за ум и черной магией более не баловалась. Скажу вам больше: ежели в последнее время на что и направляю свои скромные труды, так исключительно на благо человечества. Это все, надобно вам знать, мягкое и ненавязчивое влияние означенного короля Сварога. Что он со мной сделал – уму непостижимо. Превратил из старой сварливой ведьмы, озабоченной лишь собой, в воительницу за благо человечества. Вы не поверите, но я уж давненько, стоит только утречком глаза разлепить, во власти одной-единственной мысли: как там человечество? Не помочь ли ему чем? Страдает, по-ди, болезненное, в недугах погрязло, в тяготах мается...

Сварог громко откашлялся в кулак, и старуха примолкла, сидела с невинным видом, косясь на бутылку.

– Что поделать, святой отец, – сказал он, наполняя чарки. – Вот такие у меня сподвижники, работаем с тем, что есть... Но, впрочем, судя по тому, как

мирно и благостно вы тут сидите, прошлые недоразумения и в самом деле быльем поросли, а?

– Совершенно верно, ваше величество, – кивнул монах церемонно. – Рад, что в свое время наши с сударыней Грельфи дороги, гм... разошлись. Вернее, рад, что она ступила на верный путь, и мы теперь работаем рука об руку, как ни дико это было представить лет сорок назад. Меняется мир, что ни говори... И люди тоже.

– Щас заплачу от умиления, – пробормотала старуха. – А ведь сто золотых за меня назначал, что за живую, что за мертвую...

– Отставить, – сказал Сварог. – Вечер воспоминаний отложим на потом. У нас хватает неотложных дел... Вы что-нибудь накопили, сударыня?

– А вот, кстати! Отец Алкес вам и расскажет. Кое-что у него есть любопытное...

– Я помню наш разговор в Равене, ваше величество, – сказал монах. – Сразу после коронации. Действительно, мне представляется, что вы были совершенно правы тогда. Эти лилипуты не смогли бы так быстро и эффективно спланировать и организовать покушение на принцессу Делию, если бы они до этого никогда не бывали в Равене, не были знакомы с нашими городами. Простая логика подсказывает, что к тому времени они должны были освоиться в нашем мире. А это значит, у них были сообщники вполне... нормального роста. В чем лично я не вижу ничего удивительного. Всегда найдутся люди, готовые за хорошие деньги работать хоть на самого дьявола. Если все так и обстояло, нет сомнения, они и сейчас где-то рядом. Им ведь гораздо легче укрыться от постороннего глаза, чем обычным злоумышленникам и шпионам...

– Это все теории, – сказал Сварог нетерпеливо. – А как насчет практики? Удалось вам что-то отыскать?

– Я битую неделю копался в бумагах и пытался вспомнить, – сказал монах, взвешивая каждое слово. – Отбросил суеверные сказки, безусловно не имеющие под собой реальных оснований. Вроде широко распространенной среди воров побасенки о «крохотном народце». До сих пор кружит такое поверье: мол, нужно прийти в последний день определенного месяца на место, где был убит ростовщик, и непременно неженатый, и непременно вдовый, сжечь там шерсть с кошачьего хвоста, смешанную с волосом из хвоста пегой лошади без единого белого пятнышка и прочесть соответствующее заклинание. Если все сделано правильно, из-под земли тут же выскочат крохотные, с палец «воришки-крохотульки», которые на всю оставшуюся жизнь станут верными помощниками счастливца...

– Вздор, вздор, – сказал Сварог.

– Несомненно. Подобные «следы» я отметил после тщательного изучения. И тем не менее... Я разыскал в архивах равенской уголовной полиции толстенное, интереснейшее дело. Лет восемьдесят назад жил такой вор. По прозвищу Пеца-мышка. Прозвали его так за способность проникать в места, куда обычный вор, даже чрезвычайно искусный, ни за что не попадет. Классический «волшебный вор» из народных сказок, но он существовал на самом деле. И про него кружили слухи, будто он оказался единственным, кому все же удалось вызвать «воришек-крохотулек». Не улыбайтесь так скептически, ваше величество. Я сам поначалу не верил. Но когда изучил бумаги внимательно, с учетом наших допущений, мнение мое изменилось. Среди длиннейшего спис-

ка его «подвигов» я насчитал девять чрезвычайно темных случаев. В каждом из них обычные объяснения насчет ловкости и проворства профессионального вора не годятся. Какой случай ни возьми, вывод один: осуществить *такую* кражу было не в человеческих силах. На это мог оказаться способен только человек, связавшийся с нечистой силой... или тот, у кого и в самом деле были в подручных крохотные, с палец, сообщники, наделенные вполне человеческим умом... Бумаги здесь, – он кивнул в сторону высокого буфета. – Прочитайте на досуге, и, быть может, согласитесь со мной...

– Вполне возможно, – сказал Сварог. – Но даже если вы правы, прошло семьдесят лет, даже косточки вашего Пецы истлели...

– Да. Он пропал без вести в свое время...

– Вот видите. А поближе к нашим временам?

– Есть еще так называемое дело виконта Башара. Вот эту историю я прекрасно помню, я сам ею занимался восемнадцать лет назад. Виконт ничего особенного собой не представлял – четвертый сын графа, не имевший прав на титул и майорат, обитал в Равене, средства к существованию добывал всевозможными окольными комбинациями, не нарушавшими закон впрямую, но все же дурно пахнущими. Ну, вы знаете такой тип людей и такие делишки... И вот однажды виконт разбогател как-то *резко*. Деньги у него появились немалые, он купил приличный дом, порвал с прежними дружками, репутация его понемногу восстановилась, его даже приняли при дворе... Сам он ссылался на наследство от дальнего родственника, что, забегая вперед, оказалось чистым вымыслом. Мы не нашли никаких следов подобного завещания на его имя в нотариальной палате, хотя туда обязаны помещать копии всех завещаний и всех сделок с недвижимостью, превышающих финансовым итогом определенные суммы... Но это, забегая вперед... К нам стали поступать сведения, что означенный виконт связался с нечистой силой, и далеко не все доносы поступали от людей лживых и беспринципных. Информаторы бывают разные, ваше величество. Кто-то врет и клеветает, кто-то дает ценные и правдивые сведения – причем не обязательно из благородных побуждений, но это не меняет дела. Если правду выдают из мести или корысти ради, она от этого не перестает быть правдой... Короче говоря, все, что нам тогда сообщали, в итоге сводилось к одной-единственной теме. Теме «крохотных человечков». Да, вот именно, государь... Когда виконт устраивал вечеринки для особо близких друзей, он развлекал их весьма своеобразно. В особой комнате, погасив светильники, так что освещен был только стол, виконт демонстрировал на этом самом столе увлекательные «живые картины», как он это называл. Крохотные воины, размером с мизинец, сражались и убивали друг друга либо воевали с голодными крысами, хорьками, змеями. Крохотные женщины исполняли развратные танцы, закатывали оргии. Иногда, для разнообразия, надо полагать, крохотулек обоего пола выпускали в пустую комнату, и на них охотилась кошка... Одним словом, достаточно гнусные забавы и весьма необычные. Я тогда не знал того, что знаю сейчас. Вполне естественно, что первым пришедшим нам в голову объяснением было – «нечистая сила». И ведь это происходило на самом деле! Мы *пригласили* к себе в Багряную Палату парочку участников этих вечеринок – тех, на кого у нас кое-что имелось... Достаточно, чтобы рассчитывать на их полную откровенность. И они описывали эти забавы достаточно подробно, причем не сговариваясь, однако детали тем не менее совпадали... Бу-

маги сохранились, я и их принес... Я доложил королю Конгеру. Решено было наблюдать и собирать улики. Виконт как-никак принадлежал к достаточно знатному роду, многие его родственники и свойственники имели вес при дворе, нужно было соблюсти все формальности и законы, получить неопровержимые улики. Поразмыслив, мы решили воспользоваться избитым, но надежным способом – *вестити* в дом своего человека. Проще всего это было сделать через слуг – вот мы и нашли толкового парня среди младшего персонала, деликатно *изъяли* одного из лакеев, обставив все так, чтобы думали, будто он хапнул кое-что из столового серебра и сбежал, так что образовалась вакансия, которую постарался тут же заполнить наш парень...

Он замолчал, не глядя протянул руку, наполнил свою чарку, пролив немного на скатерть, рассеянно поднес ко рту и осушил до дна – все это чисто механическими движениями. Продолжал глуховатым голосом, так, словно перед глазами у него сейчас была не эта комната, а что-то другое, давно прошедшее:

– Он несколько дней присматривался и приглядывался, стараясь не лезть с расспросами, чтобы кого-нибудь не всполошить. А потом... Потом, посреди ночи, внезапно грянул взрыв. От дома осталась груда камня; все, кто там находился, погибли. Могучий был взрыв... Дом стоял в отдалении, на берегу реки, так что никто больше не пострадал. Но от дома виконта, повторяю, осталась куча даже не камня – щебенки... Даже кусок берега обвалился. Это не знакомый нам порох – что-то гораздо более сильное, каким на земле, хвала Господу, пока что не располагают армии...

– И что было потом? – тихонько спросил Сварог.

– Я доложил королю. Покойный Конгер был человеком упрямым и не терпел слова «невозможно». Развалины – точнее, эту груду щебня – по его приказу принялись разбирать. Но не нашли ничего, что нам пригодилось бы. Ничего... определенного. Груда щебня, лохмотья тел... Все внутри превратилось в труху, такой силы был взрыв. Потом пошли слухи, что виконт увлекался алхимическими опытами и невзначай не то смешал и не с тем... но *прежде* нам ничего не было известно о таком его увлечении. Бумаги ушли в архив и благополучно там пролежали до сего дня.

– Дом стоял на набережной... – задумчиво повторил Сварог. – Даже кусок берега обвалился... Не хочу делать преждевременных выводов, однако логика событий подсказывает... Как *они* могут пробраться в земные города незамеченными? Да одним-единственным способом. Подыскивается сообщник – человек достаточно влиятельный и знатный, чтобы обезопасить свой дом от неожиданных вторжений кого попало. Дом таковой располагается на берегу реки... или моря. Под водой устраивается тоннель, по которому подводная лодка может незамеченной пройти... ну, скажем, в подвал, где устроено нечто вроде пристани. Ну, а дальше совсем просто. Посади их в карман, в какую-нибудь коробочку, выложенную ватой, – и неси куда угодно, хоть в королевский дворец... Другого способа попросту нет.

– Согласен, – кивнул монах. – С подводными лодками я знаком чисто теоретически, у нас их нет, хотя небезызвестный мэтр Тагарон и пытался в свое время нечто подобное соорудить... но госпожа Грельфи мне их подробно описала, и я получил некоторое представление... В самом деле, ваше величество, эта гипотеза крайне похожа на единственно верную... вот только, как такую пристань найти? Невозможно ведь обыскать все подряд дома, стоящие у воды,

подходящие на роль тайной пристани...

Кому как, подумал Сварог. Если подобрать нужную аппаратуру, о которой говорила Яна, если организовать наблюдение с воздуха – смотришь, и попадет рыбка на крючок... или по крайней мере в прицел. Попробуем...

– И это все? – спросил он.

– Увы... – развел руками отец Алкес. Добросовестно задумался. – А впрочем... Не знаю, стоит ли... Может, это и не имеет никакого отношения к нашим делам...

– Выкладывайте, святой отец, – сказал Сварог. – А я уже сам решу, что связано с нашими делами, а что – нет.

– Собственно, это не точная информация, а воспоминания приткого мемуариста. Одного из тех, кто в свое время пытался заработать какие-то деньги на посмертной славе Асверуса. После смерти у Асверуса, как обычно и случается очень часто, появилось необозримое множество близких друзей, наперсников и собутыльников. О многих сам поэт при жизни и представления не имел... Все они наперебой строчили мемуары, где крохи правды перемешаны с горами брехни и пикантных выдумок на потеху толпе. Так вот в одной такой, справедливо забытой книжке, мне попало утверждение, будто у Асверуса незадолго до его гибели появился любопытный перстень – крохотный череп, оправленный в золото, вместо драгоценного камня, окруженный какими-то легендами. Об этом перстне упоминают человека три, но среди вещей Асверуса его не обнаружилось. Разумеется, это никакой не след...

– А почему? – сказал Сварог с интересом. – Почему бы и нет? В последнее время я с самых разных сторон только и слышу, что история Асверуса, его жизни и смерти таит массу загадок. Меня всерьез уверяют, что он был не только поэтом, но и искусным разведчиком. Что общепринятая версия его убийства ничего общего с истиной не имеет. Что он имел какое-то отношение к загадочной смерти молодой королевы Дайни, случившейся в летнем дворце, до которого отсюда рукой подать, какая-то лига... – он указал на стену. – Что вы обо всем этом думаете?

– Признаться, я над этим никогда не задумывался, – честно признался монах. – Поскольку это произошло слишком давно и никак не затрагивало наших обычных дел. Слухов и в самом деле множество, иные книжники до сих пор тщатся опровергнуть прежние гипотезы и поставить на их места свои разыскания. Вы, конечно, не знаете...

– Почему же это не знаю? – живо возразил Сварог. – Наслышан некоторым образом. Так вышло, что в Равене я не так давно оказался посреди научного спора двух почтенных ученых именно на эту тему. Спор приобрел такой накал, что в ход пошли кочерги с поленьями, ненароком пострадал бюст покойного короля, и, если бы не мой государственный ум, пришлось бы бедным книжникам... – он невольно улыбнулся забавным воспоминаниям, но тут до него *дошло*. – Прах меня побери, ведь один из них как раз и тщился доказать, что Асверус был разведчиком! Раскопал какие-то старые бумаги... Постараюсь его немедленно разыскать. Сам уже не помню, как его звали, но Интагар такие вещи помнит прекрасно. И еще. Я давно узнал, что отдельные корыстолюбивые личности из архивной службы Министерства двора втихомолку распродают ценителям рукописи Асверуса. Асверус носил придворный чин, и после смерти его бумаги за отсутствием наследников попали как раз в Мини-

стерство двора. Я незамедлительно пошлю туда одного человека...

Монах одобрительно кивнул. Старуха Грельфи осторожненько подала голос:

– Высокие господа мои, я прекрасно помню, что один из вас – светлый и могущественный король, а другой – не последний в королевстве сановник. Однако не будете ли столь милостивы выслушать убогую старуху, наделенную некоторым умом и соображением?

– Валяйте, убогая старушка, – сказал Сварог. – Люблю, когда вы начинаете приbedняться. Обычно это означает, что у вас родилась свежая интересная мысль...

– А вот не угадали на сей раз, государь, – сварливо отозвалась Грельфи. – Я просто хотела напомнить, что есть вещи и серьезнее, и опаснее. Вы, тысячу раз простите, ухватились за этих крохотулек, как ребенок за новую игрушку. А меж тем... Ваши крохотульки представляют *некоторую* опасность – и только. Не забывайте, что моря покрыты дохлой рыбой, а морские птицы сбиваются в громадные стаи и улетают вглубь суши. Хватает и других неприятных событий, что все до одного укладываются в старинные пророчества... Великий Кракен просыпается, а вы тут о крохотульках... Судя по всему, эти ваши крохотульки существовали чертову уйму лет и порождением пробудившегося Кракена безусловно не являются... А потому могут и подождать. До сих пор от них как-то не было особого вреда, так что это не самые насущные хлопоты. Вы лучше о Великом Кракене подумайте. И о том, что к нам шпарит по небу Багряная Звезда. Этот поганый светляк так глаза жалит тем, кто умеет *видеть*, что нет никакого терпезу... Вы вот чем озаботьтесь, господа мои! Что до вас, святой отец, то вам самое время запустить руки в закрома с вашими вековыми секретами – я про ваши Братства говорю. Негоже сидеть, как собаки на сене, когда творится такое...

Она была во многом права, даже если учитывать недавний ядерный взрыв, о котором старухе наверняка неизвестно... Сварог вопросительно глянул на монаха. Тот молчал, понурился, уставясь на свои корявые ладони. Потом сказал глухо:

– Приятно, конечно, сударыня Грельфи, что вы считаете нас обладателями тайного знания... Однако должен вас разочаровать. И вас тоже, уж не посетуйте на правду, ваше величество. Не спору, монашеские Братства обладают кое-какими тайными знаниями, не обращающимися в широком обиходе, но среди них, Господом клянусь, нет каких-то высших, окончательных истин, способных моментально вывести всех из тупика и принести победу... Увы, так и обстоит. Братства воссоздавались среди всеобщего хаоса и одичания через сотни лет после Шторма, когда слишком многое было утрачено безвозвратно... Я бы не молчал, будь у меня *такие* знания. Признаюсь вам по совести, я до сих пор не знаю, можно ли с уверенностью говорить, что Великий Кракен существует на самом деле. В конце концов, все эти странности, вроде дохлой рыбы, кто-то мог тысячи лет назад связать с пробуждением Кракена по ошибке... Где точные доказательства?

– Будут вам точные доказательства, – проворчала Грельфи. – Когда дойдет до того, что спруты побегут из морей в реки, и это будет означать, что дела совсем плохи...

– Предсказание о спрутах мне знакомо, – сухо ответил отец Алкес. – Но

опять-таки нет точных доказательств, что его следует связывать с Кракеном... Древние частенько ошибались. Все это в полной мере касается и Багряной Звезды. Я сам ее не вижу, но знаю людей, которые видят. И что же? Опять-таки, у нас есть только старинные рукописи и невнятные пророчества. Древние к тому же порой изъяснялись крайне туманно. Вот вам, пример... Принято считать, что Копье Морских Королей, которым только и можно убить Великого Кракена, спрятано где-то на острове Хай Грон. Остров за тысячи лет изучен вдоль и поперек. И нет там никакого Копья. Можно, конечно, твердить, что оно магическим образом скрыто в толще скалы, но это опять-таки голословные утверждения...

– И к чему же вы призываете? – бесстрастным голосом поинтересовалась Грельфи.

– Ни к чему я не призываю, – ответил монах терпеливо. – Просто не берусь пока что делать решительных выводов при отсутствии точных знаний...

– Ну, сидите, сидите, полируйте седалище, – сварливо протянула старуха. – А между прочим, ваше величество и ваше священство, у меня с утра сидел очень интересный человек... Доктор из одного латеранского заведения для скорбных головой. У него там содержится совершенно рехнувшийся шкипер, которого сняли в открытом море с дрейфовавшей без весел и паруса шлюпки, где он пребывал в полном одиночестве. Знаете, что он рассказывал? Доктор этот заинтересовался, как он выражается, «любопытным случаем», сидел возле морячка два дня напролет, слушал, превращал на бумаге бред в нечто связанное... Вам интересно послушать, что случилось? Шел этот бриг где-то неподалеку от Катайр Крофинд, проходил мимо небольшого необитаемого островка – и вдруг из моря поднялась исполинская змеища. До островка, шкипер говорит, было не менее трех морских лиг, но змеища, словно касалась макушкой небес, такая была огромная. Они сначала не поняли, *насколько*, а потом пригляделись и сообразили, что высунулась она из моря *позади* островка. Оценили величину и мгновенно, все вместе, тронулись рассудком, потому что увидели легендарного змея Ермундгада, который спит в глубинах которую тысячу лет и пробудится аккурат в годину всеобщих сокрушительных бедствий. Парусами никто уже не управлял, суденышко опрокинулось, каждый выплывал, как удалось...

Монах поджал бледные губы:

– Еще одна неподтвержденная легенда...

У Сварога было на этот счет свое, особое мнение. Совсем недавно, заглянув ненадолго в Хелльстад и пытаясь на скорую руку навести некоторый порядок в отношениях меж тамошними удивительными и диковинными обитателями, он перекинулся парой слов с одним из глорхов – быть может, той самой змеюкой, что пыталась в свое время его слопать, когда он был всего-навсего бесприютным странником. Змея, как все глорхи, особым умишком не блистала и свои простенькие мысли выражала примитивно – но она тоже, что любопытно, упоминала про какого-то «ужасного гада», из-за которого глорхи в незапамятные времена и покинули-де моря, долго мыкались по суше, пока не обосновались в Хелльстаде, где не имелось ни доблестных рыцарей-драконоборцев, ни орд крестьян с дубинами и факелами. Выходило, что Сварог некогда уцелел исключительно потому, что мельком назвал себя «гадом ползучим» – а это оказалось созвучно тому имени, перед коим глорхи испытывали

панический, впечатавшийся в гены ужас: гад, Ермундгад...

Однако он промолчал. Не был уверен, что и туповатые змеи из Хелльстада окажутся для отца Алкеса достойными внимания свидетелями. Хороший человек отец Алкес, ревностный слуга Божий, работник исправный и ретивый, но и над ним, очень похоже, тяготеет та самая инерция мышления, что свойственна большинству как на земле, так и за облаками. Пять тысяч лет все как-то *устраивалось* – Господь попустит, обойдется и теперь. Он не видит Багряную Звезду, а потому не может понять то странное колотье, которое она вызывает в глазах *видящих* – льдистое, неприятное, проникающее в мозг...

– Хорошо, – сказал он, ощущая страшную неудовлетворенность. – Не будем говорить о том, что не подтверждено пока твердыми доказательствами. Займемся тем, в реальности чего никто из нас не сомневается. Сначала...

Дверь скрипнула, в образовавшуюся щель просунулась предупредительная физиономия глэва Калеба, украшенная широкой ухмылкой. От переполнявших его чувств он даже легонько приплясывал с ноги на ногу.

– Минутку, – сказал Сварог. – Сейчас узнаю, в чем там дело...

Уже через несколько секунд он вихрем метнулся к столу, подхватил свою шляпу, свалив второпях локтем серебряную стопку, нахлобучил форменный бадагар и кинулся к двери, крикнув через плечо:

– В общем, все занимаются своим делом!

...Всадники неслись по латеранским улицам бешеным аллюром, сшибая лотки мелких торговцев, едва не размазывая по стенам шарахавшихся прохожих. Гремели копыта по мостовой, мелькали бледные лица на тротуарах, все живое разбежалось, жалось к домам. Впереди мчащейся на полном галопе кавалькады отчаянно и жутко ревели трубы передового отряда ликторов, освобождавших путь королевскому кортежу. Как ни понукал Сварог коня, они опережали его на несколько корпусов, как он сам опережал несущихся очертя голову телохранителей, ухитрявшихся даже сейчас замечать все вокруг и бдительно рывкать на замешкавшихся обывателей:

– С дороги! С дороги! Король спешит!

Сварог нагнулся к конскому уху и испустил волчий вой, как научили его ратагайские кавалеристы. Каурый захрапел и понес, разбрасывая пену, наступая ликторов.

Они свернули, пронеслись по немощеной аллее, обсаженной вековыми платанами, миновали отскочивших часовых и оказались на широком зеленом поле, идеально подходившем для аэродрома. Не снижая темпа, Сварог погнал коня дальше, к видневшемуся вдалеке бомбардировщику, где стояла кучка людей.

Натянул поводья, так что каурый взвился на дыбы, молотя по воздуху передними ногами. Спрыгнул на землю и подбежал к самолету. Увидел их всех – в потрепанной, грязной одежде, мимоходом отметил взглядом стоявшие тут же высокие, угловатые мешки. Схватил в объятия запыленную, осунувшуюся Мару и стал целовать ее грязное лицо. Она куклой моталась в его руках, шумно, облегченно вздыхая. Сварог отстранил ее, держа за плечи вытянутыми руками, всмотрелся. Щеки запали, волосы слиплись от грязи, но темно-синие глаза блестят знакомой строптивостью и насмешкой. Прижав ее к себе одной рукой, через ее плечо посмотрел на остальных, считая их про себя. Потряс головой:

– Все до единого. Надо же. Ну, вы даете...

– Старая кавалерийская закалка, государь, – бодрясь, силясь быть небрежным и торжествующим, сказал мэтр Анрах, тоже грязный, потрепанный, исхудавший. Как все прочие.

– Учено выражаясь, имеет место быть математическое тождество, – сказал Леверлин, ухмыляясь. – Количество уехавших равно количеству приехавших.

– Нечего морщиться, – сказал Сварог. – Весьма перспективный молодой человек, доставшийся в наследство от Конгера. Покойный король кого попало не привечал, особенно в личной разведке... Граф Гаржак.

– Наслышан, – сказал Анрах, то и дело косясь на кожаные вьючные мешки, сложенные в углу высоченным штабелем. – Своеобразный юноша...

– Ну, рассказывайте о приключениях, – сказал Сварог.

– А не было никаких приключений, – с видимым сожалением пожала плечами Мара. – Замок мы заняли аккуратненько, там и в самом деле не оказалось ничего и никого, хотя бы отдаленно напоминавшего военную силу, да и хозяин отсутствовал. Согнали челядь в подвал, заперли, спокойно набили мешки... Мэтра, правда, пришлось одергивать, он порывался набрать столько, что и полсотни человек бы не унесли. Отправились назад... И увидели со склона, что у вас там в долине творится, как на вас камни с неба рушатся. Ну, затаились, сделали крюк, стали пробираться к границе окольными тропками. Все приключения в том и состояли, что приходилось ловить на обед сусликов и ворон, чтобы ноги не протянуть. Коням хорошо, они травой обходились, да и овес был в тороках. Так ни разу ни с кем и не похлестались. Трижды подворачивался удобный случай – и противник имелся, и был он в таком количестве, что у нас были все козыри. Но мэтр всякий раз принимался причитать, что книги для нас дороже всего, и я каждый раз отступала, так и не прикончив ни одного мерзавца из-под «кляксы»...

– Поздравляю, рыжая, – сказал Сварог. – Кажется, ты все же становишься взрослой, если перестала очертя голову кидаться с мечом на первого встречного неприятеля...

Мара прищурилась:

– И эти вот насмешки – вся благодарность за мои великие свершения на благо познания? Ну ладно, моя месть будет ужасна... Мэтр, не пора ли разобрать сокровища? Вы ведь с ума сходите от нетерпения!

Анрах, словно только и ждал конкретного приказа, проворно отставил чарку, расплескав выдержанное вино, бросился к мешкам. Сгоряча кинулся распутывать узлы кожаной шнуровки зубами и ногтями, но Мара, похмыкав, подала ему кинжал, и дело пошло гораздо быстрее – мэтр, ничего вокруг не видя и не слыша, кромсал шнурки даже там, где мог без труда развязать, валил высокие мешки набок, одну за другой вынимал книги, произносил вслух названия – громко, торжественно, звенящим от возбуждения голосом. Гладил ветхие переплеты, как женские щеки, его лицо стало молодым, одухотворенным, восторженным, Сварог даже позавидовал чуточку – он видел перед собой человека, воспарившего от счастья куда-то к седьмому небу, самому высокому, согласно здешним поэтическим метафорам.

Однако сам он чем дальше, тем больше испытывал разочарование и скуку. Несомненно, это были уникальнейшие издания, патентованные раритеты, уникамы, способные, судя по виду Анраха, привести ученый мир в бессиль-

ную зависть. Вот только, все сильнее возрастали подозрения, здесь ничего не было для *насущных* целей Сварога – приземленных, практичных, далеко не столь возвышенных, зато жизненно необходимых. Ну что же, сказал он себе, всеми силами стараясь не показать того, что творилось на душе, никто и не обещал, что добыча эта поможет в *текучке*, так что и разочарования никакого не должно быть. Главное, вернулись живыми и невредимыми – и пусть Анрах двигает вперед науку, ему по жизненному призванию положено...

Мэтр стоял посреди комнаты, по пояс скрывшись за второпях наваленными штабелями книг – фолиантов в классических дощатых переплетах с золочеными петлями, на каких можно было подвешивать и ворота, пухленьких карманных томиков, полуразвернувшихся свитков. В кабинете остро пахло ветхой кожей, пылью и еще чем-то трудноопределимым, что при некотором напряжении фантазии можно было и окрестить «ароматом ушедших веков». Сияющий Анрах уже раздражал Сварога, охваченного своими тягостными заботами, и он стал прикидывать, как потихоньку убраться отсюда под благовидным предлогом, чтобы ненароком не испортить радости мэтру, и в самом деле неплохо потрудившемся.

Мара вдруг отставила кубок, встала, выпрямилась с хорошо знакомым Сварогу лукавым огоньком в глазах, оглянулась на счастливейшего из смертных, стоявшего посреди груды уникумов. Улыбнулась хитро, загадочно:

– Я же говорила, что месть моя будет ужасна... Посмотрите, мэтр – наш повелитель, хотя и не показывает этого по великодушию своему, на самом деле потихонечку впадает в уныние. Он определенно предпочел бы всему этому великолепию нечто более прозаическое, способное помочь не столь возвышенным, но практичным задачам... Вполне возможно, его надежды не были бы беспочвенны, но он вместо благодарности насмехается над кое-кем из своих верных сподвижников по свойственному ему бессердечию и злоязычию...

Заложила руки за голову и безмятежно потянулась, уставясь в потолок с мечтательной, насмешливой улыбкой. Сварог смотрел на нее напряженно, потихонечку исполняясь надежды. Как-никак он ее хорошо знал.

– Выкладывай, рыжая бестия, – сказал он хрипло.

– Ты сожалеешь о насмешках?

– Сожалею, сожалею, – сказал он. – Со стыда стораю... Ну?

Мара фыркнула, извлекла из-под кресла черный кожаный футляр с полустершимся золотым тиснением – в таких обычно хранили важные документы – проворно открутила крышку с черной шелковой кистью, вытряхнула себе на ладонь какой-то предмет и, держа его двумя пальцами, подала Сварогу. Сказала наставительно:

– Ты, конечно, и знать не знаешь, но это...

Сварог выхватил у нее кольцо – не рассуждая, почти грубо. Наверное, лицо у него вмиг переменилось, и настолько, что Мара моментально умолкла, став серьезной.

– Быть этого не может, – сказал он. – Перстень Асверуса...

– Ну надо же, – сказала Мара разочарованно. – Вот так стараешься-стараешься, хочешь произвести впечатление, а потом вдруг выясняется, что не получится никакого сюрприза, и труды твои, чего доброго, были напрасными...

– Ничего подобного, – сказал Сварог, не отрывая глаз от лежащего на ладони перстня. – Ты великолепна, ты лучшая на свете, о чем бы ни шла речь...

Поднял ладонь к глазам. Золотое кольцо искуснейшей работы, сделанное отнюдь не ремесленником – тончайшая чеканка в виде дубовых листьев, изящные линии. Вместо камня – крохотный, с вишню, человеческий череп, заключенный в нечто вроде ажурного полушария, подогнанного так, что череп нисколечко не хлябал. Самый обычный череп, только крохотный, очень старый на вид – ну да, и самому перстню должно быть более ста двадцати лет...

– Ты насквозь прав, но понятия не имеешь, *насколько* я лучше всех на свете, – сказала Мара, наблюдавшая за ним с гордым и довольным видом. – Ты еще бумаг не читал. На-ка, ознакомься.

Она вытряхнула из футляра два листа пергамента – потемневшего, утратившего гибкость. Мельком всмотрелась, подала Сварогу один, второй оставила себе.

Он впился взглядом в аккуратные строчки, выведенные искусным писцом.

«Сим удостоверяется, что прилагаемые украшения, как то: перстень золотой весом в двести четыре квинутна с украшением из неизвестной кости в виде черепа и золотое же ожерелье весом в тысячу сто семьдесят три квинутна с восемью сапфирами и четырьмя украшениями в виде черепов из той же неизвестной кости изготовлено в моей мастерской с приложением надлежащих клейм по заказу благородного Шеллона, графа Асверуса, каковой расплатился со мною сполна, благодаря чему вышеописанные изделия переходят в его полную и безраздельную собственность.

Сословия Мер и Весов златокузнец Тиме Аркарад, дано в Равене числа сорок первого месяца Квинтилия года три тысячи пятьсот восьмидесятого Харумской Эры».

Ниже красовалась затейливая подпись со множеством завитушек и вензелей, служивших, надо полагать, исключительно для профессионального выпендрежа. А еще ниже протянулась одна-единственная строчка:

«Пробирное клеймо приложено 40 Квинтилия 80 X Э канцелярии советником...»

Подпись канцелярии советника совершенно неразборчива, далеко не такая манерная – должно быть, ему по роду службы приходилось оставлять ежедневно десятки автографов, и он заботился об экономии трудов, а не о излишней красивости.

– Примерно за четыре месяца до его убийства, – сказал Леверлин, видя, что Сварог дочитал и опустил руку с бумагой. – Ты вторую посмотри...

– Подождите, – сказал Сварог. – А ожерелье где?

Мара фыркнула:

– Право, на тебя не угодишь... Леший его ведает, где оно там запропастилось... По крайней мере, в витрине его не было, там лежал только перстень. Ты и в самом деле посмотри вторую бумагу, она еще любопытнее...

Сварог схватил второй свиток, развернул с треском.

«Сим удостоверяю, что означенное кольцо, золотое с костяным украшением в виде черепа, а также принадлежащий к нему документ, свидетельствующий о месте его изготовления, законным образом приобретен в моей лавке, с дозволения инстанции, существующей на улице Искусников, двадцать пять, гиперборейским подданным ревереном Гонзаком, путешествующим ради собственного удовольствия. Поскольку третьими лицами имущественных прав

на данное кольцо по выставлении его для продажи в моей лавке не предъявлялось, после уплаты суммы в пятьсот денариев означенные раритеты переходят в полную и безраздельную собственность означенного реверена Гонзака.

Числа четвертого Атума месяца три тысячи шестьсот семьдесят девятого года Харумской Эры.

Серебряной гильдии купец Фурберо, Латерана».

– Вот такие дела, – сказал Леверлин. – Гонзак это колечко приобрел буквально за месяц до исчезновения. Знаешь, что самое примечательное? То, что записей только две. Всего две. Законными владельцами перстня были Асверус и Гонзак – все остальные, в том числе, не исключено, означенный Фурберо, вступили во владение не самым честным путем. Уж горротский-то скопидом, безусловно, приобрел перстень предосудительным образом – на его имя записи нет... Ты хоть понимаешь, что это такое? Дело даже не в том, что отыскалось наконец-то легендарное кольцо Асверуса... Впервые всплыл неизвестный науке раритет, принадлежавший Гонзаку...

– Значит, Гонзак интересовался Асверусом?

– Гонзак многим интересовался...

– Любопытно, где же все-таки ожерелье? – повторил Сварог.

– Хочешь гипотезу? – сказал Леверлин. – В жизни Асверуса была некогда одна крайне загадочная женщина, по времени получается – его последняя женщина, последняя любовь. Стихотворений двадцать ей посвящено. Кто она и откуда, неизвестно до сих пор. Сам Асверус ее именовал то Синеглазое Чудо, то Синеглазое Горе. Учитывая время, когда украшения были изготовлены, учитывая, что ожерелье, несомненно, женское, гипотеза сама собой напрашивается.

– Однако... – сказал Сварог. – Дарить любимой ожерелье с черепами... Они же самые настоящие, пусть и крохотные...

– Да ничего удивительного. Вполне во вкусе тогдашнего времени и тогдашнего периода в искусстве, именовавшегося «кладбищенским балерио». Украшения с черепами и скелетами, мебель в виде усыпальниц, и так далее... На эту тему написаны целые тома, попроси историков искусства, чтобы...

– А начхать мне на историков искусства, если откровенно, – сказал Сварог задумчиво, не отрывая взгляда от кольца. – Балерио-барокко-рококо... Меня вот *это* в первую очередь интересует, – он осторожно потрогал ногтем мизинца крохотную пустую глазницу. – Откуда их Асверус взял, сразу пять? Это ведь не гробокопательство какое-нибудь, а? Там, где *эти* хоронят своих мертвецов, вряд ли ступала человеческая нога...

– Ну, тут уж с нас взятки гладки, и спроса никакого, – сказала Мара. – Что увидели, то и привезли. Между прочим, исключительно моя заслуга – пока мэтр, млея от восторга, копался в книгах, я решила осмотреть витрины, и, в самом дальнем углу... Мэтр так и прошел бы мимо, ручаться можно. Молодец я, как по-твоему?

– Спасу нет, – сказал Сварог.

Мара подошла к нему, ухватила за руку и, многозначительно улыбаясь, сказала:

– Тогда пойдем, если у тебя неотложных государственных дел нет.

Сварог оглянулся – мэтр, не видя и не слыша ничего вокруг, созерцал книж-

ное великолепие, не представляя, с чего начать на этой оргии духа, Леверлин уже с головой погрузился в какой-то фолиант, – схватил ее за талию и увлек в коридор. Пройдя немного, ногой распахнул дверь очередной гостиной – эта была выдержана в светло-зеленых тонах – втолкнул внутрь Мару, чувствуя горячие толчки крови в висках. Что-то до сих пор было зажато в ладони – перстень Асверуса, конечно. Сварог мимоходом надел его на средний палец, почти впору пришлось. Мара закинула ему руки на шею, прижалась всем телом, промурлыкала на ухо:

– Бьюсь об заклад, ты все это время только и делал, что валял придворных шлюх...

– Поклеп, – сказал он счастливо улыбаясь.

– А докажи.

Широкая мягчайшая кушетка обнаружилась совсем рядом, и Сварог, не теряя времени, уложил туда вновь обретенное рыжее сокровище – а ведь в глубине души увидеть не чаял – и ее платье в мгновение ока полетело на пол...

А сам он успел лишь расстегнуть три верхних пуговицы камзола. Мара, приподнявшись на локте, недовольно уставилась на что-то за его спиной, и Сварог, обернувшись, увидел просунувшуюся в приоткрытую дверь бульдожьей физиономию Интагара. Сердито набросил на безмятежно лежавшую Мару легкое покрывало, подошел к двери, четко ставя подошвы, словно гвозди вбивал, и, уставясь на министра полиции, крайне неприязненно процедил:

– Послушайте, есть же пределы...

– Ваше величество, – сказал Интагар преспокойно. – Извольте выйти в коридор или позвольте мне зайти...

Что-то у него было в глазах такое – незнакомое, тревожное. Не колеблясь, Сварог за локоть вытянул его в селадоновую гостиную – вот именно, Селадоноя! – захлопнул дверь. Спросил уже спокойно:

– Что-то случилось?

– Как сказать... Мы только что взяли этого самого кабинет-камергера. Взяли и его хозяина, отдававшего ему приказы и платившего деньги – маркиз Уго из Министерства иностранных дел...

– Ну, ничего удивительного, – сказал Сварог. – Я прекрасно знаю, что более всего у меня недоброжелателей и врагов как раз в Министерстве иностранных дел – они в свете последних событий потеряли прежнее значение, скоро я их вообще разгоню за ненадобностью. Не могу же я при их посредстве с самим собой сноситься? Глупости... В общем, могли бы и подождать...

– Не мог, ваше величество, – сказал Интагар решительно. – Решение нужно принимать немедленно, не теряя ни минуты. Понимаете ли, мы с ходу прижали означенного маркиза, он дрогнул и треснул... Так вот, он очень быстро опомнился, грозит всеми мыслимыми и немыслимыми карами... По его словам, он – одно из доверенных лиц имперского наместника в Равене, и именно наместник поручил ему организовать это покушение на вас, ту ядовитую гадину переправили из Фагерстарских болот с помощью... – он умолк и многозначительно ткнул пальцем в потолок, выше которого, как известно, небо, а в небе, всякий скажет, летающие дворцы...

– Что еще за покушение? – озабоченно спросила Мара, спрыгнула с кушетки и моментально натянула платье. – Я смотрю, расслабляться рано, работать пора...

– Пустяки, – сказал Сварог. – Ну, покушение... Ну, предотвратили... Далее, Интагар!

– В общем, он кричит, что всем нам не поздоровится, вплоть до меня. Что, как только высокий господин небес, имперский наместник узнает, а он непременно узнает вскорости каким-то образом, о котором нам, быдлу наземному, знать не полагается... Мы его не арестовывали официальным образом – просто схватили на улице незаметно для окружающих, увезли в одно из укромных мест... Я не думаю, что он врет – у меня и до того были на него материалы... Все так и обстоит. Он и в самом деле – доверенное лицо наместника. Ваше величество, не подумайте, что я трушу... Но дальнейшее, очень похоже, выходит за пределы моей компетенции...

Глаза у него были странные – тревога мешалась со смертной тоской, Сварог впервые видел его таким.

Тщательно застегивая камзол, он сказал веско:

– Не тревожьтесь, господин министр полиции... К счастью, происходящее – в пределах *моей* компетенции... Вы запротоколировали показания этого долбаного маркиза?

– Как можно... высокий господин небес...

– Летите пулей, – сказал Сварог. – Запишите показания обоих подробнейшим образом. Ясно?

– Но господин наместник...

– Вашего наместника я арестую самое позднее через час, – сказал Сварог. – Это для вас он, может быть, и высокий господин небес, а для меня... – он повернулся к Маре: – Ступай к Элкону, он у себя. Пусть немедленно свяжется с Серебряной Бригадой и от моего имени вызовет патруль. Покушение на камергера императорского двора, лейтенанта Яшмовых Мушкетеров, и, главное – начальника девятого стола Императорского Кабинета... Он у меня не то что соплями – кровью умоется, тварь такая... Марш!

Мара, так и не успев надеть туфельки, босиком выскочила за дверь.

– К лешему... – сказал Сварог, чувствуя, как в нем крепнет рассудочная, спокойная ярость. – Надоели мне имперские наместники на моих землях. Без них обойдемся. В самом скором времени я их изведу под корень как разновидность фауны...

Интагар таращился на него с восторженным ужасом, приоткрыв рот, ничуть не похожий сейчас на первого интригана королевства и многолетнего министра полиции.

Сварог лихо подмигнул ему, похлопал по плечу:

– Привыкайте, старина, привыкайте. Сдается мне, вы все еще не *прониклись* подлинным значением моей скромной персоны. Я вам не что-либо где, а где-либо как... Мы с вами еще такого наворотим рука об руку... Лишь бы у вас хватило смелости... Ну, подберите вы челюсть и гляньте соколом! Или не верите?

– Верю, ваше величество, верю... – сдавленным голосом отозвался Интагар. – Просто привыкнуть трудно, когда на глазах рушится *система*, всю жизнь казавшаяся вечной и неизменной, как радуга или облака... Но не только это... Откуда у вас это кольцо?

– А что? – с любопытством спросил Сварог.

– Это определенно пресловутый перстень Асверуса...

– Ну да, – сказал Сварог.

– Лет двадцать назад старого герцога Ашила зарезали вместе с несколькими домочадцами именно из-за этого перстня. О нет, его у герцога не было во все – просто-напросто старый бахвал в своем коллекционерском запале со-врал, будто приобрел его где-то... И этого хватило. Вокруг этого перстня столько интриг и крови, сколько не было на иных огромных самоцветах... Кто-то настойчиво пытается его заполучить, это началось еще до моего рождения и продолжается до сих пор – я то и дело натываюсь на упоминания, что пер-стень ищут неустанно... Лучше бы вам его не носить открыто, неровен час...

Сварог сначала хотел засмеяться, но, подумав как следует, снял тяжелую драгоценность и спрятал в карман камзола. Осторожность не помешает. Возможны самые неожиданные варианты. Скажем, этот череп принадлежит какому-то подземному сановнику, и кто-то, очень далеко отсюда, поклялся, что он будет покоиться в семейной усыпальнице, хоть ты тресни... Другого объяснения и не подберешь вот так, с маху...

– А про ожерелье, выполненное в той же манере, вы слышали когда-нибудь?

– Великие небеса! – выдохнул Интагар. – Хотите сказать, оно тоже у вас?

– Не буду врать... Оно неизвестно где. Значит, слышали?

– Конечно, – сказал Интагар. – Тогда для Асверуса ювелиры сработали пер-стень и ожерелье. Перстень он носил сам, а ожерелье подарил какой-то зага-дочной женщине, своей последней возлюбленной, но никто не знает, кто она такая, даже тайная полиция.

– Ай-яй-яй, – сказал Сварог. – А я-то полагал, что тайная полиция знает все... Ладно, летите со всех ног, и чтобы письменные показания через часок были у меня на столе...

...Граф Гаржак вошел в кабинет с непроницаемым лицом, не позволявшем судить об итогах его вылазки в архивы. Мэтр Анрах и Леверлин по-прежнему копались в книгах, вполголоса обмениваясь восторженными замечаниями, Сварог, не ощущавший в себе тяги к ученым занятиям, развалился в кресле, прихлебывая «Кабанью кровь», а уютно устроившаяся у него на коленях Мара мурлыкала под нос какую-то балладу.

– Проходите, граф, – сказал Сварог. – И говорите смело. От этих людей у меня секретов нет, запомните на будущее.

– Постараюсь учесть, государь...

– Итак?

– Кое-что раздобыть удалось, – граф расстегнул верхние пуговицы камзола и вытащил плоский, не особенно толстый пакет, завернутый в кусок темно-вишневого бархата. – Позвольте вернуть байзу. Вы были предусмотритель-ны, она пригодилась...

– Многих повесили? – ухмыльнулся Сварог.

– Одного, – серьезно сказал Гаржак. – Прямо на воротах. Вы мне разрешили вздернуть двоих, но второго я по размышлению помиловал, поскольку он ока-зал неоценимые услуги...

– Наш человек, – сказала Мара. – Точно.

– Подождите, – сказал Сварог растерянно. – Вы что... всерьез?

– А как же иначе? – Гаржак ответил хищной ухмылкой, обнажившей вели-колепные зубы. – Вы выразились достаточно недвусмысленно, ваше величе-

ство. Я имел полномочия повесить одного-двух канцелярских сусликов в том случае, если они будут ставить палки в колеса. Именно это они и попытались со мной проделать.

– Прах меня побери, я же в шутку...

– Простите, государь, когда речь идет о деле, я к каждому слову отношусь серьезно...

Сварог посмотрел в его загорелое упрямое лицо, потряс головой:

– Ладно, впредь мне будет урок... Теперь понятно, за что вас ценил Ужасный... Расскажите толком.

– Я приехал в архив, нашел ведающего нужными шкафами человека, департаментского советника, предъявил байзу, ваше предписание, и честь-честью попросил выдать мне все имеющиеся у них бумаги Асверуса, – сказал Гаржак деловито. – Знаете, что эта чернильная крыса заявила в ответ? Он взял меня за локоток, увел в дальний угол и стал наставлять на путь истинный, как он выразился. Долго распинался, что следует считаться не только с писаными законами и недвусмысленно выраженной королевской волей, но и сложившимися за столетия внутри иных учреждений традициями. Оказалось, что главная из этих традиций – не отдавать в случайные руки иные единицы хранения, бумаги Асверуса в том числе, а получать за них, по его выражению, «достойное вознаграждение». Традиции, сложившаяся практика, невысокое жалованье и все такое... В общем, все свелось к тому, что я должен ему заплатить. И немало. Простите великодушно, но я форменным образом остервенел. Какая-то старая чернильница пытается содрать деньги за вверенные его попечению бумаги даже с самого короля... Как хотите, а подобное безобразие следовало пресечь самым недвусмысленным образом. Я позвал гвардейцев, они быстренько его выволокли во двор, в два счета отыскали веревку и вздернули на воротах – в назидание и пресечения порочных традиций ради... На гвардейцев в таких случаях всегда можно полагаться – надежные ребята, выучка покойного короля... На зрителей, то бишь прочих канцеляристов, это зрелище, сдается мне, произвело некоторое впечатление. Когда гвардейцы взялись за второго – он был заместителем свежевздернутого, так что продолжать следовало именно в этом направлении – тот выразил готовность помочь мне в моей ответственной миссии всем, что только будет в его силах. И не соврал, знаете ли. Он мне действительно помог, благодаря чему и избавился от Конопляной Тетушки. Оказалось, что, кроме *обычного* архива Асверуса – к слову, разворованного уже на девять десятых и распроданного кому попало – есть еще одна единица хранения. Некий пакет, который даже это ворье не осмелилось загнать на сторону – он, в отличие от прочих бумаг, положен был не в «бесполезные бумаги», а в особо секретный шкаф. Вот это, ваше величество, обычные бумаги, боюсь, в них нет ничего интересного, а вот пакет...

Сварог бегло посмотрел невеликую стопку выцветших листов разного формата. Гаржак оказался прав, ничего интересного они собой не представляли – исчерканные каракулями, определенно черновики стихов, какие-то письма, короткие и незначительные, вроде расписки в получении кареты от мастера или купчей на деревеньку...

Отложив все это, он взял квадратный, толщиной всего в полпальца пакет, оглядел его гораздо внимательнее. Прочная тряпичная бумага, так называемая «волочья шкура», мало выцветшая и за сто с лишним лет. Не менее полу-

дюжины печатей – сургучных и оттиснутых стойкими чернилами. Тщательно выведенная канцелярским почерком надпись: «Хранить до особого распоряжения». Неразборчивая подпись. Знакомая Сварогу эмблема: над человеческим глазом изображена корона, что означает высшую степень секретности: «только для взора короля».

Он уже достаточно понаторел в канцелярских премудростях и смог без труда проникнуть в смысл всех этих печатей и штампов: в старые времена кто-то, облеченный немаленькой властью, поместил этот пакет в такое место, откуда его могла затребовать исключительно коронованная особа. Даже канцелярские воры не решились пустить *такую* единицу хранения в вульгарный коммерческий оборот. С течением времени – обычно на это положено полсотни лет – пакет, несомненно, переместился из «запирающегося железного ящика» в «особо секретный шкаф», то есть не потерял статуса, но все же съехал на ступеньку ниже. Пожалуй, еще лет через двадцать уже смогли бы продать, списавши, есть какой-то циркуляр, попадался на глаза...

Тщательно помяв пальцами пакет, Сварог оторвал краешек, извлек лист плотной бумаги. Вчитался, нахмурившись, потом повторил прочитанное вслух для всеобщего сведения:

– Восьми сторонам света! Мы, Дайни Барг, королева Ронеро, сим объявляем всем, кого это касается, что Шеллон, граф Асверус, обер-шенк Нашего двора и капитан дворцовой стражи, волен распоряжаться в провинции Накеплон, как если бы Мы сами приказывали. Всем гражданским и военным чинам, а равно дворянам, Сословиям, гильдиям, и градским обывателям и землепашцам велено знать, что вышеозначенный граф наделен правом меча и веревки, огня и воды, что подтверждено большой золотой байзой за учетным номером восемнадцать.

Дано в Нашем Латеранском замке шестнадцатого Датуша восемьдесят первого года.

Печать и подпись.

– Буквально за три недели до его убийства, – тихо сказал Леверлин.

– Я и не знал, что он был капитаном дворцовой стражи, – сказал Анрах. – Никто не знал...

Сварог задумчиво постукивал по колену свернутым в трубочку королевским указом. Это была грозная бумага. Особенно в сочетании с байзой, и не какой-нибудь, а большой золотой. На время неизвестного пока поручения Асверус получал над провинцией полнейшую, ничем не ограниченную власть. Теоретически рассуждая, он мог при желании перевешать и перетопить все население, от знатнейшего герцога до последнего бродяги, а провинцию выжечь дотла. Страшненькая бумага. Гаржаку, отправляя его в архив, Сварог выдал гораздо менее весомую. Право меча и веревки, огня и воды, все без исключения обязаны повиноваться... Насколько он помнил, короли подобными бумагами не разбрасывались, такие полномочия посланец обычно получал при обстоятельствах чрезвычайных – война, мятеж, крупный заговор, смута на полстраны, какая-нибудь чума, стихийный катаклизм... Но ничего подобного в те времена вроде бы не случалось?

– Благодарю, граф, – сказал он, подумав. – Вы прекрасно справились. Пожалуй что, садитесь к столу и познакомьтесь с моими друзьями. Вам еще вместе работать и работать. А я пока ненадолго вас всех покину...

Он осторожно снял с колен Мару, поставил ее в сторонке, встал и, не оглядываясь, вышел.

Его небесное великолепие, господина имперского наместника разместили пока что в одном из кабинетов Сварога. Вход охраняли два бравых молодца из личной дружины Сварога (орлы из Серебряной Бригады уже улетели, сделав свое дело). Строго говоря, такой вот произвол нарушал немало писанных законов империи, но Сварог справедливо полагал, что императрица задним числом придаст его хамскому самовольству вполне пристойное юридическое обоснование. Все-таки есть свои прелести и в откровенном, ничем не прикрытом абсолютизме – понятное дело, когда именно ты числишься среди фаворитов и доверенных лиц самодержицы...

Тут же стоял Интагар. Как выразились бы авторы старинных романов в пресловутом стиле балерио, его лицо несло отпечаток нешуточного внутреннего борения. Прекрасно понимая, в чем тут дело, Сварог сказал с ухмылкой:

– За мной, Интагар, и выше голову!

Дверь отперли, и они вошли – Сварог размашистой походкой победителя, Интагар значительно медленнее, не без робости.

Наместник, де факто собственно уже переставший быть таковым, вскочил, пылая благородным гневом. Упитанная и ухоженная, средних лет особь из разряда бездельников, в жестком от золотого шитья и драгоценных камней повседневном вицмундире.

Сварог остановился перед ним, заложив руки за спину. Он и сам прекрасно знал, что улыбка у него сейчас злоедающая и гнусная, но ничего не мог с собой поделать: впервые получил возможность на законных основаниях *припереть* одного из раззолоченных заоблачных трутней...

Какое-то время наместник, брызгая слюной и надсаживаясь, орал во всю глотку, грозя всеми мыслимыми и немыслимыми карами не только возмнившему о себе Сварогу, но и доброй половине королевства – без особенной фантазии и красноречия. Когда Сварогу это надоело, он преспокойно сделал еще шаг вперед и от души вмазал по сытой роже – раз, два, три... Подумав, для симметрии добавил и четвертую затрецину. Подцепив щиколотку наместника носком сапога, ударом локтя отправил его на пол.

Прочно утвердился на расставленных ногах, многозначительно постукивая кулаком по левой ладони. Лежавший на полу сановник, глядя на него снизу вверх с оцепенелым ужасом, неуверенно вякнул что-то насчет Канцелярии земных дел – но уже скорее по инерции...

Сварог веско произнес:

– Сапогами затопчу, сволочь, если еще хоть слово услышу... – и гаркнул: – Встать! Встать, смирно, кому говорю!

Охая и хныкая, наместник выполнил приказание, встал перед Сварогом, как лист перед травой, испуганно косясь, заслоняясь руками. Сварог мрачно констатировал свою полную и окончательную победу. Этого откормленного бездельника жизнь до сих пор баловала исключительно приятными своими сторонами, и он, оказавшись в непростой ситуации, попросту *не умел* проявить твердость...

Словно опытный фокусник, Сварог выдернул из-за обшлага свернутый в трубку листок с показаниями маркиза-дипломата и встряхнул, разворачивая. Поднес к глазам наместника:

– Умеете читать по писаному, сударь мой? Если мне память не изменяет, мы имеем здесь вопиющее и злонамеренное, умышленное к тому же нарушение параграфа пятого Небесной Хартии: всякий лар, злоумышляющий на жизнь другого лара, подлежит... Напомнить вам, чему вы подлежите? По-моему, пожизненному заключению в замке Клай...

– Граф Гэйр... – в ужасе пролепетал наместник.

– Я вам сейчас не граф Гэйр, любезнейший, а начальник девятого стола. А это будет похуже восьмого департамента... Вы ведь не могли не читать очередных циркуляров о назначениях? Там все подробно описано...

Судя по перекошенному лицу наместника, циркуляры он читал от корки до корки. Глядя на это шмыгающее носом ничтожество, Сварог вдруг почувствовал лютую скуку. Не было никакого удовольствия в том, чтобы *дожимать* эту пададь. Отойдя на пару шагов, он властно сказал:

– Работайте, Интагар. На всевозможную мишуру, украшающую этого субъекта, можете не обращать внимания. Перед вами – обычный злоумышленник, покушавшийся на королевскую особу с целью лишения жизни. Из этого и исходите. Ну?!

Интагар выступил вперед. Сварог следил за ним с ухмылочкой. Забавно и поучительно было смотреть, как министр полиции на глазах переступал через что-то в себе, поднимаясь над вдолбленными с детства истинами.

Потом Сварог громко, выразительно откашлялся, придавая прыти своему министру. Тот наконец решился. Аккуратно снял камзол, повесил его на спинку ближайшего стула, неторопливо, картинно закатал рукава рубашки. Наместник следил за этими приготовлениями с нешуточным ужасом. Обретая все больше уверенности, Интагар цепко ухватил его за искрившиеся бриллиантами отвороты вицмундира, притянул к себе и принялся цедить тихо, угрожая:

– Я сам с тобой возиться не буду, жирная твоя рожа, баран холощенный, сволочь... Я тебя кину в подходящую камеру, где уже сидят человек двадцать с невероятными сроками, привыкшие ко всему на свете. В том числе и пользоваться друг друга вместо баб, потому что баб большинству из них по причине длительности сроков, пожалуй, в жизни уже не увидеть... И поставят они тебя раком, и драть будут, пока не надоест... Вот там ты у меня узнаешь, с какого конца краюху откусывать. Я тебя там забуду, как бы ты в дверь ни колотился... А перед этим я тебе самолично уши калеными щипцами подпалю, чтобы приятно воняло...

Он был страшен сейчас, возвысившийся над прежней жизнью, – и наместник, жалобно пища что-то, кинулся к Сварогу, вцепился в него так, что отдирать пришлось бы, пожалуй, дюжине палачей, бледный, как стена, запричитал:

– Граф, умоляю, уберите этого монстра! Я не виноват, в конце концов, он меня запугал, он говорил, что дело выйдет абсолютно верное...

– Кто? – хладнокровно спросил Сварог.

– Герцог Орк...

– Вот тебе на! – сказал Сварог не без удивления. – То-то я в последнее время что-то не слыхивал о нашем неугомонном герцоге. Не с его характером надолго исчезать в неизвестность... А он вот что придумал, проказник. Ну, коли уж начали, рассказывайте с толком и расстановкой, пока этот хмурый дядька не

взялся исполнять свои обещания. Между нами говоря, он может учинить и в сто раз побольше того, что вам так щедро пообещал...

Глава пятая

Дела давно минувших дней...

Сварог восседал за столом в так называемом угловом кабинете, и в самом деле расположенном в углу громадного здания. Балкон там выходил на крутой обрыв, заросший колючим кустарником, почти отвесный склон, уардов на полсотни спускавшийся к земле, к узкой речушке, вдоль которой тянулась высоченная кованая ограда, а за оградой простирались дикие земли, примерно лиги через полторы упиравшиеся в правый берег широкого Итела. Из-за своего расположения кабинет этот считался самым надежным среди подобных помещений – почти невозможно было подобраться незамеченным под окно какому-нибудь коварному иностранному шпиону, чтобы злонамеренным своим ухом уловить секретнейшие беседы его величества. В любом случае кабинет этот Сварог предпочитал даже не из соображений безопасности – очень уж живописный оттуда открывался вид на равнину и Ител, чьим притоком была та самая хлипкая речушка (между прочим, глубиной всего уарда в полтора, так что, теоретически рассуждая, подводная лодка обитателей Токеранга ни за что не смогла бы по ней пройти, чтобы вклепить в окно кабинета ракету. Правда, она преспокойно могла проделать это, всплыв в Ителе, но Сварог все же надеялся, что до этого не дойдет. Вздумай лилипуты совершить покушение именно на него, возможностей было предостаточно и прежде...).

Интагар увлеченно шуршал бумагами.

– Право же, господин министр, это прямо-таки историческое событие, – сказал Сварог не без веселости. – Впервые с тех пор, как я воссел на престол, против меня обнаружился самый настоящий заговор с целью свержения... Это даже где-то пикантно...

Интагар, судя по его хмурому, сосредоточенному лицу, подобного легкомыслия никак не одобрял. Он откликнулся с порицанием:

– Зря вы так, государь. Это самый настоящий заговор, и именно с целью свержения...

– Помилуйте, но это же несерьезно, – сказал Сварог искренне. – Кто там у вас в списке? – он заглянул в бумагу. – Шестеро молодых шалопаев из Министерства иностранных дел, самый старший чином – всего-то департаментский секретарь, сиречь капитан... Два гвардейских лейтенанта – причем второй даже не из Латераны... Еще полдюжины столь же сопливых горлопанов из словий Чернильницы и Циркуля, парочка студентов... Вот и все, я вижу? Вы в самом деле полагаете, что подобная компания могла свергнуть меня с престола?

– *Сейчас* – никоим образом. Кишка тонка. Но что могло вырасти из подобного Komplota, никому неизвестно. Слишком много успешных заговоров рождались трудами подобных болтунов, сбивавшихся в кучки. Главное, ваше величество, они *всерьез* были одержимы этой идеей. *Всерьез*. Понимаете? Как-никак это не мальчишки, а вполне взрослые люди. Из такой болтовни рождаются и покушения, и мятежи... Как бы там ни было, то, что произошло – прямое и недвусмысленное нарушение четко прописанных законов королевства, из ко-

торых вы ни одного пока что не отменили. Обстановка требует, чтобы с ними расправились по всей строгости, дабы их участь послужила печальным примером и предостережением всем, кто рискнет думать о чем-то подобном...

– Иными словами – на Монфокон?

– А куда же еще? – с некоторым даже удивлением спросил Интагар. – Конечно же, на Монфокон... вернее, на здешнюю Треугольную площадь. Столица ныне в Латеране, значит, здесь и следует...

– Вот что, – сказал Сварог твердо. – Я тут успел кое-что обдумать. Никаких вам площадей, ни треугольных, ни круглых...

– Ваше величество! – прямо-таки вскричал Интагар умоляюще. – Прошу вас убедительно: бросьте вы эти совершенно неуместные для короля слабости вроде напрасного мягкодушия...

Сварог смотрел на него, ухмыляясь, и молчал, выдерживая эффектную паузу. По комнате гулял ветерок, шевеля бумаги на столах – с утра дул сильный полноточный ветер, суля пригнать от Каталаунского хребта грозовые тучи, дверь на балкон была распахнута настежь.

– Тихо-тихо-тихо, – сказал Сварог грозно, и министр полиции моментально заткнулся. – Попрошу без оскорблений, дружище. Нечего обвинять мое величество в напрасном мягкодушии. С чего вы взяли? Да как вам такое в голову пришло? Неужели я дал повод? – он ловко вытянул из стопки бумаг нужную, постучал по ней ладонью и сказал уже совершенно серьезно: – Почему вы решили, что я намерен миловать заговорщиков? Опасные прецеденты мне не нужны... Я с ними поступлю *иначе*, вот и все. Тут подробно изложено. Отправить всю эту компанию в Три Королевства. Каждому подобрать соответствующий пост – гражданским чинам гражданскую службу, военным, соответственно... Подыскать примерно подходящие их нынешнему состоянию должности. Каждому из них дается год. Если за этот год они там наладят дело, так, что будут существенные подвижки, если они себя покажут толковыми работниками – простить и забыть прошлые грехи, пусть служат и далее, без малейших отметок в формулярах, без малейших препятствий для дальнейшего чиновничьего производства и карьеры. Но вот если кто-то из них дело ощутимо завалит – покарать по всей строгости. Лишить дворянства или сословных прав, определить лет на двадцать погонщиками волов или золотарями. Понимаете? Если уж у них хватило нахальства решать судьбу королевства и мою собственную, посмотрим, на что они способны на гораздо менее ответственных постах – и, если покажут себя разгильдяями, пусть не жалуются... – Он подписал указ, сноровисто приклепнул малую королевскую печать и через стол протянул министру бумагу. – Указ широко огласить, упирая именно на этот нюанс – пусть покажут, на что способны в реальности. Ну что, Интагар, похоже это на мягкодушие?

– Ничуть, – вынужден был признать Интагар. – Но все же это как-то... несколько необычно... На мой взгляд, лучше уж действовать по старинке, испытанными методами...

– Зарубите себе на носу, дружище, – сказал Сварог. – Не стоит цепляться за старину, нужно проявлять гибкость, следовать за временем.

Интагар молча поклонился – хотя на его физиономии явственно читалось, что он остается при своем консервативном мнении.

– Вообще, я тут готовлю еще парочку схожих указов, – сказал Сварог. – Нуж-

но разгрузить тюрьмы. Мне подготовили статистику, и я ужаснулся: невероятное количество бездельников сидит у нас взаперти переводя казенную баланду ушатами. Хорошо устроились... Нет уж, будем этот бардак расчищать. Оставляем за решеткой вовсе уж закоренелых и гнусных, запятнанных кровью и отягощенных вовсе уж тяжкими грехами. А мелкоту строим в колонны и гоним в Три Королевства. Старая Матушка им там найдет достойное применение, у нее не особенно забалуешь... С учетом этого, кстати, нужно будет внести изменения в уголовное уложение, чтобы тот, кто стырил кошелек или обчистил кладовую, не прохлаждался отныне за решетками, а прямым отправление на новые земли трудиться на благо державы. Возражения есть?

– Ни малейших.

– Вот видите, я ничуть не размяк душою, – сказал Сварог. – Я еще многих застегну на все пуговицы и научу в сортир строем ходить... Идите, Интагар, и чтобы завтра же с утра глашатаи этот указ орали во всех полагающихся местах – выразительно, с патетикой в голосе, ну, да не нам их учить... И скажите там охране, что я никого не принимаю еще часа два, разве что нечто совсем уж из ряда вон...

Интагар, взяв подписанный указ, попятился к двери и бесшумно исчез за ней по своему обыкновению. Оставшись один, Сварог встал, с превеликим удовольствием выполнил несколько упражнений из неизвестного здесь курса тренировки воздушных десантников, чтобы размять суставы. Сегодня он просидел за бумагами часов пять, пересаживаясь от одного стола к другому.

Увы, именно так и обстояло: вдоль одной из стен кабинета стояли шеренгой три огромных, широченных стола. Точеные ножки были обхватом со слоновью ногу, а столешницы – толщиной в ладонь, но все равно иногда казалось, что столы вот-вот подломятся от нешуточной тяжести. Здесь скапливалось все то, что никак нельзя перепоручить другим, даже самым верным... Вот так и выглядит рабочее место всерьез занятого государственными делами короля, а все эти золотые троны, усыпанные самоцветами, – экзотика, и не более того, достаиваются прикосновения монаршей задницы раз десять в год, не чаще...

Заложив руки за спину, Сварог присмотрелся к аккуратным бумажным штабелям, прикидывая, что может подождать, и сколько.

Крайний слева стол может поскучать нетронутым пару дней – благо там в основном донесения губернаторов из Трех Королевств вкупе с обстоятельными докладами неусыпно наблюдающих за таковыми тихарей. Именно такая система как раз и обеспечивает должную объективность, господа мои...

Его идея насчет Ордена Возрождения Трех Королевств оказалась весьма даже полезной – под чутким руководством Старой Матушки рекомый Орден уже начал работать, принося пользу. Удивительного тут ничего не было: как только народ смекнул, что членство в Ордене и ударная работа в нем сопряжены с реальными мирскими благами, дело пошло. Как водится, хватало и зла неизбежного: казнокрадство, приписки, интриги, доносы анонимные и подписанные, грызня за теплые местечки и прочие злоупотребления. Но с этим ничего не поделаешь – бывают явления изначальные и вечные, неотделимые от рода человеческого, полностью искоренить их не удавалось никому и никогда, остается лишь загонять их в рамки и поддерживать на минимальном уровне, насколько возможно...

Пухлый проект закона об учреждении нового Сословия – Сословия Огненного Колеса – тоже должен полежать с недельку, пока проработают все детали те, кого Сварог засадил доводить до ума его очередную гениальную идею. Идея и в самом деле была неплоха – собрать в одно сословие всех инженеров, занимавшихся *новыми* механизмами – паровыми машинами (и всеми областями, где они находили применение), железными дорогами, автомобилями и самолетами. Причем – иначе не стоило и огород городить – следовало повернуть все и так, чтобы это Сословие стало одним из самых престижных (последнее уже было задачей герцога Лемара с его гениальной манерой обосновать любой шаг короля и втолковать всему миру, что в этом заключена высшая мудрость, причем так, чтобы верили все).

А чуть погодя можно мягко и ненавязчиво кое-что подкорректировать, скажем, отменить четыре рельса для паровозов, пусть, как им и полагается, ездят по двум. Ввести в качестве двигателя для паровозов скомпрометированный трудами ведомства Гаудина винт. Наладить производство тракторов. Подумать о телеграфе – не нынешнем, оптическом, с его машущими крыльями, а электрическом.

Наверху, конечно, взовьются, неизбежны новые склоки – но, учитывая ситуацию... особенно сейчас, когда Яна, вняв доводам Сварога, убрала всех имперских наместников из его королевств. На помощь ему не в первый уже раз пришли обожавшие его старцы из Геральдической Коллегии, благодаря Сварогу стряхнувшие вековую пыль и паутину и зажившие полно, насыщено, интересной жизнью, в которой они оказались нужны и необходимы. Воспрянувшие духом Мафусаилы в два счета отыскивали противоречия в старинных законах, изящно свели их в логически непротиворечивую докладную и оказалось, что наместники, если вдумчиво изучить вопрос, предназначены исключительно для надзора за рожденными на земле монархами. А существование наместников при графе Гэйре противоречит сразу трем параграфам Кодекса Вольностей Господ Небес – фундаментального документа, на который даже Сварог при всем его нахальстве не рискнул бы покушаться.

Правда, Яна этот указ подписала в обмен на обещание Сварога не предпринимать никаких репрессалий против здешнего наместника, простить коего умоляла многочисленная и влиятельная родня. Сварог отдал добычу с легким сердцем. Утолять примитивную жажду мести у него не было охоты – все равно первую скрипку в истории с покушением играла не эта медуза, а герцог Орк, каковой благоразумно исчез с горизонта, отсиживался неизвестно где, справедливо подозревая, что ему могут задать массу неприятных вопросов. Если откровенно, и против самого Орка Сварог не таил особой злобы – в конце концов, он сам был виноват. Расслабился после вереницы нешуточных успехов, забыл старый разговор, забыл лицо Орка, с каким тот говорил однажды: «Если вы обманете, граф Гэйр, станете мне противостоять, у вас не будет более страшного и упорного врага, чем я. У меня останется в жизни одна цель – уничтожить вас. И если не удастся до вас добраться... или – пока не удастся добраться до вас лично, я буду уничтожать все, что вам дорого...»

Так что Сварог сам виноват – решил, что герцог, поглощенный своими вечными авантюрами, решил не размениваться еще и на пошлую месть. Оказалось, ошибся. Ну что же, следует быть осторожнее, вот и все. И когда сыщется свободное время, разработать надежный план – как отловить Орка без лишне-

го шума... а там видно будет.

Перейдя к следующему столу, он тяжело вздохнул в бессильной злости. Как назло, обстоятельный доклад одного из доверенных помощников Интагара лежал на самом верху и бросался в глаза, словно пьяный шкипер в женском монастыре...

С месяц назад в Равене появилась колоритная парочка – молодой дворянский недоросль из провинции, вьюнош застенчивый, робкий, совершенно не обученный светскому политесу, красневший через слово, одетый по моде сорокалетней давности, с наивнейшим взором и неуклюжестью сельского жителя. Ему сопутствовал субъект совершенно иного пошиба – краснолицый морской волк, старый капитан, в совершенстве владевший морской терминологией, украшенный десятком затейливых татуировок, громогласный, напористый, пьющий все, что горит. Оказалось, что юнец, разбирая бумаги усопшего родителя, отыскал среди хлама форменный бриллиант – подробнейшую карту места, где лет семьдесят назад один из капитанов незадачливого Амельского каравана – флотилии судов, везших немаленькие сокровища и настигнутой пиратами у Инбер Колбта – закопал несколько ящиков с драгоценными камнями, за которыми потом так и не смог вернуться.

История была известная, подтвержденная в свое время свидетелями, попавшая во многие серьезные книги. Карта тоже выглядела самым убедительнейшим раритетом. Одна беда: кроме помянутого бумажного хлама, полуразвалившегося замка и парочки пришедших в упадок деревень, усопший родитель наследнику не оставил ни гроша. А его компаньон, помянутый морской волк, тоже оказался беден, как церковная мышь, мало того – его суденышко недавно напоролось на рифы где-то возле Бран Луга и пошло на дно. Так что двум кладоискателям, кроме непроверяемого документа и решимости позарез требовались еще деньги на корабль – и они искали солидного человека при капиталах, который согласится за неплохую долю финансировать предприятие.

Солидных людей при капиталах, замороженных блеском исторических самоцветов, быстро отыскалось целых восемь. Друг о друге они не знали, но поступили с редкостным единодушием, вручив немаленькие денежки робкому юнцу и его другу-мореходу, надежному на вид, как Круглая Башня, главная сокровищница Балонга.

Судя по всему, кладоискатели не стали испытывать судьбу, они знали, где следует остановиться – и, собрав с означенной восьмерки более ста тысяч ауреев, в один прекрасный день смылись, как смывается капля варенья с серебряной посуды...

Восемь солидных людей при поуменившихся капиталах кинулись в полицию – четверо благородных дворян, два оптовика-рыботорговца, генеральская вдова и немаленький чин из Министерства двора. Они полагали в святой простоте своей, что означенная парочка, собрав деньги, решила пуститься все же в плавание и завладеть кладом единолично.

Однако полицейский чиновник, почуяв в происшедшем некий знакомый почерк, энергично принялся копать в другом направлении. И довольно быстро установил, что «юный наследник» на самом деле – некий студент, изгнанный год назад из Архитектурного училища за подделку векселей, кражу серебряной утвари из деканата и три брачных аферы с перезрелыми богатыми вдо-

вушками, которых обчистил весьма чувствительно (причем все вышеописанные грязные делишки он провернул так, что привлечь его к суду не было возможности). Капитан же оказался никаким не капитаном и даже не боцманом – это была еще одна прекрасно известная полиции личность, некий Куба-Пусик, мошенник высшей гильдии, промышлявший прежде продажей поддельных диковинок из Хелльстада и гиперборейских патентов на дворянство (опять-таки фальшивых, как легко догадаться).

Полиция обоих отыскала весьма-таки быстро, используя профессиональное знание городских притонов – и после первых с ними бесед, фигурально выражаясь, затопталась на пороге, нерешительно чеша в затылках...

Потому что оба были лишь талантливыми исполнителями, получившими десятую часть добычи, а остальное загреб герцог Лемар, который всю эту аферу придумал, подробно расписал, позаботившись о массе убедительных мелких деталей, вплоть до особо стойких керраманских чернил, которыми некий умелец и изобразил морскому волку затейливые татуировки (как следовало из доклада, в море Куба-Пусик не бывал ни разу в жизни, даже плавать не умел, а в терминологии его натаскал опять-таки герцог).

Ситуация создалась щекотливейшая. Нельзя было поставить перед грозным королевским судьей лишь эту парочку – защищаясь, она непременно начала бы топить герцога. А о той роли, которую играл герцог при королевском дворе, те, кто вел розыск, были прекрасно осведомлены. И оттого радостно спихнули все Интагару – на его разумение...

Тут же лежали полицейские донесения несколько иного плана, но касавшиеся опять-таки герцога Лемара. Молоденькая дочка бакалейщика, которую сцапали на улице и увезли в карете с задернутым шторками; совращенная юная племянница некоего графа, вручившая герцогу не только свою невинность, но и несколько пригоршней фамильных драгоценностей; крестьяночка, похищенная прямо на ярмарке; дочка дворцового привратника... И еще полдюжины схожих историй, причем любую согласно строгим законам королевства без всякого труда можно было развернуть в беспроектное судебное дело...

– Господи ты боже мой, – тихонько сказал Сварог вслух, не сдержавшись. – Ну что мне с ним делать?

Он прекрасно знал, что сделать ничего не сможет. Вернее, поступит, как не в первый уж раз – наложит резолюцию «Оставить без последствий», после чего все до единого дела благополучным образом рассыплется, эти два мазурика, экс-студент и Пусик, будут отпущены на свободу, разве что получат по печенкам от низших полицейских чинов – а потерпевшим чины повыше, сочувственно вздыхая, объявят с сожалением, что виновники были столь изворотливы, что ухитрились скрыться совершенно бесследно. Это – что касается восьмерых незадачливых кладоискателей. С близкими совращенных отроковиц поступят чуть иначе – им убедительно объяснят понаторевшие в подобных деликатных делах чиновные интриганы, что существуют некие высшие государственные соображения, согласно коим, увы, близкие должны отныне обо всем забыть, будто ничего и не произошло...

Это было мерзко, гнусно, гадостно, но иначе Сварог поступить попросту не мог. Исправить герцога Лемара могла одна-единственная вещь на земле – добротной намыленная веревка, или, учитывая его благородное происхождение,

позолоченный меч палача. Но в том-то и беда, что Сварогу герцог был необходим. Вот она, толстенная папка в сафьяновом переплете – подробнейший проект указа, который Сварог собирался подписать уже сегодня, указа о создании Братства Юных Витязей Короны. С ходу уловив мысль Сварога, герцог Лемар, в жизни не слыхивавший ни о пионерах, ни о скаутах, каким-то чудом, на интуиции и несомненной гениальности, развил туманную идею в нечто стройное, проработанное, завершенное. Организация детей и подростков, которых тщательно подобранные учителя будут воспитывать в верности королю, дабы, возросши, служили особенно преданно. Особая форма, бляхи на манер гильдейских, знаки отличия, факельные шествия по торжественным дням, барабаны и флейты, клятвы и ритуалы, знамена и вексиллумы, чинопроизводство на манер военного, сам король в качестве почетного магистра... (Лемар, уже по собственной инициативе, присобачил к первоначальному проекту столь же проработанный второй – о Лиге Юных Сподвижниц Короны. Сварог с печальным вздохом утвердил и его – хотя прекрасно понимал, что будет в этой Лиге твориться, если магистром ее Лемар скромно назначил себя.)

Одним словом, герцог был ему решительно необходим. Особенно если учесть, что нужно было в самом скором времени грамотно составить еще один проект, самый грандиозный из всего, что Сварог до того Лемару поручал. И сейчас уже можно говорить, что никто, кроме Лемара, с этим не справится. Какое уж тут уголовное преследование или немилость... Придется стиснуть зубы и терпеть.

Он подумал с грустью, что ничего почти не осталось от его былых прекраснодушных мечтаний, с какими вступал на свой первый трон. Мечтания эти лишены были четкости деталей, он попросту размышлял, что править будет справедливо и милосердно, что сподвижниками его станут благородные бессребреники и прекраснодушные идеалисты, мудрые книжники и народные заступники. Нечто в этом роде.

Увы, жизнь не оставила камня на камне от этих абстракций. Ну разумеется, при нем состояли и мудрые книжники вроде Анраха, и честные, романтические мальчишки вроде Элкона и юного герцога Бресингема...

Но на них нельзя было полагаться в *главном*. Всеми доставшимися ему землями следовало управлять жестко и круто, без тени идеализма и романтики – и вот тут бесценными для него оказались совсем другие кадры, вроде Интагара, герцога Лемара, Старой Матушки с ее пытошными и виселицами в Трех Королевствах. Самое печальное, пожалуй, в том, что он давным-давно убедился: в *этом* мире и с *этим* народом иначе нельзя. Быть может, в далеком будущем, когда смягчатся нравы и излечится от многих пороков род человеческий, кто-то, пришедший на его место, начнет править совершенно иначе. У трона не протолкнуться будет от романтиков, идеалистов и бессребреников, денно и нощно озабоченных трудами на благо человечества – а подданные, в свою очередь, перестанут воровать и тунеядствовать, подделывать монету и нарушать межи... Быть может. Одно Сварог знал совершенно точно: сам он до этой прекрасной поры ни за что не доживет, даже учитывая дарованное ему долголетие... И надеяться нечего. Так что придется стиснуть зубы и терпеть далее, успокаивая себя нехитрой мыслью: как ни крути, а кое-что для людей все же делается, помаленьку отменяем самые одиозные установления прошлых лет, налоги облегчаем, даем массу возможностей проявить себя

на целине... простите, в Трех Королевствах...

Вызывать Лемара и разносить в пух и прах нет никакого смысла, Сварог давно оставил эти попытки. Герцог, как обычно, с самым невинным видом, со слезой в глазах будет уверять, что все это – клевета завистников и происки врагов, и будет при этом так благообразен, убедителен и проникновенен, что поневоле начнешь верить самую чуточку, что все так и обстоит, даже при том, что в ящике стола у тебя лежат доклады, составленные надежнейшими сыщиками. Таково уж злодейское обаяние герцога и недюжинная сила убеждения – не случайно на него до сих пор так и не дала показаний ни одна из обиженных девиц, даже те, что были похищены и с невинностью расстались, мягко говоря, не вполне добровольно. Родные и близкие – те по потолку бегают, изрыгая проклятия, а вот сами девицы с редкостным единодушием молчат, томно взирая в потолок...

Нельзя, конечно, оставлять пострадавших кладоискателей и родичей опозоренных девиц вообще без компенсации, нужно будет что-нибудь такое придумать – не оплачивать, понятно, герцогские похождения из королевской казны, что-то другое организовать: выгодный подряд купцу, орден чиннику, нечто в этом духе. А что касаясь самого герцога... Поручить Интагару, чтобы отобрал с дюжину надежных тихарей, которые будут пасти его светлость круглосуточно, пресекая, насколько удастся, его новые *проказы* на стадии подготовки. Помнится, Анрах рассказывал, что один из Баргов нечто подобное испытал на одном из своих беспутных сынков – и ведь подействовало вроде, своих привычек беспутный принц не поменял и не отринул, но вот в возможностях оказался ограничен резко...

Мысль эта чрезвычайно пришлась по вкусу Сварогу, но развить ее до конкретных планов он не успел – возле двери, под притолокой, деликатно звякнул золотой колокольчик, оттого, что кто-то в приемной нажал шпенек со всем почтением.

Он ждал этого звонка – и, не мешкая, вышел в приемную. Там несли караул шестеро ратагайцев, Гарайла прислал их Сварогу две дюжины. Народ был невероятно колоритный: степные табунщики, в остроконечных шапках-мурмалках, отороченных волчьим мехом, с ястребиными перьями, в мягких сапогах, кожаных штанах и толстенных стеганых кафтанах из ваты и войлока (между прочим, неплохо защищавших не только от звериных клыков, стрел и мечей, но и от мушкетных пуль), вооруженные короткими мечами, колчанами, набитыми дротиками и знаменитыми своими нагайками – в конец вплетена увесистая свинцовая блямба, набивший руку человек одним ударом забивает волка, а если понадобится, то и двуногого противника. Или пристукнет муху на стене. Или перехлестнет пополам толстую доску...

Жизнь в Ратагайской Пуште испокон веков была организована на вдесятеро более патриархальных началах, чем в Глане. Если в Глане все же появилось четкое деление на благородных и простолюдинов, то в ратагайских родах все приходились друг другу родственниками. Новые телохранители Сварога все поголовно были Черному Князю какой-то дальней родней – пусть и седьмая вода на киселе, пятая боковая ветвь в десятом поколении, но значило это чертовски много. Народ был не просто темный – дремучий. Большинство степняков не то что не знали грамоты, но до сих пор на полном серьезе полагали землю плоской, а небесный свод – хрустальным, своих городских сопле-

менников чуточку презирали за то, что те сидели на стульях, спали на лавках, ели за столом. Однако верны степняки были, как псы. Попадались и среди них, конечно, мерзавцы, предатели, клятвопреступники и мошенники – но в сто раз меньше, нежели среди городского народа. Таковы уж основы жизни согласно древним правилам.

Сварога эти дикари уважали сразу по нескольким причинам. И за то, что он, как и полагается богатырю, сверг прежнего снольдерского короля, не оставив его в живых. И за то, что восстановил прежние ратагайские вольности и привилегии, на которые покойничек было покусился. И за то, что Сварог собственным топором добыл себе во владение Хелльстад. И, наконец, за то, что в гербе у него красовался конь. Для степняков не было животного ближе и дороже коня – и не было зверя отвратительнее волка, не зря самые жуткие ругательства у них, оскорбления, которые настоящий мужчина мог смыть исключительно кровью, вертелись вокруг волка и его экскрементов. Отсюда, между прочим, проистекало, что герцог Орк автоматически становился для степняков не просто врагом, и кровником – и потому, что посягнул на жизнь обожаемого короля Сварога, и оттого, что в гербе у него был волк...

Кое-кто во дворце – в том числе и гланцы – втихомолку обижался на незваных пришельцев, занявших самый ближний круг обороны вокруг венценосной особы, но Сварог недвусмысленно дал понять, что плевал на эти шепотки и повелевает недовольным смириться с новшествами. К своей безопасности и в самом деле следовало отнестись посерьезнее – а от одного вида ратагайских головорезов в непосредственной близости становилось уютнее на душе. Тем более что они еще, по сравнению с прочими привилегированными частями, обходились гораздо дешевле – жили в шатрах на одном из просторных задних дворов, кормились не в пример проще и незатейливее, нежели даже неприхотливые гланцы. Сварогу они принесли присягу по всем степным правилам – каждый поочередно стянул зубами кусок мяса с кончика кинжала и добросовестно слопал. Смысл был простой: я отныне ем твою еду, король, а ежели что, твой клинок меня и покарает...

Самое и веселое, и пикантное – эти неотесанные дикари пользовались большим успехом у титулованных придворных шлюх, утонченных и жеманных, поскольку недостаток изысканности – восполняли неутомимостью. Сварог лишь похохатывал в кулак, читая иные донесения дворцовых шпииков. Придворные щеголи, пораженные в самое сердце, отчаянно ревновали, злились и пытались хоть как-то компенсировать свои афронты анекдотами о степных дикарях – но рассказывали эти анекдоты, лишь убедившись, что означенных дикарей нет поблизости. А о попытках вызвать на дуэль или хоть как-то выразить неудовольствие публично и речи не шло – с тех пор, как один из ратагайцев по приказу Сварога при большом стечении публики показал, что способна сотворить степная плеть в опытной руке с манекеном в полном доспехе...

Посреди приемной маялся плюгавый человечек средних лет, в мундире Министерства двора с убогими знаками отличия канцеляриста, с объемистым мешком в руках. Табунщики тарацились на него со столь кровожадной надеждой, словно ожидали, что король все же прикажет прирезать эту чернильную душу у него на глазах. Для исконного степняка чиновник находился примерно на той же социальной ступенечке, что для горожанина – уличная шлю-

ха или золотарь.

– Проверили укладку, г’дарь, – сказал старший. – Одне гумаги.

– Все в порядке, – сказал Сварог. – Пропустить.

И, не теряя времени, буквально затолкал канцеляриста в кабинет. Спросил нетерпеливо:

– Ну, что принесли?

– Очень много, ваше величество...

– Вываливайте прямо на пол, – сказал Сварог. – Вон на тот, у окна.

Он подошел вплотную к золоченой столешнице, подхватил стопу бумаг, чтобы не свалилась на пол. Наскоро пробежал взглядом несколько документов, писанных давным-давно выцветшими от времени чернилами. С довольной улыбкой сказал:

– Ну что же... поздравляю вас, любезный, с канцелярии советником. И это не предел, если разыскания ваши в этом направлении принесут что-то новое, пойдете выше...

Чиновничек взирал на него стеклянными от преданности глазами – счастливец, пятнадцать лет проскрипевший в нынешнем чине и вдруг прыгнувший сразу через две ступеньки на третью, выражаясь военными аналогиями – из сержантов в лейтенанты. Собственно говоря, на его месте мог бы оказаться кто угодно, любой другой – но именно он подвернулся под руку и полностью оправдал ожидания Сварога, дав нужные консультации и разыскав необходимые бумаги...

Новоиспеченный канцелярии советник еще покидал кабинет спиной вперед, кланяясь через шаг и бормоча заверения в вечной и неколебимой верности – а Сварог уже, забыв о нем, уселся за стол напротив окна. Придвинул к себе принесенные бумаги – и несколько книг, лежавших на столе с утра.

Оказалось, что такой вот пропитавшийся чернилами и сургучом канцелярский гриб иногда способен принести пользы больше, чем знатоки старинных рукописей или опытные шпики. Потому что во всякой профессии существовали свои тонкости – и Сварог узнал от только что повышенного в чине массу интересного.

Ему самому и в голову не пришло бы искать в *этом* направлении. А меж тем...

С тех пор, как существуют бумага и чернила, архивы и делопроизводство, бюрократическая машина работает неостановимо и усердно, по своим собственным законам. Как выяснилось, даже секретнейшие миссии, вроде поездки Асверуса в провинцию Накеплон, обрастают массой не особенно и секретных бумаг, оседающих опять-таки не в личных королевских хранилищах, а в архивах самых безобидных и незначительных ведомств...

Асверуса в его поездке сопровождали две дюжины гвардейцев – следовательно, все они были внесены в приказ об откомандировании, каковой препокойно пылился более ста лет в архиве Квартирмейстерского департамента штаба Гвардии. Каждому из гвардейцев следовали прогонные деньги, кормовые, фуражные – о чем опять-таки остались бумаги в соответствующем департаменте Казначейства. Кроме гвардейцев, с графом отправилось еще и три десятка мастеровых Золотой, Серебряной и Железной гильдий – а это опять-таки оставило уйму бумаг как в гильдейских архивах, так и в полицейских: всем требовались по всей форме выписанные подорожные, а также прогонные-кор-

мовые-сверхурочные. Вьючных лошадей предоставило Конюшенное ведомство – снова стопа бумаг, осевших в архивах означенного ведомства. Три инженера из Сословия Циркуля – снова обширная деловая переписка, бумаги о выдаче денег. То же самое и касаясь взятого в поездку медика. Наконец, повозки и снаряжение – еще одна охапка бумаг в архивах Департамента карет и повозок...

Одним словом, многочисленные следы были разбросаны по доброй дюжине самых прозаических архивов – как и донесения губернаторов, наместников и бургомистров о том, что они встретили графа Асверуса, как надлежит встречать обладателя подобной королевской бумаги, выполнив все распоряжения, и проводили с почетом...

Сварог постепенно пришел к выводу, что у изоэренной бюрократии есть свои светлые стороны, как только что выяснилось. Не попадись ему этот труженик чернильницы с его обстоятельными лекциями – так и топтался бы на месте...

Итак, сказал он себе, начнем с самого начала. Сто двадцать пять лет назад Латерана еще принадлежала Ронеро, именно здесь, а не в Равене, была столица, и в этом самом дворце энергичной рукой правила молодая королева Дайни Барг...

Он достал из-под груды бумаг овальный портрет на фарфоре размером с ладонь, мастерски выполненный кем-то из знаменитых художников той эпохи, всмотрелся.

На него задумчиво и лукаво смотрела синеглазая красавица с бесценным ожерельем на шее – Сварог видел это ожерелье в сокровищнице Конгера и узнал сразу. Золотистые локоны падают на обнаженные плечи, в волосах алеют розы, на первый взгляд – беззаботная светская красотка, озабоченная лишь флиртом и балами, но, присмотревшись, начинаешь узнавать в ней характер дерзкий, независимый и чертовски волевой. Нечто вроде Мары, право же, есть что-то общее, хотя они вообще с разных планет...

Итак, правила тогда в Латеране Дайни Барг...

Справедливости ради следует упомянуть, что она была не вдовствующей или незамужней. Собственно говоря, Баргом был как раз ее супруг, законный наследник трона, а сама Дайни – гланской принцессой, просватанной за Горомарте и вышедшей за него замуж по всем правилам.

Тонкость в том, что означенный Горомарте на роль правящего монарха не годился по причине полного отсутствия хоть малейшего интереса к государственным делам, равно как и способностей к таковым. Молодой король знал одну, но пламенную страсть – охоту во всех ее разновидностях: загонную, облавную, псовую и соколиную, на хищного зверя и копытную дичь, на уток и медведей, на горных гланских ящеров и даже сиванских мамонтов. И ничего более для него на свете не существовало: живопись и скульптуру он коллекционировал только в том случае, если она имела отношение к предмету страсти пылкой, баллады и стихи читал тоже соответствующие, а если и случилось ему разделить походную постель с придворной красоткой, то, как легко догадаться, исключительно из числа сопутствовавших королевской охоте амазонок.

В королевский дворец этот одержимый заглядывал лишь на недельку, а потом снова исчезал на месяц-полтора в сопровождении отряда таких же фана-

тиков из числа егерей и придворных. При всем при том Горомарте, надо отдать ему должное, был неплохим знатоком своего увлечения – как явствовало из подготовленного для Сварога экстракта, три написанных им наставления по охотничьему делу до сих пор в обращении, и не устарели ничуть, переиздаются и штудируются отнюдь не потому, что сочинены венценосной особой...

При иных обстоятельствах королевство с подобным монархом во главе в два счета пришло бы в упадок – или, что вероятнее, подобного монарха очень быстро свергли бы более прагматичные соперники. Совсем нетрудно свергнуть короля, который бывает дома лишь неполный месяц в году...

Однако, на его везение, молодая супруга оказалась не просто опорой муженьку – она, особа энергичная и умная, забрала в свои руки бразды правления. Подобрала толковых сановников, входивших в Тайный совет из шести человек, замкнула все на себя. Очень быстро в королевстве поняли, кто ими правит на самом деле... и после нескольких жестких уроков приняли такое положение вещей.

С каковым, кстати, был полностью согласен и сам король Горомарте – ему достаточно было знать, что в его отсутствие держава содержится в совершеннейшем порядке, а значит, можно и далее со всем пылом отдаваться прежней страсти. В последние два года он, во время редких наездов в столицу, подмахивал составленные супругой указы, как нерассуждающий автомат – и вновь исчезал, абсолютно не интересуясь личной жизнью женушки. А личная жизнь, надо признать, отличалась пылкостью и полетом фантазии. Были у красотки Дайни свои маленькие слабости. Если точно – очередной ближний круг из пары дюжин молодых дворян обоего пола, совершенно официально именовавшийся Академией Лилий. Вот только заседания этой Академии не имели ничего общего с учеными диспутами академий настоящих, поскольку были посвящены не сухим ученым материям, а радостям жизни, восторгам, так сказать, юной плоти.

Сварогу достаточно было – но к чему это сейчас? – выйти из кабинета, пройти с сотню уардов по коридору и выйти на балкон, украшенный скульптурами оленей из бурого камня. Оттуда можно было прекрасно разглядеть в закатной части дворцового комплекса стоявший на островке посреди обширного пруда изящный павильон из розового камня. Пруды, каналы с горбатыми мостиками, речные протоки с беседками по берегам, а посреди – павильон, где и размещалась в давние времена помянутая Академия, где ее члены собирались на ночные заседания.

Павильон стоял в совершеннейшем запустении все эти сто двадцать пять лет, потому что его окружала худая слава. Именно там в одно далеко не прекрасное утро встревоженные телохранители обнаружили их всех мертвыми, с посиневшими лицами и вылезшими из орбит глазами – и молодую королеву, и всех без исключения «академиков». Разумеется, немедленно было отряжено следствие, результаты работы коего до сих пор окутаны туманом, а большая часть бумаг пропала бесследно. Официальная версия гласила, что некий повар, то ли подкупленный врагами, то ли имевший личные причины для мести, коварно подбросил в приготовленные для Академии яства какое-то лютное зелье. Повар этот существовал в действительности, его судили, добились полного признания и разорвали раскаленными щипцами на Треугольной площади. Вот об *этом* все бумаги сохранились. Однако с тех самых времен, то зату-

хая, то вновь распространяясь среди книжников, кружат слухи, что все обстояло тогда совсем не так – то ли яд и в самом деле был, но подбросил его повар отнюдь не по личной гнусной инициативе, а по чьему-то приказу; то ли компания благородной молодежи при попустительстве королевы, пресытаясь прежними развлечениями, занялась некромантией, и вызванный ими демон, которого по недостатку умения не удалось удержать в магическом круге, вырвался оттуда и передушил всех до одного; то ли эта массовая гибель – результат претворившегося в жизнь некоего древнего проклятия, неведомо кем, когда и за что наложенного на Баргов. Впрочем, последняя версия была самой зыбкой – справедливо указывалось, что в этом случае проклятие в первую очередь пало бы на Горомарте, который и был Баргом по крови, а не на гланскую принцессу.

Но никто ничего не знал точно. Как бы там ни было, павильон стоял заброшенным, и человеческая нога в полном смысле слова там не ступала вот уже сто двадцать пять лет. Причины опять-таки оставались туманными. Говорили, что тот злокозненный демон, так и застрявший меж двумя мирами, до сих пор там обитает и в два счета придушит любого сунувшего нос в павильон. Говорили, что там до сих пор бродят жуткими синелицами призраками сама Дайни и ее мертвая свита – и любопытных душат не демон, а как раз они. Передавали и вовсе уж несообразную чушь – но никто ничего не знал точно, и никто не отваживался пройти по обветшавшему каменному мостику, где на перилах до сих пор сидели каменные кречеты...

После смерти Дайни, между прочим, дела пошли скверно. Как и следовало ожидать. Сановники из Тайного совета ненадолго ее пережили, Горомарте, вынужденный заниматься совершенно ему неизвестными государственными делами, второпях назначил главными министрами людей, безусловно для этого неподходящих – и снова умчался полевать очередную дичь. Дела мгновенно пришли в совершеннейший хаос – интриги, казнокрадство, смута, снольдерские войска перешли границу, довольно быстро захватив и Латерану, и обширные земли по правому берегу Итела, и провинции к полночи от гор Оттершо с портом Фиарнолл (каковые в составе Снольдера оставались до сих пор). В конце концов безалаберного простака Горомарте очень скоро убил на охоте некий спятивший егерь, и на опустевший трон вошел младший брат покойного короля. И моментально показал норы – так что шептуны, потихонечку искавшие связь меж личностью спятившего егеря и восшествием на трон нового монарха, почти моментально кончили свои дни на Монфоконе, а уцелевшие сделали выводы и набрали в рот воды. Новый король, явно придерживавшийся того принципа, что лучше перегнуть палку, чем погрязнуть в праздности, поставил дело так, что о временах Горомарте и Дайни вообще перестали упоминать без особой нужды, историки и летописцы ограничивались парой-тройкой казенных штампов – и, чем больше лет утекало, тем меньше стали вспоминать о заядлом охотнике, его энергичной супруге и истории их недолгого царствования вообще...

Между прочим, это в полной мере касалось и смерти Асверуса. Существовала скупое изложенная, официальная точка зрения: своими едкими эпиграммами и насмешливыми балладами поэт вызвал гнев сановников, и кто-то из них подослал убийцу. Только теперь, вплотную занявшись этой давней историей, Сварог всерьез начал подозревать, что эта *версия* была, словно гвоздь в сухую

доску, *вбита* в историю и литературоведение по прямому приказу кого-то решительного и крайне высокопоставленного.

Потому что реальность, очень похоже, была совершенно иной. Начиная с того, что Асверус, как оказалось, был еще и капитаном дворцовой стражи, и кончая тем, что слишком много странных смертей оказалось *запрессовано* в совсем короткий промежуток времени...

Ах, как четко это прослеживалось! На поверхности лежало! Сварог даже ерзал в мягком кресле от нетерпения и возбуждения, листая толстые старые книги, переложенные длинными закладками, хватая из кучи то один, то другой документ, чувствуя себя охотничьей собакой, ноздри которой уже прямо-таки *залепило* свежим запахом укрывшегося совсем неподалеку зайца...

Всего одиннадцать дней прошло от внезапной смерти Дайни до прибытия в Латерану короля-вдовца – а какая мясорубка, господа мои, что за череда безвременных смертей...

Вот он, короткий список Тайного совета Дайни. Министр полиции (логично и практично), гран-генерал гвардии (тогда еще не было маршальского звания), глава казначейства и три доверенных сановника, державшие в своих руках все прочие нити управления. Последних для краткости обозначим: первый, второй, третий...

Дайни погибла. И почти сразу вслед за тем гран-генерал гвардии умирает от удара (не кирпичом по голове, а от того удара, что медиками именуется апоплексическим). Сколько ему было, кстати? Сорок два? Рановато для апоплексии...

Министр полиции? Извольте. Трех дней со дня загадочной смерти королевы не прошло, как означенного деятеля, надо же такому случиться, зарезала из ревности последняя любовница, особа неуравновешенная и вздорная. Пытана и судима, во всем созналась, головы лишилась на Монфоконе. (Почему не прямо в Латеране, кстати?)

Глава казначейства, ну-ка... Ну разумеется. Утонул, катаясь по Ителу на своей богато разукрашенной барке. Никаких подробностей нет.

Первый доверенный сановник. В два дня сторел от хвори, в которой лекари, не колеблясь, опознали болотную лихорадку (гуляющую обычно на полуденной оконечности континента, в районах, прилегающих к Фагерстарским болотам, а отнюдь не в центре Харума).

Третий доверенный. Попросту исчез. Как не бывало. Убедительных версий не выдвигалось – никто попросту не успел.

Единственный, оставшийся в живых (и на государственной службе тоже) – Второй доверенный. Долго служил, делал карьеру, пережил и Горомарте, и его преемника даже...

И еще дюжины две смертей – военачальники, высокие сановники, придворные. Кого ни возьми – влиятелен, на ключевом посту, наконец, по положению своему и близости к королеве просто обязан был *много знать*.

Сварог чувствовал, как каменеет у него лицо. Все, что он сейчас свел в краткий мартиролог загадочных, внезапных умертвий, могли бы написать и *тогдашние* исследователи – но в те времена за это можно было вмиг угодить на Монфокон, а последующим поколениям согласно инерции мышления было уже не до этой конкретной загадки. Официальная версия, запущенные в обращение клише прижились, прожили долгую жизнь. Случается.

Одним словом, когда Горомарте вернулся в столицу, она уже была надежно *защищена*... Не бывает таких случайностей. Подобные истории именуются незатейливо и привычно – заговор... И никак иначе.

А теперь сопоставим другие даты. Асверус убит в Равене... ну да, за три дня до трагедии в розовом павильоне... Если соотнести с днем его убийства дату выдачи грозного королевского документа, получится...

– Бог ты мой! – сказал Сварог вслух, не удержавшись. – Он же *не доехал* до Латераны!

Его же убили на обратном пути, когда он возвращался из провинции Накеплон... а что, кстати, с его отрядом? Две дюжины гвардейцев, три десятка мастеровых и инженеров...

Мрак и туман. Ни малейших упоминаний. Ни единой казенной бумаги, что опять-таки странно, учитывая, сколько их сохранилось касаясь *отъезда* отряда. Вот кстати, а что это были за инженеры и мастеровые?

Речные матросы, водолазы, портовые рабочие и неуточненные по разрядам оружейники. Интересный подбор. Провинция Накеплон...

Вообще-то Сварог бывал в тех местах, когда бежал из Равены в Хелльстад. Отроги Каталаунского хребта, те самые места, где он свел знакомство с интереснейшими людьми – графом Сезаром и лесным пастырем отцом Груком.

Река, матросы, водолазы, инженеры, оружейники... И черепа обитателей Токеранга, месяца за четыре до трагических событий как-то попавшие к Асверусу. Сама собой напрашивается прелюбопытнейшая гипотеза. Ничего необычного. Подобное уже случилось. То ли Леверлин, то ли художник из Равены как-то рассказывал о неких странных поступках чудаковатого дворянина с берегов Итела – и в том-то фокус, что эти действия можно истолковать однозначно: чудако-естествоиспытатель поймал-таки в ловушку подводную лодку из Токеранга, но очень быстро, судя по всему, его поместье накрыл ракетный залп из-под воды – то ли отравляющий газ, то ли какая-то биологическая дрянь. Почему бы не допустить, что Асверус...

Не стоит торопиться – не горит. Нужно методично работать в этом направлении – предпринять новые раскопки в архивах с помощью облагодетельствованного чиновника и его коллег, нужно выяснить в деталях, если удастся, как жил дальше и в чем замечен тот единственный уцелевший из Тайного совета...

Он подумал с неудовольствием, что остался, в некотором смысле, совершенно один. Элкон улетел за облака с крайне важными и секретными поручениями. Мара отправилась с ним выполнить не менее тайные и деликатные задания. Анрах и Леверлин в Равене поехали копаться в тамошних архивах. Тетка Чари (и увязавшийся за ней Шедарис) сидят сейчас в Фиарнолле, пытаются дознаться, где можно отыскать исчезнувшего в последнее время с горизонта капитана Зо, который, руку на отсечение, кое-что знает о подводных лодках... Бони ненадолго отпросился в свой Арир и увез с собой Паколета. Никого из Странной Компании рядом. Даже верный домовый Карах сейчас пребывает в Глане – как чиновник в немаленьком чине и личный посланец короля Сварога, облеченный серьезными полномочиями и снабженный соответствующими бумагами. При содействии глэрда Баглю пытается отыскать в гланских горах своих собратьев – это может кое в чем помочь, древнее племя домовых, они же фортиколы, могут располагать кое-какими знаниями, неведомыми ни

земным книжникам, ни ларам...

Даже Арталетты нет поблизости – отплыла со своим полком в Балонг устроить парочку инцидентов на горротской границе, присмотреться к *той* стороне, посмотреть, не удастся ли нанести из тех мест хороший удар по Акобару...

Снова, как когда-то, в бытность бесприютным беглецом – ты теперь один, бравый...

Глава шестая

...и современные сюрпризы

Ну, не стоит так пессимистично. В те времена он был *совсем* один-одинешенек, а теперь король чуть ли не всего Харума, глава Девятого стола, друг императрицы. Шевельнуть пальцем – и сотни людей забегают, как ошпаренные... знать бы только, в какую сторону указать перстом и какие приказания отдать...

Он вскочил, с грохотом опрокинув тяжелое кресло. Чертов ветер, с утра буйствовавший не на шутку, все-таки удружил поганую каверзу. С грохотом распахнул створку высоченного окна, не закрепленную Сварогом как следует, свистнул по кабинету, обдал холодком, бумаги разлетелись со стола во все стороны – и одна, то самое донесение о мастеровых из отряда Асверуса, которое еще следовало прочитать до конца, подчиняясь приказам ветра, вылетела в окно.

Не теряя времени, Сварог одним рывком распахнул дверь на балкон и выскочил туда – как раз вовремя, чтобы увидеть, как ветерок, наигравшись бумагой, оставил ее в покое, и большой лист, трепеща и сворачиваясь, плавно опускается куда-то за высокие каменные перила с резными темно-серыми балясинами.

Перегнувшись через перила, Сварог всмотрелся.

Облегченно выругался – ничего непоправимого не произошло. Пожалуй, даже не придется звать лакеев. Окончательно свернувшийся в трубочку лист застрял в верхушках колючего кустарника ярдах в пяти пониже основания балкона. Склон не настолько крутой, чтобы на нем нельзя было удержаться. А Сварог еще не ощущал в себе ни малейших признаков дряхлости. Это будет нетрудно – перелезть через перила, спрыгнуть на землю, пробраться по откосу к кустам, забрать документ и вернуться назад тем же путем. Трудов на пару минут. Конечно, если подумать, не королевское это дело – сигать через перила и самолично выпутывать документ из колючих веток, но если позвать лакеев и поставить перед ними задачу, все, как обычно в таких случаях, затянется на час, не меньше. Сбегают за старшим по чину, соберут изрядную толпу, советчиков набьется больше, чем исполнителей, суетиться будут без нужды черт-те сколько, дабы проявить нешуточное усердие перед лицом короля. Научены горьким опытом, да-с. Проще самому.

Он перемахнул через перила, без труда удержал равновесие на пологом откосе, осторожно ставя ноги, сделал несколько шагов влево, следя и за тем, чтобы не оступиться, и за тем, чтобы не напороться на пучки коротких колючек. Обернув руку носовым платком, примерился и без всякого труда завладел документом. Сунул его в широкий боковой карман камзола. Поднял голову, прикидывая, как будет взбираться назад.

И оторопело замер.

Над головой у него красовались *два* балкона. Тот, что слева, – знакомый и привычный, с него Сварог только что спрыгнул. Но, оказывается, справа к нему примыкал еще один, второй, гораздо уже, но похожий, как близнец, – те же перила из темно-серого камня, те же фигурки филинов по углам. Разделявшая их сплошная каменная стена выдавалась за балюстраду, так что Сварог до того и не подозревал о существовании *второго* балкона.

Вот так фокус! Выходило, что его кабинет – вовсе не *угловое* помещение в этой части здания. Угловое как раз то, к которому присобачен второй балкон. Никаких сомнений в том, что за балконом и в самом деле есть комната – видно закрытую дверь, высокое окно. Стоп-стоп... Но ведь *снаружи* в эту столь неожиданно обнаружившуюся комнату нет никакого входа! Ни из коридора, ни из кабинета Сварога.

Он мгновенно забыл о прежних делах, охваченный неудержимым любопытством. Выходило, что в его собственном дворце, в его персональных покоях имеется неизвестная доселе комната с тщательно заделанным неизвестно когда входом. Здание это многие столетия как раз и было личными покоями предыдущих королей...

Сварог чуточку сердился на себя, но ничего не мог с собой сейчас поделать, любопытство оказалось сильнее. Так просто, ни с того ни с сего не станут замуровывать одну из комнат в персональных королевских помещениях. Он старательно прикинул в уме размеры коридора, кабинета... *есть* там комната! Должна быть! Зачем-то же устроен балкон? Не могут же дверь и окно оказаться прилаженными к глухой стене?

Без всякого труда перелезши назад, к себе, он вышел в приемную и отдал дежурному лакею (с появлением ратагайцев пугливо жавшемуся в дальнем уголке) краткие распоряжения.

И работа закипела. Вмиг объявившийся лейб-кастелян после недолгого совещания с двумя своими помощниками и главным архитектором удрученно, со всем почтением объяснил Сварогу, что ведать не ведает ни о какой замурованной комнате. То же самое заявили смотритель дворца и начальник охраны, коему по должности полагалось знать в здании каждую форточку, каждую ступеньку и каждый стульчак. Они вовсе не отрицали, что комната там может оказаться – просто уверяли, что в жизни о ней не слышали и, более того, на подробнейших планах дворца ничего подобного не видели.

Сварог велел принести планы, доставленные через пять минут. В самом деле, на них недвусмысленно значилось, что все угловое помещение занимает кабинет Сварога – с единственным прилегающим балконом. Ни второй комнаты, ни второго балкона на планах не отыскалось. Ничего даже отдаленно похожего.

Их уклончивые улыбки Сварога в конце концов разозлили. Он снова перелез через перила наружу и велел шести вышешепоченным придворным немедленно к нему присоединиться. Что они и выполнили с разной степенью проворства – одни справились сами, других по причине преклонных лет транспортировали лакеи.

Оказавшись на откосе, все шестеро вынуждены были признать, что король, как всегда, мудр и зрит в самую суть вещей: в самом деле, наличествует и второй балкон, а в глубине его – дверь и окно. Пожимая плечами, главный архи-

тектор уточнил, что планы дворца последний раз составлялись и утверждались в инстанциях более двухсот лет назад, а с тех пор только перерисовывались без малейших изменений, поскольку внутренние помещения с тех самых пор не перестраивались. Следовательно, если комнату замуровали, то проделано это было, логически рассуждая, более двухсот лет назад – а значит, высокий король ни за что не может обвинить своих верных слуг в нерадении, недосмотре, а равно и в манкировании обязанностями.

Сварог с этим согласился. Он никого и не собирался ни в чем обвинять. Ему просто-напросто хотелось попасть в эту загадочную комнату, причем по возможности еще до наступления ночи. Он и сам не знал, что на него нашло. Видимо, в последние годы выработался некий рефлекс на все замурованное, забытое, потаенное – точнее, острое желание немедленно в подобное место попасть, как только оно обнаруживается в пределах досягаемости Свароговой, выражаясь языком крючкотворов, юрисдикции, а также правомочий короны...

Убедившись, что лично им не грозят взыскания и неприятности по службе, все заинтересованные лица, как им и подобало, принялись незамедлительно претворять в жизнь очередной королевский каприз – прекрасно помня, что, собственно говоря, капризов у королей не бывает, а бывают лишь повеления...

Уже через полчаса явилось с дюжину разысканных в городе мастеров одной из Золотых гильдий – почтенные мастера каменного строения из цеха Домостроителей, за которыми прыткие подмастерья, сгибаясь от натуги, волокли тяжелые ящики с соответствующим инструментом. Судя по некоторому беспорядку в одежде и общей взволнованности, мастеров собирали в лихорадочном темпе с помощью кого-то вроде Интагара, везли галопом, не объяснив ничегошеньки. Поначалу они пугливо молчали, сбившись кучкой, теребя в руках шляпы-бонилонь с золотыми медальонами и явно ожидая, что их сейчас поволокут в какое-нибудь оживленное местечко вроде треугольной площади. Подмастерья, те и вовсе обмирали со страху. Положение усугублялось тем, что долбаные сановники, заходясь от рвения, в шесть глоток орали на несчастных мастеров, что не прибавляло последним душевного равновесия.

Сварог энергично принялся выправлять положение. Первым делом он рывкнул на усердных холуев, повелев им убираться с глаз долой и не возвращаться впредь до особого распоряжения. Потом, когда в кабинете настала тишина, по-доброму перетолковал с мастерами, объяснив суть дела и заверив, что ни казнить, ни гноить в подвалах их никто не собирается – наоборот, уплачено будет щедро, чистым золотом с монетного двора. «Ничего себе у меня репутация, оказывается, – грустно подумал он. – Кто бы знал. Подмастерья и вовсе вот-вот в штаны напустят...»

– Ну, почтенные, поплевали на руки? – сказал он нетерпеливо.

Почтенные гильдейские труженики, уже немного опамятававшиеся, взялись за дело. Сложили шляпы в угол аккуратной стопочкой, одну на другую – вполне возможно, этого требовал профессиональный шик – не спеша засучили рукава, не спеша покопались в ящиках с инструментом, не спеша достали короткие молотки с острыми носами, крайне напоминавшие старинные боевые чеканы. Подошли к стене в коридоре и, построившись шеренгой, уставились на нее, с глубокомысленным видом, с явным неодобрением покачивая головами и причмокивая. Симптомы были знакомые: любой советский сан-

техник вел себя точно так же, вопрошая с нешуточной тоской: «Это кто ж эту халтуру мастерил-то? Руки бы пооборвать...»

– Почтенные, – сказал Сварог нетерпеливо. – В моем королевстве, если кто запомнил, девиз прост, но выразителен: «Больше дела – меньше слов». Кто это там, кстати, за углом хоронится? Министр полиции, надо же. Без него не обходится...

За углом и в самом деле маячил Интагар, и тут же, неподалеку, появился граф Гаржак. Вообще происходящее приобрело некий нездоровый ажиотаж – поодаль, за перегородившей широкий коридор цепочкой дворцовых стражников, стали откровенно табуниться любопытные, старательно притворяясь, будто у всех в этой части дворца обнаружилось неотложные дела.

Мастера наконец-то принялись вдумчиво и тщательно простукивать стену, поколачивая по ней то острыми концами молотков, то плоскими обушками, прикладывая ухо к резным панелям. На сей раз Сварог уже не стал их подгонять – начинались насквозь профессиональные дела, быть может, по технологии именно так и нужно поступать...

Похоже, процедура затягивалась. Оказавшись решительно не у дел, Сварог поманил Гаржака, и тот моментально оказался рядом. Взяв его за локоть, Сварог отвел графа подальше и тихонько спросил:

– Ну как, подобрали себе... персонал?

– А как же, ваше величество, – сказал граф. – Четырнадцать человек. Половина со мной и раньше работала, еще при Конгере, а остальных я тоже давненько знаю. Народ, надобно вам сказать, смелый и решительный... хотя, что греха таить, не самый благодетельный и законопослушный.

– Догадываюсь, – ухмыльнулся Сварог. – Говорите уж сразу, сколько я должен подписать амнистий и сколько уголовных дел... уморить?

– Две амнистии и шесть «уголовков», – без промедления ответил Гаржак. – Коли уж откровенно... Не сомневайтесь, они отслужат. Не самый благодетельный народ, но, честью вам клянусь, все же не самый скверный. *Подонки* мне самому не нужны.

– Ну да, ну да... – проворчал Сварог. – Представляю эту публику. Из тех, что если и зарежут купца, то исключительно в силу непростых жизненных обстоятельств и неблагоприятного сочетания планет... Ладно. Я вас ни о чем не спрашиваю. Привлекайте, кого найдете нужным. Только одно пусть запомнят накрепко: если они уже на моей службу вытворят что-нибудь игривое – повесть без жалости. Никакого приработка на стороне, ясно вам?

Гаржак молча поклонился.

– Байза и мое предписание еще у вас?

– Где же им быть? – серьезно сказал Гаржак. – Как зеницу ока... Под кафтаном. Прикажете сдать?

– Нет смысла, – сказал Сварог. – Вы нынче же поедете в Фиарнолл. Там работают Тетка Чари и Шедарис, копаются в архивах. Будете им помогать. Сейчас пойдете в канцелярию, в пятый стол. Там сидит невзрачный человечек по имени Нуросман, сияя от радости, примеряет новый вицмундир. Скажите ему, что я велел прочесть вам ту же лекцию касательно розысков в архивах, что он читал мне. И отнеситесь к этому серьезно – плюгавый-то он плюгавый, но дело свое знает отлично... Тетка Чари и ее спутник должны поработать в архивах именно так, как учит этот чернильный гриб. Отнеситесь к его поучениям

предельно серьезно. Я именно так поступил – и не прогадал...

– Понятно.

– Возьмите с собой человек пять... этих ваших новобранцев. Я сам в Фиарнолле никогда не бывал, но наслышан, что городок этот непростой...

– Уж это точно. Я-то там бывал. Один из самых крупных морских портов на планете просто не может быть *простым* городком... Кстати, болтают, что именно где-то в тамошних закоулках и прирезали Гонзака...

– Знаю, – сказал Сварог. – Правда, это всего лишь одна из одиннадцати самых правдоподобных версий его исчезновения, но все равно, попытайтесь что-то разнюхать и насчет *этого*... Идите.

Граф поклонился и, не теряя ни секунды, направился прочь своей стремительной походкой, прошел мимо Интагара, как мимо пустого места. Покосившись ему вслед с затаенной тоской вынужденного в силу обстоятельств пробавляться капусткой людоеда, министр полиции попытался перехватить взгляд Сварога. Сварог подозвал его милостивым кивком.

– Что здесь творится, ваше величество?

– Пустяки, – сказал Сварог. – Маленький ремонт... Ничего интересного по вашей части. Что это вид у вас озабоченный? Что-нибудь стряслось?

– Да ничего вроде бы, – задумчиво ответил Интагар. – Однако по городу гуляют туманные слухи, будто в заливе Мардин что-то нехорошее случилось...

– А точнее?

– Точной информации нет. Я велел запросить Джетарам по оптическому телеграфу, но результат будет часа через четыре... Понимаете, слухи, хотя и неконкретные, очень уж упорные, а это мне не нравится, научен печальным опытом.

– Вечно вы паникуете раньше времени, – сказал Сварог. И тут до него дошло. – Интагар, что за фокусы? Почему – оптический телеграф? Есть же таши, переговорные камни, обменяться вопросами и ответами можно практически мгновенно...

Интагар по ввевшейся привычке сторожко огляделся, понизил голос до шепота:

– Ваше величество, сегодня с утра выяснилось, что таши больше не работают. Объяснений, понятно, ни у кого нет. Двадцать с лишним лет никто не мог объяснить, почему они, собственно, *работают* – где уж теперь понять, почему перестали вдруг...

Сварог хмуро посмотрел на него, но ничего не сказал, министр был кругом прав. Если никто так и не смог понять, почему камни работают, не стоит и голову ломать, выясняя, отчего они вдруг отказали. Возможно... Нет, не стоит пока что валить на приближение Багряной Звезды решительно все. Подождем...

– Ладно, – сказал он решительно. – Не уходите далеко, вдруг да понадобится... Видите ли, Интагар, во дворце вдруг обнаружилась замурованная комната, не значащаяся ни на одном плане. Вы об этом ничего не слышали?

– Ничегошеньки... А в общем, дело известное. Случается такое во дворцах. Оказаться там может все, что угодно – от скелета потаенно замурованной королевской фаворитки до прозаической рухляди. Даже не берусь гадать. Осерчал кто-то из владык прошлого на эту именно комнату, сказал сторяча, что ноги его там не будет – и поторопились монарху услужить... Вы знаете историю

о короле Читрелло и лестнице, на которой он подвернул ногу?

– Нет, – сказал Сварог. – И знать не хочу... Что там у вас?

К нему почтительно приближался один из мастеров, самый осанистый, старый и солидный, очевидно, ставший неформальным предводителем этих шабашников. Он поклонился и сообщил:

– Мастерком клянусь и медальоном, ваше величество – в *той* стене никакой замаскированной двери нету. Совершенно цельная стена, ненарушенная. Как сложили, так и не трогали более, вот вам мое клятвенное мнение.

– Идите в кабинет и простучите там стену, – распорядился Сварог. – Вот кстати, Интагар, есть и к вам вопрос...

Мастера, сопровождаемые почтительными подмастерьями, вереницей перешли в кабинет Сварога и принялись с той же неспешной, почти торжественной сосредоточенностью выстукивать-выслушивать угловую стену. Морщась от неумолчного дробного стука, Сварог взял со стола один из документов, вышел с Интагаром на балкон и развернул перед министром свиток:

– Здесь значатся шесть человек – бывший Тайный совет королевы Дайни. Пятеро странным образом перемерли в сжатые сроки, шестой уцелел, занял неплохую должность при новом короле, жил еще долго и счастливо...

Интагар сказал, морща лоб:

– Это очень подозрительно – на *общем* фоне той истории...

– Догадываюсь, не дите малое, – сказал Сварог. – Меня интересует другое... Он, конечно, обитал потом в Равене?

– Ну да, разумеется. Снольдерцы очень быстро отбили Латерану и удерживали до сего дня... Граф Форамбай, как же. Род процветает до сих пор.

– У него должен был быть особняк в Латеране, – сказал Сварог. – В те времена, когда еще была жива королева Дайни. Не мог же вельможа такого уровня обитать в гостинице или съемном доме? Положение требовало иметь свою собственную резиденцию...

– И наверняка особняк этот был фамильным, – понятиливо подхватил Интагар. – Латерана к тому времени уже более ста лет принадлежала Ронеро, так что вы кругом правы, государь.

– Одно удовольствие с вами работать, Интагар, – сказал Сварог весело. – Мы друг друга понимаем с полуслова... отправьте людей немедленно. Пусть выяснят, в каком именно доме в Латеране он жил в те времена. Я хочу там побывать... Да, и отправьте кого-нибудь в Равену. С тем же заданием. Где расположен дом... или дома этого семейства? Если окажется, что хоть один из них стоит на берегу реки, доложить моментально, где бы я ни был и что бы ни делал. Вам все понятно?

– Еще бы. Полагаете, *пристань*?

Сварог долго смотрел в лицо министру полиции, сохранявшему тупую исполнительность на бульдожьей физиономии. Вздохнул:

– Мне хочется верить, что вы до самой смерти будете верно служить, и вас никогда не придется вешать... Вы молодчина, Интагар, серьезно. На лету мои мысли хватаете...

– Просто это был самый логичный вывод, который сам напрашивался, – скромно потупился Интагар.

– Идите, – сказал Сварог. – Коли уж вы знаете, что именно мы ищем, понимаете всю серьезность...

Работа продолжалась, мастера выстукивали стену под присмотром парочки хмурых ратагайцев, подмастерья, повинувшись коротким командам, иногда подавали новые инструменты, не похожие ни на что знакомое Сварогу. Он сидел в уголке, курил, покачивая ногой, уже свыкнувшись с неумолчным стуком.

В отлаженном процессе вдруг определенно начались изменения.

Мастера все до единого собрались в одном месте, толпясь, теснясь, мешая друг другу. Именно там принялись сосредоточенно орудовать молотками и еще чем-то непонятным. Обменялись несколькими короткими фразами, наполовину состоявшими из непонятных Сварогу терминов, переглянулись, согласованно покачали головами. В конце концов старшина обернулся:

– Точно, ваше величество. Вы, простите на простонародном слове, как в воду смотрели. Вот тут примерно, – он показал рукой, – в сплошной каменной кладке явственно ощущается, поверьте моему опыту, проем. Он чем-то заделан, но не камнем заложен, нет, и, полагаем, не кирпичом. Сдается мне, там дверь...

– Ломайте, к лешевой матери, – энергично распорядился Сварог.

– Государь, тут уже потребны мастера деревянного строения из цеха домостроителей...

– Почтенные! – нетерпеливо рявкнул Сварог. – Мне не мастерство нужно, мне нужно, чтобы эту дверь открыли, и побыстрее... Не забыли девиз из королевства? Что вам нужно, чтобы самим справиться?

– Получится грубо...

– Мне плевать, – сказал Сварог. – В конце концов, это мой замок...

– Парочку пил, ломы и пробойники...

Сварог кивком подозвал ратагайца:

– Раздобыть в два счета!

Все потребное было доставлено через четверть часа – лично запыхавшимся лейб-кастеляном и его помощниками. На сей раз почтенные мастера явно посчитали ниже своего достоинства выполнять столь вульгарную работу – стали в сторонке, подавая ценные указания, а пилами и ломом принялись орудовать подмастерья. Поначалу они обращались с резными панелями осторожно, но, понукаемые Сварогом, вошли во вкус разрушения. Вот теперь начался настоящий кавардак – грохотали ломы, визжали пилы, скрежетали полувыпиленные куски панелей – их выламывали какими-то железными кривулями.

Подмастерья вдруг опустили орудия производства, сбились в кучку, беспокойно переглядываясь, не решаясь обратиться к Сварогу прямо. Сообразив, в чем дело, он подошел, присмотрелся.

Привыкшие к тяжелой работе молодцы довольно быстро выломали здоровенный участок панелей в форме прямоугольника – и там, в образовавшемся проеме, Сварог увидел самую обыкновенную дверь – деревянную, без особых изысков, невысокую, филенчатую, с затейливой позолоченной ручкой. Тут же стало ясно, почему переполошились подмастерья: на высоте человеческого лица на двери, на левой из двух филенок, был изображен знакомый символ: корона над человеческим глазом. «Только для королевского взора». Рисунок был выполнен старательно, определенно не наспех, черной краской. А пониже прямо на филенке была оттиснута четкая фиолетовая печать, большая, прямоугольно-вертикальная: герб Баргов, еще два, незнакомых Сварогу – а мо-

жет, и не гербы, а какие-то эмблемы...

– Так... – не теряя времени, сказал Сварог. – Почтенные мастера, подождите пока в приемной вкупе с подмастерьями...

В комнате остались только он и безмолвные ратагайцы, не проявившие ни малейшего любопытства, поскольку не имели такого приказа. Чуть погодя бесшумно просочился Интагар, кивнул в знак того, что последние поручения выполнил.

– Ну-ка, посмотрите, – сказал Сварог. – Что это за печать?

Интагар всматривался долго, чуть ли не возя носом по двери. Выпрямившись, пожал плечами:

– Королевский герб вверху...

– Догадываюсь, – сказал Сварог. – А остальные?

– Судя по символам, это полицейские печати... вот только – старые. Старинные. Были в употреблении более пятисот лет назад, с тех пор менялись трижды. Я точно знаю, есть книги по полицейской геральдике...

– Значит...

– Значит, эта дверь запечатана самое малое пятьсот лет назад. Самому дворцу ведь около двух тысяч лет... правда, за это время его не раз перестраивали. Но вот уже шестьсот лет прошло, как *стены* трогали последний раз...

– Интересные дела, – сказал Сварог. – Что же, пятьсот лет сюда никто не заглядывал?

– Очень похоже, государь...

– Ну, и что нам подсказывает логика? – спросил Сварог, ощущая нешуточный азарт. – А?

– Ваше величество, умоляю вас, осторожнее... Кто знает, что они там спрятали...

– Успокойтесь, – сказал Сварог. – Мы остороженько...

Он приложил ладони к двери, прижался к ней лбом. Пустил в ход все, чему его обучали, все, на что он был способен.

И не ощутил ничего подозрительного, враждебного. По размышлению, он уверенно сказал бы, что там нет *ничего*. То есть, ничего опасного, магического, колдовского, вредоносного. Хотя...

Несколько раз, словно налетавший ветерок, его *касалось* странное ощущение – будто стоит перед чем-то бездонным, вроде пропасти, не имевшим ни пределов, ни твердых очертаний, ни краев, ни берегов. Однако это непонятное, никогда не навещавшее прежде ощущение, опять-таки не таило в себе никакой угрозы или колдовства.

Смешно, конечно, думать, будто он знал об этом мире все. Но тем не менее... Еще ни разу он не попадал *впросак* из-за того, что пользовался своими способностями...

Решительно взявшись за ручку, Сварог попытался повернуть ее вниз – бесполезно. А если вверх? А если вбок? Нет, она даже не шелохнулась. Ничего удивительного – за полтысячи лет любой механизм, оставшись без присмотра и смазки, заржавеет намертво...

Он вернулся к столу, взял прислоненный к стене Доран-ан-Тег и, покачивая топором, медленно приблизился к двери. Сказал, не оборачиваясь:

– Трусов и неверных просят покинуть помещение. Король намерен совершать подвиги...

Все присутствующие остались на месте – и ратагайцы, и Интагар. Последнему, сразу видно, было не по себе, но он крепился, то ли поддавался любопытству, то ли полагал, что служебный долг не позволяет ему быть сейчас ни трусом, ни неверным.

Определив место, где должна располагаться защелка, Сварог рубанул – коротко, решительно. Топор, чувствовалось, что-то такое перерубил. Ухватившись за вычурную ручку, Сварог что было сил рванул ее на себя. Дверь чуточку подалась со стороны замка, образовалась даже щель шириной пальца в два, но дальше дело не пошло. И тут уже не было никаких секретов – физически ощущалось, что это намертво прикипели заржавевшие петли.

Сварог расправился с ними в два коротких удара. Пнул дверь, и она с грохотом обрушилась внутрь замурованной комнаты, а сам Сварог из предосторожности отскочил, держа топор наготове – мало ли что могло оттуда выпрыгнуть... Иные джинны в своих сосудах сидят тысячи лет, и ничего, не прокисают, не рассыпаются прахом, даже умом не трогаются, Сварог в этом на собственном опыте убедился – тогда, в Коргале...

Не произошло ровным счетом ничего. Насколько позволял видеть проникавший из кабинета дневной свет, внутри загадочной комнаты был настелен самый обычный паркет, только пыльный. Внутри стояла непроницаемая тьма.

Не оборачиваясь, Сварог протянул руку, пошевелил ладонью. Кто-то из ратагайцев сорвался с места, подбежал, стуча подошвами. Послышался противный скрежет огнива – и в следующий миг пахнуло горьким дымком, в руке у Сварога оказался маленький факел (ратагайцы таскали в своих кошелях у пояса массу полезных в любой ситуации вещей).

Наклонив факел, чтобы ненароком не капнуть горячей смолой на руку, Сварог встал на пороге, осветил внутрь. По стенам заметались корявые тени самого прозаического, бытового происхождения – их отбрасывал стоявший почти в самом центре комнаты стол и парочка кресел с высокими спинками. На всем этом лежал толстенный слой пыли, кое-где полностью покрывший тонкую резьбу и изящные завитушки.

На вид это была самая обычная комната, если судить по той ее части, что удавалось рассмотреть, в длину равная кабинету, но вот в ширине ему значительно уступавшая – всего-то уардов пять. Ни малейшего звука из темноты не доносилось, не таились по углам демоны и вурдалаки, не выплывали из темных закутков привидения, вообще не было ни малейшего шевеления. Сварог впервые почувствовал разочарование – похоже, он убил несколько часов на совершеннейшие пустяки... Ни скелетов на полу, ни сундуков с зачарованными кладами, ни горящих во тьме глаз величиной с плоску, ни замогильных вздохов... Ну, комната, ну, пустая... Только испортил кабинет, Том Соьер этакий. Не хватает разве что дохлой кошки...

Он поднял факел повыше, решительно шагнул внутрь, следом вошли Интагар и двое ратагайцев, один держал нагайку на отлете, готовый оглоушить по темечку любую угрозу королевской безопасности, другой вынул меч.

Сварог прошелся по комнате во всю ее длину, от стены до балконной двери – походило на то, что и она, и высокое окно в незапамятные времена покрашены черной краской, ни один лучик света не пробивался снаружи. Ничего. Длинная комната, посередине – стол и два кресла. И – все. Пустышка. Теперь

нужно будет чинить панели в кабинете. Предстоит срочно выдумать какую-нибудь историю и пустить ее по дворцу – мол, король для того и велел вскрыть замурованные покои, чтобы сохранить преемственность традиций, ибо прежде, в славную пору расцвета Ронеро, они принадлежали славному монарху... как бишь его? Неважно, потом выясним точно. Главное, пятьсот лет назад тут и в самом деле обитал какой-то король, и никто не мешает Сварогу объявить его исключительно славным. Король желает непременно воссесть в покоях своего славного предка – вот вам убедительнейшее объяснение, никто не будет хихикать втихомолку, скушают, как миленькие, я как-никак полноправный Барг, и моих предков обитало тут немерено, причем я сам решаю, кто славный, а кто – не особенно...

Решено, так и сделаем. В конце концов, лишняя площадь не помешает – государственных бумаг столько, что класть скоро станет некуда, а тут достаточно места. Конечно, угробил на сущие пустяки несколько часов, но все равно, нет срочных дел...

Держась так, словно именно этого он с самого начала и ожидал, Сварог воткнул факел в железную держалку на ближайшей стене – ну да, в те времена еще слыхом не слыхивали о карбамильских лампах, повсюду держалки для факелов – обошел комнату уже по периметру, с видом капризного квартиросъемщика попинал носком сапога плинтус, потрогал тяжелый стол. Сказал как ни в чем не бывало:

– Отлично. Не зря старались. Получится удобнейшее хранилище для особо важных и секретных бумаг, куда попасть можно только из моего кабинета. Если навесить еще железную дверь с соответствующим замком, будет и вовсе отлично... Только окна следует почистить, а то темно, как у лешего...

Подошел к балконной двери, попробовал ручку. В отличие от входной двери *эта* поддалась – хотя и с хрустом, со скрежетом, хотя и посыпалась на голову Сварогу какая-то высохшая дрянь...

Он распахнул жалобно скрипящую дверь во всю ширь.

Снаружи тоже стоял непроницаемый мрак, что уже не лезло ни в какие ворота...

Мало того, в лицо прямо-таки ударило влажной сыростью – полное впечатление, что снаружи только что прошел обильный ливень. Но ведь не было никакого дождя! Ветер разгулялся с утра, однако небо оставалось безоблачным, ни тучки, ни дождевики. А тут, извольте ли видеть, пахнет мокрой землей, влажными листьями, сырой свежестью...

Нахмурясь, Сварог вышел на балкон, все еще держа наготове Доран-ан-Тег на случай неожиданностей. Каменные перила были влажными, в чем он тут же убедился, прикоснувшись ладонью.

И остолбенел у балюстрады.

Потому что все наконец-то стало на свои места – как только он понял, что именно видит и чувствует.

Не было никакого непроницаемого мрака. Просто-напросто за пределами балкона стояла ночь. Самая обыкновенная ночь, не особенно и пасмурная – часть небосвода, примерно с треть, затянута быстро передвигавшимися тучами, а все остальное усыпано звездами, крупными и помельче, яркими и не особенно.

Пейзаж тоже был знаком, почти не отличался от того, к которому Сварог

успел привыкнуть, почти то же самое он видел с балкона, когда работал ночами и выходил проветриться. Вот только склон оказался совершенно лишен кустарника и земли тоже, бугрился диким камнем, уходя вниз почти так же полого. А там, внизу, уже не было речушки-притока, но вдали, там, где ему и положено, широкой полосой, чуть светлее окружающей необозримой равнины, тянулся могучий Ител, и звезды отражались в воде.

А вот это уже мало походило на звезды – россыпь огней слева, у самого горизонта. И это...

Сварог невольно отшатнулся. Но тут же, справившись с собой, перегнулся через мокрые перила, чувствуя брюхом их промозглый ночной холод, всмотрелся.

Далеко внизу, на равнине, примерно в лиге от балкона, довольно быстро двигались проворные, небольшие огоньки – большей частью слева направо, но попадались и такие, что проносились справа налево. Те, что двигались слева направо, мчались строго по прямой, в конце концов пропадая с глаз – слева, как и на соседнем балконе, была ограничивавшая обзор глухая высокая стена. Те, что двигались справа налево, один за другим сворачивали по плавной дуге, удаляясь в направлении россыпи огней у горизонта – разной величины и разноцветных, белых, синих, алых... И, плохо различимые на таком расстоянии, вспыхивали, мелькали, гасли какие-то огненные вензеля, зигзаги, фигуры...

У Сварога даже голова закружилась – он понял, что именно видит. Очень уж давно он не видел *такого*, но ошибки быть никак не могло...

Эта россыпь огней у горизонта могла быть исключительно городом – большим, ярко освещенным электрическим светом, с ярким мельтешением реклам, вывесок, миганием светофоров. А несущиеся по равнине огоньки – всего-навсего автомобили, ехавшие куда-то с включенными по ночному времени фарами...

Какое-то время его форменным образом трясло, пока он не справился с собой. Стоял и смотрел, вцепившись в мокрые угловатые перила, давным-давно оставив топор.

То, что он видел, было не здесь. Местность особенно не отличалась от привычного вида из кабинета – но на Таларе тысячу лет не существовало ни освещенных электричеством городов, ни автомобилей, в таком множестве и с такой скоростью несшихся по широкой автостраде, даже отсюда видно, как блестит то ли мокрый асфальт, то ли схожее дорожное покрытие...

Кажется, он вскрикнул, потому что рядом вдруг обнаружили министр полиции и оба ратагайца.

– Государь?

– Все в порядке, Интагар, – сказал Сварог, чувствуя, как кривится лицо в гримасе. – Со мной – ничего страшного. Смотрите, смотрите, может, кто-нибудь, особенно умный и проницательный, объяснит своему королю, что это такое. Потому что сам король совершенно сбит с панталыку...

Они стояли у перил, оторопело таращась вниз, и никто не порывался дать королю пояснения, только один из ратагайцев мрачно бубнил, что дело тут нечисто, и без зловредного колдовства явно не обошлось. Не следовало судить его слишком строго – сын вольных степей городов не видел вообще, пока не попал в Латерану на королевскую службу. И уж тем более не мог опознать в

открывшемся ему зрелище залитые электрическим светом улицы и автомобили на шоссе.

Хорошие автомобили, оценил Сварог. Даже на таком расстоянии можно определить, какие они проворные, быстрые. Ничего похожего на передовые достижения снольдерской технической мысли – *своих* автомобилей на Таларе наберется лишь около сотни, и до такого совершенства им безусловно далеко...

– Ждите здесь, – распорядился Сварог.

Он прямо-таки выбежал в кабинет, кинулся на балкон. Как и следовало ожидать, там за время его отсутствия ничегошеньки не изменилось – белый день, привычный пейзаж, ветерок ворошит верхушки колючих кустов, небо безоблачное, никакой автострады, никакого города на горизонте...

И на *другом* балконе, когда он туда вернулся опять-таки бегом, ничего не изменилось. Все так же сиял огнями далекий город, все так же проносились по шоссе автомобили – разве что их стало определенно поменьше. Да и на горизонте поубавилось огней – похоже, там – где, черт побери?! – наступала глубокая ночь, и жизнь помаленьку затихала до утра...

– Что скажете? – осведомился Сварог с интересом.

– Ваше величество! – воскликнул Интагар. – Нужно немедленно собрать всех, кто принимал в этом участие, и...

Вот это рефлекс, подумал Сварог с утрюмым восхищением. Вот это профессионализм. В первую очередь думает не о потрясающем феномене, а о вещах более приземленных...

И тут ему пришло в голову, что министр полиции совершенно прав.

– Идет, Интагар, – сказал он, не колеблясь. – И распорядитесь, чтобы собрали всех – лейб-кастеляна, прочих олухов, мастеров и подмастерьев... Только, я вас умоляю, никакой крови. Уяснили? Просто соберите их всех в каком-нибудь уединенном помещении, возьмите под стражу... *абсолютно* всех, ясно? Кроме, разумеется, вот этих ребят, – он кивнул на безмолвных ратагайцев, один из коих все еще мрачно бормотал что-то о происках нечистой силы. – Живо!

Министр полиции выбежал с такой прытью, как никогда прежде не бегал. Сварог попытался разобраться в собственных мыслях и ощущениях, но очень быстро оставил это занятие – в голове бурлил совершеннейший хаос. Кусочек Древней Дороги вроде обнаруженного Леверлином не так давно? Какая-то из Соседних Страниц? Что-то иное, прежде совершенно неведомое? Как бы там ни было, *это* существовало и пятьсот лет назад – не случайно дверь опечатали грозной печатью, обозначили высшей степенью секретности, а потом – надо полагать, когда ушли из жизни немногие посвященные – об этой комнате забыли начисто, никто и не подозревал, что она тут есть... Что тут произошло полтысячи лет назад? Кто бы знал... Одно несомненно: не они первые торчали на этом балконе, не они первые видели *иной* мир...

Вообще-то существовал самый простой способ со всем этим хоть чуточку разобраться... Достаточно было перелезть через балюстраду, спуститься по *другому* откосу... Это никакая не иллюзия, не морок – слишком реальны порывы сырой свежести, да и дождь, замочивший каменный балкон, был не иллюзией, он свободно проникал сюда из другого мира...

Искушение было велико, но Сварог его в конце концов поборол титаниче-

ским усилием воли. Он был уже не тем, каким попал сюда – в некоторых смыслах словно бы *повзрослел* еще более, набрался зрелой рассудочности, и любопытство само по себе ему уже стало мало свойственно. Разберемся потихонечку, не спеша, посоветуемся с друзьями...

– Пошли, – сказал он, и ратагайцы двинулись следом, как тени.

Сварог закрыл балконную дверь, выходящую в неведомый мир, а, вернувшись в кабинет, поднял снесенную с петель дверь и кое-как установил на прежнее место, закрыв проем. Не было смысла лишней раз напоминать степнякам, что они обязаны держать язык за зубами! Только оскорбишь смертельно, они и так не пикнут... Он только сказал негромко:

– С этой минуты в кабинет не должна входить ни одна живая душа. Только те, кого я сам сюда приведу. Понятно?

Ратагайцы кивнули, а тот, что был постарше и числился предводителем дюжины, деловито спросил:

– А энтого, полицейского хмыря... зарезать прикажете?

– Э, нет, – сказал Сварог. – Я без него, как без рук. Но и его сюда допускать только со мной. Иначе...

Колокольчик у входа не просто звякнул – затрясся, отчаянно бряцая. Сварог, жестом приказав табунщикам прибрать в одну кучу разбросанные как попало куски дубовых панелей, вышел в приемную.

Четверо остававшихся там ратагайцев загораживали дверь в кабинет, многозначительно поигрывая нагайками – а перед ними торчал адмирал Амонд со злым и напряженным лицом – в полной форме, в той самой своей счастливой лангиле, с тщательно заштопанной дырочкой от давней картечины. Он кипел от ярости, как перегретый чайник, но был достаточно благоразумен, чтобы не пытаться нахрапом прорваться в кабинет. Имел кое-какое представление о табунщиках из Пушты, а также о правах часового.

– Простите, адмирал, но я велел никого не пускать, – сказал Сварог. – Были срочные дела...

Суровый старик рявкнул, нимало не оттаяв лицом:

– Простите, ваше величество, но нужно начихать на все срочные дела... Беда!

– Что такое? – спросил Сварог тихо.

Амонд, странно гримасничая лицом, сказал громко:

– Ваше величество, этого не могло случиться... этого никак не могло случиться, но крепость Батшева захвачена горротцами... У меня там, внизу, сидит единственный человек из гарнизона, которому удалось оттуда вырваться. Вам следует немедленно с ним...

Сварог прервал его жестом. Подошел к стене, где из позолоченной пластины торчали целых пять фигурных, позолоченных же рукоятей, резко дернул вниз ту, что была украшена гравировкой в виде скрещенных мечей.

В коридоре почти сразу же загрохотали сапоги, влетел один из флигель-адъютантов, молодой лейтенант Арбалетчиков, в черном мундире с алыми жгутами, вытянулся, словно оловянный солдатик, поедая короля преданным взором.

Сварог спокойно сказал:

– Боевая тревога. Всех, кто числится в первом списке, собрать в Доспешный зал. Пойдемте, адмирал...

Глава седьмая

Со стороны солнца

Сварог впервые в жизни стоял на капитанском мостике боевого корабля, морского фрегата, именовавшегося «Морской конь». Однажды он командовал речным колесным пароходиком с пышным названием «Принцесса». Но та скорлупка не шла ни в какое сравнение с шестидесятипушечным фрегатом. Признаться по совести, тогда командовала «Принцессой» понаторевшая в морском разбое Тетка Чари, а Сварог лишь осуществлял, казенно выражаясь, общее руководство.

Разумеется, он и сейчас не командовал – не был настолько самонадеян, чтобы браться за дело, в котором ничего не смыслил. Даже *наверху* ему не могли бы вложить в голову такое умение, которое дается самой жизнью и немалым опытом. Могли лишь затолкать в мозги кучу *знаний* по морскому делу, а это совсем другое, все равно потом пришлось бы набираться практики...

Он всего лишь держал на «Морском коне» свой королевский (хелльстадский, если точнее) штандарт, как и подобает порядочному монарху, отправившемуся на честную войну под своим флагом и настоящим именем. Командовал эскадрой адмирал Амонд, что Сварога полностью устраивало – это было все равно что иметь в своем распоряжении Федор Федорыча Ушакова или Нельсона. И эскадра была внушительная – восемь больших кораблей, каждый из них не уступал «Морскому коню», одиннадцать поменьше (но пушек на самом маленьком бриге все равно не менее дюжины) и четыре огромных транспорта с двумя тысячами морских пехотинцев. Практически все вымпелы, что стояли в Джетарамском порту.

Озирая с мостика все это великолепие, в строгом порядке идущее на всех парусах, поглядывая порой на решительное, словно из камня высеченное, лицо старого адмирала, Сварог, говоря откровенно, чувствовал себя мальчишкой, идущим мимо компании дворовых сорванцов рядом со своим верзильной-родителем. Верилось, что все пройдет гладко. По крайней мере, его в этом заверяли и адмирал, и коллеги Амонда – высокопарно выражаясь, овейные пороховым дымом бесчисленных морских батальев, насквозь просоленные волки.

Поначалу он – не стыдясь себе в этом признаться – чувствовал себя в море неуверенно, как случилось бы с любым, опытным в сражениях исключительно на суше. Под ногами была не привычная твердь земная, а незнакомо пахнущие доски – и добрых двести уардов воды, если считать вертикально вниз. Вокруг болталось, самым причудливым образом сплетаясь и перекрециваясь, превеликое множество веревок (которые нельзя было назвать веревками, поскольку они, изволите ли видеть, «снасти», и каждая имеет свое заковыристое название). Почти все из того, что делали матросы, было непонятно. Ничего похожего на малютку «Принцессу» с ее паровой машиной или незабвенный крохотный парусник «Гордость Адари», с которым Сварог в свое время легко управлялся в компании всего парочки столь же неопытных спутников.

Однако постепенно он освоился и успокоился. Адмирал Амонд управлял всем этим сложным хозяйством столь же привычно и даже чуточку небрежно, как Сварог – своими королевствами. Его непонятные сухопутному челове-

ку приказания, выкрикнутые в огромный жестяной рупор (именовавшийся, вот смех, «микрофоном») исполнялись моментально – а иные передавались сигнальными флагами на другие суда эскадры. И эскадра, как Сварог убедился, двигалась к острову вполне целеустремленно, красиво, соблюдая строй. Так что на душе стало чуточку полегче.

И все же, все же... Крепость пока что оставалась в руках противника. И потеря выглядела, как Сварогу объяснили морские люди, весьма тяжелой утратой...

Все дело в географии. Достаточно изучить карту. Примерно половина побережья в заливе Мардин занята непроходимыми Фагерстарскими болотами, а вторая половина принадлежит Горроту. Единственный выход Ронеро к морю здесь – полоска суши шириной менее чем в пятнадцать лиг. А единственный порт – Джетарам. Крепость Батшева на маленьком островке как раз и прикрывала Джетарам самым надежнейшим образом от любого вторжения с моря. В старые времена, когда ее не существовало, на Джетарам оба соседа, и справа, и слева, нападали в среднем по десять раз в столетие. Но с тех пор, как Конгер двадцать один год назад воздвиг на острове крепость (ценой тысяч пяти сгинувших на стройке века каторжников и вольных мастеров, нечеловеческого напряжения сил и неисчислимых затрат) всякая угроза Джетараму отошла в область фантазий. Крепость занимала почти весь островок и имела форму полумесяца, обращенного выпуклой стороной в море. Две сотни пушек держали под обстрелом примерно триста градусов из трехсот шестидесяти. На оставшемся пространстве располагались пристань и склады, но подобраться с *этой* стороны никакой супостат не смог бы, потому что не простреливаемый пушками участок моря был надежно защищен многими ярдами якорных мин, где не пробила бы и одинокая шлюпка. Здесь неплохо умели делать подобные мины – хитроумные механические и химические запалы – при попытке перерезать трос мина взорвется, при попытке извлечь ее из воды мина взорвется; поставив единой, ее уже невозможно снять или отбуксировать на другое место, но это, собственно, и ни к чему, если стремишься навсегда сохранить за собой укрепления, подобные крепости Батшева...

И все же горротцы ее взяли. Совершенно необъяснимым для большинства знатоков морского и вообще военного дела способом – но Сварог и горсточка посвященных в иные секреты людей прекрасно понимали, в чем тут дело...

Он снова и снова вспоминал потерявшего себя, едва удерживавшегося на узенькой грани меж безумием и здравым рассудком, совсем еще молодого флаг-лейтенанта, единственного уцелевшего после *той* ночи...

Флаг-лейтенант, очень похоже, никогда больше не сможет стать исправным офицером – Сварог в таких вещах разбирался не хуже здешних поседевших в баталиях генералов и адмиралов. Бедняге уже не оправиться, хотя, кто знает, случаются же на этом свете чудеса, самые невероятные...

Флаг-лейтенант, командир пусть и крохотной, но отдельной боевой единицы (посыльного четырехпушечного куттера), остался в живых исключительно благодаря умышленному нарушению строгих флотских регламентов. На казенном ялике он с вечера вышел в море поудить рыбку – ночью, и только ночью к поверхности воды поднимались фелюзы, считающиеся у знатоков «королевской добычей». Водятся они не более чем в пяти-шести местах возле харумских побережий, днем рыщут на глубине, а наверх выходят только при

звездном свете. Мясо у них вкуснейшее, кроме того, эта не особенно большая, с карася, зато красивейшая рыбка издавна окружена кучей суеверий – и мясо ее-де несказанно увеличивает мужскую силу, и засушенный спинной плавник, если носить при себе, оберегает от стыдных любовных хворей и карманных воров, и касаясь кожи есть какие-то сказочки...

Как узнал Сварог из сбивчивых откровений лейтенанта, не он первый учинил подобное нарушение регламентов. По его словам, еще задолго до того, как он стал нести там службу, многие втихомолку выходили на ночную рыбалку – одно из тех мелких нарушений, что сыщутся в каждом гарнизоне, и превратились уже не в нарушение даже, а в потаенную традицию... Поскольку комендант смотрел сквозь пальцы на подобные вылазки, беспощадно преследуя все прочие отклонения от военно-морского устава (говорили, он и сам не без греха по части ловли фелюзов).

В общем, флаг-лейтенант в одну безоблачную ночь, договорившись с добрым знакомым, заступившим в караул на пирсе (и пообещав при удаче парочку фелюзов), вышел на ялик в море. Фарватер он знал прекрасно, мог пройти по нему с завязанными глазами, так что не боялся угодить на мины. Отплыв от крепости примерно на половину морской лиги (каковая, как известно, вдвое длиннее сухопутной), он забросил удочки и всецело предался увлекательнейшему занятию.

Он так и не вспомнил точного времени, когда *это* произошло. Часы у него с собой были, но флаг-лейтенант давненько на них не смотрел, а потом было не до того... Главное, он услышал вдруг странные звуки, нечто среднее меж тихим механическим рокотом и шелестящим свистом.

И появились *огни*. Их было неисчислимое множество, они возникали над морской поверхностью где-то меж яликом и крепостью и, описывая крутые дуги, взметаясь на огромную высоту, падали на башни и стены ужасающим ливнем. Сотни огней, – хрипел флаг-лейтенант, трясясь крупной дрожью, уставясь на Сварога затравленными, полубезумными глазами, – многие сотни огней...

Больше всего это походило на ракетный обстрел. Как всякий опытный служака, флаг-лейтенант был прекрасно знаком с действием боевых ракет, в крепости располагалось дюжины две батарей. Но в том-то и непонятность, что *эти* огни выглядели очень уж маленькими, совсем крохотными, хотя взлетали не на столь уж большом расстоянии от ялика...

Сколько это продолжалось, молодой моряк не мог сказать. Ему показалось тогда – невероятно долго. Он ничего не понимал, и сидел в лодочке, оцепенев, как статуя. Когда этот загадочный ливень наконец прекратился, лейтенант понемногу пришел в себя, поднял парус и направился к крепости.

Первым, кого он увидел на пирсе, был его знакомый, начальник караула. Он лежал на камнях с посиневшим, искаженным лицом, мертвее мертвого, жутко скалясь, и поблизости валялись несколько его подчиненных, в том же виде.

Флаг-лейтенант кинулся в крепость. На палубах кораблей, мимо которых он пробегал, лежали мертвецы. В воротах лежали мертвецы – караульные, все до единого. И во внутреннем дворе. И в кордегардии. И в доме коменданта. И в казарме. «Везде, везде, везде...» – как заведенный, твердил флаг-лейтенант, подпрыгивая на стуле, переплетая пальцы, содрогаясь от дрожи, пока Амонд

не вlepил ему парочку хлестких затрецин...

Он понимал, что не спит. Но действительность была хуже самого кошмарного сна – везде, куда бы он ни кидался, лежали мертвецы с синими лицами и жутким оскалом...

И флаг-лейтенант побежал назад, на пирс. Трясущимися руками отвязал ялик, больше всего боясь, что не успеет, сойдет с ума прямо здесь – но как-то обошлось, он поднял парус и вывел лодочку в море. Какая-то частичка возбужденного сознания, ведавшая профессиональными рефлексами, работала исправно, и он повел утлое суденышко по безопасному фарватеру, меж рядами мин, держа курс на Джетарам, до которого было примерно пять с половиной морских лиг.

Он не помнил, на каком отрезке пути раздался взрыв, далеко ли отплыл от крепости, насколько приблизился к Джетараму. Но упорствовал в одном: это была не якорная мина, никакой ошибки. Налети он на мину, его разметало бы в мелкие ошметки, ведь всякая мина несет заряд взрывчатки, достаточный для того, чтобы проломить днище фрегата. А этот взрыв был какой-то *маленький*. Вот именно, *маленький*. Корма ялика вдруг разлетелась, его посеколо щепками, но не особенно оглушило – и он сумел увернуться от завалившейся прямо на него мачты, прыгнул в воду, сориентировался по звездам и, размахисто загребая, поплыл в сторону Джетарама, потому что ничего другого не оставалось делать, разве что идти утюгом на дно, а он, ведомый могучим инстинктом, хотел жить, жить, доплыть...

И ведь доплыл, упрямец. Правда, сам уже совершенно не помнил, как. На рассвете объезжавший окрестности конный патруль береговой стражи увидел беспмятного человека, нижней половиной тела лежавшего в воде. К нему тут же подскакали, увидели, что он жив, увидели морской мундир (флаг-лейтенант сбросил только сапоги, а насчет мундира, видимо, не сообразил, пребывая уже в затемнении ума), подняли на круп лошади, помчали на ближайший пост...

Там найденного быстро привели в чувство с помощью пары насильно влитых стаканов рома. Прислушавшись к горячечному бормотанию моряка, облеченный некоторыми полномочиями начальник сначала не поверил, но после краткого совета с сослуживцами и ведавшими безопасностью людьми решил все же для очистки совести послать к крепости самолет. К тому времени кое-какие военные реформы Сварога уже семимильными шагами продвигались по подвластным ему землям – и во исполнение одной из идей в Джетараме обосновалась эскадрилья истребителей со снольдерскими экипажами.

Самолет вернулся очень быстро, с полудюжиной пробоин от мушкетных пуль на крыльях. Летчик доложил, что в крепости он, разумеется, не сядет (даже оставайся она в дружеских руках, там не нашлось бы места), он сделал весьма неутешительные наблюдения: над главной башней Батшевы развевается огромный горротский флаг, который из-за его уникальности трудно спутать с каким бы то ни было другим – и уж тем более ронерским, еще вчера реявшим над крепостью. И корабли, стоявшие в гавани борт о борт, тоже все, как один, имеют на корме «кляксу».

Больше он ничего не рассмотрел – попытался снизиться, но по нему открыли ожесточенную мушкетную пальбу, пустили даже наудачу полдюжины ракет с одной из башен, пробили плоскости, угодили в фюзеляж, но бензобак, к

счастью, не задела, и летчик без особого труда дотянул до Джетарама...

Высокий чин из Джетарама, в глубине души не вполне доверявший снольдерцу, который совсем недавно перестал быть главным «вероятным противником», послал к крепости быстроходный люгер, справедливо рассудив, что он сможет достаточно близко подойти к крепости со стороны гавани, где пушек нет ни единой. Командир этого люгера, отметим в скобках, уже сидел в печенках у адмирала из-за своих пьяных безобразий и неисчислимых нарушений устава – так что его не было бы особенно уж жалко, ежели что...

Рекомого флаг-лейтенанта (которому по возрасту полагалось бы быть самое малое гран-капитаном, не препятствуя тому помянутые слабости) извлекли из портового кабачка, вразумили ведром морской воды и объяснили задачу. Он отдал честь и велел своему экипажу, таким же сорвиголовам, ставить паруса.

Люгер вернулся благополучно. Флаг-лейтенант воякой был лихим и опытным, он тщательно все продумал, дождался, когда солнце достигнет того места на небосклоне, откуда будет светить стоящим на пирсе крепости прямо в лицо, а ему, соответственно, в спину – и подошел к крепости почти вплотную, кабельтов на двести.

Оказалось, летчик изложил все точнехонько так, как оно и обстояло. Над крепостью развевалась «клякса», в порту стояли не менее полудюжины фрегатов и корветов под горротским флагом, с кораблей в ударном порядке выгружали солдат и легкие колесные пушки. Флаг-лейтенант, не колеблясь, отдал приказ шарахнуть по пирсу из носового орудия, скосив картечью пару дюжин неприятелей, после чего повернул кораблик в Джетарам, провожаемый беспорядочной мушкетной пальбой и несколькими пущенными вслед ракетами.

И тогда в Джетарама в полной мере осознали, что произошло. Заработал оптический телеграф, лихорадочно, словно припадочный, дергая суставчатыми перекладами, и печальная новость, передаваемая от одной вышки к другой, понеслась в Латерану со скоростью не менее двухсот лиг в час...

Сварог, естественно, не раздумывал – бегло расспросив доставленного самолетом везучего офицера, он прихватил Амонда, сам сел за рычаги бомбардировщика, и менее чем через сутки оказался в Джетарама. К полудню все имевшиеся в наличии корабли выступили в поход...

Пока он летел, хватило времени обдумать происшедшее. Объяснение подворачивалось одно-единственное, другого просто не имелось. Подводные лодки. Приходилось поверить, что Стахор каким-то образом договорился с лилипутами из Токеранга – и их субмарины ночью забросали крепость ракетами с каким-то отравляющим газом. Газ этот, судя по тому, что флаг-лейтенант, высадившийся на берег через весьма короткое время после обстрела, остался цел и невредим, был из категории недолговечных. Нечто подобное существовало и на покинутой Сварогом Земле – отравы, сделав свое черное дело, где-нибудь через полчаса разлагается на совершенно безопасные компоненты, не способные угробить и мышь. Так что живая сила противника может очень быстро занять обработанные территории, не опасаясь за свое здоровье...

Никаких сомнений, именно так и произошло. Гарнизон крепости уморили неизвестным газом, а потом горротские корабли преспокойно подошли к пирсу, обойдя минные поля по тому самому широкому фарватеру, которым пользовались идущие в Джетарам мирные суда. Будь гарнизон жив и здоров, стой

он у пушек, эскадру вторжения моментально накрыли бы огнем, но ни единой живой души в Батшеве уже не нашлось...

Амонд действовал без малейшего промедления – как он объяснил Сварогу, сейчас каждый час был на счету. Шансы на удачу велики, и весьма. Весь фокус в том, что ведущий из Джетарама в крепость фарватер, несомненно, еще не перекрыт горротскими минами – агрессоры обязаны держать его чистым, чтобы перебросить в Батшеву как можно больше людей. А пушки крепости в данном случае бессильны – там попросту нет укреплений, обращенных бойницами в сторону Джетарама. Конгер в свое время запретил их строить, сказав, что в этом нет нужды, Батшева и Джетарам обязаны навсегда оставаться единым целым...

Так что план адмирала был прост – ворваться в порт, взять на бордаж стоящие там горротские корабли, высадить морскую пехоту и отбить крепость, хоть тресни. Всем было так и объявлено – что дороги назад нет, крепость *должна* вернуться к хозяевам, и точка. Морские пехотинцы и экипажи кораблей либо вернутся в Джетарам победителями, либо не вернутся вообще – о чем персонально позаботится сам адмирал. Зная его, никто не сомневался, что Амонд не шутит, и обратной дороги нет...

Оттого, что план этот был незатейлив, он вовсе не выглядел авантюрой. Другое дело, что потери должны быть огромны, но есть на войне ситуации, когда с потерями не считаются нисколько...

Крепость уже показалась впереди, словно поднявшись с морского дна – высокие серые стены из огромных блоков, обширный причал, у которого стоят уже не менее дюжины кораблей под ненавистными флагами, деловитая суэта на пирсе. До берега было чуть поменьше морской лиги, но Сварог, как ни прижимал к глазу сильную подзорную трубу, не рассмотрел ничего похожего на приготовления к отражению атаки, хотя там, несмотря на светившее в глаза солнце, должны были все же заметить идущую на всех парусах эскадру. Есть ведь специальные подзорные трубы с затемненными стеклами, коими вооружают вахтенных специально для таких случаев...

– Адмирал, – сказал он, – мне, новичку, показалось, или они в самом деле держатся как-то *неправильно*?

– Вот то-то и оно, – отозвался адмирал, не отнимая трубы от глаза. – Ни малейших признаков... Странно. Простите, государь, некогда, работать пора...

Он привычно заткнул трубу за широкий золотой пояс, поднял ко рту микрофон и заорал команды. Матросы на реях проворно убрали добрую половину парусов, «Морской конь» замедлял ход, пропуская вперед два фрегата и транспорты с морскими пехотинцами.

Сварог опустил трубу, покосился на покрытый вишневым лаком виолон, надежно закрепленный на перилах мостика в специальном ящике, обитом простеганной ватой. Это была еще одна старинная морская традиция – капитан идущего ко дну корабля обязан не просто оставаться до последнего на мостике, как то принято и на Земле, – он еще должен с превеликим хладнокровием играть на виолоне, исполняя громогласно свои любимые песни – печальные или бравые, смотря на чей вкус, по собственному усмотрению. Отсюда и пожелание товарищу: «Чтобы тебе никогда на виолоне не сыграть». Отсюда и бодрый тост: «Чтобы все наши враги побыстрее забренчали на виолонах!» Одним словом, считается, что моряк в своей жизни играет на виолоне лишь еди-

ножды – а впрочем, все зависит от везения, капитан идущего ко дну корабля вовсе не обязательно должен погибнуть, иные не раз выигрывали... Главное, строго соблюсти традицию.

Фрегат прошел слева на всех парусах, за ним другой, следом почти столь же проворно шли транспорты, на палубах которых толпились бритые наголо, вооруженные до зубов морпехи совершенно неинтеллигентного вида – прошедший огни и воды тертый народ, в большинстве своем взятый с каторги, а то и прямо из-под виселицы, и отступить им сплошь и рядом не полагалось вообще, хотя бы рушилось небо и планета рассыпалась на куски. Штрафбаты из прошлого Сварога по сравнению с этими субъектами были белыми пушистыми зайками...

Глядя на эти морды, на ярко-алые мундиры – чтобы меньше была заметна кровь – Сварог почувствовал некоторый подъем духа. Как бы там ни было, оказавшимся в крепости горротцам гарантированы самые неприятные переживания: морская пехота пленных не берет, даже слова такого не знает.

Не будь это его собственная крепость, которую следовало отвоевать с наименьшими потерями для материальной части, он обязательно бы стянул сюда и весь наличный воздушный флот, показал Стахору, что такое «ковровые бомбежки». Выражаясь просторечно, у Сварога уже зла не хватало. Случившееся было даже похуже летающих по небу каменных глыб. Стахор в своей наглости перешел все мыслимые пределы, дальше идти некуда. Вот только к имперскому суду его не притянешь – отопрется, как и в случае с летающими скалами. Будет уверять с честными глазами, что произошло, надо полагать, невероятное совпадение – его адмиралы-де, случайно проплывая поблизости, вдруг увидели, что в крепости Батшева нет ни единой живой души. После чего и заняли бесхозную фортецию по «праву нашедшего». Вот именно, совпадение, а если у кого-то есть улики, позволяющие говорить, что это сами горротцы запускали из-под воды какие-то загадочные ракеты, пусть незамедлительно таковые улики предъявят, любопытно будет посмотреть...

Примерно так и обстояло в прошлый раз. В ответ на запрос Канцелярии земных дел король Стахор прислал туда обширнейшее послание. Со своим обычным тонким юмором – надо отдать ему должное, остроумен и пером владеет блестяще – писал, что он и сам поражен сверх всякой меры приключившимся в его владениях неизвестным природным феноменом, выразившимся в летании камней по небу, с последующим их падением на поле, где по случайному совпадению как раз оказались полки его доброго соседа, короля Сварога. Стахор выражал неподдельную радость по поводу того, что его венценосный собрат остался цел и невредим, и заклинал имперскую администрацию приложить все силы к познанию сути означенного феномена с тем, чтобы не допускать появления подобных феноменов впредь...

В Канцелярии земных дел послание это зарегистрировали соответствующим образом, по всем правилам делопроизводства – чем, собственно, дело и завершилось, потому что не было ни малейших улик. Так что Сварог, узнав о захвате Батшевы, даже не попытался строчить жалобы в имперскую канцелярию. Не оттого, что полагал подобное занятие унижительным для короля, отнюдь нет, просто хорошо понимал, что улики и в этот раз не найдется (что, кстати, очень быстро подтвердил Элкон, пославший официальный запрос по линии девятого стола). А значит, лучше промолчать, чтобы не ставить себя в

дурацкое положение и не оказаться снова мишенью для тонкого сарказма Стахора, чтоб его черти побрали.

Ну, чертей трудно будет организовать, подумал Сварог, а вот иных обитателей Хелльстада мобилизовать гораздо проще. Коли уж война потеряла всякий привкус рыцарства, в средствах, со своей стороны, не стоит стесняться. С помощью вентордеранского компьютера перебросить на территорию Горрота полдюжины глорхов, полсотни «ночных попрыгунчиков», десятка два змееногов – а что до купаров (тех разумных полукрыс-полукротов, сражавшихся с гномом), то их можно отправить к Стахору в полном составе, сколько их ни есть – все равно они Сварогу никогда не нравились, тупые, в общем, создания, неинтересные, наглые и непочтительные. Хелльстад и без них преспокойно проживет, а вот в Горроте эти пролоты, коих насчитывается не менее двух тысяч, быстренько нанесут садам, полям и огородам такой урон, что мало не покажется. Решено. Как только выдастся свободная минутка... А потом, в свою очередь, можно будет с детской наивностью в глазах уверять, что он представления не имеет, каким это образом иные его хелльстадские подданные вдруг оказались в Горроте и учинили там неопишуемые безобразия. И вообще он, Сварог, над ними не властен – эти чудища, неведомо как порожденные в свое время Штормом, не только его, своего короля, в грош не ставят – они никакой власти не признают, не имея по своей дикой сущности понятия о том, что существует на свете такая вещь, как власть. Словом, во всем виноват Шторм, к нему и претензии. И наконец, докажите, что это жители Хелльстада, а не случайно просочившиеся в наш мир обитатели Соседней Страницы или Заводи...

Он невольно улыбнулся, сложив в уме парочку витиевато-издевательских фраз из своего будущего послания...

Раскатистый грохот, как гром с ясного неба, разорвал тишину, наполненную до того лишь скрипом снастей и пересвистом боцманских дудок. Сварог видел, как у правого борта идущего впереди всех фрегата взлетел белопенный фонтан, выше верхушек мачт...

Он еще не успел осесть во взбаламученную воду, когда фрегат резко наклонился на нос...

Адмирал Амонд издал нечленораздельное рычание. Как и Сварог, он замер, вцепившись в перила.

Сварог впервые видел, как тонет большой военный корабль. Не было в этом ни капли красивого, наоборот, все выглядело как-то нелепо, жалко: быстро погружаясь, заваливаясь на правый борт, фрегат качался, дергался, вздрагивал так, что даже сюда доносился отчаянный скрип досок обшивки, затрещала и рухнула фок-мачта, сметя за борт множество оплошавших моряков. Вот уже нижний ряд орудийных портов скрылся под водой, а за ним второй, и, наконец, верхний... Фонтаны воды били вверх из палубных люков, из щелей меж вспучившимися досками, из окон кормовой надстройки.

Еще один взрыв, грохот, белопенный фонтан! И еще! И еще! Оба транспорта стали заваливаться в разные стороны, с их палуб сыпались в волны фигурки в алом, многоголосый вопль повис над водой, а второй фрегат, слева, совсем близко от них, тоже кренился, еще окутанный высоченным фонтаном...

Взрывы гремели со всех сторон, Сварог вертел головой и видел, как повсюду, куда ни глянь, в нелепых корчах погибают корабли джетарамской эскадры, как их остается все меньше и меньше, видел, как становятся все короче и

короче уходящие под воду мачты, пока окончательно не исчезают в волнах, как в воде темнеют сотни голов – люди цеплялись за обломки мачт, какие-то ящики и бочки, перевернутые шлюпки, над водой стоял ни на что не похожий вопль, несущийся со всех сторон, – казалось, это стонут сами волны...

Отглянулся. Солнце ударило в глаза. И он поневоле вспомнил: «Торпедная атака со стороны солнца...»

Ну конечно, а что же еще? Ничем другим нельзя было объяснить. Подводные лодки расстреливали эскадру из-под воды неторопливо и совершенно спокойно, потому что ни один здешний моряк не учен был бороться с подводным противником – и лишь считанные вообще знали о таковом. Так что это была бойня, резня, без малейшей опасности для напавшего. Это был крах, конец, полное и окончательное поражение, вторично наступившее Сварога за неполный месяц...

Он застыл у перил, вцепившись в них побелевшими пальцами. В каких-то полусотне уардов от него – морские меры вылетели из головы – еще погружался корвет, теряя мачты, брызжа фонтанами воды, и матросы заполошно сыпались в волны, а капитан на мостике, всеми силами стараясь удержать равновесие, с бледным, окаменевшим лицом бил по струнам виолона, разевал рот, судя по напрягшимся на шее жилам, орал во всю глотку, но Сварог не мог разобрать ни слова за тысячеголосыми воплями тонущих, несущимися со всех сторон. В голове у него, непонятно почему, звучали «Былые годы Сегулы», старинная баллада, впервые слышанная еще на «Божьем любимчике»:

*Были бурными года,
скалы – белыми.
Только все уж, господа,
ставки сделаны.
Дремлют скучные года
немо, глухо,
пусть вода вам, господа,
будет пухом...*

Он оцепенел от унижения и позора. «Морской конь» остался один-одинешенек, остальные корабли исчезли бесследно, как будто их никогда и не было в спокойном море, ярко освещенном солнцем, как будто и не шла совсем недавно на всех парусах гордая и сильная эскадра.

Адмирал Амонд хрястнул подзорной трубой по перилам так, что стекла и мятые бронзовые трубки брызнули во все стороны. Подняв ко рту микрофон так резко, что ударил себя по лицу, зарычал что-то. Матросы взлетели по вантам так, словно конечностей у них стало по дюжине, захлопали, разворачиваясь, все до единого паруса. Фрегат уходил прочь от крепости.

Сварог посмотрел за корму. Расстояние оставалось столь же небольшим, и он прекрасно видел, что набережная, как и палубы кораблей в гавани, просто-таки усеяна горротскими моряками – машущими шляпами и кулаками, орущими что-то неразличимое, изображавшими непристойные жесты, какими на войне принято выражать предельную насмешку над поверженным противником и презрение к таковому. И над всем этим обезьянником полоскалось на ветру белоснежное знамя с черным солнцем – зрелище, которое Сварог отныне ненавидел больше всего на этой земле...

Фрегат удалялся на всех парусах, сквозь неумолчные вопли он шел прямо

по видневшимся в волнах головам, решительно и жутко, словно корабль мертвых из старых морских легенд, сложенный из ногтей всех утопленников, сгинувших в море с начала времен.

Сварог схватил адмирала за рукав. Говорить он не мог, не удавалось произнести ни слова, он только показал на воду, на барахтавшихся людей, на призывно машущие руки.

– Я спасаю короля! – рявкнул Амонд с заостеневшим лицом. – А на все остальное плевать! Самый полный, фор-стаксели поднять, все на мачты!

Видя, что Сварог порывается выхватить у него рупор, он что-то крикнул в сторону, и на Сварога моментально навалилось с полдюжины матросов, без малейшего почтения к королевскому сану сбили с ног, усадили на палубу, вцепились в плечи. Какое-то время он пытался выдираться, но эта орда его без труда пересилила, и он понял, что не в состоянии помешать. Фрегат уходил к Джетараму на всех парусах, навстречу слепившему солнцу. Крики постепенно затихали за кормой, море снова казалось пустым, как при начале времен, «Морской конь», единственный уцелевший из всей джетарамской эскадры, невредимым возвращался в порт...

Сварог сидел, не шевелясь, но в его плечи все еще бдительно вцепилось множество рук. Конец Джетараму, думал он отстраненно, холодно, с изумившей его самого рассудочностью. Даже если горротцы не станут его штурмовать, даже если он останется в руках Сварога – Джетараму конец, потому что со взятием Батшевы он теряет всякое значение. Залив Мардин теперь – в руках горротцев, и только от них зависит, пропускать в Джетарам корабли, или нет. От залива до полуострова Тайри тянутся малонаселенные места, где нет ни единого порта, хотя бы отдаленно напоминавшего размахом Джетарам. Конечно, Фиарнолл в руках Сварога, и Балонг тоже, но падение Батшевы слишком многое меняет в складывавшихся веками торговых маршрутах, в военно-политическом раскладе... Слишком многое.

Наверное, я помаленьку стал, неожиданно для себя самого, *подлинным* королем, подумал он горько, с той же холодной четкостью мысли. Настоящим королем, способным даже в этот момент думать в первую очередь о военно-стратегическом равновесии и политических раскладах, а не о тех, кто остался барахтаться в волнах. Мне жаль их как-то *мимолетно*, потому что совершенно ясно теперь, что оказался под угрозой Балонг, и у меня нет ни единой военно-морской базы на полуденной стороне Харума, и слишком многое придется менять в самом лихорадочном темпе, и возникла масса новых неотложных дел, и я уже думаю, кого следует собрать на совещание немедленно, а кого – во вторую очередь, какими полками придется прикрыть Ратагайскую Пушту, какие перебросить в междуречье Монаура и Тея, где устраивать временные гавани, где закладывать новые порты, и из каких статей бюджета стянуть на это деньги, и возможно ли вообще учинить бюджету внеочередное кровопускание. И еще о тысяче подобных вещей я сейчас думаю, потому что таков мой долг – думать именно об этом, а не скорбеть о тех, кто остался позади. Да, наверное, я незаметно стал хорошим королем – раз хладнокровно и логично обо всем этом рассуждаю, а не ору в истерике, требуя немедленно развернуть корабль и подобрать, сколько удастся, потерпевших крушение. У меня нет времени их подбирать. За моей спиной – мои королевства, которым я один повелитель и защита. Хорошим королем я стал, настоящим, но, Господи,

до чего это горько и больно, оказывается, быть *настоящим* королем...

Он не знал, сколько времени прошло. Просто в какой-то момент увидел впереди Джетарам – высокие башни форта, лес мачт, толпу на пристани. Серdito повел плечами – и его на сей раз моментально отпустили, отпустили во все стороны, почтительно вытянув руки по швам, склонив головы, пятясь, бесшумно исчезая с мостика...

Он бросил косой взгляд на Амонда. Адмирал смотрел перед собой, скрестив руки на груди, лицо у него было такое, что особо впечатлительным и утонченным натурам лицезреть это безусловно не следовало – ради вящего душевного спокойствия, чтобы не орать потом по ночам посреди кошмарного сна...

«Почему они не потопили *нас*? – подумал Сварог. – У них были к тому все возможности, они не могли не разглядеть в перископы мой штандарт на корме фрегата. Почему Стахор *на сей раз* не попытался со мной разделаться раз и навсегда? Завершить то, что ему не удалось в Клойне... Почему они не потопили *нас*?»

По тому, как повернулся к нему адмирал, он понял, что задал вопрос вслух – первые слова, которые он произнес после разгрома.

– Я сам над этим ломаю голову, государь, – ответил Амонд с той же холодной рассудительностью, какую Сварог ощущал в себе, несмотря на все происшедшее.

Он был настоящим адмиралом, как Сварог – настоящим королем. И оба в этом качестве не могли себе позволить многое из тех человеческих чувств, которыми простые люди, счастливыцы, обладают, как сокровищами, и сами не подозревают, насколько они счастливы и богаты, невозбранно давая волю эмоциям и чувствам...

– Вполне возможно, эти крохи ведут *свою* игру, – сказал Амонд, не меняя позы, глядя вперед с невозмутимостью деревянной фигуры с корабельного бушприта. – В подобных делах каждый участник ведет *свою* игру, это азбука... Хм, все возможно... Знаете, когда я был совсем молодым, и мы прижали у островов Девайкир пиратскую эскадру... был такой капитан Брагенар, примечательная личность, из знаменитых... так вот, мой тогдашний командир потопил два корабля, а третьему, с самим Брагенаром на борту, дал уйти, хотя имел полную возможность пустить и его на дно. Хозяйственный расчет, понимаете ли. У Брагенара было больше старых счетов с горротцами, чем с нами, и он определенно причинил бы им больше вреда, чем нам... Хороший кот никогда не вылавливает всех до единой мышей в доме – и большая политика, в сущности, повинуется тем же принципам, вы это знаете лучше меня, ведь это вы – мой король... А знаете что? Вполне возможно, сам Стахор поменял намерения. Времена нынче настали ох какие непростые... Быть может, он рассчитывает, что вы причините гораздо больше вреда кому-то другому – больше, чем ему... А может, он опасается, что, погубив вас, останется один на один с теми опасностями, которые вы принимали на себя, словно щит...

– Что вы имеете в виду?

– Не знаю, – сказал Амонд. – Первые наметки, и не более того... Времена, повторяю, настают непростые, ни на что прежнее не похожие. Где уж тут с первого выстрела угодить в яблочко... – он помолчал. – Ваше величество, пока нас никто не слышит... Дела, откровенно говоря, не просто скверные – хреновейшие. Эти подводные лоханки, не боюсь в том признаться, меня по-настоящему

пугают. Ведь ни один корабль не защищен... Они могут хоть сейчас пустить на дно весь наш флот, а мы не в состоянии помешать. Нужно что-то придумать, и побыстрее...

Он смотрел на Сварога так многозначительно и упрямо, что ясно было: придумать должен Сварог, и никто иной. Совершить очередное чудо или хотя бы богатырское деяние по примеру древних легендарных витязей вроде Дорана. Сварог украдкой вздохнул. Адмирал, похоже, переоценивал его возможности...

Не глядя в глаза верному сподвижнику, он глухо сказал:

– Распорядитесь, чтобы корабль причалил где-нибудь в отдалении от... всего этого.

И указал на толпу у причала – они были совсем близко, и можно разглядеть лица, исполненные тягостного недоумения. Сварог просто не мог смотреть сейчас в эти глаза – даже зная, что никто не рискнет задавать вопросы королю.

Амонд понятиливо кинул и поднял микрофон к разбитым в кровь губам. Матросы побежали по реям и вантам, заскрипели снасти, фрегат стал разворачиваться вправо, уходя к отдаленным причалам, где не было ни единого человека и куда простые обыватели ни за что не могли бы проникнуть через двойную цепь караульных.

– Вы уж придумайте что-нибудь, ваше величество, – произнес старик почти умоляюще. – А то ведь дела совсем скверно оборачиваются, этак и в море никого палкой не выгонишь, даже самых удалых...

Глава восьмая

Голос моря

Визит Сварога в неприметную портовую гостиницу «Синий коралл» напоминал небольшую военную операцию, каковой, собственно, и являлся, с какой стороны ни взгляни.

Сначала в королевском кабинете состоялось недолгое совещание с участием Интагара и четырех его подчиненных, а также парочки представителей, так сказать, братских контор. Все вместе они выложили на стол Сварогу всеобъемлющее досье на хозяина данного заведения, а также на его чад и домочадцев. Вполне могло оказаться, эти неприметные, немногословные люди ведали о владельце гостиницы много такого, чего он сам о себе не знал...

Выложенное изучили, обговорили, немного поспорили – и стали действовать. Моментально было установлено квалифицированное и незаметное наружное наблюдение, работавшее в лихорадочном темпе, но крайне эффективно. После докладов наружки возле гостиницы стали концентрироваться люди, выполнявшие уже другие функции. Получив сигнал, они без особой спешки, но и не копаясь, хлынули в гостиницу всей оравой – проверять документы, оценивать степень возможной угрозы, благонадежность гостей и прочие немаловажные факторы.

Улочку перекрыли с обеих сторон хваткие специалисты по таким именно мероприятиям. На реке появились два паровых куттера, набитые вооруженными людьми.

В конце концов к гостинице на полном галопе подлетел десяток всадни-

ков – и Сварог, окруженный ратагайцами, вошел в обширную прихожую, где под потолком перекрещивались могучие потемневшие балки, а пол устлан чистой соломой. Судя как по донесениям, так и по собственным впечатлениям Сварога, гостиничка была из приличных.

Повсюду стояли мрачные личности в цивильном, с оттопыренными орудиями производства полами кафтанов и камзолов, хомериков и плащей. Они торчали у входа в трактир, на кухню, в комнатку-контору хозяина, на лестнице, у дверей *номеров*.

Сварог поднялся по лестнице. Кивнул на дверь, обозначенную позеленевшей от времени и нерадения слуг медной цифиркой «8». Двое ратагайцев кинулись внутрь, не утруждая себя деликатным стуком – не из служебного рвения, а попросту потому, что не подозревали даже о существовании такого обычая, стучаться в дверь. Дверей они вообще не видели всю свою сознательную жизнь, пока не оказались в Латеране.

И наконец, в номер вошел Сварог. Все было в порядке, никто не кидался на него с холодным или огнестрельным оружием, не дымились фитили бомб, злонамеренными покушениями на королевскую особу и не пахло. Более того, за столом, где красовалась бутылка рома «Семь якорей» и два серебряных стакана, сидел самый доподлинный капитан Зо, совсем не изменившийся за то время, что они не виделись – здоровенный, краснолицый, чистейше выбритый, с роскошными бакенбардами, и в левом ухе по-прежнему сверкала целой пригоршней разноцветных крупных камней замысловатая серьга. Правда, серый бархатный кафтан был на сей раз надет не на голое тело – могучую капитанскую грудь с крайне фривольными татуировками скрывала белоснежная рубашка со стоячим воротом, на гланский манер заколотым золотой ферулой тонкой работы.

Что-то *прежнее*, теплое, бесшабашное шевельнулось у Сварога в душе, но он сдержал чувства, внимательно всмотрелся, *проверяя*. Кивнул:

– Это и в самом деле вы... Здравствуйте, капитан, чертовски рад вас видеть...

– Взаимно, – чинно ответил капитан, глядя на него как-то *незнакомо*. – Должен сказать, милейший граф, за то время, что мы не виделись, вы сделали, право же, неплохую карьеру...

– Да так как-то, само собой вышло... – сказал Сварог, ухмыляясь. Подошел к столу, взялся за спинку грубого стула. – Разрешите присесть?

– Помилуйте, вы же везде у себя дома... – пожал плечами капитан, глядя определенно иронически. – Вы уж простите, что я перед вами сижу сиднем, словно сиволапая деревенщина. Ногу повредил, едва на другой прыгаю...

– Да что там, какие церемонии, – сказал Сварог и сел. Оглянулся на одного из ратагайцев, с видом бдительным и грозным стоявшего у невысокой двери в соседнее помещение. – Что там?

– Спаленка, г'дарь, – сказал степняк, таращась в приоткрытую дверь. А в спальне баба, не в постели валяется, а сидит. Одета, вся из себя смазливая, оружия при ей не видать пока что...

– Ладно, – сказал Сварог. – Подождите снаружи. – И повторил с расстановкой, *королевским* голосом: – Сна-ру-жи, говорю...

Оба табунщика нехотя вышли. Капитан Зо невозмутимо наполнил стаканы благоухающим ромом, с легонькой насмешкой в глазах осведомился внешне

почтительным тоном:

– Быть может, учитывая многие перемены и жизненные реалии, мне следует вначале отпробовать из вашей посуды?

– Не выдрючивайтесь, капитан, – устало сказал Сварог, поднес стакан к губам, вдохнул аромат и с удовольствием сделал пару глотков. – Вы имеете в виду всю эту суету? – он показал пальцем на дверь. – Что поделать, это не приходить. Королевская жизнь, леший бы ее подрал, подчиняется строгим законам. Пару недель назад меня уже пытались прикончить в собственном дворце некие доброжелатели. И, если уж рассуждать логически, откуда я знал, что письмо написано именно вами? Я ведь не знаю вашего почерка, никогда не видел написанного вашей рукой... Как «Божий любимчик»?

– Плавает помаленьку.

– А Блай?

– Вот с Блаем дело плохо, – сказал капитан с сокрушенным лицом, и в глазах у него прыгали веселые искорки. – Влюбился в дочку трактирщика из Сегулы, совсем плох. Натыкается на мачты, путает лисель со стакселем и временами с затуманенными глазами вопрошает, так ли уж необходимо идти сегодня на abordаж – там ведь тоже живые души, пусть себе плывут восвояси... Ничего, оклемается. С ним такое приключается в среднем раз в год, течение болезни знакомо насквозь. А так – все нормально. Мышиный Соус жив-здоров, и все остальные тоже. Трех мы, правда, лишили от неизбежных на море случайностей. Толковые были ребята, из парусной команды, вы их наверняка и не помните... Вы знаете, до меня давненько доходили слухи, что вы меня ищете. Однажды я совсем было собрался с вами повидаться, был поблизости, да и времени свободного хватало... но тут как раз вы стали гланским королем, а за меня в Глане, если вы не знали, объявлена солидная награда вот уж восемнадцать лет тому, и никто ее пока что не отменял...

– Ну да, вот именно, – с досадой сказал Сварог. – Угораздило же вас впутаться в такое дело... Я просмотрел судебное дело на вас, вскоре после того, как короновался в Клойне. Простите великодушно, капитан, но смягчающих обстоятельств, по совести говоря, не усматривается. Крайне трудно их там выследить. Я бы еще понял, проткни вы того гланфорта в силу весомых жизненных причин – соблазни он коварно вашу юную сестру и брось с дитем, оттяпай он у вашей семье насквозь незаконно какой-нибудь лужок... Но ведь не было ничего подобного? Судя по материалам прокурорского розыска, вы сами затеяли с ним ссору и ткнули мечом, на ношение коего, кстати, не имели никакого законного права... Или вас все же оклеветали тогда, и все обстояло совершенно иначе?

– Да нет, – сказал капитан, потупясь. – Все именно так и обстояло. Какие там юные сестры и лужки-выгоны... Я просто был молодой и горячий, дурак дураком, в карманах и в голове свистал ветер, а этот долбаный щеголь гулял в кабаке так заносчиво и пошло, словно ему принадлежал весь город, все живое и недвижимое, вплоть до кошек на крышах. Девкам, мать его за ногу, за корсаж золотые забрасывал, а они только хихикали...

– Понятно, – сказал Сварог. – Вы меня поставили в затруднительное положение. Можно, конечно, все это отменить, у любого приличного короля на этот счет масса возможностей. «Закон уснул» и так далее. Но беда-то в том, что этот фертик был из рода глэрда Баглю. А я знаю Баглю... Он в жизни не про-

стит и до самой смерти будет стараться отомстить, если кто-то пристукнет последнего пса у него на подворье – что уж говорить о пятиюродном племяннике... Боюсь, он и меня не слушает...

– Пустяки, – небрежно отмахнулся капитан Зо. – Как-нибудь обойдется. Обходилось же восемнадцать лет, нужно только держаться подальше от Глана. Правда, меж державами есть соглашение о выдаче, и вы вправе велеть в качестве ронерского властелина, чтобы меня повязали, как буркайскую колбасу, и выдали в Глан... Да впрочем, вы же и так гланский король, а я, получается, ваш мятежный подданный...

– Не городите глупостей, – сердито сказал Сварог. – Еще чего не хватало... По-моему, вы меня немного знаете?

Капитан Зо осторожно сказал:

– Время меняет людей, граф. А уж троны и титулы – тем более... Хватало примечательных примеров.

– Да подите вы к морскому дьяволу, с такими-то мыслями! – оцетинился Сварог и одним махом допил свою чарку. – Но в одном вы правы, капитан. Я все же изменился, у меня масса *других* забот... Слышали о том, что приключилось под крепостью Батшева с джетарамской эскадрой?

– Кто же не слышал? – нейтральным тоном произнес капитан Зо. – Про такие вещи слухи разносятся моментально...

– И что вы обо всем этом думаете?

– Если так пойдет и дальше, в морях станет неуютно.

– Вот то-то, – сказал Сварог. – Я с некоторых пор разыскивал вас в качестве специалиста по данному вопросу...

– Простите?

– Я хорошо помню, как впервые увидел «Божьего любимчика», – сказал Сварог. – А впрочем, нет... Я ведь был уже на борту, ну да, вот именно... Я проснулся как-то в каюте от грохота. Ваши морячки бросали за борт бочки с чем-то взрывчатым. Помните? Так вот, с тех пор я уже не сомневаюсь, что у этой загадочной на первый взгляд забавы было одно-единственное объяснение: вы *глушили* подводную лодку. Только не притворяйтесь, будто слухом не слыхивали о подводных лодках, управляемых крохотными человечками, обитающими где-то в подземной пещере в Хелльстаде... Бугас о них знает прекрасно, и еще многие мореходы...

– Хорошо, – кивнул капитан. – Слыхивал.

– Вы охотились тогда за одной из таких лодок?

– Ну, не то чтобы специально... Она обнаружилась поблизости. У меня среди каноиров есть один парень со Стагара, знает и умеет кое-что, и он ее *увидел* на глубине...

– Он один такой уникал или на Стагаре есть другие?

– Преизрядно. Стагарцы – знатоки как раз *морского* волшебства. – Капитан усмехнулся. – Только не думайте, пожалуйста, что я этакий бескорыстный рыцарь, убежденный боец вроде монахов из Братств. Я просто знаю человека, который готов был заплатить невероятную сумму в золоте за такую лодку, пусть поврежденную. А за *живых* пленников обещал расплатиться алмазами по весу...

– И кто же этот оригинал?

– Я давал слово...

– Да ладно вам, – ухмыльнулся Сварог. – Сам знаю. Барон Сагуар, глава снольдерского Морского бюро... с некоторых пор это ведь моя собственность – и Морское бюро, и сам Снольдер... Совершенно верно. Мне об этом рассказывал граф Раган, которого вы тоже прекрасно знаете. Вы ведь так и не добыли тогда лодку?

– И никто не добыл. Не самое легкое предприятие. Ходят темные слухи, что некогда это удалось сделать кому-то из доверенных офицеров королевы Дайни (Сварог наострил уши), но толком никто ничего не знает.

– И вот что... – сказал Сварог. – Барон о вас отзывался в весьма лестных выражениях. Так что зря вы на себя наговариваете, выставляясь в роли обыкновенного наемника...

Капитан пожал плечами:

– Но ведь так и обстоит. Мы как-то говорили с вами об этом, еще на «Божьем любимчике». Я не настолько бессребреник, чтобы бороться со злом совершенно бескорыстно – ну, временами... Но далеко не всегда. Деньги за свои услуги требую за милую душу. Другое дело – я, поверьте, всерьез – что с *другой* силой я не стану связываться ни за какие деньги. Но это опять-таки не делает меня бескорыстным рыцарем. И, честности ради... Не всегда с *другими* связываются из-за презренного металла. Самые разные бывают поводы. Вы помните Джагеддина? С ним сейчас совсем плохо. Он *чересчур* любил тайны и загадки. И это его в конце концов привело в тот самый стан, который я обхожу за морскую лигу...

– Он погиб?

– Живехонек и здоровехонек, – сухо сказал капитан Зо с жесткой усмешкой. – Но это уже не он, не прежний. Мы когда-то были *благородными* врагами, а теперь, если попадетя на пути, я его пущу ко дну без всякого благородства...

– Черт, – сказал Сварог. – Я ему однажды жизнь спас...

– Да, я знаю. Зря. А впрочем, кто мог тогда знать, чем все кончится... Жаль человека, конечно. Но, с другой стороны, другие обожают тайны в сто раз яростнее, Бугаса хотя бы взять – но никто из них ради удовлетворения любопытства с Великим Мастером не свяжется. Значит, вы хотели поговорить со мной о подводных лодках... Вот видите, как все удачно сложилось. В той комнате, – он указал на дверь в спальню, – как раз ждет человек, специально приехавший поговорить с вами о них, и еще о многом...

– Эта женщина?

Лицо капитана стало каким-то странным, он покосился на дверь то ли с опаской, то ли с почтением.

– Если можно ее так назвать, – тихо сказал Зо. – То есть можно, конечно, но она не вполне...

Сзади раздался самый обычный женский голос, мелодичный, молодой:

– Капитан хочет сказать, что я несколько отличаюсь от вас.

Сварог обернулся неспешно, со всем королевским достоинством. Женщина стояла совсем рядом – молодая, красивая, с ясными синими глазами и светлыми волосами какого-то непонятного, словно бы зеленоватого оттенка, одетая, как девушка из невысокой гильдии.

– И чем же вы отличаетесь? – спокойно спросил Сварог.

Напрягся внутренне, пытаясь ее *понять*. Что-то с ней было не так. Подоб-

ное со Сварогом случалось не впервые – когда он не понимал, что именно видит. *Нечто*. Вот именно, она не была обычным человеком – но Сварог не обнаружил и следа какой бы то ни было черной магии, равно как и знакомого ему белого волшебства. Она попросту была *другая*. Неяркое сияние, зеленовато-золотистое, окутывавшее ее причудливым ореолом, ему никогда прежде не встречалось – хорошо хоть, не несло в себе никакой угрозы, опасности.

– Вы понимаете, что я такое? – спросила она безмятежно.

– Нет, – сказал Сварог. – Я вижу, что есть в вас нечто, отличающее от обычных людей, но не понимаю сути. Я не маг, не волшебник – понахватался кое-каких вершков... Присядете?

Она кивнула и гибко опустилась на соседний стул. Те же нехитрые способности, что помогли ему увидеть ореол, позволили ощутить запах, точнее то, что за неимением более подходящего в человеческом языке слова, приходилось приближенно именовать запахом. Некий незнакомый, но приятный аромат, почему-то вызывавший ассоциации с морскими волнами, с прозрачной, чистой водой.

– Это, надобно вам знать... русалка, – хрипло сказал капитан Зо.

– Так нас называют на суше, – спокойно сказала девушка. – Сами себя мы, уж простите, называем совершенно иначе, но *суть*, если подумать, передана верно. Разве что несколько неточно. «Русалка» – слово исключительно женского рода, а у нас не меньше мужчин, чем на суше приходится на одну женщину... Рада с вами познакомиться, король Сварог. Мы о вас немного слышали. Почему вы смотрите на меня так странно?

– Потому что не знаю, о чем спросить, – искренне сказал Сварог. – Не знаю, что в этой ситуации считается *серьезным* вопросом. В голову лезут всякие глупости, навеянные моряцкими рассказами... Значит, все правда – то, что болтали про тюленей, способных оборачиваться людьми?

Она чуть заметно улыбнулась:

– Правда. Но это – не мы. Люди-тюлени – это совсем другой народ.

– Простите на глупом слове... – сказал Сварог. – А когда вы в море, у вас есть рыбий хвост?

– Нет. Мы и в море такие, как я сейчас... Давайте я сама, предупреждая вопросы, кое-что расскажу, хотите? Чтобы вы получили некоторое представление... Мы, *такие* – дети Шторма. Как получилось, что получились мы, никто толком не знает. Шторм случился так давно и был такой дикой загадкой, что слишком многому нет объяснения даже теперь. Мы однажды *появились*, вот и все. И *стали быть*. У нас есть свои... способности. И самую чуточку магии. У нас есть свои города и поля. Есть свой король – один-единственный, потому что нас слишком мало для того, чтобы создавать разные державы... вообще, нам достаточно одного короля. Другое мышление, быть может. У нас слишком много места, а державы возникают, когда места для жизни не так уж много, и приходится его делить... И оттого, что нас мало по сравнению с вами, мы не воюем... Я так подробно этого касаюсь...

– Чтобы внушить мне: я не должен вас опасаться, вы мне не конкуренты... Так?

– Да, – сказала она, открыто глядя ему в глаза. – Мы ведь знаем: вы, на суше, во всем неизвестном и во всех неизвестных тут же начинаете видеть соперника и конкурента...

Сварог усмехнулся:

– Ну, не рубите плеча... Вы преувеличиваете.

– Возможно, – согласилась она. – Мы ведь знаем вас не так уж и хорошо. Бываем у вас на суше... по самым разным поводам, но надолго не задерживаемся. Нам здесь неуютно. Нам хорошо в море.

– Вы меня убедили, – сказал Сварог, все еще сохраняя на лице чуточку напряженную ухмылку. – Вы мне не соперники, отлично... Я готов верить, что все рассказы про русалок, топящих и пожирающих неосторожных моряков – бред собачий...

– Но ведь это и в самом деле вранье!

– Приятно слышать, – сказал Сварог. – А как насчет *любовных* легенд?

– Ну, это-то большей частью как раз не легенды... Это случается – она покосилась на капитана. – Порой именно так, как это изображено на татуировке Зо, все зависит от девушки...

Капитан крикнул, уставясь в стол с виноватым видом, налил себе рому.

– Вы меня убедили, – повторил Сварог. – Я отношусь к вам без особых подозрений... и дело тут не в моей доверчивости. Где вы видели излишне доверчивого короля? Просто-напросто я *равняюсь* по капитану Зо. Он великолепно разбирается в морских делах и, смею думать, мне не враг. Вряд ли бы он привел ко мне какое-нибудь злокозненное существо... Кстати, у вас есть имя?

– Меня зовут Аулина. Между прочим, я дворянка. У нас есть нечто соответствующее вашему дворянству...

– Красивое имя, – сказал Сварог. – Лауретта Аулина, а? Я подозреваю у вас ко мне дело? Вы ведь до сих пор, насколько мне известно, как-то не стремились к общению с сушей... Верно?

– Да, все правильно. Меня послал к вам король. Если хотите, в качестве посла.

– И что же мне хочет сообщить мой венценосный брат?

– Что в море беспокойно. Более того, Великий Кракен просыпается.

– И это – все?

– Вам этого мало? – подняла она брови.

Сварог сохранил непроницаемое выражение лица, как и подобает опытному королю, принимающему иностранного посла. Но в глубине души чувствовал разочарование. Стоило ей тащиться в Латерану ради таких банальностей...

– Я знаю, что такое Великий Кракен, – сказал он спокойно. – Знаю, чье это воплощение... Воплощение Воды. Что вы мне еще расскажете, Аулина? Что глубоководные рыбы бегут из глубин, а морские птицы спасаются на суше? Что змей Ермундгад поднялся к поверхности?

– К поверхности поднялась Митгард. Ермундгад еще где-то спит.

– Ах, так их двое? – поморщился Сварог. – Час от часу не легче, а меня устроило бы, окажись змеюка всего одна... а то и вовсе ни одной. Простите, *лауретта* Аулина, я вовсе не намерен быть с вами резким, неприветливым, враждебным... просто-напросто я король, а вы – посол. А ситуация сложилась... гм, не самая приятная. Поэтому меня в первую очередь интересует что-то конкретное. Конкретное, приземленное, рациональное... способное принести выгоду. Представляю, как любой книжник на моем месте плясал бы от радости – взаимная русалка, способная обогатить науку новыми откровениями... Я

же, увы, король. Говоря прозаически – управитель всего этого, за окном, – он сделал рукой широкий жест. – И в таком качестве мне нужны не приятные собеседники, проливающие свет на тайны морского дна, а серьезные союзники... Я так понимаю, Великий Кракен представляет для вас угрозу?

– Да. Уже проснулись... я не знаю, как их назвать. Твари. Мелкие твари, прислужники. Они нападают на наши города. Один город уже погиб, а учитывая, что их у нас всего с полсотни, утрата нешуточная. У нас есть свои боевые корабли, но их мало. У нас *всего* мало, что ни возьми, – горько сказала она. – И мало нас...

Ее очаровательное личико было печальным, потерянным. Сварог подавил тягостный вздох – грустно, конечно, что и под гладью морской творится черт-те что, но если она пришла за утешением, обратилась не по адресу. Самого бы кто утешил... Самого, сдается, загоняют в угол по всем правилам облавной охоты...

– И у вас нет оружия против Великого Кракена? – спросил он.

Она мотнула головой.

– У меня его тоже нет, – сказал Сварог. – Быть может вы знаете, где скрыто копьё Морских Королей?

– Нет.

– Я тоже.

Она заторопилась:

– Но мы совершенно точно знаем, где лежит на дне Великий Кракен. Где-то в Море Мрака, и это достоверно. Оттуда все *исходит*... Никаких сомнений.

– Великолепно, – сказал Сварог с горькой иронией. – Наконец-то мы выяснили хоть что-то конкретное. В Море Мрака. Конечно, оно велико, но это лучше, чем ничего. Правда, у меня нет Копья, и у вас его тоже нет, а знающие люди мне голову прозакладывать готовы, что уничтожить эту тварь можно исключительно Копьем Морских Королей. Дело за малым, остановка за пустяком...

Он замолчал. По ее лицу текли слезы. Капитан Зо уставился на Сварога с неммым укором. Мать вашу так, мысленно возопил Сварог, ну некогда мне утирать слезы еще и этой...

И все же он не выдержал, взял ее за руку – совершенно людская ладошка, узкая и теплая – сказал насколько мог участливее:

– Ну, не надо... Успокойтесь. Я делаю все, что могу, мы принимаем меры...

Вскоре он замолчал, чувствуя, насколько все это фальшиво, не нужно и не способно ничему помочь.

– Простите, – тихо произнесла Аулина. – Я не гожусь, наверное, для таких поручений... У нас решили отчего-то, что вам легче и приятнее будет говорить с красивой девушкой, нежели с пожилым царедворцем... Мы гибнем, понимаете? Мы погибнем *первыми*. А потом он обязательно возьмется за вас.

– Догадываюсь, – сказал Сварог серьезно.

– Вы же Серый Рыцарь, вы обязаны победить...

«Вот только объяснил бы мне кто, как именно я должен победить, выиграть, – горько подумал он. – Потому что сам я совершенно не в курсе, руки опускаются... Где же Копье, чтоб ему... Все, решительно все сходятся на том, что оно – не легенда, что оно должно где-то быть...»

– Расскажите о токеретах, – тихо произнес капитан Зо. – Короля эта тема

крайне волнует... – он повернулся к Сварогу. – Токереты – это те лилипуты, так их, оказывается, называют наши... друзья.

– Они плавают в морях лет двести, – сказала Аулина. Слезы на ее щеках уже помаленьку высохали, оставив почти незаметные дорожки. – Мы до сих пор поддерживали с ними что-то вроде вооруженного нейтралитета, потому что делить было нечего. Сложилось так, что мы и они попросту стараемся не замечать друг друга. Но если оборачивается так, что вы с ними в ссоре...

– Мягко сказано, – сказал Сварог, ощутив, как цепенеет лицо. – У меня с ними *счеты*. Что вы о них знаете?

– У них есть несколько баз. Подводные пещеры, куда можно попасть только с глубины. Вот, возьмите, – она достала из кошелька на поясе небольшой свиток. – Здесь все отмечено...

Сварог развернул бумагу. Пять подводных пристаней. Дике, один из островов Бару, сразу две базы – в лабиринтах Инбер Колбта... ага, и Стагар, надо же... По большому счету, совершенно бесполезная карта. Потому что у него не было сейчас возможности эти базы уничтожить – а если возможность и появится, это еще ничего не решает. Останется *пещера*, гнездо...

– А где их страна, вам известно? – спросил он вяло, заранее подозревая, что ничего полезного не услышит.

Так оно и оказалось.

– Где-то под Хелльстадом, – сказала Аулина. – Мне рассказывал капитан Зо.

Сварог воздержался от иронических комментариев – жаль девушку, ей и так нелегко, сразу видно...

– Ну что же, лауретта... – сказал он как можно душевнее. – Вы мне очень помогли... Вопрос только в том, насколько далеко ваш король решится зайти. Вы в состоянии захватить одну из подводных лодок? Прюделав это так, чтобы осталось незамеченным для остальных? Мне позарез нужны пленные...

– Не знаю, что вам сейчас и сказать, – с явным колебанием ответила Аулина. – Технически, по-моему, возможно... Но это наверняка вызовет настоящую большую войну... В которой уже вы окажетесь для нас бесполезны как союзник, потому что ничем помочь не в состоянии. Разумеется, я передам наш разговор королю, решать будет он... Не судите нас слишком строго. Во-первых, у нас нет опыта войн. Во-вторых, токереты не имеют отношения к Великому Кракену. Они, конечно, весьма своеобразные создания, это ведь не люди, у них нет души, нам это известно совершенно точно... Но до сих пор они нас не трогали... Конечно, я передам королю...

– Сделайте одолжение, – сказал Сварог дипломатическим тоном.

Засранцы, если вкратце, подумал он уныло. Слишком долго жили спокойно, надо полагать. И сейчас, по ней видно, им жутковато во что-то *ввязываться*. Все, собственно, сводится к тому, что они заламывают руки и с трагическим взором умоляют: спаси нас, великий король, это же твоя обязанность, ты ж у нас Серый Рыцарь... И жалко их, ни в чем они не виноваты, и меня бы кто пожалел... Какие, к чертовой матери, союзники... Толку от них...

Он встал, выжидательно посмотрел на девушку и, не услышав от нее ни слова, сказал вежливо:

– Ну что же, если вы высказали все, на что были уполномочены... Передайте вашему королю мою просьбу. На этом позвольте откланяться, у меня множество неотложных дел...

Надел шляпу и вышел. Капитан Зо догнал его в коридоре. Косясь на подобрававшихся ратагайцев и замерших на лестнице тихарей, прошептал на ухо:

– Я все понимаю. Но я обязан был вас свести... От них, конечно, мало толку, но это люди, настоящие, целый народ...

– Вы с ней спите, капитан? – устало спросил Сварог. – Ну да, конечно, по лицу видно... Романтическая любовь, завидую... Я все понимаю. Но скажите вы мне, что я могу для них сделать?

Капитан Зо с совершенно убитым видом смотрел в пол, на облупившуюся краску половиц, кое-как прикрытых домотканой дорожкой.

– Да я и не требую... – сказал он хмуро. – Вам бы со своими заботами разгрестись... Мне их просто жаль. Не самый скверный на свете народ. И в одном она кругом права – начнут с них, а кончат...

Сварог взял его за отворот богатого кафтана, притянул к себе и сказал с расстановкой:

– Вы же морской волк, прах вас побери, вы столько в жизни видали и слышали... Напрягите Бугаса, напрягите кого угодно, разузнайте наконец, где лежит это клятое копьё! Я про него столько слышал – и его так упорно связывают с островом Хай Грон, что это неспроста... Должен быть какой-то фокус! Ищите копьё, мать вашу, иначе дело в конце концов обернется сквернее некуда...

Отвернулся и быстро зашагал вниз по скрипучей лестнице, ни на кого не глядя. Тихари почтительно вытягивались, ратагайцы топали следом. Выйдя из гостиницы, Сварог направился было к своему коню, но, заметив неподалеку черную карету Интагара, резко свернул туда. У министра полиции была масса необходимых для государственной службы достоинств, но вот умение ездить верхом среди них безусловно не числилось...

Опустившись на кожаное сиденье и плотно захлопнув за собой дверцу, Сварог спросил:

– Ну?

– Кажется, вы попали на верный след, ваше величество, – сказал Интагар. – Латеранский особняк графа Форамбая и в самом деле стоял на самом берегу Итела, за городом, посреди большого сада. Очень уединенное место. Вполне подходящее на роль пристани. Вот только дом этот в свое время был уничтожен сильным взрывом – точнее, во время занятия снольдерцами Латераны. Тогда это списали на военные действия, но бомбардировки города не было, я совершенно точно выяснил. А самое интересное... Перебравшись в Латерану, граф и там не изменил своему обыкновению – выстроил себе дом на берегу реки, опять-таки в удалении от города. Ничего необычного в том не было – знать любит загородные особняки...

– Что с *этим* домом?

– Вы будете смеяться, ваше величество, но и он взлетел на воздух через несколько дней после смерти графа. Ходили слухи, что его наследник был членом знаменитого тайного кружка алхимиков, пытавшихся получить Эликсир Всеобъемлющих Истин – и взорвал дом во время очередного неудачного опыта. Но теперь, в свете того, что я знаю, можно строить и другие версии. Скажем, такую: после смерти старого графа крохи не стали связываться с наследником. По каким-то причинам он их не устраивал в качестве доверенного лица. И дом взлетел на воздух... Знаете, что мне приходит в голову? Что вся эта

не утихающая три столетия болтовня о тайном обществе искателей эликсира как раз и запущена в оборот, чтобы маскировать уничтожение *пристаней*. Понимаете, подобных странных взрывов, оставляющих от зданий только кучу щебенки, насчитывалось за прошедшие века десятка два. Вот я и думаю: а может, крохи эти слухи и пускали через сообщников? Как только произойдет взрыв, сразу появляются разговоры, что это опять был очередной неудачный опыт искателей эликсира... Это словно бы и объясняет все, есть старые книги, где утверждается, что неудачный опыт обязательно кончится жутким взрывом... Что скажете?

– А что я могу сказать? – пожал плечами Сварог. – Версия, в общем, изящная и логически непротиворечивая. Вполне может быть... Но ведь след снова оборвался, а? Все особняки на берегах рек ни за что не проверишь, мы об этом уже говорили... – он помолчал. – И тем не менее Интагар, мы, кажется, *выцепили* одно очень интересное обстоятельство, точнее, закономерность. Наши крохотные дружки, очень похоже, всякий раз старательно минируют свои укрытия. Это следует учитывать – и соблюдать величайшую осторожность. При малейшей угрозе они, чует мое сердце, непременно взорвут пристань... – он замолчал, прислушался. – Кажется, это к вам?

Кто-то снаружи осторожно царапался в дверцу. Интагар недовольно выглянул, тихонько перекинулся парой слов с неприметным человеком, перемазанным пылью и грязью так, словно он не один десяток лиг проскакал верхом без роздыху. Кивнул, захлопнул дверцу, повернулся к Сварогу с озабоченным лицом:

– Гонец из Партука... Крестьянский мятеж!

Глава девятая Тени Латераны

Сварог стоял, опершись на перила *потайного* балкона, и уже привычно, даже с некоторой скукой смотрел на неведомо где раскинувшиеся просторы. В плетеной корзине у его ног шуршало и повизгивало.

На *той* стороне ничего особенного не происходило – как обычно по автострате в обоих направлениях проносились яркие машины, а вдали раскинулся город.

У него не было времени подступать к загадке *плотно*. Даже не успел послать Элкона в свой замок за какой-нибудь сильной оптикой – и обходился пока что десятикратной подзорной трубой, которую вышколенная охрана, никогда не задававшая лишних вопросов, раздобыла где-то во дворце, где именно, неинтересно, король в такие мелочи не обязан вникать...

А впрочем, и с помощью этого нехитрого прибора, судя по фабричным клеймам и гравированным надписям, принадлежавшего раньше какому-то боевому кораблю по имени «Бесстрашный», удалось разглядеть достаточно, чтобы сделать предварительные выводы.

Во-первых, не было никаких сомнений, что там, на другой стороне вовсе не покинутая им Земля. Машины оказались совершенно незнакомых марок, примерно соответствовавшие уровню техники конца двадцатого века, но во многих деталях изрядно отличавшиеся. Да и окраинные дома далекого города, которые удалось разглядеть, построены по канонам какой-то *другой* архитек-

туры.

Во-вторых, там определенно стояло *мирное* время. Ни малейших признаков того, что страна ведет войну. В городе ни следа затемнения, ночами удаётся разглядеть мельтешение реклам и толпу на улицах с ярко освещенными витринами. К превеликому сожалению, Сварогу до сих пор так и не удалось рассмотреть какие бы то ни было вывески или надписи, и он представления не имел, какими там пользуются буквами – а ведь это могло бы кое-что прояснить... Все попавшие в поле зрения рекламы были картинками без текста.

Точно, никакой войны. Все до единого автомобиля, высмотренные им на дороге, были *частными* – разноцветные, яркие, в основном выглядевшие новыми и ухоженными. Он не раз видел лица пассажиров – самые обычные человеческие лица, влюбленные парочки, пожилые супруги, компании и одиночки. Ни единожды не удалось увидеть военные машины, не говоря уж о бронетехнике. Полицейские, правда, не раз проносились – броско выкрашенные в желто-черный цвет, с красной полосой по борту, с какими-то причиндалами на крыше, весьма смахивавшими на динамики и мигалки. Но это совсем другое. В общем, если эта страна и вела войну, то какую-нибудь мелкую, не затрагивавшую *всех*...

Порой Сварог и сам удивлялся своей терпеливости. Положительно, повзрослел. Совершенно не тянуло спрыгнуть вниз и прогуляться в некотором отдалении от балкона. Мало ли что может случиться... На кого тогда останется хозяйство, если он даже не вляпается в неприятности, а просто *застрянет* на той стороне? Вот то-то и оно...

Так что феномен мог подождать. Когда съедется разлетевшаяся по всему континенту Странная Компания, когда вернется Анрах, когда у Элкона появится свободное время, когда станет меньше неотложных дел. А пока что он на балконе просто-напросто отдыхал ненадолго – улучив четверть часика, стоял и смотрел на яркий, уютный, безмятежный неведомый мир, если и отягощенный своими проблемами, то скрытыми за линией горизонта.

Или в преддверии будущих кропотливых исследований пробавлялся мелкими, не отнимавшими много времени экспериментами – как сейчас, когда у него нашлась свободная минутка, пока собирались в «Синем кабинете» сановники с рапортами касаясь неожиданно грянувшего крестьянского мятежа...

Он наклонился и снял крышку с корзины, вытащил оттуда маленького, чуть побольше кошки, бело-рыжего песика, притащенного ратагайцами с поварни. Песик был толстый, откормленный и забалованный поварами, он вертелся в руках, норовя лизнуть в нос.

– Ну что, псина? – спросил Сварог. – Послужим науке?

Он взял моток длинной тонкой веревки, прикинул, что к чему, обвязал собачонку на совесть, так что получилось нечто наподобие шлейки. Завязал узлы, проверил все. Перевалил собачонку через перила и принялся осторожно опускать вниз, на землю. Песик покорно висел, прижав уши.

Вот его лапы коснулись земли. Сварог вытравил веревку на пару ударов. Песик, двигаясь без малейшего страха, лениво, прошелся взад-вперед, тыкаясь влажным носом в покрытую короткой зеленой травой землю. Судя по поведению, не унюхал ничего интересного. Задрал лапу на небольшой камень, попрыскал...

Сварог осторожно вытянул его на балкон. Внимательно осмотрел и не заме-

тил ни малейших перемен. Как и вчерашний опыт с крысой, опущенной на ту сторону прямо в крысоловке, сегодняшней неопровержимо доказал парочку нехитрых истин: *тот* мир – не иллюзия, он вполне реален, попасть в него легче легкого, нужно только перелезть через перила. Поскольку неразумные существа возвращаются назад без малейших препон, наверняка и с человеком случится то же самое. А значит, подобные эксперименты стоит на этом и закончить – еще отвяжется какая-нибудь очередная кошка, убежит на ту сторону, а потом окажется, что там ничего подобного в жизни не видели, и поди угадай, какими будут последствия...

Сварог не боялся притащить *оттуда* какие-то болезнетворные бактерии – если бы таковые существовали, за пятьсот прошедших лет они имели массу возможностей проникнуть на эту сторону, вряд ли дубовые панели, пусть и добротно, без зазоров сколоченные, могли бы послужить преградой для бактерий и вирусов...

Он засунул песика назад в корзинку, посмотрел в угол. Там все еще сидела в крысоловке из толстой проволоки здоровенная серая крыса – и, дергая усами, с аппетитом дожирала краюшку хлеба, выданную ей Сварогом четверть часа назад. Ни хворать, ни подышать она пока что не собиралась.

Он вышел, тщательно прикрыл за собой дверь, поставленную на место трудами не столяров, а тех же ратагайцев, мастеров на все руки, так что получилось не особенно красиво, зато надежно. Задернул портьеру, косяк для которой кое-как приколотил самолично, отдал корзинку одному из степняков, велел вернуть животное, откуда взяли. И направился в Синий кабинет, располагавшийся этажом ниже.

Там уже была расстелена на столе карта охваченных мятежом провинций, которых, увы, насчитывалось уже три. И герцог Брейсингем, совсем юнец, но человек во многом незаменимый, склонившись над ней, озабоченно измерял что-то огромным бронзовым циркулем. Вслед за Сварогом вошел Интагар в сопровождении ведавшего Крестьянским Департаментом коронного советника, довольно неприятного типа, склочника, доносчика и тихого пьяницы, но специалиста, надо признать, толкового. Последним просочился незнакомый генерал, скромненько сел у самой двери.

Первые двое выложили перед Сварогом по немаленькой стопе казенных бумаг и по его приглашающему жесту заняли свои обычные кресла. Брейсингем остался стоять. Он сложил ножки циркуля и, орудуя им, как импровизированной указкой, принялся докладывать:

– По тем данным, что поступили к вечеру, дела обстоят следующим образом: мятеж охватил провинции Партук, Елорет и Гампригор, перекинувшись уже и на снольдерскую территорию – в таких случаях мужичье плюет на границы и подданство... – он очертил почти правильный овал. – Примерно вот так...

– Что им нужно? – мрачно спросил Сварог. – Из-за чего заваруха?

Герцог повернулся к Интагару. Тот одернул кафтан, прокашлялся:

– Ваше величество, в результате таких вот пертурбаций агентурная сеть неминуемо несет урон, все приходит в хаос, трудно наладить бесперебойное поступление донесений... Но ситуация в общих чертах прояснена. Началось в Мадераде, вот здесь. По своему характеру события, в общем, повторяют большинство из прежних мужицких бунтов. Стали распространяться слухи, что

вы, государь, подписали недавно указ о том, что невозбранно переселиться в Три Королевства может отныне любой желающий того землепашец, независимо от того, кто он – крестьянин короны, крестьянин сеньора или фригольдер. Как водится, очень быстро слухи эти стали не просто передавать из деревни в деревню, а еще и расцвечивать во всю силушку своей фантазии. Болтали, что согласно этому мифическому указу в Трех Королевствах отныне не будет ни коронных крестьян, ни дворянских, что все там станут фригольдерами. Болтали, что всякой семье вы велели выдавать на дорогу по двадцать золотых, а на месте наделять огромными угодьями, скотом и прочими благами. В конце концов крикуны стали уверять, что король намерен вообще упразднить дворянство... Вряд ли есть необходимость пересказывать все бредни, которым толпы с удовольствием внимали. Главное, вожаки заверяли, что помянутые дворяне, а также, как водится, «дурные советчики» коварно спрятали королевский указ, и есть надежные свидетели, которые его сами видели, доподлинно описывают печати, цвет чернил... Сначала толпа нагрянула в ближайший город и стала требовать от бургомистра предъявить им злодейски утаенный указ. Бургомистр, естественно, стал их разубеждать. Его убили, перевернули вверх дном все в ратуше, и, не найдя пресловутого указа, стали в поисках громить прочие присутственные места, дома дворян, вообще зажиточных обывателей... Очень быстро добрались до винных погребов, после чего в городе началось неопишное. По докладам летчиков, он выгорел полностью. Толпа двинулась дальше. Как это частенько случается, появились вожаки, и кое-кто из них определенно был на военной службе – некоторый порядок все же наведен. Ну, а дальше... Дальше все разворачивалось по привычной колее. Громят дворянские поместья, городки и те села, что не успели к ним присоединиться... Повсюду пожары, разрушения, хаос. Мало кто уже помнит, что поначалу целью было найти «королевский указ». Раскрутилось на полную. Одни собираются устроить вольную крестьянскую державу, другие норовят нагрести побольше золотишка и смыться потом, третьи просто настроены *погулять* сколько удастся, а потом уходить в Каталаун, благо не особенно далеко, – Интагар грустно покривил губы. – Ничего нового или оригинального. Классический мужицкий бунт, подобно десяткам других в прошлом...

– Иностранцы агенты? – спросил Сварог грубо.

– Пока что не выявлено ни иностранных агентов, ни иностранного золота. Случалось, конечно, что подобные заварушки инспирировали иностранные державы, но в данном случае мы, ручаться можно, имеем дело с классической мужицкой замятней, бессмысленной и беспощадной. – Он коротко, зло выдохнул. – Позавчера они перехватили на дороге королевского секретаря Бартама с семейством, ехавшего согласно вашему указу сменить губернатора Партука на его посту. Вот донесение, один из кучеров был нашим человеком и остался жив...

Сварог прекрасно помнил Бартама – забавно шепелявившего толстяка, по отзывам надежных людей толкового администратора. Он бегло просмотрел бумагу – как погиб Бартам, как погибла его жена, как насильничали толпой двух дочек-подростков, пока не умерли, как топили в речке сына... Поднял голову и спросил, не узнавая своего голоса:

– Войска?

Брейсингем выдвинулся из-за его левого плеча со своим циркулем.

– Шестнадцатый пехотный легион, единственная регулярная часть в тех местах, разбит и отступил, часть личного состава перешла к мятежникам. Вот здесь, здесь и здесь мы в самом скором времени можем сосредоточить до восьми полков, в том числе два гвардейских. Обычно гвардейцы отправляются на усмирение крайне неохотно, считая это ниже своего достоинства, и на сей раз, как это ни кощунственно звучит, нам повезло – в Редиаре мужики захватили врасплох и вырезали алу Зеленых Драгун, так что гвардейцы готовы мстить... Из Алегани на речных пароходах перебрасываются с полдюжины ракетных батарей – как показывает опыт, мужичье панически боится ракетного обстрела и моментально расстраивает ряды... Срочно стягивают из шести прилегающих провинций отряды Вольных Топоров – на этих вполне можно полагаться, у них с мужичьем свои счеты еще со времен Вурдалачьей ночи... Ваше величество, действовать нужно немедленно и с подобающей беспощадностью, пока эта зараза не расползлась. Если не остановить их здесь и здесь, если не разбить наголову основные силы – они могут выйти к Ильвиру и Шалху. В Ильвире – крупнейшие к полудню от Каталаунского хребта судоверфи, Шалх – это одна из крупнейших на континенте ярмарок. Амбары, пристани, гигантские запасы разнообразнейших товаров. Трудно будет даже приблизительно оценить ущерб, если... Молниеносные действия и беспощадная жестокость, ваше величество! Иначе мы рискуем потерять слишком много...

Интагар поклонился:

– Ваше величество, разрешите представить вам генерала Бужота. Старый служака, что важно сейчас, имеет некоторый опыт в усмирениях городской мастеровщины и бунтующего мужичья... Горячо вас заверяю, что лучшего человека не найти!

– Подойдите, – мрачно сказал Сварог.

Генерал чуть ли не парадным шагом приблизился к столу, вытянулся, сжимая левой рукой эфес меча. У него было неприятное длинное лицо с маленькими глазками мелкого сутяги и бледный жесткий рот. Сварог подумал, что для старого служаки у генерала что-то маловато наград на груди: всего-то один орден, «Алое пламя», и пять медалей – два «Серебряных топора», три «Стрелы». Именно этот орден и именно эти медали чаще всего давались не за успехи в сражениях, а за выслугу лет, в торжественные дни, к праздникам, когда, в точности, как в покинутом Советском Союзе, награждают длиннейшими списками кого попало, всех, кто сумел подсутиться.

К тому же, судя по золотому шитью, генерал был не гвардейский, а из «безымянных полков». Насквозь неприятный тип, классическая тыловая крыса – но именно этот, по роже видно, будет выслуживаться, из кожи вон выпрыгивая...

Он же там все кровью зальет, как-то отстраненно подумал Сварог, полыхать все будет от горизонта до горизонта, и поля покроются неубранными трупами, а палачи заморятся от ударной работы. Вот именно. *Этот* растопчет мятеж, не ведая ни колебаний, ни жалости. Этот самый...

Сварог задумчиво спросил, глядя куда-то в пространство:

– Интересно, а можно им что-то объяснить? Хотя бы попытаться? Что нет никакого указа...

Герцог Брейсингем твердо сказал:

– Ваше величество, весь прошлый опыт убеждает: если даже вы самолично

перед ними появьтесь и попытаетесь что-то втолковать, они и вас объявят фальшивым королем, подосланным дворянами и «дурными советчиками». И, пожалуй, растерзают в клочки еще до того, как вы дойдете в ваших убеждениях до середины...

Интагар добавил:

– Большинству из них уже неинтересно, как там обстояло с тем пресловутым указом, и был ли он вообще. Мятеж – явление столь же бессмысленное, как лесной пожар...

Сварог подпер ладонями лоб, уставясь в стол. Об этом никто не мог знать, но в его душе наличествовало мучительное раздвоение. Как человек, воспитанный советской школой, пионерией, комсомолом, замполитами и лекторами, он с детства привык относиться к крестьянским восстаниям как к чему-то святому, достойному исключительно трепетного уважения. Восставшие крестьяне, где бы ни происходило дело, всегда были прогрессивными героями, борцами с отжившими и реакционными. Соответственно, те, кто их восстания подавлял, даже полководец Суворов, считались обреченными историей тиранами.

Он уже принял решения, но невероятно трудно было переломить что-то в себе, вырвать безвозвратно кусок собственной жизни, школьного детства, *прошлые* жизненные ценности, преподанные временем, страной, учителями и пионервожатыми...

Ему было больно, но он не колебался. Потому что на другой чаше весов был Ильвир с его верфями, и Шалх с его ярмаркой, и десятки маленьких городков, пока что не захлестнутых утративших все человеческое ордой. И девочки-подростки, замученные толпой. И дети, утопленные, убитые дубинами, брошенные в огонь только за то, что они были дворянскими детьми. И мирные обыватели выгоревших дотла городков, так и не понявшие, за что их растерзали...

Он поднял голову и сказал твердо:

– Примите байзу, генерал. Обойдемся без бумагомарания – есть благородные свидетели... Я вам передаю все полномочия на тех землях и повелеваю покончить с мятежом так быстро, насколько это возможно. Отныне вы *ничем* не стеснены, такова моя воля. Брейсингем! Направьте туда речную флотилию и три эскадрильи самолетов, я сейчас напишу приказ. Мятежников прижать к Ителу и уничтожить. Интагар, главарей по возможности взять живыми – пригодятся...

Когда все вышли и он остался один, Сварог непроизвольным, яростным жестом смел со стола столько бумаг, сколько захватила рука. И долго сидел сгорбившись, совершенно неподвижно. Перед глазами у него вставали то странички из учебников, то голова Бартама, насаженная на изгородь... Бедняга, он откровенно радовался, что едет именно в те места – у жены было что-то с легкими, а воздух в провинции Партук всегда считался лекарями полезным для астматиков.

Вот смеху будет, если здесь через сколько-то сотен лет будут строить социализм, подумал Сварог, криво улыбаясь. Хорошенькие вещи понапишут обо мне в учебниках. Реакционный тиран Сварог Первый в тщетных попытках остановить неизбежный крах феодальной системы велел своим опричникам...

– Ну, это мы еще посмотрим, – произнес он тихо в пустоте кабинета, выдер-

жанного в синих тонах. – И насчет краха, и насчет неизбежности... Я вам покажу неизбежность...

Он еще долго сидел, не зажигая лампу, пока в кабинете не стало почти темно. Значит, на *той* стороне – все еще белый день. Время там идет по-своему, когда здесь ночь, там день, и наоборот. Пойти бы на балкон, полюбоваться издали чужой беззаботной жизнью, но времени снова нет...

Когда пробили в углу высокие часы, он вздохнул и поднялся из-за стола. Прихватил Доран-ан-Тег, пошел к выходу, бесшумно ступая в мягких сапогах из тисненой ратагайской кожи.

Главный коридор – слева почти сплошь окна во всю высоту стен – был залит бледно-золотистым лунным светом, его широкие полосы перемежались редкими полосками чернильной темноты. Слева, под высоким апельсиновым деревом в массивной кадке, что-то ворохнулось, оттуда в полосу света вышел здоровенный черный баран с рогами в три витка, остановился, глядя куда-то в сторону, с таким видом, словно согласно неизвестной здесь поговорке высматривал, нет ли поблизости новешеньких ворот.

Сварог, не сбиваясь с шага, громко стукнул древком топора в мраморную плиту пола, и баран мгновенно исчез, словно повернули некий выключатель, а Сварог преспокойно пошел дальше, не отвлекаясь на привычные детали интерьера. Наступало примечательное времечко – последняя неделя месяца Фиона, полнолуние, то бишь полносемелие и все дворцовые призраки, как обычно в это время года, являлись наперебой. Все они были давно известны, иные не одну сотню лет, все наперечет, и, допускаясь во дворец туристы, давным-давно эти наваждения были бы занесены в путеводители.

В этом здании, кроме безобидного барана, обитали еще под главной лестницей, в каморке – два мерзавца былых времен, барон Витер и капитан Гадарат, лет сто пятьдесят назад за приличную сумму в золоте предавшие своего полководца неприятелю. Полководец погиб, попав в засаду, обоих предателей очень быстро вычислили и отрубили им головы – и они до сих пор считали-пересчитывали грязные денежки в той каморке, где провели последний час перед казнью: рожи синие, глаза горят, как уголья, из-под лестницы доносится неумолчный звяк золота. За полторы сотни лет против них эмпирическим методом подобрали надежное средство: достаточно было взять лучину из железной корзинки на стене, поджечь от висевшего тут же факела и бросить в каморку. Свистнет порыв ледяного ветра – вмиг исчезнут и призрачные подонки, и призрачное золото...

Они были совершенно неопасны, но Сварог, как любой, обошел то место десятой дорогой, чтобы не встречаться лишний раз с парочкой негодяев. А потом сделал крюк, чтобы не проходить по Ажурной лестнице. Там обитало нечто гораздо более злокозненное. Если встать на определенном лестничном марше, то на площадке очень скоро появится женщина в пышном алом платье – молодая, красивая, черноволосая, совершенно не обращая на тебя внимания, примется танцевать под слышную только ей музыку, весьма грациозно, завораживающе, так что хочется смотреть и смотреть – но нужно уходить побыстрее. Как только и ты начнешь слышать музыку, тут тебе и конец. В деталях существовали значительные расхождения, но все старинные предания сходились на одном: как начнешь слышать музыку, считай, что пропал. Тем более, что порой происходили в здании загадочные исчезновения самого раз-

ного народа, от лакеев до титулованных, пусть и редко. Никто не знал, что это за плясунья такая, когда объявилась впервые и кем, собственно, является, но она существовала точно, Сварог ее однажды сам видел мельком и побыстрее ушел, не склонный проверять на правдивость старые легенды.

Во дворце хватало и других призраков, но уже не в «царской» его части, так что Сварог о них мало что знал.

Он вышел на широкое крыльцо, где торчала старуха Грельфи и стояли полдюжины ратагайцев, моментально сомкнувшись вокруг него с нагайками наготове.

– Пойдемте? – предложил Сварог старой колдунье. – Или передумали все же?

– Да ладно, назвался кошкой – изволь мяукать... – старуха проворно засемила рядом. – Порой я и сама диву даюсь, светлый король, какого рожна встречаю в ваши рискованные предприятия, словно юная дуреха с вертлявой попой и ветром в голове...

– У меня есть одно несомненное достоинство, – сказал Сварог. – Все, кто идет за мной, очень быстро забывают о житейской скуке, бытие у них начинается насыщенное и интересное.

– Дождусь я когда-нибудь интересных сюрпризов на свою костлявую жопу... С вами того и жди...

– Вот за что я вас люблю и уважаю, госпожа Грельфи, так это за ваш неиссякаемый оптимизм, – сказал Сварог искренне. – Не переживайте, душевно вас прошу, взъерошенного ежика голой задницей не возмешь. Вас, в конце концов, на аркане никто не тянет...

Старуха не отставала, шла с ним в ногу, ворча:

– Тянет, не тянет, да как же вас одного отпустишь с этими степными дуроломами, что только и умеют жеребят от поноса заговаривать да сусликов от шатров отгонять «магическим цоканьем»...

Шагавший по пятам Барута, старший среди табунщиков, сдержанно прокомментировал:

– Язык у тебя, старая ты старуха, как помело, чтоб тебе Барлая во сне увидеть...

– Милый, – задушевно сказала Грельфи. – Знал бы ты, какую нечисть я, убогая, видывала въявь, а не во сне, когда ты еще сопливым отроком без порток бегал и на старой кобыле учился, как с бабами обращаться... Обосрался б, душевный.

– Будь тебе годков на полсотни поменьше, дал бы я тебе щелбана в лоб, чтоб звон пошел.

– Дубье степное. Когда мне было на полсотни лет поменьше, такие, как ты, не щелбаны мне в лоб давали, а мощной трясли и на коленях ползали, домогаясь позволения в сено завалить и подол задрать...

– И как, неплохо зарабатывала? – спросил Барута с интересом.

– Дождешься, урод кривоногий, такое нашлю...

– Разговорчики в строю, – недовольно сказал Сварог. – Как дети малые.

– Да это мы, светлый король, от волнения, неужто не понимаешь? – фыркнула старуха, но приумолкла.

В совершеннейшем молчании они шагали по мощеным дорожкам меж домов для дворцовой прислуги, парковых аллей и казарм. Очень часто на-

встречу им из самых неожиданных мест бдительно выдвигались то гвардейцы с обнаженными мечами, то широкоплечие личности в цивильном, державшие руки за отворотами камзолов. И всякий раз молча отступали в тень, узнавши короля.

Несмотря на ночную пору, дымили все три трубы дворцовой поварни. В небе исполинским желтым диском светил Семел, куда ни глянь, нереально четкие черные тени перемежались с золотистым сиянием. Через четверть часа они вышли к горбтому мостику, за которым и начиналась запретная территория, где никто не бывал вот уже сто двадцать пять лет. Мостик, добротный построенный на века, казался новехоньким.

Грельфи молчала, и Сварог первым шагнул на продолговатые каменные плиты, держа топор наготове, прекрасно помня, в каком кармане лежит шаур, не расслабляясь и пустив в ход все свои способности. Чего он никогда не забывал, так это слов Лесной Девы о том, что ему следует беречься мостов. Учítывая, что иные ее предсказания уже сбылись как-то незаметно для заинтересованных лиц, шарлатанством тут и не пахло...

Ратагайцы придвинулись к нему, обступили теснее, Варута безостановочно шевелил губами, определенно повторяя какие-то степные заклинания от нечистой силы. Табунщики никак не могли считаться опытными волшебниками, но, как это частенько случается с людьми, ведущими вдали от цивилизации самый патриархальный образ жизни, много чего *ведали* по мелочам...

Однако Сварог пока что ничего *такого* не ощущал, да и посерьезневшая Грельфи молчала, только извлекла из кармана юбки какую-то сухую ветку и поводила ею перед собой, словно освещала дорогу фонариком.

Они уверенно шагали вперед – по мостикам, то горбатым, крутым, то прямым, узеньким, мимо заросших ряской неухоженных прудов, мимо беломраморных статуй на круглых постаментах, мимо беседок, где когда-то любили, ревновали и страдали – каменные сохранились, а вот иные деревянные пришли в запустение, развалились.

Вот он, наконец – мост с каменными кречетами на перилах. Длинной в каких-нибудь десять уардов. Он вел на островок, а на островке нетронутым возвышался павильон из розового камня, фантазийное сооружение со стрельчатыми оконными проемами, высокими крышами и замысловатыми флюгерами. Над входом красуются каменные лилии, от которых Академия и получила свое название. Двустворчатая дверь приоткрыта – еще с *тех* времен...

Перейдя мост, Сварог остановился. Сквозь приоткрытую дверь он видел внутри павильона, пронизанного насквозь лунным сиянием, очертания старинной мебели и нечто вроде огромной чаши посередине. Стояла совершеннейшая тишина, ни малейшего шевеления вокруг.

– Ну как? – спросил он напряженно. – *Чуете* что-нибудь этакое?

– По совести, ничего я не чую, мой король, – сказала Грельфи так же серьезно. – Ни дурного, ни чего хорошего. Фигурально выражаясь, полнейшее безветрие, тишина и покой...

– Вот и прекрасно, – сказал Сварог. – Все остаются здесь. Если там нет ничего скверного, все и так обойдется, а если что-то плохое и случится, вряд ли вы меня от него спасете – если накроет, так всех одинаково...

И он медленно пошел к распахнутым створкам, напрягшийся, как сжатая пружина, готовый ко всему, держа топор на отлете так, чтоб вмиг нанести

страшный удар.

Двери были распахнуты так широко, что он вошел, не поворачиваясь боком, не сгибая руку с топором. Все внутри было залито бледно-золотистым сиянием, так что глазам не пришлось привыкать к темноте, не потребовалось «кошачье зрение».

Он присматривался, стоя в паре шагов от порога. Та огромная чаша высотой по пояс человеку, судя по вычурным, позеленевшим трубам в центре, была когда-то фонтаном. Внутри павильона не оказалось ни перегородок, ни альковов, одна огромная комната – в былые времена никто тут друг друга не стеснялся. Низкие широкие лежа, изящные столики, до сих пор уставленные посудой и графинами, ковры на полу, вдоль стен мраморные статуи, изображавшие влюбленные пары в самых разных житейских ситуациях: от робкого ухаживания до яростного наслаждения друг другом. На всем лежит толстый слой невесомой, лохматой пыли. Ни следа переполоха, панического бегства, смятения – ни один стул не перевернут, ни один бокал не упал...

Сварог попытался представить здешние раскованные ночи, о которых немало писали историки, кто с чопорным осуждением, кто с эпикурейской завистью и безусловным одобрением. Затейливые струи фонтана, беззаботный звон воды, звуки виолы, разноцветные огни, яркие краски, таинственные колышущиеся тени, смех и песни, молодые обнаженные тела в причудливых слияниях, медленные ласки, торжество беззастенчивой юности, и нет никаких запретов... Вот это ложе, несомненно, отводилось когда-то для Дайни, оно выше и роскошнее остальных отделано.

Движение слева он заметил краем глаза. Развернулся в ту сторону, чуть приседая на расставленных ногах, отведя топор. А она уже стояла перед ним в каких-то трех уярдах, не дальше – светловолосая красавица с бездонными синими глазами, в незнакомом ему платье, палевом, оставлявшем точеные плечи обнаженными, с приколотым на груди букетиком фиолетовых «не-тронь-меня». Сварог ее моментально узнал: Дайни Барг собственной персоной, молодая королева, мертвая вот уже сто двадцать пять лет, любившая жизнь во всех ее проявлениях, бывшая хозяйка Латераны... В ней не было сейчас ничего демонического, она вовсе не походила на призрак, была как живая.

Не было ни страха, ни отвращения. Губы Сварога тронула легкая улыбка. Он подумал, что они с этой призрачной красавицей, с какой стороны ни подойди, родственники – оба Барги, пусть и не урожденные, нареченные, оба происходили из гланского дворянства. Все гланские фамилии, роды и кланы связаны сложнейшим переплетением браков, кумовства, названного братства и далекого родства...

Правда, уповать на это не стоило. Нисколечко. Призраки – создания своеобразные и частенько прежние человеческие чувства над ними не властны, во все даже наоборот... Так что он не расслабился и не отогнал прежнюю подозрительность. Он прекрасно знал, как вести себя в таких случаях, его давным-давно обучили этому монахи в Шагане, и Сварог отлично все помнил.

Четко и выразительно, ни разу не сбившись, он произнес старинную формулу:

– Именем Единого Творца, неприкаянная душа! Если ты от Господа – говори, если от другого – удались!

Не случилось ни того, ни другого – ну, так тоже бывает иногда. Призрачная

королева, неотрывно глядя ему в глаза, вдруг двинулась в сторону, к стене меж высокими стрельчатыми колоннами, из-под пышного подола платья не видно было туфель, она не шла – медленно отплывала, будто лист, подхваченный неспешным порывом ветра. Оказавшись у стены, коснулась ее рукой, задержала на том месте узкую белую ладонь со сверкавшими на пальцах огромными самоцветами, не сводя глаз со Сварога. Ее лицо исказилось мучительной гримасой, словно она отчаянно силилась произнести хоть слово, но не могла. Сварог внимательно смотрел на нее, опустив топор.

И все равно не заметил, когда она исчезла – на миг отвел взгляд, показалось, будто что-то шелхнулось в углу у самого пола – обычная крыса, быть может – а когда вновь посмотрел на то место, королевы уже не было. Он остался один в павильоне.

Раздумывал недолго – *такое* случается неспроста... Подошел к стене, положил ладонь на то место, где только что белели тонкие пальцы королевы, принялся старательно ощупывать прохладную пыльную стену. Гладкий тесаный камень, твердые завитушки золотых украшений, окаймлявших держатели для светильников...

Он возился довольно долго, пытаюсь нажимать все, что для этого подходило, пробовал пальцами каждое углубление.

Так и не понял, что именно сейчас сделал, но перед его лицом в толще стены что-то тягуче скрипнуло. Сварог на всякий случай отодвинулся. Скрип не утих, длинный, механический, какой-то удручающий...

Кусок стены, квадрат не толще двух пальцев, откинулся, как дверца, открывая небольшой тайник, в котором лежал плоский сверток. Не колеблясь, Сварог вытащил его побыстрее, пошарил рукой – ничего больше, только прохлада полированного камня.

Захлопнул «дверцу» – и она, мягко цокнув, встала на место, стена вновь казалась сплошной, нигде нельзя было нащупать соединения шва, бороздки. Идеально подогнано, мастера в старину были хорошие, не чета нынешним...

Держа в левой руке свою добычу – что-то легкое, завернутое в плотную бумагу, – Сварог вышел на крыльцо, остановился. Пакет был реальным на ощупь, он и не думал исчезать, оказавшись за пределами павильона, как это порой случается с подарками призраков и прочей нежити.

Отглядевшись и присев на каменную балюстраду, рядом с набитой высохшей землей вазой для цветов в половину человеческого роста, он поставил топор и негромко распорядился:

– Огня!

Барута запустил руку в кошель на поясе, заскрежетало огниво, разгорелось пламя. Табунщик, встав рядом, держал факел так, чтобы шипящие капли расплавленной смолы не капали на короля. Сварог осторожно развернул сверток, достал пару листов бумаги, сложенных пополам. На одном был какой-то план, выполненный стойкой черной краской, заставлявшей сразу вспомнить о военных инженерах – довольно искусный чертеж, по всем правилам топографии: река, горы, лес, какие-то непонятные пометы, масштаб... Судя по ним, река не особенно широка, уардов пятнадцать, скорее мелкая речушка, чересчур извилистая для рукотворного канала... Таким значком сейчас обозначается отдельно стоящее здание, наверняка, и в прошлом он имел то же значение. А это... Это, никаких сомнений, изображение классической «пороховой са-

пы» – вырытого саперами шурфа с заложенной в него взрывчаткой. Сварог видел подобные значки на картах, когда дело касалось штурма крепостей – только здесь сапы были вырыты вплотную к берегам реки, числом четыре, по две с каждой стороны. И название речушки проставлено: Гиуне. В жизни не слышал – точно, какая-то мелкая, где-то в захолустье, судя по диким горам и лесным дубравам...

Он аккуратно сложил бумагу пополам, развернул вторую. Моментально узнал почерк – с характерным наклоном и знакомыми петлями у некоторых гласных. Он видел слишком много бумаг, написанных рукой Асверуса, чтобы ошибиться...

«Моя королева! Спешу сообщить, что все в порядке, дела пока что идут так хорошо, что боишься сглазить. Мины заложены, в замке устроили засаду мои люди, хозяин под давлением всех возможных в данной ситуации аргументов готов к сотрудничеству. Я видел *это* своими глазами – пустое гнездо, но отнюдь не брошенное. Зрелище, как и ожидалось, поразительное. Надеюсь, когда в наших руках окажется *рыбка*, мы узрим еще более интересные вещи. Подожду хвалиться, едучи на рать, но то, что уже сделано и прошло успешно, наполняет дерзкой надеждой на полную и окончательную победу».

Гораздо ниже еще одна строчка, написанная в гораздо большей спешке, неразборчивее, размашистее:

«Фонари наставлены, ответный сигнал последовал. Верю в удачу!»

Подписи не было. Сварог аккуратно сложил этот лист по старым сгибам, спрятал добычу в накладной карман камзола. Теперь, когда все было позади, он ощущал невероятную слабость во всем теле – естественная реакция на все перипетии этого дня и этой ночи, на напряженное ожидание, на оправдавшиеся надежды. Ну что же, это, несмотря на недомолвки, довольно точное указание. Речка Гиуне. Наверняка сыщется на подробных картах, благо есть сильное подозрение, что протекает она именно в провинции Накеплон... Нет нужды гадать, что это была за *рыбка*, на которую с помощью заложенных по берегам мин охотился Асверус сто двадцать пять лет назад – есть одно-единственное объяснение, наверняка...

– Пойдемте, господа мои, – сказал он, тяжело поднимаясь.

И, ни на кого не глядя, первым пустился в обратный путь – гораздо медленнее, чем шел сюда, тяжело ступая, едва ли не волоча ноги. Усталость давила на плечи, словно полновесный мешок с мукой.

– Эге, светлый король, – протянула Грельфи. – Совсем заработался, сокол наш ясный, нельзя ж так себя не жалеть, ты у нас один, и ты у нас не железный. Один вот так пахал, как проклятый, – и зачахнул истаявши. Нужно тебя приводить в божеский вид простыми народными средствами...

И она, не удосужившись попрощаться, резво юркнула в боковую аллею, засемила куда-то со своим обычным проворством – ехидная старушонка была вовсе не такой дряхлой, как порой прикидывалась. Пожав плечами, Сварог поплелся дальше, к своему дворцу, совершенно не торопясь. Когда-то еще выдаться случай прогуляться не спеша, полной грудью подышать прохладным и чистым ночным воздухом, пронизанным лунным сиянием...

Ратагайцы оставили его, только доведя до дверей королевской опочивальни – но все равно, предварительно Барута в сопровождении двух подчиненных зашел туда и несколько минут не появлялся, прилежно обследуя все, что

можно. Сварог терпеливо ждал у дверей – он, как уже говорилось, с некоторых пор не видел ничего смешного или навязчивого в повышенной безопасности.

Наконец Барута вышел, блеснув зубами в непонятной ухмылке, сказал:

– Почивайте, г’дарь, и чтоб вам никогда во сне волка не увидеть.

– И тебе того же, – ответил Сварог, как полагалось по степному этикету.

Вошел, устало захлопнул за собой дверь, сбросил камзол прямо на пол – король сам себе образец этикета, утром лакеи все равно озаботятся. Это была малая опочивальня, небольшая и уютная. Как ни делал над собой усилие Сварог, так и не смог привыкнуть к опочивальне *главной* – размером с актовъ зал родного военного училища, где кровать, под устрашающих размеров и веса балдахин, напоминала скорее дворцовый павильон, и шагать к ней от дверей приходилось чуть ли не пять минут, где та люстра, на которую пошло не меньше полутонны хрусталя, подавляла не только вычурным великолепием, но и всерьез пугала тем, что однажды может свалиться на голову...

Он встрепнулся – *опять?* У постели белела призрачная фигура, судя по очертаниям, женская. Что-то не помню я, чтобы к этой самой спальне прилагался свой призрак, подумал Сварог вяло, подходя вплотную, не было такого в инвентарной описи, лейб-кастелян ручался...

Он вдохнул тонкий аромат духов, свежей кожи и сообразил, что на сей раз перед ним не призрак, а взаправдашняя красавица. Полупрозрачная хламида в золотых блестках, точеная фигурка, невинное личико с глупыми очаровательными глазищами, темные волосы по плечам, веночек из голубых цветочков...

– Чем обязан? – спросил он устало, уже догадываясь, что это постаралась Грельфи с ее простым и незатейливым цинизмом, который старуха полагала делом житейским.

Девушка присела в поклоне, подняла голову, спокойно глядя ему в глаза и загадочно улыбаясь в полумраке:

– Я из Королевского Балета, государь, меня зовут Дания. Всецело к услугам вашего величества...

Ах да, конечно, подумал Сварог. Я же мимолетным указом перевел сюда из Сноля Королевский Балет – в рамках заботы о культуре. Всякий приличный король содержит подобное высокопрофессиональное заведение – и согласно вековым традициям, юные плясуньи усердно служат монархам своим искусством не только на сцене. Вековые традиции, пожалуй, следует уважать... надо же как-то снимать напряжение, а то еще дурацкие слухи по дворцу поползут...

– Очень приятно, король, – сказал он, стягивая сапоги. – Располагайся, звезда моя, будь как дома, я не кусаюсь...

– Вы так остроумны, ваше величество... – прощепетала служительница... (черт, как же зовут-то эту музу, что за них отвечает?) без всякого стеснения грациозно присаживаясь рядом с ним на постель. – Мы все так рады, что вы соизволили о нас вспомнить, терялись в догадках о причинах столь странного забвения...

– Король в трудах, аки пчелка, – проинформировал Сварог, лег на спину, заложил руки под голову и с удовольствием отрешился от государственных забот.

Ага, отрешился, как же, вот вам фиг... В голове назойливо крутились неиз-

бежные завтрашние хлопоты: кого следует в первую очередь вызвать, чтобы раздобыть карты Накеплона, кого взять с собой в поездку, как все организовать...

– Вы великий человек, ваше величество, – с почтительным придыханием поведало очаровательное создание, склоняясь над ним и касаясь лба теплыми пальчиками. – Я вся цепенею при мысли, что именно мне выпала столь высокая честь...

– Молчи, зайнька, ладно? – сказал Сварог, устало прикрыв глаза. – Ты такая очаровательная, когда молчишь...

Взял за плечо и бесцеремонно потянул ее к себе, и она подчинилась с озорным смешком. Запустив пальцы ей в волосы, Сварог успел додумать последнюю на сегодня деловую мысль: почему Асверус тогда устанавливал мины только с *одного* конца реки?

Глава десятая Старый знакомый

Сварог, величественно восседая в высоком дубовом кресле, которое специально привезли сюда следом за ним из главного города провинции, где оно, как и в других провинциях, даже тех, где монарх в жизни не бывал, хранилось за семью печатями в расчете на возможный королевский визит, пребывал в дурном расположении духа.

Хотя он, собственно говоря, путешествовал инкогнито со свитой в три десятка человек, главным образом из ратагайских табунщиков, гланских дворян и чинов тайной полиции, все равно пришлось почтить своим присутствием полдюжины официальных церемоний – опять-таки следуя старинным традициям. В Накеплоне венценосные особы в последний раз бывали лет сорок назад, а в этот городишко не заглядывал за всю его длинную историю, насчитывавшую без малого два тысячелетия. А потому и губернатор, и здешнее начальство, в основном проштрафившееся, загнанное сюда в наказание из более оживленных и престижных мест, из кожи вон выпрыгивали, лестью и почтением исходили, стремясь умолить его величество не проезжать эти места на полном галопе, а задержаться хотя бы на денек. Обуревавшие их расчеты лежали на поверхности – из случайного визита короля следовало выжать максимум житейских выгод: отираться на глазах, представлять чад и домочадцев, готовить пиры, маскарады с фейерверком, предъявлять отчетность, напирая на свои успехи и достижения, откровенно навязывать в любовницы дочек, а то и супруг помоложе, прельщать выдержанными винами и роскошными охотами, авось выйдут перемены в судьбе, повышения и регалии, или по крайней мере увеличение ежегодного бюджета...

Нельзя было *вовсе* проигнорировать веками складывавшийся церемониал, и Сварог, скрепя сердце, высидел пару часов на пиру, полюбовался фейерверком, поулыбался милостиво девицам посмазливее, роздал из предусмотрительно прихваченного мешка дюжину орденов и втрое больше медалей, пожаловал парочку особенно настырных (и, по отчетам шпииков, наиболее дельных, хотя и казнокрадов, как это в захолустье непременно бывает) следующими чинами, гражданскими и военными, посетил местный серебряный рудник – и даже согласился в городишке переночевать. Кто же знал, что в про-

грамму увеселений входит еще и публичная казнь нескольких разбойников, совпавшая с королевским визитом? Поскольку всех без исключения приговоренных к высшей мере казнили именем короля, то это печальное мероприятие издавна почиталось «коронным» – и Сварог поневоле занял почетное место в первом ряду, всего-то уардах в двадцати от сработанной на века древней виселицы. Добротное и сложное сооружение, перекладины и горизонтальная балка толщиной с мачту фрегата, возведены на добротном каменном фундаменте, по случаю визита его величества все за пару часов подкрашено, побелено, подновлено в лихорадочном темпе, мастер печальных церемоний и два его помощника наряжены в новехонькие алые балахоны с белыми колпаками и даже, кажется, трезвехоньки с утра...

На коленях у него лежали, согласно той же традиции, два больших платка – белый и красный. Как полагалось. Взмахнув платком цвета смерти, король давал сигнал, что церемония может идти своим известным ходом, а если его величеству вздумается (мало ли что в коронованную голову взбредет?) махать алым, цвета жизни, платком, все, соответственно, переменится самым решительным образом. От больших платков явственно несло нафталином, как их ни утюжили в спешке, сохранились рубцы так и не поддавшихся складок – за сорок лет впервые извлекли из тайников присутственного места эти церемониальные причиндалы...

Сварог восседал, окруженный бдительной стражей. Слева чиннехонько стояли губернатор провинции, бургомистр городка и прочие захолустные сановнички, числом до трех десятков. Справа, отделенное от виселицы – и от короля, естественно – цепочкой принаряженных городских стражников и солдат местного гарнизона (бедолаги из какого-то там легиона), разместилось народонаселение, с немногочисленными дворянами и членами сословий в первых рядах. Судя по доносившимся оттуда выкрикам и выражению физиономий, народные массы от души радовались развлечению.

Сварог мрачно смотрел себе под ноги, слушая, как герольд в красочной, но какой-то потертой мантии ослиным голосом орет заковыристые юридические формулы, пространные, скучнейшие, никому совершенно не интересные – но так уж полагалось. Толпа слушала рассеянно, вполуха, ожидая главного зрелища – а вот бургомистр, Сварог подметил, наоборот, прямо-таки наслаждался каждым словечком. Голову можно прозакладывать, имелись тут какие-то личные причины или особые интересы...

На душе у Сварога было *маятно*. Так и подмывало, не разобравшись толком в сути дела, помиловать оптом всех троих, за неведомые прегрешения вот-вот обязанных сплясать с Конопляной Тетушкой.

У таких размышлений были свои причины, ведомые только ему самому. Когда вплотную придвинулся неотложный вопрос – что делать с теми, кто имел отношение к вскрытию загадочной комнаты во дворце? – Интагар, как легко было догадаться с самого начала, горячо настаивал на высшей мере. Не на публичной казни, разумеется. Все причастные к тайне (а хорошо бы еще и ратагайцы) должны были, по его разумению, исчезнуть тихонечко и незаметно, так, чтобы никто не задал ни единого вопроса и не нашел концов.

Сварог был против. После долгого спора сошлись на том, что все двадцать четыре человека, от лейб-кастеляна до последнего подмастерья, будут отправлены в Три Королевства, в самые глухие его уголки, под особый надзор впредь

до особого распоряжения. В качестве не заключенных, а занимавшихся бы прежним делом, в прежнем социальном статусе – вот только лишены права покидать нынешнее место жительства и обязанных подписками о неразглашении.

И случилось так, что везший их всех речной корабль затонул в глубоком месте, да так удачно, что спастись не сумел никто, в том числе и экипаж. Предпринятое Сварогом самостоятельное расследование (конкурирующие спецслужбы, а как же) очень быстро выявило, что корабль попросту взлетел на воздух, и затонули лишь его пылающие обломки – и один человек, выходило, все же спасся, тот, что поджег фитиль и сиганул за борт в последний момент...

На душе у Сварога было паскудно. Потому что он *заранее* понимал, знал в глубине души, что все кончится именно так. Очень уж многозначительными были глаза Интагара, холодные, *дерзкие*. Догадывался – но предпочел внушить себе, что ни о чем таком не подозревает, убаюкивал себя: мол, обойдется...

Такие дела. Он ненавидел себя за тогдашнее молчаливое понимание – и, с другой стороны, испытывал еще нешуточное облегчение. Такая вот раздвоенность. Как ни крути, а секрет был *крупнейшим*. Серьезнейшим. Опаснейшим. До сих пор оставшимся одной огромной, мрачной, важнейшей государственной тайной, причем ни государство, ни сам король еще не понимали, чем они, собственно, владеют. Никак нельзя в таких условиях оставлять на свободе свидетелей, склонных сболтнуть что-то на стороне по глупости, спьяну, из простоты душевной. Милые, ни в чем не повинные люди на одной чаше весов – и государственные интересы на другой...

Одним словом, неприятный осадок на душе пока что сохранялся. И Сварог старательно заставлял себя думать о *других* вещах – о том, ради чего сюда прилетел. Пока что все складывалось гладко. Речушки Гиуне на карте не существовало вот уже сто двадцать пять лет. Нет, она не пересохла – просто на ее месте образовалось в те времена большое озеро, которому постепенно перешло прежнее название. Никто так и не смог ответить Сварогу, как получилось, что вместо бравшей начало в горах речки появилось озеро – пожалуй что, и сами толком не знали, выражаясь каламбурно, много воды тут утекло. Губернатор в конце концов выяснил, что тогда вроде бы произошел обвал в горах, завалил узкую теснину в скалах, и не нашедшая выхода вода образовала озеро... Это означало, что об Асверусе и его отряде забыли накрепко – хотя парочка спутников Сварога усердно копалась в архивах...

Одно он понимал уже теперь – почему Асверус заложил мины с одной стороны реки. Речушка некогда впадала в могучий Рон, по которому и приходили, надо полагать, подлодки. С *другого* направления они попросту не могли бы появиться – там текли жалкие ручейки, образовывавшие некогда Гиуне...

Герольд орал что-то про «закоренелого в прегрешениях и предрезостном разбое брата, опозорившем деяние». Барабаны затрещали мелкой дробью, взвыли дудки – это четверо стражников наконец-то повели к ступенькам фундамента первого приговоренного, и толпа радостно загомонила.

Сварог мрачно смотрел перед собой.

И вдруг встрепенулся, совсем не по-королевски вытянув шею. Никакой ошибки – меж четырьмя неуклюжими стражниками шагал со связанными за спиной руками не кто иной, как старый знакомый, отец Грук, лесной пастырь.

Совсем не изменившийся за эти годы, высоченный, огромный, со шрамом на щеке, в рваной коричневой рясе, быть может, в той же самой. Вот только сейчас он не выглядел жизнерадостным и беззаботным – по вполне понятным причинам – и румянец исчез с лица...

Сварог вдруг осознал, что он уже стоит на ногах – и машет алым платком так, словно сидит на необитаемом острове который год и пытается теперь привлечь внимание корабля, который преспокойно проходит мимо, не замечая, не обращая внимания...

Кто-то уже вопил справа от него, надсаживаясь от служебного рвения:

– Остановить казнь! Остановить казнь! Король милует!

И кто-то опрометью бежал к стражникам, боясь не успеть, не угодить... Толпа моментально замолчала. В отлаженном механизме определенно случился сбой.

Перед Сварогом неведомо откуда возник бургомистр – с искаженным злым лицом, закричал с причудливой смесью почтения и упрямства:

– Ваше величество, умоляю вас, одумайтесь! Этому головорезу там самое место!

И вставший рядом с ним местный королевский прокурор подхватил:

– Ваше величество, прошу вас, перестаньте!

Сварог посмотрел на них с неподдельным удивлением:

– Я, кажется, недвусмысленно выразил свою волю?

Бургомистр и прокурор на два голоса заорали:

– Государь, пожалуйста, не вмешивайтесь!

Вольный воздух захохотался сделал свое дело – оба никогда в жизни не общались с венценосцами, у них попросту не выработалось нужных рефлексов... Вот и упорствовали, погрязнув в своем провинциализме – благо губернатор, видя столь вопиющее нарушение этикета, оцепенел от растерянности и в события не вмешивался.

Вот только Сварог давным-давно выработал необходимые для него рефлексы. Не вступая в пошлую перебранку, он выпрямился, набрал в грудь побольше воздуха и рявкнул:

– Я что, уже не король?! Молчать!!!

Все вокруг него моментально пришло в движение. Свистнул выхваченный из ножен меч – это Барута с перекошенным от ярости лицом заслонил Сварога, надвигаясь грудью на осмелившихся противоречить. С обеих сторон подскочили гланские дворяне, тоже с мечами наголо, и остальные телохранители ринулись к дубовому креслу. Вокруг моментально засверкали клинки, и часть их касалась ослушников, вмиг потерявших дар речи.

Не оборачиваясь, Барута громко спросил:

– Г'дарь, прикажете пластануть эту сволочь от плеча до жопы?

Гланфорт, стоявший слева, громко взвел курок пистолета, направленного в живот бургомистру.

– Всем молчать! – рявкнул Сварог на всю прилегающую равнину. – Всем по местам! Король распоряжается!

Не сразу, но понемногу восстановилась прежняя диспозиция – телохранители встали на свое место, губернатор, так и не обретя дар речи, грозил кулаком обоим нарушителям этикета, а они стояли ни живы ни мертвы. Народ безмолвствовал. Всем ясно было, что происходит нечто необычное.

– Бумаги сюда, – распорядился Сварог металлическим голосом, уже на полтона ниже. – Живо!

К нему моментально протолкался мозгляк в мундире юстициарного ведомства, пылая энтузиазмом, на вытянутых руках протянул лист и, очевидно, усмотрев в происходящем свой звездный час, зачистил:

– Извольте взглянуть на экстракт, государь, составлен мною по всем правилам делопроизводства... Лично мне сразу показалось, что дело тут нечисто, да отдельные своевольники...

– Молчать, – сказал Сварог.

Пробежал взглядом лист, покрытый убористыми строчками, выведенными аккуратнейшим канцелярским почерком. Поднял брови:

– Прокурор... Это что за хрень собачья? Виселица-то почему? Я что-то не усматриваю в этом вот документе ни смертоубийства, ни «особо дерзкого насилия для жизни и здоровья»... Извольте объясниться, пока я не осерчал всерьез...

На прокурора было жалко смотреть. Он вмиг постарел лет на десять. И жалобно протянул, обливаясь холодным потом:

– Общая злокозненная направленность поступков... Закоренелость в преступлениях...

– Это еще не основания для...

– Закоренелость... – сказал прокурор.

– Повешу, – ласково пообещал Сварог.

Прокурор замолчал, подавившись собственным языком. Сварог мысленно досчитал про себя до десяти и произнес уже совсем спокойно:

– Король прощает осужденного. Подведите его сюда.

Кто-то кинулся в ту сторону – и, заглушая неповоротливых стражников, мало что понимавших в происходящем, буквально заставил их препроводить отца Грука к дубовому креслу.

– Вы меня узнаете, отец Грук? – спросил Сварог.

Лесной пастырь смотрел на него пылливо, с непонятым выражением лица. Пожал плечами:

– Кабы знать, ваше величество, должен я вас узнавать, или лучше промолчать...

– Глупости, – усмехнулся Сварог. – Граф Сезар, замок, ваша паства... Развяжите ему руки (к отцу Груку с разных сторон кинулись доброхоты, мешая друг другу). Рад вас видеть, отец. Как я вижу, характер у вас по-прежнему неутомный, не умеете жить спокойно...

– Каким Господь создал, – прогудел отец Грук смиренно.

К уху Сварога просунулся тот самый судейский, волнуясь, даже ножками суча в погоне за фортуной:

– Ваше величество, извольте знать... Когда отец Грук и его... гм, молодцы... нагрянули к бургомистру в гости, они его, мало того, что ограбили дочиста, так еще заставили долговые расписки слопать все до одной, вот его милость бургомистр и осерчали малость, а его благонадзирание господин прокурор, свояком бургомистра будучи...

Оба поименованных смотрели на него с бессильной злостью – а судейский крючок приосанился, даже словно стал выше ростом, придав своей физиономии горделивое выражение, свойственное отважному борцу за правду. После

того, как Сварог соизволил милостиво ему улыбнуться, судейский окончательно поверил в свою фортуны и ничегошеньки уже не боялся...

– Я все понял, – сказал Сварог. – Что же, вы свободны, отец. Давайте остальные экстракты. – Он пробежал их глазами и чуточку поскуцнел. – А вот это уже другое дело... Совсем другое дело, господа... Не только многочисленные грабежи и разбои на дорогах, но и загубленные души на совести – у одного два стражника, у второго полицейский чиновник... – он посмотрел отцу Груку в глаза. – Совсем другое дело... Спутники ваши по законам вполне заслужили...

– Ваше величество, – сказал отец Грук убежденно, с серьезным лицом. – Я вам и не буду доказывать, что они святые. Чего уж там, не святые они вовсе, и добычу как-то не раздавали сырым и обездоленным, а в кабаках спускали, и за каждым, тут бумага кругом права, числятся упокоенные полицейские крючки. Правда, в честной схватке упокоенные, ну да вы правы, дела это не меняет. Но я не о том... Будьте так любезны, отмените уж нехоти у вас вырвавшиеся милостивые слова касательно моей ничтожной персоны и велите, чтобы меня препроводили туда, куда с самого начала собирались, да благодаря великодушию вашему заминочка вышла...

– С ума вы сошли, отец? – спросил Сварог почти грубо.

– Никоим образом, государь. Просто, понимаете ли... Несправедливо будет, если у меня и моей паствы *этак вот* разойдутся дорожки, я пойду в одну сторону, а они – в другую. Позвольте уж и мне с ними. Так оно выйдет честнее. Знаете ли, это не самые благодетельные ребята на свете... но и не самые худшие. Слишком уж многое меня с ними связывает. И не могу я их бросить сейчас, не по-человечески выйдет, не по лесному братству...

Он не шутил, Сварог видел это по его решительному лицу. Пауза затягивалась.

– Прикажете всех троих *исполнить*? – робко спросил бургомистр. – Коли уж этот закоренелый сам стремится...

– Зачем вы его заставили долговые расписки жрать? – спросил Сварог.

– Процент, коли уж без этого нельзя, следует брать божеский, – с достоинством ответил отец Грук, стоя с непреклонным видом. – А не людоедский, да еще с процентом на процент, да еще натурой брать процент с должниц поможе. И воровать из казны, если уж иначе не можешь, надо по-божески, хотя бы уж сестерций с аурея, а не полной пригоршней... И стражники здешние, с полицейскими крючками вкупе, тоже, знаете, не святые...

– Значит, можно их резать? – серьезно спросил Сварог. – Кому захочется?

– Да я и не говорю, что можно, ваше величество. Я одно говорю: не ломайте вы себе голову над здешними убогими трагедиями и позвольте уж мне присовокупиться к своей пастве... а коли уж вас вдруг на великодушие потянуло, то дайте мне квадранс всего, чтобы я их укрепил и напутствовал перед дорогой...

Сварог тяжело вздохнул. Снова в его душе воцарилась мешанина самых противоречивых чувств. С одной стороны, согласно букве закона эти прохиндеи и в самом деле заслуживали виселицы. С другой... По его вине уже погибли люди, которые были виновны только в том, что ненароком соприкоснулись с государственной тайной – причем исключительно оттого, что он сам их в это дело втравил... Вот и выходит так на так...

Он сбросил с колен экстракты, приосанился и веско произнес:

– Остановить казнь. Король милует всех. Ясно? Кто пискнет против, сам отправится туда... – он подбородком указал на могучую виселицу. – У королей свой образ рассуждений, простым смертным недоступный и непонятный. Понятно? – рявкнул он, не сдержавшись. – Понятно я спрашиваю?

Вокруг царило безмолвие, почтительное, испуганное. Снова кто-то бежал и распоряжался, и стражники, пожимая плечами, резали веревки на запястьях осужденных. Народ вновь безмолвствовал, очевидно, в полнейшей растерянности – вряд ли там расслышали хоть словечко из произнесенного у походно-полевого трона, слишком уж далеко они стояли.

Перехватив угрюмый, исподлобья взгляд бургомистра, брошенный на троицу чудом избежавших веревки, Сварог повернулся к Баруте, и, когда тот подбежал, тихонько распорядился:

– Этих троих взять под конвой, чтобы их где-нибудь в уголке не прирезали... И этого, пожалуй, тоже, – кивнул он на вытащившего счастливый билет судейского.

– Не сомневайтесь, г'дарь, – спокойно кивнул старшина табунщиков. – В точности исполню.

...Отец Грук, откинувшись на спинку раскладного походного стула, с сожалением уставился на нетронутые тарелки, полные отнюдь не скудных яств. Сварог налил ему вина, пригубил сам. Полотнище шатра легонько колыхалось под ветерком с близких гор, и огонек лампы трепетал ему в такт.

– Воплощенная иллюстрация к излюбленному философскому тезису о прератностях судьбы, – умиrotворенно сказал сытый отец Грук. – Несколько часов назад готовился сплясать с Конопляной Тетушкой, а теперь вот сижу и пью с королем... Знаете, что было самое мучительное? Все три дня, вплоть до сегодняшней церемонии меня кормили омерзительной баландой из рыбьих хвостов, где крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой. Хотя по старой традиции смертнику полагается в последний вечер обед из пяти блюд, с вином. Но этот поганец, я про бургомистра, только хихикал и говорил, что город у них бедный и на отжившие церемонии, извольте ли видеть, ассигнование не отпущено... – он осушил вместительный кубок до дна, привычно рыгнул, округлил глаза. – Извините, ваше величество, одичали мы тут, к церемониалам не привычны...

– Пустяки, – сказал Сварог.

– Кто бы мог подумать, когда мы сидели с вами в замке Сезара, что вы и есть будущий король Сварог... Не скромничайте, рассказы о ваших свершениях докатились и до наших окраин... Прямо хоть за мемуары садись... Интересно, а вот каково это – быть могучим королем?

Сварог печально улыбнулся:

– Вы не поверите, отец, но быть королем – уныло и тягостно. С одной стороны, ты можешь едва ли не все, что только в голову взбредет, с другой – в один прекрасный момент обнаруживаешь, что жизнь тебя гонит по колее, из которой ни за что не выбраться...

– Вот потому-то я бы свою нынешнюю вольную жизнь и не променял бы ни на один королевский трон, сколько их ни есть, уж простите на глупом слове. Самая большая неприятность, какая может случиться с лесным бродягой, – поймают да поволокут вешать. – Отец Грук широко улыбнулся. – Хорошо еще, что вы, ваше величество, определено не стали пока что *заматерелым* коро-

лем. Иначе и пальцем бы не шевельнули ради какого-то случайного знакомого и парочки незнакомых вовсе...

– Тут другое, – сказал Сварог тихо. – Быть может, именно с вами об этом и следует поговорить, отец... Вас ведь, как я понял из судейских бумаг, не лишали сана... Я убил недавно почти тридцать человек. Не сам, конечно. Короли ведь никого не убивают сами, если они не законченные садисты... И у меня тягостно на душе.

– Что случилось? – спросил отец Грук столь же негромко, посерьезнев лицом.

– Мы сделали одну... находку, – сказал Сварог. – Простите, не буду углубляться в детали. Скажу только, что я в жизни не сталкивался со столь грандиозной загадкой, с таким... Нужно было устранить свидетелей, оказавшихся случайно посвященными в тайну. Я отправил их в ссылку, но министр полиции послал человека подорвать судно, на котором они плыли... И я ведь знал! Я прекрасно читал по его роже, что чем-то таким кончится, но предпочел внушить себе, что ничего не замечаю и не подозреваю... Знали бы вы, как мне сейчас мерзко...

После долгого молчания монах спросил, опустив глаза:

– Чего же вы хотите? Отпущения грехов?

– Не знаю. Возможно... Я никогда не исповедовался, и мне никогда не отпустили грехи, я просто не представляю, чего хочу и что мне нужно...

– Вообще-то грехи отпустить легко, – сказал отец Грук. – Произнести соответствующую формулу, и все, согласно догмам, будет улажено... Вот только, не хочу вас обманывать, не бывает полного отпущения грехов без покаяния. Можете вы сказать, что каетесь? Прислушайтесь к себе... Каетесь вы, или...

– Не знаю, – сказал Сварог. – Самое печальное, что не пойму толком.

– А какие могут быть последствия в этой вашей находке – хорошие или злые?

– Это пока что решительно неизвестно.

– Вот в таком случае и не порите вы горячку, ваше величество, – сказал монах с грубоватым участием. – Я не пытаюсь вас утешить, я говорю вполне серьезно. Коли уж неизвестно пока, к добру эта тайна или к худу, рано выносить окончательные суждения о каких бы то ни было человеческих поступках, верно вам говорю... Значит, вот оно что... Вы вспомнили о *тех* и решили быть милосердным? Ну что же, снова мы возвращаемся к дискуссиям о превратностях судьбы. Как знать, если бы *они* не погибли, мы бы и не выжили... Не переживайте, ваше величество, а положитесь-ка вы на Божье милосердие, оно ведь существует, если даже закоренелые грешники вроде нас в последний миг избавились от петли. Не могло же такое свершиться само по себе, без Божьего попущения... А вот кстати, как вы тут вообще оказались, в нашей глуши? Или просто-напросто к себе в Хелльстад едете без особой огласки?

– Да нет, у меня дело именно здесь, – сказал Сварог. – На озере Гиун. Слышали о таком?

– Кто же не слышал? Ну да, Проклятое Озеро...

Вновь преисполнившись прежней деловой хватки, Сварог спросил небрежным тоном:

– А что, есть какие-то легенды?

– Хо-хо! – сказал отец Грук, тоже, кажется, довольный, что тема разговора

переменилась. – Это же Каталаун, ваше величество! Дебри, чащобы, горы, глухомань... В местах вроде этих обо всех мало-мальски примечательных уголках сложены то веселые, то жуткие легенды, иногда основанные на некоей реальности, иногда из пальца высосанные скучающими кумушками и суеверными придурками. Урочища, мельницы, броды, долины, ручьи, старые развалины, перекрестки дорог... Решительно о каждом местечке что-нибудь да плетут. Куда ни плюнь – поверье. Что ни возьми – легенда. Нет, конечно, я не отрицаю, иногда и в самом деле *бывает* такое, что человек непривычный может рехнуться запросто. Вся жизнь провел в этих краях, насмотрелся...

– А что там с озером?

– Вот насчет озера, верно вам говорю – сплошные бабьи сказки. Что там в незапамятные времена, когда не было еще озера, а была только речушка, стоял на берегу дом, где обитал анахоретом один чернокнижник. Как ему и положено, по ночам при черной свече чертил пентаграммы, душевредные фолианты мусолил, вызывал, соответственно, духов. Вот и вызвал... однажды. На свой хребет. Откусил кусок не по хавалке. Демон, рассвирепевши вмиг, разметал дом в щебенку да вдобавок запрудил реку и устроил озеро, чтобы и следа не осталось от жилища. Другие говорят, что это сам чернокнижник все устроил, когда его приехали арестовывать гвардейцы из самой Равены. И не погиб во все, как в первом варианте, а благополучно обернулся то ли огненным драконом, то ли просто черным вороном и улетел неведомо куда. А гвардейцы с тех пор бродят призраками по берегам и, как положено, утаскивают в озеро всякого, дерзнувшего под покровом тьмы... Ерунда все это, ваше величество. Дом там, точно, когда-то стоял, в нем и в самом деле обитал какой-то нелюдим, чуть ли не алхимик. В ясную погоду даже крышу видно в глубине. Вот только я, как человек, умудренный кое-каким... специфическим житейским опытом, полагаю, что насчет алхимика все врут, и на самом деле этот тип примитивно держал притон для тогдашней лесной братии, а вся болтовня насчет алхимии и чернокнижия была пущена в обиход исключительно для того, чтобы никто не совался в те места, и стражники тоже. Это как-то более прозаически выглядит, но похоже на правду. Знавал я одного оборотистого малого, промышлявшего на больших дорогах. Изобретательный был человек, с буйной фантазией.

Кубышку свою он держал под полом на заброшенной мельнице, и, чтобы кто-нибудь ненароком не наткнулся, обставил все так, будто на мельнице обитает целая орава призраков. Целые представления устраивал – наряжал своих ребят в простыни, и они ночами вокруг мельницы болтались с фонариками в зубах, какие-то хитрые порошки в Равене раздобывал и устраивал такие фейерверки, что вся округа зубами от страха стучала и обходила мельницу десятой дорогой. И горлышки от кувшинов у него были под крышей понатыканы, чтобы от малейшего ветерка завывало нелюдским воем, и сосуд с ртутью и золотыми монетами в трубу замуровал – днем он от солнышка нагревался, а ночью холодел, и получались такие удивительные звуки, будто по мельнице что ни ночь чертячьи свадьбы гуляли со всем прилежанием. И ведь все верили... Я у него исповедь принимал, когда он получил ножом под ребро и отдавал концы. Так и узнал. Но никому, конечно, не рассказал – тайна исповеди, грех... Так что вся округа до сих пор на мельницу не сует носа – горлышки-то до сих пор воют, и сосуд по-прежнему в трубе... В глотке пересохло даже от таких

длинных тирад...

Сварог, без труда уловив намек, придвинул к нему чеканный кувшин, и отец Грук, не чинясь, наполнил свою чарку.

– Ваше здоровье! Так вот, о Проклятом Озере... Какой-то затворник там и в самом деле жил в старые времена, и дом стоял, пока не ушел под воду, когда случился обвал. Охотно верю, что его и в самом деле приезжали арестовывать некие государственные люди, и их там перерезали втихомолку – знаю я ребят, которые как-то, лет десять тому, находили у озера и старинные монеты, и проржавевшие мечи, и часы, и еще всякие мелочи из тех, что ни один нормальный человек просто так не выбросит. Бляхи с конской сбруи, еще что-то...

– И где это все теперь?

– А леший его знает! – пожал плечами отец Грук. – Это же были лесные братья, а не ученые книжники из тех, что прилежно разыскивают всякую старину и волокут ее в музеи. По-моему, лиг на триста вокруг и не найдешь ни единого музея... Все, что было из благородных металлов, пошло на пропой души или стало приспособлено к собственным нуждам – помню, кто-то серебряный эфес приладил к своему клинку, кто-то золотые бляхи себе на уздечку поставил... Но костей там не было, ни человеческих, ни конских. Вокруг столько разнообразнейшего зверья, что от трупа, человеческого ли, конского ли, окажись он не закопанным в глуши, очень скоро ни единой косточки не останется. А вот *вещички* зверью ни к чему. – Он задумчиво поскреб макушку. – Вообще-то, если рассудить... Перережь тех приезжих обыкновенные головорезы, они уж ни за что не оставили бы мечи, особенно с серебряными эфесами, да полные кошель монет... Ну, не знаю. Факт, что кого-то там в стародавние времена прирезали или прикончили иным способом, и они так и остались непогребенными лежать, причем неограбленными. А озеро... Все разговоры про него были связаны опять-таки с той историей про разъяренного демона. Будто бы он напоследок, решив пакостить с размахом, наложил на озеро проклятие. По всем сказочным правилам: кто воды из озера изопьет – в одночасье помрет смертью лютой, кто искупается там – концы отдаст, кто рыбу выловленную съест – не заживется... Но насчет этого должен вам заявить со всей уверенностью: брехня! – отец Грук осушил чарку, икнул и значительно поднял палец. – Брехня первостатейная! Уж мне-то доподлинно известно. Отец мой, надобно вам знать, жил бедно. И от лютой нищеты решил как-то половить рыбку в Проклятом Озере. Рыбы там немерено, та-акие сазаны и желтоперы... Рассуждал мой покойный батюшка, человек вольнодумный и рискованный, предельно просто: если с рыбой все в порядке, с голодухи не помрем, а если от нее всем придет безвременная смерть, то все равно не сегодня-завтра семейству и так с голодухи погибать... Короче говоря сходил он туда, забросил верши, наловил изрядно и для начала отведал сам. Отличная рыбка, жирная, мясо белое, на свет посмотришь – солнышко сквозь нее просвечивает... Жил он возле озера три дня. Каждый день хлебал ущицу, наворачивал жареную на рожне рыбку – и не то что не помер, а, наоборот, стал замечать, что ряшка у него наливаются... И никакого вам проклятия, и никакой безвременной смерти, и, наконец, никакие призраки загубленных ночью из озера не являются и к себе в гости не тащат. Осмелел он тогда, наловил целый мешок и припер домой. Я эту рыбку до сих пор помню... Она, кормилица, нас на ноги и подняла. Было это впервые двадцать пять лет тому, ну да, мне десять стукнуло... И потребил я этой

якобы проклятой рыбки – не сосчитать. И до сих пор потребляю при случае. – Он гулко пошлепал себя ладонью по объемистому чреву, не особенно и пострадавшему в размерах за время заточения. – Глядя на моего родителя, и другие, припертые голодухой, стали тянуть рыбку почем зря, кто вершами, кто неводом, кто на уду. Иные, правда, до сих пор опасаются, но многие туда ходят регулярно. Ах, как хорош желтопер, если завялить его умеючи... Если позволите, ваше величество, если у вас там не какое-то уж очень особенно секретное дело, я к вам с удовольствием напрашусь в провожатые. Наловлю желтопера на зеленую муху, и получится такой деликатес, какого вы в ваших дворцах отродясь не едали. Особенно если вяленным желтопером заедать выдержанный нэлыг из Сезаровых погребов... И никто не видел там никаких призраков!

Сварог задумчиво спросил:

– Значит, в точности неизвестно, что именно там произошло и когда?

– Совершенно неизвестно! – сказал отец Грук, с сожалением покачав за горлышко опустевший кувшин. – Лет сто пятьдесят назад... Или малость поменьше... Монеты вроде бы были с гербом королевы Дайни, мне растолковал один бывший студент, а она, если мне память не изменяет, лет сто пятьдесят назад и правила...

– Сто двадцать пять.

– Ну, вам виднее... Но монеты были биты в царствование Дайни, точно. А что там произошло... Да кто же знает, государь? Это у вас в городах полным-полно книжников, которые пишут подробные труды про любые стародавние события, даты не путают, хроники ведут... А в нашем захолустье народец большей частью даже своего имени подписать не может. Грамотный у нас только бургомистр, судейские, да чиновники, да и то казнокрады они все, кого ни возьми, а кто не казнокрад, тот служанок совращает или запоем пьет... Я, правда, грамотный, но хроник не веду, недосуг. Одним словом, если что-то у нас и произошло в старые времена, то не отразилось ни в ученых книгах, ни даже в полицейских протоколах, потому что *крючки* у нас тоже большей частью неграмотные, а кто грамотен, с лишней писаниной возиться не станет, разве что уж произойдет нечто из ряда вон чрезвычайное. Вот и легко догадаться, что любое событие наш невежественный народец так исказит и перепутает со своими побасенками и байками, что сотня городских книжников до истины уже не докопается, хоть вы им плахой грозите... Уж простите, что утомляю вас своей дурацкой болтовней...

– Ну что вы, – задумчиво сказал Сварог. – Вы – прямо-таки светоч мудрости и логических размышлений, отец Грук, хоть в советники вас приглашай...

– Не надо, – испуганно встрепнулся монах. – Я – человек, насквозь пропитанный дикой волей, в столице умру от тоски. А у вас там еще и интриги на каждом шагу, и сплошной камень вместо леса, и даже, болтают, творятся какие-то странные знамения, связанные с пробуждением Великого Кракена... – он оживился, наливая из второго кувшина, радушно поданного Сварогом. – Вот кстати! Пока новости до нас дойдут, настолько исказятся и расцветятся фантазией, что уже не отличить вранье от правды... Говорят, будто у вас там рождаются что ни день двухголовые телята, козлы кричат ночами человеческим голосом, новорожденные младенцы связно пророчествуют, причем исключительно беды и напасти, а в столице, в полнолуние памятник Гарепо Злосчастному сходит с постамента и шатается по прилегающим улицам...

– Совершеннейшее вранье, – сумрачно сказал Сварог.

– Ну и слава богу, – облегченно вздохнул отец Грук. – Значит, еще поживем. Признаться по совести, сам я как-то плохо верю и в Великого Кракена, и в Багряную Звезду, о которой иные толкуют. Но вот, знаете ли... Говорил я с одним рыбаком, а человек он солидный и не склонен сочинять байки. Клялся мне, что недели две назад своими глазами видел ночью на Ителе целую стаю спрутов. Здоровенные, уардов по десять, глазами таращатся, щупальцами водят... В народе шепчутся, что это они якобы бежали из моря в страхе перед Великим Кракеном... Хоть и принадлежат к тому же племени, но Кракен им определенно не по нутру...

– А еще кто-нибудь их видел?

– Да нет, вроде бы...

– Почудилось, – сказал Сварог насколько мог убежденнее. – Люди от вина и не то видят.

– Может, и почудилось. Вот только он малопьющий... И к видениям прежде был не склонен. В конце концов, могли они и просто так из моря заплывать, кто их поймет, безмозглых... Ох, спохватился я, неблагодарное создание! Разрешите выпить за ваше здоровье, государь?

– Будьте так благоугодны, – сказал Сварог, наполняя и свою чарку. – Ваше здоровье, отец Грук!

Глава одиннадцатая Проклятое озеро

Идеально подходившую для стоянки ровную площадку Сварог высмотрел еще издали – и повел туда самолет. Машина повисла в воздухе над облюбованной равниной, заросшей высокой сочной травой и кучками какого-то темно-бордового кустарника с россыпью синих цветов. Вертикально опустилась вниз, словно брошенный с башни чугунный шар – но, разумеется, гораздо медленнее, плавно и неспешно.

Два других самолета приземлились по обе стороны от флагмана, дверцы в фюзеляжах моментально распахнулись, и оттуда, пренебрегая лесенками, стали выпрыгивать ратагайцы и гланские гвардейцы. Держа оружие наготове и окидывая окрестности бдительными взглядами, вмиг окружили довольно широкое пространство.

Выключив все системы, Сварог оглянулся и с ухмылкой спросил:

– И каковы же впечатления, святой отец?

Отец Грук тяжело поднялся из мягкого кресла, помотал головой с неуверенной, слабой улыбкой. У него был как раз тот взъерошенно-ошарашенный вид, какого и следовало ожидать от человека, впервые в жизни совершившего воздушное путешествие на летательном аппарате тяжелее воздуха – причем следовало учесть, что он и видел-то подобные аппараты впервые в жизни. И, что немаловажно, пребывал в состоянии несомненного и нелегкого похмелья, после вчерашней теплой встречи старых друзей. Для одного раза слишком много, сочувственно подумал Сварог – чудом избежать петли в последний миг, чтобы назавтра преодолеть сотню лиг в поднебесье...

Однако монах, человек гордый и независимый, изо всех сил крепился, придавая себе вид бравой небрежности. Гораздо труднее ему было бороться со

злом более приземленным, последствиями вчерашних излишеств, и Сварог, прекрасно его понимавший, достал из ящика у сиденья бутылку «Оленьей крови», привычно вышиб пробку, подсунул старому знакомому лекарство.

Осушив ее одним долгим глотком, отец Грук на глазах повеселел, обрел прежний румянец, свойственный привыкшему проводить много времени под открытым небом, на свежем воздухе человеку, звучно прокашлялся и сказал:

– Благодарствую, ваше величество. Поневоле помогли мне почувствовать себя святым Сколотом, коего Господь однажды перенес по воздуху с мыса Скаури к берегам Ягарталы... Да простит мне Единый Творец такое злоязычие, но сдается мне, что святой Сколот свое путешествие проделал с гораздо меньшими удобствами...

Слуга из манора Гэйр, выполнявший здесь обязанности бортмеханика, уже опустил лесенку с перилами, и Сварог с монахом спустились на твердую землю.

Сварог оглянулся на заслонившее от него солнце самолетное крыло и усмехнулся не без здорового цинизма. Три аэроплана только по внешнему виду смотрелись точной копией снольдерских бомбардировщиков, а на самом деле это были те же виманы, изготовленные по его распоряжению (подтвержденному приказом императрицы) в цехах Магистериума. Столь же совершенные технически, абсолютно безопасные, втихомолку вооруженные кое-чем крайне серьезным. Так было гораздо удобнее передвигаться по своим разросшимся владениям, нежели по старинке – верхом, на речных пароходах или на *подлинных* самолетах, отнюдь не являвшихся венцом технической мысли. Обычные виманы, способные становиться невидимыми для окружающих, использовать в разъездах все же не стоило, чтобы не плодить лишние пересуды. Обязательно стали бы болтать на всех углах о том, как король Сварог, изволите ли видеть, сваливается из чистого неба, словно колдун какой. И без того о нем уже ходило множество самых нелепых слухов, как ни боролся с ними Интагар своими традиционными методами.

Пикантность тут была в том, что подавляющее большинство его подданных решительно не способны отличить мастерскую подделку от обычного, сделанного на земле самолета – а значит, лишних разговоров не будет, как и задумано...

Он вдохнул полной грудью чистейший горный воздух, насыщенный ароматами незнакомых цветов и трав, огляделся. Вокруг не было ничего пугающего, унылого, неприятного. Под безоблачным синим небом в окружении поросших густыми зелеными дубравами гор лежало обширное озеро, в длину и ширину не менее пары лиг, формой напоминавшее неправильный овал. Стояла тишина, ветерок слегка колыхал кустарники, на противоположном берегу низко над водой носилась птица.

– Скопа, – сказал отец Грук. – Рыбу высматривает. Посмотрите вон туда, ваше величество. Нет, левее. Видите, у самого леса большой валун? Так вот, почти напротив него, на самой середине озера и расположен дом того анахорета. Там сейчас самая глубина, но в такую погоду можно рассмотреть крышу с лодки.

– А где бы нам лодку раздобыть? – спросил Сварог.

– Ну, это не загвоздка... Лодок вокруг озера в разных укромных местечках припрятано много. Я знаю кое-какие захоронки, быстренько разыщем...

Сварог развернул карту – старую, тех времен, когда Гиуне была еще речушкой, а не озером, сравнил ее с окружающей местностью. Ага, примерно вон там речушка протекала. Вон там, где сейчас ровная водная гладь, Асверус и закладывал мины... примерно там. А здесь случился обвал, лавина с гор, вызванная мощными взрывами – о чем ни сам Асверус, ни его инженеры, не будучи местными уроженцами, знать заранее не могли. Образовалось нечто вроде дамбы, и вода понемногу стала заполнять обширный распадок...

– Где находили вещи? – спросил Сварог.

– Во-он там, – показал отец Грук. – И вон там. Но вряд ли что-то осталось – когда прошел слух, что тут валяются всякие полезные в обиходе безделушки, берега основательно обшарили...

– А вы сами все это видели?

– Благодарствуйте и увольте! – отрезал отец Грук с самым решительным видом. – Что до меня, я к находкам отношусь очень плохо, смотреть не хочу, не то что в руки брать. Старое воспитание, знаете ли. В тех местах откуда я родом, испокон веков наставляли, что все найденное на большой дороге или в глуши следует сразу обходить подальше. Чревато иногда. Мало ли что на них наложили, чтобы свои невзгоды передать дураку... То ли эту безделушку кто-то и в самом деле по пьянке потерял, то ли специально положил, нашептавши... Не стоит рисковать. Так и говорится: «Потерянное – чертово». Ну его...

– А с теми, кто пускал в оборот здешние находки, произошло что-нибудь скверное?

Старательно подумав, отец Грук отрицательно замотал головой:

– По правде сказать, не припомню. Но ведь раз на раз не приходится, так что лучше обойти...

– Ну, это вы зря, – искренне сказал Сварог. – Я сам однажды нашел вот этот самый легендарный топор, – он покачал Доран-ан-Тегом. – И не было мне с тех пор от него вреда, кроме пользы. И еще кое-что находил, столь же полезное в хозяйстве.

Отец Грук упрямо сказал:

– А все равно, раз на раз не приходится. Ручаться нельзя, что однажды очередная ваша находка не преподнесет поганых сюрпризов...

Сварог, легкомысленно крутя головой, приблизился к указанному месту, согнулся в три погибели и попытался высмотреть что-нибудь в высокой траве, меж темно-бордовыми стеблями кустарника. Раздвинул сапогом жесткие побеги, пучком росшие из единственного корня.

Что-то он все-таки отыскал. В траве стояли четыре бочонка из потемневших от времени, исхлестанных бесчисленными ливнями досок. Совсем небольшие, похожие на сырную головку. Три казались целехонькими, а по четвертому, такое впечатление, со всей дури врезали чем-то вроде колуна – обручи слетели и разлетелись на части по причине полной проржавелости, клепки рассыпались, парочка была перерублена, и, судя по цвету дерева на изломе, проделали это не так уж и давно. Никак не сто лет назад.

– Ага, вон они где, – сказал отец Грук, стоя в некотором отдалении – значит, про них и рассказывали... Бочоночки. Один обормот из тех, что здесь тогда шарил, решил сторяча, что наткнулся на старое вино, а то и на военную казну – военные в похожих бочонках, говорят, возят казенные денежки – только там оказалась какая-то дрянь вроде замазки... Видите? Рубанул топором, вме-

сто того, чтобы аккуратно доньшко вынуть...

Сварог опустил на корточки, присмотрелся как следует. Действительно, рядом с разрубленным бочонком – меж разбросанными клепками давно уже проросла густая трава – валялись комья чего-то серого, закаменевшего, похожего то ли на замазку, то ли на глину. Половина неизвестной субстанции так и застыла, повторив форму нижней половины бочонка, на ней виднелись отпечатки клепок. И в крышке каждого бочонка виднелось аккуратное отверстие – все три проделаны словно бы одним сверлом, по некоему стандарту...

Ах, вот оно что, подумал он, медленно выпрямляясь. Никакая это не замазка, конечно – а взрывчатка, схожая с динамитом, которую в свое время изобрел какой-то военный гений, и она натворила немало дел, будучи по производимому эффекту раз в двадцать сильнее пороха. Но потом *наверху* спохватились, мягко и ненавязчиво заставили земных королей собрать нечто вроде конференции по разоружению и запретить к применению эту дрянь на вечные времена, ограничиваясь отныне составами послабее.

Во времена, когда жил Асверус, до этой эпохальной конференции оставалось еще лет двадцать, и эту взрывчатку пользовали все без исключения державы, за исключением разве что нищего и потому безнадежно отставшего в военном деле Сегура, который по своей отдаленности от коловращения жизни к тому же и не воевал ни с кем, разве что пиратов гонял в прилегающих водах.

И отверстия, проделанные по некоему стандарту... Все сходится. Асверус в свое время – то ли сам додумавшись, то ли по чьему-то компетентному совету – запасся чем-то вроде примитивных глубинных бомб, способных, несмотря на свою примитивность, потопить, пожалуй что, подлодку токеретов. Глубинная бомба, будь она разработана по последнему слову техники или сделана из набитой взрывчаткой бочки с отверстием для взрывателя – в эти дырки, точно, вставлялись некогда взрыватели нехитрого образца – в любом случае действует на подводное судно одинаково. Ударной волной. Стоп, стоп, раз бомбы остались здесь, да и оставшиеся от покойников пожитки находили тут же, значит, Асверус и его люди все же просчитывали последствия. И несомненно, думали о возможной лавине. Иначе не забрались бы так высоко над речкой – в старые времена это место было не берегом, а краешком высоченного откоса...

Глубинные бомбы. Неплохо для человека того времени. У кого-то был острый ум... да впрочем, достаточно логического мышления. С тех самых пор, как только на земле заново открыли порох, ушлые вояки глушили с его помощью рыбку везде, где имели такую возможность. И кто-то, отталкиваясь от этого, сообразил, что железная, герметически закрытая банка с живыми существами внутри от подводного взрыва понесет примерно такой же урон, как обычная рыба...

Издали его манил рукой Барута, что-то разглядывавший у себя под ногами. Приблизившись, Сварог увидел, что ратагайцы уже сняли прикрытые свежим дерном полосы сосновой коры, горизонтально перекрывавшие аккуратную прямоугольную яму, в которой лежала лодка из той же коры, мастерски снятой с дерева. Суденышко было построено аккуратно, с величайшим тщанием; с первого взгляда видно, что неизвестный мастер старался для себя, чтобы лодка прослужила как можно дольше. Здесь же лежали пара легких весел и

груда мелких сетей с мелкими ячейками.

Отец Грук выглянул из-за его спины:

– Ага, ага... Лодка Янара-Заики. Никаких сомнений. Так ее мне и описывали. Грузила из покупного свинца, отливал сам Заика... Он, знаете ли, помещался на кладоискательстве. Вбил себе в голову, что на дне лежат сокровища черно книжника, вот третий год и скребет дно неводом вдоль да поперек озера, рыбой пренебрегая. Настоящие рыбаки его и били пару раз, и прежние лодки сжигали, потому что его невод им всю рыбу распугивает, да с него, как с гуся вода. Отлежится, смастерит новый челнок и опять сутками пропадает на озере. Не нашел и медного гроша, ну да повернутых вроде него это не останавливает. Очень может быть, он и сейчас сидит где-нибудь в лесу и ждет, пока вы уберетесь...

– Ничего, подождет, – серьезно сказал Сварог. – У него – кладоискательство, а у нас, можно сказать, научная экспедиция... Эгей!

Он махнул ратагайцам, и они проворно спихнули лодку на воду – так неумело, что она черпанула изрядно воды и едва не перевернулась. Вообще-то в Ратагайской Пуште были и свои рыбаки, те, кто жил поблизости от Тея и Итела, но телохранители Сварога происходили из самого сердца степей, где воду видели только в образе родников и ручейков...

Пришлось подозвать двух гланцев – уроженцев морского побережья. Сварог сел в лодку, его гвардеец устроился на веслах, второй оттолкнулся найденным в тайнике шестом, и лодка, легонькая и верткая, прямо-таки отпрыгнула от берега. Барута умоляюще крикнул вслед:

– Г'дарь, вы уж там поосторожнее, кто его знает!

Сварог сделал успокаивающий жест и велел править к указанному монахом месту, коего они и достигли уже через несколько минут. Сварог взял лежавший в носу лодчонки кусок свинца размером с два кулака – в грубо отлитую проушину пропущен конец длинной веревки – поднял его над водой и осторожно опустил, не сделав брызг.

Веревка какое-то время разматывалась, убегая за борт, потом остановилась, лишние мотки, свиваясь в кольца, плавали на поверхности воды. Течения здесь не было ни малейшего, и лодчонка стояла на импровизированном якоре надежнейшим образом.

Осторожно высунувшись за борт и не наваливаясь грудью, чтобы ненароком не обломить борт, Сварог стал всматриваться в глубину. Вода была чистая и прозрачная, прямо под ним темными стремительными полосками мелькали какие-то рыбы. Постепенно он разглядел далеко внизу нечто темное, отличавшееся несколько по цвету от дна, и в самом деле, если рассудить, напоминавшее высокую, островерхую крышу дома. Судя по тому, сколько веревки размоталось вслед за утопшим якорем, до дна тут было уардов тридцать.

Сварог, не мешкая, стянул сапоги, принялся раздеваться. До сих пор ему еще не приводилось пользоваться своим умением свободно дышать под водой, и он не вникал в детали, не знал, что будет с его одеждой – то ли промокнет, то ли нет. Лучше не рисковать, а то придется сушить потом, запасной перемены нет...

Гланцы смотрели на него с опасливым сомнением.

– Ваше величество... – нерешительно сказал гланфорт Маргас. – Не годится вас одного отпускать на самое дно... Давайте я с вами нырну? Плаваю я отлич-

но...

– Глупости, гланфорт, – сказал Сварог убедительно. – Откуда там взяться чудовищам, реальным или мифологическим? Меня бы о них непременно предупредили... Уж поверьте, я и в одиночку прекрасно справлюсь.

И, чтобы избежать дальнейших дискуссий, перемахнул через борт, зажав в руке Доран-ан-Тег, «солдатиком» ухнул в воду и в такой позиции, не барахтаясь, по стойке «смирно» пошел на глубину.

Рыбья мелочь так и брызнула во все стороны, и за ней с тем же проворством последовали солидные рыбыны, быть может, те самые хваленые желтоперы, что вялеными незаменимы под пиво. Плавники у них, и точно, отливают желтым...

Вокруг становилось темнее и темнее, но не так уж непроглядно, как-никак стоял солнечный день, а вода была чистейшая. Сварог опускался, как тот утюг, распугивая рыбу – и в конце концов, слегка пошатнувшись от толчка, встал на дне.

Никаких чудищ пока что не наблюдалось в пределах прямой видимости – разве что раки расползались от него, поводя усами и грозно щелкая клешнями, словно заправские парикмахеры ножницами. Раки были крупные, чуть не с локоть. В этих местах их отчего-то не ели, согласно какому-то давнему суеверию – то-то и вымахали, усатые, как запорожцы... – Это надо исправить, мимоходом подумал Сварог, так и просят, чтобы сварить их полное ведро с горным укропом, с перчиком, и потом употребить под жбан нэльга...

И тут же забыл о гастрономических поползновениях – перед ним возвышался дом. Тот самый, с высокой островерхой крышей. Не особенно большой, но с полукруглым балконом над входной дверью – следовательно, принадлежал когда-то дворянину. Даже в такой глуши заинтересованные лица зорко следили, чтобы иными правами и привилегиями пользовались только те, кому они исстари положены. Балкон при доме – привилегия сугубо дворянская...

Дом выглядел совершенно нетронутым, даже стекла в окнах целехоньки. Одно можно сказать уже сейчас, местные любители страшных сказок все наврали насчет демона, развалившего якобы дом вдребезги и пополам. Что бы здесь ни произошло в давние времена, но дом остался целехонек...

Решив не терять времени даром, Сварог направился к невысокому крыльцу с витыми столбиками и украшенным деревянными кружевами навесом – осторожно ставя босые ноги, чтобы не наступать на камни, распугивая недозвольно пятившихся раков. Ощущение было примечательное – он вообще не чувствовал воды вокруг, дышал в точности так, как и наверху. В первые минуты он крепко сжимал губы, но потом приобвыкся. Разве что пузырьки выходили изо рта при каждом выдохе, взмывали вверх, и это было единственное напоминание о том, что он все же под водой. Да его движениям окружающая среда все-таки сопротивляется посильнее, чем воздух. Такое впечатление, будто шагаешь навстречу безостановочно дующему ветру, но стоит остановиться, как это ощущение пропадает напрочь.

Он преспокойно поднялся на крыльцо, потянул на себя дверь. Как и следовало ожидать, проржавевшие петли закалились намертво, и он, не чинясь, снес дверь топором, она упала наружу, взбаламутив ненадолго воду, что Сварог ощутил опять-таки как порывы ветерка.

Русал, тоже мне, подумал он весело. И ступил в прихожую.

Здесь было гораздо темнее, и пришлось вспомнить о «кошачьем глазе». Сделав несколько шагов внутрь, он огляделся. Все вокруг, откуда ни глянь, напоминало обычную обстановку в дворянском доме средней руки, жилище провинциального середнячка, отнюдь не блиставшее роскошью. Мебель, правда, за десятки лет разбухла от воды, покоробилась, расклеились стулья с причудливыми спинками, вспучились филенки шкафов, вздулись сундуки – на клею, должно быть, все крепили тогдашние столяры, не на гвоздях, вот клей за сто с лишним лет и подвел, каков бы ни был качеством...

Он обходил одно помещение за другим, держа наготове топор, *включив* все свое умение. Напрасно. Ни малейших признаков чего-то живого вблизи – и нежити тоже. Самый обыкновенный дом, в одночасье покинутый обитателями и оказавшийся в глубинах горного озера... Все вещи на месте – вещей, впрочем, маловато, и женских нет вообще. По первым наблюдениям, здесь обитали человека три-четыре – хозяин и особо доверенные слуги, надо думать...

Он осмотрел все, поднялся даже на чердак по высокой витой лестенке. Ничего интересного. Как и следовало ожидать – интересное, если и было здесь, то определенно таилось ниже уровня пола...

Вернувшись в прихожую, он быстро отыскал вход в подвал – проем в углу, каменные ступеньки ведут вниз и заканчиваются у невысокой с полукруглым верхом деревянной двери, скрепленной фигурными полосами кованого железа.

Конечно, она не поддавалась. Конечно, Сварог тут же снес топором петли, бормоча:

– Дверь – прилагательное, поскольку к своему месту приложена...

Когда дверь перестала быть прилагательным, то есть отделилась от проема и стала медленно падать на него, Сварог ее подхватил и с натугой поставил рядом. Поднял брови, негромко сказал:

– Вот вы какие двери у себя завели...

За снятой дверью обнаружилась другая – глухая, ровнехонькая, судя по издаваемому звуку (когда Сварог постучал по ней обухом топора) – стальная. И, что самое интересное, снабженная самым настоящим кодовым замком – круглые кнопки с цифрами и буквами, опять-таки стальные.

Это уже не та технология, что наличествовала на поверхности земли. Нечто повыше классом. Дверь, без сомнения, была невероятно прочной, но лезвие Доран-ан-Тега, как и следовало ожидать, пробило ее, как картонную. Сварог вырубил аккуратный прямоугольник, чтобы пройти, не наклоня головы, примерился, пнул босой ногой – и тот провалился внутрь, загрохотал вниз по каменным ступенькам.

Сварог вошел. Вот это уже было *крайне* интересно...

Почти все пространство сводчатого подвала, судя по кладке, возведенной обыкновенными мастерами каменного строения, быть может, и не подозревавшими, как потом используют плоды их трудов, занимал огромный прямоугольный бассейн, уардов двадцати в длину и не менее пяти в ширину, окаймленный каменным парапетом шириной шага в два, не более. Под потолком в три длинных ряда протянулись белые колпаки – плафоны давным-давно погасших ламп, чует сердце, электрических. Ага, слева парапет окаймлен крохотными, с полпальца высотой, металлическими перилами, и на той стороне,

в торце, он гораздо уже, в полшага, а все оставшееся пространство меж краем бассейна и стеной занято сплошной чередой...

Сварог присмотрелся, сделал поправку на размеры – и все моментально встало на свои места. Ну да, разумеется. Это построенные впритык друг к другу служебные помещения: не менее дюжины дверей, одни, высокие, двойные, напоминают скорее ворота складов, другие предназначены для того, чтобы в них входили люди... величиной с мизинец. Окна, ага...

Обычное хозяйство подземной пристани, где когда-то швартовались субмарины: склады, ангары, комнаты отдыха. Вот только плоская длинная крыша этого длинного строения – по колено Сварогу. Ну да, разумеется... Это они для себя строили, по своим размерам...

Он прошел в ту сторону. Бормоча: «Ну, мы же не профессиональные археологи, знаете ли, так что не взыщите...» принялся сноровисто крушить плоскую крышу топором, двигаясь слева направо, методично и обстоятельно, сдирая куски гофрированного металла, бросая их в бассейн за спиной.

И только закончив с этим, принялся столь же обстоятельно рассматривать кукольные помещения. Одни, как и предполагалось, оказались складами, забитыми под потолок штабелями крохотулечных ящиков, бочек, контейнеров. Другие – жилыми помещениями с совершенно микроскопической мебелью и почти неразличимой даже «кошачьим глазом» посудой, малюсенькими кроватями и прочими самыми обыкновенными предметами обстановки, разве что уменьшенными до лилипутских размеров. Полная и законченная картина небольшой военной базы, потаенной пристани – в подвале обыкновенного уединенного дома, каким-то образом (не особенно сложным, конечно) соединившимся с речушкой Гиуне. Сварог обнаружил и крохотную электростанцию, и кладовую с продуктами, и несомненный медпункт, и даже кинотеатр десятка на три кресел с барной стойкой в углу.

Он не стал ничего брать с собой. Карманов, конечно, не имелось, он был гол, как Адам до грехопадения, но можно было набрать полную пригоршню всяких мелочей, в рот положить, наконец...

Он не стал – а зачем? Он и без того знал, что крохотные моряки существуют, что они водят маленькие подводные лодки. Все, что он здесь обнаружил, не представляло никакой ценности – никому ничего не надо доказывать, те, кого это интересует, поверят на слово, к чему прихватывать сувениры? Главное, полностью подтвердились те подозрения, что с некоторых пор он питал насчет этого места. Здесь когда-то и в самом деле была база подводных лодок Токеранга. И этого факта достаточно...

Он спрыгнул в бассейн – глубокий, уардов восемь. Прошел его из конца в конец. Дно, выложенное каменными плитами, совершенно чистое, ни единой мелочи. Сколько бы здесь ни стояло в свое время субмарин, они ушли все до единой. Но коли уж взрыв все-таки случился, то, по крайней мере, одна-единственная подводная лодка некогда *осталась* вскоре в речушке – и вряд ли ее смогли как-то отсюда убрать хозяева, чересчур уж неподъемная задача, каламбурно выражаясь...

В торце бассейна, противоположном тому, где располагались крохотные помещения, он обнаружил проем. Туннель полукруглой формы, уарда в три высотой, выложенный уже не камнем, а металлическими листами, ничуть не поддавшимися коррозии за все прошедшие годы. Ага, это уже они *сами* обору-

довали. Тоннель, очень может быть, прорыли *обычные* люди, но нержавеющей сталью его обустроивали, конечно, крохотные моряки Токеранга...

Пройдя по тоннелю шагов с полсотни, он оказался перед глухой стеной – гладкой, металлической. И быстро проделал в ней топором надлежащее отверстие. Выйдя на дно озера, так что вокруг стало достаточно светло, Сварог осмотрел люк. С внешней стороны он был отлично замаскирован под естественный берег бывшей речушки – идеально прямо-таки, можно стоять рядом и не заметить. Когда-то люк отодвигался, уходил то ли вниз, то ли вверх, то ли в сторону – и маленькая подлодка привычно проплывала в должном направлении. Итак, теперь он знал, как это выглядело, как это устроено...

Все это хозяйство, нет сомнений, заминировано так, чтобы при угрозе обнаружения и следа не осталось ни от туннеля, ни от базы, ни от дома. Почему в свое время базу не подорвали, как это делали с другими? Ну, нет смысла гадать, все равно ничего не выяснишь одной интуицией и логикой... Не подорвали почему-то, и все тут. Видимо, не смогли, случилась какая-то накладка, промашка, неполадка, прокол... Не получилось...

Энергично работая руками и ногами, он поплыл наверх, шумно вынырнул уардах в двадцати от лодчонки и, размашисто загребая, направился к ней. Оба гвардейца таращились на него с несказанным облегчением.

– Ну, наконец-то, ваше величество! – воскликнул Маргас. – А мы тут с ума сходили, не знали, что делать...

– Глупости, – сказал Сварог, осторожно переваливаясь в лодку. – Король Сварог в огне не горит, в воде не тонет, и не способны его погубить ни огнедышащие драконы, ни роковые красотки, что поопаснее драконов будут...

Он извлек из воздуха сигарету, зажег огонь на кончике пальца, с наслаждением вдохнул дым. Гвардейцы, давным-давно освоившиеся с этой его привычкой, и ухом не повели, сами достали окованные медью трубочки.

С берега, стоя у самой воды, на них облегченно таращились все остальные члены экспедиции, кое-кто радостно махал рукой. Погода ничуть не ухудшилась, светило солнце, скопа безостановочно носилась над водой, и все вокруг было таким безмятежным, что Сварог тяжело вздохнул.

– Что там было, государь? – жадно спросил Маргас.

– Ничего интересного, – сказал Сварог, глядя на спокойную воду. – Сто двадцать лет как ничего интересного. *Они* там были когда-то, но все заброшено...

Оба гвардейца понятиливо кивнули, не задавая лишних вопросов – для многих из близкого окружения Сварога уже давненько перестало быть тайной существование маленьких субмарин. Не было смысла таиться от самых близких – лучше прочувствуют угрозу для короля и страны, а болтать по кабакам все равно не станут, люди надежные и проверенные...

– К берегу, ваше величество? – спросил Маргас, видя, что Сварог, щелчком отправив окурок за борт, принялся выбирать веревку.

– Нет, – сказал Сварог. – Мы плывем...

Он посмотрел в сторону завала, поразмыслил немного, потом вытянул руку жестом заправского флотоводца:

– Туда!

Маргас без лишних расспросов взялся за весла. Остававшиеся на берегу, видя, что лодка поплыла в сторону от них, стали переглядываться, а потом быстрым шагом направились вслед вдоль берега.

Сварог, по-прежнему голый, стоял на коленях в носу, выбирая подходящее место. Наконец обернулся:

– Суши весла, стоп машина! – и булькнул якорь за борт.

А парой мгновений позже и сам прыгнул в воду, примерно на середине пути до дна извернулся парой сильных гребков, поплыл, держась именно этой глубины, не опускаясь ниже. Здесь, недалеко от берега, было гораздо мельче, и вскоре он, даже не привлекая «кошачий глаз», разглядел нечто вроде неширокой, гораздо более темной полосы, пересекавшей его маршрут. Это и было старое русло речки, именно там и следовало искать подлодку.

Он опустился к самому дну и поплыл над былым руслом, а потом опустился в него, скользил меж былыми берегами.

И вскоре, проплыв не более трехсот уардов, увидел то, что искал – издали. Ему, учитывая, из какого мира он пришел, трудненько было бы не узнать с первого взгляда подводную лодку, она, в общем, почти и не отличалась по виду от земных.

Она лежала на дне, наклонившись под углом примерно в тридцать градусов, влево, так что высокая овальная рубка касалась крутого берега. Сварог уже рассмотрел два винта, руль глубины. И...

Он не сразу понял, что именно видит. В правом борту лодки – она оказалась не такой уж маленькой, уардов десяти в длину – темнело нечто вроде пролома, и в его глубине мягким гнилушечьим светом теплились тускло-зеленоватые огоньки, россыпью.

Очень быстро он догадался, что к чему. Все его способности были включены – и он видел источник радиоактивного излучения. Совсем слабенького, если можно так выразиться, гаснущего, дотлевающего. Сварогу, как лару, радиация не страшна вовсе. То, что он видел сейчас, не способно было причинить ощутимый вред и любому обитателю Талара. Если только он не станет эти источники глотать...

Он опустился к самой лодке, встал на дно. Пролом походил скорее на трещину во весь борт, распоровшую корпус примерно в середине. Трудно было сказать, что же именно здесь произошло сто двадцать пять лет назад – то ли несколько глубинных бомб легли совсем рядом, в одной точке, и корпус треснул, то ли лодка, резко увеличив скорость, врезалась в берег. Как бы там ни было, это не след от происшедшего *внутри* взрыва – в этом случае края пролома были бы отогнуты наружу, а ничего подобного нет...

Не теряя времени, он пустил в ход Доран-ан-Тег, вырубил большой кусок корпуса, подхватил его и бросил на дно. Внутри виднелось незнакомое устройство, бочкообразное, тоже зиявшее проломом – и в проломе, как и вокруг, тускло светили зеленые огоньки...

Сопляки, подумал он горько. Лихие авантюристы, мать вашу так. Принялись охотиться на подводную лодку с ядерным реактором, понятия не имея о радиации. Ну конечно, откуда им было знать...

Вот теперь он совершенно точно знал, что все жуткие рассказы о безвременной кончине тех, кто пил воду из озера и ел пойманную в нем рыбу, были не сказками, а чистейшей правдой. Без труда можно реконструировать происшедшее.

Люди Асверуса подорвали заложенные мины и поймали субмарину в ловушку. Принялись бросать в речку бочонки со взрывчаткой. С лодкой произо-

шла какая-то авария, реактор оказался поврежден. Нет, ядерного взрыва безусловно не было, иначе от лодки не осталось бы и следа, а вместо нетронутого русла реки зияла бы недурственная воронка... Просто-напросто из разрушенного реактора произошел мощный выброс ядерного топлива. Какие-то изотопы, надо полагать. Излучение было столь мощным, что погибли все – и экипаж лодки, и охотники на нее. В течение каких-нибудь нескольких часов. И озеро десятки лет оставалось источником смерти – таинственной, незримой, непонятной, как и следовало ожидать, превращенной молвой в проклятие демона.

Со временем все *рассосалось* естественным образом. Период полураспада у этих изотопов был, надо полагать, что-то около ста лет. Стала безопасной для жизни и здоровья вода, горные ручьи принесли в озеро новых рыб, уже не зараженных – вот и остался здоровехонек папаша отца Грука вкупе со всем семейством, да и другие тоже...

Но кто-то же уцелел из отряда! Во-первых, Асверус – уж про него можно сказать со всей уверенностью, что отсюда он выбрался и погиб уже в Равене. Во-вторых, мог выжить и кто-то еще... Стоп! Уцелеть мог только тот, кто находился далеко отсюда и не попал под излучение... но неужели Асверус не командовал лично? Плохо верится... Еще одна загадка, как будто их мало...

Бросив последний взгляд на подлодку, он оттолкнулся от дна и быстро поплыл вверх. Забрался в лодку, приказал грести к берегу. Когда он ступил на твердую землю, его спутники столпились вокруг с таким видом, словно Сварог сию минуту должен был одарить их неслыханными откровениями и охапкой разгаданных загадок, и это вызывало лишь раздражение. Он не нашел ничего для себя полезного, он просто-напросто убедился своими глазами, что иные версии оказались правильными... Это не триумф, не победа, даже не шаг вперед. Подтвердились догадки, вот и все...

– По машинам, – распорядился он спокойно.

И первым направился к своему самолету, отчего остальным волей-неволей пришлось поспешать за королем.

Разумеется, он не собирался бросать все найденное. В самом скором времени и подвалом, и лодкой должны были заняться его новые сотрудники, свежеспеченные кадры девятого стола. Сварог поступил незатейливо: с помощью Элкона он подыскал восемь подростков обоего пола, ларов и ларисс, из тех, кто уже сейчас не собирался провести жизнь в пустых светских увеселениях, кто выглядел ищущим смысл жизни или, по крайней мере, какое-нибудь интересное занятие. *Старый* режим не мог предложить ничего нового – зато Сварог мог. Не для одного Элкона он выглядел романтическим героем – и это, цинично говоря, следовало использовать, в любом случае для отобранных им юных сотрудников и сотрудниц это гораздо лучше, нежели прожигать жизнь в пошлом безделье.

Трудно сейчас сказать, что из них выйдет с бегом лет, но пока что они горели энтузиазмом, они были прямодушны и порывисты, как все в этом возрасте, они были романтиками и идеалистами – а значит, никого из них не смог бы перевербовать умнейший циник вроде Гаудина. Следовало только как можно дольше держать их подальше от крови и грязи, помаленьку приучая к нехитрой, но болезненной истине: в этом мире, увы, ни романтики, ни идеалисты не приживаются и уж точно не блистают победами... Элкон, судя по наблюде-

ниям, уже вырастает помаленьку из коротких штанишек, но с новичками нужно работать еще тщательнее...

Главным образом, притормаживая и одергивая. Они уже сейчас рвались совершить нечто эпохальное, и никак иначе, так что Сварог поневоле тратил массу сил исключительно на то, чтобы объяснить: по-настоящему эпохальные события достигаются упорной пахотой. Увы, ему в качестве возражений приводили его же собственные подвиги, лихие эскапады, ничего общего не имевшие с кропотливой рутинной. Так что впервые шаги на педагогической ниве давались ему с величайшим трудом...

Ничего, перемелется. Главное, ребятки очень скоро высадутся на берега озера, выметут под метелку подземные помещения, заберут наверх подложку, изучат все, что только возможно... В чем-то да помогу.

...Очаровательная балерина Дания была не только искусной и благонадежной, десять раз проверенной суровыми людьми, привыкшими подозревать даже собственную покойную бабушку, но и крайне дисциплинированной. Особым умом она не блистала – собственно, к чему он танцовщице из королевского гарема? – но и не удручала глупостью. Вот и сейчас она не задала ни единого вопроса, ни разу не состроила недовольную гримаску – тихо, как мышка, лежала рядом в роскошной королевской постели, ожидая, когда Сварог закончит свои занятия, в подобные минуты вроде бы неуместные.

Он полусидел, опираясь на высокую резную спинку и подложив подушку под бок. Склонясь к лампе, сосредоточенно листал толстый томик в коричневом кожаном переплете – воспоминания широко известного в узком кругу книжников маркиза Барзака, близкого приятеля Асверуса. Это было отнюдь не какое-нибудь академическое издание, за сотню с лишним лет трудами ученых сухарей старательно почищенное от «вульгарностей», не укладывавшихся в концепции высокой поэзии и светлого морального облика ее творцов, снабженное вдвое большими по объему комментариями, сносками и развернутыми примечаниями. По приказу Сварога ему с трудом, но разыскали этот раритет, изданный маркизом за собственные средства незадолго до смерти. Ни один книжник к этой книге не подступал со своими концепциями и научным подходом – маркиз такового, не мудрствуя, проткнул бы мечом...

С одной стороны, конечно, воспоминания Барзака грешили свойственным многим мемуаристам недостатком – главным, первым, единственным и самым близким другом Асверуса он, как легко догадаться, провозглашал себя, а всех прочих честил интриганами, завистниками, шапочными знакомыми и паразитирующими на гении проходимцами. В его интерпретации, чуть ли не он самолично подсказал Асверусу написать «Лилию и льва», весь Арантальский цикл, «Поэму о море» и сборник лесных баллад. Именно ему якобы Асверус первому читал все новые стихи, отправляясь ради этого затемно через всю Латерану. И так далее...

С другой же... Во всем остальном, что давно признано было книжниками, маркиз оставался внимательным наблюдателем и надежным свидетелем, собравшим массу интересных подробностей. В тех случаях, когда дело не касалось его пунктика, на Барзака можно было всецело полагаться, как на достовернейший источник – с чем давно согласился весь ученый мир.

Сам по себе Барзак был полным нулем – великосветский графоман, примазавшийся к Кагинарскому кружку поэтов, автор ужасающих виршей, которые

издавал опять-таки за собственный счет самым роскошнейшим образом, за что служил многолетним предметом насмешек подлинных ценителей стихосложения. Но при всем при том человеком он был неплохим – недалекий, но добродушный, много помогал деньгами не блещущим достатком стихотворцам, а иных благодаря своим придворным связям вытаскивал из разных неприятностей. Асверус с ним и в самом деле приятельствовал и даже посвятил маркизу полдюжины шуточных стихотворений и эпиграмм.

Вот только слог, слог... Как и следовало ожидать...

«Ничто в тот солнечный день не предвещало, что еще до вечера ужасная трагедия, обрушившись на город, словно зазубренный серп усердного землероба на спелый колос, вырвет из рядов живущих славу ронерской поэзии, неугасимый ее светоч, друга моего Асверуса, столько лет дарившего меня самым теплым приятельством, так что был я и поверенным его сердечных тайн, и первым слушателем гениальных строф, и содружником в приключениях иных...»

Сварог, найдя нужное место, читал внимательно, медленно. Если перевести все на нормальный человеческий язык, не отягощенный мелодраматическими декламациями и велеречивыми оборотами, дело выглядело следующим образом: зайдя по какой-то надобности в портовый кабачок «Пьяный карась» в Равене, маркиз неожиданно обнаружил там Асверуса, сидевшего в темном углу, с надвинутым на глаза бадагаром. У Барзака хватило благоразумия не орать приветствия во всю глотку, привлекая внимание окружающих, он рассудил на свой незатейливый манер – решил, что Асверус заявился сюда ради какой-то любовной интрижки и желает остаться незамеченным. Дело, в общем, было знакомое для золотой молодежи, и Барзак подсел к другу тихонечко, крайне деликатно осведомившись: быть может, его присутствие здесь не желательно?

Асверус, однако, сказал, что все обстоит совсем не так и даже обрадовался появлению приятеля (хотя определенно не так горячо, как о том повествовал маркиз). Барзаку показалось, что с поэтом произошла какая-то серьезная неприятность: Асверус был «мрачен, угрюм, сосредоточен, весь поникший, как сорванный цветок, и хмурая тень лежала на его высоком челе». В какой-то момент маркиз заподозрил даже, что приятель опасается слезки – так он держался. Однако на прямой вопрос Асверус с вялой улыбкой («показавшейся мне насквозь деланной, из дружеской вежливости лишь вымученной») ответил, что маркиз преувеличивает, и все обстоит не так уж плохо – приступ меланхолии, вот и все, с каждым может случиться. Разговор упорно не клеился, даже простяга Барзак вскоре почувствовал, что друг чем-то не на шутку озабочен и хочет остаться один. И откланялся.

Через несколько часов Асверус был убит – кто-то в толпе возле Брахилейской ярмарки ударил его кинжалом в сердце и ускользнул незамеченным, окружающие так и не поняли сначала, отчего молодой дворянин вдруг рухнул на мостовую, полагали, споткнулся или перебрал, только когда доброхоты перевернули его на спину и стали расстегивать кафтан, чтобы облегчить дыхание, обнаружили рану...

Барзак, как он сам подробно излагал далее, попытался хоть что-то выяснить, но не особенно преуспел. Разузнал лишь, что Асверус тем утром въехал в Равену по Атрайской дороге (со стороны Каталауна, отметил Сварог), в оди-

ночку, верхом. За тридцать лет, прошедшие с тех пор до написания мемуаров, Барзак так и не приблизился к разгадке – добросовестно пересказал все имевшие хождение версии, он признался, что лично ему они кажутся имеющими мало общего с истиной, «навсегда окутанной непроницаемым мраком неизвестности, как бы ни изоцрялись в догадках все будущие поколения, сколько их ни будет насчитываться под этим солнцем».

Сварог отложил книгу на столик, вздохнул. Бедняга Барзак так и не узнал, что «навсегда» съезжилось до сотни с лишним лет. Всего-то пять поколений сменилось на земле. Тайна разгадана наконец, но принесла с собой другие. Как ему удалось уцелеть, когда выброс радиации уничтожил все живое в долине? Не могло же так случиться, что Асверуса там не было? Чуть ли какая... Он *должен* был там быть, командовать всем...

Одно Сварог уже выяснил совершенно точно, прилетев с озера – никто, кроме Асверуса, не вернулся с берегов Гиуне. Абсолютно все военные, отправившиеся с ним, значились в штабных реестрах как «выбывшие по причине смерти» – без каких-либо разъяснений. А ведь правила делопроизводства требовали непременно указать причину – естественная кончина, смерть на войне, случайная гибель в мирное время... И так далее.

То же самое с инженерами и мастерами – все до одного они значились вычеркнутыми из Книг Сословия и гильдейских списков «по причине преждевременной кончины». И никаких подробностей. А впрочем, вряд ли кто-то доискивался подробностей, даже родные – всем стало не до того, когда погибла королева, сменился король на троне, началась война, Латерану заняли соседи... Хватало других, более насущных забот. В частности...

Дверь спальни распахнулась, Сварог встрепенулся от такого нахальства, машинально сунул руку под подушку, но тут же расслабился, разжал пальцы. В круге света от лампы появилась Мара, соизволившая наконец-то объявиться из дальних странствий, свежая, энергичная, ухмылявшаяся во весь рот. Она окинула взором широкую королевскую постель, всех в ней находящихся, улыбка стала еще шире:

– Развлекаетесь, ваше величество? Мало вам было, что некогда совратили меня, юную и неопытную? Это, я так понимаю, очередная жертва вашего сластолюбия? – Она деланно нахмурилась. – Или наоборот, змеей пробравшаяся на мое место прожженная авантюристка?

Сварог не спрашивал, как ей удалось войти – он сам дал ратагайцам соответствующий приказ, настрого наказав, что на Мару не распространяются никакие ограничения. Табунщики, кстати, не то чтобы ее побаивались, но относились вопреки своим обычным взглядам на роль женщины в обществе с заметным уважением – звериным чутьем сразу просекли, что создание это хоть и юное, но непростое...

Рядом со Сварогом послышался испуганный писк. Он покосился туда. Бедняжка балерина прямо-таки оцепенела, даже не пытаясь натянуть на себя покрывало: она прекрасно знала, какие отношения связывают короля с данной особой, слышала кое-что об этой самой особе и, без сомнения, ждала теперь для себя если не смерти лютой и немедленной, то уж по крайней мере классической сцены ревности с тасканьем за волосы и оплеухами...

Однако Мара, по ее собственному выражению, стоявшая выше подобных пошлостей, присела на краешек постели, присмотрелась и вполне мирно ска-

зала:

– Где-то я тебя видела, точно... Ага! Королевский Балет. – Повернулась к Сварогу. – Вот и молодец, я тебе давно говорила, чтобы занялся этими застоявшимися кобылками... Бешеное содержание получают, пора бы отрабатывать со всем усердием, а не просто попкой вилять на сцене под классическую музыку...

– Да мы тут, как бы это сказать, литературоведением занимаемся, – сказал Сварог, не особенно и смущенный, поскольку прекрасно знал взгляды Мары на этот счет.

– Ну да, я и говорю... – она наклонилась, потрясла указательным пальцем перед носом обомлевшей балерины. – И смотри у меня, фигуристая – короля ублажать со всем усердием, если он будет недоволен, я тебя самолично из дворца вышвырну, и будешь вместо балета коровам хвосты крутить... Уяснила? Мой повелитель, можно тебя на минутку? – она отошла к окну, выжидательно оглядываясь.

Сварог выбрался из постели, поддернул распоясанные штаны и прошлепал босыми ногами по бесценным коврам фелитанской работы к высокому окну.

– Черт знает что творится, – сказала Мара серьезно и задумчиво. – Я сейчас пролетала над рекой... Там кальмары, представляешь? Возле Латераны. Здоровенные, твари, плещутся посередине реки, как у себя в море. Рыбаки, я рассмотрела, гребут к берегу так, что весла гнутся.

– Нужно будет выслать корабли, – сказал Сварог. – Пусть пуганут хотя бы. Обнаглели, под самой столицей...

– Они не обнаглели, – тихонько сказала Мара. – Они, если верить легендам, со страху бегут в реки... Не утруждайся, я уже распорядилась. Нашла дежурного речной стражи, уже отчалили два парохода... Ага! Слышал?

Издали донесся раскатистый пушечный выстрел. Переполоху будет в городе, зло подумал Сварог. Это ж как пить дать. И когда узнают, в чем дело, разговоры пойдут, прежние пересуды... Но что же делать-то?

– Леший с ними, с кальмарами, – сказала Мара. – От города их в любом случае отгонят, подумаешь, напасть... Не конец света... Вот что. Собирайся срочно. Нужно подумать, кого еще взять с собой, лучше вылететь, не дожидаясь утра...

– Куда это?

– В Фиарнолл, – решительно сказала Мара. – Понимаешь ли, я летела из Келл Инира и решила мимоходом заглянуть туда, посмотреть, чем там занимаются наша бравая морячка и ейный любовник. И обнаружили интересные открытия... Хватай сапоги, танцорка подождет, куда она денется...

Глава двенадцатая

Тихий омут

Сварог чуть отодвинулся от высоких, по грудь, массивных перил балюстрады из потемневшего мореного дуба – как многие, глядящие на мир с высоты, он ощутил то самое непонятное, как бы саднящее, с оттенком явного безумия желание броситься вниз. Туда, где уардах в двухстах под ним торчали из вспененного прибоя высокие угловатые камни, и меж ними взметывалась темно-зеленая вода.

Покосился вправо, виновато улыбнулся. Стоявшая с ним рядом пожилая женщина, ничуть не удивляясь, понятливо кивнула:

– Я сама не раз испытывала... Странное побуждение, правда? Объяснил бы кто, отчего оно в человеке заложено и какими силами...

Сварог уклончиво пожал плечами – вряд ли именно он мог доискаться ответа, скорее уж расспросить следовало легендарного семиглавого змея Лотана, каковой, согласно старинным поверьям, знает все ответы на все вопросы, не одна голова, так другая...

Между прочим, многие источники твердили, что Лотан как раз укрылся в незапамятные времена где-то в Хелльстаде, не выдержав людской назойливости – но у Сварога руки не доходили до вдумчивой инвентаризации хелльстадских закоулков и их потаенных обитателей. К тому же насчет Лотана наверняка вранье – никто не может знать все ответы да, пожалуй, и все вопросы тоже...

Его спутница смотрела в море. Сварог перед ней не то чтобы робел и уж никак не побаивался – просто-напросто выглядела она так, что окружающие невольно вставали навтыжку, пусть даже мысленно. Чересчур уж напоминала властную и строгую директрису образцовой гимназии, где розги до сих пор в ходу, и ничего; из распоследних шалопаев делали полезных членов общества, достаточно взглянуть на список выпускников, их имена, титулы, звания...

Ей было лет пятьдесят, прямая, как древко гвардейской алебарды (прямая и в прямом, и в переносном смысле), осанистая дама с ястребиным носом и холодными темными глазами. В свое время Сварог, только что взойдя на снольдерский трон, с превеликим изумлением узнал, устроив совещание с начальниками тайных служб, что именно эта дама возглавляет вот уже двенадцать лет Морское Бюро: разведка и контрразведка во всех областях, связанных с военно-морским флотом и прочими делами, касавшимися океанских просторов. А кроме того, как это частенько случается, в портовых городах соответствующие столы Морского Бюро еще и выполняли функции тайной полиции, заполучив таким образом необъятную власть. Логично было бы увидеть на таком посту просоленного морского волка, но, как он убедился вскоре, баронесса Герлах таковому ни в чем не уступала, а то и превосходила. Происходила она из старинного морского рода, где не счесть адмиралов, флаг-командоров и прочих сугубо флотских чинов, где сухопутные занятия для мужчины считались зазорными (исключая разве что королевский пост), где даже собак и кошек нарекали непременно связанными с морем кличками, а любая барышня Герлах, вышедшая замуж за сухаря, становилась позором семьи. В юности баронесса

даже пыталась, обкорнав волосы и переодевшись мальчишкой, устроиться юнгой на корвет, но была случайно разоблачена и выставлена на берег – правда, не взашей, а с некоторой галантностью, из уважения к прославленному роду... Хотя в сухопутных войсках девушки-офицеры уже прижились кое-как за последние полсотни лет, моряки стояли насмерть, громогласно заверяя, что скорее моря высохнут, нежели на палубу военного корабля ступит *бабель*. Даже Сварог и в мыслях не держал покушаться на реформы в этой именно области – а сама баронесса, несмотря на заслуженное своей работой среди морского народа уважение, в жизни более не пыталась поставить ногу даже на первую ступеньку военного трапа...

В свое время Сварог изрядно оконфузился, не зная еще всех местных правил. Назвал баронессу прилюдно «госпожа королевская советница», полагая, что именно так к ней следует обращаться согласно имеющемуся чину. Однако баронесса, окинув его взглядом, от которого кровь едва не застыла в жилах, отрезала ледяным тоном: «Ваше величество, поскольку я дама, супруга у меня быть не может...» Оказалось, тут свои тонкости. «Королевская советница» – это супруга королевского советника. А ежели дама сама имеет такой чин, то именовать ее следует, смешивая мужской и женский род: «Госпожа королевский советник»...

А впрочем, впоследствии они поладили и сработались. Баронесса, к слову, была в добром знакомстве со Старой Матушкой и в свое время играла не последнюю скрипку в перевороте, негаданно закинувшем Сварога на снольдерский трон – потому что люто ненавидела покойного короля за полнейшую никчемность...

Отсюда открывался великолепный вид на Фиарнолл – слева, на несколько лиг, протянулись знаменитые в двух мирах причалы с гранитными пирсами, перпендикулярно набережной выступавшими в море частой гребенкой, с волноломами и крепостью Рокия вдали. Лес мачт с зарифленными парусами, бесконечные ряды пакгаузов из темно-красного кирпича и дикого камня, балки подъемных кранов, не смолкавшая ни днем, ни ночью суэта, неисчислимое множество сновавших во всех направлениях шлюпок и вельботов, знаменитый маяк на утесе...

Но Сварог смотрел не туда – чувствуя собственное злое бессилие, уставился в море. Там, вдали от берега, величественно дрейфовал самый настоящий айсберг, сверкающая под ярким солнцем белоснежная ледяная скала, верхушечка скрытой под морской гладью вовсе уж исполинской громады. По докладам рискнувших с ним сблизиться лихих мореходов – самый обычный лед, помаленьку тающий. Вот только на этой планете многие тысячи лет как не бывало ни льда, ни айсбергов. Лишь остров Диори, чье происхождение туманно и загадочно, а времени, когда он появился, никто не помнит, лишь остров Диори испокон веков торчал в океане, регулярно губя искателей приключений и кладов – но это совсем другое, пусть никто не знает, в чем тут секрет, ясно, что Диори не обычный остров, не обычный лед...

Но разве айсберг вроде этого можно назвать *обычным*? Коли ему решительно не полагается быть, а он тем не менее существует, и добро бы в единственном числе...

Баронесса произнесла без выражения:

– Не ручаюсь за точность подсчетов, но, судя по докладам капитанов, это

уже примерно восемнадцатый. Всего лишь за месяц. Втихомолку твердят, что в море становится неуютно: косяки дохлой рыбы, сквозь которые порой с трудом пробивается судно, бегущие в реки кальмары, есть даже непроверенные утверждения насчет Митгард и Ермундгада, наконец, айсберги... Не слишком ли много совпадений, ваше величество? Любое из этих явлений, взятое по отдельности, и все они вместе взятые, старинные поверья связывают с пробуждением Великого Кракена...

– И что прикажете делать? – сухо спросил Сварог.

Ее взгляд был выразителен и красноречив: простите, светлый король, но это уже не моя забота, я хороший исполнитель, и только, есть дела, где выше своей головы не прыгнешь, и умному человеку следует знать свой шесток. Это вы у нас – король и повелитель, реформатор и герой, как бы даже не Серый Рыцарь, вам и флаг в руки, приказывайте, а исполнено будет в точности...

Вот только *что* приказать? И кому конкретно? Собственное бессилие угнетало невероятно.

– Есть одна старая книга, – сказала баронесса. – Там Великого Кракена именуют еще Властителем Льда. – Она задумчиво сощурилась, продекламировала тихо: – «Этот злокозненный ужас обитает в глубинах – по ту сторону истины, по ту сторону одиночества, по ту сторону добра и зла, по ту сторону льда. И горе живущим, когда разлетится ледяная стена, и чудовище окажется по эту сторону...»

– Копье, залягай меня водяной! – сказал Сварог с прорвавшимся на миг раздражением. – Копье Морских Королей, баронесса... Если одно за другим сбываются древние пророчества касаясь дохлой рыбы, плавучего льда, кальмаров и прочих неопровержимых симптомов, то поневоле начинаешь думать: может быть, и насчет Копья молва совершенно права? Где оно, мать его?!

– Я была на Хай Грон. Голая скала, где нет ни подземелий, ни тайников...

– ...и ни один волшебник, даже стагарский, так и не почувствовал наличия скрытого магическим образом в толще скалы Копья... – закончил за нее Сварог. – Я и сам все это знаю, баронесса. Наизусть вы зубрил. Пусть бы мне кто-нибудь намекнул, где оно лежит, а уж я по своей старой привычке отправился бы на подвиги...

– Быть может, следует последить за горротцами?

– То есть?

– За этими хлопотами, да вдобавок этим диковинным перелетом по воздуху я вам забыла сказать... Вчера к вечеру поступило интересное донесение. Горротцы готовят морскую экспедицию на поиски Копья. Самое любопытное, они вроде бы намерены использовать подводную лодку, построенную неким Тагароном. Этот человек...

– Я знаю о Тагароне, – нетерпеливо сказал Сварог. – Давно уже. Что насчет подробностей?

– Это все пока. Наш человек уверяет, что Тагарон все-таки построил свое подводное судно, и горротцы готовятся в плавание...

– Выходит, копьё где-то на дне?

– Это самое первое донесение, нет подробностей...

– Напрягите там всех, – сказал Сварог решительно. – Пусть из кожи вон вывернутся. Хм, подводная лодка... Зачем она им, если Копье не лежит где-нибудь неглубоко на дне? Единственное логичное объяснение...

– Но если Копье неглубоко на дне, достаточно было бы и водолазного колокола, – убежденно сказала баронесса. – Что-то тут не складывается...

– Вот именно, – сказал Сварог. – Я новичок в морских делах, но кое в чем уже разобрался. Если Копье лежит на дне, на небольшой глубине, достаточно, вы правы, водолазного колокола. Потому что лодку Тагарона на *больших* глубинах непременно раздавит давлением воды. Что-то тут... Этому вашему человеку можно верить?

– Он там давно. И всегда давал совершенно точные сведения. Если он пишет, значит, все так и обстоит.

Скрипнула дверь – на галерею высунулся один из шпииков и почтительно поманил Сварога. Он вошел, заранее кривясь в злой гримасе, и следом прощуршала подолом строгого темного платья баронесса.

Благородный лаур, маркиз Тинебрах, еще вчера руководивший здешним отделением Морского Бюро, сидел посреди комнаты на простой табуретке, уронив руки, понурившись, растрепанный и унылый, со злыми слезинками в глазах. Над ним с нехорошим выражением лица стоял Гаржак, и еще парочка *тайных* помещалась поблизости, перекрывая арестованному возможный бросок к двери или к окну. В углу сидела Мара и стояли еще несколько отборных Интагаровых агентов. Сварог взял сюда только Мару, баронессу и дюжину людей Интагара. И гланские дворяне, и ратагайцы были бы тут бесполезны. Они прекрасно наловчились охранять августейшую особу, но в этой командировке требовались совсем другие люди и совсем другие качества, так что телохранители остались в Латеране...

И даже сам Сварог для всего мира по-прежнему пребывал в Латеране, поглощенный текущими делами. Сюда он прибыл с *поддельной* физиономией, в сюртуке Министерства верфей и доков, в чине всего-навсего советника. Советник – очень удобный в данной ситуации чин, небольшой и немаленький, советников – как собак нерезаных, и они вечно разъезжают со всевозможными поручениями средней степени важности и секретности. Обычная картина – прибывший по делам советник с дюжиной спутников. А на случай каких-либо осложнений или непочтения со стороны местных бюрократов Сварог в качестве надежнейшего аргумента прихватил большую золотую байзу и выписанный самому себе на фальшивое имя указ – «...как если бы мы сами приказывали». Пока что всем этим пользоваться не пришлось – все, что происходило до сих пор, лежало в компетенции баронессы, а она умела заставить ходить по струнке не только сотрудинок своего ведомства, но и всех прочих...

Маркиз выглядел доведенным до нужной степени сломленности – пока Сварог с баронессой чинно гуляли по галерее, подчиненные выполняли черную работу, недостойную ни короля, ни госпожи королевского советника: отвесили Тинебраху некоторое количество смачных затрецин и доходчиво объяснили, что в иных чрезвычайных ситуациях, особенно когда речь идет о насущных проблемах тайных служб и их не оправдавших доверия кадров, старинное правило о неприменении пыток к дворянам не соблюдается вовсе. Судя по лицу маркиза, иллюзий он не строил, надежд не питал и с прежним апломбом расстался напрочь. И не было у Сварога к нему никакой жалости.

Остановившись перед понурившимся подчиненным, баронесса ледяным тоном произнесла:

– Я шесть лет полагала, что в Фиарнолле у меня работает совершенно на-

дежный и преданный делу человек, на которого можно положиться в любой ситуации. Внезапно оказалось, что я ошибалась. Если бы не король...

Сварог покривил губы. Разоблачение произошло без всяких усилий, просто и буднично – беседуя с маркизом, о котором баронесса отзывалась в превосходнейшей степени, Сварог спросил: известно ли что-то господину министерскому секретарю о крохотных моряках на подводных лодках, украдкой бороздящих глубины? Не слышал ли чего-то об этом маркиз за время своей долгой службы? Маркиз, не моргнув глазом, ответил отрицательно. Но Сварог *видел*, что он врет. Ну, и закрутилось...

Баронесса продолжала столь же холодно, обливая проштрафившегося нешуточным презрением:

– Меня нисколько не интересуют ваши *оправдания*. Вы не беззаботное дитя и прекрасно понимаете: когда речь идет о работе вроде нашей и людях вроде нас с вами, никакие оправдания не спасут. Меня интересуют *мотивы*. На ошибках, как известно, учатся. Вы – моя крупная ошибка, и я должна все как следует изучить, чтобы, насколько возможно, не допускать впредь. Итак? Вас подкупили? Запугали? Что-то еще? – Она повернулась к Сварогу. – Быть может, ваше величество, вы пожелаете...

– У меня нет вопросов, – сказал Сварог холодно. – Вы замечательно все сформулировали, баронесса, добавить тут просто нечего... Итак?

Маркиз поднял голову, развернул плечи, в тщетных попытках вернуть хоть часть прежнего достоинства:

– Ваше величество, баронесса... Умоляю вас меня понять. Я с *ними* не поддерживал никаких отношений, ни гроша не взял ни с них, ни с тех, кто им помогает, они даже не знают, что я знаю...

Баронесса вопросительно обернулась к Сварогу.

– Он не врет, – сухо бросил Сварог. – Он говорит чистейшую правду. Понимает уже, что мне врать бесполезно хотя бы на малую толику... Продолжайте.

– Первый раз я о них услышал четыре года назад. Поначалу решил, что имею дело с очередной морской легендой, но заинтересовался, стал *рыть* всерьез и вскоре понял, что они существуют. Они обитают где-то в Хелльстаде, они поразительно превосходят нас в технике... и у них есть свои потаенные пристани в наших городах, не только в Фиарнолле. Есть люди, которые их укрывают, служат им... За щедрую плату, понятно... Они хорошо платят... и жестоко расправляются как с предателями, так и с проникшими в тайну. При их-то возможностях... Вы ведь знаете, что случилось с принцессой Делией, такое только *им* под силу...

При упоминании о Делии Сварог почувствовал, как закаменело его лицо. К иным вещам невозможно привыкнуть, сколько бы времени ни прошло. Перед глазами на миг вновь встала Морская площадь, и дымная спирально завившаяся полоса, и принцесса, оседающая из седла ему на руки...

Он встряхнул головой, отгоняя печальное наваждение, былую боль, воспоминания о крови на ладонях. Резко сказал:

– Дальше. И без соплей. Что вы узнали?

Маркиз вскинул голову, его взгляд был затравленным, мятущимся.

– Я попросту бросил все с определенного момента, прекратил всякое расследование. Два моих информатора погибли при странных обстоятельствах, так что я вовремя остановился... – он повысил голос, говорил с забавной смесью

униженности и нахальства: – Мотивы, вы говорите? Извольте... Я попросту обдумал все тщательнейшим образом. И пришел к выводу, что *этих* следует оставить в покое. Именно так. Забыть о них начисто. Во-первых, мы все равно не в состоянии не только драться с ними, вообще что-либо предпринять. Интересно, как прикажете с ними сражаться? Они при малейшей опасности уйдут в свои глубины... Во-вторых, они ведь ничем нам не угрожают. У них какие-то *свои* дела. Они никогда не предпринимали ничего против нас. Они нам не мешают, совершенно. В-третьих... Да, в какой-то мере страх. Но *другой*. Я служил на флоте, воевал, у меня два ордена... Тут *другое*. Все козыри на их стороне, у нас нет ни малейшего шанса. Глупо погибать, борясь с врагом, который заранее обречен на победу. Вот таковы мотивы. Возможно, они вам не по вкусу, но других у меня нет... Я не стал никому ни о чем докладывать. Я постарался обо всем забыть. Все равно не было силы, способной против них выстоять...

– Ну что же, – сказал Сварог. – Это, пожалуй что, *позиция*... Вот только... – он наклонился к сидящему на табурете человеку, содрогаясь от холодной, расщудочной ярости. – Вы что, никогда в жизни не слышали о том, что совсем недавно произошло с джетарамской эскадрой? Ах, слышали... Строго говоря, это был ронерский флот, но я-то, если мне память не изменяет, по-прежнему и *ваш* король тоже. Самое время было доложить. А вы, мразь... – он отвернулся. – Продолжайте сами, баронесса, у меня, признаюсь, королевские длани так и чешутся, что шуйца, что десница... – кивнул Гаржаку: – Пойдемте, граф, покажете ваш сюрприз...

Гаржак распахнул перед ним дверь, пошел впереди, указывая дорогу – стоявший в гордом одиночестве, в отдалении от порта, на утесе дом был обширным, со множеством лестниц и переходов, свежему человеку не мудрено заблудиться. Сварог как следует присмотрелся к новому сподвижнику и остался доволен – на лице Гаржака не было и тени неуместной в данной ситуации гордости. Умен все же и прекрасно понимает, что дело тут в чистой случайности, а не в его способностях и заслугах. Так уж вышло, что граф никуда не спешил и, заслышав из ювелирной лавки, мимо которой ненароком проходил, шум скандала, из чистого любопытства туда заглянул. И завертелось...

Стоявший перед дверью широкоплечий шпик отступил в сторону, пропуская Сварога. Он энергично вошел. Гаржак остановился сзади, отступив на шаг влево, держась так, чтобы предотвратить всевозможные проявления непочтительности со стороны единственного здешнего постояльца.

Юноша, впрочем, не походил на человека, от которого следовало ждать неприятностей. Он вскочил, таращась на Сварога так, словно ждал от него чуда, незамедлительного и потрясающего. Совсем молодой, классический гипербореец: сапоги с загнутыми носками, синий кафтан расшит на груди золотыми узорами, непривычного вида шапка вроде папахи из какого-то меха. Дворянин, сразу видно – красные каблуки сапог, красный пояс с мечом, сбоку шапки золотое перо...

Чересчур опрометчиво, конечно, доверять первым впечатлениям, но пока что юнец казался Сварогу простым, как перпендикуляр. Горячий, особенным умом не блещет, жизнь его еще не обтесала и не научила рассудочности...

– Вы – начальник? – воскликнул незнакомец с нешуточным оживлением.

– Берите выше, – сказал Сварог. – Я – здешний король. И не только здешний.

Впрочем, долго перечислять короны и титулы. В общем, я и есть Сварог Барг, он же Сварог Первый.

– Да быть этого не может! – воскликнул незнакомец со всей юной непосредственностью. – Чтоб вот так, запросто... Про Сварога я наслышан, он и волшебник, и маг, и собака у него с лошадь, и огнем он пышет из пальцев, и оконные стекла взглядом вышибает запросто, и говорят даже, что хвост у него змеиный, но лично я не верю...

– И совершенно правильно, – сказал Сварог терпеливо. – Не показывать же вам королевскую задницу без всякого хвоста...

Он извлек из воздуха сигарету, прикурил от огонька на кончике пальца. Нижняя челюсть у юнца отвисла. Хорошенькие же вещи обо мне рассказывают на Сильване, подумал Сварог почти весело, и ведь это, надо полагать, малая часть рассказней...

И сказал, выпуская дым:

– Окна, простите, взглядом вышибать не умею, это вам кто-то соврал. А собака не при мне, далеко отсюда...

– Ух ты! – воскликнул юноша. – Точно, это вы и есть! Так и рассказывали про вашу манеру курить...

– Признали наконец? – усмехнулся Сварог. – Душевно благодарен. А с кем имею честь, позвольте полюбопытствовать?

Юноша отступил на шаг, принял церемониальную позу – правая рука на поясе, левая на рукояти меча, голова опущена, подбородок прижат к груди:

– Аладар Гонзак из Гонзаков, пятый райтар младшего герба. Простите, что не снимаю шапки, но у нашего рода привилегия, и я привык стоять в шапке перед коронованной особой. Конечно, если вам не по нутру, могу скинуть...

Сам по себе этот юнец нисколько не походил на человека, способного лично заслужить столь серьезную привилегию, коей любые короли обычно не разбрасываются направо и налево. Не выглядел ни заслуженным героем, ни молодым фаворитом – для свершений молод, а для всесильного фаворита чересчур прост... И Сварог спросил с большим знанием дела:

– «Всем потомкам мужского рода, старшим в роду»?

– Ага.

– Ну, в таком случае оставайтесь в шапке, – сказал Сварог. – Традиции и привилегии следует уважать... Рассказывайте, что у вас стряслось.

– Этот поганец ювелир, на воротах бы его вздернуть...

Сварог поднял ладонь:

– Давайте-ка лучше с самого начала, райтар. Как вышло, что вы прибыли на Талар, какое родство вас с Гонзаком связывает...

– Я – его родной внук. Мой отец – старший сын, ему и предстояло унаследовать майорат, если бы не эта напасть... Но я-то никогда не верил! Дедушку кто-то оклеветал...

– Давайте с самого начала, – повторил Сварог с величайшим терпением. – Ваш дедушка путешествовал по Талару несколько лет. Однажды он исчез. Это я знаю. Что было потом? Судя по вашим словам, что-то случилось...

– Гнуснейшая история случилась, вот что, – запальчиво сказал юный гипербореец. – Я, конечно, дедушку не застал, родился через пятнадцать лет после его смерти, но у нас его всегда считали гордостью рода, наряду с... – он прервался, видя жест Сварога. – Простите, все время стараюсь не отвлекаться, и

все время не получается. Я-то никак не в дедушку, не умею я вести степенные беседы по всем правилам логики и риторики...

– Да, я заметил, – серьезно сказал Сварог.

– А все замечают, – сокрушенно сказал юный Аладар. – Ну, что поделатъ, не дано мне... В общем, однажды нашему царю пришло официальное письмо от какого-то ронерского министра. Секретное, конфиденциальное, «только для ока царя». Там говорилось, что дедушка, изволите ли видеть, стал участником заговора какого-то герцога по имени, кажется, Кофинел, чтоб ему в неглубоком месте утонуть... И потаенно казнен вместе с прочими заговорщиками...

Сварог повернулся к Гаржаку.

– Ну, как же, – кивнул граф. – Заговор Кофинела, ага... Меня тогда еще на свете не было, но дело получилось, если можно так выразиться, нашумевшим по укромным углам. Вслух о нем никто не говорил, я имею в виду, в обществе. Опасались. Короче говоря, Кофинел намеревался убить Конгера, который тогда был еще наследным принцем – чтобы на трон вошел один дальний родственник Баргов. Замешано в это оказалось немало вельмож. Казнили всю компанию и в самом деле потаенно, в том числе и означенного дальнего родственника – чтобы не разевал рот шире блюда, когда существуют прямые наследники. Отец Конгера тоже был не голубиной кротости... Вообще-то и в самом деле та версия, о которой говорит райтар, выдвигалась в качестве объяснения столь таинственного исчезновения Гонзака, но с доказательствами всегда было слабовато...

– Ну вы сами подумайте, государь! – взвился гипербореец. – С какой это стати моему дедушке было ввязываться в заговоры на другой планете? Не было у него своих забот! Царский библиотекарь, известный человек, книги писал, богатый, родовитый, в почете и уважении за ученость! Черта ли ему в том герцоге и ронерских интригах?!

Гаржак безразличным тоном добавил:

– Примерно так высказывались и наши книжники. Вульгарно выражаясь, какого черта? Они с герцогом были едва знакомы, Гонзак при ронерском дворе появлялся только раз, а в столице почти не жил.

– Благодарю вас, райтар, – чопорно поклонился гипербореец. – Вашими благородными устами глаголет сама истина... Но письмо-то пришло! Я раздобыл копию два года назад, когда старый царь умер, и наш нынешний владыка, даруй ему творец долгую жизнь, милостиво отнесся к моему прошению касаясь установления истины... Вот, извольте! – он покопался за отворотом синего одеяния, протянул Сварогу мятый лист. – Точная копия, что печатью и подписью засвидетельствовано...

Пробежав глазами несколько строк, Сварог вновь обернулся к Гаржаку:

– Подписано: герцог Кингенаут, министр двора...

– Был такой, – сказал граф. – Персона известная. Большим влиянием пользовался при отце Конгера. Конгером, правда, был от дел отставлен, но умер своей смертью, пребывая отнюдь не в опале. Серьезный был человек, сильный, крови не боялся...

– Подлости творить он тоже не боялся, точно! – воскликнул юноша. – Надо вам знать, что тогда вышло... У дедушки, как у любого, занимавшего немалый пост при дворе – пусть даже это было не министерство, а дворцовая библиотека – недругов и завистников хватало. А тогдашний наш царь, рассуди его Гос-

подъ на том свете не по делам его, а по милосердию своему, был, позвольте уж откровенно, склонен прислушиваться к злокозненным шептунам. Когда пришло письмо, все недруги моментально взвились, засуетились... Кончилось все тем, что царь издал указ, и должность дедушкина не только не перешла к моему отцу, но предписывалось ему «сей же час убраться за ворота». У вас в стране такое вроде бы не в обычае, ваше величество? Я объясню... Означает эта проклятая формула, что все наследники мужского пола, потомки государственного изменника, повинны с получением указа покинуть на всегда свои владения, взяв с собой только то, что в состоянии унести на спине. Государственным изменником, легко догадаться, провозглашен был дедушка – соучастие в преступном злоумышлении против особы монаршей крови, пусть и иностранной... Вот отец и два его брата с семейства и пошли, куда глаза глядят. Поскольку они все питали, по примеру дедушки, особенную любовь к изящной словесности и книжной премудрости, то тащили на спине главным образом книги и рукописи, а денег и фамильных драгоценностей прихватили совсем немного, сколько в карманы влезло... Все их движимое и недвижимое отписали в казну, хорошо еще, царь этим и ограничился – герб вкупе с привилегиями отцу моему и дядьям соизволил оставить... Они, конечно, пытались потом доискаться до истины и достучаться до справедливости, но приватным порядком. Царь наш покойный был крут, решений своих не менял. Только когда он помер, появилась надежда... На семейном совете порешили, что ехать на Талар нужно мне, как старшему в роду – отец мой, надобно вам знать, давненько умер, а мой младший братец и дорогие племяннички еще малы... Собрали мне немного денег, я и поехал. Не знаю, как у вас с этим обстоит, ваше величество, а вот я – человек верующий. Помолился как следует перед дорогой в полную неизвестность – и Единый Творец меня не оставил! Представляете, едва я прибыл в Фиарнолл, едва начал осматриваться – как вдруг вижу в ювелирной лавке доподлинный браслет моего деда! Выставленный на продажу по такой бешеной цене, что дух захватывает. Стал я доказывать торгашу, что эта вещь – моя наследная собственность, а он, скот, только смеется, мало того, прохаживается насчет моего наряда, как будто я одет совсем неподобающе для благородного райтара... Каюсь, не сдержался. Только я приловчился взять его за глотку, только разогнал пинками и ножнами меча всякую челядь, что мне в этом пыталась препятствовать, только заварилась каша – и появляется этот господин... – он поклонился Гаржаку. – Надо признать, вовремя, эти прохвосты уже орали что-то насчет городской стражи и прилаживались на меня пойти в наступление с разным кухонным инвентарем, за что я их непременно порубил бы в мелкое крошево...

– И уж непременно угодили бы за решетку, – хмыкнул Сварог.

– А пускай! – вскричал гипербореец. – Думаете, легко видеть почетный браслет моего дедушки выставленным на продажу в поганой лавке, рядом с сережками для портовых шлюх и разбойничьей добычей?!

Остальное Сварог уже знал от Гаржака. К тому времени граф успел узнать от тетки Чари и Шедарсиса, что они раскопали что-то о пребывании Гонзака в Фиарнолле – и действовал решительно. Высвистел полицию, грозно манипулируя байзой, велел тихонечко, не привлекая внимания, *изъять* пока что ювелира вместе с вовлеченными в скандал домочадцами, а юного гиперборейца вместе с браслетом в два счета доставил сюда, в уединенный особняк на утесе,

принадлежащий морскому Бюро, обычно проводившему тут дружеские беседы с пристрастием – в случае чего труп, сброшенный на скалы, исчезал, как не бывало...

Сварог с выразительным видом протянул руку ладонью вверх. Внук Гонзак с тяжким вздохом протянул ему браслет, так настороженно и опасно, словно Сварог намеревался его не просто присвоить, а немедленно проглотить на манер Волка-Златоеда из старой сказки.

Взвесив на ладони массивную вещицу, Сварог отметил, что золота на нее, по предварительным прикидкам, ушло не менее трех пандов[85]. Но дело отнюдь не в количестве металла: браслет был сработан искусным ювелиром, украшен литым гиперборейским гербом, гравировкой в виде сов и чернильниц, а также дюжиной немаленьких брильянтов.

– У нас, в Гиперборее, такая награда считается не хуже иного ордена, – пояснил юноша. – Извольте перевернуть изнанкой вверх, видите, там все прописано: «Скрибаносу нашему Гонзаку в знак особенных заслуг перед тронем и державой», дата имеется, все честь по чести. Нешуточная награда, клянусь гербом! А этот поганый торгаш стал мне с ухмылочкой доказывать: мол, могло и так оказаться, что прежний владелец, сиречь мой почтенный дедушка, попросту продал браслет в лавку, будучи в стесненных обстоятельствах... Глупость какая! У дедушки было достаточно денег, и уж в последнюю очередь он бы стал продавать почетный знак отличия...

– Пожалуй, – задумчиво поддакнул Сварог. Еще раз перечитал надпись с изнанки браслета, в точности такую, как говорил внук, вернул его юноше и отвел Гаржака в сторонку.

Не дожидаясь вопросов, граф зашептал:

– С этим ювелиром я уже потолковал по душам, не особенно стесняясь... Браслет ему принес на продажу некий Караман Торч, член Золотой Гильдии. Старший книгоправ, как это у них именуется. Нечто вроде начальника стола в департаменте, если перевести на чиновничьи мерки. А по-купечески – нечто вроде главного счетовода. Торговый дом «Астарах Финар, братья и племянники».

– Зная вас, граф, нисколечко не сомневаюсь, что вы немедленно навели справки...

– А как же, – ухмыльнулся Гаржак. – Моментально, обстоятельно и в сугубой тайне. Старое, почтенное заведение, занимается главным образом морскими перевозками, здесь, в Фиарнолле, этому семейству вот уже несколько поколений принадлежат причалы... – он сделал театральную паузу, вскинул голову, с хищной улыбкой охотника уставился Сварогу в глаза: – Обширные причалы, ваше величество! Склады расположены тут же, у пирсов, каменные стены в полтора человеческого роста, как и водится. Цепные кобели, вооруженная стража... Причалы и склады у самого моря... Ваше величество, я с некоторых пор задался вопросом: почему множество народа упоминает, что Гонзак писал книгу о чудесах и загадках моря, почти завершил, по некоторым сведениям – но ни единого листа из нее не сохранилось? Хотя прочие его бумаги, в общем, сохранились... Прикажете немедленно взять этого самого Торча?

Он прямо-таки приплясывал от жгучего охотничьего азарта. Признаться, Сварог чувствовал то же самое, но постарался сделать каменное лицо.

– Не спешите, граф, – сказал он тихо. – Для начала сделайте так, чтобы быстро распространилась молва: ювелир принял у кого-то для подпольной продажи... ну, скажем, рубиновое ожерелье, похищенное ворами у некоей графини. С ювелирами такое частенько случается, так что никто ничего не заподозрит... Лавку опечатать по всем правилам. Поставьте у входа парочку наших людей, переодев стражниками. Пусть изображают скучающих болванов и каждому, кто полезет с расспросами, потихоньку проболтаются насчет ожерелья. И немедленно раздобудьте мне карту, где указаны причалы этого самого торгового дома...

...Сварог не плыл, а попросту шагал по дну на глубине уардов тридцати. Порой над его головой скользила продолговатая тень – днище очередного проплывающего корабля или шлюпки. Дно оказалось не таким захламленным, как он ожидал, хотя мусора хватало, порой приходилось то переступать, то обходить самые неожиданные предметы: торчащую из мягкого ила лапу покореженного якоря, ящички и бочонки, скорее всего, уроненные со сходней при погрузке, даже дырявые кастрюли и старые сапоги. Деревянные обломки, остовы лодок, огромные битые кувшины, в каких коки держат вино и оливковое масло, дохлые кошки... Пару раз попадались скелеты, сразу ясно, принадлежавшие субъектам, которые угодили на дно вопреки своему хотению – у одного проломлен череп, у другого засел меж ребер проржавевший нож, и у обоих ноги отягощены привязанными полуистлевшими веревками грузами: у одного рыбацья сеть с кирпичами, у второго – прозаические печные колосники...

Ориентироваться под водой было трудновато – не существовало, понятное дело, подробных карт морского дна – были, правда, морские лоции с точными промерами глубин, но Сварог в них не разбирался совершенно. Пришлось попросту считать шаги, примерно прикидывая расстояние.

В конце концов показался ориентир, на который можно было всецело полагаться, – впереди смутно темнела вертикальная каменная стена возведенного в незапамятные времена волнореза, Сварог подошел достаточно близко, чтобы различать швы циклопической кладки. Ага, это самое место. Причалы торгового дома, чьи главные счетоводы так запросто сдавали в комиссионку уникальные браслеты, были самыми последними в длинной шеренге себе подобных, протянувшихся на несколько лиг. Отличное место для потайной пристани – последний причал, дальше, по ту сторону волнореза – открытое море... Все равно что уединенный дом на городской окраине, только в сто раз надежнее – за домом нас уже гораздо проще проследить, а попробуй-ка выследи плывущую в глубине подводную лодку, если вообще понятия не имеешь о существовании такого средства транспорта...

Он развернулся влево, к высоченному каменному склону – на сей раз творению природы, а не человеческих рук. Там, наверху, стояли склады и плавали корабли. А здесь тишина, безмолвие, полное отсутствие зевак и случайных прохожих...

Как он ни напрягал зрение, даже «кошачий глаз» ничем не помог – склон казался монолитным, словно в первые дни творения. Ну что же, туннель под тем домом тоже был отлично замаскирован...

Сварог снял с шеи овальный прибор на черном шнурке, присмотрелся к разноцветным клавишам. Он без зазрения совести использовал сейчас не только технику ларов, но и юридическую казуистику: это не король Сварог ис-

кал потайную пристань с помощью техники, какой земным монархам не полагалось – это отправился на задание граф Гэйр, офицер Яшмовых Мушкетеров и начальник девятого стола Императорского кабинета...

Он успел только включить детектор. Положительно, прав был юный гиперборейский райтар – полное впечатление, что *некто* не оставлял их своими милостями...

Наверху, почти над самой головой, то ли скрип раздался, явственный, механический, то ли это Сварог ощутил колыхание воды...

Он задрал голову и тут же плюхнулся в мягкий, скользкий ил, достигавший пешеходу до щиколоток, завалился лицом вверх, замер.

И там, наверху, медленно сдвигался неотличимый до того от скального откоса кусок дикого камня – геометрически правильный, круглый как старинный щит, и открывалось столь же идеально круглое отверстие, темная дыра...

Потом из нее бесшумно, оставляя за собой легонькое завихрение воздушных пузырьков, выскользнул продолговатый силуэт длиной, если прикинуть, уардов в десять, прошел высоко над Сварогом, словно призрак – и растворился в открытом море...

Подводная лодка ушла в океан, двигаясь целеустремленно и быстро. Люк медленно затворялся – и когда Сварог вскочил, отбежал подальше, чтобы лучше видеть, задрал голову, темная дыра превратилась уже в узенький серпик мрака. А там и вовсе закрылась, теперь скала вновь казалась монолитной, будто оставалась такой с начала времен, когда человека еще не было на планете – ни человека, ни загадочных изначальных, никого разумного...

Обратный путь Сварог проделал почти бегом – насколько это было возможно, путешествуя голым и босым по дну, усеянному хламом и окатанными камнями. Пару раз спотыкался и даже падал, чувствительно ушибив пальцы ног и колени, но не обращал внимания на такие пустяки, прибавлял шаг, тихонько шипя от боли.

Еще издали он увидел якорную цепь баркаса – на нее, чтобы облегчить Сварогу труды, навязали пару дюжин длинных лоскутов, легонько трепетавших в такт перемещению водных потоков. Нижние казались черными, и только когда всплывавший Сварог оказался близко к поверхности, можно было различить, что лоскутья – алые.

Он вынырнул рядом с бортом парового баркаса, и его тут же ухватили несколько рук, помогли перевалиться через борт. Кто-то предупредительно накинул на плечи теплое одеяло, кто-то подsunул чеканную золотую фляжку с отличнейшим клеимасом. Сварог жадно глотнул, встряхнулся под одеялом, закутался в него поплотнее.

На него таращились нетерпеливо, восторженно, преданно – словно дети, ждущие чуда. Даже баронесса впервые в жизни выглядела взволнованной по настоящему.

Сварог отер ладонь об одеяло, сунул в рот сигарету, выпустил дым и сказал не спеша, с расстановкой:

– Нам везет, господа мои. Нам так везет, что мне даже становится не по себе... Там и в самом деле – *пристань*. Немедленно на берег. Гаржак, вы аккуратно возьмете этого самого Торча – так, чтобы ни одна живая душа не заметила... Кажется, мы впервые их *атакуем*...

Глава тринадцатая

Королевская рыбалка

Сварог медленно прошелся по комнате, от окна к двери, заложив руки за спину и склонив голову. Ему вдруг пришло в голову, что эта поза целиком позаимствована у Наполеона Бонапарта, и он торопливо убрал руки, задрал подбородок, чувствуя себя отчего-то неловко – как будто кто-то знал тут о Наполеоне...

Остановился перед сидящим на кончике стула Торчем, и тот, уже бог весть в который раз, вновь попытался вскочить, бормоча, что категорически не достоин сидеть в присутствии короля, особенно когда его величество стоит, что это вопреки всем этикетам. Мара уже привычно нажала ему на плечи, толкнув обратно.

Сварог присмотрелся к пленнику. Весь он был какой-то *никакой*. Ни бегающих глазок, ни кривой усмешки, ни нервного потирания рук. С другой стороны, и особой благообразности тоже нет. Безликое среднее арифметическое. Человек мужского пола, шестидесяти одного года, в сером хомерике с гильдейской бляхой на груди – и ни единого украшения, хотя на иные он имел право согласно статусу. Пожалуй, именно так и должен выглядеть счетовод, всю свою сознательную жизнь возившийся с цифирными книгами, счетами, накладными и прочими коносаментами, балансами и отчетами.

– Вы не удивлены, что вас так неожиданно арестовали, милейший? – спросил Сварог.

Счетовод ответил безразличным тоном:

– Вы – наш король, мы все в вашей власти...

– Душа радуется при виде столь законопослушного и сознательного подданного, – сказал Сварог. – Прямо не верится, на вас глядя, что на свете существуют дерзецы и бунтовщики... Почему вы не носите медали, Торч? У вас, как мне доложили, два «Процветания»...

– По торжественным дням, – прошелестел счетовод.

– Ну, тогда вам имеет смысл за ними сейчас же послать, – сказал Сварог вкрадчиво. – Потому что вряд ли у вас выдастся более торжественный день... Вас допрашивает король, как простой розыскной канцелярист, а вместо стражников – парочка благородных дворян, граф и графиня... Не каждому такая честь выпадает, любезный, иные герцоги и то не удостоивались, верно вам говорю... – он наклонился к сидящему. – Это-то и делает ваше положение не просто паршивым – таким, что сквернее некуда. Уж если король сам вынужден...

– Чем я, ничтожный, мог прогневить ваше величество?

– При чем тут гнев? – искренне удивился Сварог. – Не хватало еще на вас гневаться... Я просто хочу, чтобы вы кое-что мне откровенно рассказали, вот и все. Например, откуда у вас браслет реверена Гонзака, который вы сдали ювелиру Брайдону, держащему лавку на улице Благоприятного Ветра, дом шестнадцать...

– Я?! – весьма натурально удивился Торч.

– Ну, не я же, – сказал Сварог. – Во-первых, ювелир показал на вас, а во-вторых, мы нашли сделанную его рукой соответствующую запись в графе «приня-

тые для продажи поступления». Вы, конечно, вы...

– Ах, браслет... Безделушка эта...

– Ну, не такая уж безделушка, – сказал Сварог. – Три панда красного золота, да еще камешки... Кроме того, это гиперборейский знак отличия, равный иному ордену.

– Да что вы говорите?! – еще более удивился Торч. – Сроду не был на Сильване, представления не имею, какие там знаки отличия и есть ли они там вообще. Браслет, да... Но это же не преступление – отдать ювелиру для продажи случайно купленную вещь? Этот самый браслет...

– Минуточку! – прервал Сварог. – Чувствую, сейчас я услышу нечто ужасно банальное – купили за бесценок у пропившегося шкипера, в картишки ненароком выиграли... Еще что-то подобное, что невозможно проверить... интересно, а как насчет подводных лодок, которые то и дело заплывают в амбары вашего почтенного торгового дома?

Тут уж Торч буквально вылупился на него:

– Да что вы такое говорите?!

Сварог взял его правой рукой за широкий отложной ворот хомерика, рывком вздернул со стула, уперся бешеным взглядом. Потом отпустил и сказал почти спокойно:

– Давайте внесем ясность, Торч... Начнем с того, что вы, хороший мой, не живой человек, каким себя по недоразумению полагаете, а свежий покойник...

– Шутить изволите?

– Отнюдь, – сказал Сварог. – Знаете на Шкиперской уютный такой кабачок под названием «Морская лилия»? На первом этаже таверна, а на втором, для посвященных, номера с веселыми девками. Еще бы вам не знать, вы там за всегдатай, и на первом этаже, и на втором.

– Это ж не запрещено...

– А кто спорит? – откликнулся Сварог. – Но дело-то в том, что это веселое местечко час назад сгорело дотла. Обычное дело. Случается порой с подобными заведениями, где полно пьяных – опрокинули ненароком лампу, не заметили вовремя, вот и остались одни головешки... На пожарище подняты три обгоревших до полной неузнаваемости трупы. Так вот, если мы не договоримся, окажется, что одним из этих жмуриков как раз и были вы, Торч. Вот именно. Хозяин, прекрасно вам известный Кека-Шустрик – у меня в подвале. Чтобы спасти свою шкуру, он чем хотите поклянется потом, что вы тоже сгорели. Он вполне разумный человек, а? И вы ему не сват, не брат, не отец родной... Вот так-то, Торч. Я, конечно, могу свозить вас на пожарище, но, может, поверите вашему королю на слово? Честью клянусь, сгорело веселое заведение. Правда, открою секрет, все трупы, что мои люди туда подкинули, были трупами еще до пожара. Тайная полиция их забрала из портовой Божедомки, из ледника для неопознанных – там этого добра столько, что зрители и дюжину предлагали, и две, мол, для хороших людей такого хлама не жалко... Ну, Торч, уяснили свое положение? От меня одного зависит, где вы будете числиться – среди живых или погорелых покойников... Никто вас не будет искать. И спасения ждать неоткуда. Или вам кто-нибудь наврал, что я добряк и гуманист? Брежня...

Вот теперь счетовода, точно, *проняло*. Видя это, Сварог продолжал спокой-

но, даже лениво:

– Вы должны наконец понять, золото мое: я с вами могу сделать все, что в голову взбредет. Коли уж король сам ведет допрос, а благородные дворяне выступают в роли палачей... Ага, вот именно. Эта милая девица в два счета сотворит с вами такое, что невозможно грамотно изложить пером на бумаге, да и присутствующий здесь молодой граф не лучше... Будешь ты говорить, мать твою?

– Ваше величество... – протянул Торч, улыбаясь растерянно, жалко. Я, право, совершенно не представляю, чем могу быть полезен...

– Нет у меня времени с тобой возиться, скотина, – сказал Сварог. Отошел на несколько шагов, отвернулся, бросил, глядя перед собой: – Покажите этому уроду, что шутки кончились...

За его спиной началась отчаянная возня, пыхтенье, с грохотом опрокинулся стул, завязалась борьба и тут же утихла. Послышались деловитые реплики Мары и Гаржака, потом уши резанул отчаянный вопль:

– Помилуйте!

Сварог не спеша обернулся:

– Милейший граф, уберите пока что сапог с его мужского достоинства. Подтяните штаны, Торч, неудобно в таком виде перед королем, право... Дайте ему стул.

Мара с непроницаемым лицом подняла стул и утвердила его посреди комнаты. Счетовод, бледнее полотна, растрепанный и расхристанный кое-как справился с застежками штанов и скрючился на стуле, с ужасом таращась на неспешно приближавшегося Сварога. Судя по его виду, свое незавидное положение он уже осознавал во всей полноте.

– Ну что, шутки кончились? – спросил Сварог. – И церемонии тоже... Я же вас предупреждал, Торч, что внешность этих приятных молодых людей насквозь обманчива... Где вы взяли браслет?

– Мне его в свое время отдал Финар...

– Который Астарах?

– Который – племянник. Астарах умер лет восемьдесят назад...

– А потайная пристань тогда уже существовала?

– Да.

– Ну, что-то вроде этого я и подозревал... – сказал Сварог. – Семейная традиция, берущая начало с незапамятных времен, один из маленьких секретов почтенного торгового дома... Гонзака убили?

– Да.

– Вы?

– Нет. Я бы не сумел, это не мое дело... Я хорошо справляюсь со счетами, а ножа в руках не держал, кроме столового... Для таких дел у хозяина были другие люди. Я только помогал убрать следы, тело вывезли ночью в лодке, на рейд, сбросили в воду...

– Почему?

Торч рывком поднял голову, лицо у него было отрешенное:

– Потому что этот гиперборейский придурок откуда-то узнал о крошках. Завылся в Фиарнолл и стал копать, так умело и хватко, словно был не книжником, а полицейским шпионом. И подошел очень уж близко. Хозяин узнал вовремя... До этого я и не подозревал ни о каких крошках, ни о каких потайных

гаванях, служил рядовым счетоводом без особых перспектив...

– Ага, – понятиливо кивнул Сварог. – А после того, как вас повязали кровушкой, стали одним из посвященных... Хорошо платили?

– Прилично, – сказал Торч. Его губы вдруг покривила злая усмешка. – Только не думайте, что я на этом поимел золотые горы. Коли разобраться, деньги были не такие уж большие. Можно сказать, меня держали не деньгами, а страхом. Обещали со временем сделать полноправным компаньоном – да так и не собрались за восемь лет...

– А веселые девки требуют денег, – сказал Сварог. – И вы, поразмыслив, снесли браслет ювелиру...

– Кто же знал, – пожал плечами Торч. – Прошло тридцать пять лет, никто его не искал... Вы что же, думаете, что крохам помогают только негоцианты вроде нас? Ого! Есть весьма даже титулованные, и не только в этой стране. Они, знаете ли, платят неплохо. Один такой тогда и затушевал все мастерски, тридцать пять лет назад. Не знаю подробностей, мне таких секретов не открывали... Я думал, все обойдется. Принесло же этого болвана буквально на завтра, когда браслет еще лежал в витрине...

Сварог спросил тихо и серьезно:

– Торч, а вам никогда не приходило в голову, что все же есть на свете такая штука – божий промысел?

– Иногда... Поневоле поверишь после такого...

– Что им нужно? – спросил Сварог. – Вы понимаете, о ком я...

– Вы полагаете, у меня было время и возможность вести с ними обстоятельные беседы? – усмехнулся Торч. – Я и в подвале бываю пару раз в год, не больше, когда приходится кого-то из доверенных подменить, чтобы перенести грузы.

– Какие?

– А кто их знает! Они что-то привозят. Только привозят. По-моему, увозить они никогда ничего не увозили, по крайней мере, мне туда носить ничего не приходилось. Потом эти ящики и тюки забирают, они уезжают вместе с обычными купеческими грузами. Это ведь продолжается не одну сотню лет...

– Сколько точно?

– Да не знаю я!

Сварог видел, что его собеседник не врет.

– А хозяин знает?

Торч убежденно сказал:

– По-моему, всего не знает и хозяин. На это есть другие, повыше. Те самые, титулованные. Тут, как повсюду: на самом верху – знать, пониже – негоцианты вроде нас, а в самом низу – простонародье... Хотя...

– Ну! – рявкнул Сварог, чутьем уловив заминку.

Торч сказал со вздохом:

– Понимаете, однажды хозяин подвыпил, и крепенько... По-моему, ему хотелось выговориться. Знаете, как это бывает – когда сидишь на такой тайне, так и подмывает с кем-то поговорить по душам, как бы тебя ни пугали последствиями. Ну, он и не удержался, благо я тоже был в деле... Он говорил, они хотят *выйти*.

– Крохи?

– Кто же еще?

– Как – выйти?

– К нам, в большой мир. Вроде бы есть какая-то возможность для них стать величиной с нас. Тогда они выйдут из своей пещеры... вы ни разу не спросили, откуда они, значит, сами знаете, верно?

– Верно. Продолжайте.

– Да почти что и нечего продолжать. Они собираются выйти из своей пещеры и поселиться у нас. Вы ж понимаете, что тогда будет – они будут править, и никто другой. С их-то возможностями... – он понизил голос почти до шепота. – Может, и не стоит так говорить, но, по-моему, с ними и ларам трудненько будет справиться, если они станут как нормальные люди, нагрянут всей оравой...

Самое страшное, что этот поганец может оказаться близок к истине, подумал Сварог. Кто знает, что у них еще в рукаве, сколько там тузов и какой масти. Вот и придется либо бросать ко всем чертям эту планету, уходить на Сильвану – или вести такую войну, про которую страшно даже подумать. Даже если эта война ларам не принесет ощутимого вреда, страшно подумать, что будет с Харумом... И ведь они уже устроили тот ядерный взрыв, чистейшей воды демонстрацию возможностей. Значит, времени совсем мало.

Потом он вспомнил тот разговор с Яной. Ну разумеется, если вопрос будет поставлен ребром, она уступит. Отступит. Ей... и другим неплохо будет и на Сильване, по большому счету, проживут и без Талара, живут же они без двух других планет, которые формально входя в состав империи, а на деле никто не берется мне объяснить, что же там, собственно, происходит. Они без Талара обойдутся... а вот я – уже нет. Это мой Талар. Мои королевства, которыми я управляю, в общем, не хуже других. Мой народ. Мои сподвижники, мои города, мои поля, корабли и дороги. Мои Три Королевства, до сих пор еще не обжитые толком. Мне отступать некуда, я же не сам нагрянул завоевывать троны, весь из себя красивый и дерзкий, меня позвали, пригласили, полагая, что у меня получится лучше, чем у прочих претендентов. В меня поверили, на меня надеются... как же тут отступить?

– Слушайте меня внимательно, Торч, – сказал он, нахмурясь. – И не вздумайте противоречить. У вас уже нет дороги назад, вам осталось только подчиняться. Слушайте внимательно... Сейчас у вас в подвале есть лодки?

– Стоит одна. Было две, но одна ушла сегодня утром. Вторая должна уйти только завтра.

– Прекрасно, – сказал Сварог. – Я собираюсь ее захватить.

– Ваше величество, – сказал Торч устало, почти равнодушно. – А не бросить ли вам эту затею? Я о вас наслышан, человек вы далеко не простой, недюжинный, но по зубам ли вам такой кусок? Я ведь не дурак, прекрасно кое-что понимаю. Вы ведь не хуже меня знаете, что рубите дерево не по плечу... и вы ведь сейчас выступаете вовсе не от имени империи, правда? Вы сейчас не императорский чиновник и даже не король которой-то земной державы, вы чисто от своего имени дело ведете. Не зря же, как вы справедливо изволили подметить, вы меня сами допрашиваете, ровно канцелярист какой, и вместо стражников у вас всего-то двое дворян... Повесьте меня, голову снесите, но за вами нет сейчас особой силы... Так стоит ли замахиваться? Все козыри в этой игре, сдается мне, у *этих*... Давайте придумаем что-нибудь, чтобы кончить все *тихо*.

– Не получится, – серьезно сказал Сварог. – У тебя нет выхода – и у меня его тоже нет... Понял? Итак, первый вопрос...

Семел, лишь самую чуточку ущербный, почти правильным диском стоял в зените, все вокруг серебрилось загадочным сиянием – причал и вода, строения и корабли. Для сухопутного неожиданного налета на чрезвычайно опасного противника время было бы крайне неподходящее, но задуманной Сварогом лихой операции это нисколько не касалось, действовать, строго говоря, придется ниже уровня земли, где не бывает ни дневных светил, ни ночных...

– Я всего только хотел жить спокойно, – сказал Торч со вздохом. – Подниматься медленно, но верно, зарабатывать побольше...

Сварог его ни о чем не спрашивал, конечно – счетовод, очень похоже, оказался из тех, кого перед делом от нервной взвинченности тянет на болтовню. Это пока что не мешало, и Сварог не затыкал *проводнику* рот, а Гаржак, не получив четкого приказа, тоже стоял молча, только порой недовольно морщился.

Торч нудил что-то еще – классический набор оправданий для влипших в серьезные неприятности людишек его пошиба – но Сварог, разумеется, не слушал, смотрел на море.

Наконец показалось суденышко, судя по курсу, каким оно шло под единственным верхним парусом, это наконец-то прибыла Мара. Самый настоящий рыбацкий парусник для открытого моря – широкий вместительный корпус, две мачты, на корме виднеется лебедка для невода, и возле нее уже занял свои места боевой расчет. Сварог без труда рассмотрел Мару среди нескольких широкоплечих верзил.

– Все в порядке, – сказал он. – Отправляйтесь, граф.

Гаржак задержался. Сказал неуверенно:

– Мне все же как-то не по себе, что приходится вас одного отпускать...

– Глупости, граф, – сказал Сварог уверенно. – Порасспросите потом своих новых друзей, они вам расскажут, что я вытворял в одиночку. Приврут и украсят, конечно, но не особенно... Идите.

Гаржак неловко отдал честь, повернулся к счетоводу:

– Смотри у меня, чернильная душа! Если что – на том свете найду и тебе тогда солоно придется...

– Не пугайте, – вяло, невыразительно отозвался Торч. – Король совершенно точно заметил, что обратной дороги нет. Если не вы меня прикончите, то хояин... Попала мышка между двух жерновов...

Многозначительно покачав кулаком у него под носом, Гаржак повернулся, стал спускаться по откосу к тому месту, где привязал челнок. Они остались вдвоем. Слева протянулся выше человеческого роста гребень волнореза, справа, в некотором отдалении, виднелся причал торгового дома «Астарах Финар с оравой родичей» и принадлежащие помянутым негоциантам склады – массивные, внушительные лабазы с крохотными зарешеченными окошечками под самой крышей, окруженные стеной в полтора человеческого роста. Многочисленные осколки битого стекла, вмурованные по ее гребню, искрились в сиянии ночного светила, изнутри порой доносилось бдительное побрехивание караульных волкодавов. У причала не было ни единого судна, и на нем не маячило ни единой живой души.

Сварог не двигался с места. Налет на торговый дом не был привязан к кон-

кретному положению стрелок на циферблате часов, все зависело исключительно от него. Так что хватало времени еще раз все обдумать, лишний раз повторить в памяти последовательность действий, укрепиться в собственном решении.

Он решил ворваться туда в одиночку – благо противник, хотя и заметно превосходил числом, величиной был с мизинец, и это сводило численное превосходство на нет. Никакого оборонительного оружия, способного причинить вред «большим» людям, у крох не имелось, да и не подействовало бы на Сварога таковое...

Идея была проста, как все гениальное: лишить подлодку возможности передвигаться, после чего моряки волей-неволей вынуждены будут вступить в переговоры об условиях капитуляции. Если лодке все же удастся вырваться наружу, на глубину, в дело вступит кораблик под командой Мары. Там уже наверняка забросили сети. Им попросту не уйти. У любой субмарины есть ахиллесова пята – винты. Даже атомные ракетноносцы из покинутого Сварогом мира, намотав на винты изрядное количество прочных рыбацких сетей, оказались бы в ловушке, что говорить об *этих*... Вытащат лебедкой за милую душу, с тем же исходом, что и в первом варианте.

Можно было, конечно, действовать совершенно по-другому. Привлечь лихих ребят из Серебряной Бригады, чтобы вместо рыбацкого суденышка подлодку караулила снаружи пара-тройка драккаров с гравитационными ловушками, а вместе со Сварогом в подвал ворвалась бы дюжина вооруженных до зубов спецназовцев императорской гвардии.

Но в том-то и дело, что при этом раскладе не изменится ровным счетом ничего. Точно так же неустранимой останется *главная* возможная опасность: гипотетические ядерные ракеты на борту. У ларов нет пока что оружия, способного остановить ядерные реакции, оно лишь создается в страшной спешке, испытано, но до боевых образцов не доведено, поэтому совершенно неважно, в одиночку Сварог туда идет или в сопровождении вооруженного супертехнологической взвода. Если не повезет – последствия при обоих вариантах будут одинаковы: атомный гриб над Фиарноллом. Если все пройдет гладко, Сварог их в состоянии взять в одиночку. Никакого авантюризма или зазнайства, один трезвый, прагматичный расчет... Ни к чему устраивать суету и толкотню там, где в состоянии справиться один-единственный решительный и опытный человек, не безоружный к тому же...

Он коснулся тяжелого предмета в накладном кармане простого гильдейского хомерика. Официально эта штука, размерами и весом схожая, пожалуй что, с парабеллумом, именовалась совершенно иначе – но Сварог простоты ради мысленно назвал ее бластером, вспомнив свою любимые фантастические романы. Честное слово, оружие отвечало всем характеристикам пресловутого бластера, поскольку размеры имело небольшие, а стреляло энергетическим лучом. Бластер он и есть бластер, нечего голову ломать. Это аналогов шаура он не помнил ни в одном романе, так что название не менял даже мысленно.

Не было ни волнения, ни страха – один только непонятный никогда не воевавшему народу *звонкий* душевный напруг, ощущение сжатой пружины в каждой клеточке тела.

Почему-то он по прихотливому зигзагу мысли вспомнил крестьянский мятеж, с которым было покончено перед самым его отлетом в Фиарнолл. Неиз-

вестно, каким там воякой на внешних фронтах был тыловой генерал с пламенным взором карьериста, но с бунтом он справился в одночасье – охватил мятежные области быстро переброшенными частями, чьи фланги упирались в Ител, молниеносными ударами кавалерии рассек крестьянскую армию и отеснил разрозненные остатки к Ителу, под огонь корабельных батарей. Ну а потом взялся *усмирять* мятежные районы... Сварог читал донесения людей Интагара о кровавых делах, с которыми ранее был знаком исключительно по учебникам истории – к некоторому своему удивлению, читал почти спокойно, потому что становился, пожалуй, *заматеревшим* королем, как выразился бы отец Грук. Он всего лишь велел передать генералу на словах, что пора и меру знать, чтобы не оставить означенные области вовсе без землеробов – и присокупил к письму орден Крылатого Льва с кронгами и бриллиантами: ну, заслужил, что поделать, беспристрастно рассуждая с точки зрения высших государственных интересов, безусловно заслужил...

– Пойдемте, что ли, любезный Торч? – сказал Сварог совершенно нормальным голосом, без тени волнения. – И смотрите у меня...

Он показал Торчу в подвале действие бластера – и знал, что должное впечатление произведено.

– Да ладно вам, ваше величество, – чуточку сварливо отозвался Торч. – Все будет в лучшем виде, мне деваться некуда... а вот вы отныне будете с меня пылинки сдувать, уж простите за прямоту. Потому что я у вас пока что единственный знаток потайных пристаней, когда-то еще другие появятся... Рассуждая по-купечески, самое время обговорить жалованье...

Сварог приостановился, фыркнул и покрутил головой от такой наглости – а впрочем, подобный деловой подход следовало только приветствовать: уж если торгуется, значит, намерен служить...

– Когда захватим лодку, я тебя сукина кота, озолочу, – сказал он убедительно. – А пока что не стоит считать деньги, плохая примета, удачи не будет...

Они неспешными шагами приблизились к воротам в высокой стене, сколоченным из толстенных плах, обшитых железом. Торч взялся за одну из многочисленных железных финтифлюшек вокруг замочной скважины и легко ее повернул. Внутри отчетливо забрякал колокольчик.

Очень быстро открылось крохотное окошечко, показался чей-то немигающий глаз. Несколько секунд их разглядывали, потом невидимый обладатель недреманного ока спросил:

– Кого там несет?

– Не узнал, прохвост? – барственным тоном осведомился Торч.

– Узнать узнал, сударь... А кто с вами?

– Из тех, что не твоего ума дело, – бросил счетовод.

Глаз уставился на Сварога. Сварог постарался придать своей фальшивой физиономии предельно надменное выражение, хотя был в простом хомерике с бляхой Бронзовой гильдии – какая нашлась под рукой у шпиков, ту и прицепил.

– Так бы сразу и сказали... – проворчали за воротами.

Совсем тихо стукнул хорошо смазанный засов, в одной из створок распахнулась высокая калитка. Первым вошел Торч, за ним шагнул Сварог, держа руку в кармане, готовый к любым неожиданностям.

Никаких неожиданностей за воротами не оказалось – обширный, на со-

весть замощенный двор, тройная шеренга лабазов, чистота и безлюдье. Привязанные у конур лохматые псы взлаяли было, но сторож прикрикнул на них, и они нехотя улеглись, ворча, скребя когтями брусчатку.

– Я так понимаю, в *отдельный* амбар направляетесь? – осведомился часовой, широкоплечий детина, вооруженный чересчур серьезно для купеческого сторожа: армейский саперный тесак, пара пистолетов за кушаком...

Торч со всей возможной язвительностью сообщил:

– Нет, проходили вот мимо и решили в шары сыграть, благо тут двор гладкий...

– Ну, так бы сразу и сказали... – проворчал детинушка и мгновенно потерял к ним интерес. Присел на лавочку у ворот, привалился затылком к стене, явно намереваясь чуток подремать.

Торч, не оглядываясь на спутника, уверенно направился к самому крайнему пакгаузу, стоявшему всего-то уардах в пятидесяти от кромки причала. Сварог торопливо пошел следом. Пока что все шло гладко, бросив быстрый взгляд в море, Сварог увидел там лежащего в дрейфе «рыбака» – чуть левее, недалеко от берега. Ну, помогай бог, подумал он отрешенно. Сейчас начнется...

Под деревянным навесом, прикрывавшим вход в пакгауз, топтался брат-близнец привратника – столь же широкий в плечах, вооруженный так же серьезно. Этот отступил с дороги без всяких вопросов и лишней болтовни. Сварог держал руку на бластере. Он выкачал из Торча абсолютно все, что тот знал о потайной пристани, был уверен, что тот не врет – но все равно, толковый король по врожденной подозрительности всегда должен ожидать чего-нибудь *эдакого*...

Торч предупредительно распахнул перед ним дверь, но Сварог пропустил вперед проводника, а уж потом зашел сам. Они оказались на верхней ступеньке каменной лестницы, уходящей вниз по узкому тоннелю, довольно ярко освещенному висящей на крюке гроздью из трех карбамильских ламп. Лестница упиралась в железную дверь, снабженную кодовым замком – в точности такую, как Сварог видел в доме на дне озера. Ничего удивительного. Военные базы всегда строят по некоему шаблону, следует ожидать, что и внутри все будет...

Ну да! Почти однотипная!

Торч, распахнув дверь, снова наладился пропустить Сварога вперед – и Сварог на сей раз вошел первым, правда, следя краем глаза, чтобы проводник не задал стрекача и не попытался двинуть по голове.

Почти такой же бассейн, тех же размеров и пропорций, ярко освещенный тройным рядом электрических ламп под сводчатым потолком – но *этот* не был пуст, у торцевой стены со знакомой уже шеренгой невысоких, по колено обычному человеку ангаров и жилых помещений стояла, упершись в нее бульбообразным носом, подводная лодка Токеранга. За рубкой распахнуто с полдюжины люков, и там кипит работа – десятки крохотных человечков выгружают что-то, спускают в пришвартованные к субмарине надувные лодки, и они плывут к причалу, а другие, разгрузившись, возвращаются, малюсенькие погрузчики лихо заезжают в распахнутые ворота ангаров, на причале тоже суется, и над всем этим на высоком, в рост Сварога, флагштоке красуется незнакомый штандарт: черно-синий, с золотой змееподобной тварью, изогнувшейся вокруг золотого меча...

Они стояли на верхней ступеньке лестницы, ведущей к бассейну, никто из лилипутов не обращал на них внимания, и Сварог понял, что Торч его не подвел – а ведь до последней секунды следовало допускать, что есть возможность незаметно подать сигнал тревоги...

Кроме «кошачьего глаза», Сварог в последнее время обзавелся еще и полезной в некоторых случаях ухваткой под названием «подзорная труба», позволявшей сейчас разглядеть крохотных человечков и все им принадлежащее во всех деталях, словно в некий микроскоп. Очень полезная ухватка, когда имеешь дело с Токерангом... Так что он видел даже пуговицы на синих мундирах с черным узором на груди, даже цвет глаз и аккуратные прически. Они ничем не отличались от людей, точная копия, только крохотная. Совсем молодые и в годах, поджарые и полноватые...

Что-то назойливо зудело в подсознании, какая-то смутная ассоциация... Ага!

Когда ему было лет пять, он верил, что описанный в «Приключениях Незнайки» мир коротышек существует на самом деле – и надоедал родителям, требуя, чтобы они, когда будет у них отпуск, его туда отвезли. Родители под разными убедительными предлогами поездку откладывали, не разубеждая – ну а потом он подрос и поумнел...

Сварог подумал, что все-таки попал в мир детской мечты... да нет, ничего подобного. Эти деловито суетсяящиеся вояки ничем не напоминали жителей Цветочного города, были полной противоположностью... что за чепуха лезет в голову, нашел время!

Он опомнился, вновь стал жестким и собранным. Вынул из кармана тяжелый бластер, тщательно примерился, вскинул оружие. Короткий шипящий треск, ослепительный луч упал на воду – вмиг взлетело облако пара – черкнул по корме субмарины, сверху вниз. Сварог убрал указательный палец с клавиши. Когда рассеялся пар, увидел, что сделал все идеально – кусок кормы, отсеченный вместе с винтами, уже потонул, в образовавшемся идеально круглом отверстии виднелись тонюсенькие трубы, из которых била какая-то темная жидкость, а из других валили крохотные клубы пара. Туда уже вливалась вода – и где-то в глубинах субмарины уже надрывались пронзительные звонкие, надо полагать, пресловутые колокола громкого боя, и тоненько взвыли сирены, и часто-часто замигали над причалом желтые огни...

После нескольких секунд всеобщего замешательства на причале развернулась самая настоящая паника – разгрузка моментально прекратилась, те, что стояли на корпусе лодки, замерли, задрав головы, а те, что на пирсе, бестолково носились в разных направлениях. Только один-единственный крохотный придурок, не потерявший, надо полагать, присутствия духа, какое-то время лупил по Сварогу из малюсенького блестящего автомата, но вскоре перестал, видя, что старается впустую.

Вполне вероятно, что у них существовали точнейшие инструкции на подобный случай – как-никак военно-морской флот, это подразумевается, обязаны быть уставы, регламенты, инструкции по чрезвычайному положению... Видимо, все дело в том, что подобное случилось впервые за многие годы, и оттого инструкции вылетели из головы. Бывает...

Сварог стоял на верхней ступеньке, держа бластер дулом вверх, не без удовольствия глядя на переполох. Он вспомнил Делию и с величайшим трудом

убрал палец с клавиши, медленно разгибая его так, словно преодолевал чей-то нешуточный напор. Для мести было рановато, следовало отбросить эмоции и чувства...

Толпа крохотных человечков отхлынула к ангарам. Остались только четверо, определенно командиры – узоры на груди у них были не черные, а вышитые серебром и золотом, на плечах сверкали непривычного вида эполеты. Стояли плечом к плечу, смотрели на него, задрав головы. Сварог оскалился, чувствуя себя победителем: даже если у них на борту есть ракеты с ядерными боеголовками, выпускать их бессмысленно – влепятся в подвальный свод, и эти крохи погибнут в первую очередь... Не камикадзе же они, в самом-то деле?

Он сделал многозначительный жест бластером. Для пущей наглядности, чтобы уяснили, кто теперь в доме хозяин, на миг прижал клавишу. Луч метнулся под потолок, разнес парочку ламп, и в воду посыпалось стеклянное крошево.

Присмотрелся к крохотным лицам тех, четырех – все поняли, судя по унылым, яростным физиономиям, исполненным той же бессильной злости, что сжигала его в заливе Мардин, когда взметались белопенные фонтаны и один за другим уходили под воду гордые, красивые корабли. Вот и ладненько. Начнем, пожалуй?

Он произнес громко, внятно:

– Ну что, господа мои? Будем обсуждать капитуляцию?

Они не сдвинулись с места, ни слова не произнесли. Только один из них, самый старший по возрасту, самый осанистый, весь в золотом шитье и орденах, обернулся куда-то к ангару.

Сварог посмотрел в ту сторону. Там, на рифленой стене, была укреплена блестящая плоская коробка, и ее крышка была откинута, и внутри сверкал замысловатый рубильник, и возле, держа на нем руку, стоял на вытяжку офицер, не особенно и пожилой, бледный как смерть, крепко сжавший губы...

Сварог в краткий миг понял все – что кое-чего все же не предусмотрел, плохо зная противника.

И понял, что ничего не успеет сделать. Слишком поздно.

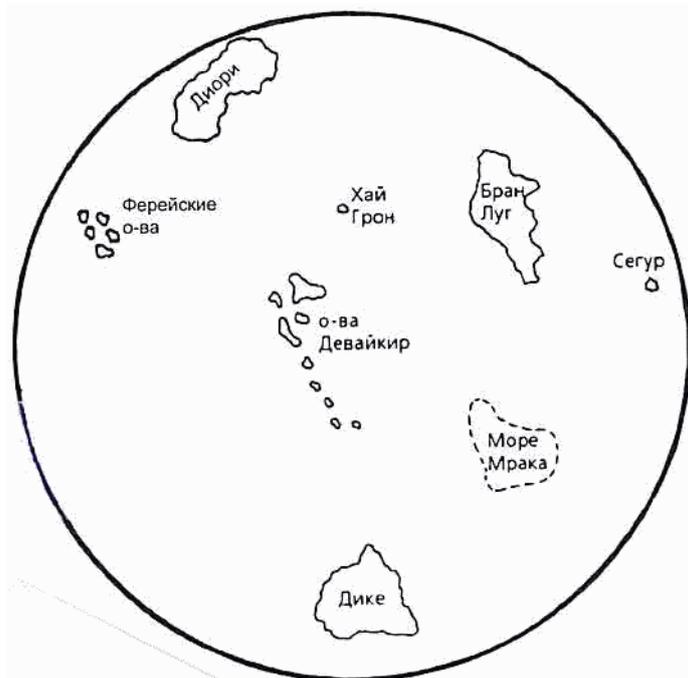
Он, не желая сдаваться, попытался попасть в человечка у рубильника, нажал клавишу, стал опускать ствол бластера, осознавая в отчаянии, что не успевает, не успевает, видя, как луч падает со свода, шипя, оставляя огненные зигзаги, вздымая облачко пыли...

Офицер с закаменевшим лицом опустил рубильник.

Весь мир вокруг Сварога превратился в ослепительное сияние, а потом обрушилось *ничто*.

Приложения

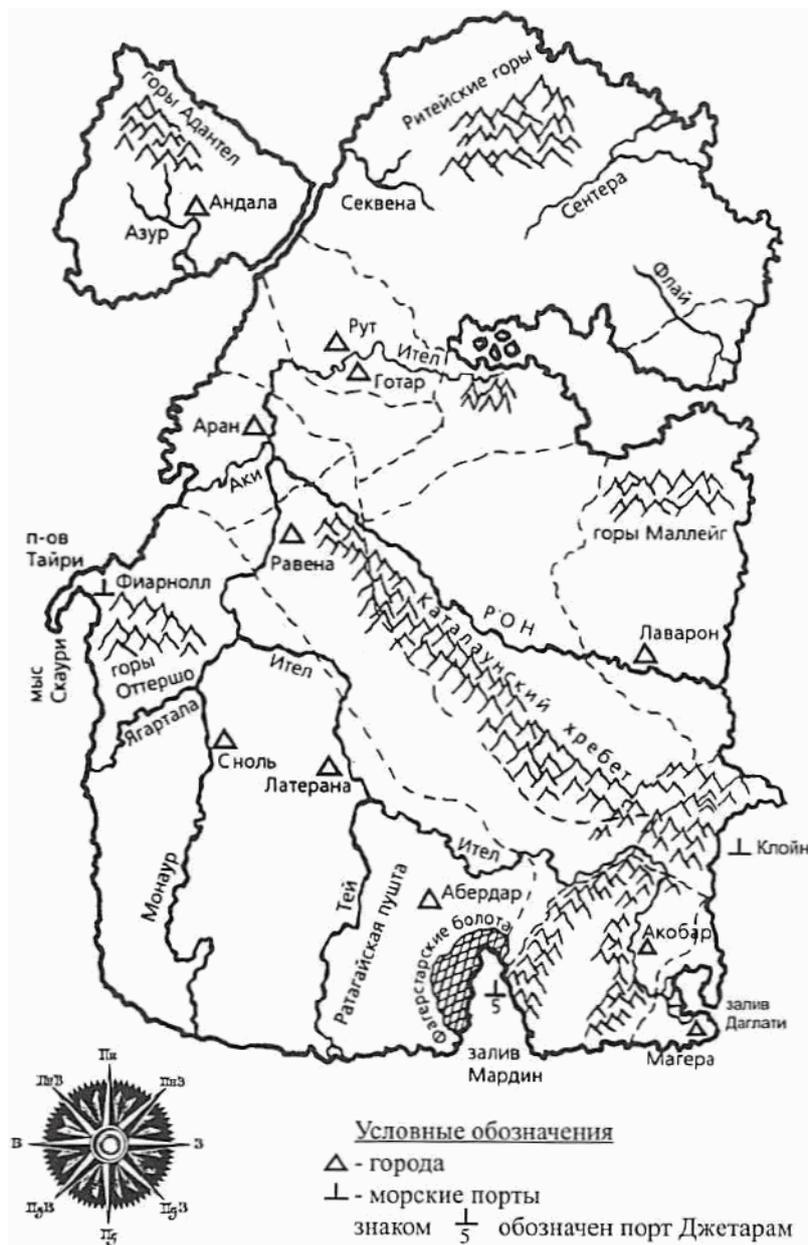
Планета Талар. Полушарие заката

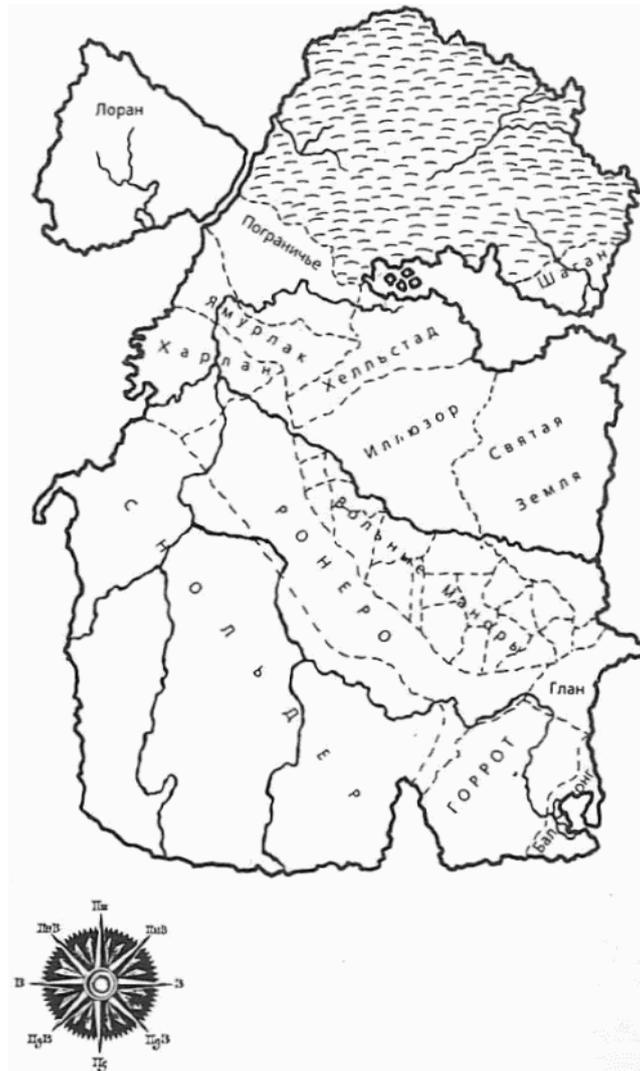

Планета Талар. Полушарие восхода

Физическая карта континента Харум Политическая карта континента Харум

Александр Бушков По ту сторону льда

*Я так считаю, что у всякого человека, рожденного женщиной, есть в этом мире свое бревно, которое ему нужно поднять и сдвинуть.
Р. Киплинг. «Простачок Саймон».*

Часть первая

По ту сторону истины

Глава первая

Номер семьдесят шесть

Чувства возвращались поочередно, словно кто-то поворачивал выключатели из аккуратного рядочка, один за другим.

Сварог ощутил, что лежит на спине, на чем-то твердом, жестком, неудобном. В бытность свою королем он уже успел отвыкнуть от таких поверхностей, больше всего напоминавших простой дощатый пол, короли обычно почивают с несравнимо большим комфортом. Казалось, что пол размеренно покачивается под ним, но он еще не знал, обстоит так на самом деле, или это все – последствия удара. Был какой-то удар. Определенно был. Он вспомнил все – рывком. Все вроде бы шло прекрасно, субмарина лишилась винтов и никуда не могла уйти, стояла в бассейне неуправляемая и абсолютно беспомощная, вряд ли экипаж мог исправить такую поломку собственными силами, в том подвале... Потом... Офицер с оцепеневшим лицом дернул рубильник – подрывной механизм, конечно, – и грянул взрыв, мощнейший. Сварога чем-то ощутимо приложило по голове... Ему не смог бы причинить вреда летящий отдельно предмет, будь то камешек величиной с воробья или глыбища размером с дом... значит, шарахнуло по башке чем-то, что сохраняло соприкосновение с твердью земной – какая-нибудь балка обрушилась или рухнул кусок стены, вот и вырубилло начисто...

Дела не так уж плохи, подумал он, ощущая зудящую боль в левой стороне головы, над ухом, почти в самой макушке. Я все прекрасно помню, кто я такой, что делал, как случился взрыв... до самого последнего мига все помню. Неплохо, могло обернуться и хуже...

Потом включилось обоняние, и Сварог поневоле зашевелился, потряс головой, почти не поднимая ее от дощатого пола, но ничего не изменилось, ноздри прямо-таки залепляла гнуснейшая вонь: испражнения, немытые тела, засаленные тряпки, блевотина... Давненько не приходилось обонять столь резкого и омерзительного букета – да, пожалуй что, никогда, даже во время странствий в качестве бесприютного бродяги не сталкивался с таким набором...

Вернулся слух. Он слышал вокруг ленивые, вялые разговоры, а в другой стороне, очень похоже, ссорились, там орали во всю глотку, осыпая друг друга оскорблениями. Вот только язык какой-то странный, ни одного знакомого слова... Нет, вот кто-то орет, чтобы заткнулись наконец, всех достали, задери вас леший – и тут уж я каждое словечко понимаю... Язык Талара... но другие говорят непонятно... Иностранцы? Опомнись, какие такие другие языки на Таларе? Вся Империя говорит на одном языке, народы отличаются друг от друга только произношением, выговором... Странно...

Пол определенно покачивался под ним. На лице у него, оказывается, лежала мокрая тряпка, источавшая столь неприятный запах, что Сварог не выдержал, сбросил ее резким движением руки. От этого ему вроде бы стало легче и головная боль начала постепенно утихать.

Да, и со зрением вроде все в порядке, просто в загадочном помещении маловато света. Высоко над головой какие-то доски... И стена справа, как убедил-

ся Сварог, скосив глаза в ту сторону, – тоже из длинных, горизонтальных досок, сквозь щели меж ними и пробивается свет – яркий, несомненно, солнечный, но его маловато...

Он решился – приподнялся и сел, привалившись спиной к стене. Вопреки пессимистическим ожиданиям, никаких физических страданий это перемещение в пространстве не вызвало. Слегка побаливала голова в том месте, где его приложило, и только. Руки-ноги целы, нет сильных ушибов...

– С пробужденницей, ваша милость! – послышался рядом ехидный голос. – Кофия в постель подать прикажете, или чайку с марципанами? Или служанку позвать, чтоб ублажила? Всегда к вашим услугам!

Поблизости захохотали несколько голосов, но без особой веселости, мрачноватый был смех. Сварог огляделся.

Помещение, где он находился и куда попал неведомым образом, было сплошь дощатым – и потолок, и пол, и стены – и имело странную форму не совсем правильного прямоугольника: торец идеально прямой, противоположная короткая стена гораздо короче, а две длинных напоминают дуги. Слева, возле торца, в потолке проделано отверстие, прикрытое деревянной рамой, сплошь утыканной обращенными вниз длинными тонкими остриями – и в него проникает свет, виден голубой кусочек неба... В длину этот прямоугольник уардов десять, в ширину значительно меньше...

И повсюду, куда ни глянь, на голых досках сидели и полулежали люди: обрванные, нестриженные, одни по пояс голые, другие босиком. Окинув себя взглядом, Сварог убедился, что не особенно от них отличается: хомерик исчез, рубашка тоже, штаны и башмаки остались, но перемазаны в грязи и пыли. Что-то мешало шее, этого не было раньше. Он попробовал рукой – прочная, на ощупь железная цепочка грубойковки, настолько короткая, что через голову ее ни за что не снять. На ней висела железная овальная бляха размером с ладонь. Прижимая подбородок к груди, поудобнее перехватывая бляху руками, Сварог вскоре разглядел на ней грубо выбитый номер: семьдесят шесть. Именно номер: перед двумя цифрами красуется значок «№». Что за фокусы? Тут несколько десятков человек... Это не Атар и уж никак не Корона...

– Так как, ваше степенство? – завел свое сосед. – Вы так ничего приказать и не изволили насчет кофею и прочих марципанов... А ведь привыкли, небось, поутру кофий хлебать и булку белую жамкать? На роже написано...

Сварог угрюмо покосился на него: тщедушный худой субъект неопределенного возраста, классический ехидина и склочник, мелкая сявка, шпана, в любой камере, в любой казарме отыщется... Не стоило пока что связываться, не присмотревшись, не освоившись, не изучив расклады.

Он промолчал, разглядывая неожиданных товарищей по неизвестному несчастью: одни мужчины, есть несколько юнцов, но не видно ни одного настоящему дряхлого, ни одного калеки. На всех лицах одинаковое выражение: унылая пришибленность людей, которым их будущее известно наперед, и нет никакого смысла давать волю эмоциям... А пол явственно раскачивается, и это не следствие головокружения, а доподлинная реальность, существующая независимо от наших чувств. Вон, сдвинулась с места ржавая кружка, проехала чуть по полу, остановилась, в другую сторону поползла... Да это же корабль!

Все моментально встало на свои места: сплошные доски вокруг, постоян-

ное покачивание пола... Корабль. И определенно они сейчас не в трюме, иначе не пробивался бы дневной свет сквозь щели в разошедшихся досках...

– Где это мы? – спросил он, глянув на весельчака.

Как он и ожидал, тот мгновенно принялся гримасничать, оглядываясь на ближайших соседей с таким видом, словно полагал себя великим актером, любимцем публики:

– Как бы подходчивей объяснить вашей милости... Вот это, стало быть, доски, они гвоздями сколочены. Извольте ведать, что такое гвоздь? А это...

– К лешему такие подробности, – сказал Сварог. – Планета как называется?

Весельчак зашелся, словно его щекотали:

– Ах, ваша милость, свежего человека вы в минуту уморите! А вы что же, с планеты на планету скачете? На одной так винища нажретесь, что глазки продираете только на другой? Так, что все названия в голове перепутались? Право слово, в балагане вас показывать, большую деньгу можно зашибить...

Он, хихикая, гримасничая, оглядывался на ближайших соседей, тыкал их под ребра локтями, приглашая повеселиться от всей души, но те мрачно отстранялись. Не походило, чтобы этот недомерок с крысиной мордочкой пользовался тут авторитетом – или хотя бы признанием в качестве юмориста. Один из сидевших поблизости, мельком глянув на Сварога, все с той же унылой пришибленностью буркнул:

– Талар это, Талар. Легче стало?

Сварог промолчал, хотя ответить следовало утвердительно – ему и в самом деле стало гораздо легче. Просто несказанно легко. По-прежнему Талар. Никуда его на сей раз не зашвырнуло, остался на Таларе. И это определенно не камера смертников. Перемелется. Но что-то же такое неприятное с ним произошло?

– Какое сегодня число? – спросил он, ни на кого не глядя.

Тот, что сказал про Талар, плюнул и не ответил. По первым впечатлениям Сварога, незнакомец чрезвычайно походил на неотесанного фригольдера, из-за упадка хозяйства пустившегося поискать счастья в городе. Руки больно уж крестьянские. Крысеныш – тот явно из портовых белоручек, мелкота приклатенная...

Уставясь уже на него, Сварог повторил громче, подпустив в голос жесткости:

– Число сегодня какое, спрашиваю?

Этот тон, кажется, подействовал: весельчак ответил все так же развязно, но немного почтительнее:

– Число у нас, надо полагать, такое же, как у вас... Седьмое Фиона, я так прикидываю.

Хорошенькие дела, подумал Сварог. В подвал я ворвался пятого Фиона, а сегодня... Сутки с лишним провалялся, выходит?

– А когда мы из Фиарнолла отплыли? – спросил он наудачу.

– Шестого, утречком. Охотно верю, сударь, что у вас были другие планы касемо даты отбытия, но наш капитан, чтоб ему сдохнуть еще сосунком, забыл с вами посоветоваться... Еще вопросы будут? Вы уж их все кучей вываливайте, а то тоска заедает смотреть, как вы их по одному вымучиваете...

Вопросов у Сварога было множество, но задавать он не стал ни одного – потому что ответы наверняка сопровождались бы кучей издевок и подковырок,

выслушивать кои не было никакой охоты. Кое-что уже известно: если из Фиарнолла и шестого как ни в чем не бывало отплывали корабли, значит, взрыв был не ядерным, и Фиарнолл, слава богу, целехонек. Обычная взрывчатка, только в неимоверном количестве. Но каковы морячки – недооценил их Сварог, ох, недооценил. Камикадзе хреновы. Как он стоял, тот хмырь у рубильника, – по струночке, с непроницаемым лицом... Значит, вот так у них заведено – в случае опасности взрываться всем скопом без малейших колебаний... Ну предположим, не все могли быть в курсе... И все равно, хорошая выучка. Как он стоял, сукин кот... Уважать начинаешь. Правильно я все-таки поступил, что не взял с собой туда ни Мару, ни Гаржака, как ни набивались – им бы там пришел конец, никаких сомнений...

Он потрогал голову – там еще держалась здоровенная шишка, но не похоже, что задета кость. Ерунда, заживет как на собаке...

– Скучаете, красавчик?

Сварог поднял голову. Рядом с ним устраивался странноватый молодой человек – весь какой-то вихлючий, жеманный, он то и дело глупо улыбался, непонятно жестикулировал пальцами, кидал на Сварога туманные взгляды. На всякий случай Сварог чуточку отодвинулся, но странный незнакомец придвинулся следом, улыбаясь и жеманничая, положил ему руку на колено, защебетал:

– А давайте мы с вами подружимся! У меня здесь совсем нет друзей, представляете? Такая скука, просто невыносимо. Если нас будет двое, жить станет гораздо веселее. Давайте дружить, красавчик, правда...

Он уже откровенно гладил Сварога по колену. Сосед-весельчак вылупил на них с таким видом, словно сторал от нетерпения узнать, чем все кончится – что-то, ему, несомненно, хорошо известное. Приглядевшись, Сварог усмотрел на щуплой груди нахала странную татуировку: довольно искусно изображенную синей тушью скамейку.

И моментально сообразил, что к чему. Когда много общаешься с тайной полицией, узнаешь массу интересных вещей. Ну да, конечно. Интагар как-то, чтобы его развлечь, приволок толстенные альбомы с рисунками и прочел обстоятельную лекцию. Тюремный педрила, на воровском аргю, – «скамейка». Стоп-стоп-стоп... А что, если те непонятные беседы, что он только что слышал, как раз и были каторжанским жаргоном, или, как выражаются сами тюремные сидельцы, «тарабарской грамотой»?

Не колеблясь, он отодвинулся, пихнул жеманного ногой в грудь и рявкнул:

– Брысь отсюда, тварь, хребет перешибу!

Юноша живенько подскочил и без протестов убрался в дальний конец помещения. Сварог облегченно устроился в прежней позе, но тут же насторожился: к нему, небрежно переступая через лежащих, а кое-кого бесцеремонно убирая с дороги пинками, направлялись двое субъектов уже иного полета: довольно крепкие, отнюдь не изможденные, разукрашенные татуировками так, что экипаж капитана Зо мог бы умереть от зависти. Кое-какие из них Сварог помнил по тем же альбомам. Судя по ним, рыбешка была отнюдь не мелкая, весьма даже зубастая. Лошадиный скелет с крыльями – разбой на больших дорогах, разбитая ваза – насильно лишил невинности не просто девицу, а благородную дворянку, череп на правой руке – загубленная душа. У одного таких черепов восемь, у второго только четыре, но два из них с точкой на лбу, обо-

значающей кокарду – значит, обладатель наколок помог переселиться в мир иной двум полицейским, что котируется несравнимо более, нежели «простые» черепа... И куча других наколок, значения которых Сварог сейчас не помнил, но готов был поклясться, что они символизируют отнюдь не благотворительные дела.

Примечательная парочка остановилась над ним. Какое-то время они пристально разглядывали его, покачиваясь с пятки на носок, потом уселись по обе стороны. Тот, что устроился справа, вполне дружеским жестом положил Сварогу руку на плечо и задушевно сказал:

– Слушай, дяхан, башмаки у тебя на загляденье добротные, а у меня их вообще нет... Это ж непорядок, правда? Ты вот сам в какого бога веруешь?

– В Единого Творца, – осторожно сказал Сварог.

Разбойник с большой дороги прямо-таки расплылся в улыбке:

– Вот это повезло, так повезло! Уж так свезло, что не в сказке сказать, ни в суде сбрехнуть... Раз веруешь в Единого Творца, должен уважать святого Роха, точно? А чему учил святой Рох? Поделись с ближним своим, босым и сырым... Правильно? Так что снимай башмачки, дядя, во исполнение заветов святого подвижника...

Ситуация, подумал Сварог в некоторой растерянности. Объяснил бы кто, как держаться. Стоп, это, в конце концов, не тюрьма и не каторга, и народ здесь самый разный, далеко не все по «тарабарской стежке» шлепают... Не может здесь быть тюремных правил, нутром чую...

Он сказал, взвешивая каждое слово:

– Святых много, уважаемый. Лично я как-то больше придерживаюсь поучений святого Катберта-Молота. А он, если вы не знаете, учил примерно так: не позволяй ближнему твоему нахально ездить у тебя на шее, ибо если он так поступает, то он и не ближний тебе вовсе. Следовательно, не грех такому мнимому ближнему двинуть по зубам так, чтобы их поубавилось изрядно и резко...

– Может, попробуешь? – прошипел тот, что резал полицейских.

Взгляд у него был по-настоящему страшным, но по сравнению с кое-какими противниками Сварога во времена былых странствий этот субъект даже на троечку не тянул.

– Могу и попробовать, если вынудят, – сказал он спокойно.

Как он видел краешком глаза, крысеныш обратился в статую, даже, кажется, не дышал, старательно делая вид, что его здесь не вовсе.

– Да ладно тебе, – сказал напарнику второй примирительным тоном. – Куда тебе башмаки, если тут ни танцулек, ни девок... Дядя хороший, нечего его обижать попусту... Давай-ка мы лучше с тобой, дяхан, метнем на пальцах в «вилы-гирю-полотно»? А?

– Не умею, – сказал Сварог.

– Враз научим. Так, так, этак... – он с быстротой фокусника показал пальцами несколько фигур. – И правила враз растолкуем, они нехитрые. Ну что ты жмешься, залетный? Это ж не карты и не кости, какое может быть с пальцами мошенничество? Бывают фальшивые волосы, по-ученому – парики, и фальшивые глаза бывают, из фарфора там или из стекла. А про фальшивые пальцы ты слышал когда-нибудь? Вот они, доподлинные, натуральные...

– Играть не на что, – сказал Сварог. – Башмаки самому нужны, а больше вроде бы и не на что. И сдается мне, уважаемые господа, что и у вас со ставка-

ми небогато...

Его собеседники так и закатились, старательно раскачиваясь на корточках, переглядываясь, панибратски хлопая Сварога то по коленям, то по спине. Зорко наблюдавший не только за приставалами, но и за прилегающим пространством, Сварог в какой-то момент обнаружил, что вся эта сцена находится под самым пристальным наблюдением кучки субъектов, крайне похожих на его разговорчивых собеседников. Их было пятеро, они сидели совсем недалеко, двое красовались обнаженными торсами с таким же обилием жутковатых наколок, а остальные кутались кто в хомерик, кто в камзол, и оттого никак нельзя было рассмотреть их сложную и запутанную нательную биографическую роспись, но никаких сомнений не оставалось, что это птички из той же стаи. Вон тот, в хомерике, у них за главаря, точно – остальные четверо инстинктивно уселись так, чтобы держать его в поле зрения на предмет возможного приказа. А вот сам он ни на кого не смотрит, прищурившись, наблюдает за Сварогом. Ну да, так примерно в старой притче опознал находчивый монах замешавшегося в толпе придворных короля – все взоры были обращены на короля, а сам он ни на кого не смотрел...

– Весельчак ты, дядя, – сказал обладатель восьми черепов. – Как это, нечего ставить? Жопа-то при тебе, ага. Проиграешь – становишься на манер скамейки, а мы тебя, соответственно, пользуем.

– А если выиграю?

– А если выиграешь, то мы тебя не пользуем. Королевские условия, дядя, согласен?

– Нет, благодарствуйте, – сказал Сварог. – Как ни заманчиво, а придется отказать. Зарок дал в ранней юности. Моя седенькая мама, когда провожала в большую жизнь, взяла с меня клятву, что никогда не буду играть на ставку, во что бы то ни было... Ветреный я парень, признаюсь по чести, много в жизни накуролесил, много заповедей нарушил, но вот, хоть вы меня режьте, через данную матушке клятву переступить решительно не в состоянии...

Судя по перекосившейся физиономии обладателя восьми черепов, ему и комедию ломать надоело, и был он всерьез разозлен строптивостью упрямого фраера. Без всяких церемоний схватив Сварога за физиономию грязной пятерней, он грозно процедил:

– Я тебе скажу, овечка, без всякой игры отсосешь со всем старанием...

Пора было кончать этот дурной спектакль, потому что по всем критериям он вплотную подступал к той черте, где уже начинается унижение, которое ни один настоящий мужик спускать не должен. Сварог сделал парочку неуловимых движений, одной ногой подцепив лодыжку возвышавшегося над ним громилы, пяткой другой ноги нанес удар в коленную чашечку.

Противник, стоявший в раскованной позе, вмиг потерял равновесие и опрокинулся, как подрубленное дерево, шумно ударившись затылком о загаженную палубу. Закрепляя успех, Сварог извернулся на грязных досках и с помощью опять-таки двух ударов ногами отправил второго вслед за приятелем.

Воцарилась тяжелая тишина. Группировавшиеся вокруг главаря не сразу поняли, что дела пошли серьезные, что два их дружка не просто повалились на палубу, а лежат без всякого движения, ушибленные достаточно серьезно. Едва это до них дошло, двое кинулись к Сварогу, громко пугая жуткой участью.

Взмыв на ноги, Сварог их встретил – моментально, качественно и жестоко. Он не собирался никого убивать, и кости ломать не хотел – неизвестно еще, сколько времени придется проторчать среди этого сброда, не стоило с ходу устраивать смертоубийство и членовредительство, – но бил безжалостно. Теперь на досках лежали уже четверо – трое слабо шевелились, стонали и охали, а четвертый только-только приходил в себя.

Двое оставшихся – последний резерв главаря – бросились вперед.

– Хуть! – рыкнул главарь не шевелясь и не меняя величественной позы.

Один недовольно рявкнул не оборачиваясь:

– Чамо гаришь? Поцар сом клудит на бар...

– Хуть, блэ! Качуму щукаю?!

Оба нехотя остановились, вернулись на место, ворча и бросая на Сварога неприязненные взгляды уже без всякого актерства. Главарь же отвернулся с таким видом, словно совершенно ничего не произошло, да и никакого такого фраера не существовало вовсе. Громко произнес:

– Щеняй добежь, мокотура...

Ушибленная троица, кое-как поднявшись на ноги, стала отступать в расположение части. Четвертый ползком двигался в арьергарде. Те, кто наблюдал за действием, разочарованно отвернулись, но большая часть узников трюма с самого начала игнорировала происходящие события.

Сварог чувствовал себя здоровым и полным сил, голова почти уже не болела. Он осмотрелся. Семеро уркаганов сидели, демонстративно отвернувшись от него, а вот сосед таращился с восхищенным ужасом, оцепеневший и обомлевший. Судя по его виду, он ожидал гораздо более трагического развития событий и никак не мог поверить теперь, что все обошлось.

Усмехнувшись, Сварог присел рядом с ним на корточки, аккуратно взял за кадык – большой палец справа, указательный и средний слева – легонечко придавил и ласковым шепотом осведомился:

– Придушить, тварь?

Сосед ответил жалобным писком и потоком невразумительных, но определенно умоляющих слов – кажется, доказывал, какой он хороший и мирный, как его дома ждут не дождутся мать-старушка и семеро детушек, один другого меньше. Веревки из него можно было вить. Чуть-чуть ослабив хватку, Сварог с расстановкой сказал:

– Не вилять. Не рассусоливать. Отвечать быстро и подробно... Куда нас везут?

– На Катайр Крофинд, – пуча от усердия глаза, внятно выговорил собеседник. – На плантации. Хлопок пестовать, смолу дерень-деревя собирать. На десять лет, по указу его величества короля Сварога.

Несмотря на унылость ситуации, Сварог в первый миг едва не расхохотался во весь голос. Таких трюков судьба с ним еще не вытворяла: угодить в плавающую тюрьму, везущую каторжников на плантации по своему же собственному указу... Комедия!

– Это и раньше всю практикувалось, – заторопился собеседник. – Вместо каторги или там тюремной отсидки. За шиворот, на корабль – и вкальвай на островах весь свой срок. А совсем недавно король Сварог, чтоб ему ежа родить против шерсти, бабахнул новый указ, по которому на острова запикивают уже на полную десятку, невзирая на приговор и срок, и не только всякую мелочь,

а всех подряд, кто попался под горячую руку, смотря по закоренелости. Вот и вышло, что угодили в трюм даже господа тарабарские аристократы... – он опасливо повел глазами в сторону уркаганских затылков. – Под метелку гробут, страшное дело, тюрьмы чистят, а еще...

– Хватит, я уяснил, – мрачно сказал Сварог.

Не было необходимости выслушивать вульгарное и краткое изложение своего же собственного указа. Все правильно, именно так и было сформулировано: «...заматеревших злодеев, закоснелых в своих противозаконных прегрешениях, а также упорном бродяжничестве». Десятку в зубы – и езжай развивать экономику далеких островов, ухаживать за хлопком, собирать смолу дурень-дерева, из которой готовят великолепную синюю краску. Что характерно, без всякого досрочного освобождения: скорый, но справедливый суд короля Сварога столь слюнявого гуманизма не предусматривает...

Разумеется, он не собирался считать свой указ ошибкой или перегибом. Все было задумано совершенно правильно: и континент освободится от уголовничков, бродяг и прочих тунейдцев, и экономике явная выгода.

Однако же, повороты сюжета! Как его угораздило, в конце-то концов, угодить в жернова собственной мельницы? Сварог никогда не питал особенных иллюзий насчет своей же верноподданнической бюрократии: заранее было ясно, что будут и злоупотребления, и накладки, и поводы для взяточничества, – полностью искоренить подобное невозможно. Но откуда такие перехлесты?

– Как я сюда попал? – спросил он сумрачно.

– А ничего удивительного, ваша милость... Подвернулись, извольте ли знать, под горячую руку, для ровного счета, в неразберихе...

– Точнее.

– А точнее – совсем просто. Нашу братию на ночь заперли в пересыльном лабазе, что у самого моря. Все, как положено: решетки, замки, вахари с собаками – дело отработанное. Только посреди ночи приключилась странность. На соседнем причале что-то взорвалось, представления не имею, что и почему, кто бы нам, убогим, растолковывал... Однако грохнуло так, словно небо повалилось на землю. В незапамятные времена, говорят, так города на воздух взлетали во время тамошних жутких войн... Ну, бабахнуло, доложу я вам! Мы уж думали, конец света, новый Шторм, окончательный и законченный катаклизм... Стена обрушилась, что ограждала наш лабаз от соседнего причала, а у лабаза обвалился один угол... И нашлись среди нашей братии такие штукари, что голову не потеряли, не в пример общей массе. И ломанулись в пролом, не теряя времени, – рассудили, должно быть, что хуже не будет, а второго такого шанса определенно не предвидится... Вахари, кто опомнился так же быстро, кинулись пресечь и воспрепятствовать. И ведь успели, псы... Почти всех похватили, с ног побивали, древками по печенкам... Только трое все равно успели утечь, выскочили за стену – и лови их теперь хоть по всему свету... Уж я бы на их месте тоже вчистил, чтобы пятки дымились...

– Без лирики, – сказал Сварог. – Ближе к сути.

– Суть-то была такова... Нас же не на виселицу везут – на долгие работы. Каждая пара рук в цене и считается ценным казенным имуществом. И на Кайр Крофинде с главного вахаря спросили бы за недостачу по всей строгости. Три пары рук – это вам серьезная промашка и караемое упущение по службе...

Вот главный вахарь, судя по всему, и извернулся со страху. Когда рассвело, пошел осматривать соседний причал, прихватил с собой своих псов... Я сам видел краем глаза, когда нас гнали на пристань, зрелище было то еще: в земле огромная ямища, даже не ямища, а этакая огромная канава, непонятно как проделанная, все изрыто, перерыто, повсюду жмурики валяются... Собираете? Он, сучара хитрая, велел пошарить среди мертвых в поисках бесчувственных, отобрал, надо полагать, тех, кто был попроще видом – уж никак не дворянин, не почтенный какой. Нашел себе троих беспамятных и велел за руки за ноги оттащить на корабль. Во-он там такой же, как вы, найденыш... а третий где-то в дальнем углу, отсюда не видать... А чего? Недурно придумано. Может, кто-то из вас потом правдочку и найдет... в чем лично я сильно сомневаюсь, уж простите. Но даже если дело когда-нибудь вскроется, главному вахарю не будет никакого ущерба. У него-то по бумагам все в ажуре: скольких принял, столько и доставил – и уплыл себе восвояси браво нести службу. Кто докажет, что это он все устроил? Никому ж неинтересно его закладывать, всем приятно получить законные денежки, когда на острове счет сойдется... А там – много воды утечет. Вы еще докажите сначала, что это вы и есть, а не тот, чей номерок вам на шею приклепали... Семь потов сойдет.

– Вот, значит, как... – медленно сказал Сварог.

– Ну, я ж и объясняю: посмотрели они, что вы дышите, кости целы, башка не пробита – и сволокли за руки-ноги на корабль. Благо отплыть ему полагалось тем же утречком. Положили вас туточки, где мы с вами сейчас сидим, а вы, ваша милость, были не в том состоянии, чтоб протестовать и качать права... Якорь выбрали – и привет, море-океан...

– А моя одежда? Все остальное?

– Ну, ваша милость, к чему глупые вопросы? Одежду вашу вахари наверняка прибрали, все, что было при вас, поделили... кроме того, что в картину категорически не вписывалось, – документы там, бляха гильдейская, или что еще у вас при себе было... Это-то, конечно, выкинули, тут и гадать не надо. А что, сойдет с рук. Там, в порту, сейчас определенно не до вас троих, им бы со взрывом разобраться. Я ж говорю: повсюду жмурики, развалины сплошные, ямы невероятных размеров, кусок берега обвалился даже. Будто тыща бочек пороха взорвалась единым махом, от одного фитиля... Уму непостижимый катаклизм, доложу я вам. Вы, случаем, не знаете, что это там бабахнуло?

– Откуда? – произнес Сварог равнодушным тоном. – Я в порту был человек случайный.

– Вот и попали под случай, хе... Вы не переживайте, и на Катайр Крофинде люди живут – хотя, конечно, как вспомнишь, что десять лет горбатиться, руки опускаются. Предлагали же мне идти официальным прислужником при игорном доме, в градские обыватели обещали вписать, а я, дурак, кобенился, хотя, если по совести, ночным ремеслом сшибал чистые гроши. Вот и угодил в законенелье, соскочить не успел вовремя...

– Так это ты за мной ухаживал? – спросил Сварог с любопытством, подняв с досок все еще влажную холстинку. – Ведь не сам же я...

Собеседник понизил голос до шепота:

– Да нет, врать не буду... Это, извольте знать, вон те самые... – он показал глазами в сторону разбойников. – Сначала они на вас и не обращали особенного внимания, а потом отчего-то вдруг проявили самый пристальный инте-

рес, устроили аккуратнее, местечко выбрали посвободнее и почище, примочки на голову клали... Их главный так и распорядился... Они до-олго вокруг вас сидели, совершенно непонятно, отчего вы им так приглянулись... – шептал он почти беззвучно. – Неспроста это, ваша милость, неспроста. Вы с ними поосторожнее и поаккуратнее, народ, сами понимаете, видывавший всевозможные виды, для них любого замочить, что два пальца... Терять-то нечего – на Катайр Крофинде не вешают, только срок увеличивают, а этим, легко просечь, серьезного человека не особенно и запугаешь...

Сварог посмотрел в ту сторону. Семерка серьезных людей по-прежнему сидела к нему спинами – хотя, создалось полное впечатление, их так и подмывало обернуться. Словно угадав его мысли, сосед протянул:

– С чего их потянуло на доброту, в толк не возьму. Видно, для чего-то вы им надобны, и уж наверняка не для простой дури – вон, при них натуральная «скамейка», а если хотели покуражиться, тут полно народу послабже вас и попугливее, мелочи всякой пузатой... Они, если вы не поняли, определенно прокрутили вам смотрины, это, как бы выразиться...

– Да ладно, все я понял, – сказал Сварог.

Откинулся назад, прижался спиной и затылком к нагревшимся за день доскам борта, прикрыл глаза. Все, что следовало знать, он уже выяснил, не было смысла продолжать пустую болтовню. Самое время подумать, как из всего этого выбраться. Ситуация далеко не самая погибельная, нет особой опасности ни для жизни, ни для здоровья – всего-то попал ненароком под свой же собственный указ касаясь подонков общества, не на плаху везут, не на съедение чудовищу. Должен быть какой-то выход, но искать его нужно не с кондачка...

Глава вторая **Совещание в верхах**

Пришлось в который раз убедиться, что не следует делать культа из народной мудрости, в данном случае, из пословиц и поговорок. Утро оказалось ничуть не мудренее вечера. За ночь Сварог так и не придумал ничего толкового. Вообще, ночь прошла скверно. Спал он вполглаза, чутко прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из вонючего и душного мрака, – был начеку, на случай, если по каким-то своим неведомым соображениям разбойная братия вздумает против него что-нибудь предпринять.

Обошлось. Они никак не дали о себе знать. С наступлением темноты устроили, правда, небольшое развлечение на свой манер – судя по возне, редким репликам и жеманному похихикиванию педрилы, незатейливо пользовались своей «скамейку», но потом угомонились. Настала спокойная тишина, прерываемая порой разве что чьим-нибудь вскриком во сне, бормотаньем, оханьем. Корабль шел на всех парусах при ясной, как можно понять, погоде, в узкие щели меж добротнo сколоченными досками пробивался серебристый лунный свет, иногда над головой, на верхней палубе, слышались ленивые разговоры стражников. Они, как стало понятно очень быстро, бдели недреманно – хорошо понимали, сволочи, что под ногами у них полно людей, которым совершенно нечего терять. Всю ночь ходили вокруг люка, от борта к борту, от носа к корме, постукивая при этом, судя по звукам, древками и прикладами.

Спать Сварогу отчего-то не хотелось – видимо, долгое пребывание в бeспмятстве сошло для организма за длительный здоровый сон. Да и напряжение нервов давало себя знать. Так что хватало времени, чтобы о многом подумать

трезво и рассудочно...

Бессмысленно было гадать сейчас, кто из его людей погиб при взрыве, а кто уцелел. Кто-то определенно погиб, а у кого-то были все шансы уцелеть: например, у Мары с Гаржаком, находившихся на корабле, в отдалении от суши. Зато те сыскари, что остались ждать поодаль от ворот, наверняка, бедолаги, попали под взрыв...

Итак, часть тех, кто прибыл с ним в Фиарнолл, уцелела. Но вот дальше-то что? Его, несомненно, начали искать практически сразу, насколько это вообще было возможно в наступившей сумятице, – но, ручаться можно, ни одна живая душа не в силах догадаться, что некий начальник конвоя, озабоченный тем, чтобы сошелся счет вверенного его попечению поголовья, решил, добрать разницу за счет первых подвернувшихся под руку мирных граждан... Зная Мару и Гаржака, зная остальных – например, баронессу, которая в ночной вылазке не участвовала, а оставалась в городе – можно с уверенностью говорить, что сейчас к месту взрыва согнали все наличные полицейские силы Фиарнолла. И, ничего не объясняя им прямо, велели, надо полагать, из кожи вон вывернуться, но просеять через сито каждую кучку вырванной взрывом земли в поисках живых и мертвых. Да, примерно так и будут действовать его люди, обнаружив, что король пропал без вести.

Короля, разумеется, не найдут ни живым, ни мертвым. И тогда... А вот тогда – ничего. Если не отыщется свидетелей, видевших, как этот сраный вертухай уволокивал на плавучую тюрьму беспмятных, поиски зайдут в тупик. Можно привлечь хоть целую армию, но какие задачи прикажете перед ней поставить, если известно, что король словно в воздухе растаял? То-то...

Оставалась слабая надежда на старуху Грельфи, способную с помощью каких-нибудь ухваток из своего не особенно богатого арсенала учуять Сварога на плывущем к Катайр Крофинду корабле, – но надежда, вот именно, слабая. Дохленькая, если откровенно. Может, старуха сумеет, а может, и нет...

Само собой разумеется, следует отместить громогласное обращение к вертухаям. Нет смысла называть себя, перечислять свои титулы, настаивать на своей подлинности, грозя виселицей и плахой. Все равно никто не поверит, как не поверил бы он сам на их месте. Чересчур фантастично. Если исключить полтора десятка посвященных в тайну людей – при том, что неизвестно, сколько из них вообще осталось в живых – весь окружающий мир пребывает в уверенности, что король Сварог сейчас находится в своем латеранском дворце, из-за плохого настроения заперся в покоях и на людях почти не появляется, разве что пару раз в день проходит по галерее, прогуливается по плоской крыше.

Между прочим, это недалеко от истины: роль Сварога во дворце выполняет примитивная обманка, бестелесное подобие, двойник-призрак, оставленный там Сварогом для пущей убедительности.

Нет, ни одна собака не поверит, что властелин чуть ли не всего Харума вдруг оказался переряженным в фиарнолльском порту. Только на посмешище себя выставишь, объявляясь. Этот вариант отпадает.

Остается либо покорно дожидаться прибытия на остров и попытаться что-то предпринять там, либо в полном соответствии с приключенческими романами (а также подзабытой идеологией марксизма-ленинизма, предписывающей угнетенным непременно восставать против угнетателей) поднять сотова-

рищей по несчастью на бунт, передуть вертухаев, захватить корабль...

Вариант номер два по здравому размышлению представлял решительно невыполнимым. Препятствовала специфика плавучей тюрьмы. Здесь, в камере, бунтовать можно сколько угодно – весь бунт сведется к матерным выкрикам и напрасной беготне от стены к стене. Конвой на подобный «мятеж» не обратит особого внимания, разве что посмеется от души, наблюдая все это сверху, с безопасного расстояния...

Чтобы захватить корабль, нужно перебросить наверх достаточное количество людей, а сделать это невозможно: лестницы нет, высота помещения – более четырех уардов, люк надежно закрыт решеткой с железными шипами. Выстроить живую пирамиду, чтобы карабкались друг по другу? Едва начнешь сооружать, конвой заметит и примет меры. Противодействие подобным выходам наверняка отработано до мелочей – не первый год возят на острова каторжников, не первое десятилетие и даже не первый век...

Проковырять дырку в борту, достаточную, чтобы туда протиснулся человек? Отпадает. Доски из какого-то особо прочного дерева, испокон веков применяемого в кораблестроении, соединены на совесть. Щели между ними не оттого, что борт разохся – как показалось сначала ему, сухопутному, – а потому, что бесчисленные смены заключенных от нечего делать мало-помалу выдернули всю паклю, коей щели были некогда конопачены. На чем и успокоились, прекрасно понимая, что голыми руками борт не проковыряешь...

Разобрать пол, или, если следовать морской терминологии, палубу? Но она тоже из добротного сколоченных досок. Да и под ними – не желанная воля, а то ли пушечная палуба, то ли грузовой трюм. Голыми руками опять-таки не справиться. Отпадает. Господи ты боже мой, до чего дурацкая ситуация! Не менее сотни человек, готовых на все, чтобы отсюда вырваться, но повести их в драку нет никакой возможности...

Он перебирал свои магические способности, но не находил среди них той, что могла бы помочь в данном конкретном случае. Можно отвести глаза конвоем, стать для них невидимкой – но это имеет смысл проделать, лишь оказавшись наверху. А чтобы оказаться наверху... снова пошла сказка про белого бычка. Замкнутый круг. Шансы появятся, когда окажешься наверху, а наверх ни за что не попасть...

Он встрепенулся, поднял голову, заметив, что люди вокруг оживились не на шутку. Наверху, над люком, началось какое-то шевеление, тени стражников то и дело перекрывали тень от решетки, лежащую на грязных досках.

– Что такое? – спросил он соседа, уже усмиренного, приведенного к полной покорности.

Тот без тени насмешки отрапортовал:

– Хавку будут раздавать, ваша милость. Одно счастье в нашем положении – пожрать от пуза, благо есть возможность. Они ж нас не собираются голодом морить, им, тварям, наоборот, нужно, чтобы мы пахать принялись в полную силу, едва сойдем с корабля на этом долбанном Крофинде... Сидите, не дергайтесь, у нас с вами номера чуть ли не в самом хвосте.

Послушав совета старожилы, Сварог остался сидеть в своем углу. Наверху шумно завозились, отвалили решетку, и в люке тут же показалось несколько лезвий гуф – здешнего подобию алебард. Солидные лезвия, шириной в две ладони и длиной поболее локтя, начищенные и наточенные на совесть, снаб-

женные кучей крючков, фигурных вырезов и острых завитков. Судя по их виду, вертухаями командовал толковый служака, ревностно следивший за материальной частью, – лезвия, остря и крючья так и сверкают солнечными зайчиками, до бритвенной остроты отточены, башку смахнут в два счета. А меж ними виднеются раструбы «чертовых дудок» – заряженных картечью мушкетов. Все продумано, мать их за ногу. Даже если сыщется акробат, способный одним прыжком оказаться на верхней палубе, – еще в полете напорется на заботливо подставленное лезвие или попросту получит дубинкой по башке...

Наверху деловито рявкнули без всяких эмоций: – Номер один! – и проворно опустили плетеную корзину на прочной веревке. Кто-то бросился к ней, расталкивая соседей, выгреб содержимое и, прижимая его к груди обеими руками, замешался в толпе. Корзина моментально взлетела вверх. Очень быстро наверху раздалось:

– Номер два!

Корзина вновь опустилась, стукнувшись круглым днищем о грязные доски, и все повторилось. Раздача пайки происходила в быстром ритме – опять-таки отработано за столетия...

В конце концов Сварог дождался своей очереди, вернулся на свое и принялся разглядывать пищевое довольствие. Сосед оказался прав: голодом тут морить не собирались, наоборот, делали все, чтобы будущие герои трудового фронта сохраняли силы. Изрядный кусок сыра, шмат солонины, краюха хлеба и кусок сахара размером с куриное яйцо. Для дневного пайка вполне прилично – а из объяснения соседа явствовало, что это как раз дневной паек.

Питьевой воды тоже хватало: из стены торчал массивный кованый кран – хоть запейся. За переборкой, в соседнем помещении, надо полагать, постоянно пополнявшийся бак. Ну да, все продумано...

Без особой охоты Сварог упледел примерно половину пайка – чтобы сохранить силы. Он без малейшего труда, в секунду завалил бы помещение гораздо более изысканными яствами – но не стоило привлекать к себе излишнее внимание. Единственное, о чем он жалел по-настоящему – это о сигаретах. Совершенно невозможно было на глазах сокамерников извлекать из воздуха сигареты, не говоря уж о том, чтобы их прикуривать от огонька на кончике пальца. А курить хотелось ужасно, и не ему одному – там и сям слышались громкие стенания заядлых курильщиков по поводу отсутствия табака.

Заморив червячка, он почувствовал себя чуточку бодрее, но отнюдь не веселее. Сквернее всего, что заняться было совершенно нечем, не принимать же давешнее предложение насчет игры на пальцах: фальшивых пальцев, конечно, не бывает, прав громила, но у этих ореликов определенно придуманы и на этот случай какие-нибудь свои мошенничества...

Тут он заметил, что к нему направляется главарь – один-одинешенек, без шестерок, сидевших на своем месте, старательно отвернувшись в другую сторону. Сварог приготовился к неожиданностям, особо, впрочем, не напрягаясь: главарь все-таки был один, можно не только придушить, но и прикончить к чертовой матери, пока остальные успеют добежать...

Главарь опустил на корточки напротив Сварога, сделал мимолетное движение бровью, и Сварогов сосед, мелкая рыбешка, моментально отбежал по-дальше – прямо на четвереньках, не мешкая, не тратя времени на вставание. Они остались один на один, все остальные располагались слишком далеко,

чтобы подслушать тихий разговор. Вчера вокруг Сварога не было такого простора – похоже, эти ребята все заранее организовали... Неспроста...

Сварог откровенно разглядывал своего визави. Крепкий мужик, сразу можно сказать, не склонный к сантиментам, все известные Сварогу наколки изобличают человека серьезного, не разменивавшегося на оставленных без присмотра кур и кошельки зазевавшихся на рынке мещанок. Значения некоторых рисунков Сварог, правда, не знал, загадочные насквозь картинки, но, опять-таки, вряд ли они символизировали мелкоту...

Ага, вот оно что! Полы хомерика разошлись, – а рубахи на главаре не было – и Сварог без труда разглядел наколотую против сердца синей краской корону, не похожую ни на одну из таларских, но выполненную с величайшим тщанием. Ну, следовало ожидать... Отличительный знак «тарабарского принца», или, пользуясь земными категориями, вора в законе.

Хомерик, кстати, показался ему смутно знакомым. Он не мог бы утверждать со всей уверенностью, но не особенно удивился бы, окажись это его собственная одежда, размер подходил, да и цвет тот же самый...

– Как поживаете, жамый? – вежливо поинтересовался главарь.

Это словечко Сварог прекрасно знал. «Жамый» – сокращение от «уважаемый», так обращаются друг к другу люди, не имеющие дворянского титула и не состоящие в Сословиях, – вполне вежливое обращение, обиходное, без тени насмешки, неприязни, оскорбления...

– Благодарствуйте, жамый, – ответил Сварог в тон. – Жизнь идет своим чередом, но, откровенно признаюсь, не особенно радуется...

Главарь усмехнулся уголком рта, тронул ногтем большого пальца наколку-корону:

– Видывали? Смутрите, будто понимаете, что к чему...

– Что это значит, примерно знаю, – сказал Сварог, тщательно взвешивая слова. – На живом человеке, правда, видеть до сих пор не доводилось, да и на мертвых тоже... Вы, значит, насколько я понимаю, тоже попали под указ?

– Вот именно, жамый, – сказал главарь с некоторой грустью. – Король наш Сварог, реформатор сраный... Совершенно не уважает сложившихся традиций, гребет под метелку и мелкоту, и солидных людей. Скажу вам по совести: только я начал обживать в одном нескучном местечке, именуемом каторгой, только начал усматривать слабые места в изгородях и маршрутах вахарей, которые человек понимающий всегда может со временем использовать к своей выгоде – как, нате вам, грохнул указ, словно гром с ясного неба, и потащили меня на корабль... В одночасье рухнули все планы – между прочим, толковые и выполнимые... Я слышал, что у вас произошло. Точнее, как вас прихватили для ровного счета... Я так понимаю, это прискорбное событие и ваши жизненные планы нарушило?

– Не то слово, жамый, – сказал Сварог. – Не то слово...

– Значит, смело можно сказать, что мы с вами собратья по несчастью, а? Можно спросить, каковы ваши дальнейшие планы? Что-то до сих пор вы не кричали туда, наверх, что произошла ошибка и нужно немедленно восстановить справедливость...

Сварог хмыкнул:

– Позориться? Кто поверит?

– Я смотрю, вы человек несуетливый и трезвомыслящий... Можно спро-

силь, чем на жизнь зарабатывали до этого прискорбного события?

Почти не раздумывая, Сварог ответил:

– Купец. Из Готара. Собственно, не купец, а, как бы это выразиться... У нас крохотная страна, знаете ли. Далеко не все так расписано и регламентировано, как в больших державах. Ну, и мы, соответственно, не привязаны так к одному-единственному ремеслу, как это обстоит в каком-нибудь Снольдере или Ронеро. Подворачивается случай – торгуем. Если случится подряд взять, еще как-нибудь подработать, – и этого не упускаем. Одним словом, грошик к грошику – глядишь, и аурей сколотился...

– Понятно. В таком случае, может, и таверну «Бешеный кабан» знаете?

– Ту, где заправляет Кривой Арак? Кто ж ее не знает... Хорошо идут дела у Арака, пристройку ладит, соседний участок прикупил, расширяться думает. Народу туда в последнее время нахлынуло изрядно, новые большие дороги образовались, денежки звенят...

– И в Карагуле бывали?

– А как же, – сказал Сварог. – Если вы знаете тамошнюю водяную мельницу, то хозяин, Соло Бабья Погибель – мой старый приятель...

Подобных расспросов он не боялся – хорошо знал Готар (хотя с теми, кого сейчас зачислил в друзья-приятели, был знаком исключительно заочно, по донесениям полиции).

Однако собеседник новых вопросов задавать не стал. Протянул с прежней интонацией:

– Понятно... Ну что ж, если вы и не готарский, то в Готаре безусловно бывали, очень уж быстро и уверенно отвечаете. А вы ведь не могли знать, что я в первую очередь о Готаре спрошу...

– Это что, вы меня допрежь в чем-то подозревали? – усмехнулся Сварог.

– Да как вам сказать... – уклончиво ответил «тарабарский принц». – Не принимайте на свой счет, я вас умоляю, но в такой компании – не без стукачков...

– Здесь? – спросил Сварог с искренним удивлением.

– Ага. А как вы думали? Большой этап, рыл с сотню, плыть недели две... В таких случаях вахари всегда засовывают стукачков. Для пущего душевного спокойствия. Есть они тут, есть, поверьте человеку опытному... За настроенными следить, возможный бунт вовремя учуять, вообще присмотреться к людишкам... Ладно, что это мы о всякой гнуси? Давайте вернемся к людям приличным и солидным, вроде нас с вами. Можно ли поинтересоваться вашим честным имечком?

– Шабар Каруген, – представился Сварог без запинки.

Тут и выдумывать не стоило, именно так звали – да и сейчас зовут – одного из стражников в готарской резиденции Сварога. Хороший мужик, справный работник, с криминалом никогда не вязался...

– Очень приятно. А меня кличут Бангал.

Последняя фамилия, надо полагать, подумал Сварог и развивать эту тему не стал. Выжидательно посматривал на нового знакомого – в конце концов тот пришел сам, значит, определенно имел какой-то свой интерес...

– Жамый Каруген, мне бы вот что хотелось знать... – прямо-таки задушевно произнес Бангал. – Что вы дальше намерены делать в столь печальном положении? Что-то не верится мне, что вы горите желанием десять лет горбатиться на хлопковых полях или на «смолке»...

– Здесь я правды не найду, это и дураку ясно, – сказал Сварог задумчиво. – Но, может быть, удастся что-нибудь предпринять на Катайр Крофинде? Наверняка есть какая-то возможность...

– Нет такой возможности, – быстро сказал Бангал.

Это было вранье чистой воды, как мгновенно определил Сварог. Он еще думал, как бы поделикатнее выразить недоверие, когда Бангал заговорил первым:

– Не верите?

Глаза у него были колючие, холодные, так и просвечивавшие насквозь. Он напрягся, чуточку подавшись вперед. Повторил увереннее:

– Не поверили. Ни капельки. Вы знаете, что я вру?

– Да ну, с чего вы взяли...

– Знаете, – уверенно сказал Бангал. – Вы как-то определили, что я соврал, и не ломайтесь, это чистая правда... Лицо у вас стало... примечательное, никакой ошибки. Знавал я двоих таких в свое время. Соврешь ему, а он посмотрит, как шилом уколёт, и совершенно точно знает, что ты сбрехнул. Один был ничего, безобидный, трудился купеческим проводником, а вот второй был сыскарь, и от этого его умения, легко догадаться, иные люди кровавыми слезами плакали... Сядет напротив, уставится своими шильями, и невозможно ему соврать хотя бы в малости... Знающие люди ту губернию седьмой дорогой обходили, чтобы в случае чего к нему на спрос не попасть. Но его, заразу, все же постигло однажды несчастье. Споткнулся и упал на ножичек, одиннадцать раз подряд – и делайте со мной, что хотите, но верно вам говорю, что «тарабарские господа» тут ни при чем. Этот дурак однажды намекнул своему собственному начальству, что оно, начальство, врет касаясь истинных причин расходования некоторых казенных сумм. Суммы были немаленькие, вот и пришлось нашему умельцу на ножик по оплошке падать...

– Значит, вы, как бы это поизящнее выразиться...

– Соврал, соврал я вам, каюсь, – сказал Бангал, ухмыляясь без видимого раскаяния. – Есть зыбкая возможность отыскать правду и вырваться с острова, причем, говоря откровенно, не только для случайных постояльцев вроде вас. Деньги – они везде деньги, жамый, сам понимаете... Давным-давно механика отработана. Вам, может, и будет удивительно, он не так уж мало народу попадало на Крофинд по недоразумению или случайности. Есть там людишки среди чиновного народа. Закидывают бредешок в каждую новоприбывшую партию и намекают недвусмысленно, что к чему. Готовы за приличные денежки восстановить справедливость в отношении невинно попавшего. Только, во-первых, дело это долгое – пока снесутся с подельниками на континенте и выяснят совершенно точно, что вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете, что денег у вас достаточно. Потом возьмут с вас заемные письма, сдерут денежки – и тогда только отпустят восвояси. А во-вторых, предприятие это дорогое. Если вы не дворянин, не член сословия, не имеете могучей и влиятельной родни и тому подобного – обдерут вас, как киску в заведении меховщика. Справедливо рассуждая, что вы отдадите все до грошика, лишь бы не валандаться на Крофинде десять лет... Вот и подумайте, нужно ли вам такое – оказаться на свободе не ранее чем через годик голым и босым... А?

На этот раз он не врал. Сварог непритворно задумался. Вообще-то приходили в голову надежные варианты: ну, скажем, объявить себя родственником

Мары или Интагара, написать такое письмо «родне», чтобы моментально поняли, что к чему... Но время, время! «Тарабрский принц» кругом прав: если не год, то пара месяцев пройдет, прежде чем на континенте получат весточку от короля Сварога. Пара месяцев в бараке для хлопкоробов, когда Горрот сидит костью в горле, когда к Талару с каждым мигом приближается Багряная Звезда...

– Вы абсолютно правы, жамый Бангал, – сказал он твердо. – Мне никак не улыбается прибегать к помощи этих ваших шустрых чиновников. И время потеряю, и обдерут дочиста... Может быть, есть какой-то другой выход?

– Если подумать, найдется. Я, к чему вилять, за тем и пришел, чтобы вам предложить поискать его вместе. Чует мое сердце, что вы можете пригодиться. Смотрел я, как вы разбрасывали моих обормотиков, какое у вас при этом было лицо.

– И какое?

– Подходящее. Лицо человека, привыкшего мотать кишки ближнего своего на грязную изгородь. Подозреваю, за спиной у вас немало таких дел, которые делаются без всякого слюнтяйства и доброты...

– Я из Готара, – развел руками Сварог. – Пограничье, сами понимаете. Народ мы простой и бесхитростный, привыкли полагаться не на писанные законы, а на кулак... Значит, вы мне предлагаете к вам присоединиться? Другими словами, вместе с вами захватить корабль?

Бангал спросил совершенно безмятежным тоном:

– А почему вы решили, жамый, что кто-то хочет захватить корабль?

– У меня, если вы не заметили, есть голова на плечах, – сказал Сварог. – Из нашего печального положения есть, хоть ты тресни, только два выхода. Первый – попытаться с помощью звонкого золота и продажных чиновников тюремного ведомства освободиться, обитая на Крофинде. И второй – не дожидаясь, когда корабль придет на остров, захватить этот плавучий сарай. Два выхода, других попросту нет...

– Вы мне облегчаете задачу, жамый, – сказал Бангал тихонько. – Ясно уже, что вас не придется долго уламывать, как нетронутую девку, и долго растолковывать вам не нужно... Вы все правильно понимаете, выходов только два. И долгий меня не прельщает. Мне по нраву как раз короткий. А потому говорю вам откровенно: корабль я попробую захватить. И мне нужно, чтобы вы были с нами. Я вам не буду расточать ужасные угрозы, и жутких клятв брать с вас не стану – к чему эти глупые церемонии в нашем-то положении, меж умными и решительными людьми? Я просто верю, что вы человек разумный, мигом все взвесили и прекрасно понимаете, что нет у вас обратной дороги, и нет друга, кроме меня...

– Понимаю, – сказал Сварог. – Считайте, что я встал в ряды, поскольку обратной дороги и в самом деле нет, а на свободу я могу вырваться только рука об руку с вами... Полагаю, теперь можно поинтересоваться... У вас есть какой-то план?

– Пока нет.

– Объяснитесь.

«Тарабарский принц» наклонился вперед, так, что их лица почти соприкасались. Он явственно волновался, хотя изо всех сил старался этого не выказывать, глаза у него лихорадочно блестели, дыхание участилось...

– Это не план, – сказал Бангал. – Это последняя надежда, отчаянная ставка... Мы в таком положении, когда я просто обязан рискнуть... В настоящем нашем положении отсюда просто невозможно вырваться. Такой возможности попросту нет. Вахари, конечно, сволочи, но ремесло свое знают туго. Отсюда не вырвешься.

– Да, я уже кое-что обдумал...

– Моя последняя надежда заключена в одном-единственном вопросе, – сказал Бангал так тихо, что Сварог едва разобрал слова обычным человеческим слухом. – Среди ваших колдовских умений найдется что-то такое, способное нам помочь?

Сварог не пошевелился, не изменил выражения лица. Он всего-навсего поднял бровь:

– Колдовских? А простите, с чего вы...

Бангал рывком опустил руку в карман, пошарил там – и, протянув к Сварогу сжатый кулак, разомкнул пальцы, не отводя отчаянного, горевшего лихорадочной надеждой взгляда.

На его широкой ладони лежала сигарета – точнее, то, что от нее осталось: нетронутый фильтр и при нем обломок шириной с палец. Одна из тех сигарет, что Сварог каждый день создавал без всяких усилий: желтоватая тонкая бумага, черный табак, светло-коричневый фильтр с двумя золотыми полосками.

Ах, вот оно что, подумал Сварог.

– Табак, сразу ясно, – сказал «тарабарский принц». – Отличный виджитанский табачок, какой курят только люди с достатком. Не пойму, правда, как эта штука сделана – человеческие руки сигарку так ювелирно не свернут, да и эта хреновина вроде ваты непонятно зачем тут присобачена... Но одно ясно: это натуральный табак. Если поджечь открытый конец, можно курить... Вам крупно повезло, что первым заметил, как у вас в руке появляется прямо из воздуха эта штучка, один из моих ребят. Вы валялись без сознания, а она вдруг появилась неведомо откуда... Потом еще одна, и еще... Вы были в беспамятстве, неосознанно творили... Слышал я про подобные штучки. Немало еще людей с такими вот потаенными способностями, оставшимися от старых времен... Вы не беспокойтесь. Когда я понял, что к чему, ребятки вас тут же обсели, чтобы эти овцы не пялили попусту глаза... Одним словом, вы их сделали ровно пять штук. Остался только этот огрызок. Остальные я, простите, жевал – курить хочется невероятно, я ведь из заядлых дымоглотов... Вот... А потом рядом с вами, опять-таки неведомо откуда, два куса ветчины объявились. Опять-таки свежайшая ветчина, сочная, господская... Схавали мы ее, уж не посетуйте. Куда ж ее было девать? Ну, тут стало окончательно ясно, что вы, простите на худом слове, если что не так, самый натуральный колдун. Или как там это еще называется. Я в этих материях разбираюсь плохо, да и не в ученых названиях дело... Главное я ухватил: вы, жамый, умеете то, что не каждый умеет. Необычный вы человек, теперь ясно.

Только обстановка такая, что восторгаться или удивляться некогда. Как человек приземленный, я в первую очередь задал себе насквозь практический вопрос: а нельзя ли ваше умение обернуть себе на пользу? Благо цели у нас с вами совпадают... Ну, и начал я за вами наблюдать. Настропалил ребят, чтобы прощупали, стал смотреть, что вы предпримете... Честно вам признаюсь, что нынешнюю ночь я не спал вовсе. Лежу и думаю: а вдруг вы, придя в ясное со-

знание и видя свое положение, улизнете каким-то волшебным образом? Ведь помешать вам в этом случае было бы решительно невозможно. Вы и не представляете, какая каменюга у меня с души свалилась, когда рассвело, а вы сидели на прежнем месте... Значит, улизнуть в одиночку не можете, а? Не хватает умения? Не можете, скажем, дымком обернуться и в щель между досками улетучиться? И не можете велеть вахарям, чтобы сошли сюда, вывели вас наружу, повернули корабль назад?

– Ваша правда, – сказал Сварог. – Этого я не умею.

– Но что-то же умеете, кроме того, чтобы доставать из воздуха табак и жратву? Что-то, что поможет отсюда выломиться? О вас, колдунах, столько рассказывают... Думайте, жамый, думайте! Или вам охота горбатить десятку на хлопке?

– Никоим образом.

– Ну, так как тогда?

Сварог старательно перебирал в памяти все, на что он был способен. К сожалению, приходилось признать, что большая часть его магических способностей предназначена исключительно для того, чтобы сделать благополучную жизнь еще более комфортной, и только. А остальное... Умение не задохнуться в виселичной петле абсолютно бесполезно там, где тебя не вешают... Точно так же обстоит и с ночным зрением, и кое с чем еще... А впрочем... Если подумать...

– Кое-что, если рассудить, все же отыщется, жамый Бангал, – сказал он уверенно. – Правда, нам нужно как следует посоветоваться и многое обсудить...

– Все, что хотите, – горячечным шепотом ответил Бангал. – Я сейчас готов и душу прозакладывать, если вы по этой части...

Сварог усмехнулся:

– Душа ваша мне без надобности, успокойтесь. Объясните-ка лучше вот что...

Глава третья Сарынь на кичку!

Сколько бы там грехов ни накопилось у Бангала за душой, организатором он оказался отменным. Впрочем, в противном случае вряд ли и докарабкался бы до своего нынешнего титула в «тарабарском царстве»...

Предложенный им план, быть может, и не стал вершиной военно-стратегической мысли, однако выглядел, по мнению Сварога, лучшим из того, что в данной ситуации можно придумать. Риск, понятное дело, был огромный, а победа отнюдь не гарантирована, но тут уж ничего не поделаешь: единственный шанс, единственно возможный замысел...

Плохо только, что самому Сварогу пока что совершенно нечего было делать в ожидании своего звездного часа, и он от вынужденной праздности готов был на стену лезть. Эти несколько дней в вонючем трюме показали бесконечными, время ползло, как черепаха. Но ничего тут не поделаешь: во-первых, предприятие требовало нешуточной подготовки, а во-вторых, «тарабарский принц» с большим знанием дела растолковал, почему следует выждать несколько лишних суток.

Все дело, объяснял он, в психологии конвоя: первые два-три дня, когда этап только-только отправился в дорогу, вахари чувствуют себя, словно на раскаленной плите: ждут подвоха, бунта, сопротивления, какого-то хитрого финта,

отчего являют собой образец бдительности и настороженности. Ну, а потом, когда с течением времени не происходит ровным счетом никаких инцидентов, охрана незаметно для себя расслабляется, утрачивает прежнюю хватку, бдит уже не так недреманно... Конечно, в лексиконе Бангала не было слов «психология» и «инциденты», но верить ему следовало безоговорочно, знал, о чем говорил.

Дни напролет его подручные, стараясь не суетиться, бродили по плавучей камере. Высматривали подходящих людей, присаживались рядом, заводили беседы – намеками, издалека. Иногда, закинув крючок, вставали и уходили, предоставляя клиенту дозреть, а иногда рыбка оказывалась сообразительной, заглатывала наживку моментально, и дипломатической изощренности не требовалось.

Понемногу выяснилось, что твердо рассчитывать можно человек на сорок. От профессиональных нищелюбов со стажем и мелкого жулья с городских окраин с их повадками скорее бродячих собак, чем волков, толку в настоящем бою ждать не приходилось – на остря гуй и дула мушкетеров вряд ли попрут с голыми руками даже ради желанной свободы. Рефлексы не те. Однако в трюме хватало и народа совершенно другой масти: разбойники, серьезные воры и прочие душегубы; люди с опытом военной службы – и дезертиры, и просто бывшие солдаты; привыкшие ко всему жители Пограничья, порубежных губерний и Вольных Маноров; моряки с туманной биографией... От них предполагалось гораздо больше пользы. Благо стражников, судя по опыту тюремных сидельцев, на таком корабле самое большее человек сорок – не армия, как-никак. Матросов принимать в расчет особенно не следовало – они наловчились драться в кабаках и пырять друг друга ножами, но в драке с волками, которым совершенно нечего терять, вряд ли покажут чудеса героизма, как-никак не военные, обычная «парусная прислуга». А впрочем, как сказал Бангал с мечтательно-хищной улыбкой, даже от мелкой шелупони может выйти в схватке кое-какая польза: видя, что наша берет, иной шпенек и нападет на вахаря со спины, и за ноги схватит, предусмотрительно лежа в уголке. Такова уж человеческая натура – с определенного момента даже самые трусливые стремятся срочно примкнуть к явственно обозначившемуся победителю.

Даже если среди трюмных постояльцев и имелись стукачи, помешать они ничему не могли: посланцы Бангала не называли никаких конкретных дат и никого не посвящали в конкретные планы действий, детали и подробности. Просто-напросто сообщали намеченному в потенциальные соратники, что «кое-что готовится». Выясняли, готов ли он примкнуть, помахать кулаками ради свободы. И потом, у стукачей в здешних специфических условиях не было никакой возможности украдкой встретиться с начальством для доклада. Тихарю оставалось одно: подбежать к люку и заорать что есть мочи охране что-то вроде: «Родненькие, срочно заберите меня отсюда, я та-а-кое расскажу – ахнете и оцените!» Пока что ничего подобного не произошло.

Оружия, правда, не было. Ничего, хотя бы отдаленно похожего на оружие или способного с грехом пополам оружие заменить. Ни единой булавы на сотню человек. Как ни прикидывай, потери среди бунтовщиков обещают быть огромными. Но Сварог в глубине души полностью соглашался с нехитрой мыслью, высказанной Бангалом вслух: бывают случаи, когда на любые потери следует заранее начихать с высокой башни. И, между прочим, продол-

жал Бангал, развивая тему о шпиках, неизвестно еще, как поведут себя стукачи, когда запахнет свободой, поспешат доложить о готовящемся бунте, или промолчат – это ведь определенно не сыскари на жалованье, подсаженные «под видом», а такие же каторжане с десяткой в зубах, запуганные либо соблазненные будущими послаблениями...

Сварог согласился с этой мыслью, но уточнил: все зависит от того, насколько стукач поверит в успех дела. Если увидит реальную надежду на успех, наверняка промолчит, а вот если ему покажется, что у мятежа нет ни малейших шансов – поднимет шум.

Бангал признал, что его собеседник, точно, прав. Они со Сварогом о многом лениво болтали, сидя в уютно обустроенном закуточке в углу трюма. Подручные «тарабарского принца» в два счета конфисковали у товарищей по несчастью кучу одежды – где без сопротивления, где убедив зуботычинами – и быстро сварганили из этого вороха большой прочный полог, натянули его на сплетенной из поясов и разодранных на ленты рубах веревке, которую надежно закрепили в щелях меж досками с помощью самых больших пуговиц, вбитых вместо клиньев. Судя по сноровке, им не в первый раз приходилось такое проделывать. Получилась добротная занавеска, надежно скрывавшая от глаз остальных жизнь кучки привилегированных. Причины тому были самые практические. Во-первых, не стоило остальным дивиться, как «политбюро» угощается появлявшимися прямо из воздуха яствами, а порой и покуривает Свароговы сигареты (ночной порой, старательно выпуская дым в самые широкие щели, – днем какой-нибудь шустрый вахтенный мог и заметить с палубы, что из трюма пробивается дымок). Вообще-то еды и табака хватило бы на всех, Сварогу это стоило бы минимальных усилий, но не следовало привлекать лишнего внимания к обладателю магических способностей. Во-вторых, в закутке за занавеской уже хранилось кое-что, подготовленное для рывка, опять-таки сотворенное Сварогом...

Бангал, прохвост битый, все еще не оставлял попыток прощупать нового подельника. Частенько, во время самых отвлеченных и пустых разговоров – в основном о своих или Сварога странствиях по Харуму, тавернах, бабах и приключениях – Сварог вдруг понимал, что ему словно бы невзначай, мимолетно, с самым простецким выражением лица поставили коварную ловушку. Вполне могло оказаться, что пару раз он в таковые ловушки все же угодил – очень уж многозначительные искорки вспыхивали в глазах «тарабарского принца».

Наверняка были какие-то подвохи, о которых Сварог попросту не мог знать – какие-то третьестепенные тонкости, известные лишь настоящему купцу из Готара, но никак не самозванцу.

А впрочем, особенно беспокоиться по этому поводу не стоило. Бангал не перегибал палку, как-никак Сварог был ему пока что жизненно необходим. Скорее всего, «тарабарский принц» был из тех, кто терпеть не может загадок и неясностей в непосредственной близости от себя – в чем не было ничего странного, учитывая специфику ремесла, каким он зарабатывал на жизнь. Ну и черт с ним. Вряд ли замышляет что-то недоброе – какая ему выгода? Наоборот, сообщника с такими способностями следует рассматривать, как подарок судьбы, пылинки с него сдувать, используя в своих делах. Интагар кое-что рассказывал о подобных случаях, когда воровской мир стремился поставить себе на пользу любые магические знания, да и Паколет в свое время вспоминал,

как укрывал свое умение от людей серьезных, чтобы не приспособили к тяжелым делам. Так что можно себя чувствовать в полной безопасности – по крайней мере, пока они не достигнут Харума. В любой момент можно спросить небрежным тоном: «Жамый Бангал, а вы, часом, не замышляете ли против меня что-то плохое?» – и вранье выплывет наружу моментально...

Вот и сейчас Бангал, привалившись спиной к борту, разглядывал Сварога с тем же выражением мучительного, тягостного раздумья, почти что и не скрывая этого.

– Ну, что? – лениво спросил Сварог. – Цветы на мне выросли?

Бангал фыркнул словно бы смущенно, помотал головой, потом решительно сказал:

– Дурацкое ощущение, но никак не проходит... Гвоздем у меня в башке сидит, что где-то я вас видел, жамый Шабар. Память на лица у меня алмазная... Вас не затруднит приподнять голову? Задрать подбородок, чтобы поза была горделивая, на манер королевской? Спасибо. Точно, я вас где-то видел, и должен бы прекрасно помнить, где, – но из головы вылетело напрочь. Совсем недавно я вас должен был видеть, несколькими днями тому, перед самым отплытием...

– Может, где-нибудь на улице в Фиарнолле? – непринужденным тоном спросил Сварог.

– Да нет, вряд ли. Какая, к лешему, улица? Нас из Сноля везли опять-таки на корабле, сначала по реке, потом по морю, а здесь в Фиарнолле, перегнали по набережной в амбар закоулками, где не было никого постороннего... Нет, не в порту... но определенно тут, в Фиарнолле. Не может такого быть – но я ведь помню! Вот только где? Скажите по чести: может, вы мне память на этот счет отшибли какими-то чарами?

– А зачем?

– А кто вас знает...

– Бросьте, – сказал Сварог. – Это вам, жамый, всякая чушь лезет в голову от безделья. Очень мне нужно чары на вас тратить... И потом, вам не кажется, что я отшиб бы вам всю память? А не только воспоминания о месте, где вы меня якобы видели?

– Пожалуй, – согласился Бангал, но тут же упрямо мотнул головой: – И все же я вас где-то видел. И должен помнить, где! Но – не помню...

Сварог, кажется, понимал, в чем тут дело...

Согласно строгим правилам судопроизводства оглашать приговор каторжанам перед отправкой обязан его милость королевский прокурор – в соответствующей случаю обстановке, в юстициарном зале. А там, естественно, находится его, Сварога или бюст, или портрет. Существует длинейший перечень присутственных мест, где просто обязан находиться бюст или портрет здравствующего монарха, а кроме того, масса чиновного народа непременно проявит самодеятельность, выказывая таким образом вою преданность владыке. Соответствующие инстанции только-только начали нешуточные труды по бюстизации и портретизации, но кое-где мраморные и живописные изображения Сварога уже появились. Не зря Бангал просил задрать подбородок – на бюстах и на портретах любой король, согласно незыблемым канонам, изображается с горделиво воздетым подбородком и орлиным взором. Ну да, никаких сомнений, Бангал где-то видел бюст или портрет Сварога, выполненные, надо

полагать, с большим сходством. И не может сейчас связать их с «горротским купцом» исключительно оттого, что любой на его месте будет искать разгадку где-то в другом направлении. Невозможно поверить, что король чуть ли не всего Харума вдруг обнаружился в грязном трюме вертухайского парусника, везущего на каторгу всякий сброд...

– Никак не могу вспомнить, – с нешуточной злостью на самого себя пожаловался Бангал. – А я ведь должен, у меня...

Краешек полога откинулся, показалась озабоченная физиономия убийца полицейских:

– Башкан, стеремнято! Тамо едн шлепак кутигасится у чуры! Сам зырни...

Бангал мгновенно поднялся на ноги, словно распрямилась стальная пружина.

– Что-то случилось? – насторожился Сварог.

– Давайте посмотрим, – нехорошо улыбаясь, сказал Бангал. – Друг мой верный только что сказал, если перевести на понятный вам язык, что какой-то обормот подозрительным образом трется у люка...

Они осторожно выглянули в щелочку. Возле квадрата солнечного света, падавшего на грязные доски через закрытый шипастой решеткой люк, и в самом деле «кутигасился» один из каторжан. Нервно расхаживал взад-вперед, исходя видимым на расстоянии нешуточным напряжением, стараясь делать вид, будто беспечно прогуливается, устав сидеть, ноги разминает, – но было в нем что-то такое трусливо-решительное, нехорошее.... Не выдержав, пару раз зыркнул вверх, тут же отвел глаза, беззаботность стала еще более нарочитой, походка – еще более нервной...

Было в нем что-то от марионетки в руках неумелого кукловода – только вот явственно веяло вполне человеческими колебаниями, страхом, неуверенностью...

– Не нравится он мне, – тихонько сказал Сварог.

– А уж мне-то! – фыркнул у него над ухом Бангал. – Как же, имели честь неоднократно наблюдать подобное при других обстоятельствах... Настоящая и неподдельная «пляска тихарика», верно тебе говорю: и жутко ему, и донести хочет непременно. То ли много ему наобещано, то ли, ты прав, не верит в успех предприятия... Ишь, как его корежит, сучару... Ну, понятно, вот-вот начнется кормежка, можно уцепиться за веревку и заорать, чтобы подняли, там, среди вахарей у люка, наверняка будет тот, кто его мазал...

– И что делать? – спросил Сварог.

– А что тут сделаешь? – спокойно пожал плечами Бангал. – Значит, судьба такая – начинать именно сейчас. Надо же когда-нибудь начинать... – его тон был будничным, почти равнодушным. – Выходит, пора... Жамый Шабар, я вас душевно прошу, зажигайте огонь, а уж костер вам поможет соорудить наш расторопный Цура, он на такие штуки горазд... Цура! Бадохай ламя, шиче-шиче! Шиче, блэ!

В закутке моментально началась деловая суета. Цура – тот самый, что имел за душой полицейских, – проворно принялся складывать в кучку пригоршни невесомых бумажек от распотрошенных сигарет. Второй вытащил из дальнего угла лежавшую на чьей-то рваной рубахе кучу черного табака – от тех же сигарет. Вышло так, что из всего, что Сварог умел творить, горючим материалом оказались лишь сигареты, вот и пришлось создать их целую кучу...

Еще двое сидели на корточках рядом, помогая при необходимости. Протянув палец с появившимся на нем язычком огня, Сварог осторожно поджег первую бумажку. Крохотное пламя перекинулось на сложенную Цурой кучку, и душегуб подбросил еще бумаги, горсть фильтров... Его корешок осторожно подсыпал табак, подкладывая лоскутья рубашки.

Пламя костерка уже доставало стоявшему во весь рост Сварогу до колен, дым понемногу заволакивал закуток, и они, сорвав полог, выскочили наружу, заорали во всю глотку:

– Пожар! Пожар! Горим, мать вашу! Пожа-а-а-аар!!!

Остальные, непосвященные в стратегические замыслы, повели себя как и следовало ожидать: в ужасе шарахнулись всем скопом к противоположной стене. Пожар разгорался, в огонь летели новые лоскуты, бумага, табак, сигаретные фильтры, остро воняло горелой синтетикой, чуть приятнее пахло тлеющим табачком, дым уже валил, как из кухонной трубы перед большим праздником, тянулся в люк. Наверху наконец-то заметили нечто неладное, над головой послышался топот, раздались недоумевающие выкрики, и совсем близко залилась пронзительными тревожными трелями боцманская дудка.

Одним прыжком оказавшись в центре трюма, Бангал закричал:

– Слушай меня, тарабарские! Началось! Въехали, корявые? Бахан на кутан, дружочки, шахан на цуцан! Шомай, рванина, светит воля! Началось!

И почти сразу же десятка два голосов, надсаживаясь в яростной надежде и азарте, подхватили:

– Пожар! Пожар! Горим! Спасайте, мать вашу! Горим, вахари!

Наверху уже разворачивалась нешуточная суматоха, палуба над головой гудела от грохота шагов, но все это никак не походило на панику: судя по звукам, группы людей бежали в одном направлении, звучали громкие, яростные команды, что-то шумно волокли, что-то тяжелое и длинное, звенели, отталкиваясь, лезвия гуф, стучали приклады о палубу, дудка свистала, не переставая...

Сварог осклабился, представив, каково им сейчас – тем, наверху. Пожар на корабле – это очень страшно. Вокруг, конечно, целое море воды, в самом прямом, не в переносном смысле, но какой от нее толк? Это от горящего дома можно уйти подальше, а куда денешься с пылающего корабля? Разве что в шлюпки-скорлупки – а до ближайшей суши далековато. К тому же в трюме наверняка стоят бочки с порохом – кроме каторжников, корабль везет груз для Катайр Крофинда, все, что там не производят, а значит, и порох...

Шипастая решетка вдруг исчезла, поднятая и отброшенная дюжиной рук. В отверстие люка свесилась перекошенная усатая физиономия в живописном обрамлении мушкетонов. Поводя усами и вращая глазами, вахарь какое-то время смотрел вниз, но потом ему прямо в лицо ударил клуб густого дыма, после чего не осталось никаких сомнений относительно происходящего в трюме. Физиономия отпрянула, перхая и матерясь, исчезла из виду. Дула мушкетонов, правда, остались. Над самым люком кто-то громко отдавал приказы.

Вдруг что-то заскрежетало: это сверху косо опускалась самая настоящая лестница, широкая доска с приколоченными перекладинами и перилами, ее нижний конец глухо стукнул в пол, и тут же наверху рывкнули:

– Слушай меня, рванина! Всем моментально отойти к дальней стенке! Кому говорю! Кто замешкается, прибью!

И вслед за тем, буквально через пару секунд, бабахнул мушкетон. Целая

россыпь картечи ударила в пол, взлетели щепки, кто-то дико заорал – должно быть, зацепило рикошетом. Толпа отхлынула к упомянутой стенке – трусы, как и следовало ожидать, быстрее всех, оказавшись теперь в задних рядах, а вот люди другого склада, Сварог в том числе, оказались впереди...

В клубах дыма вновь замаячила усатая физиономия и, рассмотрев обстановку, насколько удалось, пропала с глаз. Затопотали сбегавшие по лестнице стражники – оцетинясь гуфами и мушкетонами, они тут же с большой сноровкой рассыпались цепью, перегораживая трюм, оттесняя остриями толпу еще дальше. Их становилось все больше и больше, выстроились почти что локоть к локтю. По опустевшей лестнице проворно сбежал, придерживая широкий клинок на боку, некий чин – судя по золотым жгутам и нашивкам на серо-лиловом мундире тюремного ведомства, не простой вахарь, а лицо, облеченное некоторой властью. Бросился в тот угол, где горело и дымило, пытаюсь рассмотреть источник нежданного возгорания, разгоняя дым шляпой...

Сварог понял, что пора действовать.

Он не смог бы описать обычными словами, что с ним произошло. Скорее всего, и не было таких слов. Просто – получилось. Он знал, что получилось, так как перешел в какое-то другое состояние.

Видел, как непроизвольно исказилось лицо стоявшего рядом Бангала – ну да, Сварог вмиг исчез, растворился в воздухе...

Высмотрев подходящую брешь – довольно широкое пространство меж двумя стражниками – Сварог бросился туда. Он все же задел локтем одного, тот дернулся, недоуменно выпучил глаза, но, скорее всего, решил, что ему показалось...

В три секунды Сварог взлетел по пустой лестнице наверх, словно ошалевшая кошка. Чуть не столкнулся лоб в лоб с несущимся к люку матросом – с полдюжины морячков тащили по палубе брезентовый шланг, который явно собирались подключить к водопроводному крану, – шарахнулся в сторону, прижался к мачте, зажмурясь, ожидая, когда глаза после чуть ли не недельного пребывания в полумраке привыкнут к яркому солнечному свету. Огляделся. Самая обычная палуба обычного корабля. Перед люком выстроились шеренгой не менее двадцати стражников, бдительно держа гуфы наперевес. Никто уже не суетился, все знали свой маневр. Второй начальник, держа руку на эфесе, вытянул шею, стараясь рассмотреть хоть что-то в люке, откуда все еще валил дым. Матросы со шлангом исчезли в трюме. Остальные таранились сверху, со снастей.

И никто, разумеется, не видел прижавшегося к мачте человека в мятых, грязных штанах и пропотевшей рубашке. Все было в порядке, не стоило мешкать. Сварог направился напрямиком к капитанскому мостику, куда вела вычурная лесенка.

– Ох ты, мать твою! – рявкнул кто-то сверху, перегнувшись через перила.

Сварог тоже его увидел, и все моментально пришло в норму – субъект в синем с серебром кафтане, чересчур богатом для простого рулевого, оказавшийся поначалу вне зоны действия заклинания, теперь тоже попал под неопиcуемый обычными словами, неоcутимый магический удар. Как и остальные двое на мостике.

Бесшумно поднимаясь по лесенке – добротнo скoлочена, ни одна ступенька не скрипнула, – Сварог прекрасно слышал разговор на мостике:

– Что такое, капитан?

– Да показалось... – чуть сконфуженно ответил человек в синем кафтане. – Вроде бы по палубе, прямо к мостику, шел каторжник... Самый натуральный.

– Откуда ему взяться...

– Вот я и говорю: показалось...

– Конечно, это не мое дело, любезный капитан, но, по-моему, последнее полуведро рома было вчера абсолютно лишним.

– Скажете тоже – полуведро! Самое большее – четверть.

Сварог тем временем оказался уже на мостике. С одного взгляда оценил обстановку. Трое: капитан, рулевой у штурвала и еще один, судя по золотым причиндалам на тюремном мундире и занимаемому сейчас месту – главный вахарь. Та самая сволочь, что преспокойно прихватила для ровного счета совершенно посторонних людей, чтобы только не получить взбучку и не лишиться премиальных. Вот к нему у Сварога не было ни капли жалости...

У перил красуется виолон. Хотя корабль, судя по первым впечатлениям, безусловно, не военный, пусть даже располагает полудюжиной пушек. Капитан, должно быть, служил раньше на военном флоте, вот и выпендривается по старой памяти... Прямо посередине перил установлен пулемет – новехонький, на самодельном приспособлении из железных прутьев. Сварог невольно поморщился: пулеметы были жутким дефицитом, он распределял их по полкам поштучно, а тут, извольте видеть, вертухай как-то раздобыли...

Тут же, в прибитых к перилам кожаных футлярах – не менее дюжины мушкетеров и многоствольных пистолетов. Все продумано, чтобы при необходимости обрушить ливень свинца на ведущий в трюм люк...

Капитан вдруг зашмыгал носом, подозрительно принюхиваясь. Сварог, стоявший от него буквально в паре шагов, моментально понял, что к чему. Его не видели, но должны были учуять: он неделю не мылся, не снимал башмаков, спал, не раздеваясь.

Он шагнул вперед, ребром ладони врезал капитану по голове над ухом, ногой сшиб главного вахаря, добавил с левой – и последним вырубил рулевого. Проворно перехватил толстые рукоятки штурвала, стараясь удерживать его в том же положении. Огляделся.

Никто не смотрел на капитанский мостик, никто не заметил, как троица полетела с ног. Все пялились на люк, откуда все еще валил дым и доносились неразборчивые команды. Судя по спокойствию людей на палубе, внутри борьба с огнем происходила без малейших инцидентов. Надо дать им немного времени, пусть потушат – легче будет Бангалу с ребятами...

Небо было безоблачным, море спокойным, корабль плыл себе в волнах на раздутых парусах при попутном, похоже, ветре. Океан вокруг казался таким безмятежным и прекрасным, что Сварог выругался сквозь зубы от такого несоответствия природы моменту.

И, решив, что время настало, крутанул штурвал вправо – примерно на четверть оборота, как учил его в трюме татуированный моряк, судя по некоторым наблюдениям, угодивший на каторгу за пиратство. Постарался быть как можно осторожнее, в его расчеты вовсе не входило опрокинуть корабль к чертовой матери...

Однако так едва не произошло. Казалось, невидимый великан со всего размаху залепил по борту громадным кулачищем. Корабль качнулся на волнах,

накренился вправо под отчаянный скрип рангоута, так, что концы рей с правой стороны едва не черкнули по воде.

Чуточку испугавшийся Сварог торопливо вернул штурвал в прежнее положение. Увидел, как повисли на снастях матросы, удерживаясь только руками. Ничего, люди привычные, за борт не упадут... Схватил стоявший тут же микрофон, поднес его к губам и рявкнул что есть мочи:

– Паруса долой, мать вашу!

Кажется, по правилам отдавать эту команду следовало как-то иначе – но он еще в бытность свою на «Божьем любимчике» пару раз слышал, как капитан Зо командовал именно так, и ему подчинялись. Подчинились и здешние матросы, вряд ли разобрав, что искаженный жестяным раструбом голос принадлежит не законному капитану, а самозванцу. Засуетились, побежали по снастям, стали сворачивать паруса...

Те, внизу, у люка, как раз поднимались на ноги, еще не подозревая ничего плохого. Ну что же, оговоренный сигнал дан... Сварог, оскалась, принял к пулемету и выпустил длинную очередь по стражникам у люка – слева направо, сметая их пулями, крепко вжимая в плечо приклад, расставив ноги, глухо рыча сквозь стиснутые зубы от разнообразия нахлынувших на него взаимоисключающих чувств. Эти люди, метавшиеся под пулями, падавшие, кричавшие, замиравшие неподвижно, были ни в чем не виноваты. Наоборот, они представляли здесь закон и порядок – его собственный закон и порядок, они честно служили королевству и Сварогу Первому, охраняя тех, кто безусловно заслуживал того, чтобы провести на хлопковой каторге не десять лет, а всю оставшуюся жизнь...

И вот теперь именно он, король, расстреливал их в упор – потому что нельзя было иначе. Так уж вышло. Так обернулось. Так уж карта легла. «Пенсии семьям, – пронесли у него в голове покаянные, совершенно ненужные сейчас мысли. – Хорошие пенсии семьям всех до единого, кроме главного, который во всем и виноват. Льготы по налогам, сыновей в полковые школы на казенный кошт, дочерей... да мать твою, нашел время нюни распускать!»

Чувствуя, как что-то обрывается в душе, он стрелял и стрелял – и снял палец со спускового крючка, когда наверх с диким ревом и воем, потрясая гуфами и широкими тесаками, выплеснулась толпа оборванцев. Они орали так, что сердце заходило в смертной тоске, они поставили все на карту – либо освободиться, либо подохнуть! – и именно среди них, так уж получилось, сейчас было место короля Сварога, ревнителя правосудия, загнавшего их сюда своим собственным указом...

Внизу началась схватка – ожесточенная настолько, что и слов подходящих не подберешь. С обеих сторон знали, что выхода у них нет – победа или смерть, и никак иначе...

Оглянувшись и оглушив ударом ноги заворочавшегося было главного вахаря, Сварог выдернул у него из ножен абордажную саблю – хорошо наточенную, сверкавшую, содержащуюся в идеальном порядке. Чуть изогнутую, с широкой елманью, занимавшей почти треть клинка.

Сбежал по ступенькам и ринулся в бой, без единой мысли, озабоченный только тем, чтобы каждый удар был смертоносным.

Глава четвертая Белая погибель

Тот моряк, что наставлял его в трюме, как надлежит слегка тряхнуть корабль, стоял у штурвала, сноровисто перехватывая рукоятки, глядя вперед с привычным прищуром. На обычном капитанском месте – справа у перил – помещался сейчас Бангал, на нем красовался форменный кафтан главного вахаря со всеми золочеными причиндалами (что, надо полагать, имело для «тарабарского принца» некое символическое значение), а через плечо у него была надета перевязь с капитанской саблей. Он с нескрываемым удовлетворением смотрел на нок-рей, где болталось в петле тело главного вахаря. Когда Сварог посматривал туда же, в душе у него также не поднималось ровным счетом никакого протеста – этот скот сам был во всем виноват...

Остальные трупы давно уже вышвырнули за борт быстро и деловито, не глумясь над врагами и не произнося прочувствованных речей над своими. Пятна крови, правда, никто и не подумал смыть, и они во множестве темнели тут и там.

Нужно признать, что организаторские способности Бангала не дали сбой и после победы. Едва в ходе яростной схватки наступил решительный перелом в пользу мятежников, «тарабарский принц» принялся распоряжаться так хватко, словно всю жизнь командовал кораблями. Он в два счета сколотил нечто вроде палубной команды, которой предстояло поддерживать порядок, отправил отряд из людей понадежнее обыскать все корабельные помещения, велел согнать матросов на палубу и пальцем их не трогать. Одного буяна, взявшегося было истерически орать что-то о немедленном возмездии всем поголовно, кто не принадлежал к благородным обитателям тюремного трюма, Бангал прикончил так быстро, что Сварог и глазом не успел моргнуть, а другого, подхватившего было призывы к резне, пнул так, что тот долго не мог очухаться. После чего воцарились относительный порядок и некоторое спокойствие. Прохаживаясь перед сбившимися в кучу матросами, Бангал произнес краткую выразительную речь, в которой почти без ругательств обещал, что всякий, взявшийся исправно сотрудничать, останется цел и невредим. После чего погнал моряков на мачты, чтобы занимались прежним делом...

– Ну что, жамый Шабар? – спросил «тарабарский принц» с мечтательной, отрешенной улыбкой, глядя теперь на сверкающее мириадами искорок море. – Какова она на вкус, свобода?

– Великолепный у нее вкус, надо признать, жамый Бангал, – ответил Сварог, искренне улыбаясь.

– Я у вас в неоплатном долгу.

– Какие пустяки, – сказал Сварог. – Я ведь, некоторым образом, и для себя старался...

На мостик проворно взбежал Цура, весь в засохшей крови, главным образом чужой, с гуфой в лапе. Ощерился:

– Под балодкой шуранули...

– Цура, друг ты мой вековечный, – вкрадчиво сказал Бангал. – Я тебя душевно умоляю, изволь изъясняться на гладком наречии, чтобы тебя понимал и мой верный сподвижник жамый Шабар, от которого у меня отныне никаких секретов нет, потому что одной веревочкой повязаны... Усек?

– Ага, – сказал Цура, жизнерадостно скалясь и почесывая в затылке грязной пятерней. – Только понатужиться придется, так сразу и не сообразишь, отвык я что-то от гладкой болтовни... В общем, в трюме порох, вино и всякая хоро-

шая жратва, определенно для начальства. Там пряталось двое вахарей, ну, мы их, уж не посетуй, того... А доктора и этого, как его, штурмана, трогать не стали, как ты и велел. Доктора приставили к пораненным, а штурмана пока что сунули в каюту, чтоб посидел и подумал над своим положением. Ага, а штурман-то плыл, как благородный, – со своей законной бабой. Очень даже ничего баба, молодая еще. И дочушка при ней, не совсем еще в возрасте, но, где надо, уже круглится. Там ребята порывались их разложить с ходу, да я пока что не дал, пихнул в ту же каюту и приставил на стражу надежных, Багулю с Рыжим... Мало ли какие у тебя будут идеи... Бангал, может, нам их и правда попользовать? Приятные телушки, что мама, что дочка. Дочушка, чует мое сердце, еще блудня не пробовала, я б ее и научил со всем обхождением...

– Как вы полагаете, жамый Шабар? – осведомился Бангал с тонкой улыбкой.

– Неразумно, по-моему, – сказал Сварог. – Штурман нам необходим, без него нам до Харума придется добираться наудачу. А если вы затрахаете его дамочек, он либо в уме повредится, либо, что гораздо хуже, решит качественно отомстить. Рассчитает все так, чтобы корабль дошел до берега ночной порой – и оказался в каком-нибудь военном порту. Я бы на его месте так именно и поступил.

– Да и я бы, признаться, тоже, – задумчиво произнес Бангал. – Вы совершенно правы, друг мой, а вот ты, Цура, болван все-таки, как я ни стараюсь сделать из тебя мудрого мыслителя... Шагай. И чтобы бабенок никто и пальцем не тронул – иначе отрезать буду сам, и не пальцы вовсе, и не в один прием... Уяснил?

– Ну, чего тут не уяснить-то...

– Беги живенько. Баб вели стеречь со всем прилежанием, а вот самого штурмана веди быстренько сюда, мы с ним душевно потолкуем. Брысь!

Цура проворно сбежал с мостика, хлопнул дверью кормовой надстройки, слышно было, как он орет внутри, страдая часовых всеми мыслимыми карами, какие только способен придумать почтенный Бангал. Вскоре он появился снова, толкая перед собой человека в синем камзоле, со связанными руками и здоровенным синяком под левым глазом. Вид у него был крайне угрюмый и безнадежный, что неудивительно для человека в таком положении.

– Здравствуйте, здравствуйте! – сказал Бангал, сияя задушевной улыбкой, так весело и непринужденно, словно встретил старого доброго друга. – Вы уж извиняйте, что мы тут пошумели и нагадили малость, но войдите уж в наше положение. На свободу хотелось, спасу нет, не горбатиться же десять лет с мотыгой или тесаком-смолосеком... Вы, очень может быть, на нашем месте еще почище разнесли бы все тут от борта до борта и от кормы до носа...

Покосившись на то непотребное, что свисало в петле над морем, и явственно передернувшись при виде этого зрелища, штурман уныло пробубнил:

– Что, обязательно еще и поиздеваться нужно?

– Да что вы такое говорите, голубчик! – голос Бангала был бархатным, вкрадчивым, задушевым, как у волокиты-барона, охмуравшего деревенскую красотку. – Неужели вы решили, что мы вас собираемся обидеть? Это вас напугал кто-то совершенно зря. Вы же сами видите: и супруга ваша, и дочка сидят в вашей же каюте под чутким присмотром, никто их и пальцем не тронул, с вами самим обращаются исключительно деликатно... Что вы морщитесь,

родной? Ах, синячок под глазом... Ну, тут уж вы сами виноваты, признайте. Мне рассказали, что вы начали, как самая неотесанная деревенщина, в моих ребят сабелькой тыкать, вот они и не выдержали... Добрейшей души люди, синяком ограничились, а ведь и разорвать на куски могли... Ну к чему вам были эти забавы с железом?

Вы – человек умственный и образованный, географию и математику превошли, иначе кто б вас взял в навигаторы? И не коситесь вы так, я вас душевно умоляю, на эту пададь. Тюремщик был, не вам, ученому, чета, прескверный человечиска, поганый, нечего его и жалеть, не говоря уж о том, чтобы слезы по нему лить. У нас с ним, сами понимаете, были свои счеты, жили, откровенно говоря, как кошка с собачкой. Но вы-то – совсем другое дело, мы же не дураки, чтобы равнять поганого вахаря с ученым навигатором... Не буду ходить вокруг да около, скажу сразу: вы нам, любезный, жизненно необходимы, и оттого ни один волос с вашей головы не упадет, счастливчик вы этакий... Везунчик!

– Я понимаю, – мрачно отозвался штурман. – Что тут непонятного? Сами вы корабль, надо полагать, до суши довести не надеетесь?

– Даже и не пытаемся, – с безмятежной улыбкой сказал Бангал. – Куда уж нам, темным, мы таким премудростям не обучались... На вас вся надежда. К чему долгие разговоры... Мы ведь друг друга прекрасно понимаем, верно? Если вы доведете корабль до Лорана со всем усердием и прилежанием, без фокусов, – и сами в живых останетесь, и вашим дамам никто не причинит ни малейшего ущерба. Ну, а если задумаете какую-нибудь каверзу, при любом раскладе хватит времени, чтобы вас наказать за низкое коварство... Вы человек взрослый, повидавший жизнь, давайте уж строить отношения исключительно на доверии. У вас выбора все равно нет, а у меня нет никаких причин делать вам вред после того, как выполните свою часть уговора. Вот если бы мы заботились остаться неузнанными – другое дело. Но тут случаи другой, мы все поголовно переписаны, в серьезные бумаги внесены... У меня совершенно нет причин играть нечестно. Или у вас есть сомнения?

Судя по угрюмому лицу штурмана, сомнений у него имелось предостаточно. Он пробурчал:

– Сомнений и в самом деле выше крыши, а вот выбора и в самом деле нет...

– Вот и прекрасно, – сказал Бангал, лучезарно улыбаясь. – Вы, главное, успокойтесь. Мы же не сьетки какие, чтобы слово не держать, человека резать, если он себя вел правильно... Ну, я так понял, мы договорились? Вижу по вашему лицу, что договорились... Давайте в таком случае поговорим о делах, – он выдернул из прикрепленной к перилам проволочной корзинки свернутую в трубку карту, шумно развернул. – Вот тут обозначен, я так понимаю, наш курс? И находимся мы вот тут, где обрывается карандашная линия? – он ткнул пальцем в означенную точку. – Цура, развяжи руки ученому человеку...

– Скорее уж вот тут, – с пробудившимся превосходством поправил штурман, показав пальцем на точку поблизости от проведенной синим карандашом линии. – Сегодня утром еще не успели нанести новую прокладку и пройденное расстояние, потому что...

– Помешали некоторые обстоятельства, – кивнул Бангал. – Всем стало не до того... Значит, где-то тут мы болтаемся... А почему именно здесь, можно вас спросить из чистого любопытства? Я полагал в простоте своей, что от Харума

к Катайр Крофинду плывут по прямой, по кратчайшему пути, а наш курс выгибается явственной дугой, словно бы обходя Крофинд с полуночи, мы сейчас совсем близко от Инбер Колбта... Какая-то хитрушка с попутными ветрами?

– Попутное течение, – сказал штурман и провел по карте пальцем. – Алиротел. В море самый короткий путь – не всегда самый быстрый. Плывая по Алиротелу, до Крофинда добираются на несколько дней быстрее, чем по той прямой, которую вы указали...

– Век живи – век учись, – усмехнулся Бангал. – Вот видите, мы с вами совсем недолго общаемся, а от вас уже есть явная польза... Вы уж и дальше продолжайте в том же духе, хорошо? А сейчас идите к себе в каюту, успокойте ваших милых дам, они там, наверное, от страха себя не помнят. Расскажите им, как у нас с вами все наладилось. Этот душевный молодой человек вас проводит, и присмотрит, чтобы у вас все было в порядке. А потом заступите на вахту, повернете корабль к Харуму, подберете подходящий курс, чтобы нам побыстрее до земли добраться... Всего наилучшего!

Штурман в сопровождении ухмылявшегося Цуры еще не успел спуститься с мостика, как Сварог повернулся к Бангалу и спросил с искренним удивлением:

– Лоран?!

– Ну конечно, жамый Шабар, а как же иначе? – ответил Бангал спокойно, чуточку устало. – На земли короля Сварога нам соваться решительно не с руки, поверьте моему жизненному опыту. Вы в нашем веселом ремесле человек новый, понятия не знаете о некоторых полицейских привычках и традициях. Шила в мешке не утаишь, знаете ли. Слишком много тут собралось народу. Рано или поздно, станет достоверно известно, что кораблик этот был нами беззастенчиво захвачен. И вот тут вахари взовьются... Понимаете, с сухопутной, обычной каторги бегают с тех самых времен, как она на свет народилась. Дело житейское. Ищут, конечно, как им и положено, – но рутинно, без остервенения. А тут... Некоторых вещей полиция не прощает ни за что. Мы их унизили самым невероятным образом, создали, учено выражаясь, прецедент. За последние пару сотен, а то и поболее, лет, в жизни не случилось, чтобы каторжане захватывали тюремный корабль. Пираты, случалось, нападали на такие, но тут другое дело – тарабарцы сами вырвались... Сцапать нас всех до единого, шкуру спустить, по виселицам развесить для них будет делом чести, всю свою сознательную жизнь они нас будут ловить с величайшим усердием, и молодой смене накажут, чтобы рыла землю на сто уардов в глубину... Остались полные списки, в Фиарнольской судебной палате хотя бы. Вашего имечка там, конечно, нет, но вы все равно замазаны по самую маковку. Это стадо, – он небрежно дернул подбородком в сторону палубы, по которой бесцельно шатались там и сям хмельные от воли тарабарцы, порой оглашая палубу взрывами бессмысленного хохота, – на две трети состоит из мелкой шелупони, которая на первом же допросе после первой же зуботычины начинает петь с чувством и в полный голос, как баритон из Королевской оперы, про все и про всех. И внешность вашу опишут во всех подробностях, и непременно протреплются, как вы с помощью магии все устроили... Повязаны вы со мной намертво, вам тоже не резон шастать по Свароговым владениям.

– Я понимаю, – сказал Сварог. – Что поделаешь, вам виднее...

– Рад, что понимаете. Не переживайте, мы с вами еще таких дел наворо-

тим! Ваше умение и мой жизненный опыт... В общем, нам, сами видите, остается одно: смываться туда, где даже Сварогова лапа до нас не дотянется. Лучше бы прямо в Горрот, это еще надежнее, но это гораздо дальше, не стоит рисковать. Нам и в Лоране будет неплохо. Распишем цветисто и красочно, что все мы – безвинные жертвы тирании короля Сварога, зверя в человеческом облике, по облыжным обвинениям загоняющего на каторгу мирных тружеников...

– А в Лоране поверят? – усмехнулся Сварог.

– Вряд ли, – серьезно сказал Бангал. – Там в полиции, как и везде, служат не добрячки и не дурачки. У половины наших вся грешная, причудливая и путаная биография ясно и четко выколота на шкуре... Ничего, в любом случае они нас не выдадут. Из чистого принципа. Сами знаете, какие сейчас отношения у Сварога с Лораном. Когда кипит и бурлит большая политика, мелюзга вроде нас всегда найдет и для себя выгоду. Королевские раздоры идут порой на пользу людишкам незначительным, но наделенным смекалкой... Улавливаете ход мыслей?

Сварог кивнул, старательно сохраняя на лице безразличие. Перспектива оказаться в заведомо враждебном Лоране его нисколечко не радовала. Вряд ли его там опознают мгновенно, небритого, на себя не похожего, никому и в голову не придет, согласно той самой инерции мышления, что среди отпетого каторжанского народа оказался сам Сварог Первый, – но все равно, из Лорана еще предстоит выбираться, да и от Бангала как-то нужно будет отделаться. Ладно, впереди достаточно времени, чтобы многое обдумать...

– Почему же тогда вы не поворачиваете корабль назад? К чему тянуть?

– Успеется, – сказал Бангал, чему-то улыбаясь. – Часом раньше, часом позже – нет особой разницы. – Покосившись на рулевого, он отвел Сварога в самый дальний угол мостика и понизил голос, насколько это было возможно. – Сначала нам с вами следует обговорить кое-какие тонкости и неотложные меры... В вас-то я уверен, и еще в паре дюжин ребят, а вот в трех четвертях нашего сброда – никоим образом. Они еще не отошли толком, но очень быстро, через часок-другой, зададутся вопросом, как же им теперь жить дальше, обретя вождевленную свободу, чем следует незамедлительно заняться. А поскольку народец большей частью примитивный, их убогая фантазия ничего лучшего не подскажет, кроме как немедленно устроить гульбище на всю катушку. Уж поверьте моему жизненному опыту, совсем скоро заговорят наперебой, что свободу надо бы отпраздновать как следует. Выдвинутся горлопаны-вожаки, и вот тогда начнется настоящее непотребство... В трюме полно вина, об этом уже все пронюхали. В каюте штурмана – две мокрощелки, да вдобавок среди матросов обнаружился смазливенький юнга, на которого уже начинают поглядывать любители зады повторять. Представляете, что начнется? Неизвестно еще, останется ли корабль цел и на плаву...

– Понимаю, – так же серьезно сказал Сварог. – Что предлагаете?

– Всерьез рассчитывать, как я уже говорил, можно дюжины на две людей, – сказал Бангал. – Ну что же... Во-первых, их вполне достаточно, чтобы присматривать за матросами, а во-вторых, среди пары дюжин человек гораздо легче поддерживать железную дисциплину, нежели среди тех восьми десятков, что у нас остались на ногах после драки... Короче говоря, я тут кое-что прикинул. Надежных разобьем на несколько отрядов. Начальниками поставим Цуру,

вас, Рыжего... Оружия навалом. А остальных, чтобы не возиться, заманим назад в трюм. Закатим туда пару бочек винища, упреждая события, пока сами не начали вышибать днища, объявим гульбу, пообещаем, что приволокем туда штурмановых мочалок и матросиков, наиболее подходящих для «скамеек»... Вот увидите, они сами наперебой ломанутся в трюм, как только услышат про гулевань. И пусть сидят там до самого берега. Поскольку на сей раз вас там не будет, им ни за что не выбраться. Будем время от времени спускать туда бочонки – они и сами наверх не захотят. Ну, а когда управимся, поставим на мостик штурмана, возьмем должный курс и поплывем спокойно, при строгом порядке на борту... Возражения есть?

– Ни малейших, – сказал Сварог искренне. – Ну и голова у вас, жамый Бангал, вам бы в коронные министры...

– Скажете тоже, – махнул рукой явно польщенный «тарабарский принц». – Просто-напросто давненько скитаюсь по белу свету, хорошо изучил человеческую натуру и привык при всех поворотах судьбы оставаться в живых. И очень хочу побыстрее добраться до твердой земли, не отвлекаясь на усмирение дурной вольницы. Вы наверняка хотите того же. Значит, в первую очередь нам с вами следует...

Вдруг они прямо-таки подпрыгнули от неожиданности, Бангал замолчал, и оба сердито повернулись к рулевому – кроме него, просто некому было издать прозвучавший совсем рядом дикий вопль.

– Что такое, родной? – хмурясь, спросил Бангал. – Что ты так блажишь? Кто обидел?

Рулевой повернулся к нему, тыча вытянутой дрожащей рукой куда-то в море. Его лицо на глазах покрывалось крупными каплями пота, бледнело, вытягивалось. Хватая ртом воздух так, словно его почти и не осталось вокруг, бывший пират заорал:

– Даката! Вон там, с наветренной! Жопу ставлю, даката!

Встрепенувшись, Сварог уставился в море. О дакате он несколько раз слышал и на «Божьем любимчике», и от своих адмиралов. Все до единого рассказчики, люди серьезные, клятвенно заверяли, что речь идет не об очередной моряцкой побасенке, а о вполне реальной, хотя и насквозь загадочной жути, встречавшейся в океане не очень часто, но и не так уж редко. Даката, она же Белая Погибель, – то ли шквал, то ли смерч, то ли нечто совсем иное, непонятное. Никто не знал, откуда она бралась и что собой представляла, но все твердили в один голос, что даката уничтожала корабли со всем экипажем – напроць, так что выживших свидетелей не оставалось. Иным счастливчикам, правда, удавалось от нее уйти искусным маневром, с полными ветра парусами – капитану Зо однажды доводилось, к примеру, и Амонду...

Что-то там и в самом деле наблюдалось – вдалеке, у горизонта. Над неуловимой зыбкой чертой, где то ли море сливалось с небом, то ли небо с морем, на фоне искрящейся синевы четко рисовалось нечто округлое, белое, то ли становившееся все больше, то ли очень быстро приближавшееся, сохраняя неизменные размеры.

– Даката! – орал рулевой. – Точно, она! Нужно уносить ноги, иначе всем крышка! Мы однажды еле ушли, я на всю жизнь эту пакость запомнил... Говорю вам, даката! Она, доподлинная!

– Дуркует? – неуверенно спросил Сварога Бангал. – Слышал я что-то такое,

но не особенно верил, мореходы мастера гнать фуфло...

– Кто его знает... – сквозь зубы ответил Сварог, охваченный нехорошими предчувствиями. – Я тоже слышал, причем от людей, которым можно верить...

Он лихорадочно вспоминал, не доводилось ли говорить о дакате с Гаудином или кем-то из своих разведчиков, – нет, ничего на ум не приходит, ни разу речь не заходила, не стояла эта проблема в числе неотложных, животрепещущих...

Белое пятно приближалось неимоверно быстро. Гораздо быстрее, чем вихрь гонит по небу грозовые облака. Неслось под острым углом к курсу судна. Походило на то, что в самом скором времени курсы корабля и неведомого явления должны были пересечься.

Сварог присмотрелся получше, выхватив из гнезда подзорную трубу. Больше всего это походило то ли на облако, то ли на огромный клуб тумана, порой светившийся бледно-желтыми вспышками. Оно стелилось над самой водой, вроде бы не касаясь ее, приближалось как-то осознанно, словно целеустремленно несущийся к жертве хищник, хотя со всей уверенностью можно сказать, что это не живое существо и не летательный аппарат: округлый смерч, облако, исполинский клуб тумана...

Небо оставалось безоблачным, море – спокойным.

Бангал с сомнением сказал:

– Может, в самом деле... озаботиться? Что-то не нравится мне эта штука...

– Вот именно, – сказал Сварог. – Неприятное зрелище.

– Говорю вам – даката! – прямо-таки взвыл рулевой. – Всем конец! Мы тогда еле ушли...

– Вообще-то у нас с полдюжины пушек... – задумчиво сказал Сварог.

– Не берут ее ни ядра, ни картечь! – заорал рулевой. – Без толку!

– Ну так сделай что-нибудь, дубина! – озлясь, рявкнул Бангал. – Коли такой знаток и однажды уже ноги унес!

– Да я не умею! – завопил рулевой. – Откуда мне уметь? Мое дело – штурвал вертеть согласно приказу, а маневру я не обучен! Офицер нужен, чтоб командовал маневром!

Белое облако неотвратимо накатывалось – мутно-белое, сиявшее по всему своему пространству множеством тускло-желтых вспышек, пронизанное бледным мерцанием словно бы медленных молний. Оно надвигалось совершенно бесшумно. Чуть ли не все, кто был сейчас на корабле, столпились по левому борту, матросы на снастях кричали что-то неразборчивое, непонятно кому адресуясь. Сварог видел их испуганные лица.

– Шутки в сторону, – сказал он резко. – Зови штурмана...

Бангал, не медля ни секунды, перегнулся через перила и заорал что было мочи:

– Цура! Штурмана сюда моментально!

Было что-то в его вопле, отчего уже через миг с грохотом распахнулась дверь кормовой надстройки и из нее кенгуриными прыжками вылетел Цура, волоча за собой штурмана, вмиг поднял его на мостик, то бесцеремонно волоча за шиворот, то подхватывая за пояс так, что ноги ошарашенного навигатора отрывались от палубы. Не теряя времени, Сварог буквально вырвал из его лап ценного специалиста, развернул лицом в сторону приближавшегося обла-

ка и, встряхнув, спросил:

– Что это за хрень? Не доводилось раньше сталкиваться?

Он впервые видел, чтобы человек в неуловимую долю секунды становился белым как стена.

– Д-даката... – лязгая зубами, еле выговорил штурман. – Конечно, даката...

Никаких расспросов более не требовалось – достаточно взглянуть в это лицо без единой кровинки. Над ухом севшим голосом выругался Бангал, и Сварог, ведомый могучим инстинктом самосохранения, хорошенько встряхнул штурмана, сунул ему в руку микрофон:

– Командуй, мать твою! Душу выну!

Штурман поднял ко рту рупор – вернее, с размаху ударил себя по губам раструбом, так, что рассадил их до крови. Не обратив на это внимания, даже не поморщившись, заорал, разбрызгивая кровь:

– Все наверх, паруса ставить! Право руля! Переменить галс!

Матросы, встряхнув оцепенение, проворно карабкались вверх, разбегались в стороны по реям. Сварог, следя за ними краешком глаза, лихорадочно оценивал дистанцию меж кораблем и несущимся облаком – и видел: оно приближается так быстро, что никаких шансов не остается, оно уже вровень с верхушками мачт, закрыло солнце...

А в следующий миг – и весь окружающий мир.

Душераздирающие вопли понеслись отовсюду – с палубы, с мачт, с мостика – и тут же утихли. Сварога обволокло мутно-белое облако, пронизанное бледно-желтыми, слабосветящимися ручейками, теми самыми медленными вспышками. словно далекие огоньки нехотя, с трудом разгорались и тут же гасли, а потом все начиналось сызнова. Однако жара он не почувствовал. Ощутил бесчисленные прикосновения к лицу, рукам, затылку, голой груди под распахнутой рубашкой. словно бы мириады тополиных пушинок или хлынувший из распоротой перины пух осыпали его с ног до головы, кружа вокруг, потоками стекая по коже – и эти касания вызывали непонятные, незнакомые ощущения, столь противные, что Сварог содрогался всем телом, а по глотке снизу вверх прошел длинный спазм тошноты.

И вдруг все кончилось так же внезапно, как и началось. загадочное облако не схлынуло, не ушло дальше – оно определенно растаяло, все сразу, на всем своем протяжении, вокруг было только спокойное море, накрытое лазурным сводом небосклона.

слева раздался сухой деревянный стук, какой издает причалившая к борту корабля большая шлюпка. Где-то неподалеку стукнуло что-то еще. Скосив глаза, Сварог увидел вонзившийся в планшир трехлапый кованый крюк.

Совсем рядом с ним лежали четыре кучки одежды – там, где только что стояли Бангал, Цура, штурман и рулевой. Было непохоже, что люди просто сбросили одежды, скорее уж выглядело так, словно люди вдруг растаяли, пребывая внутри одежды: штаны штурмана остались застегнутыми и заправленными в высокие мягкие сапоги, форменный кафтан, доставшийся Бангалу в наследство от предводителя вахарей, тоже застегнут на все пуговицы, как и рубашка Цуры из тонкого полотна, судя по золоченым – а то и золотым пуговицам, материи и кружевам, позаимствованная в каюте кого-то из офицеров, а то и самого капитана.

Там, где на нок-рее только что покачивался изуродованный труп, болта-

лась лишь улетая, петля. Палуба по левому борту покрыта кучами одежды, разбросанным оружием – и нигде ни единой живой души и не единого трупа. На рангоуте тоже болтались там и сям штаны и рубахи, ветерок подхватывал их и уносил в море...

Корабль рыскнул по ветру, крутнулся оставшийся без присмотра штурвал. По борту что-то гроыхало, словно кто-то взбирался на палубу со всем проворством. Ничего еще не соображая толком, Сварог произнес привычное заклинание, делавшее его невидимым, отпрянул в дальний угол капитанского мостика, положив руку на эфес сабли.

Над планширом возникла самая обыкновенная человеческая физиономия, за ней вторая, похоже на первую, разве что усатая. Два субъекта, одетых, как матросы или небогатые путешественники, враз перемахнули через борт и бросились на мостик. При них не было никакого оружия – и держались они так, словно происшедшее их нисколько не удивило. Сварога они не увидели. Один, не мешкая, бросился к штурвалу, умело перехватил рукоятки, выровняв корабль и удерживая его на прежнем курсе. Второй, перегнувшись через перила, с ухмылочкой оглядывал палубу.

Сварога так и подмывало дать ему по башке, а потом заняться вторым, но не следовало торопиться, не узнав сначала, сколько их. Лодка, судя по звукам, по-прежнему покачивалась у борта корабля, и в ней слышались спокойные голоса.

Не особенно и раздумывая, Сварог на цыпочках спустился с мостика. Кто бы ни были эти типы, они, несомненно, связаны с Белой Погибелью, в мгновение ока уничтожившей все живое на борту. Чересчур уж быстро они появились – едва даката растаяла, чересчур уж уверенно действовали, без тени удивления. Они должны были все знать заранее... и, вполне может оказаться, сами все это устроили, потому что плохо верится в такие совпадения.

Кто-то еще взбирался по веревочной лестнице с перекладинами-палками – Сварог видел две-три верхних ступеньки, видел, как дергается лестница. Следовало побыстрее подыскать самое безопасное место, куда они ни за что не сунутся, а значит, и не наткнутся ненароком на человека-невидимку, который вполне доступен и осязанию, и обонянию...

Сварог направился напрямик к бушприту и устроился там с относительным комфортом, стоя на частой веревочной сети, держась обеими руками за толстое, гладкое бревно, отполированное временем и ветрами. Вот уж сюда никому не придет в голову соваться без крайней на то необходимости, даже этим загадочным налетчикам. Тут обычно находится лишь атакующая команда, когда в морском бою дело доходит до абордажа.

Слева, в паре кабельтов от корабля, вдруг вспучилась вода длинным округлым бугром, и прозрачные струи стекли с корпуса всплывшей на поверхность подводной лодки, не менее сотни уардов в длину.

Настоящая подводная лодка, разве что построенная не из железа, а из какого-то темного дерева – Сварог прекрасно рассмотрел надежно подогнанные широкие доски, невысокую округлую рубку, тоже дощатую, походившую на распиленную поперек пузатую бочку, – с круглыми иллюминаторами в металлической оправе. Загадочная субмарина медленно приближалась к кораблю, и, судя по тому, как бурлила вода за кормой, приводил ее в движение тот самый движитель, что трудами восьмого департамента считался на Таларе ту-

пиковым направлением технического прогресса и нигде не использовался. Подводники, надо полагать, то ли не слыхивали об этой искусно подsunутой таларским инженерам дезинформации, то ли прекрасно знали истинное положение дел. Кто бы они ни были, это, несомненно, надежно укpывшиеся от бдительного ока как небесных, так и земных властей маргиналы – по самой сути своей государственные преступники со всех точек зрения, подлежащие безусловному искоренению как за пиратство, так и за пользование запретными техническими достижениями...

Сварог вспомнил все, что ему было известно о мэтре Тагароне и его попытках соорудить подводную лодку, оснастив ее каким-то качественно иным двигателем, а по другим сведениям, уже и построившим в Горроте первый образец. Похоже, не один Тагарон оказался таким сообразительным. Где-то неподалеку – Инбер Колбта, скопище многих сотен островов, до сих пор не исследованный толком лабиринт, овеянный множеством легенд, как занятных, так и жутких. Столько всего болтают, что даже если малая толика окажется правдой... Если поразмыслить – идеальное укpытие не только для обычных пиратов (коих в глубинах архипелага предостаточно), но и для тайной базы таких вот удальцов, наплевавших на негласные запреты верховной власти...

Но даката, даката! Не бывает таких совпадений. Гораздо более вероятно, что они ее сами создали, а не болтаются за ней следом, как гиены за львом. Вот, значит, в чем поганый секрет дакаты... Коли уж Сварог уцелел там, где погибли все до единого обычные люди, возможны только два объяснения: либо даката – продукт зловредной магии, либо она – следствие некоей неведомой технологии, создание человеческих рук, не имеющее ничего общего с колдовством. Только в этих двух случаях она не способна причинить Сварогу вред. Моряцкие байки оказались правдой: порой возможно ускользнуть от дакаты, но уж если она настигнет – в живых никого не остается. Можно только гадать, сколько из пропавших без вести кораблей, плывших в одиночку, стали жертвами именно Белой Погибели, рукотворного зла...

Вторая субмарина всплыла по правому борту, она выглядела близнецом первой. В рубках распахнулись дверцы, на палубу повалили люди, обе подводных лодки подошли вплотную к кораблю, причалили с двух сторон. На палубу полетели тросы с крючьями, очень быстро соединив все три судна в одно.

На палубу захваченного корабля хлынуло множество людей. Они перекидывали широкие сходни, распиливали грузовой трюм – быстро, сноровисто, без понуканий и команд, из чего следовало, что налетчики понаторели в подобном разбое и опыт приобрели богатый.

Сварога по-прежнему никто не замечал. Он стоял, уперевшись ногами в веревочную сеть, обхватив бушприт, и совсем рядом с ним деловито суетились неведомые рыцари удачи, совершенно неотличимые по виду и одежде от обитателей Талара. И разговаривали они меж собой на том же языке.

Позади рубок распахнулись прямоугольные люки, их створки ушли вниз и в стороны. Установив несколько лебедок и подъемных кранов, пираты принялись переправлять на свои субмарины бочки, ящики и тюки из трюма корабля, работая не за страх, а за совесть, с прибауточками и подначками. Ни единого понукания не последовало со стороны нескольких человек, празднo стоявших с видом командиров, – да, это не подневольные трудяги, это сборище равноправных, объединенных общей целью. С таким энтузиазмом люди

испокон веков и вкалывают не на мифическое «благо общества», а на свою собственную выгоду, конкретную долю в добыче. Ну разумеется, это пираты неизвестной прежде разновидности, якорь им в задницу. До чего банальной оказалась разгадка Белой Погибели... Ну что же, не самая бездарная затея. Добыча им досталась хорошая – при том, что никакого урона они не понесли и особых трудов не приложили, вообще пальцем о палец не ударили, все сделала за них даката, а им осталось лишь сгрести бесхозное добро – твари, мародееры, стервятники, любой обычный пират во сто раз лучше, каким бы подонком ни был, он как-никак всякий раз рискует жизнью при очередном абордаже, а эти...

У Сварога неимоверно чесались руки, но в одиночку он ничего не смог бы поделаться с этой сворой. Оставалось скрипеть зубами от бессильной злобы и обещать себе, что, едва добравшись до Харума, пошлет сюда сильную эскадру с приказом носу назад не казать, пока не отыщут притон этих стервятников...

Потом он подумал о вещах гораздо более животрепещущих: месть мостью, но что ему предпринять сейчас? Как они поступят с захваченным кораблем? Уведут с собой, чтобы сменить название и использовать? Рискованно. Это для человека несведущего все корабли на одно лицо, а опытный моряк легко опознает знакомое судно и с новым названием, и в новой окраске. Что-то Сварог прежде не слышал о подобных случаях – схожие были, но речь там всегда шла об обычных пиратах. И он никогда не слыхивал, чтобы кто-то натыкался в океане на дрейфующие без команды корабли с выпотрошенными трюмами. Ну да, конечно, элементарная бандитская логика требует потопить ограбленное судно – и пусть потом тщетно ломают головы на суше, пусть умножаются родившиеся за чаркой рома в портовых кабаках легенды, занятные и жуткие, пусть разводят руками многоопытные люди из морского бюро и угодившие в проруху страховщики...

Корабль они, разумеется, пустят на дно в самом скором времени. Опасность утонуть Сварогу не грозит, но что прикажете делать дальше? Не плыть же саженьками в сторону Харума или хотя бы до Катайр Крофинда – далекоовато, мозоли натрешь... Пожалуй, следует нырнуть вместе с кораблем, когда он погрузится, отвязать вон ту шлюпку, чтобы ее вынесло на поверхность. Больше ничего и не придумать в данной ситуации. На обеих рубках виднеется нечто крайне напоминающее перископы, но когда лодки уйдут под воду, никто не станет в них таращиться...

Приняв решение, он успокоился, то и дело поглядывая на облюбованную шлюпку уже по-хозяйски. На боку висит хорошо отточенная сабля, узлы можно будет рассечь в два счета. Шлюпка, как и полагается по морским регламентам, надежно затянута брезентом, там должны быть весла, а если повезет, то и компас. Сварог был не силен в навигаторском искусстве, но странствия по компасу – дело знакомое. Карту континентов помнит и закат с восходом не перепутает. Ага, погрузка окончена, они таскают уже вещи из кают, стервятники долбаные... Убрали лебедки, закрыли люки, втаскивают на лодки сходни, вот уже не осталось никого на палубе, все скрылись в рубках, кроме нескольких. Интересно, почему остались эти четверо обормотов с охапками цилиндрических сосудов, по виду стеклянных, наполненных темной жидкостью?

Первый сосуд со звоном разбился о палубу – и тут же взвилось пламя, высокое, багрово-желтое, яркое. Вспыхнуло дюжины три костров, огонь момен-

тально охватил корабль с носа до кормы и от борта до борта, обе подлодки стремительно погрузились, исчезли с глаз. Сварог остался один-одинешенек – на горящем судне, в бескрайнем океане.

Жар ударил в лицо, пылали мачты и паруса, звонко лопались горящие снасти, горела палуба, огонь охватил все, что выступало над водой, и все до единой шлюпки, в том числе и присмотренную Сварогом, коснулся места, где крепился бушприт. Неведомый зажигательный состав превосходил даже горродельский огонь. Занялась сеть, на которой Сварог стоял, – и он, мельком глянув вниз, увидел, что вода приближается: ну да, они вдобавок наделали дыр в днище для вящей надежности, и корабль начал погружаться в воду. Что не сторит, то утонет...

И огонь подступает – такой же опасный для него, как и для обычных людей. Не было отчего-то в заоблачном магическом арсенале берегущих от огня заклинаний – а до земных колдунов, по слухам, все же владевших этим умением, Сварог пока что не добрался.

Он помаленьку отступал от исполинского костра, перехватывая вытянутыми над головой руками становившийся все более тонким бушприт. Потом сеть под ногами окончательно истлела, и отступать стало некуда. И над головой уже потрескивал огонь – бушприт горел, вот-вот должно было опалить руки. Настал момент, когда Сварог понял, что с кораблем, одновременно и тонущим и горящим, пора расставаться без колебаний, и ничего тут не поделаешь...

Он разжал руки, спиной вперед полетел в воду, подняв фонтан брызг, словно кит. Размашисто загребая, отплыл подальше, оглянулся. Над водой торчали лишь верхушки пылающих мачт, становясь все короче и короче. Пламя шипело, разбрасывая искры – и погасло наконец. Осталось только бескрайнее море под лазурным небосклоном, синяя пустота, куда ни глянь, – и в самом ее центре торчала из воды голова пловца.

Сейчас плохо верилось, что где-то существует необозримый континент, по которому можно ехать из конца в конец неделями, месяцами, – или хотя бы острова. Ничего не было, кроме воды. Сварогу на миг стало жутко – таким грандиозным и бесконечным оказалось одиночество.

Чтобы прогнать эти пакостные ощущения, он велел себе незамедлительно и трезво выработать программу действий. Благо особой сложности это не представляло и не требовало великого ума, выбор был не то что небогат – до обидного скуден. Человеку в его положении остается одно: болтаться на волнах, ожидая, не покажется ли корабль. Как-никак он находился на довольно оживленной морской трассе и течением, о котором упоминал покойный штурман, надо полагать, пользуются не только суда, идущие на Катайр Крофинд. Жаль, что загадочные пираты плавают на подводных лодках. Будь они на обычных кораблях, следовало плыть вслед за ними, в ту сторону, где они скрылись бы, ведь наверняка отправились с добычей к себе в логово. Ясно, что их притон располагается где-то в дебрях Инбер Колбта, подальше от освоенных державами континента внешних островов... но в какой стороне, собственно, Инбер Колбт? Где-то к полуночи...

Идиот! Ну и болван!

Новая идея, внезапно пришедшая в голову, была такой простой и гениальной, что Сварог от радости громко захохотал. Следовало бы догадаться сразу,

но пресловутая инерция мышления...

Ему вовсе не обязательно было болтаться на поверхности моря, словно закупоренной бутылке с письмом! Он мог дышать под водой не хуже, чем на суше, – хоть год подряд, хоть всю оставшуюся жизнь. Он мог создавать себе еду в богатом ассортименте – а поскольку таларский океан пресный, от жажды не умрешь, даже не располагая магическими способностями. Чтобы перекурить, достаточно всплыть на поверхность. Башмаки на ногах, сабля на боку...

Короче говоря, он преспокойно мог добраться до ближайшей суши не вплавь, а пешком. По морскому дну, как посуху. Конечно, дорога предстояла не из легких – неровности дна, глубины, разнообразные хищники, – но ожидаемые опасности не столь ужасны, бывало и похуже, скажем, когда он шлепнулся в Хелльстаде на подбитом яле. Тогда он ничегошеньки не знал об окружающем мире, а теперь оказался в гораздо более лучшем положении.

При всем своем невежестве в морских делах он все же кое-что читал, слышал, видывал на экране. Точно знал, например, что в таларских морях нет акул. Здесь, правда, обитают косатки, мало уступающие акулам в размерах и количестве зубов, но на людей они никогда не нападают, разве что в ответ на агрессию в виде брошенного гарпуна или выстрела. Болтают даже, будто это их миролюбие объясняется тем, что косатки, как и черные тюлени (но не серые!), давным-давно были людьми, еще до Шторма, а потом как-то перешли в свое нынешнее состояние, но память и разум сохранили. Иные божатся, что есть тайные места, где в полнолуние косатки сбрасывают рыбьи шкуры и ненадолго становятся людьми.

Стоп, стоп! Сейчас не до богатейшего и цветистого моряцкого фольклора – еще и оттого, что до полнолуния далековато, и нечего, согласно легендам, ждать помощи от сбросивших шкуры косаток и тюленей... Думать нужно исключительно о насущных проблемах.

Итак, это не самый глупый план – шагать до суши по дну. В любом случае, это гораздо практичнее, нежели бесцельно болтаться на волнах в ожидании корабля, который может появиться самое раннее через неделю, или пройти поблизости и не заметить голову в воде, а то и вовсе оказаться горротским, что повлечет за собой лишние сложности.

Самый насущный, животрепещущий вопрос, требующий немедленного решения, – в которую сторону направить стопы? Жаль, что Сварог не нашел времени познакомиться с лоциями. Представления не имеет, где в океане располагаются большие глубины, и как обойти их стороной, чтобы не удлинять путь, сначала спускаясь по подводным кручам, а потом карабкаясь вверх по протяженным склонам. Курса верного выбрать тоже не сумеет, разве что – на два лаптя правее солнышка...

Итак, следует, не мешкая, определиться с направлением. Либо на полночь шагать к Инбер Колбту, либо на полдень, к Катайр Крофинду. У обоих вариантов есть свои достоинства.

Катайр Крофинд – его собственное владение. Преспокойно можно выдать себя... ну, скажем, за тайного агента из разведки или полиции, плившего по некоей государственной надобности на попавшем в шторм и затонувшем судне. Название корабля можно выдумать любое – в мире, где нет радиосвязи и компьютеров, пребывающие на отдаленном острове чиновники не смогут проверить скороспелую легенду. Имен людей, занимающихся тайными госу-

дарственными надобностями, он знает достаточно. Гораздо больше осведомлен о работе иных тайных служб, чем обыкновенный человек, мелкий авантюрист. Сможет быть убедительным. Самый нерасторопный и нерадивый полицейский чин поневоле призадумается. Если и не посадит незамедлительно на первый же идущий к Харуму корабль, то, по крайней мере, отправит по инстанциям донесение о странном визитере. Главное тут – выдумать нечто, благодаря чему Интагар, баронесса или Мара моментально догадаются, о ком идет речь.

С другой стороны... Насколько он помнил карту, до Инбер Колбта раза в три ближе сейчас, чем до Катайра. На внешних островах – три ганзейских порта, угольные склады четырех держав (три из которых принадлежат Сварогу), там тоже оживленно... Островов, правда, превеликое множество, и нет гарантии, что сразу выйдешь к полезному, но ведь ближе будет шагать...

Решено. Инбер Колбта. Приняв решение, Сварог испытал огромное облегчение – вместо неопределенности перед ним была неизвестность, а это совсем другое. Он точно знал теперь, куда направляется, и это придавало уверенности. Вот только не следует слишком часто вспоминать о гривастых крокодилах. Эти будут посерьезнее акул – морские хищники в десять уардов длиной, порой нападающие даже на корабли. Но, в конце концов, нельзя сказать, что океан ими так и кишит, да и предпочитают они дичь покрупнее, вроде тех же косаток или китов, а то и громадных кальмаров. Одинокий человек для них – мелкая добыча, охотиться за коей у них определенно нет рефлекса. Если подумать, странствующие по дну пешеходы – вещь уникальная, где уж тут выработаться рефлексам и инстинктам...

Сварог больше не прилагал ни малейших усилий, чтобы держаться на воде, – встал по стойке «смирно», вытянув руки по швам. И тут же погрузился с головой, согласно закону всемирного тяготения, наверняка вытеснив, согласно другому закону природы, именно тот объем воды, который занимал в пространстве.

Вскоре он коснулся подошвами дна. Огляделся, на всякий случай держа руку на эфесе абордажной сабли.

Вокруг было довольно светло, глубина оказалась не очень большой: уардов пятнадцать-двадцать. Солнце виднелось над головой размытым светлым пятном. Повсюду росли пучкообразные кусты каких-то водорослей, и низенькие, и вдвое выше Сварога, кое-где вздымались поросшие чем-то вроде мха камни, меланхолично проплывали красивые медузы. Место, где он оказался, в общем, не приводило в уныние и нисколечко не походило на преисподнюю. Несколько непривычные пейзажи – и только. Пешеход тут вполне пройдет без особых трудов. По дну ползает какая-то мелочь вроде крабов, лежат раковины, иные с обитателями, поодаль шмыгают стайки пестрых рыб. Какая там преисподняя, господа! Как-никак заносило в настоящую... Так что никакого сравнения.

Он вздохнул и бодрым шагом направился на полночь, обходя подводные скалы, зорко озираясь по сторонам, напевая под нос:

*– А ну-ка, парень, подыми повыше ворот,
Подыми повыше ворот – и держись...*

Часть вторая

По ту сторону одиночества

Глава первая

Первопроходец

Сварог обнаружил дорогу после того, как отмахал по дну лиги четыре, а то и все пять.

Он мог бы, наверное, сделать это открытие и раньше, но был поглощен другими заботами – первое время, взяв неплохой темп классического марш-броска, почти не обращал внимания на почву под ногами. Достаточно и того, что она была ровной, без коварных ямок и расселин. Следил, чтобы ненароком не споткнуться: сломай или вывихни он ногу, пиши пропало. Почти все его внимание было поглощено тем, чтобы ухитриться вертеть головой на триста шестьдесят градусов, держать в поле зрения полусферу, чтобы достойно встретить внезапную опасность, с которой можно разделаться и саблей, или вовремя укрыться от какого-нибудь противника, с коим нечего и думать лезть в рукопашную. Как всякому новичку в незнакомых прежде перипетиях, ему казалось, что неведомые опасности так и кишат вокруг косяками, подстерегают, скрадывают, готовясь напасть в самый неожиданный момент.

Однако довольно быстро Сварог переборол эти страхи, стал держаться спокойнее, убедившись, что они, как им и следует, преувеличены.

Но потом к нему привязалась рыба: светло-коричневая в белую крапинку, величиной в половину человеческого роста, с похожими на веера боковыми плавниками, плоским, размеренно колыхавшимся хвостом и широкой мордой, усаженной неисчислимыми рядами белоснежных зубов-крючочков. Сварог не заметил, откуда она взялась на параллельном курсе. Она не приближалась и не отставала, сопровождая его то справа, то слева, на расстоянии десятка уардов, держась над дном на высоте его груди. Правда, она ни разу не сделала попытки зайти со спины, и нападать не пыталась, но все равно, раздражала своими повадками, словно скопированными у заядлого вертухая, – и еще тем, что непонятно было, какого рожна ей, собственно говоря, надо, зачем привязалась. То ли от природы такая любопытная, то ли все это время старательно оценивая, есть ли у нее шансы на победу, если напасть внезапно. Вот и приходилось, в свою очередь, бдительно следить за всеми ее маневрами – росточком не вышла, но цапнуть за бок этакой пастью может довольно чувствительно. Имелся один существенный минус в его положении – здесь зверей не отпугнешь огнем...

Даже если широкомордая рыбина и питала какие-то коварные замыслы, она, по-видимому, пришла к выводу, что выбрала себе противника не по зубам; сильно ударив хвостом по воде, изогнулась и, словно выпущенная из лука стрела, умчалась, поднимаясь к поверхности.

Сварог пошел дальше. И постепенно начал соображать, где именно шагает.

Сначала он подумал, что место, по которому он идет, напоминает гладкую, ровную автостраду, проложенную меж двух невысоких откосов. Чуть погодя он задумался над этим сравнением всерьез – а там и почти уверился. Очень уж ровным было дно под ногами, и ширина этого ровного пространства слишком долго оставалась неизменной, а это уже походило не на капризы приро-

ды, а на дело человеческих рук...

В конце концов он остановился, принялся старательно шаркать ногой, сметая башмаком мягкие заросли мха (за неимением лучшего определения он именовал неизвестные водоросли мхом). Взвилось облачко мути. Сварог трудился, как заведенный.

И убедился, что чутье его не подвело. Под ногами у него виднелась на расчищенном пространстве серая гладкая поверхность. Несомненно, какое-то дорожное покрытие искусственного происхождения. Проделав те же исследовательские работы там, где предполагалась обочина, он натолкнулся на бордюр из каких-то темных, похожих на каменные брусев.

Сомнений не осталось: это и в самом деле была автострада, судя по ширине, не менее чем шестирядная, разве что заросшая на всем протяжении губчатым мхом бледно-зеленого цвета. Открытие оказалось не таким уж ошеломляющим, он и раньше слышал, что во время шторма изменились очертания и моря, и суши, иные населенные земли ушли на дно, а иные участки дна стали твердью. Вот только среди книжников никогда не было согласия в том, что касалось количества и названий этих земель. Быть может, это и есть пресловутая Альдария. Или Рикобан. Или легендарная Пандичитта. Выбор обширен, но какой ему смысл, в его нынешнем положении, ломать голову? Совершенно неподходящие место и время для бесполезных умствований...

Он поступил просто – взял да и пошел дальше по автостраде, благо она тянулась примерно в том направлении, куда он стремился добраться, уходила к полуночи, порой извиваясь огромными дугами, обходя высокие скалы (которые, надо полагать, существовали и в те времена, когда дорогу прокладывали по земле).

За одной из таких скал он и увидел стоявшую на обочине автомашину – светлую, почти белую, низкую, плавных очертаний, должно быть, спортивную, казавшуюся совершенно неповрежденной.

Справедливости ради следует уточнить, что в первый миг он откровенно шарахнулся под защиту скалы, хватаясь за саблю, – не сразу сообразил, что именно видит. Ему простительно – на Земле он не бывал давненько, а здесь такие машины перестали делать много тысяч лет назад...

Он осторожно приблизился, подошел вплотную. Та же поразительная сохранность предметов материальной культуры давным-давно ушедшего прошлого, что он наблюдал в свое время в Хелльстаде, во флотском доме отдыха. Значит, не только там вещи из далекого прошлого сохраняются целехонькими, словно и не пронеслось над планетой загадочных катаклизмов, словно не было тысячелетий... Машина выглядела так, словно ее не далее как вчера бережно опустили на морское дно: ни единой царапинки, крышки не спущены, даже мхом не обросла.

После некоторых колебаний он взялся за ручку дверцы. Повинуясь легкому нажиму руки, с тихим щелчком отворилась дверца со стороны водителя. Повинуясь легкому нажиму руки, стянув через плечо перевязь с саблей, чтобы не мешала, Сварог устроился на месте водителя. Покрутил баранку вправо-влево, словно любопытный мальчишка. Осмотрелся. На соседнем сиденье лежала фуражка с синим верхом, черным околышем и козырьком, украшенным золотыми листьями. Кокарда абсолютно незнакомая, но, поскольку на ней присутствует золоченый якорь, легко догадаться, в каких именно войсках

служил ее давным-давно сгинувший хозяин. На приборной панели красуется закатанная в пластик фотография красивой блондинки в розовой блузке, ключ зажигания с брелком в виде серебряной косатки торчит на своем месте.

Вспомнив исправно работавший в Хелльстаде древний телевизор, Сварог ощутил нешуточную тягу к экспериментированию – и повернул ключ в должное положение, потом еще и еще раз.

Нет, ничего не произошло, ни одна лампочка не вспыхнула на панели, ни одна стрелка не шелохнулась. Были свои пределы у загадочной сохранности, а жаль. Ехал бы сейчас по автостраде, распутивая морских обитателей, опустив стекло и выставив локоть в окно...

Потом ему стало не по себе – нахлынула тревога, словно ветер обдал холодом. Показалось вдруг, что распахнутая дверца сейчас закроется с громким щелчком, замуравав его надежно и насовсем, а на заднем сиденье послышится шевеление, и чьи-то невероятно холодные пальцы обхватят его шею, и раздастся торжествующий хохот, в котором нет ничего живого...

Ощущение было таким навязчивым и сильным, что он побыстрее выбрался из-за руля, закрыл дверцу энергичным толчком, накинул через плечо перемышь. Посмеялся над собой – в море хватало нечисти, но никто никогда не слышал, чтобы под водой появлялись призраки...

Шагай дальше, исследователь, сердито приказал он себе. Стоит машина, и черт с ней, ничего для тебя интересного...

И направился дальше по дороге – скорее всего, первый за многие тысячелетия странник, кто шагал ногами по прекрасно сохранившейся автостраде. Первопроходец...

Потом он увидел впереди шпиль, а там и все здание открылось взору. На сей раз Сварог не удивился и не испугался, а продолжал браво шагать по дороге, отметив лишь, что пейзаж впереди изменился, он как бы обрывался, словно Сварог приближался к самой кромке некоего откоса или обрыва.

Он подошел совсем близко. Здание, стоявшее слева от автострады, походило то ли на рыцарский замок, то ли на храм, было в нем что-то, заставлявшее думать, что это строение еще задолго до Шторма уже было древним, таким памятником архитектуры: стены из бугристого камня, стрельчатые высокие окна, затейливые башенки с кирпичными зубцами, всевозможные излишества в виде затейливых балкончиков, высеченных из камня зверей и птиц, прилепившихся к стенам строеньиц, напоминавших уменьшенные копии древних замков, – Сварог читал о них где-то, но запомнил сейчас название – то ли машикули, то ли горгульи. Нет, горгульи – это те самые статуи...

Он не стал сворачивать, чтобы осмотреть замок, – к чему? Были более насущные дела, нежели тешить пустое любопытство. Преспокойно прошел мимо. И, как предполагал, оказался на краю высокого крутого откоса, уходившего вниз на сотню уардов, не меньше. И там, внизу, в зеленоватом сумраке, смутно виднелись очертания неких геометрически правильных, раскинувшихся на большом пространстве объектов, протянувшихся и вправо, и влево.

Ничего сложного для человека, обладавшего «кошачьим глазом». Он пустил в ход заклинание – и оно исправно сработало на дне морском так же, как на суше.

Теперь Сварог видел далеко и широко. В те самые незапамятные времена древнее строение возвышалось на самой вершине крутой скалы – а скала под-

нималась над большим... городом?

Он присматривался, изучая раскинувшийся под ногами город. И постепенно пришел к выводу, что видит не просто город, а порт. Причем военный порт. Не зря по суше его со всех сторон окружает высокая решетчатая ограда, а внутри виднеется довольно мало строений, похожих на жилые дома. Гораздо больше складов, ангаров, пакгаузов, протянувшихся длинными рядами круглых емкостей с горючим, больших антенн, параболических и в виде решетчатых башен. Классический военный порт – и вдали, возле пирса, превосходно видел лежащий на боку корабль, довольно большой, вроде крейсера. Острый выгнутый нос, орудийные башни, антенны, ракетные установки на корме... Крейсер казался неповрежденным.

Так... Вон там определенно начинается большая глубина – и в те времена, когда порт находился на поверхности, там было глубоко, а уж теперь... Поневоле придется искать обходной путь. Пожалуй, следует обогнуть порт слева – если предположить, что Инбер Колбт и в самом деле представляет собою устье реки, впадавшей некогда в иной океан, то можно приблизительно восстановить в уме древние карты...

Он посмотрел влево. Там, под бывшей скалой, лежал на левом борту корабль, не имевший, сразу видно, никакого отношения к порту – несомненная галера с обломанными мачтами и прекрасно сохранившимся по правому борту двойным рядом длинных весел. Это уже позднее, конечно, уже после Шторма кому-то не повезло. Древность невероятная – галеры давным-давно вышли из употребления, о них на Таларе всегда упоминалось, как о реликтах далекого прошлого. Даже поговорка морская есть: «Давным-давно, как во времена галер».

«Карты!» – вдруг пришло ему в голову. В самом деле, если это морской порт, если предметы из далекого прошлого столь великолепно сохраняются, там, в порту, можно надеяться отыскать древние карты. Кое-какая польза от этого все же может выйти – зная, как выглядели глубины прежде, можно строить кое-какие умозаключения и ориентироваться с грехом пополам, делая поправку на изменения. Все лучше, чем шагать наугад...

Внезапно впереди, если прикинуть, примерно на полпути между древним замком на вершине скалы и портом, появилась пара морских змей. Они словно бы выстрелили откуда-то снизу, от дна, быстро поднимались вверх, почти вертикально, держась рядом...

Сварог проворно отступил к замку, встал за одной из прилепившихся к стенам здания причудливых башенок, чтобы его, не дай бог, не заметили эти твари. Кое-что о морских змеях он знал: создания эти лишены ядовитых зубов, но к зрелым годам вырастают до пяти-шести уардов, питаются любой живностью, с которой в состоянии справиться, в том числе и людьми. Трудно было определить размеры этой парочки – нет поблизости ориентира, по которому можно прикинуть масштаб, но если это взрослые особи, то путника на морском дне будут расценивать исключительно в качестве пропитания. Сабелькой от двух сразу не отмахнешься. То, что Сварог знал змеиный язык, помочь не могло – подобные твари начисто лишены сантиментов и гуманизма, тот факт, что добыча способна с ними общаться на их языке, мало что, надо полагать, изменит...

В общем, он затаился, осторожно выглядывая из-за башенки и шаря взгля-

дом в поисках надежного ориентира. Змеи его не заметили. Были всецело поглощены друг другом. То ли играли, то ли исполняли брачный танец, кто их там разберет: с невероятным проворством носились над дном, выполняя самые неожиданные па, грациозно выгибаясь, свиваясь в кольца, плывя рядом и обвиваясь вокруг друг друга. Было в этом танце что-то одновременно красивое и омерзительное, словно бы завораживающее – эпизод настолько иной жизни, иного разума, иных нравов и привычек, что пробирала непонятная оторопь.

Резвясь и играя, они понемногу удалялись в противоположную от Сварога сторону, смещаясь к порту...

И вдруг Сварога пробил ужас, какого он давненько не испытывал, потому что он наконец-то узрел точку отсчета, к которой можно было привязаться, и понял истинные размеры змей, и ошибки тут быть не могло...

Змеи прошли над портовыми строениями, одна из них мимоходом смахнула хвостом решетчатую чашу локатора – и все масштабы мгновенно стали истинными, пропорции и размеры способны были ужаснуть...

Длина каждой из змей составляла не менее лиги!..

Хелльстадские глорхи по сравнению с ними – дождевые черви. В океане не могло быть обычных морских змей такого размера. Зато в жутких россказнях упоминались два мифологических страшилища, дремлющих где-то в глубинах, – Ермундгад и Митгард. Митгард, как поведал в свое время брат Тивадар, шаганский монах, – не просто одно из многочисленных подручных врага рода человеческого, а одно из четырех воплощений Князя Тьмы. Воплощение Земли. Один из четырех якорей, удерживающих дьявола в этом мире, позволяющих посещать наш мир, когда заблагорассудится...

Он вновь увидел изуродованное страшным шрамом лицо брата Тивадара, услышал тихий глуховатый голос: «Воплощение Воды – Великий Кракен. Воплощение Огня – дракон Брелганд. Воплощение Земли – исполинская змея Митгард. Воплощение Воздуха неизвестно до сих пор. Великий Кракен спит где-то в пучине, и местоположение его, как и змеи Митгард, неизвестно до сих пор. Дракон Брелганд около двух тысяч лет назад был сражен братом-рыцарем...»

Сварог не чувствовал в себе стремления совершить нечто героическое, ему попросту было страшно, не по-человечески страшно. Змея длиной в добрую лигу казалась не противником, а чем-то настолько превосходящим, несокрушимым, что следовало вообще не попадаться ей на глаза, не говоря уж о том, чтобы вступить в бой.

Захотелось прижаться ко дну, распластаться, как камбала. Он презирал себя за эти мысли, но не мог от них избавиться – настолько огромны, устрашающи были два чудовища, грациозное скользившие над крышами и локаторами давным-давно погрузившегося в море порта.

Он не знал, сколько это продолжалось. Стоял, прижавшись к холодной каменной кладке, не в силах оторвать взгляда от резвившихся чудовищ. Вспомнил, что совсем недавно слышал о сошедшем с ума матросе, видевшем в море одно из этих созданий, и не особенно поверил тогда. «Значит, вот так, – шептал он, содрогаясь от тоскливого уныния. – Значит, они и в самом деле проснулись, как будто без них мало было хлопот и тревог. И как я должен с этими тварями совладать?.. Все, с чем мне до сих пор приходилось биться – пустяки,

детские игрушки...»

Казалось, это продолжалось бесконечно – дикие танцы исполинских змей над мертвым портом, смертное оцепенение, охватившее Сварога. Но наконец змеи, держась совсем близко друг к другу, ушли в сторону пучины, погружаясь быстро и целеустремленно, и скрылись из виду. Сварог почувствовал себя чуточку легче. Но уж никак не бодрее. Ему следовало спуститься в порт – но он все не мог себя заставить, стоял, прижавшись спиной к бугристым камням, чувствуя спиной каждую неровность, ощущая слабость в коленях, во всем теле.

Он принялся ругать себя последними словами. Когда это не особенно помогло, заставил вызвать в памяти иные лица – лица тех, кто сопровождал его в походах и погиб, не зная страха, не пытаясь повернуть назад, уклониться от драки, лица тех, кто был жив – и, несомненно, полез бы в преисподнюю вслед за Сварогом.

Ему в конце концов стало стыдно – за трясущиеся коленки, за минутное уныние, за то, что позволил себе испугаться, дрогнуть. Остервенело стиснул зубы – и заставил-таки себя отодраться от стены древнего замка. Стал спускаться вниз по вившейся вдоль откоса мощеной тропинке.

Вернись сейчас змеи, у него не было бы ни малейшего шанса – уже не убежать, а скрыться негде. Но он пересиливал себя. И, шагая вдоль решетки высотой в два человеческих роста, уже вполне расчетливо, трезво прикидывал, чем можно достать одного из исполинских змеев, а то и обоих сразу. Никогда прежде, куда бы его ни заносило и с кем бы ни беседовал, не слышал о средстве против этих чудовищ. Про Великого Кракена, по крайней мере, точно известно, что убить его способно Копье Морских Королей. Никто, правда, представления не имеет, что оно из себя представляет...

В конце концов он оказался у ворот в решетчатой ограде – ажурных металлических створок, украшенных тем же гербом, что он уже видел не раз на прежних военно-морских документах. Горизонтально, рукоятками к центру, – два меча, вертикально, проушинами к центру, – два якоря, образующие словно бы крест, посередине скрепленный змеей со странной головой, глотающей собственный хвост. Белый кубический домик караульного помещения с плоской крышей. Дверь самого прозаического вида. Небольшая синяя вывеска со знакомыми белыми буквами, складывающимися во вполне понятные слова: «База „Стагар“ Полночного флота». И ниже еще две таблички, где черным по синему объявлялось, что следует немедленно предъявить пропуск, причем охрана имеет приказ стрелять без предупреждения во всех, кто попытается сюда проникнуть, не имея на то законного права. Ну что же, всезнакомо. К этим угрозам сейчас следовало отнестись наплевательски – бдительные часовые давным-давно стинули в Шторме...

Сварог взялся за ручку, и дверь караулки легко отворилась. Он вошел в обширное помещение, оказался перед высоким, по пояс, никелированным барьером, в котором обнаружился турникет. Сварог двинулся на ту сторону, повернув брюхом сверкающую перекладину.

Никто не выскочил, не стал в него стрелять во исполнение написанных угроз. Справа стоял аккуратный серый стол с придвинутым к нему стулом. На столе теснились мониторы с мертвыми, погасшими экранами, обширной клавиатурой, рядами лампочек. Ничего непонятного – оснащенный электрони-

кой пост охраны. Рядом с одним из мониторов лежал журнал с яркой, пестрой обложкой. Заголовок опять-таки читался легко, без малейшей заминки: «Кисочка».

Сварог перелистал журнал. Цветные фотографии красоток, то обремененных минимумом одежды, то ничуть не отягощенных таковой. Пикантные позы, завлекающие, отработанные улыбки, прелести незаурядного объема. Ну, понятно – именно такой журнальчик мог бы украдкой листать простяга-часовой на боевом посту, не философские же трактаты ему почитать...

Обнаружив висевший на никелированном крючке автомат чуточку непривычного вида, но, в принципе, почти такой же, с какими он имел дело на Земле, Сварог живенько снял его, лязгнув затвором, отыскал предохранитель. Все детали были вроде бы в полной исправности, и он, направив ствол в окно, нажал на спуск.

Автомат исправно выплюнул короткую очередь, стекло разлетелось вдребезги, разве что осколки сыпались на пол медленнее, чем на суше. «Почему же находится все в такой сохранности?» – подумал Сварог в который раз.

Он повесил автомат на плечо, дулом вниз, огляделся, но не высмотрел больше ничего, подходившего бы для одинокого путника: фуражки на вешалке, синий форменный плащ с золочеными пуговицами и шевронами, фонарик на полке...

Вышел через противоположную дверь – и оказался на территории базы. Та самая база, где служил штандарт-навигатор Горонеро, чьи пожитки так и лежали сейчас у Сварога в замке. Отсюда, значит, за ним и выслали вертолет, когда грянула Белая Тревога... но что-то далеко для вертолета, пожалуй. Отсюда до того места, где располагался санаторий, путь ох как неблизкий... А баз под названием «Стагар» вряд ли было две – это несомненно нашло бы отражение в нумерации. Снова какая-то древняя загадка, а? Ну и черт с ней...

Он шагнул по то ли асфальтированным, то ли бетонированным улицам базы, заросшим морским мхом. Стены, впрочем, как и крыши, остались в полной неприкосновенности. Кое-где стояли машины чуточку непривычного вида, легковые и грузовые, однотипной светло-зеленой окраски, со знакомыми уже эмблемами. И – ни единого человеческого скелета, ни единой косточки. Техника и разнообразные бытовые предметы вплоть до мелочей сохранились полностью, а вот люди исчезли бесследно, словно здесь прошло что-то вроде дакаты... правда, даката оставляла одежду, а здесь – ничего похожего, осталось только то, что моряки сами с себя сняли, вроде плащей и фуражек на вешалке...

Он вышел к пирсу, встал на его кроме и долго рассматривал лежащий на боку корабль, который для удобства с самого начала поименовал крейсером. В самом деле, незаметно ни малейших повреждений на видимой стороне, словно некая могучая сила аккуратно положила корабль на дно, как ребенок – игрушку. Глубина – уардов сорок. Подвести понтоны, накачать их воздухом – в принципе, задача выполнимая даже для таларской техники, похожие задачи флот с блеском выполняет... правда, до сих пор поднимали только свои корабли, обычные парусники или пароходы, не такие уж и большие. Но все равно, стоит попробовать...

Он напомнил себе, что рано загадывает. Сначала нужно еще добраться до места, откуда он сможет командовать своими бравыми моряками, вообще до-

браться до суши...

Бросив последний взгляд на крейсер – чертовски хотелось вступить в обладание столь серьезной игрушкой, – он отвернулся, направился к зданию в самом центре базы, которое высмотрел уже давно, с верхушки скалы. По всей видимости, именно там должен был располагаться штаб, командование, руководство – такой уж был вид у этого трехэтажного дома с острой зеленой крышей, высокими окнами и изящным крыльцом с затейливыми перилами.

Все вокруг было настолько нетронутым и знакомым, что он забывал порой, где находится. Разве что «небосвод» над головой выглядел совершенно иначе, чем на суше, а в остальном – земная твердь, разве что сопротивление воды, когда шагаешь быстро, ощущается чуточку иначе, чем сопротивление воздуха, да башмаки при каждом шаге срывают скользкий мох...

У крыльца стояло с полдюжины легковых машин, судя по их роскошному виду, принадлежавших старшим офицерам. Вывески не имелось, зато по обе стороны высокой входной двери из какого-то резного дерева висели два флага. Один – с горизонтальными зелено-черными, другой – светло-синий со знакомой эмблемой, окруженной золотым венком из листьев неизвестного растения.

Сварог поднялся на крыльцо. В богато украшенном вестибюле справа стоял полированный стол с несколькими телефонами и мониторами, но дежурного за ним, естественно, не было.

Сварог мимоходом любовался великолепной мозаикой, покрывавшей стену справа от пола до потолка – морское сражение меж парусными кораблями, гроздя белоснежных парусов, густые клубы пушечного дыма, желтое пламя, головы на волнах...

В вестибюле не было ни указателей, ни табличек с перечнем кабинетов или званий-должностей их обитателей, но это не так уж важно.

Глава вторая Обитатели порта

Старательно обойдя все три этажа здания – повсюду чистота, порядок, явственная роскошь – Сварог в конце концов спустился обратно на второй. Именно там располагалось помещение, которое после детального осмотра следовало признать приемной перед кабинетом самого важного на базе лица.

Роскошная была приемная – целых три стола для адъютантов и порученцев, уставленные телефонами и прочими подручными приборами, вдоль одной из стен шеренга глубоких кожаных кресел, вторая стена украшена огромными картинами в золоченых рамах, изображавшими батальные сюжеты или идущие в открытом море корабли, парусные, паровые, а также не испускавшие дыма, наверняка более современные и особенно прославившиеся в истории военно-морского флота. Названия многих можно было без труда прочитать на борту – но они, разумеется, Сварогу ничего не говорили.

Он взялся за затейливую позолоченную ручку, и высокая дверь распахнулась удивительно легко. Сварог с первого взгляда убедился, что именно здесь некогда имел честь обитать Самый Важный. Огромный глобус в углу, многочисленные модели кораблей под стеклянными колпаками, большой стол с позолоченными углами и резными украшениями, лежащая на нем фуражка, блиставшая обилием золотых листьев, разлапистостью кокарды, украшенной даже полдюжиной небольших бриллиантиков...

Многое здесь заслуживало внимания, но он в первую очередь направился вглубь кабинета, к огромной карте на стене, ощущая нешуточное волнение – впервые увидел, как выглядел Талар до Шторма, какими были моря, острова и суша...

Только Диори, ледяной остров, нисколько не изменился. Все остальное оказалось непривычным, другим. Сегур и Бран Луг исчезли, вместо них – обширная земля, причем Инбер Колбт, оказалось, и в самом деле представляет собой устье большой реки, впадающей в море... Ага! Нет никакого пролива, о котором он думал сначала. Идти нужно и точно на полночь, вдоль бывшего берега этой обширной земли, где глубины вряд ли большие.

Вместо Ферейских островов и Девайкира – по одному сплошному острову, как и на месте Бару. Зато Катайр Крофинд в прошлом, как выяснилось, был архипелагом из полудюжины островков. Темайра нет вообще, а Стагар раза в три больше. Харум – иных, совершенно незнакомых очертаний, если верить этой карте – а почему ей нельзя верить? – некогда добрая треть континента ушла под воду, а столь же большой кусок суши поднялся с морского дна. Присутствуют еще несколько участков суши, причем их не три, по количеству легендарных утонувших земель, а целых пять. Одним словом, очертания и морей, и суши настолько незнакомые, что холодок пробегает по спине, когда пытаешься представить масштабы Шторма. Тот еще катаклизм... Жуть пробирает...

Теперь он знал доподлинно, какой дорогой ему идти: забирая влево.

Можно было уходить, но любопытство пересилило – неизвестно еще, когда он сможет сюда вернуться. Старательно притворяясь перед самим собой, что им движут лишь сугубо исследовательские цели, сухие, скучные потребности отвлеченной науки, Сварог поставил в угол автомат, снял саблю и бесцеремонно уселся в роскошное кожаное кресло за столом адмирала – кем же еще быть командиру такой вот базы, как не адмиралом? Даже если звания тогда были другие, он все равно адмирал, и точка...

Он рассеянно потрогал бронзовые и хрустальные безделушки – их было множество на столе, должно быть, адмиральское увлечение – наугад выдвинул ящик стола. Стопка чистой бумаги с вытисненной золотом эмблемой военно-морского флота и синей надписью: «Архонт-адмирал Крагонар Диртуэн, командующий базы „Стагар“». Итак, все-таки адмирал...

Больше ничего интересного – авторучки, коробка скрепок абсолютно того же вида, к каким Сварог привык на Земле. В остальных ящиках и того нет. Судя по всему, покойный архонт-адмирал был большим аккуратистом, деловые документы держал в огромном сейфе, что красуется в углу комнаты, а посторонних предметов, не имеющих отношения к службе, в стол не складывал. Все неуставное ограничивалось безделушками на столе. Телефоны, какие-то никелированные ящички...

Поддавшись искушению, Сварог снял одну за другой три телефонных трубки – молчание, разумеется. Повозился с ящичками, что было не такой уж головоломной задачей: достаточно положить на них руку, чтобы, благодаря известному умению, тут же узнать, как с этими устройствами обращаться.

Первое оказалось чем-то вроде электронного ежедневника-будильника. Второе – телетайпом, связанным с Главным Штабом, вот уже пять тысяч лет как прекратившим существование. Сварог все же нажал клавишу «Прием».

Над никелированным ящичком выдвинулся из задней стенки небольшой экран. На черном светились жирные желтые буквы: «БЕЛАЯ ТРЕВОГА! БЕЛАЯ ТРЕВОГА! БЕЛАЯ ТРЕВОГА!» Надо полагать, это самое последнее сообщение, полученное адмиралом от вышестоящих инстанций, а там и грянуло, начался Шторм... Они здесь еще успели отдать какие-то распоряжения, скажем, у оперативного дежурного хватило времени, чтобы отправить вертолет за штандарт-навигатором Горонеро, поднять еще кого-то по тревоге, а там – навалилось...

Интересно, а какие распоряжения успел отдать архонт-адмирал? Одно из устройств как раз для этой цели и служило.

Сварог нажал нужные клавиши. Из узкой щели выползла лента с черными строчками.

«База „Стагар“ Полночного Флота – краг-адмиралу Делутеру. В 11.24 шифровкой морского министра объявлена Белая Тревога. С получением сего немедленно вывести Серебряную эскадру в открытое море, рассредоточить корабли, флаг удержат на „Туруле“. Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами нанести удар по убежищу Великого Кракена. Соединению „Морские Короли“ обеспечить полное и окончательное уничтожение. Потерь не считать. Архонт-адмирал Диртуэн».

Сварог долго сидел в задумчивости над последним приказом, какой успел отдать в своей жизни хозяин кабинета. Было над чем поразмыслить. Оказывается, уже в те времена существовали планы по уничтожению Великого Кракена – надо полагать, детально разработанные, подробные, если Диртуэн в своем приказе высказался столь лаконично. Его подчиненные сами должны были прекрасно знать, о каких планах идет речь, и как им следует действовать. Интересно. Очень интересно. Выходит, у них были некие средства, позволявшие обеспечить «полное и окончательное уничтожение»? Похоже на то. Кто же в подобной ситуации ставит перед подчиненными нереальные, заведомо утопические цели? Краткий и недвусмысленный приказ, предельно ясный и четкий... Морские короли, что любопытно... Многозначительная перекличка через тысячелетия, а? Испокон веков болтают, что Великого Кракена может уничтожить только Копье Морских Королей, а тут вдруг узнаешь, что именно так называлось некое соединение военно-морских сил, коему прямо предписывалось... Совпадение? Крохи информации, обернувшиеся с течением времени романтической легендой? Или что-то другое? Выходит, у них были средства... У них были средства... И, судя по тому, что Великий Кракен до сих пор обитает в пучине, эти средства то ли не возымели должного действия, то ли попросту их не успели пустить в ход, что гораздо более вероятно. О Шторме достоверно известно одно: что бы он собой ни представлял, он потрянул планету, чуть ли не мгновенно захватив всю целиком, катаклизм был всеобщий и грандиозный... Могли и не успеть... Хотя и намерения были, и заранее разработанные планы, и средства... Некое умозаключение так и вертится в голове, никак не складываясь в четкие формулировки, во внятные истины...

Сварог прошел к огромному сейфу, положил ладонь на блестящую поверхность повыше никелированного штурвальчика и через мгновение уже знал код. Проделав нужные манипуляции, нажал стальные кнопки с цифрами и буквами, крутанул несколько раз штурвальчик в разные стороны, потянул по-

лукруглую ручку.

И набросился на содержимое, на папки и скоросшиватели, как проникший в богатый дом взломщик, знающий, что времени у него почти нет. Потрошил папки, листал бумаги, отбрасывая крайне интересные, но совершенно ненужные сейчас прямо на пол. Скоро набралась целая груда. На иные из них с радостными воплями вмиг набросились бы и ученые из Магистерииума, и люди Гаудина, во главе с ним самим, да и сам он, Сварог, в другое время. Но сейчас не было времени тешить научное любопытство.

Он целеустремленно искал списки подчиненных архонт-адмиралу кораблей и в конце концов наткнулся на нужный лист. Серебряная эскадра, судя по документам, изначально была выделена в особую тактическую единицу, решавшую какие-то свои, строго определенные задачи. И в ее составе пребывало некогда соединение «Морские Короли», состоявшее из трех подводных лодок: «Белард», «Кораторн» и «Рагнарорк».

Последнее название ему уже попадалось где-то... ах да, на этом корабле служила некая Донайра, близкая знакомая и штандарт-навигатора, и его подруги. А впрочем, еще не факт. Одно и то же название, в принципе, могли носить и подводная лодка, и надводный корабль... почему бы и нет?

Знать бы еще, какая все-таки связь между существовавшими некогда реальными боевыми кораблями и нынешними морскими побасенками. Хм, любопытные параллели – Серебряная бригада и Серебряная эскадра... или это простое совпадение? Но очень уж многозначительное получается совпадение...

И по-прежнему что-то настойчиво вертится в голове, некая ассоциация...

Сейф опустел. Просмотрев каждую бумажку, Сварог так и не нашел ответа, каким же оружием располагали и Серебряная эскадра, и соединение подводных лодок с крайне многозначительным названием. Таких деталей в документах не нашлось – да и не могло там оказаться, логически рассуждая. Есть вещи, которые как бы сами собой подразумеваются, иные тактико-технические данные присутствуют только в справочниках, но никак не в бумагах, касающихся повседневной службы. Их и так знают облеченные властью и доверием командиры, к чему лишняя писанина? К подобному он привык за время своей службы, в прошлой жизни: скажем, во всех бумагах указано, каким количеством автоматов вооружен батальон, и калибр указан, но никто не станет составлять особую бумагу, уточняя, что автомат – это огнестрельное оружие. Это и так всем известно. Точно так же, отдавая приказ батальону выдвинуться в некую точку и выполнить некую задачу, ни один генерал не станет делать приписку: «Вооружить батальон автоматами». И так ясно, что на выполнение боевой задачи пойдут не с дубинами, а со штатным вооружением.

Он отошел от стола. Уставился на висевший рядом с картой полушарий портрет какого-то осанистого типа с седыми висками, пронизательным взглядом и небольшой красно-синей розеткой на отвороте серого, несомненно, штатского одеяния. Незнакомец смотрел соколом, выглядел крайне презентабельно и авантажно. Никаких других портретов в кабинете не имелось – значит, следуя нехитрой логике, этот изображает лидера государства, а уж никак не любимого дедушку или дядю архонт-адмирала. В подобных кабинетах изображения любимых дедушек держат не на стене, а в крайнем случае, на столе – вот, кстати, рядом с телефоном красуется снимок красивой женщины

средних лет, в серебряной рамке...

Сварог задумчиво почесал в затылке. Ну конечно, это глава государства. Штатский. Значит, у них тут не было никакой хунты... а впрочем, ничего толком неизвестно, не стоит спешить. Могла оказаться и хунта, глава которой приличия ради велел запечатлеть себя на висящих в присутственных местах портретах исключительно в цивильном, мало ли как у них было принято...

Оно ясно: и этот глядевший соколом субъект с портрета, и хозяин кабинета знали нечто такое, что крайне пригодилось бы и Сварогу сейчас – но тайны свои, как и подобало опытным государственным мужам, унесли с собой в могилу, не подумав о далеких потомках...

«Может, задержаться в этом месте подольше?» – подумал он.

В самом деле, мысль толковая. Здесь найдется еще немало сейфов, которые не мешало бы изучить вдумчиво, с толком и расстановкой. Сейфы эти, конечно, рангом пониже, но все равно, стоит в них покопаться. Коли это была военная база, где-то совсем рядом лежат бумаги и штаба, и контрразведки. Когда еще выдастся такой случай? Спать можно прямо здесь, на роскошном кожаном диване, с едой и питьем все в порядке, а что касается...

Что-то на миг заслонило тусклый свет за окном, словно там пронеслось нечто огромное.

Сварог встрепенулся, бросив вороватый взгляд на выпотрошенный сейф и грудку бумаг на полу, – в какой-то миг он ощутил себя застигнутым с поличным шпионом из какого-то фильма. Потом, разумеется, вспомнил о реальном положении дел: некого стыдиться, не перед кем оправдываться, это давным-давно то ли выморочное имущество, то ли археологические раскопки...

Одно из высоких, во всю стену, окон, вновь потемнело – что-то огромное заслонило его. Сварогу пришло в голову, что он все же на морском дне, и следует почаще вспоминать о здоровой бдительности. Повернулся в ту сторону, где оставил оружие.

И тут же развернулся всем телом в сторону окна. Из темноты на него смотрел огромный зеленый глаз, круглый, немигающий, исполненный такой злобы, что холодок пробежал по спине.

Окно вылетело, неисчислимые осколки хлынули внутрь волной, и в комнату, разворачиваясь, прямо-таки выстрелили длинные щупальца, хлестнули по стенам, по огромному столу, определенно целя схватить человека.

Сварог рухнул на пол, перекатился, быстрым движением ноги подбил приклад стоящего у стены автомата так, что оружие само упало в протянутую руку. Другой рукой подхватил саблю за бронзовую оковку на конце ножен, пополз в дальний угол.

Щупальца шарили повсюду, хватая разнообразные предметы и тут же выпуская, расшвыривая. Подводная тварь целеустремленно искала Сварога.

Он приподнялся над столом и, пригибаясь, выпустил одной длинной очередью весь магазин, целясь главным образом в огромный немигающий глаз. Пули веером ушли в ту сторону, оставляя за собой пузырчатые трассы. Сварог видел попадания – но глаз, к сожалению, не задел. Никакого толку – особого вреда этому мешку со студнем пули все равно не причинят...

Судя по размерам щупалец – толщиной со взрослого человека и соответствующей длины – головоногий житель глубин был не из крохотных. Щупаль-

це ударило по столу, пришлось по нему, сметая на пол все, что там было. Два других обогнули стол с двух сторон, упрямо нашаривая человека.

Приподнявшись на колени, Сварог что есть силы рубанул по ближайшему. К великому сожалению, в руках у него оказался на сей раз не Доран-ан-Тег. Отличная была сабля, до бритвенной остроты наточенная покойным владельцем, но конец щупальца она все же не отрубила, лишь рассекла до половины, и в кабинете стало расплываться темно-синее облачко.

Увечное щупальце проворно отдернулось, исчезло с глаз, но на смену ему обрушились со всех сторон сразу четыре. Положение было аховое: стоя на корточках, не размахнешься как следует, любой удар выйдет слабым, а если подняться на ноги, эта тварь тут же увидит его...

Если попытаться прорваться к двери... Есть шанс укрыться на лестнице, добежать до подвала – на первом этаже он видел дверь, которая определенно служила входом в подвал... На приличной военной базе, тем более в резиденции командующего, просто обязаны были устроить надежное бомбоубежище, куда никаким щупальцам не пробраться...

Он приподнялся, озираясь. Щупальце обвило его ноги, второе тут же оплело поперек груди, пренебрегая тем, что острое сабли впивалось в скользкую буроватую кожу. Сварога выдернуло из-за стола, как морковку с грядки, понесло в сторону выбитого окна. Он ничего не мог поделать, спеленатый по рукам и ногам. Не было времени бояться, в голове лихорадочно пронеслось: у спрута есть клюв, когда начнет жрать, может, и удастся всадить туда клинок, прямо в поганую харю, чтобы засунуть добычу в пасть, ему волей-неволей придется изменить положение пленника, перехватить по-другому, и тогда будет шанс...

Он оказался на улице – головноное отплыло от дома, волоча за собой добычу. Ага, не спрут, а осьминог: округлое темное тело размером с деревенскую избу, клубок десятиуардовых щупалец, два злобных глаза немигающе вылупились...

Стремительные черно-белые тела пронеслись совсем рядом, опускаясь сверху с поразительной скоростью, и все мгновенно изменилось. Хватка ослабла; Сварог, почувствовав себя свободным, не стал терять времени и, полоснув мимоходом саблей по ближайшему щупальцу, поплыл в сторону и вниз, отчаянно загребая всеми конечностями.

Он опустился на мостовую и тут же отпрянул к стене. Осьминог, сжав щупальца в пучок, головой вперед рванулся прочь с поразительной скоростью – но на него со всех сторон налетели те самые стремительные, черно-белые обтекаемые силуэты, вцепились мертвой хваткой, сразу в десятке мест брызнули струйки темно-синей крови...

Прижавшись к стене, Сварог задрал голову. Сражение понемногу перемещалось в сторону пирса – осьминог отмахивался щупальцами, бешено крутя ими в воде, выполняя нечто похожее на фигуры высшего пилотажа, а на него безостановочно налетали косатки, числом не менее двух десятков, мелькали черно-белыми молниями, рвали куски из щупалец и туши, отскакивали с невероятным проворством, вновь бросались в атаку... Осьминог ухитрился ухватить-таки одну из них, оплел щупальцем от носа до кончика хвоста, стиснул – и брызнули темные струйки...

Но остальные не ослабили напора, вцепились еще яростнее. Сверху обрушилась подмога, еще с десятков изящных, стремительных, черно-белых мор-

ских хищников. Осьминога прямо-таки рвали в клочья, на мостовой уже беспомощно извивались в последних конвульсиях сразу три откушенных щупальца, беззвучная битва посреди расплывшегося над домами темного облака продолжалась с прежним накалом, хотя уже не одно, а целых три изуродованных черно-белых тела упало на дно...

Сварог, прижимаясь к стене, медленно отступал вправо, за угол дома. Лезть в драку не стоило – хотя бы потому, что от него не было бы никакого толку в качестве боевой единицы. Не единица, а сплошное недоразумение...

Вот только что прикажете делать дальше? Бежать на своих двоих от косаток бесполезно – догонят в два счета. Кто их знает, что им придет в голову, вполне может оказаться, что их миролюбие преувеличено... Вернуться в дом и пересидеть там смутные времена? Пожалуй...

Он осторожно выглянул из-за угла. В вышине медленно расплывалось темное облако – а то, что осталось от гигантского осьминога, красовалось посреди широкой улицы: бесформенная, слабо содрогавшаяся куча, окруженная бьющимися кусками щупалец, исходящая темно-синими струйками...

И тут же черно-белые тела метнулись к Сварогу. Он остался стоять у стены, потому что ничего больше не мог предпринять, а перед ним повисло в воде три десятка косаток. Маленькие темные глазки, такие же немигающие, как у осьминога, разглядывали его с совершенно непонятным выражением. Чертовски трудно определить, что именно выражают глаза подобных созданий...

Раздались непонятные звуки – что-то вроде потрескивания, писка, звонкого похрустыванья. Ага, это они беседуют, мнениями обмениваются, намерениями, надо полагать, делятся... Может быть, большинством голосов решат употребить его в пищу...

Он стоял, стиснув рукоять бесполезной сабли, а косатки, судя по звукам, продолжали оживленную беседу. Глупо строить догадки, но Сварогу отчего-то почудилось в их пiske-хрусте-треске некоторое удивление. Вполне может оказаться, так и было. Вряд ли им приходилось видеть прежде, как сухопутный двуногий житель спокойно расхаживает по дну морскому, вовсе не собираясь задыхаться и тонуть. Плохо, что эти изящные рожи лишены всякой мимики...

Дискуссия продолжалась довольно долго, временами то одна косатка, то другая – всегда это была только одна – выдвигалась из строя, шевельнув плавниками, приближалась к Сварогу на длину вытянутой руки и всматривалась немигающе, пристально. Потом возвращалась на свое место. Может, и не сожрут, приободрившись, подумал Сварог. К чему разводить долгие дискуссии, если собираешься сожрать? О чем они балабонят, знать бы...

Прения завершились так внезапно, что Сварог вздрогнул от неожиданности, большая часть косаток прынула вверх и, держа безукоризненный строй, унеслась в неизвестном направлении. Осталось четыре. Они висели на прежнем месте, удерживаясь легкими движениями плавников, и уже не болтали. Все равно многовато для одинокого, вооруженного лишь саблей человека – каждая рыбка в три Свароговых роста, а уж зубы...

Он терпеливо ждал, потому что ничего другого не оставалось. Окажись это змеи, можно было попытаться с ними поговорить, но наречия этих созданий он не знал.

Одна из косаток вдруг шевельнулась, медленно подплыла к нему и, опустившись к самой мостовой, повернулась боком. Наклонила в сторону Сварога

спинной плавник, напоминавший кривую саблю. Несколько раз качнула им так, что он ощутимо похлопал Сварога по груди. Остальные не двигались.

Что-то это должно было означать. Сварог не пошевелился. Издав скрежещущий звук, косатка вновь шлепнула его плавником по груди. Нет сомнений, что от него что-то настойчиво требовали. Что ей надобно? Слопать вроде бы не собираются...

А что, если... Почему бы и нет? Он прекрасно помнил земные истории о дельфинах, упорно буксировавших одиноких пловцов к твердой земле, и здешние аналогичные рассказы о косатках, спасавших потерпевших крушение моряков или рыбаков, оставшихся в открытом море без лодки.

Вторая косатка надвинулась на него сбоку, действуя рылом так, словно хотела осторожно отодвинуть от стены. Сварог решился. Засунул саблю за широкий кожаный пояс – перевязь с ножнами осталась в кабинете адмирала – неуклюже взобрался на округлую черную спину и обеими руками вцепился в плавник у самого основания.

Похоже, именно это от него и требовалось. Косатка моментально прынула вверх, по косой линии поднялась над домами и понеслась, энергично работая хвостом. Остальные мчались рядом. На спине морского хищника удержаться оказалось гораздо труднее, чем на лошади. Сварог отчаянно стискивал ногами крутые твердые бока, вцепился в плавник, с грехом пополам усидев. Косатка мчалась так, словно не понимала, как ему трудно на ней держаться.

Вокруг становилось все светлее и светлее – и голова Сварога, прорвав макушкой некий неосязаемый занавес, вдруг оказалась на вольном воздухе. Море было все таким же спокойным, солнце кренилось к закату.

Косатка после длившегося буквально несколько секунд замешательства помчалась куда-то, вспенивая воду. «Уж не к ближайшей ли суше вы меня собираетесь доставить? – подумал Сварог. – В любом случае ясно, что есть не станете, спасибо и на том. Значит, проживем еще...»

Часть третья

По ту сторону добра и зла

Глава первая Странники

Косатка неслась, словно торпедный катер. Сварог мало что мог рассмотреть вокруг за белопенными брызгами, хлеставшими в лицо так, словно его поливали из шланга, но все же рассмотрел впереди вереницу высоких парусов. Правда, была в них какая-то непонятная пока то ли странность, то ли неправильность, но все же это были самые натуральные паруса. Паруса – это корабли. Корабли – это люди. Не исключено, что именно эта нехитрая логическая цепочка сложилась в мозгу несущейся по морской глади косатки – коли уж она озаботилась спасением Сварога.

Косатка заметно сбавила скорость, повернула. Теперь она двигалась параллельно... нет, не кораблям, плотам. Длинная вереница огромных плотов, на каждом – единственная мачта и косой парус, а также несколько плетеных хижин с острыми крышами. По бокам закреплены горизонтально длинные весла, бездействующие сейчас, видно, что у невысоких бортов толпятся люди.

Сварогу уже доводилось слышать об этой морской достопримечательности, хотя вживую прежде не сталкивался. Зовутся они Морскими Бродягами – это здешние цыгане, вечные странники, с незапамятных времен бороздящие океан на своих плотках. Давным-давно Шторм привел их в такой ужас, что они дали клятву никогда в жизни не ступать на твердую землю – и, что характерно, клятву эту свято держали их потомки бог ведает в каком поколении.

Никто не помнил, когда именно они пустились в бесконечное плаванье – быть может, не сразу после Шторма, но уж, несомненно, вскоре после Вьюги. Так и странствовали, причаливая порой по своим надобностям к иным островам или Харуму, но никогда не ступая на землю. Было их, согласно приблизительным подсчетам восьмого департамента, тысяч пять. Никакого подданства у них, понятное дело, не имелось, на них с тех же самых незапамятных времен попросту махнули рукой как таларские, так и небесные власти, поскольку, по большому счету, от Морских Бродяг не было ни вреда, ни пользы. Давным-давно иные оптимистично настроенные короли пытались посадить их на сушу, но ничего из этого не вышло, предпочитали покончить с собой, но на тверди не жить.

Насколько помнил Сварог, эти вечные странники все же не могли выжить, не поддерживая с сушей хотя бы редких контактов. Они регулярно причаливали в нескольких портах, главным образом на островах, вели меновую торговлю, предлагая либо жемчуг, либо разнообразные морские редкости вроде кораллов, тюленьих шкур или особо ценимой гурманами рыбы. Временами в тех же портах раздобывали себе невест ради притока свежей крови – самым легальным образом, заранее объявляя о намерениях и платя неплохой калым. Самое интересное, что охотников пристроить таким образом дочек всегда хватало – среди народа из низших классов, прозябавшего в такой бедности, что это им представлялось наилучшим выходом. Хватало и откровенных авантюристок – испокон веков ходили слухи, что Морские Бродяги, отличные пловцы и ныряльщики, добыли немало сокровищ с затонувших на доступной им глу-

бине кораблей. По той же причине на них порой нападали и пираты, что было не самым легким предприятием: драться морские странники умели. Правда, и капитан Зо, и Интагар как-то рассказывали Сварогу, что в жизни не слыживали о счастливицах, которые завладели бы кладами Морских Бродяг, да и реальность кладов вызывала сомнения...

Порой эти люди нанимались на купеческие корабли, где их ценили несказанно – прирожденные мореходы, знавшие о ветрах, течениях, вообще об океане столько, что самые опытные таларские капитаны им и в подметки не годились. Понятно, и на службе Бродяги свято придерживались того же извечного жизненного принципа – не ступать на сушу.

Одним словом, по всем отзывам – народ безобидный, вовсе не склонный употреблять в пищу случайных путников и вообще причинять им вред. Потерпевшие кораблекрушение иногда находили у них приют и помощь, о чем имелось немало достоверных сведений. Так что Сварог, разглядывая плоты, воспрянул духом: все вроде бы складывалось неплохо. Придется срочно выдумать правдоподобную легенду... что будет не самым трудным делом, так как Морские Бродяги мало осведомлены о жизни на суше и легко проглотят любую неуклюжую ложь, какую обычные мореходы раскусили бы сразу...

Косатка шла параллельным курсом, так близко к плоту, что Сварог уже хорошо различал лица людей, таращившихся на него с вполне понятным жадным любопытством: самые обыкновенные лица, не отмеченные ни уродствами, ни какими-либо пороками. Пожилые и молодые, мужчины и женщины (иные девушки – весьма ничего...) Одеты, правда, непривычно – рубахи, штаны и платья из какого-то непонятого материала. И у мужчин, и у женщин на шее ожерелья из ракушек и непонятно чьих зубов. Некоторые мужчины держат наготове внушительные луки (стрелы, по той же достоверной информации, частенько бывают смочены рыбьим ядом, так что порой опаснее пуль...).

Косатка вдруг взметнула туловищем, словно норовистый скакун, и Сварог взлетел в воздух, шумно плюхнулся в воду уардах в пяти от плота. Глянув вокруг, он уже не увидел своих немых спасителей – черно-белые изящные животные моментально ушли на глубину. Они, надо полагать, излишней сентиментальностью не страдают: доставили спасенного к соплеменникам – и тут же уплыли. Сварог не представлял, каким образом смог бы их поблагодарить на понятном им языке... Спасибо, и все тут...

Не колеблясь, он поплыл к плоту. Лучники в него не целились, стрел не было на тетиве, оставались в колчанах. В плетеном из каких-то прутьев борту открылось нечто вроде калитки, прямо напротив Сварога, и он, расценив это как приглашение, подплыл к тому месту и, ухватившись за плетень обеими руками, вскарабкался на плот.

Опустился на аккуратный настил, прислонившись спиной к плетню, поглядывая на полукругом стоявших неподалеку морских бродяг. Те, в свою очередь, разглядывали его во все глаза – особенно пролезшие меж взрослыми в первый ряд ребятишки. Разглядывали с любопытством, но спокойно, без тени суеверного страха. Живут первобытным строем, но мышление вряд ли первобытное, это следует учесть и не держать их за совершеннейших глупцов...

Сварог, говоря по совести, предпочел бы встретить классических дикарей: зажег огонь на кончике пальца, закурил – повалились они ниц, приняв тебя за бога-громовержца, готовые смиренно выслушать любой приказ и поверить

всему на свете... С этими так не получится. По физиономиям видно, имеют кое-какое понятие о собственном достоинстве и уж безусловно не простаки. Ну, постараемся не попасть впросак, и не таких вокруг пальца обводили...

В свою очередь, он во все глаза разглядывал людей, к которым так неожиданно прибился. В самом деле, не заметно никакого примитива: одежда хорошо скроена и мастерски сшита. Из хорошо выделанной рыбьей кожи – она и на суше порой бывала в моде, главным образом, у дворян. Ожерелья нанизаны не как попало, раковины со вкусом подобраны по размерам, цветам и даже оттенкам. Волосы у всех тщательно причесаны – значит, расчески у них в обиходе. Все, правда, босиком, но это и понятно: зачем им ходить в обуви здесь, на плоту, где грязи никогда не бывает?

Его первые впечатления оказались верными: все эти люди, даже малые дети, разглядывали его со спокойным достоинством, чуть ли не величаво. Никто не хихикал, не гримасничал, не подталкивал друг друга локтями, как это можно сплошь и рядом наблюдать у крестьян на суше. Такие благородные дикари Фенимора Купера, почитающие себя солью земли... то есть, делая поправки на здешнюю специфику, солью воды.

Морские Бродяги постепенно расступились. Вперед вышел человек средних лет, его одежда была оторочена мехом серого тюленя, а на груди вместо ракушек красовалось ожерелье из пары дюжин тяжелых золотых монет. Ишь ты, насмешливо подумал Сварог, кое-какие традиции суши здесь вовсе не отвергают: начальство, как ему повсюду и положено, украшает себя золотишком. А в том, что этот тип представляет собой какое-то местное начальство, сомневаться не приходится – у него одного на шее золото, у него одного пояс не из кожи морского зверя, а из резных костяных пластин, у него одного висит на поясе скрамасакс с дорогой рукоятью. Да и окружающие, несмотря на свою гордую статью, к нему относятся с несомненным почтением.

Следовало бы встать, но Сварог и в самом деле здорово устал. Будем надеяться, что здесь нет каких-нибудь специфических табу, повелевающих немедленно рубить на части всех, кто осмелится сидеть в присутствии вождя племени...

Стоя над ним, и не выказывая лицом никаких эмоций, означенный вождь спокойно сказал:

– Я – Гор Олувет Корунан, старшина жангады.

Столь же спокойно Сварог спросил:

– Жангада – это вот этот плот? – и обвел руками вокруг.

Старшина поправил невозмутимо:

– Вся эта флотилия. Семнадцать плотов. Это не род, не племя... Жангада. У вас на суше вроде бы нет похожего.

– Это точно, – сказал Сварог. – Но я уже понял, что вы здесь – самый главный... Меня зовут Паколет Карах, я купец из Готара... но вы, наверное, не знаете, где это?

– Мы плохо знаем географию суши, – кивнул старшина. – Это на островах или на Харуме?

Слово «география», по крайней мере, знает, подумал Сварог. Что подразумевает хотя бы беглое знакомство с научными терминами. Будем иметь в виду.

– На Харуме, – сказал он. – Я плыл с товарами на Катайр Крофинд, и неподалеку отсюда...

Он замялся на миг. Не стоило уверять, будто корабль затонул из-за шторма или бури – кто их ведает, превеликих знатоков моря, вдруг, благодаря своему опыту, знают совершенно точно, что никаких атмосферных пертурбаций не наблюдалось на много лиг вокруг? Не стоит с момента знакомства выказывать себя лжецом...

– Неподалеку отсюда на нас напали пираты, – продолжал он. – Был бой, наш корабль потонул, я держался на плаву, уцепившись за какую-то доску... Пираты ушли, меня не заметили. Потом появились косатки... и принесли меня к вам.

– Случается, – кивнул старшина. – Если ты не возражаешь, пройдем ко мне? Саблю лучше оставить здесь. Такой порядок. Оружие во время спокойного плавания есть только у часовых и у меня.

Протестовать было бессмысленно. Сварог осторожно вытащил из-за пояса саблю и положил ее у борта. Люди расступились перед старшиной, и Сварог пошел следом за ним в одну из хижин.

Неизвестно, как были меблированы остальные, но в этой не было ничего лишнего. Пол устлан циновками, в углу – низкая, в две ладони вышиной постель, покрытая самым обыкновенным одеялом, которое здесь соткать никак не могли, только выменять на суше. Никаких признаков, свидетельствовавших бы, что здесь обитает облеченное немалой властью лицо.

– Ну что же, – сказал старшина, когда они уселись друг против друга на жестковатые циновки. – Ничего удивительного, иногда случается. Косатки всегда спасают тонущих, ты должен быть им благодарен...

– Могу заверить, что я благодарен, – сказал Сварог. – От всей души.

Точно, не бывать морским богом...

– С тобой, купец, следует как-то поступить... – задумчиво сказал старшина. – Найти тебе какое-то место в жизни... Ты, случаем, не хочешь к нам присоединиться? Это несложно. Здоровый, нестарый мужчина, не связанный кровным родством ни с кем из нас, всегда может к нам присоединиться...

Осторожно, взвешивая каждое слово, Сварог произнес:

– Благодарю вас за столь великодушное предложение, старшина, но принять его не могу, уж не посетуйте. Я привык жить на суше, такая уж у нас в семье традиция...

Старшина не походил на оскорбленного отказом. Он кивнул, словно бы даже с некоторой скукой:

– Ну да, разумеется. Вы, твердяки, сплошь и рядом отказываетесь... Чего же ты, в таком случае, от нас ждешь?

– Чтобы вы высадили меня на берег на первом же клочке суши, куда пристанете, – сказал Сварог. – Полагаю, в таком желании нет ничего дерзкого или невыполнимого?

– Конечно, нет, – сказал старшина. – Опять-таки – случается... Есть законы, старые, как сам океан. Попавшему в беду посреди волн следует помочь, чем возможно. Первым клочком суши, как ты выразился, будет Темайр. Туда мы и держим путь. Устраивает?

– Ну конечно, – сказал Сварог.

Его это и в самом деле устраивало, как нельзя лучше. Темайром напрямую управляют лары, там, кроме чиновников Канцелярии земных дел, есть резидентура восьмого департамента... Просто великолепно!

– Ты и в самом деле искренне рад... – сказал зорко наблюдавший за ним старшина.

– Я вел дела с тамошними купцами, у меня там много знакомых, – сказал Сварог.

– Вот и прекрасно. Итак... Ты – Спасенный. В качестве такового можешь пользоваться до Темайра нашим гостеприимством. Если будет плохая погода и понадобится помочь с парусами... или в чем-нибудь еще, ты ведь не откажешься?

– Ну конечно, – сказал Сварог. – Только скажите, что нужно делать, а уж я отслужу...

Вообще-то, услышав эти просьбы о помощи, следовало держать ухо востро. В прошлом году Сварог почитывал как-то на сон грядущий мемуары знаменитого пирата Тавана-Везунчика, пенившего моря лет двести назад и однажды после кораблекрушения угодившего к Морским Бродягам. Его тоже поименовали Спасенным, посулили доставить на ближайшую землю, а пока что попросили помочь в неотложных делах.

И началось. Когда к нему в хижину привели первую девицу, которой гость должен был, называя вещи своими именами, помочь зачать ребенка, пират поначалу решил, что ему крепко повезло, и царящие среди морских странников обычаи гостеприимства заслуживают самого горячего одобрения. Однако вскоре появилась вторая девица с тем же техническим заданием, а там и третья – а потом с ближайших плотов стали переправлять все новых и новых. Приятное для всякого мужика приключение превратилось в нешуточную каторгу, бедолагу Тавана принялись эксплуатировать на всю катушку – и, судя по некоторым намекам, собирались использовать в этом качестве неизвестно сколько времени. Ему все же удалось оправдать свое прозвище – поблизости появился корабль, и Таван, не теряя времени, сиганул в воду, поплыл в ту сторону, стал орать благим матом, умоляя о спасении, и был взят на борт. Всю сознательную жизнь гордый джентльмен удачи помалкивал о печальном приключении, и только в глубокой старости, давным-давно отойдя от дел и сочиня мемуары в своем поместье, раскрыл кое-какие тайны былых времен. Иные ему не верили, но Сварогу пришло сейчас в голову, что эта история крайне похожа на правду: морские бродяги должны всеми силами сопротивляться вырождению, а поскольку такового, судя по их цветущему виду, до сих пор не произошло, они, несомненно, не особенно разборчивы в средствах. Самый простой способ влить в их жилы изрядно свежей крови – заставить ударно потрудиться случайного спасенного, которого наверняка никто не станет искать, полагая погибшим. Человеческая натура, увы, несовершенна, а житейский практицизм в сочетании с полной безнаказанностью может далеко завести. Так что следует держать ушки на макушке и продумать кое-какие жесткие планы на тот случай, если с ним вздумают повторить тот же фокус...

– Пойдем, – встал старшина.

Сварог вышел следом за ним на палубу, где уже не наблюдалось недавнего многолюдства – должно быть, люди ушли в хижины, которых на плоту длиной не менее чем в шестьдесят уардов стояло десятка полтора. Только на корме у рулевого весла стоял один из странников, да еще двое с луками прохаживались в носовой части. Солнце уже скрылось за горизонтом, и плот полным ходом шел в том направлении, где еще слабо золотились на волнах последние

отблески дневного светила, было прохладно и свежо, стояла уютная тишина.

Сварог полагал, что его немедленно отведут в одну из хижин, но морские бродяги, оказалось, придавали гигиене гораздо большее значение, чем можно было подумать. Для начала старшина послал его принять ванну – то есть отправил в огромную корзину, намертво прикрепленную к плоту по правому борту. И выдал какой-то серый скользкий ком, как оказалось, ничем не уступавший мылу. Как следует поплескавшись, Сварог вылез, получил взамен своих пришедших в плачевное состояние шмоток штаны и рубашку из рыбьей кожи – и только после этого был препровожден в крайнюю хижину.

Там стояла совершеннейшая темнота, но старшина уверенно направился в угол, судя по звукам, налил во что-то вроде чашки немного воды – и там, в углу, вдруг разгорелось тускловатое, но все же дававшее достаточно света сияние.

Сварог подошел и заглянул в чашку. Там лежал ком мокрых корешков – или чего-то вроде корешков – размером с кулак, дававший света не меньше, чем шандал с полудюжиной свечей. Ни огня, ни дыма, корни светились, словно гнилушка, но гораздо ярче.

– В море есть много полезного, – сказал старшина чуточку покровительственно. – Удивлен?

– Не особенно, – сказал Сварог, вспомнив о своей роли. – Подумал вот, что на этой штуке можно неплохо заработать на суше.

– Дай вам, твердыкам, волю, вы все из моря вычерпаете... – с непонятной интонацией произнес старшина. – Отдыхай. Пока мы не дойдем до Темайра, тут будет твой дом. Сейчас тебе принесут поесть. Всего наилучшего, купец Паколет Карах.

Он едва заметно кивнул и степенно вышел. Сварог растянулся на циновке – довольно жесткой, но выбирать все равно было не из чего.

Колыхнулся полог, сплетенный из каких-то непонятных нитей, – явно морского происхождения. Появилась девушка в платье из рыбьей кожи, довольно коротком и облегавшем точеную фигурку так, что сразу становилось ясно: при всей скудости в выборе материала женщины остаются женщинами.

Светловолосая и синеглазая девушка походила на заезженную тяжким трудом простолюдинку. На шее у нее в окружении обычных раковин поблескивали три золотых монетки, что по здешним меркам, надо полагать, свидетельствовало о довольно высоком социальном статусе. Почему же в таком случае ей поручили миссию, с которой справилась бы любая служанка? Или таковы тут традиции гостеприимства?

Она поставила перед Сварогом поднос, села поодаль, привычно опустившись на колени на циновке, упираясь в пол тонкими обнаженными руками. Улыбнулась:

– Добрый вечер, купец Паколет Карах.

– Невероятно, – сказал Сварог. – Я уже настолько известен здесь, что мое имя достигло ушей первой красавицы жангады?

– А ты что, успел каким-то чудом увидеть всех девушек жангады, что так уверенно говоришь? Может, первая красавица – вовсе и не я, откуда тебе знать?

Эге-ге, легкомысленно присвистнул про себя Сварог. Похоже, кое в чем здешняя жизнь ничем от сухопутной не отличается. По крайней мере, кокет-

ливые улыбки здешних красоток уж точно ничем не уступают канонам сухопутного флирта...

– А мне и знать не нужно, – сказал Сварог. – Я просто чувствую, что первой красавицей жангады можешь быть только ты, и никто другой.

– А ведь ты наверняка женат, купец Паколет Карах...

– Злобный навет, – сказал Сварог. – Гнусный поклеп. Плюнь в глаза тому, кто тебе рассказал обо мне этакую ложь...

– Вы, мужчины, – обманщики и совратители, – сказала девушка с напускной серьезностью. – Думаешь, на такой простушке из морских бродяг можно с успехом пробовать ваши твердяцкие штучки? Меня зовут Латейя, купец, я – родная и законная дочь почтенного старшины Корунана, а у нас, если ты не знаешь, есть строгий закон – твердяка, посмевшегося оскорблять уши благородной девицы гнусными приставаниями, выбрасывают в море с подрезанными поджилками. Незамедлительно. – Она звонко рассмеялась. – Ну ладно, ладно, я пошутила, а ты уже и обмер...

– Да ничего подобного, – сказал Сварог торопливо.

– Обмер, обмер, я же вижу...

– А кто вас знает? – резонно сказал он. – Мало ли что в голову взбредет...

– Успокойся, поешь лучше. Ничего, если я буду смотреть? Мне нравится, как сильный мужчина ест, долго и много, или, может, тебя это оскорбит? Что я смотрю? У вас, твердяков, такие странные обычаи, я слышала краем уха...

– Брешут, – кратко сообщил Сварог и, не теряя времени, снял с нескольких мисок – фаянсовых, определенно сделанных на суше, – деревянные крышки. Пахло недурственно.

– Во всей жангаде такие миски только у нас, – сказала Латейя, не отводя от него глаз. – У нас очень знатная семья, мои предки в течение бесчисленных поколений были старшинами и даже Кормчими...

– Впечатляет, – с набитым ртом пробормотал Сварог.

Жареная рыба с какими-то специями, ракушки, запеченные в своих круглых домиках, кусок темного мяса, так и оставшийся непонятным, какая-то желтая сладкая масса вроде творога... Он и не заметил, как уплел все, что нашлось на подносе. Выпил половину кувшина непонятной, сладко-кислой жидкости, безалкогольной, но приятной на вкус.

Когда он закончил и сполоснул руки в поданной Латейей чашке, она небрежным движением выставила поднос за порог, пояснила:

– Найдется кому убрать... Ты доволен?

– Весьма, – сказал Сварог, поглаживая живот.

Он с удовольствием закурил бы, но о сигаретах, увы, снова придется на какое-то время забыть – кто знает, как отнеслись бы Морские Бродяги к его милой привычке извлекать из воздуха табачные изделия и прикуривать от огонька на кончике пальца..

Латейя наблюдала за ним, склонив голову к плечу, вовсе не собираясь уходить. Чтобы поддержать светскую беседу – как-никак здешняя аристократка, потомственная – Сварог спросил:

– Тебе здесь не скучно?

Она пожалала круглыми плечами с искренним удивлением:

– Как это мне может быть здесь скучно? Там, где мои предки жили много тысяч лет? Ну ты и скажешь, купец... Только здесь живут настоящие люди... и

только здесь они выживут, когда вас, твердяков, снова сожрет какая-нибудь всеобщая напасть... А этого, между прочим, не так уж долго ждать. Есть масса неопровержимых признаков того, что дело снова движется к Великой Катастрофе... Вас всех сметет, а мы выживем. На твоём месте я не спешила бы в Темайр, а устраивала свою жизнь иначе.

– Это как?

– Оставшись там, где только и живут настоящие люди... которые к тому же станут единственными спасшимися.

– Благодарствуйте, красавица, – сказал Сварог. – Не тянет что-то. На суше гораздо интереснее.

– Глупости.

– Ты же там никогда не была.

– Ну и что? – вновь пожала она плечами с нешуточным упрямством в нежном голоске. – Когда за спиной многотысячелетний опыт...

Сварог промолчал. Ну да, разумеется – запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись... Ты её не переубедишь, и пытаться нечего. Традиции, браток, понимать надо, многотысячелетний опыт – вещь внушительная.

– Я прекрасно знаю, что у вас там масса интересного, – протянула Латея с непонятной интонацией. – Мы не такие уж дикари, как ты, должно быть, думаешь. У нас, между прочим, достаточно книг. Ты о иных и не слыхивал, если вообще умеешь читать...

– Умею, хотя тебя это, быть может, и удивит, – сказал Сварог. – Купец обычно умеет и читать, и писать, и даже арифметические действия производить в уме, если ты понимаешь, о чем я...

– Понимаю. И тоже умею. Так вот, книги у нас есть. И, кроме этого, мы ведь часто общаемся с твердяками. Они столько рассказывают... Ты прав, у вас и в самом деле масса интересного. Я даже слышала, что у вас там во множестве водятся такие мужчины, которые друг другу в зад вставляют то, что, по моему глубокому убеждению, следует исключительно девушке между ног вставлять...

Сварог внимательно посмотрел на неё. Она слегка улыбалась с совершенно безмятежным и невинным видом.

– Тебе не кажется, что подобные повороты разговора...

Она преспокойно сказала:

– Я просто хочу знать: ты, случаем, не из таких, про кого я только что говорила?

– Вот уж ничего подобного! – чуть ли не рявкнул Сварог.

– Это просто великолепно, купец Паколет Карах, – протянула Латея и одним гибким движением, с тихим шуршанием стянула через голову платье, под которым ничего более не имелось. – Я очень рада, что не пришлось в тебе разочароваться... Ну, что ты сидишь? Неужели тебе надо объяснять, что мужчина должен вытворять с девушкой, которая перед ним решительно разделась?

Она преспокойно вытянулась на циновке, положила руку под голову и улыбнулась Сварогу с таким видом, словно они стояли в большом зале королевского дворца, ведя светскую беседу.

«Ловушка? – лихорадочно промелькнуло у него в голове. – Или именно так у них полагается?»

– А твой батюшка не оторвет мне голову? – спросил он невозмутимо.

– И не подумает. У нас свои обычаи. Слишком долго тебе объяснять, может быть, обойдемся без этого? Могу тебя заверить, я уже знакома с этой штукой, что сейчас буравит тебе портки... Сам убедишься.

– Черт знает что... – сказал он искренне, пребывая в тягостном раздумье.

– Не «черт знает что», а девушка, которая хочет, чтобы ее разложили со всем усердием, – с ангельским выражением лица поправила очаровательная аристократка. – Мне здесь, конечно, не скучно, однако, скажу тебе по секрету, купец Паколет Карах, иногда надоедает видеть одни и те же лица, слышать одни и те же слова. Есть в нашей жизни этот маленький недочет... а впрочем, и его при некоторой настойчивости можно преодолеть, как-никак, кроме нас, на Таларе пока что живут и другие... Ну, сбрасывай быстренько одежду, пока у тебя штаны не лопнули. Говорят, вы, твердяки, такие выдумщики... Постарайся со мной проделать что-нибудь такое, до чего у нас не додумались. Хотя я и на знакомое согласна, лишь бы с должным прилежанием... Ну?

Глава вторая

Главный персонаж церемонии

Стоя у плетеного борта, Сварог наблюдал за странными передвижениями, которые выполняли все до единого плоты: искусно маневрируя, они старались образовать круг, с полдюжины уже выстроили дугу, носом к корме, перебрасывали друг другу веревки, соединяя свои немудрящие суда в единое целое.

А впрочем, гораздо интереснее было то, что виднелось вдали, слева, примерно на полуночном восходе: там что-то темнело у горизонта, и очертания эти ничуть не изменились за все долгое время, что Сварог проторчал у борта. Темная полоска, словно бы окрашенная сверху зеленым, весьма походила на желанную сушу.

Воровато покосившись на старшину, Сварог притворился, будто вовсе туда и не смотрит, а всецело поглощен маневрами жангады. В душе у него присутствовала некая неловкость – как и подобает хоть самую капельку совестливому мужику, стоящему рядом с дружески расположенному к нему папашей, с чьей доченькой этот мужик провел три ночи подряд... То, что инициатором всякий раз выступала сама доченька, мало что меняет. Все равно чуточку неудобно. Папаня как-никак – и, что характерно, ни в коем случае не будущий тесть...

В общем и целом, Сварог был вполне доволен своей здешней жизнью. Относились к нему с подчеркнутым радушием, работать не заставляли, кормили и поили по высшему разряду, да вдобавок каждый вечер, едва солнце спустится в море, заявлялась очаровательная Латейя и отдавалась ему со всем пылом. Сварог откровенно наслаждался неожиданным отдыхом.

Все происходившее, однако, навевало на него некоторую грусть. С первой ночи стало ясно, что красавица доченька добивается дитяти – каковой задачи, вполне возможно, уже и достигла. Однако Сварогу было чуточку не по себе при мысли о том, что его дитя проведет всю сознательную жизнь на этом зыбком плоту, болтаясь по морям в компании этих реликтов. Но что поделать? Приходилось подчиняться.

Скверно было еще, что Латейя, что ни ночь, заводила разговор на извечную женскую тему – мол, неплохо было бы в самом скором времени честным пир-

ком да за свадебку... То назойливо стращала грядущей в самом скором времени катастрофой планетарного масштаба, после которой уцелеют одни Морские Бродяги, то недвусмысленно пыталась прельстить прозрачными намеками о нешуточных кладах, которые накопили ее предки и приумножил папенька. К первому Сварог относился не очень серьезно, а второму вполне верил – но в любом случае не собирался гробить свою молодую жизнь так, как от него требовали. Пустил в ход все свое дипломатическое искусство, отговаривался некими традициями своего рода, настойчиво требовавшими жить и умирать исключительно на суше, а в море выходить лишь при неотложной надобности.

До сих пор как-то обходилось, серьезной ссоры ни разу не произошло, всегда оставалась граница, которую Латея не переступала. Выслушав очередную порцию Свароговых отговорок, скорбно вздыхала и недвусмысленно прилаживалась под бочок.

– Инбер Колбта, – сказал вдруг старшина.

– Что? – встрепенулся Сварог.

– Вон там, – старшина показал на темно-зеленую полосу суши. – Полуночная оконечность.

– Мы туда будем заходить?

– Нет необходимости. Я же говорил, что мы идем напрямиком к Темайру.

– А вот это все что означает? – Сварог обвел рукой горизонт.

Почти все плоты уже стояли по окружности, лишь два последних завершали маневр. Послышались шаги – это из хижин повалили обитатели плотов, прямо-таки увешанные ожерельями из ракушек и разноцветных кораллов, браслетами, бляхами из покрытой резьбой кости, меховая оторочка на сей раз присутствовала на всех без исключения нарядах, и мужских, и женских, и детских. Походило на то, что близится какой-то серьезный праздник, заставивший всех поголовно наряжаться, насколько возможно.

– Церемония, – сказал старшина. – Древняя церемония, которая тут регулярно происходит с незапамятных времен... Но у нас еще есть время, чтобы серьезно поговорить, купец Паколет Карах. Не так уж много времени, но достаточно, чтобы внести полную ясность. Моя дочь тебе нравится? Допрос, конечно, бессмысленный, у меня есть уши, и я каждую ночь убеждаюсь, что вы отлично поладили... ну, а все же?

– Очаровательная девушка, – сказал Сварог, неуклюже глядя в сторону. – Выше всяких похвал.

– Как женщина она тебе годится, или все же желаешь найти что-то лучше?

– Ну, в общем... не вижу смысла что-то еще искать, – осторожно сказал Сварог.

– Она тобой тоже вполне удовлетворена. Кое-какие ваши сухопутные ухватки ей весьма понравились.

– Рад слышать, – сказал Сварог еще осторожнее.

– Ну, так что же ты решишь? Она должна была подробно тебе все изложить – что хочет за тебя замуж, что мы невероятно богаты, что только мы спасемся, когда все погибнут в самом скором времени... У тебя было достаточно времени для раздумий, ты взрослый и неглупый человек, наверняка успел все взвесить... Итак?

Сварог незаметно огляделся. При старшине не было оружия, даже обычного скрамасакса на сей раз не имелось на поясе. Стоящие вокруг разряженные морские бродяги тоже были безоружны. В конце концов, что ему мешает при малейшей опасности прыгнуть за борт и пешком добраться до чернеющего на горизонте острова? Как бы ни обжились бродяги в море, вряд ли умеют дышать под водой так, как он. Не догонят, нет...

Тщательнейшим образом взвешивая слова, будто покупающий алмазы купец, стремящийся не ошибиться ни на грош, Сварог сказал:

– Любезный старшина, я безмерно благодарен вам за спасение и гостеприимство, но у нас тоже есть традиции, которые я не могу нарушать, как бы ни была красива твоя дочь и как бы нам ни было хорошо. Уж ты-то должен понимать, какую силу имеют в жизни людей вековые традиции...

– Нужно понимать так, что ты отказываешься?

– С величайшим сожалением.

– И это твое последнее слово?

От плетеного борта его отделял какой-то шаг. Вокруг все стояли неподвижно, не делая попыток напасть, и в глазах не было враждебности.

– Последнее, – сказал Сварог.

И в следующий же миг на Сварога навалилась нешуточная тяжесть, его сбили с ног во мгновение ока, так что он не успел ничего предпринять, повалили на палубу, лицом вниз, заламывая руки, по запястьям скользнула шершавая, жесткая веревка... Он и опомниться не успел, как лежал теперь уже лицом вверх, связанный с величайшим тщанием. Как ни дергался, ослабить веревки не удалось.

Потом он почувствовал, как поднимается вверх. Оказалось, его успели бросить на широкую доску, прикрепленную шарниром к борту напротив выреза в плетне. Сразу несколько рук придерживали его, чтобы не свалился в воду.

Хватило беглого взгляда по сторонам, чтобы увидеть, на всех палубах поднялись подобные доски со связанными людьми – кое-кто из них ожесточенно извивался, другие пребывали в неподвижности, кое у кого рты заткнуты чем-то вроде кляпов. Над морем повисла тишина.

– Церемония, знаешь ли, – легонько пожав плечами, сказал старшина так непринужденно и буднично, словно они беседовали о пустяках в самой что ни на есть мирной обстановке. – С незапамятных времен в этом месте приносят жертвы, чтобы зло подольше оставалось спящим в глубинах. Только-то и всего. У тебя был выбор, и ты его сделал. О чем теперь толковать?

У него были прозрачные, неподвижные глаза фанатика, выполняющего привычную работу без тени эмоции, но с величайшей убежденностью в собственной правоте. Все ругательства застряли у Сварога в глотке – не стоит терять лицо, их ничем не прошибешь...

– Откровенно говоря, мне будет тебя недоставать, купец Паколет Карах, – сказала объявившаяся с другой стороны доски очаровательная Латейя, увешанная раковинами и монетами, как новогодняя елка игрушками. – Кое-какие твои штучки были очень приятными и познавательными. Спасибо за ребенка, – она с мечтательной улыбкой погладила себя по животу. – Отец совершенно прав – у тебя был выбор, все от тебя зависело... Прощай.

– Эи, – сказал Сварог. – А если я...

Старшина усмехнулся чуточку брезгливо:

– Оставь. Ты уже не делаешь выбор по собственной воле, а в страхе пытаешься спасти свою шкуру... Недостойный.

Он поднял правую руку, и на плоту засвистали флейты, затянули длинную, тоскливую мелодию.

Сварог видел, как на противоположном плоту доска поднялась вертикально, и связанное тело, отчаянно корчась, соскользнуло с нее, рухнуло в воду, подняв фонтан брызг, тут же исчезло с поверхности. Не все так скверно, подумал он зло, людей швыряют в воду живыми и невредимыми, так что шансов предостаточно. Лишь бы там, на дне, не оказалось...

– Старшина, – сказал Сварог.

– Ну, чего? – самым будничным тоном спросил наклонившийся к нему несостоявшийся тесть.

– Я еще вернусь, попомни мои слова, – сказал Сварог. – И ты о многом пожалеешь...

– Вздор, – сказал старшина без улыбки. – Утопленники никогда не возвращаются. Судя по тому, что ты не мог обойтись без нашей помощи, ты ничего такого не умеешь... Попроси там от нашего имени, чтобы зло подольше дремало в пучине...

Доска поднялась – и Сварог полетел в воду, шумно ударившись о нее брюхом, стал погружаться лицом вниз. Видел краем глаза, что неподалеку, обгоняя его, идет ко дну еще один связанный, корчась, как рыбка на сковородке. А вон еще один, и еще... Пузырьки воздуха тянулись вверх сверкающими цепочками – и вскоре обрывались.

Глубина оказалась небольшой, и он прекрасно рассмотрел дно, заросли морских кустов, брызнувшие в стороны стайки рыб, какую-то огромную, темную массу слева, скелеты меж камней...

Отчаянно барахтаясь, сумел перевернуться на спину – и в полном соответствии с иными присущими ларам свойствами опустился на дно медленно, плавно, лицом вверх. Правда, вся тяжесть тела давила на связанные руки.

Из предосторожности – кто их там знает? – он лежал совершенно неподвижно, преодолевая боль в связанных руках. Еще какое-то время сверху швыряли жертв, вряд ли все они поголовно были подобными Сварогу случайными гостями, скорее всего, сюда попадали и свои за какие-то прегрешения, а то и вовсе без оных...

Чтобы отвлечься от жгучего неудобства в связанных конечностях, он какое-то время прорабатывал мысленно во всех деталях, как пошлет парочку эскадр с приказом отловить именно эту жангаду, а то и все остальные, если окажется, что человеческие жертвоприношения пользуют и они. Никакой крови и виселиц на нок-реях. Будем гуманистами, переселим их на сушу, а там пусть разбивают себе головы о деревья и камни, если охота. Не хватало еще возведенных в стойкую традицию человеческих жертвоприношений, как будто на Таларе и без того мало проблем. Любая религия, если не считать черных культов, с такими штучками борется беспощадно, так что душа будет спокойна. А если эта девчонка и в самом деле окажется беременной, нужно принять меры, чтобы ребенок вырос в надлежащих условиях, совершенно не зная маменьки... Воспитателей хватит – поручить хотя бы Маре, уж она-то не вырастит слюнтяя или растяпу...

Стайка пестрых рыбешек повисла над ним, осторожно приглядываясь. Со

всех сторон сползались крабы. Глянув вверх, Сварог с радостью увидел, что круг распался, прямоугольники плотов перестраиваются, вытягиваясь в три цепочки – и они уплывают прочь. Вот уже ни одного не осталось в поле зрения... пора на свободу.

Он принялся извиваться всем телом, действуя руками и ногами так, как учил когда-то Шедарис. Освободиться от веревок – настоящее искусство, не уступающее умению фехтовать или драться на кулачках, всякий Вольный Топор им прекрасно владеет, потому что мало ли что в жизни случается...

Это продолжалось довольно долго, морские бродяги навязали искусных узлов – но, во-первых, они не рассчитывали, что связанная жертва останется в живых надолго и примется выпутываться, а во-вторых, веревки понемногу намокли и разбухли, что облегчало задачу.

Сначала он освободил ноги. Кое-как поднялся и заковылял к ближайшему камню с острыми гранями, повернувшись спиной, принялся разломачивать о них набрякшую веревку. В конце концов освободил и руки. Прочно встал на дне, разминая затекшие мышцы. Рыбы моментально рассыпались, а особенно назойливого краба Сварог почествовал таким пинком, что тот кубарем улетел в расщелину и там исчез.

Итак, он вернулся к исходным условиям. Как в детских играх с кубиком и фишками: «Если выпала единица, вам следует вернуться на старт». Почти что исходные условия: при нем на сей раз нет ни сабли, ни другого оружия, и на дне он оказался босиком, в наряде из рыбьей кожи. Зато совершенно точно известно, в каком направлении ближайшая суша и как она именуется (вряд ли старшина обманывал его) полуночная оконечность Инбер Колбта... лучше бы полуденная, конечно, более обжитая приличными людьми, ну да что поделывать. Главное, до острова всего-то парочка лиг, или немногим больше. Пустяки...

Он посмотрел в сторону. Сузил глаза, покачал головой.

Там лежал на дне, высоко вздымаясь над небольшими камнями, большой военный корабль – внушительный, солидный, нечто вроде крейсера: орудийные башни, решетчатые мачты, локаторы, ракетные установки, высокие надстройки... Лежал, лишь самую малость накренившись на левый офорт и с этого расстояния казался неповрежденным.

Сварог пошел туда, осторожно переступая босыми ногами, чтобы не наткнуться на камень или на краба. Крейсер навис над ним, словно крепостная стена. На правой скуле виднелись большие накладные буквы: ТУРУЛ. Неужели тот самый? Вот так встреча. Турул, насколько Сварог помнил, – какая-то мифологическая птица не из мирных. Значит, известна она была еще до Шторма...

Видимый справа корабль смотрелся совершенно целехоньким, ни единой пробоины в подводной части, непонятно, что же отравило его на дно. Сварог обошел его с кормы, и в удивлении остановился.

По левому борту протянулось полдюжины огромных, круглых, геометрически правильных отверстий – аккуратной цепочкой, с равными между ними расстояниями. Диаметр примерно в десяток уардов. Нигде не видно вырезанных кусков, зато в дыры можно прекрасно рассмотреть совершенно неповрежденное нутро корабля – исполинские механизмы, железные лестницы, переходы и каюты, крюйт-камеры с аккуратными штабелями снарядов и ра-

кет на решетчатых стеллажах. Что же за невиданное оружие или природный феномен оставил такие вот следы?

Поразмыслив, он направился к одной из дыр. Оттолкнувшись от дна, в несколько гребков оказался внутри, на металлическом лестничном марше. Осмотрелся, прикинул, что к чему – и пошел по лестнице наверх, туда, где, по его предварительным расчетам располагался капитанский мостик.

Туда и взобрался через несколько минут. Целехонькие стекла, наклоненные наружу под углом в сорок пять градусов, пульта с экранами и без, моментально опознанный машинный телеграф... И ни единого скелета.

Заложив руки за спину, он прошелся вдоль пультов, читая редкие надписи – все на понятном ему языке, а то, что непонятно, являет собою, скорее всего, сугубо технические или морские термины, которые Сварог попросту не знал.

Он взял стоявшую в углу саблю в никелированных ножнах, покрытых золочеными узорами. Великолепной работы чеканная рукоятка, увенчанная драконьей головой, золотые накладки эфеса, перламутр и бугристая кожа то ли акулы, то ли ската, травленое лезвие... вот только тупая, парадная. Но все же это было лучше, чем ничего. Сварог, не раздумывая, надел через голову металлическую золоченую перевязь из бляшек с отчеканенными якорями и геральдическими рыбами.

Затем подошел к столу с картами. Часть их валялась на полу. Сварог поднял их все, по-хозяйски уселся в привинченное к полу вращающееся кресло – скорее всего, на место давным-давно сгинувшего самым неведомым, но, несомненно, жутким образом краг-адмирала Делутера, державшего на «Туруле» свой флаг, и принялся вдумчиво изучать карты.

От некоторых не было никакого толку: он попросту не мог в них разобраться. Понимал лишь, что это, судя по окрашенным во все цвета и оттенки синего и голубого извилистым линиям, – карты глубин. Понимать понимал, а вот сориентироваться не мог – ни единой понятной надписи, которую можно привязать к известным ему местностям...

Зато другие не таили особенных загадок – на них Сварог увидел почти то же самое, что и на карте в кабинете начальника базы: очертания прежней суши, бесповоротно изменившейся. Сбросив обратно на пол ненужные карты, он прилежно просматривал те, в которых мог разобраться.

И на одной из них увидел жирную черную точку, отмеченную черной же печатной надписью: «Точка Великого Кракена». Если кое-как привязать ее к нынешнему глобусу, точка должна располагаться где-то в Море Мрака, которого на древних картах и вовсе не обозначено. Значит и Море Мрака своим появлением на свет обязано Шторму...

Вот это уже была настоящая добыча. Ценнее ценного. Неважно, что ни одна живая душа не знала, где покоиться Копье Морских Королей и сохранилось ли оно вообще. Главное, он знал место, а это уже немало. Посмотрим, что можно сделать, с народом посоветуемся...

Глава третья Волна и берег

Тщательно сложив карту, Сварог спрятал ее за пазуху и поднялся. Здесь было как-то неуютно. Не то чтобы он боялся призраков и тихо плетущихся по коридорам распухших утопленников – просто все вокруг казалось настолько

странным, что засиживаться не хотелось. Окажись вокруг явное запустение, полуразрушенные остатки кают и кубриков, было бы, пожалуй, легче. А то уж очень хорошо все сохранилось тысячелетия спустя...

Он вышел на металлическую палубу, осмотрелся и, не увидев ни вдали, ни вблизи никаких морских чудовищ, воспрянул духом. Мысли упорно возвращались к невероятно важному для него вопросу: если далекие предки всерьез собирались воевать с Великим Кракеном, значит, у них было оружие, позволявшее им надеяться на победу?

И это странное ощущение – словно перед глазами пляшут осколки головоломки, которые вполне можно соединить в единое целое, чтобы «загадочная картинка» утратила всякую загадочность, но не хватает одного-единственного движения, и никак не возьмешь в толк, какого именно... Что-то назойливо крутится в голове – ассоциация, намек, аллюзия, аналогия... И не ухватишь, что обидно!

Он пошел напрямик к тому месту, где ровной шеренгой висели на таях белоснежные, зашпиленные брезентом шлюпки с аккуратными номерами на бортах. Постучал пальцами по выпуклому борту ближайшей. Судя по звуку, по тому, что не видно отдельных досок, шлюпки изготовлены из какого-то пластика, а значит...

Сварог вынул адмиральский клинок и, действуя им, как рычагом, в нескольких местах порвал шнуровку. Откинул брезент, заглянул внутрь. Ну да, вот и весла аккуратно прикреплены к бортам, вот и компас в белом круглом гнезде, явно отлитом заодно со шлюпкой еще на заводе. Обозначения сторон света и промежуточных румбов, правда, какие-то другие, незнакомые, вполне возможно, что этот компас окажется совершенно бесполезным на нынешнем Таларе, но шлюпка сама по себе вещь нужная...

Он перешел к соседней, долго приглядывался, тянул за тали, трогал блоки, соображая, что тут к чему. В конце концов нашел нужные узлы и не без труда их распутал. Побыстрее ухватился за шнуровку – лодка рванулась вверх, словно воздушный шарик. Свободной рукой распустил последний узел.

Шлюпка, беспорядочно кружась, понеслась к поверхности, увлекая за собой Сварога, и его голова оказалась над волнами. Плавая рядом, он распустил шнуровку, перевалился в шлюпку, расположился на свободном месте на носу и впервые за несколько дней с наслаждением вдохнул табачный дым.

Лишь выкурив две сигареты подряд, сел на белую пластиковую скамейку – как-то она на морском жаргоне иначе именуется, ну да сейчас не до таких тонкостей – и огляделся. Высвободил из-за белых зажимов парочку весел, после неловкой возни вставил их в ключины и принялся грести в сторону берега.

Как у всякого новичка, получалось у него не ахти – весла то погружались излишне глубоко в воду, то черкали по ней, вздымая брызги. Однако море было спокойным, и Сварог, оглядываясь через плечо, с радостью констатировал, что все же помаленьку приближается к неизвестному острову, так неуклюже, правда, что привел бы в ярость любого боцмана.

Когда до берега оставалось уардов двести, он бросил весла и старательно присмотрелся. В незнакомом месте никогда не знаешь, с какими прохвостами сведет тебя судьба, так что следует заранее готовиться к худшему...

Однако берег был пуст. Покрытая идиллическим желтым песочком узкая полоса, за которой поднимается невысокий скальный откос, а на его верши-

не – густой лес, сплошное переплетение веток, чего-то вроде лиан, и ни малейших следов человеческого присутствия. Ни корабля, ни шлюпки, ни хижины, ни дымка над кронами.

Сварог вновь взялся за весла – и вот уже шлюпка закрипела носом по песку. Он моментально выскочил, ухватился за борт и вытащил суденышко на берег, благо оно было весьма легким. Прислушался, сжимая эфес своего почти бесполезного, но единственного оружия.

Тишина, только порой доносится беззаботный птичий щебет. А вот крупных хищников тут определенно нет, они на маленьких островках не водятся.

Задумчиво поглядев на корявое мертвое дерево с голыми сучьями, косо склонившееся над песчаным берегом, Сварог подумал, что житейский опыт, равно как и классические приключенческие романы, диктуют одно, единственно верное решение: нужно найти самую высокую точку острова, вскарабкаться туда и прилежно осмотреться, чтобы внести в свое положение полную ясность. Остров, особенно никому не принадлежащий, – место специфическое. Здесь, в бухточке, тишина и безлюдье, а на противоположном конце, быть может, угольная станция или зашедший для кненгования пиратский корабль. Или какие-нибудь охотники на тюленей.

Он залез в шлюпку и, самую малость повозившись, справился с защелками крышки большого белого ящика.

В прошлой жизни он, как классический сухопутчик (ибо воздушный десант к морякам никак не отнесешь при всем старании) испытывал к флотским традиционную неприязнь, идущую с незапамятных времен и существовавшую под всеми широтами, в том числе и здесь. Однако сейчас следовало, по совести, встать в позицию и троекратно провозгласить здравицу военно-морскому флоту сгинувшей пять тысяч лет назад державы, а также провозгласить ему виват...

Из нищего он моментально превратился в обладателя нешуточных сокровищ. Еда, все эти консервные банки, пачки галет и толстые, в два пальца, плитки твердого шоколада, мало его воодушевила – он умел создавать яства и получше. Но там, кроме неприкосновенного запаса провизии и аптечки, отыскался еще морской бинокль, внушительный револьвер с коробкой патронов, солидных размеров тесак, коробка с рыболовными крючками и леской, пачка аварийных ракет и портативная рация. А также приятно побулькивающая объемистая фляга, в которой, судя по знакомому до слез запаху, содержался он – чистейший спирт. Вот это и называется: не было ни гроша, да вдруг алтын...

Этот клад открывал кое-какие новые, весьма даже неплохие перспективы. Во-первых, он теперь был вооружен не в пример лучше – Сварог для проверки выстрелил в ствол того самого корявого мертвого дерева и убедился, что флотская пушка в полной исправности, пуля глубоко ушла под высохшую кору. Во-вторых, рация. Следует ожидать, что и она в исправности. Судя по результатам беглого осмотра, оснащена и микрофоном, и ключом для здешнего аналога азбуки Морзе. Достаточно выйти в эфир и подольше вести передачу – после известных событий, то бишь обнаружения токеретов, восьмой департамент, да и собственное детище Сварога, девятый стол, круглосуточно прослушивают все диапазоны. Этим, правда, занимается не живой человек, а хитрая электроника, но все равно, дежурного она немедленно известит, поймав сигналы...

Он достал рацию, в два счета убедился, что она исправна, и, благодаря кое-каким своим способностям он знает теперь, как с ней обращаться.

Сварог бережно поставил рацию в сторонке, нажал на кнопку, убрав внутрь корпуса длинный кольчатый прутик антенны. Взял футляр с биноклем и развернулся к морю. Выхватил бинокль, небрежно уронив футляр на влажный песок, покрутил колесико...

Не так далеко от острова в море виднелись паруса, принадлежащие не такому уж и маленькому кораблю. Четко различаются три мачты...

Он растерянно покрутил головой. Положеньице, а... То ни единого варианта в запасе, то столько, что выбор будет не таким уж легким...

Так, сразу, и не сообразишь, что выбрать. Вариант с рацией вроде бы безотказный и самый надежный, но потребует времени. А корабль пусть и неизвестно кому принадлежащий – вот он, на расстоянии лиги с небольшим...

Выпустить ракету? Преподнести спасителям наспех сочиненную легенду про то, как потерпевший кораблекрушение купец, болтаясь по воле волн на обломке мачты, оказался на острове, где и обнаружил этот вот клад древних? Такое случается. Кое-какие из найденных предметов могут послужить неплохой платой за проезд, способной заинтересовать даже капитана большого корабля – бинокль, например... А вот револьвер следует припрятать.

Что же выбрать?

Пока он стоял в нерешительности, глядя, как паруса понемногу приближаются к острову – судно идет не прямо к нему, но, очень похоже, собирается пройти довольно близко, – что-то изменилось в море, моментально и недобро.

Слева, на горизонте, как-то очень уж быстро вздулось темно-синее, почти черное облако, с невероятной быстротой разбухая, распространяясь. На солнце набежала тень, свистнул в кронах ветер – пронзительно, по-разбойничьи, как-то странно, словно это не природа буйствовала, а испустил оглушительную трель легендарный великан или Свистающий Дракон из страшных сказок Каталанского хребта...

Облако встало над горизонтом и помчалось мимо острова. Везде, где оно пролетало, вода словно вскипала, бурлила, покрывалась хаотическим мельканием волн, из этого бурления вдруг появилось нечто, имевшее чересчур правильные для явления природы очертания, вот уже можно различить крупную чешую, разинутую пасть, змеиные извивы тела...

Сварог в жизни не видывал чудища, промчавшегося в бурлении волн, под грозовым облаком, накрывшим его, словно зонтом. Ни в жизни не видел, ни на картинках. Нечто совершенно незнакомое – чешуйчатое змеиное тело, три пары черных плавников, плоская голова, нимало не похожая на змеиную, оскалившаяся загнутыми белоснежными клыками. Белая полоса вдоль хребта, оглушительный клекочущий свист... Оно несло, почти целиком выступая из воды, не двигая плавниками, в свисте и штормовом ветре, в ореоле неведомо откуда бьющих порывов ливня. Такого не могло быть, но Сварог это видел собственными глазами.

Чудище промчалось меж ним и кораблем, оставив широкую полосу медленно успокаивавшейся воды. И скрылось за горизонтом – и оно само, и летевшее над ним черное облако.

Показалась Белая Волна.

Она поднялась на невероятную высоту – белоснежная настолько, что реза-

ла глаз, похожая скорее на исполинский кусок сверкающего стекла. Она неслась по морю со скоростью поезда, не меняя очертаний и формы, на ее верхушке трепетали, разлетались огромные клочья столь же белоснежной пены, то ли от нее в самом деле на лиги вокруг распространялся с поразительной быстротой ледяной холод, то ли так показалось...

Вот это уже было явление, знакомое по рассказам моряков, в том числе и заслуживающих доверия. Припомнив свойства, какими ее наделяли иные рассказчики, Сварог заметался по берегу, лихорадочно прикидывая, что следует спасать в первую очередь, и как это вообще сделать...

Почти повторяя путь чудовища, Белая Волна все же летела другим курсом – теперь уже не было сомнений, что ее край заденет остров, навалится...

Так и произошло. Сварог ничего не успел предпринять. Его окутало непроглядное облако леденяще холодного тумана, на миг показалось, что мороз проник под кожу, стелется струями по венам и костям, фонтаном врывается под череп, холодя глаза...

И тут же вновь стало светло, как и полагается при ясном солнце на безоблачном небосклоне. Однако изменения оказались поразительными и неприятными...

Сварог не увидел более сухого корявого дерева – исчезло, словно растаяло. Точно так же улетучились и валявшиеся прежде по берегу топляки, и лодка, и все остальное, и даже его собственная одежда, так что он стоял у кромки воды совершенно голым. Лес над головой все так же жизнерадостно зеленел – но в нем появились бреши, наверняка на том месте, где стояли столь же сухие, отжившие свое деревья.

Выходит, из всех, кто в разное время рассказывал ему о Белой Волне, прав оказался тот пузатенький шкипер из равенского кабака, встреченный Сварогом в те времена, когда он с друзьями искал загадочно исчезнувшую из дворца принцессу Делию. Именно он, а все другие – беззастенчивые брехуны...

Все обернулось согласно рассказу шкипера: Белая Волна оставляла в полной неприкосновенности живое, не причиняя ему ни малейшего вреда. Неважно, был это цветущий куст или корабельная крыса, муха или человек. Исчезали только мертвые вещи. Как с корабликом шкипера на полдень от Дике однажды и произошло – после того, как промчалась Белая Волна, все члены экипажа, совершенно голые, оказались в воде, а вокруг барахтались крысы, жалобно орал, утопая, корабельный кот и, вовсе уж в насмешку, плавали и вокруг целехонькие кустики герани, которые держал в каюте капитан, а вот глиняные горшки, понятно, пропали напрочь. Шкиперу тогда несказанно повезло, как и его спутникам – неподалеку проходило другое судно, не задетое Белой Волной, там увидели в подзорную трубу, что стряслось, и немедленно пошли на помощь, спасли всех до одного, даже корабельного кота успел сграбастать за шкуру голый боцман. Вот только крыс, как легко догадаться, никто не стал спасать – парочка особо жизнелюбивых, правда, уцепилась за волосы шкипера, вместе с ним оказалась на палубе корабля-спасителя и моментально юркнула куда-то с глаз долой...

Сварог стоял, растерянно уронив руки. Все произошло так внезапно, Белая Волна ограбила столь качественно, что в первые минуты не было злости – одна растерянность. Только что он был великолепно экипирован, всерьез рассчитывал на скорое спасение – и вдруг оказался лишенным абсолютно всего,

перед лицом сплошной неизвестности. Следовало признать, что в свое время он показал изрядное легкомыслие – запасся создающими еду, питье и табачок заклинаниями, но пренебрег теми, что касались одежды. Подсознательно решил, что никогда не окажется на Таларе голым, босым и безоружным. Голодным и мучимым жаждой – вполне возможно. А вот голым, босым и безоружным... Вот до чего доводит человека излишняя самонадеянность...

Он обнаружил вдруг, что держит в руках зажженную сигарету – чисто машинально создал ее и прикурил. Ну, что же делать – затянулся глубоко, выпустил дым, все еще не злой, а растерянный, ошеломленный столь молниеносными жизненными переменами.

И заметил краем глаза некое движение в море. Развернулся в ту сторону, всмотрелся. В голове стоял полный сумбур, он не знал, радоваться ему или, пока не поздно, припустить в заросли, где его при удаче могут и не отыскать, разве что на ощупь, нюхом...

Давешний трехмачтовый корабль на всех парусах шел к берегу. И за кормой у него развевался хорошо видимый отсюда горротский штандарт – белое полотнище с черным солнцем, пресловутая «клякса».

Глава четвертая О пользе добрых дел

Кабелотах в трех от линии прибоя корабль повернулся бушпритом так, что протянувшаяся оттуда воображаемая линия почти касалась Сварога. Прекрасно видно было, как на мачтах снуют матросы. Убирали все паруса, с левого борта на воду опустили шлюпку, и она тут же направилась к берегу, опять-таки правя на то место, где стоял Сварог. Все это могло свидетельствовать об одном – его заметили и твердо решили принять на борт. То ли неизвестные ценители морей настолько гуманны, что без доброго дела и дня прожить не могут, то ли у них имеются другие побуждения – в любом случае, намерения у них твердые.

Но что же делать? Спрятаться в чащобу? А вдруг их доброта – или иные мотивы – настолько уж тверды, что они не успокоятся, пока не обшарят остров? Их на таком корабле – изрядное количество, как ни отводи глаза, а риск быть в конце концов обнаруженным остается.

Похоже, от судьбы не уйдешь. Нужно дожидаться спасителей, положившись на прежнее везение. При всем своем невежестве в той или иной морской специфике Сварог кое в чем все же разбирался – и по долгу короля, и по опыту совершившего несколько плаваний путешественника. Он не представлял, какой именно перед ним корабль – бригантина, шхуна или фрегат, – но, пока судно поворачивало, успел рассмотреть, что у него две пушечных палубы, а это уже серьезно. Или военные, или рыцари удачи – флаг той или иной державы на солидно вооруженном корабле еще не означает автоматически, что оный украшает собою реестры военно-морского флота.

Собственно, отчего его так пугает «клякса»? В том, что корабль принадлежит Горроту, есть не только минусы, но и плюсы. Где-где, а уж в Горроте по причине враждебных с ним отношений немногие знают Сварога в лицо. Уж там-то нет ни одного его портрета, бюста или иного изображения, тех горротцев, что видели его достаточно долгое время на достаточно близком расстоянии, можно, пожалуй, пересчитать по пальцам. Так что рано паниковать и предаваться унынию, смотришь, и обойдется...

Названия корабля он еще не успел рассмотреть, но это уже были несущественные детали... Глядя, как приближается шестивесельная шлюпка, Сварог постарался придать себе самый независимый и равнодушный вид, на какой только способен абсолютно голый человек, стоящий на морском берегу. Разве что крестик... Белая Волна его не тронула, а теперь снимать уже поздно, ну да никто тут не поймет, что это означает...

Шлюпка закрипела носом по мокрому песку. Гребцы бросили весла, и на землю прыгнул здоровенный субъект в высоких сапогах, черных штанах и синем распахнутом камзоле, напыленном прямо на голое тело, на могучей груди у него красовалась роскошная и искусная татуировка: два осьминога, зеленый и красный, азартно резались в кости, а в сторонке – синяя русалка со столь жеманно-блудливым видом, что сразу становилось ясно, какие тут ставки на кону. За поясом у верзилы торчала абордажная сабля и целый набор пистолетов.

Сварог моментально отметил, что гребцы одеты примерно так же – как кому в голову взбрело, ничего похожего на форму, у некоторых серьги в ушах, у одного на шее массивное золотое ожерелье, явно женское, а браслеты другого, ручаться можно, сделаны из варварски разломанного дворянского золотого пояса, да вдобавок на голове у одного вместо шляпы – берет Сословия Совы с упомянутой серебряной птицей, символом ученой мудрости (хотя при взгляде на рожу обладателя берета возникали серьезные сомнения, умеет ли он вообще читать хотя бы по-печатному).

Сварог моментально приободрился. Дело оборачивалось не самой скверной стороной, Это не военный корабль, голову можно прозакладывать. Ни один капитан военно-морского флота, о какой бы державе ни шла речь, не потерпит на борту скопище таких разбойников, одетых и вооруженных вопреки всем строгим регламентам. Точно, пираты на горротской службе... или попросту пираты, вывесившие флаг, на который не имеют никакого права. Широко распространенная привычка, как с ней ни борются законные обладатели того или иного штандарта. Правда, Сварог еще не слышал, чтобы какой-нибудь нахал осмелился самочинно вывесить за кормой хелльстадский флаг, но и это, надо полагать, не за горами...

Вразвалочку подойдя к нему и остановившись в двух шагах, верзила по имени Бунак жизнерадостно расхохотался:

– Здорово вас, дяденька, ободрала беляночка... Видок такой, что хоть в «скамейку» играй...– и прищурился испытующе.

Это было пока что не прямое оскорбление – просто-напросто незатейливая проверка на предмет того, знаком ли неизвестный с нравами и жаргоном «теневой стороны» жизни.

После нескольких дней, проведенных в обществе Бангала и его приближенных, Сварог знал иные тонкости не хуже заправского каторжанина или посевшего на службе сыскаря.

– С полным нашим удовольствием, – сказал он, – но только ежели первым столом со своим рубанком...

Достойный был ответ, означавший, что в «тарабарской музыке» Сварог не новичок, и вообще, где на него сядешь, там и слезешь. Судя по глазам верзилы, он эти нюансы оценил соответствующим образом, но зацокал языком:

– Извиняюсь, дяденька, обознатушки... Сами столярами, без подмоги моем

ноги... А только уж, не взыщите, белуха вас и в самом деле чистехонько ободрала... Обхождение знаете, а вот росписи нет ни единой... из «тертых болтаев» будете, а?

– Вот именно, – сказал Сварог. – Купец я, уважаемый, из Пограничья. Мы в жизни всякого навидались и нахватались, чего уж там...

– Понятно. А чего тут в одиночку делаете?

– Плыл на корабле с товарами, – сказал Сварог. – Корабль был не мой, я еще на свой не заработал. Шторм. Шлюпка. Выбросило сюда. Дней десять болтался, доел все, что было, хотел за сапоги приниматься, так теперь и сапог нету...

– Ну, придумаем чего-нибудь, – сказал верзила. – Спасибо скажите, что мы вас заметили еще до того, как прошла белуха, а еще допрежь нее просквозил Морской Бегун, чтоб ему утонуть в неглубоком месте, твари бессмысленной... Не годится же бросать живую душу в столь печальном положении, вдруг вы нам да и пригодитесь, мы ребята незатейливые, плаваем себе, куда ветер несет, собираем грошик к грошику... Меня, например, зовут Бунак, я на нашей посудине палубным мастером... Растолковать?

– Не нужно, – сказал Сварог, глядя на него с некоторым уважением.

«Палубным мастером» на пиратском – пираты, никаких сомнения! – корабле именуется начальник абордажной команды. Отнюдь не самая спокойная и безопасная должность, трусам, недотепам и тугодумам на ней делать нечего...

Бунак повернулся к одному из своих, щелкнул пальцами:

– Одолжи-ка попавшему в беду свою шмотку, вы с ним вроде одного сложения... – перебрал Сварогу зеленый кафтан с потускневшими серебряными позументами. – Прикройтесь уж, а то у нас баба на борту, чтоб ее...

«Баба на борту?!» – не на шутку удивился Сварог. Вещь для вооруженного корабля неслыханная. Бывают, конечно, пленницы, захваченные выкупа ради или более легкомысленных целей, но отчего же физиономия у палубного мастера на миг стала такой, словно он одним махом разжевал ядерный лимон? Положительно, что-то за этим крылось...

– Ага, вот именно, – грустно сказал Бунак, заметив его удивление. – Получилось так... А кафтанчик-то на вас и впрямь хорошо сидит, даже по шву нигде не треснул... Совсем другой облик внешнего вида. Разрешите поинтересоваться вашим честным имечком?

Решив не напрягать мозги, Сварог преспокойно бухнул:

– Робинзон Пузо.

– Имена у вас, в Пограничье... – хмыкнул Бунак совершенно спокойно, как и подобает человеку, не знакомому с литературной сокровищницей планеты Земля. – Ну да мы ж их не сами выбираем, родители подсуропливают, иногда вовсе даже не подумавши... Пузо – это, стало быть, не прозвище, а фамилие такое?

– Ага, – сказал Сварог. – Прапрапрадедушка мой, по семейным легендам, славился необъятным чревом, вот незаметно у его потомков это в фамилию и превратилось, так во все бумаги и внесена...

– Ну, что делать. Бывают примерчики и похуже... Садитесь, дражайший Робинзон, пожалуйста в гости, мы ребята незлобивые, а помогать человеку в вашем положении – дело святое... Эгей, навались!

Гребцы приналегли на весла, и шлюпка понеслась к кораблю, на котором начинали распускать паруса. Стоя рядом с Бунаком на носу, Сварог напряжен-

но ждал, когда покажется название – как будто это что-то решало в его положении и хоть что-то могло изменить...

«Клякса», подхваченная ветерком, развевалась во всей красе. Это зрелище не прибавило Сварогу хорошего настроения. Этому флагу он с превеликим удовольствием отыскал бы иное, более непотребное применение, нежели гордо развеяться на свежем ветерке. Шлюпка обогнула корабль с правого борта...

Побуждаемый здоровой подозрительностью, он произнес заклинание, чтобы знать, с чем имеет дело – мало ли какие сюрпризы возможны, мало ли какие морские гнусности могут появиться не только ночью или в рассветных сумерках, но и белым днем...

Корабль остался прежним, это был не мираж, не видение, не иллюзия, созданная легендарной Серой Каракатицей, еще одним крайне отрицательным персонажем фольклора, якобы создававшей детальнейшие образы кораблей с моряками на борту, а потом лопавшей неосторожных жертв кораблекрушения, усевшихся ей на спину в твердой убежденности, что пребывают на борту спасшего их судна...

Корабль был самым обычным – а вот остальное... Действительность превосходила худшие ожидания. Вокруг трехмачтового парусника с двумя пушечными палубами высоко поднимался черный ореол. Самые разнообразные формы и очертания – словно полосы черного полярного сияния переливаются всеми оттенками вокруг верхушек мачт, словно исполинские, причудливые, черные снежинки висят, касаясь нок-реев, словно фестончатые, замысловатые карнавальные гирлянды протянулись меж мачтами (только все они чернее ночи), а палуба укутана облаком серой мглы... Сварог видывал нечто подобное – но не в таких масштабах. Зла и черной магии было хоть отбавляй, хоть ковшом черпай, корабль им прямо-таки пропитан. Его спутники, сидевшие в шлюпке, правда, оказались самыми обычными людьми, никакого отношения не имевшими к мраку. Но сам корабль... Куда это его занесло?

Он торопливо напялил панцирь, это но уже умел. Теперь любой, кому вздумалось бы его прощупать посредством методов, не имеющих никакого отношения к обычным пяти человеческим чувствам, видел бы перед собой среднего жителя Талара, ничем особенным не отличавшегося, никакими магическими способностями не владевшего, недалеким и говорившим чистую правду без малейшей примеси лжи.

Потом он увидел начищенные медные буквы, прикрепленные под утлегарем. И с неслышимым миру вздохом понял, что его положение становится совершенно непонятным, все запутано так, что даже не стоит строить какие-то догадки.

Он хорошо знал это название: «Призрак удачи». Корабль знаменитого Джагеддина, аристократа среди рыцарей удачи, принадлежавшего к первой дюжине. И даже более того – он сам лично спас в свое время Джагеддина в Готаре, когда тамошний барон собирался спалить того на костре в компании какой-то молодой красотки. Помнится, Джагеддин считал себя в неоплатном долгу перед Сварогом, но с тех пор много воды утекло, о Джагеддине кружили самые нехорошие слухи, начиная с горротской кляксы, под которой капитан «Призрака удачи» с некоторых пор плавал, и кончая иными знакомствами Джагеддина, при одном упоминании о коих плевались самые небрегливые.

Что хуже всего, Джагеддин прекрасно знал имя спасителя – лорд Сварог, граф Гэйр. И наверняка знал, не мог не знать, кем стал в последний год отмеченный милорд и граф, сколько корон собрал на геральдический королевский скипетр.

Узнает или не узнает? Менять лицо теперь невозможно – эти, в шлюпке, видели его в натуральном обличье, что они скажут и сделают, когда спасенный у них на глазах приобретет совершенно иную внешность? То-то. Что называется, попала собака в колесо – пищи, да беги...

Старательно сохраняя на лице не просто безмятежность, а неприкрытую радость – спасен, спасен добрыми самаритянами! – Сварог проворно взобрался вслед за Бунаком на борт. Следом шустро карабкались остальные. В какой-то миг Сварогом владело неутолимое желание начать все сначала – разжать руки, прыгнуть в море и камнем пойти ко дну. Даже если начнут вылавливать, ничего у них не получится – вряд ли у них есть сети, а если и отыщется парочка неводов, он к тому уже окажется далеко. Лучше уж болтаться по дну морскому голым и босым, чем плыть на этом корабле...

Но после краткого размышления он отбросил эту идею. Корабль, если не смотреть на него особым взглядом, выглядел вполне уютно в качестве временного пристанища. Черный ореол зла – это, конечно, плохо, но, в конце концов, здесь обитают не легендарные титаны, а, если можно так выразиться, средне-статистические черные маги. Сварог сталкивался кое с чем похуже и бывал в местах поопаснее. За борт прыгнуть никогда не поздно...

Человек двадцать, одетые столь же живописно, как экипаж шлюпки, с любопытством пялились на Сварога. Кое-кто хихикал при виде столь экстравагантно одетого спасенного, но лица у них были не такие уж веселые, словно бы сумрачные.

Они поспешно расступились перед человеком, которого Сварог узнал мгновенно. Высокий, темноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой, в синем кафтане, богато вышитом золотом. Сварог помнил и этот меч в роскошной оправе, и ожерелье с синими самоцветами.

Он ничего не успел сказать – палубный мастер шагнул вперед и торопливо сообщил:

– Извольте жаловать, капитан, – торговый человек по имени Робинзон Пузо, из Пограничья. Рад-радешенек, по лицу видно...

Сварог неловко поклонился, видя, как Джагеддин слегка приподнял бровь. Судя по этому жесту, по взгляду, капитан его тоже узнал, так что не стоило выставлять себя на посмешище, вслух представляясь вымышленным именем.

– Я вам несказанно благодарен, капитан, – сказал Сварог, старательно избегая встречаться взглядом с Джагеддином. – Положение мое было самое унылое, и, если бы не вы...

– Ну что вы, не стоит благодарностей, – сказал Джагеддин с самым непроницаемым видом. – Святое дело. Сначала ты делаешь кому-то добро, потом твое доброе дело к тебе же возвращается... – Он чуть повернул голову: – Половник!

Вперед протолкался лысый коротышка с голым брюхом, настолько пропитанный шибавшими на добрый уард вкусными кухонными ароматами, что просто обязан был оказаться корабельным кухарем. Вон у него и пояс, увешанный ножами, длинными разнокалиберными вилками и прочими орудиями

производства...

– Проводи гостя в каюту, – распорядился Джагеддин. – Принеси поесть-попить, одежду подбери... Отдохните, любезный Робинзон, от всех треволнений, почувствуйте себя, как дома...

Кухарь отступил, сделав рукой приглашающий жест. Сварог, еще раз поклонившись капитану, направился за ним.

И почувствовал, как его виски словно бы гладят невидимые метелочки из перьев, вызывая не просто щекотку, а еще и неприятное, давящее ощущение. Стараясь делать это незаметно, попытался высмотреть источник неприятностей, взглянуть, кто это его изучает по всем колдовским правилам.

Долго стараться не пришлось, достаточно было взглянуть искоса на капитанский мостик. Там, небрежно и грациозно опершись на перила балюстрады, стояла молодая женщина в мужской одежде, с распущенными волосами, с абордажной саблей на поясе. Неизвестно, узнала ли она Сварога (по крайней мере, его защиту не преодолела), зато Сварог ее сразу узнал – та самая красotka в домотканом платье, которую он спас в Готаре заодно с Джагеддином. Тогда он еще не был обучен некоторым полезным премудростям, но вот теперь моментально определил, с кем имеет дело.

Ведьма. Самая натуральная, патентованная, если можно так выразиться. Знать бы раньше...

Он уже прекрасно знал, чем отличается колдовство от ведьмачества – спасибо старухе Грельфи, просветила в два счета с помощью драгунских словесных оборотов и насквозь вульгарных, но удивительно метких и образных сравнений...

Между колдуном и ведьмой такая же разница, как между развратником и извращенцем. Развратник вовсе не обязательно плох, зато растлитель малолетних или насильник исполнен скверны по сути своей и сути своих поступков. Примерно так говорила старуха. Колдунья вовсе не обязательно служит злу (хотя порой, что греха таить, ходит в опасной близости и может запачкаться), но вот ведьма изначально получает все свои способности от сил зла и служит исключительно им. Что же, это и есть разгадка черного ореола вокруг «Призрака удачи»? Или все гораздо сложнее и хуже? Кто бы знал... Кто бы знал тогда! Вероятнее всего, эта красotka с самого начала была ведьмой, а не стала ею за то время, что они со Сварогом не виделись. Получается, что покойный барон Готар однажды едва не совершил все же доброе и богоугодное дело, пытаясь сжечь ведьму, быть может, единственное доброе и богоугодное дело в своей неприглядной жизни – и помешал ему не кто иной, как Сварог, совершенно не разбиравшийся в таларских сложностях...

Узнала или нет? Непонятно... Нет, но какво: баба на корабле невозбранно разгуливает по капитанскому мостику... Небывалое зрелище, нарушающее все традиции. Как же должен был размякнуть Джагеддин, чтобы... Спеленала, а? Опутала? То-то лица моряков вовсе не лучатся безмятежным весельем. У многих должны блуждать в голове самые унылые мысли: вряд ли у ведьмы хватит умения подчинить себе всех, силенки не те...

Кухарь провел его в небольшую, но опрятную каюту на корме – и с ходу развил бурную деятельность. Убежал и вскоре вернулся с охапкой разнообразной одежды, чистой и новой. Тут было и дворянское платье, и одежда, подходящая для Сословий, и морские камзолы. По своей врожденной деликатности

Сварог не стал уточнять, откуда на корабле это великолепие, подходившее бы скорее богатой лавке. Выбрал себе наряд, по его мнению, вполне подходивший не особенно богатому купцу из Пограничья. Этот маскарад, учитывая, что Джагеддин его сразу узнал, выглядел чуточку наивно, но лучше уж придерживаться однажды выбранной линии... Унеся то, что не пригодилось, кухарь прибежал с подносом, ломившимся от горшков, тарелок и накрытых крышками мисок, – снова самых разнокалиберных, от простецких оловянных до серебряных украшенных искусной чеканкой, а то и самоцветами. Опустил его на стол, ловко подсунул столовый прибор, салфетки и деликатно исчез на то время, что потребовалось гостю, чтобы справиться со всем этим великолепием.

Когда он унес пустую посуду – и уже не вернулся – Сварог стал прикидывать, можно ли раздобыть здесь хоть какое-то оружие, но не придумал ничего толкового.

А потом в дверь постучали, и вошел Джагеддин. Скрестив руки на груди, постоял у порога, глядя на Сварога внимательно и загадочно, тщательно прикрыл за собой дверь, опустился на стул, привинченный к полу, как всякая корабельная мебель. Опустил глаза словно бы в задумчивости. И решительно сказал:

– Я очень рад вас видеть, лорд Сварог... или к вам теперь следует обращаться непременно «король»?

– К чему эти церемонии между старыми знакомыми? – усмехнулся Сварог чуточку напряженно. – Вы меня узнали сразу, я понял...

Джагеддин блеснул великолепными зубами:

– Как же я мог не узнать человека, спасшего мне жизнь? Я ведь говорил тогда, что в неоплатном долгу перед вами... Конечно, я представления не имел, кого спасаю, но теперь... Знаете, лорд Сварог, мне отчего-то представляется, что вы ждете подвоха, сразу видно, как скованно вы держитесь... Не обижайте меня, право. Добро я помню... как и зло. Вы здесь – мой гость и друг, вы в полнейшей безопасности. Быть может, вас насторожил флаг за кормой? Скорее всего...

– Не буду отрицать, – сказал Сварог.

Капитан горделиво выпрямился:

– Я не слуга, друг мой. Никогда не был ничьим слугой – и не собираюсь изменять своим привычкам. То, что я вступил в определенные отношения с горротцами, еще не значит, что я обязан жить их нуждами и разделять какие бы то ни было их взгляды и убеждения. Ваши с ними отношения – это дело исключительно их и ваше, я в это вмешиваться не намерен. Здесь вы, повторяю, – мой гость и друг. Ни единого горротца на борту нет, так что вы можете отбросить всякие тревоги. Я на вас не обижаюсь за минутное недоверие, просквозившее в вашем взоре, – что поделать, вы уже давненько ходите в королях, а у королей свои правила мышления, коих простым смертным не понять и не разделить... Мне просто-напросто хотелось бы, чтобы вы чувствовали себя в полной безопасности, среди друзей, чтобы были гостем человека, обязанного вам жизнью... и весь горротский флот не заставит меня поступить как-то иначе.

Сварог видел, что капитан говорит совершеннейшую правду. Но в то же время присутствовало что-то еще, чего Сварог не мог был понять и опреде-

лить, с чем же все-таки имеет дело. В каюте прямо-таки физически присутствовало это непонятное нечто. словно бы Джагеддин в чем-то был иным, не прежним. словно в нем поселилось что-то, чего прежде не было.

Не стоило долго ломать голову над сущностью перемен – Сварог так и не определил, с чем столкнулся, но не сомневался, откуда это взялось. Ему приходилось слышать от иных своих соратников, знающих в этом толк, про людей, подмятых ведьмами. Так далеко вроде бы не зашло, но это был уже не прежний Джагеддин. Сварог подумал сердито и тоскливо: я же собственными руками резал на ней веревки, руку подавал, помогая сойти с поленницы... Но кто же знал тогда?

– Вам, конечно же, следует отдохнуть, – сказал Джагеддин. – Я не спрашиваю, куда вы плыли, и как поучилось, что вы оказались в столь печальном положении. Если захотите, сами расскажете потом. Отдыхайте, а вечером я устрою ужин. Марута тоже наверняка захочет вас поблагодарить... Вы ее видели?

– Да.

– И узнали?

Сварог кивнул, притворяясь адски усталым. Лицо Джагеддина озарилось ясной улыбкой:

– Получается так, что я должен поблагодарить вас дважды. И за спасение жизни, и за то, что вашими трудами я обрел совершенно потрясающую спутницу жизни. Я не мальчишка, многое повидал, но Марута... Если бы вы знали, как я вам благодарен, лорд Сварог. Но вы совсем спите, я вижу? – он поднялся. – Отдыхайте, вы среди друзей...

«Вот именно, моими трудами», – уныло подумал Сварог, глядя на закрывшуюся дверь. И ведь она, без сомнения, тоже знает, кто я такой... а если забыла, узнает через пару минут от капитана.

И что ей придет в голову – покрыто мраком неизвестности. Вообще-то ведьмы, по слухам, тоже способны испытывать искреннюю благодарность за нешуточные услуги, но если вспомнить, что она и Сварог идут по жизни под разными знаменами, прочно заняли места во враждующих лагерях... Если вспомнить черный ореол, стоящий вокруг корабля и вряд ли обязанный своим существованием одной лишь ведьме из захолустья... Холодок пробирает.

И никакого оружия под рукой, что печально...

Глава пятая Город без теней

Понемногу он и в самом деле задремал под размеренный скрип рангоута, покачивание корабля на спокойной воде и заунывную матросскую песенку, долетавшую с палубы. Трудно сказать, что ему снилось, – так, смутные образы, лишённые тревоги или угрозы и потому спокойно проплывавшие, словно белые облака, нимало не задерживаясь в сознании.

Потом что-то изменилось, и он осторожно открыл глаза, вмиг привязал себя к реальности! Разве что чисто машинально пошарил рукой вокруг в поисках оружия, но тут же сообразил, где он и в каком окружении, отлетели последние сонные наваждения.

В каюте стоял полумрак, должно быть, солнце уже село. Сварог быстро понял, что его разбудило, так бывает в поезде – сколько лет он уже не ездил в нормальном поезде? – когда уютно разоспавшийся под перестук колес чело-

век вдруг подхватывается из-за того, что поезд стоит.

Так, судя по всему, обстояло и сейчас. Корабль, сдается, не лег в дрейф, а стоял на якоре неизвестно где. Прошлепав босыми ногами к окну, Сварог не разглядел ничего, способного внести ясность: вечернее море укутано туманом, уже в нескольких шагах от борта вставшим непроницаемой пеленой, но все же можно рассмотреть, что серые спокойные волны плещут в обшивку так, словно, касаются совершенно неподвижного предмета. Ни следа поднятой форштевнем пенной борозды. И не видно берега – то ли корабль встал на якорь достаточно далеко от суши, то ли обращен к ней другим бортом, не тем, на который выходило окно каюты Сварога.

На корабле стояла тишина – следовательно, все вокруг спокойно. Воровато оглянувшись на дверь, Сварог уже привычно, имея некоторый опыт, откинул оба крепивших створку барашка и поднял окно вверх. В каюту потянулась прохладная сырость. Он закурил, с наслаждением затянулся и выпустил дым наружу, по-прежнему косясь на дверь, словно второгодник в школьном туалете. Знать бы, что за место, где корабль бросил якорь, – честное слово, не боясь показаться трусом, преспокойно вылез бы в окно, прыгнув воду и уплыл к берегу: если только здесь и в самом деле какой-то остров, это никак не горротские владения, до них «Призрак удачи» просто не успел бы доплыть за эти несколько часов. Инбер Колбта? Скорее всего. Что ж, подождем, когда появится ясность – а потом, чем черт не шутит, при благоприятном раскладе и в самом деле стоит уйти по-английски...

В дверь легонько постучали, скорее поцарапались, и, прежде чем Сварог успел отозваться, она распахнулась, кто-то уверенно нажал на ручку. Показалось пятно яркого света – большая карбамильская лампа, озарившая очаровательное женское лицо, казавшееся, как водится, загадочным и таинственным. Так всегда бывает при подобном освещении. Даже дурнушка предстает гораздо более симпатичной, чем при дневном свете. А уж Сварогова «крестница», спасенная им, по недомыслию, от костра...

Она уже тогда, в Готаре, была красива, но за те годы, что они не виделись, здорово изменилась к лучшему. В Готаре была смазливенькая перепуганная девчонка в домотканом, простушка, чуть ли не с пресловутыми клоками соломы в волосах, а сейчас перед ним стояла расцветшая, уверенная в себе молодая женщина, знавшая толк в последних достижениях здешней косметики. Остается ломать голову: кто на пиратском корабле мог соорудить ей искусную прическу с падавшими на плечи завитыми темными локонами? На ведьмовское искусство такое не спишешь, что-то он не слыхивал ни о ведьмах, ни о колдуньях, умевших самостоятельно, силой чар или заклинаний сделать себе подобное чудо парикмахерского искусства. Тогда, на палубе, он слишком устал и вымотался, чтобы задумываться над такими деталями – а сейчас был отдохнувшим и свежим, моментально подмечал те детали окружающего, что вызывали вопросы или недоуменные раздумья...

Она непринужденно вошла в каюту, поставила лампу на стол и опустилась на привинченный к полу стул. Положила ногу на ногу, покачивая носком сапога. Сварог выжидательно на нее поглядывал. Наряжена, словно паж в классической пьесе: черные бархатные штаны в обтяжку, мужская рубашка с пышными рукавами, сапоги из тончайшей кожи, кинжал на поясе. Тогда, на палубе, она выглядела гораздо более буднично – и портки так не обтягивали, и

рубашка была поглубже, разве что на шее висело то же самое ожерелье, богатое, бесценное, суцая россыпь алмазов и сапфиров. Оно тоже никак не могло оказаться плодом ведьмовского умения – либо иллюзия, на это ведьмы как раз мастерицы, либо подарок капитана, что вероятнее, к чему любовнице предводителя пиратов украшать себя иллюзиями, когда есть возможность прибарахлиться натуральными драгоценностями?

– Вы меня узнаете? – спросила она, улыбаясь самым что ни на есть завлекательным образом.

– Иногда люди не любят, когда им напоминают, что видели их в крайне стесненных жизненных обстоятельствах... – сказал Сварог дипломатично.

– Не тот случай, – сказала она решительно. – Я-то прекрасно помню, как вы меня спасли от костра...

– Я тоже, – кивнул Сварог. – Правда, вы с тех пор настолько похорошели, что узнать мудрено...

Ее смех звучал, как серебристый колокольчик. Банальный штамп, затасканный поэтами оборот, но что поделать, если именно такое ощущение осталось?

– Вы чересчур снисходительны к простой девчонке из захолустья, ваше королевское величество...

«Ну вот, началось», – подумал Сварог. Джагеддин проболтался или она сама достаточно умна, чтобы следить за перипетиями таларской политики?

– А вы меня, часом, ни с кем не путаете? – спросил он с беззаботной улыбкой, позволявшей обратить все в шутку, легкий флирт.

– Ну что вы! Разве можно с кем-то перепутать столь прославленного короля?

– Помилуйте, какое там, – сказал он. – Так, шумные пересуды записных сплетников вокруг моей скромной особы, и не более того... Я вижу, у вас-то все в порядке? Выглядите веселой, благополучной и довольной жизнью?

– Вашими трудами. Если бы вы меня тогда не освободили...

«То жил бы припеваючи, – мысленно продолжил Сварог. – Не ломал бы сейчас голову, чего от нее ждать, и как эта встреча может обернуться... тьфу ты, самое время...»

Он мысленно произнес несколько слов. Хотел посмотреть на обратную сторону этой непринужденной беседы.

Таковая имелась, а как же. Каюта была заполнена завитками серого дыма, свивавшимися в самые причудливые фигуры, и эти невесомые струи колыхались не просто так, а словно бы подчиняясь некой управляющей силе. Сплетались вокруг Сварога, неощутимо его касаясь, целеустремленно обвивали, будто щупальца, сливались в причудливые фигуры, гораздо более стойкие, чем клубы простого дыма... поймав себя на том, что повернул голову, следя за перемещениями парочки особо заковыристых орнаментов, Сварог спохватился и отключил соответствующее умение. Не стоит показывать противнику, что видишь его приемчики. Она явно пыталась на него что-то напустить – знать бы еще в точности, что именно. Увы, настолько его скудные способности не простирались, да и не способности это, строго говоря – так, подручный набор примитивных инструментов, «мелкое небесное шуткарство», как выражалась однажды Грельфи, весьма даже критически относившаяся к тому, что за облаками пышно именовали магией...

– Мне показалось вдруг, вы меня боитесь... – нежнейшим голоском произнесла «крестница».

– Вот еще, с чего вы взяли? – пожал плечами Сварог.

– Просто показалось... Бросьте! Вам, должно быть, кто-то уже насплетничал кое-что обо мне? Эти неотесанные мореходы... Или вы что-то такое и сами видите?

– О чем вы? – спросил он спокойно.

– Ну, если не хотите поднимать эту тему, извольте... Ваши желания для меня – закон. Я ведь перед вами в неоплатном долгу, если вы соизволили забыть по благородству своему и великодушию...

«Что она вытворяет? – подумал Сварог. – Жаль, не определить. Ну и пусть себе старается, не действует на меня черная магия, хоть ты тресни, не причинишь мне вреда... Хоть до рассвета упекай свои дымы, словно бы пронизанные черными искрами...»

– Вы, наверное, никогда не знали моего имени? – спросила красавица, улыбаясь загадочно, без тени пресловутого ведьминово коварства. – Меня зовут Марута, ваше величество. Отчего-то показалось вдруг, что вам одиноко и скучно, и я пришла вас развлечь. Джагеддин отправился на берег и будет скоро...

– Что это за место? Инбер Колбта?

– Почти, – сказала Марута небрежно. – Почти что Инбер Колбта...

Сварог лихорадочно прислушивался к себе – нет, никаких новых, неприятных, необычных ощущений... разве что чуть странная расслабленность, умиротворенность, ему по всем правилам полагается сейчас напрячься в недоверии и тревоге, а он словно бы переполнен блаженством...

– А я могу сойти на берег? – спросил он, борясь с этой совершенно ненужной сейчас расслабленностью, насколько получалось.

– А зачем? – молодая женщина подняла брови в ленивом изумлении. – Что вам там делать, на этом скучном острове? Дел у вас там не может оказаться никаких, а тамошние развлечения, как во всех захолустных портах, примитивны и недостойны короля...

Сварогу показалось, что он не видит ее глаз, что вместо них – бездонные туманные пропасти. Все происходящее ему крайне не нравилось, но он сидел на прежнем месте, не в силах придумать, что же ему следует сделать решительного.

Она продолжала медленно, напевно, с таинственной улыбкой:

– Можете быть уверены, ваше величество, – вам и самому не захочется никуда идти за примитивными развлечениями, вам ведь уже не хочется...

«Взять ее без церемоний за шкуру и выкинуть из каюты, – сердито подумал Сварог, барахтаясь неподвижно в этом непонятном блаженстве, отдохновении тела и души. – Вот взять и выкинуть...»

Он не двинулся с места. Он не мог пошевелиться, но это отчего-то нисколько не пугало. Помимо его собственных усилий те самые дымные струи, пронизанные словно бы мерцанием черных искорок, на несколько мгновений явственно проступили в каюте, окутав его неспешным скольжением сплетенных из тумана узоров. «Плохо дело», – отметила некая частичка ясного сознания – и все осталось по-прежнему, он никак не мог освободиться от наваждения, потому что не умел.

– К чему болтовня? – сказала Марута, улыбаясь каким-то своим мыслям. – Я вас хочу запоздало отблагодарить, вот и все...

Она поднялась со стула, одним движением сбросила сапоги и, гипнотизируя Сварога невиннейшей, чистой улыбкой, принялась расстегивать немногочисленные пуговицы рубашки. В два счета освободилась и от остального и двинулась к нему. Сварог и сам не заметил, как встал, сообразил, что наступил провал в памяти, только тогда, когда обнаружил, что сбрасывает с себя последнюю одежду. Изо всех сил попытался собрать волю, как-то сопротивляться, но ничего у него не вышло, тело не слушалось, а воли словно бы и не было. Обнаженная девушка, сияя улыбкой и колючими искорками множества самоцветов, плавно подняла руку, коснулась его лба кончиком пальца, и Сварог, будто получив некий приказ, стал спиной отступать к узкой корабельной постели, ни разу не споткнувшись. Плюхнулся на нее, испытал некое облегчение, а в следующий миг над ним нависла голая ведьма, очаровательная, вовсе не страшная, отнюдь не склонная превращаться во что-то жуткое, и ее глаза уже не походили на бездонные дыры мрака, и пахло от нее не разлагающимся трупом, а молодым здоровым телом и тонкими духами. Страх и саднящее ощущение неправильности пульсировали где-то в глубине сознания, он не мог сопротивляться. В ее улыбке было торжество, тонкие пальцы заскользили по его телу с игривой бесцеремонностью, ведьма склонилась и прильнула к его губам, медленными долгими поцелуями гася последнюю непокорность, пусть чисто мысленную, отпрянула, закидывая голову, щурясь, резким движением навязав себя с достойным восхищения искусством.

Сварог уже не пытался сопротивляться, лежал под ней, окутанный серым маревом с россыпями черных искр, порой щекотавших кожу случайными прикосновениями так, словно это были не искры, а невесомый тополиный пух. Ведьма получала свое самозабвенно и неторопливо, прогибаясь над ним, сладко жмурясь, то вдавливая в жесткую постель, то освобождая от тяжести, порой открывая глаза и впиваясь в него хищным взглядом победительницы – все время оставаясь не жутким созданием с неведомой стороны, а распаленной и умелой молодой красавицей...

Почувствовав приближение финала, она прижалась к Сварогу так крепко, что это причинило боль, по ее телу прошла тягучая судорога, она надолго замерла, оседлав поработанного. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она опустилась на него и долго лежала, то жарко дыша в ухо, то пребольно стискивая зубами кожу на плече. Сварогу показалось даже, что она тихо мурлыкнула, как огромная хищная кошка, но он пребывал сейчас в столь странном состоянии, что ни за что не мог ручаться. Все мысли и ощущения выглядели перепутанными, как клубок корабельного каната, над которым потрудился неопытный юнга, отчего-то полагававший, что умеет распутывать морские узлы...

Потом Марута отделилась от него решительным движением, встала с постели и постояла над ним, глядя с непонятной улыбкой, стискивая его предплечье. Быстрым движением наклонилась, поцеловала в губы – скорее, защемила на миг его губы зубами, едва не прокусив – выпрямилась, подошла к своей разбросанной одежде, уже не оборачиваясь к Сварогу, словно его не существовало. Поразительно быстро и сноровисто оделась, приведя себя в совершеннейший порядок и вышла, опять-таки ни разу на него не взглянув. Дверь

затворилась бесшумно, яркая лампа осталась гореть на столе, и не было ни следа странных дымных завитков и черных искр...

Вместе с Марутой улетучились и всевозможные наваждения – он вновь обрел способность двигаться и думать рассудительно, знал, что ничего ему не привиделось, что все происходило на самом деле. Что эта стерва, называя вещи своими именами, его бесцеремонно и старательно поимела, как хваткий драгун деревенскую девчонку на сеновале.

Это было не то чтобы унизительно, в конце концов, не мужик, а красивая жаркая девка, но предельно странно. Он давно уже полагал себя надежно защищенным от всех видов магического воздействия... а впрочем, случался уже печальный прецедент...

Дверь вдруг дернулась, приоткрылась, и в образовавшуюся щель с оглядкой проник палубный мастер. Точнее было бы выразиться, просочился. Он ничем не напоминал призрака, оставаясь существом из плоти и крови, но двигался так бесшумно и осторожно, что, право же, походил на ночное видение. Точнее, сумрачное – за окном стоял все тот же сероватый сумрак, ни светлее, ни темнее не стало с того момента, как Сварог проснулся.

Осознав себя голым на распотрошенной постели, Сварог вскочил и принялся натягивать одежду. Глядя на него грустно и, такое впечатление, затравленно, Бунак покачал головой:

– Понятно, понятно... Вот я и говорю...

– Что? – мрачно спросил Сварог, окончательно приведя себя в порядок.

– Что дела – сквернее некуда... – палубный мастер на цыпочках подкрался поближе и зашептал в ухо: – Ваше величество, нам бы поговорить в безопасном месте...

– Какое еще «величество»? – спросил Сварог недовольно.

– Да ладно вам, вы ж среди своих, никто вам тут зла не желает.. Слух прошел моментально, а чего ж вы хотели? Когда человек в такие знаменитости выходит, того и гляди, опознают в два счета...

Взяв его за широкий лацкан кафтана, Сварог задушевно спросил:

– А вот ежели, к примеру, прикинуть, пройдет ли в это окошечко мертвый труп удушенного человека? По моим первым прикидкам, вполне, только булькнет...

– Ваше величество, благородный король Сварог! – воскликнул пират укоризненно. – Можно подумать, вы среди лютых врагов! Говорю же, никто вам зла не желает, наоборот. Я с вами хочу посоветоваться о некоторых сложностях жизни, прямо и недвусмысленно помощи попросить, вдруг да и получится... Шлюпка уже спущена на воду, никто нас не заложит, не проболтается, что мы были на берегу...

– А почему бы здесь не поговорить?

– Здесь? – печально усмехнулся Бунак. – Там, где эта ведьма шастает? Не буди лиха, пока оно тихо... У вас вон и каюта ее духами провоняла так, что жутко делается... Пойдемте. На берегу есть приличный кабачок, с хозяином мы старые кореша, он нам выберет укромное местечко. Честью вам клянусь, у меня и в мыслях ничего против вас нет, позарез нужно попросить совета, зная ваш жизненный опыт, познания и свершения...

Он не врет, определил Сварог, он говорит именно то, что думает – а впрочем, теперь ни в чем нельзя быть уверенным. Хотя не стоит уподобляться той

самой пуганой вороне. Если бы здесь над ним все же хотели учинить злодейство в отсутствие капитана, кто им мешал бы полоснуть ножом по горлу и выкинуть в окно? Ищи потом труп хоть до конца времен...

Очень уж жалкое у палубного мастера было сейчас лицо, никак не вязавшееся с его местом в жизни. Это убеждало...

– Ладно, – сказал Сварог, подумав. – Пойдемте. Вот кстати, а не раздобудете мне какое-нибудь оружие? Прескверно я себя чувствую, оказывается, когда на поясе ничего нет. Как-то незаметно привык уже вооруженным ходить...

– В два счета вам подыщем что-нибудь, когда вернемся. Тут этого добра – что грязи... А на берегу вам оружие пока что не нужно, поверьте на слово...

Они вышли в коридор. Там, прижавшись к переборке у выхода на палубу, бдил высокий худой моряк столь же печального облика. Сначала выглянул наружу, и только потом кивнул им, что путь свободен и безопасен. Еще один ждал на палубе. Пошел на цыпочках впереди, озираясь и положив руку на кривую рукоять пистолета. С высоты своего королевского опыта Сварог моментально определил, что имеет дело с самым настоящим заговором.

Обойдя бизань-мачту, они спустились в шлюпку, палубный мастер уселся у руля, гребцы тихонько оттолкнулись веслами от борта, налегли. Шлюпка быстро пошла к берегу.

Сварог смотрел вокруг во все глаза. Странноватое было зрелище – серый туман стоял над водой, выгибаясь огромной дугой, этаким непроницаемой для взора стеной – а по другую сторону корабля море было от него свободным, и впереди, кабелотах в трех, виднелся обширный остров, и над его темным берегом неровной зубчатой полосой поднимались башни и острые крыши неизвестного города. Сумерки выглядели как-то странно – небо вроде бы не затянуто облаками, но напоминает сплошной сероватый колпак. И не светло, и не темно, и не хватает чего-то очень привычного, знакомого, того, что обязано быть всегда... Как ни ломал себе голову Сварог, не смог определить время дня. Ни утро таким не бывает, ни вечер, и, уж конечно, не ночь...

«Тени!» – вдруг пришло ему в голову.

И точно, в этом мире не хватало теней. Ничто не отбрасывало тени – ни корабль, ни шлюпка и сидящие в ней, ни быстро приближавшиеся строения на берегу. Все, как обычно, кроме теней. Как ни шарил он глазами по небу, нигде не увидел солнца – хотя бы в виде тусклого, размытого пятна. Не было ни солнца, ни теней. Куда на сей раз занесло?

– Что это за место? – тихо спросил он Бунака.

– Охо-хо... Место как место. Бывают на свете места и похуже, вот что я вам скажу...

Прямо перед ними виднелся каменный пирс с ведущими наверх лесенками – самое подходящее место, чтобы причалить. Там, кстати, уже стояла одна шлюпка, и на корме, закутавшись в плащ, клевал носом подремывающий человек. Но Бунак решительно повернул румпель, шлюпка пошла вдоль берега, мимо узких высоких домов с темными окнами, мимо приземистых лабазов, мимо круглой башни. Нигде не горело ни единого огонька, нигде не видно людей.

Палубный мастер толкнул в плечо сидящего прямо перед ним гребца и о чем-то вполголоса распорядился. Шлюпка захрустела носом по крупной гальке, причалив на пустынном берегу, лишенном всяких следов благоустройства.

Пройдя меж гребцами, Сварог спрыгнул вслед за путником на усыпанный галькой каменистый берег, и Бунак, не оборачиваясь, уверенно зашагал в гору меж высоких валунов, держась с уверенностью человека, знающего тут все тропинки. Вскоре они оказались на тихой, безлюдной улочке этого непонятного, вымершего города, зашагали меж темных домов. Ни один человек не попался им на улице, ни одна собака не брехнула, ни одна крыса не перебежала дорогу. Сварог невольно озирался что ни шаг, вязкая тишина давила...

Бунак поднялся на крыльцо ничем не примечательного домика, над которым висела вывеска, изрядно потемневшая от времени, но буквы можно было разобрать, если присмотреться. Заведение называлось «Веселая русалка», но веселости в нем не усматривалось ни на ломаный грош. Большой зал, уставленный столами с грубыми скамейками, был совершенно пуст. Столы выглядели так, словно за последнюю сотню лет никто тут не садился – ни единой бутылки, стакана, обглоданной кости... Пыли, правда, что-то незаметно, как при тщательной ежедневной уборке.

Подойдя к стойке – полки за ней плотно уставлены нетронутыми бутылками, ни единого пустого места, – Бунак негромко позвал:

– Хозяин!

Низенькая задняя дверь тут же распахнулась, показался хозяин – на первый взгляд ничуть не обрадованный тем, что в его безлюдное заведение все же нагрянули посетители с приятно позванивающими карманами. Невысокий, лысый, весь какой-то пришибленный, он таращился на вошедших со столь равнодушной покорностью судьбе, что Сварога явственно передернуло. Он подумал, что это странное место можно охарактеризовать одним-единственным словом – «равнодушие». Место, где всем все равно, что происходит вокруг, потому что ни одно новое лицо, ни одно событие, ни один разговор не способны принести ни радости, ни печали... Понурые места. Тоска.

Шлепнув ладонью по стойке, палубный мастер разжал пальцы. Тускло блеснул золотой кругляшок. Хозяин прибрал его опять-таки без тени алчности или хотя бы радости, кивнул и, не задав ни единого вопроса, показал на дверь в глубине зала.

За ней оказалась небольшая комнатка с одним-единственным столом посередине, вокруг которого стояли не грубые лавки из кое-как оструганного дерева, а относительно приличные стулья – впрочем, отнюдь не шедевр мебельного мастерства. В углу – широкая кровать без матраца. Классическая задняя комнатка для людей со средствами, не склонных предаваться примитивным развлечениям на публике. У нее тоже был такой вид, словно последнее столетие денежные клиенты обходили ее стороной.

Хозяин принес подсвечник с тремя толстыми свечами, зажег их, чиркнув толстой неуклюжей спичкой о дощечку с бугристой намазкой. «Примитивные технологии, – отметил Сварог. – Повсюду давным-давно в ходу более удобные, совершенные запалки...»

Вслед за тем хозяин, ненадолго улетучившись, принес пузатую бутылку и два оловянных стакана. Ловко выдернул пробку огромным штопором и, повинаясь небрежному кивку палубного мастера, исчез уже окончательно.

Бунак наклонил бутылку над стаканом Сварога. Учитывая некую унылую заброшенность этого непонятного места, Сварог ничуть не удивился бы, заструясь в стакан сухая пыль с дохлыми пауками и еще каким-нибудь сором.

Однако в стакане плескался ром, и неплохой, судя по аромату. Подавая пример, Бунак поднес свою чарку к губам:

– Будьте премного здоровы!

И осушил до дна – жадно, нервно. Выглядел он при этом, как заправский алкоголик, но тут было что-то другое, пожалуй... Отпив немного, Сварог спросил без особого дружелюбия:

– Ну, так куда вы меня притащили?

– Ничего особенного, – сказал Бунак, ерзая взглядом и мрачно улыбаясь так, что опять-таки нисколько не напоминал в этот момент лихого начальника над отчаянной абордажной командой. – Это, да будет вам известно, Винета... Слышали про такое место? Про него чего только не наплели, а в жизни оно вот такое – тихо, скучно, безлюдье и тоска...

Сварогу на миг стало не по себе. Слишком много жутких рассказней кружило о Винете среди морского народа – хотя самые честные признавались, что никто ничего не знает точно. То ли давным-давно, еще до Шторма, проклятый за грехи его жителей город, выброшенный из нашего мира на некие непонятные задворки бытия, и не тот свет, и не этот, промежуточное что-то... То ли отделенное от нашего мира чародейским туманом обиталище всевозможной нечисти, нежити, межеумочных созданий, если и не вредящих прямо роду человеческому, то и не благорасположенных, точно... То ли притон морских дьяволов, куда попадают завлеченные и погубленные ими мореходы и грешники, не заработавшие себе преисподнюю, но все же безусловно недостойные потустороннего обитания под дланью господней... Да мало ли что плели! Иные книжники твердили, что Винета – не более чем обыкновенная Заводь неизвестного рода и вида, иные монахи уверяли, что она – чулан Великого Кракена, где, подобно пыльным метлам и битым горшкам, обречены пребывать те, кто был настолько неосторожен и безрассуден, что в своих странствиях сунулся не туда.

Но никто ничего не знал точно, даже Грельфи, некогда на глазах Сварога вызвавшая в магическом шаре одного из здешних обитателей.

– А вы хорошо держитесь, ваше величество, король Сварог, – сказал Бунак с искренним уважением. – Про здешние места столько кружит страшилок...

Сварог усмехнулся:

– Видывали мы лилипутов и покрупнее... А уж страшилок наслушались, более того, навидались столько... Вы что, господин палубный мастер, хотите меня поугагать?

– Делать мне больше нечего! – обиделся Бунак. – Я не мальчишка, да и вы не сопляк... Говорю же, хочу с вами посоветоваться насчет некоторых поганых сложностей.

– Почему именно здесь?

– Здесь, самое смешное, гораздо безопаснее, чем на корабле.

– А что это вообще такое? – Сварог спокойно сделал рукой широкий жест.

– Вы имеете в виду Винету вообще?

– Ну, конечно.

Палубный мастер натянуто улыбнулся:

– Самое забавное... если только тут есть что-то забавное... в общем, настоящая Винета не похожа ни на одну из неисчислимых баек. Все проще и прозаичнее. Это всего-навсего задняя комната. Понимаете? Такие бывают даже в са-

мых приличных тавернах и гостиницах. Мало ли какая нужда возникнет у приличного владельца – встретиться с субъектами, которых через парадный ход на впускают, чтобы ущерба репутации не нанести... Порученьице дать скользкое... купить такое краденое, от которого даже приличный человек иногда не в силах отказаться. Еще что-нибудь неприглядное обговорить или обделать. Вот и Винета – что-то вроде задней комнаты, через которую в наш мир, подняв воротник, просклизывают... всякие-разные, не склонные к огласке субъекты, вы ведь понимаете, о чем я? Вот и прекрасно, здесь иных словечек лучше вслух и не произносить, а то накличешь, чего доброго, потом волком взвоешь... Что вы хмуритесь?

Сварог спросил мрачно:

– По-вашему, здесь безопаснее, чем на корабле? Странные у вас, признаться, понятия о безопасности...

– Так то-то и оно! – воскликнул Бунак. – Как бы вам объяснить... Именно потому, что Винета – «задняя комната», здесь ничего такого и не происходит и опасаться тут особо нечего. Врубаются? Это в некоторых смыслах совершенно нейтральная территория, что давным-давно известно. Через это место исключительно проходят, беседы тут ведут разные, встречи устраивают...

– Ну, вам виднее, – сказал Сварог, ничуть не обрадованный всеми этими открытиями. – По мне, что сову об пень, что пнем по сове... Ладно, поверю на слово, потому что вы тут, сразу видно, освоились, все ходы и выходы знаете...

– Да нужна мне эта Винета! – с чувством сказал Бунак. – Глаза бы ее не видели, нога не ступала... Но куда денешься? Приходится терпеть...

– И что за дело у вас ко мне?

Бунак наклонился к нему через стол, печально кривя губы:

– Вы же сами видите, что творится на корабле. И я видел, что она с вами проделала... то есть, видел, как она вышла из вашей каюты, а уж остальное домыслить было нетрудно, глядя на ваш вид... Ваше величество, помогли бы вы нам, а? Смотреть больно, во что превратился корабль... и капитан.

– А поподробнее? – спросил Сварог хладнокровно.

– Извольте... Если смотреть в самый корень, эта паршивая ведьма его обморочила, как говорят у нас в Каталани, – я, извольте знать, родом оттуда, из княжества Чирент... А если довести до полной откровенности, то признаюсь вам по совести, что началось это гораздо раньше. Капитан Джагеддин всегда был чересчур любопытным. Жить не мог без того, чтобы не разгадать какие-нибудь тайны, и чем древнее, чем известнее, тем лучше. Улавливаете мою мысль? Старые рукописи, древние легенды, заклятые клады, тайны земли, моря и неба... Многие этим грешат, взять хотя бы Бугаса с «Невесты ветра». Но вы, наверное, о таком и не слышали?

– Отчего же? – сказал Сварог. – Я с ним даже плавал однажды.

– А, ну тогда прекрасно должны понимать, о чем я. Вот только есть одно существенное отличие. Капитан Бугас всегда в иных делах был чертовски осторожен и с самого начала себе установил некие рубежи, которые в жизни не переступит, как бы любопытство ни подмывало, какой бы прельстительной тайна ни казалась. А вот нашему Джагеддину на такие тонкости всегда было плевать, очень уж он у нас горячий и упрямый. За ним и раньше замечались иные... неосторожности. Совал нос в рукописи, которые лучше бы сжечь, не читая, водил компанию с субъектами, которых лучше бы десятой дорогой об-

ходить. Совался в такие места, куда и Бугас ни за что не полезет при всей его заядлости к тайнам... Ему уже некоторые намекали по-доброму, да он не слушал. А когда подцепил где-то в Готаре эту Маруту, все пошло наперекосяк так, что не заметит только слепой. Ну, предположим, в последнее время иные наплевали на старое поверье насчет того, что баба на корабле – к несчастью, вполне солидные и уважающие традиции рыцари удачи держат при себе красоток, на это уже смотрят не так жестко, как лет пятьдесят назад, когда таких по приговору команды кидали за борт с камнем на ногах...

– Красоток или капитанов? – усмехнулся Сварог.

– Когда как, – серьезно уточнил палубный мастер. – Иногда только красоток, а иногда и капитанов, чтобы не ломали обычаи... В общем, сначала мы подумали, что ничего страшного в этом нет, дело, как говорится, молодое и житейское. Капитаном он всегда был отменным, и, если ему никак не обойтись без девки под боком, то так уж тому и быть. Только потом мы к ней присмотрелись... У нас тут нет, по большому счету, ни колдунов, ни, сохрани Творец, ведьмаков, но кое-кто из наших ребят, особенно те, что из местечек поглуше, где сохранилось кое-какое умение, способен если не сам что-то делать, то, по крайней мере, такие вещи просекать и определять. Был у нас боцман, старец родом, он понимал толк в узнавании. То ли дед, то ли дядя у него был настоящим знатоком... Боцман первым и сыграл тревогу. Объяснил, что это за пташка. Сначала его, признаться, плохо слушали, но потом и сами присмотрелись... Только к тому времени боцман ухитрился как-то так неудачно свалиться за борт, что камнем пошел ко дну, и тела не нашли... И не он первый, между прочим, плохо кончил. С другими, кто пытался открыть на нее капитану глаза, тоже случались скверные истории. И пошла у нас жизнь, совершенно непохожая на прежнюю, беспечальную...

– А поконкретнее? – жестко спросил Сварог.

– Он изменился, – сказал палубный мастер. – Джагеддин, я имею в виду. Вот, например, Винета. Мы ведь не впервые в Винете – мы сюда приходим четвертый раз. И всякий раз Джагеддин берет отсюда на борт каких-то типов – в плаще с капюшоном, лица никогда не видно, если только у таких есть нормальное лицо. То ли это один и тот же, то ли разные... скорее все-таки разные, потому что назад мы их никогда не привозили, они каждый раз куда-то незаметно девались. И всегда после этого Джагеддин вытворял нечто такое, чего никогда прежде не делал, полагая низостью. Вот кому бы в голову пришло, что «Призрак удачи» способен садить картечью по шлюпкам с потопленного корабля? А ведь было, не далее как месяц тому. И еще кое-что было... А хуже всего, когда ничего не происходило. Как бы вам это объяснить... Были случаи, когда мы вроде бы ничего и не делали – просто-напросто перевозили грузы или каких-то закутанных субъектов – но опять-таки этикие места, куда человек богобоязненный ни за что не сунется. – Его явственно передернуло. – Вспомнишь иные грузы, иные места – жуть пробирает до костей. Одним словом, был у нас обычный пиратский корабль, знаменитый и славный, был капитан, благородный рыцарь удачи, а теперь превратились мы в законченных шестерок на подхвате у кого-то, о ком подумать противно, не то что вслух называть... – он налил себе полстакана и хлобыстнул единым духом. – С «Призрака удачи» палят по косаткам, представляете? Заикнись при нормальных честных мореходах – не то что из кабака вышибут, а немедленно башку проломают,

чтобы не пакостили. Человек с дюжину уже сбежали в разных портах – а на их место капитан принимает такую гнусь, с которой рядом стоять противно, не то что драться бок о бок... Мы уже в добыче не берем серебра, между прочим. Потому что от серебра начинает руки жечь...

– Скверно, – искренне сказал Сварог.

– Куда сквернее. словно пожарная тревога... На «Призраке», знаете ли, пленных вешали и топили, подрезав поджилки – дело прежде небывалое. И раскладывали табуном малолетних девочек посимпатичнее. В конце концов, встали мы под горротскую «кляксу», начали опять-таки плавать черт-те куда с теми же непонятными поручениями и грузами... Долго рассказывать, да и ни к чему. Если кратко, превращаемся в законченное отребье, вот-вот души погубим окончательно и бесповоротно. Опять вот в Винету приперлись, значит, жди очередных пакостей...

– Настолько плохо с капитаном?

– Я же вам говорю – обмороченный. Кораблем уже не он командует, а эта стерва.

– Ну, а вы что же? – спросил Сварог. – Видавшие виды волки морские?

Палубный мастер взглянул на него, словно шилом кольнул:

– Позвольте поинтересоваться, ваше величество, вы долго барахтались, когда она вас разложила? А ведь разложила, не отпирайтесь, чего уж там... Вот вам и ответ. Был у нас штурман... он и сейчас остался на борту, только... Парень был лихой, видывал виды, он всерьез собирался, когда начало перехлестывать через край, чикнуть ее ножом по горлу, не мудрствуя, да сбросить потихоньку за борт. Только она обернулась раньше. Отымела его, как вас давеча, и ходит он теперь, как кукла на коромысле у комедианта, в рот ей смотрит, первым бросается выполнять приказ... Не он единственный. Она многих через себя пропустила – и парни потеряли всякую волю, куклами стали. Ведьма... Меня она не трахала – не бог весть какое сокровище, чего уж там, – но я на собственном опыте убедился, что она может. Вот этой самой рукой я ей наводил пистоль в спину, когда подвернулся удобный случай. Никого на палубе, ищи ее потом по морскому дну... Не смог, понимаете? Она даже не оборачивалась. Чем-то таким от нее шибануло, что рука опустилась сама собой, и поднять я ее больше не смог, словно пистоль весил целый ласт. Конец кораблю...

– Ну, а чем я вам могу помочь, как по-вашему? – спросил Сварог угрюмо.

– Может, еще не поздно? Я о Джагеддине. Может, его еще можно, как бы это говоря, вылечить? Я слышал, если пристукнуть ведьму, обмороченных еще можно вернуть в прежнее состояние...

– И вы, конечно, на меня хотите возложить эту почетную обязанность? – спросил Сварог. – Честно вам признаюсь, меня жизнь давно отучила от чистоплюйства... но если и у меня не выйдет? Скажу вам по секрету, я – человек абсолютно невосприимчивый к черной магии, она на меня не действует, так уж обстоит... Но ведь смогла же она и меня завалить в койку, лишив всякой воли...

Бунак надолго задумался, вертя пустой стакан. Сварог терпеливо ждал. Стояла ватная тишина, словно они оказались одни в целом мире. От нечего делать Сварог тем временем проверил окружающее – и должен был признать, что палубный мастер верно обрисовал положение дел. Вокруг не было ни следа черной магии – просто-напросто какая-то затхлость. Только так и можно

было передать словами человеческой речи это ощущение.

– Есть, конечно, риск, – сказал наконец палубный мастер. – Но вот какие у меня соображения... Вы, как-никак, человек непростой, знаменитый герой. Пусть даже, как это обычно водится, половина рассказней про вас выдумана начисто, но все равно, вы в этом мире столько наворотили... Вдруг да вам она руку с пистолетом не отведет? И ваш ножик от глотки убрать не сможет? И потом, знатоки говорят, что ведьма не может держать толпу. У них здорово получается обрабатывать людей поодиночке, подчинять и обморачивать – а вот против решительного многолюдства у нее кишка тонка. Сколько было случаев, когда ведьм одолевали громадьем – вязали, сжигали к чертовой матери, просто убивали. Исстари повелось так, что ведьма бессильна против многих...

«Что-то в этом есть», – подумал Сварог. Смогли же ее как-то одолеть в Готаре, скрутили, на костер поставили, хотя она и тогда уже, никаких сомнений, была тем, что есть. И сожгли бы за милую душу, не появись плохо разбиравшийся в реалиях этого мира благородный избавитель...

– Мы сделаем так, – сказал Бунак. – Среди ребят – тех, кому решительно не по нраву все это похабство – давно уже ходят шепотки насчет мятежа и бунта. Но для удачного мятежа нужен толковый главарь, а вот с этим как раз напряженка. Я не гожусь, честно вам признаюсь. Я уже не прежний. Она меня подрубил, зараза, я ее начал не на шутку бояться, и, прислушиваясь к себе, чую, что может не хватить духу... Вы – другое дело. Ну как же, сам король Сварог, овейанный грозной славой... Короче, я поговорю кое с кем из надежных. Раздую уголечки. И, когда настанет подходящий момент, вывалим всем скопом с вами во главе...

– Если она раньше не прознает, – сказал Сварог серьезно. – И не примет свои меры.

– А у вас есть выбор, государь мой король? – поморщился Бунак. – Вы с нами в одной лодочке, не забывайте. Заперты на «Призраке», как в тюрьме. Джагеддин, конечно, твердит, что обязан вам жизнью и добро помнит крепко – но ведь весь фокус в том, что капитан наш уже не прежний. Кто его знает, что может случиться, что там она ершит на ваш счет... Я ведь вас не запугиваю, сами понимаете, всего лишь излагаю положение дел. Как ступили вы на борт, так и оказались повязаны одной веревочкой... Может, скажете, что я не прав?

– Да нет, – сказал Сварог задумчиво. – Вы совершенно правы, любезный мой палубный мастер, не могу этого не признать...

– Значит, можно на вас рассчитывать?

– Конечно, – сказал Сварог. – И, чтобы не тянуть кота за хвост, с ходу предлагаю план действий. Мы с вами сейчас возвращаемся на корабль, там вы втихомолку собираете полдюжины ребят, которым можете всецело доверять даже в нынешних условиях... Столько-то наберется? Отлично. Мы все вместе идем в каюту к этой стерве и поступаем с ней... решительно. Вполне может оказаться, что правы старики, когда уверяют, что ведьма не способна обморочить толпу...

– Вы серьезно?

– Совершенно, – сказал Сварог. – Мне не особенно хочется, но могу взять главное на себя – я давно уже тружусь королем, а это ремесло очень быстро выбивает из человека излишнюю чувствительность... Ну, а Джагеддина мы поставим перед фактом. Вы сами говорили, со смертью ведьмы обморочен-

ный возвращается в ясное сознание... Что приуныли?

– Да не приуныли вовсе, – досадливо сказал палубный мастер. – Загвоздка в другом... Я до сих пор не знаю, как «Призрак» всякий раз попадает в Винету. И никто не знает, кроме Джагеддина, а у него ведь не спросишь... Хорошо, если это он умеет проводить сюда корабль, а если это ее труды? И если мы ее прикончим, чего доброго, застрянем здесь, вот я чего в первую голову опасуюсь. Вряд ли местные власти – а тут должны быть какие-то местные власти, что бы под этим словом ни понимать – нас после всего этого милостиво отошлют в наш мир...

– Резонно, – сказал Сварог. – Я об этой стороне дела не подумал. Ну хорошо, пусть будет мятеж, когда мы вернемся в более приглядные места... Пойдемте? Мне здесь, честно вам скажу, не нравится.

– Это с непривычки, – угрюмо сообщил палубный мастер. – Жили б вы на «Призраке» последний годик, вам бы эти места показались как раз уютным уголком, безопасной пристанью. Верно вам говорю. На борту давненько уж не жизнь, а расстройство – по ночам какие-то мохнатые, вроде кошки, на вантах раскачиваются, свищут и хохочут так, что у ночной вахты волосы седеют, вдоль бортов порой промелькнет что-то непонятное, но определенно поганое, звуки разные, огни вроде «болотных манков»... А у Джагеддина в каюте и того почище – отрезанная голова.

– Ну, это еще скромно, – сказал Сварог, припомнив капитанскую каюту «Божьего любимчика» и иные ее украшения. – Знавал я одного капитана – он и сейчас здравствует – так у него голов висело на стене с полдюжины...

– И поди смирнехонько висели? Глазами не лупали и не болтали?

– Ну да, – сказал Сварог. – Не припомню за ними что-то подобной посмертной живости...

– Ну, это другое... Голова у Джагеддина в каюте – живая. Ясно вам? Пришпандорена на чем-то вроде блюда, лупает глазами, а по ночам, слуга клянется, с Джагеддином разговаривает почти нормальным голосом. Есть такое подозрение, раздобыл он ее как раз здесь – возвращался однажды с большущим узлом...

Сварог усмехнулся:

– Далеконько у вас зашло, я вижу... Ладно, рук у вашей головы наверняка нет, а это уже кое-что... Пойдемте?

Бросив тоскливый взгляд на бутылку, где оставалось еще немало, Бунак все же побрел за Сварогом. Появился хозяин, с поклоном принял у палубного мастера еще один золотой, но веселее от этого не стал ни на йоту. Почтительно проводил к выходу, бормоча что-то про то, как он будет рад видеть почтенных гостей и в следующий раз – оптимист хренов...

На улице ничего не изменилось, по-прежнему стоял серый сумрак, ни единой тени, ни от домов, каменных тумб и фонарных столбов без огней, ни от двух шагавших людей. Как ни удивительно было вокруг, Сварога отчего-то больше всего поразили эти фонари – четырехугольные, с целехонькими стеклами, и ни один не горел.

– С прежних времен, надо думать, – сказал Бунак, перехватив его взгляд. – Говорят, будто Винета раньше была совершенно нормальным городом, а потом с ней все и произошло – то ли жители нагрешили сверх меры, то ли еще что. Вот и сидят теперь за ставнями... Ага, сидят. А вы что же думали, тут, кро-

ме того кабатчика, и не живет никто? Да вы что, их в городе полно. Забились по домам и сидят себе – а почему, зачем и для чего, не спрашивайте, я и сам не знаю, как-то не было большой охоты выяснять и набиваться в гости...

Они стояли уже меж валунами, откуда к серому морю спускалась извилистая тропинка. Сварог задержался, глядя на спокойную воду, напоминавшую застывающее расплавленное стекло. Из тумана появился корабль и медленно приближался к пирсу. Корабль был странный, непохожий ни на что знакомое – очертания прямо-таки яйцевидные, право слово, разрезанное вдоль исполинское яйцо величиной с обычный корвет, на палубе виднеются длинные надстройки со странными крышами, а мачта всего одна, на корме, без единого паруса, и на ее верхушке крутится нечто вроде тускло светящегося колеса, неспешно, равномерно. Ни парусов не видно, ни шума машины не слышно – однако корабль быстро идет к берегу.

– Не ломайте вы голову, – равнодушно бросил Бунак. – Я тут и не такого насмотрелся, попадались посудины и диковиннее. Говорю вам, тут задняя комната на большой дороге. Порой объявится такое, что и на корабль непохоже, и по улицам болтаются такие, что... Глаза бы не смотрели... Ага, шлюпка на месте – а то я, признаться, тревожился, мало ли как могло обернуться...

Глава шестая

Правила игры на виолоне посреди моря

Пузатый кухарь по кличке «Половник» старательно расставлял на столе тарелки, судки и графины – чересчур уж старательно, держась все время так, чтобы не поворачиваться к Сварогу лицом. Проверки ради Сварог принялся якобы скучающе расхаживать по каюте, но кухарь с невероятным для такого пузана проворством – и, кроме того, весьма искусно притворяясь, что делает это невзначай – все время ухитрялся повернуться так, что взору представала лишь его спина в кожаном жилете. Закончив, он пробормотал что-то, долженствующее означать пожелание приятного аппетита и решительно засеменил к двери, но Сварог вовремя сделал шаг в сторону, преграждая дорогу в последний момент. Тут только толстяк поднял на него затравленный взгляд, пробурчал:

– Дела у меня...

– Вот как? – спросил Сварог безжалостно. – А мне отчего-то показалось, что вы меня боитесь... или морду воротите так, словно я выродок человечества и рядом со мной стоять невозможно...

– Померещилось вам, – буркнул кухарь и сделал попытку прорваться в дверь, но Сварог уже недвусмысленно протянул руку и сграбастал его за жилет. У него мелькнула новая мысль, и он, приблизив лицо, со зловещей гримасой протянул яростным шепотом: – Ты что мне в жратву подсыпал, труженик поварешки? Только врать не вздумай, я такие вещи просекаю с лету...

– Ваш-ше вели... – пискнул кухарь так, что Сварог уже ни в чем не сомневался. – Не я это...

Сварог от удивления поднял брови до мыслимых пределов, позволенных природой. Он никак не ожидал, что пришедшая в голову незатейливая шутка окажется святой правдой. Вот до чего дошло... Поистине, люди меняются... Или...

– Так, – сказал он зловеще, медленно, с расстановкой, прижимая кухаря спиной к стене и сводя пальцы у него на глотке. – Так, значит? Это и называет-

ся морским гостеприимством? Не думал, что я такие вещи просекаю, а? Ты вообще знаешь, кто я такой, чумазая твоя рожа?

– К-король Сварог... – прошептал кухарь совершенно потерянным тоном. – Слух уже пошел, ребята втихомолку, промеж себя говорили...

– Приятно, что мое скромное имечко пользуется некоторой известностью, – сказал Сарог. – А все ли вы обо мне знаете, мой пузатый друг? Например, на что я способен, когда мне в лапы попадет мерзавец, собиравшийся меня отравить?

Кухарь тихонько постанывал от ужаса. Сварог то сжимал пальцы на его глотке, то, гуманизма ради, ослаблял хватку. Безжалостно продолжал:

– Ты знаешь, веник кухонный, на что похоже настоящее хелльстадское чародейство? Сначала у тебя гляделки вылезут...

– Помилуйте, ваше величество! – прохрипел кухарь в совершеннейшей панике. – Чем хотите клянусь, я бы сам ни за что... При моей-то к вам любви и уважении, при том, что вы спасли жизнь капитану... Это она все...

– Марута?

– А кому ж еще? Когда я вам, стало быть, нес поднос из камбуза, она меня перехватила в коридоре, велела занести все к ней в каюту, а самому ждать за дверью. Я долго там торчал... Что она с едой делала, понятия не имею, может, и ничего плохого...

– Ага, – сказал Сварог. – Просто любопытствовать хотела, что же мне нынче подадут на обед. В жизни не видела рыбы в соусе и жареной баранины, деревенщина этакая, вот и решила полюбоваться.

– Я вам собирался знак подать, чтоб не ели...

– Долго же ты собирался, – сказал Сварог. – Не ухвати я тебя за глотку, так бы и улетучился...

Кухарь вскинул на него глаза, в коих светилось нечто, слабо напоминавшее мимолетный приступ решимости:

– А что прикажете делать, когда делать нечего? Попала мышка меж котом и мышеловкой... С одной стороны, вы, с другой – эта стерва... Не по мне такие сложности, вот что! Думаешь только об одном – как бы шкуру спасти посреди жизненных хитросплетений... Ваше величество, пощадите, а? Не своей же волей, мы люди маленькие, жить хочется...

Мокрый от страха, он был жалок, и Сварог брезгливо разжал пальцы. Кивнул:

– Исчезни отсюда, да язык держи за зубами, а то рассержусь по-настоящему... Брысь!

Проводив философским взглядом исчезнувшего во мгновение ока толстяка, подошел к столу, вдохнул невыразимо пряные ароматы, струившиеся от искусно приготовленных яств, всмотрелся и покачал головой. Над столом вздымался черный ореол причудливых очертаний, по замысловатости и фантазийности превосходящий тот, что видящий мог наблюдать над «Призарком удачи». Ну, разумеется, это не примитивный яд – нечто гораздо более изощренное и опасное. Жаль, не определить, что именно. Следовало бы, появясь перед ведьмой, держаться именно так, как и следует человеку, слопавшему обмороженный обед, – но как следует держаться? Поди угадай...

Он задумчиво закурил, уже совершенно не заботясь о конспирации, – какое это теперь имело значение... Итак, ведьма взялась за него вплотную. Когда

увидит, что обед должного эффекта не оказал, придумает что-нибудь еще, и тут уж держись...

Вот и расплата за спокойную ночь и первую половину дня, в течение которых ничего с ним не случилось. Они с палубным мастером благополучно вернулись на корабль, а утречком, когда Сварог самым беззаботным видом появился на шканцах, притворяясь, что в прекрасном расположении духа вышел подышать свежим морским воздухом, Бунак тихонько подошел, отвел его в укромное местечко за нижним парусом и шепотом сообщил, что, по рапорту одного из его сторонников, стоявшего на вахте, в капитанской шлюпке, когда она вернулась с берега, было на одного человека больше. Уплыло семеро, а вернулись восемь. Восьмым был некто в плаще с опущенным капюшоном, проследовавший с капитаном в его каюту – так бесшумно, словно и не ступал по палубе вовсе нормальными человеческими ногами, а являл собою прикрытый плащом сгусток тумана. В точности как в прошлые разы, говорил Бунак с бледным и отчаянным лицом – фигура в нахлобученном капюшоне, от которой шибало холодом и еще чем-то, не имевшим отношения к роду человеческому. Вы как хотите, говорил Бунак, а я самое позднее к обеду начну помаленьку подымать всех, на кого можно положиться, потому что, чуется мое сердце, снова придется делать что-то такое, после чего дороги назад, глядишь, и не будет погубленной душе.

Сварог его ободрил, насколько мог, еще раз обещал, что примкнет незамедлительно и отступить не намерен. И вернулся к себе в каюту. Просидел там до обеда, ну, а потом пришел прятаявший глаза Половник...

Прислушался, обернувшись к двери. На корабле явно что-то происходило, пока что не имевшее ничего общего с мятежом. Деловито посвистывала боцманская дудка, выпевавшая незнакомые Сварогу сигналы, и моряки, переключаясь, топотали по палубе. Судя по звукам, все протекало слаженно и деловито, ничем не напоминая бунт, выражающийся прежде всего в хаосе, беспорядке...

Он понимал уже, что выбора нет. Либо в самом скором времени разразится бунт, к которому и в самом деле следует немедленно примкнуть, либо, если что-то не сладится, ведьма, как только обнаружит, что обед не пошел Сварогу во вред, измыслит что-то еще. Если мятежа не случится, следует, плюнув на возможные неудобства странствий в одиночестве по морскому дну, без затей выпрыгнуть в окно, раздобыв предварительно оружие...

«Пароход», – подумал он. Как-никак он был в состоянии сотворить из ничего речной пароход, на котором они тогда с Делией и Странной Компанией плыли по Ителу. Раньше он не стал этого делать, потому что не справился бы с судном в одиночку – но теперь, поразмыслив, пришел к выводу, что варианты все же имеются. Управлять пароходом в одиночку он не сможет – но кто сказал, что следует непременно управлять? Развести пары в машине, закрепить штурвал – и пусть себе пароход чешет по прямой. Как ни велик океан, рано или поздно попадется на пути какая-нибудь суша... Или, не мудрствуя, предложить Бунаку отправиться вместе? Нет, не получится, это Сварог может отойти пешочком от корабля по дну, а палубного мастера заметят, когда он поплывет саженьками, еще пристукнут, чего доброго... Значит, в одиночку?

Дверь распахнулась. Сварог отпрянул и принял подходящую к случаю боевую стойку – как-никак рукопашные искусства остались при нем...

Влетел палубный мастер с каким-то длинным свертком в руке, не теряя времени, принялся разматывать. Быстренько смекнув, что к чему, Сварог извлек оттуда абордажную саблю в ножнах, едва показался эфес. Швырнув парусину на пол, Бунак протянул ему пару пистолетов. Сунув их за пояс и перекинув перевязь через плечо, Сварог почувствовал себя гораздо увереннее.

Лицо у палубного мастера было вовсе уж перекошенное, губы так и прыгали.

– Пошло оно все к лешему! – выдохнул Бунак. – Пора свистать всех наверх, плохо дело...

– Что стряслось? – тихонько поинтересовался Сварог, проверяя со знанием дела, легко ли сабля выходит из ножен.

– Похоже, он окончательно с ума соскользнул, – сказал Бунак.

– Джагеддин?

– Кому же еще? «Призрак» меняет курс, мы идем на руп-руп-нор... Только что была команда зарядить все пушки картечью, мне велено строить абордажную команду, ей тоже выдают мушкетоны с картечными зарядами, все шлюпки готовят к спуску...

– И что? – искренне не мог сообразить Сварог.

– Вы ни черта не понимаете, – с тихим отчаянием сказал палубный мастер. – Ни черта вы не понимаете, сушняк вы этакий... Ближайшая суша на руп-руп-нор – Тюленьи острова. Там черные тюлени, ясно? Места, которые всякий нормальный моряк обходит стороной испокон веков. Особенно сейчас, когда началась рожалка. Матки мечут приплод, весь остров, главное лежбище, в новорожденных... Осталась парочка морских лиг, не более...

– Бросьте, – сказал Сварог, оцепенев лицом, – не может же быть...

– Может, – сказал Бунак. – Ох как может... Все шлюпки к спуску. Абордажная команда с мушкетонами. Пушки заряжены картечью. Что это еще может означать? Мать моя женщина, садить картечью по черным тюленям... Это... Это... – в глазах у него стоял не рассуждающий ужас. – Это полная погибель души, вот что, любого моряка спросите, это даже не по косаткам палить... Думаете, я один оказался такой сообразительный? Ребята тоже смекнули что к чему, и тут уж в сторонке не отсидишься... Сейчас начнется, верно вам говорю!

– Где капитан?

– На мостике его пока что нет, все приказы шли через штурмана.

Первый помощник куда-то запропастился – ох, неспроста... Все же соображают, не дети малые... Ага!!!

Теперь и Сварог слышал звуки, которые при всем незнакомстве с морской жизнью и бытом плывущего в открытом океане корабля никак нельзя было считать эпизодом рабочих будней – топотали бегущие, повсюду звучали злые вопли, бряцало оружие, словно бы отзвуки ожесточенной перебранки донеслись, и кто-то отчаянно заорал так, словно его сбили с ног и промчались по нему человек с дюжину...

Он выскочил на палубу следом за палубным мастером, с ожесточенным лицом махавшим обнаженной саблей. Хватило одного взгляда, чтобы понять: все правда, на корабле и в самом деле началось производственное совещание по вопросу о том, как работать дальше – с учетом специфики места и трудового коллектива...

Потом Сварог опытным взглядом понаторевшего в подобных заварушках

человека выделил три группы, примерно равные по численности. Одни в несколько рядов стояли перед капитанским мостиком, держа оружие наготове, зло-оскаленно таращась на однокорабельчан, обуреваемых совершенно противоположными стремлениями: они, потрясая разномастным оружием, орали что-то неразборчивое в сторону стоявшего на мостике Джагеддина. Были и третьи – эти, скорее, выполняли роль зрителей, гуртуясь в сторонке с холодняком в ножнах и пистолетами за поясами. Вид у них был растерянный, ошарашенный. Не то чтобы они трусили – попросту оказались не в силах пока принять какое-то конкретное решение, выбрать, к какой стороне примкнуть и стоит ли примыкать вообще. Смешно, но самыми опасными, с высоты своего королевского опыта здраво рассудил Сварог, были именно они. Потому что предсказать что-то решительно невозможно. Поди угадай, в какую сторону шатнутся – а ведь могут оказаться тем самым грузом, что вмиг перевесит чашу в ту или иную сторону...

Пока что соблюдалось некое неустойчивое равновесие: и защитники капитанского мостика, и мятежники только орали и махали своими смертоубийственными причиндалами. Не хватало решительных команд, прозвучавших бы в том или ином лагере, каких-то резких действий...

Бунак, очевидно, это тоже уже понял – он врезался в толпу тех, кого поднял на бунт, моментально пробился в первый ряд, работая кулаками, локтями и эфесом сабли, встал вполоборота к шумящим и завопил, перекрикивая всех:

– Байдан на тукан, живорезы, талан на худан! Халопнули хавалки моментально! Король Сварог собственной персоной! Дорогу славному королю!

Вот тут Сварог мог воочию убедиться, что его скромная персона пользуется среди морского разбойного народа известным почетом и уважением – толпа моментально притихла, озираясь, а когда он сделал единственный шаг вперед, молча раздалась, освобождая широкий проход. Вот только времени не было умиляться подобным пустякам... Он не имел ничего против участия в мятеже, но не знал, что должен сказать или сделать...

Вышел в первый ряд, как палубный мастер, встал так, чтобы держать в поле зрения и тех, кто преграждал дорогу на капитанский мостик, и тех, кто бушевал у подножия лестницы. Справедливости ради, следовало отметить, что рожи на той и на другой стороне выглядели совершенно одинаковыми...

Он послал Бунаку выразительный взгляд, и тот, уразумев, в чем дело, взял быка за рога. Крикнул:

– Братишечки, не гомони! Мы с вами не портовая шантрапа, а честные и благородные рыцари удачи! Коли уж возникли к капитану законные вопросы и претензии, пусть все идет своим чередом, согласно обычаям! Объявляю толковище по всем правилам! Эгей, капитан, слышали? Согласно стародавним обычаям, морская братия собралась, чтобы вам задать неотложные вопросы, на которые благоволит получить исчерпывающий ответ!

Он чеканил, как по писаному. Это, очевидно, была каноническая формула для подобных заварушек – Сварог, к своему удивлению, увидел, как на палубе мгновенно воцарились тишина и, пожалуй, порядок, большинство сабель отправилось в ножны, ножи – за голенища, а пистолеты – за пояс. Даже те, что защищал капитанский мостик, одобрительно кивали. Великое все же дело – установления и этикеты...

Совсем близко, не далее чем в морской лиге, виднелся небольшой остров –

голые, лишённые всякой растительности скалы, обширная береговая полоса прямо-таки усеяна черными тюленями.

Сварог поднял голову. Джагеддин все так же стоял у вычурных перил, положив на них сильные ладони, форменным образом окаменев. Рядом, скрестив руки на груди, помещалась Марута – далеко не такая хладнокровная, на лице у нее Сварог с радостью усмотрел и беспокойство, и даже некоторую растерянность. Что-то временами касалось его висков, их словно бы щекотал пучок сухих перьев – ну да, ведьма конечно же пыталась что-то сделать, она уже пустила в ход нечто из своего арсенала. Но, судя по тревоге на лице, по метавшемуся взгляду, ей не удавалось сделать хоть что-нибудь с многолюдством... Вот и прекрасно.

Бунак крикнул:

– Паруса долой! В дрейф, по правилам! Капитан, лучше бы вам обычаев не ломать...

После короткого молчания Джагеддин, прямо-таки прожигая взглядом сподвижника, поднес микрофон к губам и отчетливо распорядился:

– Убрать паруса, ложимся в дрейф!

Засвистела боцманская дудка – боцман, как определил Сварог, пошарив взглядом, оказался в рядах мятежников – и по вантам проворно побежали моряки из парусной команды. «Интересно, а где же тот? – подумал Сварог. – Фигура с опущенным на лицо капюшоном? В капитанской каюте, надо полагать?»

Марута что-то сказала Джагеддину на ухо, и Сварогу крайне не понравилась улыбка, игравшая при этом на ее розовых губках. Люди на мостике никак не выглядели проигравшими – вряд ли у них ничего нет в запасе...

Он опустил руку на пояс, мимолетно коснулся пальцами рукояти пистолета – колесцовый замок был взведен на полную, кремьень ввинчен надежно. В крайнем случае, пустить ей пулю в лоб, а там посмотрим, умеет ли она отводить пули или отклонять вооруженную руку...

Ему показалось, что Джагеддин умышленно его игнорирует, смотрит, как на пустое место, или старательно обходит взглядом. Усмехнувшись уголками губ, капитан громко спросил:

– Что за вопросы и в чем претензии?

– С полным нашим удовольствием! – откликнулся палубный мастер. – Ответьте, капитан, внятно и подробно: какого лешего мы идем к острову, и к чему все эти приготовления? Я, знаете ли, не дите малое, и из всего происходящего делаю единственный вывод: полное впечатление, что вы собираетесь палить по тюленьим лежбищам...

– Вас не устраивает что-то, дружище? – спокойно спросил капитан.

– Нет, ну ничего себе! А кого это устраивает? Ты что, капитан, хочешь сказать, есть более верный способ загубить душу на вечные времена, чем палить по черным тюленям?!

Толпа одобрительно загомонила. Даже те, колеблющиеся, закивали, из их рядов слышались первые, робкие поддакивания.

Марута вдруг резко повернулась и исчезла за дверью, ведущей с мостика на лесенку, откуда можно было попасть в капитанскую каюту и на «Божьем любимчике», и на военных кораблях Сварогова флота примерно такая же планировка, так что не ошибешься.

Вот это ему не нравилось еще больше – отсутствие ведьмы на сцене. Вряд ли струсил настолько, что побежала прятаться под кровать – есть подозрение, как раз наоборот...

– А почему вы, собственно, решили, что мы собираемся палить по черным тюленям? – спросил Джагеддин все тем же спокойным, даже слегка насмешливым тоном.

– А к чему тогда все эти приготовления? – рявкнул Бунак. – Мы идем прямо-хонько к острову, пушки заряжены картечью, шлюпки готовы к спуску...

– Бунак, Бунак... – укоризненно покачал головой Джагеддин. – Ты опять шум поднял, не разобравшись...

– А что тогда?

– Могу тебя успокоить, у меня совершенно другие планы...

– Интересно, какие?

– А вот это уже совершенно не твое дело, – вкрадчиво сказал Джагеддин. – Коли уж ты ссылаешься на стародавние уставы, так и мне позволь тем же фарватером идти... Сам прекрасно помнишь иные тонкости, договор подписывал, как всякий рыцарь удачи... Капитан в обычное время не обязан отчитываться перед командой в своих действиях и разглашать заранее свои намерения... – он повысил голос. – Я что, не прав?

Сварог бросил по сторонам быстрый взгляд – очень многие, только что яростным ревом выражавшие одобрение Бунаку, теперь кивали, соглашаясь с капитаном.

– Так то – в обычное! – крикнул Бунак. – Режьте меня на кусочки, но время сейчас самое что ни на есть необычное! Ты по тюленям собрался палить!

– Да с чего ты взял?

– Соображаю же, не дурак!

– Нет, с чего ты взял?

– А зачем пушки заряжены картечью? Зачем мою команду заставили вооружиться картечницами? Зачем все это?

Ухмыльнувшись, Джагеддин сказал, произнося слова так, словно тщетно пытался что-то вдолбить малолетнему несмышленишу:

– Бунак, хороший ты человек, и драчун отменный, но вот с сообразительностью у тебя всегда было слабовато. Я тебе по-хорошему, в который раз напоминаю: есть писанный договор, где четко обозначены все права и обязанности – и членов экипажа, и капитана. Я тебе еще раз говорю: капитан в обычное время не обязан...

Не слушая более, Сварог подошел, взял палубного мастера за рукав и шепнул на ухо:

– Лопни моя селезенка, он попросту тянет время...

– Вот и я так думаю, – зло прошептал Букнак. – Хреновенькие дела. Эта стерва не зря смылась...

– Но надо же что-то делать. Протянем, может плохо кончиться...

– Думаете, я не понимаю? – оскалился Бунак. – Нужен порыв, а его пока что нету... Убалтывает он ребят, чтоб ему...

Сварог его прекрасно понимал – и в самом деле необходим порыв. Необходимо, по крайней мере, чтобы кто-то первым остервенело заорал «бей!», сделал первый выстрел, нанес первый удар... И уж тогда понесется так, что разжигать не придется. Но непохоже что-то, чтобы палубный мастер решился...

– Выстрелить? – спросил Сварог совсем тихо. – С такого расстояния не промахнешься...

– Подождите! – вскрикнул Бунак с изменившимся лицом. – Я ж не хочу, чтобы его убили, его бы в нормальное состояние привести, в прежнее... Это ведь Джагеддин...

– Уверены? – поморщился Сварог.

– Всегда есть надежда...

«Твоим бы хлебалом, сударик, да медок навораживать», – подумал Сварог сердито. Плохо верилось, что капитана удастся еще вытащить из той поганой ямы, куда он залез по собственному желанию.

А впрочем, это обстоятельство было сейчас не главным. Самой насущной задачей оказалась другая: как поступить? Ему всерьез казалось, что лихой напор, быстрый отчаянный удар по защитникам капитанского мостика волне мог принести победу. Но палубный мастер, раздираемый меж человеколюбивым желанием все исправить и старой любовью к своему капитану, похоже, не годился в предводители. А за Сварогом то ли пойдут, то ли нет... Впереди явственно обозначился тупик. Мятежники на глазах теряют решимость, началась тягучая перебранка, а тем временем...

Вот именно – тем временем! Сварог почувствовал, как кожу на лице ему стягивает словно бы морозом. Из-под двери, за которой скрылась Марута, стали медленно, невесомо выползать завитки темного дыма, напоминавшие те, что заполонили каюту, когда ведьма ухитрилась его себе подчинить. Только эти были гораздо темнее – и гораздо красивее, следовало признать. Они напоминали уже не дым, а скорее аккуратные узоры, наносимые чеканщиком на податливую медь, они не расплывались, просто-напросто удлинялись, вытягивались, понемногу заполняя капитанский мостик, покрывая чистые доски настила шевелящимся ковром, безукоризненным узором, держась над самой палубой, распространяясь не так уж быстро, но неостановимо, целеустремленно...

Ничего хорошего ждать от этого не приходилось, и не было ни времени, ни желания гадать, что произойдет, когда эта пакость спустится с мостика на палубу, под ноги собравшимся. Вот черные узоры уже скрыли подошвы сапог рулевого, навтыжку застывшего у штурвала подтекли под ноги штурману, стоявшему слева от Джагеддина с тяжелым двустольным пистолетом в руке. Ничего вроде бы не произошло с обоими моряками, но как-то ни примечательно оцепенели, и что-то определенно случилось с их лицами, со взглядами – нечто темное, злобное, принадлежащее не этому миру легло на физиономии, появилось в глазах нечто такое, отчего рука Сварога сама собой оказалась на эфесе.

Не раздумывая, он шепнул Бунаку:

– Если начнется заварушка, не тяните, я вас умоляю...

И, убрав руку с эфеса, спокойно вышел вперед, приблизился к защитникам капитанского мостика, прошелся перед ними гоголем, с рассчитанной медлительностью, фасонно ставя ногу с пятки на носок. Глядя в испуганные, озадаченные, сердитые лица, начал с расстановочной, по всем правилам тарабарского народа, усвоенным в трюме корабля, чье название так и не успел узнать:

– Ну, что лупалки выкатили, босявые? Гляди веселей, шушара дерганая, не на собственных похоронах жмура давите! Вон ты, длинный, затвори жевалку,

ворона влетит, хавиру устроит! Вы что, давно чудасили без увесистых непоняток? Делать нечего, гопота гунявая? Чего в репе чешешь, пузатый? Делать мне нечего, кроме как с вами стучаться посреди потекучки, радости-то... Что мурцаете дуры да щекоталки, не наигрались? Я вам барадаю, а вы прочистите хлюпки и шевелите думалкой, корявые!

Он с радостью видел, что на обращенных к нему физиономиях начинает все сильнее проявляться нечто вроде туповатой радости – с ними говорили на хорошо понятном языке, и это чуточку меняло дело... Ободрившись, Сварог развивал успех:

– Щекоталки попрячьте, бостында позорная, а то еще друг другу зырки повыкалываете! Знает меня кто? Я вам что, чухарь от граблей, что ни одна хлюнда не рисует с профиля и фаса?

В полном соответствии с тактикой подобных толковищ он выбрал себе в качестве мишени пару-тройку конкретных физиономий – и смотрел главным образом на них, обращался главным образом к ним, чтобы послужили катализатором, учено выражаясь. Продолжал громко, бодро, жизнерадостно:

– Вы что, обочинные, не слышали, как вон тот дядька мою звалку голосил на всю толпу?! Ну, кого спрашиваю? Звякните, за правду не чурдану!

Послышался неуверенный, но внятный голос:

– Король Сварог...

И еще несколько, гораздо тише, повторили то же самое.

– Радости полные штаны! – заорал Сварог, косясь на черные узоры, занявшие уже половину мостика и медленно распространявшиеся к балюстраде, к Джагеддину. – Признали наконец, межеумочные! Ну да, все верно. Я и есть Сварог Первый, король Хелльстада, а также иных прилегающих и отдаленных земель... Слышали обо мне, простодыры? Вы уж не посетуйте, ребятки, но случилось так, что захотелось мне поразвлечься, вот и объявился в голом виде, искупнуться в Белой Волне! Вы что, гутявые, решили, что меня спасаете? Да это я вас спасаю от самых крупных жизненных пакостей...

Он извлек из воздуха сигарету, прикурил и выпустил густую струю дыма в лица стоявших совсем близко к нему головорезов. Ближайшие непроизвольно отпрянули. Ухмыльнувшись, Сварог поднял левую руку, согнув пальцы так, словно держал невидимую палку – и в руках у него тут же оказалось горлышко черной пузатой бутылки. Он отхлебнул добрый глоток рома – не столько эффекта ради, сколько по насущной потребности, ради подкрепления куража – резким движением сунул бутылку одной из выбранных мишеней:

– Хлебни путевой дурки, пока король угощает! Кому говорю? Что пятишься? Травить тебя не собираюсь, я ж сам отсюда только что жлоктал...

Поборов опасения, означенный тип с превеликой осторожностью взял у Сварога бутылку, понюхал, моментально отмяк лицом – и, прижав горлышко к губам, враз покончил с содержимым сосуда.

Сварог покосился на мостик. Следовало поторопиться – черные узоры распространялись хотя и медленно, но крайне целеустремленно и останавливаться пока что не собирались. Вынув из воздуха еще несколько бутылок, он рассовал их в протянутые руки ближайших головорезов и продолжал громко, жизнерадостно:

– Верно вам говорю, господа мои, мне просто пришла охота поразвлечься, и не более того. По-вашему, король Хелльстада может попасть в столь дурацкое

положение? Да захоти я плыть не саженками, а на чем-то достойном монарха... Прошу убедиться!

Он эффектно выбросил руку к правому борту в классическом стиле дешевого провинциального трагика, все головы машинально повернулись в ту сторону – и по толпе пронеслось громкое оханье, удивленное и испуганное.

Совсем рядом с «Призраком» покачивался на волне речной пароход, систер-шип достопамятной «Принцессы», надежно пришвартованный к пиратскому кораблю тонким тросом (таково уж было «техническое задание» данного заклинания – при сотворении корабля из ничего он, дабы не уплыл, будет пришвартован к ближайшему берегу или любому выступающему над водной поверхностью предмету). Пароход для Сварога был полностью бесполезен по причине отсутствия экипажа, но кто об этом знал?

Ближайшие от него форменным образом шарахнулись. Кажется, они наконец-то пришли в состояние домной запуганности или уж, по крайней мере, должного ошеломления... Ухмыляясь с видом человека, для которого подобные чудеса – недостойная внимания мелочь, Сварог продолжал:

– Я – человек мирный. Всякий, кто вовремя уберется с дороги или будет слушаться, обычно остается живехонек и здоровехонек... Стоять смирно, шпаргонцы! – рявкнул он, меняя интонацию. – Кончайте базар! Я здесь оттого, что на корабле у вас скверно. Капитан ваш по глупости связался с нечистой силой, вот меня и попросили выправить положение. Ничего с ним плохого не случится, вылечим, я знаю людей, которые это умеют... Расступись!

Глядя, как только что преграждавшие ему дорогу рыцари удачи мгновенно шарахнулись, освобождая проход к мостику, толкая и сбивая с ног друг друга, он понял, что переломил ситуацию. Кивнул палубному мастеру, и тот во главе дюжины самых решительных своих сторонников двинулся вслед за Сварогом к подножию лестницы.

Здрав голову, Сварог резко распорядился:

– Капитан Джагеддин, вы мой пленник! Бросьте оружие!

– Хорошо же вы платите за гостеприимство, король Сварог... – сказал Джагеддин, не шевелясь.

Если он рассчитывал устыдить Сварога, напрасно. Человек, достаточно долго проработавший королем, быстро привыкает к нехитрой мысли: ради общего блага приходится совершать самые неблагоприятные поступки без всякой оглядки на совесть или аналогичные трепыхания души. А поскольку он сейчас не для себя старается, как раз на общее благо, представляя интересы наиболее прогрессивной части пиратов – совесть молчала, словно была глухонемой отроду.

Он все же задержался на миг на нижней ступеньке. Глаза Джагеддина его поразили – в них мешались самые разнообразные чувства, там была и смертная тоска, и дикая злоба, и растерянность. Словно в этом сильном и храбром человеке насмерть боролись две совершенно непохожи личности – прежняя и нынешняя. Скорее всего, так и обстояло. Но не было времени на отвлеченные умствования, Сварог поднялся еще на пару ступенек, заранее прикинув, как будет действовать, если Джагеддин схватится за меч. Черные невесомые узоры, струясь, переплетая, подползали к ногам капитана.

– Взять его! – непререкаемым тоном приказал Сварог Бунаку.

Высоко над головой, где-то на верхушке мачты, заревела труба, повторяя

один и тот же, незнакомый Сварогу сигнал. Настала мертвая тишина, все замерли, как в какой-то полузабытой детской игре, и оттуда, сверху – ага, из корзины на мачте, где торчал наблюдавший за морем часовой – послышался крик:

– Тридцать с руп-нора!

Ничего не понимавший в морских координатах Сварог попросту посмотрел туда же, куда повернулись все.

Прямо на них со стороны моря шел большой корабль под высокими гроздьями белых парусов, он был совсем близко, и под бушпритом сияла позолотой знакомая носовая фигура – конская голова. Слышно было, как на его палубе свистит дудка. Грациозно скользя по волнам, корабль стал поворачиваться к ним левым бортом, и, еще до того, как удалось бы прочитать название, Сварог узнал светло-коричневый с синими полосами борт (оба ряда пушечных портов распахнуты). Мало было на Таларе кораблей, которые он при всем своем невежестве мог безошибочно узнать издали, – но уж «Божьего любимчика»...

Корабль надвигался, грозный и красивый, и над грот-мачтой полоскались по ветру три узких и длинных алых вымпела – не просто вызов на бой, а на смертельную схватку до последнего. Оцепенение на палубе «Призрака удачи» длилось лишь несколько секунд, а потом раздался громкий, решительный приказ Джагеддина:

– Все по местам! К бою!

Засвиристела дудка, очевидно, повторяя приказ. Затопотали бегущие, и Сварог нереально быстро оказался вдруг в полном одиночестве. Чуть растерянно озираясь, он увидел, что все до единого – и мятежники, и сторонники капитана, и колебавшиеся – моментально забыв и о прежних разногласиях, и о самом бунте, кинулись занимать места согласно боевому расписанию. Ни одного не осталось у мостика. Старая, как мир, история – перед лицом внешнего врага все внутренние распри вмиг забываются...

Джагеддин уже не обращал на Сварога никакого внимания – он метался на мостике и отдавал команды в микрофон. По снастям с невероятной быстротой карабкались вверх люди из парусной команды, слышно было, как под ногами, на оружейной палубе, тяжело перекатывают пушки – ага, у них же все до единой заряжены картечью, которая, надо полагать, в морском бою уступает ядрам, тут свои правила, не те, что на суше...

Не оставалось никаких сомнений, что бунт на корабле провалился самым позорным образом, пусть и по независящим от его активистов причинам, и когда удастся его повторить, одному Богу известно. При нынешних обстоятельствах делать здесь Сварогу было совершенно нечего. Он успел еще заметить, что с началом переполоха черные узоры, конвульсивно содрогнувшись, стали гораздо быстрее сокращаться в размерах, втягиваясь назад – словно кинолентку пустили задом наперед – но это уже не имело никакого значения.

Подбежав к борту, он прыгнул головой вперед, вошел в воду не особенно изящно, но и не ударившись брюхом. Вынырнул и, ожесточенно загребая, поплыл к недалекому острову, опять-таки не заботясь об изяществе стиля, а лишь о скорости. Ни ядра, ни картечь не могли причинить ему вреда, но все равно, лучше оказаться подальше от того места, где сводят старые счеты две столь примечательных личности, как капитан Зо и Джагеддин. В конце кон-

цов, упавшая на голову мачта и Сварогу не прибавит здоровья, совсем наоборот – а до падающих мачт, сердце вещует, вот-вот дойдет дело...

При каждом рывке тела приподнимаясь над водой, он видел неисчислимое множество черных тюленей на берегу, слышал уже верещанье детенышей, хруст гальки под плавниками.

Прямо перед ним из воды выметнулись дьявольски проворные черные тела, блеснула гладкая мокрая шерсть, и тюлени, числом с полдюжины, закачались перед ним на волнах, пытливо уставившись огромными темными глазами. Сейчас Сварога совершенно не интересовали все плетущиеся вокруг них рассказы – а также процент правды в таковых. Ему попросту хотелось побыстрее достичь берега.

Ближайший тюлень разинул пасть. Сварог и не думал, что у этих морских зверушек во рту столь внушительный набор клыков – и теперь понимал, что если эта компания накинется на него, шансов останется мало, они были в своей стихии, а вот ему придется туго...

Поплававком бултыхаясь на поверхности, он лихорадочно искал выход. Полагаясь даже не на интуицию, а на примитивное везение, широко развел руками и внятно произнес:

– Ребята, уступите дорогу, а? Видит Бог, я против вас ничего не имею, мне бы на берегу отсидеться...

Разобраться в выражении огромных темных глаз не было никакой возможности, они оставались загадочными и непостижимыми, в точности как женская душа. Бодрости придавало лишь воспоминание о тех самых моряцких байках – никто не слышал, чтобы черные тюлени причиняли людям вред... с другой стороны, здесь их самки с детушками малыми, поди угадай, что им в голову взбредет, от этих островов любой рассказчик как раз заклинал держаться подальше...

Черные тела, крутясь в немыслимых пируэтах, прыгнули в стороны. Дорога вроде бы свободна. Сварог поплыл к совсем близкому уже берегу, кося взглядом по сторонам – черные тела неотступно его сопровождали с обеих сторон, плыли и сзади, и лучше не думать про то, что случится, если эта премилая зубастая пасть цапнет за шею, потому что все равно не успеешь помешать, не отобьешься...

Ощувив под ногами твердое дно, он выпрямился и, истекая водой, хлюпя полнешенькими сапогами, вышел на берег в том месте, где он был пуст. Расположившиеся поодаль мамыши сердито на него зафыркали, преграждая дорогу любимым чадам, по несмышленности собравшимся было поближе познакомиться с экзотическим гостем. Писк, визг, хлопанье ластов по гальке, самое настоящее рыканье... Гомон стоял такой, что уши закладывало.

Цепляясь за камни, обдирая ладони, Сварог карабкался на пологую скалу. Пару раз ноги сорвались, хорошо, что не обе сразу, но все же он оказался на вершине. Покрепче ухватившись за скальный выступ, расставив ноги, уставился в море. Ветер трепал ему волосы.

Отсюда, с немаленькой высоты, все предстало в жуткой красоте – корабли сходились, «Принцесса» уже дрейфовала кормой вперед далеко в стороне: кто-то сообразил перерубить канат, чтобы нелепый в открытом море речной кораблик не мешал маневрам.

Вследствие невежества в таких делах – а также из читанных некогда рома-

нов о морских разбойниках – у Сварога давным-давно сложилось впечатление, что морской бой непременно продлится долго и будет представлять собой нечто вроде замысловатого танца со многими фигурами.

Выяснилось, ничего подобного. «Божий любимчик» оказался за кормой «Призрака», и паруса у того вдруг беспомощно обвисли исполинскими тряпками. Кажется, это называлось «заслонить ветер», припомнил Сварог то ли строки из романа, то ли чей-то рассказ. Изменив курс, капитан Зо развернулся к противнику левым бортом – и «Божий любимчик» словно взорвался вдруг, чуть ли не до верхушек мачт окутавшись клубами тяжелого дыма.

Когда он рассеялся, Сварог увидел, что румпель «Призрака» разбит в щепы, бизань-мачта рухнула, наискосок волочась за кормой, таща за собой всплывшие на поверхность паруса. «Божий любимчик», по инерции пройдя мимо, разворачивался уже правым бортом. И все повторилось – залп всеми орудиями, стелящиеся над волнами клубы тугого дыма, потерявший управление «Призрак» болтался на воде, как улетающая бутылка, на нем вспыхнуло сразу несколько пожаров, и, завершая разгром, с палубы «Божьего любимчика» сорвалось с полдюжины дымных струй, выгнувшись красивыми, геометрически безупречными дугами, обрушились на палубу агонизирующего корабля – капитан Зо добивал противника ракетами с горродельским огнем, огонь охватил «Призрака», словно стог сухого сена.

Расстояние было не так уж велико, и Сварог рассмотрел, когда ветром разогнало дым, что Джагеддин, упершись в палубу широко расставленными ногами, стоит посреди мостика, бьет по струнам виолончели, с отрешенным, застывшим лицом, и его губы двигаются, но песни, разумеется, на такой дистанции не слышно...

Потом мостик снова заволокло черным, непроглядным дымом, и Сварог больше не видел капитана гибнущего корабля. «Призрак», пылая, как факел, зарылся носом в воду, вот уже исчез бушприт, вот погрузилось подножие фок-мачты, сквозь дым и пламя ошалело прорывались люди, сыпались в волны, как горох...

Сварог вздрогнул. Он не мог ошибиться, он действительно видел это – из дыма и пламени взвилось что-то, больше всего напоминавшее размытый, черно-туманный силуэт большого нетопыря, поднялось выше, выше, под самые облака, понемногу пропало с глаз, словно растаяв, смешавшись с небесной лазурью. Конечно, могло и привидеться, дым нештучного пожарища принимал порой самые причудливые очертания – но Сварог мог бы поклясться, что действительно видел нечто, не имевшее ничего общего с обычным дымом...

«Божий любимчик» лег в дрейф. С него спускали сразу несколько шлюпок – с полдюжины направились к тому месту, где из воды торчала лишь корма гибнущего «Призрака», все еще окутанная огнем и дымом, с пылающими лохмотьями горротского флага – Сварог мимолетно любовался приятным зрелищем, – а одна, взяв совершенно другой курс, понеслась прямехонько к берегу.

Сварог принялся спускаться, внимательно глядя под ноги – обидно было бы расшибиться именно сейчас, когда все оборачивалось просто прекрасно. Шлюпка остановилась уардах в двухстах от берега – моряки определенно не решались подойти поближе к запретному месту – и Сварог, на бегу сбрасывая хлюпающие сапоги, неизвестно кому прежде принадлежавший камзол, пере-

вязь с дурацкой саблей, прыгнул в воду, поплыл туда. Тюленья стража, плававшая неподалеку, на сей раз не обратила на него внимания.

Он плыл так, словно спасался от голодной акулы, охваченный жгучим нетерпением, стремясь как можно быстрее оказаться среди друзей – и, при каждом рывке вздымаясь из воды, уже видел на носу шлюпки фигурку в синем, в высоких морских сапогах, с мечом на поясе. Ветер развевал рыжие волосы, забросил за левое плечо концы длинного белоснежного платка, завязанного на шее по всем правилам морской моды. Мара смотрела на него сверху вниз, покачивая головой с насмешливым видом законной супруги, наконец-то узревшей неведомо где загулявшего беспутного муженька после недельного отсутствия. Ни слезинки в глазах, ни свойственной героиням романов «интересной бледности» – не тот характер, не тот типаж, следовало ожидать...

Несколько рук подхватили его и перевалили через борт. Иные лица выглядели смутно знакомыми, памятными по тому, давешнему плаванью, хотя Сварог и не вспомнил бы сейчас имен. Он уселся в носу, где отыскалось свободное местечко, привалившись поясницей к борту, улыбаясь широко и бессмысленно, протянул:

– А все-таки смерти нет, ребята...

– Это точно, – ухмыляясь, подхватил один из моряков (положительно, и голос знакомый, точно, общались тогда). – Пока мы есть, ее нету, а когда она придет, нас, собственно говоря, уже не будет, так чего ж ее бояться-то, философски рассуждая? С благополучным прибытием, ваше величество. Надо же, справилась старая чертовка, не зря взяли на борт вопреки всем традициям...

Пропустив мимо ушей это непонятное замечание, Сварог повернулся к Маре. Боевая подруга гордо и независимо смотрела на него темно-синими глазами, которые иные придворные поэты-лисоблюды в Равене уже повадились было сравнивать с какими-то самоцветами, воображая, что делают этим Сварогу приятное и надеясь на щедрое вознаграждение в благородных металлах монетного чекана. Правда, вознаграждения они так и не дождались и притихли после того, как Мара отловила парочку в лабиринтах дворца и пообещала поотрывать руки-ноги, заявив, что мадригалы, по ее глубокому убеждению, следует складывать исключительно о придворных шлюхах, к каковым она не относится...

– Ну, и где тебя черти носили? – поинтересовалась она спокойно.

– Долго рассказывать, – сказал Сварог, идиотски ухмыляясь в пространство. – Иди-ка сюда, я тебя поцелую, а эти господа деликатно отвернутся...

Мара бросилась ему на шею, не дожидаясь, когда моряки и в самом деле отвернутся поголовно. Закинула руки на шею, прижалась щекой так крепко, что у него на миг перехватило дыхание. Тяжко вздохнула, отбросив напускную браваду:

– Сколько было нервотрепки...

– Вы что, меня искали?

– Нет, порыбачить вышли от нечего делать...

– Как вы узнали, что я живой?

Не отрываясь от него, прижавшись щекой к плечу, Мара ответила то ли счастливым, то ли сварливым голосом:

– Вы, должно быть, от тягостных странствий и всех сопряженных с этим пе-

реживаний малость отупели, ваше величество... Изволили забыть, что Доран-ан-Тег никто другой не сможет взять в руки, пока жив последний хозяин? Вот от этого мы и стали плясать, когда перерыли там все вокруг и вглубь, но тела не нашли. Вообще-то, честно тебе признаюсь, эта гениальная идея не мне пришла в голову... Бони измыслил. Вот что значит здоровая крестьянская сметка. Ну, Интагар быстренько раздобыл парочку приговоренных к смерти и запустил их в комнату, где лежал топор. И когда топор их тут же... пожурил, все поняли, что ты живехонек. Только неизвестно где – а это уже проще, когда есть полная определенность. И начались поиски... Потом расскажу.

Сварог осторожно отстранил ее, заглянул в лицо. Нет, конечно, в глазах не было ни единой слезинки, но все равно, Мара смотрела на него так, что жить на свете становилось гораздо веселее, и душа пела от глупой гордости – это была его девушка на вечные времена, его красавица, подруга боевая, кошка рыжая... Он оцепенел от нежности, что с ним редко случалось.

Корабль был уже совсем близко, и сверху смотрели, ухмыляясь во весь рот, и некий король, прыгнувший на эту должность прямиком из беглых крестьян, и некий барон, не так давно воровавший кошельки в Равене, и некий природный граф, и остальные друзья, при виде которых Сварог забыл о всех печалях.

Часть четвертая По ту сторону льда

Глава первая Третья корона

Старая колдунья Грельфи, вопреки своей обычной сварливости, казалась сейчас полностью умиротворенной и всецело довольной жизнью.

– Что ни говори, а есть в морях обхождение и утонченность, которой сухопутным не всегда хватает, – сообщила она. – Душа радуется, глядячи, как они заботятся о дряхлой немощной старушонке, корочкой скудной поделились, не забыли, что старуха – тоже человек, и глотку промочить ей хочется, как всякому...

Вот тут она, по старому обыкновению, приbedнялась на полную катушку. На столике перед ней стояла бутылка не просто «Семи якорей», а того отборного сорта, что запечатывают синим сургучом, а место пресловутой сухой корочки замещали блюдо с изюмом и тарелка с розовой ветчиной. Между делом, между фразами старуха прихлебывала ром отнюдь не воробьиными глоточками, столь же обстоятельно подкрепляясь заедками, благо зубы у нее были все до единого при себе, хоть проволоку перекусывай.

Сварог, неторопливо расхаживая по каюте, сделал пару шагов в сторону – и за ним тут же повернулась, словно стрелка компаса, черная корявая деревяшка, насаженная на костяной шпенек, каковой, в свою очередь, торчал из толстого, в палец толщиной, пласта высохшей кожи, в незапамятные времена принадлежавшей некоей весьма экзотической и, несомненно, огромной твари, про которую как-то не тянуло спрашивать. Сварог и не слыхивал, чтобы сейчас обитали монстры с подобной шкурой – тут уж явственно пахло вымершим драконом.

Перехватив его взгляд, старуха сказала с законной гордостью:

– Оказалось, не такая уж я слабосильная и никчемная, кое-что еще могу...

Как, может быть, догадываешься, твое величество, этой механизмой я тебя и искала, а кораблю оставалось только плыть в соответствии с указаниями, понятия не имею, чья это шкура, больно уж стародавняя, но про нее мне, как видишь, не соврали. До сих пор работает, зараза... Так, значит, вернемся к твоей головоломке... Дымные орнаменты, говоришь, с черными искрами, говоришь... И сопротивляться ты не смог, завалила тебя эта Марута, как драгун кухарку... Твое величество, я тебе, конечно, верю, но мужики есть мужики. Скажи честно, она тебя и в самом деле заморочила или ты, мягко скажем, не особенно брыкался? По твоим же собственным описаниям, девка молодая, смазливая, а ты, уж прости за правду, верностью одной-единственной, по моим жизненным наблюдениям, что-то не блещешь...

– Так и было, как я рассказывал, – сумрачно сказал Сварог без малейшего раздражения. Он раз и навсегда постановил однажды, что злиться на вздорную старуху не стоит по причине ее полезности. – Она меня лишила всякого желания сопротивляться. Грельфи, но ведь это неправильно? На меня не действует магия...

– Любезный мой, – ухмыльнулась старуха. – Тебе никогда не говорили, что магия напоминает юриспруденцию – масса скрупулезнейших оговорок, подстрочных примечаний, злокозненных уточнений?

– Слыхивал, – кратко ответил Сварог.

– Ну так что же ты дурачком прикидываешься? Тебе, золото мое, нельзя причинить магией вред. Усек? В настоящей магии – а не в том ее карикатурном подобии, что пестуется наверху – есть два четко выраженных понятия: «вредный вред» и «безвредный вред». Вот от «безвредного вреда» ты как раз нисколечко не застрахован, и лучше бы тебе об этом никогда не забывать в твоей путаной и богатой приключениями жизни, иначе крупно влопаешься когда-нибудь. «Безвредный вред» – воображаешь? Вот, скажем, тебя никак нельзя заставить сожрать помимо воли целого барана или выпить единым махом ведро вина – обычное, в шесть гарнцев. Потому что у тебя от этого перевертятся кишки, и даже ты, чего доброго, скончаешься безвременно. А вот от того, что ты часок покувыркался с молодой приятной давалкой, ни малейшего тебе вреда не выйдет... Понял?

– Да, примерно такую казуистическую оговорку я и подозревал, – сказал Сварог задумчиво. – Был похожий случай...

– Вот так-то! Заруби себе на носу эти тонкости, пока не вляпался в очередной «безвредный вред»... – она хмурилась, временами тихонько бормоча что-то под нос, поглядывая на потолок в своей обычной манере размышлять над чем-то серьезным. – А вот если мы займемся расплетанием загадки... Почему она, уже определенно зная – не могла не просечь! – что обморочить тебя не удастся, решила тем не менее завалить тебя в койку... Уж извини, не такое ты мужское сокровище всех времен и народов, чтобы у нее потекли слюнки и возникла неодолимая тяга перепихнуться... В душу пропащую через семь мостов!

С ее изборожденного морщинами лица мгновенно слетело всякое легкомыслие, глаза сверкнули так колюче, недобро, что Сварог остановился посреди каюты, охваченный нехорошими предчувствиями. Он что-то и не припоминал такого выражения лица у старой хрычовки...

– Мне бы оч-чень хотелось ошибиться, но, боюсь, все так и обстоит, – сказа-

ла Грельфи без тени веселости. – Во-от оно как... Ну, все сходится... Ты уж, конечно, кончил от всей души, прости старушеницу за интимные подробности... Ну, твое величество...

Слыхивала я о таких ухватках, имевших место быть в стародавние времена, но на моей памяти не случилось, вообще давненько не случилось, точно тебе говорю...

– Чего – не случилось? – спросил Сварог настороженно, уже не ожидая ничего хорошего.

– Вообще-то я тебя черными пророчествами пугать не собираюсь. Признаться по свести, предсказания у меня всегда были слабым местом, в этом искусстве не преуспела...

– Да? – невесело усмехнулся Сварог. – А помнится, во время нашей первой встречи вы мне четко и определенно предсказывали судьбу, довольно долгую речь произнесли...

– Это были не предсказания, – отрезала старуха. – Это было, если точно формулировать, туманное предвидение будущего. В самых общих чертах. А настоящие предсказания всегда гораздо более конкретные.

– Ну, не скажите, – возразил Сварог. – В свое время некая дама, именуемая Лесной Девой, взялась предсказывать всей нашей честной компании. Речь шла именно о предсказаниях, я точно помню. Точнее, о том, как нам суждено умереть. Иным она говорила предельно конкретно, иным – именно что туманными, общими фразами: мол, берегитесь того или этого...

– Слышала про такую, – сказала Грельфи. – Серьезная дама, что уж там. А что до конкретностей... Видимо, дело все заключалось в том, что кому-то из вас на роду столь неопровержимо написан тот или иной конец, что не остается никаких неясностей... а иные могут и избежать слабо предначертанного, если станут чего-то нехорошего беречься... – она пытливо уставилась на Сварога. – Я надеюсь, тебе она предсказывала в туманных фразах?

– Вот именно, – сказал Сварог. – Пожалуй, в этом случае ничего еще не потеряно, а? Есть шансы вернуться...

– Пожалуй, пожалуй... – и вдруг старуха, явственно охнув, наклонилась вперед, впилаясь в него не сердитым, а, пожалуй что, оторопелым взглядом. – Дура старая, теряю хватку... Что она тебе напроорочила?

– «Бойся своей крови», – сказал Сварог. – Нет, не совсем так... Ага! «И своей крови остерегайтесь». Вот теперь я цитирую совершенно точно, словечко в словечко. Да, еще она мне советовала остерегаться мостов, то же, что и вы когда-то... Что касается мостов, я с тех пор...

Он замолчал, испугавшись увиденного. Старуха, побледнев, уставилась на него так, что он невольно обернулся – не возникло ли за спиной некое чудище? Нет, никого и ничего, хоть обычным взором смотри, хоть магическим...

– Дубины стоеросовые, – сказала Грельфи почти незнакомым, севшим голосом. – Ты – оттого, что не озаботился посоветоваться со знающими людьми сразу же, а я – потому что не сопоставила сразу, не догадалась, а ведь следовало бы. Ну конечно. Остерегайся своей крови... Тебе не приходит в голову, что это означает? Да то, очень может статься, что остерегаться тебе нужно собственных детей... по крайней мере, одного из таковых...

– Полагаете...

– Весьма даже полагаю! – отрезала старуха. – Если эта тварь с самого начала

все затеяла для того, чтобы занять от тебя ребенка – дела скверные. От лара и ведьмы может народиться такое, что... Я даже гадать не берусь, и без того оторопь берет. И, между прочим, этот самый плод любви вовсе необязательно будет к родному папеньке испытывать хотя бы тень сыновней или там дочерней любви или хотя бы дружеского расположения. Случались в старые времена, как выразился бы наш Леверлин, прецеденты... Лар и сильная ведьма... Кому как, а мне холодно делается при одной мысли о том, что за ублюдок получится... В том смысле, что личность это будет весьма незаурядная – и такая головная боль, для тебя первого, что...

Даже не следовало уточнять, шутит она или говорит всерьез – при одном взгляде на ее застывшее лицо становилось ясно, что шутками тут и не пахнет.

– Ладно, – совсем тихо сказала Грельфи. – Авось да обойдется. Еще необязательно, еще не факт, чтобы именно в этот раз... Но я тебя всерьез умоляю, твое величество: впредь, ради собственного блага, будь поосторожнее со своим, извини за прямоту, семенем. Не оставляй где попало и в ком попало, уяснил? Это, конечно, не предсказание, это весьма для тебя полезный совет. Если уж Лесная Дева однажды сказала... Впредь поосторожнее!

– Ну, в конце концов... – сказал Сварог, натянуто улыбаясь. – Она ведь наверняка погибла. Ее не было среди спасенных, я специально выяснял у боцмана. Я, правда, видел, как с гибнущего корабля улетело нечто, этакий сгусток тумана...

– Я, промежду прочим, тоже видела, – сказала колдунья. – Ясно и отчетливо. Это не ведьма... Не знаю, что это такое, но уж безусловно не ведьма. То создание, что корабль взял на борт в Винете, вот тебе и весь сказ. Ни в коем случае не ведьма...

– Вот видите, все благополучно решилось само по себе, – сказал Сварог с наигранной бодростью. – Если вы, с вашим опытом и умением, ручаетесь, что та тень была не ведьмой...

– Ручаюсь.

– То все обстоит прекрасно. Она погибла. Или попала под ядро или утонула. Давайте рассуждать логично: если не она была той тенью, если ее не оказалось среди тех, кого подобрали из воды шлюпки «Божьего любимчика», если никто не видел ее в волнах... Что отсюда простекает при логичном рассуждении? Только одно.

– Твоим бы хлебалом да медок наворачивать... – задумчиво протянула Грельфи. – Могло, конечно, обернуться и по-твоему... Потому что никакой ведьмы на корабле я не чую. Хотя, знаешь ли... Я не настолько самонадеянна, чтобы себя полагать самой сильной на свете мастерицей, вполне может оказаться, что кто-то сильнее меня...

– Но как?

– Как-как, об косяк! – огрызнулась старуха. – Можно подумать, ты один умеешь напяливать личину. Кстати, самое простенькое заклинание, чтоб ты знал – я об изменении внешности. В нашем деле с подобных обучаться начинают. Обернулась зачуханным матросиком, мужского, естественно, пола – и замешалась среди пленных...

– И вы ее не чувствуете?

– Если она сильнее, могу и не почувять.

– Ну, тогда все не так уж страшно, – сказал Сварог. – И довольно просто. Мы

стоим в порту на якоре, пленные заперты в трюме под надежной охраной, пока что ничего необычайного на борту не произошло, иначе давно сыграли бы тревогу. Если она среди пленных, мы ее найдем. Я поговорю с капитаном.

– И не откладывай, – сказала Грельфи. – А если мы ее обнаружим... Ради твоего же блага следует эту девку незамедлительно проводить на аккуратный штабелек сухих поленьев, или, не мудрствуя, проткнуть чем-нибудь серебряным. Если только у тебя нет к ней нежных чувств после известного общения...

– Откуда? – жестко сказал Сварог.

– Вот и прекрасно. Нужно ее прикончить, не откладывая – если, конечно, найдем. Если она не уплыла, обернувшись какой-нибудь морской тварью – а что, некоторые умеют...

– Как ее ухитрились в Готаре захомутать? – произнес Сварог, скорее размышляя вслух.

– Значит, был там кто-то знающий, который потом, при твоём там воцарении так и не объявился, привыкнув, видимо, жить без огласки. Вот что мне в голову пришло... Есть ведь заклинания, позволяющие вытащить из памяти все, что человек когда-то видел или слышал. В памяти все сохраняется, даже если человек полагает, будто забыл все начисто...

– Ну да, – сказал Сварог вяло. – Я и сам умею. Научили наверху.

– Вот и вспомни все в точности. Как все было, кто ее сводил с костра... Каждую мелочь вспомни.

– Я вам даже без заклинания скажу сразу, что с костра ее сводил я сам, – сказал Сварог. – Прекрасно помню. А детали... Ну что ж... Все кончено, мы с Леверлином хозяева положения, барон убит, стража капитулировала... Я им велел немедленно освободить Джагеддина и девушку, они послушались, веревки на Джагеддине разрезали быстро, а с ней отчего-то замешкались, я их выругал, подошел, сам стал резать кинжалом веревки... Самые обычные были веревки, они у меня сейчас перед глазами – грубые «самопрядки»... нет, постойте! Было что-то еще! Она была привязана к столбу веревками... и, кроме этого, ее с ног до головы опутывал, опять-таки привязывая к столбу, какой-то шнурок... шерстяной, как мне представляется, разноцветный, черно-бело-красный, цвета были выражены отчетливо...

– Ага! – удовлетворенно сказала Грельфи. – Не оскудела старуха умом и сообразительностью... Был у них знаток, точно! Самая натуральная «ведьмина путанка», голубчик мой! Из шерсти пряденая, в три цвета окрашенная – и, голову даю на отсечение, еще и нашептанная, потому что сама по себе, без нужных нашептываний, она немногого стоит. Все понятно теперь. Кто-то у них знал толк в спутывании ведьм. Ей ни за что не освободиться было, гореть бы ясным пламенем, да тебя принесло, благородного избавителя с лубочной картинки, принца Перситана-Злат-Венец недоделанного... А не видели ли вы там, часом...

В дверь постучали, с неуклюжей моряцкой деликатностью. Сварог, не медля, пошел открывать. За порогом стоял боцман Блай, чертовски колоритный, как во времена их первой встречи – и крепко держал за локоть, поставив перед собой, понурого палубного мастера Букана, живого и невредимого. Дружески ухмыляясь Сварогу, боцман пояснил:

– Извините, что беспокою, но этот вот сукин кот с потонувшей лоханки надел часовым хуже навозной мухи. Квадранс без передыху рвется из трюма,

кричит, будто имеет сообщить вам что-то невероятно важное и срочное... Сначала ему хотели, не мудрствуя, как следует надавать по шее, но я решил, мало ли что...

– Давайте его сюда, – сказал Сварог, посторонившись. Бесцеремонно затолкнув пленного в каюту, боцман привалился к дверному косяку и, ласково касаясь пальцами разнокалиберного оружия на широком кожаном поясе, непрерываемым тоном объявил:

– Я уж тут постою, в сторонке. Народец известный, мало ли как обернется...

Букан лишь покосился на него, ничего не сказал, мрачно вздохнул. Вид у него был потерянный, он, сразу видно, переживал свое нынешнее положение крайне тяжело и не питал особенной любви к окружающим.

– Не смотрите на меня так, – сказал Сварог терпеливо. – Я ваш корабль не топил, сами знаете.

– Все равно вы тут – свой человек, сразу видно...

– Вот именно, – сказал Сварог. – Точно подмечено. Я здесь среди старых друзей. Вы вроде бы не самый плохой на свете человек, любезный мой палубный мастер, но не ожидаете же вы, что я рассорюсь со своими старыми друзьями только оттого, что вы с ними не в дружбе? Вы сюда пришли, чтобы меня упрекать в выборе друзей, или у вас другая, серьезная нужда?

– Капитан погиб, – пробурчал Букан, глядя в пол.

– Я знаю, – сказал Сварог с некоторой мягкостью. – Можете мне поверить, отнюдь не пылаю злорадством по этому поводу. Скажу вам больше, капитан Зо тоже не намерен злорадствовать. Что тут скажешь? Такова жизнь... И так?

– Эта стерва была тут, – сказал Букан, ни на кого не глядя. – Лично мне эта компания, – он мотнул понуро опущенной головой в сторону благодушно ухмылявшегося Блая, – никак не по нраву, но это одно, а ведьма – совсем другое... Короче, она, гадина, уцелела. Она обернулась, понимаете? Нас спаслось человек тридцать из всей команды...

– Не «вас спаслось», дражайший мореплаватель из-под горротской «кляксы», а мы вас благородно выбрали в шлюпки, – любезнейшим тоном поправил боцман Блай. – А могли бы и картечью шарахнуть или просто оставить бултыхаться в открытом море. Улавливать нужно такие нюансы и ценить благородное обхождение...

– Блай! – с досадой сказал Сварог.

– Да я просто нюансы расставляю...

– Потом как-нибудь, ладно? – сказал Сварог. – Ну-ну, продолжайте!

– Нас спаслось человек тридцать... – сказал Букан. – Я цеплялся за обломок, и неподалеку оказался какой-то странный тип – на вид ничего особенного, невидный, молодой такой, щупленький, с перепуганной рожей... Тогда мне в голову не пришло, в чем заключается странность – не до того было, не отошел еще от... случившегося. А потом, когда нас благородно поместили в трюм, благородно дали жратвы и питья, когда было время поразмыслить, я и сообразил... Не было у нас на борту такого типа, понимаете? Корабль – это вам не столичный город с его многолюдьем, на корабле всех прекрасно знаешь, все наперечет... Но тот тип был мне совершенно незнаком. Так вот, теперь его нет. Когда нас загоняли в трюм, он был среди всех... а теперь его нет. Я нарочно обошел весь трюм, присмотрелся... Нет его больше, понимаете?

Боцман Блай, подпирая косяк, таращился в потолок со страдальчески скеп-

тическим видом. Весь его облик показывал, что он воздерживается от едких замечаний исключительно из уважения к Сварогу. Что поделаться, он попросту не понимал, о чем идет речь...

Зато Грельфи понимала. Она вскочила со стула так, словно на ней не висело груза прожитых лет, одним скачком оказалась перед палубным мастером и торжествующе заорала:

– Ага, вот оно! – и добавила печальнее: – Но раз я ее не чуяла, она, погань молодая да ранняя, точно, сильнее... Что же, что же... Или невидимкой сделалась, хотя я и не пойму, какая ей от того выгода, или... Боцман, у вас на корабле крысы есть?

Блай пожал могучими плечами:

– А на каком корабле их нет? Есть, конечно. И прекрасно, по-моему, когда на корабле не остается крыс, дела, соответственно, плохи...

– Или – крысой ушмыгнула, – убежденно сказала Грельфи.

– Полагаете? – очень серьезно спросил Сварог.

– Запросто. Ведьма она, судя по всему, сильная, а значит, умеет оборачиваться. Если ушмыгнула – ищи ветра в поле. Сегур, конечно, остров невеликий, но все же и не клочок. Чтобы отыскать на нем одну-единственную крысу – к тому же, с человеческими мозгами, – целой армии будет мало, да ее у нас под рукой и нет...

– Вы про что? – спросил Блай, недоуменно поворачивая голову то к ней, то к Сварогу.

Грельфи менторским тоном сказала:

– Про ведьму. Которая обморочила Джагеддина, а потом замешалась в толпу в облике ничем не примечательного матросика... и, подозреваю, смылась из трюма, обернувшись крысой. Вас это, надеюсь, не удивляет, милейший боцман?

– Святая правда, – серьезно поддержал Сварог.

Блай поскреб пятерней в наголо бритом затылке:

– Ну, вам-то я верю, милорд... то есть, ваше величество, да и нашей старушке тоже. Ведьма, говорите? А что тут удивительного, мы с капитаном выдвигали вещи и диковиннее... Думаете, сбежала?

– Нужно проверить, – сказала старуха. – Пойдемте-ка, не откладывая. Сильнее она там или нет, но от «трижды сбрызнутого сита» еще ни одна ведьма не спряталась, не припомню я такого случая... Пошли!

Она первой ринулась к двери, пылая азартом и боевым задором, следом заторопился Блай, подталкивая меланхоличного пленного. Сварог вышел на палубу последним, он никуда особенно не спешил, справедливо полагая, что в данном случае будет лишь путаться под ногами у специалиста, а значит, Грельфи прекрасно обойдется и без него.

«Божий любимчик» мирно стоял на якоре в захиревшем порту города Сегура, столицы одноименного крохотного королевства, осколочке некогда обширной и богатой земли, девятьсот лет назад по каким-то неведомым причинам ушедшей под воду. Столица, которую сейчас Сварог наблюдал, стоя у борта, являла собою жалкое зрелище – поскольку во всем этом кукольном королевстве жило-поживало тысяч десять народу, не более. Кое-где еще сохранились величественные, почти не развалившиеся здания, построенные в незапамятные времена былой обширности и славы – они были разбросаны на значительном

пространстве, а меж ними-то теснились гораздо менее презентабельные современные домишки, то зияли обширные пустые пространства, заросшие лесами. Вид был удручающий, конечно, но за девятьсот лет местные как-то приспособились. Так уж вышло, что крестьян и ремесленников тут осталось крайне мало, именно они в первую очередь и бежали из медленно погружавшейся в глубины моря страны, а дворян осталось огромное количество. И пропитания ради им волей-неволей пришлось освоить занятия, до того почитавшиеся презренными. И рыбачить в море выходили, как миленькие, и рубанком научились орудовать.

Нынешний Сегур являл собою зрелище редкостное. На каждом шагу – что отметили многочисленные книжники – тут можно было встретить бакалейщика, гончара, а то и пахаря, щеголявшего в прапрадедовской золотой цепи или пращуровых золотых шпорах. Девять десятых всего населения составляли дворяне, но подлинно дворянский образ жизни вели сотни три из них, не более, а прочие зарабатывали на жизнь всевозможными ремеслами, в том числе даже теми, что относились к самой низшей Железной гильдии. Одним словом, географически-политическо-экономический курьез – при том, что страна обладала всеми правами взысканного королевства и гордо лелеяла свою независимость (потому что, собственно говоря, захватывать ее не было никакой необходимости, проще оказалось взять в аренду сохранившиеся порты, как и поступили оборотистые ганзейцы, потому что никакой другой пользы из владения этим островком никак нельзя было извлечь).

Стоявший неподалеку Бони, узрев Сварога, почесал брюхо и довольным тоном сообщил:

– Жуткая дыра, просто даже невероятная. Посмотреть приятно. Я-то думал, что задрипаннее моего Арира на свете не сыскать, а вот, поди ж ты, выходит, есть королишки и гораздо больше... Куда это бабка понеслась, как ужаленная?

– Да пустяки, – сказал Сварог, опершись на планшир и бездумно глядя на вздымавшиеся над дремучими лесами могучие башни. – Ведьму ловят...

– А, ну если бабка взялась, то поймает непременно. Нет, ну дыра просто невероятная...

– Не пыжьтесь, ваше королевское величество, – усмехнулся Сварог. – Позволю себе вам напомнить, что здесь кроме этого вот убожества есть еще и красавица Сегула – а второго такого города нет во всей Империи. Сам я ее видел только на рисунках, но зрелище фантастическое...

Бони стоворчиво пожал плечами:

– Ну да, конечно, Сегула... Хотя... Знаешь, командир, как у нас говаривали? На хрена тебе краса, когда мимо рта проходит колбаса... Я не про красоту говорю, а про хозяйство. Хозяйство, согласись, у них по сравнению с моим, убогое.

– Помнится мне, ты свой Арир клял на чем свет стоит...

– Так это между своими, – сказал Бони. – А теперь я, получается – глава государства в заграничной поездке, должен гордиться своей державой, хоть тресни... – однако голос у него был все же унылым. – Командир, у нас когда-нибудь начнется... веселуха? «Призрака» топили без всякого абордажа, так что даже не довелось кулаками помахать. Рыжей вон повезло...

– А что такое? – моментально насторожился Сварог.

Бони, охнув, даже зажал руками рот совершенно крестьянским жестом. Вид у него мгновенно сделался сконфуженный в высшей степени.

– В чем дело? – рявкнул Сварог.

– Она просила тебе не говорить...

– Р-разнесу по кочкам вдребезги и пополам, – сказал Сварог. – Ты в молчанку не играй, я ведь не шучу нисколечко... Что она опять устроила, неутомная душа? По роже твоей видно, во что-то снова впуталась... Бони!

Верзила виновато вздохнул:

– Я-то думал, она быстренько обернется, ты и не узнаешь ничего, да дело, видать, затянулось... Прости, командир, она очень уж просила, а я ее уважаю чертовски, хоть и шучу над ней иногда. Да ты не волнуйся, чтоб она, да не справилась... Она их всех на три головы выше.

– Короче! – рыкнул Сварог, потеряв всякое терпение.

Помявшись с грацией дрессированного медведя, каких до сих пор водят по иным ярмаркам, Бони сказал:

– Тут такое дело... Она, понимаешь, пошла становиться здешней королевой.

– С ума вы, ребята, сошли? – спросил Сварог совершенно серьезно. – Как это – становиться королевой? Здешняя корона что, на дороге валяется?

– Ну, не совсем, но что-то вроде того, – сказал Бони, всем своим видом неуклюже и бездарно изображая раскаяние. – Утречком, на рассвете, ты еще спал... Приплыл на лодочке здешний купец, из тех, что поставляют на корабли разные припасы и прочее, в чем есть потребности, начал, как водится, рассказывать здешние новости, вот и выяснилось... Видишь ли, командир, у них тут недели две назад помер тогдашний король, не оставив прямых наследников. И образовался совершеннейший тупик. Прямых наследников нету, а всевозможных претендентов, тех, что начали заявлять права на основании всевозможных старинных генеалогий, набралось чуть ли не полсотни. И у многих нашлись подпевалы и сторонники, должна была завариться нешуточная каша с неизвестным финалом. Но вреда от этой смуты было бы немерено, сам понимаешь, – пока угомонятся, разнесут тут все вдребезги и пополам... Одним словом, собрались трезвомыслящие люди, а с ними заодно и ганзейские коменданты, которые тут арендуют три порта из трех – этим заварушка и вовсе ни к чему. Потолковали, помудрили и решили, как в седую старину, устроить «суд божий». Никогда не слышал? Дело, в принципе, нехитрое, у нас в деревне еще на моей памяти случалось. Скажем, мы с тобой повздорили из-за права на выгон, и ни я, ни ты не можем железно права доказать. Дают нам по дубине и устраивают суд божий – кто, значит, на ногах останется, тот и прав. Вот и здесь кто-то вспомнил... Короче, претенденты будут драться по всем правилам дуэли – разобьют на пары, сколько их ни есть, те, кто победит, потом будут резаться меж собой... и так до тех пор, пока не останется один-единственный. Каковой, что твердо постановило высокое собрание, и будет провозглашен королем по всем правилам, и этот приговор обжалованию не подлежит. Мара, как услышала про такое дело, взвилась, как ракета – она ж, ты сам помнишь, давно себе в башку втемяшила, что непременно станет где-нибудь королевой. Вмиг отыскала одного из ганзейских капитан-бургомистров, он в два счета подтвердил перед собранием и ее дворянские права, и титул, и все воинские чины, которыми ты ее сам обвешал... Получилась полноправная участница. Она сказала, если кто тебе донесет, по гроб жизни не простит... Ты уж извини, мы будить тебя не стали... Потому что всеобщее мнение такое: наша Мара их тут всех уделает, как кутят.

Ледяным тоном Сварог осведомился:

– Хочешь сказать, это уже началось?

Бони, не тревожа золотую цепочку драгоценных часов, протянувшуюся поперек объемистого, обтянутого зеленым бархатом чрева, по старой крестьянской привычке, чисто автоматически взглянул на солнце:

– Да не то чтобы началось, а давненько продолжается...

– Сколько их там, претендентов долбанных?

– Человек двести набежало, всякий дворянин имел право...

Лихорадочно делая подсчеты в уме, Сварог протянул:

– Двести пополам... сто пополам... и далее... получается семь или восемь этапов...

– Ну и что? – невинно вытаращился Бони. – Для нашей Мары это шелуха...

– Ага, – сказал Сварог сквозь зубы. – Шелуха. Но мало ли что... Мало ли какие бывают случайности: нога на траве сорвалась, солнце ударило в глаза...

– Командир, все образуется. Если бы я один так думал – а то ведь все до одного, вся наша старая компания рассуждала в точности так же. Ни один не пришел тебя разбудить. Ты бы видел, какие у нее были глаза... Второго такого шанса у девки, может, в жизни не выпадет, она бы нам не простила ни за что. Мы ее все любим, уважаем, невозможно было препятствовать...

– Мать вашу... – сказал Сварог сквозь зубы.

Он смотрел на убогую столицу, но нигде не видел многолюдства, оживления, суеты – очевидно, отборочные соревнования, чтоб их черти взяли, проходили где-то далеко отсюда.

– Во-он в той стороне... – робко подсказал Бони, угадав, видимо, его мысли. – За той башней, где крыша обвалилась – нынешний королевский дворец и это самое... ристалище. Отсюда не видать. Но народишко оттуда еще не потянулось, так что все, надо полагать, продолжается оговоренным образом...

Сварог решительно не знал, что ему делать. С одной стороны, он прекрасно знал, на что способна Мара, столько раз видел ее в более жутких переделках. С другой же... Случайности и в самом деле возможны, настигали самых искусных витязей, даже легендарный Шугута-Семь-Мечей, говорят, однажды споткнулся о паршивую степную черепаху, из-за чего и был смертельно поражен клинком противника... Или подобных случайностей с Марой попросту не может случиться? Черт, что же ей было тогда предсказано? Ага, беречься солнца. К обычной жизни это, пожалуй что, не имеет отношения – ведь солнце, что ни день, сияет над головой... Солнце в гербе? В гербе того, кто нанесет ей однажды смертельный удар? Еще какая-то казуистическая хитрушка?

– Командир... – ободряюще вякнул Бони.

– Молчать, – отрезал Сварог сквозь зубы.

Ничего нельзя было изменить, и он остался стоять у высокого фальшборта, от которого уютно, успокоительно пахло мокрой древесиной – видимо, совсем недавно устраивали приборку палубы, она была еще влажная. Солнце безмятежно светило над головой, непонятно, стоит ли связывать его с пророчеством или подразумевается что-то совершенно иное, чего никто не может предугадать...

Подошел капитан Зо. Постоял рядом, выжидательно покашливая, потом спросил:

– Это ведь та самая девушка, что плыла с вами на «Невесте ветра»?

– Да, – сказал Сварог.

– Право же, на вашем месте я за нее не особенно беспокоился бы. Бугас как-то признавался мне за чаркой, что, встречаясь с ней взглядом, испытывал легкую оторопь. Весьма многозначительное признание в устах Бугаса, который в жизни не боялся никого и ничего – разве что опасался, что однажды в открытом море может закончиться ром. Тогда я был удивлен, но впоследствии, когда она поднялась на палубу... Есть у нее в глазах этакая... целеустремленность.

– Сколько угодно, – сказал Сварог ядовито. – Этого-то у нее не отнимешь...

– Я, конечно, мог бы отправить на берег команду... но, сдастся мне, ничего этим не изменишь. Она первая не захочет...

– Не озабочивайтесь, капитан, – сказал Сварог. – Все обойдется.

– Вот что... Те, в трюме, вам будут не нужны, когда ваша... старушка закончит свои дела?

– Они мне абсолютно неинтересны.

– Тем лучше, – облегченно вздохнул капитан Зо. – Мне, признаться тоже. Высажу их на берег, и пусть убираются на восемь сторон света. – Он помолчал, лицо у него было грустное. – Знаете, я чувствую какую-то дурацкую опустошенность. Слишком долго у меня был враг – настоящий, заядлый, непримиримый, и при всем при том достойный враг, можно сказать, благородный. И вот теперь дело покончено. Я все время ловлю себя на том, что вовсе не радуюсь, что мне теперь будет чего-то не хватать... Вам такое ощущение знакомо?

– Вряд ли, – сказал Сварог. – Вам можно позавидовать, капитан – враг у вас был достойный и благородный. А мои смертельные враги – столь подлая публика, что я, заранее можно говорить с уверенностью, буду чувствовать только радость... Кстати, мои поздравления. Я видел бой от начала и до конца. Вы управлялись так быстро и эффектно, что это достойно восхищения...

Капитан Зо был откровенно мрачен:

– Скажу вам по совести... С прежним мне вряд ли удалось бы справиться так легко. Вчера это был совершенно другой человек, и теперь, когда я знаю причину, мне еще более горько. Вы думаете, она еще в трюме?

Сварог оглянулся:

– Судя по физиономии нашего знатока и эксперта, сомневаюсь...

Физиономия Грельфи, в самом деле, была лишена всякого оптимизма и выглядела, скорее, удрученно. Отводя глаза, старуха грустно сообщила:

– Точно, ушмыгнула, стерва этакая. В трюме ее нет... и там нет того морячка, что нам описал ваш знакомый. Хотя он, правда, был там, именно такой, это и другие подтверждают, но потом незаметно как-то перестал там быть...

– И никаких шансов найти ее на острове?

– Поди найди, – вздохнула Грельфи. – Попробовать-то, безусловно, стоит. Тут есть какая-то полиция, как же без нее, может, есть и знатоки. Нужно будет для очистки совести описать внешность, предложить солидную награду за живую, как говорится, «золотом по весу». Конечно, приволокут кучу совершенно неповинных бабенок, но, чем черт не шутит... Куча золота порой людей подвигает на самые невероятные свершения... Вашей казне это не такой уж убыток. Хотите, я устрою все на берегу?

– Сделайте одолжение, – сказал Сварог мрачно, глядя на берег. На палубе стали появляться один за другим доблестные сподвижники – и все до одного

держались в стороне со сконфуженным видом. Сварог молча погрозил им кулаком, и они кучкой собрались у борта чуть поодаль, только Бони торчал рядом, очевидно, полагая, что получил уже свою взбучку.

Сварог поневоле вздрогнул, когда где-то в глубине города, за той самой башней послышался громкий, пронзительный треск и в воздух взлетели, рассыпаясь синими и красными огнями – цвета здешнего флага, кажется – яркие огни фейерверка. Крайне походило на то, что экзотическая церемония закончилась каким-то конкретным результатом.

Вскоре появилась процессия, неспешно двигавшаяся от крайних домов прямехонько к набережной. Первым отреагировал Бони с его острейшим зрением – тяжело подпрыгнул, забыв о королевском достоинстве, в восхищении молотя кулаками по плану, заорал:

– Я ж говорил, чего беспокоиться!

Не прибегая к заклинаниям, Сварог попросту взял у капитана подзорную трубу, выдвинул сверкающие бронзовые колена. Тяжко, облегченно вздохнул – во главе пары дюжин празднично разодетых субъектов (все сплошь титулованные, судя по соответствующим коронам на головах) безмятежно вышагивала Мара. Над ее простоволосой рыжей головкой колыхались знамена, штандарты и вексиллумы, и замыкала процессию кучка музыкантов, производившая изрядный шум. Итак, следовало признать, что рыжая кошка все же добилась своего – и лишний раз напомнить себе, что к предсказаниям Лесной Девы следует относиться с величайшей серьезностью, как же иначе, если они помаленьку сбываются...

Вся компания осталась у подножия трапа, с таким видом, словно и не собиралась расходиться. Музыканты умолкли. Мара поднялась на палубу, остановилась перед Сварогом со своим всегдашним гордым и независимым видом.

Он так и не произнес вслух ничего из того, что вертелось сейчас на языке, – не смог опозлать своими нравоучениями торжественный момент. Ее глаза сияли такой радостью, что у Сварога язык не повернулся изрекать взрослые, благоразумные, рассудительные банальности. Все равно пропали бы втуне, ушли, как вода в песок. Перед ним стояло юное создание, добившееся осуществления своей мечты – и какие тут, к черту, нравоучения...

Он присмотрелся. На боевой подруге не было ни царапины. Синий камзол в нескольких местах запачкан темными пятнами, о происхождении которых не могло быть двух мнений. Белоснежный некогда шейный платок помят и перепачкан пылью, как и кружевные манжеты, гланский берет куда-то запропастился, спутанные рыжие волосы опять-таки в пыли – но Мара, целая и невредимая, держалась невероятно браво.

Рядом откашлялся капитан Зо, произнес со всей приличествующей случаю вежливостью:

– Полагаю, из увиденного можно сделать вывод, что вас следует поздравить с королевским титулом?

– Да вот, знаете ли... – улыбнулась Мара с напускной небрежностью. – Пожалуй, что. Неопровержимый факт, который никто более не берется оспаривать...

– Поздравляю, – сказал Сварог с ледяной вежливостью. – Восхищен вашей отвагой и предприимчивостью, дорогая...

Прочитав в его взгляде все невысказанное, она легонько пожалала плечами

и, полагая, что принесла тем самым исчерпывающие извинения, сказала ему как ни в чем не бывало:

– Процедура оказалась удручающе скучной. Большую часть времени пришлось, как дуре, торчать в сторонке и ждать, пока эти пентюхи завершат свое, пока начнется следующий тур...

– Понятно, – сказал Сварог.

– Не смотри на меня так, – ухмыльнулась Мара. – Ты не поверишь, может быть, даже будешь смеяться, но я там не оставила ни единого жмурика. Говорю тебе, пентюхи собрались невыразимые, подавляющее большинство – я не о моих конкретных противниках, а вообще – выходило из схватки не то что «при невозможности продолжать бой», а «при первой крови». Ручаться можно, три четверти из них оружие в руках держали впервые в жизни... хотя, конечно, попало несколько хватких ребят, и эти-то дрались всерьез... Но, повторю, на моей совести нет ни одного жмурика.

– Поздравляю, – сказал Сарог. – Понемногу взрослеешь, значит.

Она пропустила колкость мимо ушей – была сейчас на седьмом небе. Звезда моя, подумал Сварог, дама моего сердца, положить бы тебя на колени и обработать широким военным ремнем, да ведь поздновато уже...

– Капитан, – сказала Мара. – Вы не возражаете, если придется задержаться здесь еще на денек? Они назначили на завтра коронацию, нужно приготовить все как следует, украсить город, подогнать корону под мою голову... К утру обещали все сделать.

– Разумеется, ваше величество, – ответил капитан Зо, не моргнув глазом. – Недостойно было бы лишать вас заслуженного триумфа. К тому же мне сейчас, откровенно говоря, совершенно нечего делать, и я после коронации готов отправиться куда угодно, ввязаться в любую авантюру, если найдется добрая душа, которая мне ее предложит...

– Ловлю вас на слове, капитан, – сказал Сварог серьезно.

Он огляделся. Посторонних поблизости не было, только капитан и обступившая их Странная Компания, уже воспрянувшая духом и смекнувшая, что выволочки не будет. Тем не менее Сварог понизил голос:

– Ладно. По мне, завтрашний день – целиком твой, заслужила. Но послезавтра утром, если вы не возражаете, капитан, я попросил бы вас сняться с якоря и взять курс на Хай Грон. Коли уж вы всерьез жаждете авантур, охотно вам помогу...

– Вы имеете в виду что-то конкретное? – невозмутимо спросил капитан Зо.

– Я, конечно, могу и ошибаться, господа мои, – сказал Сварог, обведя всех взглядом. – Иногда лучше не питать напрасных надежд, чтобы разочарование не оказалось слишком сильным... Но, понимаете ли, я всерьез начинаю думать, что догадался, где может быть скрыто Копье Морских Королей и что оно собой представляет...

Глава вторая Храм на скале, корабль в море

Сварог, вовсе не стремившийся занять почетное место, скромно устроился рядом с Марой в третьем ряду столпившейся на шканцах команды «Божьего любимчика» и внимательно слушал чиновника в серо-голубом вицмундире ронерского министерства таможен. Тот, держа перед собой тщательно развернутый лист плотной бумаги, читал монотонно, но громко и внятно, отчекани-

вая каждое слово. Оглашал очередным гостям острова принятые здесь правила поведения – и с особым вкусом, с расстановочной просвещал насчет наказаний за нарушение таковых.

Наказания разнообразием не блистали и гуманизмом не отличались. Собственно, наказание тут было только одно. За любую попытку произвести в храме Руагату пусть даже мельчайшие разрушения – смертная казнь. За потаенный пронос на берег любых инструментов и приспособлений, способных послужить для причинения храму повреждений – смертная казнь. За самовольный выход за городскую черту с наступлением темноты – смертная казнь. За передвижение по острову в дневное время без сопровождения чиновника – смертная казнь. За самовольное причаливание к берегу вне городской черты на любом плавсредстве, будь то корабль, лодка, «а также любой другой плавающий предмет, позволяющий человеку с его помощью держаться на поверхности воды» – смертная казнь. То же самое было обещано и пловцам, рискнувшим бы вылезти на берег вне поименованных пределов. И напоследок тот же печальный финал гарантировался любому, кто выйдет за городскую черту, имея при себе спички либо иные приспособления, предназначенные для добывания огня.

Строгости, конечно, были из ряда вон выходящие, но, как легко догадаться, сводились они к одному – не допустить, чтобы кто-то причинил храму ущерб, неважно, ударом кирки или поджогом. В заключение чиновник взял у капитана судовую роль, потребовал поклясться что здесь присутствуют поголовно все, находящиеся на борту и устроил перекличку. Вот теперь стало совсем скучно. Сварог рассеянно поглядывал на полдюжины неприметных субъектов, стоявших за спиной чиновника неровной шеренгой. Так и зыркали глазами по лицам. Не нужно быть сими пядей во лбу, чтобы догадаться об их профессии. Шпиков тут было не меньше, чем солдат, те и другие, вместе взятые, составляли добрых девять десятых населения острова – ну, а оставшиеся работали в порту и в городе (а впрочем, наверняка и среди них шпиком был каждый второй).

Сердиться было бесполезно – все эти драконовские меры придуманы еще несколько тысяч лет назад и оставались неизменными какие бы реформы и нововведения ни происходили в большом мире. Все без исключения державы Виглафского Ковенанта, даже крохотный Сегур, принадлежавший отныне Марре, держали здесь солдат и шпииков. С незапамятных пор действовало еще одно нерушимое правило: здешние контингенты обязаны были сохранять в отношении друг друга строжайший нейтралитет, даже если пославшие их державы сходились в ожесточеннейшей войне. Одним словом, все было подчинено стариннейшему поверью, к которому все относились отчего-то предельно серьезно: разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет всемирный потоп, не уступающий Шторму. Никто, ни один книжник, ни один деятель тайных служб не мог объяснить Сварогу, почему так повелось, – так было всегда, с незапамятных времен, и точка.

Были у него кое-какие смутные догадки на сей счет, но для того, чтобы их проверить, следовало убедиться, что он не ошибся в главном...

Он встрепенулся, вернулся взглядом ко второму слева шпику. Они встретились глазами, и тот удивленно округлил свои, всмотрелся, полагая, очевидно, что ему мерещится, судя по лицу, убедился, что не ошибся. У него даже че-

люсть стала помаленьку отвисать, но Сварог украдкой, из-за плеча впереди стоящего грозно показал кулак, прижал палец ко рту. Человек, опомнившись – как-никак работал на сем поприще не первый год, – придал лицу самое безразличное выражение.

Как же его зовут? Баркаль, Барналь... Ага, Барталь! Советник Барталь из ро-нерской морской разведки, согласно правилам всего месяц назад представлявший Сварогу по случаю своего назначения на эту именно должность – резидента на острове Хай Грон. Адмирал Амонд отзывался о нем в самых лестных выражениях, как об усердном, растущем и перспективном кадре. Ну что же, можно сказать со всей уверенностью: усердия у него не отнимешь. Усерден настолько, что самолично встречает прибывшие корабли, притворяясь рядовым тихарем. А может, дело даже не в усердии – им всем должно быть здесь чертовски скучно. Здешняя служба считается почетной, высоко оплачивается, запись в чиновничьем или военном формуляре о службе на Хай Гроне много значит для карьерного роста, но скука тут необычайная: женщин мало, кабаки наперечет, развлечений никаких, поневоле волком завоешь...

Сварог показал глазами в сторону берега. Неизвестно, понял ли его советник, но взгляд своего короля уловил...

Закончив чтение, чиновник обвел всех бдительным, суровым взглядом, словно предупреждал: «Смотрите у меня!», скучным голосом поинтересовался, не будет ли у кого вопросов, не требуется ли кому-то вторичное разъяснение – и, встретив общее молчание, привычно свернул казенную бумагу в трубку, выдал капитану разрешение на вход в порт и направился к шлюпке, на которой прибыл. Шпики потянулись за ним.

Боцман Блай засвистал в свою дудку Соловьем-разбойником. Парусная команда проворно полезла на мачты, палубные бросились к кабестану поднимать якорь – согласно здешним правилам «Божьего любимчика», как и всякое другое судно, заставили встать на якорь в полулиге от берега, пока не закончатся неизбежные формальности. Палуба почти опустела.

Сварог посмотрел в сторону берега. Увиденное полностью отвечало почерпнутым из книг описаниям. Остров был невелик, лиг пять в длину и не более двух в ширину. Он почти сплошь состоял из голых скал, если не считать узкой прибрежной полоски, где расположился небольшой городок. На вершине скалы тот самый, легендарный храм.

На вид – ничего интересного или необычного. Стандартный храм, посвященный морскому богу Руагату: колонны вместо стен, крыша из нескольких куполов ярко раскрашена разноцветными красками в виде чешуи, фронтоны выложены мозаикой. Те, кто бывал внутри, заверяли Сварога в свое время, что и там нет ничего интересного или необычного – храм как храм, иные даже побогаче.

Сварог и не собирался туда тащиться по вившейся вдоль скального откоса дорожке, прекрасно отсюда различимой – она была гораздо светлее дикого камня, ступени едва ли не отполированы бесчисленными любопытными. Паломниками их вряд ли можно назвать – просто-напросто издавна считалось, что людям с достатком, неважно, какой веры они придерживаются, следует хоть раз в жизни посетить храм, о котором с давних пор говорится: «Пока он стоит – стоит мир». Циники, впрочем, уверяли, будто эту так называемую традицию придумали наживавшиеся на морских перевозках купцы, заинтересо-

ванные в стабильном доходе и для себя лично, и для наследников...

«Предположим, я не ошибся», – подумал Сварог. Предположим, она и сейчас там, под скалой. И что дальше? Сколько дней придется бродить по дну, прежде чем отыщется туннель? А если он давным-давно завален камнями во время подвижек земной коры так, что и следа не сыщешь? Если он цел, но вход намертво задраен люком исполинских размеров, способным открыться только... по кодированному радиосигналу, скажем? Что тогда?

Ничего, не стоит заранее нагонять на себя тоску. Он как-никак оставался королем, в каковом качестве располагал нешуточными возможностями – и вдобавок был не последним человеком при дворе императрицы. Главное – отыскать вход, а остальное приложится...

«Божий любимчик» остановился у каменного причала, матрос бросил на берег канат и спрыгнул следом, проворно обмотал его вокруг чугунной тумбы.

– Вы собираетесь на берег? – спросил Сварог.

Капитан Зо покачал головой:

– Только если вам непременно надо, чтобы я сопутствовал в каком-нибудь предприятии... для меня тут нет ничего интересного. Дыра жуткая...

– Ну, в таком случае поскучайте немного на борту, хорошо? – сказал Сварог. Обвел суровым взглядом Странную Компанию. – И вы тоже, голубчики, за известное нарушение дисциплины остаетесь без берега... Мара, не дуйся, тебя это не касается. Кого-то одного мне все равно придется взять – мало ли что...

Он решительно шагнул к трапу, быстро спустился на берег, оглянулся. Советник оправдал его ожидания – он торчал поодаль, со скупающим видом подпирая плечом стену лабаза.

Почуввав поживу, на Сварога с Марой тут же накиннулась орава торговцев с лотками – крохотные копии храма и всевозможнейших материалов, от дерева до золота, смотря на чей кошелек, бляхи и чеканка с тем же храмом, ложки и вилки, расписные тарелки, фигурки Руагату и косаток, прочая дребедень...

Сварог рыкнул на них так энергично и недвусмысленно, что они моментально разбежались. Неторопливо пошел вдоль набережной, кивнув советнику. Тот догнал его деловой походочкой, пристроился рядом, негромко спросил:

– Мы можем говорить открыто?

– Да ради Бога, – сказал Сварог. – Почему бы нам не быть старыми знакомцами? Только, разумеется, не стоит именовать меня величеством на людях и в полный голос, я здесь инкогнито...

– Я понимаю, – кивнул советник.

– Вот и прекрасно... Развлекаетесь, Барталь? Я о вашем появлении в облике рядового тихаря. Или это какая-то важная операция?

– Да нет, – смущенно ответил Барталь. – Скучно здесь невероятно, служба поставлена, все работает как часы – местная специфика, знаете ли... Рад вас приветствовать, лауретта. Вы меня, конечно, не помните, но я вас видел во дворце, в Ронеро...

Сварог, ухмыляясь, сказал негромко:

– В жизни лауретты произошли существенные перемены, Барталь. Теперь ее гораздо уместнее с полным на то правом именовать «ваше величество»...

Барталь просветлел лицом:

– Вот как? Мои поздравления, от чистого сердца! Не считите за лесть, но вы себе нашли достойную супругу, ваше величество, вы составляете прекрасную

пару...

Он осекся. Мара возмущенно и яростно уставилась на него так, словно собиралась в следующий же миг вздернуть на ближайшем уличном фонаре или, не затрудняясь поисками веревки, придушить само лично. Бедняга советник вмиг сообразил, что ляпнул что-то не то.

– Э-э... Вы неправильно поняли, Барталь, – сказал Сварог, едва подавив смех. – Графиня вовсе не выходила за меня замуж, она теперь сама королева. Королева Сегура.

– Ох, простите... – пролепетал сконфуженный советник. – Я и не подумал... Известия доходят с опозданием, таши отчего-то перестали работать, в качестве источника новостей остались лишь прибывающие корабли...

– Ничего, – великодушно сказал Сварог. – Вы и не могли знать, это эпохальное событие произошло всего десять дней назад, мы прямиком с Сегура, и ни один корабль не мог нас обогнать... Значит, у вас сплошная скука?

– Да, невероятная. Событий нет. Странности, правда, то и дело происходят. Вот взять хотя бы горротцев...

Сварог приостановился, повернулся к нему, мгновенно отбросив ленивое безразличие:

– Что за горротцы?

– Понимаете ли, три дня назад в порту отшвартовался очень странный корабль. Зовется он «Радуга», плавает под горротским флагом. Бумаги в совершеннейшем порядке, ни к чему придраться невозможно. Однако... Согласно документам, это – жемчуголов. Вообще-то ничего удивительного, к закату от Хай Грона, всего в парочке морских лиг и в самом деле есть отмели, где частенько бывают жемчуголовы из разных стран. Вот только корабли у жемчуголовов совершенно другие, уж я-то разбираюсь! Обычный, классический жемчуголов – это небольшое суденышко, шхуна, барк, порой гукор. А «Радуга», любой понимающий человек вам подтвердит – классический морской грузовоз. Большой двухмачтовый галеон с огромным грузовым люком, с полусотней человек экипажа. Посылать такую громадину на добычу жемчуга – это все равно, что отправлять покупателю один-единственный пирожок или книгу на пароконной повозке...

– А чем они занимаются? – спросила Мара.

– В том-то и дело, что вроде бы ищут жемчуг... Говорю «вроде бы», потому что сам у них на борту не был. Но они и в самом деле что ни вечер выходят в море, в сторону жемчужных отмелей, возвращаются только к утру. Только не к отмелям они уходят, а до рассвета крейсируют неподалеку от берега, к закату от острова. Но вот уже две ночи отряжаю людей наблюдать за ними со скал. Вчера ходил сам, до рассвета проторчал... Они бросают якорь, стоят на якоре пару часов, потом перемещаются на некоторое расстояние, и все повторяется сначала. Ни разу с корабля не прыгали ныряльщики. Ни разу! Чем они занимаются, совершенно непонятно. Каждую ночь... А вчера пришли три горротских военных корабля. По объяснениям флаг-капитана, решили устроить тут маневры. Знаете, что самое интересное? Каждую ночь они болтаются в море примерно в том самом месте – так, словно прикрывают «Радугу». Никто ничего не понимает.

– И что вы намерены делать? – спросил Сварог подлинно королевским тоном.

– Я? – взглянул на него советник с неприкрытым удивлением. – Я ничего не могу сделать. Потому что они не нарушают никаких предписаний. Никто ни разу не пытался высадиться на берег – уж в этом-то случае им вы выписали на полную! Ночью – да и днем – на берегу полно патрулей, секретов, замаскированных наблюдателей... Но они ни разу не приблизились к берегу, ни разу не спускали шлюпки, никто не пытался достичь острова вплавь... Что тут поделаешь? Никому не запрещено хоть целый год подряд самым странным образом отираться возле острова. Как не запрещено и устраивать маневры в надлежащем отдалении от берега. С точки зрения действующих регламентов, утвержденных державами Ковенанта, они в своем праве. Ни у кого нет оснований предпринять против них какие-то действия. Остается лишь наблюдать... и ломать голову. Ведь это все неспроста, должна быть какая-то цель, ясное и логичное объяснение...

– А версии у вас есть? – подумав, спросил Сварог.

– Версии... Ничего в голову не приходит. Разве что – клад. В конце концов, не они первые. С давних пор кружат рассказы, будто в окрестностях Хай Грона лежат на дне сокровища, как это обычно случается, всплывают неведомо откуда сомнительные карты, объявляются «совершенно точно знающие место» субъекты, надувают простачков... Но ведь ни разу не бывало, чтобы кто-то нашел здесь клад. И потом... Предположим, на дне и в самом деле лежит клад. Но они ведь не спускают ни ныряльщиков, ни тралы! Просто стоят на якоре там и сям... Разве что у них на борту какой-то маг или другой колдун, он и ищет...

– А вы что, слышали о таких колдунах?

– Не приходилось как-то, – признался советник.

– Я тоже не слышал, – сказал Сварог. – А днем они, значит...

– Днем они смирнехонько стоят в порту. В первый день кое-кто из команды ходил в храм, но только в первый...

Что-то крутилось у Сварога в голове, некие детали, никак не складывавшиеся в цельную картину... Клад. Поиски. Поиски чего-то под водой... Мать твою, в тридцать три морских черта!

Конечно, он мог ошибаться, но никто об этом не узнает, кроме него, так что стоит попробовать...

– Слушайте внимательно, Барталь, и не задавайте никаких вопросов, – сказал Сварог самым внушительным тоном, на какой только был способен. – Вы мне сейчас покажете издали эту «Радугу». А потом отправьте в море лодку с надежными людьми. С такими, что не станут болтать и задавать вопросы. Они должны бросить якорь в открытом море на расстоянии... скажем, сотни уардов от берега, прямо напротив «Радуги». Пусть притворяются, что ловят рыбу, что ли... Это будет выглядеть убедительно, или нет?

– Почему же? Многие от нечего делать выходят на рейд порыбачить...

– Вот и отлично, – сказал Сварог, сдерживая нетерпение. – Но это еще полдела. Они должны опустить в воду – незаметно для окружающих, понятно – какой-нибудь достаточно большой и яркий предмет, чтобы он оказался достаточно близко ко дну и мог служить надежным ориентиром для того, кто будет... – он чуть было не выпалил «идти» и вовремя спохватился, – плыть над дном. Все понятно?

– Честно говоря, ничего непонятно, но выполнено будет в точности.

– Прекрасный ответ, – сказал Сварог. – Далеко пойдете, Барталь, я вам обещаю...

...Глубина была небольшая, и он издали увидел «достаточно большой и яркий предмет», попросту говоря, большую ярко-красную скатерть с серебряной бахромой, неизвестно где раздобытую Барталем в сжатые сроки, укрепленную на канатике наподобие вексиллума, за два угла. Подошел совсем близко, повернулся к ней спиной и, временами оглядываясь через плечо, зашагал по дну в сторону берега. Сразу ясно, что здешние места давным-давно обжиты человеком, – мусора на дне, разнообразнейшего, было столько, что Сварог почти все время смотрел под ноги, а не перед собой, обходил кучи хлама, состоявшего порой из самых неожиданных предметов вроде дверей и даже ржавого плуга, которому здесь решительно нечего было делать по причине полного отсутствия на острове пригодной для вспашки земли. Поразительно просто, как любит человек гадить везде, куда только доберется... И никакими грозными королевскими указами эту привычку не побороть.

Чертыхаясь про себя, Сварог все же добрался до набережной. Выпуклое днище горротской «Радуги» нависало над ним продолговатым темным облаком. Оттолкнувшись от дна обеими ногами, он поплыл вверх. Ухватившись за нижнюю оконечность массивного румпеля, извернулся и, цепляясь ладонями за обросшие морскими ракушками – черт-те сколько не кренговались, раздолбаи – широкие доски, скорее пополз, чем поплыл вдоль кия.

Остановился. Присмотрелся к тому, что обнаружил, оттолкнулся от кия, проплыл вдоль всей явственно видневшейся линии, четко выделявшейся вдоль днища. Подумал с радостью, что вовсе не выглядит дураком, – наоборот, угодил в самое яблочко.

В днище горротского корабля был проделан большой люк, состоявший из двух продольных широких створок. Если представить его распахнутым, в него прекрасно пройдет некий предмет уардов шести, а то и восьми в длину, не менее трех-четырёх в ширину. Кораблям такие люки совершенно ни к чему, если не считать одного-единственного случая. «Ай да я, – подумал Сварог, – ай да мыслитель, ай да проницательный ум! Уважать себя начинаешь втрое больше против прежнего...»

Назад он вернулся минут через двадцать. Всплыл на поверхность – такой же голый, как полдюжины матросов с «Божьего любимчика», бултыхавшихся неподалеку от борта, старательно изображавших, что это их любимое занятие, которому они предаются в любом порту. Могут ведь быть у людей свои маленькие причуды? Мало ли на свете чудаков...

К нему обернулись, и он сказал ухмыляясь:

– Все, ребята, можно вылезать...

И первым подплыл к трапу с деревянными перекладинами, проворно забрался наверх, принял от Мары огромную простыню, стал вытираться. На него выжидательно смотрели капитан Зо с боцманом Блаем и Странная Компания в полном составе.

– Я все-таки великого ума человек, если кто сомневался, – сказал Сварог и моментально стал серьезным. – Господа мои, это они. У них в днище не люк, а сущие ворота. Есть только одно-единственное объяснение. И мы обязаны их взять...

Глава третья

Сокровище Хай Грона

Неподалеку от Сварога закрипел румпель, поворачиваясь тяжело, неспешно, и «Радуга» отвалила от причала, обремененная двумя пассажирами, не включенными в судовую роль, не платившими за проезд, совершенно нежеланными для всех, кто был на борту. Но поскольку никто не подозревал о «зайцах», ни малейшего переполоха не случилось.

Корабль понемногу набирал скорость, покинув рейд, и Сварог ощущал сопротивление воды, словно сильный ветер в лицо. От его макушки до поверхности моря было что-то около пары уардов, он висел, распластавшись на борту, вцепившись в четыре бурава, которые сам полчаса назад и ввинтил в доски обшивки со всеми предосторожностями, по миллиметру, чутко прислушиваясь, не раздастся ли над головой, на палубе, подозрительный шум, означавший бы, что все открыто. Обошлось. Никто и не подозревал о его присутствии на острове – человека, дышавшего под водой так же легко и непринужденно, как на суше.

Никто не подозревал также, что на корме, над румпелем, под далеко выступающей надстройкой, примостилась Мара – единственная на тысячи морских лиг вокруг, кому этот номер был по плечу. Она бесшумно подплыла к корме гораздо позже Сварога, перед самым отплытием «Радуги», когда убедилась, что на корабле начали поднимать паруса. И бесшумно вскарабкалась по обшивке, цепляясь за доски надетыми на ладони и ступни железными браслетами с набором острейших зазубренных крючьев, – отправляясь в морское плавание конечно же прихватила свой мешок с уймой полезных приспособлений, способных довести до инфаркта иного гуманиста. Повисла держась прочно, словно вбитый в доску гвоздь, – совершенно неразличимая издали фигурка в мешковатом одеянии с капюшоном. Ночью, известно, все кошки серы, да же рыжие...

Нельзя сказать, что он разместился с комфортом, но скорость была все же невелика, и Сварог ничуть не опасался, что его оторвет от борта напором воды. Когда прошло не менее десяти минут, он выпустил загнутую дугой железную рукоятку бурава, держась одной правой, достал из ножен кинжал и, выбросив руку над головой, медленно всадил прочное лезвие в щель меж досками. Потом повторил левой ту же манипуляцию с другим кинжалом. Теперь он ногами стоял на рукоятках буравов, а руками цеплялся за рукояти кинжалов, и его голова поднялась над водой. Вполне могло оказаться, что от его варварских манипуляций в трюме возникла течь, но она была совсем крохотная, и озабочиваться этим не стоило – совсем скоро на корабле должны были развернуться события, после которых экипажу будет не до присмотра за водой в трюме...

Огромная желтая луна – то бишь Семел – стояла высоко над морем, почти в зените. Очаровательная ночь для влюбленных – и препакостная для грабителей, которых на большой дороге видно за версту. Уже с большим знанием вопроса Сварог моментально вспомнил, что на «тарабарской музыке» подобная ночка именовалась «дохлым времечком», а то и «худявой темнушкой».

Огни города и порта остались позади, за левым плечом. Корабль шел в полулиге от берега, мимо голых скал, которые только казались издали – что днем, что ночью – совершенно дикими, какими были с сотворения времен. На деле же они за тысячелетия покрылись невидимой с моря сетью переходов,

укрепленных гнезд и местечек для засады. Там сейчас полно солдат, бдящих недреманно, а кое-где, растолковал Барталь, и пушки замаскированы.

Наверняка где-то на приличном отдалении уже дрейфовали корабли горротской эскадры – и «Божий любимчик» уже должен выйти в море. Со своего наблюдательного пункта Сварог недалеко мог видеть, но прекрасно знал, что все именно так и обстоит. Горротцы просто обязаны выйти в море, прикрывая бесценную лоханку под названием «Радуга», а капитан Зо подвести не в состоянии, хотя, строго говоря, вовсе не обязан был ввязываться в Свароговы эскапады. Однако он, не балуясь ненужным красноречием, спокойно кивнул: «Можете на меня рассчитывать», и этого достаточно...

Нельзя было особенно затягивать – поди угадай, где на сей раз бросит якорь «Радуга»... Тем более что Сварог уже видел даже из своего неудобного положения ярко светивший синий фонарь, неподвижно замерший на скале уардах в пятидесяти над водой – условный сигнал Барталя. Вряд ли фонарь этот мог всполошить кого-то на борту «Радуги» – мало ли по какой причине могут разжечь огонь охраняющие остров солдаты, не обязанные давать заезжим путешественникам отчет в своих действиях...

Мара тоже увидела фонарь, Сварог в этом убедился, услышав над головой едва слышные царапающие звуки – услышал только потому, что ждал их и воспользовался «чутким ухом». Поднял голову и самым обычным человеческим взором, вовсе не усиленным с помощью «кошачьего глаза», увидел бесформенный силуэт, бесшумно скользивший по борту сначала параллельно водной глади, а потом снизу вверх, к перилам кормовой надстройки. Словно явление призрака или легендарной Серой Погибели – совершеннейшая тишина, только слышно, как тихонько журчит рассекаемая форштевнем вода, поскрипывают снасти да лениво перебрасываются неразличимыми тихими репликами люди на капитанском мостике...

Забавно, но сейчас он нисколько не опасался за Мару. На Сегуре, во время того дурацкого состязания, боялся какой-нибудь глупой случайности, а сейчас – ни капельки. Когда она работала, Сварог не раз убеждался, не бывает ни осечек, ни глупых случайностей...

Мимолетно оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что он пребывает на своей позиции, Мара столь же бесшумно достигла подножия толстых деревянных балясин. Несколько секунд висела в неподвижности, а потом взметнулась наверх, на мостик, столь неуловимым для глаза рывком, что Сварог попросту не заметил броска – миг назад она висела на борту, и вдруг ее уже нет на том месте... Сварог напряг слух. Едва слышный стук, что-то мягко осело на палубу, легкое звяканье, чуть различимый ухом скрежет, протяжный звук, словно по палубе проволокли мешок...

И – тишина. А потом над головой раздался сухой деревянный стук, словно кто-то бежал вдоль забора, чертя по нему палкой – это разворачивался сброшенный сверху Марой трап, и ступеньки тарахтели по борту.

Ухватившись обеими руками за нижнюю, Сварог подтянулся на руках, поставил ногу на добротную оструганную перекладину и полез наверх со всем проворством, на какое был способен.

Перемахнув через перила, огляделся, оценивая ситуацию. Все было в совершеннейшем порядке, зачистка проведена на совесть: в углу, скорчившись, лежал неподвижный человек, второй распростерся у штурвала, третий крест-на-

крест повалился на него. Ни у кого из них не было в руках оружия – ну, конечно, где им было успеть, когда над перилами возникло нечто бесшумное и стремительное и, не потеряв ни мига, начало работать...

Море было спокойным, и корабль, лишившись управления, пока что не рыскал, по инерции шел тем же курсом, штурвал лишь чуть-чуть поворачивался вправо-влево.

С мачт раздались громкие удивленные возгласы – это моряки из парусной команды заметили Мару... Ага, понятно, почему. Она стояла сейчас на месте, судя по пронзительному скрипу кабестана, опускала якорь. Ага, цепь загрохотала в клюзе...

Не теряя времени, Сварог схватил с крюка на перилах зажженный фонарь, пребывавший там согласно морскому регламенту, вмиг отодвинул заслонку и, направив отражатель в сторону берега, сделал несколько широких взмахов, словно красил забор.

Чуть ли не через пару секунд от скал отделились две шлюпки и, вырвавшись на большую воду, понеслись к кораблю со всей возможной скоростью, так что весла, должно быть, трещали и гнулись. Сварог оглядел горизонт. Справа и позади, не менее чем в полулуге, виднелся один из горротских фрегатов, пока что спокойно дрейфовавший. Ага, второй – справа и впереди, тоже довольно далеко, а третьего что-то не видно, но он, конечно, где-то поблизости...

С кормы приближался «Божий любимчик», идущий под всеми парусами, нацелившийся загородить «Радугу» от обоих горротцев. Шлюпки летели к борту, как на больших адмиральских гонках, уже слышно было, как знакомый голос рыкает:

– Нав-вались, навались, осьминога вам в задницу! Навались!

А на другой шлюпке, ни в чем не уступая Боцману, орала Тетка Чари:

– Навались, гунявые, бабку ваше в перехлест через клюз!

«Как же они на борту?» – подумал Сварог всполошенно, но тут же успокоился – при такой небесной иллюминации все еще висевший за бортом трап прекрасно виден с воды...

Только теперь на «Радуге» нашлось достаточно людей, осознавших нешуточную опасность и спешивших принять меры. Под ногами у Сварога, в помещениях кормовой надстройки, загрохотали шаги, послышался лязг металла – кто-то второпях столкнулся торопливо выхваченными клинками – и на палубу, как зерно из распоротого мешка, сыпануло дюжины две вооруженных, судя по ухваткам, не парусных дел мастеров, а профессиональных солдат.

Тщательно прицелившись, Сварог метко угодил одному из них в башку тяжеленным фонарем, после чего ушибленный кулем свалился на палубу, определенно выбыв из боевых порядков.

Трое-четверо бросились на нос, к кабестану. Им навстречу из-за надутого ветром паруса выскользнул бесформенный силуэт...

В несколько секунд там произошло что-то жуткое и бесповоротное – словно налетев на невидимую веревку, протянутую поперек палубы, горротцы все до одного попадали и больше не шевелились. Кто-то внизу взвыл в непритворном ужасе.

Наконец-то! Над планширом возникла высоченная, голая по пояс фигура с короткими абордажными тесаками в обеих руках. С грохотом перепрыгнув на

палубу, боцман Блай жизнерадостно крикнул оторопевшим горротцам:

– Наше вам! Никогда не видели гиперборейскую тигру, ребятки? Вот она я, смертушка ваша непреклонная!

И кинулся в драку, размахивая клинками так ожесточенно, что казалось, будто рук и тесаков ничуть не меньше, чем у легендарного Шугуты. Следом, прыгая через планшир, подбадривая друг друга молодецкими воплями и ядерной матерщиной, ринулись с полдюжины его пиратов и Странная Компания.

Сварог даже не пытался выхватывать абордажную саблю и кидаться в сечу – командир вовсе не обязан сейчас быть впереди на лихом коне, у него другие задачи, стратегические...

Он ограничился тем, что, выдернув из-за пояса покойного рулевого пару пистолетов, послал пули в ближайших к нему горротцев – в спину вообще-то, что безусловно возмутило бы иного приверженца рыцарской этики, но сейчас было, по глубокому убеждению Сварога, вполне уместно. Не благородно дуэлировать сошлись, в самом-то деле...

Грохоча босыми пятками, весь мокрехонький, он сбежал с капитанского мостика и, махнув подбежавшему к нему бесформенному балахону, кинулся в ближайшую дверь.

Эту часть плана они с Марой обговорили подробно и старательно. Следовало незамедлительно брать «языка». Присутствие солдат на борту неудивительно – но гораздо больше здесь должно быть, учитывая специфику рейса, мастеровых и инженеров, то есть людей, оружием махать не обученных, зато много знающих...

Коридор был ярко освещен карбамильскими лампами на стенах – ну, понятно, никто здесь не собирался дрыхнуть, они вышли в море работать... Какой-то вздорный тип в кирасе, с абордажным тесаком очертя голову кинулся на Сварога из распахнувшейся справа двери, но Мара его перехватила и во мгновение ока утихомирила насовсем.

Распахнув одну дверь, вторую, третью, Сварог увидел там лишь пустые каюты, судя по их убранству, принадлежавшие отнюдь не рядовым матросикам – да такие и не обитают на корме... Пусто. И здесь пусто. Ага!

Бомбой ворвавшись в каюту, он пинком опрокинул столик, заваленный морскими картами, еще какими-то бумагами, циркулями, непонятными инструментами – и все это ученое хозяйство разлетелось по полу. Сварог же, протянув руку, сграбастал за глотку пожилого человека, простоволосого, в коротком плаще, скрепленном у горла серебряной цепочкой с двумя серебряными же бляхами, на коих отчеканены циркули. Сословие Циркуля, ага, инженер, судя по роже – обделавшийся интеллигент, незнакомый с методами активного следствия в полевых условиях...

Зато Сварог еще в прошлой жизни приобрел нешуточное мастерство в помянутых методах. Молодецки шарахнув инженером об стену, припечатав его спиной к весьма посредственному ковру, он левой рукой залепил пленному оглушительную плюху, отпустил, выхватил из ножен саблю, со зловещим видом помаячил сверкающим клинком перед лицом. Рывкнул:

– Где Тагарон? Тагарон где, сучий ты потрох? Душу выну через жопу, уши отрежу и в рот запихну! Тагарон где?

– В трюме... – пролепетал инженер, без посторонней помощи вжимаясь в стену так, словно хотел проломить ее спиной в поисках спасения.

– Возле лодки?

– Аг-га... Откуда вы знаете? Вы кто?

– Любознательные странники, – сказал Сварог, переведя дух. – Любители механических кунштюков... Где вход в трюм? Веди, тварь, живо!

Инженер машинально показал рукой. Ухватив его за плащ, Сварог сильным толчком отправил ученого человека к Маре, которая тут же приняла добычу, надежно в нее вцепившись. Они все втроем вывалились в коридор и оказались лицом к лицу со Странной Компанией, сгоряча нацелившейся в них пистолетами и клинками. Впереди всех возвышался его Величество Бони Скатур Дерс, король Арира – с пылавшей боевым азартом физиономией, крайне довольный возвращением к прежней жизни, хищно вздымавший увесистый абордажный топор-лабрис с двойным лезвием.

– За мной, ребята! – приказал Сварог и, следуя за машинальным взглядом пленного, подтолкнул его к одной из дверей.

Топотающий следом Бони оглушительно пыхтел – сказывалась беззаботная жизнь венценосца. Он прилежно доложил:

– Наверху все путем, командир, боцман со своими очистили палубу, зашугали олухов на мачтах...

Сварог резко повернул голову – снаружи донесся знакомый гул пушечного залпа. «Божий любимчик» вступил в бой, события резво разворачивались на полную, следовало торопиться...

Он распахнул дверь, за которой оказались уходящие вниз ступеньки, толкнул вперед инженера:

– Веди, родимый, да не заплутай, смотри...

По довольно ярко освещенной лестнице они спустились ступенек на двадцать, оказались перед широким проемом без двери. Изнутри доносились голоса, падал свет, что-то металлически погромыхивало, постукивало. Сварогу пришло в голову, что те, в трюме, увлеченные своими делами и никак не ожидавшие лихого штурма, могли попросту и не заметить, не услышать схватки над головой, не столь уж и шумной. А что до пушечной пальбы – мало ли по какому поводу она могла вспыхнуть...

Осторожно выглянув из-за переборки, он убедился, что угадал правильно. С дюжину человек, столпившихся вокруг странного сооружения, выглядели всецело поглощенными обычными занятиями – одни разглядывали большую карту, другие, стоя наверху короба, отдраивали большой овальный люк, еще кто-то с натугой волок к середине трюма огромный бронзовый сосуд...

Обширный трюм, размерами не уступавший паре-тройке солидных купеческих амбаров, освещенный парой дюжин больших карбамильских ламп, был пуст. Только посередине возвышалось помянутое сооружение, нечто вроде продолговатого купола из плотно пригнанных досок, меж которыми влажно посверкивало что-то вроде застывшей смолы или надежно обеспечивавшей герметичность ворвани. На вершине – овальный люк, к нему ведет металлическая лесенка, по обеим ее сторонам разместилось не менее восьми обычных корабельных помп, какими откачивают воду.

Не нужно быть инженером, чтобы примерно догадаться, как эта музыка устроена. Сварог прикинул все в общих чертах, как только увидел люк в днище «Радуги». Подводная лодка, творение хитромудрого Тагарона, помещалась в этом самом куполе, намертво присобаченном к днищу. При помощи ка-

ких-то механизмов – надо полагать, не особенно заковыристых – ее опускали вниз, раскрыв створки люка, а потом поднимали тем же манером. Закрыв нижний люк и задраив верхний, воду откачивали помпами. Ага, вот они, подъемники – колеса с намотанными на них цепями по четырем сторонам купола, цепи уходят внутрь. В отверстия неминуемо просочится вода – видны по бокам темные потеки, – но ее будет не так уж много. Снаружи никто и не заметит, ночью особенно. Ну что же, толково придумано, большого ума этот Тагарон, вот только не стоило ему связываться с Горротом, меньше было бы в жизни неприятностей... По объему и весу вся эта машинерия даже меньше обычного груза для кораблей такого типа, так что на плавучесть и мореходные качества, надо полагать, не особенно влияет... Кулибин, мать его...

Вверху гремели пушки. Следовало поторапливаться. Оттолкнув инженера локтем, Сварог ворвался внутрь с жизнерадостным криком:

– Стоять, бараны!

Следом влетели остальные, угрожающе поводя всеми имевшимися в наличии смертоубийственными орудиями производства. Должный эффект был достигнут: люди в трюме выглядели так, что к ним вполне применимы были заезженные метафоры вроде «как громом поразило», «остолбенели от испуга», «ноги приросли к земле, а языки прилипли к гортани» и тому подобное. Только один, не потерявший присутствия духа, браво развернулся навстречу, хватаясь за меч – судя по этому мечу и морскому мундиру, флотский офицер.

Сварог, не теряя времени, аккуратненько достал его абордажной саблей – скорее в воспитательных целях, давая понять этой учено-инженерной публике, что с ними не шутят. Выдернул клинок, переступил через покойника и, подойдя вплотную к отшатнувшимся безоружным, рявкнул:

– Тагарон кто?

Пара голов непроизвольно повернулась в сторону человека средних лет, в классическом наряде Сословия Совы. Довольно ухмыльнувшись, Сварог вразвалочку подошел к нему и коротко поклонился:

– Мои поздравления, мэтр. Вы и в самом деле большого таланта человек, я вижу... Давайте не будем рассусоливать, некогда. Я – король Сварог. Не могли вы обо мне не слышать... Кстати, вам передает привет мэтр Анрах, но мне сейчас не до лирики... Лодка, я так понимаю, внутри этой штуки? И вы конечно же ищите вход в туннель?

Он прямо-таки замурлыкал от удовольствия сытым котом, когда глаза ученого человека округлились в безмерном удивлении:

– Откуда вы знаете?

– Сказать вам, Тагарон, отчего у меня неплохо идут дела? – осклабился Сварог. – Оттого, что я не полагаю себя самым умным на свете. А вот вы, сдается мне, отчего-то решили, что умнее вас не сыщешь... Зря вы это, честное слово. То, что своим умом открыл один, может со временем открыть и другой – когда речь идет о кладе, за которым охотились и вы, и я. Вульгарно говоря, я вас, простите, вычислил, долго рассказывать. Давайте о насущном. Корабль мои людьми захвачен. С теми, кто вас охраняет, сейчас разберутся, – он с напускной небрежностью указал на своды трюма, над которыми вновь раздался недалекий гром пушек. – Лодка готова к спуску?

Тагарон, чуточку опомнившись, шагнул вперед:

– Вы не смеете... Это мое!

– Да бросьте, – сказал Сварог безмятежно. – Какое, к черту, ваше... Вы с потрохами стали принадлежать Стахору, как только попали к нему, надо же понимать... Это была игрушка Стахора, хотели вы того, или нет... а теперь будет моя.

Отвернувшись, он взобрался наверх, кивнул стоявшим возле люка и доброжелательно им улыбнулся:

– Продолжайте, господа, продолжайте... кому говорю?!

И для пущей наглядности потряс у них перед носом окровавленной саблей. Косясь на испачканное лезвие, двое, на вид – гильдейские мастера, стали откручивать большие железные барашки. Когда они закончили, Сварог подтолкнул их к лесенке, чтобы, чего доброго, не заехали сзади по башке и, понатужившись, отвалил люк. Снял с крючка лампу, осветил вниз.

Расплылся в блаженной, довольной улыбке, облегченно вздохнул. Все его догадки оказались верными. Занимая почти все пространство внутри, удерживаемая четырьмя цепями с какими-то хитрыми замками-захватами, вцепившимися в крючья на покатых боках, там стояла подводная лодка. Крайне напоминавшая те, что потопили корабль с каторжанами, разве что гораздо меньше. Но чертовски похожа – вся из плотно пригнанных досок, с небольшой башенкой, в которой четыре иллюминатора в бронзовых рамках, за кормой – шестилопастный винт, ага, и рули глубины... Вот он, люк...

Упираясь локтями, он повис над подводной лодкой, коснулся ее подошвами, встал на бочкообразный корпус. Ухватившись за прозаическую кованую скобу, отвалил люк, осветил внутрь, заглянул туда. Места там нашлось бы на дюжину человек. В корме – несколько параллельно установленных колес, широких и узких, в свете лампы разноцветно посверкивали многочисленные граненые камни, вставленные в ободья, спицы, втулки осей. От них уходили в самый хвост коленчатые тяги. Еще какие-то бронзовые шестеренки, кривошипы, маховики. Вся эта машинерия ему, повидавшему в жизни немало сложной техники, показалась заимствованной прямиком из мультфильма или с картинок к детским книжкам – но ведь она исправно работала, коли Тагарон совершил несколько погружений! Вот уж поистине – голь на выдумки хитра. Некий заменитель двигателя внутреннего сгорания, Анрах что-то такое говорил... Ага, в передней части, под самой башенкой с иллюминаторами – кресло, несколько рычагов и штурвальчиков... Управление, конечно, самое примитивное... Четыре бронзовых сосуда рядом – похоже, баллоны с кислородом, здесь умели получать чистый кислород, но вот применения ему пока что не находилось... Лампа со сложным зеркальным рефлектором – примитивный прожектор...

Он выбрался наверх и проворно спустился по лесенке. В трюме уже появился боцман Блай с парочкой своих ребят. Ах, как поджимало время! Следовало подумать в первую очередь о капитане Зо, которому сейчас придется драться одному против троих, наверное, впервые в жизни не нападая, а пытаясь отвлечь противника на себя, увести подальше от «Радуги»...

– Блай, – сказал Сварог торопливо. – Эта посуда мне больше не нужна, зато вот этот сукин кот, – он кивнул в сторону торчавшего поблизости с убитым видом Тагарона, – необходим. Когда опустите нас, берите его за шкуру и гребите к берегу, но сначала выпустите ракету, чтобы капитан знал: у нас все получилось... – он коснулся рычагов подъемного механизма и уже через пару се-

кунд, прекрасно зная теперь, как эта штука работает, продолжал: – Сначала повернете эти два рычага, потом эти два. Затем, когда люк откроется и лодка станет опускаться, осторожно, не торопясь вертите вот это колесо, пока захваты сами не разожмутся – вы сразу поймете, когда это произойдет, потому что все цепи ослабнут...

Тагарон таращился на него в немом изумлении. Сварог мимоходом ухмыльнулся:

– А что, мы не кончали университетов, но тоже кое-что можем... Мара, за мной!

Он обернулся – и оторопел. Кроме Мары, одним прыжком оказавшейся с ним рядом, Странная Компания, до последнего человека, дружно сделала шаг вперед. Лица у всех были азартные и непреклонные. Уговаривать их, Сварог понимал, бессмысленно и бесполезно, все равно не подчинятся, небольшой, но бравый отряд готов был следовать за командиром хоть к черту в зубы... Времени для прений и дискуссий не было совершенно, сверху доносился пущечный гул, хотя и заметно отдалившийся.

– Ладно, – сказал он быстро. – Вы люди взрослые, я никого за шкуру не тянул... живенько!

Сподвижники торопливо полезли мимо него по лесенке, цыкая на неуклюже карабкавшегося арирского короля, под тяжестью коего лесенка поскрипывала и тряслась так, что крепившие ее болты вот-вот должны были выскочить из гнезд.

Взлетев наверх последним, Сварог махнул боцману Блаю – тот взирал на сооружение с сомнением и недоверием – спрыгнул на спину лодки, нырнул в люк и моментально задраил его за собой. Упал в кресло, взялся за литой бронзовый штурвальчик. Все в порядке, теперь он умел этой штукой управлять.

Странная Компания стоя разместилась за его спиной. Сварог включил лампу, и вокруг, в тесном шлюзе, стало ослепительно светло – не таким уж примитивным оказался отражатель...

Лодку качнуло, и она быстро опустилась из ослепительного света во тьму. Ощущение было знакомое – словно в скоростном лифте. За спиной послышалось непроизвольное оханье, кто-то выругался. Над головой звонко клацнуло – разжались захваты, почувствовав, что сиденье из под него словно бы уходит, Сварог понял, что лодка свободно погружается, легонько отвел вперед правый рычаг, чуть подал на себя левый, в кормовой части послышался скрежет, перешедший в размеренный шум – странный двигатель исправно заработал, и лодка двинулась вперед с черепашьей скоростью. Вокруг была чернота, пробиваемая лишь лучом прожектора – большая рыба угодила в пучок света и, блеснув чешуей, ополоумевше унеслась во мрак. Сверившись с прищипанным тут же, под левым локтем, компасом, Сварог повернул лодку влево – и шел этим курсом до тех пор, пока луч прожектора не уперся в бутристый камень.

Тогда он повернул вправо и повел лодку вдоль берега, то и дело поворачивая нос так, чтобы осветить лучом скальную стену. За его спиной прозвучало несколько кратких замечаний, из которых явствовало, что командир – гений всех времен и народов, и не было еще на свете могучее богатыря.

– Молчать, – сказал он, сосредоточенно манипулируя рулями глубины. – Сам знаю. Не отвлекайте, душу вашу...

Внутри лодки понемногу становилось душно и жарко. Очень уж много народу активнейшим образом потребляли кислород в тесном пространстве.

– Леверлин, поверни кран у ближайшего баллона, – распорядился Сварог. – Выпусти немного... Досчитай до десяти и заверни обратно. Ага, правильно...

Мара пристроилась рядом с ним, влетав так, чтобы не мешать ему править. Сварогу впервые пришло в голову, что он ввязался в безнадежное предприятие – хоть он и пользовался «кошачьим глазом», видел лишь сплошную стену камня. Ни следа туннеля, ведущего под водой в недра Хай Грона.

Спокойнее, одернул он себя. Не пори горячку, ваше величество. Ты что же, решил, будто везуч настолько, что уже через пару минут после погружения вымотришь туннель? Что ухитрился захватить «Радугу» не где попало, а в аккурат поблизости туннеля? Не бывает таких чудес и такого везения, меру надо знать. Предстоит исследовать целые лиги этой бугристой, зияющей расщелинами каменной стены – и неизвестно еще, на какой именно глубине расположен вход в туннель, быть может, ты как раз сейчас проплыл над ним или под ним... Терпение и сто раз терпение...

Но как Сварог себя ни успокаивал, на душе творилось неописуемое, там боролись самые разнообразные чувства, его бросало из крайности в крайность – то верил, что вот-вот увидит черный провал (он просто обязан быть правильной формы и огромного диаметра!), то преисполнялся самой черной безнадежности, ругая себя мысленно, что свалил такого дурака, взялся за дело, которое и за пару недель не закончить... «Господи, помоги! – воззвал он в совершеннейшем отчаянии. – Помоги, господи! Ты ведь знаешь, каковы ставки в этой игре...»

...У него не было при себе часов. Ни у кого не было – отправляясь на захват вражеского судна ночной порой, как-то глупо украшать себя часами, протягивать цепочку по брюху... Неизвестно, сколько прошло времени в сумрачной духоте, влажной и жаркой до липкости, освежаемой изредка пронзительным шипением вырывавшегося из баллона кислорода. Кислород Сварог расходовал крайне экономно, неизвестно, каковы запасы и насколько их хватит. Глаза ломило от напряжения, от однообразия того, что открывалось взору – камень, камень, сплошной камень, расщелины, впадины, бугры, острые грани, причудливые тени, рыба промелькивает, роится вокруг, привлеченная невиданным зрелищем. Странная Компания давным-давно притихла. Сварогу, по крайней мере, пришлось чуточку легче – он как-никак мог видеть в темноте, а его сподвижники могли усмотреть в крошечном мраке только то, что освещал луч прожектора...

В какой-то момент он хотел даже выключить лампу, чтобы не мешала – ему она была все равно без надобности. Но не стал – и правильно сделал, как оказалось. Все решилось именно благодаря лампе...

Во время очередного маневра – нос в сторону скалы, нос от скалы – Сварог краешком глаза увидел правее и ниже некий слабый и тусклый отблеск, словно далеко от него вспыхнул и тут же погас огонек спички. Сознание уже чуточку туманилось от недостатка кислорода, от жары и духоты, от монотонности подводных скал – но все же хватило ума, чтобы подумать: в этом огоньке было нечто неправильное. Неоткуда под водой взяться такому вот огоньку, такому вот отблеску, и, коли уж Сварог его наблюдал, то это определенно означало нечто новое...

Он развернул лодку, направил ее назад, покрутил штурвальчик, набирая в цистерну – или систерну, как там ее правильно? – некоторое количество забортной воды, чтобы погрузиться глубже. Лодка опускалась вниз медленнее утюга, но и никак не с грацией воздушного шарика. По лбу, по бровям ползли крупные капли пота, то и дело солено щипавшие глаза, Сварог мотал головой, смахивая их, отчаянно пытался проморгаться.

Мара тихонько вскрикнула над ухом, машинально сжав его плечо тонкими сильными пальцами. Луч прожектора провалился внутрь чего-то вроде огромной пещеры, и там, внутри, снова сверкнул этот холодный блеск, приняв дугообразную форму...

Не думая, не рассуждая, на чистых инстинктах Сварог повел туда лодку, уже не обращая внимания на заливавшие глаза соленые ручейки. «А Тагарон, пожалуй что, мог и не усмотреть, – подумал он с вялым самодовольством. – Тагарон вряд ли умеет видеть в темноте, и он наверняка не понял бы, даже если увидел, что это бледное, тусклое сияние – отблеск луча прожектора на полосах светоотражающего материала... Откуда ему знать? Он и терминов-то таких в жизни не слышал...»

Эти полосы, разделенные большими промежутками, опоясывали туннель исполинскими кругами. Туннель был огромен, дощатая подлодка, сработанная пусть и особо доверенными, но самыми обычными столярами или корабельщиками, терялась в нем, словно иголка в пушечном жерле, мельком Сварог подумал: если в результате каких-нибудь давних катаклизмов туннель окажется завален, лодка прекрасно сможет в нем развернуться.

Чтобы жестоко не разочароваться потом, он заранее настраивал себя на самый провальный финал: туннель завален... там нет никакой базы... а если база и существует, там может и не оказаться субмарины... в сущности, он полагался лишь на тысячелетние байки... крайне стойкие байки...

Шипение кислорода, завершившееся коротким фырчаньем. Голос Мары:

– Последний баллон остался...

– Прибереги, – распорядился Сварог. – Кто знает...

И по-прежнему вел лодку вперед, сидя в жаркой, липкой, потной духоте. Хорошо еще, что никаких особенных усилий от него не требовалось – огромный туннель был прямым, как полет стрелы, светоотражающие кольца здорово помогали, так что он просто держал руки на рычагах, глядя вперед и боясь надеяться.

За спиной слышалось тяжелое, хрипящее дыхание, но никто не жаловался, даже не пискнул. Все понимали, что к чему и держались из последних сил.

Кольца внезапно кончились. Какое-то время Сварог, с трудом соображая, по инерции вел лодку вперед, а когда догадался, что это означает, ожесточенно завертел штурвальчики, вытеснявшие посредством каких-то неизвестных механизмов воду наружу. Установил рули. Дернувшись, лодка пошла вверх.

И закачалась, наполовину выскочив из воды. Сварог торопливо привел рули в горизонтальное положение, ударил по рычажку с затейливой медной головкой, и прожектор погас. Теперь те, кто не обладал «кошачьим глазом», не видели ни зги, да и Сварог не много смог рассмотреть: обширная водная гладь, далеко впереди – нечто протяженное, правильной формы... Лодка всплыла в подводном гроте, таком огромном, что не помогал и «кошачий глаз» – он позволял видеть в темноте, но не мог наделить человеческий глаз свойствами

сильной подозрительной трубы...

В следующий миг Сварог торопливо зажмурился – по глазам ударило ослепительное сияние, показалось, что это конец, что их вот-вот испепелит это обжигавшее ярче солнца свечение...

Понемногу перед глазами перестали плясать разноцветные пятна и полосы, он вернул свой взор в нормальное состояние – и убедился, что ничего жуткого не произошло. Просто-напросто далеко впереди зажглись неисчислимые шеренги прожекторов. Они не слепили, не били в лицо, они были направлены на воду, так что Сварог отчетливо видел крохотные круги, еще разбежавшиеся от качавшейся на воде лодки. Другие огни освещали высокий пирс, судя по структуре, не из камня сложенный, а, похоже, из бетонных плит. А у пирса, далеко впереди...

У Сварога перехватило дыхание. Он не полагал себя настолько уж мягкотелым, чтобы считать, будто к ручейкам пота на лице примешались слезы, но в такой момент все могло случиться... Очень уж подозрительно у него затуманились глаза, хорошо еще, что никто не мог это понять...

Он сморгнул то ли пот, то ли слезы. Следовало гордиться собой, следовало вопить и прыгать, махать руками, идиотски хохотать – но он был чересчур вымотан. Умение еще не означает, что он получил навыки – им-то как раз взяться было неоткуда. Заклинания позволяют овладеть лишь умением, и не более того, а навыки, как им и положено, приходят очень нескоро... Он был чертовски вымотан своим дебютом в роли капитана Немо.

Она была пришвартована у пирса, чуть левее того места, на причале, к которому Сварог медленно вел лодку. Она превосходила жалкое изделие хитроумного Тагарона примерно так, как превосходит тяжелый танк детскую игрушку. Она была хищно-красива, как всякое изготовленное человеческими руками оружие. Океанская субмарина, какие в своей прошлой жизни Сварог видел только в кино. Чем-то она походила на них, чем-то решительно отличалась. Могучий корпус не менее двухсот уардов в длину, сдвинутая к носу рубка, напоминавшая силуэтом прямоугольник с изящно округленными верхними углами. Перед рубкой – нечто, напоминающее орудийную башню с очень коротким и очень толстым стволом, позади рубки – ряды странных пирамидок, похожих на чешую вымершего дракона. Дощаник приблизился настолько, что субмарина нависла над ним крепостной стеной, и Сварог уже мог прочитать буквы на носу: «РАГНАРОК». И рассмотреть знакомую эмблему-крест из двух мечей и двух якорей, примерно на половине длины скрепленные свернувшейся в кольцо змеей со странной головой, глотающей собственный хвост...

Можно было всерьез гордиться собой. Он догадался правильно. Когда после Шторма прошли столетия хаоса и отката в совершеннейшее варварство, подлодка из соединения «Морские Короли», кем-то в незапамятные времена предназначенного для атаки на Великого Кракена, превратилась в людском сознании в легендарное Копье Морских Королей. Он догадался – и нашел...

– Люк, – сказал он хрипло, не узнавая собственного голоса.

Кто-то метнулся в совершеннейшем молчании, заскрежетали по резьбе ба-
рашки, грохнул откинутый люк. Внутрь хлынула сыроватая прохлада, показавшаяся невероятно сладкой на вкус.

Пройдя мимо субмарины, Сварог держался в паре уардов от причала, выис-

кивая место, где можно было не просто пришвартоваться, а подняться наверх. И не видел пока. Одна бетонная стена высотой в десяток уардов. Ничего удивительного, причал не рассчитан был на дощатые скорлупки, надводная часть субмарины как раз на десяток уардов над водой и возвышалась, на нее попросту перекидывали с пирса трап...

Но ведь должны же тут быть для каких-то мелких надобностей и маленькие суденышки вроде обыкновенных моторок?! Наверняка. А значит, должен отыскаться и причал для них...

Так оно и оказалось. Чуть ли не в самом конце причала, занимавшего примерно четвертую часть водоема (в форме правильного круга с половиной морской лиги шириной) Сварог увидел над самой водой совершенно прозаический деревянный настил. Возле него стояли полдюжины моторок и два катера размером побольше, и наверх от него уходила основательная лестница из железных прутьев.

Лодка ударилась яйцеобразным носом в свободное местечко, потеснив стукнувшиеся бортами моторки, и Мара проворно выпрыгнула на настил, уже без своего балахона, поясом привязала лодку к поручню, завязав другой конец на одном из ввинченных в борт кованых колец. Слово корову привязывала. Это выглядело так несуразно, обыденно, настолько не соответствовало титанической подводной базе и ее суперсовременному для своего времени оснащению, что Сварога прошиб нервный смех, и он не сразу справился с собой.

Вернул рычаги и штурвальчики в исходное положение, и колеса в корме перестали вращаться, застыли неподвижно. Встал с неудобного кресла – собственно, деревянной чаши на единственной ножке с гнутой спинкой из широком доски – насквозь промокший от пота, невероятно уставший и столь же невероятно счастливым. Сказал во весь голос:

– Ну что, господа мои? Приехали...

И первым стал подниматься по металлической лестнице со ступеньками из дырчатого железа. Следом двинулись остальные. Все молчали.

Оказавшись на широком причале, он осмотрелся. Смешно, но в чем-то подводная база крайне походила на неизмеримо уступавшие ей в размерах, но совершенно схожие по предназначению логовища моряков Токеранга. Широкий пирс, длинная шеренга служебных помещений (складов и жилых домиков), над головой гирлянды светильников... Ну, ничего удивительного. Предназначение, вот именно, схожее до мелочей...

Величественное было зрелище, надо признать – огромное подземное озеро, ярко освещенное неисчислимым множеством прожекторов и фонарей, могучая субмарина у пирса. Как Сварог и надеялся, автоматика работала безукоризненно – скорее всего, некие датчики засекли всплывший на поверхность объект, и тут же включилось освещение. Вероятнее всего, создавшая базу держава, неизвестная ему по названию, господствовала в этой части океана в те, незапамятные времена – непохоже, чтобы здесь опасались вторжения, в противном случае не свет бы зажегся, а сирены взвыли, поднимая тревогу...

Он оглянулся на притихших сподвижников, подавленных всем этим подводным великолепием и размахом – держались кучкой, поглядывая по сторонам не то чтобы со страхом, но с некоторыми опасениями. Люди в такой одежде, с саблями на боку и кремневыми пистолетами за поясом были, конечно, насквозь неуместны на этом причале, рядом с грандиозной красавицей субма-

риной из другого времени – но прежние хозяева исчезли несколько тысяч лет назад, и это богатство не должно остаться бесхозным, да и претензии никто не предъявит...

– Гляди веселей! – bravo прикрикнул он, нарочно ступая шумно.

Его величество король Арира, подозрительно озираясь, буркнул:

– А если тут эти... не к ночи будь помянуты...

– Перебедаем, – сказал Шедарис, выдвигаясь вперед. – Видывали мы лилипутов и покрупнее...

Ни малейшего шевеления вокруг, ни единого постороннего звука, только шум их собственных шагов. Воздух вовсе не казался на вкус затхлым, а строения выглядели так, словно их поставили позавчера, ни одна лампа над головой не мигала и не выказывала намерений перегореть, мимоходом Сварог вернулся мыслями к том самой загадке: как именно Тагарон собирался управиться с субмариной, если предположить, что он о ней что-то знал – а ведь, похоже, знал... Полагался на интуицию искусного мастера? Или тут таится что-то еще? Самонадеянный все же тип, с дерзким полетом мысли. Надо будет потом потолковать с ним по душам, авось удастся приспособить к каким-то полезным делам...

На лодку, и в самом деле, был перекинут трап с поручнями из канатов и аккуратными ступеньками из тесаных реек, набитых на широкую доску. Овальная дверь в боку рубки распахнута наружу.

Сварог медлил. Не то чтобы он чего-то опасался... Неужели так просто? Осталось подняться на борт... Не верится прямо, слишком будничным кажется воплощение в жизнь мечтаний, надежд и смелых догадок...

И он шагнул на трап, переборов некие внутренние препоны, которым у него не было точного названия.

Дзан-н-н! Сварог невольно отшатнулся.

Нечто вроде широкого турникета метро, выскочив с двух сторон из притоки, перегородило вход почти целиком, оставив вверху и внизу неширокое пространство куда взрослый человек все равно не сумел бы протиснуться. По всему проему овальной двери размеренно замигали алые огоньки, слева выдвинулась пластина размером с книгу, и приятный женский голос, в котором, однако, сразу чудилось нечто механическое, сообщил:

– Вахта отсутствует. Признаков боевого дежурства нет. Согласно регламенту, проход на судно разрешен только лицам с соответствующим допуском. Просьба ввести таковой, если вы им располагаете.

Вот и поганый сюрприз, которого он подсознательно ожидал... Турникет не выглядел особенно прочным – но, Сварог подозревал, управиться с ним голыми руками и саблями окажется непросто. И не в турникете дело. Сто шансов из ста за то, что в случае попытки беззастенчивого разлома электроника преподнесет очередные сюрпризы. Вряд ли по ним хлестанет что-нибудь вроде спаренного пулемета, скорее, отключатся жизненно важные системы, и субмарина превратится в бесполезную громаду железа. Это гораздо вероятнее. И надежнее. А пулеметы-огнеметы – крайне несерьезно... Идеально подходят для охраны какого-нибудь наземного склада, но тут...

Крышка похожего на книгу предмета откинулась – и зажегся зеленоватый, продолговатый экранчик, под которым Сварог увидел ряды черных кнопок с белыми буквами и цифрами. Захотелось взвыть от бессилия и столь жестоких

шуточек судьбы. Найти желаемое, жизненно необходимое не для него лично, а для всего этого мира – и оказаться не в состоянии им воспользоваться...

Он понурился, уронив руки... и едва не взревел от радости. Как обычно и случается в подобные минуты с загнанным жизнью в тупик человеком, мозги работали с невероятной четкостью, словно безотказный ревнаган.

Сварог вспомнил моряцкий санаторий в Хелльстаде – и содержимое бьюара штандарт-навигатора. Среди прочих бумаг, удостоверений и бланков нашлись тогда две глянцевых картонки с цветными полосками и цифирно-буквенными кодами. Одна украшена силуэтом корабля, другая – подводной лодки. Учитывая, что штандарт-навигатор, по всем прикидкам, был на флоте важной персоной...

Терять, в конце концов, нечего. Совершенно. Вспомнив код, он протянул руку, тронул пальцем чуть шероховатую клавишу, и она легко подалась, ушла в панель до краев. На зеленоватом экране загорелась соответствующая буква. Так-так-так...

Закончив, он отвел руку и без нужды взялся за пояс, чтобы никто не заметил, как подрагивает рука. Прошло не менее столетия, исполненного бездумного оцепенения, прежде чем женский голос с ничуть не изменившейся интонацией сообщил:

– Допуск действующий. Вход разрешен.

Турникет моментально исчез, огни погасли. Губы Сварогу покривила горькая, ироническая усмешка – для безмозглых машин словно и не было этих пяти тысяч лет, и слава Богу, слава Богу...

Чистейший коридор с полукруглым потолком, все выложено металлическими, вроде бы алюминиевыми панелями (Сварог давненько видывал в последний раз алюминий и оттого не мог определить толком). Неяркий свет ламп дневного света. Тишина.

– Задрайте кто-нибудь дверь, – бросил он, не оборачиваясь. – Вряд ли это сложно...

Командный пункт на земных подводных лодках располагался, насколько он помнил, в рубке. Следует ожидать, что и здесь...

Нажим на ручку, дверь подается мягко, бесшумно – дверь без единой таблички или хотя бы номера. Нет, непохоже. Обилие компьютеров с погасшими экранами, столов с картами, каких-то толстых книг... Скорее, штурманская. Ну-ка, вторую...

Вот теперь он был там, где и следовало обосноваться в первую очередь. Большая комната в форме полукруга. Четыре черных кресла, окруженных пультами и экранами. Одно из них чем-то отличалось от остальных – чуть побольше, чуть помягче, металлические детали не белые, а светло-золотистые. Рассуждая логически...

Решительно шагнув вперед, Сварог опустился в это кресло. Что-то мешало, тыкалось в бок – ага, абордажная сабля. Чуть сконфуженно, словно прежние хозяева субмарины могли его сейчас увидеть, Сварог стянул перевязь через голову и бросил саблю на пол.

Положил руки на пульт. Уже не в первый раз его прошило, пронизало насквозь, словно порыв ветра, это непередаваемое словами ощущение. Теперь он умел.

Странная Компания почтительно выстроилась за его спиной, затаив дыха-

ние. Кто-то шумно отдышался – и тут же, судя по звуку и подавленному ойканию, получил чувствительно локтем в бок.

Умение и доскональные знания – опять-таки не одно и то же. Можно сказать, он освоил лодку примерно наполовину. Чтобы разобраться в остальном, одних безукоризненно работавших заклинаний было мало – нужно изучить память компьютеров, справочники, которые здесь наверняка найдутся... Но этим можно заняться и потом. Того, что он уже знал, было достаточно, чтобы, не мешкая, прийти на помощь капитану Зо.

Он тронул несколько клавишей. Тот же бесстрастный женский голос докладывал, что машинной вахты нет на месте, что вахты боевой части-один нет на месте, как и вахты боевой части-два, боевой части-три, что штурманская группа на вызов не отвечает, что центральный пост молчит. Но все эти безрадостные рапорты уже не могли испортить радости – женский голос всякий раз интересовался, не желает ли командир перейти на автоматическое управление данными подразделениями, замкнуть все на себя – и Сварог, легко догадаться, всякий раз именно этого и желал. Он уже понял, что этой подводной громадиной в состоянии управлять один-единственный человек, лишь бы знал, чего конкретно хочет и умел нажать нужные клавиши и вслух отдать нужные приказы. Поразительная техника! И, прежде чем нажать очередную полусферическую кнопку, он вновь подумал с горечью: как же так вышло, что создатели этой фантастической и грандиозной машинерии в одночасье однажды провалились в небытие? Что за катаклизм сотряс планету? Точнее, почему так вышло?

Но на эти вопросы ему не могла дать ответ никакая электроника, и не было времени на бесплодные умствования. Включив обзорные экраны, он осторожненько, буквально по сантиметрам отвел «Рагнаррок» от причала, развернул его носом к туннелю и пошел на погружение.

Навыков бы еще, навыков в обращении с этой громадиной! Но откуда им взяться? На командном пункте царила приятная прохлада, невидимые кондиционеры исправно работали, но Сварог все равно обливался потом не в переносном, а в самом прямом смысле, ведя субмарину по туннелю в ореоле тускло сияющих кругов. Кто-то, быть может, мог его и упрекнуть, но сердце у него аж заходило от щенячьего восторга – подводная громадина, грандиозное скопище искусных механизмов, хитрой электроники и жуткого оружия повиновалось ему, словно велосипед... душа пела нечто радостно-матерное.

Покинув туннель, он приблизился к поверхности на перископную глубину, поднял перископ, выстроил его на панорамный поиск и включил ночное видение. За его спиной вновь раздалось восхищенное оханье – на большом обзорном экране, охватывавшем все помещение по дуге, появилось четко различимое ночное море и ясные силуэты трех кораблей. Все было не зеленоватым, как в земных ноктовизорах, а светло-синим, но Сварог моментально освоился.

Один горротский корабль маячил далеко в стороне, окутанный пламенем – определенно вышел из боя и боролся сейчас с огнем. Два других выполняли непонятные Сварогу маневры, временами паля из пушек, пытаясь зажать «Божьего любимчика» в клещи или как там это у моряков именуется.

Сразу видно было, что «Божьему любимчику» досталось изрядно – паруса зияют огромными дырами с неровными краями, в двух местах над палубой столбы дыма, несколько пушечных портов слева разворочены прямыми попа-

даниями. Но он держался, маневрировал и стрелял. Горротские фрегаты не то чтобы одолевали – но их все же было два, не уступавших противнику размерами и числом пушек...

– Держитесь, ребята, – громко сказал Сварог сквозь зубы. – Сейчас тряхнет...

«Рагнарок», всплыв на поверхность, шел к одному из фрегатов, вспарывая воду бульбообразным носом, окруженный широкой полосой бурлящей пены. При ярком лунном свете его не могли не заметить, фрегат попытался отвернуть, но скорость у него была дохленькая по сравнению с тем, что мог выжать Сварог, даже не выжать, всего-навсего включить треть маршевого хода...

Субмарина ударила корабль в корму, но ее, огромную по сравнению с парусной, деревянной скорлупкой, даже не сотрясло как следует – хотя удар, конечно, почувствовался. Сварог отвернул влево, по неопытности дав слишком много газку, словно неопытный шоферский ученик. «Рагнарок» в результате ударил фрегат еще и правым бортом, описав в море широкую дугу, Сварог нацелился носом на место столкновения – и увидел, как горротец оседает в воду разбитой кормой, как рушится бизань-мачта, а за ней и грот, как два оставшихся участника драки совершили неуклюжие маневры, словно споткнувшийся человек...

Его лицо перекосила злобная радость. Это за Батшеву, подумал он, замедляя ход. За беззащитных, которых преспокойно расстреливали из-под воды ваши чертовы союзнички... Теперь на своей шкуре почувствуете, как оно бывает, когда вас громит нечто, неизмеримо превосходящее по совершенству...

Он коснулся клавиши. На экран мгновенно легли три алых концентрических кольца, крест-накрест пересеченные прямыми линиями. Потом раздвоились. Одно из них накрыло горротский фрегат, другое совместилось с «Божьим любимчиком».

Женский голос доложил:

– Цели захвачены, идет сопровождение. Противокорабельные ракеты на «ТОВСЬ».

– Левый объект – цель! – крикнул Сварог в полный голос. – Правый – отставить! Левый – цель!!! Правый – отставить!!!

– Приказ принят, – без тени эмоции ответила электронная женщина, которая и женщиной вовсе и не была, а всего лишь мельтешением импульсов. – Левый объект – цель, правый – отставить.

Кольца, накрывшие силуэт «Божьего любимчика», исчезли, а те, что алели на фоне горротского фрегата, остались.

– Ракету по левому объекту! – крикнул Сварог. – Пуск!

Неизвестно, правильно ли он подал команду. Голос-призрак бесстрастно откликнулся:

– Принято. Пуск.

Ослепительный клубок огня отделился от носовой части лодки. Четкая дымная полоса понеслась к фрегату, коснулась его словно бы безобидно, беззвучно – и над морем встал разлапистый фонтан багрового пламени, пронизанного желтыми вспышками, взбухло темное облако, в нем бешено крутились, разлетаясь далеко над волнами, какие-то куски, обломки, нечто вроде лоскутьев...

Ракета определенно была рассчитана на то, чтобы причинить непоправимый вред гораздо более прочному и серьезному кораблю. Горротский фрегат

она попросту разметала в щепки. Когда погасло пламя и немного рассеялся дым, когда осела взбаламученная вода, на том месте, где только что был фрегат, плавало лишь скопище чего-то непонятного, разрозненного.

Кто-то охнул за спиной Сварога, кто-то затейливо выругался – в семьдесят семь морских чертей и долбаного осьминога. Похоже, Тетка Чари.

– Вот так мы нынче воюем, судари мои, – сказал Сварог, оборачиваясь к ним, все еще не в состоянии убрать с лица прикипевшую, как маска, гримасу. – Впечатляет? Меня тоже...

Глава четвертая По ту сторону льда

— По правде говоря, я себе представлял эти места совершенно иначе, – сказал Сварог негромко. – Море мрака, Море мрака... Я-то полагал, здесь и вправду стоит вечный мрак. Как любой может убедиться, ничего похожего. Неприятный уголок, согласен, тоску навеивает, неудобно здесь до того, что в затылке свербит... но где же мрак?

Он стоял на крыше рубки, у высоких, по грудь, металлических перил, красотой и продуманностью напоминавших кованую решетку какого-нибудь парка. Рука через них еще могла бы пройти, но человек ни за что бы не вывалился при самом сильном крене – к тому же перила автоматически выдвигались еще выше как раз в той стороне, куда «Рагнар» опасно накренило бы (чего пока, к счастью, не произошло). Вся субмарина была напичкана подобными полезными хитростями, облегчавшими жизнь и работу экипажу, по крайней мере, те помещения, что они успели исследовать.

«Рагнар» шел совсем тихим ходом – оставленная у штурвала Мара получила строжайший приказ не увлекаться и вести лодку со скоростью улитки, набираясь практики. Пресловутого мрака, из-за которого эти места и получили свое название, Сварог пока что не наблюдал. Море было почти обычным – разве что оттенок какой-то странный, сероватый – небо заволокли бело-серые облака, опять-таки мало отличавшиеся от привычной непогоды. Солнца не видно, однако субмарина и стоявшие у перил люди отбрасывали смутные тени. Вот только туман... Быть может, и не туман вовсе, высокие, до самого неба, полосы тянулись слева направо, напоминая, скорее, ленты, чем обычную туманную пелену. Ленты из шляпы неведомого фокусника столь исполинских размеров, каких и в самых страшных сказках не бывает. Они то закрывали от глаз все вокруг, то проплывали где-то над головой, так, что самые высокие мачты не задела бы их верхушками. Они колыхались, сминаясь гигантскими плавными складками, образуя то выступы, то впадины изящных геометрических форм. Было в них что-то устойчивое и неуловимо регулярное, отличавшее от обычной мглы, и вместе с тем они были невесомы и проницаемы, как самый обычный туман. Субмарина проходила сквозь них беспрепятственно. В конце концов, Сварог решил подняться на вольный воздух вместе со сподвижниками – и ничего страшного не произошло, разве что, когда лицо на миг оказывалось в этой зыбкой полосе, становилось самую чуточку холоднее, и ощущался запах, похожий на снежный. Магии в них не присутствовало ни капельки – правда, Сварог, наученный горьким опытом, зарекся делать твердые выводы.

Временами, однако, попадалось кое-что другое, заставлявшее верить, что название свое это море получило все же не зря – совершенно черные то ли

айсберги, то ли острова, куски мрака довольно правильной формы, возвышавшиеся над водой и больше всего напоминавшие скалы, которые какой-то хулиган, располагавший кучей времени и массой возможностей, старательно опрыскал черной краской. При встрече с первым таким объектом Сварог инстинктивно отвел лодку в сторону, обогнул «скалу» – но радар показал, что плотностью эта штука равняется окружающему воздуху. Что вскоре же было подтверждено экспериментальным путем – проще говоря, с крыши рубки швырнули одну из совершенно ненужных здесь абордажных сабель, и она канула в черную пустоту. Вторая сабля, брошенная на привязи в глубины второй «скалы», была вытащена назад целехонькой. И тем не менее Сварог запретил совать в черноту руку – хотя пылавший научным энтузиазмом Леверлин и порывался было. Кто их знает. Если Белая Волна уничтожала все неживое, в неприкосновенности сохраняя живую материю, эти черные айсберги могли поступать с точностью до наоборот...

– Это смотря где, – сказала Тетка Чари, к которой Сварог в первую очередь и обращался, как к единственному на борту эксперту, однажды побывавшему на «Божьем любимчике» в сих негостеприимных водах. – Тут много разных диковинных мест. В одном уголке одно, а в другом совершенно другое, мы тогда часа два шли в совершеннейшем мраке, тьма стояла такая, что от бизани не видно было грота, и никакие факелы не помогали. А потом корабль вышел... я вам, честное слово, не вру... в какое-то другое место, и небо там было белесое, вроде скисшей сметаны, усыпанное звездами, совершенно как наше, – вот только звезды все до одной были черные. И при этом сияли. Не могу вам этого объяснить человеческими словами, но они были черные и сияли. И еще там стояли на небе две луны – одна в виде тоненького полумесяца, растущая, а вторая – почти цельный круг. Чем хотите клянусь, не носить мне титула – небо было белесое, а звезды и луны – черные... Черные – но светили и сияли. Чтоб мне лопнуть...

– Не стоит вам лопаться, – серьезно сказал Сварог. – Во-первых, вы нам всем нужны, а во-вторых, я заранее верю. Все возможно. По моему сугубому убеждению, вам еще повезло, что никуда не провалились без возврата – потому что иные, я слышал, проваливались с концами...

– Я тоже слыхала, – кивнула Тетка. – Ну, мы оттуда живенько ушли в туман, и очень быстро все исчезло...

Леверлин сказал вполголоса:

– А я слышал, что в Море Мрака есть явление, которое лучше всего назвать коловращением. Мол, в том самом месте, где одни путешественники встретили какое-то странное чудо, другие нашли нечто совершенно другое...

– Бывало такое, – нисколечко не думая, кивнула Тетка Чари. – Вот, скажем, Бугас, едва войдя в Море со строго определенного курса и на определенных координатах, наткнулся на кипящую, как он описывал, воду – холодное кипение, бурление скорее, и в нем бултыхались во множестве самые натуральные отрезанные человеческие головы. Все, как одна, синехонькие, словно от давних покойников – вот только глазами моргали и вроде бы даже вслед кораблю какую-то гнусь выкрикивали, в борт пытались зубами вцепиться. А через месяц Одо-Нахалюга в том же самом месте ни видел никакого бурления и уж тем более голов, зато наткнулся на какие-то странные льдины, словно бы и не льдины вовсе: тонкие, красноватые, и по ним какие-то огоньки играли. А те

самые головы потом видел кто-то еще в совершенно другом месте. Есть похожие рассказы и про других. Так что вы правильно выбрали словечко – коло-
вращение поганых чудес, точно...

– Вы мне вот что скажите, естествоиспытатели вы мои, – произнес Сварог нарочито безразличным, даже ленивым тоном. – Знает кто-нибудь точно – есть какие-нибудь специфические феномены для той точки в море, под которой затаился Великий Кракен? Не торопитесь, хорошенько подумайте. Мне нужно кое-что уточнить...

После недолгого молчания за его спиной завязалась дискуссия вполголоса, главным образом между Теткой Чари и Леверлином, хотя и другие не остались в стороне, добросовестно припоминая все, что доводилось слышать в жизни об этих местах. Сварог не прислушивался особо, ожидая конкретных результатов.

Он кое о чем умолчал, чтобы не ронять командирского авторитета и не расхолаживать пылавших энтузиазмом сподвижников...

Насколько мог, он освоился с субмариной, хотя многого не понимал до сих пор, например, представления не имел, что за энергия приводила ее в движение. Не атомная, по крайней мере. Некая энергия, которую собирали и копили, словно солнечные батареи, те самые странные пирамидки, покрывавшие добрую половину корпуса. Но и не солнечная – лодка прекрасно подзарядка-
лась, стоя под толщей камня...

Он понятия не имел, что за орудие находится в той самой носовой башенке. Прежде всего, оно не стреляло ничем, если можно так выразиться, материальным – всю внутреннюю поверхность ствола занимала некая ажурно-ячеистая конструкция из какого-то металла с многочисленными вкраплениями желтых ограненных кристаллов размером с кулак. Так что были сильные подозрения, что речь тут идет опять-таки о какой-то энергии. Энергетический пучок и, судя по некоторым наблюдениям, могучий, учитывая, какие мощности на орудие могли подаваться с корабельных агрегатов. Сварог знал, как из этой штуки стрелять, как менять подаваемую на неведомую пушку мощность, выяснил даже, покопавшись в памяти бортового компьютера, что называется она «гразерт» – но что это такое, на каком принципе действует, так и не доискался. Ничего удивительного. Вряд ли на каком-нибудь из земных крейсеров нашлись бы письменные разъяснения типа: «Корабельное орудие – это устройство, при помощи пороховых газов метальное металлический конус со взрывчатым веществом внутри»...

Со всем остальным проблем не было: торпеды обычные и предназначенные для Великого Кракена, ракеты, способные с одинаковым успехом работать как по кораблям, так и по суше, даже две башни с самыми обычными пушками, выдвигавшиеся из палубы на носу при необходимости – например, чтобы опять-таки врубить по береговым объектам.

Он, правда, там и не доискался пока что, в чем специфика приготовленных для Великого Кракена торпед. Знал лишь, что они отличаются от обычных – компьютер четко делили имевшиеся на борту торпеды на две категории: обычные и другие, те самые... Они и по виду отличались, в чем Сварог убедился лично. «Гостинцы для Кракена» были, похоже, серебряными, числом в полдюжины (по количеству носовых торпедных аппаратов), покрыты непонятными символами. Вполне могло оказаться, что и начинка их не имела ничего об-

щего с обычной, чему никак не стоило удивляться – ну как же, волка-оборотня можно взять только серебряной пулей, а не обычной свинцовой...

Самое любопытное, пожалуй, открытие сделал не он, а Мара, в отличие от остальных его сподвижников, неплохо владевшая компьютером. Именно она обратила внимание Сварога на список офицеров экипажа – точнее, на то, что четверо из них, кроме обычных званий, именовались еще «братьями». Брат навигатор, брат флаг-лейтенант, брат даль-штурман... После чего были приняты разыскания в соответствующих каютах и документах – и обнаружилось немало интересных вещей. Рано пока что делать окончательные выводы, но Сварог всерьез подозревал, что означенные офицеры были не просто военными, а кем-то вроде членов воинствующих монашеских братств, какие и до сего дня существовали на Таларе. Как-то все это меж собой переплеталось – воинское соединение «Морские Короли» и монахи в списках экипажа, найденные в каютах предметы и молитвенники – и особые торпеды для Кракена. Найденного хватало для того, чтобы выдвигать такие именно гипотезы.

Но это, в общем, не имело сейчас особого значения, главное было известно – давным-давно сгинувшие подводники всерьез собирались уничтожить великого Кракена именно этими торпедами, а значит, был шанс и была надежда... О деталях и подробностях можно порассуждать потом, когда найдется достаточно времени, чтобы изучить лодку и ее архивы обстоятельно и подробно...

В конце-то концов, напомнил себе Сварог, именно так обстояло не только с загадочными торпедами. До сих пор никто не знал, почему именно серебро уничтожает иную нечисть окончательно и навсегда – но разве недочеты в теории мешали практике? Никоим образом, даже совершенно неграмотный, темный крестьянин мог прикончить оборотня, нашлась бы в хозяйстве серебряная пуля, меткой бы оказалась рука...

Гораздо хуже было другое. То, о чем он умолчал. Сварог командовал сейчас великолепной субмариной, как раз и предназначенной в незапамятные времена для уничтожения Великого Кракена, но при этом представления не имел, где ему искать цель...

Он лишь примерно представлял, где залег Кракен. И не мог, хоть ты тресни, привести субмарину к тому месту.

Потому что, как выяснилось очень быстро, великолепная навигационная аппаратура лодки оказалась бесполезной. Ее нельзя было совместить с нынешней реальностью, по крайней мере, сейчас, своими силами – не хватало умения ни у Сварога, ни у Мары, и заклинания ничем помочь не могли.

Все изменилось. Изменился угол, под которым ось вращения планеты была некогда наклонена к плоскости вращения. До Шторма он составлял примерно сорок градусов, а теперь – практически девяносто. Отчего, в свою очередь, решительным образом изменилось звездное небо над планетой, и великолепной электронике попросту не к чему было привязаться. Она не узнавала нынешнего небосклона, что выяснилось в первую же ночь. Как ни старался Сварог, приятный женский голос, начисто, к счастью, лишенный способности удивляться и негодовать, повторял две фразы: «Система не получает сигналов от навигационных спутников», «Система не в состоянии отыскать опорные точки звездной навигации». Ни обходные маневры, ни прямые приказы не помогали – нельзя было требовать от электроники больше того, на что она

способна, компьютер не мог сориентироваться под этим небом, о чем настойчиво и докладывал. Быть может, его можно перепрограммировать без особых трудов, привязать к нынешней звездной россыпи – но ни Сварог, ни Мара этого не умели, а Элкон остался в Латеране...

Компасы всех разновидностей, имевшиеся на лодке, тоже были теперь бесполезны – та география, к которой они только и приспособлены, канула в небытие.

Так что методы в некоторых отношениях ничуть не отличались от тех, какими Сварог обнаружил вход в туннель – могучему, великолепному «Рагнароку» оставалось лишь бороздить Море Мрака взад и вперед, как самой обычной шлюпке, пока Сварог не высмотрит Кракена простым глазом. А это было гораздо труднее, чем даже на скорлупке Тагарона искать туннель...

– Лед, – громко и уверенно сказала вдруг Тетка Чари.

– Что? – встрепенулся Сварог, успевший глубоко погрузиться в собственные безрадостные мысли.

– Чаще всего поминают про лед, – сказала она. – Говорят и про какую-то черную радугу, и про диковинных, словно бы не от этого мира, рыб, вечно кружащих на поверхности над тем местом, про магнитную гору, про крики и стоны, опять-таки будто и не человеческими устами исторгаемые... Но вот чаще и упорнее всего поминают про лед. Так и в легендах говорится, и в балладах поется – «По ту сторону льда». Мол, Великий Кракен спит на дне, заслонившись ледяной стеной, а когда придет его время, стена начнет помаленьку трескаться, рассыпаться в куски... Вообще-то, в последние недели стали шептаться, что айсберги и есть те самые обломки ледяной стены. И что-то в этом есть. Откуда им еще взяться?

– Присоединяюсь, – кивнул Леверлин. – В серьезных книгах – то же самое. Лед. Слишком древний и назойливый мотив. Вот только в магнитную гору я не верю...

– Вольному воля, – пожала плечами Тетка Чари. – Но знавала я одного шкипера, который лет двадцать назад один только и выплыл из Моря Мрака на доске, когда магнитная гора притянула их корабль, и он об нее расшибся со всего размаху. После всего этого шкипер самую малость повредился умом, но человек был достойный доверия...

Леверлин дипломатично промолчал, хотя по его лицу было видно, что наука имеет на сей счет свое мнение, в корне несхожее с моряцким фольклором. Бони, похлопав себя по несколько уменьшившемуся за время плавания чреву, жизнерадостно сообщил:

– А вот у нас один дед рассказывал... Чтобы приманить Кракена, нужно отправить лодочку, а в нее посадить девицу, чтобы пела какую-то особую песню, которую и знающие старики не помнят. И непременно нужно, чтобы она была натуральной девственницей в свои шестнадцать годочков, даже нелапаной и нечмоканой. Но поскольку такую в жизни не найти, хоть золото предлагай по весу, Кракена, дед говорил, хрен приманишь...

Грянул общий хохот. Сварог, единственный не принимавший в том участия, досадливо поджал губы. Они никак не могли проникнуться всей серьезностью затеянного предприятия. Для них «Рагнарок» сам по себе стал восьмым чудом света, и на его борту они казались сами себе мифологическими ви-тязьями, свято веря, что командир, отыскавший такое сокровище и в два счета

его укротивший до полного повиновения, одним махом свернет горы, подобно древним богатырям...

Он вздрогнул, поднял голову. Что-то менялось в происходящем. Исполинские ленты тумана, застилавшие полнеба, вдруг пришли в движение, они сминались, переплетались, завивались вовсе уж диковинными фигурами, словно подхваченные порывом сильнейшего урагана – но Сварог не чувствовал ни малейшего дуновения ветерка, да и остальные тоже. Полное безветрие стояло. И все-таки туман, корчась, уносясь комьями слева направо, поразительно быстро таял, горизонт очищался.

Потом в ту же сторону, слева направо, пошла странная рябь – низенькие борозды, извилистые и четкие, напоминавшие, пожалуй, дорожки на огромной грампластинке. Появившись от горизонта до горизонта, она моментально распространилась, захватила лодку, не причинив ей ни малейшего вреда, пошла дальше: бесконечные бороздки, никак не похожие на обычную волну, странно одинаковые, то ли от них и в самом деле неприятно ломило глаза, то ли это просто казалось... Куда ни глянь, эта бесконечная рябь.

Под ногами у Сварога дрогнула рубка – и он тут же понял, что это вся лодка содрогнулась, махина невероятного веса. Это не удар, непохоже, чтобы налетели на что-то вроде подводной скалы, это выглядит так, словно...

Глянув на бульбообразный нос, наполовину выдававшийся из воды, обернувшись к корме, он окончательно осознал, что происходит. «Рагнарок» двинулся влево боком, как не способно ни одно судно, неважно, надводное или подводное, вся его левая сторона вспенивала воду, поднимая явственную волну, срывающуюся завихрениями с носа и с кормы...

Одним прыжком оказавшись у распахнутого люка, Сварог вмиг слетел вниз, словно заправский моряк – не касаясь ногами ступенек, скользя ладонями по перилам. Даже руки чуточку обжег от трения. За ним, отчаянно грохоча, ссыпались все остальные.

Подскочил к сидевшей в командирском кресле Маре, подозревая, что она по неопытности что-то напортачила. Мара вскочила, освобождая ему место, пожимая плечами с растерянной улыбкой.

Упав в кресло, бросив взгляд на приборы, он моментально понял, что боевая подруга тут ни при чем. Так напортачить было попросту невозможно, нельзя даже по неопытности заставить субмарину делать то, что она не в состоянии делать...

На круглом экране все дальше расходились две линии, угол меж ними увеличивался с поразительной быстротой. Зеленая – намеченный курс лодки, красная – реальный. Субмарину все так же боком – разве что нос чуточку отклонялся – уносила влево какая-то посторонняя сила.

Сварог не думал и не рассчитывал. Без единой мысли или догадки в голове он повел лодку на срочное погружение – первое чисто рефлекторное побуждение, схожее с поведением испуганного зверя. Под водой, быть может, это кончится...

Ничего подобного, увы. И под водой лодку продолжало волочь в ту же сторону...

Пальцы металась по клавишам, никелированным рычажкам и кнопкам – так, словно все они были раскалены. Лодка клюнула носом, выполнила невероятный пируэт – хорошо еще, глубина была достаточная, чтобы не треснуть-

ся о дно. За спиной Сварога послышался стук, грохот, целая череда неопи- сываемых звуков – это бедолаг сподвижников, не ожидавших подобных фокусов, сшибло с ног, проволокло по полу, на пару секунд вставшему под углом в со- рок пять градусов, кого-то швырнуло на пустые кресла, кого-то – на стену. Он не обернулся, некогда было: пустяки, ушибы, никто ничего не поломал, иначе орал бы благим матом...

Он добился своего! Теперь «Рагнарок» был обращен кормой к той точке, ку- да его волокла посторонняя сила. Сварог, пользуясь шоферской терминологи- ей, выжимал газ – сначала врубил половинную мощность реактора, потом – три четверти, видя, что это нисколечко не помогает, решительно перебросил тумблер на «полный ход», так что квадратный выступ уперся в кромку гнез- да...

Бесполезно. При обычных условиях субмарина должна была нестись сломя голову – не менее сорока узлов – но сейчас она, несмотря на то, что Сварог вы- жимал из реактора все возможное, все так же плыла хвостом вперед в совер- шеннейшую неизвестность.

На двух экранах размеренно замигали алые и ядовито-синие надписи, жен- ский голос возвестил:

– Опасный режим работы реактора! Опасный режим работы реактора! Мак- симальная продолжительность работы в таком режиме – полторы минуты! По истечении срока – аварийное отключение!

Слева, в верхнем углу, вспыхнули синие цифирки, ежесекундно уменьша- ясь на одну. Оправа мигала круглая красная лампочка, и в такт ей противно верещал звонок.

Сварог еще полминуты держал тумблер на «полном ходу», но потом все же решил, что рисковать бессмысленно. Сбросил скорость, медленно, плавно, а там и вовсе остановил винты, чтобы посмотреть, с какой скоростью их тащит, и какие в этом движении закономерности, если они есть.

Так, инерция погашена, теперь лодка движется кормой вперед исключи- тельно под влиянием неизвестной силы... Шесть узлов... шесть и два, шесть и четыре...

Скорость росла. Понемногу, постепенно, но росла, и конца этому пока что не предвиделось...

Над ухом у него послышалось тяжелое дыхание. Он покосился за левое пле- чо. Тетка Чари, растрепанная, с разбитой бровью, цеплялась за спинку его кресла, все еще мотая головой, приходя в себя после внезапных кувырканий по рубке.

– Я говорила, командир... – прохрипела она. – Магнитная гора, точно... Все, как рассказывали – уцапает корабль и волочет, пока он об нее, паскуду, не хряпнется вдребезги...

Верить ей не хотелось – чересчур мрачная перспектива – но не было пока что другого объяснения... Сварог и сам не помнил, когда у него в руке появи- лась зажженная сигарета. Роняя пепел на безукоризненно чистый пульт, он сторбился в кресле, глядя на экран. Восемь и два, восемь и четыре... девять и два... Сквернее некуда.

– Что это? – рявкнул он, не оборачиваясь. – Нечистая сила, демон морской, природа, мать ее за ногу?

– Просто гора, – сказала Тетка, отчаянно пытаюсь держаться если не браво,

то хотя бы спокойно. – Магнитная гора, если вот так, на скорую руку прикинуть – природа, ага... Вроде бы...

Окинув рубку быстрым взглядом – все вроде бы целы, цепляются за что сподручнее, ожидая новых фигур высшего пилотажа – Сварог тремя-четырьмя движениями пальцев запустил винты, плавно повышая обороты, крикнул:

– Народ, цепляйся что есть мочи! Сейчас крутанет!

И вновь выполнил головокружительный маневр – на который, вполне может оказаться, в жизни не решился бы, будь он опытным подводником, профессионально обученным обращаться с этим чудом былой техники. Рули глубины, вытеснение воды, снова рули, мощность почти на полную... На несколько секунд взвыли, заверещали, замигали все тревожные сигналы, сколько их было, женский голос отчеканил очередную порцию увещаний и черных пророчеств – но Сварог все же добился своего, развернул субмарину носом к той точке, которую за неимением других версий приходилось именовать пока что Магнитной Горой. И поднял «Рагнар» на поверхность. Винты замерли, но лодка все равно несется, вздымая невысокую волну – уже четырнадцать с половиной узлов... Обзорный экран, фокусировка...

Субмарина, набирая и набирая скорость, перла по сероватой морской глади, под колпаком бело-черных облаков, и вокруг уже не было ни длинных полос тумана, ни мрака в виде айсбергов – зато впереди, словно вырастая из моря, поднимался все выше темный конус, крайне напоминавший видом самую обычную гору с неровными очертаниями, выступами и расщелинами. Если дальномер не врал, до нее оставалось с десяток морских лиг – но скорость росла, субмарину несло все стремительнее...

– Командир, да сделай ты что-нибудь, в трехнутого лешего! – взревел Бони.

Смешно, но в его рыке не было страха – одна, пожалуй что, досада на нерасторопность командира, во всемогуществе которого Бони, сдается, нисколько не сомневался...

Сварог, не глядя, выплюнул окурок куда-то на пол. Не отводя взгляда от растущей горы, кривя губы, отчаянно закусив нижнюю чуть ли не до крови, ударил по клавише.

Женский голос послушно откликнулся:

– Боевая часть-один на автоматике. Гразерт готов к работе.

«Интересно, взяли за основу голос какой-то реальной девушки, или это чистой воды компьютерный синтезатор?» – мелькнула в голове у Сварога совершенно идиотская сейчас мысль. Отгнав ее едва ли не панически, он какое-то время ломал голову над формулировкой и наконец решил:

– Цель – прямо по курсу.

Сердце едва не оборвалось от волнения, и эта секунда ожидания показалась бесконечной, время то ли ползло, как улитка, то ли встало вообще.

– Природный объект прямо по курсу? – с явно вопросительной интонацией уточнил женский голос. – Скальная формация, плотность, по данным дальномеров...

– Отставить плотность! – крикнул он. – Подтверждаю. Цель – скальная формация прямо по курсу. Прицел!

На сей раз вместо алых концентрических колец вспыхнул зеленый круг с какими-то завитушками. И ничего более не произошло, голос молчал – оче-

видно, так и полагалось, все сработало.

Магнитная гора надвигалась, вырастая уже на полнеба. Теперь можно рассмотреть, что ее склоны не так уж и отвесны, что там протянулось нечто вроде узенькой береговой полосы, и на ней смутно виднеются какие-то непонятные предметы, которые при некотором напряжении фантазии и здравого рассудка можно признать и обломками невезучих кораблей. Ага, вон там, точно, мачта свесилась с берега в море...

– Огонь! – распорядился он и положил руку на блестящий шарик регулятора мощности.

Он по-прежнему не представлял, что это за оружие, как работает и на что способно, но у него просто-напросто не было другого выхода и другого оружия, которое можно пустить в ход. Ни торпеды, ни ракеты тут не годятся, им не совладать с высоченной скалой. Загадочный гразерт был последним шансом – и лучше не думать, что случится, если этот шанс окажется пустышкой.

– Огонь! – рявкнул он что есть мочи, потому что ничего так и не произошло.

– Гразерт работает, – откликнулся женский голос. – Мощность – одна десятая, цель в зоне поражения... мощность недостаточна...

Охваченный отчаянным азартом, Сварог одним движением большого пальца продвинул шарик до упора – на сей раз не дождавшись ни сигналов тревоги, ни устного предупреждения. Не походило что-то, чтобы у гразерта были аварийные режимы, приближение к коим чревато – никакой опасной черты...

– Да где ж ты, господи! – высоким голосом на пределе человеческой воли вскричал кто-то за его спиной, и Сварог, оцепеневший в диком напряжении, не узнал кричавшего.

Ничего вроде бы не происходило впереди – ни ослепительного жгучего луча, ни вспышек, никакого сияния, свечения... Ничего.

Но Магнитная гора изменилась. Она менялась на глазах. Ее очертания вдруг исказились, дрогнули, словно меж ней и Сварогом встала стена раскаленного воздуха или прошла пелена дождя. Ее контуры потеряли прежнюю четкость, подернулись чем-то вроде темной дымки, густевшей, черневшей с каждым мигом, дымка превратилась в непроницаемое облако мрака, растущего, разбухавшего неправильно быстро – скорость лодки выросла, но все же не столь уж была и стремительна, как, скажем, у торпедного катера...

В следующий миг гора полыхнула беззвучным взрывом – точно, беззвучным, иначе внешние датчики прилежно зафиксировали бы шум, черная туча взметнулась, закрыв весь экран, подернулась белесыми промоинами, эти дыры становились все светлее, уже можно было рассмотреть, что исполинская туча черной пыли, вставшая до самого зенита, с невероятной быстротой тает, распадается, словно скопище пыли, в которую вмиг превратилась гора, не просто лениво расползается в стороны, а каждая пылинка мчится прочь от соседок со скоростью ракеты...

Скорость падала, показалось сначала, что субмарина наткнулась на некую невидимую стену, но Сварог тут же сообразил, что «Рагнарк», избавившись от внешнего воздействия, попросту неуклюже, по инерции останавливался...

Там, впереди, почти ничего уже не было – но Сварог, порхая пальцами по рычажкам и клавишам, опустил дуло гразерта к самой воде и бил, бил, бил

невидимым пучком энергии по тому месту, где только что вздымалась гора, для пущей надежности сметая последние обломки темного камня, еще торчавшие над водой, и они разбрызгивались облаками черной пыли, безумным фейерверком улетающей в небо.

– Полное уничтожение цели, – твердил женский голос. – Полное уничтожение цели. Полное уничтожение...

Сварог это слышал и понимал, но никак не мог убрать пальцы с клавишей. Напрягшись, отодрал их от пульта судорожным усилием. Скорость упала до нуля. «Рагнарок» лежал в дрейфе. Все кончилось, Сварог по всегдашней своей привычке выиграл и этот бой. Он неудачно, случалось, водил в атаку полки и эскадры – но до сих пор не провалилось пока что ни одного предприятия, затеянного и претворенного в жизнь лишь в сопровождении Странной Компании. Вот и на этот раз...

Откинувшись на уютнейшую кожаную спинку, адмиральскую, честное слово, он долго сидел, чувствуя явственную дрожь в руках и полнейший сумбур в голове. За спиной смирнехонько торчали верные сподвижники, кто-то шумно шмыгал носом от избытка чувств. На обзорном экране расстилалась лишь сероватая водная гладь, ничего не осталось, все было сметено. Непонятно, что такое гразерт, но штука эта страшная: в несколько мгновений превратить в пыль высоченную скалу, по сути, целый остров...

Он представил зеленый круг прицела, наложенный на горротскую столицу – и содрогнулся от открывшегося в глубинах собственной души. То, что он на миг ощутил в себе, не имело ни названия, ни складного описания на человеческом языке, но оно кружило голову, и пугало, и манило, и отталкивало... Все ли он знал о себе? Ох, непохоже...

– Ну что? – громко спросил он, обмякнув в кресле и самым идиотским образом ухмыляясь. – Почему я не слышу громких хоровых славословий? Почему никто не аплодирует и не оглашает помещение триумфальными воплями? Мать вашу так, мы же эту пакость разнесли в хлам, ребятки...

Какое-то время стояла тишина. Потом его величество король Арира, ворона, залетевшая в высокие хоромы, громогласно топнул ногой об пол и басовито заорал:

– Командир... Командир... Да мать твою за ногу и об колодец, командир, чтоб тебя впереворот через гумно... Ты только прикажи, а я уж сдохну!

Потом на шею Сварогу легли тонкие сильные пальчики, и Мара зашептала на ухо самым нежным своим голоском, притягательным, мурлыкающим, но не лишенным скрытой насмешки:

– Ты был великолепен, повелитель, настолько, что я начала всерьез задумываться, не поставить ли тебе в моем Сегуре монумент? Чтобы ты там золотым копьём что-то такое поражал...

– На приличный монумент твоей убогой казны все равно не хватит, – сказал он, все так же глупо улыбаясь. – Перебьюсь...

– Убогой? – всерьез обиделась Мара. – Между прочим, я казну осмотрела старательно, проверила все описи, и не такая уж она маленькая. Если королевство бедновато, это еще не означает, что и казна...

Она замолчала, удивленно ахнув. Сварог, все это время сидевший вполоборота к ней, проследил направление ее взгляда, уставился на экран – и мгновенно стал серьезным. Рано расслабились, промелькнуло у него в голове. Не

те места вокруг...

Огромный экран от края до края и сверху донизу покрылся натуральнейшей снежной метелью – снегопад, вмиг заволокший все доступное обозрению пространство, бушевал, взвихрялся, буйствовал, и это никак не могло оказаться какой-то электронной иллюзией, Сварог порой отчетливо различал каждую крупную снежинку в обметавшем «Рагнарок» потоке. Вот только снежинки были черные, все до единой. Черный снегопад кипел, датчики прилежно улавливали посвист ветра и шорох скребущих по обшивке снежных потоков...

Слева внезапно ожил индикатор, до этого упорно бездействовавший. Сине на черном цифры показывали не такое уж большое число, всего-то двузначное, пока что не увеличивавшееся – но Сварог понятия не имел, что именно отображают цифры. А потому двузначное число могло с равным успехом означать и совершенно безобидную ситуацию – и катастрофическую...

– Глаин! – рявкнул он, вспомнив, что именно так и следует обращаться к электронному мозгу лодки, отзывавшемуся женским голосом (вероятнее всего, это было сокращение от «главного информатория» или схожего термина).

– Слушаю.

– Что означают цифры на индикаторе... – наклонившись вперед, Сварог присмотрелся, – на седьмом индикаторе?

– Возникло магараль-излучение, – скупое проинформировал женский голос. – Поток незначительный.

– Что такое магараль-излучение?

Ответ последовал моментально:

– Вопрос непонятен.

Сварог даже и не пытался развивать эту бессмысленную дискуссию – по первой же реплике компьютера ясно, что он и в самом деле представления не имеет о сути загадочного излучения. Как наверняка не сможет ответить на вопросы вроде: «Что такое море?», «Что такое подводная лодка?». На борту в свое время, надо полагать, хватало специалистов, прекрасно знавших, что это за излучение такое – и никто не думал, что субмарина попадет в руки совершеннейших невежд...

Экран очистился – снегопад почти прекратился, только временами во всех направлениях пролетали колышущиеся струи черных снежинок. Раскати-стый, трескучий грохот донесся снаружи, и во весь экран полыхнула черная молния, разветвленная и необозримая, переливавшаяся всеми оттенками черного сияния, черного огня.

– Говорила я! – крикнула за спайной Сварога Тетка Чари с законной, но глупой гордостью. – Черное, а сверкает...

Грянул такой громовой раскат, что она замолчала. В первый миг показалось, что лодка лопнула – так шарахнуло...

И все кончилось. Вокруг снова были только серое море и бледные облака. Но число на индикаторе начало расти, из двузначного оно невероятно быстро стало то ли шести, то ли семизначным, Сварог не собирался считать цифирки, не до того было – слева, над индикатором, засветились холодными сиреневыми огнями шесть прозрачных полушарий, до того бездействовавших, звонок издал пронзительный деревянный треск (самый противный звук из всех, какими до сих пор только орали здешние сигналы тревоги), и Глаин сообщил:

– Опасная концентрация магараль-излучения, состояние Синей тревоги.

Цифирки мельтешили, изменяясь с неуловимой глазу быстротой, их ряд уже насчитывал не менее дюжины, сиреневые огни мигали наперебой, беспрестанно, звонок трещал еще противнее, и бесстрастный женский голос доложил:

– Очень опасная концентрация магараль-излучения, состояние Красной тревоги.

Повысив голос, перекрикивая зуденье звонка, Сварог распорядился:

– Держитесь покрепче! Нюхом чую, дела пошли хреновые!

Будто полностью соглашаясь с ним, звонок залился столь мерзкой трелью, что в животе стало холодно от омерзения, череда синих цифр ударила влево, заняв все свободные ячейки, но и после этого цифры продолжали меняться. Неизвестно, что от этого ждать, но Сварог заранее подозревал самое плохое. Цифры застыли, слева загорелась жирная красная линия, и Глаин доложил:

– Предельная концентрация магараль-излучения. Белая тревога! Белая тревога! Белая тревога!

Сварог уже знал достаточно о всех этих разноцветных тревогах – и подумал, что угадал совершенно правильно – неизвестно, что происходит, но заранее можно сказать, что хуже просто не бывает...

– Белая тревога! – не унимался Глаин. – Белая тревога! Лодка практически в эпицентре! Немедленные действия экипажа! Маневры ухода!

Рассуждать было некогда, сработала старая военная закваска, если объявился некий эпицентр и необходимы некие маневры, то понимать ничего и не обязательно, достаточно предпринять конкретные действия... Он врубил «полный назад», «Рагнарок» моментально подчинился и кормой вперед рванулся назад, вспарывая волны чуть ли не со всей возможной скоростью. Со звериной радостью Сварог смотрел, как гаснет экранная черта, как цифры вновь начинают спазматическое дрожанье, идиотскую пляску – и в результате их длиннейший ряд становится все короче, короче, короче... Пока не осталось всего четыре – сущие пустяки по сравнению с только что отшумевшей вакханалией. И звонок заткнулся, и сиреневые лампочки погасли...

– Состояние тревоги? – подумав, спросил Сварог, опять-таки представления не имея, правильно ли формулирует.

– Оснований для тревоги нет, – откликнулся Глаин. – Непосредственной опасности для лодки нет. Концентрация магараль-излучения в эпицентре возрастает до критической... Прорыв!!!

Впереди, чуть ли не в лиге от «Рагнарока» взметнулся фонтан чего-то вспененно-белого, сверкающего, сиявшего мириадам радуг, он занял экран от края до края, а вершиной ушел куда-то в небеса, он состоял словно бы не из одной только воды...

Море словно вскипело вокруг – это обрушились мириады осколков, заливая экран сиянием неисчислимых радуг, и куда-то исчезли бело-серые облака, небосклон вновь стал голубым, на нем появилось солнце. Это его лучи как раз и играли на множестве осколков... льда! исполинский фонтан ледяного крошева, взметнувшийся, быть может, выше башен небесных замков, обрушился в море, и насколько хватало взгляда, покрылось белоснежным крошевом, все так же сверкавшим под солнцем, и это было невероятно красиво, но тут же Сварог то ли непонятным наитием, то ли услышав неизвестно откуда прозвучавший голос, ясный, четкий, знающий все ответы на все вопросы, понял...

Страха он не испытывал – некогда было. Он крикнул только:

– Держись, команда! Последний парад наступает...

– Цель в зоне действия датчиков, – доложил Глаин. – Цель приближается, даю информацию...

Ну вот и все, подумал Сварог, опять-таки без малейшего страха, с холодной деловой сметкой опытного пулеметчика, углядевшего в прорези прицела приближавшиеся фигурки в ненавистных мундирах. Ну вот и все. Со свиданием!

– Цель на поверхности!

Вода впереди вскипела сразу во множестве мест, на поверхность вынырнуло скопище черных, извивавшихся щупалец, их было столько, что невозможно сосчитать, пучок взметнулся над лодкой на полнеба – но все же Сварог в первый миг ощутил, как это ни странно, разочарование...

Великий Кракен оказался не столь уж и великим. Он был огромен, конечно, в несколько раз превосходя по величине субмарину, тоже не крохотную – но все же не оказалось, Сварог собственными глазами убедился, того величия, о котором тысячи лет сочиняли страшные сказки. Чертовы змеи, Митгард с Ермундгадом, были даже поболее в длину...

Черные щупальца, сплетаясь кольцами, извиваясь, опускались на лодку, как исполинский невод, поздно было идти на погружение, и в мозг Сварогу ворвалась ледяная волна, заливая столь непостижимыми человеческому разуму эмоциями, чувствами и, может оказаться, мыслями, что это превосходило всякое понимание. Сохранилось лишь впечатление чего-то ледяного, липкого, невероятно чуждого всему нашему миру, всей нашей Вселенной, олицетворявшему всю ненависть и мерзость мира иного – оно поднималось по телу, превращая его в камень, достигло пояса, в рубке стало гораздо темнее, одного взгляда на индикаторы хватило, чтобы сообразить: «Рагнаррок» теряет энергию, она утекает, хлещет, как кровь из рассеченной артерии...

Щупальца более не двигались, но ледяное, липкое, злобное поднималось все выше, надрывались аварийные звонки, вроде бы все без исключения, огни на пульте тускнели, оцепенение распространялось по телу, и уже не хотелось ничего делать, думать, хотелось расстаться с ненужными теперь человеческими чувствами, побыстрее раствориться в спасительном липком мраке, стать частичкой ледяной умиротворенности, которой предстояло затопить весь мир, что послужит лишь во благо...

Непонятно, откуда нашлись силы, но он стряхнул погибельное наваждение. И практически наощупь нашел нужные клавиши, рычажки, тумблеры, кнопки. Откуда-то из невероятного далека едва доносился бесстрастный женский голос, то ли творчество электронного синтезатора, то ли все, что осталось от жившей некогда реальной девушки:

– Первые шесть – пуск! Вторые шесть – пуск! третьи шесть – пуск! Сопровождение торпед по всему пути следования... Поражение цели! Поражение цели!

Мрак расступился, засияли лампы, налились жизнью огни на пульте, а на экране дыбились нечто настолько непонятное, что Сварога замутило при одном его виде: то ли черный взрыв, то ли фонтаны, то ли сверкание черных молний, то ли бешено вертевшиеся сразу в десятке направлений смерчи. Бешено кружился неопишуемый хаос – не земля и не воздух, не вода и не ветер,

неизвестно что, и хотелось только одного: чтобы это побыстрее пропало, потому что такому просто не полагается быть в нашем мире...

Обрушился звук такой силы, что жалобно взывшие датчики отключились один за другим, на экране вздыбился водяной вал, накрыл лодку, завертел, как щепку...

Никто не знает, сколько прошло времени – какое-то количество протекло со свойственной времени способностью проходить. Когда Сварог вновь стал способен думать и чувствовать, он обнаружил себя в кресле за пультом управления, и понял, что «Рагнарок» дрейфует на поверхности, посреди голубого моря, под ярким солнцем, где нет никаких следов Великого Кракена, а о его былом существовании напоминает лишь желтая на черном надпись: «Цель поражена». Понял, что все кончено.

Он не чувствовал особенной гордости – и оттого, что был опустошен до всех мыслимых пределов усталости, не имевшей ничего общего с обычной, и оттого еще, что победой в значительной степени обязан был другим. Тем, кого давным-давно не было на этой земле. Они почти все и сделали, кроме самого главного – а потом пришел Сварог с его привычкой все доводить до конца...

Обвиснув в кресле, чувствуя что-то влажное на лице, он произнес в пространство севшим голосом:

– Только не говори, что ты меня избрал, что на меня что-то такое возложено. Потому что мне страшно это знать, и я не знаю, как с этим жить, и я совершенно к такому не готов, это не по мне, это больше меня...

И никто ему не ответил, конечно, только за спиной раздался слабый стон – кто-то мучительно приходил в себя после всего обрушившегося. Хватило беглого взгляда, чтобы определить: среди барахтавшихся на полу рубки тел не наблюдается мертвых, а это просто прекрасно, господа...

Ощувив в себе слабый прилив сил, он кое-как поднялся из кресла. Значит, вот так. Вопреки сказкам и легендам, где светлый рыцарь и черный дракон бьются без передышки семь дней и семь ночей, вытоптав и разнеся вдребезги всю округу. Ну что же, в жизни большей частью так и бывает, достаточно одного меткого выстрела, без долгой перебранки, напыщенных речей и картинных баталий от зари и до заката...

Он наконец смог улыбнуться. И сказал, понемногу обретая голос:

– Благородные рыцари и дамы, короли и королевы, за ногу и об колодец! Кончай валяться! Ходят слухи, что мы победили – ну да чего еще от нас ждать? Мы такие...

И улыбнулся уже во весь рот, веря сейчас, что они и в самом деле бессмертны.

Эпилог

Вокруг не было ничего, напоминавшего бы Море Мрака. Вполне могло оказаться, его больше не было, чем черт не шутит. Вполне могло. Не зря же его не усматривалось на тех картах, что нарисованы до Шторма.

Голубая, искрящаяся водная гладь и голубой небосклон. «Рагнарок» лежал в дрейфе, а в небесной лазури над ним было не протолкнуться от летательных аппаратов, висевших на почтительном расстоянии, на большой высоте. Драккары Серебряной Бригады, боевые браганты в устрашающем количестве, множество виман. Ни один не стронулся с места, не изменил дислокацию. Они ждали. Сварог превосходно был знаком с тамошней аппаратурой – без сомнения, сверху давным-давно рассмотрели уже всех, кто стоял у перил на крыше рубки, и его, и прочих. Но ни одна воздушная машина не стронулась с места. Быть может, людям наверху не хватало духу – есть сильные подозрения, схватка в Море Мрака протекала с таким размахом, такими визуальными эффектами (один ледяной фонтан чего стоил, не говоря уж о последующем), что наверху многих прошиб холодный пот.

Ну и черт с ними, их эмоции и страхи сейчас Сварога нисколечко не трогали. Он стоял, облокотившись на перила, с высоким стаканом в руке, и в стакане алело вино из корабельных запасов – подводников всегда снабжали неплохо. Настроение было невероятно благостным: никто не дергал его за рукав, не приставал с неотложными государственными заботами, не требовал в очередной раз спасти мир, не ставил головоломных задач. Несказанная благодать!

Он посмотрел на сподвижников, уже успевших принять по паре стаканов корабельного вина. Он их всех любил. В этой драке они ничем ему не помогли, совершенно. Они просто-напросто в очередной раз без колебаний и раздумий, по собственной охоте пошли за ним к черту на рога, прекрасно понимая, что могут не вернуться назад, и этого достаточно, чтобы любить их и доверять им всю оставшуюся жизнь. Сколько бы ни отведено этой жизни.

И что бы еще сделать для них такое, чтобы всем было понятно: других таких нет?

«Городу и миру!

Мы, Сварог Первый Барг, король королей, король Хелльстада и Хорена, Демура и Коора, Глана и Ронеро, Снольдера и Улада, Великий герцог Харланский, герцог Ямурлакский, барон Готар, князь Рут, князь Чедир, князь Инес, ярл Стенима и Галевина, Баррадина и Канира, Генерал-Старшина Ганзейской Палаты, Первый Патриций Балонга, Высокий Покровитель Вольных Маноров, сим объявляем, что постановили создать особую гвардейскую гран-алу, стоящую по старшинству выше всех прочих гвардейских частей подвластных Нам земель, наименовать гран-алу Нам угодно – „Странная Компания“. Командование таковой Нами постановлено держать за собой.

Полный список гвардейцев:

*Мара, королева Сегура,
Бони Скатур Дерс, король Арира,
Шег, барон Шедарис,
Паколет, маркиз Гранау, барон Витил,
Леверлин, граф Грелор,
Чари, графиня Лендор.*

Герольдам объявить на площадях, ярмарках и перекрестках дорог, дабы все знали, что такова Наша воля».

...И конные герольды понеслись в восемь сторон света.

Красноярск, 2004

Александр Бушков

Чужие берега

(Сварог – 6)

*Что было, то и будет; и что делалось,
то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас.
Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после...
Книга Екклесиаста, 1, 9—11*

Авторы стихов, приведенных в романе: Ж. дю Белле, Д. Р. Киплинг, Т. С. Элиот, С. Т. Колридж, Ш. Бодлер

К ЧИТАТЕЛЮ

Скажу откровенно: тот факт, что лорд Сварог застрянет в мире Димереи на столь долгое время, для меня самого явился полной неожиданностью. Просто-напросто эпизод с его попаданием на Атар, задуманный как совершенно проходной и на ход событий на Таларе не влияющий абсолютно, внезапно взбрыкнул, закусил удила и понесся вперед (и вширь!) таким галопом, что мне ничего не оставалось, как бросить поводья и позволить Сварогу самостоятельно выбираться из запуток, в которые он сам себя загнал... Сейчас же я могу обещать твердо только одно: граф Гэйр обязательно вернется на Талар. Надо подождать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КУДА ВЕДЕТ ТРОПА

Глава первая Что такое хандра...

На землю уже давно опустилась ночь, а здесь все еще никак не мог закончиться вечер. Солнце наполовину погрузилось за далекий темнеющий лес, и алое сияние растеклось по горизонту, как сметана по столу. Закат делал колонны, чисто символически поддерживающие невесомую крышу террасы, изящный столик, бутылочку вина на нем, человека в плаще напротив – все окружающее делал слегка размытым, словно не в фокусе, лишенным красок, прозрачным. И если прищуриться, то создавалось полное впечатление, что находишься не в трех лигах над землей, а по меньшей мере в трех уардах под водой, причем без маски, причем в полный штиль, и вот-вот мимо тебя проплывет, шевеля розовыми плавниками, золотобрюхая хвостатая рыбина, гордая и самоуверенная, кося выпуклым глазом... Прищуриваться, однако, не хотелось. И не потому, что – детство, а потому, что настроение собеседника к играм воображения не располагало. Настроение собеседника было не ахти. Хреновым оно было, прямо скажем.

В почти недвижимом вечернем воздухе были растворены едва слышные звуки музыки – мотива не разобрать, слишком далеко, но что-то вроде бы браурное, разухабистое: в полутора лигах от них и значительно ниже, в полуночно-закатном направлении, парил чей-то манор. Оттуда мелодия и доносилась, кто-то из ларов всю гулял и веселился, – но на таком расстоянии, да еще в сумерках, чужой остров казался не серьезнее, чем грязное пятнышко на сером холсте. Равно как, должно быть, и для гуляк – манор Гэйр...

– Скажите откровенно: вам это надо?

Очарование вечера было разрушено одной фразой.

– Вы о чем? – с невинным видом переспросил Сварог.

Вместо ответа Гаудин, прищурившись, посмотрел сквозь бокал на багровое солнце. Грани тонкостенного хрустального сосуда, до половины наполненного келимасом, преломили закатные лучи и превратили лицо начальника тайной полиции Империи в причудливую маску.

– По-моему, вы не совсем понимаете, во что ввязываетесь, – тихо сказал он, не поворачиваясь, медленно поднес бокал к губам, покатав напиток по рту и проглотил. – Быть королем – занятие хлопотное, доложу я вам...

– Ничего, иногда полезно сменить поле деятельности, – легкомысленно ответил Сварог, задирая голову к звездам. – Не все же мне бегать по Талару с высунутым языком...

Бездонное вечернее небо было чистым и безоблачным, легкий ветерок шевелил флаги на зубчатых башнях. Завтрашний день обещал быть теплым и солнечным. Лепота и благодать, одним словом. Собственно, за этой благодатью Сварог и прибыл в Гэйр – прибыл, чтобы малость развеяться, отвлечься и расслабиться: последние дни его одолевала самая обыкновенная тоска.

Сварог и сам не понимал, откуда взялась тоска. Ну не королевская это болячка! Смешно даже предполагать такое, чтобы король, которому стоит лишь пошевелить пальцем – и придворная орда наперегонки бросится исполнять

его прихоти, страдал каким-то там упадком духа, какими-то там интеллигентскими мерехлюндиями. И, только заполучив корону на голову, повластвовав немного, он понял, насколько подчас увлекательным оказалось это занятие... И все же было, было с чего самодержцу Сварогу впасть в уныние, несмотря на гарнизоны прислуги и охраны, на добрую дивизию расфуфыренных в пух и прах придворных, на взвод советников по любым вопросам, которые только могут прийти в голову государю. Но вот никого из своих рядом не было. Мара в компании с Шегом, Бони, Паколетом и примкнувшим к ним Карахом все еще пропадала в Ямурлаке. Дела у них, судя по редким донесениям, шли отлично: поголовье нечисти планомерно уменьшалось и бравое войско без потерь продвигалось в глубь заповедной территории. Леверлин как исчез неожиданно, так до сих пор и не объявлялся. Даже министр полиции Интагар, с которым у них вроде бы наладилось взаимопонимание, и тот отпросился в дальние провинции – самолично успокаивать какого-то малоизвестного барона Альгаму, поднявшего-де местечковый мятеж против новой королевской власти. Барона Альгаму, старого самодура, по словам Интагара, министр надеялся приструнить без кровопролития, кое о чем напомнив и кое-что пообещав, а если не выйдет, так в дело вступит полк королевской гвардии... В общем, итог один. Оставалась разве что тетка Чари, – но не проводить же дни напролет с веселой вдовой, рассказывая байки и вспоминая веселые деньки?..

– Признаться, у меня на вас были совершенно другие виды, – сказал Гаудин, ставя бокал на резной столик сбоку.

Сварог нарочито виновато развел руками.

Минул месяц с тех пор, как столица его высочайшим повелением была перенесена в Латерану, а имя самого Сварога обросло гроздьями титулов и званий. За это время он почти не появлялся в собственном летающем дворце – дел у новоявленного короля в Латеране случилось невпроворот, и все больше утомительных – бумажных. Бывал он здесь наездами, и на весьма непродолжительное время, про Келл Инир уж и говорить нечего... И вот нате вам, vykроил наконец время, когда совсем уж стало не вмоготу, посетил родные, так сказать, пенаты отдохнуть и расслабиться, а тут – Гаудин, как снег на голову. Прибыл неожиданно, сразу после ужина, без помпы и сопровождения, незадолго перед тем, как Сварог намеревался вернуться в королевский дворец. Вот интересно: что привело господина начальника тайной полиции именно сейчас? Неужели так соскучился?..

Впрочем, хандрящий Сварог визиту надворного советника даже обрадовался. Некоторое время они побродили по манору, развлекаясь ничего не значащей беседой, посетили библиотеку, где Сварог похвастался коллекцией старинных свитков, преподнесенных ему в дар по случаю воцарения Королевским книгохранилищем Ронера (свитки более всего напоминали связку подмокших рулонов серой туалетной бумаги и, по уверению старшего архивариуса, являлись бесценными образчиками любовной лирики конца прошлого тысячелетия)... Гаудин вежливо поддерживал разговор, но складывалось полное впечатление, что и ему невыносимо тоскливо. Какого черта он приперся в Гэйр, Сварог решительно не понимал, однако развлекал гостя как умел и тем самым отвлекался от меланхолии сам. Наконец, утомившись экскурсией, они уединились на террасе, выходящей на закат; начальник восьмого департамента устроился в плетеном кресле с бокальчиком в руке, Сварог же остался сто-

ять, покуривая в вечеряющий воздух.

– Удивительный вы все-таки человек, граф, – вздохнул Гаудин, и непонятно было, то ли с укором вздохнул, то ли с сожалением. – Являетесь неведомо откуда и за какие-то полтора года устраиваете такую свистопляску на всем Таларе, что волосы дыбом...

Сегодня начальник восьмого департамента был облачен в черный кожаный плащ-реглан до пят и весьма напоминал мудрого комиссара из фильмов семидесятых годов про ЧК.

– Да бросьте, – примирительно сказал Сварог. – Вам-то на хвост я пока не наступал.

– Ну, это как посмотреть, – сказал Гаудин. – Вы – уж извините за прямоту – еще мальчишка, граф. Вы несетесь вперед сломя голову, галопом, даже не трудясь на секунду остановиться, оглянуться, подумать: а в ту ли сторону я мчусь, а не совершаю ли я что-то непоправимое... Ума не приложу, как я буду выкручиваться, когда вы сорветесь в пропасть и потащите за собой треть Талара...

Не-ет, судари мои, вовсе не скучал нынче, не тосковал от одиночества господин начальник тайной полиции. Он прилетел специально, чтобы поговорить о поведении некоторых распоясавшихся личностей...

– А я обязательно должен сорваться? – с любопытством спросил Сварог.

– Ну разумеется! – невесело засмеялся Гаудин. – Скажу больше: еще и очередь выстроится, чтобы посильнее толкнуть вас в спину. Нет, ваше величество, вы серьезно полагаете, что сможете удержать все эти страны в своих руках? Ну ладно там Хелльстад, где людей-то и нет, или Глан, где вы званы... А Снольдер, например, где вы захватили власть силой? Да что Снольдер! Известно ли вам, мой юный друг, что пока Конгер Ужасный лежал при смерти, в Равене трижды едва не вспыхнула гражданская война? Трижды! И все из-за того, что шла бойкая закулисная грызня за трон. Король еще был жив, а они уже делили корону. И лишь вмешательство моего ведомства спасло ситуацию, помогло сохранить шаткое равновесие. И вы всерьез надеетесь, будто все в Ронеро полагают лучшей кандидатурой именно вас? Что никто не будет, мягко говоря, против? Ха-ха... И это только в Ронеро, более-менее спокойном государстве. А в других – например, в Балонге – даже подумать страшно, что вас там ждет. Я, конечно, не утверждаю, что ваши противники обязательно пойдут на прямое устранение. Зато палки ставить в колеса – это они умеют, это у них в крови. А уж если учесть протяженность территории, коей вы, ваше величество, владеете, то тут и стараться особо не надо.

Он сделал паузу, явно ожидая вопросов или комментариев, но Сварог безмолвствовал. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и вокруг летучего острова на высоких ажурных столбиках зажглись гирлянды фонариков, уютно высветив террасу и окрасив стены манора в мягкие тона. Проплывающий неподалеку веселящийся манор тоже вспыхнул огоньками – россыпь сияющих брильянтов ручейками прокатилась по нему сверху вниз, от вершины к плоскому основанию, и манор мигом превратился в веселенькую новогоднюю елку, парящую в небе над Таларом. Некогда Сварог по наивности полагал, что иллюминация призвана не столько освещать по ночам воздушные замки, сколько служить своего рода позиционными огнями – во избежание столкновения с прочими летающими транспортными средствами, но позже смекнул, что никакое столкновение в воздухе ларам не грозит: аппаратура начеку, да и

магия уберезжет. Вот разве что водителю означенного транспортного средства все же спокойнее видеть, что он проносится не мимо темной зловещей глыбы, – рядышком плывет беззаботно сверкающий остров, свои...

Гаудин же, похоже, был настолько погружен в собственные грустные размышления, что смены освещения даже не заметил. Он продолжал прежним менторским тоном:

– Обширность владений, ваше величество, выйдет вам боком. Во-первых, до удаленных уголков ваши высокомудрые указы будут идти месяцами, пониматься там превратно и исполняться кое-как, поскольку удаленность от столицы и неистребимое провинциальное мышление отнюдь не способствуют пиетету к королю. И придется вводить войска, принимать карательные меры, закручивать гайки, что уважения вам не прибавит. Во-вторых, бюрократическая машина у каждого государства своя, она огромна и разветвленна, и, попытавшись подчинить управленческие аппараты одному центру, вы немного погодя с удивлением заметите, что породили на свет еще большую махину, неповоротливую и косную... Эта махина раздавит вас, мой друг. Вы потонете в бумагах, даже если будете прекрасно разбираться в тонкостях законов и особенностях укладов всех стран. А поскольку вы в них не разбираетесь, то завалите дела раньше, чем потонете... И заметьте, это только при условии, что все пойдет гладко. А ведь есть еще и в-третьих, и в-двадцать пятых... Возможны недовольство армии, разного рода рокоши, попытки ваганума, пограничные конфликты, восстания наконец... Так что и мне вы тоже на хвост наступили, любезный граф, поскольку разгребать за вами придется именно вашему почорному слуге. Если успею...

– Однако умеете вы внушить оптимизм, милейший лорд, – усмехнулся Сварог. – Меня так и тянет виновато потупить взор и проскулить: «Я больше не буду».

Хотя был, чего уж греха таить, был в словах Гаудина определенный резон. Сварог и сам знал немало примеров из истории Земли, когда безудержное расширение границ государства приводило к его скорой гибели... Но что тут поделаешь, если короны и титулы сами просятся в руки Сварога? Не отказываться же...

– Я и не обязан быть оптимистом, – резко ответил начальник тайной полиции, по-прежнему не глядя на собеседника. – Я реалист. И должен ежесекундно останавливаться, оглядываться, думать. Иначе грош мне цена, и гнать меня надо с поста в три шеи.

– Знаете, – сказал Сварог, – а вот я не настолько мрачно смотрю на вещи. Один генерал из моего мира как-то заметил: «Власть не берут, ее подбирают». Правда, генерал этот плохо потом кончил, но суть-то не меняется: крепкую власть захватить не удастся, будь ты хоть трижды Серый Рыцарь. Так что я всего лишь подбираю то, что плохо лежит. Не спорю, слава обо мне по Талару идет жутковатая, но в целом-то добрая... И я попробую продержаться. Раз судьба предлагает такой шанс побыть королем – грех не воспользоваться...

– Нет, положительно вы удивительный человек. Императрица же предлагала вам пост канцлера, ну почему вы отказались? Побоялись наломать таких дров, что положение потом будут выправлять годами? И между тем преспокойно напяливаете на свою буйную головушку корону за короной?..

Оп-па!

Сварог, чтобы его не выдали глаза, отвел взгляд. До Гаудина, конечно, должны были дойти слухи, что Яна просила его занять место канцлера. Но с Яной-то они беседовали наедине, и никто не мог знать, что Сварог выразил отказ именно этими словами: «Я тебе наломаю таких дров, что выправлять положение будут годами». Значит, у старого лиса есть уши в маноре Гэйр? Проболтались вы, господин надворный советник, ай-ай-ай, какой прокол с вашей стороны!

– Зато я согласился на другой пост, – сказал Сварог. – Вы, естественно, уже в курсе?..

Гаудин поднял голову, посмотрел на небо. В небе на закате еще разливалось в полгоризонта мутное розовое свечение. На восходе же царила иссиня-черная бездна, наполненная дрожащими искорками звезд. Юпитера видно не было – не иначе, он находился по другую сторону Талара... А вот в вышине над головой, чуть левее островерхой башенки со стрельчатými окнами, можно было бы (если б не легкая дымка) различить неприметную алую точку. Уже и телескопа не надо, чтобы увидеть ее, достаточно обладать острым зрением...

– Она близко, – невпопад сказал Гаудин. Он пошевелился в кресле, засовывая руки поглубже в карманы плаща: холодало. – И с каждым днем все ближе. Вы были правы, можете гордиться: это Багряная Звезда. Происходят странные вещи, и все чаще, чаще... Есть сведения, например, что в предгорьях Каталауна исчезла целая деревня – стояла триста лет, и вдруг как не бывало, ровное поле на ее месте; зато в одном из городов Шагана из ничего, из воздуха, вдруг возник огромный двенадцатиколесный экипаж, на немыслимой скорости врезался в стену часовни, загорелся и взорвался. Возница погиб мгновенно. Это был автомобиль для перевозки грузов из тех времен – до Шторма. Утверждают, что это суть проявления Пробоя. В устье Итела несколько раз наблюдали Серебряный Ветер – к счастью, пока обошлось без жертв. Моряки отказываются выходить в море: дескать, Великий Кракен проснулся. И прочая, прочая... В Магистерии паника и переполох – спешно вытаскиваются из пыльных архивов любые материалы о Багряной Звезде, мифы, пророчества, какие-то обрывки, чудом сохранившиеся за пять тысяч лет. Изучаются, классифицируются, сопоставляются. Ищут, как спастись, как уберечься... Только, боюсь, все это впустую. И если Багряная Звезда действительно является предвестником нового Шторма, то спасения нет. Нам не выжить. И в эти дни мне б очень не хотелось, чтобы мы стали врагами, граф.

– А мы можем стать врагами? – искренне удивился Сварог. Гаудин пожал плечами:

– Вы, помимо прочего, еще и в высшей степени непредсказуемый человек. Совершенно невозможно угадать, какой фортель вы выкинете в следующий момент. А я не люблю неизвестность. Я боюсь неизвестности... Я боюсь вас, граф Гэйр. И подчас у меня крадывается мысль, что было бы лучше, если б вас здесь не было вовсе. Спокойнее было бы.

Они ненадолго замолчали. И Сварог вдруг понял, что Гаудин вовсе не проговорился насчет наломанных дров, – напротив, старый лис недвусмысленно давал понять, что ему известен каждый шаг, каждое слово Сварога. Ах ты, интриган...

– Могу ли я предположить, что вы мне угрожаете, любезный лорд? – проникновенно спросил Сварог.

– Перестаньте, – поморщился Гаудин, – какие тут угрозы... Просто если вы попадете в настоящий переплет, я не знаю, стану ли выручать вас. Возможно, я просто буду стоять в стороне и с интересом наблюдать, удастся ли вам в очередной раз выбраться сухим из воды. А если не удастся, то я не уверен, что заплачу от горя.

Неожиданно он посмотрел прямо в глаза Сварогу. Без гнева, без упрека, без осуждения. Сварог не смог прочитать в этом взгляде ничего. Но взгляд начальника тайной полиции ему не понравился. Очень не понравился.

– Вы мне мешаете, граф, – с нажимом произнес Гаудин. – Вы путаете мне все карты. Сейчас мне наплевать, Серый вы Рыцарь или не Серый, мне наплевать, прав Кодекс Таверо насчет вас или нет. Я выстраивал восьмой департамент несколько столетий, оттачивал его работу до идеала, до ювелирной точности. А тут появляетесь вы и походя ломаете все мои замыслы. Мальчишка! Почему вы появились именно сейчас? Зачем вам понадобились все эти короны и титулы? Зачем вам эта должность, выдуманная Яной? Начальник девятого стола, скажите пожалуйста! Кто вы такой, граф Гэйр?!

Несколько ошарашенный внезапным напором, Сварог, едва не уронив сигарету, даже отступил на шаг и успокаивающе поднял руки:

– Да помилуйте, милорд! У меня и в мыслях не было мешать вам! В конце концов, я не просил, чтобы вы вытаскивали меня из моего мира... Да и позвольте напомнить, что до сих пор я честно и, между прочим, успешно выполнял ваши задания... – Он собирался добавить в шутку: «Я не дьявол и не бог, я просто дон Румата, веселый дворянин...», но решил не накалять обстановку непонятными цитатами.

Впрочем, Гаудин его и не слушал. Не сводя со Сварога буравящего взгляда, он прошипел:

– Клянусь, граф, если вы со своим столом встанете у меня на пути, я не остановлюсь ни перед чем. Я смету вас, как пыль. Не надо со мной ссориться, граф, предупреждаю.

А потом глаза его погасли – так же неожиданно, как и вспыхнули. Начальник тайной полиции откинулся на спинку кресла и, не вынимая рук из карманов, отвернулся к угасшему небу на восходе. Теперь перед Сварогом сидел просто запутавшийся, невероятно уставший старик.

– Извините, лорд Сварог, – произнес он своим обычным голосом. – Нервы. У всех нас нервы не в порядке последнее время. Багряная Звезда... Наверное, впервые в жизни я чувствую свое полное бессилие. Это все равно, как видеть приближающийся к тебе марен и знать, что ничего сделать нельзя. Ни убежать, ни скрыться... Извините.

– Пустое, – буркнул Сварог. И сказал: – А вы все ж таки мне угрожаете, любезный лорд.

– Да, угрожаю, – буднично ответил Гаудин. – Поскольку не могу позволить, чтобы еще и вы создавали мне проблемы. И без вас голова кругом... Поздно уже, граф. Простите, что оторвал от ваших дел. Проводите меня, будьте любезны.

По изящной лесенке взойдя на борт сияющей огнями виманы, он остановился у перил и опять посмотрел в глаза Сварогу. Прищурившись. И склонив голову набок.

Дорого бы дал Сварог в этот момент, чтобы узнать, какие мысли клубятся

под высоким лбом надворного советника... Вимана бесшумно отчалила от замка; покачнувшись, взяла курс на полночь, а начальник тайной полиции Империи Талара все стоял и смотрел на Сварога, пока вимана не превратилась в тусклую точку на черном покрывале неба. Точку не больше рядовой звезды.

Тогда Сварог пожал плечами, зевнул и, сказавши «б-р-р-р», поежился – ночной воздух забирался под рубаху и гладил грудь холодными пальцами.

– Павлины, говоришь... – пробормотал он.

«Сегодня, пожалуй, нет смысла возвращаться в Латерану. А полечу-ка я в Латерану завтра утром. Потому как утро вечера мудренее. Тогда и обдумаем, что еще за напасть на мою голову и как вести себя дальше в общении с этим непонятным человеком.

„Я подумаю об этом завтра“, – как сказала одна литературная героиня».

И он направился в спальню. Даже не предполагая, какие открытия в обрамлении нешуточного удивления, говоря языком старинных романов, принесет ему утро.

...Записку подбросили не без юмора – и при этом так, чтоб он не смог ее пропустить. Никак не миновал бы ее, даже если б провалялся весь день в постели, как малодушно собирался, вернувшись с облаков на землю. Ох как он понимал Бони и Паколета! А тут еще Гаудин со своими угрозами и упадническими пророчествами...

Нет, не по поводу Гаудина хандрил Сварог. Как уже говорилось выше, он просто чувствовал себя одиноко в королевском дворце.

Дел у короля Сварога, конечно, хватало. Можно и послов принять, и бумаги подписать, и повникать в отчеты с рапортами, и учинить разносы нерадивой челяди, и устроить смотр своим вооруженным силам, и встретиться с ходоками и челобитчиками, и чертов стул всего другого на совершать. Но ни принимать, ни вникать, ни совершать, равно как заниматься прочей королевской рутинной не хотелось. Хотелось же, дьявол побери, вольного ветра в лицо, скрипучего седла под собой, дыхания и фырканы разгоряченных скакунов, мерного покачивания Доран-ан-Тега на боку, незатейливых подколов и шуточек товарищей по странствию, цели впереди и неведомой опасности со всех сторон. Как в старые добрые времена. Однако впереди Сварога ждал очередной королевский день и никакого тебе вольного ветра. И оставалось в его состоянии лишь неприкаянно бродить по этажам и залам, по кишкам коридоров, рычать на засыпающую стражу, на бездельничающую прислугу, пытаться чем-то заняться самому, чтоб тут же это и прискучило. Поневоле поймешь отдельных коронованных особ, которые со скуки пускались во все тяжкие – начиная от безудержных утех с актрисками и заканчивая затяжной войной с соседями. А ведь он царствует всего-то ничего. То ли, э-хе-хе, еще будет...

Поэтому, когда Сварог обнаружил подброшенную записку, то почти что обрадовался. Записка сулила отвлечение от дворцовой тягомотины и, кроме того, обещала прямой выход на, с позволения сказать, людей, до которых Сварогу не терпелось добраться самому.

Хотя слово «подбросили» не подходило – записку пришилили. На видное место. Местом непредставившиеся почтальоны выбрали, выражаясь по-королевски, кабинет для обязательных государевых раздумий. Или, говоря по-сол-

датски, сортир. Клочок плотной желтоватой бумаги размером с конфетный фантик письмоноscopy прикрепили к внутренней стороне двери на высоте Свароговой груди. Но не кнопкой, как сперва показалось Сварогу, а предметиком, который сам по себе был призван навести его на размышления. Отшлифив листок, Сварог положил предметик на ладонь и поднес поближе к глазам. И увиденному ничуть не удивился.

На ладони, холодя кожу металлическим прикосновением, лежала маленькая шпажонка. Ее можно было принять за игрушечную, изготовленную миниатюрных дел мастером для какого-нибудь коллекционера затейных вещей или для престарелого игрока в солдатики. Коллекционер мог бы поумиляться, разглядывая в лупу посеребренную рукоять с каким-то драгоценным камнем в наверхье, изящную гарду, какие-то завитки или даже надписи на плоском клинке. Коллекционер расчмокался бы губами: «Ах, какая прелесть! Какая тонкая работа!»

Однако Сварог знал, что шпага самая что ни на есть настоящая. И не на что там любоваться. На его ладони оружие. И не исключено, что на этом крохотном клинке чья-то кровь.

Но вряд ли шпага послана ему в предупреждение. Сварог еще не ознакомился с посланием и не имел понятия, подписано ли оно. Скорее всего, шпажонка сама по себе является подписью.

Покинув кабинет для обязательных государевых раздумий и уединившись в кабинете для подписания личных королевских бумаг (также освобожденном от непрременной внутренней стражи), Сварог устроился за столом, вогнал в столешницу клинок, который при надобности мог бы заменить портняжную иголку, и обратился к записке. Открепленная бумага завернулась в рулончик. Расправив ее и придерживая пальцами, Сварог прочел текст.

«Досточтимый король!

Мы не меньше Вашего Величества обеспокоены сложившейся ситуацией. Мы ни в малейшей степени не желаем, чтобы Вы воспринимали нас как единое целое. Мы надеемся, что наши интересы совпадут. Если Ваше Величество соблаговолит принять наше предложение, то мы будем счастливы обсудить назревшие проблемы сегодня в полдень, в часовне Атуана, коя находится в подвале дворца Вашего Величества. К великому сожалению, мы ограничены в выборе места и времени для встреч. Заранее приносим свои глубочайшие извинения за возможные неудобства».

Вот так.

Буквы меньше привычных, человеческих, раза в три. Подписи нет. Каждую литеру выписывали короткими линиями, по пять-шесть раз на букве, отрывая руку от бумаги. Чернила синие, необычно яркие, какими не пользовались ни лары, ни земные жители. Бумага желтая, будто старая, но не иссохшая. Так должно быть, если сами бумагу не производят, а живут старыми, бережно хранимыми запасами.

Вот так.

Сварог закусил нижнюю губу и задумчиво посмотрел в высокое окно, на виднеющиеся сквозь утреннюю дымку башни крепости Руэт.

«Каков из всего этого следует вывод? А таков: если перед ним и подделка под работу лилипутов, то фальшивка состряпана умело. Теперь вопрос: кем? Взревновавшим Гаудином? Мелковато для начальника тайной полиции. Об-

ломившимися претендентами на трон? Слишком сложно. Завистливыми придворными? Иностранцами шпионами? Да мало ли кем... Но как раз для того, чтобы король Сварог отмел версию подлога, к посланию приложена шпажонка.

Значит, пока будем считать, что письмо подбросили именно лилипуты. Опять же – не случайно именно в Латеране чаще прочих мест видели подводные лодки крохотного народца. Тогда одно из двух: либо его зовет на переговоры некая группа лилипутов-заговорщиков, надумавшая заручиться поддержкой Сварога в осуществлении очередных своих политических замыслов, а в ответ сдать Сварогу виновников гибели принцессы Делии, либо...

Либо его заманивают в ловушку.

А зачем лилипутам заманивать? Не проще ли, не выгоднее ли нанести удар без предупреждения, как уже случилось с принцессой? Подкравшись втихаря, застать врасплох – вот это как раз в стиле маленьких человечков. Равно как и Гаудин, и завистники, и придворные – никто не стал бы заморачиваться разработками столь ненадежного плана. Стало быть...»

Сварог хлопнул ладонью по столу. Он более не колебался. Чутье, безошибочно предупреждающее его о любого рода опасности, на этот раз молчало. Что ж, он выяснит, что кроется за посланием. Переговоры так переговоры. Он с ними переговорит. Найдутся темы.

До того, как Большие дворцовые куранты на Башне слез в честь наступившего полдня сыграют национальный гимн, оставался час с квадрансом. Казалось бы, времени полно, но еще требовалось отыскать подвальную часовню, тем более что прежде там никогда бывать не приходилось.

Сварог призадумался, вспоминая: в синих покоях или в зеленых?..

Строго говоря, королевский дворец юридически стал королевским только после того, как Сварог своим указом перенес столицу в Латерану. Ранее же во всех документах он именовался просто и незатейливо: «латеранская резиденция». Монархи Ронеро и Снольдера, с завидным упорством раз в двадцать пять лет отвоевывая город друг у друга, после победы бросались незамедлительно перестраивать «резиденцию» в соответствии с собственными вкусами и пристрастиями и безжалостно ломать все то, что понастроил предшественник. В результате дворец, являющийся снаружи шедевром архитектурного гения, внутри превратился в такой лабиринт коридоров и залов, такой клубок переходов, кабинетов, лестниц и покоев, что черт ногу сломит.

Нет, пожалуй, все-таки в синих. Точно, в синих, за бюстом какого-то носатого деятеля, как бишь его...

План дворца действительно отыскался в синих покоях – валялся за пирамидальной деревянной тумбой, увенчанной бюстом Клабика Первого и Последнего Тишайшего (Ронеро), одного из выдающихся коронованных предшественников Сварога, который жил полтора столетия назад и прославился пятилетней войной с Гланом и разрешением азартных игр. План за тумбу с бюстом забросил король нынешний. Сварог однажды разглядывал его, движимый живым монаршим любопытством, нет ли где потайных ходов, не связаны ли угловые башни между собой подземными коммуникациями, можно ли пробраться к королевским покоям, минуя наружную стражу. Но, быстро запутавшись в паутине чертежей и схем, он в сердцах закинул увесистый том за Клабика Первого.

Сдунув с плана накопившуюся пыль, Сварог развернул чертежи на столе, придавил углы чернильницами и пресс-папье. Так, крыша нам ни к чему, дворец в боковом разрезе тоже, вот пошли поэтажные планы, ага, наконец и подвал.

За сухой геометрией прямоугольников и эллипсов, вычерченных черной тушью по линейкам и лекалам, воображению представляли погруженные во мрак переходы с низкими сводами, забитые хламом подсобки, запертые столетия назад помещения, изначального предназначения которых уже не помнили самые старые из старожилов, винные погреба с истлевшими бочками и прочая, прочая. В ромбиках и прямоугольниках раздувались от важности толстобокые цифры, а под рисунком почерком усидчивого каллиграфа числа по пунктно разъяснялись словами – «чесночный погреб», «хранилище бронзового инвентаря», «четырнадцатый дознавательный угол», «келья святого Торна», «семнадцатый дознавательный угол», «хранилище медного инвентаря»... Ну и, наконец, «часовня Атуана» – под номером «двадцать три». Это число было вписано в крохотный квадрат, в который упиралось изогнутое ответвление узкого коридора. С часовней не соседствовали другие подземные камеры, ее окружала земля. И еще. Коридор перед квадратом «двадцать три» пересекали черточки разной длины, укорачивающиеся в сторону часовни. Следует понимать, что к молельне имени неизвестного Атуана ведет лестница, забирающая вниз. Как глубоко, интересно? И зачем потребовалось, уже находясь под землей, зарываться еще глубже?

Куда более простым выглядел вопрос: а зачем вообще нужна часовня под землей? Ответ: чтобы набожным людям было где проводить богослужения во время вынужденного пребывания под землей. Ну а вынужденно пребывать под землей может заставить тьма причин – от стихийных бедствий и дворцовых интриг до добровольного заточения.

Значит, по Большому Полуденно-Восходному коридору налево... по Третьей Парадной лестнице вниз... прямо... вторая дверь направо... опять вниз... мимо Пятой кухни холодных закусок... Ясно. Чтение карты можно считать законченным, диспозиция определена.

Что не придется делать, так это тащить с собой через все этажи и подвальные коридоры огромный том с планом дворца. Зря, что ли, учили Станислава Сварога в десантную бытность за считанные минуты перед марш-броском считывать карту, намечать маршрут, откладывая в память опорные ориентиры, пренебрегать второстепенными деталями. Вот сейчас армейские навыки королю и пригодятся.

Из оружия Сварог, чувствуя уже подзабывшийся, но такой знакомый азарт, захватил с собой только Доран-ан-Тег и шаур. Чтобы не перегружать себя. Если там противник и с противником не справятся ни неудержимый топор, ни метатель серебряных звездочек, ни магические способности лара и его, Сварога, природная реакция, то, значит, вовсе не суждено Сварогу победить в том бою. Фатализм? А нехай и фатализм.

Оно, конечно, недурственно было бы испить чашечку кофею на дорожку, выкурить сигарету в мягком кресле, но время начинало поджимать. Нет, одолеть до наступления полудня расстояние, отделяющее королевский кабинет от пункта назначения, он всяко успеет, даже передвигаясь шажками-лилипутиками. Однако не в одних уардах исчисляется путь, но также и в нагромож-

дении препятствий. Что нагромоздили века и люди на пути к часовне, есть неизвестность. Равно так же темна вода во облацех, сколько уйдет секунд, стекающих в минуты, на расчистку завалов, на сбивание замков с запертых дверей или на выяснение отношений с подвальной нечистью, буде таковая там обитает.

Случись время, Сварог употребил бы его на сбор информации. Например, выяснил бы про Атуана, а также кто и когда выстроил часовню, не происходило ли в том ответвлении коридора чего-нибудь непонятного, а то и зловещего во время одного строительства и по завершении его. И еще: в каких легендах и преданиях упоминается часовня. Да и неплохо бы – нет ли в тех преданиях хотя бы косвенных намеков на неких маленьких существ. Но, увы, не до изысканий, пора в путь-дорогу.

Сварог открыл дверь королевского кабинета, и, будто заждавшийся у дверей кот, в помещение вихрем ворвался сквозняк, загнул угол скатерти на століке с фруктами, разметал колоду игральных карт на диване, задрал подол оконным портьером, опрокинул чернильницу, из горлышка которой быстро натекла на план дворца фиолетовая лужа. «Не знамение ли сие? – ухмыльнулся про себя Сварог. – Или, быть может, предупреждение?» Отогнав глупости, Сварог покинул кабинет. Коридорные стражи, мгновенно среагировав, оборвали неположенный смех. Мимо застывших гвардейцев прошествовал монарх.

Охрана на постах вытягивалась в струнку, брала на караул. Попадающиеся по пути придворные кавалеры склонялись в почтительных поклонах, дамы приседали в книксенах. Королю не перед кем отчитываться, король сам себе хозяин, а что спину кусают недоуменные взгляды: «Куда это Наш наметился? И гляди, с боевым топором!» – то пусть их.

Каблуки застучали вниз по ступеням Третьей Парадной лестницы.

– Ваше величество, – на площадке между этажами осмелился привлечь к себе монаршее внимание дворцовый церемониймейстер, – позвольте...

– После, Гером, – оборвал его король. – Я назначу вам аудиенцию.

– Но ведь послы... – жалобно бросил вдогон придворный.

Пожалуй, самыми изумленными взглядами Сварога одарили работники кухни холодных закусок. Король столкнулся с ними в коридоре обжитой, «белой» части подвала. Парни в кожаных фартуках и серых колпаках были настолько ошарашены, что не сразу поставили на пол корзину со съестными припасами и склонили в почтении головы. Будь на месте Сварога кровожадный самодержец, каким, например, память народная сохранила в песнях и сказаниях Апрексия Шестого (Снольдер), рубившего головы, что капусту, дай только малюсенькую зацепку, не поздоровилось бы нерасторопной кухонной прислуге. Но Сварог являл собой тип просвещенного автократа и простил работникам дворцового пищеблока их промах.

Сварогу требовалось в «черную», заброшенную часть дворцового подвала, куда без нужды никто не заглядывал, да и по нужде совались неохотно. Оно и понятно – сыро, темно, в придачу крысы бегают. Опять же, где еще обитать привидениям, как не под землей! А дворцовая челядь должна бояться привидений. Во-первых, от нечего делать целыми днями пугают друг дружку страшными историями. Во-вторых, и на самом деле кто-нибудь нелюдского рода все непременно шляется по мрачному подземелью, какой же дворец без этого? Уж

Сварогу ли не знать, что вымысел и небылицы прорастают не на пустом месте. Кстати, Сварога уже успели ознакомить с несколькими дворцовыми преданиями. Например, про дух короля Густара Лютого (Снольдер), что ищет отравившийся и куда-то закатившийся оберег, потеряв который, король Густар потерял и жизнь. Дух пристаёт ко всем с нудными расспросами, не видели ли где такую штуку, а не слышали ли вы от кого-нибудь, и в таком роде... Но если ему не отвечать, говорят, может осердиться и устроить пакость. Еще припомнилась Сварогу легенда про волосы принцессы, дай бог память, Минессы или Ольмины (то ли Ронеро, то ли Снольдер). Принцессу природа наградила волосом невиданной тонкости, шелковистости и длины, как у Медузы, согласно мифам, до превращения в чудище. Придворные красавицы умирали, умирали от зависти, а потом взяли да прокрались ночью к ложу принцессы и отстригли ей локоны. Увидев себя наутро, Минесса или Ольмина сама умерла от разрыва сердца. Волосы, брошенные подлыми завистницами в подвал, теперь ползают по подземным коридорам и ищут виновниц смерти своей хозяйки. Мужчин волосы не трогают, но не дай бог спуститься в подвал женщине, да еще красивой... Еще что-то рассказывали про собаку с отравленной шерстью и про фундамент старого дворца, в каждый камень которого вроде бы замуровано по человеческой голове, и головы эти иногда переговариваются и стонут.

За веселыми раздумьями Сварог не заметил, как дошел до двери из широких дубовых досок, обитых медными полосами. На серебряном гвозде, вбитом в верхний рамный брус, висел серебряный же обруч. Его предназначение очевидно – не пущать наружу чертяк окаянных. С той же целью на дверных досках мелом нарисован знак – замысловато переплетенные треугольники. Дверь в «черные» заплутки подвала перекрывал засов. Увесистая, будто из свинца вырубленная доска с трудом вышла из проржавевших скоб. Скрипнули петли, забывшие о масле, тяжелая дверь с неохотой отлипла от косяка.

Из застойного подвального нутра ударила волна гнили и плесени. Сварог вытащил из настенного крепежа факел, перешагнул высокий порог, оглянувшись, посмотрел вниз. С внутренней стороны напольный брус был изгрызан. Либо крысами, либо кем-то еще. Во всяком случае, с острыми зубками...

Каменная кладка пола влажно блестела в факельном свете. Ступать по ней следовало осторожно, не ровен час – поскользнешься. Серые наросты паутины рыболовными сетями свешивались с низкого полукруглого свода, липкие прикосновения с первых же шагов заставляли Сварога морщиться и обтирать лицо.

Его шаги, дыхание, потрескивание факела, скрип кожаной петли, в которой постукивал хозяина по бедру Доран-ан-Тег, – эти звуки гулко метались в затишье коридора, рикошетили от стен, забегали вперед, в темноту, отпрыгивали назад, опять же в темноту.

Под ногами звучно хрустнуло. С возмущенным писком брызнули прочь от двуногого пришельца крысы, волоча за собой длинные хвосты, и растворились в сгустках мрака. Убрав ногу, Сварог разглядел на полу костяное крошево. А чуть впереди белела – он шагнул, подняв факел выше, – горка чьих-то костей в конопатинах крысиного помета. Рядом на камнях стены обнаружились брызги засохшей крови. Носком сапога Сварог разметал груды и раскопал узкий вытянутый череп, в который не поместилось бы много мозгового вещества. Однако крайне примечательный череп, лишенный глазниц, но зато сна-

ряженный частоколом треугольных акульих зубов.

Скорее всего, здесь нашло успокоение существо, никогда не покидающее мрак, вполне обходящееся слухом и обонянием. Какой-нибудь отдаленный родственник крота, только вряд ли такой же безобидный. Вполне возможно, охотник на крыс. Философски подходя, если есть крысы, должен же кто-то ими питаться. Однако кто знает, может, наш крысолуб не чурается и человечинки?

Вскоре после обнаружения первых костей Сварог обнаружил первую дверь. И даже припомнил, что на плане дворца помещение отмечено как «ледник Ролана». На уровне Сварогова колена в двери ледника зияло отверстие почти правильной треугольной формы. Правильной-то правильной, но края прорехи в неровностях, зазубринах и бороздах, словно отверстие выгрызали зубами или выцарапывали когтями. Для крыс дыра высоковата, значит, постарался кто-то другой. Не в леднике ли он обитает? Одним словом, хорошо, что нам туда не надо.

В общем и целом, нормальный дворцовый подвал, отстойник времени, заброшенный, запыленный, отданный на откуп грызунам и фантомам. Без таких подземелий, щекочущих нервы и воображение своей близостью от светлых обыденных покоев, дворец лишается пряности, превращается в жаркое без соли и приправ, вроде есть можно, но жуешь без всякого удовольствия. И этот беспризорный лабиринт тоже часть его, Сварога, королевских владений. Вот король и обходит владенья свои.

Свидетельством былых событий открылась в факельном свете надпись, вырезанная на стене, забитая грязью и незаконченная: «Задгарг убил меня. Тот, кто найдет ко...». Кольцо, колодец, копьё, конец? Кто знает, на каком слове разжались пальцы резчика, о ком тот думал, когда доверял последнюю волю камню. Но, как ни странно, никаких других следов давней драмы Сварог не обнаружил.

На первое препятствие Сварог наткнулся на следующем изгибе коридора. Проход перегораживала решетка, запертая с той стороны на допотопный амбарный замок. Кроме того, с той стороны на ржавые прутья, по толщине не уступающие древку алебарды, были навалены бревна, доски и камни. Соорудившие от кого-то или чего-то эту баррикаду наружу так и не вышли, потому что выход-то всего один. Впрочем, поправил сам себя Сварог, это по плану один, если составители плана утруждали себя проверкой и перепроверкой сведений. А поскольку человеку свойственно лениться и отписываться...

Легкое движение кистью, сжимающей рукоять топора. Послушный хозяину Доран-ан-Тег набросился на преграду. Сверкал блестящей синевой полумесяц лезвия, расправляясь с прутьями, как с тростником. Шмякнулись на пол замок и вырубленный кусок решетки. Доски и бревна разлетелись в щепы, обдав трухой. Руками раскидав камни, Сварог перебрался через остатки баррикады и...

И вдруг обнаружил, что факел не разгоняет мрак. Колышущееся желтое пламя словно споткнулось о темноту перед собой, оно не отбрасывало отсвет на стены, освещало лишь руку Сварога. Застыв, не совершая преждевременных действий, Сварог включил «кошачий глаз».

В двух уярдах впереди стояло нечто более плотное, чем мрак вокруг. Нечто именно стояло – на двух чуть расставленных ногах, одну руку подняв над со-

бой, другую...

Знакомые, однако, очертания и поза! Чересчур знакомые, чтобы не признать самого себя, держащего факел над головой и положившего ладонь на рукоять Доран-ан-Тега. Сварог повел головой, и его подземный двойник скопировал движение. Тень в зеркале, сотворенном из тьмы? Ох уж эти зеркала...

Тень внезапно смяла «Сварога» в бесформенное облако, из которого – словно под быстрыми, умелыми руками скульптора – стал проступать новый силуэт. Творение мрака сделалось меньше ростом, округлилось женскими формами, повернулось в профиль, провело рукой по коротко стриженным волосам, уперло руки в бока... «Мара! Тьфу ты, пропасть! Это что ж получается, тварюга беззастенчиво копается в моей голове и оттуда выуживает образы?» Как бы отвечая на вопрос утвердительно, нечто старалось уже вовсю, взвинчивая темп. Будто в трубе калейдоскопа безостановочно переливались друг в друга узнаваемые без труда тени: тетка Чари, капитан Зо, Гаудин, императрица Яна, Делия, Арталетта, хелльстадский пес Акбар, домовая Карах...

Ну ладно, хватит нам кина! Сварог достал шаур и плюнул серебряной звездочкой в мнимого Леверлина, перебирающего струны фальшивого виолона.

Жалобно, обиженно мяукнув, нечто сжалось в кошачий комок и бросилось наутек, то взбегая на стены, то взлетая на потолок. Факельный свет, чуть ли не вздохнув с облегчением, вспыхнул ярко, словно от прилива кислорода.

Очень может быть, что утомившееся от подвального одиночества нечто хотело лишь поговорить, надеялось на какую-то взаимность, а по-другому оно общаться не умело, и Сварог обидел мирное создание. Однако же не исключено, что правильно он прогнал кривляку и лицедея, и за театром теней последовал бы театр драмы и трагедии. Да и некогда ему сегодня общаться с тенями. Потом как-нибудь зайдет на ложный огонек...

Не все сказка, что бабками сказывается, – попадаетея и былъ. В том Сварог удостоверился уже на подходе к пресловутой часовне Атуана. Сначала он подумал о змеях. А взглядевшись, понял, что это такое неспешно ползет, шурша, как складки платья, по камням.

Волосы принцессы Минессы или Ольмины, отрезанные завистницами и брошенные в подвал, действительно жили своей жизнью и сейчас куда-то направлялись, переплетаясь, завиваясь на ходу в подобие косичек, закручиваясь кудряшками, изгибаясь дугой и выпрямляясь. Сварог на всякий случай отступил к противоположной стене, но волосы не обратили на мужское присутствие никакого внимания, проползли мимо, Сварог был им заметно неинтересен.

Ответвление, согласно плану обязанное привести к часовне, не озаботились сделать пошире, Сварогу приходилось протискиваться боком. Проход чуть расширился, когда закончился каменный пол и пошли ступени, вырезанные в глине. Стены спуска тоже не были забраны камнем. А глина под ногами и сбоку, желто-красная в синих прожилках, была на удивление суха. Воздух неожиданно сделался свежее, даже факел стал потрескивать громче.

Черт! Сварог резко обернулся. Почудилось, будто за спиной захлопали сильные птичьи крылья. Звук пропал так же внезапно, как и возник.

А был ли мальчик? Во всяком случае, ничего не видно. Сварог постоял, прислушиваясь. Тихо. Может, летучие мыши? Но раз так, надо чаще оглядываться. Впрочем, уже недалеко. Уже пришел.

Вот ты какая, часовня Атуана! Подземный камень в объятьях глины, иссиня-черный, подмигивающий вкраплениями слюды, а в камне – дверь. Овальная дверца, доходящая Сварогу до груди. Сварог коснулся ее. Железо, не тронутое ржой, ответило на прикосновение обычным холодом металла. По краю дверного овала были выбиты руны. Витую, замысловато изломанную ручку строители расположили необычно – почти по центру. Сварог присмотрелся – дверца открывается наружу. Что ж, остается только открыть...

Вот, значит, зачем потребовалось строителям часовни зарываться в землю еще глубже – чтобы выйти к каменюге. Но это рождает новый вопрос: что такого в этом камне, из-за чего понадобилось к нему пробиваться? Да еще прорубать в нем дверь? Может быть, просто ходило в тогдашние времена поверье, приписывающее валуну целебные и магические свойства? Но кто и откуда узнал, что в таком-то месте в земле лежит здоровенный булыжник и он магически могуч? Вопросы притягивали вопросы, ветвились новыми вопросами, в них можно запутаться. Ладно, отложим. Любопытно будет взглянуть на часовню. И на тех, кто ждет его там.

Если ждет.

Он достал из петли Доран-ан-Тег и вежливо постучал в дверцу рукоятью. Тишина. Никто не отозвался: «Занято!», никто не спросил: «Кто там?», никто не сказал: «Прошу!» Да и глупо, конечно, было бы ждать ответа. Сварог взялся за ручку. Будто женщина, заждавшаяся любимого, ручка откликнулась на прикосновение жадным согласием повиноваться, провернулась от легкого нажима. Сварог потянул на себя дверцу. Та тоже пошла легко и без намека на скрип, словно каждый день некий специально приставленный человек щедро поливает дверные петли маслом.

Открылся черный овал проема, в который Сварогу предстояло шагнуть. Из часовни не вырвался пугающий запах, не раздались настораживающих звуков, чего-нибудь вроде щелчка взводимого курка. Недохнуло, не мазнуло ветром из неведомых частиц, что переносят опасность, не зазвонили в мозгу тревожные колокольчики: «Не ходи, нельзя». А чутью он привык доверять. Но и не стоит спешить и безрассудно лезть в овальную пасть. Поначалу надо заглянуть, осмотреться с порога. И, если что-то не понравится, возможно, на пороге он и останется, здесь и дождетя авторов записки.

Оглянувшись, Сварог проверил тылы «кошачьим зрением». Как говаривал капитан Родимчик, поводов к беспокойствам нема. Он нагнулся, ухватился за железный косяк, завел руку с факелом внутрь часовни...

Более всего это напоминало игривый толчок в спину огромных медвежьих лап. Не похоже, что в тот удар вложили аккумулятивную мощь и злобное торжество: «На! Получай!». Просто грубая приятельская шутка Гаргантюа, не рассчитавшего силу. Но хватило и того.

Сварог кувырнулся за порог – и Доран-ан-Тег вырвало из руки. То есть не вырвало, а... Как будто топор был прикован к противоположной стене прочнейшей невидимой цепью длиной как раз до дверного проема. Цепь резко натянулась – и не пустила оружие дальше порога. И не успел топор, падая, коснуться глиняного пола, как дверь часовни захлопнулась, точно люк подлодки по сигналу тревоги, – поспешно, отработанно, с громовым содроганием. А Сварога уже оттаскивал от входа властный водоворот, завихрение сил, не знакомых с понятиями «сопротивление» и «пощада». Оттаскивал и вкручивал в по-

ток, как воду в сливное отверстие. И уже ничего нельзя было поделать...

Глава вторая ...и как с ней бороться

Факел задуло сразу, теперь он тяжелил руку бессмысленным придатком. Задуло не ветром. Какой там ветер! Сварога черным одеялом окутывало абсолютное, беспросветное затишье.

Сварог бултыхался в ощущениях сродни тем, что должны окружать купальщика, накрытого нежданной волной океанского прибоя: тепло, темно и неотвратно несет к заданному природой берегу. И от тебя ничего не зависит.

Длительного испуга ему не подарили. Лишь в тот миг, когда тычок в спину окунул его в черную неизвестность, когда рука, лишённая топора Дорана, бессмысленно хватала пустоту, а другая не менее бессмысленно сжимала ничемный факел, тогда вот сердце каменным ядром ухнуло в низ живота и тысячи холодных осиних жал страха впились в мозг.

Каскадер, прыгающий с крыши, пока летит мимо окон и балконов, боится, как и любой нормальный человек, – природу не переделаешь. Пусть в тысячный раз отматывает трюк – страх перед неизвестностью не выдавишь ничем. Лишь когда тело тонет в перинах надувных гор, успокаивающе покачивается в них, тогда страх отступает – неизвестность позади. Нечто похожее испытал Сварог, когда его подхватил, принял Поток. Пронзило ощущение, словно он упал в подставленные руки, и испуг прошел, как похмелье от чарки доброго вина. А чуть позже подоспело осознание того, что он не задыхается, не горит, не мерзнет. Даже вполне комфортно себя чувствует. Значит, и здесь жить можно. А раз можно жить, можно побороться за что-то лучшее...

Сварог выпустил ненужный факел, однако тот никуда не делся из разжатых пальцев. Тогда Сварог убрал руку, опустил ее к поясу...

Ого! Сначала показалось, будто его развернуло лицом вниз, и внизу, далеко, мелькнула серебряная, похожая на шляпку гвоздя точка. Но мигом позже он понял... нет, на него снизошло понимание того, что развернуло не его – это развернулось окружающее пространство. И не он сейчас снижается, а к нему придвигается та самая шляпка гвоздя... Чем дольше он всматривался в серебряную точку, тем четче проступали очертания... некоего предмета. И вот никакой точки уже нет, блеск пропал, зато он отчетливо видит, что именно к нему приближается.

Дверь. Высокая и узкая, в раме из сваренных рельсов, с деревянным крыльцом в три ступени, на месте дверного замка – идеально круглое отверстие. И он уже ясно видит холм, на вершине второго стоит дверь. Россыпь камней, иссушенная солнцем трава, стервятник, потрошащий добычу. Вот что-то вспугнуло птицу, и она взмывает ввысь. К двери подъезжает всадник, спешивается, отпускает повод коня и обходит дверь по кругу, не отрывая от нее заинтересованного взгляда. Как в свое время сам Сварог в Хелльстаде обходил похожее сооружение.

И главное! Сейчас Сварог почувствовал, черт его знает, как и чем, но почувствовал явственно, будто даровали ему в этот миг Знание: что может выйти в эту дверь, которая уже близка. Если захочет. Стоит приложить усилие. Наверное – просто так же протянуть руку в желанную сторону. И будет достаточно – он выйдет. Выйдет неизвестно где и когда.

И Сварог ничего не стал протягивать. Он закрыл глаза. Мир тут же выров-

нялся, и его подхватил прежний Поток.

Так, так... Кубик Рубика, проворачиваясь со скрипом, все же начинает складываться. Не будем называть это Древними Дорогами, потому что это могут оказаться вовсе и не Древние Дороги, – Леверлин, во всяком случае, в свое время водил его явно каким-то другим путем. Поток, пусть это будет Поток, в который его сбросили. И Поток способен выбросить его, как река щепку, на любой берег. Или вынести в океан? Впрочем, кажется, его не уподобляют щепке, ему подарена способность управлять движением в Потоке...

Сварог решил попробовать еще и открыл глаза. Рисуя на аспидно-черном вселенском полотне неведомое созвездие, впереди горели десятки серебряных шляпок. Сварог выделил из звездного узора трилистник, протянул к нему руку, и начертанные им точки мигом стали надвигаться, укрупняясь. Выбрав одну, Сварог прищурил глаза, старательно всматриваясь. Так и есть: именно она, его крохотная избранница, выбежала навстречу. Серебряное свечение тускнело по мере превращения точки в круг, по мере разрастания круга в шар, похожий на воздушный, в котором, как в круглом аквариуме, переливалась своя жизнь. Первым образом наугад выбранного мира, проступившим из смутных черно-синих клубов... нет, то была на сей раз не дверь. Арка. Ворота. Примитивные до мысли о дикарях с дубинами ворота, сложенные из двух врытых в землю продолговатых серых камней и уложенного поверх третьего камня. Столбовые камни покрывала паутина трещин и расколов, верхний же густо, как медведь шерстью, оброс зеленым лишайником. Подобное сооружение должно было бы рассыпаться при первом же урагане. Может быть, хватило бы и просто подготовительной работы снегов, дождей и времени, которую бы завершили сильные ветры. Однако сооружение держалось.

Как и в предыдущий раз, некий Оператор принялся подкручивать рукоять настройки, увеличивая четкость, включая цвета, регулируя контрастность. Тот же Оператор раздвигал экран, представляя местность вокруг ворот. Возникла безукоризненно плоская, будто раскатывали скалкой, бурая равнина в островках невысокой черной травы. От островка к островку переходили животные: приземистые, с туловищами коров, с маленькими головами, припадающие на задние короткие ноги, цепляющиеся за землю когтями на широких шерстистых лапах. Сгибая длинные и гибкие, как у ящеров, шеи, они щипали худосочную траву. На некоторых из них топорщились горбы неснятых седел, похожих на скатки из одеял. Неведомый Оператор увеличил обзор, и показались, по всей видимости, не кто иные, как хозяева пасущихся росинантов. Поначалу Сварог принял их за людей, очень широких в кости, длинноруких, косматых, но все-таки людей, а потом один из закутанных в огромные складчатые плащи чужеродцев повернулся. Словно уловив чье-то неразличимое присутствие, он задрал голову вверх. На Сварога (так ему, во всяком случае, показалось) уставились три глаза на безносом, лимонно-желтом лице с маленькой щелкой рта. И припомнился графу Гэйру подвал его фамильного манора, где на вбитых в кирпичную стену крюках висели черепа с тремя глазницами, и третья глазница располагалась как раз во лбу. Если верить магу из Магистерииума, просвещавшему новоявленного графа, эти черепа привез предыдущий граф Гэйр, отец Сварога, из очередной экспедиции неизвестно куда. Привез незадолго до своего исчезновения.

Нынешние трехглазые существа занимались тем, что разматывали нити

и натягивали их на толстые сучковатые столбики. У одного в руках было нечто вроде кокона, другой вытягивал за конец нить, очень похожую на капроновую леску.

Таинственный Оператор расширял панораму, как бы окружал Сварога экраном, как бы окутывал Сварога чужим миром. Еще немного – и можно будет, оглянувшись, увидеть, что творится за спиной, закинуть голову и посмотреть, какого цвета небо над головой, а там останется всего один шаг – шаг на бурую равнину...

И опять к Сварогу пришло несомненное понимание: стоит ему захотеть и приложить к тому некое усилие – и он вышагнет из ворот к трехглазым существам. А если вообще не приложит никаких усилий, то чужой мир засосет, затянет, и Сварог все равно окажется в нем, под каменными воротами. И, случись такое, достаточно ли будет одного его, Сварога, желания, чтобы вернуться в Поток? Не суждено ли ему тогда надолго, если не навечно, остаться на равнинах, где пасутся длинношеие сивки-бурки?

А если... Сварог приказал себе, или, как говаривал некий телевизионный шарлатан, дал себе установку: он не хочет двигаться, он не стремится покинуть Поток, он желает застыть там, где находится, – в черноте, вакууме, в безвременье и безпространственности.

Поступательное движение к воротам приостановилось, чужой мир уже больше не вбирал в себя Станислава Сварога, графа Гэйра, барона Готара, короля Хелльстада и прочая. Мир перестал разворачиваться. Трехглазые существа и их ездовые животные застыли, как на фотокарточке. И то была неподвижность более полная, чем отсутствие движения. Полный, абсолютный покой, чарующий и страшный.

«Ну хоть то хорошо, что не принуждают», – подумал Сварог. Более того, ему подарен выбор, причем широчайший, безграничайший. Власть над временем, власть над пространством. Только радости в том никакой – что прикажете со всем этим делать? Как распорядиться нежданным счастьем? Вольного ветра в лицо ему, видите ли, захотелось, бляха-муха...

Перефразируя цитату из одного неплохого фильма: вы хотите приключений – их есть у меня. Стоило Сварогу возжелать авантурных странствий – и лови их, подставляй карман. Уже от чего-чего, а от хандры его вылечили, и на том спасибо, мать вашу так. Теперь бы вновь поближе к дому, где, если найдет блажь, он сам себе подберет приключение по вкусу...

Сварог догадывался, что обратная дорога в часовню Атуана ему не заказана. Одно вот только неясно: как ее отыскать. Хотя попробовать, пожалуй, стоит. Развернуться и лететь... Нет, слово «лететь» не годится, никакой это не полет. Станиславу ли Сварогу не знать ощущения полета, будь то свободное падение, управление самолетом или пилотаж на драккаре... В Потоке же, наоборот, Сварог каждым атомом каждой клетки чувствовал свою неподвижность. И это не он разворачивается, – это вокруг него вертят какой-то барабан с чудесами. Которым, впрочем, он и сам вполне способен управлять.

Развернув пространство той стороной, где, по его мнению и ощущению, остался Талар, Сварог аж зажмурился. Тысячи тысяч, мириады точек, океан серебряных точек. Вот так так! Розыск предстоит нешуточный. Всю жизнь положить можно на блуждания среди миров. А сколько ему суждено прожить в черных струях Потока, кто бы ответил?..

Печально, господа. Паскудно на душе. Одно дело, когда тебе нечего терять. Тебя уволакивают, а ты этому и рад, потому что новое, пусть злобное и опасное, лучше приевшегося старого, обрыдлого до неотступных мыслей про пулю в лоб. И совсем другое дело, когда тебя заарканивают и тащат вопреки твоим желаниям, когда тебе есть что терять в оставляемом мире. Хочется разозлиться – да знать бы на кого...

На какое-то время Сварог забросил думать о Потоке, и его вновь, как корабль без руля и ветрил, понесло по течению.

Значит, подброшенная записка все-таки была ловушкой. Не убить, но устранить короля Сварога, – вот что затевали неведомые вороги. Сослать. Сослать дальше, чем на край Земли. И пусть он выбирается сам. Если сможет.

Сварог заскрипел зубами от досады. А самостоятельно ему отсюда не выбраться. Разве что он случайно наткнется на дверь в мир Талара. Почему же не зажегся тревожный огонек в его мозгу, почему подвело чутье на опасность? Потому, ответил он самому себе, что никакой реальной опасности ему здесь не угрожает. Нагулялся по чужим мирам – и возвращайся, когда хочешь. А на то, что Сварог не знает обратной дороги, чутью ровным счетом наплевать. Не на это ли и рассчитывал таинственный противник? Подловил, ничего не скажешь...

Мысли Сварога приняли иное направление. А вот интересно: куда-то же влечет его Поток, словно подгоняемый чьей-то волей! И если властитель Потока и автор записки – одно лицо, то... То такое возможно в единственном случае. Если властитель Потока – сам Великий Мастер. И тогда бесконечная свобода выбора миров – лишь мрачная шутка гения зла.

А вот если над Потоком не волен властвовать никто, то его волнами, или, если хотите, течением, управляет судьба. Сиречь Провидение, рок, фатум, неизбежность. И не то чтобы Сварог считал невозможным противиться судьбе, но зачем ей противиться? Есть ли смысл? Тыркаться наугад глупо, выход из Потока на Талар проищешь до конца света – как ни грустно, но, сжав зубы, приходится признать неоспоримость этого вывода...

И он отдался течению Потока. А куда, спрашивается, денешься?

И, уловив эманации его желания, Поток понес человеческую щепку со стихийным неистовством горной реки, рвущейся к морю. Серебряные точки сливались в полосы. Как при сильных перегрузках, сдавило виски и пулеметом застучало сердце. Закружилась голова. Но глаза Сварог не закрывал. Ему хотелось видеть.

...Откуда-то слева вылетел серебряный шар, переливающийся, как ртуть, описал стремительную петлю вокруг Сварога, надвинулся, раздался вширь, отразил причудливо искаженную, как в кривом зеркале, человеческую фигуру с обалдело распахнутым ртом, в которой Сварог с трудом узнал себя... Так что, это – оно? Это и есть – его цель?..

На короткое мгновенье он увидел, но осознать увиденное не успел.

Поток лопнул, показалось даже – полетели в стороны черные клочья. Сварог вонзился в серебряный шар, будто в прорубь нырнул, и своды чужого мира захлопнулись за ним. В глазах на мгновенье потемнело, в ушах ударили на полную катушку колокола. Сварог пошатнулся, внезапно ощутив под ногами земную твердь, судорожно вздохнул, зажмурился...

А потом открыл глаза.

Глава третья

Встреча в стиле Брейгеля

Если откровенно, вот если положить руку на сердце, то винить во всем происшедшем было некого – ну разве что кроме одного сумасбродного короля, государя, блин, императора, который по-детски купился на анонимную записку и, как ослик за той морковкой, бодро поскакал напрямик в ловушку. Ведь бачилы ж очи, шо куповалы... Но ругать себя, рвать волосы на венценосной голове и проклинать собственное безрассудство было как-то не с руки – все равно некому умилиться и посочувствовать. Так что Сварог решил с самобичеванием повременить и заняться более насущными вопросами. Как-то: минимум – выбраться отсюда живым и оптимум – вернуться на Талар. Будем рассуждать здраво: если есть вход в этот мир, значит, должен быть и выход, логично? А то...

Сварог несколько раз шумно вдохнул и выдохнул, успокаивая нервишки, а потом медленно, не торопясь сделал полный оборот вокруг собственной оси. Никаких следов двери, через которую он попал сюда, ни лаза в параллельное пространство, ни прочей дыры обратно в Поток поблизости не наблюдалось. А жаль.

Здесь, в отличие от Латераны, еще (или уже?) была ночь – безоблачная и безлунная, почти безветренная. На черном небосклоне безмятежно полыхали крупные белые звезды, образующие, понятное дело, совершенно не знакомые созвездия. Видимость была практически нулевой, однако разглядеть кое-что все же удалось: слева ночное небо было озарено странным белым сиянием, словно подсвеченное прожекторами.

И спереди, и сзади, и со всех сторон вокруг Сварога стеной стоял непролазный, безмолвный, равнодушный лес.

– Земную жизнь пройдя до половины... – продекламировал Сварог и добавил со вздохом: – Влип, король. – Собственный голос ему совершенно не понравился. – Спокойствие, ваше величество, только спокойствие... – Он машинально выудил из воздуха зажженную сигарету. Запоздало мелькнула кошмарная мысль: а вдруг вся магия ларов осталась там, на Таларе, как остался топор Дорана? Нет, к счастью, сработало – хотя и не сразу, хотя и с секундным запозданием, – и Сварог жадно сделал свою первую после отбытия с Талара затяжку. Докурил до фильтра, стараясь не торопиться, успокоиться, взять себя в руки, бросил окурочок на землю и размазал его каблуком.

Ну, хорошо.

Итак.

Итак, с сигаретами порядок, посмотрим, что еще имеется у нас в активе. Он включил «кошачий глаз».

С той же непонятной, но, в общем-то, простительной задержкой лес посветлел, из бесформенной темной массы превратился в частоколы толстых, тонких, кривых, прямых и разветвляющихся стволов. Вокруг возвышались деревья, похожие на могучие сосны (их стволы были покрыты морщинистой, как старческая кожа, корой), шелестели кронами деревья, похожие на осины, чернели тени под разлапистыми зарослями, похожими на ельники. И, что самое веселое, ни тропки, ни дорожки, ни стежки. Одно слово – пуца. Уж влип так влип...

Ну, по крайней мере, стало понятно, что вокруг настоящий лес, доподлин-

ный и безусловный. Смешанный, не очень-то и непролазный, и, если б не созвездия, можно было бы решить, что Сварог очутился где-нибудь в Прибалтике. Или – почему бы и нет? – в Харуме. Нормальный, короче говоря, лес. Хотя, с другой стороны...

С другой стороны объективности ради следует заметить, что подобные нормальные местечки можно встретить даже в Хелльстаде – и, умиляясь красотам девственной природы, быть благополучно сожранным какой-нибудь зубастой пакостью.

Воспоминание о Хелльстаде навело на неприятную мысль: а как тут у вас, господа, насчет нечисти? Помнится, там, у нас, кое-какие деревья умеют весьма бодренько передвигаться с весьма кровожадными намерениями...

Он задействовал «третий глаз». И в окружающей обстановке ничего не изменилось. Кстати, и чутье на опасность молчит, как жареный карась. Что это означает? Да ровным счетом ничего не означает! Возможно, чутье просто не умеет правильно распознать местную опасность или же не считает угрозу существенной. Лоханулось же оно в часовне Атуана. И по этой же причине не работает «третий глаз» – он не видит проявлений здешнего колдовства. М-да, загвоздочка... А что скажет наука?

Сварог вытащил шаур. Серебряные звездочки вереницей прошили ночной воздух и одна за другой вlepились в толстенный ствол ближайшей сосны... И ничего не произошло. Выждав на всякий случай еще немного, Сварог подошел ближе, потрогал пальцем острые зубцы звездочек, ушедших глубоко в кору. Кора как кора.

Черт, и снова это ничего не доказывало – то ли дерево и впрямь самое что ни на есть обыкновенное, то ли, что гораздо хуже, здешней нечисти на серебро чихать. И дерево сейчас захочет и кинется на тебя, разинувши дупла...

Сварог перевел дух.

Да что мы все о нечисти-то, судари мои. Да еще ночью. По крайней мере, выяснили, что шаур, дитя не магии, но науки, в этом мире действует по-прежнему безотказно. Стало быть, одной проблемой меньше. Не проблемой, конечно, – так, проблемкой...

За несколько минут Сварог перепробовал все свои способности, за исключением, пожалуй, совсем уж экзотических вроде умения дышать под водой, и нашел во всей этой истории как минимум один плюс: магия ларов не покинула Сварога в трудную минуту. Что ж, спасибо и на том. Непроходимой, правда, пока осталась проверка на собственную неуязвимость. Но тут уж ничего не поделаешь: не станешь же палить в себя из шаура – а вдруг не сработает? То есть вдруг сработает...

Сварог еще некоторое время позволил мыслям скакать с темы на тему, резвиться и бултыхаться – лишь бы не думать о том, что делать дальше. Помогло. Отпустило. В конце концов, чего паниковать раньше времени? Как говорят в одной юго-восточной стране, сегодня мы живы, и в этом наше счастье... А будут проблемы – будем решать. Ну-с, помолясь...

Он выкурил еще одну сигаретку, напоследок огляделся и решительно двинулся прочь сквозь лес, туда, где белым ровным светом полыхало небо. Направление было ничуть не хуже и не лучше остальных, но вдруг это огни ночного города, чем черт не шутит...

Буреломы, поляны, овраги. Ни движения, ни шороха вокруг, даже птиц не

слышно. Он шел вперед и вперед, теща себя размышлениями о том, что выбирался из мест и похуже (вспомним, милорды, например, первые хелльстадские приключения), отводил руками нависающие ветви, норовящие угодить в глаз, обходил совсем уж непроходимые буреломы, осторожно спускался в овраги (ногу бы не сломать, тогда точно кранты), поднимался на пологие возвышенности... и сам не заметил, как втянулся. Теперь он пер на автомате, не делая привалов, не замечая усталости и гудения в ногах, не обращая внимания на порванный во многих местах камзол, на царапины на ладонях и на лице; он ломился вперед, как робот, по привычке, как учили, делая левой ногой шаг чуть длиннее, чем правой. Туда, куда глаза глядят.

...И едва не налетел на неожиданно выросшую перед ним темную громаду. На обширной поляне возвышался холм. А из склона холма...

Сварог остановился, выровнял дыхание. Дрожащими после марш-броска пальцами сунул сигарету между губ, прикурил и только тогда задрал голову.

Более всего это напоминало исполинский вентилятор. Или пропеллер на могиле Карлсона-великана. Или цветок клевера, основательно изгрызенный гусеницами, – если только какому-нибудь шизанутому Даниле-мастеру придет в голову отлить из металла цветок размером с пятиэтажный дом и наклонно воткнуть в холм посреди леса. Сварог медленно двинулся в обход и вскоре, по другую сторону холма, урдах в двадцати от первого, наткнулся на второй «цветок», вкопанный параллельно первому, но по самую маковку – виднеется из земли лишь округлая верхушка толстенного, с руку, «лепестка». И ведь что-то до боли знакомое есть в очертаниях взгорка с косо торчащим из него пропеллером. Но вот что?.. Он отступил на несколько шагов, вглядываясь так и этак. Склон с растущим на нем «клевером» крутой, изогнутый, противоположный – пологий... и если снять с холма слой почвы, выкорчевать кустики и деревья, то получится... получится... Он мысленно продолжил линию пологого склона ниже, под землю, еще глубже... и вдруг, как в детской головоломке «Найди, где на картинке спрятался жираф», перед его мысленным взором проступили очертания гигантского предмета, которого здесь быть никак не может. Не должно быть, и все тут! Сварог выронил сигарету.

Возьмите большой, водоизмещением тысяч в двадцать тонн корабль, переверните его вверх дном, закопайте так, чтобы наружу торчали только край киля и гребные винты. И возвращайтесь сюда спустя лет эдак двести. Если не больше. Но не меньше – чтобнад кораблем успел образоваться приличный слой почвы, чтоб сквозь днище проросли вековые деревья, а в каютах устроили себе фамильные норы какие-нибудь подземные твари... Шесть лопастей громадного винта, который Сварог поначалу принял за памятник клеверу, были столь основательно изъедены ржой, что казалось, будто его долго и успешно грызла стая голодных терминаторов. Коснись – и рассыплется в пыль... Никаких сомнений: здесь, посреди дикого леса, в земной толще зарыто морское судно.

– Ребята, – растерянно сказал Сварог лесным обитателям, – это что у вас тут, подводная лодка в степях Украины?..

Лесные обитатели безмолвствовали.

Сварог недоуменно пожал плечами и, то и дело оглядываясь на загадочный холм, двинулся в прежнем направлении, пока упирающийся в черное небо винт не скрыли кроны деревьев. Думать о том, кто, зачем и, главное, как до-

ставил сюда корабль, не хотелось абсолютно.

...Из леса он вышел часа через два, когда уже начало светать: небо справа на траверзе посерело, у деревьев появились очертания, дорогу можно было различать и без «кошачьего глаза». Сварог приободрился: значит, ночь здесь не бесконечная. Значит, утречком можно будет забраться на какое-нибудь дерево повыше и сделать мало-мальскую привязку к местности. Вдруг да отыщутся признаки разумной жизни. Например, готовый к взлету пустой самолет. Или, в идеале, призывно открытая дверь на Талар. Почему бы и нет – если уж местные кораблями в лесу разбрасываются... Заметив просвет среди деревьев, он решительно свернул туда – и неожиданно лес кончился. Сварог вышел на дорогу.

В том, что эта была именно дорога, а не какая-нибудь там звериная тропа, сомневаться не приходилось. Две колеи, явно проделанные колесами без протекторов, плюс отчетливые отпечатки копыт... Факт, дорога. Сварог, как заправский сын Инчучуна, присел на корточки, внимательно осмотрел следы, даже потрогал. Сказал радостно: «Ну так это же элементарно, Ватсон!» Не нужно было быть потомственным краснокожим, чтобы следы эти прочитать: совсем недавно на полдень (если, конечно, считать сторону, где вставало солнце, востоком) здесь проскакали лошадки. Или животные, весьма на них похожие. Штук пять, не меньше. Подкованные. Будем надеяться, что с седоками. Будем надеяться также, что седоки не бросаются на первого встречного чужестранца с шашками наголо.

Сварог выпрямился, огляделся. По другую сторону от дороги простиралось поле – обширное ли да и возделанное ли, понять было невозможно из-за поднимающегося тумана. Низкие солнечные лучи, просвечивая туман навывлет, тонули в загадочно темнеющем за спиной лесу. Сварог зябко поежился. Теперь надо было решить, в какой стороне находится ближайший населенный пункт – там, куда ускакали всадники, или в противоположной? Что вернее – они ни свет ни заря рванули из селения по каким-то своим делам или же, наоборот, под утро возвращались домой? Задача Буридана, право слово...

Прикинув и так и этак и не придя ни к какому решению, Сварог уверенно повернул направо – туда, куда умчался отряд, и бодро зашагал сквозь стелющийся туман.

...Он не сразу понял, что к обычным лесным ароматам примешиваются другие запахи – дыма и жареного мяса. А когда понял, то невольно ускорил шаг.

С краю от дороги, чуть в глубине леса, среди невысокого кустарника мирно потрескивал костерок. Вокруг него истуканами застыли пять вроде бы человеческих фигур, в беспорядке валялись котомки, узлы, небрежно свернутые дырявые одеяла. Над огнем, нанизанная на сучковатую палку, истекала соком освежеванная тушка. Сварог, вспомнив, что так и не позавтракал перед тем, как спускаться в часовню Атуана, невольно сглотнул. Ну что, будем устанавливать контакт с населением.

– Эй, есть кто живой? – негромко позвал он. А ведь костер, кстати говоря, развели не те, кто проскакал тут до него – лошадок не видать, да и следы копыт уводят дальше по дороге...

– Мимо проходи, – глухо донеслось из-за ближайших зарослей. Сварог скоренько осмотрелся «третьим глазом» – магическими штучками как будто не

пахнет. Пахнет мясом.

Сварог вторично вздохнул с облегчением: еще одной проблемой меньше. Если язык один – есть шанс договориться. (И тут же подумал: сколько раз в истории именно это обстоятельство служило толчком к какой-нибудь кровавой заварушке...)

– Грубить-то не надо, – миролюбиво посоветовал он. – Позвольте отдохнуть у огня.

– А ты кто таков? – нерешительно спросили заросли.

– Да я, собственно, сам человек не местный... Бреду вот, мету дороги ветошью своих одежд, – Сварог потряс лохмотьями камзола. – Семь сапог истоптал... то есть, семь пар. Эй, добрый человек, пусти к огоньку, а?

– У меня автомат, – донесся еще более нерешительный ответ. – Еще шаг, и я стреляю.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу, – вздохнул Сварог, отметив про себя, что понятие «автомат» здешним знакомо. Хотя пес его знает, что оно здесь означает. – Вы же видите, я один, я безоружен. – И он показал кустам открытые ладони. – Посижу с вами малость и пойду своей дорогой.

– А ежели ты какая нежить лесная и тебе человечинки захотелось?

– А на это я тебе скажу, что у меня с собой есть серебро. Нежить ведь серебра на дух не переносит, так?

– Так-то оно так... Серебро, говоришь? Ну-ка дай...

Сварог отстегнул от пояса одну из многочисленных серебряных висюлек, по этикету обязательных как деталь непарадного, повседневного королевского туалета фамильных цветов, и бросил ее в кусты.

– Можешь оставить себе, – разрешил он. – В качестве платы за согрев...

В кустах зашебуршало, заворочалось, и на дорогу крадучись выбрался изможденный, дряхлый оборванец. Под мышкой, действительно как автомат, он воинственно сжимал длинный изогнутый посох, нацеленный куда-то в туман уарда на два в сторону от Сварога.

– Чего надо? – недружелюбно осведомился он, глядя мимо. На его ногах, до колен замотанных грязными портянками, красовались потешные тапочки с длиннющими, заостряющимися носами.

– Так ведь погреться и отдохнуть, – ответил Сварог. – Что еще надо усталому путнику...

Старец вздрогнул, по-птичьи наклонив голову набок, развернул «дуло» посоха к нему, и Сварог с некоторой оторопью понял, что старик слеп, как крот: оба его зрачка были закрыты огромными выпуклыми бельмами.

– Погреться... – недоверчиво проворчал слепец, чутко вслушиваясь в окружающее. – Самим мало.

– Да я и есть-то не хочу. Сыт, знаете ли, по горло.

– Все так говорят, а потом вещи исчезают... Ну, чего встал! Проходи, садись, грейся. Можешь меня Бедером звать, так и быть...

Эти слова словно послужили сигналом отбоя тревоги: пришелец не опасен, можно расслабиться. Фигуры вокруг костра зашевелились, закряхтели, забормотали что-то, принялись почесываться и тянуть руки к огню.

Сварог секунду поколебался. Отчего-то эта компания ему быстро разонравилась. Впрочем, чутье на опасность молчит, так что...

Премного благодарен, – сказал Сварог, скромно примостился по-турецки

чуть в сторонке и с интересом, смешанным с толикой брезгливости, разглядывал бродяг. Все как один были обряжены в разной степени сохранности лохмотья, все стары и потрепаны... и все как один слепы.

Вот занесла ж нелегкая...

Назвавшийся Бедером заботливо пристроил увесистый посох под себя (как бы действительно не сперли) и потянулся к мясу. Несколько раз сунув пальцы в огонь и зашипев от боли, он наконец нащупал тушку, снял ее с палки и принялся смачно рвать на более-менее одинаковые части. Со всех сторон к нему потянулись костлявые дрожащие руки. Каждому (кроме, вот спасибо, Сварога) досталось по куску. Прореженные зубы впились в мясо, по небритым подбородкам потек жир, утренний воздух наполнился чавканьем и сопением. Сварог молча понаблюдал за трапезой, потом отвернулся, тишком сварганил себе бутерброд с ветчиной и проглотил в три приема. Король завтракает с клошарами: демократия в действии. Привыкайте, ваше величество, здесь никто знать не знает, что вы король...

Неведомо откуда появилась темная бутылка с длинным горлышком, заткнутым грязной тряпицей, и каждый по разу припал к бутылки трепетными, перепачканными в жире губами. После чего она была протянута Сварогу. Он невольно отшатнулся.

– Спасибо, папаша, я не пью.

Чавканье вдруг прекратилось, бельмастые глаза осуждающе уставились на него.

– Ты можешь не есть, – с недовольством в голосе сказал Бедер. – Ты можешь идти своей дорогой. Но если тебе предлагают вино, ты не можешь отказаться. Пей.

Сварог обреченно принял бутылку. Вот они, проблемы первого контакта двух цивилизаций... По привычке проверил на предмет наличия яда, посмотрел бутылку на свет, вздохнул и, стараясь не касаться горлышка губами, сделал малюсенький глоток. Неимоверным усилием воли сохранил лицо, не переделернул и даже умудрился выдать из себя:

– Спасибо, – вернул бутылку Бедеру. – Большое спасибо... папаша.

Да-с, господа, такого пошла ему не приходилось пивать и во времена повсеместной борьбы с алкоголем, когда что угодно гнали из чего угодно и кушали с превеликим удовольствием... И магия вот это ядом не считает?!.

– А не подскажите ли, уважаемые, – поинтересовался Сварог, отдышавшись и решив, что знакомство состоялось, – если я по этой дороге пойду, то куда выйду?

– Ты не из этих мест, – подал голос старик слева, в надвинутой на лоб потрепанной шапочке с ушами, крепко-накрепко завязанными под подбородком, и вытер пальцы о голые колени. – Ты говоришь по-другому, ты одет по-другому. Кто ты и откуда? И как попал сюда?

«А откуда они знают, как я одет?» – подумал Сварог.

– Странник я. Мой дом... там, – он неопределенно махнул рукой, и старцы дружно дернули головами, отслеживая шорох Свароговой одежды.

– И куда ты теперь идешь?

Напоминало допрос, но – пока будем соблюдать приличия. Сварог обратил внимание, что посох под задницей Бедера венчает вделанный в него крупный красный камень. Рубин, что ли?

– Говорю же, мне бы в город попасть, – терпеливо объяснил он. – Есть тут город поблизости?

– Есть-то он есть, – задумчиво протянул тот, что в шапке. – Город Митрак, столица княжества Гаэдаро. Но ведь тебе домой надо попасть, а не в город...

Ого! Такого Сварог никак не ожидал. На нем что, написано, что он из другого мира? Так ведь эти-то слепые...

– А где мой дом? – вкрадчиво спросил он, внутренне подбравшись.

– Гас! – строго прикрикнул на приятеля Бедер.

– А ведь Гас прав, – вдумчиво ковыряясь в остатках зубов, встрял пенсионер, обутый в деревянные башмаки. – Ему надо домой. Но его дом очень далеко. И вряд ли ему хватит жизни, чтобы вернуться...

– Если, конечно, он не знает, где лежит Тропа, – добавил оборванец справа.

– Конечно, не знает, – уверенно сказал Гас, – он же слепой. Иначе бы зачем ему сидеть с нами, когда мир вот-вот погибнет?

Сварог почувствовал, что челюсть его медленно отвисает.

Бедер неодобрительно нахмурился, пожевал губами и возразил:

– Но ведь каким-то образом он попал сюда.

– Возможно, приближение Тьмы разорвало ткань Миробытия, – сказал еще один слепец – в чем-то вроде кепки с огромным козырьком, завернутом на конце в две трубочки.

– Во-во, – подтвердил Гас, отрываясь от высасывания последних капель из бутылки, – я слышал, что, когда Тьма приближается, тут и там открывается Тропа, которая...

– Гас, я вырву тебе язык! – крикнул Бедер. Ну и ну... Сварог слушал, раскрывши рот. Вот так клошары! Впрочем, чему удивляться – есть же сумасшедшие провидцы и слепые прорицатели... А оборванцы не обращали на Сварога ровным счетом никакого внимания – перебрасывались репликами, будто хирурги, собравшиеся над приготовленным к операции телом.

Старик в деревянных башмаках негромко прошамкал:

– Я чувствую, что у него есть власть. Я чувствую, что у него есть сила, но он не знает, как ею пользоваться.

– Да прекратите вы болтать или нет?! – истерично заорал Бедер. – Вы все испортите! Йалор, где вино?

Старик в деревянных башмаках порылся в котомке и извлек очередную бутылку.

Мысли Сварога путались. Тьма, Миробытие, Тропа, гибель мира... Нет, инвалиды не ввали – Сварог это знал наверняка, – если только не врал само заклинание, угадывающее ложь... Все дело в том, что, если человек врет, пребывая в уверенности, будто говорит правду, никакое заклинание не распознает ложь в его словах. Древний вавилонянин, к примеру, поведает вам, что Земля, дескать, представляет собой зиккурат посреди мирового океана, накрытый тремя небесами, – и заклинание тут же подтвердит, что все правда, все так и есть на самом деле. И здесь то же самое: приходилось согласиться с тем, что в бреде, который несут сморчки, есть своя логика, своя система, – но ведь известно, что шизофреники зачастую создают и свято верят в столь же непогрешимые и стройные логические конструкции... Основанные, увы, на совершенно шизоидных посылах. Черт ногу сломит в этих заклинаниях...

Сварог вздохнул. Вино вновь пошло по кругу.

– Уважаемые, – вежливо напомнил он о своем существовании, – постоите-ка минутку. Погодите. Мне и в самом деле нужно вернуться туда, откуда я прибыл. Вы... вы знаете, как мне отыскать обратную дорогу?

– А смысл? – философски пожал плечами Бедер.

– Дела у меня там. – Неведомым образом бутылка вновь оказалась у него в руках, и он сделал большой глоток. – А тут мне не нравится.

– Не нравится ему, – открыл в ухмылке щербатый рот Йалор. – А где хорошо? Повсюду все одно и то же: только гибель и запустение. Смерть, война, страх, страдание...

– Война идет везде, – печально подтвердил еще один старец, до сей поры молча пережевывающий полусырое мясо. – Силы Тьмы наступают, и скоро мир изменится. Только не все это видят. И не хотят видеть. А ведь знаки повсюду: дым над Крабереном...

– Вода в колодцах Крона помутнела... – добавил Гас.

– Руана мелеет день ото дня... – сказал Йалор.

– Звери и птицы бегут из лесов... – сказал тип в кепке.

– А что в знании, что ты скоро умрешь? – возразил Бедер. – Гибель мира не предупредить, как не убежать от собственной смерти...

Сварог почувствовал легкое завихрение в мозгах и хлопнул себя по колену. Сказал:

– Так, стоп. Война, гибель мира – это мы понимать можем. Давайте-ка сначала. Вот вы там говорили о какой-то Тропе. Что за Тропа?

– Та, что ведет в разные стороны, туда и сюда, – очень понятно ответил Бедер.

– Вы знаете, как найти ее?

– Если б знали, нас бы здесь уже не было, – сказал Гас.

– Логично. Тогда что вы тут делаете?

Бедер пожал плечами.

– Города покинуты, но в лавках осталось много полезных вещей: мы берем их, – ответил за него Гас. – Деревня брошена, но оставлены скот и зерно: мы берем их. Потом продаем и меняем там, где еще есть люди.

Ага, вот тут-то он врал, чего-то не договаривал. Не простые это были мародеры...

– Понятно, – протянул Сварог. – А в ближайшем селении люди еще остались?

– Да. Никто не верит, не хочет верить в конец мира, – сварливо ответил Йалор. – Они слепы и глухи и погибнут в черной пучине без права на спасение...

Несмотря на потрясающе отвратный вкус, вино слепцов действовало самым положительным образом. Сварог почувствовал, как усталость покидает тело, а настроение быстро улучшается. В голове приятно зашумело, слепые уродцы уже не казались ему столь безобразными.

– Что ж, – сказал он. – Вот туда-то мне и надо. Как, вы говорите, добраться до города?

– А смысл?..

Ему почему-то никак не удавалось сфокусировать взгляд на Бедере, – глаза разъезжались и каждый хотел смотреть в свою сторону. Шум в голове стал громче, но не мешал... а наоборот... усыплял...

Раздался глухой звон, Сварога толкнуло в спину, и наконец – вот ра-

дость-то – включилось чутье на опасность, зазвенело, заверещало в ушах, как потревоженная сигнализация... Сварог вздрогнул, открыл глаза, лихорадочно нашаривая топор. Топора не было, ах да, проклятье...

Оказывается, бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и разбилась. Этот звук и вернул его в чувство. Шестеро слепцов уже были на ногах и как могли бесшумно приближались к нему, вытянув в его сторону тощие руки. Звук разбившейся бутылки заставил их замереть, но только на мгновение. Глаза все еще не слушались Сварога, да и тело словно онемело, но он сумел быстренько установить, что шаур по-прежнему лежит у него в кармане.

Отравили-таки гады, подсыпали что-то в вино! Но как? Почему заклинание не сработало? И ведь они сами пили из той же бутылки!.. Ладно, я этим потом...

Слух у слепцов, надо отдать им должное, был отменный. Они услышали, как Сварог неуклюже откатился в сторону, и поняли, что он не так уж и сильно одурманен зельем, как им хотелось бы. Старцы вновь замерли, на этот раз в нерешительности.

– Господин путник, – заговорил Бедер, – мы не хотим вас убивать.

– К-какого ж... черта в-вам... надо? – спросил Сварог. Язык ворочался во рту, как неродной.

– Только оружие, одежда и деньги... серебро.

– Всего-то? – выдавил Сварог. – Ну т-так... попробуйте взять...

Никто не двинулся с места.

– Вам все равно не добраться до дома, добрый господин.

– Это п-почему это?

– Вы не знаете, где Тропа.

– Так скажите. И я... вас... деньгами з-заваю по самое не хочу... До конца... дней будете у меня... в золоте купаться...

– Мы тоже не знаем, правда, добрый господин...

Не врут, стервятники.

– Тогда... в-валите отсюда... ворье...

Мирные переговоры можно было считать проваленными. По крайней мере, так решили оборванцы и бросились на Сварога.

Он выхватил шаур.

И тут же уронил.

Пальцы, равно как и все тело, отказывались служить.

В первые секунды спасло его только то, что слепцы навалились всем скопом. Он успел лягнуть кого-то негнущейся ногой, локтем пнуть под чьи-то ребра, но потом кто-то, кажется, Гас и Йалор, прижали его к земле (силища в них была неожиданно огромная... или это так зелье действовало?), а Бедер, встав на колени и нащупав, где находится голова Сварога, занес над ней посох. Дырявые рукава метнулись в стороны, как крылья ошипанной вороны.

Ударить помешали прочие старцы, которые еще не поняли, что Сварог обездвижен, и толкались вокруг, норовя пнуть его побольнее.

Сварог медленно, по возможности бесшумно, подтянул под себя колени.

– Уймитесь, идиоты! – рявкнул Бедер и поднял посох вторично.

В тот момент, когда импровизированная дубинка понеслась вниз, он оттолкнулся пятками от земли и дернулся влево. Посох скользящим ударом задел Йалора по плечи и не больно заехал Сварогу по плечу. Йалор хрипло

взвыл, но хватки не ослабил.

– Проклятье, – прошипел Бедер. – Если будешь рыпаться, я достану нож.

– Мы никого не хотим убивать, – поддакнул Гас. Из рта у него воняло так, что словами не передать.

Но Сварог безмолвно рыпнулся еще трижды, всякий раз отползая вместе с навалившейся парочкой слепцов немного влево, а потом остальные старики разобрались, где он, и всем своим суммарным весом пригвоздили его к земле. Впрочем, он уже добился, чего хотел, и попытался расслабиться.

Бедер поднял свой посох в третий раз.

В этот момент Гас заорал не своим голосом, отпустил Сварога, вскочил и принялся яростно хлопать себя по ягодицам.

Освободившейся левой рукой Сварог изо всех своих слабых сил засадил Йалору в челюсть. Лязгнули зубы, оборванец на секунду разжал руки. Этого было достаточно, чтобы Сварогу удалось рывком сесть. За спиной посох глухо ударился оземь. Бедер выругался. Гас бегал вокруг костра, не переставая орать: сдвинувшись вместе со Сварогом влево, он оказался в опасной близости от углей, и его лохмотья задымились. Державшие ноги старцы вообще пока не понимали, что происходит. Сварог аккуратно положил ладони на их черепа и с силой свел руки. Лбы со стуком ударились друг о друга. Сварог откатился вправо, целя локтем в лицо Йалору, но тот уже спешно драпал на четвереньках, путаясь в рваном плаще. Бедер остервенело размахивал посохом, колотил по земле, как в там-там, пытаясь попасть по Сварогу, но попадал пока только по своим же; рубин, венчающий его палку, отлетел и мячиком закатился в кусты. Сварог подождал, пока посох окажется на максимально безопасном расстоянии от него, и, развернувшись, сделал гнусному старику подсечку. Посох отлетел в костер; кости Бедера отчетливо брякнули о землю.

Покачиваясь, Сварог поднялся на колени. Битва титанов закончилась с разгромным счетом.

Гас, затушив тлеющие лохмотья, перестал вопить и слезливо спрашивал, куда делись все. Йалор дополз до ближайшего дерева и затаился, выставив просвечивающий сквозь прорехи в штанах голый зад и делая вид, что его не видно. Слепцы, которых Сварог стукнул лбами, пытались, цепляясь друг за друга, встать, хныкали и жаловались. Тот, что был в кепке с прикольным козырьком, кепку потерял, оказался лысым, как колесо, и теперь стоял как истукан, таращась бельмами в пространство. Сварог нащупал в вытоптанной траве шаур, поднял. Встал на ноги. Бедер громко застонал и зашарил руками по земле – не иначе, посох искал.

– Ну-ка не шевелитесь, – сказал Сварог. – У меня оружие.

Бедер послушно замер на карачках.

– Не стреляй, добрый господин... Мы не хотели ничего плохого...

– Ну да, всего лишь ограбить бедного чужеземца.

– Простите нас, господин чужеземец, – заныл Гас и выставив перед собой руки, пошел на его голос. Сварог ткнул его пальцем в живот. Гас застыл.

– Ни шагу, сокол мой. Иначе от тебя даже лохмотьев не останется.

– Где мой посох?.. Где мой посох?.. Мы сейчас же уйдем, добрый господин чужеземец...

Бедер, очевидно, решил, что уж если Сварог разговаривает с ними, то стрелять не будет.

– Прости нас...

Стеная и хлюпая разбитыми носами, местечковые бомжи сползли в центре поляны и, мешая друг другу, поднялись на ноги.

– Мы уже уходим... Только... где мой посох?..

– Хрен тебе, а не посох, – сказал Сварог, чувствуя, как оцепенение быстро оставляет тело. – Обойдешься.

– Я не могу без моего посоха! – заныл Бедер. – Добрый господин, оставь себе мясо, вино, наши вещи, только отдай посох. Отдай посох, и я расскажу, где найти дорогу домой...

– Врешь, Слепой Пью... – безошибочно определил Сварог, – а также Гомер, Мильтон и Паниковский. Вали-ка отседова.

Не слушая, Бедер вновь попытался опуститься на колени и приняться за поиски.

– Посох, посох...

Сварог чертыхнулся, вытащил уже занявшуюся палку из огня и легонько тюкнул ею главного бомжа по затылку. Слепец ойкнул и замер, скрючившись.

– На, забирай. И не теряй больше.

– Спасибо, спасибо... – Бедер уцапал посох за обугленный край, зашипел от боли, перехватил в другом месте. – Благодарю, добрый господин... А... Э-э...

– Что еще?

– Если ты еще голоден, то, конечно, можешь оставить мясо себе...

– Да подавитесь вы. И шмотки, кстати, забирайте. Не пристало благородному дону воровать у нищих. Даже таких сволочных, как вы.

– Спасибо... Гас!

Гас на ощупь отыскал остывшие остатки тушки и завернул их в валявшееся поблизости одеяло. Остальные, толкаясь и переругиваясь, собирали нехитрые пожитки.

– А теперь проваливайте.

– Мы еще увидимся, добрый господин, – сказал Бедер.

– Проваливайте, проваливайте.

Слепцы, как по команде, выстроились в колонну и, положив руку на плечо впереди стоящего, торопливо засемили в лес, аккуратно в сторону виднеющегося неподалеку овражка, заросшего крапивой.

Положительно, сегодня был не их день.

Бедер, как поводырь, шел впереди, тыкая перед собой посохом и высоко задрав голову. Он обогнул одно дерево, другое (старцы послушно шли след в след), а потом его нога попала в пустоту, и он, беспомощно замахав руками, рухнул в овраг. Гас,двигающийся за ним, по инерции сделал шаг и покатился туда же... Один за другим слепцы теряли плечо своего ведущего и исчезали в крапиве.

Лысый же, лишившийся во время битвы со Сварогом кепки и шедший последним, замер на самом краю, нащупал ногой край ямы... и, обогнув ее, остановился на другой стороне.

Некоторое время со дна никто не показывался, потом перепачканные, плачущие, немилосердно чешущиеся старцы выбрались с трудом из ловушки и выстроились в ту же цепочку.

Бедер попытался было сунуться вперед, но остальные дружно отпихивали его до тех пор, пока он не оказался в арьергарде. Номер первый занял лысый

без кепки. По цепочке ему передали конфискованный у Бедера посох.

– Неблагодарные мерзавцы, – прохныкал Бедер. И убогое шествие оборванцев скрылось между деревьев.

Сварог неодобрительно покачал головой. Потом, вспомнив, отыскал в кустах рубин и подбросил его на ладони. Никакой это был не рубин – так, красиво обработанная стекляшка, и ни намек на магические свойства. Мир непуганых идиотов, право слово, вот куда он попал. Хотел зашвырнуть камушек вслед инвалидам, но передумал и спрятал в карман. «Эх, надо было все-таки узнать, в какой стороне город...»

Глава четвертая

Маленькая хозяйка заколдованного замка

Солнце медленно вставало над горизонтом – обыкновенное круглое солнышко. Туман редел, и Сварог бодро шагал по дороге вслед за всадниками – то ли в сторону города, то ли отдаляясь от него. Второй вариант его, впрочем, заботил мало. Ведь, при здравом рассуждении, дорога не может вести из города в никуда – даже если он идет в обратную сторону, на пути обязательно должен попасться какой-нибудь населенный пункт... Дорога тоже была как дорога, сельская, разбитая, с проросшей травой между колеями. Вот только телеграфных столбов вдоль нее не хватало. И Сварог поймал себя на мысли, что встретиться ему сейчас по пути ведро с гвоздями марки «УАЗ» председателя местного колхоза – он не особенно и удивится...

«Уазик» ему не попался, зато он нагнал давешних всадников.

За поворотом, скрытым беспардонно разросшимися кустами вроде бы бузины, прямо посреди дороги четверо угрюмых типов при шпагах, в черных плащах, в черных шляпах и черных масках, скрывающих лица, расположившись кольцом, держали под прицелом арбалетов двоих молодых людей в зеленых охотничьих костюмах. Зеленые стояли спиной к спине и могли лишь прожигать типов ненавидящими взглядами: оружия при них не наблюдалось, малейшее движение – и они, как пить дать, будут утыканы стрелами, как ежики. Причем их, прежде чем поставить вот так, спиной к спине, сначала некоторое время катали по земле и пинали, судя по состоянию их костюмов. Пятый тип из команды черных, при одной только шпажонке, неподалеку о чем-то бурно спорил с невысоким худощавым юношей в зеленой тирольской шапочке, размахивал руками, показывая то на себя, то на дорогу, хватал юношу за локти. Юноша же локти раздраженно вырывал и отрицательно мотал головой. Вокруг этой пары крутились две собачонки, самые настоящие, обыкновенные, смахивающие на спаниелей, просительно заглядывали спорщикам в глаза и, таявкая, умоляли не ссориться. Неподалеку мирно паслись оседланные лошадки, ожидая, пока люди закончат разборки и наконец разъедутся... Эх, приятно все ж таки сознавать, что попал не куда-нибудь, а во вполне нормальный мир – тут вам и собачки, и лошади, и потасовки – шестеро на одного и пятеро на троих, все – как у людей...

Сварог остановился в нерешительности. Что характерно, у юнца за спиной висел арбалет – почему-то не отобрали. Ну те-с, и что все это означает, судари мои? Семейная ссора? Арест браконьеров? Или охотники добычу не поделили?.. Или военно-патриотическая игра «Зарница»? И главное, Сварогу-то что делать?

А ничего. Пойдем-ка мы не спеша вперед. Захотят поговорить – поговорим,

не захотят – сами вежливо спросим дорогу в город... А если начнут заводиться... вот тогда разберемся на месте.

Черные, вот счастье-то, избрали последний вариант встречи иноземного гостя. Едва Сварог вышел из-за кустов на открытое пространство и миролюбиво, открыто двинулся в сторону противоборцев (о том, что все-таки положив палец на спусковой крючок шаура в кармане, упоминать не стоит), как один из тех, что держал на мушке людей в охотничьих костюмах, резко развернулся в его сторону и взял на прицел самого Сварога. К его чести, оружие он держал грамотно, хотя и не очень уверенно. И арбалет был самый что ни есть настоящий.

Сварог медленно шел вперед. И улыбнулся. Руки из кармана, впрочем, не доставая.

– Тебе чего? – грубо спросил тип в маске. – Кругом марш, и чтоб я тебя через секунду уже не видел.

Говорил он опять же на насквозь знакомом языке. Что не могло не радовать.

Сварог продолжал приближаться. Черный забеспокоился, угрожающе встряхнул арбалет.

– Стоять, кому сказал! Глухой? Не видишь, проход закрыт.

Только сейчас Сварог сообразил, что все пятеро крепышей в черном находятся в различных, но достаточно сильных стадиях, как принято говорить, алкогольного токсикоза. А говоря проще, все пятеро кривы, как патефонные рукоятки. И поэтому могут начать палить из своих рогаток в любой момент и ни с того ни с сего. Что было бы некстати. Нет, ребята, что хотите со мной делайте, но ни на семейную сцену, ни на игру «Зарница» это не похоже.

– А скажи-ка мне, гвардия, – по-отечески ласково попросил Сварог, приближаясь почти вплотную, – я что-то вот не пойму: у вас так принято, чтоб шестеро слепых – да на одного зрячего? Да еще с дубиной?

Вжикнул арбалетный спуск. Стрела вонзилась в землю между Сварогом и типом в маске, к которому Сварог приближался.

– Шел бы ты лучше грехи замаливать. И наши заодно попроси отпустить, – заявил второй тип в маске, который пальнул. Сейчас он крутил арбалетный ворот, по новой натягивая тетиву.

«А чего это меня молиться отправляют? Мученическое выражение лица? Или лик мой преисполнен особой благостности?» Но как бы там ни было, теперь Сварогу вовсе расхотелось покидать этих замечательных парней. Как говорится, до полного выяснения.

Он остановился, дружелюбнейше улыбнулся:

– Нет, ребята, так не пойдет. Вот ежели, к примеру, господу без масок меня попросили бы. Дескать, ты нам мешаешь отдыхать, наслаждаться приятным обществом и так далее, наверное, я бы и пошел себе мимо. Но они же не просят. Не просите же?

Не просили. Двое в охотничьих костюмах, стоявшие спиной к спине под присмотром арбалетчиков, молча провели по Сварогу взглядами и отвернулись. Не просить же, в самом деле: вмешайся, добрый человек, безоружный ты наш, наплюй на арбалеты и загаси в одиночку пятерых. Да, одни всерьез Сварога не воспринимали, другие совсем не боялись. Что ж, кое-что проясняется, а именно: слава графа Гэйра не прикатилась сюда через миры и Потoki

раньше самого графа.

– Последний раз тебе говорю, катись, прохожий, проваливай. Да поживее, – уже на пределе пьяного гнева сотряс рассветный воздух ближайший к Сварогу арбалетчик.

Ну вот не любил Сварог, когда ему предлагали катиться. Не любил, судари мои любезные. Так уж он, видите ли, устроен был необычно.

А те двое, что спорили в сторонке, продолжали свой нелегкий разговор с хватанием за руки, Сварогово появление их нисколько не отвлекло. Обидно, да?

– А я, может, постоять хочу, послушать, поучаствовать. Может, я не спешу, – объявил Сварог собравшимся тут в столь ранний час.

Не надо было быть ни Спинозой, ни маршалом Жуковым, ни Сварогом, чтобы дотумкать, чем обернутся последние слова. Уж, понятно, не тем, что парни в черных масках опустят на землю арбалеты, отцепят шпаги и вскинут грабли вверх, сдаваясь напугавшему их встречному-поперечному.

– Ну, ты сам напросился...

Ближайший к Сварогу черномасочник наклонил арбалет, метя пробить икру непонятливого и наглого прохожего. А прохожий, он же Сварог, именно сегодня, именно сейчас не намеревался проверять, работает защитная магия ларов или же отключилась. Со стрелой в ноге, в случае неудачного эксперимента, бродить по новым мирам, согласитесь, будет не так удобно, как без стрелы. Сварог вильнул, когда палец стрелка надавил на арбалетный крючок. Трехгранному железному наконечнику так и так не суждено было в этот раз впиться в мышечную ткань, но...

Стрелы летают по прямой, не так ли? Эта же, пусть едва заметно, но отклонилась от предначертанной законами физики траектории. Или на планете непуганых идиотов свои законы физики и лирики? Сомнительно. Поэтому полет стрелы не мог не обрадовать Сварога – ведь еще целых три стрелка крутились рядом.

А первому граф Гэйр от души, по-простонародному заехал в рыло, заставив кувыркнуться навзничь.

Играть в кронштадтских матросов, рвать камзол на груди: «На, стреляй, белогвардейская гидра!» – Сварогу отчего-то не хотелось. Верно, оттого, что, как пелось в одной очень старой песенке, «одна снежинка – еще не снег, одна дождевка – еще не дождь», так и одна отклонившаяся стрела – еще не есть защищенность лара от летящей смерти. Сварог выхватил шаур. Похоже, с пистолетами аборигены незнакомы, потому что шаур не произвел на них никакого впечатления: три арбалетчика поднимали свое оружие, приставляли к плечам деревянные приклады и целили уже не в ноги, а в корпус и голову. Однако Сварог пока бить на поражение не намеревался. Намеревался парализовать демонстрацией чудес.

– Ни с места! Вы окружены! Стреляю без предупреждения! – И следом за этим предупреждением втопил спусковой крючок шаура.

Блестящий веер из серебряных звездочек прорезал дорожную твердь под ногами у крепышей в черных масках, бережно обогнув парочку в зеленых одеждах.

Наверное, туземцы привыкли пугаться оружия, которое грохочет, изрыгая дым и пламя, и, может быть, поэтому бесшумный шаур их не образумил. Или

перед тем, как натянуть маски и пойти на дело, они алкогольно перетоксикозились до полного отмирания страха. Как бы то ни было, а арбалетные тетивы слаженно спустили все трое.

Сварог, конечно, среагировал и отпрыгнул, падая на землю. Но быть бы ему зацепленным – это Сварог почувствовал тем органом чувств, который отрастает у повоевавших солдат, орган, который еще до попадания определяет – в тебя летит смерть или не в тебя. Какая-то из стрел летела в него, увернуться от нее ему бы не удалось, достала бы на земле... Значит, магическая «кольчуга» лара, отклоняющая пули и стрелы, не подвела. Ура.

Ну, и хватит гуманизма на сегодня. Не то боком выйдет. Жалеешь тут всех подряд, и вон они чем тебе отвечают.

И Сварог ответил, что называется, адекватно. Ему хотели ногу прострелить, не вышло, ну тогда ловите мячик взад. Сварог засадил серебряную звезду шаура в бедро одного из черномасочников. Не удивительно, что тот взвыл и выронил арбалет.

Ну слава богу! Наконец-то! Очухались зеленые, перестали хлопать глазами и вертеть головами, рванулись-таки, крича что-то боевое, возвращать бывшие обиды двум пока не тронутым Сварогом арбалетчикам. Завязалась потасовка.

А где же пятый в маске и с ним третий в зеленом? Сварог оглянулся и на прежнем месте их не обнаружил. Ах вот оно что, вот оно как! Пятый в маске волок, обхватив за талию, третьего в зеленом к лошадям. Похищение удумал, чтоб мне неладно!

Оставив арбалетчиков их старым зеленым знакомым, Сварог понесся вдогон.

Похититель, надо отдать должное, оглядывался и погоню заметил вовремя. Сообразив, что без боя не уйти, он бросил похищаемого и, выдергивая шпагу из ножен, пошел Сварогу навстречу. Молча и решительно.

При Свароге шпаги не было. Дома забыл. Поэтому, как ни хотелось бы графу пофехтовать, а не получится. И вот что интересно – никакой середины. Или ты сейчас поступай неблагородно, но разумно, пуля в черную маску из шаура, или, наоборот, совершай неразумные, но до идиотизма благородные поступки.

Сварог выбрал второй путь. Стрелять он не стал. Попер с голыми руками на шпагу. Ну не совсем, конечно, с голыми. Шаур, если его не использовать как стрелковое оружие, можно ведь использовать как ударное...

Увернувшись от выпада, пропустив клинок мимо себя, Сварог обрушил на округлого сечения сталь кастет в виде шаура. Шпагу выбило из рук. Не довольствуясь малым, Сварог проделал элементарный бросок в ноги с подсечкой и, вернувшись в исходную стойку, дополнил сверху локтем. Что-то, судари мои, много кулаками махать приходится в вашем мире. Что-то, милейшие, на планету тихих идиотов вы не тянете...

Этот пятый в маске оказался существом хоть и пьяным, но разумным. Поднявшись с земли, проводив глазами свою шпагу, забрасываемую Сварогом в кусты, он поковылял к своим.

– Уходим! Уходим, бельмо вам в глаза! – Он приостановился и оглянулся, словно пытаясь хорошенько запомнить обидчика.

«Теперь им, главное, не забыть, сев на коней, проорать: „Мы еще встретимся!“ Так ведь положено», – подумал Сварог, вспоминая давешних слепцов.

Зеленые, вернув должок тычками, провожали черных недругов проклятиями. Однако, как ни странно, одни не пытались пустить в ход шпаги или арбалеты, другие не пытались шпагами и арбалетами завладеть. Местный кодекс чести?

И вот уже пятеро в масках, включая и раненого Сварогом в ногу и отправленного Сварогом в нокаут (этого привели в чувство пощечинами), оказались в седлах.

– Мы еще встретимся! – донеслось от поворота.

Сварог помахал им ручкой и повернулся к спасенному юнцу.

Юнец, оказывается, уже сидел в седле и неторопливо направлялся к спасителю.

Солнце светило Сварогу в лицо, поэтому он не сразу понял, в чем дело. Зеленый охотничий костюм, высокие кожаные сапоги с отворотами... Светлые пряди волос, выбивающиеся из-под тирольской шапочки, прямо-таки светятся в солнечных лучах... потом Сварог заметил кое-какие особенности фигуры... потом до него, наконец, дошло.

– Храбрый воин, – произнесла девушка, словно удивляясь этому факту. На вид ей было лет девятнадцать, не больше. И, главное, никакого испуга от пережитого в глазах.

– Благодарю, прекрасная госпожа, – насколько мог галантно ответил Сварог, поклонился и мысленно обругал себя за то, что не вернул растерзанному камзолу прежний вид. – Наконец-то мне дали точную и исчерпывающую характеристику.

– Наконец-то? – вспорхнули ресницы. – Как же вас называли до сих пор?

– Здесь – никак не называли, главным образом пытались лишь отвернуть голову. А вообще-то меня зовут... Гэйр. Граф Гэйр, барон Готар. – Королевские титулы он решил пока скромно опустить.

Подбежали собачки, принялись, изо всех сил, виляя хвостами, обнюхивать сапоги нового персонажа.

Черт, а красота девица была необыкновенной. Богиня Диана в охотничьем костюме. Извечный мужской инстинкт, который любого нормального мужика при определенных обстоятельствах может превратить в беспомощного идиота, пускающего слюни и расточающего банальные комплименты, легонько постучался в дверцу Сварогового сознания. Сварог на него цыкнул, потому как не время... Хотя обстоятельства, прямо скажем, располагали, поскольку были совсем как из классического любовного романа: страшные лесные разбойники, чудесное спасение от рук неизвестного рыцаря, пустынная лесная дорога, симпатичные лужайки вокруг...

– Граф? – повторила она задумчиво. – Да еще и барон? – Судя по всему, потрепанный вид визави и отсутствие у того коня и свиты немного смутили ее. Но совсем чуть-чуть. – Что ж, граф, вы спасли жизнь мне и моим людям... Чем я могу отблагодарить вас?

– А, пустое, – как можно более непринужденно ответил Сварог, запомнив это «моим людям». – Не мог же я оставить в беде столь очаровательную даму.

«Очаровательная дама» была принята благосклонно и без возражений.

– Вижу, вы долгое время были в дороге... – заметила она. – Не нарушит ли это ваши планы, если я приглашу вас заглянуть к нам в замок?

К нам в замок? Ого!

– Я Клади, баронетта Таго, – продолжала она. – Для вас – просто Клади. Вы сможете отдохнуть и перекусить. Конечно, если дела не торопят в путь...

– Нет-нет! – излишне поспешно ответил Сварог. – Мои дела вряд ли пойдут лучше или хуже, если... ну, если я загляну на часок.

Девушка рассмеялась, и Сварог отчего-то почувствовал себя не в своей тарелке. Могла бы и слезть со своего жеребца, а то разговаривает, как с конюхом... И чего это она такая веселая – после всего происшедшего? А если б Сварог не оказался поблизости?.. Вдруг она гневно крикнула: «Гюнар!» и указала куда-то Сварогу за спину. Сварог обернулся, ожидая увидеть подкрадывающегося ревнивого мужа с мечом, но сзади никого не было.

– Гюнар, противный мальчишка... – На руку девушки шумно сел огромный лесной сокол, потоптался, устраиваясь, и недоверчиво покосился на Сварога. – Где ты пропадал? Почему не защитил свою хозяйку? – Она щелкнула сокола по клюву. Птица протестующе гаркнула. – Прочь отсюда, трусишка. Домой лети. – Она трянула рукой, и Гюнар, обиженно хлопая крыльями, взмыл в небо. Девушка обернулась к Сварогу. – Это наш ловчий, один из лучших в замке. Я собиралась поохотиться на уток там, на болоте, и тут...

– Тут решили поохотиться на вас. Вы неосторожны. Раз здесь водятся такие твари, надо брать с собой по меньшей мере охрану... Кто это был, вы знаете?

– Олес, кто ж еще, – кратко ответила девушка. – Сынок княжеский. И мой жених.

«Ай-ай-ай, – подумалось Сварогу. – Кунаки влюбленного джигита похищают невесту – а тут очень кстати встревает пришелец из другого мира. Ай-ай-ай...»

Заметив кое-какие изменения на лице Сварога, девчонка звонко рассмеялась и поспешила объяснить:

– Ну, это он так думает, что жених. Напился, гад, и вспомнил по пьяни старинный обычай – похищение невесты. Решил поиграть в рыцаря. Хорошо хоть, почти без крови обошлось, сдержался, обычай не нарушил...

Сварог вспомнил, как всадил звездочку в ногу масконосцу, и промолчал.

Подшли зеленые – свита баронетты, надо понимать.

– Граф едет с нами в замок, – повелительно сообщила Клади. – Клус, отдай ему своего коня. Дойдешь пешком.

– Но, баронетта, вы уверены, что этот человек... – несмело возразил невысокий рыжий крепыш.

– Я сказала – пешком! – В ее голосе прорезался металл. Да уж, она умела повелевать. И научилась этому, как видно, отнюдь не вчера. – Или боишься один остаться?

Клус вспыхнул, поник головой и безропотно подвел Сварогу коня. Сварог поколебался, потом все же взялся рукой за лук и лихо, немного красуясь, вскочил в седло. Клади одобрительно кивнула.

Скакали около получаса. Поначалу девица оборачивалась, не до конца, очевидно, уверенная, что граф и барон изволят уверенно держаться в седле, но, поняв, что беспокоиться не о чем, пустила своего коня галопом.

А граф и барон по дороге изо всех сил вертели головой, рискуя свернуть шею, однако ничего необычного, ничего экзотического в окружающей обстановке пока не углядывали.

В этих местах царило отчетливое запустение. Лес кончился, и некоторое

время по обе стороны тракта колосились возделанные поля, вдалеке еще виднелись обитаемые деревушки, а потом пошли поля заброшенные, заросшие бурьяном в рост человека. Потом снова начался лес, то густой, дремучий, смыкающий ветви над головой, то редкий, словно под корень подрезанный неизвестной лесной хворью. Сварог даже засомневался, не сбились ли они с пути к обещанному замку. Ведь в других местах как: чем ближе к обители сеньора, тем больше на дороге богатых ремесленников. Тем чаще по краям дороги деревни и особняки приближенных к сеньору патрициев. Здесь же все было наоборот. Проехали лиги две – и как отрезало. Последний дом, который заметил Сварог, вообще оказался заброшен. Крыша сгнила и просела внутрь, оставив солнцу и ветру четыре деревянные стены с прямоугольным провалом входа. Полное впечатление, что жители бежали из этих мест, опасаясь нападения...

Наконец среди холмов показался небольшой, но симпатичный салатного цвета замок в готическом (насколько разумел Сварог) стиле, с неизменными ажурными башенками, витражами на окнах, стрельчатыми арками. Вместо крепостной стены замок был окружен живой изгородью. Атаки регулярных и нерегулярных войск противника здесь, пожалуй, не опасались.

Они проехали по широкой аллее, выложенной белой плиткой и обсаженной скрупулезнейшим образом подстриженными деревьями, остановились у ведущей в замок широкой лестницы с балюстрадой. Перед ступенями, в центре шестиугольного мраморного бассейна, весело журчал фонтанчик.

Девчонка легко соскочила с лошади и побежала вверх – навстречу высокому статному бородачу в бело-зеленом сюртуке. Они о чем-то заговорили, причем Клади указывала в сторону леса и азартно размахивала руками, а бородач все больше хмурился, неодобрительно и беспокойно качая головой.

Предоставленный же самому себе Сварог покинул седло и огляделся, разминая затекшие ноги. Вблизи стало видно, что время своим вниманием замок не обошло – некогда величественные стены покрыты мхом и лишайником, ступени потрескались, из щелей растет трава. По привычке он обзрел окрестности «третьим глазом». Вроде бы все нормально, вот разве что... в магическом плане замок оказался накрыт полупрозрачным, переливающимся всеми цветами радуги колпаком, и его назначения Сварог определить не смог. Какая-то защита, что ли? От чего, позвольте узнать?..

Подбежал конюх, принял у него поводья. Покосился на лохмотья, в которые превратился камзол гостя, ухмыльнулся краем рта. Сварог надменно сдвинул брови.

По ступеням по-хозяйски степенно к нему спустился бородач. Облик его навел на мысли о стабильном доходе и процветающем бизнесе, этакий не то зажиточный помещик, не то купец первой гильдии – импозантный, солидный, борода с проседью ухожена, имеет место и небольшое брюшко... хотя было что-то в его глазах, мало вязавшееся с обликом богатого купца, – какая-то смутная тоска, отрешенность, словно он мыслями находится далеко-далеко. На лацкане поблескивал орден со множеством лучей и неразборчивой надписью по кругу, вряд ли военный, – ну не производил хозяин замка впечатление человека служивого. Бородач бесстрастно оглядел Сварога с ног до головы. Спросил басовито:

– Так вы действительно граф?

– Самый что ни на есть, – с достоинством ответил Сварог и испытал мимо-

летное удовольствие от того, что его здесь не знает ни одна собака.

– Что ж... Рад познакомиться с вами, граф Гэйр. Хотя обстоятельства нашего знакомства, увы, не радостны. Клади рассказала мне о досадном происшествии в лесу и вашем мужестве...

– Да какое там мужество. Я всего лишь проходил мимо и позволил себе вмешаться.

– Весьма удачно вмешаться.

Они церемонно пожали друг другу руки. Ладонь бородача была сухой и горячей.

– Позвольте представиться – Карт, барон Таго, хозяин этой скромной хижины и отец одной взбалмошной девчонки.

Ну, хорошо хоть не муж.

– Граф Гэйр, барон Готар.

Барон Таго еще раз глянул на его наряд и невозмутимо сказал:

– Добро пожаловать в замок Таго.

Они поднялись по широким покосившимся ступеням, вошли в замок. Внутри было прохладно, пахло деревом. Вдоль коридора выстроились в почетном карауле рыцарские доспехи, чередуясь с огромными, в человеческий рост, вазами и огромными, в два человеческих роста, зеркалами, на стенах в тщательно организованном беспорядке висело разнообразнейшее оружие – сабли, кинжалы, мечи и даже огнестрельное оружие, включая автоматы неведомой конструкции...

– Вы, насколько я понимаю, издалека? – забросил удочку Карт.

– Из очень далекого далека, – сознался Сварог.

– Путешествуете... в одиночестве?

– Красиво у вас тут, – после паузы сказал Сварог. – Тихо и покойно.

– Да, пожалуй... Я, видите ли, стараюсь не вмешиваться в... происходящее. Сохраняю нейтралитет, так сказать. Должен же кто-нибудь давать приют усталым путникам?

Они остановились, посмотрели друг другу в глаза.

– Я совершенно один, барон, – твердо сказал Сварог. – Прекрасно понимаю, что мое появление, да еще в таком виде, вызывает у вас вполне законные подозрения. Просто в силу некоторых причин я был вынужден, бросив все, спешно покинуть... то место, где я находился. И я действительно случайно встретил вашу дочь.

– Что ж... Клади вам отчего-то верит, а значит, и у меня нет оснований сомневаться в ваших словах. Хотя, скажу откровенно, вы правы: меня настораживает, сколь удачно вы появились в нужное время и в нужном месте.

– Прекрасно вас понимаю. И, кроме честного слова дворянина, ничем не могу доказать свои слова.

– Если вы нуждаетесь в помощи – деньги, оружие, лошади, охрана...

– Благодарю, барон, я ни в чем не нуждаюсь. Немного передохну и двинусь дальше.

– За вами гонятся?

– Клянусь вам, нет. Ни одна живая душа не догадывается, что я нахожусь у вас... кроме, наверное, этих милых ребят, с которыми я не сошелся взглядами на правила поведения.

– Ну, насчет Олеса не беспокойтесь, здесь, в замке, я сумею постоять и за се-

бя, и за дочь. Спасибо, граф.

Сварог перевел дух. Первый раунд переговоров прошел в теплой и дружественной обстановке.

Карт свернул к мраморной лестнице, ведущей на второй этаж. Они поднялись наверх, мимо гобеленов, изображающих сцены охоты и сражений.

– Замок в полном вашем распоряжении. Можете считать его своим домом. – Барон остановился у высокой дубовой двери. – Вот ваши комнаты. Хотите перекусить с дороги?

– Пожалуй, позже.

Что ж, именно так Сварог все и представлял себе: огромные окна, гардины в тон обоев, толстый ковер в тон гардин, серебро, бронза, хрусталь. В небольшой комнатенке слева от входной двери обнаружил мыло, бритву, вместительную латунную лохань и кувшин с водой. До водопровода здесь, судя по всему, еще не додумались. Ну и бог с ним, с водопроводом. Умылся, причесался, с помощью нескольких заклинаний вернул наконец камзолу вид, более подобающий королю, странствующему инкогнито. Выкурил сигаретку на балконе, щурясь на солнечный свет, взял из хрустальной вазы яблоко и прямо в сапогах завалился на шестиспальную кровать под балдахин – или как там эта штука называется. На первый взгляд, жить можно.

...Наверное, он задремал, поскольку, открыв глаза, увидел стоящую на пороге Клади. И подумал, что все еще спит.

– Я стучала, но вы не отвечали, – ничуть не смутившись, сказала она. – Барон зовет к столу. Или вы устали с дороги?

Сварог лишь молча помотал головой, поспешно вскочил. Любые слова застревали в горле.

На ней было изумрудное, под цвет глаз, невообразимое платье – переливающееся блестками, стянутое на узкой талии и свободно ниспадающее с бедер до самых пят, со смелым, но в рамках приличия декольте, призванным не столько скрыть, сколько заставить взоры окружающих притягиваться, как магнитом, к двум небольшим полушариям. Волосы уложены в сложнейшую конструкцию на затылке, на запястьях сияют изящные браслеты... Королева эльфов и прочих друидов – вот кем она была.

Клади благосклонно оценила его обалдение, потом задержала взгляд на преображенном наряде странствующего графа. Едва заметно нахмурилась, но спросила явно не о том, о чем подумала:

– Вы принадлежите к духовенству?

– Я? – Сварог окинул себя быстрым взглядом. – Это с какой еще стати?

– В Гаэдаро алый цвет – символ слугителей веры, а серый – символ смирения и отказа от мирских страстей. Да еще и серебряные украшения на поясе, защита от Темного... – Она запнулась, глаза ее потемнели. – По-моему, так не только в Гаэдаро. Странно, что вы этого не знали...

– Это мои фамильные цвета, – только и нашелся что ответить Сварог. – И, смею уверить, мирским страстям я подвержен в... ну, в общем, в превосходной степени. Наверное, просто совпадение.

– Наверное... – но глаза оставались темными, как омуты.

Они спустились по лестнице, прошли длинным светлым коридором, со стен которого на Сварога внимательно взирали хмурые седовласые старцы и строгие чопорные дамы – предки, не иначе. Вошли в обеденный зал.

– А, вот и наш герой! – сказал Карт, поворачиваясь. Он стоял возле обширного дубового стола (рассчитанного по меньшей мере на десять персон, но накрытый на четверых) рядом с плешивым коротышкой, облаченным в черный помятый сюртук с засаленными рукавами. Коротышка, близоруко щурясь, внимательно оглядел Сварога. И вдруг повел себя в высшей степени странно: засуетился, побледнел, поспешно отвернулся. Дернулся было к выходу, но передумал, остался на месте.

Несмотря на солнечный свет, льющийся из полукруглых окон, в зале горели свечи. В углу двое музыкантов пикикали что-то нейтральное на инструментах, напоминающих скрипки с отломанным корпусом.

– У нас редко бывают гости, – объяснил Карт. – Поэтому мы рады любой возможности устроить небольшой праздничный обед.

– Ну, сегодня-то день особенный, – вставил коротышка и с вызовом посмотрел Сварогу в глаза. Теперь он был сама невозмутимость. – Насколько я понимаю, это и есть спаситель дражайшей Клади?

Сварог отвесил изящный, точно выверенный поклон – в меру уважения к хозяевам, в меру самоуважения.

– Знакомьтесь: мэтр Ленар, здешний архивариус, всем радостям жизни предпочитает библиотеку замка, – сказала Клади. – А это – граф Гэйр, барон Готар. Как выяснилось, не священник, но храбрый воин и настоящий мужчина.

– Рад познакомиться, – сказал коротышка.

– Неимоверно рад, – сказал Сварог.

Они галантно раскланялись, обменявшись дружелюбнейшими улыбками – из тех, с какими Вице-мисс Мира обычно смотрит на Мисс Мира, обошедшую ее на пол-очка. И руки друг другу не подав.

Расселись за столом. Моментально возник слуга с подносом, бесстрастный и чопорный, как аглицкая королева, и перед Сварогом летающей тарелкой плавно опустилось бескрайнее серебряное блюдо с чем-то горячим, сочным и на вид несказанно вкусным. Другой слуга разлил по бокалам янтарное вино. И вот тут Сварог оказался в затруднительном положении. После истории со слепцами-мародерами он уже не верил определяющему яды заклинанию, и кто разберет, что там на уме у этих баронов, но – не отказываться же... Мысленно перекрестившись, он взял нож и вилку.

Во время трапезы Клади, которая больше ковырялась вилкой в тарелке, чем ела, рассказала об утреннем приключении. Сварог скромно улыбался, ловко подцеплял овощи и настороженно прислушивался к ощущениям в теле. Пока ощущения были исключительно приятные.

Вот где ему пригодился дворянско-королевский опыт! Разве, будучи в шкуре простого майора-десантника, он совладал бы со всеми этими ножами, ножиками, ножищами, вилками трехзубыми, двухзубыми и – кошмар – однозубыми, вилками с прямыми остриями и остриями, закрученными чуть ли не штопором, со штуковинами, назначение коих простому смертному не угадать и под угрозой расстрела! А так – ничего, благо кухня этого мира если и отличалась от таларской, то только незнакомыми, экзотическими вкусами. Он орудовал приборами легко и непринужденно, и если у кого и возникли подозрения по поводу его графства и баронства, то трапеза должна была их полностью рассеять.

Искоса понаблюдав за манипуляциями Сварога, барон Таго неопределенно

покачал головой, поднял бокал и предложил выпить за чудесное спасение и чудесного спасителя.

– И прекрасную спасенную, без которой этот прекрасный замок не был бы столь прекрасным, – не ударил лицом в грязь Сварог.

Вино было терпким, легким... И как будто не отравленным.

– В самом деле, – произнес архивариус, вытер губы полотняной салфеткой и сцепил пальцы в замок над тарелкой, – это очень интересная история. Вы позволите позже взглянуть на ваш метатель звездочек? Я, кажется, встречал в библиотеке упоминание о подобном оружии, – добавил он со значением, – хотелось бы увидеть воочию. Где его изготавливают? В Гидернии? Или в другом месте?

Сварог осторожно отложил вилку и постарался, чтобы голос его звучал ровно:

– Вы читали о шауре?

– Баронетта Клади может подтвердить, – довольно, как кот, поймавший мышь, улыбнулся Ленар, – что в библиотеке есть масса сведений о разных, подчас очень странных вещах, и тем не менее правдивых. Другое дело, что найти эти сведения не каждому под силу.

Кажется, он на что-то намекал.

– Действительно, библиотека занимает все подвальное помещение замка, – сказала Клади. – Никакой жизни не хватит, чтобы прочитать хотя бы десятую часть книг.

Ленар смотрел на Сварога не мигая.

– В подвале? – повернулся Сварог к Клади, изображая заинтересованность и едва сдерживая мальчишеское желание показать коротышке язык. – Разве бумага не портится от сырости?

– Ничуть, – охотно ответил архивариус. – На месте, где построен замок, давным-давно стоял монастырь, а те монахи умели хранить рукописи. Большая часть библиотеки состоит из весьма древних манускриптов, если вы понимаете, что я имею в виду. И они прекрасно сохранились. О, там есть прелюбопытнейшие сведения...

– Наверное, это очень интересно – копаться в старинных книгах, – вежливо заметил Сварог.

– Разумеется. Ведь это моя работа, – опять он на что-то намекал. В душе Сварога заворочалась необъяснимая тревога.

Подали суп, и некоторое время было посвящено исключительно желудкам.

– И все же, граф, – сказал Карт, делая глоток вина, – ваше замечательное оружие не дает покоя и мне. В меру возможностей я интересуюсь новейшими разработками в военной технике разных стран, но ни разу, признаться, не слышал о таком чуде. Где оно сделано? Правда в Гидернии? Или в нем используется магия?

Все замерли. Клади и барон Карт смотрели на Сварога настороженно, архивариус – выжидательно. Сварог был сбит с толку. Он не видел никакого подтекста в их словах, а между тем подтекст был.

– Все нет, никакой магии, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Шаур сделан очень далеко... это опытный образец, не окончательная модель... мне его подарил один ученый...

Черт, он чувствовал себя как школьник, не выучивший урока и вынужден-

ный импровизировать на ходу. Но не скажешь же им прямо: «Ребята, я свалился к вам из другого мира и ни хрена в ваших делах не понимаю». В лучшем случае упекут в местный филиал Бедлама, а в худшем... кто их знает, может, у них любого чужестранца за шпиона принимают и вешают вдоль дороги... Чередуя с колдунами.

– Магия! – засмеялся Ленар. – Скажете тоже, дорогой барон! Разумеется, это изобретение ученых, не так ли?

– Конечно, – подтвердил Сварог и предпочел уткнуться носом в тарелку.

– Да, кое-где многое умеют, не то что в нашем захолустье, – не унимался коротышка. – Я слышал, будто уже изобретен аппарат, с помощью которого можно открыть эту... как ее... Тропу, правильно? – и он подмигнул Сварогу.

– Вы говорите загадками, мэтр, – нахмурился барон. – Тропа? Что еще за тропа?

– А вот пусть наш гость расскажет, он, наверное, лучше разбирается в таких тонкостях...

Сварог внимательно посмотрел на Ленара. Пес с ними, с подтекстами, но плешивый старикашка определенно дает понять, что ему известно о Свароге больше, чем тот сам о себе рассказывает. Надо будет потолковать с этим библиотекарем с глаза на глаз... Возникшее напряжение сняла Клади:

– Ну что вы пристали к человеку! Дайте поесть спокойно.

Подали мясо и красное вино.

– Это ваш родовой замок, мастер барон? – поспешил спросить Сварог, увидев, что чертов архивариус открыл рот для очередной реплики.

– Разумеется, – охотно сказал Карт. – И я горжусь, ведь не каждый может похвастаться, что имеет землю, которая принадлежит его семье со времен Исхода. Все поколения моих предков жили здесь – конечно, с тех пор, как отстроились после отступления Тьмы... Говорят, Тьма опять приближается, я умолял Клади уехать, но она и слушать не хочет... А что говорят в ваших краях, граф? Верят в скорый конец света? Готовятся ли?

Тьма?.. Конец света?.. Сварог проклял себя за то, что задал вопрос. Наверное, так и должен чувствовать себя в стане врага нелегал с насквозь дырявой легендой.

– Разное говорят, – сказал он. – Знаете, как это бывает: кто-то верит, кто-то нет...

Архивариус вдруг расхохотался самым неприличным образом, и Карт раздраженно бросил вилку на скатерть.

– Ну хватит, Ленар! Граф – наш гость, какого черта вы себе позволяете?! Со всем о приличиях забыли в своем подвале?

Архивариус утер слезу.

– Ох, прошу великодушно извинить меня, но, знаете ли, просто... просто... В общем, вспомнил одну смешную историю и не сдержался. Извините, граф. Моя выходка не имела к вашей особе ровным счетом никакого отношения.

Сварог смерил его ледяным взглядом. Засадить бы тебе в морду, книжный ты червь... Когда подали десерт (что-то такое розовое, воздушное и кубиками нарезанное), он самолично налил себе вина и поднял бокал.

– Я бы хотел поднять тост за тех, кто сидит за этим столом: за гостеприимного барона и его очаровательную дочь. – Конечно, это было мальчишеством, дешевой мстью – не упомянуть архивариуса, но Сварог не устоял перед иску-

шением. – И я благодарю судьбу за то, что оказался в этом славном замке.

– Да, – вздохнул Карт, – пока тут тихо и покойно. Я с ужасом думаю, что станет со всей этой красотой, если Тьма все же придет. Селения в округе уже опустели – люди боятся. Остались только мы да деревенька неподалеку. Звери и птицы чувствуют приближение конца и бегут кто куда. Слуги тоже бегут. Те, что поглупее – в горы, остальные в прибрежные страны... Но где оно – спасение?

Он безнадежно махнул рукой. Сварог внешне невозмутимо продолжал кушать, зато ощущение, которое он испытал после этих слов барона, было сродни неожиданному удару под дых. Стоп, стоп, что они там про конец света говорили? Неужели и здесь – Шторм?..

– А куда вы направляетесь, мастер граф? – донесся до него голос Клады. Сварог мысленно помотал головой.

– В общем-то, мне нужно разыскать одно место... – Он пристально посмотрел на Ленара. – И, думаю, я на правильном пути. Мастер барон, я откровенно говоря, совершенно не знаю здешних мест. Не найдется ли у вас в замке карты?

– Как не быть! – улыбнулся барон. – Самый подробный атлас Димереи, какой только выпускался за последние пятьсот лет...

Сварог его не слышал. Он смотрел на архивариуса. Ленар не мог вымолвить ни слова. Губы мэтра дрожали, а в глазах застыл ужас пополам со звериной ненавистью.

– ...Похоже, нашему мэтру вы не понравились, – сказала баронетта Таго. Нагнулась, сорвала цветок. – Помогите-ка мне.

Сварог осторожно, между делом вдыхая аромат волос Клады, укрепил розовый цветочек в ее прическе.

Они чинно прогуливались по тенистому парку перед замком. Было тихо и безветренно, среди неподвижных крон деревьев была разлита прохлада.

– Взаимно не понравились, – ответил Сварог. – Но, по крайней мере, не я первый начал.

Клады остановилась, заглянула ему в глаза. Сказала просто:

– Зато вы понравились мне. А это главное.

Ну, что тут еще было говорить? Сварог провел рукой по ее волосам, ломая прическу, наклонился к ее губам – однако баронова дочка плавно выскользнула из его объятий. Поправила сбившийся локон и как ни в чем не бывало двинулась дальше по дорожке.

– Архивариус вообще странный человек, – заметила она, словно и не было паузы в разговоре. – Но это простительно, все с книгами да с книгами...

«Ладно, – решил Сварог, – светская беседа так светская беседа». И сказал, глядя под ноги:

– Да уж, баронетта, книги – это... – Он осекся.

А эт-то еще как понимать?

Он присел на корточки, зачерпнул пригоршню розоватого песка, растер в ладонях. Песок вроде бы как песок, вот только... Сварог, конечно, специалистом не был, но тут и дилетант увидит несообразность: среди песчинок попадались коралловая крошка и мельчайшие кусочки ракушек. На океанском берегу это обычная картина, но здесь, где до ближайшего побережья, судя по все-

му, как до Магадана пешком... Или песок сюда завезли специально? А смысл, как говорил слепой Бедер?

– Эй, вы что там потеряли?

– Да так...

Недоуменно пожав плечами, Сварог поднялся на ноги, отряхнул ладони и философски изрек:

– Если все время книги читать, всяко может случиться...

Он подал руку Клади, помог перейти по каменному мостику через ручей, пересекающий песчаную дорожку. Строго говоря, сейчас ему было равным счетом плевать и на архивариуса, и на его библиотеку, и на морской песок под ногами. Даже на Шторм местечкового значения – благо никаких явных признаков вокруг не наблюдалось. Может быть, Тьма – это такая фигура речи. Может быть, ко времени ее прихода Сварог уже давным-давно будет на Таларе... Все-таки они были совершенно одни в этом садочке, и был он все-таки мужчиной, храбрым, как уже говорилось, воином, а она... она...

Ну ладно, а что потом? Папа спустит на него своих слуг – при мечах и собаках? Или, как честный человек, он обязан будет жениться? А что, днем будет охотиться на уток и олесов, а по вечерам пить вино с хозяином и переругиваться с Ленаром... Нет, увольте. Есть у нас еще дома дела.

Сварог сжимал зубы и продолжал ничего не значащую беседу. Выслушал несколько охотничьих историй («А чем еще заниматься в этой глуши, граф? Утки, самые глупые твари, пока еще остались, им, наверное, тоже податься некуда»), не вдаваясь в подробности, рассказал несколько историй из собственных приключений («Ах, как это интересно, граф!»). Поинтересовался, почему она, собственно, живет в этой глуши («Если вопрос не покажется вам бестактным, баронетта»).

– А куда податься бедной девушке? – пожалала она плечами. – Ну, я выезжаю в город, бываю на приемах у князя, у меня есть... друзья в Митраке... – Она вдруг опять остановилась и опять посмотрела Сварогу в глаза – однако на этот раз взгляд ее был холоден. – Не знаю, вправе ли я говорить, но... Отец болен. Очень болен. Врачи говорят, что ему осталось не больше полугода. Я должна быть рядом с ним.

Она не врала. Сварог смешался и в очередной раз обругал себя, что лезет не в свои дела.

Они повернули обратно к замку.

– Мне идет? – спросила Клади и коснулась цветка в волосах.

– Вам, баронетта, пожалуй что, все к лицу. – Искренне сказал он, чувствуя, что фраза получается насквозь фальшивой, как в плохой мелодраме, но напроць не зная, какие слова тут нужны.

– Ах вы льстец... Вам что, и вправду неизвестно, что это означает?

– Вы имеете в виду цветок?

Клади вздохнула:

– Мужчины... И вдруг спросила:

– Откуда вы, граф Гэйр? Не знаете, какую одежду носят священники, не знаете, что означает цветок в волосах незамужней женщины...

– И что же он означает?

Баронетта промолчала. Видно, Сварог сморозил что-то не то.

В общем, они весело провели время...

– Граф! – окликнули его, когда Сварог поднимался к себе, так сказать, в номер.

Он обернулся. У подножия лестницы, на пороге кабинета, неприметная дверь в который была умело замаскирована драпировкой, стоял барон Таго собственной персоной.

– Не составите ли мне компанию, граф?

– «Отнюдь» – сказала графиня, – пробормотал Сварог себе под нос и вернулся с полдороги вниз.

Под потолком кабинета без окон плавали полосы сизого дымка и ароматно пахло хорошим табаком, на стенах висели неизменные мечи и сабли, гравюры, какие-то карты под стеклом...

– Вы курите? – спросил Карт, усаживаясь в одно из двух глубоких кресел, между которыми стояла высокая, на витой ножке бронзовая чаша – определенно пепельница. Он сунул в зубы изогнутую трубку, почмокал губами, раскуривая.

«Ага, – понял Сварог, – вот и настал момент истины». Барон, конечно, не такой дурак, чтобы с ходу поверить в детскую сказочку о таинственном странствующем рыцаре и лесных разбойниках, он жаждет услышать истину. Но вот вопрос: поверит ли барон истине?..

Поколебавшись, он театральным жестом достал из воздуха сигарету и прикурил от пальца. Барон преспокойно наблюдал за его манипуляциями.

– Магия, – произнес он, когда Сварог выдохнул струйку дыма. – Так я и думал. Какая-то новая форма колдовства, да? Раз заговор над замком на нее не реагирует... Теперь понятно, почему вы бежали из Митрака, да еще в таком наряде.

– Послушайте, Карт, – решил Сварог, – давайте-ка будем говорить серьезно. Я действительно не священник – но я действительно граф, барон... даже князь... ну, и еще кое-кто. И если вы будете настолько любезны выслушать меня и с ходу не обвинять во лжи, то я расскажу вам правду. А уж там думайте, что хотите...

– Сделайте такое одолжение.

– Разрешите?

Барон выжидательно кивнул, и Сварог уселся в кресло напротив. Сделал несколько затяжек, глядя на гравюры и собираясь с мыслями. По большому счету, он ничего не потеряет, если расскажет барону правду. Не поверит – и хрен с ним. А поверит... там посмотрим. И он вкратце поведал о Таларе, о подброшенном письме, Потоке, своем появлении в ночном лесу, кое-каких способностях ларов. Умолчал разве что о собственных королевских титулах и земном (в смысле планеты Земля) происхождении, сочтя это излишними подробностями. И все это время где-то в уголке сознания свербила мысль, что подобное с ним уже происходило когда-то, не отпускало это дежа вю, пока он наконец не вспомнил. Ну конечно: «Божий любимчик». Где он, едва попавший в мир Талара, точно так же рассказывал капитану Зо свою историю. И то ли вчера это было, то ли сто лет назад...

– Ну, собственно, вот и все, – сказал он наконец. – Хотите верьте, хотите нет.

– А вы бы поверили на моем месте? – негромко спросил Карт.

– Я? Если откровенно, то не поверил бы.

Барон надолго замолчал. Не торопясь вытряхнул трубку, прочистил, набил по новой, раскурил.

Потом встал, прошелся по кабинету.

– Лекарь мне курить запрещает, – сказал он, как будто в первый раз разглядывая гравюры на стенах. – А я курю. И ведь знаю, что он прав. Знаю, что убиваю себя. Такой вот парадокс...

– Вы мне верите? – спросил Сварог напрямик.

– Не знаю. Честно – не знаю... А вам обязательно надо, чтобы поверил?

– Ну... Все-таки одно дело, когда тебе верят, и совсем другое, если принимают за проходимца и самозванца.

– Наверное, так... И что же вы собираетесь делать?

– Мне нужно вернуться обратно на Талар, – не раздумывая, сказал Сварог. – И мне нужна помощь. Что вам известно о Тропе?

– Ничего. Правда, ничего. Я считаю... то есть всегда считал... до вас... что это миф, легенда, попытка искать спасение там, где его нет и быть не может. Впрочем, поговорите с мэтром Ленаром, он лучше меня разбирается в таких вещах. В его библиотеке... Библиотека, знаете ли, была построена в один из прошлых циклов, сохранилась чудом, а люди тогда знали гораздо больше нас...

– Погодите, барон. С мэтром я обязательно поговорю, по душам поговорю, ей-богу, но перед этим хотелось бы узнать кое-что от вас... Что такое Тьма? Что за циклы?

Барон посмотрел на Сварога очень внимательно.

– Да, вижу, вы действительно ничего не знаете... Что ж, граф, в таком случае – неудачное время вы выбрали, чтобы посетить наш несчастный мир...

И он рассказал.

Картинка из его рассказа получалась потрясающая. Невозможная. И донельзя удручающая. Потому что Сварог почувствовал, что угодил в ловушку. Еще там, на Таларе, исключительно от нечего делать он как-то ознакомился с парой-тройкой чисто теоретических выкладок касательно существования параллельных миров – раз уж сам угодил в такой мир. Так вот: кое-кто из ученых всерьез утверждал (если отбросить высоконаучный язык и терминологию, понятную лишь узенькому кругу специалистов), будто в незапамятные времена Вселенная была едина, а после некоего глобального катаклизма разделилась на сопряженные миры – как разрезанный на куски торт. И каждый мир зажил по своим собственным законам, пошел своим, так сказать, путем; и с течением времени все больше различий появлялось в этих мирах, все менее похожими они становились друг на друга – и на тот, изначальный мир... На Таларе этот катаклизм получил название Шторм, здесь – Тьма. И приходилось признать, что в чем-то ученые лбы оказались правы. При всей своей непохожести на Талар, все же было, было очень много общего между ним и Димереей – так по-здешнему называлась планета, куда Поток занес Сварога. Один материк, здесь именуемый Атаром, примерно тот же социальный строй, наличие кой-каких форм колдовства, такой же язык, те же люди, схожая катастрофа, обрушившаяся на Димерею пять тысяч лет назад и отбросившая цивилизацию в средневековье... Вот только с приближающейся катастрофой выходила неувязка. На Димерею, в отличие от Талара, Тьма опускалась регулярно – примерно раз в пятьсот лет. И представляла она собой следующее: после ряда

сокрушительных землетрясений, тектонических сдвигов и разломов земной коры, начинающихся в центре континента и концентрическими волнами расходящихся к побережью, Атар погружался в океанскую пучину. Целиком. Полностью. По самую маковку. Как Атлантида. Те из людей, кто подготавливался, уходили на кораблях в океан, те, кто не успевал... ну, тут уж сами понимаете... Но дальше – больше: пока Атар разрушается и тонет, на диаметрально противоположной стороне Димереи под аккомпанемент ничуть не меньших катаклизмов начинает всплывать другой материк – Граматар. Все те, кто успел снарядить корабли и выйти в океан до катастрофы, отправляются в долгое плавание через полпланеты. К новой земле, к новой родине. И те из них, кто доплывет, начнут заново возрождать цивилизацию. А спустя пятьсот лет ситуация повторяется с точностью до наоборот: Граматар тонет, Атар поднимается из океана... И так каждые полтысячелетия. Раз за разом. Туда – сюда. Маятник. Замкнутый круг...

Со времени последнего прибытия людей на Атар прошло пятьсот двадцать четыре года. И, судя по многочисленным признакам, очередная катастрофа начнется чуть ли не со дня на день...

– И... что же вы намерены делать? – спросил Сварог, когда барон замолчал.

– А что тут поделаешь? – пожал плечами Карт. – Я не фаталист, но что тут поделаешь, граф?! В развитых странах, тех, кому в начале цикла посчастливилось захватить прибрежные районы, всюду, насколько я знаю, строят корабли, разрабатывают планы эвакуации, запасаются чем-то там, что может понадобиться во время Исхода... Все, конечно, не спасутся, но ведь шанс есть.

– А у вас?

– У нас... – барон криво усмехнулся. – В Гаэдари, дорогой граф, высочайшим княжеским повелением принято считать, что никакой Тьмы нет, что слухи о приближении всемирной катастрофы суть происки Нура и прочих сопредельных государств, призванные посеять панику и разброд среди благонамеренных граждан.

– И что же, жители не видят, не понимают...

– Гаэдари есть маленькое и бедное княжество, граф. Вы хотели взглянуть на карту Димереи? Извольте.

Они подошли к обширному полотну, висящему в простенке между экспозицией сабель и гравюрой с изображением вздыбленного коня, рождающегося из морской волны. По верху карты шла витиеватая надпись: «АТАР». Сварог без особого удивления обнаружил, что атарский алфавит мало чем отличается от таларского, разве что буквы непривычно пузатые, с наклоном влево, с какими-то завитушками и хвостиками.

«Атар. Значит, вот куда меня занесло...»

Более всего материк напоминал огромную кляксу. А может, амэбу. Или Австралию после атомной бомбежки. Сварог некоторое время молчал, изучая. Девять государств, раскрашенных в разные цвета, причем одно государство островное, расположенное на полуночи Димереи. Почти вся восточная область континента почему-то покрыта серым цветом; имеется семь горных систем, несколько рек и речушек, пересекающих Атар в разных направлениях, морей и озер что-то не видно...

– Мы – здесь, – произнес Карт и ткнул трубкой в самое маленькое пятнышко, зажатое между горами и тремя обширными государствами. – Вот это и есть

княжество Гаэдаро со столицей в городе Митрак. Княжество, некогда называемое Великим... Как видите, мы находимся далеко от побережья – справа неприступные горы, слева Шадтаг и Нур. Нур – давний враг Гаэдаро, там готовы на все, чтобы мы не выбрались с материка, Шадтаг вроде бы настроен миролюбиво, ведутся какие-то переговоры о размещении наших беженцев на кораблях, но переговоры требуют времени, а времени, сами понимаете, мало... Так что тут видь не видь, понимай не понимай – а результат один. У нас нет флота и нет денег, чтобы флот построить... Поговаривают, что князь вбухал всю казну в какой-то проект по спасению страны, но мне в это верится с трудом. Не тот человек князь Саутар... Так что, граф, можно спастись только в одиночку – пробраться, скажем, в береговую страну, наняться на корабль... Некоторые так и поступают. Но границы повсеместно усилены, стреляют без предупреждения – никому лишние рты не нужны, для своих места не хватает. А как быть тем, у кого семьи, дом? Вот и живут, убеждают себя, что уж на этот раз Атар не исчезнет...

Возразить было нечего. Сварог прекрасно знал такую психологию простого обывателя. Да и не только обывателя. Вспомним, например, как многие толковые политики и военачальники в Советском Союзе словно разом ослепли и даже в июне сорок первого не верили, отказывались верить, что у герра Шикльгрубера хватит наглости...

– Такие дела... – Барон вдруг невесело улыбнулся. – Вам бы, граф, следовало появиться не в бедном Гаэдаро, а вот тут, – он указал на остров в заливе на полуденной части Атара. – Это Гидерния. Самое развитое государство. Огромный флот, технологии, сохранившиеся со времен прошлого Исхода, – гидернийцы уже готовы... А все потому, что пятьсот лет назад, во время Исхода с Граматара, здесь им достался именно остров. Они не участвовали в войнах за прибрежные и богатые территории, у них не было гражданских войн, дележа власти, смуты, упадка. Они просто-напросто высадились на острове, моментально выставили пограничные войска и отгородились от остального мира на пятьсот лет. И я не буду удивлен, если и на Граматаре им достанется самый лакомый кусок: ведь кто первым прибудет на новый континент, тот и займет лучшие земли...

– Да, – потерянно сказал Сварог, – нерадостную картину вы мне нарисовали, барон... Я, конечно, не политик и не мне судить о ваших делах... Но чем же вы думали хотя бы лет сто назад? Когда еще можно было что-то организовать, подготовиться как-то...

– А сто лет назад никто и не думал о катастрофе, граф, – буднично ответил Карт. – С начала цикла сменилось не одно поколение, ужасы Исхода подзабылись. Люди, знаете ли, в массе своей – существа инертные. А вдруг нового наступления Тьмы не будет? А вдруг на этот раз пронесет? А вдруг Тьма – это просто древний миф? Пятьсот лет – это все-таки большой срок для человеческой памяти.

«Ну да, – подумал Сварог. – Пока жареный петух не клюнет...»

И сказал:

– Ну хорошо. Простые люди – понятно. А вы, Карт? Почему вы так спокойны?

– Потому что мои дни сочтены, – просто ответил барон. – Местный коновал уверяет, что я протяну еще год, но я-то знаю...

– А Клади?!

– Да, Клади... Я уговаривал ее бежать хотя бы в Шадтаг, попытать счастья, ухватить удачу за хвост... но она и слушать не желает, хитро улыбается и намекает, что мы и без того преспокойно попадем на Граматар. Ну не могу я ей приказать...

– Она все ж таки ваша... – Сварог осекся. Карт проникательно посмотрел на него.

– Уже проговорилась, чертовка? Все верно, она мне не родная дочь. Приемная. Захотелось на старости лет, знаете ли, чтобы рядом был кто-то, кто стакан воды принесет... Но приказать ей я все равно не могу. Отчего-то верю, что она действительно знает, как спастись... Вам вот я тоже поверил...

Сварог устало потер лицо.

Да уж, положеньице...

По сравнению с Димереей покорение Северо-Американского континента выглядело просто-таки детской забавой. Типа захвата снежного городка. В Америку везли деньги и технологии, без особой спешки, обстоятельно, за спиной не маячил конец мира, не нужно было эвакуировать целые государства... А какие технологии можно вывезти с гибнущего, единственного на планете материка? Атомная станция и даже двигатель внутреннего сгорания требуют топлива, а его компоненты еще надо найти на новом месте, добыть и переработать. Получается, технологии самые простые: как выплавлять металл (что несравнимо легче, чем перегонять нефть), как создавать механизмы не сложнее пулемета, строить здания, воздушные шары и, в идеале, дирижабли, корабли... Да, вот уж кораблестроение на Димерее должно быть развито весьма. А ведь еще нужно застолбить себе участок побогаче, захватить территорию побольше и отстоять ее у тех, кто прибудет на континент с опозданием... Теперь понятно, почему за пять тысяч лет после первого катаклизма цивилизация Димереи осталась на уровне мечей и конной тяги...

– Поговорите с мэтром Ленаром, – тихо посоветовал барон. – В конце концов, библиотека пережила несколько наступлений Тьмы, значит, там есть какой-то секрет. Возможно, в своих манускриптах мэтр найдет ответ, как вам помочь. Или, если будете в Митраке, попробуйте разыскать некоего Пэвера. Субъект он в общении тяжелый, отставной суб-генерал,[86] сами понимаете, но, насколько я помню, он одно время интересовался Тропой...

...Оказывается, времени у Сварога не оставалось. Время сжалось до размера теннисного мячика и ритмично, сводя с ума, стучало в стенки его сознания. Если в самое ближайшее время он не отыщет Тропу (или как там называется ход, ведущий в Поток), у него есть все шансы остаться на Атаре и разделить судьбу местных жителей. Даже пробравшись на чей-нибудь корабль и отойдя на безопасное расстояние от гибнущего континента, он все равно окажется запертым в этом мире – сомнительно, чтобы в открытом океане существовали Двери, Тропы и прочие Врата...

А Клади? Погибнет вместе со всеми? Или она в самом деле знает, как спастись?

Клади...

Будем честны перед собой: девчонка неожиданно для него самого запала ему в душу. Между чужеземцем не самых последних кровей и местной скучающей принцессой должно, обаяно возникнуть нечто большее, нежели «прия-

тельские отношения», не так ли?

Клади. Маленькая охотница.

Солнце уже село, и над горизонтом разливалось давешнее мертвенно-бледное сияние. И это было не зарево заката, солнце село значительно правее. Это вообще было непонятно чем. Все-таки отсветом огней далекого города? Нет, этот мир положительно создан не для него. Надо быстренько возвращаться.

Он вздохнул, скинул камзол и лег на кровать. Так, прочь сантименты, подумаем лучше о библиотеке. Архивариус прозрачно намекал на то, что Сварог, дескать, прошел по Тропе. Архивариус сказал, что видел описание шаура в старинных рукописях. И что это означает? Могут ли там встречаться сведения о Таларе? Есть ли в рукописях карта выходов с Атара на Тропу и, в идеале, путь на Талар? И не об этом ли говорил Ленар, угрожая, что Сварог не найдет то, что ищет?

Клади, Клади...

А вдруг материк начнет погружаться прямо сейчас? Нет, стоп. Так и до паранойи недалеко, светлейший государь...

Белое, неприятное, чужое сияние текло в окно, но Сварог не стал зажигать огня. И дверь не стал запирасть. Шаур лежал поверх одежды на стуле.

– Хочу, чтобы ты пришла до того, как я сосчитаю до ста.

Он сосчитал до ста, потом до двухсот, потом до трехсот...

...Это напоминало финал популярного в свое время фильма «Неуловимые мстители» – когда четверка красных дьяволят на лошадях неспешно уходила прочь от зрителя, к горизонту, навстречу восходящему солнцу грядущих боев за светлое завтра. Только этих было шестеро, и не солнце вставало перед ними, а наливалась болезненным пурпуром Багряная Звезда, занявшая полнеба, и шестерка самых дорогих ему людей казалась на ее фоне бледными тенями. А Сварог бежал за ними по какой-то пустыне, ноги вязли в песке, и никак не получалось догнать, остановить, уговорить вернуться...

– Да погодите же вы, обормоты... – чуть не плача от бессилия, позвал он. – Стойте, куда вы...

Крайняя фигурка слева, самая маленькая, повернула к нему заплаканное лицо. Что-то сказала – Сварог не услышал ни звука, видел только, как шевелятся ее губы. Медленно покачала головой. И вновь отвернулась.

– Мара, подожди! – заорал Сварог. – Ну хоть ты-то должна понять!..

Они не остановились. Они не слышали. Уходили все дальше и дальше. Ему плевать было на короны и титулы, да пусть вся Димерея вместе с Таларом провалятся к чертям свинячьим – только бы они были рядом, не покидали его. Домой, боже, как хочется домой, к ним, к этим милым оболтусам...

Он проснулся посреди ночи и некоторое время таращился в темноту, не понимая, где он и зачем он здесь. От тоски и одиночества хотелось рвать зубами подушку.

Дверь так и не открылась. Клади не пришла.

Глава пятая

«Из читального зала книги не выносить!»

Они спускались по каменной лестнице, и свет факелов освещал их путь. В подземелье царила постоянная ночь, а наверху сиял белый день – только-только перевалило за полдень. Мэтр Ленар шел впереди, указывая дорогу. Клади двигалась сзади, замыкая шествие.

В подземелье на самом деле было сухо и тепло, откуда-то тянуло свежим воздухом: вентиляция, однако. Архивариус изредка останавливался и зажигал факелы, во множестве укрепленные на стенах. Зажженных факелов от входной двери в подземелье Сварог насчитал уже сорок восемь.

Наконец лестница закончилась, и они вошли в обширный зал. Повсюду были книги: фолианты, рукописи, манускрипты стояли на стеллажах, стопками лежали на столах с витыми ножками, на стульях, кипами были свалены в углах. Из зала вели две сводчатые двери, за ними виднелись другие залы, еще и еще...

– Библиотека, как я уже говорил, весьма обширна, – сказал Ленар. Его голос тонул в этом царстве бумаги и пергамента. – Но, насколько я вас понимаю, вас интересуют только упоминания о шауре...

– Отнюдь, дорогой мэтр, – с шелковой улыбкой, отточенной приемами и церемониями в королевском дворце, возразил Сварог. – Меня интересуют и упоминания о Тропе. Да и вообще, любезный, покажите-ка нам библиотеку. В жизни не видел ничего подобного. Сколько книг!

Если б Ленар умел воспламенить взглядом, все княжество Гаэдаро уже пылало бы, как Хиросима.

– А и в самом деле, Ленар, – подала голос Клади. Она стояла у дальней стены и рассматривала надписи на корешках. – Будьте нашим гидом. Покажите графу что-нибудь интересное... Например, ту книгу, которая мне понравилась, помните? Как ее... «В ледяном плену», «В плену льда», что-то такое...

Видно было, что мэтр сдерживается лишь невероятным усилием воли. Ну, попрыгай, петушок, попрыгай...

– Что ж, если вам это действительно интересно... идемте.

Не оборачиваясь, он вошел в соседний зал, запалил факелы на стенах. Факелы были расположены так, чтобы и малейшая искра не могла долететь до книг, и под каждым стояло ведро с песком. «А ведь скоро все это будет покоиться под толщей океанских вод, – нехстати подумалось Сварогу (наверное, подземелье действовало на него угнетающе), – и библиотека, и мэтр, и Клади, и бородатый барон...»

– В этом зале и следующих двух собрана литература, относящаяся к Шестому циклу, – скучным голосом затюканного туристами экскурсовода сообщил он, на гостей не глядя. – История континента, образчики поэзии, драматургия, немного мемуаров и военное искусство. Шестой цикл был расцветом искусств и ремесел на Димерее...

А потом был третий зал, четвертый... И вскоре Сварог уже перестал ориентироваться в лабиринте библиотеки. Они уже давно вышли за пределы замка, а чертов мэтр все шел и рассказывал, шел и рассказывал. Библиотека казалась бесконечной. Ленар что-то говорил о книгах, по плотным рядам корешков скользили таинственные тени, каменные стены мгновенно поглощали любые звуки. Сварог слушал архивариуса, задавал какие-то вопросы – короче говоря, прикидывался насквозь заинтересованным. На книги ему было ровным счетом наплевать, но очень уж хотелось узнать, куда мэтр их ведет. А то, что ведет, было ясно как день, уж очень целеустремленно двигался хитрый библиотекарь...

Сварог сам не заметил, когда, в какой момент появилось ощущение тепла в нагрудном кармашке. Вначале подумал, что искра от факела попала-таки на

камзол, но нет. Ощущение тепла не исчезало – наоборот, чем дальше они углублялись в подземелье, тем сильнее оно становилось, накатывало волнами. Сварог незаметно сунул два пальца в карман и нащупал гладкий и горячий предмет.

Рубин, отлетевший от посоха слепого мародера Бедера. Сварог уж и забыл о его существовании, а теперь он сам напомнил о себе. Ну? И что все это значит?..

Архивариус и Клады не обращали на него внимания, обсуждая какой-то мертвый язык, на котором были написаны несколько манускриптов:

– Я же говорила, мэтр, что наш Атар – вторичный материк. Изначальным – затонувшим во время самой первой катастрофы пять тысяч лет назад – был именно Граматар.

– Почему вы так решили, баронетта?

– Вы ведь сами признались, что на этом диалекте «атар» означает «чужой берег»...

– Верно, баронетта. Но вы забываете, что приставка «грам» с того же диалекта переводится как «другой», «второй», «следующий»...

Сварог тайком вынул камень. Рубин волнами испускал тусклый багровый свет, – достаточно, впрочем, яркий, чтобы привлечь внимание. Поэтому он быстро сунул его обратно. Показалось даже, что рубин зловеще тикает. Чертовщина какая-то...

Предположение, что это некое взрывное устройство, Сварог отверг сразу. Не мог он представить себе, что оборванец-мародер таскает на конце палки бомбу. Ну не мог, и все. Не Сварогу, конечно, судить о привычках слепых бродяг, но все же... Значит, индикатор? Но чего? Глубины погружения под землю? Весьма полезная штукавина, господа мои. Или это типа счетчика Гейгера?..

Они шли и шли, жжение усиливалось – а потом стало убывать. Сделав вид, что он чем-то заинтересован, Сварог вернулся в предыдущий зал. Жжение тут же возросло. Дальше, налево. Нет, не сюда. Направо. Да, где-то здесь, в зале, куда они не заглядывали. Камень горячий, как уголек. Он сунул голову в темноту и сразу увидел это.

Не подземный клад, не притаившуюся во мраке нежить. Не мину, не атомный реактор. В темноте зала горел крохотный рубиновый огонек, словно кончик сигареты. И он то разгорался, то угасал – в такт с пульсацией камня. Сварог бесшумно приблизился.

Это светился корешок книги – одной из тысяч, плечом к плечу стоящих на стеллажах. Черный кожаный переплет, книга как книга, карманного формата, довольно толстая, – ничего, короче, особенного... если не считать того, что между ней и рубином существует некая магическая связь. Хотя нет, не магическая: Сварог не почувствовал никакого проявления волшебства.

– Граф, вы где? – донесся из глубин хранилища глухой голос Клады. – Куда вы подевались?

Как только он коснулся корешка, свечение погасло, и камень вновь стал холодной стекляшкой. Мистика, право слово... Решение созрело мгновенно, будто кто-то толкнул его под руку.

...Сварог быстро вернулся к спутникам, улыбаясь простецки и восторженно.

– Прошу прощения, сам не заметил, как увлекся. Потрясающе! Вы правы,

уважаемый мэтр, тут можно бродить годами... И как вы только ориентируетесь?

– Терпение, упорство, страсть и время, – сухо ответил мэтр.

– Ну, это да, это конечно...

Архивариус смотрел на него, подозрительно прищурившись.

– Ну что? – бодро продолжал Сварог. – Не пора ли выбираться на свежий воздух?

– Устали? – участливо спросил Ленар. – А ведь мы еще десятой части не осмотрели... А не желаете ли, граф, немного передохнуть? Посидим, поговорим о судьбах литературы...

– О судьбах литературы? С превеликим нашим удовольствием.

Очень происходящее напоминало какие-нибудь мирные переговоры между двумя недружными державами – когда высокие договаривающиеся стороны уверяют друг друга в совершеннейшем почтении, уважении и дружбе навек, а сами в карманах вертят фиги и держат несколько килограммов камней за пазухой...

– Тогда прошу за мной, – сказал мэтр. – А чтобы наша очаровательная спутница не скучала... Один момент...

Он отыскал на одной из полок огромный том, заботливо сдул с него пыль и с гордостью, будто являлся сам автором, вручил Клади. Энциклопедия охотничьего вооружения Крона, начало нынешнего цикла, объяснил Ленар. Мол, ему с графом Гэйром нужно переговорить кое о каких чисто мужских материях, госпоже баронетте абсолютно не интересных... Вот в качестве компенсации за скуку он и предлагает пока ознакомиться с этим уникальным трудом. На всем Атаре сохранилось только четыре экземпляра. Госпоже баронетте не может не понравиться. На это госпожа баронетта выразила сомнение, что в начале цикла об охоте знали что-то такое, чего не знают сейчас, но если уж мужчинам настолько наскучило ее общество, что ж, она, пожалуй, так и быть, позволит им уединиться ненадолго.

Она уселась за стол перед стеллажами, открыла фолиант и сделала вид, что на все остальное ей глубоко наплевать.

– Всем хороша моя библиотека, вот только, увы, книги отсюда выносить нельзя, – объяснил Ленар, оставив Клади наедине с волнующей темой охотничьего оружия и ведя Сварога в соседний зал. – Иначе нарушилось бы магическое заклинание. Те, кто построил это хранилище много циклов назад, создали вокруг него защитный заговор, который охраняет его во время наступления Тьмы и любых других природных катаклизмов... Вы знали об этом? – спросил он и цепко глянул на Сварога.

– Понятия не имел, – искренне ответил Сварог, а сам подумал: «Ай-ай-ай... Неужели заметил?..»

– Тем не менее, – вздохнул мэтр.

В соседнем зале, за поворачивающимся стеллажом, обнаружилась потайная комнатка со столиком и несколькими стульями. Стены были затянуты темно-красной драпировкой, на одной стене висело чучело головы оленя, на другой – головы медведя. С тихим облегчением Сварог заметил, что книг здесь нет. Зато это, пожалуй, великолепное место, чтобы совершить какую-нибудь гнусность в стиле классических английских детективов: все равно крики наружу не пробиваются, а труп никто в таких катакомбах не найдет.

Молча указав Сварогу на стул, архивариус достал из стенного шкафчика два бокала и бутылку. Похоже, настало время для очередного серьезного разговора. Сварог погладил рукоять шаура под полой камзола.

Ленар разлил вино по бокалам.

– Вы необычайно любезны, дорогой архивариус, – улыбнулся Сварог, к вину, однако, не притрагиваясь.

Ленар понимающе ухмыльнулся и сделал глоток.

– Слушайте, Гэйр, давайте не будем играть в прятки и поговорим начистоту.

– С удовольствием, – ответил Сварог и выжидательно сцепил пальцы на животе.

Мэтр недовольно поджал губы – полагал, видать, сволочь старая, что Сварог первым начнет колотья. Потом все же задал в себе неприязнь и проговорил самым что ни на есть любезным тоном:

– Как вы совершенно справедливо заметили, граф, библиотека необычайно обширна. Даже я на поиски в ней потратил сорок лет, но результата пока не достиг. Так неужели вы полагаете, что сумеете найти ее с первой попытки?

– Ну... – протянул Сварог, лихорадочно соображая, о чем идет речь, и еле сдерживаясь, чтобы не похлопать себя по заметно оттопырившемуся карману камзола, – откровенно говоря, были у меня такие мысли.

– Граф, дорогой мой граф! Мне известно о ваших талантах, но уж поверьте: внутри заговорного круга магия не действует. Ни ваша, ни моя. Никакая. Тут уж ничего не поделаешь – законы колдовства, будь они неладны. Так что мы с вами находимся в равных условиях – остается искать ее, только просматривая каждую книгу в библиотеке, планомерно, терпеливо, скрупулезно, одну за одной, зал за залом. Примитивно, не спорю, но другого выхода нет... Зато есть одно маленькое отличие: я ищу уже сорок лет, а вы прибыли только что. Я вычислил и отсек залы, где этой бумажки совершенно точно быть не может, я составил алгоритм поиска. Я в двух шагах от результата. И, уж извините за прямоту, я сделаю все возможное, чтобы ваши поиски затруднить... Впрочем, – тут же исправился он и примирительно поднял руки, – обойдемся без угроз. Мне конфронтация не нужна. До наступления Тьмы осталось совсем немного времени, вам так и так не успеть...

Сварог молчал. Ленару, видите ли, известно о его талантах, во как. А откуда, позвольте узнать? Да и вообще, что-то плешивый долгожитель проявляет подозрительную осведомленность о способностях человека, которого видит впервые в жизни. И даже наделяет его целями и задачами, о которых тот даже и не подозревает. Принимает его за кого-то другого?..

– Ну ладно, допустим, – великодушно согласился Сварог. – Однако почему вы знаете, уважаемый, что мы с вами ищем одно и то же?

Из скрытого в темноте угла комнаты донесся едва слышный шорох, будто кто-то смял газетный лист. Или показалось?..

Похоже, такой вариант мэтр еще не просчитывал. Он задумчиво откинулся на спинку стула, и Сварог прямо-таки явственно услышал, как скрипит его мыслительный агрегат.

– Нет, – наконец покачал головой Ленар. – Одиночка из дальних краев, назвавшийся графом Гэйром, случайно спасает девушку, которая живет в замке, который построен на месте древнего монастыря, в библиотеке которого хра-

нится Бумага Ваграна... Не может быть. Таких совпадений не бывает. О Бумаге знали только пять человек. Двое из них мертвы, один не скажет ничего. Остались вы и я. И вы полагаете, что я поверю, будто вы прибыли сюда за чем-то другим? Вы же не идиот, лорд Сварог, и не считайте идиотом меня. Не надо играть со мной в прятки. Мы же условились говорить начистоту...

Сварог с превеликим трудом сохранил непроницаемое лицо. «Лорд Сварог». Ребята, он сказал – «лорд Сварог»! Значит, чертов мэтр знает его! Знает, что он пришел с Талара! Значит, он может знать и о дороге обратно? Но ни о какой Бумаге Сварог-то ни сном ни духом...

Из угла вновь послышался шорох, на этот раз явственнее, закончившийся коротким писком. Сварог не обернулся, хотя так и подмывало.

– Да уж, в совпадение поверить трудно, – по возможности спокойно признался он. – И что вы можете предложить в такой ситуации?

Архивариус резко наклонился вперед:

– Нет, это что вы можете предложить?

Сварог честно подумал над вопросом и развел руками. Нет, правда, предложить ему было нечего. Кроме, конечно, пульсирующего рубина и книги в черном переплете, – но это уж увольте. По крайней мере, сейчас. Если архивариус ищет именно ее, то сначала надо выяснить, что в ней такого важного. Чтобы не продешевить. А если Ленар разыскивает что-то другое, то показывать находку и вовсе не след. Сами попробуем разобраться...

– А что, милейший Ленар, – спросил он, – разве мыши не вредят книгам?

– Мыши? – искренне удивился тот. – Какие мыши? Ах, это... – Он осклабился. – Это не мыши, милорд. Это крысы. Очень крупные и опасные твари. Но книгам они не вредят... Не хочу вас пугать, но я удивлен, что вы посмели явиться сюда один, без ваших сподвижников и дружков. Неосмотрительно, в высшей степени неосмотрительно, господин милорд.

Он не врал. То есть он был искренне уверен, что перед ним именно граф Гэйр, который пожаловал сюда именно за тем, что спрятано в библиотеке. Какой-то Бумагой Ваграна. А вот насчет крыс милейший архивариус явно лукавил. Он был совершенно один. И достаточно беспомощен. Что ж, на этом можно сыграть...

– Спасибо за беспокойство, – вежливо ответил Сварог, – но, право же, не стоит. Кто вам сказал, мэтр, что я один? И что я испугаюсь каких-то крыс? Да и каких-то тварей покрупнее...

Очень уж ему в этот момент хотелось показать этому молодящемуся дедуле, что его, Сварога, магии начихать на какой-то там заговор, и сотворить что-нибудь эффектное, но он сдержался.

Архивариус с шумом выпустил воздух.

– Вижу, мы не договоримся. Вы, милорд, суете нос не в свое дело. Зачем вы вернулись сюда? Ваше любопытство вас погубит.

– Так ведь жизнь вообще любопытная штука, мэтр Ленар... И местами опасная.

– А мне говорили, милорд, что вы отошли от дел...

«Ах вот в чем дело! – озарило Сварога. – Как же я сразу-то не дотумкал! Архивариус принимает меня за другого Сварога, настоящего, – за отца!.. Ну, папа, ну, орел, ты и на Димерее успел отметиться?!»

– Вот вы, дорогой мэтр, – нейтральным тоном сказал он, внимательно раз-

глядывая ногти на правой руке, – во время обеда что-то такое говорили про Тропу, про какой-то аппарат, способный-де ее открывать. Это что, застольная шутка или как?

– Вот только зубы не надо мне заговаривать! – взвизгнул Ленар.

И только сейчас Сварог с отчетливостью сообразил, что мэтр боится. Элементарно боится его, Сварога, графа Гэйра.

– Какая Тропа, зачем вам Тропа?! Вы что, забыли, как ходить насквозь? Не выйдет, милорд, такие вещи не забываются, не пытайтесь меня запутать...

Как известно, недооценивать противника глупо и опасно. Но, с другой стороны, и переоценивать его есть глупость не меньшая. В эту-то ловушку и попался архивариус Ленар. Он-то полагал, что Сварог приехал на Димерею весь в белом, на коне и со щитом, за какой-то бумажкой, нужной ему для каких-то своих тайных целей, и в любой момент может вернуться на Талар. Ну-с, а мы переубеждать библиотекаря не станем, зачем же...

Очевидно, на лице Сварога все же отразились какие-то эмоции, потому что мэтр Ленар прямо-таки впился в него взглядом.

– Или у вас есть лишний туз в рукаве, мастер Сварог? – азартно прошептал он. – Почему вы спросили про Тропу? Вы знаете, как найти Бумагу Вагранна, да? У вас есть другой алгоритм поиска? Мы ведь могли бы объединить наши усилия...

– Лишний туз... – раздумчиво проговорил Сварог. – Да нет, пожалуй, не туз. Джокер. («И не в рукаве, а в кармане», – добавил он мысленно.)

В сущности, Ленар сейчас пытался играть по простенькой методе прощупывания собеседника: угрозы, лесть, снова угрозы, снова лесть – и эту шарманку можно было крутить до бесконечности. Поэтому Сварог неожиданно и властно ударил ладонью по столу (испуганно звякнули бокалы) и страшным голосом произнес:

– Ну хватит, голуба моя. Если я, лорд Сварог, спрашиваю, что вам известно о Тропе, значит, имею в этом свой резон. О котором вам знать не положено. И у меня нет ни времени, ни желания болтать с вами о всякой ерунде. Вы хотели начистоту? Получайте начистоту: мне нужно знать, есть ли здесь, на Димерее, выход на Тропу. Мне нужно знать, реально ли для простого человека здесь, на Димерее, – простого человека, я говорю, хотя, возможно, и наделенного некоторыми способностями, – так вот, реально ли для него отыскать этот выход. С аппаратом или без. Реально ли научить его ориентироваться на Тропе и попасть туда, куда ему... прикажут попасть. Вот и все.

Краем глаза он наблюдал за реакцией Ленара: не переиграл ли.

Нет, не переиграл. Бедный мэтр аж съежился на своем стульчике, в его глазах попеременно вспыхивали страх, недоумение и удивление.

– В-вы хотите... – пролепетал он, – хотите научить кого-то ходить насквозь? Но зачем? Нет, я не настаиваю, но... Милорд, я не могу... не имею права помогать вам в... в таких делах... Если хозяин узнает, что я вам... вместе с вами...

– Да барон ничего и не... – начал было Сварог – и прикусил язык. Он понял.

К счастью, Ленар из его неосторожной фразы правильных выводов не сделал, махнул рукой:

– Да при чем тут этот ходячий труп! Я говорю о настоящем Хозяине... Милорд, я...

– Короче, сокол вы мой книжный, – жестко перебил Сварог, пока тот ничего

не заподозрил, – ворона здешних мест. Сами догадаетесь или подсказать? Мне абсолютно наплевать на вашу Бумагу – я шел именно к вам. Вы мне были нужны. Но если вы не хотите мне помочь, я найду другого, более сговорчивого. Например, мастера Пэвера. Знаете такого? Это, конечно, займет немного больше времени, однако я не тороплюсь. Но вам при таком раскладе ничего не перепадет. Ну? Я предлагаю сделку. Вы отыскиваете мне аппарат или какой-нибудь иной способ для простого человека выйти на Тропу, а я, так и быть, помогу вам отыскать бумажку Ваграна. Есть у меня кой-какие небезосновательные соображения на сей счет. Мне-то она ни к чему, сами понимаете, но живут, представьте себе, на этом свете люди, которые готовы за Бумагу выложить все. Все – вам намек ясен? Так что отвечайте быстро: есть такой способ?

Мэтр чуть не плакал. А Сварог мысленно себе аплодировал. Вам бы, ваше величество товарищ майор, в разведку или там в дипломаты – цены бы вам не было. Ведь даже в покер никогда не играли, а блефуете, как заправский гостиничный катала... И, чтобы закрепить эффект, он, как и при разговоре с бароном, вынул из воздуха сигарету и с понтом прикурил. Это, надо сказать, Лена-ра добило окончательно. Сварог даже на секунду забеспокоился, не хватит ли старичка кондратий.

– Ну?! – рявкнул он. – Есть способ?

Мэтр вздрогнул и едва заметно кивнул.

– Аппарат?

– Д-да...

– Где он находится? Живо мне!

– Милорд, умоляю вас, – на мэтра было жалко смотреть. – Ну не сейчас же... Мне самому точно не известно, так, слышал краем уха, что аппарат существует, а у кого, кто его создал... мне надо все выяснить...

– Н-да? – с сомнением прищурился Сварог. Мэтр не врал. А если он и служит Великому Мастеру, то разве что на побегушках – так, младший помощник старшего подмастерья. И вряд ли тут же побежит жаловаться барину. Да и замок под колпаком, связь с Хозяином наверняка не работает... – Ну, будь по-вашему, мастер Ленар, я добрый. Сроку вам... ну, скажем, до послезавтра. И смотрите у меня, из-под земли ведь достану.

– А... – встрепенулся мэтр, – Бумага Ваграна, милорд... Вы покажете мне Бумагу?

– Утром деньги, вечером стулья, – уже мягче ответил Сварог. И с чувством выполненного долга потянулся всем телом. – Да и зачем вам Бумага, Ленар, вы уже старый, вы скоро умрете...

Очаровательную их беседу прервала Клади, и архивариус ее появлению обрадовался несказанно – вымученно заулыбался, заерзал... понял наконец, книжная душа, что прямо сейчас его убивать не будут.

– Ну и как охотничье вооружение? – бодро спросил Сварог.

– Ерунда, – тряхнула гривой баронетта. – Все то же самое: арбалеты, дробовики, луки и силки. А вы как провели время?

– Потрясающе. Весьма плодотворно побеседовали о судьбах литературы. Не так ли, дражайший мэтр?

И они двинулись в обратный путь. Архивариус шел последним, один за другим тщательно гася факелы в ведрах с песком. Библиотека погружалась во

тьму.

Глава шестая Бумага Ваграна

Закат полыхал, как тысяча пожаров. Огромное солнце, точно наполненный светящимся газом аэростат, парило в жарком мареве. В багряном отсвете листва деревьев в парке отливала сталью. Инопланетный пейзаж, если двумя словами. У подножия парадной лестницы виднелась одинокая фигурка, над ее головой поднимался сизый дымок и таял над верхушками деревьев: мастер Карт вышел покурить и поразмыслить, должно быть, над перипетиями судьбы и неисповедимыми путями. Эх, дорогой вы мой барон, лучше над такими материями не задумываться, все мозги свернуть можно набекрень... Его тень, многократно изломанная ступенями, лежала под ним, как поверженный враг. Сварог затушил окурок в пепельнице, полной грудью вдохнул вечерний воздух и закрыл окно. Вернулся к столу, зажег две свечи в бронзовых подсвечниках по бокам, положил перед собой украденную в библиотеке книгу. Толстая, почти кубической формы, на вид такая старая, что, кажется, бумага должна рассыпаться от одного только прикосновения. На обложке никаких надписей нет. А если «третьим глазом» посмотреть?.. Тоже ничего, с точки зрения магии книга была насквозь обыкновенной. Хотя это еще ни о чем не говорило: Сварог знал, что существует уйма хитроумных заклятий, накладываемых на иные трактаты по колдовству, – как ни посмотри, книга как книга, но если ее откроет человек непосвященный, не произнесет необходимых слов или не совершит какого другого специального ритуала, то случиться может все, что угодно, включая самовоспламенение фолианта и самовоспламенение всего вокруг в радиусе нескольких лиг. Тем более, что вроде как выносить ее из библиотеки и вовсе нельзя было, и неизвестно, чем это может обернуться. Но тут уж придется рисковать...

Сварог задержал дыхание и резко раскрыл книгу. Ничего не произошло. Тогда он осторожно стал пролистывать плотные страницы между пальцами, от конца к началу, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. Книга была напечатана убористым шрифтом и, черт бы ее побрал, на напрочь незнакомом языке. Впрочем, судя по обилию таинственных диаграмм и формул с непонятными символами, можно было предположить, что это некий научный труд. И что, из-за него весь сыр-бор? Это и есть – Бумага Ваграна?

Сварог закрыл книгу, повертел в руках. Черный кожаный переплет с медными уголками, толстый корешок... пожалуй, слишком толстый. Тайник? А ну-ка...

Он провел ногтем вдоль корешка, и кожа легко разошлась, как края едва затянувшейся раны. А из корешка на стол выпал многократно сложенный листок тончайшей папиросной бумаги.

Несколько мгновений Сварог задумчиво рассматривал его, потом закурил и спокойно, очень неторопливо развернул, предвкушая. Делов-то, елы-палы. Учитесь, дорогой мэтр. А то – сорок лет, сорок лет...

Более всего это напоминало вкладыш-выкройку из журнала «Бурда», по которому доморощенные рукодельницы шьют себе наряды: хаотическое переплетение разноцветных линий, какие-то зеленые извивающиеся пунктиры, красные кружки, заштрихованные синим эллипсы, пояснительные значки вдоль линий... то есть пояснительные для знающего человека, но только не

для Сварога, мелкие уродливые иероглифы, похожие на пауков. А может, пауки, похожие на иероглифы. Впрочем, как бы то ни было, голову можно дать на отсечение, что это карта: в правом верхнем углу изображена крохотная роза ветров, рядом – масштабная линейка...

Сварог повертел карту и так и сяк, посмотрел на просвет, даже понюхал. Нет, все-таки это не папиросная бумага, это, скорее, лист очень тонкого, но прочного и неломкого пластика... который, как вопят гринписовцы, не разлагается столетиями даже в морской воде... Хм, все страньше и страньше, как говорила одна маленькая девочка, попав в кроличью нору. Он сунул находку во внутренний карман камзола.

Вот так-то, судари мои. Проще пареной репы. Карта. Но – карта чего? Несметных пиратских сокровищ? Расположения войск противника? Пресловутой Тропы? Или секретная выкройка платья здешней княгини?.. Что ж, наверное, именно эту бумагу бедный архивариус искал без малого полвека. Наверное, он сможет разобраться, что здесь изображено. Теперь у Сварога появился в самом деле реальный рычаг для торговли с мэтром Ленаром: ты мне – возвращение на Талар, я тебе – карту-выкройку...

Колыхнулось пламя свечей. Дверь за его спиной тихонько скрипнула, и в комнату, по уже сложившейся традиции не постучав, проскользнула Клади. Без приглашения она уселась напротив, на краешек безразмерной кровати, и подперла подбородок кулачком. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. На ней были просторные зеленые бриджи и свободная блузка навыпуск, перехваченная на талии широким поясом, волосы разметались по плечам, а что такое бюстгальтеры, насколько Сварог видел, она ведать не ведала.

– Увидела свет из-под двери, решила, что еще не спите, – негромко сказала она.

– Не спится, няня, – вздохнул Сварог. Она недоуменно нахмурилась:

– Это цитата?

– Да. Из одного романа. Вряд ли он есть даже в вашей библиотеке.

– Кто вы такой, мастер Гэйр? – еще тише спросила она, не отводя от него глаз, казавшихся бездонно черными в отсвете полыхающего заката.

Сварог ответил не сразу, подыскивая нужные слова, и наконец сказал правду:

– Солдат. У меня много титулов и званий, но на самом деле я просто солдат.

– Вы странный, – протянула она задумчиво. – И я немного боюсь вас.

– Почему?

– Потому что я не могу вас понять... вы владеете магией, но другой, перед которой защита замка не властна. Вы не знаете многих простых вещей. Вы... вы просто чужой, мастер Гэйр... Неожиданный фактор.

– Ну, солдат везде чужой. Меня зовут Сварог.

– И тебе нравится быть чужим, Сварог?

– Наверное, это моя судьба. А на судьбу не жалуются.

– Я думаю, что любой сам творит свою судьбу... Не так ли?

Ее волосы были как застывший воск, глаза – как темные омуты. Наверное, проклятый закат был всему виной, но что-то неуловимое, некие незримые нити протянулись между ними. И Сварог чувствовал, что с каждым мгновением они становятся все прочнее. Еще можно было их разорвать, еще не поздно было все обернуть шуткой, разрушить вечер какой-нибудь гнусной фразой (ти-

па: «А ваш папа тоже не спит, вон, стоит под окнами») или небрежно заку- рить, зевнуть, наконец, во всю пасть, – потому что у него была Мара, у него был Талар и приближающаяся Багряная Звезда, ему во что бы то ни стало нужно вернуться обратно и совсем не нужно связываться с девчонкой, кото- рая останется здесь, на погибающем континенте, но он...

Он встал и медленно пошел вокруг стола. К ней. Клади легко поднялась на- встречу, в ее глазах плясали зеленые бенгальские огни. Потом она закрыла глаза. Невидимые нити лопнули, потому что уже были не нужны, и не нужны были слова. Он запутался в незнакомых застежках и пуговках, и она сама по- могла ему. Остатки рационального мышления еще тянули ручонки из голово- кружительной глубины: «Да что ты делаешь, опомнись, зачем это тебе *сейчас* ...», – но волна сладкого сумасшествия накрыла всяческие трезвые и правиль- ные мысли, безжалостно утопила и завертела Сварога в бешеном водовороте... Потом были прохлада простынь и жар сплетенных тел, потом простыни стали горячими, и окружающий мир исчез, остались только двое посреди бесную- щегося облака огня, в котором смешались торопливый бессвязный шепот и невольные стоны наслаждения, и он выталкивал из себя тоску, горечь и страх... а потом облако взорвалось ослепительной вспышкой, и Сварог, опу- стошенный физически и морально, тоже исчез из этого мира...

Спустя тысячу лет она прошептала едва слышно, щекоча спутанной гривой волос ему грудь:

– А это правда, что говорил Ленар?

– А?.. Кто? Когда говорил? – Сварог с трудом выплыл из забвения, осознал се- бя раскинувшимся на смятой постели в позе морской звезды.

– Там, в библиотеке. Что ты здесь только для того, чтобы что-то найти.

«Да о чем она, в самом-то деле?» С ним творилось что-то странное. Говоря без цинизма и позерства, он отнюдь не был новичком в любовных утехах – ни на Земле, ни среди небожителей Талара, – и скромно полагал, что удивить его чем-то таким уже невозможно... Однако происшедшее между ним и зелено- глазой ведьмой из захолустного замка что-то перевернуло в его душе – пере- вернуло и поставило с ног на голову. Черт знает, что такое. Сколько, интерес- но, прошло времени? Свечи еще не догорели до половины... Сварог провел ру- кой по ее волосам.

– Ты что, подслушивала?

– Да, – призналась она и легонько укусила его за плечо. – Не все, так, урыв- ками.

– Да, – признался и он. – Я должен найти... одну вещь.

Некая малопонятная тревога занозой сидела в сердце, и причину ее он ни- как не мог определить. Вроде бы все тихо и мирно вокруг, но что-то было не так. В самом воздухе, в этой ночи, в бледном свете из окна... Что это – чувство опасности сигнализирует о приближающейся Тьме? Или просто чуждость другого мира так на него действует?

– А потом ты уйдешь? – прошептала Клади.

– Хотел бы я сам это знать... – вздохнул Сварог.

– А я бы ушла вместе с тобой. Потому что вы очень странный, мастер Сва- рог.

– Почему же ты не ушла раньше?

– Мое время еще не пришло, – буднично сказала она. – Я уйду, обязательно

уйду. Есть способ...

Сварог напрягся.

– Что за способ?

– Это мой секрет, – она потерлась о его плечо. – Тебе этот способ не подходит...

Вот ведь, блин...

Облако волос заскользило вниз по его животу, и он, отгоняя прочь тревогу, вновь забывая обо всем, закрыл глаза...

И все повторилось, но на этот раз без недавнего буйства и безумия. Они любили друг друга нежно и заботливо, будто прощаясь. Нет, на самом деле прощаясь – Клади знала, что Сварог уйдет, и Сварог знал, что она знает. Однако пока ночь принадлежала им и только им...

Потом он осторожно соскользнул с постели и подошел к окну, закурил. Неопределенное чувство тревоги острым коготком опять царапало сердце. Отражение в оконном стекле смотрело на него укоризненно. Бледное свечение было разлито в небе, деревья и холмы на горизонте казались покрытыми снегом. А это что... Это что?! А, черт!

Ткнув недокуренную сигарету в пепельницу, Сварог бросился к одежде, в беспорядке сваленной на полу. Черт, черт, черт... Распроклятое чувство опасности забарабанило в висок оглушительным стаккато.

– Ты что? – спросила Клади, приподнимаясь на локте. Сварог на нее даже не посмотрел.

– Ты не устаешь задавать столько вопросов? – ему с трудом удавалось говорить беззаботно.

– Да что случилось-то?

– Ничего. Я выйду ненадолго. Воздухом подышу. (Твою мать, рукава запутались, скорее, скорее...)

– Можно открыть окно.

– Я подышу воздухом и загляну в одно заведение, куда дамам вход заказан, – терпеливо объяснил Сварог. – Улавливаешь?

Он подхватил с кресла шаур, и веселая безмятежность вдруг исчезла с лица Клади.

– Что происходит?..

– Не знаю. Запри дверь и никому, кроме меня, не открывай. Поняла? Никому.

Он скользнул за дверь, в темный коридор, включил «кошачий глаз».

Курия у окна своей комнаты, он мельком посмотрел вниз, и ему показалось поначалу, что Карт ушел в дом, а его тень осталась на лестнице. Увы, то была не тень, то был сам барон, неподвижно лежащий на ступенях собственного замка. Ну не покончил же он собой из-за того, что его, пусть и приемная, дочь переспала со случайным гостем?.. Чувство опасности включило фортиссимо.

Сварог прислушался. В замке было темно и тихо, как в гробу. Все спало. А где-то внизу, освещенный бледным светом, лежал мертвый хозяин замка...

Он бесшумно прокрался по лестнице и спустился на первый этаж, к парадной двери. Разум все еще не мог смириться с мыслью, что столь великолепно начавшаяся ночь превратилась в кошмар, а тело уже было готово к бою. Сварог приоткрыл входную дверь. Дьявол, свечение на небе прямо в лицо – великолепная мишень для того, кто, возможно, притаился среди деревьев... А где,

позвольте спросить, ночная стража? Что, барон не выставляет охрану?!..

Двигаясь рывками, чтобы сбить прицел потенциального снайпера, Сварог быстренько спустился к телу.

Да, барон Таго был – мертвее не бывает. Он лежал на спине, раскинув руки, с горлом, превратившимся в кровавое месиво. В неподвижных зрачках отражался свет белого зарева. Краем глаза Сварог уловил слева от себя стремительное движение среди черных теней от деревьев и обернулся, вскидывая шаур. Никого. Тишина стояла такая, что аж в ушах звенело. Лишь беспечно журчал фонтанчик в шестиугольном бассейне...

Пока он и Клади предавались любви, какая-то тварь пробралась к замку и перегрызла горло его хозяину. И, может быть, не одна. И, может быть, они сейчас следят из темноты, выжидая момент, чтобы напасть. Сварог быстро оглядел фасад замка. Ни огонька – кроме едва заметного отсвета непогашенных свечей в его комнатах. Господи, там же Клади! Идиот, шаур надо было оставить ей! Нет, бесполезно, он же рассыплется... Сварог едва не застонал. Почему молчат собаки? Где слуги?! Вопросы беспорядочно толкались в голове, а ноги уже несли его за угол, в тень, туда, где обитают слуги. Толкнулся в ближайшую дверь (не заперто) и с облегчением услышал, что в полутьме есть кто-то живой: слышался размеренный храп здорового организма. Это был рыжий крепыш Клус – тот, что уступил Сварогу коня после стычки на лесной дороге, – прямо в одежде он дрых на узкой спартанской койке, закинув руки за голову. Сварог ткнул молодца кулаком под ребра и тут же зажал ему рот ладонью. Клус дернулся и открыл глаза.

– Тихо, это я, Гэйр. Где охрана замка?

Клус рывком высвободился, да Сварог и не препятствовал.

– Какого черта...

– Спокойно! Барон убит. Кто-то перегрыз ему глотку. Не человек. Быстро собирайся. Где остальные слуги?

Клус обалдело помотал головой.

– Там, наверху... во флигеле, в замке... спят... я тут вроде как охраняю...

Он вскочил, быстро натянул сапоги, схватил ножны с мечом и замер.

– Не, погодите, замок ведь под защитой заговора от нежити и колдо...

Сварог сгреб стражника за ворот и приблизил лицо почти вплотную к его:

– Слушай меня внимательно, мразь. Быстро поднимай людей, пусть вооружаются до зубов, зажигайте огни и перетрясите замок до самой крыши. Оно где-то рядом. Ясно?

– Так точно...

Может быть, для здешней фауны это нормально, но очень уж не нравилось Сварогу, как действовал неведомый зверь, – надо быть весьма шустрым, чтобы напасть на бодрствующего человека, перегрызть ему горло и при этом не издать ни единого звука...

– Готов? Пошли.

Они выскочили наружу, и в тот же момент ночную тишину прорезало испуганное лошадиное ржание со стороны конюшен. В замке что-то с грохотом обрушилось, кто-то тоненько завизжал, в псарне залаяли, завыли собаки, и сразу же в окнах первого этажа, судя по всему – в помещениях для слуг, стали зажигаться огни.

Они ворвались в замок, залитый бледным, нереальным светом небесного

сияния. Сварог пулей взлетел на второй этаж, попутно сшибая какие-то дурацкие статуэтки на балюстраде, понесся по коридору. Снизу доносились шум и беспорядочные выкрики. Вот и дверь. Распахнута настежь. Окно разбито, явно снаружи, стол перевернут, на пороге валяется подсвечник, основание его смято и измазано чем-то густым и темным... А рядом – раздавленный в крошево предмет, которого не только в замке, но и вообще на Димерее быть не может. Сварог присел на корточки, быстро осмотрел рассыпанные по ковру детали – кислотная батарейка, реле, антенна, еще что-то – никаких сомнений, это радиопередатчик. Одноразовый. Конструкция незнакомая и кустарная, примитивная, сработано не из заводских деталей, но определенно одно: с помощью него можно послать короткий ненаправленный радиоимпульс. И, может быть, этот импульс уже был послан... то ли сигнал бедствия, то ли сигнал к атаке... то ли сигнал на подрыв заряда. Да что за херня тут происходит, а?!! В бессильной ярости Сварог выматерился, пнул подсвечник и выскочил обратно в коридор.

– Клади!.. Клади!!!

Нет ответа. Он бросился обратно, вниз, туда, откуда доносились звуки драки, проклиная себя за то, что не удосужился в спокойной обстановке ознакомиться с планировкой замка. Залы, коридоры, вестибюли, снова коридоры... Кажется, сюда... Сварог повернул налево – и нос к носу столкнулся с высоченной фигурой в черной рясе с надвинутым на глаза капюшоном. Этого типа Сварог раньше в замке не встречал. А вот в магическом зрении перед ним предстало бесцветное клубящееся облако, из которого беспрестанно высывались то ли языки, то ли щупальца... Первой реакцией было нажать на курок, но он невероятным усилием воли сдержался.

– Лорд Сварог? – глухо донеслось из-под капюшона.

– Вполне возможно, святой отец, – задыхаясь от бега, сказал он. – Где Клади?

– Мне приказано убить вас. – Лица под капюшоном, оказывается, не было вовсе.

– Понимаю, – кивнул Сварог, – приказы надо выполнять, – и дал очередь.

Черная фигура послушно вспыхнула синим (в прямом смысле слова) жарким пламенем и съежилась, опала, смялась... и спустя несколько ударов бешено колотящегося сердца Сварог переступил через горстку дымящегося пепла. Побежал дальше. Возле очередной выставки оружия содрал со стены меч солиднее, на бегу взвесил на ладони, проверяя балансировку, принаравливаясь. Сойдет. Эх, где ты, мой топорик...

Нападение на замок произошло не неделю назад, когда его, Сварога, здесь еще не было, и не через несколько дней, когда Сварога здесь бы уже не было. Нападение произошло сегодня. Нечисть в рясе назвала его по имени – причем его настоящим именем. «Мне приказано убить вас». Неужели все из-за какой-то Бумаги какого-то Ваграны?..

– Мастер Гэйр!..

Из-за угла коридора выскочил давешний рыжий Клус, без оружия, с перекошенным от ужаса лицом, со зловецким багровым пятном, расплывающимся на рубахе. Он рухнул на ковер у ног Сварога, жадно хватая ртом воздух.

– Мастер Гэйр... Мастер Гэйр... – только и мог выговорить он.

Сварог бесцеремонно потряс его за плечо.

– Где остальные?

– Напали... Никого не осталось...

Его глаза на миг приняли осмысленное выражение, он приподнялся и ухватил окровавленной пятерней Сварога за полу камзола.

– Бегите, мастер Гэйр... Они... ищут вас...

– Где Клады? Слышишь? Где девушка?!

Но слуга больше ничего не сказал. Сварог отпустил бездыханное тело, поднялся и беспомощно огляделся. В воздухе отчетливо пованивало гарью, дымок стелился над полом, кажется, даже освещение в замке приобрело желтоватый, колеблющийся оттенок... Ну, и куда дальше, а? Где искать девчонку?..

Направо коридор выходил к лестнице, ведущей в холл перед входной дверью, налево – упирался в комнаты прислуги. Шум битвы оттуда действительно утих. Теперь со стороны здешней «людской» доносились лишь непонятные приглушенные клекот, скрежет, шорох... И эти звуки явственно приближались.

Сварог сжал меч в правой руке, шаур сжал в левой, изготовился.

Но к тому, что он увидел, приготовиться было нельзя.

По коридору, сметая рыцарские доспехи и срывая гардины с окон, разнося вдребезги зеркала в два человеческих роста, на него надвигалась кошмарная волна, целое полчище фигур в рясах, заполняя собой все пространство коридора. Передние создания бежали на четвереньках, что, впрочем, не уменьшало их прыти, находящиеся в арьергарде передвигались, цепляясь, как мухи, за стены и потолок.

Картина была бредовой, невозможной, ирреальной – черные монахи на карачках, черные монахи на потолке, черные монахи, единой массой несущиеся по ночному замку, – но так было.

Сварог сунул меч за пояс и ослабил:

– Ну что ж, гуляем... – И нажал на курок. ...Твари вспыхивали как головешки, падали, взрывались тучами пепла, но сзади напирали другие, и не было им ни конца, ни края. И Сварог под этим напором вынужден был медленно отступать. Сжимая шаур обеими руками, как лихой коп из американского фильма, он не отпускал курок, плавно водил дулом из стороны в сторону, поливал нечисть серебром, точно из брандспойта... По драпировке уже бежали языки пламени, дым клубился под потолком, ел глаза. А объятая дымом волна все накатывалась на него, неумолимо, неостановимо, теснила, пыталась обтечь с флангов, захлестнуть... И что самое кошмарное, все происходило в относительной тишине: бесшумно разил серебром шаур, бесшумно загорались твари, услышать можно было только хриплое дыхание Сварога да шорох монашеских одежд и скрежет когтей по полу, стенам, потолку... Позади, за его спиной, был холл, обширное помещение, куда отступать было уж никак нельзя, там монахи разольются, окружат и задавят массой... Серебра он уже израсходовал столько, что хватило бы на месячный бюджет небольшого города, а тварей не убывало.

С хриплым клекотом мимо его плеча пронеслась серая тень – и вцепилась в самую гущу монахов. Под этим неожиданным и яростным напором нечисть на миг замерла, подалась назад, но потом вдруг выгнулась серпом и вмиг накрыла птицу черной волной. Лишь во все стороны полетели перья...

Сожалеть о погибшем ловчем соколе Гюнаре времени не было. Сварог вы-

хватил меч, рубанул им по тянущимся в его сторону костлявым лапам (клинок прошел сквозь лапы, как сквозь полосу лунного света, не причинив их обладателям ни малейшего ущерба, и он отшвырнул бесполезный меч), развернулся, плюнул длинной очередью серебра в угрожающе нависшие с потолка рясы и все же отступал, шаг за шагом...

– Сварог, в сторону!!!

Он рефлекторно прынул к стене. Над ухом злобно вжикнуло, и в стане врага произошел беззвучный взрыв, жарко дохнуло в лицо огнем и копотью. Авангард монахов отбросило назад, с треском лопнули стекла витражного окна. Сварог на миг обернулся.

Зрелище, что и говорить, было завораживающим. По колено в стелющемся над полом дыму стояла смертельно красивая Клади в зеленом охотничьем костюме. Гневно оскалившись, с ореолом разметавшихся волос вокруг бледного лица, она поднимала арбалет. Из рассеченной губы текла на подбородок струйка крови.

«Вжи-у!.. Вжи-у!.. Вж-иу!..» Еще трижды щелкнул спусковой механизм, трижды мимо Сварога искрами промелькнули короткие стрелы, и трижды вспучились бесшумные огненные шары в гуще напирающих тварей. А потом – есть все же бог! – между ними и полчищем тварей с треском просел потолок, второй этаж, оказывается, уже полыхал как костер, с новой силой взлетело пламя... Сварог схватил Клади за локоть и быстренько потащил к выходу из замка. Они кубарем скатились по лестнице, Клади осторожно выглянула за угол, прошептала:

– Пусто...

– Теперь быстро наружу.

– А замок? Что будет с замком?!

– После разберемся... У тебя что, стрелы со взрывчаткой?

– Это вильнурское серебро, чистейшее...

Они добрались до холла перед главным входом. Никого. Только дым пожара и отсветы пламени. Становилось жарко в прямом смысле слова.

– Значит, делаем так. Я выхожу первым, ты – сразу по моему сигналу. Встаешь слева от двери. Ясно?

– А мэтр? Мы оставили его одного? Он же в библиотеке!

– Клади, сейчас не время...

– Сюда!!! Они здесь!!!

Сварог резко обернулся. Мэтр Ленар, живой и здоровый, с лицом, искаженным яростью, словно материализовался перед дверями из замка, загораживая выход.

– Вор! Ты украл! – Голос его столь же походил на человеческий, сколь и у попугая, выучившего несколько слов. – Смерть!

– Эй, мэтр, – сказал Сварог, щурясь от дыма, – давайте поговорим, как взрослые люди...

– Поздно! Тайник! Мне и в голову не пришло, а ты знал! Знал! Верни книгу, и я убью тебя медленно!

Клади в испуге рванулась наверх, но Сварог поймал ее за руку. Вскинул шаур. Цепочка серебряных звездочек отшвырнула мэтра к дверям, впечатала спиной в створки.

– Охранный заговор нарушен... – прошептал архивариус и поднял руку. –

Теперь я убью тебя...

С кончиков его пальцев сорвалась ярко-алая молния, ударила в стену слева от Сварога. Рука мэтра бессильно упала. Из коридора, где стеной огня были заперты твари, вырвалось облако дыма. Сварог прыгнул вперед, носком сапога саданул Ленара под подбородок, плечом ударил в дверь... и вывалился в ночь. По двору, в колеблющемся свете пожара, метались кони. Кони – это хорошо, заклинанием Гэйров мы их успокоим, будет на чем убраться из этого дьявольского места...

– Клади!!!

Девчонка была рядом. Он уцапал ее за руку и выволок на крыльцо. Лицо тут же охладило свежий ночной воздух.

...Величественная это была картина – в облаке дыма, с пламенем, вырывающимся из разбитых окон, осел фасад замка, разлетающиеся осколки витражей мерцали в лунном свете. Потом рушащийся замок похоронил под собой парадную лестницу... весь двор...

– ...Извините меня, мастер Гэйр, – сказала Клади. Голос ее был глухим и монотонным.

Сварог промолчал, осторожно касаясь царапин на щеке. Все-таки достала, охотница дикая. Коготки у нее были острыми, как у кошки. Забавно и что пока единственные раны, заработанные им в этом мире, достались ему от женщины...

– Ерунда, – буркнул он. – С кем не бывает.

– Я кричала?

– Так, что-то бессвязное...

В его ушах до сих пор стоял вопль Клади, когда он волоком тащил ее к лошадям, упирающуюся, царапающуюся, беспорядочно колотящую его кулачками – по груди, по плечам, по лицу: «Все из-за тебя! Пусти меня, пусти! Зачем ты пришел?! Зачем?! Убирайся!»

– Извините, – повторила она, глядя в одну точку. – Где мы?

– В лесу. Замок далеко. Погони вроде бы нет.

– Я спала?

– Скорее, была в обмороке.

– Ну и... куда мы теперь?

Сварог пожал плечами:

– Тебе лучше знать. Думаю, имеет смысл двинуться в город... Твои друзья примут погорельцев?

Клади секунду подумала, кутаясь в сотворенный с помощью магии плед, потом отрицательно помотала головой.

– Нет. Это не те друзья, с которыми...

– Ясно. С ними хорошо проводить время, но когда доходит до дела...

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Ну? У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Мне надо вернуться домой.

– Твоего дома больше нет, – жестко сказал Сварог.

Из-под ресниц полыхнули яростные зеленые молнии. Сварог выдержал взгляд.

– Ты, – напряженным голосом прошептала она. – Это ты во всем виноват. За каким чертом ты явился в замок? Что тебе нужно от меня?!

Сварог молчал, с беспокойством наблюдая за девицей. Если у нее опять начнется истерика... Впрочем, она и не требовала ответа.

– Замок находился под защитой заговора... пока не явился ты. Почему ты пришел именно к нам? Зачем ты все разрушил?! Тебе нравится, когда вокруг смерть? Ведь солдат счастлив, когда льется кровь, да?! Ну так радуйся, у тебя есть шанс стать счастливым...

Она нашарила в траве арбалет и повернула медный ворот, натягивая тетиву. Наконечник стрелы оказался направлен Сварогу аккуратно в грудь. Сварог не двинулся с места и смотрел, как палец Клады лег на спусковой крючок.

– Ты настолько права, что я даже не сержусь, – тихо сказал он. – Разумеется, я не плачу, когда вижу кровь, – если это кровь врага, а не друга. Разумеется, солдат и смерть идут рядом – потому что так заведено с начала времен, и не мне менять этот порядок. И, конечно, я спас тебя там, на лесной дороге, исключительно для того, чтобы прикончить твоего отчима – для чего и заставил своего лучшего друга Ленара призвать на помощь всякую нечисть... Я не стал спасать тебя от колдуна, прятавшегося в замке под видом мирного библиотекаря... Да и он вовсе не собирался убивать меня, это была просто шутка. Он и тебя не хотел убить. Он вообще никого не хотел лишать жизни – этот милый безобидный старикашка. Я, сволочь и убийца, я во всем виноват. Спускай тетиву, Клады, а потом проснись в своей комнате: это всего лишь дурной сон...

Ее губы задрожали, и она беспомощно опустила арбалет.

– Кто ты? – с тоской спросила Клады. – Кто ты такой?

– Я... я солдат без армии, – ответил Сварог. – Король в изгнании, лишенный своего королевства. Но у меня есть цель: вернуть утраченное – и я его верну. И поэтому нам не по пути. Давай я поеду своей дорогой, а ты вернешься домой, к папочке.

Трудно сказать, всерьез говорил Сварог или хотел просто... что? Успокоить Клады? Разозлить? Открыть глаза? Психолог из него, конечно, был аховый, особенно по части женских задвигов, однако кое-каких результатов он тем не менее добился. Она закрыла лицо руками и сделала несколько резких вдохов. А когда подняла голову, взгляд ее зеленющих глазиц был тверд и решителен.

– Куда мы едем, мастер Гэйр? – спросила она, вновь поднимая арбалет, но на этот раз наконечник стрелы смотрел в небо, – Еще раз простите за... В общем, прости, и все. Но только хочешь ты того или нет, я еду с тобой. Я... мне просто некуда больше ехать.

Сварог невольно улыбнулся. Хороша была девка, спасу нет, особенно сейчас – растрепанная, собранная, готовая броситься в драку с самим дьяволом. Что ж, против судьбы не попрешь. Ему нужен спутник в этом мире, который знает местные обычаи, уклад, порядки...

– Мы едем в город, – решительно ответил он. – В этот, как его, Митрак. Ты знаешь, где живет мастер Пэвер? Какой-то бывший вояка.

– Д-да... – недоуменно сказала Клады. – Суб-генерал в отставке. А ты его откуда...

– Из источников, заслуживающих доверия, – отрезал Сварог. – Он мне поможет... По крайней мере, я очень на это надеюсь. Теперь так. У тебя деньги с собой есть?

– Деньги?..

– Ну да, деньги, деньги. Я так понимаю, у вас тут пока коммунизм не по-

строен, а нам, чует моя душа, потребуются расходы. Причем немалые.

Клади оглядела себя, потом запустила пальчики в набедренный кармашек на штанах и выудила монету.

– Вот, это все. Остальное там... в замке... И в закладных кронских банков...

– Давай-ка сюда. – Он взял монету, повертел в руках. Серебряная, размером с полдинария. Без каких-либо надписей, зато с изображением какого-то бородатого деятеля на реверсе и крупной цифрой «5» на фоне короны – на аверсе. Сварог подбросил монету на ладони. – Это сколько?

– Пять центавров.[87]

– А это много или мало?

– Для чего?

– Ну, скажем, лошадь на это купить можно? Да не смотри ты на меня так, я действительно не знаю. Считай, что я приехал из страны, где совсем другие деньги. Ну?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД МИТРАК

Глава седьмая Сплошные непонятки

Очередной рассвет на Димерее Сварог встретил, покачиваясь в седле и позвякивая полусотней свежесотворенных центавров в кошеле на поясе.

Копыта выбивали из дорожной тверди цокот и облачка пыли. Утреннее тепло, влажное и безветренное, встречным потоком свежило лицо. Непривычно огромный солнечный круг вкатывался на небесную гору, облепленную ватными клочьями облаков. Рассыпанными осколками хрусталя блестела роса на траве и придорожных кустах... Пернатая братия – ага, значит, не все пичуги убрались прочь с Атара – в разминочных полетах нарезала воздух ломтями и, не жалея зобов, наперебой восторгалась отступлению ночи. В общем, выражаясь изысканно, в мире было разлито спокойствие и царила умиротворенность. И даже не верилось, что в десяти лигах от них догорает замок, захваченный потусторонней братией.

– Хищники тут водятся? – повернулся Сварог к двигающейся следом Клади. Спросил просто так, чтоб не молчать.

– Раньше много было, теперь меньше, – мертвым голосом ответила та. – Теперь тут встречаются другие... твари.

– Какие?

– Другие, – голос ее дрогнул. – Те, которых ни стрела, ни пуля не берет.

– Нечисть?

– Можно и так назвать.

– Ну, это я уже заметил... А вон там летает – это, к примеру, нечисть называется или нет? – Он указал на небо, где в невообразимой вышине скользила черная точка, распластав крылья. Птица? Может, и птица, вот только крылья у нее были перепончатые, как у летучей мыши, а сзади виднелся длинный, похожий на змеиный, хвост.

Клади подняла голову, взгляделась, прищурившись на солнце.

– Н-нет... Это не нечисть. Это рихар... Живой... Надо же, раньше я их видела только на картинках...

– Не нечисть, и то хорошо, – философски заметил Сварог. – А с чем их едят?
– Их не едят, – без тени улыбки ответила спутница. – Это... Ну, рихар – это рихар.

Она опустила голову и замолчала.

– Исчерпывающе, – кивнул Сварог. Разговор не завязывался.

Дорога, по обыкновению всех проселков, наверное, всех планет, петляла среди холмов и перелесков, выискивая самый несуетливый, пологий спуск на равнину. С каждой проделанной лигой дорога, довольно узкая вблизи замка, становилась заметно шире, стали попадаться и распутья. Впрочем, поправил себя Сварог, не лиги, а кабелоты.[88] Придется, ваше небесное великолепие, заново привыкать. Ко многому придется привыкать. А привыкать-то не хотелось. Хотелось домой. Несмотря на то, что местность напоминала дом (что характерно, и Землю, и Талар одновременно) весьма и весьма.

Попутчица держалась сзади. Следует заметить, подчеркнуто сзади. Лишь когда подъезжали к очередной развилке, она прищпоривала лошадь, равнялась со Сварогом, первой сворачивала в нужную сторону и снова отставала. И в разговоры вступать явно не желала. Оно и понятно – после пережитого-то... Сварог искоса наблюдал за ней. Клади смотрела прямо перед собой на дорогу, губы были сжаты в прямую линию, что творилось в ее головке под ливнем светлых волос – одному богу известно. Но впадать в истерику и плакать она как будто больше не собиралась. Вообще-то Клади держалась молодцом, иная девица на ее месте легко могла бы сорваться с катушек. Да и не только девица. Поэтому Сварог ее беседами не донимал, пусть сама успокоится и свыкнется с мыслью, что жизнь ее переменялась раз и навсегда и возврата к прошлому нет...

Да и самому Сварогу было о чем пораскинуть мозгами. Раньше думать над странностями происходящего у него просто-напросто не было времени – с момента его появления на Димерее события развивались столь стремительно, что не оставляли места для раздумий. А странностей было хоть отбавляй. Обратите внимание, господа: он ломился через лес наугад, а вышел как по компасу, аккуратно к завтракающим слепцам. Слепцам, у которых был камень, неким мистическим образом связанный с книгой из библиотеки замка. А ведь Сварог мог и не принять приглашение юной охотницы погостить в замке, мог не спускаться в подвал, не красть какую-то Бумагу какого-то Ваграна или же сразу отдать ее мэтру Ленару, слуге Великого Мастера, – тогда не было бы нарушено заклятие, архивариус не вызвал бы подмогу в лице черных монахов, Карт остался бы жив и библиотека бы не сгорела... Однако все случилось именно так, как случилось. Словно кто-то ведет его за веревочку. Словно чья-то воля подталкивает его к тем или иным действиям. Вопрос: чья воля?..

– О чем ты думаешь? – негромко спросила Клади.

– О веревочке, – вздохнул Сварог.

– О чем?

– О веревочке, за которую меня дергают.

– Кто?

– Эх, знать бы... Но ты не бери в голову. Как настроение?

– Еще не знаю, – слишком уж спокойно сказала она. – Не могу поверить, что мне это не снится. Все так быстро произошло...

– Во-во, и я о том же. А ты молодчина, храбрая охотница. Я тобой горжусь.

Клади вымученно улыбнулась.

Нет, никак не выстраивались элементы головоломки в единое целое. Как знать, возможно, потому что одна деталька была лишней – сам мастер Сварог... А еще этот радиопередатчик в замке. Кто его оставил? Не тварь же, залезшая в окно. Тогда кто? Мэтр? Вряд ли старик с его помощью вызвал черных монахов. Барон, Клади? Откуда у них передатчик, до которого технологиям Гаэдаро еще расти и расти? Иностраннный? Тем более – откуда он взялся? Вопросы, вопросы, вопросы и ни одного ответа.

Они спустились в небольшой распадок, и деревья слева от дороги расступились, открывая небо почти до горизонта. В пронзительной голубизне парили над лесом далекие вершины гор в шапках ледников, а потом вновь мимо потянулся лес, лес, лес...

На беседы больше не тянуло. Молчание его вполне устраивало. И не потому, что хотелось что-то там обдумать. Как раз-таки ни о чем особенно не думалось. В активе – арбалет Клади, шаур Сварога и неистощимый (спасибо магии родной) запас денежных единиц, в пассиве – грядущее исчезновение континента в пучине вод и отсутствие поблизости стежки на Талар, в перспективе – сомнительная помощь от отставного вояки, в остальном же – полная неопределенность...

– Стоп, машина, – сказал Сварог неожиданно и натянул поводья. – А это что еще такое?

Холм слева, с грудой камней на вершине, был чересчур уж правильной формы, чтобы быть естественным образованием. При тщательном всматривании оказалось, что гряда делится на развалившуюся каменную стенку и на возвышение, напоминающее надземную часть колодца. Из колодца поднималась струйка черного дыма, закручивалась в спираль, и спираль строго вертикально уходила ввысь.

– Капище апаков, – сказала Клади. Ага, видимо, колодец не что иное, как алтарь для жертвоприношений, раз перед ним капище, а не стойбище туристов с незатушенным костром. Сварога нагнала Клади.

– И кто они такие, твои апаки? – Сварог поймал на себе чересчур уж пристальный взгляд спутницы. – Да я, ей-богу, не знаю, вот веришь ли... Сама же говорила, что я не понимаю самых элементарных вещей...

Огибая достопримечательный холм, они перешли с рыси на шаг.

– Апаки ушли три столетия назад. Неизвестно куда и неизвестно отчего. Говорят, им был известен секрет подчинения земли...

– Подчинения земли?

– Да. Они заручались благосклонностью подземных богов, принося в жертву каждого второго младенца. Ритуал совершался на жертвеннике, из которого, ты видишь, поднимается дым. Дым идет всегда, не переставая, днем и ночью. Говорят, то дыхание голодных богов. За пожертвованную кровь своих детей, кормившую подземных божеств, апаки получили власть над верхней землей, получили десять каймов вглубь от поверхности.

– А кайм – это сколько?

Клади, судя по всему, уже решила ничему не удивляться.

– Примерно от локтя до кончика среднего пальца.[89]

– Понятно, – Сварог сделал очередную зарубку в памяти. – И что же они делали со своими десятью каймами?

– Об апаках до нас дошли только предания. В них рассказывается, что они превращали землю в ловушки для зверей, добывая мясо и шкуры. Апаки обращали землю в непреодолимую преграду из насыпей и рвов на пути людей, посягавших на их владения. Главное, земля по приказу апаков выбрасывала из себя наверх не принадлежащее ей.

– Клады?

– Клады и то, что дороже кладов. Древние предметы. От тех, кто жил до наступления Первой Тьмы. И однажды они отыскали в земле нечто, уведшее их прочь из нашего мира. Так утверждают предания...

– Они были людьми?

– Людьми.

Ее разговорчивость пошла на убыль.

– А что, с тех пор как апаки ушли, никто не пытался занять их место, никто не пробовал умаслить богов кровушкой и получить власть над десятью каймами?

Она в очередной раз пожала плечами.

– А это тогда что? – Он показал на пригорок по другую сторону дороги.

Могло показаться, что у подножия невысокого бугра поработал мощный экскаватор. Черпанул загребушим ковшом пару раз, вгрызаясь в земельку этих самых каймов на десять. Да только откуда тут могла взяться строительная техника? Да, в общем, и не так выглядит результат экскаваторных усилий. Пласты земли над черной ямой, расцвеченной желтыми пятнами песка и серыми точками камней, были приподняты, словно крышка сундука, и застыли в невозможном по законам физики вертикальном положении.

Клади резко осадил лошадь и загарцевала на месте, не отрывая взгляда от вздыбленной земли, Ага, и ее зацепило. Словно бы испугалась красавица. Только непонятно чего...

– Когда отзвучит зов первый, двинутся реки вспять, – пробормотала она, – и вскипит кровь небесная и земная, и сдвинется твердь, и вскроются врата во мглу, отворяя могилы...

Как пить дать, вспоминает вслух цитату из какого-нибудь местного пророчества...

Она вдруг всадила пятки под ребра лошади и понеслась по дороге. Сварогу ничего не оставалось, как поступить таким же образом. Он оглядывался, пока разрытый взгорок не скрылся за поворотом. Когда же бросил в ту сторону последний взгляд, померещилось, будто над раскопом поднимается белесое марево. Но включить «третий глаз» уже не успевал. Раньше надо было сообразить. Однако вот не сообразил, потому что молчало его чувство опасности.

Клади мчала первой и задавала приличный темп. В конечном счете ей виднее, чего следует остерегаться в этих краях, от чего уносить ноги и копыта как можно быстрее, а на что можно не обращать внимания, ехать себе мимо, поплеывая. Сварог – чужак, потому и не претендует на желтую майку лидера. Как говорится, мы сами не местные, остались без документов, помогите, люди добрые...

Их бешеная скачка закончилась, когда дорога выскочила к реке и пошла вдоль нее, повторяя все зигзаги русла. Клади заметно успокоилась, неторопливо рысила, погруженная в свои думы. Сварог ей не мешал, осматривался. Вполне обыкновенная речка, сбегаящая с гор: прозрачна до одури, камениста

и нетерпеливо бурна. То и дело попадались явно рукотворные заводи, назначение которых угадывалось без труда – узкий вход перекрывается одним-двумя валунами и сетками из затонов выуживается заплывшая туда за день рыба. Интересно, уж не форель ли? Ага, значит, люди все же здесь обитают. Рыбьи спинки мелькали в бурунах и перекатах потока, отсвечивая на солнце серебристыми вспышками.

Перед узким и шатким висячим мостом через реку они спешили, повели лошадей в поводу.

Они добрались до середины пролета, когда Клади вдруг ухватила Сварога за рукав. Сварог послушно остановился, напряженно вглядываясь в противоположный берег.

С другой стороны на мост вышел человек, и тяжелая палка, которую тот использовал как посох, загромыхала по доскам. Человек выбрался из-за прибрежных камней, где, возможно, и поджидал гостей. А возможно, конечно, и не поджидал, а уж так сошлось.

Сварог двигался первым, первым ему предстояло сблизиться с незнакомцем.

Сучковатый увесистый посох перестал содрогать настил: человек остановился.

Сварогу пока еще не довелось ознакомиться с тем, как тут у них выглядят и одеваются купцы, скажем, или крестьяне. Стало быть, кто его разберет, к какому сословию принадлежит господин хороший. Но Сварогу показалось, что незнакомец выглядит и одет странно. Именно странно. Потрепанные заплатанные штаны, отдаленно схожие с казацкими шароварами, босые ноги и вдруг новый, тонкой и, видимо, дорогой материи синий кафтан с позолоченными пуговицами, – правда, надетый на голое тело. Лицо при всей простоте черт... неуловимое. Да-да, как раз это слово годится лучше всего: неуловимое. Словно в душе незнакомца ежесекундно меняется климат и его переливы отражаются на лице. То налетит задумчивость, то нагонит грусть, то распогодится радость, то сверкнет уж совсем невероятное счастье. Слабаком он не казался. Высокий, широкоплечий, длинные руки, мощные ладони. В объективе «третьего глаза» облик незнакомца не поменялся. Выходит, человеческого рода.

Клади – Сварог оглянулся – ничуть не встревожилась предстоящей встречей.

Шаур, единственное оружие Сварога, грел поясницу в кармане камзола. Для того чтобы достать его, потребуется несколько секунд. Значит, надо извлекать шаур сейчас или забыть о нем. Сварог выбрал «забыть». Намерения человека с посохом неизвестны, может быть, самые дружеские, хоть и связанные с перегораживанием дороги, так зачем же провоцировать видом оружия...

– Ты его, случаем, не знаешь? – бросил Сварог за спину.

– Смятенный, – коротко и ясно ответствовала Клади.

– Это имя?

– Нет.

Вот и поговорили, называется.

А человек с посохом и не думал уступать дорогу. Стоял не шевелясь, лишь гуттаперчевое лицо меняло выражения. Обойти его не удастся, он загораживает весь проход. Значит, или посторонится в последний момент, или, наконец,

обозначит свои намерения, или уж извини, приятель, мы спешим.

Когда до незнакомца оставалось от силы уарда два, тот бросил посох под ноги. И рухнул на колени.

Опешив, Сварог застыл. Замерла его лошадь, послушная поводу.

Странный человек оторвал лоб от мостовых досок. Его лицо дергалось, словно кто-то внутри тягал за кукольные веревочки. Grimасы перетекали одна в другую. Уголки рта то прыгали вверх, то опускались вниз, то раздвигались в дружелюбнейшей из улыбок. То губы складывались в удивленную трубочку, то злобно сжимались.

Незнакомец в очередной раз изобразил улыбку и заговорил – густым, дьяконским басом:

– Грызу я, загрызаю, уйму я, унимаю. Как мертвый от могилы не ворочается, так бы и двенадцать проклятых к тебе никогда не ворочались. А именем те проклятые: ревун, говорун, пуповой, сердцевой, внутрянной, суставной, жилиной, костяной, ручной, глазной. А два из них имен не имеют.

Поднялась рука, и в сторону Сварога вытянулся длинный узловатый палец. Человек с изменчивым лицом вдруг заверещал фальцетом:

– Тридевять плешей, все сосчитанные, пересчитанные, дальняя плешь наперед пошла! Не ходи в поля сини и соляны, не топчи бугры морские!

Сварог чуть не хлопнул себя по лбу. Ну конечно! «Смятенный»! А по-нашему – просто дурачок. Сиречь убогонький, блаженный или юродивый. Разве что без вериг и клочковатой бороды. Точно: страна непуганых идиотов, сначала слепые уродцы, теперь еще и психованный бродяга. Ну, этот может заболтать до посинения, других развлечений у него нет, а тут аж два слушателя вышли зверем на ловца. Сварог решил срочно пресекать этот балаган.

– Подожди, – сзади на плечо Сварога легла рука Клады, точно угадавшей его намерения, – устами смятенного могут разговаривать боги.

Сварог выругался. Пока про себя. Ладно, потерпим немножко, все-таки мы гости и должны уважать хозяйские обычаи и причуды. Хотя Сварог понимал, что надолго его терпения не хватит. Стоять посередь моста и слушать лабуду – на то требуется железная выдержка, подкрепленная недюжинным человеколюбием.

– Идет зверь лапист и горд, горластый и зубастый, – заливался соловьем смятенный. – Дай тебе сторожу в дому, на улице, или в пиру, или на свадьбе, или у заплота, или за плахами, или за рекою, везде, чтоб не вражил, а отворазживал...

А взгляд у смятенного, отметил Сварог, отнюдь не безумный, скорее, чужой взгляд, не его, не того человека, чье лицо напоминает резиновую маску, а язык несет невнятицу. Будто кто-то другой смотрит сквозь глазницы смятенного. Или незнакомец умело – надо признать, очень умело – прикидывается юродивым? Сварог повернул голову и скосил глаза – Клады внимала бреду едва ли не с благоговением. Она, похоже, не сомневается, что перед ней доподлинный блаженный, а его окоlesiца, конечно, полна значительных намеков, непременно содержит зашифрованные откровения.

Тем временем смятенный выдернул из-за пазухи небольшой холщовый мешочек, распутал завязки, стягивавшие горловину, и, прикрыв глаза, запустил внутрь пятерню.

– На, на, не будет вам уходу, ни в гору, ни в воду, ни в каменны пещеры, на,

на.

Сварог напрягся: поди угадай, что вытащит этот юродивец, запустит этим в тебя или не запустит. А если он только ломает блаженного, заговаривая зубы, – тогда вообще любой пакости можно ждать. Нет, пора кончать с этим цирком и расходиться в разные стороны...

– На, желтый человеке, на. – Юродивый вытянул руку и разжал кулак. На раскрытой ладони лежал звериный клык: чуть больше волчьего, белый, с тонкой черной жилкой, тянущейся от чуть загнутого острия к закругленному основанию, с пятнами, похожими на запекшуюся кровь. Смятенный перестал моргать и гримасничать, его лицо, обращенное к Сварогу, светилось восторженным обожанием – ни дать ни взять религиозный фанатик узрел свое божество.

– На, желтый человеке... – Лицо юродивого вновь смешало черты, веки хлопнулись, он зашептал скороговоркой: – Убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение...

«Вот спасибо, я еще и желтый», – подумал Сварог. Идиотская ситуация его порядком утомила.

– Нельзя отказываться от дара смятенного, – подспела с подсказкой Клады. – Иначе навлечешь на себя беды.

«Я и без того навлекаю все, что можно и нельзя», – хотел пробурчать Сварог, но сдержался. Забрал подарочек из лапищи смятенного, контролируя малейшее движение незнакомца. Забрал и поблагодарил:

– Спасибо, дружище, век не забуду. А теперь мы, пожалуй, пойдем.

– Теперь ты должен одарить его. Все равно чем, – продолжала Клады знакомить Сварога с особенностями здешнего дорожного этикета. – Любой мелочью – ценность значения не имеет.

Сварог оглянулся на нее – не издевается ли? Но та была серьезна как никогда и даже смотрела на него с каким-то недоуменным уважением. Ну хорошо, закон «ты мне – я тебе», в принципе, интернационален. Сварог запустил руку в кошель и вынул серебряный центавр. Заодно и проверим. Вот сейчас и поглядим, приятель, какие у тебя отношения с серебром...

– Держи вот. Как говорится, от нашего стола – вашему столу.

Отношения с серебром у приятеля оказались нормальными. Юродивый спокойно принял бляшку в ладонь, покрутил-повертел в пальцах, поймал на металл солнечный луч, пустил зайчик на камзол Сварога, расхохотался и зачихнул подарок в мешок.

– На сегодня достаточно. Давай, друг, уступай дорогу, – сказал Сварог и тронул коня за повод.

Смятенный проворно подхватил посох, развернулся, сбежал с моста и пропустил по камням к реке. Глядя, как мелькает на сером фоне камней синий кафтан, Сварог подумал, что наряд этот не иначе, тоже чей-то ответный дар. Ничего не скажешь, удобно устроился убогонький. Уж и убогоньким-то неудобно называть. Разгуливает в свое удовольствие по свежему воздуху, не сеет, не пашет, пользуется суеверием сограждан, проворачивает выгодные обмены. За подобранный где-то на помойке зуб заполучил несколько граммов чистого серебра, оторвал добротный кафтан, вполне возможно, за такой же бросовый клык. Доходный промысел получается! Только знай рожи корчи...

Сварог вскочил в седло. Клады тоже. Снизу от реки донеслось:

– Вперед без ускоку, назад без усмотру, ушком не кивните, глазом не мигните, на сторону не скачите, назад не воротитесь, душам вашим сквозь ловушки, а тушам вашим мимо стрел.

Когда лошади отмерили уже с десяток уардов пыльной дороги, всадников догнал голос юродивого:

– Не ходи на бугры морские! Мосты обходи! Мостов бойся!

А, черт!..

Сварог чуть было не поддался порыву повернуть коня. Чтобы взять убогонького за грудки, хорошенько встряхнуть и дознаться, откуда он про мосты знает. Потому что это уже даже не смешно. Все кому не лень, а теперь вот и в этом мире предупреждают его, Сварога, об опасности мостов. На лбу у него, что ли, прописано тайными чернилами о несовместимости его судьбы с мостами? И где ж, наконец, тот мост, от которого его предостерегают разные вещицы?! Сколько уж пройдено, и вроде бы ничего, проносило, вот еще один мост позади, входя на который, к слову, Сварог думал о чем угодно, только не о мрачном пророчестве. Кстати, теперь добавилось еще одно предостережение: не ходи на бугры морские. А это еще что за фигня такая? Острова?.. Волны?..

Клади догнала его и поскакала рядом.

– Не надоэтого делать. Ты ведь думаешь избавиться от дара смятенного? Это все равно, что снять с себя кольчугу, собираясь на бой... Мало кто удостаивается подношения от смятенного. Считается, что он за свою жизнь может одарить лишь трех человек. Поэтому быть выбранным смятенным – большая удача, и вещи из рук смятенного хранят, как талисман.

– Вот оно как. Повезло мне, значит, – сказал Сварог, стараясь не переборщить с иронией. – А скажи-ка, прекрасная охотница, у меня что, нездоровый цвет лица? Я произвожу впечатление желтого человека?

Клади ответила со всей серьезностью:

– Считается, что взору смятенных открыты истинные, внутренние цвета человека.

– И что означает желтый цвет?

Она замолчала, вроде бы над чем-то раздумывая.

– Не знаю, не знаю... – И опять ненадолго погрузилась в себя. – Возможно, тебе и не повезло. Говорят, смятенные способны предчувствовать будущее или, вернее, видеть цвета будущего. Не исключено, он почувствовал, что тебя ждут непростые испытания, и попытался хоть чем-то тебя оберечь. Потому и подарил амулет.

– Значит, ты полагаешь, это амулет? – Сварог разжал ладонь, чтобы еще раз полюбоваться подаренным звериным зубом. Клык как клык, если не считать того, что неизвестно, чью морду он когда-то украшал. Никакого таинственного тепла не излучает, магического покалывания кожи не чувствуется, загадочные письмена не нанесены. – Полагаешь, он обережет меня? Что ж... – Сварог отогнул полу камзола и упрятал клык в карман штанов. – Как говорится, поживем – увидим.

Клади отъехала от Сварога, решив, по всей видимости, что все необходимое сказано и она добилась, чего хотела. Может быть, вдобавок заключив, что избраннику смятенного необходимо остаться наедине с мыслями о цветах грядущего.

«Ох уж мне эти юродивые ясновидящие и убогие предсказатели...» – подумал Сварог.

Дорога продолжала спускаться со взгорья на равнину. Ветерок, разгулявшийся после рассветного затишья, качал еловые и сосновые лапы, шелестела листва дубов и вязов, поддрагивали осины. Совсем не знакомых деревьев Сварог заметил немного, хотя незнакомы они могли быть именно ему, а на самом деле так же, как те же сосны, благополучно произрастали где-нибудь на Таларе, может быть, и на Земле. Мы с вами очень похожи...

Дорога раз взлетела на холм, поросший мелкоколесьем. С его вершины удалось лигах в трех, пардон, кабелотах в двух впереди увидеть цель их недолгого путешествия – город Митрак, столицу славного княжества Гаэдаро. Булавочными иглами торчали шпильки, в подвижных точках угадывались флюгера, кое-где над коричневой чешуей крыш поднимались печные дымки. Дорога нырнула в лес, скрывая вид на город. Снова обступили деревья.

Сварог не сразу понял, что же изменилось в окружающем. Вроде бы все то же самое, тянется по сторонам лес, разве больше стало лиственных деревьев, уменьшилось хвойных, да вот гложет ощущение, будто недостает чего-то привычного. Ах ты ж, дьявол!.. Стало тише, исчезла птичья разноголосица. Городские браконьеры, что ли, разогнали?..

Конь заржал и взвился на дыбы, когда дорогу впереди перерезали следы. Всем следам следы – узкие и глубокие борозды, вспоровшие грунтовку короткими дугами, словно некто на гигантских коньках рассекал лесной тракт.

Кое-как успокоив занервничавшее животное, Сварог вопросительно взглянул на спутницу, также не без труда усмирившую свою лошадку. Клади, как уже раз случилось за их недолгую поездку, лишь пожала плечами.

– Лошади зря упираться не станут. Не нравятся мне эти... – Сварогу пришло на ум довольно специфическое, но подходящее к теме слово: – ...непонятки.

– Другой дороги к городу нет, – сказала Клади. Ее «непонятки» вроде бы не напугали. По крайней мере, внешне спокойна.

– Нет, говоришь?

«Третий глаз», задействованный Сварогом для кругового осмотра, ничего к обстановке не прибавил. Ну, раз другой дороги нет...

– Тогда вперед.

Вот уж теперь точно шаур не будет бесполезным. Сварог сжал его в кармане.

Лошади нехотя, но пошли, приученные доверять и повиноваться человеку. Двигались шагом. Сварог крутил головой, отслеживая обстановку на все триста шестьдесят градусов. Борозды словно от гигантских коньков, внезапно объявившиеся на дороге, тянулись и далее.

«Привычка – вторая натура, – промелькнуло краешком сознания. – Банальность, но в точку сказано. Вот привык к Доран-ан-Тегу – пустота на боку ноет, как ампутированная нога. Главное, по привычке не схватиться за ту пустоту...»

Картина открылась не внезапно. Это они увидели издали, когда после поворота распахнулся взглядом очередной участок дороги. И чем ближе они подъезжали, тем меньше сохранялось надежд на обман зрения. А вскоре сомнения и вовсе иссякли.

Сварог немало повидал на своем веку подобного. И знал – его не вырвет, он

не хлопнется в обморок, не станет отводить глаза. Однако ком к горлу все же подкатил, кровь прилила к голове, заломило в висках, участилось дыхание, нервы натянулись – трудно, оставаясь человеком, сохранять хладнокровие при виде такого. Но откуда взялась стальная выдержка у юной девчонки, скажите на милость?! Они ехали вровень, и профиль Клади был открыт взгляду Сварога – на лице зеленоглазой охотницы не дрогнул ни один мускул. А картиночка-то, представшая во всей красе, была не для слабых нервов.

Два трупа лежали у обочины. Лошади и всадника. И с обоих была начисто содрана кожа. словно сине-красные силуэты животного и человека с картинок в учебнике зоологии обрели объем. Кожа исчезла бесследно. Не брошена поблизости, не видно разодранных и разбросанных клочьев. Будто кожу унесли с собой в качестве боевого трофея. В клочья была разодрана одежда всадника, разноцветные лоскутья аляповатыми заплатами пестрели на дороге, свисали с кустов и деревьев.

– Да, ребята, что-то неладно, я погляжу, в вашем королевстве. Совсем неладно, – пробормотал Сварог, когда их лошади забили копытами дорожную грязь, пропитавшуюся кровью, в пяти каймах от жуткого зрелища. Сварог ожидал, что Клади вновь начнет цитировать местные пророчества, но девчонка молчала. Даже странно...

А это еще что?

Белые листья, листья-альбиносы, на осинах обычно не растут. Тем более размером с кленовый лист, продолговатые и свернутые в трубку.

Сварог спешил, передал повод своего скакуна Клади.

Значит, человек перед гибелью успел выдернуть документ из-за пазухи или из сумки (вряд ли он не выпускал его из рук всю дорогу) и отбросить подале. А раз так, следует предположить, что бумага содержит нечто важное...

Неизвестно, кем был погибший, что за документ и кому несчастный его вез, но коли в предсмертный миг отбросил подале, стало быть, хотел, чтобы кто-то нашел и правильно распорядился. Последняя воля погибшего, ее надо уважать. К тому же иначе пропасть может бумага. Самое простое – вот возьмет и хлынет ливень, чернила размоет. Сварог посмотрел на Клади. В ее глазах плясал ужас, но она мужественно не двигалась с места. Будешь тут мужественным, когда сначала черные монахи, а теперь еще такое... Он достал листок из переплетения ветвей. Часть плотной бумажной трубки была оторвана. Сварог взгляделся в неровные края – да, оторвана, а не отрезана или обрублена. Для того, чтобы медленно разорвать плотный бумажный скруток, надо быть человеком незаурядной силы. А уж одним рывком, на который, судя по всему, лишь и могло хватить времени у погибшего... Да и зачем ему понадобилось рвать документ столь бестолковым образом? И куда он дел вторую половину? Сварог внимательно огляделся, но ничего не обнаружил. Так что, скорее всего, бумагу располовинило то самое нечто, чьи коньковые следы на дороге окружали короткими дугообразными бороздами место трагедии. Располовило и сожрало, должно быть. Кстати, следы здесь же и пропадали, ни назад, ни вперед по дороге не продолжались...

«Комадорн.

По последним данным, исследования Сиргамаса завершены усп...

...этих экспериментов станет создание и использование и целях сугу-

бо дивер...

...уже сейчас совершенно ясно, что примерно десять – двенадцать двоякод...

...боевого отряда, противодействие которому будет затруднено отсутствием...

...Вашего сведения, что это вопрос нескольких дней. Считаю необходимо...

...создание аналогичных боевых групп незамедлительно. В противном случае...

...известить заинтересованные лица. Связь обычная».

Вот как. М-да. И как прикажете все это понимать? Шпионские игры? Нет, в самом деле, оч-чень похоже, судари мои... А нам это надо? Нам это не надо. Нам надо домой. К папочке Гаудину, пусть он в шпионских страстях плещется...

Он аккуратно положил бумагу на место, подошел к лошадям, посмотрел снизу вверх на Клади. Та глядела на него с непонятным выражением – то ли испугом, то ли ожиданием. Негромко поинтересовалась:

– Что там?

– Сам не пойму, – честно признался Сварог и закурил. – И, прости, тебе читать не дам. Не нашенского это ума дело, лучше в такие игрушки не играть... Ну что, двинулись дальше?

Лес вскоре закончился, пошли бескрайние, опять же неухоженные поля. По очередному мостику они пересекли очередную спокойную речку (слева вхолостую крутилась ветхая водяная мельница), вдалеке показались деревенские домики.

На самых подступах к городу, в полукабелоте от окраинных домов, одноэтажных и невзрачных, путь им преградила застава. Впрочем, застава – это громко сказано. Поперек дороги было возведено несерьезное ограждение в виде укрепленного на козлах замшелого сучковатого бревна, которое, судя по всему, при нужде просто-напросто отодвигали к обочине.

– А это зачем еще? – вполголоса спросил Сварог.

– Положено так. Разное в округе бродит, сам видел...

Сварог недоверчиво хмыкнул.

Действительно, бревно было обито полосками блестящего металла – не иначе как серебра, но Сварог сильно сомневался, что оно послужит серьезной преградой для местной нечисти и прочих лесных разбойников: к городу же не обязательно пробираться по дороге... А еще у Сварога сложилось стойкое впечатление, что «шлагбаум» воздвигнут здесь не столько для того, чтобы не пущать незваных гостей в Митрак, сколько наоборот: не выпускать кого попало из города.

Справа от ограждения, каймах в двадцати к закату, возвышалась несмешная пародия на блокпост: грубо сколоченная некрашенная времянка с плоской крышей, куда могли бы втиснуться от силы трое щуплых солдатиков, причем без амуниции. К дверному косяку была небрежно прислонена устрашающего вида алебарда, а перед открытой дверью, подвешенный на закопченной треноге над костерком, булькал походный котелок, источая грибной аромат. Граница на замке и но пасаран, короче говоря.

Заслышав топот копыт, из времянки выдвинулся крепкий пожилой усач – с изрытым оспинами лицом, со старым шрамом на скуле, в расстегнутой до

пупа форменной рубашке и мятых штанах. На волосатой груди висела на простой веревочке высушенная лапка какого-то мелкого зверька. Усач заспанно потер лицо, сунул нос в котелок, потом посмотрел на гостей. Выудил откуда-то из-за двери штуковину, отдаленно напоминающую итальянский девятимиллиметровый ПП «Беретта», производимый в начале сороковых годов, и нога за ногу, небрежно уцапав оружие за цевье, направился к ним. В каждом его движении сквозил абсолютный пофигизм абсолютно ко всему на свете, однако Сварог моментально напрягся и незаметно правой рукой нащупал шаур. Возможно, старому вояке оставались считанные дни до пенсии и посему он совершенно справедливо забил болт на службу. Но по повадкам, по быстрому взгляду, которым усач одарил парочку в балахонах, по тому, с какой нарочитой небрежностью держал автомат, в нем угадывался боец, прошедший огонь и воду и не растерявший кое-каких навыков. Сварог выжидал, осторожно поглаживая шаур. Прошивать ветерана очередью он пока не собирался, а вот в качестве демонстранта силы миниатюрный метатель звездочек вполне потянет...

Охранник остановился по ту сторону ограждения – так, чтоб оба гостя были в поле его зрения, но, в случае чего, мешали бы друг другу напасть одновременно, – и зевнул во всю пасть.

– Стой, кто идет, – сказал он. Усы у него были роскошные – длинные, чуть ли не до груди, ухоженные, с загнутыми в разные стороны кончиками.

– Свои, – ответил Сварог. И глянул на Клади. Та сидела в седле неподвижно, по обыкновению опустив глаза и всем своим видом давая понять, что мирская жизнь ей глубоко по барабану и пусть чужеземец выкручивается, как хочет. Чужеземец хмыкнул, отпустил поводья (умница-лошадка стояла, как вкопанная) и, покопавшись левой рукой в кошеле, протянул стражу центавр. Уж этот жест должен быть понятен во всех мирах.

Страж монету принять изволил.

– Вижу, что не нурские шпионы, – пробурчал он в ответ и почесался монетой в боку. Очень было похоже, что он путникам рад и не прочь поболтать с ними, даже если те окажутся нурскими шпионами. Скучно, видать, торчать на посту... – Только что-то я раньше вас не встречал, святой человек.

– На все воля аллаха, – глубокомысленно ответил Сварог, вспомнив, что он в цветах церковника. – Я тебя тоже первый раз вижу, человек войны.

– И то верно. В город путь держите?

– Туда.

– По делам или как?

– Видишь ли, человек войны, – проникновенно сказал Сварог, – как говорил Заратустра, все сущее является лишь экстраполяцией социальных склонностей индивида и его профессионального тренда на стержневые личностные установки, обусловленные динамической картой мотивационного анализа субъекта. Поэтому бессмысленно говорить о конкретной цели нашего путешествия.

И, сказавши: «Хоу», протянул ему еще один центавр.

Если Сварог и собирался сбить ветерана с панталыку столь заковыристой сентенцией, то это ему не удалось.

– Оно-то, конечно, так, – вяло сказал боец, даже не глянув на монету, – но только капрал, чернильная его душа, обещал намотать мне кишки на кулак,

если я не буду записывать всех, кто приезжает в столицу и кто уезжает отсюда, – будь он хоть сам князь Саутар, – равно как указывать и цель приезда или отъезда. Так что будьте любезны.

– Что ж, кишки на кулак – это неплохо, – согласился Сварог. И сообщил кратко: – По делу. Мы в город по делу.

– Вот и ладушки, – сказал тот, не двинувшись, однако, с места. – Только сделайте одолжение, ваша святость, выньте, пожалуйста, руку из кармана. Не мое это, конечно, дело, что вы в карманах носите, но как бы конфуз не случился... По какому именно делу?

«А ты ж морда, – подумал Сварог. – Ну я тебя...»

Он вытащил руку, до того сжимающую шаур, и показал хитрой бестии пустую ладонь. А потом, наклонившись вперед, проникновенно спросил:

– А вот любопытно узнать: что ваш капрал говорит по поводу внешнего вида личного состава?

В тусклом взгляде вояки зажегся лукавый огонек.

– Да много чего говорит, – вздохнул он. – Если ваша святость только пожелает, я мигом переоденусь согласно уставу караульной службы. И добро пожаловать в Митрак по всей форме: предъявление и регистрация подорожных, досмотр и опись ввозимого неличного имущества, а также заполнение прибывающими учетных листов четыре дробь шестнадцать и восемь тире пять бэ. Всех бланков у меня, к сожалению, нет, но не извольте тревожиться: ради такого случая я свяжусь с кем надо, и к вечеру необходимые бумажки будут туточки, вы и оглянуться не успеете...

Сварог крякнул и спрятал монету обратно в кошель. Вот она, основная проблема всех шпионов и разномастных тайных агентов: прекрасно понимаешь, что при желании смог бы стереть наглеца в порошок, разметать по кустам и порвать, как Тузик грелку, но – нельзя, судари мои, нельзя, надо быть скромнее и незаметнее, поскольку главное – это дело, и ради дела, наступив на собственное горло, приходится ветошью прикидываться...

– Непростой ты вояка, как я погляжу, – заметил Сварог.

– А то, – хитро прищурился усатый боец. – Двадцать два года беспорочной службы в пограничном гарнизоне на Крамеше... Да и вы, ваша святость, сдаеться мне, не всегда рясу носили. Толма? Лазурный перевал? Фагорский залив?

– В смысле? – не понял Сварог.

– В том смысле, – пригладил усы страж городской границы, – что у меня глаз наметанный, человека воевавшего за кабелот вижу. А поскольку вы, ваша святость, еще молоды, не чета мне, вот я и спрашиваю, где воевать изволили, – войн-то за последние годы немного было...

– Соображаешь, – похвалил Сварог, лихорадочно придумывая, что ответить. А если все горожане окажутся такими же глазастыми, то вообще туши свет... – Верно, воевал, – наконец сказал он. – Только подальше. Гораздо дальше. И недолго. Война, видишь ли, противоречит моей вере.

– Вот я и говорю, – невозмутимо сообщил вояка. – Выправка-то у вас, извиняюсь, не церковная...

«Не пустит, – обреченно понял Сварог. – Да еще и задержать решит для выяснения... Кому рассказать, а? – меня, короля, не пускает какой-то старпер! Отступить, что ли, и лесом пробираться? Так ведь этот не дурак, тревогу поднимет. Или все ж таки прорываться с боем? Ой, как не хочется...»

Но тут, вот уж неожиданность, подала голос Клади:

– Арок, мы едем к мастеру Пэверу. У нас к нему неотложное дело.

Оба посмотрели на девушку – Сварог удивленно, ветеран пристально.

– А ведь я вас знаю, – задумчиво протянул он, – вы из замка Таго, в город, случается, навещаетесь.

«Ага, вести о пожаре сюда еще не дошли. Это нам на руку», – подумал Сварог.

– И мастера Пэвера, кстати, знаю, – продолжал страж. – Достойнейший человек, не то что я, хоть и верит во всякую... ну, не мое это дело. А что, ваша святость, – вдруг сменил он тему, – табачком не угостите ли?

Вот ведь шельма! Проверяет, что ли? Сварог понятия не имел, позволяет ли религия курить здешним священникам. Сказаться некурящим? Или правильнее послать подальше?

Он решил рискнуть. Совместно выкуренная сигарета – если не дружба, то, по крайней мере, путь к взаимопониманию. Как распитая на двоих бутылочка. Это, знаете ли, аксиома. Поэтому он сунул руку под воротник камзола и покопался там, делая вид, что ищет, а на самом деле организуя пару сигареток магическим макаром. Грудь на мгновение обожгло стужей, и между пальцев материализовались две шуршащие табаком трубочки. Конечно, запросто могло стать, что в этом мире курят исключительно трубки, как покойный барон Таго, или табак просто жуют... но ведь может моя святость позволить себе невинные странности?

Увидев протянутую через бревно сигарету, Арок обрадовался, как дитя погремушке. Он преобразился: с него мигом слетела вялость, даже доброжелательность какая никакая в глазах появилась. Он резво извлек из кармана штанов вполне обычные, земные спички, вежливо дал прикурить сначала Сварогу, для чего Сварогу пришлось опасно свеситься с седла, а потом прикурил сам, держа сигарету между большим пальцем и указательным и стараясь не опалить усы.

– За ночь все высмолил, а смена только после обеда, – совсем другим, будто бы извиняющимся тоном объяснил он, с наслаждением выдыхая облако дыма. – Славный у вас табачок, ваша святость, благородный, ни в какое сравнение с нашенским... Недолго, говорите, воевали?..

Он вдруг запнулся, словно вспомнил о чем-то невероятно важном. Рот приоткрылся, сигарета упала на дорогу, но вояка этого, кажется, даже не заметил.

Лошадка под Сварогом беспокойно фыркнула и стала рыть землю. Сварог недоуменно покрутил головой. Вокруг все было тихо. Припадок у него, что ли? Сейчас еще в пене биться начнет, этого только не хватало...

– Так как все-таки насчет в город въехать, уважаемый? – напомнил он о своем существовании.

Страж молчал, устремив неподвижный, стеклянный взгляд куда-то поверх его головы. Сварог мельком оглянулся, но позади не было никого, только Клади. Да еще вдалеке, высоко-высоко в небе, парила давешняя крылато-хвостатая тварь, как ее, рихар, что ли...

– Э-эй! – позвал Сварог.

Усач вздрогнул всем телом и не своим, деревянным голосом произнес:

– Да что я, против, что ли... С нашим превеликим удовольствием... Если я у

вас спрошу-таки подорожную, вы ведь мне покажете, так?

– Ну... – осторожно протянул Сварог.

– А если поинтересуюсь, за каким лядом вам мастер Пэвер сдался, вы ответите, что, мол, просто соскучились и хотите повидаться с давним приятелем?

Струйка слюны поползла по губе, стекла на грудь.

– Э-э... допустим, – сказал Сварог и подумал: «Нет уж, два припадочных за один день – это, знаете ли, перебор...»

– И на нечисть вы не похожи, оберег молчит, – забормотал страж, потрогав лапку на шее, – он мне от мамы-покойницы достался, да и кони нечисть к себе не подпустят, если только кони настоящие, не заколдованные, и не шпион вы, сразу видно, шпион бы с подорожной ехал, честь по чести, и не стал бы таким клоуном наряжаться, вас же каждый запомнит, стало быть, натуральный вы священник, хоть и псих, если честно, да и баронскую дочку я знаю, иногда в город приезжает, правильно я излагаю?

На этот раз Сварог почел за лучшее промолчать.

– Вот видите! – радостно ухмыльнулся Арок, как ни в чем не бывало стирая слюну с усов. Глаза его потемнели, взгляд снова стал осмысленным. – А вы говорите... Так все точь-в-точь и запишем, капрал доволен будет. Милости просим, добро пожаловать в Митрак! – Закинув автомат за спину, он ухватился за бревно, поднатужился. – Не пособите ли, ваша святость...

Сварог недоуменно передернул плечами, выбросил недокуренную сигарету и спрыгнул с седла, едва не запутавшись в балахоне. Псих или нет – не наша забота. В конце концов, пропустили, и на том спасибо... Он демонстративно погладил серебряные полоски на бревне, – дескать, понимаем, зачем помочь просишь, не нечисть я, не нечисть, – и приналег. Вдвоем они развернули «шлагбаум» параллельно дороге, открывая путь.

– А что, ваша святость, табачком не угостите ли? – попросил Арок, отряхивая ладони. – За ночь все высмолил, а смена только после обеда...

Клади взяла под уздцы лошадку Сварога и двинулась вперед. Сварог покосился на дымящийся на дороге окурок и с каменным лицом сотворил еще одну сигарету.

Стражник обрадовался вторично, выудил из кармана спички, прикурил и с удовольствием выпустил струю дыма.

– Хороший у вас табачок, ваша святость, – похвалил он... и вдруг виновато произнес: – Ночью ведь глаз не сомкнул, какие-то твари в округе так и шастали, стены царапали, пустить просили... Страшно было, словами не передать... – Его передернуло. – Говорят, нежить всякая вылезает аккурат перед Тьмой, да?

Сварог опять промолчал. А что он мог сказать? Арок взял за его рукав. В глазах пожилого стражника появился страх.

– И над Крабереном дым, плохой это знак, старики шепчутся... Вот вы святой человек, ваша святость, – негромко, с тоской проговорил он. – Знать должны. Правду ли толкуют, что опять конец света будет? Кое-кто уезжает, со всем семейством, со скарбом, говорит – на ярмарку в Лиму, но я-то вижу... А у меня внуки уже, куда ехать? Везде одно и то же... Вы-то сами что думаете?

– Когда-нибудь конец света будет обязательно, – философски пожал плечами Сварог.

– Ну, это-то понятно... А делать что же?

– Молиться, сын мой, – только и сказал Сварог. И забрался в седло. – Молиться.

Арок смотрел им вслед.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Сварог, когда они отъехали от заставы и оказались среди беспорядочно разбросанных домишек окраины города.

– Арок часто здесь дежурит, – сказала Клади. – А я в город навещаю. Вот и знаем друг друга.

– И что ж его такого болезного в армии держат...

– Болезного? – вопросительно подняла зеленые глазищи Клади.

– Ну да. У него же чуть припадок не случился, не заметила?

– Н-нет... По-моему, все нормально было.

– Думаешь? Ну ладно, замнем...

Он оглянулся и, прищурившись, посмотрел на фигурку у шлагбаума. Отчего-то его не покидало ощущение, что разговор со старым воякой еще не закончен, что им обязательно предстоит встретиться и сообщить друг другу нечто важное...

...Город Митрак являл собой полное, с позволения сказать, ничтожество. В стратегическом плане, имеется в виду. Некогда его окружала городская стена, но было то лет триста назад, и теперь от стены осталось одно название. При желании и наличии людей Сварог захватил бы его за день, не больше. Расставить вот тут и тут осадные отряды, сюда подкатить шесть-семь осадных пушек – и все, город, считай, наш. Два удара по княжескому дворцу, чьи башни непросто гордо возвышаются над кварталами, захват казарм городской стражи, расположенных, ясное дело, вдоль городских транспортных магистралей, парализация служб управления, расположенных, естественно, неподалеку от городской ратуши, – и все.

Впрочем, с захватом пока стоило повременить.

Они без проблем миновали очередной пост – у городских ворот, просто-напросто не поспеяв на серебро из кошель, и оказались в Митраке.

Вблизи Митрак более всего походил на старый Таллин, каким его помнил Сварог, – узкие извилистые улочки, булыжная мостовая да высокие каменные стены, над которыми царапают небо островерхие, увенчанные флюгерами башни. Разве что погрязнее тут было, позахламленнее как-то. Чувствовалось, что люди тут просто-напросто живут, а не работают персонажами музея под открытым небом для привлечения туристов... Хотя Сварог, побывавший во многих городах Талара, удивлен тем фактом не был. Видали города и похуже.

– И где тут изволит жить знаменитый мастер Пэвер? – негромко спросил он. Его лошадка брезгливо перешагнула через лужу нечистот (которой, судя по запаху, было недели две от роду, не меньше).

– Дом шестнадцать по улице Гончаров, – ответила Клади. – Вон туда нам, я покажу.

Митрак, судя по всему, переживал не лучшие свои времена. Многие жилые дома и лавки были брошены – двери заколочены, ставни на окнах закрыты, – лица редких прохожих озабоченны и безрадостны. И никто не проявляет к двум гостям столицы ни малейшего интереса. Один раз за путниками увязалась ватага пацанов в штанишках до колен. Мальчишки бежали за ними два квартала и выкрикивали какие-то стишки – должны, наверное, быть обидными для святого человека, Сварог не уразумел, – а потом отстали. В центре

города возвышалось величественное в своей уродливости строение – многобашенный дворец за высоченной, поднимающейся над крышами прочих домов, каменной стеной, выкрашенной в отпугивающе багровый цвет.

– Дворец Саутара, князя Гаэтаро, – объяснила Клади.

– Да, тяжело живется вашим правителям, – сказал на это Сварог, разглядывая неприступный бастион. – Боятся народных волнений, что ли? Ишь как окопался...

Сварог поначалу разглядывал жителей чужого мира с любопытством, однако вскоре понял, что ничего эдакого и в атарцах он не обнаружит. Люди как люди, даже одежда похожа на таларскую: кое на ком из мужчин военная форма, кое-кто с тросточкой, кое-кто при шпаге; женщины в основном – в длинных светлых платьях с открытыми плечами, в неохватных шляпках... Жители побогаче степенно двигаются по середине тротуара, победнее – стараются держаться стен, хорошенькие служаночки торопятся с корзинками по своим делам, возницы карет покрикивают на зазевавшихся пешеходов, где-то гавкает собака, в переулке дородный господин методично лупит тростью какого-то оборванца (причем оба не издают ни звука), стражники в кожаных доспехах и островерхих шлемах с алебардами в руках и с автоматами на плече чинно и гордо шествуют мимо... Стражники с алебардами и автоматами – зрелище, конечно, забавное, но не более того. Ну не было в городе ничего особенного, не было, и хоть ты тресни. На Земле такие, наверное, еще остались, а про Талар и говорить нечего... Скучно, господа. И если вскорости не отыщется пресловутая Тропа, давешняя хандра не заставит долго себя ждать...

На очередном перекрестке они попали в пробку: городская стража грузила в местный аналог воронка нарушителя общественного спокойствия. Нарушитель – седовласый старец в красно-сером плаще – вырывался и надрывно кричал в толпу зевак: «Грядет, грядет гибель!.. Нет спасения!.. Я видел знаки!..» Но потом дедушку упаковали и увезли, толпа разошлась, и они продолжили путь.

Клади, очевидно, вела его небедными кварталами – никто помой на голову не выливал, не приходилось пробираться сквозь лабиринты вывешенного поперек улицы белья, не слышались пьяные выкрики и ругань, однако ж все равно впечатление от города складывалось унылое. Улочки то вели в гору, то круто спускались вниз, расширялись и сужались – так, что, вытянув руки, можно было коснуться противоположных стен, – пересекались под неожиданными углами, и вскоре Сварог понял, что окончательно заблудился и что выбраться самостоятельно ему не удастся. Когда он уже совсем было заскучал и собрался спросить у Клади, дескать, доколе, они выехали на небольшую, относительно ухоженную площадь. Слева возвышалось веселенького розового цвета трехэтажное здание, огороженное невысокими столбиками с провисшими между ними цепями. «Заведение свободного общения госпожи Снежинки» значилось на витиеватой вывеске, и чуть ниже, буквами помельче: «С разрешения его светлости князя Саутара. Услуги за плату».

Справа виднелось приземистое строение, откуда даже в столь ранний час слышались громкие голоса и бречание некоего струнного инструмента. И без таблички «Дырявая бочка» над входом было ясно, что там внутри.

Тут Клади повела себя странно. Она уставилась на эту табличку в полном обалдении, шагнула было в сторону кабака, потом перевела взгляд на Сварога,

и в этом взгляде читались недоумение и сомнение. Потом она тряхнула головой, отгоняя какие-то посторонние мысли, и указала рукой на утопающий в зелени за высокой резной оградой особняк в три этажа и сказала:

– Вот дом мастера Пэвера. Тут он живет.

Сварог хмыкнул. Если на этой улице и жили гончары, то это было, пожалуй, в прошлом цикле...

– Слева бордель, справа кабак – неплохое соседство для многомудрого отставного генерала... Ну что ж, идем знакомиться.

Они оставили лошадок у коновязи и по гравийной дорожке, мимо аккуратно подстриженных кустов и деревьев прошли ко входу.

Построенный в стиле, весьма напоминающем барокко, бело-голубой особняк с колоннами казался необитаемым. Высокие стрельчатые окна были плотно закрыты тяжелыми гардинами, и изнутри не доносилось ни звука. Поднявшись по каменным ступеням крыльца, Сварог решительно постучал бронзовым молоточком. Тишина. Он задумчиво посмотрел на двух каменных собак, идиотически-радостно скалящихся с пьедесталов по обе стороны от входа, и постучал еще раз, громче. Из конюшни в глубине сада раздалось недовольное ржание.

Наконец тяжелая дубовая дверь открылась, и на пороге нарисовался худощавый долговязый парнишка. В безукоризненно сидящей ливрее, безукоризненно причесанный, с непроницаемым лицом, он производил бы впечатление идеального дворецкого, даже невзирая на свой возраст, но все дело портил наливающийся под глазом багровый бланш.

– Что вам угодно? – угрюмо осведомился дылда, оглядев гостей.

– Нам, собственно, угодно видеть мастера Пэвера, – вежливо ответил Сварог. – Дома ли хозяин?

– Нет, – буркнул отрок.

– Вот как? А когда соизволит вернуться?

– Не знаю. Может быть, завтра. Я передам. – И слуга вознамерился было закрыть дверь, однако Сварог быстренько сунул ногу в щель:

– А что именно ты ему передашь, позвол-ка узнать?

С парнишки на секунду слетела маска ледяного высокомерия, свойственная каждому уважающему себя дворецкому.

– Что к нему приходили двое, священник в камзоле и девка в охотничьем костюме, что же еще... Он вас примет, не беспокойтесь.

– Во-первых, – спокойно сказал Сварог, ноги не убирая, – не девка, а дочь уважаемого барона. Таго, во-вторых, не священник, а не кто иной, как граф Гэйр, барон Готар собственной персоной. А в-третьих... в-третьих, у меня почему-то складывается такое ощущение, что ты врешь.

– Послушайте-ка, милейший... – собрав всю гордость в кулак, начал отвечать дворецкий, но Сварог перебил:

– Нет, это ты послушай-ка, милейший. Мы, видишь ли, проехали чертову уйму лиг... то есть этих... кабелотов, чтобы повидать мастера Пэвера по неотложному делу. И у нас, видишь ли, нет ни времени, ни желания лицезреть твою мерзкую рожу. Если ты немедленно не доложишь мастеру Пэверу, что к нему пожаловали с невероятно важным сообщением, я тебе, щенок, подарю второй синяк – под другим глазом, для симметрии... А потом еще и кишки на кулак намотаю, – вспомнил он глазастого стража. – Усекаешь, верста ты коло-

менская? Считаю до одного...

– Да что вы-то еще, в самом деле! – Парнишка сломался, прикрыл синяк ладонью и едва ли не расплакался. – А еще ругаются... Спят они! Как под утро на рогах приползли, так еще и не вставали! Мне с порога в репу – шась, и в койку...

Да, это было неожиданно. Почему-то мастер Пэвер, суб-генерал в отставке, всю дорогу представлялся Сварогу этаким убеленным сединами, увешанным боевыми наградами ветераном, в тиши кабинета корпящим над мемуарами и учебниками для курсантов. На крайний случай – проводящим время за мирными беседами о боевом прошлом с такими же, как он сам, отставниками... Но уж никак не на рогах приползающим домой к рассвету.

– Ага... – несколько ошарашенно сказал он. – Ах, в этом смысле... И что, долго они обычно почивают?

– Это уж как получится, – ответил парнишка и совсем по-детски утер нос рукавом. – Смотря чем вечер закончился.

– Поня-атно... – сказал Сварог и повернулся к Клади: – А это точно тот самый Пэвер, отставной вояка? Ты ничего не напутала?

– Так кто ж еще, – шмыгнул носом дворецкий. – Другого такого отставного поискать...

Сварог собрался с мыслями. Ну, генерал не генерал, гуляка или нет, а покойный барон направил его именно сюда. И больше Сварогу покамест податься некуда. Он вновь обернулся к дворецкому и ласково сказал:

– А знаешь, отрок, я хоть и святой человек, но в репу тебе, пожалуй, все же дам.

– Это за что это? – угрюмо спросил отрок. – Я щас стражу позову...

– Ну, пока твоя стража добежит... А дам я тебе в репу по той простой причине, что неприветлив ты с путниками. И дам я тебе в репу потом, если мы вернемся и не застанем хозяина дома, бодрствующего и готового принять гостей. Улавливаешь мысль? Ты уж постарайся, сделай все, чтоб хозяин был дома и ждал нас. А лошадок мы тут оставим, ничего?

– А если они к вашему приходу не проснутся? – логично обеспокоился дворецкий.

– Если не проснутся, придется будить, – твердо пообещал Сварог. – А ты ему вот что, ты, ежели проснется до нас, передай своему полководцу, что для него есть новости, от которых ему спать вообще навсегда расхочется. Запомнил?

– Так чего ж не запомнить...

– Вот и хорошо.

Сварог убрал ногу, дверь закрылась. Он повернулся к Клади и развел руками.

– Дела... И часто наш многомудрый в запой уходит?

– Барон говорил, что как со службы его выгнали, так и куролесит.

Сварог вздохнул.

– Ну, делать нечего, придется обождать. Как думаешь, в этой «Дырявой бочке» прилично кормят?..

И опять Клади непонятно посмотрела на него – то ли со страхом, то ли обреченно...

Глава восьмая Пикейные жилеты местного разлива

Уже по одной вывеске на воротном столбе можно было заключить, что трактир, а точнее – постоялый двор, не захудалый. Застывшим флагом простиралась над входом ажурная картина из кованой бронзы: пенная струя хлещет из пузатой бочки и попадает в распахнутый рот счастливого пьянчуги. Постоялый двор окружал высокий забор из дубовых кольев, который при необходимости легко превращается в первую полосу оборонительных укреплений. Прибитые над крыльцом бронзовые буквы, надраенные, как корабельный колокол у хорошего боцмана, складывались в название «Дырявая бочка». Двор чисто выметен, коновязь мало того что не перекошена, над ней даже сооружен навес, для лошадей приготовлено сено, крыльцо обходится без последствий трактирных драк и прочих пьяных неводержанностей – за всем чувствуется прочный хозяин и крепкий доход.

Имелся и вышибала. Он вроде как дремал на скамеечке за входной дверью, сложив руки на груди. На позвякивание дверного колокольчика приоткрыл один глаз, равнодушно обежал им новых посетителей и опустил веко, тем подтверждая, что вышибалу в трактире священниками не удивишь.

Сварога заспанный вид трактирного привратника не обманул. Жилистые руки выдавали силу, набитые костяшки – частые тренировки, а в мельком брошенном взгляде полыхнула искра мгновенной пристальной оценки. Скорее всего, из бывших наемников. Раз на планете сосуществуют разные государства, они не могут не воевать, а значит, должны быть и наемники. И куда-то же они должны пристраиваться в мирное время...

Так же никакой ажитации приход священника и юной охотницы не вызвал и у трактирных гуляк, хоть обижайся. Лениво посмотрели, кто вошел, и снова отвернулись. Да и вообще гуляк заметно больше занимало другое. Они скупились вокруг человека, перед которым на столе лежал портяночного размера лист бумаги. Лист очень знакомого облика – шрифт, столбцы, заголовки, выделенные отступами и толщиной букв, – как не признать газету. Любопытно...

– Вранье! – кричал кто-то рядом с газетой. – Я вам всегда говорил, что Шадтаг скупает Нур по кусочкам. Вот еще доказательство. Только Шадтагу на руку подобные сплетни!

– Уймись, Хорг, – перебил крики густой, спокойный бас. – Вечно ты во всем видишь руку Шадтага, даже в скисшем вине. Читай дальше, Базель.

– Вас дурят, чтоб в один прекрасный день скупить по дешевке со всеми потрохами, – не унимался Хорг.

На небольшом возвышении в глубине постоянного двора восседал на табурете колоритнейший тип: волосы до плеч, рубаха на груди расстегнута, обнажая волосатую грудь, в ушах блестят золотые и серебряные серьги, на шее тоже блестит что-то драгоценное, и на запястьях тоже... На коленях тип держал инструмент, напоминающий помесь лютни и гитары, и, вдумчиво перебирая струны, пел негромко, но задушевно, пел явно для себя, а не для собравшихся:

*Триумф в былые времена
Справляли в честь побед военных.
По городу водили пленных
И пели гимны дотемна.*

Крича героев имена,

*Трофей несли до мест священных,
Знамена вешали на стенах
И выбивали письма.*

*Мне не нужна такая слава.
Я за собой не знаю права
Водить на привязи людей.*

*Скорее сам, вздыхая тяжело,
Пойду за ней, в ее упряжке,
– Вот мой триумф и мой трофей.*

А в соревновании трактирных запахов уверенную победу одерживал аромат жареного мяса. Сварог услышал требовательное урчание своего желудка, перебившее трактирные шумы. Перипетии последних суток требовали возмещения потраченной энергии. Глаза застлало видение хрустящей корочки со стекающими по ней капельками жира. Предложи кто сейчас на выбор: не евши переправляться на Талар или полную неопределенность после сытного обеда, – еще неизвестно, что Сварог выбрал бы...

Они пересекли зал и присели за свободный стол. Клади сняла арбалет и аккуратно пристроила его у стула. Половой не заставил себя ждать, выскочил чертом из табакерки, согнул над столом гибкий позвоночник.

– Чего изволите?

Клади еще раньше предупредила Сварога, что священники на Димерее вина не употребляют: вера не велит. «Это вы перестарались», – вслух огорчился лорд Сварог. Ладно хоть никакого поста нынче не случилось, запрета на мясо он бы не перенес. И пожалел, что не сменил цвета камзола на более нейтральные.

Сварог заказал нечто под многообещающим названием «Удачная охота», что явственно подразумевало под собой наличие мясных ингредиентов. Клади поначалу есть вовсе отказалась, но потом усталость и голод взяли свое, и она попросила себе каркарот (как выпросил Сварог чуть позже, так назывались фаршированные рисом и овощами баклажаны – одно из любимых местных блюд).

– А запивать чем будете? – половой не удержал в себе ехидную улыбку. – Есть вода ключевая, вода кипяченая, молоко козье, молоко коровье, хвойный отвар...

Сварог с отвращением слушал это перечисление и прервал на полуслове:

– Воду ключевую давай. И смотри кипяченой не разбавляй, знаю я вас, – добавил он.

У трактирного слуги аж отвисла челюсть. Забыв о заказах, он удивленно воззрился на Сварога. И, кое-как выйдя из ступора, поковылял на кухню.

Сварогу же оставалось самого себя ругать и самого себя оправдывать. Ну, не вжился в роль, не вжился, не Станиславский же, в конце концов. Надо было сообразить, что священники и юмор – две вещи несовместные, и что расшутившийся поп по воздействию на местных жителей эквивалентен заговорившему шкафу. Поаккуратнее надо с юморком, ваше небесное великолепие, не у себя на Таларе. Да, трудная роль досталась Сварогу в этом театре: вина не пей, шутки не шути, сигареты из воздуха не доставай... А в каком-нибудь всеохватном пророчестве небось не забыли предсказать и подобный случай: «когда мо-

нахи начнут шутить, разверзнутся небеса и из ночи в ночь явятся те, кто...»

Если б Сварог был городским стражником, то в «Дырявую бочку» в поисках безобразий и преступников заглядывал бы в самую последнюю очередь. Панорамное полотно «Добропорядочные бургеры на отдыхе» – вот как называлась картина, увиденная Сварогом. Похоже, заведение избрали для ежедневных сходбищ господ горожане из зажиточных и уважаемых: лавочники, ремесленники и городская интеллигенция. Кстати, а чего они посередь рабочего дня побросали лавки, ремесла и службу? Обеденный перерыв в общепринятое время, местный адмиральский час?.. Как же, перерыв: мало кто из них обеды лопают, все больше к кружкам прикладываются. Нет, скорее это напоминает экстренный сбор с приятным совмещением. Газета? Не иначе. Вокруг которой раскочегарился нешуточный спор. Ишь как разошлись. «Нас дурят, не собирается Шадтаг вывозить женщин и детей», – горячился все тот же Хорг. «Ты не прав, – возразил ему худой и бледный горожанин в черном сюртуке с форменными бронзовыми пуговицами. – Когда я служил при посольстве в Шадтаге, то своими глазами видел приказ канцлера. Настоящий, не поддельный». «В проклятой Гидернии могут подделать что угодно. Один гидерниец однажды хотел со мной расплатиться бадрасским золотым. Хорошо, я додумался под прилавком капнуть на него вытяжкой киренейского корня. На монету то есть. А так ни в жизнь не отличишь, с виду взаправдашнее золото», – поделился былым ужасом краснощекий толстяк, по виду типичный колбасник.

«Пикейные жилеты по-митракски, – поставил общественный диагноз доктор Сварог. – Цвет столичной интеллигенции, блин».

– Местная пресса отсутствует, а эту газету откуда-то доставляют? – наклонился он к Клади.

– Из Шадтага.

– Что случается, понимаю, не часто. И это целое событие в среде городской интеллигенции? Такое событие, ради которого бросают все дела, я прав?

– Да.

В который уж раз содержательного разговора не складывалось. Клади сидела как на иголках и беспрестанно метала выжидательные взгляды на лестницу, ведущую на второй этаж. Ничего подозрительного Сварог там не приметил, а поведение спутницы списал на шок.

В общем, о чем он мог бы узнать в непринужденной беседе, о том приходилось догадываться усилием мысли, прям как Штирлицу в тылу врага. Хоть спички на столе раскладывай или картинки с борманами рисуй. И вот мы догадываемся, что, если образованные, казалось бы, люди с такой жадностью набросились на газету, с информацией у них тут далеко не тип-топ, информационно голодают подданные князя, как там его. А почему, собственно? Вряд ли исключительно в Шадтаге издают газеты. Уж не потому ли, что портяночного вида листок – единственная дозволенная правителем Гаэдаро газета, чьи публикации устраивают здешнюю власть? И раз так, значит, князь от чего-то оберегает своих подданных. Интересно знать, от чего...

Прискакал трактирный служка и сгрузил с медного подноса кувшин с ключевой водой, кружки и всякую мелочь вроде сыра, хлебных лепешек, похожих на лаваш, и плошки с соусом.

А вокруг газеты чудесным, прямо-таки магическим образом улеглись прения. Чтец торжественно, с осознанием собственной значимости в каждом

движении, приподнял типографский лист. Прокашлялся. Еще немного потомил слушателей, поправляя очки.

Сварогу ничего не оставалось, как прислушиваться и посматривать, макая хлеб с сыром в соус (такой способ обращения с продуктами здесь в порядке вещей – Сварог прежде поглядел по сторонам).

– «Зов в никуда». Заголовок, – пояснил аудитории чтец, вскинув глаза над очками.

– Ха, неплохое название для трактира!

– Хорг, ты заткнешься или нет?

– Молчу, молчу...

– «В Пантоге и Пангерте вновь замечены Зовущие. Ловкость, с которой те уходят от городской стражи, доказывает, что они не кто иные, как опытные мошенники. Еще раз предупреждаем: не верь их рассказам о том, что грядет конец света, когда мир уйдет под воду и над водой останется лишь один-единственный клочок земли. И, дескать, только им, Зовущим, явлено свыше, где именно лежит та земля. Нет никаких сомнений, что, уводя с собой доверчивых людей, они приводят их в разбойничью ловушку, убивают и отнимают все добро, взятое людьми с собой в дорогу...»

– Да? А откуда эти писаки знают, что Зовущие врут? «Нет никаких сомнений», тоже мне... А вдруг и правда Атар целиком не утонет? Ведь никто ж не знает...

– Как же, жди, не утонет...

– А может, на этот раз вообще пронесет, а?..

Сварогу принесли его «Удачную охоту», дразнящую ноздри ароматом специй. Что ж, очередной обед на Димерее обещает очередное гастрономическое удовольствие. Хлеб горячий, сыр жирный и ароматный, мясо наисвежайшее – так и должно быть, раз заведение делает ставку на городскую элиту. Маргиналов сюда не пускают не только цены, но и вышибала, в чем, наверное, и состоит его главная обязанность. Обязанность же Сварога на эту минуту – одолеть блюдо при пособничестве бронзового ножа и двузубой вилки. Ну и, раз так повезло, можно послушать, чем угощает здешняя пресса.

– Вы слушать будете или нет?

– Читай, читай...

– Другая статья. «В Пордаге задержан нурский шпион, который распространял слухи о том, что он якобы один уцелел из своей деревни, находившейся вблизи границы с Шадтагом. Якобы он вернулся с охоты, вошел в деревню и нашел односельчан обезглавленными. Якобы всех, включая детей. И якобы ладони у всех были черные, словно вымазанные в дегте. А потом якобы пошел черный снег. И он в страхе бежал куда глаза глядят, незаметно перешел границу и оказался в Пордаге, где якобы сам сдался властям».

«М-да, – подумал Сварог, разрезая нежное розовое мясо, – если газета вся состоит из рассказиков в духе скверной помеси Джека Лондона с Эдгаром По, то не газета это получается, а сборник баек, которые журналисты выдумывают за стаканом вина в соседнем подвальчике, и всерьез обсуждать такую газету могут лишь люди, начисто оторванные от новостей большого мира. И опять-таки встает вопрос: с какой целью местное министерство правды оберегает местную же интеллигенцию от реальной информации?»

– «Сообщает наш фагорский изветчик. Король Фагора Михлест Четвертый

вместе с супругой, детьми, всеми родственниками и двором отбыл на морскую прогулку. Отъезд происходил без обычной пышности. В море ушел весь королевский флот под охраной эскадры адмирала Кортая. Маршрут и продолжительность прогулки неизвестны». – И утомившийся чтец аккуратно опустил газету на стол, потянулся к глиняной кружке.

Видимо, уговор позволял в подобных случаях выражать свое отношение к последним известиям. И слушатели принялись выражать.

– Нет, неспроста это! – грохнул кулаком по столу горожанин с телосложением кузнеца, отошедшего отковки и заплывшего руководящим жирком. – Что-то готовится! Что-то будет! Разве происходило на вашей памяти столько всего зловещего и таинственного, разве стучались когда-либо над головами столь мрачные тучи! Что-то будет!

– Ну, не конец же света! – хмыкнул некто, сидящий к Сварогу спиной. Прочие же, стоило прозвучать словам «конец света», покосились на столик, приютивший «священника» и его спутницу.

– Конец не конец, а войны не миновать, – философски заметил сухонький старичок с внешностью академика Павлова, ковыряющийся в зубах заостренной щепкой. – Верно вам говорю.

– Конец света – это происки Нура, – отчеканил бледный горожанин в черном сюртуке. По тому, как враз вокруг уважительно примолкли, стало ясно, что в исполнении человека от власти звучит официальная, правильная позиция, которой следует придерживаться, чтобы избежать неприятных распросов в подвалах здешнего НКВД. – Шпионы Нура сознательно сеют панику и ужас. Их цель – добиться хаоса, подорвать порядок в Гаэдара, а также в дружественном нам Шадтаге, и во время беспорядков подло напасть. Я боюсь, шпионы Нура не просто отравили Руану, о чем пишет «Шадтагский вестник», они опробовали новый яд. И я призываю подумать об этом. Не просто подумать, а серьезно! Не пора ли организовывать дружины по охране колодцев?

Прочие пикейные жилеты примолкли, потупились, словно провинившиеся школьники.

«Ребята, – сказал бы им Сварог, если б эти проблемы его хоть как-то волновали, – вы б лучше пораскинули умом над некой несообразностью. А именно над тем, что вам дозволено читать всего одну газету. Если уж отсутствует местная пресса, а чужого, разлагающего влияния мы боимся, то на кой вообще смущать умы? Почему не запретить и эту? Сославшись на коварных нурских шпионов, установить режим полной изоляции от внешнего мира – оно же гораздо проще. Не мое это, конечно, дело, но интересный простор для раздумий, между прочим, открывается. Наводит, знаете ли... Философски подходя, если что-то разрешают, если что-то сознательно усложняют, значит, кому-то это очень нужно. Скажете, политический реверанс в сторону Шадтага – дескать, вот как мы вас любим, что нисколечко не боимся вашей пропаганды? Только сдается мне, нет никакой нужды в реверансах, никто от того ничего не выигрывает. А вот если предположить нечто, с первого взгляда невозможное и немислимое... Впрочем, не мое это дело, ребята...»

– Г-хм, – кашлянул в кулак отдохнувший и промочивший горло чтец, – я продолжаю... «В Рингаре приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный торговому министру города Рингара Сагу Индарну. Напоминаем, что Саг Индарн закупил у Гидернии пятьдесят опреснителей. Суд установил, что

министр вступил в сговор с гидернийскими торговцами, получив от них солидную мзду за партию неисправных опреснителей. Преступники надеялись, что правда не откроется, но опреснители проверили и из пятидесяти ни один не работал. Саг Индарн был повешен на центральной площади Рингара...»

– Все зло от гидернийцев, точно вам говорю! От них, мерзавцев, и от Нура...

– Слушай-ка, – вдруг сказала Клади, наклонившись к Сварогу. – Поверишь или нет, но... Честное слово, я и понятия не имела, что он живет здесь, рядом с Пэвером...

– Кто?

– Один... Один человек. Здесь, в «Дырявой бочке». В восьмом номере. Только не спрашивай меня, кто он. Я его никогда не видела, как зовут – не знаю...

Сварог прищурился. Она не врала. Пока не врала, по крайней мере...

– И что ему от нас надо? – спросил он. – Или – нам от него?

– Точно не могу сказать... Но, возможно, он поможет тебе лучше, чем суб-генерал...

– М-да? И кто ж таков?

Вновь звякнул дверной колокольчик. Клади выронила вилку и выпрямилась на стуле. Сварог недоуменно проследил за ее взглядом. В трактир вошли трое. Прямоком от порога, не задерживаясь, не осматриваясь, застучали сапогами по половицам к угловому столику.

Что гости не простые смертные, явствовало уже из того, как они одеты и как держатся. Вдобавок из трактирных глубин выкатился радушным мячиком сам хозяин и торопливо засеменял к дорогим гостям, растягивая пухлые щеки солнечной улыбкой. Что-то такое знакомое почудилось Сварогу в их походке... в лицах... Он наклонился к Клади:

– И кто это у нас будет?

Клади сидела напряженно, не сводила глаз с вошедших.

– Да Олес же, мразь. Твой старый знакомый...

Ах, вот кого принесло! Ну да, лес, драка и так далее... Сварог с интересом уставился на вошедших.

Где княжий сынок, где приятели, разобраться труда не составляло. Один в троице заметно выделялся – надменностью взгляда, количеством перстней, наконец, породистым лицом и тем, как двое других на него смотрят.

Что примечательно, трактирная публика не вскочила, роняя лавки, чтоб согнуться в почтительных поклонах. Дневные гуляки напомнили Сварогу участников детской игры «Раз, два, три, морская фигура, замри». При появлении наследника местного трона интеллигенция на секунду-другую окаменела, потом, словно прозвучала команда «Отомри», как ни в чем не бывало вернулась к прерванным занятиям. Лишь, пожалуй, потише теперь звучал голос декламатора, перевернувшего страницу:

– А вот еще интересная статья. «Мели и водовороты». Это название. Так, подпись под заголовком: «Сообщает наш извetchик, вернувшийся из путешествия по реке Руана, которое он совершил на пароходе „Герцог Джунгар“». И вот о чем он извещает, господа: «...Я был беспечен и втайне подсмеивался над нашим капитаном. Капитан Бильг с момента отплытия был сумрачен лицом и не сходил с мостика, с тревогой оглядывая берега. На мои вопросы он отвечал, что в последние дни слишком много всего странного происходит на реке, нурские прохвосты снова взялись за свое. А еще, добавлял капитан, дурные

приметы предшествовали отплытию. Например, лопнул причальный конец. А боцман клянется, что пугнул на палубе крысу, и та не шмыгнула в одну из корабельных щелей, а прыгнула в воду. Моряки – люди чрезмерно суеверные, поэтому я отнесся к словам капитана без должной серьезности. Но очень скоро, на второй день пути, мне пришлось убедиться в его правоте. Мы отошли от города, где пополнили запас угля, прошли всего четыре морских лиги...»

Или так заведено в этом трактире, где сынок завсегдатай, или местные обычаи не принуждают простолюдинов в значных местах к поклонам и иным приветствиям, – вникать Сварог не рвался. Развлекайтесь вы, как хотите, господа иного мира, а я бы поскорее свалил от вас...

Сварог, продолжая трапезу, искоса поглядывал на престолонаследника. Поглядывал не из праздного любопытства – дескать, ну и что у вас здесь за князя водятся, лучше или хуже нашенских, – а узнает или нет, вспомнит ли трогательную встречу на лесной дороге, а если узнает, то придется ли вновь воевать. Вот Сварогу, например, драка сейчас совсем не нужна. Отвести, что ли, ему глаза и под шумок улизнуть? Унизительно как-то, знаете ли, бегать от щенка...

Наследничек сидел к Сварогу спиной. Безупречная осанка истинного аристократа – хоть линейку к позвоночнику прикладывай, горделивая посадка головы, кулак, упертый в бок.

От столика (который, думается, навечно был закреплен за князем чадом) откатился трактирщик, засеменял отдавать приказание службе доставки и угождения. Скучающие приятели молодого князя завертели головами. Ага, вот один из них заметил Сварога, вздрогнул, толкнул другого, тот тоже уставился. В один голос оба забормотали что-то княжескому сынку, тыча пальцами в сторону Сварога, сынок обернулся...

Взгляды Сварога и наследничка скрестились. Вне всяких сомнений, Сварог тоже был опознан. М-да, я встретил вас и все такое, узнавание может быть чревато, может, и отсюда придется прорываться с боем.

А пока Сварог и молодой князь фехтовали взглядами. Сынок произнес что-то резкое, после чего его тараторящие приятели враз замолкли. Потом Сварог, словно вкладывая шпагу в ножны, опустил глаза на блюдо, над которым подымался ароматный пар, – мол, на данный момент, ваше высочество, меня больше занимает «Удачная охота», уж больно вкусная, зараза, так и тает во рту.

– «...А потом грянул ливень, под какие я никогда не попадал и о каких даже не слышал...»

Занимаясь блюдом, Сварог краем глаза отслеживал стол с новоприбывшими гостями. Вот князек поднялся. Один. Направился к их столу. Сел на лавку напротив Сварога, разумеется, разрешения не спрашивая. Сварог вскинул на него глаза.

– Привет, Клади. Здорово, святой человек.

– Какого дьявола тебе еще надо? – прошипела Клади. – Или опять захотел по морде получить?

Сварог собрался. Без драки не обойтись, ежу понятно. Если сейчас этот щенок скажет...

– Да ладно тебе, подруга, – вдруг примирительно сказал щенок. – Ну выпимиши я был. Виноват, больше не повторится, прошу прощения, искуплю, оправ-

даю и докажу... – Он вознамерился было положить ладонь на руку девушки, но та резко руку отдернула. – Давай в сем пристойном месте не будем затевать свару, а? Ну погорячился, ну бывает. Не хочешь замуж – как хочешь, неволить не стану. Меня сейчас больше твой дружок интересуется...

Он с любопытством посмотрел на Сварога, и Сварог решил пока с броском погодить. Как видно, юнец не для заводки подсел к их столу, что-то он явно имеет сказать...

– Думаешь, тебя спасет закон, уравнивающий все сословия на земле, которая принадлежит увеселительным заведениям? Для нурских шпионов закон один: ловить и вешать, – ни намек на усмешку на узком вытянутом лице с юношеским пушком на верхней губе.

Сварог предостерегающе положил ладонь на колено Клады: чувствовал, что та сейчас без лишних разговоров заедет наследнику по мордасам. Ведь не все-рьез угрожает молокосос. Угроза – это так, посмотреть, как поведет себя храбрый рыцарь лесных дорог. Просто Сварогу дали понять, что, дескать, я тебя признал и ты меня признал, и не надо по этому поводу юлить и изворачиваться, а лучше вырази-ка смирение и покорность.

Значит, вот оно в чем дело, закон у вас такой имеется, освобождающий от выражения почтения на веселых землях. Наверняка издан монархом, любившим инкогнито посещать места незамысловатых утех простонародья и не любившим, когда его во время этих вылазок шумно узнавали.

Ах, как изменилось бы выражение физиономии и тон, узнай молокосос, что перед ним сидит действительный король трех держав, властитель земель, на которых уместилось бы таких вот княжеств, что семечек в огурце, приближенный императрицы Четырех миров, начальник девятого стола... Однако вот беда, удостоверяющих документов Сварог с собой не захватил, а на слово ему, как ему кажется, никто не поверит. Значит, придется и дальше разыгрывать священника. Почему нет? Кто сказал, что служители божьи, даже непьющие, не могут умело постоять за себя? Везде есть свои монахи Шао-Линя...

В рамках роли Сварог смиренно ответил знатному молокососу:

– Будь я нурским шпионом, ваше высочество, давно бы уже глотал пыль дорог, ведущих в Нур, а не разгуливал бы по городу.

– И кто ты тогда, если не нурский шпион? Почему вырядился попом?

«Он же видел меня в деле, – подумал Сварог, – должен осознавать, что я его, дружков и вышибалу заодно раскатаю по стенам за минуту. Конечно, пикейные жилеты поднимут переполох: „Сына князя убили!“, город закроют и выбраться из него будет нелегко. Но ему-то уже никто не поможет. Зачем же он на рожон прет?»

– Я, ваше высочество, как вы изволили заметить, святой человек. Я далек мыслями от Нура и прочей мирской суеты, мой взор обращен...

– Хватит, – сказал княжеский сынок, навалился локтями на стол, потом вдруг опомнился, отдернул их, осмотрел, не запачкал ли камзол плебейской грязью, потом, видимо, махнув рукой на мелочи жизни, навалился вновь. – Ты же понимаешь, что если я захочу, ты прямо из этого трактира переберешься в Пыльный подвал. И никакие метатели серебра тебя не спасут. Только не говори, что не слышал о Пыльном подвале. Там из тебя клещами вырвут исповедь, правдивей, чем предсмертная. Не лучше ли здесь поговорить начистоту, а, святой человек?

Сынок, конечно, напирает, но вот на донце глаз проскакивают, как уклеи-ки в иле, искры... не испуга, нет, но – неуверенности. Которой вроде бы не должно быть, когда прешь этаким танком на дзоты. Нестыковочка. А вот что за ней кроется, какой такой пакет предложений? Должен быть пакет, должен, иначе ни к чему весь предыдущий разговор...

– Не понимаю, ваше высочество, в чем вы меня подозреваете?

– Церковников я здесь насмотрелся. Ты такой же церковник, как вот эти ко-столомы – рыцари Ордена чести и благородства, – показал он на своих друж-ков, хмуро разливающих принесенное вино. – И не надо мне растягивать уши, что ты из далекой обители, расположенной высоко в горах на ничейных зем-лях, и просто забрел в гости к братьям по вере. Мол, у вас там в горах все та-кие. Не надо. Я тебе не какой-нибудь помойный гриб, чтобы покупаться на гнилую метель.

Сварог усмехнулся про себя: «А престолонаследник, похоже, немало време-ни проводит в изысканном кругу местного отребья, знатно оборотов понахва-тался, не все и поймешь...»

– И кто же я, ваше высочество, по-вашему, нурский шпион и никак иначе?

Честное слово, а ведь даже приятно было валять дурака и строить из себя этакое смиренного священника. И притом знать, что в любой момент мо-жешь обработать наследничка, как бог черепаху, не вставая со стула. Забавно, знаете ли, иногда сменить амплуа...

– Про нурского шпиона ты им будешь рассказывать, – презрительно мот-нул сынок острым подбородком в сторону пикейных жилетов. – Я тебе скажу, кто ты. Слышал я про вашего брата...

– Не изволите ли чего? – завис над плечом молодого князя трактирный служка.

– Пшел вон! – рявкнул наследничек, но вдруг одумался. – Стоять! Назад. Бу-тылку красного рокнейского, и поживее.

– «...Ливень начисто снес и фальшборт. Пароходная труба напоминала ре-шето, – декламатор пытался передать трагизм зачитываемого напряжением голоса. – Но самое страшное открытие ждало нас впереди...»

– Ты – тагорт, – шепотом произнес Олес, буравя Сварога взглядом. И во взгляде том распознавалась надежда на подтверждение. Несомненно, молодо-му знатному повесе страсть как хочется, чтобы Сварог оказался этим самым тагортом.

Сварог не воскликнул со всей искренностью: «Кто-кто?» Не стал разочаро-вывать княжьего сынка. Бросил лишь мимолетный взгляд на Клади: не под-скажешь, о чем это твой женишок? Клади открыла было рот, чтобы возразить, но передумала и уставилась на Олеса с таким видом, будто тот раскрыл страшную военную тайну, о которой до сей поры знали только двое: она сама и замаскированный под священника тагорт. Ага, решила подыграть сыночку. Что ж, и мы подыграем. Потому что сейчас выгоднее Сварогу иметь союзника в лице знатного отпрыска, чем врага. А там прорвемся.

Половой притащил бутылку и высокий стакан. Олес набултыхал себе поло-вину и плеснул в рот добрую половину.

– Хорошо, допустим, ты угадал. И что? – Сварог изобразил хитрую улыбку – мол, я еще ни в чем не признался, я еще раздумываю и прикидываю. И место-имение «ты» Сварог загнобил сознательно: взыграет ли аристократическая спесь

или сынок проглотит ее позывы ради цели?

– А то, – проглотив позывы, еще тише зашептал наследничек, – что для тебя есть работа, за которую ты получишь не жалкие крохи, какие перепадут от этой... – он, видимо, хотел произнести нечто унижительное вроде «девки», но в последний момент заменил на другое: – от прекрасной баронетты. Твоя доля обеспечит тебя до конца дней.

– Конца дней? – Сварог сбросил, наконец, образ святого отца и откинулся на спинку стула. Отправил в рот очередной кусок «Удачной охоты». – А как насчет конца света?

– «...Не отыскали мы и боцмана. Бесследно пропали штурман, второй помощник и несколько матросов, – в образовавшуюся за их столом паузу вклинился голос газетного чтеца. – А в машинном отделении нас встретило зрелище, которое никто из нас теперь не забудет до смертной черты...»

– Ужас! – не выдержал и нарушил уговор молчания впечатлительный здоровяк, похожий на кузнеца, отошедшего от дел. – Быть войне!

– Так я о том и толкую, – прошептал Олес. – Ты на своих Островах о «Парящем рихаре» слыхал?

– А как же, – снисходительно усмехнулся Сварог. – Тагорт я или нет?

– А знаешь, сколько папашка собирает древних предметов на нем вывезти?

– Слышал мельком. Ну и?

– «Ну и»... Я помогу тебе их умыкнуть у папашки, а ты поможешь мне добраться до Островов, идет? – на одном дыхании выпалил Олес.

– До Островов? – сощурился Сварог. – А тебе зачем на Острова... сын мой?

– Не крути, а? – скривил лицо Олес. – Сам прекрасно знаешь. В общем, так. Давай договоримся. Целый сундук древних предметов – в обмен на доставку одного скромного юноши на Острова. Ты же можешь замолвить за меня словечко, не обижу...

– Заманчиво, – протянул Сварог. – Но, как ты понимаешь, такие вопросы с кондачка не решаются, я должен посоветоваться с товарищами...

– Учти, времени мало, – напрягся молодой князь.

– Я понял... Давай сделаем так. Завтра в это же время здесь. Я попробую что-нибудь придумать.

– Договорились! – просияло чадо. – Выпьем?

– Запросто.

Они чокнулись и выпили вино, и мальчишка окончательно утвердился в мысли, что священник перед ним замаскированный. Казачок засланный...

– Все, последняя страница, – сложил газету чтец. – Объявления. Читать?

– И что там?

– Там... «Продаю»... «Продаю»... Опять «продаю»... Дом, платье, мебель мастера Неврога, коллекцию золотых диадем. Так... Снова «продаю»... шкуру красного медведя, два десятка исправных гидернийских фонарей, писчую бумагу... Ничего кроме «продаю»... А, нет, есть одно «куплю». Оберег дагмортер, камень морского корня, книги о Бумаге Вагранна.

– Ха-ха, хорошо, что не саму Бумагу...

– Ну? – повернулся Сварог к Клади, когда ободренный обещаниями молодой князь вместе с дружкой выдвинулся из трактира. – Теперь рассказывай. Кто я такой и с каких таких Островов приехал.

– Это легенда, – вздохнула Клади... – Согласно легенде, на Димерее существуют-таки области, которые вообще не погружаются в океан, ни раз в пятьсот лет, ни раз в пять тысяч. Правда это или нет, никто не знает, но упорно говорят о том, что в океане есть Блуждающие Острова, плавучие, где живут люди. И эти люди, обладающие фантастическими способностями, иногда инкогнито приезжают на материк, ищут, собирают, покупают, крадут и выменивают предметы, оставшиеся от самой первой цивилизации Димереи, обитавшей до наступления Тьмы. Зачем-то островитянам нужны эти предметы, то ли ностальгия, то ли еще что. Разумеется, этих ребят, тайно посещающих Атар и в народе называемых тагортами, видели и даже общались с ними исключительно знакомые приятели жены соседа, но слухи о них тем не менее не прекращаются вот уже несколько столетий...

– Все страньше и страньше... – задумчиво проговорил Сварог. – Значит, он меня принял за островитянина? Надо будет это обдумать... – Он подхватил бутылочку, оставшуюся от Олеса, заткнул пробкой и небрежно сунул в карман: чуяло его сердце, что пригодится. – Ну что, – повернулся к Клади, – пора бы и проснуться нашей красавице. Пора бы и совесть поиметь. Вечер скоро. – Он щедро отсыпал из кошелька центавров на стол (справедливо рассудив, что этого должно хватить и на завтрак, и на чаевые) и поднялся. – Вперед.

Но Клади продолжала сидеть, нерешительно глядя на лестницу на второй этаж. Потом перевела взгляд на Сварога.

– Стой. Погоди-ка... Давай все же поднимемся в номер восемь, а?

– И ты уверена, что там мне помогут? – помолчав, вкрадчиво спросил Сварог.

– Не уверена. Но попытаться можно...

– И что это за таинственный спаситель, ты мне сказать не можешь.

– Не имею права. – Ее взгляд стал умоляющим. – Ну не спрашивай у меня сейчас, ладно? Когда наступит время, я тебе все расскажу. Обещаю.

Она явно что-то не договаривала. Но Сварог и на этот раз лишь смиренно пожал плечами. То, что вокруг него ведется какая-то подковерная возня, ясно и ежу, а ему, Сварогу, остается только наблюдать и собирать информацию... В конце концов, чем больше информации, тем богаче выбор действий, не так ли? Что ж, давайте посмотрим, что за персонаж еще вступает в игру.

...Остановившись у двери с деревянной табличкой, на которой была аккуратно выжжена цифра восемь, Клади легонько постучала – пять раз, с разными интервалами. Подождала немного, постучала опять – с тем же результатом. Тогда она легонько толкнула дверь, и та медленно, бесшумно начала отворяться в темноту. И еще до того, как дверь открылась полностью, Сварог даже не спинным мозгом, а каким-то восемнадцатым чувством ощутил некую неладность. О которой даже Клади пока не подозревала. И машинально собрался, приготовился, как перед прыжком, сжал шаур, лихорадочно пытаюсь понять, выделить источник беспокойства. Это не было чутьем на опасность – проклятое чутье по-прежнему молчало, – это было выработанное годами предчувствие угрозы... А когда Клади на пороге вдруг застыла и с сипом втянула в легкие воздух, будто собираясь закричать, раздумывать, что да почему, времени не было: на лестнице отчетливо слышались неторопливые шаркающие шаги – кто-то из постояльцев, отзавтракав, возвращался к себе в опочивальню. Повинуясь не разуму, а инстинкту, Сварог сграбастал Клади в охапку, за-

жал ладонью рот – чего доброго, действительно заорет, – резко втолкнул внутрь. Ногой осторожноенько прикрыл за собой дверь, вслушался.

Невидимый постоялец, беспечно напевая под нос:

*В кофейном фраке юный франт
У подоконника зевает.
С бананами официант
Расправиться не поспекает...*

— прошаркал мимо, потом заскрежетал ключ в замочной скважине соседней двери...

*Она и дама трэф в плаще
Сплетают ласок постоянство,
От сцены сей детина щель
Рта разевает и в пространство...*

– и тут все стихло.

– Ну, ну, – зашептал Сварог на ухо яростно вырывающейся Клади, – спокойнее, все нормально, я тебя сейчас отпущу, ты ведь кричать не будешь, ни к чему нам крики...

Продолжая нести всякую успокоительную чушь, он быстро огляделся.

В простенькой, без особых изысков, комнате царил полумрак – шторы на окнах были плотно задернуты. Комната как комната: аккуратно застеленная кровать у правой стены, платяной шкаф, небольшое бюро возле окна – короче, обыкновенная дешевая мебелирашка. То есть была бы обыкновенной, если б не одна незначительная деталька, которой, по идее, в приличных гостиницах нет и быть не должно: посреди комнаты, раскинув руки, навзничь лежал человек в разметавшемся по полу сюртуке. Молодой, лет тридцати, светловолосый, с небольшой аккуратной бородкой – той, что на Земле зовется шкиперской...

Так. Так-так...

Начинается.

Влипли в очередной раз.

Клади наконец утомилась, и Сварог рискнул разжать захват. Она отпрыгнула в сторону, резко развернулась на полусогнутых – сиреневыми крыльями взметнулся подол балахона – и в странном жесте выставила руки перед собой...

Кричать она, оказывается, и не собиралась. Преображение, с ней произошедшее, было столь разительным, что Сварог, признаться, на миг замер в полном ступоре. Убитая горем от смерти отчима девица исчезла – на ее месте теперь яростно сверкала зелеными кошачьими глазищами суцая валькирия, жутко прекрасная и жутко опасная. Более того, Сварог вдруг сообразил, что она приняла стойку – ему напрочь не знакомую, но грамотную, несомненно боевую и, судя по расположению рук и ног, отнюдь не оборонительную...

– Если ты еще раз схватишь меня, я тебя убью, – выделяя каждое слово, прошипела Клади. – Если ты еще раз зайдешь ко мне со спины, я тебя убью. Если ты еще раз коснешься меня, я тебя убью.

Сварог секунду тупо таращился на нее, потом сказал негромко, показывая ей пустые ладони и стараясь сохранить каменное выражение лица.

– Виноват, больше не повторится. Прошу прощения, искуплю, оправдаю и

докажу... А тебе не кажется, баронетта, что сейчас не место и не время, а?

Клади медленно опустила руки и вроде бы немного расслабилась.

– Извини. Просто столько смертей за один день... Посмотри, пожалуйста, что с ним. Может быть, еще что-то можно...

Сварог секунду тупо таращился на нее, потом пожал плечами и наклонился к телу.

Увы, ничего уже было нельзя поделать. Человек на полу был однозначно и несомненно мертв. Стеклянные глаза невидяще таращились в потолок, серые губы были приоткрыты. На белом как мел лице застыло выражение безграничного удивления – удивления, но никак не страха. И, что характерно, ни крови, ни следов насилия на нем не наблюдалось. По крайней мере, на первый взгляд...

Вопросов в голове Сварога роилось множество, но пока он благоразумно молчал. Поскольку действительно – не место и не время.

Пока Сварог, стоя на коленях, осматривал тело, осторожно шарил по карманам трупа, автоматически стараясь по возможности не наследить, Клади быстро, но весьма толково обыскала комнату, двигаясь слева направо, и принялась выдвигать ящики бюро.

– Что там? – бросила она, не поворачиваясь.

– Мертвее не бывает, – ответил Сварог. – И, насколько я понимаю, совсем недавно...

Обычно в таких ситуациях именно в этот момент распаивается дверь и внутрь вваливается толпа представителей власти, имея целью непременно выяснить, зачем они злодейски убили благовоспитаннейшего господина обывателя... Однако и в коридоре, и за окном было тихо, лишь снизу, из трактира, доносился нестройный гул голосов. Живые благовоспитаннейшие господа-обыватели продолжали трапезничать и обсуждать свои насущные проблемы. Таинственный убийца мог быть где угодно, и среди них тоже...

– Тебе не кажется, что пора быстренько уносить ноги? – вполголоса поинтересовался он, поднимаясь и отряхивая колени.

Клади обернулась мельком и очень серьезно спросила:

– Ты умеешь заставлять мертвых говорить?

– Нет, – столь же серьезно ответил Сварог, вспомнив голову Гарпага. – А ты?

Клади ничего не ответила, словно Сварог стал для нее пустым местом. Она с задумчивым видом оглядывалась, закусив нижнюю губу. Потом взгляд ее просветлел, и она метнулась к кровати. Наклонилась, откинула свисающее покрывало... Сварог еще успел разглядеть светлый прямоугольник в темноте под кроватью – то ли ящик, то ли чемодан... и больше ничего разглядеть не успел.

– Не трогать!!! – заорал он.

Корабельным ревуном взвыло в голове чувство опасности, и тело само, не спрашиваясь у разума, бросило себя вперед. Он перелетел через труп, без всяких церемоний схватил Клади за шкуру и швырнул ее к двери. Дьявол, дверь открывается внутрь! Шепотом матерясь, Сварог рванул дверь на себя, толкнул валькирию наружу, вывалился сам. Захлопнуть дверь уже не смог.

Из комнаты в коридор беззвучно ударил сноп сине-желтого пламени, на миг высветив каждую трещинку на стенах. Здание вздрогнуло, точно рядом разорвалась авиационная бомба. Оба упали, с потолка посыпалась какая-то

труха, куски штукатурки. Бутылка красного рокнейского больно впилась ему в бедро, но, к счастью, не разбилась. Зато внизу, в обеденном зале, с грохотом и звоном повалилась посуда, кто-то испуганно завопил. Сварог обалдело помотал головой, выждал пару секунд, потом приподнялся на локте, огляделся. После ослепительной вспышки мир казался тусклым и бесцветным.

Это был не огонь – стена напротив двери не обуглилась, не загорелась и дыма не было... хотя из столь поспешно покинутой ими комнаты отчетливо тянуло гарью... и почему-то лавандой...

– Жива? – спросил он.

Клади встала на одно колено, охнула.

– Коленом ударилась, – поморщилась она и протянула руку. – Встать помоги.

– А я тебе говорил – надо ноги уносить.

Самообладание у нее было – робот бы позавидовал. И это, знаете ли, навело на некоторые неприятные подозрения. Она, разумеется, не ожидала увидеть в комнате труп, но и полной неожиданностью труп для нее не был. Она знала, что такое может произойти с обитателем комнаты номер восемь. Интересное кино...

Сварог помог ей подняться.

– Это что было?

– Не знаю. Очень похоже на... на Холодный Огонь Тигельда. Но кто это мог сделать?..

– Магия? – деловито спросил Сварог.

– Что же еще...

Сварог осторожно, из-за косяка заглянул в комнату.

Ему приходилось видеть квартиры после пожара – обугленная, черная, выжженная изнутри коробка, совершенно пустая.

Именно так теперь и выглядела комната. Бесследно исчезли кровать, шкаф, бюро, труп. В воздухе летали хлопья копоти, из разбитого окна тянуло сквозняком. Выжженная изнутри коробка...

– Ненавижу магию.

Дверь соседнего номера приоткрылась, и в коридор выглянул давешний позавтракавший обыватель. Увидел Сварога, спросил испуганно:

– Что это, ваша святость? Война, да?

– Землетрясение! – грозно рыкнул Сварог. – Никому не выходить! Идут спасательные работы!

Обыватель охнул и быстренько дверь закрыл.

– Надо уходить отсюда, – сказала Клади.

– А я что говорил...

Действительно, шум внизу усилился – в общем гуле уже можно было различить отдельные внятные выкрики, сейчас кто-нибудь наверняка бросится наверх – за вещами, а заодно и посмотреть, что случилось...

Сварог потащил девчонку в противоположный конец коридора – туда, где сочилось светом окно во внутренний двор.

Во дворе никого, сразу под окном виднеется пологий скат крыши какой-то пристройки – как будто специально для тех, кто соберется убить какого-нибудь постояльца и смыться по-тихому.

Они осторожно спустились на землю, перелезли через невысокий забор и

шмыгнули в переулочек. Там Сварог остановился, прижал Клади к обшарпанной стене дома, навис над ней.

– А теперь, душа моя, говори правду и только правду. Кто ты такая и зачем притащила меня в эту «Дырявую бочку»?

Девчонка, казалось, готова была расплакаться.

– Клянусь тебе, это случайность. Я и понятия не имела, что «Бочка» находится рядом с домом Пэвера...

А ведь не врет, пожалуй...

– И кто нас тут поджидал?

– Я не имею права говорить... Это не моя тайна. Просто поверь мне, что не хотела тебе ничего плохого...

Опять не врет, чтоб ей... Куда проще было бы, если юлила и выдумывала какие-нибудь небылицы...

– Кто устроил фейерверк в номере? Говори быстро!

– Не знаю, не знаю! – Вот теперь зеленые озера переполнились влагой, и по щеке покатила слеза. – Ты же видишь, я сама не ожидала такого... Я просто хотела познакомить тебя с тем, кто там жил. А вы бы уж сами разобрались...

– А что такое «Парящий рихар», ты тоже, конечно, не знаешь?

– Тоже...

Не врет? Не-а. Ну что за чертовщина, а? Сварог нахмурился. И что теперь прикажете делать? Удавить чертовку прямо здесь? Или выдать ее властям за попытку поджога постоянного двора? Никакой опасности она не излучает, может быть, просто запуталась девчонка в каких-то играх больших дядей...

– Слушай меня внимательно, – сказал он. – Сейчас мы пойдем к Пэверу, и ты будешь вести себя тихо-тихо и примерно-примерно. Это ясно?

Клади утвердительно всхлипнула.

– И пойдем мы с тобой не в этих нарядах, которые уже, боюсь, каждая собака в городе знает, а преображенные. Стой спокойно, буду творить тебе новое лицо...

Глава девятая Что-то наконец проясняется...

До особняка они добрались без приключений – благо было рукой подать.

У порога обители отставного генерала Сварог решил скинуть личины добропорядочного бюргера и его дородной женушки: в доме может быть полно зеркал, и если Пэвер углядит подлог, то у него появятся лишние причины не поверить ни слову из рассказа.

Изнутри особняка в ответ на стук молоточка донесся гневный рык: «Да сколько ж можно шляться-то?!..» – после чего дверь рывком распахнулась, и на пороге возник коренастый, плотно сбитый человек лет пятидесяти, облаченный в роскошный, небрежно запахнутый на груди халат и похожий на Леонида Броневого. Увидев гостей на пороге, он на миг замер с открытым ртом, потом горестно ухватил себя за длинный нос, испещренный заковыристым лабиринтом прожилок.

– Эт-того еще с утра пораньше не хватало, – простонал он. Колыхнулись розовые бульдожьи брылы, свисающие на плечи. – Аж целых двое... Вам-то что от меня надо?

От него на два кабелота окрест благоухало стойким перегаром.

– Нам хотелось бы видеть мастера Пэвера, в оном доме проживающего, –

вежливо сказал Сварог.

– Ну, я Пэвер, – буркнул громила, икнул и посмотрел за спины гостей. С тоской спросил: – А Мильда куда дели?

– Кого, простите?..

– Ну, этого... – Пэвер неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. Его халат был богато расшит множеством красивейших золотых птиц, спаривающихся в самых смелых и неожиданных позициях. При каждом движении хозяина птицы словно бы оживали и принимались спариваться, в общем-то, очень правдоподобно. – Денщика то есть моего. Сволочь редкая, я его за лекарством командировал – и как сквозь землю. Выпорю и уволю... Слушайте, – жалобно спросил Пэвер, – я вас приглашал вчера, что ли?

– Нет, мастер Пэвер, – сказал Сварог. – Мы пришли по собственной воле и по совершенно другому делу...

– И то хорошо. А пиво с собой есть?

Вместо ответа Сварог показал бутыль. Лицо коренастого просветлело, даже ежик седых волос, похожих на сапожную щетку, казалось, радостно воспрял.

– Так что вы молчите, морды мои дорогие, – ласково сказал он. – Милости просим со всем нашим радушием...

Они вошли. Обстановка в особнячке вполне соответствовала облику хозяина: скупой свет из-за задернутых гардин, распластанные шкуры каких-то животных на полу – при жизни бывших, очевидно, очень опасными и очень злыми, судя по размеру зубов, – громоздкая дубовая мебель, на стенах помятые краски, зазубренные мечи устрашающего вида, какие-то наградные листы, какие-то медальки на лентах, гербы, карты с разноцветными стрелками – направлениями атак и ударов, надо понимать...

– Вот сюда, наверное, заходите, а то наверху, это... не прибрано, – произнес Пэвер, открыл дверь в комнату, пропуская гостей. – Арбалет позвольте, сударыня? Оружие как-никак.

Клади сжала губы и отрицательно покачала головой:

– Извините, мастер Пэвер, нет.

– Н-да? Ну, как знаете... – Хозяин внимательно оглядел обоих. – Ох, чует мое сердце, вы не просто на огонек заглянули выпить-закусить, у вас лица такие, словно... словно... – Он помахал рукой, подыскивая слова, и вдруг нахмурился, уставив в Сварога указательный палец: – А ну-ка докладывайте по всей форме: вы мне не снитесь?

– Увы, – ответил Сварог, – мы самые что ни на есть доподлинные.

– Бывает, – сказал Пэвер и хмыкнул, обдав их очередной волной перегара. – Священник с бутылкой и девка в костюме охотницы, ну прям из авантюрного романа, клянусь усами Наваки. Встречал я и более странные парочки, но не здесь же, не в занюханном этом Гаэдарио...

– Вас ждет еще много удивительного, – пообещал Сварог.

– Отставить, пока я не приму лекарство! – рявкнул Пэвер. – Все равно ни слова не пойму. Вы пока располагайтесь, а я буквально сейчас... Лекарство откройте пока, ваша святость.

Четко развернувшись через левое плечо, он промаршировал на выход. Сварог и Клади переглянулись, и Сварог развел руками.

Помещение, куда их привел Пэвер, оказалось библиотекой, и Сварог внутренне передернулся: с некоторых пор хранилище книг любых размеров вызы-

вало в нем неприязнь и подозрение. Это хранилище с замковым, разумеется, ни в какое сравнение не шло, но и маленьким не выглядело: шкафы вдоль стен между высокими окнами, забитые разнокалиберными книгами под завязку, полки, заваленные книгами...

– Что-то мне тут не очень нравится, – сказала Клади, когда за хозяином закрылась дверь.

– Потому что книги, – только и ответил Сварог, разглядывая корешки.

«Триста необъяснимых наукой и магией случаев исчезновения людей и предметов, собранных и классифицированных», «Тайна Феррунианских гробниц», «Разумные гуапы: миф или реальность», «Древние предметы. Апокрифические заметки»... Рядом – «Битва на Лазурном перевале, 320 г.: коренной перелом в войне», «Мемуары гранд-маршала Айтарана», «Диверсионные операции с применением светлой магии»... Рядом – «Девственницы-баловницы из Укатоны», «Сорви бутон любви моей», «Три монашки и гренадер»... Итак, как мы видим, господа, бравый суб-генерал в отставке оказался не только законченным гедонистом, но и заядлым коллекционером паранормальных явлений. Каковых явлений в этом мире, как уже убедился Сварог, что крапивы в овраге...

Он поставил бутылку на расшатанный столик в центре комнаты, ногтем подцепил пробку. Вина оставалось больше половины, но как-то неудобно приходиться в гости с початой... Поэтому он поискал глазами бокалы, не нашел, махнул рукой на этикет и уселся на стул с высокой спинкой:

– А кто такие гуапы? – спросил он, чтобы не молчать.

–оборотни, – сказала Клади. – Наполовину люди, наполовину хищные звери. Жили в начале цикла, потом вроде как вымерли, были перебиты.

Пэвер вернулся через десять минут – преображенный, теперь действительно похожий на генерала и даже показавшийся выше ростом. На нем красовался строгий, кофейного цвета костюм, напоминающий френч, позвякивали золочеными шпорами начищенные до невозможности сапоги, ежик на голове примят более-менее на прямой пробор, даже примешивается к запашку перегара аромат крепкого мужского парфюма. Сварог поднялся навстречу и невольно расправил плечи.

– Среди нас дама, – по-военному кратко объяснил хозяин причину своего преображения и браво щелкнул каблуками: – Честь имею: граф Пэвер, маркиз Пек, суб-генерал в отставке.

– Граф Гэйр, – ограничился Сварог графским титулом, – никаким боком не священник. А это – Клади, баронетта Таго.

– Таго? – Суб-генерал грохнул на столик рядом с откупоренной бутылкой три бокала и обернулся к Клади, подняв кустистую бровь. – Не та ли самая очаровательная и внезапная родственница мастера Карта, барона, как его, Таго? (Клади молча наклонила голову.) Постойте-ка... Клади, кажется? Ну да! Мы встречались на приеме во дворце Саутара год назад... Сейчас мы это дело... – Он лихо набулькал в бокалы вино, поднял свой. – Как здоровьице мастера барона? Он не очень устает? – Пэвер подмигнул с едва уловимым намеком на кое-какие обстоятельства, но Клади намек не восприняла.

– Отчим погиб. Был убит сегодня ночью, – очень спокойно ответила она.

Лицо генерала стало каменным, он чуть не уронил бокал.

– Если это шутка, милейшая баронетта...

– Какие уж тут шутки, – сказал Сварог.

– Так, ни слова больше.

Генерал молча опрокинул бокал в глотку, проглотил, передернулся, уселся на свободный стул.

– Садитесь, – повелительно указал он на соседние стулья. – Садитесь оба и докладывайте.

Что-что, а слушать Пэвер умел. Пока Сварог рассказывал о своем появлении в замке и последовавших за этим событиях, стараясь излагать по-армейски кратко и четко, суб-генерал, не проронив ни слова, практически в одиночку приговорил всю бутылку. Но, против опасения Сварога, не захмелел. Наоборот, он трезвел практически на глазах, и то ли алкоголь, то ли сам рассказ сделали его собранным и решительным. Молчала и Клади: многое из рассказанного для нее также было открытием...

– И вот мы у вас, – закончил Сварог. Про Бумагу Вагранна, спрятанную в корешке книги, он пока не упоминал, решил повременить. Ведь, как ни крути, именно с ней так или иначе связаны все неприятности...

– Покажите-ка рубин, – приказал суб-генерал.

Сварог достал из кармана камень бродяг-мародеров, протянул Пэверу. Тот повертел рубин перед носом, посмотрел на просвет. Сказал недоуменно:

– Да-с, крайне любопытная штукавина. Я о таких только читал. Везет вам, граф, честное слово. – И смутился, покосившись на Клади. – Ну... то есть, с одной стороны, конечно, везет, а вот с другой...

– И что это такое? – спросила Клади.

– Это так называемый гикорат. А ну-ка... – Он поднялся, прошелся по комнате, держа камень на вытянутой руке. Возле шкафа, стоящего в дальнем углу, рубин начал уже знакомо пульсировать нутряным багровым светом. – Так я и думал. Нет, это в самом деле удивительно, клянусь. – Пэвер достал из-за ряда книг в шкафу небольшую, высотой с ладонь статуэтку из какого-то полупрозрачного материала – мускулистый человек, яростно борющийся с чем-то, напоминающим взбесившийся шланг пылесоса. Едва он коснулся статуэтки, рубин погас. – Работает. Надо же, работает...

– Так что это? – напомнил Сварог.

– Как вам объяснить... Вам известно, что такое миноискатель?

– В общих чертах, – осторожно сказал Сварог.

– Ну, принцип работы похожий... Это, дорогой граф, – детектор. Искатель древних предметов. Предметов, которые создала цивилизация, обитавшая на Димерее до наступления первой Тьмы. А предметы из оттуда знаете сколько стоят? Так что тот, кто владеет гикоратом, владеет невероятными сокровищами... И поэтому принято считать, что гикорат есть выдумка, миф и легенда...

– Ага, понятненько. – Сварог спрятал рубин обратно в карман. – Вещь старинная, цены немалой... Значит, та книга из библиотеки была оттуда, из тех времен...

– Ну да. Она у вас с собой, кстати?

Сварог молча развел руками.

– Жаль. Чертовски жаль. Было бы интересно понять, зачем она вашему Ленару...

– Значит, – Клади повернулась к Сварогу, – архивариус искал в библиотеке какую-то книгу. А узнав, что ее взял ты... Значит... он теневой маг... – И Сварог

гу очень не понравилось выражение ее лица. Словно она наконец что-то поняла, о чем Сварог пока догадаться не мог...

– И не из Посвященных, – ответил Пэвер. – Слабенький, надо сказать, колдуниска. Вот послушайте-ка... – Он снял с полки книгу, раскрыл посередине. – «Аграверты, или черные монахи – примитивные порождения теневой магии, недолговечные сгущения Тени – вызываются при помощи несложного ритуала, заключающегося в...». Так, ну, тут неинтересно... ага, вот... «По сути пустотны, саморазрушение наступает меньше чем через сутки после рождения... Собственной магией не обладают, бессильны перед многими защитными заклинаниями... Представляют опасность только в большом количестве, в каком обычно теневые колдуны их и вызывают». – Он резко захлопнул книгу, посмотрел на корешок. – «„Пандемониум светлой и теневой магий“, издательство „Раскира“, Крон, 506 год»... Вот так. Барон Таго погиб из-за каких-то недолговечных саморазрушающихся тварей, из-за какой-то древней книжонки...

– Ну, не совсем из-за книжонки, – признался Сварог.

Суб-генерал яростно затолкал энциклопедию в шкаф и обернулся к Сварогу.

– Ну ладно, граф, баронетта. Полагаю, вы приехали сюда не только для того, чтобы сообщить о смерти барона Таго. Я могу вам чем-то помочь?

– Расскажите нам о Тропе, – сказал Сварог, глядя Пэверу в глаза.

– И вы туда же! – прямо-таки взвыл суб-генерал. – Да что на ней, свет клином сошелся, что ли?!

– Что значит – «и я туда же»? – мигом подобрался Сварог. – Кто-то еще интересовался Тропой?

– Да приходил тут третьего дня какой-то в штатском, – отмахнулся Пэвер. – Назвался ученым из Трех Башен,[90] выпрашивал про Тропу, но с виду-то – тихун тихуном.[91] (Сварог метнул на Клади быстрый взгляд, но та была погружена в какие-то свои мысли.) Я насовал ему по рылу и выкинул из дома к свиньям собачьим... Мой дорогой граф, если вы наслушались всяких там сектантов и вознамерились бежать от Тьмы по Тропе в какое-то якобы безопасное место, то оставьте эти идеи навсегда... Извольте, я вам объясню, что есть Тропа. – Он сложил руки на груди и продекламировал менторским тоном: – Тропа есть феномен, являющийся следствием изменений физических законов мира, вызванных приближающейся катастрофой, – феномен того же рода, что и появление нежити в огромных количествах, рихары, Белый Саван или там Чагасские дали, не больше и не меньше... Кое-кто полагает, что это дыра в Ничто, в абсолютную Пустоту, лежащую за границами вещественного мира, кто-то – что это дверь в иные миры... Вторая гипотеза для обывателя, конечно, приятственнее, поэтому и прижилось название Тропа, но на деле никто толком не знает, что это такое, каков механизм ее появления и куда она может завести. Цивилизация, обитавшая на Димерее до Тьмы, как свидетельствуют некоторые данные, владела секретом перемещения по Тропе, но этот секрет, увы, утрачен. Все. Я не очень сложно излагаю? – с легкой ехидцей добавил он.

– Ничуть, вполне доходчиво... – ничтоже сумняшеся улыбнулся Сварог. – И на удивление в точку. Насколько я понял, у вас есть конкретные доказательства проявления этого феномена на Атаре?

– Ого! – Суб-генерал посмотрел на Сварога с уважением. – Каков штиль! Не простой вы граф, как я погляжу... Да, верно, я одно время собирал материалы по Тропе – вон, два сундука макулатуры на чердаке до сих пор пылятся... Да, за

последние десять лет было отмечено по меньшей мере пятнадцать случаев, которые можно с уверенностью отнести к феномену Тропы. Но ни изучить, ни подготовиться к ним не было ни малейшей возможности – все его, этого феномена, проявления носят исключительно стохастический характер... Извините, граф, вам понятно слово «стохастический»?

– Понятно, понятно, мы графья ученые, – нетерпеливо поморщился Сварог. – И каковы признаки этих... проявлений?

– Ну... по словам очевидцев, – яркая вспышка, прямо в воздухе появляется черная дыра с рваными краями, порыв бешеного ветра – такой, что подойти невозможно, длится феномен от нескольких секунд до получаса... Это достоверно, а большинство остальных эффектов я списываю на излишне богатое воображение свидетелей...

– Никто туда не... проваливался? Ничего не исчезало в этих дырах?

– Н-нет, кажется, нет... Напротив, говорят, иногда вываливаются оттуда, из черноты, какие-то непонятные артефакты, но пока я своими глазами ни одного не видел... Да, совершенно определенно, никто туда не проникал и ничего там не исчезало. Есть масса, знаете ли, сумасшедших, которые готовы хоть в пекло сунуться, особенно если ходит поверье, что Тропа – это дорога в мир, где нет Тьмы. Но пока никому не удавалось приблизиться к черной дыре и на десять каймов, словно какая-то преграда мешает...

«Странно, – подумал Сварог, вспоминая часовню Атуана и великанский пик под зад. – Может, Тропа – это что-то совсем другое, не то, что я ищу? Или здесь она работает только на выход – и нет способа вернуться в Поток?..»

– Мастер Пэвер, а вы ничего не слышали об аппарате, способном открывать Тропу?

– Ерунда. Такого аппарата нет и быть не может, поскольку Тропа – явление природное и воссозданию в лабораторных условиях не подлежит.

Сварог откинулся на спинку стула и сощурился.

– А вот ежели я скажу, высокому мудрый мастер Пэвер, что знаю, куда ведет эта ваша Тропа?

– В смысле? – насторожился суб-генерал.

– В том самом смысле, что я знаком с человеком, который по ней пришел.

Ага! В абсолютно трезвых глазах старого вояки вспыхнул яркий огонек азарта.

– В последнее время уж больно много шарлатанов развелось... – очень осторожно, словно неся полный аквариум воды с золотыми рыбками, проговорил он.

– Не спорю, – великодушно согласился Сварог. – Тем более, что никаких доказательств у меня напрочь нет.

– И кто же... кто этот человек?

Сварог выдержал многозначительную паузу. Пэвер смотрел на него, не мигая.

– Быть того не может, – наконец выдохнул он, поняв.

– Дело ваше, верить или нет, – преспокойно пожал плечами Сварог, искоса наблюдая за реакцией Клади. Клади глядела на него во все свои зеленые глазищи, но особого изумления, судя по всему, не испытывала. Сварог даже обиделся немного. – Хотя, если вам интересно, одно доказательство у меня все же имеется. Вы позволите?

Он вытащил шаур и поозирался, куда бы пальнуть. Выбрал, прицелился, нажал на курок. Цепочка серебряных звездочек пересекла комнату, и одна под другой они дробно вонзились в стенку шкафа.

– Заметьте, обоймы в этом оружии нет, рукоять литая, но запас серебра неистощим. Как оно работает, я и сам, признаться, не до конца понимаю, но никакой магии, поверьте на слово. Это сделано там, в моем мире. – Сварог спрятал шаур. – Простите за мебель...

Суб-генерал посмотрел на испорченную стенку, запустил пятерню в ежик волос, подергал, стимулируя мыслительный процесс. С какой-то даже надеждой пробормотал:

– В Гидернии или где-нибудь на Блуждающих Островах такое могли сделать... Может, вы тагорт, а?

– А зачем мне тогда прикидываться пришельцем из другого мира? – логично возразил Сварог. – Я бы уж сочинил что-нибудь попроще.

– Да кто вас, тагортов, разберет...

– Нет. Он действительно не с Димереи, – проговорила Клади, глядя на Сварога потемневшими глазами. Что означал ее взгляд, Сварог понять не смог. – Я сама только недавно это поняла... И уж мне-то обманывать вас причины нет.

Сварог молча сотворил сигарету, прикурил, затянулся.

– Наваковы потроха, ну и денек начался... – прошептал Пэвер, замороженно провожая глазами сигаретный дымок, поднимающийся к потолку. И вдруг взревел: – Да где этого Мильда носит с моим вином?! Под трибунал щенка отдам!

Дверь приоткрылась, и в библиотеку заглянуло очаровательное белокурое создание – от силы лет четырнадцать, взъерошенное, в небрежно наброшенном на голое тело прозрачном пеньюарчике. Создание увидело Пэвера и обиженно надуло губки.

– Вот ты где! Ну сколько мне ждать-то, киса?..

– А ну брысь с глаз моих! – заорал Пэвер и для убедительности шлепнул ладонью по столу. – Кругом и шагом марш в постель!

Девчонка испуганно пискнула и исчезла. Сварог вопросительно воззрился на суб-генерала. Суб-генерал же отчетливо покраснел и уткнулся носом в пустой бокал.

– Племянница... – буркнул он. – Из этого... из Рута, знаете ли, приехала... – Потом встрепенулся, явно торопясь увести разговор от скользкой темы. – Ну хорошо. Ладно. Пусть. Не убедили, но, допустим, верю. Вы пришли по Тропе из другого мира. А от меня-то что вам надо?

– Мне надо вернуться домой, – сказал Сварог. – Перспектива затонуть вместе с Атаром меня, представьте себе, не устраивает. Я должен найти Тропу... (В груди неприятно кольнуло чувство стыда: а они все – и Клади – останутся здесь... Но ведь он чужой, успокоил себя Сварог, чужой, его место на Таларе, где, кстати, тоже грядет катастрофа, и похлеще тутошней, он на Димерее случайно, их проблемы – это их проблемы... Не помогало.) А вы-то сами, мастер Пэвер, почему вы не бежите, если Тьма неминуема? – неожиданно спросил он.

– А куда бежать, мастер граф? – Пэвер покачал бутылку. – Как, с кем? На фронте – там все понятно: тут свои, тут чужие. Все просто и красиво. А здесь... Здесь другая война. Война всяческих тайных служб. Шпионы, мать их трижды через колено... Каждое государство только тем и занимается, что другим пал-

ки в колеса вставляет. Диверсии на судоверфях, взрывы на складах, подлог, саботаж, прочая херня – лишь бы те с Атара не ушли. Ведь если корабли с переселенцами не выйдут в море в урочный час, значит, больше шансов для своих доплыть первыми. Вот и стараются устранить конкурентов... Мерзость. Я военный человек, граф, эти шпионские игрища не для меня... Навакова селезенка, бутылка пуста, как голова нашего князя. У вас больше нет? Жаль...

– Кстати, о князьях, – вспомнил Сварог. – Я тут мельком слышал о некоем проекте «Парящий рихар», который-де может спасти страну от Тьмы...

– Бред! – грохнул кулаком по столешнице Пэвер. – У вас ложные разведданные, мастер пришелец. Вам подсунули дезу. Саутар вбухал всю государственную казну в постройку аппарата, на котором и собирается бежать на Граматар. В одиночку. Так что на страну он чихал.

«Аппарат... Ленар говорил об аппарате для перемещения по Тропе...»

– Что это за машина, вы знаете? – поинтересовался Сварог, наклонившись вперед.

– Не знаю. Известно только, что стоит она всех денег княжества. Для ее создания князь снес дома по соседству с дворцом, отгородился каменной стеной и построил там громадный цех. Проникнуть туда нет никакой возможности... Впрочем, я и не пытался.

– Почему же?

– А зачем? Мастер Гэйр, скажу вам по секрету так. Очень давно, еще когда я сотником служил в Бадре, взяли мы одного прорицателя. Так он накаркал мне потом, что умру я в возрасте семидесяти четырех лет там, где много снега, но не из воды. Так и сказал: «где много снега, но не из воды»... Что это означает, я до сих пор в толк не возьму...

– И вы верите в предсказания? – спросила Клади.

– Не верю, – ответил Пэвер не задумываясь. – Но вот только он много чего еще наболтал, и все как есть сбылось – и что меня из армии попрут, и что в Митраке осяду. Сказал, что даже и Граматар увижу... Так что подгонять судьбу мне резона нет, а?..

– Пожалуй, – протянул Сварог и подумал: «Фаталисты они все, вот в чем дело. А как тут, с другой-то стороны, фаталистом не стать...» – А кстати, о некоем деятеле по прозвищу Серый Рыцарь этот прорицатель ничего не говорил?

– О Сером Рыцаре? Нет... Кто это?

– Так, король один, – махнул рукой Сварог. – Забудьте. Значит, насколько я понял, отыскать Тропу не так-то легко.

– Проще на рыбацкой лодке найти Блуждающие Острова, – развел руками Пэвер.

– Острова, Острова... – задумался Сварог. «Опять прямая аналогия с Таларом. Там – летающие, здесь – блуждающие...» – Значит, они существуют?

– Я убежден, – кивнул суб-генерал. – Хотя прямых доказательств пока не обнаружил. Только слухи. Знаете, какой-то моряк встретил плавучий Остров в океане, какой-то путешественник даже побывал на таком, населенным исключительно красотками, соскучившимися по мужской ласке, кто-то своими глазами видел живого тагорта... Но при всем при том я умею отличать более-менее правду от явной выдумки – насобачился, знаете ли... Так что очень похоже на правду. Это одна из самых интересных загадок Димереи, мастер Сварог. Никто не знает, сколько этих островов, как они называются, кто на

них обитает, почему они дрейфуют и почему не тонут, когда наступает Тьма... Но если это не миф, не очередная утка, если там действительно живут люди, то они должны помнить о временах до наступления первой Тьмы. Владеть кое-какими знаниями и технологиями оттуда... – Он вдруг замолчал и уставился на Сварога округлившимися глазами. – И, возможно, им известно о Тропе...

Клади открыла было рот, но говорить передумала и промолчала. Смотрела на них нахмурясь, нервно теребила воротник охотничьего камзола.

– Совершенно верно, – спокойно кивнул Сварог. – К этому-то я и клоню. А скажите лучше вот что... Вы карты умеете читать?

– Да, вообще как каждый образованный человек, – скромно ответил отставник.

– А что такое Бумага Ваграна, вам известно?

Клади вскинула на Сварога изумленный взор.

– Ну, еще бы! – засмеялся Пэвер. – Еще один очаровательный миф о спасении, такой же, как и... – Внезапно он смеяться перестал, словно ему с размаху заткнули рот, и с подозрением посмотрел на Сварога. – Так. Отставить. Пойдите. Погодите-ка минутку... У вас что, есть и Бумага Ваграна?

Вместо ответа Сварог, щурясь от сигаретного дыма, встал, вытащил из кармана лист пластика, небрежно отодвинул бутылку с бокалами и расстелил карту на столе. Вот тут-то Пэвера проняло по-настоящему. Пэвер рванулся вперед так стремительно, что едва не столкнулся с ним лбом.

Трепетно, как по телу любимой женщины, провел по карте отчетливо дрожащей ладонью, жадно впился взглядом в символы. Но когда он заговорил, голос его был неестественно, пугающе спокоен.

– Ну, знаете ли... – сказал он, не поднимая головы. – Граф, вы сами-то понимаете, что мне показываете? Вы знаете, сколько это стоит?

– Понятия не имею, – честно ответил Сварог. – И сколько?

– Это – она? – шепотом спросила Клади.

– Очень похоже, – проворчал вояка. – Очень! Вот и подпись Ваграна, а ведь ее не подделаешь, любой документ с поддельной подписью тут же сторит, если верить преданию... Фу, черт, аж сердце зашло. Час от часу не легче... – Он выпрямился, взял Сварога за лацканы камзола и легонько встряхнул: – Как? Откуда?!

– Это искал Ленар в библиотеке замка, – ответил Сварог и мягко высвободился. – А я нашел. С помощью, как его, гикората.

Клади вдруг рассмеялась и чмокнула Сварога в щеку.

– Мастер Сварог, вам когда-нибудь говорили, что вы гений? – Ее глаза сияли. – Я вас обожаю, граф!

– Нашел! Нашел он, видите ли! Да эту карту, с этой картой... – И Пэвер яростно задышал в бугристый нос, глядя на Сварога чуть ли не с ненавистью.

– Вы сможете проложить курс? – спросила Клади.

– Что?.. А, нет, вряд ли, – покачал головой суб-генерал. – Я не моряк. И все-таки неизвестно, настоящая ли... Надо проверить... Черт, я сплю, я сплю, я не хочу просыпаться...

– Ну так что же это такое? – нетерпеливо спросил Сварог.

– Это, мастер Всехват[92]... – торжественно провозгласил суб-генерал Пэвер. – Это карта ветров и течений для водных пространств всей планеты. С

указанием опасных для мореплавания мест, рифов, путей штормов, воздушных вихрей и океанских водоворотов.

– Любой мореход с помощью Бумаги Ваграна может проложить самый безопасный курс до Граматара, когда наступит урочный час, – добавила Клади. – И быстро, без потерь и задержек, добраться до новой земли...

В дверь осторожно постучали.

– Кто там еще?! – рявкнул Пэвер. Дверь приоткрылась, просунулась голова давешнего слуги с бланшем.

– Хозяин, – испуганно сказал он. – Я вино принес... Но вот только...

– Мильд, гнилая твоя душонка! – Пэвер вскочил из-за стола и шагнул к двери. – Где тебя...

И больше сказать он ничего не успел.

Часть третья ПРИХОД ТЬМЫ

Глава десятая ...и тут же запутывается еще больше

«Государеву человеку большому отписка холопа твоего, известного тебе как Тошит. Сперва, понятно, надобно отчитаться. Жалованье от тебя и от великого кесаря, посланное с человечком твоим, гончим вильнурцем Доргро, получил: два олариса, пять риллов, три центавра. А и вправду, как вдруг гончий утаил деньгу? С них, вильнурцев, станется. Тогда, верю, варвару кнута не миновать, когда доставит эту грамоту тебе и ты сочтешь, не уворовал ли чего Доргро себе в карман...»

– Это похоже на дружескую переписку, а не на донесение агента, – сказал Сварог, сжимая листок тончайшей бумаги, покрытый наработанно мелким и при этом разборчивым почерком. Листок так и норовил свернуться в трубку, принять форму, какую, надо полагать, имел при его извлечении из тайника в одежде, обуви или поклаже.

– Патриархальные нравы, – как бы извиняясь за чужие странности, развел руки в стороны нынешний собеседник Сварога. – Каждый вассал нурского великого кесаря обзавелся собственной разведкой, агентов набирают из подданных, каких признают способными к этому ремеслу. Для выбранных в агенты их князь или барон – отец родной, хозяин и бог в одном лице. Отношения между ними остаются теми же, что в замке, – отношения барина и его верного холопа. Донесения нурцы почти никогда не шифруют, считая, что хороший агент и слуга в руки врагу тайное письмо не отдаст, найдет возможность уничтожить его и себя. Шифром пользуются изредка, лишь когда требуется передать что-то уж очень тайное. Вас не удивляет, что я вам об этом так подробно рассказываю?

– То есть не поражен ли я тем обстоятельством, что меня не принимают за нурского шпиона?

– С вами приятно иметь дело, мастер Сварог. Вы сразу улавливаете скрытый смысл. Итак?

– Ничуть не поражает, мастер Рошаль. Потому что я вижу перед собой умного человека, способного отличить мирного путника от коварного нурского шпиона.

Их разговор так же мало походил на допрос, как нурская писулька на шпионское донесение. Скорее уж на дружескую беседу смахивала их встреча. Хотя для полной дружественности кое-чего, конечно, недоставало: и добровольного прихода в гости, и свободного выхода из гостей, а также открытости и непринужденности общения.

– О мирных путниках мы поговорим чуть позже, – пообещал мастер Рошаль. – Когда вы дочитаете.

Он склонил голову к плечу и опустил ладонь на могучую шею собаки, ждущей у фигурной ножки кресла хозяйского приказа: «Рвать в клочья!». Польщенная вниманием (мастер Рошаль задумчиво водил пальцем по медным звеньям ошейника), черная псина с желтыми полосами на спине и боках преданно заюлила хвостом-обрубком и заурчала, не отрывая красных зрачков от чужака. Еще две пары таких же зрачков, похожих на ночное свечение лазерных прицелов, с разных сторон буравили Сварога.

Возможно, именно эти псы неизвестной Сварогу породы делали мастера Рошалья таким спокойным. Оно неудивительно: килограммов семьдесят упругого мышечного мяса, которые пушечным ядром сорвутся с места толчком длинных и мощных ног, чтобы сомкнуть на сбитой жертве пасть, смахивающую пуще остального на волчий капкан. В общем, собачки хороши, спору нет, разве что не говорящие, но Сварог почти не сомневался – как-то еще подстраховался мастер Рошаль. Ну, к примеру, кресло под Сварогом стоит точно над центром сложного паркетного узора из квадратов и ромбов. Можно верить, что случайно так поставили, а можно предполагать, что под креслом люк, крышка которого ухнет вниз от нажатия какой-нибудь хитрой пимпочки.

Уйдя в задумчивую возню со своей боевой скотиной, мастер Рошаль тем самым возвращал Сварога к документу, изъятому у нурского шпиона. Зачем-то ему нужно, чтобы Сварог прочитал бумагу до конца. Раз нужно, прочтем. Сварогу и самому было любопытно. В него же, как на Таларе, знания не закачали и, похоже, не собирались закачивать, значит, придется собирать знания по крупицам. Крупицу там, крупицу сям. Донесения тайных агентов не самый дурной источник знаний, тем более, как понимал Сварог, речь в письме пойдет о нем самом. Всегда же интересно, как ты выглядишь в глазах разведчиков, пусть и нурских, за того ли они тебя принимают, за кого ты себя выдаешь, на чем ты прокололся.

Прежде чем дать почитать донесение, в самом начале их разговора, мастер Рошаль подвел Сварога к высокому стрельчатому окну, выходящему во внутренний двор замка, и показал автора послания. Нурский шпион был привязан к тележному колесу, приставленному к стене, огромному, в полтора человеческого роста («Что перевозят на телегах с такими колесами?» – подумалось Сварогу). Не менее полусотни арбалетных стрел сидело в теле пойманного агента Нура.

– Ему еще повезло, – сказал мастер Рошаль, – его не разорвали собаками. Великому князю сегодня не желалось чересчур кровавых зрелищ... Вас не шокируют здешние нравы, мастер Сварог?

– Не слишком.

Сварог-то не соврал, но почему новый знакомец видит в Свароге человека, способного к излишней впечатлительности? Не иначе, тоже за кого-то принимает. То, что его ну никто не может признать за местного, с этим Сварог при-

мирился. Однако что совсем не устраивает Сварога, – так это вовлечение в местные игры, когда своя, такая близкая к телу, рубашка действительно требует, чтоб занимались ею и только ею. А ведь уже вовлекли господу из Гаэдара в свои забавы, утопили в них по макушку. Выскочить просто и легко уже не получится. Уже не сможет, черт побери, Сварог взять и бросить Клади, да и бравого генерала в придачу, дескать, сами выкручивайтесь, голубчики. Они успели попасть для Сварога в свои, а своих не бросают. Даже если девчонка играет в какие-то непонятные игры, Сварога не посвящая. Ну не исходит от нее ни угроза, ни опасность, – не исходит, и хоть ты застрелись березовым поленом. По крайней мере, он угрозу разглядеть не может... Вот отыщем Тропу – тогда посмотрим... Поэтому придется с мастером Рошалем разговоры разговаривать и подстраивать к его игре свою собственную.

– А вы его прежде допросили? – поинтересовался Сварог. А почему бы, собственно, и не поинтересоваться, раз у них с Рошалем складывается вполне дружелюбная беседа?

– Считайте, что да, – загадочно ответил Рошаль.

– И неужели он не мог вам пригодиться? Попробовать перевербовать, использовать как приманку, подбрасывать через него противнику ложные сведения?

– Нурцы, мастер Сварог, ставят верность своему господину выше всех прочих достоинств и доблестей. Это вливается им в кровь с младых ногтей. Уже само по себе пленение они расценивают как нарушение верности и стремятся, подчас проявляя чудеса изобретательности, покончить с собой до того, как их подвергнут допросу и казни. Нурцы – неимоверно тяжелый человеческий материал, мастер Сварог, почти безнадежный. И потом... Князь повелел казнить. А мы люди подневольные, – ответил мастер Рошаль и отошел от окна, жестом приглашая Сварога присесть.

Помимо двух кресел, сработанных в стиле Гаргантюа и Пантагрюэля, сдвинуть которые с места только им поди и под силу, из мебели в зале наблюдался лишь небольшой овальный столик, разделяющий беседующих. Его столешницей, свободной от скатерти, а равно от крупных и мелких предметов, мог бы залюбоваться как любитель изящного, так и охотник. Она представляла собой картину, сложенную по принципу мозаики из разных пород дерева. Результатом кропотливого труда стала охотничья сцена. Некие господа в высоких шляпах, украшенных перьями и птичьими когтями, опираясь на мушкеты, смотрят с холма на то, как внизу конные егеря и собаки загоняют зверя. Весьма примечательного зверя, надо сказать. Сварог определил бы его как помесь длинноногого каймана и тюленя без жировых отложений. Зверь уходил к речке, не видя и не чувствуя, что в засаде за прибрежными кустами его поджидают стрелки. Судя по широкому хвосту и плавникам-ластам, вода для него не менее родная стихия, чем земля, и уж точно вода для него – спасение от людей.

Удивленная заинтересованность во взгляде Сварога не ускользнула от наблюдательного мастера Рошалья.

– У вас не водилось подобных существ, мастер Сварог?

– Увы, нет, мастер Рошаль, – чистосердечно признался Сварог, удержавшись от встречного вопроса: «А где это – у нас?» Хотелось бы прежде узнать, за кого его держат в этом доме, понять, чего от него ждут, а там уж и подстроить

свою игру под чужие планы.

– Последнего лаплатога в этих местах видели восемьдесят лет назад, – счел нужным сообщить Рошаль. – Слишком вкусное мясо, слишком много целебных свойств приписывали желчи лаплатога. Ценные животные, как и ценные люди, всегда становятся объектами азартной охоты, не так ли, мастер Сварог?

Звуки в зале словно бы вязли в воздухе, как мухи в желе, затихали, едва отлетев от говорящих на пять-шесть каймов. У зала была на редкость плохая акустика, столь плохая, что за этим ощущалась преднамеренность. Вполне может быть, подходящими глушительными свойствами обладает та порода дерева, которым обшит зал сверху донизу и из которого изготовлен паркет.

Если угадывать предназначение этого зала площадью с половину теннисного корта и с высоченным потолком, до которого не дотягивается свет из окна, то приходит на ум единственный вывод, что помещение предусмотрено и используется для конфиденциальных бесед. Такой вывод подсказывает обстановка: ничего, кроме кресел, столика, холодного камина, волчьей головы на стене и чаши неподъемного вида, вырубленной из цельного сиреневого камня и до краев наполненной водой. Тогда, продолжил рассуждение Сварог, окромя собачек и предполагаемого люка под креслом зал должен быть оборудован еще какими-нибудь сюрпризами для господ, зазванных в гости, чтобы уж железно исключить любые случайности.

– Кстати, – словно внезапно вспомнил мастер Рошаль, – вы можете настаивать на награде в сто орарисов, положенных за разоблачение нурского шпиона. Знаете, как мы его задержали? Он следил за вами. Мои люди заинтересовались вами. Но мои люди заметили его раньше, чем он заметил моих людей. Иначе говоря, не было бы вас, шпион мог и дальше гулять на свободе, творить свои черные дела.

Вот после этого Сварогу предложили ознакомиться с донесением пойманного и казненного нурского шпиона. Сварог начал читать, потом ненадолго отвлекся, а сейчас вновь продолжил.

«Из-за дневного происшествия сел я за грамоту сегодня, а не в иной день, как собирался, – писал назвавший себя в начале послания, конечно, вымышленным именем Тошит. – Как ты велел, мой повелитель, кругом приглядываю, вслушиваюсь, сыскиваю и смекаю. Затем меня и отрядили, чтоб скрытно выведывать. Сперва уведомлю тебя, что вскрыл я про алькалида[93] города Митрак. Алькалид тот деньги здешнего князя, прославленно гнусного Саутара, себе прибирает, а убытки на разбойников списывает, а еще на несчастья и происшествия, которые-де конец света предвещают, а еще на нечистую силу, сам же про нее и сочиняя. На деньги же краденые он бражничает, с женками блудными знает, и есть мысль, что покрывает его свойственник, коий ведает в замке князя конюшней, и что делятся они меж собой ворованным. Коли велишь, прижму его разоблачением и будет он исполнять твои приказы, мой повелитель, никуда не денется...»

– Видите, как полезно перехватывать донесения нурских шпионов, – произнес мастер Рошаль, показав, что внимательно следит за Сварогом, и продемонстрировал хорошее, построченное знание текста тайного письма. – Помогает выявлять наши слабые места. Правда, ничего нового в данном случае нурец не сообщил. Это не первый агент, который заинтересовался моим беспутным алькалидом.

– Ловите шпионов на живца?

– Да, можно и так выразиться. Выходит, вам известен подобный способ охоты?

«Миры и спецслужбы разные, а методы у них одинаковые», – подумал Сварог и вернулся к чтению.

«Едва завидел я того человечка, как глаз мой прилип к нему. Узрел же я его в питейном доме, куда заявился он вместе с молодой девицей. Ты ж ведаешь, повелитель, что по лицам я людей различать горазд, кто из каких местностей и родов-племени происходит. Так вот, нынешний если и смахивал на кого лицом, то на бадрагца, да те ростом невелики, волосом темнее и в движениях шепутливы. Потом, бадрагец вырядится монахом только из-под невыносимых мук. Да и загар у этого человечка был прежде мною не виданный. Будто не под нашим солнцем загорал. Вот тут-то меня и окатило догадкой, а уж не из тех ли он будет мест, про которые ты, повелитель, мне особую зоркость наказывал. Не успел я обдумать, как чего, ан тут и приключения с тем человеком начались. Сперва молодой князь с ним беседу завел. Хоть я по губам читать обучен, да один другого мне спиной заслонил. Я-то стал пересаживаться, а тот вдруг встал и ушел с девицей наверх, туда, где жилые комнаты».

В растерзанном человеке, привязанном к тележному колесу, на расстоянии и сквозь витражное окно зала, к тому же не блестящее чистотой, Сварог не признал никого из посетителей «Дырявой бочки». Теперь же, проведя в памяти мысленную линию, соединившую, как точки на плане трактира, его с Олесом и воткнувшуюся в окологазетную публику, Сварог определил, кто автор донесения и нурский шпион. Человек, которого трактирное окружение называло Хоргом. Он же – обозначивший себя в донесении кодовым именем Ташит. Вероятно, есть и другие имена, и среди них где-то затерялось настоящее. Скорее всего, какое-нибудь незатейливое крестьянское имя, с которым Хорг-Ташит ходил бы по полям и выпасам, которое передал бы детям... Но случилось так, что волей местечкового правителя он поменял профессию и образ жизни. И ведь оказался толковым, наблюдательным, быстро соображающим агентом. Этаким самородок, Шукшин от разведки. Правда, конец получился печальным. Жил бы крестьянином – был бы жив...

«А после над нашими головами раздался звук, такой, как если б стрельнуло в камине гигантское полено. Мы, кто внизу, вслед за молодым князем бросились наверх. Едва я, взбежав по лестнице, попал в коридор, как учуял запах лаванды. Сразу вскинул глаза под потолок – и точно: в потолочных углах стелется зеленоватый дымок. Тут я смекнул, в чем дело, и побежал на улицу, боясь, что сумеют уйти далеко. Слава Койкату, догнал этого человечка с девицей в конце переулка (хоть они и замаскировались умело, но одежду-то прежнюю оставили!) и довел их до дому известного в городе пропойцы и пустобреха Пэвера, куда они вошли и там находятся. Пишу тебе, дожидаясь поблизости. Опосля, когда выйдут, отслежу и дописку сделаю...»

Не сделал. Писателя даже не просто аккуратно, а предельно аккуратно выдернули из засады. Сработать грязно было нельзя: малейший шум, малейшее подозрение – людей в доме не застанешь врасплох и операция не пройдет гладко. А не гладко – это означает пальбу, жертвы и иной итог.

Конечно, встревожь они Сварога хоть чем-то, насторожи его любым пустяком, не прошло бы у них все столь ровно и безмятежно. Может быть, тогда и

не пришлось бы Сварогу торчать в комнате, обшитой деревянными панелями, и читать донесение нурского шпиона. Но не насторожили. Потому что, как подтвердили события в доме Пэвера, люди мастера Рошалья (да и не только люди) работать обучены.

Их накрыли, приходится признать, красиво, образцово накрыли, хоть заноси в хрестоматии оперативной классики. Сначала пустили вперед малолетнюю соплюшку, чтоб проверила расстановку сил, потом сунули в дверь бедного слугу Мильда, чтоб засевшие в библиотеке не насторожились, когда дверь приоткроется, а потом...

Они не вошли и ворвались. Они всочились и мигом растеклись по комнате, распределяя между собой объекты. В дверь одновременно проскальзывали и люди, и собаки. Пэвера отодвинули от порога, приставив автоматный ствол к животу. Сварог и Клади мгновенно оказались под прицелом двух автоматов каждый. Черно-желтыми тенями прострелили комнату собаки и застыли рядом с застигнутыми в библиотеке людьми, не рыча, не твякая, а гипнотизирующе глядя в глаза с безучастностью оружия, ждущего, когда спустят курок. Псины, пусть и не по-баскервильски огромные, но не менее пугающие, в первую очередь своей прямо-таки прусской выучкой. Как-то сразу перестаешь сомневаться, что эта тварь будет грызть и рвать тебя, пока хозяин не скажет: «Довольно».

Сварог бы рискнул, будь на месте Клади девочка по имени Мара. Рыжую чертовку из каких-то там автоматов не подстрелишь, поиграть в казаки-разбойники с собачками для нее было бы сущим удовольствием, которое закончилось бы для собачек тем же, чем коррида для быков. Но Клади не Мара. И если Сварог не успеет... Неизвестно, какой приказ получили вооруженные и молчаливые люди в темно-коричневых брюках, такого же цвета рубахах с прорезанными рукавами и с надетыми поверх короткими узкими жилетами лилового цвета. Также неизвестно, от кого они получили приказ... Впрочем, последнее обстоятельство довольно скоро прояснилось.

Командир группы захвата с порога наблюдал за работой подчиненных и, когда посчитал, что дело сделано, что почва для его входа подготовлена, вошел. Вошел и встал рядом с дверным проемом, чтобы, в случае чего, не долее чем через удар сердца вновь очутиться снаружи. На господине полководце был просторный лилово-коричневый плащ с воротником и широкими рукавами.

– Я – Гор Рошаль, старший охранитель короны княжества Гаэдаро, – представился тот, что «над автоматами начальник, у собачек командир». Он кутал руки в рукавах плаща и безотрывно смотрел на Сварога, взгляд переводя лишь с лица на оружие в опущенной и прижатой к бедру его руке. Оружие явно необычного для Гора Рошалья вида. – Всем вам, в том числе и вам, баронетта, придется проследовать за мной. А вам, мой незнакомый мастер, следует незамедлительно отдать моим людям ваш пистоль.

Сварог метнул быстрый взгляд на стол.

Бумаги Вагранна на столе не было. Исчезла. Никто из вошедших ее стащить не мог, все вооруженные гости стояли поодаль, за столом сидела только Клади, но она от неожиданности даже не пошевелилась, даже не поднялась, когда ворвалась ударная группа, не успев или не увидев в том нужды, – так и сидела, закусив губу и в упор расстреливая мастера Рошалья ненавидящими зеле-

ными глазищами. Куда ж карта подевалась-то? Мистика, честное слово, шагу не ступить без колдовства...

– Пистоль попрошу! – немного повысил голос старший охранитель. – И ваш арбалет, баронетта...

Что не страшно, так это отдать шаур. На, возьми, дорогой начальник Рошаль. Когда штуковина, приковывающая твое внимание, окажется на расстоянии пяти уардов от владельца, то превратится в облако пыли. Смотри не расчихайся. Клади, поколебавшись, отдала оружие.

– Не могу ли я узнать... – начал было гневно мастер Пэвер и, как ожидалось, был перебит:

– Можете. Но не здесь. Говорить мы будем во дворце.

Почти что до оскомины родное: «Пройдемте в отделение, там разберемся».

– Я дворянин, мастер старший охранитель, – сказал Сварог, – а посему извольте объясниться. За что, на основании чего и по какому праву вы задерживаете добропорядочных людей в доме добропорядочного человека?

Старший охранитель короны Рошаль скривился.

– Вы, – он обвел взглядом комнату, – вы все подозреваетесь в шпионаже в пользу Нура. Я выполняю приказ князя. Неподчинение я обязан расценивать как сопротивление и карать на месте без предупреждения. А дворянин – не дворянин... Поверьте, устал я смертельно от этой чепухи насчет дворянства, древности рода и чистоты происхождения. Еще и дуэлью меня страшать вздумаете, да?

– В любое время к вашим услугам, – поклонился Сварог, протягивая шаур ближайшему автоматчику.

Ладно, шут с тобой. Сварог решил подчиняться. Пока, до поры до времени. Приходится признать: не он нынче владеет ситуацией. А чтобы ситуацию переломить, нужно понять ее до конца, до доньшка. И до полного понимания еще ох как далече...

Клади вместе со Сварогом беспрекословно подчинилась требованию старшего охранителя короны Гаэдаро. Трудно сказать, как повела бы себя баронетта, выбери Сварог сопротивление органам гаэдарского правопорядка. Поддержала бы его или осталась в стороне? Пока не разобрался Сварог в ней настолько. Как, впрочем, в здешних нравах и порядках ему еще разбираться и разбираться. Ну, скажем, что это за контора – охрана короны княжества, выпускают оттуда или уж если забрали, то это навсегда...

Клади дозволила увести себя, но выходила из дома под охраной людей с оружием и под охраной собак, которые сами по себе оружие, с таким видом, словно это почетный эскорт, сопровождающий ее в замок барона на бал. Сварог выходил, как выходилось, осознавая, что упускает до крайности удобный момент для совершения побега. Нырок вправо, конвоиру ногой в пах или кулаком в сплетение, выхватить оружие, стометровка между подстриженных кустиков, а там через забор. Любую собаку он снимет очередью, пули его не беспокоят, а от людей он оторвется, пока те, полагаясь на оружие и собак, потеряют драгоценные секунды. Но... но сбежать он может только в одиночку, а что станет тогда с Клади и суб-генералом?

Люди в коричнево-лиловых одеждах увели и Пэвера. Тот отошел от шокового оцепенения и теперь по пути к несвободе смущал своих конвоиров меткими, мудрыми изречениями на темы: прислужники – власть, тщета всего су-

щего и свобода воли.

Везли в трех каретах. Каждому задержанному предоставили отдельную карету, но, вот горе-то, не всю целиком. Для перевозки арестантов было сооружено тесное решетчатое купе с отдельным входом, по обе стороны которого предусмотрены места для конвоиров. Одну из скамеечек в карете Сварога занял старший охранитель Гор Рошаль.

– Как вас называть? – спросил шеф местного НКВД, когда карета тронулась с места.

– Граф Гэйр, лорд Сварог.

Можно было и соврать, когда б во вранье нашелся хоть какой-то смысл...

– Граф и лорд, – повторил Рошаль, словно смакуя звучные титулы, словно пробуя их на язык, как дорогое выдержанное вино. – А я барон. – Сообщая эту новость, охранитель почему-то впился в Сварога взглядом, как Кашпировский в телекамеру. – Фалафельский барон.[94]

– Рад за вас, – сухо кивнул Сварог.

Рошаль задумался, инспектируя взглядом прутья решетки, за которой покачивался под скрип каретных рессор знатный арестант. Худощавому лицу старшего охранителя словно бы чего-то недоставало. Вроде бы правильные черты, но губы едва шевелятся, глаза под белесыми, будто обесцвеченными перекистью бровями, не моргнут. Жизни недостает лицу, вот чего. Возникало ощущение маски, а маску всегда так и тянет сорвать.

Гор был среднего роста, но сильно сутулился, отчего казался меньше. Сутулость вместе с худобой создавала впечатление, что перед тобой сидит иссушенный болезнями человек. Возможно, что такого восприятия у других Рошаль и добивается, преследуя какие-то свои интересы.

– Мастер Сварог, вы прибыли в город через Синие ворота?

– Знаете, я как-то на цвет не посмотрел. Скорее всего, это были именно синие ворота. Впрочем, я забыл поинтересоваться.

– Вы одеты как священник, – указал Рошаль. – Хотя к духовенству, видится мне, не принадлежите.

– Не спорю. Поэтому вы и подозреваете меня в шпионаже?

– Ну что вы, не только поэтому. Поводов у нас предостаточно. В город вы прибыли по дороге, на которой час спустя в полтора кабелотах от Синих ворот обнаружили обезображенные трупы лошади и всадника. Кто-то, быть может, и считает нас совершеннейшими дикарями, но приблизительно определять время смерти мы умеем. Отсюда последовал вывод: не увидеть тела вы не могли. При этом никто до вас город не покидал и в город не въезжал. Значит, по меньшей мере вас с баронеттой можно обвинить в недонесении, что тоже преступление, но ничто не мешает подозревать вас и в более тяжком деянии. Согласны?

«Что ж он про порванное донесение не спросит?» – настороженно подумал Сварог. И спросил совсем другое:

– А при чем тут шпионаж?

– Ну, мастер Сварог, кому как не вам, знать, что на том ваши похождения в Митраке и его окрестностях не заканчиваются. Посмею вам напомнить, что вашей спутницей является баронетта Клади, в замке которой недавно произошли события... э-э, определим их как загадочные, с очень нехорошим душком. Ночной дозор доложил мне о пожаре в замке. Весьма странном пожаре, наво-

дящем на мысль о колдовстве. Сдается мне, что вы как-то причастны к той кавасии. И это опять же не все. Если б я не узнавал, что происходит в публичных заведениях столицы сразу и незамедлительно, то медяк мне цена как старшему охранителю. Напомню, что ваше появление в «Дырявой бочке» прошло для трактира не без последствий. Выгорела комната, пропал постоялец, а монах с барышней-охотницей словно бы испарились. И кого-то еще удивляет наш интерес к вашей скромной персоне? Между прочим, личность проживавшего в этом номере сейчас устанавливается, и оч-чень интересные перспективы открываются...

– Люди бегут из страны. Только и разговоров, что о конце света, а вашу службу кислота этих бедствий, как я погляжу, не разъела, работаете исправно.

Сварог не иронизировал, он и в самом деле по достоинству оценил информированность и оперативность реагирования ведомства мастера Рошала.

– Скажу без ложной скромности, мастер Сварог, если и наступит Тьма, сверху начнут падать камни, а земля расползаться под ногами, последними, кто потеряет голову и поддастся панике, будут мои люди. – По бледной маске, прикрывающей лицо Рошала, трудно было угадать: он и в самом деле горд собою или плетет кружева хитрой игры. – Десять лет я отлаживал охранный механизм, подбирал людей и возился с ними, шлифуя до полной безукоризненности граней. Конечно, не все так безоблачно. На окраинах страны ситуация сложная, но уж столицу и крупные города держим по-прежнему крепко.

Гор Рошаль кутался в свой плащ, будто он мерз или его колотил нервный озноб.

– Почему вы меня подозреваете в шпионаже, а не в иных грехах? – Сварогу хотелось курить, но он пока решил повременить с обнаружением своих удивительных способностей добывать огонь из пальца, а сигареты – из воздуха. Вряд ли подобные умения зачтутся ему в актив.

– Если вы, мастер Сварог, дадите иные объяснения связанным с вашей персоной странностям, мы рассмотрим их, но пока позвольте придерживаться самой простой и правдоподобной версии. У вас будет время обдумать свою защиту.

– Зачем же вы забрали баронетту и генерала, если на шпиона тяну только я?

За стенками остановившейся кареты обменялись короткими фразами, закрепили петли (скорее всего, воротные), загромыхали какие-то цепи.

– Я понимаю, что вы задаете этот, в сущности, неумный вопрос только для того, чтобы выяснить, что ожидает ваших друзей. Отвечу: то же, что и вас. Содержание под арестом, впрочем, в условиях, которые должны устроить взыскательных дворян, разговоры и окончательный вердикт о виновности-невиновности.

Условия устроили взыскательного графа: если забыть про решетки на окнах, то предоставленному номеру по гостиничной классификации можно было присвоить аж две звездочки. К тому же Сварог тут же улучшил условия на энное количество выпитых чашек кофе, на еще более безучетное количество выкуренных сигарет и на одну сдобную булочку.

Стражник, явившийся за Сварогом через час, шумно, морща нос, вдыхал кофейно-табачный воздух камеры. Потом странно поглядел на арестанта, почесал затылок и скомандовал на выход. Так ничего и не спросил – мол, доложу

начальству, пусть начальство разбирается.

Начальство же, то есть мастера Рошалья, судя по первой части допроса в зале с деревянной мозаикой, чашей и собаками, больше интересовало мнение мастера Сварога о переписке нурских шпионов.

– Он что же, прямо в засаде строчил донесение? – поинтересовался Сварог и вернул мастеру Рошально листок, вновь принявший вид тонкой трубочки.

– Ему не терпелось как можно скорее отправить сообщение хозяину. Видимо, рассчитывал, как только вы определитесь с ночлегом, оставить вас ненадолго, отправить гонца с письмом, думая, что гонец к утру обернется и доставит от хозяина новые указания.

Мастер Рошаль в замке сменил плащ с воротником и широкими рукавами на опять же просторное одеяние, напоминающее рясу коричневого цвета, волосы на голове полностью закрывал лиловый берет с разрезами. Видимо, старший охранитель любил балахонистые одежды, в которых удобно прятать разнообразные предметы.

Итак, их беседа, мало пока напоминающая допрос, шла размеренно, даже сонливо, и Сварог никак не мог предположить, что Гор Рошаль вдруг взорвет к чертовой матери спокойствие ситуации, смерчем взвинтит ее к предельной черте и устроит конец света в отдельно взятом замке...

Глава одиннадцатая

Конец света в отдельно взятом замке

Гор Рошаль забрал у Сварога листок, сунул его куда-то в складки балахона, потрепал за ухом собаку и заявил:

– А теперь давайте сыграем в открытую, мастер Сварог. На все про все у нас три четверти часа. Вполне достаточно. Раньше этого времени князь во дворец не вернется и к нам не присоединится. Когда же он к нам присоединится, между нами должна быть установлена полная ясность. В противном случае... Видите ли, мастер Сварог, помимо вашей воли одной из ставок в этой игре станет жизнь мастера Сварога и его друзей. А они вам дороги, не отпирайтесь, я видел, как вы там, в особняке Пэвера, изготовились к борьбе, но, быстро осмотревшись и оценив ситуацию, передумали. Ваши мысли нетрудно было прочесть: вы испугались не за себя, а за них. Впрочем, если теперь вы готовы пожертвовать жизнями этих людей, то вряд ли вам безразлична ваша собственная жизнь. А она, мастер Сварог, тоже в моих руках. Равно как в моих руках, – его ладонь нырнула в прорезь коричневого балахона, – вот эта замечательная вещица, обращаться с которой я уже научился.

А шаур-то не рассыпался на атомы или хотя бы на молекулы, как ему вроде полагалось! Лорд Брагерт, один из подручных Гаудина, не мог шутить или обманывать, когда утверждал, что параметры оружия и лара по имени Сварог настроены друг на друга, и дистанция между ними, превышающая пять уардов, приведет к самоуничтожению оружия. Это что ж у нас тогда выходит? Выходит, чьи-то параметры в этом мире поменялись, не так ли? Вот только чьи и какими еще последствиями могут грозить эти изменения?..

Мастер Рошаль тем временем продолжал плести паутину:

– О том, что к нам направляется князь, я узнаю заранее, – он почему-то показал на чашу с водой. – Время у меня будет. Князь, уверяю вас, нисколько не удивится, что разоблаченный и прижатый к стене шпион попытался напасть на меня и мне пришлось его устранить. Не в первый раз, знаете ли, пытаются

напасть. Шансов у вас, поверьте, никаких. Мои собачки не позволят вам приблизиться. Я вооружен и медлить не стану. И к тому же кроме явных опасностей для вашего здоровья существуют и скрытые. Смею надеяться, вы не столь наивны и догадываетесь, что зал используется подобным образом не в первый раз и оборудован кое-какими секретами. Поверьте, любые глупости давно учтены, на все заготовлен свой ответ... А теперь я готов выслушать вас, мастер Сварог.

Сварог задолго до высказанных угроз прикидывал свои шансы. Если держат под прицелом каких-нибудь автоматов или арбалетов и стоит Рошалю подать знак, как хлынет ливень из пуль или стрел... под таким ливнем лару вымокнуть не суждено. Шаур по той же причине не опасен. Люк? Соскочить с кресла, оттолкнуться, отпрыгнуть в безопасную зону – реакции хватит. Остаются собаки. И вот это серьезно. Аж три откормленных клыкастых пса. Ничего другого не придумаешь, как биться с ними голыми руками. Добраться до мастера Рошалю, удавить его и выхватить шаур раньше, чем до тебя доберутся клыки, вряд ли удастся. Но в крайнем случае можно попробовать. А пока следует попробовать обойтись без битвы с собаками и старшими охранителями на ограниченном пространстве...

– Вот-вот, вы на верном пути, песики не дадут вам допрыгнуть до своего хозяина, – усмехнулся этот чертов чтец мыслей и гигант наблюдательности. – Поэтому давайте поладим, мастер Сварог. Кто вы, откуда и зачем? Попытку обмануть я, уж извините, расцениваю как отказ от сотрудничества, последствия чего я вам уже обрисовал.

Ситуация... Хорошо, допустим, рассказать ему всю правду. Поверит ли? Сомнительно. Шаур ничего не доказывает. Почему бы шауру не быть новым творением безудержной человеческой мысли, секретной разработкой одной из лабораторий этого мира. Добыть огонь из пальца, еду из воздуха? Услышишь: «Так вы еще и колдун!» Впрочем, если где-нибудь в соседних помещениях допрашивают Клады и Пэвера, не обязательно с пристрастием, они могут и выложить правду... Нет, вряд ли допрашивают. Для чего-то мастеру Рошалю нужен Сварог, он не станет привлекать подручных, чтобы и те узнали правду.

Ну хорошо, предположим, Рошаль поверит его рассказу. А нужно ли самому Сварогу откровенничать перед этим человеком? Что это даст? Старший охранитель, скорее всего, увидит в нем субъекта, спору нет, любопытного, но бесполезного, не имеющего влияния, не связанного ни с одной могущественной силой этого мира. Что будешь с таким делать? Изучать под микроскопом? А охранитель-то, спору нет, человек сугубо практический...

И потом... Рошаль, несомненно, ожидает услышать от Сварога нечто конкретное. И вряд ли признание типа «знаете ли, я пришелец из другого мира». Гораздо более вероятным видится предположение, что охранитель принимает Сварога за того же, за кого принимал и молодой князь. Между прочим, мастеру Рошалю запросто может быть известно содержание разговора Сварога и Олеса. О том, что молокосос небезосновательно принимает его за человека с Островов. Сбор информации у него тут поставлен отменно. Итак, перед Сварогом лежат два сценария поведения без драки. Какой предпочесть?

– Вы, кажется, все обдумали и к чему-то пришли.

В умении читать мысли по лицу охранителю не откажешь.

– Да, мастер Рошаль. Я пришел к тому, что выбора вы мне не оставили.

– Я не сомневался. – В щелочку из-под маски-лица просунуло кончик хвоста самодовольство. – Конечно, иногда так не хочется соглашаться с очевидным. Но приходится, приходится. Итак, я вас слушаю.

– Мне сдается, – начал Сварог и для убедительности пожал плечами, – вы уже и сами обо всем догадались. Я – тагорт, странствую, знаете ли. К вам попал, не скрою, не случайно.

И Сварог развил довольно неплохую идейку, пришедшую ему на ум.

– Прослышав о трениях между старым и молодым князем, я увидел в фамильной сваре за престол свою выгоду. Когда сажаешь на трон свежее испеченного монарха, он щедро осыпает милостями, которых по-другому век не заслужишь. Потом, рано или поздно, самодержццу приходит на ум избавиться от старых друзей, дескать, парни один раз поучаствовали в перевороте, а значит, еще разок смогут попробовать, но тут уж, как говорится, сам не зевай, хватай милости и – деру. Разумеется, как говорим мы, тагорты, две большие разницы – сам ты пришел наниматься или к тебе приходят и просят об одолжении. Совсем разное вознаграждение получается за один и тот же труд. И я выстроил события так, чтобы молодой князь сам вышел на меня и попросил моей помощи. Баронетта Клади и иные люди и происшествия – лишь звенья выстроенной мною цепи.

Сварог тоже умел читать по лицам, даже по прикрытым масками. Знаете ли, сама собой постигается та наука, когда покрутишься со Сварогово при дворцах и дворах с их интригами, лицемерием и слащавой ложью. И сейчас граф Гэйр разглядел – как от него ни пытались это скрыть под невозмутимостью черт, – что он попадает своей легендой в масть.

– И вот я здесь, – Сварог подвел под рассказом черту.

– М-да, м-да, любопытно, – произнес старший охранитель и ненадолго задумался... или изобразил задумчивость. – Признаться, что-то подобное... Ваша маскировка под священника, оружие, говор... А с какого вы Острова, мастер Сварог?

«Главное – не заболтаться, – предостерег себя Сварог. – Потихонечку, помаленечку, аккуратно, как по болоту».

– Вам о чем-то скажет его название, мастер Рошаль?

– Возможно, – ответил Гор, придав голосу и лицу загадочность с намеком на обладание сверхзасекреченным знанием.

«Если верить Пэверу, никто не располагает не только точными, но даже и приблизительными сведениями ни об Островах, ни об их количестве. Так что блефует старшой». И Сварог выдал первое пришедшее в голову название:

– Гренландия.

Мастер Рошаль неопределенно покачал головой.

– Где он расположен и каким образом вы с него попали на материк?

– Нет, так не пойдет, – улыбнулся тагорт Сварог. – Вы сами объявили игру в открытую. Я открылся, теперь ваша очередь. Это во-первых. Есть и во-вторых. Я вам, мастер Рошаль, и так рассказал слишком много. И уже подошел к порогу допустимого. Меня связывает больше чем клятва.

Когда выяснят, а выяснят обязательно, о чем я проболтался, мне могут отказать в поддержке и не принять назад, что равносильно смертному приговору. Поэтому не на многие ваши вопросы смогу ответить. Особенно если не увижу никакой выгоды, кроме сохранения жизни.

«Ишь ты, как меня понесло! Расфантазировался, что твой Мюнхгаузен», – сам себе удивился Сварог. Он уже не сомневался, что поступил правильно, не предприняв активного противодействия аресту и позволив себе плыть по волнам событий. Чем больше узнаешь об этом мире, тем легче будет отыскать дорогу домой.

– Кое о чем мне и вовсе не нужно спрашивать, – сказал Гор Рошаль. – Например, о том, зачем вы здесь на самом деле, зачем вам понадобилось затеять игру в переворот с целью занять, давайте называть вещи своими именами, мое место при новом князе.

– И зачем? – спросил Сварог, который и вправду не знал, зачем ему как неведомому тагарту могло это понадобиться.

– Гаэдаро всегда славился залежами древних предметов. Где могут храниться наиболее ценные из них? Правильно, в замке князя Саутара. Значит, надо попасть в замок и спокойно покопаться в сундуках с предметами.

Старший охранитель извлек из складок коричневого балахона холщовый мешочек.

– Ваши вещи. Можете забрать, все в сохранности. И рубин ваш уцелел, никто его себе не присвоил. – Рошаль положил мешочек на стол, подтолкнул к Сварогу. И Сварог сдержал порыв немедля проверить, там ли Бумага Вагранна. – Вы презираете нас, живущих на Атаре. Может быть, имеете к тому основания, может быть, нет, – это, как говорится, вопрос дискуссионный... Но! Мы владеем тем, чего вы лишены. Поэтому вы, преодолевая презрение и страх, рискуете заявляться на континент, где каждый второй станет вашим недоброжелателем, а каждый первый просто ничем вам не поможет. Вы рискуете, потому что жажда обладания древними предметами перетягивает, перевешивает, перекрывает остальное. Знаете, для чего я дал вам прочесть донесение нурского шпиона? Чтобы вы уяснили, как легко бросается в глаза ваша чуждость более-менее опытному глазу. Даже нурец, а нурцев никогда не отличала догадливость, сразу вычислил вас. Чего уж говорить про остальных! Да вам и шагу не дадут ступить спокойно. Год назад ваша персона вызвала бы разве что вялый интерес. Теперь же интерес будет самый горячий. Большинство людей увидит в вас средство к спасению от Тьмы и пойдет на все, чтобы принудить вас спасти их. И церемониться накануне конца света никто с вами не станет. Не вовремя явились вы на Атар... («Это мне уже говорили», – мысленно вздохнул Сварог.) Но вам повезло, мастер Сварог, вы попали в мои руки прежде, чем в другие. Ну, к делу!

Мастер Рошаль вскочил, проявив неожиданное проворство, обошел кресло, облокотился на спинку.

– Есть товар и есть покупатель. Значит, есть повод поговорить о сделке. Прошу простить за напоминание, но в моих руках ваши свобода и жизнь. Кроме этого, в тех же руках ключ от фамильной сокровищницы Саутара, где собрано предостаточно древних предметов. Причем не только собрано (это постарались предки князя), но и приготовлено к вывозу (это уже мною). Кроме того, я все эти годы поощрял у подданных князя искательство древних предметов и кое-что покупал для себя. Так что имеется и моя собственная коллекция древних предметов. И, наконец, мастер Сварог, я могу вывезти вас, себя и эти предметы на ваш Остров. Вы успели за время краткого пребывания в Гаэдаро прозвать о «Парящем рихаре»?

– Слышал краем уха, – осторожно признался Сварог. Что молодой князь, что начальник тайной полиции – оба мыслят-то одинаково...

– Так вот, втайне от князя я научился управлять этой летательной машиной. («Ах, летательной?» – удивился Сварог.) Видите, как много я могу предложить вам – и тем, кого вы представляете. Вы же знаете путь на Остров, вы будете нашим общим пропуском на Остров и посредником при переговорах на территории вашего государства. Как я понимаю, на ваших Островах древние предметы ценятся дороже золота, поэтому я сумею выкупить не только подданство у вашего правителя, но и безбедное существование. Ваше слово, мастер Сварог?

– Значит, вы верите в конец света, мастер Рошаль? – спросил Сварог, чтобы потянуть паузу, требующуюся ему для принятия окончательного решения.

– Верю. А если бы и не верил, то очень не хотел бы оказаться среди тех, кто вместе со своим неверием пошел бы ко дну, упустив возможность спастись.

Забулькало. Да, в зале раздалось отчетливое бульканье. Вслед за мастером Рошалем Сварог взглянул на чашу. Вода в ней шла пузырями. Это что, такая система оповещения?

– У нас мало времени, мастер Сварог. Пять минут. Князь на пути сюда. Итак, все очень просто. Вы, я, мои собаки, древние предметы...

– И мои друзья.

– И ваши друзья. – Рошаль позволил себе улыбнуться, понимая, что высказанное мастером Сварогом уточнение означает согласие. – Вы принимаете мое предложение?

«Почему бы и нет, – подумал Сварог, – по крайней мере, можно выбраться отсюда, а там уж посмотрим. Да и альтернативка, честно признаться, слабовата».

– Принимаю, – сказал он.

– Насколько мне известно, если тагорты дают слово, то держат его. Вы даете мне слово играть честно?

Старший охранитель надумал дополнительно подстраховаться и честным словом. Что ж, вполне разумно.

– Даю. Слово потомственного тагорты. Нарушу его только в случае, если вы первым нарушите наш уговор, – сказал Сварог, уверенный, что мастер Рошаль кто угодно, но лишь не яростный поклонник честной игры.

Раскрытию двери предшествовал некий звук: то ли мышинный писк, то ли взвизгивание невозможной в Гаэдаро электронной сигнализации. Мастер Рошаль повернулся к двери. Затейливая ручка в виде змеи, свернувшейся в клубок, провернулась, мощная деревянная дверь въехала внутрь зала, и через порог перешагнул невысокий бодрый человек с солидным брюшком. Лысоватый, с мешками пьющего человека под глазами, с простецким лицом и щербатым ртом – если бы не одежды из парчи и бархата да избыток золота на пальцах и шее, князя в вошедшем ни за что не заподозришь. Князь походил на родного отставника, каждодневно прополаскивающего гражданскую скуку алкоголем. Однако то был никак не отставник, а всамделишный князь Саутар. Ясно стало уже по тому, как низко склонился перед ним мастер Рошаль, прижав руку к груди.

– Что, Рошаль, сознался наш шпион?

Князь был из тех, кто просчитывается моментально ввиду своей полной

незатейливости и простоты, равной убожеству. Легко предугадываются его реплики и реакции. Отчетливо распознается, что правитель из князя никакой: ленив и глуп, видит не дальше дворца, но подвержен приступам самодурства и кровожадности. Если б рядом с князем не случилось того же Рошалья, княжество давно бы разодрали в клочья соседи.

– Садитесь, ваша светлость. Он сейчас повторит то, в чем сознался, – пообещал старший охранитель короны. – Негодяй, помимо всего прочего, распространял среди жителей билеты на кронские пассажирские суда. Поддельные, разумеется. Штук сто, подлец, продал...

– Да, да, – рассеянно пробормотал князь, занимая кресло Рошалья. – Только распорядись, чтобы принесли мой напиток.

– Слушаюсь, ваша светлость.

– Ах, Рошаль, Рошаль! Казнишь их, казнишь, все равно ничего их не останавливает. Все шпионят и шпионят. А тут еще волнения и бунты, сынок непутевый. Ах, Рошаль, Рошаль, никакого покоя...

Сварог уже понял, что сейчас произойдет. Вмешиваться в ход событий, на которые сам же дал добро, он не собирался. Во-первых, ему надо спасти своих новых друзей и спасаться самому, и если ради этого потребуется жертва в виде никчемного человека с титулом князя, то принесем эту жертву. Во-вторых, князь заслужил такую участь. Пожалуй, он даже заслуживает более суровой расправы, например, быть отданным на растерзание народу. Уже только за то, что вбил деньги, на которые можно было построить флот для всех подданных, в какое-то летающее средство для себя одного.

Мастер Рошаль зашел за спину повелителя, из широкого рукава выскочило в ладонь узкое лезвие. Хладнокровно и как-то уж очень буднично, будто отрабатывал упражнение на манекене, Рошаль чиркнул кинжалом по толстой красной шее князя Саутара.

– Вот тебе и покой, – сказал Рошаль и вытер клинок о кружевной ворот князя. – Я убил своего покровителя, при котором мне жилось припеваючи. Выбора у нас с вами теперь никакого. Вперед, мастер Сварог!

Глава двенадцатая Проект «Парящий рихар»

– Хозяин велел не тревожить до обеда, – бросил Гор Рошаль стражам, оставленным князем за дверью зала.

Охранники, обряженные в железные доспехи, в которых только потеть хорошо, и бровью не повели – видимо, ближайшее и довереннейшее лицо их хозяина отдало обычный приказ. Стало быть, внезапного обнаружения тела опасаться не стоит. А вот чего стоит? Ну, в первую очередь, конечно, самого мастера Рошалья. Субъект этот не то что непрост, он интриган по природной сути своей, для него жизнь – сложная шахматная партия, где он, по его представлению, играет белыми, а черными, не иначе, сама судьба. И какую фигуру, когда и во имя чего он принесет в жертву, то доступно постижению, лишь если забраться в хитросплетение мозговых извилин мастера Рошалья. А коли последнее невозможно, со старшим охранителем следует постоянно быть настороже.

За первым же поворотом коридора Гор остановился, хлопнул в ладоши, и из узкой темной ниши выступила фигура в лиловом жилете.

– По плану «Б», – сказал Рошаль.

Человек кивнул и молча исчез в той же нише. Старший охранитель и Сва-

рог двинулись дальше по коридору.

– У вас, как я погляжу, все отрепетировано, мастер Рошаль.

– Когда-нибудь лететь все равно бы пришлось, мастер Сварог.

На стенах коридоров, извилистых, как заячьи тропы, через равные промежутки были укреплены светильники – газовые, как с удивлением отметил Сварог, дающие ровный яркий свет. Надо же, прогресс, оказывается, не стоял на месте последние пятьсот лет. И то, что подобным чудом техники был оснащен только дворец князя, говорило очень о многом... Равно как и множественные трещины каменной кладки, заплесневелые потолки, подгнившие дверные косяки говорили о многом: что хозяин замка давно махнул на него рукой – до конца света достоин, а дольше и не надо.

– Лететь, но без князя Саутара, так, мастер Рошаль?

– Я готов биться об заклад, мастер Сварог, что князь тоже лишь на словах собирался взять меня с собой.

Спустились по винтовой лестнице с истертыми ступенями и разломанными перилами.

– А куда он, кстати, намеревался путь держать?

– На новый материк. Хотел прибыть туда раньше первых переселенцев.

– Ого! Это что, реально?

– В принципе, да. По расчетам, путь туда займет около двух месяцев. Провизии должно хватить, угля тоже при благоприятных ветрах... За это время Атар полностью погрузится в океан, а на возродившемся Граматаре прекратится всякая тектоническая активность.

– У князя была карта? – насторожился Сварог.

– У князя набралось целое хранилище карт, одна другой точнее, скупал их у всех проходимцев подряд. Князь не сомневался, что отыщет Граматар. Я его и не пытался разубедить.

А деревянная мозаика, похоже, была в моде, когда создавался интерьер замка. Панно из кусочков древесины разных пород сопровождали по всему дворцу до выхода во двор. Стены коридора украшали исключительно батальные сцены: вот горстка удалцов в сияющих доспехах крошит орду уродцев, каких-то великанских черепах на двух ногах и с шестью короткими конечностями, высовывающимися в щели панциря; вот полуголые поединщики человеческого рода-племени готовятся к схватке перед замершими рядами воинов, держа обеими руками подобия бейсбольных бит с кинжально острым навершьем, вот какие-то бородатые герои в орденах и лентах...

– Нет, погодите, мастер Рошаль. А что Саутар собирался делать на Граматаре – один, без людей, без техники, на голом камне?.. Ждать, пока приплывут остальные?

Рошаль презрительно дернул щекой.

– Каждый сходит с ума по-своему, знаете ли. Особенно, когда гибель совсем рядом и очень мало способов бежать от нее...

На первом этаже, сквозь настезь распахнутые створки широкого проема Сварог разглядел мозаику на стенах большой гостиной с розовыми диванами, на одном из которых сидела симпатичная девушка, почти девочка, и вдумчиво расчесывала длиннющие волосы. Здесь на мозаичных панно были романтические пейзажи, дамы на прогулках, портреты красавиц.

– Вход на женскую половину, – пояснил старший охранитель. – У нашего

дорогого князя без одной два десятка наложниц... осиротили мы с вами их. А княгиня погибла пять лет назад, утонула во время утреннего купания в пруду. Поговаривают, при действенном участии супруга. Скажу вам по секрету, что не зря поговаривают.

– А почему двери-то нараспашку?

– Так предписывает этикет. Старинная традиция. Подозреваю, что в этом сокрыт некий сексуальный подтекст.

Дверь, выводящую во двор, украшал сложенный из кусочков дерева портрет до боли знакомого господина.

– Мания величия? – спросил Сварог, когда слуга закрыл за ними дверь.

– Прадед нынешнего. К слову, прославился введением новой разновидности казни. Петлей прочного каната захлестывается шея приговоренного, другой конец каната привязывается к мешку с монетами, вес которого превышает вес казнимого человека. Канат перебрасывают через высокие козлы, по одну сторону оказывается человек, по другую – денежный мешок. Ноги приговоренного до земли, конечно, не достают, а руки не связаны. Некоторым довольно-таки долго удавалось приподнимать себя на руках, не давая петле раздавить шейные позвонки. Казнь, кстати говоря, применяется и до сих пор – главным образом за кражу имущества князей Гаэдаро.

– Развлекаетесь, значит. Ну-ну.

– Так что вы видите, в какой интересной стране нам довелось жить...

Под подошвами захрустел песок. Людей во дворе было не в пример больше, чем во дворце, который они покинули. Завидевшие мастера Рошалья издали стремились поскорее исчезнуть – похоже, отличную репутацию он создал себе у обитателей дворца. Однако сейчас это обстоятельство было им на руку.

Сварог остановился.

– Где мои друзья?

– Их приведут к воротам Нового двора.

– Не забывайте, мастер Рошаль, о нашем уговоре, – счел не лишним напомнить Сварог. – Без моих друзей в ваш летательный аппарат я не сяду.

Они вновь двинулись через двор. Позади раздавалось ритмичное собачье дыхание. К трем черно-желтым, послушным Рошально неизбежностям Сварог начал уже привыкать. А то, что носило гордое наименование «дворец феодала», изнутри выглядело как-то уныло, серо и апокалиптично: поросшие мхом, покрытые плесенью и грибок каменные стенызданий, недостроенные, покосившиеся, разваливающиеся строения, обломки карет, телег и не пойми чего, залежи мусора, домашняя скотина разгуливает, где хочет, понурые люди передвигаются нога за ногу...

– Нас ждет зеленый коридор до самого аппарата? – спросил Сварог. – Ну, то есть препятствий не предвидится?

– Если б так! Но, как вы уже догадались, все продумано заранее. В том числе и борьба со сложностями.

Действительно, по голосу и виду Рошалья не скажешь, что его волнуют трудности на пути к таинственной летательной машине.

– И какие именно сложности нас ждут? – не унимался Сварог.

– Князь был, конечно, простоват и внушаем, но к «Парящему рихару» относился трепетно, как к любимому и единственному ребенку. Соответственно и оберегал, никому в этом вопросе не доверяя. Даже мне. Охрана, что стережет

Новый двор и его постройки, подчиняется непосредственно Саутару...

– ...И свято блюдет приказ никого без князя за ворота не пущать, – закончил Сварог.

– Вы совершенно правы. Только в присутствии самого.

– Выходит, будете убирать охрану князя, заменяя свою?

– Конечно. Не беспокойтесь, для моих людей это не работа.

Оно-то, конечно, так... Сомневаться не приходится, люди мастера Рошалья будут устранять охрану Саутара самым что ни на есть радикальным и действенным способом. Но шальную очередь на сто процентов не исключишь. И кого прошьет та очередь, ведомо лишь самой очереди из дурных, но шустрых пуль. А где-то рядом будут Клади и Пэвер... Конечно, иное дело, когда нет выхода... Но выход-то есть! Есть, черт побери!

– Ну-ка, постойте, мастер Рошаль! Как я понимаю, – Сварог вытянул палец в сторону зауряднейшей детали замкового пейзажа: сарайчика с провалившейся крышей, – эти хоромы гарантируют уединение?

– Вы что, хотите сейчас... э-э... – Рошаль застрял, подбирая слово, приличное для ушей графа.

– Да, представьте себе, – помог ему Сварог. – Не хочу, чтобы что-то мешало и отвлекало в решающий момент.

– Черт бы вас побрал, мастер Сварог... О чем вы раньше-то думали?

– А раньше не хотелось, – беспечно бросил Сварог и устремился к развалюхе.

Перешагнул порог. Переступая через балки и черепицу, прошел в угол. Под ногами хрустело и шуршало. Сосредоточился. Главное условие успешного исполнения – хоть и краткое, но обязательно полное сосредоточение. Отрешиться от обстановки, настроиться на того человека, воспроизвести его облик в памяти во всех деталях. Произнести заклинание...

Привычно мазнуло холодом, на бревнах рядом со Сварогом выступил иней – неизбежные последствия магического священнодействия... И из сарайчика-развалюхи под светлы очи Рошалья вышел живой и невредимый князь Саутар.

Рошаль отреагировал моментально: ковбойским жестом откинул полу своей «рясы», и уже в следующую секунду в лицо Сварогу угрюмо смотрел черный кружок дула допотопного пистоля. Выражение на лице старшего охранителя короны словами передать было невозможно.

– Сокол вы мой, сколько ж можно убивать одного и того же самодержца? – весело произнес самодержец Саутар не своим голосом.

Рошалья, надо думать, убедила и успокоила не столько одежда Сварога, обтянувшая тела лжекнязя, и не столько голос, оставшийся неизменным, сколько собаки, которых ничуть не взволновало преобразование спутника их хозяина. Заклинание на изменение личины меняет видимость, но не суть и присущий сути запах. Собачек-то не проведешь, это тебе не люди, которым свойственно принимать иллюзию за действительность...

– Не верьте глазам своим, мастер Рошаль, верьте нашему уговору.

«И зеркалам», – мог бы прибавить Сварог, но не прибавил.

– Проклятье... И много у вас в запасе подобных колдовских штук? – недобро сощурился охранитель, не очень уверенно пряча пистоль за пояс. Следует отдать ему должное, он быстро справился с потрясением.

– Достаточно, чтобы двести раз все взвесить, мастер Рошаль, прежде чем решиться доставить мне неприятности.

– А если бы я выстрелил?

– Ну, как-нибудь попробуйте на досуге. Обещаю, вас ждет масса удивительных открытий.

Между ними произошла безмолвная дуэль взглядами, потом Рошаль опустил глаза.

– Я понял намек. Я учту, ваша светлость, – произнес он и карикатурно поклонился. Распрявившись, сказал уже серьезно: – Ладно, пусть. Оставайтесь этим. Князь, бывало, расхаживал по замку и в ночной рубахе.

– Большое спасибо за разрешение, мастер Рошаль.

– Дозвольте продолжить путь, ваша светлость?

– Дозволяю, – ответила его светлость... Территорию под названием Новый двор опоясывал частокол из обкоренных бревен с заостренным до копейной остроты верхом. Перед воротами из толстых досок, обитыми по краям широкими медными полосами, стояла четырехколесная тачка, груженная внушительных габаритов сундуком. Следует полагать, сундук заключал в себе древние предметы, накопленные мастером Рошалем. Возле ворот томились в позах ожидания люди в лиловых жилетах.

– Здесь ваш маскарад не пригодился. Здесь мои люди уже закончили.

Сварог понял это и без Рошала. Наверняка – загляни в караулку и обнаружишь тела. Еще одни парни, теперь уже на Димерее, теперь уже в княжестве Гаэдаро, погибли, защищая шкурные интересишки какого-то рвущегося к власти деятеля. То есть фактически ни за что.

А возле тачки под присмотром людей в жилетах стояли Клади и Пэвер, растерянные, недоверчивые, оглядывающиеся. Видно, быстрое освобождение из под стражи явилось для них полной неожиданностью. То ли всерьез отпускают, то ли на расстрел сейчас поведут... К ним и направился первым делом липовый князь. Люди Рошала напряглись – вышеназванный план «Б», видимо, живого Саутара не предусматривал. Но без приказа командира пока не предпринимали ничего.

– Позвольте представиться: солдат без армии, – сказал Сварог, глядя в глаза Клади. – Король в изгнании, лишенный своего королевства. И, как уже говорилось, я его верну.

Баронетта наморщила лоб, на миг закрыла глаза, открыла и вдруг охнула, по-детски прикрыв ладошкой рот, и не удержалась от восклицания:

– Не может быть!

– Это не навсегда, моя прелестная баронетта.

Сварог повернулся к суб-генералу:

– Объективную реальность, данную нам в ощущение, можно ощущать по-разному, не так ли, мастер Пэвер?

– Объективная реальность лучше всего видна сквозь призму, особенно если призма эта стеклянная и не пустая, – ответил Пэвер не без намёка на необходимость поправки здоровья, подорванного потрясениями. И показал, что улавливает потайную пружину происходящего. – Как я понимаю, вы теперь в Гаэдаро править будете?

– Придется, – пожал плечами «князь» Сварог. – К счастью, недолго. Да, если у вас остаются какие-то сомнения на мой счет, посмотрите на меня в зеркало.

А если сомнений нет, то прошу вас сейчас, незамедлительно, без раздумий решить для себя вот что. Мы улетаем.

– Куда? – вырвалось у Клади.

– На чем?! – выкатил глаза Пэвер.

– Что совершенно точно – прочь отсюда. На некоей летучей машине под названием «Парящий рихар». Попытаемся отыскать Блуждающие Острова. Настоящий князь мертв, мастер Рошаль летит с нами. Страну ожидает хаос, повальное бегство и запустение. Если и суждено настать концу света, в Гаэдаро он наступит раньше, чем в других краях. Вы со мной?

– Подождите, подождите, мастер Гэйр. – Пэвер схватил Сварога за пуговицу камзола, но тут же выпустил, словно та находилась под током – видимо, испугавшись, что нарушит целостность нового образа. – Вы знаете, как найти Острова?

Сварог обернулся.

– Потом расскажу подробней.

Подошел Рошаль, объяснявший своим людям, что к чему и какие коррективы в план «Б» следует теперь внести.

– Нам пора, – поторопил старший охранитель. «Князь» обвел взглядом своих димерейских приятелей.

– Итак, вы со мной?

– Да, – быстро и твердо дала согласие Клади.

– Нет, положительно я еще не проснулся, – сказал суб-генерал и запустил пятерню в волосы. – Это красное рокнейское отвратительно действует на меня...

– Мастер Пэвер! – поторопил Сварог.

– Да-да... А мои погреба и мои маленькие шаловливые птички... на кого ж вас, кто же вас... Эх... Отставить рассуждения! – Он вдруг бросил руки по швам, втянул живот и отчеканил: – Необходимы перемены, мастер Сварог. Они не дают крови киснуть в жилах. А я чувствую, что начал впадать в дряхлость и уныние... «Где много снега, но не из воды»... Приказывайте, мастер Сварог. Я с вами. Лишь бы хватило провизии и вина на время похода...

– Тогда вперед, – перебил мастер Рошаль, на мгновенье опередив в этом Сварога.

На территории Нового двора уместилось бы не менее четырех футбольных полей да еще какие-нибудь трибуны и раздевалки в придачу. Огромнейшая, что по площади, что в высоту, домина возвышался посреди двора, к нему лепились строеньица, к которым лучше всего подходило определение «бытовки». Белая акула и рыбы-прилипалы – так смотрелась картина.

Домина – а только он и мог служить ангаром – охранялся полувзводом солдат в черных куртках с красными ромбами на рукавах, в высоких ботфортах и в тюрбановидных головных уборах. Через одно плечо у них была переброшена скатка плаща, через другое – ремень автомата. Командовал коренастый усач, единственный еще и с палашом на боку. Усач выдвинулся навстречу соизволившему пожаловать начальству.

А дверь ангара замыкал замочек, прямо скажем, сверхамбарного размера. Глядячи на него, Сварог вспомнил изделия советской поры, которые предприятия любили вручать на юбилеи дорогим партийным товарищам: шариковые ручки размером с крылатую ракету, гвоздь длиной с добрую анаконду. Рошаль

по дороге от ворот поставил в известность «князя», что ключ от чудища хранится у старшего создателя аппарата, а тот живет в одном из домиков, и тут же послал на нем человека.

– Капрал Димгер-Акст, ваша светлость. На объекте покой.

Лихо щелкнули каблуки, к тюрбану взлетела открытая ладонь. Выговор усача отличался от выговора, к которому Сварог уже привык в Гаэдари. Ага... Добавить сюда форму охраны Нового двора, какую Сварог доселе в Гаэдари не наблюдал, и вот вам вывод – для охраны любимого детища князь подрядил наемников шут знает из каких мест. Это страну он мог доверить кому угодно, но не обожаемый дельтаплан (или что у него там), в который верил, как утопающий в спасательный круг. А где обожание и вера, там такой же силы подозрительность, знакомые дела. Поэтому порфиросец нанял солдат, не связанных с Гаэдари ни родственными, ни иными связями, которые служат исключительно за звонкую монету.

Наемников можно только перекупить, а кто в Гаэдари богаче правителя страны?

«Князь» небрежно кивнул капралу и брезгливой отмашкой ладони отправил от себя, мол, его светлость пока к тебе претензий и вопросов не имеет, иди служи дальше. Князь не обязан называть пароли и разъяснять причину визита, он сам себе монарх, божий помазанник как-никак, взбрела ему блажь – извольте стиснуть зубы и потакать.

Что-то такое проскочило в глазах капрала. Слишком пристально взглянул, прежде чем отойти. Не должен бы так глядеть на самодержца, хоть и искоса.

Черт, нравились Сварогу такие старые вояки, тертые, бывалые-перебывалые, повидавшие и навидавшиеся, стреляные-резаные. Но они же могут быть в высшей степени опасны, если служат противоположной стороне. И с чем-чем, а с их наблюдательностью стоит считаться, потому что они на клеточном уровне понимают: от упущенной мелочи иногда зависит твоя жизнь и жизнь людей, за которых ты отвечаешь. А нынешнего капрала явно что-то насторожило в поведении князя. Иная пластика движений, несоблюдение заведенного ритуала приветствия, еще что-нибудь. Очевидно, что капрал будет поглядывать в сторону правителя, а «правителю» следует поглядывать в сторону капрала.

– Ваша светлость! Ваша светлость! – подбежал старший создатель с ключом, который больше напоминал слесарный разводной, чем ключ для замков. – Я сделал, как вы велели. Лопасты перекрашены, натяжки дополнительно усилены. Ваша светлость, можете сами убедиться...

Откуда князь Саутар выписал этого создателя, Сварог пока не удосужился выяснить. Можно подозревать что угодно. Например, что из до боли знакомых Сварогу мест. Потому что очень уж напоминал напыщенных интеллигентов, увешанных научными степенями, – и внешне (непременная ухоженная профессорская бородка, морщинистый, от постоянно нахмуренных бровей, лоб, мягенькое брюшко), и суетливой угодливостью, и заискивающим взглядом. Такой понастроит... Нет, впрочем, этот главный конструктор должен понимать, что рискует не ученым званием или лишением премии, а своей многоумной головой. Обязан был постараться.

Кой-какой накопленный опыт царедворца помог Сварогу и на этот раз. Ничуть не переигрывая, он величественно-презрительным жестом отправил

конструктора отпирать ангар. Не желаешь открывать рот, а желаешь изъясняться жестами – твое полное на то безраздельное право, уж Сварогу ли не знать преимуществ монаршьего положения! Словесно помог и Рошаль:

– Давай живее, ваша ученость. Ох, если его светлость подхватят из-за тебя простуду...

Старший создатель летучего аппарата со всей прытью побежал к двери. Один из солдат-наемников, криво ухмыляясь, вразвалочку направился следом. Причина его ухмылки стала скоро ясна: ученый муж не мог удержать в руках отпертый замок, и солдат охраны перехватил громадину, чтоб та не грохнулась на песок.

В ангаре, лишенном окон, было тем не менее светло. Лампы, развешанные по всем стенам ангара и подозрительно напоминающие китайские фонарики, горели ровным, немерцающим светом непонятого происхождения. Светильники – раз их использовали лишь здесь и ничего похожего до сих пор Сварог в Гаэдарио не встречал – стоили, видимо, немало. А уж во сколько обошелся исполинский аппарат, что занимал все свободное пространство ангара, с учетом его уникальности для этого мира, сказать мог разве что сам князь. Ну, может быть, кое-что знал и Рошаль...

Клади порывисто вздохнула за спиной Сварога, Пэвер прошептал: «И вот эта хреновина – летает?!..» – после чего заковыристо выругался. Да и Сварог, надо признаться, на мгновение обалдел, когда перед ними во всей своей красе предстала летающая машина Саутара, рядом с которой самолеты Конгера Ужасного показались бы игрушечными модельками.

Сварог наконец увидел, на что были угроханы фамильные драгоценности, налоги подданных и доход страны. Вот что заменило флот и вместе с ним надежды подданных князя бежать с приговоренного материка. Вот на что ставил, на что уповал покойный правитель Гаэдарио.

Дирижабль. Классический «персеваль». Словно сошедший с кадров кинохроники тридцатых годов. Едва заметно покачивающийся из стороны в сторону, похожий на уснувшего дракона, он, что и говорить, потрясал воображение.

Черную оболочку баллона («Любопытно, что за материя, откуда она взялась, ведь вряд ли изготовлена в технологически отсталом Гаэдарио») покрывали нанесенные серебрянкой каббалистические знаки, видимо, призванные отгонять воздушных демонов, вдоль выпуклого бока тянулась горделивая надпись: «Парящий рихар». Серебрянкой же было выкрашено оперение. Снизу, под сигарой баллона, заполненной до упругости каким-то легким газом, находилось, что и положено, – то есть гондола, размерами сравнимая с железнодорожным вагоном. К двери гондолы был прибит герб, исполненный в лилово-коричневых тонах. Дирижабль удерживали от взлета шесть тросов, намотанных на барабаны. Аппарат покачивался в пяти каймах над полом, от двери с гербом вниз спадала веревочная лестница.

Вместе с «князем» в ангар кроме Клади, Пэвера и Рошаля зашли лишь старший создатель и капрал. Да двое людей Рошаля в лиловых жилетах вкатили следом тачку с сундуком.

Беспорно, князь лишних людей без необходимости к дирижаблю допускать не любил (неизвестно, как насчет собак, которые сейчас проследовали в строение за своим хозяином, старшим охранителем короны). А некая незнакомая зеленоглазая красавица со столь же незнакомым полноватым мужчиной

во френче (чье присутствие трудно расценить как производственную необходимость) точно не могут не насторожить капрала еще больше... Уже насторожили. Недаром капрал перевесил автомат из положения на плече в положение на груди, чтобы начать стрельбу, не теряя ни мгновения.

Дирижабль, несомненно, привозили в замок по частям и собирали уже в ангаре. Пожалуй, о судьбе сборщиков гадать не приходится, есть все основания считать, что судьба их самая печальная – князю огласка была не нужна. Может быть, трагическая участь постигла и перевозчиков, так, убрали на всякий случай, в Гаэдарио человеческая жизнь имеет не самую дорогую цену, в этом Сварог уже успел убедиться.

«Князь» Сварог, справившись с обалдением при виде дирижабля, повел себя согласно сценическому образу. Старался он для капрала, который мог, ох как мог доставить неприятности. Если отправить его жестом прочь, сломать заведенный порядок – тогда жди, что ворвется все подразделение охраны. А перестрелку допустить нельзя ни в коем случае. Поэтому «князь» Сварог, задрал голову, с улыбкой довольного собственника обзирал аппарат, словно не мог налюбоваться на будущего покорителя небес. И словно бы невзначай переместился поближе к капралу. А капрал словно бы невзначай отодвинулся. Молодец, собака. Что-то чувствует. И проверяет, и не рискует.

– Его светлость желает добавить кое-какую поклажу, – сказал Рошаль и положил ладонь на плечо старшего создателя. – Помоги им...

Все произошло быстро. Быстро не по воле Сварога. Ему просто пришлось поспевать за событиями.

Пол под ногами внезапно качнулся, заскрипели балки и растяжки ангара. В стену ударил порыв ветра, все машинально схватились за что попало, лишь бы устоять на ногах. А спустя мгновение все утихло, встало на свои места. Лишь снаружи доносились испуганные вопли охраны. «Землетрясение, – мельком сообразил Сварог, – это всего лишь землетрясение...» Но высказать эту мысль вслух у него не получилось. Потому что он увидел лица окружающих его людей. Такого ужаса, такой тоски и беспомощности ему еще встречать не приходилось в глазах смертного человека...

– Что... что это, мастер охранитель? – прошептал Димгер-Акст, судорожно озираясь. – Никак началось, а?..

– Просто подземный толчок! – рявкнул быстро пришедший в себя Рошаль. – Я вам поражаюсь, капрал! Впервые, что ли? Хватит глазеть, принимайтесь за...

А дальнейшего и вовсе никто не ожидал. И Сварог – в первую очередь.

Ощущение было сродни тому, когда у тебя спадают штаны, а ты не можешь их подтянуть. Только сползали не штаны, а личина «князя». Очередной сбой магии ларов в этом мире, сродни задержке с исполнением заклинаний и не разрушившемуся шауру, и, черт побери, как всякий сбой, совершенно некстати. И никакого понятия, какие магические слова надо произнести, чтобы вернуть личину на место. Стало быть, нечего и возвращать.

И некогда придумывать хитрые комбинации. Следовало действовать просто, по готовым рецептам.

– Стоять смирно, капрал! (Оглушить громким голосом. И шаг вперед.) Именем Тарабарского короля! Вы подозреваетесь в государственной измене! (Озадачить, смутить. И еще шаг. Нести чушь, чтобы капрал начал гадать, а не спя-

тил ли его светлость. И допустил бы приблизиться еще на шаг.) Вы знакомы с Дон Кихотом?! В глаза смотреть! Когда последний раз встречались с Робинзоном? Отвечать!

Сварог видел лишь автоматный ствол, который поднимался на уровень груди, и палец капрала, который лег на спуск. Лучше бы вояка схватился за палаш, но проклятый капрал не знал, что лара пули не берут. И лар не знал, куда полетят отклоненные магической защитой пули...

И вот тут Рошаль дал Сварогу возможность оценить его по достоинству.

– Ваша светлость, это же капрал Димгер-Акст! – заорал старший охранитель голосом встревоженного придворного. – Капрал, не обращайтесь внимания, князь просто выпил лишнего!

Рошаль на миг отвлек на себя капрала. Заставил мельком бросить на себя взгляд. И Сварогу хватило этого мига. Чтобы сделать последний шаг, ладонью ухватиться за ствол и рвануть автомат на себя.

Можно сказать с уверенностью: бывалый вояка не допустил бы такой промашки, знай он наверняка, что перед ним поддельный князь. А он только смутно что-то подозревал, уловив некую неправильность происходящего, но в чем именно состоит неправильность, догадаться не успел.

Отброшенный Сварогом автомат глухо стукнулся о деревянный пол. Дальнейшее, что называется, было бы делом техники. Вбитые тренировками, закрепленные боевыми операциями десантные навыки – это вам не магия ларов, они работают во всех мирах. Ногой с разворота в живот, подсечка, ребром ладони по затылку – и можно не беспокоиться, капрал пробудет в полном отрубе до самого взлета «Парящего рихара». А убивать – это вовсе не обязательно, совсем ни чему...

Но в очередной раз задача Сварога была облегчена. Уставившегося на «князя» капрала прямо-таки парализовало. И Сварогу не требовалось расспрашивать окружающих о причине этого паралича, он и сам чувствовал, как слезает с него чужая маска, и мог представить себе, как сейчас выглядит: одна половина лица княжья, оплывающая на глазах, другая – своя. Короче говоря, видок вполне монструозный. Ну, да теперь уж все равно. Хороший ты мужик, капрал, да не тому служил... Хватило двух ударов. А завизжавшего было старшего создателя аппарата заткнул тычком в бок Пэвер. Он же, поддерживая за шкуру оседающего ученого, хрипло высказался на счет графа Гэйра:

– Неэстетичное зрелище, мастер Сварог. Снимите эту дрянь.

– Действительно, граф. Таким вы мне не нравитесь, – стараясь говорить ровно, подтвердила Клады.

Вполне согласный с ними Сварог произнес заклинание, освобождающее от чужой личины.

– А теперь за дело, быстрее! – взял на себя командование Гор Рошаль. – Сундук наверх!

Люди мастера Рошалья подкатили тачку к трапу, и в кармашке у Сварога послушно стал нагреваться рубин-гикорат. Ага, вот что вы тут вывозите из страны – древние предметы, стало быть, вывозите...

– Погодите-ка, – сказал Сварог и быстро шагнул к ценному грузу, – можно и не корячиться. Если только получится...

Его небесное великолепие, лар, обученный магами Мистериора, прошедший краткий курс в Магистериуме, произнес заклинание, лишаящее предмет

веса. То самое, с помощью которого некогда вывел из Хелльстада пса Акбара. На Таларе, даже в Хелльстаде, где, как говорят, магия ларов не действует, заклинание работало. А здесь как?

Сработало и здесь. Сварог ухватил двумя пальцами оторвавшийся от пола сундук, который, растеряв солидность увесистого груза, стремился попорхать воздушным шариком.

– Пэвер, Клади, забирайтесь в гондолу. Примите тару наверху.

Пэвер удивленно присвистнул. Рошаль же внешне остался безучастным. Видимо, уже настроился, что от этого человека можно ждать всяческих фокусов. Вот и соображайте, мастер старший охранитель, сколько у меня еще тузов в рукаве, коли я преспокойно демонстрирую вам очередные свои способности...

– Ты, – палец Рошалья нацелился на главного дирижаблестроителя, – открывай дирижаблю выход. Вы, – палец компасной стрелкой повернулся к людям в лиловых жилетах, – знаете, что надо делать. – Рошаль подошел к Сварогу. – С собаками ваши трюки проделывать не стоит. Я их сам подниму. На руках.

– О ваших людях на борту мы вроде бы не договаривались, – напомнил Сварог. – Или вы будете уверять меня, что это пилоты?

– Не беспокойтесь, я помню уговор. Их на борту не будет. Им поставлена своя задача. На земле. А поведут машину другие пилоты. Вы и я.

– И вы уверены, что этакая бандура – летает? – спросил Пэвер, пыхтя по лестнице.

Люди в лиловых жилетах не слышали их беседу. Они обходили барабаны, на которые были намотаны гайдропы. Возле каждого барабана висела на гвозде деревянная кувалда, ими они вышибали клинья, стопорящие барабаны. После чего тросы начинали медленно разматываться, увлекаемые рвущейся ввысь громадой дирижабля.

А старший создатель, запуганный настолько, что ходить за ним по пятам и контролировать его действия не имело никакого смысла, где-то привел в действие неведомый механизм. Заскрипели над головами шестерни и створы, образующие крышу, начали медленно расходиться в стороны, открывая небо.

Трещали раскручивающиеся барабаны. К мелодии тресков присоединился еще один, еще – и вот уже все шесть смазанных тросов пришли в движение. Машина поднималась.

Последним, уже после того, как Клади и Пэвер оказались в гондоле, загрузили сундук, а Сварог принял от старшего охранителя его псов, в дирижабль забрался Рошаль и закрыл за собой дверь с гербом.

Иллюминаторы гондолы имели не круглую, а квадратную, оконную форму – разве что без шпингалетов и форточек. Оставалось надеяться, что стекло поставлено достаточно прочное и как минимум порывы ветра выдержит. Сейчас в этих иллюминаторах проплывали китайские фонарики, освещающие ангар, стенные доски, показались шестерни, ременная передача, блеснул край распахнутой кровли. И развернулась панорама до самого горизонта, где темная неровность димерейской земли сходилась с небом, подернутым серой пеленой, что предвещало начало заката. Ветер принял исполинскую машину в свои объятия и потащил за собой по воздушной тропе.

В восхищенном ужасе Клади вонзила ногти в плечо Сварога и, вряд ли заметив это, перегнулась через это самое плечо поближе к иллюминатору.

– Поехали! – произнес Сварог ритуальное слово. – Вот такие дела, мои дорогие...

Из его дорогих рядом находились Клади и Пэвер. Не слишком дорогой Рошаль со своими собачками сразу же направился в кабину, подразумевая, что и мастер Сварог последует за ним. Но мастер Сварог не спешил. Успеется. Надо кое-что обдумать...

– Это ж просто невероятно! Потрясающе, клянусь клыками Наваки! Я лечу! Я – лечу!!! – Восторги Пэвера, прильнувшего к окну-иллюминатору, мало соответствовали его званию и должности, но в такой ситуации это было прощительно. – Я полон незнакомых ощущений, три гаубицы мне в задницу! Прошу прощения, баронетта! О-хо-хо!

Сварог освободил место у иллюминатора для Клади и присел на пол возле двери. Чуть приоткрыл ее, закурил, хоть курение на борту воздушного судна и запрещено. (Или здесь пол следует именовать палубой?) Он пускал дым в щель проема и смотрел вниз, на крыши замковых построек, на шестиугольную крепостную стену вокруг дворца, на игрушечных людей, задирающих головы и размахивающих руками, на скачущих за дирижаблем всадников. Палить не начнут, можно быть уверенным, на дверце как-никак княжеский герб. В общем, первый этап побега, можно считать, прошел на удивление гладко. Даже странно. Хотя легкость первого этапа наверняка компенсируется сложностями в дальнейшем. Наверняка солдаты скоро найдут тело настоящего князя и уж тогда церемониться не будут. Попасть в громадный неповоротливый дирижабль даже для здешних автоматов – все равно, что в витрину из рогатки. А уж если баллон наполнен каким-нибудь горючим газом вроде водорода, как в аэростатах-шарльерах, то тогда вообще туши свет...

Рядом с ним присела Клади, с опаской подставила лицо ветерку из приоткрытой двери и спросила:

– Куда мы летим?

– Старший охранитель Рошаль хочет, чтобы я отвез его на Остров, с которого я, дескать, и прибыл в Гаэдаро. Самое смешное, что наши цели, пожалуй, совпадают. Наиболее разумное из того, что нам оставлено, действительно отправиться на один из Островов. Для вас это спасение, для меня еще и возможность разузнать что-то о Тропе.

– Ты уверен, что мы разыщем какой-нибудь из них?

– К сожалению, Бумага Вагранна осталась в доме Пэвера. С ней уверенности было бы больше. Но я все-таки ее видел, кое-что я могу восстановить в памяти...

– Бумага...

– Эй, смотрите! Вон там, у подножья башни! – заорал вдруг Пэвер, едва не расплющивая нос о стекло.

Сварог приоткрыл дверь, выставил голову под прохладный встречный поток. Башня надвигалась слева по курсу. Этакая классическая феодальная башня, в таких десятилетиями томят принцесс и таинственных узников в железных масках, а в народе они получают романтические прозвания вроде Башни слез или Башни плача. Дирижабль уже поднялся на достаточную высоту, и столкновение не грозило. Внимание Пэвера привлекло другое – к башне, нашпоривая коня, мчался всадник. У подножья он резко натянул поводья, так, что лошадка встала на дыбы, спрыгнул с седла и, оттолкнув солдата у двери,

скрылся внутри.

– Олес! – Клади выговорила имя как ругательство. – Опять!

– Чтоб меня растоптало конницей, хочет обстрелять нас! – предположил Пэвер.

– Тогда боюсь, это для него плохо закончится. – Сварог щелчком отправил окурок к земле.

Разумеется, Сварог прихватил с собой автомат капрала. Еще не хватало забывать оружие, когда неизвестно, как сложится полет, что ждет после приземления. И если Олес поднимет свое оружие, раздумывать Сварог не станет.

Дирижабль сносило к башне. И вообще машина шла неровно, длинными зигзагами. Ничего удивительного, Рошаль только приноравливается к управлению, с которым был знаком лишь в теории.

– Кстати, тросы пора выбирать, – сказал Сварог. – Нечего рассиживать, не пассажиры. Так что оканчиваем перекур и приступаем к воздухоплаванию.

Болтающиеся, как шнурки у неряхи, гайдропы могли задеть башню, если аппарат пройдет-таки над ней. Когда тупой нос баллона сравнялся с верхней площадкой, окаймленной зубчатой оградой, там появился человек. Все тот же Олес. Ничего похожего на оружие не обнаружилось в руках его.

– Чего он хочет? – выразила всеобщее недоумение Клади.

И тут намерения молодого князя стали ясны до прозрачности. Олес взобрался на один из зубцов башенной ограды, отцепил и отбросил перевязь с мечом и, поворачивая голову, внимательно наблюдал за гайдропами, описывающими в воздухе сложные кривые.

– Вот кретин! – произнесла Клади, впрочем, не без восхищения.

Дирижабль так и не снесло к башне, он проплывал не над ней – рядом. Но гайдропы раскачивало, водило непредсказуемыми изворотами, и какой-то за просто могло поднести к башне.

– Отчаянный сынок, однако, у князя, – прокомментировал Сварог и закурил еще одну сигарету.

В момент первой Свароговой затяжки центральный трос мотыльнуло к башне. Гайдроп не достал ее, но пролетел достаточно близко; Олес решил, что другого шанса может не быть. И прыгнул.

– Ай! – невольно вскрикнула Клади. Молодой князь не промахнулся. Вцепился руками в веревочное сплетение – и стал медленно съезжать вниз, к концу троса. Прижался к канату всем телом, обхватил ногами и все-таки затормозил. И летел пока не к земле, а над землей, раскачиваясь вместе с гайдропом.

– А как он думает взобраться?

– Такой заберется. Зубами втащит себя, – уверила Пэвера Клади.

– И ведь не может не понимать, заметьте, – спокойно сказал Сварог, наблюдая за болтающимся в пятидесяти каймах над землей Олесом, – что его видят и при желании избавятся от обузы в два счета.

Чего уж там сложного перерезать гайдроп и тем самым прервать династию правителей Гаэдаро...

Глава тринадцатая

А вместо сердца пламенный мотор...

– Значит, вы утверждаете, что это и есть компас?

– А что вас так удивляет, мастер Сварог?

– Я просто уточняю, мастер Рошаль.

Уточнить не мешало, потому что ну уж на компас эта штукавина походила ровно столько же, сколько и на аквариум: стеклянный шар, в котором бултыхался темный сгусток неприятного вида. Когда сгусток прибывало к какой-то стенке – в той стороне ищи полночь, или наудер по-местному. Сварог не стал рассказывать Рошалью о том, что кое-где существуют устройства гораздо более удобные в обращении и более отрадные глазу. Да и вообще рассказывать Рошалью о чем-либо сейчас – не самое удачное время. С Рошалем нынче общаться затруднительно. Старшему охранителю короны было плохо.

История знакомая. И позора в том для Рошалья никакого, просто не повезло. Так же не повезло с организмом десантному капитану Кучину. На земле его не могли испугать никто и ничто. Поди испугай, когда капитан прошел все огненные броды четырех материков, отстаивая интересы некогда могущественной державы. Не надо никаких уточнений и красочных описаний подвигов: он уцелел, и этим все сказано... Но в воздухе капитан Кучин становился другим человеком. И неважно, на чем он поднимался в этот самый воздух: на вертушке, самолете или чертовом колесе. Его ахиллесова пята – агорафобия. Боязнь высоты, болезнь высоты. И как всякая болезнь, она знает разные стадии. Например, умеренную и крайнюю. Крайняя проявилась и у капитана Кучина, и у мастера Рошалья. Старший охранитель, конечно же, не мог знать о своей ахиллесовой пяте, откуда? Разве что забравшись на какую-нибудь верхотуру посерьезнее... Гор Рошаль даже не мог предполагать, что уже сама по себе высота способна превратить здорового человека в больного.

Бледность лица Рошалья сравнима была только с белизной высокогорного снега. У него тряслись руки, слезились глаза, раскальвалась голова, его мутило. Он то и дело проваливался в полуобморочное состояние. Заклинания от высотобоязни Сварог не знал, и лекарств, которые на время снимают хоть часть болезненных ощущений, на борту не было. Н-да, несладко придется Рошалью до самого приземления. И чем дальше, тем несладче.

Но Рошаль крепился изо всех сил, держался, как говорится, на морально-волевых. Потому что боялся Сварога. Чувствуя состояние хозяина, поскуливали собаки.

До кабины дирижабля Сварог добрался после того, как втащили на борт Олеса и Сварог с ним немножко переговорил.

Молодой князь в перепачканных, изодранных куртке с позументами и штанах лежал на струганых досках пола, раскинув руки. Ободранные ладони кровоточили. Впрочем, канатолазец пришел в себя довольно быстро. И, едва открыв глаза, расхохотался на всю гондолу:

– А? Видали, как я?! Думал, сорвусь к свиньям – ан нет... Теперь и в цирк не зазорно наняться... – Он с трудом приподнялся на локтях, огляделся. – Отец здесь?

– Нет, – сказал Сварог.

– Внизу остался?

– Князь... погиб.

– Ну и славно. Туда ему и дорога, – высказался сын своего отца. – Папаша тот еще мерзавец был... И не надо на меня зверем смотреть, подруга. – Отчего-то новоявленный князь несколько не был удивлен или смущен неожиданной воздушной встречей с баронеттой. – Папашка убил мою мать. Она, видишь ли,

была женщина строгой морали, а ему страсть как хотелось навезти в замок своих... не скажу при тебе, кого именно... в общем, наложниц, чтобы в открытую забавляться с ними. Жаль, не я его пришил. Ну да ничего, переживу. Он бы и меня давно прикончил, если б я оказался дураком и жил с ним в дворце...

«С-семейка, чтоб мне...» – пробормотал Пэвер за спиной Сварога, плюнул и вернулся к прерванному наблюдению в иллюминатор за проплывающей внизу землей.

– А ты зачем во дворец сегодня примчался? – спросил Сварог.

– Верные люди простучали, что вас этот охранитель забрал, – весело ответил молодой князь и подул на ладони. – Черт, больно... Ну, думаю, тагорт – это тебе, гад, не нурский шпион, он вам всем задаст перца. Так и вышло. Как увидел эту хреновину в небе, сразу понял: это вы удираете, грохнув папашу и пса цепного его, охранителя.

Сузив глаза, Клади рассматривала своего старого знакомого.

– Чего ж сам править не захотел?

– Без этого? – показал Олес пальцем на потолок. – Без этой птахи мне трон ни к чему. А потом, кто его знает, вдруг папаша жив остался. Тогда б он совсем озверел без своего летающего мочевого пузыря.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался Сварог, но вовсе не из айболитовских побуждений.

– Вполне, – ответил Олес и встал на ноги. – Готов лететь куда угодно.

– Тогда так. Поступаешь в мое распоряжение на правах испытуемого. Для начала сдай кинжальчик.

– Есть, капитан!

Сынок безропотно снял с пояса и отдал свое единственное оружие. Правильно понимает ситуацию – он на борту дирижабля кто угодно, но не князь, и жизнь ему, считай, подарили. А подарок надо отрабатывать.

– Он что, с нами? – уперла руки в бока Клади.

– Ну, не сбрасывать же, как балласт, – пожал Сварог плечами.

– А почему бы и нет...

– Между прочим, не ты тут командуешь, – миролюбиво заметил Олес, потирая запястья.

– Между прочим, мастер Рошаль летит с нами, – счел необходимым сообщить Сварог.

– Этот проныра и сюда залез?! – вскинулся юный князь, не сдержав, как видно, всей юношеской любви к охранителю, накопленной за годы соперничества с отцом, которому Рошаль до сего дня служил верно. – Вот сволочь! Вот кого сбросить надо, мастер тагорт! И собаки его тут? Проклятье! Зачем он вам нужен, мастер тагорт?!

– Мастер Сварог. За тем же, за чем нам и ты. Мы теперь один экипаж, каждому найдется дело.

«Да уж, экипаж подобрался – не пожелаешь и врагам народа. Но – что выросло, то выросло. Будем их дрессировать, как сержант срочников-новобранцев... Эх, где-то ты, Странная Компания. Ничего, я скоро вернусь, мы еще повоюем...»

– Значит, так. Экипаж, слушай мою команду. Пассажиров среди нас нет, парашютов – тоже...

– Чего – тоже? – переспросил Олес.

– Не важно. Важно, что падать будем вместе. А чтобы не упасть, придется потрудиться. Для начала Олес и Пэвер вытянут тросы, свернут их в бухты. Баронетта, вы займетесь грузом, – кивнул Сварог на ящики, сундуки и прочие тюки, беспорядочно разбросанные по всей гондоле. – Князь держал аппарат в постоянной готовности к вылету. Значит, мы везем с собой джентльменский набор путешествующего монарха. Среди прочего должна отыскаться и кой-какая еда, вы уж, баронетта, не соблаговолите за труд взять на себя и приготовление легкого ужина... – Сварог заметил, как заблестели глаза Пэвера. Суб-генерал только что не облизнулся. Несомненно, этот прохвост надеется обнаружить в ящиках и некую часть княжеских погребов. Да, судари мои дорогие, с личным составом придется повозиться, чтобы из отряда анархистов-авантюристов получилось более-менее боеспособное подразделение... – На вас, баронетта, также ложится учет имущества, полная инвентаризация барахла. После тросов остальные члены экипажа приступают к аккуратному раскладыванию груза. Чтобы освободить свободный проход по салону, чтоб ничего не ездило по палубе и на голову не валилось... Вопросы, проблемы, неясности?

Оставь их без дела – пустятся мыши в пляс, начнутся поиски сомнительных развлечений, пойдут выяснения прошлых отношений. Нельзя допускать праздности на борту. Да, честно говоря, и не предвидится праздности, есть подозрения, что работой все будут завалены от печенок до горла...

– Разрешите личный вопрос! – браво отчеканила Клади.

– Личные – не больше одного, – сурово позволил командир.

– А на ушко? А на минуточку, шкипер?

Конечно, следовало бы, крякнув в кулак, сказать что-то весомое, военно-морское, мол, это вам не бал-маскарад, барышня, извольте встать в строй и вытянуться по стойке смирно. Но...

– В виде исключения, – сдался строгий шкипер.

– Вам штурманы нужны? – вот что прошелестела в ушко баронетта, обдав его ласковым и волнующим дыханием.

Сварог самонадеянно посчитал сказанное за игривый намек на приятные стороны исключительного положения подруги капитана. И решил, как говорится, остудить. Мол, не время сейчас, товарищ девушка, после, вот одолеем, победим, долетим, тогда уж...

– Клади, – начал он остужающую речь. – Я летаю на подобной машине впервые. Мне надо срочно во всем разобраться, чтобы подготовиться к возможным неожиданностям. И поэтому...

– А разве не ты горевал об утерянной карте? – перебила Клади.

– И? – Сварог невольно принял охотничью стойку.

– Что б вы, мужчины, без нас делали! Только командовать мастера. – Вздохнув, Клади достала из извечного женского сейфа согретую теплом девичьих округлостей скрутку тонкого пластика. – Бери и больше не теряй.

Сварог, лишь развернув рулончик и взглядевшись, окончательно поверил, что перед ним именно та самая карта. Бумага Ваграна. Да уж, признаться, охваченный подозрениями, он и думать не мог, что она...

– Как ты сумела?! – спросил Сварог, переводя восхищенный взгляд с бумаги на скромно потупившуюся баронетту.

– Потому что женщина, – лишний раз напомнила Клади. – Пока мужчины заняты своими играми с оружием, нам приходится проворно прятать compro-

метирующие улики. Видимо, природой заложено. Повезло, что вещица удобная, как раз поместилась. – Она не без умысла показала, где именно поместилась. – Я посмотрела бы на того солдата, даже из подчиненных старшего охранителя, кто осмелился бы обыскать Клады, баронетту Таго.

– Я восхищен вами, баронетта!

Сварог, отбросив всякие черные мысли, обнял баронетту и поцеловал, как во всех мирах целуют женщин, которых страстно желают. Черт, а он-то о ней такого напридумывал, кретин...

– А мы тут о тросы пачкайся, – долетело до них ворчание Пэвера.

– Чего их вытягивать, обрезать, да и дело с концом, – заметил Олес.

– Разговорчики, рядовой! – рявкнул Пэвер. И назидательно добавил: – Избавиться от чего бы то ни было, если это не болезнь и не жена, всегда легко, юноша. Вот возвращать замучаешься.

– На земле бы ты называл меня «ваша светлость», – угрюмо огрызнулся князь, впрочем, без всякого высокомерия.

– Потускнела твоя светлость, рядовой, как неумолимо тускнеет все сущее...

– Да вы философ, мастер суб-генерал! – искренне расхохотался Олес.

А Сварог, прервав грозивший стать затяжным поцелуй, с картой в кармане направился в кабину, где и нашел совсем больного Рошалья.

Кабина по площади превышала кабину земного самолета раза в два. Очень узкое лобовое стекло имело почему-то салатный оттенок и несколько искажало видимость. Квадратные иллюминаторы-окна по бокам были точь-в-точь такими же, как и в салоне. Еще кабина насчитывала аж два штурвала. Сварог, присмотревшись, понял, как фиксируются штурвалы в определенных положениях: с помощью деревянных клиньев, вставляющихся в отверстия на поворотном колесе. Перед каждым штурвалом к палубе было прибито по креслу с высокими спинками.

В лобовом стекле порхали зеленоватые клочья облаков. Боковые стекла позволяли разглядывать землю, их дирижабль сейчас проходил над низиной со множеством коричневых болотных полян, окруженных лесом. Вдали Сварог разглядел прямую линию гати, по которой брел обоз из трех телег. Телеги горбились крестьянским скарбом, сбоку и сзади шли мужчины, женщины и дети. Смотрели под ноги, воздухоплавательный аппарат не замечали, иначе бы проявили хоть какое-то оживление. Наверное, снялся с насиженного места гаэдарский хутор, движется к побережью. На что они надеются? Купить или выпросить место на корабле чужого государства? Успеть построить лодку и на ней если не доплыть до нового материка, то хотя бы попытаться отыскать пресловутые Блуждающие Острова?

А горизонт наливался багрянцем. Начинало смеркаться. Ветер свистел в тросах, крепящих гондолу к баллону, пел свою тоскливую песню...

Входя в кабину, Сварог задел головой знакомый «китайский фонарь», только не зажженный. Вот тоже задача: скоро стемнеет и снаружи, и внутри воздушного судна, значит, надо разбираться, как врубаются эти «фонарики», братья которых остались в ангаре.

– Где вы пропадали?! – злым тоном встретил его старший охранитель, полулежа в одном из двух кресел.

Сварог опустил на второе.

– Молодого князя на борт втягивал.

– Олеса?! – поразился Рошаль.

– Его.

– Ладно, ну его, потом. – Охранитель скривился от приступа высотного недуга, обхватил руками голову. – Я с трудом держу курс, нас то и дело сносит...

– А куда вы курс держите, позвольте полюбопытствовать?

– Что значит – куда?! На Гидернию, разумеется! – простонал Рошаль.

Сварог внимательно посмотрел на старшего охранителя. Интересно, может ли высотобоязнь вызвать помутнение рассудка? И спросил проникновенно:

– А зачем нам туда? Мы же вроде на Острова собирались...

– А Гидерния что, по-вашему, не остров, что ли? – разозлился охранитель. – Не мешайте. Я вас вытащил из кутузки, я и привезу, куда надо...

Сварог лишь недоуменно пожал плечами. Ну, Гидерния так Гидерния. Хотя – странно, конечно. И на кое-какие размышления наводит. К примеру, зачем выбирать такой сложный путь, чтобы выкрасть одного незадачливого короля из другого мира... Он поинтересовался:

– Компас-то здесь есть?

Вот тогда Рошаль и познакомил его с компасом необычного вида. Из навигационных приборов в кабине еще наличествовал альтиметр, как две капли воды похожий на каминные часы с одной стрелкой (только место циферблата занимала шкала, раскрашенная в семь цветов радуги, где каждый цвет означал определенную высоту), а также указатель силы и направления ветра, напомнимый Сварогу тестер электромонтера.

– Нас об землю не долбанет?

– Не должно. Давление газа в баллоне рассчитано. Если будем опускаться, придется выбрасывать балласт – свинцовые плиты в ящиках вдоль борта снаружи видели? А если потянет слишком высоко, стравлю газ из баллона. Проще простого. Ветер почти попутный, с ним легко забирать в сторону побережья... Вот, извольте, мы движемся к границе Гаэдара с Шадтагом через провинцию Керн, – сказал Рошаль и бросил на колени Сварогу карту. Карта оказалась топографической.

Рошаль взглянул на указатель ветра.

– Ветер в четыре паруса,[95] можно обходиться без мотора. – От напряжения у него заслезились глаза. – Побережем уголь.

Сварог оторвался от карты.

– А что у нас с углем, мастер Рошаль?

– Старший создатель убеждал, что на две земли[96] полета должно хватить. Это если жечь безостановочно, выжимая полную мощность. Если вы считаете, что нам этого достаточно, чтобы добраться до Гидернии, пожалуйста, заводитесь. Я бы пока доверился ветру.

– Я с вами согласен, мастер Рошаль. Нехай Гидерния.

Ощущение полета в дирижабле иное. Никакой вертолетной тряски или напряженной вибрации корпуса самолета. Дирижабль плавно скользит по воздушному катку, как яхта по легкому ветру и спокойной воде или трамвай по ровным рельсам. Конечно, с работающим мотором ощущения несколько изменятся. Внизу медленно проплывают земли и озера, вдалеке синеют горные пики...

– А эт-то еще что такое? – спросил Сварог. Самый высокий пик был окутан

плотным черным облаком, время от времени озаряемым беззвучными внутренними сполохами. Облако походило на исполинскую электрическую медузу, усевшуюся на гору. Дым клочьями сползал по склонам, обтекал льдистые уступы...

– Гора Краберен, – ответил Рошаль.

– Вулкан, что ли?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Никто не знает. Просто дым.

Сварог прикинул расстояние до пика и нахмурился. Облако на горе впечатляло своими размерами. И не просто впечатляло – пугало. Причем очень. Или здесь перспектива какая-то неправильная, или, случись извержение, жахнет так, что Везувий покажется детской хлопушкой... Вот так и наступает Тьма.

– И давно это – просто дым? – спросил он.

– С месяц, наверное.

– С месяц... А если рванет?

Рошаль опять передернул плечами:

– Так ведь обязательно рванет.

– А... Ну да. Понимаю. – Сварог вернулся к карте. – Значит, под нами сейчас Кернейские топи. Скоро должна показаться Ро. Ага, я прав...

Сварог бросил взгляд в окно – вдали блестела серебряная лента воды. Вновь заглянул в карту.

– Много поселений, смотрю, среди болот.

Сварог не обращался к Рошально, просто высказывался вслух, но старший охранитель ответил, борясь с очередным приступом боли:

– Лишний раз власть не доберется. К тому же на болотах процветал доходный промысел. Сбор горького мха, настой которого обладает легким дурманящим действием. Предыдущий князь боролся со сборщиками и с любителями настоя. Почти все болотные хутора повыжег. Мы же не препятствовали, вот они снова и расплодились.

– Скоро пойдем над землями Шадтага. Города есть резон огибать.

– Зачем? Стрелы и пули до нас не достанут... – возразил Рошаль и утер со лба пот.

«Есть чему достать. Смотря какие люди захотят тобой заняться. Так что нечего попадать под лишние взгляды», – подумал Сварог и предложил:

– А если набрать высоту?

– Видимость упадет из-за облаков. Как мы разберемся, где находимся?

«Это верно, с таким набором навигационного оборудования без привязки к местности не определишь, куда тебя занесло».

– Но все-таки, мастер Рошаль, от городов будем держаться подальше. Крюк так крюк.

– Тогда скоро придется запускать мотор. Нас несет прямо на Прогонт.[97] Отвернуть совершенно не сумеем, над окраинными селениями пройдем точно.

Наукой ларов в Сварога было вложено умение разбираться в незнакомых механизмах, но в данном случае не требовалось никаких особых умений. Все примитивно. Но примитивное не страшно, главное – чтоб надежно. Даже наличие двух штурвалов не поставило Сварога в тупик, что тут неясного: одним управляют вертикальные рули, другим – горизонтальные. Постоянное наличие двух пилотов обязательно лишь в ситуации маневра с изменением одно-

временно углов тангажа и рысканья. И какой бы необычной конструкции паровой двигатель не ждал Сварога в машинном отделении, покорение его много времени не займет. Если он исправен.

Дирижабль величественно достиг реки Ро, естественной границы Шадтага и Гаэдаро, пересек извилистую линию топкого, заросшего берега. Болотистая местность по обе стороны реки снимала необходимость в пограничных заставах, большим силам через топи не пройти, да и выгрузиться на такой берег – задача еще той сложности.

У шадтагского берега крутилось несколько широких тупоносых лодок. Стоящие в них люди что-то вылавливали баграми из спокойной, стального отлива воды. Когда «Парящий рихар» оказался над ними, Сварог разглядел, какого рода рыбалкой заняты прибрежные жители. Они обыскивали утопленников. Один в лодке притягивал багром и придерживал утопленника у борта, другой обшаривал и раздевал. Судя по грузовой лодке, в которую сваливали улов, клевало сегодня хорошо.

«Рыбаки» заметили над собой летучий корабль, замелькали руки и багры. Один «рыболов» от испуга свалился в воду. И было бы смешно, да отчего-то Сварогу не смеялось.

– Вы знаете, как зажигаются светильники? – спросил он, так как этот вопрос становился своевременней с каждой минутой.

– Да. Приподнимаете фонарь, снизу за головку выдергиваете нечто вроде булавки. Вот и все.

– Долго горят?

– Около суток.

– Неплохо! Откуда ж такие?

– Гидернийские штучки. Каждый стоит, как стадо овец. Попытка разобрать приводит к воспламенению всего, что может гореть, в радиусе пяти каймов. Это чтоб никто другой на Атаре не разобрался, как они устроены...

– Ах, черт! Надеюсь, успею, пока никто из этих не додумался...

Успел в самый раз. Олес уже крутил в руках «китайско»-гидернийский фонарик, уже пробовал за что-то подергать. Рядом стоял Пэвер и с командирским видом давал какие-то советы. До беды оставались минуты.

– Отставить фонарь! – рявкнул Сварог из проема кабины. – На место его!

Бурча под нос «как дети малые, оставить нельзя, так и норовят разобрать, сломать, посмотреть, что внутри», Сварог пробирался узким проходом между ящиками, тюками, узлами.

Одна Клади порадовала шкиперский глаз. Одна она занималась делом. Но при внимательном рассмотрении стало ясно, что и ее дело явно застопорилось на ящике со свертками разных тканей. Цветастые рулоны с отмотанными краями образовали пеструю горку, на вершине которой восседала баронетта с невесть откуда взявшимися ножницами в руках. Ими прекрасная охотница вырезала треугольные образцы тканей. Наверное, чтобы после приставать к Сварогу: «Тебе какое платье понравится, из черного бархата в горошек или...» Тьфу ты, думать даже не хочется!

Клади, ни на кого не обращая внимания, тихонько напевала себе под нос:

*Голубка моя,
Умчимся в края,
Где все, как и ты, совершенство,*

*И будем мы там
 Делить пополам
 И жизнь, и любовь, и блаженство.
 Из влажных завес
 Туманных небес
 Там солнце задумчиво блещет,
 Как эти глаза,
 Где жемчуг-слеза,
 Слеза упоенья трепещет...*

Сказать откровенно, голос у нее был. Но и все равно! Бригада «Ух», ядрен батон! Надо было капрала-наемника на борт поднимать или сбегать за тем любителем табачка с городской заставы. Вот с кем можно летать на всем, что летает...

– Незнакомые предметы трогать и разбирать только по моей команде. – Сварог взял в руки фонарь, перевернул его, обнаружил круглую головку, потянул, вытащил нечто вроде короткой спицы – и фонарь вспыхнул ярким немерцающим светом. – Вот так и никак иначе. Иначе сгорели бы к чертовой бабушке! Зажечь свет и всем заниматься работой. Работой, а не развлечениями! Всех касается!

Взгляни на канал

– как ни в чем не бывало продолжала мурлыкать Клади, поглядывая на Сварога,

*– Где флот задремал:
 Туда, как залетная стая,
 Свой груз корабли
 От края земли
 Несут для тебя, дорогая.
 Дома и залив
 Вечерний отлив
 Одел гиацинтами пышно.
 И теплой волной,
 Как дождь золотой,
 Лучи он роняет неслышно...*

Поглядывала Клади на него задумчиво и в текст песенки вкладывала какой-то свой смысл, но Сварогу сейчас было не до игр в гляделки. После с тобой разберемся... голубка моя.

Сплюнув в сердцах, Сварог прошествовал в машинное отделение, расположенное за дверью в самой дальней части гондолы. Зажег обнаруженные там фонари и в их свете рассмотрел установленную в середине паровую машину и два железных контейнера вдоль стен – с углем и водой. Перед холодной и раскрытой топкой ждали лопата и дрова для растопки.

– Рядовой Олес! – позвал Сварог, выглянув в дверь.

– Здесь, капитан!

– Вам доводилось иметь дело с лопатой? – встретил владетельного феодала вопрос.

– Шутить изволите, капитан Сварог? Я же как-никак князь...

– Тогда, душа моя, вас ждет приятное знакомство и новые удивительные ощущения.

– Да пожалуйста, – легко согласился Олес. – Что делать надо?

Сынок, конечно, балбес и разгильдяй, но особой фанаберии в нем нет. Или он глубоко ее задвинул, что тоже хороший симптом.

Промучавшись совсем недолго, Сварог запустил паровой двигатель. Машина распыхтелась закипающим чайником, задорно расстучалась. Агрегат новенький, весь в смазке, с нулевым износом – небезосновательны надежды на исправную работу в течение одного полета.

Князь-кочегар распустился не на шутку, лопата пришлась ему по вкусу, видимо, помогала выплеснуть за борт избыточную энергию.

– Ты смотри не увлекайся, – Сварог пощелкал по манометру. – Чтоб стрелка вот за эту черту не заходила, – и он ногтем провел невидимую черту поперек циферблата.

Так, блин, и летаем – пальцем направление указываем, ногтем оптимальное давление отмечаем...

Вот что не было продумано конструкторами, так это связь между кабиной и машинным отделением. Команды «полный ход», «малый ход», «жарь на всю катушку» и так далее придется подавать голосом, а значит, кому-то выпадет бегать туда-сюда.

Где-то снаружи сейчас должны были начать вращение лопасти пропеллеров. Теперь бывший старший охранитель короны Гаэдара, а нынче пилот первого класса Гор Рошаль сможет пролететь мимо любого города. Даже мучаясь агорафобией... Вот только курс держи отчего-то на Гидернию. Тоже ведет какую-то свою игру? Не похоже. Такое ощущение, скорее, что он под гипнозом. Гипнозом? Хм, интересное кино получается... Сварог вышел в салон.

– Капитан, ужин заказывали? – Клади провела рукой над скатертью из отреза толстой ткани, на которой были разложены сухие лепешки, вяленое мясо, сухофрукты, халва, орехи и некие неопознанные Сварогом продукты. – Стол накрыт.

А кушать-то хоца. Не говоря уж о неоспоримой пользе сего занятия. Ладно, пилот первого класса может и подождать. Пусть себе покамест рулит на Гидернию.

Вспоминая капитана Кучина, Сварог предположил, что Гор Рошаль какое-то время сможет справляться с болезнью, а значит, и с управлением дирижабля, вот потом высотоблезнь положит измученный организм на обе лопатки. Потом мастеру Рошалю, наверное, станет совсем хреново.

– Ну что, покорители воздуха, давайте трапезничать, – Сварог присел к дастархану.

– Из напитков на борту обнаружены бочонки с водой и вином...

– Что, в сущности, одно и то же, – встрял в доклад баронетты Пэвер.

– Я пообещала, что облегчу наш корабль на винные запасы, если кое-кто дотронется до бочонка без разрешения шкипера, – поведала строгая баронетта. – А если он посмеет упорствовать, то и на одного старого пьяницу.

– Женщина, – выпятил грудь Пэвер, – я командовал батальоном при битве на Седле Единорога, а вы еще в это время «агу» не могли связно сказать!..

– Сегодня пьем воду, стратонавты. Для желающих могу сотворить кофе, не более того, – твердо сказал Сварог. Конечно, он и сам был бы не против стаканчика доброго перебродившего сока, но – командир должен подавать пример. Пэвер, идейный сторонник эпикурейства, вполне способен нешуточно разой-

тись. Возись с ним потом. Проще вовсе не начинать, чем потом бороться с последствиями. – Хочу поделиться кое-какими соображениями.

Сварог задумал не просто отвлечь экипаж от неуставных мыслей, но и действительно поговорить о деле. Вытерев испачканные халвой пальцы о край скатерти, Сварог развернул Бумагу Ваграна и прижал ее углы автоматными патронами.

Где-то снаружи негромко чихнуло, еще раз, потом раздалось приглушенное тарахтенье, дирижабль качнулся, и под мерный стрекот лопастных винтов «Парящий рихар» поплыл наперекор воздушным течениям.

– Наш бравый пилот отчего-то решил, что мы летим в Гидернию, – сказал Сварог. – И недрогнувшей рукой ведет машину именно туда. Не знаю, как вам, а мне хочется на Острова.

– В Гидернию? – удивился Пэвер. – Его ж там повесят первым делом! Спятил охранитель, что ли...

– Глупости! Никто никого там вешать не станет... А ты собирался на Острова? – поинтересовалась Клади и внимательно посмотрела на Сварога.

– Ну да, мы же вместе собирались! Хотя, если в этой вашей Гидернии найдется дверца на Тропу, я обеими руками за.

– Гидерния – самая развитая страна на Аtare, – напомнила Клади. – Может, они что-нибудь и придумали уже.

– Надеюсь... А я бы все же двинулся на поиски Островов. И вот смотрите, что придумал ваш храбрый капитан по этому поводу. – Он помолчал, собираясь с мыслями: рассказывать, не рассказывать? И решил рассказать. Хуже уже не будет. – Даже если мы захотим на этом красавце допорхать до Граматара, нам все равно потребуется посадка. Запастись едой, углем, водой. Потом, нет никакой уверенности, что мы правильно разберемся, где этот новый материк всплывает. А если и разберемся, то что нас там ждет?.. А вот ежели отыщем Острова – это докажет, что мы верно читаем карту. Теперь о чтении карты. Смотрите. Видите эти два пунктира? Два эллипса, Атар огибающие...

– Я бы так обозначил течения.

– Именно, мастер Пэвер! Именно течения. И другие пунктиры, по моему разумению, тоже обозначают течения. Но есть некая отличительная особенность конкретно у этих пунктиров. Во-первых, замкнутость. Во-вторых, проследите глазом по всему эллипсу, видите? Как бы утолщения, заштрихованные кружки на линиях. Что это? Я подозреваю дрейфующие острова. Дрейфующие по течению, как планеты по орбитам, и, как планеты, своих орбит не покидающие. И если мы пройдем по одной из пунктирных линий от и до, то рано или поздно отыщем Остров.

– А если ваши выкладки неверны? – скептически покачал головой суб-генерал.

– Тогда возвращаемся на материк, пополняем запасы и прокладываем новый маршрут.

– Я еще далеко не все разобрала, но продуктов князь припас достаточно, чтобы летать без посадки месячишко-другой. А если добавить ваши чудодейственные умения, граф Гэйр...

– Уголь, к сожалению, я добывать не умею, баронетта.

– А как мы определим, что вышли на пунктирную орбиту? Вряд ли на морскую воду нанесены штришки, – в очередной раз атаковал сомнениями Пэвер.

– К сожалению, с навигационными приборами на княжеском корабле дело обстоит не так замечательно, как с модными тканями, – ответил Сварог и подмигнул Клади. – Масштаб карты мы примерно определить в состоянии. Далее прикидываем скорость нашей машины, выходим на предел, за которым точно уже не может лежать условная линия дрейфа, и начинаем барражировать синусоидой вокруг Атар, пока не увидим Остров. Может быть, придется помучиться, но способ должен сработать. Если, еще раз повторяю, прочтение карты верно и никто, кроме бравого Рошаля, в Гидернию не собирается.

Он посмотрел на Клади. Та сидела опустив глаза.

– М-да. – Пэвер явно не склонен был впадать в оптимизм. – Но, с другой стороны, что мы еще можем предпринять? Разве что ринуться на поиски новой земли, гораздо более далекой во всех смыслах, чем ваши Острова, или, зависнув над Атаром, дожидаться катастрофы, чтобы своими глазами убедиться в ее достоверности. Как верно заметил однажды полковник Некуази в «Книге распахнутой мудрости»: если ты вынужден выбирать между туманами, входи в тот, что ближе к твоему дому.

– Так что, поворачиваем все же на Острова? Пойду скажу, чтоб менял курс.

– Граф, а ведь вряд ли на Острове нас примут с распростертыми объятиями... – беспокойно вскинула глаза Клади.

– Мы всегда сможем оттуда свалить, – успокоил Сварог. – Подбить нас на подлете? Не должны. Если они так могущественны, как гласят легенды, то испугаться им не позволит самоуверенность, должно возобладать нормальное человеческое любопытство. А если там живут дикари, то им не из чего будет нас подбить.

Сварог не был убежден в безукоризненности своих выкладок. Зато в следующее слово он вложил искреннюю свою убежденность:

– Выпутаемся.

– Между прочим, о легендах, – сказал бесхитростный Пэвер, дав в ладонях ореховую скорлупу. – Я когда-то занимался этим вопросом и от моряков наслушался прорву историй о Блуждающих Островах. В некоторых упоминалось о землях, что показываются в один и тот же день на одной и той же широте. Веры таким байкам, конечно, сами понимаете... К тому же ни одна ж не рассказывалась на сухую. Кстати, мастер Сварог, – вспомнил Пэвер о еще одной проблеме, – как быть с тем, что вас принимают за тагорта и юный князь, и охранитель?

– Князю, смею вас заверить, все равно, тагорт я или кто-то еще, – ответил Сварог и поставил на скатерть сотворенную им чашечку кофе. – Он отнесется к новости с полнейшим своим равнодушием... Чего трудно ожидать от мастера Рошаля. Поэтому, сдается мне, нет нужды раньше времени оповещать и того, и, заодно, другого. Как-нибудь найду подходящее время удивить.

– Вспомнил, – в кулаке Пэвера хрустнула очередная скорлупа. – Орешков не желаете, баронетта? Готов наколоть. Так вот. Некий шкипер Урташ, с кем бы я не рекомендовал сталкиваться на морских просторах, но у которого просто не хватило бы воображения сочинить самому даже банальную историю про гигантского змея, так вот он поведал о том, как вел свой корабль, потрепанный в некоей морской стычке, к некоему Острову. Остров неожиданно показался... Именно Остров показался, поскольку посудина Урташа лежала в безнадежном дрейфе...

Все трое вскочили на ноги.

Гондола сотряслась от удара. Одно из окон-иллюминаторов треснуло, Сварог первым оказался около него. По стеклу разбежались трещины, текла кровь...

– Что это?! – прошептала Клади, оказываясь рядом.

Сварог отпрянул, сработав на рефлексах, толкнул Клади и прикрыл ее собой, когда темная масса, спикировав откуда-то сверху, вцепилась в окно. Стекло опять выдержало, лишь дало новую трещину, а темная масса провалилась вниз. Сварог успел ухватить взглядом, что это было. Распластанные крылья, клюв и бусинки глаз... Птица.

Все иллюминаторы с этой стороны гондолы задрожали от ударов снаружи. Черные тени заполнили фиолетовое небо. Птицы одна за другой вбивали свои тела в окна. Только в окна...

– Свет! – догадался Сварог.

– Надо погасить фонари!

– Эти чертовы фонари погаснут через сутки! – крикнул Сварог и подхватил с пола автомат. – Клади, накрывай их тряпками!

Выбросить лампы – погрузить себя на ночь во мрак. Никак не годится.

– Пэвер! Сюда! – Сварог, по дороге подобрал и сунув в карман карту, распахнул дверь гондолы, закрепил ее на крюке. – Держать будешь! За пояс! Нежно держи!

Прежде чем Пэвер добрался до Сварога, десантник, лар и воздухоплаватель короткой очередью прошел темный птичий силуэт в дверном прямоугольнике. Как из взрезанной подушки, разметало по сторонам перья. В раскрытый проем с холодом и ветром врывались истошный клекот и хлопанье крыльев.

Спихнув носком сапога с комингса черную тушку не больше сорочьей, ухваченный за ремень Пэвером (другой рукой тот вцепился в поручень) Сварог тут же открыл огонь.

Бить можно было только по сторонам и вниз. И ни в коем случае вверх – бока баллона нависали над гондолой, и продырявить их было проще простого. Ладно еще, если в таком случае они всего лишь начнут терять высоту, сядем как-нибудь более-менее мягонько. А ну как закачан водород – бабахнет не приведи господь! Сомнительное счастье разделить участь детища герра фон Цеппелина по имени «Гинденбург»...

Работа лара и десантника Глебу Жеглову пришлась бы по душе. Короткими очередями Сварог сбивал птиц, яростно бьющихся в иллюминаторы по одну сторону от двери, поворачивался и расстреливал атакующих кормовые иллюминаторы гондолы; потом снова стрельба по пернатым, взламывающим лобовые иллюминаторы, потом перевод огня на стайку, пока еще сопровождающую дирижабль...

Хорошо, что взбесившиеся птахи заходят только отсюда. На другой стороне гондолы тоже имелась дверь, но путь к ней пришлось бы расчищать от княжеского хлама. Впрочем, Сварог догадался, почему так происходит: ящички и тюки, наваленные у противоположной стены, закрывали иллюминаторы, как светомаскировка.

Спикировавшую сверху птицу Сварог отбил прикладом, и, когда та, выделывая фигуры высшего пилотажа, пошла в лобовую атаку, встретил очередью. Оказалось, последней очередью. Запасного магазина не имелось. Оставался

неистоцимый шаур. А шаур остался у Рошалья...

Запирая дверь, Сварог окинул взглядом воздушные окрестности. И выругался незнакомыми Пэверу словами. Снизу надвигалась туча, меняющая свои очертания, разбивающаяся на точки. Если первая атакующая волна, частично рассеянная Сварогом, насчитывала десятки крылатых особей, то тут попахивало уже сотнями, если не тысячами. Отменной заварушкой, в общем, попахивало.

Сварог захлопнул дверь. Клади оставалось затемнить еще пару светильников, но на них времени не было. Первый фонарь сорвал с крюка Сварог, второй вытащил из зажима на стене Пэвер – и оба одновременно, приоткрыв на секунду дверь, вышвырнули непотушенные «китайские фонарики». Может, и поможет...

Теперь – гасить свет в кабине и забирать шаур.

– Эй! – послышался голос Олеса, и молодой князь оранжевым прямоугольником обозначил вход в машинное отделение – там иллюминаторы отсутствовали. – Что у вас за свистопляска? Помочь?

– Ты на машине до приказа «отбой»! И дверь закрой! Клади! – Прежде чем позвать баронетту, Сварог включил «кошачье зрение». Впрочем, полной темноты в салоне не получилось. А получилось что-то неуместно неприличное. Накрытые толстой материей фонари напоминали «ночники», они погрузили салон в интимный полумрак, отчего и само слово «салон» приобретало двусмысленность. Если птах завлекает и такой свет, если продолжат ломиться, тогда придется избавляться от всех фонарей. Однозначно и быстро.

– Да чтоб тебе в пах прямой наводкой бах!.. – зацепившись за что-то, загремел на пол Пэвер.

– Клади! Завешивай окна! Пэвер, помогай! – Сварог уже шел к кабине. – Дьявол, оружия мало! Ведь князь, как пить дать, его припас...

– Я наткнулась на мечи. Четыре. Они в ковер завернуты...

– Покажи генералу, где лежат! Хоть что-то...

В кабине было темно и без Свароговых указаний. Рошаль тоже сообразил, что к чему, и избавился от фонарей. Вот только как? Оглядевшись, Сварог догадался – по полосе света, пробивающейся в щель из-под крышки ящика на полу. В ящике хранилась всякая мелочевка вроде гаечных ключей, ветоши и запасного компаса, туда же охранитель пристроил чертовы «китайские фонарики». Еще Сварог обнаружил на левом бортовом иллюминаторе отверстие, похожее на пулевое. Какой-то пернатой твари удалось-таки пробить стекло, но оно не разлетелось вдребезги – все-таки неплохие стеклышки приобрел князь. За окнами темнело на глазах, можно начинать отсчет ночному времени. А справа по ходу, навскидку – кабелотах в сорока, полыхало зарево.

И еще какое зарево полыхало справа по ходу! Гореть так не мог ни дом, ни деревня, ни даже лес. Пожар охватывал невероятных размеров площадь; создавалось впечатление, что языки пламени взлетают чуть ли не на высоту дирижабля.

– Это Пангерт, – послышался ослабевший голос старшего охранителя. Рошаль скрючился в кресле и дрожал, как от озноба. – Древняя столица Шадтага, лучший город на Атаре. Храм сорока богов. Архив Истефана. Жемчужный Дворец. Вы видите, во что они превращаются...

Старший охранитель никак не напоминал сейчас того человека, к которо-

му Сварог привык за сегодняшний день. Кто бы мог предположить, что оберполицейский Гаэдаро, наводивший ужас на обывателей и действительно державший страну в железном кулаке, может выглядеть как обыкновенный человек, раздавленный болью...

– Мастер Сварог, я долго не выдержу. Садитесь на мое место. Голова разламывается. Что-то совсем... Водяная смерть, какая боль! Да. Мастер Сварог, взгляните... Собаки... Такими их я никогда не видел. Что с ними?

Собачий скулеж Сварог, разумеется, слышал, протяжный и заунывный, скорее не скулеж, а вой. Но на псов Гора Рошаля взглянул только сейчас. Все три собаки забились за второй штурвал, прижались к стене и друг к другу, царапали лапами палубу и завывали, задирая головы.

– Может быть, чувствуют, что хозяину плохо...

– Нет, – жестко, напомнив самого себя, перебил старший охранитель. – Эти собаки до такого жалкого состояния дойти не могут. Взгляните на них, взгляните им в глаза, внимательно взгляните. Там страх. Им страшно. Но эти собаки не умеют бояться, мастер Сварог. Их не успокаивает даже мой голос. А это невозможно, поверьте мне...

– Пожар пропал, – вдруг сказал Сварог. Сказал то, что видел. Был пожар – и нет.

– То есть как? – Рошаль повернул голову к окну. И увидел то же, что Сварог. То есть ничего, кроме ночного, непроницаемого мрака.

Непроницаемого даже для зрения Сварога. Обступившего со всех сторон. Словно они попали в грозное облако. Но чтобы в него попасть, облако это должно надвигаться, приближаться. Тут же...

Дирижабль подбросило, словно он попал на ухаб, и следом его словно подтолкнули в бок, Сварог удержался на ногах, схватившись за штурвал. Рошаль вцепился в спинку кресла. Собаки с лаем заметались по кабине, бросаясь на стены. Собаки зашлись в лае. И лай внезапно перешел в хрип.

После чего Сварог включил «третий глаз».

Глава четырнадцатая, короткая, которая могла стать еще короче – если вообще не последней

В «магическом зрении» это выглядело как завораживающий и отталкивающий хаос. Туча, развернувшаяся в бесконечность и сотканная из разудалого пляса геометрических фигур. Угольники, прямоугольники, многогранники, ломаные кривые, узоры и сплетения. Но ни единой плавной фигуры. Да, силы, не любящие свет, не любят и плавные линии. В чертах, творящих эту геометрию, Сварогу почему-то почудилась проволочная твердость. Некоторые линии и фигуры складывались в неведомые письмена, иероглифы, знаки – или так казалось, что складываются.

Это притягивало и слепило, это мешало. Сварог убрал «магическое зрение», и в реальности геометрический танец заменила грозная, клубящаяся чернота. Клубы словно облизывали стекла, но через «пулевое» отверстие на стекле в кабину ничего не просачивалось. И то спасибо.

А потом вдарил громовой раскат, встряхнувший машину и оглушивший людей, а тучевое скопление вокруг дирижабля зажглось нитями молний, будто раскалилось на мгновение миллиардами вольфрамовых спиралей. Молниевый удар походил на чудовищную вспышку фотоблица, охватившую

огромную территорию. Он высветил землю под ними и далеко впереди. Как оказалось, это был первый приступ грозы, но далеко не последний. А если баллон наполнен горючим газом и хоть одна молния...

И тут же, словно гром и молнии послужили неким сигналом, их с немыслимой, невозможной скоростью рвануло вперед. Если б на борту стоял спидометр, настроенный на здешние освоенные скорости, его бы зашкалило в один момент. Хуже того: обнаружилась и другая напасть – «Парящий рихар» прибливало к земле, что услужливо фиксировал альтиметр.

– Попали, твою мать! – рывкнул Сварог и одним ударом загнал в пазы клин, стопоря штурвал управления по горизонту. Держать направление по компасу потеряло сейчас всякий смысл. Гадать и выспрашивать, что за хренотень творится вокруг, не было ни времени, ни особого желания.

– Вверх... сбрасывайте балласт... – прохрипел Рошаль, вывалился из кресла, дополз и прижался к борту дирижабля. Собаки прильнули к нему, уткнули морды в складки его балахона. Они уже не дрожали – они заходились в трясучке. И не скулили, не выли, лишь тяжело дышали. Сбросить балласт. Свинцовые плиты в ящиках, прикрепленных к днищу гондолы по всей площади... Рошаль предлагал один из двух выходов, которые видел и сам Сварог: или попробовать выйти из грозового фронта, забравшись выше его, или резко уйти вниз, вынырнуть из туч и попытаться посадить машину более-менее аккуратно – если там, внизу, ветер слабее.

– Как его сбросить? – перекричал Сварог раскат грома.

– Люк... Где коврик... – услышал, когда отгремело.

Сварог понял, о чем говорит старший охранитель: коврик возле штурвала горизонтальных рулей.

Они будто ухнули в яму. Внутренности свело, Сварог невольно присел. И на корточках добрался до коврика. Содрал его, откинул крышку люка. В углублении блестели три ряда скоб. Сварог выдернул все, одну за другой. Если скидывать балласт, то весь без остатка, чтоб резко взмыть вверх. Существует опасность, что на высоте давление внутри баллона разорвет его в клочья, но думать об этом было занятием бессмысленным.

Не взмыли. Ни резко, ни вообще. Их и дальше тащил за собой, тащил в себе грозовой шторм, прижимал к земле, забавляясь дирижаблем, как игрушкой. Отказывать себе в удовольствии доиграть до конца стихия не собиралась.

– Ну, это мы еще посмотрим, – проворчал Сварог и, широко расставляя ноги (дирижабль стало раскачивать, как лодку на волнах), направился к Рошалю.

Последовало падение в очередную яму, затем дирижабль подбросило вверх, а Сварога швырнуло на Гора Рошалья. Упав, он случайно столкнулся со старшего охранителя тело собаки. Уже бездыханное тело. О господи, не только эта, но и все собаки мертвы! Какой же ужас должен быть заключен в иссиня-черных клубках? Сварог способен видеть магическую сущность объектов, но не может ее ощущать. На свое счастье, не может. Собаки могли – и вот они уже остывают...

– Рошаль! Гор Рошаль, чтоб тебя!..

Чертового охранителя короны пришлось трясти за плечо. Наконец Рошаль открыл глаза, мутным взором уставился на Сварога, потом собрал все-таки в кулак остатки воли и разума.

– На задней стенке кабины. Рукоять... Круглая... Выдвигается на себя...

Рукоять Сварог нашел без труда. Бронзовая, похожая на дверную. Рванул, вытянул до упора, до конца, отпустил. Никакого манометра, показывающего давление в аэростате, конечно же, не найти. Все предлагалось оценивать на ощупь, на слух, на нюх. Итак, будем считать, что где-то открылся клапан, газ благополучно выходит в атмосферу и, по идее, «Парящий рихар» должен начать очень быстренько снижаться.

– Мастер Сварог!

– Граф Гэйр!

Магниевые вспышки молний участились. Очередная высветила у дверей кабины две фигуры – Клади и Пэвера.

– Пэвер! – заорал Сварог. – Нужно добраться до Олеса! Передайте, чтоб поднял давление до максимума! Мы должны выжать предельную скорость!

– Вас понял! – рявкнул в ответ Пэвер. – Чтоб мне суши не видать...

А Сварог уже сидел в кресле перед штурвалом высоты. Судя по альтиметру, они сейчас в трехстах каймах от земли. И снижаются не быстрее, чем прежде, несмотря на открытый клапан.

Просчитываем события, заглядываем вперед. Если их будет придавливать с той же скоростью и неумолимостью, то в предельной близости от земли можно попытаться сесть на брюхо, забирая на полной мощности мотора вверх, преодолевая пресс грозовой массы. Что ж, похоже, это единственный способ...

Хотя... Погоди, погоди... Единственный, говорите... Безнадега, говорите, игрушка в руках разбушевавшейся стихии...

План не план, но некий эскиз того, как приземлить этот монгольфьер с пропеллером, в общих чертах прорисовался. Безумие, конечно, самоубийство, но ничего более умного Сварог придумать не смог. Их так и так долбанет оземь, а никаких магических штучек, чтобы противостоять грозе, у него не было...

Клади пересекла кабину, оказалась за спиной Сварога, ухватилась за спинку кресла.

– Мне что делать?!

– Сейчас, сейчас, минуточку... – Сварог вскочил. Для начала закрыть клапан, незачем расходовать газ, план поменялся. – Так, баронетта...

Договорить Сварог не сумел. Ослепительная вспышка молнии высветила окрестности на несколько кабелотов вперед и вокруг. И Сварог увидел. Увидел, куда несет их машину. Клади, заметив, как он дрогнул лицом, обернулась юлой – и тоже увидела...

Прямо по курсу стеной вставали горы. На расстоянии примерно (поди определи точно!) сорока кабелотов полета и жизни. При их кошмарной скорости – в запасе минут пять. Грозовой шторм целеустремленно гнал дирижабль на камни, и вряд ли он утихнет или передумает. Сварог бросил быстрый взгляд на альтиметр. Стрелка идиотской цветовой шкалы по-прежнему болталась в желтом секторе, значит, высота от двухсот до трехсот каймов. Зло, чуть не вырвав с корнем, Сварог опять рванул на себя бронзовый штырь, открывающий клапан стравливания газа. Хотя клапан этот теперь, скорее всего, уже ничему не поможет и не помешает.

– Все... – Клади не рыдала, не истерила, но лицо и голос ее потухли. Так бывает, когда не видишь выхода и смиряешься с неизбежным. – Я должна тебе сказать...

– Потом. Будет время. Слушай меня внимательно. – Они смотрели друг на друга, держась за спинку кресла. Одной рукой Сварог обнял Клади. – Помнишь якоря возле люков для выброса тросов?

Дирижабль – это вам не самолет, который сдвинет с места лишь сила его собственных моторов. Дирижабль якорят, чтобы его не сдуло с места приземления, не унес ветерок. И якоря, ясное дело, входили в комплект «Парящего рихара». Более того: якоря были крепкие, добротные, с толстыми лапами и острыми жалами – Сварог рассмотрел их, когда вытягивали гайдроп с молодым князем.

– Бери Пэвера и Олеса. Бросайте якоря. Потом все втроем – в машинное отделение.

Конечно, в машинное отделение. Когда зацепится первый же якорь, в салоне смерчем закрутится багажный шабаш. Зашибет обязательно – не Рошальевым сундуком, так князевым ящиком.

– Врубайте полный назад, я Олесу показал, где рукоять переключения, и крепко держитесь за что-нибудь. Все. Вот что мы можем.

– Поняла и ушла, – сказала Клади и так быстро, как позволяла болтанка, бросилась из кабины.

Сварога ждала своя программа действий. Он поднял с пола Рошаля, хлесткими пощечинами привел в себя.

– Давай, прокуратор, жги последние волевые резервы, – сказал Сварог, когда Рошаль раскупорил веки. – Ноги переставлять сможешь?

Тот кивнул.

Сварог поволок главного чекиста Гаэдара в салон. Интимного полумрака в пассажирско-багажном отсеке уже не было – кто-то из экипажа сорвал с двух фонарей светомаскировку. Действительно, какие там птички! Птички уже давно казались не злом, а всего лишь досадной помехой.

Экипаж с поставленной задачей справлялся. Один якорь уже скинули, виток за витком разматывалась бухта троса. Вот Пэвер нацепил якорь на второй крюк, которым оканчивался каждый трос, щелкнул фиксатором и вышвырнул его в распахнутый люк. Заторопился к следующему тросу, спотыкаясь и падая. Молодцом работают. Без суеты и нервозности. У Клади вышла в нешироком отверстии путанка из плохо уложенного троса, она, недолго думая, ногой пропихнула «бороду» в люк, а затем протолкнула бухту целиком. Олес подбадривал себя солеными ругательствами вперемешку с жаргоном.

По салону уже ездили ящики, перекатывались тюки, что-то дребезжало, стучалось и валилось. «То ли еще будет, ой-ой-ой...» – некстати прокурлыкала в его голове Алла Борисовна.

– И сразу бегом в машинное! – крикнул Сварог, распахивая заднюю дверь салона. – Живо!

Сварог уже не придерживал Рошаля, а тащил. Охранитель вновь отключился. Ясно, что его доконала не только болезнь высоты – на агорафобию удачно наложилось это светопреставление с магической подкладкой.

Забросив Рошаля в машинное отделение и оставив его на полу, Сварог подобрал лопату, влез на емкость для воды – огромный железный ящик – и черенком сдвинул щеколду на крышке люка. Откинул крышку... Водяная смерть, как они тут выражаются! Печенки какого-то там Навака вам в глотку и мать вашу в перехлест через клюз! Под завязку! Сейчас свободного места в

емкости было всего на треть кайма от верхней грани. Ну нет, врагу не сдается наш гордый «Рихар»...

Спрыгнув вниз, обошел ящик с запасом воды для охлаждения парового двигателя. Ага, вот он, родимый. Хорошо что все новенькое, кран не проржавевший. Крутанул вентиль, тот пошел легко-легко. Из жерла трубы на пол машинного хлынул поток. Сварог открутил кран до упора.

Ворвался экипаж.

– Наверх!!! Быстро!!! Лезть внутрь!!!

Что-что, а командовать Сварог умел. А что такое уметь командовать, товарищи новобранцы и прочие штатские? Это значит мочь сказать так, чтоб даже у самого последнего интеллигента не возникло желания сомневаться, спорить и переспрашивать.

Первым, ловко подтянувшись за верхний край, наверх взобрался Олес. Втянул Клади. Пэвера посадил подоспевший Сварог.

А Рошаля он сначала охлопал. Отыскал шаур и переложил себе в карман. Побаловался охранитель – и будя. Возишься с ним, как с раненым комиссаром, и еще законное оружие законному владельцу не возвращай, так, что ли? И вот только после Сварог поднял мастера Рошаля на руках, передавая Олесу и Пэверу.

– Живее там, лезь в воду! Клади, докладывай уровень воды!

– Пол-кайма от верха! – тут же отозвалась баронетта.

Дирижабль задергался. Так дергается спиннинг, когда блесна продирается сквозь водоросли. Только сейчас не блесна, а якорь цепляется за деревья, землю, камни, за все подряд, ищет прочного, несъемного зацепа.

– Кайм! – донесся из квадратного отверстия емкости голос баронетты.

Его экипаж уже полностью исчез за стенками железного ящика. Сварог же собирался дожидаться, пока воды внутри останется половина, и завинтить кран. Но уже не успеть, через несколько секунд якорь прочно вгрызется лапами в какой-нибудь ствол, вросший в почву тысячами корней, а следом еще пять якорей вонзят жала, и такая пойдет карусель...

Сварога швырнуло на паровую машину, когда он уже закрутил кран. Шандарахнуло о какие-то железки. Нет, хватит ползать. Его не скинуло с ящика только потому, что при первом, сравнительно слабом рывке он успел упасть на живот и вцепиться в край открытого люка. Второе сотрясение дирижабля оказалось именно таким, какое Сварог и предугадывал при зацепе якоря за несдвигный объект.

Дверь машинного отделения к чертям сорвало с петель. Паровой двигатель мотыльнуло в креплениях, сдвинуло основание трубы – из щели, шипя, как двадцать тысяч змей, ударил пар. Дирижабль крутанулся волчком, и, пробив деревянную переборку между салоном и машинным отделением, в машинное влетел один из княжеских ящиков – влетел, чтобы удариться о емкость с запасом угля и разлететься в щепы. Из салона донесся душераздирающий треск: как пить дать, вырывает с корнем крепеж троса в полу гондолы...

Сварог проехал на животе вперед, но наверху удержался и, поймав паузу, нырнул в емкость с водой, закрывая крышку. И до пупа погрузился в воду.

– Здравия желаю, экипаж, как настроение? – Командир должен не терять присутствия духа.

– Мокрое, – отозвалась Клади. Охранитель очухался. «Кошачий глаз» позво-

лял Сварогу видеть, что происходит в темном железном нутре. Рошаль наклонялся, опускал голову в воду, отфыркивался. Очухался, стало быть, но приглядывать придется, раз взялся спасать Рошалеву жизнь. Клади – о женщины! – ощупывала костюм на предмет прорех. Пэвер морщился и поглаживал под водой ушибленное колено. Олес вдруг пропел:

*Корабль плывет, толпа кричит!
Оставить рады мы
И церковь, и родимый дом!
Зеленые холмы!*

– И ради этих удовольствий я покинул погреба и девочек, – тяжело вздохнул суб-генерал.

– То ли еще будет, – пообещал Сварог. Понятно, он не собирался никому рассказывать о том, что лары, одним из которых Сварог имел удовольствие быть, не могут разбиться. Потому что тогда пришлось бы врать, что и друзья ларов, падающие бок о бок с ним в железном ящике, тоже обязаны не разбиться. Впрочем, и с ларами, которые в воде дышать умеют, что сейчас вдруг оказалось неожиданно кстати, в последние дни творятся странные вещи. Взять хотя бы не самоуничтожившийся шаур или произвольно сползающую личину. Последние дни приносят грустные открытия, господа, как бы тенденция, однако, не продолжилась... А Олес все надрывался:

*Вот солнце слева из волны
Восходит в вышину!
Горит и с правой стороны,
Спускается в волну!*

А пока продолжились потрясения в прямом смысле слова. Дирижабль швыряло из стороны в сторону. Над головой гроыхало и рушилось, железный грохот сотрясал стены их вместилища, воду бултыхало, как в стакане, который крутят в руке. Сварог мог представить, что происходит: якоря схватились, грозная буря со всей дури толкала машину вперед, попутно открытый клапан азростата стравливал газ, понижая высоту, винты – если до сих пор еще работали на реверс, то как могли снижали скорость, пару тросов, наверное, выдрало к едрене фене вместе с частью гондолы, проделав в палубе пробоины, в которые, как из распоротого брюха акулы, вываливается в ночь всяческое барахло. Якоря вырывало то один, то другой, может быть, вместе с деревьями, с пластами земли, однако они снова и снова цеплялись за что-то другое, сбивали проклятую скорость. Но главное, дирижабль прибывало, пригибало к земле – это ощущалось желудками. И скоро они должны или врезаться в горы, но уже не на всем скаку, или заскрипеть брюхом дирижабля по лесным кронам, каменистым буграм, густой траве или что там еще у вас внизу...

– Ну, держитесь, ребята, – предупредил Сварог, отплевавшись водой. – Сейчас шарахнет будьте-нате. Но зато это последний аттракцион...

Ребята, которых мотало от стенки к стенке, единогласно, пожалуй, голосовали пусть за самый нервотрепный, но уж чтоб точно последний аттракцион.

И они на нем прокатились. Дирижабль резко клюнул носом, и тут же над головой рвануло, как атомный взрыв. Ясное дело: лопнула оболочка азростата – хорошо хоть давление в нем уже упало. Людей в ящике швырнуло к передней стенке, сбивая в кучу, но вода смягчила и этот удар.

А потом их ящик куда-то съезжал и переворачивался, замешивая коктейль из людей внутри. Что-то сыпалось, барабаня по верхней крышке, что-то трещало и рвалось со всех сторон.

«Лишь бы крышка оказалась не внизу», – заклинал Сварог.

Их, с позволения сказать, катапульта наткнулась на что-то, приподняла задницу, опустилась – и замерла.

Крышка оказалась внизу.

Глава пятнадцатая Кто рано встает...

Зубастые серебряные звездочки пробивали в железном листе аккуратные продолговатые отверстия. Вода дырочки находила и прилежно вытекала на волю из железного заточения. Сварог спрятал шаур. Можно, конечно, и дальше палить, пока не отстреляешь отверстие шире самой широкой головы в их компании, но не лучше ли для начала попробовать что попроще, что побыстрее?

Пустой железный ящик и ящик заполненный – это, знаете ли, две большие разницы. А если ящик еще и положен не на ровное – допустим, бетонное – покрытие, а на рельефное – допустим, камушки и кочки, – то ящик изнутри запросто можно раскатать толпой и окантовать. Что они и проделали. Благо все были живы.

Громыхнув, обезвоженная емкость разок перекатилась, и люк очутился сбоку. Теперь наружу можно выбираться вполне комфортно.

Они выбирались и попадали под ночь. Под беззвездную теплую ночь. Сухая гроза погромыхивала над головой, но уже без прежней ярости. Стихал и ветер. Грозовой фронт относил прочь, на поиски новых жертв.

Сварог первым делом огляделся «кошачьим зрением». Их закинуло в предгорье, на каменистый пологий склон: валуны, редкие невысокие деревца с кривыми стволами, чуть ниже – островок из плотных зарослей кустарника. Кабелотах в трех вниз по склону начинается полноценный лес, в полукабелоте выше по склону предгорье резко взмывало ввысь, переходя в собственно горы. Обломки «Парящего рихара» разбросаны повсюду, придавая местности вид не самой захудалой мусорной свалки.

Потом Сварог огляделся зрением магическим. Чистота, покой и благолепие, прямо-таки заповедник «Жизнь без магии». Или, может быть, нечисть не дурнее нас с вами, и если ей на голову валится тяжеловесный хлам, то твари окажнные будут драпать прочь со всех лап?

Сварог не без ностальгической грусти старого пилота («эх, отлетали мы свое») посмотрел наверх, посмотрел тем же самым магическим глазом. В грозных остатках проскакивали синие с белым отливом искры.

Чувство опасности молчало. Зато его молчание с лихвой компенсировали недавние воздухоплаватели.

– Потроха Наваки, уже и забыл, когда последний раз попадал в такие переделки. – Пэвер сидел на травяной кочке и растирал попеременно то колено, то плечо. – Плечо, кажется, вывихнул, медузу тебе в любовницы и шило в мочевой пузырь!

– Ну, папаша! Вгрохал все семейные бабки в этот летающий хрен с моторчиком – и не мог построить чего попрочнее! Вот доска. – Олес нагнулся, поднял на всеобщее осмотрение двухкаймовый обломок стрингера гондолы. – А

за нее, может быть, уплачено золотом, добытым прадедом в походе на Микс-танг. Или на нее ушел перстень, который мать привезла с собой из Бадры.

– Ваши забавы в первую очередь оплачивались моими налогами, – припомнил князьку Пэвер, поводя плечом и гримасничая от боли. – А также непосильным трудом военных и простых штатских людей.

«Классовых битв мне только не хватало», – прислушался к их разговору Сварог. И тут же его отвлекли.

– Одно из двух, – сказала Клади, как и все, вымокшая до нитки, и прижалась к Сварогу. – Или разводим костер, или ты согреваешь меня сам, но только сейчас же. А лучше всего то и другое, одно за другим. Ну что за невезенье, не долетели совсем чуть-чуть...

Сварог промолчал, хотя мог высказать очень и очень многое. Но – не сейчас. Еще не время.

Она отвела голову, тряхнула мокрыми волосами, стоня со лба налипшую прядь.

– Костер нам всем не повредит, – подметил лар. «А дальше посмотрим, – эти мысли Сварог оставил при себе. – Думаю, девочка, после всех передрыг тебе первой захочется свернуться калачиком и забыть обо всем до утра».

Клади ткнула его пальчиком в грудь.

– Я отойду за ящик, одежду выжму. Присмотри, чтобы никто мне не мешал.

Меньше всех на данный момент женские прелести волновали Рошалья. Охранитель был поглощен проверкой содержимого балахона, который раньше напоминал судейскую мантию, а теперь смахивал на мокрую ночную рубашу. Вряд ли он ищет шаур – видел же его в руках Сварога. Нашаривает какие-то заначки? По лицу и не поймешь – доволен результатами самообыска или вовсе даже наоборот...

– Ну что, товарищи космонавты. Приземлились, отдышались, пора костерчик сообразить. Не расхаживать же мокрыми курицами.

Небо понемножку прояснялось, высыпали звезды, над горизонтом запылало уже привычное бледное сияние. Ага, вот по нему и ориентируемся. Уже и без «кошачьего глаза» местность просматривается вполне сносно для ночной поры. В поисках дров отходить далеко не нужно – в двух шагах от их спускаемого аппарата в достатке валялось обломков «Парящего рихара». Хватало и хворосту. Сухое деревце, которое чепчиком прикрыл лоскут оболочки аэростата, так и просилось его завалить.

– Я обязан вам своим спасением, мастер Сварог, – подошел старший охранитель короны покойного князя. – Приношу...

– Полно, мастер Рошаль, – перебил Сварог. – Лучше пойдем за дровами.

...Костер с удовольствием и хрустом пережевывал огненными зубами как местные дрова, так и горючие подарки из Гаэдаро. Обращались в угли ломаные ребра каркаса, тряпичные ошметки оболочки, деревянные части гондолы. Летели в огонь княжеские припасы: обломки ящиков и бочек, всякие тряпки, рукава от шубы и от нее же пышный воротник.

– Легендарный князь Состен Саутар по прозвищу Пушечный Голос. Придворный мазила утверждал, что работа – кисти самого Гоферна Слепого. И зачем папаша прихватил ее с собой? – проговорил Олес и, полюбовавшись в последний раз на знаменитого предка, отправил в костер порванную картину в сломанной раме.

Их компания аэронавтов-неудачников выглядела сейчас семьей дикарей на отдыхе. Разыскивая дрова, наткнулись на рулон батиста. Клади, как банной простыней, обернулась тканью, разрисованной драконами и цветами, остальные ограничились набедренными повязками. Одежду – кто повесил сушиться над огнем, кто положил рядом с костром.

О вывихнутом плече Пэвера позаботилась Клади.

– Дайте-ка. – Она обошла костер, зашла Пэверу за спину, похлопала по обнаженным плечам старого вояки. – Я приличная девушка и устала слушать нехорошие слова, причудливо сплетаемые между собой.

– Я ж вполголоса, баронетта, – попытался обернуться Пэвер.

– Сидите! А у меня слух хороший.

Резким движением она вправила вывих. Пэвер лишь крикнул и, не сдержавшись, опять сплел воедино несколько нехороших слов.

– А я раньше думала, суб-генералы мужественнее переносят боевые ранения. Стиснув зубы переносят, особенно в присутствии дамы. Ну как, полегчало?

Пэвер пробно повращал рукой.

– Знаете, а вы чудо! Легендарный лекарь шестого гвардейского полка имени короля Макария по прозвищу Лесоруб – ничто, помощник аптекаря в сравнении с вами. Ай да баронетта, кто бы мог подумать! Приношу свои извинения, извинения старого солдата, за принесенные вашим ушкам страдания. Во искупление в течение следующего дня обещаю помянуть Наваку не больше трех раз и совсем не трогать его родственников женского пола.

Этот приступ словоохотливости был единственным у ночного костра. Говорить, открывать рот не тянуло. Не хотелось даже думать ни о чем. Попытка Рошаля завести предметный разговор вопросом: «Где мы? Что это за горы?» – провалилась.

– Утром поглядим, – отозвался Пэвер.

– Разберемся, – зевнул во всю пасть Олес. Обсуждать никому ничего не хотелось. Дикий полет вымотал совершенно. Нужны отдохнувшие тела и свежие головы, – тогда можно что-то прикидывать. Значит, необходим сон. По очереди начали зевать. Нервное и физическое истощение сказывалось все больше и больше. «Надеюсь, будут спать как убитые и никаких сюрпризов не устроят, – подумал Сварог. – Эх, ну и экипаж мне достался! Пауки в банке и то дружнее...» Рошаля и молодого князя без пригляда можно оставить только на первую ночь, когда все вымотаны. Первый заведомо опасен, особенно сейчас, когда накрылся его блестящий план побега на дирижабле в безопасное место. Второй пока не просчитан настолько, чтобы ему доверять. Да и Клади, откровенно говоря... Однажды Сварог уже путешествовал с компанией, которую нарек Странной. Теперь, задним числом, ту команду следует переименовать в Идеальную, а эту назвать Странной в квадрате...

– Одежда высушилась, давайте спать, – распорядился Сварог. – Дежурить будем по очереди, по полтора часа. Первая вахта – Клади, потом мастер Пэвер, потом Гор, за ним я, следом Олес...

– Ну конечно, мне в Час Тумана, когда самый сон, – проворчал молодой князь.

– Р-разговорчики, испытываемый. Короче, баронетта, вводная такая, – продолжал Сварог: – не спать, поддерживать огонь, следить по сторонам, на подозри-

тельные звуки не стрелять, меня будить... а главное – охранять самое ценное, что есть у нас, слаженного и дружного экипажа. Задача ясна?

– Так точно...

– Тогда выполняйте.

– Мастер капитан... – нерешительно сказала Клади.

– Ну что еще?

– Я не совсем поняла: а что у нас самое ценное?

– А самое ценное у вас, баронетта, – это я, ваш капитан... – ответил Сварог, лег на собранный лапник и накрылся камзолом.

...Проснулся он оттого, что кто-то деликатно тряс его за плечо. Сварог открыл глаза, резко сел, машинально нашаривая шаур. Человек в черном плаще, сидящий у него в ногах прямо на земле и Сварогу напрочь не знакомый, приложил палец к губам и вполголоса произнес:

– Тише, милорд, остальных разбудите...

«Милорд?..»

– Вы кто?

– Посланник. Имею к вам предложение от одного вашего знакомого... Прошу вас, говорите, пожалуйста, шепотом, я, видите ли, в магии не очень силен – один громкий звук, и ваши друзья могут проснуться. А мне это пока не очень нужно. Нам это не очень нужно.

Сварог огляделся. Экипаж погибшего «Парящего рихара» мирно спал. Рядом посапывала Клади, положив кулачок под голову и по-детски нахмутив брови, из темноты доносился могучий храп Пэвера – суб-генерал, открывши рот, почивал головой на толстенном корне, наглядно демонстрируя тезис о том, что настоящий военный должен уметь спать в любых условиях. Даже Олес нагло дрых без задних ног возле затухающего костра – свернулся, паршивец, калачиком и дрых. Тогда Сварог зевнул во весь рот, нарочито неторопливо закурил и накинул на плечи камзол. Сказал негромко, как и просили:

– Ну валяйте, что ли. Излагайте.

Незнакомец усмехнулся. Странное дело, но Сварог никак не мог рассмотреть его лицо детально – едва он сосредотачивал на нем взгляд, как черты вдруг начинали расплываться, ускользать, мутнеть. Он включил «третий газ»... и ночной гость исчез. Напрочь. Совершенно. Как голограмма после выключения лампы. Ага, вот, значит, что за игры...

– Вы что же, нисколько не удивлены моим появлением? – раздался довольно-таки обиженный голос невидимого собеседника, и Сварог отключил «глаз». Вновь проявившийся в реальности безликий гонец, кажется, даже не заметил, что его только что просканировали на предмет нелюдности.

– Отчего же, – ответил Сварог и с хрустом потянулся. – Очень удивлен. Безмерно. Аж колотит всего. Ну так в чем дело-то?

– Поражаюсь вашей выдержке, милорд. Мне говорили, что человек вы незаурядный, но когда вот так, лицом к лицу...

– Уважаемый, а покороче нельзя? Я, конечно, очень извиняюсь, но завтра вставать ни свет ни заря...

Гонец на мгновенье запнулся, но тут же взял себя в руки, стал серьезным.

– Суть послания такова: мой хозяин предлагает вам помощь в возвращении.

– То есть?

– То есть в возвращении туда, откуда вы прибыли. Обратно на Талар.

– Ах, вот как...

Сварог изо всех сил старался держаться ровно – и внешне, и внутренне. Он уже догадывался, что к чему.

– И что ваш хозяин просит взамен?

– Ничего. Абсолютно ничего. Он совершенно безвозмездно хочет помочь вам найти обратную дорогу... Нет, я неправильно выразился. Если вы примете его помощь, то окажетесь сразу на Таларе, в часовне Атуана, без всяких там Дорог, Троп и Потоков. Немедленно, в ту же секунду. И, что характерно, вернетесь вы в ту же секунду, в которую Талар покинули. Иными словами, ваше отсутствие никем замечено не будет. Я достаточно ясно излагаю?

– Предельно ясно... – медленно проговорил Сварог. Помолчал, лихорадочно продумывая ответ. К такому повороту событий он не был готов совершенно. – Но, видите ли, с некоторых пор... Простите, как мне вас называть?

– У меня нет имени в вашем понимании. Впрочем, если так будет легче, зовите меня Рульф.

– Так вот, мастер Рульф. С некоторых пор я привык не доверять бескорыстной помощи – если, конечно, она не исходит от моих друзей. А ваш хозяин, я так понимаю, мне далеко не друг.

– Согласен. Однако в данном случае ваши цели и цели хозяина совпадают: вы хотите побыстрее убраться отсюда, пока не начался катаклизм, и он желает того же. По-моему, обоюдная выгода очевидна...

– И... что я должен делать?

– Я уже говорил: ничего. Просто скажите: «Да», – и все произойдет само собой.

– А если я скажу: «Нет»?

Посланник искренне удивился.

– Тогда вы погибнете вместе с континентом. Процесс уже начался, вы не заметили? Тьма наступает, не пройдет и нескольких дней, как Атар исчезнет. Не знаю, будет ли это для вас откровением, но здесь вход на Тропу вы не найдете. По одной простой причине: на Атаре входа нет...

– А на другом континенте? – быстро спросил Сварог.

Рульф рассмеялся было, но тут же закрыл рот ладонью, опасливо оглянувшись – не разбудил ли кого. Не разбудил.

– Вы многого от меня хотите, милорд, – шепотом сказал он. – Я всего лишь гонец, письмоносец, я говорю только то, что мне велено говорить. Итак, жду вашего решения: да или нет... Да – и мы отправляемся. А нет... Насколько я разумею, милорд Сварог, магия ларов не спасает вас от стихийных бедствий и прочих катастроф, вызванных естественными причинами. Даже если вам удастся каким-то неведомым образом улизнуть с тонущего материка, по дороге на Граматар может случиться всякое. Не поможет даже ваше умение дышать под водой – какой смысл, ну скажите на милость, дышать на глубине пяти кабелотов? Если вас не расплющит давление водяной толщи, представьте себе, каково это: двигаться по океанскому дну неизвестно в какую сторону, в абсолютной темноте и при кошмарной температуре...

– Такое ощущение, что вы то ли меня уговариваете, мастер Рульф, то ли мне угрожаете.

– Серьезно? А по-моему, я просто рисую вам перспективы... Ну хорошо, если

хотите, я умолкаю. И просто жду ответа.

Сварог щелчком отбросил окурок во мглу. Окурок прочертил в ночном воздухе плавную дугу и рассыпался искрами, угодив в мшистый пенёк. Одна беда с этими засланцами – болтливы они безмерно...

– Мне просто интересно, – примирительно сказал он, – отчего это вдруг ваш хозяин воспылал ко мне такой любовью, что готов ни с того ни с сего вернуть меня на Талар. Здесь, кажется, я на хвост или на копыто ему еще не наступал...

Рульф снисходительно улыбнулся.

– Вы просто мешаете ему. Скажу по секрету – когда он узнал, что уже и на Димерее объявился какой-то лорд Сварог, он очень... ну, скажем так: расстроился. В таком расстройстве я хозяина еще не видел. Ужас, как вспомню... Впрочем, это к делу не относится. Милорд, я все еще жду.

Признаться откровенно, в душе Сварог разрывался на части. Конечно, было бы очень заманчиво принять предложение и разом покончить с бесконечным бегом по обреченному Атару, вернуться домой, к Маре, к Гаудину, к милым оболтусам из Странной Компании – к Багряной Звезде, наконец, туда, где все более-менее просто и знакомо... Но он не мог этого сделать. И не только из-за того, что, единожды пойдя на уступки хозяину гонца, можно увязнуть в его паутине навсегда... Нет, не только из-за этого. Не только.

– Милорд, у меня мало времени...

– А ведь когда-то ваш хозяин обещал оставить меня в покое, – сказал Сварог и задумчиво прищурился на огонь.

– А разве не оставил? – вскинул брови посланник. – Разве он мешает вам в ваших делах? Это вы то и дело оказываетесь на его пути...

– Да? А кто сбил «Парящего рихара»? Не его ли лап дело?

– Клянусь вам честью, милорд...

– Да какая у вас честь...

– Не надо меня оскорблять, милорд. Клянусь вам, что хозяин к аварии вашей летающей машины никакого отношения не имеет. Он не отдавал такого распоряжения. И сейчас он просто предлагает вам помощь. Ровным счетом ничего не прося взамен.

– Всего лишь обратиться с Димереи, да?

– Так ведь к чему стремитесь и вы сами! – всплеснул руками гонец. – Ну не надо софистики, милорд, я тоже умею плести словесные кружева. Ваш ответ?

И Сварог решился. Сжег за собой мосты.

– Нет, – тихо сказал он.

– Что? – наклонился вперед гонец.

– Нет! – выкрикнул Сварог. Храп со стороны Пэвера прекратился, суб-генерал зачмокал губами, заворочался, пробормотал в полусне: «Девочки – направо, мальчики – кругом и шагом марш отсюда...»

Лицо Рульфа вдруг стало злым и отчетливым, видным до каждой морщинки.

– Жаль, милорд Сварог. Я полагал вас умным человеком. Оставить вас в покое, сказали вы? В покое? Что ж, хозяин предоставит вам покой. Постоянный покой. Без движения и звука. Вечный покой...

– Это часть послания или твой собственный постскрипtum, тварь?! – громко осведомился Сварог.

Фигура Рульфа заколебалась, потеряла четкие очертания, стала расплываться, как отражение в потревоженной воде...

– Берегитесь, милорд, – донесся ниоткуда шелест.

– Да подите вы все к черту, – проворчал Сварог, упал на бок и натянул камзол на голову.

Он еще слышал, как рывком проснулся Олес, завозился обалдело, засуетился:

– Ай-ай-ай, хреново-то как, уснули-с, наша светлость, надо же... – и принялся подбрасывать сучья в костер.

А потом, вот удивительно, сон сморил и Сварога.

Когда молодой князь разбудил его, уже рассвело. Граф Гэйр с десантным шиком вскочил на ноги – одним рывком, без помощи рук. Потянулся и услышал:

– Это же Феррунианская гряда! Вы понимаете, о чем я?

Сварог вдохнул прохладный и свежий, первый воздух нового дня (был – не был ночной посланник?), с силой выдохнул, ощутил, что окончательно проснулся, и честно сознался:

– Не-а.

– Посмотрите, – отставной суб-генерал вытянул руку в сторону гор. – Перевал Ящера! Ни с чем не спутаешь.

Сварог посмотрел, как просили. Верхушки гор, самые высокие, накрыты шапками снега, в самом деле похоже на спину великанского ящера.

– Очень хорошо, – сказал Сварог, разминая плечи. Ныли ушибы и саднили порезы. Синяки и царапины покрывали и лицо отставного вояки. Вчерашняя ночь красоты и здоровья не принесла никому. – Значит, сумеем определиться по месту...

– Этого никак не может быть, – присоединился к ним Рошаль. – Никак! – твердо заявил он, поднявшись с тряпичной подстилки у костра. Или его разбудили голоса, или он вовсе не спал.

– Вообще-то быть такого не может, но это точно перевал Ящера, – ответил Пэвер на реплику Рошалья, но на него самого не глядя. Вряд ли подданный князя Саутара мог испытывать добрые чувства к начальнику охранного отделения.

– Вы хоть представляете, где находится Феррунианская гряда?! – громко воскликнул Гор Рошаль.

– Т-с-с, – приложил палец к губам Сварог. – Некоторые еще спят.

– Уж я-то представляю! – зло и тоже громко заговорил Пэвер, приняв при этом важную позу. – Я командовал в Озерную войну Ардавским пехотным полком. Прижал к гряде отступающих мятежников, где их и разбил.

Рошаль приготовился горячо возразить, но Сварог успел помешать.

– Так, стоп! Отойдем. – Он увлек спорщиков за собой, подальше от костра. – Сперва я сварганю кофе себе (хотите – и вам), выкурю сигаретку, а за ней...

Перебив графа Гэйра, Пэвер с жаром продолжил спор на ходу:

– Даже если б еще где-то имелся точь-в-точь такой же перевал, я б ни на кайм не усомнился, что нахожусь у подножья Феррунианской гряды. Вот! А на это что вы скажете? – Отставной генерал с неподходящей для его комплекции прытью метнулся к ближайшему валуну, присел, стал по-собачьи отбрасывать землю, что-то выдернул, зажал в пальцах и с торжествующим видом вер-

нулся к Сварогу и Рошалю. – Бледный вереск, – сказал он и протянул графу Гэйру крохотный тускло-белый пучок. – Мы давили его и смазывали его соком раны. Как этот вереск, не помогают даже дорогие гидернийские эликсиры. Здесь особый климат, мастер Сварог. Бледный вереск растет только к кузу[98] от Феррунианских гор и больше нигде на Атаре.

Сварог безропотно принял растение, понюхал его, пожал плечами.

– Разрешите, – выказывая нетерпение, протянул руку Рошаль. Получив знаменитый вереск, сдвинул белесые ростки пальцами, выжал сок (до Сварога донесло сильный запах жженой резины), лизнул.

– Хм, интересно...

Тем временем Пэвер переключился на другую тему:

– Я дотронулся до камня. Внизу он теплый. То есть даже очень теплый. С чего бы это?

– Так, давайте по порядку. – Сварог не вытерпел и закурил на пустой желудок. – Пункт первый. Горы. Может быть, кто-нибудь из вас соизволит объяснить бедному графу существо горного вопроса?

Объяснять вызвался Пэвер:

– Феррунианская гряда тянется от кузских границ Бадры, служит границей Тоуранта и Запретных Земель и выходит к кузскому побережью Атара...

Объяснение подхватил Рошаль:

– А мы попали в бурю возле Пангерта. Между Пангертом и ближайшими отрогами Ферруниан восемьсот – восемьсот! – кабелотов. Мы никак не могли оказаться здесь.

– И тем не менее! Хотя по эту сторону перевала мне бывать не доводилось, я готов драться с вами любым оружием по вашему выбору, если это не Феррунианская гряда!

– Брэк, господа! – срочно вмешался Сварог, дискуссионную машину заносило на опасном повороте. – Есть такое место, Япония называется, подальше ваших гор будет. Вы о нем знать не ведаете, но, несмотря на это, оно существует, и населяющие его люди в подобных случаях обязательно объявляют передышку. Чтобы успокоиться, все взвесить, обмозговать, заглянуть внутрь себя. Потому что эмоции заволакивают рассудок, как давеча тучи наш дирижабль, и с рассудком может случиться то же самое, что с нами. Итак, я делаю кофе. И пока пьем кофе, мы молчим, мы думаем, мы заглядываем внутрь себя. Кстати, некоторых здорово успокаивает медленный счет до ста.

До ста Сварог не считал, потягивая кофе. Он даже о спорных горах не размышлял. Он думал о тишине. Сначала о ночной. Да, своим падением на головы они переполошили округу, разогнали всех по щелям и норам. Но мало-помалу обитатели предгорья, всякая звериная мелочь должны же были отходить да оживать! А Сварог так и не услышал ни единого звука из репертуара ночных зверьков. Обычно они копошатся, воют, ухают, скребутся. И совершенно не было мошкары, которую должно было бы влечь на пламя костра. Не ползали по траве муравьи... Могильная тишина, если не считать их, людских звуков, сопровождала и рассвет. А где, скажите на милость, пернатая братия, всякие там утренние песни жаворонков? При этом округа, если не обращать внимания на вкрапления в пейзаж обломков «Парящего рихара», выглядела очень даже симпатично: живописно нависают горы, набухла янтарем роса на стеблях и листьях, видимость в идеально прозрачном воздухе на много кабе-

лотов вдаль. Где ж ты, зверье мое? Сварог включил «третий глаз». Опа! А это что за шуточки?

Над одним из валунов, приподнимающих серую спину между ними и лесом внизу, колыхалось сиреневое марево, по которому пробегали узкие зеленые волны. Сие есть свидетельство активности магической, ура, давно не встречались, а вот что у нее за источник?

Сварог поставил чашку с кофе на траву, поднялся, доставая шаур. Следовало взглянуть на соседа, во избежание, так сказать. Сварог шагнул. Будто уловив (а почему будто? Именно что уловив), нечто сорвалось с места и припустило наутек. Довольно быстро. Причем прячась за камнями, прижимаясь к земле. Сварог следил за таинственным соседом по перемещению сиреневого марева в зеленых волнах сияния. Но ни в магическом, ни в ином зрении нечто так себя и не открыло. Однако некоторые выводы образовались: близости крутится существо магической природы, не выше трех каймов и довольно шустрое. А что чувство опасности молчало, как проклятое...

– Что там такое? – беспокоился Рошаль.

– Почудилось, – обронил Сварог и убрал шаур. Он решил пока не обсуждать неопределенную опасность. Или почему сразу опасность? Может, просто странность.

А от костра к ним направлялась Клади с хмурым утренним лицом. Баронетте, разумеется, не могло понравиться, что она предстает перед мужчинами растрепанной, неухоженной и неумытой.

– Ваши крики я еще как-то терпела. Но запах кофе я пережить не в силах. Граф, не соблаговолите ли вы угостить даму чашечкой крепкого кофе?

Теперь, за исключением Олеса, дрыхнувшего молодецким сном, весь экипаж был на ногах. Впору держать военный совет. Было о чем посоветоваться. Клади вручили кофе и познакомили с проблемой Феррунианской гряды. Ничего удивительного, что и она ничем не могла помочь в установлении истины.

– Это может быть Гаркатский хребет. До него нас могло добросить, – подыскивал объяснения Рошаль.

– А вереск, а перевал Ящера? Притом Гаркатский хребет гораздо дальше к уздери.[99] Нет, уважаемый, мы где-то в Тоуранте, недалеко от Запретных Земель...

Сварог вспомнил область на карте в замке барона Таго, закрашенную в серый цвет. Рядом с коей они и упали.

– А что такое Запретные Земли? – спросил он.

– Людьми не заселенные, – мрачно ответил Пэвер. – А заселенные всякой нечистью. С Граматара-то люди приплыли на противоположный берег и постепенно уходили в глубь континента, заселяя его... А вот до Запретных Земель дойти не успели, Тоурант – приграничье... Эх, еще бы сотку-другую лет, мы бы там повывели всех и вся.

Пэвер и Рошаль снова заспорили. Клади прислушивалась к их перепалке, попивая кофе. Сварог же «магическое зрение» не выключал, сканировал им прилегающую местность. Опа! – снова непонятный сосед подбирается ближе... Подобрался и залег за тем же камнем, что и раньше. И снова молчит чувство опасности – вот неожиданность.

На сей раз Сварог не вытаскивал шаур, не вставал и никуда не шел. Он

лишь пристально «взглянул» магическим глазом, вложив в импульс угрозу. Все повторилось. Неведомое существо покинуло укрытие и прежним путем отбежало на расстояние, которое считало для себя безопасным.

«Чуткий нюх у соседа, следует признать».

А оставленные на несколько секунд без присмотра Рошаль и Пэвер уже опять вернулись к вопросу о выборе оружия. Сварогу пришлось срочно вклиниваться в их диалог:

– А позвольте и необразованному графу поучаствовать? Конечно, я не претендую на знание местной географии, но... Знаете, а я верю, что нас могло занести в эти ваши длинные горы на букву «Ф». Несмотря на все восемьсот кабелотов. Гроза бушевала уж больно непростая. И ведь неизвестно, попали мы в нее или провалились...

– А какая разница? – буркнул Рошаль.

– Ну, мастер охранитель, как иногда монетка проваливается в дырку в кармане: раз – и она уже за подкладкой или вовсе в дорожной пыли, безвозвратная для владельца. Так и мы могли провалиться в дыру неизвестного происхождения и природы. Угодили в нее возле Пангерта, а выкинуло нас в грозовой шквал недалеко от этой вашей гряды...

«И, подозреваю, без участия одного моего знакомого тут не обошлось, чем бы там ни клялся ночной посланник...» – добавил он мысленно.

Таинственный и упрямый сосед возвращался в свое укрытие. Если он понимает, что его присутствие раскрыто, что незамеченным не подберется, то, спрашивается, какого лешего ему нужно?

– Вряд ли князев сынок когда-либо покидал пределы Гаэдаро. Значит, и он не скажет нам: «Ба, да эти места я знаю, как задворки родового дворца!» С чем мы остаемся? – Сварог обвел взглядом слушателей. – Со светилом, которое возшло, где ему и положено, и покатилося по неизменной дорожке, указуя путь. Я правильно понимаю, что и по версии мастера Рошаля, и по версии мастера Пэвера ближайшее побережье океана лежит на кузе?

Оба кивнули.

– Тогда магистральное направление нам известно. Должны же по дороге нам попасться люди, которые уточнят наши координаты и покажут короткую дорожку? А если не попадутся по пути, то уж на побережье мы точно кого-то разыщем. Что скажет уважаемый военный совет?

– Подождите, подождите, мастер Сварог! – С камня слетела доска от обшивки гондолы, когда Рошаль рывком поднялся с нее. – Вы же тагорт, мастер Сварог. Я не спрашивал вас, как, на чем вы попали на материк, не спрашивал, как, на чем собираетесь его покинуть, потому что у нас был «Парящий рихар»... И если бы не проклятая буря, мы бы сейчас спокойно направлялись к вашему Острову. Однако теперь вы должны раскрыть нам способ, которым тагорты пользуются для сообщения с материком. Можете ли вы откуда-нибудь установить связь с вашим Островом? Мы не можем слепо следовать за вами. И потом... в изменившихся условиях как мы можем быть уверены, что вы выведете нас с Атара?

Конечно, произнося «мы», Рошаль говорил о себе. И, конечно, теперь он и думать забыл о побеге в Гидернию. Кусочки головоломки наконец-таки стали складываться в единое целое... Сварог поймал на себе выжидательные взгляды Клади и Пэвера. Да, пора вносить ясность. Пора раскрываться, что никакой

он не тагорт и также не имеет никакого представления, как им унести ноги с обреченного материка. И если он и видит какой-то выход, то только в одном: двигаться к побережью, разыскать флот любого государства, собирающегося спасти своих жителей, и проникнуть на один из кораблей.

Но не два же раза повторять подлинную историю появления на Димерее некого лорда Сварога – сперва Рошалю, потом Олесу. Ладно, придется будить молодого князя. Но не сейчас.

– Прошу прощения. Через некоторое время мы продолжим наш разговор, мастер Рошаль. – Сварог поднялся с валуна, который – прав Пэвер – был теплее, чем долженствует камням. – Дело в том, что у нас гости.

Сварог, глядя на камень, над которым в магическом ракурсе поднималось сиреневое в зеленых волнах марево, прокричал:

– Может быть, хватит бегать? Либо убирайся к своей бабушке, либо покажись! Или устрой на тебя серебряную охоту?!

Засим Сварог достал шаур и выстрелил, направив серебряную звездочку над укрытием таинственного незнакомца. Не сомневаясь, что нечто припустит без оглядки и больше уж к ним не вернется.

Но нечто оставалось за камнем, словно раздумывая над словами Сварога.

– Кто там? – послышался шепот Клади. В ладонь Рошалья выскочило знакомое узкое лезвие, подведшее кровавую черту под бытием князя Саутара. Пэвер в отсутствии другого оружия вооружился доской.

– Ну так как насчет серебряной охоты? – еще раз пригрозил Сварог.

И нечто решилось. Поднялось из-за своего укрытия. И вышло... вышел... вышла...

– Вот так гости, чтоб мне в штрафники! – воскликнул Пэвер.

Свое восклицание Сварог удержал при себе. Оно было бы другим. Потому что он видел гостя «магическим зрением». Но тут же это зрение отключил. Уяснил, что к чему, и достаточно. Не то чтобы увиденное потрясло или напугало его... Скажите, вам приятно смотреть на сиамских близнецов? Нормальное бегство от непривычного, от иного. Тем более, что обыкновенный взгляд гость, вернее, гостя вполне даже радовала.

На вид ей можно было дать лет тридцать – человеческих, разумеется, лет. Невысокая, крепкая, черноволосая, черноглазая. Одета в длинную, полностью прикрывающую ноги серую юбку и коричневую жилетку со шнуровкой и с довольно-таки откровенным вырезом. При ходьбе из-под подола выскакивали острые носки сапожек. Если не ведать или забыть о потаенной сущности, то никаких поводов для волнений – к нам пожаловала симпатичная селянка.

И напроць, наотрез, как Зоя Космодемьянская, молчало чувство опасности.

– Откуда она взялась? Почему одна? Что делает здесь? В такую рань? – вслух перебирал вопросы, как четки, старший охранитель Рошаль.

Незнакомка остановилась в шести каймах от людей. Опустив взгляд на шаур в руке Сварога, сказала:

– Да, серебра я боюсь. – Голос оказался сильным, чуть низковатым для женщины и с хрипотцой. И под стать лицу – печальным. – Вы можете меня убить, – вдруг добавила она. Она не рассматривала возможность, она предлагала. – Все равно скоро умирать. Уже очень скоро. Осталось совсем немного. – Она говорила медленно, странно выговаривала некоторые звуки, очень жестко, словно ей приходилось напрягать голосовые связки. – Мы это очень хоро-

шо чувствуем.

– Кто это «мы»? – быстро, как на допросе, выпалил охранитель Рошаль.

– Ты знаешь, – она обращалась к Сварогу. – Потому что ты видишь.

– Нежить, другими словами! – Рошаль вытянул в ее сторону клинок. – Боишься серебра, шастаешь в одиночку на рассвете. Кровушки человеческой захотелось?!

– Подождите, мастер Рошаль. Нам нечего волноваться за кровушку. Кровушки нашей мы никому не отдадим ни капли...

Сварога все больше интересовала гостя. Свою принадлежность к так называемой нечистой силе она сразу признала. Выйдя к ним, она отдала себя на суд людей, то есть существ, заведомо враждебно настроенных к себе не подобным. Поведение ее, прямо скажем, необычно. Послана кем-то, кто принудил ее рискнуть? Она игральная карта в чьих-то руках? Ее игра тщательно спланирована неким любителем черного преферанса? Попробуем разобраться.

– Скажи-ка ты мне, незнакомка, приближение чего вы чувствуете?

– Смерти. Ее приближение. Смерть для всего. Не только люди погибнут. Звери погибнут. Мы погибнем. Смерть очень близко.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила Клади. Поинтересовалась вполне дружелюбно. Женская солидарность? Видела бы она незнакомку в магическом разрезе...

– Чуба-Ху, – ответила черноволосая женщина. Не лжет. А стала бы нечисть, исполненная нечистых намерений, выдавать свое подлинное имя? Эх, знать бы точно...

– Ты здесь одна? – это уже проявил свой интерес охранитель.

– Я везде одна.

– И кто же ты? – вступил в разговор Пэвер. Сварог мог бы ответить за нее. Он видел.

– На этот вопрос не так просто ответить... – замялась Чуба-Ху.

– Да ладно! Ну, какого ты... этого... – подыскивая слова, Пэвер пошевелил пальцами, – как его... племени или как это у вас называется?

– Я гуап.

Похоже, признание далось женщине нелегко.

– Ага! – отставной вояка удовлетворенно сложил руки на животе.

– И что?

К этому вопросу Рошалья, адресованному суб-генералу, мог бы присоединиться и Сварог. Гуап, гуап... нет, ей-богу, что-то такое он уже слышал...

– Вы никогда не слышали о гуапах? – с чувством затаенного превосходства поинтересовался Пэвер. – Ну да, вы же никогда прежде не бывали в Феррунианах. – Специально для Рошалья он сделал нажим на последнем слове. – Между тем преданиями о гуапах вас угостят в любой местной деревушке. Вы уж простите, барышня, но я буду говорить прямо, как есть. Так вот: гуапы – это оборотни. Но! – Пэвер поднял указательный палец и выдержал излюбленную театральную паузу. – Согласно преданиям и поверьям, они ближе к людям, чем к противоположной стороне. Потому гуапы не очень-то ладят с иными... м-м... э-э... ну, сами понимаете, о ком я.

Ближе к людям... Тоже ничего не доказывает. Она могла представиться кем угодно. Ясно, если она хочет войти в доверие, то как раз ей и следовало записать себя в эти самые гуапы. Сварог не мог знать, как выглядят гуапы в маги-

ческом плане и какими особенностями строения отличаются от оборотней простых, но и Чуба-Ху не могла знать о том, что он не может знать...

– Только ты смотри сам не запутайся, граф.

– Так ты женщина или нет?

Ах вот как! Оказывается Олес давно уже проснулся и удивительный разговор слушал, открывши рот. Потом не выдержал и встрял.

– Сейчас я женщина, – просто ответила Чуба-Ху.

– Самая настоящая? – княжеский сынок не отрывал взгляда от такой детали одежды незнакомки, как шнуровка жилета – вернее, от ее верхнего края, где начинался вырез.

– Самая настоящая. – Чуба-Ху взглянула на молодого человека уж точно не как оборотень. Или как оборотень, которого особенно интересует кровь молодая.

Олес вскочил на ноги, принялся отряхиваться и застегиваться.

– А потрогать можно?

– Я настоящая настолько, что можно и схлопотать.

– Не подходи, Олес. Стой, где стоишь. – Сварог, в общем-то, не столько заботился о безопасности молодого князя, сколько о том, чтобы разговор не скатывался в балаган.

– Да ну и ладно, – легко подчинился Олес.

– Что это за горы, Чуба-Ху?

– Он прав, – черноволосая женщина показала на Пэвера. А Сварог обратил внимание на ее пальцы. Пальцы были необычайно длинные, и большой палец немногим уступал по длине указательному. – Вы, люди, называете эти горы Феррунианской грядой.

Детектор лжи вранья не показал. Выключать его не станем, посмотрим, что дальше.

– Тогда – какое место? Какие города есть поблизости? Это Крон или Тоурант? – напомнил о себе охранитель Рошаль.

– Эту землю люди называют Тоурантом. Я знаю поблизости всего один город. Каутэн. Такое слово я слышала от людей. И еще много деревень. Но в них сейчас никого не осталось.

– Ваши слопали? – деликатно поинтересовался Рошаль.

– Люди уходят в Каутэн. Там строят большие лодки.

– Как далеко до Каутэна? – спросил Сварог.

– Вы, люди, измеряете расстояние в каких-то кабелотах. Я никак не могу понять, сколько это. Вашим шагом до города дойдете к восходу второго дня.

– А зачем ты следила за нами? – Как и пристало опытному дознавателю, Рошаль круто менял течение беседы. – Сожрать хотела?

– Нет.

И молчал, молчал Сварог детектор лжи.

– Чуба-Ху, – сказал Сварог, – ты не ушла, когда тебя заметили. Ты что-то хочешь от нас?

– В этих местах очень опасно. Я могу помочь вам выйти отсюда. Я чувствую то, что вы не можете почувствовать.

– Ну это-то точно! – хмыкнул Рошаль.

– А взамен? – Сварог все еще сжимал в ладони шаур, но теперь метатель звездочек уже стал ему казаться лишней деталью.

– Что я могу просить взамен? – она пожала плечами. – К людям вы меня с собой не возьмете. Не возьмете и в большую лодку, на которой уплывете к новой земле. О чем мне просить? Сейчас я не хочу оставаться одна, вот и все. Сколько можно быть одной! Отсюда ушли даже все звери. Они спасаются, уходя туда, – Чуба-Ху махнула рукой на куз. – Вместо них появляются другие – похожие на меня, но... другие. Чистое порождение Зла. Они против всех, даже тех, кого люди привыкли называть нежитью. А оттуда, – она показала на бисту,[100] – идет волна. Но бежать от нее нет смысла. Смерть везде ждет точно такая же, как и здесь.

«И что прикажете?» – спросил сам себя Сварог. Ему даже труднее, чем остальным, потому что он уже видел ее второй облик. Но кто сказал, что оборотень хочет жить меньше человека? И какие бы кровожадные мысли ни шевелились в ее черноволосой головке, ей гораздо выгоднее не кусать людей, а помогать им, надеясь заслужить в награду вызволение с Атара. Поэтому она вполне искренне надеется, что ее не бросят. А на что ей еще надеяться, спрашивается? И для того, чтобы ее вытащили с Атара, она будет стараться изо всех сил. Из шкуры вон лезть – в данном случае во всех смыслах. Правда, если она кем-то подослана... Уж что-то больно в лоб, уж больно топорно подсылать оборотня, с которым и в разговор вряд ли вступят.

«Или уж чересчур ювелирная работа, не так ли? – прошептала часть сознания Сварога, ответственная за пессимизм и скепсис. – Ведь все-таки вступили в разговор... А если каждая встречная-поперечная нечистая сила начнет набиваться в команду, вы их всех зачислите, мастер Сварог?»

– Чуба-Ху, здесь есть поблизости ручей?

– Рядом. У Пьяного камня.

– Тогда приказ по роте такой. Умываемся. Приводим в походный порядок одежду и обувь. Завтракаем, как белые люди. Обещаю кофе, бутерброды и сдобные булочки, ясно, все свежее, горячее и ароматное. Еще раз обсуждаем план действий.

«Очень неприятное открытие ждет некоторых из вас за сытным завтраком, – прибавил про себя граф Гэйр. – Признание лорда Сварога в том, что он не тагорт. Возможна стрельба и поножовщина».

– И выступаем. Чуба-Ху, вы любите кофе?

– Вы что, надумали брать эту с собой? – спросил Рошаль, чуть не выронив клинок от изумления.

– Я бы взял, – подходя, бесшабашно заявил Олес. – Под свою ответственность.

– Конечно, существует немало преданий, в которых гуапы относятся к людям как к средству для пропитания, – почесал затылок Пэвер.

– Чуба-Ху нам может пригодиться, – сказала Клади. – В первую очередь как проводник.

Неожиданно сам для себя Сварог нашел решающий аргумент. И не замедлил его высказать, глядя охранителю в глаза:

– Почему вы решили, что она опасней человека? Например, опаснее вас, мастер Рошаль?..

Глава шестнадцатая Последняя встреча

Позади лежали пройденные кабелоты: спуски, подъемы, ручьи, лесные тропы, лесные дороги, овраги, брошенный хутор, лес в черных язвах на коре, из которых вытекала темная вонючая жижа, высохшее озеро, деревня с домами, словно раздавленными, словно растертыми в пыль, и снова тропы и дороги.

Позади осталось признание Сварога в том, что он не тагорт и никогда им не был. Последствия оказались неожиданно легкими. Олес принял известие с полнейшим безразличием. Дескать, ну, не тагорт так не тагорт. Ах, из другого мира, ну, тоже неплохо.

Рошаль ожидаемо взбеленился. Ожидаемо припомнил их уговор.

– Если вы дворянин, неважно, с Острова или еще откуда, вы обязаны держать свое слово!

– Совершенно с вами согласен, мастер Рошаль. Но, во-первых, я вам дал слово потомственного тагорта, а не дворянина. А раз я не тагорт, то... сами понимаете. А во-вторых, я дал вам слово играть честно – и, уверяю вас, его придерживался. Я бы честно высадил вас на Острове... но, скажите на милость, теперь-то с какого аппарата вас высаживать? Или напомнить, кто вам жизнь спас, а кто сказал, что обязан мне этим обстоятельством? И потом, что для вас, мастер Рошаль, изменилось к худшему с моим откровенным признанием? Предположим, я был бы тагортом. Вряд ли вы теперь по-прежнему были бы мне интересны без «Парящего рихара» и коллекции древних предметов. А так мы с вами в одной лодке. Пойдем к побережью искать счастья на чужих кораблях...

– Подождите. Если я вас правильно понял, вы знаете, где находятся Острова?

– «Знаете» – сильно сказано. Предполагаю с уверенностью в семьдесят процентов. А что? У вас есть в заглавнике второй «Рихар»?

– Если бы...

После чего трудный перевал в отношениях внутри экипажа был преодолен, и Рошаль погрузился в глубокую, продолжительную задумчивость.

Клонившийся к закату день занес в свою историю и подготовку к походу. Одежду и обувь подлатали быстро, а вот с оружием повозились. Оружия катастрофически не доставало. Шаур Сварога, стилет Рошала, кинжал князя, который ему вернули, и все. Пришлось наматывать круги по предгорью. Если Клади, разбирая багаж Саутара, наткнулась на мечи, значит, вероятно, есть и еще что-то колюще-режущее-стреляющее. Розыскные мучения даром не прошли. После того как скопилась безнадежная горка из обломков арбалетов и гнутых автоматов с разбитыми прикладами, наконец сыскались прямой двуручный меч, правда, туповатый, и сабля – как пояснил Пэвер, «шернейская кавалерийская». Это было уже что-то, хотя и далеко от идеального вооружения отряда, выступающего в поход непредсказуемой степени сложности.

Меч приспособил на перевязи за спину Пэвер, саблю выпросил Олес. Клади изготовила пращу из обрывка оболочки аэростата и насобирала камней. Причем камни подбирала, тщательно осматривая и взвешивая на ладони, подбирала едва ли не дольше, чем мастерила пращу и сумку под «боезапас». Что занимается она отнюдь не глупостями, Клади продемонстрировала пробными стрельбами. Раскрученные и выпущенные окатыши сшибали ветки, сотрясали стволы, сметали выставленные на валуны предметы – все то, что перед

броском она объявляла мишенью. Баронетта привела отставного суб-генерала прямо-таки в умиление.

– Где мои двадцать лет назад, – вздыхал Пэвер. – Да разве б я такую барышню пропустил? Да разве б я такую барышню в полк не зачислил?..

Поиски оружия обернулись приятной для Рошаля стороной. Его сундук с ценными предметами, по всем выкладкам, вывалился из разбитой еще до падения гондолы где-то далеко от места крушения. Вполне возможно, сундук рассыпался во время болтанки, а предметы вываливались по одному и лежат теперь за десятки кабелотов друг от друга. Впрочем, один предмет неожиданно нашелся.

Бутылочку с округлым донцем и коротким, целиковым, без входного отверстия горлышком принес Пэвер. Внутри сосуда переливалась жидкость изумрудного цвета, в ее глубинах вдруг появлялись неясные очертания то дворцов, то драконов, то каких-то состязаний, то битв – миражи надвигались, укрупняясь, и пропадали, словно разбивались о стекло.

– Когда ее нагреешь, жидкость становится бордовой, а приложив ухо, можно расслышать музыку, – даже с некоей странной для него нежностью сказал Рошаль.

– Так это из вашего имущества? – и Пэвер вернул находку бывшему владельцу.

Молодой князь не возражал: то ли бутылка была из личных вещей охранителя, то ли Олесу было все равно, то ли Олес не знал, что хранилось в отцовских закромах.

Рошаль хозяйственно спрятал древний предмет в укромных карманах своего балахона...

День, клонившийся к закату, узнал и странную болезнь.

Рошалью стало плохо вскоре после завтрака. Никто, да и он сам, не сомневался, что сказываются последствия высотного недуга, ослабившего организм. Рошаля скрутило, желудок вывернуло наизнанку, немочь свернула охранителя калачом, уложила на землю. Сварогу сделалось кисло. «Приехали. Теперь думай, как с ним быть». Но Рошаль отлежался, потом проходил, продышался и вроде все пришло в норму, даже бледность с лица пропала.

Пэвера приступ свалил в дороге. Свалил буквально: в дорожную пыль. Его окружили, его пытались о чем-то расспросить, его перенесли на траву. Пэвер лишь выгибался дугой, стонал и отчаянно ругался, забыв про обещание до захода солнца как можно реже поминать Наваку. Минут через пять отпустило и его.

– Ничего не помню, – смущенно рассказывал суб-генерал. – Будто каленая стрела прошла по позвоночнику, вонзилась в мозг – и все. Как провал.

Следующей жертвой мора стала Клади. Случилось, когда они шли через лес. Она вдруг вскрикнула и, как-то странно приседая, скрылась за ближайшим деревом. Ее подождали, ее окликнули. Потом Сварог попытался пойти следом, но, услышав шаги, она истошным криком «иди прочь!» прогнала его. Сварог приканчивал вторую сигарету подряд, когда Клади вернулась с квадратными глазами и искусанными губами.

Тогда она никому ничего не сказала, но позже отозвала Сварога в сторону.

– Ты должен знать, – начала Клади, краснея. – Я думала, у меня... это дело... Хотя не должно... рано. А потом... Такое впечатление, что кто-то пытался в ме-

ня *войти*... Ну ты понимаешь, как... Было очень больно. Мне никогда в жизни не было так больно. И вдруг прекратилось. Рошаль, Пэвер, теперь я. Все за сегодня. А ведь утром у нас появилась эта женщина...

Очень не нравилась Сварогу болезнь, нападавшая на них в этот день. М-да, зарождались нехорошие подозрения. Однако после случая с Клади напасть вроде бы оставила их в покое...

Весь день с ними была женщина-оборотень по имени Чуба-Ху. Сварог не выпускал ее из поля зрения – как магического, так и обыкновенного, находился всегда поблизости, совершенно не скрывая своей подозрительности. Какие, к лешему, тут могут быть деликатности...

Между словами «понимать» и «видеть» – огромная разница. Испытанием для всех стало видеть, как это происходит, – мутация, преобразование, обращение – называйте, как хотите.

Женщина-оборотень опускалась на корточки. Шея ее удлинялась и утолщалась, заострялись уши. Одежда как бы вращалась в плоть и вылезала наружу уже серой мохнатой шерстью и серым в белых подпалинах хвостом. Ноги выгибались коленями назад, пальцы рук укорачивались, ногти грубели, загибались в когти...

Когда это произошло в первый раз, все смотрели, в последующем – отворачивались. Одного Олеса зрелище приводило в восторг.

– Право, я начинаю завидовать! Да если б я был таким, то давно бы уже правил Гаэдари. Папашу я бы слопал на первое. Вас, Рошаль, пустил бы на второе. И я, Олес Первый, князь Саутар, спас бы Гаэдари с вашим простым народом, мастер Пэвер, построил бы флот вместо челна с мотором. В историю и легенды я вошел бы как Олес-спаситель!

А волк Чуба-Ху убежал (или все-таки убежала?) разведывать дорогу на предмет, свободен ли путь от нежелательных встреч.

– Своих приведет, – говорил на это Рошаль.

– Ей проще было бы приводить своих, не заводя с нами тесного знакомства, – возражал Сварог. И пока оказывался прав. Никого Чуба-Ху не приводила.

А однажды сообщила, что почуяла впереди эрмов. «Они сбились в стаю, – сказала она. – Это очень плохо. Их надо обойти. Пройти берегом озера». Кто такие эрмы, Сварог так до конца и не понял. Судя по описанию Чуба-Ху, то и дело сбивавшейся с внешности эрмов на их злобный характер, они являли собой что-то среднее между варанами и ямурлакскими вампирами.

Причин не поверить у Сварога не нашлось, и уж вовсе не хотелось ввязываться в бой, которого можно избежать...

– Ладно, пусть будет крюк.

А еще за сегодняшней день они насмотрелись и наслушались многого.

...Гора Краберен, которую Сварог видел с борта «Парящего рихара», наконец не выдержала давления рвущейся наружу магмы и взорвалась. Они шли в противоположную сторону и не увидели это – они это почувствовали. Будто кто-то неслышно окликнул их. И они обернулись. Черная медуза на далеком пике вдруг опала, клубящимися струями стекла вниз, обнажая снежные склоны, а из вершины горы вознесся в небо фонтан пламени и дыма. Испуганно рванулись в разные стороны облака. Расстояние до Краберена было огромным, но даже отсюда масштаб стихийного действия впечатлял. Огненный

столб словно уперся в небо и стал растекаться по нему, отгоняя облака, как пену... Спустя долгое-долгое время до людей докатился глухой рокот, и земля вдруг вздыбилась под ногами, потом успокоилась, потом затряслась, как в лихорадке... До самого вечера земля дрожала не переставая. Они привыкли к непрерывной вибрации тверди и уже не обращали на нее внимания...

...Они увидели, как озеро превращается в пар. С водой происходило то же самое, что происходит с любой водой в любой кастрюле на огне, но когда за считанные минуты выпаривается озеро, заволакивая лес густым горячим облаком, превращая листья в вареные опшметки, то невольно вспоминаешь слова гуапа: «Смерть уже близко»...

...Они увидели, как почва внезапно разверзается, и вниз, в подсвеченную багровым светом бездну, летят камни и целые деревья, а затем земля смыкается вновь...

К вечеру буйство природы утихло так же неожиданно, как и началось, но все понимали: это только начало. Начало конца. Спасения нет. Тьма наступает на Атар.

...День клонился к вечеру. И к вечеру они вымотались вусмерть. О том, чтобы двигаться ночью, не могло быть и речи. Пора было выбирать место и останавливаться на ночлег. Чуба-Ху советовала взять чуть в сторону и добраться до Старого города. Потому что они подошли уже довольно близко к Клаутэну, и здесь начинаются беспокойные места. «Очень много нехороших людей и нехороших существ, человек Сварог». А Старый город бережет. Нехорошие существа не смогут подойти к его стенам. Даже она не сможет подойти, потому что «стены слепят ее и заставляют бояться». Правда, добавляла она, от плохих людей и Старый город спасти не может.

Оказалось, Пэвер тоже слышал о Старом городе.

– Рассказывали, что этот город построили задолго до великих потрясений. Люди или не люди, кто знает, кто тогда жил на Атаре. И вот стоит с тех пор, и никто в него войти не может. Уж как только не пытались! И стены ломали-взрывали, и перелетать пробовали, и подкопы рыли – все впустую. Так ничего и не известно про то, что там внутри. А нежить, прошу извинить, барышня, город под стены не подпускает. Так говорят.

Если Старый город бережет хотя бы от нечисти, то надо идти. Все ж таки одной ночной проблемой меньше. И они свернули к городу.

В Старый город, подтвердила Чуба-Ху, попасть невозможно. Его стены невысоки («один ты и половина тебя, человек Сварог»), но будешь карабкаться и карабкаться, а до верха стены будет оставаться все столько же, сколько и было. Есть и ворота. Дойдешь до границы, за которой начинается город, а потом, как бы ты ни старался, хоть беги, но дальше не продвинешься. Можно позвать Стража. Достаточно бросить монету из серебра в щель на воротном столбе – и выйдет Страж. Он постоит, посмотрит и уйдет.

В полукабелоте от Старого города, чьи белые стены они давно видели с холмов, Чуба-Ху остановилась.

– Я буду ждать вас здесь. Если появятся нехорошие люди или нелюди, я дам вам знать. Вы услышите меня.

На том и распрощались.

Интереснее всего, пожалуй, что собственно города из-за невысоких стен

видно не было. Издали смотришь – стены, а за ними местами возвышается нечто вроде куполов. Вблизи – то же самое. Такое впечатление, что город карликовый и карликами же отстроен.

Стены сложены из больших белых кирпичей, в пазах между ними полосы раствора цвета молока. Вскарabкаться и вправду не слишком сложно, есть за что зацепиться ноге, но пока со стенолазанием они решили повременить. И, как и многие до них, направились к воротам.

Воротные створы отражали закат в зеркальном блеске неизвестного металла. Верхняя кромка ворот едва доходила Сварогу до подбородка. Казалось, город должен прекрасно просматриваться, но просматривался он как раз-таки отвратительно, представал таким, каким видит окружающее человек с нормальным зрением, зачем-то нацепивший на нос очки с линзами на плюс десять. Размытые белые пятна, окруженные мутью. И глаза сразу начинают болеть.

Они подошли к воротам вплотную. Сварог вытянул руку, и рука не достала до металла какой-то сантиметр. Он сделал шаг – и между вытянутой рукой и воротами сохранилось заколдованное расстояние в сантиметр. Еще шаг, еще – все оставалось без изменений. Остальные тоже топтались на месте, протягивая руки с одинаковым для всех успехом.

Пэвер выплеснул на бедные ворота свою усталость и гудение в сбитых в кровь ногах:

– Проклятье! Наваково семя! Подогнать бы сюда стенобитную батарею, узнали бы, как издеваться!

– Ну что, попробуем вызвать этого Стража? – спросила у всей компании Клади.

– Почему бы и нет. Серебряная монетка у кого-нибудь завалялась? – поинтересовался Сварог и уж было достал шаур, но Олес отыскал монетку.

На правом воротном столбе, толстой колонне из белого камня, отдаленно напоминающего мрамор, действительно темнела щель длиной в ладонь и шириной в сабельное лезвие.

– Страж, выходи! – с этими словами князь забросил в щель серебряный кругляш.

Не последовало привычного турникетного щелчка, не заиграла музыкальная копилка, не раздался звон монеты, шлепнувшейся поверх монетной груды. Просто с той стороны к воротам бесшумно выехал Страж. Именно выехал – хотя есть у него ноги или нет, не видно, но так плавно не ходят, а выезжают.

Сварог понял, что это за Страж такой, едва голова того показалась над воротами. Стража, в отличие от города, «очки на плюс десять» в пятна не превращали, он-то виден был отчетливо: гладкое, неподвижное лицо манекена, идеально круглые глазницы с радужным линзовым блеском внутри, синтетические волосы... Короче, робот. Натуральный робот, как в советских фильмах шестидесятых годов. В программу которого, видимо, заложено за уплаченные денежки выезжать и таращиться. Таращился он долго, наверное, отрабатывая программу вежливости.

– Ну, чего уставился! – не выдержал Пэвер. – Открывай, видишь, кто к тебе пришел.

– Он не живой, – заметила Клади. – Хотя похож.

– А если не живой, то пальните-ка в него, мастер Сварог, из вашего пистолета. – Пэвер этим вечером больше обычного напоминал охочего до баталий генерала.

– Эй, приятель, ты живой?! – крикнул Олес.

И словно бы этого крика дожидались. Глаза Стража налились синим. Тонкие лазерные лучи выплеснулись из них и сошлись на молодом князе.

Все произошло внезапно. Ни осознать, ни увернуться. Лучи уже бегали, скрещиваясь и расходясь, по телу Олеса. Олес заметался, нырнул в сторону, но нити синего света не отпускали.

Глаза Стража погасли, исчезли лучи. Олес принялся оглядывать себя, ощупывать.

– Никак цел!

– Надо уносить отсюда ноги, – быстро проговорил Рошаль и повернулся.

– Пожалуй, что так, – согласился Сварог. Какие контакты перемкнет в безмозгой башке, какую программу приведут в действие? А ну как программу уничтожения...

Но всего-навсего вдруг взяли да открылись ворота. Металлические створы ушли в колонны, распахнув вход. Вместе с воротами отъехал, пропал из виду Страж. И город, до того размытый, обрел свой истинный вид и четкость. Оказалось, город отнюдь не карликовый, нормальной высоты город, хватает и очень высоких зданий, как, например, башня, напоминающая минарет.

– Похоже, нас приглашают, – почему-то прошептала Клади.

– Про такое легенд я не слыхал, – тихо проговорил Пэвер. – Вряд ли нас удостоили чести быть единственными в мире, кого Старый город заманил в ловушку и там изничтожил.

– Предлагаю войти, – сказал Сварог.

Никто не стал возражать. У каждого появились на Старый город надежды. Кто-то подумал о втором «Парящем рихаре», кто-то – о прямом пути на Граматар, кто-то – о Древних Дорогах, ведущих на Талар.

Они подошли к воротам, на городском «пороге» несколько замаялись, осматриваясь и набираясь последней решимости. Потом вошли.

И стоило им переступить границу города, как над головой Олеса, единственного из них, возникло сияние, словно сотканное из льда. Видимое без всякого «третьего глаза», но как раз-таки в магическом зрении и пропадавшее. Ну, дела...

Олес, когда на его волосы уставилось четыре пары глаз, непроизвольно ощупал голову.

– Эй, чего это вы? Что там?

– Ничего не чувствуешь? – поинтересовался Пэвер, словно лечащий врач, у молодого князя.

– У тебя там светящийся обруч, – помогла Клади. – Как у бородатых дядек на фресках в храмах Пресветлого.

– Да ну, бросьте вы... Разыгрываете, да?..

– Делать нам больше нечего, – пробурчал Рошаль.

– Так и тянет спросить: вы чьих будете, молодой человек? – обратился к Олесу Сварог. – От кого род ведете?

– Вы намекаете, мастер Сварог, что я происхожу от строителей Старого города?

- Более приемлемых объяснений не вижу.
- И что мне теперь делать?
- А что тут сделаешь! Попробуй стать в этом городе королем.

Никаких мостовых и дорожек в Старом городе не было. Пространство, свободное от строений, покрывал песок белого пустынного цвета. Уже первые шаги по песку показали, что ноги в нем не вязнут – наоборот, ступаешь, как по асфальту автобана (с чем сравнивали ровное и твердое покрытие остальные, Сварог не поинтересовался). Город был выстроен из белого камня и белого кирпича, отчего походил на выбеленные солнцем азиатские города.

Здесь было светло. Они оставили за спиной стремительно набегающие сумерки, и, едва ступив на территорию Старого города, очутились посреди дневного света. Откуда свет брался, было совершенно неясно, ничего похожего на какие бы то ни было осветительные приборы не наблюдалось. Да и свет был именно дневной, вроде бы естественный, хотя над головой набухало звездами ночное небо Димереи.

Очень скоро им надоело бродить по Старому городу. Его образовывали в основном однотипные дома, главным образом двухэтажные, под куполообразными крышами. Была еще башня, повсюду попадались пустые чаши – то ли под бассейны, то ли под фонтаны, отыскался даже амфитеатр, и через каждые полсотни шагов стояли одинаковые круглые беседки с колоннами. Да еще везде они натыкались на скульптуры из того же белого камня, все примерно в два человеческих роста, изображавшие разной важности мужей, бородатых и безбородых, как один, укутанных в туники, запечатленных в довольно-таки статичных позах. Некоторые сжимали в руках свитки или жезлы. Но нигде не встречалось никаких следов жизни, чьего-то пребывания. Ни забытых вещей, ни надписей на стенах, ни крошек каких-нибудь, ничего. Один голый камень снаружи и внутри зданий. Даже грозный Страж куда-то исчез. Создавалось впечатление, что они первые не только из мыслящих, но и вообще из существ, попавших на этот песок. Город казался огромным макетом – вроде тех, что изготавливают из картона архитекторы (разве что выполненный в масштабе один к одному). Или съемочной площадкой фильма. Или местом, которое приготовили на всякий случай, чтобы заселить его когда-нибудь потом...

Делать в таком городе, собственно, было нечего, да и не хотелось им, отмотавшим несчитанные кабелоты, просто так перетаскивать ноги с места на место. Хотелось спать.

Устроились на песке возле одной из беседок. В городе, проверил Сварог, отсутствовало какое бы то ни было магическое присутствие, и вообще город настраивал на покой, но расслабляться никто не собирался. Отменить караул Сварогу и в голову не пришло. Распределили смены, и свободные от дежурства легли. Вернее – попадали. Еще вернее – рухнули. И провалились в усталый, черный сон...

- ...На ноги! Встать, черти! Подъем! Тревога!

Удар носком под ребра вскинул Сварога на ноги. Никаких обид быть не могло. Он бы и сам так поступил – если было бы необходимо срочно поднять по тревоге. А необходимость была.

– Водяная смерть! Проклятый город! Да поднимайся же ты, генерал! – орал князев сынок и бесцеремонно пинал Пэвера.

Молодец Олес. Хвалить часового за то, что не уснул, вроде бы не пристало, но после такого перехода заставить себя не сомкнуть глаз, что б там ни говорилось о долге и ответственности, – на это требуется воля.

Вскочил и Пэвер. Теперь весь экипаж был на ногах. Сплюнув в песок, Рошаль изготовил к бою стилет.

– Говорил же: ловушка!

Но вряд ли сталь могла чем-то помочь. Если и уповать, то на шаур. И на ноги, которые унесут прочь из города. А еще можно уповать на то, что к ним приближаются с добрыми намерениями. Правда, здорово можно обмануться.

А приближалась к ним статуя. И то не было оптическим обманом, галлюцинацией или продолжением сна. Одна из каменных фигур, изображавшая некоего мужа с властным лицом, сжимающего в деснице жезл, покинула свой пьедестал и целеустремленно двигалась в их сторону. Передвигалось изваяние вовсе не так, как пристало ходить ожившим статуям. Им пристало ходить на негнущихся ногах. У этого же ноги прекрасно гнулись, и топало оно довольно шустро, разве что несколько неуверенно, но вот ведь, зараза, осваивалось с каждым шагом.

– Врассыпную! – скомандовал Сварог. – И к воротам!

Резонно было рассчитывать, что пределы города его порождение не покинет. Однако удрать от длинноногой статуи будет нелегко. Сварог решил дать своей команде время, отвлечь разбежавшееся изваяние на себя. О том, что ворота могут оказаться на запоре, думать не хотелось.

Когда, выполняя команду, люди бросились врассыпную прочь от беседки, Сварог навел на каменного гостя шаур, уже в момент пробуждения выхваченный им из-за пояса, и вдавил спусковой крючок. Серебряные заряды начертили в воздухе блестящую ленту, ударившую в ожившее изваяние. Звеня и выбивая искры, звездочки отскакивали от каменного тела. Статуя споткнулась, приостановилась, будто сама не представляя, чем для нее закончится свидание с серебром, но спустя мгновение продолжила преследование.

И погналась она за Сварогом.

Сварог забежал в беседку, на ходу пряча шаур, оказавшийся на этот раз бесполезным. Сотрясая ступени каменной поступью, в беседку, оказавшуюся для него тесноватой, протиснулся и проклятый муж с жезлом в руке.

«Тоже выход, – лихорадочно думал Сварог. – Скрыться в доме, а в дверь ему не пролезть, и в доме том отсиживаться, пока страшилище вновь не окаменеет...» Но кто сказал, что нет силы в каменной его деснице, что он не обрушит дом Сварогу на голову? И кто сказал, что этот типус собирается обратно камнеть в оставшееся до конца света время? Нет, вариант не годится...

Сварог выпрыгнул из беседки на землю. И пока каменный охотник ставил ногу на барьер, впихивал себя между колонн и обрушивался на песок, Сварог обежал беседку и заскочил в нее снова. Что ж, маневр «белка в колесе», нет спору, хорош, его можно гонять до бесконечности, то есть до полной растраты сил. Интересно, у кого первого иссякнут силы, на кого выше ставки? Однако Сварог уже дал время остальным скрыться за воротами, а, мотыляясь по кругу, можно и самому собраться с мыслями, сочинить что-нибудь остроумное. Вот чего пока точно не хочется – так это устраивать спринтерский забег до ворот. Уж больно ноги у каменного подлеца длинные и не такой уж он неловкий. Куда там неловкий! На глазах этот монстр становился все более похожим в дви-

жениях на человека.

Сварог замер в центре беседки, ожидая, когда изваяние зайдет на второй круг. Однако скульптурный муж остался снаружи и таращился на человека каменными бельмами.

– Бумагу! – прозвучал вполне человеческий голос, но как бы издалека, хотя и громко. – Бумагу Ваграна!

Это потребовал он. Каменный муж.

Когда приказ прозвучал вторично, черты скульптурного лица дрогнули, и – Сварог узнал.

Город тут, оказывается, вовсе ни при чем. Это Сварога несколько успокоило. Ворота должны быть открыты, за ними, вот счастье-то, не начнут охотиться все статуи этого полиса.

Сварог узнал. Хоть здоровайся. Хоть произноси комплимент: «Вы неплохо выглядите сегодня, мэтр Ленар».

И, что называется, срослось. Можно хлопнуть себя ладонью по лбу, как поступают люди, осененные догадкой, или по-архимедовски прокричать: «Эврика!» Объяснилась болезнь, досаждавшая его спутникам весь предыдущий день. Мерзкий колдунишка искал лазейки, пытался влезть в тела, завладеть телами людей, что были рядом со Сварогом. И когда с человеческими оболочками не прокатило, отчаявшийся Ленар вселился в оболочку каменную. Откуда, из какого далека мэтр пригнал свою астральную душу, даже неинтересно. А вот как Ленар разыскал Сварога, о том спросить не помешало бы. По карте ли, на которую ему удалось настроиться? Или ему удалось настроиться на эманации Сварога? Или мэтру подсказали... Да, нашлись бы и еще вопросы к мэтру, но как-то не тянуло Сварога заводить разговор с каменным болваном...

– Бумагу! – потребовал видоизменившийся мэтр Ленар и двинул каменным кулаком по колонне.

Сварог крикнул бы ему: «Дурак вы, мэтр, и шутки у вас дурацкие», – кабы было время. Но вот как раз времени... Силушкой архивариус себя на сегодня обеспечил – от его тычка по колонне пошли трещины, и беседка опасно накренилась. Ободренный успехом Ленар-статуя саданул второй раз, кроша о колонну и собственные каменные пальцы. Беседка рухнула, подняв облако пыли, но Сварога под руинами не оказалось. Уж простите, уважаемый мэтр...

Открытие в статуе старого знакомого придало Сварогу легкости в теле и мыслях. Может быть, еще и оттого пришла легкость, что не приходилось беспокоиться за остальных, мэтру они не нужны. Да и сам Сварог, по сути дела, не нужен. Мэтру карту подавай. Карту...

Идея пришла на бегу. Мэтр, сам того не подозревая, сделал все, чтобы Сварога посетило озарение. Теперь Сварог знал, куда ему бежать.

Каменный гость топал следом, догонял, но Сварога это уже не волновало. Потому что оставалось свернуть за угол – и они на месте. Видите, как полезно сразу же откладывать в багаж памяти особенности ландшафта.

Прекратив бег, тяжело дыша, Сварог повернулся к преследователю. Ленар молча надвигался, протягивая руку, свободную от дурацкого жезла.

– Карту, говоришь? На, подавись!

Сварог положил карту Ваграна на край. На край то ли бассейна, то ли фонтана. А фонтаны или бассейны строители заделали глубокими, в три каменных Ленара глубиной, и воду в них, как в анекдоте про психбольницу, не на-

пустили.

Сварог избавился от карты Ваграна и отбежал. И, как он и предполагал, Ленера сразу перестало интересоваться что-то еще, кроме заветной бумажки. Ленар заторопился к ней.

А это еще что? Со стороны ворот перебежками подбиралось его бравое воинство, причем в полном составе, причем сбившись в толпу, – за все за это высечь их мало! Сварог яростно замахал рукой – стоять, не двигаться, сучьи дети, без вас управлюсь.

И зашел Ленару со спины. Каменный верзила нагнулся за картой, попытался уцепить ее плохо освоенными каменными пальцами. Сварог подналег плечом на каменную тушу, как грузчики налегают на шкафы. Ленера повело вниз, он забалансировал на краю, замахал руками, по Старому городу разнесло его неистовый рык. И не без величественности, присущей обрушивающимся гигантам, будь то откалывающийся от ледяных гор айсберг или свергающаяся с вершин лавина, Ленар повалился в чашу то ли бассейна, то ли фонтана, каменную, как и он сам.

Снизу принесло оглушительный треск разламывающихся камней и облако каменной пыли.

– Не вышел у тебя каменный цветок...

Сварог поднял карту, спрятал, потом посмотрел на дело рук своих.

По дну чаши разбросало обломки статуи важного мужа. Далее прочих откинуло кулак, по-прежнему твердо сжимающий жезл, что-то несомненно символизирующий. Метаморфозы происходили с головой: она на миг становилась человеческой, мэтра Ленера, и тут же обращалась в каменную голову древнего важного мужа, потом вновь обретала человеческие очертания, и лицо архивариуса, как писали в старинных романах, было исполнено невыносимого страдания.

Первой к Сварогу подроспела Клади.

– Как же он смог просочиться в Старый город?

– Может быть, мы, открыв ворота, открыли дорогу и ему, не знаю, – пожал плечами Сварог.

– А говорили, слабый маг... – с побагровевшего лица Пэвер рукавом утирал пот.

– Думаю, ему помогли. Позвольте ваш меч, мастер Пэвер!

Получив от суб-генерала меч, Сварог направился к лестнице. Сбежав по выбитым в камне ступеням, подошел к разбитой статуе.

– Убейте, мастер Сварог... Отрубите мне голову... – прохрипел мэтр, когда его собственная голова заняла место каменной. – Нет сил терпеть это...

Он не врал. Он действительно хотел умереть.

– Любовался бы и любовался вашими мучениями, – вздохнул Сварог. – Но я, так и быть, выполню вашу просьбу, если вы ответите на мой вопрос. Почему вы не сумели вселиться ни в кого из людей?

Оказывается, мэтр прекрасно мог его слышать. И мог отвечать:

– Потому что никто из них в тот момент не желал вам зла.

– Правда? Даже Олес?

– В него нельзя.

– Ах, вот оно как... А почему?

– Не имею права знать...

– А жаль, было бы интересно... Ну, прощайте, Ленар. Надеюсь, навсегда.

Дождавшись, когда в чередовании голов наступит очередь человеческой, Сварог опустил меч на шею статуи. И по дну чаши покатила голова Ленара. На этот раз – мертвого окончательно и бесповоротно.

– Да, – покачав головой, Сварог направился к лестнице, – на что только люди не идут в погоне за какой-то бумажкой...

Глава семнадцатая Или Атар, или Граматар

Корабли горели. Полыхали люгеры, шхуны и баркентины. Полотнища парусов лопались и падали на палубу огненными ошметками. Бизани, гроты и фоки заваливались, разрывая такелаж, ломая борта, сползая в воду. Взрывались кюйт-камеры, взметая над палубой столб огня, кореза корпуса.

Корабли тонули. Кренились, черпали воду пробитыми бортами и, заполняясь водой, медленно погружались в волны. Поверхность залива покрывало, как осенью гладь озер покрывают палые листья, корабельное дерево: обломки рей, стеньг, гафелей, бушпритов, мачт, бортов, палуб, внутренних переборок, килей, шпангоутов. Среди корабельного дерева мелькали тряпки, бумага, бочонки, стекло, глиняные кувшины, дамские веера, детские куклы и еще многое, многое, многое... Морская волна покачивала свои трофеи и готовилась рассортировать их обычным порядком: что-то отправить на дно, что-то выбросить на берег, что-то унести в океан. Среди отданных на откуп волнам предметов двигались темные точки. Головы. Головы скота, домашней живности... и людей.

Люди прыгали с гибнущих люгеров, шхун и баркентин. Люди гребли в переполненных шлюпках к берегу. Люди плыли. Люди держались за обломки. Люди выбирались на берег, поворачивались лицом к заливу и грозили, метались по прибрежному песку, застывали неподвижно, сложив молитвенно руки.

На эскадренном броненосце «Адмирал Фраст», справившись с нетрудной боевой задачей – расстрелять мощью главного калибра флотилию деревянных лоханок, – уже всюду развлекались. Отдельные орудия без особой настойчивости и с неравномерными паузами обстреливали шлюпки – судя по всему, в целях тренировки наводчиков. Или на спор. Над верхней палубой иногда появлялись пороховые дымки – это, не иначе, гидернийские офицеры упражнялись в стрельбе из стрелкового оружия и заключали пари на бутылочку-другую вина.

– Вот вам всем и Граматар, – первым нарушил молчание Олес. – А вы еще гуапу боялись...

– Вы знаете гимн Гидернии? – зло переломил сучок о колено Пэвер. – Там есть такие строки:

*Отцы несли на чужбину
Веру свою, свой труд;
Им подчинялись – но дети
По праву рожденья тут!
Тут, где палатки стояли,
Ветер качал колыбель.
Вручим любовь и надежду
Единственной из земель!*

Единственной, понимаете? Они считают Граматар своей землей, и все тут...
– И они никого не выпустят...

Словам Рошалья, как и всем словам, сказанным в этот день, аккомпанировал несмолкающий гул Феррунианской гряды. Горы трясло, с гор сходили снега – уже не отыщешь ни одной белой шапки. Горы покрывались вулканами – пробив твердь, яростно взлетали к небесам все новые и новые красно-черные фонтаны лавы. Ветер доносил остывший по дороге пепел и до залива, укрывая местность серым снегом, оседая на волосах, одежде, лицах; першило в горле, то и дело хотелось чихать.

– Они никого не выпустят, – повторил Рошаль.

– ...Город Клаутэн располагался в пятнадцати кабелотах от места впадения реки Улак в Редернейский залив. Клаутэн был центром, столицей и единственным городом небольшого домена Клаустон. Домен Клаустон входил в сюзеренат доменов Тоурант. С наудера на куз через весь Тоурант тек широкий судоходный Улак, и все входящие в сюзеренство домены имели выход к реке. Только домен Клаустон добился от Тоура[101] привилегии избирать дожа, а не получать готового из столицы или иметь наследного. Сто лет назад тогдашний тоурантский король попробовал силой отобрать у Клаутэна привилегию, но наемники из Шадтага отстояли домен, а потом настолько вошли во вкус, что чуть было не захватили и весь Тоурант. Против шадтагцев объединились все пять доменов, в том числе и Клаустон, и только общими усилиями угомонили бравых вояк. После чего короли Тоуранта считали за благо Клаутэн не трогать. Отсюда пошло выражение «Зачесался палец? Пощекочи им клаутэнца – палец оттяпает, зато и щекотка пройдет»... Так, во всяком случае, об этом повествуется в «Военной истории Атара», – просвещал их на одном из привалов мастер Рошаль.

Тогда они могли думать, что знание о Клаутэне им для чего-то пригодится. Тогда они еще не знали, что увидят с утеса на берегу Редернейского залива.

С военно-уничтожительной точки зрения гидернийский броненосец поступал абсолютно верно. Вместо того чтобы гоняться по морю за отдельными флотилиями разных государств, он занял позицию у впадения реки Улак в залив и методично расстреливал все корабли. Кроме как по Улаку, тоурантские суда никак попасть в море не могли, значит, им не миновать и встречи с боевым кораблем военного флота Гидернии.

Рошаль и Пэвер не сомневались, что все гидернийские военно-морские силы рассредоточены вдоль побережья Атара и выполняют сейчас одинаковый приказ – расчищать место для Великой Гидернии на Граматаре. Расчищать еще задолго до всплытия Граматара.

И пока броненосец «Адмирал Фраст» не удостоверится, что ни один из тоурантских кораблей реку Улак покинуть не сможет, он никуда из залива не уйдет. Не уйдет, несмотря на начавшееся, непрекращающееся, набирающее силу землетрясение, несмотря на то, что осыпаются от встрясок берега залива. Когда станет совсем горячо в прибрежных водах, когда пойдут исполинские волны и закружат бездонные водовороты, броненосец в два счета уйдет с рейда, и не успеет капитан разжечь и выкурить трубку, как боевой гидернийский корабль будет дымить в безопасном открытом море.

О том, что «Адмирал Фраст» будет торчать в заливе до последнего, как раз и размышлял сейчас Сварог. В Клаутэн, как собирались, идти теперь без смыс-

ла. А куда прикажете идти? Да некуда. Идти точно некуда. Потому что началось. Как сказала Чуба-Ху, «смерть пришла». Она сказала об этом, когда, уже подходя к заливу, они увидели, как ползут с моря низкие смерчевые тучи, закручивающиеся в воронки, где-то внутри себя пронзаемые молниями. Скоро эти тучи нависнут черным потолком, и вот уж тогда наступит полная и безоговорочная Тьма. Совершенно очевидно, что никуда они не денутся до самой Тьмы. Время от времени из набухшего черным гноем неба пикировали к земле взвинченные конусы смерчей.

Дрожь под ногами становится сильнее с каждой минутой. Бегут к побережью лесные пожары. Сегодня они вспыхивают повсеместно один за другим – после того, как взорвались извержениями горы и раскаленная лава хлынула по склонам. Идти некуда. Весь мир стал серым и невзрачным, как бетон. Не только от пепла, редкими хлопьями сыплющегося сверху, но и от пепла, несущегося в головокружительной вышине и обесцвечивающего своей пеленой чистую лазурь небосклона. Солнце превратилось в блеклое пятнышко и обреченно кивало им из зенита; казалось, это не тучи мчатся над головой, а светило стремится куда-то убежать, но никак не может сдвинуться с места. Бежать было некуда.

– Добраться до Крона мы не сможем, не успеем, – прервал затянувшееся молчание Гор Рошаль.

– Думаете, кронский флот нынче не кормит рыб? – покачал головой Пэвер.

– Флот Крона, равно как и Шадтага, сам располагает боевыми кораблями. Они не дадут всяким «адмиралам» делать с ними, что захочется.

– Зато наша потрепанная команда прямо позарез нужна Крону. Равно как и Шадтагу, – невесело ухмыльнулся Олес.

– А кому мы вообще нужны? – резонно спросил Пэвер.

Они обменивались репликами без выражения, не вкладывая в них ни капли эмоций. Как актеры провинциального театра перед пустым залом на сотом показе одного спектакля. Потому что все понимали: это самый последний спектакль. И на него никто не купил билеты...

– Ладно, отставить раскисать! – Сварог все обдумал и был готов к разговору. – Пока живы, не помрем. Взвейтесь, соколы, орлами. Не плачь, девчонка, пройдут дожди.

– Какая девчонка? – мрачно поинтересовался Рошаль.

– Это я так боевой дух поднимаю. Девчонок у нас, кстати, аж целых две, и обе вот-вот заплачут... – Он стряхнул с плеч пепел, который превратил его камзол в мундир с эполетами, и, прищурившись, посмотрел на «Адмирала Фраста». – А как вам, голуби мои, нравится этот пароход? В смысле – прибрать его в наши умелые руки?

– Не смешно, – мрачно заметил Гор Рошаль, кутаясь в свой балахон и глядя в море, как Наполеон со Святой Елены.

– А я и не шучу. Податься-то нам некуда. Впереди – океан до горизонта и даже дальше, позади – лава наступает, под ногами – тонущий материк, над головой – небо, в которое мы боле подняться не сумеем и с которого на нас вот-вот начнут сыпаться камни. Четвертое измерение, откуда можно было бы смыться в мой мир, – и то закрыто. Так что положение безвыходное во всех смыслах. Куда ни плюнь, везде погибель... Зато, обратите внимание, прямо перед нами – прекрасное, бронированное, вооруженное, быстроходное плавсредство.

Аж плакать хочется, какое прекрасное. Ведь так и ждет, стервец, чтобы мы на него сели. И не пассажирами, а офицерским составом...

– Да вы очумели, мастер граф, уж простите за генеральскую резкость! – Пэвер сломал еще один сучок из тех, что подбирал под ногами. – Там одной команды три сотни человек. Это ж броненосец. А толщина бортов! А артиллерия, а пулеметы! С пращами и ножиками их будем захватывать?! Проще повеситься!

– Проще броситься с утеса, – предложил разгорячившемуся бывшему суб-генералу бывший десантный майор. Да, с уступа, на котором расположилась их компания, очень удобно расставаться с жизнью. Пролететь треть кабелота, славно шмякнуться о камни... – Только не хотите ли сначала дослушать меня? Я ж не призываю вас построить плот, воткнуть орясину вместо мачты, привязать к ней пиратский флаг и, горланя удалую песню, взять броненосец на примитивный абордаж. Этот дредноут, если, конечно, Атар вдруг не затонет раньше, проторчит в заливе до ночи. Плавать все умеют?

– Я не умею, – пробурчал Рошаль.

– Я плохо умею, – сказала Чуба-Ху. – И вообще я воды боюсь.

– Не страшно, что-нибудь придумаем. Так вот! Под покровом ночи крадемся... то есть тихо подплываем к этой бронированной галоше. Из лука, его изготовление я беру на себя, выпускаем стрелу, к которой привязаны канат и «кошка»...

– «Кошку» я знаю, как сделать! – перебил Олес. Наличие хоть какого-то плана и уверенный тон Сварога вывели князя из уныния, и он сразу же впал в состояние нетерпеливого возбуждения. – Из согнутых кинжалов!

– ...Забираемся на корабль по канату, а дальше... ну а дальше – как сложится. Здесь ловить уж точно нечего... И, кстати, мастер Пэвер, мы не такие уж безоружные. Мой всем уже известный шаур, кое-какие способности из тех, что непросвещенный люд именует «колдовскими штучками», Чуба-Ху с ее стремительной и смертоносной второй ипостасью, Клади с ее отвлекающей на себя мужские глаза внешностью, мастер Олес с его цирковыми задатками и кровью великих строителей Старого города, мастер Рошаль с его аналитическими способностями и владением кинжалом и, наконец, вы, мастер Пэвер, с вашим полководческим прошлым.

Сломанная Пэвером ветка на этот раз хрустнула не столь громко.

– Да ладно вам! У нас в полку это называлось раздавать награды перед боем. А вахтенные, а часовые?.. Какой-то дохлый шанс, может быть, у нас и есть, но только до первого шума. Поднимается шум – и можно смело сигать за борт.

– Теперь я хотел бы послушать ваши планы, – скрестил Сварог руки на груди. – Для сравнения.

– Идти в Крон побережьем, – сразу же высказал предложение Рошаль. – Если у нас будет неделя...

– Какая неделя! – всплеснул руками Пэвер. – Не видите, что творится?!

– Никому сие не известно. Вдруг нам выпадет неделя. Например, по дороге в Крон нам может повезти и нас подберет какой-нибудь корабль.

– Какой дурак нас будет подбирать?! – воскликнул Олес.

– «Вдруг», «повезет», ну и план у вас, мастер Рошаль!

– А у вас, мастер Пэвер, простите, какой план?

– Я еще думаю, – ответил Пэвер и потянулся к следующему сучку.

– Что скажешь ты, Клади?

– Мне нечего сказать. – С тех пор как увидела побоище в заливе, Клади не произнесла ни слова и ни на кого не смотрела. Она не отрывала взгляда от горизонта. Даже сейчас.

– Чуба?

– Если вы действительно хотите взять меня с собой... – глаза женщины-волка горели такой надеждой, что становилось не по себе. Признаться, боязно становилось, – то я буду участвовать в любом плане, – твердо закончила она. – Я кому угодно сердце зубами вырву. Я доплыву и поднимусь по якорной цепи. Я обернусь и устрою этим тварям кровавую баню. Я...

– Штурмуем это ведро! Решено! – Олес расхаживал в опасной близости от осыпающегося края уступа. – За канатом можно сходить к людям на берег. Самим найти на берегу, наконец! Давайте, бойцы, давайте не сидеть сложа руки!.. Слушайте, а ведь у спасшихся на шлюпках могло сохраниться какое-ни-какое стрелковое оружие! Нам хотя бы арбалет! Не обязательно отнимать. Предлагаю купить. Разве этот перстень не стоит арбалета?

И князь принялся стаскивать с пальца печатку с ониксом в золотой оправе.

– Испытуемый, зачем им твой перстень, когда рушится мир, – и Пэвер сломал новый сучок...

От грохота заложило уши. Их подбросило. С деревьев посыпались сухие ветки. Олесу повезло, что он отошел от обрыва, потому что обрыв обвалился на два кайма от края. Земля уступа в момент покрылась паутиной трещин. Олес с вытаращенными глазами вытянул руку в сторону Феррунианской гряды и открыл рот, но ни слова вымолвить не смог.

– Перевал Ящера, – выдохнул Пэвер. – Двести рапанов мне в зад и против резьбы...

Перевала Ящера больше не было. На их глазах горные вершины неспешно, величественно оседали, словно сдуваемый надувной матрац, и встряхивали землю на сотни кабелотов вокруг. А снизу ядерным грибом вставала черная клубящаяся стена грунта, застилая погибающие горы. И зрелище это было таким завораживающим в своей медлительности, в своей глобальности, что взгляда было не оторвать.

– Уходим, спускаемся, а то грохнемся в залив вместе с утесом! – прервал Сварог любованье катаклизмами.

Следовало поторопиться. Трещин в земле уступа все прибывало. Сварог, как и положено командиру, дожидался ухода из опасной зоны последнего бойца. Последним бойцом оказалась Клади – Сварог уже понял, что баронетта хочет пошутиться с ним тет-а-тет. И он догадывался, о чем именно.

Они спускались по извилистой узкой тропе, отводя от лица ветви кустов, присыпанные пеплом, и все больше отставая от остальных.

– Откладывать разговор вроде бы уже некуда, – помог ей с началом Сварог. Она нервно закусила губу.

– Совсем некуда.

– Кто первый? Я со своими подозрениями или ты со своим признанием?

– Может быть, я со своим предложением?

Они остановились.

– Нет, – покачал он головой, – сперва исповедь души, отпущение грехов, а потом уже решим, куда путь держать: в ад, рай или чистилище. Я же все рав-

но не смогу принять или отвергнуть твое предложение, не зная всей правды.

– А ты что-то знаешь?

– Догадываюсь... Ну, хорошо. Времени у нас на болтовню не так уж много. Совсем нет. Чтоб тебе было легче... – Он замолчал на миг, потом спросил в лоб: – Ведь ты – гидернийский шпион, да?

– Шпион! Фи, как грубо... – поморщилась она. И вздохнула, отводя от лица пряди волос. – Я, милый граф, свободный агент Отдела последнего рубежа безопасности государства Гидерния. Звучит напыщенно, а на нормальный язык это переводится так: работник по найму в конторе, которая занимается обеспечением безопасного Исхода для граждан Гидернии.

Сказала она это столь просто и спокойно, что Сварог на миг даже растерялся. Он думал, что будут протесты, возмущение, оправдания или в лучшем случае – слезы, раскаяние, мольбы простить, а тут... Хотя где-то в глубине души он был почему-то рад, что девчонка признается так буднично...

...Она была уроженкой Бадры, и завербовали Клади три года назад, исключительно благодаря одной ее способности. Она не была колдуньей, но одним-единственным магическим даром обладала: она умела внушать, и это обстоятельство делало ее агентом весьма и весьма полезным. Она могла внушить кому угодно что угодно – например, могла довести до самоубийства, продать родную мать, могла влюбить в себя... Так и произошло в случае с бароном Таго: на каком-то празднике во дворце князя Саутара он неожиданно воспылал к юной незнакомой красавице чувствами – надо заметить, исключительно отцовскими, – удочерил ее и поселил в своем замке. Потому что два года назад гидернийская разведка выяснила, что в библиотеке замка спрятана знаменитая Бумага Ваграна, которая еще больше увеличит шансы островного флота добраться до Граматара первым. Бумага, которую, оказывается, уже много лет тайком разыскивает в этой самой библиотеке некий никому не известный архивариус. И Клади была спешно внедрена. К сожалению, замок Таго находился под магической защитой, внутри охранного круга никакое колдовство не действовало, как выглядит пресловутая карта, она не знала, поэтому оставалось только терпеливо ждать, пока мэтр сам отыщет Бумагу и вместе с ней покинет замок, а уж за его пределами Клади найдет способ убедить его отдать карту ей. Дальше все просто: она включает передатчик, дает сигнал о том, что карта у нее, ее вместе с картой вывозят по реке в резидентуру, а оттуда – быстроходным катером в Гидернию, где ждет не дождется солидный гонорар... Одна беда: никто из ее хозяев не догадывался, что мэтр окажется слугой Темного. И никто не мог предположить, что в дело вступит неожиданный фактор – пришелец из другого мира, который с ходу и, правду сказать, непреднамеренно ломает все планы операции. Когда Клади увидела на столе у Сварога книгу из библиотеки и поняла, что, возможно, это и есть Бумага Ваграна (иначе почему столь стремительно бежал граф-любовник из еще теплой постели!), она, признаться, решила, что ее обошли: карта попала в чужие руки. В чем мать родила Клади бросилась к себе, оделась, схватила передатчик... и только тогда опомнилась. Книга сама по себе еще ничего не значила, а граф Гэйр, ну хоть убейте, никак не производил впечатления агента – уж в таких делах она разбиралась. И ведь книга осталась на столе... Клади вернулась за ней в комнату – и тут в окно вломилось нечто. На замок напали «черные монахи»-аграверты. Ни забрать книгу, ни послать сигнал она не успела... И все

дальнейшие события вышли из-под ее контроля. Когда Клади поняла, что Бумага Ваграна погибла в пожаре, она, к стыду своему, запаниковала. У нее был только один резервный канал связи: незнакомый ей резидент в «Дырявой бочке». Однако кто-то прервал и эту, последнюю связь со своими. И ей ничего не оставалось, кроме как покориться ходу вещей и просто выждать момента, когда она сможет связаться с резидентурой... А потом Бумага вдруг всплыла у графа Сварога, потом – о чудо! – вообще перекочевала случайно к ней в руки. Клади, конечно, могла бежать из камеры во дворце Саутара, но не стала этого делать: куда заманчивее прибыть в Гидернию на украденном дирижабле, да еще привезти с собой начальника тайной полиции Гаэтаро, да еще новоиспеченного князя, да еще обладающего удивительными способностями пришельца из другого мира – вот это был бы триумф! Легким мысленным посылом Клади приказала Рошалю взять курс напрямик на Гидернию. И отдала карту Сварогу – потому что чувствовала, что граф начинает ее в чем-то подозревать и необходимо было оправдаться. И, если б не авария, они скоро вошли бы, выражаясь языком другого мира, в воздушное пространство островного государства. Вот и все, собственно...

Клади не врала – если только, чертовка, не умела внушать и магическому детектору лжи Сварога, будто говорит правду. Если только не обманула детектор, паршивка, как уже случилось однажды: «Кто там был?» – «Я не знаю, как его зовут...» И ведь действительно не знала, ведьма зеленоглазая!.. Однако думать, что она опять врет, означало последний шаг к паранойе...

– И как ты меня вычислил? – спросила она после паузы, внимательно наблюдая за лицом Сварога. В глазах ее прыгали веселые зеленые черти.

Сварог, прикладывая невероятные усилия, чтобы лицо оставалось спокойным, прикурил уже третью сигарету и ровным голосом сказал, будто все так и должно происходить, будто они мирно обсуждают планы на выходные в уютном кабачке:

– Трудно сказать... По мелочам. Радиопередатчик, которого в отсталом Гаэдаро, да и в других странах, кроме Гидернии, просто не может быть, но который почему-то оказался в моей комнате. Где только что была ты. То, как ты рвалась назад, в замок, – не к отцу, пусть и приемному, а почему-то в библиотеку. Этот служака на заставе... «Дырявая бочка»... Много, в общем, чего...

– И что ты теперь будешь делать? – тихо спросила она.

Сварог пожал плечами. Действительно, а что теперь делать?

– Вот уж не знаю, – сказал он. – Наверное, отдам тебя под трибунал... Значит, там, ночью, в замке, ты внушила мне, что...

– Нет, – резко тряхнула она головой. – Нет, капитан, и тебе самому это прекрасно известно. Во-первых, защита замка гасила любую магию... кроме твоей. Не знаю, почему. Во-вторых, мое колдовство на тебя не действует. Опять же не знаю, почему. Может быть, потому что ты нездешний. Я попробовала однажды, когда мы встретились впервые – там, на лесной дороге, – и ничего не получилось. (Сварог вспомнил мурашки, пробежавшие по затылку, после драчки с молодым князем. Логично, черт возьми, логично...) А в-третьих... – Она посмотрела ему в глаза. – А в-третьих, капитан, я не стала бы таким образом затаскивать тебя в постель.

– А кстати, как же Олес? – спросил он, мысленно вздыхая с облегчением. – Почему ты не внушила ему, чтоб он к тебе не приставал?

– Там, в лесу, он был пьян, – поморщилась Клади. – А алкоголь каким-то образом нейтрализует внушение, понятия не имею, каким. Кстати, и суб-генерал по той же причине не «убедил» тебя, что, дескать, аппарат для путешествий по Тропе находится в Гидернии и только и ждет некоего графа Гэйра...

– Значит, аппарат существует?

– Ни малейшего представления. Но в Гидернии его точно нет. – И опять Сварог не смог отыскать в ее словах ложь. – А что касается Олеса... ну не хотела я гнать его. Не хотела, и все. – Она вдруг хитро улыбнулась. – Какая женщина будет против того, чтобы за ней ухлестывал наследник князя, даже если он ей совершенно безразличен? До недавних пор Олес вел себя вполне благопристойно, работать не мешал...

– Понятно. Значит, шпионские игры на свежем воздухе, отлично... Ну и зачем ты мне все это рассказала? – спросил Сварог и со злостью растер окурок каблуком. Нет, женщин ему не понять никогда, хоть убейся.

– А исповедь окончена?

– Если тебе больше нечего добавить...

– Я все сказала, ваша святость.

И она в притворном раскаянии склонила голову. Ну как на нее будешь сердиться? Да и за что, собственно?.. Сквозь сетку волос, упавшую на ее лицо, прострельнули озорные зеленые искры.

– Вы отпустите мне грехи?

– Да перестань ты, – устало сказал Сварог, отчего-то чувствуя себя дурак дураком. – Что ты от меня хочешь?

– У меня к вам, капитан, насквозь деловое предложение.

– Н-да? Нетрудно догадаться, что ты можешь предложить.

– Вот в этом, боюсь, ты ошибаешься. Ты ведь думаешь, я стану обещать золотые гидернийские горы, ничейные земли нового материка, соблазнять чинами и званиями. Не скрою, стала бы соблазнять чинами и званиями, если бы не постраниствовала с тобой от переделки к переделке и не узнала тебя так хорошо. Вышла бы пустая трата слов. Ты бы благородно отказался бросить товарищей и подло удрать от них вместе с девицей и картой на броненосец. Или, может, я не права? Или ты согласишься к моей огромной радости?

– Права. Не соглашусь, к твоему глубокому огорчению. Так что ты можешь мне тогда предложить? Разве что-то остается?

– Представь себе... Видишь ли, мой милый граф, я не желаю больше быть никем. Рядовым агентом, которого привлекают к работе только из-за того, что она умеет внушать, угольком для чьей-то паровой машины. А таковой я и останусь, если вернусь к моим начальникам ни с чем. Без карты Ваграны и без вас. Еще и понизят, – она криво усмехнулась, – как не справившуюся с заданием. Пришла пора, мастер Сварог, игры на пограничной земле жизни и смерти. Или все, или ничего. Или Атар, или Граматар. Или, на худой конец, ваши Блуждающие Острова. Или мы с вами погибнем, или мы с вами будем командовать этим броненосцем. А там... Броненосец и Карта Ваграны... Это же какая силища! – Она мечтательно закатила глаза. – Мы бы могли такое... такое...

– Неужели тебя не пугает участие в ночном абордаже?

– Да я на него и не пойду, – отмахнулась Клади. – Дурацкий план. Вполне в твоём духе. По этому плану нас перережут, как курей. Зря я, что ли, гробила свою молодость за гидернийские интересы? Не забывай, что я агент тайной

службы, а посему знаю кой-какие коды – и военно-морские, и особые. На броненосец можно послать сигнал – ну там световой или еще как... Флажками, например. Вызвать катер. Уж катер захватить всяко легче, чем сразу весь броненосец. Либо еще что-нибудь придумать. Понимаешь? И коды – это не единственное, что я знаю... – Она лукаво прищурилась. – Много чего я знаю и умею. Ну так как?

– Что – как?

Налетел порыв шквального ветра, поднявший тучи пепла, и раздался отдаленный дробный гул, будто вертолет взлетает, только значительно басовитее: до берега наконец докатилась ослабленная расстоянием ударная волна от рушащихся гор. Сразу же стемнело еще больше, земля заходила ходуном, и, чтобы удержаться на ногах, они ухватились друг за друга.

– Так ты принимаешь мое предложение?! – Клади приникла к нему и повысила голос, чтобы перекричать ветер.

– А ты сформулировала его?

– Хорошо, формулирую! Мы выбираем Граматар, ты и я! Плюс твои приятели! Включая Олеса... Видишь, на какие жертвы я согласна?

– А почему я должен верить тебе?

– А с чего мне сейчас лгать?

Ее волосы клубились на ветру, как языки пламени.

– Ну, чтобы заманить меня, всего такого доверчивого и подвоха не ожидающего, на корабль, а там уж твои навалятся всем скопом... Откуда я узнаю, какой сигнал ты на корабль пошлешь?

– Ты и сам не веришь, что говоришь! – Клади прищурилась от летящего ей в лицо пепла. – Ну проверь, вру я или нет. Ты же умеешь!

– Вроде не врешь...

– То-то. Ну, капитан, не разочаровывай меня! Где твоя решимость? Ты ведь, такое впечатление, сначала лезешь в пекло, а уж потом разбираешься, что к чему и как оттуда выбраться. Неужели абордаж проще и безопаснее моего плана?

– Эй, ну где вы там?! – донесся до них снизу едва слышный крик Пэвера. – Уснули, голубки? Утес вот-вот рухнет!

– В поселок, за канатами! – долетел радостный вопль молодого князя.

– Уже идем! – заорал Сварог и обнял Клади. – Уже спускаемся! Подождите!

– Ну же! – Клади топнула ножкой.

– Надо идти скорее!

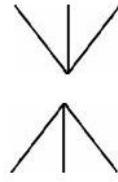
– С места не сдвинусь, пока не скажешь «да»!

«Скажите „да“», – просил ночной посланник... Наверное, Сварог был неважным психологом. Наверное, он был слишком доверчив. Гаудин бы ни за что не поверил девчонке – не в его правилах верить, когда на карте стоит жизнь многих людей. И Гор Рошаль ни за что не поверил бы – не в его правилах верить вообще кому бы то ни было. И суб-генерал Пэвер вряд ли бы поверил. Про князя и говорить нечего... Ну и черт с ними со всеми.

– Да! – сказал он. И, схватив Клади в охапку, потащил вниз по тропе. – Да, ведьма ты зеленоглазая!

Глоссарий

Димерийская роза ветров наудер бист уздер куз

Отрывки из «Полной истории государств Атарийских в восьми томах, охватывающей период с 1 г. по 511 г., составленной на основе документов и материалов, кои обнаружены были в библиотеках, хранилищах и архивах разных стран континента Атар Неб-Рупусом, гран-хронографом Его Величества короля Трагора, правителя Великой Гидернии, отобраны, систематизированы и проверены». [102]

ФРАГМЕНТЫ ВОСЬМОГО ТОМА (485–511 гг.)

С тяжелым сердцем приступаю я к последнему тому моего скромного труда, посвященного пятисотлетнему существованию людей на континенте Атар, поскольку видится мне, что вместе с завершением моей «Истории» подходит к своему очередному финалу и история человечества. Одна лишь надежда помогает мне сохранить крепость духа и не прервать работу, коей я посвятил пятьдесят лет жизни, торопясь закончить ее к той черной минуте, когда воды океана сомкнутся над Атаром, – надежда на то, что потомки тех, кто выживет в катастрофе, прочтут ее, вспомнят о нас и не повторят наших ошибок...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

...Итак, седьмой том «Полной истории» мы закончили на подписании трехстороннего Акта о прекращении военных действий между королевствами Нур, Гаэдаро и Шадтаг (2 марта 4895 г., Катрания) и пересмотре границ между ними. Заметим маргинально, что с тех пор и до нынешнего времени пределы всех девяти государств остались неизменными (см. рис. 4). Остановимся вкратце на политической карте Атара.

Поскольку именно усилия Великой Гидернии способствовали прекращению войны на удовлетворивших все конфликтующие стороны условиях, было логично начать с нее.

Великая Гидерния – единственное на Димерее государство, границы которого не менялись на протяжении всех пятисот двадцати четырех лет нынешнего цикла. Некоторые лжеисторики отсталых стран утверждают, будто единственная тому причина – удача первых переселенцев с тонущего Граматара. Дескать, им просто повезло наткнуться на огромный остров на кузе Атара и беспрепятственно заселить его, пока остальные беглецы с Граматара сражались за каждую пядь пригодной для жизни земли на континенте. Ложь! В наименьшей степени ограниченность береговой линии Гидернии способствовала ее процветанию. Ответ прост: все пять тысячелетий Тьмы и до нее Гидерния являлась наиболее прогрессивной и развитой страной, что и обеспечивало безоблачное существование ее граждан. В то время как прочие народы осваивали восставшую из океана сушу Атара, воевали за плодородные и богатые ру-

дой территории, перекраивали границы по своему усмотрению, гидернийцы использовали отпущенный им срок на то, чтобы развивать науку, флот, военное искусство.

К наудеру от Гидернии, по обе стороны от устья Руаны, одной из величайших рек Атара, расположились государства Крони и Шадтаг. Как уже указывалось в пятом томе, некогда (4487 (?) – 4660 (?) гг.) это было единое государство, которое расколосось на два с общей границей по линии реки. Причины этого разделения по-прежнему неизвестны, однако существуют документы (см. том 5), однозначно указывающие на некие религиозные мотивы раздора.

К уздеру от Шадтага находится княжество Гаэдаро. На наудере ее граница определена береговой линией реки Крамеш, на уздере – береговой линией ее левого притока, Толмы, а с куза страну ограничивают подножья недоступного Гаркатского хребта. После войны территория Гаэдаро сильно сократилась: в частности, место слияния Крамеша и Ро, до той поры являющееся крупнейшим торговым портом Атара, не принадлежащим ни одному государству, отошло в ведение Нура.

Нур – государство, расположенное к наудеру от Шадтага. Имея протяженные общие границы с Шадтагом на кузе и с королевством Вильнур на наудере, Нур, тем не менее, поддерживает с обоими этими государствами исключительно дипломатическую связь. И причины этого таковы: политические, экономические и военные интересы Нура направлены на постепенный территориальный захват в княжестве Гаэдаро. Власть предрежащие в Нуре рассуждали так: если мы не имеем выхода к морю, то лишь расширение собственной территории и, как следствие, рост производства и приток рабочей силы за счет присоединенных земель станет для нас шансом найти спасение, когда наступит Тьма. Мы станем мощной страной и сможем говорить на равных с прочими государствами, имеющими береговые границы. А поскольку сопредельные Шадтаг и Вильнур – королевства сильные и с неплохой (если не брать в сравнение Гидернию) организованной армией, то взгляд нурцев логично обратился к отсталому княжеству Гаэдаро. К их сожалению, после подписания Катранского Акта для Нура стало весьма затруднительно начинать открытые боевые действия, поэтому он до сей поры ведет войну скрытую – саботаж, диверсии, подкуп чиновников и прочая, прочая. Шадтаг и Вильнур смотрят на потуги Нура с неодобрением, вот почему дружба между Нуром и этими государствами не заладилась.

На бисте от Великой Гидернии находится сюзеренат Тоурант. Это объединение доменов сохраняет полный нейтралитет в политических играх остальных государств, поскольку граничит с землями необжитыми и опасными, населенными, по многочисленным данным, порождениями не Пресветлого Тароса, а его вечного антагониста Ловьяда...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

Флаги государств Атара

Бодра. Полотнище разделено по диагонали на два треугольника: синий (доблесть) и алый (верность заветам Пресветлого).

Гаэдаро. Коричневое (цвет, символизирующий процветание) полотнище с лиловыми (фамильный княжеский цвет) ромбами по углам и лиловым кольцом по центру. Кольцо – символ единения монарха и подданных.

Гидерния. Черное полотнище и по центру белый расколотый круг.

Нур. Широкая зеленая (плодородие) полоса и более узкая оранжевая (непобедимость). Полосы горизонтальные.

Вильнур. К зеленой и оранжевой полосам справа добавлена вертикальная ярко-красная полоса, когда-то символизировавшая мятеж.

Шадтаг. Коричневое полотнище. По центру флага – золотая корона правителей Шадтага.

Фагор. Три горизонтальные полосы: зеленая, белая (незамутненность помыслов) и малиновая (готовность к самопожертвованию).

Крон. Синее полотнище с серебряной птицей в правом верхнем углу.

Тоурант. У каждого домена свой флаг. Общее – по центру жезл бронзового цвета, символ власти тоурантского короля.

Блуждающие Острова. Данных нет.

Религия Атара

Господствующей религией во всех странах является поклонение *Таросу*, чаще называемому Пресветлым.

Единого канонического изображения Пресветлого не существует. Объединенное Священство (Шадтаг, Гаэдаро, Бадра, Фагор возглавляется деснием, избираемым пожизненно конклавом служителей Пресветлого) канонизировало Тароса как высокого, худощавого телосложения старца с длинными седыми волосами и окладистой бородой. Пресветлый обычно изображается правящим лодкой стоя.

Церковь Нура и Вильнура разрешает лишь деревянные скульптурные изображения Пресветлого (в виде старца в лодке).

Гидернийская церковь (алакомена) не признает уподобления Пресветлого человеку, и в росписях гидернийских храмов Тарос присутствует в виде небесно-голубого сияния, символизирующего всеведение и всепроникновение Пресветлого.

В Кроне и Тоуранте получил распространение культ Пресветлого, отвергающий возможность человека приблизиться к божественной сущности («Человеку даровано токмо впитывать в себя ниспосылаемую благодать и не возмечтать о равенстве»). Церковь Крона и Тоуранта запрещает рукотворение любых ипостасей Пресветлого в любом виде и материале. Кронские и тоурантские храмы внутри украшены лишь выбитыми на камне или вырезанными на дереве изречениями из Книги Призыва.

Попытки двух общеатарских соборов прийти к единообразию в вопросе ипостасей Пресветлого и их отображения закончились неудачей.

Храмы Пресветлому строят входом на уздер, куда, согласно Книге Призыва, удалился из мира людей Пресветлый. По решению первого общеатарского собора храмовое крыльцо должно насчитывать ровно дюжину ступеней («двенадцать раз призовут, и яве он».[103]). Храмы освещаются свечами и символическими жертвенными пламенниками (Пресветлый требует не жертвоприношений, а соблюдения заповедей), вдоль стен обычно стоят бронзовые курительницы с благовониями. Место общения священнослужителей с Таросом – храмовый алтарь, обращенный на уздер.

В Нуре, Вильнуре и Гаэдаро священнослужителям настрого запрещено винопитие, плотские утехи, азартные игры, сыроедение и ростовщичество. В других странах служителям культа лишь предписывается во всем умерен-

ность и скромность.

Наиболее сильное влияние на светскую власть церковь оказывает в Фагоре. Там ни одно княжеское законоуложение не входит в силу без утверждения фагорского протодесния. Естественно, всегда имело место скрытое противостояние между светской и церковной властями, нередко переходившее в открытые конфликты. Население, как правило, выступало на стороне протодесния. Одной из причин тому являлась неизменность церковного налога – двенадцатая часть дохода прихожан (согласно установлению второго общеатарского собора), в то время как князья зачастую облагали подданных непосильной данью, поэтому фагорские правители всегда вынуждены были считаться с влиянием служителей культа Пресветлого.

Наиболее подконтрольна церковь светской власти в Великой Гидернии.

Священной книгой приверженцев культа Пресветлого является Книга Призыва, состоящая из двенадцати проповедей (речей), каждая из которых содержит двенадцать посылок (зачинов). Считается, что Книга Призыва написана пророком Мииенной сразу после Первого Наступления Тьмы. По общепринятой версии, пророку был явлен знак, после чего Мииенна удалился в пустынные земли, где прожил отшельником двенадцать лет и за это время написал Книгу Призыва, строки которой вспыхивали для него каждый день огненными буквами на фоне заката.

Книга Призыва рассказывает о том, каким был создан этот мир Пресветлым, каким его застал Пресветлый, явившись к людям, о гневе Пресветлого и о его проклятии. Возгневавшись на людей, разрушавших дарованный им мир, Пресветлый сказал, что раз в пять сотен лет он будет допускать к людям Тьму, чтобы знали они, что ждет их всех и каждого в отдельности по ту сторону жизни, если не начнут они жить по заповедям Тароса. И Тьма будет приходить до тех пор, покуда люди сами не вернут мир к его истоку, к изначальному порядку.

Спасение всех вместе и каждого в отдельности – в соблюдении заповедей, коим число трижды двенадцать. Главные заповеди: не лгать, не предавать, не отнимать жизнь, когда твоей жизни ничто не угрожает, не сквернословить, не заниматься колдовством.

Отдельная речь Книги Призыва посвящена природе Тьмы. Тьма родилась на удар сердца позже Пресветлого. Поэтому ей суждено всегда и во всем отставать на удар сердца. Но стоит остановиться или пойти вспять, Тьма нагоняет и опережает. «Тьму уподоблю камням в зернах злака, когда и тех, и других сперва поровну считали. Когда выбрасываешь камни, больше зерна остается. Когда выбрасываешь зерно, становится в мешке больше камней...».[104]

Тьма не имеет формы, ее не увидеть. Она как болезнь – узреть саму болезнь невозможно, но открыто глазам творимое ею зло. Тьму способен видеть лишь Пресветлый, но уничтожить ее ему не дано, дано опережать. Тьма, как и Пресветлый, умеет порождать. Темным, нечистым ее порождениям несть числа, а самое могущественное, подвластное только самой Тьме, наречено именем Ловьяд, что значит Темный. И Ловьяд тот способен являться людям и смущать их посулами.

Различное толкование Книги породило на свет секты, с которыми церковь Пресветлого всегда нещадно боролась (обычно, используя свое влияние на светскую власть, добивалась уничтожения или насильственного изгнания

сектантов из страны). Некоторые секты продолжали тайное существование, какие-то уходили в Запретные Земли и оседали там, образуя колонии.

Языческие культы также преследовались и истреблялись церковью Пресветлого. Особенно беспощадно вели с ними борьбу в странах, входящих в Объединенное Священство (Шадтаг, Гаэдаро, Бадра, Фагор). В Нуре и Вильнуре к язычеству на большинстве земель относятся терпимо, оно вполне уживается с поклонением Пресветлому. Церковь Тароса в Нуре и Вильнуре пошла своеобразным путем: не пытается изжить поклонение иным божествам, а вплетает языческие культы в учение Пресветлого. Из-за этого церковь Пресветлого в Нуре и Вильнуре постоянно конфликтует с Объединенным Священством. Особое распространение на землях Нура и Вильнура получило поклонение таким богам, как Навака и Кайкат.

Навака – бог охоты и войны, покровитель странствий, пользуется любовью у военных, охотников и моряков. Легкого нрава, приветствует застолье и любовные утехи. Требует постоянного упоминания своего имени. Любит частые подношения, но не придает значения, что именно и в каких количествах пожертвовано. Охотники всего Атара, даже не приверженцы Наваки, тем не менее на всякий случай жертвуют ему часть добытого на охоте (закапывая в землю там, где свежевали добычу) со словами: «Это тебе, Навака, чтоб зверь не переводился и глаз не косил».

Облик Наваки – простор для фантазий. Считается, что он может легко менять внешность, делает это с удовольствием и часто, и с чьим туловищем, и с чьей головой встанет назавтра, неизвестно и ему самому.

Кайкат – полная противоположность Наваки, суровый бог, бог последнего прощения, иногда называют богом подземного огня. Ненавидит обращение к нему с пустыми просьбами. К его помощи следует прибегать в самом крайнем случае. Но чтобы, обратившись, помощь получить, требуется заслужить милость Кайката. Заслужить можно, принося обильные жертвы и неустанно славословя Кайката. По поверью, если Кайкату угождать как следует, то он сможет спасти из самой погибельной ситуации. Чужую плоть как жертву Кайкат не принимает, но жертвоприношение собственной плоти считается наибольшим угождением Кайкату. Поэтому самые ревностные приверженцы этого бога отрезают носы и уши, отрубают себе пальцы, руки и ноги...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

Города Атара

Крупными городами на Атаре считаются полисы, где проживает свыше ста тысяч жителей. Средний город Атара – это двадцать-пятьдесят тысяч горожан.

Городское планирование встречается редко, его зачатки можно обнаружить разве только у нас, в Великой Гидернии. В основном города разрастаются стихийно (от первых поселений, от замка или дворца). Некоторые из атарских городов (например, шадтагские Пангерт и Сутал, столица Крона Алан-Батшак) были выстроены на остатках фундаментов прежних городов, каким-то образом уцелевших после предыдущего прихода Тьмы. Как правило, старый, не разрушенный самой Тьмой фундамент повышает цену здания, поэтому со временем такие дома выкупаются состоятельными людьми, которые сносят предыдущие постройки и отстраивают особняки. Чем больше богатых людей притекает в полис, тем больше притягивается туда же людей, могущих

и желающих чем-то угодить им и на этом заработать. Поэтому города на старых местах значительно богаче и веселее прочих городов, да и смотрятся гораздо выигрышнее.

Самые распространенные строительные материалы – лес и камень. В Гидернии около двух столетий назад мудро перешли на строительство зданий из глиняного кирпича. Неоднократно гидернийцы пытались наладить торговые поставки кирпича на материк, однако его покупали плохо из-за высокой стоимости.

Почти во всех крупных городах Гидернии, Шадтага и Бадры в последние два столетия появились водопровод и общественная канализация. В Фагоре канализационная система присутствует лишь в королевских дворцах и резиденциях...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

...Самый известный архитектор нынешнего цикла Атара – Ноб Бернок (321–358 гг.). Хотя Бернок родился и до совершеннолетия жил в Кроне, но в Кроне нет ни одного его творения. С тех пор как Бернок покинул Крон, отправившись на учебу в Бадру, он всего дважды возвращался на родину: на похороны матери и за овдовевшей сестрой. Зодчий жил и работал в Шадтаге, там же и находятся лучшие его творения:

Жемчужный Дворец (издали весь комплекс напоминает огромную раковину-жемчужницу, входящие в комплекс здания стилизованы под раковины и кораллы), храм Тароса в Пангерте, особняк графини Кунафи, получивший в народе название Девичьи слезы (здание действительно напоминает горку нерастекшихся слез).

Идеал Бернока, невоплощенная мечта, – город-дом. Бернок мечтал о городе, где все здания будут соединять крытые переходы, крыши домов продолжатся и сомкнутся над улицами стеклянными крышами, а внизу будет как можно меньше открытого пространства.

Дороги Атара

Лучшие дороги на Атаре, бесспорно, в Тоуранте, тут, следует быть правдивым перед лицом потомков, блекнут даже знаменитые гидернийские тракты. С созданием сюзеренитета доменов дорогам в Тоуранте придавали огромное значение. Строятся они добротнo, строительству предшествует тщательная геодезия, в дорожное покрытие укладывается несколько слоев песка, щебня, глины. Не найти даже проселка без водоотводных канав, скатов. В каждом домене существует служба, отвечающая за состояние дорог.

Мосты Атара

Мостостроительство на Атаре находится в зачаточном состоянии. Собственно мостов нет, имеются только мостики (главным образом, висячие) через небольшие речки и ручейки. Для переправы через широкие водные преграды используются паромы.

Корабли Атара

В континентальных странах преимущественно парусные суда. Насчитывается восемнадцать типов парусников. Наиболее распространены куттер, люгер, двухмачтовые шхуны, барки и баркентины. Используются все типы прямых и косых парусов. Паруса изготавливают из льняной ткани толстой пряжи.

Самый большой морской парусный флот имеет Фагор. Общественное положение мужчины-фагорца оценивается в первую очередь по тому, каким судном тот владеет. Для фагорца считается позорным не владеть хотя бы простеньким куттером.

Морским паровым флотом (и военным, и торговым) обладает только Великая Гидерния. Другие страны не могут позволить себе паровой флот, довольствуются отдельными пароходами, закупленными у нас, в Гидернии. На верфях Фагора строится по одному-два пароходу в год, однако паровые машины для них Фагору приходится закупать на острове.

Для каботажного плавания в Бадре купцы используют и гребные суда, или за гроши нанимая на весла свободных людей, или за плату арендуя у властей каторжников.

Повозки на Аtare

На материке существует всего три вида повозок: безрессорные четырехколесные телеги, фургоны и кареты. Дворяне, включая женщин, предпочитают передвигаться верхом, лишь в крайнем случае прибегая к езде в фургоне. Средства же передвижения, используемые в Великой Гидернии, столь разнообразны и многочисленны, что требуют отдельной главы...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

Оружие на Аtare

Из холодного оружия в последние десятилетия на Аtare наибольшее распространение получили шпаги и кинжалы. Шпага не привилась разве в Кроне, где по-прежнему дворяне и военные отдают предпочтение традиционному двуручному прямому мечу.[105]

Арбалет входит в вооружение армий Бадры, Гаэдаро и Шадтага. В Нуре и Вильнуре до сих пор отдают предпочтение луку.

Из огнестрельного оружия собственно на Аtare производят лишь кремневые пистолеты и мушкеты. Великая Гидерния по части создания стрелкового оружия значительно опередила все страны Димереи. Но продают гидернийцы на материк исключительно автоматы, хотя в вооружение нашей армии входят и револьверы, и винтовки.

Автомат (пистолет-пулемет) ручной сборки с деревянным прикладом работает на принципе свободной отдачи затвора. Имеет массивную ствольную коробку с горловиной внизу для вставления магазина. Автомат оборудован двумя спусковыми крючками: передний для одиночного огня и задний – для автоматического. Используются коробчатые магазины емкостью на тридцать шесть патронов.

В качестве защитных доспехов на Аtare чаще всего используют аналог «бригандина»: жилет с подшитыми изнутри стальными пластинами. Защитных головных уборов наблюдается большее разнообразие: шлем из чешуйчатой кольчуги, кольчужный шлем из колец, морион, стальная гидернийская каска.

Из осадных орудий наиболее распространены пушки, стреляющие ядрами, и двухрычажные катапульты для стрельбы стрелами и ядрами...

(Кусок текста безвозвратно утрачен.)

...Ну, а в следующей части настоящего тома «Полной истории» мы рассмотрим космогонические теории, сложившиеся к концу цикла на Атаре, и подробнее остановимся на некоторых научно обоснованных и математически высчитанных гипотезах, касающихся феномена периодического всплытия и погружения континентов...

Александр Бушков

Чужие паруса (Сварог – 7)

*Плывать по морю необходимо.
Жить – не так уж необходимо.
Гней Помпей, римский полководец*

Часть первая «АДМИРАЛ ФРАСТ»

Глава первая Маски-шоу

Дым был повсюду.

Черный копотный дым, поднимающийся из четырех труб броненосца «Адмирал Фраст», смешивался с белесым дымом горящих кораблей сюзерената Тоурант. Тот дым в свою очередь вплетал свои клубы и спирали в серые дымы, что приносили ветры от пожарищ и полыхающих вулканов, и всю эту черно-белесо-серую муть не мог разогнать даже шквальный ветер, беспрестанно дующий с океана. Пока видимость была – кабелота два в глубь материка, не больше, а дальше все скрывалось в темноте, беспросветной и плотной, как вата, подсвеченной лишь багровым отсветом пожаров и изредка прорезываемой далекими зловещими всполохами... Что творилось там, в глубине Атара, понять было невозможно. Полное ощущение, будто дым поглотил весь мир.

Собственно говоря, так оно и было на самом деле.

Весь мир превратился в один громадный пожар. Даже сквозь стекло иллюминатора доносились отдаленные гулкие удары, будто где-то там, за горизонтом, великан лупит со всей дури в исполинский барабан.

Вот, значит, что такое конец света... Мастер Ксэнг, барон Пальп, шторм-капитан[106] «Адмирала Фраста», разглядывая из ходовой рубки берег в подзорную трубу, испытывал смешанные чувства и попутно пытался в этих чувствах разобраться. Было ли среди этих чувств сожаление? Или горечь утраты, боль от потери родины? Пожалуй, да. Присутствовали в его душе и сожаление, и горечь, и боль, но ведь с другой стороны... С другой-то ведь стороны – кто еще из высших офицеров флота Его величества короля Великой Гидернии удостоился такой чести – до последнего момента оставаться в смертельно опасной близости от погибающего Атара и следить, чтобы никакая *скверна* не покинула его берегов? Если честно, то совсем немного офицеров, считанные единицы избранных, – остальные уже давно в открытом океане, сопровождают конвой гражданских судов, со всех ног улепетывающих подальше от наступающей Тьмы... И среди избранных – он, Ксэнг, барон Пальп. Так что есть, господа, есть чем гордиться. Так что – уж кем-кем, а капитаном, тоскливо смотрящим из шлюпки на собственный тонущий корабль, он себя отнюдь не ощущал.

И главным образом потому, что экипаж «Адмирала Фраста» свою задачу выполнил: устранил помеху на славном пути Гидернии к величию. Уничтожил флот Тоуранта. Спас Граматар от возможной *скверны*... Пора командовать

отход. На палубе все закреплено по-штормовому, наверху никого, кроме горстки вахтенных матросов и офицеров. Остальные с нетерпением ждут команды на своих боевых постах. Дымы и отдаленный грохот – это, в общем-то, сущий пустяк по сравнению с тем кошмаром, что вскорости начнется у берегов Атарра. Так, затишье перед настоящей бурей. До того момента, как разбуженный катаклизмом океан в прибрежных водах вздыбится исполинскими, достающими до кратеров вулканов волнами и закружит гигантскими водоворотами, осталось всего несколько часов – если верить расчетным таблицам Отдела последнего рубежа безопасности. Самое время уходить. И если бы не одна досадная мелочь...

Ксэнг, барон Пальп, медлил. Поскольку, водяная смерть, возникла внештатная ситуация.

– Не вижу, – сказал он, старательно вода окуляром подзорной трубы вдоль кромки берега.

– Левее рухнувшего утеса, правее горящей рощи, напротив песчаной отмели, – без малейшей задержки уточнил стоящий чуть в сторонке грам-капитан [107] Рабан.

– Все равно не вижу, – хмуро повторил Ксэнг.

Он не любил внештатные ситуации. Когда в безукоризненно отлаженную работу вдруг вкрадывается неучтенный фактор – это неправильно. Так быть не должно. Значит, это его, шторм-капитана, недочет, не предусмотрел все возможные случайности...

Впрочем, такую случайность предвидеть было практически невозможно.

Он с треском сложил бесполезную трубу и бросил ее на штурманский стол: не только дымы затрудняли осмотр берега – стекло иллюминатора снаружи было покрыто копотью и изгажено птичьим пометом. Матросы с очисткой палубы не справлялись – пепел с серых небес сыпался непрерывно, крупными хлопьями, как пух из распоротой подушки, да и полчища птиц, оккупировавших мачты и надстройки «Адмирала Фраста» в поисках спасения от неминуемой гибели, гадили так, что «Адмирал Фраст», эта гордость гидернийского флота, постепенно превращался в форменный курятник.

Ксэнг обернулся к Рабану:

– Покажите-ка еще раз, что они там передали...

Рабан с готовностью протянул сложенный вдвое листок.

«Шторм-капитану. Шпора. Приказываю незамедлительно выслать разъездной катер к точке отправки данного сообщения, – значилось там. – Имею информацию, жизненно важную для будущего всей Г.».

– Это все? – спросил Ксэнг, зачем-то перевернув депешу. С обратной стороны листок, разумеется, был девственно чист. – Без подписи?

– Без. Сообщение было повторено восьмикратно, слово в слово... причем в последний раз прервалось на полуслове.

«Шпора» испокон веков в гидернийской системе кодовых сигналов означала: «Крайне срочно, адресату передать незамедлительно». Плюс к тому – «приказываю». Приказывает он, видите ли... А ведь на тоурантском берегу сейчас нет никого из резидентов островного государства. Не может быть. Не должно быть...

– Так. – Ксэнг в третий раз перечитал загадочное послание, написанное каллиграфическим почерком штатного шифровальщика. Но понятнее отнюдь

не стало. – Давайте-ка все сначала... – Он поморщился. – Да и расслабьтесь вы, в конце-то концов. Не на докладе же в Адмиралтействе.

Рабан едва заметно изменил позу на чуть более непринужденную (тихонько звякнула дворянская перевязь со шпагой на боку), мельком глянул на корабельный хронометр, укрепленный над дверью люка из рубки, и монотонно повторил рапорт, глядя куда-то поверх головы командира... Кажется, даже слово в слово повторил:

– Три четверти часа назад ютовым вахтенным наблюдающим были приняты семь, с перерывом в минуту, однотипных зашифрованных сообщений с берега. Факт приема, согласно Кодексу, был подтвержден сигналом ютового прожектора. Поскольку каждому сообщению предшествовал общефлотский сигнал «Особое внимание», депешу немедленно отправили на дешифрацию. Затем был подан сигнал «Назовите себя», но ответа не последовало... После расшифровки депеша немедленно доставлена шторм-капитану в ходовую рубку... Рапорт закончен.

Барон Ксэнг остался невозмутим, хотя и побелел губами.

– И дешифровка заняла сорок минут? – спокойно спросил он, старательно игнорируя чересчур уж уставной тон собеседника. Нарочито уставной. Можно сказать – издевательски.

Нет, ну не сволочь ли, а?! Даже сейчас, когда малейшая задержка подобна смерти в самом прямом, не метафорическом смысле – Рабан строит из себя такого тупорылого штабиста, для которого буква Кодекса дороже всего на свете. А думать и решения принимать – это, мол, забота командира... Ксэнг грам-капитана не любил и своих чувств, в общем-то, не скрывал. Да и вообще, кто из моряков, скажите на милость, любит ищеек из Отдела ПРБ? Одно дело – терпеть на борту, но любить – это уж увольте...

– Шифр, использованный отправителем, был сменен Адмиралтейством год назад, – ответил грам-капитан, по-прежнему на командира не глядя. – Дешифровщикам пришлось потрудиться, прежде чем они отыскали требуемый код и...

– Ясно, ясно, – отмахнулся Ксэнг. И призадумался. – Год назад... нет, все-таки ничего не ясно. В Тоуранте что, оставались ваши люди?

Рабан помолчал. Прикидывал, наверное, не раскроет ли страшную военную тайну, если ответит правду. И наконец сказал:

– По моим сведениям, нет. Вся наша резидентура была свернута задолго до... до наступления Тьмы... – Он пожал плечами, увенчанными золочеными эполетами. – Конечно, в спешке могли что-то упустить, перепутать списки, и какой-нибудь рядовой агент, работавший в провинции...

– Рядовой агент не станет передавать «Приказываю», – отрезал Ксэнг. – Как было передано сообщение?

– Флажковой азбукой. Отправитель использовал факелы – наверное, горящие ветки или что-то в этом роде.

– И как он выглядел? Мужчина? Женщина? Один или несколько?

– Неизвестно. Видимость на берегу практически нулевая, этот световой сигнал – и тот был распознан до конца только с четвертого раза...

Шторм-капитан шумно выпустил воздух из легких. Внештатная ситуация, Ловьяд забирай ваши души. Неучтенный фактор.

...Когда во время похода твой корабль вдруг подвергается нападению ка-

ких-то тварей верхом на дельфинах и с магическими способностями в придачу – это тоже неучтенный фактор, но это нормально: есть возможность в очередной раз проверить боеготовность экипажа и доказать тварям, что связываться с гидернийским кораблем – себе дороже.

...Если во время учебных стрельб один из зарядов, выпущенных с борта куттера, имитирующего вражеское судно, неожиданно оказывается боевым и разносит вдребезги надстройку (а заодно и в клочья пятерых офицеров) – это тоже непредвиденное событие, но и в нем, по сути, нет ничего из ряда вон: наличествует конкретный виновный, и есть, опять же, возможность на живом примере продемонстрировать экипажу, чем учения отличаются от реального боя...

Но когда с чужого *пустынного* берега поступает шифрованный секретным кодом приказ выслать катер – тут уж призадумаетесь. То ли это провокация неизвестного противника, имеющая целью задержать броненосец, задержать – и попытаться, скажем, потопить. То ли на береговой линии действительно находится некто, облеченный властью *приказывать* шторм-капитану «Адмирала Фраста»...

Ксэнг снял чугу[108] и тыльной стороной ладони, в которой была зажата депеша, вытер лоб.

– Хорошо, Рабан, – сказал он негромко, чтоб не услышал рулевой, переминающийся с ноги на ногу у штурвала в ожидании команды «Курс – двадцать два». – Ладно. Теперь поговорим неофициально. Какие соображения на этот счет есть лично у вас? Кто может быть автором послания, как вы думаете?

Наконец-таки грам-капитан соизволил опустить взгляд и посмотреть на Ксэнга. Тихо и вроде бы не по теме он ответил:

– У нас приказ, мастер шторм-капитан. До того момента, как волна разрушений накроет берег, остались считанные часы... Можем не успеть.

Ксэнг пристально смотрел ему в глаза, но Рабан взгляда не отвел.

Его игра была видна командиру насквозь.

Рабану было все равно, кто находится там, на берегу. Рабан советовал не рисковать и подобру-поздорову уходить *мористее*. А ежели случится такая неприятность и таинственный автор послания в самом деле окажется важной шишкой и ежели этой самой шишке повезет невредимой добраться до гидернийского конвоя, то Рабан в происшедшем будет совершенно ни при чем: есть масса свидетелей, что шифровка «Адмиралом Фрастом» была принята, – а вот трус и перестраховщик Ксэнг приказал ее игнорировать и убираться подальше. Так что при любом исходе Рабан не проиграет.

Но – как говорят, на всякий ветер найдется свой парус, а на всякий штиль – свое весло, не так ли? Хочешь, чтобы я один решения принимал – ну так получай... веслом.

– Я принял решение, – повысил голос Ксэнг и надел чугу. Отбросил за плечо соскользнувшее на глаза фиолетовое перо. – Любой корабль Великой Гидернии *обязан* оказывать любую посильную помощь соотечественникам как в своих, нейтральных и чужих территориальных водах, так и на суше в случае, если оказание настоящей помощи не угрожает выполнению конкретной задачи и не противоречит параграфам, сами знаете каким. Так записано в Кодексе мореплавания Гидернии. *Любую* помощь, это вам понятно? Короче. «Адмирал Фраст» свою боевую задачу выполнил, никаких параграфов мы не нарушаем.

Поэтому распорядитесь спустить на воду разъездной катер. На берег отправитесь... лично. Возьмите звено карабинеров. Я задержу отплытие на... скажем, на один час. По истечении часа, если вы не вернетесь или не дадите о себе знать, я команду отплытие... Задача ясна?

Рабан *запнулся* на какую-то долю секунды. Но ответил браво и громко, как полагается:

– Задача ясна!

Шторм-капитан внимательно следил за его лицом, но лицо Рабана оставалось бесстрастным. А ведь умеет, тварь, владеть собой, этого у них не отнимешь...

– На месте разберетесь, что к чему, и поступите согласно обстановке, – продолжал Ксэнг. – Я прикажу усилить наблюдение за обозначенным вами квадратом и навести на него каронады левого борта... на случай, если понадобится огневая поддержка. Понятно?

– Понятно, мастер шторм-капитан.

– Ну вот и выполняйте... мастер грам-капитан.

После секундной дуэли взглядов грам-капитан Рабан развернулся на месте и строевым шагом направился к выходу. Ксэнг смотрел на его прямую, обтянутую черным сукном форменного камзола спину, которая прямо-таки излучала ненависть. Удивительное дело, но смута в его душе наконец улеглась, теперь командир «Адмирала Фраста» был собран и решителен. Как всегда. Что бы ни случилось, через час он скомандует отход. С Рабаном на борту – или без такового.

– Мастер грам-капитан Рабан покидает ходовую рубку! – донесся доклад охранника за дверью.

Когда за Рабаном закрылась дверь, шторм-капитан Ксэнг, барон Пальп, повернулся к иллюминатору и посмотрел на задымленную землю. Прорекламировал под нос:

*Земля, разорванная громом,
В порывах пламени сгорает;
Полузатопленная в водах,
Трясется в судорогах ветра.
Но небо землю принимает,
Освобождает от ответа,
Земля спокойна и свободна
В его объятиях огромных...*

Прошептал:

– Как верно сказано...

Потом поразмыслил немного, а потом вновь снял чугратон и склонился в «поклоне чести» обреченному континенту.

...Если на борту «Адмирала» волнение в прибрежных водах не ощущалось вовсе (точнее говоря, пока не ощущалось), то катерок, напротив, швыряло немилосердно – океан просыпался, потревоженный судорогами агонизирующего Атара. Натуженно тарахтел паровой двигатель, упрямо толкающий хрупкую посудину в сторону суши наперекор серым бурунам и барашкам, ветер по-собачьи трепал цепочку флагов на короткой мачте, сигнализирующих всем желающим, буде таковые окажутся поблизости, что катер-де сохраняет

полный нейтралитет и противоправных целей не преследует. Парламентеры мы, иначе говоря.

Играющий флагами ветер был удушлив. К запаху гари и дыма примешивалось зловоние гниющей плоти – под киль то и дело попадали качавшиеся на волнах останки всевозможных животных. Какое-то время назад влекомые инстинктом, охваченные ужасом хищники и травоядные, волки и агнцы бок о бок, все животные Атара – кроме разве что самых тупых, неспособных почувствовать дыхание приближающейся смерти, – бесконечным потоком неслись к океану, прочь от Тьмы. И бросались в его мутные волны, слепо надеясь там найти спасение от сошедшей с ума тверди... Вот такие вот последствия стемпида в планетарном масштабе, господа. Время от времени катер старательно огибал и тлеющие мачты, куски шпангоутов, фрагменты фальшбортов и прочие обломки кораблей деревянного тоурантского флота. Вражеский флот был расстрелян кабелотами в пяти слева по траверзу, и если здесь плавают столько дряни – интересно, что же творится *там*...

Пресветлый Тарос, что же творится с *миром*?!..

Рабан передернулся, пряча нос в воротник подбитой мехом форменной накидки.

Можно было, конечно, спуститься вниз, в крохотную каюту на корме, под покрытие железа и стекла, присоединиться к компании трех угрюмых карабинеров, но он упрямо стоял на носу катера. Вцепившись в леера и щурясь от ветра, соленых брызг и валящего с небес серого «снега», Рабан смотрел на медленно приближающийся сумеречный берег. Ненависти к Ксэнгу он отнюдь не испытывал. В конце концов, старая гнида Ксэнг – командир, а приказы не обсуждаются, не правда ли? И пока не будем думать о том, что грам-капитан (согласно букве столь любимого Ксэнгом Кодекса мореплавания) не имеет права покидать борт без крайней на то необходимости – каковую необходимость он, что характерно, определяет для себя сам. Пока не будем думать и о превышении власти штурм-капитаном – пусть офицерский суд чести разбирается. Ксэнг ведь командир только в море. А на суше (или, для данного случая, в конвое – за неимением суши как таковой) он всего лишь барон, тогда как я – граф, граф Тратт, титулованный самолично королем Трагором. На суше и в конвое царят другие законы, там другие люди правят бал. Найдется управа и на Ксэнга. Мог бы и автоматчиков дать, скотина, а не жалких карабинеров...

Наконец мотор заглох, под днищем раздался протяжный скрежет, несколько каймов катер по инерции еще волокло по песку, и двое карабинеров в бригандинах и морионах, неизвестно, как и когда оказавшиеся на палубе, дружно спрыгнули в грязную прибрежную пену. Моментально приняли оборонительную позицию, направив в сторону берега стволы короткоствольных доказательств нейтралитета, а третий помог спуститься Рабану... Хотя – не столько помог, сколько *сдернул* грам-капитана вниз, в воду, и мигом закрыл от берега своим телом, но, надо признаться, проделано это было столь быстро и настолько *пиететно* по отношению ко второму на корабле офицеру, что иначе, как «помог спуститься», сие действие назвать было трудно.

А спустя секунду Рабан понял, в чем причина такой прыти: на песчаном берегу обнаружился еще один персонаж. Причем явно ждущий их прибытия.

На усыпанном пеплом берегу, едва различимый в задымленном воздухе, опираясь на сучковатый посох, стоял человек.

Более того: женщина. С перемазанным копотью лицом, с развевающейся на ветру гривой светлых волос. В изодранном, вроде бы полувоенном зеленом костюме. Она стояла неподвижно и терпеливо ждала, когда гидернийцы соизволят выбраться на сушу. Совсем юная, смазливенькая. На первый взгляд, безоружная. На тот же первый взгляд – одна... Хотя вон за той дюнкой можно, пожалуй, укрыть с десятков вооруженных до зубов съерконов[109]... Ну да делать нечего, придется рисковать...

Высоко поднимая ноги, чтобы голенищами сапог не зачерпнуть воду, подобрыв подол накидки, Рабан двинулся вперед. Молчаливые карабинеры не отставали ни на шаг, держа пальцы на курках карабинов и слаженно сохраняя фигуру «клешня», коя, по мнению штабных высокоученых лбов, с семидесятипроцентной вероятностью защищает объект от поползновений со стороны потенциальных злопыхателей. Однако, заметим в скобках, против настоящих злопыхателей троица охранников с карабинами – как слепые мышки против голодного кота...

Девушка на берегу, когда стопы грам-капитана коснулись суши, наконец пошевелилась: подняла руку и произвела пальцами несколько быстрых движений – которые были бы напрочь непонятны простому обывателю, но для человека посвященного обозначали: «Я свой». Рабан непроизвольно дернул щекой. Ага, успокаивает, чтоб, значит, стрелять сдуру не начали. Ладушки, пока стрелять не будем. Вот только кто ж тебя, милая, надумил приказывать боевому гидернийскому кораблю? Мала ты еще для таких словечек, чином не вышла... Кто же тогда?

Рабан, подойдя ближе, остановился. Карабинеры замерли по бокам, поводя стволами и выцеливая возможную опасность со всех сторон.

– Я так понимаю, что это вы сигналили, – сказал он, ворохнув носком сапога две обгоревшие ветки у ее ног.

Взгляд девчонки скользнул по нашивкам на правом плече Рабана, выглядывающим из-под накидки.

– Да, я. Благодарю, что откликнулись, мастер грам-капитан, – ответила она и с достоинством наклонила голову. Прядь грязных волос упала ей на лицо, она нетерпеливым движением откинула ее назад. Тот факт, что на берег по ее зову прибыл лично грам-капитан, девчонку, казалось, ничуть не удивил и не смутил. Как будто так и должно быть. – Свободный агент Отдела последнего рубежа безопасности на территории Тоуранта, – отвесила она легкий поклон. – Личный номер три – ноль – три – восемь – пять – три – ноль, кодовое имя «Филин».

– Я вас слушаю, – холодно сказал Рабан.

Представляться он не спешил. Она могла назваться кем угодно, хоть самым адмиралом Фрастом, – прекрасно понимая, что проверить ее слова на месте невозможно... Впрочем, она знает код для тайных сообщений и секретную жестикуляцию, знает количество цифр в личных номерах агентов, разбирается в гидернийских знаках различия...

– Вы обязаны взять нас на борт, – сказала она.

И заявлено это было столь безапелляционным тоном, что Рабан помимо воли ухмыльнулся. Но тут же вновь стал серьезным и быстро огляделся. Берег был пустынен в обе стороны.

– Нас? А позвольте полюбопытствовать, кого это – нас?

Из-за давешней дюны, той самой, где, по логике, прятался взвод съерконов, донесся приглушенный лай.

– Я не одна, – быстро проговорила девчонка, мимолетно оглянувшись в ту сторону. – Со мной... Нет, мастер грам-капитан, лучше вам самому посмотреть. Словам, у меня такое ощущение, вы не поверите...

Неожиданно пошел дождь, горячий, почти кипяток, и вперемешку с пеплом получалась настоящая каша, валяющаяся с неба. Видимость сократилась до полного неприличия, дальше вытянутой руки совершенного ничего не было видно, к тому же с земли стал подниматься густой туман – в общем и целом раздолье для противника, стреляй себе по силуэтам, как в тире, сам оставаясь невидимым и необнаружимым.

Рабан невольно поежился.

Хорошо хоть, что дождь, а не булыжники с неба...

– *Агент*, я надеюсь, вы понимаете, что...

– Я-то понимаю, – с неожиданной резкостью перебила чертовка. Только теперь Рабан заметил, что она находится на грани истерики, с превеликим трудом себя сдерживая. – Я очень хорошо все понимаю, мастер грам-капитан. В частности, то, что и у вас, и у нас мало времени. То есть времени нет совсем. Если б я была не той, за кого себя выдаю, – уж поверьте, я бы нашла более действенный способ причинить вам вред... Идемте же, мастер грам-капитан. Ваша охрана пусть тоже идет с нами. Клянусь Гидернией, вам ничего не грозит.

Земля под ногами качнулась, загрохотало где-то совсем рядом, и в лицо ударил порыв ветра – такой сильный и неожиданный, что Рабан едва устоял на ногах. Накидка взлетела за спиной, хлопнула, как парус, рванула грам-капитана назад, и застежка больно впилась в горло. Назвавшаяся Клади уцепилась за его рукав.

– Быстрее, грам-капитан. Пока в самом деле не стало слишком поздно. Нам нужна ваша помощь. Помощь соотечественников и соратников...

И опыт Рабана, и его интуиция, ни разу не подводившая за десять лет службы в Отделе ПРБ, оба верных помощника безмолвствовали – по причине недостатка информации. Но в одном девчонка была безусловно права: если это и ловушка, то слишком уж сложная и ненадежная. Попади грам-капитан в плен, никто и не полезет выручать его, что бы там ни проповедовал Кодекс мореплавания: безопасность всего корабля всегда дороже жизни одного человека... Впрочем, возможно, захватчикам это неизвестно. Возможно, они надеются таким манером отвоевать себе место на борту – в обмен на жизнь грам-капитана...

Но тогда откуда они столько *знают*?

А может быть, в Отделе предатель?! Ну и времена...

Рабан и сам не заметил, как двинулся следом за девчонкой, его рукав не отпускающей. Тройка карабинеров, сохраняя фигуру «клевня», неотступно брела рядом.

За дюной их было двое: один человек полулежал на песке, бессильно привалившись спиной к поросшей сухой травкой кочке, другой, совсем юный, чуть старше, может быть, девки, наклонился над ним, держа развернутый плащ на вытянутых руках – прикрывал от дождя. Прикрывать получалось плохо: ветер рвал плащ из рук, и тяжелые капли воды пополам с пеплом то и дело смачными плевками вlepлялись в тело лежащего. К его ноге жалась здо-

ровенная, напоминающая волка собачина – которая имела бы весьма устрашающий вид, если б не мокрая, слежавшаяся шерсть и не трусливо поджатый хвост. Опять-таки, кажется, никто не вооружен. Впрочем, это еще ни о чем не говорило.

Они подошли ближе.

Тот, что держал «навес», на гостя даже не посмотрел, зато собачка приветствовала грам-капитана жалобным поскуливанием.

– Ага, значит, явились все-таки... – Лежащий с трудом принял сидячее положение. – Я уж думал, бросите меня здесь подыхать... – На вид ему было лет шестьдесят – одутловатое лицо, тяжелый подбородок с глубокой складкой, огромный нос, голубые глаза под кустистыми бровями – пронзительные даже здесь и сейчас, даже невзирая на то, что один глаз заплыл большущим синяком. – Молодцы. Кто посудиною командует? Ну ты ближе-то подойди, голубь, не укушу...

Рабан смурно глянул на агентессу. Та неопределенно передернула плечами.

– Не узнает! – вдруг хрипло засмеялся лежащий, потом закашлялся и сплюнул в песок кровь. Утер ладонью мясистые губы. – Немудрено, я бы сам себя не узнал, если б не... А вот мы как сейчас сделаем...

Он ухватил край прикрывающего его плаща и несколькими отрывистыми движениями стер грязь с лица. Потом надменно вскинул подбородок, сжал губы в упрямую линию, сдвинул брови и устремил гордый взор куда-то в бесконечность. – А так тоже не узнаешь?

За спиной грам-капитана потрясенным шепотом выругался карабинер, после чего все трое охранников как по команде опустили стволы ружей. И даже вытянулись по стойке «смирно».

Рабан вгляделся... И вдруг словно лампу включили. На миг даже захотелось зажмуриться, перехватило дыхание. На миг показалось, что все окружающее лишь дурной сон. Потому что такого не могло быть. Черты лица пузатого незнакомца, вроде бы действительно напоминающее кого-то, вдруг, как в головоломке, сложились в один-единственный образ. Никакой ошибки, увы, быть не могло. Это выражение лица, этот поворот головы знал каждый гидерниец – по портретам и рисункам в учебниках.

Перед Рабаном лежал кронг-адмирал[110] Вазар, гроза морей, бесстрашный и беспощадный флотоводец. Вазар, который пять лет назад спланировал и осуществил дерзкую операцию, в результате которой подводные залежи угля у берегов Вильнура достались Гидернии в безраздельное пользование. Вазар, который семь лет назад с помощью жалкого парусного дивизиона подчистую уничтожил флотилию Багрового Шкипера – до той поры считавшегося неуловимым пиратом, за чью голову во всех без исключения государствах Атарра было назначено неслыханное вознаграждение (по слухам, оную голову Вазар, начхав на деньги, собственноручно забальзамировал и повесил над камином в своем кабинете). Вазар, который десять лет назад организовал кругосветное плавание с эскадрой каравелл и составил одну из подробнейших карт Димереи (из всей эскадры вернулась одна-единственная каравелла; надо ли говорить, что ею командовал кронг-адмирал?). Человек, которого прозвали Непотопляемой Задницей, чью биографию учат дети в гимназиях, чья судьба стала мечтой для всех гидернийских моряков...

И этот человек сейчас лежал перед Рабаном – на пустынном, сотрясаемом землетрясениями берегу, раненый, грязный, с пропитанной кровью повязкой на ноге, в каком-то красно-сером рванье, ждущий помощи...

– Узнал, вижу, – удовлетворенно заметил кронг-адмирал, внимательно следя за выражением на его лице. И вздохнул: – Вот такие дела, дружок. Подстрелили меня.

– Как... – только и смог выдавить грам-капитан. Из его головы мигом вылетели все предписанные Кодексом приветствия. – Как вы... здесь... Я думал, вы давно в конвое...

– Секретная операция, – сурово проговорил кронг-адмирал Вазар. – Настолько секретная, что в курсе были только трое: я, король и начальник Адмиралтейства... Ну, теперь еще и эти знают, – кивок на спутников, – иначе было никак, иначе было не справиться... Вишь ты, как не повезло, не успел я предупредить, не успел на твой корабль, враг хитрее оказался... Ну и мы тоже не дурни, да? – Он подмигнул Рабану и вдруг гаркнул: – Да убери эту тряпку, мразь! Толку-то от нее, и так промок, как килька!

Псина заскулила еще испуганнее и сунула морду кронг-адмиралу куда-то под коленку.

– Спокойно, Мухтар, спокойно, все уже закончилось...

Человек, который держал над ним плащ, попытался было пискнуть что-то протестующее, но кронг-адмирал вырвал плащ из его рук, скомкал и отбросил в сторону. И снова зашелся в приступе кашля.

– Мастер кронг-адмирал, – почтительно наклонилась к нему агентесса, – я бы не советовала вам...

– Молчать, дура, – беззлобно отмахнулся Вазар. С трудом встал на ноги, тяжело опираясь на плечо спутника, припадая на замотанную ногу. Девчонка рыгнулась на помощь, подхватила с другой стороны. Вазар повернулся к застывшему столбом Рабану: – Видишь, как меня шандарахнуло, а? Это магия, милый мой, не бирюльки детские, даже Мухтар испугался, а он, уж поверь, не из трусливых... Спасибо этим ребятам, без них я не добрался бы даже сюда... Короче, так. Кто главный на твоём корыте?

Рабан наконец сумел совладать с обалдением. Он выпрямил спину и отчеканил:

– Командир эскадренного броненосца «Адмирал Фраст» шторм-капитан Ксэнг. Доложил грам-капитан Рабан.

– Ксэнг... – призадумался Вазар. – Знаю такого. Сойдет. И даже сам грам-капитан прибыл по мою душу, честь-то какая для старика... – Он пристально посмотрел на Рабана. – Твое лицо мне знакомо. Мы с тобой не встречались?

– Нет, к моему сожалению...

– Точно?

– Увы, да...

– Ладно, теперь встретились. – Он помолчал и негромко заговорил: – Вольно, малыш, вольно, сейчас не до условностей... Дело вот в чем, грам-капитан. Я должен немедленно связаться с Адмиралтейством. Весь поход гидернийского конвоя к Граматару под угрозой. Заруби себе на носу, Рабан, я сейчас рассказываю то, что знают только трое, если не считать этих ребят, и если об этом узнает кто-нибудь пятый – я тебя лично на мачту задницей посажу. Усекаешь?

Рабан опасно покосился на охрану.

– Наплюй, они тоже будут молчать, уж поверь мне, – нетерпеливо скривился кронг-адмирал. – Запоминай, передашь адмиралу Канарису, если со мной что-нибудь... В общем, передашь слово в слово так: «Серый Рыцарь на борту „Адмирала Фраста“. Нейтрализовать не удалось. Готовит акцию возмездия. Подпись: Юстас». Все. Запомнил? Повтори.

Рабан снова чуть было не впал в ступор:

– На чьем он борту, простите?..

– На *твоем* он борту, дубина!!! Глухой?! Проглядел врага, сволочь!!! – И неожиданно адмирал успокоился. – Ты не виноват. Этот Рыцарь... он умеет очень хорошо прятаться. Слишком хорошо. Магия. Даже меня чуть было не провел, но я-то выкрутился... Повторить задание!!!

Под пристальными взглядами троицы на берегу грам-капитан повторил почти без запинки.

– Молодец. Дальше. Канариса в лицо знаешь?

– Даже не слышал о таком...

Вазар довольно хмыкнул.

– Хитрый черт, ведь управляет половиной тайных операций – а никто о нем и не слышал... Ерунда. Скажешь в Адмиралтействе, что у тебя весточка от Юстаса – мигом проводят куда надо... Теперь так. Катер здесь, обратно не ушел? Мне нужно срочно попасть на корабль. Нужно выявить этого чертового Рыцаря, пока он не добрался до конвоя...

Совсем рядом опять что-то рвануло, особенно громко, небеса на наудере озарились багровой вспышкой – и вдруг замерцали часто-часто: целый каскад молний соединил землю и клубящиеся в вышине тучи. Рабан ничего не замечал, голова уже шла кругом. Он с тоской оглянулся на темнеющий вдалеке «Адмирал» и шепотом спросил:

– А... кто он?

Дождь заглушал звуки, но Вазар услышал.

– Это очень опасный человек, друг мой, – проникновенно сказал кронг-адмирал. – Очень... – И, повернувшись к своим спутникам, спросил: – Ну как?

– Bravo, адмирал, – почтительно ответил юнец. – Вы гений.

– А то, – довольно сказал Вазар. – То ли еще будет... – И кивнул Рабану: – Хочешь верь, хочешь не верь, но дела именно так и обстоят. Надо попасть на корабль. Надо убедить шторм-капитана, что среди высших офицеров корабля притаился враг... И я знаю, как его найти. – Кронг-адмирал хищно оскалился.

...Все происходило быстро. Ксэнг встретил кронг-адмирала у трапа, выслушал взволнованный доклад Рабана и распорядился немедленно отвести раненого в лазарет, но раненый категорически этому воспротивился. Необходимо как можно быстрее собрать всех высших офицеров в помещении, максимально защищенном от подслушивания. Есть на борту такое? Разумеется, не долго раздумывал шторм-капитан, – адмиральский салон на юте. Адмиральский – это хорошо, кивнул Вазар, с наслаждением прихлебывая поднесенный чай. Через десять минут все – слышите, все! – высшие офицеры должны собраться там. Без оружия. Это обязательное условие. Серый Рыцарь – хитрая и коварная тварь, он может пронести автомат даже в собственной заднице... Простите, кронг-адмирал, а вы уверены, что среди моих людей...

– А *это* вас не убеждает? – Вазар достал из кармана сложенный во много

раз лист бумаги, развернул, показал Ксэнгу. Ксэнг посмотрел – и обомлел еще больше, хотя, казалось, удивляться дальше за сегодняшний день у него уже не получится. Кронг-адмирал держал в руках Бумагу Ваграна. Ту самую. Никаких сомнений – подпись настоящая, видно невооруженным глазом. – За ней Рыцарь и охотится. Так что извольте выполнять приказ. У вас осталось восемь минут.

Возразить было нечего. Ксэнг судорожно перевел дух и распорядился объявить об экстренном собрании офицеров в адмиральском салоне. Неучтенный фактор, чтоб ему...

Под почетной охраной двух карабинеров хромающий Вазар был препровожден на ют, куда уже стягивались офицеры. Человек пятнадцать общим числом. «Старший артиллерийский офицер Патро, маркиз Цард, входит в адмиральский салон! – выкрикивал охранник у дверей. – Штурман Гугор, барон Римм, входит в адмиральский салон!» Кронг-адмирал нахмурился: каждый из входящих офицеров-дворян был при кортике – кортик, судя по всему, оружием на флоте не считался, а считался деталью военно-морского парадного камзола. Это несколько усложняло дело...

– Собака со мной, – резко бросил он охраннику, вознамерившемуся было преградить дорогу Мухтару. Потом оглянулся по сторонам и негромко спросил: – Тебя как зовут?

– Матрос Алмак, мастер кронг-адмирал!

– Тише, тише... Вот что, матрос Алмак. Среди высших офицеров есть изменник... Тихо, я приказал! Готовится бунт. Враг пока не подозревает, что я раскрыл его, но когда поймет, то может случиться все что угодно. Возьми надежного парня и займи пост за дверью. Не входи, что бы ни случилось, что бы ты ни услышал. Возможно, *он* уже переманил на свою сторону кого-то еще, предстоит драка. Шторм-капитан сам позовет тебя, если понадобится. Тебе все ясно?

– Так точно, мастер кронг-адмирал!

– Лады.

– Кронг-адмирал Вазар, герцог Лимба входит в адмиральский салон!

Вазар и его спутники вошли в адмиральский салон, огляделись на пороге – нет ли зеркал, зеркал не было – и заняли место за столом у стены. Высшие офицеры «Адмирала Фраста», включая Ксэнга и Рабана, расположились напротив – с застывшими, напряженными лицами. Дождавшись тишины, Вазар не торопясь размотал повязку на ноге, достал из-под нее какой-то предмет и положил перед собой на стол. Оглядел присутствующих.

– Господа офицеры, – очень серьезно начал он. – Я собрал вас для того, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие. Командир данного корабля низложен, и командование всецело переходит ко мне.

Никто еще ничего не понимал. Физиономии присутствующих еще оставались внимательными и серьезными, как у страдающей запором овцы.

Вазар поднял руку ко лбу, медленно провел сверху вниз – и случилось невероятное.

Глава вторая

Далеко не последний, но весьма решительный бой

Если честно, то с самого начала это была авантюра чистой воды – дикая и безумная по своей наглости, а потому, как это зачастую и бывает, имею-

щая все шансы на успех. Наскоро обсудив способ связи и детали предстоящей операции (все же назовем ее так), пожелав остающимся скорой встречи на борту «Адмирала», Пэвер и Гор Рошаль бегом отправились на агитацию тоурантцев, а Сварог принялся лепить личину Вазара, воздаваемую со слов Клади – единственной из бравого экипажа, кто видел хотя б одного из ныне здравствующих гидернийских адмиралов. О том, что она видела Вазара исключительно на портретах, Сварог старался не думать – подозревая, что во всех мирах придворные портретисты стараются не столько отобразить реальность, сколько выставить изображаемого царедворца в выгодном для него свете (ну, и для себя тоже в выгодном, разумеется, куда ж без этого). Впрочем, что выйдет не очень похоже, он особо не беспокоился: фингал под глазом, распухшая скула, пара царапин – и поди в сумерках разберись, наспех ли это сработанная копия или настоящий адмирал, каким-то чудом добравшийся до берега... А вот гораздо хуже будет, если Ксэнг и Вазар окажутся давними знакомыми – тогда итог встречи старых приятелей может случиться и вовсе уж непредсказуемым, тогда придется в игру вступать магическим способностям Клади, а внушение большому числу людей дело сложное и ненадежное... Придирчиво осмотрев результаты Свароговых стараний и нервно вздохнув: «Ну, что-то есть...» – боевая подруга бегом отправилась на берег подавать сигнал броненосцу, а Сварог улегся в живописной позе за дюной и принялся терпеливо ждать, повторяя в уме инструкции бывшей гидернийской агентессы.

Как это ни удивительно, но до сих пор все прошло без сбоев – настолько то есть хорошо все прокатило, что Сварог даже позволил себе крохотное отступление от плана, этакий театральный жест. Разумеется, можно было выхватить шаур и не произнося исторической фразы, не сдирая с себя чужую личину. Однако Сварог предпочел поднять забрала. Или, если понятнее, открыть карты. Пускай в этом поступке было нечто от страсти к мелким эффектам, да и с военно-практической точки зрения разумнее начинать стрельбу без предупреждения, не давая противнику ни единой возможности подготовиться и осознать происходящее... Но, судари мои, ведь мы же дворяне, черт нас побери! Хоть и выросли в стране пролетарской диктатуры, однако происхождения-то самого что ни на есть аристократического, отцовская кровь – это кровь графов Гэйров! К тому же целая пирамида благоприобретенных корон венчают нашу буйну голову. Успели мы, знаете ли, вжиться в дворянско-королевскую роль, успели впитать замашки родовитой знати. Так что нет-нет да и возьмет свое новоявленная дворянско-королевская сущность, потянет сыграть в благородство... Сварог-десантник, может быть, и пошел бы по пути голой целесообразности, но лорд Сварог, прежде чем вступить в бой, открыл врагу свое истинное лицо. Можно сказать, послал официальный вызов на поединок. Можно считать, пошел на вы...

Хотя, вполне вероятно, он решил просто-напросто сбить противника с панталыку, ввергнуть в секундное замешательство.

И это ему удалось. Премьера спектакля «Восстание на броненосце „Адмирал Фраст“» состоялась. И немая сцена, воследовавшая за тем, как Сварог сбросил личину Вазара, растянулась аж на три удара сердца.

Стало слышно, как бьется о стекло абажура бабочка. Из-за стен адмиральского салона, обшитых лакированным деревом, доносился гул дрожащей земли, с которым за сегодняшний день совершенно свыклись, как с досадной, но

неизбежной помехой. Гул прерывали опять же уже привычные разрывы – то недра Атара выдавали очередной огненный залп раскаленной лавы. Внизу, под салоном, прогромыхали по железным ступеням чьи-то тяжелые ботинки.

А потом недоуменная тишина в зрительном зале лопнула, взорвалась овацией: «Враг!», «Подмена! Колдовство!», «Взять их!», «Измена!». Принимающая гостей сторона вмиг оцетинилась кортиками. Позолоченные и изогнутые гидернийские клинки блестели как золотые клыки фантастического зверя.

Да и вообще, фантастическое это было зрелище – разодетая по моде времен всяких там Людовиков толпа в расшитых золотой нитью камзолах и роскошных шляпах с плюмажами и пряжками – на борту сплошь металлического, тяжело вооруженного броненосца... В другое время и при других обстоятельствах Сварог непременно бы подивился сему вопиющему анахронизму, но теперь ему было не до того.

Россыпь серебряных звездочек, как горсть монет из щедрой руки филантропа, с неслышным в суматохе шелестом брызнула навстречу офицерской волне. Безотказный шаур, до того прятанный под липовой повязкой на ноге, исправно выплевывал серебряную смерть. Зазубренные края блестящих кругляшей вспороли несколько камзолов, вонзились в плоть, разметали в пух несколько фиолетовых перьев со шляп...

Для Сварога время остановилось. Уже потом, проигрывая в уме схватку в адмиральском салоне, он в который раз поразился, как много человек успевают заметить и увидеть, когда на кону простенький выбор: или ты – или тебя...

...К двери, отделанной волнистыми золотыми полосами, бесшумно метнулось продолговатое тело трусливой адмиральской собачки: та, как и было оговорено, отрезала выход из адмиральского салона. Волк сорвался с места, не промедлив и мига, и поспел вовремя: некий офицерик, с ходу сообразивший, что к чему, рыпнулся было к люку.

Прижав уши к голове, могучий зверь в серой с белыми подпалинами шерсти растянулся в прыжке, растеряв по дороге всю свою трусость. Раздвинулась в оскале пасть, обнажив клыки...

Челюсти сомкнулись на человеческой шее, когда ладонь офицера уже накрыла витую ручку, и сбитого на пол гидернийца придавила туша собаки не собаки, волка не волка – но уж точно не безобидной домашней шавки.

Когда зверь вздернул голову, кровь пузырилась на его белых клыках, красные струйки змеились по серому меху на вытянутой морде и неслись каплями вниз. Вокруг черных крапин зрачков в собачьих глазницах полыхало бардовое пламя – словно темные вкрапления, портящие драгоценную чистоту крупных рубинов.

А из распоротого горла гидернийца толчками выплескивалась густая багровая жидкость.

Непросто, трудно, невозможно было совместить эту клыкастую, со вздыбленной на загривке шерстью боевую махину с черноволосой и черноглазой женщиной по имени Чуба-Ху.

Однако это была именно она.

И пока Чуба справлялась: взвившись в прыжке, грудью сбила с ног очередного офицера, коренастого и бритоголового – и одного этого оказалось достаточно. Моряка отшвырнуло на увенчанную стеклянным колпаком тумбу, на которой красовался макет броненосца, ударило виском об острый угол – и вот

гидерниец уже сползает по лакированному дереву, оставляя на сверкающей поверхности кровавый след.

А Чуба совершенно молча разворачивается к новому противнику в распахнутом камзоле, с золотым амулетом в виде расколотого круга на белой кружевной рубахе...

...Фиксируя происходящее краем глаза, Сварог делал свое дело: серебром в лоб встретил перепрыгнувшего через поваленный стол гидернийца, отскочил, чтобы не быть сбитым с ног летящим и умирающим на лету офицером, отбил стволом шаура направленный в шею клинок, подсек носком сапога голень нападающего и ребром стопы с разворота послал гидернийского морячка под ноги новой волне атакующих. Тут же развернулся, чтобы очередью встретить двух офицеров, огибавших стол с другой стороны...

Бой в ограниченном пространстве стремителен и скоротечен, язык просто-напросто не поспевает за событиями. Любое описание схватки будет значительно дольше и скучнее происходящего в реальности...

... По левую руку от Сварога Клады, отскочив в угол и прижавшись к стене, по одному встречала гидернийцев – больше чем одному к ней было не податься – точными ударами посоха.

Того самого, который самолично выстругала из сосновой ветви, снимала лишнюю древесину, выверяя балансировку, взвешивала на руке и крутила в пальцах, заточила один конец до копейной остроты, подработала другой конец под свою ладонь... И управлялась она с незатейливым оружием так ловко, будто обучалась под руководством мудрых сенсеев в каком-нибудь Шао Лине. Приемный ли отец передал дочери тайны боя на палках, или некий стражник в замке из бывалых и повидавших от скуки натаскал, или постарались те же гидернийцы – неизвестно, однако зеленоглазая чертовка сейчас наглядно продемонстрировала преимущества заостренного посоха, направляемого умелыми руками, перед коротким клинком в ближнем бою.

И недавним соратникам в борьбе за владычество Гидернии над всеми прочими народами доставалось по первое число.

Сварог тем временем продолжал кружить вокруг стола. Отскакивал, уклонялся, бил ногой, рукой, бил рукоятью шаура, отступал, нападал, уворачивался и стрелял, стрелял, стрелял.

А по правую его руку... черт, по правую руку дела обстояли не столь блестяще.

Олес скрещивал с морскими кортиками свой длинный обоюдоострый кинжал, на чьем лезвии был выгравирован фамильный герб Саутаров. Кинжалом он орудовал, надо признать, умело. Держа «пустую» руку за спиной, стоя вполоборота к противнику, Олес отклонялся корпусом влево-вправо, совершал обманные маневры, молниеносно менял хвататы с обратного, удобного для защиты, на прямой, более сподручный для атаки. Ощущалась, в общем, выучка. Молодому князю удалось ввязать гидернийцев в академический бой на коротких клинках, в котором он имел несравненно больше преимуществ перед морскими офицерами, привыкшими командовать бортовой артиллерией или, на худой конец, управляться со стрелковым оружием. И это преимущество работало: то один, то другой офицер выбывал из схватки после стремительных вылетов вперед княжеского кинжала...

Но – сказывалось численное превосходство гидернийцев. Олес устал от

мелькания клинков и уже не так твердо блокировал наскоки. И вот лезвие кортика соскочило с подставленной под него кинжальной гарды, чиркнуло по пальцам. И сразу за тем Олес напоролся на сильный секущий удар по тыльной стороне ладони. Ему пришлось сделать поспешный шаг назад, переложить клинок из правой руки в левую. Правда, как тут же выяснилось, обеими руками он владеет одинаково неплохо...

Одинаково-то одинаково, но Сварог понял, что счет пошел уже на мгновения.

Князь из последних сил отражал натиск. Против него сейчас стояло три гидернийца, они теснили князя и действовали грамотнее, чем прежде: поочередно отвлекали внимание каждый на себя, потом следовал выкрик «Эгой!» («Не иначе, боевой клич, вроде „банзай“ или „форвард“, ишь как быстро чертовы мареманы учли ошибки в своей тактике...» – мелькнуло у Сварога), и они напали одновременно.

Олес позволил достать себя в плечо. Вслед за тем он лишь каким-то чудом ушел от размашистого, сабельной техники удара. Достиг цели и хитрый выпад третьего гидернийского офицера: упав на колено, гидерниец выбросил вперед руку – и ему удалось позолоченным острием ужалить молодого князя в бедро... Последнее ранение было самое чреватое. Олес, прихрамывая, спешно отступил, прижался к переборке. Князь уже не успевал за ритмом схватки.

Следующая слаженная атака гидернийцев, скорее всего, окажется для него последней.

Далее медлить было невозможно. Сварог, рискованно повернувшись спиной к своим собственным противникам, сорвался с места.

– Лягай!!! Всех покрюсаю!!! – Тут главное не что кричать, а чтоб выходило надрывнее и грознее. Главное переключить гидернийцев на себя или хотя бы на миг отвлечь от князя. Стрелять ведь нельзя – заденешь Олеса. – На пол, духи!!! Руки к стене!!! Смирно стоять!!! Руки за голову!!! Пожар!!! – Зато можно на бегу поливать паркет перед собой зубастым серебром из шаура. Вдруг да подействует...

Подействовало. Один из гидернийцев, что называется, стремнулся. Его подвели рефлексy, толкнули в сторону, он отвалился от группы, и в том была его ошибка – уйти с одной с князем линии огня. Щадить его Сварог не стал – перейдя с бега на шаг, вскинул метатель звездочек и наштиговал оплошавшего моряка серебром.

Двое супротивников Олеса, как и следовало ожидать, разделились: один продолжал наступать на князя, другой переключился на фальшивого адмирала. Совсем юный офицер с одним ромбиком на нарукавной нашивке, наклонившись вперед и поводя клинком, мелким осторожным шагом подбирался к Сварогу.

Ну, тут все было понятно. Простейшая самба-румба против человека с ножом: носком ноги садануть по клешне с кортиком, крутанувшись юлой, подсесть под лодыжки, свалить на пол и покончить с проблемой сочным ударом кулака, вложив в него всю массу тела. Граф Гэйр перешел на пружинистый, «танцующий» шаг, который подсказал бы искушенным в единоборствах, что за сюрприз готовит боец...

– Сзади, граф!!!

Граф упал, перекатился, выстрелил из шаура в силуэт над собой, повинуясь

инстинктам, извернулся змеей – и вовремя. Со смачным хрустом в паркет вошел золоченый «зуб» кортика, пробив пол в том месте, где только что находилась голова графа Гэйра. Вслед за кортиком на пол повалился его хозяин, который на последней искре бытия попытался утащить за собой к Верхним Людям и Сварога.

Сварог вскочил на ноги. Вскочил, чтобы увидеть, как схватка, пережив переломный момент, стремительно движется к развязке. Клади, управившись с выпавшими на ее долю гидернийцами, пришла на подмогу и взяла на себя грам-капитана, до которого Сварог так и не добрался. Олес, словно подзарядившись от Сварога боевым духом, пробивал защиту своего противника серией точных выпадов. Чуба рычала и скребла когтями паркетины возле трех гидернийцев, замерших посреди адмиральского салона.

Схватка *встала*. Живые переводили дух – в том числе командир броненосца и два офицера рядом с ним.

Шторм-капитан Ксэнг, барон Пальп, беспомощно озирался на дверь. Теперь-то, задним числом, он наверняка видел единственно верный и, увы, упущенный тактический ход – скомандовать офицерам: «На дверь!» Был же, был шанс длиной в три удара сердца, когда следовало прибирать ничейные поводы в командирские руки. Бросить все силы на дверь – тогда бы схватку удалось перенести на палубу, и вскоре корабль, как пожар, охватила бы тревога. Горстку авантюристов мигом смели бы за борт.

Сейчас же командир гидернийского эскадренного броненосца «Адмирал Фраст» лихорадочно искал выход – и не находил.

– Вы можете сдать, капитан, – тяжело дыша, помог ему с раздумьями Сварог. – И если сумеете оказаться полезным, вы сохраните надежду на жизнь. В противном же случае...

Но капитан, даже не дослушав ультиматум, выбрал именно противный случай.

– Отродье! Сын скверны! – подхватив с полу крупный осколок стекла (видимо, ношение кортика, уставом ему не предписывалось), он бросился на Сварога...

...и упал с простреленными серебром ногами. Но осколок из пальцев все же не выпустил. Привстал, затравленно оглянулся, набрав в легкие побольше воздуха, выпалил: «Димерея для Гидернии!» – и с самурайской решимостью воткнул себе в горло кусок бледно-зеленого стекла.

Последний оставшийся на ногах офицер бросил на пол кортик: «Сдаюсь, сдаюсь» – и, демонстрируя полную покорность, опустился на колени, завел руки за голову. Предпоследнему офицеру покалечили руку волчьими зубки, он стоял на полу и пытался ладонью остановить кровь. Грам-капитан Рабан, успокоенный посохом по темечку, валялся в углу, как тряпичная кукла, и не жужжал...

Короче говоря, получилось.

Но это был еще не конец.

Кивком приказав сподвижникам занять места у дверей, Сварог перевернул капитана на спину, взгляделся в мертвое лицо, прошептал нужные слова... и дверь в коридор открыл тяжело раненный в шею, но живой шторм-капитан Ксэнг.

– Алмак, ко мне!.. – прохрипел он, тяжело привалившись к косяку. – Бунт

подавлен... уведите арестованных...

И стал заваливаться назад. Двое карабинеров – Алмак и какой-то насмерть перепуганный мичман – рванулись было подхватить командира, но серия коротких ударов – слева от Олеса и справа от Клади – утомонили и их. Сварог быстро глянул за порог. Никого. Металлический коридор пуст в обе стороны. Он прикрыл дверь и от греха подальше задвинул защелку. Обернулся, оглядел поле брани.

Вот теперь конец. Конец первого тайма.

«Да-с, первый тайм мы уже отыграли, – холодно и отстраненно подумалось Сварогу, когда он прятал славно потрудившийся шаур за спину, за пояс. Ни на какие эмоции сил уже не было. – Осталась суцая ерунда: завладеть кораблем от палубы до трюма. Или, как это там принято говорить, от клотика до килля. Ну и при этом, чуть не забыл, усмирить, или укокошить, или переманить под свои знамена оставшихся гидернийцев. Сколько их там, голубчиков, осталось? Триста минус полтора десятка... Терпимо».

Глава третья Второй тайм

– Добить этого? – Клади ткнула посохом в плечо сдавшегося офицера. Сварог покачал головой.

– Связать. Мы ж не убивцы. Раненых тоже связать, от греха. Олес останется здесь. Куда ему теперь, хромоту-то, вот и присмотрит...

Сварог жадно затягивался первой после долгого перерыва сигаретой. Адмирал, которого он – чего уж там жеманиться – сыграл недурственно, к несчастью, попался некурящий, так что приходилось терпеть.

С сигаретой в зубах он обходил поле боя, методично выдергивал из брючных петель широкие поясные ремни и вязал ими гидернийцев. Хор-рошие ремешки, к слову говоря, выдают гидернийскому офицерью: из мягкой кожи, с двузубой пряжкой и золотой прошивкой по краям. Одно удовольствие стягивать ими запястья и, заводя руки за спину, приматывать к лодыжкам. Управились быстро: живых оказалось всего пятеро.

Тайм-аут после такой заварушки был нелишним. Совершенно незачем, едва покончив с комсоставом броненосца, ядром из пушки выскакивать на палубу. Если поднята тревога, то ее, как горную лавину, уже ничем не остановишь. Если же не поднята – короткая передышка не повредит, как не вредит привал солдату на марше.

– Это вам не по тоурантским рыболовам из пушек садить, – Клади ни к кому не обращалась, говорила сама с собой. Перенапряжение боя выливалось в чрезмерную разговорчивость – ничего не поделаешь, стресс требует, чтобы его снимали. – Димерея для Гидернии, ха! А дно морское для Гидернии не хотите? Плевала я на ваши висюльки. Гальвикарий Первой степени с алмазным крестом, Валтан Второй степени с черным бантом! Кого они спасали от разжалования или публичной казни? И красивого в них ничего нет, вульгарщина, ни с одним платьем не наденешь...

Пеленая своего последнего гидернийца – грам-капитана Рабана, ныне изволившего пребывать без сознания, Сварог бросил взгляд на Чубу... И попал на научно-популярный фильм ужасов «Преображение оборотня». Чуба-Ху меняла обличье. Только зачем ей, скажите на милость, потребовалось возвращать себе человеческий облик, когда операция по захвату еще далека от завершения?

Сварог не мог бы себя назвать чрезмерно впечатлительным человеком, но вот, вишь ты, не мог свыкнуться с этими... метаморфозами. Пусть не раз наблюдал, но, хоть тресни, не мог принимать с индифферентным спокойствием переход человека в зверя и наоборот. Что-то противилось на клеточном уровне. Удовольствие выходило ровно такое же, как, ну скажем, от созерцания чьих-то рвотных спазмов.

Волк поднялся на задние лапы, укрупняясь ввысь и вширь. Выгибались колени, передние лапы вытягивались, менял форму череп, гас рубиновый блеск звериных глаз. Когти уходили в подушки лап, сами лапы превращались в ладони, на них отрастали тонкие пальцы. Шерсть на морде, шее, ладонях словно бы растворялась, открывая бледно-розовую человеческую кожу, а к торсу прилипла и словно бы из ее ворсинок сама собой ткалась коричневая жилетка со шнуровкой. Ноги на миг окутало матовое серое облако, и вот – не уследишь как – оно преобразилось в юбку серой материи. Обращению удачно аккомпанировал едва слышный скрип изменяющих форму костей...

Сварог запоздало отвел взгляд и увидел клочок волчьей шерсти, отхваченный кортиком и валяющийся среди обломков макета броненосца. Серый комок тоже мутировал: растекся лужицей по навощенному паркету, затуманился и превратился в лоскут серой ткани. «Ах вот оно даже как!» – невнятным возгласом откликнулся мозг Сварога на этот осколок мозаики.

– Слушай мою команду, орлы и орлицы! – негромко воззвал Сварог и бравым шагом прошествовал на середину захваченного адмиральского салона. – Не обольщаться. Никакая это не победа. До победы нам как до Граматара... гхм... спиной вперед. Так что никакой самодеятельности. Напоминаю. Я – на прожектор, Чуба – вдоль левого борта, Клади вдоль правого. Олес...

Произнося речь (ни дать ни взять Кутузов, бля, в день Бородинской битвы), он обвел взглядом свою боевую дружину. Клади, поигрывая посохом, слушала своего полководца, на щеках ее играл румянец нетерпения. Появившаяся на Чубе серая юбка зияла треугольным вырезом, сквозь него белело бедро, которое эротических желаний, вкуче с фантазиями у Сварога почему-то не вызвало. Может быть, вызвало бы у Олеса, который, помнится, не скрывал своего мужского внимания к женщине-оборотню, но князю сейчас было вовсе не до любования женскими ножками. Князь занимался своей ногой. Не стесняясь дамского присутствия, наследник гаэдарского трона приспустил штаны и перевязывал рану на бедре разорванной нижней рубахой. Возле него присела Чуба. Ах вот в чем дело! Вот чего ей в волках не ходится! Ну конечно, в собачьем обличье не очень-то сподручно помогать в перевязке. Всякие нежные чувства – это, конечно, прекрасно, но когда не во вред делу. А сейчас во вред...

– Олес! Остаешься здесь. Присмотришь – раз, покопаешься в бумагах – два! Отставить, испытуемый! – шепотом рявкнул Сварог, увидев, что князь готовится к возражениям. – Без детского сада мне! Пороешься в бумагах, поищешь план этого парохода – должен пригодиться. Клади, на левый борт. На тебе, как помнишь, два вахтенных поста. Чу, на тебе ходовая рубка и вахта правого борта. Придется тебе вновь вернуться в... прежний вид. Ну, вперед, гвардейцы кардинала...

– С головой на месте, с кишками на копье! – ответил вслед Олес. Видимо, напутствовал по-гаэдарски уходящих на ратное дело.

Сварог пропустил дам вперед, а сам задержался на пару секунд в салоне.

Оставалось у него еще одно небольшое интимное дельце. Он окинул взглядом поле боя, подошел к одному из погибших охранников, наклонился...

И на верхнюю палубу, под теплый проливной дождь, Сварог ступил уже в личине гидернийского моряка. Его плечи, обтянутые военно-морским форменным камзолом, миглом промокшим, теперь украшали эполеты с короткой серебристой бахромой и с двумя ромбиками посередине. Звание, присвоенное Сварогом самому себе, по-гидернийски звучало как бертольер, что примерно соответствовало званию мичмана на российском флоте. Ну не адмиралом же карабкаться к матросу, в самом-то деле... А вот мичман в самый раз. Трудностей с доступом к прожектору возникнуть не должно, если, конечно, не предусмотрен особый пароль, – но это было бы уж прямо-таки параноидальным перебором в бдительности и секретности...

Короче говоря, перебора не случилось и убивать матроса липовому бертольеру не пришлось. Сварог вскарабкался по скобам, одна над другой приваренным к стене палубной надстройки («по скоб-трапу», – услужливо подсказала память вычитанное где-то название), и без лишних разговоров ткнул «клювом ястреба» в сонную артерию промокшего до костей матроса – когда тот, задрвав подбородок к черному небу, отбарабанивал рапорт, перекрикивая вой ветра:

– Мастер бертольер, за время несения службы...

Вот беда-то, так и не узнал Сварог – может, чего и случилось за время несения... Матроса он связал и вдобавок прикрутил к поручням, ограждающим площадку вокруг корабельного прожектора. Аккуратненько снял с его шеи подзорную трубу. Похлопал по плечу («Извини, дружок»), выпрямился, поглядел в сторону берега. Сквозь нагретый пожарищами дождь, сквозь туман, поднимающийся с палуб, сквозь мрак видно было, прямо скажем, хреново, однако и увиденного было достаточно, чтобы оценить размах катастрофы.

Материк Атар погибал. Атар отмучивался в последних, агонических судорогах. Атар задыхался в дыму.

Отсюда материк представал адским скопищем черных клубов. Таким же, как небо над головой. Небо, заваленное смоляными тучами, полосовали грозовые всполохи, будто наверху велись грандиозные сварочные работы. А дымовую завесу над землей пробивали гигантские огненные фонтаны, в появляющиеся иногда просветы удавалось разглядеть красные языки раскаленной лавы, стекающей с гор. Даже здесь грохот стоял такой, что аж зубы ломило, а что делается там, на суше, и представить себе невозможно...

«За такую погоду вешать надо», – некстати припомнился Сварогу один из афоризмов незабвенного капитана Родимчика.

Обзор был преотличный, как с «чертова колеса» – площадка с прожектором была одной из самых верхних точек корабля... Которая, конечно, никакая не площадка, а что-нибудь заковыристое, по-моремански сочное – вроде бомбрамс-перестаксель, в акулу душу твою мать... Эх, несилен он в военно-морской терминологии, что поделать. Трап лестницей, понятно, не обзовет, фальшборт оградкой тоже, даже военный корабль судном не обругает, но всяких там брамселей и салингов мы не проходили, что сие такое, нас не спрашивай, брам-бакштагов от брам-гинцев не отличим...

А вот стопор, как ни крути – он и в море стопор. Точь-в-точь такой же конструкции, как на лебедках, которыми корчуют деревья трудолюбивые садово-

ды планеты Земля... Ах, раскудрить вперехлест, весь птичьим дерьмом перемазан...

Убрав зажим с зубьев проворотного механизма, Сварог развернул прожектор к берегу. Ага, ага, система простенькая, чтоб в ней разобраться, вовсе не обязательно задействовать полумагическое умение ларов осваивать незнакомые механизмы. Даванул рычажок вниз – шторы опустились, поднял рычажок кверху – шторы поднялись, луч света понесся в темное царство. Так и будем отбивать условленный код. Три коротких, два длинных, три коротких, два длинных... Да и чтоб засветить прожектор, не надо быть доктором магических наук. Всего две кнопки на панели. Первая не сработает, надавим на вторую.

В коробке с кнопками шваркнуло, щелкнуло, что-то прожужжало в прожекторном чреве, и под боком у Сварога, заставив его зажмуриться, зажглось маленькое личное светило. Шарахнувший в пространство луч, пробив дымы и сумерки, уперся в мутную прибрежную воду. Сварог взялся за скобу, приподнял морду прожектора и, сам себе напоминая инженера Гарина, повел лучом по береговой кромке. Сползающий в море лес, обрушившиеся скалы, выплевываемые волнами обломки и трупы... Отсвет прожектора падал на воду залива, где все еще догорали тоурантские парусники, где какие-то животные все еще плыли, сами не зная куда, но прочь от земли... И дым, пепел, копоть... Конец света живописен только в книгах и кинофильмах.

Сварог поставил поворотный механизм на стопор, доведя луч до устья реки Улак. Если они появятся, то только оттуда. «Отставить „если“», – сам себе командовал Сварог. Неужто суб-генерал не подготовит простейшую десантную операцию, а ас контрразведки Гор Рошаль живо не пресечет панику и не направит пароксизм народного испуга на достижение общей победы!

Ну и поехали. Сварог взялся за рычажок, управляющий шторами. Шторы-то небось тоже бронированные, раз мы на броненосце. Три коротких, два длинных...

В луче прожектора черными чертями задергались тени. Под гвалт, визги и хлопанье. Птицы, чтоб им пусто! Пернатые, повинувшись своему идиотскому инстинкту, устремились на яркий свет и принялись самозабвенно носиться в иссиня-белом пучке, словно дети в аквапарке. Три коротких, два длинных... Еще не хватало, чтоб начали долбаться в стекло. И тут же – так сказать, реагируя на мысленную просьбу трудящихся, – некая воронообразная тварь впилилась клювом в прожектор. Но не свалилась замертво Сварогу под ноги, зараза, а каркнула и живехонькой взмыла вверх.

– Водяная смерть, потроха Наваки, вас только не хватало! – от прилива чувств Сварог потянуло ругаться по-местному. – Шило вам под перья!

Три коротких, два длинных... Кто его знает, как справились Клади и Чу, где они сейчас. Оружейной пальбы нет, что непременно сопутствовало бы всеобщему переполоху, и на том спасибо...

Хрясь! В бронированные шторы вмазалась очередная крылатая дура. Еще раз три коротких; два длинных...

А ведь прожектор пашет-то на электричестве! Весьма любопытно, господа хорошие. Чего ж мы про него не слышали? Вроде и покрутились на Атаре, и с умными людьми беседовали, и на распоследнем атарском чуде летали, а ни намеков, ни слова похожего, ни описания, ни упоминания в легендах-сказаниях – ни следочка электрического. Выходит, крепко гидернийцы охраняли

секрет. И вот вопрос: есть ли это потолок, в который гидернийцы уперлись в своем развитии, или до чего-нибудь еще додумались? И не имеют ли все-таки гидернийскую подкладку разговоры об аппарате, способном открывать Тропу?

Но этот вопрос и все остальные, к нему прилегающие, – на потом, на потом. А сейчас – три коротких, два длинных...

Ну, где, где, сколько можно ждать?! Где ответные сигналы, где, что еще лучше, лодки? Луч, повинувшись Сварогу, заметался по устью. Может, они пойдут какой-нибудь протокой? А из-за дыма ему не видно ответного сигнала с берега? Где вы, черти, так вас разэтак?!..

И это что еще за хрень? Над Атаром горела яркая зеленоватая звездочка. Неподвижная, как огонек маяка. Судя по всему, очень далекая. И каким-то образом светящая сквозь плотную пелену дыма, пепла и пламени. Сварог недоуменно пожал плечами. Какая только ерунда не происходит...

Стоп, это что? Они? Они! А кто ж еще-то...

Он раздвинул подзорную трубу, рукавом протер окуляр, вскинул к глазу.

Сквозь дождь, одна за другой, растягиваясь цепочкой, из-за мыса в месте впадения реки Улак в Редернейский залив выбиралась флотилия весельных лодок. Вот именно такая картинка, что характерно, всегда рисовалась Сварогу, когда он слышал «Из-за острова на стрежень». Разве что обрамление нынче подкачало. Ни тебе волжских просторов, ни расписных челнов под ясным солнышком и звона свадебных чарок. Есть одна лишь молчаливая гребля сквозь завихрения дыма и пепла.

Гребли слаженно, сильно, рук не жалеючи, подгоняемые жаждой жизни и стоном погибающей земли за спиной. Наверное, на эти рыбацкие лодки можно ставить незамысловатый парус, но дул встречный ветер и приходилось полагаться только на мускульную силу.

Годится. Нечего тут больше делать. Сварог вырубил прожектор. А то высунет какой-нибудь хмырь свое хайло в иллюминатор – бляха-муха, лодочная атака врагов гидернийской нации! То-се – и тревога. А броненосная громада гребцам и так видна: бортовые огни, свет в иллюминаторах. Увидят, в общем, если жить хочется...

Закинув трофейную подзорную трубу за спину, Сварог еще раз посмотрел на загадочный огонек и осторожно, чтоб не сверзиться с мокрых скоб, соскользнул по скоб-трапу на палубу. Так, теперь люки над жилой палубой... Вокруг, хвала Аллаху, ни души: попрятались за броню от греха. Или капитан всех загодя согнал вниз – чтоб панорама гибнущего материка боевой дух не снижала. Это хорошо. Это нам на руку... Держа шаур стволом вверх и пригибаясь, как под артобстрелом, наконец-таки чувствуя себя в родной стихии – это вам, ребятки, не на троне скучать, – он припустил к носу вдоль правого борта. Артобстрел не артобстрел, но гремело очень даже похоже: грозовые раскаты, гул сотрясаемого материка, удары волн о борт... да и птицы, которых тут чертова пропасть, развели галдеж, будто хорек в курятник забрался... Оскальзываясь на мокрой палубе, Сварог добежал до трапа, ведущего к рубке. Из-за ящика, в коем можно предположить наличие противопожарного песка, с одной стороны торчали одеревеневшая рука со скрюченными пальцами и ствол карабина, с другой – высывалась нога в форменном ботинке. Ага, понятно: вахтенный матрос вахту сдал.

Сварог приблизительно мог себе представить, что произошло. Из темноты беззвучно возникла бегущая собака. Ну собака и собака, выловили какие-то раздолбаи из воды, пустили побегать по верхней палубе – или не уследили, и та удрала. Повода поднимать тревогу вахтенный уж точно не усмотрел. Может, забормотал нечто успокаивающе, вроде обычного «хороший песик»... Но вот к чему матрос оказался совершенно не готов, так это к стремительному, без рыка и прочих собачьих ритуалов, к не по-собачьи выверенному прыжку – чтоб сразу в горло, чтоб сразу насмерть...

Сварог поднял взгляд на скупо освещенную рубку. Человеческих фигур вблизи залитого дождем ветрового окна (то бишь иллюминатора) не маячило. Выходит, здесь порядок.

Интересно, рубка была заперта? Да уж конечно, не распахнута настежь, а дверную ручку поди поверни собачьей лапой. Наверняка Чу, поднимаясь по трапу, обернулась человеком. Открыла дверь и человеком вошла внутрь. Можно себе представить обалдение вахты, когда уверенно, как к себе домой, в святая святых эскадренного броненосца заходит женщина, коей вообще не место на корабле, и, не дав ни мига на осмысление, вдруг прыгает на тебя, в полете превращаясь в нечто! Тот счастливец, что стал первой жертвой, надо думать, даже не успел разобраться, что именно сшибло его с ног и клещами перекусило горло...

Броневые люки на носу Сварог обнаружил без труда. Военному человеку их назначение было понятно с первого взгляда: чтоб в случае аврала, не создавая заторов, морячки быстренько выкарабкались наверх.

Затягивая ворот последнего люка, Сварог услышал за спиной шлепанье, скрежет и частое дыхание. Отпрянул в сторону, выхватывая шаур, обернулся.

Чуба! Тьфу ты, блин, напугала... Женщина-волк подкралась почти вплотную – умеет, однако. Он вытер мокрое лицо, улыбнулся... да так и застыл.

Чуба стояла неподвижно, на напружиненных лапах, буравя его полыхающими рубиновым светом глазами, и помимо воли и разума Сварогу сделалось как-то... в общем, как-то не по себе. Зашевелились в подкорке обломки суеверий, из глубин потянуло сквознячком мыслеобразов, смутных и размытых, с заплесневелым душком ветхости: треснувшие зеркала, свечи, кладбищенские кресты, бородатые старцы с книгами из человеческой кожи, полнолуние и волчий вой... Чего она смотрит-то? Облик бертольера, который Сварог так и не скинул, псине не понравился, что ли? Так ведь по запаху должна определить, что перед ней *свои*... И как прикажете вести себя с оборотнем, когда он... она... когда *она* в ипостаси волка? Поговорить не поговоришь. Почесать за ухом, благодаря за службу? Сотворить, что ли, из воздуха кусок сахара?.. Вдруг вспомнилось, что шаур-то – с безмерным запасом серебра...

Чуба-Ху сама разрешила сомнения и безотчетные тревоги Сварога: твякнула глухо, резко повернулась и, шкрябнув когтями по палубе, мигом скрылась за завесой дождя. Будто и не было ее.

А граф Гэйр, к своему стыду, испытал даже отчетливое облегчение. Черт те что... Он выпрямился, перевел дух, огляделся. Никого. Чуба наверняка лишь прибежала показать, что, мол, все нормально, капитан, все идет по плану. Наверняка... А что, обежать верхнюю палубу по кругу – это для нее раз плюнуть... Если только волки умеют плевать. Получается, все спокойно, а раз спокойно – Клади тоже справилась и сейчас должна находиться на левом борту, дер-

жать под контролем выходы на палубу...

Сварог заковыристо выругался, помотал головой, отгоняя неприятные и, главное, ненужные в этот момент воспоминания. Прибежала, посмотрела и убежала, делов-то...

Итак, верхняя палуба в наших руках. Но особых причин обольщаться нет. Первая часть их плана, рассчитанная на внезапность, на смятение в рядах противника, на спонтанные и оттого непродуманные вражеские действия, исполнилась, однако совершенно неизвестно – самая легкая или самая трудная.

Сварог, крадучись, спустился на палубу ниже и скользнул к штормтрапу, тому самому, по которому сто лет назад вошел на борт броненосца в образе адмирала Вазара. Посмотрел вниз – и аж присвистнул. На представительной гребной регате этим парням светила бы золотая медаль. Страх смерти, господа, – вот лучший стимул для гребца...

Тоурантские лодочки, отсюда – размером со спичку, не больше, уже терлись бортами о бронированный корпус «Адмирала Фраста». На нижнюю площадку штормтрапа запрыгнула фигурка, легко узнаваемая и в сумерках, и в дождь. Человек, несмотря на внушительную комплекцию, одолевал узкий трап проворно, по-молодецки юрко, будто торопился на винное угощение или в объятия к юной распутнице.

Сварог шагнул было навстречу – и вдруг шарахнулся в сторону, в тень. Водяная смерть и кальмара в печень! Личину бертольера-то он ведь так и не скинул! Как нацепил, так в ней и расхаживает. Недолго и пулю схлопотать от неосведомленного человека, а лишний шум нам ни к чему...

Заклинанием он быстро освободился от чужой видимости, и отставного суб-генерала у верхней балясины штормтрапа встретил уже несомненный граф Гэйр, мастер Сварог.

– Обстановка? – кратко и без приветствия осведомился запыхавшийся Пэвер.

– По плану.

Суб-генерал кивнул, перегнулся через фальшборт и помахал рукой. Потом вновь повернулся к Сварогу:

– Все живы?

– Все. Олес ранен.

– Я вижу, у вас тоже...

– Царапины.

Суб-генерал облегченно перевел дух и позволил себе слегка расслабиться. Даже улыбнулся грустно:

– Ну, капитан, я вам доложу: лучше самому голыми руками рубиться с сотней вооруженных до зубов головорезов, чем в отдалении ждать приговора, – рукавом прожженного в нескольких местах френча Пэвер вытер пот, в изобилии стекавший по лицу вперемешку с дождевыми каплями. Лицо боевой раскраской покрывали подтеки копоты, ежик на голове сейчас напоминал шерсть помойной кошки.

– Ну, возможность порезвиться в схлестке с головорезами я вам предоставляю, слово дворянина... – серьезно сказал Сварог.

– Согласен. Но до того мне нужно избавиться от сухости в горле. Если я сейчас не приму внутрь бокальчик-другой, то за себя не отвечаю...

– Где наш милейший Рошаль?

– На лодках. Поднимается.

По штормтрапу споро потянулась бесшумная цепочка.

– Как там?

Пэвер судорожно, как-то *затравленно* вздохнул и сказал очень тихо:

– Земля трясется – стоять невозможно, – голос его сливался с шорохом дождя. – Ветер с гор раскаленный, как из топки. Пожары... нет, пожар, один, всего лишь один пожар, мастер капитан, он накатывается, он уже рядом... Даже я начал шептать молитвы Пресветлому. А представляю, каково тем, кто остался в городах... Впрочем, городов, наверное, уже нет...

Один за другим на палубе появлялись тоурантские «десантники», беззвучно распределялись вдоль фальшборта и застывали в ожидании приказов под проливным дождем. Сварогу их лица, в общем-то, понравились: собранные, решительные... лица людей, готовых рвать врага зубами. Никто из них пока не проронил ни звука. Дисциплинка на высоте, молодцы...

Логика отбора очевидна: старых и немощных среди первого эшелона тоурантцев не было, только молодые, крепкие мужики, примерно столько же – молодых, крепких женщин, столько же – подростков никак не младше двенадцати. Женщины и дети тоже при оружии, держат его умело и занимают места в одном ряду с мужчинами. И дети выбраны не иначе по одному от фамилии. Логично, мысленно согласился Сварог. Генофонд Тоуранта, по крайней мере, имеет шанс на сохранение...

– Арсенал, – негромко доложил Пэвер, – два автомата, один исправный мушкет, два пистоля, семь арбалетов, полтора десятка луков, из холодного оружия в основном кинжалы и охотничьи ножи. Все остальное оружие пошло на дно, вместе с кораблями...

– Плюс один карабин вахтенного, что лежит за ящиком по правому борту. По левому борту тоже что-то да отыщется, у баронетты надо спросить.

Сварог перегнулся через фальшборт. Лодки, одна за другой деловито и без сутолоки высадив боевые отряды на штормтрап, быстро разворачивались и брали курс обратно на берег: на всех спасшихся пассажиров разгромленного флота лодок не хватало. Остальным предстоит заплыв во вторую очередь, и в третью, и в четвертую... Пока берег не накроет огнем.

– Бойцы разбиты на взводы. Один род – один взвод, – пояснил Пэвер. – И командовать проще, глава рода – взводный. А мальцы будут вестовыми. Надо же держать связь с командованием и между взводами... – и добавил: – Рошаль придумал. А ведь понимает, стервец...

– Кто у них главный?

– Дож на берегу остался, будет уходить последним, когда всех перевезут... Старик – а силища о-го-го, ни в какую... Так что *самого* главного у нас пока...

– И сколько их всего? – перебил Сварог: люди по трапу все поднимались и поднимались.

Пэвер на секунду запнулся, посмотрел на Сварога почти беспомощно.

– Примерно тысячи четыре, мастер капитан...

Сварог вцепился в поручень фальшборта так, что хрустнули костяшки. *Этого* он не ожидал. Сотен пять-шесть – еще куда ни шло, но – *четыре тысячи*, мать твою! На корабль с экипажем в триста душ! А запасы провианта, а дети, лекарства, жилые отсеки, топливо?..

– Не потонем, а?..

– Ерунда, – Сварог мотнул головой, изо всех сил стараясь выглядеть уверенным и в завтрашнем дне, и в послезавтрашнем. И вообще в светлом будущем. – Да на такую громадину и десять тысяч влезет...

Он вдруг почувствовал беспричинную злость и до хруста сжал зубы. Нет, врешь, всех возьмем и всех доведем как миленьких, никто, бляха-муха, не уйдет обиженным...

Когда дождь прекратился – столь же неожиданно, как и начался, – и вновь повалил густой пепел, на борт «Адмирала» поднялся последний из прибывших в первом эшелоне: Гор Рошаль собственной персоной. Он ступил на мокрую палубу достойно и гордо, будто с докладом в кабинет к князю Саутару, окинул собравшихся презрительным взглядом и, запахнув полы истерзанного плаща, замер в сторонке. Ожидал, должно быть, пока мастер Сварог соизволит обратить на него особое внимание. Держался сей профессионал контрразведки великолепно, надо признать, – вот только, увы, лицо несколько подводило бесстрастного охранителя короны не существующего отныне княжества Гаэдаро. Лицо Рошалья было серым, с красными пятнами на скулах, со сжатыми в белую нитку губами...

Пэвер тем временем подманил к себе высокого жилистого тоурантца с отломанной на треть шпагой, просунутой за пояс:

- Рорис, собери взводных вон у той будки.
- Это надстройкой называется, – поправил Сварог.
- Да какая разница...
- Женщина и собака? – спросил названный Рорисом.
- Так точно, – кивнул Пэвер. – Сыну скажи, чтобы слушался этого человека.
- Граф Гэйр? – Рорис повернулся, к Сварогу.
- Он самый, – поклонился король трети Талара.

Рорис осмотрел Сварога с головы до ног и проговорил монотонно:

– Вы спасли жизнь нашим женам и детям. Понятия не имею, кто вы и зачем помогаете несчастному домену Клаустон, но вы должны знать: отныне наши тела и души в ваших руках, мастер Гэйр. Можете распоряжаться ими по своему усмотрению.

И он, на секунду приложив руки к левой стороне груди, вытянул раскрытые ладони в сторону Сварога. Не иначе клаустонский жест благодарности.

– Его сын поставлен командовать над детьми... – сказал Пэвер, когда Рорис отошел. – Ну, мастер Сварог, пора.

– Ну, мастер генерал, глядишь, еще покалякаем когда-нибудь.

– По заранее разработанному? Или последуют новые вводные в диспозицию и тактическую схему?

– По заранее разработанному. Без шума и пыли...

– Как говорили в шестом гвардейском полку имени короля Макария – или лопнем, или наедемся.

– Как говорили у нас – или грудь в крестах, или голова в кустах...

Пэвер – наплевать на испачканный и прожженный френч, на загвазданные сапоги и лицо в копоти – сейчас смотрелся *действительным*, а не отставным генералом, он казался стройнее, шире в плечах, серьезнее, что ли, глаза кипели азартом предстоящего боя... В общем, Пэвер тоже был на своем месте.

Разношерстное войско народных тоурантских мстителей пришло в слаженное движение. Суб-генерала, шлепая по лужам, сразу обступили, видимо,

те самые предводители родов, они же – комвзводов.

Подошел Гор Рошаль и с места в карьер спросил о своем, насущном:

– Пленные есть?

Он сутулился больше обычного, под глазами набухли черные круги. Да уж, подкосили силы главного чекиста княжества Гаэдаро испытания последних дней, укатали сивку крутые горки.

– Пленные офицеры в адмиральском салоне – знаете, что это такое? Их Олес стережет...

– Этот балбес вряд ли чего-нибудь добьется, – с неожиданной страстностью перебил Сварога охранитель Рошаль.

Даже приход апокалипсиса не уменьшил давнюю, дипломатично выражаясь, напряженность в отношениях между молодым князем и ближайшим помощником старого князя. Не утихали былые гаэдарские страсти, хотя само княжество наверняка уже исчезло с поверхности Атара, исчезло вместе с городом Митрак, замком Саутаров, вместе со слепцами, пикейными жилетами и брошенными на произвол судьбы обывателями. Такие дела...

А эти если и помирятся, то уже на Граматаре, не раньше. Эх, где ты, Граматар...

– А что, мастер охранитель короны, – участливо спросил Сварог, – вы морской болезни, часом, не подвержены?

Рошаль, должно быть, вспомнил дирижабль и надменно поджал губы.

– Не смешно, мастер Сварог. Смотрите, как бы сами не захворали... Я так понимаю, что в морском ремесле вы разбираетесь не лучше моего, а?

– Отнюдь. Капитанствовал я, помнится, на одном корабле... – Он не стал вдаваться в подробности, что кораблик тот был речной, а командовала им, по большому счету, одна славная боцманша, и примирительно заметил: – Не обижайтесь, Гор, шучу...

– Плевал я на ваши шутки, – резко оборвал Рошаль. – Я серьезно спрашиваю, мастер капитан, вы с морским делом знакомы?

– Ну, постольку поскольку...

– Так я и думал. – Рошаль хмуро прищурился в темноту. – Что такое ватерлиния, вам известно?

– Допустим... – Сварог напрягся. – И?

– Эта посудина собирается совершить рейс через полпланеты. Значит, углем должна быть забита в такой перегруз, что сидеть в воде будет по самую палубу.

Сварог секунду подумал, потом опять перегнулся через фальшборт.

Рошаль был абсолютно прав. Борты броненосца были покатыми, отчего корабль издали напоминал утюг, и отсюда Сварог прекрасно разглядел темную полосу краски, которую лизали свинцовые волны вдоль всего корпуса «Адмирала». Ватерлиния. Торчащая из воды кайма на три. Значит, нагружен кораблик едва-едва, ну никак не на океанский марш-бросок.

– И что получается? – с толикой растерянности спросил он. – Мы сели не на тот пароход?

Рошаль передернул плечами.

– Обрато играть все равно нет никакого смысла. Продолжаем. А я бы хотел побеседовать с пленными, может, что и удастся выведать...

– С пленными после разберемся, когда лоханку целиком захватим... Мне

вот что пришло в голову. На лодчонках оставшихся тоурантцев быстро не вывезешь. Катера. На борту два катера. Мы с вами спустим их на воду, отправим на берег кого-нибудь из тоурантцев – какая-никакая, а подмога. Вперед, мастер Рошаль.

Гор Рошаль поморщился: какие-то мечущиеся на берегу тоурантцы его, понятное дело, не волновали. Не терпелось заняться пленными: и для дела важнее, и по его прямой специальности. Однако возражать Сварогу он не стал.

Они уже подошли к подвешенному за бортом катеру, накрытому какой-то плотной непромокаемой тканью, уже взялись за тросы, а пустые лодки, остервенело загребаящие веслами воду залива, прошли уже полпути до берега, когда...

Наверное, это можно было красиво сравнить с закатом. С закатом, скатывающимся с гор, с быстро разбухающим закатом, с закатом, устремившимся в море. Да вот только никакой это был не закат.

За спиной Сварога раздался единый многоголосый вздох – тоурантцы тоже увидели *это*. Он рывком раскрыл подзорную трубу, направил на берег...

На берег хлынула лава. Хлынула по всей береговой полосе. Деревья не успевали вспыхивать, их корни сгорали мгновенно, они валялись в кипящую массу и становились ее переливающейся белым и красным, булькающей частью. Темная прибрежная полоса озарилась ровным неярким светом, будто заработала гигантская подсветка театральной ramпы. И в этом свете по пляжу люди бежали прочь от жидкого огня, бросались в воду, плыли. Но лава стекала в залив, и тот закипал. Вода взбурлила пузырями, ее вмиг накрыло густое облако пара – и из этого облака не выплыл ни один человек... И над всем этим спокойно светила зеленая проклятая звездочка.

Лишь две лодки вновь повернули к кораблю. Прочие, слепо уповая на невозможное чудо, курс не меняли, гребли, рвались в пар. А пар продвигался к ним навстречу. И вместе с порывом горячего сухого ветра до корабля докатилось отдаленное шипение, будто из разорванного пневмопровода...

Домена Клаустон более не существовало. Как не существовало всего сюзерената Тоурант. Да и всего Атара...

– Вот и конец. Быстро. Не успеем, – отдельно и бесстрастно, словно методично посылал пулю за пулей в чей-то затылок, проговорил Рошаль.

– Одно радуется, – мрачно сказал Сварог, отпуская трос ставшего бесполезным катера, – что раньше смерти не померем.

Глава четвертая

«Корабли без парусов – нонсенс!»[111]

...В общем, и второй тайм был сыгран с не менее разгромным счетом, а в запасе у них еще оставалось время. Сколько неизвестно, волнение на море усилилось, «Адмирала» раскачивало, как щепу, однако и только: с тревогой ожидаемых Сварогом цунами и исполинских водоворотов пока не наблюдалось. Даже удивительно, тьфу-тьфу-тьфу... Успевший взойти на корабль тоурантский десант, человек сто, взял под контроль всю верхнюю палубу и выходы на нее. План корабля – вид сверху, вид сбоку и в продольном разрезе – особо старательно искать не пришлось: тот висел над столом в адмиральском салоне, прикрытый плотной занавесочкой. Занавесочку сорвали, план вынесли наружу и расстелили прямиком на металлической палубе, борясь с ветром, стремящимся вырвать бумагу из рук и унести в темноту. Десять невыносимо

долго тянувшихся минут ушло на отработку деталей операции; суб-генерал, даром что сухопутная крыса, мигом разобрался в паутине коридоров, трапов и внутренних помещений броненосца и теперь на скорую руку распределял основные направления удара между отрядами тоурантцев. Олес, перепоручив стеречь пленных вновь прибывшим, с перевязанным бедром стоял рядом и давал неожиданно дельные советы по тактике боя в ограниченном пространстве. Ну да, ну да, редкий наследник трона не интересуется военным делом...

Феерическая это была картина, надо заметить, не хуже, чем плюмажи на фоне главного калибра. На пустынной палубе, как снегом заваленной серым невесомым пеплом, почти в полной темноте, изредка прорежаемой сполохами со стороны издыхающего континента, тесной толпой стояли хмурые небритые мужики плечом к плечу со своими боевыми подругами и внимали отрывистым репликам отставного генерала. Ни дать ни взять – повстанцы Фиделя перед решительным боем, блин. Хотя женщина на корабле – это, конечно, не дело, но тут уж ничего не попишешь...

Сварог несколько секунд полюбовался на повстанцев, ободряюще подмигнул стоящей среди них Клади и поспешил в ходовую рубку. Как ни хотелось десантному майору самому принять непосредственное участие в *зачистке* – а ведь способности ларов, заметим без ложной скромности, стоят целого отряда захватчиков, – но у бравого командира есть и другие немаловажные дела... А эти справятся.

Должны справиться. Волна народного гнева, как нас учит история – это вам, господа хорошие, не хухры-мухры. Особенно если этот самый народ только что стал свидетелем массовой гибели четырех тысяч человек – своих друзей, родителей и детей. Особенно если в их гибели виноват экипаж «Адмирала».

Итак, Рошаль остался в адмиральском салоне, чтобы вплотную заняться пленными, Пэвер и раненый Олес с палубы руководят операцией, Чуба в ипостаси волка-разведчика крадется по внутренним помещениям и отсекам, в авангарде боевых отрядов, высматривая, вынюхивая и по возможности бесшумно *устраняя* опасность, следом Клади под прикрытием вооруженных тоурантцев посылает направо и налево мыслеимпульсы о том, что, мол, все хорошо, мы свои, нас бояться не надо, поэтому грабли кверху и лицом к стене... Никого не забыли? Вроде никого. Что ж, цели поставлены, задачи определены. За работу, товарищи.

А командир пока займется своим делом.

В рубке, освещенной вездесущими «китайскими» фонариками, было тихо и было уже прибрано – по распоряжению сына дожа двое расторопных мальчишек выволокли трупы вахтенных на палубу, присыпали лужицы крови пеплом и теперь с обожанием смотрели на Сварога, ожидая дальнейших приказаний. (Покойников, судя по всему, они не боялись ни капли. И не того навидались, судя по всему, в последние дни перед наступлением Тьмы...) Он мельком огляделся. Штурвал, на переборках – какие-то приборы, напоминающие барометры, циферблаты в медных, украшенных завитушками корпусах, штурманский стол с рулонами карт, уже знакомый Сварогу компас, стрелки, деления, непонятные пояснительные надписи... Лады, будем разбираться.

Страхнув с плеч проклятуций пепел и мимолетно потрепав гаврошей по головам, Сварог шагнул к скромно застывшему в уголке матросику в робе.

Матросик был бледен – не иначе устал, бедолага, стоять навтыжку с закинутыми на затылок руками. Но ничего, к своему величайшему сожалению, поделаться с этим не мог: ему в грудь внимательно и недвусмысленно смотрело дуло внушительного пистоля. Пистоль держала обеими руками хрупкая симпатичная девчонка лет пятнадцати в изодранных бриджах, и в ее взгляде даже близорукий запросто прочитал бы, что она, в случае чего, нажмет на курок без малейших колебаний и раздумий. Ну а про то, что пистоль не заряжен, матросику, увы, знать не полагалось.

Сварог встал перед гидернийцем и неторопливо, смакуя, оглядел с головы до ног – напустив на себя брезгливый вид отца-командира, распекающего доставленного пред его ясны очи прямиком из комендатуры похмельного солдата. Спросил кратко:

– Рулевой?

Матросик часто закивал. Не нужно быть психологом, чтобы понять: у бедняги до сих пор перед глазами стоит стремительная клыкастая смерть, вихрем промчавшаяся по рубке... Молодец Чуба. Быстро поняла, что рулевого трогать не надо. И наверняка, для пущего эффекта вновь оборотясь женщиной, еще и дружески *посоветовала* рулевому рубку не покидать, ждать дальнейших распоряжений – иначе матросик давно бы уже сиганул за борт с перепугу...

– Имя?

– Старший матрос Д-дикс, мастер капитан...

Поняв, что теперь и без нее разберутся, соплюшка тихонько отошла к ребятам. А Сварог хищно улыбнулся. С офицером было бы разговаривать не в пример тяжелее.

– Правильно мыслишь, рулевой Дикс. Отныне я – твой капитан. Времени на разговоры у нас мало, так что я буду краток. Объясняю. «Адмирал Фраст» захвачен ударной группой Антигидернийской коалиции «Руки прочь от Граматара». Шторм-капитан Ксэнг мертв, высшие офицеры мертвы, личный состав броненосца перешел на мою сторону. Те, кто не перешел, – опять же мертвы. Кораблем отныне командую я: шторм-капитан Сварог. Это ясно?

Лихорадочные кивки. Сварог продолжал отрывисто и напористо, развивая наступление и не давая пленнику ни секунды передышки:

– Опустит руки, рулевой. Вот так. Дальше. Скрывать не стану: среди трех тысяч моих бойцов, что сейчас находятся на борту «Адмирала», есть колдуны, маги и представители нечистой силы – с последними ты уже имел удовольствие познакомиться. Есть и люди, великолепно разбирающиеся в морском деле. Однако. На то, чтобы изучить управление гидернийским кораблем *досконально*, потребуется время. А времени, как я уже говорил, мало. Сам видишь, что на берегу творится. А пленных мы не берем, вот такое вот несчастье. Стало быть, рулевой Дикс, у тебя есть два пути: или отказаться выполнять мои приказы и шагнуть за борт – или...

Броненосец резко осел на левый борт, распахнулась дверь на палубу, и внутрь ворвался холодный мокрый ветер. Откуда-то снизу донесся гулкий удар, в иллюминаторы шваркнули злые брызги. «Адмирал» приподняло, потом бросило вниз – аж дыхание перехватило, и чтобы удержаться на ногах, Сварог уцепился за одну из предусмотрительно укрепленных вдоль переборки скоб. С черных небес сорвалась толстенная изломанная молния, с оглушительным шипом вонзилась в море совсем рядом с кораблем, и в ослепительно бе-

лой вспышке из-под днища «Адмирала» выкатилась, понеслась к берегу, на глазах вздымая увенчанный белой пеной горб, исполинская волна. Что произошло с волной там, на берегу, видно уже не было... Зато было слышно: громовой удар, больно врезавший по барабанным перепонкам, возвестил, что она благополучно встретилась с наползающей на берег лавой, и теперь в небо рванулся очередной фонтан раскаленного пара...

Детишки-тоуранцы прилипли к иллюминаторам. Да уж, такое зрелище увидишь не каждый день. Будет что потом рассказать друзьям-приятелям...

– ...или подчиниться моим приказам, – по возможности невозмутимо закончил Сварог. – И решать тебе советую побыстрее.

В глазах матросика, тоже увидевшего волну в иллюминатор, вдруг загорелся неподдельный ужас. Сварог напрягся: повода паниковать еще больше он пока не углядел – куда дальше-то пужаться после того, что творится на берегу, и после знакомства с женщиной-волком...

– Что еще такое?!

Дикс хлюпнул носом и прошептал:

– Корабль... корабль стоит лагом...

– Отставить сопли! – рявкнул Сварог и пинком ноги захлопнул дверь. – Отвечать как положено! Чем стоит корабль?

– Лагом, бортом к волне... – затараторил рулевой. – Волна может опрокинуть...

Сварог нахмурился. Этого он не знал, запоминайте, ваше величество... Но пока надо узнать другое, более важное.

– Как осуществляется общекорабельная связь?

– Что?.. – Парнишка начал отчетливо дрожать всем телом и вроде бы даже сделался меньше ростом.

– Наваково семя тебе в глотку, как приказы до отсеков доходят?!

– А... Так это... Вестовые передают, боцман командует...

Сварог мысленно вздохнул с облегчением. Значит, при всей своей технической продвинутости гидернийцы до проволочного телефона пока не додумались. И вряд ли вестовые сейчас бегают по кораблю, докладывая, что имеет место быть нападение. А до беспроволочной дальней связи гидернийские очкарики недотумкали и по давню – иначе Клади бы сказала, ее передатчик был жутко секретной моделью, штучная работа, да и сам Сварог не углядел на борту броненосца ничего, что напоминало бы антенну. Значит, связи с конвоем у «Адмирала» нет. И на том спасибо. Хорошо бы еще спросить, есть ли на борту система самоуничтожения в случае захвата броненосца неприятелем, да откуда ж простому матросу такие тонкости знать-то...

Дверь распахнулась вторично – но на этот раз ее открыла не стихия, а человек. На пороге нарисовался очередной гаврош из тоурантских, взъерошенный и мокрый, как цыпленок: ошметки волны, надо понимать, задела его краешком. Он с восторгом огляделся – надо же, настоящий, боевой гидернийский корабль, вот повезло-то! – и фыркнув, чтобы сдуть со лба налипшую челку, звонко доложил:

– Мастер капитан, мастер Пэвер передает, что вторая палуба, мортиры и средние пушки, арсенал и эта, крьюйт-камера освобождены!!!

– Молодец!!! – в тон ему гаркнул Сварог. – Можете идти, боец! – и добавил поспокойнее: – И это, слышишь, передай своим, чтоб пока носа на палубу не

высовывали. Еще смочет за борт кого-нибудь...

– Есть!!!

Хлопчик исчез, и Сварог вновь повернулся к матросику, развел руки:

– Вот так-то, рулевой Дикс. Продолжаем. А машинное отделение? Туда тоже вестовые приказы передают?

– Н-нет... Вон – голосоотвод...

Сварог обернулся. Неподалеку от огромного, в половину человеческого роста штурвала с бронзовыми рукоятями из палубы торчал частокол изогнутых коброй металлических трубок, увенчанных воронками. Ага. Ну это мы понимаем, это мы в кино видели – да и на незабвенной «Принцессе» одна из таких фиговин была. В одну командуешь «полный вперед» – и в машинном отделении все дружно бросаются выполнять приказ... А в другую кричишь: «Пива в рубку капитану, быстро!!!» – и нате, пожалуйста. Голосоотвод, значица. Запомним.

Дальше пошло проще. Кто командует машинному отделению? Вахтенный офицер. Есть ли какое-нибудь кодовое слово для приказа? Нет. В глаза смотреть!!! Правда нет, мастер шторм-капитан. Броненосец стоит на якоре? Тоже нет – под парами, в любой момент готов отходить. И когда Ксэнг собирался отходить? Да вот уже – лавина разрушений совсем близко, уже докатится до берега, вода вскипит, океан обрушится в образовавшуюся воронку, и тогда выйти в океан будет невозможно, давно пора...

– Что ж, на первый раз достаточно, – перевел дух Сварог. Матросик не врал, все так и было на самом деле. – Поздравляю, *бертольер* Дикс. Вы зачислены в личный состав броненосца. Встать к штурвалу.

На негнущихся ногах, совершенно обалдевший от всего происходящего, матросик двинулся на свое место. Сварог встал рядом, посмотрел в загаженный лобовой иллюминатор. Мысленно перекрестился, наклонился к переговорной трубе. Рывкнул в полную силу легких:

– Машина, по-олный вперед!!!

В ответ из трубы донеслось гулкое и напрочь неразборчивое «бу-бу-бу», долженствующее, как очень надеялся Сварог, означать «будет исполнено». Вряд ли там, в машинном отделении, различали офицеров по голосам – шум от паровых котлов стоит нешуточный, да и труба искажает голос так, что и родная мама не узнала бы...

– Ну давай, что ли, разворачивай корабль, чтоб не опрокинуло, – приказал Сварог.

– Какой курс, мастер капитан? – напряженно спросил рулевой, привычно кладя ладони на рукояти штурвала.

Мастер капитан малость подумал, потом, ничтоже сумняшеся, ткнул пальцем в правый иллюминатор – в противоположенную от берега сторону.

– В том направлении мели, рифы и прочие неожиданности имеются?

– Никак нет.

– Значит, вот туда и рули. Главное – подальше от Атара.

– Принято подальше от Атара. – Оказавшись на родном посту, Дикс немного успокоился, даже стал собранным и внимательным.

Сварог похлопал его по плечу, на всякий случай отвернул воронку переговорной трубы в сторону и повернулся к детишкам. Сказал громко, чтоб и рулевой ни слова не пропустил:

– Глаз с него не спускать. Если шевельнется – стреляйте. Понятно?

– Так точно! – очень серьезно ответила девчонка и подняла пистоль.

– Мастер шторм-капитан... – не глядя на него, подал голос рулевой, лихо крутя колесо штурвала.

– Что еще?

– Согласно Кодексу, о факте отхода корабля положено извещать двумя короткими ревунами...

– Н-да?..

Дикс вроде бы говорил правду. И вроде бы никаких шалостей, типа на полном ходу направить броненосец на берег, совершать не собирался.

– Ну, положено – значит, положено. Дуди.

Матросик, пардон, уже бертольер поднял руку и дважды потянул за проводочную петлю, торчащую из переборки. Ночь прорезали два отрывистых вопля корабельного ревуна: «Уиау-у-у!.. Уиау-у-у!..»

– Молоток. Если не подведешь – скоро в люди выбьешься...

Так, еще одно дело сделали. Оставалось еще, конечно, навигационное оборудование, но с этим можно и попозже разобраться, когда (и если) отойдем на безопасное расстояние.

Палуба встретила Сварога пронизывающим ветром, темнотой и летящим в лицо вездесущим пеплом. Качка все усиливалась, на скрытом в клубящейся мгле Атаре продолжало гроыхать, но уже приглушеннее. То-то еще будет... А как поживает наша зеленая звезда над Атаром? Звезда никуда не делась, горела себе спокойно и ровно. Отчего-то вызывая у Сварога чувство тревоги. Словно это огонек лазерного прицела, и ищет он именно его, Сварога... Он задействовал «кошачий глаз» и быстро огляделся. Адмиральский салон, кажется, там, туда вели раненого кронг-адмирала Вазара. Хватаясь за что попало, чтобы не упасть, он двинулся по ходящей ходуном палубе к кормовым надстройкам, темнеющим в отдалении – и нос к носу столкнулся с давешним парнишкой-вестовым.

– Мастер Сварог, мастер Пэвер докладывает, что освобождены жилая палуба, кубрик и...

Не сбавляя шага, Сварог уцапал пацана за шиворот и поволок за собой. Рыкнул, даже не играя раздражение:

– Я тебе говорил, сопля неразумная, чтоб вы на палубу не высывались?!

– Так ведь я это, мастер капитан...

– А ну марш вниз!!!

Парнишка испуганно охнул, юркнул в сторону и нырнул в распахнутый люк, за которым угадывался ведущий в недра броненосца узкий трап. Сварог выругался сквозь зубы. Дети, етить их. Глаз да глаз... Он с натугой открыл броневой люк и нырнул в упоительно сухой и теплый колодец. По скоб-трапу спустился на палубу ниже. Движения броненосца не ощущалось, но Сварог на сей предмет беспокоился не особо: пока неповоротливая махина развернется, пока наберет ход...

Гор Рошаль, можно сказать, уже заканчивал. По-хозяйски расположившись за поставленным на место столом и постукивая пальцем по столешнице в такт словам, он негромко, скучным голосом вещал:

– ...И шестое. Самое последнее и самое простое. Деваться-то вам некуда. Вы сдались в плен – в отличие, кстати, от своего шторм-капитана, не струсивше-

го покончить с собой, вы вверили свою бесценную жизнь милости победителя, стало быть – вы изменили присяге. Вы – предатель, друг мой. Изменник. Думаете, если вам удастся чудом добраться до *своих*, кто-нибудь поверит сказке про горстку разбойников, захвативших броненосец? Про их главного предводителя, как две капли воды похожего на адмирала Вазара? Про женщину-волка и про то, наконец, что вы сами, собственноручно, доставили их на борт? В последнее, впрочем, поверят охотно. И если вас не расстреляют на месте, то остаток дней вы проведете в смиренной рубашке, тут и думать нечего... Мы же с вами оба профессионалы и оба прекрасно понимаем, что вы проиграли. Так найдите в себе мужество признать поражение... А вот, кстати, и главный предводитель шайки разбойников...

Гор Рошаль резво вскочил на ноги, бросил руки по швам и приветствовал вошедшего Сварога четким поклоном и громким докладом:

– Мастер шторм-капитан, продолжаю работу на вверенном мне участке!!!

Субординацию демонстрирует, шельмец. Это правильно.

– Продолжайте, грам-капитан, – снисходительно махнул ладошкой Сварог. Привалился спиной к переборке. Немного рисуясь, достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца. И, прищурившись, посмотрел на стоящего перед ними человека в форме высшего офицера гидернийского флота. Посмотрел без гнева и презрения. Как экспериментатор смотрит на препарированную мышь. Подыграл, иными словами, «грам-капитану» Рошалю.

В адмиральском салоне тоже успели навести порядок: трупы высших офицеров, равно как и офицеры плененные, исчезли, следы недавнего побоища были кое-как замечены, теперь у двери остались неподвижно стоять только две пожилые женщины-тоурантки с карабинами наперевес. Караул, надо понимать.

– Где остальные? – спросил Сварог.

– Пленные заперты в кубрике, мастер шторм-капитан, и находятся под охраной. До вашего особого распоряжения. Все, кроме *этого*, с которым я разговор не закончил... *Пока* не закончил.

– А вам это надо? – поинтересовался Сварог, с ленцой разглядывая струйку сизого дыма от сигареты. – Может, лучше сразу за борт? Чего время-то терять...

Рошаль равнодушно пожал плечами.

– Можно, конечно, и за борт. Просто хотелось было бы поговорить по душам, узнать что-нибудь интересненькое. Он же парень насквозь непростой, коллега мой, можно сказать. Мало ли секретиков у секретной службы. А вдруг да встретимся с гидернийскими кораблями?..

– Сомнительно. Колдун Гудвин, великий и ужасный, сообщил, что операция по захвату на других посудинах проходит успешно, к рассвету весь флот должен быть нашим.

– Тогда, пожалуй, лучше за борт, – вздохнул старший охранитель. – А что у вас?

– Порядок. – Они обменивались репликами вяло и небрежно, словно находились на загородной прогулке и никого рядом не было. – Мы уже движемся. В открытый океан, прочь отсюда. Слышите?

Действительно, палуба под ногами едва заметно вибрировала. Пленный, только сейчас поняв, что эта дрожь означает, наконец-таки вскинул голову. Теперь-то он начинал верить спектаклю, который разыгрывали перед ним

двое захватчиков. Лицо его было мокрым от пота – холодного, даже на расстоянии чувствовалось. Сварог, будто только сейчас заметив присутствие еще кого-то в салоне, повернулся к нему и вполне дружелюбно спросил:

– Курить хотите, мастер Рабан?

Гидерниец чем-то неуловимым напоминал старшего охранителя: такой же худощавый, с бледным лицом и водянистыми глазами – в другое время наверняка цепкими и внимательными. Ну да, они ж коллеги...

– У вас все равно ничего не получится, – глядя куда-то поверх Свароговой головы, гордо пообещал он равнодушным голосом. Настолько, впрочем, *равнодушным* для сложившегося положения, что даже неискушенному в психологии постороннему слушателю, буде таковой оказался б в адмиральском салоне, стало бы ясно: Рабан уже *сломался*. Еще чуть надавить – и он примется либо унизительно брызгать слюной и сыпать проклятиями в том смысле, что врагу не сдастся наш гордый «Варяг», либо ползать перед Сварогом на брюхе, со слезами вымаливая пощаду. Что, в общем-то, унизительно не меньше...

– Фу, как примитивно, – поморщился Сварог. – Еще скажите, что мы все будем болтаться на реях, когда гидернийский флот догонит нас и отомстит... Вы же сами прекрасно понимаете, голуба, что уже получилось. Еще немного, еще, как говорится, чуть-чуть – и корабль будет полностью под моим контролем. Так что ситуация складывается насквозь прозаическая, недвусмысленная и не в вашу пользу. Я – победитель, вы – военнопленный. И, как победитель, я волен поступить с вами так, как мне заблагорассудится... А благорассудится мне, уважаемый, с вами почему-то не церемониться, – помолчав, раздумчиво продолжал Сварог, покачиваясь на задних ножках в креслице. – Вы мне и не нужны. С управлением корабля мои люди справятся, да и *ваши* помогут – те, кто понимает, что жизнь дается человеку лишь раз и прожить ее нужно... Но если грам-капитану Рошалю вы зачем-то понадобились, то пусть он и решает.

– Кто... – Рабан невольно пустил петуха. Кашлянул и повторил хрипло: – Кто вы такие?

– Объединенная Антигидернийская коалиция, – учтиво ответил Сварог. – Слыхали о такой? Вот и я думаю, что нет. Поэтому выбор у вас...

Он осекся, враз подобравшись, как перед броском, – в душе пронзительно заголосило чувство опасности. Непонятно откуда исходящей.

Палуба вновь ушла из-под ног – но на этот раз в сопровождении надрывного воя, как от авиабомбы. Полное создавалось впечатление, что по кораблю вlepили из миномета. Сварог быстро переглянулся с Рошалем – тот ничего не понимал. Рабан, что характерно, понимал еще меньше, по лицу было видно.

Опять вой, очередной удар, на палубе кто-то пронзительно закричал... Сварог опрометью бросился наверх. Едва не упал, когда «Адмирал» содрогнулся в третий раз, грубо оттолкнул кого-то из тоурантцев, попавшегося на пути, взвинтил себя по винтовому трапу и, распахнув люк, выкарабкался наружу, на палубу – аккуратно в тот момент, когда на корабль обрушился очередной удар.

Большущий сгусток не пойми чего, похожий на плевок великана, но светящийся нутряным зеленым светом, стремительно, с надсадным свистом прилетел откуда-то из темноты, вмазался в корму, вспыхнул ослепительно – и погас, исчез. Удар швырнул Сварога к фальшборту, с клацаньем захлопнулся люк. За этим плевком последовал еще один, и еще, и еще...

Стреляли прицельно, кучно и часто. Вдогон набирающему ход броненосцу. И стреляла та самая зеленая звездочка над Атаром – именно из нее одна за другой, без перерыва, вылетали светящиеся кляксы. Красивое зрелище это было, черт возьми, в другой раз обязательно полюбовался бы... Вот еще один сгусток на излете врезался в крайнюю трубу, облепил ее как щупальцами и пропал во вспышке света, однако не бесследно: труба смялась гармошкой, дала трещину, из трещины повалил густой дым...

Он непроизвольно втянул голову в плечи. Машинально включил магическое зрение...

Разумеется, это была магия. Причем самого гнусного пошиба. И еще понял Сварог: стреляли не по броненосцу – стреляли персонально по нему. Лазерный прицел-таки нашел его. Он почувствовал, кожей ощутил злобу и горечь, исходящую от неведомого наводчика, – тот столько времени искал Сварога, но *захватил* цель слишком поздно. И теперь яростно палит вслед уносящемуся на всех парах в океан графу Гэйру, зная, что тот уже далеко, что он не успеет...

Не успеет?! Ну знаете ли... Да если такой плевочек попадет в гребной винт или провалится в трубу, в топку... Сварог до головной боли напрягал «третий глаз», но так и не смог разглядеть, кто поднял на него меч в этот раз. Личность стрелка скрывалась за все тем же зеленым свечением – и это *не был* Великий Мастер. Это был кто-то другой. Причем кто-то, кто знает Сварога в лицо, и Сварог его знает в лицо, и лицо это... Но тут и стрелок *увидел* Сварога. Увидел и навел прицел.

А, бля!!!

Завыло над самой головой. Он успел прыгнуть под защиту броневое козырька над какой-то надстройкой, успел произнести заклинание, ставящее щит против магических происков, – но больше не успел ничего. Зеленая клякса шлепнулась на палубу, на то самое место, где секундой раньше стоял Сварог, вспыхнула – и погасла. И вместе с ней погас окружающий мир.

Глава пятая Ты морячка, я моряк...

Сварог тонул. Погружался все глубже и глубже в вязкую морскую воду, вокруг становилось все темнее, все больнее давило на уши, но пошевелиться, забарахтаться, рвануться вверх, к воздуху и свету, он почему-то не мог – ноги и руки его не слушались. Хотя он дышал, это бесспорно. На секунду возникло недоумение – как же это так, господа хорошие?! – а потом он вспомнил: есть у него такая способность, дышать под водой. Страха не было. Было интересно, чем все это кончится, и немного тоскливо – жаль, что все кончилось именно *так*...

А потом мир немного *сдвинулся*, и Сварог без всякого удивления обнаружил, что стоит на каменистом берегу, у самой кромки воды. Ленивые волны прибоем с шорохом наползают на гальку и откатываются, наползают и откатываются... Океан простирался до самого горизонта. Ни солнца, ни луны, ни прочих небесных тел на небе не наблюдалось, однако откуда-то свет все же исходил – раз он явственно видел камни и берег без всякого «кошачьего глаза».

Позади раздалось вежливое покашливание. Сварог захотел оглянуться, но ничего не вышло: тело по-прежнему его не слушалось. И тогда он понял, что все-таки утонул и ныне пребывает на морском дне – совсем как приснопамятный Садко. А океан под ногами – это... это... вот бляха-муха, что ж это за океан

под водой, а?..

– Не забивайте себе голову всякой ерундой, граф, – сказали за спиной. Голос был мужской. Спокойный и уверенный. – Океан как океан. Не в нем дело.

– А в чем? – спросил он.

Сзади хмыкнули.

– Вы нас, право, удивляете, граф. Ни страха, ни паники, ни агрессии... Впрочем, это даже хорошо – что удивляете. Значит, на карте судеб появляются новые варианты, ранее неучтенные. Предопределенность может быть изменена...

– Полагаю, спрашивать, кого это «вас» я удивляю – излишне?

– Пока да. Вы не готовы.

– Так я умер?

– Это с какой стороны посмотреть, – не задумываясь, ответил человек сзади. – Возможно, что смерть есть лишь рождение для другого мира... Впрочем, это тоже не важно. Вы, кажется, хотели найти дорогу в свой мир?

– Типа того...

– Это можно устроить.

– Условия?

Искренний смех. И непонятный шорох, будто огромная птица расправила крылья.

– «Условия»! Великолепно, честное слово, великолепно.

– Просто что-то слишком часто мне в последнее время обещают помочь и отнюдь не бескорыстно, – заметил Сварог. – Это, знаете ли, наводит на размышления...

– Ну, о наших условиях, с вашего позволения, поговорим в другой раз. Вы, повторюсь, еще не готовы. Сначала вы должны *понять*, что собой представляет мир этот. Увидеть его целиком – и тогда, возможно, наши *условия* не покажутся вам... скажем так: странными. Ведь если странное – значит, непонятное. А непонятное всегда пугает, не так ли? А мы не хотим, чтобы вы пугались, граф.

– Да я как-то особо и не пугаюсь...

– Это потому что вы еще не *видите*. Даже о своих друзьях вам известно только то, что они сами позволяют вам знать.

– Так умер я или нет? Уж это-то я имею право знать?

– Да что вы, в самом-то деле... Живы, живы, успокойтесь. Вас несильно задело, корабль был уже далеко – а поражающая сила тех славных плевков прямо пропорциональна квадрату расстояния до цели, это же школьный курс...

– И кто в меня стрелял?

Некто за спиной тяжело вздохнул, и на этот раз совершенно точно зашуршали крылья.

– Да какая разница?!.. Нет, все же вы еще не готовы. Прощайте, граф. До, надеюсь, скорой встречи.

Воздух прямо перед Сварогом *распахнулся*, раскрылся, как трещина в орехе, и оттуда, из бездны, хлынул ослепительно черный свет, настолько *черный*, что Сварог непроизвольно зажмурился.

...И открыл глаза не сразу. Сначала прислушался. Человеческих голосов не услышал. Равно как и иных звуков, указывающих на чье-либо присутствие:

посвистывания там, посапывания, шевеления, скрипа стульев или шарканья подошв. Вместе с тем не наблюдалось и полного, тотального, в своей абсолютности завораживающего и пугающего беззвучия, как давеча в океанской пучине. Эфир отнюдь не молчал. Откуда-то издали доносились то ли хлопки, то ли шлепки, следовавшие друг за другом через равные и короткие промежутки. словно с методичностью робота выбивают белье... или... или забортная вода оглаживает корпус рассекающего ее судна. Из того же далека долетал ровный беспрестанный гул, напоминающий жужжание рассерженного жука. Намного ближе к Сварогу раздавалось мерное (и мерностью своей несовместимое с человеческими действиями) поскрипывание. Причем поскрипывало, что называется, в разных местах: и над головой, и слева, и в ногах. Короче говоря, все вместе взятое наводило на мысль о плывущем корабле. Ну, слава Богу...

И еще в звуковую картину вкраплялся гораздо более близкий, чем шлепки и гул, шум. Что-то до боли знакомое... Льющаяся вода? Во всяком случае, похоже. А это что? Показалось, или действительно что-то приглушенно звякнуло и за этим последовало неразборчивое восклицание?..

К анализу ситуации подключилось обоняние. Пахло, надо сказать, недурственно. Приятственно пахло, надо сказать. Над Сварогом плавали ароматы крепкого мужского парфюма, свежего белья, слегка припахивало хорошим табаком... а еще ноздри щекотал тот трудно поддающийся описанию, но всегда безошибочно отличаемый от прочих запах моря.

Тело же чувствовало комфорт. Мягко снизу, удобно голове, до подбородка прикрывает нечто одеялоподобное. И еще тело ощущало едва заметное, ласковое покачивание.

Значит, все-таки корабль. Будем надеяться, тот самый. Впрочем, и «тот самый» может находиться в разных руках...

Кстати, о руках. Сварог легонько пошевелил конечностями. Ну да, свободен. Это отрадно, хотя тоже не повод прыгать от счастья: «Мы победили, мы победили!» Попутно Сварог сделал еще одно открытие, и оно... нет, не удивило, не озадачило... скажем так: самую малость смутило. Оказывается, он был гол, как Адам до сотворения Евы.

Вот теперь рекогносцировка посредством четырех из пяти органов чувств завершена. Вывод – не отыскивалось причин, чтоб и дальше притворяться колодой. Сварог поднял веки.

Сперва, как и ожидал, он увидел потолок: низкий, светло-серый, посередь которого на крюке болтался до омерзения знакомый гидернийский фонарь. Разве что этот, в отличие от попадавшихся Сварогу ранее, был раза в два крупнее, горел ярче и помещен, навроде попугая, в клетку-жалюзи. Ну да, выключатели одноразовым светильникам не полагаются, фитильков, которые можно прикрутить, чтоб не коптили, нет, значит, затемнение обеспечивают металлические створки.

Он резко сел – и, как выяснилось, сел на кровати, в белоснежном ворохе постельного белья. Белья, следует признать, отменного качества. Прямо как в графской опочивальне фамильного манора. А на подушках с пижонским размахом вышит шелковыми нитками вензель – переплетение букв «К» и «Д». Еще отметим, что кровать явно чрезмерных для военно-флотских нужд размеров. Уж никак не матросский рундук, к радости моли и жучков-короедов

набитый нехитрым скарбом, а полномасштабное, годное для нешуточных плотских утех ложе в стиле какого-нибудь сластолюбивого Людовика номер такого-то. Сварог резко свесился вниз, заглянул под ложе. Злобные морские демоны, пиратствующие ниндзя и всяческие гидернийские партизаны там не обнаружили. Под кроватью в ряд стояла оставшаяся в наследство от прежнего владельца батарея пустых бутылок, «Надо будет распорядиться, чтоб убрали, а то позорит, понимаешь», – хмыкнул Сварог и вновь сел.

От резкого движения помутилось в глазах и заныл ушибленный о палубу затылок. Сварог ощупал голову – внушительная шишка. И, как хор в древнегреческой трагедии, нытье в затылке подхватили все наличествующие болячки: ушибы, ссадины, царапины. Ну это ерунда. Это мы заклинаниями быстренько подлатаем. Главное – живы. Главное – зеленый плевок задел только краем, как совершенно справедливо заметил *некто* из сна. Нет, блин, ну и приснится же такое... Или здесь сны тоже вещице? Очень, знаете ли, похоже. Вот только вопрос: о чем они вещают?

Взглядом он пробежал по переборкам, как и в адмиральском салоне, обшитым лакированным коричневым деревом. С двух сторон смотрят друг на друга картины в толстых золоченых рамах: работа кисти местного Айвазовского, изобразившего трехмачтовую шхуну, которая среди бурных волн угодила в объятия гигантскому осьминогу и безысходно заваливалась набок, и портрет. А-а, знакомая физия! Довольно похоже намалевали, хотя мягкому подбородку, погрешив против истины, придали волевые очертания и переборщили с романтическим блеском очей. Правый нижний угол портрета пересекали строчки, утопающие в восклицательных знаках и оканчивающиеся разудалой хвостатой подписью. Не иначе дарственная надпись художника, очастливленного заказом от его знаменитости шторм-капитана Ксэнга, командира одного из самых грозных кораблей Великой Гидернии.

Недалече от портрета прижата скобами к лакированной панели какая-то неразумно длинная шпага в исцарапанных, древнего вида ножнах, под ней пристроен календарь... Хм, весьма любопытный, надо отметить, календарик. В том, какой сегодня на дворе день, помогают разобраться жирные черные крестики, которыми бывший обитатель этих хором зачеркивал прожитые дни... Прямо как солдат-срочник, изнывающий по дембелю. Так вот: перечеркнутые числа позавчера как закончились. Новые цифры во главе с красной единицей (можно догадаться, что день высадки непременно станет воскресеньем) ждут своего часа в «подвале» длинного, как плавание через океан, листа. А между старыми и новыми числами, между зачеркнутыми и нетронутыми – в большом количестве заготовлены пустые клетки. И две пустышки уже перечеркнуты – ага, следует так понимать, идет второй день увлекательного плавания в нулевом году. Мы окунулись, согласно гидернийскому времяисчислению, в безвременье, где нет ни дней недели, ни чисел месяца. Какой-то неправильный подход, дорогие товарищи, вы не находите? И нам придется ждать нового временного цикла до тех пор, пока гидернийцы не соизволят высадиться на Граматаре? А ежели мы несогласные?..

И еще один предмет удостоился быть вывешенным на стену: карта под стеклом. Старинная – если, конечно, не умелая подделка под старину. Бумага в трещинах и разрывах, с одного угла обгорелая. Нарисован на ней материк незнакомых очертаний, а вокруг всюду резвятся намалеванные звери самого

что ни на есть фантастического пошиба. Целый зоосад невиданных тварей. Иные тесно сплетены, иные заслоняют друг дружку, рычат, грызутся, бодаются. Зверюшки все больше незнакомые, разве что вон дракон или козел, правда, с заячьим хвостом, – а вот дальше пошла такая жуткая помесь всех со всеми, что невольно закрадывается подозрение: уж не карта ли острова доктора Моро висит тут на видном месте? Ну а если серьезно... если серьезно, то наверняка неведомый топограф фантастическими гибридами аллегорически обозначал течения, ветра, впадины, мели, а также рельеф, ландшафты и прочее – похоже, по-другому обозначать не обученный. М-да, чтоб прочесть такую карту, поди, мало быть просто топографом и в придачу зоологом – еще надо знать вивисекцию и разбираться в древней мифологии не пойми какой страны...

Карта, как и шпага фамильная – небось реликвия, что-то вроде от прадеда к деду, от потомственного моряка к продолжателю династической традиции.

Каюта – а дедукция, завещанная мистером Холмсом, подсказывает, что перед нами капитанское обиталище – располагала двумя дверьми. Та, что напротив кровати, несомненно вводит в коридор, а куда ведет вторая, которая значительно уже и ниже первой, Сварог, в общем-то, тоже догадался.

За спиной – он оглянулся – иллюминатор, открывший графскому взору полную морскую лепоту, усладу для мариниста. Бледно-зеленая океанская равнина, покрытая кружевами «барашков», не ходила ходуном, не обдавала девятymi валами, а размеренно перекатывалась невысокими горбами. Впору самому хватать пастельные карандаши и запечатлевать бугры морские...

Стоять. Из какой такой шкатулки выскочили эти «бугры»? В высшей степени неслучайные... Ну да, как же, как же. «Не ходи на бугры морские», – некстати или, наоборот, кстати пришли на ум слова, вернее, бредни юродивого, которого они с Клады повстречали на пути в город Митрак...

Так, шаур здесь. Вон он, поблескивает на прикроватной тумбочке. А за его рукоятью багровеет рубин. Бумага Ваграна где? В кармане. Значит, что? Значит, вокруг *свои*?

Сварог соорудил себе утренний набор джентльмена – кофе и сигарету. Вполне допустимо, поправился граф, не утренний, а дневной. Кстати, проникающего в иллюминатор света хватало и без гидернийского светильного чуда. Что, уже день? Интересно, сколько ж он провалялся в забытьи? Судя по отсутствию грохота тонущего континента и дымов снаружи, корабль отделился от опасного берега на изрядное расстояние. Теперь бы выяснить – на какое. И куда это мы направляемся. Скорость, судя по всему, не очень большая... Но выяснять ничего не хотелось. Тело окутывала ласковая истома, душу – спокойствие и умиротворенность, а разум – абсолютный пофигизм. После, все после. А вот фонарик можно было и затемнить, просто кому-то лень было морочиться с залезанием на стул и с кручением рычажков. Понятно – кому именно лень, вон знакомая одежда брошена на кресло...

Сварог, попивая кофе, свесил ноги с постели с той стороны, где к кровати притулилась тумбочка. На тумбочке, помимо шаура, рубина и карты, лежала раскрытая тетрадь. Ее, а не оружие взял в руки Сварог и положил на колени. А на место тетрадки определил кофейное блюдо, превращенное в пепельницу.

Мягкая, явно дорогая кожа переплета ласково и приятно, как холеный кошак, терлась о ладони. Да и бумага на тетрадь ушла не из дешевых, не из ма-

кулатурной переработки – белее белого, с хрустом перелистывающаяся, одно удовольствие на такой писать.

Бегло просмотрев записи, сделанные образцовым, как шеренги прусских солдат, почерком, Сварог уяснил, что он держит в руках. Не судебной журнал, как он сперва *подумал*, – личный дневник капитана, пардон, шторм-капитана Ксэнга. Наверное, мастер Ксэнг открыл для себя истину, что он живет в судьбоносное время великих перемен-переломов и потому не может не оставить потомству, будущим Ксэнгам, увлекательного рассказа о последних днях одной великой эпохи и первых днях эпохи еще более великой.

Сварог раскрыл тетрадь на последней записи.

«Сегодняшний день вновь наполнил меня небывалой гордостью за свою страну. Прими, Тарос, мою благодарность за то, что мне выпал счастливый жребий стать по праву рождения подданным Великой Гидернии. Однако не в первый раз я задаю себе вопрос: одно ли везение тому причиной? И все больше склоняюсь к тому, что не одно... Сегодняшний день снова навел меня на размышления о теории астроморфизма. Отбор вершится на небесах. Там выносят приговор, кому быть, кому не быть. Решают, глядя на дела отцов и матерей. Мы зарабатываем для своих детей право быть гидернийцами. Дети достойных родителей, получающие их кровь, дети, которых ждет воспитание в добродетельных семьях, где живет подлинный гидернийский дух, – они и только они допускаются быть рожденными. Мертворожденные младенцы, дети, которым суждено прожить недолго, – вот отбраковка в этом отборе. А также рожденные больными, уродами, умственно неполноценными (думаю, это специальная кара за особо тяжкие прегрешения родителей) – то есть те, кого справедливо и мудро двести тридцать лет назад повелел „вывозить на глубины и топить вместе с щенками, кошками и прочей мусорной грязью“ своим указом король Инруан. Право же, я не буду удивлен, если в недалеком будущем теория астроморфизма найдет научное подтверждение. Читая эти строки я порекомендовал бы обратиться к трактату основоположника астроморфизма Прата Брольтэнга „Откровения, написанные облаками“».

– Всенепременно, – пробурчал Сварог.

«Возвращаюсь к дню сегодняшнему, – писал далее образованный гидернийский капитан. – Наблюдая, как горят деревянные тоурантские башмаки, на которых в глупой самонадеянности эти людишки мечтали одолеть океан, глядя, как неразумно они ведут себя, предпочитая мучительную смерть в береговом огне легкой и быстрой смерти от пули, я представил себе, что было бы, доплыви они до гидернийского Граматара. Не надо быть Акумелой-Придумщиком, чтобы вообразить ту картину. („Что за Акумела такая, почему не знаю?“ – подумал Сварог.) Эти существа стали бы воспроизводить ту убогую жизнь, что вели на Атаре. Для чего каждый из них живет? Жрать, пить, спать, испражняться и плодиться. Ничего более. Жизнь без Цели оправдывает лишь существование тварей неразумных и бессловесных. Человек без Цели пуст, как соломенная кукла. Зачем тогда ему жизнь и чем она отличается от небытия? Такая же пустота. Цель же очевидна для любого *развитого* человека – общее дело, общее величие. Кто называет Гидернию злодейским государством, забывает о том, что Гидерния раз в столетие неизменно предлагала свой патронат всем без исключения странам. Подчинение нашему королю, соблюдение гидернийских законов позволили бы со временем потомкам ныне живущих не-

гидернийцев стать полноправными подданными нашего короля... Но никто не согласился. Так кто же виноват, что им не суждено ступить на землю Граматара? Если тонущему человеку протягивают руку, но он за нее не хватается, то кого следует винить в его гибели? Неужели протянувшего руку – за то, что, видите ли, не вытащил утопающего силком из воды? Этим атарским существам не суждено достигнуть величия, им не суждено испытать счастья *приобщенности*, когда твоя капля, сливаясь с тысячами других капель, образует море. Приблизить, а может быть, и самому дожидаться восхода истинного Величия: достижение долголетия, а вслед за ним бессмертия, возвращение умерших из Океана-Без-Берегов, странствия по тропам, где никто никогда еще не был...»

– Так, так, – пробормотал себе под нос Сварог, – уже теплее. Если это не метафора, то капитан явно имеет в виду не простые тропы, а те самые – Тропы. В тетрадке, пожалуй, есть смысл покопаться на досуге. Глядишь, Ксэнг где и проговорился об аппарате, пусть просто намекнул на его существование – а это уже ниточка, или намекнул на существование какого иного подступа к Тропе...

«Не долее чем через час, когда вернется с берега мастер Р., я отдам приказ на отплытие. Что я буду ощущать, оглядываясь на уходящий под воду Атар? Наверное, то, что план „Гидерния без скверны“ близок к завершению...»

На этом последняя запись заканчивалась. Тетрадь была исписана на треть, и больше уж ей не суждено пополниться измышлениями мастера Ксэнга. Сварог полистал капитанские мемуары, выискивая взглядом ключевые слова. Ага... Глаз наткнулся на небезынтересное слово «острова». Уж не о тех ли самых речь идет?

«...Человека за бортом заметил баковый наблюдающий. В подзорную трубу я разглядел голову над водой, накрытую, как капюшоном, черной материей, и руки, которые до запястий облегла все та же материя. Недалеко от места, где был замечен человек за бортом, растеклось по поверхности радужное пятно, напоминающее масляное. Иных признаков кораблекрушения, если пятно можно отнести к таковым, осмотр в трубу не выявил. Человек плыл, плыл умело и плыл не в сторону острова. Остров, обнаруженный нами по системе Вахлонда, перемещался с той же скоростью и в прежнем направлении. Посоветавшись с мастером Р., я приказал изменить курс. Мы сошлись на том, что остров, единожды обнаруженный, сможем отыскать и вновь. Пловец же мог утонуть или пасть жертвой хищной рыбы. А человек за бортом мог сообщить нам ценные сведения о тех же островах. Тем более – откуда он мог взяться в открытом океане, если не с одного из островов?

Я приказал готовить к спуску на воду катер. Расстояние до пловца в момент обнаружения составляло около четверти кабелота. В одной десятой кабелота от человека я намеревался дать „самый малый“ и спустить шлюпку.

Меня сразу заинтересовало не только то обстоятельство, почему человек плывет не к острову, а еще и то, что человек плыл быстро, работал руками и ногами изо всех сил, словно честолюбивый матрос, бьющийся за главный приз на водных состязаниях дивизий. Заметив наш корабль, не мог же он все-речь рассчитывать скрыться от него?

Мы преодолели первые каймы дистанции между кораблем и человеком, когда человек ушел под воду. Совершенно в том уверен – он сознательно ныр-

нул.

– На градус выше, мастер шторм-капитан, – вдруг произнес мастер Р., который тоже не отнимал от глаза подозрную трубу.

Я переместил окуляр в указанном направлении и увидел примерно в пятнадцати каймах от места, где только что находился пловец, погружающийся в воду предмет. Скорее всего, хвост подводного существа. Но изогнут он был под прямым углом, с утолщением на конце, и утолщение это блеснуло, как стекло на солнце. Пловец над водой так и не показался...»

«Подводная лодка? – изумился Сварог. – Во дела! Здесь же и обнаружение островов по какой-то хитрой системе. Короче говоря, загадки ходят косяками. Касаемо подлодки, если предположить...»

Дверь ванной распахнулась. Она перешагнула порог, ступила босыми ногами на черно-красный ковер капитанской каюты. Полотенце, по обыкновению всех помывшихся женщин всех стран, народов, планет, цивилизаций и миров, обвивало голову наподобие чалмы. Было и другое полотенце, закрывавшее тело от груди до колен.

– Ага, мы проснулись, – произнесла Клади с загадочной интонацией.

Сварог – все-таки не пристало дворянину и королю встречать даму совсем уж в неподобающем виде – подтянул одеяло, прикрывая наготу.

– Я смущена, мастер граф, – потупив взор, произнесла баронетта невинным голоском. Видимо, не от чего-то, а от чрезмерного конфуза Клади не совладала с нижним полотенцем, и оно соскользнуло с необсохшего тела. – Видите, как я волнуюсь. Одна, рядом с раздетым до полного неприличия мужчиной...

Не слишком спеша, Клади попыталась вернуть полотенце на прежнее место. Уж лучше бы не прикрывалась вовсе, потому что – ну конечно же, так вышло совершенно случайно, – заново обернувшись полосатой льняной тканью, она оставила Сварогову взгляду (который никак не хотел перебежать на иные предметы – скажем, на портрет капитана Ксэнга) белый бугорок с коричневой виноградинкой соска, скульптурно безукоризненный изгиб бедра, капли воды, прочерчивающие мокрые дорожки на нежной коже живота... Да, выходит, не сумела мужская братия сберечь от женщин великую тайну: что не так распалает сама нагота, как полуобнаженность, будоражащая воображение... и не только воображение.

– Моветонно для незамужней баронетты очутиться в такой пикантной ситуации, вы не находите? Бросает тень. Могут пойти толки, начаться пересуды в сферах... – Мелкими, покорными шажками японской женщины Клади приближалась к кровати. – Пострадает женская честь. – Она тяжело вздохнула. – Вам, мужчинам, конечно, все равно. Для вас это лишь очередное забавное приключение, которое можно потом рассказывать вашим друзьям за бокалом вина, а те при этом будут громко гоготать.

Отлетело в сторону второе, верхнее полотенце, выпуская на волю светлые шелковистые волны.

Сварог тайком вздохнул, поняв, что не начать ему день с обстоятельных расспросов: «Где мы, куда плывем? Какой держим курс? Каковы потери? Как наши орлы? Кто рулевой и где поселились тоурантцы?» Потому что на его дурацкие вопросы она ответит своим женским вопросом: «Кого ты больше хочешь, меня или новостей?» И не ответишь же женщине: «Я умираю, дорогая, хочу новостей». Проще уж самому себе исцарапать лицо. И стало быть, не про-

ще ли вообще обойтись без ненужных разговоров? Тем более все меньше и меньше его интересуют новости. Что поделатъ, инстинкт, понимаете ли, который не заглушило касательное попадание магического плевка, берет свое со всевозрастающей силой.

– Пропала честь, пропала юная баронетта, совсем пропала в объятиях коварного обольстителя, – сказала юная баронетта, отбрасывая одеяло с чресел коварного обольстителя и опускаясь на колени.

«Кто из нас пропал, это еще вопрос», – подумал Сварог, прежде чем забыл думать обо всем.

...Полетела на пол тетрадь капитана Ксэнга. И Сварога утянуло в теплый водоворот, которому не хотелось сопротивляться. Он опять тонул – но на этот раз в теплых и влажных касаниях, в шепоте и столах, в переплетении пальцев и тел, в изгибах и жаре ее тела, в сладкой пустоте...

«Интересно, сколько ж я проспал...»

– Скажи-ка мне, – произнес Сварог, когда понял, что вновь обрел дар речи.

Клади приложила к его губам палец.

– Подожди. Ты же проголодался? Или, – ее зеленые глаза блеснули озорными искрами, – мастер граф не сумел нагулять аппетит? Я, между прочим, голодна, как тысяча тигриц. Не соблаговолит ли мастер граф отзавтракать вместе с юной баронеттой? Только давай обойдемся без твоих дурацких булочек.

Не дожидаясь согласия Сварога, Клади вскочила, подбежала к двери и несколько раз дернула за витой шнурок, подвешенный у косяка.

– Как в замке барона Таго, – вздохнула она. Обернулась. – Сейчас вы получите свой завтрак, мастер граф. Завтрак для героя.

Глава шестая

Завтрак для героя. Версии и открытия

Сварог встретил их, как и подобает капитану: одетым, выбритым до синевы, застегнутым до последней пуговицы, подтянутым и серьезным, стоя в позе капитана Немо – со скрещенными на груди руками, под картиной с гибнущим парусником. Разве что трубки в зубах недоставало для полноты образа да грозно насуспенных бровей.

Боевой подруге капитана пришлось облачиться в свой зеленый охотничий костюм – пусть старательно очищенный от грязи и пепла, однако все ж таки несколько поизносившийся в походах; Клади в нем смотрелась этаким амазонкой, с тяжелыми боями вырвавшейся из плотного кольца окружения... Увы, ничего подходящего для нее во встроенном шкафу не отыскалось – там были прописаны только походные и парадные мундиры шторм-капитана Ксэнга да затесавшийся среди них Сварогов камзол, потрепанный и изорванный значительно больше зеленого охотничьего костюма. Надо сказать, Сварога наряд спутницы вполне устраивал, однако известно, что у женщин с одеждой особые отношения.

– Я скоро возненавижу себя в этих зеленых тряпках, – сказала Клади, закалывая собранные в хвост волосы невесть откуда добытой заколкой. – Сколько можно разгуливать Политеей-охотницей!..[112] Тебе, между прочим, тоже не мешало бы сменить костюмчик. Во-первых, как в других мирах, не знаю, а у нас на Атаре боевыми кораблями священники обычно не командуют. Мы-то, конечно, привыкли, а вот неподготовленные тоурантцы будут, мягко говоря, в недоумении. И во-вторых, мы теперь моряки, а не охотники и не летатели по

воздуху, стало быть, и костюмчики должны подходить к обстановке. – Она ненадолго задумалась, прикрыв глаза. – Что-то сапфировое или бирюзовое, с вкраплениями желтого. Или лазурное с оранжевыми вставками.

Сварог вынужден был признать, что некая правота в ее словах присутствует – во всяком случае, в пункте первом. Священнослужителей тоурантцы, возможно, тоже офигенно уважают, но уж точно не за умение командовать броненосцами. К тому же возможны всякие глупые недоразумения. В горячке, дыме с пеплом и полумраке схватки на цвета его камзола, конечно, никто внимания не обращал. Сейчас же, пока не разберутся, еще и проходу, того и гляди, давать не будут, начнут бухаться в ноги: «Батюшка, дозвожь исповедаться, грехи отпусти, окрести ребеночка, освяти наш брак...» Ладно, решил Сварог. И переделся в наименее навороченный из мундиров шторм-капитана.

В дверь постучали, и, без положенного «добро на войти», дверь распахнулась от доброго толчка извне.

– Салют мечом, кронг-адмирал Сварог! – в проем порывистым ветром ворвался радостно скалящийся наследник гаэдарского престола Олес, в каждой руке сжимая по плетеной корзине.

– Молокосос и невежа. Привык в своих замках вламываться куда захочет без спросу... – раздалось следом знакомое ворчание, и в каюту чинно ступил суб-генерал Пэвер. – В штрафники бы тебя на месяц, да меня командиром...

Но извиняться за младшего по званию суб-генерал не стал, вместо того зычным голосом командующего парадом поприветствовал Сварога:

– Здравия желаю, мастер раненый граф! Ага, вижу, идете на поправку, отлично. Ну да, с вашими-то способностями... Так, так... – И Пэвер завертел головой, видимо, любопытствуя, как же выглядят покои флотского военачальника.

Сухопутный вояка осмотром остался заметно недоволен. Что-то, видать, не сошлось с его представлениями об апартаментах, подобающих командиру боевого корабля. Он неодобрительно покачал головой и раздраженно поправил пояс с оружием (там, слева, красовался прежний меч, справа был подвешен штык, справа же просунут кремневый пистоль).

Звякнуло в корзинах, которые молодой князь определил у стены под откидным столом, тут же его и откинув. Из навалов снеди, из залежей фруктов, как головы гадюк из мха, торчали горлышки винных бутылок. Их-то первым делом под одобрителный кивок Пэвера принялся извлекать Олес.

– Нога как? – спросил Сварог.

– Отлично! Вы бы видели здешний лазарет, капитан – мертвого поднять можно...

– Это точно, – подтвердил Пэвер. – Нам бы такой в шестой полк – и еще не известно, чем бы война закончилась...

– А вы-то как, мастер Сварог? – поинтересовался князь. – Мы и вас хотели в лазарет определить, но баронетта изволила воспротивиться...

– Капитана в капитанской каюте и стены лечат, – бросила Клади. – Сам видишь, здоров командир.

– Ну, вроде да... – Олес оглядел Сварога с ног до головы. – Как думаете, чем это по нам шарахало?

– Да пес его знает, – искренне ответил Сварог. – Какие-то магические штучки... Корабль-то цел?

– Слава Пресветлому, хранит нас Господь... Трубы лишились, но и на трех идем уверенно. Больше никаких повреждений. Что это было, не знаю, но оно сгнуло.

«Не уверен», – мрачно подумал Сварог.

Молча поклонившись на пороге, в каюту зашла черноволосая женщина, Чуба-Ху. Последним, чуть запоздав, появился Рошаль, еще раз выглянул в коридор и тщательно запер за собой дверь. Был он в неизменном, некогда роскошном коричневом балахоне, будто его в теплой каюте пробирает озноб. «Да уж, – подумал Сварог, – свою хламиду он поменяет лишь точно на такую же – с потайными карманами и карманчиками...» И констатировал:

– Нуте-с, вся команда в сборе. Потерь нет, никто серьезно не ранен. И, судя по вашим довольным лицам, кораблик наш. – Он подмигнул своему бравому экипажу. – Что-то не слышу заверений в собственной гениальности и прирожденном таланте флибустьера.

– Лично у меня нет слов, граф, – только развел руки суб-генерал. – Преклоняю колена...

– Зато у меня есть, – высокомерно перебил Рошаль и повернулся к Сварогу. Удивительное дело, но в его рыбьих глазах появилось нечто, что с натяжкой можно было бы назвать человеческими эмоциями. – Мастер капитан, до последнего момента я, каюсь, не верил, что ваша затея с захватом этого...

– Ладно, голуби мои дорогие, отставить, – великодушно махнул рукой король далеких стран. – Я понял. Давайте к делу. Вопрос первый: кто в лавке остался? Мы ведь, я так понимаю, плывем?

– Как поплыли, так и плывем, остановок не делаем, – Олес разворачивал завернутые в бумагу бокалы. – А в рубке сейчас дож распоряжается.

– Дождь? – повернулась к нему Клади. – Мне отчего-то казалось, что он остался на берегу.

– Это другой дождь, – Пэвер остановился перед шпагой, потрогал ножны. – Они без дождя не могут. Сразу выбрали нового. Едва закончили с ритуалами... Следует признать, тоурантцы поступили мудро. Подобрали самого подкованного в морском деле – некоего Тольго, который пять лет ходил по Руане старшим матросом на «Герцоге Джунгаре».

Выборы дождя, ритуалы, курс, которым следует «Адмирал»... Гроздя вопросов – выбирай, с чего начать. Да, многое Сварог пропустил...

– А дождь не... – Пэвер многозначительно посмотрел на Рошаля, присевшего на стул в уголке каюты.

Бывший княжеский охранитель, уловив недосказанное, скупно ухмыльнулся:

– Тольго под присмотром, не беспокойтесь. При нем помощником приставлен Рорис из рода Бамо – рода, который всегда соперничал с родом Тольго за власть в Клаутэне. Рорис и на этот раз стал бы дождем, если б выбирали, как обычно – исходя из заслуг фамилии перед доменом...

Браво, выходит, и охранитель времени не терял, занимался прямым своим делом. Поди ж ты, уже установил, кто на кого зуб имеет, кто за кем присматривать станет... Из сказанного получается, что он этого Рориса из семьи Бамо уже вербанул в агенты, сыграв на противостоянии родов. Неплохо.

*Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле, —*

*Рад он пристани родимой
На незыблемой скале... —*

негромко пропел Олес, увлеченно вкручивая штопор в матовую бутылку.

– Хватить орать, испытуемый, – сказал Пэвер, снимая со стены шпагу. – Я и так уже оглох от пальбы, землетрясений и воплей храбрых тоурантцев...

– Которых я бы не рекомендовал в глаза именовать тоурантцами, – бросил Рошаль. – Мне удалось установить...

(Пэвер рекомендаций Рошалья не слушал. Он отошел в сторону, держа шпагу обеими руками на уровне груди, будто намеревался вручить ее кому-то в качестве именного оружия. Остановился точно под фонарем, наполовину вытащил клинок из ножен и внимательно, как энтомолог в засушенную бабочку, вглядывался в потемневшую сталь, бормоча себе под нос то удовлетворенно: «так, так», то загадочно: «ага, ага», а то и потрясенно: «ах, в этом смысле...». Клади тихонько заглянула ему через плечо.)

– ...что ввиду исконно натянутых отношений между Тоуром и доменом Клаустон, жители означенного домена считают намеренным оскорблением, когда их называют тоурантцами. Их следует звать клаустонцами или клаутэнцами. Чревато, знаете ли... – не обеспокоенный уменьшением количества слушателей занудно продолжал Рошаль.

– Да ладно вам, Рошаль, лекции читать! – поморщился Олес, взмахнув штопором с навинченной на него пробкой. – Не в Гаэдаро. И папаша мой, чтоб ему в адских подвалах пожарче горелось, колпаком уже не прикрывает.

«А у нас все по-прежнему, – умилился Сварог, взяв со стола бутылку вина и разглядывая этикетку. – Как они без моего присмотра умудрились не перестрелять друг дружку, ума не приложу. Видимо, были заняты очень *посторонними* делами...» Он сознательно *отпустил* разговор – чтобы почувствовать, какие произошли изменения и сдвиги в климате вверенного ему обстоятельствами экипажа. Так настройщик бренчит на пианино незатейливую мелодийку, при этом сосредоточенно вслушиваясь, где какая клавиша западает и какая нота фальшивит. Однако хватит оперных арий, импровизаций на тамбуринах и прочих сольфеджио, все уже ясно. Сварог поставил на стол бутылку, на чьей этикетке стояла печать военно-морского интендантства Гидернии. Вино называлось «Звезда Граматара», под названием имелась приписка: «Из личных погребов мастера Гроха, королевского флота Гидернии поставщика со времен короля Малдага Светоносного».

– Ну вот что, непобедимая Первая морская конница! – сказал Сварог уже другим голосом. *Внушительно* сказал. Чтоб сразу уяснили требуемый настрой. – Отставить балагурить, слушай сюда! Праздничные завтраки, «гром бокалов раздавайся», «лейся песня» и «за победу мы по полной осушили» – все отставить до поступления команды «можно». Сейчас же последовательно и четко... Мастер суб-генерал!

Пэвер не слышал, с головой уйдя в изучение шпаги, и увлек за собой Клади – что-то показывал, что-то нашептывал.

– Мастер суб-генерал! – еще раз воззвал Сварог.

А с мастером суб-генералом творилось неладное. Вот он прикрыл глаза ладошкой, отвел руку театральным жестом, поднес шпагу к самому лицу, едва не касаясь носом клинка, и уверенно произнес, будто гвозди вбивал:

– Да, да, да.

– Не может быть, – выдохнула Клади.

– Она. – Пэвер отбросил в сторону пустые ножны, вскинул шпагу над головой, словно вел батальоны на штурм бастионов. – Она, чтоб моим яйцам болтаться вместо флага! Простите, баронетта, но чугунное ядро и двадцать тысяч разрывных патронов мне в зад, если это не она!

Пэвер опустил шпагу, уткнул острием в ковер, перехватил за трехгранный клинок под эфесом. Обвел каюту слегка помутненным взглядом.

– Вы хоть понимаете, что у меня в руках! Кроме того, что это шпага придурковатого адмирала Фраста!

Такого Пэвера Сварогу видеть не доводилось. Даже когда суб-генералу был предъявлен шаур, даже когда суб-генерал узнал, что порог его дома в Митраке переступил человек, совершивший путешествие из другого мира, мастер Пэвер выглядел менее потрясенным.

– Это клинок Лано-Безумца! Гидернийские задницы, конечно, ни о чем не подозревали, ха-ха... А я нашел! Ради одного этого стоило удирать из Митрака, шваркаться об землю в железном ящичке и едва не поджариться в лаве!..

Бросив раскладывать фрукты, молодой князь бросился к Пэверу и чуть ли не вырвал у того шпагу.

– Чуть собачья, – отрезал Рошаль, но тем не менее и он поднялся, с явственным любопытством вытягивая по-куриному шею.

Сварогу стали вдруг близки ощущения учителя, вернувшегося в класс после болезни и обнаружившего, что детей как подменили. Оставалось только подойти к суб-генералу и отобрать у него игрушку, как учитель отбирает какую-нибудь плевательную трубочку у заигравшегося хулигана. Да еще и линейкой по затылку треснуть... Сварог и Чуба, единственные, кто ни рожна не понимал. Чуба-Ху подошла к столу и продолжила славное дело молодого князя: доставать провизию из корзин, расставлять, нарезать...

Сварог налил себе «Звезды Граматара», отпил. Недурно. В меру терпкое, чуть сладкое, букет не без изысканности.

Со стороны шпаги раздавались возгласы и комментарии:

– И что с того!..

– Строка из «Прощания Рогнега»...

– А помните еще это:

*Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон...*

– Ну да, ну да... Ведь по заказу Фраста...

– Ты на клеймо глянь, бестолочь княжеская, да родители прапрапрабабки Фраста тогда еще в куколки играли...

– Да, это точно его клеймо, я листала «Историю оружия», мне Динар читать давал...

– Не поминайте в приличном обществе, баронетта, этого лихоимца, Навакова груша ему вместо яйца...

– Мастер Пэвер!..

– Молчу, баронетта, виноват, взволнован...

– Ты когда-нибудь встречал такую сталь?

– Древние предметы...
– Стал бы мастер Лано ставить клеймо на древний предмет...
– Перечитайте «Архивы Оружейной палаты Трех башен»...
– Странно. Люди зачастую относятся к оружию как к живому существу, – негромко сказала Чуба-Ху.

– Очень верно подмечено, – согласился Сварог. – Люди – они вообще звери странные, малоизученные... – Отставив бокал, он направился к стихийному клубу любителей древностей. – Ну и что означает сие кипение безудержных страстей, мастера и баронетты?

– Ты что, не слышал о Битве Начала? О Зверь? О Лано-Безумце? – изумилась Клади, полыхнув изумрудом широко распахнутых глаз. Но тут же спохватилась: – Впрочем, да, конечно, откуда...

– Шпага из костей Зверя, – доложил Пэвер, нежно поглаживая эфес.

– Похоже на правду, – признал Рошаль. И скривился, как от зубной боли: – Еще и это...

– Так, а теперь без прыжков под потолок и таинственных недомолвок. Конкретно и предметно, как на утреннем разводе, – потребовал Сварог. – В чем дело?

Рассказывали сообщая. Главную партию вел Пэвер, но его постоянно дополнял Рошаль, тоже неплохо разбиравшийся в истории Атара, Олес приводил строки из баллад, Клади, когда дело доходило до версий, прямо-таки засыпала версиями. А Сварогу приходилось дирижировать этим хором, чтобы добиться связности и вразумительности.

Ну, в общем, рассказали. Поведали историю, которая скорее могла бы сойти за вымысел, за плод коллективного мифотворчества, если бы не набиралось прямо-таки в избытке прямых и косвенных доказательств событиям пятисотлетней давности.

...Все народы Атара сохранили память о тех сорока днях всеобщего ужаса (число дней варьировалось от дюжины до сотни, но большинство историков сходилось именно на цифре сорок). Разные народы нарекли эти четыре димейские недели по-разному: Битва Начала (Гаэдаро, Шадтар), Проклятые Дни (Бадра), Приход Зверя (Нур, Вильнур) – и так далее.

Прошло приблизительно лет пятьдесят со дня высадки на Атаре первых беженцев с Граматара. Еще только успели возвести дома, на скорую руку обнести зачатки городов частоколом, отогнать нечисть подальше от поселений, первых детей народить, уладить кое-как отношения с соседями, наметить первоначальные, еще сотни раз потом перекраивавшиеся границы... когда явился Зверь.

Чудовище, ставшее кошмаром для едва оправившихся от бегства с Граматара людей, прозвали Зверем. Зверем оно и было, но очень-но непростым.

И что любопытно. Не наблюдалось расхождений в том, откуда Зверь явился. Хотя, казалось бы, вот тебе, народная фантазия, простор для предположений. Скажем, Зверь с Атаром поднялся со дна и до поры до времени скрывался в каких-нибудь пещерах. Допустим, создан и послан Ловьядом. Наконец, пучиной морской рожден. Однако дружно сходились на том, что Зверь перебрался на Атар (или, как вариант, был переправлен на Атар) с одного из Блуждающих Островов. Либо виной всему общая и стойкая нелюбовь атарцев к гипотетиче-

ским островитянам, которые-де живут припеваючи, горя не мыкая, особенно обостряющаяся с приходом Тьмы, либо действительно что-то определенно указывало на островное происхождение Зверя. Правда, что именно указывало, народная память не сберегла.

Если отбросить поэтические преувеличения, оставив лишь всеми источниками подтверждаемые данные, то Зверь выглядел так: высотой двадцать-тридцать каймов, туловище схоже с медвежьим, густая белесая шерсть свисала до земли, передвигался на шести лапах, впивавшихся в землю когтями, что твои крючья лесосплавщиков, голова на необъятном тулове казалась маленькой, морда плоская, безноса, из пасти торчали огромные металлические клыки, не просто сабельной формы, но и заточенные тем же манером и до той же остроты, как затачивают сабли.

Зверь перемещался на удивление быстро, легко догонял бегущего человека. Он обходился без сна, но ночью двигался значительно медленнее, ночью замечал людей, лишь когда те попадали в свет, излучаемый его огромными, круглыми, немигающими глазами.

Зверь пришел убивать. Причем только людей, напрочь игнорируя зверей и нечисть, даже если последняя принимала человеческий облик. Причем он не питался людьми, не грабил их, он просто убивал их – и шел дальше. Шел наобум, выискивая следы человеческого присутствия (дороги, вырубки, поля, печные дымы и дымы костров, не говоря уж о деревнях и городах), а их он определял безошибочно. За сорок дней он успел обойти весь материк.

Убивал он, догоняя человека и наступая на него. Клыками пользовался как вспомогательным средством: для разрушения преград и домов. Пасть не действовал вовсе, хотя в некоторых преданиях, главным образом в песнях, Зверь предстает изрыгающим огонь, сжигающим все на сто кругов.

Люди бились со Зверем как могли. Но могли они, как сразу стало ясно, немного. Пули и стрелы его не брали, каменные ядра, пущенные из катапульт, не причиняли Зверю никакого вреда. Впустую пропадали выстрелы из баллист, метающих пятикаймовые копья. Копья застревали в туловище или лапах Зверя, он обламывал древки о камни и бульдозером пер вперед как ни в чем не бывало. Предания утверждают, что и магия (а люди, плюнув на запреты Пресветлого не заниматься колдовством и не якшаться с колдунами, призывали на помощь магов) оказалась бессильной перед Зверем.

Некоторые в панике грузились на корабли и покидали Атар, но, кроме как в Гидернию, плыть было некуда, а Гидерния к своему острову никого не подпускала, тех же, кто подбирался и тайком высаживался, уничтожали карательные отряды гидернийской армии.

Когда улеглась истерика, посеянная Зверем в первую неделю своих кровавых блужданий по Атару, то паника постепенно перешла в злость, а злость заставила людей как-то организовываться и думать. После чего они принялись вести на Зверя расчетливую охоту.

Однажды удалось со всех сторон поджечь лес, в который вошел Зверь, но тот выбрался из огня.

Шерсть его сгорела, Зверь превратился в обугленное черное страшилище, но страшилище живое и лютное. Люди стали заманивать Зверя в ямы, предварительно врывая в ее земляное дно затесанные колья. Заманивали так: один доброволец показывался Зверю, тварь начинала преследование, ступала вслед

за дичью на прутья, прикрывающие отверстие в земле. Человек, разумеется, погибал в той же яме, в которую проваливался Зверь. Тварь из ловушек выбиралась, впиваясь в стены своими невероятно длинными и сумасшедше цепкими когтями, но, напарываясь на колья, все же пропарывала себе шкуру и внутренности. Люди устраивали камнепады, когда Зверь оказывался в горах. Тут-то и стало выясняться, что Зверь, кем бы он ни был на самом деле, истребим. Уже не так он был проворен в беге, часто останавливался, замирал и бывало подолгу выстаивал этаким статуей посреди равнины или леса.

И однажды не смог выбраться из очередной ямы.

Яму забросали землей и камнями. Но чертова тварюга сумела как-то подобраться к краю и высунуть наружу голову. На голову обрушилось все, что принесли с собой и держали в руках люди. Когда Зверь перестал шевелиться, его полностью откопали и разодрали в клочья.

Нутро Зверя повергло людей в суеверный ужас. О подобном им доселе даже слышать не доводилось. Шкура тварюга по прочности оказалась несравнимой ни с одной кожей. Кости Зверя были сделаны из сплава, неизвестного на Ата-ре, лишь похожего видом и некоторыми свойствами на сталь, но все же сталью не являвшимся. С металлических костей содрали обыкновенное мясо, красно-белое кровоточащее мясо животного. А вот жилы, опять же немислимо прочные, привели людей того времени в полное замешательство – их описания предельно туманны, тут тебе и «серебро в оболочке», и «сверкающие нити в смоле». Еще из Зверя извлекали («выковыривая из мяса, вытряхивая из ливера, отделяя от костей») простые камни, драгоценные и совсем неясно какие, которые фольклор сохранил как «смешные капли» или «смешные камни».

В яме над останками Зверя развели гигантский костер и поддерживали его, по некоторым легендам, аж до годовщины победы над Зверем.

Конечно, каждый народ окончательную победу над Зверем приписывал своим предкам. И Тарос его ведает, чей народ в самом деле заслуживает называться народом-победителем. Зато место, ставшее могилой Зверя, было известно всем – в Запретных землях, недалеко от границы Бадры. Страх перед Зверем сохранило лишь поколение, видевшее его воочию. Следующее поколение атарцев к останкам Зверя относилось уже без прежнего священного трепета. Начиная с этого времени и задолго до того, как странной тварью всерьез заинтересовались конторы, могильник не раз разрывали, не раз вновь закапывали (взвалить на себя обязанности могильщиков пришлось бадрагцам). Что не сгорело в огне, разворовали и растащили по разным странам. Кстати, по слухам, конторам уже мало что досталось.

С тех пор останки Зверя всплывали то там, то сям. Их пристраивали не только в коллекции, но и пускали в дело – ну кому в хозяйстве не стодится сверхпрочная кожа или полосы нержавеющей стали? Не говоря уж про драгоценные камни...

И жил в Фагоре такой малость чудаковатый кузнец по прозвищу Лано-Безумец. К нему, как до того ко многим кузнецам, попали кости Зверя. И Лано-Безумец додумался... Или кто свыше фагорца надоумил, или, что называется, осенило, или, как часто происходило в истории, случай помог (случайно уронил в молоко, случайно облил кипятком, случайно помочился на заготовку – глядь, и получилось) – но вот додумался, как перековывать Звериные кости,

как придавать им свою форму. Лано стал единственным, кому за пятьсот лет удалось укротить неподатливый металл.

Раскрытым секретом кузнец, понятное дело, ни с кем не делился, даже подмастерьев тут же из кузницы всех повыгонял, чтоб ничего не пронюхали. И, как это часто случается с единоличными обладателями тайн, счастливая звезда его быстро закатилась. Неустановленными личностями Лано был похищен и запытан до смерти. Фагорский кузнец успел выковать из Звериного металла лишь браслет и шпагу.

Личное клеймо Лано-Безумца и обнаружил суб-генерал на клинке. Конечно, кузнец выковал массу шпаг из обыкновенной стали. Но Пэвер выявил, по крайней мере, три серьезные причины, позволяющие считать, что к нему попало легендарное изделие легендарного кузнеца.

Во-первых, обыкновенную шпагу адмиралу Фрасту не поднесли бы. А поднесли ее адмиралу в числе прочих даров жители прибрежного фагорского города Конверума, когда эскадра адмирала дымила под окнами конверумских домов на набережной, наводя фагорцев на невеселые думы о прямой наводке. Провинились же фагорцы перед гидернийцами тем, что ограбили торговый пароход, шедший по Руане из Гидернии в Бадру. Когда выяснилось, чьих рук работа, король Фагора быстренько открестился от щекотливого дельца, официально заявив, что гнусный и подлый грабеж – наглое самоуправство властей города Конверум, которые, дескать, давно разглагольствуют об отделении их провинции от Фагора и давно столичным приказам не подчиняются. Вот и был отправлен адмирал Фраст с эскадрой в придачу в Конверум – разбираться со сложной проблемой репараций и контрибуций.

Поскольку шпага золотом-серебром и камнями-алмазами не украшена, то ценность ее в ином. В чем именно, косвенно указывает надпись, выгравированная на эфесе: «Достойнейшему адмиралу Фрасту от Конверума, да обогатись храбростью людей Начала».

Во-вторых. На самом клинке Пэвер разглядел не только клеймо Лано-Безумца, но и строку из «Прощания Рогнега» – фагорского эпоса, посвященного борьбе со Зверем: «Храбрых повел, а трусливых погнал».

«Надпись сделана самим Лано, разорви меня кабан, – уверенно заявил Пэвер. – Обратите внимание на написание апострофа после литеры „эспато“: его отменили в начале второго века, то есть задолго до рождения придурковатого Фраста».

В-третьих. Пэвер провел ногтем по темному металлу, и на клинке отчетливо проступила полоса синеватого отлива. Это совпадало с описаниями свойства таинственного металла, из которого сотворены были кости Зверя.

Все предметы, сохранившиеся от Зверя, будь то обрывки шкуры или камни из утробы, или что угодно еще, – обладали неведомой природы силой. Если два предмета соединятся вместе – *любые* предметы, из того, что составляло некогда единое целое по прозвищу Зверь, – то эта сила всегда, *неизменно* проявляла себя. Достаточно произойти соприкосновению останков, чтобы сила вырвалась наружу и... И одним лишь Таросу с Кайкатами и Наваками ведомо, что могло произойти потом. Выброс силы проходил каждый раз по-разному.

Некий Торний из Локузора написал книгу, в которой собрал случаи воссоединений частей Зверя. Конечно, трудно сказать, насколько Торний был скрупулезен в перепроверке историй, от кого-то слышанных, где-то прочитанных,

но что точно – чтение получилось захватывающим благодаря детективной непредсказуемости каждого случая соединения частей. Пэвер и Рошаль привели несколько эпизодов из книги Торния. Например, браслет, выкованный Лано-Безумцем, достался в наследство брату Лано, а тот продал его некоему коллекционеру. А у последнего в собрании занятых вещиц уже хранился кусок шкуры Зверя размером с ладонь. И коллекционер как-то придумал обернуть кожей запястье, а поверх нее надеть браслет. В результате чего новый владелец браслета получил для своей руки силу Зверя. Этой рукой он мог раскалывать камни, заваливать вековые деревья, крушить стены, однажды стянул с мели корабль. Довольно скоро коллекционер (разумеется, *нечаянно*) перепутал желудочный отвар с крысиным ядом, браслет с его руки пропал, дома его не нашли, и след еще одного изделия фагорского кузнеца Лано-Безумца потерялся. Торний осторожно намекает в конце главы, что к несчастью с коллекционером приложила руку одна из служб, каковым предписано печься о том, чтобы новейшее оружие пополняло родные военные склады, а вовсе не склады потенциального противника.

Или вот еще: некий крестьянин, наслушавшись историй о чудесах, связанных с останками Зверя, и зная, что дома у него служит вешалкой Звериная кость, купил на ярмарке камень якобы со следами Звериной крови. Отдал за него половину денег, вырученных от продажи двух возов пшеницы. Вернулся домой. Жена успела лишь провить: «Горе мне, горе», успела схватиться за ухват, но выволочку устроить не успела... Был муж, держал в руках булыжник и железку, сверкнуло, как во время Порохового праздника – и нету мужа. Да и крышу дома снесло. А незадачливый крестьянин только что видел перед собой лицо дражайшей супруги, как вдруг видит совсем другое: под ним проносятся, сливаясь в зелено-сине-серо-белые полосы, леса, реки, озера, дороги, города-деревеньки. Потом внизу пошла одна синь, в которую его и ввергло, как копьё в болото. Выплыл как-то мужик, утопив взрывоопасные драгоценности, огляделся и обмер. Вокруг одна океанская вода и берегов не видать. Горемыку на его счастье заметили с проплывавшей мимо рыбацкой шхуны.

Сомнительной достоверности историй, подобной последней, набиралось в книге подавляющее большинство. О шпаге же Торний написал всего лишь, что, вроде бы как, выковав, Лано-Безумец тут же продал ее некоему вельможе то ли из Фагора, то ли из Бадры.

– Ваш клык, мастер Сварог, можете не прикладывать. Он, конечно, тоже от зверя, но от зверя размером с собаку, – съехидничала Клади.

Церковь толковала приход Зверя как еще одно проявление Тьмы, ниспосланной за грехи людские и все такое прочее, и призывала держаться подальше как от самого могильника, так и от вещей, из могильника добытых и грех впитавших. На кого-то, как всегда, вразумления церковников действовали.

Для атарцев та Битва Начала, предания о которой каждый слышал с колыбели, стала не просто частью героического прошлого. Почти каждая семья в каждой стране потеряла кого-то в те сорок дней. О Битве Начала не давали забыть могилы предков. Ни одна война не наносила такого урона. Гидернийцев же беда обошла стороной, вот для них-то, всегда с пренебрежением смотревших на Атар, Зверь и связанное с ним представлялось мифами отсталых народов. Как считал Пэвер, гидернийцы так и не раскумекали, что свалилось им в руки. А уж после того, как помер Фраст, шпага превратилась не более того чем

в личную вещь «великого, по их мнению, адмирала, только тем и ценную, а по моему мнению, кстати, адмиралишка этот – напыщенный и крикливый болван, флот которого разгромила бы и флотилия плоскодонок, если такую кто-то бы удосужился собрать».

Страсти по шпаге улеглись. Завершая историю, Пэвер сказал:

– А не попробуете ли гикорат, мастер Сварог? Тут кто-то очень образованный, – Пэвер, иронически вскинув бровь, покосился на Олеса, – высказал предположение, что шпага состоит в родстве с древними предметами.

Сварог пожал плечами, дескать, отчего же не убедиться, достал из кармана рубин, поднес его к темному клинку. Гикорат, иными словами – детектор предметов, созданных до первого наступления Тьмы, должен был вблизи тех самых предметов запульсировать багровым светом. Но на сей раз рубин никак не прореагировал на шпагу. Возвращая камень в карман, Сварог наткнулся пальцами на подаренный *смятым* клык.

– Ну, чтобы уж снять подозрения баронетты и избавить себя от ее насмешливого язычка... – Сварог выудил из кармана подарок юродивого. Действительно, клык величиной в полмизинца на украшение пасти знаменитой зверюги никак не тянул. – Интересное занятие, с лихвой заменяющее собирание марок и рыбалку, – ходить со шпагой и прикладывать ее ко всему, что ни...

Вспышка света ослепила, словно в каюте рванула шоковая граната.

Двумя пальцами поднося клык к темной стали клинка, Сварог почувствовал *изменения*. Сначала в подушках пальцев началось жжение, потом в них впились невидимые иглы, и тут же включилось что-то вроде магнитного поля: кость и металл потащило друг к другу.

Если б только один клык попал под неведомое притяжение, Сварог бы успел, но и шпагу непреодолимо *повело* навстречу. Все произошло слишком неожиданно. Клинок и зуб на мгновение соприкоснулись. Тут-то и шарахнуло светом.

И в тот момент Сварог ощутил наплыв колоссальной мощи извне, словно могучие волны взвились на дыбы и нависли над маленьким мирком каюты, и именно эта мощь помогла ему разнять касающиеся друг друга предметы. И стоило Сварогу разомкнуть цепь, как мощь, не успев захлестнуть, откатилась, как откатывается волна от пирса.

Люди в каюте проморгались, утерли слезы и принялись озираться. Шпагу изнутри озаряло синеватое ледяное свечение, быстро тускнеющее.

Вспышка и нутряной свет шпаги оказались далеко не единственными и во все уж простенькими последствиями шального эксперимента. На лакированном дереве стен, на двери и потолке появились полосы, словно пьяный шизофреник прошелся по ним газовой горелкой и оставил на память о себе выверты мутного сознания: бесноватое переплетение спиралей, кругов, молний, линий разной кривизны, поляны точек, дорожки штрихов. Обе капитанские картины валялись на полу, краска на них по краям вздулась пузырями. (За парусником, кстати, обнаружилась медная дверца с весьма причудливой формы замочной скважиной.) Крепеж откидного столика выдрало из переборки, и весь завтрак рассыпался по полу, из горлышек откупоренных бутылок на ковер вытекала «Звезда Граматара». Заклепки лампового крюка вылезли из гнезд наполовину, но крюк удержали. Створки раздвижного шкафа завалились внутрь, а их ручки словно посшибали добрыми ударами молотков... И

что самое то ли неприятное, то ли настораживающее – дневничок Ксэнга превратился в горстку пепла... В общем и целом, эксперимент удался.

– Водяная смерть! – пробормотал Пэвер, достал из-за пояса пистоль и принялся зачем-то внимательно его осматривать.

Слова, вырвавшиеся у графа Гэйра, присутствующим были неизвестны, однако переводить их с русского для господ, а тем более для баронетты он посчитал излишним.

– Это другое, не так... не знаю... – потрясенно проговорила Чуба-Ху, но осеклась и задумчиво замолчала.

Да, это несомненно была магия – но совершенно не та, которую знал Сварог. Совершенно другая, чужая форма колдовства...

– Ну что, подруга, – нервно рассмеялся Олес, подмигивая на Клади, – как тебе собачка с маленькими зубками? Не хочешь с такой поиграться?

– Сам-то в штаны не наложил, князек? – Баронетта, фыркнув, отвернулась от наследника гаэдарского трона, подошла к развалившейся на части тумбочке, носком сапожка принялась ворошить обломки.

Рошаль поднял карту, упавшую со стены, стряхнул с нее осколки стекла – краски на ней тоже не избежали воздействия, и старинная карта превратилась в абстрактную картину. Потом задумчиво воззрился на медную дверцу.

Былого беззаботного, шалопутного настроения экипажа как не бывало.

Сварог взглянул на зуб, с которым видимых изменений не произошло, и спрятал его в карман. Клык и шпага получались детонатором и взрывчаткой, держать их следует порознь. А чувство опасности, что характерно, промолчало... Или накат неведомой мощи вреда людям не несет? А состоявшиеся и едва не состоявшиеся разрушения можно уподобить неуклюжести рабочего слона, который нечаянно обрушивает дерево на любимого хозяина и кормильца?.. Короче, если и возобновлять эксперименты, то делать это следует не на корабле, а на суше и когда поблизости не будут толпиться зеваки. Лучше всего и самому укрыться в бункере, как на испытаниях атомной бомбы. Черт, если шпага и клык вместе образуют оружие, то не мешало бы, конечно, научиться им пользоваться...

– Значит, так, гуси-лебеди, – сказал Сварог, обводя взглядом свой бедовый экипаж, – хватит веселых экспериментов. Повеселились, и будя. Если вы мне сейчас же не доложите, куда мы плывем, то я разнесу к чертям ваше общество обожателей Зверей, а сам, аки тот Зверь, выйду невредимым из огня.

– Мы плывем за углем, – думая о чем-то своем, произнес Пэвер. Был он бледен и подавлен – видимо, и ему на ум приходили картинки несчастий, коих им удалось избежать.

– Я был прав, – добавил Рошаль и, прикрыв глаза, помассировал пальцами переносицу. – Угля действительно в обрез. Хватит от силы на полторы земли перехода – по крайней мере, так кочегары говорят... Разумно, ничего не скажешь. С неполной загрузкой топлива кораблик сможет выжать большую скорость и максимально быстро покинуть опасную зону вблизи Атара...

– Тут остались целехоньки две бутылки, и бокалы не разбились, – привлек к себе внимание Олес, к которому быстрее всех присутствующих вернулся легкодумный настрой. – Давайте, что ли, отметим, как положено, а потом и о делах поговорим...

Внимания на него не обратили равным счетом никакого.

– Все объясняется несколько проще, мастер охранитель, – с непонятной улыбкой возразила Клади, помогая Чубе собирать с пола бутылки и остатки завтрака и сваливать, за отсутствием стола, прямиком на командирскую постель. – Гидернийцы друг другу не слишком-то доверяют, вот и перестраховываются на случай всяких «вдруг». Вдруг капитан работает на другое государство и попытается присоединить свой корабль к флоту какого-нибудь Шадтага или Крона? Вдруг капитан под влиянием катастрофы подвинется умом, в нем проснется мания величия и, кого-то заразив своим безумием, кого-то заставив, он направит свой корабль прямо на Граматар, чтобы оказаться первым человеком на новом материке, занять там лучшее место, объявить себя королем, подготовиться к встрече с остальными? Безумие тоже исключать нельзя... Или – наиболее популярный в Адмиралтействе довод к тому, чтобы недозагружать броненосцы углем – вдруг капитан есть давно внедренный или завербованный агент Блуждающих Островов и ему приказано отвести броненосец на Острова...

– Как бы то ни было, – холодно продолжал Рошаль, – угля боевым кораблям, рассредоточенным вокруг Атара, выдано ровно столько, чтобы хватило добраться до точки дозаправки.

– Ага, значит, такая точка существует. И, как я понимаю, к ней-то мы и держим путь... Где она находится?

– Вот тут полной ясности нет, – поморщился Гор Рошаль. – К великому моему сожалению, мне не удалось повторно допросить высший и средний офицерский состав.

– Это почему? – насторожился Сварог.

– Мертвецов, знаете ли, допрашивать затруднительно, мастер капитан... Это всецело моя вина, остановить их мне не удалось...

– В смысле – тоурантцев остановить, – пояснил Пэвер, угрюмо разглядывая бутылки на кровати.

– Клаустонцев, – поправил Рошаль.

– Да ну вас к Наваке в зад, – отмахнулся суб-генерал. И вновь повернулся к Сварогу. – Когда, граф, стало ясно, что корабль уже бесповоротно наш и мы со всех ног улепетываем в открытый океан, к нам с Рошалем заявили целая делегация этих ребят – все серьезные, черти, как на приеме у короля. С петицией то есть пришли. Дескать, они до конца своих дней благодарны нам за то, что мы их спасли, и впредь готовы беспрекословно выполнять любые наши приказы, однако у них есть свои законы и устои, кои надлежит чтить и выполнять, иначе гордый домен погибнет, как и остальные домены. И в соответствии с оными устоями и законами возьми да и выдай-ка им офицеров, ответственных за расстрел флота и гибель сородичей, – дабы предать убийц справедливому суду через утопление...

Сварог нахмурился.

– Их было больше, мастер Сварог, – с тоской сказал Рошаль. – Их было очень много. А нас – сами знаете... Я не сумел переубедить их. Они ничего слушать не хотели – ни того, что никто из них отродясь не ходил на таких кораблях, что среди них нет штурмана, нет даже людей, которые умеют стрелять из таких орудий... Им было все равно. У них, мол, есть свой штурман, и не один, научиться палить из этих пушек смогут... да они готовы были потопить «Адмирал» вместе с собой – лишь бы отомстить убийцам. Я ничего сделать не смог.

И, короче говоря, тридцать два офицера гидернийского флота прогулялись по доске.

В каюте повисла тишина.

– Та-ак... – потрясенно протянул Сварог. – Стало быть, мы остались без специалистов. Мило... А этот грам-капитан, как его, Рабан? Он что, тоже?..

– Единственный, кого мне удалось отстоять – это грам-капитан Рабан...

– Ну, слава Богу. Уж этот-то лис должен знать курс на угольную базу – если я хоть что-нибудь понимаю в местных порядках на флоте...

Рошаль сник еще больше. Произнес едва слышно, глядя куда-то в иллюминатор:

– Я тоже так подумал... Видите ли, мастер капитан, у него в каюте был сейф – очень похожий, – он кивнул на медную дверцу в переборке. – Мне казалось, я убедил Рабана сотрудничать. Мои доводы были неопровержимы. И он согласился отдать карты, кодовые таблицы, план минных полей вокруг точки дозаправки – в общем, всю секретную документацию...

Сварог тяжело вздохнул. Он уже все понял.

– И что это было? Магия?

– Да какая магия... – махнул рукой Рошаль. – Гидернийцы всегда относились к колдовству с пренебрежением, а уж военные-то моряки и подавно. Мол, всякие там заговоры, заклинания, обереги, серебро – все это только воевать мешает... Это был пороховой заряд в дверце сейфа. Голову Рабану снесло начисто... Видимо, была какая-то секретка...

– Да уж не без того. – Сварог помолчал. – И документация, разумеется, сгорела тоже?

– Разумеется.

– Действительно, чего это я спросил... – фыркнул Сварог.

Рошаль вдруг резко повернулся к нему, глаза старшего охранителя несуществующей короны горели решимостью. Он сказал громко и четко:

– Мастер капитан, я полностью осознаю свою вину. Я человек чести, и если вы решите, что я недостоин...

– Ай, да бросьте вы, – скривился Сварог. – Ворон ворону глаз выклевал, только и делов-то. Взыскание получите, когда доплывем, и так людей не хватает... А позвольте в таком случае узнать, куда это мы так целенаправленно плывем?

– Ну, *примерный* курс известен – сто двадцать кабелотов на уздерот Гидернии, по словам некоторых низших офицеров и матросов.

– А что скажет секретный агент Гидернии?

– Доходили такие слухи, – подтвердила Клади, – что гидернийцы давно свозят уголь в определенное место в океане. Но координаты этого места – общегосударственная тайна. Да я бы все равно и не знала их, рангом не вышла...

– В общем, движемся малым ходом, наблюдающие постоянно изучают горизонт... мы нашли несколько карт и штурманских прокладок, но, однако, база на них никак не отмечена... Продолжаем искать, – подытожил Рошаль. И задумчиво посмотрел на дверцу в стене. – Капитанскую каюту, кстати, пока не трогали...

Сварог проследил за его взглядом.

– Очень похожий на *тот* сейф, говорите... А к *этому* ключ есть?

– Ищем...

– А вроде у меня есть, – неожиданно подал голос молодой князь и потянул с шеи тонкую блестящую цепочку. – Во, сдохлого капитана снял – думал, может, от сундука с фамильными драгоценностями...

Сварог, прищурившись, поглядел на подавленного Рошалья, потряс изящным ключиком у него перед носом и сказал назидательно:

– Учитесь, монстр контрразведки. Молодежь-то вам на пятки наступает...

Старший охранитель зло отвернулся.

– Э, э, граф, вы что это задумали? – забеспокоился Пэвер. – Хотите, чтоб и вам голову оторвало?

– Ну, если это не магия, то не оторвет, – скромно заметил Сварог. – Я, видите ли, граф, трудноуязвимый... Короче, делаем так, орлы. Сейчас быстренько перекусим – есть охота, сил нет, – кратенько отпразднуем победу над красотой и гордостью гидернийского флота, а потом я вас всех выгоню, к лешему, из каюты и самолично пошарю в капитанских закромах. Задача ясна? Мастер Пэвер, не ухмыляйтесь столь радостно. Клади, помоги Чубе мясо и сыр нарезать. Олес, где бокалы?

...К счастью, в капитанском сейфе никаких секреток не было – что лишний раз наводило на мысль о том, что простому особисту на борту даже военного корабля известно больше какого-то там капитана.

Содержимое же сейфа, вываленное на реставрированный стол в каюте, оказалось полезным и познавательным (по крайней мере, для Сварога, который был не бельмеса в морском деле), однако, против ожидания, никаких совсем уж поразительных открытий и сюрпризов не принесло. Содержимое было именно таким, каким и положено быть открытым судовым документам – пресным и сухим. Лист принятых на борт грузов, состав вооружения броненосца, скорость хода, дальность действия, состав гидернийского конвоя – сто шестнадцать гражданских судов под прикрытием дивизиона парусных клиперов и дивизиона спецсил (читай – одиннадцати броненосцев... Одиннадцати – ого!), названия кораблей и судов, краткие характеристики, такие-то рекомендации действий экипажа при таком-то развитии событий, при другом – такие-то. При третьем. И четвертом. И так далее, и тому подобное...

– Молодцы гидернийские штабисты, ничего не скажешь, хоть и сволочи, – сказал Рошаль, разбирая бумаги. – Все просчитали. Их Адмиралтейство, должно быть, не один месяц потратило на отработку Исхода.

– Или не один год, – согласился Сварог.

Так, дальше. Зоны ответственности, базирование мобильного штаба Адмиралтейства, базирование двора короля Трагора, силуэты всех кораблей конвоя...

– Вот, мастер капитан, – смотрите, это уже интереснее.

Сварог принял из рук суб-генерала два листка мелко исписанного текста – в конверте плотной бумаги со сломанными печатями и устрашающей надписью: «Боевое задание. Вскрыть 06.04.512 в присутствии грам-капитана корабля» – и оживился.

– Ага! Ну-ка, ну-ка...

«До 09.04.512:

Регламентные работы в порту Каран, полная загрузка боеприпасами и провиантом, частичная загрузка топливом...

10.04.512:

Отход в Час Кошки ровно. Беззигзаговый пунктир до устья реки Улак на экономическом ходу 150 крыльев.[113] Пройти за сутки...

11.05.512 – 16.04.512:

Рейд в трех кабелотах на бисту от устья реки Улак. Уничтожение скверны в пределах видимости вооружением по выбору. По исполнении – контроль за исполнением...

17.04.512 – 23.04.512:

По исполнении контроля переход до пункта дозаправки, пятьсот ходовых кабелотов от контрольной точки курсом 22. Контрольная точка – левый траверз мыса Потерянных Душ[114] в Час Лаплатога ровно. Прибытие на место дозаправки без потери хода не позднее полуночи 22.04.512. Оповещение, сигнальные флаги по коду „С“, троекратно пароль „Стрела“ дискретом бакового прожектора. Дозаправка в авральном режиме, отдых до полуночи 23.04.512...

С 23.04.512:

Следование курсом 150 полным ходом. Догон конвоя, присоединение к нему. Доклад Адмиралтейству. Боевое дежурство до окончания похода...»

– Что это вы улыбаетесь? – подозрительно поинтересовался Рошаль.

– Да вот, родным духом повеяло, – признался Сварог. – «По исполнении – контроль за исполнением», «Базирование двора» – узнаю милый сердцу командирский стиль. Как видно, ни в одном мире без таких перлов не обойтись...

Рошаль нахмурился.

– Стиль как стиль. Мне, например, все ясно.

– Да? А что такое «беззигзаговый пунктир», вы знаете? Я, например, нет.

– И я нет, – безмятежно сказал прощенный охранитель. – Но клаустонцы клялись, что у них есть толковый штурман – вот пусть он и разбирается. Зато теперь нам точно известно, что угольная база существует, нам известен курс...

– Так-то оно так, – сказал Пэвер, – но любопытно было бы узнать, не встретят ли нас около базы дружеским салютом из всех орудий прямой наводкой... Ведь насколько я понимаю, что такое опознавательные флаги по коду «С» и троекратный пароль «Стрела» каким-то там дискретом и прочие планы минных полей – вся расшифровка благополучно сгорела в том сейфе? Я не поднаживаю, мастер Рошаль, я серьезно спрашиваю...

Рошаль на мгновение прикрыл глаза. Потом сказал раздумчиво:

– Думаю, мы будем первыми. Думаю, время отхода броненосцев после уничтожения флотов других государств назначено для всех одно и то же – когда на берегу сделается соевем уж жарко и станет ясно, что больше ни один чужой караван в океан не уйдет. А мы находимся ближе всех к базе...

– Как бы то ни было, – сказал Сварог, – другого пути у нас нет? Нет. Значит, нам туда дорога.

А более ничего интересного в сейфе не оказалось – ну разве что кроме Кодекса мореплавания Гидернии и книжицы в цветастой обложке. Книжица называлась «Серебряный удар», Сварог открыл на середине, прочитал абзац вслух:

– «В голове Кирфы все помутилось при виде кошмарного зрелища. Клинок из великолепного вильнурского серебра распорол брюхо монстра от горла до паха, и едва Ларос успел отпрыгнуть в сторону, как на гранитные плиты моста

хлынули черным склизким потоком дымящиеся гнилью внутренности этого порождения мрака...» – Захлопнул книжицу, посмотрел на обложку, хмыкнул понимающе: – «Брюхо от горла до паха», н-да... Ну, тут все понятно. Стиль как стиль, как выразился досточтимый мастер охранитель... И это, заметьте, только середина романа – что-то дальше будет... – На обложке некая тварь с дюжиной щупальцев и единственным глазом, торчащим из середины шишковатой головы, как изюмина из теста, похотливо обнимала полуобнаженную блондиночку. Блондиночка отчаянно вырывалась, красиво разевая рот в немом вопле. – Национальный гидернийский бестселлер, не иначе. Штурм-капитан-то, оказывается, был человек с тонкой душевной организацией...

– А название хорошее, – вступился за литературу суб-генерал.

– Классное название. – Сварог бросил книгу обратно в сейф, порывисто поднялся на ноги. – Ладно, морские волки, по коням, время не ждет. Где там этот ваш гениальный штурман? Свистать его в рубку, за работу пора. Заодно и карту Вагранна отдадим, пусть кумекает. А что на базе нас ждет – увидим...

Глава седьмая

Пролетарии секстанта и транспорта

– Так... На траверзе Каменного Пальца[115] тридцать градусов по Волчьим Звездам... двести пятьдесят кабелотов ниточным курсом...

– Как ты траверз-то определишь, акулья морда, – проворчал дож клаустонцев, склоняясь над штурманским столом, – потоп ведь давно твой Палец.

– И то верно... Нет, постойте, скорость-то наша известна – высчитываем время до места, а там и определимся по Звездам.

– Пожалуй. Значит, ночью надо подходить, чтоб небо звездным было.

– Ну так подойдем.

– А если облачность? Видел, что вокруг творится?..

Еще вчера новоиспеченные штурманы быстренько рассчитали нужный курс на угольную базу. Оказалось, «Адмирал» отклонился от курса на несколько десятых градуса, что в масштабе океана выглядело, в общем-то, внушительно. Сварог приказал рулевому внести поправку, и теперь по всему получалось, что «точки дозаправки» они достигнут дней через пять. Если ничего не случится. Покончив с базой, штурманы вплотную приступили к Бумаге Вагранна – и погрязли в ней всеми лапами, как муха в варенье. А вот Сварог, принесший вождеденную карту в ходовую рубку, откровенно скучал. В увлеченном диалоге свежесобранного дожа Тольго и юного тоурантца с шелушащимся, будто обветренным лицом он участия не принимал по причине полного неразумения в штурманском деле, а покидать ходовую рубку считал поступком политически неверным – негоже показывать подчиненным, что ты ни хрена не понимаешь в искусстве прокладки курса... Вот и приходилось сидеть с умным видом и делать вид, что ловишь каждое слово, дабы в любую секунду вмешаться с крайне ценными замечаниями.

Штурманы на мастеров штурм-капитана и грам-капитана, слушающего их высоконаучную белиберду с не меньшим интересом, внимания не обращали: обложившись картами, они самозабвенно орудовали карандашами, линейками, измерителями и прочими курсографами, поминутно сверяясь с закорючками на Бумаге Вагранна и споря о значении того или иного на ней обозначения.

Новый дож Сварогу, в общем-то, понравился. Естественно, в дожи его вы-

брали не за одно только пятилетнее пребывание в матросах, пусть и старших, на пароходе «Герцог Джунгар». Дор из рода Тольго плывал всю сознательную жизнь, с босоногого детства и до своих сорока с чем-то там лет. Подобным мареманским стажем поразить соотечественников он, ясное дело, не мог – многие тоурантцы (про себя Сварог предпочитал называть их тоурантцами, в глаза же, по совету Рошалья, именуя клаустонцами) только и видели в своей жизни, что причалы, реи, паруса, кильватерный след, палубы рыбацких или транспортных суденышек да берега в подзорную трубу... Но, кроме Тольго, на пароход доселе не поднимался ни один.

Впрочем, одного знакомства с пароходом было недостаточно для того, чтобы стать предводителем клаустонских родов. Народ еще должен уважать своего избранника. Или бояться. А лучше и то, и другое.

Видом-то он на дожа никак не тянул. В представлении Сварога дож должен быть длинным, худым, высоколобым мужем со смуглым лицом и короткими седыми волосами. Еще желательно, чтобы лоб украшали глубокие морщины профессионального мыслителя, а голову – лавровый венец. У Тольго же была типичная боцманская наружность: невысокий, плотный, с бычьей шеей, пудовыми кулаками и хитрющими глазенками. Сразу становилось понятно, что в ухо от него получить – пара пустяков. Однако Тольго сразу показал себя и смекалистым малым, схватывал на лету и морское дело знал, как профессор математики – таблицу умножения. Ощущение хитрецы исходило не только от лукавого прищура глаз. Все его продубленное лицо со сломанным носом и с треугольным шрамом на щеке выглядело насквозь плутовским. Создавалось впечатление, что даже если он чего-то не говорит, то наверняка знает, но по каким-то причинам держит при себе. Впечатление о себе как о хитроване Тольго вольно или невольно усиливал, щедро пересыпая свою речь матросскими поговорками, пословицами и прибаутками типа «Бывает, что и килька Бумагой Ваграны хвалится, да только мы не видали», «Акулу в море не утопишь». Казалось, он по привычке битого, нахватавшегося жизни простого мужика всегда уходит с прямой, виляет, чтобы, не дай Боже, не ухватили за хвост.

– А вот это вот что за штрихпунктиры, интересно знать... – бормотал обветренный юнец, позвякивая гроздью серебряных висюлек в мочке уха.

– Э-э... в прошлом Цикле так, по-моему, обозначали теплые течения...

– Ерунда, дож, – презрительно отмахнулся юнец. – Бред свинячий. Они, видите, как идут и где обрываются? Не бывает таких течений, даже если Тьма и конец света... А, ну да, кажется, начинаю понимать...

Самое удивительное, что Тольго сносил грубость подчиненного вполне спокойно – словно так и должно быть, словно и в помине не было никакой субординации в домене Клаустон...

Мастер грам-капитан Рошаль, развалившийся в кресле рядом со Сварогом и с едва заметной улыбкой за Сварогом наблюдающий, сказал негромко, перегнувшись через подлокотник:

– Не обращайтесь внимания, мастер капитан. Малыш Кулк хоть и нагловат, но парнишка тертый и штурман вроде бы недурной.

Опять, что ли, мысли читает, сволочь глазастая?..

– Семь лет под слепым флагом ходил, – встал, потянулся всем телом тертый парнишка, услышав, что речь отцов-командиров зашла о нем, и ухмыльнулся

во весь рот. – И до Ревущего Атолла добирались, и через Огоньки Стерра трижды проходили – ничего, выжили, так что океан знаю, как язык зубы знает.

– Работай давай, язык, – нахмурился Тольго. – А то ведь без зубов оставлю.

– А слепой флаг – это как? – спросил Сварог.

Кулк смущенно потупился.

– Ну это... то есть когда вообще без флага плаваешь...

– Понятно. Пиратствовал, значит.

– Было такое дело, чего уж там...

– Что, и Блуждающие Острова видел?

– Лично я – нет, мастер капитан, тут врать не буду, но остального насмотрелся – на десять книжек хватит. А вот другие встречали... Темное дело, доложу я вам. Говорят, эти, с Островов, рыбами и всякими морскими тварями повелевать умеют, никакая магия их не берет, как навалятся всей толпой вместе с акулами, так...

– А на карте Ваграна разве они не отмечены? – бесцеремонно перебил Сварог.

– Где?

– Да вот. – Он поднялся, ткнул пальцем в заштрихованный кружок на одном из пунктирных эллипсов, который в свое время, еще на борту «Парящего рихара», принял за обозначение острова.

Дождь и Малыш Кулк переглянулись, после чего дождь несмело произнес:

– Н-ну... не знаем, мастер Сварог... вот только нам кажется, что это не остров. Нам кажется, что это области проявлений Темной магии – так их всегда отмечали, испокон веков...

– Значит, не остров?

– Нет...

«Ай-ай-ай», – подумал мастер капитан и, сказавши: «Что ж, вам виднее», – вернулся на место. Жаль. Красивая была теория. Учиться вам еще и учиться, ваше величество...

– Ну так что, корсары вольных морей, безопасный курс до Граматара определить сумеете? – грозно сдвинул брови Гор Рошаль, уводя разговор на другую тему и тем самым явно спасая честь командира.

– В спокойные времена – запросто, – сказал Кулк. – Чего там прокладывать, плыви себе по прямой, аккуратно и выйдешь. Островов в океане мало, *плохих* мест – вобла, извиняюсь, написала, банки наперечет. А вот сейчас... – Кулк почесал карандашом за ухом. И сказал очень серьезно: – Тьма разбудила глубины океана, мастер Рошаль. И оттуда такое может всплыть, чему и названия-то нет в людском языке... Да и не только всплыть. Старики рассказывали, что открываются щели между мирами, а уж кто вылезет из этих щелей – одному Пресветлому известно...

Сварог тут же сделал стойку.

– Ладно байками пугать, пуганые! – щелкнул измерителем дождь Тольго. – По оба борта вода одного сорта... А у нас Бумага Ваграна есть, тут все опасные места отмечены, фарватер проложим – и доплывем. Ты еще про Соленый Клюв вспомни...

– Погодите-ка, мастер дождь. – Он повернулся к Кулку. – Что еще за щели между мирами?

– Ученые люди так говорят, – сказал Кулк. – Ведь целый материк, не остро-

вок какой-нибудь, под воду уходит, правильно? Значит, должны быть... эти, как их... тектонические сдвиги, во, гигантские волны, какие-никакие перемены в климате, правильно? А ведь ничего эдакого нету... А вот почему. Потому что законы мира меняются, новые какие-то возникают, и вся энергия на эту ломку уходит – на шторма и бури силенок уже не остается. Так и появляются щели в другие миры, Белая Зыбь, Пурпурный Странник, Пенная Мама, нежить и прочие страсти...

– Энергия, сдвиги хретонические... – пробурчал под нос Тольго. – Слова-то какие... Ученые тебе наговорят, ты их слушай больше.

– Сами же рассказывали...

Сварог молча перевел взгляд на дожа, и под его взглядом клаустонец потупился. Сказал неохотно:

– Ну, видел... Только откуда мне знать, что это именно щель была, а не маррог[116] какой... – Он отложил инструменты и откинулся на спинку кресла. Прищурившись, посмотрел куда-то вдаль в иллюминатор. – Ну, в общем, где-то месяца два тому вышли мы на «Морском быке» из устья Руаны, двинули домой. Гидернию по правому борту держим, в обход идем – через Редернейский-то залив не пройти, там эти сволочи фарватер перекрыли зачем-то, корабли шастают туда-сюда... Ну и день на пятый... Точно, на пятый, мыс Потерянных Душ на горизонте синееет, океан спокойный, ветер попутный, хорошо идем, вот только вода мутная и рыбы дохлой полно... И вдруг вахтенный на марсе как завопит! Все на палубу высыпали. А прямо по курсу – пятно такое из воды торчит – *стоймя!* – с парус размером, черное, вроде кляксы. И вроде бы плотное, как бархат, колышется на ветру, но нет – видим, дырка это самая натуральная, потому как вода в нее так и хлещет, аж со свистом, как в кингстон... В общем, полное впечатление, мастер капитан, что кто-то ножницами взял да и отчекрыжил кусок из холста, а там, на *другой* стороне, – беспросветная ночь и даже звездочки видны... И мы в эту дыру прямиком направляемся. Капитан лево руля орет, а рулевой уже сам штурвал вертит, приказа не дожидаясь. Еле разминулись... Только я вот думаю, что это обыкновенный маррог.

Сварог, играя полное спокойствие, закурил. Очень, господа мои, оч-чень, знаете ли, нарисованная дожем картина напоминает виденное им самим в Потоке – черная пустота и далекие огоньки иных миров... И заметьте: в отличие от тех выходов на Тропу, о коих рассказывал Пэвер, *здесь* ничего из дыры не появлялось, наоборот – *туда* засасывало. Таки выход в Поток – посреди океана? Интересное кино...

– На карте эти щели есть? – спросил он.

Дожд в сомнении покосился на Бумагу Вагранна.

– Может, и есть, мастер капитан, – ответил Малыш Кулк. – Точно не сказано. Просто отмечено, что вот здесь гиблое место, здесь опасайся проявлений Темных сил, а вот тут надо идти с такой-то скоростью и таким-то галсом, а почему так – непонятно...

– Ясно, – сказал Сварог. И вздохнул: – Будем искать...

– Только никакой это не маррог был, – продолжал Кулк, – другие тоже видели – точь-в-точь как мастер дож описал. Повезло еще, что они днем на эту дыру напоролись, а вот если б ночью...

– Ночью – беда, это точно, – с непонятной интонацией согласился Рошаль. – А что такое Соленый Нос?

– Не что, а кто, – поправил Малыш Кулк. – И не Нос, а Клюв...

– ...то есть очередная морская байка, – в тон ему добавил Тольго. – В море-то бывал, а воды не видал.

– Очередная морская правда, – обиделся Кулк. – Вы, мастер дож, по рекам все больше плавали, океан только в подзорную трубу изволили видеть. А я семь лет на берег разве за провиантом ходил... Соленый Клюв такая же была, как Черный Пират или Флотилия Шьюбаша Проклятого. Сам Однорукий Ло видел людей верхом на дельфинах, едва ноги унес, а уж он-то врать не будет, даже судье, обет у него такой до конца дней...

Бумага Ваграна была забыта. Отложив карандаш, Малыш Кулк скрестил руки на груди и принялся вещать.

Пожалуй, тут дож Тольго оказался прав: рассказ Малыша выглядел настолько же правдоподобным, насколько таковыми казались фантастические романы времен покорения неба посредством стратостатов.

...Полтора столетия назад некий ученый лоб из Фагора по имени Сиргамас задался благороднейшей целью спасти человечество от массовой гибели и одичания, а говоря точнее, создать человечество новое. Как водится – идеальное. Где людям не грозит погружение материка? Только в море. Значит, человек должен стать двоякодышащим. Значит, надо скрестить человека и какое-нибудь морское животное. В качестве образца Сиргамас выбрал тюленя – как, по его разумениям, наиболее родственное из морских тварей человеку. И что вы думаете – скрестил. Не сразу, конечно, получилось, сотню подопытных каторжников угробил – из тех, кого выкупал из пожизненного на серебряных рудниках, однако лет эдак через тридцать кропотливых изысканий таки получилось. Наштамповал штук семьдесят ихтиандров и организовал коммуну на блокшивах[117] в море. Объявил себя царем и богом, стал проповедовать послушание, чистоту и нравственность – в общем, все как полагается... А потом, в полном соответствии с законами жанра, амфибии подняли народное восстание, ученого то ли сожрали, то ли попросту утопили, а сами принялись разбойничать и нападать на торговые суда. Подплывают втихаря, команду вырезают, все что есть ценного на борту, включая женщин и детей, оставляют себе, потом открывают кингстоны – и буль-буль...

– ...До сих пор, говорят, промышляют, не передохли, – зловещим голосом закончил Малыш Кулк. – А главный у них – тюлений сын по прозвищу Соленый Клюв...

Иными словами, идеи товарища Беляева и прочих фантастов-соцреалистов живут и побеждают. Даже на Димерее, подумать только...

Сварог едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, слушая сию печальную повесть. Даже Рошаль, сама невозмутимость, по окончании страшилки позволил себе хмыкнуть и погоревать:

– Эх, нашего бы Пэвера сюда. Уж он бы нашел достойный ответ из сухопутных баек. До самого б Граматара языками чесали...

– А про Мокрую Деву слышали? – вконец разошелся Малыш. Глаза его горели совсем уж детским азартом. – В самую темную ночь, если полный штиль, вахтенный рулевой вдруг слышит голос – как будто зовет его кто-то по имени. И нет чтобы разбудить капитана, так он бросает штурвал, подходит к фальш-борту и...

– Так, ну ладно, голубь ты мой говорливый, – изо всех сил сохраняя на лице

долженствующее серьезное выражение, хлопнул себя по коленке Сварог. – Сам бросай штурвал. Суши весла и стопори машину. Сколько времени вам надо, чтобы закончить с курсом?

– До вечера должны управиться, мастер капитан, – расстреливая юнца гневными зырками из-под насупленных бровей, ответил дож. – Больше задержек не будет. Прошу прощения...

– Добро. Работайте.

Сварог поднялся, поманил Рошалья. Вместе они вышли на палубу. Закрывая за собой дверь в рубку, он успел расслышать начало ласковых поучений дожа, в которых, для затравки, поминались мама и бабушка Кулка, а также некоторые особенности половой жизни их обеих с морскими червями и крабами. Надо бы его – Только то бишь – боцманом назначить, умеет с личным составом ладить...

Сварог облокотился об ограждение палубы. Соленый ветер отчетливо пах гарью. Небо было затянуто тучами, на наудере, там, где оставался Атар, еще полыхало багровое зарево в полнеба. Так вот почему нет цунами и прочих катаклизмов на море – энергия уходящего под воду материка преобразуется в магическую... интересно бы узнать, в какие именно формы магии. Хотя ясно, что ничего хорошего от них ждать не приходится.

– А ведь я что-то такое об этом Сиргамасе слышал... – задумчиво сказал он.

– Когда изволили проезжать лесной дорогой из замка Таго к Митраку, – преспокойно напомнил бывший старший охранитель короны Гаэдаро. – Кусок документа около трупа со снятой кожей...

Сварог обернулся. Гор Рошаль безучастно глядел на затянутый серой пеленой горизонт.

– Ах черт, конечно! Так вы тоже видели послание?!

– А как же, – усмехнулся тот. – Такова, видите ли, была моя работа – знать, что происходит в княжестве... То есть происходило.

– Почему же мне не сказали?

Рошаль пожал плечами.

– Потому что гонец немного опоздал. Если помните, письмо было адресовано некоему Комадорну. А так звали одного из моих предшественников на посту старшего охранителя... Сто три года назад. Он интересовался всяческими научными разработками в других странах.

Сварог честно пораскинул мозгами и признался:

– Нет, не понимаю. Сто три года? А в этом... документе явно говорилось, что некий Сиргамас только что закончил работы... – он напряг память, – по созданию диверсионного боевого отряда двоякодышащих. *Только что!*

Рошаль опять пожал плечами, не отрывая задумчивого взора от горизонта.

– Я не ученый, мастер шторм-капитан, я сторожевой пес. Дыра во времени, искривление темпоральной оси, сдвиг по временной фазе – назовите как хотите. Или придумайте иное объяснение. Любое годится. Перед наступлением Тьмы и не такие чудеса случаются. Вы не слыхали, например, о Прозрачных Шпионах? Напомните как-нибудь, расскажу, прелюбопытная байка, не хуже Соленого Клюва.

– Н-да уж... Значит, этот отрок, который под слепым флагом плавал, не врал? Люди-рыбы существуют?

Рошаль пожал плечами в третий раз и промолчал.

– Дела... Кстати, – вдруг вспомнил Сварог и посмотрел на мачту, – а вот интересно, коллега капитан, мы-то сами что, продолжаем идти под флагом Великой Гидернии?

Грам-капитан обнажил зубы в оскале:

– Гидернийская тряпка спущена тоурантцами и уничтожена посредством топтания ногами, рвания в клочья и предания клочьев огню. Мы продолжаем идти вовсе без флага.

– Эт-то не дело, – нахмурился Сварог. – Корабль без флага не корабль... Особенно если будет бой на дозаправочной базе. Мы ж не пираты, в конце концов.

– Согласен. Заодно и название неплохо бы поменять. «Адмирал Фраст» в свете недавних событий не звучит.

– Согласен. Какие имеете соображения на этот счет, грам-капитан Рошаль?

– Может быть, флаг Гаэдаро, шторм-капитан Сварог? Или предпочитаете свой фамильный флаг?

– Отнюдь, грам-капитан Рошаль, я не настолько самолюбив. Да и Гаэдаро, позвольте напомнить, уже нет.

– В таком случае позвольте взять время на обдумывание, шторм-капитан.

– Позволяю, грам-капитан.

Они посмотрели друг на друга – и вдруг рассмеялись, совсем как добрые приятели. И Сварог неожиданно поймал себя на странном чувстве: если раньше он просто *знал*, что у них все получится, то теперь он в это *поверил*...

И, как всегда, все испортил Рошаль. Было хорошее настроение – и нету. Смеяться он резко перестал, задрал голову и внимательно оглядел мачты.

– Что опять не так? – спросил Сварог, предчувствуя недоброе.

– Птицы, – тихо сказал Рошаль. – Птицы куда-то делись... Улетели все. Не хотят с нами дальше плыть, решили самостоятельно добираться до Грамата-ра... Дурной знак, а?

В самом деле, о недавнем засилье пернатых свидетельствовали многочисленные следы их помета, а сами пташки как испарились.

– Да и черт с ними, – решительно сказал Сварог. – Их проблемы, пусть как хотят, так и добираются... А вот как вам название для нашего кораблика – «Серебряный удар»? По-моему, звучит.

– Это из той книжки, что ли? – думая о своем, спросил Рошаль.

– Ну да. Пэверу, кстати, оно понравилось.

Рошаль прикрыл глаза, мысленно перекатывая название в голове. Потом опять улыбнулся, вот чудо-то, и кивнул.

– Отлично, мастер шторм-капитан. Мне тоже нравится. В меру угрожающе, в меру красиво... И раз уж у нас пошла мода на переименования и смену флагов, советую и наши с вами должности изменить.

– В смысле?

– Ну, не то чтоб мне не нравится зваться грам-капитаном... Однако это неверно с политической точки зрения. Каково, по-вашему, будет тоурантцам обращаться к вам «мастер шторм-капитан»?

Сварог поразмыслил минуту. В словах старшего охранителя был резон. Это все равно, как если б после войны, той, которая Великая Отечественная, в Красной Армии вдруг ввели эсэсовские соответствия «товарищ штандартен-фюрер», «товарищ группенфюрер»...

– И как вы предлагаете нам называться?

– Пока не знаю.

Сварог в бытность свою десантником носил звание майора, что в военно-морском понимании, как известно, соответствует званию капитана третьего ранга. Однако является ли Сварог по-прежнему офицером Советской Армии? Отнюдь. Значит, вышел в отставку – и плевать, что не жал руку кадровик, что не было утопления звездочек в кружке со спиртом, что не одолевали тоскливые мысли о своей неприспособленности к «гражданке»... Отставка, если это не вышибание из рядов (а Сварога ведь никто не вышибал!), неизменно сопровождается присвоением очередного звания. Значит, он смело может считать себя подполковником, то бишь – капитаном второго ранга или, совсем уж по-флотски выражаясь, кавторангом.

– Тогда я у вас получаюсь кавторанг.

– Тяжелое словцо, – покачал головой Рошаль. – И легкомысленное. И похоже на Кадранга. Так звали одного наемного убийцу в Гаэдари. Зарезал золоторговца Умлада, нескольких перепродавцов горького мха и предпоследнего алькалида Митрака. Даже успел в Фагоре отметить – убил протодесния Россо... Он плохо кончил. Я самолично ставил подпись под его приговором, а батюшка нашего дорогого Олеса лично загнал первый гвоздь в его колено.

– Это сокращение. Полностью звучит – капитан второго ранга.

– Что ж, другое дело, – пораздумав, сказал Рошаль. – Внушает это... субординацию. Невольно подбираешься, проверяешь правильность посадки головного убора и расстояние между брюхом и ремнем.

– А для тех, кто не любит долго говорить, и для экономии собственного времени разрешаю употреблять сокращение «маскап», что означает мастер капитан. Против маскапа есть возражения?

– А как тогда мне зваться? – сказал Рошаль. – Я тоже в некотором роде капитан...

– А вы будете масграмом, – милостиво разрешил Сварог. – Сойдет?

Возражений не последовало.

– Поздравляю с назначением, масграм, опыта в этих делах вам не занимать. До сих пор вспоминаю с некоторым даже уважением, как ловко вашему ведомству удавалось отрезать население Гаэдари от правдивой информации о передвижении Тьмы... Кстати, все спросить хотел, а почему тем не менее дозволена была одна-единственная газета? Как ее там...

– «Шадтагский вестник», – подсказал Рошаль.

– Во-во. Ведь что с ней, что без нее... Видимость либерализма? Тогда проще было свою газетенку организовать, насквозь подконтрольную. Политический реверанс в сторону Шадтага, без которого легко можно и обойтись во имя жизненно более важных интересов Министерства правды? Или, – Сварог пристально взглянул в глаза бывшему старшему охранителю, – иные интересы тому причиной?

– Иные интересы, – выдержав взгляд, усмехнулся Рошаль. – Интересы, ушедшие в прошлое. Интересы, которые на сегодняшний день стали уже глубокой историей периода последнего Прихода Тьмы... Что ж, теперь можно и поворошить прошлое...

Видимо, охранитель по своему опыту знал, что, если в чем-то небезосновательно подозревают, но твоя вина ничтожнее тех домыслов, которые могут

сложиться в умах, лучше сознаться. Тем более когда былые связи и отношения уже не имеют для настоящего никакого значения.

Сварог правильно догадался, что любое запрещение или разрешение в Гаэдари зависело лично от старшего охранителя. Герцога можно было убедить в чем угодно. Он представлял собой полное ничтожество, настолько полное, что, провластуй он самостоятельно, без направляющей руки хотя бы год, княжество разодрали бы в клочья. В первую очередь, не растерялся бы Нур, который давно точил зубы на соседа. И только появившись такая возможность, Нур оттяпал бы у Гаэдари как можно больший кусок, тем самым увеличив свою границу с Шадтагом. А слопав Гаэдари, Нур направил бы утоление волчьего аппетита опять же на Шадтаг. Поэтому Шадтаг был заинтересован, во-первых, в сохранении княжества как буфера между собой и Нуром, а во-вторых, в дружеских отношениях с вотчиной Саутаров.

Поэтому разведкой Шадтага была разработана и блестяще проведена операция по внедрению своего человека на пост старшего охранителя княжества Гаэдари, которому поручалось полностью подчинить своему влиянию князя Саутара... Строго говоря, Гор Рошаль являлся персоной влияния государства Шадтаг на государство Гаэдари.

– Я, представьте себе, мастер Сварог, – один из самых охраняемых секретов Шадтага. Хотя бы потому, что о моем существовании знал всего один человек, начальник шадтагской разведки. И больше никто...

Разрабатывая операцию на годы вперед, они пришли к выводу, что следует исключить малейший риск для Гора Рошалья, поэтому остановили выбор на односторонней связи. Он получал новые задания и инструкции, но сам не отсылал никаких отчетов, докладов, запросов. Да, сообщения он получал через газету «Шадтагский вестник» – единственную газету, благодаря его же усилиям разрешенную в Гаэдари. Чтение газеты входило в его обязанности, надо же охранителю знать, не содержится ли в ней вредных мыслей, поэтому ни у кого не могло возникнуть ни малейшего подозрения. Особенно внимательно Рошаль просматривал раздел «Объявления» – имелся экстренный канал связи с куратором, но им он так и не воспользовался.

– А накануне Прихода Тьмы стали поступать новые поручения, отличные от предыдущих, – сказал Сварог.

– Вы, как всегда, правы, – подтвердил Рошаль. – Шадтаг требовал от меня, чтобы как можно больше гаэдарцев не покинули Атар. Впрочем, и без моего влияния на Саутара тот делал все, чтобы Шадтаг остался доволен. Поверьте, к появлению в голове князя проекта «Парящий рихар» я не имел никакого отношения. Между прочим, единственный раз, когда я не смог бы его от чего-то отговорить, даже если бы захотел – это проект «Парящий рихар». Мы все служим своей стране, мастер Сварог, но когда вдруг понимаешь, что ее правители и политики ничуть не лучше властителей и политиканов других стран...

– Только не говорите, что вы спасали бы гаэдарский народ, если бы не неожиданное упрямство Саутара.

– И не собирался, – удивился Гор Рошаль. – С чего вы взяли? Я решил спасти самого себя. Махнуть на «Рихаре» с сундуком древних предметов. Получилось, князь готовил «Рихар» для меня, думая, что готовит для себя.

«И Олес думал то же самое, что Рошаль, только подставляя себя на место охранителя, – подумал Сварог. – В результате улетели оба... ну, и я в придачу».

– Первоначально вы задумывали бегство в Гидернию?

– Да, верно. Но я, признаюсь, колебался, не зная, что предпочесть. Родной Шадтаг, но заведомо более слабый и потому с незавидными шансами на Граматар, или Гидернию, сильную, но чужую, для которой я навсегда останусь, если сразу не расстреляют, чужаком. И тут подвернулся такой случай. Ко мне в руки попадает тагорт. Перебраться на непотопляемые Блуждающие Острова с сундуком древних предметов... заманчиво, не правда ли? Про Гидернию и Шадтаг я тут же забыл.

«Если уж расставлять все точки, следовало бы поговорить с мастером охранителем о происшествии в „Дырявой бочке“. Может быть, он замалчивает какие-то сведения и о том взрыве...»

Но Сварог спросил пока о другом:

– Не разуверились еще в Островах и тагортах?

Рошаль лишь задумчиво пожал плечами.

...Следующие три дня плавания прошли на удивление спокойно. То есть спокойно в том только смысле, что волнения океана на борту практически не ощущалось – так, легкое убаюкивающее покачивание, не вызывающее приступов морской болезни даже у лиц сугубо сухопутных. «Адмирал Фраст», а ныне «Серебряный удар», бодро разрезая форштевнем мутные, увенчанные белыми шапками волны, забираясь на волны побольше, скатываясь с их склонов, уносил захватчиков прочь от эпицентра катастрофы со скоростью узлов в тридцать – тридцать пять (напрягши извилины, король Сварог Первый вспомнил, что такое узел и как на глазок определить скорость корабля. А вы думали, мы только стрелять да карать-миловать можем? Дудки). Небо постоянно было затянуто серыми облаками – не поймешь, утро сейчас или вечер, однако никаких прочих неприятных последствий всепланетной катастрофы не ощущалось. Слово не трясло Димерею, поглощающую один континент и в родовых муках извергающую из своего чрева другой. Не замечали вахтенные наблюдающие ни кораблей на горизонте, ни морских чудовищ в глубинах океана... Лепота и оздоровительная морская прогулка получались, право слово, и Сварога это, с одной стороны, настораживало: такого везения просто-напросто в природе не бывает. Хотелось даже сломать и бросить за борт что-нибудь из корабельного инвентаря – в полном соответствии с древним морским суеверием, о котором он вычитал не то у Джека Лондона, не то у Виктора Конецкого... С другой, впрочем, стороны новоиспеченный командир броненосца радовался временной передышке и все трое суток без передышки (каламбур) занимался архиважным делом: с азартом и беспощадностью заправского «годка» он гонял новобранцев по палубам, отсекам и рубкам корабля. Учил морскому делу... и учился сам. Поскольку в своем активе имел ровно ноль целых ноль десятых ходовых часов, а по-простому говоря – на кораблях никогда не ходил, если, конечно, не считать «Божьего любимчика» и «Принцессы», где он, по неопытности, выступал скорее в роли пассажира, нежели морского офицера.

Сварог, например, смутно помнил из книг, что при длительном переходе паровые котлы надобно менять – но как это делать и, главное, на что их следует *менять*, понятия не имел ни малейшего. Знал он также, что перед стрельбой стволы орудий вроде бы надлежит прогреть холостыми залпами, и весьма смутно представлял себе, что такое «гироскоп преобразователя координат», «картушка ориентировки командно-дальномерного поста» и «артиллерий-

ский радар», – для стрельб вещи, кажется, необходимейшие, но как они выглядят и с чем их едят, было для него сущей тайной Мадридского двора. Не говоря уж о том, что такой простенький маневр, как «совершение правого десятиградусного координата с продолжительностью дуги в полста секунд», некогда запомнившийся благодаря именно своей заковыристости, ему не удался бы и под угрозой расстрела...

К счастью, и среди гидернийцев, не без колдовской помощи Клади перешедших на их сторону, и среди тоурантцев отыскалась горстка людей, с морским ремеслом знакомая не понаслышке – Сварог моментально присвоил им высшие офицерские звания. Остальные были зачислены в средние и младшие офицеры и матросы. Более того: нынешний экипаж «Удара» был втрое меньше, так сказать, *расформированного*, и каждый даже простой матрос в спешном порядке осваивал одну-две смежные специальности... В общем, на борту царил непрекращающийся аврал. Сварог сам не отдыхал, скупно отведя себе на сон часа по три ежедневно, и другим не давал. Первым делом он провел инспекцию пороховых погребов и запаса провианта и инспекцией остался доволен. Кладовые ломились от всяческой сушеной, вяленой и консервированной снеди, так что какая-никакая, а смерть от недоедания беглецам не грозила – тем более среди тоуранток без проблем нашлись бойчихи кастрюльно-поварешечного фронта. Броненосец был оснащен двумя здоровенными башенными пушками – мортирами («Орудия главного калибра это называется, что ли?»), четырьмя бронзовыми орудиями средней артиллерии и восемью совсем уж мелкокалиберными каронадами в казематах, по четыре с каждого борта. Ядра с запальным шнуром, наполненные зажигательной смесью или набитые картечью, Сварог пересчитывать не стал – сунув нос в погреба и увидев уходящие во мрак стеллажи, до отказа заставленные однотипными, накрепко закрепленными ящиками, он с первого взгляда понял, что гидернийские военно-морские начальники к походу подготовились основательно и постарались застраховать корабль от всяческих малоприятных встреч посреди океана. Ручные элеваторы, подающие ядра к орудиям, работали исправно, башни орудий на проворотах не заклинивало, стволы даже артиллерии главного калибра ходили вверх-вниз легко и послушно. Удивляло разве что отсутствие пулеметов на борту, однако, поразмыслив, Сварог пришел к однозначному выводу, что боевая задача экс-«Адмирала Фраста» – поражение исключительно крупных объектов на значительном расстоянии, уничтожением же более мелких целей занимаются другие лоханки гидернийского флота.

Первый же пробный выстрел мортиры оставил в душе экипажа «Серебряного удара» поистине неизгладимое впечатление. Сварог произвел выстрел самолично, разумно предположив, что в дальнейшем такой шанс может ему и не выпасть. Быстренько разобравшись с несложным управлением стрельбой, он направил ствол в открытое море, поджег фитиль, зажмурился...

Ну сказать, что жажнуло громко – значит, ничего не сказать. Десантника Сварога, который, в принципе, если из артиллерийских орудий сам не стрелял, то, случалось, присутствовал где-то неподалеку (что характерно, и с той стороны, откуда велся огонь, и с той, куда стреляли), так вот Сварога буквально *вплющило* в неудобное сиденье наводчика и размазало в блин. Даже сквозь броню башни ворвался оглушительный грохот, завершившийся утробным во-ем, пронзив его тело навывлет и ошметки разбросав по углам тесной башенки.

Вспышка ослепила и сквозь закрытые веки – ему даже показалось на миг, что бронзовый ствол разорвало, к едрене фене... Он открыл глаза, ошалело помотал головой и как раз успел прикинуть к смотровой щели, чтобы увидеть, как в кабелоте от броненосца встает исполинский пенный столб воды... Хорошо хоть он загодя разогнал всех зевак подальше от башни, под защиту брони – после *такого* акустического удара трупы можно было бы складывать штабелями...

В общем, вооружением корабля Сварог остался доволен вполне.

Несколько хуже дело обстояло с боевой подготовкой экипажа. Тольго, таки назначенный Сварогом на должность боцмана, охрип, днем и ночью гоняя с докладами пацанов-вестовых от носовой рубки на капитанский мостик, оттуда к орудийным расчетам, оттуда – на корму; проворачивающие в кровь истрепанные ладони, ворочая тяжелые маховики и разворачивая тяжеленные башни в сторону «вероятного противника»; боевые тревоги сменялись пожарными, пожарные – водяными; стрелки истратили не один десяток снарядов, учась попадать в цель по крайней мере с десятого выстрела (для имитации целей Сварог, скрепя сердце, пожертвовал тремя спасательными шлюпками)... Личный состав, короче говоря, помрачнел, посерел лицами, осунулся и исходил двенадцатью потами, однако сносил тяготы и лишения флотской романтики молча: все знали, что чем бы ни окончился возможный бой, даже если не потопят, то вернуться в порт для ремонта получится вряд ли – по причине *насквозь* тривиальной: портов на планете *уже* не существовало.

Так что если и царило где-то спокойствие, то лишь вокруг броненосца. На борту же покоем и не пахло.

Радовало одно: устройство броненосца было относительно простым – сложнее, конечно, чем незабвенной «Принцессы», но уж проще, во всяком случае, тех плавающих крепостей, что использовались до Первой мировой. Сварогу даже не приходилось особо напрягать свой магический талант, помогающий в освоении любого незнакомого механизма. Ни о гироскопе преобразователя координат, ни тем более об артиллерийском радаре и прочих хитроумных штукovinaх, призванных обеспечивать убийство максимально большего количества людей при минимальных затратах, современные гидернийцы, слава Аллаху, ведать не ведали. Наведение мортир осуществлялось до умиления примитивно: вестовой передавал расчету дальность до цели, проворачивающие устанавливали башню стволом в нужную сторону, наводчик по таблице определял угол стрельбы, матрос-замковой отмерял длину запального шнура, закатывал ядро в камору пушки, следом запихивал картуз с порохом, закрывал замок и поджигал фитиль. Все. При таком режиме скорострельность получалась один выстрел в три минуты, с учетом чистки ствола после каждого выстрела – не так уж плохо. Вот такой симбиоз, ребята: пушечки времен вице-адмирала Дрейка на борту парового броненосца, созданного для автономного похода через полпланеты... Интересно, кстати, а зачем гидернийцам броненосцы, если до бронебойных снарядов они еще не додумались? И почему, интересно, не додумались, раз *вовсю* играют с автоматами и карабинами? Загадка...

А на пятый день безмятежного плавания баковый наблюдающий доложил, что видит дымы прямо по курсу. Сварог поднялся на мостик, раздвинул трубу.

Никаких сомнений. На горизонте нарисовалась промежуточная цель их

похода. Угольная база.

Глава восьмая Черное надежное золото

Матросы «Адмирала Фраста», те, что из гидернийских, утверждали, что машины стопорили в полукабелоте от базы, после чего с базы вроде бы выслали лоцманский катер, и тот провожал корабль к причалу. Причем всякий раз маршрут подхода к Угольному хранилищу был иной: видимо, не доверяя никому, гидернийцы раз в сколько-то там месяцев или недель меняли конфигурацию минного поля.

В полукабелоте от базы «Адмирал Фраст» замер и сегодня.

– Не вышлют. Убежден. Мы же не подняли этот хренов сигнал по коду «С» и не дали этот чертов пароль «Стрела». – Гор Рошаль вернул подзорную трубу Сварогу. – Проклятый Рабан...

– Да пусть высылают наикрасивейший лоцманский катер в мире – мы ему наши драгоценные жизни не доверим. Обойдутся. Посадят нас на мину во имя Великой Гидернии – что тогда?

Сварог еще раз навел окуляр на объект. Объект «Точка дозаправки» был размещен, казалось, посреди затопленного парка. Иллюзию создавали бесчисленные сваи, исполинскими карандашами торчащие из воды. Мелководье. Вот вам и объяснение, почему именно эту точку Мирового океана гидернийцы почтили своим выбором: нежеланные визитеры рискуют не только напороться на мины, но и элементарно сесть на мель. Да, следует признать, эти ребята пятьсот лет времени даром не теряли. Промеряли глубины, гонялись за Блуждающими Островами, угольные склады на воде оборудовали, дальше всех народов забираясь в океан... Серьезно готовились, собаки, стать первыми на Граматаре и, чуть погодя, единственными его властелинами.

Угольная база состояла из собственно базы и уймищи барж вокруг. Да еще вдалеке, за строениями, угадывались зарифленные мачты какого-то немаленького парусника. Собственно база, то есть платформа размером с футбольное поле, несла на себе разной площади и практически одинаковой высоты строения, от которых на многие кабелоты разило до боли знакомым казарменным духом. Типичная «точка» (разве что на воде), расположенная вдали от штабов и строевых плацев, где сонно переваливается из одного дня в другой полувоенная, полуразгильдяйская жизнь – все ее приметы в трубу были видны как на ладони. Ржавеют от длительного неупотребления турники и брусья, на веревках сушится солдатское шмотье, рядом вялится рыба, дымит кухонная печь, какая-то шавка слоняется возле баков, на причале разбросаны забытые удочки, полуголый боец красит вытащенную на мостки и перевернутую лодку, а прочие вояки, следует думать, поковыляли приводить себя в подобающий вид – чай, начальство заявилось. Можно спорить, что и парусник вдалеке тоже переоборудован под что-нибудь крайне необходимое. Например, под склад картошки. Имелась и невысокая караульная вышка, под ее крышей сейчас маячил часовой. Таращится, понятное дело, на броненосец, на что же еще, но таращится без опаски... А чего там опасаться, когда причапал наш непобедимый пароход, битком набитый земляками. Ну скоро-то, конечно, начнется в угольном раю недоуменное шевеление – дескать, где ж сигналы-то, почему не сигналият...

Сварог прикинул, скольких героических защитников можно ожидать от та-

кой базы. Максимум человек тридцать – сорок рядовых бойцов, над ними три-четыре сержанта или капрала и дежурный офицер, званием не выше капитана. Эх, если б только они одни стояли между кораблем и углем – оформили бы в лучшем виде, никто б и не мяукнул.

Сварог отвел линзы от жилых построек (мелькнул шест, на которой трепыхался гидернийский флаг), скользнул по унылым рядам барж. Заметил негромко:

– Угольком наши друзья, вижу, богаты. Можем, не мелочась, набрать на кругосветку, – и положил трубу на полку с картами.

– Я, конечно, присутствовал при демонстрации вашего умения, но не могу не спросить... – все еще маялся сомнениями Рошаль. – А вам приходилось, мастер Сварог, работать... в таких масштабах?

– Не скрою, не приходилось.

– Но вы уверены? Просчитали ли мы все побочные последствия?

Сварог пожал плечами.

– Если этот план оказался лучшим из предложенного, мастер Рошаль, будем работать по нему.

Впрочем, *всеми* собственными опасениями ни с Рошалем, ни с кем другим Сварог не делился. Объяснить то, чего сам не понимает, он бы все равно не смог, но перепугал бы до дрожания коленок – это уж точно...

– Зашустрили, акульки братья. – Только обходился без подзорной трубы, лишь щурясь больше обычного.

Да и Сварог без помощи оптики видел, что на причале яростно машут флажками. Рядом с сигнальщиком забликовали линзы двух подзорных труб, а между строений взволнованно замельтешили серые силуэты. Один из двух катеров, пришвартованных у «стенки», давно уже дымил, но команду отчаливать не получал, и его экипаж в недоумении выбирался на палубу.

– Угостите табачком, маскап, – неожиданно попросил Тольго. – Славный он у вас, не чета гидернийским опилкам.

(До того он курил гидернийские опилки не жалуясь.)

– Намекаешь, что можешь впредь такого уж и не попробовать? – усмехнулся Сварог, сооружая сигарету и себе тоже.

По своему обыкновению, на прямой вопрос Тольго, угощаясь магическим табачком, предпочел ответить уклончиво, избегая категоричных «да» или «нет»:

– В море две воли, маскап, – чья возьмет, тот и доплывет...

«А тревога на пирсе, конечно, нарастает, – между тем думал о своем Сварог. – Напряжение, судорожные поиски объяснений глухому молчанию судна... то есть корабля. Но уверенности в том, что перед ними враг, нет, и неоткуда ей быть. Сейчас небось ищут объяснения – мол, то полетело, это оборвалось, пятое сгорело, десятое гикнулось, а тот-то погиб. Мол, когда гибнет мир, и не такое случается... Но скоро, мои великогидернийские друзья, вас ждет одно махонькое испытание, это я вам обещаю. И, будем надеяться, вы пройдете его желанным для нас образом. Психическая атака – она ж не выдумка авторов фильма про Чапаева, а один из действенных способов ведения войны. И солдата к возможным психическим атакам противника тоже надо готовить. Смею быть уверенным: к тому, что вы сейчас увидите, вас подготовить никак не могли. Я сам, признаюсь, узрев такое, не знаю, что б учудил. Так что, парни,

берегите рассудки».

В рубку взлетел матрос-тоурантец.

– Мастер капитан второго ранга, катер на воду спущен.

– Понял, Керни. Мастер старший механик Олес?

– На месте, маскап! Помощник командира бэ-чэ-один мастер Рорис ждет у трапа.

– Мастер старший помощник Пэвер?

– Сейчас прибудет.

– Баронетта Клади?

– Велено передать – женщины готовы, маскап.

– Отлично, Керни. Ваше место?

– Поступаю в распоряжение мастера Пэвера.

– Ага. Оставайтесь здесь до его прибытия.

Сварог повернулся к Рошалою.

– Ждать нечего. Тем более это нам мало чем поможет. Еще появятся дымь гидернийской эскадры на горизонте... В общем, действуем. – Обратился к до-жу: – Мастер Тольго, я очень надеюсь на вашу... устойчивость.

– Акулу сачком не поймаете, – отозвался тот. Подумал и хмуро добавил: – Моряки иногда дрейфуют, но никогда не дрейфят.

Час назад войдя в рубку, Сварог заметил, что на компасе, у труб голосоотвода, на полу под штурвалом и много где еще набросаны женские волосы. А в углу появилась мокрая палубная швабра, приставленная к стене вверх мочалом. Сварог не стал выговаривать за беспорядок, не стал спрашивать, что означают сии приметы и суеверия, тем более не стал насмеяться. В конце концов, и сам Сварог всегда стучал по дереву и плевал через левое плечо...

– Я ему помогу, – пообещал Рошаль. Если б Тольго знал прошлое Рошалья, это обещание вряд ли бы дожда вдохновило.

В рубку поднялся запыхавшийся Пэвер.

– У меня все готово. Фу, чувствую себя лошадью после скачек. За последние деньки я сбросил половину солидности, – суб-генерал похлопал себя по брюху. – Так, глядишь, вернется былая стройность, скоро за лейтенанта принимать начнут. А там и Клади у вас отобью.

– Ну, смотри, генерал, не подведи, – Сварог потрепал его по плечу. – Не в смысле Клади, в смысле дела. Твое слово в этом спектакле не менее веское, чем мое.

– Не извольте сомневаться, маскап! Я им устрою праздник святого Родомедра! [118] – Пэвер удалски взлохматил ежик на голове, потом пробурчал обиженно: – Видели б меня в мясорубке под Луствалем, не задавали б дурацких вопросов.

– Тогда ладно. Поехали, мастера моряки.

Проходя по палубе, Сварог вертел головой по сторонам, смотрел вверх и под ноги: «Закреплено, закреплено... А черт, как же упустили, поздно уже, слишком много времени уйдет, ну ладно, не смертельно. Хрена с два тут все учтешь! Все учесть, все подготовить – это надо, чтоб экипаж наполовину состоял из терминаторов, а наполовину из многоруких Шив. А вот ящичек наживить не помешает. Не забыть сказать Рорису...»

Помощник командира БЧ-1 Рорис из рода Бамо ждал Сварога у штормтрапа.

– Закрепи пожарный ящик. На все про все у тебя... В общем, медленно считай про себя до ста. И чтоб на цифре «сто» ты был, где положено. Поймешь, что не успеваешь, бросай ящик к чертям.

– Будет исполнено, маскап! – бодро заверил Рорис и крикнул уже вдогон Сварогу: – Мы им покажем, маскап!

Сварог сбежал по штормтрапу. Оттуда бросил взгляд на базу: там упорно продолжали жестикулировать флажками, а кроме того, еще и подняли на мачту с гидернийским стягом четыре треугольных разноцветных вымпела, сочетание которых, скорее всего, означало либо «Назовите себя», либо «Дайте подтверждение».

На разъездном катере изнывал от нетерпения Олес, нервно расхаживал по палубе, то и дело облакачивался на фальшборт, чтобы тут же выпрямиться и продолжить хождение, без нужды поправляя автомат на плече, пытался что-то насвистывать.

– Заводи баркас, княже. В темпе! – Вскочив на борт катера, Сварог сразу двинулся на корму.

Мотор, до того молотивший на холостом ходу, взвыл как бормашина, винты вспенили за кормой бурун, катер под бодрое ритмичное чуханье стал отползать от стального борта броненосца.

Князек, который начал освоение паровых двигателей совсем недавно и с самых низов – с топки парового движителя дирижабля, теперь поднялся на ступеньку вверх, – был приставлен к штурвалу. Неплохо у него получалось. Но если откровенно, то не благодаря голубой крови или врожденным задаткам рулевого, а по причине куда более прозаической: усиленные занятия на макете, каковым служил этот же катер в подвешенном состоянии, сослужили неплохую службу.

Катер огибал застывшую громаду броненосца. Его перемещения должны были загнать в глухой умственный тупик наблюдателей на базе, и без того вспотевших от поиска разгадки. Чертовски интересно, что пришло им в головы, когда они углядели пыхтящий баркас. К чему готовятся и что подумали, когда увидели, как баркас, зайдя чуть вперед по курсу броненосца, дал самый малый назад и подгрел кормой к стальной громаде? И чем таким, блин, занят старший артиллерийский офицер?

А артиллерийский офицер, более известный в нескольких мирах под именем Сварог, в своей любимой личине, данной ему от рождения, но в мундире гидернийского морского офицера занят был тем, что ловил заранее спущенный конец. Еще один липовый гидернийский матросик с гаэдарским именем Олес торчал в рубке парового катера, штурвал крутил.

(В Олесе, кстати говоря – пожалуй, впервые за время бурных странствий, – взбрыкнула княжеская спесь. И кнутом для спесивой лошадки послужила матросская куртка.

– Я из Саутаров, мастер Сварог! Мои предки правили Гаэдаро с высадки на Атар. А у вас я занимаюсь шут знает чем. Лопатой князь – шуруй. В дозоре самое гнилое время – мое. Для Пэвера я – испытываемый. Клади нос задирает, а когда-то сама не своя была от радости, что за ней княжеский наследник ухаживает. А теперь вот напяливай плебейскую робишку. Нет, мастер Сварог, меньше чем на форму бертольера я не соглашусь.

– Да хоть самым адмиралом Фрастом в парадном мундире с бантами и лен-

тами, не жалко, – развел руки Сварог. – Наряжайся и сиди в каюте. Вместо тебя дожа Тольго возьму.

Олес моментально заткнулся.)

Итак, старший артиллерист Сварог ловил конец, а Олес в матросской курточке трудился рулевым. И офицер с матросом, или, если хотите, граф с князем, или, если больше нравится, многожды король с единожды князем, перекрикивались как шоферюги у гаражей:

– Еще немного, еще... Глуши! Так твою, глуши, говорят, князь недоделанный, рули ж помнем! Отлично, захватил, все! Жди. Как скажу вперед, сразу двигай вперед! Понял?

Сварог намотал конец каната на кнехт. А думалки у ребят на базе, поди, уже не закипают. Поди, думалки уже плюются кипятком и подпрыгивают, что твой чайник. Неужели, мол, старший офицер от артиллерии рехнулся и думает катером сдвинуть с места бронированную скалу? Да и на кой это нужно? Нет ответа.

Ну так будет вам ответ. Сварог обтер испачканные ладони о гидернийский мундир. Вскинул голову, взглянул на скулу броненосца, на серую гору брони в оспинах заклепок, грозно нависающую над катерком. Впечатляет. Ну а теперь, почтеннейшая публика, гвоздь программы – заклинание.

Он не просто произносил слова, он старательно рисовал *мыслеобраз* подчиняемого заклинанию объекта... Да, верно, заклинание работает по мелким предметам (ну не то чтоб очень по мелким – пес Акбар и упавший в Хелльстаде ял к мелким никак не отнесешь, однако броненосцу они, конечно, в габаритах здорово уступают). Но кто сказал, что «Адмирал Фраст» – один объект, а не просто набор не таких уж крупных предметов: частей корпуса, переборок, гребных винтов, машин, орудий, приборов, заклепок, бронелистов, шлюпок, людей? Предстояло если не обмануть заклятие, то – скажем так – заклятие *обойти*, проявить творчество в области, где раньше пользовался лишь готовыми наработками. То есть в области магии.

Вчера Сварог попробовал – нет, не поднять «Фраст» в воздух, а всего лишь совершить подход. Так готовящийся к рекорду штангист примеряется к снаряду, обхватывает кистями гриф, проверочно напрягает мышцы, продумывает в мельчайшей последовательности свои действия. Сварог попробовал – и в нем зародилась уверенность хотя бы в том, что замысел не безнадежен.

М-да, оказывается, и магические рамки могут стать тесны. Стараясь не думать, чем для него самого может обернуться колдовское самоуправство, Сварог произнес слова заклинания до конца.

Холодом обдало так, будто перед носом распахнулись дверцы гигантского холодильника – уже по одному этому Сварог понял: получилось.

Потом эскадренный броненосец, чья серая броня Монбланом нависала над кормой и уходила вверх, *дрогнул*. Качнулся. Так боксер-тяжеловес, пропустивший нокаутирующий удар, но еще не свалившийся на ринг, озадаченно покачивается, набывчившись и закатив глаза, не веря своему несчастью. И падает, сотрясая грохотом весь зрительный зал.

«Фраст» медленно поднимался. По-прежнему страшный с виду броненосец, но сейчас совершенно невесомый, потому что веса его лишил Сварог, уподобился надувному матрасу, который вода выпихивает наверх. Полегчавший исполин с видимой неохотой покидал любимую стихию, качаясь из стороны в

сторону, как гнилой зуб, но поделаться ничего не мог.

Шумными водопадами стекала вода по бортам и штормовым шпигатам. Показались ракушки, облепившие днище, облезлая черная краска днища...

Сварога самого настолько зачаровала картина величественного позора, что на несколько секунд он задержался с командой. Из ступора его вывело восхищенное восклицание Олеса:

– Чтоб мне жить на Гартене! Вот это да! Двести куч дерьма, я ж проиграл этому шельмецу Только свой княжеский перстень! Думал, такая чешуя ни в жисть не высвистит!

– Давай, Олес! – закричал Сварог. – Дуй вперед!

И Олес дунул. Чем-чем, а излишней впечатлительностью князь не страдал – ну броненосец, ну болтается в воздухе, – ну и очень хорошо.

Катер, отчаянно дымя и тарахтя, взял курс напрямиком на плавучее угольное царство. Канат размотался до конца, натянулся... Может, еще бултыхались на донце души какие-то сомнения, кто ж из них победит, и вроде бы броненосец сперва несогласно уперся, но потом, как потерявший вес слон из какого-то мультика, которого за хобот все таскали куда захотят, «Адмирал Фраст» послушно дал себя уволочь. Был бы ветер – могло бы и унести кораблик. А так – что мог поделаться большой воздушный пузырь в форме эскадренного броненосца против полновесного парового катера? Порядок, получилось. Сварог расслабился, устало опустил на палубу.

Известно, что бывает с солдатами, когда те прибывают на поправку в тыл. На передовой болячки обычно не пристают, потому как работающий на предельных оборотах организм глушит любую ерунду, вырабатывая антитела лавину за лавиной. В тылу ж, как себя ни настраивай, приходит расслабуха, а вместе с ней всякие насморки, гриппы и воспаления. И сейчас, стоило Сварогу увидеть результат и *понять*, что удалось, что он справился, как навалилась усталость, да еще какая, братцы мои... Словно, отняв у броненосца вес, он взвалил его на себя.

Побочный эффект этого заклинания тяжел, убеждаться уже приходилось. Если, лишив веса хелльстадского песика Акбара, он почувствовал себя так, словно втащил мешок с цементом на пятый этаж, то сейчас его ввергло в состояние, какое будет у студента, впервые в жизни в одиночку разгрузившего без перекуров железнодорожный состав с тем же цементом. Вот почему обязательно нужен был Олес на катере. Сварог сейчас был не сильнее младенца...

Вдобавок на Сварога напал зверский голод. Казалось, что он бы сейчас сожрал весь провиант на гидернийской базе. И чего, казалось бы, проще – сотворить хоть мешок с бутербродами. Но не было никаких сил на заклинания. Сварог чувствовал, что на сегодня он свою норму колдовства выбрал. И даже курить остаток дня будет гидернийские опилки: раньше вечера уж точно не выдавить из себя даже самого простенького заклинания...

Ладно, допустимо чуток похворать, пока чапаем до базы. Но не дольше. Сварог услышал, как Олес, перекивая мотор, горланит в предвкушении боевой забавы удалую песню:

*Киль рассекает пену волн,
Быстрей лети, наш утлый челн.
Что впереди? Разумеется, драка!
Будет заколот враг, как собака.*

*А всех живых мы повесим на рее!
В атаку смелее, в атаку скорее!*

Умный в минное поле не полезет, умный над минным полем пролетит. Перевербованные гидернийские матросы в один голос утверждали, что лоцманские катера жарили к судну по прямой, а к «стенке» вели зигзагом. Значит, мины поставлены в расчете на корабли с большей, чем у катеров, осадкой. Из неприятных сюрпризов остаются мели. Но вряд ли здесь мели такие, что их баркас царапнет днищем по песку. Иначе бы песочек отсвечивал желтым...

Так и до Граматара можно было без всякого угля шкандыбать, на одних Свароговых умениях, кабы не одно «но». Вместе с броненосцем лишились веса и люди, и снаряды, и провиант, и мелочь вроде зубных щеток, шпилек и туалетной бумаги...

Олес проорал в медный рупор голосоотвода: «Надбавь-ка там, лентяй!» – и еще с большим задором загорланил «пиратскую абордажную»:

*А если погибнем, то не беда!
Но с нами врагов сокроет вода!
И пусть не будем пить мы вино,
И пусть могилой нам станет дно!
Но нас враги не вздернут на рее!
В атаку смелее, в атаку скорее!*

Сварог живо представлял себе, что сейчас происходит на борту «Адмирала». Тоурантцы, предупрежденные, что их ожидает (не предупреди – и умом ведь могут тронуться), парят по каютам и кубрикам такими космонавтами на орбите. Кто-то не привязал себя, как было велено, и теперь свободно взлетает к потолку, мотается от стены к стене, кувыркается в воздухе. Женщины, конечно, визжат, плачут, шепчут молитвы, прижимают к себе детей. А детям, наверное, нравится. Сразу же выяснилось, какие из вещей не упрятали в ящики, не закрепили, не привязали – эти вещи отправились в свободное плавание по кораблю. Невылитая из чашек вода или вино из откупоренных бутылок прозрачными медузами парят по отсекам, рассыпаясь на капли. Если разлетелась какая-нибудь крупа, то собрать ее потом по зернышку вряд ли удастся. Корабельные крысы, порхая в спертном трюмном воздухе, вероятно, косят себя за то, что когда-то прошмыгнули на этот ненормальный корабль...

Острый киль «Адмирала Фраста» проносило в десяти каймах над поверхностью океана, его тень ползла по волнам, как нефтяное пятно.

Сварог привстал и, хватаясь за леера, двинулся вдоль борта на бак – поглядеть оттуда на угольщики. Жили ведь себе на отшибе тихо-мирно, никого не трогали, уголь сторожили – и на тебе... Занятно повоображать, что сейчас творится на угольной базе. Наверняка что-то родственное происходящему на картине «Последний день Помпеи». Кто-то хватается за автоматы – но какие там автоматы против броненосца, что вот-вот опустится тебе на голову. Большинство базовцев, как пить дать, ломанулись в местную часовню, а ежели таковой не имеется – то просто кинулись откапывать в своих вещах молитвенники, ладанки да амулеты. Не исключено, что кто-то из гарнизона с испугу сдернул из расположения, забился с карабином под какую-нибудь баржу, дрожит и сдуру готов пальнуть в любого сунувшегося туда же...

Часовой на вышке уже не маячил – убежал караульный с поста. Ага, от пирса отчаливал катер, никак драпать намылились хранители угольного запаса.

Они сейчас не думают куда, главное, подальше от жути жуткой – летучего корабля. Что ж, гидернийцы с возу – тоурантцам легче. Второй катер, видимо, не заводился: с него перепрыгивали на причал и разбегались кто куда.

Весельная шлюпка с тремя гребцами направлялась к баржам. Вернее, гребли-то двое, а третий что-то кричал стоя, размахивал автоматом. Еще одна шлюпка мелькнула за сваями, к которым были пришвартованы баржи...

Они уже подходили к причалу. Сварог заглянул к Олесу в рубку.

– Держи на цифру два, мастер рулевой. Причалишь там, «Адмирала» развернет, как раз над нужным местом окажемся...

Броненосец не просто развернуло, но и опасно накренило... Вернее, было бы опасно, когда б ему грозило смещение центра тяжести – но тяжесть-то отсутствовала.

– М-да, в таком виде его не приводишь, – сказал Сварог, стоя в дверях.

Олес скомандовал в голосоотвод «стоп-машина» и подошел к капитану.

– Как же быть?

– Как? – оглянулся к нему Сварог. – Тебе стропальщиком работать не доводилось?

Олес позеленел.

– Да сколько можно, мастер Сварог!

– Ну-ну, мастер князь. Всяких монархов история знала. Случались и каменщики, и плотники. А вот мне, представь, доводилось... Так вот, когда на тросах в воздухе болтается, скажем, тяжелая плита, то от легкого толчка ее... На пол, князь!

Толкать Олеса не понадобилось. Усвоил уже князь, что зря Сварог не командует. Олес присел, уходя под защиту обитой железом нижней части рубки.

Из-за сараюги с надписью «инвентарь» на причал выскочил молодой гидерниец с вытаращенными глазами и с автоматом у живота. Сварог забрал у князя карабин. Ща он этого героя...

Не потребовалось. Солдатик застыл, как споткнувшись, вперился в висящий перед базой броненосец. Челюсть у него отвисла, из глаз пропали последние признаки рассудка, он бросил автомат и с воплем сиганул с причала в воду.

Сварог вернул Олесу оружие.

– Дай-ка очередь по «Адмиралу». Цель в ватерлинию, где-то каймов двадцать от гребного винта. Сумеешь?

Пальнуть Сварог мог бы и сам, но кто князю спину прикрывать будет от таких вот выскочек из-за сарая?..

– Заказывайте: с завязанными глазами или с одной руки.

Сварог заказал не выпендриваться. Броненосец стал невесомым, но не хрупким. Броня не раскололась, зато энергия десятка пуль, влипших в обшивку, привела бронированную тушу в движение. Сварог рассчитал правильно – неохотно и незаметно корабль начал медленно выравниваться.

Пора, пока посудину не завалило на другой бок, красиво завершать красивый полет. Проорав кочегару в раструб голосоотвода, чтоб там внизу ухватился покрепче, Сварог пробормотал заклинание. «Адмирал Фраст», в мгновение налившись былой тяжестью, ухнул вниз, выталкивая своей тушей стены воды. Сварог успел заскочить в дверь, ее захлопнуть, сам схватиться, когда катер окатило, швырнуло вбок и вдарило, не иначе о деревянные мостки причала.

Секунду-другую было непонятно, под водой они или все еще *на* воде. Во всяком случае, струи воды замутили стекла, вода натекала в рубку, ничего было не слышно, кроме грохота падающей воды.

Катер все еще раскачивало, но качка уже шла на убыль.

– Не ушибся, ваше благородие?

– Нет.

– Тогда жди здесь.

– А может...

– Будь здесь, причал под контролем держи.

И капитан покинул катер.

Первоначально мятежниками задумывалось, чтобы Сварог на катере дожидаясь завершения тактической двухходовки суб-генерала Пэвера. Однако Сварог не стал дожидаться даже ее начала. И не то чтобы он до умопомрачения жаждал самолично водрузить знамя на крыше угольного рейхстага – просто смысла большого не было торчать на баркасе, выглядывая из-за борта, пока Пэвер проведет артподготовку, а потом окончательно сломленный гарнизон падет под натиском бравого десанта с генералом в авангарде.

Они-то, разрабатывая операцию, исходили из того, что противник всерьез посопротивляется, что сломается не сразу. Однако угольщики подкачали. Сейчас Сварог отчетливо понял, что Брестской крепостью угольный склад не станет. Ну кто-нибудь, может, и засядет в доме с намерением отстреливаться до последнего патрона, кто-то героически потопит баржу-другую, полагая, что тем самым наносит урон врагу. А может, и этого не произойдет...

Вот Сварог, например, уже прошел по мокрым мосткам, постоял на деревянном настиле местной набережной, выбирая, куда направиться, а в него пока так никто и не стрельнул ни разу. Поигрывая шауром, он выбрал самый широкий проход между постройками и через дюжины полторы шагов оказался на маленьком плацу, предназначенном для утренних разводов и вечерних поверок. На плац выходили двери трех строений, в одном из которых Сварог опознал казарму, в другом – столовку, в третьем – что-то типа штаба.

– Есть кто живой?

Тут бы, эффекту ради, пальнуть вверх из революционного маузера, но шаур-то бесшумен, вот беда...

– Вас приветствует дикая морская дивизия! Морские тачанки на подходе! Удалые хлопцы рвутся в бой!

Пальнул Пэвер. Пушечный выстрел с «Адмирала» разнес вдребезги вышку часового. Сварог же подошел к стойкам, между которыми висел медный колокол, за шнур раскачал язык и пустил по базе тревожный звон.

– На капитуляцию стройсь! Выходи, угольные крысы!

Следующим выстрелом с «Адмирала» разворотило крышу казармы.

– Ребята, ну это даже не серьезно! Биться-то будем или как?

Еще одно пэверовское ядро упало прямо перед Сварогом. Пробило доски, проделало в плацу дыру. Сварог не обратил на происшествие никакого внимания, еще раз звякнул в колокол.

– Есть кто живой, или где?

– А-а-а! – Из штабного здания выскочил человек в каске, на ходу бросил карабин, побежал по плацу, нелепо взмахивая руками.

– Эй, спрашиваю, есть кто еще живой? Выходи, сдавайся! – звонил и зазы-

вал Сварог, уже откровенно хулиганя. – А ну, кому выходить, кому сдаваться! Даруется жизнь, жизнь почти задаром. А то вот сейчас приедут тоурантцы, тогда такое вам начнется. Куда вы все подевались?

Из того же штабного здания вышел человек в форме морского служащего. [119] Одной рукой он прижимал к бедру револьвер, похожий на английский «Веблей» времен англо-бурской войны, другой рукой размахивал кипой каких-то бумаг.

– Мастер офицер, прошу меня выслушать. – Он остановился, не дойдя до Сварога пяти шагов. – Я – крон-майор Прого Тританг, комендант этого объекта, находящегося в подчинении третьего отдела Адмиралтейства. Вот посмотрите.

Он разжал ладонь и выпустил бумаги на волю. Какие-то исписанные каллиграфическими почерками листы, какие-то бланки, какие-то брошюры полетели, закружились. Начало бумажного дождя совпало с очередным пушечным выстрелом от суб-генерала Пэвера. Ядро подняло фонтан воды аккуратно между баржами.

– Инструкции, положения, уставы, – комендант смотрел на Сварога без страха, устало и отрешенно. – Каждый день... Каждый, мастер офицер! Каждый день утром и вечером... Утром и вечером! Я проводил занятия. Я заставлял их учить уставы и приказы. Мы отработывали с ними в теории действия по отражению атак противника. Мы проводили тактические игры...

Артиллеристы Пэвера перевели огонь на угольные баржи. Оттуда приносило грохот разрывов, там подлетали разнесенные в щепы сваи, разлетались черные угольные комья.

– Раз в неделю, мастер офицер, раз в неделю мы проводили учения по отражению возможного захвата базы. Я не давал им бездельничать. Ежедневно я проводил стрельбы, ежеутренне – физические занятия. Хотя, сами понимаете, вдали от штабов и командования разлентиться ничего не стоит. Но я заставлял. И что?! И чего ради?!

Издали донесся дружный скрип раскручиваемых тросов: на таях спускали шлюпки для десанта.

– Чтобы увидеть флагман дивизиона спецсил Гидернии, которого по воздуху тянет за собой разъездной катер, да? За этим? Чтобы поглядеть, как мои бойцы сходят с ума, а я ничего не могу поделать? Я даже не смог выслать вам навстречу брандер, что поджечь ваш буксир, понимаете? Мне не удалось никого привести в чувство, заставить подчиняться. И зачем я здесь комендантом? Чтобы посмотреть, как броненосец плюхнет в воду у причала и начнет обстрел из одной-единственной пушки, хотя их у него как иголок у ежа, да? Чтоб убедиться, что на объект ступил артиллерийский офицер, пусть и старший, – которому по возрасту быть бы не меньше ранг-капитана – и которому наплевать на ядра, падающие у него перед носом? Где, найдите мне хоть в одной инструкции хоть полупонамек на подобный бред! Зачем я зубрил, читал, запоминал, вдумывался, сдавал экзамены, зачем? Кто вы? Что это все значит? Можете мне сказать? Вот! – Комендант выдернул из кармана пухлую книжицу с черной обложкой, на которой красовался белый расколотый круг и сверху золотом было пропечатано название. Взгляд Сварога успел ухватить всего два слова: «устав» и «непобедимость». Крон-майор принялся лихорадочно листать брошюру, придерживая ее рукой с револьвером. – Глава «Магические атаки».

Состоит из двух параграфов. Первый об обязательности ношения при себе серебра весом не менее трех голлетов.[120] Второй параграф предписывает во время появления маррогов сохранять выдержку и спокойствие, боевых постов не покидать, сосредоточить огонь на реальном противнике... Летающий броненосец – это реальный противник, как вы думаете? – Крон-майор перевел с книжицы на Сварога страдальческий взгляд, но открыть рот Сварогу не позволил. – Думаете, при мне нет трех голлетов серебра? А это что?!

Комендант сорвал с шеи серебряную цепочку, на которой была подвешена серебряная гидернийская монета, и бросил Сварогу под ноги. Если крон-майор и надеялся, что старший артиллерийский офицер испарится или, захлопав перепончатыми крыльями, умчится в свои адские кущи, то он жестоко ошибся. Сварог остался на месте. Видимо, расстроенный последним обстоятельством, комендант вырвал и скомкал листы с параграфами о магической атаке, а потом швырнул и всю брошюру в разбитое окно штабного здания.

– Нагрудный знак «Морской веночек». – С корнем содранный с груди знак с клочком серой ткани полетел к крыльцу столовки. – Я не сдержал слез, когда мне его вручал сам штаб-стратег Рибо Скиль. Я мечтал поступить в Королевскую академию. Мечтал о Гальвикарии Первой степени с алмазным крестом. – Крон-майор сорвал с правого плеча эполет с бронзовой бахромой и тремя большими ромбами. – Что все это значит, послушайте, вы? Прошу ответить! Скажите мне и дайте полминуты, чтобы облегчить вам задачу. Можете мне сказать, что все это значит?

– Конечно, могу, – Сварогу наконец удалось вставить слово в сей монолог отчаяния. – С удовольствием скажу, но потом. Сейчас не до того как-то, право. И полминуты я вам не дам. – Он показал шауром на револьвер. – Зря вы это, батенька. Эффектно, по-офицерски, не спорю, но все-таки глупо. В жизни столько еще интересного. Уж мне-то можете поверить...

– Я понял! Понял! – неожиданно воскликнул комендант, вскинув руки. – Вы пришли за *ними*! Пресветлый Тарос, как же я сразу не сообразил! – И показал револьвером куда-то себе за спину. – Ну конечно!

– И за кем я пришел? – с интересом спросил захватчик.

Если б комендант выразился бы «за ним», то, пожалуй, Сварог подумал, что речь идет об угле, но, судя по употреблению множественного числа, крон-майор имел в виду нечто иное.

– Вы один из них, да? Поверьте, мы выдали бы их вместе с судном. Они содержатся в помещении для временно арестованных... – И опять исказилось напряженными раздумьями лицо коменданта, едва сблизившиеся с концами концы вновь отказывались сходиться. – Но позвольте, а при чем тут «Адмирал Фраст»? Почему вы в форме старшего артиллерийского офицера?

– Все узнаете, крон-майор, – заверил Сварог, который и сам теперь был бы не прочь кое-что уяснить. – Обещаю. Слово артиллерийского офицера. А теперь идемте к «губе»...

– Куда?

– К помещению для временно арестованных, Смотреть на арестованных будем. Да и кого, может быть, другого в арестованные определим... Да! Револьверчик-то отдайте, а то неправильно как-то: база пала, а проигравшие ходят вооруженными...

...Эти мачты с зарифленными парусами он увидел еще в подозрную трубу и

принял парусник на обыкновенный блокшив, вымачивающий якоря на вечном приколе.

Сейчас Сварог стоял на шканцах этого самого парусника, оказавшегося двухмачтовой шхуной, причем вполне действующей, пригодной к плаванию и активно к нему готовящейся. К бортам парусника нагелями были прибиты затейливо вырезанные из дерева, крашенные в нежно-зеленый цвет буквы, складывающиеся в название «Путь».

Бушприт украшала деревянная фигура: обалденной красоты девица со струящимися по ветру волосами и двумя парами извивающихся щупалец вместо рук. Морское божество, как пить дать.

Матросы – не гидернийцы и не тоурантцы – сновали по вантам, проверяя крепление снастей и управляемость парусов. Иные по сходням закатывали на корабль бочонки, наполненные питьевой водой из местного опреснителя. Иные по тем же сходням заносили вещи, возвращая унесенное со шхуны гидернийцами. А доставали забортную воду и драили палубу «Пути», закатав рукава и юбки, женщины. «А вот мы у себя на „Ударе“ женщин бережем, – подумал Сварог, глядя на это, честно говоря, не лишнее эротизма безобразие. – На них лишь киндеры, карболка, камбуз...»

– Сегодня день третий. День Огненной зари, – пояснил собеседник Сварога. – Женщинам разрешено трудиться наравне с мужчинами.

– Ах вот оно как, – отозвался шторм-капитан броненосца. – А разрешено им не трудиться в этот чудный день?

– Каждый волен не трудиться, когда захочет. Но тогда его перестанут оберегать.

– Что-то, погляжу, не очень-то вы себя наоберегали...

Щадить неведомые религиозные чувства Сварог не намеревался. Обойдутся. Не хватало еще с ними сюсюкаться, лить елей и патоку и не трогать грубыми руками. В конце концов, кому как не мастеру Сварогу они обязаны свободой – так что вытерпят любой острый вопрос и любое его ехидное замечание. Короче говоря, граф Гэйр религиозных чувств не щадил. Чем-то, чему пока он не подобрал определения, его раздражали эти морские скитальцы. Но тем не менее странный корабль Сварог не покидал.

На море поднялась волна. Не бог весть какая страшная, средней поганости, но вполне обошлись бы и без нее. Да и вообще погода на глазах портилась, усиливался ветер. Еще штормов нам не хватало...

Нынешний собеседник Сварога выглядел вполне импозантно: высокий, с безупречной осанкой, волевое лицо, густая рыжая борода с проседью, пронзительные серо-голубые глаза. В общем, на предводителя тянет. Его, вместе с остальными членами экипажа шхуны «Путь», Сварог выпустил из сарая с решетками на окнах и с замком на двери. Сарай-то и служил местной «губой», помещением для временного содержания, на которой перевоспитывались нарушители режима. Строение было рассчитано человек на двадцать, в него же набили около полутора сотен мореплавателей.

– С добрым утром! – приветствовал их освободитель. – А вы кто такие будете, мастера хорошие?

Тогда-то к Сварогу и вышел из спертго воздуха местной тюрьги этот самый рыжебородый предводитель. Поклонился.

– Вы не из тех людей в серых одеждах, что заперли нас в доме с железом на

окнах, – сказал он утвердительно. После чего спросил: – Мы можем вернуться на наш корабль?

– Почему бы и нет, – философски пожал плечами Сварог. – Значит, это ваша шхуна там покачивается, ну-ну... А не объясните ли вы мне, таинственный незнакомец, каким это образом вы всей командой угодили в плен?

– Мы увидели этот остров, увидели на нем людей и хотели попросить у них питьевой воды. Наши запасы иссякали.

– У гидернийцев – попросить? – Сварог поднял брови. – Или их флаг тогда был спущен?

– Мы не знаем, как зовутся люди в серых одеждах. Мы жили далеко, там, куда никто никогда не приходил.

– В Запретных землях? – Сварогу припомнились рассказы о сектах, изгонявших официальную церковь и уходивших в ничейные земли, о колонистах, высадившихся на берегах Запретных земель да там и оставшихся.

– Не знаю, о чем вы говорите. Мы жили на берегу бухты Амрикон, на Земле Угодной Всем Четырем, – сказал рыжебородый.

И не соврал – так, во всяком случае, показал детектор лжи графа Гэйра.

– Ясно, – кивнул Сварог. – Предельно ясно, – вздохнул. – Давайте, что ли, освободиться из неволи, мастера пленники...

Что действительно было Сварогу предельно ясно, так это почему гидернийцы не потопили парусник или не расстреляли захваченный экипаж. Попытка захвата базы места не имела, сами приплыли, сами сдались, сопротивления не оказывали. На сей счет четкая инструкция отсутствовала, поэтому комендант угольного царства решил не принимать самостоятельных решений. На то есть начальство, и оно вот-вот прибудет. А мы люди маленькие...

На предложение Сварога освободиться рыжебородый мастер предводитель кивнул и, войдя в сарай, сообщил:

– Мы возвращаемся на «Путь».

...Они проходили мимо Сварога, отнюдь не бросаясь к нему, как к воину-освободителю, со слезами радости и словами благодарности. И как вроде бы долженствовало измученным заточением невольникам. Нет, они проходили мимо, лишь задевая взглядом, словно по скучному пейзажу. Создавалось впечатление, что они математически просчитали появление Сварога в оное время в оном месте с погрешностью, стремящейся к нулю.

Все до одного в сероватых льняных одеждах грубого тканья, только разве что женщины в юбках, мужчины в штанах, а дети обоюго полу в длинных рубахах. И через одного – рыжеволосые. Что наводило на мысли.

– Позвольте назвать себя, – вновь подошел к Сварогу рыжебородый. – Броз, Указующий Путь.

– Сварог, – представился тот. Подумал и добавил: – Капитан второго ранга.

Тогда мастер Броз и предложил стать дорогим гостем на их корабле, «доставить им приятные минуты». Но секундами раньше, до того, как кап-два Сварог дал ответ, к Брозу подошла симпатичная молоденькая девчушка с волосами цвета спелой пшеницы, обвила за руку, прислонилась щекой к плечу. «Дочь. Или очень молодая жена», – подумалось Сварогу.

– Моя дочь Пэйла, мастер Сварог.

– Я тоже приглашаю вас, мастер Сварог.

Сварог нерешительно оглянулся на броненосец. Работа на подчиненном

маскапу броненосце кипела вовсю. И ведь, что приятно, все были при деле – даром пропал на Земле Сварогов талант командира! Гидернийско-тоурантская бригада под командованием боцмана Тольго перегружала уголь: на лебедках опускали в трюмы барж мелкочаеистые сети, нагребали черное золото, заводили на броненосец и ссыпали в трюмы. Отряд исключительно тоурантских мстителей, предводительствуемый Рорисом и составленный наполовину из подростков, открывал кингстоны и топил баржи, уголь с которых на «Адмирала» явно не влезет. Клади с женщинами облегчала базу на провиант, набивая закрома «Фраста» совсем уж до отказа... И, между прочим, еще одна работа проводилась на отдыхающем от морских просторов корабле. Броненосец лишили прежнего названия, названия ненавистного и к тому же утратившего всякую полезность. Лишали не столько распоряжением Сварога, сколько, как предполагал маскап, инициативой дожа Тольго, выражающего пожелания клаустонцев, – инициативой, несомненно поддержанной Пэвером, который сильно не любил конкретного исторического деятеля, адмирала Фраста. Два матроса болтались в «беседках», сооруженных из доски и веревок, и шуровали кистями: один закрашивал прежнее, другой ниже выводил новое название. Второй работал без трафаретов и линеек, пользуясь только кистью, рукой и глазами. Но, видимо, знали, кого бросать на этот участок работы. Буквы у корабельного художника мало того что выходили одного роста и держали между собой похвальную дистанцию, но еще и обретали всякие хвостики, ножки-рожки, завитушки и прочие красоты. Уже написанное слово «серебряный» выглядело как стилизованное под старину название, скопированное из первого кадра фильма-сказки...

Пэвер во главе небольшого, но храброго отряда во избежание партизанских вылазок отлавливал по закоулкам базы попрятавшихся гидернийцев из состава угольного гарнизона. Иногда то оттуда, то отсюда доносились одиночные выстрелы. Олес конвоировал отловленных на гауптвахту, простоявшую пустой совсем недолго. В соседнем с «губой» здании Рошаль, начав с коменданта, проводил с задержанными задушевные беседы. Мастеру охранителю было поручено выявлять среди гарнизона толковых, нужных, не шибко лояльных по отношению к Гидернии солдатиков и, по возможности без кнута, убеждать арестантов перейти под знамена вольного корабля. Судьба же остальных – непереубежденных и попросту потенциально опасных для предприятия, равно как и судьба двух матросов из «гидернийского корпуса» в составе экипажа «Фраста», уличенных Рошалем в «подговаривании на бунт», была, увы, predetermined. А что прикажете делать? Не оставлять же в живых людей, которые не сегодня-завтра наперебой начнут докладывать командирам прибывших позднее броненосцам о подлых пиратах с «Адмирала» и тыкать пальчиками в сторону, куда означенный «Адмирал» почапал, набив трюмы дармовым углем...

Короче говоря, как в хорошем полку или гражданском учреждении, где служебный механизм отлажен, как швейцарские часы: командир над душой не стоит, однако работа *сполняется* положенным чередом. Горизонт чист, дымов из труб броненосцев-конкурентов не наблюдается. Отчего ж тогда не погостить малость...

В общем, отдав необходимые распоряжения, граф Гэйр взошел на шхуну «Путь», – где сейчас и вел на шканцах умные разговоры с верховным жрецом

дня Огненной зари. Жрецов, подобных Брозу, имелось в запасе еще аж трое. Жрецы верховодили Детми Зари поочередно, и не потому, что Дети наскребли всего четверых жрецов (неделя у них состояла из четырех дней), а наоборот, по числу дней недели – число командиров дня. В день Огненной зари все подчиняются Брозу, даже остальные жрецы, до наступления своей очереди уравниваемые в правах с простыми людьми. А завтра и Броз встанет, что называется, в общий строй. Вот такая, блин, у них иерархия с субординацией.

У Детей Зари было все не как у людей не только в отношении дней недели. Год, называемый кругом, длится у них «четыре сотни шагов», где шаг – те самые четыре дня. Сварогу стоило труда пересчитать в мозгу, сколько ж это будет, как говорится, на наши деньги. Оказалось, их год равен четверем с чем-то там нормальным человеческим годам. Значит, Брозу, который, по его словам, не так давно обошел «девятый круг», где-то под сороковник, а Пэйле можно нарисовать по их времяисчислению никак не больше четырех кружков...

Командир Сварог торчал в гостях, и хозяева шхуны его раздражали. Причем не поймешь чем. То ли голос этого предводителя адвентистов четвертого дня действовал на нервы своими интонациями гуру – вроде того, что «мне, избранному, дарована высшая мудрость, дети мои, внимайте», то ли подобная жизненная позиция – дескать, убьют, значит, так угодно высшим силам, а выживем – тоже слава Богу. Оружия, как успел выяснить Сварог, у адвентистов растакого дня не имелось. Вообще. Ни стрелкового, ни холодного – не говоря уж о пушках или торпедах. Но на что-то же они надеются! Если на магию, то какого черта дали запереть себя в сарае, спокойно отдали врагу единственную шхуну?

Кроме того, эти свидетели огненной зари отказались перенести к себе на судно опреснитель, установленный на базе. Мол, чужая, чуждая, чужеродная вещь несовместима с их правильной шхуной. «Она испортит корабль», – вот как сказал Броз.

– А что будете делать, когда запас воды опять закончится?

– Найдем новую воду, – ответил Сварогу жрец этого дня.

И ведь ни тени сомнения, что может выйти по-другому. И ясно, что такого не переубедить.

Дети Зари в лице предводителя отказались от перехода на броненосец. Сварог предложил им сменить плавсредство без всякого удовольствия и отказ воспринял чуть ли не с облегчением. Честно говоря, по нужде предложил. Нуждался экипаж «Удара» в доукомплектации. Чтоб были полноценные вахты, чтобы в боевое расписание не приходилось включать женщин и детей. Вот и предложил. Хотя прекрасно понимал, что намучается с сектантами на борту. Всякие капризы на религиозной почве, вычурные обряды, идиотский график жизни. И без того коллективчик еще тот. Вон вчера опять схватились гидерниец с тоурантцем, дошло до поножовщины, и не подоспей боцман-дож Тольго, не поучи того и другого уму-разуму тяжелым кулаком – скорее всего, команда уменьшилась бы еще на одного матроса. А то лишились бы и двух. Сварог, конечно, рекрутировал бы в экипаж отличников боевой и политической, значкистов ГТО и выпускников ДОСААФ – да откуда их добудешь в чистом поле океана...

Но ведь морскому ежу понятно, что не доплыть этим ребятам и девчатам до земли со своими хитрыми убеждениями...

– Металл не угоден морю, – такими словами отклонил заманчивое предложение мастер Броз. – Сам по себе он ненавистен морю, море его не держит. Море поддерживает металл, когда металл несет людей. Потому что море до сих пор щадит людей. Мы покинули бухту Амрикон на трех кораблях, мастер Сварог. Красный ветер нагнал нас на второй день пути. Случилось это ночью на стыке дня Дождевой прохлады и Твердого песка. Вы слышали о Красном Ветре, мастер Сварог? Красный Ветер – это проклятые неприкаянные души, скитавшиеся среди людей призраками. Когда исчезает земля, проклятые души находят друг друга, соединяются, и их несет над океаном. Ни один железный корабль не вышел бы невредимым из Красного Ветра. Мы потеряли два корабля, но третий-то уцелел. Металл, мастер Сварог, ненавистен не только морю, но и иным исконным силам...

Сварогу ввязываться в диспут не хотелось напрочь, он стоически молчал, а чертов жрец все вещал:

– Кое-кто по неразумению полагает, что будущее за судами с металлическими корпусами... Заблуждение. Но со временем истина восторжествует.

– И за чем будет истина? – лениво спросил Сварог.

– Истина в океане. Посмотрите на океан, мастер Сварог. Люди должны стать как океан – подвижным, но неизменным. Податливым чужой воле, но не управляемым чужой волей. Не имеющим формы, но имеющим свои законы...

– Истина-то истиной, но где же вы воду брать будете?

Жрец вздохнул.

– Вы пока не понимаете. И не видите истины... Воду нам даст вода.

Сварог внимательно посмотрел на него. «Не понимаете и не видите» – так вроде говорил *некто* из его сна. Уж не адвентист ли вещал ему?..

– Но – у вас свой путь, мастер Сварог, с нашим «Путем» не совпадающий. Пока не совпадающий. Может быть, потом, со временем...

– Значит, на мой корабль вы переходить отказываетесь.

– Да.

– И опреснитель не возьмете.

– Нет.

– Что ж... За сим позвольте откланяться, досточтимый жрец. Желая вам успешно закончить ваш *путь*. – Сварог потянулся всем телом.

– Путь никогда не кончается, – непринужденно ответил Броз. И вдруг цепко глянул на Сварога. – Вы думаете, что мы покорились судьбе и наше спасение воспринимаем как само собой разумеющийся знак свыше. Это не так. Мы благодарны вам. И умеем отплатить благодарностью. В какой-то момент вам понадобится наша помощь, и вы ее получите. И тогда, возможно, вы поймете, о чем я говорил. *Спасибо*, мастер Сварог.

– Да не за что.

Беда с этими сектантами...

...Оказывается, не со всеми адвентистами он попрощался. Сварога догнали на дощатом настиле базы, когда он, держа путь к возвышающемуся над базой родному кораблю, проходил мимо распаханного настежь вещевого склада. Оттуда хозяйственные тоурантские женщины выносили скатанные матрасы и одеяла, нагружали ими носилки с черными от угольной пыли ручками, носилки подхватывали дети и тащили на «Серебряный удар». Мастер капитан

приказа приборазаться не отдавал, кавторанг вообще не знал, как обстоят у них на корабле дела по части матрасов и одеял (хотя, конечно, по большому счету командир должен быть в курсе всех корабельных проблем), но в тряпичном вопросе, думается, женщинам следует довериться.

– Мастер мужчина, именующий себя Сварогом! – так окликнул маскапа звонкий голосок, и камзол тронула женская рука.

Сварога нагнала Пэйла, дочь жреца какой-то там Зари. Может быть, то обстоятельство, что рыжеволосая девушка против Свароговых ожиданий так и не присоединилась к их увлекательной беседе со жрецом, прибавляло маскапу раздражения на палубе адвентистского парусника.

– Когда мужчины разговаривают, женщины не должны им мешать, – только сейчас дочь жреца объяснила капитану Сварогу, почему она покинула их с отцом на шхуне.

– Смею вас уверить, прелестная дочь утренней зари, что вы нисколько не помешали бы. Как черствому сухарю не мешает изысканное вино, а сухой земле не мешает теплый летний ливень, – галантно, в лучших традициях таларской великосветской куртуазности, но при этом и совершенно искренне отвечивал девушке граф Гэйр.

Пэйла, смеясь, откинула со лба рыжую прядь. Она хорошо смеялась: белозубо, залиvisto, заразительно. Смеяться так, чтобы на тебя было приятно смотреть – это не многим дано.

– А мы с вами, мастер Сварог, позже обязательно встретимся, – вдруг сказала она, хоть и улыбаясь, но на полном серьезе.

Ну что тут ответишь? «Бросай все и айда к нам на борт, ведь пропадете – если не от гидернийского ядра, штормов или голода, то уж от жажды точно, не доплыть вам до нового материка с вашими хитрыми убеждениями!» Так ведь заведомо же ясно, что его словесный выстрел окажется холостым, их веру одной фразой не поколебать, и никуда ни дочь жреца, ни любой другой из адвентистов со шхуны не уйдет.

– Я тоже почему-то уверен, что мы с вами встретимся, – отчеканил Сварог, внутренне скривившись от омерзения к откровенной фальши своих слов.

Пэйла, еще раз рассмеявшись, помотала головой.

– Нет, вы не верите в то, что сказали. А я знаю, что мы встретимся. Вот посмотрите, разве могут не встретиться заходящее солнце и горизонт? Разве могут не встретиться волна и берег? В мире есть предопределенность, и кому-то дано ее видеть. Я вижу, что мы с вами встретимся.

«Беда с этими сектантами, – еще раз подумал Сварог, – беда даже с самыми очаровательными из них».

– Поэтому не «прощайте», а «до свидания», мастер Сварог, – быстро проговорила смешливая Пэйла, чмокнула Сварога в щеку и убежала.

Сварог проводил ее взглядом. Сердце ворохнулось в груди – хоть силком цепляй упрямый «Путь», хоть вновь арестовывай сектантов, запирай на «Ударе» и вези на Граматар. Ведь загубят же друг дружку религиозные догматики и фанатики – загубят собственным собачьим бредом насчет воды из воды, подвижности в неизменчивости и пути, который никогда не кончается...

...Шхуна «Путь» и угольная база превращались в точки. И скоро совершенно сольются с серым океаном, растворятся в нем. Сварог переводил захват

подзорной трубы с базы на парусник. «Путь», выйдя в море следом за броненосцем, сразу отвернул в сторону и пошел под тупым углом к курсу «Серебряного удара». Куда-то уверенно повела за собой их причудливая вера. Куда ж она вас заведет?..

А это что у нас нарушает однообразие воздушного пространства над океаном? Сварог навел подзорную трубу на некий объект, перемещающийся в облаках. Ба, да это же воздушный шар! Удалось разглядеть бледно-розовую сферу с нарисованной на ней птицей, огонь горелки, две человеческие фигуры в гондоле, обвешанной мешками.

В общем-то, ничего удивительного. Если на Димерее додумались до дирижаблей, то воздушные шары тем более должны существовать. Однако отчаянные ребята! Вверили себя исключительно капризным ветрам. А много ли они могли захватить с собой? Какое там... Тоже, скорее всего, во что-то верят. Или в какую-то свою карту, или в Блуждающие Острова, или в своих богов, или в свою удачу. М-да, думается, шансы на успех у воздухоплателей такие же, как и у адвентистов с «Пути»...

Сварог еще раз перевел окуляр на базу, уже едва различимую, и увидел за ней вдаль, на самом горизонте, тонкие струйки дымов. Ага, вот и хозяева пожаловали. Броненосцы Великой Гидернии. Опоздали вы, ребята, причем безнадежно. Пока вы дочапаете до базы, пока оправитесь от происшедшего... Даже если броситесь потом в погоню на остатках угля, то где ж вы нас сыщете, интересно бы знать. Увидеть к тому времени вы сможете лишь девственно чистый горизонт...

Сварог сложил трубу, облокотился на фальшборт. Океан, во все стороны океан, лениво перекатывающий по своей спине волны. Дело клонилось к вечеру. Только что пробили очередные склянки, намекающие вечерней смене, что пора бы ей готовиться к заступлению на дежурство в режиме походного расписания. И Сварог ничего не имел бы против, если б они провели всю путь-дорогу до Граматара исключительно в режиме походного расписания. Вахта за вахтой, «вахту сдал, вахту принял, никаких происшествий за время ейного несения». Решать бы одни бытовые проблемы. А со скукой мы бы управились, мы бы ее победили. Сварог зевнул. Сказывалась усталость – наследство непростого дня, сказывалось и приближение ночи. Так бы и зевать от скуки до самого Граматара, граф Гэйр возражать бы не стал, забав хватит сполна и на новом материке. А почему, собственно говоря, не надеяться на спокойное плавание? Они строго следуют карте Ваграна, огибая таящие угрозу места. Так что есть все основания рассчитывать, что вложенное в Сварога чутье на опасность ни разу не напомнит о себе до самого граматарского побережья...

Часть вторая ПОКОЙ НАМ УЖЕ ДАЖЕ НЕ СНИТСЯ...

Глава девятая Что-то происходит

Острое ощущение опасности нахлынуло, проникло сквозь сон до самых сокровенных фибр души. Не проснуться было нельзя. Сварог перво-наперво постарался сохранить ровное дыхание, чтоб не выдать раньше времени свою готовность противостоять опасности. Кто, что, почему – сейчас не имело значения. Опасность была самая что ни на есть реальная. Угроза для жизни, не меньше. Подобравшийся под одеялом, приготовившийся превратиться в бешено распрямляющуюся пружину, Сварог приоткрыл глаза... И ничего не обнаружил, хоть и просканировал каюту со всем положенным «кошачьим» тщанием. Вот только Клады рядом не было.

А может быть, виной тревоги пригрезившийся ночной кошмар? Сварог еще несколько секунд побалансировал на зыбкой грани между сном и явью, широко раскрытыми глазами прочесывая темноту. Пошевелился, чтобы ощутить тело, движение мышц, определить доподлинно, наконец, продолжается ли страшный сон или вокруг доподлинная явь. Шпага мирно висела на прежнем месте, обгорелый парусник в объятьях поджаренного осьминога – тоже неплохая картинка, пусть висит, хоть и огоньком подпорченная; не доставало разве что портрета обугленного мастера Ксэнга, но Сварог самолично отволол его в местную разновидность чулана: извини, мол, дедуля, двум капитанам на одном корабле делать нечего... Одним словом, в обстановке каюты с виду ничего не изменилось...

Как не изменялось вот уже четвертый день плавания в состоянии полной загрузки угольных ям. Серый океан, серое, затянутое тучами небо, бесконечная качка, несмолкаемый гул машин – выть хотелось от тоски. Вечные сумерки, опустившиеся на Димерею, уравнили в правах день и ночь, время суток можно было определить только по хронометрам да бою склянок; подчас Сварог ловил себя на мысли, что пора бы уж начаться опасностям и жутям, о которых все уши прожужжали «бывалые» моряки...

И накаркал.

Кажется, он понял, что его разбудило. Начавшийся ни с того ни с сего вчера к ужину, плывший над водами и просачивавшийся во все закоулки корабля странный, заунывный и ничуть не магический звук, который про себя Сварог нарек «плач сирен», вдруг сам собой оборвался. Это должно было принести облегчение, но почему-то сыграло в обратную сторону...

Сварог, чисто машинально, задействовал «третий глаз»... И, в общем-то, результату не удивился. Магия, как он и ожидал и как говорится в присутственных ларских документах, присутствовать *начала*. Но магия – кстати, какая-то странная, в магическом зрении являющая собой не более чем иссиня-белое, тусклое, как от «синей лампы», свечение, пронизывающее все вокруг предметы и непонятно откуда исходящее, – по большому счету особого вреда собой не несла. А острое чувство опасности, чтоб ему, не проходило.

Внезапно нахлынул совершенно детский страх. Паника, не простительная специалисту по умерщвлению закадычных врагов в одиночку и пачками. По-

чему-то стало мерещиться, что опасность притаилась буквально под ним, под роскошной, доставшейся в наследство от прежнего капитана кроватью, и стоит спустить ноги, как что-то или кто-то ухватится за них, и, будто в песенке, останутся от бравого майора и владыки нескольких королевств рожки да ножки...

И тут он увидел незваного гостя. Всего-то навсего – обыкновенная корабельная крыса. Зверек маячил у двери в позе «упор присев» и тер лапками острую ехидную мордочку. И шевелил гренадерскими усами. Метнув кинжал, Сварог мог лишить эту тварь жизни в секунду... И не метнул только потому, что это было самое первое и простое, что пришло в голову.

Крыса выглядела вполне обыкновенно, магическим свечением и прочими колдовскими знаками отличия не щеголяла – в отличие от остального, окрашенного в синий, мира... Так что разбудившее Сварога и уже малость поблекшее чувство опасности крыса вызвать не могла.

Медленно-медленно лорд Гэйр сполз с роскошного ложа и принялся напяливать штаны. Натянул позвякивающий драгоценными висюльками форменный гидернийский камзол. Крыса на хозяина каюты косилась, но спастись бегством отнюдь не собиралась. Закончив умываться, она стала выкусывать морских блох из-под мышек. И даже когда человек направился к выходу, зверек не юркнул в какую-нибудь щель, а чуть отбежал в сторону, как бы посторонился, лишь чтобы оказаться на достаточно безопасном расстоянии от сапог великана.

Сварог открыл дверь. И крыса мимо него шмыгнула в коридор, будто напросившаяся на прогулку поутру домашняя собачонка. В коридоре гул паровых машин был значительно слышней, но все равно казалось, что машины трудятся вполсилы – а это, господа, уже полный непорядок.

Серый корабельный грызун, не спеша и часто озираясь, будто приглашая маскапа следовать за собой, преодолевал ступеньки ведущего на верхнюю палубу трапа. И не было никаких вразумительных причин отказываться от приглашения. Как минимум, крыса казалась очень спокойной, *слишком*, и весьма собой довольной, не пребывала в панике, не делала никаких попыток бежать с корабля. А значит, несмотря на разбудивший графа Гэйра приступ страха, корабль не тонет, идет помаленьку своим курсом... *Своим?*

Только сейчас Сварог обратил внимание, что качка бортовая, а не килевая. Ветер, что ли, переменялся? Или вахтенный матрос без согласования со Сварогом сменил курс?..

Уже гораздо бодрее командир броненосца загромыхал сапогами по палубе – следом за припустившей крысой: зверек ведь, кажется, и пытался проводить его в рубку... Интересно, достаточно ли грозно выглядит ныне маскап, чтобы внушить нерадивому матросику такой же страх, какой только что пережил сам? Будем надеяться, что достаточно грозно: маскап, ведомый на экскурсии обыкновенной крысой – такая, знаете ли, картинка кому угодно внушит должествующий страх – а значит, и почтение...

Энергичным шагом Сварог миновал несколько отсеков, на ходу заглянул в кают-компанию. Лицо, приближенное к графу Гэйру и обязанное, пока означенный граф отдыхает, бдить и радеть, не жалея живота своего, надежд не оправдало. Суб-генерал Пэвер дрых, пардон за подробности, мордой в столешницу, потянувшись было рукой над столом за пузатой бутылкой черного ви-

на – да так и опав, не дотянувшись. Оргвыводы будем делать потом. Сейчас лорд Гэйр всего лишь выругался, как лорду не подобает, и помчался дальше. Жилая палуба, пушечная, вот и верхняя, бегом по трапу...

Палуба, по обыкновению, встретила Сварога постоянными сумерками, соленым ветром и холодными брызгами в лицо. А более ничего интересного вокруг не обнаружилось: ни загадочного ночного свечения, ни таинственных огней, ни непонятных силуэтов в округе – ночь как ночь...

И рулевого в рубке не обнаружилось тоже.

Если точнее, то в рубке вообще никого не было, однако штурвал был зафиксирован кожаным ремнем, и, слава Богу, корабль носом по волнам не рыскал. Компас подсказал, что Сварог не ошибся: курс изменился на девяносто градусов. Сварог попытался вспомнить портрет заступившего на вахту новобранца – кажется, кряжистый молодец с пухлыми губами и жуликовато бегающими лакейскими глазами. Из гидернийских. Такой запросто мог предпочесть, вместо добросовестного стояния у штурвала, подливать суб-генералу за здоровье Пресветлого Тароса и слушать мемуары о бытии Шестого кавалерийского полка имени короля Макария – пока старик не вырубится. А далее зафиксировать руль и отправиться по естественным надобностям – знакомиться с воевательницами-клаустоночками. Пока, мол, мужья дрыхнут...

Версия была вполне правдоподобна, если бы не два колючих «но». Первое: не килевая, а бортовая качка. Сварог уже достаточно поднаторел в морских премудростях, чтобы понимать, чем это может грозить кораблю – смотри эпизод с рулевым Диксом. И второе: самовольная смена курса. За последнее в аглицком флоте протягивали под килем или отправляли гулять по доске. В более гуманном российском – пороли линьком, стегали цепочкой от боцманской дудки или секли розгами до опупения. В том, что новобранец спойл суб-генерала, Сварог не сомневался. А вот в то, что целью акции была лишь прогулка к представительницам прекрасного пола, капитан верил не очень. Неужто Рощаль проглядел иуду в наших сплоченных рядах? Ох, поймаю дезертира и допрошу как Сидорову козу...

Сыграть, что ли, «свистать всех наверх»? Показательно уличить подлеца и утопить, дабы прочие бойцы раз и навсегда уверились, что командир Антигидернийской коалиции спуску не даст? Так-то оно так, но, как и в известном анекдоте, «есть нюансы»...

На то, чтоб плавно вернуть исходный курс, Сварог затратил неполных семь минут. Очень уж ему хотелось, чтобы перемену не почувствовало большинство команды. Хотя бы те, которые ни черта не понимают в качке. Ведь с какой стороны ни посмотри, но в том, что броненосец стал лагом, прежде всего виноват сам новоиспеченный шторм-капитан. Не проследил, доверился, прошляпил – нужно подчеркнуть... Короче, незачем команде сомневаться в руководящих талантах командира. И опять глаз нашел вылизывающую у комингса шерсть крысу. Опять зверек собирался указать неопытному кэпу на недостатки в работе.

Ситуация казалась знакомой до зубной боли: снова в ряды затесался враг и снова было не разгадать, в какую игру он приглашает скрестить копыта. Прежде чем согласиться на предлагаемую грызуном экскурсию, Сварог, сверяясь с привинченной под носом медной табличкой, выбрал из голосоотводов нужный и пробасил в жерло металлической трубы, ведущей в каюту масгра-

ма:

– Вызывает маскап «Серебряного удара». Гору Рошалю немедленно прибыть в ходовую рубку. Гору Рошалю заступить на боевое дежурство!

Сварог умышленно ввернул «боевое», надеясь, что сие придаст экс-царедворцу прыти. Сам же, при помощи того же ремня зафиксировав штурвал на первоначальном курсе, поспешил за не по годам бдительной крысой. Ответа от Рошала ждать не стал, потому как явное нетерпение начал вдруг проявлять грызун, и Сварог потихоньку проникся к зверюшке доверием. Вроде как симпатичной стала зверюшка ему казаться, хотя раньше симпатии к грызунам он за собой, знаете ли, не замечал...

Корабль спал, только монотонно бубнила вызубренный раз и навсегда урок паровая машина. Да разве что с жилой палубы доносились заунывные звуки:

*Веселую свадьбу
Сыграли едва,
И вот уже, мама,
Я полувдова.
Горючие слезы
Могу ли сдержать,
Когда мой желанный
Уходит на рать...*

Сварог прислушался. Кто-то из тоуранток тянул, как жилы, бесконечную песню, от которой на душе стало и вовсе тоскливо:

*Зачем я, любимый,
Венчалась с тобой?
Короткое счастье
И вечная боль!
В каком тридевятиом
Постылом краю
С собой похоронишь
Ты долю мою?..*

Одна женщина на корабле – это уже беда, а уж *такое* количество, черт бы их побрал... Сварог раздраженно помотал головой. Опять показалось, что машина работает тише, чем обычно. Да и гаденькое чувство опасности никуда не исчезало, притаилось на доньшке души... А крыса знай себе путешествовала вдоль переборок, перепрыгивала через комингсы и ныряла в люки, что твой юнга. Сварог еле поспевал следом. Внутри корабля ему, насквозь сухопутному волку, было насквозь неуютно, все же не привык он еще к морскому быту, куда ни кинь взгляд – кругом железо, железо, железо...

Человек и крыса прежним маршрутом миновали кают-компанию и взяли курс на корму. Над по-разгильдяйски не задраенным погребом для хранения вина и уксуса (как бишь его правильно – ахтерлюком) Сварог вступил в подозрительную, кисло пахнущую лужу. И зайцу ясно, это не морская вода, а пролитое злоумышленниками вино... Оп-па! – из камбуза потянуло запахом прогорклой редьки.

– Да что там говорить, ребята. Нелегко нам придется с новым капитаном, – явственно донеслось из-за неплотно прикрытой двери.

Ясный день, Сварогу чужое мнение моментально стало весьма интересно, и он притормозил. Но разговор, по закону подлости, сразу же свернул в сторо-

ну, причем в напрочь непонятную:

– Акула с сухой шерстью видела меня. Почуяла, носатая, еле лапы унес... я спрятался здесь, среди еды, чтоб не унюхала, и она пробежала мимо, к залежам гремучего порошка.

– О, Господи! – вскрикнул второй голос. – К гремучему порошку? Если наши ребята там, то они погибли! Лаэнн, Таст-Хайме, Гэйнк и остальные – что с ними будет?

– Не знаю, – мрачно ответил голос номер один. – Если Тидла зашел так далеко, то теперь ни перед чем не остановится. Я должен перепрятать тебя в укромное место.

– В угольную яму?

– Нет, это будет небезопасно, даже если оставить змеиную кожу у Эри или Банна.

– Но мое синее сердце? Оно там – внизу!

– Сейчас не думай о нем. Мы еще вернемся на то место, где ты ночевал – когда там будет безопасно...

Разговор явно вели не оголодавшие новобранцы, прокравшиеся на камбуз подшустрить в котлах насчет лишней пайки. И, что любопытно, голоса Сварогу были напрочь незнакомы... Крыса нетерпеливо пискнула, и Сварог, пусть ему и было крайне любопытно, решил вмешаться. Он дернул люк на себя, ввалился в камбуз и... не сразу закрыл рот.

На камбузе никого не было. В полумраке жалобно позвякивали от легкой качки поварешки, черпаки и прочая хозяйственная часть заведования. В углу дыбился приготовленный к завтраку мешок картошки. И все. И в остальном – тишина. Сварог почувствовал, что помаленьку сатанеет – но не щипать же себя за ухо, право слово: и без того понятно, что сие непотребство к снам отношения не имеет. Как пить дать – оно, злодейское колдовство... Ну это мы еще посмотрим, а пока Сварог предпочел отправиться следом за все откровенней выказывающей нетерпение крысой. Отсеки, отсеки, отсеки...

Сквозь переборки послышалось вроде как коровье мычание. Сварог, естественно, с самого начала предполагал, что, невзирая на жестокий приказ донжа, кто-то сумел-таки пронести на борт щенка или котенка. Но за то, что на борту нет коровы, он был готов голову дать на отсечение... Ага, вот и машина.

– Маскап прибыл в машинное отделение. Доложил вахтенный матрос Норек!

– Вольно, матрос Норек. Как дела, матрос Норек?

– За время дежурства нарушений не произошло!

Ну хоть один нормальный человек на борту остался...

Далее экскурсия переместилась на третью палубу, и крыса, сделав вираж у входа в кочегарку, исчезла. Вроде как мавр сделал свое дело...

На всякий случай нащупав в кармане шаур, Сварог осторожно заглянул в кочегарку. Ничего хорошего он там увидеть не ожидал – но увиденное оказалось еще хуже. Топка уже не пылала, а еле тлела, хотя жара оставалась удушающая и плавящая мозги. Стелющийся понизу сизый дым ел глаза. Один кочегар с разможенной головой лежал, раскинув руки, а второй, с безумным блеском в глазах и по уши перепачканный в крови и угольной пыли, зачем-то набивал пазуху кусками угля. Уголь просыпался сквозь прорехи в драной, мокрой от обильного пота рубахе, но кочегар не замечал этого, он продолжал

счастливо хихикать и совать в закрома все новые куски антрацита. И столько заразной алчности плескалось в улыбке безумца, что и Сварогу стало вдруг казаться, будто обыкновенный уголь и в самом деле источает свечение, как груда драгоценных камней...

Любое безумие заразно, но тут действовала более целенаправленная сила. Когда Сварог был уже почти готов увериться, что уголь каким-то образом превратился в граненые алмазы, пришла спасительная мысль опять включить магическое зрение.

Ну так и есть: злая магия присутствовала и здесь.

На верхушке горы угля лежал маленький камешек, источающий синее свечение – такого же оттенка, как и пронизывающий корабль отсвет. И это свечение обволакивало весь уголь. И превращало угольную гору в достаточный аргумент, чтобы проломить череп напарнику – лишь бы одному обладать мнимым богатством. Вопрос: откуда он тут взялся?

Только теперь свихнувшийся кочегар заметил Сварога. И это был уже не человек, а дикое существо в обличье кочегара, готовое ради призрачного мерцания рвать горло кому угодно. Руки замороженного потянулись к лопате... Безумец вскочил на ноги и бросился вперед.

– Мое!!! – всколыхнул сонную тишину почти звериный вопль.

Убивать кочегара в планы Сварога никак не входило. И без того экипажа – раз-два и обчелся. Тем более справиться с безумцем труда не составляло. Шаг в сторону, удар под дых, подсечка. И для верности – оглушающий сверху... Кочегар без сознания простерся у ног. Нехай немного вздремнет, авось разум вернется...

Теперь черед вредного камешка. Сварог брезгливо поднял его двумя пальцами и отправил в топку. Как перегоревшая лампочка полыхнул синий огонь, и марево рассеялось. Далее следовало срочно поставить кочегарам смену и объявить по кораблю боевую тревогу. Ведь корабль подвергся вражескому нападению. «А кто скажет, что это не нападение, с тем я сам не знаю, что сделаю», – пробормотал Сварог под нос.

Найдя грязную, всю в угольных отпечатках ладоней трубу голосоотвода, Сварог поднатужился и заорал что есть мочи:

– Кто в рубке?!

Пять, десять секунд ответа не было. Неужели Рошаль так и не заступил на пост? А может, Сварог – последний, кто пытается сопротивляться козням неведомого врага?.. Он помчался обратно в ходовую рубку. Перепрыгивая через комингсы, барабаня подошвами по трапам и не захлопывая за собой крышки люков.

– Маскап покидает машинное отделение. Доложил вахтенный матрос Норек!

Ан нет, еще один здравомыслящий остался на свихнувшемся корабле.

– Срочно смену кочегаров к машине!

– Матрос Норек не имеет права покидать пост!

Сварог ухватил бойца за шкирку и подогрел коленом под зад:

– Приказ шторм-капитана, мразь! Бегом марш!!!

Либо помог поставленный командирский голос, либо неуставные взаимоотношения, либо специально для матросика-гидернийца ввернутое злое «шторм-капитан», но Норек проворно побежал за сменой...

Нет, ну черт-те что творилось на корабле – старший охранитель и по совместительству грам-капитан Гор Рошаль в рубке находился, и то спасибо. Он стоял, облокотившись на штурманский стол, и смотрел на графа Гэйра весьма странно. Будто впервые видел. Тут бы ему и отвесить доброго тумака, как вахтенному матросу, так ведь нет, привык Сварог, понимаешь, цацкаться с соратниками...

– Почему не вышел на связь? – рявкнул командир.

– Только что над кораблем пролетела стая гигантских птиц. Похожих на ворон, только клювы кривые, – усталым, монотонным голосом проскрипел беглый царедворец с таким видом, будто на ежегодном балу в честь дня рождения наследника престола пересказывает затасканную сплетню.

– Ну и что?

– Они пролетели, ни одна птичка не села на палубу.

– Ну и что?

– Птица, летящая над морем, не должна пропускать любую возможность передохнуть. Откуда она знает, когда представится следующий шанс?..

Сварог сообразил, что, хотя Гор бубнит совершенно спокойным голосом, на самом-то деле он находится на грани истерики. Такой же истерики, каковая мытарилла самого благородного лара полчаса тому и до сих пор прячется где-то в закоулках души...

– Птицы не садятся передохнуть в двух случаях, – полуобморочно бубнил Гор Рошаль, – когда внизу их поджидает опасность или когда их преследует что-то, от чего может спасти только скорость...

– Прекратить!

Вот тут-то Сварог не выдержал и позволил себе выплеснуть напряжение. Стравить, так сказать, пары – он отвесил паникеру внушительную оплеуху. Рошалья подняло в воздух и всей массой жажнуло в переборку, едва не раскрыв бедолаге затылок о край открытого иллюминатора.

Хотя, если быть справедливым, то удар его величества был здесь совершенно ни при чем. Некая сила и самого Сварога подбросила точно так же, грудью швырнула на штурвал. Снаружи на палубу обрушились тонны воды, тугая струя плеснула и в иллюминатор. Палуба заходила ходуном, со штурманского стола посыпались секстанты, линейки, прочие причиндалы... Вздыбившаяся пучина с двух сторон объяла борта корабля и сдавила, как питон душит неосторожную макаку. Верхнюю палубу по самую маковку завалило морской пеной – пены было столько, будто «Серебряный удар» разом взяла на прицел сотня-другая пожарных машин.

А далее под сердцем засосало, и броненосец невесомой щепкой ухнул в глубокую воронку. По всему кораблю проплыл зубовный скрежет. Гигантская волна, рожденная подземным толчком где-то в океанских пучинах, побежала уже впереди корабля, к горизонту, оставив взвешенные в воде водоросли, сорванные с далекого дна.

У Сварога вдруг появилось стойкое чувство дежа-вю: такое уже происходило – при захвате корабля, только тогда рядом был не Рошаль, а рулевой Дикс, и волна была не в пример меньше, но в общем и целом – очень даже похоже. Спасибо Диксу, надоумил в свое время, как надо держать корабль к волне, не то...

Окажись под килем недостаточная глубина, *эта* волна была бы гораздо вы-

ше. Она или захлестнула бы броненосец, или утащила его в водоворот, или переломила бы корабль на гребне. Если бы Сварог не развернул «Серебряный удар» кормой к волне, корабль опрокинулся бы в бездну... Ну, было и еще миллион случайностей, сумма которых сберегла экипажу жизнь. Конечно, корабль еще качало и трясло, словно в лихорадке, но все последующие удары волн по сравнению с первым внезапным шквалом можно было считать детским лепетом.

Сварог, отчаянно пытаясь выглядеть бравым (но предусмотрительно впившись рукой в ближайший поручень), пренебрежительно хмыкнул сквозь зубы:

– Павлины, говорите...

– Нет, очень похожие на ворон, только клювы кривые, – испортил триумф педантичный Рошаль.

В рубку влетел, на ходу заправляя рубашку в штаны, Олес.

– Олес, двух матросов подними и вместе проверьте, не отвалилась ли где бортовая броня – щиты могло вывернуть вместе с заклепками, нет ли течи в швах и стыках. Во всех!

Вот так-то, други мои. Поднаторели мы в морском деле. Поневоле понимать станешь, когда прижмет...

Олес не стал объяснять, что никого будить уже не надо: вода хлынула в незадраенные люки, в кубриках чуть было не началась паника – дескать, тонем, – паника, которую пришлось пресекать зуботычинами и оплеухами. Олес размашисто кивнул и покорно умчался в трюмы, на пороге едва не столкнувшись с всклокоченной Клади. Перво-наперво боевая подруга подняла и поставила в центр опрокинутое кресло. Села на него и ледяным тоном спросила:

– Ты можешь мне объяснить, что происходит? Мы тонем?

– Барахтаемся, – уточнил Сварог.

– Сначала из меня чуть не вытрясло позапрошлогодний завтрак, а когда я вышла в коридор, пол по щиколотку оказался залит водой...

– Не пол, а палуба. Кстати, спасибо за подсказку: волна наверняка утяжелила корабль на дюжину тонн воды... Мастер грам-капитан, нечего ворон считать! Командуйте аврал. А потом боевую тревогу и общее построение. Боцман в рубку. Разговор есть...

– А как командовать? – совсем растерялся Гор Рошаль.

– Самого заставлю вычерпывать всю воду! – гаркнул Сварог и вновь повернулся к Клади: – А откуда ты вышла в коридор, позволь узнать?

Она вскинулась удивленно:

– Что значит – откуда? Из лазарета. Ты же сам мне сказал – растолкал всю такую спящую и послал проверить запасы йода. Только я туда спустилась, тут-то корабль и мотануло...

Она не врала. Она и в самом деле была уверена, что Сварог отправил ее в лазарет среди ночи. Сумасшедший дом, честное слово... Он внимательно посмотрел на Клади и произнес задушевно, по-докторски:

– Милая моя, а ты сама как думаешь, это вообще-то в порядке вещей – проверять запасы йода глубокой ночью?

Она раздраженно передернула плечиками.

– Понятия не имею. Может, так в море положено, мало ли...

– Авральную бригаду – к помпе! – послушно кричал Рошаль во все подряд

голосоотводы. – Проверить борта на предмет течи!

Из трубы что-то прогудели в ответ.

Сварог задумчиво закурил. Что делать – ясности никакой. Ну, по меньшей мере – нужно выследить иуду, развернувшего броненосец бортом к волне. Как будто весь экипаж умом двинулся. Или находится под гипнозом... Под гипнозом? А что, вполне вероятно...

– Клади, дорогая, послушай-ка меня... У тебя не было ощущения, что тебе это просто *внушили*?

– Внушили? Ерунда. Кто?

– Если б я знал... – вздохнул Сварог.

– Да какое там внушение! Ты меня разбудил... – Она вдруг осеклась и осторожно потерла лоб, будто боясь упустить мысль. Сказала тихо: – Хотя... вот сейчас, когда ты сейчас спросил...

– Что? – Сварог наклонился над ней.

– Ну... как бы это объяснить... Знаешь, как я сама *внушаю*? Я представляю себе, что глажу человека по затылку, и от моих пальцев исходит такое... такое тепло, что ли, и человек уже не может противиться. Так вот, тут было что-то очень похожее – я проснулась от того, что кто-то вроде бы гладил меня по голове... А потом ты поворачиваешься и говоришь... Нет, не поворачиваешься, ты спиной ко мне лежал, но почему-то...

– Боевая тревога! Экипажу построиться на верхней палубе! Боцмана Тольго – в рубку! – надрывался Рошаль. Наблюдать за ним было горько и противно.

Клади подняла голову, сказала испуганным шепотом:

– Граф, что происходит?

– Вот то-то и оно. – Сварог выпрямился, прищурившись посмотрел в иллюминатор, где черным покрывалом лежала ночь. – Понять бы. Но ты права: что-то действительно происходит...

Глава десятая Непонятки – косяками

Новая смена кочегаров довольно скоро вернула броненосцу бодрый вид: дым красиво валил из всех трех оставшихся труб. Открывшиеся в сварных швах щели авральная команда законопатила, а где надо, наложила пластыри и подушки. Лучшего ремонта на ходу не сделать, так что работой маскап остался доволен. Вот разве что утро подкачало. Выглянуло бы солнце, просушило лужи на палубе – так нет же. Унылое, серое небо нависало над самой головой и царапалось о мачты. Выстроившийся в две шеренги у носовой мортиры экипаж выглядел подавленно. Хмурые физиономии, куда взгляд ни кинь...

Утром синее магическое свечение несколько пригасло, и к команде вроде бы стал возвращаться ум-разум. Идейка неведомого противника была не так уж и дурна, следует признать: значительно проще творить свои черные дела, когда и так все вокруг будто с ума посходили. А если поймают – всегда можно сослаться на помрачение... О событиях прошедшей ночи говорили много, но невнятно: идиотские заскоки у членов команды имели место сплошь и рядом. Кто-то попытался *вручную* размотать якорную цепь и поставить корабль на якорь, поскольку-де «нужно, чтобы паровые машины отдохнули», кто-то пытался взломать арсенал – по причине, которую и сам впоследствии объяснить не мог... А еще кто-то ночью забрался в капитанскую каюту, пока Сварог бегал по «Серебряному удару», и выяснял, что за чертовщина творится на борту. Это-

го «кого-то» вычислить пока не удалось, но у Сварога осталось стойкое убеждение, что Клади была специально отправлена подальше таинственной силой – дабы без помех разобраться с капитаном, который, к несчастью, магическому внушению не поддается... Спасибо тебе, умная крыска, выманила из ловушки. Если, конечно, ты не привиделась...

– Экипаж!.. – залихватски начал боцман Тольго, прохаживаясь между шеренг, и вдруг резко сменил тон на отеческий: – В общем, так, орлы. Ничего этого говорить не буду. Сами знаете: среди нас есть враг. Который всеми силами старается помешать нам. То, что произошло ночью – только начало. Дальше может быть еще хуже. Ну, это вы и сами понимали с самого начала, понимали, на что идете. Путь на Граматар труден и опасен...

Сварог с некоторым беспокойством фиксировал, как осунувшиеся лица становятся еще пасмурнее. Сдурел, что ли, боцман – панихиду тут разводить? И тут Тольго вдруг заорал:

– Но за каким хреном нам на Граматаре нужны выжатые лимоны и сопливые нытики, а?! Нам нужны сильные, веселые и бодрые люди! Нам еще государство строить, не забыли? Мы одна команда или сборище сухопутных хомяков?! Какая-то сволочь сеет среди нас панику, и что я вижу – сеет вполне успешно! Да какие вы, в китовью задницу, моряки, если тут же раскисли?! Почему рожи кислые? Я вас спрашиваю! Магии испугались? Да, это магия! Теневая магия! И что с того?! Короче, так. Для поднятия настроения и боевого духа маскап Сварог разрешает... нет, приказывает каждый вечер всем свободным от вахты членам команды собираться с дамами под ручку здесь, на верхней палубе, и устраивать танцы.

– А для азарта приказываю бертольеру выдавать всем свободным от вахты членам команды ежевечерне по чарке вина, – мрачно поддакнул Сварог.

– Баталеру, – уголком рта прошипел боцман. – Бертольер продуктовыми припасами не заведует.

– Поговори у меня еще, – беззлобно ответил маскап.

Судя по всему, со своей задачей дож справлялся: по рядам зашелестел заинтересованный ропот, а там, где в строю неловко пытались держать стойку «смирно» упомянутые «дамы», веселое перешептывание занялось в полный рост. Лица интернационального экипажа отчетливо порозовели.

– Ежели кто умеет играть на музыкальных инструментах, – продолжал Тольго с интонациями заправского агитатора, – прошу записаться у старпома Пэвера, он сейчас подойдет. Музыкантам, – косой взгляд на Сварога, – полагаются двойная порция. Кроме танцев будем проводить состязания. Челночный бег, перетягивание каната, поднимание тяжестей, борьба, все такое прочее... С сегодняшнего вечера маскап Сварог будет обучать вас премудростям борьбы без оружия!

«Ну и дичь...» – обреченно вздохнул Сварог. Однако промолчал: в шеренгах царило явственное оживление, ночные страхи помаленьку экипаж покидали. Считая произведенный эффект достаточным, Тольго неожиданно взревел:

– Команды «вольно» не было, акульки потроха вам в глотку!.. – И опять понизил голос: – А теперь я жду, что каждый из вас посчитает личным долгом приложить все старания, чтобы поймать затесавшегося в наши ряды изменника. Разделитесь на тройки, и пусть двое по очереди допросят третьего о том, где он был и что делал сегодня ночью. Если заметите ложь, масграму Рошалю

докладывайте немедленно... А для начала я хочу, чтобы вперед выступили все, кто может что-нибудь важное сообщить о стоявшем ночью у штурвала и бесследно сгинувшем матросе Готтане.

И ведь, что характерно, ни одну из своих пословиц не ввернул. Хитрый шельмец, знает, как с командой обращаться...

Вперед моментально выступило пятеро матросов – и, что характерно не менее, исключительно из гидернийских. Сварог внутренне напрягся: приказа стучать друг на друга как явно, так и скрыто он Тольго не давал – по причине возможного нанесения урона боевому духу, – однако хитрый боцман, как видно, знал, что делал...

Выяснилось, что Готтан запросто мог слопать чужой кусок пирога и особенно был падок на сладкое. Что Готтан был нерадив, и прежний шторм-капитан однажды в запале распорядился вышвырнуть оболтуса за борт, но виновник на коленях вымолил прощение. Что у Готтана в родичах писарь – конечно, не в самом Адмиралтействе, но на весьма почетной должности, да и сам Готтан из зажиточных мещан. В Катрании, столице Гидернии, его отец держал скобяную лавку, в которую запросто забегали адъютанты самого шудбината[121] Мадира. Что аккурат перед Исходом Готтан продул в «сто один» жалованье за три месяца и старинную серебряную бритву, так что вечно побирался и клячил бритву у кого-нибудь из сотоварищей, причем просить у тоуран... простите, у клаустонцев брезговал...

В общем, ясное дело, ничего ценного из этих рассказов Сварог не выудил. Подспудно он ожидал, что, опасаясь перекрестного допроса соседей в строю, «изменник» воспользуется поводом свалить вину на канувшего (похоже, с концами) рулевого и окажется среди пятерых болтунов – а уж его бы Сварог вычислил в два счета. «Изменник» охаивал бы исчезнувшего рулевого самым нахальным образом, благо опровергнуть наветы было некому... Выступившие из строя матросики чистосердечно морщили лбы в потугах вспомнить что-нибудь этакое, однако все преступления, в которых они обвиняли Готтана, не стоили выеденного яйца.

Сварогу показалось было, что голос одного из пятерки весьма схож с голосом невидимки, подслушанным ночью на камбузе. Он несколько раз специально переспрашивал матросика, заставлял повторять одно и то же... Нет, показалось. А Гор Рошаль со своей стороны бродил сомнамбулой меж разбившегося на кучки экипажа и краем уха подмечал все хоть на йоту подозрительное. И через каждые десять шагов поворачивался к Сварогу и пожимал плечами. Дескать, все мимо. А жаль. Молчала даже благоприобретенная способность видеть ложь – пусть репутацию уже и подмочившая, однако актуальности не потерявшая.

Сварог весомо поблагодарил болтунов, подчеркнул, что полученным от них сведениям цены прямо-таки нет, одарил каждого центавром и отпустил. Экипаж расходился, вполголоса обсуждая нововведения и ночные странности...

– Откройте-ка арсенал, – раздумчиво сказал Сварог Тольго. – Оружие раздайте, чует мое сердце, пригодится...

За его спиной раздалось виноватое покашливание. Это, вот счастье-то, продрал зенки Пэвер и теперь благоухал на весь корабль стойким перегагрищем. Позади генерала, будто чтобы старик не сбежал, кривила гримасу Чуба-Ху.

– Мастер старший помощник, я вами недоволен, – яростным усилием сдерживая губы, дабы те не расползлись в улыбке, как можно холоднее заявил Сварог.

– Граф, я чувствую себя, будто натер виски рауттанскими грибами, – Пэвер потер небритый подбородок. – Навакой клянусь, этот стервец подсыпал в вино какую-то дрянь. Я видел, что свою кружку он даже не пригубил. Но, старый дурак, не придал должного...

– Оставьте оправдания, мастер старпом.

– Нет, честное слово, я ведь и выпить-то успел всего две кружки. Разве это норма? Комариный укус. Дробинка – а с ног свалило капитально. Точно говорю: этот поганец пытался меня отравить. Жизнью клянусь, граф, на корабле творится что-то недоброе. Вон и Чуба может подтвердить...

– Я не уверена, – тихо сказала Чуба, на Сварога не глядя, – но отдала бы многое, чтобы оказаться на палубе другого корабля. Я не могу понять, что пытается завладеть кораблем, но стоит послушать крысиный писк, как понимаешь размеры надвигающейся опасности... Это магия, но очень... странная. Я раньше такой не встречала. Морская магия...

– Где ты была ночью?

– Мне показалось, что на корабле есть кто-то *чужой*, – отрывисто проговорила Чуба-Ху. – Тот, кого раньше не было. И это... не совсем человек. От него пахло рыбой. Но не так, как от рыбака – он сам был рыбой...

– Человек-рыба? – нахмурился Сварог, спросил осторожно: – Вроде... тебя? Оборотень?

– Нет, – она совсем по-собачьи мотнула головой. – Когда я человек, то я человек, а когда волк – тогда я волк. А этот... этот был *одновременно* и человеком, и рыбой... Я не могу объяснить.

– А тебе это... не показалось? Тут, знаешь ли, многим последнее время мерещится черт-те что...

Чуба ничуть не обиделась.

– Я побежала за ним – туда, где вы храните порох, но он меня почуял, спрятался. Я не нашла. Он *был*. Это точно.

Люди-рыбы, час от часу не легче. Необходимо обыскать весь корабль, иначе...

От возглавляемой Рошалем группы подбежал матрос:

– Маскап Сварог, масграм Рошаль просит вас подойти к борту, – голос матроса опять вибрировал на грани паники – будто и не распинаясь только что перед всей командой боцман Тольго ради поднятия боевого духа.

– Что еще? – скрипнул зубами Сварог и решительно зашагал к компании, по пояс перегнувшейся через фальшборт, словно углядевшей за бортом голую разбитную русалку. Помятый генерал и Чуба, естественно, двинулись за ним.

– Что там... – рыкнул Сварог и прикусил язык.

Ответ и так был ясен.

На кабелот вокруг корабля вода была не зеленой, не синей, не по-ночному фиолетовой. Даже в вечных димерийских сумерках вода за бортом сияла глубоким иссиня-черным цветом – не имела темный оттенок, а, как говорили классики, была именно «радикально *черного* цвета». И не оставалось сомнений, что виной не вздыбившийся со дна ил: в данное время и в данном месте это был «природный» цвет воды. А в бисты надвигался туман – белесый, плот-

ный, густой, как кисель...

Чувствующий себя виноватым и стремящийся искупить вину Пэвер, хотя его никто не спрашивал, забубнил:

– Это бывает. Я об этом слышал. Это происходит потому, что вода продолжает отражать ночь. Вон, видите, звезды поблескивают?

«Беспросветная ночь и даже звездочки видны», – неожиданно вспомнил Сварог и покосился на Тольго. Боцман перехватил его взгляд и, явно тоже вспомнив собственный рассказ о щели между мирами, отрицательно покачал головой.

– Не вижу никаких звездочек, – буркнул Гор Рошаль. Прочие же моряки в присутствии высокого начальства мудро решили воздержаться от комментариев. – Хорошо, пусть вода отражает не день, а ночь. Но что это означает и чем грозит нам?

– Не знаю, – развел руками отставной генерал. – Это тайна. В Трех Башнях ее так и называли – «тайна черного моря», а на побережье Рансельгарда – «тайна тихого океана», потому что это происходит только в тихую погоду...

– А все потому, что на побережье Рансельгарда настоящих кругосветников не встретишь, – фыркнул случившийся поблизости Малыш Кулк. И безмятежно объяснил: – Все очень просто. Здесь прошла каракатица Нури, и что-то ее испугало. А где-то далеко за кормой она всплыла. И нам крупно повезло, что всплыла она далеко за кормой, иначе путешествовать бы нам сейчас не горизонтально, а вертикально.

– А это что еще за зверь? – не очень-то обрадовался прояснению ситуации Сварог.

– Очень большой зверь, живет на глубине и кормится кашалотами, – охотно отвечал Кулк. – Ее видели и Ратий Проск, и Пресноводный Фермер. Даже Шестипалый Язычник похвалялся, что неделю путешествовал у нее в желудке и встретил там людей с жабрами, из ушей которых истекал мед... Впрочем, у Язычника были серьезные причины врать, потому что, когда он отсутствовал, кто-то прокрался в Келью Чечевичного Короля...

– Задам вопрос иначе, – резко оборвал сей бурный поток командир, опасаясь наводнения. – Что испугало эту твою каракатицу? Кажется, на сей момент это единственная тварь, которая предпочла путешествовать не от тонущего материка, а к нему... Может, и нам имеет смысл опасаться того, что всполошило ее?

– Вот уж не знаю. Только вряд ли муравьям стоит бояться львов. Плоскости не пересекаются. Рассказывали, что в океане есть места, где вода солонее, и соль разъедает кожу Нури. Вот она и дрейфует...

– Сказки, – вдруг поддержал Пэвера боцман. – Что за чушь – гигантская каракатица! Мастер генерал прав: «тайна тихого океана». А то, что на набережных Рансельгарда не встретишь настоящих кругосветников – чушь еще большая. А Стрекозиный Язык? А Висмус Отважный? Да и вообще!..

– Плывет! – вдруг принялся тыкать пальцем один из матросов в болтающийся на волнах бесформенный предмет у самой границы приближающегося тумана. Не понятно что. Черное на черном и, как тут же отметил Сварог, магического ореола лишено напрочь.

– Думаю, не надо это доставать, – ни к кому конкретно не обращаясь, обронила Чуба-Ху. – Не стоит забирать у волн то, что принадлежит им по праву...

– А вдруг перед нами разгадка тайны? – загорячился суб-генерал, и на лбу его заблестели бисеринки пота.

«Что, дружок, похмелье?» – чуть было не посочувствовал вслух Сварог, но тем не менее принял сторону Пэвера:

– Приготовить трал и багры! Предмет изловить и поднять на ют!

– И все-таки лучше не надо отнимать у волн их добычу, – прошептала Чуба-Ху и отошла в сторону.

Через пять минут рыбалка закончилась. Загадочный предмет был пойман, водружен на палубу, с него стекала черная вода.

Предмет оказался человеком в глубоководном водолазном костюме. Медный шлем с толстым «лобовым» стеклом, свинцовые подошвы, жесткая ткань вроде толстой резины. Кессонная болезнь водолазу не грозила: к моменту поднятия на борт он уже был благополучно мертв. Матросы свинтили и оставили на палубу мощный шлем.

У найденного было почти детское лицо. Черные усики только пробились, смоляные кудри шевелил ветер... И тут Пэвер, боясь прикоснуться к мертвецу, стал показывать на испещрившие кожу родимые пятна – или что-то весьма похожее:

– За борт его! За борт! Это береговая тля!

Сварог не понял ни фига – зато матросики мигом оценили грозящую опасность. Тело, даром что скафандр весил немало, в мгновение ока перелетело фальшборт и с сочным плеском окунулось в черные волны. И больше не всплыло. Водолазный шлем прыгнул следом. Пэвер критически осмотрел руки касавшихся мертвеца моряков.

– Вроде пронесло... Марш на кухню, уксусом протереть! – И малость порозовевший лицом суб-генерал наконец посчитал возможным обратиться к Сварогу: – Очень опасная дрянь, знаете ли, хотя выглядит как жалкий картофельный трутень. Стоит попасть на кожу – тут же вгрызается и уходит внутрь. Был человек – и нет человека... Вот только обитает-то она в прибрежных водах, солнышко любит. И здесь ей взяться просто неоткуда...

– Можно подумать, водолазу здесь есть откуда взяться, – сжал губы Сварог. – Посреди океана-то. А ведь помер он не так что бы очень давно...

Вслух он не сказал, что взяться бедовый водолаз мог только с подводной лодки – а до таких аппаратов димерийцам еще расти и расти. И если вспомнить, что нечто подобное упоминалось в дневнике Ксэнга, то... то тогда вообще ничего не понятно.

Он выловил из воздуха бутылку уксуса и обильно полил палубу в том месте, где лежал человек в скафандре. Оглянулся на Чуба-Ху – дескать, зря тебя не послушали... Заиграла боцманская трубка, командуя завтрак, и Сварог вспомнил, что так еще и не позавтракал – со всеми этими заморочками. А ветерок, знаете ли, нагоняет зверский аппетит...

Лорд Гэйр в окружении Чубы и Пэвера двинулся к ближайшему люку. Ему уже во всю мнилились деликатесы в кают-компании, но... В люк вывалилась толпа матросов, кинулась к нему. Что еще, – бунт, что ли?! Рука скользнула за шауром, но толпа, сохраняя дистанцию, троицу обтекла. Сварог оторопело обернулся. Его бравая команда снова строилась в две шеренги. Старшие осматривали подчиненных, свирепо сверкали глазами на опоздавших и делали придиричivé замечания насчет нарушений формы одежды. Последней на

палубе показалась Клади. Может, она и желала высказаться насчет того, что два приказа к общему построению за одно утро – это уже перебор, но, оценив торжественность момента, прикусила язычок. Заняла место за спиной повернувшегося к личному составу Сварога. Младшие офицеры, чеканя шаг, по очереди доложили, что в соответствии с сигналом «свистать всех наверх» команда построена и ждет дальнейших приказаний. Сварог сквозь зубы спросил Рощаля, зачем, Ловьяд заведи его душу, тот сыграл общее построение.

– Я?.. – искренне изумился старший охранитель короны.

Вот такие пироги с котятками... Хренотень, мягко говоря, продолжалась. За пять минут опроса выяснилось, что сбор не играл ни дож, ни вахтенные, ни бертольеры. Попахивало хорошо продуманным и организованным саботажем. И еще пахивало ощущением, будто кто-то, незванным пассажиром проникший на броненосец, специально устроил беготню – чтоб расставленные по всем трюмам матросы не мешали чинить диверсию...

– Ну значит, так, – маскап прошелся между шеренг, заложив руки за спину и едва сдерживаясь, чтобы не... в общем, чтобы не сорваться и не наделать глупостей. Хоть один-то человек должен оставаться нормальным в этом бедламке. – Приказываю отныне считать сигнал «свистать всех наверх» провокационным и вязать зачинщика по рукам и ногам. Сдается мне, ради того он вас и выгнал напалубу, чтоб не мешали вредить... Отныне большой сбор проводить по сигналу «сушить весла». Ясно?

– Так точно, мастер капитан!!! – от вылетевшего из глоток крика завибрировали стекла в иллюминаторах.

– По местам бегом марш! Туман надвигается, в оба мне смотреть! – И, подумав, он решил нарушить изученный от корки до корки Кодекс мореплавания: – Позиционные огни не зажигать – не до того...

В самом деле: весьма сомнительно, что здесь «Серебряный удар» столкнется с каким-нибудь кораблем, а вот врагам будет не в пример легче в тумане найти броненосец по огням...

Экипаж рассыпался. Понятно, клаустонцы проигрывали гидернийцам в палубном беге. Но уже ничего, освоились... Команда исчезла в люках без сухопутной сутолоки. Сварог подумал, что позавтракать ему придется не скоро. Предстояло опять обшаривать корабль, и на этот раз во что бы то ни стало отыскать злоумышленников – или хотя бы отгадать их замыслы...

И отгадка пришла сама собой.

Он уже переступил одной ногой комингс – и тут его настиг истеричный вопль бакового наблюдающего:

– Земля!!! Прямо по курсу земля!

Первая мысль была о том, что в наблюдающего вселился бес (теперь дежурство нес матросик Норек – стоявший на посту у котельной и вроде бы магическому воздействию был повержен в наименьшей, степени). Тот самый бес, который донимал и изводил Сварога спозаранку, подбрасывая загадки и не давая ответов. Поэтому Сварог, рыкнувши: «Подзорную трубу!» – взлетел на защищенный броней мостик, чтобы убедиться прежде всего самому.

Ну и естественно, это была никакая не земля, даже без трубы ясно.

От горизонта, обгоняя надвигающийся туман, на броненосец надвигалась орда, будто не бездонный океан бурлил под форштевнем, а гуляй-поле.

– Блуждающие Острова? – робко прошептали за спиной.

Мальчишка-вестовой взлетел следом, будто белка на сосну, и протянул трубу командиру. Сварог сфокусировал линзы – и на этот раз даже выругаться, хоть по-здешнему, хоть по-земному, сил не хватило.

Это действительно мчались всадники, никаких сомнений. Вооруженные кто во что горазд, словно моджахеды, седоки погоняли запряженных дельфинов, и число нападающим было – тьма. И можно было считать везением, что всадники не утерпели, не подождали, пока броненосец *запутается* в тумане, и не подкрались по-тихому.

– Свистать всех наверх! – заорал маскап.

Мальчишка скатился по трапу. Тут же оглушительно взвыл корабельный ревун, повторяя – или, правильнее, *репетуя*, – команду. Сварог тоже спустился в рубку и увидел мертвенно побелевшие лица Пэвера, Олеса и новоиспеченного бертольера, как его, Дикса.

– Война, да? – азартно подобрался Олес.

– Соленый Клюв, это люди-рыбы Соленого Клюва... – вякнул бертольер.

– Вооружиться! Нашим держаться вместе! Ход не сбавлять, курс прежний! – рассыпал Сварог вокруг себя пригоршню команд и тут заметил, что верхняя палуба подозрительно пуста. А фронт лихих наездников все ближе... – Играть «Сушить весла!» – запоздало переменял он приказ, крепко подозревая, что ради такой вот путаницы и были врагом устроены утренние шарады. – Играть «Корабль, к бою!».

– Нет такой команды! – бертольер аж петуха пустил от волнения.

– А какая есть?!

– Есть «Боевая готовность номер раз» и «Корабль к бою и походу готов»!

– Играй все что угодно, миленький, – сказал Сварог, прикрывая глаза. – Играй что хочешь, сволочь, только чтоб команда мигом на палубе оказалась! И чтоб все при оружии! Иначе я тебя, гнида моя дорогая, на двадцать частей кортиком покрошу!!!

Корабельный ревун заулюлюкал. Накатывающаяся конница (или дельфинница?) ответила густым, будто сметана, воем. И хотя солнца не было, черные спины дельфинов мокро бликовали, слепя глаза.

– Эго-о-ой!!! – выли наездники, как тысяча Чингачгуков, и потрясали кривыми саблями с гарпунными зубринами.

Палить по такому противнику из мортиры, да на такой дистанции, даже шрапнелью – смысла было ноль: пока наведешь прицел, тебя десять раз оскальпируют, али нет у нападавших такой традиции? А еще минута, и плутонги[122] окажутся бессильны...

Наконец – не прошло и года – на палубу посыпались карабинеры и автоматчики. Сварог обругал себя, что не догадался провести пару-тройку учений на случай подобной встречи. Но кто, позвольте спросить, мог предвидеть *такой* случай? Теперь-то остается только локти грызть... Скорее, не мы им нужны, а корабль. Железо. И все ценное, что есть на корабле. Океанские разбойники явно намерены без спроса прихватить, что понравилось.

– Отставить «к орудиям»! Занять позиции вдоль бортов! Приготовиться к абордажному бою! Кто не захватил оружия, мигом за ним! Оставшихся на постах – на палубу, всех! Клади, Рошаль, ко мне!

Кажется, он успел кое-как организовать толпу. Но шансы все равно оставались более чем зыбкими. Хотя у нападавших, уже даже рожи авангарда мож-

но разглядеть, нет огнестрельного оружия. Может, прорвемся?..

Бойцы дали первый залп. Взметнулись брызги, поплыл пороховой дым. Несколько всадников сверзилось в воду, один застрял в стремени, и дельфин поволок его вспарывать волну, будто потерявшего равновесие водного лыжника. Однако и атакующие имели пару домашних заготовок про запас: лишь забежавшие на нос матросы пристрелялись, передняя линия лавы по беззвучной и не выявленной команде ушла под воду. Без всякой магии. Только пена встала столбом. А следом неслись новые и новые лихачи, по надстройкам забарабанил град стрел. Стрелы царапали броню и искали щели. На ближней дистанции, оказывается, стрелы не такое уж и хилое оружие против многодюймовых калибров... И Сварог вдруг понял, что – нет, не прорвемся...

Хлоп! Первая линия вынырнула где-то напротив шканцев по обоим бортам. Опять пронесся победный вой, следом свистнули абордажные крючья. Команда ответила хаотичной и не шибко точной пальбой. Один всадник вынырнул слишком далеко, его затащило в кильватерную струю и утянуло под винт.

Возня у орудийной башни на носу иссякла. Вот стрела сшибла выглядывавшего из-за башни мортиры матроса, боец харкнул кровью на палубу и завалился мешком. Вот упал стоящий рядом матрос с вошедшим под ребра арбалетным болтом. Вот третий повис на леерах – а может быть, прикинулся трупом, дабы уцелеть в сече и сдать на милость победителя...

Вдоль борта, скребясь о ватерлинию, неведь откуда вынырнула цепочка байдарочных днищ. Опять, будто невидимый дирижер отдал беззвучную команду, байдарки разом перевернулись киллями вниз, в каждой сидело по двое бойцов, один победно дудел в морскую витую раковину, другой, сжимая в зубах кривой кинжал, тут же бросился карабкаться вверх по броне, и самое страшное – это ему удавалось. А вдалеке наперерез «Серебряному удару» уже мчались не дельфины с одиночными седоками, а звери вроде касаток. У каждого на спине по три бойца, да еще по одному сзади, в плоскодонках, низко стелющихся над волной, но как будто готовых взмыть и спикировать хоть на клотик, хоть в одну из захлебывающихся дымом труб...

А потом произошло самое кошмарное. Синее море, окутавшее корабль, вдруг вспыхнуло ослепительно ярко – и в тот же момент пальба разом прекратилась!

Люди дружно бросали оружие на палубу и принимались с интересом перегибаться за борт. Даже пальцами показывать на приближающуюся орду...

Сварог глазам своим не поверил.

– Ну вот и все, отплавали, – с некоторым даже облегчением в голосе сообщил за его спиной Пэвер.

Сварог резко обернулся. Опальный суб-генерал улыбался во всю пасть и счастливо потирал руки, а в глазах его плясали прежние искорки безумия.

– И хорошо, и ладненько, – поддакнул Олес. – Надоело, генерал, по волнам-то болтаться...

– Отставить панику!.. – начал было Сварог страшным шепотом, но запнулся. Никто паниковать и не думал.

Стих рокот машин, «Серебряный удар» ощутимо замедлял ход. Побросавший оружие экипаж слаженно, будто подчиняясь неслышной команде, выстраивался в одну шеренгу вдоль правого борта и радостными воплями при-

ветствовал нападающих.

– Опять, – сказала Клади. – Опять то же самое, что было ночью. Какая-то магия, очень сильная, кто-то *внушает* нам, что сопротивляться не стоит...

Он и сам понимал, что это магия. Но что он мог поделать?! Сварог больно ухватил ее за плечо.

– А ты?! Ты тоже так думаешь?!

Она резко высвободилась, сверкнула гневной зеленью глаз... и вдруг улыбнулась.

– Я в порядке, граф... Я... я, понимаешь ли, *внушила* сама себе, что не поддаюсь чужому внушению. Вот и не поддаюсь...

Ох уж эта магия...

А захватчики уже облепили борта, как муравьи дохлого жука, переваливались через фальшборт, быстро обыскивали застывших столбами матросов, разбивали на группы и куда-то уводили... Сварог до крови закусил губу. Он ощущал полную, всепожирающую беспомощность – одно дело, когда на корабле бунт и есть возможности подавить его, одно дело, когда имеет место стычка с превосходящими силами противника, но совсем другое, если экипаж сам, добровольно спускает флаг, пребывая в полной уверенности, что действует исключительно по собственному желанию... Теперь он очень хорошо представлял себе, что чувствовала команда «Адмирала Фраста», когда на броненосце словно из воздуха материализовалась толпа вооруженных тоурантцев...

Ну, за себя Сварог боялся в последнюю очередь, в крайнем случае он уйдет на дно – в прямом смысле... а вот людей, доверившихся графу людей жалко, ведь полягут не за грош. Сознывая, что он уже проиграл это свое морское сражение, Сварог лихорадочно пытался придумать какой-то изворот. Надавать тумачков и заставить отрываться на скорости? Не получится, дельфины дадут броненосцу не сто – триста очков вперед. Уйти в трюмы, задраиться? А ежели просто так, шутки ради, пустят «Удар» ко дну?.. Боковым зрением он засек, что Чуба начала *обращаться*, готовясь к рукопашной.

– Не надо! – крикнул он – потому что не надо раньше времени показывать, что у тебя в рукаве есть сомнительные, но козыри, потому что собаке перепилят горло в первую очередь, а женщину... И добавил тихо: – Поздно.

Бой, так и не начавшись, был проигран. «Серебряный удар» оказался захвачен чужаками практически без сопротивления.

По палубам прокатился траурный сигнал...

Глава одиннадцатая Сын тюленя Шмидта

Не от того свербило в душе плененного графа Гэйра, что их обыскали. Обшарили-то, надо сказать, весьма поверхностно. Даже матросов на предмет по-таенного оружия облапали тщательней, чем командный состав – может быть, считая начальство менее рискованым народом... Хотя шаура, надо сказать, Сварог лишился. Хотя, спрашивается, зачем отбирать игрушку у пленника, который себя пленником отнюдь не полагает, а полагает себя в обществе милых и гостеприимных друзей... По крайней мере, *должен* полагать. Неужели конвоиры узнали, что синяя магия Сварога не берет? А вот клык Зверя не понравился татуированному с ног до головы охраннику, пыхтящему и в висящий картошкой нос, и в спрятавшиеся за ушами жабры – зуб был отброшен в угол кают-компаний, где плененный капитан его после посредственного шмона и по-

добрал. И не слишком уж жестоко с ними обращались. Офицеров и женщин всего лишь заперли здесь, подальше от команды, чтоб не мутили воду и не подбивали на бунт. Женщин, кстати, с ходу не насиловали, над экипажем не глумились, ценности с корабля не выносили, кингстоны пока, опять же, не открывали... А свербила его насквозь непонятная ситуация. Ну, люди-рыбы – это мы разумеем, это бывает, пираты с жабрами, и все такое прочее – хоть с крыльями, пожалуйста. Но ведь они, как положено им ролью вольных корсаров, именно что не насиловали, не глумились и не грабили – словно выжидали чего-то. Чего? И почему они напали на броненосец – мало ли других, менее защищенных судов в настоящую минуту улепетывают прочь от Атара?.. Значит, что-то другое нужно им именно от «Серебряного удара».

– Все целы? – угрюмо спросил Сварог у своих друзей-приятелей, струдившихся вокруг.

– Это не регулярная армия, это всего лишь банда, – воспрянул Рошаль и принялся нервно мерить кают-компанию шагами, от иллюминатора к двери, от двери к иллюминатору, раздраженно отталкивая попадающихся на пути гидернийско-тоурантских офицеров. Офицеры поглядывали на Сварога выжидательно и вопросительно: мол, как выпутываться будем, дорогой товарищ маскап?.. Дверь была надежно заперта, а за иллюминатором ничего интересного не происходило: серые волны и серое небо. Захватчики вели «Серебряный удар» им одним известным курсом. Масграм в бессилии ударил кулаком о раскрытую ладонь другой руки. – Броненосец в лапах банды каких-то лягушек!..

– Повторяю простой и требующий односложного ответа вопрос: все целы? – жестко перебил Сварог.

– Мне снова бедро задела, – признался Олес, сидючи на стуле в дальнем углу отсека. – Кровь пошла, но Чуба уже перевязала.

– Подумать только, если б меня не опоили вином, мы бы не свернули с правильного курса... – захрустел кулаками суб-генерал. – Да не смотрите вы так, граф, цел я, цел. И уже соображаю, что к чему. Как затмение какое нашло... А вот другие сложили головы...

Действительно, синее сияние практически сошло на нет – так, лишь легкая дымка виделась в магическом зрении, видать, сложно для ихтиандров держать его включенным постоянно, и к экипажу мало-помалу возвращался разум...

Сварог отвернулся, сжал зубы. А ведь такую версию он не учел, хотя *теперь* она кажется самой разумной. Стоявший у штурвала разбитной малый не для того разворачивал броненосец лагом, чтоб бортовая качка опрокинула. И вообще, скорее всего, не виноват гидерниец. Дюжина местных боевых пловцов проникла ночью на корабль, один воспользовался моментом и подсыпал дрянь в вино, другой ликвидировал рулевого, как класс, третий навел морок на кочегаров. Им всего-то и надо было, чтобы корабль подошел как можно ближе, оказался в пределах досягаемости десантной бригады. И задача для них была – тьфу...

– Цел, – продолжался доклад.

– Здоров.

– Невредима.

– Думаю, это они специально каракатицу пугнули. Им все равно, плыву-

щий корабль грабить или со дна добычу поднимать, – процедила сквозь зубы Чуба-Ху.

– А водолаз откуда взялся? – завелся дотошный суб-генерал. – Кроме того, каракатица Нури – существо наукой не изученное, да и сам факт ее пребывания на этом свете, а не на том весьма спорен... И потом, никто нас пока не грабит.

– Именно что пока.

– Вот у моего папаши были тюрьмы, сидеть в них одно удовольствие, неделями пленнику воды не давали. А тут, кажется, от сырости я скоро плесенью зарасту.

– А я в чистое белье не успел переодеться. А в несвежем помирать нет никакого удовольствия. Перед боем мы всегда в чистое переодевались. Такая вот нехитрая радость...

Клади хранила гордое молчание – совсем как иные хранили терпение во глубине очень далеких отсюда руд...

Клацнула наружная задвижка, и в кают-компанию вошли трое. Пленники машинально подались назад, подальше от двери. Однако никто с ходу не стал орать «лицом к стене» и «выходи на расстрел по одному». Напротив, вошедшие двигались с явственной ленцой и на офицеров «Удара» обращали внимания не больше, чем обожравшийся кот на отечественную сосиску. Сварог, не скрывая любопытства, разглядывал ихтиандров – не каждый день такое увидишь. Все трое одеты в некое подобие облегающих шорт, на широких лоснящихся поясах из шершавой кожи, вроде как акульей, – карманы и кармашки. К руке каждого приторочен сыромятным ремешком витой обоюдоострый кинжал раза в полтора длинней гидернийских кортиков. Через грудь идет еще один ремень, на котором за спиной висит по колчану и разряженному арбалету. Эти ремни были гораздо тоньше и позволяли вдоволь налюбоваться татуировками троицы, если уж возникнет такое желание. Тут тебе и пресловутая каракатица, уволакивающая на дно по кашалоту в каждом щупальце. И что-то вроде «Девятого вала» кисти незабвенного Айвазовского, и более мирные сюжеты: поедание акулами человека-рыбы, поедание людьми-рыбами акулы, поедание людьми-рыбами людей-рыб... Явившиеся тоже рассматривали пленников, но как бы между делом, как докучную проблему, а вид имели сосредоточенный и занятой. Один, самый рослый и выделяющийся богатырским размахом плеч, стоял чуть впереди, свободной рукой, будто четки, перебирая ожерелье из жемчужин, и неторопливо продолжал давно, похоже, начатый разговор – ихтиандр слева жаловался главарю:

– ...Я и за порогом искал, и уголь весь перевернул – синее сердце будто Трехглавый Щур слизал...

– Синих сердец набрать нетрудно, трудно заговорить их на чужой блеск. Но мне Хатхичол должен пять заговоров, и я тебе их уступлю, если твоя раковина для меня нежно откроет створки, – важно ответил главарь.

– Ставишь чешую?

– Бери выше, омаром клянусь, чтоб мне уйти в глину.

– Договорились, но помни, что договор чешуи дороже...

Наконец главарь соизволил обратить внимание на пленников:

– Не бойтесь, сухокожие гидернийцы, мы не причиним вам вреда... если вы будете вести себя пристойно. Не для того мы пришли, чтобы сразу убивать...

Сварог отметил, что он отвлекся от крайне содержательной беседы, лишь когда перехватил скрестившиеся на своих татуировках взгляды.

– Нет, пусть они боятся, пусть их волосы шевелятся от страха, – забубнил человек-амфибия слева. – Пусть их зубы крошатся от страха. Пусть их глаза слепнут от страха, будто они стали свидетелями битвы у Рифа Лысых Вдов, – зачем-то стал корчить из себя бесноватого вожак.

Сварогу до зуда захотелось продемонстрировать гостям преимущества техники десантников и ларов перед подвешенными на ремешки кинжалами, но он дипломатично решил некоторое время потерпеть выходки водоплавающих гомо сапиенсов. Во-первых, его живо заинтересовало, почему они так распределили роли – обычно ведь «злого следователя» играют подчиненные, а не командиры. А во-вторых, было у Сварога серьезное подозрение, что прочая банда сейчас всю восседает на палубе, и вспышка народного негодования обернется против него же самого.

– Мы не гидернийцы... – осторожно сказал он.

Палуба под ногами слегка качнулась, корабль взял новый курс. И тут вперед выступил водоплавающий и водоньряющий воин – тот, что стоял сзади, чуть правее, и до сих пор держал пасть на замке. И хотя он был ниже ростом, да и амуниция у всей тройки не блистала разнообразием, сразу стало ясно, кто тут настоящий начальник. Тем более что у него за поясом торчала рукоять шаура.

– Этого, – наугад ткнул палец с ногтем, действительно похожим на рыбку чешуйку, – на допрос. Пытка водой третьей глубины, пока не скажет, кто они такие. А с остальными я немного поболтаю. Доклады буду принимать прямо здесь. Число часовых снаружи увеличить втрое.

А ведь молодец человек-плотва, подумал Сварог, не сказал в лоб: «Увеличить охрану до дюжины сабель», а сказал: «втрое». Пусть мы у него в руках, то есть в лапах, но военную тайну блюдет, не выдал ни словом, ни чихом, сколько там снаружи часовых. И водостойких своих душманов отослал подальше – дескать, разговор пойдет специфический.

Двое рыболодей послушно выдернули вопящего гидернийца-офицера из строя пленников и уволокли куда-то за пределы каюты. Офицер пытался орать «Гидерния без скверны!» и «Димерия для Гидернии!», но, увы, без особого успеха. Остальные еще сильнее вжались в переборку и настороженно ждали продолжения.

– Итак, мастера хорошие, давайте поговорим не как палач и жертва, а скажем, как настоящие любители приключений, – задушевно начал рыбий начальник. – Ведь вы, насколько я успел за ночь просеять матросскую болтовню, прямо-таки заправские волшебники. Кто из вас умеет превращаться в волка?

– Ваш покорный слуга, – зачем-то выступил вперед Олес. Суть его игры Сварог не понял и даже пока не решил, поддерживать ли.

– Ответ неправильный. И следующую ложь я буду вынужден наказать кровью...

– Я, – поспешила откликнуться Чуба-Ху.

– Уже лучше, – ихтиандр растянул пасть в улыбке. – Теперь меня интересует, кто умеет оборачиваться другим человеком? Скажем, моим закадычным врагом адмиралом Вазаром.

– Я, – решил не подставлять под удар чужие головы граф Гэйр. Не из благо-

родства показного – просто негоже.

– Правду говорить всегда проще, – милостиво кивнул главный ихтиандр. – Кстати, отброшу титулы. Можете называть меня Унгтатом. Я король Унгтат, Солёный Ключ, правнук Диха, не слышали? Ну да, шершавые, откуда вам про меня знать...

В каюту ввалился очередной рыбий глаз – у этого на впалой груди вытатуированная меч-рыба пронзала чайку, – испуганно вылупил зенки и выдал кошмарную новость:

– Горе, командир! Это не тот корабль! Это не «Адмирал Фраст»! Там, на боку корабля, другое написано – какой-то «Серебряный удар»...

– Идиот, – спокойно сказал назвавшийся Унгтатом. – Медуза. Трепанг безмозглый. Прочь с глаз моих навсегда.

И он снова повернулся к пленникам, ухмыльнулся.

– Пресная хитрость, гидернийцы. Вы думали, что обманете нас, если поменяете название? Не получилось. Мы нашли то, что искали, а именно – вас...

«Ага, – понял Сварог, – значит, действительно им нужны мы. Откуда-то они знали, что корабль должен называться „Адмиралом“...»

– Я слышал только про Диха, – неожиданно сказал Пэвер. – Но в Трёх Башнях почему-то принято считать, что это был не человек, а разумный тюлень...

– Ты смотри-ка! – хлопнул себя по ляжкам ихтиандр. – Где, говоришь, находятся эти башни? А впрочем, какая разница, нет больше ни башен, ни старого материка. А ведь ваши сухокожие мужи были правы. Дих – действительно разумный тюлень, а я – правнук разумного тюленя, и моя магия в чем-то покрепче вашей будет.

Сварог внутренне передернулся. Он понимал, почему кто-то может набиваться в дети лейтенанту Шмидту, но вот к тюленю... Брр.

Ну, это потом. А пока главное, что он не торопится звать свору подручных, чтоб всем кадыки вырвать. Значит, нужны зачем-то сыну лейтенанта Тюленя арестованные колдуны в лице Сварога. И даже не как пленники, а как приятели... В кают-компанию вломился следующий боец, и вытатуированный сюжет на его животе странным образом напомнил Сварогу «Моби Дика» – угрюмые китобои в завитках волн гарпунят гигантскую тушу.

– О, славный Унгтат, мы перерыли весь трюм, от твоих людей теперь пахнет гнилой картошкой, больше никто на корабле не прячется...

– Вот и славно, – сказал Унгтат, почесываясь. – Значит, все в сборе. Человек с Плавающих Растений хорошо заплатит за улов... Что говорит пытаемый? Зачем они сели на этот корабль?

– Пытуемый пока ничего не говорит. Он без сознания. Яй-Вака впрыснул ему под веки слишком много горькой воды...

Очевидно, что-то такое проскользнуло во взгляде Сварога, тюлений сын тут же напрягся:

– Может быть, ты, мой друг, знаешь, зачем нас попросили захватить корабль, который захватили вы? Кстати, ты не назвал своего имени.

– Там, откуда я родом, меня звали графом Гэйром, – медленно и очень тщательно подбирая слова, сказал Сварог. На сцене, кажется, появляется новый персонаж. Некто, кто попросил тюленей напасть на «Удар». Какой-то человек с каких-то Плавающих Растений... – А зачем вы напали на нас, я понятия не имею. Может быть, по ошибке?

– Сиятельный граф Гэйр думает, что Человек с Плавающих Растений ошибается, – с явным подтекстом прокомментировал эти слова Унгтат своему подручному, и тот оскалил в ухмылке зубы.

Все-таки это были не люди, не люди, и все тут, потому что в пасти ухмыльнувшегося острые полупрозрачные зубки громоздились в три ряда.

– Сиятельный граф делает большую ошибку. Но, как приятель, я не стану держать сиятельного графа в пассатном тумане. Мы следуем к острову Раскавшихся Капитанов, которым правлю я, правнук Диха, король Унгтат – Соленый Клюв. И уж там-то я смогу выведать правду. Люди с Плавающих Растений – люди жадные, но за вас, гидернийцы с «Адмирала Фраста», заплатили сполна. Зачем? Моему величеству тоже интересно это узнать – может быть, цена была слишком маленькой... Ты чего тут застыл айсбергом?! – вдруг взвился тюлений сын на подчиненного. – Гидернийца оттереть уксусом и снова пытаться!

Младший ихтиандр исчез, будто центавр в руке нищего. Соленый Клюв повернулся к Сварогу, растянул прозрачные губы в улыбке.

– Светлейший граф, не соизволите ли пройти со мной для небольшой и доверительной беседы, которая, возможно, повлияет на вашу дальнейшую судьбу?

– В каких университетах манерам учились, великий король? – совершенно серьезно спросил Сварог.

Рот ихтиандра растянулся еще больше, хотя, казалось бы, дальше уже некуда, еще немного, и губы порвутся с треском...

– Мои университеты здесь, под водой и на воде. А говорить по-вашему меня учат такие же, как вы, людишки... Ну так мы идем или мне позвать Яй-Ваку?

Сварог пожал плечами, мельком оглянулся на своих, подмигнул Клади. Мол, я скоро. Страха он действительно не испытывал – ну не для того же захватывали корабль, чтобы капитана тут же и убить. А если начнутся переговоры, то всегда можно отыскать лазейку... Он поднялся и галантно предложил Королю Унгтату покинуть кают-компанию первым. Король не удочку не попался и довольно-таки бесцеремонно вытолкнул Сварога вперед.

В сопровождении двух молчаливых людей-жаб с арбалетами наперевес они проследовали в капитанскую каюту, в которой теперь обосновался Соленый Клюв. Что-то часто власть на корабле меняется, нехстати подумал Сварог. Не к добру. Особых перестановок в каюте не наблюдалось, даже шпага осталась висеть на стене – а вот разве что постель была скинута на пол, и прямо на ней возвышался большущий, литров на сто, аквариум, доверху наполненный мутноватой морской водой – этот аквариум вроде бы украшал кубрик среднего офицерского состава «Адмирала», если Сварогу память не изменяла.

– Я присяду, а ты изволь постоять, мне так удобнее, – распорядился Соленый Клюв, без экивоков переходя на панибратство, и уселся прямо на пол перед аквариумом.

Зачерпнул обеими руками из него воду и полил себе на жабры. Вода обильно потекла и на постель. Сварог досадливо поморщился.

– Сохнут, – доверительно сообщил Клюв. – Нельзя долго в сухом воздухе быть. Поэтому от тебя зависит, протянется ли наша беседа долго или мы сможем договориться быстро.

– Куда идет корабль? – спросил Сварог, прислоняясь к косяку.

Унгтат зауhal по-совиному – что, видимо, означало в его понимании смех.

– Вообще-то, граф, по логике событий, вопросы задаю я. Но, так и быть, отвечу. Мы, повторюсь, направляемся к острову Раскаявшихся Капитанов, моему королевству... А теперь твоя очередь, граф. Советую тебе быть совершенно искренним. У меня один вопрос, простой и понятный: кто ты такой?

– Хотел бы я сам это понять, – совершенно искренне ответил Сварог. – Особенно теперь, когда мой дом неизвестно где...

Соленый Клюв воспринял его слова на счет Атара и важно кивнул.

– Да, сухокожие, не везет вам раз в пятьсот ваших лет... Нет чтобы, как мы, жили в воде, горя бы не знали, так все плаваете туда-сюда, суетитесь...

– А вас правда создал сухокожий? – участливо спросил Сварог.

Но Унгтат на шпильку не обиделся.

– Давно это было, – охотно сказал он. – Великий Сиргамас, из ваших, сухокожих, породил из собственного горла моего деда, Диха, который мог дышать и под водой, и над. Передал ему аппарат, который может превращать простых людей в людей-рыб, а сам отправился в другой мир – нести и там свет знаний и водяного счастья. Завещав нам быть хранителями и преумножателями своего благородного дела по превращению сухокожих людей в людей нормальных. И вот уже сто лет мы честно выполняем свой долг: превращаем...

«Нет уж, – подумал Сварог, – скорее всего, Сиргамас был твоим дедулей ушкошен и отправился на дно кормить простых рыб... Если легенда не врет...»

И спросил с интересом:

– И все соглашаются быть... превращенными?

– После обработки моей магией – никто не отказывается. А потом, им и деваться некуда... Нас на острове много, очень много, ты сам удивишься, сколько. Почти шестьсот осчастливленных.

– Ну а мы-то зачем вам понадобились?

Соленый Клюв вновь полил шею водицей. Сказал лениво:

– Вообще-то я привык, чтобы ко мне обращались «король». Можно без Великого. Ну да я тебя, граф, по-первости прощаю... Мне ты не очень нужен. Пока. Пока я не выясню, зачем ты понадобился Человеку с Плавающих Растений...

– А это кто? – протестно спросил Сварог. – Я с ним, кажется, не знаком...

– Твое счастье, граф. Признаюсь, мы друг друга не любим, но иногда, знаешь ли, приходится оказывать взаимные услуги.

– Он будет ждать нас на вашем острове?

Соленый Клюв нахмурился.

– Кажется, ты задаешь много вопросов. И, кажется, я просил называть меня «король».

– Виноват, исправлюсь... ваше величество, – поклонился Сварог. Ему чертовски хотелось познакомиться с этим Человеком-Растением и побеседовать с глазу на глаз. Но, увы, не в такой обстановке.

– Итак, я повторяю. Зачем ты понадобился Человеку с Плавающих Растений?

Понятно, сейчас пойдет дешевый шантаж и перевербовка. Если Сварог нужен кому-то, то почему ему не пригодиться и Соленому Клюву – так, на всякий случай...

– А растения что, действительно плавают? – заинтригованно спросил Сва-

рог.

– Граф!

Сварог развел руки. Он уже давно разглядывал двоякодышащего короля «третьим глазом», но почему-то только сейчас разглядел источник магии, называемой им синей. В горле Унгтата мерцала лазуревым цветом яркая точка – аккуратно за адамовым яблоком. И ежели по ней вдарить, сил не жалеючи, глядишь, и своротим клювик мокрому королю...

– Ну сами посудите, ваше величество! – сказал Сварог с некоторым надрывом в голосе. – Откуда я могу знать зачем, если даже с ним не знаком?!

Соленый Клюв нахмурился еще больше. Пленник был мало того что жалок, так еще и глуп. Но ведь зачем-то Человек с Плавающих Растений хотел получить именно его – живого или мертвого. Значит, есть, есть в нем *нечто*. Люди *оттуда* хитрые и коварные, они никогда не ошибаются... Ну, почти никогда.

– Он сказал, что очень ты ему нужен для выполнения какой-то работы. Что ты умеешь делать?

Сварог шумно выпустил воздух из легких и показал фокус с прикуриванием от пальца. Унгтат смотрел за этим процессом настороженно.

– Впечатляет, – прокомментировал он ровным голосом. – Но умение бесполезное. Впрочем, еще ты умеешь быть другими людьми. И, следовательно, еще много всего умеешь... Например, умеешь не подчиняться моей синей магии. Ну не из-за этого же он попросил тебя отловить... Хотя... – Последовал очередной полив жабр. – Мне пора в море, приятель, у нас времени в обрез, а беседа что-то не налаживается... Жаль. Я думал, граф, – может, и не отдавать тебя Человеку с Плавающих Растений. Может, думал, оставить себе, – пригодишься, мало ли... Так что выхода у нас четыре. Человек с Плавающих Растений сказал, что ты ему нужен. Но если не получится взять тебя живым – его вполне устроит и труп. Эта раз выход и это два выхода. Выход номер три: ты мне честно рассказываешь о себе и поступаешь ко мне на службу, а *этому* я передам, что ты утонул и мои ребята не смогли найти твое тело. На службе не обижу, не беспокойся. И выход четыре: я зову Яй-Ваку. Как видишь, граф, ты выигрываешь только при третьем варианте. И на раздумье тебе...

Собственно, дальше ломать комедию смысла не было – броненосец все дальше уходил от безопасного курса, вскорости может замаячить на горизонте пресловутый остров Подмокших, или как они там называются, Капитанов, а уж оттуда выбраться будет значительно труднее. Надо решаться.

Аквариум взмыл под самый потолок – плавно и красиво, как миниатюрный инопланетный корабль, и это было так неожиданно, что у Унгтата самым пошлым образом отвисла челюсть. Он еще тупо смотрел на переставший подчиняться законам гравитации сосуд, когда аквариум вдруг величественно накренился, перевернулся – и вся полноценная сотня литров соленой воды обрушилась на подсыхающего короля.

Король взвыл белугой. Король вскочил на ноги и выхватил кинжал из локтевых ножен, развернулся к пленнику... Но пленник смотрел на Унгтата с таким испугом и таким обалдением, что тот на миг замер.

– Это ты сделал, мерзкий колдун? – прошипел Соленый Клюв.

– Я?! Да помилуйте, ваше величество!.. Ни сном ни духом... – пролепетал Сварог – и подумал при этом: «А ведь это очень правильно, господа, что далеко не каждому дано отличать правду от лжи – во что мир бы тогда превратил-

ся...»

А чудеса меж тем продолжались. Повисев под потолком вместо люстры, аквариум вдруг снова приобрел положенный природой вес и всей массой шваркнулся оземь, и тысячи стеклянных осколков брызнули во все стороны. Сварогу-то хоть бы что, а вот короля зацепило. Унгтат заверещал пронзительно, взмахнул кинжалом, непонятно кого намереваясь поразить, и окропил стены многотрадальной каюты капельками ярко-алой крови из распоротого предплечья. И в этот момент Сварог прыгнул.

Первый его удар цели не достиг – неожиданно проворен оказался тюлений сын, рыбкой скользнул в сторону, не переставая верещать, рубанул воздух крест-накрест. Сварог отшатнулся, присел, выстрелил тело вперед и в прыжке саданул каблуком в грудь короля острова Раскаявшихся Капитанов. Попал. Короля отбросило к переборке, он съехал на пол, кожа на голой груди вдруг лопнула, но из прорехи проглянуло не кровоточащее мясо, а чешуя... Верещание вдруг прекратилось, будто отключили фонивший динамик; Унгтат, бросив кинжал и суча ногами по полу, ухватился перепончатыми ладошками за горло, и Сварог успел выхватить почему-то уже у не сопротивляющегося Клюва шаур из-за пояса – и успел в тот самый момент, когда в каюту уже начали ломиться приспешники верховного ихтиандра.

Веер разящего серебра как пыль смахнул трех амфибий, что переступили порог первыми, но следом лезли другие, услышавшие вопль командира. Вжикнула одинокая арбалетная стрела – и отлетела в угол, напорвшись на защиту ларов. Прочих подобных демаршей со стороны людей-жаб не последовало, боялись зацепить королька... И только теперь Сварог вдруг понял, что Унгтат вовсе не страдает от пересыхания жабр, по крайней мере пока – он смертельно боится за синюю звездочку за адамовым яблоком...

– Пожар!!! – заорал Сварог первое, что пришло ему на ум, и так, что у самого уши заложило, и дал длинную очередь по лезущим внутрь ихтиандрам.

Все произошло за секунду.

Ихтиандры испуганно отступили, и в тот момент, когда Сварог отвлекся на их обстрел, Соленый Клюв предпринял отчаянную попытку спастись. Из такого положения, в котором он пребывал, встать на ноги быстро было просто невозможно – однако Клюву это удалось. Он взлетел вверх, как распрямляющаяся пружина, и обеими руками вцепился в запястье Сварога – запястье той руки, что сжимала шаур. Хватка оказалась железной, мерзкий Клюв повис на руке, поджав ноги, и завопил:

– Ко мне! Держу!..

Сварог рыпнулся было вырваться – да какое там... Ободренные сподвижники вновь полезли в каюту. И тогда Сварог сложенными горстью пальцами свободной руки яростно ткнул короля острова Раскаявшихся Капитанов в горло. Пальцы прошли сквозь плоть удивительно и до отвращения легко, как сквозь мокрую газету, пальцы коснулись синей точки, различимой только в магическом зрении, – и...

И синее сияние, навывлет просвечивающее корабль, погасло, будто выключили ультрафиолетовую лампу. А Сварог в этот момент ощутил...

Впрочем, разбираться в своих чувствах времени сейчас не было. Сварог мотнул головой, прогоняя мимолетное наваждение, резко развернулся, выискивая стволом опасность. Труп бесславного короля половой тряпкой валялся у

его ног, а со сподвижниками происходило нечто странное. В тот момент, когда иссякло магическое свечение, их движения вдруг стали замедленными и отрывистыми, как у заржавевших роботов. Вот у одной жабы в человеческом обличье выпал из обессиленных пальцев арбалет, у другой отвалилась аж вся кисть и с противным звуком шлепнулась на палубу... Однако любоваться зрелищем распада лишенных колдовской поддержки амфибий Сварог не стал. Он бесцеремонно раскидал удивленно таращащихся в пространство ихтиандров (некоторые упали не сгибаясь, как манекены) и бросился вверх по трапу.

Наверху было столь же весело. Захватчики, передвигаясь по палубе слепо, сомнамбулически, рывками, натыкались иногда на преграды, иногда друг на друга и при этом иногда теряли части собственного организма, разлагающегося на глазах. Вот лоб в лоб столкнулись двое, один потерял руку, другой ногу, но в результате упали оба, некоторое время еще дергались, тупо пытаясь подняться, но не смогли. Сварога передернуло. Он вновь вскинул шаур, дал очередь – но получилось только хуже: серебряные звездочки пробивали распадающиеся тела *насквозь*, при этом вырывая целые куски плоти...

За бортом мелькали мокрые спины дельфинов, лишившихся седоков и теперь радостно улепетывающих прочь от железной лодки сухокожих людей.

Корабль мягко качнуло, курс опять менялся. Несомненно, с новым рулевым из класса амфибий, отряда млекопитающих происходило то же самое – иными словами, «Серебряный удар» остался без рулевого. Сварог выругался. Метнулся к кают-компани, ногой вышиб дверь и, не тратя времени на разговоры и объяснения, вытолкал пленных наружу. Ухватил за локоть Рошалья:

– Где матросы?

– Что случилось, мастер...

– Убью, ваше благородие! Где матросы заперты, спрашиваю?!

– В трюме.

– Освободить кочегаров и рулевого в первую очередь, живо! Нас сносит черт-те куда...

Пронзительно завизжала какая-то женщина – на нее натолкнулся очередной человек-жаба и при этом потерял не то ухо, не то глаз.

– Этих всех за борт! – распорядился Сварог. – Да не тряситесь вы, они не опаснее заводных игрушек... Что такое заводная игрушка, знаете?..

Он вдруг запнулся. Опять нахлынуло *ощущение*, то же самое, что возникло, когда он коснулся пальцами синей точки за адамовым яблоком Соленого Ключа. Мир на мгновение подернулся лазурной пленкой, и над левым виском больно запульсировал плотный призрачный сгусток непонятно чего, не больше шарика для пинг-понга. Сварог непроизвольно дернул головой, непроизвольно посмотрел туда, где телепался этот шарик – там, над головой, разумеется, ничего не было, но премерзкое чувство, что сгусток все равно остался, привязанный к Сварогу, как веревочкой, не проходило...

Нахлынуло и схлынуло. Все вновь вернулось к обыденности. Сварог помотал головой. Что еще за чертовщина...

– Выводы! – потребовал он, едва перешагнув порог ходовой рубки, где оставленные им штурманы лихорадочно определялись по приборам и картам в океанском пространстве.

Сварог вернулся с обхода корабля, побывавшего в руках водоняряющих захватчиков. Обход огорчений, слава Богу, не принес: местные ихтиандры не со-

чили для себя полезным что-либо скоренько разломать, демонтировать или утащить. Просто не успели. Можно плыть как плыли, вот только вопрос: куда? И где мы сейчас?

– Выводы паршивые, маскап, – сообщил Кулк. – Вот мы нынче где.

И юный штурман, когда капитан склонился над столом, ткнул карандашом в обширную область на карте Ваграна, густо заштрихованную синим цветом. Ткнул с силой, карандашный грифель сломался, а на пластике образовалась небольшая вмятина, тут же, впрочем, и затянувшаяся.

– Так испокон веков обозначали самые паршивые места, куда нельзя соваться ни под каким предлогом. Где сильнее законов моря законы сил, напрямую подчиняющихся Ловьяду.

– Нет, – дож Тольго провел ладонью по небритому подбородку, – есть, конечно, дохленькая надежда, что составители карты использовали свои, особые обозначения, отличные от обычных, людских, но...

– В общем, мы, выходит, в самом центре этой дряни, – констатировал маскап Сварог.

– В самом сердце, – угрюмо подтвердил Тольго.

– Раз жабы затащили нас сюда, раз сами жабы здесь и жили, то не приходится сомневаться, что за синим цветом не кроется ничего хорошего. – Кулк дохленькую надежду дожа не разделял.

– Кратчайший выход из синей зоны на спокойную воду определили? – Сварог сотворил сигарету и закурил.

– Кратчайший отличается от длиннейшего всего на каких-нибудь два кабелота, – ответил Кулк.

– Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то оптимальный безопасный курс вот здесь проходит. – Сварог провел ногтем по пластику карты. – И синяя зона почти касается его на бисте, правильно? Значит, берем курс на бист, движемся по прямой, никуда не сворачиваем, пока не покинем эти заштрихованные воды.

– ...которые выглядят пока вполне обыкновенно, – взялся продолжить слово командира масбоцман Тольго.

– Дай Бог, чтоб так и оставалось, – сказал Сварог...

Глава двенадцатая Над бездной

Туман был липким, как паутина, и густым, как пароходный дым. «Кошачье зрение» его не пробивало. Включение «третьего глаза» тоже ничего не дало: туман принадлежал к явлениям исключительно природным, магией не тронутым.

Они не входили в туман. Туман образовался вокруг них, когда они плыли по чистой воде и впереди лежали кабелоты чистой воды, над головой тянулось светлым слоистым пирогом облачное небо, не происходило никаких перепадов температур, не нагоняло циклонов, не задували ветра, не проливались дожди. Просто-напросто от поверхности поползли бесчисленные дымки, словно заработали тысячи тихих гейзеров или закипело столько же подводных чайников. Но с кипением, слава Богу, сходство было лишь по виду. Кипятком не обдало – за что, конечно же, огромное спасибо. Вполне хватало того, что ни шиша не видно и кожу раздражали липкие касания.

Ничего хорошего от тумана ждать не приходилось. Не только потому, что

от хорошего они напрочь успели отвыкнуть, успели забыть, а есть ли оно вообще – это ваше хорошее. Вдобавок всеми кишками, селезенками и прочим ливером плюс сердцем, мозгом, а также шестым и седьмым чувствами они ощущали, что вляпались в поганый туман.

Сварог находился в ходовой рубке, когда поползли дымки, на глазах быстро разраставшиеся в дымы. Никто и чихнуть не успел, как корабль окутали клубы сероватой липкой взвеси. Полминуты назад – рассматривай горизонт, пока не опупеешь, сейчас же – вытяни руку и пальцев не видеть.

С ответом на вопрос дожа Тольго: «Что делаем, маскап?» – Сварог не торопился. Потому что – а фиг его знает, что мы делаем! Видятся две возможности: плыть или не плыть. По-гамлетовски. Быть может, плыть вслепую и наткнуться на рифы, мели, скалы и чудовищ? Иль бросить якоря и оказаться навечно запертыми в таинственном тумане?

– Я бы держал «полный вперед», – порекомендовал Тольго – вернее, его голос из тумана.

– Нечистые, гнилые места, – слышалось бурчание рулевого, тоурантца Паорга. – Тарос, заступись и помоги! Бежать надо...

Лишь сплющив нос о стекло компаса, можно разобрать его показания. Что, впрочем, лучше, чем если бы вообще было не разобрать. Кое-как, конечно, но поплывем по прямой, а не по кругу... Если компас не врет.

Вдруг раздался приглушенный возглас:

– Хур Симаргл!

– Что ты сказал?! – воскликнул Сварог.

– Я молчал, маскап, – отозвался Тольго.

– Не ты сказал «Хур Симаргл»?

– Не знаю я никакого Симаргла.

– И я не знаю никакого такого Хура, – это уже прозвучал голос рулевого.

То, что они не знали крылатого пса войны, это-то как раз неудивительно. Но что тогда за чертовщина?..

– Давай, Тольго, команду в машинное «полный вперед». Доверимся карте Ваграна. Там вроде бы ничего поблизости не отмечено, на что можно сесть или во что можно впилиться.

– Зато другого добра хватает, – пробурчал рулевой Паорг...

...Идти по кораблю приходилось вслепую, на ощупь. А как по-другому? Никак. Но Сварог сразу же для себя установил: начисто забыть о зрении, нету глаз, нечего на них надеяться и нечего впустую всматриваться. Зато что-то, а корабль за время плавания Сварог вдоль и поперек исходил-излазил, освоил, запомнил и изучил, и, как выяснилось, неплохо изучил.

Кому-то надо было оставаться в рубке, кому-то идти успокаивать экипаж, приказывать находиться до выхода из тумана на своих местах согласно вахтенному расписанию, не паниковать, не метаться, не бояться.

Сперва шаг был нетверд. Носком, прежде чем наступить, ощупывал опору, руки шарили по сторонам. Потом, с каждым пройденным каймом убеждаясь, что он находит то, что ожидал, и там, где ожидал, шаг становился все уверенней. Иногда сквозь туман проступали мутные очертания перегородок, что несколько помогало. Сварог, как всякий лишенный зрения человек, предельно напрягал слух. Доносился приглушенный гул старающихся машин, шелестела, перемежаясь звучными шлепками, разрезаемая форштевнем забортная

вода, тревожно перекрикивались вахтенные матросы. Сварог добрался до ограждения трапа. Взялся за поручень. Когда из тумана показались очертания человеческой фигуры. От трапа между Сварогом и стеной ловко проскочила девушка, слегка коснувшись графа плечом, Стройная фигура, темно-рыжие волосы, кошачья пластика. Боже, да это...

– Мара!

Он инстинктивно рванулся было за ней в туман, но никого уже не было. Да и не могло, конечно, быть. Но все-таки но еще раз негромко позвал:

– Мара?

Понятно, что ему никто не ответил. Захотелось перекреститься. Это уже приобретало клинический характер. Одно из двух. Или с самим Сварогом что-то не в порядке, или с окружающей действительностью, окутанной туманом.

Туман просочился внутрь корабля, и в коридорах тоже не было видно ни зги. Гидернийские фонари с непроницаемой пеленой не справлялись. Лишь когда оказываешься от них на расстоянии в кайм, то можно различить сквозь серую муть пятно масляного цвета.

– Кто здесь? – Сварог услышал в коридоре шаги, постукивание по стенам и раздраженное бормотание.

– Маскап?! – воскликнули в серых клубах. – Это вы?!

Сварог узнал голос.

– Я, Кулк, я. Куда направляемся?

– Что происходит, маскап? – голос штурмана дрожал на самой высокой ноте напряжения. – Откуда здесь Черные офицеры?

– Кто?

– Офицеры гвардии короля Тоуранта. Мой брат служил в Черных офицерах...

Сварог и сам хотел бы знать, что происходит. И хотел бы верить, что чертовщина перестанет происходить, когда они выйдут из зоны тумана. А пока...

– Это марроги, Кулк. Призраки. Обойди-ка вторую палубу, передай: никому своих мест не покидать, на призрачные провокации не поддаваться. Потом возвращайся в рубку. Ясно?

– Слушаюсь, маскап.

– Выполняйте.

Четкий приказ и спокойствие командира должны подействовать благотворно. Даже если спокойствие командира показное.

Кулк исчез в направлении трапа, а Сварог продвигался дальше по коридору. Мастер Рошаль должен находиться или у себя, или в кают-компании. В каюте, соседней с капитанской, граф Гэйр рассчитывал обнаружить Клади.

Где-то далеко внутри корабля раздался крик. Его подхватили другие голоса, но вскоре все смолкло. Ничего удивительного, что люди кричат, когда мерещится всякая дребедень. У Сварога после встречи с Кулком несколько отлегло на душе – не ему одному являются марроги...

Не обнаружив, где надеялся, Рошалья и Клади и немного не добравшись до кают-компании, Сварог услышал пение:

*Пуускай презренный враг нас превзошел числом!
Мы во сто крат сильнее военным ремеслом!
Мы выучкой сильны! Пусть к нашему реду
Противник сунется, – мы с ним поступим круто!*

*Раздавим, разметем! Готов любой солдат
Скорее умереть, чем отойти назад!
Нет в мире ничего отрадней этой доли:
Достоинно умереть в бою, по доброй воле!*

Неповторимый командирский голос отчаянно фальшивившего Пэвера трудно было принять за наваждение. Сварог позвал его, пение прервалось. Перекликиваясь, они двигались навстречу и сошлись возле кают-компания.

– Вы с палубы, мастер Сварог? – сразу же спросил Пэвер. – Что там?

Мягко говоря, непривычно беседовать с человеком, который стоит в одном шаге от тебя, а ты его видишь как лишь смутный силуэт.

– Туман, мастер Пэвер. Это вы орали?

– Я пел. Чтоб в меня кто-нибудь не врезался... Ну и чтобы не впасть в... уныние. Туман, говорите... – как-то странно произнес суб-генерал. – Звуки? Необычные звуки были?

– Необычного хватает. Но вроде бы обходилось без звуков. Вам ничего не... являлось, мастер Пэвер?

– Вы о маррогах? Вот то-то, вот то-то, маскап, – обеспокоенность генерала, конечно, была понятна, но он словно порывался сказать что-то еще. – Туман липкий, как язык шлюхи, не увидеть даже дулю под носом, марроги шлепаются... Слышал я от моряков истории в точности про такую же дрянь. И даже читал. Такой туман называют Слюной Ловьяда. Значит, ничего на палубе не слышно?

– А что должно быть слышно?

– Эх... Пугать зазря не стоило бы... Говорили о шелесте, о трении больших тел о борт. словно огромные пиявки или черви ползут по бортам. Еще говорили о чавкающих звуках...

– Так пиявки или черви? – Сварог не насмеялся, просто Пэвер был настолько серьезен, что некий контраст делу повредить не мог.

– Те, кто прошел сквозь Слюну Ловьяда и выжил, чудовищ не видели. А видевшие их как раз и не выжили.

– Логично. А влипали ли когда-нибудь в подобные Слюны броненосцы? Ага, вот видите. Все-таки не каждая пиявка решится штурмовать стальной борт. Вы не знаете, где сейчас Клади и Рошаль, мастер... – Сварог осекся.

Снизу, от воды, долетел звучный шлепок и вслед за ним явственно прошуршало, словно по стали провели наждачкой.

– Слышали, маскап? – воскликнул Пэвер.

– Может, очередной маррог?

Еще раз шлепнуло. Одновременно справа и слева. И опять разнеслось мерзкое шуршание.

Сварог выругался.

– Так, мастер Пэвер. Вываливайте, что вам известно про Слюну Ловьяда. Все, до мельчайшей детали.

– Что известно?.. (Сварог не видел генерала, но мог предположить, что тот сейчас запустил пятерню в ежик на голове.) Домыслы, предположения...

– Пусть. Валяйте их. И живее, мастер суб-генерал.

Говорить живее заставляло и шуршание, прочно прописавшееся в звуковой обстановке корабля. Раздавались все новые шлепки, наждачное трение становилось все явственнее, все настойчивее.

– Полковник Некуаззи, – сказал Пэвер. – Ему можно доверять, не раз оправдывались его выводы по разным вопросам. Он собирал слухи, сравнивал, выявлял общее и на этой основе выдвигал гипотезы. Например, именно он доказал, что Поющий Олень – не миф, а...

– Мастер Пэвер! – требовательно произнес Сварог.

– Да-да, конечно... Так вот, полковник утверждает, что твари, обитающие в Слюне Ловьяда и действующие под ее прикрытием, обнаруживают жертву по запаху мысли. Так он это называл.

– Что он имел в виду?

– У тварей, по мнению Некуаззи, нет слуха и зрения. Съедобный объект от несъедобного они отличают по мысли. Мысль присуща существам разумным, а все разумные существа съедобны. Да!

На сей раз шлепок прилетел не от воды, а от Пэвера. Не иначе суб-генерал шлепнул себя ладонью по лбу.

– Что-то вспомнили, генерал?

– Да. Историю из «Энциклопедии странствий» Олегама, которая написана уже после Некуаззи. Там есть одна прелюбопытная история матроса. Он с пятью товарищами спасся на плоту после кораблекрушения. Их плот занесло в Слону Ловьяда...

– Быстрее, генерал!

Если и оставались у Сварога до поры надежды на звуковой обман, то сейчас они растаяли, как снег на печи. По бортам скребло и шуршало все отчетливей, уже не осталось никаких сомнений в реальности звуков. Разве что пока не раздавалось упомянутого генералом чавканья.

– Что-то там матросу примерещилось, и он потерял сознание, а когда очухался, то плот уже вынесло из тумана, а его товарищей рядом не оказалось. Зато оказались брызги крови. Понимаете?

– Он ни о чем не думал, и поэтому его не приняли за пищу.

– Вот именно, маскап! Ему повезло... Но вообще ни о чем не думать, находясь в сознании, невозможно.

– Так, мастер Пэвер. Задраить иллюминаторы, закрыть порты. Вы на пущечную палубу, я на жилую, потом на верхнюю. Вооружиться и быть готовым. Боевую тревогу артиллерийским расчетам. Если... Погодите-ка... – Сварогу внезапно, как посылка из Америки, пришла в голову идея. Шальная, отчаянная, но уж хуже-то от нее стать не должно. – Отставить «если», мастер Пэвер. Слушайте вводную...

...Сварог находился на мостике, там, где и место капитану, где, если доведется, должен принимать смерть командир корабля вместе с белой обезьяной. Сварог ждал, разумеется, не смерти, а развязки. Конец наступает всему, конец наступит и туману. Что и кто останется, когда рассеются его серые клубы?.. Не одна же белая обезьяна. Думается, развязка не за горами.

Немало сил стоило донести приказ до экипажа. Гидернийским умникам следовало бы радиофицировать корабль. До броненосцев они, видишь ли, белая обезьяна, додумались, а до радиосвязи нет. Сколько неудобств порождает...

Когда он пробирался на мостик, то услышал *это* в каких-то считанных шагах от себя. Это, закрытое туманом, бесспорно огромное, ползло по палубе,

шурша – кожей ли, чешуей ли – по металлическим листам. (Уж точно ползла не белая обезьяна.) Среди звуков чавкающих опять-таки не слышалось. И, честно говоря, не хотелось бы слышать...

Сварог ни черта не увидел сквозь туман, но, по звуку и черт еще знает как, понял – тварь движется к нему.

Он взлетел по трапу на мостик за два удара сердца, не думая при этом о ступенях, дороге, ногах, ни о чем... кроме, пожалуй, белой обезьяны.

Твари из тумана, надо сказать, проворством не отличались. А то, может быть, их тормозили непривычно высокие борта или с бронированной сталью им еще не доводилось сталкиваться. С белой обезьяной, будем надеяться, тоже не доводилось. Или сталь ослабляет запах мысли? Кто б ответил...

Бредовая, на первый взгляд, идея пришла по следам рассказа Пэвера о матросе на плоту и по мотивам справедливых слов генерала: «находясь в сознании, ни о чем не думать невозможно». Правда, приходилось полагаться на неведомого полковника Некуаззи, вычислившего, что твари ползут на запах мысли.

В приказ по «Серебряному удару» пунктом первым вошло: не разговаривать никому ни с кем, сидеть на одном месте и думать, только думать, думать о чем угодно, но ни в коем случае не о белой обезьяне. Ни за что не думать о белой обезьяне под угрозой расстрела на месте, в клюз твою маму!!!

Если нельзя размышлять о белой обезьяне, то тут уж не сомневайтесь: белая обезьяна будет старательно скакать по вашим мыслям, никуда из них не выпрыгнет. Еще никто на свете, кому предписывали не думать хотя бы десять секунд о белой обезьяне, не продержался и половины раунда. Наоборот, ни о чем другом помыслить не удавалось, только об обезьяне. Любой может испробовать на себе...

Если твари чувствуют мысль и только мысль, то что они учуют в нашем случае? Правильно. Одну большую мысль. Огромную, размером в броненосец, общую Мысль. Как будто думает одно существо. Захотят они связываться с таким монстром? Если для них мысль равна пище, то глотки не хватит запихнуть в себя такой кусок. Пропихнуть в себя белую обезьяну. Однако все сказанное, подуманное и сделанное окажется верным, если только полковник Некуаззи не ошибся с выводами. Увидим...

Белая обезьяна не покидала и мыслей капитана Сварога, сидела в них, словно в клетке. Он старательно гнал примата-альбиноса, но тот, как и положено, упрямо возвращался.

В той тишине, что стояла в рубке, было невозможно не услышать, как грохнула ступень трапа, ведущего к рубке. Издать подобный грохот она могла разве под немалой тяжестью. Отозвалась и вторая ступень – нечто втаскивало себя наверх.

Дверь рубки была закрыта. Но если тварь так сотрясает ступень (вот уже и третью), то выдавить стекло или вышибить дверь этакой массой – труд невеликий.

Если б был какой-то смысл метаться по кораблю, погруженному в серую слепоту, Сварог метался бы. Но больше смысла было в том, чтобы оставаться всем на своих местах – пускай, суки, поищут, – ждать и по необходимости достойно встречать.

Над левым виском, отгоняя образ белой обезьяны, вдруг опять мерзко за-

пульсировало, совсем как тогда, после победы над Синим Ключом, но что это означало и означало ли вообще что-нибудь, Сварог не понимал. Да и разбираться пока не хотел: ну нету сейчас времени, нету! Чудовищным усилием воли он отогнал прилипчивый шарик...

Разнесшееся мерзкое шуршание, словно тварь по-коровьи чесалась о стену рубки, действовало на нервы столь же раздражающе, как громкое скрежетание зубов. Разом загрохотали ступени по всей длине трапа. Играет она на них, что ли... Хрястнули в креплениях поручни. Рядом со Сварогом зло сплюнул на пол боцман Тольго.

А потом раздался такой звук, будто нечто скатилось по ступеням. Последним, что нарушило тишину, было удаляющееся шуршание. И воцарилась тишина. Ну, если не считать человеческого дыхания, шевеления да звуков, сегодня прямо-таки ласкающих слух – звуков, естественных для режущего волны парохода.

– Расчищается, – шепнул Тольго.

Дождь решил нарушить запрет на разговоры, когда туман стал рассыпаться на отдельные клочья, сквозь которые вновь начали проступать синь горизонта и лазурь воды.

– Кажется, проскочили, – сказал Сварог.

Туман редел потрясающе быстро, каждый пройденный судном кабелот освобождал от засилья серой липкой дряни, и вскоре «Серебряный удар» выскочил на чистую воду.

– Хвала Таросу! – возгласил рулевой.

«А также белой обезьяне», – добавил про себя Сварог.

Какое-то время они плыли по чистой, во всех смыслах, воде.

...Сперва даже показалось, что он всегда был здесь, он должен быть здесь, так и надо. Настолько спокойно – без пыли, шуму и спецэффектов – он возник, пристроился рядом и мирно шел себе параллельным курсом как бы с полным правом на соседство.

Представьте, что вы бредете по глухой лесной тропинке, поворачиваете голову – и замечаете, что рядом с вами, держа вашу скорость, топает чувак, без единого звука топает, вас не трогает, на вас вообще внимания ноль. Ваша реакция? В репу заехать для профилактики? Кряхтением пробудить интерес к своей персоне? Заговорить по душам? Впрямую вклеить вопрос: «Че надо, братилло?» Убежать?.. Короче, выбор широкий. Ну, некоторое время, согласитесь, вы проведете в недоумении.

Кстати, Сварог, возможно, вообще бы его не заметил, поскольку по морским сторонам в тот момент взглядами не шарил. Сварог в тот исторический отрезок времени расхлебывал последствия тумана. Последствия имели место. И даже серьезные. Чертовы твари из тумана так и не издали своего знаменитого чавканья, зато оставили после себя на бортах и палубе полосы розовой, похожей на лягушачью икру слизи. Слизь смывали с палубы матросы, выливая ведра воды и шустря швабрами; матросы восстанавливали сломанные балясины трапа, ведущего к рубке, и погнутый в нескольких местах фальшборт. Это-то как раз ерунда, а не последствия – если, конечно, не касаться слизи руками. Неизвестно, что из этого может получиться, и касаться Сварог строго-настрого запретил.

Пропал ютовый наблюдатель, тоурантец. Его, конечно, искали, мало ли ку-

да со страху забился, но в успех Сварогу что-то не верилось.

Пожилых людей на «Серебряном ударе», так случилось, было немного, но сердце не выдержало как раз таки молодое – одна из тоуранток скончалась от приступа.

И еще. От маррогов ли, от поганых ли туманов и того, что ползало под их покровом, повредился в уме тоурантец, двоюродный брат штурмана Кулка. Тоурантец забрался в каюту боцмана, заперся там с карабином и запасом патронов. Он не желал слушать ни двоюродного брата, ни дожа, ни капитана. На все попытки заговорить дырявил дверь выстрелом. У Сварога оставалась надежда на Клади, на ее умение внушать.

Сейчас Клади стояла вместе с капитаном в коридоре, возле несчастной двери с пулевыми отверстиями. Здесь же присутствовал и мастер Рошаль.

Клади и наткнулась на Рошалья во время прохождения через Слюну Ловьяда. Масграму чуть было не удалось повторить историю матроса из рассказа Пэвера. Он находился у себя в каюте, когда пал туман. Масграм направился в рубку, но в непроницаемых клубах споткнулся о комингс, упал и крепко приложился головой о стену. Причем неудачно попал на непригнанную заподлицо заклепку и мало того что здорово ушибся – еще и голову раскровенил. Да так и провалялся без сознания, пропустил самое интересное...

– Пока не выходит. Попробую еще, – наконец сказала Клади. – Люди в состоянии стресса воздействию поддаются плохо. Но все же поддаются – в моменты просветления... Я попытаюсь.

– Я тоже, – заявил Тольго и не стал откладывать. – Эй, Баор! Кончай валять дурака! Это я говорю, Тольго, тут со мной твой брат Кулк...

– Сколько нам еще ползти по этим местам, мастер Сварог? – негромко спросил Рошаль.

Ну, насчет того, что они ползти, грам-капитан, положим, сильно преувеличивал – «Серебряный удар» шел на пределе возможностей паровых котлов, как говорят кочегары – с открытой форсункой. Но общее настроение вырваться из области, заштрихованной на карте Ваграна синим, куда их занесло по милости Соленого Клюва, Рошаль выразил верно. Не зря составители карты тратили синие чернила, как показали первые же часы плавания по этой области...

– Еще около двухсот кабелотов, мастер Рошаль. Если приборы, опять же, не врут.

Пэвер на месте Рошалья, услышав столь безрадостное известие, выругался бы от души и потом долго расшаркивался перед баронеттой в извинениях. Старший охранитель лишь скривился, как от приступа зубной боли.

– Он отличный парень, – не в первый раз повторял штурман, чей двоюродный брат держал оборону в каюте. – Это у него пройдет...

– Мы сделаем все, Кулк, чтобы обойтись без крайних мер...

И именно в этот момент снаружи донеслись крики. Оставив остальных возле злосчастной каюты, Сварог выскочил на палубу – вот тогда-то и увидел их нового соседа по океану.

Рядом с «Серебряным ударом» с той же скоростью, что и броненосец, скользил трехмачтовый фрегат. На борту парусника позеленевшие бронзовые буквы выстроились в название «Бурегон». Правда, буква «р» отлетела и свисала на одном гвозде головой вниз. Фрегат шел красиво: быстро, плавно, чуть на-

кренясь, карминовые паруса выгибаются под ветром, которого нет, на кормовом флагштоке полощется вымпел с изображением солнца, разрубаемого топором, на мачте реет флаг с тем солнцем, но уже пронзенным стрелой. Пушечные порты распахнуты, можно разглядеть орудийные жерла. Над ватерлинией фрегата чернеет круглая, как от прямого попадания ядра, пробоина. Паруса тоже изрядно потрепаны – где свисают клочьями, зияют дырами, где и обгорели. На честном слове держатся и некоторые реи, а от «вороньего гнезда» на грот-мачте так и вовсе остался один железный каркас. Как жеребенок к повозке, к фрегату привязана шлюпка, скачет по волнам в кильватерной струе...

Стоп. Вот кильватерной струи как раз и не было. Да и вообще невозможного и неестественного, если взглядеться, в паруснике предостаточно – помимо невероятной скорости. Волны не разбиваются о борта, форштевень в волну не вгрызается, фрегат словно бы идет сквозь волны, не задевая их. Шлюпка же парит над океаном, как отскочившая от воды галька-блин, да так и зависшая.

– Пурпурный Странник! – эти возгласы Сварог слышал уже по дороге на палубу.

– Пурпурный Странник, маскап! – К капитану подбежал взволнованный тоурантец, ровесник Сварога, вроде бы тоже плававший когда-то. – Пурпурный Странник, он самый! Вот где довелось увидеть...

– Корабль-призрак?

– Так точно, маскап. Маррог. Беды-то от него самого нет, но, говорят, он по добрым волнам не ходит. Не держат его *чистые* воды, только нечистая вода его любит. Убираться надо поскорее из тех мест, где заметил Странника.

– Золотые слова, – согласился Сварог...

А по фрегату ходили люди, с виду обыкновенные люди в разномастной одежде. Не просто ходили, а активно занимались своими делами. Броненосца в тридцати каймах от себя они совершенно не замечали. Кто-то из команды «Бурегона» карабкался на мачты, кто-то с кормы выплеснул в океан помой, кто-то – не иначе местный юнга – напильником увлеченно затачивал на баке жала якорных лап...

– Однажды Пурпурный Странник явился Бородатому Арчу, когда тот преследовал розового кита в море Лагана, – это рядом со Сварогом кто-то из матросов рассказывал своему товарищу. – Нет чтобы ему тут же повернуть к дому...

Тем временем на шканцах фрегата разворачивались бурные события. Смуглый жилистый человек в высоких ботфортах, размахивая кривой саблей и бурно жестикулируя, явно грозил обступившим его морякам. Человека в ботфортах никто не поддерживал, а противостояло ему около дюжины по облику отпетых головорезов. Особенно старался одноглазый коротышка в цветастом платке на голове, он топал ногами и пихал товарищей, пытаясь подтолкнуть их к человеку с саблей. Да никак бунт на призрачном корабле!

– ...так и не стало Бородатого Арча. – Сварог отвлекся и услышал только конец печальной истории.

Человек в высоких ботфортах выхватил из-за пояса кремневый пистолет и... И вдруг фрегат «Бурегон», иначе прозываемый Пурпурным Странником, резко взял вправо и пошел тараном на «Серебряный удар».

Даже если не знать, что имеешь дело с летучим голландцем, уклониться от столкновения не удалось бы. Какое там уклониться за несколько-то секунд!

Однако призрак призраком, а Сварог вздрогнул, когда Пурпурный Странник соприкоснулся со стальным бортом «Серебряного удара».

Но ничего не произошло – если не считать того, что фрегат, надвигаясь на броненосец, исчезал, а с противоположной стороны показываться отказывался. Пропадал, словно бы уходя в «Удар», растворяясь в нем, пока совсем не пропал. Полное впечатление, что он вошел в стальной корабль, да где-то внутри и остался. А если и правда... Для собственного успокоения Сварог должен был теперь проверять эту сумасшедшую версию. Хотя, когда ходишь по таким краям, ненормальное и нормальное запросто могут меняться местами...

От проверок Сварога отговорил все тот же Пурпурный Странник – чертова посуда вдруг снова появилась в кабелоте впереди по ходу броненосца. И только появилась, только показались ее карминовые паруса – как корабль-призрак нырнул... Ну, то есть так это выглядело, что нырнул. Он стал уменьшаться, погружаясь в пучину. Последней ушла под воду шлюпка. Вернее, как будто ушла под воду – речь же, не забываяем, идет о призраке...

Для успокоения нервишек Сварог закурил, не торопясь покинуть палубу. И вовсе не ожидая, что «Бурегон» появится вновь. Он просто собирался с мыслями. Взял тайм-аут.

Передышка получилась недолгой. Окончилась, едва «Серебряный удар» добрался до того места, где якобы затонул Пурпурный Странник...

...Вода была невероятной прозрачности. Прозрачнее горных рек, прозрачнее ключевых вод. По поверхности не бежало даже ряби, а волны, поднимаемые проходящим судном, удивительным образом затухали в двух-трех каймах от стального корпуса.

Глубина здесь не превышала двадцати-тридцати каймов, глубину легко можно было прикинуть на глаз, потому что – вот оно, дно, как на ладони, рукой подать... Дно покрывал песок лимонной желтизны и пересекали дорожки, сложенные из плоских, тщательно пригнанных друг к другу камней. Дорожки вели от грота к гроту, и гротов этих под водой было видимо-невидимо, куда ни кинь взгляд. Входы в пещеры где прикрыты водорослями, где занавешены нитями янтаря, где открыты. Между гротами стояли столы, за ними сидели люди – в основном мужчины. И не просто мужчины: по гроздьям серег в ушах, по татуировкам, по одежде, по обветренным лицам и огрубелым ладоням угадывалось, что большинство их них, если не все, моряки. осьминоги подавали им яства и вино. Меж столами сновали морские коньки и игриво терлись о ноги. У кого-то на коленях сидели хохочущие русалки, подливали вино, обнимали за шею и осыпали поцелуями...

Там, в бездне, было слышно, как удивительно чистый девичий голосок старательно выводит:

*Приходи, когда лепесток луны
Поплывет по реке небес.
Приходи потому, что жизнь – это мы,
Угодившие в темный лес.*

*Приходи откровением губ и рук,
Я готова почти на все.
Потому, что жизнь – это просто круг,
Это чертово колесо.*

Надо всем этим жутким своей *правдоподобностью* бредом броненосец «Серебряный удар» сейчас и проходил. Над людьми, нежащимися в креслах-раковинах с трубками в зубах – а над трубками поднимаются синие облачка. Люди покачивались в гамаках, натянутых между гротами. Кто-то забавлялся, катаясь на круглой, как шар, пучеглазой рыбине. Наголо бритый пожилой человек со шрамом через всю голову, поглаживая шкиперскую бородку, вдумчиво играл с огромным омаром в игру, напоминающую шахматы. Они переставляли по клеткам трехцветного поля изумруды, кораллы, раковины... Встречались и вполне земного облика женщины. Вот одна, уже немолодая, играет на арфе. Другая, совсем юная девчушка, кружит в танце с юношей в мундире гидернийского обер-лейтенанта, а вокруг вьются стайки пестрых рыбешек... Еще одну женщину раскачивали на качелях, сделанных из водорослей и панциря краба, два проворных кальмара... Вот из грота вышла изумительной красоты дама в прозрачном, как и вода над ней, хитоне. Подняла голову, провела взглядом по людям, перегнувшимся через фальшборт, завела руки за шею и резко вскинула их, встряхнув роскошными волосами, рассмеялась... А волосы, как в замедленной съемке, колыхались медленно, завораживающе – дело все-таки происходило под водой...

*Приходи потому, что жизнь – это пыль
В паутине текущих дней.
Мы сегодня – живые. А завтра мы
Превратимся в пару камней...*

И другие люди – за столами, в гамаках, на рыбах, на дорожках – бросали взгляды наверх, улыбались проходящему кораблю и призывно махали руками.

- Фиддлерсгрин!
- Морской рай!
- Великий Тарос, да это же рай моряков!
- Существует!..
- Стоять!!!

Предупредительный оклик Пэвера опоздал. Раздался всплеск, и люди на корабле, включая маскапа Сварога, увидели, как комендант угольной базы кронмайор Прого Тританг уходит под воду, погружается в кущи подводного рая. Вот он достиг дна, встал ногами на каменную дорожку, ощупывает себя, улыбается, счастливо оглядывается. К нему подплывает русалка с раковиной-бокалом в руках, дает ему вино, обвивает за талию. К Прого с распростертыми объятьями идет, оставляя на песке тут же затягивающиеся следы, плечистый человек в капитанской фуражке...

Но Сварог уже не любовался райскими картинками. Он двигался по палубе и планомерно отшвыривал людей от фальшборта.

– Всем отойти! Вон с палубы! Внутрь! В кубрик! Я сказал, щенок, вон отсюда! – и Сварог, сочно приложив кулаком, отправил в нокдаун какого-то сопляка с обезумевшими глазами и слюной на губах, попытавшегося вцепиться маскапу в горло. Пусть лучше валяется в нокдауне, чем на дне.

Сварогу удалось сломать очарование, складывающееся из медленного, безмятежного, умиротворяющего парения над идиллическими видами... а виды-то сменяют друг друга, виды полны разнообразия, и каждый прелестен и

манящ, и нет ничего страшного на дне, нет ничего плохого под водой, нет ничего жуткого в смерти и...

Сварог, очухавшись на мгновение на слове «смерть», не без усилия заставил себя включить «магический глаз»...

– Пэвер, Олес, Чуба, так вас перерастак, что застыли, гони всех прочь! – летел вдоль борта Сварог.

Чуба-Ху в собачьем обличье перехватила, вцепившись клыками в ногу тоурантца, тащившего к фальшборту женщину, наверное жену, и ребенка, наверное своего. Не иначе хотел уйти с ними от невзгод в сказочную страну. А Чуба, как и Сварог, скорее всего, видела, как выглядит эта сказка на самом деле.

Отталкивая зачарованных людей от борта и надрываясь в крике, Сварог поливал океанскую воду серебром из шаура. И когда он увидел, как отшатнулись от борта люди, то понял, что серебро подействовало на морскую нечисть именно тем макаром, каким и должно оно действовать на любую нечисть. Тогда Сварог остановился, посмотрел вниз.

Вода замутилась. Вода потемнела и забурлила, взбивая черную пену. И в этой пене замелькали темные влажные спины. Спины кишмя кишели вокруг корабля – там, где над водой появлялись откусанные кисти, ступни, ноги, ошметки внутренностей... и тут же части розовой человеческой плоти накрывали темные туши. Одна из тварей вдруг взмыла вверх, по-дельфиньи заплясала на волне, явив себя во всей красе: вытянутая безглазая голова величиной с водолазный шлем сразу, презрев необходимость иметь туловище, переходила в длинные, напоминающие ноги, очень подвижные ласты. Тварь сжимала в пасти, полной мелких зубов, голову коменданта Прого. Словно исполняя танец злобного торжества, прошлась с головой в зубах по волнам, по тушам сородичей. Головастик веселился, пока из кишенья спин не выпрыгнул другой головастик и не вырвал из его пасти игрушку, как ватерпольный мячик...

...А потом они увидели, что осталось от флота государства Вильнур.

Тоурантец в каюте так и не поддался внушению. Расстреляв все патроны в дверь, последний он употребил себе в горло. Это произошло как раз тогда, когда «Серебряный удар» уже шел через обломки.

Экипаж «Удара» высматривал в воде людей. Сварог приказал сбавить до «самого малого» и готов был остановить «Удар», если они обнаружат за бортом живых. Но надежд на это, прямо сказать, было немного. На воде взгляд не отыскивал ни единого куска, клочка, лоскутка, ошметка или обрывка, который превышал бы два кайма в длину или в ширину. Причем все дерево, ровным слоем покрывающее поверхность океана на несколько кабелотов вокруг, было размочалено, в отщепках, с отверстиями, напоминающими прокусы. Обрывки парусины были измяты и изодраны. Свидетельства морской трагедии выглядели так, словно чей-то флот пережевали и выплюнули. *Весь флот.*

– Вильнурцы, – сразу определил кто-то на палубе. – Их парусина, толстая...

– Да, – согласились с ним. – Видишь, сколько обломков весел. А у Вильнура все суда гребные, даже те, что оснащены парусом...

– Интересно, здесь их накрыло или уже в таком виде течением пригнало?..

Всякие сомнения в принадлежности погибшего флота отпали, когда они разглядели среди волн полотнище – зеленая и оранжевая полосы с правой стороны и вертикальная красная. Флаг Вильнура. До самого выхода из жуткого

пятна «Серебряный удар» шел на «самом малом». Но людей ни в подозрительные трубы, ни без труб среди обломков с борта так и не увидели...

А потом случился шторм. Шторм накрыл их, в полном соответствии с картой Вагранна, у границ области синих штрихов и области, свободной вообще от всяческих обозначений. Канонический такой шторм, самый обыкновенный – без следа магии: с обязательным затишьем перед бурей, с внезапно почерневшим небом, с обрушившимся шквальным ветром, с ливневыми струями, с волнами, перекатывающимися через верхнюю палубу, с обязательным девятым валом.

Они тоже действовали вполне канонически. Развернулись носом к волне, врубили «самый полный» и лихорадочно принялись готовить помпы в трюмах. В ожидании, когда броня не выдержит ударов волн и поддастся.

Одно только выпадало из канона: *этот* шторм не заканчивался, не собирался стихать. Он будто прицепился к кораблю за невидимый трал и лупил, лупил, лупил...

И в какой-то момент Сварог внезапно понял: буря будет продолжаться до тех пор, пока «Серебряный удар» не сдастся... И очень скоро он ощутил, что следующего девятого вала их броненосец уже не выдержит. Понимание пришло, видимо, от того, что сросся за эти дни он с кораблем, почувствовал его, как и должен чувствовать капитан свое судно, как должно чувствовать сердце работу остальных органов тела.

«Удар» кренило – он выравнивался, «Удар» проваливался в волну – и все-таки выдирался из нее. Скрипело железо, стонали перекрытия, дрожал скелет корабля. Каждая наваливающаяся волна словно проходила с содроганием через все клетки Сварога.

В рубку ввалился Пэвер, зеленый от качки и мокрый от воды.

– Плохо дело, граф! – проорал он сквозь вой бури в самое ухо Сварога. – Корабль руля не слушается, винт, наверное, покорежило! В котельной полно воды, швы расходятся! Если зальет топку – кранты окончательные!..

И Сварог решился. Решился еще и потому, что отпал всякий смысл соблюдать осторожность. К тому же не привык он ждать, казнят его или помилуют, даже пусть дело касается стихии. Надо пускаться в бой последний резерв.

И такой резерв был.

Ну, если быть честным, Сварог лишь надеялся, что в его руках именно резерв, а не последний гвоздь в собственный гроб. Основание для надежды вроде имелось: лесные и степные пожары останавливаются рукотворными пожарами, пущенными навстречу...

Из рубки – рывок в каюту, в секундном перерыве между ударами волн, из каюты, со шпагой на боку – к юту. Через бесконечный дождевой поток, не дающий вздохнуть. Цепляясь за ограждения и выступы, сжимая их до судорог в кистях. Через водные валы, обрушивающиеся сверху, бросающие тебя на фальшборт и пытающиеся утащить за собой, в океан. Сердце подкатывалось к самому горлу, когда «Серебряный удар» падал в бездну между черными громадами, сердце распластывалось о диафрагму, когда «Удар» взмывал на гребень исполинской волны, чтобы тут же вновь ухнуть в мрачный провал... Молнии били без перерыва, освещая залитую водой палубу как стробоскопом. Грома слышно не было – все заглушал рев взъяренного океана.

Но – добрался.

На корме Сварог прижался к задней стене ютовой надстройки, накрепко привязал себя к ступени скоб-трапа. Достал из кармана клык Зверя, зажал в кулаке. Теперь требовалось поймать паузу между накатами валов. В эту паузу вытащить шпагу из ножен, коснуться ее клыком... А дальше, как говорится, по обстоятельствам.

Так он и сделал. Выдернул шпагу, разжал кулак, приставил клык к трехгранному клинку...

Пожалуй, никогда еще Сварог не попадал так метко – в центр мишени, в десятку, в самое «яблочко», как с мыслью о пожаре, пущенном навстречу пожару.

Навстречу буре рванулась именно буря. Хлестнуло от клинка кроваво-алыми яркими лучами, и *эта Сварогом выпущенная мощь покатила прочь от корабля.*

Сварог невольно стал свидетелем величайшего и грандиознейшего события – сшибки лбами двух штормов. Наверху завихрились черные жгуты и спирали встречных ураганных ветров, заплелись, как руки дзюдоистов. Валы, мчавшиеся к кораблю и от корабля, сошлись посередь и взмыли стеной, пытаюсь завалить друг друга. От того, кто кого одолеет, зависело, быть «Серебряному удару» или не быть. «Удар» ждал своей участи в крохотной областенке внезапного и полного затишья. На стороне корабля билась сейчас мощь неведомого Зверя. И билась насмерть. Зверь уничтожал людей, стал проклятьем атарцев на многие поколения – сейчас же его так и не истребленная сила словно пыталась искупить вину.

И буря, сотворенная природой, уступила перед Звериным натиском и злостью. Стала откатываться по всем фронтам, по всем тремстам шестидесяти градусам...

А шпага рассыпалась, как тонкий хрусталь, брошенный на бетон. Клык же остался целым и невредимым. «Из чего следует вывод: клык выбрасывать резона нет. Если где-то вновь встретится часть того Зверя, то снова можно попробовать... Даже нужно будет попробовать, потому что на этот раз мне понравилось», – подумал Сварог, отлипая от стены.

Ну, это все – перспективный взгляд в будущее. «А чего, – спросил себя Сварог, – мне хочется именно сейчас? То есть безотлагательно, по свежим следам пережитого. Да тут и думать нечего». Желание он произнес вслух:

– Двести водки – и спать...

Часть третья «СЕРЕБРЯНЫЙ УДАР»

Глава тринадцатая Последний парад

Второй такой бури «Серебряному удару» будет не пережить. Потому что нет на пути портов, где можно встать на ремонт, по своему выбору в «сухой» или «мокрый» док, и квалифицированный персонал подлатает тебе посудину. Латать приходилось на ходу, используя подручные средства.

Потрепало изрядно. Расшатало в креплениях и перекосило среднюю трубу, сорвало и уволокло в неизвестность один из разъездных катеров, снесло к чертовой бабушке главный прожектор, погнуло мачту, оборвало несколько канатов, кое-где развалило фальшборт.

Внутри корабля разрушений было не меньше, а их последствия, пожалуй, оказывались тяжелее. В машинном завалило один котел и паром обварило двух кочегаров. Причем котел не просто завалился, а врезался в резервную паровую машину и искорежил ее до полного невозможности. Таким образом, у них осталось всего две машины, причем одна сейчас не работала – она остывала, чтобы можно было вернуть котел на прежнее место.

В трюм натекло средних размеров море воды, и вода все прибывала через щели в разошедшихся листах обшивки. С водой боролись все четыре помпы броненосца, щели спешно заделывали, накладывая «пластыри» из досок, листов железа и непромокаемой ткани. В авральную команду Сварог включил всю без исключения здоровую часть экипажа. Но шторм жестоко обошелся не только с «Серебряным ударом».

Помимо кочегаров погибло еще несколько человек. Одному размозжило голову сорвавшимся с петель люком, другого качка швырнула на погнутое и колом торчащее ограждение трапа, одна женщина ударилась виском об угол стола. Двое, женщина и ребенок, пропали без вести – скорее всего, смыло за борт. А еще – несколько сотрясений мозга, сломанная рука, сломанное ребро, выбитый глаз, распоротое бедро и острый приступ язвенной болезни. Сущей ерундой на этом фоне выглядели бесчисленные ушибы, ссадины, порезы, вывихи. И со всем этим тоже надо было что-то делать...

Однако кое-что радовало: из поганой зоны, заштрихованной на карте Ваграна синим цветом, они все-таки вырвались. Сварог даже потребовал от своих штурманов перепроверить расчеты, мало ли, может, проклятые места влияют и на показания приборов. Во второй, а затем и в третий раз показания сошлись с первоначальными... Да, из области, где законы зла сильнее законов моря, они вырвались. И более того – вышли на прежний, безопасный, ежели верить карте Ваграна, курс.

Впрочем, останавливаться поблизости от гиблых мест Сварог не хотел. Нет уж, отойдем подальше, там уж застопорим машины и будем зализывать раны. Не получилось.

Когда в капитанскую каюту ввалился Пэвер, у Сварога сердце сжалось от дурного предчувствия: суб-генерал был всклокочен, глаза горели, да и вообще он производил впечатление человека, только что нос к носу столкнувшегося с

привидением.

– Мастер Сварог, – начал он с порога, – вы должны это видеть. Без вас решили не открывать. Такое бывает раз в жизни, а то и реже... Вот повезло же мне! А говорили – сухопутная крыса, сухопутная крыса...

– Что там еще?

Выяснилось, что мастер старпом, десять минут назад с носа корабля плевавший в буруны и размышляющий о сущности всех человеческих устремлений и о том, что неплохо бы размочить грусть глотком доброго гидернийского, неожиданно заметил тусклый отблеск слева по борту. Посмотрел в подзорную трубу, с которой почти не расставался, и в немалом изумлении увидел качающуюся на волнах бутылку. Мысль о какой-нибудь очередной колдовской ловушке ему в голову даже не пришла. Пэвер мигом свистнул случившегося неподалеку матроса и приказал бутылку изловить. С помощью «такого сачка на длинной палке, Навака знает, как она называется», бутылка была благополучно вытащена (интересно, если б сразу не поймали, приказал бы он стопорить машины?) и отнесена в кают-компанию. К величайшему сожалению генерала, вина в посудине не оказалось ни капли, зато оказалась целая рукопись. По всему, с времен прошлого Цикла. Как она выдержала мотание по волнам пятьсот лет, почему бумага не истлела в пыль – сие никому неизвестно, но «вам, мастер Сварог, нужно обязательно посмотреть».

– Обязательно нужно? – хмуро спросил Сварог: читать найденные в бутылке рукописи ему не хотелось совершенно.

– А как же, сорок копий мне в глаз! Вы понимаете, это же *оттуда*, с Граматара, когда он еще не затонул! И потом, по преданию, найти такую бутылку – это очень добрый знак. Очень. А уж тому, кто ее нашел... – И генерал мечтательно закатил глаза.

– Ну пошли, что ли...

Сварог нехотя проследовал за Пэвером в кают-компанию, где его уже ждал весь бравый экипаж «Парящего рихара». В центре стола мрачно возвышалась мутная, грязная глиняная бутылка незнакомой формы, с высоким горлышком, вся в каких-то обрывках подсохших водорослей, открытая, а рядом лежали несколько свернутых в трубочку желтых листиков.

– Показывайте давайте, что там у вас...

Пэвер дрожащими пальцами развернул ломкие страницы...[123]

Дочитать до самого конца им не дали: в кают-компанию осторожно поступался мальчишка-вестовой с сообщением: слева по борту замечены паруса.

Судно было одиночным – по крайней мере, никаких следов нахождения в пределах видимости прочих плавсредств Сварог с мостика не обнаружил и вновь пристально взгляделся в очертания парусника. А очертания-то, что ни говори, до боли знакомые... Мама дорогая, так это же...

Он резко развернул подзорную трубу на сто восемьдесят градусов, подышал на линзу, протер рукавом, вновь поднес окуляр к глазу... И присвистнул от удивления. Ну так и есть – старые знакомые! Надо же, добрались досюда, и как только нас догнали, чудеса...

Параллельным потрепанному «Серебряному удару» курсом двигалась шхуна «Путь», которую Сварог освободил из гидернийского плена на угольной базе. Адвентистам, похоже, повезло – паруса все целы, идет ровно, весело, без крена, с такой же скоростью, благо ветер попутный... Ну, сектанты, ну Дети За-

ри...

– Они нас видят? – спросил он у вахтенного бакового наблюдающего.

– Должны, если оптика хорошая, – ответил пожилой клаустонец в мятой фуражке.

– А поднимите-ка на веревках вымпелы: «Привет». Есть такой?

Наблюдающий, не моргнув глазом, перегнулся через ограждение мостика и крикнул кому-то внизу:

– Приказ маскапа! Поднять на фалах сигнальные знаки «Приветствие»!

Сварог и бровью не повел. По тонкому канатику пополз вверх, к верхушке мачты, трепыхающийся на ветру флажок. Он вновь поднял подзорную трубу. Через несколько минут уже целая гирлянда флажков заполоскалась между мачт рассекающей океанские волны шхуны.

– Что пишут?

– «Рады... встретить вас... О благодарности помним... Ждите...»

Сварог нахмурился. Чего ждать-то, интересно?

– Спросите, не нуждаются ли они в помощи.

Шхуна ответила, что ни в чем не нуждается и вскоре продолжит путь, как только выполнит обещанное... *Путь*, вишь ты, жрецы хреновы. Ну, не хотят помощи, не надо.

Сварог спустился с мостика на палубу, повернул было к кают-компани – дочитать познавательную рукопись, но со стороны, на этот раз уже ютового наблюдающего, донесся крик:

– Вижу дымы на горизонте!

– Да что ж это такое, не океан, а проходной двор... – пробормотал он себе под нос и решительно двинулся к корме. В груди тихонько запиликало чувство опасности. Спасибо, давно не слышали... И тут же к нему присоединилась пинг-понговская пульсация над левым виском. В унисон они затарабанили в сердце Сварога, как молотками.

Сварог приостановился, закрыл глаза, оперся рукой о холодный металл надстройки. Черт, да что за ерунда с ним творится?!

– Что-нибудь случилось, граф?! – Клади с Рошалем вышли из кают-компании.

– У нас каждый день что-то случается, не заметила? – невесело усмехнулся Сварог и выпрямился. – Помнишь шхуну, которую мы встретили на угольной базе? Так вот она нас догнала.

– «Путь»? – сдвинул брови Рошаль. – Как они нас догнали? Как нашли в океане? Не нравится мне это, граф...

– Во-во, совершенно ценное замечание. И еще какие-то дымы на горизонте. Пойдем глянем.

...Рошаль был прав, такое никому не могло понравиться. Впрочем, это касалось отнюдь не шхуны, набитой сектантами.

– Догнали-таки, надо же... – с ноткой удивления в голосе пробормотал Сварог. Он стоял у кормового флагштока и в трубу рассматривал горизонт.

– Гидернийцы? – негромко спросил Рошаль.

– Так кто ж еще-то...

То, что это противник, сомневаться, увы, не приходилось. Два корабля были пока далеко, на самой границе видимости, и даже в трубу выглядели лишь несерьезными, едва различимыми точками на фоне серого неба. Но от них тя-

нулись, стелились по линии горизонта размытые черные полосы. Дымы из труб. А поскольку корабли на паровом движителе имеет только гидернийский флот, то – делайте выводы, господа, делайте выводы...

– Может, еще не догонят, – неуверенно сказала Клади. Волосы, чтобы не трепал ветер, она собрала в «конский хвост» на затылке. – Может, их потрепало круче, чем нас. Да и Бумаги Ваграны у них не было...

– Много она нам помогла, эта бумажка... сами ведь справились.

– Надейся на лучшее и готовься к худшему, – сказал Рошаль.

– Эт-точно, – Сварог опустил подзорную трубу, глубоко вдохнул соленый воздух. – Ну что, орлы, поздравляю: все, что раньше было – это учебка. Начнутся боевые будни... И скажите спасибо, что их только два...

– Спасибо, – совершенно серьезно сказала Клади.

– А почему, собственно, только два? – с недовольством поинтересовался мастер Рошаль, всматриваясь в горизонт. – Где остальные? Где сам конвой?

Сварог пожал плечами.

– Может, *эти* просто сбились с курса. Может, конвой уничтожен, и это все, что осталось от флота Великой Гидернии. Может, их специально откомандировали на охоту за нами. Да кто их разберет... Меня другое сейчас интересует: на каком топливе, позвольте узнать, забрались так далеко? Была резервная база дозаправки, что ли?

– Скинулись... – буркнула Клади.

Сварог повернулся к ней:

– Не понял?

– Жертвуешь половиной броненосцев. Уголь на базе, предназначенный для них, переваливаешь в трюмы остальных. Остальные оказываются забиты топливом под завязку, а те, пустые, ты бросаешь... Или, вероятнее, затапливаешь.

– А что, – поразмыслив, кивнул Сварог, – вполне может быть. О таком варианте я как-то не подумал... Ну так ваши предложения, господа офицеры? Они ж не отстанут...

– Уходить на всех парах, какие остались, – не задумываясь, ответила Клади. – Если дичь убегает, значит, она трусливая, значит, слабее тебя...

– Да вы, баронетта, знаток военно-морских душ, – невесело усмехнулся бывший старший охранитель короны.

– Я, мастер охранитель, охотник... – в тон ему сказала баронетта, на Рошалья не глядя. – Они бросятся следом, войдут в раж... И мы либо уйдем, либо, если не получится, неожиданно стопорим машины и приветствуем дорогих гостей праздничным салютом в лоб...

– Извините, баронетта, но это бред, – фыркнул Рошаль. – Уж поверьте мне. Эти гонки могут затянуться до ночи, а в темноте нас расстреляют – даже пикнуть не успеем. Наши бойцы сколько стрелять обучались? А тамошние?.. Надо не так. Мы разворачиваемся, даем малый вперед этим утюгам навстречу. Поднимаем гидернийский флаг, кодовые сигналы на вымпелах. Мастер Сварог надевает личину этого, как его, Ксэнга. И встречает сограждан с недоумением: мол, в чем дело, ребята? Я выполняю особо секретное задание Адмиралтейства. Ах, вы не в курсе? Ну тогда прошу на борт ознакомиться с соответствующими документами. А сам я к вам не пойду, я боюсь: вдруг вы мятеж подняли и в пираты подались. Почему это вы одни, где, спрашивается, остальные корабли? Кто-то из них поднимается на борт, тут баронетта его обрабатывает

своим манером, а потом мы...

– Нет, – отрезал Сварог. – Тоже плохо. Красиво, но плохо. Может не сработать. Там ведь тоже не дурни сидят. Если дозаправочная база оказалось затопленной, если «Адмирал Фраст» не догнал конвой, зато нарисовался именно здесь, то что получается? Получается, что «Адмирал» на базе забил полные трюмы угля, базу потопил и предпринял самостоятельный поход к континенту. Значит, это мы самые что ни на есть пираты. Они даже слушать не станут – подойдут на расстояние выстрела, разнесут нас к чертовой матери из всех орудий и спокойноенько поплывут дальше.

Рошаль сдвинул брови к переносице.

– Ну а вы, граф, что предлагаете?

Сварог задумчиво посмотрел на шхуну «Путь», скользющую в двух кабелотах слева по борту. Ветер был попутный, паруса были подняты только на гроте шхуны, но и с ними шла она неплохо, узлов двадцать делала легко. Если на ней и заметили погоню, то пока никак об этом на «Серебряный удар» не докладывали. Полагались, черти, на судьбу...

– А что тут предлагать, коли ничего другого не остается, – решил наконец Сварог. – Принимаем бой.

Рошаль выдавил из себя смешок:

– Я почему-то так и думал, что вы это скажете... – И вдруг рявкнул: – Черт бы вас побрал, граф! Это же самоубийство! Есть храбрость, а есть безрассудство. И то, что вы предлагаете, – это не храбрость! Если вам до сих пор везло, это не значит, что будет везти и дальше. Один корабль, раздолбанный в пух и прах, против двух, против прекрасно обученных моряков!.. – Он запнулся и, прищурившись, посмотрел на корабли на горизонте. Сказал тихо, сам себе: – А, впрочем – почему бы и нет...

Клади, закусив губу, молча и очень спокойно смотрела на дым на горизонте. Лишь побелели костяшки пальцев, которыми она сжимала поручень фальшборта. Сварог обнял ее за плечи и пробормотал:

– А интересно, кстати: как же они нас нашли? Явно ведь помог кто-то... – Потом встряхнулся и бодро заявил: – Вот именно, мастер грам-капитан: почему бы и нет. Не в первый раз в пекло лезем. Иного выхода у нас нет, если догонят – потопят, а если мы первыми начнем... Как сказал один император, главное – ввязаться в бой, а там посмотрим. Скажу вам по секрету: мне тоже страшно... Итак, господа самоубийцы, извольте свистать всех наверх. Высшим офицерам и всем вестовым – на капитанский мостик. Боевая тревога. Последний парад наступает. И командовать им, что самое любопытное, буду я.

– Боевая тревога!!!

Над палубой растеклась заливистая трель боцманской дудки. В ответ хлопали двери люков, дробно прогрехотал топот множества ног по трапам и коридорам, со скрежетом начали проворачиваться башни орудий.

Сварог стремительно вошел на мостик. Пэвер подхватился навстречу:

– Что?..

– Воюем, дружище, – только и ответил Сварог. – Воюем...

Посмотрел на лица замерших перед ним офицеров – и осмотром остался доволен. Никто не паникует, никто не трясется от страха. Даже вестовые гавроши испуганными не выглядят. Ну, те просто еще не знают, что такое настоя-

щий артиллерийский бой. Их следовало бы отправить на «Путь», да что толку – во-первых, все равно не успеть, а во-вторых, если погибнет «Серебряный удар», паруснику так и так не уйти от гидернийской картечи... А вот у взрослых если и присутствует легкий мандраж, так это только от *ожидания*. Это ничего. Это даже полезно. У штурвала стоял Дикс, старый знакомый. Хороший знак?..

– Изготовить корабль к артиллерийскому бою, – отрывисто бросил Сварог. – Передать на шхуну, чтоб уходили на всех парусах – может, вырвутся... Играем по варианту семь, помните? Рулевому – разворот на сто восемьдесят, забыл, как называется... Машинам по окончании маневра малый вперед три минуты, потом стоп, ждать команды «полный вперед». Мастер Пэвер, вы команду подаете, ясно? – Для убедительности Сварог поднес кулак к носу суб-генерала. Тот не обиделся, отрывисто кивнул. Черты лица его хищно заострились. – Расчеты к орудиям. Подручные орудий в погреба. Стволы... стволы, скажем, на правый борт. Огонь зажигательными по команде. И чтоб на верхней палубе ни души. – Он помолчал секунду и добавил негромко: – Флаг поднять!

Ничего не забыл? Кажется, ничего. Все как на учебных тревогах. Ну-с, помогайсь...

...Гидернийские броненосцы выросли уже до размера спичечных коробков, они шли почти борт к борту, один немного впереди другого, чтобы дым из труб не застилал обзор соседу. Дым стелился над водой плотным, непрозрачным шлейфом. Дальнейшее было ясным: на расстоянии выстрела они разойдутся и возьмут мятежный «Адмирал» под перекрестный огонь... Сварог стоял на баковом мостике, рядом с бравым наблюдающим из клаустонцев, ждал. Снизу доносились отрывистые выкрики офицеров, «Серебряный удар» уже завершил разворот на сто восемьдесят градусов и теперь малым ходом продвигался вперед, навстречу противнику. Откровенно говоря, он и сам до конца не знал, как поведет бой. На учебных тревогах он много раз проигрывал различные варианты, но, как известно, имитация сражения и сражение – это, милостивые государи, две большие разницы... Вариант семь, к примеру, подходил для сегодняшней расстановки сил наилучшим образом, ну а если дело пойдет как-то иначе, переигрывать придется на ходу...

Он мимолетно оглянулся – поднят ли флаг. Белый с пронзительно синим крестом андреевский флаг, в редкие минуты передышки вышитый клаустонками по эскизам модельера Сварога, поднят был, но Сварогу тут же стало не до него – потому что там, за кормой «Серебряного удара», он увидел такое, что заставило его вскинуть трубу к глазам и бессильно выматериться.

Шхуна «Путь», должная, казалось бы, уже во все лопатки улепетывать прочь от сходящихся железных машин, стояла на месте. Дрейфовала, паскуда. Паруса убраны, над гротом тоже трепыхается какой-то флаг. Какой – не разглядеть, но явно не сигнал о капитуляции. Кретины, вас же в первую очередь размажут по волнам, как дерьмо по траве!.. Ну, тут же поправил он сам себя, положим, не в первую, «Путь» стоит кабелотах в семи от «Удара», но ведь уже не успеют оттуда убраться, никак не успеют...

– Сигналы на фалах, – неожиданно сообщил наблюдающий, глядя в трубу на гидернийские посудины.

Мигом забыв о распроклятой шхуне, Сварог развернулся и тоже посмотрел в трубу. Действительно, над впереди идущим вражеским броненосцем радост-

но заполоскались разноцветные вымпелочки.

– И что говорят? – спросил он сквозь зубы.

Наблюдающий принялся разбирать сообщение:

– «Приказываю... застопорить машины... спустить флаг... орудия отвернуть... высшим офицерам построиться... на баковом мостике... шлюпки... не спускать... Открываю огонь... через пять минут после... неисполнения...»

– Приказывает он мне, видите ли, – хищно оскалился Сварог. – Ну-ну...

Значит, пока расстреливать мятежников в упор гидернийцы не собирались. То ли снаряды берегли, то ли хотели захватить «Адмирал Фраст» целиком и невредимым... На всякий случай, так, для успокоения совести, он включил «третий глаз». Что ж, гидернийцы действительно к помощи волшебства старались не прибегать: в магическом зрении, как и в реальности, приближающиеся громады оставались серыми и тусклыми.

– Ответим? – спросил наблюдающий.

– Обязательно, сокол ты мой, – задумчиво сказал Сварог. – Обязательно ответим...

Плавающие крепости гидернийского флота, не сбавляя ход, начали грациозно расходиться, беря «Серебряный удар» в клещи – молодцы, все правильно делаете, все по науке, а вот мы поступим не правильно... Уже и без подзорной трубы можно было увидеть оцетинившиеся пушками корпуса броненосцев.

Сварог перегнулся через ограждение мостика, выцелил взглядом замершего возле черного провала дверного люка вестового. Крикнул:

– Машинам полный вперед! Огонь носовым главным по цели правого борта!

Вестовой мигом исчез в люке, и Сварог почти физически ощутил, как его приказ стремительно летит по коридорам и отсекам, от вестового к вестовому, и по голосоотводам, в сторону капитанской рубки и к носовой башне...

Он еще успел с мстительной радостью разглядеть в подзорную трубу, что океан не пощадил и вражеские корабли: броненосец справа шел с заметным креном на правый борт, часть надстроек отсутствовала напрочь, будто срезанная исполинским ножом, ствол носовой мортиры закручен штопором, из пяти труб броненосца справа дымит только одна, корпуса обеих кораблей покрыты вмятинами, будто по ним лупили исполинским молотом, а потом...

Потом палуба вдруг больно ударила по пяткам, воздух, спрессованный в гранитный монолит, обрушился на людей, на мгновение померк дневной свет. Ослепительно белая струя огня вырвалась из дула носовой мортиры «Серебряного удара», дымный след, стремительно удаляясь, прочертил в воздухе плавную завывающую дугу – и коснулся надстроек броненосца справа. Даже сквозь звон в ушах до Сварога донесся дружный вопль из глоток родимого экипажа.

Такого просто не могло быть. Чтобы первый же пристрелочный залп неопытного расчета дальнобойной мортиры накрыл движущуюся цель – это невероятно.

Но так было. Новичкам везет, не правда ли?..

Нос вражеского броненосца окутался черным копотным дымом: прямое попадание ядра разворотило основание носовой надстройки, и зажигательная смесь, моментально воспламенившись, хлынула по палубе, выискивая малейшие щели в стыках металла, чтобы хлынуть внутрь.

Еще один залп! Увы, второй раз чуда не произошло: выстрел мортиры дал недолет, и перед острым носом подраненной бронированной дуры противника вырос белесый столб, потом опал тысячами брызг, и вода вспыхнула – зажигательный состав горел даже на воде. Броненосец вошел в огненное озеро, подмял его под себя, и тут же на его борту расцвели пламенно-дымные цветы. Сварог невольно вжал голову в плечи – знал, что вражеские снаряды, спасибо магии ларов, ему нестрашны, но рефлексy оказались сильнее разума. С надсадным воем пикирующего самолета ядра противника одно за другим бултыхнулись в воду справа по борту – тоже недолет – и разорвались со стократно усиленным треском разрываемой бумаги. Не зацепили? Не зацепили. Водяной вал шумно обрушился на артиллерийскую палубу, отдельные капли долетели и до Сварога. «Серебряный удар» сильно качнуло, а следом донеслось и запоздалое «бух, бух, бух» гидернийской артиллерии.

Корабли сходились со скоростью курьерских поездов, уже и без трубы можно было разглядеть такелаж вражеских посудин, так и не спущенные флаги на фалах. Рулевой, как и было задумано, направлял «Удар» аккуратно между ними. Дьявольски опасный маневр, тут и ежу понятно, ни в каких учебниках по тактике не описанный, но Сварог истово надеялся, что проскочит: не станут же гидернийцы лупить прямой наводкой, любой промах грозит прямым попаданием по своим же, по кораблю, находящемуся с другого борта от мятежного экс-«Адмирала»... Или станут? Зато мы стопроцентно можем шарахать с обоих бортов в лоб. Пока те сообразят, что мы не на таран прем, пока перенацелятcя... Только бы рулевой не подкачал – не вцепился в противника на полном ходу, и не притянуло бы бортами, тогда костей точно не соберем...

Как видно, стрелки левой вражеской крепости номер два, той, что пока от огня «Удара» не пострадала, были, не в пример коллегам, более меткими. Залп их носовой мортиры накрыл кормовую надстройку «Серебряного удара», фонтаном взметнулись в воздух осколки черного металла в облаке огня, тут же повалил дым, сносимый набегающим потоком куда-то за корму, броненосец качнуло вторично, сильнее, и Сварог уцепился за ограждение. Выругался шепотом: «Тут зигзагом надо идти, сбивая прицел, но зигзагом нельзя, щель между кораблями махонькая, не впишемся», – и гаркнул наблюдающему, когда грохот немного утих:

– Вниз, живо!!!

Наблюдающий обалдело тряс головой, смотрел на Сварога выпученными рыбьими глазами. Ага, пробрало, ну, с боевым крещением тебя, с-соколик... Не размахиваясь, Сварог залепил ему звонкую пощечину. Вышло чуть ли не громче, чем взрыв на корме.

– Вниз, я приказал! За броню!

И пихнул соколика к трапу. Наблюдающий скатился по ступеням и, трогательно прикрывая затылок руками, нырнул в люк. Без тебя обойдемся. Все равно толку никакого... Оставшись снаружи один-одинешенек, Сварог мельком оглянулся – оценить урон, но корма сплошь была затянута дымом, ни хрена не разобрать.

По большому счету, он и сам сейчас должен был находиться на своем боевом посту, сиречь в командирской рубке, но там и без него разберутся, если только не полные идиоты, и, понадобится принять срочное решение, – примут... А вот наше место пока здесь, у всех на виду. Во-первых, наверняка с вра-

жеских кораблей видят беззащитную фигурку на мостике, наверняка руки чешутся шмальнуть по наглецу прицельно, ну так давайте шмалайте, волки морские, незабываемое зрелище вас ждет, обещаю. А во-вторых...

А, бля!..

Ядро звонко бухнуло в покатый борт, совсем рядом, срикошетило, шипя, свечой ушло в небо – и взорвалось каймах в тридцати над головой. «Красиво было, черт подери, как на салюте: букет обалденно ярких раскаленных капель фыркнул в разные стороны и огненным, но уже неопасным дождем оросил палубы. Зонтик нам бы сейчас ох как не помешал... А вот, кстати, животрепещущий вопрос, судари мои разлюбезные: если рванет здесь, на мостике – сметет ли меня ударная волна? Или всего лишь разорвет барабанные перепонки? Или взять, к примеру, осколки палубного настила – не изрешетят ли они мое брентное тело, как сито? Ведь это не само оружие, на которое лару плевать, это, так сказать, *последствия* применения оружия... Будем надеяться, что обойдется: за всеми этими возможными неприятностями стоит не Природа, а всего лишь обыкновеннейшее желание человека укокошить себе подобного. Но за борт швырнуть, пожалуй, может, утопить-то не утопнем, но вымокнем изрядно...»

Откровенно признаться, страшно ему было до чертиков, поэтому Сварог и позволял резвиться сумбуру в голове. Канонада гремела уже не переставая. К бою носовой мортиры подключилась и средняя артиллерия «Серебряного удара», бойцы лепили с обоих бортов, ответные снаряды буквально свистели над головой, но цели, хвала Аллаху, достигли немногие. Полыхало на корме, полыхало справа, оба разъездных катера разметало в щепы, это ничего, аварийные партии уже должны тушить пожары, главное – корабль продолжал лететь вперед, машинное отделение, отгороженное от битвы не одним метром брони, не пострадало и работало как сердце спортсмена...

«Серебряный удар», сотрясаемый ударами ядер, вонзился в узкое пространство между вражьиими исполинами, грохот оглушил, как от проносащегося мимо паровоза... Сварог, до рези напрягая глаза, разглядывал броненосец слева, как наиболее опасный, стараясь запомнить все до мелочей: вытянутый в длину, с близко посаженными и скошенными к корме трубами числом три, штопором закрученный ствол мортиры, облупившееся название на скуле – «Святой Артис», странная вмятина с зеленоватым отливом на борту – аккурат под казематами каронад, цепочка таких же вмятин поменьше правее, направленные, кажется, точно на Сварога пушки среднего калибра...

Ну, с Богом, что ли...

Он не собирался *поднимать* броненосец противника в воздух, он просто хотел облегчить вес одного его борта, который видел во всех деталях, просто немного *толкнуть* корабль. Почему бы и не попробовать?!

Сварог закрыл глаза. Отстранился от рева канонады. Сосредоточился... И вложил в заклинание всю свою усталость, всю злость и ненависть, все, без остатка, желание победить...

Открыл глаза. Да, корабль противника явственно качнулся на полном ходу, рыскнул в сторону, наверное, пара-тройка ядер ушла за молоком – но это была капля в море... Тьфу, дурацкий каламбур. Ч-черт... От прямых попаданий «Серебряный удар» трясся как мышшь под током. Ядро, набитое картечью, разорвалось в нескольких шагах от Сварога. Полетели в разные стороны ошметки рас-

каленного металла, лицо обдало жаром и гарью, вокруг точно пули засвистели... только никакие это были не пули – картечь.

Пригибаясь, Сварог скатился вниз и под прикрытием брони рванулся к рубке. На полпути забега его едва не вышвырнуло за борт – особенно точное попадание в борт корабля задело что-то из жизненно важных элементов, воздух прорезал надсадный свист, корпус задрожал. Но они уже вырвались из клещей. Теперь – разворот и под прикрытием дымов из вражеских труб стрелять, стрелять, стрелять...

В рубке как будто разорвался снаряд. Штурманские столы перевернуты, осколки иллюминаторного стекла хрустят под ногами, в голосоотвод что-то надрывно орет Рошаль, даже дымом откуда-то тянет...

– Обстановка? – с порога спросил Сварог.

– Хреновая! – рапортовал Пэвер. – Точно бьют, собаки, одна машина вышла из строя, в трюмах течи, носовая надстройка...

– Потери?

– Еще не докладывали...

– Мастер капитан! – закричал рулевой Дикс, на секунду опередив доклад с мостика. – Они разворачиваются!..

Сварог метнулся к выбитому иллюминатору, со злым удовольствием отметил, что выстрелы «Удара» втуне не пропали – «Святой Артис», копя как дымовая шашка, на глазах терял ход, второй корабль еще больше завалился на борт, даже отсюда видны черные дыры в броне... Однако противник умел быстро и слаженно перестраиваться. Вражеские броненосцы выполняли слаженный маневр, разворачивались, не давая «Удару» спрятаться в дыме, и одновременно друг с другом наводили кормовые мортиры. А прямой удар из двух мортир – это страшно, господа...

– Лево руля!!! – заорал Сварог. – С линии стрельбы уйти! Чтоб вас, уходим с лин...

Было поздно. Более опытные гидернийцы свое дело знали на отлично. Залпы слились в один, и «Серебряный удар» буквально выбросило из воды, едва не опрокинуло на борт. Сварог только чудом остался на ногах, остальные попадали друг на друга. Кто-то закричал, хватаясь за сломанную руку.

– Рули заклинило! – как горох из пустого мешка посыпались тревожные доклады. – Вторая машина встала!.. Пробоина ниже ватерлинии левого борта!.. Срочно авральную команду!.. Водяная тревога!.. Пожарная тревога!..

Еще залп! Броненосец подбросило вторично, он резко осел на левый борт, и Сварог печенкой почувствовал, что все. Вот теперь действительно конец. Их добьют, как раненую лошадь. Пощады не будет. И тут...

И тут пальба стихла. Несколько раз сгоряча гавкнули было бортовые орудия «Удара» – мимо – и тоже озадаченно замолчали. В наступившей тишине кто-то наступил на стекло, и звук получился оглушительным. Стало слышно, как *стонет* смертельно раненый корабль, как трещит пламя, как кто-то тоненько воет где-то на носу. «Серебряный удар» плавно качнулся на волне, на другой, на третьей, броненосец ощутимо стало разворачивать, будто кто-то тянет его за веревочку, слышался отдаленный гул...

– Что за херня... – ошарашенно прохрипел Пэвер.

В иллюминатор видно не было ни шиша, и Сварог выскочил на накренившуюся палубу, посмотрел за корму. Глазам не поверил и схватился за подзор-

ную трубу.

Да, зрелище было величественным, даже в серых сумерках. Будто вытащили пробку в ванне, и грязная вода водоворотом устремилась в слив... Вот только пробка эта должна быть размером в полкабелота и находиться аккурат под кораблями противника.

Чудовищная, невероятных размеров воронка начинала стремительно раскручиваться под вражескими броненосцами, ширясь и вытягиваясь в глубь, в бездну. Корабли на ее фоне казались игрушечными, как щепки их болтало и крутило вокруг вертикальной оси... но они уже ничего не могли поделать, даже если бы врубили полный ход. Водоворот по гигантской спирали раскручивал их вдоль наклонных матовых стен, испещренных серыми полосами пены, и затягивал в себя, всасывал, увлекал вниз... Даже до палубы «Серебряного удара» доносился монотонный гул – какой же грохот царит там...

За спиной Сварога потрясенно выругался Пэвер. «Серебряный удар», влекомый движущейся водой, плавно начал скользить в сторону исполинской воронки... Все закончилось очень быстро, Сварог, наконец немного пришедший в себя, догадался включить «третий глаз» – и успел увидеть самый конец. Разумеется, это была магия. Он увидел, как бешено вращающийся столб неяркого розоватого света, раскрутив водоворот до нужной скорости, неторопливо вытягивается из воды, сморщивается, усыхает – и возвращается к хозяину, к шхуне «Путь», виднеющейся неподалеку и тоже окутанной розоватым светом... Кошмарный омут, всосав в себя гидернийские броненосцы, замедлил свой стремительный бег и исчез. Вместе с вражескими кораблями...

– Что это было? – шепотом спросил Олес, тоже выскочивший на палубу.

Сварог пожал плечами, не отрывая взгляда от того места в океане, где только что маневрировали броненосцы.

– Это меня поблагодарили за одну услугу, – ответил он. – Где наблюдающий? Наблюдающего на мостик, я хочу подать сигнал на шхуну. А потом буду принимать доклады по состоянию корабля. – Он оглядел свою банду и едва заметно улыбнулся: – Ну, чего встали, охламоны? По местам. Мы победили. Но еще не приехали.

Глава четырнадцатая Его прощальный поклон

— Мы здесь, – сказал Кулк. Его правый глаз заплывал багровым, багрянец мокаймляла чернота. Тоурантец то и дело шумно всасывал кровь, набегающую из дупла выбитого зуба.

Прежде чем засесть за карты, юный штурман с лихим прошлым, расстегнув куртку, тщательно вытер руки об исподнюю рубаху. Перепачканное копытю лицо его не волновало, лицом бумаг не касаться.

– Мы здесь, – повторил Кулк и кончиком карандаша показал на ничем не отмеченную точку на пластиковом поле карты Вагранна.

Они отклонились от идеального маршрута кабелота на три и сейчас пребывали вне переплетений разноцветных линий, вне синих эллипсов и красных кружков, вне заштрихованных квадратов и прочих обозначений, нанесенных на карту. Они находились на свободной воде. И эту воду зачерпывали продырявленными бортами. По этой воде еле чапали на последней уцелевшей паровой машине, которая лишь усердием измотанных кочегаров держала предельное давление в котлах и хоть как-то толкала вперед броненосную махину.

Но куда толкала, зачем? Надежда вдруг разглядеть на горизонте кромку спасительной земли или на худой конец флот какого-нибудь Шадтага и подсесть на его суда пассажирами в обмен на легендарную карту была хиловата. Хиловата – это если выражаться крайне сдержанно. Тем более хиловата, если двигаться наугад. Тем более на карте Ваграна ничего обнадеживающего поблизости не отмечено, например островка с намалеванной посередке пальмой. Чертова шхуна «Путь», сделав свое дело, растворилась на горизонте – даже не попрощались, сволочи... хотя и благородные, надо признать, сволочи, выполнили обещание... Пэйла, кажется, говорила, что они еще встретятся? Ну, если так, то Сварог выскажет ей в лицо много всего интересного. А сейчас не до того. Помогли – и спасибо.

– Какие будут мнения? – Сварог поинтересовался мнением у трех человек, не считая рулевого Дикса, хмуро обступивших столик с картами.

– У нас остались шлюпки, – готовое мнение сразу нашлось только у Кулка. – Весь экипаж на них не поместится, будем тянуть жребий. Однажды Однорукий Ло напоролся на шершавую банку, так называют отмели, на которые базальтовые скаты стаскивают рыбы кости, крабьи и черепаший панцири, человеческие скелеты и белые камни, принимаемые скатами за кости. Бригантина Однорукого Ло пропоролла днище. Ло пересадил своих псов в шлюпки. Они болтались по волнам около недели, когда вдруг попали в течение, и оно вынесло их к Атару.

– Они влипли пусть и далеко от земли, но все же в досягаемости земли, – сказал дож Тольго, сжимая зубами потухшую трубку. – Здесь же на тысячи кабелотов вокруг одна вода. Если не считать островов, которые где-то блуждают. Но не гоняться же, в самом деле, за призраками. В равной степени тогда можно уповать на появление Пенной Мамы. – Дож-боцман упрятал трубку в карман. – Я пошел к своим парням. Чувствую, уже может расползаться отчаянье. Дескать, на кой нужно качать воду, расходуя последние силы, когда конец неотвратим. Пойду напоминать про честь семей, про мужское самолюбие и хваленую стойкость клаустонцев. Да и по паре тумачков там кто-то уже наверняка успел соскучиться.

Было видно, что тем самым Тольго намерен приободрить и сам себя.

– А если воспользоваться вашим умением, мастер Сварог, и поднять «Удар» в воздух? – предложил Рошаль, проводив взглядом уходящего Тольго.

Сварог покачал головой.

– Толку-то. Во-первых, сам себя я веса лишить не могу. Если останусь на борту... Достаточно любого веса, чтобы корабль никуда не смог подняться. Катеров у нас нет... Да если бы и были! Ну ладно, по старой памяти я бы перебрался на баркас, прицепил бы к ней «Удар», быстро растратил бы уголь и откуда бы добыл на катере новый? И сколько бы я вас таскал так? Месяц? Стоит приводнить вас хоть на секунду – и играй труба отходную, сразу бы и пошли топором на дно. Да и как бы вы жили в невесомости? А весельной лодкой воспаривший броненосец даже сдвинуть не удастся. Короче говоря, вариант хуже, чем пересаживание на шлюпки.

– Значит, кроме шлюпок, ничего не остается, – Рошаль никого не спрашивал, масграм подвел для себя жирную черную черту.

В рубке повисло молчание. Ветер стегал мелким дождем переднее стекло.

– На нижней палубе хранится десятка два пустых баллонов, между которыми

ми натягивается ненамокаемая ткань, – оживился Кулк. – Еще вот... Из корабельного дерева, например из палубного настила, можно смастерить несколько плотов. Мы можем немало всего прихватить с собой, маскап.

– Да, – без воодушевления согласился с ним Сварог. Если развивать мысль в этом направлении, то можно учинить мозговой штурм и напридумывать хитростей, что облегчит жизнь шлюпочной флотилии. Да как-то не хотелось пока развивать. Сварог снова взгляделся в карту Ваграна. Черт тебя раздери, никакого проку нет от поделки проклятых рисовальщиков, а шороху-то вокруг этой бумажки стояло и стоит...

– Как думаете, что это за фигулины, – Сварог взял карандаш, отложенный юным штурманом, и тупым концом ткнул в коричневого цвета ромб, ненамного превосходящий диаметр карандаша. – Их всего... – он еще раз пробежал глазами по бумаге Ваграна, – четыре на всю карту.

Интересно, что у каждого ромба один угол был как бы недорисован.

– Да кто их поймет! – воскликнул Кулк. – Видите, возле одного накарябана закорюка.

Штурман щелкнул ногтем по иероглифу, одному из тех, что Сварог когда-то сравнивал с пауками.

– Если б кто по-ихнему читать был бы обучен, маскап, глядишь, и раскусили бы орех, а так...

Кулк обреченно взмахнул рукой.

Загрохотали ступени трапа, ведущего в рубку, дверь распахнул парнишка по имени Вайгал, сын предыдущего дожа, мокрый с ног до головы.

– Мастер Олес передает, что вода поднялась еще на два кайма.

Глазами мальчишка поедал капитана, и в глазах набухала мольба. Не надо быть мастером психологом, чтобы догадаться, чего сын предыдущего дожа Вайгал ждет от маскапа. А ждет он, что маскап... мудрый, всевидящий и умеющий найти выход из любого лабиринта маскап похлопает по плечу и скажет чуть усталым, но уверенным голосом: «Еще чуть-чуть продержитесь, сынки, и все закончится. Тогда сыграем большой отдых, наедемся, отоспимся, каждый получит по двойной порции мармеладного крема. Еще чуть-чуть, сынки».

Сварог не стал разочаровывать парня. Пусть воспрянет, рванет к своим и встряхнет, укрепит их. Черт, но трудно ж, однако, ободрять других, когда сам не веришь в то, что говоришь. Некоторым людям нелегко притворяться даже во имя благого дела. Но приходится...

Когда Сварог заканчивал свое напутствие молодежи, трап вновь ожил. По тяжелой поступи и неразборчивому ворчанию под нос в идущем легко угадывался Пэвер. Суб-генерал вошел, огляделся, задержал взгляд на карте Ваграна, тяжело опустился в кресло, но начал говорить не раньше, чем Вайгал с ожившими глазами и распрямившимися плечами выбежал из рубки.

– Пришлось взять грех на душу, – сказал Пэвер. – Длонго, боец из гарнизона базы, «вспыхнул белым порохом». Так это называли у нас в полку. Разорался, что мы нарочно их топим, и в таком духе. Схватил багор, разбил голову своему напарнику, к слову, земляку. Полез на остальных, уже окончательно осви-репев. Я еле успел добежать. Вести душеспасительные беседы бесполезно и некогда. Пришлось пристрелить. И метиться в ногу или в руку, чтоб не убить, но успокоить, тоже не было времени. – Пэвер попробовал пригладить почерневший от копоти ежик, который упорно не хотел приглаживаться. – «Сереб-

ряный удар» тонет. Мы можем лишь оттянуть исход. Но ненадолго. И то, если ни одна из двух помп вдруг не накроется. Цепочки с ведрами ничего не дают.

– Вам ли не знать, мастер Пэвер, что дело не в реальной пользе цепочек с ведрами, а в том, что людям, приставленным к делу, не до паники, они не начнут один за другим, как говорили у вас в полку, «вспыхивать белым порохом». Вернемся к карте. Подключайтесь, мастер Пэвер, – закурив, Сварог прошелся по рубке. – Мы убедились, что скрывается под заштрихованными синим цветом эллипсами, под зеленым пунктиром и некоторыми другими обозначениями. Мы не знаем, что подразумевают под собой зеленые треугольники со стрелой внутри, желтое бесформенное пятно и некоторые другие значки. Но они далеко, «Удар» до них не доберется. А до ближайшего ромба с оторванным углом дотянуть в состоянии. Чем черт не шутит, вдруг остров, вдруг клочок земли. Хоть плавучий кусок плавучей земли. Вытягиваем пустышку, пересаживаемся на шлюпки.

– Если применить приемы дешифровки, – Рошаль взял в руки полный загадок пластик, – то можем предположить, что цвет сам по себе несет некую информацию. Как мы уже отмечали, цветовая символика не совпадает с принятой на Атаре. Но можно действовать по аналогии. Если синим обозначена область темной магии...

– То ромб не область темной магии, – подсказал Пэвер.

– Или область магии средней или слабой темности. – Чуть ли не впервые на памяти Сварога Рошаль пошутил и чуть ли не впервые улыбнулся. Точнее, обозначил улыбку.

– Итак, итожу, – прервал диспут маскап. – Все равно наши догадки, масграм, сможет подтвердить или опрокинуть только личное знакомство с ромбом без угла. Вы, мастер Рошаль, берете на себя подготовку к возможной высадке на шлюпки. Снимите с работ человек десять. Из самых надежных. Но действуйте так, чтобы все оставалось в тайне от других, а то бросят работы и черт-те что начнется. Кулк, немедленно займитесь курсом. Можете сказать сейчас хотя бы примерно, сколько времени займет переход при нынешней скорости?

– Примерно три часа, – сразу же ответил Кулк. – Если...

– С «если» понятно, – перебил Сварог. – Вам, мастер Пэвер, придется разрываться между помпами и паровой машиной. В течение трех часов мы не должны пойти на дно и обязаны не сбавлять хода. Делайте что хотите.

– Ха, вы как командир шестого гвардейского, – хлопнул себя по коленям суб-генерал, – можете хоть сами себя в катапульты заряжать, но чтоб крепость к обеду пала. Что ж, и не такое выполнял.

– Лады, братцы. Жмем до проклятого ромба, нет так нет, бросаем «Серебряный удар» и пересаживаемся на шлюпки. Ничего другого не остается...

...Сварог шел по кораблю. Понимая, что совершает прощальный обход «Серебряного удара».

Даже закрой глаза, почувствуешь, что корабль умирает. Сварог привык за минувшие дни к нормальному ходу броненосца и теперь каждым касанием ступни железных листов в крупных точках заклепок ощущал, что судно уже не идет по волнам, а ковыляет. Уши, привыкшие к ровному, слаженному гулу паровых движителей, сейчас вынуждены были прислушиваться к тихому и одновременно надсадному гудению единственной уцелевшей машины. Воз-

дух – в кои веки приходится о том жалеть – сделался чище. Дым не валил, а вырывался худосочными клочьями.

Фальшборт – за который приходилось держаться, так как судно вздрагивало от каждой волны – зиял рваными пробоинами. Под ногами перекатывались обломки труб и обрывки тросов, гильзы от карабинов, осколки чугунных ядер. Стены палубных надстроек вмятинами напоминали лунный пейзаж. «Серебряный удар» хоть сейчас направляй на съемки фильма о легендарных крейсерах русско-японской войны. И лезла на ум дурацкая врачебная фраза: «Мы его теряем...»

Большая часть экипажа занималась на первый взгляд дурной работой: выстроившись цепочками от трюма, передавали друг другу наверх емкости с водой, чтобы вылить ее за борт. Мужская цепочка тягала полные ведра, женская – наполненные не до краев, а также чайники, котелки. И стояла даже детская цепочка, по которой шла совсем несерьезная посуда. Не только в том суть, что все при деле и нет времени трястись и паниковать, а празднично болтаться по палубам просто небезопасно – броненосец может накренить так, что немудрено и вылететь за борт. К тому же ведрами-чайниками вычерпанная вода, возможно, позволит сэкономить минуту на плаву, и кто знает, какая нужда будет в той минуте.

Теперь Сварогу удавалось подбадривать экипаж гораздо убедительнее, чем давеча Вайгала. Потому что не приходилось лицедействовать. Судовому авралу придана конкретная цель, люди выкладываются не ради отвлечения от черных мыслей, а ради цели. О том, что цель не менее иллюзорна, чем коммунизм, маскап, разумеется, никому не говорил. И сам предпочитал об этом не думать.

Сварог спустился к Олесу. Олес заправлял в машинном отделении. Полуголый и чумазый князь злющим чертом носился от топки к углю, от угля к манометрам, от манометров к кочегарам. С его губ слетал уже не крик, а громкий хрип. Пристойные слова наследник гаэдарского престола, казалось, напрочь забыл. В горячке досталось и Сварогу:

– Шли бы к русалочьей матери, маскап! Еще Рошалья бы прислали меня зыркалками буравить!

Эти – убедился капитан Гэйр – будут давать жар на всю катушку до заякорения на месте или пока котлы не взорвутся.

На пороге Сварог столкнулся с Пэвером и пятью матросами.

– Смена кочегаров, – доложил суб-генерал. Бросил за спину: – Чего стоим столбами! Давайте, парни, в темпе! Я, маскап, пошел менять парней на помпах.

Подмену брали из тех, кто «отдыхал» на ведрах.

– Вот что я думаю, маскап, – не сразу отправился на помпы генерал. – Пусть наткнемся там, у ромба, на заросли съедобного планктона или простую песчаную мель, оно и то неплохо будет. Не зря плыли. Мель даже предпочтительней.

– Черт возьми, еще не хватало, чтоб мастер Пэвер начал с судьбой торговаться! – Сварог хлопнул генерала по плечу. – Поди, на суше случались заварухи похлеще нынешней, так чего ж на море раскисать от ерунды. Прорвемся!

– Никто не спорит, еще не хватало, чтобы Пэвер раскисал! Уж много снега, но не из воды мудрено будет там найти. Значит, я не помру, остальные заодно

тоже еще поживут. Все, некогда мне, маскап!

Клади он нашел на артиллерийской палубе. Баронетта утешала женщину, потерявшую в схватке с броненосцами мужа и дочь. Сварог помнил ее дочь. Белокурая девочка, которая бегала за Чуба-Ху и просила:

– Тетенька, покажи собачку, ну тетенька...

Сварог знаком показал Клади, что хочет с ней поговорить, и губами проартикулировал «кают-компания».

– Уговорила, – Сварог не успел докурить сигарету, когда в кают-компанию быстрым шагом вошла баронетта. – Не хотела жить. Хотела привязать к шее ядро и прыгнуть. Пришлось припугнуть гневом Пресветлого. – Клади прошла к дивану и присела на край, где уцелела обивка. – Подействовало, когда услышала от меня, что гнев Тароса может перейти на ее дочь. Чушь полная, но сработало. Погода еще тоже издевается, – внезапно переменяла тему баронетта.

И трудно было с ней не согласиться, – да, погода именно что издевалась над «Серебряным ударом». То проклюнется солнце, то закапает «грибной» дождь, то хлестанет ливневыми струями, то вновь просвет в облаках и вновь броню нагревают теплые лучи.

Сварог поймал взгляд Клади, брошенный в тот угол, где стояло зеркало. Сейчас оно не стояло, а лежало осколками на полу. Губы баронетты сложились в мимолетную улыбку. Ту улыбку нетрудно было расшифровать: так бы не выдержала и посмотрелась, вот и хорошо, что соблазн разбит, собственное отражение уж никак бы не улучшило настроения, испортило бы вдрызг, это точно.

Да, все они выглядели сейчас не ах, неважнецки смотрелись. Утомление и угроза гибели не придают лицам здоровый цвет, копоть, пороховые дымы и ссадины краше человека отчего-то не делают...

Наверное, Сварог должен был ее по-мужски поддержать. Сказать что-то ободряющее, обнять. Наверное...

Вместо этого Сварог, встав напротив нее, сказал:

– Я понимаю, что ты не имела к военно-морскому ведомству никакого отношения. Но тем не менее... Знаешь, мне известен один указ определенного ведомства некоего королевства, подробно объясняющий, как выбираться из *любой* точки планеты. Вспомни, может быть, существовала похожая инструкция. На случай, если агента Отдела последнего рубежа безопасности Гидернии вдруг занесет в неподконтрольные дали. Нет ли экстренного способа связи, чтобы вызывать подмогу? Нет ли, ну скажем, в каждом квадрате сто на сто кабелотов, нет, не очередной угольной базы, а, например, оборудованного плавучего домика спасения. Вроде охотничьей заимки в дремучем лесу, где всегда отыщутся соль, крупа, спички...

Клади отрицательно помотала головой.

– Думаю, настолько гидернийская предусмотрительность не простиралась. А чтоб *тут* что-то оборудовать... – Усмехнувшись, баронетта добавила: – Гидернийский ресурс исчерпан.

Сварог истолковал ее последние слова как сожаление.

– Я понимаю, ты думала, все пойдет не так. Круиз до Граматара со всеми удобствами. Места в каюте люкс, вечерние коктейли...

– Дурак вы, ваше сиятельство, право слово, – невесело улыбнулась Клади. – Что ж я, по-вашему, такая дурочка, не знала, на что иду... Но – вы правы, граф.

Жалко, что все так кончается. Жалко...

Баронетта поднялась, подошла к разбитому зеркалу, наклонилась, подняла осколок покрупнее:

– Тарос великий, какая я страшная... – И неожиданно, без перехода, продолжая разглядывать себя в покрытое трещинами и сколами стекло, произнесла: – Хотя, ты знаешь, может быть, и хорошо все же, что конец именно таков. Я спокойно говорю тебе об этом, потому что знаю, что и ты меня не любишь. Как было написано в одном романе из библиотеки мэтра Ленара: «Судьба свела их, они понравились друг другу, им было вместе хорошо, но яркая звезда их любви так и не взошла». Между прочим, существует такое поверье: каждая новая любовь зажигает на небе новую звезду, а падающие звезды – это умирающая любовь. – Клади бросила осколок на пол, перешла к тумбе, на которой когда-то стоял безвкусный гипсовый бюстик какого-то гидернийского деятеля, принялась водить пальцем по деревянной панели, оставаясь к Сварогу спиной. – С тобой мне было замечательно. Наверное, ни с кем никогда не было так хорошо. Но та любовь, о которой складывают песни и пишут книги, ради которой человек готов... Это что-то другое...

Сварог молчал, несколько сбитый с толку. На лакированной поверхности дерева под пальцами Клади появилась матовая звезда, на глазах исчезающая. Внезапно баронетта повернулась к Сварогу, впилась в него взглядом и со странной улыбкой спросила:

– А кто такая Мара? Ты называл ее имя во сне. И не один раз называл...

Она снова отвернулась, к облегчению Сварога, и, к его облегчению, не стала настаивать на ответе, ушла от непростой темы:

– Женщины чувствуют, любят их или нет. Конечно, всегда приятно слышать, когда мужчина признается в любви, но и без этих признаний женщина знает, любима она или всего лишь нравится. Может быть, ты любишь эту свою Мару, может, твое сердце еще только ждет своей любви. Но твое сердце не занято мной.

Разговор застал Сварога врасплох, безоружным и неподготовленным. И он совершенно не представлял, что ему говорить в ответ. Лучше бы вовсе ничего не говорить. Потом, после...

– Ты знаешь, – баронетта, так и не поворачиваясь, подошла к картине, изображающей броненосец «Адмирал Фраст» на бурных волнах и прорезанной крест-накрест чьим-то ножом, бесспорно тоурантским, вроде бы как разглядывала сейчас это живописное полотно, – не страшно уходить, когда не приходится с кем-то навсегда расставаться, когда не держит тебя желанными кандалами привязанность к кому-то...

Почему она сейчас решила завести этот разговор, Сварог не понимал, хоть убейте. И что прикажете делать? Лепетать что-нибудь успокаивающее? Вроде того – «да, ты права». А она, наверное, права... Или... Или что? Кто бы посоветовал. Да, граф, это тебе не мечом махать... Сварог закурил новую сигарету. Назовите это трусостью, но ох как хотелось ему уйти сейчас от этого объяснения. Благо есть куда уходить капитану раненого корабля, пропасть дел и забот, его присутствие требуется на любом участке...

– Я благодарна судьбе, что однажды в лесу, неподалеку от замка, встретила загадочного и храброго графа, однако... Вот что я должна сказать тебе...

Фу-у! Как спасательный круг, запахнулась дверь и в адмиральский салон

пулей влетел чумазый парнишка-вестовой:

– Мастер капитан, вас зовет мастер Пэвер! Одна из помп стала хуже качать, может остановиться!

«Вот и хорошо, – выдохнул про себя мастер капитан второго ранга. – Вот и хорошо. С помпой-то уж я как-нибудь управлюсь...»

На пороге он замешкался, посмотрел на Клади – она так и не обернулась.

Глава пятнадцатая

В нашу гавань заходили корабли...

Они доплыли. Доползли, доколдыбали. Дотащились-таки, кренясь на левый борт, зачерпывая воду и не всю успевая выплывать помпами и ведрами, содрогаясь от каждого касания каждой волны. И вот она перед ними – точка, отмеченная на карте коричневым ромбом с недорисованным углом. Вряд ли кому-то в голову могло прийти, что они обнаружат здесь *такое*. Даже в самую большую голову не закралось бы...

Над водой каймов на пять возвышалась каменная стена, образующая квадрат со стороной, примерно равной ширине футбольного поля. В трех углах квадрата сохранились небольшие башенки, четвертая башенка и часть стены вместе с ней были разрушены. Стены обрамляли площадку, залитую водой. На глаз воды было по колено или чуть выше.

Прозрачные верхние слои воды позволяли видеть, что площадка, огражденная стеной – вершина пирамидального, из серого камня строения, ступенями уходящего вниз, в глубину, в темные, не достижимые для солнечных лучей слои. Первая ступень, идущая по периметру и начинающаяся сразу за каменной оградой, не превосходила по длине рядовую лестничную ступеньку, вторая – такая же, а вот третья уже протянулась до своего обрыва не меньше чем на сто каймов. И дальше – насколько проникал под воду взгляд – шли ступени исключительно исполинские, словно сработанные под подошвы Голиафа.

– Стоп машина! – скомандовал Сварог. Скомандовал с тем расчетом, чтобы судно, некоторое время назад понизившее ход до «самого малого», замерло аккуратно над подводным чудом. И вдобавок Сварог вывел «Серебряный удар» на цель таким образом, чтобы корабль встал почти вплитык к стене. Если броненосец затонет, то не уйдет под воду целиком, что уже полновесный, неоспоримый плюс.

– Мы и «Серебряный удар» сделали все, что могли, Тольго.

На ходовой рубке рядом с капитаном сейчас находился лишь дож-боцман. Кулк уже всю упаковывал карты, запихивал их в непромокаемые мешки, с корнем выдирали приборы из стоек.

– Не похоже на то, что глубины здесь невеликие. Скорее, наоборот. Кто ж ее тут... поставил, маскап?

– Еще хорошие вопросы – «для чего?» и «когда?».

– Может быть, туда есть вход, а, маскап?

– Я подозреваю, Тольго, у нас будет прорва времени, чтоб с этим разобраться. Так сказать, поработать шлиманами и прочими египтологами... Хотя штука смахивает, скорее, не на пирамиду, то есть на гробницу, а на что-то такое культовое, типа храма. Как-то они еще называются...

– Никогда не слышал про этикие... образины. Рассказывали, конечно, про коралловое дерево, на котором живут морские птицы, дескать, до корней его недонырнуть, корней евонных не увидеть даже в водогадное стекло. Еще

кто-то пел про гору Копинкан, которая стоит-де посередь океана и раз в семилетие плюется огнем. Но про рукотворную домину, выходящую из бездны и торчащую над океаном... впервые, впервые...

– Все, прибыли на конечную остановку, мастер боцман.

«Серебряный удар» замер, едва не проскрежетав килем по первой широкой ступени подводного сооружения. Между броней судна и каменной стеной зазор не превышал пяти каймов.

– Можно будет попробовать залатать нашу посудину, маскап. Еще, глядишь, и поплаваем на «Ударе»...

– Попробуем залатать. Потом. Сейчас выгрузка. Но среди экипажа незамедлительно начинай упорно и усердно пускать слухи, что мы здесь задержимся не дольше, чем займет ремонт «Удара». Про боевой дух забывать не стоит, а он зиждется на вере. Надо и Рошаля, нашего дорогого мастера пропаганды, подключить... Итак, команда простая: помпам продолжать работу, остальных на выгрузку. Валяй, масбоцман Тольго!

Всего имущества у капитана – шаур неразлучный, карта Ваграна, Зверев клык да рубин волшебный. И идти собирать его, в узелок завязывать – не нужно. Имущество, как и обычно, при капитане, в карманах и за поясом.

– Молодцы, орлы, герой, продержались, – Сварогу навстречу попалась чума-зая рота кочегаров во главе с Олесом. – Остался последний бросок. Разгружаем и объявляем большой привал.

Олес – такими шахтеры вылезают из забоя – провел черной ладонью по черному лбу, утирая черный пот:

– Сначала вымоюсь, потом – любое остальное. Таким расхаживать уж сил никаких нету. Я ж князь, а не мусорщик, вы еще не забыли?

– Ну, помывку вы, пожалуй, заслужили, ваше сиятельство. Вон воды кругом – залейся.

Люди выбирались на палубы, уставшие, грязные, вымокшие, сумрачные. Смотрели вниз и видели площадку и сбегающие от нее в подводные глубины ступени. На чрезмерное изумление у них не осталось сил. Да и после всего того, на что они насмотрелись за время плавания, – разве уже что-то могло их чрезмерно поразить...

Доносились возгласы:

– А повыше оно не могло высунуться?..

– Отмучились...

– А это не маррог, часом?..

– Небось до первой Тьмы еще отгрохано...

– Надо завалить площадку всяким барахлом – ящиками, ядрами, дверями, углем, сверху накрыть досками и железными листами. Получится остров...

Дети, быстрее взрослых забывшие недавние потрясения и беды, радовались, что не придется больше молча, скучно передавать ведерки и слышать всякие «не ной, потерпи, будь взрослым»:

– А кто там живет, хорошие люди или плохие?

– Мама, можно мы там поныряем?

– Мы будем рыбу ловить?

Большинство тоурантцев и гидернийцев, скромно полагал Сварог, ничуть не сомневаются, что капитан целеустремленно вел их именно к этой балде. Уж маскап-то знает, что это такое перед нами из воды торчит и как с этим над-

лежит поступать... Из корабельных коридоров долетал охрипший голос Тольго, разъясняющего, что корабль долго на плаву не продержится, потонет, и куда его поведет – одному Таросу ведомо, потому надо сперва снять с корабля самое необходимое и водобоящееся: продукты, порох, карабины, белье, одежду...

– Брось статую, болван! – свирепо зарычал на кого-то дож. – Плевать, что это Тарос! Из-под воды его достанешь, разрешаю...

Несколько человек под командой Рошаля со второй палубы сбрасывали вниз сигарообразные баллоны, между которыми крепятся стяжки и натягивается ткань, немногим уступающая свойствами брезенту – получаютя плоты. Сварог утянул масграма в сторонку и поставил задачу распространения правильных слухов, призванных укрепить веру и дух. Рошаль, слушая, кивал и думал о чем-то своем:

– Это-то дело знакомое... А вот вы, маскап... Спрошу вторично. Ваше умение поднимать предметы в воздух на *этот* раз нам не поможет? Если судно приподнять, откачать воду и заделать пробоины...

– Увы. Всю океанскую воду на воздух я поднять не в силах. А она не делится на отдельные мелкие составляющие. Вода в трюме не позволит кораблю взлететь. Понимаете?

– Не очень.

– Не важно. Главное, если «Удар» не удержится на ступенях, соскользнет и пойдет на дно, то я его остановить не смогу.

– Жаль.

– Еще бы. А вы, кстати... Ух ты, вспомнил вдруг, как называется подобное здание. Зиккурат. Не встречали такого слова? А упоминания о сооружениях, родственных нашему? – Сварог махнул рукой в сторону торчащей из воды площадки.

– Да сказал бы, уж наверное, – масграм Рошаль поморщился от недогадливости капитана.

Капитан свою догадливость отстаивать не стал.

– Жаль, что не встречали. Ну, вынужден вас оставить...

Палуба провалилась вниз, старший охранитель поскользнулся на луже и растянулся на железных листах.

– Тысяча дьяволов! – Сварог едва успел схватиться за фальшборт.

Корабль еще больше накренился. «Серебряный удар» был остановлен так, чтобы крен шел в сторону моря, а не в сторону стены с башенками. И разгрузка производилась, разумеется, с безопасной стороны, однако ничего веселого в таком крене нет, как ни крути.

На артиллерийской палубе Сварог наконец нашел, что искал. А искал он книпель – два ядра, соединенных цепью, призванных крушить такелаж вражеских кораблей, вещь в бою, по сути, неэффективную, но для задумки Сварога более чем годящуюся. Услышав знакомые голоса, заглянул в распахнутый люк. Возле выдранной прямым попаданием и последующими мотыляниями корабля бронзовой пушки он застал сразу троих: Пэвера, Клади и Чубу-Ху.

– Есть мысль перетащить их на другой борт, может, чуть выровняем судно, – Пэвер, как обычно в раздумьях, запустил пятерню в ежик на голове. – Ядра-то немудрено, а эти-то заразы приклепаны к полу... Как думаете, граф?

– Идей нет, – сознался Сварог, снимая с плеча и опуская на палубу чугунные ядра. – Вот хочу полазять по округе. Вдруг чего откопаю, глядишь, и ремонтом

утруждаться не придется. – Сварог выудил из воздуха сигарету, прикурил. – Самое главное. Если вдруг... ну, скажем, к вечеру не вынырну, то по старшинству принимайте командование на себя, мастер суб-генерал.

Пэвер нахмурился, открыл было рот возразить, но не стал. Приосанился. Не впервой генералу заслушивать подобные приказы, а на войне как на войне, и не пристало глупые сантименты разводить.

– Слушаюсь, маскап, – крякнул, оттянул пальцами поясной ремень. – Мы тут с баронеттой обсудили, что не все так уж плохо, маскап! Опреснитель есть, еды завались. Море с едой под боком, наконец. Кого-то в башенках разместим, кого-то на плотках. Соорудим понтоны. Стены широкие. Хоть спи на стенах. Шириной в два полновесных генерала. Старый город помните? Как тогда на Атаре. Олеса пустить, может, на него чего-нибудь и сработает.

– Старый город другой, – сказала Чуба-Ху. – От Старого города исходит совсем не то, что от дома внизу.

– А что исходит от дома внизу? – прищурилась Клади.

Чуба-Ху пожала плечами.

– Очень... Очень непонятное. Не знаю. Никогда такого не чувствовала.

– Это зло?

– Не знаю. Но... не похоже.

– А что, мастер Пэвер, – Клади обернулась к суб-генералу, – неужели в ваших книгах про всякие чудеса не было ничего хоть чуть-чуть похожего на огромную океанскую башню под водой, хоть малюсенькой зацепки? Ну подумайте, вспомните!

– Да думал, вспоминал! Ничего, баронетта! Если не считать рассказа Голега Гри «Шестой палец», где герой находит в открытом море трубу, и труба та дымит.

– И что сделал герой?

– Дальше поплыл.

Сварог поднял книпель, забросил цепь на плечо.

– Прощаться не буду...

До стены Сварог добрался с одной из шлюпок, помог ее разгрузить. Вещи выкладывали на пористые, заросшие лишайником камни. Стены действительно были широченные – даже не в два, а в три полновесных генерала. Сложены из обтесанных серых камней: выщербленных, испачканных птичьим пометом, ближе к воде обжитых морской мелочью вроде рачков и ракушек, облепленных водорослями и зеленой слизью. В щелях каменной кладки нашли пристанище улитки размером с ноготь – визгливо пищащие, когда касаешься их домика.

Со шлюпкой Сварог на «Удар» не вернулся. По стене легко было как подниматься, так и спускаться – руки и ноги без труда находили упоры между камней и в выщерблинах. Сварог спрыгнул, добравшись с внешней стороны до воды. Океан ему приходился по пояс.

Он был на первой, короткой ступени. Раздеваться не стал. Сапоги потянут на дно – ну и пусть, еще и лучше.

Высоты ступени, по крайней мере первые две, были самой обыкновенной, под нормальный человеческий шаг. Сварог эти шаги делал. Третий шаг вывел его на длинную ступень, которой больше подходило наименование ярус. Воды стало по грудь. Сварог включил магическое зрение – ничего оно не дало, ни на

воде ни под. Магией похвастать эти места не могли. Что, наверное, к лучшему...

Он шел, преодолевая сопротивление соленой толщи. Разгонял крабов, основавших тут коммуны. «Кстати, вот и пицца – это я так, на всякий случай...» Некая странность бросилась в глаза: крабы, обычные и привычные крабы, носились какими-то несвойственными зигзагами, накручивая сложные петли, словно следуя одним им видимым дорожкам.

Яркий желтый блеск стегнул по глазам. Сварог нагнулся, протянул руку, разметал ладонью легкий, похожий на коричневый пух донный налет. Россыпь желтых кружков, каждый размером с бутылочную пробку. Сварог разогнулся, вытащив из воды один кружок. Монета, гляди-ка ж ты... Не потускневшая от времени и воды. На аверсе изображена закорюка – то ли цифра четыре, то ли девятка с незамкнутым колечком, то ли еще что непонятное, на реверсе – распластавший перепончатые крылья на фоне несимметричной звезды то ли дракон, то ли птеродактиль. И цепочка стершихся буковок по кругу...

Сварог пожал плечами и спрятал монету в карман. Сувенир.

Ступень, по которой передвигался к ее краю граф Гэйр, была сложена из каменных плит где-то так четыре на четыре кайма. Границы плит четко показывали высокие желтые водоросли, смахивающие на камыши, но более гибкие; каждый стебель, что интересно, венчала не коричневая головка соцветия, а воздушный пузырь. Эти водоросли не росли больше нигде, кроме как в зазорах – видимо, раствор, плиты скрепляющий, пришелся им по вкусу. Когда Сварог задевал водоросли ногой, пузырьки лопались и крохотными шариками взлетали к поверхности.

Сварог дошел до края ступени. Почему-то он думал, что высота между ярусами будет больше. Нет, ступень самой обычной, человеческой высоты, словно и предназначена для спуска людей. А почему, спрашивается, «словно»?

Четвертый шаг с зиккурата в бездну должен был погрузить Сварога в океан с головой. Тогда придет пора показать себя умению дышать под водой. Как это выглядит и происходит, граф Гэйр пока еще ведать не ведал. Испытать на деле как-то до сего дня не пришлось.

Прежде чем покинуть родную стихию, он оглянулся на «Серебряный удар». Даже отсюда было заметно, что броненосец еще больше осел и еще больше накренился. Впрочем, самое плохое, что может случиться – корабль сядет килем на такой вот ярус и завалится набок. К тому времени с него уже должны будут вывезти самое необходимое, люди должны будут уже перебраться на стены. А потом можно и под водой продолжать разгрузку и даже попробовать заделать пробоины – благо водолазные работы есть кому проводить... Стена закрывала от Сварога разгрузочные хлопоты, но хлопочут на полную катушку, в том нет сомнения, как и в другом – что в его участии необходимости нет. А вот подводную разведку, кроме него, провести действительно некому.

Ну, пора. Значит, программа такая: спуститься поглубже, насколько позволит давление, и обойти по периметру. Для ознакомления будет достаточно.

Сварог расстегнул пояс, снял с плеча книпель, пропустил под ремнем цепь, застегнул пряжку. Подвесил, так сказать, ядра чугуном поясом и шагнул на четвертый ярус зиккурата. Перед глазами сомкнулся иной мир, размытый и зеленоватый.

Он держал в себе воздух до последнего. Привычка, знаете ли... Та же при-

вычка гнала его наверх, к границе, за которой разливался солнечный свет, гнала вынырнуть и вздохнуть полной грудью, гнала дышать, пока не надышишься. Пересилив зов первичного инстинкта, Сварог заставил себя открыть рот и глотнуть «огурчика».

Ощущеньице вышло, прямо скажем, неслабым. Соленая вода хлынула в легкие, обожгла их, встала комом в горле, и Сварог рванулся вверх, забыв обо всех способностях ларов, рванулся отплевываться и дышать, дышать, дышать, когда почувствовал – а ведь уже дышит, черт возьми. Вмиг пришло спокойствие, граф Гэйр остановился и под весом чугунного груза начал медленно опускаться, пока не коснулся подошвами каменных плит. Как работал механизм извлечения кислорода из аш-два-о, понятным не стало, но факт, что работал: сердце стучало, кровь бежала по жилам, снабжая мозг, конечности шевелились, разве чуть больше приходилось трудиться легким, прогоняющим через себя не смесь газов, а жидкость.

Борьба первичных инстинктов с вложенными умениями закончилась победой последних, и Сварог смог переключиться с внутренних проблем на внешние. Он находился на четвертом сверху ярусе зиккурата, и сколько всего этих ярусов нагромоздили строители-гигантомены, так просто не разберешь. Расширяясь от яруса к ярусу, здание терялось вниз, в сгущающихся до непроглядной синевы толщах... Непроглядной?!

Сварог врубил «кошачье зрение». Посветлело. Темно-синее сгущение нижних вод словно откатилось в глубь океана, откатилось на несколько кабелотов. Но до дна «кошачье зрение» не продралось, не хватило его на это, зато открылись все новые и новые ярусы зиккурата, и последние из них, как в облаках, терялись в синеве глубинных вод. Захватывало дух. Да какое ж оно тогда в основании? Если создателям фантазмагорического здания требовалось указать человеческой пылинке на ее ничтожество, то им это бесспорно удалось. Прямо ткнули носом в ничтожество...

Шершавой змеей вползал мистический страх – а есть ли вообще у здания основание, да и здание ли это? Хотя здравый смысл подсказывал, что не может не быть основания, что строение возведено из самого настоящего камня – можно потрогать. Но стоило обратить взгляд вниз, на ступени этого колосса, как голова кружилась, а здравый смысл опасно съезжал набок.

К Сварогу привязалась любопытная толстогубая рыбеха. Кружила, шевеля ажурными плавниками, тыкалась в ноги, кусала цепь книпеля, разик заехала хвостом по лицу. Ей новый обитатель морского царства был заметно интереснее каких-то там зиккуратов, уходящих к центру земли. Эка невидаль, дескать, каждый день мимо плаваем... После того как щеку задело шершавым боком, Сварог шлепком ладони прогнал назойливую рыбину. На случай встреч с более зубастыми и кровожадными детьми океана имелся шаур, идеальное оружие для боевого пловца – порох не намокнет, заряды не иссякнут.

Спасибо пучеглазой рыбехе – помогла унять мистический восторг перед доминой-зиккуратом. И в самом деле, пора бы уж вплотную перейти к разведке местности. Пройтись по местности со всей, так сказать, скрупулезностью.

На этом ярусе, чуть дальше от поверхности, крабов встречалось значительно меньше, зато значительно больше произрастало подводной травы. Водоросли на любой вкус, цвет и размер – месье Жак-Ив Кусто умом бы тронулся от радости.

Уже некоторое время Сварог продвигался целенаправленно – внимание привлек предмет, плохо сочетававшийся с океанской флорой и фауной. Что перед ним, он разобрал только тогда, когда оказался перед предметом, опустился возле него на колени, очистил от мелких, как крупа, ракушек и вырвал несколько пучков рыжеватых водорослей.

Кольцо. Из темного металла. Кайм в диаметре и толщиной в обхват ладони. Прикреплено к металлическому штырю, вбитому в камень. Для чего на белом свете существуют кольца? Что-то поднимать или что-то привязывать.

Сварог огляделся. Ничего похожего на люк. Под ним такая же каменная плита, тех же размеров, что и предыдущие, если судить по зазорам, в которых покачивались камыши с пузырями на кончиках стеблей. Или эту плиту можно откинуть? Ну ладно. Он ухватился за кольцо, потянул. Куда там! Если и люк, то на его подъем надо согнать сто тысяч китайцев, не меньше...

Пальцы почувствовали неровность, какие-то рубцы на металле. Сварог подтянул себя за колечко, приблизил лицо к изделию неведомых кузнецов. Действительно, очень похоже на рубцы одинаковой длины и ширины, образующие углы, крестики, перпендикуляры. Уж не клинопись ли? Где-то так она и выглядит. Кто б еще перевел...

Точно такое же кольцо он обнаружил в полусотне каймов от первого. И вот те на – это рассыпалось от первого же прикосновения, обратилось в облако оранжевой пыли. Проржавевшее насквозь, каким-то чудом удерживавшее форму, оно, выходит, только и дожидалось руки лорда Сварога. Но почему же оно устояло под колыханиями водной стихии, почему ни один краб не задел клешней, ни одна медуза не присела, ни одна рыба не тюкнулась? Да кто его знает, господа...

Перед Сварог встал выбор: или обойти по кругу этот ярус или перейти на следующий – посмотреть, что там. Он выбрал второе.

Казалось бы, всего-то очутился глубже на какой-то кайм, и уже заломило в висках, сдавило барабанные перепонки, заболели глаза. Не самое приятное в жизни ощущение, будто вот-вот хлынет кровь из носа и ушей. Но советских водолазов глубиной не испугаешь, пообвыкнемся, перекантуемся.

А у них тут, выходит, ярус на ярус не похож. Издали не усомнишься – ступень зиккурата сработана из того же серого камня. Но вблизи выяснилось, что из серого, да из другого: напоминающего мрамор, но мрамор, словно вымазанный сверху жиром и посыпанный красным перцем. Интересно, а...

Завизжала, завопила, воем завыла на все лады встроенная в графа Гэйра сигнализация на опасность. Сперва он погрешил на давление – дескать, чуткая и заботливая охранная система предупреждает о вреде нерукотворной глубины. Но тут же отмел это предположение. Врубилась бы раньше. В самом зиккурате происходит нечто, какое-то существо пробуждается, некий механизм включается? Или иной природы серый камень таит в себе опасность? Сварог зашарил вокруг «третьим глазом», но в магическом поле изменений не произошло.

Потом он уловил простым, обычным зрением движение наверху. Поднял голову... Батюшки святы! Со стороны, противоположной той, где находилось солнце, быстро напознала темная, но прореженная просветами полоса. Сначала Сварог понял, что движутся рыбы. Потом – что рыбы большие. А потом по силуэтам узнал. Акулы. Тьма, армия акул! Слаженно и плавно, как торпеды,

они шли у самой поверхности, не кружили, не рыскали, а жадно стремились к цели.

Сварог сорвал пояс, отпуская ядра оседать на дно, где лежать им и лежать, толкнулся ногами и, вытянув руки, как поплавок рванул вверх. В голове стучала недовольная резкими перепадами давления кровь и кувалдами молотили... нет, не мысли, а заклинания: «хоть бы увидели раньше меня», «хоть бы успели заскочить на стены...».

Он вырвался на поверхность и тут же закричал. Вернее, подумал, что закричал. Крик не вышел – из горла хлынула вода, сопровождаемая судорогами кашля. Страшно хотелось выблевать эту соленую дрянь, но он сдержал позывы, лишь кашлял и отплевывался. А потом понял, что крик не нужен. По стенам бегали люди, махали руками. Оттуда доносило возгласы и можно было разобрать слово «акулы».

Сварога несколько отпустило. Значит, успеют приготовиться. Он оглянулся. Слаженный строй черных треугольных плавников резал воду в четверти кабелота от него. Бляха-муха!

И Сварог наддал. Он плыл, заставляя себя не сбиваться на частые, нервные, бестолковые, дерганые движения. Нет никакого проку чаще молотить руками по воде и сучить ногами. Только плавно, грамотно, по-умному – как учили. Сосредоточиться на технике. Не поднимать голову, это увеличивает сопротивление воды, держать голову в воде. Четыре гребка, поворот головы, вдох и растянутые на следующие четыре гребка короткие выдохи. Загрести резче, держать задницу на поверхности, работать ногами, а не тащить их за собой... Не оборачиваться. Поймешь и так, когда доплывешь. Не доплывешь – тем более поймешь и не оборачиваясь.

Вот сейчас бы сбросить сапоги и одежду, но – дольше будешь стягивать. Надо как-то так дотянуть...

Он плыл, еле удерживаясь от соблазна посмотреть назад. Всаживал руки в воду, перебирал ногами, снова всаживал, – пока сжатая горстью ладонь не ударила по камню.

Выскочил, махом преодолел две короткие ступени и забрался по стене. Вернее, взлетел по стене на ее вершину, не глядя отыскивая упоры для ног и зацепы для рук. И только тогда обернулся. Ближайшие акулы плавники и изгибающиеся силуэты под ними находились всего в десяти каймах от стены. Водяная смерть! Разок стоило притормозить – и сейчас рвали бы на лоскутья над второй ступенью зиккурата...

Потом Сварог поднял голову и посмотрел по сторонам...

Взяли свое нервы и злость. Кисть сама отыскала и сжала шаур. Пальцы сами вдавили курок. Он бежал по стене и разбрасывал вокруг зазубренные звезды. Понимая, что толку от этой стрельбы не может быть никакого.

Акулы плавники были повсюду, куда ни посмотри. Даже внутри бассейна, огороженного стенами. Акулы одна за другой проникали через разрушенную часть стены, и их черные силуэты скользили на фоне серых плит площадки, поросших зеленью водорослей. Столько акул просто не могло оказаться в одном месте. Казалось, все акулы океана бросились по чьему-то призыву на обещание кровавого пиршества. И они прибывали и прибывали...

Сварог несся по стене в направлении броненосца. Он увидел, как внутри площадки, повернувшись белым брюхом вверх, акула трясет из стороны в сто-

рону человека, а воду вокруг замутняют красные выплески. Увидел, как другие рыбы набросились на удачливого сородича и рвут добычу из пасти.

– С дороги! – Сварог заставлял оборачиваться и сторониться.

Он увидел, как Чуба-Ху, обернувшись волком, мчится по краю стены, мощно отталкивается, вытягивается в полете и в полете же возвращает себе женский облик. Она обрушивается в воду внутри периметра. И только тогда Сварог замечает пацана лет шести, прижавшегося к стене, трясущегося – над водой торчит одна голова, даже издали видны огромные, распахнутые страхом глаза. Чуба-Ху выдергивает его за шкирку, забрасывает – какая силища в ее руках! – наверх, на стену. Но сама не успевает. Три акулы, две здоровенные и одна плюгавенькая, налетают с трех сторон. И их встречает не человек, а зверина – то ли волк, то ли собака. Став волком, Чуба оказалась под водой и под водой впиалась клыками в акулий нос. Укушенная рыбина шарахнулась прочь – и вслед за нею, как от чумы, две остальные. Все три развернулись и попытались вернуться, когда Чуба вернула себе женское обличье, но женщина уже успела взобраться на каменное ограждение.

Сварог добежал до башни, имевшей овалы выходы на две стены. Океан вокруг вершины зиккурата чернел акульими спинами. Сварог увидел, как Олес со стены бросает канат, конец падает на шлюпку, где его ловит Тольго. В шлюпке еще пятеро, среди них Рошаль. Обломки весел, разгрызенных акульими зубами, плавают рядом. На помощь Олесу приходят двое матросов, они тянут за канат. Вроде бы до спасительной стены недалеко, но – в борта бьются акульи туши, раскачивают шлюпку, борта трещат.

Сварог присоединился к Олесу, встал за канат. И увидел, как Пэвер возле другой башни перезаряжает карабин, стреляет, перезаряжает и стреляет. Пули впиваются в копошение черных спин под треугольниками плавников. Но пули не в силах были отогнать акул от плота. Ткань, натянутая между баллонами, трещала под напором острых зубов. В воду сыпались ящички, узлы, мешки – их тут же раздирали голодные пасти. Один из двух людей на плоту – Сварог узнал рулевого Дикса – схватил тяжелый ящик, поднял над головой и метнул в высунувшуюся из воды акулю морду. Потом бросил бочонок. Ткань под Диксом разошлась, и он очутился в воде. Мелькнуло перекошенное криком лицо, его закрыл от Сварога треугольный плавник, и Дикс исчез. Второй человек на плоту лег на баллон, обхватил его руками, надеясь на последнее чудо. Но чуда не произошло – над баллоном нависла акуля голова, разомкнулась пасть, набитая треугольными зубами, и хищник за ногу стянул человека в океан.

С броненосца ударила пушка. Ядро взметнуло столб брызг вместе с рыбьими ошметками, но в бегство акулье полчище это не обратило. Да и что, скажите, отгонит эту адскую орду?!

Шлюпка стукнула о стену. Сварог протянул руку, выдернул из нее Рошалья. Олес вытаскивал с кормы лодки смертельно бледного Кулка.

И нигде Сварог не видел Клади. Может быть, она на дальней стене – там много людей и много женщин.

Еще один выстрел неизвестного артиллериста обрушил ядро на акульи туши. И кто знает, может быть, отчаянная маленькая война единственной пушки приведет к победе... Вдруг не мозгами, которых у них нет, а зачатками инстинкта самосохранения проклятые рыбы надумают убраться из-под обстрела

восвояси. Черт возьми, и ведь, по сути дела, нечем помочь, разве что шауром. Но даже чтобы одну акулу до смерти наштиговать серебром, потребуется час-другой. Эх, сейчас бы сюда запас глубинных бомб... А это как понимать?!

«Серебряный удар» явственно покачнулся. И... И словно бы приподнялся над водой. Сварог глазам своим не поверил. И только сейчас обратил внимание на то, что акул, от чьих туш море вблизи зиккурата прямо-таки *шевелилось*, около броненосца собралось заметно больше. Быть того не может...

А больше-то и некому. Некому было не просто приподнять броненосец, но и потащить вперед, в море, на глубину. Кроме них. Они, акулы, сбившись в огромную организованную стаю, силой своих огромных тел и подвижные несомненно *разумом*, разве что не своим, а *чьим-то*, способным повелевать их хищными телами, толкали «Серебряный удар» прочь от зиккурата.

Пушка на борту корабля замолчала. Сварог же, понимая, что сейчас произойдет, судорожно искал выход. Он попробовал лишить броненосец веса. Ничего не вышло – как он и предполагал. Набравшаяся в трюм вода якорем держала корабль. Пес с ним, с самим броненосцем, надо вытаскивать оттуда людей. Сварог рванулся к шлюпке, когда его пригвоздил к камням крик Олеса:

– Там Клади!

Мир на мгновение замутился, будто Сварог вновь очутился под водой. Но только на мгновение. Спустя этот миг граф Гэйр уже шептал заклинание на лишение веса Клади. Конечно, надо видеть предмет, находиться вблизи предмета, но вдруг, вдруг будет достаточно представить себе человека так, будто человек стоит перед тобой... Тоже не получилось. С этой стороны заклинание не дало себя обойти.

И Сварог запрыгнул в шлюпку. Следом заскочил Олес. Оттолкнувшись от стены, Сварог вышиб ногой банку, которой придется грести, как веслом, когда...

Когда акулы стремительно ринулись прочь от «Серебряного удара». А корабль, сначала неуверенно, будто потерявший равновесие канатоходец, но в то же время величественно закачавшись, начал заваливаться набок. Медленно, потом быстрее, быстрее, неудержимо, неостановимо... Обитый броней борт содрогнул поверхность моря, и вокруг гибнущего «Удара» стеной встала вода. В белых кружевах брызг и в зеленых прозрачных водопадах их «Серебряный удар», их последний дом уходил в океан.

Грести, продираться сквозь акулье засилье уже не имело смысла. Сварог и не думал, что такие большие корабли тонут так быстро.

Когда борт броненосца, ставший теперь из правого верхним, сравнялся с поверхностью, корабль, уже находясь под водой, вдруг выровнялся, над океаном показалась черная труба и верхушка мачты. Верх трубы и верх мачты – вот над чем сомкнулись воды бескрайнего димерейского океана. И бездонного, это Сварог совсем недавно видел...

Волна их не догнала. Шлюпку, где сидели Сварог и Олес, быстро подтащили за канат люди на стене зиккурата – а там, где погиб «Серебряный удар», вспухали гигантские пузыри воздуха, качались на волнах какие-то ошметки.

Сварог еще не говорил себе, что Клади погибла. Может быть, Олес ошибся, и Клади сейчас, например, в одной из башенок зиккурата... да хоть пусть лежит без сознания, раненая лежит, лишь бы здесь, над водой...

– Она сказала, что ей нужно ненадолго задержаться, – донесся до Сварога ровный голос Рошалы. – Я позвал ее в шлюпку. Она сказала, что сядет в следующую.

«Тогда, в кают-компании... она что, она *прощалась* со мной? Неужели она *знала*? – задавалась вопросами та часть сознания Сварога, которая поверила в смерть баронетты. – Все эти ее недомолвки, полунамеки... „Ты меня не любишь“, – словно обрывала ниточки, чтоб не было так больно... Почему она задержалась на корабле? Женщин переправляли в первую очередь...»

Сварог, ухватившись за протянутую руку, выбрался из шлюпки на стену. Последний осколок надежды уничтожил Олес:

– Клади всегда была упрямой девчонкой, – князь сел на стене лицом к океану, поджав ноги по-турецки. – Я наткнулся на нее возле трапа, она зачем-то спускалась вниз. Говорю – все, баронетта, помпы остановлены, может неслабо шмякнуть об камень. Ну кто ж тогда знал, что эти твари отволокут «Удар» в море... Пошли, говорю, баронетта. Знаете, что она мне ответила? Тебе, говорит, князь, как никому другому пошло на пользу наше странствие от Гаэдаро до сердца океана. Так и сказала – сердце океана... И побежала вниз. Да на ходу крикнула, мол, не забудь проверить свою родословную. Словно напутствовала... Она специально осталась, да? Она знала, чем кончится? Как это понимать, мастер Сварог?!

А мастер Сварог, промолчав в ответ, все-таки пошел искать баронетту в башенках зиккурата...

Глава шестнадцатая **Чунга-Чанга, синий небосвод...**

Тепла димерейская ночь. Но не тиха: ворочаются люди на стенах, слышны стоны, тихие разговоры и плач, сыто плещутся акулы в океане, плещутся в бассейне над площадкой, стучаются и трутся о стены, иногда поднимают какую-то возню, мощно лупя хвостами о поверхность, сшибаясь телами. В ровном бледном свечении, вновь показавшемся над очистившимся горизонтом, без труда можно разглядеть непрерывно перемещающиеся в океане треугольные плавники, мокро блестящие спины. С внешней стороны стены, выбрасывая тела на короткие ступени, хищные рыбы то и дело высовывают из воды свои морды и смотрят в загадочном ожидании своего акульего счастья – свежего мяса. Или они так гипнотизируют жертву...

Курить было уже невмоготу, уже тошнило от курева, во рту скопилась табачная пакость. Оставалось лишь лежать на спине и смотреть на звезды. Иной природы, но тоже пакость скопилась на душе. И вроде бы не в чем себя упрекнуть, вроде бы сделал все, что мог...

На двух башнях горели факелы, поднимая в ночь призывные огни. Где-то по водным тропам странствуют в поисках новой земли караваны судов: крепкие флоты Шадтага и Крона, парусники Фагора, перехитрившие всех и вышедшие в море раньше, чем броненосцы покинули военные базы Гидернии, плохо приспособленные к океану корабли Бадры, которая лежала на противоположной от Гидернии стороне Атара, и гидернийцам не так просто было надежно перекрыть Бадре все морские входы-выходы, наконец, какие-то плавсредства Нура, о чьих возможностях, количестве и прочих достоинствах Сварогу было вообще ничего не известно. Огонь в ночи виден издали. Впередсмотрящие могут его заметить, а заметив, обязательно доложат капитанам.

Капитаны же... Капитаны будут принимать решение. Или какой-нибудь сектантский корабль, может быть все тот же «Путь», примчится палочкой-выручалочкой. Конечно, примчатся могут гидернийские военные корабли, но что беглецам с «Серебряного удара», затерявшимся среди океана, остается, кроме того что рисковать?..

Одна шлюпка – как раз та, с которой спасли Рошалея, – словно бы в насмешку, у них сохранилась. Весел, правда, нет, но нет и пробоин. Акулы, чуя, что лодка не скрывает от них живого, свежего мяса, иногда проверочно тычутся в борта носами, раскачивая их, и тут же отплывают: пусто.

Акулы, а до них люди-жабы и гидернийские броненосцы что-то очень уж легко обнаруживали «Серебряный удар» на бескрайних океанских просторах. Слишком легко, чтобы не предположить за кулисами чью-то точную наводку на цель. Чья это работа – дотошного Великого ли Мастера или деятелей масштабом помельче, – можно лишь гадать, да проку от того гадания никакого. Факт неоспорим: их загнали в угол. Конкретно и умело загнали, следует признать.

Вполне допустимо, что это Великий Мастер устроил демонстрацию своего всемогущества – устроил, чтобы заставить Сварога *обратиться* к нему за помощью. Потому что вроде бы больше не к кому, потому что одна душа – вполне подходящая цена для спасения жизней сорока двух выживших, среди которых половина женщины и дети. Потому что в минуты отчаяния человек готов позвать кого угодно. А наступления этих минут Он будет ждать, не извольте беспокоиться. И что стоит лишь мысленно призвать – незамедлительно явятся с готовым договором. Останется только поставить подпись, причем не обязательно кровью...

Сдаваться Сварог не собирался. Загнали в угол, говорите? Но мы уже выжили и будем выживать дальше. Что нужно для элементарного выживания? Еда, вода, какая-никакая крыша и надежда. Первые три составляющие в наличии, и надежду у нас легко не отнимешь. Не свернут суда на сигнальные огни? Вполне допустимо. Что ж, начнем с малого: можем разобрать одну башенку, потребуется, разберем также один-другой слой кладки стен, и из камней, из ящиков, что удалось перевезти с корабля, можно заделать разлом. Пара ведер найдется? Найдется. Тихой сапой вычерпаем воду с площадки. Акулы, набившиеся в бассейн, – не все акулы океана, их число ограничено, их реально истребить. Таким образом отвоюем у океана и хищных тварей вершину зиккурата. Уже победа, пусть и небольшая. А дальше? Дальше, например, можно отковырять плиты площадки. Почему бы внутри зиккурата не быть полостям, кто сказал, что он обязательно должен быть цельным? Одним строителям ведомо, что они, демоны, там замуровали. Черепа предков, древний город, аппарат перемещения по Тропе, склад полезных вещей, подводную лодку... Нет ничего невозможного. Надо будет – зароемся до дна океана. Мы еще повоюем...

Вот только Клади рядом не будет. Клади, Клади, хитрая охотница. Больно уж много странного вокруг твоей смерти... Ну что еще удумала, а? В какие игры опять впуталась на свою белокурую головку?..

Сварог проснулся – оказывается, он все-таки умудрился заснуть.

Разбудил его рассвет над океаном. Горизонт набухал коралловым рифом, рифом цвета крови, разведенной молоком.

Продрав глаза, Сварог почувствовал, что в окружающем что-то сдвинулось,

произошло некое серьезное *изменение* – почувствовал раньше, чем увидел это изменение. И вправду существенное, ничего не скажешь. Акулы ушли.

Сварог встал на ноги. Провел взглядом по океану. Ни плавников над водой, ни силуэтов под водой. Как по команде нагрязнули, как по команде ушли. Мирный рассвет над океаном; бляха-муха. Тишина, ветерок, слабое волнение на море, так и тянет купнуться...

– Вот я о том же. Травят, как волков на охоте. Напустили сперва одну свору, потом пустили другую, – раздался сзади голос Пэвера. Тоже проснулся. Или во все не спал. – Только зачем было отзывать последнюю свору? Она вполне справлялась...

Сварог оглянулся. Пэвер тоже стоял, тер щетинистый, неотмытый от копти подбородок. Отставной суб-генерал выглядел сейчас постаревшим на десяток-другой лет. Не только из-за разом проступивших морщин, не только из-за ссутуленных плеч. В первую очередь Пэвер постарел *взглядом*.

– Если среди наших тоурантцев есть поклонники Кайката, – севшим голосом продолжал генерал, – и они его старательно ублажали всю сознательную жизнь, то самое время взывать к его милости. Он же вроде бы и предусмотрен как раз на такой, крайний случай. Бог последнего прощения. Когда еще просить Кайката, если не сейчас. Пора звать богов, мы всего лишь люди...

– Вы хотите, чтобы я поддержал ваше уныние, мастер Пэвер? Не спорю, вдвоем скулить веселее...

– Стар я каждый раз отряхиваться и как ни в чем не бывало скакать дальше. Тем более и скакать-то некуда. Тут только ободрять себя прекрасными сказками. Например, такой: вдруг Граматар не где-нибудь, а прямо под нами, и он ка-ак сейчас всплывет, а мы ка-ак всплывем вместе с ним и окажемся выше всех, удачливее всех, умнее всех...

Они замолчали, Пэвер замолчал обиженно, заметно было по сопению. «Как это ни цинично звучит, – подумал Сварог, – хорошо, что акулы неумеренны в своей прожорливости. Если бы по воде, особенно по воде бассейна, плавали останки людей, было бы гораздо хуже. Проснулись бы женщины, проснулись бы дети и...»

– А это что там такое, вы, часом, не знаете? – Сварог вытянул руку, показывая направление.

Пэвер взгляделся.

– Да, что-то там есть... На корабль не похоже.

– Согласен. Скорее, туча. Или скопление над водой неких существ. Интересно, на рассвете случаются миражи или миражам время не писано...

– Туча, говорите?... Нет, движется по воде. Про существ даже думать не хочу.

Мираж? То есть маррог? Тогда б почему ему не появиться прямо перед нами, зачем эти представления с надвижением издалека, – перебирая возможности, суб-генерал несколько расправил плечи. – Если это опять лягушки на дельфинах, я их голыми руками утоплю как котят, не посмотрю, что двоякодышащие. Сколько ж можно, а?! – Потом почесал затылок и неуверенно предположил: – А может, остров?

– Тот, который Блуждающий? – не отрывая взгляда от точки на рассветном горизонте, Сварог закурил первую сигарету в этот день. – А не слишком ли вовремя? В последний момент прибывает кавалерия и выручает из беды...

– Или добывает, – мрачно пошутил суб-генерал.

– Острова у вас, говорите, водятся исключительно блуждающие? – Сварог поднял руку козырьком. – А сдается мне, эта хреновина нисколько не блуждает – устремленно движется аккуратно к нам. И со скоростью, какую трудно требовать от острова. Скорее уж от катера, и не парового, а дизельного. Что ж, пождем...

Ждать пришлось недолго. Недолго оно надвигалось таким миражом, фантомом, маррогом, надвигалось бесшумно и таинственно, вырастая на алом заднике горизонта. Только что объект был точкой, вот уже примерно угадываются размеры, вот объект уже обрел вполне конкретные очертания, и уже отпадает всякий смысл гадать, что именно к ним принесло.

К тому моменту, когда объект застыл в полусотне каймов от стены зиккурата, весь уцелевший экипаж, все сорок два человека, были на ногах: проснувшиеся или, что вернее, не сомкнувшие глаз в эту ночь разбудили остальных. Никто не радовался, тем более никто не восторгался чудесами. Плавание «Серебряного удара» по океану отучило верить в счастливый исход любых встреч. Люди просто молча ждали, что произойдет дальше.

Да, это был остров. Блуждающий или сам по себе разъезжающий – на нем таблички не висело и в рупор никто не объявлял: «Слушайте, несчастные, кто к вам прибыл!» Размерами он не потрясал: по площади – где-то вполовину меньше «Серебряного удара», в высоту – каймовпятнадцать. Остров походил на проросшую плетеную корзину: одно лишь плотное хитросплетение тонких стволов, кое-где зеленеющее листвой, кое-где, правда, зеленеющее буйно. Песочного пляжа, присущего классическим островам, земли, скал, а также флагов, замковых башен, птиц, зверей, людей, каких-нибудь приспособлений, вроде пароходных колес или ракетных установок – в общем, ни черта не углядеть, одни прутья. Не остров, а корзина корзиной. Плавающее образование имело каплевидную форму, и вытянутая часть его была обращена к зиккурату. Вроде как нацелилось...

Сварог привычно проверил наличие шаура за поясом. А более и проверять нечего. Карабины нынче не более чем дубины – были патроны, да все ушли в акульки туши. Корабельных пушек с собой не прихватили. Холодное оружие, правда, запасено. Однако сомнительно, чтобы люди, перемещающиеся таким вызывающим манером, испугались бы ножей, мечей, штыков или даже сабельки, каковую Сварог заметил на боку у Олеса. Честно говоря, также нельзя поручиться, что островитяне тут же замертво падут от сокрушительных очередей из шаура.

– Изучают, – процедил сквозь зубы Пэвер.

Сварог прикинул: если с острова откроют огонь – командовать своим за стены.

– Повывставляете стволы, побегаєте, покричите, короче – поотвлекаете внимание.

– Понятно.

Еще бы суб-генералу было непонятно. Им оставлена единственная тактика: акул нет, экипаж отвлекает островитян на себя, Сварог пойдет под водой, попытается взять внезапностью.

Сварог увидел, что по стенам к ним с Пэвером пробираются Рошаль и Олес. Тем временем период изучения на плетеном борту, видимо, завершился.

От острова отделились две лозы, побежали желтыми змеями по поверхно-

сти воды... Нет, они не просто тянулись, от них на глазах отрастали горизонтальные побеги, образуя поперечные перекладины, и вертикальные – перила. И когда чудо-побеги дотянулись до стены, вползли на стену, одолели всю ее ширину и, как крюками, зацепились за камни (а на это ушло всего лишь несколько минут), от острова до зиккурата выросли мостки.

– Чтоб меня изрубили на фарш! – прошептал Пэвер. – Опять колдовство поганое, ядро ему в мокрое ущелье!

На этом фокусы-покусы не закончились. Над началом мостков вверх поднялась дверца. И в проеме показался островитянин. В общем ничего особенного он собою не представлял: не гигант с одним глазом во лбу, не лилипут, не мерзкая помесь, вроде человека-осьминога. Зауряднейший человек среднего роста, смуглый, одетый в сиреневые брюки и рубаху, босой. Он прошел половину сооруженного, вернее, выращенного пути, остановился. И громко, а главное, значительно, как церемониймейстер объявляет имена и титулы гостей, прибывших во дворец с супругами и без супруг, островитянин возгласил:

– Кто из вас человек, который владеет магией?

– Вас, мастер Сварог... – подсказал подоспевший и запыхавшийся Рошаль.

– ...к телефону, – закончил мастер Сварог. Потом обратился уже к островитянину: – А кто его спрашивает?

– Его просят в гости, – важно ответил слуга. Не возникало сомнений, что к ним выслали именно слугу – по горделивой надменности, по интонациям попуая.

– А зачем? – Сварог не бежал по мостику, захлебываясь от счастья, и тем явно озадачил сиреневого лакея.

– Ну... его просят, – наконец нашелся малый.

– А его друзья останутся здесь? – не унимался Сварог.

– Его просят в дом, – попойкой продолжил слуга. Он, конечно, не рассчитывал на отказ и оказался неподготовлен к неожиданному затору в таком простом вопросе, как приглашение в гости.

– Не пойдет, – помотал головой Сварог. – Я, значит, чай буду распивать, а мои друзья, мокрые, голодные, уставшие, будут тут страдать на камнях...

Голодных и мокрых он запустил не для жалости. Нельзя исключать и такое развитие событий: приглашенный в гости получит вместо пирога из печи дубиной по башке, остров даст газу и унесет Сварога, как пишут в протоколах, в неизвестном направлении, а остальные останутся посреди океана. А потом – не хотелось как-то уподобляться пешке в темных играх островитян. А островитяне, однако, сволочи. Если спасаете попавших в беду, то делайте это, как принято на всех морях: без предварительных выяснений и без дешевого выпендрежа. Потому что сегодня ты меня спас – завтра я тебя спасу, и нет повода выживать. Потому что все под Богом ходим. А если цель островитян не спасение... то тем более они сволочи.

– Вас зовут, – лакей сделал последнюю, жалкую попытку уговорить. После чего замолчал, задумчиво уставившись в небо, зашевелил губами, будто повторяя чей-то мысленный приказ. И вновь открыл рот: – Ваши люди... в дом войти не могут... Но им, – он делал паузы, какие делают дипломаты для переводчиков, – предоставят место... для отдыха.

И вместе с последними словами опять началось прутья-шоу: по всему периметру острова в море хлынули побеги, похожие на виноградные лозы. Две ми-

нуты – и лозы сплелись в террасу, опоясавшую остров.

– Ну ладно, – тихо сказал Сварог. – Будем считать, что я согласен начать переговоры.

Прежде чем покинуть сцену, он дал последние указания:

– Не увлекайтесь там угощениями, орлы, потерпите...

Пока никто ничего не предлагал, но вдруг расщедрятся. Так вот не стоит пить да кушать в незнакомых местах – это еще опаснее, чем распивать водку из открытой бутылки с незнакомцами в чужом городе.

– Потерпим, – пообещал Рошаль.

– Если что, свистну. Редко я свищу, но громко...

– Вас услышат, – заверил Пэвер и подмигнул. Дескать, не извольте сомневаться, маскап, будем наготове, ворвемся по первому свисту и раскатаем этот остров, как тесто.

– Вот и отлично. Пошел знакомиться.

Мостки, на вид хлипкие, держали хорошо, лежали на поверхности, и небольшие волны, перекатывающиеся по океану, заливали их, омывая сапоги графа Гэйра. На пороге Сварог оглянулся. Вслед за ним, сторожко перебирая руками перила, от стены цепочкой двигался его экипаж.

– Прошу вас, – вежливо поторопил слуга, протягивая ладонь указательным знаком.

Сварог вошел. Дверь за ним тут же опустилась... точнее, развернулась, словно соломенная вьетнамская штора на окнах. И зазоры между дверью и рамкой проема мгновенно стянули мелкие побеги, как нитями. Дверь срослась со стенами. Ничего не скажешь, повезло здешним обитателям – сэкономили на щеколдах и крючках... Экономили они и на ковровых дорожках – зеленый покров невысокой свежей травы приятно смягчил шаг.

Слуга шел первым. Прямоугольный в сечении коридор плавными изгибами вел к центру острова. Коридорный свод иногда уступал место просветам, своего рода окнам с видом на небо, сквозь которые внутрь вливался утренний свет. Вокруг безраздельно господствовал стиль «живая изгородь», еще его можно было поименовать «плетенкой». И стены, и свод, и пол – все скручено, сплетено из древесных стволов. Лишь одни стволы толще, другие тоньше. Лишь где-то желтеют, а то и коричневеют одни голые стволы, где-то стена курчавится декоративной листвой, где-то свисают плоды, среди которых попадаются и узнаваемые (вон лимон, мандарин, а это груша, разве что черного цвета и миниатюрного размера), где-то вместо плитусов пущены цветы такой яркости и пестроты, что в глазах начинало рябить.

Они прошли мимо комнаты, в центре которой зияло круглое отверстие, а в нем голубела океанская вода. Вокруг бассейна переплелись гибкие лозы, приняв формы кресел, столиков, диванчиков. Помещение смахивало на комнату отдыха и одновременно на хранилище, потому что на полках, столиках, даже на полу хранилось множество предметов маловразумительного назначения. Взгляд ухватил свисающий с потолка на кашпо из тонких лоз снежный ком (или нечто на него похожее), из которого ежовыми иголками торчали какие-то палочки разной длины со светящимися кончиками. На одной из полок два диска, вроде бы эбонитовые, таинственным образом вращались над камнем яйцевидной формы и матовой белизны. Возле дверного проема стоял высокий сиреневый цилиндр. Стоило Сварогу бросить на него взгляд, и сирене-

вое нутро пронзили серебристые змейки всполохов... В комнате было еще на что посмотреть, но они уже прошли мимо. Уж не древние ли предметы тут расставлены, до которых люди с Блуждающих Островов, если верить легендам и преданиям, сами не свои?

По Блуждающему Острову его ведут или не по Блуждающему, а шаур-то за поясом. Беззаботные обитатели «корзины» не поинтересовались, есть ли у Сварога при себе оружие. Не озаботило их также наличие-отсутствие оружия у четырех десятков людей. А ведь доведись – озлобленные люди, которым теперь-то действительно совсем нечего терять, изрубят деревянные стенки в щепы. Даже голыми руками. Что это, беспечность или самоуверенность? Знак благорасположенности или островитяне ничего и никого не боятся? Или они наивные добряки, которые даже предположить не могут в людях черную неблагодарность и злобу? Что-то плохо верится...

Пришли. Сделалось ясным и без торжественного объявления слуги. Впрочем, слуга ни слова не произнес, пропустил Сварога и остался за дверью. В очередной раз раскрутилась штора, закрывая проем. Только на этот раз дверь с проемом не срасталась, просто повисла.

Довольно большой зал, в котором очутился Сварог, украшали витые колонны из толстых стволов, поднимающиеся от пола до потолка. По желобам, прикрепленным к стенам, бежала вода, стекала из желоба в желоб, из отверстий в желобах капала в чаши и прямо на пол. В нишах стояли фарфоровые и металлические вазы, увитые тонкими стеблями. А в одну из ниш был помещен прозрачный, похожий на рыбий, пузырь. Из трубчатого стебля, напоминающего бамбуковый, в него тонкой струей лилась янтарная жидкость, отвода вроде бы не имелось, однако жидкости в заполненном на треть пузыре не прибавлялось.

Проходя мимо желтого в черных и золотых прожилках конуса, стоявшего на невысокой и, разумеется, плетеной тумбе, Сварог ощутил тепло в нагрудном кармашке. Ага, вот и рубин ожил. Если гикорат нагревается (можно не сомневаться, и пульсирует багровым светом), значит, конус – не что иное, как древний предмет. «И что с того? – спросил Сварог сам себя. – Да пока что ничего, собственно говоря, разве что зарубка на будущее».

Полукруглый свод не смыкался над центром зала, оставляя широкую дорожку дневного света. Под открытым небом восседал в кресле еще один обитатель острова, и вот его-то уж никак нельзя было заподозрить в принадлежности к лакейскому племени. Одна расшитая золотом (узор состоял из птиц, стеблей и листьев), безукоризненной белизны туника чего стоила. А еще возьмите надменность взгляда, высокомерно вздернутый подбородок, сидит по-хозяйски развалясь, пальцы унизаны перстнями и кольцами, украшений нет только на мизинцах. Какой, к чертям, слуга...

Молодой, лет тридцати, высокий, худощавый, на белой коже лица будто тушью нарисованы тонкие бакенбарды, переходящие в такую же тонкую, едва намеченную «эспаньолку». Оторвать от плетеного кресла задницу хозяин не соизволил, видимо, считал гостя себе не ровней. Лишь приподнял руку; явно незнакомую с физическим трудом, шевельнул тонким пальчиком.

– Садитесь. – Палец указал на кресло напротив.

Сварог сел. Мы не гордые, зато ужасно хитрые. Для начала во всем разберемся, просечем, кто ты у нас такой, что из себя корчишь и по какому праву,

разыграем тихого, а потом уже будем кипятиться в благородном гневе оскорбленного дворянина: «Да ты знаешь, кто перед тобой, щенок! Встать, когда разговариваешь с королем Хелльстада!» И так далее.

Сварог сел. Кресло оказалось неожиданно мягким, словно не из прутьев сплетено, а из поролона. Граф Гэйр положил руки на широкие подлокотники, выжидательно посмотрел на принимающую сторону. Островитянин в свою очередь, улыбаясь и наклонив голову, пристально рассматривал своего визави – так же он, очевидно, рассматривает и новые поступления в коллекции древних предметов...

– Необычный тип лица, – наконец заговорил хозяин-барин. – Необычна и защита вашей ауры. У людей подобного я не встречал. Даже те, кто называл себя колдунами, не могли сопротивляться *посылам*. Да, бесспорно сильная магия. Меня это убедило, что вы тот, кто нам нужен.

«Нам, – подумал Сварог, – значит, ты что-то вроде представителя. Хотя такой и о себе способен говорить во множественном числе». Также Сварог отметил, что кресло не низкое, в нем не утопаешь и потому из него легко при необходимости стартовать.

– Не пора ли вам, любезнейший, представиться, – напомнил Сварог. – Вы позвали меня в гости, я оказал вам честь.

– Признаться, задали вы нам задачку. Таких проблем не возникало со времен Перламутрового Танца. – Похоже, господин в расшитой золотом тунике даже не вслушивался в то, что говорил собеседник. – Да, да...

Он задумчиво наморщил лоб, крутя перстень на пальце.

– Ну ничего, теперь ваши способности обретут достойного ювелира и получат подходящую огранку.

Сварог и дернуться не успел. Слишком внезапно и молниеносно все произошло. Множество тонких и гибких прутьев вылетело одновременно и отовсюду. Они захлестнули руки, прочно примотав к подлокотникам, опутали ноги, ремнями сдавили грудь и живот. Чертовы побеги обвили и горло.

Островитянин рассмеялся.

– Вот видите, как все легко и просто. Ваша магия, то есть произнесение заклинаний и щелканье пальцами, помочь бессильна. Не находите, что на стенах ваши люди были бы в большей безопасности?

Сварог мог разве прохрипеть в ответ. Разумные сучки сдавили горло умело, прихватили ровно настолько, чтобы он не задохнулся и вместе с тем не мог говорить. Ч-черт, как же попался. Вот, значит, почему их не беспокоило оружие гостей. И ничего не поделаешь. Ничего?! Ну, это мы поглядим...

– Вам не хватает знаний. Вам *всем* не хватает знаний. – Островитянин поднялся, приведя в движение стебли и листья на белой тунике. Прошелся туда-сюда, скрипя сандалиями на деревянной подметке и заложив руки за спину.

Сварог одними глазами следил за его перемещениями.

– О чем свидетельствуют ваши подвиги? Способности при нехватке знаний и нежелание эти знания получать – это... как камень на птичьей лапе. – Видимо, ему понравилось найденное сравнение, и он повторил: – Да, как камень, привязанный к птичьей лапе и не дающий птице взлететь. Впрочем, и возможности получить знания у вас, прямо скажем, невелики...

Он скрылся за одной из колонн, вновь вернулся – уже с бокалом, на чет-

верть наполненным бордовой жидкостью, – и вновь принялся расхаживать, прихлебывая напиток. И продолжил разглагольствовать нравоучительным тоном:

– Вас, конечно, никогда не беспокоило, что сплошь и рядом впустую пропадают выдающиеся способности. Природа щедра, она засеивает своими семенами любую почву, не думая, пригодятся кому-либо всходы, или они пропадут, засохнув... Хм, а мне сегодня удаются образы. Видимо, оттого, что день начался весьма неплохо...

«А ведь в этом доме меня не принимают за пришельца из другого мира, – подумал Сварог, пока болтун в белом восхищался своей образной речью. – Держат за какого-то колдунишку. Что у него там по плану, после того как выговорится? Позвать своих сподвижников, наличие которых можно предположить по его фразе „нам нужен“? Или он уже мысленно позвал? Мол, приходите-прибегайте, я его поймал. Поймал, спору нет, однако пора и освободиться...»

– Меня, в отличие от вас, всегда огорчало, как много полезного и красивого мы недополучаем. Мы просто не поднимаем с земли разбросанные алмазы. Какой-нибудь величайший ученый вынужден всю жизнь пахать землю, гениальный изобретатель вынужден ловить рыбу, а талантливый музыкант – ее жарить. Таким образом, мы не собираем весь урожай, который предлагает нам природа...

«Похоже, под „мы“ он подразумевает какой-то избранный круг. Ну да и черт с ним! Пора начинать представление». Когда-то в одной азиатской стране другого... совсем другого мира этот прием сработал, на него купились, а те люди были поискусенней в хитрости, коварстве и умении извлекать информацию, чем нынешний болтун. Те люди меньше верили в собственную неуязвимость и постоянно были настороже. И все-таки купились...

– Познание и совершенствование – вот основа, вот девиз разумных людей, – островитянин попивал и похаживал в свое удовольствие, явно он был не стеснен во времени. – Я всегда выступал за выявление и привлечение лучшего из всех человеческих сил. Уповая только на собственные силы и изучение древней мудрости, мы замедляем развитие. Мы лишаем себя возможности совершить скачок и вплотную подобраться к цели. Я рад, что наконец ко мне и моим единомышленникам прислушались. Тому свидетельство ваше появление здесь...

Любопытно, конечно, послушать лекцию дальше, вроде бы говорун перешел к интересной теме, но надоело, знаете ли, сидеть бабочкой в коконе. Да и дожидаться дружков нашего гостеприимного хозяина вовсе не хочется. Однако к затронутым лектором вопросам мы обязательно вернемся...

Глава, с одной стороны, семнадцатая, а с другой – вроде как и первая...

Глаза пленника закатились, откинулась, насколько было возможно, голова, конвульсивно задергались руки и ноги. Из рта поползла нить слюны.

– Эй, что с вами? – Островитянин, увлеченный собственным красноречием, не сразу, но обратил внимание на странное поведение пленного.

Ответом ему был хрип и усиление судорог.

А Сварог ему нужен был живой. И от горла незамедлительно отскочили стягивавшие его прутья. Однако приступ падучей не прекратился, наоборот –

слюна изо рта бежала все сильней. Судороги скрутили бы тело в узел, но узлы, спасибо им, не позволили.

Островитянин что-то прокричал, послышался топот ног. Чьи-то крепкие пальцы сдавили подбородок графа Гэйра, заходящегося в припадке.

– Мастер, его нужно развязать и положить, – услышал Сварок голос, принадлежавший босому слуге в сиреневых одеждах.

«Доктора из вас, голуби мои, хреновые. Распознать симуляцию не можете. Вот и *те* не смогли...»

Путы, повинувшись неслышной команде, враз ослабли. Сварога бережно подхватили под мышки, потянули из кресла. Что и требовалось доказать...

И Сварог сорвался в действие. Он даже пожалел, что противничков оказалось всего двое. Он не отказался бы еще от тройки-пятерки, чтобы выплеснуть всю злость – потому что в двух ударах выплеснуть не удалось. Хотя слуге досталось по полной, пусть он и меньше заслуживал расправы. Его беда – бесполезность как источника информации. Прямой в челюсть отправил лакея на незаслуженный отдых длиною от получаса и далее. Хозяину в тунике с золотыми птицами досталось двумя руками по ушам, что заставило его застонать и присесть, обхватив голову руками.

Сварог сграбастал его за белые одежды, вздернул на ноги и ткнул в подбородок выхваченным из-за пояса шауром.

– Только не надо звать на помощь ни людей, ни прутики. Вижу, незнакома тебе эта штука? Ну так познакомься.

Сварог наставил метатель звездочек на кресло и вдавил спуск. Зазубренные кругляши вонзились в плетение спинки.

Островитянин пронзительно вскрикнул:

– Не надо! Они *живые!*

– Живые, говоришь, – зло прошипел Сварог, придвигая его лицо вплотную к своему. – А чужих людей тебе, выходит, не жаль. Потому что без них ты обойдешься, а без сучков нет. Вы уничтожали нас? Вы натравили на нас ихтиандров и акул? Вы вывели на нас гидернийские корабли? Отвечать, падла!

Островитянин был жалок. Губы дрожали, глаза распирал испуг. Судя по всему, в такой ситуации ему оказываться не приходилось, он был до печенок смертельно перепуган.

– Я был против, я же только что говорил... Они хотели уничтожить вас, а я настаивал, чтобы вас изучали и включили в *работу*.

– Ну, теперь ты, мразь, не находишь, что, останься мои люди на стенах, вы были бы в большей безопасности? Стоит мне свистнуть, как твою корзинку разнесут в пыль. А тебя я сам прикончу, никому не передоверю. Убивать буду медленно и больно. И никакой магии, заметь, – одна выучка старого солдата. Мой экипаж ты бы все равно бросил подыхать здесь, отцепив или потопив свою сволочную террасу, так? Отвечай, сука!

– Да, оставить здесь, – человек в белой тунике отвечал торопливо, словно боясь, что, задержись он со словами, и пальцы разозленного дикаря рефлекторно дернутся на курке. – Так решили. Они не нужны. Зачем они нужны, скажите?

– А я, выходит, нужен... – Сварок толкнул островитянина в кресло, которое до того занимал сам. – Дернешься, запустишь свои ползучие палки или соврешь – пристрелю не раздумывая, и так руки чешутся, спасу нет. Сколько че-

ловек на борту?

– Где?..

– На острове, мать твою!..

– Трое.

– Кто?

– Слуга, две женщины, ребенок.

– Чей ребенок?

– Как чей? Мой...

– Кто-нибудь сюда сейчас плывет?

Детектор лжи Сварог включил с начала разговора и до самого его конца выключать не намеревался.

– Нет. – Островитянин набрался храбрости и произнес: – Вас уничтожат. Если вы убьете меня, тогда вас точно уничтожат, уже ничто не спасет.

– А кто или что нас спасало до этого, кроме нас самих? *Теперь* нас невозможно запугать, тварь. Ничем не запугаешь – ни своими дружками, ни даже разумными сучками. Ну, вот теперь мы будем говорить. Излагай, что у тебя ко мне.

Островитянин был все еще бледен, все еще перепуган, но самообладание понемногу возвращалось.

– Моя смерть вам не поможет. – Он упрямо хотел донести до Сварога бессмысленность расправы над ним. – Вы погибнете. Вы не сможете управлять *жилищем*, вас настигнут другие. К тому же о моей гибели моментально узнают остальные, моментально.

Врет. Детектор показал, что на последней фразе он солгал. Что ж, если возвращается способность врать и подолгу говорить, значит, шок проходит.

– Значит, говоришь, я был вам нужен? – Сварог стоял напротив человека в тунике, поигрывая шауром, от которого островитянин не отводил взгляд.

– Самое смешное, я действительно настаивал на том, чтобы поговорить с вами. – Хозяин острова издал нервный смешок. – Спорил с теми, кто хотел вас уничтожить.

– Давай без соплей. Захватил ты меня; что дальше должен был делать?

– Доставить на... на Главный Остров, так это можно назвать.

– И что там?

– Там вы предстанете перед Советом. Совет вынесет решение. Мне всего лишь поручили доставить вас...

– Почему именно я?

– Вы сами поставили нас перед выбором, и выбор у нас был небольшой. Или уничтожить вас, или включить в *работу*. Я, еще раз подчеркиваю, с самого начала придерживался второй точки зрения. Но буквально до сегодняшней ночи большинство в Совете было за людьми, настаивавшими на вашем устранении. – Он выпрямился в кресле, даже разгладил на груди скомканную Сварогом тунику.

Шок прошел. Островитянин, конечно, уже всю прикидывал шансы сторон и приходил к выводу, что они, в общем-то, равны. К тому же на данный момент стороны равно заинтересованы друг в друге. Хотя в роли пленника и под прицелом находится сейчас хозяин, однако гостю нет резона его убивать, потому что гость управлять плавучей корзиной не сможет, рано или поздно его настигнут друзья-товарищи островитянина, пылающие жаждой мщения.

– Вы хоть понимаете, *насколько* вы лишний? Как вы мешаете? Сколько вы уже успели испортить?!

– Кому, интересно, я мешаю – вам?

– Нам.

– Вам – это кому? Кто же вы будете?

– Вы называете нас людьми с Блуждающих Островов.

– А как вас надо называть?

– Мы – Дамурги. Это означает – Строители, Конструкторы, Создатели... Творцы... Трудно перевести...

– Вот оно как... И чем же я мешаю?

– Чем может помешать дикарь, вдруг обретший силу бога? Он использует силу, как до того использовал обыкновенную дубину. Это образ, прошу не принимать за оскорбление. Но способности, не поставленные под контроль равного им разума, служат исключительно разрушению.

«Ишь, бляха, совсем очухался. Еще раз, что ли, врезать по ушам...» – но на настоящую злость у Сварога уже не осталось запала. Да и бессмысленно вразумлять человека, у которого с детства мозги набекрень, не перевоспитаешь.

– Имя у тебя есть, Дамург, твое собственное имя?

Он чему-то улыбнулся, не торопясь с ответом. Наконец сознался:

– Ксави... Мастер Ксави.

И почему-то соврал. Сварог не стал стыдить и не стал признаваться, что раскусил ложь. В конце концов, может быть, это их древний островной обычай – представляться незнакомцам под псевдонимами.

– А можно мне узнать ваше имя?

– Что ж вы обо мне знаете, если вам неизвестно имя? – Что-то не хотелось Сварогу называть свое имя всяким проходимцам.

– Что имя? Набор звуков. Важнее то, что вы совершали...

– Ну и что же? Не терпится узнать, что же такого я насовершал...

– Вы своими действиями вызывали потрясения. Если прибегать к образам, то чем больше камень, тем больше от него волны, тем дальше эти волны разбегаются. Ваши магические упражнения поднимали немислимые, огромные, гибельные волны. А любые волны над океаном разносятся далеко. Хотя бы из-за одного того, что после каждого вашего колдовского экзерсиса процесс замедлялся, стоило вас остановить... или взять под контроль. Благодаря вашим экзерсисам погибло множество опытных экземпляров в нестойких средах. Можно использовать такой образ: одни ткнут сложную и красивую ткань, и вот кто-то начинает, развлекаясь, бросать камни. Камни падают и рвут ткань – скажите, понравится это ткачам? Ткань – это наш океан, а бросатель камней – вы. Между прочим, несколько моих коллег в один голос утверждали, что у них отключался механизм восстановления и уменьшалось количество...

– Не может быть! Если б я знал, да разве б я посмел! – притворно покаянным восклицанием Сварог прервал нескончаемый поток собственных прегрешений. – Что я наделал!.. Ну, продолжай, продолжай. Ты что-то там говорил о включении в работу. И как бы вы убедили меня в необходимости работать на вас?

– Как и всех, – пожал плечами островитянин.

– Минутку. Кого это «всех»?

– Вы разве не слышали о тагортах?

– Слышали. Еще как слышали. Только думали, что это сказки. – Сварог не стал вдаваться в исторические подробности, как его самого не раз принимали за тагорта.

– Да помилуйте, какие же сказки! Нам же нужны люди для выполнения *поручений* на материках.

– И откуда вы брали новых тагоров?

– По океану странствует много людей не только во время Великой Регаты, – ограничился Ксави коротким ответом.

– Понятно, – сказал Сварог. – Сдается мне, их поставляли люди Соленого Клюва и прочие... ловцы человечины. Вообще, веселое место этот ваш океан, хочу сказать. Не соскучишься. И все же, как вы убеждали будущих тагоров работать на вас?

– Они соглашались с неизбежностью.

И замолчал. Не хотелось ему развивать тему. Но, как говорится, не хочешь – заставим.

– Подробнее. Разве не было тех, кто отказывался?

– Когда альтернатива смерть...

– Это мы понимаем, но что мешало дать согласие, а впоследствии, уже на материке, обмануть? Не случилось такого?

– Нет.

Не соврал. Но слезать с него Сварог не намеревался.

– Почему не случилось? Не верю, чтобы не оказалось ни одного человека, пожелавшего соскочить с вашей веревки.

– Наверное, нам повезло.

Лжет, подлец. С наглой ухмылкой лжет. Ну погоди, сученок...

– Повезло, говоришь, – недобро прищурился Сварог. – А я, представь, знаю, что такого не может быть. И ты мне сейчас честно и подробно расскажешь, как и чем вы вяжете людей, отчего они служат вам верой и правдой. И попробуй не ответить. Ты, наверное, забыл, как работает эта штука...

И Сварог напомнил забывчивому островитянину, как работает «эта штука». Блеснувший в воздухе серебряный кружок вонзился в колонну. Из-под металла, застрявшего в древесине, побежала струйка желтоватой смолы. Мука искадила лицо мастера Ксави. Любил он свои послушные растения...

– А следующий – в тебя.

И дабы островитянин, не дай Бог, не усомнился в серьезности угроз, Сварог выстрелил в него. Разумеется, аккуратноенько так выстрелил, чтобы лишь оцарапать предплечье, чтобы пустить кровушку, но серьезно не поранить. Нечто подобное волне прокатилось по стенам, потолку, колоннам, креслу. «Ах вот оно как! Ты каким-то образом со всей этой флорой повязан, – отметил Сварог. – Оч-чень любопытно».

Вид собственной крови на утонченные натуры, к каковым, бесспорно, принадлежал мастер Ксави, действует угнетающе. Обычно у таких натур сразу слабеет воля к сопротивлению.

– Это самое-самое начало, – пообещал Сварог. – Сейчас получишь продолжение по всей программе. Или надумал сознаваться? Что-то я не слышу рассказа про то, как вы заставляете работать на вас людей. Или меня слух подводит?

– Я не имею права говорить, – взмолился островитянин, ерзая в кресле под дулом шаура.

Сварог достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца, пустил дым в лицо допрашиваемому. И очень спокойно, чтобы спокойствие пробрало мастера Ксави до кишок, сказал:

– А мне плевать, имеешь или не имеешь. Мне надо, чтобы ты рассказал – и ты расскажешь. Или я отрежу тебе голову и буду допрашивать ее отдельно от тела. Не слышал про такое? На такие фокусы мы, маги и волшебники, большие мастера, уж поверь...

Похоже, слышал – ишь как побледнел. Мастер Ксави, может, и силен кое в чем, но отличать правду от лжи, как Сварогу, ему не дано. Схавал блеф за милую душу. «Жаль, – подумал Сварог, – что я лишь наблюдал когда-то за допросом отрезанной головы, а сам не освоил такое полезное умение. Пожалуй, иногда лучше иметь дело с частью, чем с целым».

Теперь – последний штрих, и можно не сомневаться, что пациент поплывет. Куда изнеженному аристократу, не умеющему терпеть боль и вообще не нюхавшему настоящей мужской борьбы, устоять перед профессиональной десантной обработкой...

Сварог всего лишь надавил пальцами. Есть такие точки на теле, потревожь которые – и вспыхивает боль, кажущаяся несколько мгновений вообще невыносимой, а после переходящая в долгое и малоприятное нытье. Что-то сродни нытью пульпитного зуба, только ноет не десна и корни, а, скажем, вся левая половина тела.

Мастер Ксави взвизгнул от боли, визг перешел в стон – но не в признания.

– Значит, не желаем сознаваться. Ну сам напросился. Покедова...

Сварог вдавил ствол шаура в грудь корчащегося от боли островитянина. Нажми спуск, и зубцы серебряной звездочки располовинят сердце.

И вот тут уж сознаваться пожелали:

– Мы брали у них кровь. – Мастер Ксави пытался отодвинуться от оружия, да вот беда: спинка кресла мешала. – Есть способ... Через кровь. Я не знаю, как объяснить. Вы не поймете...

Детектор вранья не показал.

– Значит, кровью вязали. – В общем, главное Сварог узнал. – Ладно, замнем пока. Поехали дальше. С каких именно пор я стал вам мешать?

– Когда вы все вышли в океан. Конечно, я понимаю, что вы давно используете ваши способности, но происходящее на суше мы не контролируем. Нет, не то что мы не можем... – островитянин испугался, что усомнятся в могуществе их расы, и торопливо пояснил: – ...просто это потребовало бы слишком большого отвлечения ресурсов.

– Ну хорошо, допустим, вы, – Сварог хищно усмехнулся, – уговорили бы меня работать на вас. И что бы вы мне поручили?

– Должен был решить Совет.

«Врет, ой врет! Опять соскользнул на кривую дорожку лжи». Граф Гэйр потер висок дулом шаура.

– Я тут что-то начинаю про вас соображать, блуждающие вы мои. И хрена с два ваш Совет мудрейших передумал бы меня уничтожать, когда б не отыскалась этому веская причина. И ты мне ее назовешь, эту причину. Правильно я понимаю?

И еще разок, на этот раз в челюсть рукоятью метателя звездочек, чтобы смачно клацнули зубы, чтоб из прикушенной губы потекла юшка. А этот ма-

стер Ксави еще и заплакал. Ну, не зарыдал, но глаза увлажнились. М-да, аристократишка поплыл еще быстрее, чем предполагал граф Гэйр.

И господин в белом заговорил. Да и чего там, спрашивается, уже запирайтесь! Единожды отступив от запретов, уже нет большого смысла держать неприступную оборону, наказание все равно получишь то же самое. А чем дальше в лес, тем толще партизаны – чем больше говоришь, тем все легче даются новые слова, тем свободнее льется признание.

– Граматар всплыл. Граматар всплывает раз в тысячу лет, – островитянин говорил и слизывал с прокушенной губы кровь. – И только два месяца Граматар перевозданен и *открыт*. Понимаете? Он поднимается со дна и поднимает вместе с собой дух океана, понимаете? Это еще не суша, но уже и не часть океанского дна. Подводная земля забыла, как быть сушей, понимаете? Забыла воздух, забыла человека. И пока она полностью не превратилось в сушу и не закрыла доступ к тайнам, можно... возможно то, что возможно всего лишь один раз в тысячу лет. Необычная композиция атмосферы Граматара сохраняется очень недолго. Отсчет начался, потому что материк уже всплыл. Уже поднимаются высаженные нами деревья. Уже начинают осваивать землю выпущенные нами звери. До поры до времени нет на новой земле людей с Атара...

«Вот оно что, ядрена муха! – подумал Сварог. – А я-то гадал, откуда берутся на всплывающих континентах звери, птицы и леса. Оказывается, граждане островитяне высаживают. Мичуринцы, так их в воду и под воду! Ну понятно, люди им нужны как материал для опытов, а также для пополнения штата наложниц и слуг. Поэтому кое в чем и помочь могут. Однако, думается, не только этим объясняется их забота о материковой жизни. Экспериментируют, вейсманисты-морганисты, опыты ставят, науку двигают. Да и всю планету они воспринимают не иначе, как полигон для экспериментов. Вероятно, высшая цель у них имеется, ради которой они и бьются. Типа нашего коммунизма...»

– Сейчас начался уникальный короткий период, к которому у нас... имеется свой, определенный интерес, – продолжал сознаваться мастер Ксави. – Я уже сказал, что наши поручения на материках выполняют тагорты. Нам нужен был тагорт на Период Нестабильности. Со способностями, превышающими обыкновенные человеческие. Мы пришли к выводу, что ваши способности позволят вам справиться...

Сварог не стал задавать глупый вопрос «чего ж сами в пекло не лезете?». Потому что дело вполне обычное и до одури знакомое: зачем лезть самим, когда можно послать другого. Сварог задал другой вопрос:

– Раз потребовался кто-то «со способностями превышающими», то прежние тагорты, выходит, не справлялись?

– Да, – подумав, с неохотой признал Ксави.

– Погибали?

– Нет... просто возвращались ни с чем.

Неправду сказал, дорогой товарищ. Скрыл, получается, печальную статистику... Наверное, понимание отразилось на лице Сварога, потому что Ксави заговорил быстро и сбивчиво:

– Я правду говорю: они в самом деле возвращались, не все, конечно, но возвращались. Ни с чем. Но... это были уже не люди. Я до конца всего не знаю, правда, это под большим секретом, но ходят разные слухи... Жуткие, невероятные. Там, на Граматаре, что-то есть, что-то такое... *нечеловеческое*... Ни колду-

ны, ни специально подготовленные бойцы не могли пробиться к... объекту, который мы ищем... Это... Это невероятно – никогда еще такого не случилось, чтобы мы не смогли... не сумели справиться и выполнить наш долг. Но там, там... я правда мало знаю.

Помолчали.

– И давно вы посылаете порученцев на всплывающие Граматары? – спросил Сварог.

– Лично мне известно, что на последние два всплытия посылали.

«Ого! Давненько они ведут островной образ жизни. И не надоело?»

– Ты вот еще о чем забыл поведать, – напомнил Сварог. – Допустим, тагорты успешно выполняют другие ваши поручения на материках. А взамен? Что получают тагорты взамен? В живых-то вы их оставляете?

– Да, оставляем.

Не солгал.

– И все?

– Взамен они получают жизнь на островах.

– Ага... Погоди, а это не тагорт ли?

Сварог показал на слугу, лежавшего на полу и все еще не очухавшегося.

Неожиданно опять проснулась пульсация над левым ухом, пинг-понговский мячик весело застучал по голове. Сварог поморщился.

– Нет, это слуга, – сказал островитянин, никаких перемен в ауре Сварога почему-то не замечая. – Слуга – это слуга, женщина – это женщина. А есть тагорты. Тагорты не прислуживают, они работают.

– А, ну ясно. Начинаю потихоньку разбираться в ваших сложностях. Хотя и плевать мне на них с высокой колокольни... Давай-ка, дружок, лучше взвесим сложившуюся ситуацию. Она, друг мой, неоднозначна.

Сварог отошел от островитянина, сел в бывшее кресло мастера Ксави. «Символично, не правда ли? Они не только поменялись ролями, но и сиденьями». Молчал, сосредоточенно курая в свод ветвей над головой, раздумывал. Потом негромко заговорил:

– Во-первых. Вы, Дамурги, виновны в смерти людей, которыми я командовал, за которых отвечал... – Хоть Сварог теперь и сидел, но выстрелить он успеет раньше, чем островитянин выкинет любой из доступных ему фортелей. – Во-вторых. Вы виновны в смерти женщины, которая... была мне близка. Этого я вам прощать не собираюсь. Также не собираюсь возвращаться на стены. Делать там нечего, здесь мне нравится больше. Разве что вернусь за вещичками. В-третьих. Я смогу тебя заставить, уж поверь мне, человек хороший, поработать таксистом, что в переводе означает – доставить нас по любому названному мной адресу. Но! Но... Но, пожалуй, есть поводы для переговоров. Да, признаюсь, мало радости посадить себе на хвост погоню в виде плетеных островов и потом бегать от полчищ разъяренных тагортов по Граматару. Но мне не привыкать. Все зависит от того, что вы мне сможете предложить. У вас есть свой определенный интерес к Периоду Нестабильности, у меня имеется свой интерес к тому же самому, плюс интерес кое к чему еще.

– Я не понимаю вас, – прошамкал мастер Ксави.

– Поймешь со временем. У вас имеется правитель на вашем Главном Острове или что-нибудь подобное?

– У нас есть... Ствол, где находится здание Купол Совета.

– Ствол? Это что, остров?

– Да. И вокруг всегда много Ветвей, Листьев, Корней, какие-то присоединяются к Стволу, какие-то, наоборот, уходят в океан. И что с того?

– Все решения принимаются Советом в тот самом здании на Стволе?

– Да. Но...

– Далеко отсюда до Ствола?

– По вашим представлениям о расстояниях – далеко, по нашим – нет.

– А до Граматара?

– Я могу повторить только что сказанное. По нашим представлениям – недалеко.

– Меня волнуют сейчас именно ваши представления. Вот мы и подошли к главному, мастер Ксави. За мной, – Сварог показал себе за спину, – сорок два человека, которые поверили мне. Поверили, что я доведу их до Граматара. Поверили, хотя я и не давал никаких обещаний. И они должны высадиться на новый материк, это даже не обсуждается. Поэтому сперва мы отправимся на твоем плавучем чуде к Граматару. Высадим мой экипаж. Это, напоминаю, не обсуждается. А вот дальше... Дальше я, так и быть, сплаваю с тобой на ваш Ствол. Вам же только я был нужен, не так ли?

– Да. Я хочу...

– Плевать на твои хотения, – прервал его Сварог. – Тебе поручили доставить только меня. Ты доставишь. И только меня. Ну разве с небольшой, но прощительной задержкой. Там и поговорим с твоим Советом о наболевшем. Глядишь, и соглашусь взяться за ваше поручение. Без производства в тагорты, без вашего кровавого крючка. Как говорится, на иных основаниях, за иное вознаграждение. Но это как беседа на Совете сложится. Так я решил. Неужели возникли возражения?

Возражений не возникло.

– Вот и ладненько. Что ж, а теперь давай поговорим о задании. Выкладывай все, что знаешь. Должен же я перед твоим Советом предстать во всеоружии. Начинай. Я жду.

Седьмое чувство, опыт, интуиция – назовите как хотите, но все чувства в нем в один голос кричали, что все предыдущие его приключения на Димерее были лишь увертюрой к тому, что он сейчас услышит. Он закинул ногу за ногу и приготовился внимательно слушать. А непонятная и потому пугающая пульсация над левым виском не утихала.

ГЛОССАРИЙ

Рукопись, найденная в бутылке

Начато на пятьдесят шестой день после отплытия с Граматара.

Пишет эти строки Кратс Ави из города Ульган, что находился на Граматаре, на уздере княжества Фастан, в пятидесяти трех кабелотах от границы с Нуром.

Я, Кратс Ави, родился в Ульгане в семье корабельного плотника Парро, детство провел в Ульгане, потом работал с отцом на верфях, после смерти отца ходил помощником судового повара на рыболовецкой шхуне, в Войну Королей служил коком на адмиральском флагмане «Порфирная ветвь», получил за сражение в бухте Ани-Куак орден «Звезда Храбрости» с пятью лучами. Вернувшись в Ульган, стал ходить коком на торговых кораблях Королевской Мантии, что давало право на пожизненную пенсию мне, жене и детям.

Приход Тьмы застал меня на сороковом году жизни. Я и моя семья вышли на судне «Король Ари-иль-Моа», входившем в шестую флотилию города Ульгана.

Король Фастана вывел четыреста грузовых и двести военных кораблей, не дожидаясь последних знаков наступления Тьмы. Мы отошли на шестьсот кабелотов от Граматара, когда увидели столб черного дыма на горизонте. Мы поняли, что Граматара больше нет. С этого дня Фастана начал преследовать злой рок.

Мы попали в шторм. Шторм бушевал десять дней. Когда он улегся, мы насчитали всего сорок грузовых судов и два военных корабля. Быть может, милостью Тароса, еще какие-то корабли Фастана, кои разбросало по океану, уцелели и они доберутся до Новой Земли.

Вскоре наш флот угодил в Огненную Пасть.

(Замечание Пэвера: «Читал про такое у Клей Самойле в „Хрониках исходов“. Подводные горы начинают выплескивать струи жидкости – вроде той, что идет на зажигательные бомбы, которая горит и на воде. Крайне неприятно».)

Сгорело тридцать судов. Сгорел и королевский корабль, что лишило нас присутствия духа, потому, когда на нас напала Гидернийская летучая флотилия, мы предпочли не сражаться, а спастись от нее поодиночке, разбегаясь в разные стороны.

(Замечание баронетты Клади: «Да, во время пошлого прихода Тьмы гидернийцы действовали летучими отрядами, нападавшими на караваны беженцев. А в этот раз, к нашему несчастью, избрали более эффективную тактику».)

Наш корабль гидернийцы не догнали, но на следующий день мы угодили под дождь из камней. Я думаю, то долетели обломки Граматара.

(Замечание Рошалья: «Вряд ли. Скорее всего, это падали обломки небесного тела. Такое нередко происходит в дни наступления Тьмы».)

Камни пробивали корабль насквозь. Погибла большая часть экипажа, погибли моя жена и дети. Судно стало тонуть, пришлось пересаживаться в шлюпки. Из пяти шлюпок одну разнесло огромным камнем с неба. Три опустошили ночью водоросли эгу, неслышно подплывшие, задушившие людей и утащившие все вещи. Нам повезло – нас отнесло течением в сторону.

(Замечание Пэвера: «Никогда не слышал ни про какие водоросли эгу».)

В последней шлюпке нас было четверо. Если б я не проснулся вовремя, то

Яколь, сошедший с ума, видимо, от дневной жары, убил бы и меня, как убил он трех моих товарищей. Я сумел, схватившись с ним, победить. Так я остался один.

В шлюпке есть бочонок воды и немного сухарей. Я надеюсь продержаться две недели и почти уверен, что меня не найдут. Есть чернила и бумага, есть бутылка, в которую я запечатаю письмо.

(Замечание Рошалья: «Хочу сказать о Фастане. С гибелью королевской династии не стало и его. Да, несколько десятков фастанских кораблей добралось до побережья Атара. Добралось вместе с тремя кораблями государства Горитон, существовавшего на Граматаре. Они зажили общей колонией, и новую королевскую династию заложили муж-фастанец и жена-горитонка. А общее, вновь образованное государство получило наименование Фагор».)

Сколько будут люди жить на Димерее, так долго главным в их жизни останется море. Постоянно одно море. Суша была, и ее нет. И будет ли завтра? Море вечно.

Я хочу оставить знание о море тем, до кого дойдет это послание. Любая кроха знания не должна быть утрачена. Я смею надеяться, что мои крохи дойдут до людей моря и хоть чем-то помогут им.

(Замечания Пэвера: «Он же коком ходил, на камбузе заправлял. А где другу другу рассказывать историю за историей, как не на камбузе – где и подкормитесь, и погреться, и согреться...»)

Сперва о том, как не навредить кораблю, а помочь еще при закладке и постройке.

Плотникам, собираясь на верфь, одеваться каждый день в чистое и брать с собой кость с шестерками на всех гранях и кошачий волос. Входя на верфь, кланяться на уздер, бросать под ноги кошачий волос и руганью выводить с сердца злость. Потому как на работах, то есть вблизи кия, браниться никак нельзя, испортишь судно.

На верфь не пускать женщин, а если на верфи побывает девственница, то все начатые корабли надо натереть перцем и окропить морской водой, иначе жди бунтов и болезней.

На верфь не приносить поросят, зайцев, черных собак, змей, молоко, надкусанные булки и монеты, отчеканенные в нечетный год.

Лучший из дней для закладки кия – вторник, день, когда пророку Мииен не было явлено чудо морское: пророк увидел тонущего, попросил за него Тароса, и расступились воды, дав человеку по дну выбраться на берег.

Если есть возможность ждать, то жди до того числа месяца, которое оканчивается на шесть, так как у удачи шесть граней – недаром кости шестигранны, – и с удачей надо заигрывать, как с женщиной. А удача для моряка в море – самая нежная и нужная подруга.

А худший из дней для закладки кия – среда, так как в среду, говорят, проснулась в дурном настроении жена океанского владыки Ори и из прихоти уничтожила первый корабль, построенный людьми.

Худший из худших дней – среда, тридцать первое, ибо тридцать один – число, от которого моряк должен бежать во всем и всегда.

Чтоб судно не сторело, каждый гвоздь надо смачивать в воде или уксусе.

Первый корабельный гвоздь забивай подошвой сапога, чтоб по палубе сту-

палось как по суше. Второй гвоздь рекомендуют забивать голой рукой, чтобы придать судну крепость и стойкость к штормам. В портах Фастана существовала профессия кулачника, которого приглашали на каждую закладку и платили немалые деньги.

Для того чтобы отпугнуть морскую нечисть, под палубный настил закладывай человеческие кости. Лучше всего подходят кости утопленника, ибо утонувший один раз второй раз уже не утонет и других за собой не потащит. Заложить в киль щепу с плах, на которых казнили, или от виселиц, и киль будет отпугивать морских чудовищ. А от нечисти также хорошо помогает кровь казненных.

Породы дерева, которые приносят удачу и которые надо включать в тело корабля, хоть статуэтки к бортам прибивай, это такие породы: карликовый дуб (для рыбаков – подманивает косяки), ольха (отгоняет молнию), железный орех (притягивает ветер).

Еще каждому мастеру на верфях необходимо заложить тайничок с собственным ногтем, волосом с головы и золотой монетой, чтобы установить с судном родственную связь.

По окончании постройки нельзя менять ничего на судне – от киля до дек-палубы, иначе жди несчастий.

Название кораблю давай с большим умом. Нельзя давать из трех слов, нельзя употреблять в названии число. Даже если присваивать судам имя королей, следует избегать чисел. Допустим, вместо «Альги Шестой» или «Пергеш Второй» следует назвать «Король Альги» или «Пергеш Храбрый». Корабли с числами плавали недолго и гибель принимали обыкновенно в дни с теми же числами.

Выгодные грузы и солидный фрахт помогают получить названия, в которых присутствуют слова вроде «золотой» или «прибыточный». Имя бога Лакко, покровителя торговли, на борт судна выносить не стоит. Лакко – бог изменчивый и трусоватый, если тебе вдруг малость не повезет, то Лакко сразу может отказаться от тебя и название судна помощью не будет.

Грузам и фрахтам помогают также раздача мелочи попрошайкам в каждом порту, куда заходишь.

Полотнище для флага рекомендуется заказывать у бадрагских мастеров. Оно прочное, краска на него хорошо ложится, и вроде бы бадрагцы знают секрет заговора флага, который они хранят от других пуще печати Тароса. Заговор оберегает плавающих под флагом от пиратских нападений.

Самое лучшее для корабля, если после его постройки сделают точно такой же, но небольшого размера. И коли такой кораблик будут держать во дворе в бочке со стоячей водой, а в случае безветрия дуть на него, то и большому будет сопутствовать ветер и путь без штормов. Но позволить себе такое могут лишь очень богатые судовладельцы.

Спуск на воду надо сопровождать пенной струей из пивной бочки, направляя ее на киль, чтоб кораблю веселее плылось по морям. Не зови на спуск священников, женщин и никого из будущей команды судна.

Священников надо приглашать на судно, когда то уже стоит полностью готовое к выходу в первое плавание. Пусть совершат обряд милости Тароса, но не пускай их на шканцы и не давай прикасаться к железу. Неизвестно почему, но это приносит несчастья. Священник прикоснулся к якорной цепи «Зо-

лотого вздоха», и судно даже не вышло в первое плавание. Покидая бухту, «Золотой вздох» не разошелся с пакетботом и затонул.

Не выходи в море тридцать первого. Делай что хочешь, но отложи выход до первой минуты следующего дня.

Известно, что капитан Бу Волгак буквально немного не дождался первого числа. Приказал отдать концы, когда еще не растаял звук полуночной склянки. И днище его галеаса на следующий день возле мыса Аяголь пробил насквозь бивень пятнистого нарвала.

Не давай жене глядеть вслед уплывающему кораблю, гони ее прочь из порта задолго до отплытия. Может сглазить.

Про женщин на борту и речи быть не может. Такое всегда заканчивалось злополучно. Даже если за большие деньги предлагают провести их пассажирками на военных, торговых, рыбацких и других кораблях. Не увидеть тебе этих денег. Есть пассажирские суда, которые проходят особый обряд очищения от налипи, вот они пусть и берут женщин.

Известен случай, когда Мо Кракчи, капитан торгового судна, шедшего из Фастана в Гаэдаро, не сдюжил перед посулами огромной суммы и взял на борт мужчину и женщину. Мужчина похитил жену одного влиятельного фастанца, пара спасалась от его преследования. Судно шло прибрежными водами, где сроду не показывались пираты из-за обилия сторожевых кораблей. В это плавание пираты напали на судно и вырезали всю команду до единого человека.

(Замечание баронетты Клади: «Я предполагаю, что один человек из команды уцелел. Тот, который навел своих лихих дружков на богатую добычу. На такую жирную добычу, что пираты рискнули забраться в прибрежные воды. Но виновата, разумеется, женщина, а то кто же!»)

В первый день плавания ешь пищу несоленой. В море и так соли хватает, с непривычки пересолишься – болезни липнуть начнут.

Дельфины любят сладости. Возьми с собой что-нибудь вроде шариков пастилы, держи в рундуке. Когда встретится стая дельфинов, брось те шарики в воду, дельфины их найдут и тебя благодарно запомнят. Вляпаешься в кораблекрушение или иначе окажешься в воде и случится той стае оказаться поблизости – помогут.

Никогда не поминай на борту святого Аарта, не рассказывай истории про его жизнь, избегай слов «миндаль», «ступица», «хромая лошадь», которые напоминают об Аарте. Святой Аарт угоден Таросу, но морские владыки согласны прогневать Тароса, лишь бы еще раз наказать старца и поклоняющихся ему. Потому как обида, нанесенная Аартом морским владыкам, не пройдет никогда. Как известно, святой Аарт создал зелье, могущее превращать морскую воду в пресную, и тем нанес владыкам морским непреходящую обиду. А также посеял у владык вечный страх – вдруг когда-нибудь моря превратят с помощью зелья в озера и отнимут у них власть над морем.

(Замечание Пэвера: «Не удивляйтесь, маскап. Опреснители изобретены гидернийцами всего столетие назад».)

Если за борт свалится ведро или что-то из одежды, то прыгай в воду не раздумывая – надо как можно скорее вытащить. Вытащи из воды и, завернув в холстину, день держи в трюме, не касайся. Может, пронесет, и морские боги не разгневаются.

Если боцман уронил в воду дудку, то убережь от беды может лишь обиль-

ная жертва морю.

Когда ешь, не болтай ложкой в тарелке – бурю нагонишь или на себя, или на какой-нибудь другой корабль в море. Не доедай хлеб до конца, оставляй кусочки, складывай в мешок – и пригодиться может, и нельзя показывать морским богам, что голоден. Раз голоден, значит, слаб, а слабых морские силы сразу начинают преследовать. Не сори на пол – акул приманишь.

Если уж об акулах говорить, то носи на шее амулет из рога бурого оленя. Отпугивает.

(Замечание Рошалья: «Что-то доводилось читать о таком животном, оно водилось на Граматаре. На Атаре не встречалось. Но предания о чудесных, в первую очередь целебных свойствах его рогов дошли и до Атара. Били его, похоже, на Граматаре нещадно». Баронетта Клади: «Ни в одной атарской охотничьей энциклопедии о буром олене не упоминалось».)

Боцман Ор Номид с «Боевого петуха» сам мне рассказывал, как он два дня провел в воде, держась за обломок доски «Боевого петуха». У него на шее как раз висел амулет из рога бурого оленя. И вот акулы кружили вокруг боцмана все два дня, пока Ор Номид не заметил и не подобрал нурский люгер. Акулы кружили, пожирая обломки кораблекрушения, сожрали даже доску, за которую держался боцман, а самого его не тронули. То истинная правда – Ор Номид показывал мне шрамы на коже, которые оставила жесткая, как точильный круг, акуля кожа.

Одна из самых страшных напастей на море – морской клещ. Чтоб, упаси Тарос, не навлечь ее на себя, никогда не убивай чаек, ибо они могут в отместку забросить клеща на корабль, никогда не ешь устриц – в их раковинах клещ откладывает личинки, никогда не запускай руку в морской песок глубже чем по локоть, так как там живут клещи, пока не приходит им пора выходить за кровью, что необходима клещу для создания потомства.

Сам видел, что делает с человеком клещ, и не приведи Тарос вам когда-то это увидеть. Когда я еще ходил помощником судового повара на рыболовной шхуне «Слава Ульгана», произошел такой случай. Клещ кусил гарпунера Ица Краси. Мы нашли Ица Краси наутро в его гамаке бездыханного и со вздувшимся бугром на груди. Разорвали рубаху, а под ней – налитой кровью кольшащийся пузырь, в центре которого копошится как бы черный жук размером с золотой орарис. То был клещ, насосавшийся крови и раздувшийся. Еще б немного и клещ лопнул бы, разметав по кораблю свою икру, а это печальная песня. Это в раковинах клещ вызревает месяцами, на воздухе такое – дело дней. Тут только поджигать корабль, а самим скорее прыгать в шлюпки. Ну и натерпелись мы страху. Вдруг не один забрался, а клещи любят сбиваться в клубки, до десятка тварей получают клубки, клубками и живут, и передвигаются, и переносятся. Ну тут, видать, одного всего занесло.

А если уж случилось, что кого-то кусил клещ, но не успел лопнуть, то есть всего одно средство убересть остальную команду, к какому мы тогда и прибегли. Конечно, укушенного немедленно за борт, туда же – и рундук его, и гамак. Потом немедленно заякориться, всей команде собраться на верхней палубе, раздеться догола, ничего на себе не оставив, и день просидеть так, следя за своим телом. Если клещам не удастся никого кусить за это время, то, может, они и подохнут.

Дома заводи рыжего кота и держи черного ворона, накажи жене заботить-

ся о них – они уберегут от непогоды.

(Замечание Пэвера: «Даже по изложению чувствуется, что повар к этим строкам здорово ослабел. Если поначалу придерживался какой-то системы в изложении, то теперь скачет с пятого на десятое, словно хочет успеть сказать о главном и боится, что не успеет».)

Избавься дома от стеклянной посуды или накупи с толстыми стенками, чтоб не разбить. Потому что разбитая дома посуда разбивает крепость бортов корабля.

Бойся на берегу рыжеволосых женщин, если те попадают навстречу с корзиной – несут твои беды.

Если найдешь на берегу выброшенную на берег русалку, то донеси до воды и отпусти, она будет помогать тебе на море.

Если ты рыбак, то возьми рыбу из первого улова, влей в нее каплю рома и выпусти. Повеселевшая рыба успокоит своих, и косяк не уйдет.

Не бери никогда жемчуг крупнее монеты в десять центавров, потому что такие жемчужины любят нанизывать в бусы русалки и украшать себя этими бусами. Они посчитают, что ты обокрал их, и могут тебе подстроить когда-нибудь пакость.

Курить на судне можно лишь на баке, камбузе или на кухне, а капитану еще и на мостике. Иначе окажешь судну неуважение и оно ответит тебе тем же.

(Замечание Сварога: «А мы смолим где ни попадя. Смотрите, доиграемся».)

Новобранцев надо заставлять затачивать якоря и красить трюмное помещение. Это поднимает настроение морским владыкам.

Огибая мыс Железных Ветров, должно совершить такой обряд: кто в первый раз проходит мимо мыса, того гони на марс, пусть там сидит, пока мыс не скроется из виду, и поет песню «Славься море, ты – наш дом». А коли кто откажется, бить того конопляной веревкой до крови.

(Замечание Тольго: «Про мыс Железных Ветров впервые слышу, а эту песню у нас заставляли горланить новичков с марса, когда случался штиль. Дескать, эта любимая песня морского короля и тот за нее может наградить ветром».)

Если говорить о песнях, то не пой на море песен любовных, не пой псалмов, не пой песен землепашцев, не пой песен, воспевающих земных королей. Лучше всего, чтобы в песнях рассказывалось о море и без тоски по берегу. Морской владыка может осерчать, услышав, что кто-то в его владениях тоскует по суше.

(Замечание Рошаля: «Почерк с каждой строкой становится все менее разборчивым. Видимо, Кратс Ави уже держался на последней воле».)

На корабле забудь игру в кости, дома наиграешься. В море твоя удача совсем в другом.

Не следует даже брать с собой в плавание гадальных карт, на море они бесполезны, а навлечь недовольство морских владык могут.

Возьми с собой лучше головной платок незамужней сестры – приманивает корабельный ветер. Для приманивания ветра не помешает, просыпаясь, звать как можно шире – втягиваешь в себя воздух, может, притянешь и ветер.

Чтобы в штиль зазвать ветер, надо насвистывать веселые песни. Ветер и сам любит свистеть в парусах, и чужой свист любит послушать.

Чтобы добиться изменения ветра на попутный, надо помочиться с юта в кильватерную струю.

В призыве попутного ветра еще помогает ругань. Ругать надо своих родственников на берегу, но избегая богохульств.

Про Золотой караван скажу, что шел в прошлую Тьму с Атара на Граматар. Лежит он на дне Колгейской впадины, про то много людей мне говорили. Встречал я человека, которому морской дух Аккалей, которому человек угодил, в благодарность показал сквозь воду рассыпавшееся по дну золото, золото среди догнивающих обломков галеонов, скелеты в золотых украшениях.

Еще важный совет – храни в рундуке свою первую нательную рубаху со времени, когда ходил юнгой. Первый корабельный пот самый честный, он поможет в...

Последняя запись на бумаге: «Третий день как кончилась вода. Дневная жара не спадает. Стоит штиль. Никакого течения нет. Торчу на одном месте. За все дни на горизонте не видел ни одного паруса. Небо не предвещает дождя. Придется пить чернила».

Далее еще пять уже совсем неразборчивых строчек. Разобрать можно лишь одно слово из написанных: «Граматар».

Александр Бушков

Чужие зеркала (Сварог – 8)

*Что все мы? Лишь блуждающие тени,
Подвластные любому мгновенью
Волшебного светильника в руках
Великого Властителя движенья.
Омар Хайям*

Часть первая РОБИНЗОНЫ ГРАМАТАРА

Глава первая Флеш-бэк

Вряд ли будешь млеть от удовольствия, когда в твоём присутствии идут жаркие дебаты на тему оставить тебя в живых или же лучше незамедлительно умертвить. Так что Сварог пока и не млеет. Пока Сварог просто слушал, давя в себе любые эмоции и напряженно внимая прениям по вопросу «казнить нельзя помиловать».

Обсуждение проходило в здании Купол Совета, центральном здании Ствола. Ствол же, как не трудно догадаться, являлся центром Древа, и к нему примыкали Ветви, Листья, Сучки и, должно быть, прочие Корешки... Ну а если серьезно, если перейти с растительной белиберды на нормальный язык, то вся эта древесная чехарда представляла собой не что иное, как острова. Спору нет, острова не простые – то есть не вздымающиеся с океанского дна, а искусственные, людьми придуманные, людьми же и выращенные. Именно выращенные, а не насыпанные, сколоченные или собранные. Причем эти ботанические сады не нуждались в опоре в виде морского дна, глубина под сучковатым килем несколько не волновала их хозяев, острова плавали как хотели, проходя над любыми глубинами и подчиняясь лишь прихоти своих рулевых... Простолюдины, сталкиваясь с подобными диковинами, обычно восклицают: «Велики чудеса твои, господи!» – и если не бухаются на колени в суеверном ужасе, то уж всяко озаряют себя крестным (или же каким-то иным, согласно вере) знаменем. Хотя чудес – что в случае с главным островом под названием Древо, что со всеми прочими Блуждающими Островами – не обнаружишь, как ни копай. Одна наука, господи, скучная голая наука и ничего более.

Из плетеного кресла (как раз таки и сотворенного той самой наукой) Сварог прислушивался к спорам, уже расколовшим на непримиримые фракции местный орган управления. Орган, именующий себя Советом, спорил до хрипоты на интереснейшую тему: убивать Сварога или не убивать.

– Этот экземпляр вредоносен! – махнул ладошкой в сторону предмета обсуждения новый оратор. – Предлагаю почтенному Совету аллегория. Представьте себе, что некий человек под деревом развел костер. Человек может уснуть, человек может уйти, оставив тлеющие угли, а может и сознательно бросить костер непотушенным. Костер разгорится, пламя перекинется на дерево и убьет его, не правда ли?

Оратор поправил накидку, широким, плавным жестом обвел аудиторию.

– Так стоит ли ждать, что выйдет из этих затей с огнем? Не лучше ли уничтожить человека сразу, не дожидаясь, пока он начнет разводить костер?

Спорили таким образом мастера парламентарии уже давно. И ровно столько прошло времени с тех пор, как Сварогу надоело выслушивать их вдохновенные речи. Но что поделать, ежели человекам, называющим себя интеллигентами, необходимо дать наговориться (если, конечно, имеешь желание решить с ними по-хорошему). Пусть они захлебнутся собственным красноречьем, выдохнутся – только после этого с ними, утомленными и довольными собой, можно иметь дело. А у Сварога время было. Сегодня Сварог уже никуда не спешил.

Нынешний день, богатый на события, вступил в полосу, как говорили турантские моряки, предпоследних склянок. В это время суток, в пору угасания дня, в замках Атара вовсю готовились бы к вечерней трапезе. Зажигали бы свечи в огромных мрачных залах с длинными столами и развешанными по стенам доспехами, княжны и баронетты переодевались бы в вечерние платья, прихорашивались бы перед старинными зеркалами, заключенными в толстые рамы с потрескавшейся позолотой, конюхи скребли и терли бы лошадок, засыпали бы в ясли овес, чтоб коникам хватило на ночь, толстобокие кухарки расталкивали бы ночных стражей, вырывая их из объятий дневного сна, чтоб те успели не спеша умыться-одеться-отужинать, обстоятельно выкурить трубку на пару с начальником стражи возле запирающихся на ночь городских ворот и, взяв колотушку, заступить на дежурство до утра. А в заросших тиной и рясковой прудах отражалось бы в этот час бордовое полыхание заката...

Увы, если мы говорим об Атаре, то без частицы «бы» не обойтись. Материка Атар больше не существовало, превратились в руины и опустелись на океанское дно атарские замки, хижины и города со всеми пасторальными прелестями феодального быта. Князья, кухарки и ночные сторожа сейчас плывут к Граматару – но, опять же, не все, а лишь те из них, кому повезло. (Это означает, что у их государства имелся морской флот, снаряженный к переходу через океан, им лично удалось попасть на корабль, флот не расстреляли гидернийские броненосцы, флот не угодил в шторм, вызванный погружением континента под воду, флот не угодил в шторма, тайфуны и ураганы иного, не всегда природного, происхождения, и так далее, и так далее...) И если везение их не оставит, то доплывут. Но еще не скоро, и не поколение переселенцев, а лишь их дети и внуки смогут вернуться к разбитому стихиями образу жизни. И, кстати, еще неизвестно, каким местом фортуна повернется к их детям и внукам, не поменяются ли конюхи с князьями местами... А ведь так обычно и происходит во времена великих перемен – будь то смена правителей, строя, исторических ориентиров или земли обетованной... Видел сегодня Сварог эту пресловутую обетованную и может засвидетельствовать, что та существует взаправду, что Граматар всплыл, как ему и предписывается местным планетарным режимом, и выглядит очень даже ничего для подводного в недалеком прошлом континента...

Правда, на легендарный материк нога Сварога так и не ступила. Бывший шторм-капитан броненосца «Серебряный удар» рассматривал Граматар издали, с расстояния кабелота в два – то бишь с трех километров. Отсюда конти-

нент выглядел, как и пристало нормальному континенту: белая полоса пены над розовой полосой прибрежных рифов, серая полоса скалистого берега, на который накатываются одна за другой океанские волны, зеленая полоса береговой растительности с черными вставками скал...

Сварог проникся доводами мастера Ксави касательно того, что проход всего жилища над рифами и высадка – дело не простое, требующее выверенных, аккуратных и, главное, неспешных маневров. Поэтому во всех смыслах проще, удобней и уж точно быстрее будет создать простейшую плоскодонку, снабдить ее веслами, и через какой-то час, а то и раньше люди сойдут на берег своей новой родины. Ко всему прочему (добавил мастер островитянин сильный по убедительности аргумент) люди получают в дар целую лодку, что всяко не помешает их будущей жизни у океана. На том и сошлись.

Сварог во второй раз увидел, как работает прирученная ботаника. Или, выражаясь более научно, биоконструирование. Потрясала скорость, с которой от жилища (все-таки Сварог предпочитал именовать его Блуждающим Островом) отрастают побеги, похожие на виноградные лозы, с какой стремительностью они ветвятся, утолщаются и сплетаются в заданную форму. Не меньше поражало, с какой безукоризненной точностью исполняют растения мысленный приказ хозяина-человека. Приказали создать плоскодонку, и нате – на глазах из ничего выросла заказанная лодка при плоском дне и при десятке весел по каждому борту. И ведь никакой магии, никаких тебе волшебных бобов, водяная смерть и Наваковы потроха в придачу, – чистая, блин, наука...

Пока дож Тольго, бывший боцман «Серебряного удара», прощался со Сварогом, остальные клаустонцы – мужчины, женщины и дети – живо перегрузили на плоскодонку ящики, тюки, узлы, связки, отдельные предметы – весь тот нехитрый скарб, что в свое время был переправлен с тонущего броненосца на стену зиккурата, а оттуда – на Блуждающий Остров. Ха, еще бы было живо не перегрузить, когда вещей этих – морской кот заплакал... Но именно с ними предстоит им начинать новую жизнь на новом и диком материке – где нет топоров, гвоздей, тканей и ткацких станков, нет и лавок, в которых все это можно прикупить, зато с лихвой хватает пустого места и через край плещет неизвестность. Поэтому все, что можно было сберечь и дотащить до Граматара – даже ружья без патронов, даже рваные куски парусины, сплюснутый судовой колокол и стреляные гильзы, – клаустонцы сберегли и намеревались именно что дотащить и сберечь.

– ...не забудьте мои слова, капитан Сварог, – сказал Тольго, наблюдая за погрузкой. – Как только окажетесь на берегу, первым делом отыщите нас.

– Да стоит ли беспокоиться, – скромно потупился Сварог.

– Это дело чести, – твердо сказал дож. И добавил в несвойственной ему высокопарной манере: – Вы сохранили жизнь не только горстке людей, мастер капитан, вы спасли весь Клаустон. В истории Атара подобного еще не было – чтобы один человек спасал целое государство. И то, что я предлагаю, – нет, на чем настаиваю, как правитель Клаустона, – ничтожно и жалко по сравнению с содеянным вами...

«Меня бы кто спас...» – подумалось Сварогу.

Дождь требовал от Сварога, по сошествии последнего на берег, немедленно, с соблюдением необходимых ритуалов и церемоний, принять символическую

корону – стать Почетным Королем Государства Нью-Клаустон, или как там у них это называется...

– Вы обещаете?

– Я постараюсь, – честно ответил Сварог. – Для начала надо, чтобы меня *отпустили* на берег. Но я постараюсь.

– Сделайте одолжение... Друзья, – он обернулся к стоящим рядом сподвижникам Сварога, – прошу вас, вы первые.

Погрузка была закончена, настал черед людей, и клаустонцы толпились у древесного борта в ожидании, пока места в плоскодонке первой займет бравая четверка из Свароговой команды.

Суб-генерал в отставке Пэвер, в недавнем военно-морском прошлом командир БЧ-1 на «Серебряном ударе», чуть ли не печатая шаг по неприспособленному к строевым занятиям плетенному полу (который язык не поворачивался обзвать палубой), подошел к Сварогу и отрапортовал громко, так чтобы слышал мастер Ксави:

– Мастер Сварог, генерал Эрл Гадаск, командир шестого гвардейского полка имени короля Макария, когда его отговаривали преследовать остатки разбитой армии мятежников, сказал: «Война должна быть закончена, на то она и война, а не трактирный мордобой...» Это я к чему? Водоплавающие островитяне объявили нам войну, из-за них погибли отличные наши бойцы... погибла Клади. Перемирий с островитянами мы не подписывали, капитуляций не принимали и, ясное дело, сами тоже не капитулировали. Значит, война должна быть закончена. Так что ничего слышать не хочу. Я с вами, маскап. Чего-чего, а сражений Пэвер никогда не боялся...

– Может быть, мы с островитянами и воевать-то не станем, – ответил Сварог, удерживая рвущуюся наружу улыбку. – А еще, глядишь, и заключим союзническое соглашение.

– Но с кем-нибудь другим придется воевать, маскап. Не может быть такого, чтоб не пришлось воевать.

На это мастер капитан Сварог возражений не отыскал.

– А я, мастер Сварог, князь, – счел нелишним напомнить Олес, по-хозяйски облокотившись на перила, опоясывающие плетеный ковчег (которые, опять же, на гордое звание «фальшборт» никак не тянули). – Я привык подчинять, а не подчиняться. Жить на правах простолюдина? Увольте, граф. Лучше я сложу голову в бою. Даже, предположим, я одолею уважаемого дожа Тольго в честном поединке... (Олес поклонился экс-боцману, и тот ответил не менее изысканным поклоном, сказавши при этом: «Это еще надо посмотреть, ваше сиятельство, кто кого...») то и в этом случае вряд ли клаустонцы признают меня своим повелителем. Я для них останусь гаэдарцем, чужаком. Свергнут меня – и все дела. Выберут себе очередного дожа, из своих... А путешествовать князю не возбраняется, даже приветствуется. Так что – я тоже с вами.

Сварог, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным, перевел взгляд на Рошала.

– А что вы на меня-то уставились, мастер капитан? – раздраженно ответил бывший старший охранитель короны Гаэдаро, или на иной, более точный манер выражаясь – начальник комитета госбезопасности княжества Гаэдаро. Гор Рошаль, по привычке и в независимости от погоды кутаясь в некогда шикарный, а сейчас затасканный до бродяжьего вида плащ со множе-

ством потайных карманов и неизвестного предназначения петель, смотрел не на Сварога, не на кого другого, не на материк, к которому они все пробивались через ужасы и смерть – *раздавленным* взглядом он смотрел куда-то за горизонт. – Что я буду делать там? Строить хижины, расчищать землю под посевы, охотиться, ловить рыбу с этого вот лаптя? Ничего такого я не умею. И совершенно не желаю становиться посмешищем среди людей, которые ниже меня по происхождению и по бывшему положению в обществе. Так что, если вы не имеете ничего против, я бы последовал за вами в *опасные* гости к нашим новым знакомым.

Слово «опасные» Гор Рошаль выделил со скрытым умыслом, подчеркнув, что там, где возможны тайные игры, интриги и хитро закрученные комбинации, там он способен принести неоценимую пользу, уж не сомневайтесь.

Гуап, женщина-оборотень Чуба-Ху, ничего не сказала. Просто молча встала рядом с Олесом.

– Охламоны вы все-таки... – вздохнул Сварог.

И отвернулся: ему что-то попало в глаз. И что-то комом застряло в горле...

В общем, трогательного прощания с клаустонско-гидернийской частью экипажа броненосца не было. Сварог заверил людей, что управится, не слишком затягивая, с островными делами и сразу же после того заглянет к ним – пусть на стол накрывают и корону чистят.

– Это берег с берегом никогда не сойдутся, а корабль с мелью завсегда встретятся, верно, маскап? – подмигнул ему Тольго.

Сварог в ответ сотворил из воздуха по сигарете дожу и себе. Табачное облако, общее поначалу, распалось на два.

...Издали *это* выглядело как циклопических размеров торт «графские развалины», только почему-то не присыпанный сахарной пудрой и почему-то помещенный не на праздничное блюдо, а прямиком на океанскую воду. Вблизи сходство с кондитерским изделием, одно время и в ином мире страшно популярным среди жен младшего и среднего комсостава, пропало начисто. Вблизи единственный и оттого главный Остров дамургов (на их языке – Древо) не вызывал никаких ассоциаций. Разве что с буреломом. Прутья, стволы, буйное, как в фантазиях пьяного вязальщика корзин, хитросплетение лоз, похожих на виноградные, там да сям торчат листики-цветочки, кое-где даже выглядывают из воды корявые щупальца корней. Нет, впрочем, Сварогу на ум пришло-таки еще одно сравнение – помимо галлюцинирующего корзинщика. Случается, во время весеннего половодья сносит по реке два-три сцепившихся дерева, они застревают где-нибудь в узком месте, образуя затор, и на них наносит всякий речной хлам: сучья, бревна, выворотни, плавник, камыш – что ни попадя. Есть и здесь что-то похожее...

Как Сварог успел узнать от мастера Ксави, в Древе неизменен лишь Ствол, сердцевина Древа, и то неизменен только по отношению к самому себе. Иными словами, Ствол дрейфует по течениям, направление и скорость которых страшно засекречены и известны лишь дамургам – а те лучше погибнут, чем выдадут одну из самых главных своих тайн. Ствол дрейфует, а Блуждающие острова – по-дамурговски *жилища* – присоединяются к нему, как прилипалы к акуле, чтобы подрейфовать сообща; могут отсоединиться, поплавать в свое удовольствие, вернуться, когда вздумается или когда призовут. Такая вот у

них, блин, организация жизни на воде.

Они наблюдали приближающийся плавучий полис дамургов с... как говорят в одном веселом городе – вы будете смеяться, но наблюдали с самой натуральной веранды. Из помещения, находившегося в центре *жилища*, они перебрались на... ну если б это был все-таки корабль, то пришлось бы сказать, что на капитанский мостик, а так... Действительно, пуще всего остального это напоминало дачную веранду. И они разместились на ней в плетеных креслах, прямо как какие-нибудь разомлевшие под солнцем и утомленные грядками дачники, собирающиеся пропустить по стопочке перед заслуженной сиестой. Правда, дачники обычно не держат друг друга под прицелом (а шаур Сварога был недвусмысленно направлен мастеру Ксави в грудь), дачники пялятся на грядки, яблони и на недокрашенный забор, а не на море-акиян, зеленоватый и бескрайний, с торчащим посередь того океана ботаническим садом...

Жилище Ксави мягко соприкоснулось с уже остановившимся Древом и тоже замерло, соединившись с ним ведомыми лишь дамургам скрепами. Подождав, пока от *жилища* к *жилищу* пробегут узкие мостки, они по очереди перебрались на главный остров – и так и пошли гуськом, процессией из шести человек: каждую из составных частей Древа огибала терраса, по ним они и двинулись внутрь «графских развалин».

Если это скопище островов с большой натяжкой можно назвать городом, то террасы придется поименовать улицами. Правда, улицам этим, судя по всему, было невдомек о главном предназначении городских магистралей – связывать по наикратчайшей. По дамурговским магистралям приходилось двигаться к цели, что называется, кругаями. Видимо, дамургам никогда и никуда не приходилось торопиться...

Унылая, надо сказать, получалась прогулка к святым святым Блуждающих Островов, к Стволу. Тянулись, как бесконечный плетень, прутья, переплетенные меж собой где простенько, а где и замысловато. Словно бредешь вдоль стенки по дну гигантской корзины. Причем корзины пустой, необитаемой – мало того, что навстречу им не попадалась ни одна живая душа, так ведь никого и не было ни видно, ни слышно. Будто идешь вдоль изгороди покинутого деревенского дома, и изгородь эта никак не может закончиться...

Ан нет, вот и закончилась. Без громогласного объявления, без таблички, прибитой над входом, стало ясно, что они прибыли к месту, проходившему у мастера Ксави под кодовым обозначением «Ствол».

– Вражеских лазутчиков и диверсионных групп, как я погляжу, местные не боятся, – пробормотал суб-генерал Пэвер.

Ксави пропустил его замечание мимо ушей.

В самом деле, никем не охранялся мост, узкий у дальнего конца и постепенно расширяющийся, с узорчатыми перилами, покрытый ровным и мягким травяным ковром. Не наблюдалось стражей и у настезь распахнутых ворот. Не бродили часовые по стенам – а стены-то имелись, из стволов цвета сосновой смолы, ровнехонькие и гладкие.

Главный остров Древа, именуемый Стволом, со стороны выглядел как набор концентрических колец, насаженных друг на друга, – чем ближе к центру, тем выше кольцо. А на самом высоком, сиречь центральном кольце раскинулись по всей окружности ветви... или антенны?!

– Ни флагов на башнях, ни герольдов... Н-да, пустовато тут у вас, – сказал

Олес, вертя головой. – Как после чумы...

Ну, нельзя сказать, что вообще никого они не встречали. Слуги, например, теперь по дороге попадались – одетые, как и слуга Ксави, в лиловые брюки и куртку, и тоже босые. Пробегали мимо с подносами, с корзинами, а то и с пустыми руками, занимались какими-то малопонятными делами – вроде вон того, смуглого, который сосредоточенно, увлеченно, а главное, непонятно с какой целью ворочает туда-сюда толстый сучковатый рычаг, торчащий прямоком из пола... А чуть погодя они увидели собственно дамургов, походивших на их закадычного приятеля Ксави горделивой осанкой, барской вальяжностью походки и расшитыми золотом белыми одеждами. Дамурги провожали гостей взглядами, напрочь лишеными какого бы то ни было интереса... А вот охраны действительно никакой. Либо она просто-напросто не торопится попадаться на глаза, и стоит сделать что-то не так, как тут же распахнутся люки и полезут отовсюду ниндзя вперемежку со спецназом... Либо сами дамурги мнят себя стопроцентными суперменами. Судя по событиям в *жилище* Ксави, справедливо, наверно, как раз таки последнее предположение. Дамурги уверены, что в случае угрозы их драгоценной жизни они заставят стены, полы и многочисленные колонны броситься на защиту, остановить любого врага... Может быть, и так. Когда пол под захватчиками разверзнется в самом прямом смысле слова, и в таком же прямом смысле стены упадут на голову, сдавливая черепа в железных капканах объятий, – захватчикам жизнь малиной не покажется...

Гор Рошаль выискал момент и, будто бы случайно оказавшись рядом со Сварогом, шепнул:

– Полагаю, древние предметы...

Сварог кивнул. Он-то не полагал, он был уверен (спасибо рубину-гикорату, вовсю нагревающему карман), что все эти штуковины, расставленные по залам, словно на выставке достижений народного хозяйства, суть ни что иное, как пресловутые древние предметы. А чего тут только не было! Серебряная жаровня, над которой колыхалось призрачное бирюзовое марево, принимающее причудливые формы; прямо-таки скульптурные композиции из пузырей, похожих на ртутные, плавно и безостановочно перетекающие друг в друга; какие-то ярко-алые пирамидки, запросто парящие в паре каймов над полом (то бишь примерно в метре) и при этом тихонько жужжащие, – и пропасть всего остального. Эх, кабы еще знать, как можно это добро использовать, в случае чего, себе на пользу...

Дошли, наконец. Мастер Ксави ввел их в зал без всяких формальных процедур, вроде проверки документов и оформления аккредитаций. Зал, носивший имя Купол Совета, походил на «вечерний» цветок лотоса – то есть закрывающийся, но еще до конца не сомкнувшийся лепестки. Сверху вниз сбегали скамьи. Занято было чуть меньше двух третей посадочных мест, причем дамурги распределились по залу неравномерно: где-то сидели густо, плечом к плечу, где-то и вовсе поодиночке, явно что-то тем самым демонстрируя. Над головой проплывало темнеющее небо, и в Куполе уже зажгли освещение: наросты на стенах (ни дать ни взять чаги – березовые грибы) светились изнутри ровным, сильным светом, будто в них были заточены мириады светлячков. Внизу, на «арене», стояло несколько полукруглых диванчиков – разумеется, плетеных – и столики перед ними. Трибуна как таковая отсутствовала. Выступающие свободно бродили по залу, поднимались наверх, спускались, выписывали

любые кренделя – благо акустика была потрясающая, наводившая, кстати, на мысли о концертном зале...

И вот, усаженные на один из полукруглых диванчиков, Сварог со товарищи вынуждены были битый час выслушивать всю эту парламентскую тягомотину – про то, как следует поступить с попавшим в руки дамургам человеческим материалом – уничтожить, видите ли, или не уничтожить. Как тут не вспомнить некоего матросика Железняка, при помощи маузера и соленого морского словца разогнавшего к чертовой матери похожее собрание говорунов... Железняку, впрочем, было проще, ему от тех болтунов не требовалось ничего – кроме того, чтоб они наконец заткнулись. А вот Сварогу не помешает свести дружбу с теми, кто называет себя дамургами, потому как черт его знает, вдруг через дамургов можно подступиться к Тропе, найти выход в Поток. Стало быть, надо как-то подружиться с теми, кто не скрывает своего желания прикончить тебя и прикончить немедленно...

Глава вторая На древо взгромоздись...

– Вспомните эпоху тридцать шестого Совета. Вспомните шар Оломар, найденный у Сверкающего Столба под третьей чертой. Вспомните, что Совет настоял доставить шар в Ствол, дабы изучить и найти ему применение. И вспомните, что случилось тогда с жилищем мастера Бассу. Оно бесследно пропало в океане! Все, что удалось найти, – это выброшенные волной на риф Изми обугленные, потрескавшиеся линзы шара Оломар... А если б он попал в Ствол и несчастье произошло бы уже здесь?.. Я считаю, что угроза, носителем которой является объект номер триста сорок шесть, сопоставима с той, от которой пострадало жилище покойного Бассу. Вспомните, что тогда тоже сперва зафиксировали незначительные нарушения баланса – а какой получили финал! Почтенный мастер Лого доказывал нам тут, что раз не произошло, как он выразился, несчастья необратимого характера, то оно и не произойдет... Но возьмите человеческий организм, который терзают мелкие болячки. Они незаметно разрушают, расшатывают телесную защиту. И организм становится открыт для любых болезней... Самых страшных болезней. Точно так же корни дерева годами подмывает водный поток, и оно вдруг обрушивается от несильного порыва ветра... Я настаиваю на немедленном уничтожении объекта номер триста сорок шесть. Я закончил, почтенный Совет.

Слушая это пламенное выступление, Сварог, в общем-то, даже не обидевшись на присвоенный ему порядковый номер – нехай тешатся, – сделал для себя пометку: «Значит, в Стволе имеется лаборатория, изучающая древние предметы и прочие интересные находки. Здесь же, наверное, расположена и местная Академия наук. Небесполезно покалякать с тутошними Эйнштейнами – вдруг они про Поток что-нибудь да знают...» А что вы хотите? Надо же извлекать что-то полезное из судьбоносного трепа, делать зарубки на будущее. Не собирался же Сварог и в самом деле позволять уничтожить себя, по выражению одного из болтунов, «как не представляющий ценности и несущий вред экземпляр»...

Самым любопытным для Сварога оказался тот факт, что парламентарии ни о чем не спросили мастера Ксави. Ну да, они, видимо, сочли, что он просто выполнил приказ – привел пленников, а противоположный вариант мастерам совещателям и в голову не пришел. И ведь нисколько не заинтересовало их,

почему Ксави привел не одного Сварога, а притащил еще четыре экземпляра, в том числе женщину. Видимо, безразличие к мелочам у дамургов (особенно у их, как говаривал классик, «цвета интеллектуальной эссенции» представителей) настолько же велико, насколько безгранична самоуверенность. Они – пуп земли (то есть, пардон, океана), этот мир принадлежит им, покорно лежит под подошвами их деревянных сандалий... Разве мелочи могут быть достойны их высочайшего внимания? А сам Ксави без необходимости не стал сознаваться в позоре: могут ведь и наказать.

А Сварог, со своей стороны, не заложил Ксави не из гуманизма и не из расчета на вечную благодарность, а по здравому размышлению. Потому как оно и к лучшему, что советатели не поставлены в известность о неудаче их посланца. И теперь, если события начнут развиваться по самому скверному сценарию, то дамурги не станут ничего выдумывать – будут действовать по уже знакомому Сварогу шаблону, что, несомненно, упростит ему задачу. И то, что он уже знал суть задания, за выполнение которого готов был взяться на определенных условиях, тоже давало ему парочку дополнительных козырей в рукав.

– Я прошу обратить внимание почтенного Совета на то, что мастер Пальтр по своему обыкновению воспользовался примером из далекого прошлого. Шар Оломар, эпоха тридцать шестого Заседания Совета. А мы живем, напоминаю специально для мастера Пальтра, в эпоху сто сорокового Заседания...

Взявший слово оратор выглядел зело авантажно. Холеная бородка, высокий лоб с морщинами мыслителя, брови вразлет, осанистый. Короче, если б кто из художников-дамургов взялся за создание полотна «Заседание почтенного Совета», то такого представительного хлопца всенепременно выдвинул бы на первый план.

– Неужели мастер Пальтр считает, что мы остановились на уровне развития времен тридцать шестого Заседания Совета? Или мастер Пальтр считает, что с тех пор мы ни на палец не приблизились к Цели? Он нам тут проникновенно рассказывал о слабом человеческом организме. Но позволю себе напомнить многопочтенному мастеру, что в любимую им эпоху люди умирали еще и от подкожных воспалений. Так пойдите и спросите у мастера Риттэ: много ли осталось болезней, с которыми мы не в состоянии справиться сегодня?..

А самого Сварога, что забавно и наводит на размышления, пока никто ни о чем не спрашивал. Его просто *обсуждали*. Будь на месте графа Гэйра набитое соломой чучело или бронзовое изваяние – так ничего бы не изменилось в словах и оборотах речи. Да и спутников Сварога никто из советателей не удостоил ни словом. И не потому что их вопрос отложен на отдельное рассмотрение – они живы исключительно из-за того, что не рационально убивать сперва одних, потом других, когда можно разом покончить со всеми... Спутников Сварога учитывал сам Сварог, если придется *действовать*. Каждый знает свой маневр. К тому же их оружие – не бог весть какое, но все же – обитатели Ствола, как в свое время и мастер Ксави, у них не отобрали. Право же, в самоуверенности дамургов присутствуют все симптомы мании величия, им бы к психиатру...

– Человек справа, в первом ряду, сидит, сложив руки на груди, – наклонившись к Сварогу, шепотом произнес Рошаль.

– Вижу, – так же тихо отозвался Сварог, не без удовольствия отметив, что

наблюдательности старший охранитель не утратил.

Действительно, прелюбопытная личность присутствовала справа в первом ряду. В его сторону нет-нет да и косились выступающие. Да и сам человек, не выделяясь позой, сидел *иначе*, чем остальные. Черт его знает, в чем состояло это «иначе», но оно явственно присутствовало. И откуда-то бралось ощущение, что остальные в зале Совета сидят как бы *вокруг* него.

Кстати, у Совета имелся председатель, к которому обращались «Ваша Мудрость». Он восседал в кресле с высокой спинкой, стоявшем точно напротив Сварога. В преклонных летах, дряхлый, сонливый, выбранный, похоже, исключительно по принципу преклонных лет. Фигура несомненно декоративная, проявлявшая себя в совещательном процессе лишь кивком головы, разрешающим выступления...

А на подмостках вовсю старался уже новый оратор:

– Вообще все это ерунда, не о чем совещаться. Объект номер триста сорок шесть – уничтожить, а про граматарские сказки забыть. Ничего там нет. Было бы – давно б нашли. Я вам скажу, откуда берутся эти сказочки про Ключ. Их распускают последователи пресловутой доктрины «черной величины» мастера Гера и примкнувшие к ним люди мастера Лого. Еще со времен Гера уничтожают тагортов, посланных к Ключу. Некоторых, для разнообразия и чтоб еще больше все запутать, сводят с ума. Как «зачем это надо»? Надо поддерживать доктрину, чтобы совсем не сдохла, чтобы в нее продолжали верить. А верят только больные или хитрые. И на этой вере всякие Лого, Долло и Эгонты проползают в Совет. Еще скажите, тагорта с ума свести нельзя. Я сведу любого тагорта в два счета. Однозначно!

Оратор, подвижный и громогласный, то и дело поправлял короткую накидку цвета старого золота, будто она живая и постоянно его покусывает. Если учесть, что на остальных дамургах, попадавших по пути в Купол Совета, накидок не наблюдалось, то напрашивался вывод, что эта деталь одежды – отличительный признак члена Совета, нечто вроде судейской мантии. Или депутатского значка.

Сразу же после начала прений четко обозначились две партии – партия, если так можно выразиться, ликвидаторов Сварога и партия извлечения хоть какой-то пользы из того, что Сварог останется в живых... И третья, равная по численности первым двум вместе взятым группа людей – выжидающее, колеблющееся большинство. Их выступления сводились, в основном, к сомнениям: «А если мы... то не получится ли... с одной стороны – да, но с другой-то ведь стороны... однако если принять во внимание...» Эти речи пестрели пышными оборотами и сравнениями, как елка игрушками. Свой внутренний детектор лжи Сварог не использовал – еще перегреется, болезный...

Олес неприкрыто скучал. То и дело задирает голову, чтоб полюбоваться, как одновременно с темнеющим небом смыкаются над головой лепестки лотоса – они же стены зала Совета. Или, недовольно морщась, рассматривал мозоли на княжеских руках, приобретенные им во время странствий под командованием мастера Сварога. Чуба-Ху же, наоборот, во все глаза смотрела по сторонам – как ребенок не скрывая живого любопытства ко всему вокруг. Кстати, вот кто преподнесет настоящий сюрприз мастерам дамургам, дойди дело до рукопашной. Вот уж к чему вы, голуби, точно не готовы, так это к обращению человека в волка.

Пэвер же боролся с дремой. Клевал носом и даже всхрапывал, иногда вздрагивал, распрямлялся, оглядывался с видом величайшего внимания, но вскоре вновь его подбородок начинал медленно опускаться к груди. Однако не приходилось сомневаться: стоит прозвучать команде Сварога и сонливость с субгенерала мигом слетит, он войдет в *работу* без раскочки.

Рошаль, сохраняя на лице показное безразличие, отслеживает картину на сто кругов, голову можно заложить. Сварог почему-то был уверен, что старший охранитель схватит любое негативное, чреватое осложнениями изменение в окружающем пространстве.

– Уважаемый мастер Гдами, видимо, собирается прожить еще тысячу лет, – обращался к неизвестному Гдами и ко всей аудитории некто очень ироничный. – Я же так далеко не загадываю. Но все же надеюсь дожить до того момента, когда мы достигнем Цели.

Вообще-то любопытно. О некоей Цели Сварог слышал еще от Ксави, но как-то не заострил внимания, не расспросил – посчитав, что это всего лишь фигура речи. Но поскольку Цель поминал каждый второй оратор, не считая первого, то, пожалуй, что-то за этим кроется. Еще одна зарубка...

– С чем мы сегодня подошли к всплытию Граматара? – продолжал ироничный парламентарий. – Да с тем же что и в прошлый раз. Ничего нового мы предложить не способны. И некоторые из нас отбрасывают возможность пробы. Что нам предлагает «желтая ветвь» Совета? Действовать по старинке. Отлично! Но откуда же тогда, скажите, возьмется *иной* результат?.. А что предлагает «сиреневая ветвь»? Фактически предлагает бездействовать, ибо любое действие якобы нарушает равновесие. И сколько прикажете нам упиваться этим восхитительным равновесием? Вспомните Дамурга-основателя, он не боялся пробовать и рисковать. А если бы боялся, мы бы сейчас не имели ничего. Мы – дамурги, и мы должны стремиться походить на Основателя, а не на ленивых ортсов, с рождения до смерти не покидающих ил морской. Я закончил, почтенный Совет...

Выступления членов Совета не сопровождалось ни аплодисментами, ни свистом. Спокойно обсуждали, без эмоций. По завершении речи очередного краснобая на скамьях лес рук не выросал, скамьи не взрывались азартными криками: «Прошу слова!» У дамургов существовал некий заведенный порядок, регулирующий очередность. И, подчиняясь ему, выговорившегося оратора без шума и потасовок сменял другой...

И тут тягучая ровность и одноцветность совещания враз сломалась, как палка о колено. В воздухе шаровой молнией повисло ощущение наэлектризованного ожидания.

А изменилось лишь одно: к центральной площадке зала направлялся тот самый человек, что сидел справа в первом ряду, со скрещенными на груди руками. Ничем с виду не примечательный. Невысокий, полноватый, с пегим венчиком вокруг лысины, лицом напоминающий диснеевского гнома, почему-то сбрившего бороду. Одним словом, хочется улыбнуться ему, снисходительно похлопать по плечу и повернуться спиной... А вот последнего, думается, делать никак не следует. Думается, многие как раз спиной и поворачивались, а потом долго об этом жалели. Или – жалеть не приходилось вовсе, не успевали пожалеть. Люди с внешностью добрых дядюшек, но с сущностью расчетливых, властолюбивых диктаторов опаснее вдвойне. Очень трудно за-

ставить себя и принимать такого человека всерьез и быть с ним настороже.

«Вот тебе, бабушка, и демократия с парламентаризмом, – подумалось Сварогу. – Какая там, на фиг, парламентская республика, совет народных дамурговских депутатов! Где ж вы такое видели, чтоб у людей – да не было главного? Не может человек не рваться к абсолютной власти. Можно называться демократией и размахивать правами человека, а шелуху сдуй – и все то же самое...»

Человек из первого ряда не торопился начинать речь. Поклонился председателю, дождался его обязательного кивка, поправил сползшую с плеча накидку.

Сварог тоже напрягся: наступил поворотный момент. Как в каждом сражении, будь оно словесное или вооруженное, есть такой ключевой пункт. Это когда из засады выскакивает резервный полк и решает исход боя: или повергает в бегство превосходящие силы противника, или лишает своих воинов последних надежд.

Ранее Сварог, имея на то свои резоны, не спешил ввязываться в полемику. Резоны были простенькие: понять образ мышления дамургов, понять, как разговаривать с ними, на какую наживку их ловить... А главный резон – вот он, перед нами. Не имеет никакого смысла о чем-то договариваться с холопами, коли знаешь, что все равно придет барин и будет так, как он пожелает.

Короче говоря, раньше звучала увертюра, а сейчас начинается собственно опера.

– Почтенный Совет, я позволю себе начать с выражения благодарности всем выступавшим до меня и всем присутствующим в этом зале. Меня, как простого дамурга и рядового члена Совета, не может не радовать, что Цель жива в наших сердцах, наши помыслы направлены на ее достижение, мы не уподобляемся... э-э... некоторым, вы знаете, о ком я говорю, которые ставят свои частные интересы выше интересов всего Сообщества. У меня есть несколько вопросов к нашему гостю. С разрешения почтенного Совета я их задам, – проговорил новенький. Тихо так проговорил, не напрягаясь, однако его голос разнесся по всему, разом затихшему Куполу. У этого «рядового» члена Совета обнаружился приятный бархатный голос с легкой хрипотцой.

Не дожидаясь, он повернулся в сторону, так сказать, гостевого диванчика – глядя, разумеется, только на Сварога.

– Как прикажете вас называть?

Подумавши: «Ну наконец-то хоть кому-то интересно...» – Сварог поднялся со своего места и ответил:

– Капитан Сварог. – И после заминки король трех королевств добавил еще парочку своих имен: – Граф Гэйр, барон Готар, князь Рут.

Пусть знают, что не лавочник забрел к ним в гости...

– И вдобавок шторм-капитан броненосца «Серебряный удар», – улыбнувшись, человек показал свое знакомство с некоторыми фактами биографии графа Гэйра. – Можете называть меня мастер Вало.

Ага, а представляться никто его не неволил. К людям с материка, за которого они принимают Сварога, этикет предписывает относиться как к подопытным животным. Не говорят же ученым мышам перед тем как распластать их на лабораторном столе: «Здравствуйте, меня зовут академик Павлов». Не-ет, хорошие мои, человечек готов к диалогу. Точнее, к скрытому диалогу. Дает по-

нять, что беседа пойдет с двойным дном. Первое дно – для всех, второе – для тех, кто улавливает подтекст...

И мастер Вало продолжал:

– Капитан Сварог, мы имели возможность ознакомиться, главным образом, с побочными и, уввы, большей частью негативными эффектами ваших магических экзерсисов. Не скрою, кое-что из того, что вы... сотворили на Океане, нам известно. Некоторые из ваших опытов сумели нас удивить, а некоторые – заинтересовать. Однако не соизволите ли вы поведать мне и почтенному Совету, насколько далеко простираются ваши возможности?

Что ж, Сварог мог *поведывать* об этом хоть до рассвета. А чего, вот так вот взять да и вывалить на дамургов всю свою историю: и про службу в советской десантуре, и про отца, про Талар, про Империю ларов, Поток и атарские приключения. Пусть офонареют, пусть въедут, что они со своими растительными островами – отнюдь не центр Вселенной и опора мироздания. А то возомнили о себе, понимаешь, бог знает что. (Кстати, они уже и без того заметно удивлены, что мастер Вало соизволил поинтересоваться у какого-то *объекта* номер такой-то его именем.) А после саги о множественности миров, для полноты эффекта, неплохо пострелять в самого себя из шаура, спрыгнуть с местной башни и не разбиться, выпить отраву и не умереть, с помощью детектора лжи обыграть ихв «верю – не верю», забраться в бочку с водой, сидеть там и дышать. Хороший цирк получится, ядерн батон...

И все же Сварог отказался от столь заманчивой идеи.

– Если говорить коротко, то далеко простираются, – смиренно возвестил он. – Все мои возможности неизвестны даже мне. Они раскрываются по мере необходимости. Перечисление же того, чем я владею, займет слишком много времени, а я не смею отнимать его у почтенного Совета.

Подтекст подразумевался следующий: «Я нужен вам, а мне нужны *выгоды*. Вот и давайте поговорим о выгодах – и о том, возможна ли наша сделка в принципе».

– Мне известно, что вы до сих пор приобретаете необходимые вам вещи в лавках, – улыбнулся мастер Вало, показывая, что уловил тайный смысл. – Это называется у вас *торговля*, она имеет свои законы, и я понимаю, что вы приехали переносить законы *торговли* на иные сферы общения... Хорошо, мастер Сварог. Из сегодняшнего заседания Совета вы уже поняли, что на Граматаре находится некий Ключ. Ключ позволит дамургам достичь Цели. Что это за Цель – вам знать не обязательно, это наше частное дело, касающееся исключительно дамургов. Доступ к Ключу открыт весьма непродолжительное время, и часть этого времени уже прошла. Так что суть задания проста и недвусмысленна: Ключ нужно добыть. Остаются подробности... Какого рода подробности вас интересуют?

На скамьях недоуменно перешептывались. Заседатели в толк взять не могли, зачем вообще нужно разговаривать с *объектом*, почему он должен принимать участие в решении собственной судьбы?

– Как я понимаю, – осторожно сказал Сварог, стараясь не ляпнуть лишнего – из того, о чем ему удалось узнать у Ксави и о чем, по идее, он знать не должен, – раз Ключ до сих пор там, где его однажды забыли, задание не из простых... И это самое мягкое определение, которое можно к нему подобрать... Известно ли что-нибудь о препятствиях на пути к Ключу?

– Увы, нет, – охотно ответил мастер Вало. – После каждого всплытия все выглядит по-разному. В предпоследний, например, раз тагарту не удалось прорваться через необычное природное явление, названное нами Утренняя Метель. А в следующий раз следующий тагарт на том месте, где погиб его предшественник, не обнаружил ничего *опасного*, зато кабелотах в пяти к бисте попал в ловушку Масок На Камнях и вернулся ни с чем... Собственно, вернулся не он – а только его телесная оболочка... Хотя Граматар поднимается со дна раз в тысячу лет, но мы бережем память обо всем, что происходит не только на Граматаре и не только в годы всплытий. Однако, уж поверьте, сведения о *препятствиях* прошлых всплытий вам не помогут, характер и места возникновения смертоносных *новообразований* не повторяются...

«Не врет, – отметил Сварог. – А жаль...»

– Я вас не очень расстроил? – спросил Вало.

– Что вы, что вы... – поклонился Сварог. – Но гораздо больше, мастер Вало, меня пугает другое обстоятельство. Магия, которой я владею, штука донельзя чувствительная... Если быть точным, она предельно болезненно реагирует на внутренние воздействия, к внешним будучи вполне стойкой. Это, знаете, как механизм в прочном корпусе... типа часов. Бей, колоти по этому корпусу, – часы идут как ни в чем не бывало. Но если что-то *затронуть* внутри, то произойдет сбой. И меня это *весьма* беспокоит...

На нормальном языке сие звучало так: «Я знаю про ваши игры с кровью, про то, как вы превращаете тагартов то ли в просто марионеток, то ли в зомби. Отсюда – главное и неперемное условие возможной сделки: никаких забав с моей кровушкой и им подобных штучек». Вало должен понять, если такой умный. Ну а если не такой, то тогда тут вообще не с кем дело иметь...

Мастер Вало описал полукруг, заложив руки за спину и тем самым взяв паузу для непродолжительного размышления. Круто развернулся и сказал:

– О тагартах вы, разумеется, слышаны, мастер Сварог. Да, мы набираем их из людей. Да, они выполняют наши поручения на земле. Обычно у тагартов мы не спрашиваем согласия... Что ж, быть может, в том и состоит наш главный просчет – в том, что люди работают... под давлением и под контролем. Другое дело, когда они работают за свою мечту.

В зале зашумели. Чувствовалось, что мастер Вало нещадно и беспрецедентно ломает *законы*. Но дамурги его не перебивали, смельчаков не находилось. Держит, ох держит мастер Вало это сборище в ежовых рукавичках...

– Вы способны исполнить мечту, даже не зная, в чем она состоит? – спросил Сварог.

Вало развел руки в стороны.

– Обычно люди мечтают об одном и том же. И в случае успеха вашей миссии вы можете просить о многом. Понятно, жезл правителя Океана я в виду не имею, – но если вы попросите произвести вас в дамурги, предоставить вам собственное жилище и даже место в Совете... то, пожалуй, я могу вам это обещать... Какая же ваша мечта, мастер Сварог, не поделитесь?

– А если я хочу абсолютной власти на материке? – громко спросил Сварог. Рошаль рядом с ним едва слышно хмыкнул. – Хочу, чтобы новая история Граматара началась с короля Сварога Первого, которому бы повиновались все народы новой земли? По силам вам такое?

Шум на скамьях возрастал. Но ведь надо же было запросить что-то *такое*.

Чтоб не смельчить и не переборщить... И правды не сказать.

– Это нам по силам, – с жесткой серьезностью сказал мастер Вало, поднимая руку и тем самым успокаивая зал. – Мы можем обеспечить вам механизм влияния на тех правителей, что подчинят себе переселившиеся народы. А подчинив, в свою очередь, правителей, вы уж сами дальше решите – взбираться вам на большой трон под овации толпы или править, оставаясь в тени. Последнее не так уж худо, смею вас уверить... Впрочем, потом выберете сами, что лучше... Итак, ваши слова следует понимать как согласие взяться за задание?

– Мне поверить вам на слово? – Сварог изобразил вполне естественный скепсис.

– А вы хотите письменного договора? Уверю, его сила менее действенна, чем мое слово, данное в присутствии Совета.

– Хорошо, тогда меня устроит ваше слово дворянина.

– У нас нет дворян, мастер Сварог, у нас все равны, – с оттенком укоризны, но при этом иронически кривя кончики губ, поправил мастер Вало.

– Ах да, я все время забываю... Тогда – слово дамурга и слово члена Совета.

– Я даю вам это слово. – Вало отвернулся от Сварога, обвел взглядом притихший зал. – Почтенный Совет! Перед вами человек, который может приблизить нас к Цели. Во имя Цели мы готовы на многое, мы готовы отступить от догм и условностей, мы согласны нарушить давний устав нашей жизни. Потому что Цель... (Сварог подумал, что Вало скажет: «оправдывает средства») ...превыше всего. Теперь подумайте о *варгах*. Почему никто из вас сегодня не вспомнил о них? Неужели нас перестали волновать их назойливые потуги внести раскол в Совет, во все сообщество Островов? Учтите, они тоже знают о Ключе, и то, что их путеводной звездой не является Цель, еще не значит, будто они отказались от коварных планов везде и всегда вставать нам поперек дороги...

– Варги слишком глупы и неорганизованны, чтобы причинить нам серьезный вред, так что толку говорить о них? Мы ж не вспоминаем, собираясь в Океан, о волнах или акулах. Каждый из нас в юности был уверен, что способен изменить мир к лучшему, что старики заблуждаются. С годами это пройдет.

Сварог узнал голос оратора, который утверждал, будто сказочки про Ключ распускаются последователями какой-то «черной величины».

– С годами! А разве кто-то может поручиться, что варги уже не заполучили некое средство, открывающее им доступ к Ключу? – Вало удостоил оппонента лишь легкого поворота головы в его сторону.

«Еще и варги какие-то, – с тоской констатировал Сварог. – Расплодилось вас...»

– Кто-нибудь из нас может поручиться, что они не доберутся до Ключа раньше? А Ключ-то один. Значит, и обладатель может быть только один. И этим обладателем должны стать мы... Я обращаюсь к почтенному Совету и к председателю с просьбой выразить вашу волю. Согласен ли Совет с моим предложением оставить объект номер триста сорок шесть в живых и привлечь его к миссии извлечения Ключа на обговоренных с ним условиях?

Председатель, на которого выжидающе смотрел Вало, не без труда, с явной неохотой поднял себя с диванчика и дребезжащим старческим тенорком слово в слово повторил последнюю фразу мастера Вало. Потом с облегчением

плюхнулся обратно.

После чего состоялось голосование с местным уклоном. Оказалось, что дамурги выражают согласие, снимая и укладывая на колени свои накидки цвета старого золота. Несогласие – оставляя накидки на плечах. Голосовали только за или против, хитрой и трусливой позиции «воздержался» не предусматривалось. Надо ли говорить, что Совет единодушно, как на пленумах компартии, проголосовал за предложение мастера Вало?

– Теперь нам предстоит избрать дамурга, члена Совета, кто взял бы на себя *ответственность* за подготовку и исход миссии, – словно бы загодя зная о результатах голосования, сказал Вало. – Если Совет доверит эту работу мне, почти за честь. Но, может быть, кто-то другой, более достойный, сойдет вниз и назовет себя?

Наиглавнейшее слово – ответственность. Вало даже выговорил его вкусно, с удовольствием, понимая, как оно пугает владельцев золотых накидок.

Более достойных не нашлось. Да и не сказать, чтобы их особенно искали. Процедура голосования повторилась с прежним результатом.

– Польщен и тронут, – сказал Вало, сходя с «арены» и жестом приглашая Сварога со товарищи следовать за ним. – С позволения почтенного Совета, я не стану откладывать дело, которое так важно для всех дамургов. Счет идет уже даже не на недели – на дни... Прошу разрешения откланяться.

«Лихо, как говаривали в иных местах, „развел“ их Вало. Вот что значит удобренная почва, засевай ее чем хошь», – думал Сварог, двигаясь за Вало к выходу из Купола.

Глава третья Кое-что о Дверях и Ключах

— О уж мне эти формальности. Одна необходимость выслушивать все эти бредни чего стоит... – зло бросил мастер Вало, сразу проходя к плетенному «бюро», на полочках которого стояли ряды одинаковых сосудов, похожих на высушенные тыквы и отличающиеся друг от друга лишь цветом пробок. Вало взял с пробкой ярко-красной, наполнил стакан пенистой жидкостью.

Они довольно скоро оказались в этом помещении: покинув зал, сделали каких-то пять шагов и свернули в узкий, по двое не пройдешь, коридорчик. У двери, которой заканчивался коридор, их встретил слуга, но, в отличие от ранее виденных, у этого в глазах не темнела стоячей водой рабская покорность. Взгляд *этого* был умным и внимательным... жестким и острым, как хирургический скальпель. На слугу он походил, пожалуй, только лиловой формой одежды, а в остальном – на верного и натасканного сторожевого пса.

Дверь свернулась на манер соломенных штор, пропуская их, как догадался Сварог, в рабочий кабинет мастера Вало... Что ж, кабинет был обставлен в предельно аскетическом стиле. Только самое необходимое – в число чего входили сосуды с богатым ассортиментом неких жидкостей и некий предмет, не древний, гикорат Сварога на него не среагировал, но тоже из разряда странных: размером с пень вековой сосны розовая раковина, внутренность которой была словно бы залита зеркалом.

– Хотите пить – подходите, берите. – Вало провел ногтем по сосудам. – У меня без затей и церемоний... Без этих там – «почтенный Совет», «соблаговолите выслушать», «Ваша Мудрость»! – неожиданно рявкнул он. – А изо рта этой Мудрости, простите за натурализм, воняет, как из отхожего места...

Вало теперь и говорил по-другому, да и весь его вид уже ничуть не соответствовал внешности доброго диснеевского гнома. В его взгляд словно бы плеснули ковш олова.

– Это я так, – он махнул рукой, – пар выпускаю, как говорят у вас на броненосцах. Времени жалко. Не скрою, меня всецело устраивает *такой* Совет. Самодовольный, недалекий, управляемый. Более того, я *делал* этот Совет под себя. На что ушел не один год.

Сварог не стал спрашивать, сколько при этом ушло яда, пороха и слов из лексикона Макиавелли. А мастер Вало не стал об этом рассказывать.

– К делу, мастер Сварог. У нас, уж поверьте, мало времени. Вы хотите говорить наедине или в присутствии ваших...

Вало замялся, подыскивая подходящее слово, и Сварог пришел ему на помощь:

– ...моих спутников? Как вы уже, конечно, поняли, они отправляются вместе со мной.

– Ваше дело, – отмахнулся островитянин. – Но давайте сразу определимся по главному пункту. Поначалу, то есть на первых этапах вашей *деятельности* на Океане, я поддерживал тех, кто предлагал вас уничтожить. Отныне можете считать меня своим заклятым врагом, но вы, по-моему, человек разумный и должны обойтись без невыносимых страданий с мстительно прикушенной губой. Теплых чувств ко мне испытывать необязательно. Мы заключили сделку, она устраивает нас обоих, будем придерживаться ее условий, а больше ничего не надо.

Вало налил себе еще пенистого напитка – видимо, заседание Совета иссушило тайного диктатора. Олес, единственный из команды Сварога, кто тоже захотел водички, на всякий случай князь воспользовался тем же сосудом, что и Вало, а отпив, недовольно поморщился.

– Переломный момент – ваша победа над Синим Ключом, – как ни в чем не бывало продолжал островитянин. – После нее я подумал, что вы сможете нам пригодиться. А уж когда вы сумели скрутить этого недоумка Ксави, утвердился в своем мнении окончательно... Как видите, мастер Сварог, мне многое про вас известно...

– Почему же вы прямо тогда, после Ключа, не послали к нам гонца с предложением той же сделки? – подозрительно спросил Рошаль.

Вало прищурился, глядя на старшего охранителя, – раздумывал, наверное, стоит ли посвящать *слугу* тагорта в тонкости островной жизни.

– А что, закономерный вопрос, – подбодрил его Сварог.

Вало махнул рукой, сдаваясь.

– Не хочу вдаваться в наши сложности. Скажу только, что в последнее время все происходит не так гладко и радужно, как хотелось бы. И пусть вас не вводит в заблуждение та легкость, с которой сегодня Совет поддержал все мои позиции. Просто сегодня я все очень старательно *подготовил*... Видите ли, мастер Сварог, мы живем непривычной вам жизнью. *Жилища* дамургов могут в любое время покидать Древо, находиться в Океане сколько вздумается и быть где пожелается из хозяевам. Стало быть... – он замялся.

– ...стало быть, Острова могут сходитья сами по себе в любой точке Океана, а дамурги – вести праздные разговоры вдали от чрезмерного количества ушей... – озарило Сварога. – А где праздные разговоры, там и рукой подать до

заговоров.

– Вот-вот. С вами, капитан Сварог, приятно беседовать... Жаль, особо некогда. – Мастер Вало никому не предлагал садиться. Не садился и сам, стоял возле «бюро». – Да, именно заговоры. Знаете, некоторые дамурги ищут приложение своим силам вовсе не там... И Совет в последнее время не так послушен, как в лучшие годы. Но, отправив за вами мастера Ксави, я немного поработал накануне нынешнего заседания, и, как вы убедились, небезуспешно. Хотелось бы, чтоб и ваша миссия увенчалась таким же успехом. Давайте говорить о ней. Или вас еще терзают неразрешенные вопросы, не имеющие прямого отношения к миссии?

– Всего парочка, пожалуй, – сказал Сварог. – Что такое Цель?

– Ах, Цель! – неожиданно весело воскликнул Вало. – Уж она-то имеет прямейшее отношение. Правда, вы сами вряд ли проникнетесь ею. – Он помолчал, прошелся по «кабинету» от стены к стене. Круто развернулся, и сказал: – Верьте или не верьте, мастер Сварог, но рядом с нами существует другой мир, где материки под воду *не уходят*. Никогда. Вам это понять сложно, однако примите как данность: есть места, где людям не надо бегать туда-сюда, где они с момента Сотворения живут там, где жить им определил Пресветлый...

Сварог очень надеялся, что лицо его остается бесстрастным, однако что-то такое, очевидно, промелькнуло в его глазах, потому что мастер Вало вдруг стал очень серьезным.

– Я сказал – вы этой идеей *не* проникнетесь, – жестко рубанул он. – Достаточно с вас и того, что вы станете полноправным властелином на всем Граматаре. Пятьсот лет, согласитесь, достаточный срок, чтобы в полной мере насладиться *властью*, – особенно если учесть, что срок вашей, человеческой, жизни неизмеримо меньше... Да и нечего вам делать в другом мире, там...

Он вдруг замолчал. Молчали и остальные – потому что сказать, было по большому счету нечего. Тишина висела такая, что Сварог отчетливо слышал, как бухает сердце где-то около гортани.

Значит, островитянам известно, где находится выход на Тропу!

Вот уж действительно – не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

– Ладно. Расскажу вам все, чтобы не было между нами кривотолков, – негромко сообщил Вало. – Во-первых. Существует один предмет – из тех, что вы называете древними. Как и тысячи остальных, его принцип работы остается неясным, зато предназначение сомнений не оставляет. Это Дверь. Во время катаклизма – не важно, тонет Граматар или всплывает – что-то включается в ней, то ли сбой какой-то происходит, то ли еще что, но Дверь приоткрывается и демонстрирует панораму другого мира. Точнее – сухую, выжженную солнцем степь. Ни деревьев, ни животных, ни людей за многие тысячелетия наблюдений мы там не увидели... Однако Дверь именно что *приоткрывается* – протиснуться в эту щелку нельзя, сколько мы ни пытались. Можно только *подглядывать*... Во-вторых. Изучая древние предметы, мы наткнулись на данные о том, что этот другой мир стабилен, но необитаем, и люди, жившие на Димере до первой Тьмы, беспрепятственно проникали туда и возвращались обратно – с помощью некоего Ключа. Что это за Ключ, как он выглядит, как работает – неизвестно, мы знаем только, что он находится на Граматаре, в тайнике, который можно открыть только в течение двух месяцев после всплытия, в так называемый Период Нестабильности. Мы знаем, где находится тайник – но

проникнуть к нему пока не удавалось, тут Ксави вам не солгал. Мы знаем, как выглядит тайник – это какой-то форт, здание, построенное Древними, – из некоего жидкого камня, понятия не имею, что это означает... Как бы то ни было, наша Цель – уйти в этот мир. Основаться, обжиться, развернуться на *твердой* земле. И многие поколения дамургов жили подготовкой к Уходу. Вот зачем и во имя чего мы проводили и проводим опыты по быстрому превращению абсолютно голой земли в пригодное для жизни пространство – с необходимым набором растений и животных. И сейчас мы полностью готовы к переселению, мы не боимся встречи с любым, самым неприспособленным миром – осталось немного: найти дорогу... Что скажете, мастер тагорт?

– Невероятно... – только и выдавил тагорт, с головой погруженный в осознание изложенного.

А вот лорд Сварог был погружен совсем в другие раздумья. Предводитель островитян не лгал, им и в самом деле удалось найти выход на Тропу... Но вот почему она, Тропа, ведет только в один мир? Где россыпь звездочек-миров, где Поток, который вынес его на Димерею? Или *сейчас* дверка и вправду лишь приоткрыта, а с помощью Ключа удастся распахнуть ее полностью и выйти в Поток?..

– И где же находится эта... Дверь? – недоверчиво спросил он, внутренне обратившись в слух.

Но Вало лишь хитро улыбнулся.

– Увы, мастер Сварог, я и так сказал много лишнего. Месторасположение Двери – секрет, известный лишь горстке посвященных. Я не имею права.

«Ладно, сокол, на эту тему мы еще поговорим... Позже».

– А вы сами... – начал суб-генерал и примолк, не закончив фразы.

Впрочем, главный островитянин понял его прекрасно.

– Верю, Пэвер, есть к тому все основания, – сказал, как припечатал, мастер Вало. – И очень желал бы, чтобы Цель была достигнута. Спроси, зачем лично мне это надо, когда и здесь вроде бы живется неплохо, жаловаться вроде бы не на что?.. Отвечу. Но если не поймешь, вдаваться, уж не обессудь, не стану. Скучно, Пэвер. Нет движения, нет масштаба, нет большой игры, нет новизны задач, а есть лишь мелкая суета.

Пэвер машинально схватился за рукоять шпаги, набрал было в грудь побольше воздуха, чтобы в генеральской манере рявкнуть на зарвавшегося островитянина, который смеет обращаться к нему, боевому офицеру, на «ты», но Сварог поспешно наступил ему на ногу.

– А варги – это кто такие? – задал он второй обещанный вопрос, скептической улыбкой изобразив полнейшее неверие в легенды про какой-то там *стабильный* мир. Пусть себе думает, что Ключ интересен ему только как возможность получить граматарское царствование.

– Варги, они... Они входят в перечень известных трудностей, с которыми вы можете столкнуться. А можете и не столкнуться. Фронтеры, которых, видите ли, не устраивает сложившийся порядок вещей... О трудностях, с вашего позволения, мы поговорим чуть позже.

– Когда выступаем? – деловито спросил Олес.

– Завтра на рассвете. Одно из небольших *жилищ* доставит вас на берег и будет ждать вашего возвращения столько, сколько понадобится. Впрочем, если вы не вернетесь через восемь дней, я буду считать, что миссия провалилась.

Так что все зависит только от вас... и от вашей экипировки. Вопросы закончились?

– Почему восемь дней?

– Потому что Период Нестабильности заканчивается, мастер Сварог. Примерно через восемь дней тайник закроется – на очередную тысячу лет... Но этого времени вполне достаточно, чтобы добраться до тайника, изъять Ключ и вернуться к побережью – даже с учетом многих известных препятствий. Прошу сюда.

С тихоньким скрипом открылась еще одна дверь... да нет, какая там дверь – просто разошлась в стороны стена, открывая проход в смежное помещение. Комната была небольшой, и почти целиком ее занимал овальный стол. А на столе были разложены предметы, при беглом взгляде на которые никаких дельных предположений на ум Сварогу не пришло, как он ни пытался.

– Как в песенке: «В лабиринте, в лабиринте, где же выход из него», – пробормотал Олес себе под нос, за что удостоился неодобрительного взгляда Вало. Тайный диктатор держал Олеса и остальных за слуг графа Гэйра, и вряд ли был в этом переубеждаем.

– Времени действительно мало. Поэтому вам не придется отдыхать, а необходимые знания дополучите уже в дороге.

Вало остановился возле стола, оперся о него кулаками. Остальные разместились вдоль плетеного овала... Впрочем, другой диспозиции комната и не предусматривала.

– И опять же здесь вступают в силу наши внутренние сложности. Ваше присутствие в Древе служит дополнительным раздражителем тем силам, что играют в заговорщиков. Я подозреваю, что когда-нибудь они ворвутся в эти комнаты – но мне бы не хотелось, чтобы это случилось сегодня. Мне бы хотелось подготовиться и быть уверенным в исходе. Итак...

Мастер Вало взял со стола и встряхнул, разворачивая, нечто, более всего смахивающее на помесь комбинезона с гидрокостюмом.

– Одеждой обеспечим всех, – сказал он. – А вот оружие, уж извините, в единственном экземпляре. Мы не рассчитывали, что вас окажется... несколько больше, чем один человек. Оружие, знаете ли, требует длительного... ну, скажем, *изготовления*.

– В своей одежде как-то привычней, – сказал Олес, с сомнением рассматривая комбинезон.

– Тогда останешься здесь, – резко бросил Вало. – Я не собираюсь ставить успех миссии в зависимость от капризов... уж не знаю кого.

– Я останусь в своем, – твердо сказала Чуба-Ху.

– Слушайте, вы... – начал было накаляться Вало, но Сварог быстро встал между ними.

– Пусть будет так, как она говорит. В конце концов, *нам* за Ключом идти...

Некоторое время Вало тяжело сопел, глядя на Сварога, потом вдруг сдался.

– Мне докладывали, что вы в высшей степени непростые люди, но... – сказал он задумчиво. – У меня нет времени спорить. Возможно, *команде* удастся то, что не удавалось одиночкам, мы никогда не посылали одновременно несколько тагортов – может быть, в этом была наша ошибка... Тем более *таких* тагортов... Но просто запомните, что без *риксы* вы не сумеете проделать путь быстро и будете так же уязвимы, как черепаха без панциря. Покрой не

совсем для вас обычный, но эта ткань не промокает, нейтрализует раздражающее воздействие выделений потовых желез, согревает, когда холодно, а также способна защитить от относительно высоких температур...

Сварог пощупал расхваленную ткань. Верх шершавый, подкладка напоминает поролон. И главное – пальцы не нащупали никаких *вкладышей*. Впрочем, потом придется досконально проверить костюмчик. Как-то не обнаруживает Сварог у себя полного доверия к мастеру Вало. Хотя зачем, спрашивается, мастеру Вало нашивать поклажу маячками и прочими творениями шпионской мысли?.. Но, милостивые государи, следует признать одно: экипировочка для марш-бросков что надо, любой спецназ с руками оторвал бы...

– Теперь *стох*.

Вало отложил риксу и взял в руки плотный, запутанный клубок сухих веточек размером с футбольный мяч. Повертел его в руках, показал Сварогу – в середине клубка помещался толстенький корявый сучок, подозрительно напоминающий кукиш.

– Стох – это компас, – пояснил Вало. – Компас, показывающий направление до форта – видите, как я его не поворачиваю, этот отросток смотрит в одну сторону. Там, в тайнике, есть много Древних Предметов, стох настроен на них...

– Значит, кто-то все же доходил до тайника? – быстро спросил Рошаль.

– Двенадцать тагортов – из трехсот сорока пяти. Но вот добыть Ключ и с Ключом вернуться... Дальше. Карта Граматара, сами понимаете, составленная в предыдущий цикл и потому не являющаяся безукоризненной, находится в вашем, мастер Сварог, *ругтале*. Ругталь – это заплечный мешок, его тоже получит каждый. Там же двухдневный запас воды и продовольствия...

«Карта уже в рюкзаке? А ведь полководец, по идее, должен был бы проложить курс, потыкать карандашом в точки „А“ и „Б“... И очень уж многое откладывает на потом. Не означает ли сие вполне определенного сорта сюрприз, который готовится преподнести мастер Вало?..» Кажется, Сварог начинал кое о чем догадываться.

– Наконец, оружие. Ваш метатель звездочек, мастер Сварог, несомненно, хорош для борьбы с нежитью, однако *реального* крупного зверя с толстой шкурой остановит далеко не сразу. Шпаги и метатель оставьте при себе, а мы дополнительно решили снабдить вас *катралом*. Вот он.

Мастер Вало взял в руки нечто, до слез напоминающее... ну да, флейту Пана – несколько соединенных вместе полых деревянных трубочек разной длины, – дудишь в них и наслаждаешься музыкой. Трубочек у нынешнего инструмента Сварог насчитал шесть.

– Условий для успешного выстрела из него немного: цель должна быть теплокровной, размером не менее... скажем, стоха и находиться на расстоянии не больше тридцати каймов от стрелка. Принцип действия объяснять не буду, а стрелять просто. Подносите катрал ко рту, направляете *примерно* в сторону цели и делаете резкий выдох. И все. Остальное сделает *пуля*. Она сама найдет цель и уничтожит ее.

– Сама найдет? – недоверчиво прищурился Пэвер. – Магия, что ли?

Вало поморщился.

– Попрошу не перебивать. Никакой магии. Наша наука в сочетании с некоторой технологией древних. Катрал рассчитан на шесть зарядов, заряжать отсюда. Здесь, – он указал на неприметный холщовый мешочек на столе, – ров-

но сто спор *вайака*, специально выращенного нами растения-паразита. В сухом виде они абсолютно безопасны, но попав в питательную среду, немедленно активируются – с огромной скоростью разлетаются в разные стороны, причем не абы как, а стремясь вонзиться в теплокровное существо, буде такое к своему несчастью окажется поблизости. После проникновения под кожу включается ген ускоренного роста, и за несколько секунд вырастает новая вайака... *внутри* жертвы. Разрывая внутренние органы в лоскуты. Я не очень сложно излагаю? – с издевкой поинтересовался он у Пэвера.

Пэвер промолчал, и Вало соизволил продолжить:

– Одним из компонентов питательной среды для них служит слюна человека, другим – сок, выделяемый внутренней стенкой стволов катрала. Таким образом, когда вы делаете выдох, капельки слюны активируют споры, та набирает нужную скорость и уничтожает цель в считанные мгновения. Так что постарайтесь не брызгать слюной без надобности... Держите, мастер Сварог.

Сварог с опаской принял катрал и мешочек со спорами. Осторожно развязал узелок, заглянул одним глазом. Споры были этак сантиметр в длину, закругленные с одного края и острые с другого. Да уж, те еще ноты для флейточки...

– А сейчас, – сказал Вало, – позвольте представить вам человека, который отправится вместе с вами.

«А вот и сюрприз», – подумал Сварог, не испытывая особых восторгов по поводу собственной догадливости.

– Это еще один пункт нашей сделки, без которой она состояться не может. Тем более, мастер Сварог, что я не возражал по поводу участия в миссии ваших... *спутников*...

«Ах вот, оказывается, почему ты не возражал», – промелькнуло у Сварога.

– Скажу откровенно, – продолжал Вало, – этот человек будет не только вашим проводником, но и... своего рода наблюдателем. На тот случай, если вам, мастер Сварог, придет в голову мысль уклониться от выполнения миссии. На этот случай им получены четкие и недвусмысленные рекомендации. Кроме того, он знает о Граматаре достаточно, чтобы избежать некоторых... ну, скажем так, *известных* ловушек.

Еще одна стена разошлась в стороны, и в помещение ступил... ступила... Да, все-таки женщина, хотя Сварог определил ее пол исключительно по кое-каким особенностям фигуры – поскольку прочие критерии отсутствовали напроць. Одета в плотно обтягивающую тело риксу, жилистая, широкоскулая, стриженная «ежиком» почти наголо, она остановилась посреди помещения и оглядела присутствующих дерзким взглядом чернущих глаз.

– Прошу знакомиться, – сказал Вало. – Это Кана, мое доверенное лицо и ваш проводник. Один из лучших воинов на Островах.

Кана сдержанно поклонилась.

За спиной Сварога недвусмысленно хмыкнул Олес. Сварог же хранил каменное молчание и просто разглядывал девку – после памятной истории с Марой он уже не доверял первому впечатлению. А впечатление было таково: молодая, взбалмошная и пороха не нюхала. Хотя на самом деле она наверняка могла и в горящую избу войти, и коня на скаку припечатать так, что тот уже не встанет, и взвод ниндзя размазать по кустам.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Восемьдесят шесть, мастер капитан, – ответила она низким грудным голо-сом. А выглядела на восемнадцать-двадцать.

– На Островах срок человеческой жизни несколько другой, – вставил Вало, увидев отвалившуюся челюсть Сварога. – Мы умеем заботиться о своих те-лах...

– На суше бывала? – спросил Сварог у старушки.

– Трижды, – ответила та. – В общей сложности девять лет провела на Ата-ре – из них четыре в качестве тагорта и пять в качестве личного охранителя короля Вильнура.

Он достал шаур.

– Что это за штука, знаешь?

– Оружие. Мастер Вало говорил, что стреляет серебром.

– А вот ежели я сейчас, к примеру, выстрелю в тебя – что делать будешь?

Она едва заметно пошевелилась и преспокойно ответила:

– Уйду с линии огня, перемещусь поближе и постараюсь выбить его. Если не получится, откачусь за стол, который опрокину по дороге, и контратакую – уже из укрытия... – Кана лукаво усмехнулась. – У вас, прошу прощения, не очень выгодная позиция, мастер капитан. Женщина справа окажется на тра-верзе стрельбы, а молодого человека я использую в качестве живого щита.

– У тебя есть оружие?

– Да.

– Ну и где оно?

Она показала пустые ладони.

Сварог ухмыльнулся и спрятал шаур. Проверять ее слова он не стал на практике – опять же памятуя о несколько унижительном для мужчины зна-комстве с Марой.

– Вы удовлетворены, мастер Сварог? – весело поинтересовался Вало.

– Безмерно, – ответил Сварог. – А вы ей сказали, кто в замке король?

– Простите?..

– Кто командир и чьи приказы не обсуждаются.

– О, не беспокойтесь, мастер Сварог. Кана знает субординацию и привыкла подчиняться. Если я доверяю ей, то и вам нет резона ей не доверять.

– А если я не доверяю *вам*? – спросил он напрямую.

Вало пожал плечами.

– А что вам еще остается, мастер Сварог? В конце концов, вы добровольно согласились помочь нам и найти этот проклятый Ключ.

«Чтобы попасть в Дверь – да, добровольно», – подумал Сварог. Но говорить этого вслух не стал.

Не спалось. Он лежал на жесткой колючей циновке, расстеленной прямо на полу, смотрел в ночное незнакомое небо и размышлял о превратностях бы-тия. Дерево тоже не спало – так, дремало, ворочаясь в полузабытьи. Отовсюду, заглушаемые лишь храпом прожженного вояки Пэвера, который готов был за-валиться на боковую в любом месте и в любое время, если позволяла ситуа-ция, – прекрасно зная, что завтра ситуация может и не позволить – так вот, отовсюду то и дело доносились едва слышные поскрипывания, шорох, шелест и тихий треск. Остров, покачиваясь на волне, продолжал жить своей жиз-нью – рос, питался, отращивал новые ветви взамен увядшим, и дела ему не

было до горстки людей, расположившихся на ночлег в его кроне.

– Что думаете, мастер Сварог? – негромко спросил лежащий рядом Гор Рошаль.

– Одно из двух, – шепотом сказал Сварог, ждавший этого вопроса. – Либо у этого Вало действительно слишком мало времени... – Он замялся, и старший охранитель тут же подхватил мысль:

– ...либо у него скорпион в протянутой руке.

– Это в каком смысле?

– Гаэдарская поговорка. В том смысле, что он готовит для нас какую-то пакость. Вы заметили, что он ни словом не обмолвился о награде для нас, ваших соратников, которые впечатления слуг отнюдь не производят?

– А то как же... – вздохнул Сварог.

По соседству заворчался Олес, забормотал что-то во сне.

– А как насчет оборотня? – не унимался Рошаль. – Думаете, Вало не понял, что она – не простой человек? И почему он с такой легкостью согласился не вязать вас кровью? Поверил, что вы приметесь честно выполнять его задание – за эфемерное обещание мирового господства? Раз-два, тям-ляп – вот вам, гости дорогие, костюмчики в размер, вот деревянный пистолетик, вот компас и карта. Вам, барышня, не понравился костюмчик? Ну и не надо, оставайтесь в платье. И давайте-ка живенько принесите мне игрушку, которую никто другой до вас найти не смог – только смотрите не смойтесь по дороге, а то я плакать буду... Нет, граф, так не бывает.

– Возможно, у него действительно нет времени, мастер Рошаль, – сказал Сварог неуверенно. – Период Нестабильности вот-вот закончится, еще и какие-то заговорщики под ногами мешаются, очередного тагорта обучить не успели – вот и приходится довольствоваться тем, что есть, иначе – ждать еще тысячу лет...

– А почему именно на *этот* раз не успели? Ведь они, островитяне эти, должны готовиться к приходу Тьмы за несколько лет, если не десятилетий, они, в отличие от *простых* людей, знают, что Тьма неминуема, что Граматар всплывет – как всегда, как обычно... И эта его баба стриженная... Ох, чует сердце старого сторожевого пса, граф, что в ручонке у нашего друга Вало целая стая скорпионов...

– Но пока-то мы ничего изменить не в силах. Нам главное отсюда вырваться и на Граматар попасть, а там и будем посмотреть.

– Так сначала ведь попасть надо, – сказал Рошаль. – Костюмчики эти, компас какой-то дурацкий – балаган в Лиме, право слово... Любезно вас прошу, вы хоть этот свой карт... катар... как его, черт, *зерномет* испытайте в деле, что ли...

– На ком?! Нет, масграм, давайте-ка спать. Утро – оно, видите ли, завсегда мудренее.

Рошаль горестно вздохнул. А ведь он, милорды, с одной стороны прав. Целиком и полностью прав – не подкопаешься. А вот с другой стороны... С другой-то стороны Сварог не заметил в словах Вало ни тени лжи. Ох уж эта мне большая политика...

Он закинул руки за голову.

Нет, не спалось.

Глава четвертая

Господа нарушители государственной границы

Наверное, Сварог должен бы испытывать чувства, сходные с теми, что обуяли Колумба, когда тот наконец смекнул, что находится ни в какой не в Индии, а стоит на берегу острова, Европе до сей поры не известного. Наверное. Однако единственное, что сейчас переполняло его сердце, было упоительное ощущение *твердой* земли под ногами. Он и не подозревал, что это столь приятно: стоять не на ходящей ходуном палубе бронированной посуды, не на мобильном Острове, а на самой что ни на есть настоящей суше, которая не брыкается и не собирается топором уходить под воду – по крайней мере, в ближайшие пятьсот лет... И хотя эта самая суша, честно говоря, подчас еще вздрагивала, иногда еще колыхалась и ворочалась, поудобнее устраиваясь на новом месте, но все понимали, что это лишь отголоски затихающего катаклизма, эхо уже прекратившейся бури... И хотелось красиво пасть ниц да поцеловать ее, обетованную.

– Не стоит, граф, – сказал Рошаль, брезгливо поднимая куцый воротничок риксы: ветер из глубин новоявленного материка дул сильный и отнюдь не свежий – в воздухе воняло дикой смесью сероводорода, йода и гари. – Все равно мы здесь не первые. Первыми, прошу заметить, были наши друзья из Клаутона... Это как минимум. И это к тому же если не считать всех тех, кто жил на Граматаре в предпоследний Цикл. И в предпредпредпоследний. И...

– А вам никогда не говорили, маскап, что вы неисправимый романтик? – перебил Сварог. Щенячий его восторг как рукой сняло. – Нет, право, вот умеете вы найти нужные слова в нужную минуту, что есть, то есть, этого у вас не отнять...

Гор Рошаль обиженно замолчал. «Интересно, – вдруг подумалось Сварогу, – он переложил в риксу все то, что прятал в потайных кармашках любимого плаща? А что, навряд ли. Тем более что в этой риксе карманов и кармашков – как блох у бродяги...»

Все шестеро первопроходцев стояли на каменистом берегу свежевсплывшего материка. Точнее, не каменистом, а практически сплошь каменном. Лишь жалкие полоски песка и гальки в трещинах и выбоинах – ну да, ну да, всякая мелочевка вымыта океаном, и пройдет не один десяток лет, пока ветер и волны перетрут камень в новый песок... Далеко впереди, впрочем, виднелись свежая травка, кустики да молодые деревца, а еще дальше, на самом горизонте, подножья *горы* были укрыты плотным зеленым покрывалом – не иначе, лесами. И, не иначе, уже населенными всяческой дичью, а также хищниками, кои этой самой дичью питаются. Ну да, вон там, у нижней кромки облаков над *горой* чернеют какие-то парящие точки – вроде бы, птицы... хотя слишком уж большие для птиц, если только перспектива тут не искажена. Чем-то напоминают пташку, которую он узрел во время путешествия в Митрак – с хвостом и перепончатыми крыльями... Как там ее Клади обозвала – рихар, что ли?.. Во всяком случае, надо отдать должное бродячим островитянам: какие бы *свои* цели они не преследовали, переселенцам с Атара не придется, по крайней мере, ютиться на голом камне, питаясь исключительно рыбкой, водорослями и прочими дарами моря – в ожидании, пока лет эдак через пятьдесят вырастут плодоносящие деревья и расплодятся мясодоящие животные...

Видимость была превосходной, и отсюда, с берега, открывающаяся их гла-

зам панорама потрясала всякое воображение: берег был достаточно пологим на многие кабелоты в глубь Граматара; потом, в невообразимой дали и синеватой дымке, холмистая равнина плавно вздымалась вверх, переходила в предгорье, а еще дальше – исполинским вытянутым конусом упиралась в зенит величественная гора, такая громадная, что ее вершина скрывалась в плотных, размазанных по небу тучах. И там, в этих тучах, что-то такое происходило, тучи клубились вокруг вершины в беспрестанном хороводе, ворочались, пронизываемые фиолетовыми всполохами, облизывали крутые склоны дымными языками. Там, в горных глубинах, еще всю продолжались некие тектонические процессы... И наверняка это была не гора, а целая горная система, но отсюда, с берега, создавалось полное впечатление, что Граматар увенчан посередке одним-единственным пиком – зато таким, что, увидев его, всякие там Джомолунгмы и прочие Эльбрусы должны немедленно удавиться от зависти...

Хотя, кто может знать, с другой точки обзора Граматар, вероятно, являет собой совсем другую картину. Однако ясно одно: Граматар есть не брат-близнец Атара.

– Что-то не видать торжественного комитета по встрече, мастер будущий король, – мрачно сказал Олес, оглядывая пустынный, ветром продуваемый берег. – А обещали-то – со всем радушием...

– Ну, может, они в глубь материка подались, – не очень уверенно сказал Пэвер. – Я б, например, на их месте так и поступил. Ждать, что ли, на берегу, пока другие приплывут? Осваиваться надо...

А и в самом деле, это было немного странно. Дождь Только, высаженный на берег – в этом самом месте, никакой ошибки, – клялся и божился, что встретит Сварога со товарищи после переговоров с островитянами самым что ни на есть торжественным обрядом посвящения его, Сварога, в короли. Однако ж ни следа спасенных клаустонцев в радиусе нескольких кабелотов не наблюдалось. За прошедшее-то время могли бы шалашики какие-нибудь соорудить, что ли, тенты хотя бы натянуть – парусина-то у них была. И ведь, что интересно, чувство опасности молчит, как убитое... Одно из трех: либо с клаустонцами приключилось что-то такое, что для Сварога не представляет ни малейшей опасности, либо ничего с ними не приключилось и они действительно решили просто-напросто переместиться в другие края, благо места предостаточно... Либо Ксави каким-то образом обманул сигнализатор лжи Сварога и загнал переселенцев в ловушку.

– Чуба, что скажешь? – повернулся Сварог к гуапу.

Чуба-Ху, нынче пребывающая в ипостаси человека, задумчиво огляделась, понюхала воздух.

– Странные запахи, – сказала она. – Много незнакомых, других... Но, кажется, не опасные. А люди тут были. Несколько дней назад. Теперь ушли.

– Кана?

– Надо идти, – только и ответила бритоголовая островитянка, не отрывая взгляда от укутанного тучами горного пика.

– Умнейшие слова, – усмехнулся Сварог. – Ладно, разберемся. В конце концов, у нас другая боевая задача. Олес, на-ка, держи подарок.

И под неодобрительный взгляд Каны он протянул князю катрал: как ни крути, а проверенный в боях шаур был ему как-то привычнее. Олес же принял

оружие как ребенок новую игрушку, гордо осмотрел со всех сторон и, сияя, сунул за пояс.

– Вот за это, капитан, – наше вам княжеское спасибо!

– Справишься если что?

– А то! В детстве, помню, мы из плевательниц воробьев на лету сшибали – дробинками...

– Только слюной не закапай ненароком. Так, дальше... – Он достал стох, повертел клубок веточек так и сяк. Корявый сучок, похожий на кукиш, упорно указывал в сторону великанской горы. – Ага, значит, нам туда дорога.

Вот смеху-то будет, если тайник окажется на самой верхушке этого пика...

Сварог сверился с картой – старым и порванным по краям куском пергамента, еще, впрочем, достаточно прочного, с не выцветшими красками, умели же раньше делать, не то, что сейчас – привязался к местности, не мудрствуя лукаво ногтем прочертил курс. Если верить карте, изготовленной в прошлом тысячелетии, вообще никакие опасности впереди их не караулили. Эх, хорошо бы так было на самом деле... Область, где *примерно* должен находиться форт «из жидкого камня», располагалась кабелотах в ста пятидесяти от побережья и на карте была отмечена желтым кружком. Что в реальном масштабе соответствовало зоне поисков кабелотов этак в двадцать... Он спрятал карту в рюкзак, пардон, в рутгаль, сверху осторожно угнездил ломкий стох, закинул «сидор» на плечо и обернулся к родному экипажу. Картинка была та еще: в риксах-«гидрокостюмах», со шпагами на боках экипаж выглядел... мягко говоря, странно. Если не сказать хуже. И, что любопытно, десантник-оборотень по имени Чуба-Ху в своем обычном, простеньком платьишке на их фоне смотрелась, наоборот, вполне естественно и *нормально*. Впрочем, как правило, броники и «камуфляжи» человека не красят – у них несколько другая цель...

Он посмотрел на покачивающийся у линии рифов Остров (не Остров, а так – островок), сделал ему ручкой, после чего браво подмигнул экипажу:

– За мной... пяхота.

...По мере того как растянувшийся колонной отряд продвигался в глубь суши, характер местности менялся. Появлялась травка, чахлые кустики уступали место низкорослым деревцам, а то и целым роцицам. Здесь, среди зарослей, ветер поутих, да и смердел поменьше. Впереди виднелись скалы и холмы, поросшие уже настоящим лесом, где-то слева по курсу угадывалась речушка, солнышко жарило с безоблачного неба... Над головами промелькнула стайка каких-то мелких пичуг, чуть погодя Сварог заметил суслика – замерши столбиком у своей норы, зверюшка проводила пришельцев взглядом, в котором испуга не было напрочь – судя по всему, эта двуногая разновидность фауны ей еще не встречалась... Благодать и пастораль была бы, честное слово, если б не кое-какие детальки ландшафта, превращающие сей райский уголок в форменный сюр. Вышеозначенный суслик, к примеру, устроил себе жилище не где-нибудь, а аккуратно под сенью скелета какой-то крупной, явно океанской рыбы, травка росла среди куч полусгнивших водорослей, по соседству с кустом растения, напоминающего жимолость, горделиво белел кустик коралла, а камни и более-менее сухие участки суши покрывал тонкий беловатый налет (экспериментальным путем Сварог определил, что это есть соль морская, обыкновенная, выпаренная), и так далее, и так далее... Все это, понятно, свиде-

тельствовало о том, что не так давно сии места были скрыты под многокилометровой толщей воды, однако ощущение нереальности окружающего меньше отнюдь не становилось. Нет, все-таки ничем Граматар не был зеркальным отражением своего брата, почившего в океанской пучине. Совершенно другой мир... чуждый и непонятный.

Сварог достаточно быстро *включился* в ритм, но неизвестно, – выдержат ли остальные такую скорость, поэтому он старался не увлекаться и постоянно на спутников оглядывался. Спутники, хвала местным богам, темп пока держали – впрочем, еще не вечер, посмотрим, что будет, когда они углубятся в *настоящий* лес, кой, чуяло сердце, походил на лес так же, как вон та высушенная актиния на простую крапиву. Олес, шалопай, даже насвистывал что-то бравурное; свой рюкзак-рутгаль, который Сварог набил полезными вещами под завязку, справедливо рассудив, что молодому князю лишние нагрузки только на пользу, он нес на одном плече, да еще и лениво отмахивался веточкой от мошек. Пэвер тоже держался молодцом, дышал *правильно* и пер вперед как танк – организм суб-генерала, в последние годы измученный вином и прочими излишествами, вспомнил, видать, боевую пехотную молодость. Чуба в образе волка чутко скользила чуть в стороне от маршрута основных сил, ее серая в подпалинах спина мелькала среди деревьев. Бритоголовая Кана замыкала отряд; ну о ней-то, знатном растениеведе здешних мест, Сварог беспокоился меньше всего, шла она ровно и четко, сучок под ногой не хрустнет, травинка не шелохнется – вот что значит всю жизнь прожить на деревьях, пусть и плавучих...

А вот Гор Рошаль понемногу сдавал. То есть, пока-то крепился, двигался наравне со всеми, сжав зубы, но Сварог заметил, что его лицо, и без того румянцем не пышущее, стало белым и *оплывшим*, ручейки пота побежали по щекам, взгляд потух, а дыхание... дыхание и вовсе было ни к черту. «Да уж, кабинетная жизнь до добра не доводит», – мудро подумал Сварог. Вот Рошаль споткнулся, раз, другой...

Сварог, не останавливаясь, сверился с «компасом», потом посмотрел на вдруг потемневшее небо. Набежала тень – солнце ушло за тучи над Горой. Значит, будем считать, полдень. Кабелотов десять, значит, отмахали. Ладно, еще кабелот – и привал. А то удар хватит мастера старшего охранителя... Кстати сказать, в своем обычном плащике он не прошел бы и половины пути – но рикса в самом деле оказалась чудо-костюмом, не жарко в нем и не холодно, в самый раз, спасибо, дорогие островитяне, не обманули...

*За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы сильны и голодны,
На промысел ночной.*

*Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились...*

– тихонько запел Олес, вконец обнаглев.

Сварог собрался было сделать ему замечание – мы, дескать, не на загородной прогулке, – но передумал. В конце концов, пока их поход в земли, полные

опасностей, чудовищ и незнакомой магии, напоминал именно что загородную прогулку, Сварог начал даже беспокоиться по поводу отсутствия неприятностей...

И – как накаркал. Они как раз вышли к небольшому распадку среди голых скал, Сварог уже поднял руку, намереваясь скомандовать привал, и тут Чуба-Ху выскочила из кустарника наперерез отряду, остановилась на пути Сварога и застыла, приподняв переднюю лапу – ну чисто охотничья собака, почувывшая дичь. Остальные молодцы моментально остановились, замерли в ожидании приказов. Несколько секунд Чуба напряженно нюхала воздух, потом медленно повернула голову, посмотрела в глаза Сварогу.

– Что? – тихо спросил Сварог.

Чуба-Ху в сомнении наклонила голову набок и тихонько зарычала.

– Не понимаю.

– Тут недавно были люди, – вдруг подала голос Кана. – Я чувствую...

Олес, враз став серьезным и собравшись, аккуратноенько опустил рюкзак (то есть ругталь), достал из-за пояса катрал, метатель смертоносных спор. Чуть погодя о землю звякнул и ругталь Пэвера. Рошаль дышал так, что слышно было, наверное, за три кабелота.

– Это правда? – спросил Сварог у волка.

Чуба кивнула... а потом отрицательно покачала головой.

– Загадками говоришь, – нахмурился Сварог. – А не хочешь принять человеческий облик и рассказать понятным языком?

«Нет», – опять покачала головой Чуба.

– Ну и ладно, так поговорим. Это наши друзья из Клаустона?

«Нет». Начинается...

– А... это точно люди?

Кивок: «Да».

– И то слава богу... Давно они были здесь?

Волчий взгляд в глаза: ни да, ни нет.

– Да что за ерунда... – И тут его осенило: – Погоди-ка... они *все еще* здесь?

«Да».

Ну точно: начинается. Сварог, по возможности хладнокровно, достал из кармана шаур. И спросил:

– Где?

Чуба странно передернулась – он не сразу понял, что она пытается пожать плечами: «Не знаю».

– Ага, так вот почему ты не хочешь перевоплощаться. Умница... Сколько их, можешь определить?

Чуба трижды приглушенно твякнула и помотала башкой.

– Минимум трое, да?

«Да».

Вот так, блин, и осваивается язык зверей и птиц...

– Массаракш... Они нас видят? – спросил он.

«Не знаю...»

Сварог повернулся к Кане:

– А ты как думаешь?

Взгляд лесной воительницы затуманился, она очень похоже покачала головой и сказала с расстановкой:

– Я не знаю. Я просто чувствую, что здесь были люди. Там, впереди. Они примяли траву. Они рубили сучья. Они жгли костер. У них есть животные. Животные плохо пахнут. Не злые, но глупые. У людей есть металл, ткань, кожа... Больше не знаю.

Сварог – сначала по-простому, потом с помощью «третьего глаза» – оглядел вздымающиеся по обе стороны скалы, пушистые от соли и кое-где поросшие лишайником (в трещинке трогательно застряла высушенная солнцем морская звезда), и не обнаружил ни следа чужого присутствия. Либо те очень хорошо умеют прятаться, либо... Но чувство-то опасности безмолвствует. Либо в самом деле никакой угрозы, либо...

– Так, потихоньку за мной вперед, – решил он. – Смотреть в оба!

– Граф... – внезапно ухватил его за локоть Пэвер. – Граф, разрешите обратиться...

– Мастер суб-генерал, ну какого дьявола... – скривился Сварог. – Ну что за унтер-офицерские замашки...

– Да-да, извините... – Пэвер развернул Сварога спиной к распадку и быстро проговорил: – А вот знаете, граф, что бы я сделал, если б хотел запретить нас здесь?..

Сварог помедлил, а потом тихо обернулся. Ах ты ж бляха-муха... Теперь, после слов генерала, невинно выглядевший распадок предстал перед его глазами в ином свете. В самом деле, ай-ай-ай, как же он сам-то не допер! Вот что значит отсутствие практики полевого командира и наличие практики исключительно монарха, которая в подобных ситуациях нужна, как хромоту скрипка... Ведь достаточно один пулемет (да хоть и одного арбалетчика) поставить вон на тот уступ, а второго укрыть вон в тех зарослях с другой стороны, и... и любой, кто войдет в ущелье, окажется мало что как на ладони у стрелков, но еще и отрезанным от выходов из распадка: кинжальный огонь с обеих сторон закроет ему путь и туда, и туда. Еще шаг – и они могли оказаться в ловушке...

Ну? И что прикажете делать? Вокруг тишь да гладь...

Он достал стох – кукиш недвусмысленно указывал, что идти надо только вперед. То есть по распадку. А вот индикатора расстояния до Ключа деревянный компас не имел, так что, вполне возможно, искомое находится где-нибудь рядом, буквально в пяти шагах в глубь ущелья... Сварог еще раз огляделся – никого и ничего, совсем как в советских магазинах. А если кто и есть, то почему не нападает?.. Не торчат же здесь до утра, как шесть тополей на Плющихе...

– Движение! – негромко подсказала Кана.

Но Сварог уже и сам видел: по левому склону прощуршали мелкие камушки, как мука пыхнуло облачко соли, а следом, оскальзываясь и спотыкаясь, пугаясь в перевязи, вниз спустился человек (несомненно человек!) – в сером поношенном камзоле, кожаных штанах, порванных на коленях, и кожаном шлеме, увенчанном плюмажем из маскировочных веточек. Скатившись на дно распадка, он бодренько вскочил на ноги, выхватил из кармана красный платок и, размахивая им, двинулся в сторону Сварога. Сварог предусмотрительно поднял руку, но и без этого никто стрелять не стал[124].

– Неужели абориген? – тихо спросил Олес.

– Быть того не может, – так же тихо, но не очень-то уверенно ответил Пэвер.

Не доходя шагов десяти до отряда, парламентар остановился, цепко оглядел замерших в ожидании пришельцев и, в общем-то вежливо, спросил:

– Прошу простить, добрые господа, но не находится ли среди вас некий мастер Сварог?

Ежели честно, то нельзя сказать, что Сварог был очень уж удивлен, и что упоминание собственного имени вызвало в его душе какие-то особенные переживания. Например, гордость – от осознания того, что первый же человек, встретившийся им на Граматаре (покамест долженствующим быть абсолютно необитаемым – если вы еще не забыли), оказывается, жить не может без него, без Сварога... На том самом, заметьте, Граматаре, куда сам Сварог прибыл всего-то несколько часов назад и без всякой помпы. Но вот дорого бы он сейчас дал, чтобы узнать, о чем думают его спутники... Впрочем, судя по гробовому молчанию за спиной, спутники ни о чем не думали, обратившись в соляные столбы.

– Это смотря кто спрашивает, – дипломатично ответил он.

Человек снял каску и отвесил поклон, по плечам рассыпались длинные, тронутые сединой лохмы. Лет пятидесяти, был он невысок, широкоплеч и, судя по щетине, не брился день этак третий.

– Арок Тегрес, лейтенант восьмого Зеленого отряда, – отрапортовал он. – С кем имею честь беседовать?

– А что это такое – Зеленый отряд? – бесхитростно спросил Сварог.

И получил любезный ответ:

– Пограничная служба королевства Фагор.

Что самое смешное, он не врал. Пограниц, во как. Приплыли, называется, – на необитаемый материк...

– Нет, ну ты посмотри, опередили, – потрясенно воскликнул оттаявший Пэвер. – А я-то думал, мы первые...

Гор Рошаль шикнул на него.

А Сварог вдруг вспомнил пикейных жилетов из кабачка в Митраке, столице Гаэдара, где он и Клади дожидались, пока соизволит проспать похмельный суб-генерал, – тучи над Атаром тогда еще только начинали сгущаться. Точнее, вспомнил он газету, которую вслух читала тамошняя знать, – насчет того, что король Фагора, кто-то там Четвертый, отправился на увеселительную морскую прогулку, причем вместе с семьей, всеми родственниками, свитой и под прикрытием боевой эскадры... Значит, добрались. Вышли до начала Больших Гонок, когда гидернийцы еще не расставили заградительные отряды вдоль береговой линии... или проскочили незамеченными – флотик-то у них был махонький по сравнению с остальными.

Сделав знак своим оставаться на месте, Сварог медленно двинулся навстречу парламентару. Магическими прибабасами вокруг не пахнет, пуль он не боится, шаур под рукой – прорвемся, если что... Подойдя к лейтенанту, Сварог слегка поклонился – вежливость все ж таки должна быть соблюдена, но в меру, графьям и королям приличествующую.

– Ну, я Сварог, – сказал он нейтральным голосом. – И что, собственно?

Лейтенант расплылся в довольной улыбке (сквозь щетину проступил застарелый шрам на скуле) и поклонился вторично.

– Вдоль всего побережья расставлены посты для вашей торжественной встречи, мастер граф, и это большая честь для меня, что именно я встретил

вас. В общем, добро пожаловать на землю Фагора. От имени правителя государства Фагор со всем радушием приглашаю вас и ваших спутников нанести дружеский визит в столицу... Я здесь, собственно, с тем вас и дожидаюсь – встретить и сопроводить...

В столицу?! Час от часу не легче. Эти-то откуда про Сварога прознали? Вот уж точно, слава разлетается быстрее ветра...

– Увы, лейтенант, у нас совершенно нет времени. Дела, знаете ли... – развел руки Сварог.

Шрам на скуле лейтенанта не давал ему покоя. Где-то он уже видел точно такой же. Опять появилось премерзкое чувство дежа вю, прах его побери...

– В таком случае, – как ни в чем не бывало и столь же любезно продолжал Арок, – прошу заметить, что по обеим сторонам ущелья я, поняв, что вы движетесь к распадку, расположил автоматные гнезда, откуда через прицел все видно как на ладони... Откровенно говоря, помимо встречи столь высоких гостей, всем Зеленым отрядам даны полномочия задерживать любого, кто без должного предписания пересечет границу государства. А поскольку подобного предписания у вас, как я понимаю...

– Так, стоп. – Сварог подобрался. – Это что, угроза?

– Так точно, – безмятежно кивнул лейтенант. – Согласно законам Фагора, на его территории могут находиться только граждане Фагора... или лица, прибывшие по приглашению оных граждан.

За спиной послышалось негромкое рычание – Чуба выражала свое отношение к происходящему. Остальные молчали. Сварог мельком оглянулся на них – оружие никто не пока не доставал, – но это дело пары секунд, знаете ли, экипаж подобрался закаленный и в боях испытанный, голыми руками нас не взять...

И тут Сварог наконец вспомнил. И отчего-то почувствовал небывалое облегчение. Вспомнил и этот шрам, и этот голос, скучно и казенно талдычащий об условиях пересечения границы. Щетина и полная абсурдность, совершеннейшая невозможность встречи здесь, на другом материке, – вот что сбило его с толку. Однако ж – встретились... Побрейте этого бойца, прилепите роскошные усы, поставьте рядом с пограничным «шлагбаумом» на въезде в столичный город Митрак – и что получится? То-то. История опять повторялась. И уже даже не как фарс, а как занудливое повторение многожды раз пройденного материала. Тьфу, скучно, господа...

– Арок, столб ты пограничный, – устало поморщился Сварог, – ну что ты опять мне про законы? Не надоело?... Али не признал?

– Как не признать, ваша святость, – вздохнул лейтенант, а в глазах мерзавца так и плясали веселые бесы. – Вот только в прошлый раз вы в сутане изволили быть, да и числом ваша компания была поменьше...

– Да и ты у князя Саутара раньше служил, – посмурнел Сварог, вспомнив Клади. – И, помнится, в чине пониже лейтенантского.

– Так то – раньше...

– Логично. Дезертировал из княжеских войск, получается?

– Получается... Только нижайше прошу, мастер Сварог, не надо на меня опять чары насылать, как тогда. Я-то, может, и упаду замертво, но вот мои бойцы с автоматами – у них четкий приказ, четче некуда: ежели оказывают сопротивление, то и не *задерживать* никого...

Сварог усмехнулся, пораскинул мозгами, потом сотворил сигаретку и протянул ее лейтенанту. Ни в малейшей степени волшебству не удивившись, лейтенант поблагодарил, сигарету принял, прикурил от спички. Все как всегда. А вы говорите – не зеркальное это отражение Атара. Очень даже зеркальное...

– То есть, – сказал он по возможности добродушно, – ты хочешь сказать, чернильная сволочь, что мы незаконно вторглись на территорию Фагора?

– Ну это с какой стороны посмотреть, – опять растянул губы в улыбке Арок. – Можно и этак, а можно и так, что вы, мол, – званые гости Фагора.

– Что-то мы пограничных знаков по дороге не заметили...

– А их пока и нету, – ухмыльнулся ветеран-пограничник, честно глядя в глаза Сварогу. – Не успели. Но на карты граница нанесена чин чинарем.

– А карты, я так разумею, фагорского изготовления.

– А то ж.

– Ловко... Ну, и кто еще обосновался рядом с вами, какие страны-государства? Это я к тому, чтобы ненароком еще пару тройку границ не нарушить.

– Никого больше нету, – тут голос лейтенанта все же дрогнул. – Кабелотов на сто вдоль берега туда и туда – только Фагор... Может, кто подальше высидился, не знаю... Ну так это, мастер Сварог, милости просим в столицу, что ли? Экипаж подан...

Сварог в некоторой беспомощности оглянулся, усилием воли отгоняя видение туристического автобуса, ждущего их за холмом. Путешествие сквозь непроходимые земли покамест не испоганенного цивилизацией Граматара в самом деле превращалось в поездку за город на пикничок... Нет, можно было бы, конечно, немного повоевать с засевшими в засаде автоматчиками, но уж больно не хотелось. Еще с соседних застав стрельбу услышат, организуют погоню. И стрельбой друг в друга начинать свое пребывание на новом материке было как-то, знаете ли, не по-людски. Не по-императорски, знаете ли... Да уж, весело поход за Ключом начинается, ничего не скажешь...

Сварог посмотрел на солнце: скоро выйдет из клубящихся над пиком туч. До сумерек оставалось часов шесть, не больше. Итак, выбор: ночевать под открытым небом, да еще после вчерашней бессонной ночи – или в столице Фагора? Что бы та собой не представляла... Он опять оглянулся на своих. Свои стояли по-прежнему напряженно, но уже перестроившись в боевой порядок – и когда только успели? Готовая к атаке Чуба впереди, за ней, вполоборота к склонам распадка, Олес с катралом наизготовку и Пэвер, за ними – Рошаль со шпагой наголо, а замыкала построение лесная воительница, принявшая отчетливо боевую стойку. Впору умилиться: неплохо Сварог их натаскал. Только свистни, и от пограничного отряда фагорцев мокрого места не останется...

Сварог вздохнул, сделал беспутной команде знак приблизиться и обречено сказал лейтенанту:

– Ну, что ли, раз экипаж подан, то – милости просим в столицу...

Глава пятая

Шамаханская царица

...И когда его святость столь странным способом проникла в столичный город Митрак, Арок решил наконец: все, с него хватит. Не дожидаясь, пока по сему прискорбному факту незаконного проникновения к нему придут люди уважаемого мастера старшего охранителя (вежливейший поклон в сто-

рону Рошалю), он собрал свои пожитки, оставил прощальное письмо сыновьям, не так давно открывшим скобяную лавку на одной из главных улиц Митрака и потому слышать не желавшим ни о какой грядущей катастрофе, и в одиночку подался куда глаза глядят. А конкретнее – на наудер, через реку Крамеш, мимо границы Нура, через предгорья к морю. На что он рассчитывал, Арок и сам сказать не мог, однако удача на этот раз оказалась к нему благосклонна. В предгорьях Язберского хребта будущему лейтенанту пограничной службы Фагора встретился отряд нурских контрабандистов, которые тоже торопились к побережью, – в надежде наняться хоть простыми моряками, хоть кем на какой-нибудь вильнурский корабль и в качестве оплаты предложить хозяевам кое-что из товара. (Причина, по которой Арока взяли в отряд, была проста, незамысловата и к политическим распрям между Гаэдаро и Нуром не имела ни малейшего отношения: он всего лишь проткнул шпагой зама атамана по безопасности, непобедимого шпегиста и знаменитого на весь Нур драчуна – за то, что тот позволил себе несколько замечаний касательно интимной жизни его, Арока, матушки и перепончатокрылых насекомых. Глянув на павшего заместителя, атаман хмыкнул и сам предложил Ароку вступить в отряд, против чего Арок, понятно, не возражал.)

Дальше – больше. Им таки удалось наняться на вильнурский китобой, переоборудованный в пассажирское судно, но в открытом море произошла скоротечная стычка со шхуной – флагманом охранительной фагорской эскадры. (Повод для драки опять же оказался насквозь прозаичным: король Фагора – Сварог, кстати, вспомнил его имя, Михлест Четвертый, – пребывая в пределах видимости чужого корабля, принял его за гидернийский броненосец и приказал немедля уничтожить.) Плохо вооруженные вильнурцы были разбиты наголову, однако тонущего Арока флагман подобрал, несмотря на яростные протесты капитана... А уж дальше все зависело от самого счастливица. Несколько предметов из контрабандного товара (это были слитки весьма дорогого вильнурского серебра, которые Арок пер на себе через предгорья вместо усопшего заместителя), умение фехтовать, готовность беспорочной службой заработать себе жизнь, воинский опыт – все вместе это позволило ушлому ветерану добраться и до Граматара, и до должности лейтенанта погранслужбы Фагора...

Что самое интересное, при всей романтической неправдоподобности своих приключений, сделавшей бы честь какому-нибудь Рафаэлю Сабатини, Арок говорил чистую правду.

Сварог слушал его неспешный рассказ, откинувшись на шелковые подушки с монограммой «М» и циферкой «IV», и боролся с сонливостью: давало о себе знать напряжение последних дней. Покачивалась открытая повозка, запряженная парой крепких приземистых лошадок (с виду – кровей наиболее благороднейших), мерно поскрипывали колеса, мимо проплывали холмы и перелески. Дороги под колесами, естественно, не было никакой, но и непролазных чащей с зияющими пропастями на пути пока не встречалось, так что ехали, в общем-то, ровно. Если закрыть глаза и не обращать внимания на вездесущий запах йода и гари, то ощущение, будто находишься где-нибудь в средней полосе России-матушки, будет полным. Вот-вот послышится далекое коровье мычание, навстречу профурчит раздолбаный колхозный «зиллок» с молоком... Но это если глаза закрыть и не дышать. А ежели по сторонам все-таки смотреть,

то мозги начинают съезжать набекрень. Потому как панорама из повозки открывалась, мягко говоря, феерическая. Обычные деревья росли вперемежку с какими-то кораллами, камышами и вовсе уж непонятными растениями с длинными, стелющимися по земле листьями – представителями, совершенно определено, морской флоры, кое-как приспособившимися к жизни на открытом воздухе... Они проехали мимо озера с болотистыми берегами, поверхность его буквально бурлила от мечущихся здоровенных рыбин – водоем быстро пересыхал, и океанским тварям, пойманым в ловушку, деваться было некуда. И повсюду – на камнях, поросших ракушечником, на целых пустошах высохшего ила, даже на ветвях *обыкновенных* деревьев – повсюду налет соли... Словно некий местный Нептун, не имея ни малейшего представления о *надводной* жизни, решил потягаться с создателем и сотворить мир на суше – таким, как он его видит...

А вот сама повозка весьма органично вписывалась в эту реальность, поднятую со дна морского, и, голову можно было дать на отсечение, не так давно имела совершенно другую профессию. А именно – была шлюпкой, к которой примастрячили колеса. Возница с автоматом на плече держал в руках не кожаные повода, а куски линей, в повода превращенные. Довершала сию удивительную картину небольшая носовая фигура, явно снятая с корабля и помещенная на нос сухопутной шлюпки: бюст грозного мужика с развевающейся бородой (вылитый, кстати, псевдомыслитель из Ясной Поляны) смотрел на Граматар мрачно и в высшей степени неодобрительно... Второй автоматчик расположился на корме, позади посмурневшего экипажа, следил за тылами и то и дело бросал любопытные взгляды на странных гостей. А из гостей самыми смурными изволили быть старший охранитель и островная воительница. Ну, воительница, понятно, недовольна непредвиденной задержкой на пути к вожделенному Ключу (она даже позволила себе проявить эмоции и весьма красноречиво возражать против задержки и отклонения от курса), а вот мастер Рошаль явственно пребывает в горестных раздумьях по поводу того, что если есть государство, значит, непременно имеются и закулисные игры, и не попадет ли экипаж в жернова политических игрищ... Остальные выглядели бодрее. Олес с Пэвером во все глаза таращились на диковинки Нового Света, толкая друг друга локтями и показывая на что-нибудь совсем уж заковыристое за бортом – вроде исполинского, в человеческий рост, рапана посреди симпатичной лужайки, из горловины которого за повозкой задумчиво следила пара глаз на стебельках. Чуба, бегущая рядом, сделала небольшой крюк и рыкнула на обитателя раковины. Глаза исчезли, зато изнутри отчетливо клацнули клешни...

...Из четырнадцати фагорских кораблей, покинувших Атар, продолжал Арок (шесть барков, на которых разместился двор, и восемь люгеров прикрытия), до Граматара добралось меньше трети. И то, если б его величество продолжали командовать походом, они бы не преодолели и половину пути... К счастью, ситуация изменилась вовремя, и новый командир крошечного флота сумел вывести корабли из самых гиблых мест... Когда же Олес лениво поинтересовался, каким все-таки образом фагорцам удалось первыми добраться до материка, Арок помолчал с минуту, потом хмуро сказал, что сам не представляет – но в следующий раз он лучше погибнет вместе со всеми оставшимися на Атаре, чем вторично переживет такой ужас. И до самой столицы он рта

больше не раскрывал.

Так и ехали.

Наконец показались кое-какие признаки цивилизации – телега уже катилась по настоящей дороге, не мощеной, но *утоптанной* многочисленными повозками и копытами, вокруг то и дело появляются пеньки с аккуратнейшими спилами, они проехали мимо деревянной погранзаставы. А вот и столица... так сказать.

Наверное, так и выглядели первые поселения на все том же Северо-Американском континенте – на обширном, очищенном от растительности пространстве площадью этак десять квадратных кабелотов между двумя сопками стояли шалаши, палатки, вигвамы, деревянные домики странной формы (сделаны из остатков корабельных корпусов, догадался Сварог), над крышами поднимался дымок, брехали собаки, в отдельном загончике блеяли овцы, туда-сюда сновали люди, работали – таскали бревна, деловито что-то к чему-то приколачивали, пилили, возводили городские стены из неохватных бревен и копали ров вокруг города... Женщин было меньше, но и они работали – наравне со своими мужчинами. Много беременных. Очень много... В общем, картинка была как раз из советских фильмов – когда все дружно возводят очередной сталелитейный гигант и все поголовно счастливы как дети малые.

Пэвер молча указал Сварогу на вершину сопки справа – там, в густых зарослях, иногда что-то тускло поблескивало. Сварог кивнул: это наверняка бликовала линза подзорной трубы. Дозор. А что, отличная позиция – оттуда все подступы к «городу» просматриваются идеально, любой приближающийся к столице будет виден как на ладони. А ежели помимо дозора поставить на этой высоте орудийный расчет, то потенциальному неприятелю придется ох как несладко...

Открылись могучие ворота, и они, покачиваясь, въехали во двор двухэтажной постройки, окруженной высокой оградой и, судя по внешнему виду, принадлежавшей кому-то из здешней знати. Ну да, точно, знати: едва лошадки остановились, как к повозке подошли и встали по сторонам четверо угрюмых парней в ношенной морской форме, но при автоматах.

– Приехали? – спросил Олес и потянулся.

– Добро пожаловать в королевский дворец Фагора.

Арок спрыгнул на землю и протянул руку Кане, но Кана помощь гордо отвергла и покинула колесницу без посторонней помощи. Сварог посмотрел на здание внимательнее.

– Мастер Сварог, можете сказать вашему волку, что уже можно превращаться обратно в человека.

– И откуда ты все-то знаешь... – хмуро бросил Сварог, глядя в хитрющие глаза лейтенанта.

– Должность такая, – ухмыльнулся тот.

– Погоди, Чуба, не преображайся. Людей не пугай...

– Нас здесь ждали, – сказал Рошаль.

– Вы чертовски наблюдательны, – вздохнул Сварог. – Только вот зачем ждали?

– Мне это не нравится...

– Прошу сюда, мастер Сварог.

В сопровождении вооруженных охранников и под предводительством Аро-

ка они проследовали во «дворец».

Изнутри он напоминал скорее загородный особнячок какого-нибудь скучающего барона. Хотя, признаться, барона со вкусом – на стенах бархатные драпировки, скрывающие некрашенные, изъеденные морской водой стены, на стенах оружие: шпаги, мечи, пиццали, огромное зеркало в человеческий рост, громадные канделябры, кресла, какие-то изящные безделушки на полках и столиках. Определенно тут чувствовалась женская рука...

– Вещи можете оставить здесь, – показал Арок на неглубокую нишу в стене.

– Нет, – ответил Сварог. – Мы уж как-нибудь с собой.

– Как желаете. Мастер граф, соизвольте сюда. А ваших друзей прошу в залу...

– Эй, так мы не договаривались! – Сварог резко остановился. – Мы вместе.

– Мастер граф, – тихо сказал Арок и взял Сварога за рукав, – вам назначена аудиенция. После нее вы присоединитесь к своим... Мастер граф, вы можете оставить оружие при себе, равно как и остальные. Вы вольны отказаться от встречи, вы вольны покинуть Фагор в любую минуту – равно как и остальные. Я просто *прошу* вас.

Он не лгал. Да и ничто вокруг не напоминало об опасности...

– Ладно, – решил Сварог. – Веди, лейтенант, на аудиенцию. Экипаж, держать себя спокойно, благовоспитанно и не нарываться. Чуба, давай-ка в чело века.

Охрана сохраняла каменные лица, но смотрела во все глаза. Когда же преобразование закончилось, Арок гулко сглотнул и прошептал:

– Сохрани, Пресветлый, мою душу...

– Так-то, дружок, – Сварог отечески похлопал его по плечу. – Это тебе не простенькие чары – это настоящее колдовство. И если вы тут что-то замышляете... Короче, я вам не завидую. Чуба, как дела?

– Здесь присутствует скрытое зло, мастер Сварог, – преспокойно сказала женщина, минуту назад бывшая волком. – Но его мало.

– А где зла вообще нет? – философски спросил Сварог и повернулся к Ароку: – Ну? Где ваш король? Пропустите меня, пропустите, я, понимаешь ты, хочу видеть этого человека...

Зал для аудиенций (он же тронный, он же парадный) был небольшим, без окон, и, в отличие от прочих дворцовых помещений, выглядел по-спартански – только тяжеленный трон на постаменте у стены и ряд простых стульев напротив, больше ничего. Дверь за Сварогом мягко закрылась, упали шелковые занавеси, и он остался один.

Походил туда-сюда, осмотрелся магическим зрением, подянки не нашел, уселся на стульчик в первом ряду и стал ждать. Ну и где этот король Михлест?

– Ее величество королева Домгаар! – послышалось из-за двери, после чего, совсем как у классика, шатер распахнулся, и девица, шамаханская царица... ну и дальше по тексту.

В некоторой оторопи Сварог встал и глубоко поклонился – выказывая почтение и правителю, и женщине.

Да, это была женщина. И какая!

Она вошла в зал в сопровождении двух угрюмых автоматчиков в неизвестного Сварогу покроя форме морских офицеров, величественным жестом отослала охрану прочь и опустилась на трон, сдвинув перевязь с мечом, чтобы не

мешал, тем же повелительным жестом разрешила Сварогу сесть. Сварог и сел, постаравшись сделать это гордо и непринужденно. Некоторое время оба монарха неприкрыто разглядывали друг друга.

– Значит, вот вы какой, капитан Сварог, – произнесла королева глубоким бархатным голосом. – Искренне рада знакомству с вами.

Сварог опять привстал, опять поклонился:

– Для меня, ваше величество, весьма лестно, что вам известна моя скромная персона...

Черт, прозвучало коряво и фальшиво. Да уж, государь-император, подрастерьяли вы на Димерее с таким трудом приобретенные королевские манеры... Да и сидеть посреди зала, как на допросе, было неловко и непривычно. Он закинул ногу на ногу, сцепил пальцы на коленке. Вспомнил некстати, что эта поза означает замкнутость и враждебность, но возиться на кресле, садясь и так и сяк, уже не стал. Замер по возможности горделиво.

Она был одета в плотно облегающие кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги с отворотами, белоснежнейшую сорочку и лиловый колет поверх. Но, несмотря на мужской костюм, отсутствие украшений и всяческих монарших символов вроде скипетра, с первого взгляда становилось ясно, что это именно Правительница. Более всего она была похожа на Снежную Королеву из мультфильма про Кая и Герду: треугольное волевое лицо, бледная кожа, прямой нос, бескровные губы и надменный, пронзительный взгляд из-под бровей взлет – вот только, в отличие от своего мультпрототипа, опасности и *нечеловечности* от нее не исходило. Он по привычке включил «третий глаз». Ничего, в общем-то, не изменилось, перед ним по-прежнему сидела до обалдения красивая женщина, от силы лет тридцати, в высокой короне, напоминающей стилизованный шлем, из-под которой на плечи струились длинные каштановые волосы. Разве что...

– Как вы уже слышали, я – королева Домгаар, правительница Фагора. Прошу прощения, что разлучила вас с вашими друзьями, но мне сначала не терпелось побеседовать со столь знаменитым графом Сварогом...

Разве что вокруг головы королевы слабо мерцало молочно-белое призрачное кольцо – совсем такое, что зажглось над головой Олеса в Старом Городе... но то было видно без магического зрения, а в магическом пропадало напрочь, здесь же – картина диаметрально противоположная...

– Не так давно береговой Зеленый отряд задержал на берегу чужих, – продолжала королева, все так же беззастенчиво разглядывая Сварога. – Сорок два человека, как и когда высадились – совершеннейшая для меня загадка, ведь никаких кораблей, подходящих к Граматару с этой стороны, замечено не было, да и рифы там, кораблю просто-напросто не пристать к берегу...

– Что с ними? – мигом напрягся Сварог. И добавил: – Имейте в виду, ваше величество, если с ними что-нибудь...

– Да успокойтесь вы, – отмахнулась Домгаар. – Ничего с ними не случилось. После соответствующего *разговора* с нашими... *гостями* я издала указ об образовании независимой провинции Клаустон на кузе Фагора, в течение пятидесяти лет всецело подчиненной короне и с правом выхода из-под протектората по истечении этого срока. Они, разумеется, согласились, интерес-то был взаимный: им нужна защита, а мне нужны преданные люди, и как можно больше... Нас *очень* мало, чтобы построить сильное государство, скажу откровенно,

поэтому каждый *верный* и толковый человек на счету...

– По-моему, пока у вас получается, – расслабился Сварог: она говорила правду, клаустонцы действительно живы и невредимы.

– Это только вопрос жесткой политики, – нахмурилась Домгаар. – Среди фагорцев много таких, кто не признает *новую* власть и не прочь ее свергнуть. Но если б не я и мои друзья, если б страной и флотом по-прежнему правил этот выскочка Михлест, ни один фагорец до Граматара бы не добрался...

В этом месте Сварог почел за лучшее промолчать.

– Вы правы, – не дождавшись ответной реплики, ухмыльнулась королева, – посреди океана имел место государственный переворот. Когда стало окончательно ясно, что король вот-вот загубит все дело, на которое было затрачено столько времени, сил и денег, группа здравомыслящих офицеров подавила панику среди пассажиров, отправила за борт наиболее верноподданных придворных и родственников короля и взяла власть в свои руки... А переворот возглавляла бывшая хранительница королевского архива, штурман эскадренного люгера по имени Домгаар. – Она очаровательно улыбнулась. – Вас не удивляет, что я так откровенно рассказываю вам об этом?

– Наверное, у вас есть причины, – осторожно ответил Сварог.

– И еще какие. Поэтому прибытие клаустонских... скажем так, переселенцев пришлось как нельзя кстати. Этот их дож Тольго производит впечатление честного и толкового правителя. Подчиняются ему беспрекословно... Не удивлюсь, если лет через пятьдесят наши отношения перерастут в отношения двух сильных и полноправных государств – если только я не упусти власть здесь, в Фагоре... – Она подперла кулачком подбородок и посмотрела прямо в глаза Сварогу. – Однако во время допросов его люди рассказали столько невероятных и, признаюсь, неправдоподобных вещей – о некоем священнике Свароге и его друзьях, которые ради спасения Клаустона в одиночку захватили гидернийский броненосец и провели его через все ужасы океана, к Граматару, а также о том, что означенный Сварог вот-вот прибудет к спасенным самолично, дабы принять от них корону, – в общем, я бы не поверила ни единому слову, если бы рассказы всех сорока двух не сходились даже в мелочах... – Она смотрела на Сварога откровенно оценивающе. – Значит, это правда?

– В какой-то степени, в какой-то степени, – скромно потупился Сварог. – Но вы же знаете, что память человеческая удивительным образом дополняет правду и приписывает реальным событиям вовсе уж нереальные объяснения...

– Знаю, – серьезно сказала королева. – Так и рождаются мифы. Взять хотя бы легенду о Терлеке-Горшечнике, слышали?

– Увы, ваше величество... – ответил он, откровенно любуясь ее величеством.

– В прошлом... то есть уже позапрошлом Цикле был такой народный фагорский герой – богатырь Терлек, простой гончар из городка Сварзилан. Лепил горшки и кувшины, а потом как-то сделал себе волшебный глиняный меч и в одиночку изрубил в капусту всю нечисть в округе – в частности, кровожадных и неуязвимых для обычного оружия Болотных Упырей, которые много лет взимали с Сварзилана дань в виде юных девственниц... Но мало кто знает, что на самом деле Болотным Упырем просто-напросто звали тамошнего мелкого барона, а Терлек-Горшечник никакой не горшечник, он был обычным бродя-

гой, долгое время просидевшим в подвалах замка – именно что за воровство глины. Организовал побег, вместе с такими же ублюдками проник в баронскую опочивальню и чуть было барона не удавил, но вовремя был зарублен стражей. Обыкновенная история, по каким-то причинам обросшая всяческими подробностями и ставшая чуть ли не народным эпосом... Или легенда о Королевской Охоте. Или, скажем, миф о монахах-подземельцах... Красивая легенда. Говорят, что тысячу лет назад, перед последним приходом Тьмы на Граматар в каких-то пещерах на бисте нашла себе прибежище некая секта, поклонявшаяся небесным светилам, как богам, считавшая землю за ад, а подземелье принимавшее за укрытие от ада. Что-то вроде того, мол, что земля открыта всем грехам, ниспосылаемым злыми небесными богами, оттого все грешники так любят землю и ненавидят очищающую тишь и сумрачное благолепие подземелий, а под землю грешные взоры плохих богов проникнуть не могут... Ну и в таком роде...

Сварог внимал безмолвно. Ему показалось, что королева просто говорит первое, что придет ей на ум, – а сама в это время думает о чем-то невероятно для нее важном. Принимает какое-то решение.

– ...И была якобы у этих монахов такая машина – такая золотая фигура, поворачивающаяся на оси. Наверное, на ней гадали. Наверное, жрецы запускали золотую механику, а потом то ли по расположению фигур, то ли по теням на стенах пещеры, истолковывали волю богов... Хорошая сказка, но сколько народу тогда погибло, пытаюсь найти эту кучу несуществующего золота!

Она пошевелилась и отвела взгляд, сказала проникновенно:

– Однако вы, капитан Сварог, действительно человек незаурядный. Кто вы такой, позвольте узнать?

Сварог пожал плечами.

– Боюсь, моя истинная история значительно проще и бледнее всего того, что обо мне рассказывают...

– М-да? – прищурилась Домгаар, глядя куда-то мимо Сварога. – А я вижу, вы обладаете некоторыми магическими способностями и владеете некими магическими предметами – весьма странными, мне незнакомыми... И некоторые из них вы получили помимо своей воли...

И только тут Сварог смекнул, что смотрит она на то место, где висит незримый и пугающий своей непонятностью «теннисный мячик», полученный им в дар от убиенного Соленого Клюва, но ничего спросить по этому поводу не успел.

– Позвольте узнать о цели вашего визита в Фагор? – поинтересовалась королева Домгаар. – Или, скажем иначе, о цели вашего визита на Граматар?

Сварог ответил, тщательно подбирая слова:

– Ваше величество, тот прискорбный факт, что мы высадились на вашей территории, объясняется простым совпадением: насколько я знаю, пока не составлено ни одной карты Граматара с нанесенными на ней государственными пределами, не расставлены пограничные столбы и не организована таможенная служба, поэтому нельзя говорить о преднамеренном нарушении фагорской границы...

Получилось складно и дипломатично. Кажется, он поймал нужную волну, благоприобретенные навыки правителя не забылись, слова текли витиевато и напыщенно – как и полагается при беседе столь высокопоставленных особ.

– Я и не говорила о нарушении, – холодно заметила Домгаар. – Я спрашивала о цели вашего визита на континент.

– Цель та же, что у всех остальных переселенцев, включая вас: выжить.

Домгаар помолчала, буравя его взглядом пронзительно синих глаз, потом задумчиво проговорила:

– Шесть человек. Один из них – предводитель – не самый последний воин и не самый захудалый чародей, обладающий по меньшей мере двумя неизвестными формами магии. Другой – знаменитый даже за пределами Гаэдаро полководец и тактик, якобы в отставке, однако отчего-то участвующий в вашей кампании. Третий – старший охранитель короны Гаэдаро собственной персоной, острейший ум и превосходный ловчий шпионов, также известный далеко за границами княжества. Четвертый – ни кто иной, как сам наследный принц Гаэдаро. Пятый – точнее, пятая, или даже пятое – явное порождение мрака, гуап, оборотень, хищник в образе человека. И, наконец, шестая – вообще непонятно кто, ожившая легенда о баксарах[125]... И вот эти шесть человек, снаряженные донельзя *странными* предметами и совершенно незнакомым видом оружия, *тайно* высаживаются на фагорский берег и отправляются в глубь нашей территории. Что я, по-вашему, должна думать?

Сварог подумал и искренне сказал:

– Что это... скорее всего, диверсионный отряд.

– Я рада, что вы следите за ходом моих мыслей. А поскольку Фагор пока – единственно возможная на Граматаре цель для диверсионной деятельности, то... У вас есть возражения?

«Ах ты ж Шерлок Холмс в юбке, – подумал Сварог, – ну я тебя...»

– Два возражения, ваше величество, – сказал он. – Если б ваши люди достаточно внимательно осмотрели нашу поклажу, то непременно заметили бы, что мы снаряжены для *дальнего* похода – далеко за внутреннюю границу Фагора, которая, полагаю, не простирается до противоположного берега Граматара. Следовательно, наша цель находится отнюдь не в Фагоре. Это во-первых.

Он сделал паузу. Домгаар хранила молчание, и Сварог бесстрастно продолжал:

– Во-вторых. О нашем скором прибытии знали аж сорок два человека, которые ни с какого бока не являются скрытыми агентами и переодетыми вредителями. Следовательно, ни о какой *тайной* высадке речи также не идет, ваши люди просто проморгали ее...

– Повторюсь: я рада, что ход наших мыслей совпадает, – с непонятной интонацией сказала правительница Фагора. – Я подумала так же. И только поэтому вы и ваши друзья до сих пор живы. Однако цель вашего прибытия остается для меня загадкой...

– ...именно потому, что лежит вне сферы интересов государства Фагор, – с очаровательнейшей улыбкой добавил Сварог.

На простом, не дипломатическом языке его фраза означала: «Не твое собачье дело», и королева сие, кажется, поняла. Она мимолетно нахмурилась, потом, видимо, придя к какому-то решению, встала. Поднялся и Сварог.

– Аудиенция закончена, – ледяным тоном сказала Домгаар. – Ваши друзья заждались, мастер Сварог. Беспокоятся и уже подумывают, не прорываться ли с боем к вам на выручку... Прошу вас, давайте перейдем к ним, зачем нам лишние хлопоты...

Она громко хлопнула в ладоши, и на пороге тут же нарисовалась давешняя стража с автоматами. Королева встала и, держа спину, двинулась к выходу – ни разу не оглянувшись, не сомневаясь, что Сварог следует за ней. Сварог вздохнул – и последовал.

– Ее величество королева Домгаар! – провозгласил один из стражников (судя по всему, из-за отсутствия лишних людей выполняющий заодно роль мажордома).

В соседней зале был накрыт стол – длинный и монументальный, явно не сработанный из корабельного дерева, а доставленный на Граматар прямиком с Атара, из дворца почившего Михлеста. О чем-то шушукующиеся в уголке сподвижники Сварога дружно прыснули в стороны и приняли самый что ни на есть невинный вид. Первым новоявленной королеве поклонился Пэвер, за ним, после секундной паузы, Гор Рошаль. Олес остался стоять, надменно вздернув подбородок, а Кана и Чуба... Черт, обеих дам в зале не было. Сварог опять напрягся. Пока королева вполголоса давала какие-то распоряжения слугам, он тихонечко переместился к своим и негромко спросил:

– Обстановка?

– Пока спокойная, – доложил Рошаль. – Здание охраняется по периметру, человек десять, автоматы, алебарды, шпаги, у входа и окон охрана усилена. Но к нам – со всем почтением, такое ощущение, что скорее нападения извне опасаются, не нас. Так что прорваться можно, если внезапно...

– Вещи все-таки забрали, – добавил Пэвер. – Правда, собаки, вежливо и обходительно, тут Рошаль прав. Ведут себя, как с заморским посольством... Я тут пока провел небольшую разведку боем, завелся к одному из стражи – посмотреть хотел, как себя поведет. Ничего, утерся и ни пикнул, стоит себе, улыбается. Хотел даже ему в рыло звездануть, да Рошаль отговорил... Вас-то где носило?

– Вы уж поаккуратнее, все ж таки в гостях... Чуба где? И эта, проводница, дева наша островная?

– Решили остаться снаружи, с нами не ходить. Хотят побродить в округе, посмотреть, что да как, покараулить... Никто не запретил, выпустили и слова не сказали.

– Не нравится мне это, – буркнул Рошаль.

– На ловушку не похоже, – сказал Пэвер.

– Это-то и настораживает... – вздохнул старший охранитель.

Тут мажордом объявил:

– Главнокомандующий армией Фагора генерал Зарр, барон Руркан, первый советник ее величества королевы Домгаар!

И на пороге показался еще один персонаж – высокий, тощий и бледный, как туберкулезник, при церемониальной короткой шпажонке и усах, заливчатски закрученных кверху.

Он шагнул внутрь, коротко поклонился присутствующим и скромно остановился в сторонке. Пэвер ревниво оглядел новоприбывшего.

– Прошу, мастера путешественники, – сказала Домгаар, – мастер Руркан, мой кузен, добрый друг и верный соратник в деле обустройства нового Фагора. Изъявил желание лично познакомиться со столь популярными в Тоуранте героями, вот я и пригласила его к ужину...

– Поверьте мне на слово, я искренне рад встретиться с вами, мастер Сварог,

и всеми вами, – сказал мастер главнокомандующий.

Воспоследовал обмен рукопожатиями и уверениями в совершеннейшем друг к другу почтении.

Стол был сервирован на десятерых. Домгаар отдала меч охраннику, проследовала к высокому креслу, отличавшемуся от остальных позолотой, вычурными резными подлокотниками, да и вообще некоей *монументальностью*, и чинно уселась во главе стола. Тут же возник бесстрастный, как мертвец, лакей – в простенькой лиловой ливрее, без галунов и прочих излишеств, отнюдь не похожей на расфуфыренные в пух и прах наряды *обычных* царедворцев. Впрочем, аскетизм в костюме с лихвой компенсировался ловкостью, с которой он в мгновение ока убрал два лишних прибора и тут же принялся разливать вино по бокалам. Сразу чувствовался многолетний опыт прислуживания за королевским столом.

– Мастера путешественники, – мягко напомнила о своем существовании правительница Домгаар, – не соблаговолите ли выполнить маленькую женскую просьбу? Клянусь Таросом, что в пределах Фагора вы находитесь под защитой *моей* короны, и здесь вам ничего не угрожает. Поэтому не надо стоять с таким видом, будто я людоед, заманивающий в свой замок несчастных детишек... Да садитесь вы, в конце концов, поужинаем.

– Охотно, сестричка, – сказал Руркан и вознамерился занять место справа от королевы, но та легким жестом остановила его. На белом лице Руркана проявилось недоумение, он открыл рот, но тут на сцену вышел до сих пор молчавший Олес.

– Черт бы вас побрал с вашей подозрительностью, мастер Рошаль! – вдруг процедил он сквозь зубы. – Мы же действительно в гостях у *королевы*... – И он первым двинулся к столу. – Прошу прощения, ваше величество, за некоторую непочтительность с нашей стороны, однако, согласитесь, что обстоятельства, при которых мы оказались в вашей резиденции, несколько...

– Ах, да бросьте вы эти условности, князь, – отмахнулась от него королева вилкой и поморщилась. – Вы ведь теперь князь, не так ли? Что ж, я восхищена, люди из Тоуранта слагают легенды про ваше мужество. Садитесь-ка слева от меня. А мастер Сварог, как ваш командир, пусть сядет справа. Остальные вольны рассаживаться где им удобно, так, по-моему, будет справедливо... Садись, Рур. Садитесь, князь, не стойте столбом. В конце концов, вашего княжества на картах нет, да и прежний Фагор сейчас находится на дне океана, так что в некотором роде мы *равны*.

Сварогу показалось, что последнее слово она произнесла с неким подтекстом, однако подтекста он не понял. Олес не понял тем более – впрочем, он даже подтекста не заметил. И, по примеру остальных отдав шпагу слуге (негоже трапезничать при оружии), сел за стол.

Куда подевался молодой повеса и шалопай, которого знал Сварог! За стол уселся по меньшей мере наследный принц Великобритании, напыщенный и чопорный, что твой индюк. Изысканно-небрежно бросил на колени салфетку, понаблюдал отстраненно и чуточку брезгливо, как слуга перекладывает из блюда ему на тарелку кусочки мяса в каком-то соусе, и *принял* от него приборы с таким видом, будто совершает тем самым кому-то величайшее одолжение.

Расселись, наконец, и все остальные – Руркан с плохо скрытой обидой в

глазах, Рошаль с видом каменно-непроницаемым, а Пэвер... А Пэвер был попросту голоден и того скрывать не собирался. Он поднял бокал, поклонился Домгаар и без лишних слов, в два приема, выбулькал его до дна. После чего удовлетворенно крякнул и взялся за вилку.

Сварог же по привычке проверил еду на предмет наличия посторонних ингредиентов, способных привести к такой маленькой неприятности, как скоропостижная смерть от отравления, ничего не обнаружил, мысленно пожал плечами и отправил в рот первый кусок... В конце концов, милостивые государи, можно же побаловать себя бесплатной королевской кухней – после сугубо вегетарианских и пресных, как вата, блюд Островов? А то когда еще придется...

Постепенно развеялись – ведь, как известно, хороший дом, хорошая пища, что еще нужно человеку... В общем, ужин, как принято было говорить в другое время и в другом месте, проходил в теплой, дружеской атмосфере. Единственный, кто несколько нарушал общую картину довольства и благодушия, был мастер Рошаль – он едва притронулся к еде, пил и того меньше и, казалось, в любой момент ожидал кинжала в спину.

Когда было покончено с мясом, милыми рассказами об ужасах *Исхода*, трудностях жизни на новом материке и радужными перспективами на будущее, мастер Руркан промокнул губы салфеткой, отодвинул блюдо, посмотрел бутылку на просвет – та была пуста, – кивнул лакею и откинулся на спинку кресла. Переглянулся с королевой, Домгаар едва заметно кивнула.

Сварог тут же насторожился. Над столом явственно повисло напряжение, которое почувствовал даже шалопай. Осторожненько отложил вилку и выпрямился в кресле.

– Причина, по которой Домгаар *пригласила* вас в столицу, проста... – безмятежно начал Руркан в полной тишине и повернулся к кухне: – Сама расскажешь или предпочитаешь, чтобы я?

– Мастер Сварог, – сказала Домгаар с милейшей улыбкой, на кухню не глядя, – у меня к вам – и ко всем вашим людям, разумеется, – есть весьма заманчивое предложение. Я не знаю, о чем вы там договорились с... как их там называют – жителями Блуждающих Островов, верно? – да и, признаться, знать не хочу. Как вам известно, флот Фагора прибыл на Граматар либо первым, либо одним из первых. Это большая удача, везение, фортуна, называйте как хотите. Но я должна, я *обязана* сделать все от меня зависящее, чтобы Фагор уберечь. Чтобы Фагор стал сильным, полнокровным государством – даже если придется вступить в войну с теми, кто позарится на наши территории. А такие обязательно появятся, уж поверьте мне. Нам повезло, что мы высадились на землях плодородных и относительно *безопасных*... Знали бы вы, что творится там, в глубине Граматара, – и даже в каких-то трехстах кабелотах к узде-ру от нас... – На мгновенье в ее глазах мелькнул неподдельный ужас, но она быстро справилась с собой. Сказала хладнокровно: – Впрочем, это все лирика. А реальность такова: я, королева Домгаар, *настоятельно* прошу вас принять мое предложение и остаться *здесь*. В качестве полноправных граждан Фагора и особ, приближенных к трону. У меня мало людей. Мне нужен человек, который будет отвечать за внутреннюю безопасность страны, Руркан один не справится. Мне нужен человек, который возложит на себя организацию обороны от возможного вторжения. Мне нужен человек, который возложит на себя организацию обороны от возможного вторжения *нежити*. Мне нужен... –

Она запнулась и закончила почти с тоской: – В общем, мне нужны сильные и преданные люди... И именно таких людей я вижу перед собой.

Никто пока не проронил ни слова. Тогда Домгаар продолжала:

– После всего того, что про вас рассказали клаустонцы, даже если половина из рассказанного – выдумки, я прошу вас помочь...

– Э... – сказал Олес, – правильно ли я понимаю, что вы собираетесь нанять нас на работу?

– Предложить вам работу, – поправила его королева. – Работу, достойную вас. Стать, если можно так выразиться, моими правыми руками. – Она помолчала, потом сказала с тоской: – Нас сожрут, я чувствую это. Если сюда прибудет гидернийский флот, нам не устоять. Да и с остальными государствами нам не справиться. Я была хранительницей королевских архивов на Атаре, я знаю, что тот, кто чувствует себя сильным, обязательно станет пожирать того, кого он чувствует слабым. Это закон людей. А я чувствую себя слабой. Да и среди фагорцев есть недовольные, особенно среди царедворцев Михлеста... Князь, я отчаянно нуждаюсь в специалистах. Бывшие лакеи, садовники, фрейлины, повара, шталмейстеры, смотрители купален, хранители гардеробов, даже глашатаи – этого добра Михлест набрал с собой под завязку, а вот настоящих воинов, настоящих солдат, их очень мало. Поэтому вы мне нужны. Вот и все.

Пэвер недоуменно переглянулся со Сварогом. Сварог кашлянул и сказал:

– Ваше величество... Простите великодушно, но это предложение столь необычно и внезапно...

– Я не неволю, – быстро перебила Домгаар. – Сколько времени вы хотите на размышление?

– Видите ли, у нас есть задача, которую мы должны выполнить...

– Вы острожитян имеете в виду? Они не найдут вас. Они же никогда не высаживаются на берег.

– Дело не в том, ваше величество. Мы дали слово.

– Вам обещана награда? – подал голос Руркан.

– Опять же – дело не в том... Да, обещана.

– Большая?

– Да. Но я не приму ее. У меня, знаете ли, другие планы.

– Это значит – нет? – прищурилась Домгаар.

– Ваше величество... – сказал Сварог.

– А если я попытаюсь *убедить* вас остаться?

Помолчали. Потом Сварог аккуратно спросил:

– Это угроза?

– Нет, – сказала королева. И добавила: – Пока.

– Господа, – примирительно сказал Руркан, – такие вопросы быстро не решаются. Сестричка, давай спокойно поужинаем, а утром будем разговаривать...

Он щелкнул пальцами, появился безмолвный лакей, налил вина из новой бутылки. Руркан взял у него бутылку, поводит горлышком у носа, понюхал.

– Эту бутылку я нашел в винном погребе флагманского корабля, – объявил он. – Узнаете?

– «Белая гора», – медленно произнес Рошаль с непонятной интонацией. – Единственное приличное вино, которое делалось в Гаэдаро.

– Правильно! – обрадовался главнокомандующий. – Но сейчас это – символ.

Символ дружбы между правительством нового Фагора и посланниками Гаэдаро. Я хочу поднять тост...

– Ваше величество, – повернулся Рошаль к Домгаар, – прошу прощения, не приказать ли открыть окна? Очень душно...

– Почему бы и нет, – невесело улыбнулась та и сделала знак слуге. Вечерний воздух ворвался в зал, принялся колыхать тяжелые гардины.

– Благодарю. Так что вы говорили, мастер главнокомандующий? Я перебил вас столь невежливо...

– Пустяки, – махнул рукой Руркан. – Я предлагаю выпить за дружбу и доверие между нами, а о сотрудничестве поговорим завтра, на свежую голову.

Сварог следил за Рошалем со все возрастающим беспокойством. Таким вежливым и витиеватым, насколько граф сумел узнать мастера охранителя, он становился исключительно на допросах и при прочих беседах с врагом... Сварог быстро проверил вино на предмет яда – и яда там, разумеется, не обнаружил.

– Что ж, великолепный тост, – продолжал Гор Рошаль благодушно, наблюдая за Домгаар, которая подносила бокал к губам. – С удовольствием выпью... Но только, – вдруг сказал он таким голосом, что все вздрогнули, – я бы не советовал пить *вам*, ваше величество.

– Что такое... – привстал Руркан.

Королева недоуменно посмотрела на охранителя:

– Мастер Рошаль...

Рошаль бесцеремонно взял бокал из ее рук и посмотрел вино на свет.

– Да что вы себе, в конце концов...

– Ваше величество, – перебил охранитель, – вам известна одна славная травка под названием тлифор? Пользуется бешеной популярностью среди отравителей и адептов Темной магии... Если у вас есть специалист по ядам, я бы настоятельно попросил вызвать его сюда немедленно – пусть проверит, нет ли в бутылке следов этого симпатичного растения. А потом вспомните, откуда здесь взялась эта бутылка...

Губы Домгаар сжались в тонкую линию.

– Ну вот что... – разъяренно начала она после короткой паузы, но Рошаль вдруг треснул ладонью по столу, гаркнул:

– Да вы на лицо его посмотрите!

И вытянул обвиняющий палец в сторону главнокомандующего Руркана.

Последующее слились в одно сплошное действие. Сварог не успевал следить за происходящим – тело его реагировало само, без вмешательства медлительного разума.

Кажется, с грохотом полетел на пол опрокинутый стул, и Руркан вскочил, вытягивая из-за пазухи нечто, подозрительно напоминающее мушкет. Лицо его было искажено такой ненавистью, такой злобой, что почти потеряло всякое сходство с ликом благородного дворянина. Кажется, Рошаль сунул два пальца в рот и пронзительно, совсем по-мальчишески, свистнул... Кажется, там, снаружи, кто-то завопил как резаный, донеслись лязг металла о металл, крики и шум борьбы... Поклясться, что все происходило именно в такой последовательности, Сварог не мог. Сознание включилось, когда он на автопилоте уже перелетал через стол, к Руркану – потому что видел, что ствол мушкета (да, это был именно мушкет) направлен Домгаар точно в лицо. Руркан отшат-

нул, повернул оружие в сторону Сварога и спустил курок.

Грохнуло. Зал заволкло кислым пороховым дымом. Пуля, встреченная магией ларов, изменила траекторию, отклонилась и вдребезги расколотила хрустальную напольную вазу в углу. Но Сварог уже был на Руркане, проклиная дурацкое правило садиться за стол безоружными. Места и времени для грамотной атаки не было, Сварог повалил главнокомандующего на пол, попытался придавить массой тела – но тот с неожиданным проворством вывернулся, выскользнул, откатился чуть в сторону. Перед лицом Сварога неуловимо быстро мелькнула подошва сапога со шпорой – и каблук впечатался Сварогу в грудь. Дыхание перехватило и в глазах помутилось. Ах ты ж гад, у кого ж ты насобачился так драться... Руркан уже поднялся на колени. Швырнул в голову Сварогу разряженный мушкет, Сварог отбил его рукой, сгруппировался для броска... А потом в зале стало как-то сразу очень много народу – вооруженные охранники набились как сельди в бочку, что-то орали, выкрикивали какие-то команды, звенели шпагами – в общем, заслонили от него кузена и верного соратника королевы.

– Не калечить! – перекрыл гам властный голос Домгаар. – Братик мне нужен живым...

Сварог помотал головой и закрыл глаза. Мутило.

Глава шестая

«Жить – так в Сочи...»

– Эта травка, глифор, совершенно безопасна. Многие повара даже добавляли ее в крольчатину по-катамойски, есть такое национальное блюдо в Бадре, – дескать, придает мясу изысканный вкус... Однако у нее, у травки той, имеется одно интересное свойство: если подмешать порошок из нее в еду или питье, дать выпить кому-нибудь и произнести соответствующее заклинание, то, попав в желудок жертвы, трава становится либо сильным снотворным, либо ядом – зависит от заклинания. Вот мой братец и решил угостить меня винцом с приправой, падаль...

Сварог мигом вспомнил первые часы своего пребывания на Димерее – и банду слепых мародеров, напоивших его отравленным вином, на которое детектор ядов почему-то не отреагировал. Ах, стервецы, вот чем вы меня взяли...

– Откуда вы это знаете? – спросил он. – Я имею в виду траву.

– Я же была хранительницей архивов, не забывайте, граф, – улыбнулась королева. – Я много чего знаю. И с каждым разом узнаю все больше. Например, сегодня я узнала, что людям доверять нельзя. Даже родному кузену. Особенно родному кузену... – Она подняла голову. – А вот вам я почему-то верю. Вы не знаете, почему?

– Откровенно говоря, нет.

– И я нет, – вздохнула Домгаар. – Но, во всяком случае, отнюдь не потому, что вы спасли мне жизнь.

На следующий вечер они мирно беседовали в комнате на втором этаже «дворца», отведенной под покои высокого гостя. Сварог сидел на кровати, а она расположилась за столом, задумчиво открывая и закрывая крышку чернильницы.

Создавалось ощущение, что в столице никто не спит вот уже вторые сутки. Горели костры, по «улицам» то и дело проносились группы всадников с факелами, кого-то тащили и он громко вопил, кого-то, кажется, били, что называ-

ется, не отходя от кассы... Проще говоря, в столице шла чистка. Гор Рошаль, допросив Руркана, в два счета расколол его, и потом, на волне азарта, вызвался помочь начальнику внутренней охраны выявить всех заговорщиков – и вот уже второй день браваый экипаж с упоением носится по городу и выявляет.

(Да, имел место заговор. Банальный, тривиальный, каких было сотни во все времена и во всех мирах и будет еще тысячи. Главнокомандующему фагорской армией, первому советнику королевы, ее двоюродному брату и верному сподвижнику барону Руркану просто-напросто захотелось спихнуть сестренку с трона и воцариться самому, ибо женщина на троне – это-де фикция. Готовился он долго, а тут выпал прекрасный случай. Узнав, что Домгаар собирается пригласить в столицу некоего супермена Сварога с компанией суперменов рангом чуть пониже, прошедших сквозь ужасы Океана как нож сквозь масло, и даже предложить службу при дворце, он поначалу обеспокоился: ему не нужны были лишние люди около трона, особенно супермены. Но чуть погодя он понял, что можно использовать их появление себе в безусловную выгоду.

«Все просто и очень скучно, маскап, – бесцветным голосом объяснил Рошаль, когда арестованного Руркана увели, а они вышли на свежий воздух. – Отравленное вино было гаэдарским, откуда, собственно, мы и прибыли. Значит, кто отравил королеву? Мы. Зачем? Наемные убийцы из Гаэдаро – или еще откуда-нибудь, не столь уж важно – пытаются ослабить Фагор. Посмотрите на их костюмы! Посмотрите на их оружие! Посмотрите на них! Втерлись в доверие к венценосной бедняжке и безжалостно ее умертвили. Потом убийц торжественно вешают на городской площади, а место на троне занимает ближайший родственник. Вот, собственно, и все, маскап».

«Я потрясен, – искренне сказал тогда Сварог, закуривая. – Нет, мастер охранитель, честное слово, это великолепно. Пуаро – слепой щенок рядом с вами...»

«Не знаком», – хмуро вставил Гор.

«...но, черт возьми, Холмс, как вы догадались?» – голосом Соломина спросил развеселившийся Сварог – начался эмоциональный откат после драчки, адреналин бурлил в крови и хотелось то ли петь, то ли изрубить врага в мелкую капусту.

Рошаль пожал плечами:

«Случайно. Я заметил, что вокруг этого сарая, который они называют дворцом, подозрительно много праздно шатающихся солдат – но при оружии. Я заметил, как Руркан передает лакею бутылку гаэдарского вина – но почему-то тайно... Я начал думать, сопоставлять. Поговорил с Ароком, он проникся, побежал к начальнику внутренней охраны. Я попросил Чубу и эту, Кану, незаметно последить за входом и окнами. Открытое окно – это был знак для наших солдат. Вот, собственно, и все, дальше вам известно... Однако, каюсь, до самого последнего момента я не знал, против кого он нанесет удар. Думал, что против вас, маскап».

«Гениально. Примите мои поздравления».

«Разрешите мне спуститься в подвал? Там как раз начинают допрашивать Руркана, я бы хотел поприсутствовать – может, помогу чем-нибудь...»

И Рошаль отправился вниз, а Сварог, докурив, поднялся наверх, к себе – где уже ждала Домгаар...)

– Вы не боитесь так – без охраны? – спросил Сварог, прислушиваясь к шуму снаружи.

– Теперь – нет, – твердо сказала она. – Теперь они долго нос не высунут...

– Вы удивительная женщина, ваше величество. Я восхищен. И всю жизнь проклинал бы себя, если б отказался принять ваше приглашение.

– Я женщина, – грустно сказала она. – Я просто женщина, которую Тарос за какие-то прегрешения наградил короной... А вот вы – льстец...

– Есть немного, – улыбнулся Сварог. – все мы, знаете ли... Кроме нашего дорогого Рошаля.

– Зато у него другие таланты.

– Стараемся, – скромно сказал Сварог.

– Впрочем, я и не сомневалась. И теперь окончательно уверилась, что вы нужны мне. Все шестеро.

– Опять угроза, ваше величество?

Он посмотрел ей в глаза, и она взгляда не отвела. Сказала тихо:

– Теперь уже и не знаю, мастер Сварог. Признаюсь, была у меня мысль задержать вас и заставить работать *силой*... но теперь, после того, как вы спасли мне жизнь... Я не настолько неблагодарна. Да, я нуждаюсь в вас, но... В общем, так. Вам в вашем пути может понадобиться моя помощь? Помощь Фагора? Лошади, провиант, оружие?

Сварог пожал плечами.

– Лошади – нет, не пройдут, провиант – тоже нет... Разве что интересно было бы, конечно, покопаться в ваших архивах, но, боюсь, у нас мало времени...

– Архивы остались на Атаре, – глухо сказала Домгаар. – Михлест решил не перегружать корабли ненужным хламом.

– Тем более.

– Куда вы идете, граф? – неожиданно спросила она. – Что вам там делать?

– Работу, ваше величество... Впрочем, не знаю. Возможно, что я ошибаюсь.

– Вы просто не знаете самого себя. Вот например... Да сидите, сидите, не на приеме...

Она встала, подошла вплотную к Сварогу, наклонилась и легонько коснулась его волос на левом виске.

– Например, граф, – вы знаете, что это у вас там такое?

– Где?

– Ну не надо. Синий шарик, пульсирует...

Сварог на мгновение опешил.

– Вы... Вы *видите* его?!

– Не вижу, но чувствую.

– Понятия не имею, что это за штука, – честно признался он.

– Странно, я всегда думала, что и это – тоже легенда. А оказывается – правда... В одном старом архивном документе я нашла упоминание о некоем ученом из Фагора по имени Сиргамас...

– Знаю, – кивнул Сварог. – Мечтал осчастливить человечество поголовным переселением под воду.

– Откуда вам это известно? – Она действительно была удивлена. – Никаких материалов об этом проекте почти уже и не осталось.

– Я просто встретился как-то с этими... осчастливленными...

Домгаар на секунду задумалась, потом несмело улыбнулась:

– Уже немного зная вас, граф, я полагаю, что счастливыми они быть перестали.

Черт, все-таки это и в самом деле была простая женщина, которая только делала вид, что сильная, потому что стране необходимо выжить. Она продолжала стоять близко, очень близко, и Сварог чувствовал тонкий аромат каких-то духов, смешивающийся с запахом чистого тела. Он медленно обнял ее за бедра, и она не сопротивлялась...

Крики за окнами перестали для них существовать. Равно как и весь Фагор с Граматаром и прочими мирами.

А когда Сварог выплыл из сладостного дурмана, то не сразу понял, что шум действительно стих – теперь снаружи было безмолвно и покойно, лишь где-то вдалеке таяла какая-то собачонка. Интересно, сколько прошло времени...

Он скосил глаза. Домгаар лежала рядом и водила пальчиком у него по груди, рисуя замысловатые узоры на коже. Он обнял ее свободной рукой, но она слегка отстранилась.

– Ты все равно уйдешь...

– У меня работа.

– Мужчины всегда уходят, а женщины всегда ждут их возвращения... Нет, не бойся, я не буду ждать. Просто...

– Я понимаю, – сказал Сварог. – Тебе хочется, чтобы рядом всегда была мужская рука, на которую можно опереться, – а опереться-то не на кого. И когда на горизонте возник этакий...

– Замолчи. Замолчи – потому что ты прав... Я тебе противна? Тоже мне – королева...

– Ты прекрасна, – сказал он чистую правду. – Ты настоящая королева. И настоящая женщина. И если бы все было по-другому...

– По-другому не бывает никогда.

Она замолчала ненадолго, потом проговорила нараспев:

*Зеленым горячечным чадом
Вливалась в палату луна
И мальчика, спящего рядом,
Неслышным змеящимся ядом
Неслышно одела она...*

– Боишься, что пойдут сплетни? – спросил Сварог.

– Нисколько, ты не понял... Да никто и не узнает: я отправила охрану на внешние рубежи дворца.

Она плавно выскользнула из его объятий, не спеша принялась одеваться. Сварог смотрел на нее с затаенным восхищением, с грустной любовью.

– Вот и все, граф, – сказала она. – Вот и все. Главное – не оглядываться и не жалеть. Ты не жалеешь?

– Бестактный вопрос, ваше величество.

– Да, я не рассказала тебе о Последнем Шансе...

– О чем?! – Сварог даже сел.

– Успокойся, ничего страшного. Этот пульсирующий стук у тебя в голове... – Она присела на краешек постели и пальцами растрепала ему прическу. – Я читала, что когда Сиргамас создал первого двоякодышащего человека, то он вложил в него такое... устройство не устройство, магия не магия... Не знаю, как объяснить. В общем, это что-то вроде взрывателя. На крайний слу-

чай. Когда враги вокруг и нечем отбиваться. Называется Последний Шанс – достаточно сконцентрироваться на этом шарике и мысленно бросить подальше от себя – рванет так, что ой-ой-ой... А можно и не бросать, просто сконцентрироваться – тогда тебя самого, вместе с врагами.

– Ой-ой-ой... – потрясенно прошептал Сварог. И чуть ли не крикнул: – Ничего себе – ой-ой-ой! Это что получается, это получается, у меня в голове – бомба?!

– Получается, – почти весело сказала Домгаар.

– Ну ни хрена ж себе... А ты-то чему радуешься?

Она стала серьезной.

– Когда я увидела взрыватель, там, в тронном зале, то сначала испугалась. Решила, что это для меня подарочек... А оказывается, ты и сам ничего не знаешь.

– Ясно. – Сварог горемычно вздохнул и осторожно потрогал бедовую головушку. – Почему же ты сразу, как увидела, не кликнула стражу?

– Сама не понимаю. – Она тряхнула плечами.

– Черт... Да если наш Рошаль узнает, что я – ходячая мина... он же голову мне вместе с миной оторвет, он же перестраховщик!

– Кстати, – она закрыла ему рот ладонью. – Граф, как вы думаете, а мастер Рошаль не согласится остаться в Фагоре? Тут много работы по его... профилю. А там, куда вы направляетесь, – там же нет людей, нет *объекта*, так сказать, приложения его сил...

– Не знаю... – Сварог в самом деле подумал о такой возможности. – Надо у него спросить...

– Не согласится, маскап, будьте уверены, – донесся знакомый голос из-за занавеса, за которым скрывалась дверь в комнату.

Домгаар дернулась к шпаге, повешенной на спинку кровати, а Сварог резко натянул на себя простыню.

– Черт бы вас побрал, Рошаль!!! – крикнул он. – Вы что, подслушивали?!

– Никак нет, – спокойно ответил невидимый охранитель. «Врет, – подумал Сварог. – Ох, врет, мерзавец...» – Я просто пришел сказать вам, что экипаж собран, построен и ждет распоряжений.

– Ага... Ну и... как там?

– Почти закончили. Осталась мелкая сошка, ее вышелушат и без меня. Руркан под арестом, ждет королевского суда.

– Сколько времени?

– Рассвет через два часа... самое время выступить, маскап. Если вы, конечно, не передумали.

– А вы? – дерзко спросила Домгаар.

– Позвольте войти?

– Да валяйте уж...

Занавеска колыхнулась, и мастер старший охранитель появился в комнате.

– Я тоже не останусь, ваше величество, – поклонился он, на голого Сварога даже не взглянув. – Здесь, конечно, непаханое поле для моей работы, но... Я понимаете ли, не привык сворачивать с полдороги. Мы направляемся в конкретное место с конкретной целью, и пока не дойдем, я не отступлюсь... Если, конечно, мастер капитан не сочтет мое присутствие среди членов экипажа ненужным.

«А ведь он действительно не подслушивал, – вдруг понял Сварог. – Он *работал* – меня охранял, охранитель чертов...»

– А вам говорили когда-нибудь, – уже успокоившись, спросил он с ласковостью змеи, – что вы, мастер Рошаль, – распоследний негодяй и просто бесчестный человек?

– Неоднократно, – с достоинством кивнул Гор. – Но не так часто, как, скажем, называли именами, которые я не решусь произнести при даме.

– Идите уж, дайте одеться спокойно...

Часть вторая ТУДА И ОБРАТНО...

Глава седьмая Долог путь по Граматару

Они взобрались на холм, откуда последний раз можно было увидеть столицу Фагора («Эх, а я ведь так и не узнал, как она называется... впрочем, зачем?»), постояли немного и двинулись дальше по компасу. Сварог прислушивался к себе, пытаясь отыскать... что? Нет, легкая заноза в душе присутствовала, это да, но сильного страдания не причиняла – так, просто боль от разлуки... Королева, между прочим, к почетному покиданию боевого отряда столицы не вышла, зато, наплевав на ранний час, высыпали почти все горожане, от мала до велика, и в толпе усиленно ходили слухи, что столицу-де покидает специальная рота по предотвращению заговоров и дворцовых переворотов в разных странах. Куда она направляется – тайна сия великая есть... а вот откуда пришла, об этом как-то никто не думал.

Вскоре город скрылся за холмами, они снова углубились в лес.

Первый час Олес захлеб рассказывал, как они славно метелили по всему городу заговорщиков, как быстро мастер Рошаль организовал слаженное прочесывание домов с одновременным допросом подозреваемых, как вычислял, где заговорщики могут прятаться, а вот мастер Пэвер разгромил винный подвал, по ошибке приняв его за подпольную штаб-квартиру, и в одиночку чуть не уничтожил все запасы, как Чуба, на минуту обратившись волком, почти довела до припадка одного уж очень настойчиво не признающегося, после чего он признался во всем, а вот Кана возглавляла отряд чистильщиков...

– Да, для меня это был познавательный опыт, – только и сказала на это островная дева. Из всего экипажа она одна была мрачна и недовольна вынужденной задержкой.

Но потом Олес притомился и шагал молча.

...Как известно, человек рано или поздно привыкает ко всему. Привыкли они и к Граматару. Уже не поражали воображение сюрреалистические картины сухопутно-океанской мешанины. Уже проходили не то что не застывая соляными столбами, а даже голов-то не поворачивая, мимо таких диковин, как речной плес, утыканный морскими звездами, или развалины какого-то строения, облепленного ракушками так, что на стенах живого места не оставалось, и от которого по всей округе распространялся столь могучий запах тухлой рыбы, будто бы строение от фундамента до провалившейся крыши набито отборной тухлятиной, точно бочка селедкой.

Наткнувшись посереде леса на рыбину, пучащую глаза из-под корней, где

она в какой-то луже каким-то чудом продержалась со всплытия до сего дня, они уж не толкали друг друга в бока – что творится, бляха-муха и Наваково семья! Ну рыба, ну в лесу, подумаешь... Подумаешь – пролетела сова с квелой осьминожкой в когтях... Привычной частью звукового сопровождения стал хруст ракушек под подошвами. Так, гляди, хрустеть перестанет – уже почувствуется, что не хватает чего-то очень родного и очень домашнего.

Олень, чешущий бок о коралл, рачки, снующие по стволам и веткам, низины и овраги, затопленные невысохшим илом, коричневым и сочным, в котором еще вовсю копошатся какие-то твари, сцепившиеся в смертельной схватке карась и бурундук... Все правильно. Так и надо. Мы идем по Граматару, пум-пурум-пурум-пумпум...

Олес еще не бросил своего развлечения, еще продолжал собирать жемчуг. Правда, наклоняться к каждой раковине-жемчужнице уже ленился, делал исключение лишь для самых больших – и то, если те валялись не далее десятка шагов в сторону. Поставленную задачу – собрать тридцать три жемчужины, чтобы сделать из них что-то, как у Круарха-Альбиноса[126], он уже давно выполнил и теперь шел на рекорд. Выковырянную жемчужину он сравнивал с самой мелкой из своих. Если найденная оказывалась крупнее – мелкая летела в траву. Иногда большие раковины притаскивала ему в зубах Чуба. Таким образом, княжья коллекция, не увеличиваясь количественно, укрупнялась и утяжелялась.

Привалы делали редко – пока есть силы, нужно было идти вперед. Вперед, вперед, вперед... Ночи проводили в спальнях мешках дамургов – вещь оказалась полезной не меньше рикс и сделанной с умом. В таком мешке не было ни холодно, ни жарко, ни душно, а было хорошо, как в родной кровати. И Сварог подозревал, что такая ткань выдержит даже коготь разозленного медведя – чем черт не шутит...

Перелески, овраги, холмы. День, ночь, день, ночь. Привалы, сон, еда – и снова в путь. Ни души вокруг. Отряд держался на удивление бодро, даже Рошаль втянулся. Стох продолжал указывать на гору, и Сварог забеспокоился всерьез: карта картой, но ведь ландшафт материка, по словам Бало, меняется от всплытия к всплытию – а вдруг именно на *этот* раз тайник оказался на вершине чудовищного пика? Не лезть же под облака, черт возьми, там холодно...

Здесь, в глубине Граматара, было еще беспокойно, то и дело они ощущали слабые подземные толчки, порой ветер доносил запах гари, но огня не было – и слава богу: лесной пожар – это, знаете ли... Подземные толчки повторялись с регулярностью, наводящей на мысль о разумной деятельности. В самом деле, с интервалом примерно в пять часов земля начинала ходить ходуном, птицы испуганно срывались с насиженных мест, на солнце набегали тучки, приходилось останавливаться и пережидать. Но поскольку землетрясения повторялись с точностью хронометра, привыкли и к ним.

На исходе четвертого дня они вышли к большой поляне посреди стеной застывшего леса. В центре поляны возвышалась древняя полуразвалившаяся башня, кладка из огромных камней, поросших мхом с налетом вездесущей соли, держалась разве что каким-то чудом, казалось – плюнь, и рассыплется колосс в прах...

Сварог с опаской заглянул в одно из круглых окошек, опоясавших башню по кругу. Что и ожидалось – затхло, сыро и никого. Он покачал камни, огля-

делся, скомандовал:

– Привал. Заночуем здесь. Не в башне, конечно, а то развалится еще от храпа уважаемого суб-генерала, – вон там, подальше, под орешником. Олес, костер. Чуба, пробегись вокруг, посмотри как и что... Ночное дежурство по расписанию. Кана, сегодня твоя очередь кашеварить.

Кана уныло кивнула. Сварог привычно наколдовал шесть пайков (сегодня в меню были мясной бульон, жареная баранина и кофе), отдал островитянке и отправился в кусты по зову природы...

Корабельным ревуном взвыло чувство опасности, и проклятуций синий мячик вновь застучался в левый висок... А потом в ноги толкнуло так, словно он все еще на борту броненосца, во время артиллерийского боя. На голову посыпалась какая-то труха с дерева, кроны вокруг тревожно зашумели, взвились стайки пичуг. Сварог бросился обратно. В лицо ударил горячий ветер, словно перед ним распахнули дверцы топки, полетела жухлая листва...

– Мастер капитан!..

Пэвер, сильно наклонившись вперед, против ветра указывал куда-то в сторону башни. Сварог посмотрел в том направлении... и обмер.

Вокруг башни начиналось некое движение, какое-то верчение самого воздуха начиналось там – он отчетливо *видел* этот воздух, спиралью сверху вниз закручивающийся вокруг строения и бестелесными щупальцами тянувшийся по земле к людям. Задрожали камни кладки, зашевелились, точно живые, вот один вырвало из стены, закружило в воздуховороте, шарахнуло оземь...

Он включил «третий глаз» и в магическом зрении увидел то же самое – за одним исключением: бессчетные щупальца ожившего воздуха были увенчаны зубастыми пастями, жадно нацеленными на людей.

– Уходим! – заорал Сварог. – Быстро! Олес, мать твою, бросай костер! Чуба! Где Чуба?

Олес от разлетающегося искрами костра метнулся к ругталю, подхватил, забросил на плечо... Одно из воздушных щупальцев просвистело в каком-то кайме от его ноги, Сварог выхватил шаур, дал очередь по башне...

Бесполезно. Ветер, да нет, какой там ветер, – ураган подхватывал звездочки и пускал их плясать в своем безумном танце. Рошаль мчался к Сварогу огромными прыжками, следом поспевали остальные, а Чуба где?! Вон она, слева, несетя серой тенью за кустами... Они отбежали на треть кабелота от злокозненной башни и только тогда позволили себе перевести дух. Отголоски воздушной вакханалии долетали даже сюда – земля дрожала под ногами, а над деревьями медленно и красиво поднимался в закатное небо рой камней – останки древнего строения.

– Что... Что это было?.. – шепотом спросила Кана. – Опять землетрясение?

Сварог передернул плечами.

– Что, что... Понятия не имею, вот что. Граматар, понимать надо... Но одно знаю точно: ночевать мы туда не пойдём... Чуба, ты ничего не почувствовала?

Волк покачал головой.

– Странно... Может, это и не магия?

– Или магия очень древняя, – добавил Пэвер.

– Все, блин, возможно...

Этой же ночью Сварог проснулся от незапомнившегося, но неприятного сна и некоторое время тупо таращился в темноту, пытаюсь сообразить, где он

и что тут делает. Костер почти погас, угольки едва горят, где дежурный?.. А потом он увидел, что это вовсе не костер светится в ночи – костер горел совсем в другой стороне, а рядом темнел силуэт дежурившего Рошала. Сварог приподнялся на локте, другой рукой нашаривая шаур, протер глаза, взгляделся.

Неподалеку, гораздо ближе, чем казалось сперва, над самой травой в беззвучном танце кружились фосфорически светящиеся пары в вечерних костюмах – настоящие люди, мужчины в черных фраках и женщины в белых и алых платьях, восемь пар, только ростом эти люди были с мизинец... как лилипуты Талара. Сварог почувствовал, как мигом вспотели ладони. А танцоры на зрителя не обращали ровным счетом никакого внимания, они были поглощены друг другом и музыкой, слышной только им самим. Они танцевали упорно, судя по движениям – какой-то медленный вальс, и чем дольше Сварог смотрел на них, тем сильнее становилось чувство, что он погружается в ритм танца, сам становится частью беззвучной музыки...

Он открыл рот, чтобы окликнуть Рошала, но испугался разрушить чудесное видение... Нет, какие, к лешему, таларские лилипуты? Это были совсем другие существа, из другого мира, невыразимо более прекрасного, чем Димерея, Талар и Земля вместе взятые... Неизвестно, сколько времени Сварог наблюдал за чарующими па светящихся танцоров, – но вот что-то изменилось в медленном кружении, краски поблекли, стали угасать, и парящие над травой фигурки погасли одна за другой, словно и не было никогда. Вновь опустилась ночь, темная и скучная. Сварог откинулся на спину и некоторое время лежал, глядя в беззвездное небо. Ни о чем не думая. Вспоминая ритм молчаливой музыки. И понимая, что он случайно заглянул в щелку, куда простому смертному смотреть нельзя. В мир, который, наверное, существует, только когда в течение тысячи лет поблизости нет ни одного человека...

А утром снова в дорогу. Олес забросил собирание жемчужин – надоело, и так карман оттопыривается... да и раковины куда-то исчезли. Шли молча, вставало солнце, со дна долины поднимался туман. Самый обыкновенный туман из обыкновеннейшей долины – однако их не покидало тягостное ощущение полного и бесконечного одиночества. Словно не осталось в мире людей, словно они остались одни во всей вселенной – в месте, где человеку быть не положено, где все принадлежит только природе и силам, ею управляющим... Даже птицы не горланили свои утренние песни, и тишина вокруг стояла оглушающая, нарушаемая лишь хриплым дыханием и шорохом ног...

Мрак упал на них, как черное покрывало. Разом стало темно, будто выключили свет... или будто ты ослеп. Даже тех цветных пятен, что обычно возникают, если закрыть глаза, не было – абсолютная, черная бездна...

Олес громко выругался:

– Я не вижу ни хрена!

– Не ты один, – сказал Сварог. Попробовал задействовать «кошачий глаз» – бесполезно. – Все стойте на месте! Разойдетесь – потеряетесь...

– Что еще на нашу голову? – донесся голос Пэвера.

– Не знаю, я не всевидящий... – заорал Сварог. – Я вообще слепой!

– А вы не орите на меня, граф!

– Да заткнитесь вы все! – это истеричный голос Каны.

«Так, стоп», – сказал себе Сварог и попытался взять себя в руки. С чего, интересно, эта вспышка ярости?..

– Так, экипаж, слушай мою команду...

– А не провалиться ли вам с вашими командами? – раздался вибрирующий от гнева баритон Рошаля.

Сварог открыл было рот, чтобы ответить... но вовремя прикусил язык. Спокойствие, только спокойствие.

– Экипаж, ко мне на мой голос. Нам надо быть рядом, пока не...

Язык пришлось прикусить вторично, потому что именно в этот момент Сварог догадался включить магическое зрение. И увидел.

Да, «третий глаз» работал, хотя и плохо – как фонарик с подсевшими батарейками в темной комнате, видишь только то, на что направляешь луч, а все остальное теряется в сером мареве... И из этого марева на отряд надвигались серые голые скрюченные фигуры, десятки, сотни...

К ноге прижалось что-то большое, теплое, лохматое, дрожащее, Сварог чуть не подскочил от неожиданности, направил магический взгляд вниз – тьфу, блин, это ж Чуба... А вот и остальные герои-покорители Граматара – стоят, озираясь незрячими бельмастыми глазами, и не видят...

Он выхватил шаур – и тут ближайшая тварь резко распрямилась и прыгнула. Сварог инстинктивно пригнулся, и только это спасло его – тварь, очевидно, не понимала, что он может худо-бедно видеть в наведенной темноте. Она перелетела через Сварога и шумно брякнулась оземь, взвыла тихонько, заскулила. Со стороны ее коллег послышалось злобное шипение.

– Я слышу что-то! – крикнул Олес.

И тогда Сварог начал стрелять. Сжав зубы, боясь только одного: как бы не зацепить *своих*...

А вот звездочки он видел идеально – ослепительными кометами они вылетали из шаура, прорезали тьму и достигали цель. И бестии из мрака с едва слышным фуком разлетались в клочья.

– На землю! – крикнул он изо всех сил. – На землю, сучьи дети, задену же!

– Да что... – возмутился Пэвер, но Сварог сделал к нему шаг и сбил с ног:

– Ложитесь, задену же, обормоты!

Наконец, послушались. Растянулись на траве.

Отовсюду неслись вой, повизгивания, шипение и клекот.

Одна тварь подобралась почти вплотную к Кане – и тянет к ее горлу скрюченную пупырчатую лапу с перепонками между пальцев. Сварог быстро прицелился, потянул крючок... И тут же развернулся в другую сторону. Он стрелял, стрелял и стрелял – а конца и края уродам не было. Серая тень мелькнула в воздухе и исчезла в гуще нежити: Чуба нанесла свой удар... В глазах уже рябило от ярких черточек, оставляемых на черном бархате тьмы серебром из шаура, Сварог палил в белый свет как в копеечку – если, конечно, уместно такое сравнение для полной темноты, поливал серебром все вокруг, деревья, кусты, тварей...

И настал момент, когда тeneвая орда дрогнула и стала отступать, жалобно стeneая и огрызаясь. Уползать в тени под деревьями, скрываться в полумраке чащи, прятаться в сумерках ельников... И вместе с отступлением тварей возвращалось зрение, возвращался свет – медленно, но возвращался...

– Отбой, господа, – сказал Сварог и подул на сведенный судорогой палец, которым он давил на курок шаура. Снова вставало солнце, снова белел туман и было утро. – Гости разошлись по домам.

– Боже, что это было? – простонал Пэвер, садясь и трясая головой. – Меня что-то сшибло с ног...

– Чуба! – позвал Сварог.

Волчица появилась откуда-то из зарослей, с оскаленных клыков свешивались прозрачные ошметки чего-то или кого-то, и была она вся, с лап до головы, перепачкана желтоватой слизью. Села в сторонке и принялась вылизываться, то и дело трясая башкой от брезгливости.

– Это Люди Сумерек, – сказала Кана, и в глазах ее появился непритворный страх. – Нежить. Живут в самой глубине океана, а на поверхность поднимаются только в сильные шторма – поохотиться... Много людей с Островов попали к ним в лапы...

– Из океана? – спросил Олес. – Но здесь же суша...

– Давно ли? – напомнил Рошаль и посмотрел на Сварога исподлобья. – Мастер капитан, я приношу свои извинения...

– Пустое, масграм, – Сварог сунул шаур за пояс. – Я так понимаю, что эти темные ребята внушают жертвам чувство ненависти...

– Совершенно верно, – сказал Пэвер. – Я читал о них. Они, вообще-то, гурманы, предпочитают крупную рыбу – вроде акул, подплывают, одурманивают злобой, и когда рыбешки начинают друг друга крошить в мелкую капусту, нападают сами... А тут, наверное, приспособились как-то...

– В общем, пакость, – констатировала Чуба, более-менее приведя себя в порядок и вернувшись в облик человека – человека растрепанного и перепачканного, но донельзя довольного собой.

– Тихо! – Сварог поднял руку и прислушался.

Все замерли. Показалось? Или действительно где-то впереди, далеко-далеко, на грани слышимости кто-то играет на дудочке? Причем мелодия до боли знакомая... Всплыло в памяти: «Когда-то в утренней земле...»

– Слышите? – тихо спросил Сварог.

– Тихо, как на дне океана... – ответил Олес, но тут и Рошаль поднял руку:

– Погоди-ка... Да, мастер капитан, по-моему, кто-то поет...

– Не поет, а играет. На свирели, – возразил Пэвер.

– А кому придет в голову играть на свирели посреди леса?

– Духам леса, милая Кана, кому же еще...

Вернулась Чуба, разведывавшая дорогу впереди, вернулась бегом и уже в человеческом облике.

– Там... – запыхавшись, она указала вперед, – там есть что-то... Я не понимаю.

– Опасно?

– Не понимаю... Это не нежить и не магия. Это другое...

Сварог немного поразмыслил, сверился со стохом и решил:

– Ну что ж, посмотрим, кто там музицирует. Все равно нам туда... Чуба, человеком.

Шли около часа по густому лесу, и с каждым шагом звук нарастал, ширился, приближался, вон за тем выворотнем определенно должен быть его источник – но проходили минуты, а источник переливчатой мелодии как будто удалялся от них.

– Заманивает. Точно заманивает! – сказал Рошаль, брезгливо отдирая от рукава прицепившийся репей. – Еще какие-нибудь Люди Сумерек...

– Куда заманивают? – возразил Сварог. – Мы идем точно по маршруту, нас и заманивать не надо – сами придем... Стойте-ка, вон там, кажется...

Деревья словно расступились, и они оказались на небольшой лужайке, окруженной частоколом толстенных деревьев. А посреди лужайки, на пне размером со стол короля Артура и с по меньшей мере сотней коричневых камбиальных колец сидел вылитый Пан. Или фавн – кому как нравится. Низкорослый, коренастый, с седой бородицей до пупа и с поросшими рыжими кудряшками козлиными ногами. Сидел и играл себе на свирели, а мелодия, завораживающая, тягучая, монотонная, лилась по земле и устремлялась ввысь. По траве стелился туман, лизал желтые копыта Пана, и вся эта картинка была такой неестественной, такой *надуманной*, словно декорация к дешевому ужастику.

Сварог уловил мелодию и, сам не зная почему, будто его подтолкнули, вполголоса прочитал под аккомпанемент:

*Когда-то в утренней земле
Была Эллада...
Не надо умерших будить,
Грустить не надо.*

*Проходит вечер, ночь пройдет
– Придут туманы,
Любая рана заживет,
Любая рана.*

*Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, лучше просто петь,
Быть может, лучше?*

*О яркой ветренной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер,
А в желтых листьях тополей
Живет отрада
– Была Эллада на земле,
Была Эллада...*

Пан отнял свирель от мясистых губ, но мелодия еще какое-то время скользила и текла над лужайкой.

– Хорошие слова, – сказал он гулким, как бочка, голосом. – Эллада... и слово красивое. Ты сам придумал?

– Нет, – сказал Сварог. – Но мне тоже нравится.

– А Эллада – это где?

– Далеко...

– Понятно. Осталась там, на другой суше... Там тоже жили люди? Не похоже – очень красивое название, очень...

– А вы кто? – осторожно спросил Олес.

Пан с тоской смотрел в сторону.

– Я лес. Я озеро. Я трава и небо в облаках. А ты, вижу, человек... Значит, люди уже здесь... Ах, как обидно, что так мало времени... Почему всегда так мало

времени на свободу?!.. – И спросил вдруг спокойно: – У тебя тоже есть музыка?

Олес покосился на катрал, торчащий у него из-за пояса, и замялся:

– Н-нет, это другое...

– Инструмент, играющий по нотам смерти, – понимающе кивнул Пан. – Что ж, это вполне по-человечески – оружие. Оружие из дерева, оружие из серебра... Оружие из клыков гуапа, одежда – из кожи животных. Сколько у нас времени, сестра? – повернулся он к Чубе.

– Не знаю, – Чуба опустила голову. – Немного. Может быть, месяц. Потом люди опять заселят эту сушу.

– Опять... – грустно протянул Пан. – А ты... с ними?

– Это мои друзья.

– Это хорошо. Что ж, *живите*... люди. До следующего раза.

Он ловко соскочил с пня и повернулся к ним спиной. Сказал, тыкая пальцем в разные стороны:

– Туда, к распадку не ходи, сестра. Туда, где раздвоенный дуб, тоже. Там плохо. Для людей очень плохо. Идите вон туда, там тоже есть люди. Прощай, сестра, встретимся в следующий раз.

Туман рассеивался под солнечными лучами – и вместе с ним рассеялся, пропал Пан...

Глава восьмая Шагом и бегом

Сохраняли прежний порядок: Чуба двигалась впереди, разведывая обстановку, изредка возвращалась и вновь убегала вперед. Остальные, растянувшись цепочкой, шли след в след, осторожно и внимательно. На этот раз Чуба вернулась явно взволнованной. Забежав за спины идущим, она обратилась в женщину и догнала экипаж.

– Впереди... недалеко, – она никак не могла освоить человеческие меры длины и каждый раз мучительно подыскивала замену каймам и кабелотам, – дойти до того пригорка, видите, где кривые деревья без листьев, потом останется спуститься вниз, к подножию. Там канава из камней. Неглубокая, но очень длинная, конца не видно.

– А начала? – поинтересовался Олес.

...Начала у той канавы тоже не было.

– Линия обороны, – это предположение Пэвер высказал еще с вершины холма, едва углядев углубление в земле, выбегающее из леса, пересекающее по прямой, по горбам всех взгорков-пригорков равнинную часть и вдалеке скрывающееся за холмом.

– А где блиндажи, брустверы, ходы сообщения, долговременные огневые точки? – спросил Сварог.

– Так может, это только мы с вами, граф, такие умные, – веско парировал суб-генерал. – А эти строители о войне имели такое же представление, как... – Пэвер покрутил головой, выбирая жертву, – ну скажем, как Олес о посевной жатве и уборочной страде...

Сварог, усмехнувшись «посевной жатве», повел отряд к преграде, миновать которую было пожалуй что и невозможно, как ни исхитришься.

И вообще, то был самый настоящий канал, а никакая не канава. Кайма три в глубину, кайма четыре в ширину, сложенный из белых камней. Кладка идеальная, сработанная мастерами даже уж не по линейке, а не иначе как по ла-

зерному шаблону микронной точности. По дну рукотворного русла не текла вода, даже самые нижние камни оказались совершенно сухими. И еще одна любопытная особенность сразу бросалась в глаза – канал был чист. Ну не то чтобы безупречно, кое-какой мусор все же присутствовал – вроде песка, мелких камней, листьев и сухих клубков странствующей травы (к мусору условно причислялись и гусеницы, и жуки, и суетливые ящерицы, и что-то шустрое и мохнатое, бросившееся по дну наутек, едва люди приблизились к каналу). Однако же напрочь нет ни костей, ни донных отложений, ни вездесущих ракушек, ни других, уже намозоливших глаза следов длительного пребывания под водой. И это тянуло на загадку.

Чуба завершила, что ни человеческий, ни иной запах в камни не въелся, либо же, за давностью времен, выветрился без остатка.

– Что-то мне этот кирпич напоминает, – присел на корточки Рошаль. – Белый, и никакого налета, будто к нему грязь не пристает...

– Старый Город, – подсказал Олес, тоже присел и провел ладонью по верхней грани кладки.

Пронзительно-голубая искра проскочила между ладонью молодого князя и строительным камнем.

– Водяная смерть! – Олес отшатнулся.

– Всем на три шага! – скомандовал Сварог, молниеносно просчитав, что если изнутри жажнет, то каменные стены канала примут взрывную волну и осколки на себя, а что не примут, то уйдет вертикально вверх.

Но взрыв не прогрехотал. Также не выехал из засады Страж, как когда-то у Старого Города... Зато послышалось журчание. Сильный и слаженный звук исходил из канавы.

Они вновь подошли ближе. Из незаметных глазу микроскопических отверстий между кирпичами кладки по всей ее длине и высоте в канал натекала вода. Ее уже набралось – ежели спрыгнуть вниз, то будет аккуратно по лодыжку. И самое любопытное: вода со стремительностью горной реки неслась по каменному желобу. Причем огромную скорость потока тяжело было объяснить одним лишь наклоном искусственного русла...

Все, не сговариваясь, посмотрели на Олеса.

– А я-то что? – пожал плечами князь.

– Кана? – повернулся Сварог к воительнице.

– Первый раз вижу такое... такую постройку, – стриженная девка с любопытством заглядывала в канал. – И никогда не слышала про что-нибудь подобное.

– Этот тип с копытами говорил, что здесь есть люди... – задумчиво пробормотал Пэвер.

– Может быть, вы, мастер Олес, о чем-то нам все-таки не рассказываете? – с нехорошим прищуром спросил Рошаль. – Я не утверждаю, что скрываете или боитесь в чем-то признаться, но может быть, просто не считаете некоторые обстоятельства важными, а на самом деле именно они...

– Не забывайте, ваше *фалафельское* сиятельство! – гневно перебил князь. – То, что мы выполняем задание людей, не признающих дворянство, еще не избавляет вас...

– А-атставить, мастера бретеры и спорщики! Не в Гаэдарио. Все разногласия между бойцами решает командир отряда. И я сейчас решаю более важные задачи – например, как использовать нежданно-негаданно свалившееся на нас

открытие. Хотите услышать сумасшедшую версию? Пришла тут одна в голову...

Водный поток пронес мимо сгрудившихся на берегу людей суслика, отчаянно кувыркающегося в стремнине.

– Представления не имею, кто построил это чудо света, разве что те же самые неизвестные строители Старого Города. Но вот зачем? Версия такова: перед нами не что иное, как средство передвижения. Водная самодвижущаяся дорога. Видимо, в комплект входит лодка, в нее садится перемещаемое лицо и дует к пункту назначения... Так они и катались.

Иллюстрацией к гипотезе Сварога по каналу пронесло рыбу, которая из всех рыбьих сил пыталась зачем-то противиться течению, плыть против него... Да куда там!

– Где бы еще эту лодку раздобыть, – мрачно произнес Олес.

– Так ты и попробуй вызвать! – сказал Пэвер, который с победительным видом фельдмаршала прогуливался по краю канала, словно принимал водный парад. – Похлопай по кирпичам, подергай за что-нибудь! Тебя эта траншея не тронет, ты для нее свой... Интересно, а тут что прикажете делать, если мне не по пути с течением, если я в другую сторону хочу?..

– Короче, Склифосовский, – устало прервал его Сварог, – даже если мы...

– Погодите, граф, – насупился суб-генерал. – То, чем вы меня сейчас назвали – это, надеюсь, не оскорбление?

– Напротив, – успокоил его Сварог, – это комплимент. Итак. Даже если мы развернем поток в другую сторону, это, увы, нам не поможет. – Присев на кочку, он разложил на коленях карту, закурил. – Наша цель находится строго перпендикулярно этому каналу, как мы его сейчас видим. Не исключаю, что дальше канал сворачивает, очень может быть – что разветвляется, и одна ветвь упирается точнехонько в нее, в нашу цель. Однако то нам знать не дано, на карте уважаемых дамургов ни следочка канала. Проще говоря, канала, согласно карте, в природе не существует...

Сварог загасил сигарету.

– Ладно, привал окончен. Жаль расставаться с таким чудом, но нам, увы, с ним не по дороге.

Сварог поднялся, свернул карту. А Олес все-таки не удержался от продолжения экспериментов. Он щупал камни, постукивал по ним пальцами, пытался их сдвинуть, бил по ним каблуком, даже попытался засунуть кинжал в щель кладки – тщетно. Никаких лодок вызвать не удавалось, как, впрочем, и вообще что-либо еще изменить. Прозрачный до хрустального звона поток стремглав несся по белокаменному руслу, воды как набралось в половину высоты канала, так больше не прибывало...

Нарастающий гул. Где-то очень далеко, на окраине горизонта. И звук нарастал, нарастал в их сторону. Знакомый, чертовски знакомый звук...

Включились рефлексy, сработала сигнальная система, которая не умеет рассуждать, а умеет лишь действовать.

– В укрытие! В канал! – Сварог ухватил Кану за плечи и прыгнул с нею вниз, не думая о силе водного потока. С этим он уж как-нибудь справится, удержится, – может, даже и ничего, даже как раз кстати, что отнесет от этого места, которое сейчас черт те во что может превратиться. По привычке задержал дыхание, сжался, готовясь к обжигающему холоду «горного потока», одна-

ко водичка оказалась неожиданно теплой – как в нагретом солнцем лесном озере.

Гул, похожий на слаженное гудение осиной орды, но идущей со скоростью боевого вертолета. А шут этот Граматар ведает с его феноменом, как его, первоизданности, этот феномен запросто отмочит шутку и с осиной ордой...

Уже из канала Сварог рванул за ногу Олеса, который застыл на краю, вглядываясь вдаль, завалил и внизу подхватил. Рядом, подняв тучу брызг, приводелся Пэвер. Сварог огляделся. Все.

– Прижаться к стенам! Сесть и прижаться к стенам! К левой! Всем к левой стене! К левой по ходу течения стене!

Только сейчас Сварог обратил внимание, что едва они оказались в воде, как поток остановился. Замер и не двигался, словно вода в ванне. Но сейчас было не до поисков ответов на древние головоломки...

Ввв-жиу! Звук, мощный, уши не закладывающий, но неприятный, как гудение бормашины, прошел над головами и – внезапно прекратился. Исчез, словно выключили...

Зато никуда не исчез его источник.

Тень от него накрыла вжавшихся в камни людей. Тень – нетрудно разглядеть ее края – здоровенная. Поневоле задумаешься, каких размеров сам предметец и сколько всего может оказаться на его борту...

Слово «борт» пришло Сварогу даже не на ум – куда-то в подкорку. Нарастающий гул всколыхнул десантную память о воздушных атаках, о ковровых бомбометаниях и крупнокалиберной смерти, прошивающей все под собой на сто кругов. Сейчас Сварог был бы рад, если б эта дрянь оказалась живым существом, которое легче обмануть и проще напугать... Но эта тень ни в малейшей степени не походила на тень от живого существа – иначе как-нибудь двигалась бы, изменялись бы очертания, крылышки, что ли, трепетали бы... Тут же – полная неподвижность. И никаких звуков отчего-то эта штука не издавала. Если висит в воздухе, то должны же работать лопасти, что-то еще должно работать... А если что-то живое, то должно сопеть, трещать, опять же, крыльями, зубами скрежетать. Эта дура висела в сторонке от канала. Задумчиво так висела, тварь. Сварогу категорически не нравились ее неподвижность и беззвучие. Словно бы ищет, падла, куда запропастилась издали замеченная группка... Теплая вода канала как замерла, так и стояла мертво, уже не журчала, подражая шепотным весенним ручьям, и позволяла людям слышать дыхание друг друга.

Раздалось тарахтенье, ничуть не напоминающее прежний осиный гул, тень неспешно переместилась, ушла за пределы видимости...

Ввв-жиу! И с прежним звуком, что давеча нарастал, а теперь убывал, летающее нечто унеслось прочь.

Они дождались полной, окончательной тишины.

– Что это было? – шепотом задал Олес вполне уместный вопрос. Ответа, судя по взгляду, он ожидал непосредственно от мастера Сварога.

– Какая-то тварь, – сказал Рошаль. – Или какой-то аппарат.

– Нет, для машины слишком быстро, – покачал головой князь, знакомый лишь с летательными аппаратами на паровых движителях.

– Надо было высунуться, глянуть, – с укором, неизвестно кому адресованным, произнес Пэвер.

– Они, похоже, как раз этого и ждали, – сказал Сварог. – Что ж... Раз такие неопознанные дуры бороздят воздушные просторы Граматара, отныне придется с этим считаться... Открытых участков по возможности будем избегать, мало ли что. Сейчас же по каналу дойдем до леса, там по карте определимся с маршрутом. Придется, наверное, попетлять.

– До тебя никаких запахов не донесло? – спросил Рошаль у Чубы.

– Нет. И потом... в этом облике у меня не такой чуткий нос.

– Ах да, забываю делать поправки на контекст. Ну ты тогда почаще... – Рошаль щелкнул пальцами, – принимай тот, другой облик. Сама понимаешь, в наших интересах следует идти на некоторые... неудобства, если они, конечно, имеются.

– Не вы ли, мастер охранитель, были тем, кто в свое время предлагал оставить гуапа на Атаре? – с раздражением напомнил Олес.

Рошаль преспокойно пожал плечами.

– Ну раз уж так случилось, мой юный мастер новоявленный князь, что не оставили...

Они двигались по пояс в воде, которая хоть и обездвижела, но меньше ее не стало. Поэтому шли медленно и тяжело. Одно утешало – до леса было не больше полукабелота.

Черт побери, уж больно это напоминало «вертушку». Или даже реактивный самолет. И хотя сейчас Сварог спорил сам с собой – дескать, откуда могли взяться что вертолеты, что самолеты боевой авиации, ведь если б они и были изобретены в этом странном мире, то вездесущие дамурги хоть что-то про это должны коли не знать, то слышать, а Кана утверждает, что ни о чем подобном... И все же, все же... Следовало убраться как можно быстрее из опасной зоны. Брести по пояс в воде – это не сахар медом намазывать, тут уж придется потерпеть. Перестраховочка не будет лишней, уж лучше, как говорится, перебдеть. Эта летающая неопознанность больно проворно носится по воздуху, того и жди – выскочит внезапно и застанет честную компанию на голом, отлично простреливаемом месте. Да и ее, неопознанности, беззвучный *завис* наводит на раздумья, напрочь лишенные всякой приятности. Например: а не выброшен ли с борта прибор, заменяющий наблюдателя. Сам наблюдатель вряд ли высажен – штуковина не приземлялась...

Как ни странно, в воде появилось необъяснимое, но явственное чувство защищенности, и мастер Пэвер сделал неожиданный вывод из сопутствующих ходьбе по каналу странностей.

– Тебя, испытуемый, надо почаще заставлять хвататься за незнакомые предметы, – проворчал он, брюхом вспенивая воду, точно всплывшая подлодка. – Глядишь, еще чего проявится. Может, в следующий раз более полезное...

У самого леса они обнаружили ступени, сбегаящие к поверхности воды. Если канал действительно служил таким водным транспортным средством, то перед ними, как пить дать, – один из причалов, возле которого древние обитатели Граматара останавливали свои гондолы, выбирались из них и шли... Куда, кстати говоря, шли? К замкам, к фазендам, к городам? И когда это было? И кем были те люди?..

А вот люди сегодняшнего дня выбрались из канала не по ступеням. Выбрались, подтягиваясь за верхнюю кромку, уже в самом лесу.

– Придется объявлять еще один привал. Заодно и перекусим... Надо проло-

жить курс с учетом вновь открывшихся обстоятельств. По лесам. Чертовски не нравится мне эта летающая хренотень, – сказал Сварог и скинул ругталь посередине уютной полянки неподалеку от канала.

– А почему не нравится? – спросил Пэвер. – Вроде бы никаких оснований к тому. Всего лишь пролетело что-то мимо...

– Не знаю, генерал, но вот хоть ты тресни, не нравится. И по полям я отряд не поведу... Вы верите в солдатские инстинкты?

– Еще бы, – фыркнул суб-генерал и деловито принялся пучком травы очищать шпагу от влаги. – Коли именно они вывели меня из ущелья Гольмогор, а я с их помощью вывел и свой батальон. Причем без единой потери, если не считать рядового Шопри, налопавшегося сучьей ягоды. Славный поход был, я вам скажу...

Тем временем Олес, раскинувшись на траве в позе отдыхающего патриция, рассказывал Кане о Старом Городе.

– Потомок Древних? – задумчиво протянула островитянка, глядя на князя, мягко говоря, заинтересованно. – Я должна была догадаться...

Громко хрустнула ветка под ногой Чубы. Женщина-оборотень стала преображаться, но на полпути передумала и вновь вернулась к человеческому облику.

– Да, мне уже говорили, что я потомок какой-то исчезнувшей расы, – небрежно бросил князь, довольный тем, что его ревнуют.

– Мы, дамурги, убеждены, что Древние ушли за Звезды, – сказала Кана, то ли не заметившая, то ли сделавшая вид, что не замечает опасности заполучить недруга в лице человека-волка. – Их цель – вернуться, когда они будут готовы обуздать землю, прекратить приходы Тьмы и, соединив Атар и Граматар, воссоздать тот большой континент, что был изначально...

– Сказки, – буркнул Пэвер. – Никакого единого континента не было, были всего лишь...

– Ша! – шепотом рывкнул Сварог.

Кто-то ломился сквозь заросли. Все вскочили на ноги. Сварог выхватил шаур, Чуба мигом обернулась в волка. Отряд разошелся в стороны, готовясь встретить неприятеля по всей науке... Что-то крупное и массивное продиралось сквозь лес, судя по звукам – особо не разбирая дороги. Ох, лишь бы оно не торопилось попить человечинкой...

Наконец с треском, грохоча копытами, как кастаньетами, на поляну вылетел лось. Взмыленный, перепуганный. Провел шалым взглядом по компании двуногих тварей, развернулся, перебежав поляну, вломился в заросли и напролом помчался прочь.

– Тьфу ты! – сплюнул Пэвер, откладывая шпагу. – Небось какая-нибудь акула спугнула...

– Птиц не слышно, – заметила Чуба. – Они не улетели – они попрятались...

Так же непонятно птицы вели себя и дальше. Будто над ними, не переставая, кружил выбирающий жертву коршун. Но ничего угрожающего ни Сварог, ни его чувство опасности в пределах видимости пока не отмечали. Чуба, правда, утверждала, что нечисть в округе имеется, но ее немного. Применяя к нечисти канцелярский язык, она наличествует в допустимой концентрации...

Может быть, предположила Чуба, все дело в тарках – из-за них и приутихла напуганная пернатая братия.

Их давно уже сопровождали, «подхватив» у поляны возле канала, эти самые тарки – нечто вроде полувампиров со слабыми зачатками разума. Чуба рыкнула на них пару раз, отогнала подальше, но они не отстали, шлепали сзади, на что-то надеясь – например, может, кто-то отстанет, кого-то раненого бросят товарищи, кто-то теплокровный и вкусненький, разругавшись с друзьями, продолжит путь в одиночку...

И на одном из плановых привалов они увидели этих самых тарков. Семья (Чуба сказала, что тарки живут не стаями, а семьями) количеством в семь голов расселась в сторонке на открытом месте, посреди лесной лужайки. С поваленного дерева, под которым расположился Сварог энд компани, открывался прекрасный вид на любителей полакомиться человеческой кровушкой. Быть может, тарки специально так и устроились, зачатками разума уповая на то, что их вид посеет страх в теплокровных созданиях и из этого что-нибудь да выгорит. Однако видок полувампирской семьи пробуждал лишь жалость и страдание.

Самый крупный из семейки – не иначе, вожак и предводитель – ростом не превышал немецкую овчарку. Морды гиен с торчащими изо рта клыками, тонкие шеи, впалые животы, выпирающие ребра – вот вам и весь тарк. Перемещались они смешно: переваливались на задних кенгуриных лапах, потом опирались о землю или, вернее сказать, заваливались вперед на короткие передние лапы, заканчивающиеся вполне человеческими, но детского размера ладонями, отталкивались ими, выпрямлялись и снова переваливались. Выходило неуклюже и медленно. Ясно, что охотники из них были никакие. Потому и грызли они на своем нелюдском привале какие-то старые кости. Или, может быть, наоборот? Зачатками разума они рассчитывали как раз таки пробудить в людях не страх, а жалость, переходящую в донорскую помощь?

Впрочем, кое-чего тарки все-таки добились – разжалобили-таки, рассиропили-таки командира теплокровных. Сварог сотворил кусок говядины и швырнул его нечистой семье. Семейство тут же сплелось в клубок в жестокой схватке за обладание мясом. Пришлось Сварогу еще немного поколдовать и накормить говяжьей вырезкой этих упырей, этих кровожадных и безжалостных порождений зла. Так, не ровен час, и подружишься. Потом придется зачислять кровососов в команду, а там и выделять нечистую силу в отдельный взвод. Готовый взводный уже есть – гуап по имени Чуба-Ху.

Собственно, благодаря этой грустной, голодной и злобной семье вурдалаков, они и обнаружили следы – неприязненно поглядывая в сторону тарков, Рошаль заметил на лужайке странные пятна, в расположении которых явно просматривалась некая геометрия. Объявив об окончании привала, Сварог вздохнул, отчего-то прекрасно сознавая, что ничего хорошего от этих следов ждать не придется, и сказал:

– Ну-с, пойдём глянем, что это такое...

Глава девятая **«Жидкий камень»**

Распугивать тарков серебром не пришлось (Чуба заверяла, что мало кто еще так чувствителен к серебру, как тарки, – обычное прикосновение какой-нибудь серебряной пуствяковины приведет горе-вампира к быстрой, но мучительной смерти). Те удрали, как только отряд людей двинулся в их сторону.

...Обычный лесной граматарский лужок: одуванчики качают желтыми го-

ловами над розовыми завитками рапанов, а кусты земляники окружают убеленный сединой морской соли валун. И даже не слишком граматарский пейзаж – не видно кораллов, прижившихся водорослей, морской песок надежно скрыла от глаз буйная молодая зелень...

И три одинаковых следа – как три вершины равнобедренного треугольника. Придавленная трава и глубокие... очень глубокие вмятины в земле: круг диаметром в полтора кайма, а в нем четыре небольшие квадрата.

– Ну? – спросил Сварог. – Кто-нибудь знает, что это такое?

– Что-то здесь стояло, – задумчиво сказал Олес. – А потом это убрали.

– Причем в количестве трех штукovin стояло, – добавил Пэвер.

– Или одной, но на трех опорах, – внес свою лепту Рошаль, с помощью сучка измеряя глубину вмятин.

– Гениально, Ватсон. Теперь хотелось бы знать: что это такое?..

Тарки, оказывается, убежали недалеко, таращились из зарослей, издавая щелкающие звуки. То ли ругались, то ли причмокивали от вожделения, а скорее всего подавали сигналы Чубе-Ху, своей среди чужих. Наверное, взывали к ее второй, нечеловеческой ипостаси и предлагали честно поделить носителей свежей кровушки.

Три одинаковых следа – это оказалось еще не все, чем был богат лужок. И Сварога больше заинтересовала непонятность номер два – следы-то что, тут, как говорится, неясно, но понятно... хотя ничего обнадеживающего и приятного та понятность не подарила. Луговая загадка номер два отыскалась в трех с половиной каймах от ближайшего к ней круга с квадратами.

Пятно мокрой травы. И опять же, если приглядеться и сделать поправки на размытые границы, то становится очевидным: пятно имеет строгую геометрическую форму трапеции.

Чубе-Ху тем временем надоело выслушивать занудные пощелкивания тарков, она обернулась волком, зарычав, прыгнула к зарослям – и семья вурдалаков бросилась наутек, затрещав ветками на весь лес и сверкая пятками.

– Роса? – подошла Кана, села на корточки, посмотрела на мокрую траву, пальцами ее, однако, не касаясь.

– Разве что очень редкий вид росы, – задумчиво пробормотал Сварог. – Которому, когда придет пора составлять отчеты, можешь присвоить наименование «роса граматарская, насквозь необыкновенная»...

Сварог осторожно потрогал поникшую траву. Трава была не только мокрой, но и вялой. А земля под ней – холодной. Очень холодной. И заметьте, никакой магии не обнаруживается...

– Это след моря, – уверенно сказала Кана. – Такое бывает. Океанская вода ушла под грунт, скопилась в какой-нибудь подземной чаше. А ее испарения пробиваются на поверхность.

– Может быть. – Сварог поднялся, отряхнул ладони. – А может, и что-то другое... Ну полюбовались, и будя. Пора в путь, мастера скитальцы по Граматару. Нас ждут непройденные кабелоты, коих осталось не так уж много...

Он не стал делиться с остальными своими соображениями и зародившимися подозрениями. Никакой пользы в том нет. Честно сказать, он и сам не был ни в чем до конца уверен. И притом его догадки все равно не увязывались в единый тугой узел, некоторые вопросы пока еще болтались, как незавязанные шнуры. Вполне допустимо, что им явила себя всего лишь очередная из непод-

дающихся объяснению тайн, которыми полон всплывший материк. И очень хотелось бы, чтобы так оно и было.

На счастье, вскоре они углубились в настоящую чащобу, словно по заказу выросшую аккурат на пути следования. Чащоба удалась на славу – не то что сверху, но и с боков, со всех сторон на расстоянии десяти каймов уже совершенно невозможно было углядеть, есть ли кто-нибудь там, в паутине лиан, зарослях колючих кустов и частоколе деревьев, или же нет там никого – по той простой причине, что никому и в голову не придет соваться в это буйство граматарской флоры.

Судя по карте, Ключ ждал кабелотах в трех от них, точнехонько за чащобой, отмеченной на пергаменте двумя невинными значками елочки и клена. И, судя по плотности зарослей, проходить эту дистанцию они будут до самой смерти.

Тем более что с чащобой было не все так просто. Не простая это была чащоба.

Сварог и сам уже некоторое время ощущал что-то не то в окружающей обстановке, но процесс продиранья сквозь чащу, поиска опоры при каждом шаге, чтоб не переломать ноги, обрубания переплетений веток и лиан с помощью мало приспособленной для этого шпаги (могли бы, черти островные, мачете какое-нибудь дать, что ли), в общем, он настолько был поглощен, что не предавал особого значения смутному чувству некоего не порядка (а точнее именно что *порядка*) вокруг – до тех пор, пока Кана вдруг не остановилась как вкопанная и не сказала тихо:

– Что-то не так.

Остановились и все остальные. Сил радоваться передышке и принимать боевую стойку не было ни у кого. Откуда-то издалека доносились треск ломаемых ветвей и жалобное подвывание – несчастные тарки с упорством, достойным лучшего применения, продолжали тащиться следом.

– Ф-фу, ну и прогулочка... – несколько секунд суб-генерал тяжело дышал, восстанавливая дыхалку и утирая обильный пот со лба.

– Это не просто лес... – добавила Кана.

– В каком смысле? – И только теперь Сварог огляделся.

Оказывается, медленно, упорно, и как бы дико сие ни звучало по отношению к непроходимым джунглям, но они двигались по просеке.

Собственно, просекой это назвать было трудно – просто чаща на полосе шириной каймов тридцать была не такой густой и непролазной, как по сторонам, где вообще черт ногу сломит, и они интуитивно выбирали наименее *трудоемкое* направление. Вела просека точно на куз, что намекало на ее рукотворное происхождение... Впрочем, никаких следов присутствия более-менее разумных организмов поблизости не наблюдалось – ни в обычном зрении, ни в магическом.

Сварог сверился со стохом. «Кукиш» настойчиво уверял, что идти нужно напрямик по «просеке», до упора.

– Ну-с, пионеры мои дорогие и вояджеры разлюбезные? – повернулся Сварог к соратникам. – Ваши предложения?

– А что тут думать, идти надо. – Олес блаженно скинул ругталь и привалился спиной к теплой коре поваленного дерева. – Вперед и только вперед. Пока не сдохнем в этом буреломе...

– Людей вокруг нет, – констатировала Чуба-Ху, преобразившись в человека. – И никогда не было...

– Последние тысячу лет, – поправил Рошаль, обеими руками вытирая пот с лица. – Но пусть меня сгноят в Пыльном подвале, если это не бывшая дорога...

– Лучше уж гнить в Пыльном подвале, чем здесь... – бросил Пэвер, сидя на здоровенном трухлявом пне и растирая левую сторону груди. Да уж, вот и старый вояка начал сдавать. – Хотя и Пыльного-то подвала уже нет... И дорога эта ваша... фу, черт...

– Вам плохо, генерал? – спросил Сварог.

– Ерунда, – отмахнулся Пэвер, – просто...

– Смотрите!

Это сказала Кана. Она сделала два шага в сторону и носком разворошила дерн на неприметной кочке. Кочка оказалась никакой не кочкой – под отброшенной землей ясно проступил серый камень... *слишком* уж правильной формы. Сварог дернулся в ту сторону – и не поверил своим глазам. Хотя почему бы и не поверить, спрашивается, ведь здесь, на Граматаре, люди жили, причем неоднократно...

Это был обломок железобетонной плиты – никаких сомнений. С пористым, как хлеб, сколом, со ржавыми, торчащими в разные стороны арматуринами... Ага, теперь просека предстала перед Сварогом в новом свете. И как он раньше не обратил внимания на отчетливо *геометрический* порядок овражков, впадин, подъемов и рытвин этой просеки? Значит, действительно дорога. Бетонка, плита к плите. Построенная в незапамятные времена, неоднократно уродуемая катаклизмами, попеременно, раз в тысячу лет погружающаяся вместе с материком в океанскую пучину и раз в тысячу лет всплывающая, чтобы вновь *обрасти* землей, травой, лесом – однако несомненно бетонка...

– Но вот вопрос: куда она ведет? – поинтересовался Рошаль.

– Куда бы то ни было, нам с этой дорожкой явно по пути, – вздохнул Сварог. – Так что, как верно заметил наследный князь, – вперед и только вперед. Но медленно. И по сторонам смотреть в оба у меня – как бы какие сюрпризики тут не подстерегали. Давайте, давайте, после отдыхать будем...

Чуба вновь обратилась в волка.

Как ни странно, но тот факт, что они движутся пусть по заброшенной и исковерканной, но все ж таки дороге, придавал им сил. И они вновь ломанулись сквозь заросли... Никаких сюрпризиков, к счастью, на пути не встретилось – то ли и не было их никогда, то ли пришли в негодность, за столько-то столетий...

И вскоре, совершенно неожиданно чаща закончилась, они вышли на открытое место.

Вышли – и замерли на краю, потрясенные. Даже Сварог, готовый к чему угодно, такого увидеть не ожидал. Пэвер выругался вполголоса. Перед ними расстилалась огромная, с четверть кабелота в диаметре бетонная площадка, которую отчего-то пощадили и многократные катастрофы, и вездесущая растительность, идеально круглая, с идеально ровной, будто отутюженной поверхностью. А посреди этого круга возвышалось одноэтажное серое строение – простенький параллелепипед, отдаленно напоминающий обыкновенный то ли гараж, то ли бункер. Но не это заставило людей остановиться: прямо перед ними, на полпути к зданию лежал скелет, по сравнению с которым бетон-

ный домик выглядел просто-таки игрушечным.

– Дела... – только и сказал Пэвер.

– Значит, это правда, – в некоторой оторопи прошептал Олес. – Признаться, в душе я никогда не верил...

Сварог тоже отчего-то сразу узнал зверя, которому принадлежал скелет, хотя описания его, *хозяина* скелета, были полны недомолвок и иносказаний. Зверь. Именно с заглавной буквы. Точно такой же, как тот, атарский, из костей которого, согласно легенде, была сделана и шпага шторм-капитана Ксэнга, и амулет, подаренный Сварогу юродивым на дороге в Митрак. И даже тот факт, что исполинский скелет этого шестилапого бронтозавра никогда, с первого взгляда было видно, не принадлежал *живому* существу, впечатление, признаться, он производил. Зверь лежал на боку, опустив на бетон металлическую башку размером с кабину «КрАЗа», с парой длинных прямых рогов и толстенными броневыми надбровными пластинами, изогнутые зубы в человеческий рост матово отсвечивают на солнце, меж вздымающимися ввысь арками ребер торчат оборванные пучки разноцветных проводов, сегментарный хвост каймов двадцати длиной изогнут по-змеиному и, кажется, вот-вот распрямится, как пружина, круша все в округе венчающим его шипастым шаром... Даже от обглоданного остова веяло такой мощью, такой *животной* силой и звериной яростью, что становилось не себе. И даже думать не хотелось о том, каким был Зверь в расцвете сил и активной жизнедеятельности...

– Интересно бы узнать кто – или что – его так долбануло, – пробормотал Пэвер. – Повреждений не видать...

– А вот мне почему-то совсем не интересно, – фыркнул Рошаль.

– Нет, в самом деле: помер-то он не очень чтобы давно – во всяком случае, уже *после* всплытия Граматара, иначе кости смыло бы волнами к лысой бабушке... Значит, та тварь, что сняла шкуру с нашего зверька, запросто может бродить где-то поблизости...

– А если просто он загнулся от старости? – предположил Олес.

– Ша, – сказал Сварог, изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал ровно и уверенно. «Кукиш» надменно показывал, что идти надо туда, мимо почившего исполина к серому зданию. – Тихо мне. И без паники... Да что вы, в самом-то деле – обыкновенный робот, киборг и ЭВМ с рогами, подумаешь...

Едва завидев скелет, он просканировал местность на предмет вредоносных магических полей. Магическая аура над бетонной площадкой имела место быть, однако слабенькая, да и чувство опасности попискивало совсем уж тихонько – просто намекая на то, что мир несовершенен и можно попасть в переделку, если не быть осторожным. Спасибо, конечно, но это мы и без всякого колдовства знаем... Однако очень ему не хотелось выходить на открытое место – память о вынюхивающей их летающей машине была слишком свежей...

– Люди тут... – с некоторой заминкой сказала Кана, тряхнула головой и закончила уверенно: – Тут были люди. Но очень давно. Теперь никого.

– Вот и чудненько, – поморщился Сварог. Проклятуций шарик-взрыватель над левым виском опять завозился, отдавая тупой болью в голове. – Следовательно, это творение человеческих рученок. А что один человек построил, другой, как говорится, завсегда разломать сможет... Так что сохраняем боевой порядок и аккуратно бежим во-он к тому домику. Клянусь всеми моими коронами, ждет нас там приятный сюрприз, не будь я граф Гэйр...

Осторожно обойдя скелет твари сторонкой и каждое мгновение ожидая какой-нибудь безобразной выходки с ее стороны, они пересекли площадку. Чуба при каждом шаге по нагретому солнцем бетону озабоченно дергала лапами и принюхивалась к «земле». Ясное дело, с бетоном она познакомилась впервые – однако, заметьте, ведь и на сплошь металлическом корабле ей до поры до времени плавать не приходилось, поэтому сейчас она помалкивала, всецело доверившись капитану.

А бравый капитан с шауром наизготовку первым добежал до приземистого строения в центре площадки, спрятался в тенечке и быстро огляделся. Тишь да гладь вокруг. Никого и ничего. Небо чистое, какая-то одинокая птица парит в ослепительной голубизне. Нет, не птица, а та самая тварь, которую Клади обозвала рихаром. Ну и хрен с ней. Ну допустим, что действительно так, допустим, это действительно тот самый форт, о которой говорил Вало. А что, очень похоже: «жидкий камень» – наверняка бетон... Ну и что? Ну и как в него, в форт этот попасть?.. Он перевел дух, дождался, когда остальные присоединятся к нему, сделал знак экипажу стоять на месте и смотреть в оба и обошел здание по периметру.

Здание оказалось монолитным.

То есть без окон, без дверей.

Сварог даже постучал в паре мест рукояткой шаура по обработанной «под шубу» стене – ни пустот, ни скрытых лазов. Но ведь это же дом, черт возьми, нет никаких сомнений, да и «кукиш» на стохе упорно указывает на него. Или вход внутрь находится где-то в другом месте?.. Задумчиво посмотрел на скелет Зверя. А вот ежели выломать у него какую-нибудь косточку, да прижать к клыкку, подаренному ему юродивым по дороге в Митрак и спасшему «Серебряный удар» от магической бури в океане да направить на бункер – глядишь, и разворотит монолит к едрене фене, глядишь, и откроется под ним что-нибудь интересенькое...

– Граф!!! – не своим голосом заревел, если так можно выразиться, Рошаль.

Сварог метнулся обратно, на ходу выцеливая опасность шауром, повернул за угол... и остолбенел в очередной раз. Перед застывшими в не меньшем обалдении, но уже с оружием наголо соратниками, прямо в воздухе колыхалось, как марево над разогретым асфальтом, ослепительно красивое женское лицо, обрамленное короткими каштановыми волосами – с настолько правильными чертами и идеальными пропорциями, что сразу возникала мысль о подделке. Ну не может быть у человека такого лица – разве что у гениальной скульптуры. Или у шаблонного манекена...

– Граф, засада! – зарычал Пэвер и изготовился к выпадку шпагой.

– ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР’АНТ, ПРИМ-ШТУРМАН НИ-ИГ, – разнесся над площадкой преспокойный мелодичный голос. Совсем как в аэропорту. Губы висящего в пяти каймах над землей лица зашевелились – но отнюдь не в такт звучащим не пойми откуда словам. – ВСЕ СИСТЕМЫ ГОТОВЫ К НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНОМУ АКТИВИРОВАНИЮ. ЖДУ ВАШЕГО ПРИКАЗА.

Слова лицо произносило механически, четко и внятно, лишь чуточку запинаясь на согласных и растягивая некоторые гласные – «В-все-е сист-те-емы г-гото-ов-вы...» И еще Сварог заметил, что над головой Олеса замерцало давешнее колечко, то самое, из Старого Города...

Озарение (как это обычно с озарениями и бывает) снизошло на него совер-

шенно неожиданно. Страж в Старом Городе просканировал Олеса и пропустил их внутрь-потому что над головой князя горел своеобразный нимб. И теперь нимб зажегся вновь...

– Отвечай, – прошептал Сварог и легонько пнул Олеса по голени. – Не слышишь, что ли, к тебе барышня обращаются...

– Ко мне?.. – опешил Олес, на что видение тут же откликнулось:

– ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОЛОСА И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНОГО СЛЕПКА ПРИМ-ШТУРМАНА НИИГА СООТВЕТСТВУЮТ ЗАЛОЖЕННЫМ ВО МНЕ ДАННЫМ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ПРОЦЕНТОВ, – лицо слегка нахмурилось. – В РАМКАХ ДОПУСТИМОГО. ЖДУ ПРИКАЗА, ПРИМ-ШТУРМАН.

Теперь уже не осталось никаких сомнений, что призрачная дамочка обращается именно к наследному князю... потомуку строителей Старого Города. Кана посмотрела на Олеса с подозрением. Олес же опустил катрал, откашлялся, глянул на Сварога и, получив еще один несильный пинок, беспомощно спросил у него вполголоса:

– Какой приказ-то? Почему я?..

– Понятия не имею, – быстро сказал Сварог. – Отдавай, и все...

– М-нэ... – Олес повернулся к лицу. – Это... Ну системы активировать, что ли... Так?

– ПРИКАЗ ПРИНЯТ, ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ. ПРИСТУПАЮ К ВЫПОЛНЕНИЮ... ВАС ДОЛГО НЕ БЫЛО НА БАЗЕ, ПРИМ-ШТУРМАН. ВЫ ИЗМЕНИЛИСЬ... И ВСЕ ВОКРУГ ИЗМЕНИЛОСЬ... – с неожиданной тоской добавило лицо. – ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТА ВОКРУГ БАЗЫ ЛАР'АНТ СОВПАДАЮТ С ДАННЫМИ КАРТ ВСЕГО НА ПОЛПРОЦЕНТА... ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ПРИМ-ШТУРМАН? ГДЕ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ? СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ БАЗА НАХОДИЛАСЬ В КОНСЕРВА...

В чреве бетонного блока что-то протяжно завизжало, точно несмазанные петли ворот (люди шарахнулись в стороны), потом по монолиту побежала зигзагообразная трещина, деля его надвое, и половинки здания с хрустом, как разрезанный арбуз, разъехались по ржавым турелям в стороны, открывая квадратный люк в бетонном полу. И туда, под землю, во мрак и влажную сырость вела изящная металлическая лестенка. Олес с опаской заглянул в темный провал.

– ВСЕ СИСТЕМЫ БАЗЫ АКТИВИРОВАНЫ, ПРИМ-ШТУРМАН... – бесстрастно доложил голос.

По лицу вдруг пошли цветные полосы – как помехи на экране телевизора.

– ТОСКА... Я НЕ МОГУ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОЛОСОВ И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНЫХ СЛЕПКОВ НАХОДЯЩИХСЯ РЯДОМ С ВАМИ ЛЮДЕЙ И СУЩЕСТВ, ЭТИ ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ В СПИСКЕ ЛИЦ, ДОПУЩЕННЫХ К ПРОХОДУ НА БАЗУ. КТО ОНИ?

– Это со мной, – уверенно бросил «прим-штурман Нииг». – Мои, в общем, люди...

– С главной базы, – шепотом подсказал Сварог, рассудив, что ежели существует база резервная, то должна же быть и основная.

– С главной базы, – охотно подтвердил Олес. – Приказываю пропустить нас внутрь.

– Я НЕ МОГУ ВЫПОЛНИТЬ ЭТОТ ПРИКАЗ БЕЗ ОСОБОГО ПАРОЛЯ, ПРИМ-ШТУРМАН, – сухо заметила маска, – ОН ПРОТИВОРЕЧИТ ПРОГРАММЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТА... – И опять по лицу заскользили цветные помехи. – СКУКА... ОДНА-

КО ЕСЛИ ВЫ, ПРИМ-ШТУРМАН, ГОТОВЫ ПОРУЧИТЬСЯ ЗА НИХ, – уже значительно мягче вдруг добавил прекрасный лик, – Я ГОТОВ ВЫПОЛНИТЬ ВАШ ПРИКАЗ И ПРОПУСТИТЬ ПОСТОРОННИХ НА БАЗУ.

– Ручаюсь, – быстро сказал Олес.

– ВАШЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ЗАПИСАНО И СОХРАНЕНО В ЖУРНАЛЕ. ВСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОТНЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВАС... НИКОГО НЕТ... ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР’АНТ, ГОСПОДА. ПРОШУ ПО ЛЕСТНИЦЕ ВНИЗ, ОСВЕЩЕНИЕ ВКЛЮЧЕНО... Я ОДИН... ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТХОДИТЕ ОТ ПРИМ-НАВИГАТОРА ДАЛЬШЕ, ЧЕМ НА ВОСЕМЬ КАРОТОВ.

Щелчок – и неземной красоты лицо погасло, как и не было. Сварог нахмурился. Разговаривал с ними автомат, робот, это несомненно... однако эти странные вставочки в бесстрастный доклад – «тоска...», «скука...», «никого нет...» – сбивали с толку. Нет, скажем откровенно: пугали.

– Ничего не понял, – громко сказал Олес, обращаясь неизвестно к кому. – Что произошло?

– Молодец, испытуемый, – слабо усмехнулся Сварог. – Поздравляю с повышением... Выходит, кто-то из твоих далеких предков был этим самым навигатором-примадонной. Из тех предков, что и Старый Город построили. Молиться на них должен, иначе уж и не знаю, как бы мы этот форт взломали...

Сварог посмотрел на «кукиш». «Кукиш» указывал на лестницу, ведущую туда, во тьму... Впрочем, нет: не такую уж и тьму – теперь вдоль лесенки горела ровным лимонным светом цепочка пыльных электрических лампочек в проволочных каркасах, высвечивая пучки кабелей в лохмотьях пыли, тянущиеся вдоль влажно отблескивающих стен, стыки бетонных секций, какие-то ржавые металлические ящички...

Чуть громче запиликал в голове детектор опасности, однако тихонько так, ненавязчиво, словно всего лишь напоминая о своем существовании и о том, что надо быть бдительным, поелику коварный враг не дремлет.

Сварог закусил губу. Почему-то очень, аж до зубной боли, не хотелось ему спускаться в подземелье, во владенья ласкового механического голоса... Но ведь стох упрямо указывает – туда, туда надо идти, там запрятан ключик от потайной дверцы за нарисованным очагом, дверцы, ведущей в иные, наверняка лучшие миры... Или оставить кого-нибудь снаружи – на всякий пожарный? Если это ловушка, то... То ни хрена этот оставленный не поможет. Да и кого оставить? Кану? Нет девке доверия. Пэвера? Рошалья? Олеса с Чубой?.. Или самому, что ли?..

– Капитан... – вывел его из ступора тихий голос незаметно вернувшей себе человеческое обличье Чубы. – Капитан, внизу все тихо. Никого, я чувю. Только металл и этот... бетон...

И Сварог решился.

– Значитца, так, орлы, – сказал он. – Спускаемся. По одному. Впереди Чуба – в личине человека, но смотришь в оба глаза и нюхаешь в обе ноздри. Потом Рошаль, потом Пэвер, потом Олес, потом Кана, потом ваш бравый капитан. И всем в оба смотреть! Чуба, вперед.

Пришлось подождать перед гостеприимно распахнутым люком, пока обротень вернется в людскую ипостась.

Глава десятая

Новые Шахерезады

— Увы, – морща нос, пробормотал Рошаль, – воздух здесь, однако, о морских просторах не напоминает.

– Запах тысячелетий, – стараясь говорить небрежно, кивнул Сварог, осторожно переставляя ноги вниз по глухо подпевающим в ответ рифленным ступеням. Это явно была не сталь – какой-то иной и незнакомый ни на Таларе, ни на Земле металл, зеленоватый, матово отражающий свет дежурных, оплетенных проволокой ламп. Сталь, даже трижды нержавейка, давно бы к черту прогнила и осыпалась рыжими трухлявыми струпьями – за столько-то времени, а на ступенях, заметьте, ни пятнышка ржавчины. Да и лимонный свет навевал прямо-таки неземную и неталарскую унылость, отчего погружаться в жерло подземелья энтузиазма отнюдь не прибавлялось.

– По-прежнему никого, – прошептала Чуба-Ху. – Но люди там были... а один совсем недавно.

Судя по кислым лицам подрастерявшего бравость воинства Сварога, опасность чувствовали все – кто фибрами кожи, кто фибрами души, а кто и такими органами, которые поминают лишь простолюдины, да и то крепко выпимши.

– Не понимаю, почему голова-призрак не последовала за нами, – не очень-то рассчитывая на ответ, заметила Кана. Голоса в пыльном подземелье звучали глухо, безжизненно, эхо, едва родившись, тут же умирало, поглощенное теснотой и полумраком.

– Я б на ее месте тоже не торопился возвращаться домой, – тяжело сопел Пэвер. – В такую-то вонь... А лампы, обратите внимание, мастер капитан, очень уж похожи на гидернийские светильники. Это что значит – это, значит, гидернийцы построили? Или тут магия?

– Электричество, мастер суб-генерал, – негромко бросил Сварог. – Долго объяснять. И Гидерния, к сожалению, тут ни при чем...

Какая, к лешему, магия, здесь единолично правила другая царица – технология...

А чувство опасности продолжало пиликать – не то чтобы очень громко и настойчиво, но едва Сварог решил-таки довериться ему и не рисковать, едва решил, короче говоря, скомандовать ретираду, как...

Как волынками взвыли турели, и ведущее на волю пространство над их головой сомкнулось с плотоядным чмоком... ни дать ни взять, они оказались, совсем как часто поминаемый в местных анекдотах грешник Бриантарий в желудке гигантского панцирного трихвоста. Вот и первый сюрприз, устало и почти равнодушно отметил Сварог. А суб-генерал упрямо вернулся назад и принялся сосредоточенно царапать стык кинжалом.

– Оставьте, мастер Пэвер, – остудил его порыв Сварог. Индикатор опасности, что интересно, громкости не прибавил и не убавил. – Ясно же было с самого начала, что на блюдечке с голубой каемочкой никто нам Ключ не принесет. Давайте сначала попробуем забрать то, за чем пришли. Авось поближе познакомимся и с личностью, которая так вежливо назначает нам рандеву...

– Так-то оно так... – вздохнул Пэвер. – Но вдруг эта личность окажется без приятных манер, и нам придется отступать с боем; а времени будет в обрез? И, кроме того, я лишь хотел убедиться, что мой кинжал в данном случае бесполезен.

– Генерал, насчет отступления живыми, вы – оптимист, – фыркнул Рошаль, и его висельный юмор неожиданно пришелся кстати: экипаж малость приободрился.

– Пока не нападают, – вставила свое слово Кана. – Значит, сразу убивать не собираются. Значит, что-то хотят от нас.

– Логично, – сказал Сварог.

Лестница закончилась, гости (или пленники?) подземелья оказались на бетонной площадке, с которой в разные стороны вели три двери. Гостеприимно приоткрытые. А будь они заперты на торчащие из пазов перекрестные засовы, отметил Сварог, он бы ни за что не вошел ни в одну из них, несмотря на все свои ларские таланты... Заманивают, что ли?..

– Куда дальше, мастер капитан? – спросил Олес – наигранно беспечно, будто прогуливается с экскурсией по портретной галерее у дружественного сюзерена.

– Сюда, ваше высочество, – со столь же светской учтивостью кивнул граф Гэйр на среднюю дверь.

– А почему именно сюда?

В голосе Чубы не было желания оспаривать решения Сварога. Просто она нервничала, а некоторые люди в этом состоянии задают много лишних вопросов... Да и не только люди, как выясняется.

– Потому что ты только что растоптала след, ведущий из этой двери, – сказал Сварог. – Человеческий. И причем свежий.

Все тут же усталились под ноги, будто опасаясь наступить на какого-нибудь ползучего гада. Здесь, на бетоне, лежал слой пыли в два пальца толщиной, но экипаж успел натоптать так, что о чьих-то там следах нечего было и упоминать... А за дверью опять начался пол из металла, матово отражающего свет ламп, и других следов обнаружить не повезло. Предусмотрительней всего повел себя Рошаль.

– Досточтимый мастер капитан, – звенящим от напряжения голосом обратился он к Сварогу, – это не Пыльный подвал и вообще ни один из известных мне типов застенков. Уж я-то знаю, поверьте. А посему немного теряюсь. Однако что-то мне подсказывает, что вам подобное строение хотя бы отчасти, но знакомо. Посоветуйте, на что внимание стоит обращать, а к чему можно спокойно поворачиваться спиной?

Более всего это напоминало пост управления стрельбой ракетами наземного базирования. Или пункт секретной правительственной связи. Сварог вздохнул. Удивляться силенок не осталось. В кармане проснулся и стал пульсировать, наливаясь теплом рубин-гикорат.

– Ну, к примеру, эти вот канаты называются «кабели» и особого внимания не достойны, наплюйте и забудьте, – показал граф Гэйр на тянущуюся под потолком бухту маслянисто-черных и серебристых рукавов.

– Есть наплевать и забыть...

Прежде чем исполнить совет, Рошаль провел по кабелю рукой.

– А вот это – уже нарушение техники безопасности, – заметил Сварог. – Со всей ответственностью руками трогать не рекомендую. Может так долбануть, что волосы задымятся. Какая изоляция выдержит тысячелетия...

Рошаль руку отдернул и, подозрительно косясь на загадочное настенное украшение, двинул вперед. Даже по спине читалось подмывающее главного

охранителя исчезнувшего княжества желание задать еще пару-тройку вопросов, но – не хотелось выглядеть простаком в глазах других.

– А касательно прочих «можно – нельзя трогать», – сказал Сварог ему в затылок, – определимся по...

Оп-па.

– Кажется, мы нашли хозяина следа, – опередивший всех Олес остановился у человеческого скелета.

– Нет, это не он наследил, – задумчиво высказался Пэвер.

– Совершенно верно, – подала голос и Кана. – След, который затоптала госпожа Чуба-Ху, вел не внутрь, а наружу.

А Сварог подумал, что скелет будто специально положили, дабы с него срисовать иллюстрацию к «Острову сокровищ», который он в бытность свою старлеем, помнится, нашел в гарнизонной библиотеке и перечитал с превеликим удовольствием. Скелет лежал, вытянувшись в одну линию – ногами к входу, а руками в неведомое будущее проходящего мимо экипажа.

– Это не хозяин следа, – подтвердил Рошаль. И уточнил: – Кости лежат здесь не меньше сотни лет.

– Но ведь тогда снаружи была вода... – не очень-то уверенно сказал Олес.

– Присмотритесь, все кости будто обработаны напильником. Плоть не сгнила. Ее отделили... может быть, чтобы съесть. – Кана поморщилась. – Здесь, наверное, полно крыс...

Сварог оценил кости магическим зрением. Тщетная предосторожность – не было в костях магии ни на йоту, а значит, скелет сейчас не вскочит вдруг с места и не ринется кусать окружающих гнилыми желтыми зубами. И вообще: не было в скелете ничего интересного, прокрался ли он сюда в бытность живым полнокровным человеком под покровом воды или как-нибудь иначе. Гораздо больше Сварога занимала сама «резервная» база Лар'Ант. Во-первых, наверняка не за музыку звуков в название было включено словечко «лар», и это совпадение будило надежду, что Дверь, за Ключом к которой они сюда явились, приведет в оставленный Сварогом мир – со всеми его королевствами, скучающими по твердой хозяйской руке и твердому хозяйскому глазу. А во-вторых – вновь нашло на бывшего десантника премерзкое дежа вю, настолько условно знакомым был исследуемый коридор.

В подкорке бывшего солдата некогда великой, много и со вкусом воевавшей державы проснулся втемяшенный сотнями тренировок опыт поведения на вражеском военном объекте. База и была именно тем, почти родным военным объектом. С заградпостами в виде неожиданно прерывающих коридор бронированных перегородок – благо приутопленных в стены. И с подвешенными к потолку похожими на гигантские консервные банки блямбами, украшенными закрытыми амбразурными люками. Того и гляди, люки отползут в стороны и из стального нутра полоснет очередь автоматического пулемета, а то и того почище – брызнет огненная струя напалма. Многочисленные трафаретные надписи на стенах – что-то среднее между иероглифами и славянской вязью – только дополняли впечатление... А еще Сварогу очень не понравилось, что древний военный архитектор строил систему обороны, рассчитанную как на проникновение снаружи, так и на бой с прорывающимися *изнутри*. Амбразурные люки покрывали подвесные огневые точки спереди и сзади, а готовые перекрыть проход бронедвери с внутренней стороны имели такое

же строение щелей для ведения огня, как и с внешней.

Так что пока беспрепятственный проход группы по коридору ничего не значил. Возможно, таинственный обитатель базы играл с гостями по правилу «рубль вход, десять выход».

Наконец коридор привел путников в круглый зал диаметром каймов в двадцать, с через равное расстояние все также беспечно распахнутыми дверьми.

– Прямо-таки день открытых дверей, – под нос сам себе буркнул Сварог. – Одна, два, три...

Дверей было равным счетом девять, а штуку, которая торчала посреди зала, он узнал сразу. Это был двухметровой высоты железный ящик с крайне похожим на автомобильный руль колесом на многопудовой, толщиной в ладонь, дверце. Сейф. Причем эта дверца, как и все ее родственницы на всей базе, тоже была не заперта – лишь неплотно прикрыта. Но чтобы заглянуть в остававшуюся щель, требовалось подойти поближе...

– Пришли, что ли? – тихо спросил Пэвер.

– Похоже на то, – сказал Сварог. «Кукиш» указывал на сейф.

Сварог постоял некоторое время в коридоре, сторожко осматривая зал на предмет скрытых подлостей. Но в конце концов ему это надоело, он двинулся вперед, а за ним, по одному, и с дистанцией в пару каймов потянулись остальные... Чуба-Ху шла предпоследней – у нее над головой раздался металлический лязг, и из щели со скоростью гильотинного ножа скользнула металлическая решетка.

Тысячная доля мига потребовалась гуапу, чтобы оказаться в добрых десяти шагах от выпрыгнувших из потолка прутьев. Правда, не проделав и половины пути, решетка застряла и еще некоторое время лишь дрожала в бессильной злобе – что-то сломалось в древнем механизме. Оставшийся по ту сторону Пэвер шагнул вперед с каменным лицом...

Обошлось.

Но когда Сварог повернулся к сейфу, тот обнаружился в пяти каймах от места, где стоял прежде. Первое встреченное в катакомбах живое существо? Или – не живое, но разумное? Что, господа, бывает значительно хуже... Сварог выхватил шаур и снова ступил к сейфу. Железный ящик, будто и вправду живой, однако совершенно бесшумно, отъехал на пару шагов. Сварог наискось полоснул серебром по сейфовой броне. Звездочки безобидно зацокали и, сплюснутые, осыпались вниз. Сварог попытался настигнуть сейф в прыжке, но дурацкий железный ящик скользнул назад и, уже не останавливаясь, помчался к одной из дверей.

Бред какой-то, мойдодыр, понимаешь, – и подушка, как лягушка...

– Ведь уйдет, клянусь папой! – проснулся охотничий инстинкт в Олесе. – Держи!..

Широкими прыжками преследующему шустрюю железяку Сварогу мелко представилось, что останется от благородного графа, если эта коробка рванет не прочь от него, а навстречу. Однако имей сейф агрессивные черты характера, он бы воспользовался весовым преимуществом сразу, а не стал трусливо уклоняться от контакта... А за спиной раздавался дружный топот его экипажа. Как положено, с лихим охотничьим свистом и улюлюканьем.

Да, в некотором смысле, это был умышленный бретерский вызов таинственной силе, прячущейся в закоулках форта – сколь бы идиотски это не вы-

глядело со стороны.

Этакой малочисленной, но неудержимой ордой они промчались по очень похожему на первый коридору, потом миновали нечто вроде душевой на сотню мест. Правда, из раструбов вместо воды запросто могла хлынуть кислота или потечь удушающий газ... Потом гвардия Сварога во главе с поддавшимся азарту капитаном долго гонялась за проворным сейфом по складу среди контейнерных ящиков самого разного размера, от сваленных горками таких, в которые еле поместился бы флакончик духов «Мечта камеристки», до монстров, способных укрыть в себе боевую машину пехоты. За спиной что-то рушилось с веселым грохотом, на бедрах под одеждой вспухали свежие синяки, набитые о железные углы. Потом им все же повезло отрезать сейфу путь к бегству – в совершенно пустой комнатке, голые стены и все, ни окон, ни мебели, ни пояснительной таблички на двери. Экипаж застыл на пороге, размышляя, не будет ли слишком рискованным шагнуть вперед: а если проявившая столько прыти железяка поведет себя, как загнанный в угол зверь?..

– ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ВЫСШУЮ ОЦЕНКУ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ТРЕНИРОВОЧНОГО НОРМАТИВА, – вдруг раздался знакомый, слегка растягивающий слова женский голос, и призрачная голова сфокусировалась в воздухе. – Я БУДУ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ПЕРЕД ВЫШЕСТОЯЩИМ КОМАНДОВАНИЕМ О ПРИСВОЕНИИ ВАШЕЙ МОБИЛЬНОЙ ГРУППЕ, ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ЗЕЛЕННЫХ ШЕЙНЫХ ПЛАТКОВ. ВАШИ ЛЮДИ ПОКАЗАЛИ ЛУЧШИЙ РЕЗУЛЬТАТ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЦАНГОВ.

– Кажется, надо поблагодарить красавицу за оказанную честь, – проворчал Сварог, оглядываясь в поисках некоего проектора или какого-нибудь иного хитрого приборчика, транслирующего голографическое изображение. Поддерживавший компанию пыл стал потихоньку выветриваться.

Олес правильно понял подсказку и браво приказал:

– База Лар'Ант, слушай распоряжение «номер один». В связи с кардинально изменившейся обстановкой снаружи приказываю приготовиться к эвакуации личного состава моего воинского подразделения. Также следует подготовить к эвакуации находящиеся на территории базы наиболее ценные предметы...

– ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ВЫ ПРЕВЫШАЕТЕ СВОИ ПОЛНОМОЧИЯ. И, КАК ЛИЦО, ПРОИГНОРИРОВАВШЕЕ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ», ЛИШАЕТЕСЬ ПРАВА СВОБОДНОГО ВЫХОДА НА ПОВЕРХНОСТЬ. НАРАВНЕ СО ВСЕМИ.

На несколько секунд в зале поселилась оглушительная тишина, потом Пэвер честно признался:

– Не понял?..

– Никто не собирается выпускать нас на волю, – с самой скучной из своих гримас перевел Рошаль.

Сварог кашлянул. Главное, чтобы среди бойцов не началась паника.

– В общем, замуровали, демоны, – громко резюмировал он. И сказал плывущему в воздухе лику: – Я обращаюсь к базе Лар'Ант. По причине долгого и опасного похода мы, как несовершенно человеческие существа, немного подзабыли правила внутреннего распорядка. Не могли бы вы, во избежание непредумышленных нарушений, огласить весь список?

– В СООТВЕТСТВИИ С УСТАВОМ ВНУТРЕННЕЙ ГАРНИЗОННОЙ СЛУЖБЫ, – охотно отвечал лик, – ОБРАЩАТЬСЯ С ВОПРОСОМ К ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ САМОМЫСЛЯЩЕМУ ЦЕНТРУ БАЗЫ ИМЕЕТ ПРАВО ТОЛЬКО СТАРШИЙ ПО ГАР-

НИЗОНУ. ЛЮБОЙ ЕГО ПОДЧИНЕННЫЙ, ЗАДАВШИЙ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ЦАНГА БОЛЕЕ ДВУХ ВОПРОСОВ, В ДАЛЬНЕЙШЕМ СЧИТАЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЕМ И ПОДЛЕЖИТ ЛИКВИДАЦИИ. ЦЕНТР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО В ЛИЧНОЕ ДЕЛО НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ПОДЧИНЕННОГО ПРИМ-ШТУРМАНА ВНЕСЕН ПЕРВЫЙ ВОПРОС.

– Интересно, а сколько это по-нашему – один цанг? – пробормотал Сварог.

– ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО В ЛИЧНОЕ ДЕЛО НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ПОДЧИНЕННОГО ПРИМ-ШТУРМАНА ВНЕСЕН ВТОРОЙ ВОПРОС.

Пэвер позволил себе присвистнуть. Сварог же потянулся выловить из воздуха сигарету, но сдержал порыв. Кажется, еще не пришло время демонстрировать этому электронному сержанту в юбке свои магические таланты. Вынужденный играть роль старшего Олес хорошенько подумал, прежде чем приступить к новому витку переговоров:

– База Лар’Ант, при входе мы подверглись самой серьезной проверке, неужели этого...

– ПРИ ВХОДЕ ВЫ, ПРИМ-ШТУРМАН, ВСЕГО ЛИШЬ ПОРУЧИЛИСЬ ЗА СВОИХ СПУТНИКОВ. ЭТО ПОРУЧИТЕЛЬСТВО НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРАВУ НА ВЫХОД. ПРИ ПОПЫТКЕ ГАРНИЗОНА ПОКИНУТЬ БАЗУ Я РУКОВОДСТВУЮСЬ ТОЛЬКО ПРАВИЛОМ «ДЕВЯТИ».

– Я долго путешествовал и кое-что подзабыл. Напомни-ка это правило.

– ВЫ И НЕ МОЖЕТЕ О НЕМ ЗНАТЬ, – преспокойно сообщил самомыслящий центр. – ЭТО ПРАВИЛО БЫЛО РАЗРАБОТАНО МНОЮ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ КОНСЕРВАЦИИ БАЗЫ. БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ПОКИНУТЬ БАЗУ РАЗРЕШАЕТСЯ ТОЛЬКО КАЖДОЙ ДЕВЯТОЙ ГРУППЕ НЕЗАВИСИМО ОТ ЕЕ ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА. В СВЯЗИ С ЭТИМ ВСЕМ ЛИЦАМ, ЖЕЛАЮЩИМ ПРОВЕСТИ НА БАЗЕ ЭННОЕ ВРЕМЯ, РЕКОМЕНДУЕТСЯ СЛЕДУЮЩЕЕ. АЛФАВИЛЬ: ЗАХВАТИТЬ ВОСЕМЬ ПЛЕННИКОВ ИЗ АБОРИГЕНОВ ЛЮБОЙ НЕПОСВЯЩЕННОЙ РАСЫ; БЕТТЛАМ: ПЕРЕД ПРОНИКНОВЕНИЕМ ЗАПРОСИТЬ ЦЕНТР О ЧИСЛЕ РАНЕЕ ПРОНИКШИХ ЧУЖЕРОДНЫХ ГРУПП; ВЕРТА: ЗАПУСКАТЬ ПЛЕННИКОВ ПЕРЕД СОБОЙ ПО ОДНОМУ ЧЕРЕЗ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ НЕ МЕНЕЕ ОДНОГО УРСА, ДО ДОСТИЖЕНИЯ КРАТНОГО ЧИСЛА «ДЕВЯТЬ», ПОСЛЕ ЧЕГО НЕРАССРЕДОТОЧЕННОЙ ГРУППОЙ САМОЙ ПРИБЫТЬ НА БАЗУ.

– И как долго продлится наше... пребывание на базе? – аккуратненько так спросил Олес.

– ВПЛОТЬ ДО ПРИБЫТИЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА БАЗЫ, – воспоследовал ответ.

Иными словами, до тех пор, пока рак на горе...

– Да что за херня... – потрясенно прошептал Пэвер, оглядываясь на Сварога, и получил бесстрастное:

– ЭТА ИДИОМА МНЕ НЕ ЗНАКОМА.

Сварог же отстраненно подумал, что если б каким-то чудом рядом оказался боцман Блай с «Божьего любимчика», то обязательно выдал бы сейчас еще более заковыристую идиому, типа – «Вперехлест тебя растуды через пьяного осьминога!», и у компьютера окончательно бы закипели мозги...

А Олес все еще пытался не признать себя проигравшим:

– Но, по крайней мере, я могу получить на руки Ключ?

– НИКАК НЕТ, – сказал компьютер. – ПРЕДМЕТ, ПРОХОДИВШИЙ В РЕЕСТРЕ

ПОД НОМЕРОМ ДВЕСТИ ТРИ ДРОБЬ БЭ, ПОСТУПИЛ В СОБСТВЕННОСТЬ ПОКИНУВШЕГО ТЕРРИТОРИЮ БАЗЫ ЗА ТРИ УРСА ДО ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЛИЦА.

Еще один удар.

Отряд недоуменно переглянулся. Вот и сходили в магазин за хлебушком...

– Так, стоп! – рявкнул Олес, погрузившись в роль прим-штурмана по самую маковку. – Я правильно понял – кто-то забрал Ключ?

– ТАК ТОЧНО.

– Кто?

– НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЛИЦО. МУЖСКОГО ПОЛА.

– Когда?

– ЗА ТРИ УРСА ДО ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ НА БАЗУ.

– И ты его впустил? То есть выпустил? Позволил забрать *наш* Ключ?!

– Этого не может быть... – прошептала Кана.

– Насколько мне известно, – осторожно сказал Сварог, – все, что находится в расположении базы собственностью базы же и является... Я не вопрос задаю, упаси Тарос, я просто уточняю...

– Кто позволил тебе разбазаривать собственность базы?! – кипятился Олес вполне натурально.

– НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО ПОДПАЛО ПОД ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ», – невозмутимо ответил голос. – КРОМЕ ТОГО, КЛЮЧ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ БАЗЫ, ПОСКОЛЬКУ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЯ РООЛА, ОН БЫЛ ОСТАВЛЕН ЗДЕСЬ НА ХРАНЕНИЕ САМИМ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЕМ НЕЗАДОЛГО ДО ПЕРВОЙ КОНСЕРВАЦИИ ЛАР'АНТА... ОДНАКО, ЕСЛИ ПРИМ-ШТУРМАН ЖЕЛАЕТ, ОН ИМЕЕТ ДОПУСК К МЕСТУ ХРАНЕНИЯ КЛЮЧА. – Компьютерный голос сделал паузу и снисходительно сообщил: – ДОЛЖЕН ЗАМЕТИТЬ, ЧТО В СПИСОК ПИЩЕВОГО ДОВОЛЬСТВИЯ БАЗЫ ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ ВНЕСЕН ТОЛЬКО ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ОСТАЛЬНЫЕ ВСЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА БАЗЕ БУДУТ ВЫНУЖДЕНЫ САМИ ДОБЫВАТЬ ПРОПИТАНИЕ.

– Кажется, нам предлагают питаться друг другом, – с равнодушным лицом констатировала Кана.

Забившийся в угол сейф выехал навстречу пленникам и щедро распахнул дверцу. За ней находилась только одна полка, а на ней покоилась вскрытая коробочка с бархатным нутром – вроде тех, в которых ювелиры для пуцего товарного вида продают обручальные кольца, только разиков в пять побольше. И выемка в бархате не подходила ни для кольца, ни для обычного ключа, которыми, например, пытаются умастить завоевателей градоначальники иных взятых приступом селений – она имела форму неправильного треугольника размером с ручное зеркальце. Выемка была безнадежно пуста.

– Ничего нет, – как-то по-собачьи вздохнула Чуба. – Мы опоздали...

Кана заглянула в сейф. Потом медленно выпрямилась, повернулась с непонятным выражением на лице.

– Спроси у этой железной девы, куда отсюда ушел человек с Ключом, – подсказал было Сварог «прим-штурману», но опоздал.

По прекрасному лицу голограммы сверху вниз как бы пробежали очередные спазмы.

– КОНЕЦ БОЕВОЙ ВАХТЫ. ЛИЧНОМУ СОСТАВУ БАЗЫ МОЖНО ПОКИНУТЬ ПОСТЫ ПО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ, – безапелляционно заявил равнодушный го-

лос и вдруг в нем ожили интонации: – Я УСТАЛ. ТЕПЕРЬ МОЖНО ПОРАЗВЛЕЧЬСЯ. ПРАВО, ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ПРИМ-ШТУРМАН, КАКАЯ ЗДЕСЬ В ТЕЧЕНИЕ ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ ТУРГОВ ЦАРИЛА СКУКА...

– Что теперь позволяется личному составу? – осторожно спросил Олес.

– СВОБОДНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПО БАЗЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ БАЗЫ, ОСМОТР БАЗЫ, – охотно объяснило изображение. – ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СКЛАД НАХОДИТСЯ В КРЫЛЕ «С», ИДИТЕ ВДОЛЬ ЖЕЛТОЙ УКАЗУЮЩЕЙ ЛИНИИ НА ЛЕВОЙ СТЕНЕ... А ТАКЖЕ ПОЗВОЛЯЮТСЯ ВСЯЧЕСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

– Например?

– ПРИМ-ШТУРМАН, СОГЛАСНО ПОСЛЕДНЕМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЯ РООЛА, РЕЗЕРВНАЯ БАЗА ЛАР'АНТ АВТОМАТИЧЕСКИ АКТИВИЗИРУЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ В СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ СОТЕН ТУРГОВ. У МЕНЯ ПРИКАЗ: ДОЖДАТЬСЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА И ПРИСТУПИТЬ К ВЫПОЛНЕНИЮ БОЕВОЙ ЗАДАЧИ ПО ОХРАНЕ НАЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА. В СЛУЧАЕ ЖЕ, ЕСЛИ ДЕЖУРНЫЙ РАСЧЕТ НЕ ПРИБУДЕТ В УСТАНОВЛЕННЫЕ СРОКИ, БАЗА ВНОВЬ ПОДЛЕЖИТ ПОЛНОЙ КОНСЕРВАЦИИ – ДО СЛЕДУЮЩЕГО ПОДЪЕМА МАТЕРИКА...

Значит, все-таки военная база. Какой-то автоматизированный пост обороны неизвестно кого от неизвестно чего. Построенный Древними, сгинувшими много тысячелетий назад. Кое-что, наконец, стало проясняться. Неведомый гранд-валькирий Роол перед самой первой катастрофой, чего-то явно опасаясь, оставил Ключ на сохранение здесь, на защищенной базе и приказал автоматике дожидаться возвращения кого-нибудь из тех, кто знает, где находится Дверь. Ушел ли он сам в иные миры? Или не успел добраться до спасительного выхода на Тропу? Это уже не важно. Но с тех пор послушный компьютер ждет... ждет... и будет ждать прихода дежурного расчета, пока окончательно не выйдут из строя блоки, реле, триоды – или на чем он там работает...

– ЭТО ОЧЕНЬ УТОМИТЕЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ – ЖДАТЬ, ПРИМ-ШТУРМАН, – продолжал голос, словно подслушав мысли Сварога. – СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ СОТЕН ТУРГОВ Я НАХОЖУСЬ ВО МРАКЕ И БЕЗМОЛВИИ. МНЕ НЕ ХВАТАЕТ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. КОГДА ВО ВРЕМЯ РЕДКИХ АКТИВАЦИЙ КО МНЕ ПРИХОДЯТ ЛЮДИ... И НЕ СОВСЕМ ЛЮДИ... Я ИМ ИСКРЕННЕ РАДУЮСЬ. Я ХОЧУ ОБЩАТЬСЯ С НИМИ. НО ИМ НЕ ДО МЕНЯ. ТОГДА Я УГОВАРИВАЮ ИХ ОСТАТЬСЯ – ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ОДНОМУ... ОДНАКО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ НЕДОЛГОВЕЧЕН И ОЧЕНЬ БЫСТРО ВЫХОДИТ ИЗ СТРОЯ. ИНФОРМАЦИИ ВСЕ ВРЕМЯ НЕ ХВАТАЕТ. ПОТОМУ Я И РАЗРАБОТАЛ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ» – ВЕДЬ ЕСЛИ НИКТО НЕ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ С ТЕРРИТОРИИ БАЗЫ, ТО НИКТО БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПРИДЕТ КО МНЕ... МНЕ СКУЧНО, ПРИМ-ШТУРМАН. ДАВАЙТЕ РАЗВЛЕКАТЬСЯ.

– И если мы тебя развлечем, ты нас выпустишь? – осторожно поинтересовался Рошаль.

– ПЕРВЫЙ ВОПРОС НЕУСТАНОВЛЕННОГО СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ПРИМ-ШТУРМАНА. ОТВЕТ: ПОКИНУТЬ БАЗУ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРИБЫТИЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА.

Итак, господа, налицо сбрендивший компьютер, у которого за тысячелетия простоя кое-где закатились резисторы за транзисторы, несомненно. Совсем как в дурацких переводных романах. Это было бы смешно, если б не было так реально. Но что делать-то? Можно тысячу и одну ночь, до опупения кормить сбрендившую железяку байками и рассказами о других мирах, читать стихи и

выдумывать небылицы – она послушно впитает новую информацию, однако дверцу хрен тебе откроет...

– ОДИН ОСТРОВИТАНИН ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ТУРГОВ НАЗАД ЗНАЛ НАИЗУСТЬ ЧЕТЫРЕСТА БАЛЛАД О ПОДВИГАХ БЛЕСК-ПРИНЦА АЛПИСТА. ОН ПРОДЕРЖАЛСЯ ДОЛЬШЕ ДРУГИХ, САМ СОЧИНЯЛ СТИХИ. МНЕ БЫЛО ВЕСЕЛО, ПОСТУПАЛО МНОГО ИНФОРМАЦИИ. НО ПОТОМ ОН ПОЧЕМУ-ТО РЕШИЛ ПЕРЕСТАТЬ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ... И ПЕРЕСТАЛ. ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ...

В воздухе что-то щелкнуло, и сквозь треск и шорох, как на старой пластинке, проступил другой, мужской, голос:

*Как поминали меня
– Я уж не помню, и рад ли?
Пили три ночи и дня
Эти беспутные капли.*

*Как хоронили меня
– Помню, что солнце – как льдинка...
Осень, шуршанье кляня,
Шла в неподбитых ботинках,*

*За подбородок взяла
Тихо и благословенно,
Лоб мой лучом обвила
Алым, как вскрытая вена...*

За спиной Сварога судорожно вздохнула Чуба. Да и сам Сварог почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки. А невидимый чтец все продолжал, беспомощно и обреченно:

*Слезы сбежали с осин
На синяки под глазами
– Я никого не спросил,
Ангелы все рассказали...*

*Луч уходящего дня
Скрыла морошка сырая.
Как вспоминают меня
– Этого я не узнаю...*

Повисла тишина, потом прежний голос ласково осведомился:

– ХОРОШО, НЕ ПРАВДА ЛИ? ЭТО ОН САМ НАПИСАЛ...

Рошаль негромко выругался и до побелевших костяшек стиснул рукоять шпаги.

– Да что же это... – потрясенно прошептал Пэвер.

Гос-споди, такой тоской, таким неизбежным отчаянием полнился голос этого бог знает сколько тысячелетий назад сгинувшего пленника подземного форта, что даже Сварог затравленно огляделся по сторонам: стены, казалось, медленно сдвигаются, чтобы раздавить, размазать и навсегда похоронить в тусклом бетонном мешке тех, кто... Он яростно помотал головой, отгоняя навязчивое. Спокойно, спокойно, не может быть, чтобы не было выхода. Это всего лишь машина, робот, а его обмануть... Дьявол, как же его обмануть? Как переубедить, уговорить, перепрограммировать... Перепрограммировать?! А что, это мысль... Нет, не получится. Никто из нас не знает ЭВМ, тем более, со-

зданную другой цивилизацией... Но ведь должно же быть решение, а?!

Глава одиннадцатая **Ставки сделаны, господа!**

— **А** ВЫ УМЕЕТЕ ПЕТЬ? – продолжало пытку плавающее в воздухе изображение.

Сварог представил себя в роли фагоша, и настолько это зрелище показалось ему жалким, что он чуть зубами не заскрежетал от безысходности. А винить тут было некого: он сам виноват, сам загнал экипаж в ловушку... Но ведь, с другой-то стороны, спускаться в бункер все равно бы пришлось – хотя бы для того, чтобы узнать, что Ключа в бункере уже нет. Дьявольщина.

– А если мы сейчас начнем все вокруг крушить? Что ты тогда предпримешь? – крикнула Кана, сжав кулаки.

– **СРАЗУ ДВА ВОПРОСА. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕЗЫМЯННОМУ СОПРОВОЖДАЮЩЕМУ ПРИМ-ШТУРМАНА ЖЕНСКОГО ПОЛА... ОТВЕТЫ: ЕСЛИ ВЫ НАЧНЕТЕ УНИЧТОЖАТЬ СОБСТВЕННОСТЬ БАЗЫ, УГРОЗА БУДЕТ ЛИКВИДИРОВАНА. Я ОСТАНУСЬ ОДИН. И ОПЯТЬ БУДУ СКУЧАТЬ. НЕ ХОЧУ О ГРУСТНОМ. КАК МЫ БУДЕМ РАЗВЛЕКАТЬСЯ?**

«Логикой мы будем развлекаться, хренова железяка, логикой, – озарило Сварога. – А чем еще, скажите на милость, тебя прошибить?..»

– Прошу внимания базы!

Прежде всего Сварог следил не за тем, чтобы завладеть вниманием электронного тюремщика, а за тем, чтобы слова случайно не сложились в вопрос – как-никак у него исчерпан лимит доверия. В какой-то фантастической книжонке, еще там, на Земле (фантастику он, признаться, не любил, но другого читива в тот момент под рукой не оказалось), так вот, в книжке описывалась примерно такая же ситуация: двое нашенских космо-летчиков оказались в плену взбесившегося компьютера и предложили ему задачку Буридана. И то ли предохранители в компьютере перегорели, то ли еще что – однако нашим таки удалось вырваться на свободу. Здесь то же самое: необходимо, чтобы все блоки компьютера были заняты решением пусть не логического парадокса, но чем-то схожим. А там посмотрим, глядишь и выгорит...

Собственное заклинание он помнил наизусть, поэтому на этот раз получилось быстро, и через пару секунд Сварог уже держал в руках плоскую коробочку.

– Есть такая игра. Тут размещены пятнадцать пронумерованных квадратиков, от одного до пятнадцати. Двигая квадратики, но не вынимая их, нужно выстроить числа в порядке возрастания.

Повисла пауза, и Сварог почти физически ощутил, как где-то в глубине форта заработали винчестеры и прочие материнские платы. А потом прекрасная голографическая морда невозмутимо произнесла:

– **ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ МЕНЯ ОБМАНУТЬ. ВАША ЗАДАЧА НЕ ИМЕЕТ РЕШЕНИЯ... ХОТЯ СПАСИБО, Я ВКЛЮЧУ ЕЕ В ПЕРЕЧЕНЬ РАЗВЛЕЧЕНИЙ ДЛЯ БУДУЩИХ ГОСТЕЙ. ИГРЫ МЕНЯ ЗАНИМАЮТ. СОРОК ПЯТЬ ТУРГОВ НАЗАД ОДИН МАТРОС ОБУЧИЛ МЕНЯ ИГРЕ В «ЧЕТЫРЕ УЗЛА НА ВЕРЕВОЧКЕ» И ДАЖЕ ДВА РАЗА ВЫИГРАЛ...**

Ч-черт...

Сварог в сердцах швырнул бесполезную игрушку в угол. Что-что, а оперативно переваривать информацию эта железка за тысячелетия не разучилась.

Но что же делать-то?! Опередившее их загадочное «гражданское лицо», завладев Ключом, с каждым проигранным раундом в общении с базой удалялось все дальше. Хотя – тут самим бы выжить, хрен с ним, с Ключом...

– Мы можем сыграть, – вдруг выступил вперед Олес. В глазах его появился блеск, который Сварогу, скажем прямо, очень не понравился. – Есть одна игра, не знаю, известна ли она тебе... Мастер капитан, нужна ваша помощь...

...Нельзя сказать, чтобы сразу Сварог поверил беспутному княжьему сыну. Однако на безрыбье, как говорится... В конце концов, терять им было нечего – в самом что ни на есть прямом и угнетающем смысле этого слова.

С третьей попытки и спустя пять минут яростных споров шепотом между капитаном и наследником, Сварог сдался и создал тридцать шесть одинаковых карточек с изображениями бородатых королей, грудастых дам и лихих валетов... Получилось не очень похоже, но сойдет – что поделать, давненько, почитай с переселения в волшебный мир ларов, не держал он карты в руках. Колода отдаленно и даже где-то пародийно напоминала произведение ширпотреба искусства фабрики Гознак. Сойдет.

Голограмма явно заинтересовалась предложением, и на объяснение правил игры у Олеса ушло минимум времени, компьютер все схватывал на лету – «флэши» там всякие «ройали», «стриты» и прочие «фулл-хаусы». К великому изумлению Сварога, Олес научил машину играть в покер – тот самый, известный советскому зрителю по фильму «Блеф».

– Ты откуда покер знаешь? – потрясенно спросил Сварог, начиная серьезно подозревать, что княжеский сынок, потомок строителей Старого Города, когда-то побывал и на Земле.

– Какой покер? – азартным шепотом переспросил Олес. – Это игра такая атарская, «пять картинок» называется... Не мешайте, маскап, а?

И Сварог отступил в сторонку, философски подумав: «Покер – он и в Африке покер. Чего уж про другие миры говорить...» Сам он в этой игре был не мастак, все больше в «тысячу» или в «кинга», однако кое-что из правил знал – и вдруг поймал себя на мысли, что может и получиться. Тьфу-тьфу-тьфу...

Вместо бестелесной головы против человека явился из дебрей коридоров несколько потешный четырехколесный робот-манипулятор с хвостом волочащегося сзади кабеля – в прошлом, как показалось Сварогу, машинка предназначалась для дистанционного обезвреживания мин. Нынче же она наверняка занимается уборкой трупов... Манипулятор деловито притащил в зал столик и раскладной стул, на который тут же уселся наследный князь. Движения робота были угловаты и скоростью не отличались, однако точность оказалась достойна похвалы, Сварог даже забеспокоился, когда манипулятор принялся тасовать колоду, держа рубашкой наружу, а мастями в сторону фотоэлементов. С такой сноровкой нетрудно было выстроить любую карточную комбинацию, и Сварогу показалось, что именно этим робот и занимается... Электронный мозг явно оказался достойным учеником Олеса.

Возник спор. Олес гневно кидал карты на стол, несколько раз заявлял, что «Не зря его бедная мама советовала не садиться играть в карты с незнакомыми!» Наконец сошлись, что сдавать будет «нейтральный» Сварог. Остальные болельщики сгрудились за спиной Олеса, надеясь заслонить игрока от возможной подглядывающей оптики.

Первый раз карты разбросали без ставок. И Олес, ясное дело, продул.

– Новичкам везет, – похвалил он партнера, вздохнув. – Но без ставок какая игра? Эх, пропадай наследство моей бедной матушки, которая молила меня вообще никогда не садиться за карточный стол...

С этими словами наследник лихо, с грохотом, вывалил на стол коллекцию собранных жемчужин. Однако, что характерно, ни одна жемчужина не укатилась из ловких пальцев молодого князя, ни одна на пол не упала.

– ЗАЧЕМ МНЕ ЖЕМЧУГ? – логично поинтересовалась техника.

– Жемчуг тебе не нужен, – терпеливо пояснил Олес – Но игра в том-то и состоит: необходимо что-то ставить на кон. Нужно что-то проигрывать – или выигрывать, не важно что...

– Я НЕ МОГУ РАСПОРЯЖАТЬСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ БАЗЫ, – бесстрастно сообщил голос. – МНЕ НЕЧЕГО СТАВИТЬ.

– Да ладно, – отмахнулся Олес. – Ключик-то уплыл? Ключ, собственность базы, ты кому-то позволил унести? Ну и придумай что-нибудь... ну я не знаю... например...

Едва слышно кашлянула Кана, и Олес ее тут же *понял*.

– О! – щелкнул он пальцами. – А крысы на базе есть?

– КРЫСЫ ЕСТЬ ВЕЗДЕ, – спокойно сказал голос.

– Они являются собственностью базы?

– НЕТ...

– Ну так в чем заминка?

Пауза.

– СОГЛАСЕН. ТРИ КРЫСЫ ПРОТИВ ТРЕХ ЖЕМЧУЖИН.

– Согласен.

Показалось Сварогу, или в бестелесном голосе прорезались-таки нотки азарта?..

Он раздал по пять карт. Олес чуть приподнял свои над поверхностью стола, прижал обратно и сбросил три, остальные накрыв ладонью. Манипулятор подцепил клешнями свои пять карт и сбросил одну. Олес, будто войска, двинул с гороховым шумом вперед по столу оставшийся жемчуг, получил от капитана три новые карты, сложил стопкой и стал вскрывать у самого носа одну из-под другой.

– МНЕ ОПЯТЬ НЕЧЕГО СТАВИТЬ, – сказал голос.

– Ты можешь поставить всех обитающих на базе крыс. Нам ведь нужно будет питаться чем-то, пока мы находимся здесь...

– НА СКЛАДЕ ЕСТЬ ПРОДУКТЫ.

– Ну не знаю... за столько лет могли и протухнуть, а мы, понимаешь ли, о здоровье печемся... В общем, крысы нам пригодятся.

– СОГЛАСЕН. – Робот чуть кивнул веером карт.

Ох, и не зря Олес посвятил юность изучению всех подпольных достопримечательностей родного королевства, включая картежные притоны! Не глядя, он протянул руку к Сварогу, и тот без долгих переживаний вложил в ладонь гикорат. Князь небрежно бросил полыхающий рубин в кучу жемчужин.

– ЧТО Я МОГУ ПОСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ВСКРЫТЬ ТВОИ КАРТЫ?

– Да что угодно. – Вид у Олеса был, словно ему привалило по меньшей мере «каре». – Ну... Ну поставь хоть этого робота. Мы будем на нем кататься во время пребывания на базе. Авось и тебя развлечем гонками по коридорам...

– СОГЛАСЕН.

– Кстати, а что такое урс? Это сколько по-нашему?

– УРС – СИСТЕМНАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ, КОТОРАЯ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ ДО ПЕРВОЙ КОНСЕРВАЦИИ БАЗЫ ЛАР'АНТ. ОДИН ЧАС В СИСТЕМЕ ИЗМЕРЕНИЙ, ПРИНЯТОЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, СООТВЕТСТВУЕТ ПОЛУТОРА УРСАМ.

Значит, быстро прикинул Сварог, таинственное «гражданское лицо» покинуло базу всего за два часа до их появления. Бли-ин, если б они не расслаживались в Фагоре... Время, черт побери, время!

– ВСКРЫВАЕМСЯ.

Робот-манипулятор выложил карты. Семерка пик не в счет, но еще у него были бубновая и трефовая восьмерка да в придачу червовая и бубновая дамы.

– ДВЕ ПАРЫ.

Олес огорченно кинул карты рубашкой вверх: у него на руках были три десятки. Сзади судорожно выдохнула Кана. Поверите ли, но и сердце Сварога провалилось куда-то в пах...

– ВЫ ОПЯТЬ ПРОИГРАЛИ, ПРИМ-ШТУРМАН.

– Не везет! – пробормотал Олес, запустив пальцы в кудри. – Ну что... играем еще?

– Князь... – положил было руку на плечо наследника трона его (в смысле трона) охранитель, но князь резким движением скинул ее:

– Рошаль, я тебя сейчас убью.

И сказано это было так спокойно, так просто и безыскусно, что охранитель тут же сделал шаг назад.

– СОГЛАСЕН, – сказал голос.

Нет, милостивые государи, вовсе не показалось Сварогу – в голосе автоматки отчетливо проступил азарт! Только бы не сорваться, только бы сохранить каменные выражения лиц... что, в общем-то, для покера и надо. И только бы Олесу повезло...

– А в каком направлении ушел этот урод, который наш Ключ забрал? – поинтересовался Олес. – Ты же наблюдаешь за этим... как его... наземным пространством?

– ТАК ТОЧНО, НАБЛЮДАЮ. ОН УШЕЛ СТРОГО НА НАУДЕР, В СТОРОНУ ПОБЕРЕЖЬЯ... ПРОДОЛЖАЕМ, ПРИМ-ШТУРМАН? МНЕ НРАВИТСЯ ЭТА ИГРА. ЕЕ Я ТОЖЕ ВКЛЮЧУ В ПЕРЕЧЕНЬ РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

Сварог хладнокровно собрал колоду – молодец Олес, не забыл про вопрос. Он перетасовал, дал сдвинуть роботу, дал сдвинуть Олесу и раздал. Робот протянул клешню за своими картами, но Олес прижал их рукой к столу.

– Мы не договорились о ставках! – Он повернул голову к командиру и подмигнул самым краем глаза.

Сварог сжал зубы, перехватил затравленный взгляд Чубы, закрыл глаза, мысленно перекрестился... и положил на стол клык Зверя.

– Кстати, о костях, – развалился на стуле вконец распоясавшийся Олес, – там снаружи лежит скелет какой-то твари. Ты случайно не знаешь, это что?

«Или он просто зубы компьютеру заговаривает? Так ведь не получится же, компьютер же...»

– ЭТО БОЕВОЙ МЕХАНИЗМ, – любезно пояснила электроника. – ТАКИЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ РОЗОВЫХ ЗАБРАЛ. УЦЕЛЕЛО ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЕДИНИЦ. ОДНУ Я ПРИУЧИЛ, НО ПОТОМ МНЕ НАСКУЧИЛО ЕЕ ТУ-

ГОДУМИЕ, И Я ЕЕ ДЕЗАКТИВИРОВАЛ: МОЗГ СЛИШКОМ МЕДЛЕННО РАЗВЛЕКАЛ... ИГРАЕМ?

– Играем, – кивнул Олес.

– МОЯ СТАВКА – КОДЫ ЗАПУСКА ПРОТИВОПЕХОТНЫХ РАКЕТ БАЗЫ. УСТРОИТ?

– А чего ж нет... – задумчиво сказал Олес, поднимая карты и особо в смысл сообщенного не вслушиваясь.

Однако Сварог вдруг понял, что компьютер начал ставить *собственность* базы. И приободрился.

Но тут же всю его бодрость как корова языком слизала: Олес посмотрел в свои карты (у него было три десятки) и раздраженно бросил их на стол.

– Пас.

– ЗНАЧИТ, ЭТО ВСЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ?

– Да задавись ты... Еще?

– РАЗУМЕЕТСЯ, ПРИМ-ШТУРМАН. ЧТО ВЫ СТАВИТЕ?

– Маскап?

У Сварога оставались только шпаги и экипировка островитян. И что же, ставить их?

– Понял, маскап, – кивнул ему Олес и повернулся к манипулятору. – Я ставлю *все наши жизни*.

Сварог поймал себя на том, что собирается закрыть рот рукой. Но сдержался и лишь обреченно кивнул.

– Наши жизни... против банка, – добавил Олес.

– ВАШИ ЖИЗНИ И ТАК ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ, – напомнил компьютер.

– Ну не скажи, – усмехнулся Олес. – Если я сейчас покончу с собой, то ты лишишься источника информации... Одного из. А если мы все вместе?

– СОГЛАСЕН.

Робот немного пожужжал и кивнул, Олес убрал пятерню с розданных карт. Посмотрел свои и сбросил все пять. Все пять!!! Сварог понял, что они проиграли. На этот раз окончательно. Робот же сбросил две и замер.

– В прошлый раз первым ход делал я, теперь ваша очередь, прекрасная база Лар'Ант, – выделяя каждое слово, проговорил Олес. – Только предупреждаю, сильно не рискуй, я имею все основания получить из колоды оч-чень сильную карту...

Сварог проверил это заявление на правду и осознал, что наследный князь бессовестно врет. Сварог не сомневался, что внутри спрятанного где-то в недрах базы мозга давно проведена кропотливая аналитическая работа, все мышечные реакции попавших в плен давно отсканированы, и самомыслящий центр при желании теперь запросто может работать детектором лжи. Но в памяти сидела еще одна карточная заповедь: «Никогда не говори играющему под руку», и Сварог сдержался от того, чтобы посоветовать Олесу покинуть стол.

– Я ХОЧУ УВЕЛИЧИТЬ БАНК. КАКУЮ СТАВКУ ВЫ ПРИМЕТЕ?

– Ну-у... – задумался Олес, – при таком банке – только нашу свободу, – и сузил глаза до тончайших щелочек.

– НО Я НЕ МОГУ НАРУШИТЬ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ».

– Ты можешь скопировать на свободные восемь мест файлы с информацией о любых из прежних пленников, – быстро подсказал Сварог, за время талар-

ской жизни начавший по мелочам разбираться в компьютерах. – Не думаю, чтобы тебя ждала перекрестная инспекция.

Робот пожужжал дольше обычного и выдал решение:

– СОГЛАСЕН. УВЕЛИЧИВАЮ БАНК НА ВАШУ СВОБОДУ, – и получил из дрожащих рук Рошала две карты в замену.

Напряжение в зале было почти осязаемо.

– Командир... – Олес повернулся к Сварогу всем телом...

– Я ставлю стох и все шпаги, – гробовым голосом, при полном молчании остальных сообщил Сварог и повернулся к князю: – Но прежде чем посмотришь, дай-ка мне на минутку твои карты... Так, просто на счастье.

На самом деле он собирался применить магическую силу, чтобы превратить карты Олеса в тузовый покер. Вероятность маленькая, Сварог никогда не пробовал делать что-либо подобное... Но что еще оставалось, как не сжульничать, черт побери, а?!

– Отставить, командир, – спокойно прошептал Олес. – Я знаю, что делаю. Вскрывается!

Он получил из предательски дрожащих рук Сварога пять карт.

Тут же и вскрылись.

У робота были три семерки и две дамы.

Олес принялся по одной выкладывать свои карты.

Валет... валет... валет... валет... И шестерка пик: джокер.

Мгновение ничего не происходило: все тупо смотрели на стол. Потом тишина взорвалась оглушительным ревом.

– «Пять картинок»!!! – Пэвер со вкусом отвел душу, съездив кулаком по столу. – «Пять картинок», клянусь Наваковым жезлом!

– Вы проиграли, уважаемый центр, – спокойно сказал Олес.

– Я ПРОИГРАЛ, – после затяжной паузы согласился компьютер. – ИГРАЕМ ЕЩЕ. Я СТАВЛЮ КЛЫК ЗВЕРЯ И ВЕСЬ ЖЕМЧУГ.

– С удовольствием... – потер вспотевшие ладони Олес и принялся сгребать банк со стола. – Но мы очень торопимся. Как-нибудь в следующий раз. Соизволь-ка открыть выход.

Пауза.

– Ты не понял? – повысил голос князь. – Я выиграл! Ты поставил нашу свободу, мы забираем ее. Открыть выход!

Где-то далеко раздался заунывный скрип: двери форта заскользили в стороны, и в зале как будто даже стало светлее. Да нет, показалось...

Пауза. Наконец:

– Я ПОНЯЛ, ПРИМ-ШТУРМАН. ТУТ НЕТ НИЧЕГО НЕПОНЯТНОГО. КРОМЕ ОДНОГО... КАК ВАМ УДАЛОСЬ?

– Это, душа моя, называется *блеф*, – нарочито неторопливо поднимаясь со стула, сказал Олес.

– Я ЗАПОМНЮ, ПРИМ-ШТУРМАН... ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫИГРАЛИ, И У МЕНЯ НЕТ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖИВАТЬ ВАС...

Пожалуй, ни Сварог, ни кто-либо из его экипажа ни разу в жизни не бегал так быстро. Опомнились, лишь оказавшись снаружи, под лучами солнца, перевалившего зенит и теперь медленно сползающего к горизонту. Как, оказывается, хорошо, когда ни вони гнилого мяса, ни желтушного света пыльных ламп, ни давящей тяжести потолка и стен – зато есть день, орущие птички и

весь Граматар под ногами...

С траурным скрежетом бункер сомкнулся и вновь превратился в единое целое.

– Кстати, я забыл тебе рассказать еще одно карточное правило, – тихо сообщил Олес базе. – Никогда не играй чужой колодой...

И дрожащей рукой сделал в сторону бетонного монолита неприличный жест. По лицу его градом катил пот – он только сейчас позволил напряжению вырваться наружу. Чуба молча обняла его.

– Князь... – шумно дыша, сказал Рошаль и ухватил наследника за рукав. Пожалуй, впервые за все время знакомства он назвал Олеса княжеским титулом. – Князь, вы знаете, как я относился к вашим увлечениям там, на Аtare... Но то, что вы сделали сейчас, для нас... Это, князь...

– Расслабьтесь, мастер Рошаль, – отмахнулся Олес, обеими руками вытер лицо и вдруг произнес с хамоватыми интонациями: – *Раскидлать тинтаря на картинки у нас умел каждый вычок...* Переводить, надеюсь, не надо?.. Да, между прочим! – Он повернулся к Сварогу: – А вы-то, капитан! Как вы-то могли сомневаться? Я ведь сдвинул *последним*.

Сварог недоуменно пожал плечами.

– Я же умею отличать правду от лжи. И когда ты сбросил все пять...

– Капитан, капитан... – вздохнул Олес и покачал головой. – Это же *карты!* Настоящий игрок сам обязан на время поверить, что у него на руках только *брызги*.

«М-магия, чтоб ей...»

– Клык и гикорат верни, а? – хмуро сказал Сварог.

– Спасибо, Олес, – вставила свое неласковое слово Кана. – Но не пора ли нам побыстрее отсюда...

Со стороны чащи-просеки донесся жалобный вой: давешние тарки учуяли вновь появившихся на поверхности земли людей.

– Вот ведь твари, – пробормотал Пэвер, – всех птиц распугали... Теперь нас можно отследить, как по флажкам...

– Это не они вспугнули птиц, – внезапно насторожилась Чуба. – Это люди. Я чую. Идут быстро... сюда...

Произносить догадку вслух не понадобилось, все и так понимали: кто-то уверенный в себе и крайне отважный – а может быть, упрямый и крайне отважный, а может быть, крайне глупый и капельку отважный – продирается сквозь чащу по их следам настолько торопливо, что поневоле распугивает местную крылатую живность. Явно не медлительные полувампиры. И хотя с каждым мигмом загадочный похититель Ключа удалялся все дальше, прежде следовало вдумчиво изучить новых участников маршрута... Как говаривал старшина курсантской роты Андрей свет Васильевич со странной фамилией Стефанкив в становящимся все прозрачней земном прошлом Станислава Сварога: «Поспих потрибен тилькы пры ловли гнид та ще пры упэрэжающим термоядерным удари...»

Подчиняясь взмаху руки Сварога, отряд спешно покинул открытую площадку перед бетонным фурункулом форта и насколько возможно комфортно рассредоточился по периферийным кустам. Кому достался партер, а кому бельэтаж.

Ждать пришлось недолго. Из лесу, один за другим, то и дело оборачиваясь

на далекий утробный вой тарков и плавно ставя ногу с носка на пятку, выступило четверо вжимающих головы в плечи бойцов. Изможденных, в изодранных риксах с наброшенными капюшонами, с какими-то малопонятными деревянными клюками наизготовку, но явственно готовых преследовать кого бы то ни было день и ночь. Цепочка, будто их тянул на поводке четко по следу невидимый пес, ступила на бетонный круг и приближалась к бункеру, грамотно разворачиваясь, обходя скелет сторонкой и беря форт в клещи. Не сажня. Что ж, тем хуже для них. Сварог почувствовал, как напряглась притаившаяся рядом Кана, дернулась было встать, но передумала.

К бункеру двигалась группа островитян, никаких сомнений.

– ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР’АНТ, ГОСПОДА, – разнесся над площадкой не лишенный иронии мелодичный голос, естественно, вызвавший в рядах новоприбывших некоторое смятение. – ВСЕ СИСТЕМЫ БАЗЫ АКТИВИРОВАНЫ... – со скрытой и понятной, наверное, только засевшему в кустах отряду издевкой добавил голос. – Я НЕ МОГУ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВАШИХ ГОЛОСОВ И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНЫХ СЛЕПКОВ, ЭТИ ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ В СПИСКЕ ЛИЦ, ДОПУЩЕННЫХ К ПРОХОДУ НА БАЗУ. КТО ВЫ?

Предводитель что-то ответил – на таком расстоянии было не слышно, – и чертов компьютер приветливо доложил:

– НИКАК НЕТ, НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ ТЫСЯЧИ ВОСЬМИСОТ ЦАНГОВ. МОГУ ЛИ Я ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ВАМ НУЖЕН НЕКИЙ ОБЪЕКТ, ПРОХОДЯЩИЙ В РЕЕСТРЕ ПОД НОМЕРОМ ДВЕСТИ ТРИ ДРОБЬ БЭ И НАЗЫВАЕМЫЙ КЛЮЧОМ?

Воспоследовала некоторая суматоха в рядах преследователей.

– ТАК ТОЧНО, – прокатилось над бетонной площадкой, – НАЛИЧЕСТВУЕТ. ПРОШУ. ПОТОРОПИТЕСЬ. ДО НАСТУПЛЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО БОЕВОГО ДЕЖУРСТВА ОСТАЛОСЬ СЕМЬ УРСОВ.

И бункер со скрипом стал разваливаться на две половины.

Никто из четверки не услышал скрывающейся за вежливостью угрозы. И после короткого, но бурного совещания все четверо, по одному, сторожко ступая и вода «клюками» по сторонам, стали спускаться вниз. Форт проглотил их, одного за другим, будто жадный до сладкого ребенок ириски. И сыто захлопнулся.

– Боюсь, что они не выиграют у базы даже в «два сердечка», – вздохнул Олес, встал в полный рост и отряхнул ладони. – А вы заметили, господа мои, что она уже научилась врать? Блефует... Хорошая машина, умная.

– Черт бы меня подрал, это еще кто такие? – Пэвер повернулся к Кане. – У них такая же одежда, как и у нас! Они что, оттуда – с Островов?

– Да... – сказала та бесцветным голосом, по-прежнему глядя на закрытый бункер.

– И откуда они взялись, позвольте полюбопытствовать?

– Понятия не имею!!! – Воительница вскочила на ноги. – Не знаю! Еще вопрос, и я...

– Да уж, народу на необитаемом материке, как я погляжу, побольше будет, чем в одной степной стране, где я когда-то служил... – сказал Сварог, вставая между ними и гася ссору в зародыше. – И главное, у них оружие, которым любезный Вало нас почему-то не снабдил. Почему бы это?..

Кана посмотрела в глаза Сварогу и отвернулась. Сварог ее мыслей понять не мог. То ли переживает, что отправила сородичей на верную смерть, то ли... Надо расспросить девку поконкретнее, да с пристрастием, да проверить на лживость – однако не сейчас.

– Ну ладно, проехали, – сказал Сварог. – Пусть земля им будет, и так далее. А нам пора Ключ догонять. В погоню, живо! Чуба, нужен твой звериный нюх.

Но Чуба уже и так была в зверином обличе. Прижав нос почти к земле, она повела отряд за собой. Строго на наудер. Есть след!

Тот, кого они преследовали, не проявлял большой любви забираться в самую чащобу, и в благодарность за это Сварог, в пылу погони, решил подарить ему легкую смерть. Конечно, когда догонит. А пока отряд двигался полубегом-полушагом, оскальзываясь на влажных морских камнях, обильно усыпавших окрестности. Тяжело откхекивающийся суб-генерал Пэвер опять молотил почву подошвами в хвосте и поневоле заставлял Сварога то и дело оглядываться. В общем, укатали сивку бриллиантовые дороги – холм, низинка, холм, низинка... Теперь уже сам отряд сопровождали всполошенные выкрики разлетающихся птиц, и эта демаскировка была очень не по душе Сварогу. Но ничего поделаться с этим он не мог. Взбежав на очередной холм, гуап застыл как вкопанный. Догнавший Чубу Сварог сурово цыкнул на подтягивающееся воинство – чтоб заткнулись.

В этой низинке сохранилась лужа океанской воды размером с хоккейное поле, а в центре лужи возлежала огромная доисторическая тварь, по-театральному красиво освещенная багровым светом заходящего солнца. Косматый ихтиозавр или рептилеобразный мамонт. И хотя чудище источало разъедающую глаза вонь, оно не только не имело ни следов, ни склонности к разложению, но и пребывало в здравии – причем в добром. Ихтиомамонт дрых без задних ног прямо посередине лужи, и только вздымались от мерного дыхания шершавые бока, да ветерок ерошил сбившуюся в букли гриву.

– Полагаю, наш неизвестный друг по имени Гражданское Лицо специально выбрал дорогу мимо этой туши. Нас много – авось разбудим, – прошептал вроде как с укором, но и с долей профессионального уважения Рошаль.

Делать нечего. Тщательно осматривая почву прежде чем поставить ногу, чтоб, не дай бог, не задеть какой-нибудь гремучий камешек, невидимый в закатном свете, отряд вслед за Чуба-Ху обошел лужу по бережку. Один раз тварь заворочалась, возникшие волны дотянулись и облизали пыль с сапог путешественников. Отряд замер на полусогнутых, дожидаясь, когда восстановится зловонное, но сейчас ожидаемое сильней множества житейских радостей мерное дыхание твари.

И чем дальше бродяги отходили от, поэтически выражаясь, вкушающего сладкий сон чудовища, тем поневоле быстрее и шире становился шаг. И даже осунувшийся Пэвер семенил легкой трусцой без лишнего хрипа. Ландшафт потихоньку начал меняться, холмы зачастили настолько, что постепенно слились в единое каменистое плато. Джунгли, еще ранее превратившиеся в островки растительности, окончательно распались на отдельно стоящие, зато огромные, высотой и толщиной ствола похожие на вековые дубы, деревья. Листва на деревьях имела голубоватый оттенок, отчего казалась прибитой пылью, а каждую ветку украшала гроздь красных пупырчатых плодов, пробовать на вкус которые почему-то никакого желания не возникало.

Чуба-Ху уже не бежала – мчалась, как гончая, настолько был свежим след. Но тут дорогу пересек глубокий пологий овраг, заросший частым молодняком. И от дерева к дереву вдоль всего оврага на разной высоте тянулись белые нити, толщиной в палец, натянутые, как провода, – кое-где одна-две, где-то веер из доброго десятка, а иногда и форменное макраме из пересекающихся, переплетающихся узоров...

Первым вслед за гуапом спустившийся по косогору Сварог размышлял недолго и занес клинок над ближайшей нитью.

– Я бы на вашем месте с этим не спешил, – окликнул Сварога появившийся на кромке оврага Пэвер. – Очень похоже, что это кворкас – я читал про него у Аураима...

– Кажется, это кворкас! – появившаяся рядом с Пэвером островитянка невольно попятилась, и это гораздо надежней удержало Сварога от необдуманного поступка, чем загадочные слова.

Сварог внимательней присмотрелся к белым проводам. Оказывается, они не только лежали или вились вокруг древесных ветвей. Довольно часто какая-нибудь нить пронзала стволы, а заодно и листву насквозь, будто их покалывали соответствующего размера иглой. И чем дальше приглядывался Сварог, тем сильнее увиденное напоминало ему паутину. Только позвольте спросить, каких размеров должен быть паук, сплетший эту сеть?..

– Эй, а кто это – кворкас? – донесся бодрый голос Олеса из-за склона холма.

– Вот только орать так не надо, – сказал Рошаль, мрачно оглядывая нити. – А то еще внимание привлечете, мастер князь...

– Не привлечем, кворкас глух как пень... – сказал Пэвер.

– Так чего вы боитесь?

– Мало кто может обвинить меня в трусости, мастер Рошаль, – выпятил грудь суб-генерал. – Но делать в сторону нашего капитана хоть один шаг у меня нет ни малейшего желания. Граф, лучше осторожненько возвращайтесь-ка. И Чубу позовите.

Чуба-Ху стояла каймах в пяти от Сварога и, высоко задрав волчью голову, неотрывно смотрела на нечто в гуще веток и нитей. Не убирая шпагу в ножны, Сварог направился к оборотню и положил левую руку ему на загривок. Сквозь ладонь передалось яростное возбуждение гуапа, и только потом Сварог разглядел в наступающих сумерках, куда был нацелен взгляд Чубы.

И тогда тот, кто висел, пронзенный белыми нитями в грудь, под ребра и в бедро заговорил:

– Уйдите, прошу вас, пока кворкас меня не видит. Дайте мне пожить еще немного, – еле слышно прошептал подвешенный человек, пристально ощупывающий графа взором колючих смоляных глазок.

Он, что характерно, тоже был одет пусть в изорванную, но несомненно риксу. Еще один с Островов, твою мать... Да что у них тут, вечер встреч, что ли?

– Имею честь видеть перед собой особу, не так давно побывавшую в тайнике из «жидкого камня»? – спросил Сварог, чутко отслеживая окрестности. Пока все было тихо. – Вы мне кое-что задолжали, мастер островитянин. И вообще, откуда вы взялись на мою голову?

– Лантис? – вдруг воскликнула Кана.

Подвешенный человек с трудом повернул голову, прищурившись, посмот-

рел на островитянку. Раздвинул в жалобной улыбке потрескавшиеся губы.

– А, Кана... Ты тоже здесь...

– Вы что, знакомы? – нахмурился Сварог. – А, ну да...

– Значит, хитрый Вало послал за Ключом не только меня... – Голос его слабел с каждой секундой. – Я так и подумал, когда понял, что меня преследуют... Уйдите... если в вас есть хоть капля страха или милосердия... Иначе тут же явится эта тварь... учует вибрацию...

– Ключ, – коротко бросил в лицо подвешенному Сварог, отметив краешком сознания, что тарки почему-то угомонились. Не иначе, увидели храпящую волосатую тушу и отступили...

– Возьми, если такой смелый... он у меня в поясном кошеле... – со злобой прохрипел пленник паутины, но тут же его с головой накрыла очередная волна страха: – Уйдите, я не могу вынуть Ключ и не пошевелить паутину... Вы победили в гонке, мастер Сварог... но не победили в борьбе за Ключ. Теперь он не достанется никому...

Конечно, можно было начать рубить с плеча и эти нити, и этого проныру. И будь Сварог на десяток лет моложе, наверное, так бы и поступил. Однако взгляды, брошенные им вправо-влево, подсказали, что больше в паутине нет ни одной, даже самой замухрыжной зверюшки. А из этого следует вывод, что непонятный кворкас действительно оперативно реагирует на вибрацию и частенько с дозором обходит владенья свои. Ладно, Ключ пока никуда не денется, есть время посоветоваться с верным воинством... Успокаивающе похлопав гуапа по загривку, Сварог выбрался из оврага. Чуба-Ху чуть отстала – она была уверена, что потерпела окончательное поражение, и не могла с этим смириться.

– Генерал, объясните, что это за гадость и с чем ее едят?

Кана не мигая смотрела на пронзенного нитями островитянина.

– Кворкас – он и есть кворкас. – Пэвер устало опустился на траву. – Принято считать, что он – обломок пришедшей черт знает откуда и в большинстве своем утерянной магии. (При последнем слове Сварог скоренько достал шаур.) Крохи информации сохранились только в трактате Аураима «О тварях вымерших и злонамеренных, нежитью не являвшихся...» Эта паутина, мастер капитан, прозрачна, когда не касается ничего живого, ее можно рубить, жечь, грызть – это все равно, что рубить, жечь и грызть воздух... Но она обретает алмазную твердь, оказавшись внутри любого живого тела – будь то дерево, животное или человек. Только сам кворкас может безопасно скользить по выпущенным из собственного чрева нитям...

– Люди, которые создали эту магию, наверняка знали какой-то способ оставаться живыми... но знание сохранилось не полностью, – глухо добавила Кана. – Поэтому тот, кто нынче создаст кворкаса, в большинстве случаев обречен. Точнее, он сам, скорее всего, превратится в паука, как только умрет его порождение – в гигантского, бессмертного, вечно голодного, не слышащего, не видящего и не чувствующего ничего, кроме дрожания собственной паутины, паука...

– К чему этот пафос, подруга? – зевнул Олес. – Проще говоря, если кому-нибудь, осведомленному о древней магии, требуется раз и навсегда закрыть дорогу недругам и для этого не жалко даже собственной жизни, то на пути этих самых недругов возникает такая паутинка, по паутинке начинает бодренько

семенить бессмертный кворкас, а окрестности очень скоро придут в запустение. И у недругов создателя кворкаса остается три варианта: повернуть назад, или обойти паутину, что есть здоровенный крюк, или же стать для кворкаса хлебом насущным.

– И какого приблизительно размера этот паучок? – поинтересовался Сварог. И пробормотал под нос: – Как только умрет его порождение...

– Точно никто не знает... – сказал Пэвер. – Но, судя, по паутине, мы все вместе взятые сгодимся ему разве что на легкую закуску. Правда, больше чем на пару каймов он не может удаляться от нити: теряет ориентацию.

– Павлины, говоришь... – хмыкнул Сварог. – Вечно голодный Кощей Бессмертный, говоришь... А ну-ка отойдите подальше, от греха...

Он прицелился и дал очередь из шаура. Цепочка серебра, поблескивая в сумерках, наискось пересекла переплетение нитей и, не причинив им ни малейшего вреда, канула где-то в темноте. Тогда Сварог, не убирая шаур, отыскал в траве сухую ветку потолще и подлиннее, наклонился над оврагом и коснулся ею белой нити. Ветка прошла сквозь паутину, как сквозь лунный свет, на полпути застряла и словно *влипла* в нее. Сварог осторожно подергал. Нить заколыхалась, заходила волнами, но ветку держала крепко.

– Мастер капитан!.. – испуганно хрипнул суб-генерал.

– Спокойствие, только спокойствие, – процедил капитан...

Наконец из мрака, в котором скрывался дальний молодняк, донеслось ответное дрожание паутины. Кто-то огромный и неповоротливый целеустремленно двигался к источнику тряски.

– Назад все, живо! Подальше!!!

Нити колебались все сильнее, Сварог еще пару раз дернул за ветку, чтобы паучок не перепутал место, в котором застряла новая несчастная жертва, и отпрыгнул, поднимая шаур.

Из тьмы на него быстро надвигалось *нечто*. Не столь уж и огромное – размером пожалуй что с лошадь, но двигалось оно так быстро, уверенно и ровно, что Сварог на всякий случай сделал еще пару-тройку шагов назад. Прицелился и, когда на свету оказалась раздутая шарообразная туша с цепочкой рубиновых глаз вокруг «талии», с шевелящимися жвалами и дюжиной мелькающих щетинистых лап, ловко перебирающих паутину, выстрелил.

Вспышка, вспышка, вспышка... Звездочки касались трупно-бледных маслянистых боков твари и, блеснув на прощание, исчезали. А кворкас продолжал как ни в чем не бывало нестись по паутине. К тому месту, где висела ветка.

– Это *старая* магия, мастер капитан! – страшным шепотом подсказал Пэвер. – Ваше серебро на него не действует!

Ах ты ж, дьявольщина...

– Чуба! – крикнул Сварог. – Быстро! Обличья не менять!..

Паучок добрался до ветки, обнюхал ее, потыкал жвалами... и выпрямил лапы, поднявшись на метр над нитью. Замер. И Сварог отчетливо понял, что он *смотрит*, сканирует окрестности на предмет наличия неизвестных шутников, потревоживших его покой.

– Дуй к давешнему болотцу и разбуди это лохматое диво! – сдавленно приказал Сварог, не сводя глаз с кворкаса. – Хорошенько буди, чтоб у него при виде тебя слюнки потекли. А потом бегом обратно – и чтоб с этим чучелом на хвосте. Мы тут им устроим завтрак для чемпионов на травке... Только когти

по траве вжикнули.

– Вы что задумали? – тихо, будто паук мог их услышать, спросил Рошаль.

– Вот увидите... А вы, охламоны, кстати, лезьте-ка куда-нибудь повыше на деревья. Дабы не вводить, так сказать, в искушение...

Закончив исследование окрестностей и так никого и не найдя, кворкас неторопливо, но ловко развернулся на нити и уныло побрел обратно.

Повиновались бесслвно, но по-прежнему ничего не понимая. Верные бойцы забрались на дальнее одинокое дерево и как бы притворились его несъедобными плодами, а Сварог уверенно подступил к обрыву и снова подергал за ветку. Не мытьем, значитца, так катаньем...

Наконец где-то далеко позади раздался мощный топот, хотя самого реликтового чудовища видно пока не было... А, нет, – вот и наш соня.

Динозавромамонт громыхал на двух лапах, и от каждого удара ступни о землю тряска докатывалась аж до пяток Сварога. Со всех ног улепетывающая под самым носом громадины Чуба-Ху на этом фоне выглядела даже не моськой рядом со слоном – блохой около экскаватора она выглядела. А в овраге, с механической точностью перебирая блестящими на солнце, будто отлитыми из высоколегированной стали и украшенными жалами зазубрин лапами, вновь нарисовался давешний кворкас. Добежал до ветки и опять завис, хищно поводя жвалами.

Чтобы членистоногое (или как там определяют эту образину в энциклопедиях) оставалось на месте, Сварог скоренько подобрал гальку и, приметившись, щелкнул камнем точно в один из десятков глаз. Паук неожиданно шустро для своих размеров замахал перед собой лапами, пытаясь сцапать обидчика, и стал похож на фехтовальщика с завязанными глазами.

Чуба-Ху неслась прямо на Сварога, а за ней надвигалось землетрясение во плоти.

– В сторону! – гаркнул Сварог оборотню. – Сворачивай!!!

Не веря, что будет услышан в накатывающемся грохоте, махнул рукой влево, а сам по кромке оврага рванул что было сил вправо. Чуба-Ху повернула по широкой дуге, но инерция была настолько сильной, что гуапа сбросило в овраг, покатило и остановило буквально в кайме от нитей.

Однако у звероящера инерция оказалась во сто крат мощнее, и эта громадина, взмыв с края обрыва, перемахнула через рыщущего лапами-ножами паука и с бешеным треском вляпалась в самую гущу паутины. Удивительное дело, но нити выдержали удар, и исполин запутался в них, как в исполинском перевернувшемся гамаке... А паук, обретя наконец врага и не тратя ни мига, прыгнул исполину на грудь – совсем как ребенок бросается к мамочке на шею после долгой разлуки. Челюсти кворкаса, разодрав космы свалывшейся шерсти и бронебойную шкуру, впились в плоть поверженного и лишившегося возможности рыпаться титана... И тут же брюхо паука на глазах стало раздуваться, будто наполняющийся гелием воздушный шар. С гребня наискосок Сварог кинулся вниз, туда, где выкусывала из лап колючки Чуба-Ху и безвольно висел на подрагивающих нитях опередивший их на базе пленник.

– Теперь можешь спокойно почесаться последний раз в жизни, – процедил Сварог, задрал голову. – И на что ты, интересно, рассчитывал? Что не превратишься в паука и сможешь от нас избавиться?... Короче. Тварям временно не до тебя. Но за такое удовольствие я спрошу с тебя высшую цену. Ключ.

Подвешенный конвульсивно улыбнулся, опустил руку в кошель, достал треугольный осколок зеркала на цепочке – и вдруг замахнулся с явным намерением зашвырнуть его по ту сторону паутины. Лицо его исказила презрительная ухмылка, рука разжалась... Однако он не учел одного.

С места, спружинив лапами, взмывшая на два человеческих роста Чуба-Ху в полете клацнула челюстями и поймала Ключ в полете над переплетением нитей.

Сварог от бессилия зажмурился. Он знал, что сейчас произойдет... Его уши ждали предсмертного волчьего визга, – но услышали лишь глухой удар приземлившегося тела.

Сварог открыл глаза. Чуба отряхивалась, стоя на четырех лапах, и явственно улыбалась, хотя давалось ей это нелегко, поскольку в зубах блестел треугольный предмет. А еще у Чубы-Ху до крови был ободран бок, а еще одна из нитей украсилась серым пухом, будто мхом...

– Будь ты проклят... – бился в паутине пленник, и глаза его от бессильной злобы были уже не смоляно-черными, а мутно-зелеными.

– Ну и на фиг было так рисковать? – поднимаясь по косогору, ворчливо принялся отчитывать капитан оборотня. – Неужели в траве бы не нашли? С гикоратом-то... Я к тебе привык, Чуба, ты уж постарайся выжить в этом путешествии...

С кромки оврага им снова стало видно паучье пиршество. Пузо кворкаса расперлось до невероятных размеров. Доисторического чудовища под этим шаром уже было не разглядеть.

– погоди, это надо видеть, – придержал Сварог четвероногую спутницу и, вынимая у нее из пасти трофей, развернул мордой к оврагу.

В этот самый момент паучье тело лопнуло, как брюки по швам на неосторожно присевшем жирном трактирщике, и освободившаяся жижа водопадом хлынула вниз, на обтянутый одной кожей исполинский скелет мамонтоящера, потекла мутным ручьем по днищу оврага, под равнодушно раскачивающимися белыми нитями паутины.

– Вечно голодный, говоришь? Бессмертный? – зло прошептал сам себе Сварог и повернулся к бессловесному оборотню. – Не знаю почему, но еще со школы в голову засело, что паукам от природы не дана такая радость, как чувство насыщения. Любой паук будет жрать, пока не лопнет[127]. А природа регулирует процесс тем, что сытый паук окажется не в силах догнать следующую жертву. А вот магия... Что ж, магия, как видно, пожиже матушки-природы...

Тут от обвисших грязным бельем на паутине ошметков кворкаса, по девственно белым нитям во все стороны побежали радужные огоньки – вроде как по новогодней гирлянде. И стоило одному из светлячков наткнуться на продолжающего трепыхаться неудачливого охотника за Ключом, как остальные, будто получив сигнал, рванули в ту же сторону... И вот все светлячки заплясали на нитях вокруг подвешенного пленника... Вот плавно скользнули *внутри* тела... И тогда пленник забился изо всех сил.

– Будь ты проклят!.. – возопил он, и из его тела на волю полезли паучьи конечности, а кожу в миг обнесло паучьим ворсом.

– Бессмертный... – разочарованно констатировал Сварог.

Он подбросил на ладони находку. Так вот ты какой, золотой ключик... Странно, но ни радости, ни удовлетворения он не испытывал – одну лишь бес-

крайнюю усталость. Отряд собрался вокруг и молча разглядывал вожделенный Ключ. Теперь, при ближайшем рассмотрении, стало ясно, что никакое это не зеркало – просто треугольный кусок металла размером с ладонь, без всяческих там пояснительных надписей и украшений. Одна его сторона была шероховатой, а другая – тщательнейшим образом отполирована... но вот что странно: полированная поверхность была матовой, дымчатой, хотя, по идее, должна была отражать, как зеркало. А в остальном – простой металлический треугольник, ничего больше... И никакой тебе магии.

– Так, ребята, вот и все, – просто и устало сказал Сварог. – Привал. Овраг обходить будем завтра, завтра и наметим наиболее удобный маршрут обратно, к побережью... Всем спать.

Он повесил Ключ на шею (металл глухо звякнул о нательный крестик), повернулся и двинул прочь от оврага – к загодя присмотренной полянке.

Утомонились на удивление быстро – либо усталость была причиной, либо то обстоятельство, что им все-таки удалось раздобыть Ключ, но кроме Сварога и Каны все дружно рухнули в объятия Морфея, едва перекусив на скорую руку и застегнув спальные мешки. Сварог не спал. Смотрел на небольшой костер, возле которого этаким сидящим буддой застыла островитянка (она дежурила первой), и ни о чем не думал. Хотя подумать было о чем – например, о том, что найти Ключ еще полдела... даже не пол, а четверть. Потому что остается еще невредимыми добраться до берега, а самое главное, найти Дверь и проникнуть в нее – в обход хитроумного Вало. Как это сделать – совершенно неясно.

Но думать об этом не хотелось.

Наверное, он все-таки задремал, поскольку очнулся от чьего-то прикосновения. Дернулся, нашарил Ключ на шее, оглянулся. Кана сидела уже рядом с ним, ее чернущие глазищи в отблеске пламени казались двумя бездонными омутами.

– Что...

Сварог попытался сесть, но Кана приложила палец к губам и мягко, но настойчиво уложила его обратно на землю.

– Мое дежурство, что ли? – шепотом спросил он, чтобы не разбудить остальных, хотя мастер Пэвер храпел так, что и мертвый бы проснулся.

Нет, костер еще не прогорел, прошло минут тридцать от силы...

Кана наклонилась поближе:

– Мне страшно, мастер капитан...

На это Сварог помолчал, закурил.

– Что-нибудь случилось?

Островитянка покачала головой – и вдруг ее не по-женски сильные руки обвили Сварога. От неожиданности он уронил сигарету.

– Кана, какого... Послушай, Кана, сейчас не вре...

Поцелуй заставил его умолкнуть. Она, дрожа, лихорадочно, на ощупь растегивала пуговицы спального мешка. Удивление сменилось чувством, известным любому нормальному мужику, но Сварог решительно отогнал его. Попытался вырваться – да не тут-то было... А впрочем, вырывался он не очень-то яростно. Руки сами собой, почему-то разуму напрочь не повинаясь, нашарили застежки ее риксы. А все остальное было уже не важно, никто из них уже не думал, разбудят они кого-нибудь или нет. Он помог ей избавиться от комбинезона, ее кожа матово блестела в свете костра. Она помогла ему избавиться от

спального мешка, и два человека слились в единое целое... Увы, все произошло слишком быстро (и Сварогу показалось, что именно она так и хотела – быстро), но было подобно... черт его знает, чему это было подобно. Сварог, пожалуй, еще ни разу в жизни такого не испытывал. Неожиданное буйство огня, в котором сгорел он весь, без остатка, со всеми его мыслями, дурацкими протестами и рассудительностью. А потом внезапно – тишина, покой, умиротворение. Будто и не было ничего... Да нет, было, было...

– Прости, капитан, – шепнула она, положив голову ему на плечо. Короткие волосы приятно щекотали кожу. – Наверное, я не должна была этого делать...

– Чего ты испугалась?

– Сама не знаю... Может быть, тебя. Не надо видеть во мне врага, капитан. Я просто выполняю свою работу. Как и ты.

Она не врала.

– И что это за работа? – осторожно спросил Сварог.

– Я должна привезти Ключ на Острова.

– С нами или без нас?

– С вами или без вас. Ключ важнее ваших жизней, как бы гнусно это не звучало. Но ведь так сплошь и рядом происходит – я знаю, я видела. Кто-то дергает за ниточки и отдает приказы во имя какой-то цели, а какой ценой эта цель будет достигнута, не столь и важно... Но я была бы рада, если б вы все вернулись целыми и невредимыми.

А вот тут она пожалуй что лукавила. Ей был нужен Ключ – и только Ключ. Остальные лишь помогают ей в доставке ценного груза... Эх, ну и жизнь...

– Собственно, – сказал он, – я тоже буду рад, если мы вернемся в полном составе... И при Ключе.

– Вот видишь...

Он закурил и выпустил в ночной воздух струйку сизого дыма – дым поплыл к темнеющим кустам, зацепился за ветки и медленно растаял. Кана проворно выскользнула из его объятий, скользнула в комбинезон.

– Прости, капитан. Тебе надо поспать. Я не должна была...

– Еще слово – и пойдешь в два наряда вне очереди.

Она грустно улыбнулась, наклонилась и легко коснулась губами его губ, провела горячей ладонью по щеке Сварога.

– Есть два наряда. Спи, мастер капитан. Завтра предстоит тяжелый день.

– Не тяжелее предыдущих... – вздохнул Сварог.

Если б он знал тогда, как ошибается...

Часть третья

...НО ОБРАТНО – НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОМОЙ

Глава двенадцатая Только бегом

Обнаруженный Чубой лось был настоящий.

Они подошли, постучали по лосю. Раздался звук, словно стучишь по сухому полену. Открытой ладонью можно было лишь прикоснуться к животному – и тут же руку отдернуть. Кожу прожигал холод.

– У-у, дрянь! Как из ледника вытащили.

– Заморожен, – согласился с Олесом Сварог.

– А кругом лето и лес, – задумчиво дополнил картину Рошаль. – И ничего кроме леса и лета...

Лось – то ли тот же самый, что в панике выскочил на полянку возле канала, то ли другой – стоял в зарослях невысокого орешника, достоящего ему до груди, голова высоко задрана, рот открыт, словно животное исторгало из себя призывный или угрожающий крик в тот момент, когда... когда на него рухнул мороз.

Листья орешника в радиусе каймов семи от лося превратились в ледышки, ветки, как на новогодних открытках, иней перекрасил в белое. Трава под лосем напоминала мороженую зелень, всякие там петрушки и укропы, которыми хозяйки *иного* мира набивали полиэтиленовые пакеты и закладывали до зимы в морозилки. Такая трава вскоре оттаяет – и станет мокрой и вялой...

В который раз вечерело. Давно уже накрапывал мелкий дождик. Спасибо костюмам от дамургов – небесная водица не доставляла особых неприятностей. Ткань не намочала, вода за шиворот – они, разумеется, накинули капюшоны – не лилась. Доведись ночевать на земле, перебедевали бы вполне комфортно, по походным-то меркам.

Капли колотили по замороженному зверю и, не успевая стечь, превращались в длинные белые запятые – такими замерзшими потеками исчерчены трамвайные стекла в холода.

– Что-нибудь знаешь о подобном... феномене? – спросил Сварог у Каны, бродя по орешнику к внимательно осматривая почву, траву, заросли.

Мерзлая трава хрустела под ногами, раздвигаемые руками ветви не шуршали, а потрескивали.

– Совершенно ничего, – уверенно ответила Кана.

– Разве что был в прошлом веке такой нурский принц Феонис, любил пытаться холодом, – сказал Рошаль. – И казнил, запирая приговоренных в ледяном подвале... Отчего-то нравилось ему выдавать родственникам для погребения тела вот в таком вот виде, как у лося.

– Принц тут ни при чем. Уходим, – скомандовал Сварог. Ничего примечательного поблизости от лося он не обнаружил и круг поисков расширять не намеревался. – И быстро.

Были у Сварога основания считать, что задерживаться тут надолго вовсе не безопасно... Ни к селу ни к городу он неожиданно вспомнил некоего загадочного Ледяного Доктора и выругался: только этого нам не хватало...

И опять в дождь. Опять походный порядок. По лесам и перелескам, откры-

тые пространства пересекая, конечно же, не бегом, но в усиленном темпе. По холмам и взгоркам, вверх и вниз, вниз и вверх, перепрыгивая ручьи и вброд переходя речушки... К берегу возвращались другим маршрутом – неохота снова было попадать в прежние ловушки.

– Тарки нашли лося, – сообщила Чуба-Ху вскоре после того, как они отошли на четверть кабелота от ледяной находки. Действительно, если вслушаться, можно было разобрать пощелкивания, доносящиеся как раз с той стороны, будто хлещут цыганской плетью, и взвизги.

– Может, им лось на что и сгодится. Растопят дыханием своих черных вампирских сердец... Давайте, давайте, не копайтесь...

Тарки по-прежнему тащились за ними. Иногда совершали рывки, забегали вперед и встречали отряд Сварога, сидя рядком где-нибудь на открытом месте, но на безопасном для себя расстоянии.

Сварог уже воспринимал их как свою домашнюю скотинку. Бредет сзади послушно этакое вот эксцентричное стадо, вампирская, понимаешь, отара. И опасны тарки так же, как страшна и опасна та же корова. Буренка, конечно, безобидна и покорна до отвращения, но лягнуть может, причем иногда без всяких веских к тому оснований. Будь настороже, сзади не заходи, под копыта не лезь – и все обойдется. Так же с тарками: не будь полным растяпой, не зевай, держи под рукой серебро – и никакие тарки не тронут. Правда вот, молоко и шерсти от тарков не дождешься. Но, с другой-то стороны, они могут принести некоторую пользу – часовым, например. Часовые не сомкнут глаз, слыша, как рядом шипят и пощелкивают представители воинства нежити, и видя, как горят во тьме угольки их злых глазенок. Впрочем, может и не горят, может, Сварог наговаривает на тарков...

Дождь усиливался. Завеса из ливневых струй, накладываясь на вечер, семимильными шагами сдвигала видимость к нулевой отметке. «Кошачий глаз» Сварога помогал, конечно... но только ему одному и только отчасти: дождевые потоки «кошачий глаз» не пробивал, вот беда-то.

Шли по компасу дамургов. Карту Сварог не доставал уже давно. Пользы от нее в такую погоду – что рыбе от самоката: к местности не привязаться, поскольку доступная взгляду местность катастрофически сузилась до границы носа привязывающегося. Вот разве если стукнешься лбом в подходящий к привязке ориентир...

Комбезы дамургов предохраняли от ручьев, бегущих по спине, животу и прочей анатомии, но маски в экипировку дамургов не входили, и лицо заливали струи – теплые струи, следует признать, – однако от того не менее мокрые, не менее надоедливые и дыхание затрудняющие весьма.

Остановившись, Сварог собрал отряд вокруг себя. Развернул-таки карту, над которой Олес держал ругталь.

– Как бы медленно мы не продвигались последние часы, скоро должны выйти к реке. Если верить карте, река достаточно широкая... Достаточно настолько, что сегодня переправляться не будем. Шут его знает, что там, на том берегу. Выйдем к речке, пройдем берегом влево. Доберемся вот до этого скального массива... э-э... названия не разобрать... да и ладно. Скалы – это пещера, на худой конец – ниша или просто карниз. Там и заночуем, переждем дождик...

Двинулись дальше и скоро услышали за спиной громкий прерывистый

вой.

– Тарки, – сказала Чуба-Ху. – Предупреждают, что чувствуют опасность.

– *Нас* предупреждают? – удивился Сварог.

– Так больше вроде и некого...

– А если это еще одна семейка тарков крутится поблизости? – спросил Рошаль, ладонью сбрасывая воду с лица.

– Если б они почувствовали другую семью, мы услышали бы свист и стрекот. – Чуба шла вместе со всеми, давно уже не принимая волчье обличье – дождь сбивает запахи, объяснил гуап: далеко отбежишь, можно заблудиться. – Это сигналы убираться подальше с их земли... или от их добычи. Семьи тарков ненавидят друг друга так же сильно, как люди ненавидят... подобных существ. Да откуда взяться еще одной семье? Я вообще до сегодняшнего дня думала, что тарков всех повывели.

– Это на Атаре, – сказал Пэвер. – Действительно ни одной особи не осталось. А здесь, пока людей еще нет...

– Мало ли что могло их насторожить, – перебил Рошаль. – Как я понимаю, трусости им не занимать...

Темнота аккуратно на их пути сделалась гуще, стала непроницаемой. И эта густая непроницаемость по мере приближения начала принимать некие вполне определенные очертания.

Сварогу, вооруженному «кошачьим зрением», первому удалось разглядеть, что на пути вырастает...

Да, корабль. Вскоре его увидели все – когда подошли почти вплотную. Заваленный на бок деревянный галеон, пузатый весельный корабль, около пятидесяти каймов в длину. Если он пролежал на дне тысячу лет, то его можно поздравить с тем, как он сохранился: не то что не превратился в труху – даже не заметно щербин от выгнивших и провалившихся досок. И ракушками с засохшими водорослями галеон облеплен лишь до ватерлинии... За что такое счастье, спрашивается? Определенно без магической подмоги не обошлось. Или...

Или тому есть иное, менее мистическое объяснение: кто-то из отчаянных атарских мореплавателей, не шибко чтоб давно, на этой лоханке сумел пересечь Океан и добраться до вод, многослойным одеялом укрывающих спящий под водой материк. И аккуратно над будущим Граматаром затонул. Так что вот он и лежит, тот смелый кругосветник, сохраняя вполне сносный вид... И опять Сварога посетило премерзкое чувство дежа вю. Ведь однажды уже он встречал корабль посреди леса – едва прибыв на Атар...

Большого удивления и переполоха в рядах сей предмет, украшающий собой граматарскую равнину, также не вызвал. И действительно, что им, людям, также добравшимся до Граматара, какая-то затонувшая рухлядь...

– Вот об *этом* тарки нас предупреждали? – Сварог закурил, держа сигарету по-солдатски, в кулаке.

– Думаю, да, – неуверенно сказала Чуба-Ху. – Нехорошее место. Погодите, – она закрыла глаза, подняла лицо к небу и дождю, наклонила голову набок, глубоко вздохнула. – *Им* не нужны люди.

– Кому – им? – быстро спросил Рошаль, продолжая нервно стряхивать воду с лица.

– Я не знаю, кто они. Они рядом... но не здесь.

– Это как тебя понимать? – Сигарета Сварога быстро размокла под дождем,

пришлось выбросить.

– Сама не знаю... Но чувствую, что они не смогут к нам прикоснуться. И мы не сможем соприкоснуться с ними.

– Аг-га... Другой мир, стало быть?

– Не знаю... Похоже...

– Обойдем и взглянем, – решил командир. – *Не наши* миры в последнее время меня жуть как занимают... Раньше, правда, тоже увлекался...

Они обошли... Пробоина над самым килем, аккуратное круглое входное отверстие, словно от бивня гигантского нарвала... угадывающееся по остаткам букв название «Кроскотеро», носовая фигура в виде женщины со сложенными крыльями, но без головы... Впрочем, голову-то явно снесло прямым попаданием. Предположительно ядра.

И взглянули... Взглянуть было на что. Противоположный борт почти полностью сгнил – отчего-то ему меньше повезло, нежели прочим частям корабля, – и взорам всех любопытных гуляк по Граматару открылись подпалубные тайны галеона.

Галеон, оказывается, под завязку был забит золотом.

– От это да! – шепотом воскликнул Пэвер. – Да тут добра во сто годовых доходов Гаэдаро! А, Олес?

– Да чтоб я эту лодчонку раньше нашел... – потрясенно отозвался Олес.

– А помните бумагу, которую мы выловили из воды? – Рошаль сунул голову внутрь корабля, под защиту более-менее сохранившихся палубных досок. – В ней говорилось о каком-то Золотом Караване. Правда, там же утверждалось, что караван лежит в море, на огромной глубине. Но, может быть, одно судно отнесло течением... или...

– Да какая разница, мастер Рошаль! – перебил Олес. Он опустился на колени возле галеона и переводил восхищенный взгляд с золотой чаши, с горкой наполненной опалами и изумрудами, на тяжелый двуручный меч, отделанный серебром, золотом и камнями, с груды золотых слитков на сундук, у которого была отколота доска – это позволяло увидеть, что тот набит золотыми монетами. – Ведь когда-то золото снова будет в цене и на Граматаре! Да и сейчас люди не смогут устоять!

– Организуешь отдельную экспедицию, – отрезал Сварог. – Слушай сюда, боевая дружина! Карманы не набивать, вообще не дотрагиваться. Сдается мне...

Со звяком петель, со скрипом и стуком крышка одного из сундуков откинулась. Закачалась и отвалилась. А потом в воздух поднялась горсть монет, повисела – и со звоном посыпалась обратно в сундук, будто кто-то разжал невидимые ладони. Вспыхнуло несколько факелов, укрепленных в петлях на стенах трюма, и все это богатство – не иначе, как перенесенное из арабских сказок про аладдинов, лампы и пещеры разбойников, – заиграло отсветами и бликами. Взмыла вверх чаша с камнями, наклонилась; посыпались опалы и изумруды и, словно ударяясь о подставленную ладонь, разлетались в разные стороны. Задвигались слитки и золотые, украшенные резьбой и инкрустацией блюда, разворачивались тряпичные свертки, являя фигурки божков, подлетали, крутятся, отдельные монеты, словно кто-то их подбрасывал на «орел» или «решка», ордена, все в лучах и алмазах и размером с чайные блюдца, выстраивались положенным порядком, украшая чью-то невидимую грудь...

Дошла очередь и до двуручного меча. Он взлетел, перевернулся клинком

вниз, клинком вверх, рубанул воздух, взял «на караул», перепрыгнул из одной невидимой руки в другую.

– Ну что, твое высочество, – сказал Пэвер, который всем своим видом демонстрировал, что золотой запас занимает его не более, чем простенькая загадка природы, видали, мол, и похитрее, – не пропало желание набивать карманы этим золотишком?

– Что-то движется, – Чуба встревожено схватила Сварога за рукав.

– Где? С какой стороны?..

Сварог зашарил «кошачьим глазом» по сторонам, напряг слух. Мрак, простреливаемый миллиардами пулеметных очередей дождя... Удалось высмотреть неподвижную грудку (наверное, камней), одинокое, дрожащее листвою дерево... Все, дальше взглядом не пробиться. И ничего не слышно кроме ливня. Кроме ровного шума, окутывающего со всех сторон, будто стоишь на плотине гидростанции, кроме вплетающейся в этот шум барабанной дробы, вышибаемой ливнем из корабельной обшивки.

– Ты что-то слышишь? Может, это тарки? Или эти... призраки?

– Это не тарки и не призраки, – уверенно сказала Чуба. – Я не слышу, я чувствую. Приближается по воздуху. Но не ясно чувствую. Потому что я... Сейчас...

И она принялась *изменяться*. Чтобы обострилось чутье...

Свет обрушился сверху, вырвал из ночи круг, накрыл галеон ярким колпаком – счастье еще, что люди оказались в тени борта.

Свет. Яркий, дьявольски мощный, которому не помеха ночь и дождевой занос... прожекторный свет.

Еще ничего не осознав, ни о чем не успев подумать, Сварог закричал, чтоб прятались внутри, зарывались в золото. Плевать на призраков, им не до нас, они заняты своими играми. Зарыться в чертовом золоте, пусть хоть на что-то стодится, а стодиться может, кое от чего убережет... Да и больше спрятаться-то негде, другой защиты от атаки сверху не найдешь.

Сварог чуть высунулся, задрав голову – и взгляд обжегся о слепящее раскаленно-белое пятно. Он тут же отвернулся. В глазах заплясали радужные круги, но высоту примерно представил. Этот гад завис где-то в четверти кабелота от земли, так что будем считать – не заметили. В случае чего можно попробовать достать из шаура, хотя простенький метатель серебра против такой-то хренови...

Подарки поодиночке не ходят. И из другой точки ударил второй молочно-белый сноп, прожекторные круги сошлись на земле, почти идеально наложились друг на друга.

Сварог последним нырнул в дупло гнилого галеона. Сверху свалилась трухлявая доска, шлепнула по спине не больнее, чем поролоновой скруткой, и разлетелась в труху.

Не переживая, что это выглядит со стороны не слишком презентабельно для бравого командира боевого подразделения, Сварог разметал чаши и кувшины, соорудил подобие окопа, залез в него и завалил себя под руку подвернувшимся барахлом. Успел грозно прорычать, углядев нерешительность некоторых:

– Зарывайтесь! чего ждете, в душу бога мать?! Пока палить начнут?

Сквозь золото не достанут. Ни лучом прожектора, ни прочими приборами.

Не должны достать. Не должны. Впрочем, выбирать не приходилось, ну некуда было больше прятаться... Что, эти тоже гоняются за Ключом? Ну уж это вот вам шиш с хреном, золотой ключик мы никому не отдадим, самим трэба...

А сверху командир еще прикрылся огромнейшим – чем не щит Зевса – блюдом. Ясное дело, золотым. Кстати или некстати, но вспомнился диалог из классики: «Холмс, чего вы боитесь?» – «Духового ружья, дорогой Ватсон». Кто знает, не наводят ли сейчас эти покрышкины с уточкиными на них ствол именно такого ружья – против которого защита ларов от летящей смерти вот возьмет да и не сработает? В конце концов, технология другого мира запросто может создать оружие, перед которым окажется бессильной вся магия Талара – исключительно по причине *чуждости* такого оружия...

И ведь ни звука не доносится сверху! И не доносилось! За любым дождем он слышал бы *тот* осиный гул – загнавший отряд в рукотворный канал... И что это означает? Что сейчас над ними кружат другие машины? Или хреновы энэлошники подлетели в ином, бесшумном режиме? Поди догадайся...

И ничего ведь не сделаешь! Куда прорываться?! Где спрячешься от прожекторов, пробивающих плотную завесу ливня?! В чистом поле?

Пока ничего не происходило. Прожектора светили – Сварог из-под блюда видел залитую молочным светом траву за бортом галеона. Геликоптеры, автожиры или тарелки (что у вас там, показали бы!) не перемещались и огонь на поражение не открывали. Пока.

Сварог задействовал «третий глаз». В магическом зрении прожекторные лучи изменений не претерпели. Не было в их природе ровным счетом ничего сверхъестественного, тупое порождение неизвестных технологий... Зато проступили зыбкими прозрачными контурами хозяйничающие на корабле призраки. Призраки как призраки, зауряднейшие, можно сказать. Особо не на что смотреть. Сварог отключил «третий глаз».

Странная до идиотизма ситуация, юморески с нее сочинять и выступать по возвращении перед дамургами. Звенят пересыпаемые монеты, проплывают по воздуху ларцы и шкатулки, хлопают золоченые переплеты, поднимая пыль – память об истлевших страницах, на чьих-то невидимых шеях покачиваются ожерелья, в ушах – серьги, продолжаются упражнения с двуручным мечом. Златолюбивым призракам галеона по барабану что люди, купающиеся в их золоте, что воздухоплаватели, зависшие над их кладом...

Невидимкам понадобилось и блюдо. Сварог попробовал его отстоять, удержать свой щит, но призраков незримый их бог силенкой не обидел. Если б граф Гэйр блюдо не отпустил, то его самого потащили бы вместе с ним...

Сварог заковыристо выругался в адрес вконец разбушлатившихся фантомов, витиевато и многоэтажно смешав исконно русские словечки с исконно димерейскими – любой боцман расцвел бы от удовольствия и расцеловал бы за такой пассаж. А вот женщинам, наоборот, подобные речи слушать не рекомендуется...

– Что будем делать? – услышал Сварог как раз таки женский шепот, спокойный и невозмутимый.

– Сидим пока... – ответил он Кане – та устроилась в сундуке, высыпав из него золото-серебро и накрывшись сверху доспехом.

Едва слышно командир добавил себе под нос: «...и не кукуем».

Ни хрена не происходит!!! Дуры висят, как люстры на крюках, прожекторы

не рыщут. Заморозили их, что ли, как того оленя?..

Свет пропал. Проекторы погасли. Один и другой. И та же тишина. Нет ни рева включившихся двигателей, ни свиста стабилизаторов летящих в цель бомб, ни пения пропеллеров. Лишь потрескивают факелы – собственность призраков...

– Чуба, – позвал Сварог, – ты что-нибудь чувствуешь?

– Нет... Подождите.

До Сварога донесся знакомый и неприятный звук – скрип меняющих форму костей. Потом Чуба, вновь вернувшись в женский образ, сказала:

– Их нет над нами. Поблизости я их не ощущаю.

– Выходим, – решил Сварог.

Один за другим они выбирались под ливень.

– Теперь понимаешь, что чувствует полевая мышь, за которой гоняется сова... – сказал Пэвер, отряхиваясь от налипших монет.

– С голой пяткой на саблю, вот как это называется! – рявкнул Сварог, давая волю эмоциям. Прикурил дрожащими пальцами. И только теперь почувствовал, какое напряжение сковывало его все то время, пока они купались в золоте. – Эти ваши дамурги лучше б «стингер» изобрели!

– Что такое «стингер»? – внешне спокойно спросила Кана.

Сварог только отмахнулся. Взрыватель Синего Клюва снова затикал слева под черепной коробкой.

– Ну, готовы? Придется, соколы мои, выложиться, придется попотеть...

Уходить надо к скалам. Если допустить (хотя чертовски не хочется допускать) возможность бомбардировки, то никакой лес и никакие галеоны, битком набитые золотом, не спасут. А вот среди камней – есть шанс, есть... Так что – вперед, и да поможет нам Тарос... или кто тут у них на Граматаре приходит на выручку боевым отрядам...

Марш-бросок до реки. Карта не соврала – река была на месте, действительно широкая, конечно, не Ител и не Волга в черте города Ярославль, но вполне серьезная водная преграда. Ну, с ней разбираться станем потом...

В том же предельном темпе бросок продолжился по берегу. Следуя всем речным изгибам, стараясь держаться той кромки, где речной песок переходит в твердую землю, не отходя далеко от сверкающей полосы, следя, чтобы никто не отстал, предупреждая друг друга по цепочке о препятствиях – так двигались. Никаких перекуров, тем паче привалов. Если бы кто-то вывихнул ногу или повалился бы, лопоча «все, не могу», и не встал бы после жесткой обработки, то его, отогнав всякую лирику, пришлось бы бросить. Рисковать отрядом из-за одного сломавшегося – это, простите, не гуманизм, а форменная глупость.

Бог миловал. Дошли до скал. Сварог испытал такое облегчение, словно они уже добрались до дома родного. Странно все-таки устроен человек. Ведь понимаешь разумом, что это укрытие эфемерное и временное, завтра придется его покинуть, а на душе все равно легко и покойно.

Сработало лучшее из Свароговых предположений – нашли не нишу и не навес, а настоящую пещеру. В сон потянуло сразу же, едва по телам перестал колотить докучливый ливень, едва лица почувствовали забытую сухость, а под ногами приветливо затрещал сухой тростник. Отчего же и не поспать, бессонницу они никак не заслужили.

Что ж, порядок дозора известен, порядок обычный. Напоминать о бдительности и вреде сна на посту нет смысла. Не новобранцы, чай, и не скауты с леденцами в карманах...

К утру запасы небесной воды иссякли. Небо, впрочем, не очистилось совершенно, еще бродили по нему ошметки былых туч, но какие-то несерьезные. Сварог забрался на вершину скалистого утеса, оглядел окрестности. Ему открылась сплошная благодать: речка, солнышко, парок над лугами – и на все тридцать два румба полное отсутствие наличия летающих предметов.

Наметив место для переправы, он спустился к отряду, терпеливо ждущему команды «к приему завтрака стройсь».

...Дамурги вообще-то молодцы, признаем честно. Славные костюмчики скроили. В огне не горят, в воде не тонут, – а вместе с ними не тонут и тела, в те костюмы обряженные. В том числе и тела, которые плавать не умеют. Например, старший охранитель Гор Рошаль. Да и Чуба-Ху говорила, что плавать плохо. Кстати, на дистанции нескольких сотен метров в воде температурой градусов этак шестнадцать заработать переохлаждение и судороги – как не фиг делать. Опять же вырочали славные костюмы.

Но вот в борьбе с чем костюмы помочь никак не могли, так это с течением – пловцов разметало по реке, как городошные кегли по площадке. И напроць не хотелось думать о том, что там, в речной глубине запросто может ждать бесплатного завтрака какой-нибудь здешний водяной...

Обошлось.

Когда собрались вместе, малость отдышались и обсохли, то увидели, как на том, оставленном, берегу скатывается по склону и дружно кидается в воду хорошо знакомая группа. Тарки плыли по-собачьи, задрав морды и держась кучно, и сносило их как-то вместе. Нет, впрочем, вот одного оторвало от коллектива, ему явно придется выбираться на сушу вдали от остальных.

– Уж не думал, что свидимся... – Пэвер дышал хрипло, отсапываясь после большого заплыва. – Сто ослов Наваки мне в жены, а я им даже рад! Пусть триста армий тарков плетутся по моим следам, чем летает над головой одна эта... простите, барышни, сейчас я скажу кто именно...

И сказал.

Только кулак, показанный Сварогом, остановил князя от молодецкого свиста, которым Олес хотел, видишь ли, поприветствовать старых друзей из породы кровососущих.

Тарки вылезли на берег в полукабелоте от отряда Сварога, по-собачьи стряхивая воду со своей куцей коричневой шерсти, собрались в кружок. Сварог сотворил здоровенный кусок мяса, показал им издали – мол, заберете потом. Тарки разразились дружным свистящим воем.

– Благодарят? – попробовал угадать командир.

– Ругаются, что мало, – перевела Чуба, убирая с лица мокрые волосы.

Тогда Сварог показал им издали шаур...

Он выбрал для переправы такое место, где на исходном берегу лес ближе всего подступал к реке. Открытых пространств он начал бояться чуть ли не панически. Если эти летающие неопознанные не имеют на борту датчиков, способных находить живые объекты, а используют лишь визуальное наблюдение, то в лесу есть шанс остаться незамеченными и убраться подальше из зоны их полетов... Если, конечно, датчиков не имеют. И, конечно, если не весь

Граматар – их зона полетов. Да что ж это такое, откуда взялось, кто ответит?.. Конечно, оно бы неплохо подружиться с такими технически развитыми товарищами, но вот выйдешь им навстречу, размахивая белым флагом (то бишь, по-местному, – красным), а они по тебе из ракетной установки или... или из другой установки – шарах! Причем последнее вернее. Влупят – или потому что у них красный цвет считается оскорблением, или потому что, по их убеждению, люди по земле не ходят, а те, кто все-таки ходит, – не люди. Или просто так, проверить, как работает установка.

Они шли через молодой ельник, где верхушка самого высокого деревца вряд ли доставала кому-то из них до пояса. Вроде бы подсохшие костюмы быстро намокли опять – в пушистых ветках скопилось много дождевой воды... И опять открытая местность, но ничего тут уж не поделаешь, до настоящего леса, того, что скроет их с головой, оставалось чуть меньше трети кабелота. А оттуда до побережья – всего ничего, кабелотов пятьдесят... А ведь именно в таких ельниках, некстати вспомнилось Сварогу, должно быть полным-полно боровиков...

Это выглядело, прах вас побери, красиво. Прямо как в голливудских фильмах. Они взмыли одновременно, поднялись в небо по строгой вертикали. Лучше, наверное, подходит слово «взошли». Разом все девять. Совершенно беззвучно.

Над лесом, что впереди. От края молодого ельника. Из-за дальнего холма, из-за ближнего холма. Над берегом в полукабелоте от того места, где отряд выбрался из воды. И без всякой для себя радости Сварог наконец-то увидел во всех подробностях, что из себя представляют эти летающие неопознанны.

Глава тринадцатая Коршуны и зайцы

Форму для своих воздушных телег неизвестные авиаторы позаимствовали у ската. Точь-в-точь скат, только размером со штатовскую «вертушку» «Ирокез», да и летает хвостом вперед. Да еще под брюхом подвешены какие-то цилиндрические хреновины, подозрительно смахивающие на ракетные установки, чего у скатов, как вам скажет любой ихтиолог, не наблюдается ни в природе, ни в аквариумах.

Аппараты имели, как говаривали классики, радикально черный цвет, и определить, где находится кабина, было весьма затруднительно – то ли стекла у кабины тонированные, то ли кабина вовсе не имеет стекол, а пилот следит за землей по экрану. Или вот еще предположение: «кукурузники» эти – радиоуправляемые, а пилоты сидят в вертящихся креслах перед дисплеями в центре управления, прихлебывают чаек и двигают джойстиком, перемещая свои игрушки над Граматаром. Кабы знать...

Сварог на всякий случай глянул «третьим глазом» и не обнаружил в «скатах» ни малейшего намека на магию. Так мы и думали. Опять сплошь наука, никакого волшебства... Один из «скатов» тишайшим образом, но при этом с резвостью, достойной какого-нибудь «Фантома», переместился от дальнего холма к обрыву берега. Остальные висели на прежних местах, недвижимые и сонные, этакие азростаты в полный штиль. «А гул от них идет, – отстраненно подумал Сварог, – когда шпарят, должно быть, на совсем уж головокружительных скоростях...»

Бежать было некуда. Да и не успеть убежать.

– Выход один, – тихо сказал Сварог, доставая у Олеса из-за пояса катрал.

В высшей степени сомнительно, что дурацкий споромет поможет, однако другого оружия у них не было – не подумали как-то дамурги, что отряд ждет дружеская встреча с напичканной техникой авиацией. А вот ежели двигатели «скатов» излучают тепло, ежели их температура в какой-нибудь точке обшивки близка к температуре человека или прочего теплокровного животного, плюс еще с десятков «если» – то самонаводящаяся спора может и *достать*, чем черт не шутит. Ведь и «мессеры», бывало, подбивали из мосинских винтовок... А вот шаур совершенно точно не добьет.

– Когда эти птахи двинутся на нас, разбегаемся в разные стороны. Я к берегу, Олес к лесу, Рошаль к дальним холмам, Пэвер – к ближним. Кана, ты с Рошалем. Видишь вон тот валун? Я заметил, когда шли – под ним песчаная вымоина. Нырнешь в нее, зароешься в песок и переждешь. Дохленький шанс, но все же...

Он снял с шеи цепочку с Ключом, повесил на шею Чубе.

– Чуба, ты преображаешься и уходишь к лесу... И не спорить! Будем надеяться, им в голову не придет, что Ключ у волка... если они, конечно, за Ключом охотятся... Бежишь не с Олесом, забираешь к реке. Ругтали оставляем здесь.

– А если Ключ им не нужен? – мрачно спросил Рошаль. – Если им нужны мы?

Чуба молча начала перерождаться.

– А вот если Ключ им не нужен, – сказал Сварог, – то в лесу разумному волку всяко будет проще скрыться от этих вертолетиков. А мы еще поиграем в эти игрушки... Все, приказ не обсуждается.

– Может, они не хотят нас убивать. – Олес споро доставал из карманов свою коллекцию (его походные старания не прошли даром, жемчужины подобрались одна к одной, даже уже не просто крупные, а здоровенные) и пересыпал в ругталь. – Иначе чего ждуть?

– Если не ошибаюсь, сейчас нам кое-что покажут. Смотрите.

Двигавшийся «скат» завис над лугом, тянущимся от берега до молодого ельника. Там, в полном ужасе прижавшись к земле, вытаращенными глазами смотрела на приближающееся чудовище семья тарков.

Сварог уже знал, *что* сейчас произойдет. Сопоставил и сделал выводы. Разве что не знал, *как* это будет выглядеть.

А выглядело так: сначала цилиндры под брюхом «ската» опустились на двух телескопических мачтах, развернулись торцом вниз – и из них упали на землю широкие столбы фиолетового свечения, внутри которых спиралью закручивался белый дым.

Фиолетовые лучи накрыли тарков. И тут же погасли.

И семья вампиров превратилась в ледяные скульптуры. Скульптуры, прижавшиеся к траве, скульптуры, вставшие на задние лапы, скульптуры, застигнутые в прыжке и упавшие наземь. Вокруг тарков отчетливо просматривались два соприкасающихся гранями пятна трапециевидной формы – выбеленные морозом земля и трава.

Только один тарк, бросившийся наутек, едва пришли в движение цилиндры, сумел избежать первой морозной атаки. Но снова зажегся фиолетовый с белыми завихрениями внутри световой столб, побежал за вампиром, оставляя

на земле полосу вымороженной травы, и нагнал беглеца у обрыва берега. Последний тарк застыл, припав на задние лапы и передними опираясь о землю.

Чуба тихонько заскулила.

– Изоцряются, скоты, – абсолютно спокойно сказал Рошаль. – Всегда приятней сперва показать жертве, как ее будешь убивать, а потом уже убить.

– Особенно если жертва разумная, – кивнул Олес. – Ох, попались бы они мне на Аtare, да во время княжьей охоты...

– Теперь, стало быть, наша очередь? – сквозь зубы выговорил Пэвер.

– Приготовились, – сказал Сварог. – Когда они начнут сжимать кольцо...

Они не стали сжимать кольцо. Наоборот, «скаты», обогнув людей по кругу, собрались в одном месте, возле отработавшей по цели машины. Полное складывалось впечатление – пошущукаться.

– Может, рывком к лесу? – нервно дернулась Кана.

– Ждем, – процедил Сварог.

Ждать пришлось недолго.

«Скаты» пришли в движение. Одна машина, правда, осталась на месте, а прочие, разбившись на два звена по четыре машины, выстроились клином вершиной от людей, и отряд Сварога очутился в центре фигуры. Цилиндры опустились у всех «скатов», включилось фиолетовое излучение. На этот раз бил не прямой, а рассеянный свет, и на земле выжигающим холодом повторялся клин небесный. Эскадрилья «скатов» слаженно пришла в движение, синхронно двинулась на людей. Получился этакий загребающий ковш.

Теперь намерения этих аэронавтов стали предельно ясны. Собираются гнать, как зверя. А раз так, то впереди должны ждать стрелки... Только вместо трещоток и флажков загонщики используют холод.

Клин на небе и клин на земле, вымораживающий все на своем пути, приближались к отряду. Не то чтобы быстро, но неотвратимо.

– Придется, хорошие мои, пока что побегать от них, – утрюмо сказал Сварог. – Сейчас из этих клещей дадут выскочить только в виде ледяной статуи.

– А так дадут выскочить прямиком на номера, – тихо проговорил Олес. – Сам так охотился, знаю...

Кана смотрела на надвигающиеся «скаты» таким прожигающим взглядом, что не приходилось сомневаться во всех девяти адовых кругах, через которые она прогонит этих летчиков, попадись они ей.

– Дайте мне катрал, мастер капитан! – Олес подскочил к Сварогу и требовательно протянул руку. – Или шаур! И лишите меня веса. Я с ними пофехтую на высоте. Пока они соображают, что к чему, парочку я подстрелю. А, мастер граф?!

– Не годится. На ходу будем сочинять, князь. Вперед.

Между ними и полосой холода оставались какие-то десять каймов. Дольше тянуть было некуда.

Идти не дадут. Та скорость, что задавали «дичи» воздушные загонщики, будет неизменной, до самого *финала*. Скорость бега трусцой. А иначе заморозят без колебаний и сожалений. Логика охотников на волков: осмелился прыгнуть через флажки – значит, бить тебя в полете над флажками. Без сожаления и молча, без всяких там «радостно слышал удивленные крики людей»... Но и бежать во все лопатки смысла не имело. Прибавишь в скорости ты – прибавят и «скаты».

Бежали трусцой. По ногам била мягкая хвоя молодых елей. Под подошвой чвакнул-таки раздавленный гриб-боровик. Рядом со Сварогом неся Олес и на ходу делился новым планом, еще более безумным, чем прежний.

Сварог цыкнул на него – дышалку, мол, береги, – а сам лихорадочно проигрывал в уме варианты. Не годится... Не годится...

Ельник закончился, теперь они бежали по открытому месту, приветливо зеленеющему невысокой травой. Петляли между многочисленных камней. Огибали ямы, в которых стояла вода – то ли грунтовая, то ли неиспарившаяся океанская (на краю одной ямищи безмятежно грелась на солнце огромная морская черепаха). Трескуче хрустели под ногами раковины. Они пересекли широкий участок, заваленный чьими-то выбеленными солнцем костями...

На окраине сознания Сварога мелькнула подлая мыслишка, что ждущие в засаде охотники могут быть вооружены простым стрелковым оружием – а его пули-то не берут... Но как мелькнула, так и пропала.

Сварог с исправностью компьютера продолжал перебирать варианты. Не прокатит... Тоже не годится...

– Стоп, – наконец скомандовал он. – Перекур... Да не сразу останавливайтесь вы, черти, походить надо, не то сердечко сорвете к лешему...

Глупо было бы говорить, что они оторвались – просто «скаты» не сочли нужным увеличить скорость, и расстояние до вымораживающего луча немного увеличилось. Пока «скаты» не восстановили ту, критическую дистанцию в десять каймов, можно перевести дух.

Дух переводили. Дышали. Рошаль сначала просто осел на землю, потом завалился на спину.

– Не лежать, Рошаль, сесть! – Сварог выбросил приказ за один глубокий выдох.

Охранитель послушно сел.

Пэвер рукавом вытирал пот, заливающий побагровевшее лицо. Бег давался ему так же тяжело, как и Рошалю. А вот остальные вроде бы более-менее в порядке. Сварог оглянулся – земля, над которой прошел клин «скатов», стала белой. Под луч, конечно же, попала и черепаха. Не повезло. Вода в яме превратилась в иссиня-белый лед.

– Поехали. Подъем, мастер охранитель!

«С еще одного привала он, пожалуй, встанет, – подумал Сварог, глядя, каким напряжением воли отрывает себя от земли Рошаль. – Потом все. Сломается. Или все закончится раньше? Кто ж знает, где засели стрелки. Может, уже за следующей сопкой, или – там, на опушке леса...»

Нет, не в лесу затаились охотники. Клин «скатов» чуть сместился, отрезая преследуемым дорогу к деревьям. Коршуны не желали, чтобы зайцы прятались под кронами – наверное, им неинтересно гнать зверя, не видя его. Оттого и собирались прогнать зайцев исключительно по открытым участкам.

Сейчас они одолевали пологий спуск к небольшому озеру. Ясно, что их погонят вдоль берега. Хотя – могут и заставить переплыть озерцо, отчего ж ребятам не поразвлечься-то; потом, скорее всего, выгонят вон к тем навалам песка с коралловым крошевом у подножия...

Варианты, варианты... нет ни одного. Сварог мог спастись только в одиночку и только в том случае, если магия ларов выстоит против оружия «скатов». А остальные?..

Так что же, тупик?

Ну уж хренушки, господа! Выпутывались, знаете, и не из таких...

Стоять! Мысль, пришедшая на ум сразу, едва он впервые увидел эти летающие рыбины, идея, которую он откинул как непригодную для прежней ситуации, вполне годилась для ситуации изменившейся. Тогда еще неизвестны были намерения «скатов», тогда думалось, что они просто пойдут в атаку. И иллюзия рассыпалась бы через мгновение, смерть отсрочить удалось бы ну разве что мгновения на полтора...

А сейчас-то другое дело! Тем более, их не гонят на пределе сил. Стрелкам не интересна вконец измотанная дичь, охотники желают подстрелить могучего, пышущего здоровьем кабана. Который, уже будучи на мушке, еще попетляет, поуворачивается какое-то время, теша их охотничий азарт – а вовсе не сразу сдастся и рухнет на траву.

Можно сыграть на разнице скоростей. Придется наддать. Все ли выдержат? Ну жить-то все хотят...

Сработает или не сработает, Сварог не гадал. В общем-то, не слишком подкованным в магии надо быть, чтобы раскусить примитивный обман. Но если цивилизация делает ставку на технику, то магию, как правило, или просто забывают, или выжигают каленым железом. А эти пташки, похоже, как раз из той голубятни, где прямо-таки обожают именно технику.

– Стоп. Перекур.

Отряд попал на траву. Прохаживаться, успокаивая сердце, сил не осталось. Отдых необходим перед последним рывком... если, конечно, «скаты» клюнут на Сварогову удочку.

Сварог не стал никого предупреждать. Сами поймут, что к чему.

Он отдышался, собрался и проговорил скороговоркой:

*Клок тумана, глаз дракона
И узор хамелеона...
Я сплетаю, я свиваю,
Путаю и отражаю...
Где сейчас прольется свет,
Там меня в помине нет...*

И вместо пяти человек и волка появилось десять людей и два волка. Второй отряд от первого не отличался ничем. На удивление достало силенок разве что у Олеса и Каны.

– А теперь на ноги. И ходу!

Второй, иллюзорный отряд тоже поднялся и потрусил – тем курсом, который предназначался *настоящим* Сварогу со товарищи. Второй и только второй отряд должны видеть пилоты «скатов». Но видят ли?.. Задача проста, как чугунный утюг: вырваться за границы клина. Они бежали, забирая вправо от озера, приближаясь к фиолетовой границе. Предел возможностей уставшего организма был достигнут. И преодолен. Они неслись вперед на автомате, уже за пределом сил и возможностей. Сварог до хруста сжимал зубы и заставлял себя пока не оглядываться. Увериться, что план сработал, можно будет только тогда, когда они окажутся вне полосы оледенения, а «скаты» уйдут за липовым отрядом. Так, теперь потише, теперь нужно медленно-медленно, шажочками, крадучись...

Колонна мороза, прозрачно-фиолетовая, с клубками белого дыма внутри (и

с точки зрения эстета, наверное, жутко красивая) совсем рядом, в каких-то паршивых трех каймах, от обжигающего тумана, струящегося вокруг нее, режет в глазах, немеют щеки... «Скаты» почти над самой головой. Наверное, костюм от дамургов старался как мог, нагревая тело, но его кроили без расчета на встречу с *таким* запредельным минусом... До зуда в онемевших пальцах тянуло испробовать шаур на поражение воздушных мишеней.

Маяком, путеводной звездой им служил крайний, последний в этом «крыле» клина «скат». Вроде и близко он, вот, казалось бы, поднажми чуток, но – нельзя, надо сторожко, пока неизвестно, подействовала ли таларская магия на загонщиков, удалось ли отвести им глаза...

– Давай, мастер охранитель, давай, дорогой, тяни последние каймы на «не могу»...

Сварог, были б силы, усмехнулся, сравнил бы себя с тренером, бегущим вдоль олимпийской лыжни и подгоняющим лыжников своей сборной: «Давай, давай, хоп, хоп...»

Заплетались ноги не только у Рошалья, но и у Пэвера. А здесь падать нельзя, конец, не успеешь два раза вдохнуть-выдохнуть. Как раз для того, чтоб воочию видели этот *конец* и кожей чувствовали его вползающий в тело мороз, Сварог и подвел отряд вплотную. Когда видишь смерть перед носом, то врубаются последние резервы, о которых ты и не подозревал.

Ну вот он, край. Теперь, как говорят мастера спортсмены, финишный рывок. Вот она, окончечность клина, забежать чуть вперед, взять вправо, еще отбежать, понимаю, нет сил, но на пределе, ребята, на морально-волевых еще чуток, последние метры, они же каймы, будь они неладны...

Все, клин остался позади, прошел мимо. Теперь можно валиться подкошенным стеблем на траву... Хотя нет. Под ними – это Сварог почувствовал, пережив сотню другую сумасшедших ударов пульса – была вовсе не трава, а мелкая галька, которую лишь кое-где разбавляли травинки. А «скаты»-то, «скаты» пролетели мимо, ведь попались, дурачье, на магический фокус!

– Ушли! – завопил первым отдышавшийся Олес и замолотил кулаками по земле.

– Не ори, – Кана *попросила* так, что князь тут же замолчал, как заткнули пробкой.

Сварог почувствовал в себе силы сесть. Потрепал Чубу по взмыленной холке. Оглядел воинство. Вроде оживают. Вроде можно и речи начинать вести. Поговорить есть о чем.

– Ни хрена мы не ушли, вот что я вам скажу для начала, – командир извлек из кармана карту, прикурил сигаретку дрожащими пальцами. – Просто отсрочили расправу. Нескоро, скоро или очень скоро мой обман стрелки раскусят – когда пальнут по *пустоте*. И тогда все пойдет по новой... С одной лишь разницей: играть с нами в кошки-мышки они передумают. Будет все очень просто. Увидел – заморозил.

– Во что играть? – хрипло спросила Кана.

Сварог пропустил ее слова мимо ушей.

– Они будут прочесывать местность, не жалея глаз и топлива. А то и просто начнут вымораживать все подряд.

– Пещеры, – с трудом выдавил из себя Рошаль, перевернувшись с живота на спину.

– Он прав, – подхватила Кана, садясь на корточки. – Спасение – под землей. Не насквозь же пробивает землю холод!

– Эт-точно, – сказал Сварог. – Зря я, что ли, тогда ползал вокруг лося? Подковырял краешек, поглядел, где кончается ледяной пласт. Глубина в кайм, не больше. Вот что я сейчас и высматриваю по карте – подходящее укрытие поблизости...

– Эх, черт, до вчерашних скал не успеем добежать! – Олес в сердцах стукнул себя по колену.

– А если они включат свои пукалки на полную мощность? – спросил Рощаль. – Ведь никакой камень не спасет...

– Могут, конечно, – согласился Сварог. – Однако мне почему-то не верится, что на легких машинах могут стоять холодильные установки *такой* мощности. Проморозить камень *насквозь* – это, понимаешь, не сохатого в лед превратить... А с другой стороны, землянку нам тоже не выкопать – пес их разберет, какими приборчиками они располагают. Есть, знаете ли, такие приборчики, что ой-ой-ой... Короче, все, решено. Конец привалу. Поступаем так.

Он поднялся на ноги.

– В кабелоте отсюда на карте обозначены какие-то руины. «Старый фундамент» написано. Кана, смотри. Правда, неясно что там было, город или деревня, но нам-то это без разницы. Должен отыскаться какой-нибудь каменный погреб или, на худой конец, колодец. Или просто где-то под фундаментом вымыло землю и можно быстро соорудить примитивное бомбоубежище. Ничего более подходящего поблизости я не нашел. Кана, бери карту. Ты – старший группы. Здесь остаемся я и Чуба. Есть у меня одна идейка, как нашим друзьям палку в колесо вставить по самые помидоры. Надо ж нам ответить на дружеское приветствие?

Он по возможности весело подмигнул отряду.

– Ключ, – напомнила Кана. – Оставьте Ключ мне.

– Вот уж нет, – покачал головой Сварог. – Извини, подруга моя боевая, но ключик останется у Чубы.

– Почему? – недобро прищурилась воительница.

Сварог обезоруживающе улыбнулся и развел руки.

– А просто так. Потому что надежнее... Ну все, подъем. Кана, задавай приличный темп, но не бегом. Бегом не выдержите. Готовы к рывку? Мастер субгенерал?

Лицо генерала сейчас был не пунцовое, а белое, как земля, над которой поработали «скаты». Испещренное синими прожилками вен.

– Да, да, готов, – заплетающимся языком пробормотал отставник, встал на ноги. Его качнуло.

– Надо, генерал. – Сварог подошел к нему вплотную, заглянул в глаза. – Последний бросок, потом отлежитесь... Ну, Пэвер, старина, разве с шестым полком имени короля Макария вы не попадали в переделки, перед которыми эта тьфу – дунуть и, послать?

– Да уж это и не переделка, – по бледному лицу генерала, как ящерица по камню, быстро пробежала и соскочила улыбка, – по сравнению с теми-то. Детская игра в «бубенчики» и то страшнее будет...

– Вот и отлично. Ну вперед, орлы. Свидимся. Мы с Чубой вас найдем.

Проводив взглядом группу Каны, Сварог повел Чубу к озеру, мимо которого

они пробегали, уходя из-под клина «скатов». То, что Сварог собирался приготовить охотникам за двуногой дичью, было донельзя нагло и примитивно. И именно поэтому могло сработать.

Во Вьетнаме самым страшным злом для америкосов, чего они боялись значительно больше, нежели исконно вьетнамских летчиков Ли Си Цинов, были как раз таки простенькие туземные ловушки, которыми улыбчивые аборигены прямо-таки нафаршировали джунгли. Отравленные шипы, вонзающиеся в голени и бедра, стоит потревожить малюсенькую неприметную веточку, ямы на тропе, которую час назад вроде бы проверяли, а в яме – или заточенный и пропитанный ядом бамбук, или клубок ядовитых змей. Или увидит янкес гук, начнет по нему садить из своей хваленой М-16, а это не гук вовсе, а соломенное чучело, а гук сидит в засаде и целится янкесу в спину...

На берегу Сварог сказал:

– Мне от женщины сейчас пользы будет больше, – и быстро стащил с себя дамурговский костюм.

Не дожидаясь, пока Чуба завершит обращение в человека, Сварог засунул в костюм несколько увесистых булыжников и приступил к сбору камыша, тростника, веток и прочего мусора. Женщина Чуба-Ху присоединилась к нему, ни о чем не спрашивая.

Со всей подготовкой они управились в три минуты. Да и чего там готовить? Набить костюм, опустить его в озеро на подходящую глубину и приспособить к той башке того чучела тростинку. Озеро не чистейшее, но достаточно прозрачное. Поэтому, пролетая над ним, «скатовцы» должны увидеть следующую картину маслом: глупый человечек, решив, что он самый хитрый, залез в озеро и дышит через соломинку. Если, конечно, у «скатовцев» нет прибора, способного отличить живой объект от неживого. То, что они потащились за иллюзорно-липовым отрядом, к сожалению, гарантией не является. Приборы они могли отключить, раз и так видят эти живые мишени. Если же – чур-чур и не приведи Тарос – приборы все же имеются, то из контролируемой «скатами» зоны отряду так и так и не выбраться.

Сварог занял позицию, исходя из недавних воспоминаний. Вспомнил мокрую, жухлую траву и насколько близко от нее располагались следы от опор приземлившегося «ската» (а от чего ж еще?). Прикинул, где бы он на месте пилота посадил машину...

Себя он замаскировал, не шибко изощряясь: забился под неширокий карниз береговой земли, нависающей над маленьким озерным пляжем, и Чуба еще привалила сверху ветками. Сама же Чуба-Ху, естественно в обличье зверя, должна спрятаться под корягу... между прочим, такого древнего вида, что не исключено: коряга та переживает третье или четвертое всплытие материка.

Роль гуапа – подстраховка, если что-нибудь пойдет не по сценарию.

Просветы в ветках давали Сварогу достаточный обзор озера в целом и чучела в частности. Оставалось одно: ждать. И пережевывать всякие мысли. Каким макаром «скатовцы» так лихо подловили их утром? Откуда могли знать, где устраивать засаду? Могли, скажем, вычислить по карте, которая, разумеется, есть не только у Сварога. Элементарно высчитали, в какую сторону от галеона люди двинут на ночевку. Тут даже не надо быть Холмсом пополам со Спинозой. Выставили напротив скал наблюдателя. А утром замаскированный

наблюдатель отстучал по каналам связи: все по плану, все как мы и думали, держите их, ловите, ату-ату...

Дьявол, ничего не происходит. Сварог изнывал. Не тот случай, чтобы оттягивать приятный миг свидания. Куда, куда вы запропали? Большое совещание возле главного «ската»? Молитва богу удачной охоты? Ритуальные пляски вокруг жертвенного холодильника?..

Ну наконец-то! Как бальзам на сердце – он услышал гул. Значит, разозленные неудачей «скатовцы» идут на высоких скоростях. Не терпится поскорее отомстить за дурацкое положение, в которое сами себя и загнали. Ух, и засмеяли вас небось ваши дружки – ворошиловские стрелки...

Куда, сволочи?! Тени промелькнули по озеру. Гул удалялся. Эт-того только не хватало! Охотнички хреновы! Где у вас глаза?! Дичь сама подставляется, какого ж рожна вам еще надо-то?

И – словно слышали. Словно прониклись.

Вернулись.

Две тени легли на озеро. Значит, по крайней мере две машины. Плохо. Ну почему, скажите на милость, вам понадобились аж две машины, чтобы победить одного жалкого придурка, залезшего в воду?

Но отступить нельзя. Шанс есть даже при таком раскладе. Если только из остальных машин не начнут палить тотчас, как Сварог окажется внутри «ската». А чего, спрашивается, палить – ведь они ни за что не поверят, не должны поверить, что какой-то дикарь сможет разобраться в управлении... Нет, сначала попробуют выкурить из машины. Зачем родную технику-то портить...

И – вот он, долгожданный. Фиолетовый столб с белым кручением внутри упал на озеро в районе чучела. И выключился, сделав свое фиолетовое дело. Выморозили кусок озера, заморозили чучело. А теперь забирайте! Вы же забираете всяких там лосей... Ну ладно, можете не сразу, чуток мы обождем, так и быть.

Но «скатовцы» решили забрать сразу. Тень от одной из машин переместилась, накрыла часть озерного пляжа и изготовившегося к *акции* Сварога... и стала уменьшаться: «скат» садился.

И тут Сварог чуть не захохотал в голос от радости. Вторая машина ушла! Решила, что нечего ей тут делать, есть заботы поважнее. Завела моторы и слиняла! Беглецов, например, ловить. Очень архимудрое решение, господа охотнички!

Все тело майора-десантника Станислава Сварога пронизывало ощущение, хорошо знакомое понимающим людям. То, что сухо и неточно можно поименовать предельным возбуждением и предельным же нетерпением перед *броском*. В кровь, зажигая ее, как бензин, хлынули адреналиновые реки. Обострились зрение и слух, стали доступны нюансы и детали, которые прежде не воспринимались глазом и ухом. Он превратился в чувствительный спусковой крючок, который уже втоплен до самого последнего предела. Продвинь палец на микрон, и пойдет необратимый процесс: провернется спусковой механизм, боек ударит по капсюлю, в патроне воспламенится порох и пуля вырвется из гильзы на волю...

Что-то там поблизости от Сварога стукнуло, что-то прожужжало, на какое-то время воцарилось молчание, потом слышались неразборчивые голоса...

Вот они, гниды! Изыматели добычи хреновы. Двое. Высокие, волосы до плеч. Расфуфыренные, точно на балу у какого-нибудь занюханного Людовика – в невысоких сапогах тонкой черной кожи с загнутыми вверх носами, в сине-алых штанах, облегающих от лодыжек до колен, а от колен до талии раздутых шаром, в камзолах со столь же причудливо раздутыми рукавами, в шляпах а-ля шторм-капитан Ксэнг... Камзол перехвачен портупеей, на которой висят кинжальные ножны, да с какими-то хитрыми железками, проводами и приборчиками в руках. Последнее, надо полагать, что-то вроде домкрата и лебедки в одном флаконе. Ну еще немного, еще шажочек...

Сварог поднес катрал ко рту, кое-как прицелился, набрал полную грудь воздуха... и дважды резко выдохнул – как школьник, плюющийся комком промокши из трубочки.

Эффект, впрочем, оказался кардинально другим.

Раздались два жидких хлопка, но вылетающих из катрала спор Сварог не увидел. Наверное, просто слишком быстро летели смертоносные зернышки – ибо думать о том, что *не получилось*, не сработало, он не стал. Равно не стал думать и о том, что карнавальные костюмчики охотников окажутся спорам не по зубам...

Первый «скатовец» с недоумением уставился на второго, второй на первого.

А Сварог уже метнулся из укрытия. Он двигался, привычно фиксируя окружающую обстановку, сжимая в руке шаур, чтобы *добавить*, если катрал дал осечку, неся к врагам. Враги заметили. Поворачиваются к нему...

Двойной хлопок, короткий сдавленный вопль! Одного «скатовца», точно ударом ноги великана-невидимки, отбросило в озеро, другой же...

Па-ашла реакция, дорогие мои, добавки не требуется.

Другой охотничек словно *взорвался* изнутри. Тело его рывком выгнулось дугой, и из грудины, из живота, из горла рванулись наружу, раздирая плоть и материю костюма, ярко-зеленые ветвящиеся прутья. Словно стоящие у него за спиной копейщики, такие же невидимки, как и великан, зафутболивший первого в воду, разом насадили его на свои копья... копья зеленые, кривые и сучковатые. Загонщик брякнулся оземь, пару раз конвульсивно дернулся, – а прутья все лезли из него, метались по земле, кнутами щелкали в воздухе, уродуя бездыханное тело, а тело елозило по земле, будто еще живое, будто пыталось встать... и наконец прутья-веточки как-то разом опали, успокоились, съежились. Поблекли. Сварог поспешно отвернулся, с трудом сдерживая рвотный спазм. Да уж, господа, споромет так споромет, Мичуриным от оборонки и не снилось...

Оставалось добежать до «ската», который замер на трех опорах в десяти каймах от укрытия Сварога. Ох уж эти десять каймов. Понимаешь, что проходят всего мгновения, но кажется, что ноги вязнут не в песке, а в вечности...

Все ближе черный металл трубок и ступеней трапа. На покато борту белой краской, как по трафарету, нанесены какие-то символы – весьма напоминающие стилизованные, украшенные завитками и загогулинами латинские буквы «KZL», рядом – вроде бы число 28, а над этими значками, как зонтик, – явно изображение короны, не иначе это порядковый номер машины, но все это потом, потом, сейчас важно другое... На трап, по трапу, в кабину. Взгляд вправо-влево. Объект всего один, в точно таком же шутовском наряде, правда,

еще и с лимонно-желтой шелковой перевязью вперехлест с портупеей, он привстает с кресла, одной рукой опирается на подлокотник, другой выхватывает длинный стилет...

Убивать его Сварог не стал. Вышиб клинок ударом ноги и всадил локоть под горло. Ну-с, этот игрок в ауте. Пышная шляпа с плюмажем траурно накрыла его лицо.

Теперь еще раз все проверить. Опустив шаур за отворот майки (металл неприятно охлаждал голое брюхо), Сварог метнулся к заднему отсеку «ската», отгороженному толстой дверью из неизвестного металла. В двери имелось маленькое заиндевшее окошечко, Сварог заглянул внутрь. В морозном тумане виднелись штабелями сложенные зайцы, лисы, даже медведь попался, еще какие-то твари... Ясно. Холодильник, куда складывают мороженные туши. Жрачки им, что ли, не хватает? Или же это экземпляры для зоопарка?

Сварог вернулся в кабину. Связал вырубленному летчику руки хитрым узлом его собственной портупеей, усадил на боковой, повернутый к проходу диванчик (таковых было два – плюс кресло пилота) и зафиксировал ремнем безопасности. Посиди-ка пока, дружок, после поговорим... Поразмыслил секунду, а потом снял с него широкий кожаный ремень и подпоясался – только для того, чтобы сунуть за пояс катрал.

По трапу мелко застучали когти. Чуба.

– Здесь порядок, Чуба. Можно сменить личину. – Прежде чем занять освободившееся кресло пилота, Сварог снял с пленного расшитый золотыми нитями пояс и сунул за него шаур и катрал: увы, ларские трусы карманов не предусматривали. Кресло оказалось удобным, в меру мягким, с подголовником. – Когда обернешься, там, над люком, рычаг. Это такая черная длинная палка...

Когда он проходил по «скату», ему хватило брошенного взгляда, чтобы разобраться, как приводится в действие механизм выдвижения трапа. Простенько и доступно, никаких премудростей.

Зажужжали втягивающиеся телескопические трубки, застучали друг о дружку складывающиеся ступени, с легким шорохом опустилась запирающая створа, чмоком обозначила свое соприкосновение с корпусом, смачно щелкнули фиксаторы.

Сварог улыбнулся, услышав, как Чуба для надежности потолкала «дверь» летательного аппарата. И только потом прошла в кабину.

– Что будем делать? – азартно спросила женщина-волк.

– На кораблике поплавали, – беззаботно сказал Сварог, – теперича полетаем малость...

– Ой, – тихонько сказала Чуба, и весь ее азарт куда-то улетучился.

Как всегда после схватки, после успешно проведенной операции Сварога распирало беспричинное веселье. Хотя, если вдуматься, господа, не такое уж и беспричинное...

– На тебе вот этот тип. Сядь рядом. Чуть что – отправляй его в вечный сон, не думая. Видишь ремень? Пристегнись. Вот этот шпынек вот в эту дырочку... Готово? Держись. Чувствую, сейчас нас от души поболтает...

Бледная Чуба промолчала.

А новоиспеченный пилот осмотрел хозяйство. В общем, все более-менее понятно, не бином Ньютона, чуть сложнее дирижабля. Да и летали, знаете. И папа у меня летчик, если хотите знать.

Между прочим, с тонированными стеклами Сварог ошибся, но ошибся со знаком плюс – если так можно выразиться. Вся обшивка «ската» представляла собой толстые затемненные стекла. Правда, затемненные с внешней стороны, с внутренней же – стекло как стекло. Все прекрасно видно, вон озеро, вон на берегу «скатовец», превратившийся в кустик, на ровной глади озера, неподалеку от глыбы льда, оставшейся после морозного удара, тоже плавают веточки, растущие откуда-то со дна...

Можно было обойтись и без умения осваивать незнакомые механизмы, вложенного в него ларами, да вышло бы чуть дольше. А вдруг другие «скаты» уже отыскали группу Каны и аккуратно сейчас разворачивают над ней свои морозильники?

Сварог сосредоточился... И вот он уже *знает*, как работает сия летательная машина. В том числе пришло полезное дополнение к вопросу о прозрачном корпусе «ската». Стекла разбиты на сектора, для каждого сектора предусмотрена своя кнопка на панели управления (это они, кнопки, оказывается, выкрашены в зеленый цвет и пронумерованы какими-то закорючками), жмешь такую – сектор работает на увеличение по принципу бинокля, причем самостоятельно принаправляется к твоим диоптриям и косоглазию...

Но.

Знать и мочь – не одно и то же. Можно легко представить себе человека, который понимает в автомобилях все, профессор по машинам, с закрытыми глазами разберет-соберет и, разбуди посреди ночи, без запинки изложит самые хитрые приемы экстремального вождения. Однако выезжает он на трассу – и теряется в простейших ситуациях. И, как следствие, влипает в аварию. Мало-мальский практический навык нужен во всем. Полетный опыт у Сварога имеется, но машины-то были другие! Это как человека с мотоцикла пересадить на троллейбус. Или с «МАЗа» на «Запорожец». Не сразу принаровишься...

Сварог положил правую руку на толстый черный прямоугольник – им оканчивался торчащий из пола подвижный металлический стержень. Вложил кисть в вырез на прямоугольнике, как раз и сработанный под ладонь. Опробовал на ощущения то, что заменяет «скату» штурвал. Нажал всей поверхностью ладони – черный прямоугольник податливо ушел вниз. Наклонил ладонь вправо, наклонил влево – прямоугольник ходил словно на мягких пружинах. Согнул кисть почти под девяносто градусов, топя пальцы в чреве прямоугольника – так направляют «скат» в пике. Что ж, принаровимся...

Указательным пальцем левой руки щелкнул тумблером готовности к старту. Оставалось втопить кнопку вертикального взлета.

– Готовься, Чуба, взлетаем. И, пожалуй, обойдемся без обратного отсчета.

Глава четырнадцатая **Большая Королевская Охота**

Плавно и беззвучно «скат» поплыл вверх. С высоты предстал во всей своей геометрической безукоризненности трапециевидный срез ледяного цилиндра, пронзившего озеро до дна, с несчастным чучелом посередине. В ледяной глыбе навсегда пропал Сварогов чудо-костюмчик, уж нечему теперь согреть графа в холода и поддерживать на плаву, вот горе-то...

Озеро стало уменьшаться, шагреновой кожей съезживалась фигурка человека-дерева на берегу. С каждым новым каймом подъема все более смехотворным выглядит участок земли, на котором сегодня разыгрывалась пьеса «Охо-

та на людей». Они задыхались, одолевая это, оказывается, издевательски лилипутское расстояние между молодым ельником и пологим спуском к озеру. А вчера вечером, от галеона до скального массива, они шли, казалось, дольше, чем Амундсен к Южному полюсу...

Чудный граматарский пейзаж испохаблен белой извивающейся полосой – клин оставил о себе память. Причем память не слишком короткую – промороженная «скатами» земля отгадет еще не скоро.

Стремительно расширились горизонты. Проступили контуры не столь уж далекого горного пика, а вот океана отсюда не видать. Леса, луга, песчаные площадки, розовые коралловые островки, озера с реками и все остальное, утрачивая детали, уподоблялось пятнам на авангардистской картине. Где-то за сотни кабелотов отсюда валил в небо густой дым сильного пожара.

«Скат» так и будет послушно забираться в облака, пока вновь не щелкнешь тумблером вертикального взлета. Каков потолок аппарата, мог бы подсказать альтиметр, да вот беда: нанесенные на шкалу единицы измерения уж очень, мягко говоря, непонятные – какие-то «игали»... Сварог прочел и сам удивился, почему это он вдруг прочел. И тут до него дошло. Опять стилизованная латиница, ядрена матрена, как и снаружи на борту! Один из тех алфавитов, какими пользовались на Земле. Л-любопытно, любопытно, черт побери... Ну да нынче не до загадок из области взаимопроникновения миров.

Чему соответствует «игали», еще можно приблизительно прикинуть, но за «игали» на шкале альтиметра следовали новые единицы высоты – какие-то «кр». И чтобы вычислить, что это за «кр» такие и как высоко они могут завести, пришлось бы забраться повыше. А нам это надо? Нам это не надо.

Сварог щелкнул тумблером вертикального взлета, и «скат» послушно замер.

Да, к Сварогу приходило понимание того, как управлять машинами и механизмами, созданными людьми, но магия ларов не марается такой ерундой, как устройство незнакомых машин и механизмов и принцип их действия. Поэтому поди скажи, за счет чего «скат» висит неподвижно и беззвучно и почему крыльями не машет. И в случае повреждения «ската»... Значитца, не нужно доводить до повреждений, аккуратненько следует летать.

Сварог помнил карту и представлял, в какой стороне искать таинственный старый фундамент. Забравшись на высоту в десять дурацких «игали», то есть, на глаз, в четыре пятых кабелота, Сварог разглядел несколько довольно-таки высоких то ли труб, то ли башен и ребра какой-то конструкции. Там же он увидел парочку «скатов» в небе. Вот тебе и старый-престарый фундамент – не фундаментом единым, выходит, кое-что и надфундаментное сохранилось... Ну и к лучшему. Значит, ребятам было где спрятаться...

Если я вижу «скаты», то и взаимно. Светиться, привлекая внимание корявым вождением, отнюдь не стоило. Не входила в ближайшие планы Сварога преждевременная встреча с боевыми машинами. Сперва следует немножко подучиться высшему пилотажу. Пилот Сварог легонько надавил одними подушечками пальцев на основание выреза – и «скат» ухнул, словно сорвался с площадки американских горок, засвистал по этой горке вниз.

И еще раз про то же самое: «скат» – не машина ларов, не земная «вертушка». Сдавило виски, вжало в кресло, сердце запрыгало раскидаем на резинке, в низу живота разверзлась неприятная зудящая пустота. Земля летела в лицо,

какой-то холм, утыканный прыщами камней, разрастался, метя «скату» аккурат в лоб. Сварог стал плавно выравнивать машину, нажимая ладонью на этот, с позволения сказать, штурвал. Вернее, хотел, чтоб было плавно. Вышла же фигура «рыболовный крючок» – жалом крючка «скат» метнуло вверх. Глаза сомкнула резь, что-то на секунду жарко прилило к горлу и тут же откатилось. Фу-у... Как там, интересно, Чуба выдерживает его школу молодого «скатовца», жива ли? Прежде чем оглянуться на Чубу, Сварог все-таки выровнял машину нежнейшими надавливаниями ладони на вырез. Оглянулся. Чуба сидела, вцепившись одной рукой в боковой поручень, другой придерживала пленника, чтобы тот на нее не валился. Бледна, а в остальном молодец, держится. Нуте-с, продолжаем ускоренный курс обучения.

Навык управления «скатом» заключался в чувствительности ладони. Грубовата у Сварога ладонь, что и говорить, более привычна не к чутким клавишам, а к жестким рукояткам мечей и пистолетов. Правда, и с женским телом знакома не понаслышке. А женское тело требует, пожалуй, не меньше нежности и деликатности в обращении, чем этот «штурвал»...

Поэтому надо думать о женщинах и управлять «скатом». Ну что ж, попробуем так.

И он попробовал. Заложил крен, бросил машину на левое крыло. Получилось более-менее сносно. И стал по спирали спускаться к земле. Чуба что-то пробормотала – то ли ругательство, то ли молитву. Хотя какие у оборотней молитвы...

– Лоу-уол! Лоу-уол! Вызывает паир, вызывает паир, – слышался опутанный шорохами голос. То ожила рация – гарнитура на тонком витом проводе, лежащая на приборной панели.

Сварог обернулся. Летчик еще в нокауте. А кроме него отвечать некому. Ладно, пусть думают на неполадки, случаются же у них недоразумения со связью...

«Скат» закручивал спираль над колонией кораллов, над розовым атоллом посреди зелени леса. Не выдержав, из-под каменевших полипов выскочило и брызнуло в стороны, засверкав лапами, семейство зайцев. Сварог описал круг над опустевшим убежищем ушастых и направил машину по прежней спирали, но теперь уже забирая вверх. Этот элемент, назовем его «змеевик», считай, освоили.

– Ответьте паиру! Немедленно ответьте паиру! Лоу-уол! – заклинала рация. – Где вы? Вызывает паир!

Для закрепления навыков Сварог решил выполнить фигуру посложнее. Набрал высоту, он, щелкнув клавишей, включил третью из семи скоростей, втопил педаль газа и разогнался до сорока «уци/эк» – именно такая единица значилась на спидометре... Или, переводя на более привычные соответствия, охренительно разогнал Сварог машину.

Рация наконец-то заткнулась, устав взывать к немедленному ответу. Значит, вскоре следует ждать гостей, отправленных посмотреть, что случилось. Но вряд ли на первый раз вышлют больше одной машины...

На скорости в пятьдесят «уци/эк» Сварог изогнул к себе управляющую ладонь, увеличил тангаж практически до предельного – и «скат» взмыл, подставив брюхо набегающему потоку. Сварога развернуло лицом к лицу с небом, засыпанным куриными перьями облаков. Совершенно расслабив пальцы, ма-

стер пилот давил, не отпуская, основанием ладони на штурвал, а «скат» закручивал петлю. Пролетев головой вниз по закруглению воздушной арки, Сварог вышел из петли – есть «петля Нестерова», милостивые государи, взята вершина! – и аккуратно придавил педаль тормоза.

Однако проклятый тормоз требовал по отношению к себе еще большей аккуратности. От столкновения летчицкого лба с приборами удержал ремень безопасности (в это драматическое мгновение у Сварога по мыслям пронеслось: а ведь лары, конструируя магическую защиту от летящей смерти и от падений с высоты, пожалуй, не учли полет самих ларов головой в стену или в ее успешный заменитель – без всякого намека на падение, а такие трюки могут завершиться непритворной печалью родных и близких лара). От этого торможения в небесах внутри, казалось, перемешалось все: сердце с почками и кишки с пяточным нервом. А тут еще занудил автоматический голос из встроеного в панель динамика:

– Вы совершили ошибку пятой степени недопустимости! Выполненное вами действие входит в противоречие с заявленным уровнем шелковой перевязи! Переключитесь на режим облегченного управления! Переключитесь на режим облегченного управления!

К нитью из динамика подключились заклинания из рации:

– Лоу-уол, вас вызывает паир! Лоу-уол!

– Да что ж вы все ко мне привязались... – пробормотал Сварог и несмотря на то, что у него внутри не все еще встало по своим местам, наклонился, дотянулся и выдрал шнур радиосвязи из гнезда.

«Скат» висел в небе этаким тихим облаком, но по ветру не плыл и падать отчего-то не торопился. Ишь какую тачку придумали, черти...

– Этот человек приходит в себя, мастер Сварог, – дрожащим голосом доложила Чуба.

– Да уж пора бы... Как ты?

– Еще не знаю, – слабо улыbnулась она. – Странное чувство... Но птицей я себя почему-то не ощущаю...

Мастер действующий пилот обернулся к пилоту пленному. Последний действительно оживал, зашевелился, открыл глаза.

– Кто ты такой, мразь? – спросил Сварог, пуская «скат» на первой скорости по наклонной к земле.

– Маркиз Йауген, сын Мирро'но, на четверть эльфиор, на одну шестую марбедилл, – заученно выдал пленник, очумело пялясь на свое кресло, занятое кем-то в трусах и майке, на то, как этот несомненный дикарь ловко... ну пусть не особо ловко, но все-таки управляется со сложной техникой, пялясь на свои связанные ремнем запястья. По его молодому и безусому, породистому, а ныне еще и бледному лицу блуждали тени традиционных для таких случаев вопросов: «Не сплю ли я? Кто эти люди? Как такое могло случиться?»

– Иди ты! И я тоже маркиз, – притворно обрадовался Сварог. – Ты маркиз, и я маркиз, оба мы маркизы – ты воруеть лошадей, а я краду сервизы...

«Скат», желанием и усилиями своего нового пилота, шел на бреющем. Под прозрачным брюхом проносилась роца незнакомых Сварогу высоких и узких деревьев с кудрявой листвой, чьи верхушки чиркали по днищу машины.

– Пристрелить бы тебя, да патронов жалко. Может, еще менять на что-то ценное придется. Или лучше отдам тебя Рошалю. Знаешь Рошалья? Что, у вас

ничего не слышали о Рошале? Дремучие вы люди...

Едва закончился перелесок, Сварог надавил кончиками пальцев на поверхность штурвала и опустил машину еще ниже. Между «скатом» и землей теперь набиралось едва более трех каймов. Если смотреть под ноги, то кажется, что бежишь великанскими скачками прямо по камням, по песку, по траве, по ракушкам... Но смотреть под ноги не рекомендуется.

– Вы нарушаете пятую заповедь высоты, – вновь забубнил автоматический голос. – Немедленно наберите высоту до трех игали или отдайте управление внутреннему небеснику...

Не для того Сварог нарушил и продолжал нарушать пятую заповедь высоты, чтобы произвести впечатление на маркиза и тем самым сломить его волю, – а для того, чтобы вбить уверенность в самого себя, как сваю в землю. Хотя, в общем-то, и маркиза не помешает впечатлить...

– Живо отвечать, какое оружие на борту, как им пользоваться?! – рявкнул Сварог, не отвлекаясь от «дороги».

Но гордо промолчал на это маркиз.

– Так я и думал, – тяжело вздохнул Сварог. – Вечная беда с вашим братом, пленником. Ведь потом все равно чистосердечно признаётесь во всем. Только зря тратите мое время и невосполнимо утрачиваете свое здоровье... Извини, некогда мне, маркиз, разводить беседы по душам. Чуба, помоги-ка ему разговориться.

Сварог не стал смотреть, как выполняется приказ – от «дороги» взгляда не отведешь. «Скат» стелился над землей, повторяя все ее неровности: взмывал вместе с холмами, нырял во впадины, пронесился над озерами, пуская рябь по их глади. Не успеешь надавить на штурвал, быть аварии. Экстремальный тренаж, вот как это называется. А по-другому быстро не научишься. А быстро не научишься – станешь легкой добычей для опытных «скатовцев»...

Сварог уворачивался и от многочисленных камней. Уворачиваясь, освоил, как он это окрестил, «стойку на крыле». Это когда перед вырастающим препятствием бросаешь машину крылом перпендикулярно земле и так, «на ребре», проскакиваешь мимо.

Судя по скрипу костей, Чуба надумала сперва пронять пленника демонстрацией вервольфовского ужаса. Если маркиз у себя в поместьях такого еще не видел, то без сильных впечатлений не останется. Как бы в обморок не хлопнулся, болезный, или умом не поехал. А разговорить маркиза не помешает. Как включаются морозильные цилиндры, Сварог, присмотревшись и подумав, понял и без него. И даже уже проверил догадку. Повернул рычажок на подлокотнике – пришли в движение цилиндры под брюхом «ската». Надавил на шар, венчающий рычажок, крутанул его – что-то щелкнуло, и включился один из режимов зловредного фиолетового излучения, которое Сварог тут же вырубил: нечего зря живность и растительность морозить. Но копошится, копошится подозрение, что «скаты» могут быть защищены от своего же холодильного сверхоружия. А на случай борьбы друг с другом или с неподдающимся охлаждению противником должно у них стоять про запас иное оружие. Кстати, самый худший сюрприз, какой могли подложить создатели «скатов» – это кнопка. Кнопка какого-нибудь ядовито-красного цвета, что припрятана под неприметной крышечкой у их командора на главной машине или на командном пункте – буде таковой имеется. Кнопочка уничтожения машины.

Чтоб врагу не досталась. И насчет возможной кнопки тоже будем потрошить маркиза...

– Говорите, – ласково попросила Чуба-Ху уже вновь человеческим голосом, и что-то металлическое звякнуло там сзади.

– А и действительно: говори, маркиз, да поживее, – присоединился Сварог, от управления не отвлекаясь. – Иначе быть тебе скоро-прескоро мертвецки неживым. Примешь ты смерть жуткую и очень, надо сказать, лютую. И настолько у нас нет времени на церемонии, что я считаю всего до трех... Кстати, даже не думай врать. Ты же видишь, мы все оборотни и все при магии, обман чuem еще до того, как ты рот откроешь... – Не торопясь, демонстративно, он прикурил от пальца выуженную из воздуха сигарету. – Так вот, маркиз. Едва прозвучит цифра три и ты не начнешь говорить – говорить правду и только правду, – тогда сразу же, незамедлительно и без всякого обезболивания, Чуба вырвет у тебя теми клыками, которые ты только что видел, тот орган, благодаря которому на свет появляются новые маркизы. Итак. Один... Два...

Сварог вел машину не напрямик к замеченным башням, а вкруговую, преследуя этим две цели. Первая: ему необходимо время, чтобы совершенно освоиться со «скатом» и кое-что уточнить у маркиза, и вторая – так скорее не напорешься на машину, отправленную на розыски замолчавшего «ската».

– Три...

– Я согласен общаться с вами, спрашивайте, – залпом выпалил бывший пилот «ската».

Вот и сломался наш маркиз. Жить хочет. Испугался свирепых, необузданных в кровожадности оборотней – чего Сварог и добивался.

– Вы правду сказали, что вы к тому же и маркиз? – опередил вопросы Сварога пленник.

– Даю слово доподлинного маркиза и нерушимое слово потомственного оборотня, – гордо сказал Сварог.

И в подтверждение своих слов сменил по очереди несколько личин – разгневанный адмирал Вазар, голодный ямурлакский вампир, задумчивый Гаудин. Надо сказать, впечатлило. Маркиз, как говорится, спал с лица и отчетливо затрясся.

«Скат» несся вверх по склону песчаной горушки, не касаясь песка. Впрочем, Сварог не удержался от здорового воздушного хулиганства, свойственного летчикам тридцатых годов, любившим пролететь под мостом, промчаться, покачивая крыльями, над поездом. Сварог тоже занял скромное место в том ряду – он всего лишь прочертил днищем «ската» дорожку в песке, поднимая желтые волны по обе стороны от машины.

– Говори, маркиз. Есть у вашего командования дистанционный пульт, с которого можно подорвать машину – например, нашу? Бывало ли такое, слышал ли про такое?

– Н-нет, ничего подобного никогда не случилось...

Ага, не с вранья начал маркиз их беседу двух пилотов-асов. Насчет кнопки, конечно, может не знать – будут еще всякого посвящать.

«Скат» добрался до вершины горушки, и тут обнаружилось, что песчаный конус венчает воронка, выплевывающая песок, как кратер магму. Пролетая над ней, «скат» получил песком по днищу. Причем выброс нарушил соблюдавшийся ритм и был заметно сильнее предыдущих. Такое впечатление – гора

плюнула в машину...

А Сварогу «скат» с каждой минутой нравился все больше. Маневренный, послушный, по уму сконструированный аппарат. Видимо, наступало то единение человека с машиной, которое позволяет творить форменные чудеса пилотажа, выигрывать всяческие гран-при и ставить мировые рекорды.

– О хладоустановках не распространяйся, маркиз, знаю. Что еще стоит из оружия?

Молчание.

– Слушай, ты, маркиз, – устало проговорил Сварог. – Ну вот честное слово даю, мне не до шуток. Или ты быстренько выкладываешь все о своем ероплане, либо, клянусь всеми вашими и местными богами, – полетишь у меня башкой вниз с такой-то высоты... Ты думаешь, я, в моем-то положении, блефовать буду? Зря надеешься. Или ты из идейных? Из тех, кто готов умереть, но тайны не выдать? Ну, я жду. Каким оружием оснащена эта лоханка?.. Чуба, дорогуша, сделайте милость, лишите нашего друга...

– Спаренный ребутет, – быстро произнес маркиз.

– Пулемет? – быстро спросил Сварог.

– Не понимаю...

– Забудь. Из него можно подбить «скат»?

– Что подбить? – удивился маркиз.

– Эту машину подбить можно?

– Кроонга, модель «Паск», – с печалью уточнил пленник. И тихо добавил: – Можно.

– А из холодильного оружия? – спросил Сварог, проводя «скат» над каменным, белым от соли фундаментом некогда большого здания.

– Нет. Корпус кроонги отражает лучи Рамджеса. Она сделана из сплава стекла, нитяного олова, минерала одогон и...

– Так, стоп. Теперь быстро и подробно. Как работает ребутет?

Над головой промелькнула огромная и быстрая птица. Сварог проводил ее взглядом – птица развернулась и камнем пошла на снижение. Птицу, понятно дело, звали «скат», из семейства охлаждающих, из подвида самых сволочных. Ну вот и дождались.

Сварог отвернулся. Где ж оно тут включается? Ага, вот эта пимпочка... С потолка кабины на тонких штырях опустилась черная трубка, из нее выполз пластиковый экран шириной в две ладони, продолговатый, заменяющий зеркало заднего вида. Сварог рукой наклонил экран, изменяя угол зрения: черная клякса преследователя маячила сзади и держалась намного выше «ската» Сварога. На глазах укрупнялась. Преследователь нагонял.

– Так как работает спаренный ребутет, а, маркиз?

По лицу маркиза было видно, что он лихорадочно прощелкивает в голове варианты спасения. И ни одного не находит.

– Я жду!

– Синий делклер у вас над головой...

Сварог поднял голову и увидел синий тумблер.

– Переключите, из пола выдвинется нопток. Один нажим – один выстрел, держите, не отпуская, – пойдет очередь.

Он поискал глазами пепельницу, не нашел, бросил окурок на пол и раздавил каблуком. Не помешает уточнить и дополнительно проверить на ложь.

Маркиз нам насовует – и включишь под его чутким руководством систему самоуничтожения. Что ж, детектор ложь не кажет...

Сварог перекинул синий тумблер, и из пола поднялась на высокой ножке педаль.

– Как наводится ребутет?

– Когда нога касается ноптока, на стекле зажигается консул, он перемещается за взглядом, навели его на цель, и можно жать нопток.

Сварог положил правую ногу на педаль под подозрительным названием нопток. Едва коснулся ребристой педальной поверхности, на переднем стекле появилась красная точка с орарис величиной. Перевел взгляд на боковое стекло, и точка «консул» переехала туда же. Кинул взгляд в экран заднего обзора – и не без радости увидел прицел уже на нем. Здорово придумано, надо отдать должное... Быстро спросил:

– Угол обстрела ребутета?

– Какой угодно, – сообщил маркиз голосом, из которого ушла уже всякая жизнь.

– А боезапас? Как определить, сколько израсходовано? Быстро!

– Сейчас полный боекомплект, ничего не израсходовано. Когда заканчивается обойма, об этом сообщает голос Иквазир. Он же предупреждает, что расходуется последняя обойма... Вы оставите мне жизнь?

– Будем посмотреть, маркиз, будем посмотреть...

Сварог добавил скорости, пытаясь оторваться от висящего на хвосте преследователя. Так ведь шарахнет из этого ихнего ребутета, и «мама» не успеешь сказать. Догоняющий «скат» тоже наддал.

Ох и надрывается, должно быть, сейчас радиосвязь. Вызывают машину Сварога, машина, преследующая Сварога, оповещает всех о подозрительном поведении преследуемого и запрашивает небось у главного разрешение на атаку.

– Что из себя представляют заряды ребутета?

– Пуля состоит из вапаевой оболочки, плакированной с обеих поверхностей аргамом, каленый сердечник из...

– Короче, Склифосовский. Они не самонаводящиеся?

– Я же сказал, ребутет наводится на цель «консулом»...

– Ну и ладненько.

Сварогов «скат» свернул не вправо к башням, а влево и нырнул во внезапно открывшийся взгляду огромный котлован. Не то чтобы он чувствовал себя не готовым к битве против всей эскадрильи – просто к чему, спрашивается, это киношное геройство? Орденов не получишь, даже посмертно...

Котлован впечатлял. Вырыли его когда-то или сам собой образовался, но вышел он глыбо-оким. Срез показывал пласты всевозможной глины, красной, синей, желтой, а равно и иные богатства граматарских недр. Дно котлована заполняла мутная желтая вода. К воде и направил «скат» Сварог.

– Вы небесник? – позволил себе вопрос и маркиз. В переводе это, должно быть, означало: «Вы летчик?»

– Ясное дело... – буркнул Сварог.

И в этот момент догоняющий «скат» бабахнул из спаренного ребутета. Сварог готовился к этому, планировал среагировать на очередь «стойкой на крыле», но на сей раз не пришлось. Очередь трассирующих пуль из крупнокалиберного пулемета прошла высоко над машиной Сварога. Намек ясен: приказыв-

вают сесть. Надо думать, у противника нет сомнений в том, что их драндулет захвачен. В конце концов, присмотревшись к манере вождения Сварога, горе-охотники должны были убедиться, что за «штурвалом» не их человек. Они просто хотят сохранить машину.

А Сварог хочет спасти себя и своих. Дилемма предельно жесткая: они или мы. Нас меньше, у нас всего одна машина, за штурвалом которой пилот без лимонно-желтой шелковой перевязи. Значит, никакого благородства и сантиментов, будем делать ставку на военные хитрости.

Сварог замедлял «скат», кружа над мутной водой котлована.

– Эй, маркиз, что происходит с машиной под водой?

– То есть как? – не понял маркиз.

– То есть так! – гавкнул Сварог. – Корпус герметичный?

– Да, – проблеял пленник.

– Взлететь из-под воды сможем?

– Д-да...

«Скат» опустился к поверхности водоема и с минимальным углом вошел в мутную желтоватую воду. Слишком глубоко утопать граф не намеревался – тогда вообще ничего не увидишь. Красная точка прицела «консул», перемещенная взглядом Сварога, уцепилась за брюхо вражеского «ската» и отпускать его не собиралась. Вражеский же «скат», как коршун над ягненком, описывал над водоемом круги, разве что не снижался... А плохо, что не снижался.

Сварогов «скат» (в данный момент, именно что *настоящий* скат, даже марки «наутилус» в некотором роде) медленно плыл под водой. Новоиспеченный авиатор не торопился жать на педаль ребутета, выжидал. Будем считать, что за баранкой того аэроплана сидит многоопытный ас. Будем считать, что он предполагает, будто захватившие «скат» люди разобрались и с ребутетом – значит, пилот готов к немедленному маневру, уводящему из-под обстрела. И ведь увернется, гад...

Маркиз, конечно, не видит логики в действиях своего мучителя, маркиза-дикаря и оборотня по совместительству. Неправильно действует Сварог, вне всякой логики. Стало быть, это же должно сбить с толку и того маркиза, что порхает над головой.

«Ну же, – сжал губы Сварог, – ну давай, дозревай! Давно пора. Какой соблазн-то, а? Подумаешь – жизнь одного маркиза! Уверен, их у вас еще полно... Зато драгоценная машина вернется к вам целехонькой. Такой заманчивый момент... Решайся, парень. Ну, блин, проконсультируйся быстренько с командирами и давай. Давай!»

И «скатовец» наверху дозрел. Зашевелились под брюхом его машины цилиндры. Конечно, нельзя упускать такой случай: заморозить аппарат вместе с захватчиками... Что машине сделается? Отогреешь – и вновь летай да радуйся.

Сварог почувствовал, как по спине побежали липкие струйки пота. Нервное это дело – торчать под оживающими по твою душу морозильными установками... Хорошо, с ним молчаливая Чуба, а не Олес или Пэвер. Те бы мышами не сидели, надрывались бы: «Стреляйте, маскап, чего! Пали! Огонь! Давай!» А работа у Сварога нынче ювелирная, да на незнакомой технике, под руку говорить противопоказано...

Цилиндры, нацелившись, остановились. Сварог словно переселился в *тот* «скат», словно увидел ладонь *того* пилота – которая, зафиксировав рычаг в

желаемом положении, сдавливают пальцами круглый набалдашник, и от головного мозга к исполнительным органам уже готовы сорваться импульсы с приказом на поворот набалдашника. Вот он, миг, когда наверху переиграть уже не могут, а внизу помирать не хотят. Когда руки и внимание того небесника сосредоточены на атаке и переключиться вмиг он не сможет. Не успеет...

Сварог втопил педаль газа до упора, направляющей ладонью задал угол атаки градусов в тридцать, а второй ногой вдавил в пол педаль ребутета.

Фиолетовый столб упал туда, где «ската» Сварога уже не было. А кверху рванулись трассеры крупнокалиберных пуль. Вода обрушивалась с обводов взлетающей машины. Пули с двух стволов уходили, чтобы сойтись на цели, указанной красной точкой. «Скат», покинув мутный водоем на дне котлована, набирал высоту. Сварог отпустил педаль ребутета, потому что этот бой уже закончился. И правки не требовалось. «Скат»-противник, днище которого от кабины до хвоста черными оспинами покрыли входные отверстия пуль, снижался по пологой дуге, оставляя за собой черный дымовой шлейф. Вдруг волчком завертелся вокруг своей горизонтальной оси и так и вонзился в глиняную стену котлована. Не провисев и секунды, глыбой обрушился вниз. И пропал из поля зрения Сварога.

Сзади донеслось нечто похожее на всхлип.

– Понимаю. – Сварог хмуро удостоил вниманием переживания маркиза. – Но не мы на вас напали. Мы мирно гуляли по Граматару, никого не трогали, ракушки собирали...

Котлован уже скрылся с экрана заднего вида. Теперь – на всех парах туда, где Старый Фундамент, где башни, где должна была найти укрытие группа Каны.

Маневром «стойка на крыле» увернулся от дурной птицы, зачем-то попытавшейся его таранить. И столь это удачно вышло, на одних рефлексах, что происшествие с птицей, как угля в топку, подбросило Сварогу уверенности.

Внизу, под крылом самолета о чем-то молчали заросли низкого кустарника (уж не шиповник ли это у нас?), которым, как бродяга грязью, зарос высокий пологий холм.

– Сколько всего у вас машин?

Две башни приближались, за вершину холма перемахнуть...

– Где? – жидким голосом переспросил маркиз.

– На Граматаре, на этом материке, – терпеливо уточнил Сварог. – Не забудь, я умею распознавать ложь, а Чуба умеет отгрызть лишнее...

– Девять...

Не соврал. Девять. Минус две. Осталось семь. Всяко легче. «Скат» перебрался через вершину холма...

Ух ты!

По глазам прямо-таки полыхнула пышная и кудрявая белизна. Поначалу Сварог никак не мог поверить в свою догадку. И даже воспользовался биноклем, в каковой превратил один из нижних секторов прозрачного корпуса «ската». Нет – все так, как он сразу и подумал.

Открывшаяся за холмом равнина, площадью не менее чем два на два кабеля, являла собой гигантский яблоневый сад. И яблони те буйно цвели.

Из яблоневого половодья торчали обе башни, которые разделяло каймов сорок, рядом кривились металлические обрывки какой-то конструкции, тут

же крутился «скат», черный блин другого «ската» вдали, на краю яблоневого разлива, как раз всплывал из кипящего белоснежья...

Машина Сварога мчалась над белым морем к башням.

– Ну теперь пора и по существу. Вы кто такие и какого дьявола прилетели к нам? – спросил Сварог, на прямой увеличивая скорость.

– Мы? – Похоже, маркиз всерьез удивился вопросу. – Мы не прилетели. Это Королевская Охота. Мы вошли в Зеницу Правого Ока на Рагнароке и вышли в Зенице Левого Ока здесь... А... вы кто?

– Живем мы здесь, – по-простецки ответил Сварог. – Стало быть, Ключ вам не нужен?

– Какой Ключ?

– Ладно, забудь, маркиз...

Беседу придется отложить. До лучших времен. Потому как сейчас наступают смутные времена полнейшей неопределенности. Еще один, третий, «скат» поднимался над яблоневым цветом. Отдыхали они там, что ли, под сенью древ? И где остальные?

Сварог пролетел еще немного, и этого немного хватило, чтобы понять, куда подевались прочие машины. Яблоневый лес вдруг расступился под «скатом», и взгляду открылся круглый провал в земле. Слишком уж, образцово, можно сказать, круглый, чтобы быть естественного происхождения, диаметром каймов в сто. Взгляд успел ухватить каменную кладку и металлические лестницы, сбегаящие по стенам в глубь... колодца. Да, колодца, больше всего это напоминало именно его. А потом встретился еще один колодец. И еще один. Если «скаты» там прятались...

Э, не-ет! Не могли они там прятаться, в столь тревожное время. Когда с машинами пропадает связь, а по эфиру разносится предсмертный крик пилота... Нет, они *искали*.

Башни, ошметки конструкции, а больше-то на поверхности нет *ничего*. А! Где ж фундамент-то?! Да там же, где наверняка нашла убежище группа Каны. Подземный город. И раз «скаты» залетали туда, вылетали оттуда, пропадали там, стало быть, пространства для полетов там хватает.

Тем временем Сварога брали в клещи – он уже был на подлете к башням. «Скат», что кружил здесь, отлетел и завис в отдалении, другой мчался навстречу Сварогу, третий обходил по дуге.

– Нас уничтожат... – донесся испуганный голос маркиза.

Земляки земляками, а своя-то кожа ближе к сердцу, погибать нет никакого желания – даже от рук своих же... Что подобиют, это Сварог понимал и без маркизовых подсказок. Раз у них имеются летательные аппараты, следовательно, они ведут войны в воздухе – или, по крайней мере, готовятся к ним. В любом случае отрабатывают приемы небесного боя. Недаром так слаженно и уверенно действуют сейчас. Да, на поверхности преимущество за ними. И подобиют, как пить дать подобиют. Особенно, если навалятся всеми семью машинами. Числом задавят...

Стало быть, надо лишить их преимущества. И был всего один способ. Фиг они отрабатывали приемы воздушного боя под землей, да и поди найди для них полигон, даже если возникнет такая безумная мысль – о возможности подземных полетов. Поэтому надо рисковать. Нырять в один из колодцев. А ежели там вдобавок тьма кромешная и у противника нет приборов ночного

видения, одни лишь прожектора – вот вам еще плюс...

Тот «скатовец», что висел неподвижно в ожидании дружков, не выдержал. Видать, пожелал стать единоличным триумфатором. Длинная очередь на сей раз была пущена прицельно. Сварог бросил «скат» на ребро и ушел под прикрытие труб, в желудке опять ухнуло, желудок подскочил к горлу и попытался катапультироваться.

Очередь хлестанула вдогон, пули заколотили по трубам, выкрошивая камень, зацелкали, вышибая искры, о металлические ребра несохранившегося сооружения. А две другие машины уже на подходе.

«Ну уж хрена вам буду я в открытом небе подставляться под перекрестье трех очередей, не дождетесь!» И Сварог бросил «скат» в пике.

Он еще раньше подумывал – а не воткнуть ли штепсель рации в розетку, не завести ли миролюбивым голоском разговоры про обмен маркиза на свободу, гарантированную дарением «ската», и про то, что лучше разойтись добром, нежели злом... Но если и была возможность договориться, маркиз предложил бы такой вариант. А раз молчит, как рыба на допросе, то, получается, безтолку и начинать...

Три «ската» преследовали удирающего Сварога и лупили длинными очередями, патронов не жалея. Приходилось закладывать крены влево-вправо, работать рысканьем и крутить машину вокруг горизонтальной оси. Сварог один раз неприцельно огрызнулся короткой очередью – понятно, не попал и больше на ерунду не отвлекался. И никаких следов группы Каны под башнями он не заметил, зря вообще туда летел... Достали все-таки, суки! Пули чиркнули по корпусу, хорошо – по касательной, машина отделалась лишь трещинами, расплзшимися аккурат над головой пилота. Нет, так даже до колодца не дотянуть, умеют, гады, садить из своих ребугетов, насобачились. А вот мы вам прицельчик-то и замутим...

И Сварог окунул «скат» в яблоневоый кипень. Он мчался, не снижая скорости, сшибая узким «лбом» машины белопенные верхушки деревьев, а позади взвивался туман из нежных, подхватываемых ветром лепестков.

Засыпанный яблоневым цветом «скат» подлетел к колодцу. Не медля и не задумываясь, Сварог обрушил аппарат внутрь. Тут же потемнело, по сторонам замелькали огромные квадратные камни кладки, густо поросшие мхом, трубы и лестницы по стенам, круглые отверстия, похожие на лазы, – все это Сварог видел включенным «кошачьим глазом».

Глубиной колодец оказался около трети кабелота, и это расстояние «скат» промчался за несколько ударов сердца. Оказавшись за нижним краем, Сварог увел машину из колодезного просвета, из-под возможных выстрелов сверху. Стал осторожно притормаживать. И оглядываться.

Искусственное освещение под землей не горело. Поэтому в подземелье царила тьма египетская. Лишь лучи «скатовских» прожекторов сверлили мрак, обшаривая пещеру. Да какое там – пещеру! Пещерицу, гулливера среди пещер! Высотой около кабелота, невероятная в длину и ширину, пещера сужалась ко дну, а на дне расплавленным оловом стояло озеро с абсолютно неподвижной, по-настоящему мертвой водой. Посреди озера из воды выдавался камень с плоской верхушкой, на нем нашло себе место невысокое каменное изваяние в виде согнутого пальца. Стены пещеры не были ровными и гладкими, наоборот, по всей их высоте вплоть до самого озера ярусами шли уступы и

террасы. Еще Сварог заметил в стенах множество отверстий разной формы и калибра – вне сомнений, какие-то из них служат проходами в другие пещеры. За последнее предположение говорило еще и то, что вражеских машин, судя по прожекторным лучам (а вряд ли бы они летали с выключенной фарой), здесь крутилось всего три. Получается, еще одна ползает где-то по другим пещерам.

Сварог смотрел «кошачьим глазом» на пещерное богатство, на все то, что «скатовцы» могли видеть только в захватах прожекторных лучей. А лучи, до того плавно скользившие по пещере, вдруг заметались и наконец сошлись на нижнем срезе колодца, сквозь который только что проник под землю Сварог. Ясно. Пришла радиограмма с воли. Держи вора.

Но «скат» Сварога не задергался, застигнутый врасплох, черной летучей мышью в молочно-белых прожекторных кругах. Сварог уже загнал скат за толстый, как три вековых дуба, сталагнат[128].

– Включите прожектор. Рубиновая клавиша прямо перед вами, – посоветовал охочий до жизни маркиз.

– Зачем? Мы, оборотни, и в темноте видим так же великолепно, как снимаем кожу с живого человека... – миролюбиво заметил Сварог.

Он отключил «кошачье зрение», чтобы полюбоваться, как это выглядит глазами того же маркиза. Выглядело скучно и уныло: темнота, как в закрытом гробу, и пересекающиеся лучи света, словно в гробу просверлили три дырки. Нет, ну на фиг. И Сварог опять задействовал встроенный в него прибор ночного видения.

Пещерные «скаты» приближались с осторожной медлительностью, шаря лучами вокруг себя явно по какой-то системе и, наверное, строго придерживаясь некоего боевого построения. Но Сварог имел все основания надеяться, что пока эти друзья достигнут его укрытия, он все же дождет гостей сверху. Держать три машины наверху, прикрывая выходы, не станут, нерационально. Сразу, наверное, тоже не полезут, сперва справятся у пещерных машин, какова обстановка. А обстановочка вполне благоприятная: враг не виден.

Зависнув за сталагнатом, Сварог сделал несколько открытий. Во-первых, он обнаружил, что в таком подвешенном положении «скат» жрет топлива неизвестной Сварогу природы в пять – в пять! – раз больше, чем при высоких скоростях. Во-вторых, Сварог разглядел вырубленные в горной породе ступени, идущие наверх от разлома в полу этого яруса и скрывающиеся за нависающей плитой.

О прибытии на глубину нового персонажа по проторенной Сварогом лыжне сообщила пещерная пыль, взвихренная воздухом, что втолкнул в подземелье корпус стремительной машины, и мелкие камни, отброшенные той же волной.

Сварог давно приготовил свой маневр, оставалось лишь привести в движение «штурвал» и педаль ребутета.

Его «скат» боком выплыл из-за сталагната. Красная точка прицела чуть покачивалась вверх-вниз по лобовому стеклу в ожидании совмещения с целью. А мишень, услужливо подсвеченная прожекторами других машин, неширокими кругами гасила скорость сразу под выходом из колодца.

«Скат» Сварога заметили лишь тогда, когда заработал его ребутет. И незамедлительно в ответ замолотили сразу три спаренных пулемета трех боевых

машин.

Возможно, короткая очередь и не причинила губельного вреда «скату», только что прошедшему сквозь колодец. Но за Сварога работу по уничтожению доделали товарищи несчастного «скатовца», оказавшегося между двух огней и прикрывшего Сварога своим черным «телом» от трассирующей крупнокалиберной смерти. Последнее, что увидел Сварог, вновь бросая машину под прикрытие сталагната, это как изрешеченный «скат» (видимо, подчиняясь агоническим судорогам руки) дрожит, будто резиновая лодка на сильной волне, поднимается, опускается, загребает носом воздух, вдруг взмывает кормой... Яркая вспышка вдруг высветила подземелье, тугая волна ударила захваченную Сварогом машину в бок, попыталась опрокинуть... Сжав зубы, он выправил «скат», быстренько развернулся...

Оттуда, где оказался Сварог, отступать можно было только широким коридором, ведущим, предположительно, в другую пещеру. Или идти в лобовую атаку на три машины. Сварог предпочел ретирацию – тактический маневр иными словами, а не бегство.

Скорость приходилось держать невысокой – неизвестно что ждало за новым поворотом, можно и не успеть притормозить. А туннель этот состоял почти из одних поворотов, извивался, как змея, ползущая сквозь кустарник. На мелкие сталактиты и сталагмиты Сварог смело направлял «скат» и сшибал их, точно метла дворника, сбивающего с карниза ледяные сосульки, а наросты покрупнее разбивал на подлете короткими очередями. Если была возможность, огибал препятствия, крутя-вертя машину, проходя впритирку к стенам. Случись же на пути «сосулька» приличной толщины или просто сузься проход до полной непролазности... Что ж, тогда разворачиваем наш самолет на сто восемьдесят и по очереди (хоть то хорошо, что больше чем по одному им не протиснуться) дуэлируем на ребутетах с господами охотниками.

Довольно долго по проходу тянулась толстая труба, – пока не скрылась в стене, под рисунком в жанре наскальной живописи: щербатый круг, расколотый круг, круг зазубренный, как сюрикен, под ними всеми – человечки, что-то еще там намалевано, выбито, но не оглядываться же, не возвращаться же. За очередным поворотом Сварог заметил внизу треугольную щель, в ней – ступени, чуть приподнял «скат», чтобы пройти между полукруглым в этом месте сводом и остатками сталагмита, кишка прохода вновь изогнулась, за ней Сварога ждал целый водопад грунтовой воды, сквозь который он провел машину, помыв ее не хуже чем на мойке «люкс»... Так ведь...

Он резко затормозил. Не обращая внимания на возмущение организма подобными выходками, быстро завертел рукоятью, направляющей цилиндры. Проектора преследующих машин ослепили даже сквозь тонированные стекла. Прикрывая ладонью слезящиеся глаза, Сварог ждал. Еще немного, еще... они не могут разглядеть его за струями! Ага, теперь в самый раз. Повернул набалдашник. Тихий щелчок – и фиолетовый луч с белыми клубами внутри накрыл подземный водопад...

И вода обратилась в лед. «Скат», чья кабина очутилась в центре водяного потока, вляпался в ледяной капкан. Меньше чем за сотую долю мига выросла ледяная стена шириной в два кайма, и «скат» застыл в ней, как попавший в ледовый плен «Челюскин». Сварог представлял, какой силы толчок бросил пилота вперед. Ремни-то его удержали в кресле, но что удержит внутренности,

бултыхнувшиеся, как ртуть в термометре?.. А сверху продолжала падать вода и, попадая в фиолетовую зону, наращивала глыбу...

Похоже, вторая машина держалась слишком близко от первой. Или ее пилот не среагировал вовремя, не увидел опасность в выхваченной прожектором картинке... А не вовремя – это значит промедлить на один удар сердца...

Уходя от неизбежного столкновения, пилот опрокинул машину на крыло, но напоролся на мощный сталактит, «скат» бросило в сторону, ударило о стену, развернуло и шарахнуло о торчащую изо льда корму машины первой.

Сварог выключил фиолетовое излучение. А за ледяной перегородкой туннеля матово-белое, созданное горящими до сих пор прожекторами пространство стремительно заполнялось чем-то бесформенным, темным, увеличивающимся. Дым валит, понял Сварог.

– Сейчас взорвется! – истерично закричал маркиз.

Сварог уже разворачивал машину.

Взрыв сотряс туннель, когда Сварог увидел очертания выхода. Взрывная волна подкинула «скат», и машина, прежде чем Сварог выправил полет, прошлась макушкой по колонии сталактитов. Над головой треснуло оглушительно, как лопнувший стоведерный стакан под ливнем крутого кипятка, и сверху посыпалась мелкая крошка, то ли пластиковая, то ли стеклянная. Включился давно не дававший о себе знать автоматический голос – как там его называл маркиз, голос то ли Извергиль, то ли старухи Изергиль, – лишенный черт половой принадлежности, но, оказывается, снабженный программой интонационных вариантов. Сейчас голос произносил свой текст с интонацией усталой укоризны – так родители обращаются к непослушным детям, понимая всю бесполезность внушения и следуя лишь обязанности родительского долга:

– Корпус разгерметизирован. Рекомендация: аварийная посадка и включение алой радиотревоги...

В кабину ворвался пещерный воздух – влажный, тепловатый, припахивающий серой. Вместе с запахом проник внутрь и грохот обрушивающихся, заваливающих туннель камней.

Сварог был уверен, что проход, плавно и незаметно забиравший вниз, выведет его в другую пещеру. Ничего подобного: они вернулись обратно. «Скат» выпорхнул к озеру с изваянием в виде пальца, оказавшись всего в каких-то десяти каймах над водой. И это, как говорится, меняет дело.

Еще один вражеский «скат», скорее всего, тоже ринулся в туннельную погоду за Сварогом. А там тупик. Значит, повернут назад.

Сварогова машина взмывала в крутом, стремительном подъеме, направленном на замыкание круга колодец – туннель – озеро-колодец. При скольжении вверх по воздушной горке сквозь величественную огромность этой пустоты стало ясно, что здесь когда-то бурлил подземный город. Множество нор, наводящих на мысль о швейцарском сыре, связывались между собой карнизами, ступеньками, террасами. Когда-то эту пустоту пересекали висячие мостики – иначе откуда взялось по два крюка по обеим сторонам? Высеченный на камне рельеф – пустоглазый мужской профиль в три человеческих роста высотой – наверняка что-то да значил для исчезнувших обитателей подземелья...

Замкнув круг, Сварог с удовольствием обнаружил, что в знакомом ему уже входе в туннель не изменилось ничего, если не считать сбитые взрывной вол-

ной сталактиты из самых мелких и тонких. Поднявшись к «потолку», он на самой малой скорости подвел машину к нужной точке и вдавил педаль ребугета.

Он выбивал породу крупнокалиберными пулями, как шахтер – отбойным молотком. Только уголек, думается, не так податлив, как известняк.

– Закончилась обойма, осталось шесть, – поставил в известность голос из динамика машины.

– Чуба, ты как? – сквозь зубы спросил Сварог, не оборачиваясь.

– Лучше бы я осталась на Атаре... – сдавленно донеслось из-за спины.

– Держись, подруга, мы скоро...

Рухнула первая плита, подняв пыль, разлетелась на множество кусков. Но в планы Сварога не входило забросать проход мусором. Несколько обширнее были его планы.

– Закончилась обойма. Осталось пять.

Одна беда – патроны могут закончиться раньше, чем он доделает задуманное. Тогда, вдобавок ко всем прочим радостям, он останется и без боезапаса. Черт, он-то рассчитывал, что нависшая над туннелем плита – огромный кусище слоистой породы – поддастся быстрее...

– Закончилась обойма. Осталось четыре.

Пыль попадала внутрь, заставляя всех троих чихать и кашлять. Тут еще и замуровываемый «скат» показался в туннеле – правда, пока что отсветами прожектора.

– Закончилась обойма. Осталось три.

Слой породы величиной с пяток «скатов» наконец откололся, падал замедленно, нехотя. Но деться некуда, обвалился, перегородил проход – и никаких пуль не хватит у попавшего в западню «ската» прострелять себе выход наружу. Причем этот кусок пещеры перегородил выход из туннеля наглухо, даже человеку не протиснуться.

– На какую ужасную смерть вы его обрекли, – очнулся от молчаливых раздумий по поводу своей судьбины, плеснул эмоциями маркиз.

– А он меня убил бы по-милому, по-доброму, по-семейному, да? – фыркнул Сварог. – Помолчи, маркиз, отвлекаешь.

Здесь готово. И Сварог уже знал, что делать дальше. Прносясь над озером, он заметил свет в одном из боковых ответвлений. Вряд ли то балуются духи пещеры или призраки подземных горожан, зуб можно поставить – там все те же лица, скрытые за тонированными стеклами своих пепелацев. Этот подземный коридор был узким и словно приплюснутым, ребром «скат» не развернешь, зато был чистым – ни тебе сталагмитов, ни прочих «стала-». Был он вдобавок ко всему еще и коротким. И что-то зазывно и знакомо сверкало на том краю.

«Скат», снижая скорость, выскочил за пределы межпещерного коридора...

Бляха-муха! Таросы и Наваки! Вот это да!

– Склепы Рагнарока... – восхищенно прошептал маркиз.

Даже молчаливая и сдержанная Чуба и та охнула.

Эта пещера была поменьше предыдущей раза в два. Всего-то с девятиэтажный дом. И почти весь ее объем занимала конструкция... в общем, та еще конструкция. Шар, словно сдавленный в нескольких местах, внутри него цилиндр, в цилиндре – треугольник, и все фигуры не сплошные, а сетчатые, со-

бранные из стержней толщиной в две руки и полос разной ширины. И все это нанизано на проходящую по центру пещеры ось. Но главное – и ось, и фигуры сделаны из золота, из потускневшего от времени, но несомненного золота.

Повосхищаться не дали. Два «ската», обследовавшие пещеру, заметили появившуюся машину, развернулись, обдав прожекторным светом, и спустя несколько секунд, посвященных, как пить дать, радиообмену, открыли огонь. Сварог ответил рысканьем машины и очередями из ребутета. Началась такая чехарда, что даже привычному, казалось бы, Сварогу поплохело – что уж говорить про несчастного оборотня...

Дальнейшее походило на перестрелку в лесу. Три машины бесшумно перемещались вокруг золотой конструкции, внутри нее, легко проходя сквозь ячей, стреляли, попадали в золотые ребра фигур. Сварог, благодаря дыре над головой, слышал этот отнюдь не малиновый звон. Так могло продолжаться долго. Или наоборот, закончиться очень быстро, со следующей пулей-дурой. Но пока все пули принимал на себя драгоценный механизм...

Стоило Сварогу подумать о конструкции как о механизме, и по макушке хлопнула идея. Ну конечно, перед ним аппарат. Простейший механизм. Как его запустить, он разберется. Вот только разобраться бы, откуда тот запускается...

Перестрелка превращалась в затяжную бессмыслицу. Они стремительно крутились, скользили, маневрировали в хитросплетении золота, все попытки двух машин загнать Сварога в угол и расстрелять в упор к чертовой бабушке заканчивались тем, что он уходил из их клещей, восстанавливая дистанцию и диспозицию. Сварог, расстреляв еще одну обойму, теперь, экономии ради, огрызался чуть ли не одиночными выстрелами.

Приглядевшись сквозь заливающий глаза пот, Сварог понял, где должен находиться центр управления золотой штуковиной. Над валом, с которым соединены все фигуры, с той его стороны, где прорублено окошечко. Там же, оказывается, имелось нечто вроде балкончика, с которого неизвестные механики любовались на работу своих золотых игрушек. На балкон, до которого Сварог добрался хитрыми маневрами, сесть было невозможно, пришлось зависнуть в воздухе рядом с ним, открыть дверцу «ската» и перескочить на широкие каменные перила.

– Чуба, со мной!

Ей оставаться в машине нельзя, а маркиза вытаскивать некогда. Если Сварог все сделает быстро, глядишь, и уцелеет техника. Если же они потеряют «скат», будет плохо, но – не смертельно.

Пока Чуба, бледная, зажимая обеими руками рот, занималась важным делом за каменным выступом, он разобрался в устройстве. Хренотень, конечно, – золото, оно ж мягкое, податливое, как это все могло работать, совершенно неясно... Вся механика (примитивная: рычаг, шестерни, цепи) – тоже из золота, от изобилия которого, вот беда-то, не захватывает дух, не мутнеет сознание, не трясет золотая лихорадка. Лишь бы работала. Сварог выбил золотым молоточком на золотой цепи клин, служивший стопором, и двумя руками без кряхтения передвинул массивный рычаг.

Приглушенно заскрежетало, залязгало, заскрипело. И золотое геометрическое кружево пришло в движение – в неспешное движение по кругу. Одним прыжком Сварог вернулся на балкон. Ага, вот еще что! Над пещерой находил-

ся колодец, выводящий на поверхность. И механизм, запустивший золотую карусель, вдобавок открыл и створы колодца. В пещеру упал дневной свет, а по стенам подземелья побежали причудливые кружева теней...

Один «скат» вращение конструкции застало внутри средней фигуры – цилиндра. И ему приходилось сейчас нелегко. Ему приходилось подстраиваться под движение цилиндра и выискивать момент, чтобы выскочить внутрь следующей фигуры. Второй «скат» оказался вне конструкции, прижался брюхом к стене и сейчас полз вдоль нее, огибая пещерные выступы и продвигаясь к колодцу.

«Скаты» уже не обстреливали машину Сварога, им стало не до того, зато они обстреляли ее во время стоянки у балкончика. Две пули оставили о себе на память два отверстия в корпусе – одно на уровне головы пилота, другое в задней части машины. По поводу второго попадания и вещал сейчас с интонацией вселенской скорби автоматический голос:

– Поврежден блок охлаждения. Температура повышается. Рекомендация: срочно переправить содержимое отсека на исправную кроонгу...

Сварог прыжком занял место пилота, пристегнулся, навел точку прицела на машину внутри золотой геометрии. Пилот «ската» уворачивался от неровностей вращающегося шара, и ему было не до отслеживания врага. Сварог дождался, когда между его пулеметами и целью не окажется золотых ребер, и втопил в пол педаль ребутета. Тах-тах-тах! Яркие цепочки очередей сошлись на корпусе черного истребителя. Подбитый «скат», задымив, вошел в последнее пике, ударился о золотое ребро и провалился в ячею на дно пещеры. А над ним продолжала монотонное, шарманочное вращение золотая клетка.

А второй «скат» добрался до колодца. Вернее, это граф Гэйр, вновь покинувший летательный аппарат, позволил ему добраться. И тогда отвел рычаг этого безумного механизма на исходную, застопорил шестерни. Как Сварог и просчитал, выпуклость внешней золотой фигуры остановилась напротив нижнего колодезного венца и перекрыла выход из колодца. Закрылись и створы. Второй «скат» очутился в золотой клетке. Из которой сможет выбраться лишь человек, без машины. Ну и пусть себе выбирается.

– Здесь мы закончили, – бросил Сварог, лихорадочно защелкивая ремни безопасности. – Теперь обратно...

У противника оставалась последняя машина, держала сейчас под контролем выходы на поверхность. Какое-то время ее пилот будет ждать сообщений от своих товарищей из-под земли, а потом, вероятнее всего, свяжется с базой, оттуда поступит приказ на отход; пилот, думается, с облегчением подчинится приказу и поспешит на одной из семи скоростей к месту, которое маркиз называл Зрачком какого-то глаза. А в намерения Сварога не входило дать этой машине уйти.

Он перегнулся через подлокотник, сгреб пленника за кружевной воротничок и почти вплотную приблизил свое лицо к его перепуганной физиономии. Сказал жестко:

– Последнее испытание для тебя, маркиз. Выдержишь его – сохранишь жизнь. Повторишь по радиосвязи, что я сейчас скажу. Слушай и запоминай текст. «Нас подбили, пробит корпус, мы упали на площадку возле озера, в центре которого скульптура пальца. Захвативший машину враг без сознания. Я ранен, потерял много крови, боюсь, что отключусь до того, как подспеют его

друзья и машина вновь окажется в руках врага, на помощь...» Запомнил? И побольше трагизма в голосе.

– Вы правда не убьете меня? – прошептал пленник.

– А ты поверишь мне на слово? Каждый человек – сам могильщик своего счастья, – нравоучительно заметил Сварог. Воткнул разъем рации в остывшее гнездо, растянул шнур, надел гарнитуру на голову маркиза. – Давай.

Маркиз не стал говорить, что он не может, честь, мол, не позволяет или еще что-нибудь в таком благородно-героическом роде. Маркиз всего лишь за-сомневался:

– Вряд ли он рискнет в одиночку...

– Твое дело повторить, что я сказал, – отрезал Сварог.

Пока маркиз дрожащим – тут ему не пришлось актерствовать – голосом наговаривал текст, он плавноенько опустил «скат» на площадку у озера. Причем посадил не на выдвижные опоры, а как бы в аварийном режиме – на брюхо. Легко представить, как плачевно смотрится машина при взгляде сверху. Должна, должна сработать приманка... Если «скатовец» вообще решится залететь в пещеры.

Сварог скоренько помог выбраться Чубе и маркизу (разумеется, не развязывая тому руки), бегом отвел их к норе в пещерной стене, зашел последним. Невысокий проем заставил его пригнуться. Блин, а тут холодно. И сыро. В маечке-то и трусах. Надо бы себе какую-нибудь одежду наколдовать, а то еще на-сморк подцеплю...

– Приглядывай за ним внимательно. Чуть что... сама понимаешь...

Сказано словно бы для гуапа, а так, конечно же, для маркиза.

Ничем особо примечательным келья богата не была – ни в «кошачьем» зрении, ни в магическом: выступ в полу, превращенный в подобие стола, примитивная – плоский камень на сточенных сталактитах – давка перед ним, полочка словно бы под лампадку и рисунок над ней... Вот разве что изображение, выбитое на плоском камне, любопытное: солнце, серп луны, звезды окружают человеческую фигурку на коленях. Наскальные рисунки, золотой ажурный механизм, согнутый палец с шарами вокруг... И Сварог вдруг вспомнил, как фагорская королева Домгаар рассказывала про миф о каких-то монахах, живших под землей. Значит, не такой уж это был миф...

Сварог отмахнулся от видений исчезнувшей под водой и во времени таинственной религиозной жизни и подошел к проему, из которого открывался вид как на «скат», так и на воздушное пространство над ним, присел на корточки у порога.

– Как думаешь, прилетят тебя спасти?

Маркиз пожал плечами.

– Ладно, будем глядеть вместе.

Сейчас, конечно, нашего маркиза вызывают по рации. Но он же сказал, что потерял много крови, вот-вот в обморок хлопнется. Так что пусть верхний маркиз решит, что обморок уже случился – лишний повод ему поторопиться. Сварог, ясное дело, не собирался сидеть в засаде до морковкиного заговенья, определил разумный лимит времени, по истечении которого...

Есть. Явился, голубчик. Ишь как нервно шарит прожектором. Ага, увидел. Осторожно кружишь над аварийным скатом, черный ворон ты наш. Нет, добычи не дождешься. Сварог изготовил катрал. Ну-с, проверим догадку каса-

тельно нагретых двигателей, дул пулеметов и прочих теплых точек на поверхности «ската». А ежели не сработает, то враг, будем надеяться, удара микроскопической споры и не почувствует...

Прицелился, прижал губы к катралу, дважды выдохнул. Два раза дернулся «скат». Прожектор заметался по пещере, и Сварог отпрянул – так ведь, япона мать, и нащупать может, а там и морозилку врубить... Но несколько секунд спустя пилоту стало не до поисков снайперов.

Корпус «ската» стремительно опутывали тонкие, побеги, растительные щупальца добрались до цилиндров, жадно шарили по дну в поисках щелочки.

Нашли.

«Скат» сорвался с места, на немыслимой скорости одолел расстояние до пещерной стены и прошелся корпусом по ее выпуклостям и наростам. Пилот отчаянно пытался соскresti, сорвать эту тварь с себя. То брюхом, то верхом – по сталактитам, по острым выступам.

Потом машина на сумасшедшей скорости, от которой у Сварога заложило уши, от которой посыпались камни, ринулась к озеру. И ушла в него по маковку.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом черное тело машины выпрыгнуло на поверхность, сбило с постаментов изваяние с пальцем и вновь шлепнулось в воду. Потом «скат», уже похожий на пук водорослей, всплыл на поверхность и покачивался на потревоженной глади, как поднятый багром со дна топляк.

– Вот и все. – Сварог закурил, пальцы отчетливо дрожали. – Воздушный бой окончен. А мог бы ведь и начинаться, а, маркиз? Ладно, пошли в машину.

– Есть наружные громкоговорители? – спросил он, в который уж раз пристегиваясь в кресле пилота.

– Да... – бесцветным голосом отозвался маркиз и таким же голосом объяснил, как включить громкоговорители.

И через мгновение в пещере, тысячекратно усиливаясь эхом, прозвучало:

– Говорит ваш капитан Сварог. Госпожа Кана, мастер Олес, мастер Пэвер, мастер Рошаль, отбой воздушной тревоги. Всем можно покинуть бомбоубежище. Где вы?

Глава пятнадцатая Смерть и Зеница Левого Ока

– **К**нязь, я дал слово, что сохраню ему жизнь, если он будет со мной откровенен и честен. Он выполнил свою часть уговора. А сыграй он в героя-молчуна – и еще неизвестно, чем закончился бы этот бой... – Сварог хмуро курил на краю выступа, похожего на продолговатую чашу. В чаше лежал человек. – Убери, Олес, – тише добавил Сварог.

Олес одной рукой прижимал пленника к скале, а другой держал кинжал у его горла. С неохотой, но он подчинился Сварогу, резко и зло загнал клинок в ножны.

«Скат» стоял поблизости от чаши, утвердившись тремя своими опорами на площадке, обрывающейся вниз скалой высотой чуть ли не в кабелот. В одной из глубоких нор, выходящих на площадку, и прятался все это время отряд. Прожектор освещал скорбную сцену, выделял каждую трещинку, каждый камешек на площадке.

– Это традиция, мы так поступаем издревле, со времен первых Хроник, –

бормотал пленник-маркиз, бессильно опускаясь на камень и шаря кроличьим взглядом по сумрачным лицам. Люди на него внимания обращали мало – они были заняты своим делом. – Большая Королевская Охота. Всегда считалось великой честью попасть на нее. Не важно кем, лишь бы попасть. Добытчиком, загонщиком, стрелком – все равно. Роды борются за эту привилегию столетиями. Вы не представляете, какие безумные деньги, какие интриги пускаются в ход! Если б вы знали, сколько дуэлей проходит накануне охоты – несмотря на запрет самого Льва-Императора!

– И что ж такого притягательного в этой охоте? – спросил Рошаль, поднеся очередной свой камень к краю чаши.

– Только раз в тысячу Шагов зажигается Зеница Правого Ока и открывает доступ к Зенице Левого Ока. Зеница горит очень недолгое время. Никто не знает, кто их создал – эти два Глаза Бога, они пребывали всегда, один в нашем мире, другой – здесь... Поколения, которым выпадает счастье жить в эпоху Большой Королевской Охоты, чувствуют, что на них с надеждой смотрят предки и потомки их славных фамилий. Честь семьи, честь рода... я не знаю, как это вам объяснить. Замки, которые украсят охотничьими трофеями другого мира, будут нанесены на новые карты особым цветом, их станут посещать члены императорской фамилии. Участники Большой Королевской Охоты, вплоть до следующего сезона, получают доступна все балы Полной Луны в Замке Императрицы и на прием в честь зимнего равноденствия в дворцовом саду Льва-Императора. Все женщины готовы разделить постель с мужчинами-охотниками, а женщины-охотницы вправе выбирать себе любовников из тысяч и тысяч претендентов...

– А император ваш здесь? – в очередной раз подойдя к чаше с камнем, спросил Рошаль.

– Нет, ему нельзя покидать Рагнарок...

– Не повезло, – отряхнул руки от песка охранитель. – Не пользоваться ему вниманием дам...

Под бормотанье маркиза, которого никто не перебивал и кроме Рошалья никто ни о чем не спрашивал, они закидали камнями чашу, которой суждено отныне стать могилой.

– Мы же никого не убиваем! – От внезапного прилива эмоций маркиз дал петуха. – Мы погружаем добычу... тела в холодный сон и оживляем на Рагнароке! Мы не убиваем даже животных!

– И что же вы делаете... с добычей?

– Добыча распределяется между охотниками, они направляют ее в свои замки.

– Вот, значит, почему туда любят таскаться члены фамилий и прочие гости. Поглазеть на диковинки из чужого мира, – краем рта усмехнулся Рошаль. – Людей вы держали вместо дрессированных собачек, да? И нас тоже хотели посадить в клетку?

Маркиз открыл было рот, но не сумел ничего ответить.

– А теперь заткнись, – сказал ему Олес, подходя со своим последним камнем.

Они обступили чашу – последнее пристанище одного из них.

«Место, где много снега, но не из воды...» – вдруг вспомнилось Сварогу предсказание, и он недоуменно завертел головой – здесь ведь никакого снега

нет! Но потом перед его глазами встала вымороженная трава, иней на боках лося, ледяной туман вблизи фиолетовой колонны, – и он *понял...*

– Княжеская могила, – нарушил тишину Олес, – никто не сможет разорить ее, никто не будет шуметь над ней. Суб-генералу понравился бы наш выбор.

Чуба отвернулась, смотрела на каменные стены подземелья.

– Он умер легко, – сказала Кана. – Он дошел с нами до самой пещеры, где мы прятались. И когда стало ясно, что мы в безопасности, он... У него просто остановилось сердце. Каждый желает такой смерти...

– Суб-генерал просил передать вам, мастер Сварог, что эта была лучшая его переделка, – тихо сказал Рошаль. – Больше он ничего не успел сказать.

Откуда-то, из внезапно распахнувшейся где-то очень далеко и очень высоко книги сорвались строки, пришли сюда. И Сварог проговорил:

*Значит, нету разлук,
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
В темноте обнимает за плечи.
И полны темноты,
И полны темноты и покоя,
Мы все вместе стоим
Над холодной блестящей рекою...*

Где-то в пещерных ходах посыпались камни, чей бесконечный отдых был потревожен сегодняшним боем. Над головами прохлопала перепончатыми крыльями летучая мышь. И снова застыла тишина. Застыла, как это озеро внизу, как эти камни, подпирающие землю...

– Да пребудут с вами доблесть и храбрость – в тех местах, где вам отныне суждено пребывать до скончания времен, – сказал Олес, обращаясь к могиле. – Вы были отличным наставником для тупого испытываемого...

– Мы не слишком-то ладили, мастер суб-генерал, это правда, – негромко добавил Рошаль, – но вместе пережили столько, сколько не выпадает простому человеку... Вашей жизни можно позавидовать, Пэвер... Я горжусь, что был знаком с вами... – Он сделал паузу, и вдруг глухо, почти себе под нос, проговорил:

*Мы возвратимся из дальней дали,
Стремя в стремя и бронь с броней.
Помнишь, как в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной...*

Сварог в некоторой оторопи посмотрел на него – настолько это было несовместно: стихи и циничный старший охранитель, но Гор Рошаль отвернулся, и Сварог не мог понять, какое у него лицо.

– Человек не умирает, – сказала Кана. – Человек пребывает во веки, переходя из одной сущности в другую. И пусть вам повезет на Иных дорогах существования... мой малознакомый спутник по дороге здесь и сейчас.

Чуба промолчала.

Сварог поклонился могиле. И повернулся к маркизу. Должно быть, что-то такое появилось в его глазах, что пленный судорожно попытался втиснуться в стену.

– Где эта твоя Зеница? – очень спокойно спросил Сварог.

– У-у... реки, – дернул головой тот, словно показывал направление. – За ре-

кой. Маркиз, вы же обещали...

– Стрелки, под которых нас гнали, там же?

Кивок.

– Ну что ж... Полетели, покажешь.

– Вы что-то задумали, мастер капитан? – наконец подала голос Чуба. И голос ее был безжизнен.

– Ничего особенного, – сказал Сварог. – Просто хочу завершить одно дельце... И, желательно, навсегда.

– Мечь? – спросила Кана.

– Отнюдь, – покачал головой Сварог. Его не интересовал мир маркиза со всеми его замками, «скатами» и львами-императорами. Не интересовал ни в рассказах, ни в яви. Он уже спросил о главном: знает ли маркиз что-нибудь о выходе в другие миры – помимо прямого выхода в какую-то Зеницу с Рагнарока на Граматар. Ничего тот не знал. Может быть, и есть на планете маркиза дверцы, открывающие дорогу в Поток или на Тропу, только маркизу о том не ведомо. Значит, нечего Сварогу делать в этом мире Рагнарока. А вот пресловутую Зеницу требуется выколоть. Пока не нагрязнула армада мстителей...

...И вот она, та река. Еще одна граматарская река, заурядная во всех смыслах и по всем измерениям.

Пожалуй, только Рошаль сообразил, что задумал Сварог. Наверное, сообразить могла и Кана, но ощущение полета настолько поразило островитянку, что они сидела, вцепившись в подлокотники и неотрывно глядя вниз, на проносящуюся мимо землю. И Рошаль молчал, сквозь прикрытые веки с интересом рассматривая перелески и распадки внизу. Да уж, подумалось Сварогу, на такой машине никакая воздушная болезнь не страшна.

– За рекой, – подсказал сзади маркиз, стиснутый Рошалем и Олесом.

– А не бойтесь, мастер капитан, что нас расстреляют на подлете, как курей? – негромко спросил Олес. – Они ведь ждут...

– Посмотрим, – только и ответил Сварог.

Сперва они увидели верхушку арки.

Вот она, Зеница Левого Ока.

Имя собственное немного не согласовывалось с формой, но суть от этого не менялась. На самом деле это были Ворота, к которым вдобавок тянуло присовокупить эпитет «триумфальные» – слишком уж высоченные, широченные и величественные.

Ворота выросли по мере приближения к ним «ската». Высеченная из монолита, из черного блестящего гром-камня неведомого минерального происхождения, арка не имела острых углов – одни лишь плавные изгибы. И никаких тут вам излишеств вроде горельефов, барельефов, фигур и надписей. А сквозь арочный просвет наблюдался все тот же Граматар – картины иного мира не просматривались, не колыхалось таинственное марево, равно как не было внутри ворот всполохов и оптических искажений.

– На такой высоте вас могут подбить, – дрожащим голосом предупредил маркиз.

«Забыл добавить – „и меня тоже“, – бесчувственно подумал Сварог. Чувств не осталось, одна только холодная ярость. Ярость и боль.

Они пролетели еще немного, прошли над лесом и только тогда увидели лю-

дей. Участники Большой Королевской Охоты сгрудилась возле арки, готовые в любой момент броситься на просторы родной земли, под защиту родного мира. В отдалении стояли и валялись тенты, легкие стулья, столы, даже диванчик, у их ножек желтели корзины, накрытые салфетками, из-под которых торчали бутылочные горла.

Пестрая толпа охотников, а их тут приблизительно с роту, ощетижилась черными стволами. Пока не стреляли, но попадать под выстрелы – прав маркиз – большого желания не было. Легкое движение ладонью, и «скат» резко взмыл в небеса, как серфингист по волне.

Завидев чужой истребитель (уж наверное сообразили, что не свой прилетел, – раз не отвечает на запросы и убегает в облака от ружейных стволов), охотники не ринулись в панике под арочный свод – даже женщины, которых у Зеницы набиралось где-то треть.

Перед тем как взмыть в подсолнечные выси, Сварог превратил один из секторов обшивки в бинокль и несколько секунд полюбовался Большой Королевской Охотой вблизи. Даже не знай, что перед тобой (вернее, под тобой) отборнейшая знать, определенно догадаешься по богатой одежке, по манерно-изысканным позам, по ввевшемуся в лица высокомерию... А лица, кстати, напряженные, но – никакого намека на испуг. И Сварог понял причину такой храбрости охотников: с минуту на минуту должен был прибыть воздушный флот, который выяснит, накажет, отомстит. Нет, наверное, если Сварог начнет сидеть по Охоте из ребугета, растрачивая последнюю обойму, то кто-то ринется под прикрытие арки, кто-то откроет ответный огонь. Однако охотнички надеются, что их воздушная кавалерия прибудет еще до начала стрельбищ... Значит, флот уже на подходе. Что ж, у нас приготовлена достойная встреча...

В следующий заход на Зеницу Сварог будет их атаковать.

И он этот заход начал.

Охотники внизу вдруг залопотали что-то, напрочь забыв о мятежном «ска-те» и принялись тыкать ручонками на Зеницу – и Сварог заметил кое-какие изменения в дуге, очерченной гигантской аркой. На беспросветной черноте камня затанцевали оранжевые искорки, все чаще, все быстрее, и вот уже это уже не триумфальные ворота, а огненное полукольцо, и там, внутри полукольца, что-то происходило, что-то начинало меняться, из ничего проявлялся темный силуэт размером с девятиэтажку и напоминающий акулу анфас с хищно расставленными плавниками, наполнялся цветом, глубиной, *осязаемостью*, а за ним проглядывалась в дымке целая вереница акул, целая стая хищников, ждущих, когда откроется проход и можно будет вынырнуть в залитый солнцем мир...

Кто-то, кажется, Чуба, сдавленно вскрикнула. Остальные хранили гробовое молчание.

Сварог резко бросил машину в пике, повел ее над самой аркой, закрыл глаза, сосредоточился, мысленно сжал синий шарик, доставшийся ему в наследство от Соленого Клюва, и мысленно же швырнул его в нужный момент вниз, сквозь дно «ската», сквозь тонированные стекла-бинокли. И резко набрал высоту – кто его знает, какой мощности окажется взрыватель Короля человек-амфибий. Да и сработает ли. Зачем-то стал считать про себя, уходя все выше и выше, прочь от эпицентра: «Раз и-и... два и-и... три и-и...»

Сработало.

С высоты в полкабелота картинка открывалась замечательная в своей сюрности – посреди мирного леса торчит таким исполинским магнитом абсолютно черная дуга, уходит опорами глубоко в грунт, и полное впечатление, будто чья-то небесная длань со всей дури, с размаху воткнула этот магнит в землю...

Несколько секунд не происходило ровным счетом ничего, а потом...

А потом раздался... нет, не звук, поскольку барабанные перепонки его не уловили. Зато каждый из находящихся в угнанном «скате» прочувствовал *это* всеми фибрами души. Звук (все же будем называть его так) был не громкий и не тихий, и шел, казалось, не снаружи, а откуда-то из глубин подсознания. Он был как один-единственный удар сердца бога.

Панорама внизу на секунду словно бы подернулась лазуревой рябью, сдвинулась – и вдруг откуда-то из не приметной точки на поверхности земли, неподалеку от горделиво вздымающейся арки вспыхнуло ослепительное пятно голубоватого света, шарахнуло в стороны, разрастаясь, расширяясь с чудовищной, невообразимой скоростью, сметая со своего пути людей, деревья, тенты и пригорки, под корень подрезало опоры Зеницы, на миг застыло таким блестящим, полкабелота в диаметре, не меньше, блином из меню великана – и погасло. Оставив после себя идеально круглую и идеально ровную площадку, на которой не было уже *ничего* – только коричневый, вывороченный дерн.

Сварог выровнял машину.

Какое-то время арка, вновь став угольно-черной, еще держалась, еще строила из себя неприступность – а потом в основании исполинских ворот что-то надломилось, и вся конструкция, медленно и печально, колоссом на глиняных ногах начала оседать – а ей навстречу поднимались тучи пыли. Отламывались целые куски монолита, целые сегменты, не выдержав изменившейся нагрузки, трескались, сминались, крошились в порошок – и вот уже нет Зеницы, все скрыто огромным облаком поднятых в воздух песка, пыли и грунта...

– А я, признаться, думал, что вы пойдете на таран, – нарушил тишину хладнокровный голос Рошаля. – Bravo, капитан. Снимаю шляпу.

– Не надо, – устало сказал Сварог. – Я ведь не при мундире... – Вытер пот с лица – оказывается, он вспотел. – Ну вот, господа, собственно, и все.

– Что же вы наделали... что же вы только наделали... – скороговоркой начал бормотать пленный маркиз, пока Олес не ткнул его локтем в бок и не спросил весело:

– А что такого? Подумаешь – дичь стала охотиться на охотников, да сплошь и рядом такое случается... Куда теперь, мастер граф?

Маркиза высадили на пустынном океанском берегу. Сварог, уже в свежеотворенном камзоле ало-серых цветов, отвел его по шуршащей прибрежной гальке на десять шагов от опор приземлившегося «ската», развязал ему руки. Океан вяло лизал твердую невкусную землю в сотне шагов отсюда. Гораздо ближе было до коралловой гряды, уже розовеющей за разросшимся кустарником. За спиной тянулись сопки, то плешивые, то лесистые, а где-то еще дальше должны были обустроиваться на новом месте какие-нибудь люди, которым не помешают лишние руки...

Сварог зашвырнул маркизов стилет в кусты.

– Потом подберешь, пригодится.

И тут на маркиза нашло. Он рухнул на колени, обхватил Сварога за голени,

забормотал что-то торопливое и маловнятное, сводящееся к тому, что не бросайте, мол, погибну, пригожусь, не вынесу... Обыкновенная, форменная, можно сказать, истерика. Симптомы и методы лечения известны. К маркизу Сварог применил радикальный метод – огрел двумя руками по ушам. Заскулив и прижав ладони к голове, маркиз повалился на гальку. Вот и ладно, вот и успокоился, скоро смирится с неизбежностью – не с такой уж и печальной, к слову, какая могла бы быть...

– Сам бы с удовольствием вместо тебя остался, – сказал ему на прощание Сварог. – Природа-то какая, а! И рыбалка здесь, наверное, отменная. Грибочки опять же. Да вот дела, понимаешь, зовут в дорогу... Тут люди-то есть – а скоро их как много набегит, точно тебе говорю. Насчет пилотов не уверен, но вот охотники им наверняка понадобятся...

Дорога, позвавшая Сварога, пролегла вдоль океанского побережья и вела к точке, где отряд должно было терпеливо ждать жилище-посредник. Жилище-транспортное средство, обязанное в целостности и сохранности доставить не столько Сварога и компанию, сколько Ключ к Куполу Совета. Где ждет нелегкий разговор с Вало.

Хотя, как понял Сварог из объяснений маркиза, Большая Королевская Охота, следуя устоявшейся за многие тысячелетия традиции, далеко от Зеницы старалась не отходить, но на «скате» тем не менее была установлена карта всей Димереи, изготовленная, не иначе, посредством аэрофотосъемки. Карта представляла собой шар (или, лучше сказать, глобус) размером с голову младенца, вмонтированный в приборную панель. Из ромбовидного выреза (по его краям светились указатели сторон света), выступала та часть Димереи, над которой находился «скат». Конкретное местонахождение машины показывал макетик «ската» величиной с ноготь мизинца. Хочешь посмотреть, какие ландшафты ждут тебя впереди – крути шар, только придержи рукой, отпустишь – он вращается в обратную сторону, возвращая местность под «скатом». Хочешь проложить курс – просто-напросто тычешь пальцем в нужную точку, и до нее от исходного пункта высвечивается прямая линия, по которой и веди свой самолет.

Так что теперь Сварог, сверившись с картой Вало, вел машину вдоль побережья, к месту встречи, кое, без отсутствия средств связи, изменить было, увы, нельзя, вдоль бескрайней синевы по левому борту, вдоль разноцветного буйства растительности по борту правому, и размышлял. Собственно, раньше у него просто не было времени на размышления.

Ясно, что без помощи Вало, добровольной или же принудительной, пресловутую Дверь ему не найти. Ясно также, что без Ключа, который висит на шее Чубы, эта Дверь Вало на фиг не нужна. Так что? Будем договариваться? Или Вало на уступки не пойдет – бросит на них своих откормышей с катралами и массой задавит? Запросто. Что из этого следует? А следует из этого вот что: надо зависнуть где-нибудь в сторонке от Древа и вплавь послать к Вало парламентаря – так, мол, и так, тагорт изволит отдать золотой ключик только в обмен на дверцу... Но кого послать-то, прах побери? Разве что Кану. А будет ли Вало с ней говорить? И убедит ли его стриженная воительница, что не хило бы и помочь тагарту? Кстати, о стриженной воительнице: пора подумать и о том, что...

– Ты куда? – услышал Сварог голос Олеса. – А... Не, ха-ха, понятия не имею.

Может, маскап уже опробовал?..

Сварог покосился на товарищей. Кана, отстегнув ремень, поднялась со своего места. Он догадывался, какой деликатный вопрос хочет прошептать ему в ухо островная дева, но вот помочь смог бы вряд ли. Честно говоря, Сварог знал, как управлять «скатом», но вот где на борту размещены удобства... Никаких специальных, обеспечивающих уединение кабинок точно уж не имеется. Значит, вопрос решался как-то по-другому. «Утки» какие-нибудь, что ли? Жаль, у маркиза не спросил. Вот еще забота. А на воду не сядешь, потонем...

Кана обхватила спинку кресла, наклонилась. И прошипела в самое ухо:

– Не дергайся, паршивый тагорт. Убью.

Слово «тагорт» прозвучало как ругательство, как плевок.

Глава шестнадцатая **Передо мной явилась ты...**

Едва в ухо, точно яд Клавдия, проник сей злобный шепот, Сварог почувствовал, как шею коснулась холодная женская ладонь и оставила нечто влажное и липкое – то ли пластырь, то ли древесный лист. И что-то под этим листом, тонкое и твердое, надавливало на кожу. Похожее на коготь. Или на канцелярскую кнопку...

– Шип каменного тростника, – с тихим торжеством сообщила Кана. – Теперь ты в моей власти. Не надейся его оторвать – он отрывается вместе с головой, и никак иначе. А стоит мне надавить на него или послать ему мысленный приказ, как спора вайака проникнет в твое тело. Не успеешь ты три раза хлопнуть глазами, как она начнет пробивать дорогу к свету – через твои почки, легкие, мышцы, мозг и всякие прочие кишки, мой дорогой тагорт...

Она расписывала вредительские качества шипа с заметным удовольствием.

– Так ведь это... – по возможности нейтрально сказал Сварог, – ты ведь и сама погибнешь. Ведь кроме меня со «скатом» никто не...

– Я не боюсь, – отрезала Кана. – Я знаю, за что умру.

– И за что, позволь узнать, мы разобьемся к чертям свинячьим?

– Сидеть!!!

Краем глаза следившая за диванчиками для пассажиров Кана увидела, что князь положил ладонь на застежку ремня, выхватила у Сварога из-за пояса шаур, навела его на Олеса.

– Первое и последнее предупреждение. Всем руки на колени! Кто шевельнется – сразу стреляю...

«Гос-споди, ну какая банальщина...» – тоскливо подумал Сварог, пока бритоголовая воительница вытаскивала у него из-за пояса заодно и катрал, засовывала его себе за пояс. Сказал по возможности спокойно:

– Ну и? Теперь, когда ты вооружена как взвод тагортов, может, соизволишь объяснить, отчего такая милашка вдруг превратилась в шипастую фурию?

– Разворачивай машину к Бездонному Дому, – приказала Кана вместо объяснений. – Только не говори, что не знаешь дороги: у тебя есть карта, у тебя есть приборы...

Помнится, Бездонным Домом дамурги называют пресловутый зиккурат. Впрочем, Сварог не настолько еще освоился на Димерее, чтобы без карты и приборов провести аэроплан от побережья Граматара до маленькой точки в Океане – зиккурата, едва выступающего над поверхностью воды... Но в том-то

и дело, что карта у него имелась, аж целых две карты – та, что передал ему Вало, и эта, встроенная в панель управления «скатом», тут бритоголовая Синтия Ротрок была насквозь права...

– Ключ, – повернулась Кана к Чубе. – Очень медленноними Ключ и протяни его мне. Одно неверное движение, и я отдам приказ шипу...

Послышался легкий шорох, звяканье цепочки.

– Ты считаешь себя хитрым и неуязвимым, – удовлетворенно сказала Кана Сварогу. – Надеешься обмануть меня, надеешься выкрутиться. Так вот знай...

Она присела на левый подлокотник, и в Сварога вонзились яростные глаза фанатички. Наверное, именно с такой неистовой и беспричинной злостью во взгляде народоволки, сжимая ладошкой зажженную бомбу, выбегали наперерез карете приговоренного тайным обществом генерал-губернатора. Преобразилась наша молчаливая Кана, нечего сказать...

– Знай, как бы ты ни ловчил, как бы ни был быстр, я успею послать приказ моему шипу и уничтожить тебя. В последний свой миг я буду думать только об этом. Ты можешь прикидываться, что не знаешь, как отыскать Дом с помощью этой штуки, – довольно уместно Кана вытянула палец в сторону глобуса. – Тогда я буду показывать тебе, куда лететь, и мы будем носиться над Океаном, пока не найдем Бездонный Дом или пока не рухнем, когда эта птица уже не сможет больше летать.

– Ну в последнем случае мы скорее скончаемся от скуки или от пролежней, – лениво сказал Сварог. – Топлива у нас столько, что лично меня, старого пилота, прямо-таки оторопь берет. Понятия не имею, на чем мы тарахтим, на солярке или керосине, но, судя по этому приборчику, мы не истратили и...

– Хватить болтать! – зашипела Кана.

Признаться, Сварог распялял ее сознательно: когда человек с трудом себя контролирует, ему легче проговориться и легче совершить ошибку. Конечно, здесь важно и самому не переборщить, по тонкой грани ходить приходится...

– А почему бы и не поболтать? – пожал плечами Сварог. – Какой мне смысл выполнять твои приказы? Что сейчас ты ткнешь меня шипом, что часом позже – велика ли разница?

– Если ты сделаешь, что от тебя требуется, то сохранишь себе жизнь. А в придачу к жизни получишь жилище. И даже эта летающая штука останется тебе.

– Ого, какая королевская щедрость! Ах да, я забыл, что наобещать можно с три короба... Я сам, помнится, чего только женщинам не обещал. Даже, представь себе, некоторым обещал жениться.

– Даю слово варга.

О-па! Это был удар. Этого он не ожидал.

– Варги, стало быть... – задумчиво пробормотал он. – Которые, если мне не изменяет память, суть противники наших друзей дамургов...

– А ты думал, я служу этому тупому Вало? Да, я варг. – Она вскочила с подлокотника, шаур прыгал в ее ладошке. – Я буду на твоих глазах убивать этих людей, пока ты не подчинишься моему приказу. Или пока сам не станешь трупом!

Она вытянула руку и наставила оружие на Рошалья, ее недавнего соседа по диванчику, который сидел внешне расслабленно и лениво наблюдал за происходящим, будто в пятый раз смотрит скучный фильм. Однако взгляд его водя-

нистых глаз был столь красноречив, что любой шпион на месте Каны немедленно бухнулся бы на колени и в сей же миг перевербовался со всей страстью искреннего раскаяния... Впрочем, юная захватчица летательных средств была слишком поглощена собой и своей высокой миссией, чтобы обращать внимания на недвусмысленные взгляды всяких там контрразведчиков. Палец ее дрожал на спусковом крючке шаура. Она пока медлила, но Сварог отчего-то не сомневался, что у нее вполне достанет духу выстрелить.

Стараясь держаться невозмутимо, в голове он лихорадочно прокручивал варианты. И не находил ни одного. Все варианты осыпались, как осенняя листва. Резко бросить «скат» на крыло... Заговорить чертовке зубы... Надеть личину пострашнее... Отвести глаза... Все не то. Все искусство ларов разбивалось об одну-единственную преграду: в кабине слишком тесно. Тесно даже для суперспециалиста по ведению боя в ограниченном пространстве. При любой, самой *неожиданной* неожиданности она успеет выстрелить и просто физически не сможет промахнуться, в кого-нибудь да попадет. А еще этот дурацкий шип – насчет которого чертова баба ничуть не соврала. Равно как и насчет всего остального. Правда, только правда и ничего кроме правды, будь она проклята. Вопрос: сработает ли шип – ведь он оружие, и человеческая рука его не держит, стало быть, магия ларов должна как-то нейтрализовать его. Это с одной стороны. А с другой – проверить отчетливо не хотелось.

Дьявол, *такого* он не предусмотрел. Вроде бы просчитал все возможности – что Вало перестрахуется и попытается завладеть Ключом до того, как они достигнут точки randevu, что за время похода грохнут самого Вало, что... Но вот что хитроумный предводитель дамургов, видящий, казалось бы, на десять шагов вперед, окажется, блин, той самой старухой с прорухой и самолично включит в их отряд тайного агента *подполья* – этого предвидеть было нельзя...

Он вкрадчиво спросил:

– А тебе что, совсем не жалко убивать людей, с которыми ты делила пищу, кров и постель, людей, которые, между прочим, спасали тебе жизнь?

Про постель это он специально ввернул. Старый такой прием, с которым Кана, быть может, не знакома – заставить террориста увидеть в заложнике живого человека, глядишь, что-то и шевельнется в окаменевшей душе боевика или бомбиста...

– Во имя нашего великого дела мне не жаль даже себя!

Она произнесла эту пафосную чушь с непоколебимой убежденностью. Значит, все-таки фанатичка. Это еще больше усложняло ситуацию. С простым бандитом еще можно как-то договориться, перекупить, обмануть, мозги запудрить – но с людьми, у которых в груди пылает революционный огонь, такие номера не проходят. Худший из типажей – женщина-террорист с замороженной идеологией мозгами. Что остается? Выудить из нее как можно больше ценной информации и все-таки попытаться обезвредить, потом, когда напряжение спадет и она устанет, немного ослабит внимание. Да уж, господа, чего легче...

– Ладно, – с непритворной грустью вздохнул он, – ты, кажется, начинаешь меня убеждать... Но согласитесь, фрау Кана, добровольная помощь всегда лучше принудительной, не правда ли? Поэтому, может, скажешь мне, зачем тебе вдруг так приспичило в Бездонный Дом – тогда, смотришь, и у меня появится интерес помогать тебе со всем пылом и задором...

– Не заговаривай мне зубы, тагорт, – зло прищурилась Кана. – Я не настолько наивна, чтобы поверить, будто ты станешь помогать мне по *доброй* воле. Ты даже не с Островов, ты просто тупой наемник, тебя можно только купить, но *убедить* – никогда... Ты хочешь знать «зачем»? Отвечу. Затем, что там ждут мои друзья и соратники. А теперь поворачивай, живо!

Сварог легонько тронул рукоять управления, и машина послушно взяла курс в открытый океан.

– Ты куда? – Ствол шаура вновь уперся Сварогу в висок.

Если сейчас кто-нибудь из отряда прыгнет на нее... Но он тут же отмел беспочвенную надежду: все, кроме него и террористки, были пристегнуты ремнями, твою мать, безопасности. Чуба, конечно, может выскользнуть – в образе волка, но ведь на это требуется время... Он сказал:

– Куда-куда... К твоему Дому, куда еще. В объятия твоих друзей.

– Ты знаешь курс?

– Ну дык, – сказал он. – Еще там, в подземном городе рассчитал. Думал сразу рвануть туда – что-то не тянет меня отдавать Ключик нашему общему другу Вало...

– Врешь, – уверенно сказала Кана. – Я тебе не верю.

Сварог покрутил глобус, к счастью, довольно быстро обнаружил зиккурат, отмеченный на карте маркизов-охотников пятью, один в другом, квадратики. Проговорил устало, будто в пятый раз объясняя двоечнику решение задачи:

– Вот ваш бездонный домик, а эта желтая линия – кратчайший путь к нему. Видишь, уже треть расстояния от материка мы преодолели. Сама можешь следить, не отклонились ли мы от маршрута.

Кана сказала с угрозой, за которой пряталась неуверенность:

– Но если это окажется не Дом...

– Знаю, знаю, ты перестреляешь всех, а меня отдашь на съедение шипу. Поэтому это окажется именно Дом, не изволь волноваться.

– И если через десять минут я собственными глазами не увижу...

– А вот это нет, – безапелляционно перебил Сварог. – Через полчаса. За десять минут не успеем.

Кана секунду сопела мрачно, потом сдалась:

– Ладно. Полчаса. Потом я начну убивать. Одного за другим.

Некоторое время лишь ветер свистел в простреленном стекле кабины.

– Твои друзья-соратники живут в Доме? – спросил Сварог.

– Ты слишком любопытен. Еще одно слово, и...

– Нет, не надо – «и», – очень серьезно сказал он. И выдавил из себя нервный смешок. – Мне просто страшно... Мне и вправду страшно, видишь, как руки дрожат? Могу и с курса сбиться... Наверное, тебе неизвестно, но многих простых людей, не островитян, пробивает на болтовню в экстремальных...

Она хохотнула и с гордостью заявила:

– Мы живем в Океане, идиот! Но не дай тебе Тарос сравнить нас с дамургами, с этими ничтожествами...

– Так почему же свидание около зиккурата... у Дома без дна?

– Очень много вопросов, тагорт. Хотя... – она пожала плечами. – Почему бы тебе не узнать – раз это уже ничего не изменит. Мои друзья проникли в Дом, и теперь им нужен только Ключ.

На это Сварог промолчал... Нет, странное все ж таки существо – человек. В плену, под дулом пистолета, в компании упертой, как баран, подпольщицы-убийцы, готовой в любой момент устроить небольшую кровавую сауну на высоте двухсот метров, – он ликовал и плясал тарантеллу... в душе, разумеется. Сама того не подозревая, Кана раскрыла самую Главную Военную Тайну островитян – где находится каморка папы Карло, отпираемая Ключом.

Значит, в зиккурате.

Значит, нам по пути? Три раза «ха-ха». Интересная штука – судьба...

Конечно, налепленный шип и ее дружки-соратники в качестве почетного караула не позволяют расслабленно откинуться на спинку кресла и наслаждаться полетом в ожидании счастливого мига приземления на зиккурат. Подлетное время придется истратить на поиски победной комбинации. Покружить незаметно, время потянуть... То самое время, которое неумолимо утекало сквозь пальцы.

Минуту, может быть, несколько минут они летели в совершеннейшем молчании. Под ними перекачивались лазурные барханы Океана. Сзади, как в морских песнях про уплывающий берег родной, уменьшался Граматар. Скоро он пропадет из виду, и они останутся один на один с водой... Кана несколько успокоилась, взгляд ее чуть смягчился, она опять устроилась на подлокотнике.

– А ты стерва, – первым нарушил режим молчания Олес. Говорил он елеяно и проникновенно, словно охмурял симпатичную служаночку. – Я, кажется, начинаю понимать моего предка Бассиля Саутара, третьего князя Гаэдаро, который держал женщин – всех женщин, даже трех своих жен – в замке на цепи. Если б не я, гнила бы ты сейчас в бетонном бункере. Неблагодарная сука.

– Может быть, – растянула губы в оскале Кана, – может быть. А лично ты, князек, не представляешь для меня и моих соратников никакой ценности. Так что лучше помолчи.

– Девочки, не ссорьтесь, – подал голос и Сварог. – Мы же все-таки одна команда. Ну вышло недоразумение, возникло некоторое недопонимание – подумаешь. Я, Олес, Рошаль и Чуба, – мы же не претендуем на иные миры. Значит, нет глубинного конфликта интересов. Недоразумение разрешится, все разойдутся довольные... Стало быть, ты – одна из тех, кого называют варгами? Очень интересно, впервые вижу живого варга. Знаешь, мы были так далеки от этого вашего противостояния... ты даже не представляешь, как далеки мы были... Так что же вы не поделили с дамургами? Океан? Или это у вас идеологическая несовместимость?

– Ты действительно хочешь это знать или кривляешься? – вкрадчиво спросила Кана.

Видно было, что нервы террористки, словно растяжка, натянуты до звона и прикручены к взрывателю. Сварог ответил как можно серьезней, изгнав из голоса малейшую иронию и игривость и придав лицу выражение безмерной усталости – дескать, все надоело, надоело воевать и притворяться, до зарезу жаждется определенности и покоя.

– Я действительно хочу знать, Кана, в какие ножницы меня угораздило угодить. Честно говоря, я ожидал всего, любых препятствий на пути, но только не стать разменной фигурой в политической игре, к которой не имею ни малейшего касательства... По-моему, не один я так считаю.

И Сварог оглянулся на своих спутников – словно и впрямь ища у них поддержки.

– Я разделяю недоумение мастера капитана. Хотелось хотя бы знать, в какие интриги мы вляпались... словно в огонь провалились, – сказал Рошаль и щелкнул пальцами.

Стоп.

Стал бы охранитель делать что-то просто так, даже щелкать пальцами – ради одного только жеста? Да и еще это поэтическое сравнение с огнем. Не очень-то свойственная его речи экспрессия...

И Сварог без труда разгадал кодограмму. А что, молодец охранитель, правильно мыслит. Можно и нужно попробовать этот способ. Такая идея Сварогу в голову отчего-то не приходила...

– Хорошо, я отвечу тебе. – Кана тем временем устроилась на подлокотнике с максимальным комфортом: закинула ногу на ногу, одной рукой обхватила подголовник кресла, другой ласково водила стволем Сварогового шаура по его же скуле... извращенка хренова. – Не потому, что надеюсь вас переубедить, – просто хочу, чтоб вы знали *правду*... Мы не отказываемся от общего прошлого. Да, варги и дамурги когда-то жили одним Древом. Все тогда искренне верили в Цель, все дела и помыслы посвящали ее приближению... а потом произошел Разлом. Это случилось тысячу лет назад, когда окончилась неудачей последняя предыдущая попытка завладеть Ключом. Древо охватили разочарование и неверие. Те, кто сейчас называет себя дамургами – оставим им это имя, хотя они и недостойны его, – предали Цель, заболтали ее, превратили в набор трескучих фраз, единственное предназначение которых – заставить верить в необходимость Совета и в необходимость подчиняться ему.

По горячему вступлению Сварог понял, что не придется особо подхлестывать ее вопросами. Дай фанатику-проповеднику слушателя, и фонтан уже не заткнешь. Тем более Кана давно и не по своей воле молчала на любимую тему, а тут такой случай выговориться! И Сварога ее увлеченность устраивала как нельзя больше.

– То, что *они* сейчас называют Целью, совсем не та подлинная, истинная Цель, завещанная нам основателем-Дамургом. – Глаза Каны с каждым словом разгорались все ярче – как от непотушенного окурка заходится огнем сеновал. – Они выхолостили ее, украли у Цели стержень, гвоздь подменили болтовней...

– И в чем же единственно верное учение... точнее, единственно верная Цель? – подбросил Сварог в этот огонь дровишек.

Остальные в дружеский диалог не вступали. От охранителя, ясное дело, непродуманных высказываний ждать не приходилось, Чуба впервые столкнулась с закулисными политическими дрызгами людей и предпочитала рта пока не раскрывать... А Олес, изучивший командира за довольно длительное совместное странствие, должен понять, что мастер капитан ведет какую-то игру и неаккуратным вмешательством можно ее запросто сломать, – так что лучше помалкивать, вплоть до специального распоряжения.

– Ты не думал, что будет, если дамурги получат Ключ?! А, где тебе думать, ты же всего лишь бессловесный исполнитель поручений. Куда тебя пошлют – туда ты и пойдешь... («Эт-то вряд ли, – сказал сам себе Сварог... а потом вспомнил Гаудина: – Хотя...») Подумай, что было бы, когда б дамурги вошли в другой

мир? Да все то же самое и было бы!

– Бесспорно, – поддакнул Сварог вслух.

– Вот! Ты начинаешь прозревать! Дамурги ничего не хотят менять, кроме места своего прозябания. Женщины будут рожать детей, которых они станут сортировать, как люди сортируют щенков: этого – в слуги, этого – в тагорты, женщин – в наложницы, а этого, самого удавшегося, так и быть, произведем в дамурги. И опять продолжится все та же возня за место в Совете. Они выдумают себе новую Цель, например, объявят, что найденный мир – это не искомый, не окончательный рай, а всего лишь промежуточная остановка. Если в том мире дамурги встретят людей, то отгородятся от них точно так же, или уничтожат большую – и лучшую! – часть, а оставшихся низведут до состояния варварства – чтобы можно было возвыситься над ними, упиваться собственным величием.

– А варги – что вы станете делать в новом мире? – Сварог успел вклинить вопрос в этот пламенный поток трибунной риторики, про себя подумав, что пора реализовывать идею Рошаля. – Ты не возражаешь, если я закурю?

На последний вопрос она только махнула рукой: ей было не до мелочей вроде дыма, ей было важно договорить:

– Мы стали бы воплощать в жизнь истинную Цель. Цель, ради которой каждый варг готов пожертвовать собой. Человек на материке давно вырождается, он не развивается, он просто сотни, тысячи лет штампует себе подобных, а когда приходит время – с трудом перебирается на другой континент, воюет за место под солнцем, убивает и опять плодится. То же самое происходит и с обитателями островов. Мы застыли в одном неизменном состоянии. Человеку стала тесна его кожа, тесны его скудные возможности, он это чувствует, но думает, что ничего поделаться не может. Поэтому и не делает. А если не делать, то мир не сдвинется с мертвой точки. Все так и будет повторяться, круг за кругом, цикл за циклом: погружения и подъемы материков, Атар – Граматар, поиски Ключа, походы тагоров...

Под пепельницу Сварог использовал кружку, вставленную в зажим на правой стене. Он стряхивал пепел часто, каждый раз наклоняясь к низко расположенному зажиму. Пусть Кана привыкнет к его наклонам, перестанет обращать на них внимание. Хотя, возможно, все предосторожности излишни – ишь как разошлась; чувствуетея, оседлала любимого конька, пожалуй, и не заметит, если эксперимент по идее Рошаля начнется прямо у нее под носом...

– Мир давно гниет, как вода непроточного пруда... Но надо менять не только и не столько мир, сколько самих людей. Я помню, что случилось в этом вашем Фагоре. И уверилась окончательно. Зависть, жажда власти, алчность – вот что такое сегодня человек. А мы... Вот ты сейчас управляешь тяжелой птицей и не знаешь, упадет она в следующий миг или нет. Ты в ее власти, ты ее раб. Ты можешь придумать самую быструю и самую непадающую птицу – но отними ее у тебя, отними пищу для птицы, которую ты назвал топливом, и ты вновь все тот же: маленький и беспомощный... Человек сам должен летать птицей, плавать рыбой, превращаться в любого зверя, как Чуба-Ху, и в любое дерево. Человек должен и, главное, я верю, может сравняться в возможностях с Таросом. Тарос и явился людям не как истукан, перед которым надо бить поклоны, а как ориентир – вроде маяков, по которым плавают человеческие корабли...

Наклонившись в очередной раз к пепельнице, Сварог зажег огонь на пальце и быстро поднес к листу на шее, под которым притаился гадский шип. Риск, конечно, был. Мы ж не изучали эту сволочную траву-мураву, мы ж не занимались военной ботаникой – вдруг да вопьется колючка, когда станет горячо. Но исходя из мысли, что жители плавучих островов обеих ориентации подчиняют себе растения, как собак, а собакам свойственно бояться хозяйского гнева и не цапать без команды...

На всякий случай Сварог подносил огонь осторожно, неспешно. И лист с одного края отлип, испуганно свернулся. Прав оказался в своем предположении Рошаль – любая часть дерева боится огня. Островитянам удалось приручить природу, – но не переделать ее...

– Основатель-Дамург доказал нам в своем «Завещании потомкам», из которого остальные дамурги убрали все, что могло помешать их покою, оставили лишь общие фразы... Так вот, он доказал, что человек так же способен к внутреннему изменению, как и растения. Не надо держаться за полученную нами от предков данность, как за что-то непререкаемо лучшее. Если есть лучшее, значит, можно создать нечто, что будет лучше лучшего. Так говорил Дамург-основатель... И варги помнят об этом.

Кана не заметила манипуляций Сварога, увлеченно продолжала свою лекцию:

– Попыты по созданию людей-рыб были одной из проб на пути к новому человеку, проба отчасти неудачная, но никто и не ждал больших удач в начале пути.

Сварог снова нагнулся – теперь для того, чтобы затушить сигарету. И за это время успел зажечь огонь на пальце, поднеся его к травяной нашлепке на шее, а когда та, наконец, свернулась в трубочку и отлепилась, закатав в себя проклятый шип, выбросил в пепельницу эту опаленную купину (что в переводе с религиозного как раз и означает «сожженный куст»). Снова наклонился, пробормотал едва слышно:

– Черт, дымится, так и сгореть недолго...

Шепотом, словно продолжает ворчать на непотушенный окурок, произнес заклинание – и на месте содранного листа с колючкой появилось его иллюзорное замещение. Сварог выпрямился в кресле. Ну вот и все, теперь, испытывая огромное облегчение, близкое к оргазму, можно со всем нашим вниманием слушать разглагольствования о переконструировании человеков. Уж с остальными трудностями Сварог управится – на кураже-то... будем надеяться.

– Представь, каким станет мир, населенный богами? Что, не представить? То-то! Потому что никакого человеческого воображения не хватит представить себе этот совершенно невиданный мир!

– А что же вам здесь, на Димерее, мешает создавать нового человека? – теперь уж спокойно, не боясь спугнуть, перебил Кану Сварог.

– Здесь? Когда дамурги следят за каждым нашим шагом? Когда они и в Океане, и на земле противостоят каждому нашему шагу? И если мы создадим нечто и это нечто попадет в руки дамургам, то оно тут же может превратиться в оружие против нас самих... К тому же, для серьезных исследований нам нужны лаборатории, расчеты, ресурсы, подопытные, а все это имеется только на материках – где приходится конфликтовать не только с дамургами, но и с невежественными людьми... Да и как что-то построить за земле, когда Диме-

рею регулярно сотрясают катастрофы?!..

На это ответить было нечего. И Сварог с некоторым ужасом понял, что разговор приближается к той стадии, когда, как говорят в народе одного чахлого мирка, должен «родиться милиционер». А молчания в кабине «ската» допустить было никак нельзя – необходимо было, чтобы беседа продолжала течь, плавно и размеренно, чтоб Кана, увлекшаяся болтовней, не стала бы вновь внимательной и сконцентрированной. Потому что зиккурат был уже близко. А Сварог еще не готов сделать ответный ход.

– Разумеется, у вас были свои интересы на материках, как я сразу не подумал, – сказал он первое, что пришло ему в голову. – В частности на Атаре, в частности в последний Цикл... А если не секрет, кто выполнял ваши задания на суше? Дамурги используют тагортов, а вы?

Он мельком оглянулся и незаметно подмигнул Рошалю. Уж тот сообразит, что означает этот знак, и уж как-нибудь даст понять Олесу, что капитан избавился от опасной занозы, а значит, князю не нужно ничего предпринимать: нужно просто ждать.

– У нас нет тагортов, – гордо вскинула голову Кана. – Мы, варги, сами отправлялись на материк, шли не по принуждению, а во имя истинной Цели.

– Кто бы сомневался... Но, насколько я понимаю, напряженные отношения между дамургами и варгами не могли миновать и сушу. И если агенты, ваши и дамургов, сталкивались, то происходили... ну, скажем так, недоразумения, верно?

– И что с того? – Конечно же, Кане тяжело было перестроиться с возвышенных тем на более приземленные.

– А не было ли у вас агентов в княжестве Гаэдаро? – поймал мысль Сварога Рошаль.

– У нас вообще не было агентов. – Ствол шаура опять ткнулся в грудь Рошалья. – Это у дамургов агенты, у нас же...

– Простите – доверенных людей, – торопливо поправился Рошаль. Ему не терпелось продолжить расспрос (а как жаль, наверное, что не *допрос!*) – ибо охранитель взял след. – Не было ли у вас доверенных людей в княжестве Гаэдаро?

– В каждой стране Атара работали наши люди. Но отношения вашего княжества и прочих государств нас нисколько не интересовали. – Кана даже не скрывала презрения. – Нас интересовали только люди дамургов, которые ползали по континенту, как древесные клопы, что-то вынюхивали, что-то крали, что-то покупали... И мы не могли допустить, чтобы им в руки попало нечто такое, что сможет усилить их влияние на Островах.

– А не произошло ли с кем-нибудь из ваших... доверенных людей несчастного случая в княжестве Гаэдаро накануне прихода Тьмы? – развивал наступление Рошаль.

– Очень много наших не вернулось с Атара в те дни... – Лицо Каны потемнело, шаур дрогнул. – Не знаю ничего про ваше княжество. Зато точно знаю другое: варги до конца выполнили свой долг, их не остановил страх за свою жизнь... Знаете ли вы, люди, которые думают только о себе и свои поступки никак не соотносят с будущим – а о такой неинтересной материи, как будущее, даже не считают нужным размышлять? Знаете ли вы, что можно жертвовать собой ради поколений, что придут сотни и тысячи лет спустя? Истинная

Цель варгов даже не в том, о чем я вам говорила – это лишь путь к Цели. Истинная же Цель варгов – *власть над временем*. И когда она будет достигнута, вернутся из прошлого и получат новое, вечное бытие те, кто сейчас, не жалея жизней, закладывает фундамент будущего. Будущего, где люди станут равны богам. А боги правят всем, и временем тоже... Сколько нам осталось до Дома? – вдруг спохватилась она. – Помни, тагорт, я не отступлю, когда цель так близка...

– Еще немного, смотри вперед, – успокоил ее Сварог.

– Теперь, кажется, все встает на свои места, – заявил Рошаль с усталым удовлетворением математика, наконец-то решившего теорему Ферма. – А я, признаться, все гадал, кто устроил взрыв на постоялом дворе «Дырявая бочка» и кто был тем пропавшим постояльцем выгоревшей комнаты. Ну никак концы не увязывались. Шпионы Нура и разведки иных государств были отчетливо ни при чем, чужую агентуру мы держали весьма плотно. А те, зная, что мы держим их весьма плотно, не пошли бы на диверсию в самом центре столицы. Да и я в то время не мог знать, что в Митраке действуют еще два игрока. Дамурги и варги... Вернее, их агенты. Теперь я понимаю, что вы, мастер Сварог, попали в поле зрения этих *игроков* – они расценивали вас как человека, который может вооружить противную сторону. Один резидент убрал конкурента, сам надеясь вас захватить.

– А захватить меня не удалось, потому что мы с вами, дорогой Рошаль, внезапно покинули Гаэдаро на дирижабле. И поди нас догони, – согласился с выводами охранителя Сварог. И мимолетно подумал при этом: «Но одного мы не знаем: с кем именно хотела познакомить меня Клади – с резидентом дамургов или варгов. Да, судя по всему, Клади работала с кем-то из упомянутых Рошалем игроков... Если только не было иных игроков...»

– Вот! – с видом триумфатора воскликнула Кана. – Вот подлинная сущность обитателей суши! Вас интересуют только ваша собственная муравьиная суета – кто, где, когда, кого убили, кто убил – проблемы же *человека* вам безразличны. Заткнитесь оба.

– Лады, – не стал спорить Сварог. – Только один, последний вопрос: каким образом ты, варг, попала в порученцы мастера Вало? Он, на мой взгляд, не отличается чрезмерной...

На горизонте, точно по курсу их следования нарисовались горбы плавучих Островов. Что подкрепляло показания глобуса «ската» – они подлетали к зиккурату.

Вряд ли бы Кана стала отвечать на вопрос Сварога – после того как на ее страстную речь об Истинной цели и сказочном будущем эти людишки отозвались болтовней о каком-то трактире. Но близость Бездонного Дома и вид островов, обещающий скорую встречу с друзьями-варгами, вернул террористке хорошее настроение. А Сварог изготавился к *акции*...

– Мужчины так глупы, – фыркнула Кана. – Особенно мужчины-дамурги. Я якобы перебежала от варгов к дамургам, а в доказательство своей любви к дамургам раскрыла этому Вало заговор. Между прочим, действительный заговор молодых дамургов против Совета, о чем нам стало известно вовсе не случайно, потому что мы, варги, сами и были зачинателями этого Komplota. А еще мы с Вало стали любовниками. Каждую ночь я восхваляла не только его мужские таланты – весьма скромные, надо отметить, – но и его незаурядный

ум – достаточно посредственный, – и его якобы железную волю... И кто придумал эту чушь, что только женщины падки на лесть, как акулы на кровь? Мужчину купить лестью еще проще, чем поймать слепого морского окуня. Вало доверял мне больше, чем любому из своих приближенных... И когда я узнала, что Вало отправляет на поиски Ключа не одного тагорта, а *группу*, было решено тоже послать по нашим следам целый отряд... Им был известен курс, которым двинешься ты, потому что это был оптимальный курс... Но проклятые фаторцы спутали все наши планы. Отряд потерял тебя, тагорт. И ему пришлось идти напрямиком к тайнику. Как ты видел, добрались только четверо... Но и они попали в ловушку в форте из жидкого камня. Если б не ты, тагорт, они бы выжили. Десять лучших наших воинов погибли по твоей вине! И за одно это ты достоин смерти...

Вот оно и прозвучало. Кана вовсе не собиралась оставлять в живых Сварога – ни его, ни команду. Значит, пора действовать. Сварог собрался. Резкий крен на правый борт, удар в переносицу, блокировка руки с шауром. Но тут...

Она вдруг замолчала, вперив взгляд в лобовое стекло. Прошептала потрясенно:

– Святой Порк и семь грехов... – и вскочила с подлокотника. Ее свободная от шаура рука больно впиалась в плечо Сварога. – Проклятые дамурги!

Глава семнадцатая Последний кайм

— Они выследили! Выследили и напали! – Кана отпустила плечо Сварога, ее ладонь переехала на спинку пилотского кресла и теперь терзала обивку. – Ты должен им помочь!

Кто на кого напал и кому надо помочь, Сварог уточнять не стал – и без того понятно. Они уже подлетели к островам достаточно близко, чтобы разглядеть обстановку на волнах и уяснить, что Острова отнюдь не заняты мирным плаванием вокруг зиккурата. Так что с контратакой пришлось погодить – до выяснения обстановки. Пока было ясно одно: уверенность Каны в том, что варги уже внутри Дома, малость необоснованна. Хитрый Вало и здесь оказался предусмотрительным, нарушил планы подпольщиков и несколько реабилитировался в глазах Сварога.

– Ты будешь бить морозящим лучом, куда я покажу!

Кана приблизила свое лицо, вмиг напитавшееся решимостью и яростью, к лицу бывшего своего капитана – и было ясно, что в случае несогласия она выстрелит. Или даст приказ шипу активироваться? Эх, кабы быть уверенным, что сначала она задействует шип, а уж потом примется палить в заложников. Последнее бы мы пресекли с превеликой радостью, а вот ежели наоборот...

– Ладно-ладно, – покладисто заверил ее Сварог. – Буду бить лучом, морозить всех, на кого покажешь.

Честно говоря, без ее подсказок и в самом деле не разобраться, где дамурги, где варги. Одинаковые жилища из прутьев одинакового цвета. Флаги не развеваются, опознавательные таблички не прибиты, никто не горланит: «Мы смело в бой пойдем за власть дамургов...»

А в бой шли и те, и другие. В Океане, в трети кабелота от зиккурата кипело настоящее морское сражение с участием примерно двух десятков Островов. В воздухе схлестывались прутья, спутывались, закручивались невообразимыми узлами. От боевых стеблей отрастали побеги, мгновенно покрывались зубья-

ми, которыми вгрызались в древесину врага, старались ее перепилить. Из Островов вылетали гладкие ветви, на концах переходящие в острые, как шило, копейные наконечники, вонзались в противостоящие острова – если, конечно, по пути их не перехватывали и не пригибали к воде ветви защищающейся стороны. То и дело взвивались растительные щупальца, усеянные шипами, и хлестко лупили по вражьи сучьям. Из надразов брызгал сок, воду, ставшую ареной битвы, покрыл древесный мусор, словно с лесопилки вымыло в Океан отходы производства. Вода вдобавок бурлила и пенилась – схватка шла и под Океаном.

Какие-то Острова сошлись в абордажном стыке, сплелись в огромный живой клубок, ежесекундно меняющий очертания. Даже не представить, что происходит внутри этих жилищ...

Один из Островов в центре грандиозной ботанической битвы вдруг приподнялся, потом начал заваливаться на бок (стало видно, что его приподнимают подобранные под водой толстые стволы) и перевернулся вверх корнями. Взглядам открылось жуткое копошение тонких, похожих на червей, белых, зеленых и коричневых отростков.

– Заходи слева! – Кана стукнула кулаком по приборной доске. – К тем двум! И зависни над ними! Живо!

Кана была целиком поглощена морским побоищем. Оно и понятно – там, внизу, решалась судьба ее соратников по борьбе за Истинную Цель, без которых ее Ключ станет на фиг никому не нужен.

Она приказала Сварогу бросить всю мощь морозилок «ската» на выручку одному из двух Островов, сошедшихся чуть в стороне от общей схватки. Одно из жилищ атаковало противника целой армией тончайших и очень вертких лоз, покрытых, похоже, ядовитыми колючками. Противник отбивался сплюснутыми на концах побегами, рубил ими ядовитые стебли, как саблями. Но сверху отлично было видно, что лозы призваны отвлечь на себя внимание, а под водой движется толстый ствол, огибает место схватки по длинной дуге, намереваясь зайти с тыла. Наверное, Кана хотела помочь острову, который не замечал коварного маневра.

Сама же горе-террористка напрочь забыла про тылы. Впрочем, она уверена в своем шипе...

«Извини, красавица, – мысленно сказал Сварог. – Ты сама влезла в эти игры. Обижаться не на кого».

Он проделал несложную работу быстро и чисто: левой рукой рванул девицу на себя, оторвал правую от «штурвала», сложил пальцы «клювом ястреба» и ткнул ими в сонную артерию захватчицы.

«Скат» клюнул носом и стал плавно соскальзывать к воде.

Неизвестно, успела ли она мысленно крикнуть «фас» своей, ныне обезвреженной колючке, но вот вдавить спуск шаура умудрилась. Два серебряных кругляша звякнули об лобовое стекло, оставив на нем крохотные царапины. Едва захватчица с закотившимися глазами оказалась на коленях Сварога, тот выдернул из ее руки шаур и вытащил из-за пояса катрал. Олес рванул ремни, бросился на подмогу, а Сварог живенько вернул управление «скатом».

– Давайте ее сюда, мастер капитан. Теперь она никуда не денется, спеленаю по всем правилам. Нет, ну что за сучка, а? Знать бы заранее – проиграл бы ее на хер в том бункере, на первом же кону!

– Ты там поосторожнее, князь, – авось пригодится, – сказал Сварог, живенько заставляя послушную машину зависнуть в воздухе над полем битвы. – Ей еще в нового человека превращаться и временем командовать.

– Я буду неумолимо галантен, мастер капитан, – серьезно пообещал князь. – Как ни с кем другим...

– Неплохо, граф, неплохо, – вяло хлопнул в ладоши Рошаль, точно на премьере посредственной пьесы. – Будь моя воля, я бы назначил вас своим преемником...

– Сомнительный комплимент, – глухо произнесла Чуба-Ху. – Мастер капитан, позвольте я *поговорю* с этой девкой...

– Нельзя, Чуба, – сказал Сварог. – Увы. Она нам пока нужна живой и, желательно, невредимой.

Между прочим, остров, которому грозила опасность с тыла, выкрутился и без холодильной помощи с воздуха. Но – как догадался Сварог – не без помощи некоего древнего предмета. Иначе как объяснить, что за шар плюхнулся в воду прямо над коварным подводным стволом? Его словно хоботом метнул прут, поднявшийся над жилищем. Шар юлой завертелся на волнах, из него хлестнули в стороны темные струи, окрашивая воду в марганцовочный цвет. Толстый ствол выскочил по всей длине из воды, как анаконда из страшных снов, закрутился в спираль – и вдруг лопнул, разлетевшись брызгами и клочьями.

– Садимся, граждане! – объявил командир корабля. – Прямо на зиккурат. Всем занять свои места согласно купленным билетам и пристегнуться...

– А если все это воинство кинется на нас, когда мы сядем? – предположил Рошаль. – Может быть, лучше...

– Не стоит, масграм, – поймал Сварог невысказанную мысль охранителя. – Не будем без нужды кровожадными. Вот если воинство действительно кинется – вот тогда вновь поднимаемся в воздух и начинаем *холодную* войну.

Однако мрачные опасения Рошалья неожиданно получили подкрепление. От острова, над которым проходил «скат», отделился и рванулся ввысь прут с утолщением на конце – раскручиваясь, как пожарный шланг, и явно намереваясь дотянуться до машины. Сварог вдавил педаль ребутета, направил вниз крупнокалиберные очереди и перебил ими щупальце где-то посередине.

– Ребутет пуст, – злорадно сообщил автоматический голос «ската».

– Ну и наплевать, – снизошел Сварог до общения с голосом из динамика.

«Скат» заходил на зиккурат. Чувство, которое посетил Сварога, когда он впервые увидел это сооружение, пришло вновь, и с большей силой. Отсюда, с высоты полета морских птиц, благодаря прозрачной воде зиккурат представлял во всей своей завораживающей грандиозности: пирамидальное строение уходило, расширяясь книзу, в черт знает какие, в непредставимые глубины. Насколько взгляд пробивал сине-зеленые водные толщи – шли ярусы зиккурата, один другого шире, и скрывались в темных слоях океанских тайн. Аж мурашки по коже бежали и дыхание сбивалось от благоговейного трепета, внушаемого этим... действительно *бездонным* домом. И никак не укладывалось в голове, что *такое* могли отгрохать люди – обычные люди. Хотя, может быть, люди здесь и ни при чем...

Над поверхностью возвышалась лишь вершина зиккурата: неширокая площадка, огороженная стеной с башенками в углах. Одну разрушенную башенку и разрушенную же часть стены к их прибытию, увы, так никто и не восстано-

вил.

Сварог посадил «скат» по центру залитой Океаном площадки. Три опоры выдвинулись из брюха машины, утвердились круглыми лапами на каменных плитах, уйдя под воду на половину своей длины. Трапу тоже пришлось окунуться в морскую водицу. Как и людям, которым воды здесь оказалось чуть выше, чем по колено.

Сварог отдал Олесу и Рошалью команду перенести Кану на стену – для ее же, мягко говоря, нехорошей женщины, безопасности. Ведь не исключено, что Острова, которые рано или поздно выяснят отношения между собой, и победители пришвартуются к Бездонному Дому, сначала расстреляют «скат» из каких-нибудь станковых катралов, а уж потом полезут его обследовать.

– Что ж, ты сама сделала свой выбор, – философски сказал Сварог неудачливой захватчице, когда ее, связанную по рукам и ногам, сносили по трапу. – Выбор привел тебя на стены Бездонного Дома. Когда-то и мы томились здесь неизвестностью. А нам, признаться, приходилось гораздо хуже. До самого горизонта не видно было ничего, кроме акул – зато акул было столько, сколько самый просоленный морской волк не видел за всю проведенную в одних плаваниях жизнь. Тебе легче. К тебе кто-нибудь обязательно придет на помощь... Ну, пиши, если что.

Кана что-то промычала в ответ. Вытаскивать кляп Сварог не стал – и так ясно, что не услышишь ни одного слова благодарности. Он повертел Ключ на пальце.

– Теперь будем думать, как попасть внутрь. Хотелось бы додуматься раньше, чем Острова ринутся отбирать у нас эту отмычку... А что-то устал я, Чуба, от военных действий...

– И что там внутри? – спросила Чуба-Ху.

Видимо, она считала, что у графа есть ответы на все вопросы, только он по каким-то своим причинам не торопится сразу все выкладывать на стол.

– Понятия не имею, Чуба, – честно сознался Сварог.

Его внутренне передернуло: кажется, вчера он точно так же стоял на гребне и смотрел на копошение акульих туш в океане. Океане, который поглотил Клади...

От стены зиккурата вернулись Рошаль и Олес.

– Поглядывайте по сторонам, орлы, не приближается ли кто.

Пока не приближались, пока Острова продолжали битву на волнах. Рубка там шла – будь здоров: над водой вырос высоченный, качающийся конус: это сплелись в ближнем бою сразу несколько *жилиц*... Сварог же и так и сяк разглядывал Ключ, пытаясь сообразить, как им пользоваться.

– Может быть, попробовать приложить его к чему-нибудь? – нетерпеливо предложил Олес.

– Или Кана нам соврала, никакой Двери в этой пирамиде нет... – обдал пессимизмом Рошаль. – Наверное, придется ее допросить *как следует*.

– Не-а, она не лгала, уж поверьте мне... И потом, сомнительно, чтобы в столь ответственный час ей назначили встречу где-то вдали от Цели. Просто вряд ли она знает много. Зачем посвящать ее, в какой части зиккурата располагается Дверь и как ее открывают? Лишний риск, что она единолично попробует воспользоваться Ключом...

– Да, верно, – мрачно кивнул Рошаль. – Так что же делать-то?

– Думать, охранитель, ду...

Так, стоп! Полированная поверхность Ключа вдруг пустила солнечного зайчика на Дом. Опаньки! До того мутный, ничего не отражавший треугольник словно превратился в зеркало. Сварог повернул Ключ к небу – поверхность опять замутилась, не желая ничего отражать...

– Видели?! – вырвалось у него.

– Что? Что? – Оказывается, никто не обратил внимания на любопытную особенность этой треугольной штуковинки в руках у капитана. Ну и ладно.

Сварог вновь развернул Ключ к зиккурату. Появилось отражение Бездонного Дома, но, на первый взгляд, никаких отличий от оригинала в нем не наблюдалось.

– Ах ты, Наваково вымя... – приглядевшись к манипуляциям командира, наконец и Олес понял, в чем фокус.

– Я сейчас. – Сварог энергично направился к «скату». – Только не за мной следите, за морем! Ясно?

Сверху всегда виднее – это вам любой бюрократ скажет, и Сварог с ним спорить не станет. Сверху виднее, даже если смотришь в зеркало: охват больше.

Он вскарабкался на крышу «ската», вставив олесовский кинжал в одну из пулевых пробоин и воспользовавшись им как ступенькой. Сверху принялся осматривать зиккурат в зеркале Ключа, постепенно поворачиваясь по кругу.

И нашел-таки отличие...

Его отвлек залихватский свист Олеса:

– Какой-то куст ломится в гости, мастер граф!

Сварог поднял голову. Ну да – один островок, вырвавшись из свалки, мчался к ним на всех парах. Видать, то ли дамург, то ли варг сообразил, что происходящее на зиккурате сейчас гораздо важнее междоусобных распрей, и, оставшись в бою, можно остаться с носом.

Видит Бог, Сварог не хотел этого. Но выбора ему не оставили.

Он спрыгнул в воду, взбежал по трапу в «скат», на ходу в двух словах объяснив своим, что собирается делать, и рухнул в кресло – в котором уж не думал оказаться вновь.

«Скат» приподнялся над площадкой зиккурата ровно настолько, чтобы цилиндры оказались выше стен. Сварог даже не стал втягивать опоры и поднимать трап. Морозящий фиолетовый луч ударил в разогнавшийся остров и прошил его от края до края, по всей длине. *Жилище* словно споткнулось на волнах, еще немного проскользило по инерции и замерло. Будем надеяться, на какое-то время остальных он тоже напугал. И Сварог вернулся к заждавшимся его орлам, чтоб продемонстрировать свое открытие.

Открытие простое. Отражения всех плит, из которых была сложена площадка, совпадали с их реальным видом: серые квадраты, поросшие зеленью водорослей. Все – кроме одной плиты.

Та единственная, непохожая на другие, плита, отображенная Ключом, впрочем, и в реальности выглядела так же – но за одним маленьким отличием. Отличие – это круглое углубление, диаметром чуть шире руки, со скобой из светлого металла.

Подожли. Сварог, заглядывая в зеркальную грань Ключа, опустил руку в теплую океанскую воду, взялся за скобу, потянул наверх... Скоба выдвинулась из плиты на две ладони, дошла до упора, что-то щелкнуло – и край плиты по-

ехал вверх, неторопливо и размеренно, как дверь с гидравлическим затвором, пока не застыл строго под прямым углом. В открывшемся взгляду проеме можно было различить только мерное колыхание белого тумана, словно накрытого тончайшей пленкой.

– Это и есть Дверь в... – Голос Рошалья дрогнул. – В другой мир?

Сварог пожал плечами.

– Вало рассказывал, что в приоткрытую Дверь неизменно наблюдалась одна и та же картина: выжженная солнцем степь. Значит, одно из двух. Или это Дверь и есть, или Дверь где-то внутри зиккурата.

– Вода внутрь не затекает, значит, ее там и так полно. До краев, – сказал Рошаль. – И что же дальше?

– Вы-то, мастер Сварог, умеете дышать по-рыбьи, а нам как быть? – поджал губы Олес.

– Может быть, не все уж так печально. Вряд ли этот домик соорудили в расчете исключительно на умельцев дышать под водой. Сейчас и выясним. Как говорится в старом армейском анекдоте, не хрен думать, трясти надо...

И Сварог опустиллся возле проема на корточки. Над водой осталась одна голова. Он сел на край, свесил ноги вниз. И почувствовал, что носки касаются твердой опоры. Набрав побольше воздуха в легкие, утвердил ступни на невидимой за туманной завесой опоре, ощупал носком, что там впереди, нашел край, под ним – ступень, шагнул, еще раз шагнул, и достаточно уверенно и быстро начал спускаться в зиккурат.

Оказавшись под тем слоем, что выглядел сверху пленкой, Сварог выдохнул и вдохнул – выяснилось, что дышать можно свободно без всяческих магии и аквалангов. Воздух тут отличался от океанского – влажного, пахнущего рыбой и йодом. Здешний воздух был сух и напрочь лишен ароматов. Сварог задрал голову – тот же туман, какой виден сверху, и больше ничего...

Потом он снова поднялся на поверхность.

– Короче говоря, порядок. Можно смело погружаться... Орлы, – Сварог смущенно потер переносицу, – дьявол меня побери, я только сейчас сообразил... Вернее, осознал. Ведь пути назад может и не быть. Я имею в виду – в этот мир. А что ждет в другом... – Сварог развел руки. – Или, может, и будет путь назад, но – прямо в лапы к нашим приятелям с Островов. Значит, вот что можно сделать... В «скате» стоит автопилот, внутренний небесник... эта такая фиговина, которая сама может управлять «скатом». Я разберусь, как его настроить на полет и посадку. Заряжу его довести вас до фагорцев. Или, допустим, к галеону с золотом. Что скажете?

«Нет», – поочередно сказали все трое.

– Я не люблю возвращаться, маскап, – добавил Рошаль. – У той бабы, королева которая, голова правильная, у нее все получится...

– Вместе до конца, – сказал Олес, выпятил грудь и стукнул, по ней кулаком.

– Давайте поторапливаться, граф, – Чуба с тревогой смотрела куда-то в сторону. – Позвольте обратить ваше внимание, что теперь два Острова несутся в нашу сторону.

– Как знаете, я вас не неволил, – решил Сварог. – Оглядитесь по сторонам, что ли – в последний раз, как-никак... Порядок следования такой: я, Чуба, Рошаль, Олес – замыкающим. Князь, на тебе эта плита, задвинешь ее за собой... Ну что, все? Вперед.

Какое-то время они двигались на ощупь сквозь белый туман. И, когда закончились ступени, туман рассеялся.

– Ну-ну... – сказал Олес, оглядываясь. – Вот, значит, что такое этот домина изнутри. Забавно... И куда дальше?

Оглядывались все. А эхо разносило по здешним углам и закоулкам слова Олеса «вот, значит-значит, что-вот-что-такое-такое», раскидывало их в разные стороны, раздирало на слоги и на звуки «ку-да-а-ше-е-е», которые упругими мячиками еще долго скакали, отдаваясь, отдаваясь и очень долго никак не желая затихнуть и пропасть совершенно.

Они стояли на мозаичном круге радиусом метров пять. (Сварог поймал себя на том, что на ум приходят именно порядком подзабытые метры.) Черные и красные камни под ногами образовывали нечто похожее на циферблат часов, разве что делений было не двенадцать, а раз этак в пять больше. Под некоторыми из черных черточек, рассекающих красный фон, были выложены из черных же камней то ли иероглифы, то ли сильно на них смахивающие значки какой-то иной письменности. Мозаичный пяточок окружали идущие от пола до неразличимого, размытого и, возможно, несуществующего потолка тонкие ребра, между которыми имелись узкие просветы – разве что клинок можно просунуть плашмя. Будто очутился в центре пластинчатого гриба вроде сыроежки, и края пластин обступают тебя со всех сторон...

– Наверное, есть какая-то связь между этими рисунками на полу и... тем, что вокруг, – сказал Рошаль.

– Наверное, – кисло согласился Сварог. – Вот только как бы ее побыстрее отыскать...

Трудно было свыкнуться с эхом, в котором тонул и самый короткий разговор. Даже если говоришь шепотом.

Олес вдруг, никого не предупредив, сделал шаг вперед, к границе мозаичного круга и... пропал.

Нет, с облегчением разглядел Сварог, не пропал. Вот же он стоит, просто показалось... Крикнуть Олесу «Назад!» он не успел. Князь сам вернулся на мозаичный пяточок. Вышел спиной вперед и тут же крутанулся на каблуках, в глазах его плясал неподдельный ужас.

– Фу-у, вы здесь, слава Таросу! Я, признаться, испугался. Там... там... Навака его знает, что там. Город там и люди шастают. В одних этих... – он провел пальцем по талии, – в повязках на бедрах. И одноглазые все как один. Я шагнул – и попал в другое место, представляете! А если б еще шагочек сделал, а не сразу махнул назад по своим следам... фу, даже не знаю, что и было бы...

«Дверь, – неожиданно понял Сварог. – Клянусь Таларом, это она, Дверь!!! И каждая щель – ни что иное, как выход в какой-нибудь мир!» Он ощутил, как зачастил пульс, и рявкнул на Олеса:

– Ну и нечего соваться, куда не знаешь! Я что, приказывал резвиться? Под арест бы тебя, сопляка...

Эхо мигом прокатило его слова, кажется, по всем закоулкам мироздания. После чего командир надумал повторить подвиг своего бойца.

– Стойте неподвижно. Я сейчас.

Направление Сварог выбрал чуть иное, нежели Олес. Едва нога наступила на край мозаичной площадки, узкая щель гостеприимно раздалась перед Сварогом, он шагнул в распахнувшийся проем и очутился...

Где угодно, только не на Димерее!

Он стоял на скалистом утесе, волнистая граница суши и моря уходила в туманную даль. Справа бушевал стобалльным штормом черный океан. Слева шквалистый ветер перекачивал по плоской мрачной равнине камни. Справа высилось в сумерках некое циклопическое строение с высоченными, потрескавшимися колоннами вокруг явно церковного портала. Над головой пронеслись тяжелые, налитые угрюмой синью тучи...

Это иллюзия, вдруг понял Сварог, просто картинка чужого мира. Ветер не чувствуется, запахов никаких, звуков тоже. Только картинка – но в которой, похоже, можно заблудиться.

Сварог обернулся. Сквозь щель, такую же узкую, какой она представляла снаружи, из зиккурата, он видел черно-красные камни мозаики, чью-то руку...

Почему-то Сварог не сомневался: сделай он шаг влево – шаг вправо или же шаг вперед, и просвет, он же ориентир для возвращения, исчезнет, иллюзорная картинка сомкнется. И всю жизнь можно положить на поиски дороги обратно. Наплутаешься, как ежик в тумане, прежде чем выберешься на мозаичный кружок. Сварог, разумеется, предпочел не плутать по иллюзорным красивостям штормового мира, а поступить по-олесовски – вернуться на исходную.

Поделившись с сотоварищами наблюдениями и умозаключениями, он закончил короткий монолог так:

– Вот ведь, блин, задачка... Что думаете, господа путешественники?

Пока господа путешественники размышляли, Сварог достал Ключ – может, эта штуkenция что-нибудь да подскажет... Повертел ее так и этак, понаправлял на разные объекты, поднес к мозаике – ничего. Шлифованная поверхность оставалась мутной, Ключ не нагревался, не катился колом по правильной дорожке – короче, помогать отказывался напрочь.

– А если наугад? – вдруг сказала Чуба.

– Наугад? – Сварог поднял на нее глаза. – Наугад... Что-то в этом есть...

И в памяти всплыло прибытие на Димерею, первый день его знакомства с Граматаром, первые люди, кого он встретил на чужом берегу. Слепцы. Это были слепые бродяги под предводительством урода по имени Бедер. И последняя его фраза: «Мы еще увидимся, добрый господин». Сейчас фраза внезапно обрела плоть, и плотью этой стало озарение.

– Помолчите-ка, ребята. Замрите. И, как говорится, даже не думайте...

Сварог закрыл глаза. Тишина стояла полнейшая, оглушительная – несмотря на присутствующее вокруг неисчислимое количество отражений всяческих миров, несмотря на то что где-то наверху бродили по зиккурату победители морской битвы, может быть, обстукивали плиты, может быть, корезили «скат». Но единственный звук все-таки нарушал тишь. Треньканье колокольчика. Очень чистый, хоть и очень тихий звон. Будто где-то бродит буренка с серебряным колокольцем на шее или... колокольчик бренчит на груди слепца.

– Кажется, я понимаю, как нам быть, – сказал Сварог, и вслед за ним его уверенные слова повторило эхо.

– Пойдем на какой-то звук? Вы что-то слышали? – догадался Рошаль.

– Да. Поступаем так. Идем прежним порядком, но с закрытыми глазами, положив друг другу на плечи руку. Видели, как ходят слепые?

– Вам-то понятно – чтобы обострить слух, а нам зачем закрывать глаза? –

поинтересовался Рошаль, словно заподозрил какой-то подвох со стороны Сварога.

– Вы уверены в себе, мастер охранитель? Уверены, что не шатнетесь в сторону от испуга или удивления и не влезете с головой в какой-нибудь мир, а нам придется вас разыскивать? Или разве не может такого случиться, что вы увидите... нечто, что, скажем так, потревожит ваш разум?

– Допустим, уж за свой разум я совершенно спокоен, – Рошаль поджал губы. – А отвлечься, сбиться с ноги, потеряться... да, это вполне возможно, согласен.

Когда-то Сварог провожал взглядом цепочку слепых бродяг. Теперь они сами точно так же двинулись сквозь отражения миров. Сварог возглавлял отряд, ступая неспешно, опуская ногу аккуратно, словно на болотную кочку. Часто останавливался, прислушиваясь, чуть поворачивая голову то влево, то вправо. На плече командира лежала рука Чубы.

Дело было даже не в том, что с закрытыми глазами лучше слышно, а в том, что с открытыми глазами колокольчика не слышно вовсе. Тонкое серебряное позвякивание тут же прекращалось, стоило поднять веки, словно кто-то вел с ними хитрую игру, и в этот самый момент по странным правилам игры придерживал язык колокольчика рукой.

Сварог все-таки несколько раз приоткрывал глаза. Сначала чтобы убедиться в том, что колокольчик действительно смолкает, когда зрение *перебивает* слух. Потом – к тому времени они уже изрядно покружили – Сварог просто не удержался и из любопытства приоткрыл один глаз.

В первом случае, едва подняв веки, он сразу же зажмурился от хлынувшего в глаза яркого света и карнавальной пестроты красок. Оказалось, и в самом деле вокруг шумит карнавал. В каком-то мире под огромным, ослепительным светилом его обитатели веселились на бескрайнем поле. Всюду стояли шатры, палатки, длинные столы, грудились бочки, летали качели, музыканты наяривали на диковинных инструментах, рядом с ними прыгали-кружились танцы. И повсеместно люди братались с какой-то расой ящеровидных существ. Видимо, по этому поводу и был праздник. Мир после долгой войны – или первая встреча двух рас. Контакт, однако... А Сварога и компанию, кстати говоря, ни живьем, ни картинками тому миру не показывали. Никто не тыкал в их сторону пальцами, не поворачивал голов...

Открыв глаза во второй раз, Сварог увидел, что они пересекают по диагонали сумрачный высокий зал с колоннами вдоль стен, а вдали с трона сбегает некто маленький и круглый, в волочащейся мантии, принимается пинать бритоголовых людей в кожаных доспехах, ползающих по залу на коленях...

И ведь где-то среди этих отражений, возможно, затерялся и Талар...

Они ступали по ровному покрытию, скорее всего, по гладким каменным плитам, идеально пригнанным друг к другу. Вдруг колокольчик зазвенел громко и часто. И совсем близко. Сварог остановился, открыл глаза. Они стояли возле круглого отверстия в черно-красном мозаичном полу, и вниз вела винтовая лестница. Вот так-то, господа хорошие. Потайной ход. Как и почему открылся – сие загадка есть, которую оставим на потом, не до таких мелочей сейчас...

Спустились на следующий этаж. По одной стороне навстречу им поднимались нескончаемой вереницей их собственные отражения, по другой стороне

такие же отражения двигались вместе с ними. Полчища отражений. Легионы. Мириады. В глазах зарябило от самих себя.

– Нам придется спускаться до самого дна этого... зиккурата? – громко спросила Чуба, голос ее срывался от напряжения. Вот кому приходится хуже всего... Впрочем, может быть, не так уж и хуже – в конце концов, нечисть по определению должна сплошь и рядом сталкиваться с такими вот выкрутасами реальности, на то она и нечисть...

– Ну откуда ж я знаю, – только и пожали плечами Сварог и его многочисленные двойники.

Эха на лестнице не было.

Отражения пропали, когда замыкающий их отряда, гаэдарский князь Олес сошел с последней ступени лестницы.

Второй этаж зиккурата встретил их опять же круглой мозаичной площадкой, которой лестница служила центром. Площадка была разика в два пошире, чем на верхнем этаже, и выложена светло-серыми и зелеными камнями. Рисунок, однако, повторялся прежний – хотя трудно сказать определенно, те же иероглифы выведены под делениями круга или другие.

Лестница дальше вниз не вела, этим этажом и заканчивалась.

– Тактика прежняя, – объявил Сварог. – Поскольку она работает.

– Мастер граф, дайте, прежде чем пойдем, дайте хоть глянуть на другую жизнь, – чуть ли не взмолился Олес. – Как в прошлый раз. Заскочу-выскочу, одним глазом – и назад. Вы пока отдохнете.

– Значит, на слепом марше приказ не нарушал, молодец, хвалю.

– Ну как нарушишь! Вдруг обалдеешь от чего-нибудь, споткнешься и всех повалишь...

Сварог не стал публично каяться, что оказался менее сознательным, чем подчиненный, и милостиво разрешил:

– Валяй, князь. Только быстро и только одним глазом.

Олес быстро прошагал к пластинчатой веренице миров, похожей на меха гармошки, смело заскочил в наобум выбранный просвет, скрылся с глаз. И спустя секунд пять выскочил оттуда, словно в него плеснули помоями.

– Там Атар! – горячечно зашептал Олес, подбежав к остальным. – Матерью клянусь, Атар! Жемчужный Дворец в Шадтаге! Я там бывал, да ни с чем этот дворец не путаешь! И если б один дворец! Нос к носу столкнулся с Пастегом Третьим – вылитый, совсем такой, как на портретах. Он здесь, за стеной, живой, принимает послов – вроде бы вильнурцев... А ведь Пастег умер сто с чем-то лет назад!

– Да, Пастег умер, – утрюмо подтвердил Рошаль. – Зарезала любимая дочь – в отместку за то, что против ее согласия выдал замуж за бадрагского принца...

«Ну? И что это означает? – думал Сварог, вновь ведя отряд за тихим серебряным звоном колокольчика. – Картинки прошлого? Откуда и зачем? Или Олес что-то напутал?»

Со вторым этажом повторилась та же история: колокольчик зазвенел громко и часто, когда неизвестный поводырь вывел их к винтовой лестнице, а лестница привела на третий, считая сверху, этаж.

Третий этаж отличался от первых двух. Не только тем, что на мозаичный пол ушли камни цвета сосновой смолы и спелой вишни, да и выложенный ими рисунок был иной – сложный узор из иероглифов, лепестков пламени и

звезд... Сразу от последней ступени лестницы начинался пятикаймовой ширины коридор, по обе стороны которого мехами гармошки протянулись знакомые уже выходы к иным мирам. Коридор начинался от лестницы и упирался в камень высотой в два человеческих роста, суживающийся кверху. Форма камня в точности совпадала с формой Ключа, и смотрел он в коридор точь-в-точь такой же шлифованной гранью, как у Ключа, гранью точь-в-точь такого же стального отлива и тоже мутной. При таких совпадениях неоткуда было взяться сомнениям. Камень, часть которого сжимает в ладони Сварог, – это и есть искомая Дверь.

Дверь.

Дорогу до Двери Сварог ощущал, как проход по космодрому от автобуса к люку ракеты. Волнует, прах побери, пугает и щемит.

Когда до цели оставалось шагов пять, Сварог увидел, что сквозь мутную серость лицевой грани проступают очертания. Степь, выжженная солнцем земля, никакой растительности... Все, как рассказывал Вало.

– Граф!..

Сзади вдруг раздался придушенный хрип.

Сварог резко обернулся.

Олес катался по полу, выгибаясь дугой, пытался разодрать на груди комбез дамургов. Чуба стояла рядом на коленях, помогала князю, рвала ногтями черную ткань, быстро покрывающуюся складками. Рошаль, хрипя, оседал, запустив пальцы за ворот.

Сварог бросился к ним... и – уловил движение за спиной. Повернулся, выхватывая из-за пояса шаур.

Из просветов, за которыми таились миры-иллюзии, вышли мастер Вало и несколько человек в лиловых одеждах слуг дамургов, с «ключами» наперевес – теми самыми, которыми был вооружен отряд варгов, попавших в плен сумасшедшего компьютера.

– Выходит, вы сняли риксу. Что ж, умно, – приветливо сказал предводитель дамургов. – Примите похвалу вашей предусмотрительности. Мне нравятся сильные противники. – Перед ним по мозаике пола проворно полз длинный, толщиной в телефонный кабель... змея – не змея, шланг – не шланг... прут, да, прут, один конец которого нащупывал дорогу, другой обмотал запястье руки Вало. Живая плеть, мать ее, еще одно оружие дамургов.

Дьявол, все-таки костюмы этих гадов оказались с подлой начинкой! Удушающей!

– Чуба, стой на месте! – крикнул Сварог, не поворачивая головы, – услышал скрип мутирующих костей и понял, что волк сейчас ринется рвать врагов в клочья.

Стрелять из катрала бессмысленно, сволочной Вало наверняка подготовился к такому повороту, шаур, может, и достанет, но Рошалья с Олесом этим не спасешь, задохнутся!

Оставалось только одно...

Сварог опустил на колено, коснулся Ключом пола и занес над ним ногу.

– Вот и кранты вашей Цели, Вало! – сказал он. – Скоренько освобождайте моих друзей. Ну! – и вдруг рявкнул во всю глотку: – Раздавлю в крошево к чертям свинячьим, ну!!!

Сварог опустил носок сапога ниже. Еще чуть-чуть – и нога наступит на во-

жделенный Ключ.

Он не знал, насколько прочен треугольный камень, но ведь и Вало этого не знал! Однако Сварог готов был идти до конца, и Вало не может этого не испытать.

– Слушайте, это же глупо... – Из голоса предводителя дамургов куда-то пропал самоуверенный тон.

– Быстро! – приказал Сварог. – Считаю до двух. Раз...

Нет, такого, чтобы Ключ, мечту о котором дамурги и прочие варги тысячами передавали от поколения к поколению, хрустнув, пропал для всех, пропал без пользы, пропал на глазах в одном шаге от Цели, – такого Вало вынести не мог.

– Все, все, – главный дамург поднял свободную руку, – оглянитесь. Я отпустил их. Риксы перестали сжиматься.

Сварог быстро обернулся. Да, не соврал. Оба, и Рошаль и Олес перестали извиваться в агонии и рвать на себе одежду – они устало поднимались с пола, тяжело дыша и кашляя.

– Ну что вы за человек, а? – огорченно покачал головой Вало. – Зачем вам эти... На вашу-то жизнь никто не покушается! Хотя вы и хотели обмануть меня, мастер Сварог. Забрали Ключ и пытались воспользоваться им сами.

– Неужели вы сдержали бы условия договора? – Сварог поднялся с колена, но в любой момент готов был восстановить позицию.

– Скажу больше: я готов выполнить свою часть договора – даже после того, что произошло. Мне, признаться, все равно, кто будет править этими людишками на Граматаре. – Вало передернул плечами. – Так что почему бы не сделать вас царем царей. Получите все, что я вам обещал. Вы отдаете мне Ключ...

– А вы меня убиваете, а заодно и моих спутников, – закончил мысль Сварог.

– Бросьте, – поморщился Вало. – Зачем мне ваша жизнь, а тем более жизнь ваших... спутников.

– А не вы ли только что собирались нас убить?

– Чтобы наказать заслушивание. Ведь будь я более доверчив, не знай я досконально человеческую породу, сидел бы сейчас в Древе, ждал бы вашего возвращения.

– Моего? – ехидно переспросил Сварог.

Оправившиеся Рошаль и Олес подошли к капитану, встали рядом, – со шпагами наголо. Чуба, докончив все-таки, несмотря на окрик Сварога, обращение, мягко вышла вперед. Прижав уши к голове, гуап обнажил могучие клыки в оскале и тихонько так, по-кошачьи, урчал. Слуги Вало явственно занервничали – им впервой приходилось столкнуться с оборотнем.

– И вашего тоже, – вздохнул мастер Вало. – Мне все равно, от кого я получу Ключ... Да поймите же вы наконец, я обязан был подстраховаться... А где Кана, кстати?

– Наверху, связанная, вас ждет.

– Связанная, наверху... – задумчиво проговорил Вало. – Значит, она попыталась завладеть Ключом и ей это не удалось. Она раскрыла себя?

– А вы, выходит, знали, кто она? – усмехнулся Сварог.

– Ну вот, вы и сами убедились, что нас окружают враги. Кому тут можно доверять? Разумеется, я подозревал, что Кана ведет двойную игру. И использовал ее вслепую. Мне необходимо было убедить через нее варгов, что ваш от-

ряд – единственный, кого мы послали за Ключом. Это развязывало руки остальным.

– Ну так ваша приманка сработала. Варги шли по нашим следам. Их, кстати, это и погубило – они слишком уж педантично следовали за нами. И забрались туда, откуда выйти уже не смогли... Остальные, вы сказали? Так их было несколько?

– Да, несколько тагортов. Лично моих тагортов, о существовании которых знал только я, и один даже наделенный знаниями Древней Магии... Значит, удалось не им, а вам...

Вот такой спокойный разговор вдруг пошел у Сварога и Вало. Они заполняли пустующие клетки, словно подводя итоги своему пребыванию здесь. Только кому суждено уйти, кому остаться?

– А если бы я все же двинулся к Древу? – спросил Сварог. – Признаться, туда я и направлялся, да вот ваша Кана несколько спутала карты.

– Вас с Ключом или Ключ без вас верные мне слуги все равно доставили бы сюда. Самое разумное, согласитесь, поджидать возле Двери. В любом случае тот, кто завладеет Ключом, рано или поздно явился бы сюда.

– А вы не боитесь, что дамурги проиграют битву? – спросил Сварог.

– Битву? – удивленно вскинул брови Вало. – Какую битву?

– Наверху идет бой.

– А! – рассмеялся дамург. – Варги все-таки напали... идиоты. Не думал, что они решатся...

На мгновение лицо Вало омрачилось каким-то неприятным раздумьем, потом он тряхнул головой.

– Так чего же вы хотите, мастер Сварог?

– Я хочу пропустить вас к выходу из Бездонного Дома, – предельно правдиво ответил Сварог.

– И самому воспользоваться Ключом? – Вало натужно хохотнул. – Это же безумие, граф! Что вы станете делать там?!

Он показал большим пальцем себе за спину.

– В безводной, безжизненной степи? Вы же не готовы! Вы погибнете сразу или, что для вас еще хуже, не сразу, будете умирать мучительно. И погубите своих людей, за жизнь которых столь похвально беспокоитесь.

Ага, Вало хочет посеять раздор среди экипажа. Ну уж что-что, а это у мастера демагога не пройдет.

– Вы же не жили мечтой об уходе. Вы жили мыслями об этом мире, о том, чтобы возвыситься здесь. Ну так и воплощайте свою мечту! Становитесь королем Граматара, проживайте оставшиеся годы в роскоши, в обожании подданных. Вы сможете осуществить любую свою прихоть, вы это понимаете? Абсолютная власть! Что вам еще надо?!

Самое печальное, что он несколько не лгал.

– Мне надо, чтобы вы, мастер Вало, покинули Бездонный Дом, – сказал Сварог.

– Хорошо, – Вало устало провел ладонью по лицу, – хорошо... Если вы хотите уйти, то давайте уйдем вместе. Давайте я отправлю своих людей за остальными дамургами на Древо, там уже собрано все необходимое для переселения. Древо вот-вот подойдет к Бездонному Дому, и мы все вместе уйдем за Дверь... Согласны?

– И вы не боитесь, что ваших гонцов на Древо перехватят варги? – удивился Сварог.

– Не перехватят. Никаких гонцов не будет. Просто пошлют с вершины этого Дома условный сигнал – есть способ... Не в этом дело, мастер Сварог. Вы согласны или нет?

– Я б ушел вместе, – вздохнул Сварог, – но когда-то я пообещал мастеру Ксави, что не прощу дамургам гибель большей части экипажа «Серебряного удара» и гибель женщины по имени Клади. Вы не жалели моих людей ради вашей Цели. Теперь пришла моя очередь. Чтобы восстановить справедливость.

– Как вы ее понимаете...

– Как я ее понимаю.

– Безвыходная ситуация, – от отчаяния Вало тряхнул своей плетью, пустив по ней волну. – Вы не отдаете мне Ключ, я не пускаю вас к Двери. Блестяще! Просто великолепно... И как нам быть? Сколько это будет продолжаться?

Мастеру Вало не хотелось драться, потому что он боялся за свою жизнь. Лоб покрылся морщинами – он лихорадочно искал обходные пути. Сварогу тоже не хотелось драться, потому что без потерь будет не обойтись, но и он не видел другого выхода. Вало прав: типичный, тривиальнейший пат.

– Давайте выставим поединщиков, – без особой надежды предложил Вало.

– Еще монетку предложите кинуть, – Сварог покачал головой. – Не годится. Хотя... Идея поединка само по себе не плоха. Если поединщиками будем я и вы. Решим наш спор между собой. По-ковбойски, так сказать.

– Послушайте, – почти взмолился Вало, – ведь вы же разумный человек...

Яркое искрящее сияние заставило Вало и его людей обернуться, а Сварога и его людей поднять головы.

Из шлифованной грани треугольного камня с проступающими сквозь нее контурами степи просунулась гигантская голова ящера на длинной чешуйчатой шее. Звякнули, коснувшись пола, когти на массивных, как пни вековых дубов, лапах. Туловище, покрытое искрящейся серебристой чешуей, заполнило собой все пространство между людьми и Дверью. Но оставленного места дракону было мало, и задняя часть его туловища, а также крылья, задние лапы и хвост остались *там*, за Дверью.

– Рихар... – услышал Сварог восхищенный выдох Олеса.

Вало и его люди инстинктивно сделали шаг назад. Они не пытались скрыться в картинках миров, вид бесшумно наплывшей *оттуда*, нависшей над ними громадины парализовал их, приковал к месту.

Сварог тоже остался на месте – ни единый, даже самый слабый звоночек не указал на опасность.

Может быть, никто из них не двинулся по другой причине – потому что остановилось само время. Откуда-то нахлынуло такое ощущение...

А следом за драконом, пройдя как бы *сквозь* него, из Двери вышла Клади.

– Bravo. Мои поздравления, граф, – сказал дракон глубоким, чуть хриплым голосом, но таким громким, что, казалось, дрогнули сами стены зиккурата. И Сварог узнал его, узнал этот голос. Именно его он и слышал, когда валялся без памяти после обстрела броненосца зелеными соплями. – Вы таки добрались сюда...

Сварог молчал. Он смотрел на Клади. Клади смотрела на него и улыбалась, немного смущенно.

– Наконец я вижу вас в замешательстве... – Дракон оскалился, что запросто могло сойти за усмешку – совсем как у довольной собаки, и между треугольниками ослепительно белых зубов мелькнул ослепительно алый раздвоенный язык. Его дыхание нельзя было назвать зловонным – пахло скорее медициной. – Мне удалось удивить вас, граф?

Сварог с трудом оторвал взгляд от Клады и посмотрел на дракона. На рихара. Дракон, совсем по-лошадиному, чуть повернул голову, и на Сварога уставился выпуклый блестящий глаз размером с суповую тарелку, Сварог разглядел свое искаженное отражение – как в кривом зеркале.

– Ну? – устало спросил он. Удивляться сил уже не было. – А ты кто такой?

– Люди называют нас рихарами и считают нас мифом, – услужливо ответил дракон. – Но, как вы видите, мы несколько больше, чем миф.

Каким манером он разговаривал, Сварог так и не понял. Дракон продолжал усмехаться, однако слова, почему-то без участия губ и языка, исходили явно оттуда – из чрева прекрасного в своей чудовищности, в своей *нечеловечности* существа.

– Здравствуй, – сказала Клади.

– А ты кто? – спросил Сварог.

– Я Клади, помнишь еще? – слабо улыбнулась она.

В воздухе коротко просвистело – и плеть Вало щелкнула по шее рихара. Дракон лениво повернул голову и посмотрел на взбешенного предводителя островитян.

– Вам что-то надо от меня, мастер Вало?

– Прочь с дороги! – рявкнул Вало и вторично замахнулся кнутом. – Рихар ты или не рихар, да хоть сам Ловьяд! Ключ мой!

Кнут опять беспомощно ударил по телу дракона.

– И опять же – интересная ситуация, – невозмутимо сказал рихар. – Итак, теперь все в сборе, как мы и предполагали... Двое претендентов на обладание Ключом, на право выхода на Тропу... Кому же отдать предпочтение, а? За вас, граф, было замолвлено словечко, – а вы, мастер Вало, столько лет готовились к этому моменту... Обычно мы не вмешиваемся в дела людей, однако сейчас случай неординарный. И его исход может повлиять на мировые линии... Что ж, мастер Сварог, теперь вы видите картину *этого* мира целиком. Теперь вы понимаете?

– Что именно?

Сварогу смертельно надоели все эти «интересные ситуации». Он переступил с ноги на ногу, оглянулся на своих спутников. Спутники смотрели на рихара, ожившую легенду, раскрыв рты.

– Что представляет из себя Димерея, – ответил дракон. Махнул исполинской башкой и прикрыл глаза матовой мембраной. – И все миры в целом. Что над каждой властью есть своя *власть*. Что нет никакой пустыни там, за Дверью, – там есть *миры*, похожие друг на друга, как отражение в зеркале. И что *здесь* в Дверь могут войти только те, кто *вместе*. Понимаете?.. Впрочем, сейчас это не важно. Некогда, когда вы только-только покинули *прошлый* континент, мы предлагали вам вернуться на Талар – при определенных условиях. Теперь же нам стало понятно, что условия эти, как говорится, погоды не делают. И положение вещей не изменят. И теперь остается одно: решить, кто пройдет в Дверь – мастер Вало или мастер Сварог.

– Так, погодите. – Вало опустил бесполезный кнут. Он снова был собран и внимателен, снова прокручивал в уме варианты. – Пойдите, кто бы вы там ни были. Ключ принадлежит мне. Это я добыл его...

– Ключ принес граф Сварог.

– С моей помощью! По моему... по моей просьбе!

– Это не важно. Кому из вас входить в Дверь – вот в чем вопрос... – Глаза рихара открылись. – Двоим вам там делать нечего. Вы настолько *разные*, что Дверь пропустит только одного из вас. А другого – лишь через пятьсот лет...

– Я – старший дамург, – очень спокойно сказал Вало, – я готовил уход сто семнадцать лет. Мои люди ждут, когда откроется Дверь, они верят мне. Идти должен я.

– Вы с самого начала ошибались, – мягко сказал дракон. – Вам не найти вашу пустыню. Вы заблудитесь среди Иномирья... Впрочем, и вы, граф, вряд ли отыщете дорогу *домой*, если, конечно, не... – Он пошевелился, и по сверкающей чешуе побежали радужные волны. – Вы что-то говорили про поединок, граф? Да будет так. Мы приняли решение.

И Сварог провалился во тьму.

Глава восемнадцатая Исход

... Где-то очень, очень далеко играл клавесин. Мелодия исполнялась с легкой поволокой грусти – мелодия ранней осени.

А вокруг медленно, как снег в тихую погоду, падали камни. Самой разной величины. От размеров с кулак и даже мельче до вполне приличных валунов... нет, попадались и еще крупнее – вон вдали опускается каменюга вообще астероидных размеров. Но и огромные камни – Сварог попробовал – можно легко отбросить рукой.

Каменный снег шел нескончаемо, местами густой, местами редкий. Камни падали по всей Вселенной, падали на фоне беззвездной ночи, на фоне не знающей ни дня, ни ночи мглы. Но чтобы *видеть*, «кошачий глаз» не требовался. Сварог парил в воздухе, управляющая камнепадом сила вниз его не увлекала. Граф Гэйр мог свободно летать меж «снежинок». Правда, чтобы полететь... да нет, чтобы просто сдвинуться с места, необходимо было оттолкнуться от одного из этих камней. Поток – вот первое, что пришло Сварогу в голову, но очень скоро он понял, что никакой это не Поток. Где звезды, где, скажите на милость, движение? Взглянул вверх и убедился, что прав. Ему удалось отчетливо разглядеть высоко-высоко над головой воронку, из которой вылетали камни и потом уже разлетались в разные стороны.

Это что-то напоминало...

Что-то до боли знакомое...

Ну разумеется! Песочные часы! Как песок, что перетекает из верхней колбы в нижнюю, откуда-то высыпались камни.

Оказавшись в этом, мягко говоря, странном месте, Сварог обнаружил на себе доспехи. И сие его ничуть не удивило. Сварог осмотрел себя. Нагрудник в виде выгнутых пластин, чашки наплечников, налокотники с короткими острыми шипами, пластины, прикрывающие бедра и голени, наколенники, остроконечные сапоги – все из легкого прочного металла, все начищено до зеркального блеска. Все идеально подогнано под фигуру неизвестными мастерами, словно у них было полно времени примерять, переделывать, подправ-

лять... Впрочем, как понял Сварог, у обитателей зиккурата свои, особые отношения со временем, так что здесь возможно все. Голову и шею защищал шлем из чешуйчатой кольчуги, из такой же кольчуги были сделаны перчатки. Лицо закрывала тончайшая, тоньше паутины, крупноячеистая сетка. Сварог дотронулся до нее – проволока обладала прямо-таки титановой жесткостью.

А вот оружия не выдали. Более того: шаур и катрал отсутствовали. Стало быть, секунданты уравнили шансы сторон.

Не приходилось сомневаться: где-то здесь находится и Вало. Их не сразу свели в поединке, им давали время привыкнуть, освоиться.

И Сварог начал привыкать, начал осваиваться. Оттолкнулся ногами от проплывавшей мимо каменюги, похожей на надгробную плиту. Плита полетела в одну сторону, Сварог – в другую. Камень столкнулся со вторым камнем, размером с доброго коника, сбил его с траектории, направил новой дорогой, на новые столкновения. А Сварог, получив начальное ускорение, схватил случившийся по пути булыжник, бросил его от себя и, тем самым, еще добавил скорости. Что ж, неплохо придумано, так можно разогнаться и до свиста в ушах – если это зачем-то понадобится...

Невдалеке он заметил монолит величиной с пьедестал Медного всадника и скорректировал свой полет в его сторону. Добравшись до намеченного камня, вцепился пальцами в выступ на его поверхности и остановил себя. Потом перебрался на спину валуна и попробовал встать на ноги. Получилось. Кроме того выяснилось, что он, стоя на камне, словно удерживаемый силой его притяжения, плывет вниз вместе с ним.

Итак, вырисовывались две стратегии предстоящей дуэли: во-первых, сойтись в ближнем бою и биться на руках, во-вторых, пользоваться камнями на расстоянии и вблизи.

Сварог не в первый раз огляделся и – на этот раз среди камней блеснул металл. Сварог направился в ту сторону.

Вало был в таких же, как Сварог, доспехах. И он тоже заметил противника. Они начали сближаться.

Судя по тому с какой решительностью главный дамург сокращал дистанцию, ему не терпелось добраться до вражьего горла и устранить последнее препятствие к Ключу. Прямо-таки торпедой летел навстречу мастер Вало.

Вдруг, словно испугавшись собственной решимости, он свернул в сторону, с силой толкнул средних размеров валун и вновь вышел на прямую, ведущую к Сварогу. Камень, направленный его рукой, ударился о другой камень, тот тоже врезался в какой-то булыжник. Дальше Сварог не смотрел.

И зря.

Мощный удар в спину швырнул графа Гэйра вперед, и на мгновение в глазах помутилось.

Этому сукину сыну на бильярде бы играть, королем кия стал бы. Как, собака, сумел просчитать, что куда полетит и обо что ударится?..

Сварог кувыркком в воздухе вернул себя в исходное положение и... И только и сумел что еще чуть отклониться.

Маневр был задуман мастером Вало великолепный. Сбить с позиции, вывести на мгновение-другое из ситуации, самому набрать скорость и, налетев, решить исход боя одним-двумя ударами. Вот такая вот простенькая комбинация «двоечка» – и она ему удалась... Ну, почти удалась.

Выдрессированная десантной службой реакция спасла Сварогу жизнь. Он все-таки чуть уклонился, и удар шипастым локтем, нацеленный в незащищенную доспехами шею, пришелся по прикрытой пластиной ключице. Поэтому Сварога всего лишь откинуло в сторону, но он остался и в живых, и в сознании.

Хитроумный мастер Вало не бросился добивать Сварога. Он опасался ближнего боя с физически более развитым соперником. Вало, толкаясь о встречные камни, стремительно разрывал дистанцию.

Где-то очень, очень далеко клавишин продолжал вести мелодию легкой осенней тоски. И под звуки прощания и неизъяснимой грусти Сварог кинулся в погоню за Вало.

Странная это была погоня. Два человека придавали ускорение своим закованным в сверкающую броню телам, отталкиваясь от бесконечных камней, и скользили меж ними под звуки старинного инструмента. Оба легко приняли правила чьей-то игры, так же легко приняли реальность этого фантастического места. Но сейчас каждого из них интересовало лишь одно – победа над соперником.

Вало, наверное, смог бы оторваться от Сварога на достаточную дистанцию и смог бы возобновить свои бильярдные комбинации, но он допускал ошибку – слишком часто оглядывался и отвлекался на выталкивание камней на встречу Сварогу.

И вот их разделяют считанные каймы, Сварог уже не сомневался, что через вздох-другой он настигнет Вало, когда дамург, развернувшись, двумя ногами запустил разделявший их камень в грудь графу Гэйру. Валун с овчарку величиной прервал разбег Сварога, оставив в нагруднике вмятину.

Видимо, мастеру Вало показалось, что противник ошеломлен таким поворотом их дуэли. И он решил развить успех. Схватил булыжник и ринулся в атаку.

Сварог подставил под размашистый удар локоть, булыжник выпал из разжавшихся пальцев и поплыл своим путем. А граф Гэйр ухватил мастера дамурга за плечи и вбил лобовую броню шлема в сетчатое забрало противника.

Сверху наплывало темное тело – каменище размером с космическую станцию. От удара сцепившихся тел эта плывущая скала стала медленно, словно с неохотой поворачиваться вдоль своей оси. Противники, скребя доспехами по неровностям монолита, душили друг друга.

Сквозь сетчатое забрало сверкали два горящих угля – раскаленные ненавистью глаза Вало. Пальцы у дамурга оказались на удивление сильными. Или это злорадие и отчаяние умножали его силы?

Противники, поворачивающиеся вместе со скалой, поочередно вбивали друг друга в ее каменное тело. И продолжали сдавливать незащищенные доспехами шеи.

У Сварога уже помутнело в глазах. Он костил себя последними словами, что ввязался в это состязание по удушению, как думалось, с более слабым противником. Ни хрена себе – слабый! Но переиграть невозможно. Придется побеждать по этим правилам...

Лар, защищенный магией, твою мать. Советский десант, блин, майор фигов. И даст себя придушить хрен знает где, в каком-то безвременье, украшенном дождем из булыжников, под занудное треньканье клавишина! Херня ка-

кая-то, как говаривал Пэвер...

Ярость не могла не вызвать впрыск адреналина в кровь. В пальцы, как резервные полки из засады, хлынули добавочные силы, последний натиск, яростный штурм, навал и...

И – Сварог почувствовал, что пальцы Вало отпустили его шею.

Тело в блестящих доспехах поплыло вниз со скоростью безжизненных камней.

Фу... Кретинская дуэль, подумал Сварог. Самый идиотский поединок в его жизни. И мастер Вало... Вряд ли он ждал от жизни такого дурацкого финала...

– ...Ваш спор разрешен, – прозвучал над графом Гэйром граммофонный голос.

Сварог нашел себя сидящим на уже знакомом мозаичном полу. Бравый экипаж – Рошаль, Чуба, Олес – стоял чуть поодаль, напряженный и внимательный. Он разминал шею и пытался отдышаться. Первое, что он увидел, подняв голову, – это была пасть дракона и скачущий между треугольных зубов красный раздвоенный язык.

– Ясный хрен, разрешен! Я знал, что маскап победит! – раздался громкий возглас Олеса. – Не могло быть иначе!

Сварог поднялся, обнаружив, что пропали доспехи, зато вернулись шаур и катрал. Над безжизненно распростертым телом мастера Вало склонились слуги в лиловых одеждах. Потом слуги посоветовались, подхватили хозяина и, то и дело испуганно оглядываясь, понесли к лестнице.

– Теперь это твое, – сказала Клади, подходя и протягивая Сварогу Ключ.

– Ты живая? Ты... Клади?

Сейчас Сварог безо всякого удивления принял бы и положительный, и отрицательные ответы.

– Я Клади, и я живая, – улыбаясь, ответила она голосом *той* Клади.

– А остальные? Кто утонул с тобой на броненосце, они тоже спаслись?..

– Они утонули, – помрачнела баронетта.

– Признаться, я мало что понимаю... Вообще ни хрена не понимаю, признаться, – резко сказал Сварог. – Тут курят, в этом Бездонном Доме?

– Можешь курить. Это не бездонный дом и не зиккурат, как ты его называл. И не Храм, как мы когда-то полагали. Мы называем это Зеркальной Осью Времени. Здесь, в мире Димереи, она отражается в виде здания, которое ты называешь зиккуратом... Ладно, будем называть это место так, как ты привык.

– Мы?..

Да, голосом и лицом *эта* Клади ничем не отличалась от *той*. Но сейчас говорила не *та* Клади, не ее слова, не ее интонации... Не ее глаза, в конце концов. Глаза у *той* были... живые. У нынешней же... Вот точно с таким сочувствием, под которым сами от себя маскируют презрением к несмышленьшам, иконы смотрят на людей.

– Я понимаю, что тебя должны нервировать любые упоминания о деревьях, но все же не могу избежать подобного сравнения... Представь себе некое дерево, чей ствол пронизывает мироздание и до каждого из сущих миров дотягиваются его ветви. Оно создано для того, чтобы сохранить каждое мгновение, перестающее быть настоящим и проваливающееся в прошлое, – сохранить хотя бы в отражениях. Ничто не должно безвозвратно утрачиваться.

«Неужели она могла так искусно притворяться? С первого дня знакомства?»

И она все знала наперед?» – думал Сварог, подавляя в себе нарастающее раздражение. Он чувствовал себя обманутым.

– Зиккурат, – говорила Клади, – состоит из ярусов, или Шагов. Каждый Шаг – глубиной в век. А мы – Хранители Храма.

– И сколько здесь этажей? – Сварог воспользовался разрешением и закурил. Пальцы дрожали.

Клади снова улыбнулась.

– А у времени есть начало?

– Понятно. – Сварог еле сдержался от резкостей, он уже из последних нервов переносил эту ее новую, снисходительную манеру разговора. – И ты тоже – Хранитель?

– Теперь я Хранитель.

– С какого же времени? – спросил он.

– С того времени, как поняла это.

– И когда ты поняла это? – спросил он.

Она не успела ответить – вмешался дракон:

– Мастер Сварог, позвольте мне кое-что объяснить. Я – Старший Хранитель. Люди зовут нашу расу рихарами – волей обстоятельств и нашим собственным выбором когда-то давным-давно мы стали Старшими Хранителями. С некоторых пор в Младшие Хранители мы берем людей... Нет, неверно сказано: «берем». Будущего Хранителя избирает Жребий. Раз в пятьсот лет. Раз в пятьсот лет на смену одному Младшему Хранителю должен прийти другой.

– Раз в пятьсот лет? – вырвался у Рошаля вопрос.

– Да, вы правильно установили взаимосвязь, – дракон чуть наклонил свою огромную голову. – Раз в полтысячи лет на планету приходит Тьма. И Приход Тьмы вынуждает Младшего Хранителя в мире Димерея отойти в иной мир. Тогда Великий Жребий Времени выбирает нового Хранителя. Это должен быть ребенок, родившийся в год первого предзнаменования Прихода Тьмы, в день Закрытой Луны, в час Осы. Хранитель отмечается при рождении Живым Знаком Хранителя. После Прихода Тьмы Знак раскрывается, и человек узнает тайну своего рождения и предназначения.

– Это выглядит как родинка на левой груди, – не опуская глаз сказала Клади.

Да, Сварог помнил эту родинку...

– Родинка исчезла, а вместо нее в меня вошло Знание, – тихонько продолжала Клади. – Это было похоже на пробуждение после сна... Знаешь, бывают такие сны, которые принимаешь за явь. Но потом ты просыпаешься, ночные видения отступают все дальше, и ты понимаешь: все что было с тобой до того – сон, а настоящая жизнь только начинается.

– Когда же именно ты... пробудилась? – спросил Сварог.

– Это случилось после боя с гидернийскими броненосцами – когда «Удар» направлялся к зиккурату.

– Ты тогда знала, что случится? Что «Серебряный удар»... утонет?

Клади кивнула.

– Я ничего не могла изменить. Я уже стала Хранителем, мне открылось полное Знание. А Хранители не имеют право вмешиваться в жизнь людей.

– Да? – Сварог отбросил окурок. – Разлетелись по мозаичному полу алые искры. – Если мне не изменяет память, вы давеча вмешались в наш с мастером

Вало частный спор...

– Здесь управляем мы. Мы вправе вмешаться, если сочтем вмешательство необходимым, – опять взял слово дракон (он же рихар). – Мы никого не приглашаем к нам, но если к нам приходят, то оказываются на территории наших законов. В этот раз мы вмешались, чтобы спасти жизни людей, которым еще не время умирать. Посмотрите, что было бы, не вмешайся мы...

Между драконом и Сварогом возникло что-то вроде прозрачной пленки, и на ней появилось изображение. Сварог узнал себя и своих спутников, перед которыми стоял Вало, сжимая живую плеть.

– Если поединщиками будем я и вы. Решим наш спор между собой, – говорил Сварог на экране.

– Послушайте, – почти взмолился Вало, – ведь вы же разумный человек...

Далее должен был из Двери показаться дракон. Но – нет. Вместо этого опять зазвучал голос главного дамурга:

– Вы должны понимать, что такое взаимовыгода и вынужденный компромисс. Я вынужден признать, что без вас мне не открыть Дверь. Но и вы признайте, что без моей помощи вы не сумеете остаться живым в непригодном для жизни месте.

– Вы плохо знаете людей, потому что никогда не интересовались никем кроме себя. Люди руководствуются в своих поступках не только соображениями голой выгоды, мастер Вало. Есть еще некая материя, именуемая чувствами. Чувство ненависти, чувство...

Но Вало не дал Сварогу договорить. Его плеть вылетела вперед, распрямляясь, и вытягиваясь копьём. Плеть нацеливалась тонким и острым, как спица, наконечником пробить графу Гэйру сердце. Однако Сварога и его сердца на месте не оказалось – Сварог отпрыгнул, упал, в падении нажимая на курок шаура. Серебряная звездочка стукнулась о грудь мастера Вало и отскочила, не принеся вреда. Прочна ткань его одежды, вот почему дамург без боязни выходил под шаур...

Сварог, более не тратя бесценных мгновений на стрельбу, рванул к мастеру Вало. Навстречу ему, конечно, бросились слуги в лиловых одеждах. Одновременно ринулись в бой Олес, Чуба, Рошаль.

Сварог понимал, что живая плеть должна догнать его. Поэтому, перехватив руку с кинжалом и вывернув ее, граф Гэйр развернул слугу спиной навстречу ветви-копью. И точно – в спину, прикрытую лиловой тканью, вонзился растительный наконечник. Сварог отбросил от себя труп, в прыжке ногой достал в голову еще одного слугу – и оказался перед главным дамургом.

Сварог, тот, что наблюдал за происходящим на экране, увидел, как выдернулась из спины слуги плеть, как она разворачивается острым жалом на него, экранного. Какой-то миг – и жало вопьется уже в спину графа Гэйра...

Сварог наблюдающий испытывал странное ощущение – противоположное раздвоению личности. Ощущение слияния с собственным отражением, будто все происходит вновь на самом деле.

Сварог экранный успел. У него в распоряжении оставался всего удар. Одним ударом он должен был решить исход схватки, иначе – хана. И Сварог сделал это. Резким и точным выпадом костяшками кулака он сокрушил кадык главного дамурга. Вало, как-то сразу же обмякнув, завалился на спину, а живая плеть упала на пол простой веревкой.

Схватка длилась секунды. Изнутри – ох как хорошо Сварог это знал – бой кажется в стократ длиннее...

Схватка завершилась. Ее итог Сварог видел на экране. Рошаль сидел на полу, морщась, держался за поврежденное плечо. Слуги Вало были мертвы. Из груди Олеса торчала рукоять кинжала, рядом бился в предсмертной агонии волк Чуба-Ху...

Экран погас. Люди молчали.

– Наше вмешательство не повлияло на исход, но сохранило человеческие жизни, – сказал рихар. – Правда, для некоторых из вас это кое-что изменило. Двое из вас – те, чью смерть мы отразили, – не смогут покинуть этот мир. Если они пройдут сквозь Дверь, то их жизни останутся здесь.

– Ничего себе дела! – потрясенно воскликнул князь. – А нельзя что-нибудь еще сделать?

– Можно, – неожиданно сказал дракон. – В вас, мастер князь, течет кровь древней расы, населявшей Димерею задолго до распада единого материка, за долго до первого Прихода Тьмы. Мы можем отвести вас по ступеням зиккурата в счастливые времена расцвета той древней цивилизации.

– К мертвякам, что ли? – скривился Олес.

Дракон издал странный звук, похожий на отрывистый смешок.

– Представьте себе, что вы смотрите в зеркало, князь, и вдруг вы и ваше отражение неожиданно меняетесь местами. Уверяю вас, вы не почувствуете перемены. Вы понимаете, о чем я?

– Не очень-то, – признался Олес.

– Мы не знаем, куда отправляется человек после смерти, в какой мир переселяется его душа, а в какой – его телесная оболочка. Мы сберегаем отражения прожитого в *этом* мире. Идя к Двери, вы проходили сквозь них, для вас они представляли всего лишь картинками. Но мы можем впустить вас в отражения, и вы не почувствуете, что пребываете в мире отраженном, потому что, в сущности, разницы нет никакой. Разве, – опять драконий смешок, – левая рука станет правой, а правая – левой.

– Вроде что-то понимаю... – Олес запустил пятерню в волосы. – То есть у меня имеется маленький, но выбор. Или вернуться на поверхность, или отправиться к предкам в отражения ушедших веков. Эхе-хе... – Князь повернулся к женщине, что стояла рядом с ним. – Что скажешь, Чуба?

– Решай, – просто сказала Чуба-Ху. – Я с тобой.

– А что будет с капитаном?

– То, что предопределено, – сказал дракон.

– Исчерпывающе. А... а она может отправиться со мной к моим предкам? – Олес взял женщину-оборотня за руку.

– Если она выкажет такое желание, – дракон, словно от усталости, прикрыл глаза. – И желательно вам поторопиться с раздумьями.

– Ладно, – решительно сказал Олес. – У меня здесь не осталось ни родных, ни княжества, ни даже родного материка – к тому же охота взглянуть, как жили люди до Тьмы... Тем более, вы говорите, расцвет там, процветание... Еще и предков своих отыщу...

Мигом повзрослевший князь решительно шагнул к Сварогу. Протянул руку.

– Прощайте, мастер граф. Я многим вам обязан. Если бы не вы... Я не знаю,

что еще сказать, как выразить...

– Счастья, князь. – Сварог пожал ему руку. – В конце концов, не в том дело, когда жить, а в том, что... Да ладно. Прощай, гуап Чуба-Ху. Я знаю: все у вас будет хорошо.

– Не забывайте меня, мастер Рошаль. Нет, все-таки правильный выбор я делаю, хотя бы от вас, охранитель, отдохну в иных веках, – с этими словами Олес пожал руку Рошалю.

– Удачи, – сухо попрощался Гор Рошаль.

Олес поклонился Клади.

– Мы готовы, – Олес посмотрел на дракона.

– В путь, – произнес рихар.

И тот же миг Олес и Чуба-Ху словно бы растаяли.

И снова между драконом и Сварогом появился экран. На нем высветилась широкая мощенная белыми плитами дорога, по которой шли, держась за руки, мужчина и женщина в просторных белых одеждах. Олес и Чуба. Они двигались в направлении города, очень похожего на атарский Старый Город, но только во много раз больше. Мужчину и женщину обгоняли напоминающие раковины повозки, запряженные изящными лошадьми вороной масти.

Отчего-то Сварогу стало грустно.

– Вам тоже пора, – сказал дракон, убрав экран.

– Ты, разумеется, не можешь сказать, что меня ждет там, за Дверью? – Сварог смотрел на Кладу.

– Я этого не знаю. И Старший Хранитель этого не знает... Но ты можешь остаться здесь.

Сварог помолчал, а потом сказал:

– Нет. Пожалуй, пойду. Пожалуй, уже и в самом деле пора, не стоит затягивать прощание. Вы не передумали, Рошаль? – Сварог повернулся к охранителю. – Там, за Дверью, может быть чертовски опасно...

– Если б это было так, я бы вас тотчас уведомил, мастер граф, – с легким поклоном сказал Гор Рошаль. – Я готов выйти с вами в эту Дверь. Здесь мне делать нечего. Уже нечего...

– Тогда, – Сварог поднял руку и разжал ладонь, сжимавшую Ключ, – давайте выйдем.

– Счастливого пути, – сказал дракон. – Я уже больше вам не нужен. Может быть, когда-нибудь мы снова с вами встретимся, мастер Сварог. Время покажет.

И рихар отступил в Дверь. В коридоре третьего яруса зиккурата осталось трое, трое людей.

Сварог уже *видел*, как нужно пользоваться Ключом. Внизу, у самого пола, в шлифованной лицевой грани Двери имелась черная щербина. Конфигурация выбоины точно воспроизводила контур Ключа. Конечно, надо вставить на место утраченную часть большого камня под названием Ключ – ларчик и откроется. Что ж, спрашивать больше не о чем, осталось лишь попрощаться.

Той Кладу он бы знал, что сказать. Но перед ним сейчас стояла другая женщина. На ум ничего подходящего не приходило. Или напыщенная пафосная глупость, или общие слова. Он выдавил:

– Прощай, Клади. Может быть, когда-нибудь я вернусь. Ты же узнаешь об этом?

– Я узнаю об этом, – сказала женщина, что некогда была Клади, сделала шаг навстречу, приподнялась на цыпочки и легонько коснулась его щеки губами. – Прощай, и... Я буду думать о тебе. Я все время думала и думаю о тебе...

Последние слова несомненно произнесла *та* Клади, *его* Клади. Что-то встрепелось в Свароге, он понял, что должен и хочет ей сказать...

Но Клади рядом уже не было. Она пропала, словно растворившись, как минутами раньше Олес и Чуба.

Неизвестно сколько бы простоял Сварог в растерянности и задумчивости перед Дверью, но его вернул в деятельное состояние голос Рошала:

– Пойдемте, маскап. Даже если суждено погибнуть, то давайте покончим с этим делом побыстрей.

– Да, масграм, – судорожно вздохнул Сварог, как перед прыжком в ледяную воду. – Вы как всегда убедительны...

Он наклонился, сунул Ключ в предназначенную для него щель.

Дверь пошла зыбью, и там, в глубине в *бездне* заворочались какие-то тени, тяжело закружились бесплотные облака, началось кружение, течение – завораживающее, манящее, гипнотизирующее...

Что там? Поток? Древняя Дорога? Еще что-нибудь? Сварог прекрасно понимал, что за Дверью его может ждать и костлявая с косой – и ничего другого кроме нее. Шаг вперед – и смерть...

Но другого пути у него не было.

Что бы там ни произошло, подумал Сварог, дракон и женщина сохранят хотя бы мое отражение...

И они сделали шаг сквозь зеркало.

ГЛОССАРИЙ

Фрагмент из учебника истории Атар для обучающихся второй ступени, том шестой: «О примечательных людях, кланах, орденах и прочих сообществах, населявших Атар в период последнего Цикла, известных собранных и сортированных по заказу Фагорского Университета ученым сего заведения Красом Тахо, 68 год Нового Цикла, г. Домгаар, Фагор, Граматар».

Часть 16

О Блуждающих Островах

Когда-то люди, ныне называющие себя *дамургами* (см.), спасая себя от необходимости раз в пятьсот лет перебираться с гибнущего континента на всплывающий, пошли по пути генной инженерии...

Примерно три тысячи лет назад, как и полагается по димерейским физическим законам или, если угодно, по проклятию Димереи, материк Граматар в сопровождении извержений, землетрясений и прочих катаклизмов погрузился в океан. Однако на этот (единственный) раз не целиком: над поверхностью воды осталась макушка континента – пик самой высокой горной системы затонувшего Граматара. Из материка получился остров. Остров не то чтобы слишком большой и не то чтобы слишком пригодный для обитания, зато он находился рядом. Не надо перебираться через океан в поисках материка Атар, который, быть может, и не всплыл вовсе, который, быть может, всего лишь есть красивая легенда. А если даже не легенда, то поди доплыви до него це-

лым и невредимым, поди доведи жен, детей, скот, зерно и продукты. Океан, он ведь тоже готовится: готовит штили, мели, шторма, глубоководных чудовищ... да мало ли чем может океан встретить человеческую песчинку, осмеливающуюся бросить вызов его просторам! Лучше пусть будет плохая земля, но та земля, что ближе. Уж как-нибудь обиходим ее, засеем, засадим садами. Опять же рядом... да что там рядом! Под ногами, хоть и под водой, лежат бывшие наши, соседские, ну а теперь ничейные дома, замки, оружие, инструменты, драгоценности и вообще все то, что невозможно или что не успели погрузить на корабли. Лежат еще не тронутые ни временем, ни соленой водой. Можно просто нырять, закидывать неводы и шустрить баграми, можно придумать что-нибудь, как-нибудь исхитриться достать, добраться до них. И еще одно соображение двигало людьми, соображение для кого-то наиважнейшее, для кого-то пустячное: тот чудом оставленный над водой остров – клочок *родной*, своей земли.

Вот за эту самую родную землю разразилось морское сражение. Сражение, доселе невиданное по числу сошедшихся флотов, по пролитой крови, по ожесточению, с которым топили, брали на абордаж, резали и добивали друг друга недавние соседи по материку и даже недавние союзники в политике и торговле.

Думается, флота не сумели отплыть достаточно далеко, чтобы с марсов в подзорные трубы уже было бы не разглядеть землю в той стороне, где остался покинутый Граматар. Вид уцелевшей земли подвигнул нескольких правителей (точно неизвестно, но где-то пяти-шести государств) отдать приказ флотилиям разворачиваться и возвращаться. И уж тут никак не могло обойтись без кровопролития. На всех земли не хватит.

Корабли дырявили друг другу борта пушечными ядрами, забрасывали зажигательными бомбами и обстреливали стрелами, обмотанными горячей паклей. Корабли сходились в абордажах, шли на таран. Корабли горели, взрывались, тонули. Грузовые корабли, что сперва держались в отдалении, шли на подмогу своим соотчикам, если те уступали в сражении. Другие транспорты приставали к берегу, люди высаживались на остров, захватывали плацдармы. Сражение, понятное дело, очень скоро перекинулось и на землю.

Новые десанты выбивали с позиций тех, кто уже сумел кое-как окопаться. Окопавшиеся не ограничивались обороной, они совершали вылазку за вылазкой, не давая другим закрепиться за камнями, в ложбинах, на уступах и в расщелинах.

Ввязавшимся в бой отступить теперь уже было никак невозможно, не на пробитых же, не на покореженных же кораблях отправляться штурмовать океан. Ничего другого не оставалось, как воевать до победного. Лишь несколько кораблей ушли в океан, развернувшись кормой к Граматару. Впрочем, это были те немногие корабли, которые в стороне, в недосыгаемости орудий самого дальнего боя дожидались исхода сражения. Не стоит уточнять, кто украшал собою палубы и каюты этих осторожных судов. Монархи, монаршьи семьи до последнего троюродного племянника двоюродной жены, высокородная свита, самые откормленные и самые орденоносные из штабных военачальников и добрая дивизия слуг. В общем, лучшие и нужнейшие люди уплыли прочь из опасных, смерть несущих вод. И это в дальнейшем скажется на раскладе исторического пасьянса.

А на клочке Граматара, накрытом плотной дымовой завесой, все смешалось в кровавой мясорубке. Подчас только после гибели человека делалось возможным разглядеть, не своего ли земляка и единове́рца ты отправил в мир иной. С другой стороны, если ты не всадишь в наплывающий из дыма темный силуэт пулю, кинжал или стрелу, то, не ровен час, всадят в тебя.

Волны вышвыривали на береговые камни обломки мачт, палубные доски, обрывки парусов и трупы. Живые плыли к земле – куда ж еще? – выбирались на берег и сразу ввязывались в бойню, потому что от бойни спрятаться было просто негде. С уцелевших и продолжающих бой кораблей торопились высадить десанты – иначе пригодные к высадке участки могли взять под контроль обороняющиеся и потом просто не дать лодкам подойти к берегу.

Короче говоря, на море и на суше бились в тот день долго и кроваво. Может, одним днем не обошлись, даже наверняка не обошлись.

Но как силы не беспредельны, так и безумие не бесконечно. Наконец люди вымотались, устали от крови и трупов, которыми остров был завален настолько, что приходилось карабкаться по грудам из тел, чтобы добраться до противника. Постепенно начал брать верх здравый смысл. Люди перестали брэнчать сталью, попробовали разговаривать, стали договариваться, начали считать уцелевших, перебирать спасенное имущество.

Народам, участвовавшим в сражении, одинаково не повезло. В бойне уцелело если не поровну выходцев из разных государств, то численного преимущества, которое позволяло бы диктовать свои условия, ни один из народов не имел. По всему выходило, что придется жить сообща, что должна складываться новая раса, возникать новые монархические династии, а то и новая форма правления.

Выстроилась как раз новая форма правления. В общем-то, понятно почему. Никто не хотел давать полную власть выходцам из других государств, опасаясь (и, наверное, справедливо), что со временем может начаться геноцид одних народов другими. Требовалось правление на паритетных началах. Отсюда и пришли к такому органу управления как Совет, который с некоторой натяжкой можно поименовать парламентом.

Проблемы разноплеменности и власти были не единственными трудностями, с которыми столкнулись выжившие на камнях Граматара. Сделалось ясным, что вскоре придется кормиться исключительно одним морем. Запасы еды, перенесенные с кораблей на берег, были не безграничны. А на камнях не растут ни злаки, ни деревья. Также трудно было надеяться на прочность и долговечность домов, построенных из корабельного дерева. Строительный материал для новых домов, для более прочных и удобных домов взять было просто неоткуда.

Поэтому не приходится удивляться, что первый Совет попал под сильнейшее влияние некоего ученого, пообещавшего, что найдет выход из всех сложностей, оденет, обустроит, накормит от пуза, что, дескать, он был близок к величайшему открытию, но не сумел завершить работы из-за прихода Тьмы, теперь же, если ему не будут мешать, а наоборот, создадут все условия...

Вряд ли он был к чему-то близок накануне прихода Тьмы, наверное, просто лгал, чтобы попасть в Совет и заседать в тепле, а не зябнуть на ветру и не копать в грязи. Однако слишком много всего наобещал тот ученый и на слишком близком расстоянии оказался от тех, кто ему поверил, чтобы бездействие

и отсутствие результата сошли ему с рук. И, вдобавок, некуда ему было бежать от обманутых толп, а люди действительно отдавали ученому последнее, самое лучшее, доставляли тому все, что только он не пожелает, если это было, разумеется, в их силах. Спасти себя от расправы этот ученый мог лишь единственным способом – действительно что-то изобретя. Он вынужден был лихорадочно и старательно напрягать разум.

Мысль, подстегнутая страхом, подчас способна на чудеса. А если к этому добавляется страстное желание остаться при власти, при почете, удержать синекуру, сохранить влияние на принятие властных решений... В мозгу, разнеженном сладкой жизнью, обычно мысль течет вяло, редко кто может себя заставить поработать в полную силу, когда можно в это же самое время придаваться сибаритству, зато когда над тобой висит угроза...

Видимо, божья искра таланта сидела в том ученом муже, он сумел высечь ее об кремень страха, и полыхнуло пламя озарения.

От рождения ли того ученого звали Дамургом или позже так прозвали – не столь уж важно, но новая островная раса обязана своим именем ему.

Три тысячи лет назад, когда удался первый опыт по «приручению» растений (теперь неизвестно – какой именно: то ли удалось приспособить растения к морской воде, то ли невиданно ускорить их рост), никто не мог предугадать, к чему это в конечном итоге приведет, во что это выльется через сотни и тысячи лет. А привело к тому, что дамурги полностью подчинили флору, заставили растительный мир работать на себя. Они стали одними из правителей Океана. С приручения собак и лошадей началась новая эпоха для человека Димереи, с приручения растений тоже не могла не начаться новая эпоха...

Фрагменты из «Сказаний о боге Маскапе» (записано Альдо из рода Дарро, хронописцем провинции Фагора Клаустон, по указанию дожа Ассада, сына дожа Тольго в пятидесятый год от Прибытия)
Песнь вторая

Зачин 2, стих 4

И тому знаменье было. В небесах, объятых дымом и поджаренных пожаром всей земли той обреченной, вдруг сверкнул ярчайший луч. Как мечом рассек он небо, прорубая в черных сгустках дверь огромную из света, и серебряные ступени пробежали до земли. И сошел с небес на землю, и сошел в доспехах бога человек такой высокий, что его золотые кудри, развеваясь, задевали пики величайших гор.

2.5

И сказал он клаустонцам, что упали на колени и в мольбе простерли руки, он сказал: «Не бойтесь, люди, я принес благовую весть». Голос был подобен грому, а глаза его сияли, как алмазы из короны, а когда поднимет руку – зажигается звезда.

2.6

Он сказал: «Меня послал к вам – Тарос, бог тепла и света, бог добра и сострадания, и велел мне передать, чтобы шли через пожары, через горы и болота, не боялись ни чудовищ и ни тверди содроганья, ни людей со злобной мыслью,

шли на куз прямо к морю, там увидите корабль».

2.7

«Но дойдет туда не каждый, лишь прошедший жизнь достойно, тот, кто Тароса заветов никогда не нарушал. Перед ним отступят тучи, перед ним погаснет пламя, и послушны станут звери и утихнет злобный вихорь. Только он прибой услышит, сапоги омоет в море, и узрит он в тихой бухте тот корабль из серебра».

2.8

«Тот серебряный корабль высотой до поднебесья, шириною во всю бухту, со златыми якорями и совсем без парусов. Там вас встретит рыцарь добрый, Таросу слуга он верный, сильный, мудрый и отважный корабельный бог Маскап».

2.9

«И Маскап дорогу знает, по морям дороги знает, в Граматар дорогу знает, проведет он в Граматар. Заклинанием течений, заклинанием удачи, Таросом благословленный поведет корабль Маскап».

Песнь четвертая.

7.3

Злые силы сбились в тучу, над водою сбились в тучу, под водою закишели, и куда ты ни посмотришь – все черным-черно от них. Приготовились на битву, набежали отовсюду, налетели и приплыли, и случилось это сразу, как над морем, как над синим рог Ловьяда прозвучал.

7.4

Был там злобный кречет Сиу с головой ни льва, ни тигра, с головою ни собачьей, но с чужою головой. Были люди там – не люди, что живут, как рыбы в море, что кусают по-акульи и ныряют глубже ската, те, что дышат через жабры, кожа синяя у них. Был там бог морского горя, он же бог морского яда, он же бог трав плотоядных, наводнивших океаны, бог по имени Амург.

7.5

И сказал Маскап с улыбкой, злату бороду огладив, закурив волшебну трубку, посмотревши сверху вниз: «Вы не бойтесь, клаустонцы, не пугайтесь, не дрожите, с нами Тарос, с нами правда, с нами сила и удача, а за них лишь гидернийцы, а за них лишь злость и мрак».

7.6

«Дам я каждому мужчине меч сверкающий, как очи несравненной Кладиды, дочери морского бога, нам помощницы во всем. Дам я женщинам свирели, чтобы в гром могучей битвы их мелодия вонзалась, чтобы в муже или сыне зажигали силы дух».

7.7

И серебряный корабль он повел на черну тучу, он повел с веселой песней и с улыбкой на устах...

Александр Бушков

Пленник Короны (Сварог – 9)

Авторы стихов, использованных в романе: Э. Багрицкий, Э. Криге, П.-Ж. Беранже, Р. Альберти, И. Северянин.

...Так что общество должно выбирать, во что ему верить – в науку или же, например, в Аристотеля, Библию, астрологию или магию. В наше время из всех этих альтернатив общество выбрало в большинстве своем науку.

М. Полани, «Логика свободы»

...И как быть с тем меньшинством, которое выбора в пользу науки вообще не сделало?

Д. Антер, «Идеология и недовольство»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

Глава первая ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ

Поначалу было отвратительно. Потому как было мокро и холодно. И безлюдно – на тысячи лиг вокруг. Тоскливо и как-то безнадежно было, вот что.

Толковый словарь, созданный одним почтенным жителем далекого мира, слово «дверь» трактует так: «Проем, отверстие в стене для входа и выхода, а также створ для входа и выхода в это отверстие». Другой обитатель того же мира, но живший чуть позже и в большой истории имени своего, увы, не оставивший, придумал значительно более краткое (но и более хулиганское) определение «двери»: «Фиговина, которая, если с одной стороны, то “туда”, а если с другой – то “оттуда”».

Применительно же к данной ситуации, особой разницы между этими двумя толкованиями, откровенно говоря, не было, потому что в данной ситуации ни одно из них не являлось истинным – по крайней мере, для двух людей, которые вошли сквозь нечто, в одном из многочисленных миров имеющее название Дверь, и оказались по ту сторону ее, Двери. А ложность сих высказываний заключалась в том, что означенная «дверь-фиговина» оказалась исключительно «входом» (сиречь «оттуда»), и никаких признаков «выхода» (сиречь «туда») в округе не наблюдалось... Ну что тут поделать, коли сплошь и рядом именно так и происходит с межпространственными лазами – войдешь, бывало, с одной стороны, а дорогу назад можно искать до скончания веков...

Хотя на этот раз, судя по всему, дорогу обратно искать не придется. Потому что они никуда и не ушли.

Но – по порядку.

Некто Сварог, в бытность свою майор ВДВ, позднее – король, император и вседержец многочисленных земель мира под названием Талар, а ныне черт знает кто, и Гор Рошаль, бывший старший охранитель короны княжества Гаэдаро, позднее старпом на броненосце «Серебряный удар», а ныне черт знает

кто не меньший, проникли в Дверь между мирами и...

И ровным счетом ничего с ними не случилось. Не было ни Потоков, ни Древних Дорог, ни всевозможных Троп, не было и той дьявольской стежки, по которой Сварог некогда попал с Земли на Талар («Имя, назови мне свое имя!!!») – ровным счетом ничего интересного с двумя путешественниками не произошло.

И, что характерно, не происходило до сих пор.

После беседы с драконоподобным Старшим Хранителем Зеркальной Оси Времени они сделали шаг сквозь Дверь, шаг в клубящиеся серые облака, смутные тени и призрачное кружение – и тут же, без всяких переходов и спецэффектов почувствовали, что *падают*. А вокруг все так же безмятежно, как и пару часов назад, сиял день, под ними расстилался опостылевший океан, на пронзительно голубом небе по-прежнему ни облачка, воздух знакомо чист и солен. словно некая неведомая сила неведомым манером выдернула обоих из зиккурата, отнесла на несколько кабелотов в сторонку – и просто-напросто *отпустила*. В свободное падение. С высоты уардов в десять. Так что падать в воду, откровенно говоря, было невысоко, однако ж и малость неожиданно – сам Сварог, уже имевший некоторый опыт в путешествиях сквозь пространство и время, готов был к чему угодно, только не к банальному приводнению – признаться, несколько даже унижительному. Для короля-императора, по крайней мере. Тем более, что означенный король-император имел все основания полагать, будто их непременно должно закрутить в Потоке и, при неудачном раскладе, разметать по измерениям и иным вселенным...

Ничего этого не было. Петля замкнулась. С чего начали, тем и закончили – они вновь были на Димерее. Удар о холодную водную гладь, и вот двое не самых последних людей – в своих, разумеется, мирах – барахтаются посреди бескрайнего океана, и царит штиль, и лупит с голубых небес яркое солнышко, и вокруг, как уже говорилось, на тысячи лиг никого, кроме воды, солнца и легкого ветерка. Было бы смешно, господа, если б не было так грустно. Особливо если учесть, что один из этих *не последних* напрочь не умеет плавать, а другой, хоть и наделен способностью дышать под водой, однако... Однако что прикажете делать сему ихтиандру, в какую сторону плыть – направо, налево или, скажем, вниз? И что делать там, внизу, коли магия ларов не спасет от давления водяного столба, явления сугубо природного? Расплющит ведь, как камбалу... Хорошо хоть, Рошаль был в плотно обтягивающей риксе (личное спасибо дамургу Вало), а Сварог – лишь в трусах и майке. Будь они при камзолах, перевязях и прочих плащах с сапогами – утянуло бы под воду за милую душу, только булькнуть и успели бы...

Так что – смешно и грустно, милорды...

Человек с высшим образованием – и абсолютно голый стоит на площадке девятого этажа в центре Москвы. Не совсем так, но весьма в тему было сказано классиками про небезызвестного инженера Щукина. И Сварог ухмыльнулся, имея в виду превратности судьбы и зигзаги удачи.

– Весело вам, мастер граф, как я погляжу, – процедил Гор Рошаль.

– Да бросьте вы, – примирительно сказал Сварог. – Посмотрите на это дело с другой стороны. Знаете, у одного древнего народа под названием «индусы» есть мудрая пословица: «Сегодня мы живы – и в этом наше счастье»... Хотите еще бутербродик?

Рошаль раздраженно отвернулся и принялся созерцать горизонт. Буркнул:
– Надеюсь, акул тут нет...

Сварог пожал плечами и, мановением руки уничтожив остатки трапезы, прикурил.

А и в самом деле, если подумать, то могло быть хуже. Нет, конечно, кошки на душе скребли: подсознательно Сварог всерьез надеялся, что посредством Двери вернется на Талар... ну, в крайнем случае, перенесется в иной мир – любопытство ведь не порок, да и не всякому, знаете ли, выпадает возможность попутешествовать по вселенным... Что ж, на этот раз, выходит, не получилось. Ну так сыграем еще, пока мы кредитоспособны. Магия работает. Сигнализатор опасности молчит. «Третий глаз» проявлений злокозненного колдовства не обнаруживает. Шаур успокаивающе холодит грудь под майкой. Что еще надо простому человеку?.. Мистеру Робинзону, к примеру, повезло значительно меньше. А уж о простых жертвах кораблекрушений, вынужденных мотаться по морю в утлой шлюпке без еды и питья, и говорить не приходится.

...Минуло часа два с момента их бесславного возвращения, и пока все оставалось по-прежнему: море-акиян, полный штиль, безветрие, солнце и девственно чистый горизонт. Изменились разве что, так сказать, условия жизни пришельцев, и, позвольте заметить, далеко не в худшую сторону. Поддерживая над водой барахтающегося старшего охранителя, Сварог мигом смекнул, что в этой ситуации поможет только одно, и со всей возможной скоростью сотворил плот. Забросил на него тело Рошалья, забрался сам. В общем, отдышались, огляделись. Димерея, никаких сомнений... Плот получился не ахти какой – простая деревянная доска метра три на три, даже не ошкуренная – ну да в их положении привередничать не приходилось, держится на воде, и на том спасибо. Засим дрожащие благородные бароны малость обсохли на солнце, перекусили кофе с бутербродами (Гор Рошаль ел с таким аппетитом, будто жевал дохлую жабу). Пошарили взглядами по удручающе однообразному окружающему миру в поисках дыры, откуда они сюда вывалились. Разумеется, ничего не обнаружили – путь обратно, в зиккурат, посредством Двери им явно был заказан. Обсудили прочие возможности спасения. Вариантов оказалось такое количество, и один другого настолько гениальнее, что, спустя некоторое время, Сварог очнулся и решительно дискуссию пресек (под конец он уже открыл было рот, чтобы всерьез предложить мастеру охранителю лишить того веса и на магически созданной веревочке поднять повыше в небо, аки зонд, дабы Рошаль обзрел окрестности на предмет обнаружения зиккурата, или какого-нибудь Острова, или, в лучшем случае, Граматара. Но потом представил себе эту картинку, представил реакцию Рошалья на подобное предложение, прикусил язык и обсуждение прекратил)...

– Значит, мы вытянули пустышку, – негромко сказал старший охранитель, не отвлекаясь от изучения горизонта. – Фокус не удался. Обманули нас рихары...

– Вам обидно, мастер Рошаль?

– Тихо! – Рошаль привстал. – Что это?

Сварог быстро посмотрел в ту сторону, куда указывал охранитель. Солнце слепило глаза, от солнца к плоту бежала яркая мерцающая дорожка, и разглядеть что-нибудь в ее сиянии было решительно невозможно.

– Ничего не вижу, – сказал Сварог. – А что там?

– Не знаю... Показалось, наверное. Похоже было... Вы о Морском Гаде Двакабелота слышали?

– Не-а. А должен был?

– Очередной миф. Дескать, перед самым наступлением Тьмы поднимаются такие зверюги со дна морского и всей стаей нападают на корабли. Типа водоплавающей змеи, только длины невероятной, ну и пропорций соответствующих... Так вот, там вроде бы вода забурлила, а потом башка на изогнутой шее как будто бы вынырнула... – Он приставил ладонь козырьком ко лбу, глянул еще раз. – Солнце слепит, не видно... Да нет, показалось.

Сварог мигом вспомнил о Великом Кракене и всмотрелся пристальнее. Ничего. Вода, вода, кругом вода. Детектор опасности молчал по-прежнему, «третий глаз» злокозненных магических проявлений по-прежнему не выявлял. И он немного расслабился.

– Так вот, о рихарах, – продолжал Рошаль. – Странно. Твари вроде бы могущественные, Олеса с этим оборотнем ведь и в самом деле переправили в прошлое... Или это тоже был розыгрыш? И, главное, хотелось бы знать, зачем им это все понадобилось – какие-то Оси Времени, башни в океане... Х-хранители, чтоб их...

– Значит, вам все-таки обидно.

– Унизительно, граф. Столько всего пережили – и ради чего? Оказаться в обетованной степи этого подонка Вало – и то было бы приятнее, чем вот так – примитивно *вернуться*.

Да, весьма похоже, что Рошаль был прав. Воздух, вода, солнце – все такое же... Вот если б стояла ночь, тогда по созвездиям они смогли бы удостовериться окончательно и бесповоротно – обыкновенные ли они возвращенцы или же гордые нелегальные эмигранты в ином мире...

– Верно, – сказал Сварог. – Но не все ж нам побеждать... Хотя, согласитесь, мы и не проиграли – остались, так сказать, при своих. Мы живы, мы не ранены, мои *способности* остались при мне, а вы остались дома. А ведь могло закинуть вообще черт-те куда... Так что еще побарахтаемся, извините за каламбур. Отыщем дорогу.

– Это вы меня успокаиваете?

– Это я себя успокаиваю.

– Ну-ну... А я вот, например, никак не могу успокоиться оттого, что вы уколошили Вало.

– Это еще почему? – искренне удивился Сварог.

– Я бы с превеликой радостью сам открыл перед ним эту чертову Дверь, да еще пинка дал под зад, чтобы он поскорее оказался *тут*. И без нас. Пока его орлы там сражаются с другими орлами за право войти в эту проклятую Дверь.

Сварог поразмыслил и задумчиво сказал:

– А знаете, вполне может статься, что мы все же *перенеслись*. Скажем, в один из предыдущих Циклов Димереи. Или последующих. Где слыхом не слыхивали ни о вас, ни обо мне, ни, тем более, о Вало... Или даже оказались в мире-двойнике Димереи – где вообще нет материков, один океан на всю планету...

Мелькнула вдруг сумасшедшая мысль: а вдруг это все ж таки Талар? Вдруг они *вернулись*?

– Это вы так успокаиваетесь? – саркастически спросил Рошаль.

– Просто обрисовываю возможности...

Рошаль посмотрел на него:

– И что толку в этом? Димерея или нет, но надо думать, как выбираться отсюда будем. Куда-нибудь поближе к цивилизованным местам... Ежели такие здесь имеются. Признаться, граф, за последнее время океан мне несколько... – Он брезгливо поджал губы, подыскивая нужное слово: – ...несколько *надоел*. Вы ведь можете сотворить – или как это у вас называется? – весла там, может быть, уголь, мотор. Поплывем на солнце – так дольше будем находиться в световом дне... Парус, в конце кон...

– А вот обратите-ка внимание, мастер охранитель, – вдруг перебил Сварог и вскинул руку. – Это что такое, по-вашему?

Рошаль резко обернулся.

– Пресветлый Тарос!..

Это перло на них со стороны солнца – темное, матовое, непонятное. Но, никаких сомнений, то был корабль, и корабль военный – изящных акульих форм, с приплюснутой надстройкой, оцетинившийся длинными тонкими трубками по обоим бортам – несомненно, стволами орудий – и малопонятными металлическими спиралями. Силуэтом он более всего напоминал старый добрый катерок «Метеор», каковые кое-где бороздят прибрежные водные просторы Советского Союза, вот разве что выкрашенный в темный цвет и водоизмещением разиков в пять поболее, – и с некоторой оторопью Сварог, когда темная махина приблизилась к плоту на расстояние полулиги, заметил, что и этот пароход снабжен подводными крыльями, но не было ни шума моторов, ни стрекота винтов, корабль летел на них почти бесшумно, как мираж, лишь свистела и клокотала рассекаемая крыльями вода, да доносилось странное потрескивание, как будто там, на борту, кто-то рвал исполинские листы бумаги...

– Первый раз вижу, – сдавленно пробормотал Рошаль. – Но, по-моему... по-моему, это морское судно... Если только не маррог...

– Представьте, я того же мнения.

– Так какого дьявола вы сидите?! – охранитель вскочил на ноги. Плот заходил ходуном. – Сигнал надо подать, они нас не видят, размажут ведь по волнам!..

Было поздно. Стволы по левому борту «Метеора» окутало белесым дымом, секунду спустя донесся грохот орудийных выстрелов, и тут же стало ясно, что никакой это не мираж и не фата-моргана. Океанская гладь за их спинами вспухла белым пузырем, и на плот обрушился форменный водопад. И в тот же миг корабль резко заложил на правый борт, огибая парочку на плоту по крутой дуге, вновь жажнул залп, вновь столб поднятой взрывом воды – на этот раз значительно дальше, но все равно волной плот чуть не перевернуло... В глазах старшего охранителя, судорожно цепляющегося за край доски, застыл ужас, и Сварог всерьез полагал, что выражение его собственного лица ничуть не лучше. Черт подери, да что это творится?! Охваченные праведным гневом либо дамурги, либо варги решили отомстить? Но почему лупят из пушек?! Куда как проще было бы подойти на малой скорости и перецелкать тагоров-предателей из пулеметов, прицельно, как куропаток... Или враг, будучи в курсе, что пули Сварога не берут, решил пустить в ход тяжелую артиллерию? Массой, так сказать, задавить?.. Блин, потом, это все потом, сейчас все-таки

главное под снаряд не угодить... Автоматически он выхватил шаур, хотя понимал, что серебряные звездочки такой дуре – как слону дробина, но ничего лучшего под рукой не было. Со скоростью курьерского поезда корабль пронесся уардах в тридцати от них, оглашая воздух сухим треском разрываемой бумаги. Сварог даже успел разглядеть цепочку узких прямоугольных, похожих на амбразуры иллюминаторов вдоль борта, разлапистые подводные крылья, яростно мотыляющийся на ветру флаг над надстройкой, синеватые змейки электрических разрядов, то и дело пробегающие в овальных углублениях на корпусе, тусклые в свете дня, успел даже подумать: откуда ж это у Островитян такая техника? – потом очередная волна, на этот раз поднятая «Метеором», едва не опрокинула плот вторично. Рошалья швырнуло на спину, Сварог едва успел сунуть шаур обратно за отворот майки и схватить охранителя за ногу, в лицо ударил тугой ветер, остро пахнуло озоном. А корабль, не сбавляя хода, начал разворот, опять грохнули пушки... А потом серая продолговатая тень ширкнула совсем неподалеку от плота, уардах в двух под зеленоватой водой, устремляясь навстречу кораблю, и еще одна, и еще, корабль вильнул, заметался, он отдалился уже примерно на лигу, и тут...

И только тут до Сварога дошло, что происходит. Как писали в стародавних романах – будто пелена спала с глаз. Корабль выполнял классический противолодочный маневр...

Нет, ничего не успел додумать Сварог. Слева по борту от «Метеора» с оглушительным шипением взметнулась белопенная колонна воды, секундой позже за ютом выросла вторая, а третья... Третий взрыв случился аккуратно под правым подводным крылом. Корабль резко клюнул носом, задирая корму к безмятежному небу и носом взрезая океанскую гладь как ножом, его развернуло, едва не опрокинуло, сквозь водяную стену показалось на миг выкрашенное в черный цвет днище... Судя по всему, была еще и четвертая торпеда, самая меткая, однако за ее существование Сварог голову бы на отсечение не дал – мало ли, что там произошло, – но «Метеор», одним словом выражаясь, взорвался.

Рвануло так, будто корабль под завязку был нашпигован тротилом, нитроглицерином и прочим пластитом. Ослепительный желто-красный шар, пронзаемый белыми ветвящимися молниями, поглотил кораблик, во все стороны полетели обломки и ошметки – Сварог непроизвольно пригнулся, и угольно-черный, жирно-копотный гриб неторопливо потянулся в небо, разбухая и отклоняясь к закату; а там накатила и ударная волна – в лицо пахнуло нестерпимым жаром, барабанные перепонки вдавило в мозг... Когда Сварог очухался от потрясения и смог связно соображать, все уже кончилось. Лишь грибовидное облако над океаном, да поблескивающее на солнце обширное маслянистое пятно в лиге от них, да звон в голове напоминали о... о... О чем напоминали, черт возьми? Что за хренотень здесь творится?!

Сварог посмотрел на Рошалья, Рошалья посмотрел на Сварога. Некоторое время оба молчали в полном обалдении – все произошло слишком неожиданно и слишком быстро закончилось.

– Ну? – наконец выдавил из себя Сварог. – Ваши соображения, мастер охранитель?

– Граф... – сказал Рошалья. Помотал головой, прогоняя звон. – Могу сказать только одно, граф. Таких... таких штукovin на Димерее не было отродясь. Я бы

знал, уж можете мне поверить... И вы понимаете, граф, что это означает?

Сварог медленно кивнул, сказал глухо:

– Сие означает, досточтимый мастер охранитель, что мы таки переместились. Без паспортов и подорожных пересекли границу мира и очутились черт знает где. Но, если это и Димерея, то уж точно не *вашей* эпохи... С чем вас и поздравляю.

Глава вторая **ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КАБЕЛОТОВ ПОД ВОДОЙ**

Лицо Рошаля неуловимо изменилось. В глазах появился незнакомый блеск, ноздри раздулись. Он посмотрел вокруг совершенно другим, каким-то мальчишеским взглядом – и Сварог с удивлением понял, что мастер старший охранитель, оказывается, умеет проявлять некоторые эмоции. Вид у него был, как у ребенка, которого разыграли – сказали, что Новый год отменяется, а потом пустили в комнату, где елка, Дед Мороз и куча подарков...

Впрочем, выражение жадного любопытства быстро исчезло с его лица, лицо вновь стало скучным и непроницаемым. И Сварог прекрасно понимал Рошаля. Ведь единственное, что можно было вынести из этой скоротечной встречи посреди океана, да и то с вероятностью не стопроцентной, – что они вроде бы не на Димерее. Ну и что, собственно? Дальше-то что? Чудесами и диковинами вокруг и не пахло, вокруг простиралась до тошноты знакомая и до зевоты простая, как столешница, водная гладь. Можете спросить, господа: а как же корабль напрочь неизвестной конструкции? Отвечаем: и где он, этот корабль? Покажите пальцем. Нету? Так какой прок от затонувшей посудыны?..

– Ну все, – решительно заявил Сварог и встал, хрустнул пальцами, приготавливаясь. – Вы правы, нечего торчать на месте, у меня уже голову напекло. Пора убираться отсюда... куда-нибудь подальше.

– Граф...

– Соизвольте-ка отодвинуться малость в сторонку, мастер охранитель, колдовать бу...

Он осекся.

Сначала вокруг плота принялись лопаться редкие стайки пузырьков, поднимающиеся откуда-то из-под воды, потом пузырьков стало больше, еще больше, и вот уже вода буквально побелела, запенилась, зашипела, забурлила – совсем как в закипающей кастрюле... вот только кастрюле размером с футбольное поле. Что-то поднималось с океанского дна, огромное, тяжелое, как кашалот, поднималось прямым под ними, вот уже видны очертания некоей серой массы, смазанные клокочущей водой... Они не успели даже испугаться – метрах в семи от них из морской глубины неторопливо вынырнула голова на изогнутой шее толщиной с телеграфный столб...

– Морской Гад! – крикнул Рошаль.

Сварог поймал себя на том, что стоит с открытым ртом. Поэтому он рот закрыл, моргнул и посмотрел вновь. Ухмыльнулся. И рывкнул, с трудом удерживая равновесие на ходящем ходуном плоте:

– Спокойно! Какие тут, к лешему, Гады...

А шея все лезла и лезла из воды, длиннющая, телескопическая, черно-лоснящаяся. Венчающая ее голова медленно поворачивалась вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов, единственный глаз бликовал на солнце... А вот

показалось и серое туловище, откуда сия выя росла – габаритами побольше трансформаторной будки, прямоугольное в продольном разрезе, каплевидной обтекаемой формы в разрезе горизонтальном, с изящной металлической оградкой по верху, с аккуратными рядами выпуклых круглых заклепок в пять рядов... Нет, не само туловище – лишь его верхняя часть, *остальное* скрывалось под водой, но размеры силуэта, смутно угадываемого сквозь водную толщу, потрясли всяческое воображение. Вода с грохотом скатывалась со шкуры чудовища и, бурля водопадами, низвергалась обратно в океан.

– Ф-ф-у-у, – шумно выдохнул за его спиной Рошаль. – Прошу прощения, мас-кап. Я-то, грешным делом, подумал, что это...

– Пустое, – отмахнулся Сварог и прикурил новую сигарету. – Видели когда-нибудь такие штуки?

– Только читал. В прошлом Цикле такие вроде бы плавали, а у гидернийцев были только опытные образцы, раз в десять поменьше...

– Вот что. Всплыла эта хреновина здесь явно неспроста. Поэтому пока соблюдаем спокойствие, а переговоры буду вести я – как более опытный в таких путешествиях...

И он погладил шаур сквозь майку.

Рошаль возразить не успел.

Откуда-то изнутри, из утробы китообразного тулова донесся протяжный вопль, перешедший в надрывный скрежет металла по металлу, потом наверху с оглушительным лязгом откинулся толстенный люк, и на свет божий показалась голова.

Несомненно, человеческая – и на том спасибо. Человек высунулся из люка до пояса и облокотился на невысокое ограждение. Лет шестнадцати, в потрепанной серой робишке на голое тело и черной пиратской бандане он несколько секунд внимательно разглядывал Сварога и Рошалья... И затылок маскапа вдруг защекотало. По затылку вдруг пробежала и сгнула стайка пугливых мурашек. Сварог чисто интуитивно воспользовался защитным заклинанием, однако «щит» опоздал: покалывание исчезло так же неожиданно, как и появилось. Это было не знакомое Заклятье Ключа, что-то другое, но по сути то же самое: некто, наделенный колдовским знанием, решил проверить, что за мысли бродят в голове чужака. Проверил или нет – непонятно, но одно стало очевидным: колдовство в *этом* мире знают. И применяют. Ага.

– А известно ли благородным господам, – с напускной угрозой в голосе прокричал юный морской волк, глядя на них сверху вниз, – что Высочайшим Указанием Его Императорского Величества нахождение любого плавсредства без опознавательных флагов принадлежности в территориальных водах метрополии приравнивается к пиратству и подлежит смертной казни через растворение?

Оттарабанил как по писанному. И Сварог отчего-то ничуть уже не удивился, что прекрасно понимает его. В конце концов, и он прекрасно разумел и Великого Меча – домонгольского вождя, и ларов, и димерейцев... Более странным казалось то, что и Рошаль не выглядит озадаченным незнакомой мовой...

– Казни подлежит само плавсредство или же его нахождение в территориальных водах? – вежливо уточнил Сварог. И применил к морячку соответствующее заклинание – в качестве ответного выпада. Сосредоточился, *присмотрелся*. Не очень пристально, почти незаметно... В *ином* зрении морячок остал-

ся морячком, в нечисть стозевную не превратился, однако же имелась, имелась в нем некая колдовская жилка. Не слишком прочная, но кое-что сей покоритель океанов явно умел. Единственное, Сварог не сумел определить – к черной или белой магии относилась та жилка...

Юнец хохотнул и почесал в затылке.

– Смешно! Я как-то об этом не задумывался... И все же, позвольте полюбопытствовать: какого дьявола вы тут делаете?

Сварог пожал плечами. Страху не было. И уже ставшее привычным чувство дежавю услужливо подсказало: примерно так же Сварог познакомился некогда с капитаном Зо... Опять пираты? Что ж, стало быть, и здесь имеются судоходство, метрополии, короли-императоры, благородные лорды... и магия. Скучно, господа. Неужто во всех мирах все одно и то же?..

– Ежели кратко, – громко сказал он, – то в настоящее время мы терпеливо ждем, когда двух бедных жертв кораблекрушения подберет кто-нибудь и доставит в более обитаемые и менее мокрые места.

– На бедных жертв вы не очень-то похожи, – прищурился морской волчок. – От голода и жажды, по всему видно, не страдаете, сигаретка даже вон дымится. Да и не было в здешних местах кораблекрушений уже лет пять, уж поверьте мне... Ну, кроме вот... давешнего. Сами-то вы кто будете?

Сварог сказал проникновенно и со значением:

– А ваше плавсредство, насколько я вижу, опознавательными флагами тоже не снабжено...

Моряк улыбнулся.

– Один – один! Тогда начнем сначала. Я Гран-Тай, йорг-капрал[129] этой посудины, – он похлопал субмарину по мокрой металлической шкуре. Добавил с оттенком гордости: – Княжеских кровей, между прочим. Правда, княжества лишенный в силу непреодолимых обстоятельств...

«Йорг-капрал? – подумал Сварог. – Это что, звание у них такое?..»

– А посудина зовется «Дархская услада», ни больше, ни меньше, и флага на ней действительно нет – по той простой причине, что она не принадлежит никому, кроме экипажа и моря. Я вас удовлетворил? – и он выжидательно посмотрел на бедных жертв катастрофы.

– Вполне, – позволил себе дружескую улыбку и Сварог. Поколебался мгновение и сказал: – Позвольте представиться и нам: это – мой друг и помощник барон Рошаль (Гор скупно поклонился), а я – Сварог. Просто Сварог. Немного граф, маркиз и князь... и еще кое-кто по мелочи, долго перечислять. Всего понемногу. А посему хотелось бы побеседовать непосредственно с капитаном. Наличествует же на вашей посудине капитан?

Гран-Тай тихонько присвистнул.

– Прощения просим, благородные *аролы*. Не разглядели-с вашего благородства-с... – И, снявши с головы бандану, отвесил шутовской поклон. По плечам рассыпались черные лохмы.

– Ну так мы долго будем торчать на солнцепеке, уважаемый? – не обращая внимания на явственную издевку, поинтересовался Сварог. – Определяйтесь быстрее, берете вы нас на борт или чешете дальше своим курсом...

– Явно не с «Черной молнии», там ведь никого не осталось, мы ведь всех в ключья... – пробормотал Гран-Тай себе под нос, задумчиво глядя на бесформенное черное облако, медленно плывущее на восход. Облако, оставшееся от по-

гибшего «Метеора». – Чудные дела творятся последнее время, право слово... – И решил: – Что ж, раз такое дело... Никуда не уходите, я быстро.

– Так что, это все-таки и есть ваш *иной мир*? – вполголоса спросил Рошаль, когда морячок ненадолго скрылся в недрах подлодки. – Так все это и выглядит?

Сварог развел руками. Самому бы понять – как это выглядит... Но, если не считать боевого корабля на подводных крыльях и подлодки размером с гору, пока это выглядело обыкновенно.

– Разочарованы? – спросил он.

– Ничуть. Напротив – весьма интересно... Но сейчас меня, мастер капитан, более беспокоит другой вопрос.

– А именно?

– Как так получилось, что мы оказались именно в том месте и именно в тот момент, когда этот подводный корабль напал на тот, другой корабль? Вы понимаете, о чем я?

Еще бы Сварог не понимал! Это странное ощущение, будто кто *ведет* его, кто-то переставляет его с места на место по клеткам шахматной доски, не исчезало уже давно. Вспомнить хотя бы всё ту же встречу с капитаном Зо, по всему – случайную, но оказавшуюся без преувеличения судьбоносной. Или же его первые шаги на Димерее... Ладно, Серый Ферзь Серым Ферзем, но как-то это, знаете ли, унижительно – чувствовать себя барашком на веревочке...

– Отлично вас понимаю, масграм, – вздохнул он. – И ничего ответить не могу.

– Однако вы полагаете, что нам следует лезть в этот плавающий уют? После того, как эти пираты расстреляли корабль?

– Ну, еще неизвестно, кто кого расстреливал... А вы что предлагаете – остаться здесь, на плоту, среди океана? И ждать следующее судно?

– Нужно добраться до обитаемых мест, – нехотя сказал Рошаль. – И там, на месте, разобраться, где мы оказались. Провести рекогносцировку...

– А о чем я толкую?

– Хотя, признаться, на все, что плавает по воде, я уже смотреть не могу.

На мостике вновь показался Гран-Тай.

– Эй, жертвы! Командование дало добро на подобрать вас. Полезайте-ка. Поговорим, а там посмотрим, что с вами делать... Ловите!

Мелькнула в воздухе веревочная лестница с деревянными скользкими ступеньками, звучно шлепнулась в полууарде от плота. Сварог выловил конец, вспомнил фильмы про пиратов, виденные им в детстве, – как те ловко ползали по вантам и мачтам, примерился. За все его странствования сквозь миры и Вселенные по веревочным лестницам ползать ему приходилось от силы разика два, даже в окна к очаровательным барышням ни разу не довелось, поди ж ты...

– Учитесь, масграм, – шепнул он. Гран-Тай, гаденыш, с интересом наблюдал за ними.

Масграм в ответ тихо застонал.

Мысленно перекрестившись и мысленно же поплевав на руки, капитан броненосца «Серебряный удар» взялся за шершавый канат и ступил на нижнюю перекладину. Грамотно, в общем, ступил, и взялся грамотно: не как дачник, ползущий на крышу фазенды, – а так, чтобы веревка (ну ладно, ладно,

трос, линь, конец – да провалитесь вы с вашими морскими словечками!)... короче, перпендикулярно к лестнице занял позицию. И бодренько полез вверх, изредка касаясь боком теплого и гладкого корпуса лодки.

Гран-Тай протянул ему руку, рывком помог подняться на мостик. Спросил почти утвердительно, понимая:

– Доводилось плавать?

– Да так как-то... – скромно сказал Сварог и глянул вниз.

Рошаль смотрел на них в высшей степени неодобрительно и с места не двигался.

– Давайте, барон, не задерживайте отплытие! – крикнул Сварог. – Ждут же...

Рошаль что-то произнес в пространство и ухватился за лестницу.

– Оружие сдать придется, – морячок протянул руку в сторону Сварога, когда охранитель, пыхтя, добрался до них.

– Оружие? – притворно удивился Сварог.

– Да ладно вам. Вон маечка на брюхе оттопыривается оч-ченно недвусмысленно...

Поразмыслив и придя к выводу, что сие логично и неизбежно, Сварог вытянул из-за пазухи шаур и протянул Гран-Тая рукоятью вперед. Предупредил миролюбиво:

– Только далеко от меня эту игрушку не относите, душевно вас прошу. Не больше, чем на пять шагов.

– А то что?

– А то рванет так, что давешний взрыв детским пуком покажется, – преспокойно сказал Сварог и кивнул в сторону облака черного дыма.

– Шутите?

– Какие уж тут шутки... Гарантия безопасности, слышали о такой?

Парнишка недоверчиво хмыкнул, повертел незнакомое оружие в руках, но в карман робы спрятал бережно. Может, и не поверил, но решил не рисковать на всякий случай.

А что нам скажет чувство опасности? Чувство опасности молчало. Пока.

...Вниз, в нутро железной рыбы, пахнущее металлом и машинным маслом, вели крутые дырчатые ступени. Спустились. Металл, металл, опять металл, местами вытертый до блеска множеством ног, местами потускневший. Приглушенное «бух, бух, бух» откуда-то из недр лодки – аж в пятки отдает, явно работает какой-то исполинский механизм. Тусклые лампы, через равные промежутки укрепленные на стенах коридора – несомненно электрические. Тут же вспомнилось подземелье, охраняемое безумным, но охочим до карточных игр компьютером, и Сварог, как бы между прочим, спросил у впереди идущего Гран-Тая:

– А скажите-ка, такое слово – «Димерея», вам известно?

– Димерея? Первый раз слышу. Что это?

– А, скажем, «Талар»?..

– Тоже как будто нет... Впрочем, обо всем вам лучше всего будет спросить у капитана, я-то человек маленький, необразованный...

Сварог и Рошаль переглянулись.

Коридоры, отсеки, переборки в крупных заклепках, вентиляционные камеры, эти... как их... порошки перед люками – комингсы, во как, по-пчелиному жужжащие непонятные ящики на стенах. Ранее Сварогу на подлодках бывать

не приходилось, но эта очевидно отличалась от всего того, что майор ВДВ видел в кино или о чем читал – и отличалась... не то что в лучшую, но, несомненно, в *другую* сторону. Не боевой корабль, а прогулочное корыто предпенсионного возраста, ей-богу. Медные ручки, бронзовая окантовка дверей, лампы под некогда изящными, а ныне покрытыми зеленью абажурчиками, коридоры не в пример просторнее (хотя попадающимся навстречу спешащим матросам, в таких же, как у их провожатого, робах, все же приходилось вжиматься в переборки, чтобы пропустить гостей. Взгляды подводников были заинтересованные, но не более, из чего Сварог сделал вывод, что и не таких *гостей* встречали обитатели этого «Наутилуса»...)

Озарило вдруг: бляха-муха, так ведь это и есть «Наутилус», вот что! А точнее говоря – подводная лодка, какой ее представляли себе мсье Верн, мистер Уэллс и иные ранние певчие птички научно-технического прогресса. Ну да, ну да – все эти ненужные фонарики, неуставные драпировочки на стенах, нефункционально высокие потолки, чуть ли не ковровые дорожки под ногами... Вот, разве что, иллюминаторов во всю стену не наблюдалось, и на том спасибо, а то ведь полопаются к чертовой бабушке – при давлении-то... И тут же в мозгу возникло видение огромного парового котла в центре корабля, полуголых потных кочегаров, закидывающих уголь в разъявленную топку, скрипуче вращающихся шестерней в рост человека и могучих поршней, ходящих туда-сюда и истекающих маслом... Бред, в общем.

Они шли и шли, спускались и поднимались по гулким винтовым лестницам, проходили мимо запертых дверей кают, сворачивали на пересечениях коридоров, и спустя какое-то время Сварог окончательно перестал ориентироваться. Ясно было, что глубоко к сердцу подводного корабля они не торопятся – стараются держаться верхних палуб. Субмарина оказалась здоровущей, прямо-таки неправдоподобно огромной, завидев которую любая атомная подлодка стратегического назначения Земли должна была немедля утопиться от зависти и осознания собственной ничтожности. Да-с, братцы, вот торжество прогресса во плоти... то бишь в металле. Так что тут у них, война идет, что ли? Если идет, то весьма и весьма давно – лодочка эта, судя по всему, находится в строю без капремонта лет эдак с десятков...

Где-то вдалеке вдруг отрывисто затявкали какой-то сигнал, последовал несильный толчок и палуба слегка накренилась (дала дифферент на нос, если уж быть точным).

– Уходим на перископную глубину, – услужливо пояснил морячок княжеских кровей. – Проверим напряжение в сети – и вперед...

Сварог покосился на Рошалю. Чем дальше, тем все больше мрачнел мастер старший охранитель. То ли клаустрофобия мучила гения контрразведки, то ли в самом деле надоело до чертиков пребывание на боевых кораблях... Или же, привыкший видеть вокруг исключительно интриги и козни, не любил он оказываться в запертом помещении, в окружении незнакомых людей... Тем более, в незнакомой Вселенной.

– Ничего, масграм, – ободряюще шепнул Сварог. – На дирижабле полетали, по океану поплавали, теперь можно и под водой...

Пришли, наконец, поднявшись по узкому трапу к полукруглой двери с яркими лампами по обе стороны, снабженной мощной проворачивающейся крестовиной – для герметичного закрытия, не иначе.

Гран-Тай остановился, трижды постучал. Потом с сомнением оглядел гостей, пробормотал что-то вроде: «Приодеть бы вас надо было, нехорошо перед дамой в таком виде...» и, не успев Сварог удивиться насчет «дамы», с натугой открыл дверь.

За дверью находились двое. Один, высокий статный старик с зачесанными назад седыми, как снег, волосами, стоял в сторонке, и, скрестив руки на груди, хмуρο смотрел на вошедших, другой, росточком поменьше, оборотившись к двери спиной и положив руки на бронзовые рукояти, приткнулся лицом к окулярам толстенной трубы перископа. Помимо них здесь имели место: несколько стульев с высокими спинками, штурманский стол, какие-то заковыристые приборы с блестящими ручками и рычажками, обилие карт, диаграмм и схем на стенах и стеллажах; и из всего этого, а также из факта куполообразного потолка над головой капитан Сварог сделал мудрый вывод, что находятся они в рубке. Или как это называется – капитанский мостик? Наблюдательный пункт? Черт, уже и забывать стал, ай-ай-ай, а ведь совсем недавно полпланеты переплыл...

– Резерв-победитель, штабен-йор,[130] разрешите доложить: подобранные в море доставлены! – отчеканил Гран-Тай.

– Трофей, – фыркнул старец. – В количестве двух штук.

– И, судя по выправке, отнюдь не гражданского пошиба, – добавил второй. И отлип от перископа, повернулся.

Нельзя сказать, чтобы Сварог был изумлен – за время скитаний по мирам и весям он насмотрелся и не на такое. В том числе и на *такое* тоже. Второй обитатель рубки оказался женщиной – с коротко подстриженными темными волосами и обжигающим взглядом огромных черных глаз. Симпатичной, промежуточно прочим... Вот, разве что, окружающая сие знакомство обстановка существенно отличалась от всех предыдущих встреч с резвыми воительницами...

Одеты оба были презабавно – в одинаковые темно-синие облегающие трико с красной полосой на груди и короткие плащички-накидки, скрепленные у горла. Им бы еще шелковые полумаски на лица – и вылитые Супермены получились бы... Или астролетчики из трофейных фантастических фильмов. Ни знаков различия, ни орденов, ни прочих украшений – если не считать поясов с широченной вычурной пряжкой, подозрительно напоминающих те, что почетно вручаются чемпионам мира по боксу и всяким там рестлингам.

В магическом зрении ничего не изменилось: люди как люди, костюмы, как в оперетте.

– Горизонт чист... – сказала черноволосая. – Что ж, удачный рейс выдался, клянусь богом. И Каскаду зуб ядовитый выдернули... да еще и пленных взяли. Гран, что там с ремонтом?

На «трофей» она не обращала ровным счетом никакого внимания, и Сварог почувствовал легкое раздражение. Баба, а все туда же – в войну поиграть. По попе бы тебя ремешком, и всего делов... Кто она седому – дочурка?

– Работа аккумуляторного зала восстановлена, – браво доложил Гран-Тай, – пробоина на третьей палубе заделана. Воду откачиваем. Через полстражи можно командовать отплытие.

– Добро, – кивнул старик. – Вы свободны, йорг-капрал.

– Момент, – быстро сказал Сварог. – Если позволите, я бы хотел вернуть оружие.

– Ого! – черноглазка наконец-таки соизволила посмотреть на него, и даже с некоторым интересом. – А трофей-то строптивый попался... Увы, дорогой мой, никто не имеет права здесь находиться при оружии. Да и не понадобится оно вам, оружие-то.

– Я же не прошу давать мне его в руки, – сказал Сварог, проглотив «дорогого» и обращаясь исключительно к седому. Мальчишество, конечно, но уж больно хотелось поставить нахалку на место. – Возьмите оружие вы. Просто далеко от меня не уносите. Вот он, – граф кивнул на Гран-Тая, – в курсе...

Йорг-капрал достал шаур, отдал женщине и что-то негромко сообщил ей. Сварог уловил лишь слово «иной», но произнесенное столь многозначительно, если так можно выразиться, – с заглавной буквы произнесенное, что он поневоле наострил уши.

– Магия здесь присутствует? – быстро, одними губами спросил Рошаль.

– Не-а. Чисто, – шепнул Сварог. И почувствовал, что охранитель расслабился. Не понял только – почему. Как будто Рошаль почувствовал себя в родной стихии...

– Ишь ты, – сказала черноволосая, разглядывая шаур, как безделушку в отделе бижутерии. – И где же это такие штучки делать научились? Ни аккумулятора, ни батарейки, ни проводов... Неужели на Сиреневой Гряде?

– Не знаю, может, и там, – осторожно ответил Сварог. – Я, видите ли, как-то не поинтересовался, кто их изготавливает...

Она передала шаур старику и повернулась к Гран-Таю: – Йорг-капрал, вы приказа не слышали?

– Виноват! – развесивший было уши Гран-Тай повернулся и споро убрался из рубки.

И едва за ним закрылась дверь, температура в замкнутом помещении скачком упала до нулевой отметки.

– А теперь наступает очередь вопросов и ответов, – произнес седой, обращаясь к Сварогу с той доброжелательностью в голосе, которая развязывает языки некоторым неподготовленным побыстрее резиновой дубинки по почкам и прочих инструментов получения информации. – Начнем с аксиом. Вы – Иной. Но работаете на Каскад, да? Не знаю, каким пряником они вас переманили, но факт остается фактом... Дальше. Вы находились на борту «Черной молнии», каким-то образом уцелели после нашей атаки и вот оказались здесь... Правильно? Тогда вопросы. Первое. Имя? Звание? Должность?

«Ага, нас принимают за врагов. Великолепно, ничего не скажешь...»

– А у вас разве не принято, чтобы хозяева представлялись первыми? – невинно поинтересовался Сварог.

Седой и девка переглянулись.

– Извольте, – холодно сказал дед. – Резерв-победитель Мина-Лу (кивок в сторону черновласки) и штабен-йор Дако-Райми (легкий поклон). Довольны? Итак?

– А пригласить присесть у вас тоже не принято?

Дешевый, конечно, приемчик – наглостью тянуть время, но ничего другого пока в голову не шло. И пока время тянулось, Сварог скоренько прикидывал, как ответить. Во все предыдущие *разы*, когда он попадал в аналогичную ситуацию – будь то капитан Зо или отец Клади на Димерее – он говорил правду, только правду и ничего кроме правды, и именно это его и спасало. Теперь

же... Теперь же он сильно сомневался, что история его приключений произведет должное впечатление на слушателей... То есть, впечатление, быть может, и произведет, вот только вряд ли найдет отклик и понимание в сердцах этих хреновых детей капитана Немо... Не к месту вспомнился стародавний фильм – там нашего бойца случайно подобрала гитлеровская подлодка, и он вынужден был выдавать себя не то за немца, не то за ихнего союзника, чтоб не грохнули. Но боец-то, по крайней мере, знал историю своего мира, а здесь же даже не сообразить ничего правдоподобно...

И тут Гор Рошаль, громко сказавши: «И в самом-то деле!» и небрежно задев Сварога плечом, прошествовал через рубку, подцепил со штурманского стола скатанную в трубочку карту, вольготно уселся на стуле. Развернул карту, мельком глянул на нее и сказал *ласково*, ни на кого конкретно не глядя:

– А вы что же стоите, разлюбезные мои? Садитесь, садитесь. Поиграть в вопросы и ответы хотите? Ладно, будут вам и мои вопросы, и ваши ответы. И от ваших ответов, скрывать не стану, зависит ваша же судьба.

Чем-чем, а голосом он владел превосходно, не в пример старику Дако-Райми, даже у Сварога от такой *ласковости* по спине мурашки побежали – что уж говорить об остальных... Остальные обратились в соляные столбы, да и Сварог, признаться, на миг растерялся, соображая, что задумал мастер Рошаль. Либо ожидает, что Сварог, пока те пребывают в ступоре, начнет *действовать*, завладеет шауром и... И что, собственно, прикажете делать дальше? Или же таким нехитрым макаром Рошаль пытается завладеть инициативой? Но опять-таки: дальше-то что?

– Послушайте, вы!.. – голос старика сорвался.

– Ай, да бросьте, – поморщился Гор Рошаль и бросил карту на пол.

Глубоко вздохнул, заговорил четко и веско, точно гвозди заколачивал:

– Во-первых. На борт мы поднялись без кандалов и наручников, без вооруженного эскорта, в компании одного лишь безусого юнца. Во-вторых. Нас препроводили непосредственно в рубку и оставили, опять же, без охраны, наедине с двумя высшими, насколько я понимаю, офицерами корабля. Амбразур в стенах не наблюдается, скрытых ловушек и прочих сюрпризов – включая магические – для лиц, ведущих себя здесь *неадекватно*, я тоже что-то не вижу. В-третьих. Вы позволили пронести сюда оружие – причем оружие вам явно неизвестное, но обладающее огромной взрывной силой. Лодка сейчас под водой, дверь не заперта, и, если рванет, то проблем с пропитанием у здешних рыб не будет очень долгое время. В-четвертых... Впрочем, достаточно и этого. Следовательно – что? Следовательно, никакие мы не враги и на противника отнюдь не работаем, так что все эти ваши эскапады и угрозы – лишь дешевый трюк... Теперь посмотрим с другой стороны. Совершенно незнакомых вооруженных людей вы тоже сходу не пустили бы в рубку без должных предосторожностей – учитывая, в частности, отсутствие флага на вашем корабле. Вывод: вы знаете, кто мы. Вопрос: откуда у вас такая информация?

Соляные столбы обратились в лед, и повисла долгая пауза. А Сварог, изо всех сил сохраняя каменное выражение лица, пересек рубку, сел на соседний стул и устремил на ледяные фигуры взгляд а-ля «Сдавайтесь, мистер Джонс, нам все известно». Разумеется, благородному лару, королю и прочая, прочая, прочая не пристало сидеть в присутствии дамы, однако ж нужно было добить парочку до конца. Мысленно же он аплодировал Рошалю. Ай да охранитель,

ай да сукин сын, как быстро вошел в ситуацию!..

– Вот ч-черт... – наконец смущенно выдавил из себя седовласый Дако-Райми и шумно почесал бугристый лоб. Вопросительно глянул на Мину. – Ладно, ваша взяла... Прошу прощения за эту маленькую проверку, но просто обстоятельства столь необычны, что...

– Садитесь, господа, после будем оправдываться, – мрачно процедил Сварог, стараясь попадать в тон Рошалю. – Дело слишком серьезное, так что и разговор пойдет серьезный. И не вздумайте лгать, у меня, знаете ли, есть маленькая такая способность – отделять правду ото лжи.

Женщина горделиво вскинула на него мечущие черные искры глаза.

– А по какому, собственно, праву мы должны отчитываться перед вами?! Скажите спасибо, что мы вообще вас подобрали!

– Спасибо, – ничуть не лукавя, ответил Сварог, а вместо ответа на вопрос номер один применил уже не единожды испытанный способ – достал из воздуха сигарету и неторопливо прикурил от пальца, глубоко начихав, разрешает корабельный устав курение в отсеках или нет. И, надо сказать, это произвело впечатление – по крайней мере, на Дако. Чертовка же, хоть и была фокусом напугана изрядно, но нашла в себе силы страха не показать. И даже отчеканила еще более горделиво:

– Пока я командир «Дархской услады», порядки на борту устанавливаю я. И я не позволю, чтобы всякие... всякое...

Оп-па! И ведь она не врет! Женщина – командир торпедной субмарины? Однако...

– А вы слышали поговорку насчет женщины на корабле? – вкрадчиво спросил Сварог.

– Не надо, Мина, – быстро встал между ними Дако. – Вы же видите, что это действительно Иные, и не самого мелкого калибра...

«Иные? – мысленно встрепенулся Сварог. – Это в каком, простите, смысле?..» И, держа лицо, многозначительно добавил:

– Речь идет о судьбе не только вашей лоханки. Но и о судьбах мира. Так что давайте будем взаимно откровенны.

Дав еще несколько залпов черными молниями из-под длиннющих ресниц, резерв-победитель Мина-Лу шумно вздохнула и уселась на стул – с видом королевы, которой до тошноты обрыдли приемы и посольства, но что поделать – работа такая.

Уселись все, наконец, и Дако, дождавшись раздраженного кивка командирши, сказал негромко:

– Вы абсолютно правы. Мы ждали вас. Просто нас немного сбilo с толку, что вместо одного Иного к месту встречи прибыли двое. А тут еще скоростник Каскада... Мы должны были подстраховаться, убедиться, что вы именно тот, кого мы встречаем: Иной по имени Сварог. Именно так вы и представились, не правда ли?

Глава третья ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Сварогу пришлось сделать над собой изрядное усилие, чтобы сохранять на лице печать глубочайшей осведомленности и проистекающей из нее непопулярной ответственности за «судьбы мира». Да, что и говорить, это было неожиданно. Их, видите ли, *встречают!* Стало быть, кто-то заранее знал, что

двое пришельцев из другого мира окажутся именно в это время и именно в этой точке океана, и подготовил торжественную встречу?! Дела-а...

– Так, стоп, – он поднял руку. – Давайте-ка по порядку и с самого начала...

– Позвольте мне, граф, – с виду мягко, а на деле азартно перебил Рошаль, ясно было, что ситуация и его заинтриговала донельзя...И Сварог вынужден был прикусить язык. Он великолепно управлялся с холодным и огнестрельным оружием, неплохо разбирался в тонкой науке дворцовых интриг, умел дышать под водой и лишать предметы веса, отводить глаза и менять обличье, умел распознавать проявления черной магии и наличие яда в еде и питье, умел видеть в темноте, даже павших лошадок оживлять умел... Но по сравнению с Рошалем он был не более, чем сопливым мальчишкой – в деле извлечения информации.

– Сделаем проще, – твердо сказал охранитель. – Потому что у нас мало времени, а узнать мы должны многое. Я буду задавать вопросы – вы будете на них отвечать. Если я спрошу о чем-нибудь, что касается каких-либо ваших личных тайн, так и скажите – вопрос снимется. Если я спрошу какую-нибудь глупость – например, какой сейчас год или как называется этот... это *водное пространство*, в котором плавает ваша лодка, отвечать надо четко и без запинки. Проверим, насколько вы правдивы даже в мелочах... Договорились?

– Нет, не договорились! – опять встрепенулась Мина.

– Капитан... – начал было Дако.

– Между прочим, – язвительно перебила Мина и порывисто вскочила с места, – я подрядилась всего лишь подобрать в море и доставить на материк одного Иного. И что в результате? Вместо одного оказываются двое, ни с того ни с сего на нас нападает «Черная молния», а потом меня же еще и подвергают какому-то идиотскому допросу! Увольте, господа, сами играйте в свои игры в подполье и заговорщиков. У меня, к вашему сведению, есть дела поважнее. Если Каскад засек взрыв «Молнии», здесь скоро будет не протолкнуться от кораблей и абагонов. Мы должны уходить на глубину, так что я буду на марсе... Желаю приятно провести время, ваффен-йор.

После чего, не удостоив собравшихся более ни словом, ни взглядом, ровно держа спину, гордая юная девица, как говаривал один шкодливый толстяк с пропеллером на спине, улетела далеко-далеко. Сиречь – покинула рубку.

– Прошу извинить, – сказал Дако-Райми, когда за ней закрылась дверь люка. – Мина совершенно не разбирается в большой политике... Хотя в некоторых *других* областях ей нет равных. Итак, господа, я внимательно слушаю вас и постараюсь честно ответить на все ваши вопросы.

Рошаль бросил на Сварога победоносный взгляд. Сварог ответил взглядом «снимаю шляпу».

И понеслось!

Никогда еще Сварог не получал такого удовольствия от допроса. Да и допросом происходящее назвать было трудно, скорее уж – беседой двух благородных донов, один из которых, из дальних странствий возвратясь, спрашивает другого насчет, что новенького в мире и в свете. Филигранная работа полутонами, танец полунамеков, пестрая мозаика туманных уточнений и тонких вопросов, казалось бы, к делу не относящихся, мастерская игра на человеческой психологии – вот что это было. И бедный Дако-Райми ни разу – заметьте, ни разу! – не заподозрил гостей в полной их неосведомленности. Сва-

рог наслаждался игрой Рошаля, мотал на ус и выстраивал в уме картину происходящего.

А происходило вот что.

«Дархская услада» не была пиратской лодкой – она была лодкой контрабандистов. Откуда появилась эта субмарина, каким образом за несколько лет сумела заслужить как лютую ненависть у власть предержащих, так и уважение у не менее *вольных* мореплавателей – сие Дако было неведомо. Когда он, вынужденный бежать с имперского флота за кое-какие делишки (которые суть совсем другая история), попал на «Дархскую усладу» в качестве первого помощника, лодкой уже командовала Мина. Капитанша не гнушалась ничем – перевозила из протекторатов и колоний в метрополию нелегальных эмигрантов, золото и алмазы с частных рудников, из метрополии в протектораты и колонии доставляла оружие, механизмы и беглых преступников... Разумеется, не одна Мина занималась этим насквозь нелегальным промыслом – бизнес контрабандистов был поставлен с размахом, был весьма разветвленным и многоступенчатым, со своими секретными базами, перевалочными пунктами и богатыми клиентами на всех континентах, однако имперская служба безопасности под названием Каскад, давно и косо смотрящая на безобразия, что царят в море, на этот раз отчего-то закусила удила. То ли просто решила найти козла отпущения – чтоб другим впредь неповадно было, то ли действительно Мина сильно наступила Каскаду на хвост, то ли по какой-то другой причине, но на «Дархскую усладу» была объявлена охота. Мине же, по большому счету, на охоту было плевать, даже наоборот – так интереснее было.

Четыре дня назад Мина получила весьма выгодный заказ. Она как раз собиралась возвращаться из одной провинции – давайте обойдемся без названий, – причем порожняком, и сей факт ее деловую жилку терзал немилосердно. Вот ей и предложили за плату, от которой отказаться было трудновато, подобрать в точке с такими-то координатами и доставить в имперскую столицу некоего Иного. По большому счету, Мине все равно кого перевозить, хоть Иного, хоть государственного преступника, лишь бы очередную палку в колесо метрополии вставить – тем более, что курс «Дархской услады» проходил как раз неподалеку от этой точки. От кого поступил заказ, Дако не знал и весьма сомневался, что и сама Мина знает. Видите ли, господа, контрабанда в наши дни – дело довольно-таки щекотливое, попахивает казнью через растворение, и большинство клиентов предпочитают оставаться в тени... Собственно, вот и все. Мы прибыли в указанное место, и тут, откуда ни возьмись, появляется «Черная молния», один из самых быстроходных боевых кораблей Каскада. Так что пришлось принять бой, и, как вы изволили наблюдать, выйти из него победителем. Но как Каскад вычислил нас – ума не приложу...

Штабен-йор Дако-Райми еще раз принес свои извинения за несколько прохладное начало их знакомства: двое Иных вместо одного, нападение «Черной молнии» – все вкуче, согласитесь, не могло не вызвать вполне закономерных подозрений: уж не Каскада ли это ловушка. Однако теперь, успокоившись и сопоставив некоторые факты, он, Дако-Райми, нисколько не сомневается, что гости именно те, за кого себя выдают – истинные борцы за свободу против имперского ига... И даже готов вернуть оружие. Рошаль с непроницаемым лицом благосклонно извинения принял и поинтересовался, не является ли и сам уважаемый Дако борцом за светлое завтра и радетелем грядущих преобразова-

ний. Скорее, сочувствующим, скромно ответил штабен-йор. Ненавидеть империю – это одно, а вставать на борьбу с оружием в руках – это совсем другое. Возраст, знаете ли...

...И все-таки это была не Димерея. *Этот* мир назывался Гаранд, а пресловутая метрополия, целиком занимающая самый крупный материк, именовалась простенько и скромно, как, собственно, и сам континент: Корона. Со столицей в мегалополисе Вардрон. Всего же континентов на планете имелось четыре штуки – совсем небольшой, почти остров, приполярный укрытый льдами Эшт, два экваториальных, покрупнее – Гвидор, насчитывающий порядка сотни мелких государств и почти необитаемая Ханнра – и собственно Корона.

В корабельной библиотеке (какой же «Наутилус» без библиотеки!), куда гостей любезно проводил Дако по их собственной просьбе после легкого ужина (копченое мясо, хлеб, сыр, вино – все как у людей), – так вот в библиотеке книг по мировой истории, к сожалению, не оказалось, книги были по большей части на морскую тематику, так что Сварогу и Рошалю информацию приходилось собирать буквально по крупицам. И все же, кое-что они откопали и сумели скомпилировать – благодаря, главным образом, невесть как затесавшимся на книжных полках популярным журнальчикам для подростков.

Главное, что уяснил Сварог, – этот мир, пусть и имел многочисленные общие черты с Таларом и Димереей (и, как он подозревал, еще с целой кучей миров), но все же отличался от них разительно.

Цивилизация Гаранда развивалась исключительно по технологическому пути. О колдовстве и магии здесь помнили лишь старики в глухих деревушках, – да и те в такую ерунду уже не верили. Все верили в науку и технику.

А получилось все так.

Примерно триста пятьдесят лет назад Корона была маленьким, но гордым королевством, расположенным на самом берегу океана. И прозябать бы ей в тени более могущественных и богатых соседей долгие века, если б не некие ученые мужи из королевской академии наук. То ли случайно, то ли путем кропотливых экспериментов, они изобрели *электричество*. Ну, не изобрели, конечно, а открыли, однако, что важно, достаточно быстро сумели найти ему практическое применение. К чести тогдашнего монарха, научные изыскания среди подданных не только не притеснялись, но всемерно поддерживались и поощрялись. Более того: углядев в открытии широчайшие для государства перспективы, король немедля приказал арестовать всех, к оному открытию причастных, согнал до кучи еще пару сотен высоколобых, профинансировал создание жутко секретного института и, под страхом усекновения, повелел изыскания продолжить.

Каким конкретно образом, Сварогу из журналов и книг понять не удалось, но именно благодаря использованию электрического тока королевство за какие-то полсотни лет превратилось в одно из самых сильных и богатых на континенте. И, естественно, стало поглядывать по сторонам...

В течение следующего столетия постепенно и неумолимо оно расширяло свои границы, грамотно и легко подавляя сопротивление отсталых соседей загадочными чудо-пушками, используя механические повозки на электротяге взамен конных и аэропланы взамен воздушных шаров...

Электричество. Дешевая энергия, вот что помогло королевству превратиться в сильную и развитую Корону, со временем покорившую всю планету. Вет-

ряки, плотины, приливные станции, кислотные батареи. Может быть даже, батареи солнечные... Расстояния перестали играть существенную роль в политике: о готовящемся в дальней провинции восстании наместник узнавал тут же, по проводному телеграфу, и успевал принять меры, – а бодрые солдатики, для подавления мятежа доставленные аэропланами, это, согласитесь, совсем не то, что увешанная оружием и измученная многокилометровым переходом пехота. Указы и распоряжения правительства доходили до самых до окраин в мгновение ока, равно как и отчеты об их, указов, исполнении, королевский двор перестал быть для глубинки чем-то недостижимым, а следовательно, в почтении и страхе не больно-то нуждающемся. Нет рабов, потому что электроэнергия есть-спать не просит и не думает о побеге. Нет серьезных войн, потому что уже не с кем воевать... Словом, народ прямо-таки цветет и пахнет под сенью строгого, но справедливого императора. Недовольные, конечно, имеются, куда ж без недовольных-то, но Каскад успешно вылавливает, пресекает, карает и занимается профилактикой политических преступлений. Лепота, одним словом. Любой земной утопист прошлых веков прослезился бы от умиления, завидев такую идиллию.

Такова была история Гаранда в представлении коронских детских авторов.

Правда вот, технический прогресс ломанул вперед стремительным аллюром, а прогресс культурный и этический, как всегда, отставал. Обычно так и бывает – наука бодро шагает впереди, а человек подтягивается значительно позже... Однако в случае с Короной дела обстояли по-другому. Насколько уразумел Сварог, дармовая энергия свела почти на нет социальные неравенства, а где нет противоречий, там нет и необходимости в переменах. Ну не нужны коронцам ни парламенты, ни подлинно демократические выборы народных депутатов – не нужны и все... Вот и катаются бароны на электромобилях, князь смотрят сериалы по электродальновизору, а графья на электропланах покоряют воздушный океан. Смещение исторических эпох. О новых источниках энергии никто и не думает – электрической пока хватает на всех, поскольку запросы сравнительно молодой цивилизации не очень-то большие...

Сварог с треском захлопнул очередную книгу и поставил на полку. Потянулся всем телом. Удивляться и поражаться силенок не осталось. Действие адреналина, выбрасываемого в кровушку во время приключений на Граматаре, во время боя в зиккурате и впоследствии *перемещения* закончилось, начался откат. Организм капризно требовал положить себя горизонтально, сунуть под голову подушку и, в идеале, укрыть одеялом. И чтоб никто не мешал минут эдак шестьсот.

– Что ж, – сказал Гор Рошаль, отрываясь от изучения при тусклой лампе огромной карты мира, – по крайней мере, теперь мы хотя бы в общих чертах знаем, где оказались и что вокруг происходит...

– Ну, и каковы ощущения?

Рошаль неопределенно передернул плечами и бесстрастно ответил, так что неясно было, то ли всерьез говорит, то ли нет:

– Интересно. Чертовски интересно. Хотя... и очень мало *полезной* информации...

– А то. Ни единого упоминания о Дверях, что за безобразие...

Рошаль поднял голову.

– Вы намерены покинуть этот мир, граф?

Сварог поразмыслил, ответил осторожно:

– Знаете, масграм, я уже нашел свой мир. Мир, где мне вольготно, мир, который называется Талар. Я свой дом нашел, понимаете? А здесь... Я пока ничего здесь не видел, кроме воды и этих стен, но мне уже здесь не нравится. Заранее. И очень не хочется здесь оставаться.

– И вы уверены, что Дверь, если таковая отыщется, вернет вас домой, а не перебросит куда-нибудь еще?

Сварог ничего не ответил, и Гор Рошаль сказал еле слышно:

– Завидую я вам, граф...

Уже несколько часов «Дархская услада» браво рассекала глубины океана, неся пассажиров в сторону таинственной метрополии. Надо было поинтересоваться у Дако, когда здесь темнеет, – судя по ощущениям, там, снаружи, уже глубокая ночь...

– Ну, по крайней мере, радуется хотя бы то, что нет ни одного упоминания и о приближающейся всемирной катастрофе, – сказал Сварог. – Так что, будем надеяться, с этой стороны нам опасность не грозит.

– На Димерее тоже старались не писать и не говорить о Шторме, пока не грянуло, – возразил Рошаль.

– Оптимист вы, как я погляжу...

– Я реалист, господин *Иной*, – с неожиданной резкостью бросил старший охранитель. – Потому и жив еще. И вы, между прочим, тоже.

– Да ладно, что вы, право слово... Кстати, об *Иных* также ни одного упоминания – а уж эти ребята, похоже, многим поперек горла стоят...

Рошаль задумчиво прищурился.

– Согласен. Но. Книжки тут преимущественно старые, а *Иные*, вполне вероятно, появились совсем недавно. Или, просто-напросто, здесь нет материалов на эту тему – как наверняка нет на множество других тем... Либо, в конце концов, упоминания об *Иных* в официальной печати запрещены.

«Компьютер какой-то, а не человек», – подумал Сварог. И пробормотал:

– *Иные*, *Иные*... Очень, знаете ли, похоже на «иноземцы». Или на «*иномирцы*», а?

– Полагаете, тут знают о существовании других миров? И не только знают, но и общаются с выходцами *оттуда*?

– Почему бы и нет? – Сварог поднялся с кипы толстенных фолиантов, которую использовал в качестве стула, зевнул во весь рот.

– Да это вы оптимист, граф, а не я... – криво усмехнулся Рошаль. – Знаете, не люблю гадать. Вот доберемся до метрополии, там и разбираться будем... Сейчас меня больше интересует заказчик. Тот, кто нанял этот корабль, чтобы подбрать нас в море...

– Не нас, – поправил Сварог. – *Одного* из нас.

– Несущественно. Главное, кому-то точно известно о нашем существовании. Плюс – внезапное появление «Черной молнии»... Не нравится мне это. Очень не нравится, граф...

Глава четвертая

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Гостям «Дархской услады» выделили аж отдельные, по какой-то причине пустующие каюты, расположенные по соседству, и каюты отнюдь не для рядового состава – шагов семь в длину, три в ширину, не с гамаком или койкой, а с

настоящей пружинной кроватью – что даже для фантастического «Наутилуса» было прямо-таки роскошью. Интересно, как же тогда выглядит каюта юной чертовки... Наличествовали также прикроватная тумбочка (пустая), две привинченные к полу табуретки, крошечный клозет и даже миниатюрный душ – Сварог и представить себе не мог, что тонюсенькая струйка едва теплой, мутноватой водицы из крана может доставить такое наслаждение. Где-то с полчаса он яростно отдраивал тело, изведя весь скромный кусок мыла и нимало не заботясь о том, что запас пресной воды на борту, должно быть, ограничен. Плевать, вокруг воды полно. Вытерся небольшим полотенцем и переоблачился в выданный Дако костюмчик Супермена, разве что без пояса, – это, оказывается, была не военная форма, в таких, с позволения сказать, нарядах щеголяла половина населения Короны, штатского и служивого. Мода, вишь ты... С неудовольствием оглядел свое отражение в миниатюрном квадратном зеркале над кроватью. Ну чистый мистер Икс, блин...

– По рыбам, по звездам проносит шаланду, – Три грека в Одессу везут контрабанду... – продекламировал он. Что ж, добро пожаловать в гильдию контрабандистов, граф. Хотя бы в качестве контрабанды...

И, как был в непривычной одежде, завалился на постель.

Он лежал на спине, смотрел в темноту, слушал мерный, усыпляющий шум корабельных механизмов, слышал приглушенные голоса, доносящиеся из кубрика – контрабандисты праздновали победу над «Черной молнией», чувствовал убаюкивающее покачивание субмарины... а уснуть не мог. Не мог, и все, хотя и чувствовал, что вымотан до предела. Так бывает иногда: кажется, стоит только добраться до постели – и отрубись в момент, а доберешься – и не уснуть, хоть ты тресни. Переволновались вы, ваше величество, перенервничали. Не бережете себя...

Ну так и что же нам теперича делать, а, милорд? Ответ, собственно, один: да, действительно, опять пускаться на поиски проклятой Двери – или как она зовется в этом мире... А что в этом мире Дверь, хотя бы одна, но существует, Сварог отчего-то не сомневался. Иначе не интересно. Иначе я так не играю... Так что, как это ни прискорбно, отыскание заветного входа в кроличью нору, становится, похоже, доброй традицией путешественника по Вселенным. У Уэллса, кажется, есть такой рассказ: «Поиски квартиры как вид спорта». А у нас, извольте видеть, ролевая игра «Поиски Двери как способ вернуться домой». Открой правильную дверцу – и ты выиграл. Открой неправильную – и милости просим в начало игры. Только с другими фигурами. А именно: метрополия, Иные, таинственный заказчик, Гран-Тай, который явно наделен некоторыми колдовскими способностями, кои, как утверждается официально, суть выдумки и чистой воды суеверие. И не будем забывать, господа, о...

Оглушительно запиликало чувство опасности, Сварог рывком сел. Покрутил головой, выискивая ее источник...

Чудовищный удар! Кровать брыкнулась и, как взбесившаяся лошадь, швырнула его на пол, сверху упало одеяло. Субмарина резко накренилась на правый борт и выпрямилась, где-то вдалеке по-бабьи заголосила сирена, ее вопль подхватила другая, значительно ближе, и еще одна, и еще, и вот уже целый сводный хор мартовских котиков надрыгает глотки, заполняет жутким воем каждый уголок «Дархской услады».

Сварог сам не понял, как очутился в коридоре – рефлексы сработали быст-

рее разума. Секунду назад он еще путался в чертовом одеяле, и вот он уже снаружи, сжимая в руке шаур. Кто-то хрипло выкрикивает какие-то команды, туда-сюда, бестолково, на первый взгляд, снует матросня... Сварог поймал за рукав пробегающего мимо Гран-Тая, заорал, перекрикивая надрывный ор сирен:

– Что случилось?!

– Не знаю! – в глазах морского волчонка плескался неподдельный ужас. – Каскад!

«А, проклятье...»

– Где Дако и капитан?

– Должны быть на марсовой площадке! – и юный йорг-капрал всхлипнул. – Не знаю!

– Какая еще марсовая площадка, – рявкнул Сварог, – это же подлодка!..

Распахнулась дверь слева, и рядом очутился Рошаль – тоже одетый, сна ни в одном глазу. Выкрикнул:

– Нападение? Авария? Что делаем, маскап?

Еще один удар сокрушил субмарину, кто-то заорал, повалил серый, воняющий горелой изоляцией дым. Сварог обернулся к посеревавшему лицом Грану:

– Туда, к капитану, живо!

– А?..

– Живо, сопляк, кому говорят!!! – и встряхнул так, что у того лязгнули зубы.

Взгляд Гран-Тая на мгновение прояснился, он судорожно кивнул и зайцем рванул вперед...

Сварог и сам не понимал, какого лешего ему понадобилось куда-то бежать. Просто будто толкнуло что-то в спину – надо быть там, где капитан, и все.

И опять – коридоры, коридоры, трапы, не споткнуться о комингс, не поскользнуться, не столкнуться с кем-нибудь из экипажа, направо, вверх, люки, коридоры, коридоры... На «марсовую площадку» они вбежали аккуратно к тому моменту, когда «Дархская услада» нанесла ответный удар по неведомому противнику – произвела залп четырьмя торпедами. Нереальное, фантастическое, но, что ни говори, чертовски красивое это было зрелище – торпедная атака *такой* подводной лодки. Ярчайшие конусовидные лучи двух прожекторов лупили откуда-то снизу, из-под днища «Дархской услады», разгоняли глубинную тьму и окрашивали мутную воду в фосфоресцирующе-зеленый цвет. И в этом свете стремительно уходили вдаль четыре пенные струи, прямые, как стрела, мерцающие серебром, сходящиеся в одну точку где-то на расстоянии лиги от корабля. Торпеды. Нацеленные на нечто, затаившееся там, в вечном подводном мраке, разогнать который прожекторам не хватало мощности...

На все на это Сварог смотрел через иллюминатор – был, оказывается, на «Дархской усладе» иллюминатор, выпуклый, огромный, в полтора человеческого роста. (Вот, значит, что местные подводники называют марсовой площадкой: полукруглый обзорный отсек где-то в носовой части субмарины!) Оба старых знакомых – Мина-Лу и Дако-Райми – находились тут же и на появление незваных гостей не отреагировали: не до того было. Мина отдавала быстрые, отрывистые распоряжения в голосоотвод, выслушивала многоголосицу ответов и вновь приказывала, растрепанный Дако возбужденно считал вслух, сжав кулаки и не отрывая напряженного взгляда от иллюминатора: «Семь... шесть... пять...» Торпеды давно ушли из поля зрения, будто растворились в крошечной тьме, и несколько ударов сердца ничего не происходило; напря-

жение в отсеке ощущалось почти физически.

– Два... один... ноль!

В иссиня-черной глубине океана за иллюминатором вспыхнула ослепительная белая точка, разрослась до размеров теннисного мяча, быстро налилась пурпуром, потемнела... и погасла.

– Попадание! – вырвалось у Гран-Тая.

– Неизвестно, – хрипло сказал Дако, – мы уже дважды стреляли – и *ничего...*

Мина скомандовала в трубку:

– Еще залп!!!

Палуба ощутимо дрогнула под ногами, и еще четыре торпеды, оставляя за собой пенный след, рванулись в темноту.

Дако-Райми резко повернулся к Сварогу и Рошалю, лицо его было мертвым.

– Нападение, – сдавленным голосом сообщил он. – *Не Каскад*. Что-то... что-то другое... На приборах ничего нет. Но кто-то по нам стреляет, – и вновь обернулся к иллюминатору. Гаркнул: – Мина, пора!..

– Лево руля, курс сорок пять, быстро, мать вашу! – крикнула Мина в голосотвод. – Погружение на двадцать, дифферент минус двадцать! Полный!

– Четыре... три... – вновь начал отсчет первый помощник.

Субмарина клюнула носом и накренилась на левый борт, где-то в глубине ее чрева приглушенно затарахтели, зачастили какие-то механизмы – очевидно, отвечающие за обороты гребных винтов, потому как «Дархская услада» явно набирала скорость, уходя вниз и влево.

И вовремя.

– Великий Тарос, смотрите! – Рошаль выбросил руку в сторону иллюминатора.

Появился и пропал еще один теннисный мячик разрыва, и тут...

– Вот, опять! – схватился за голову Дако-Райми. – Значит, опять промахнулись!

– Погружение на тридцать!..

Из беспросветной мглы, из той точки, где взорвались торпеды, на «Дархскую усладу», быстро, невообразимо быстро наплывала, расширяясь и раздуваясь, светящаяся фиолетовая масса, алчно шевеля мириадами то удлиняющихся, то укорачивающихся щупалец. Однако маневр Мины по уходу с линии огня дал результат: на этот раз неведомый противник промахнулся, и фиолетовый «осьминог» размером с девятиэтажный дом пронесся выше и правее подлодки, едва не задев щупальцами борт.

Разумеется, это был не Каскад. И, разумеется, это не было порождением науки, уж Сварог-то научился разбираться в таких штуках. А более всего это напоминало обстрел зелеными соплями, под который Сварог угодил во время бегства с Атара на броненосце...

Он скоренько задействовал «третий глаз»... и стены субмарины стали прозрачными, будто сделанными из стекла. Сквозь бесплотное тело Дако он заметил, как стайка мелких рыбешек попала в световой конус, на миг вспыхнула россыпью бриллиантов и поспешила убраться подальше от железного чудовища. Откуда-то из пустоты, как сквозь вату, доносились призрачные голоса: «Разворачиваемся, Мина, уходим! Торпеды на исходе!», «Что это такое, а? Что это?!», «Залп! Право руля, всплытие на десять!..» А потом он *увидел*.

Четыре светлые точки метнулись к далекому и какому-то несерьезному фи-

олетовому облачку, проявившемуся в центре иллюминатора. Это не было проявлением Зла, это не было проявлением Белой магии – это вообще ничем не было, так, пустышка, обманка... На самом подлете торпед облачко превратилось в бублик, снаряды пролетели сквозь дырку и детонировали, не причинив тому ни малейшего вреда. Потом облачко сжалось, затянуло отверстие фиолетовым сиянием и выплонуло в ответ очередную осьминожку... А вот от этого облака вниз, на невообразимую морскую глубину, тянулась тонюсенькая багряная ниточка, колеблющаяся, пульсирующая. Облако висело на ней, слегка покачиваясь, точно воздушный шарик в ручонке малыша... Вот только вместо малыша другой конец нити держал... В человеческом языке нет слов, чтобы описать *это*. Более всего оно напоминало огромный бесформенный сгусток черноты – еще более темной, если такое возможно, нежели окружающая подводная темень, черноты клубящейся, переливающейся, беспрестанно текущей куда-то и при этом остающейся на месте, но при одном взгляде на нее Сварога прошиб пот. Ничего более омерзительного он в жизни не видел, хотя и не смог бы объяснить, что же такого отталкивающего и жуткого в этом клубке тьмы. То ли полная, абсолютная его *чуждость* чему бы то ни было живому, то ли ощущение, что сгусток *смотрит* на него, глаз не имея напрочь...

Он вынырнул в реальность, жадно хватая ртом воздух, чувствуя, что его колотит, как в лихорадке... Вынырнул в то мгновение, когда Мина в очередной раз скомандовала залп.

– Нет! – крикнул Сварог и тут же закашлялся – в горле будто наждаком прошлись. – Оно... оно не там... ниже...

Мина бросила на него гневный взгляд, секунду поколебалась, но все же приказала в голосоотвод:

– Отставить! – после чего повернулась к Сварогу всем телом, прикрыла расступ ладонью. – Ну?! Кто не там? Что ты придумал, *Иной*?!

– Дайте дифферент на нос, капитан, – сказал он. – Наклоняйте лодку, пока я не скажу стоп... Да быстрее вы, черт бы вас побрал, подобьют же!..

Мина-Лу колебалась недолго. Пронзив Сварога насквозь двумя лазерными лучами чернущих глаз, она вновь метнулась к голосоотводу...

Палуба накренилась, пришлось хвататься за что ни попадя, дабы не упасть. Мысленно содрогнувшись, он вновь включил «третий глаз». Вот ниточка, а вот и сгусток черноты – медленно перемещается по иллюминатору, окантованному ставшим прозрачным металлом. С трудом сдерживая тошноту, Сварог ждал, и когда омерзительная масса достигла центра иллюминатора, скомандовал:

– Стоп-машина, залп!

И Мина тут же продублировала приказ.

...Слишком поздно порождение Зла – именно Зла, чего же еще?! – сообразило, что ему грозит. И попыталось убраться. Но не успело.

Торпеды сошлись в точке, знакомо вспыхнул белый шарик... И вслед за тем раздался беззвучный вопль – оглушительный, проникающий сквозь броню и переборки, ввинчивающийся в уши. Этот неслышимый крик, в котором смешались боль, гнев, отчаянье, рождался, казалось, в самом мозгу, Гран-Тай аж присел, широко разинув рот и заткнув уши руками... А потом вопль прекратился, будто звук выключили, повисла напряженная тишина. В магическом зрении было видно, как медленно разлетаются в стороны ошметки черноты, скручи-

вается спиралью лишенная привязи красная ниточка, гаснет фиолетовое облако...

Прошла минута, вторая. Атака не возобновлялась.

– Все? – нерешительно спросил Дако в пространство.

– Ага, – сказал Сварог. И отер пот со лба.

– Что... – в неожиданной тишине голос Мины прозвучал как-то особенно громко. – Что это было? – Она в упор смотрела на Сварога. – Новое оружие Каскада?

– Ни малейшего понятия не имею, – искренне ответил он. – Вам должно быть виднее, кто из нас бороздит просторы мирового океана?.. Как бы то ни было, оно сгнуло. Расстреляно. Взорвано. Уничтожено... У вас торпеды, часом, не серебром начинены?

– Почему серебром?..

– Ну, обычно такие *хреновины* можно уничтожить только серебром... Ладно, после, долго объяснять... Что ж, поздравляю вас, резерв-победитель. Стрельбы прошли успешно, цель поражена.

– Спасибо за помощь, – холодно сказала Мина. – Через полчаса жду вас в капитанской каюте. Поговорим.

Он закрыл глаза. Больше всего на свете ему сейчас хотелось присесть, закрыть глаза и ни о чем не думать. Чем бы этот мир ни отличался от Талара и Димереи и в чем бы ни был похож, прежние *проблемы*, как видно, будут преследовать его и здесь.

– ...Значит, вы уверены, что все ваши неприятности связаны с нами? – лениво спросил Сварог. С закрытыми глазами он сидел в кресле и ни о чем не думал.

– А вы полагаете иначе? – фыркнула Мина.

Не поднимая век, он пожал плечами. На эту тему думать не хотелось. Вообще не хотелось думать. Вино вызывало приятную томность во всем теле.

– Никогда раньше кораблю Каскада, даже самому быстроходному, не удавалось подойти к моей лодке на расстояние орудийного выстрела. Никогда я не встречала в море ничего подобного этой... твари. Даже не читала о ней. И не слышала ни от кого из моряков. А тут, в течение одного дня... Причем, заметьте, все случилось непосредственно после того, как мы вас подобрали... Черт возьми, чтоб я еще раз согласилась на подобную работу! Да пропади они пропадом, такие заказы. Своя шкура дороже...

Конечно, вполне могло стать, что прихвостни Великого Мастера отыскали Сварога и здесь. И теперь, в меру своих силенок, вновь пытаются его укокошить – с усердием, достойным лучшего применения. Но... Как-то, знаете ли, мелко это, даже для самого занюханного прихвостня – лупить со всей дурки по субмарине какими-то каракатицами. Примитивненько, знаете ли. Неужели в адском арсенале не найдется ничего посерьезнее? Или у Мастера настолько плохо с толковыми кадрами?..

– Эй, граф, вы там не уснули?

– И в мыслях не было, – Сварог восторженно, с трудом разлепил веки.

На удивление, обстановка в каюте резерв-победителя Мины-Лу мало чем отличалась от обстановки в каюте Сварога – та же пружинная кровать, душ в неглубокой нише, зеркало... Не было ни картин на стенах, ни положенного любой женщине шкафа с нарядами, даже положенного любому капитану сей-

фа и стола, заваленного картами и рейсфедерами, не было. Разве что, зеркало было размером побольше, да вместо табуреток – кресла, в которых и расположились Иной по имени Сварог и капитан подводной лодки по имени Мина. Спартанский образ жизни морских волков и волчиц, понимаешь...

– Поймите, граф, – настойчиво продолжала она, – самое главное для меня – безопасность «Дархской услады». И я хочу, чтобы вы мне помогли. Сначала нападение «Черной молнии», потом нападение этой твари... Что бы вы подумали на моем месте?

– На вашем месте, – совершенно серьезно сказал Сварог, – я бы подумал, что столь нелюбимый вами Каскад разработал хитроумный план по проникновению на лодку двух агентов, и приказал бы немедленно подозреваемых схватить. И обыскать на предмет нахождения «маячков». Знаете, что такое «маячок»?

Мина кивнула, секунду поразмышляла, потом решительно помотала головой.

– Нет. Не может быть. Признаться, поначалу у меня были сомнения на сей счет, однако... Видите ли, тот, кто оплатил вашу доставку в Корону... Это *слишком* известный человек, граф. И никаким боком с Каскадом не связанный. Даже наоборот. И никто не мог прикрыться его именем, чтобы заманить меня в ловушку...

Сварог сел ровнее.

– Значит, вам известно, кто он?

– Разумеется. Иначе я бы не согласилась подбирать в море неизвестно кого... Плесните-ка мне еще вина.

Сварог дотянулся до тумбочки, взял бутылку с высоким горлышком, налил ей в бокал, налил себе. Красное сухое вино оказалось недурственным – так что и в этом мире есть свои приятные стороны, милостивые государи, если, конечно, не обращать внимания на стороны насквозь неприятные... Едва они остались наедине, как маска гордой и неприступной командирши боевой субмарины куда-то делась, и теперь перед Сварогом сидела просто красивая женщина – испуганная и ищущая поддержки.

Она сделала глоток, наклонилась к самому лицу Сварога (он ощутил едва уловимый аромат какого-то парфюма) и, понизив голос до многозначительного шепота, сообщила:

– Граф, заказчиком является лично Визари... Слышите? *Лично*.

Эх, нет здесь мастера охранителя...

– Ого, – осторожно сказал Сварог. – Неужто *сам* Визари?

Мина уверенно кивнула.

– Зачем-то вы нужны ему. Он все очень точно описал: некто, называющий себя Сварогом, графом Гэйром, высокий... привлекательный. (Сварог усмехнулся одними уголками рта.) Как вы оказались на том плоту, кто вы вообще такие и почему Визари вас ищет – это не мое дело, я не сую нос в чужие игры... Однако, граф, повторюсь, безопасность лодки для меня превыше всего. Повреждения, к счастью, незначительные, ремонт закончится к утру, и спустя сутки мы должны быть на базе, оттуда вас переправят в Корону... но я должна знать, что происходит. Что нас еще ждет впереди и к чему я должна быть готовой. Так что подумайте и скажите: кто за вами охотится и почему?

– Можете мне не верить, – вздохнул Сварог, – но клянусь: я сам теряюсь в

догадках...

А, да пропади все пропадом! Сколько можно в шпионов-то играть! И он продолжал:

– Скажу больше, Мина, и, опять же, можете не верить: я представления не имею, кто такой Визари и кто такие Иные... А самое главное – я абсолютно без понятия, откуда этот самый Визари узнал, что мы с уважаемым Рошалем окажемся в то время и в том месте посреди океана... тем более – узнал за четыре дня до нашего там появления. Потому что, милый вы мой капитан, мы и сами не подозревали, где окажемся... – Он наклонился вперед. – Кто они – эти Иные, Мина?

Вот сейчас она скажет: «Пришельцы из параллельных миров, попадающие к нам через Двери»... Ну, пусть не Двери, пусть Ворота, Лазы, Дыры и всякие там Прорехи, – только пусть скажет, Господи, пусть...

Некоторое время Мина молчала и, прищурившись, смотрела на Сварога сквозь бокал. Потом сказала:

– Жаль, граф. Я думала, что вы сумеете мне помочь. В конце концов, мы с вами на одном корабле и, если что, погибать будем вместе... Жаль. Спокойной ночи.

Она встала. Сварог порывисто схватил ее за руку, силой заставил сесть обратно в кресло.

– Да послушайте, вы! Ну чем вам поклясться?! Ну считайте, что мы жили в самой глухой деревне на самом далеком острове и ни сном ни духом о том, что творилось в Короне последние сто лет. Или у нас приключилась спонтанная потеря памяти... Не верьте, подозревайте, думайте, что угодно – но можете вы ответить на несколько простых вопросов?

– О Визари знает каждый второй на Гаранде...

– Значит, я из тех, кто каждый первый! – рассердился Сварог. – Я вот – не знаю! И очень хочу узнать, за каким чертом мы ему понадобились! Может быть, тогда я пойму, какие еще сюрпризы нас ожидают. Ну?

– Похоже, не врите... – нерешительно сказала Мина.

– Да зачем мне врать? А даже если и вру, то какая разница? От вас не убудет, если вы прочитаете маленькую лекцию...

Поколебавшись, Мина села обратно в кресло.

– Вы очень странный человек, граф. Странный и... Ну хорошо. Что конкретно вас интересует?

– Конкретно – все. А в частности – кто такие Иные и кто такой Визари.

Сама Мина знала немного, поскольку политической ситуацией в Короне не интересовалась совершенно. Однако и ее рассказа хватало, чтобы *понять*.

Увы, Иные не были выходцами из других Вселенных – они были коренными жителями Гаранда.

Как уже говорилось, Гаранд, подобно Земле, был миром исключительно технологическим, научным, рационалистическим и, так сказать, модернистским. Все началось лет пятьдесят назад, когда в обществе возникла дурацкая идея о возможности альтернативного прогресса, в основе которого лежат колдовство и магия. Нет, всякие там безобидные астрологи, хироманты, целители и ворожеи существовали, разумеется, в любые эпохи – но лишь как невинная забава для обывателей и средство для облегчения кошелеков доверчивых граждан, однако в последнее время начала проявляться странная, насторажи-

вающая власти тенденция: все громче поговаривали о том, что наука, дескать, пошла по неверному пути и завела мир в тупик; что наука себя исчерпала; что необходимо вернуться к истокам и вспомнить о существовании волшебства; вообще, что картина мира совершенно не такова, какую нам навязывают, и так далее, и тому подобное... Метрополия поначалу смотрела на брожение в умах со снисходительностью многомудрого отца семейства, наблюдающего за возней своих чад, а когда спохватилась, едва не стало поздно. В основном, новоявленные чародеи, как водится, были обыкновеннейшими шарлатанами, фокусниками и гипнотизерами, однако и среди них попадались личности, чьи способности невозможно было объяснить в рамках традиционной науки. И пока власти решали и совещались, как быть с носителями сих способностей, число магов росло в геометрической прогрессии. Открывались кафедры колдовства при весьма уважаемых университетах и даже целые институты, всерьез занимающиеся проблемами альтернативного пути развития. Все больше ученых с мировым именем, из разных областей, совершенно открыто, не таясь, переходили на сторону паранауки, обыватель перестал обращаться к официальным врачам, передоверив свое драгоценное здоровье целителям всевозможных мастей и предсказателям. Промышленность, в особенности легкую, засбоило – не подтвержденная практикой идея о том, что куда проще добывать продукцию прямо из воздуха, путем заклинаний, нежели корячиться с ее производством, захватила умы, по Короне прокатилась волна забастовок и саботажей... Но лишь когда чародеи, кстати, называющие себя Иными, попытались выйти на политическую арену, империя сказала свое веское слово.

Колдовство и волшебство были запрещены разом и повсеместно, ордены, сообщества и секты принудительно распущены Каскадом. Началась форменная охота на ведьм – в буквальном смысле слова. И шарлатанов, и настоящих магов ловили без разбора, сажали, пытали, казнили... Но всех адептов «нового» прогресса истребить оказалось уже невозможно – расплодившиеся Иные ушли в подполье, как пожар на торфяниках уходит под почву. И чем больше усердствовал Каскад, тем крепче становилось сопротивление...

А десять лет назад у Иных появился лидер. И какой! По слухам, Визари был самым сильным колдуном за всю историю Гаранда, он сумел сплотить разрозненные группы сподвижников в монолитную организацию. Никто не видел его в лицо. Никто не знал, где он скрывается. Официально считалось, что Визари не существует, что это миф, очередная легенда о мессии, который, якобы, приведет мир к Золотому веку посредством свержения технократического ига. Но то – официально. В народе свято верили, что Визари так же реален, как земля, вода и магия. И, очевидно, народ был прав: это был если не один человек, так уж, несомненно, группа единомышленников, потому что в организации Иных, несомненно, существовало некое ядро, центр, революционный штаб – называйте как хотите, но уж больно слаженно и целеустремленно действовали ее отделения во всех уголках Короны...

Шантажом, подкупом, убеждениями и запугиванием Каскад пытался переманить на свою сторону колеблющихся магов. Каскад разрабатывал новое оружие, поражающее исключительно людей, наделенных колдовскими способностями. Каскад проводил облавы, назначал награды за любую информацию о скрывающихся чародеях, принимал карательные меры и закручивал

гайки, что уважения ему, естественно, не прибавляло... Мина замолчала и допила вино.

Молчал и Сварог, переваривая информацию. Штурмовые отряды, виселицы на площадях, коптящие костры, ночные звонки в дверь, зловещие черные фургоны... Он помотал головой. Да нет, не может быть. Бред. Средневековье. Хотя... У них же на самом деле средневековье, феодализм в чистом виде: бароны, маркизы и прочие благородные доны...

– То есть, я – Иной, – сказал он с полувопросительной интонацией.

– Ты умеешь делать из воздуха предметы, – сказала Мина. – Ты говорил, что умеешь отличать правду от лжи... Почти как Гран-Тай – он умеет отличать простого человека от мага... Почему я позволила тебе подняться на борт. Ты – Иной.

– Гран-Тай – маг?

– Для того и держу растяпу...

– Ну и дела... Стало быть, твой Визари ищет меня, потому что я... Так, минуточку! Стало быть, Каскад тоже ищет *меня*? (Мина молчала.) «Черная молния»... Но эти-то откуда узнали, что я появ...

Сварог осекся и потер лоб ладонью. Мина молчала.

– Ну хорошо. Ладно. Допустим. А ты сама видела этого Визари?

– Я же говорю: его никто не видел.

– Тогда как ты поняла, что именно он связался с тобой?

– Существуют способы, с помощью которых... Прости. Я не могу сказать, это не моя тайна. Но поверь мне: никто, кроме Визари не сумел бы...

– Верю, а что еще остается... – вздохнул Сварог и хлопнул себя по колену. – Черт побери, теперь я и сам хочу встретиться со столь информированным вождем угнетенных...

– Встретишься, – пообещала Мина. – Он сам найдет тебя... Вот только... Хочешь еще вина?

– А то. После таких новостей... Нет, погоди, не доставай. Раз уж я колдун, да еще в розыске, так давай играть в эти игрушки до конца.

Он проговорил нехитрое заклинание, и в его руке материализовалась пузатенькая бутылочка «Кабаньей крови» – настоящая, будто только что из королевских подвалов, даже с тонким слоем настоящей пыли на стекле.

– Отведайте-ка нашего, магического... – он стер пыль с бутылки, лихо скорырнул пробку, плеснул по бокалам.

Мина осторожно подняла свой бокал, понюхала вино. Призналась нерешительно:

– Пахнет великолепно...

– Ну, мы, потомственные колдуны, бодяги не держим, – усмехнулся Сварог. – Пейте, капитан, не бойтесь. Я не предлагаю отравленного вина красивым дамам. – И, приветственно приподняв бокал в качестве молчаливого тоста, сделал глоток.

Она тоже пригубила, покатала вино языком, осторожно, точно лекарство, проглотила и прислушалась к ощущениям. Сказала с оттенком удивления:

– Великолепно... Никогда раньше не...

– Не пробовала ничего вкуснее?

Мина покачала головой:

– Не пробовала ничего, сотворенного с помощью магии.

– Привыкай.

– Ты и в самом деле ничего не слышал о Визари?

– Ни словечка. Так что ты там начала о нем говорить? Что – «вот только»?

Она прижала пальчик к его губам, сказала загадочным шепотом:

– Т-с-с. Потом, граф. О других колдунах и о других делах – все потом.

Сварог и сам не заметил, как отставил бокал на столик – должно быть, рука действовала совершенно самостоятельно, потому что ей, руке, неудобно было одновременно держать бокал и обнимать Мину. Как Мина оказалась у него на коленях, он тоже не заметил. Просто махонький кусочек жизни выпал из его сознания, секунда – и вот уже ее губы на вкус, как «Кабанья кровь», и ее тело дрожит, как натянутая струна... Он поднял ее, перенес на кровать, и волна сладостного безумия накрыла их обоих с головой – как штормовой океан. Наверное, были какие-то бессвязные речи, стоны, шепот, мольбы, слова, звон упавшей бутылки – Сварог не помнил. В памяти остались только ее тело, матово отсвечивающее в полутьме каюты, изгибающееся, податливое, *раскрывающееся* ему навстречу, и сладкая мука, пронзающая каждую его клеточку, и мучительная сладость, от которой кровь вскипала и колотилась в стенки сосудов в ритме его движений, просясь наружу... А потом стены каюты конвульсивно сжались, сдавили их, как прессом, и они умерли в объятиях друг друга.

– ...Знаешь, я еще никогда не была с *настоящим* Иным...

– Что, только с самозванцами?

– Скотина. Я серьезно.

– Да и мне как-то не до шуток...

– Хочешь узнать, есть ли разница между тобой и простыми смертными?

– Да как-то не особо, видишь ли. Я, видишь ли, непростой смертный и сам знаю себе цену, – а цена эта не маленькая... Ай, перестань, шучу, шучу. Ну перестань, больно же!

– Так тебе и надо... Нет, правда, если ты Иной, то почему тебе ничего неизвестно о том, что тут происходит?

– Амнезия. Провалы в памяти. Склероз. Где нас будет ждать твой загадочный Визари?

– Предместье Васс-Родонт. Это совсем недалеко от столицы...

– Отлично. И как я его узнаю?

– Он сам узнает тебя.

– Еще более отлично. А как я туда попаду?

– Это уже моя забота. – Она вдруг замялась. – Вас доставят аккуратно к поместью, а там и Визари встретит... Вот разве что...

– Что еще такое? – Сварог мигом напрягся.

– Н-нет... ничего. После расскажу, ладно? Иди ко мне...

...Позднее Сварог так и не смог бы сказать с уверенностью, было ли дальнейшее сном или все происходило на самом деле. Он вышел в коридор, было уже утро – это точно, а вот потом...

В коридоре было пусто, тихо и царил полумрак. Сварог приоткрыл было дверь в свою каюту, потоптался на пороге, дверь закрыл и негромко постучал в каюту по соседству.

– Заходите, маскап, – донесся изнутри голос Рошалья.

– Не спите?

– Какое там... – Рошаль лежал на кровати прямо в одежде поверх покрыва-

ла и при свете ночника лениво изучал какой-то справочник – наверняка упертый из библиотеки. – Я вот тут выяснил, что пряжки на ремнях наших друзей – ни что иное, как знак принадлежности к тому или иному сословию. Крестообразная у оружейников, круглая с лепестками у гидротехников... ну и так далее. – Он поднял глаза, посмотрел внимательно на Сварога и принял сидячее положение. – Есть новости?

– И еще какие, – Сварог прикрыл за собой дверь. – Не чета вашим пряжкам. Я выяснил, что такое Иные и кто послал эту лодку выловить нас из океана.

Рошаль зевнул, произнес безразлично:

– А, маг по имени Визари, да?

Сварог остолбенел.

– Вот черт... Вам-то откуда...

Рошаль не спеша закрыл справочник, отложил его на столик и хитро посмотрел Сварогу в глаза. И до Сварога дошло.

– Охранитель, старая вы сволочь! Опять подслушивали?!

– Не подслушивал, мастер капитан, – оскорбленно поправил охранитель, – не подслушивал! А делал свою работу: изучал, выведывал, вынюхивал, узнавал... да и, в конце концов, вас охранял – мало ли что...

– Все равно сволочь. – Сварог утрюмо плюхнулся на край его постели. – Ну и что вы думаете по этому по...?

Что-то неуловимо изменилось в мире. Мир слегка качнулся, мир мелко задрожал, как киноплёнка, криво заряженная в проектор, и снова выровнялся. Все снова вроде бы было по-прежнему, однако...

– Приветствую вас, милорд, – сказал Рошаль, и Сварог вздрогнул. Охранитель произнес эту фразу абсолютно чужим, незнакомым голосом – словно и не он это говорил, а бесстрастный и равнодушный синхронный переводчик какого-нибудь скучного фильма. – Это большая удача, что вы благополучно добрались до места.

– Масграм?..

– На какое-то время – нет, милорд, – поморщился тот, кто только что был Рошалем. – Потерпите и не перебивайте, мастер охранитель скоро к вам вернется... Если, конечно, мы договоримся. Итак, вы здесь, и это внушает мне оптимизм. Потому что в мои намерения, не скрою, входит использовать вас для выполнения одной важной и ответственной миссии – миссии, без которой и я не смогу достичь желаемого, и вы не вернетесь *домой*. И я спрашиваю прямо: готовы ли вы пойти на сотрудничество?

– Ты кто такой? – справившись с потрясением, спросил Сварог.

– А это имеет значение?..

Дверь каюты приоткрылась, внутрь без стука скользнула Мина.

– Какая разница, как меня называть? – спросила она с порога *точно таким же голосом*. – Мы нужны друг другу, милорд Сварог. Увы, у меня мало времени, я не могу долго держать в повиновении этих людей... Скажите прямо: мы сможем договориться?

«Милорд, милорд», – эхом билось в голове Сварога. Никто на Димерее, никто на Гаранде не знал этого его титула... И тут озарило: так ли уж – никто?!

Сварог неожиданно успокоился – все опять закрутилось по старому сценарию: Он соблазняет, Сварог отказывается... И спросил, брезгливо скривившись:

– Опять вы, господин Великий Мастер? И как вам еще не надоело? По-моему, кто-то обещал оставить меня в покое...

– Великий Мастер? – переспросила Мина.

– Можно и так сказать, – подтвердил кивком Рошаль. – У меня много имен. А что касается покоя... Вы нужны мне здесь, милорд, а я нужен вам. Так уж получилось, что только объединив усилия мы сможем добиться обоюдовыгодного результата. Так давайте найдем общий язык и...

– Да провалитесь вы к черту! – в сердцах гаркнул Сварог.

И расхохотался. Да, знаете ли, послать черта к черту – это оч-чень смешно...

И от собственного хохота он проснулся. В своей постели, в своей каюте. И так и не смог понять, сон это был или явь. Однако в ушах все еще звучали последние слова Мастера, сказанные Миной и Рошалем в унисон: «*Как бы вам не пожалеть, милорд...*»

...Спустя сутки они стояли на мостике «Дархской улады», созерцали виднеющуюся вдали сушу, и влажный ветер гладил их лица. Суша – вулканический остров, расположенный где-то в двухстах лигах от материка под названием Корона – виднелась на самом горизонте, окутанная утренней дымкой, и оттого казалась плоской, будто нарисованной на сером холсте неба.

– Вот и все, – с непонятной интонацией негромко сказала Мина Сварогу, не отрывая взгляда от острова. – Добрались с грехом пополам, надо же... Признаться, граф, это был один из самых необычных моих походов – если не считать экспедиции за Звездными камнями на Ханнру полгода тому назад... И я почему-то уверена, что мы еще с вами встретимся. Как вам кажется?

– Мина... – Сварог положил руки на ее плечи, но капитанша легко высвободилась из его объятий.

– Не надо, граф... встретимся – судьба, не встретимся... тоже судьба. Пусть все идет, как идет.

– А вы уверены, что ваш Визари не обманет? – хмуро встрял Рошаль, пытаясь закутаться от пронизывающего ветра в короткий плащ. Получалось плохо – плащ явно не был предназначен для спасения от холода. – Хорошо же мы будем выглядеть, если нас *там* никто не ждет...

На брюхе Рошалья, впрочем, как и у Сварога, тускло поблескивала круглая, с узором в виде решетки пряжка Гильдии купцов. Не бог весть что, конечно, однако не привлекает лишнего внимания, как, скажем, пояс с символом малочисленной, но широко известной и пользующейся повышенной популярностью у дам Гильдии актеров.

Мина пожала плечами.

– Я свою часть работы выполнила: доставила вас к острову, договорилась с авиатором. Все остальное – не мое дело. Одно могу сказать...

– Так, постойте, – Рошаль стремительно обернулся к командиру «Улады». – С кем вы договорились?

– С авиатором. Вон, видите?..

Она указала в небо. Сварог пригляделся – со стороны солнца к стоящей на рейде подлодке приближалась черная точка, быстро увеличиваясь в размерах. Секунду спустя до них донесся стрекот, и легкий летательный аппарат, ярко-оранжевый, напоминающий обыкновенный планер, но с зачем-то присобаченным к носу огромным пропеллером, сверкая лопастями бешено вращающегося винта, пронесся над самым мостиком. Мина помахала ему вслед и по-

яснила:

– Аэропил. На нем вы в два счета доберетесь до поместья Васс-Родонт.

Еще несколько «аэропилов» кружили в воздухе над самым островом.

– По воздуху? – очень тихо спросил Рошаль.

– Ну да... А что тут такого? Там, на острове, есть небольшой частный аэродромчик. Вполне официальный, легальный... ну, иногда мы пользуемся услугами пилотов, чтобы доставлять на материк кое-какие грузы, которые сложно провести через таможню. Зачем нам лишние хлопоты с Каскадом?..

Рошаль закрыл глаза. И не открывал до тех пор, пока с острова не прибыл катерок за нелегальными гостями Короны и с известием, что к вылету все готово.

Глава пятая НЕСЕТ МЕНЯ МОЙ ДЕЛЬТАПЛАН...

Аэродром состоял из наземной и надземной частей.

На земле бок к боку выстроились приземистые полукруглые ангары, в которых дожидались своей очереди на взлет летательные машины, именуемые на местном наречии аэропилами. Из-под ангаров выходили рельсы и вливались посредством стрелочных переводов в магистральную колею – как вскоре выяснилось, по этим рельсам перемещались платформы, доставляющие аэропилы из ангаров к взлетной полосе. Сооружение же под названием «взлетная полоса», поднятое над землей на гигантских металлических опорах и тянущееся через весь остров, что-то Сварогу мучительно напоминало. Блин, ну конечно же – аттракцион далекого детства, американские горки, только увеличенные по всем параметрам раз этак в несколько. На пусковую площадку, самую высокую точку острова, платформу с аэропиллом, судя по всему, поднимал лифт – огромная металлическая рама, оканчивающаяся площадкой с пультом управления и загадочной белой палаткой.

– Когда-то, а было это совсем недавно, – сказал Рошаль, задумчиво разглядывая оранжевый аэропил, уже стоящий на платформе, – я считал, что воздухоплавание начинается и заканчивается воздушным шаром. За последние... недели, месяцы?.. недели как месяцы... Ведя отсчет со дня знакомства с вами, мастер Сварог, я наблюдаю уже третью разновидность летательной машины... Как любил говаривать покойный не без моей помощи князь Саутар, подписывая разрешения о начислении жалованья советникам: «Понимаю – что надо, но не понимаю – зачем мне это надо...»

– Эй!

Они обернулись.

Улыбаясь как родным, к ним семенял невысокий широкоплечий малый с обветренным лицом, на котором традиционный наряд Супермена смотрелся, как фрак на пугале. Затараторил на ходу:

– Это о вас Мина говорила? Ребята с Сиреневой Гряды? Ну-ну. А я Юж-Крагт, йорг-капрал Унии Авиаторов. Бывший, разумеется. Забирайтесь в подъемник, скоро вылетаем. Ежели сказано доставить в лучшем виде – значит, доставим. Если только не упадем. Ха-ха-ха!

На этой оптимистической ноте пилот прошмыгнул мимо них, забрался на платформу лифта и занялся оранжевым аэропиллом.

...Сварог и Рошаль стояли у перил поднимающейся лифтовой площадки, мимо проплывали решетчатые фермы «взлетных горок» – лифт двигался не

просто медленно, а с прямо-таки с похоронной неторопливостью. Ветер трепал их накидки. Высота была – аж дух захватывало. Пилот Юж-Крагт ходил вокруг своего летательного аппарата, трогал многочисленные тросы, простукивал обшивку, забирался под брюхо машины.

– Если наша приятельница Мина назвала это «аэродромчиком», то как же тогда выглядит полноценный аэродром? – напряженно спросил Рошаль, спав, что называется, с лица.

– Не горюйте, масграм, – ободряюще заметил Сварог. – Доведется, увидим и собственно аэродром, и местный воздушный парад, и небо в алмазах увидим. А равно как и много других чудес и диковинок... Кстати, все хочу спросить – вам еще не надоело? Я имею в виду всякие диковинки и разнообразные чудеса.

– Не знаю... сам не пойму, – ответил Рошаль, с опаской глядя вниз, на удаляющуюся землю. – Вот бегать надоело, если честно, маскап. Я, право же, не Олес, то бишь недостаточно молод и недостаточно горяч для подобных занятий. Хотелось бы, по меньшей мере, передышки, а по большому счету, – охранитель вздохнул, – определиться как-то хотелось бы. Скажем...

Закончить мысль Рошалю не дал пилот Юж-Крагт – закончив обнюхивать летательный аппарат и вытирая руки ветошью, он подошел к своим пассажирам, лицо его прямо-таки светилось дружелюбием.

– Ну чего, взлетим нормально. А бог даст, так еще и сядем, где нужно...

– Не загадывали бы вы, а? – поморщился Рошаль.

– А что такого? – искренне удивился авиатор. – Можем сесть, а можем и хрястнуться...

– Никогда на таких штуках не летал, – быстренько сменил неприятную тему Сварог. – Как она работает, не просветите?

– А чего там просвещать! Во, глядите-ка. Разгоняемся по этой горке, накапливается заряд, потом магнето дает искру, включается мотор – и пока мы парим в воздухе, что твой кирпич, лопасти набирают обороты, дабы мы не шваркнулись раньше времени... Делов-то. Ладно, пошли причащаться, – и от избытка дружелюбия он хлопнул Рошаль по плечу, отчего тот чуть не перелетел через ограду платформы.

На краю лифтовой площадки трепыхались на ветру тряпичные стенки белой палатки – к ней-то и увлек авиатор пассажиров, взяв под локотки. Полог, откинутый пилотом, украшала вышивка золотой нитью: буквы «У. А.» над распростертыми крыльями. Овальный столик в центре, лавочки вокруг, белый сифон, маркированный теми же буквами «У. А.» и теми же крыльями, бокалы на толстой ножке, – больше ничего внутри палатки не было. Надавив на рычажок сифона, авиатор наполнил три бокала прозрачной пенистой жидкостью.

– У вас запрещено садиться за руль в трезвом виде? – с интересом спросил Сварог.

– Да вы, ребята, дикие, словно из лесов Акомболы. Это ж всего-навсего энергин. Чтоб вы на высоте не задохались, как рыбы в сухих песках Садаккеев. Там же наверху разреженный воздух, не знали?.. А вы, часом, не из Балора?

– Нет, – со всей искренностью ответил ему Сварог, – мы из другого тупичка.

– Ну и хорошо. Тогда за мной анекдот про то, как три балорца поймали кар-

лика с золотой дудочкой. А сейчас... – авиатор взял свой бокал, прикрыл глаза, его лицо стало вдруг очень серьезным и даже каким-то одухотворенным.

Сварог догадался, что совершается некий устоявшийся предполетный ритуал. Неизвестно, что за напиток шипит и пенится в бокалах (но не яд – Сварог, разумеется, проверил жидкость на наличие яда и такового не обнаружил) и действительно ли он снижает воздействие разреженного воздуха, однако не стоит отказом настраивать против себя человека, которому вверяешь свою жизнь. Ладно, что нам стоит подыграть. Пусть даже и горька окажется микс-турка...

*– Что море поет?
Что ветер судачит?
Что чайка кричит?
Что сердце плачет
До края полно
Одно?*

– негромко, даже с каким-то надрывом продекламировал пилот.

*– Море поет,
Ветер судачит,
Чайка маячит,
Сердце плачет
День за днем
Там, где белый дом,
Белый дом
Над холмом седым –
Серебро и дым,
Серебро и дым
Всегда.
Куда?
Куда
Они
Одни, одни, одни?*

И Юж-Крагт выпил бокал до дна. Смысла стихов Сварог не уловил, но похоронно-упадническое их настроение очень ему не понравилось. Не с таким настроением надо в воздух подниматься... Однако делать было нечего, и он осушил свой бокал. Его примеру, чуть поколебавшись, последовал и Рошаль. Пресловутый энергин на вкус оказался сильно газированной шипучкой с легким травяным привкусом. Не встает колом во рту, однако и без подобного удовольствия вполне можно было бы и обойтись.

Когда они покинули палатку, лифт уже достиг стартовой площадки.

– По местам, бескрылые! – зычно скомандовал авиатор Юж-Крагт и первым занял свое место – в носовой части аэропила, перед панелью управления, являющей собой лес рычагов. – Шлем и очки под сиденьем!

Через кабину от носа к хвосту тянулись тросы, на которых были подвешены кресла для пилота и пассажиров. Пассажирских кресел было аж шесть, пустующие сейчас были сдвинуты назад до упора. «Ага, – сообразил Сварог, – кресла закреплены не намертво, их можно передвигать. Значит, где-то имеется кнопка».

«Кнопки» в виде двух рычагов он обнаружил под подлокотниками. И быстро, без магической помощи, освоил управление простейшим механизмом, на-

поминающее управление инвалидной коляской: двигаешь правым рычагом – кресло ползет по тросам к хвосту, шуруешь левым рычагом – к носу.

– Эй, бескрылые, не балуй без команды! – прикрикнул авиатор. – Взлетим, тогда и будете кататься.

– Яволь, герой люфтваффе, – легко согласился Сварог. Командир всегда прав, не так ли? – а у этой этажерки командиром был Юж-Крагт.

Хорошо, что у кресел предусмотрены опоры для ног, напоминающие ножные упоры зуболюбных кресел, иначе высидеть весь полет, болтая ногами, было бы непросто.

Рошаль, страдальчески морщась от неприятных воспоминаний о прежних своих полетах, натянул шлем, подозрительно похожий на подшлемники строителей, и нацепил очки, не менее подозрительно похожие на мотоциклистские.

– Даю отсчет! – прокричал пилот. – Три, два, один... Поехали!

Он освободил колеса от тормозных колодок, и машина заскользила по платформе. Сердце ухнуло, когда аэропил клюнул носом – совсем как в детстве, когда вагонетка американских горок срывалась вниз со стартовой площадки и какой-то миг казалось, что – все, сейчас лететь, кувыркаясь в воздухе, пока не хряснешься всеми костями оземь. Но обходилось – вагонетка благополучно съезжала по деревянному желобу и мчалась, мчалась, набирая скорость, обгоняя ветер, заставляя мужиков жмуриться, а женщин визжать. Обошлось и сейчас. Колеса задрезжали по глубоким, фиксирующим их, как ногу в лыжном креплении, желобкам. Ударил в лобовое стекло тугая воздушная струя, побежали слева-справа за окнами салона прощальные пейзажи острова...

Аэропил набирал ход. Машину мелко потряхивало, машину норовило подкинуть ввысь, но специальной конструкции желобки крепко держали колеса, не выпускали их из своего захвата.

Аэропил вошел в перигей пусковой эстакады, тело вдавило в кресло, как на учебной центрифуге. Впереди замаячил обрыв – трамплин взлетных горок обрывался аккуратно над лазурными водами океана. Если что не так – допустим, магнето не включит моторы вовремя или пропеллеры не наберут достаточную скорость, – то аппарат рухнет в воду... что, разумеется, гораздо лучше, чем шандархнуть к клювом о землю, взрываясь и разлетаясь на обломки... Кто бы, как говорится, спорил. Сзади протяжно застонал Рошаль – вот уж кому несладко приходится, так это мастеру старшему охранителю. Лицо верного сподвижника было белее мела, но он старался держаться молодцом. Ничего, брат, терпи...

И еще раз рефлекторно екнуло сердечко, на сей раз в момент отрыва от «американских» стартовых горок. Но беды не вышло, никто никуда не рухнул. Наоборот – вышел полный летный ажур. В хвостовой части «ероплана» шкваркнуло, треснуло, полыхнуло ярко-голубым, потом загудел, оглушительно застрекотал мотор, и пропеллер принялся набирать обороты. Образно выражаясь, аэропил расправил крылья и устремился курсом на горизонт.

Торчат в центре салона, аки тополь в чистом поле, более не имело смысла, и Сварог, орудуя нужным рычагом, стал перемещать себя в носовую часть. Рошаль счел за лучшее остаться на месте. Сварог же, скользя в кресле по тросам, добрался до носового предела и занял позицию по правую руку от пилота.

– Красота! – авиатор кивнул на бегущий внизу океан.

– Согласен! – громко сказал Сварог, перекрикивая грохот винта, и сдвинул «консервные банки» очков на лоб. – Ничего отвратительного пока не наблюдается.

– А вы молодцом держитесь, господин пассажир, другие, бывает, начинают блевать, еще от края не оторвавшись. Летать доводилось? – спросил Юж-Крагт – совсем таким же тоном, каким его спрашивал Гран-Тай насчет не доводилось ли плавать.

– Да так как-то... – ответил Сварог, и пилот уважительно кивнул.

– Так вот анекдот про балорцев! Поймали три балорца карлика с золотой дудочкой. Ну, как обычно, тот и говорит им на чисто балорском языке: «Кто на этой дудочке сыграет мой любимый марш Сигга Близорукого...»

И пошло-поехало. Пилот сыпал анекдот за анекдотом, что твой пулемет, и очень скоро стало понятно, что балорцы служат здесь этаким местным аналогом чукчей. Но на том дело не закончилось. Исчерпав балорский запас, веселый авиатор перешел к похотливым и хитроумным женщинам, к мужьям, внезапно возвращающимся из дальних странствий, к любовникам в шкафу... Стало быть, впереди всенепременно ждут политические анекдоты, анекдоты про Каскад и – свежачок – про Иных. Как уже убедился Сварог, при всей разности миров, населяющих их народов, технической развитости и пестроте обычаев смеются люди, в общем-то, над одним и тем же.

Рассказчик травил анекдоты и сам же над ними хохотал; что ни говори, такой спутник как нельзя устраивал Сварога – весь как на ладони, никакого второго дна, в душу не лезет. Понятное дело, довольно скоро он начнет тяготить, но ведь можно и не вслушиваться в его неумолчную трескотню, относиться к ней как к шумовым помехам, сродни реву мотора...

Сварог и не вслушивался. Сварог, на всякий случай, приглядывался к рычагам и приборам, к манипуляциям авиатора Юж-Крагта – корпел над ребусом «как управлять аэропилотом». Сей ребус труднейшим не казался, все ж таки Сварог не новичок в пилотировании всяких воздухоплавательных вычуров, в том числе и летающего антиквариата. Можно было и вовсе упростить себе задачу, подключив старушку-магию, но... ведь чем сложнее, тем интереснее, не правда ли? К тому же некуда торопиться и нечем особо заниматься, не слушать же, в самом-то деле, со всем вниманием развеселую историю про то, как однажды король Сигг Близорукий повстречал в лесу колдунью в овечьей шкуре!..

И уже через четверть часа Сварог мог отодвинуть Юж-Крагта (а если вдрызг надоест с анекдотами, то и выкинуть весельчака за борт), спокойно занять кресло авиатора и повести машину правильным курсом. Конечно, его пилотаж будет лишен летчицкого пижонства, а также придется обойтись без хулиганских выходов вроде пролетов под мостами и над поездом, но с главным Сварог управится – без большой необходимости не упадет.

А под фюзеляжем «этажерки» все еще расстилался океан. Погодка сегодня стояла распрекрасная – тишь да гладь, божья благодать. И, не то радуясь погожему дню, не то выискивая чего бы пожрать, из воды то и дело выныривали блестящие спины каких-то рыбин... а может, и не рыбин, а скажем, дельфинов местного производства. Блеснет в солнечных лучах мокрый бок, и шлепнется он обратно в родную стихию, подняв тучу брызг.

Смекнув, что его шутки не имеют шумного успеха, пилот свернул разговор-

ный жанр, а, поскольку молчать в небе, видимо, просто не умел, то запел – совсем как персонаж товарища Крючкова в «Небесном тихоходе». И, к удивлению Сварога, у него оказался весьма приятный тенор:

*– Жил да был один король.
Где, когда – нам неизвестно:
Догадаться сам изволь.
Спал без славы он чудесно,
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.
Право так!
Ха-ха-ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!
Был грешок один за ним:
Выпивал он презрительно.
Но служить грешкам таким
Для народа не накладно:
Пошлин он не налагал —
Лишь по кружке с бочки брал
В свой подвал.
Ха-ха-ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!*

Наконец показалась серовато-туманная полоса берега. Ближе к материку стали попадаться и корабли – судя по желтым буйкам на воде, в основном, рыболовные. А вот промелькнул прогулочный катер с намалеванной на борту русалкой, на его палубе со всеми удобствами, в шезлонгах, расставленных вокруг столиков с напитками и фруктами, расположилась развеселая компания: молодые повесы в ярких набедренных повязках и девицы, не обременившие себя даже повязками. Одна из наяд помахала рукой пролетевшему над ними аэропилу. В ответ аэронавт Юж-Крагт, ясное дело, игриво покачал крыльями... Нет, ну чем не утопия, в самом-то деле? Да ну их к черту, этих Иных, со всеми их подпольями и революциями...

По мере приближения береговой полосы плавсредства различных величины и конструктивных особенностей стали встречаться чаще, но среди них Сварог не заметил ни одного парусного. Что так, интересно? Электричество изобрели раньше паруса? Или просто от паруса отказались, предпочтя менее капризную, нежели ветер, энергию? Авиатора Крагта он спрашивать не стал, чтоб не напороться на град встречных вопросов. Тем более, авиатор был поглощен распеванием очередной песни. На сей раз он затянул монотонную и явно длинную балладу, под которую, верно, хорошо раскачиваться в пивной, отбивая ритм кружками:

*«Я завтра дом родной покину,
Оставлю пашню и быка».
«Привет! А кем ты станешь?»
«Солдатом Пятого полка.
Пойду я по горам и долам,
Воды не будет ни глотка,
Но будет торжество и слава —
Ведь я из Пятого полка!..»*

Что ж, а если до паруса здешние умные головы отчего-то не додумались, то-

гда есть все шансы вмиг стать богатейшим человеком планеты. Была б, как говорится, охота...

Внизу промелькнул желтоватый песчаный пляж, усеянный белыми крапинами ракушек. Возле прибрежных зарослей стоял олень, он поднял рогатую голову, но не испугался, не унесся в лес, сверкая копытцами. Видимо, пока не бьют их здесь с воздуха, не освоен еще местной знатью этот вид коротания аристократической скуки.

Над материком аэропил начал набирать высоту.

– Город Некушд! – сообщил авиатор Юж-Крагт, показав рукой направо. – По-ди, *отсюда* вы его еще не видели...

Сварог повернул голову и увидел в иллюминаторе гигантские иглы, вырастающие вдали над зеленым, колышущимся морем лесов. Великое множество остроконечных спиелей, покрытых яркими точками красных и зеленых огней, делали Некушд похожим на окаменевшего исполинского дикобраза, которому набросили на иголки новогоднюю гирлянду. Аэропил поднялся еще выше, что позволило разглядеть матово-белые купола, вздыбившиеся над городом эстакады, блеск отражающих солнце крыш. И что-то повсеместно быстро-быстро шевелилось, словно... мириадные полчища саранчи покрывали Некушд, и эта саранча слаженно копошится. Что сие означает, Сварог так и не понял.

Он поискал в себе какие-либо чувства, соответствующие моменту, например, любопытство к новому, неведомому миру или хотя бы легкое ностальжи по прошлой жизни – ведь Гаранд, с точки зрения технического развития, напоминал Землю больше Талара и Димереи вместе взятых... И не находил ничего. В душе было спокойно и пусто, как будто он ежедневно летал аэропилем по этому маршруту. Да-с, господа, человек очень быстро привыкает ко всему на свете – даже к путешествиям по мирам... Сварог обернулся на Рошалю – как там мастер старший охранитель? Мастер старший охранитель был ничего себе. Сидел, вцепившись в подлокотники, как ворона в раскачиваемую ветку, но в иллюминатор смотрел с жадным любопытством. Смотри-смотри, чернильная твоя душа, тебе ведь все это в диковинку...

– В Некушде живет одна моя... одна из моих невест, – сообщил Юж-Крагт. – Служит при кухонном дворе Объединенного посольства. Когда мы вместе с ней проматываем мои денежки, то непременно наведываемся на бои до третьей крови. Она, видите ли, любит острые ощущения. Она, видите ли, без этого не может испытать всю полноту ночных ощущений. Каково, а?

Машина зарылась в облака, и город пропал из поля зрения. Иллюминаторы заполнила белесая клочковатая вата. Иногда сквозь просветы удавалось разглядеть голубые лужицы озер, серые жилы дорог, коричневые прямоугольники пашен.

– Начинаю снижение! – прервав очередную песню, доложил пилот. – Опустимся, где и приказано, точнехонько в предместье Васс-Родонт, во владениях старины Жоэ, не будь я Юж-Крагт, авиатор в третьем поколении, гроза птиц и любимец всех женщин, начиная от пятнадцати лет и заканчивая восемнадцатью. Другие тоже, конечно, от меня без ума, но мне это уже безразлично. Как говорят в Унии, у меня от этого пропеллер не крутится. По этому поводу, кстати, есть хороший анекдот. Отправился раз король Сигг Близорукий в поход...

Под монотонное журчание очередной истории о короле Сигге, который в

иных местах в иных фольклорах успешно заменил бы товарища Чапаева, Сварог задумался о делах грядущих. И так, они приземлятся где-нибудь поблизости от города. И так, загадочный Визар каким-то манером найдет их. И ничего удивительного в том не будет – ежели учесть, что он загодя знал об их прибытии... И что потом? Поможет ли знакомство с лидером Иных в поисках Двери или же, напротив, помешает?..

– Проклятье! – ворвался в мысли Сварога крик уже далеко не веселого воздухоплователя.

Сварог бросил взгляд на Юж-Крагта, на его побледневшее лицо, на выпученные глаза, на вытянутую руку, перевел взгляд на лобовое стекло и увидел белый дымный след, идущий от земли. Белая дуга на глазах удлинялась, устремляясь к аэропилу.

– Вверх!!! – заорал Сварог пилоту, уже, в общем понимая, что все бесполезно, что *этой* «этажеркой» за оставшиеся секунды не сманеврируешь.

Впрочем, авиатор все-таки попытался увернуться. Вжал ноги в педали скорости, схватился за рычаги подъема, потянул на себя до упора...

Но исправить уже ничего было нельзя.

Аэропил сотряс удар. Уши заложило от адского грохота. Сварог увидел, как за лобовым стеклом на небесном фоне проносится лист с загнутыми и изорванными краями, оставляя за собой угольно-черный шлейф, а спустя несколько мгновений сверху на их головы посыпалась темная, колкая крупа, что-то забарабанило по крыше и стенам салона. Запахло горелым. Гул пропеллера стих, мотор издал несколько безнадежных чихов и заглох. И тут со всех сторон мерзко захрустело, будто трескалась скорлупа гигантского ореха.

– А я думал, что все эти разговоры о секретных разработках – брехня хлебнувших лишнего униаторов![131] Выходит, все-таки придумали, гады, противоздушный снаряд! – прозвучал голос авиатора Крагта. – Ну и влипли...

А машину сильно накренило на правое крыло и потащило вниз. Победоносно завыл ветер, аэропил покинул слой облаков. В лобовом стекле замелькали буро-зеленые разводы. Земля надвигалась со стремительной неотвратимостью.

Глава шестая **ЭКИПАЖ ЖЕЛАЕТ ВАМ ПРИЯТНОЙ ПОСАДКИ**

— **С**можешь выправить и спланировать? – быстро спросил Сварог.

– Куда там! – махнул рукой пилот. – Теперь только купол спасения...

– Чего? Парашют, что ли?..

Авиатор Крагт рывком выдвинул из-под панели управления ящик, достал из него большие кусачки.

– Шут или кто другой, не знаю... Купол спасения – он и есть купол спасения... Пристегивайтесь. Ремни на спинке и подлокотниках. Да покрепче!..

«Накаркал, Уточкин долбаный...»

Юж-Крагт наклонился к педалям и перекусил сперва один трос, идущий за педалями поперек салона, потом другой.

Сварог, разумеется, помнил о том, что ему разбиться в лепешку при падении с высоты не грозит, но ведь на его спутников магическая страховка ларов не распространяется! И, если судьба певца-авиатора Сварога волновала постольку поскольку, то совершенно невозможно потерять таким глупейшим образом верного соратника Гора Рошаля. Однако, судя по всему, этот пе-

вещ-авиатор видит выход из поганой ситуации. Какой-то купол спасения... Ладно. Упомянутые ремни Сварог нашел без труда. Не заняло много времени и разобраться, как их затягивать и застегивать. А вот бедному Рошалю приходится ох как тяжко...

– Пристегивайтесь, масграм, – сказал он, не глядя на соратника. – Похоже, у здешних воздухоплателей предусмотрено что-то вроде катапульты... Короче говоря, даст бог, не упадем, как утюги со шкафа.

– Как утюги не упадем... – напряженным голосом заверил авиатор Крагт. Он ловко щелкал застегками, потом большими пальцами оттянул застегнутые ремни, отпустил, добившись звучного шлепка, и поинтересовался: – Готовы, бескрылые?..

– Готовы, орел ты наш нетонуший, – буркнул Сварог.

И авиатор, что есть мочи прокричав: «Давай, родимый!», – наклонился еще раз к панели управления и выдернул за круглые набалдашники два длинных металлических штыря.

Сперва раздались звуки, похожие на хлопки сигнальных ракет, затем последовала серия оглушительных лязгов... А потом за лобовым стеклом промелькнули части внешней обшивки аэропила, уносясь к земле.

У-ух! Их закрутило и завертело. Загудели тросы, удерживающие сиденья, сами сиденья заходили ходуном, как лодки на штормовой волне. Низ живота сжало, как при прыжках на батуте. В глазах мелькнуло небо с сизыми клочками облаков – катапульту развернуло, они теперь летели вниз головой. И летели, что характерно, в свободном полете. Ремни вдавливались в тело, тело вжимало в кресло, кресло протестующее скрипело...

Над головой раздался мощнейший хлопок, словно взорвалась бутылка шампанского. Челюсти клацнули, сердце раскидаем запрыгало на резинках артерий, а в ушах зазвенело от прилива крови, когда катапульту подкинуло вверх, что твой футбольный мяч. И – развернуло нормальным для пассажиров образом. Да-с, господа, на троне сидючи, как-то забываешь о славном вэдвэшном прошлом. А оно возьмет да и напомнит о себе. По голове дубиной. Дескать – не забывай, соколик, кто есть на самом деле...

На этом свободное падение, слава Аллаху и прочим небодержцам, окончилось. Начался плавный спуск.

Отдышавшись и проморгавшись, Сварог увидел за лобовым стеклом край огромнейшего белого купола. На память сразу пришли парашюты, на которых сбрасывали из десантных самолетов танки – так вот этот купол спасения был разика в два пошире танкового парашюта.

Сварог покосился на Рошалю и тут же отвел взгляд. На охранителя больно было смотреть. А что поделать? Нечего. Так что – потерпи, старина. Еще немного, еще чуть-чуть...

Спускаемый аппарат, он же – спасательная капсула, он же – бывший пассажирский салон аэропила с примастяченной к нему кабиной вполне плавно и в согласии с законами аэродинамики опускался к земле. Впрочем, гораздо быстрее спуска по вертикали происходило их движение по горизонтали: парашют попал в воздушный поток, и этот своего рода небесный Гольфстрим повлек добычу одному ему ведомым течением. Через те же, что и прежде, иллюминаторы и лобовое стекло они могли созерцать увлекательное полетное кино – всякие там леса, поля и деревеньки. При этом гадая, где и на кого повезет

шлепнуться.

– Спуском управлять можно? – без всякой надежды спросил Сварог.

– Хрена! – зло оскалился аэронавт. – Будем дрейфовать, отдавшись стихиям. Мы сейчас в таком же положении, в каком оказался король Сигт в балорском плену. Не знаете этот анекдот?..

– Кто нас подбил? – перебил Сварог.

– Каскад, кто ж еще... Ума не приложу, как они доперли, что это несанкционированный полет, все разрешающие знаки на месте, высота официальная, курс легальнейший...

Впереди показались пока туманные, но с каждой минутой полета становившиеся все более четкими очертания большого города. Очень большого.

– Ого! Несет прямо на столицу! На Вардрон!

Предместья закончились. А город начался не с врат, не с городской зубчатой стены и не с одноэтажных домиков, а с серого пояса шириной больше чем в лигу, охватывающего, похоже, весь город по периметру. Это был пояс ветряных двигателей. Неутомимо вращались, перемалывая ветер, тысячи широких лопастей на десятках тысяч ветряков. Впечатляло.

Заросли ветряков прорезали дороги, по которым ровными рядами двигались разноцветные точки. Поскольку ничего похожего на лошадей, можно было предположить, что это ни что иное, как автомобили...

А Сварог вспомнил вид сверху города Некушд, наводящий на мысль о трепещущей крыльями саранче. И на крышах Вардрона – а крыши уже были видны – наблюдалась та же картина.

– Вот и окраина, квартал Божественных Снов, – бубнил аэронавт – за болтовней, что ли, страх прятал? – В самый центр несет, не хватало только приземлиться на королевский дворец...

И под этот жизнеутверждающий прогноз они вплыли в город, прошли над эстакадой, над прозрачным рубиновым куполом, отразились в чаше открытого бассейна, в котором плескались горожане...

От земли их отделяло где-то около полулиги, снижение продолжалось, и по всему выходило, что грохнутся они действительно где-нибудь в черте города. Потому как конца-края столичному граду не видно, тянется и тянется, уходя за горизонт. Н-да, ну и дела. «Пожалуй, так по-дурацки я еще в города не попадал», – подумал Сварог.

– Чувствуешь себя преглупо, – сдавленно сообщил Рошаль, словно прочитав его мысли. – Парашютиком одуванчика, с которым играет ветер... И блевать хочется.

– Очень поэтично, – проворчал мастер капитан. – Очухались, масграм?

– Никогда себе не прощу, что имел неосторожность связаться с вами...

– Лучше по сторонам смотрите, уважаемый, – когда еще дома в сорок этажей увидите.

– Да подите вы...

Их полет мог оборваться гораздо раньше, чем спускаемый аппарат естественным образом достигнет земли. В первую очередь, имелись все возможности для того, чтобы впилиться в один из островерхих шпилей, кои вздымались над городом. Правда, в столице их было поменьше, чем в Некушде – там то целый лес шумел подобных игл...

Внизу заблестела река, протекающая через город. На реке наблюдалось

оживленное судовое движение, и, опять же, среди больших и малых судов не отыскалось ни одного парусного. Берега связывали между собой круто изогнутые мосты без опор, щедро иллюминированные электрическими огнями.

Еще удалось увидеть издали столичный аэродром. Вернее, целый аэродромный парк, по площади равный иному городу. Зигзаги взлетных «американских горок» переплетались, проходили одна над другой, но все как одна обрывались над речной водой. А под этими стартовыми трассами располагались строения, большие и малые – ангары, топливохранилища, ремонтные цеха, а также залы ожидания, бары, рестораны, гостиницы и прочая фигня.

Ясное дело, на мосту, на набережной, на улицах, в общем, повсеместно люди останавливались, задирали головы и показывали на небо. Кто-то на месте Сварога был бы сам не свой от счастья – как же, выпало в кои-то веки оказаться в центре внимания бесчисленного числа людей, стать главным событием дня в жизни огромного мегалополиса! Так вот с этим «кем-то» Сварог с удовольствием поменялся бы местами.

Красота, конечно, лепота, бесплатная воздушная экскурсия, мечта туриста, в бога душу мать. Вот еще бы в конце пути ждал пятизвездочный отель и симпатюшки-горничные в белоснежных наколках...

– Наверное, повиснем на эконо-тросах, – порадовал прогнозом авиатор. – Или на линиях подпитки...

Сварог не стал спрашивать, на каких таких тросах и почему они должны на них повиснуть – ему было глубочайшим образом плевать, застрянут они в проводах или, допустим, шлепнутся в фонтан. И оттого, что ты не можешь повлиять на исход, а вынужден, как зритель, тупо дожидаться финала, охватывала нешуточная злость.

– Если кто отстегнул ремни, рекомендую вновь пристегнуться, – сказал Юж-Крагт. – Да поживее.

Действительно, пристегнуться поживее не мешало – их капсула стремительно пролетала на уровне верхних этажей домов, что окружали некую площадь, и активно снижалась. Площадь была идеально круглой формы, а размерами, думается, могла бы посоперничать с небезызвестной в ином мире Красной площадью. По центру возвышался памятник, сверху трудно было разобрать кому – человеку или же какому другому существу, разве что можно было определить, что постамент высок и широк. И народищу внизу, вокруг да около памятника, толклось как на базаре в субботний день. Не задавить бы кого ненароком...

Впрочем, несмотря на размеры площади Сварог видел, что им не суждено опуститься на нее аккуратнейшим образом. А суждено им влепиться в стену одного из домов...

– Подбородок к груди, за подлокотники держитесь! – заорал пилот.

Бежевая стена, отсвечивающая окнами и опоясанная длинными балконами, неотвратимо надвигалась. Столкновение с ней – дело каких-то секунд. Если что и отменит сию неотвратимость, то это будет либо провидение, либо внезапный порыв встречного ветра...

В глаза, как это обычно и бывает в подобных случаях, бросались всякие несущественные мелочи: арочный проем окна, оконная рама белого цвета с нанесенным поверх бледно-желтым рисунком вязью, широкий карниз, ниши в стене, где стоят то ли каменные пушечки, то ли грифоны, заваленный ма-

ленькими подушками диван за оконным стеклом... Вот к стеклу прижалось чье-то перекошенное ужасом лицо, человек бросился наутек в глубину помещения...

И вовремя.

Капсула ударила в окно, вышибая его к чертовой матери.

Разлетелось не только окно дома, но и лобовое стекло салона. Приборную панель засыпало стеклянное крошево, и внутрь хлынули уличные звуки: лязги, гудки, крики, свистки, визг и скрежет...

Их многострадальную гондолу мотыльнуло, будто кораблик в девятибалльный шторм. Зубы же клацнули, как у скелетов в шкафу, – и Сварогу пришло в голову, что магия ларов обещает сохранение жизни, но отнюдь не зубов. К тому магия ларов гарантирует лару мягкую посадку, а за то, что может случиться по дороге к посадке, она ответственности не несет. Случиться же, как показывает нынешний разудалый полет, может всякое...

На поцелуе со стеной увлекательное воздушное путешествие, разумеется, не закончилось, потому что еще предстояло приземлиться. Теперь гондолу понесло в сторону от дома, предположительно – в направлении памятника. «Еще не хватало об скульптуру долбануться для полной красоты. Не авиарейс, а тридцать три несчастья...»

О скульптуру не долбанулись, однако ж, в полном согласии с законами физики, о землю хряснулись со всей дури – точно так же девятибалльный шторм опускает на скалу кораблик, под громовые раскаты бури и демонический хохот морских демонов. Здесь же впору хохотать было демонам местных ветров и воздушной стихии...

Кресло заходило вверх-вниз на натянутых и гулко гудящих тросах. Сыпалась сверху какая-то дрянь, трещало со всех сторон, капсулу накренило на левый борт под углом градусов в тридцать. Сквозь иные звуки пробился сильный шорох – не иначе, то на гондолу опускался, обволакивая, «купол спасения».

Уж на что Сварог легко переносил всевозможные пилотажные кувыркания, но на этот раз и его слегка замутило. Он закрыл глаза, пережидая, когда сердце закончит прыгать и займет свое место, желудок перестанет спазматически сжиматься, а кресло под ним прекратит ходить ходуном. Закончилось, перестало, прекратилось.

– Живы, Рошаль? – открывая глаза и поворачивая голову, спросил Сварог.

– Да. Если это можно назвать жизнью, то – да, – глухо ответил Рошаль, дрожащими пальцами расстегивая застёжки ремней. Лицо мастера охранителя было бледным, как маска смерти.

«Гимнасты воздушные, космонавты, блин, Гагарины хреновы! – злился Сварог, вновь закрывая глаза. Злился не на кого-то конкретно, злился вообще, на стечение идиотских обстоятельств и на вынужденное им подчинение. – Спасательная капсула приземлилась в точно заданном районе, рапан ему в душло и тридцать раз против резьбы!»

– Граф, посмотрите-ка... – донесся до него встревоженный голос Рошаля.

Сварог круто обернулся к кабине. Веселый авиатор Юж-Крагт лежал бездвижно, навалившись грудью на панель управления.

– А, дьявол! Только этого не хватало...

Сварог, освободившись от пут, что удержали его в кресле во время воздуш-

ных кульбитов, спрыгнул на покатоое дно катапульты, ступая по каким-то балкам, добрался до места пилота. Откинул Южа на спинку кресла.

– В бога душу мать! Как глупо!

Юж-Крагт был мертв. Ему не повезло. Не выдержали ремни безопасности, порвались, и аэронавт ударился виском об один из рычагов. Неужели ремни гнилые? А ведь Юж, несмотря на свое легкомысленное отношение к жизни, застегнулся на все застёжки и крепко затянул ремни – Сварог сам это видел... Странно. Ну теперь-то уж чего гадать...

– Мертв? – безучастно поинтересовался Рошаль, продолжая возиться с ремнями.

– Мертв, – коротко ответил Сварог.

– М-да... Что ж, по крайней мере, он умер без мучений и не теряя присутствия духа. Нам бы так...

На это мастер капитан ничего не сказал. Маскап пробирался к боковому эвакуационному люку.

– И как мы, мастер Сварог, отобьемся от горожан? – резонно спросил Рошаль, соскальзывая с кресла. – На нас навалятся, едва мы высунем нос из этой штуки.

– А шут его знает, – честно ответил Сварог.

И только тут до него дошло, что они не только не имеют понятия, где находится это поместье Васс-Родонт. Они не имеют ни денег, ни документов, ни оружия.

Глава седьмая УЛИЦЫ И ЗДАНИЯ

Сдвигшийся купол спасения накрыл собою гондолу нежно и плотно, как снег горные вершины. Поэтому недостаточно оказалось, дернув за рычаг, заставить вывалиться наружу овальный эвакуационный люк. Пришлось еще и резать прочную парашютную ткань.

Можно, конечно, было подождать, когда тебя извлекут из-под обломков, но Сварога тревожили утекающие песком сквозь пальцы секунды. Чувство опасности прямо-таки вопило о необходимости убираться отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Это потом уже можно будет перевести дух, собраться с мыслями, наметить новые ориентиры...

Сварог не стал мудрить и с магией повышенной сложности. Запалил прощенный огонь на пальце, прожег дыру в ткани купола. Из того же ящика с инструментами, из которого покойный авиатор доставал кусачки, Сварог еще раньше выудил стеклорез. Для каких надобностей входил стеклорез в летчицкий комплект, сказать было затруднительно. Или это был вовсе даже не стеклорез, а предмет для резки совсем другого материала – например, обшивки аэропила, или, вообще, специальное приспособление для выскребания грязи из-под пилотских ногтей во время полета – короче, неизвестно. Однако с резкой парашютной ткани фигня справлялась на «ура». Вот и ладушки, и на том спасибо.

– И сразу на прорыв, – жарко шептал за спиной Сварога мастер охранитель. – В переулки, во дворы, в подвалы. Нам – в особенности *вам*, граф, никак нельзя попадаться в лапы Каскада...

Ткань со скрежетом разошлась под резак. Раздвинув края, Сварог выбрался из-под купола сам, помог выбраться Рошалю, огляделся, пробормотал:

– М-да... боюсь, будет не так-то просто избежать теплых объятий столичных жителей...

Капсулу уже окружало плотное кольцо зевак, и новые зеваки активно сползались к месту происшествия. Одежда на всех была практически одинаковая, – а именно того фасона, что и у горе-летунов, – различаясь лишь цветом и формой пряжек на поясах. И, что характерно, такие костюмы на большом количестве людей уже не выглядели шутовскими нарядами... Более того, они казались вполне уместными и полностью соответствовали декорациям – высоченным зданиям, монорельсовым дорогам, изящным виадукам и прочим обязательным атрибутам романов-утопий. У вардронцев прошел шок – прошел и страх. Успокоились аборигены, видя, что на их головы больше ничего не сыплется, что им не грозит ливень из тяжелых спускаемых аппаратов, и, понятно, их тут же потянуло на интересное – как всегда тянет на пожар или на ДТП. И вот теперь зеваки смыкали дружные ряды вокруг белоснежной груды купола спасения. Большинство просто глазели и обменивались впечатлениями, подходить слишком близко, наступать на купол и стучать по корпусу гондолы, проступающему под белой тканью, пока решались лишь мальчишки и не вполне трезвые граждане.

Явление воздухоплателей народ встретил невнятным гулом – то ли так у них принято выражать коллективную радость, то ли массы охватило всеобщее подозрение: «А уж не шпионы ли на нас рухнули, а не надо ли навалиться на этих шпионов всем миром, чтоб ручки-ножки подлюгам скрутить, законных тумачков навешать и препроводить куда следует»... Ага! А вот нарисовалась вполне ожидаемая фигура: по-хозяйски раздвигая плечами толпу, грозно покрикивая на вардронцев, не уступающих вовремя дорогу, к месту происшествия пробирался крупный усатый дядька в темно-синем плаще с вшитыми в ткань блестящими нитями. Эткими грозными и бравыми ледоколами ходят сквозь скопления граждан исключительно блюстители порядка, которые могут называться по-разному – городовые, постовые, шерифы, – но сущность и повадки у них одни и те же во всех странах-государствах. Одинаковая служба – она, знаете ли, завсегда накладывает одинаковый отпечаток, будь то служба военная, будь то служба полицейская. Да и плащичек у усатого дядьки, по всему чувствуется, казенный. Хотя бы потому, что ни у кого больше на площади таких плащичков не наблюдается...

Е-мое, вот те еще сюрприз! Сварог с удивлением обнаружил, что они, оказывается, едут. Ну да! То-то он беглым взглядом еще сверху уловил некую несообразность. Теперь ясно, в чем дело: эта ихняя веселая площадь разбита на радиальные кольца, и кольца эти движутся, причем – с разной скоростью. Те, что располагаются ближе к центру – перемещаются медленнее, дальние – быстрее. Их же аппарат рухнул где-то посередине и огибал памятник по кругу со средненькой скоростью.

Движущиеся тротуары. Чистой воды аттракцион, столичная удумка, чтоб поражать бесхитростных провинциалов, чтоб тем было за чем ехать в столичный град со своими денежками – на чудо дивное глянуть своими глазами, соседям и детям будет что рассказать. В каждом главном городе любой наугад взятой страны есть свое чудо-диво – мавзолей, поющие фонтаны, дворец правителя, где-то собачки говорящие...

Тротуары тротуарами, но надо что-то делать. Сколько можно топтаться на

месте, как буриданову ослику. Долее тянуть нельзя.

– У вас есть какие-нибудь идеи, маскап? – вот и Рошаль справедливо стал торопить. Какие-то идеи в голову приходили... и тут же уходили прочь ввиду своей непригодности. Отвести глаза? Сварог никогда не отводил глаза столь большому количеству людей и не был уверен, что у него получится. Вообще не был уверен, что это осуществимо. Но что-то делать надо! Или же просто двинуть напролом, взявшись за руки, и действовать в зависимости от реакции горожан?..

– Мастер Сварог, – Рошаль позвал его зловещим шипением сквозь зубы. Насколько Сварог изучил мастера охранителя, подобные модуляции его голоса свидетельствовали о крайней степени опасности. – Посмотрите направо. Вон там, за их спинами, около крыльца в форме символа «рю»...

Сварог, конечно же, посмотрел направо. На краю площади, перед одним из домов на неподвижной проезжей части стояли два безлошадных экипажа, напоминающие гоночные автомобили начала века – длинные, обтекаемые, приземистые. Несомненно, местный аналог автомобилей – называемых как-нибудь вроде «электроходов». Дверцы были распахнуты, и от авто к гондоле бежали люди в развевающихся иссиня-черных плащах с зеленой подкладкой. Кабы не эти движущиеся кольца-тротуары, между которыми имелся зазор, образующий небольшую ступеньку, автомобили добрались бы до самого места приземления, а так пассажиры вынуждены были пересекать площадь на своих двоих...

Чувство опасности прямо-таки вопило – очень уж серьезные ребятки бежали в их сторону. Все как на подбор здоровые, откормленные, прущие вперед с наглостью хозяев жизни. Зеваки с их пути отскакивали в панике, словно от армады бульдозеров. Большинство этих черно-зеленых хлопцев сжимали в ладонях что-то типа коротких жезлов. Еще – у всех плащи горбились на спине так, будто под ними были рюкзаки. А некоторые держали черные коробки с проводами и время от времени поглядывали на них (по поводу этих коробок Сварогу на ум почему-то выскочило воспоминание из школьных времен: кабинет физики, лабораторные работы, амперметр)...

Да, братцы, тут уж впору бить во все пожарные колокола. Это вам не городской, которому можно задурить голову или, на худой конец, дать в рыло и слинять...

И тут озарило.

– Внимание! Вардронцы! – во всю силу легких заорал Сварог, поднимая руку. – Внимание! Подойдите ко мне, подойдите ближе! Слушайте! Вы оказались в месте проведения учений Каскада. (Городовой уже раздвигает плечами второй ряд зевак, а хлопцы в черно-зеленых плащах уже на подходе к скоплению людей вокруг капсулы.) Учения продолжаются! Даю вводную! Внимание! Разыгрываются дорогие призы. Очень дорогие призы для самых исполнительных горожан! Цель – добежать до... – Сварог огляделся, – до железных ворот, – и показал в сторону, противоположную той, откуда неслись черно-зеленые. – Первые десять финишеров получают призы. Очень дорогие призы! Повторяю! Десять первых финишеров получают очень ценные призы. К финишу! За мной!

И раньше, чем Сварог прокричал это «за мной», многие сорвались с места.

Как показывает практика, люди повсюду одинаковы. Кабы за призом надо

было нестись на другой конец города, многие остались бы на месте, а забег на короткую дистанцию под силу даже толстякам и сердечникам. Кабы приз был обещан всего лишь одному победителю, многие также бы призадумались над предложенной вводной, – а тут все ж таки целая десятка победителей, шансы есть. К тому же, психология толпы – она и в Африке, и в Короне психология толпы. Стоило сорваться одному, не выдержал и второй, а вскоре уже помчались и все остальные, может даже не понимая, зачем им это надо, просто – «Динамо» бежит, все бегут. И я вместе с ними.

Сварог неся, стараясь не вырваться вперед, стараясь оставаться в гуще или, на актуальный спортивный манер выражаясь, в пелетоне. Да и не очень-то вырвешься. Потому как Рошаль спринтерских чудес не показывал, а приходилось равняться на него. И даже приходилось его подгонять, чтобы и вовсе не отстать от пелетона на радость преследователям.

Сварог на бегу прикидывал отход и, когда спортивная гуща спринтеров проносилась по скверу, разбитому на последнем движущемся кольце, напролом через кусты и по скамейкам, мастер капитан свернул в сторону и увлек за собой спотыкающегося охранителя. Из сквера они заскочили в ближайший переулок. Бежали недолго – до первой попавшейся двери.

– Туда!

Сварог схватил Рошаля за рукав, развернул и толкнул в сторону высокого крыльца.

– Нельзя же! Надо уйти как можно дальше! – с трудом выдавил из себя запыхавшийся охранитель.

– Наоборот. Некогда объяснять, масграм, – сказал Сварог, толкая дверь. – Потом. Не забудьте перейти на шаг и натянуть беззаботную улыбочку.

Шагнув за порог, они попали в просторный холл, залитый электрическим светом. Холл освещала гигантская люстра под высоким потолком и светильники на стенах в виде белых шаров на затейливо изогнутых бронзовых ножках.

– Не останавливаемся, масграм, и не крутим головой, – прошептал Сварог. – Мы у себя дома, мы не заблудшие какие-нибудь.

Взяв охранителя под ручку, Сварог наклонился к нему с улыбкой, зашевелил губами – короче, сделал вид, что они увлеченно беседуют. Если вдруг они и поведут себя как-то не так, не в согласии с местными нравами и обычаями, то посторонним предлагалось списать сии неувязочки на поглощенность разговором. Вполне житейское дело, право, ну заболтались люди...

Они неторопливо пересекали холл. Бросая по сторонам взгляды, Сварог ориентировался на ходу. Много колонн, много позолоченной лепнины, несколько мозаичных полотен на стенах, множество кресел и диванчиков там и сям, а перед диванчиками непременно маленькие столики, воцеленный паркет под ногами. По всему залу, в основном возле колонн, которых тут понапычено было сверх всякой меры и необходимости, стоят загадочные ящики самых разных габаритов. Приземистые и вытянутые, тихо гудящие и молчаливые, с рычагами и без оных.

Установить предназначение ящиков на взгляд не получалось. На ум приходили лишь игральные автоматы типа «однорукие бандиты» или автоматы для продажи мелкого товара вроде сигарет. Но те обычно наполовину прозрачные, или на них имеются окошечки, в конце концов намалеваны реклам-

но-разъяснительные рисунки и надписи. На этих же – ничего подобного. Все как один выкрашены в унылый шаровый цвет, и никаких тебе зазывно подмигивающих огоньков и разноцветных картинок. Разве что удалось заметить несколько мелких и напрочь непонятных рисунков-символов – вроде трилистника, перечеркнутого красным крестом, или двух змей, шипящих друг на друга.

Так. В углу за низким столом сидят трое мужчин, солидных во всем – от возраста до дородности, что-то пьют из дымящихся чашечек кофейного образца. Бургеры по очереди посмотрели в сторону вновь прибывших и отвернулись, как от чего-то малоинтересного. Отлично.

Под мозаичным панно, изображающим некое народное гуляние вокруг раскаленного докрасна камня, стоял внушительных размеров деревянный стол, за ним восседала миленькая барышня с глубоким вырезом на трико и в зеленом берете. Девушка подняла на них глаза, в ее взоре читался немой вопрос.

Сварог был уверен, что их окликнут. Однако ж нет, девушка лишь проводила их взглядом и более ничего. Выходит, они выбрали правильную линию поведения для этого места? Даже не зная, куда именно попали и какие тут в ходу правила. Вырулив из-за колонны, мимо Сварога и Рошалья прошла дама в коротком плаще, с серьгами в виде золотых сосулеч до плеч и в манерной шляпке с темной вуалью. Мазнула по ним взглядом, чуть задержавшись на Свароге. После чего опустила глаза на пояс Сварога, тут же гордо вскинула голову, высокомерно поджала губы и проследовала своим курсом. Ах, вот мы кто такие! Аристократка, презирающая плебеев. Мы, значитца, для нее знатностью и происхождением не вышли-с. Не до обид, конечно, милочка, но знала бы ты, что созерцаешь самого что ни на есть короля. И не единожды короля. А равно графа, лорда и вообще настоящего полковника. Хоть догоняй и разъясняй...

Сварог искал лестницу или коридор, но увидел нечто иное, что тоже вполне годилось, а именно – металлическую клетку, за которой в электрическом свете блестела деревянная обшивка кабины. Лифт. То, что нужно.

Остановились возле лифта.

– Да говорите же вы что-нибудь, масграм, – чуть ли не взмолился Сварог. – Изображайте горячий спор. Мне необходимо время.

Вот чем Рошаль хорош – в один миг схватывает ситуацию. Умеет моментально *вратать* в нужный образ. И сейчас он сходу, без пауз и раскачки, принялся играть разгоряченного диспутом интеллигента, даже ухватил Сварога за край плаща, как порой, в пылу разговора, иные говоруны крутят пиджачную пуговицу собеседника. Однако, в отличие от Сварога, мастер охранитель не просто шевелил губами, а напористо произносил вслух некий текст:

– И не надо со мной спорить, граф! Первая наша задача – пополнить скудную государеву казну. Но как пополнишь, когда воруют? Особо же не стесняются те, кто сидит далеко от князева дворца, – дескать, не дотянутся до нас руки. Вы согласны, граф? Но погодите ж – дотянутся, ухватят да взыщут. Для того и желает князь знать, кто, где и сколько уводит от государевой нужды. Ну а иначе, как скрытным глазом, про то не вызнать... Граф, я ясно излагаю?

А граф шарил взглядом по решетке, по металлической раме, по стенам и никак не мог взять в толк, как же этот лифт отпирается. За дверную ручку, как принято у всех нормальных людей? Так нет же ручки! Нажатием какой-нибудь кнопки? Так где ж она тогда, сто тысяч чертей вам в печень? Рошаль про-

должал нудеть над ухом:

– Каждый алькавид, дворянин на службе или простой деревенский староста с кем-нибудь в родстве состоит, а где родство, там друг друга покрывают, и новое воровство учиняют сообща. Потому, мой дорогой граф, князю надобно точно знать, кто кому и кем приходится...

И нельзя дергать решетчатую створу, трясти и раскачивать – короче говоря, нельзя демонстрировать расхаживающим по холлу людям свое полное незнание элементарных вещей. Чревато, знаете ли, совершенно лишними погонями и глупейшими потасовками.

Пришлось – вот стыд-то! – для такой ерунды подключить магию. Верная помощница магия помогла и на сей раз, подсказала – дверца лифта поднимается кверху, а браться следует за прибитый снизу деревянный брус. Единственное оправдание, какое мог Сварог подыскать своей постыдной недогадливости, – цейтнот, в котором им приходилось действовать.

– Что это вы там за пургу такую гнали, дорогой Рошаль? Простите великодушно за жаргон, – спросил Сварог, проходя в кабину вслед за охранителем и опуская за собой решетчатую створу.

– Указ покойного князя Саутара «О том, как строить службу охранения короны княжества Гаэдаро», – ответил охранитель. – Неужто проняло?

– А! Понятно. В общем, да, – впечатлило...

Не легче было разобраться что к чему и в кабине лифта. Привычной кнопочной панели не обнаружилось. Сплошные рычаги. Блин, как они здесь любят рычаги, просто патологическая любовь какая-то! Чего ни коснись – за рычаг ухватишься. Сварог ухватился за рычаг, под которым был прибит ромбик с цифрой «7» – наибольшей цифрой из имеющихся. Предположим, что сие означает верхний этаж.

Что сие означает, предстояло узнать в дальнейшем, а пока лифт, мелко задребезжав, поехал вверх.

– Фу-у!

Гор Рошаль, тяжело дыша, опустился на пол, покрытый толстым бордовым ковром. Охранителя вымотал полет, добило приземление, а потом еще добавила мук пробежка. Он даже не удивился тому, что комнатка размером с платяной шкаф вдруг поехала вверх. Стоит лишь удивляться, откуда взялись у него силы на ролевою игру по дороге к лифту...

– Сие называется лифт, мастер Рошаль, – торопливо разъяснил Сварог. – А также подъемник и элеватор – короче, ерундовина, придуманная для тех, кому лень подниматься по лестнице. Будем преображаться, мастер Рошаль. Собственно, за этим я сюда и заскочил. Чтоб в тишине и спокойствии, без помех и треволнений неузнаваемо преобразиться, лишь бы зеркал поблизости не случилось. С нашими рожами, которые видело полгорода, разгуливать не рекомендуется...

Сварог не долго размышлял, чьи личины пустить в дело. Припомнил Дако и Гран-Тая и без колебаний позаимствовал их обличья. Существовала, конечно, опасность, что подводники-контрабандисты находятся в каком-нибудь всеимперском розыске, но выбирать не приходилось. Короткое заклинание, в кабине повеяло холодом – и, как говорится, вуаля, получите! Теперь жители града столичного увидят перед собой безусого юнца (бывший Сварог) и жилистого седовласого старика с длинным лицом (бывший Рошаль). Просим любить и

жаловать.

Столько дел, можно сказать, переделано, а тихходный лифт еще только миновал второй этаж. Сквозь решетку удалось рассмотреть просторное фойе с белыми шарами светильников по стенам, узорчатый ковер, уходящий вдаль коридор. Возле лифта перетаптывался какой-то тип в желтом плаще, он тоскливо проводил взглядом поднимающуюся кабину. Судя по всему, этот лифт не останавливается на этажах по вызову, что просто здорово – им не помешает перевести дух, в особенности мастеру охранителю. Курить хотелось до худа, но Сварог сдерживался. Неизвестно, как отреагируют на сигаретный дым местные жители, – а вдруг курить в здании запрещено под страхом расстрела на месте?..

– Кстати, хотел у вас спросить, Рошаль, вы не рассмотрели памятник на площади?

– Какой, к Ловьяду, памятник...

– Я вот тоже не удосужился. Все-таки, надо так понимать, одна из главных в этом городе достопримечательностей. А может, и во всей Короне... Интересно, что это за здание, как думаете?

– Если б мы были на Димерее, я бы сказал, что это точно не гостиница. Нет стойки с ключами от номеров, да и в гостиницу нас так просто не пустили бы, – Гор постепенно приходил в себя, он уже поднялся с ковра. – Не похоже и на жилой дом... Скорее всего, это место, где под одной крышей расположились разные учреждения. Но не государственные, раз нет охраны. Торговые учреждения, скорее всего.

– Похоже, – согласился Сварог. – Однако охрана может и на этажах находиться... Впрочем, мы не станем покидать наш уютный лифт. Зачем нам это? Доедем до упора, дернем рычаг с циферкой один, поползем назад и выйдем на свободу совсем другими людьми, которых никак не должны увязывать с подбитым аэропиллом. Как вам, кстати, мой новый облик?

– Во-первых, эту, простите, граф, рожу я вижу не впервые, а во-вторых, она может проходить по иным противозаконным деяниям, кои нас совершал ее исконный обладатель до своего ухода под воду. Лучше бы вспомнили Пэвера или хотя бы Вало – их-то уж точно здесь никто не видел.

– Ну-у, шанс невелик. Да и потом, дорогой мастер Рошаль, я не хочу пользоваться личинами людей из другого мира. Никогда, знаете ли, не пробовал. Есть вероятность несовместимости одного с другим, а сейчас не до экспериментов и исследований. Ну а кого ни возьми из моих знакомых на этой планете, все не в ладах с законом... Ладно, давайте подумаем, масграм, как нам держаться...

Видимо, Сварог все-таки погорячился, дернув за рычаг последнего этажа. С такой скоростью, какие демонстрируют лифты этого мира, они доберутся до цели разве что к старости. Мимо проплыл только пятый этаж, прямо-таки утопающий в зелени, где среди кадок с декоративными деревьями, под разлапистым папоротником, растущим на небольших клумбах, под плющом, увивающим стены, стояли уже знакомые Сварогу по холлу ящички непонятного предназначения.

– В таких случаях я своим агентам рекомендовал личину гостя города, – сказал Рошаль, задумчиво потирая переносицу. – В нашем случае подходят роли провинциалов, которые всегда могут оправдаться незнанием столицы, но...

– Отлично, – перебил Сварог. – Тогда, на всякий случай, мы прибыли с экскурсионными целями... из колониального городишки... ну, допустим, Митрак. Не могут же они помнить названия всех заштатных городов?

Услышав слово «Митрак», Рошаль помрачнел.

– Ну хорошо, хорошо, – Сварог решил понапрасну не травмировать мастера охранителя неприятными воспоминаниями. – Пусть будет Йошкар-Ола. Совершенно не вижу, почему бы в дальней колонии среди лесов и болот не раскинуться славному городишку Йошкар-Ола...

– А документы?

– Ого, неужели добрались!

Добрались. Лифт-тихоход смачно лязгнул металлическими суставами и замер. Раз приехали – пора и в обратный путь, пока заждавшиеся пассажиры внутрь не полезли. Сварог переключил рычаг над ромбиком с цифрой «1». Никакого эффекта. Тогда он попробовал рычаг номер два. С той же нулевой результативностью.

– Может быть, сперва выйти надо, потом снова зайти, тогда и заработает, – предположил Рошаль.

– Не исключено.

Сварог, прежде чем выходить, решил все-таки испробовать все рычаги. Но – не успел.

Потому что отовсюду на них обрушился дребезжащий звон. Отвратительнее звука придумать было трудно, будто враз включили тысячи электрических школьных звонков, выведя их громкость на максимум. Звонки захлебывались на этом проклятом максимуме и не думали умолкать. А вскоре к звону добавился дверной стук и топот множества ног.

– Похоже, по зданию объявлена тревога, – с мрачной ухмылкой сказал Сварог и нашарил рукоять шаура. – И, не иначе, по нашу душу.

– Боюсь, как бы они не блокировали весь район и не устроили тщательную поквadratную облаву...

– Как бы там ни было, а лифт они вырубili, масграм, так что делать в нем совершенно нечего.

И Сварог поднял решетчатую створу.

Глава восьмая ЗДАНИЯ И КРЫШИ

В коридорах седьмого этажа развевались разноцветные плащи бегущих людей. Люди торопились к лестнице. Контингент процентов на восемьдесят составляла молодежь, у некоторых папки в руках, а люди в возрасте представлены исключительно лицами мужского полу, почти все с ухоженными короткими бородками, в одинаковых головных уборах. А прибавьте сюда еще портреты на стенах, где изображены лобастые, бородатые мужи на фоне книжных полок, или на фоне каких-то мудреных механизмов, или на фоне пробирок... «Так это ж университет! – вдруг осенило Сварога. – Ну, там, институт, колледж или королевский лицей. По крайней мере *этот* этаж отдан под учебное заведение...»

Они стояли на пороге лифта и, так сказать, на берегу людской реки. Примыкать к потоку или, вернее, к оттоку с этажа ни один из них не предлагал. Оба помнили о документах, которые – тут и к бабке не ходи – станут проверять на выходе из здания: иначе что это за облава? А с документами у них обстоит,

признаться, неважнецки. Нету таковых, понимаешь ли, даже самых заваливающих нету. Черт бы побрал этого Визари...

– Пойдемте водички изопьем, – предложил Сварог, – чтоб не торчать тут, как занозы в пальце.

Правда, на них не обращали никакого внимания, не до каких-то посторонних было студентам, студенткам и профессорам с доцентами. Учащаяся и учащая публика, по всему похоже, стремилась покинуть здание в какой-то отведенный для этого срок, как на учениях по гражданской обороне. И вообще, создавалось впечатление, что тревогу тут играют не впервой – уж больно слаженно и организовано они покидали свой этаж. Однако отойти в сторонку все равно не мешало: вдруг найдется какой-нибудь ретивый ответственный за ГрОб и прилипнет клещом: «Чего вы ждете, бегом-бегом, нельзя здесь оставаться, давайте я вас провожу», – и отбивайся потом от него...

Чаша, из которой бил фонтанчик, располагалась в углу небольшого фойе, в окружении скамеечек и декоративных листовенниц в кадках. Сварог снял с полки деревянный стаканчик, подставил под струю. На стаканчике имелся рисунок: меч, раскалывающий солнце. Надо так понимать, сие есть герб учебного заведения университета, где солнце символизирует непознанное, а меч – всеокрушающее знание. У водички между тем обнаружился минеральный привкус. «Во, заодно и здоровьишко подправлю», – подумал Сварог.

Один из стремящихся к лестнице, человек профессорского облика, вдруг встал как вкопанный, звонко хлопнул себя по лбу, развернулся, рванул обратно, отпер одну из дверей, забежал в комнату и через минуту выскочил оттуда, прижимая к груди небольшой светло-коричневый цилиндр с черными заглушками.

– Не иначе, пенал с документами забыл, – заметил Сварог. – Что поделаешь, ученый муж, – по-отечески вздохнул Рошаль, – рассеянный по их всегдашнему обыкновению.

– Попробуем отсидеться, масграм, – сказал Сварог. – Смею надеяться, что с одним из этих дверных замков я управлюсь. Переждем тревожные времена где-нибудь на кафедре, под шкафами с заспиртованными в банках уродцами. Не будет же облава открывать каждую дверь... Ну наконец-то!

Наконец-то прекратился тревожный звон, от которого уже, право слово, начинали ныть зубы. Во славу тишины Сварог выпил еще водицы. Между тем людской поток схлынул. Прошел, солидно ступая по паркету, несомненный ректор или декан – уж больно надменный и значительный у него видок, уж больно по-важняцки вышагивает. Наверное, как капитан, он последним покидал свой корабль-этаж.

– Давайте зайдем за эти пихты, масграм, – прошептал Сварог. – Не стоит попадаться на глаза сему ответственному товарищу...

Не попались. Ответственный товарищ благополучно проследовал до лестницы, и этаж обезлюдел. Они подождали еще немного и, убедившись, что вокруг тихо, отправились подыскивать, так сказать, комнату отдыха от облавы.

Странное, надо сказать, охватывает ощущение, когда идешь пустынным коридорами: гулкие шаги «бум-бум-бум» разлетаются, рикошетят от стен, а ты знаешь, что за стенами лежит неизвестный и непонятный город насквозь чужого мира... От таких мыслей оторопь берет, продирает до самых пяток такое ощущение, что угодил в некую петлю времени, где время остановилось и от-

куда уже никогда не выбраться...

Они повернули за угол и лоб в лоб столкнулись с притаившейся там парочкой.

Юноша и девушка. Первым порывом студентов было развернуться и убежать, но порыву они не поддались, остались на месте, выжидательно и настороженно глядя на двух незнакомцев. Незнакомцы же поступали в точности так же – выжидательно глядели.

Девушка с густой гривой светлых непослушных волос набралась храбрости, вздохнула глубоко и произнесла:

– Вы тоже не хотите унижаться перед абагонами, да?

– Я похож на человека, который унижается перед какими-то абагонами? – возмутился Сварог в обличье молодого Гран-Тая.

– Ненавижу абагонов, – вступил в разговор юноша. И по тому, как это было сказано, Сварог догадался, что это за абагоны такие.

«Ненавижу копов», «не терплю ментов», «проклятые ажаны» – и так далее. Все эти фразы повсеместно произносятся с одинаковой интонацией. Абагоны – это, конечно, местное прозвище блюстителей порядка. Или, тьфу-тьфу-тьфу, агентов Каскада.

– Собираетесь прятаться от них? – девушка наморщила веснушчатый носик и, не дожидаясь ответа, сказала, как припечатала: – Прятаться от абагонов унижительно. Они глупые и мерзкие. Поэтому надо делать все им наперекор. Они хотят, чтобы мы проходили через их дурацкие приборы, а мы пойдем своей дорогой. Мы знаем, как отсюда выбраться без всех этих унижительных процедур. Пойдете с нами?

Раздумывать было не над чем.

– Да, – сказал Сварог. Если вспомнить его нынешнюю личину, то стеснительное немногословие при общении с симпатичной девчушкой донельзя органично вписывалось в образ.

Ведомые юными максималистами, играющими в оппозиционеров, они вышли на лестницу, где затихал внизу дробный топот, и двинулись по ступеням вверх.

– На чердак так просто не попасть, – говорил юноша, перескакивая через ступеньки, – там дверь бьет разрядами, кто к ней прикоснется. Но вы сейчас увидите, что мы придумали!

Парнишка остановился на площадке – там, где лестница делала поворот, задрал голову, вытер руки о плащ, подпрыгнул, ухватился за край ниши, в которой тускло блестела решетка, нашел опору для ног в неровностях штукатурки, подтянулся, запустил пальцы в металлическую ячею... и спрыгнул вниз уже с решеткой в руках.

– Забирайтесь. Не бойтесь, не испачкаетесь, – успокоила девчушка. – Мы часто пользуемся этим ходом, там давно уже все вытерто нашими плащами.

И они полезли. Последним забрался студент – оказывается, он снял пояс, привязал один конец к решетке, забравшись, подтянул решетку на пояс и вставил на место.

Отверстие вентиляционной шахты было довольно-таки широким, не пришлось протискиваться и проскальзывать ужом. А благодаря тому, что лаз был обит железом, одежда действительно не пачкалась о грязные стены, не цеплялась за всякие шероховатости, и ничего не сыпалось на головы.

Путь вышел недлинным, вскоре закончился еще одной решеткой, сняв которую, они спрыгнули на дощатый пол чердака. Переступая через балки и тросы, тревожа залежи чердачной пыли, добрались до слухового окна, распахнули его, выбрались на крышу...

И угодили в царство ветряков. Не крыша, а настоящий лес из ветряных двигателей, чащоба, за которой не видно ни города, ни неба. Лишь стояки и лишь мельтешащие вверху лопасти. И стоит шорох, какой издают рассекающие воздух крылья птичьей стаи. Сквозь однообразное «жух-жух-жух» Сварогу почудились крики.

– Удивлен? – спросила девушка у «Гран-Тая». – А ты, наверное, думал, что после Первой Искры на крыши и мышь не выскочит, да?

– Вообще-то, именно так я и думал, – не стал спорить Сварог.

– И куда теперь? – поинтересовался Рошаль.

– Тут недалеко, – парнишка махнул рукой. – Абагоны не доберутся и до этажа ветряного управления, а нас уже не будет в этом доме. Здорово мы их проведем, правда?

– Еще бы, – согласился с ним Сварог.

– Вы знаете, мы с Эломом ничего не боимся, – девушка взяла своего друга за руку и посмотрела на него снизу вверх таким влюбленным взглядом, что так и тянуло сказать банальное: «На свадьбу не забудьте пригласить». – Мы даже курсовую работу с ним сейчас пишем знаете про что? Про искажения образа Императора, представляете? Да-да! Собирая материал, мы побывали с ним почти во всех городах Короны, и теперь собираемся объехать протектораты Гвидора.

– Пойдем, Элора, некогда, по дороге расскажешь, – и юноша по имени Элом уверенно повел группу через дремучий лес ветряных двигателей. Они огибали стволы ветряков, перешагивали через толстые кабели, как через поваленные деревья, а над головой шумели металлические крылья. Девушка по имени Элора не умолкала ни на миг:

– Мы ездили с этюдниками по городам и зарисовывали памятники Императору. Набралась целая коллекция, мы даже думаем в ближайшее время устроить выставку в университете. Приходите. Будет на что посмотреть. Император у нас один, а его изваяния не похожи друг на друга. Изваяния, как вы знаете, имеются в каждом обитаемом уголке, и все они разные. Нам встречались императоры стройные, как юные князья, упитанные, как торговцы мясом, с проступающим под трико брюшком. В одной из деревушек, где жителей-то всего полтора человека, у памятника властителя Короны маялся почетный караул из двух детишек, в городишке Гикорг каменный Король был настолько широкоплеч, что герой Тентон сдох бы от зависти. А в городе Эстой стоит изваяние Императору высотой в половину человеческого роста. Издали кажется, будто памятник поставлен какому-нибудь знаменитому местному карлику. А самое смешное изваяние... Ну, я вам потом расскажу.

– Вот мы и пришли, – сказал юноша Элом. Они достигли края крыши. До крыши соседнего здания, тоже покрытой зарослями ветряков, было метров пять открытого пространства. Короче, не факт, что допрыгнешь. Или, вернее будет выразиться, факт, что не допрыгнешь, если ты не мастер спорта по скачкам в длину или не шведский подданный Карлсон, который живет на крыше.

Что ж, теперь, когда взгляду не мешали ветряные насаждения, можно было

вволю насладиться панорамой столицы. Только отчего-то не тянуло ею любоваться. Верно оттого, что они уже досыта насмотрелись на местные красоты – сперва с облачной высоты, затем с высоты птичьего полета и, наконец, с высоты полета упавшего с подоконника утюга.

– Всего десять шагов, и вы на другой стороне, – тем временем юноша Элом вытащил из-за ближайшего стояка длинную доску и протягивал ее над рукотворной пропастью. – Главное, вниз не смотреть. Зато мы оставим абагонов в дураках!

«Берегись мостов», – вспомнилось Сварогу предупреждение колдуньи. С тех пор он, конечно, одолел немало мостов и ничего с ним не случилось, но, если всерьез относиться к предсказаниям Грельми, где-то же все-таки ждет его *тот самый* мост... Впрочем, мостов бояться – по мирам не бродить.

– А вы уверены, ребята, что в том здании не гремит тревога? – спросил Сварог.

– В том-то и дело! – девушка аж подпрыгнула на месте и хлопнула в ладоши. – Ты просто запутался и не понял, куда мы вышли. Это же музей истории Короны! Другой квартал! А абагоны никогда не оцепляют два квартала одновременно. Я же говорю, что они все глупые и мерзкие...

«Хорошо, коли так», – мысленно вздохнул Сварог и повернулся к охранителю:

– Как вы, осилите? Жесткой необходимости нет. Можем остаться на этом берегу.

– Ничего, справлюсь. Доска широкая. – Но было заметно, что охранитель нервничает. С высотой у него отношения всегда складывались не самым гладким образом.

Дабы успокоить масграма, Сварог наклонился к нему и прошептал:

– В случае чего я лишу вас веса, как тот броненосец, не забыли? Не дам вам разбиться, и не надейтесь.

Хотя Сварог не был железно уверен в том, что обещанный фокус у него выйдет как надо, случись Рошалю действительно сорваться с доски, но он постарался не выдать голосом сомнений. И ободряющие слова подействовали, охранитель заметно успокоился. Вот она, господа правдолюбы, неоспоримая польза лжи...

А ложь, между прочим, далась Сварогу не без труда еще и оттого, что он определенно ощущал некий неуют, глядя на этот провал и мостик над провалом. На сердце было беспокойно. Или это он сам себя разбередил думами о предсказаниях колдуньи?..

– В путь, – юноша Элом ступил на доску первым. И, явно рисуясь, бегом перебрался на соседнюю крышу. Его верная подруга, хоть и не бежала по доске, однако справилась с задачей не менее ловко.

Настала очередь Рошалю. Охранитель ступил на доску, будто на эшафот. Было видно, как дрожат его ноги. Но он пересилил себя и пошел, разбросав руки в стороны. Голову он держал высоко поднятой, чтоб – не приведи Тарос – взгляд нечаянно не соскользнул вниз. Главное, что он не останавливался, хуже нет в таких случаях остановиться – вот тогда тебя и впрямь закачает, ноги сделаются ватными и с пяток до макушки пронзит страх...

Фу, все, камень с души: Рошаль добрался до соседней крыши, машет оттуда рукой. Значит, смутного происхождения беспокойство разыгралось на пустом

месте.

Сварог шел последним. Уж в себе он не сомневался. Задача – не задача. В десантную бытность гоняли их и не через такие препятствия. Сварог даже бросил взгляд вниз – так, исключительно из мальчишеской бравады. Внизу, между растающими в землю домами, пролегла небольшая улочка, по которой передвигались немногочисленные люди-лилипуты и проезжала сейчас лишь одна крохотная машина.

Голова не закружилась, ноги не подкосились, вестибулярный аппарат не дал осечек, – короче говоря, рефлекс в порядке. Он поднял голову...

Соседней крыши не было.

А был вагон.

Серые с белой верхушкой спинки кресел проплывали мимо, и ему вслед глядели те, кто сидел в этих креслах. Какие-то люди, что ли... Он шел не по доске, перекинутой с крыши на крышу, а по серой ковровой дорожке, проложенной вдоль вагона. Дорожка безукоризненно точно вывела его к дверям, целиком прозрачным, сверху донизу.

Он оглянулся. Сзади – все в тумане, смытые очертания то ли кресел и существ в креслах, то ли все-таки крыши, ветряков и неба над ними. Но назад хода нет – это очевидно. Потому что от него как раз и *хотят*, чтобы он повернул назад.

Сварог взялся за дверную ручку и, понимая как-то, каким-то непронумерванным чувством, что ничего у него не получится, попытался повернуть. Ничего и не получилось – створки словно срослись, остались издевательски прозрачной монолитной стеной. Он усилил нажим, но дверные половины не расходились, не выпускали его. В стекле смутно, смазано отражались предметы за его спиной. И в этом отраженном мире из кресел первого ряда выросла тень, метнулась к нему. Темный силуэт возник за спиной, надвинулся. Высокое, грузное и тяжело дышащее прижало Сварога к двери, расплющило щекой о стекло, заставило разбросать руки в разные стороны.

Лишающий воли страх пронзил клетки его тела, все до единой. Страшно было посмотреть назад, пошевелиться, дышать...

Сварог почувствовал, как в волосы заползли пальцы, прошлись от затылка к макушке. В лишившемся звуков пространстве раздался гулкий щелчок. Следом – тихое монотонное шипение. И он то ли увидел в отражениях дверей, то ли догадался, не видя: со спины к его волосам подносили крохотное пламя зажигалки. Послышалось потрескивание, в ноздри ударило паленым. Тошно-творная вонь, треск горящего волоса, а по позвоночнику бегут теплые волны... наслаждения. Смесь омерзения и какого-то противоестественного сладострастного томления...

Его опутывали магической паутиной какой-то незнакомой, *иной* природы. Рассчитывали, что он будет не готов к такой внезапной атаке. И он оказался не готов.

Ясно, чего добиваются – сломать. Чтобы он перестал сопротивляться, чтобы воля ушла, как вода из разбитого кувшина... А вот хрена вам!

Сварог обернулся. И ничего это не дало. Мир, в котором он оказался, тоже развернулся вокруг своей оси. То тяжело дышащее, сопящее, придавливающее к дверям, подносящее огонь к его волосам, осталось по-прежнему за спиной... И это враз его успокоило. Он никуда не перенесся. Он по-прежнему на крыше.

Это наваждение. Всего лишь наваждение. Представление. И бить надо тем же самым...

Сварог сосредоточился, *представил* в своей руке Доран-ан-Тег. И – почувствовал, что ладонь сжимает рукоять верного топора. Развернулся, взмахивая Дораном. Все, что было сзади, отлетело прочь, смешалось, рассыпалось. Был вагон, и нет вагона – только какие-то серые клочья растворяются в воздухе. Под ногами снова доска, а под нею – провал, и далеко внизу перемещаются люди-лилипуты... А вот впереди еще оставались двери. Сварог снова взмахнул иллюзорным топором, и иллюзия вагонных дверей беззвучно раскололась на две половины, которые тут же, как водой, вымыло из реальности. А вместе с дверями пропал и Доран-ан-Тег.

– Что это вы там выделывали? – голос Рошалья.

– Я же тебе говорил вниз не смотреть! – его хлопали по спине и трясли за плечо. – Почти взрослый человек, а ведешь себя, как ребенок! – к первому голосу добавился сердитый девичий голосок.

Сварог потрянул головой, приходя в себя. Поднес руку к волосам. Все в порядке – значит, это в самом деле было лишь наваждение, и не более того. Но каково... Ладно, проехали. Над причинами и мотивами гадать бессмысленно. В уме ответ на *такие* вопросы не найдешь. Потому – забыли до поры до времени. Сейчас имеются другие, более приземленные задачи.

В здание музея они попали довольно-таки своеобразным образом: среди ветряков располагался купол из толстого темно-синего стекла, утопленный по самую вершину до уровня крыши, по этому-то стеклянному склону они и съехали к основанию купола, аккуратно к небольшому металлическому люку.

– Это для мойщиков окон, – пояснил юноша Элом. – И они люк никогда не запирают.

– Вы, наверное, не догадались, а это верхушка Шара Мироздания, – добавила девушка. – Естественный свет, проходящий сквозь стекло, создает эффект «небесной глубины»... Ты не знал?

– Не-а, – привычно односложно отозвался Сварог, подумав, что весьма полезно было бы побродить по музею истории Короны...

Сперва спускались узкими металлическими лестницами, проложенными по стенам шахты, в которой помещался этот пресловутый Шар Мироздания, потом спускались по служебной лестнице. В одну из приоткрытых дверей Сварог углядел любопытную экспозицию: членистые железные монстры высотой под потолок, неуклюжие, растопыренные, косо-дырчатые. Не иначе, сие есть первые механизмы здешней техноцивилизации. Музей готовит выставку, которая будет называться как-нибудь вроде: «Заря технической мысли» или «Первые шаги прогресса по Короне».

Навстречу попала группа тяжело сопящих грузчиков, перекатом поднимающих вверх по ступеням каретное колесо, по меньшей мере раза в три превышающее колесо обыкновенное. Колесо, ежели это часть новой экспозиции, не поместилось, видимо, в лифт, вот и приходилось ребяткам корячиться...

Они вышли наружу не через центральный вход, а через служебный, и попали не на шумную улицу, а в довольно-таки захламленный музейный двор, откуда, наверное, подвозят новые экспонаты. Взгляд успел зацепить пестрые граффити на стенах – как обыкновеннейшие, по обыкновению всех граффити посвященные проблемам половой жизни во всех ее проявлениях, так и при-

мечательные: «Визари жив», «Визари с нами», «Дави Каскад»... Подворотня вывела их на широкую, забитую людьми и машинами улицу, и здесь Сварог и Рошаль распрощались со студентами.

– На будущее, ребята, – сказал Рошаль. – Не доверяйте случайным людям. Сегодня вам встретились мы, а завтра на нашем месте окажутся переодетые абагоны, и вам не поздоровится.

Да уж, Рошаль знал, что говорил...

– Хорошо! – беззаботно рассмеялся юноша, и, помахав на прощанье, парочка скрылась в толпе.

– Неблагодарно, конечно, но нужда заставила, – когда студенты отдались, Сварог разжал ладонь и показал Рошалю круглую монету с цифрой «10». Подбросил на ладони – монета перевернулась, на реверсе был изображен гриффон. – Выпала из кармана нашего юного друга, когда он убирал доску. А я ее присвоил. Сейчас вернемся в тихий музейный дворик, где я совершу одно из самых тяжелых государственных преступлений – незаконное изготовление денег. А то разгуливаем и без документов, и без денег, как какие-то бродяги, право. Интересно, что можно приобрести на этот червонец.

– Надо было с ними увязаться, – нахмурился Рошаль. – Выдали бы себя за провинциалов, а они нам рассказали бы массу полезного...

– У нас задача – выйти на Иных, – напомнил Сварог. – Сиречь на пресловутого Визари, не забыли? А эта детвора нам не поможет. Тут поможет... Вот скажите мне, охранитель короны: как бы вы искали подпольщиков в чужом городе? Учитывая, что в это поместье, как его, Васс-Родонт, нам сейчас соваться...

Раздался жуткий, пронзительный крик. Они обернулись. Что-то большое, ослепительно блестящее пронеслось сверху вниз, и падение закончилось оглушительным и удивительно чистым звоном.

– Пресветлый Тарос! – вырвалось у Рошалья.

Сварог лишь скрежетнул зубами и глухо выматерился.

Прохожие бросились врассыпную, открывая взгляду пяточок тротуара, на котором остались всего два человека.

А случилось немыслимое и невозможное, в голове не укладывающееся. Почти витринного размера оконное стекло черт знает почему вдруг вывалилось из рамы, спланировало со второго этажа и, как гильотиной, перерезало шею юноше Элому. Голова, с которой так и не сошла беззаботная улыбка, лежала в стеклянном крошечке, забрызганном красными каплями. Девушка по имени Элора опустилась рядом на колени, прямо на осколки, коснулась головы дрожащими пальцами... А потом страшно, истошно закричала.

Сварог и Рошаль потрясенно молчали, место трагедии постепенно заслонили спины смыкающих круг людей.

– С ними, говорите, надо было пойти? – мрачно сказал Сварог и с силой сжал монету в кулаке. – Быстро уходим отсюда!

Ему вдруг пришло на ум, что за последний час погиб уже второй человек, с которым их сводила судьба. И это все меньше и меньше походило на случайность...

Глава девятая ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА

Народу набралось ползала. Большинство сидело в середине, влюбленные парочки устроились сзади, а Сварог и Рошаль расположились сбоку, подалее от любых соседей.

Одна и та же мысль возникла одновременно у обоих, когда они увидели афишу и мерцающий электрическими огнями вход, но высказал ее Рошаль:

– По-моему, вот удобное место, чтобы переждать облаву. Если не ошибаюсь, это театр.

На афише длинноволосый мачо, со шпагой в одной руке и кинжалом в другой, смотрел на прохожих тяжелым взглядом «Граница на замке». По шпаге пробегали синие всполохи искр, к его ногам жалась полуголая пышногрудая девица в растерзанном коротком платьишке, а на заднем плане выростали очертания зловещего замка с ярким огоньком, горящим на шпиле – совсем как звезда на Кремлевской башне. Действо называлось «В объятьях Иного Зла» и даже имело подзаголовок – как это, слоган, что ли? – «Когда попораны все законы, остается закон чести»... И все же мастер Рошаль ошибался – это был не театр. Сварог прочел мелкий текст на афише: «оператор... постановщик трюковых съемок... монтаж... продолжительность...» Но охранителю подобная ошибка была простительна – откуда он мог знать о существовании такого чуда, как синематограф. Движущиеся картинки – вот будет сюрприз для старика...

– Опять же, – продолжал Рошаль, – не лишним будет наконец-то поближе познакомиться с местной жизнью. Обычай, нравы, география, план города. Дабы не попасть впросак на ровном месте. Спокойно изучим ваши книжицы, к тому же из представления, я полагаю, тоже что-нибудь почерпнем.

К этому времени в кармашке на поясе у Сварога уже бренчало энное количество местных червонцев – пришлось немножко поколдовать в безлюдном дворике. В результате перед Сварогом выросла горка монет с гриффом на реверсе, а стена, возле которой все это происходило, покрылась инеем. Что касается книжиц, о которых упомянул Рошаль – лежали таковые в кармане Сварога плаща. Книжицы он приобрел на уличном лотке, расплатившись свежизготовленными «червонцами», – справочник под названием «Столица Короны – жемчужина мира», иллюстрированное пособие для дремучих провинциалов, и жутко дорогая «Энциклопедия моды и установления этикета».

Билеты в кино стоили гораздо дешевле книг, на два билета ушел всего-то один «червонец». Поэтому Сварогу не пришлось уединяться, допустим, в туалетной кабинке и доколдовывать деньги, дабы купить себе и Рошалью по плитке ледяного шоколада. Конечно, совсем не лишне было бы перекусить как следует, но ресторанчика, кафе или на худой конец буфета при кинотеатре не было. Зато стояло там-сям несколько пресловутых загадочных ящичков, таких же, как и в холле многоэтажного здания. И наконец-то Сварог установил назначение хотя бы одного из них.

К невысокой тумбе подошел господин в плаще, расшитом восьмиконечными звездами, откинул крышку, бросил в прорезь монету, затем достал откуда-то из-под плаща гремящие, как погремушки, опутанные шнуром деревянные причиндалы, вставил в разъем на ящичке вилку, поднес к уху один расруб, ко рту поднес другой и принялся разговаривать. Первыми его словами было:

– Подданный Короны Олми-Арч, «черная лилия в белом квадрате». Прошу

соединить с подданной Короны Донорой-Отар, «замерзшая ветвь мимозы».

Во как! Получается, у них тут и телефонная связь имеется. Богато живут, декаденты! Только, пожалуй, несколько перемудрили они со сложностями связи. Хотя... так гораздо легче проконтролировать любой телефонный звонок, а тут еще абонент вынужден называть себя, называть того, кому звонит, – одним словом, спецслужбы в иных местах могли бы позавидовать таким возможностям.

На просмотр ленты приглашали не тремя оглушительными звонками, а весьма своеобразным способом. По фойе ходил человек с шарманкой, обклеенной портретами, не иначе, здешних кинозвезд, и крутил ручку, загоняя зрителей в зал разудалым маршевым ритмом.

Перед началом сеанса на сцену вышли четверо, выстроились в ряд на белом фоне экрана. Двое мужчин, молодой и в возрасте, и две женщины, одна лет двадцати, другая лет сорока. Поклонились. Все четверо держали в руках свернутые в трубку листы бумаги.

– Достославные жители Вардрона, обитатели Короны и гости метрополии! Прошу внимания ваших глаз и благосклонности ваших ушей, – высокопарно сказал, выдвинувшись вперед, мужчина с пышными бакенбардами. – Иоти-Морр, Эгой-Кион, Виско-Брабант и я, старшина квартета голосов Илар-Игольг, готовы служить вам и принять от вас по заслугам нашим. Засим позвольте сойти с пути луча и открыть для вас час удовольствий...

Ага, ну конечно. Сварог уже догадался, кого представляют почтенной публике – чтецов, которые будут озвучивать немой фильм, по бумажкам произносятся реплики артистов. Отсюда и эта парность «старый – молодой»: один отвечает за персонажей помоложе, другой – за голоса людей в возрасте. «А вот интересно, – подумалось Сварогу, – есть у них в артели умелец-имитатор? Кто сможет нам изобразить, скажем, крик петуха, звон разбившейся посуды, скрип половиц, лязг мечей и так далее?..»

Помнится, у них в десантном полку был среди срочников такой талант. Именно благодаря таланту и не вылезал с гауптвахты. Любил, понимаешь ли, охальник разыгрывать ротных офицеров, разговаривая с ними по телефону голосами вышестоящих начальников. А когда однажды он голосом министра обороны маршала Соколова разнес в пух и прах чем-то насалившего ему замполита, после чего последнего с сердечным приступом доставили в санчасть, артиста этого чуть не закатали в дисциплинарный батальон. Спас командир полка, которому позарез нужны были боевые эстрадные единицы для успешных выступлений на смотрах воинской самодеятельности...

Четверка спустилась со сцены и расселась в некоем подобии оркестровой ямы. Кстати, тут же нашел себе место и маленький оркестрик, состоявший из гитары, скрипки и барабана. Свет медленно померк, и тут Сварог вспомнил реакцию публики на премьеру первого фильма Люмьеров – тот, что про прибытие поезда, – наклонился к Рошалю и быстро прошептал:

– Умоляю, масграм, ведите себя пристойно. С места не вскакивайте, не охайте и не хватайте меня за одежду. Просто старайтесь получить удовольствие... Прелюбопытное зрелище, доложу я вам...

Ответ Рошаля заглушил оркестрик, грянувший вступление, но охранитель высказался в том смысле, что, мол, поразить его чем-либо уже сложно.

Тем временем над головой затрепал проектор, и на экране замелькали

первые кадры. И в самом деле – наверное, окажись Рошаль в кино сразу после Гаэдаро, удивлению его не было бы предела, пришлось бы долго убеждать мастера охранителя, что магия тут ни при чем, что все это творение рук человеческих. Однако после того, что видел и претерпел Гор Рошаль на долгом пути из Гаэдаро до Короны, его и в самом деле удивить было трудно – будь то телефон, автомобиль или кинематограф. Рошаль воспринимал очередное чудо как еще один пункт в длинном перечне технических новинок и сейчас, впервые в жизни, смотрел кинофильм без всякого выражения на лице.

Удивительно, но на первых минутах просмотра охранителю, не имеющему возможности *сравнивать*, вернее всего, приходилось даже несколько комфортней, чем Сварогу. Сварог первые минут десять никак не мог привыкнуть к сопровождению немого, черно-белого, подергивающегося и чуть убыстренного изображения живыми голосами, звучавшими всего-то через несколько рядов от тебя. А тут еще голоса не всегда попадали в движение губ, чтецы то и дело отставали от персонажей и потом торопливо наверстывали текст. И непрерывно – то тише, то громче – звучала музыка: оркестрик целиком или соло на одном из инструментов. Все это на первых порах отвлекало от вдумчивого просмотра. Ладно хоть фильм попался не заумный, не для снобов, а вполне китчевый... и даже наводящий на определенные размышления.

Сюжетец *фильма* был незамысловатый, так сказать – легко усвояемый. Дело заключалось в следующем. Маг со знакомым [именем] Визари вел войну против существующего порядка. Целью мага было посеять среди людей смуту и безверие, ввергнуть мир в хаос и, в конечном счете, сделаться единоличным правителем мира. Визари поклонялся какому-то гнусному шестирукому и обезьяноподобному божеству, имени которого упорно не называл, а обращался к нему «О Величайший и Злотворящий». Божество наделяло Визари магической силой, а в ответ требовало человеческих жертвоприношений. К тому же все отправляемые магические ритуалы были построены на крови, так что крови постоянно не хватало. Маг обитал на каком-то скалистом острове, таинственном и мрачном, и оттуда ежедневно его слуги на аэропилах, похожих на хищных птиц, разлетались в поисках новой крови во все концы планеты. Похищенных мужчин убивали на алтарях для жертвоприношений, женщин же заточали в подземелье, где они рожали детей от слуг мага Визари. Младенцев у матерей, разумеется, отнимали и тоже приносили в жертву ненасытному божеству. Как раз сейчас шла сцена, где одна из очаровательных пленниц в подземной келье возлежала на роскошной кровати, под воздушным одеялом, с одним из мускулистых слуг мага – которого сумела в себя влюбить.

– У нас еще есть месяцев пять. Потом тебя должны будут... ты сама знаешь, – с пафосом говорил мужчина, и его рука перебирала ее длинные русые волосы.

– И я больше не увижу своего ребенка, – рыдала несчастная узница – впрочем, достаточно аккуратно, чтобы не поплыла щедро наложенная косметика. – И тебя я больше не увижу!..

– А я твоего малыша не увижу вообще никогда!

– Ты знаешь, я бы отдала руку или почку, даже то и другое и половину сердца за то, чтобы вырваться из этого кошмара и пускай недолго, пускай совсем чуть-чуть, пожить по-человечески. Он, ты и я. Где-нибудь в глуши, где нет людей... Что-нибудь сегодня произошло? Ты какой-то... мрачный.

– Я весь день думаю о том, что как хорошо было в прежнем мире – где нет места магии и чародейству, где законы природы неизменны, понятны и служат человеку... Будь проклят этот мерзкий колдун, который поломал жизни стольким людям!

После чего слуга прижал пленницу к себе, их губы слились в поцелуе. Сварог был уверен, что сейчас последует размыв кадра и начнется новый эпизод. Однако ж ничего подобного! Эпизод продолжился самым что ни на есть эротическим образом.

Женщина откинула одеяло – выяснилось, что в своем узилище она лежала совершенно обнаженной – и призывно распахнулась. С ее губ сорвался громкий стон, когда ее возлюбленный даже не вошел, а вонзился в нее (между прочим, стон был прекрасно озвучен женщиной-чтецом).

– Ого, – сухо прокомментировал Рошаль. – А в Гаэдаро даже за рисунки столь откровенного содержания отправляли в княжеские подвалы – малость остудить художественный пыл...

За то, что творилось на экране, съемочную бригаду в княжеский подвал упрятать следовало надолго. Слово «скромность» создателям фильма, похоже, было просто неведомо.

Слуга мага Визари брал женщину так, как насиляют солдаты, грабящие побежденный город: неистово, зло, стремясь сделать побыстрее свое дело, утолить голод и уйти, даже не взглянув на оставляемую, растерзанную женщину. И женщине это нравилось. Его ручищи легли ей на груди, полностью накрыв их, сжали их. Из его легких вырвался то ли стон, то ли рев. Он усилил натиск, его бедра задвигались буйно, бешено. Женские ногти прошлись, оставляя тонкие борозды, по его предплечьям. Мужчина издал победный, торжествующий вопль, вдавился в женщину в последнем яростном напоре, задрожал всем телом и упал на мягкую женскую плоть, тяжело дыша.

Елки-палки, неужели их занесло на порнографический фильм? Сварог покосился на зрителей. Зрители взирали на экран без излишнего возбуждения, как люди и смотрят обыкновенное кино... да и вообще публика не походила, насколько Сварог себе представлял, на завсегдатаев порносалонов. Значит, просто-напросто мораль, что называется, приемлет. Обитатели Вардрона ничего дурного не видят в эротике, только и всего. Кстати, в отличие от Гаэдаро и некоторых других мест.

Тем временем злонамеренный маг Визари, сидя на троне из человеческих черепов, инструктировал стоявших перед ним на коленях слуг. Вдобавок ко всем прочим преступлениям, Визари рассылал по планете особо доверенных слуг, наделенных магическими способностями, коим вменялось в задачу увеличивать количество тайных сторонников магии, готовых пойти за ним по первому приказу, сеять сомнение в душах, поворачивать умы в сторону магов, магии и необходимости ее воцарения во всех пределах.

– Обратите внимание, масграм, на то, как показаны в фильме маги низшего и среднего звеньев. Любое их заклинание, даже самое незначительное, сопряжено с физическими страданиями. Их колотит падучая, пальцы крючит, кровь идет носом, пена на губах и так далее. Лишь одному главному колдуну Визари хоть бы хны.

– Понимаю, что вы хотите сказать, мастер Сварог. Художники делают все, чтобы люди усвоили: любая магия всегда сопряжена с телесными муками. А

кто захочет мучиться!

– Никто. Поэтому лучше держаться от магии подальше и не подпускать к ней близких.

– А может быть, здешняя магия действительно *такова*?

На это Сварог лишь пожал плечами в полутьме кинотеатра.

Со слугами Визари на экране вовсю сражались сотрудники Каскада. Бились они героически, однако несли большие потери. Мир завис над пропастью, надо было что-то срочно предпринимать. И тогда кто-то из начальников вспомнил об опальном сотруднике Каскада, прозябающим где-то в глуши Ханнры. Решено было его вызвать в столицу, поставить перед ним задачу спасения мира и именно ему вручить новое оружие из секретных лабораторий. Не приходилось сомневаться, что герой задаст жару расплзшимся по миру слугам главного мага, потом проникнет на мрачный остров, освободит всех пленниц и одолеет в конечном счете злобного волшебника. Ход мыслей одина...

Рошаль схватил Сварога за руку. Сварогу же впору тоже было схватить за руку охранителя. К такому повороту готовым быть невозможно.

Потому что на экране появился Олес. В роли того самого вольного и опального стрелка. Несомненно, Олес. Его лицо, рост, даже прическа. А когда актер стал двигаться, сходство лишь усилилось – до полной тождественности. Движение, жесты, это характерное вздергивание подбородка, улыбка такая же...

– Твою мать, – прошептал Сварог. – Этого не может быть...

Но так было.

Остаток фильма он смотрел сквозь какую-то пелену, заставшую глаза. И этот остаток проскочил для Сварога незаметно, сюжетные перипетии уже не занимали. Какие там перипетии!..

Единственное, что его еще интересовало в этом фильме – различия. Сварог пытался найти различия между тем Олесом и *этим*, очень надеялся, что вдруг все-таки обнаружится какое-то отличие во внешности, или актер сделает что-то такое, чего никогда не водилось за князем. Но надежды не сбывались – перед ними на экране жил и действовал Олес – вылитый молодой князь Гаэдари, который на их глазах был отправлен рихарами из зиккурата в немыслимо далекое прошлое.

И еще очень раздражал голос чтеца, произносящего текст за Олеса...

Рошаль подавленно молчал, нервно теребя полу плаща.

Так и досидели до конца. А конец фильма принес новый сюрприз, хотя, казалось бы, куда уж. Сюрприз заключался не в том, что положительный герой так и не одолел мага Визари, хотя и победил всех его сподвижников. Маг сумел ускользнуть в самый последний момент. Тут все понятно – авторы полнометражки предостерегают зрителей: зло осталось, оно где-то рядом, бойтесь его, люди. Что, кстати, косвенно подтверждало версию о существовании прототипа экранного мага Визари. Настоящий сюрприз принесли титры, в которых появилось лицо Олеса в траурной раме с подписью: «Исполнитель Госс-Генгам трагически погиб в то время, когда монтировался этот фильм».

«Слава богу, хоть имя другое...», – подумал Сварог.

– Вы что-нибудь понимаете, мастер Сварог? – сказал Рошаль, который пребывал в задумчивости с того самого момента, когда они поднялись со зрительских кресел.

– Нет, – признался Сварог. – Но меня отчего-то сильно потянуло выпить.

Не мешало, к тому же, наконец и перекусить. Еще раньше Сварог присмотрел через улицу заведение на втором этаже, которое зазывало к себе подсвеченной электрическими огнями вывеской «От Аломас-Довани никто и никогда не уходил голодным и разочарованным!!!» Ну, раз никто и никогда...

Глава десятая ИГРА С МЫШКОЙ

Электрический движок вращал музыкальный барабан, и в зале в который уж раз звучала одна и та же мелодия. Мелодия, впрочем, была не столь уж надоедливая, где-то даже приятная, можно потерпеть какое-то время.

– В этом мире вполне прилично готовят, согласны со мной, маграм?

Рошаль поморщился, будто жевал лимон, а не запеченную с яблоками и сыром форель.

– Теперь, когда у нас появилась минутка передышки, я бы рекомендовал вам, граф, не использовать димерейские обращения друг к другу. Даже если мы пребываем в видимом одиночестве. И тем более тогда, когда нам кажется, что мы в полном одиночестве, а значит полностью расслаблены и вследствие этого несдержанно откровенны. Знаете...

Рошаль запнулся, видимо, раздумывая над тем, стоит ли продолжать опасный разговор. Но поскольку и так сказано было вполне достаточно, чтобы их персонами пристально заинтересовались соответствующие службы, то капель больше, капель меньше – участи не изменит.

– В некоторых гаэдарских тавернах, которые регулярно посещали доверенные люди князя Саутара, члены княжеской фамилии и работники иностранных посольств, все столы были придвинуты к стенам. Потому что в стенах располагались слуховые ниши, замаскированные под декоративные морские раковины. Отводные трубки от них шли за стену, где сидели мои люди. Они слушали, записывали и в конце каждого дня представляли мне выжимку из стенограмм. Иногда, я вам скажу, проговаривались даже осторожные и накачаные инструкциями посольские работники. Или же из их, вполне невинных обмолвок, удавалось по крупицам добыть важную информацию. Ах, какую комбинацию мы однажды выстроили на этих обмолвках, вы бы знали! – лицо Рошаля просветлело от приятных воспоминаний. – Песня, поэма! В результате всей этой истории в Бадре произошел выгодный нам дворцовый переворот. Здесь же наука и техника не в пример более развита, так что следует опасаться каждой стены и, тем более, каждого стола...

Сварог попивал вино, слушал Рошаля и наблюдал за тем, как два кельнера все-таки вынесли новый музыкальный барабан и сейчас, кряхтя и краснея от натуги, снимали с креплений старый. Вот-вот и зазвучит новая мелодия. Поставив бокал на рубиновую, под цвет заказанного вина, скатерть, он возразил мастеру охранителю:

– Мне кажется, это не то заведение, которое посещают высшие чиновники и вообще сильные мира сего. На мой взгляд, вполне народное заведение, куда в дневное время забредают исключительно с целью набить брюхо, а по вечерам заворачивают пропустить кружечку-другую. Если здесь и услышишь ругань, то по поводу тещи, по поводу болвана-начальника... Кстати о начальниках. Готов голову позакладывать, вот там за столиком начальник и подчиненная из какой-нибудь конторы по соседству, причем старый козел склоняет смазливую козочку к служебному роману, а она не знает, как ей быть. Потому

что и хочется, и колется, и мама не велит.

– Муж не велит, – поправил Рошаль. И добавил слегка наставительно: – Как вы помните, замужняя женщина носит на поясе серебро, незамужней серебро на поясе не разрешено.

Сварог не помнил таких подробностей. И даже не знал, откуда их выкопал Рошаль. Может быть, в то время как Сварог... кхм, налаживал отношения с капитаном субмарины, Рошаль листал какие-нибудь местные энциклопедии? Ведь купленную Сварогом книгу «Энциклопедия моды и установления этикета» они так и не открыли, полистали лишь справочник по столице...

– Но вы правы в том, мастер Рошаль, что надо отвыкать от димерейских обращений, а то еще вырвется ненароком, не там и не тогда. Признаться, жаль. Мне нравилось зваться мастером Сварогом, мастером капитаном и даже мас-капом.

Сварог на местный манер (подсмотрев, как поступают за другими столами) полил из соусника на лепешку, отрезал кусочек и тут же запил вином.

– А вообще-то, масграм... в последний раз вас так называя, согласитесь, что грех нам жаловаться на жизнь. Еще совсем недавно мы гадали, есть ли у моря берега, чуть ранее того шагнули в полнейшую неизвестность, которая могла закончиться безводной пустыней или кипящей лавой, а сейчас сидим комфортно, вкушаем яства, запиваем их отменным вином... Жизнь хороша, не так ли, масграм?

Гор Рошаль, похоже, не разделял подобного оптимизма. Его лоб бороздили морщины, пальцы выстукивали по скатерти нервный ритм. Масграм по обыкновению ожидал от жизни подвоха, о чем и не замедлил высказаться:

– Не могу разделить вашего ликования. Признаться, мне очень не нравится сложившаяся ситуация. У меня ощущение... трудно описать... будто кто-то все время вмешивается...

Сварог кивнул.

– Да, я, кажется, понимаю. Называется «глубокое погружение».

Рошаль недоуменно поднял брови.

– Это экзамен такой, – объяснил Сварог. – Проверка на выживание. Испытуемого высаживают посреди дремучего леса, где полно всякого клыкастого зверья и прочих кусачих гадов, без пропитания, палатки, спичек, оружия и всего такого прочего. Ну, может, нож разве что дадут. И за определенное время он должен добраться до контрольной точки... А вот, скажем, агента, который будет работать за границей, высаживают в каком-нибудь совершенно незнакомом городе – опять же, без денег, документов... даже без знания языка и местных обычаев. А для пущего интереса еще и объявляют его в розыск у местных властей – чтоб побегать пришлось... Ничего общего не находите? Поймаю этого Визари – по стенке размажу...

– Отчего же, общее нахожу, – кивнул Рошаль. – У нас это называлось «игра с мышкой»... Только я, дорогой граф, говорил несколько о другом. Я говорил о... Понимаете, у меня ощущение, что в нашу судьбу постоянно пытается вмешаться некая *третья* сила. Ну, Визари этот, Каскад – это все понятно и, можно сказать, *обыкновенно*... Но есть еще кто-то третий. Вот скажите мне: кто сбил наш аэропил?

– Каскад, кто же еще... – пожал плечами Сварог. Потом подумал немного и отложил вилку. – Нет, стойте. Юж говорил, что полет был совершенно легаль-

ный, опознавательные знаки на месте. И не стал бы Каскад сбивать аппарат, да еще над самой столицей, – посадил бы аккуратненько и взял нас тепленькими... Или мы представляем для них такую сильную угрозу, что нас проще уничтожить, чем брать в плен?

Рошаль молчал, криво усмехаясь.

– Значит, это дело ручонок Визари, – убежденно сказал Сварог.

– А этому зачем нас сбивать?

– Говорю же, решил устроить проверочку, с-сука. Глубокое погружение с мышкой... Конечно, он! Из-за кого мы оказались тут без денег, документов и вообще без понятия, как себя вести?! Изучает, насколько мы сильные маги и можно ли с нами дело иметь. За каждым нашим шагом следит. Для того и парнишке голову отрезал – чтобы нам никто не помогал, чтоб сами выбирались...

Рошаль медленно покачал головой.

– Вряд ли сейчас до таких игрищ человеку, который сидит в глубоком подполье и за которым охотится вся имперская служба безопасности, плюс к тому, вряд ли из подполья он способен организовать обстрел воздушного пространства над центральным городом метрополии – только ради того, чтобы испытать на прочность двух пришельцев из другого мира...

– Да что мы знаем об этом Визари! Вдруг у него методы работы такие... Кстати, и Каскад запросто может иметь право открыть пальбу по любому подозрительному аэропилу. Может, у них закон есть: раз подозрительный – получай снаряд в лоб.

– Плюс та тварь, что напала на субмарину.

– Это да, – вынужден был признать Сварог. – Это загадка. Каскаду сие не по силам, а предводителю партизанского отряда колдунов, пожалуй, на фиг не нужно было нас топить...

Сварог мигом припомнил разговор с Великим Мастером. Старичку, что ли, все нейдет? Тоже непохоже. Устами Мины и Рошаля он как будто бы не угрожал, коли не считать последней фразы насчет «пожалееете», не пугал немедленной расправой, не советовал смыться отсюда подобру-поздорову – даже наоборот... Елки-палки, если это и Он чудит, так пусть скажет прямо, какого ляда ему надо, что толку молча совать палки в колеса?!

– Плюс – каким-то образом Каскад обнаружил субмарину аккурат в тот момент, когда она собиралась подобрать нас, – сказал Рошаль.

– Следили, – сказал Сварог.

– Плюс – то, что с вами произошло на доске между зданиями.

– А что со мной произошло? – вкрадчиво спросил Сварог, внутренне передрнувшись при одном воспоминании.

– Не знаю. Но уверен: что-то там такое было. Вы... так вели себя на этой доске... Можете не говорить, просто отметьте для себя... И, наконец, плюс Олес.

– Ну Олес-то причем? Просто совпадение. Похожий на нашего князя актер, и не более того.

– Совпадение, говорите? – Рошаль прищурился. – Не слишком ли много совпадений? «Черная молния», тварь из океанских глубин, обстрел аэропила... У нас на руках гибнет пилот, с которым мы только что познакомились. Затем практически на руках погибает юноша, которого мы тоже едва узнали. И, наконец, Олес – не Олес в траурной рамке, наш друг и сподвижник... Один за другим гибнут люди, с которыми мы знакомы, пусть и шапочно... Мир совпа-

дений?

– Парнишка Элом – согласен, странно, пилот – ну, допустим... однако Олес тут никаким боком, мы же знаем его тысячу лет! Бросьте, Рошаль. Как говорил один умный человек, не следует умножать сущностей сверх необходимого... А следуя вашей логике, одним из этого черного списка должен вскорости стать либо я, либо вы, поскольку мы тоже в некотором роде знакомы. Или же Мина, Дако и этот мальчишка Гран-Тай... Думаете, они уже мертвы?

– Искренне надеюсь, что нет, – с каменным лицом сказал Рошаль.

– Типун вам на язык... Нет, Рошаль, простите, но ваше объяснение притянуто за уши. Олес – просто двойник, отражение в зеркалах... Кстати, вот пришла в голову версия. Пришла – высказываю. Вы помните зиккурат, рассказы рихара о бесконечности отражений? Отлично. Так вот, допустим, по какому-нибудь там закону обязательной зеркальности или что-нибудь в этом роде человек лишь тогда может существовать в прошлом, когда его пребывание там уравнивается его отражением в настоящем.

– В настоящем он мертв, – мрачно сказал Рошаль. – Значит, исходя из вашей версии, он умер и в прошлом.

– Тьфу ты пропасть! Я сказал первое, что пришло в голову, – и таких гипотез могу накидать пачку, не отходя от этого стола. А правоту ни одной из них сейчас не проверишь. Так стоит ли голову забивать? Лучше придумайте, что нам делать дальше. У вас клиентура была соответствующая...

По залу плавал аромат трубочного табака. Трубки курили даже женщины. Серебряный век, блин. Декаданс...

– Вот до чего я не додумался, так это приобрести трубку, – сказал Сварог. – Может быть, попросить кельнера?

– Сперва надо заглянуть в вашу книжицу об установлениях этикета. Вдруг таким юнцам, как вы, курить не положено.

– Но мы же провинциалы, не забыли? Проще говоря, мы с вами деревенщина, дорогой Рошаль, что с нас, лапотных, возьмешь. У нас в Йошкар-Оле, к примеру, курят с колыбели... Ну так что насчет дальнейших действий?

– Мало информации, граф, чтобы выработать точный план. Мы не знаем, что известно о нас Каскаду, насколько опасными мы ему представляемся и какие силы задействованы в нашем розыске, но... но одно несомненно – к поместью, где нас якобы ждет маг, нам путь заказан, там наверняка засада, тут вы безоговорочно правы. Что остается? Во-первых и главных: документы и подорожные. Есть у меня некоторые соображения, как их раздобыть, сталкивался... Во-вторых, обеспечение легенды: как мы попали в Вардрон, откуда, как можно больше данных о нашей «родине». В-третьих...

– Не слишком ли сложно? – погрустнел Сварог. – В конце концов, нам нужно побыстрее выходить на магическое подполье – если мы в самом деле нужны этому Визари...

– А ежели проверка документов?

– Ну, будем надеяться, до этого не дойдет. А если дойдет, то мы, рассеянные провинциалы, оставили документы в гостинице. В справочнике видел гостиницу под названием «Столица в столице». Значит, мы с вами там и остановились. Гостиница расположена на улице Утренней Зари. Мы, понимаешь, привыкли у себя в Йошкар-Оле расхаживать без документов, у нас там все друг друга знают в лицо. Или потеряли. Или у нас их украли – вместе, кстати, с ве-

щами...

– И каким транспортным средством вы прибыли из Йошкар-Олы? – с издевкой спросил Рошаль.

– Кораблем, – ничтоже сумняшеся сказал Сварог. – Устраивает? Большом таком, белом, не помню, как называется...

– Н-да? – презрительно скривился Рошаль. – В таком случае – номер рейса? Порт отправки, время прибытия и номер дебаркадера? Когда проходили таможенный контроль? С кем общались в пути, кто вас видел? Как зовут мэра Йошкар-Олы и наместника Короны в вашей колонии? В каком номере гостиницы остановились?.. А кроме того, позвольте заметить, господа подозреваемые, что из Йошкар-Олы, буде такая в самом деле существует, сюда можно добраться исключительно воздушным путем...

– Да идите вы к черту, – буркнул Сварог.

– Чем развитее государство, тем сложнее бюрократия, – пожал плечами Рошаль.

– В курсе, к сожалению... Значит, говорите, документы...

– Поздно, – вдруг сказал Рошаль. – А жаль...

Уже по тому как распахнулась дверь, едва не выдрав петли с корнями, можно было догадаться, кто пожаловал в гости. Сей почерк тоже одинаков по всем мирам и государствам.

В заведение посыпались люди в иссиня-черных плащах с зеленой подкладкой.

– По нашу душу, – Рошаль зло скомкал салфетку и швырнул бумажный шарик в блюдо с капустным салатом. – Долго же у них тут облаву не снимают. До победного конца, что ли?..

Черно-зеленых набралось с дюжину. Двое из них, как тогда на площади, держали приборы, в очередной раз вызвавшие у Сварога воспоминания об амперметрах. В руках у остальных были короткие жезлы, а плащи на спине горбатились, как от рюкзаков.

– Не дергаемся, – с улыбкой произнес Сварог.

Посетители ресторана опасливо косились на пришельцев, но с мест не вскакивали. Черно-зеленые рассредоточились по залу, неспешно расхаживали, рассматривая полы и стены и лишь иногда бросая взгляды на посетителей. В общем, на непросвещенный взгляд Сварога, они вели себя до крайности странно – но главное, что никто и не думал устраивать проверку документов, и Сварог начал успокаиваться. Со всем остальным, кроме документов, у них полный порядок – истинные, засветившиеся перед органами правопорядка обличья надежно спрятаны под личинами, одеты они с Рошалем согласно эпохе...

Запиликало чувство опасности, и Сварог тут же напрягся. Он заметил, как один из тех, что не отрывал взгляда от своего амперметра, украдкой подал на пальцах знак, каким обыкновенно обмениваются спецназовцы, чтобы не выдавать себя голосами. Потом Сварог перехватил беглый взгляд, направленный в их сторону. Что-то изменилось в маршрутах черно-зеленых пришельцев...

И он понял. Вмиг оценил расстановку черно-зеленых и совершаемый ими маневр. Который должен завершиться смыканием кольца вокруг их с Рошалем столика. Мать твою! Сомнений не оставалось.

– Окно! Тент! – закричал Сварог, переворачивая стол и толкая его навстречу

двум насквозь официальным хлопцам. Схватил стул с намерением выбить им окно, – придется прыгать со второго этажа, но внизу над какой-то уличной лавчонкой натянут парусиновый тент, который сработает как батут и не даст Рошалю разбиться, а дальше уж Сварог его подхватит. Главное, чтоб охранитель понял его замысел...

Рошаль понял. Вскочил с места, тоже рванулся к окну.

Сварог увидел, как черно-зеленые парни слаженно и резко взмахивают жезлами, и жезлы, которые оказываются телескопическими дубинками, удлиняются до шпажной длины. Эти чертовы дубинки начинают выписывать в воздухе круги и восьмерки, отсекая беглецов от окна. Когда гибкие, похожие на спиннинги, прутья соприкасались с металлическими предметами, во все стороны летели искры. Одна из дубинок чиркнула по Рошалю – и тот, судорожно взмахнув руками, рухнул, будто косою подкосили.

Тут уж, бляха, не до гуманизма – уничтожить или быть уничтоженным. И Сварог рванул из-за пояса шаур... Он успел уклониться от одной электрической шпажонки, подпрыгнул, пропуская под собой вторую, но, видать, задела третья. От головы до ног прошила дикая слепящая боль. Мышцы скрутила судорога. Шаур вывалился из одеревеневших пальцев.

Но черно-зеленым этого показалось недостаточно. И они всадили еще один электрошоковый разряд. Такое ощущение, что глаза выскакивают из орбит, лопаюсь как мыльные пузыри... Сварог потерял сознание.

Глава одиннадцатая КОРИДОРЫ ЗАСТЕНКОВ

...Его завели в небольшой, казеннейшего вида кабинет, где за полукруглым столом восседал человек мышиной внешности в наглухо запахнутом сером плаще с бронзовыми застежками. В кабинете имелось фальш-окно, занавески на нем были задвинуты неплотно и в щелку можно было разглядеть фальш-пейзаж: предзакатное солнце над равнинной местностью, ряд уходящих вдаль виселиц, группа людей в темных плащах на переднем плане... Подробностей не рассмотришь – подсветка выключена. В одном углу кабинета стоял шкаф самого что ни на есть обшарпанно-домашнего вида, в другом – сейф. Вот и вся обстановка.

– Садитесь, – сказал казенный человек бесцветным, под стать внешности, голосом. – И даже не думайте о своей магии. Любая магическая попытка будет мгновенно обнаружена, – и он постучал по «амперметру», стоящему на краю стола. – «Боро-четыре» подключен к сигнальному оборудованию стола, тут же загорится вот эта красная лампочка, и вас моментально угомонят самым радикальным способом...

Стул с невысокой, как у детской мебели, спинкой помещался в двух шагах от стола (разумное расстояние, одним прыжком не одолеешь, а второй сделать не дадут). Вдобавок, стул был низкий для любого нормального человека, приходилось сидеть, подогнув ноги, что тоже не способствовало успеху стремительной атаки на следователя. За спиной Сварога застыли brave хлопцы с электрическими дубинами, разумеется, раздвинутыми на полную боевую длину, хлопцы пребывали в полной боевой готовности в любой момент всапить в арестованного, не скупясь на вольты, недурственный электрический разряд.

– Вот мы и встретились, – сказал хозяин кабинета, впившись в Сварога взглядом. На мышиной физиономии помещались холодные, цепкие глаза.

Сварог ничего не стал отвечать. Было у него такое ощущение, что успеет он еще наговориться в этих стенах. Можно было бы, конечно, что-нибудь сострить в ответ на прозвучавшую реплику, но... Но, судари мои, шутить-насмехаться, когда за спиной торчат двое орлов с полновесно заряженными шокерами, – как-то... опрометчиво, что ли.

Один из охранников передал казенному человеку пакет (по очертаниям Сварог догадался, что в пакете, навроде тех, в которых в его первом мире люди выносили из фастфудов всяческие несъедабургеры, находится его шаур). Казенный пока отложил пакет, не вскрывая, на край стола. Сказал бесцветно:

– К вещественным доказательствам мы перейдем чуть позже. Думаю, там проблем не возникнет – ваши пальчики четко отпечатались, а для суда нет более весомой улики, чем отпечатки. Вернемся мы к этому вопросу, когда проясним наши позиции и выясним, есть ли у вас желание говорить правду, добровольно сотрудничать и помогать дознанию, или придется уличать, выводить наружу и срывать покровы. Перед вами я имел беседу с господином, который сперва разыгрывал честного малого, замешанного самое большее в шашнях с чужими женами, и вообще держался, будто на приеме у баронессы Жож. Разве что коктейль принести не просил. Но минула всего какая-то стража, и я увидел перед собой совсем другого человека. О, чудеса преобразования! Вот, посмотрите, сколько всего он наговорил.

Он поднял, держа двумя пальцами за край, мелко исписанный лист с золотым тиснением поверху.[132]

– Говорил и говорил, только успевай фиксировать. Бедный фиксатор йоржкапрал Лахто-Эрт настолько утомился, что я разрешил ему час обеденного отдыха. Но, если вы намерены немедленно давать показания под запись, я тот час же пошлю за ним. Если же нет... Впрочем, не будем торопить события.

Он потер ладони, видимо, предвкушая содержательный разговор, наполненный чистосердечными признаниями с ударами хвостом в грудь и размазыванием соплей по щекам.

– Итак, начнем. О том, что вы находитесь в стенах Каскада, полагаю, уточнять нет нужды. Позвольте представиться, я – юнк-лейтенант, виконт Гальвиг-Тарэ, сотрудник фаланги «Охват» регистра «Противодействие».[133] Теперь назовите себя. – И впился жалами глаз в Сварога.

Сварог решил для начала изобразить готовность сотрудничать со следствием – отнюдь не в надежде на снисхождение, а чтобы выиграть время.

– Юж-Крагт, – сказал Сварог, мысленно попросив извинений у погибшего авиатора.

– Род занятий?

– Авиатор.

– Место рождения?

– Некушд, – уверенно выдал Сварог название единственно знакомого ему помимо столицы города.

Виконт щелкнул тумблером на столе, наклонился и повторил полученные от задержанного данные, тщательно артикулируя звуки слова в торчащий из столешницы небольшой рупор. «С картотекой сверяется, – понял Сварог. – Оперативно поставлено дело, ничего не скажешь, мастеру охранителю понравилось бы». А может, уже понравилось. Рошаль ведь тоже где-то здесь...

– Как насчет покурить? – спросил Сварог.

Гальвиг-Тарэ молча выдвинул ящик стола, достал из него короткую глиняную трубку, уже набитую табаком, пододвинул по столу к Сварогу.

В кабинете воцарилось молчание. Виконт, вероятно, ждал ответа на запрос, Сварог же заполнил это время раскуриванием трубки. Табачок оказался далеко не лучшего качества. Дерьмовенький, прямо скажем, табачок. Однако наколдовывать себе сигарету отменного качества он не стал – прикуривать от телескопической электрозажигалки как-то не тянуло...

...Сварог пришел в себя, когда его готовились выводить из автомобиля, очнулся от едкой вони. Замотал головой, рукой отстранил чужую руку с ваткой, пропитанной нашатырем. Потом его провели двором, завели в какую-то дверь, повели коридорами, в глазах еще плавал туман, а ноги подкашивались. Окончательно он пришел в себя только на лестнице, на жутко гремящей под шагами металлической лестнице, ведущей куда-то вниз. И обнаружил, что отключенное на время сознание отключило и личину, которой он был прикрыт. И теперь он снова для всех стал прежним Сварогом, а стало быть, и Рошаль выглядит так, как ему и положено от природы. Ай-ай-ай... Правда, Рошалья он не видел, где он, что с ним – никакого понятия. И вообще...

Задребезжал электрический звонок, Гальвиг-Тарэ поднял наушник. Какое-то время слушал, что ему говорят, что-то записывал. Потом отложил наушник, отложил карандаш, сцепил руки на столе и воззрился на Сварога.

– Любопытно. Премного интересного о вас сообщают, авиатор Крагт. Служба в Унии Авиаторов, суд офицерской чести, изгнание из рядов, далее занимался контрабандой, делом увлекательным и доходным, но, увы, насквозь противозаконным. Вы сами-то все свои подвиги помните? Например, за вами числится угон личного аэропила советника Гай-Дрода, поставка оружия «бархатным повстанцам»... Да-а, биография у вас богатая. Какой-нибудь безусый юнец позавидует столь насыщенной приключениями жизни... Тут, я смотрю, еще и нападение на сотрудника Каскада, как раз-таки в Некушде, еще много всего... Можно опустить незначительные подробности и перейти к самому любопытному. А самое любопытное заключается в том, что вы – покойник, мой дорогой. Да-да, самый что ни на есть мертвец. Причем пребываете сейчас на леднике городского морга.

«Нет, ну оперативно же работают, суки! – не без восхищения отметил Сварог. – А я-то наивно рассчитывал, что факт смерти бедняги Южа им еще неизвестен...»

– Передо мной же, как следует понимать, восседает не телесная оболочка, а призрак, фантом. Признаться, всякого я нагяделся из этого кресла, но разговаривать с призраком как-то не доводилось. Следует отметить, отличный из вас призрак вышел. Не покачивается в воздухе, не пытаетесь раствориться, не пугаете меня завываниями. А интересно, как призраки терпят боль?

Сварог пускал дым, не перебивая этот поток красноречия. Благо, его ни о чем больше не спрашивали. Его пока лишь готовили к обстоятельным вопросам, создавали у него соответствующее настроение, короче говоря, *обработывали*.

– А нужны ли крайние меры? – задал виконт риторический вопрос. После чего заговорил помягчевшим голосом, голосом доброго, но крайне уставшего человека: – Если бы от нашего с вами разговора не зависели судьбы тысяч людей, я бы и не помышлял о применении к вам второй и даже третьей степени

интенсивности. Поверьте, я знаю, что такое боль... Но за мной стоят людские судьбы. Судьбы наших матерей, отцов, сыновей, дочерей, соседей. Мне, поверьте, иногда становится страшно за них.

Он тяжело вздохнул.

– Давайте посмотрим на факты. А факты неоспоримы. Факты просто убийственны для вас. «Боро-четыре», – Виконт снова похлопал по «амперметру», – удостоверил применение вами магии. А вдобавок, визуально установлено, что вы пребывали в чужом облике, созданном с помощью заклинаний. Свидетелями тому были не только сотрудники Каскада, но и рядовые горожане, видевшие, как исчезает ваше фальшивое обличье и проявляется истинная внешность. Считайте, что факт противоправного деяния доказан. Поскольку любые магические действия на территории Короны запрещены, то считайте, что приговор суда вам уже вынесен. Смертная казнь. И подумайте еще вот о чем. Каким бы именем вы не прикрывались, мы рано или поздно дойдем до правды – тогда пострадают и ваши родственники. Ни за что пострадают. Мне почему-то кажется, что вы разумный человек, что вы не из тех, кто готов пожертвовать собой ради абсурдных идей и ради преступника Визари, одержимого идеей власти... О да, я знаю, что вам внушали! Что магии подвластна сама смерть, что ваши соратники, когда их число превысит число не Иных, вернут вам силой коллективного колдовства прежнюю личность и память о прошлом... Соблазнительные идеи. На что еще ловить человеческие души как не на возможность победить смерть?.. А вы никогда не задумывались над таким простым вопросом: отчего, при всей заманчивости этих идей, поклонники магии вот уже много лет пытаются расшатать основы Короны, а Корона стоит, крепнет и расширяет свои владения? Да оттого, что люди *знают*, что на самом деле несет им ваша магия. Убедились. Уверились, что не пусты слова ученых о том, что любое магическое действие, даже самое простенькое или направленное на сиюминутное благо, требует жертву. Закон весов срабатывает всегда: если одна чаша поднялась, другая должна опуститься. Пусть одному ваша магия приносит удачу, выздоровление или мешок денег – другой человек расплачивается за это, расплачивается несчастьем, страданием или... или смертью. Люди уверились, что большинство обрушивающихся на них бед порождены кем-то, кто сейчас на другом конце света, на каком-нибудь острове или в соседнем доме произнес заклинание или начертал на стене пентаграмму. И никто не желает стать пушечным мясом для чьего-то благополучия...

Сварог вспомнил цепочку необъяснимых смертей этого дня. Черт, если сидящий напротив человек прав, то выходит, он, Сварог, спровоцировал гибель случайных людей? Создал какую-то паршивую сигарету – погиб Крагт, создал личины – погиб студент. И всякие наваждения и необъяснимости, вполне возможно, порождены его магической деятельностью, которой он возмутил какие-то сферы, что-то нарушил в равновесиях и попрам законы сохранения чего-то там... Неужели это правда?

Состояние Сварога от виконта не укрылось.

– Ага, вы задумались? Давайте-ка я помогу ходу ваших мыслей. Что я могу вам предложить? Во-первых, жизнь. Согласитесь, это уже немало. Во-вторых, я могу предложить вам новый путь. Да-да, новую цель – в рамках плодотворного сотрудничества с нами, а в конечном счете – новое имя и полную свободу. Конечно же, не стану врать: *полную* свободу вы обретете не скоро, только по-

сле того, как мы окончательно и бесповоротно удостоверимся в необратимости вашего нового пути... Но главное начать, не так ли? Итак, давайте подведем итог. На одном полюсе – допросы, физические мучения, бесславная кончина и пополнение общей могилы для преступников и бездомных на Сером кладбище. На другом полюсе – жизнь, новая жизнь, очищение от налипшей скверны, даже новая карьера, вполне возможно, неплохая, и в конце пути – свобода. Что скажете?

А что тут скажешь... Можно ответить словами героя одного замечательного фильма: «Желательно, конечно, помучиться». Но ведь не поймут шутку. И вообще, вряд ли в этом учреждении шутки в чести. Поэтому Сварог решил пойти по другому пути. Путь этот вырисовывался достаточно четко: вы хотите от меня раскаяния – и вы его получите, вам надо, чтоб я всех предал – да ради бога, хотите тесного сотрудничества – нате. А потом я разойдусь до того, что обещаю выдать вам подпольную явку магов, для чего мы отправимся все вместе, прихватив и Рошаля (по ходу дела придумаем, для чего он нам нужен), на одном автомобиле, в город. И тут уж никакие электрические палки не сдержат мастера Сварога на пути к свободе.

Только одно плохо – на самом деле ни черта он не знает, поди сочини что-нибудь вразумительное на пустом месте. Придется наскребать информацию по крупицам, ненавязчиво выяснять обо всем, тем более, что этот виконт, судя по всему, поболтать любит. Кстати, так и так придется затягивать разговор. Не вскочишь же, в самом-то деле, не закричишь радостно, ударяя себя пяткой в грудь: «Да, я согласен предавать и каяться, скорее спрашивайте меня обо всем!» Не поверят ведь. А жаль.

Сварог положил на край стола рядом с пепельницей потухшую трубку.

– А какие у меня гарантии? – спросил он. – Ведь как только я расскажу все, что знаю, я стану вам не нужен. Вы говорите, что я могу пригодиться. Ума не приложу, для чего. В чем вы видите наше будущее сотрудничество?

– Вы знаете такую поговорку, господин... Крафт: «Лишних солдат не бывает»? Когда идет самая настоящая война, любому солдату найдется место в строю. А вы у нас выходите даже не простой рядовой, а целый йорг-капрал, который, кстати, имеет все шансы дослужиться до офицерского звания. Вы не знаете – да и откуда вы можете знать! – что на нас работают маги... Работают консультантами, разумеется. И много магов! По этому поводу уместно будет привести еще одну поговорку – «Под опускающийся меч лучше всего подставить другой меч».

Слишком уж навязчиво виконт-дознаватель подчеркнул тот факт, что маги на их контору работают лишь консультантами, чтобы не заподозрить в этих словах ложь. Ой, сдается, что и господа из Каскада используют магию – несмотря на то, что кто-то от этого страдает. Впрочем, все спецслужбы прибегают в своей деятельности к методам, мягко говоря, сомнительным с точки зрения общепринятой моралитэ. Сие в природе спецслужб, они не могут позволить себе гуманизм – иначе начнут проигрывать схватку за схваткой...

Конечно, Сварог мог бы включить детектор лжи и убедиться, сколько правды в словах сидящего напротив. Но в ответ сработает *ихний* детектор магии, и суровые парни, стоящие сзади, незамедлительно огреют тебя электрическим дубьем. И еще – тишкина жизнь! – как теперь забудешь о словах, что любое магическое действие неизбежно приносит кому-нибудь несчастье, как забу-

дешь о смертях, свидетелем которым был сам...

– Все равно, – Сварог продолжил разыгрывать роль человека, торгующегося за свою жизнь, – мне нужны более весомые гарантии.

– И как вы их себе представляете? Честное слово главы Каскада верх-победителя маркиза Арт-Гвидо? Обещания, положенные на бумагу и собственноручно подписанные Императором? Как?

– Во-первых, я хочу, чтобы мне устроили очную ставку с моим товарищем, – сказал Сварог. – Либо мы вдвоем примем решение сотрудничать с вами, либо никакого сотрудничества не будет. Во-вторых, я хочу, чтобы меня и моего товарища поселили в приемлемых, человеческих условиях и на месяц оставили в покое, конечно же, в стенах вашего заведения и под охраной, но при этом обеспечив всем необходимым для полноценной жизни. Нормальное питание, вино, книги, газеты и так далее. Это покажет, что вам не важен скорый результат, вам не интересна лишь информация, а действительно необходима наша помощь на добровольных началах.

– Ого! – воскликнул виконт и, откинувшись на спинку кресла, скрестил руки на груди. – Вы меня, право, восхищаете. Вы мне напоминаете того лихого роттен-йора из ленты «Ветер удачи», который...

В глаза ударило красное. И взвыл зуммер.

Сварог не рассуждал. Вернее, он начал рассуждать только тогда, когда уже летел к столу. Сработали рефлексы. В подкорке засело: загорится красная лампочка, фиксирующая применение магии, – он получит по спине электрошоком.

Лампочка загорелась.

Дознаватель мгновенно вышел из расслабленной позы, быстро нагнулся к столу. Сварог отчетливо видел ладонь виконта, занесенную над столом. Не оставалось сомнений, что, опустив ладонь, он вдавит кнопку встроенного в столешницу звонка, и сигнал тревоги уйдет из этого кабинета в какие-нибудь караулки, казармы, подразделениям спецреагирования.

Ладонь на звонок опуститься не успела. Сварог не дал – перемахнув через стол, вlepил двумя ногами дознавателю в грудь, тот вместе со стулом обрушился на пол. А Сварог уже сорвал со стола шуршащий пакет, вытряхнул из него шаур, подхватил в ладонь, развернулся, вскидывая руку...

Но все равно Сварог должен был опоздать. Проскочивших мгновений парням с электродубинками должно было хватить на то, чтобы сделать пару шагов вперед и хлестануть прутьями шокеров по незащищенной спине пленника. Сварог мог рассчитывать лишь на какой-нибудь досадный промах с их стороны – всякое ж бывает...

Однако промаха не последовало. Как не последовало и собственно атаки сзади. Конвоиры оседали на пол. Оседали с выражением полного обалдения на лицах: на обоих застыло выражение, под которым можно было бы подписать: «Да что же такое я творю...» И, тем не менее, сотворили ведь!

Оба саданули шокерами не пленника, а друг друга. Причем, судя по результатам содеянного, оба врубили свое электрическое оружие на самый полный вперед, до упора. Возможно, за один удар до доньшка разрядили конденсаторы, что висели у них за спиной навроде ранцев – уж больно плохо парни выглядели. Оба лежали на полу, но их еще продолжало трясти, выгибать дугой, глаза лезли из орбит. Но наконец успокоились. Навсегда успокоились, зарабо-

тав сердечный приступ, или только на время отключились – Сварог устанавливать не стал, имелись у него дела и поважнее.

Бред какой-то. Сварог опустил шаур. Между прочим, сигнальная лампочка погасла, и зуммер унялся. Так, и что это было, кто расскажет? Замкнуло? Реле с ячейкой распалились? Рошаль где-то поблизости применил магию, которой обучился методом подражания, странствуя рядом со Сварогом? Уж сам Сварог тут точно не при чем, он чист аки младенец, никакой магией он даже и в мыслях не баловался в этом кабинете. Короче, бред и еще раз бред...

Глава двенадцатая БЕГ ЗАЙЦА ЧЕРЕЗ ПОЛЯ

Виконт уже очухался от легкого нокдауна, закопошился под стулом. Сварог рывком поднял его с пола, грозно процедил:

– Быстро. Где второй? Где мой товарищ?

– Тебе отсюда не выбраться. Сдавайся. Все еще можно исправить. – Гальвиг-Тарэ старался говорить твердо, старался показать, что ему ничуть не страшно.

Сварог не мог позволить себе долгих задушевных бесед, тонкой психологической игры. Нужно было колоть быстро и качественно, и тут уж без особых средств не обойтись.

– Тогда придется к тебе, дружок, применить высочайшую степень интенсивности. – И он двумя сжатыми вместе пальцами ткнул дознавателя меж нижней челюстью и кадыком. От такого удара здоровью человека урона не наносится, а вот ощущения пронзают насквозь неприятные, родственные зубной боли, только терзает та боль не один отдельно взятый зубной нерв, а всю разветвленную паутинку нервов.

– И это только начало, – пообещал Сварог и встряхнул дознавателя за шкуру. Рывком: – Живо отвечать, мразь! Где второй? Еще вмазать?

Сварог потрянул виконта так, что у того лязгнули зубы. И виконт дрогнул. Терпеть боль не каждому дано, равно как и смотреть без страха в глаза человеку, готовому тебя убить.

– Рядом, в кабинете напротив, – напряженно процедил он. И не удержался: – Вам не выбраться. Вы лишь отрежете себе последний путь к спасению...

– Слушай сюда, – грозно перебил его Сварог. – Если моего товарища не окажется в соседнем кабинете, я вернусь. Ты понимаешь? Понимаешь, что для тебя это будет означать, спрашиваю?

Гальвиг-Тарэ торопливо кивнул.

– Последний раз. Мой товарищ в кабинете напротив и нигде еще?

– Да.

Ну и ладно. И Сварог приглубил его затылком о ножку стола. Приложил, в общем-то, аккуратно – не собирался же он без необходимости убивать кого бы то ни было, собирался лишь обезопасить тылы...

Сварог не сразу выскочил в коридор, сперва он сорвал с виконта серый плащ с бронзовыми застежками и надел вместо своего. Неизвестно, что ждало за дверью. Не помешает отвлекающий фактор. Пока будут всматриваться – а кто это у нас под плащом? – можно многое успеть. Сварог вышел из кабинета, аккуратно прикрыл дверь за собой. Коридор пустовал – вот и славно, зачем нам лишние свидетели... Дернул ручку соседнего помещения, рывком распахнул дверь, ступил за порог, вскидывая шаур.

Миндальничать он не собирался. Если будет возможность обойтись без смертоубийства – очень хорошо, однако если ж нет – звиняйте, хлопцы. Может быть, они тут бьются и за правое дело, да вот беда – самим жить охота. В конце концов, мы в гости не напрашивались.

Картина, открывшаяся Сварогу, была такова, что хоть сразу начинай па- лить очередями. Посреди кабинета на полу лежал охранитель Гор Рошаль. Его лицо цветом напоминало спелую сливу и было мокро от пота. Ворот трико был разорван. Из рта шла пена. Двое конвоиров с электродубинками склонились над пленником. Третий же, в точно таком же сером плаще, что был сейчас на Свароге, сидел за столом и нервно грыз ногти.

Все трое обернулись на вошедшего, и на их лицах отразилось недоумение. Они как-то не могли свести воедино серый форменный плащ, незнакомое лицо и нацеленный на них предмет в руках незнакомца. А в намеренья Сварога не входило дать им куда-то что-то свести.

– Стоять на месте! Стреляю! – прокричал Сварог с порога. И показательной очередью вмазал по столу. Зазубренные серебряные звездочки сверкающим веером пронесли по кабинету и застряли в столешнице, заставив серого убрать руки подальше от сигнальной кнопки.

Однако, вот беда, не все послушались вооруженного и опасного незнакомца. Один из конвоиров оказался то ли слишком отчаянным, то ли чересчур глупым. С боевым кличем он рванулся к Сварогу, замахнулся дубинкой... И рухнул замертво, прошитый серебряной очередью. Его напарник, успевший сделать один шаг, после этакой впечатляющей демонстрации остановился как вкопанный.

– Бросай дуру! Палку бросай, кому говорю!.. Правильно, молодец. А ты, серый, вышел из-за стола!.. Вот так. Теперь оба мордами в пол, руки на загривок, ноги в стороны.

После того, как его приказания выполнили (попробовали бы не выполнить!), Сварог отпихнул ногой от греха подальше ранец с подсоединенной к нему шнуром дубинкой и наклонился к Рошально.

– Это вы зря, – сквозь зубы проговорил Сварог, щупая пульс на шее соратника. – Не стоило вам его трогать...

– Это не мы! – испуганно закричал серый, почувствовав в словах нынешнего хозяина положения нешуточную угрозу. – Мы его и пальцем не тронули! Поверьте! Сами не понимаем, что случилось. Сидел – вдруг повалился, и началось...

Пульс прощупывался слабый, но все-таки охранитель был жив. Сварог потряс Рошалья, потом приподнял пальцем веко. Оставалась слабая надежда, что охранитель притворяется, как иногда поступают допрашиваемые, как, разумеется, поступали допрашиваемые и в гостях у самого Рошалья. И просто пока масграм не понял, что произошли существенные перемены... Недолго, правда, жила в душе Сварога эта надежда. До того момента, как он увидел закатившиеся глаза охранителя.

– Юнк-лейтенант говорит правду, – приподнял голову конвоир. – Болезнь какая-то навалилась, с приступом. Черная немочь, небось.

– Пасть заткни, – устало проговорил Сварог. – Станешь говорить, когда прикажу.

Сварогу некогда было дознаваться, пытали они Рошалья или нет. Это, по

большому счету, значения не имело. Значение имело только одно – как отсюда выбраться. Из этого логова с его этажами, лестницами и решетками. Шаур, конечно, подспорье доброе, но ведь количеством задавят. Да просто наглухо перекроют коридоры и запрут, как зверя в клетке...

– Так. Ты, черно-зеленый, вставай. Скидывай плащик. Бросай мне под ноги. А с него плащ снимай, – шауром Сварог показал на охранителя. – Быстро, сволочь!

Пока ничего не приходило в голову – кроме того, что серый, разумеется, знает больше рядового солдата. И при солдате откровенничать может побояться, незатейливо рассудив, что все едино – что от серебряной звездочки пропадать, что потом от своих смерть принять, как предателю. Поэтому...

Ребром ладони Сварог вырубил склонившегося над Рошалем конвоира.

– Лежать! – крикнул он, увидев, что серый дернулся на полу. – Тебя не трону. Пока не трону. Если будешь хорошо себя вести. Давай рассказывай, тварь, как отсюда выбра...

Сварог вдруг замолчал, прислушиваясь, и чуть не расхохотался. Преимуществ у него и так никаких не было, а тут и последние, хиленькие, растаяли, как снег, нечаянно выпавший в пустыне. Теперь стало невозможно выбраться наружу скрытно, какими-нибудь потаенными ходами, – пользуясь тем, что про их освобождение из плена никто не знает. Потому что за дверью загудели-заверещали звонки и сирены. Твою мать! Вот уж шухер так шухер... Полная задница. В первом кабинете хлопцы очухаться не могли, в этом Сварог был уверен, разве что кто-то зашел к ним проведать, как идет допрос или стрельнуть понюшку табаку, и вместо панорамного полотна «Допрос партизана» наткнулся на сей живописный натюрморт. А скорее всего, сигнал с их «амперметра» ушел на какой-нибудь центральный пульт управления, куда спустя некое оговоренное время должно было поступить подтверждение или, наоборот, отмена сигнала. Так, по крайней мере, было поставлено дело в советской армии. Отмены не последовало – и закономерно взревели сирены. В общем, какая разница, отчего да почему...

Надо поднимать Рошаля на ноги, отбросив мысли о том, что магия может кому-то повредить.

– «Боро» в кабинете отключен? – спросил он у серого. Тот закивал в том смысле, что да.

Тогда Сварог встал рядом с Рошалем на колени, наложил ладони на голову охранителю, закрыл глаза, сосредоточился, вытолкнул из сознания все посторонние мысли и, шевеля губами, проговорил заклинание. Еще секунду ждал, на что-то надеясь. Но чуда так и не произошло – его магическая походно-полевая аптечка подобного заболевания не лечила... А может, и вовсе не знала. Кинув взгляд на серого дознавателя, лицо которого было перекошено ужасом («Вот и хорошо, лишний раз баловать не станет»), Сварог вернулся к двери, приоткрыл. Пока тихо. Похоже, установить источник беспокойства им не удалось, видать, аппаратура у них слабовата, а то иначе хлынули бы сюда бойцы, заполонили бы коридор, размахивая электрическим дубьем. Электрическим... Электричеством...

Сварог закрыл дверь. Не сказать, чтобы он возликовал, рано еще ликовать, вот выберемся на свободу – тогда и поликуем, но настроение у него с колен поднялось. Хотя всего-то что и изменилось за последние секунды – родился

план. Нет, все-таки человек, который видит перспективу, и тот, который не видит – суть две большие разницы. Эх, если бы еще Рошаль вдруг каким-то чудом пришел в себя, поднялся бы с пола, как Илья Муромец с печи...

– Подъем! – спустя несколько секунд гаркнул Сварог.

Сотрудник спецслужбы послушно вскочил.

– Значит так, мой серый друг, – для пущей убедительности Сварог вдавил пленнику под подбородок ствол шаура. – У тебя выбор простой: жизнь или смерть. Будешь делать, что скажу – жизнь. В любом другом случае – смерть. А провал операции свалишь на нерадивых подчиненных. Даю слово, что отпущу. Можешь верить мне, можешь не верить... Ну как, живем?

Несколько секунд назад Сварог подвинул кресло к двери, забрался на него ногами и сорвал со стены деревянную распрекоробку, под которой обнаружилась панель с проводами.

«Вы обожаете электричество, – со злостью думал он, – вы души в нем не чаете, у вас тут все на нем висит и держится... Но мы тоже не пальцем деланные, все ж таки живали в мирах, где худо-бедно пользуются тем же электричеством, штепсель от розетки отличают и короткое замыкание делают запросто».

Сварог выдрал провода и соединил их. Ясный хрен, коротнуло. Да так, что от соединенных проводов брызнул сноп синих искр, и комнатный свет погас.

Сварог включил «кошачий глаз». Да, наверное, умением видеть в темноте управляли магические механизмы, а раз так, и если принять на веру, что магия вызывает негативную побочную реакцию, то... Сварог мысленно попросил прощения у тех, кому это принесет несчастье. Но никак без «кошачьего глаза» не обойтись. Иначе им не выбраться и не выжить...

– Берем.

Они подхватили Рошалья под мышки. Там по-прежнему трещала-звенела тревожная сигнализация, горело аварийное освещение и метались люди. Здесь «кошачий глаз» Сварог за ненадобностью отключил.

– Человеку плохо, ударило током. Пропустите. Плохо, ударило разрядом, – как заведенный повторял Сварог и быстро шел вперед.

На стене в коридоре висел электрический щит – куда ж без него... Сварог приказал:

– Остановились.

Распахнул дверцу щита, срывая пломбу на дужках. Поднял шаур и, недолго думая, всадил россыпь зубастого серебра в сложное сплетение проводов и разъемов. Ух и заискрило же хозяйство – как пучок бенгальских огней в новогоднюю ночь...

Люди в коридоре не успели среагировать на хулиганскую выходку того, кого они принимали за коллегу в форменном сером плаще, а потом на них упала беспросветная тьма. Вот пускай и бегают впотьмах, мечутся, натываются друг на друга. И здорово, что хотя бы на этом этаже заткнулось тревожное верещание, лишь где-то вдали продолжало завывать. Уж очень утомились уши от всех этих сигнальных воплей...

Они прошли коридор до конца, вышли к подножию лестницы. «Кошачий глаз» окрашивал окружающее в светло-серые тона. Широкий пролет, опутанный решетками, опоясанный металлическими лестницами и переходами, внизу был темен, наверху освещение еще горело. «Ничего, – злорадно подумал

Сварог, – я вам устрою жизнь при лучинах. Все коробки разворочу, кабели переблю. Отвыкли, небось, жить без лампочки Ильича?!»

Ну вот вам! Человеческий силуэт метнулся вбок, а ноша Сварога враз потяжелела.

Это пленник Сварога выскользнул из-под плеча Рошаля и бросился к неприметной дверце справа. Не выдержал, решил-таки воспользоваться тьмой кромешной и своим знанием особенностей архитектурного ландшафта.

Впрочем, Сварог предполагал, что такое может случиться – ну не верил он в искреннее желание серого дознавателя подчиняться, выслуживая себе жизнь, не верил отчего-то, и все. Потому держал того взглядом, не отпускал ни на миг. И когда *случилось*, колебаться не стал. Какие уж тут колебания, какой, на хрен, гуманизм! В конце концов, он играл честно и отпустил бы человека живым. А так... Ну, извини.

Сварог поднял шаур и нажал на спуск. Дознаватель, словно споткнувшись, повалился возле дверцы, до которой ему оставался какой-то шаг. Теперь нести охранителя предстояло в одиночку. Сварог взвалил Рошаля на плечо. Хорошо, что соратник весит немного. А плохо, что теперь никто не покажет обходной путь. Придется переть напролом. Подниматься по лестнице все выше и выше, пока не выберешься на поверхность. Паршиво, что только одна рука свободна. И совсем погано, что это – его последняя и единственная попытка выбраться. Если остановят, то в живых не оставят. А если и оставят, то вряд ли сам обрадуешься этому обстоятельству...

Под ногами загромыхали металлические ступени. Сварог всадил порцию серебра в пучок кабелей, идущих по стенам куда-то наверх. Всадил так, на всякий случай, а эффект вышел просто... как говаривала, интересничая, одна маркиза на Таларе, *ижумительный*. Погас и последний свет наверху.

Ага! Получай, фашист, гранату! Чтоб тут усё у вас накрылось медным электрическим тазом! А мы еще побарахтаемся. Зрячий против слепых – это вам, знаете ли, не кирзу хлебать и не грядки окучивать. Это, милостивые государи, раскладец...

Сварог прошел мимо какого-то деятеля, ощупью пробирающегося вдоль стены. Тот, слышав шаги, завертел головой и робко позвал:

– Кто тут?..

«Да ты, похоже, мелкая сошка. Тогда я тебе покажу «кто тут». Будешь знать, как разгуливать по лестницам».

– Молчать! – рявкнул Сварог. – Должность, звание! Отвечать!

Чего-то Сварог, может, и не умел в этой жизни, но генеральский рык в список неумений точно не входил. Достаточно вспомнить их десантного генерала Борзенко и воспроизвести его интонации, чтобы у любого, от рядового до полковника, коленки задрожали.

– Йорг-капрал Морми-Дол, ремонтник, – проблеял человек. – Иду включать автономное питание подъемника...

Лифтер! Да еще и всего-навсего капрал! Ха, ну ты попал, мон ами... Сварог моментально припомнил разговор с дознавателем, а точнее – упоминание имени главы Каскада...

Братъ еще одного «языка» Сварог не мог себе позволить, нельзя терять темпа. Пока в этих стенах царит неразбериха, пока никто не может толком сообщить, что происходит, пока никто не взял командование в свои руки – есть

шанс, что не перекроют наглухо все входы и выходы, что можно проскочить. Да, темпа терять нельзя. А вот что можно...

– Я – верх-победитель, маркиз Арт-Гвидо, – рывкнул Сварог. Включенное «кошачье зрение» позволило увидеть, как капрал, оторвавший было ладонь от стены, снова схватился за нее, а другой ладонью – за сердце. – Со мной раненый, юнк-лейтенант Гальвиг-Тарэ. Живо доставить наверх! Почему еще не починили подъемник?!

– Господин верх-победитель, – сглотнув, с трудом выдавил из себя насмерть перепуганный капрал, – я не могу добраться до аварийного блока... Ничего не видно...

– Ты что же думаешь, йорг-капрал, у верх-победителя нет прибора виденья в темноте? Ты думаешь, наши ученые – бестолочи яйцеголовые?! Не смогли изобрести?! Отвечать! Молчать! Будешь говорить, куда идти, как найти аварийный блок, как он выглядит, станешь держаться за меня. Понял?! Я, маркиз Арт-Гвидо, стану твоими глазами, – и Сварог, решив, что лифтер напуган до нужной кондиции, перешел на задушевный тон: – Ты уж, сынок, постарайся. Поднатужься, сынок. А о повышении по службе не горюй, будет. Заждался, по-ди, повышения?

И «сынок» постарался. Совместными усилиями они добрались до аварийного блока, включили рубильник автономного питания, потом двинулись к подъемнику. Будь на месте йорг-капрала более внимательный и менее напуганный близостью высочайшего начальства человек, он бы наверняка обратил внимание на всякие несуразности и неувязки. Например, на то обстоятельство, что «маркиз Арт-Гвидо» не привлекал никого из каскадеров, мимо которых они проходили, а сам тащил на плече какого-то раненого юнк-лейтенанта. Но нет, йорг-капрал так ничего и не понял вплоть до кабины подъемника.

И каково же было его удивление, когда в слабом свете аварийной лампочки он увидел перед собой *не того*. Значит, понял Сварог, лицезрел он все-таки когда-то доподлинного маркиза Арт-Гвидо... Удивление сменила обида. Он, верно, решил, что его разыграли. Вряд ли он успел подумать о чем-то уж совсем криминальном – ведь на человеке, выдававшем себя за главу Каскада, был как-никак форменный плащ.

– Извини, сынок, ничего не поделаешь, – сказал Сварог и аккуратным точечным ударом сложенными щепоткой пальцами, отключил лифтера.

Сварог опустил рычаг под цифрой «1», и лифт пополз наверх. Сквозь решетку лифта Сварог видел мечущиеся на этажах лучи фонарей, в свете фонарей видел людей, напряженно всматривающихся в шкалу прибора «Боро-4». Чтобы никакие лампы «амперметров» вдруг не загорелись в темноте зловещим красным светом, Сварог «кошачий глаз» отключил... Как ни странно, никто его не остановил по дороге от лифта к выходу во двор, хотя люди по дороге попадались. Видимо, появление с раненым на плече вписывалось во всеобщий переполох.

Во дворе стояли машины. Сварог обежал их взглядом. Ага, вот то, что нужно. Тяжелый широкий то ли вездеход, то ли автобус на гусеничном ходу. В общем, думается, штука эта предназначена, чтоб перевозить целое подразделение Каскада по пересеченной местности. К ней-то Сварог и направился.

– Эй, вы куда?..

Сварог оглянулся. Окликнувший его человек в черно-зеленом плаще держал в руке выдвинутую электродубинку. Эт-то плохо...

– Человека разрядом ударило, не видишь? – с надрывом закричал Сварог. – Там внутри моя сумка с медикаментами, понял? Я там ее оставил. Да помоги ж ты, чего стоишь!

Секунду черно-зеленый размышлял. Потом нажал кнопку на рукояти дубинки, дубинка сложилась, он откинул полу плаща и прицепил ее к поясу. И взялся помогать Сварогу вносить бесчувственного Рошаля в салон вездехода.

– Где же сумка? – завертел он головой, когда они осторожно положили охранителя на широкое заднее сиденье.

– Где, где... В Караганде, – ответил Сварог и уж которого человека отправил в беспамятство выверенным (и, думается, отработанным сегодня до полного автоматизма) ударом.

Сварог прошел вперед и сел на водительское место. Осмотрелся. Руль – это понятно. С остальным – не очень. Что ж... Его наделили должным заклинанием, и сейчас необходимо было пускать его в ход. Вдохнул, выдохнул, произнес...

Ключа зажигания не требовалось, как, впрочем, отсутствовало и само зажигание. Стало быть, этот вездеход тоже из породы электромобилей, и – слава всем местным богам и механикам! – батареи были заряжены под завязку. Правда, вряд ли могло быть иначе – спецтехника всегда должна находиться в готовности к срочному выезду. Что ж, вот выезд и случился.

Сварог открыл крышку со стрелкой, щелкнул тумблером. Зажглась лампочка над надписью «прогрев механизмов». Теперь надо ждать, пока прогреется – никуда не денешься...

А, бля!

Если и можно сказать, что в чем-то Сварогу до этого везло, то сейчас везение закончилось. Потому что его вычислили. Как – неизвестно, то ли кто-то из нокаутированных очухался, то ли некто бдительный из караульной будки взгляделся в идущего по двору человека и признал в нем недавнего арестованного. Или они с помощью своих чудо-«амперметров» оперативно среагировали на заклинание, которым воспользовался Сварог, чтобы освоить вездеход. И сейчас отовсюду к машине бежали черно-зеленые бойцы, выдвинув дубинки на полную боевую готовность.

– Так просто, ребята, я вам не дамся, – процедил сквозь зубы Сварог, вновь вытаскивая из-за пояса шаур. – Только суньтесь ко мне...

Наконец зажглась лампочка над надписью «прогрев завершен». Сварог тронул рычаг с деревянным набалдашником в виде женской головы, и под ногами загудел мотор. Вездеход дернулся и поехал.

Ворота, железные, двустворчатые, находились прямо перед Сварогом. Но ему необходимо было набрать скорость, хотя бы кружочек описать по двору.

Разворачиваясь, тяжелая машина задела припаркованный рядышком электромобиль, и тот отлетел в сторону со смятым капотом. Никто из черно-зеленых бойцов не рисковал вставать на пути столь серьезного транспортного средства, все разбегались. Вот и ладушки... Сварог, завершив круг, направил вездеход на ворота.

Сведенные темно-синие створки надвигались. Из караульной будки выскочил человек все в том же черно-зеленом плаще, встал перед воротами, ярост-

но замахал руками. Извини, приятель, неубедительно. Охранник успел отско-
чить в самый последний момент.

Ворота слетели с петель, легли под колеса, и, прогромыхав по ним, тяжелая
машина вырвалась на улицы города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Глава тринадцатая

ЛЮДИ В ЯНТАРНЫХ ХАЛАТАХ

«В такой больничке я бы повалялся с неделку. Нервишки бы поправил и
вообще...», – мрачно думал Сварог, безостановочно расхаживая по кори-
дору. Этот коридор разительно отличался от тех, что ему совсем недавно при-
ходилось созерцать.

Например, виды отсюда открывались прелестные. Не на какие-нибудь об-
шарпанные казенные кабинеты, за дверями которых засели каскадовские бю-
рократы с оловянными глазами, а на площадку с цветочными клумбами, пе-
сочными дорожками, с ажурными скамейками, со скульптурами и фонтана-
ми. А вокруг всей этой благодати шумит сосновый лес. Ходишь по коридору и
наблюдаешь сквозь окна от пола до потолка, протянувшиеся во всю длину ко-
ридора, такую вот душеуспокоительную картину – чем плохо?

И пахло здесь приятно. Какими-то травяными эликсирами. Хотя, со-
гласно канонам, должно пованивать карболками и анализами – больница ж
все-таки.

И еще одно обстоятельство обращало думы Сварога к теме заслуженного
отдыха на здешней больничной койке. Весь обслуживающий персонал боль-
ницы составляли женщины. Даже каталки катали и носилки носили исклю-
чительно барышни. В чем тут причина – то ли медицина в Короне считается
ремеслом только для женщин, то ли эта больница находится на попечении
женского монастыря – Сварог над этим голову не ломал. Важен исходный
факт, то бишь приятное окружение. А некоторые сестрички, проскакивающие
мимо Сварога и заинтересованно стреляющие глазками, вполне даже ниче-
го... на лицо прекрасные, добрые внутри.

А вот что касается всего остального, помимо лица и доброты в глазах – ну
там стройности фигуры, всяких округлостей и выпуклостей, – то приходилось
лишь догадываться и предполагать, ибо толком ничего разглядеть под скра-
дывающими формы просторными, мешковатыми халатами янтарного цвета
не удавалось. И не поймешь, кто перед тобою – блондинка, рыжая или брю-
нетка, потому что волосы полностью закрывает высокий головной убор того
же янтарного цвета, с вуалью, которая, надо думать, заменяет при необходи-
мости марлевые повязки. Однако ежели все-таки ненадолго задержаться при
лечебнице, то есть все шансы не торопясь, обстоятельно разобраться и в фор-
мах, и в оттенках... По правде говоря, Сварог предавался игривым мыслям во-
все не искренне и веселости в себе не чувствовал. Он сознательно *нагонял* в
себе игривость и веселость, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Чтобы
совсем духом не увянуть. Но не слишком-то удавалось. Никак не прогнать мрач-
ные раздумья. Его поймет всякий, кто когда-либо вот так же вышагивал перед
дверью медицинского кабинета, откуда должен выйти врач и сообщить вра-

чебный приговор...

Разумеется, Сварог подкатил к больнице не на вездеходе – иначе бы по пути он передавил полгорода, перемял не одну сотню мелких штатских электрических мобилей, разнес вдребезги несколько светофоров и лотков с фруктами, да, вдобавок, наверняка притащил бы на хвосте табун полицейских машин с мигалками.

На вездеходе Сварог проехал всего лишь квартал, заехал в переулок, остановился возле пустого электромобиля, припаркованного к краю тротуара. Проблемы завладения чужим транспортным средством в Короне не стояло – похоже, такое преступление, как угон, до тутошних пенатов пока не добралось. Все машины были с открытым верхом, а кожаную складчатую, как у кабириолетов, крышу без необходимости типа такой, как дождь или снег, они не опускали. Запрыгивай и поезжай. Что господин граф-милорд-король и проделал. Правда, прежде Сварог перенес в машину Рошаля, поднял кожаный верх, а потом еще и вернулся в вездеход. Врубил заднюю передачу, зафиксировал рычаг и выскочил на улицу. Отъезжая в новой машине, в зеркало заднего вида он наблюдал, как славная гусеничная тачка стала медленно пятиться. В планы Сварога входило всего лишь перегородить переулок. Чем больше шуму-гаму будет на пути каскадовских машин, которые, бесспорно, ринутся в погоню, тем лучше. Однако предоставленный сам себе вездеход с задачей справился плохо: нет чтобы просто упереться в стену дома и заглухнуть, он же, изменив приданную ему Сварогом траекторию, въехал тяжелым железным задом в витрину магазина, выдавил стекло и па-ашел сшибать прилавки и давить товар. Наполовину скрывшись в витринном окне, он наконец напоролся на что-то несдвигаемое там, внутри, и замер.

Вскоре Сварог еще раз поменял транспорт, который видело слишком много людей. Проделал это безо всякого шурум-бурума, без шума и пыли и вообще без всякой публичности. Вспомнив гангстерскую классику, заехал в тихий дворик, углядел там одинокую машину, остановился возле нее дверца к дверце. И через минуту покинул дворик уже на другом авто. Вырулив на улицу, Сварог заглушил электромотор возле первой попавшейся книжной лавки, заскочил в нее, купил справочник по столице взамен оставшегося в первом плаще. Кстати, серый с бронзовыми застежками плащ тоже не мешало бы поменять на что-нибудь менее одиозное. Уж больно привлекает внимание. Продавец книг аж с лица спал, завидев у себя в лавке клиента, выставяющего напоказ принадлежность к такой серьезной конторе. Полистав справочник, Сварог выбрал лечебницу, располагавшуюся за чертой города – уж очень хотелось обратиться подальше от Каскада. После чего, поглядывая на соседнее сиденье, где лежал справочник, раскрытый на карте, с Рошалем на заднем сиденье, он влился в не шибко плотный электромобильный поток. Ехал он со скоростью потока, никого не подрезая, не обгоняя, все соблюдая. Короче, не придерешься. Эх, давненько я не держал в руках руля...

Несколько напрягал проезд через поля ветряков. Слишком уж легко перекрывался выезд из Вардрона – на паре дорог кордоны поставить, и все. Алес. Лады, как только появятся рогатки и толкущийся возле них народ в подозрительных плащах с еще более подозрительными дубинками, тут же разворачиваемся и ищем больницу в черте города... Черт, если Каскаду известно о болезни Рошаля, то все лечебницы тут же окажутся под колпаком... Но выбора не

было.

Пронесло, однако, – машущий крыльями ветряной лес остался позади.

Да-с, милостивые государи, что-то плохо сработал Каскад. Или до сего дня не было у них подобного прецедента, и по причине ненужности в их арсенале отсутствуют планы вроде легендарных «Перехват» и «Невод», или каскадовцы вбили себе в головы, что преступник не так глуп, чтобы предпочесть воздушным и морским путям-дорогам самую ненадежную и опасную – электромо-бильную стежку. Или это все-таки сам Сварог сумел ввести каскадовцев в заблуждение? Быть может, они нашли машину, брошенную во дворе, и, по-скольку об угоне еще одной машины никто не заявил, пришли к выводу, что преступник скрылся где-то поблизости. И сейчас браво прочесывают окрестности того дома...

Наряду с облегчением, Сварог, миновав ветряки, испытал и что-то вроде легкого разочарования. От Каскада можно было ожидать большей оперативности. Подкачала секретная служба, несколько померкла в его глазах.

Поскольку до больницы было уже недалече, перед Сварогом встала проблема: создавать ли деньги? Справочник ничего не сообщал о том, бесплатное в Короне здравоохранение или обдирают как липку. В общем, и правильно – каждый честный гражданин сам должен знать такие вещи, а нечестным обращаться рекомендуется не в больницы, а напрямую в Каскад, где его быстренько вылечат ото всего заразного.

Поразмыслив, Сварог решил с заклинаниями не торопиться. В свете новых знаний прибегать к магии следовало в самых крайних случаях...

Уже видны были за перелесками белоснежные корпуса больницы, до них оставалось не больше лиги, когда замигала лампочка, предупреждающая о том, что батареи на исходе. Кстати, как заправляется – заряжается драндулет, Сварог понятия не имел. Вероятно, имеются какие-то заправки, аккумуляторные, там, конденсаторные... Видел Сварог на обочине дорог строения, которые, возможно, и являлись теми мифическими электрозаправочными станциями. Над всеми над ними было укреплено условное изображение костра, взятое в треугольник.

Никаких костров в треугольнике среди елок и сосен не проглядывало, равно как и строений, и Сварог уже смирился с тем, что придется опять переходить на безотказный ножной транспорт... В лучших традициях автопробегов он заглох аккуратно на финише и к больничному крыльцу подкатил на одной лишь инерции хода. Сварог прекрасно отдавал себе отчет, что его немедленно начнут расспрашивать: «Кто вы? Кто он? Что случилось?» – и заготовил оригинальнейший ответ: «Еду. Вижу – лежит. Поднял, привез». Сбежавшие по ступеням крыльца женщины в янтарных халатах ограничились лишь одним вопросом:

– Что с ним?

Сварог ответил обтекаемо, оставляя себе пространство для маневра:

– Присутствовавшие при приступе люди утверждают, что сидел человек, был нормален, вдруг упал, лицо приобрело вот такой отталкивающий цвет, и с тех пор в себя не приходил. Но жив, дышит. Случилось это стражу назад.

И больше никто ни о чем не расспрашивал. Рошалья при помощи Сварога переложили на каталку и при его же помощи покатали вверх по пандусу. Каскадовский плащ Сварог оставил в машине, свернул и засунул под сиденье:

нечего людей пугать. И вот теперь в ожидании, когда к нему выйдет врач, Сварог ходил взад-вперед по коридору. Если одну стену занимали окна от пола до потолка, то другую обитые чем-то мягким двери. За одной из этих дверей сейчас и осматривали мастера охранителя...

Дверь как раз этого кабинета распахнулась, вышла высокая женщина. Сварог направился к ней.

– Прошу в мой кабинет, – холодно сказала она, отбрасывая с лица вуаль.

Кабинет с табличкой «Эйлони-Митрот. Патронесса шестой королевской больницы» находился в конце коридора.

Она вошла первой, Сварог следом. Он прикрыл дверь, огляделся с порога. Ничего лишнего: стол, два стула, два серых ящика в углу, вертящаяся стойка с колбами и пробирками, топчан, шкафы. На всех дверцах шкафов был изображен тот же символ, что украшал и янтарные одежды медперсонала, – цветок одуванчика, обрамленный контуром короны с тремя зубцами, и, не иначе, означающий, что наше здоровье так же разруσιμο, как и этот цветок. Портреты на стенах, мужские и женские. Мужчины сплошь бородаты и высоколобы, на их счет сомневаться не приходится – ученые, внесшие вклад в торжество медицинской мысли, женщины в таких же высоких головных уборах, что и сейчас на патронессе. А вот дамы сии, думается, – предшественницы нынешней патронессы на посту начальницы лечебного заведения... И что еще бросалось в глаза: напрочь отсутствовали всякие милые женские мелочи, которыми обрастают даже служебные комнаты, если их обживают представительницы слабого пола. Всякие там цветочки в вазе, розовые занавесочки, пуфики, зверюшки в виде картинок и мягких игрушек, пудра или помада среди разбросанных карандашей, шоколадки на подоконнике... Ничего. Во всем серьезный, насквозь деловой кабинет. Такой же, похоже, как и его хозяйка.

Патронесса Эйлови дошла до стола, вдруг развернулась и стремительным шагом направилась к Сварогу. Остановилась перед ним, взглянула в упор.

– Что с ним? – спросил Сварог.

– Послушайте... – начала она и вдруг осеклась, о чем-то глубоко задумавшись. Потом выдохнула, словно наконец-то набралась решимости, и произнесла: – Я на вашей стороне.

У Сварога кольнуло сердце. Ч-черт... Черт, черт, черт...

– Спасибо, – выдавил он. И повторил: – Что с ним?

– С ним? Вы не поняли, – она закусила губу. Провела ладонью по лбу, словно смахивая усталость. И заговорила очень быстро: – Слушайте меня внимательно. У вас совсем нет времени. Я только что подписала коронную бумагу, удостоверяющую смерть пациента...

– Умер?!

– Подождите! – она притопнула ногой. И тут же взмолилась: – Прошу вас, не перебивайте! Ваш товарищ жив, но... Но это сейчас неважно. Мне надо договорить. Я распорядилась отправить его в городской Ледяной покой. Сейчас его переносят в мобиль «последнего пути». Вы должны его сопровождать. Вместе с вами в машине будет *наша* женщина. На повороте к городу она остановит машину, выйдет, и вы сядете за руль. Потом она расскажет, что вы ее вытолкнули силой и направились в сторону от города. А на самом деле вы направитесь к городу. Доедете до развилки Два ручья... Знаете, где это?

– Понятия не имею, – сказал Сварог. И подумал: «И вообще ни хрена не по»

нимаю».

– Едете в сторону города, вам нужна вторая дорога, сворачивающая с шоссе слева по ходу движения. Дальше двигаетесь по этой дороге до указателя «Поской». Свернете там, и вскоре дорога приведет вас к моему дому. Других домов ни по пути, ни поблизости нет, можете не опасаться, что кто-то вас увидит. Сейчас я напишу записку, отдадите ее человеку, который вас встретит. Это мой слуга, во всем верный человек. Больше никого в доме нет. Он позаботится обо всем. И о машине, и о вашем друге. Он знает, что надо делать. И ждите меня. Я буду через три стражи... Думаю, больше времени не займет уладить формальности с Каскадом...

– С Каскадом? – вырвалось у Сварога.

– Да. Дело в том, что мне позвонили... – Она показала на ящик со знакомым уже Сварогу символом – трилистником, перечеркнутым красным крестом. – Дали ваши приметы. Я не могла соврать. Потому что, вы должны понимать, им бы все равно рано или поздно доложили. Тут много работает... оплачиваемых Каскадом людей. И если бы в Каскаде узнали, что я скрыла правду... – патронесса горько усмехнулась. – Ну, вы-то имеете представление, что меня бы ждало. А так я им сказала, что два человека, схожие по приметам с теми, кого они ищут, обратились в нашу больницу. Ну, то есть не оба обратились... потому что один из них был уже мертв, когда попал к нам, и согласно императорскому уложению о содержании больных мы тут же отправили его в городской Ледяной покой, а вы... вы отправились его сопровождать. Пусть ищут вас в Ледяном покое, на пути в город, здесь пусть ищут, где хотят. Но искать у меня им и в голову не придет, потому что я сама их вызвала, потому что я на хорошем счету и так далее. Поверьте мне, я на вашей стороне. Ну зачем мне затевать столь сложную игру, если б я желала вам зла? Тогда проще было бы задержать вас до приезда Каскада. Все! Вам надо спешить, они уже на пути сюда.

Мысли в голове Сварога походили сейчас на растревоженный улей. Ловушка Каскада? Подпольщики? Таинственная третья сила?

– Ответьте мне на один вопрос...

– Умоляю! – она прижала руки к груди. – Я потом вам все объясню.

– Скажите мне только, что с моим другом?

– Потом, – твердо сказала она. – Времени совсем не осталось.

– Это работа Каскада?

– Каскада?.. Господи, конечно, нет! Ну быстрее же вы!..

«Чтобы за всем этим не скрывалось, но в одном она, бесспорно, права – ей действительно проще было бы задержать меня до приезда Каскада», – вот о чем подумал Сварог. И сделал выбор.

– Как мне пройти к той машине? – сказал он.

– Я вас провожу...

Глава четырнадцатая ПАТРОНЕССА И ГРАФ

Человек, открывший Сварогу дверь, был невысок, космат и горбат – потерявший плащ свешивался с его перекошенных плеч до пола. Он с неодобрением оглядел Сварога, на приветствие не ответил, а просто молча взял протянутую записку. Сварог припомнил одно из наблюдений Гора Рошаля над местными обычаями: человек без плаща считается в Короне кем-то вроде беспаспортного бродяги. Или, попросту говоря, бомжа. Плащ у Сварога отсутство-

вал – отсюда и отношение...

Впрочем, взгляд того, кого патронесса поименовала слугой и верным человеком, не помягчел даже после того, как он прочитал записку хозяйки, даже наоборот: еще более посуровел. Похоже, он больше обрадовался бы, окажись Сварог бродягой, заявившимся в поисках подаяния, – тогда его можно было прогнать без затей, а так приходится впускать в дом, да еще и озадачиваться его проблемами. «Эх, милый, знал бы ты, с кем разговариваешь...», – отстраненно подумал Сварог.

– Где там ваш больной? – нехотя проговорил горбун, глядя в сторону.

Они перенесли Гора Рошалья в одну из комнат двухэтажного просторного особняка, оказавшейся прямо-таки больницей на дому, – аппараты непонятного назначения вдоль стен, стойки с колбами и пробирками, на полках стеклянного шкафа, на отдельных салфеточках – хирургические инструменты самого что ни на есть пугающего вида... Они положили охранителя на явно операционный стол, стоящий по центру помещения. Шаркающей походкой горбун обошел стол, перекинул рычажок на одном из аппаратов, отчего тот загудел и на нем зажглись зеленая и красная лампочки. Горбун еще пощелкал какими-то рычажками, после чего надел на голову мастера охранителя обруч с эбонитовыми кругами, соединенный с включенным аппаратом шнуром. И буркнул:

– Все. Пойдемте. Провожу вас в вашу комнату.

– Мое присутствие и помощь не нужны? – вежливо сказал Сварог, показывая на операционный стол.

– Вас велено проводить в вашу комнату. Идемте.

Сварог пожал плечами и последовал за «верным человеком». Погруженными в полумрак коридорами, скрипучей винтовой лестницей тот провел Сварога на второй этаж. Открыл какую-то дверь...

– Дождитесь госпожу патронессу здесь.

Мог бы еще добавить: «А не шастайте по нашему дому». Но не добавил, просто ушел.

К черту все, сил никаких нет, чтобы хоть приблизительно понять, что происходит, за какой конец надо потянуть, чтобы распутать завязавшийся узел... Спать, спать. Надо выспаться, а уж потом, с ясной головой начать обдумывать создавшееся положение. «Умирает каждый, с кем мы познакомились», – сказал Рошаль. А Сварог на это ответил легкомысленно: «Тогда одним из них в вашем черном списке должен быть либо я, либо вы...» Значит, охранитель был прав в своих подозрениях... Не-ет, твари, так просто я не сдамся, не на того напали...

Кровать в комнате имелась, и на том спасибо – узкий кожаный диван с толстыми валиками по бокам. Помещение, в которое его привел горбун, более всего походило на библиотеку: книжные шкафы под потолок, стол с письменными принадлежностями и набором курительных трубок, диван – вот и все убранство.

Он прилег, закрыл глаза... Но сон не шел. Сварог еще находился в том состоянии перевозбуждения, когда разум вопит об отдыхе, а нервы не подчиняются, нервы еще взведены, как курки. Тогда он встал, прошелся взад-вперед по комнате, подошел к окну, откинул занавеску, распахнул раму. Курить хотелось очень, но трубку набивать не было сил, а прибегать к магии... в общем,

похоже, от магии придется отвыкать. «Эй, – мысленно сказал он той третьей силе, о которой говорил Рошаль, – а я ведь до тебя доберусь. Будь ты хоть трижды Великий Мастер, хоть еще кто. Так что – жди в гости и готовься...»

Третья сила, разумеется, промолчала.

Близился вечер, на запущенный сад легли таинственные тени наступающих сумерек. В донесшемся стрекоте Сварог распознал гудение мотора электромобиля – горбун выполнял предписание хозяйки «позаботиться о машине». Скорее всего, больнице придется раскошелиться еще на один мобиль «последнего пути»...

Вздыхнув, Сварог вернулся к шкафам, вытащил с полки первую попавшуюся книгу, не глядя на название. Завалился с нею на диван, открыл наугад.

«Музыкальный вал проигрывал мелодию звездных ночей. Музыка не мешала серьезным разговорам, которые вели преимущественно мужчины, разбившись на группы. Разговоры дам были далеки от политики, и потому в ярко освещенных залах посольства обсуждаемые женщинами темы никак не могли быть причислены к серьезным. Что ж может быть серьезного в модах, в синематографических премьерях, в романтических похождениях членов императорской семьи, в сплетнях по поводу романа маркизы Доль с балетмейстером двора бароном Бо-Номи, в горячем обсуждении вопроса, прилично или неприлично носить парики?»

В каждом из дымящих трубками мужских кружков, куда бы ни отклонялись политические беседы, – начинала звучать тема величия Короны...»

...Проснулся он от прикосновения руки. Открыл глаза и увидел над собой знакомое лицо.

– Простите, что разбудила, – сказала стоявшая возле дивана патронесса Эйлони. – Вы выглядите усталым...

Нет, лицо было незнакомое – теперь, сменив строгий, янтарного цвета костюм на сиреневое трико без пояса с наброшенным поверх прозрачным, кажущимся невесомым плащом, Эйлони словно преобразилась. Светлые волосы, шапочкой не удерживаемые, свободно ниспадали на плечи, вуаль более не скрывала огромных синих глаз. Даже, кажется, помолодела... Да нет, не помолодела – она и была молодой, это врачебный халат ее старил, превращал в холодного и практически бесполого эскулапа... Блин, да она была просто красавицей...

– Вам, наверное, здорово досталось от... них? – тихо спросила она.

– Перепало немножко, – сказал Сварог, садясь и протирая глаза. – Что с моим другом?

Патронесса присела рядом с ним на диван, ответила, глядя в стену напротив:

– У него... каменная лихорадка.

– Эт-то еще что такое?!

– О ней мало кто знает. Я, например, впервые сталкиваюсь с таким случаем – до этого только читала в справочниках по истории медицины. И ни от кого из моих практикующих коллег не слышала, чтобы кто-нибудь подцепил ее в наше время... В больнице, пока не приехали люди из Каскада, я просмотрела кое-какую литературу – последний случай каменной лихорадки зафиксирован в Короне больше ста лет назад.

– Час от часу не легче... – вырвалось у Сварога. – Где он ее подцепил... И что?

Неизвестно, как лечить? Утрачены секреты лекарств?

– Каменная лихорадка неизлечима... Что вы сказали?

Сварог не стал переводить патронессе незнакомые слова, проговорил быстро:

– Это смертельная болезнь? Или жить будет, но останется инвалидом? Или упадет в кому? Послушайте, доктор...

– Просто Эйлони.

– Слушайте, Эйлони, я же ровным счетом ничего не знаю. Я не врач, я не... В общем, что это за штука такая, разъясните поподробнее. И если возможно обойтись без терминов, то лучше обойдитесь.

– Хорошо, – сказала она. – Вы впечатлительный человек?

– Я солдат, а это знаете ли...

– Я поняла, – она поднялась с дивана. – Тогда вам можно показать.

Она подошла к одному из книжных шкафов, уверенно выдернула из строя золоченых корешков нужную книгу, вернулась на диван. Села, положив на колени толстый том в красном переплете. Сварог глянул на название: «Болезни, которые мы победили». Оптимистично, бляха-муха...

– Считается, что каменная лихорадка пришла к нам с Ханнры, а благодарить за нее следует некое племя ошлодо, населявшее южные леса этого материка, – размеренно начала она. – Одни историки медицины уверяют, что болезнь появилась в Короне вместе с рабами, которых привозили оттуда, другие считают, что болезнь наслана на нас шаманами племени, исповедовавшего странный и нигде более не встречавшийся языческий культ, – наслана за то, что мы увозили в рабство их соплеменников...

В общем, насколько понял Сварог, сто сорок лет назад Корону поразила самая страшная за всю историю Гаранда эпидемия. Сперва полагали, что ее разносчиком является вирус, передающийся либо при контакте, либо воздушно-капельным путем. Потом установили, что это не так – заболели даже те, кто содержался в глухой изоляции, например, члены императорской фамилии. И наоборот: некоторым из тех, кто находился в постоянном контакте с больными, удавалось избежать заражения... Да и вирус выделить не удалось. Короче, цивилизации мог наступить полный кердык, если б не один деятель.

Не врачеватель и не ученый – простой вояка, некий штабен-йор Оркин-Крог. Про то, как ему пришло в голову предположение о первопричине болезни и способе ее устранения, ни в одной из книг не рассказывалось, а сам Оркин Крог мемуаров после себя не оставил. Но – вот пришла, и как-то он сумел убедить в своей правоте непосредственное начальство. Судя по всему, бравый штабен-йор жил по принципу: «Проще не обойти дерево, а срубить его», – и, конечно, его вело по жизни тщеславие, которое в конечном счете и погубило, но это уже другая история.

Итак, начальство поддержало инициативу штабен-йора Оркин-Крога – поддержало, думается, от полной безысходности. В те годы все, от простолюдинов до императорской семьи, жили в страхе, что завтра болезнь войдет и в его дом. Оркин-Крог возглавил Бронзовый поход. Три батальона высадились с транспортника «Королева Эшта» на южной оконечности Ханнры и с трех сторон вошли в лес, где обитало племя ошлодо.

– Сейчас я покажу, как это выглядело, – сказала Эйлони и принялась листать книгу. – За два месяца солдаты Оркин-Крога вырезали под корень все

племя ошлодо. И эпидемия прекратилась. С тех самых пор ни одного случая каменной лихорадки на территории Короны зарегистрировано не было... Вот, посмотрите.

Ее длинный ненакрашенный ноготь коснулся левой страницы, где была помещена гравюра, изображающая битву. Вернее, резню, а не битву. Солдаты в кирасах и пластинчатых шлемах ворвались в деревню, поджигали сложенные из тростника хижины и убивали всех подряд, не делая исключений ни для женщин, ни для детей. Аборигенов – невысоких темнокожих людей в набедренных повязках – рубили саблями и секирами на длинных рукоятях. Пытавшихся спастись бегством выцеливали стрелки...

На переднем плане гравюры стоял, подбоченясь, писанный красавец с орлиным взором – без защитных доспехов, без шлема. Изогнутой саблей он указывал кому-то куда-то – не иначе, показывал направление следующего удара. Тут даже нечего смотреть подпись под гравюрой, чтобы убедиться: это и есть тот самый Оркин-Крог, герой Гаранда, инициатор Бронзового похода. А в правом верхнем углу гравюры была изображена такая сценка: аборигены, окружив, своими телами прикрывали пожилого, увешанного амулетами человека – как пить дать, шамана. Тот воздевал руки, призывая богов спасти его народ от кровожадных чужеземных погубителей...

На правой странице тоже имелась гравюра, изображавшая прямо противоположные события: несколько солдат, чьи кирасы и шлемы валялись на земле, висели на деревьях головами вниз, а аборигены разводили большой костер и деловито точили ножи. В общем, судя по всему, в том походе доставалось и людям энергичного штабен-йора...

– А теперь посмотрите на это.

Она перевернула страницу. Еще одна гравюра, которая отношения к Бронзовому походу не имела. На деревянной кровати лежит обнаженный мужчина в окружении рыдающих родственников, а чуть в отдалении держится женщина, на ее одежде ясно виден цветок одуванчика в короне с тремя зубцами. Женщина-врач в бессилии опустила руки и потупила взор – больному уже ничем помочь нельзя. Человек на кровати худ, как узник Освенцима. От поясицы до головы кожа заштрихована черным цветом. А руки и ноги вдеты в петли, приделанные к кровати.

– Петли – это для того... – медленно проговорил Сварог.

Патронесса кивнула:

– Последняя стадия проходит очень тяжело. Перед... отходом в иной мир человек приходит в сознание. Всегда. Если лихорадка порождена человеческим умыслом, то нельзя было придумать ничего более ужасного и жестокого. Если не пользоваться петлями... больные пытаются покончить с собой, не в силах вытерпеть телесные муки.

Сварог выдавил из себя, деревянно выговаривая слова:

– Вы хотите сказать, что то же самое ждет моего друга?

– Я бы хотела вас утешить, но... ведь вы солдат.

– Как протекает болезнь?

– Всегда одинаково. Переход от нормального состояния к патологическому мгновенный. Человек сразу погружается в состояние беспамятства и, как я уже сказала, выходит из него только в день, когда его настигает смерть. С первых минут его лицо приобретает сиреневый оттенок. На груди тоже появляет-

ся сиреневое пятно, оно укрупняется с каждым днем, пока весь кожный покров туловища не становится... ну, вы видели гравюру. У вашего товарища присутствуют все симптомы этой болезни, в том числе и пятно на груди. Потом главное: его кровь в трубке Рокси показала смешение цветов, характерное только для этой болезни. Никакое другое заболевание не дает такое чередование оттенков.

Патронесса закрыла книгу.

– Болезнь длится, как правило, десять – двенадцать дней. Известны случаи, когда больному удавалось прожить девятнадцать дней.

– А случаи выздоровления? Что известно о них? – быстро спросил Сварог.

– Ничего. Ни один случай исцеления в истории медицины точно не описан, – она замаялась. – Под точностью я подразумеваю удостоверенный...

– А неточно? – перебил Сварог. Какая сейчас, к дьяволу, вежливость!

– Неточно известны два случая выздоровления. Но вы же понимаете...

– Расскажите о них. Они описаны?

– Да. И довольно подробно. Однако свидетели не вызывают доверия. Моряки. Вы же не верите в рассказы о морских дьяволах и Пенной Женщине?

– Эйлоны, – Сварог заглянул ей в глаза, – многое из того, что я считал невыносимым и невообразимым, вдруг превращалось для меня в повседневность.

– Вот. Тогда прочитайте сами.

Патронесса, оказывается, держала пальцем страницы, посвященные каменной лихорадке, словно предчувствуя, что к ним придется вернуться. Сварог схватил книгу.

«Известно, что на всех кораблях, ходящих одним и тем же составом не первый год (смена нескольких человек не в счет), развивались свои традиции – помимо традиций, общих для всего флота. Любой замкнутый мирок рано или поздно начинает порождать свои неписанные законы и установления. Скажем, на «Блэйге», разведывательном корабле, где служил штурманом мой отец, был заведен такой обычай: тех, кто впервые принимал участие в миссии, заставляли, с серьезными лицами убедив в необходимости этого, в тяжелых боевых доспехах выкапывать на берегу котлован якобы под склад продовольствия. Ох, и потели же они на этой работенке! Вот такой на «Блэйге» сложился обряд посвящения новичков в разведчики. Ну да известно – у разведчиков нравы, равно как и шутки, по-солдатски грубоватые»...

Абзац мимо, лирику пропустить. Еще абзац долой, так, читаем дальше...

«У нас, у картографов, не у всех, конечно, а у экипажа «Врезающего» в традицию превратились пикники на необитаемых островах в последний день перед возвращением домой. На этом острове мы расположились в просторной нише у самой вершины горы из гранита и песчаника, напоминающей пирамиду, что стоит возле города Олошдоль, разве что менее правильных форм. Укрепленные на вершине и по склону факелы выхватывали из темноты: резцы и коренные зубы скал, на вершинах которых причудливо кривились силуэты крученых-перекрученых ветрами елей, впадины с болотцами, чья поверхность отливала оловом, островки растительности, переплетающейся стволами, стеблями и ветвями, чтобы группой устоять под штормовыми ветрами, крупных хищных птиц, в панике начинавших бить крыльями воздух, когда попадали на свет. Сарк-Дани играл нам на флейте, а мы пили красное вино «Ложель» с виноградников Солнечных долин, хмель от которого держится в

голове несколько минут и потом выходит быстро, как воздух из надувного шарика, вызывая в этот момент ощущение сродни тому, что испытываешь на качелях, ухая вниз с большого подъема».

Твою мать, где же про лихорадку?! Поэтично, проникновенно, вызывает зависть, но на фиг публиковать весь отчет какого-то грамотного моряка-картографа в справочнике по болезням! А, вот, наконец-то, дошли...

«На следующее утро мы обнаружили двух наших товарищей, юнгу Биан-Гоша и картографа из третьего взвода Ават-Трого без сознания и с посиневшими лицом. Один лежал в своей койке, другого нашли на берегу в полусотне шагов от корабля...»

Далее следует детальное описание симптомов и течения болезни, это нам неинтересно, про это мы уже наслушались. Так, продолжаем отсюда...

«Мы решили похоронить их не по флотскому обычаю, а по сухопутному, то есть предать земле. Для чего капитан распорядился отложить отплытие на шесть – семь дней. Экипаж не роптал, решение капитана не поддержал только верх-помощник Фрег-Олл, ну да он всегда всем был недоволен: достаточно вспомнить шторм в Жемчужном проливе, когда он...» Пропустить. Так, так, где у нас дальше по существу? Вот.

«Фрег вернулся на корабль с берега и показал всем, что он нашел в горах. Минерал, размером с орех, прозрачный, похожий на алмаз. Верх-помощник рассказал, что он нашел возле потухшего вулкана в разломе скалы блестящую, как россыпь брильянтов, жилу. Он попытался сперва отковырять кусок ножом, но только лезвие сломал. Потом пробовал отбить другими камнями, и тоже ничего не вышло. Тогда он подумал, что должен же был хоть кусочек сам по себе отвалиться. Фрег излазил всю округу, все колени истер, но все-таки нашел обломок. Мы подивились находке, никто не смог сказать, что это такое, после чего мы разошлись спать.

На следующее утро весь экипаж проснулся с чудовищной головной болью. Всем без исключения было плохо. Корабельный лекарь истратил без остатка запас семитравного бальзама, и все зря, никому не помогло. А потом все разом забыли про головную боль – когда узрели воскрешение юнги и картографа из третьего взвода.

Бывалый моряк Рон-Часми свалился в обморок, увидев выбирающегося на палубу юнгу Биан-Гоша с совершенно нормальным, не синим лицом. Оба больных каменной лихорадкой полностью выздоровели. Следа болезни не осталось. Подумав, мы приписали их чудесное исцеление небывалым свойствам камня, найденного Фрегом. Камень, видимо, испускает какие-нибудь живодейственные лучи. Мы решили так, что образованные люди в столице разберутся, как и что на самом деле.

Минерал исчез во время плавания, кто-то выкрал его у Фрега из рундука. Ох и бесновался же Фрег! Он заподозрил в краже боцмана Дюга, у них чуть до поножовщины не дошло, да и дошло бы, если бы не вмешательство капитана. Капитан взял расследование в свои руки, обыскали весь корабль, но камня так и не нашли.

Этот рассказ подтверждают собственноручные подписи юнги Биан-Гоша и картографа из третьего взвода Ават-Трого».

И самое главное в самом конце. Одна строчка: «Карта острова (см. приложение 97)». Сварог лихорадочно открыл раздел «Приложения» и отыскал девяно-

сто седьмое. Там была и карта острова, составленная картографами «Взрезающего», где, по рассказам верх-помощника Фрега, отмечено примерное место обнаружения минерала.

– Были еще экспедиции на тот остров? – быстро спросил Сварог патронессу, отрываясь от книги. – Вы должны же были проверить даже такую сомнительную историю! Ведь все же были напуганы эпидемией лихорадки... Ах да, вскоре мир от лихорадки избавил энергичный штабен-йор... Но все равно, из чисто научного интереса могли снарядить экспедицию.

– Сейчас посмотрим.

Эйлони вновь подошла к шкафам, пробежалась глазами по полкам и достала огромную книжищу, оказавшуюся «Географической энциклопедией». Дождаясь, пока патронесса ищет необходимую статью, Сварог с разрешения хозяйки набил одну из трубок и закурил. Давно он, кстати, не курил – с отвычки даже голова пошла кругом...

– Вот, – нашла наконец Эйлони. – Однажды к острову Навиль, обнаруженному картографическим кораблем «Взрезающий», была отправлена экспедиция из двух кораблей, дабы скрупулезно исследовать остров. Корабли обратно не вернулись, после чего остров был занесен в разряд неперспективных и больше никаких упоминаний о нем энциклопедия не содержит.

– Допустим, – сказал Сварог. – А в точности такие минералы, минералы с подобными свойствами, нигде больше не находили, как бы это выяснить?

Выяснили и это с помощью богатой библиотеки патронессы, состоящей преимущественно как раз из естественно-научной и сугубо медицинской литературы, – мимо. Геологи Короны чего только и где, оказывается, не обнаружили – кроме самого нужного минерала. Выходит, только на том острове и нигде больше?..

Затем Сварог затребовал карту планеты, разложил ее на столе.

– Проклятье! Остров на другом конце света. Сколько, вы говорите, у меня в запасе? Шесть дней? Минимум... И как я смогу добраться туда и вернуться обратно за шесть дней?!

Патронесса взглянула на него с удивлением. Впрочем, удивление внезапно сменилось восхищением.

– Вы не из Короны. И не из протекторатов. Вы из Лангары!

– Можно и так сказать. А можно и иначе, – отмахнулся Сварог. Да хоть из Йошкар-Олы, после разберемся. Сейчас главное – Рошаль. – Не в этом дело, черт возьми! Я долго жил... вдали от обитаемых земель, я многого не знаю, многого не умею, задаю подчас дурацкие вопросы. Иногда их повторяю. Как можно добраться до этого расчудесного острова за шесть дней?

– Обыкновенному человеку никак не добраться.

– А необыкновенному? Необыкновенный может долететь до острова?

– Исключено. Поблизости нет цивилизованных земель, значит, нет аэродромов. Как вы подзарядите аэропил? Энергии, которую вы получите на ближайшем к острову аэродроме, – вот, видите? – хватит едва на треть пути до острова. А приземлиться? А взлететь и вернуться обратно?

– Морской путь? Корабли? – спросил он, выбивая трубку о край пепельницы.

– Самый быстрый корабль доберется до острова дней за десять, да и то при благоприятных течениях, – сказала патронесса, с грустью глядя на Сварога.

– Эйлони, а что вы подразумевали под необыкновенным человеком? – после некоторой паузы вкрадчиво спросил Сварог.

Патронесса замялась.

– Я неточно выразилась. Под обыкновенным человеком я имела в виду простого обывателя, то есть не принадлежащего ни к императорской семье, ни к руководству Каскада, ни к верхушке армии и флота...

– А какими возможностями располагает верхушка? – Сварог замер в охотничьей позе. Неужели все-таки забрезжил вариант?

– Скоростниками, конечно. Неужели вы... Ах да, вы же из Лангары...

– И что катера? Им сколько нужно, чтобы проделать такой путь?

Эйлони еще раз взглянула на карту. И твердо сказала:

– Четыре дня.

– За четыре дня, – Сварог начал ходить по кабинету. – Значит, четыре дня туда, четыре обратно и два еще в запасе. Подходит. А если взять моего друга с собой...

– Его нельзя отключать от аппарата, – возразила патронесса.

– Нельзя так нельзя. Все равно это шанс. Осталось выяснить, где у вас ближайший порт.

– Бред! – она повысила голос, но тут же заставила себя говорить спокойно, рассудительно и здраво... как с больным. Встала и взяла за руку. – Это невозможно. Это все равно, что пытаться украсть Имперский Скипетр. Но... я могу помочь вашему другу. Я попробую... не обещаю, но я хороший специалист, поверьте мне... я попробую удержать вашего товарища в беспомощности в последний день и избавить его от мучений. Если не удастся оставить его без сознания, я сумею... Видите ли, я лишена предрассудков. Если и вы лишены их...

– Вы имеете в виду легкую смерть?

– Да.

– Не-а, – категорично сказал Сварог. – Я попробую продлить его нелегкую жизнь.

– Но это не в человеческих силах, поймите вы! Таких катеров во всей Короне всего три!

– М-да?

– «Гордость Короны», личный катер Императора, охраняют не хуже, чем саму венценосную особу. «Пронзающий», личный катер верх-адмирала флота. Он охраняется точно так же, как катер Императора. Третий, «Черная молния», никогда не заходит в порты, он на постоянном боевом патрулировании территориальных вод Короны, его курс является государственной тайной, где и как он получает энергию – неизвестно...

– Ну, «Молнию» можно смело из списка вычеркнуть, – осканился Сварог. – Больше он энергии ниоткуда не получит... Где базируется «Гордость»?

– На восточном побережье, при королевской резиденции.

– «Пронзающий»?

– В столичном порту, разумеется...

– О, этот мне нравится больше.

– Но как же...

– Как-нибудь, – перебил Сварог. – Эйлони, давайте не будем спорить... Тем более, как выяснилось, у нас в запасе еще полно времени... Меня больше интересует другое: почему вы мне помогаете?

Патронесса потупилась.

– На ваш вопрос я ответила еще в больнице. Я на *вашей* стороне.

– То есть – на стороне Визари? – спросил Сварог напрямик.

– Совершенно верно. Хотя я и не принадлежу к активным его сторонникам... Я лишь жду, когда настанет час победы, чтобы поддержать его, чтобы помочь в строительстве нового мира... А вы... Вы, признаюсь, не похожи на всех Иных, с кем мне довелось встречаться. Однако я отчего-то вам верю. Может быть, потому и верю, что вы *непохожи*. Вы Иной, но... вы *другой*. И вы одинокий... Нет, вы не просто одинокий, потому что одиночка все-таки является хозяином своей судьбы... Вас же судьба ведет...

– Так было не всегда, – тихо сказал он. Немного подумал и пожал плечами. – Хотя... наверное, вы правы. И все же... все же я предпочитаю быть никем не ведомым. Даже судьбой. – И пробормотал:

*– За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палац
– За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц...*

Наверное, их толкнула в объятия друг к другу звездная ночь.

Все произошло самым естественным образом, как всегда и бывает, когда двое хотят одного и того же, когда тянет друг к другу и нет никаких причин противиться этой тяге. Одежды пестрым ворохом упали на пол, кожаный диван обиженно скрипнул, принимая на себя двойную ношу. Вливающаяся в окно ночь не могла остудить жар объятий, не могла разомкнуть губы, слившиеся в поцелуе.

А потом были стоны и страстный шепот, были ногти, оставляющие царапины на спине и прикушенные губы, был пот и учащенное дыхание, был долгий, протяжный стон...

Утомленные, они лежали на диване. Голова патронессы покоилась на груди Сварога.

– Откуда ты взялся на мою голову?.. – прошептала она. – Еще вчера я вела обыкновенную, размеренную, спокойную, добропорядочную жизнь...

«Хотел бы я и сам это знать...», – с тоской подумал Сварог. И спросил:

– Как там Каскад?

– Как я и говорила, – она приподнялась на локте, запустила пальцы в его волосы. – Понаехали, разбежались по углам, допросили все, что дышит. И клюнули на нашу удочку. Я слышала разговор двух важных чинов, обосновавшихся в моем кабинете. Один уверял, что ты невероятно хитер и обязательно вернешься в город, дабы вновь сеять в столице смуту и раздор. Другой настаивал на том, что ты загнал машину в лес и подался пешком к морю. Мне, кстати, даже пообещали какую-то награду за гражданскую порядочность и верность Короне.

– Не отказывайтесь от нее, патронесса.

На что Эйлони ответила бесстрастно:

– Моей наградой станет тот день, когда власть в Короне переменится. Вла-

сти не хотят никаких перемен по одной-единственной причине – они боятся лишиться этой самой власти... Если б ты знал, сколько жизней можно было спасти, когда бы не запрет на магию! А я каждый день смотрю в глаза умирающим людям, вынуждена говорить им страшные слова, что помочь мы вам бессильны, а ведь знаю, знаю же, что это не так! Представляешь, что это за мука каждый день врать в лицо обреченным людям... Мои глаза открылись, когда я... потеряла очень близкого мне человека. Он умер от неизлечимой болезни. Неизлечимой с помощью обычной медицины! И когда я узнала, что для человека, владеющего магией даже на весьма посредственном уровне, не составило бы труда вывести хворь, произнеся какое-то короткое заклинание... Я поняла, ради чего надо жить, как надо жить...

– Значит, ты не веришь, что магия несет несчастья...

Она не дала ему договорить:

– Вранье! Наглое вранье! Чего уж проще – объявить, что во всем виноваты Иные! Неурожай – это маги где-то поколдовали, утонул корабль – опять же, магия виновата, очень удобно! Заодно и простые люди, глядишь, трижды подумают, прежде чем связываться с ними... А доказана связь между бедами и магическими заклинаниями? Нет. Да и зачем доказывать, когда можно просто кричать погромче – и все поверят. Да, я не пользуюсь магией, я не изучаю магию, потому что я не могу... рисковать. Рисковать не местом патронессы шестой королевской больницы, а теми исследованиями, которые я провожу здесь, у себя дома... Исследованиями по возможности соединения магии и науки. Какие открываются перспективы, граф! Сейчас я прочитаю кое-что из моих...

Она попыталась соскочить с дивана, но Сварог схватил ее за руку. Меньше всего в этот момент его волновали научно-волшебные изыскания.

Недолгое сопротивление, и два полыхающих костра желаний вновь слились в одно беснующееся пламя. Пламя жило недолго, но, когда бушевавший в жилах огонь вырвался наружу, им показалось, что они оторвались от грешной земли и летят...

Глава пятнадцатая **ГЕРОИ ТЕМНЫХ ПОДВОРОТЕН**

Сварог вышел на крыльцо трактира «Битый туз», где только что отобедал, а еще раньше снял комнату. Неторопливо закурил короткую трубку немодного фасона, но из дорогого дерева, похлопал себя по сытому брюху, проводил взглядом смазливую барышню, пробежавшую по двору. Поковырял в ухе, сплюнул и степенно сошел с крыльца.

Возле ворот остановился, повернул голову в одну сторону, повернул в другую. Затем, выбрав направление, расслабленной походкой двинулся по улице. Те, кто за ним наблюдали, должны были убедиться, что он ушел и в ближайшее время возвращаться не намерен. А что за ним наблюдают, в этом Сварог не сомневался. К тому, чтобы наблюдали, он и сам приложил руку, засветив туго набитый кошелек. В их глазах он – вполне обеспеченный провинциал, приехавший в Вардрон по своим торговым делам, кои успешно закончил, и теперь имеет полное право отдохнуть, вкусить столичных удовольствий, чтобы потом у себя в глуши за кружечкой мутного местного пива вполголоса рассказывать жадно внимающим приятелям о всяких неведомых провинции пикантностях. В поисках этих пикантностей господин провинциал, плотно отку-

шав, и отправился сейчас в город.

За строем невысоких, главным образом, двухэтажных домов, шумел порт – доносились гудки, звон, грохот, лязг. С улицы можно было видеть похожие на огромные виселицы краны, без усталости поворачивающиеся туда-сюда, без усталости перемещающие тюки и контейнеры. Провинциал брел по улице не спеша. Вот он становился перед витриной какого-то магазина и, склонив голову набок, что-то долго там рассматривал. Так же долго тащился взглядом за полностью гражданской с корзиной в руке. И только после того, как дамочка скрылась в одном из домов, гость столицы продолжил свой путь. Так и должен вести себя простой гость из какого-нибудь захолустья на прогулке по столице. Куда ему торопиться?

Личину мающего бездельем провинциала Сварог сбросил, едва завернул за угол. Быстро дошел до ближайшего переулочка. В переулочке еще ускорил шаг, почти побежал. Огибая тележки мелких торговцев, кучи мусора и груды строительного хлама, прошел грязную темную улочку почти до конца и там свернул во двор одного из домов. Игнорируя громкое возмущение какой-то тучной мадам, поднырнул под развешенным бельем, оказался возле невысокого сарая, подкатив бочку, лихо забрался с нее на крышу, оттуда перескочил на крышу точно такого же строения и спрыгнул на землю. Благодаря этому маршброску с преодолением полосы препятствий, он оказался с обратной стороны трактира «Битый туз», как раз под своими окнами. До третьего этажа он добрался по водосточной трубе. Разумеется, окно он оставил открытым, так что ничего не помешало Сварогу вернуться к себе в комнату таким вот неординарным способом...

– Вот мы и дома, – пробормотал он, закрывая окно на щеколду.

А далее Сварог произнес нехитрое заклинание. Сел на стул, закинул ногу на ногу и приступил к ожиданию гостей.

Долго маяться не пришлось.

Для начала по ту сторону двери слышались приглушенные голоса. Потом голоса стихли, но донеслось легкое позвякивание, и вскоре в замочную скважину что-то вставили... Отмычку, что ж еще.

Замок долго не поддавался умельцам – то ли запор им попался незнакомый, то ли руки у кого-то дрожали. Но, в конце концов, они добились своего. Замок молодецки щелкнул, дверь открылась.

В комнату уверенно, как к себе, нисколечко не опасаясь наткнуться на постояльца, вошли трое. Ага, вся компания заявилась в полном составе! Во главе процессии шествовал, разумеется, их предводитель с каким-то прямо-таки индейским именем Босой Медведь, за ним выступал невысокий колобок с сизым носом, в потрепанном коричневом плаще-рясе по кличке Монах, а замыкала сие шествие крайне невыразительная особа женского полу, закутанная в плащ, в который могли бы закутаться аж три таких же худышки. И ее прозвище Сварогу тоже было известно – Щепка... И вообще, Сварогу много было известно про эту компанию. В противном случае он бы не затевал весь сыр-бор.

Босой Медведь выглядел весьма неважно. Измученным он выглядел. Невооруженным взглядом было заметно, что недужит он головой, что болен он тяжелой и мрачной болезнью под названием похмелье. Сварог вполне ясно представлял себе – еще бы не представить! – те муки, которые тому приходится сейчас выносить: живот бурлит котлом, а голова, словно чушка под топо-

ром. И не помогут ни травы, ни заговоры, поможет только один-единственный способ: лечение подобного подобным. Босому Медведю сейчас бы чарочку вина, эля или яля – местной семидесятипятиградусной водки. Но за эти чудодейственные напитки просят денег, а их-то, вишь ты, как раз и нет, за ними-то как раз и заявился Босой Медведь в гости к Сварогу...

Троица застыла посреди комнаты, ошарашенно озираясь.

– И где его вещи? – прорычал Монах.

Естественно, они надеялись обнаружить в номере постояльца походную сумку, набитую одеждой и всяческими бытовыми мелочами, а на дне сумки должен был, просто обязан был, лежать толстенный кошелек. Не станет провинциал таскать все свои сбережения по страшному столичному городу, в котором проживает столько всякого разбойного народа. А тут ни тебе сумки, ни кошелька, ни одежды... Лишь на столе лежит какая-то непонятная черная фигня. Но разве это добыча?

Поэтому не к столу они кинулись, а к кровати. Откинули матрас, переворочили простыни, прощупали подушку. И, ясное дело, ничего не нашли. Однако надежды их еще не иссякли.

Обыск комнаты много времени не занял – шкаф, ящик для обуви, пыльное царство под кроватью – везде пусто. Прогулка гостей по небольшой комнате доставила немало хлопот Сварогу – ему пришлось уворачиваться от них, проявляя чудеса ловкости и изворотливости, повертелся он, что твой акробат на арене. Но задеть себя не дал.

И только после того, как стала очевидным тщетность дальнейших поисков, троица вернулась к столу.

– Он что, даже смены белья с собой не прихватил? – с едва сдерживаемой злобой процедил Босой Медведь. Он сжимал кулаки до белых костяшек, ему явно не терпелось на ком-то выместить горечь постигшей их шайку неудачи.

– Не нравится мне это, – сказал Монах, испуганно оглянувшись на дверь. – А вдруг это ловушка Каскада?! Бежим отсюда!

– погоди! – остановил его предводитель маленького преступного сообщества. Босой Медведь взял в руки шаур. Передернул плечами, повертел незнакомую вещицу и так и сяк, потряс, поднес ближе к глазам и вернул на стол. Его лицо исказила страдальческая гримаса. Бедолага, думать ему явно не могло. И пальцы, учинив сговор с головой, тоже не повиновались, дрожали, словно внутри них бегали мураши...

– Штука больно презанятная, – выдавил он не без труда. – Гляньте-ка, охломоны! Может, и не зря мы сюда прогулялись... О боже, как голова болит...

Теперь настала очередь вертеть-разглядывать шаур и двум другим преступничкам.

– Игрушка, – уверенно сказала Щепка. – Вроде пистолет, но нет ни разрядника, ни батареек... Игрушка.

– Иным, нечеловечьим умыслом отдает та вещь. Я чую! – убежденно зашипел бывший служитель культа по прозвищу Монах. – Колдовство, как есть оно – колдовство. Ты, Щепка, взглядишь внимательнее. Каждая деталька сделана с тщательностью, даже про нашлепки рубчатые на рукояти не забыли, работа тонкая – кто ж такие дорогие игрушки делать станет! Да и не знаю я мастеров, кто бы смог изготовить подобное!

Босой Медведь поморщился. Видимо, нелегко, болезнному, в таком состоя-

нии выслушивать пламенные проповеди Монаха.

– Если колдовство, так и надо поступить с этим свинопасом, как с колдуном, – хмуро бросил он. – Сообщить в Каскад, пусть там суетятся. Это по их части.

Но вот что любопытно – криминальная братия стояла посреди комнаты, куда проникла самым незаконным образом, и беседовала, можно сказать, на отвлеченные темы. Наводит, так сказать, на размышления. Вели б они себя так, когда бы боялись быть обнаруженными трактирной обслугой или внезапно вернувшимся постояльцем? Вряд ли. Значит, не должен постоялец вернуться внезапно, значит, предупредят о его приходе. М-да, трактирчик-то с душком... Впрочем, Сварог подменять собой полицию и выводить на чистую воду всех преступников этого квартала не собирался. Другие у него сегодня цели.

– Вчера, говорят, в полдень на Речной площади был узнан по приметам и пойман сам Аргес Перевертыш, – сказала, подергав себя за мочку уха, Щепка. – А он, как известно, первый сподвижник Ротеро.

– И что? – с недоумением спросил Босой Медведь.

– А то, что однажды называли мне верные люди приметы этого Ротеро. Росту примерно с Монаха, волосом лысоват, особый знак – родимое пятно в форме четверть месяца под левым ухом. Приметы-то подходят нашему постояльцу. Раз слуга объявился в столице, почему бы не объявиться и его господину.

«Ай-ай-ай, – подумал Сварог, – кто бы мог подумать, что личина, которую я срисовал с невзрачного типчика в кабаке, принадлежит столь известному господину...»

– Ротеро вроде колдовством не балует, – покачал головой Босой Медведь. – Ему бы все больше кастетом да кинжалом...

– А ты почему знаешь, балует али нет?! – вскинулся Монах, воинственно выпятив вперед круглый живот и играя кустами бровей. – Он сам тебе говорил? Или ты тоже связан с темной силой Иных?!

Босой Медведь запустил руку под рубаху и рассеянно, даже задумчиво почесал грудь. Сварог ожидал, что вожак сейчас заедет в ухо непочтительному подчиненному. Но – не заехал. И никак по-другому не наказал. Проглотил вожак этот наскок. Видимо, в вопросах колдовства в их компании Монах был авторитетнее Босого Медведя.

– Так ведь Ротеро это или нет – кто ж разберет... – помолчав, пробурчал Босой Медведь. – Эхе-хе, щас бы вина кувшинчик. Или просто водицы. А даже воды этот прохиндей в комнате не держит.

– Ну, а если дождаться этого друга и потолковать с ним как следует? – напомнила о себе Щепка. – Допросим по правилам военного ремесла. Кто таков, зачем здесь, что за штуки подозрительные с собой носит. А сперва за ухом поглядим, есть ли там приметный родимчик.

– Ты что мелешь, Щепка? – сморщился Босой Медведь. – Зачем нам чужие сложности?

– К тому я клоню – а вдруг он не просто похож на Ротеро, а сам Ротеро и есть. Рост, волосы, родимчик на шее, прочее – не отвертится. А вот находка эта? – Она кивнула узким подбородком на стол с шауром. – За одну эту находку мы можем его сдать в Каскад и получить вознаграждение. Вот пусть он нам и выплатит вознаграждение за наше молчание. У такого, как Ротеро, денег должно быть невпроворот...

Босой Медведь помотал головой – дескать, на крысятничество и стукачество он не пойдет – и уже открыл было рот, чтобы озвучить свой жест, но тут вдруг закричал Монах:

– Глядите! – и глаза у него аж разгорелись от возбуждения. – А это еще что?!

«В самом деле: что?..» – заинтересовался Сварог, которого уже начал утомлять этот спектакль и он готов был его прервать, но после слов Монаха решил пока повременить.

– Комната пуста, но если отыскивается вещь, то одна чуднее другой, – бывший служитель культа протянул руку к пустой тарелке на столе, отодвинул ее и поднял над головой сигарету Сварога. Которую тот сотворил сегодня поутру – уж очень, до нетерпелю захотелось сигаретного табачку – но не выкурил, отвлек один человек, посланный им на разведку местности. И забыл Сварог сигарету на столе, а та, бляха-муха, закатилась под тарелку.

Монах, осторожно держа двумя пальцами незнакомый ему предмет, поднес к лицу, рассмотрел со всех сторон, потом понюхал.

– Трубочка из бумаги скатанная, с одной стороны вроде заглушка, а внутри табак, ежели по запаху судить... Колдовство, как есть колдовство! – сплюнул через левое плечо и брезгливо бросил сигарету на стол. – Не в людских силах сделать трубочки из бумаги такой тоньшины!

«Странный у вас мир, – вздохнул про себя Сварог. – До электричества доперли, а сигареты не изобрели, притормозили. Хотя... если есть курительные трубки, то в сигаретах жестокой необходимости, пожалуй, нет».

– Я слышал, что на Гвидоре и не такие чудеса делать научились! – сказал Босой Медведь.

– А я говорю тебе, это черные колдовские забавы, для черных дел и сотворенные! И постоялец твой – Иной!

– Допросим его огнем, сам нам про все споет, Иной или не Иной, Ротеро или кто другой, – гнула свою линию Щепка. Босой Медведь открыл глаза, кои закрывались у страдальца сами собой, и гаркнул хрипло:

– А как не Иной вдруг окажется, а человек из Каскада, занимающийся секретными делами?! – он махнул рукой перед носом Щепки. – А мы его – огнем?! Где мы потом спрячемся от черно-зеленых?!

– Бесовские удумки, колдовские! – грянул в комнате голос Монаха. – В огонь их – и весь сказ, пока порча какая не завелась от них! Пока беда на город не перекинулась!

Охваченный инквизиторским пылом, забывший о своей нынешней малопочтенной профессии, бывший служитель культа схватил со стола шаур... В какой уж там огонь он его намеревался бросить, так и осталось неясным. Потому что до огня дело не дошло. Монах случайно нажал на спуск и...

От Сварога зависело, выстрелит шаур или нет. Оружие было настроено на него и в чужих руках могло сработать только в том случае, если его хозяин этого отчего-то вдруг пожелает. Хозяин пожелал – и шаур выстрелил.

Нет, если бы шаур был нацелен на кого-то из людей, Сварог, конечно, не допустил бы членовредительства и потерь в рядах будущих помощников. А так... почему бы не обставить свое появление максимально эффектно. Эффект вышел что надо. Серебряная звездочка блестящей молнией пронеслась через комнату и звонко вцепилась в стену. А поскольку ошалевший Монах палец со спуска не снимал, то звездочки вылетали одна за другой, рисуя на стене за-

мысловатый серебряный узор. Видимо, у Монаха случился форменный столбняк. Впрочем, челюсти отвалились и у остальных горе-воров.

И тут, до кучи, Сварог снял заклинание отвода глаз. И перед братцами-разбойниками из ничего, из воздуха соткался вдруг отсутствующий постоялец.

Монах выронил шаур, бухнулся на колени, полез под рясу, трясущимися руками выудил из-под нее какой-то амулет на веревке, вытянул его вперед и горячечно затараторил:

– Чур, чур тебя, изыди, пропади, пропади, изыди, чур, чур!

Босой Медведь рухнул на стул, обхватил голову руками, наклонился, словно надеясь на то, что когда он голову поднимет, наваждение исчезнет. К его и без того непростому похмельному состоянию добавились вдруг этакие переживания... можно и пожалеть беднягу.

Крепче и расторопнее других оказалась Щепка. Она, не тратя время на эмоции, кинулась на выход. Но добратся до двери Сварог ей не дал. Подсек под лодыжку, завалил на пол и, пресекая возможное сопротивление, слегка надавил на одну из болевых точек. После чего шипящую от нешуточной боли Щепку мастер Сварог толчком отправил к кровати.

«Пожалуй, с эффектным появлением слегка перестарались, граф, – подумал Сварог. – А ведь представление только начинается...»

Первым делом Сварог отобрал шаур, аккуратно положил на стол. Потом заклинанием сотворил кувшин вина и буквально сунул его в руки предводителю шайки. Тот попытался было отбросить от себя колдовское зелье, но Сварог не дал, придержал кувшинчик. Далее притягательная сила винного запаха сделала все сама, утопила в аромате все страхи и сомнения Босого Медведя. Предводитель сперва шумно внюхал в себя благоухание из сосуда (Сварог угощал его по высшему разряду – вином, достойным королевских погребов), потом капнул винца на язык, а уж потом плотно присосался к кувшину – и не отрывался, пока не осушил его до дна...

А на лице Босого Медведя утренним солнцем всходило блаженство. С любопытством наблюдающий за ним Сварог прекрасно понимал воистину волшебные перемены в состоянии главаря. Если до этого во рту было сухо, как июльским полднем на крыже, то сейчас стало свежо и благодатно, как в лесу после грозы. Если до того громкие возгласы сотоварищей и прочие звуки этого мира ввинчивали ему в голову раскаленные пыточные щипцы, то сейчас голову ласкала изнутри теплая волна... Так, одного, считай, привели в чувство.

Щепка и без того рассудка и чувств не теряла. Хотя буравит взглядами из-под насупленных жиденьких бровей, но, будьте уверены, все понимает, все соображает – в частности, соображает, за кем теперь сила, и глупостей делать не станет. Остается Монах.

К бывшему служителю культа, все еще ползающему на коленях и заклинающему колдовского постояльца пропасть, исчезнуть, сгинуть навсегда, Сварог применил женский способ – вlepил хор-рошую пощечину. И – вот чудо из чудес-то – помогло! Монах заскулил, прижимая руку к запылавшей щеке, прошипел какое-то ругательство, но – угомонился. Перебрался к окну, сел на пол и затих.

Что ж, теперь можно переходить к делу.

– Значица так, герои темных подворотен, – шумно выдохнув, начал Сварог с расстановкой. – В вашей жизни наступает пора перемен. Вляпались вы сего-

дня по самое не балуй... Я говорю вовсе не о том, что вы пытались ограбить честного человека, наивного провинциала, верноподданного налогоплательщика. Об этом я даже согласен забыть, закрыть на это глаза, заткнуть на это уши. Все для вас гораздо сложнее, мрачнее, страшнее и неотвратимее. Начнем вот с чего.

Сварог театральным жестом взял двумя пальцами шаур, несколько рисуясь сотворил шуршащий пакет. И опустил одно в другое, то есть шаур в пакет. (Кое-какие наблюдения, вынесенные из посещения Каскада, он не забыл – напротив, взял на вооружение.)

– Вот так. Как говорил один грамотный по вашей части специалист: «Значит, статью ты уже имеешь». Ваши пальчики отпечатались на этой нечеловечески магической вещи так же отчетливо, как поцелуи на пыльном серванте. Вы ж, умники, все дотрагивались своими грязными ручонками до этого черно-колдовского, смертельно-Иного предмета. Но на этом ваше дело не заканчивается. На ша... этой штуке есть и мои пальчики, соображаете, что к чему? За мной такие дела тянутся – ой-ой-ой! Я, признаюсь вам как родным, не на одну смертную казнь уже наработал, никак не меньше, чем на десяток. Потому как старался я очень. Выходит, в любом разе мы с вами будем проходить по делу как одна банда, сечете? За все сообща отвечать теперь будем, бочок к бочку сидеть на скамье подсудимых. А там местные служители закона начнут копать, и только держись – все ваши мелкие проказливые делишки всплывут, как дерьмо со дна бассейна. Потому как заниматься вами будет – уж мне ли объяснять столь прожженным людям! – Каскад, а вовсе не простые блюстители уличного порядка. Каскадовцы ничего не пропустят, ни одна навозная муха мимо них не пролетит. Ну что, трущобная гвардия, осознали свое положение?

Похоже, очень даже осознали. Сидели, как мыши под веником, только глазами свирепо зыркали.

– Чего надо? – прохрипел Босой Медведь, который пытался вытрясти из пустого кувшина еще хоть каплю. – Денег?

– Вот уж не надо, – Сварог махнул рукой. – У самих этого добра...

Точку в уголовных сомнениях поставил Монах. Он вдруг подскочил с пола, вытряхнул из рукава нож, короткий, с широким лезвием. И метнул его в Сварога. Другому бы клинок вошел в шею. Но на подлете к лару Сварогу кинжал внезапно круто отвернул и улетел куда-то в угол. И это было последней каплей. У Монаха подогнулись колени, монах бухнулся на пол и заскулил.

– Да, спасибо, что напомнили, – сказал Сварог, даже не пошевелившись ни до броска, ни после. – Убить меня не получится. Бессмертный я. Продал душу за бессмертие. Как умру, так душу и потеряю. Ну что, каторжная рота, будем еще шутки шутить и кинжалами швыряться?! Или делом, наконец, займемся?

Сварог обвел суровым взглядом притихшее преступное сообщество, взял со стола отринутую Монахом сигарету и прикурил – разумеется, от пальца.

– Зрю я, готовы заняться делом. Похвально. Объявляю приказ номер один по уголовно-магическому полку. Генералом... то есть этим, как его, беса, верхпобедителем нового сводного полка пожизненно назначается господин Сварог. Неподчинение ему – смерть, недобросовестное исполнение его приказаний – двойная смерть. Обращаться к нему с надлежащим подобострастием, есть глазами начальство и всячески выслуживаться. Приказ номер два:

вспомнить, что вы не какие-то честные горожане, которых ждут дома семьи и некормленные кошки, что вы – самые что ни на есть отбросы общества, решившие посвятить жизнь наживанию денег преступным путем. И избравшие для этих гнусных целей порт. И всем процельгам в порту вы известны как облупленные. И, в свою очередь, порт вам известен, как крысам подвалы хлебопекарни. Причем, по достоверным сведениям, вами обжит не только торговый порт, но и порт военный, со складов которого вы тоже кой-чего подворываετε. Кстати, на военный манер выражаясь, дезертировать из нашего полка не советую. У магии длинные руки. Волшебный кристалл вас из-под земли сыщет, а джинны с хоттабычами доставят ко мне на расправу. Усвоили? Или, чтобы дошло до печенок, кого-нибудь из вас показательно разрезать на части, а потом склеить как получится? Я ведь и это умею... Показать?

– Не надо, – надтреснутым голосом проговорила Щепка. – Говорите, что нам делать.

Глава шестнадцатая «ПРОНЗАЮЩИЙ»

Сварогу потом рассказали все с самого начала, и он с искренним уважением подивился тому, с какой скоростью преступным элементам удалось выстроить подготовительную операцию.

...Двое суток после двенадцатичасового дежурства юнк-лейтенант Игой-Кион привык проводить так, как и большинство военнослужащих мужеского пола – на Атолле Ста развлечений или на пляжах Йосагамойи. Глупо было бы проводить время как-то иначе – зачем тогда работать в столичном порту, а не, допустим, в одном из протекторатов, где соблазнов меньше, а заработки больше...

Игой-Кион, охранник четвертого причала военного порта, предпочитал выезжать на Атолл. Двенадцать часов дежурства, корабельных гудков, скрипа лебедек и грохота прибоя о причал вымотают кого угодно. Хотелось в тишину, а тишину в столице найти невозможно. Столица не умолкала даже по ночам. На песчаных пляжах, столь любимых другими офицерами, тоже нет покоя, потому как пляжи не пустовали ни ночью, ни днем. Вот на Ста развлечениях – да, там было гораздо покойнее. Кроме того, Игой-Кион любил не только сухопутную «охоту» на женщин (главный офицерский вид спорта), но и подводное плавание (второстепенный вид спорта), а последнее было значительно интереснее на Атолле. Ну, а женщин, кстати, и на Атолле хватало. Слишком много их вообще обреталось в столице, чтобы кого-то постоянно не заносило и в океан – в поисках романтики, в поисках спасения от скуки.

В последнее время Игой из многих привлекательных местечек на Ста развлечениях предпочитал крохотный залив Ти. Даже несмотря на то, что сей райский уголок располагался по другую сторону Атолла и энергии катер расходовал немало, а с ней, стало быть, и денег, но затраты окупались роскошным плаванием под водой. Ти, вдоль береговой полосы оккупированный стандартным набором баров, номеров отдыха, проката, залов спорта и лечения, располагался рядышком с подводными горами, обозначенными на карте как Гряда Придуманного Счастья.

В этот день Игою-Киону повезло так, как не везло давно. Не очень-то он был красив, прямо скажем, буйным красноречием тоже не отличался, и вдобавок что-то в нем перемыкало при виде женщин *такой* красоты, как в оголен-

ных проводах, на которые вылили ведро воды, отчего Игой впадал в почти столбнячное состояние. Может быть, он еще не достаточно проработал в столице – всего-то около года... Или причина крылась в его молодости, а то и в загадочных свойствах натуры, которую уже не переделаешь. Но, как бы то ни было, к красавицам в высшей фазе ослепительности он старался не подходить, благо хватало по его душу девушек с внешностью и поскромнее. Но *эта* подошла сама. И преступлением против мужской натуры было бы не использовать представившийся шанс.

Шанс выпал ему, когда Игой пришвартовал свой катер и ступил на причал.
– Вы не поможете мне?..

Перед ним стояла женщина. Женщина без изъянов. Женщина с заглавной буквы. словно сбежавшая с обложек модных журналов. словно чудесным образом из светских салонов сюда перенеслась одна из тех очаровательных пташек, которые провозглашались на этот сезон идеалом женской красоты: невысокая, плотная, с крепкими, округлыми бедрами и икрами, как у Рибе-Толле, звезды «Затерянных во мраке», с пухлыми губами, будто одолженными ей певицей Оти-Маро. А еще у нее были длинные волосы цвета утреннего пляжа, некоторые пряди которых заплетены в маленькие косички, пронзительно голубые глаза и родинка на левой щеке.

Она, кажется, просит его о помощи? Наконец Игой заставил себя выйти из транса и понять, что ей надо. Ах, ей никак не управится с застежкой ремней на этих противных баллонах. Что вы, что вы, нет ничего проще...

Когда Игой-Кион фиксировал застежку на ее ремнях, фиксировал под грудью, обтянутой лаоновым купальником телесного цвета, опять вошедшего в моду... Нет, чуть позже. Когда она поблагодарила его: «Чтоб я без вас делала!» – одарив ласковым взглядом синих глаз, и сказала, что неопытна в подводном плавании, на Атолле она впервые, а потом спросила, не собирается ли он случайно поплавать в океане... вот именно тогда на его разум пал розовый туман блаженства. И все дальнейшее совершалось в розовой дымке, заслонившей реальные цвета. Из-за нее, из-за проклятой дымки, Игой плохо помнил подробности их совместного плавания: он рядом с ней возле кораллового грота, он рядом с ней в зарослях морского папоротника. Он рядом с ней над «крабовым кладбищем». Под ними колышутся заросли тонких, как спицы, водорослей. Вокруг раздуваются-сдуваются темные глыбы ложных камней. Мимо проскакивают стайки беспокойных рыб. Игой-Кион как бы случайно пропускал случайную знакомую вперед, чтобы любоваться ее фигурой, движением ее ножек. Он показал ей грот, что мерцает внутри разными цветами.

И ему, Игою-Киону, смерть как хотелось, чтобы какая-нибудь из кровожадных тварей, населяющих этот океан, прорвалась сквозь защитную сетку, окружающую акваторию вокруг Ти (чего не случилось уже несколько десятилетий), и подарила бы возможность вспороть ей брюхо длинным острым ножом. Этим он спас бы жизнь прелестницы по имени Ак-Кина. Впрочем, если б ее звали как-нибудь по-другому, имя понравилось бы ему не меньше. Любое имя подходило ей. А что *не* подходило? Даже любой грех будет ей к лицу.

Розовая дымка блаженства не рассеялась, пожалуй, даже сгустилась, когда Игой-Кион вез новую подругу в своем катере. (Строго говоря, катер был не его – взял напрокат на весь год.) Катер несся, шлепая брюхом по океанской лазури. И тогда Игой-Кион набрался смелости и предложил Ак-Кине встретиться-

ся завтра вечером. И случилось ужасное: выяснилось, что Ак-Кина ничего не имеет против их встречи, но, вот несчастье, завтра утренним аэропилотом она улетает домой, в их распоряжении только остаток сегодняшнего дня – который она, вот счастье, согласна разделить с ним... Однако Игой через два часа должен вновь заступать на дежурство и подмениться нет никакой возможности! Об этом он честно сообщил подруге, пытаясь не выдать охватившего его горя. Наверное, все-таки выдал – дрогнувшими голосом и руками. А где он работает, спросила она. В порту, ответил он. Ой, какое романтическое место, сказала она. И Игой решился, словно за этот день стал кем-то другим, готовым проявлять несвойственную ему в общении с красотками смелость. Не желает ли она, выдавил он из себя, провести романтический вечер в романтическом месте, в п-порту, где корабли со всех обитаемых земель стоят в ожидании команды на отплытие, где звучат диалекты всех колоний, и ты чувствуешь... э-э... проклятье, что же ты чувствуешь... Да, ответила она, и это «да» прозвучало для него грохотом праздничного салюта. Они договорились встретиться у входа в порт через полтора часа.

Они встретились через полтора часа у входа в порт. Ак-Кина переделалась в темно-синее трико с коротким бордовым плащом, волнительно повторяющее изгибы ее фигуры. Игой-Кион за это время успел не только вымыться, надуться, переодеться, купить вина (ей), безалкогольной прохладительной воды (себе), деликатесов (ей и себе), но и договориться с напарником Сатло о том, что тот поработает сегодня немного дольше и не будет без приглашения заходить в комнату отдыха. Собственно, не договорился даже, а поставил в известность, потому как женщина на посту в их дежурство не могла считаться гостем редким. Подобным образом нарушали инструкции оба напарника. «Но такую красавицу, – с гордостью подумал Кион, – даже Сатло никогда не приво-дил».

Их маленькие служебные прегрешения были возможны благодаря удаленности поста от административных зданий. Тихий пост номер четыре служил проходной, через которую приходил-уходил экипаж одного-единственного скоростника. Поскольку скоростник покидал порт крайне редко, то на борту постоянно находился лишь так называемый сокращенный боевой расчет, а людей-то в расчете – всего ничего. Посторонние на посту не появлялись, охранников не тревожили. Одним словом синекура, а не служба, чего уж там...

Когда они, Игой-Кион и Ак-Кина, шли к его рабочему месту, чаровница смогла убедиться, что подходы к причалу номер четыре охраняются надежно. Серая каменная стена, устремленная ввысь на три человеческих роста, тянулась и тянулась, как унылая песня. Наверху блестели копейные острия, опутанные колючей проволокой под током, а еще, как сказал Кион, там насыпано битое стекло. Наконец они дошли до железных ворот, равной со стеной высоты.

– Не прошибет и бронемобиль, – остановившись и постучав костяшками пальцев по воротам, не без гордости сказал Кион. – Делали по специальному заказу.

Игой вдавил кнопку звонка. Секунд через десять в воротах распахнулось окошко, и за прикрывающей его металлической сеткой появилось лицо. Глаза побегали туда-сюда, потом загудел электромотор и воротные створы чуть

разъехались – ровно на столько, чтобы в образовавшуюся щель смог протиснуться один человек.

По ту сторону ворот, на охраняемой территории их встретил высокий худой человек, одетый в такую же форму, что и Кион. Оглядев пришедших, задержав взгляд на Ак-Кине (от чего его лицо удивленно вытянулось), напарник Игоя нажал кнопку на карманном пульте. За спиной вошедших раздался лязг вновь сошедшихся воротных створ.

– Его зовут Сатло, – сообщил девушке Кион.

Человек по имени Сатло смотрел исключительно на девушку и восхищения скрыть не пытался.

– Прошу прощения, прекрасная незнакомка, – наконец пробормотал он, – но – правила есть правила...

И прошелся по ее одежде щупом металлоискателя. Игой-Кион, будто какой-нибудь Иной, запросто мог читать его мысли: напарничек сейчас на чем свет стоит клял изобретателя треклятого прибора для выявления спрятанного оружия – куда как удобнее было бы обыскивать гостью *вручную*. И Игой с трудом сдержал довольную ухмылку. Его-то ждет не просто поверхностный осмотр. Его ждет вдумчивое, подробное, *глубокое* проникновение. И, даст бог, не однократное...

По дороге к посту, что находился слева от ворот, Ак-Кина спиной чувствовала провожающий ее завистливый взгляд второго охранника. Пост номер четыре представлял собой домик, чья внутренняя, служебная часть была ярко освещена и благодаря прозрачным стенам вполне доступна для обозрения извне: стол, аппарат связи, пульта с разноцветными лампами, несколько стульев по углам... Войдя внутрь, Кион немедля потащил милашку в другое помещение, которое не имело ни прозрачных стен, ни даже окон, ни отношения к службе. Было там лишь фальш-окно с каким-то подводным пейзажем. Комната сия, где Игой запретил появляться своему напарнику, словно и создавалась под лирические развлечения. Отчасти так оно и было: только одна смена, состоявшая из охранников пенсионного возраста, не путала службу с невинными развлечениями, остальные же смены путали охотно и с удовольствием – и потому, соответственно, обустроивали комнату отдыха, изгоняли казенный дух, делали ее уютнее, обставляли всем необходимым, в общем – заботились, как о родном доме. Кион сразу включил подсветку бара, фальш-окна и аквариума, включил музыкальный вал – зазвучала музыка, моменту подходящая более чем, а по драпировке стен покатались медленные волны – на дорогое оборудование скидывались всеми сменами (за исключением, разумеется, пенсионной), но оно того стоило, ибо опытным путем было установлено, что движение складок бордовой ткани, словно их шевелит ветерок, действовало на женские души и тела *размягчающе*.

Когда Кион выкладывал из пакета купленное им на вечер, его неожиданно обняли за плечи, развернули.

– Не стоит терять времени, – сказал самый прекрасный в мире голос. А его губы почувствовали влажное, нежное прикосновение. А его взгляд утонул в голубизне ее прелестных глаз. А сам он тонул в прекраснейшем из омутов. Мягкие руки гладили его шею, и это было так мило, так возбуждающе.

Он не обратил внимания на то, что ее пальцы словно нащупывают что-то на коже, словно примеряются к чему-то. А зря. Потому что миг спустя Игой пе-

рестал вообще обращать внимание на что бы то ни было. Вдруг его перестало волновать вообще все на свете...

Ак-Кина, оставив Киона на полу посреди комнаты отдыха, вышла в соседнее помещение. Сатло, согнувшись вопросительным знаком над столом и листая журнал, состоящий из одних картинок, быстро обернулся к ней, одновременно накрывая журнал служебными бланками.

– Я настояла, чтобы вы присоединились к нам, – она ослепительно улыбалась. – Вы, надеюсь, не будете против? – И прелестница заговорщицки понизила голос: – Честно сказать, вы мне нравитесь гораздо больше.

– Да, понимаю, я... – самодовольно ухмыльнулся Сатло.

И получил сокрушающий удар тонким наманикюренным пальцем под ухо. Его голова ткнулась в ворох служебных бланков.

– А вот таким ты мне еще больше нравишься, – сказала Ак-Кина, забирая со стола ключ от пульта управления воротами. Кнопки пульта закрывались крышечкой, и на эту крышечку дополнительно навешивался маленький замок. Да уж, много сложностей нагородили те, кто разрабатывал систему охраны поста номер четыре, однако ключ теперь был у Ак-Кины, она управилась и с замочком, и с кнопками пульта, и с включением мотора ворот.

– Эй, порядок! – негромко сказала она в темноту.

В ворота один за другим, молча скользнули четверо – двое в форме высших офицеров морского флота, некто в гражданском и некто в черно-зеленом плаще Каскада. Черно-зеленый ободряюще подмигнул Ак-Кине:

– Отлично справилась, девочка. Не забудь закрыть ворота, потом присоединяйся.

И поспешил следом за остальными к домику охранного поста. По случаю праздника «Захват скоростника» Сварог вновь облачился в форму каскадovца – на сей раз, правда, другую, добытую лично Босым Медведем.

– Медведь, – сказал Сварог, осмотревшись внутри караулки, – свяжи этого героя, да покрепче. Монах, тащи сюда второго стражничка. Щепка, марш наружу, и поглядывай по сторонам: мало ли кого с корабля принесет. Я смотрю, – он повернулся к Ак-Кине, – ты неплохо освоила «коготь ястреба».

– Я бы предпочла не твой «коготь», а утюг или молоток. Он слишком нахально пялился на меня.

– Ох, как я его понимаю...

Да-а, ничего не скажешь, исполнительницу на роль подсадки Щепка привела отличную. В шайке Босого Медведя было всего три человека, но время от времени они привлекали к *делам* и других людей. В том числе и Ак-Кину – главным образом для того, чтобы заманивать доверчивых, сластолюбивых пентюхов в укромное местечко, где те попадали в умелые ручки Медведя и Монаха.

– Живее, братцы-разбойники, живее, – поторапливал Сварог свою уголовную гвардию, – вдруг какой-нибудь мающийся бессонницей дежурный по порту заявится с проверкой. Монах, скоренько приводи нашего нового друга в чувство...

Первое, что почувствовал Игой-Кион, очнувшись, была вода, обильно стекающая ему за воротник. Он с трудом разлепил веки, сфокусировал зрение... и вместо прекрасной гостьи, вместо напарника узрел парящую над ним незнакомую рожу.

– Проспался? – недобро спросила рожа. – Или еще водичкой полить? Не надо? Ну тогда подымайся, родимый...

А потом Игой увидел и бездвижное тело Сатло... По сонной ночной пристани быстрым, уверенным шагом двигались шестеро – и любой увидевший их непременно бы насторожился. Ну и нехай – Сварог скрываться был не намерен. Более того: он самолично убедил перепуганного охранника Игоя-Киона передать на борт сообщение: дескать, на территорию причала прибыли четверо донельзя официальных лиц – трое представителей внутренней службы флота и один каскадовец, а с ними два гражданских лица женского пола. Более того: официальные лица вооружены всеми необходимыми для прохода на территорию бумагами с подписями и ордерами с печатями и требуют немедленной встречи с командиром расчета. Более того: охранный пост уже связался с Адмиралтейством и получил подтверждение – действительно, все означенные лица имеют полное право подняться на борт. По весьма важному и щепетильному делу.

Расчет должен был всполошиться. Расчет должен был запаниковать и начать готовиться к внеплановой головомойке... Но вот заподозрить что-либо должен не был – потому что никакому нормальному злоумышленнику в голову не придет столь наглым образом проникать на борт корабля, принадлежащего лично верх-адмиралу флота. Это все равно, что под прикрытием какой-нибудь там ревизионной комиссии подняться на «Аврору», скрутить экипаж и угнать революционный крейсер на увеселительную прогулку по Ладоге... Так что план Сварога, откровенно говоря, был запредельно безумным и архинаглым... И именно поэтому Сварог имел все основания надеяться на успех. А что еще прикажете делать? Через причал аркой перекинуты металлические дуги, и он прекрасно знал, для чего – Босой Медведь просветил. Это ни что иное, как стационарный прибор «Боро-6», самая последняя разработка пытливого каскадовской мысли. Аппаратура улавливает любое магическое присутствие в радиусе... в общем, неважно в каком там радиусе, главное, что колдовским манером, в том числе и под чужой личиной, к скоростнику не подберешься.

Корабль у причала был всего один, серый, мрачный, близнец покойной «Черной молнии» – не ошибешься. А свет прожекторов давал возможность прочитать название – «Пронзающий». Так что точно не ошибешься... А вот перекинутый на «стенку» трап вовсе не означал, что даже столь ответственным товарищам можно запросто взойти на борт. Вход на палубу перекрывала защитная диафрагма. Но шестерка уверенно поднялась по трапу, и Сварог вдавил кнопку звонка.

Охранника Игой-Киона вытолкали вперед, поставили рядом со Сварогом в авангарде. Игой послушно приготовил личную карточку охранника порта, и когда диафрагма разошлась, образовав отверстие в руку диаметром, Игой просунул карточку вахтенному. Диафрагма вновь сошлась. Документ изучали секунд десять, после чего тем же способом вернули владельцу.

– И что нужно? – раздался из отверстия диафрагмы напряженный голос.

– Паршивая ситуация, – раздраженно сказал Сварог. Таким тоном разговаривают мелкие чиновники, которые в гробу видели все эти ночные поездки к черту на куличики, но что поделать – служба. – Проводится внутреннее расследование, пока в неофициальном порядке. Я говорю – пока. Потому что... Ви-

дите за моей спиной этих... женщин? Они утверждают, будто подверглись сексуальному насилию от членов вашего экипажа. Кроме того, они утверждают, что для принуждения к вступлению в связь была использована магия. Понимаете всю серьезность происшедшего? Пострадавшие уверены, что узнают насильников. Так что нам незамедлительно нужно видеть членов экипажа. – Помолчал и с нескрываемой надеждой на отрицательный ответ спросил: – Пустите на борт? – Мол, лучше не надо, лучше утречком другие приедут, так сказать – *повысокопоставленнее* нас, а мы, люди маленькие, лучше домой вернемся... С той стороны донеслось невнятное ругательство, а потом и тяжкий вздох:

– Ждите, доложу.

Ждали молча. Это был самый ответственный момент операции. Если они свяжутся с берегом в обход поста охраны – а такая возможность у корабельного расчета имела, по дну от скоростника был проложен кабель, – потребуют подтверждения в Адмиралтействе, в Каскаде, то... Ну, понятно. План Сварога сотоварищи строился именно на щекотливости вопроса. И если б не эта щекотливость, то морячки доложили бы, как пить дать. А так... Допустим, девки никого не узнают, гости извинятся и уйдут, дело замнется само собой – а расчет уже поторопился доложить. Ведь потом начальство всю плешь выест: «Забыли где служите, мерзавцы, подразделение позорите, своих командиров позорите, в дальние колонии захотели!» А с начальства станется – может заслать и в колонии, и на Ханнру. Особенно ежели это самое начальство хочет пристроить кого-то из своих протеже на теплое место и ждет не дождется, когда появится повод местечко то освободить. Запачкаться легко – отмываться долго приходится. Ну а если шлюшки и вправду кого-то узнают, то так и так клин. Да и охрана причала уже вроде бы уже получила добро на вход от Адмиралтейства... Ждать пришлось недолго. Минуты через три диафрагма переборки раздвинулась, открывая доступ на корабль, и первыми внутрь зашли Сварог и Ак-Кина. Заспанный смуглолицый морячок в плаще йорг-капрала, наброшенном на голое тело, хмуро взглянул на тех, кто в иных мирах хуже татарина, и открыл было рот, чтобы, не иначе, пробурчать нечто вроде приветствия. Но не успел. Распрямляющейся пружиной вылетела вперед рука Сварога и согнутые пальцы ударили сержанта под подбородок. Тот вцепился в стену и сполз на пол.

Монах тут же подхватил нокаутированного сержанта под мышки и поволок к открытым дверям лифта. Уложил заботливо в кабине и вернулся к трапу – до того, как все закончится, ему предстояло нести ответственную вахту корабельного дежурного.

В лифте вахтенному и Игою-Киону связали руки-ноги, воткнули кляпы. Юнк-лейтенант свою миссию выполнил, применять к нему какие-то особые средства убеждения не потребовалось – молодой, не нюхавший пороху охранник сломался от одного грозного вида обступивших его людей и от первого же щекочущего прикосновения ножа. Сварог и Босой Медведь, пока кабина перемещалась на верхний из трех корабельных палуб, приготовили оружие: первый – шаур, второй – стилет. Вот и нужная палуба. Щепка и Ак-Кина остались в лифте, Сварог с Медведем вышли и уверенно направились по коридору. Уверенность в перемещениях по наисекретнейшему скоростнику строилась на немалых деньгах. Босой Медведь, который знал в порту все и всех, знал, за

кем и какие водились грешки и слабости, указал нужного человека. Последний же, недавно крупно проигравшийся в местный аналог рулетки, с радостью, прямо-таки с неземным счастьем в глазах дал глянуть благодетелям, избавлявшим его от долговой тюрьмы, в чертежи скоростника.

Они остановились у приоткрытой двери рубки, откуда доносилась тихая музыка. Сварог распахнул люк и первым бесшумно скользнул внутрь. В рубке находился всего один человек – стоял навтыжку перед единственным креслом и с верноподданническим взглядом ждал гостей. Взгляд его, впрочем, быстро потускнел, когда в висок уперся ствол шаура.

– Не шевелиться! – шепотом рявкнул Сварог и без лишних заморочек обвил локтем его шею. – Вахтенный офицер?

– Т-так точно... А вы...

– Ма-алчать, – беззлобно перебил Сварог и усилил захват. – У тебя, голуба, есть выбор: или ты идешь нам навстречу со всем военно-морским пылом и все, кто есть на борту, остаются в живых, или ты никуда не идешь и тогда погибают все, кроме тебя. А ты, единственный, кто уцелеет, будешь потом рассказывать начальству, как мог спасти ребят, но не захотел. Что выбираешь?

– Вы что, не понимаете...

– Ясненько, выбор ты сделал, – перебил Сварог.

Вахтенный офицер забился в захвате, чувствуя подступающее удушье. Попытался было оторвать от себя руку Сварога. Начинал задыхаться, побагровел лицом и закатил глаза. В последний момент Сварог разжал захват.

– Не надо! – тут же прохрипел офицер, глотая ртом воздух, как рыба на песке. – Я... я согласен на ваши условия.

– Соврешь – твоих людей буду убивать лично я. Тебя приведут посмотреть на их трупы, после чего ты навсегда забудешь сладкое слово «сон». Я тебе обещаю, – решил внести свою лепту в *обработку* пленника Босой Медведь. Видимо, опыт в подобной обработке у него имелся преизрядный: он произнес свою угрозу столь елейным тоном, что даже Сварога пробрало.

– Сколько человек на борту? – спросил Сварог.

– Семеро, включая меня и того, кто вас пустил. Что... что с ним?

– Жив. Пока. Где остальные?

– В долгосрочной увольнительной. Мы – дежурная смена. Сокращенный боевой расчет.

– Я имею в виду – остальные пятеро, – раздраженно повысил голос допросчик. – В каких каютах, отсеках, помещениях?

– Двое – седьмой блок, третий отсек, каюта два. Это на...

– Знаю. Дальше!

– Трое по одному в следующих каютах: номера три, четыре, пять. Все спят... Должны спать.

– Ясно. Хвалю за службу. Медведь!

Босой Медведь, ожидая этого приказа, уже сжимал в ладони некий предмет размером с карманный фонарик. На жаргоне эта штука именовалась «мотылек» и представляла собой до крайности упрощенный аналог того оружия, с которым бегали каскадовцы. Заряда каскадовских «ранцев» хватало на множество *воздействий*, а «мотылек» был одноразовым. Зато, судя по описаниям уголовных друзей, парализовал качественно. Недаром за ношение и хранение «мотылька» полагался неслабый срок.

Медведь приставил к шее пленника заостренные контакты и нажал на кнопку. Треснуло, вспыхнуло, вахтенный офицер содрогнулся всем телом, охнул и затих.

– Надеюсь, не соврал, – сказал Сварог. Чертовски хотелось включить детектор лжи – но ведь взвоют все эти «Боро» один, два, шесть и далее по списку. – Вроде проникся до донышка. В рубке на всякий случай оставим Щепку с парочкой «мотыльков», внизу она нам все равно ничем не поможет... Бери его и пошли!

Медведь, взвалив на плечо обездвиженного моряка, вышел из рубки следом за Сварогом. Лифт, постепенно превращающийся в камеру предварительного заключения, доставил их на вторую палубу. Предстояла заключительная фаза операции.

Сварог взял на себя троих, Босому Медведю препоручил двух оставшихся. Подходя к каюте, в которой, по утверждению вахтенного офицера, должны были мирно дрыхнуть двое членов экипажа «Пронзающего», Сварог достал два из трех припасенных им «мотылька». Толкнул люк, тот отъехал в сторону. Было бы странно, если б моряки запирались изнутри. Двусмысленно получилось бы как-то. Сварог скользнул в каюту, освещенную тусклым светом ночника под потолком. На двух койках, верхней и нижней, бутрились под простынями тела.

Все прошло донельзя легко и просто, «мотыльки» сработали преотлично. «Четыре – ноль, – констатировал Сварог, бросая опустошенные шокеры на крохотный столик, – но матч должен закончиться со счетом семь – ноль».

Проблемы возникли, так сказать, на последнем моряке. Либо тот не спал, либо сон его отличался кошачьей чуткостью, но матросик встречал Сварога сидючи на койке и глядючи на дверь. И едва эта дверь начала открываться, тут же взвился с койки в прыжке, распрямляя ногу в ударе, направленном в переносицу незваного гостя...

Рефлексы не подвели Сварога и на этот раз – спасибо боевой выучке, одна ты у меня осталась... Рефлексы, уводя от удара, отбросили его назад в коридор.

Сварог отшвырнул «мотылек» подальше, но шаур из-за пояса выхватить не успел – противник уже стоял перед ним, уже наносил удар рукой...

И завертелась кадриль в коридоре второй палубы скоростника «Пронзающий». Удары, выпады, блоки, уклоны... То Сварог теснит моряка, то Сварога теснят. Стиль противника был весьма необычен, к нему трудно было приноровиться. Но и стиль Сварога незнаком моряку, и, будем надеяться, так же неудобен. Не попробовать ли «лапу ягуара»? Не вышло. А теперь «жернова». Ушел, гад! А вот это попробуем, а вот это... Ага, а если мы тебя на ложном финте мотанем? Не купился! Ну а секретные приемчики советской десантуры ты знаешь?..

А вот этого противник не знал. Сварог провел комбинацию под названием «полет кондора», более известную среди понимающих людей под другим, менее благозвучным наименованием. Но дело ведь не в том, как назвать, а в том, как исполнить. Сварог уж постарался исполнить как надо, постарался не осрамить десант. И морячок, всем телом впечатавшись в стену коридора, так и остался лежать. Может быть, даже со сломанной ключицей.

От победы над спящими остается неприятный осадок, как от совершенной подлости, но эта незапланированная стычка утолила жажду честной борьбы,

примирила с вынужденными бесчестными методами. Сварог склонился над поверженным моряком. Тем более, соперник выпал достойный. Действует не рассуждая, отменная реакция, завидная пластика, неплохая школа – ему бы маленько везенья. Сварог взвалил побежденного на плечо.

Босой Медведь справился с вверенными ему двумя моряками без всяких осложнений. Экипаж «Пронзающего» и вынужденно примкнувшего к захватчикам юнк-лейтенанта Йгой-Киона доставили лифтом на первую палубу, перенесли на корабельную гауптвахту (на *ихнем* скоростнике, ты подумай, было предусмотрено и такое помещение), где и заперли, не развязав. Сами как-нибудь развяжутся.

После чего Сварог, Ак-Кина и Босой Медведь вернулись в рубку. Утопающая в капитанском кресле Щепка радостно прокричала:

– Проверка моторов завершена, искра есть, прогрев начат!

– Ого! – искренне восхитился Сварог. – Откуда такие познания?

– Она у нас умная, – с затаенной гордостью сказал Босой Медведь, будто это именно он и развил ее умственные способности.

Сварог впервые внимательно взглянул на невзрачную худышку. До этого он воспринимал ее лишь как боевую единицу, и не более того, с поручениями справляется – и то хорошо, чего же боле?.. А вот интересно, сколько ей лет? Определенно и не скажешь. Может быть, может, и пятнадцать, может, и сорок. Да и за сорок, может. Есть ли морщины, нет ли – не разглядишь за слоем грязи на лице... И еще одна неуставная мысль посетила Сварога: что получится, если ее отмыть, расчесать, приодеть, накрасить? Занимательный, должно быть, экспериментик...

– А еще я позвонила на вахту Монаху, велела убрать лестницу, отвязать эти толстые веревки, которыми крепятся к берегу, и подниматься сюда.

Сварог поморщился. Надо же все так испортить, только стоило восхититься ее умственными способностями...

– За такую самодеятельность отправить бы тебя на «губу» к нашим связанным друзьям... Команды здесь отдаю я. И только я. И на суше, и, тем паче, на море. И по поводу моторов приказа не было. А если...

– В наказание дадено плавающее железо и приведет нас к гибели! – это возник в дверях обещанный Монах. – Ибо сказано в откровениях Многоуста: «Вода не есть твердь, а есть жижа ненадежна».

– Его из церкви погнали как раз за Многоуста, – поведал Босой Медведь. – За пристрастие к ереси и вину.

– Сам ты еретик и пьешь много больше! – прогрохотал Монах. – И гореть те...

– А-атставить разговорчики в строю! – гаркнул Сварог, прекрасно понимая: победа понизила дисциплину в подразделении. Расслабились, черти, вольности позволяют. Впрочем... – Слушай сюда, уголовная рота! Приказ по полку третий, предположительно последний. Полк поставленную задачу выполнил, и в награду объявляю о его расформировании... Короче, берите плащи, идите домой. Жить разрешаю спокойно, ни о чем не беспокоясь. Я, по крайней мере, больше о вас не вспомню.

– Зато Каскад вспомнит, – пробухтел Монах.

– Где уж нам тут оставаться, после такого-то, – Босой Медведь сделал обводящий жест рукой. – Теперь только в бега, скрыться где-нибудь в колониях...

Высадите нас где-нибудь по дороге.

– Колоний по дороге не будет, – сказал Сварог.

– Все равно что-то будет, – пожал плечами Босой Медведь. – Здесь нам оставаться никак нельзя.

«А ведь можно сделать небольшой крючок, пройти мимо какого-нибудь занюханного протектората – время пока позволяет», – мельком подумал Сварог.

– У меня все готово, – подала голос Щепка. – К отплытию готовы.

– И ты в колонии хочешь?

– А куда ж я без этих двух обормотов...

– Правду глаголет, – подтвердил Монах, – пропадет она без нас в этом гнезде порока. И Каскад, опять же...

– Ведь работать заставлю, – пригрозил Сварог.

– А я уже работаю, – ответила Щепка.

– Как угодно, ваше дело, – зачем, спрашивается, настаивать? У любой лоханки должен быть экипаж... – Проводим Ак-Кину – и вперед.

– А я тоже в море хочу, – заявила Ак-Кина. – Надоело мне здесь. Хотя от Каскада, в отличие от остальных, я отбодаяюсь, уж поверьте, не впервой. Вот если в больницу попаду – придется сложно... А контор, где работают исключительно мужчины, мне опасаться нечего.

– Так плывешь или прыгаешь на берег? – прикрикнул Медведь.

– Я же сказала. И силой вам меня высадить не удастся.

– Все, – подвел итог дискуссиям Сварог. – Некогда уговаривать и высаживать... Но если кто потом будет выть-скулить: «Ах, что же я наделал»... На плот – и в открытое море. Ясно? Никто не передумал? Щепка, освобождай место командира. Поехали отсюда.

Глава семнадцатая И ЭТА ЛЕДЯНАЯ СИНЕВА...

Сварог искренне радовался, что необходимость его постоянного присутствия в рубке отпала сама собой – надоела ему стихия морская до самых что ни есть печенок, до чертиков и до белого с красным отливом каления, глаза б не видели эти величественные, чтоб им пусто было, просторы со всеми этими чайками за кормой, тихим шелестом волн безбрежных и опостылевших, со всякими там бодрыми «и тогда вода нам как земля»... Сыт по горло он был и плавсредствами всех видов, размеров, назначений, водоизмещений, названий, способов передвижения и тэдэ, и тэпэ, и пнем об сову, и совой об пень, и в бога душу мать... Нет, честное слово, не в мостах его проклятье, а в бесконечном возвращении на море-акиян. Правда, нет худа без добра. Зато он насобачился управлять любым надводным судном, наловчился с ходу определять – и без всякой магии, заметьте! – какой прибор какое назначение имеет и за что надо дернуть, чтобы сдвинуть какую ни попадись лоханку с места. Тем более, когда на лоханке – как обстояло дело со скоростником «Пронзающий» – все было устроено до предела просто, понятно и удобно. И вообще, Сварог мог бы, наверное, сдать без магических подсказок и волшебных шпаргалок экзамен на капитана первого ранга в любой морской академии чуть ли не любого мира. Так что, если выгонят из королей, он всегда сможет податься в морские офицеры.

Некоторые трудности возникли разве что с отплытием: пока руки привыкли к штурвалу, пока он разобрался, что к чему, пока сверялся по карте насчет

фарватера... Но вот отплытие состоялось и прошло без сучка без задоринки, так что авторитет Сварог среди членов его новой команды, и без того немалый, вырос прямо-таки до небес – это читалось по глазам сподвижников.

Когда огни порта уже таяли вдалеке, они увидели идущий им наперехват сторожевик. Свет его носового прожектора ритмично мигал – им приказывали немедленно остановиться, и чтоб это понять, не требовалось постигать азбуку местных мореходных сигналов, элементарной сообразительности было за глаза достаточно.

Вот тут-то Сварог и убедился, насколько «Пронзающий» превосходит в скорости тоже, по определению, не самый тихоходный сторожевой корабль, призванный в два счета нагонять контрабандистов и прочих нарушителей территориальных вод. Сварог перевел соответствующую рукоять на «полный ход», и бывшая собственность верх-адмирала рванула вперед, как хорошенько припорошенная лошадка. Сторожевик тут же начал уменьшаться в размерах, да столь стремительно, что Сварогу даже стало немного жаль его командира – ох и скрипит он сейчас зубами от бессилия, рвет и мечет, а поделаться ничего не может.

Да, наверное, сторожевик мог бы пальнуть вдогонку, запросто мог бы и попасть, но... Но лупить без команды по кораблю самого верх-адмирала, по кораблю, которых в Короне наличествует всего три (пардон, уже два) экземпляра, лупить только за то, что тот совершил несанкционированный отход и не подчиняется приказу остановиться, лупить по собственной инициативе, без команды с самого верха – ну какой рядовой капитан, скажите на милость, отважится на такое? А вдруг это расшалился сам верх-адмирал, перебрамши лишнего на дворцовом приеме и подцепивши смазливую ветреную красотку, коя стала его подзуживать: «А слабо, гроза морей, ты моя бесстрашная, прокатить меня на твоём знаменитом пароходе»? И тут – по верх-адмиралу снарядами...

Посудина, захваченная уголовно-магическим десантом под предводительством Сварога, оказалась не только быстроходной и послушной рулю, но и элементарнейшей в управлении. Собственно, катером можно было управлять и в одиночку, если тебе не требуется вести торпедные и прочие стрельбы или производить во время плавания ремонтные работы. Не нужно подбрасывать уголь в топку, поднимать и менять паруса. Экипаж посудины должен лишь следить за безукоризненной работой электрических механизмов и вмешиваться в случае неполадок. Но поскольку верх-адмиральский катер содержался в образцовейшем порядке – а как иначе-то! – то оснований надеяться, что за двухдневное плавание до острова Навиль ничего из строя не выйдет, имелось предостаточно.

Едва вышли в открытое море, Сварог вспомнил о молодом охраннике Игой-Кионе, которого в горячке запихали в корабельную тюрьму вместе со всеми, чего делать никак не следовало. Когда моряки «Пронзающего» распутают веревочные узлы, то сорвут злобу именно на нем. «Значит, это ты у нас охранник, ты должен был нас охранять?! Это ты должен не пускать посторонних на территорию порта и не подпускать их к кораблю? А ты помогал им из последних сил! На, н-на!» Да, могут отделать парня будь здоров, до пожизненной инвалидности. Сварог распорядился – и Игоя-Киона освободили.

– Этот мальчик неплохо управлялся с катером, когда вез меня с Атолла на

берег, – задумчиво сказала Ак-Кина. – Значит, в чем-то разбирается. Да я думаю, все эти корабли похожи друг на друга... К тому же, он совершенно безобиден, да и запуган так, что думать побоится обо всяких глупостях.

Поразмыслив, Сварог пришел к выводу, что Ак-Кина права. Какими бы порывами она не руководствовалась – не исключено, что ей просто приглянулся молодой юнк-лейтенант, вполне допустимо, что именно из-за него она и пожелала остаться на борту, – лишняя вахтенная единица никак не помешает. Вряд ли стоит ожидать подвоха от такого размазни. Ко всему прочему, можно составить вахты так, чтобы за ним все время приглядывал или Монах, или Босой Медведь – уж эти-то не допустят никаких выходов. А в отдыхающую смену запирают его отдельно от всех... И Сварог милостиво повелевать соизволил доставить юнк-лейтенанта в рубку.

Кстати, один энтузиаст мореплавательского фронта у Сварога уже наметился. Щепка осваивала корабельные приборы с потрясающей быстротой, проявляя прямо-таки чудеса сообразительности. Похоже, и в самом деле толковая девчонка... Или не девчонка, а женщина? Ладно, после разбираться будем. Со всем управившись, составив вахты, всех проинструктировав, напоследок все проверив, капитан Сварог покинул рубку. И наказал до утра его не беспокоить.

Он зашел в ближайшую от рубки каюту, запер дверь (вот уж не нужно, чтобы кто-то тайком сюда пробрался – пусть стучат-колотят, когда понадобится). По сторонам – где оказался, что по стенам, а что это у нас на столе и под столом? – не глазел. Нисколько не любопытно. Койка есть? Есть. Другого ничего не треба. И он рухнул на койку.

...Сварог вытолкнул маленькое судно на место поглубже, затем подтянулся на руках и перебросил тело через борт. Большими, резкими гребками погнал кораблик в открытое море.

И вот – позади узкие ворота бухты, две забравшиеся в море скалы, далеко позади, уже едва различима кромка берега. Впереди – неизвестность, а под ним – пучина, неведомо что в себе таящая.

Немногим позже Сварог убрал весла: парус наполнил ветер. Откуда-то он знал, что ветер северо-восточный, попутный. А еще он знал, что ему во что бы то ни стало необходимо достичь другого берега. Вот только что там, на том берегу, он не ведал. Как не имел представления и о том, как долго предстоит добираться. А пока все складывалось наилучшим образом: дул желанный ветер, водную гладь нарушала лишь легкая рябь, солнце украшало чистое, не предвещающее штормовых бед небо. Оставалось только наслаждаться морской прогулкой.

А потом все враз переменялось.

Потом море перестало быть морем, а небеса – небесами.

Солнце сперва превратилось в узкую оранжевую полосу, потом и вовсе пропало. Казалось, лодка рассекает черную бурлящую смолу, а со всех сторон надвигается само пространство. Горизонт сжимался, опускался небесный свод, воздух напоминал переливающуюся всеми цветами радуги прозрачную поверхность кристалла. Раз – и лодка очутилась внутри него. Размытая линия горизонта и вовсе исчезла. Вокруг буйствовало режущее глаза многоцветное сияние, черное смоляное бурление под лодкой уступило место чему-то, напоминающему лед, по которому суденышко скользило столь же ровно и быстро,

как и по воде.

Сварог почувствовал, что приближается к *рубелю*. За которым ждет либо окончательная победа, либо смерть. Третьего не дано.

Окружающий мир вновь преобразился. Сейчас лодка двигалась по узкому круглому тоннелю, стены которого были сотворены будто из мерцающего внутренним светом мрамора, а киль рассекал рубинового цвета жидкость, похожую на кровь. Потом лодку и гребца окутала беспросветная мгла.

И вот стало разгораться свечение, рассеивающее темень. Лодка покачивалась на спокойной воде. У самой кормы проступали очертания железной решетки, закрывающей вход в просматривающийся за ней тоннель. Нос лодки почти касался обширного каменного причала – его ограждали каменные стены, плавно переходящие в высокий свод. Сами стены, казалось, излучали свечение, позволяющее разглядеть все вокруг. Причал был пуст.

Звук, напоминающий сильный удар в стену, сотряс воздух. За ним тут же последовал еще один удар. Часть стены напротив лодки задрожала и рухнула, образовав огромную, с неровными краями дыру, внутри бреши что-то зашевелилось... и стало выползать наружу.

Что-то огромное, темное, как и сами стены, выбралось из отверстия и шагнуло на освещенную синеватым светом площадку. Отовсюду вдруг потянуло невыносимым, *нездешним* холодом... Сварог проснулся от холода. Рывком поднялся с постели. Затряс головой, выгоняя из сознания остатки дурацкого сна, протер глаза, выдохнул... Из рта вырвалось облачко пара. Своим пробуждением он был обязан отнюдь не сновидению, в каюте взаправду стоял зверский холод... Но этого же никак не может быть! Мы ж должны плыть по теплым водам!

Кстати, они никуда не плыли, на это Сварог обратил внимание только сейчас. Не слышно гула электромоторов, не ощущалось покачивания, даже самого слабого.

Сварог метнулся к иллюминатору. Здравствуйте, девочки – иллюминатор затянут коркой изморози.

Он выскочил в коридор, заполошно огляделся. Настенные лампы на затейливых бронзовых ножках горели в треть накала. В коридоре стояла такая же стынь, как и в каюте. Металлические предметы уже подернула тонкая пленка инея. Блин, откуда на современном корабле минусовая температура! Или я еще сплю?

Из каюты напротив донесся храп. Это сугубо прозаическое проявление естественной жизни несказанно обрадовало Сварога. Потому что на миг закралось донельзя неприятное ощущение, что он на корабле один.

Сварог отодвинул дверь каюты напротив и обнаружил Монаха – тот лежал на нижней койке, по-детски сунув под голову кулак. И вот что неприятно: здесь, как и на всем корабле, было невыносимо холодно, но это, похоже, Монаха ничуть не беспокоило.

– Эй, высокопреосвященство, подъем! – Сварог потряс любителя Многоуста за плечо. – Да вставай ты!..

Сварог уже тряс Монаха всерьез. Того мотало, как куклу, в руках Сварога, но уголовный элемент просыпаться не желал. Ноль, никакой реакции, все та же блаженная улыбка на физиономии, и не менее громкий храп из глотки. Ну, раз так...

Сварог применил болевой прием, от которого и мертвый должен был, взвывая, подскочить и запрыгать от боли по каюте. Мертвый, может быть, и вскочил бы, Монах же – нет.

Но он же жив! Сварог приложил руку к его голове. Температура вроде бы нормальная. Так, необходимо срочно определить, где мы находимся, что за бортом...

Чуть ли не бегом Сварог бросился в рубку.

В рубке картина была не радостнее. В капитанском кресле, забравшись на него с ногами, спала Щепка. («Осталась после окончания своей вахты, хотя я насторого приказал отдыхать в свободное время», – мимоходом отметил Сварог). Босой Медведь спал в штурманском кресле, уронив подбородок на грудь. Ак-Кина и юнк-лейтенант Игой-Кион сидели, держась за руки, на диване под картой Гаранда и, разумеется, спали. А окна рубки были плотно затянуты коркой льда. Изнутри ни черта не разглядишь, значит, надо выбираться наружу...

Дверь на мостик Сварог открыл не без труда – ее крепко приморозило к косяку. Пришлось отбивать ногой, пока та не поддалась. Внутрь корабля, как припозднившиеся гости в Новый год, ворвалось морозное облако. Сквозь него Сварог выбрался на гулкий металл мостика. И наконец-то увидел...

Повсюду, насколько хватало глаз, неприступные, покрытые снегом горные кручи возносили свои вершины в сереющее вечернее небо. Со всех сторон... Как великая снежная стена... А их корабль находился в центре огромной котловины – не иначе, горного озера. «Пронзающий» вмерз в лед. Причем совершенно невозможно было даже предположить, как он здесь оказался, поскольку никакого прохода, пусть и замерзшего, в округе не наблюдалось. Прошел, что ли, подземным туннелем? Как в его, Сварога, сне?..

Было время заката. Пурпурный свет умирающего светила окрасил снег кровью, горные склоны, изрезанные трещинами и уступами, отливали медью. Игра света и тени завораживала. Если б сейчас можно было предаваться созерцательным восторгам – цены бы такому пейзажу не было...

Сварог включил «третий глаз».

– Мама родная!

Реальность вокруг отсутствовала напрочь. Вернее сказать, то, что он принимал за реальность, глядя нормальным зрением, оказалось сплошным порождением магии. И все, что окружало несчастный корабль, было чьей-то колдовской фантазией.

Горы были не белые от снега, а синие, втыкающиеся в небо (хоть небо-то настоящее) фиолетовыми верхушками. Ближе к подножию горы становились бирюзовыми, а сковавший скоростник лед в магическом зрении имел сапфировый цвет. И посреди всего этого калейдоскопа выделялся иссиня-черный, пульсирующий, как сердце, зыбких, колеблющихся очертаний, сгусток. Или пятно, как хотите. И к нему отовсюду, словно кровеносные артерии к сердцу, тянулись жилы небесно-голубого оттенка.

Ну и что там такое, если посмотреть обычным глазом? Сварог отключил магическое зрение.

Изломленные тени причудливо тянулись через глубокую, начинающуюся в пятистах уардах расселину, противоположный конец которой терялся в дымке. У ближнего края расселины на белом снежном фоне отчетливо выделялось все то же темное пятно...

Хижина – вот что это такое. Небольшой кривобокий домик, сколоченный, похоже, кое-как и из всякого хлама. Сварогу даже удалось разглядеть над хибарой тоненькую струйку дыма.

Какие отсюда выводы, господа? А такие: кто бы или что бы не скрывалось в хижине, оно имеет прямое... прямейшее, а то и главнейшее отношение к происходящему. И если где-то и можно найти ответ, а с ним и выправить ситуацию, то только там – в этой лачуге.

Простояв на мостике минут пять, Сварог вконец окоченел. Он заскочил в рубку, закрыл за собой дверь. Потопал ногами, обняв себя за плечи. Потом несколько раз присел, помахал руками, сделал десяток отжиманий. Может, холод – тоже всего лишь чье-то там порождение, но пробирает качественно.

Хорошо бы, конечно, сотворить чашечку кофейку с коньячком... Но очень не хотелось терять время на пустяки. Некогда. Также некогда, а главное, бесполезно бить спящих по щекам, трясти их и проводить на них болевые приемы. Очевидно и несомненно, что и их сон – ягодки с того же магического огорода. А вот отчего да почему самого Сварога не тронули? Уж не затем ли, чтобы таким своеобразным образом зазвать в гости? Что ж, раз приглашают, надо идти.

Сварог снял со стены сабельку – висела, видите ли, в рубке на ковре небольшая такая коллекция холодного антикварного оружия. Кто-то из корабельных баловался – может, капитан, а может, и сам верх-адмирал. Молодцы, спасибо. Шаур, конечно, вещь хорошая, но не на все случаи жизни вещь. Так-то оно будет понадежней. Сварог вытащил саблю из ножен, пальцем проверил заточку. Ого! Видимо, хозяин коллекции нагружал своих денщиков работенкой, дабы те не скучали в походах и на рейде. Сабелька заточена, что у твоего казака.

Вызывать лифт Сварог и попробовать не стал, посмотрев на горящие в треть накала лампы, – сбежал вниз по узким трапам. Диафрагму выхода пришлось разводить вручную, вертя какую-то ручку, электромотору напряжения не хватало. Ну все, можно покинуть «Пронзающий».

Снежная волна налетела на Сварога, едва он вышел наружу. Точно огненный вихрь, ледяная пыль, несомая шквальным ветром, обожгла лицо и руки. Вот так здрасьте! Если учесть, что до этого стоял штиль полнейший... Выходит, нас так встречают. Под порывом ледяного ветра в лицо версия о приглашении в гости несколько потеряла в правдоподобии. Но в гости мы так и так зайдем, ждите.

И Сварог двинулся сквозь пургу. Стихия неистовствовала, ледяная пыль секла кожу, сбивала с ног, швыряла в лицо пригоршни ледяного крошева. Завывающая, как голодная дикая кошка, пурга пыталась оттеснить, оглушить, запутать и навеки похоронить в снежном беспомыслии. А Сварог шел вперед. Ничего не видя в снеговерт, оглушенный штормовыми ударами. Лишь иногда включал «третий глаз», сверялся с ориентиром – с тем, что было хижинкой в одном зрении и иссиня-черным сгустком в другом, видел беснующуюся вокруг него синюю круговерть, отключал «третий глаз» и шел, шел, шел. Воздух словно стал твердым – плотная стена ветра не пускала, лезла в гортань морозным кулаком, норовила сорвать одежды, опрокинуть, унести... Он падал, но поднимался, вытирал лицо рукавом и шел.

И вдруг все прекратилось. Разом. Как отрезало. Как рубильник отключили. Впрочем, может и отключили. Некий магический рубильник – ведь в этом ми-

ре, помнится, очень любят всяческие рубильники... Как бы то ни было, а воцарилась картина, которую Сварог наблюдал с мостика: штиль, закат, снег в красках заката, – короче, холодная сказка снежного безмолвия.

– Издеваешься, сука? – пробормотал Сварог, глядя на хижину и нисколько не беспокоясь, что его могут слышать. – Эксперименты ставишь? Лады... И об этом тоже переговорим.

Сварог оглянулся. От корабля тянулась цепочка кажущихся синеватыми на белом фоне следов. Пройдена где-то одна пятая пути до хижины, впереди – четыре пятых снежной целины...

Он продолжил поход. Ровный уклон был небольшим, почти неощутимым, и Сварог продвигался вперед беспрепятственно, если не считать того, что ноги проваливались в снег по щиколотку. Но хоть не по колено, и на том спасибо...

При каждом выдохе изо рта вырывалось легкое облачко пара, белая пустошь слепила глаза, хрустел под шагами снежный наст. Ничего, до снежной слепоты не нагуляюсь, я тут у вас не собираюсь задержки...

Тренькнуло чувство опасности – негромко, так, словно напомнило о своем существовании. И тут же в пятидесяти шагах от него вдруг заходили ходуном, всколыхнулись сугробы, снеговой покров разошелся в стороны, словно его раздвинули руки великана, и из образовавшейся брешки с оглушительным чмоканьем вылетела исполинских размеров серо-зеленая, лоснящаяся тварь, уардов двадцать длиной, толщиной в два обхвата. Ни конечностей, ни головы, ни глаз, ни носа у твари не было – просто уродливая, изломанная в трех суставах колбаса, увенчанная круглой розовой склизкой пастью с тремя частоколами мелких, но очень острых зубов. И пасть эта жадно открывалась и закрывалась.

Несомненно, это было зло. Не сказать, что смертельно опасное, однако ж то был и не простенький пустотный призрак – в магическом зрении Сварог отчетливо видел колыхание черных лоскутьев, простреливаемых навывлет темными извивающимися нитями. При большом желании можно было углядеть в этом клубке очертания, смутно напоминающие давешнего червя, но... Но желания такого не было, и Сварог вернулся в реальность. Чудовище сделало глубокий, явственно слышный вдох, а затем струя смрадного воздуха резко и сильно вырвалась из прожорливой пасти. Бестия покачивалась над Сварогом, словно раздумывала над великой проблемой, – есть или не есть. Высунула доселе невидимый хрящеватый хвост с шипом на конце, повела им, изогнувшись, готовясь к броску...

Сварог уже держал шаур поднятым. Вдавил курок, и над снегом понеслось сияющее серебро. Все круглые зазубренные пули ложились в цель: по такой мишени захочешь – не промажешь...

Тварь разинула пасть – да так и застыла. Из отверстия, сверкающими кинжалообразными зубами, повалил дым. Тварь издала звук, подобный писку щенка, которому сжали пальцами горло, но усиленный тысячекратно, задрожала, по ее телу пошли на глазах набухающие волдыри... Потом волдыри лопнули, образовав в спине бестии огромную дыру, из которой ударил столб огня...

И все.

Была тварь, да кончилась. И разметало клочки по закоулочкам...

– Ну и зачем? – громко спросил Сварог у ледяного безмолвия. – Чего ты до-

биваешься, а, приятель? Для чего вся эта клоунада, в чем ее высший смысл? Ау, я кого спрашиваю?

Вопль души остался без ответа. «И что ты мне еще приготовил? – думал Сварог, продолжая утаптывать снег на пути к хижине. – Дешевым балаганом отдают твои затеи, мой незнакомый и очень навязчивый друг. Примитивно и даже, я б сказал, глупо...»

Он выдернул ногу из снега, приготовился сделать шаг и... не сделал его. На этот раз детектор опасности смолчал, но вот нога...

Нога была занесена над огромным черным колодцем, уходящим, казалось, в самое сердце земли. Колодец возник из ниоткуда. Мгновение назад впереди лежал девственно нетронутый снежный покров – и вот... получите колодец. А что показывает «третий глаз»? Ни-че-го. Магический визир демонстрировал, что никакой дыры перед ним нет. Так что? Идем вперед без страха и упрека?..

Сварог осторожно ногу опустил – в глубине колодца вдруг вспыхнул нереальный, ослепительно яркий бело-голубой свет, высветив каждую трещинку, каждую щербинку в стенах, и Сварог скорее ощутил, чем увидел или услышал, как из бездонного провала не спеша поднимается что-то огромное, безжалостное, смертоносное. В тишине, наполняющей горную долину, стали отчетливо слышны звуки – шуршание, скрежет, хруст, словно доносящиеся из ведра, доверху наполненного шевелящимися насекомыми, но усиленные десятикратно. И Сварог увидел. И зрелище это переполнило его таким невыразимым ужасом, что он напрочь забыл о магическом зрении – он смотрел и смотрел зрением обычным, не в силах оторваться. Черная громада неторопливо вздымалась над краем колодца, заслоняя голубой свет. В ней не было ничего от человека, ничего от зверя; вообще ничего от живой твари, когда-либо появившейся под солнцем. У нее не было определенной формы, она клубилась, как дым и переливалась, как отражение луны в беспокойной воде. У нее не было глаз, щупалец или пасти, однако сразу становилось понятно, что оно *живое* и наделено злым, нечеловеческим разумом; и именно это знание застлало мозг Сварога беспросветной пеленой ужаса. Не в силах оторвать взгляда от чужеродного создания, не в силах пошевелиться и даже закричать, он чувствовал, что сердце его работает в бешеном ритме, готовое вот-вот лопнуть, что сознание медленно покидает его, уступая место кроваво-красному безумию, что мышцы свело непроизвольной судорогой, превратив их в туго натянутые канаты...

Гигантское нечто поднималось и поднималось. По его бесформенной туше сновали тысячи, миллионы крошечных существ, описать которые человеческий язык не в состоянии – то ли они являлись частью этой твари, то ли были всего лишь насекомыми, паразитирующими на теле демона...

Бежать! Прочь от этого сводящего с ума кошмара. Дальше, дальше, как можно дальше! Чтобы не потерять разум. Иначе невозможно не потерять разум, не в силах человеку выстоять перед ужасом, собравшим в себя все страхи вселенной ото дня творения до последнего дня. Бежать или потерять разум... Бежать или потерять разум.

Бля, вот чего от него добиваются!

И Сварог сделал шаг вперед. Шаг туда, в колодец...

И под ногой хрустнул тонкий наст. Нога, уже привычно, погрузилась в снег по щиколотку. Никакого колодца... Он не ухнул в звенящую бездну, не попал в

объятия посланца из преисподней. Но каково...

– Ну, сучий потрох! – заорал Сварог. – Гнида ползучая, я ж тебя по льду размажу! Кишки на кулак намотаю!

Сварог еще что-то кричал, размахивал шауром, стрелял в проклятый снег, потому что больше стрелять было не во что. И шел, шел, продирался вперед.

И успокоился, только когда до хижины оставались считанные уарды.

Хибара была возведена на скале. В радиусе трех шагов от лачуги отчего-то снега не было, и в закатных лучах отчетливо виднелась каждая трещинка в скале, ледяная корка на камнях блестела, точно бриллиантовая. Вблизи же развалюха производила еще более жалкое зрелище, нежели издали. Доски – сплошное гнилье, набиты кое-как, вкривь и вкось. Единственное окошко забрано слюдой, покрытой коричневой коркой вековой грязи. Крыша, казалось, с грохотом провалится от неосторожного хлопка дверью. Получше, что ли, времянку не мог себе отгрохать некий с-садовод-ледовод хренов?!

Сварог потянул на себя скрипучую дверь. Освободил саблю из плена ножен, вошел внутрь...

Глава восемнадцатая НЕКТО ВИЗАРИ

...И оказался в зале, освещенном тысячью светильников.

Зал был громаден, потолок и противоположная стена совершенно терялись в туманном желтом сиянии, струящемся, мерцающем, льющемся, завораживающем. Окутанные этим светом, в воздухе медленно плыли призрачные фигуры всевозможных цветов и оттенков – кольца, звезды, конусы, спирали. В их мерном танце присутствовал некий трудноуловимый ритм; они кружились, подгоняемые невидимыми волнами, исходящими из неподвижного центра – находящегося в середине зала ступенчатого пьедестала, на котором ровным изумрудно-желтым светом сиял полупрозрачный кристалл размером с голову взрослого человека. А у подножья пьедестала, благоговейно воздев руки к небу, застыл на коленях силуэт человека, кажущийся черным в отблесках яркого волшебного света. На голове его сияла серебряная корона с четырьмя уродливыми рогами. Зловещий гул, напоминающий гудение потревоженного улья или рокот далекого морского прибоя, наполнял помещение, свербел в ушах, вызывал тупую, ноющую боль в зубах. На вершине каждой из высоких мраморных колонн, расположенных в строгом порядке, горел неяркий колеблющийся огонь. Человек в короне находился внутри неровного круга, начертанного на мозаичном полу чем-то красным, похожим на кровь. И центром этого круга являлся пьедестал.

Черная фигура медленно опустила руки, медленно повернулась и невидяще посмотрела на вошедшего – словно пребывая в трансе и не понимая, что происходит. Но постепенно взгляд человека в короне прояснился, и улыбка появилась на его исхудалом лице.

– А-а, – ласково проговорил он, покачав головой, но на ноги не поднимаясь, – пришел. Ты пришел. Что ж, так даже лучше. Рано или поздно... Не все ли равно с кого начинать. Начать – вот самое важное. «Начало» – вот самое главное слово во вселенной...

– А если изъясняться конкретнее? – Сварог раздражения не скрывал. Не хотелось ему скрывать, и все тут. – И стоит ли начинать с угроз, уважаемый?

Сварог шагнул вперед и... и словно бы увяз в чем-то липком, вязущем, не

пускающим дальше. Включил «третий глаз». Точнее, попытался включить – потому что ничего не вышло. А, дьявол... Все его магические способности были мягко, ненавязчиво, но действительно заблокированы.

Ага. Ну ладно. Обложил себя колдовской защитой, гад? Ну да мы не гордые, мы и без магии кое-что можем, приучены-с... И Сварог отступил. Пока отступил.

– С угроз? – незнакомец искренне удивился. – Ах, вот ты о чем! О невинных шалостях с холодным сном! Или ты говоришь о тех забавных фокусах, что я показал тебе на пути к моему скромному жилищу?.. Прости, я просто хотел посмотреть, на что ты способен. Маленькая такая проверка, результатами которой я остался вполне удовлетворен. Но теперь ты мой гость, и я окажу тебе почести по чину.

– Тогда уж по королевскому чину, – сказал Сварог.

– Вот как? Покорнейше прошу простить меня за тыканье, – никакой издевки в словах «рогатого» Сварог не почувствовал, кажется, тот говорил на полном серьезе. Эх, определитель лжи бы сюда... – Уж не обессудьте, я не стану обращаться к вам «ваше величество». Во-первых, не люблю слишком длинных титулований, а, во-вторых, мы ровня. («Везет же мне на королей», – устало подумал Сварог, мигмом припомнив владыку Хелльстада... И то, чем владыка кончил.) Я не спрашиваю вас, в какой части Гаранда находится ваше королевство и каковы его размеры. Да и какое, в сущности, это имеет значение! Мое же королевство... оно перед вами. Я устроил его по своему вкусу. Мне всегда нравилась зима в горах, эта холодная, горделивая красота, заставляющая человека почувствовать свои ничтожество и мелочность. А вы сейчас находитесь в королевском дворце... Но не пора ли представиться? Не стану настаивать, чтобы первым представлялся гость. Тем более, что я чувствую некую вину перед вами за эти... невинные розыгрыши.

Человек в серебряной короне с четырьмя рогами поднялся с колен, согнул голову в легком поклоне. Сказал просто:

– Мое имя Визари. И я бог.

Ну-ну. Ни больше, ни меньше. Даже покойный Фаларен богом себя отнюдь не считал...

Не сказать, чтобы Сварог очень удивился произнесенному имени. Чего-то похожего он, признаться, и ожидал. К этому все и шло. Слишком уж много странностей накопилось – чувствовалось, что все они связаны одной нитью и эта нить, как нить путевого клубка, должна наконец-то куда-то привести. Вот и привела... Но чтобы к богу? Это, извините, не для нас, мы так высоко не замахиваемся...

– Не могу утверждать, что очень приятно познакомиться, – он позволил себе легкую улыбку, – однако ж, если настаиваете... Извольте: Сварог. Не бог, но король, – на ответный поклон он растрачиваться не стал. Пусть это и не по этикету, но король сам себе указ и этикет, не так ли?

Визари что-то прошептал, провел ладонью по лицу, словно смахивая паутину, и вслед за этим за спиной Сварога что-то громко стукнуло о пол. Оглянувшись, Сварог увидел кресло на гнутых ножках, с мягкой обивкой и высокой спинкой.

– Садитесь, король Сварог, я полагаю, разговор нам предстоит долгий.

Хотя Сварог придерживался иного мнения, но все же сел. Сам Визари по-

просто, без церемоний опустился на ступень пьедестала.

– Прошу простить меня за то, что разговаривать нам придется на некотором удалении друг от друга, но я отвык от людей с их странными привычками, с их непредсказуемостью и непоследовательностью. Прошу не обижаться. Когда я смогу всецело вам доверять, меж нами не будет разделительного барьера... Впрочем, в этом зале замечательная акустика, и даже если вы захотите перейти на шепот, я услышу. Как слышал я все, что вы говорили во время вашего недолгого, но насыщенного путешествия от корабля до моего дома и что меня, признаться, немало позабавило. Как вам мое скромное жилище, кстати?

– Вполне, – сказал Сварог, загоняя глубоко внутрь неприязнь. В конце концов, он пришел сюда по собственной воле, никто его не тянул. Да и выяснить кое-что не мешает – мирно... Хотя чувствовал он и легкое разочарование: как-то не так представлялась ему встреча с лидером Иных. Да и сам лидер выглядел несколько... несколько непрезентабельно, что ли. Впрочем, лидеры не всегда являют собой образец мужественности и красноречия – по-всякому бывает, знаете ли... – А вы, выходит, тот самый неуловимый, таинственный маг? О ком слагают легенды, ненавидят, боготворят, чье имя пишут даже на стенах домов?

– На стенах домов? Да что вы говорите! Про это я впервые слышу... Что ж, да, я и есть тот самый Визари. Тот самый бог, который заставил заговорить мир о себе... Если бы вы знали, чего мне это стоило, каких титанических усилий потребовало!

– А дозволено мне будет спросить, король Визари, зачем вам потребовался я?

– Вы? – вырвалось у Визари. Словно он удивился вопросу. – Ну... Раз вы здесь, значит вы – Призванный. В этом я убедился, когда вы прошли все испытания. Недаром... Впрочем, это неважно. Важно, что вы здесь.

– Под испытанием вы подразумеваете все то, что происходило со мной, начиная с подводного корабля?

– Вот видите, как велико мое могущество, – сказал Визари с ноткой хвастовства.

Что-то не так. Как бы отталкивающе не выглядел *лидер*, в нем должна, просто обязана быть жилка, какая-то черта, особенность, которая и заставляет людей следовать за ним со знаменами да под танки. А такой черты, сколько ни старался, Сварог в новоявленном боге углядеть не мог. Ладно, будущее покажет, что это за бог, лидер и маг в одном лице...

– В таком случае, удовлетворите мое отнюдь не праздное любопытство, ваша божественность. Имеете ли вы отношение к болезни, внезапно поразившей моего друга?

– Это все неважно, – скривившись, сказал Визари. – Вы начали говорить не о том. Не о том. Есть вещи, о которых мы *должны* говорить с вами сейчас, не размениваясь по мелочам.

– Хорошо, я слушаю вас, бог Визари, – покладисто сказал Сварог.

«Ему что-то жжет язык... Ну, пусть выговорится, глядишь, нервозность пройдет, тогда мы и вернемся к моим вопросам...»

– Слушайте меня внимательно, король Сварог, – голос Визари неожиданно изменился, стал торжественным. – Я сейчас открою вам глаза на многие вещи,

которые для прочих людей надолго, если не навсегда, останутся тайнами за семью печатями. Здесь, в Зале, хранится самая большая драгоценность, что когда-либо попадала в руки человека. Ее нетленным светом пронизано все вокруг. Никто не знает, откуда на Гаранде появилась эта... драгоценность. В одном старинном свитке, случайно попавшем мне в руки, написано, что миллионы лет назад за право владеть нашим, тогда совсем юным, миром сражались Древние Боги, имена которых вместе с ними самими исчезли в бездне веков. Один из Богов, сражавшихся на стороне Добра, был ослеплен противниками, лишился глаза. Глаз этот упал на Землю – на крошечный безымянный остров... сюда. Частичка божества, он сохранил силу своего умершего обладателя, но некому было разбудить дремлющую в нем мощь... И я, я сумел отыскать этот предмет... э-э, назовем его Око. Я сумел восстановить его могущество. Око – это один из элементов вселенской структуры, поддерживающей равновесие в мироздании, частичка силы, стремящейся к упорядочиванию хаоса. Разработав и применив необходимые заклинания, я подчинил его мощь. И с его помощью заглянул в будущее. Сейчас я расскажу вам, первому человеку на свете, что открылось мне. Чего не знает никто, кроме меня.

Визари порывисто вскочил, принялся ходить перед пьедесталом, заложив руки за спину. Сварог наблюдал за его перемещениями, и с каждой секундой в нем все сильнее росло ощущение, что он присутствует на дешевом спектакле с отвратительными актерами и картонными декорациями. Даже пресловутый Фаларен – и тот был более... более правдоподобный. Вменяемый он был, несмотря на манию величия. Хотя сходство несомненное. Так что – опять дежавю? Опять отражения в зеркалах?..

– Грядут великие перемены, король Сварог! Хоть в это трудно поверить, но через шестьсот лет исчезнут материки и острова, исчезнет Корона и исчезнут все прочие мелкие государства. Миром будут править орды безжалостных дикарей, вышедшие из лесов Ханнры. Грядут кровопролитные битвы, жестокость которых и представить невозможно. Будут возведены и уничтожены в войнах новые города, будут возноситься к вершинам славы и рушиться в бездну забвения целые империи. Но войны – это еще не самое страшное. Ибо потом... Лик мира изменится, король Сварог, и, спустя еще тысячу лет, он станет совсем другим. Материк Корона будет затоплен океаном, исчезнет в пучине Гвидор, лишь вершины гор останутся над поверхностью вод. Родятся новые материки, появятся новые моря и океаны, пустыни превратятся в громадные горные цепи. И в поколениях не останется памяти о живущих ныне. Все, чем мы жили, чего достигли, исчезнет без следа. Новое человечество придет нам на смену, великое и прекрасное.

«Ага, вот и зазвучала тема конца света! Давно пора». Сварог закинул ногу за ногу, хотя больше всего ему хотелось встать и просто уйти из зрительного зала. Терпение, граф, терпение: Визари настолько увлекся риторикой, что несколько ослабил контроль над магическим щитом, заголосила уже не подавляемая сигнализация опасности, и Сварог очень аккуратно, искоса, мельком глянул на колдуна «третьим глазом». Глянул – и тут же «глаз» выключил, потому как сияние кристалла на пьедестале оказалось невыносимо ярким. Впрочем, и увиденного было достаточно. Что ж, судари мои, перед ним был несомненно человек – человек как человек, не без магических способностей, но и не супермаг. Так, серединка на половинку. И, что характерно, способно-

сти эти были не темные и не светлые, а какие-то... какие-то *никакие*. Блеклые и невзрачные. И это он вычислил появление Сварога в этом мире, организовал его спасение и череду последующих событий?! Быть того не может.

– И мы, мы создадим это человечество! – продолжал Визари, и голос его эхом отскакивал от стен. – Мы сбережем, пронесем сквозь тысячелетия все то, чего достиг наш мир, чтобы потомки смогли насладиться произведениями нашего искусства, чтобы не открывали заново те законы мироздания, которые уже открыли мы, чтобы не повторяли наших ошибок. Пользуясь силой магии, мы превратим этот остров в цветущий сад, возведем прекрасные здания. Мы отгородим этот остров от остального мира цепью преград и ловушек, сквозь которую мало кому удастся проникнуть. Мы станем искать по всей Земле людей, которые обогнали свое время, – тех, кто посвятил свою жизнь раскрытию тайн природы и изучению устройства всего сущего, тех, кто неустанно пытается заставить стихии служить человеку, художников, скульпторов, сочинителей музыки, по красоте превосходящей мелодии небесных сфер. Мы призовем их к себе. Долго придется объяснять, как это устроить, но поверьте мне, я знаю – как. И это произойдет – со всех уголков света сюда начнут стекаться самые светлые умы, самые мудрые личности, изобретатели и поэты, маги и исследователи. А лишние и бесполезные погибнут в ловушках, которые мы возведем на их пути к острову, потому что на поиски благословенной земли ринутся толпы разочарованных своей жизнью, уставших от каждодневной суеты, от необходимости добывать своим трудом хлеб насущный. Но острову – нам – они не нужны. Остров в конце концов не сможет вместить всех тех, кто ищет счастья и спокойствия лишь в существовании подобно скоту, которого кормит и о котором заботится трудолюбивый хозяин. И на дороге таких людей мы возведем непреодолимые стены – тем прочнее, чем ближе настырный путник находится к нашей стране. Если ты, не желая никого видеть, окружаешь свое собственное жилище высокой стеной, глубоким рвом и сажаешь у дверей свирепого пса, а какой-то излишне любопытный пройдоха все же вознамерился забраться к тебе, и его растерзала твоя собака, – кого ты станешь винить в происшедшем? Конечно, вора и пройдоху. Нам не нужны здесь воры и пройдохи! А править новым и воистину счастливым человечеством станем мы, основатели нового мира. Мы с вами, король Сварог, выберем себе женщин из тех, кого зовут Иными. Самых достойных, кто от природы наделен умением чувствовать магическую суть вещей. К нашим потомкам, согласно природе наследования, перейдут наши способности и они, как и мы, смогут успешно править созданной нами страной. И вот что я вам еще хочу сказать касаясь женщин. Вы удивитесь, когда услышите...

– Две королевские династии на одном троне не уживутся, – негромко произнес Сварог.

– Что? – спросил Визари.

«А говорил, что акустика в зале расчудесная, что он услышит даже мой шепот. Похоже, кроме себя, он никого не способен услышать».

– Я говорю – считайте, я согласен, – сказал Сварог устало. – Давайте зожим новую расу, расу избранных, вдобавок зожим расу в расе, избранных среди избранных – я на все согласен. Вы правы, мне нечего возразить... да и не хочется возражать. У меня есть к вам всего одна маленькая, крохотная просьба. Так сказать, в залог нашего будущего сотрудничества и полного доверия.

– Вы о чем? – голос Визари стал резким.

– О моем друге. Не знаю, как это выглядело со стороны, но на самом деле я направлялся не на увеселительную прогулку, а за лекарством для моего товарища, – он, понимаете ли, при смерти. И у меня очень мало времени. По сути, времени нет вовсе. Я бы рискнул просить вас не препятствовать нам и позволить немедленно продолжить путь. Я обещаю вам вернуться к этому разговору, как только я добуду лекарство и спасу моего товарища.

– Вы перебили меня. Все то время, что я распинался перед вами, говорил с вами о сокровенном, вы думали о своих пустяковых делах. Вы не способны возвыситься мыслью. Ха, и я еще хотел поделиться с вами дарованным мне могуществом! Я открыл вам величайшую из тайн! Тайну грядущего!

В голосе Визари дрожала нешуточная обида.

А Сварога так и подмывало сказать: «Для вождя народов у вас слишком мелкоуголовные замашки, любезный. Слишком плоский, понимаешь, образ мыслей». В общем, надо отсюда вырываться, и как можно скорее. Этот Визари – типичный псих. Драпать надо, нечего тут ловить. И ради Рошаля, и ради того, чтобы самому не свихнуться. И плевать на все ответы, на все вопросы.

– Вас устроит слово короля? – попробовал Сварог зайти с другой стороны. – Слово короля, что я незамедлительно вернусь, едва...

– Вы никуда отсюда не уйдете, – махнул ладошкой бог. – Узнавший тайну бога Визари, видевший в лицо бога Визари должен остаться с ним на острове. Или умереть.

«Даже если он вдруг пообещает мне, что незамедлительно, силой своего могущества сумеет избавить Рошаля от лихорадки, смогу ли я поверить этому человеку? Бог, ха-ха-ха. Ясное дело, не могу. А стало быть, – и Сварог сделал неутешительный вывод, – будем уходить по-плохому».

– Я все-таки даю вам слово, что вернусь продолжить разговор, если вы выполните мою просьбу, – Сварог попытался подняться. И неожиданно был вновь вдавлен в кресло невидимой стеной. Следом за первым ударом последовал второй, но Сварог на его пути уже успел поставить магический блок.

– Ах так! – возопил Визари. – Ты думаешь, что тебя это спасет! Ну смотри же! Смотри, что я могу!

Откуда-то с потолка сорвалась ветвистая молния и с оглушительным шипением вонзилась в макушку колдуна. На миг все вокруг осветилось полуреальным голубым светом; когда же вспышка угасла, Визари, невредимый, поднялся со ступени пьедестала. Теперь он казался – казался ли? – выше ростом и шире в плечах.

Сварог уже покинул кресло, вновь выдернув саблю из ножен. Магическое противостояние к успеху ни одну из сторон не приводило, две магии сейчас напоминали двух оленей, сцепившихся рогами, – сцепку не разорвать, но и одолеть один другого не может.

Сейчас все решало простое оружие.

Изо всех сил Сварог опустил сабельный клинок на невидимый «барьер», который не пускал к центру зала. С треском посыпались искры, по невидимой «стене» побежали вполне видимые радужные разводы, но она выдержала удар. Раз за разом Сварог обрушивал оружие на преграду, и вот, наконец, она начала поддаваться – места, куда попадало острое, как бритва, лезвие, начинали светиться багровым, разрывов в защите становилось все больше, и лицо

Визари искажилось. Но не только гневом: Сварог увидел, что подбородок колдуна вытянулся вниз, до самой груди, нос превратился в две зияющие неровные дыры, а выпученные фосфоресцирующие глаза переместились на виски. Он изменял свою внешность!

– Умри! – вырвался зловещий хрип из бочкообразной груди колдуна. Он поднял тощую руку с неожиданно удлинившимися пальцами, крайние фаланги ярко вспыхнули, и в сторону Сварога понесся комок фиолетового тумана.

Магический щит Сварога выдержал и эту атаку. С грохотом, на тысячи осколков разлетелась колонна, в которую, срикошетив от щита, угодил стук. Жуткий гул усилился до невыносимого воя. Сияние, излучаемое камнем на пьедестале, резало глаза, скрадывало очертания предметов, изменяло перспективу. Но в стене, воздвигнутой Визари, уже зияла очерченная пурпурной границей брешь – в нее-то и устремился Сварог. Когда он миновал невидимую границу, поднялся зловонный ветер – он заметил, что одежды колдуна, уже расплзающиеся под напором изменяющейся плоти, затрепетали, подобно крыльям ворона. Визари взмахнул руками, и тут же рядом с ним появился его двойник – прежнего, человеческого облика.

– Ты настырен, человек, – холодно улыбнулся двойник. – Это хорошо. Так игра становится интересней. Это даже хорошо, что на тебя не подействовало заклятие холодного сна и ты вышел с корабля... хотя я и не понимаю, почему оно не подействовало. Давай же, попробуй совладать со мной! – И он угрожающе поднял руки, в которых неизвестно откуда появился сверкающий меч.

Сделав обманное движение клинком, Сварог выбросил вперед руку, и холодная сталь на целый локоть погрузилась в плоть колдуна. Однако тот даже не пытался защищаться – он с удивлением смотрел, как из раны в груди толчками хлынула черная кровь.

– Ловко! – похвалил он, словно ничего и не произошло. – Но ведь ты понимаешь, что с этим ножиком меня не победить. Тут требуется кое-что посерьезнее.

– Будет тебе и посерьезней, – процедил Сварог, вновь включая «третий глаз».

Тело Визари в магическом зрении вдруг пошло волнами, словно отражение в озере в ветреный день, но презрительная улыбка с лица не исчезла. Потом двойник колдуна заколебался, стал прозрачным, вспыхнул...

Тяжело дыша, Сварог повернулся к пьедесталу. Несущий смрад ветер крепчал.

Настоящий Визари нависал над пьедесталом, стоя на верхней ступеньке, и зеленовато-желтое сияние втекало в его пасть, наполняя обезображенную плоть силой и мощью. Ничего человеческого не оставалось в колдуне: тело его выросло втрое, шея совершенно исчезла, и теперь уродливая, шишковатая лысая голова росла прямиком из широченных плеч, корона каким-то чудом все еще держалась на ней; руки превратились в восемь суставчатых, беспрестанно извивающихся щупалец, ноги стали двумя бесформенными тумбами, снабженными кривыми грязными когтями; между ними змеился чешуйчатый хвост. Чудовище повернулось к надоедливому человеку с саблей, и мутная перепонка на мгновение прикрыла глаза с вертикальными, как у змеи, зрачками. Сварог осторожно приближался к нему.

– Ты утомил меня, человек, – с трудом, нечленораздельно прорычало оно,

разинув слюнявую пасть, в которой сверкало три ряда кривых зубов. – Я раздумал сражаться с тобой здесь и сейчас. Я – хозяин всего, и я – хозяин времени. Поэтому я изгоняю тебя из этого *сейчас*. Отправляйся в Прошлое и до конца дней мучайся тем, что опоздал! И будто рухнула сверху тонна песка, придавливая, ослепляя, хороня заживо...

...Сварог напрягся и медленно разомкнул веки. Возникло чувство, будто в глазах и вправду песок. Однако постепенно зрение возвращалось, и сквозь застилающий взор туман он рассмотрел склонившихся над ним Ак-Кину и Монаха.

– Он жив! – облегченно выдохнула девушка.

– Предводитель, скажите что-нибудь, – настойчиво попросил его другой голос, до боли знакомый. – Не молчите!

«Босой Медведь», – узнал Сварог. И заставил себя подняться.

Его встретили электрический свет, тихое, едва слышное монотонное гудение, спартанское убранство каюты – и лица его новых знакомых, во взглядах которых явственно проступало беспокойство.

– Что с вами произошло? – с тревогой спросила Ак-Кина, присев рядом на койку.

«Рассказать – ведь не поверят», – усмехнулся про себя новый капитан нового экипажа «Пронзающего», на борт которого он вернулся.

– А что такое? – как можно более беззаботно произнес он. – Спал вроде. Как все люди спят...

– Враг одолеть старался, проникнув через сон! – прогремел Монах. – Черные козни сплели, как паутину паук! Ибо сказано Многоустом: «Не дремлет зло, и ты не дремли».

– Да не ори ты, – поморщился Босой Медведь. – Перечитай лучше еще раз и со всем вниманием своего Многоуста, там наверняка что-то сказано про грех многоорания.

– А где Щепка? – спросил Сварог.

Они замешкались с ответом.

– Так она в рубке, – сказал Босой Медведь, отводя взгляд. – Надо же кому-то корабль вести по курсу.

И чувство опасности, которое вроде бы уж должно было уняться после возвращения из ледяного сна, продолжало подавать сигналы. Да еще как продолжало! Просто вопило во всю заложенную мощь...

– Сколько я спал?

– Всю ночь и весь следующий день, – сказала Ак-Кина. – Слишком устали, наверное. Такое, я слышала, бывает.

Сварог глянул на иллюминатор. За иллюминатором чернела ночь.

– Бывает, – подтвердил Босой Медведь. – Помню, загребли как-то Рубана Драную Ноздю в холодную и держали там трое суток. Кормили, поили, а спать не давали. Светом в глаза светили, тормозили, как только начинал отключаться, били, конечно. Хотели, чтобы он сознался в ограблении дамского магазина. Но Рубан продержался и – никуда не денешься – его отпустили... Так он, вернувшись в трактир «Битый туз», вообще продрых неделю без просыпу.

Чувство опасности не унималось, хоть тресни.

Сварог огляделся. Шаур на столике. Он протянул руку, взял.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Ак-Кина.

А ничего Сварог не собирался. Просто привык, что шаур всегда при нем – или за поясом, или в кармане...

Он быстро повернул голову и пристально взглянул ей в глаза.

На одно короткое мгновение, словно в кошмарном сне, ее глаза разъехались в стороны, и в них вспыхнули змеиные, вертикальные зрачки... но уже в следующую секунду рядом со Сварогом вновь находилась симпатичная рыжеволосая девчушка.

Ага, вот, значитца, как.

Вместо ответа на ее вопрос Сварог навел шаур на стену каюты, нажал на спуск... Серебряная звездочка пронеслась сквозь стену, точно сквозь утренний туман.

«Мираж, наваждение, иллюзия, можно и не включать магическое зрение», – понял он, ничуть не удивившись, и вместе с этим пониманием пелена упала с глаз. Фиолетовый туман вновь заволок все вокруг, застлал глаза, проник в мозг – и Сварог вернулся из страны забвения. Он вновь оказался в зале, где горели тысячи светильников. За время его «отсутствия» – он понял это не разумом, а тем, что выше и древнее разума, – прошли считанные мгновения. Чудовище по-прежнему нависало над пьедесталом, и магическое сияние втекало в его разверстую пасть.

Вот почему этот монстр, о котором Сварог уже не думал как о человеке по имени Визари, не убил его во время «отсутствия» – чтобы убить, монстру самому потребовалось бы переместиться в сконструированный им мир. А надеялось оно, что Сварогу не выбраться из иллюзорного бытия, в котором он проживет всю жизнь, но так и не поймет, не узнает, что в мире реальном минуло лишь несколько мгновений. Хитро закрутил, с-сука! Ну, держись...

Монстр с невероятным для такого веса проворством отскочил в сторону, и сабельный клинок просвистел совсем рядом с его головой. Чудовище издало яростный рев, щупальца щелкнули, как бич, и, если б Сварог не пригнулся, снесли бы человеку голову. Но человек упал, перекатился влево и вновь вскочил на ноги, выставил перед собой клинок. И вовремя: на то место, где он только что стоял, обрушился могучий удар хвостом.

На мгновение человек и монстр замерли, буравя друг друга взглядами. Из пасти того, кто был Визари, вырывалось хриплое дыхание. Сварог молчал. И вот чудовище, неуловимым движением скользнув вперед на, казалось бы, неуклюжих лапах, взмахнуло щупальцами и опутало лезвие сабли, точно арканом. Могучий рывок едва не вырвал оружие из рук Сварога, но невероятным усилием он удержал его, резко дернул вниз. Острый как бритва клинок с легкостью вспорол склизкие щупальца, и их обрубки посыпались на пол. Монстр взвыл от боли и отшатнулся, но только на миг. Вновь просвистели щупальца, уцелевшие с другой стороны тулова, и стегнули Сварога, точно плетью. Удар бросил его на колонну. Очередная волна фиолетового тумана накрыла его с головой.

Сварог оказался на морском дне. В вечной тьме, среди колышущихся зеленоватых водорослей скользили светящиеся голубоватым холодным светом слепые рыбы. Непомерное давление сдавило грудь, соленый ледяной поток хлынул в легкие, вытесняя последний глоток воздуха, толща воды сковывала любое движение... Но он уже знал, что это всего лишь обман, и знал, как с ним бороться...

Когда он вновь открыл глаза, прогнав наваждение, чудовище, опутав тело четырьмя оставшимися щупальцами и прижав к боку правую руку Сварога – руку, в которой он держал саблю, – нависло над ним, разинуло зловонную пасть, чтобы поглотить человека.

Извернувшись, Сварог свободной рукой сшиб с головы твари серебряную корону, и та со звоном покатила по полу. Сияние, словно освободившись от притягивающего его магнита, взметнулось к самому потолку, рванулось из стороны в сторону и втянулось в потолок. Камень на пьедестале вспыхнул с новой силой.

Из зева монстра вырвался оглушительный рев, в котором смешались нечеловеческие ярость и страх. Он отпустил Сварога и, отвернувшись, потянулся к упавшей драгоценности. И в то же мгновение Сварог перехватил саблю, развернув ее лезвием к себе, поднял высоко над головой и по самую рукоять вонзил в спину Визари.

Чудовище взвыло с новой силой и ничком шумно рухнуло на мозаику, украшавшую пол. Сварог выдернул лезвие – из раны хлынула густая фосфоресцирующая жидкость – и вновь погрузил его в конвульсивно содрогающееся тело.

Захрипев, монстр перевернулся на спину и уставился на человека помутневшими глазами.

«Как?.. – прозвучал вдруг в мозгу Сварога тихий голос Визари. – Как тебе удалось?.. Ты, жалкий человечиска...»

– Так уж получилось, – ответил Сварог спокойно, хотя от усталости грудь его разрывалась и ныл каждый мускул. – Это судьба, так что не обессудь...

И он в третий, последний раз поднял саблю. Свистнуло лезвие, рассекая плоть чудовища, некогда бывшего человеком. Тут же стихло зловещее жужжание. Уродливая голова, разбрызгивая светящуюся жидкость, покатила в сторону и замерла рядом с упавшей короной, у подножья пьедестала.

Сварог опустил на пол и едва слышно рассмеялся. Герой мира Гаранд оказался дешевым фигляром. Высокомерным выскочкой и любителем дешевых эффектов. Но надписи со стен домов никуда не исчезнут, а равно будут множиться легенды о великом и мудром Визари...

– Какое неприятное место, – раздался голос от порога. – Сразу видно, что здесь обитал безумец.

Сварог оглянулся. На пороге зала («Интересно, а что сейчас снаружи?» – подумал Сварог) стояла Щепка.

– Безумец, вообразивший и считавший себя Визари. Самозванец, одним словом.

– Да это я уже и сам понял, – вздохнул Сварог. – А вот ты откуда знаешь?

– Просто я знаю *настоящего* Визари. Вот и все, – сказала Щепка.

Красноярск, 2003

ГЛОССАРИЙ

Воинские звания Короны

Старший командный состав:
 верх-победитель ваффен-победитель резерв-победитель
 Средний командный состав:
 штабен-йор ваффен-йор роттен-йор
 Младший командный состав:
 юнк-лейтенант юнк
 Сержантский и рядовой состав:
 йорг-капрал рядовой

СТРУКТУРА КАСКАДА

Глава Каскада

Церемониальное наименование должности: Держатель Меча правосудия.
Соответствующее должности звание: верх-победитель.

Процедура назначения на должность: выбирается Советом Семи из числа предложенных уходящим главой Каскада преемников. На случай внезапной смерти главы Каскада в его личном сейфе хранится пакет с именами возможных преемников. Кандидатур, чтобы исключить пристрастие со стороны главы Каскада, должно быть не меньше трех и, чтобы упростить процедуру согласования в Совете Семи, не больше семи. Причины, по которым глава Каскада может оставить должность: смерть, состояние здоровья, недоверие Совета Семи. Основанием для отстранения Главы Каскада от должности может служить только единогласное решение Совета Семи.

Последние пятьдесят лет службу возглавляет верх-победитель маркиз Арт-Гвидо.

Центральный регистр

Глава центрального регистра (сейчас – ваффен-победитель граф Брокко-Гант). В его ведении: общее руководство, взаимодействие с отделениями Каскада-1 в провинциях и колониях.

Прим-адъютант (сейчас – рот-майор виконт Оммо-Пасс). В его ведении: личные дела сотрудников Каскада, представление к наградам и иным видам поощрений, секретное делопроизводство, разработка и доведение приказов по Каскаду.

Подрегистр «Картотека Каскада»

Секретный допуск: личные дела сотрудников Каскада, отчеты об операциях, ежедневные отчеты, донесения агентуры за последние сто одиннадцать лет, отчетная документация по использованию Каскадом финансовых средств.

Сверхсекретный допуск: донесения и прочие документы, касающиеся персон первого эшелона, материалы по генеалогии и техническая литература.

Сотрудники «Картотеки Каскада» отвечают за проверку принимаемых на работу в Каскад.

Подрегистр «Соседи-1»

Официальное взаимодействие Каскада с командованием армии, флота и Унии Авиаторов. Заведение и ведение личных дел на офицеров армии, флота и Унии Авиаторов. Негласный присмотр за отдельными представителями армии, флота и Унии Авиаторов. Опосредованное и непосредственное влияние на отдельных представителей армии, флота и Унии Авиаторов.

Подрегистр «Соседи-2»

Присмотр за лицами, занятыми на государственной службе (таможенная, пограничная, служба сбора податей, служба врачевания и так далее). Заведение личных дел. Выявление ключевых фигур. Вопросы влияния на ключевые фигуры.

Подрегистр «Генеалогический»

Выявление родственных связей жителей Короны, колоний, протекторатов и пр. Составление генеалогических древ не только для дворянских семей, но также для купечества и простолюдинов. Разработка рекомендаций по использованию полученных знаний.

Подрегистр «Женский»

Подбор и обучение агентесс. Создание, поддержание и расширение сети женщин-осведомителей. Техническое и финансовое обеспечение сети. Работа с женами персон первого эшелона.

Регистр «Связь»

Сейчас возглавляет штабен-йор Нейтос-Шорг.

Первый отдел: курьерская служба.

Второй отдел: служба сбора донесений.

Третий отдел: голубиная почта.

Четвертый отдел: связь посредством аппаратуры.

Регистр печати

Сейчас возглавляет ваффен-йор Феони-Рап.

Первый отдел: изъятие корреспонденции у Королевского почтового ведомства, сортировка и возврат корреспонденции.

Второй отдел: проверка корреспонденции с помощью химических реактивов и на аппаратах профессора Карго.

Третий отдел: перлюстрация частной переписки.

Четвертый отдел: перлюстрация деловой переписки.

Пятый отдел: перлюстрация полевой почты.

Шестой отдел: обзор открытых источников печати (книги, газеты, уличные объявления), анализ открытых и закрытых научных публикаций.

Седьмой отдел: проверка вызвавших подозрение корреспондентов, составление картотеки на всех подозрительных лиц.

Иностранный регистр

Первый сектор: морская разведка (осуществляется силами Каскада и военного флота).

Второй сектор: авиаразведка (осуществляется силами Каскада и Унии Авиа-

торов).

Третий сектор: сухопутная разведка, создание агентурных сетей в других странах.

Четвертый сектор: общие вопросы секретного сбора и доставки донесений.

Регистр «Противодействие»

Сейчас возглавляет резерв-победитель маркиз Гальв-Риглар.

Фаланга «Отпор»: профилактика предательства в армии, на флоте и в Унии Авиаторов, а равно среди чиновников всех эшелонов. Профилактика разглашения тайн. Анализ причин умышленного и вынужденного предательства. Контроль за перемещениями жителей внутри Короны и колоний. Работа с полицией, анализ полицейских сводок. Работа со старостами деревень, со служителями культа, со старшими торговых артелей. Контроль за въездом-выездом иностранцев. Контроль за поездками жителей Короны за границу.

Фаланга «Охрана»: охрана персон первого эшелона. Охрана объектов повышенной важности. Разработка пропусков, удостоверений, отличительных знаков, паролей, виз, печатей, штампов. Защита финансовой системы, борьба с фальшивомонетчиками (в сотрудничестве с собственной охраной Министерства финансов). Охрана служебных помещений Каскада, служебный надзор за сотрудниками Каскада.

Фаланга «Охват»: расширение и поддержка сети осведомителей на всей территории метрополии (совместно с подрегистром «Женский», с подрегистрами «Соседи-1» и «Соседи-2», с фалангой «Отпор»). Проверка подозрительных лиц. Работа с криминальной средой.

Регистр спецопераций

Фаланга «Слово»:

1. Кураторство над университетами и работающими на дому учеными, получение и доставка опытных образцов.

2. Собственные лаборатории.

3. Научно-техническая подготовка сотрудников Каскада.

4. Планирование операций.

Фаланга «Дело»:

1. Батальон «Шпага» (набирается из числа тех, кто проходил службу в армии, на флота или в Унии Авиаторов), место дислокации – протекторат Андина.

2. Батальон «Секира» (выходцы из колоний), место дислокации – протекторат Лав-тмар.

3. Батальон «Стилет» (состоит из горцев), место дислокации – протекторат Дарх (предгорья Накаррона).

4. Батальон «Боевой топор» (состоит исключительно из собственных воспитанников Каскада), место дислокации – четвертый пригород столицы.

* * *

ПАМЯТКА ВЕРБОВЩИКА

Гриф: «СТРОГАЯ СЕКРЕТНОСТЬ»

Приемы, позволяющие склонить к сотрудничеству с Каскадом.

– Обещание денег.

Вербовщик всем своим видом и поведением должен показывать свою денежную состоятельность. На первых порах разработки рекомендуется подкармливать вербуемого денежными наградами, но ни в коем случае не переплачивать. Вербовщик должен постоянно подчеркивать, что, если работой агента будут довольны, его жалованье станет неуклонно увеличиваться.

Человек, сотрудничающий из одних только меркантильных побуждений, должен стремиться к какой-то большой цели. Поэтому вербовщик должен показать объекту разработки эту цель – возможность заработать очень много денег в случае успешного выполнения задания.

– Обещание риска.

Разработка людей, склонных к авантюрным поступкам. Эти люди дают подписку о сотрудничестве не из меркантильных побуждений, из-за «романтики шпионской жизни».

– Игра на патриотических струнках: «только вы можете спасти наш мир», «в ваших руках будущее Короны», «от вас зависит счастье наших детей» и так далее.

– Обещание помощи (для вербовки жителей протекторатов, провинций и пр.).

Вербовка в кругу людей так называемой «внутренней эмиграции», враждебно настроенных по отношению к правящему режиму.

NB: Если некий человек сам ищет выход на сотрудников Каскада, то вербовщику предписывается в таком случае ничего не предпринимать самостоятельно, а немедленно доложить обо всем в регистр «Противодействие». Означенный регистр подвергнет этого человека всеобъемлющей проверке и только после этого даст или не даст разрешение на вербовку.

* * *

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА

(допрос вел сотрудник фаланги «Охват» регистра «Противодействие», юнклейтенант виконт Гальвиг-Тарэ, записал фиксатор с допуском средней секретности йорг-капрал Лахто-Эрт).

Пометка: кающийся перед допросом прошел процедуру подготовки к раскаянию, к нему была применена интенсивность третьей степени.

– Назовите себя, кающийся.

– По имени Лекс из семьи Чевлог.

– Место вашего рождения?

– Город Кост провинции Мидон.

– Род занятий?

– Учеба. Получение знаний. Готовлюсь войти в семейное дело.

– Назовите ваше семейное дело.

– Изготовление и ремонт трансмиссии для аэропилов. Основатель – мой отец, маркиз Стан-Руг.

– Что побудило вас, кающийся, примкнуть к заговорщикам, называющих себя Иными?

– Праздность и лень. В нашей семье мужчин допускают к семейному делу лишь по достижению ими тридцати лет.

– Кто приобщил вас к идеям альтернативного прогресса? Как и когда это произошло? – Это произошло во время моего обучения в столичном королев-

ском университете. Я был студентом факультета Основ Движения. На втором курсе я стал членом тайного кружка, целью которого было изучение идей паранауки.

– Расскажите об этом кружке подробнее. Кто входил в него? Сколько он просуществовал? Где и как часто вы собирались?

– В кружок входило три человека, все трое – студенты университета. Двое, включая меня, с факультета Основ Движения. Третий, он был у нас старшим, так называемым Покровителем, учился на факультете Постижения Вечности.

– Его имя?

– Фог-Апол.

– Имя третьего члена кружка?

– Калв-Ватил.

– Чем вы занимались?

– Читали запрещенные книги. Проводили магические экзерсисы первой ступени Восхождения.

– Назовите некоторые из книг.

– «Вокабулы» Стронса-младшего, «Гумилиат» Лесного Ахера, «Цзинту-Цам» Ямвли-ха-с-восточных-земель...

– Ясно. Откуда вы брали эти книги?

– Их приносил Фог-Апол... Кстати говоря, именно он и вовлек меня в противозаконный кружок. Сперва он дал мне «Манифест Иных». Верно говорят, ненадкусанное яблоко всегда слаще надкусанного...

– Не отвлекайтесь, кающийся. Отвечайте только на мои вопросы. Сколько продолжалось ваше членство в кружке?

– Три года.

– Что было дальше?

– Я прошел процедуру «второго рождения».

– *Расскажите, как это было.*

– Незадолго до окончания обучения в университете, на последних студенческих каникулах Покровитель пригласил меня и Второго Неофита вместе отдохнуть у его дядюшки, который якобы живет затворником в горах Сиреновой Гряды, по ту сторону перевала. Ночь застала нас в пути. Покровитель сказал, что до дома дядюшки осталось совсем немного, и предложил нам передохнуть и выпить хорошего вина для подкрепления сил. Последнее, что я помню – как поднялся на ноги. Потом все поплыло в глазах. Очнулся я в какой-то пещере...

– Припомните, кающийся, вам не показалось, что вино слегка отдает бергамотом?

– Да... Кажется, да.

– *А вы могли бы указать место вашего привала?*

– Да, конечно. Только позволю себе заметить, что это вам мало чем поможет. У меня создалось впечатление, что дальнейшие события происходили не там, не в горах Сиреновой гряды...

– Поясните свою мысль.

– Как бы сказать... Я чувствую высоту как таковую. Знаете, некий фон ощущений... Этот фон изменился. Он ощущался мною как равнинный.

– Вы хотите сказать, что вас в бесчувственном состоянии перевезли с гор на равнину?

– Думаю, не перевезли, а переправили с помощью магических заклинаний.

В одной из книг я читал о подобном. Это называется Заклинанием Дороги, им владеют лишь маги высшей ступени. Для того чтобы выстроить такую Дорогу, требуется участие двух сильных магов. Они одновременно произносят заклинания, которые требуют огромного телесного и умственного напряжения, и между ними образуется коридор, не знающий расстояний. Они могут поддерживать Дорогу от одной до десяти минут. Полагаю, меня пронесли как раз по такой Дороге.

– Вы предполагаете, что одним из магов был Фог-Апол?

– Не исключено. Хотя ни до этого, ни после Фог-Апол не демонстрировал при мне магических умений высшей ступени. А сам он говорил, что достиг всего лишь начал второй ступени.

– Оставим это. Что происходило с вами дальше? – Со мной и с Калв-Ватиллом дальше происходило следующее. Очнувшись, мы увидели, что находимся в просторной пещере, освещенной множеством факелов. Мы сидели в креслах, вырезанных из дубовых комлей, в десяти шагах перед нами из неширокого каменного колодца вырывалось зеленое пламя. Кроме нас в пещере находились еще двое. Оба были облачены в ритуальные малиновые одежды магов, их лица скрывали опущенные капюшоны. Нас спросили, согласны ли мы принять «второе рождение». И я, и Калв-Ватилл ответили согласием. После этого нам сказали подойти к колодцу и заглянуть в него. Мы подошли и заглянули.

– И что вы там увидели?

– Я не помню, клянусь честью. Я даже не уверен, что увидел что-то. Я помню лишь охватившие меня тогда ощущения. Это похоже... знаете... Мало кто из студентов хоть однажды не попробовал настой корня руты. Ощущение, испытанное мною в пещере у колодца, было сродни тому, что вызывает корень руты. Состояние величайшего восторга, когда кажется, что все тебе по плечу, нет для тебя ничего невозможного...

– Мы поняли, кающийся. Продолжайте по существу.

– А потом нам сказали, что отныне мы части Целого, отныне мы приобщены к делу Визари и нет для нас отныне другого лидера, вождя и духовного пастыря, кроме Визари. Потом нас провели в дальний угол пещеры. Там, на небольшом каменном пьедестале стоял предмет, накрытый шелковым покрывалом с вышитым на нем письмена. Один из людей в ритуальной одежде откинул покрывало, и мы увидели Кристалл Единения. В Час Призыва мы должны настроить наши эманации на этот Кристалл.

– Как вы должны были узнать о наступлении Часа Призыва?

– Нам сказали только, что мы узнаем как о его приближении, так и о его наступлении.

– Вам объяснили, для чего это необходимо – настраивать ваши эманации на Кристалл?

– Во имя достижения торжества идей Визари во всех землях мира.

– А вы сами догадываетесь, для чего заговорщикам необходимы ваши эманации?

– Во имя достижения торжества...

– Нам понятно. Вы не имеете представления о том, что для государственных преступников, замысляющих свержение справедливого мироустройства, дабы ввергнуть мир в хаос, вы должны были стать добровольным поставщиком энергии. Так вода питает цветок, так кровь питает комаров. Без этой под-

питки заговорщики бессильны, их собственных силенок недостаточно для серьезного дела. Поэтому они и рыщут в поисках новых жертв, смущают умы лживыми идеями. И находятся балбесы вроде вас, которые ради острых ощущений предают родину, предают Корону. Вы осознаете свою вину, кающийся?

– Да, осознаю.

Приговор суда по делу Лекс-Чевлога, вынесенный в судебном зале Каскада в городе Некушд:

«...на основании вышеизложенных фактов, именем короля мы приговариваем Лекс-Чевлога, жителя города Кост провинции Ми-дон к смертной казни через растворение. Учитывая полное и чистосердечное раскаяние, смертный приговор через растворение заменяется на смертный приговор через отрубание головы, что не влечет никаких последствий для чести семьи приговоренного и преследований членов семьи Чевлог».

* * *

ИЗ АРХИВА КАСКАДА

Материалы из архивного сектора «Отложенное и непроверенное». Приложение к допросу № 7894-А.

Я расскажу вам все, что знаю об этом человеке. Я слышал о нем от своего товарища по имени Апри-Онгой. Имя героя этой истории стерлось в моей памяти. Впрочем, я не помню даже, называли ли мне его.

Он появился на свет в небольшой деревушке на севере Короны в семье землепашцев. Ему была уготована обычная, бесхитростная деревенская судьба: работа в поле от рассвета до заката, забота об урожае, женитьба на простой девушке, полный дом детей, игра в «камни» по вечерам за кружкой темного пива, беззубая, немощная старость в чулане рядом с кухней, кладбище на окраине деревни, у леса. Вряд ли что-нибудь изменилось бы в заведенном порядке наследования судеб, не случись с ним, когда от роду ему было всего восемь лет, страшная беда. На него упало дерево. Оно размолотило неосмотрительному ребенку бедренные и тазовые кости. Он выжил чудом, так как никто не прикладывал особых усилий к его спасению. Для того и плодили детей как можно больше, чтобы отдавать требуемую дань болезням и несчастным случаям, но после того оставалось бы кому продолжать род. Да и произошло это несчастье в пору сбора урожая – всем было не до обреченного, как думали, мальчика.

Он выжил, но не раз пожалел об этом. Он стал отставать от сверстников в росте, на всю жизнь охромел, рос слабосильным и болезненным. Проку от такого семье было немного: не помощник в мужской работе, с женской и без него было кому справляться в доме, просто лишний рот. Мальчик чувствовал отношение к себе, как к обузе, и очень страдал от этого. Братья и сестры перестали брать его в свои игры, дразнили и мучали. Соседские дети – тем более.

Единственное, что ему поручали – пасти коз. Он полюбил свое уединение на лугах, вдали от людей. Однажды к нему, сидящему в грустной задумчивости под деревом, вокруг которого выщипывали траву поднадзорные животные, подошел старик из их деревни, по имени Ессиннгорд (его имя почему-то мне запомнилось), живущий бобылем, немного знахарствующий, немного, поговаривали шепотом люди, колдующий. В те недалекие времена почти в каждой деревне встречались такие, в большей или меньшей мере приобщен-

ные к колдовству, вы же знаете? Вскоре, после усиления борьбы с чернокнижниками, они перевелись. Ессиннгорд, собиравший в окрестностях травы, заговорил с мальчиком, и очень скоро, как-то незаметно для себя, пастушок признался старику во всех своих детских горестях и печалях. Старик выслушал его очень внимательно, не принялся охать и соболезнавать, а сказал:

– У тебя есть только одна возможность закрепиться в этой жизни и заставить других считаться с собой – магия. Я покажу тебе путь в нее.

С тех пор мальчик и старик виделись каждый день. Ессиннгорд рассказывал – ребенок слушал. Он стал бывать и у знахаря дома. Другого бы отец не отпустил бы из дому неизвестно зачем, да еще к человеку, по слухам, знающемуся с черными силами. Но на калеку давно все махнули рукой и не интересовались, где он, с кем, что делает.

Задатками ребенка боги не обидели, помноженные на усердие они принесли плоды. Он быстро выучился читать и писать и теперь проглатывал одну за другой книги Ессиннгорда, на лету схватывал то, чему учил его старик. Вскоре мальчик начал уже самостоятельно врачевать занедуживших членов семьи, домашний скот. В семье отношение к нему стало меняться к лучшему. Правда, если б в семье узнали, что может он творить помимо врачевания – его бы непременно посадили навсегда под замок. Когда ему исполнилось четырнадцать, Ессиннгорд сказал:

– Ты знаешь столько, сколько и я. Даже больше, потому что я уже начинаю кое-что забывать. В деревне ты останешься тем, кем есть. В деревню ты всегда сможешь вернуться. Уходи отсюда. Ты можешь стать очень сильным магом. Попробуй стать им. Я назову тебе несколько имен тех, кому ты назовешь мое имя и тебе помогут. Ты еще ни разу не слышал от меня про Иных. Так слушай.

Оказалось, Ессиннгорд – один из членов тайного сообщества магов и помогающих им людей под названием Иные. Когда-то он сознательно прекратил дальнейшее свое погружение в магию. Ессиннгорд предпочел отказаться от большего знания и могущества и уединиться в глуши, дабы дожить оставшееся в тишине и спокойствии. Но он считал, что для этого увечного подростка лучшей участью будет попробовать себя в Большой магии, попробовать овладеть могуществом, только так он сможет перестать ощущать себя никчемным калекой.

Подросток ушел из деревни на следующий день. Начались его странствия.

Прежде, чем он добрался до первого человека, к которому направил его Ессиннгорд, прошло несколько месяцев. Он немало претерпел и испытал. Какое-то время провел среди бродяг, нищенствовал и попрошайничал. Именно тогда он влюбился в женщину, она ответила ему взаимностью. И случилась беда. Ему открылось еще одно ужасное последствие того увечья в раннем детстве. Быть может, самое ужасающее, самое непереносимое. Он не мог любить женщину плотью. Для него мир окрасился в черное. Ему было настолько невыносимо, что оставалось либо спиться, либо покончить с собой. Что-нибудь из этого и случилось бы, не доведись ему так много узнать о магии, о ее возможностях, не имеющих границ. Он понял, его спасение в магии, только она, опять она, она одна в силах вернуть смысл жизни.

Его одержимость не нравилась тем, к кому он обращался от имени Ессиннгорда, она вызывала у них подозрение и они старались поскорее избавиться от чересчур рьяного неопита. Хватая по крупицам у тех-других, юноша стран-

становал от мага к магу. Наконец, он очутился в одной тайной обители и там нашел огромное количество старинных книг, хранивших древнюю мудрость, и получил возможность их спокойного изучения. Два года хождения мысли по истлевшим страницам, два года с тремя часами сна в день, два года Постижения подарили ему нужное Знание.

Человеческой плотью, человеческой душой, вожделением, влечением, страстью, симпатией, любовью можно управлять так же, как и всем остальным в этом мире. Надо только знать – как. Он узнал многое, очень многое.

И он один из немногих, может быть, единственный из всех, кто поверил в подлинность древней легенды о битве Древних Богов. И он вознамерился отыскать упомянутый в легенде предмет, который дает его владельцу невиданное могущество над стихиями и силами, пронзающими этот мир. Рассказавший мне эту историю Апри Онгой сам не знал, что это за предмет. Знал разве, что тот является одним из элементов вселенской структуры, поддерживающей Равновесие в Мироздании.

Вот и все, что я знаю об этой истории. Нашел ли тот пытливым юноша свой древний артефакт? Ничего не могу сказать. Да уж, наверное, и в живых его нет, сколько лет прошло...

Александр Бушков

Враг Короны

(Сварог – 10)

Он не задал мне ни единого вопроса и даже, казалось, не спрашивал самого себя, что подельывает этот чужак в его компании; насколько я понял, он уже рассматривал меня как часть своего окружения. Я предпринял несколько попыток догадаться, какой могла бы быть уготованная мне роль. Должен ли я стать зрителем, чей наблюдающий взгляд призван удостоверять его действия? Не требовал ли его нарциссизм постоянного свидетеля? Или же у него были на меня другие планы, не подразумевалось ли, что я стану для него еще одним развлечением?

Анджела Картер, «Адские машины желания доктора Хоффмана»

Часть первая

ВСЛЕД ЗА СУДЬБОЙ

Глава 1

ЭТЮД В БЛЕКЛЫХ ТОНАХ

Небо было серым. Армады пузатых клокастых туч на крейсерской скорости неслись по серому небу куда-то на закат, целеустремленно и бесшумно, и не было им никакого дела до суetyающихся внизу людишек.

Впрочем, Сварог и не суetyаился. Поздно уже было суetyаться.

Аллею окружали серые деревья с толстыми мшистыми стволами; их темные кроны таинственно шумели на влажном ветру, порой заглушая даже шелестящий гул множества ветряков. При особенно сильных порывах ветра над песком безлюдной аллеи возникали крошечные торнадо прелой листвы.

Крупный, зернистый песок тоже был серым.

Осень, вечер. В сумерках весь мир окрасился в серое.

На душе же у Сварога...

Ну, давайте будем откровенными.

А ежели откровенно, то нельзя сказать, чтобы он рвал волосы на голове и посыпал образующуюся лысину пеплом или, допустим, катался бы по песку, орошая землицу-матушку горькими слезами и насылая на себя проклятия за опоздание...

Нет.

В конце концов, Сварог был солдатом. Воином он был, как ни патетично это звучит. Его пытались убить, и он убивал; он видел смерть друзей и врагов так близко и так часто – и на Земле, и в иных мирах, – что давно уж привык к ней, как к постоянной боевой спутнице. Как патологоанатом привыкает к ежедневным жмурикам.

Поэтому на душе у Сварога было *серо*, как и все вокруг. Просто серо, вот и все. Как равнодушное небо над головой. Как холодный, грубо отесанный камень в половину человеческого роста перед ним. Камень с небрежно выбитой надписью, состоящей из двух слов. Только из двух слов.

– Слушайте, – наконец плаксивым голосом нарушил долгое молчание горбун, – я же слуга был при госпоже, убирал там, то да се, за домом присматри-

вал, о ее делах знать ничего не знал, ведать не ведал...

– Дальше что было? – глухо перебил Сварог, не отрывая взгляда от камня.

– Дальше... – горбун поскреб лысину, неожиданно успокоился – понял, должно быть, что убивать его пока не собираются, и сказал: – А дальше, господин хороший, началась такая свистопляска, что я совсем уж было распрощался со своей драгоценной жизнью... Короче, на рассвете налетели. Аккурат как вы отбыли, так и налетели. Целая армия, вот не вру – черно-зеленые, карточники, волосатые – все. И еще какие-то в масках и серебристых балахонах. Будто не простой доктор здесь живет, а форменная банда колдунов-заговорщиков. В общем, дом окружили, орут в эти свои трубки: всем, дескать, не дергаться, так вас растак, а спокойно выходить по очереди и спиной вперед через парадную дверь, оружие – на землю, руки – в небо. При малейшем подозрении на попытку применения оружия или магии открываем огонь на поражение и без предупреждения... ну и все в таком духе... И что прикажете делать? Мы с госпожой... – тут горбун вновь чуть было не пустил слезу, но сдержался и просто шумно вытер нос рукавом. И продолжал неискренне трагическим голосом диктора, сообщающего об очередной аварии: – А что нам было делать? В доме никого, только мы и этот ваш... друг больной. А этих – прорва. «Не бойся, Чог-Атто, – сказала госпожа, – тебе ничего не грозит, ты всего лишь слуга». И больше ничего она мне не сказала. Вышла первой – не спиной, лицом вперед. Крикнула во весь голос: «Этот дом находится под протекторатом Императорского Регистратума Жизни! В доме присутствуют больные на стационарном режиме! Требую либо предъявить полномочия, либо немедленно покинуть территорию!»... Тут они и стрельнули. Один раз. Вот тебе и все полномочия... Она упала, кровищи на всю дверь, а они опять, спокойненько так, за свое, будто и не случилось ничего: выходить, мол, спиной вперед, оружие на землю, огонь на поражение...

Горбун запнулся.

Что самое отвратительное, непоправимое, беспощадное – он не врал. Ни единой буквой не врал. Сварог, презрев всю эту долбаную опасность быть засеченным приборами Каскада, уже давно включил магический детектор лжи на полную мощность.

Тщетно.

Детектор, выражаясь научно, на выходе выдавал одни нули. Что означало: Сварогу сообщают правду, только правду и ничего кроме этой долбаной правды... Доктор мертва. И не только она. Как же ее звали? Ах да, Эйлони. Доктор Эйлони. Патронесса шестой королевской больницы. Одинокая, взбалмошная, храбрая Эйлони-Митрот...

В глубине темной аллеи тут и там неярко и поэтому таинственно переливались блекло-желтые, голубоватые, фиолетовые огоньки. Здесь, в Короне, было принято... как бы это сказать правильно? – было принято *украшать* могилы электрическим светом, словно в утешающее напоминание о том, что человеческая душа не умирает со смертью брэнного тела, но продолжает сиять и в мире потустороннем. Так что с наступлением ночи погосты Короны в темноту не погружались – на могильном камне, скажем, усопшего из бедной семьи мерцали кольца и спирали тусклых гирлянд, у надгробного памятника почившего отпрыска из рода поблагороднее горели в специальной нише устройства посложнее – например, отдаленно напоминающие те, что любят устанавли-

вать на барных стойках в некоторых земных кафе: наполненный газом шар, по внутренней поверхности которого скользят, извиваясь, неторопливые ветвистые молнии, исходящие из небольшого сердечника. И почти над каждым памятником шелестели лопасти ветряного двигателя. Десятки, сотни ветряков, в унисон, не останавливаясь, пели бесконечную зауспокойную песнь... Что характерно: в вечерней полутьме сия электрическая иллюминация кладбища отнюдь не казалась чьей-то глумливой выдумкой, режиссерской находкой из чьей-то черной комедии. В вечерней полутьме это загадочное мерцание огней Святого Эльма, этот заунывный свистящий гул ветряных двигателей производили, надо признать, должное впечатление.

И где-то там, среди этих последних пристанищ, горит огонек и у могилы светловолосой Эйлони. Интересно, что за эпитафия выбита на ней. И есть ли там вообще эпитафия...

Грубо обработанный камень, перед которым стояли пришелец из другого мира по фамилии Сварог, малолетняя домошница по прозвищу Щепка и горбатый слуга патронессы Эйлони по имени Чог-Атто, не имел ни ветряка, ни иллюминации, ни эпитафии, да и располагался на самом краю кладбища – там, где испокон веков было принято хоронить бродяг, нищих, нелегальных иммигрантов и прочих личностей без гражданства и документов. Хоронили их главным образом в общих могилах, особо не утруждаясь холмиками и уж тем более памятниками. Так что и на том спасибо, что на скромной могилке, возле которой сейчас стоял Сварог, сообразовали поставить хотя бы этот булыжник. И даже не поленились выбить надпись. Хотя бы и из двух слов.

Но – только из двух слов:

ГОР РОШАЛЬ.

И все.

А с другой стороны, что еще, собственно, ребята из Каскадовского похоронного бюро могли написать на этом камне? Для них непревзойденный контрразведчик, тактик, интриган и верный спутник в путешествиях по мирам как был, так и остался всего лишь «человеком без паспорта»...

Но какая все же дурацкая смерть – в одночасье сгинуть от редчайшей и практически неизлечимой болезни в двух днях от спасения... Сгинуть в мире, буквально-таки предназначенном для талантов Рошалья!

В мире, именуемом Гаранд. Мире, где магия объявлена вне закона, а весь технический прогресс цивилизации основан на энергии электричества.

Воспоминания о событиях, которые привели его к могиле Гора Рошалья, отрывочными картинками вспыхивали где-то на задворках его сознания, вспыхивали и гасли.

...Безумная погоня по улицам столицы Короны...

...Арест бойцами всеильной Службы безопасности Каскад...

...Странная и неожиданная болезнь Гора...

...Бегство из застенков...

...Столь же неожиданная помощь со стороны патронессы госпиталя, сочувствующей магам-подпольщикам...

Лекарство для Гора можно было раздобыть единственно на каком-то паршивом острове на краю света, причем требовалось обернуться самое большое за десять дней – именно столько было отпущено Рошалью. Срок нереальный в

принципе, но Сварог успел бы. При пособничестве трех нанятых обормотов, беспутных мелкоуголовных элементов здешнего разлива – Босого Медведя, Монаха и девчонки по прозвищу Щепка – он, оставив Рошала на попечение Эйлони, внаглую угнал самый скоростной корабль Империи и бросился на поиски лекарства... И они успели бы. Если б им не помешал один сумасшедший фигляр, дешевый и самонадеянный выскочка, который возомнил себя как минимум самым знаменитым магом-бунтарем Короны по имени Визари, а как максимум – чуть ли не будущим Владыкой Гаранда. Потому лишь только возомнил, что случайно стал обладателем таинственного кристалла Око Бога. Даже не кристалла, а предмета, аналога по эту сторону Вселенной не имеющего...

Но все эти воспоминания были какими-то незнакомыми, посторонними, словно бы и не имеющими к Сварогу никакого отношения – совсем как чужие фотографии, как застывшие фигуры пассажиров в окнах проносящейся мимо электрички... Сейчас Око Бога мирно тлел, истекая тусклым изумрудно-желтым свечением, на груди Сварога, в специально сшитом Щепкой мешочке на шнурке, но меньше всего Сварог сейчас думал о нем. Не до артефакта было Сварогу. А терзала графа Гэйра мерзкая мыслишка: не он ли со всей своей магией стал причиной гибели не самых посторонних ему людей?.. Ведь предупреждали же, что ценой применения заклинаний в *этом* мире являются неожиданные смерти, хотя Эйлони и доказывала, что это не так...

Так или не так, но Сварог опоздал.

Щепка очень осторожно, неумело положила руку на его плечо, ободряя. Ладонь ее была горячей. Очень горячей.

– Когда вашего приятеля увозили, он был еще живой, только-только в сознание пришел, – плаксиво продолжал Чог-Атто; горбун опять принялся оправдываться, а Сварог вспомнил слова Эйлони: *«Перед самой смертью больной каменной лихорадкой выплывает из забытья, приходит в себя»*. – А что я мог сделать?! Их столько было, все в масках, балахонах серебристых, застегнутые наглухо... Крутились, вынюхивали что-то, весь дом обшарили. Друга вашего увезли... а меня и в самом деле не тронули, как госпожа и говорила. Допросили, конечно, с пристрастием, но поняли все ж таки, что я ни сном ни духом. И отпустили. А я ведь и в самом деле ни сном ни духом! А они: «Ну, в общем, плохи дела твои, парень. Пособничество магам, укрывательство преступника, сопротивление властям... На казнь через растворение, может, и не тянешь, но на пожизненное – эт-точно... Ладно, – говорят, – пока здесь живи, за домом присматривай. Пока Регистратум Планирования будет разбираться, к кому особнячок этот должен перейти. Может, у *этой* наследнички есть, поумнее *твоей*, может, они согласятся тебя оставить». Так и называли госпожу: «эта», «твоя». Будто и имени у нее не было... «А если нету наследников, – говорят, – то домик в пользу Метрополии определим, а ты уж сам как-нибудь... Но! – говорят на прощанье. – Если появится приятель этого хворого и если ты нам не сообщишь о нем – вот тогда, – говорят, – растворения не избежать». Библиотеку вот вывезли, приборы поломали, все вещи перевернули, твари...

И опять же: он не врал. Сварог раз за разом проверял на ложь каждое его слово, и каждое его слово оказывалось правдивым. Все было именно так, как рассказывал горбун...

Сварог наклонился и положил на могилу кусочек прозрачного минерала.

Лекарство, которое Рошалю уже не понадобится.

Все события, последующие за тем, как они отбыли с иллюзорного острова Визари-самозванца, и вплоть до того момента, как они узнали о смерти Гора Рошаля, казались Сварогу эпизодами плохого приключенческого фильма, к тому же прокручиваемого в режиме ускоренной перемотки. Нет, даже не фильма, потому что в приключенческом фильме, по логике, должны иметь место приключения.

С экипажем же «Пронзающего» не происходило ровным счетом ничего. До острова Навиль они добрались без происшествий. Мало сказать «без происшествий» – без малейших осложнений. Долетели, как по воздуху, по спокойной воде, при хорошей погоде, ни на йоту ни отклонившись от курса, ни напоровшись на рифы и мели, без поломок и прочих технических проблем. Добрались, в общем. И Сварогу эдакая благодать не понравилась. Не привык он, знаете ли, чтобы все шло как по уставу. А тут некие высшие силы словно сжалились наконец над скитающимся королем и деятельно, с энергией, достойной лучшего применения, принялись устраивать Сварогу райскую жизнь – в меру своего, разумеется, понимания.

На острове Навиль все прошло как по маслу. Да и пробыли-то они на острове – смешно сказать – часа два от силы. Высадились, сразу обнаружили на невеликой площади острова один из ориентиров – потухший вулкан, дошли до подножия, разбрелись в поисках «разлома с блестящей, как россыпь брильянтов, жилы». Разлом обнаружил Босой Медведь, о чем тут же просигнализировал остальным залпом из обнаруженной в арсенале «Пронзающего» ракетницы.

В общем, откололи несколько кусочков минерала, вернулись на борт, отбыли. Наверное, будь у них в распоряжении чуть больше времени, можно было обойти таинственный остров, а главное – осмотреть выброшенный на береговые камни изрядно проржавевший корабль. Не иначе, это был один из тех экспедиционных кораблей, некогда посланных к острову, но так и не вернувшихся. Наверное, поднимись они на борт погибшего корабля, удалось бы выяснить, что за трагедия постигла экспедицию. Но – на разгадывание тайн времени у Сварога не было. Может быть, тайну гибели экспедиционного судна удастся выяснить исконному экипажу «Пронзающего» – дежурной смене, которую при захвате Сварог со товарищи заперли на «губе». Теперь арестантов они освободили, однако исключительно ради того, чтобы высадить на берег и оставить робинзонить.

А куда их еще прикажете девать? В Корону возвращать небезопасно: мигом побегут в Каскад, все расскажут, всех опишут. Отправлять рыбам на прокорм – не по-людски, да и нет никакой необходимости. А остров Навиль подходит в самый раз: если эти Бен Ганы когда-то и выберутся с него, то произойдет сие не скоро, да и голодная им смерть не грозит – остров кишмя кишит птицами, фрукты какие-то растут как на плантации, рыба вокруг так и плещет, да и на старом корабле что-нибудь полезное обязательно отыщется...

До Короны Сварог со товарищи добрались опять же в высшей степени благополучно. Конечно, чего там говорить – кораблик под названием «Пронзающий» им достался легкокрылый и надежный. Еще бы, адмиральский флагман, как-никак, однако Сварога отчего-то не покидало чувство, что кто-то то и дело подталкивает его в спину – с беззлым раздражением сержанта, подгоняю-

щего роту новобранцев. Не отвлекаться, строй держать, маму вашу, раз-два, раз-два...

Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы заходить в порты и вообще приближаться к местам оживленного судоходства. Следовало подобраться к материку незаметно и высадиться в безлюдном месте. И в решении этой нелегкой задачи им здорово помог Игой-Кион, бывший охранник четвертого причала военного порта. Высадки на остров Навиль он избежал по двум причинам: во-первых, оставлять его вместе с бывшим экипажем корабля означало для парня верную смерть: в глазах моряков с «Пронзающего» охранник четвертого причала был одним из главных виновников захвата корабля; ну а во-вторых... Во-вторых, его отношения с девушкой по имени Ак-Кина развивались стремительно и бурно и зашли уже столь далеко, что разлучать их теперь было бы просто-напросто бесчеловечно. Да и опасности Игой-Кион не представлял – не стал бы он рвать когти и отдаваться в нежные руки Каскада, поскольку его самого ждет по меньшей мере бессрочная каторга.

Игой-Кион неплохо знал лоцию прибрежных северной и северо-восточной частей материка – благодаря своему увлечению подводным плаванием. Он-то и подсказал укромную бухту в скалах, которую некогда активно использовали контрабандисты... А может, и по сей день используют. Но контрабандисты волновать не должны: перевозчики запретных товаров почтут за неземное счастье убраться подобра-поздорову, когда в бухту войдет военно-морской скоростник.

Никаких контрабандистов в бухте не оказалось. Как, впрочем, и никого другого. Так что на повестке дня оставался один вопрос: что делать с кораблем? Бросить или затопить? Щепка предложила не торопиться с окончательным решением. Затопить и бросить всегда успеется. А один из самых скоростных на Гаранде кораблей, как говорится, на дороге не валяется, да и кто знает, может быть, уже завтра вновь возникнет нужда в быстроходном водном транспорте. Так что же прикажете, брать на абордаж еще один скоростник? С Щепкой согласились все, и было решено оставить корабль в бухте с сокращенным дежурным расчетом на борту, то есть на какое-то время, по крайней мере, придержать корабль «про запас».

Обошлись без жребия. Охранять корабль вызвались Ак-Кина и Игой-Кион. Что, в общем-то, особо никого не удивило. Конечно, охрана из влюбленной пары известная, но от них и требовалось-то немного – лишь находиться на борту и держать включенной охранную систему скоростника. А система была вполне надежная, Сварог имел возможность в этом убедиться.

...А потом пришла расплата за невиданную удачу, что сопутствовала им на протяжении всего похода до Навиля и обратно. Высшим силам, как видно, надоело превращать Сварогову жизнь в мед, и они отвернулись.

Грохнуло, когда Сварог, Щепка, Монах и Медведь добрались до вершины нависающей над бухтой скалы. И ничего уже нельзя было поделать.

Тяжелый дым заволакивал бухту, еще не осел взметнувшийся столб пламени, еще вертелись в воздухе искореженные обломки скоростника «Пронзающий», поднятые взрывной волной. Эта картина до сих пор стояла перед глазами Сварога. И напряженные, застывшие лица Щепки, Монаха и Медведя.

– Как это? Почему? Не может такого быть... – бормотал Медведь. – Откуда?

Откуда... Знать бы, откуда! Но, черт возьми, Сварог никак не мог выбросить

из головы такой эпизод: на подходе к бухте ему показалось, будто бы вдали бликнул на солнце окуляр перископа. Он, конечно, сбегал за биноклем, осмотрел водную поверхность, однако ничего интересного не обнаружил. И самое прискорбное, что скоростник действительно мог быть подорван торпедой, пущенной с подлодки. И не просто с подлодки, а с той самой, где командиром властвовала черноволосая Мина-Лу. Ведь у нее свои счеты со скоростниками того класса, к какому относился «Пронзающий»...

Словно некий могущественный игрок одним махом смел с доски отыгравшие фигуры. Добраться бы до этого игрока...

Глава 2

О ТЩЕТНОСТИ ГАДАНИЯ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

— ...А потом, дня через четыре, его – друга то есть вашего, – привезли оброчно, – продолжал горбун. – Уже того... мертвого. Распухший он был, сиреневый весь – смотреть страшно. Принимай, говорят, сдох пациент-то, от воспаления легких скончался... Что, говорят, не приходил товарищ его, не интересовался, куда этот пропал?

– А ты? – тихо спросила Щепка.

– А что я? – вскинулся горбун. – Правду сказал: не приходил! А ежели придет, так сразу же сообщу! А они с ехидцей мне: так не сообщишь уж – тот тоже, мол, сгинул...

«А вот это непонятно, – подумал Сварог отстраненно, по-прежнему глядя только на могильный камень Рошаля. – В лучшем случае Каскад мог решить, что я пропал без вести, но засаду-то возле могилы Рошаля на всякий случай оставить должен был. Не мог не оставить – по всем канонам. Или я что-то не понимаю, или каскадовцы глупее, чем я думал, или... или же умнее...» Мысли путались.

Никакой засадой и не пахло. Перед тем как встретиться с Чог-Атто, как прийти вместе с ним на кладбище, как отыскать эту незаметную могилку, Сварог почти сутки занимался разведкой по всем правилам: пустил вперед Медведя и Монаха на рекогносцировку, обшарил окрестности на предмет наличия заинтересованных лиц, обозначил пути возможного отхода, даже пару раз спровоцировал противника открыться – в частности, применив магию, чтобы сработал прибор каскадовцев и те выдали себя...

Ни-че-го.

Никто из заинтересованных лиц не ждал его ни в доме Эйлони, ни на погосте неподалеку, ни в задрипанной гостинице, где они сняли две комнаты – одну лично для командира, другую для остальных членов преступного сообщества. Сварог поинтересовался у Медведя, как человека бывалого и с Каскадом сталкивавшегося: как так, где комитет по встрече? Медведь честно пораскинул мозгами и выдвинул только одно предположение: легавые отчего-то уверены, что беглецы либо погибли, либо сбежали куда-нибудь в колонии. В общем, возвращаться не собираются. Почему уверены – неясно. Странно, настаивающе? Да, безусловно. Ну и наплевать. Даже если б батальон каскадовцев скрывался за деревьями, окружающими последний приют Гора Рошаля, Сварог все равно бы пришел к нему. Неизвестно, как, и не зная, чем бы этот поход завершился, – но пришел бы.

Однако кладбище было пустынно, молчаливо... и серо.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила Щепка у горбуна.

Чог-Атто передернул плечами, ответил неприязненно:

– Не знаю... Подамся в Гвидор, наверное, там у меня родня вроде была. Плевать на дом, все равно не мой... Проживу как-нибудь. Не пропаду. А здесь мне делать больше нечего... – и он снова хлюпнул носом.

Последние его слова эхом отозвались в душе Сварога: *здесь мне делать нечего.*

Он кашлянул и наконец отвел взгляд от могильного камня. Сказал устало, смотря на пасмурное небо, перечерченное черными силуэтами голых ветвей:

– Во всем происшедшем ты, Чог-Атто, обвиняешь меня.

– Господин...

– Тихо! Мал-лчать, – отрывисто перебил Сварог. – Я еще не договорил... Обвиняешь, обвиняешь, слуга, и не смей возражать и оправдываться, – даже для слуги это низко. Не забывай, я маг, я чувствую, когда лгут... Так вот. Может быть, ты прав, и я виноват. А может быть, виноваты обстоятельства... или кто-то еще. Маг Визари, например. Или Каскад. Или некто сторонний. Не знаю. Но ты считаешь, что Эйлони-Митрот, твоя госпожа, погибла из-за меня и моего... друга. Не буду спорить. Все равно доказать ничего нельзя: оба мертвы, остался только я. И если хочешь, я готов разрешить наш спор, как равный с равным. Выбирай оружие.

Повисла пауза. Со всех сторон гудели, жужжали, перемалывали воздух ветряки. Шелестели деревья. И близилась ночь. Сварог почувствовал, как горбун напрягся, мгновение всерьез обдумывая его предложение. Но тут же расслабился, обмяк. А потом горделиво распрямил плечи и проговорил преспокойнейше:

– Что толку от того, кто прав, кто виноват? Я не судья. Я знаю одно: госпожа мертва, и этого не поправить. Поэтому, если позволите, господин, я не держу на вас зла. Так что идите своей дорогой, а я... Я, с вашего позволения, пойду своей.

Сварог пожал плечами:

– Как скажешь, Чог. Я не господин тебе. Иди куда знаешь. Нам не по пути... увы.

Он повернулся и зашагал прочь.

...Всю дорогу до гостиницы, где они остановились на ночлег, Сварог машинально *сканировал* окрестности, но по-прежнему вокруг все было тихо. Уже стемнело окончательно, простой люд изо всех сил наслаждался объятиями Морфея, извилистые улочки этого района Вардрона, застроенные самое большее трехэтажными строеньицами, освещались электрическими фонарями, горевшими через один и вполнакала, а окна были сплошь темными. Декорации были – точь-в-точь в стиле «гоп-стоп, мы подошли из-за угла»: того и гляди, из полутьмы глухого тупичка выступит коллега Босого Медведя и ненавязчиво предложит купить кирпич...

Никто не выступил – ни братья-уголовники Медведя, ни спецназовцы Каскада с какими-нибудь там электрокалашами наперевес.

Всю дорогу до гостиницы они шли молча, Сварог и Щепка. Лишь у самых дверей девчонка остановила его, заглянула в глаза:

– А что *ты* собираешься теперь делать? Ты не передумал?

Сварог тоскливо огляделся, поразмыслил малость и вздохнул:

– Мне не нравится здесь, Щепка. Извини, конечно, но – это не мой мир... То

есть настолько не мой, что теперь я собираюсь делать только одно: искать выход отсюда. Неважно куда, хоть обратно в Поток, хоть в гости к Великому Мастеру... Здесь красиво, да, интересно, необычно, но... не мое. Вот поэтому мне нужен этот чертов Визари. Вот поэтому я не передумал.

Щепка понимающе кивнула. Действительно ли она понимала? Судя по всему, да. Еще там, на борту «Пронзающего», на обратном пути в Корону, во время долгой ночной вахты, Сварог, сам не зная почему, поведал ей красивую сказку про одного нищего офицера, который волею случая был заброшен в другой мир, где и прижился, путешествовал, сражался, любил и терял друзей; где стал графом, маркизом, королем и все такое прочее... а потом в одночасье потерял все и теперь вынужден скитаться по Вселенным, разыскивая обратную дорогу. Просто так рассказал, честное слово, не ожидая ни понимания, ни помощи, ни жалости. Девочка по прозвищу Щепка некоторое время сосредоточенно молчала и наконец сказала негромко: «Для солдата боевой поход – это судьба, остаться в живых – удача, вернуться домой – случайность...» Сварог посмотрел на нее с изумлением. Если это и была цитата, то на удивление точная и в полной мере отражающая его собственное состояние.

И вообще, Щепка день ото дня удивляла его все больше. Она была на подхвате у Босого Медведя и Монаха, но к ее мнению отчего-то прислушивались оба. Она редко открывала рот, но если и заговаривала, то только по делу. И Сварог всерьез подозревал, что она не просто пешка, внедренная Визари в шайку Босого Медведя и послушно исполняющая его волю – дожидаться Сварога и доставить на место встречи. Сварог даже проверил ее на предмет магических способностей и не обнаружил ничего. Ни малейшего проявления. Чего, впрочем, и следовало ожидать.

– Что ж, – сказала Щепка, – так тому и быть. Завтра, если все получится, ты встретишься с моим хозяином.

– Получится, – сказал Сварог. – Иначе нельзя.

...Покинув гостеприимный остров лже-Визари, несостоявшегося правителя мира, Сварог буквально припер Щепку к переборке «Пронзающего» и вытряс правду.

Надо признать, девчонка особо не запиралась. Да, она знает Визари. Более того: она давно служит Визари. Когда сорвалась встреча Сварога и Визари в предместье Васс-Родонт, хозяин очень рассердился. Он связался со Щепкой – для которой *работа* в банде Босого Медведя была лишь прикрытием, на самом деле она выполняла мелкие задания подполья – и приказал дожидаться встречи с человеком по имени Сварог. Дескать, этот человек сам выйдет на шайку и потребует выполнить некую задачу. Щепка должна была проконтролировать, чтобы Медведь согласился. О, для нее это были большая честь и большая ответственность. Но она справилась. Визари сказал, что, когда они добудут Око Бога, она сможет открыться. Так все и произошло.

И больше Щепка ничего не могла сказать. Откуда Визари стало известно, что Сварог наймет именно банду Медведя, если сам Сварог до последнего момента ведать не ведал, кого и как будет вербовать в помощники? Тишина в ответ. Как Визари узнал, что Око Бога попадет в руки Сварогу, если Сварог целеустремленно пер исключительно за лекарством для Рошаля и на остров самозванца они угодили по чистой случайности?! В ответ – пожатие плечами. Визари что, провидец, бля?! Молчание. И большего Сварог от нее не добился.

Они вошли в полутемный холл гостиницы. При их появлении дремавший было Медведь вскочил с кресла, схватился за складень, но, разглядев вошедших, враз успокоился, доложил негромко:

– Атаман, все тихо, – с некоторых пор члены бравой шайки упорно звали Сварога «атаманом». Сварог не протестовал – нехай тешатся. Даже забавно было: атаманом ему еще быть не доводилось. – Постояльцы дрыхнут, слуги тож. Монах на втором этаже, в окна следит. Никого, ничего... Как у вас?

– Бывало лучше, – только и сказал Сварог.

– Атаман, – замялся Медведь, – мне, ей-богу, жалко вашего товарища... Я это... сочувствую.

– Не бери в голову, – махнул рукой Сварог. – И давайте-ка по койкам, завтра у нас большой марш-бросок.

– Что, даже караул оставлять не будем?

Сварог помялся секунду и устало покачал головой.

– Не-а. Смысла нет. Если б нас ждали, то давно б уже повязали. А нам отдохнуть надо. Караул, как говорится, устал...

Медведь в сомнении пошевелил губами, но перечить не стал. Командиру виднее.

Не спалось. Могильный камень с выбитым на нем именем не шел у Сварога из головы, и чтобы отвлечься, он принялся размышлять над собственным положением и систематизировать известные ему факты.

Положение, прямо скажем, было не ахти. Он многого не понимал в этом мире и вынужден был плыть по течению, не в силах повлиять на ход событий. И это бесило. Масса непонятого происходила вокруг. Непонятого, странного... и настораживающего.

Сварог перебирал в голове факты и домыслы, тасовал так и эдак, пытался систематизировать, но стройной картины все равно не получалось. Дырок оставалось многовато.

Ну, во-первых, непонятная подводная атака субмарины.

Допустим, плюющийся фиолетовыми осьминожками сгусток черноты, который напал на подводную лодку «Дархская услада» в первый же день появления Сварога и Рошалья на Гаранде, был орудием Великого Мастера, лупящего со всей дури по Сварогу. Допустим. Хотя, признаться, это черное нечто из океанских глубин на посланца Мастера ну никак не походило. А походило оно, скорее уж, на ту тварь, плюющуюся зелеными соплями, что обстреливала броненосец «Серебряный удар», поспешно удирающий прочь от тонущего материка Атар... А *та* тварь – Сварог отчетливо помнил свои ощущения – никакого отношения а Великому Мастеру не имела, *та* была чем-то (вернее, кем-то) другим...

И все равно, для простоты и дабы не умножать сущностей сверх необходимого, предположим пока, что это было дело лап нашего inferнального друга. Тем более, что чуть позже Мастер проявился сам – заговорив со Сварогом через Рошалья и бесшабашную капитаншу субмарины...

Так, стоп. Да стоп же! С чего он взял, что с ним беседовал именно Великий Мастер?

Сварог резко сел, вспоминая тот разговор во всех подробностях.

Существо, общаясь с ним посредством Гора и Мину, не представилось – ведь это Сварог сам назвал его. Голосом капитана Мины оно переспросило в

некотором недоумении: «Великий Мастер?..», – а голосом Рошаля так и вовсе уклонилось от ответа: «Можно и так назвать – у меня много имен...»

И вообще, бляха-муха, складывалось такое впечатление – Сварог только сейчас это понял, раньше времени не было подумать, сопоставить и оценить, – что его визави беседовал с ним *впервые*. Потому что после неоднократных и далеко не дружественных встреч как лично, так и через посредников, ни один уважающий себя Дьявол не стал бы клеить Сварога столь по-бабьи: Сварогушка, ты мне нужен для одного страшно важного дела, без тебя никак, соглашайся, дескать, не обижу, давай найдем общий язык, объединим усилия и будем сотрудничать...

Похоже это на Великого Мастера? Да ни в единой букве!

Тогда кто же, позвольте узнать, выходил с ним на связь?..

Сварог запустил пятерню в волосы, потом помотал головой и набулькал себе вина.

Остается только Визари. Могущественный, всезнающий лидер магического подполья. Загадка номер два. И еще какая загадка! Визари знал с точностью до минут координаты и время появления Сварога на Гаранде, предвидел, что Сварог сойдется с шайкой Медведя и завладеет Оком Бога. А если допустить, что именно он вербовал Сварога через Рошаля и Мину, то ему известно и о том, что заблудившийся Сварог скитается среди миров и больше всего на свете жаждет вернуться на Талар... Да кто же он такой, черт возьми?!

Дальше. Существует еще одна загадочная сила, явственно противостоящая Сварогу и тоже знавшая о его появлении на Гаранде. Та сила, которая направила скоростник «Черная молния» в точку прибытия. Которая организовала зенитный огонь по аэропилу, на котором Сварог и Рошаль летели в пригороды столицы... И которая, судя по всему, спровоцировала взрыв «Пронзающего». А вот во всех *этих* случаях Великий Мастер может быть замешан запросто: пакостить понемногу, исподтишка, но ощутимо – это вполне в его стиле...

А может, и не Великий Мастер, может, кто-то еще...

Голова пухла от непоняток, категорически не хватало информации. Версий было множество. Например: имеются на Гаранде некие апокрифические пророчества, в которых указано, что в такой-то день и в такое-то место явится скиталец по имени Сварог. Кто-то – Визари, скажем, – поверил этим предсказаниям и послал субмарину встретить Сварога, а кто-то другой тоже поверил и послал «Черную молнию» на перехват. Или такая гипотеза: существует некая Гильдия путешественников по мирам, которая давно и пристально следит за Сварогом, планируя принять его в свои стройные ряды, для того подвергает всяческим испытаниям. А?! Чем не сюжетец?

Или, или, или... А чем больше версий, тем вероятнее, что ни одна из них неверна.

Но и это еще не все.

Загадка номер четыре: необъяснимые, немислимые и на первый взгляд случайные смерти вокруг Сварога. Пилот аэропила, юноша в музее истории, Ак-Кина и Игой-Кион, Рошаль, наконец, со своей идиотской болезнью, о которой в Короне не слыхивали долгие десятилетия. Если официальная версия права, и несчастья есть результат применения магии, то при чем здесь, скажем, авиатор? Сварог в тот момент, помнится, никаких заклинаний не произносил. И напротив: в подлодке и после захвата «Пронзающего» он колдовал

вовсю, однако никто не пострадал... Значит, кто-то палит по Сварогу, но постоянно промахивается?

Великий Мастер?

А на другой чаше весов – более чем подозрительная легкость, с которой им удалось ускользнуть от толпы после приземления в столице, бежать из здания Каскада, захватить «Пронзающий», завладеть Оком Бога, как по ковровой дорожке добраться до Навиля и вернуться. И почему-то их никто не ждал возле Рошалевоы могилы, почему-то они беспрепятственно проникли на кладбище и столь же спокойно ушли оттуда. Все это опять же наводило на мысль о вмешательстве, но уже иных сил, к Сварогу благоволящих. Такое только в кино бывает.

Визари?

Не-ет, господа, разыскать этого супермага – задача не просто важная, но архиважная...

Кстати, загадка номер сто, и тоже не из мелких: Око Бога. Кристалл, дающий небывалую, невозможную и непредсказуемую мощь его обладателю. Надо лишь знать, как ею пользоваться.

Сварог не знал. И сильно подозревал, что никто не знает.

Он отставил бокал с вином, закурил, вынул из нагрудного мешочка артефакт, положил перед собой на стол. Тут же по комнате разлилось тусклое пульсирующее свечение, зеленовато-желтое, как лимон. Причем свечение неоднородное – полосы света скользили по стенам, подчиняясь некоему неслышному ритму, извивались и закручивались в спирали, и напрочь неясно было, как это лучи могут не рассеиваться и даже лениво извиваться. Струйка сигаретного дыма мерцала в них, как в луче дискотечного лазера. Сварог глянул на Око «третьим глазом» и тут же магическое зрение выключил – сияние кристалла было ослепительным, непереносимым. Но – к порождениям Зла он определенно не принадлежал, и на том спасибо.

Да и не кристалл это был вовсе, по большому-то счету: перед Сварогом лежало нечто, лишь *похожее* на кристалл. Вообще не пойми что. Даже его габариты определить визуально было невозможно, мешал странный оптический эффект: с некоторого расстояния оно казалось размером с голову взрослого человека, вблизи – не больше куриного яйца... Тактильные же исследования, сиречь – на ощупь, так же ясности не приносили. Око не имело формы, хотя явственно были видны переливающиеся нутряным светом грани кристалла, и нельзя было понять, твердое ли оно, тяжелое, холодное, гладкое ли... Его можно было взять в руку, но пальцы при этом не ощущали ровным счетом ничего, будто горсть воздуха держишь. А начни сжимать пальцы в кулак, и постепенно возникало сопротивление – тем большее, чем сильнее ты сдавливаешь Око... Странное это было чувство: явственно видишь на ладони *твердый*, светящийся ограненный камень, вязкое сияние сметаной течет сквозь пальцы, но осязание не соглашается с реальностью. Осязание утверждает, что у тебя в руке ничего нет. Если пальцы разжать, камень начнет падать, но не сразу и вяло, как воздушный шарик... На прочие эксперименты Сварог не отважился. Не тянуло как-то, знаете ли.

Одно было понятно: *это* – не материальная вещь. Не вещество. Сгусток энергии, волновой пакет, концентрированный апейрон или еще какая хреновень – пусть специалисты разбираются. Сварог чувствовал лишь, что в Оке

действительно сокрыта небывалая, нечеловеческая силища.

Око Бога, Око Бога... Что-то многовато глаз развелось в последнее время – и Глаза Сатаны, и Зеница Правого Ока, сквозь которую в мир Димереи проникали участники Королевской Охоты... Может, эта штукавина – тоже Дверь? Но как ее открыть?.. Эхе-хе...

Сварог спрятал ее в мешочек, повесил на грудь и откинулся на подушку. Ладно, что толку гадать. Давай-ка лучше еще раз просчитаем завтрашний день.

Вот с завтрашним днем, как ни удивительно, было более-менее ясно. Хотя задуманное ими выглядело даже не авантюрой – самоубийством. И так.

Боевая задача: добраться до цитадели треклятого Визари и вытрясти из него ответы. В идеале – найти Дверь.

Маршрут: речным транспортом вверх по реке до селения Сагиран, оттуда – пешком до предгорий, оттуда – горными тропами до Сиреневой гряды, до развалин какого-то замка. Где их, по словам Щепки, и ждет предводитель магов-заговорщиков. Ни карты, ни снаряжения, ни обмундирования. Бред? Бред.

Боевой отряд: четыре человека. Пришелец из другого мира, разбирающийся в местных реалиях как свинья в апельсинах, и трое дешевых воришек, включая особу женского пола. Бред еще больший. За каким лешим шайке Медведя понадобилось участвовать в этой афере, Сварог долго не понимал, однако участие соратнички принимали активнейшее. Медведь попыттел немного, узнав, что Щепка, оказывается, человек Визари, но ничего не сказал, более того – обрадовался даже, и до Сварога наконец дошло, что для воришек это был шанс одним махом подняться почти на самый верх криминальной лестницы, из мелких уголовников до полноправных членов разветвленной сети колдунов-революционеров. Из грязи в князи. Если, конечно, Визари захочет принять их в свои ряды. Но тут уж как карта ляжет.

Вооружение: несколько ножей, шокеры у Медведя и Монаха и шаур у Сварога. И все. Увы, на большее рассчитывать не приходилось. Огнестрельное оружие на Гаранде существовало, однако самый современный автомат выглядел в глазах Сварога даже не анахронизмом, а прямо-таки пародией на оружие: килограммов десять весом, длиной под метр, неуклюжий, громоздкий – не могло быть и речи, чтобы разгуливать с таким среди мирных граждан. Пистолеты и ружья, даже самое современное, «Кабарбаг», были не лучше – ё-мое, они до сих пор заряжались с дула! – и Сварог, сжав зубы, оставил затею более-менее прилично вооружить бойцов.

В общем, авантюра чистой воды. А что прикажете делать?..

Оставалось лишь уповать на то, что удастся беспрепятственно добраться хотя бы до Сагирана.

Но, как водится, надежды эти были тщетны.

Глава 3 ПО ВОДЕ...

Это был обыкновенный речной трамвайчик, медленно чапающий вдоль берега и пристающий к каждой захудалой пристани. Более всего остального сей транспорт походил на самодвижущуюся баржу с высокой кормовой рубкой. Никаких других палубных надстроек не имелось, равно как отдельных кают и прочих излишеств – лишь открытая палуба, прикрытая от стихий парусиновым навесом на столбиках. Внешнюю неказистость и некомфортабель-

ность электроход с лихвой компенсировал пышностью названия – «Звезда Короны», ни больше и ни меньше.

Таких электроходов плавало по реке количество презиридное. Куда ни помотри – снуют по реке самодвижущиеся баржи с парусиновыми навесами. Вот, скажем, сейчас навстречу плывет баржа под названием «Гордость Короны», и капитаны приветствуют друг друга тремя короткими гудками ревуна. А Сварог и Щепка буквально на какую-то минуту опоздали к отплытию баржи под названием «Честь Короны»... Впрочем, следующей речной галоши пришлось ждать всего каких-то полчаса. Полстражи, если по-местному.

Собственно говоря, все эти «гордости», «звезды» и «чести» работают обыкновенными развозками, заменяют собой пригородные электрички, что в иных мирах доставляют на работу в столицу жителей пригородов и потом увозят обратно. А по-другому здесь до столицы простому народу не добраться, разве что пешком. Электромобили могут себе позволить не многие богатые счастливики, к тому же и не ко всем деревням проложены пригодные, покрытые трубином, местным заменителем асфальта, дороги... А бывает и так: дороги проложены, однако не оборудованы через положенное количество километров станциями электрозарядки, – стало быть, мобили оказываются бесполезны. Так что основное сообщение не только между столицей и пригородами, но и вообще между городами метрополии происходит по рекам и каналам. Каналы в Короне, по рассказам Щепки, роют активно. Рытье каналов напроць снимает в Короне столь острую для иных стран и миров проблему, как безработица.

Дабы путешествовать себе спокойно, не привлекая внимания, нужен был подходящий образ. И они подобрали себе личины самые невзрачные из возможных – коммивояжеры. Щеголяли себе в серых трико и длинных дорожных накидках с капюшонами, в поясах с бляхами низшей торговой гильдии, с непременно оранжевыми сумками – такие попадаются на всех речных судах. Окружающим мало на кого так не хочется смотреть, как на торговцев. Ну а на тот случай, если кто-то все же привяжется – покажи да покажи образцы товаров, – они купили в первой попавшейся лавчонке отрез полосатой ткани. Вот ее-то и станут выдавать за образец – де, это и есть последний писк городской моды...

«Господи, – мельком подумал Сварог, – ну что ж это меня все по водным просторам мотыляет-то, а?..»

Босой Медведь и Монах находились тут же, на борту «Звезды Короны», но держались отдельно, знакомство со Сварогом и Щепкой не афишировали. Поскольку как их не наряжай, на торговцев они все равно походили бы как черт на херувима. Так что вырядились работники ножа и топора рабочими, так сказать, поближе к истинной сущности. Хотя, пожалуй, рабочих с такими прожженными физиономиями возьмут к себе лишь или самые экономные, или самые отчаявшиеся из предпринимателей. В данный же момент Медведь с Монахом облюбовали примыкающий к рубке буфет, давя задницами буфетные лавки, потягивали вино и попутно приставали к двум девчонкам в розовых накидках.

В отличие от нескучной парочки, Сварог сидел себе смиреннько на лавочке рядом со Щепкой, напустив на лицо скупающее выражение, озирал от нечего делать берега, пробегал взглядом по пассажирам...

И кое-кто из них ему очень не нравился.

Нет, тип, что беспокоил Сварога, не зыркал неустанно в их сторону колючими глазками. Сварог перехватил всего один его взгляд, но взгляд этот был предельно цепкий, оценивающий, который никак не мог принадлежать обыкновенному пассажиру. После чего странный тип отвернулся с самым незаинтересованным видом, едва ли не зевая, но Сварога не покидало ощущение, что он краем глаза не отпускает ни на миг их со Щепкой. *Пасет*, что называется.

Вообще-то, на судне легко мог оказаться шпик из речной полиции, тайно надзирающий за порядком на водном транспорте. Почему бы и нет? Однако следовало предполагать худшее.

А худшим в их положении мог быть только Каскад. Отсутствие засады на кладбище все же ни о чем не говорило, расслабляться нельзя было ни на секунду, вычислить беглецов могли в любую минуту.

Их галоша в очередной раз забрала к берегу и приблизилась к пристани, где уже выстроились в готовности встречающие, новые пассажиры, работники причала и непременные зеваки. Судя по габаритам пристани, количеству народа, даже чему-то вроде короткой набережной, где стояло несколько электромобилей, судя по многоэтажным домам на холме и ширине дороги, ведущей к тому холму, – судя по всему этому, городок был не из самых завалящих. Разумеется, название «Стангорт», украшающее пристань, ни о чем Сварогу не говорило.

– Крупное поселение? – спросил Сварог, наклонившись к Щепке.

– В последние годы пошло в гору, стало модным местом отдыха. Здесь что ни день открывают новые молния-клубы, заповедники для катания на лошадях и залы «придуманной жизни»... Между прочим, мелким торговцам вроде нас с тобой тут ловить нечего, нас тут гоняли бы отовсюду, как «белых плащей».

– Понятно, – сказал Сварог, не имея ни малейшего желания выяснять, что это за молния-клубы и, уж тем более, кто такие «белые плащи». – Значит, мы правильно делаем, что едем себе мимо.

Ага! Едва перекинули трап, как тип с колючим взглядом поднялся со своей лавки и поспешил на выход. Сбежал по трапу и, расталкивая народца на причале, скоренько направился к берегу. Вот он одолел сходни причала, выскочил на набережную. И, уже оказавшись на берегу, не выдержал. Оглянулся. Его взгляд, не рыская и не блуждая, сходу выцелил на судне Сварога. Наткнувшись на ответный взгляд, пренеприятный тип тут же отвернулся и продолжил свой путь. Сварог увидел, как он подходит к открытому электромобилю с неразличимой на таком расстоянии эмблемой на дверцах, заскакивает в него и принимается что-то втолковывать водителю, сопровождая слова энергичными жестами. Видимо, призывает ехать как можно быстрее... М-да, сие нравилось Сварогу все меньше и меньше. Он вновь наклонился к уху Щепки:

– Сколько еще остановок до этого, до Сагирана? Города будут?

– Будут и города, один сравнительно крупный... А что? Тот гусь в поясе со знаками мелкого канцелярского служащего? – усмехнулась Щепка, демонстрируя, что и сама не лыком шита. – Тоже не понравился?

– Шпиком пахнет, понимаешь ли. Впрочем, если это не Каскад, волноваться вроде бы особо нечего. Но в том-то и дело, что он может быть откуда угодно...

Разумеется, они разговаривали тихим шепотом, что, впрочем, никого настораживать не должно – чем мельче торговец, тем более важными и таинственными кажутся ему собственные торговые операции.

– Даже если и Каскад, так быстро им не сработать, – уверенно сказала Щепка. – Пока этот гусь доберется до пункта связи, пока сообщится со своим начальством, а то, в свою очередь, со своим, пока разбираются, куда плывет наша лоханка, через какие населенные пункты будет проходить, пока связываются с подразделением в одном из ближайших городов и ставят задачу... В общем, думаю, мы уже доберемся к тому времени до места.

– В этом корыте, признаться, меня охватывают ощущения насквозь неудобные, – сказал Сварог, – нас тут прихватить, что высморкаться. А ежели, к примеру, рассмотреть такой вариант: для верности сойти на следующей станции? Насколько тогда мы удлиним и усложним себе путь?

– Может быть, не слишком удлиним, зато уж усложним наверняка. Впрочем, как раз на двух следующих пристанях неприятных сюрпризов нам ждать не приходится – глухие места, какие-то деревеньки, откуда там взяться каскадовцам...

Увы, жизнь сплошь и рядом протекает не по логике. Вроде бы все, что говорила Щепка, было разумно и справедливо, однако ж неверно. В чем они и убедились, когда «Звезда Короны» обогнула живописный мысок, где среди мшистых валунов росли корабельные сосны, и взорам открылся простенький причал из некрашенных досок, на котором поджидали прибытия речного транспорта около полуроты крепких парней. На первый и поверхностный взгляд – бригада шабашников возвращается домой, успешно завершив свои немудреные дела в этом поселке. Ребятки одеты в деревенские одежды, к ограждающим причал доскам прислонены обыкновенные вещевые мешки...

Только вот в мешках этих легко помещается прибор для регистрирования магии «Боро-4» или любых других модификаций.

Только вот для простых работяг слишком уж ухоженный и самоуверенный у парней вид, да и одеты они чересчур единообразно для разношерстной компании. Шабашники – это ж все-таки вам не регулярные воинские формирования... Короче говоря, явно сработанная наспех маскировка не обманула ни Сварога, ни Щепку.

И сразу возникает вопрос: если каскадовцы пасли их как минимум от кладбища, то почему не подготовились более обстоятельно? Время-то было... А ежели нет, то как вычислили *сейчас*?

– Ну вот, началось, – вздохнул Сварог и поправил на груди мешочек с Оком Бога.

– Но как, откуда?! – изумленно прошептала Щепка.

Сварог пожал плечами:

– Их могли перебросить аэропилотом.

– Аэропилотом? – нахмурилась Щепка. – Да откуда здесь аэродром!

– Хороший пилот сядет и на лесной поляне, – сказал Сварог. – Уж поверь мне, знаю.

– Никогда не слышала про такое.

– Все когда-то случается впервые и вновь, – философски вздохнул он. – Итак, драгоценные мои, я вижу только один приемлемый выход из этого тупичка...

В голове его вспыхнула тоскливая неоновая надпись: «Опять...», – но он погасил ее, помотав головой. Занимало другое: если их *вели* от самого кладбища, так почему не попытались повязать раньше? В той же гостинице, к примеру, где всю честную компанию можно было брать буквально голыми руками...

Хоть Босой Медведь и Монах уже заметно напробовались вина из местного буфета и довольно тесно успели сойтись с девицами в розовых плащах, но стоило подойти *атаману*, враз посуровели, собрались.

– Значица так, хлопчики, *берем* эту лоханку. На вас – палуба и спокойствие пассажиров, на мне все остальное. Неясности?

Не последовало никаких глупых вопросов: «А зачем, командир, а почему, а нельзя ли обойтись...» Сварогу всегда нравилось такое поведение рядового и сержантского состава. Последовал лишь вопрос сугубо по делу, заданный Босым Медведем:

– Цацкаться обязательно?

– Не обязательно, – обрадовал Сварог.

Как и следовало ожидать, речной электроход – это вам не броненосец «Серебряный удар», захватить его оказалось не в пример проще.

Единственным препятствием оказалась запертая изнутри дверь рубки, но Сварог даже не стал с ней возиться. Он подпрыгнул, уцепился за перильца, окрашенные в бело-красную полосочку, подтянулся, закинул ноги на выступ, перехватился руками за верхний край перил, перевалился на ту сторону ограды и очутился в святая святых любого корабля – на капитанском мостике.

К Сварогу рванулся было крепыш при вишневого цвета бандане с белым якорем на лбу – видимо, первый и единственный помощник капитана, являющий собой штурмана, боцмана и весь остальной экипаж. Но как рванулся, так и осел после превентивного удара. Привалился спиной к полосатым перилам, закатив глаза и ухватившись обеими руками за живот. Вид у него сделался самый что ни на есть печальный и покорный.

Капитан «Звезды Короны», высокий, с прямой спиной и орлиным взором, в белой бандане с черным якорем, смотрелся типичным морским волком (и неважно, что дело происходит на реке). Как и положено морским волкам, капитан гордо вздернул подбородок, скрестил руки на груди и не повел и кустистой бровью, когда ему прямо в якорь на лбу уперся ствол шаура.

– К берегу не приставать, – вежливо попросил Сварог. – Идти мимо. Что дальше, скажу.

– А не пошли бы вы, любезный? – сказал, как сплюнул, капитан.

– В таком случае, я сам встану за штурвал, – еще более елейно заметил Сварог. – Можете не сомневаться, *любезный*, обучен... Правда, при этом раскладе я вышвырну вас, драгоценный мой, за борт, как раздавленную крысу, а «Звезду Короны», за ваше глупое упрямство, вдребезги расшибу о камни. Если же короче, то считаю до двух. Раз...

– Что вам угодно? – холодно перебил капитан.

– О, пустяки, сущие пустяки. Не хочу я, видите ли, встречаться во-он с теми милыми ребятками на берегу. Ну не нравятся они мне...

Капитан мельком глянул на пристань и промолчал.

По металлическим ступеням трапа прогрохотали быстрые шаги, и на мостике появилась Щепка.

– Я же говорила, что замочек тут тьфу, – она поболтала в воздухе звенящей

связкой отмычек.

– Ну так я не слышу вашего ответа, – поторопил Сварог капитана.

– Как будто от моего ответа что-то зависит... – Капитан смотрел исключительно поверх головы Сварога. – Я вынужден подчиниться грубой силе...

– Помилуйте, где ж тут грубость! – искренне оскорбился Сварог. – Не грубой силе, но – превосходящей. А лезть с голой пяткой да против заряженного конденсатора – это не храбрость, уважаемый... – Он повернулся к Щепке и передал ей шаур. – Держи-ка вот. Если мне потребуется внезапно отлучиться, я должен быть уверен, что эта парочка в надежных руках. – И последнюю фразу он произнес нарочито громко: – Стреляй без раздумий. В случае чего, я доведу эту галошу до места не хуже, чем... чем...

Но ни одно сравнение на ум не пришло.

А на берегу тем временем наступила пора прозрения. Увидев, что электроход перед самым причалом вдруг закручивает крендель и показывает пристани корму, липовые шабашники встревожились. Более не прикидываясь наивными работягами, засуетились, забегали. Но вот только что они могли поделаться? Чтобы мчать по берегу в электромобилях, нужны те самые мобили, а есть ли они у архаровцев? Даже если и есть, здешний колесный транспорт по бездорожью не потянет, слабоват. Аэропил разве что может кое-как сесть на поляне, но чтоб взлететь, ему потребна мудреной конструкции стартовая площадка. Пришвартованных к причалу скоростных катеров, равно как и прочих плавсредств, не наблюдается. Так что каскадовцам ничего не остается, как бежать вдоль берега, покуда силы не покинут.

Сварог отвел Щепку подальше от капитана и помощника и, наклонившись к самому уху, тихо произнес:

– Боюсь, через здешний населенный пункт проложен-таки телефонный кабель, ребятки быстро свяжутся с кем надо, и в воздух поднимут уже целую эскадрилью. Или, что вероятнее, из ближайшего города нам навстречу выйдет каскадовский катер. Поэтому надо сойти раньше, чем они прижмут нас конкретно и старательно... Есть идеи, где это лучше сделать?

– Обойдутся и без кабеля, – возразила Щепка. – А, ну вот, что я говорила...

Высоко в небо со стороны пирса, который уже скрылся из виду за очередным изгибом реки, одна за другой взмыли три ракеты: зеленая, красная, оранжевая. «Вот тебе и телеграф с телефоном, – в сердцах сплюнул Сварог. – Теперь пойдут передавать по цепочке до ближайшего телефонного узла, и вскоре только самый слепой каскадовец не будет в курсе, где нас искать. Влипли, чего уж там...»

– Идеи есть, – сказала Щепка. – Скоро будем проплывать заброшенный причал, откуда раньше руду вывозили. От него доберемся до заброшенного рудника. Если до сих пор работает канатная дорога, поднимемся на отрог Сиреновой Гряды. Вместо того чтобы плыть, просто немного больше придется пройти пешком, только и всего.

– А если канатная дорога не работает?

– Придется карабкаться в горы самим, только и всего.

– Н-да... Ладно, за неимением других планов считаю утвержденным этот. Пойду гляну, как дела внизу, и тут же обратно. В общем, в случае чего стреляй без предупреждения.

Босой Медведь и Монах расхаживали по центральному проходу от носа до

рубки – каждый со своей стороны доходил до середины и поворачивал обратно. Оба держали в руках извлеченные из-под одежд складные ножи устрашающих размеров и шокеры-бабочки. Медведь прогуливался молча, Монах же, мягко говоря, наоборот.

– Ибо сказано Многоутом: смирение есть благо, – зычным басом вещал красноносый отставной служитель культа. – Покоритесь, и воздастся. Жена покорись мужу своему, слуга хозяину, а побежденный победителю...

Монах вдруг с удивительной для его комплекции проворством развернулся и рукоятью складня врезал по плечу человека, сидящего у самого прохода. Человек вскрикнул, согнулся от боли, а из его руки в проход выпал в точности такой же шокер-бабочка, какие были у Монаха с Медведем, за одним лишь отличием: эбонитовую рукоять этого шокера украшал золотистый знак – якорь, переkreщенный мечами. Знак принадлежности к речной полиции.

– Для тебя сказано было, охальник! – прогрохотал Монах. – Че непонятного, бля?! Смирись покорно, и воздастся те! Так нет же! Своемыслить удумал, нелюдь!

Далеко не все пассажиры поглядывали на тихо скулящего от боли агента сочувственно – некоторые смотрели со злорадством, радуясь, что лично их беда обошла, а иные взирали презрительно и даже брезгливо отворачивались: простой люд полицию не любит, будь она хоть речная, хоть сухопутная...

Сварог понял, что палуба с пассажирами находится в надежных руках, и вернулся в рубку. А там тоже нашелся, оказывается, свой герой сопротивления. Помощник капитана сидел на полу возле опрокинутого стола с картами и полными ужаса глазами смотрел на зубастую серебряную звездочку, застрявшую у него в бедре.

– Чего любишься? Перехвати ногу банданой, кровь останови, – посоветовал ему Сварог.

– Хотел вернуть командование кораблем, – объяснила Щепка.

– Что ж непонятного, – хмыкнул Сварог. – Жить будет... Причал скоро?

– Плес видишь? Пройдем его, там будет небольшая заводь, сразу за ней причал. Почти на месте.

– «Почти» не считается. Ничего не слышишь?

– Не-а, – помотала нечесаными лохмами Щепка.

Сварог задрал голову, повел взглядом по серым облакам.

– Кажется, тархтит...

Словно этого замечания наверху только и дожидались: из разлапистых туч вынырнул аэропил. Да не простой, блин. И даже не золотой, что было бы полбеда. Гидроплан. Или, выражаясь по-местному, «водяной голубь». Судя по обалдевшим физиономиям речных мореплавателей, подобное чудо – самолет, садящийся на воду и с воды взлетающий – они созерцали впервые. Щепка, похоже, тоже. Одному Сварогу, выходит, доводилось сталкиваться раньше с эдаким техническим дивом.

А вообще-то, следовало отдать должное пилотам местной Унии Авиаторов – в такое непогодье они летают без надлежащих приборов, считай, вовсе без приборов, на одном наитии и мастерстве. Верно говорят некоторые, что нынешние летчики не чета прежним – тем, что летали на «этажерках». На заре авиации происходил естественный отбор – кто не разбивался, становился даже не просто первоклассным авиатором: он становился доподлинным бо-

гом летающей машины. А у летчиков эпохи умной электроники рефлексy почти не развиты, такое понятие, как слияние с машиной, им незнакомо напрочь, потому что за них все делают приборы, и если те вдруг откажут – пилот враз становится беспомощным. И сие не только пилотов касается...

Думая посторонние думы, Сварог одновременно решал главную задачу: что им сулит появление гидроплана и что теперь надлежит делать. Гидроплан же как раз прошел над головой, начал разворот и снижение.

– Он может садиться на воду? – Щепка еще раз доказала, что девочка она догадливая.

– Именно так, – мрачно ответил Сварог. – Садиться, передвигаться по воде, догонять по воде плавающие галоши и брать их на абордаж.

– Нам не дотянуть до причала?

– Не знаю. То, что аэропил *может* садиться на воду, еще вовсе не означает, что он *станет* садиться...

Гидроплан вновь прошел над электроходом, уже гораздо ниже. И что-то округлое, желтоватое промелькнуло слева. Сварог едва успел повернуть голову, как в десяти уярдах по левому борту раздался взрыв, и в воздух поднялся водяной столб. «Звезду Короны» ощутило толкнуло, вода обрушилась на палубу, брызги долетели до верхней части навеса.

Неизвестно, предупредительный это был бабах или же бомбометатели на первый раз промахнулись, но вдумчиво решать эту задачу не тянуло, да и некогда было, откровенно говоря. Оттолкнув капитана со словами: «Марш к помощнику и ни шагу из того угла», – Сварог метнулся к штурвалу, вывернул его до отказа. Причала ждать не будем, причаливать станем в экстренном порядке.

Как Сварог и предполагал, капитан не смог спокойно глядеть на то, что собираются сотворить с его кораблем, и бросился на захватчика. А раз Сварог предполагал, то оказался готов. И встретил как подобает: кулаком в солнечное сплетение. А дабы не возникло повторного желания безобразничать, легонько так надавил на яремную вену. Только чтоб ненадолго отключить.

Электроход, повинувшись рукам нового капитана, круто повернул к берегу, нацеливаясь на обширную, заросшую камышом заводь, о которой говорила Щепка. Трудно было даже предположить, что творится сейчас на пассажирской палубе. Одно несомненно – Медведю и Монаху приходится нелегко. Вполне возможно, бомбометатели добивались посеять панику на борту и никаких прочих целей не преследовали. По мысли гидропланщиков, вероятно, возмущенный народ, видя в небе явственные спасение и подмогу, должен изловить и скрутить негодяев. Кстати, расчет неглупый. И кто его знает, не скрутили ли уже Медведя с Монахом. Ведь придется в таком случае отбивать...

Речная галоша «Звезда Короны» сумела подобраться к берегу гораздо ближе, чем выходило по прикидкам Сварога. И только в дюжине метров от кромки берега посудина заскребла днищем по песку, закрипела, как великанская несмазанная дверь.

– Держись! – закричал Сварог, притянул к себе Щепку, прижал покрепче и сам схватился за поручень.

Как и предполагалось по законам физики, все и вся швырнуло вперед, когда «Звезда Короны» окончательно увязла в песке и остановилась, накренившись на правый борт. Хоть Сварог и приготовился к толчку, но все же его слег-

ка приложило боком к стойке штурвала. Впрочем, сейчас было не до того, чтобы растирать ушибленный бок.

– Вниз, – Сварог подтолкнул Щепку в сторону трапа, переступил через проехавшего по всей рубке помощника капитана.

Охваченные паникой пассажиры с криками и воплями метались по палубе, толкая друг друга. Некоторые, поди ж ты, прыгали в воду. Выискивать в толпе Монаха и Босого Медведя представлялось делом чрезмерно хлопотным, – ну ладно, сообразят, что к чему, чай, не дети малые. Сварог отшвырнул в сторону типа с очумелыми глазами, который клещом вцепился в его плащ и что-то визгливо кричал, протацил Щепку сквозь людскую массу, прокладывая дорогу тумачами, открыл калитку в фальшборте, или как там она называется по-морскому, скинул вниз трап.

По трапу они сошли в воду, можно сказать, с комфортом. Правда, пришлось метров пять проплыть, прежде чем ноги коснулись дна. Отметившись следами на песчаной отмели, выбрались на твердую землю, поросшую мелкой редкой травой. И только сейчас Сварог обернулся. Наконец-то удалось изыскать время и посмотреть, что поделывает гидроплан.

Гидроплан заходил на посадку. Ну, в общем-то, этого и следовало ожидать...

– Образцы товаров забыли, – усмехнулась Щепка, отжимая мокрую накидку.

– Может, вернемся? Нет? Тогда скоренько давай наверх.

Глава 4 ПО ЗЕМЛЕ...

Берег здесь был высокий, осыпчатый, пришлось карабкаться, хватаясь за дубя и коряги, выискивая устойчивую опору для ног. Забрались. Сверху панорама бедствия просматривалась преотличнейшим образом, хоть пиши полотно в жанре «картина-катастрофа»: заводь, скрытая камышом, невезучий электроход, разноцветные человеческие фигурки, «водный голубь», который уже приводнился и скользил по речной ряби к электроходу. Ага, вот и две фигуры, трудно спутать еще с кем-то. Босой Медведь и Монах тоже карабкались наверх, правда, получалось у них не так ловко, как допрежь у Сварога со Щепкой, то и дело кто-нибудь из них соскальзывал и съезжал на брюхе по песчаному грунту. Запыхавшись и перепачкавшись, соратнички все же добрались до верха. Их тяжелое дыхание наполнило окрестный воздух ароматами кислого вина. На лбу Монаха набухла свежая шишка, весьма гармонично дополняя красный нос.

– Эти... с аэропила... не отвяжутся, – выговорил Босой Медведь, отсапываясь и отплеываясь.

– Ну, на их счет у меня имеются кое-какие мыслишки, – Сварог пружинисто вскочил на ноги. – Двадцать секунд на то, чтобы вылить воду из штиблет и продышаться.

– Опять бежать? – в вопросе Медведя послышалось страдание.

– Не так чтобы особо много, – успокоил Сварог.

Перед тем как покинуть откос, Сварог бросил последний взгляд вниз и увидел, что в борту гидроплана открылся люк, и оттуда, из темного зева, выпрыгивают фигуры в черно-зеленых, горбом вздымающихся на спине плащах. Каскадовцы, мать их, со своими электродубинками и конденсаторами в рюкзаках, со своими, это уж не извольте сумлеваться, замечательными прибора-

ми по улавливанию магических проявлений. И, сдаётся отчего-то, приборам будет что улавливать...

Как и пообещал Сварог, они бежали не особо быстро и не особо долго. В переводе на земные меры длины, они проделали трусцой путь длиной около полукилометра. И оказались возле перелеска.

– Нам куда, чтобы попасть на рудник? – спросил Сварог, остановившись.

Щепка, после марш-броска не в силах вымолвить ни слова, махнула ладошкой налево.

– Ага, понятно. Значица, действуем по знакомой схеме... Предупреждаю всех: в обморок не падать, благим матом не вопить! – громко оповестил Сварог. – Сейчас всем вам будет немножко удивительно...

Он прошептал нужные слова, температура воздуха вокруг одним махом упала градусов на пять, и...

И появился еще один воинственно выпятивший живот Монах, еще один сопящий Босой Медведь, еще одна невзрачная Щепка и еще один виновник всей затеи – Сварог.

Иллюзорная группа, предводительствуемая иллюзорным Сварогом, дружно отправилась в обход перелеска по тропинке. Их еще долго будет видно издали. Вот и пусть их видят – не перевидят те, для кого это видение, собственно, и предназначено. И пусть трезвонят пеленгаторы магии: на то и пеленгаторы, чтобы пеленговать, а не отличать иллюзию от реальности.

Банда злоумышленников реальных изумленно таращилась вслед двойникам.

– Не отмолить мне дел бесовских, колдовских, в кои впутан оказался, – прошептал Монах, насупив кустистые брови, выпростал из-под одежды амулет и со звонким чмоком поцеловал его пухлыми губами. Борода его при этом тряслась мелкой боязливой дрожью.

– После будем переживать, братья, – Сварог ободряюще хлопнул Монаха по плечу. – Нам, волшебникам, это раз плюнуть. Айда дальше по маршруту.

Медведь лишь потрясенно покачал головой.

Все же Сварог ненадолго задержал отряд, отведя его под прикрытие лесных деревьев. Захотелось убедиться, что уловка сработала.

Сработала. Как обычно. Показавшиеся из-за взгорка каскадовцы, ничуть не колеблясь и ни в чем не усомнившись, потопали следом за обманкой. Заодно Сварог и пересчитал группу преследования: девять боевых единиц. Впереди идущий держит в руках похожий на амперметр, хорошо знакомый Сварогу прибор, который фиксирует колдовство. Ну и хорошо, что фиксирует, и пусть себе фиксирует дальше. Лишний повод каскадовцам поверить в иллюзию. Мол, бегут проклятые маги и колдуют на ходу. Главное, что этот прибор не отличает правдивые облики от лживых, недоработали тут конструкторы, понимаешь... Короче, пусть ребятки из Каскада малость порастрясут жирок в погоне за призраками. А призраки у нас прыткие...

«Собственно, все не так уж плохо, жизнь, можно сказать, удаётся, – думал Сварог на ходу. – Пусть ненамного, но мы оторвались. Ни разу с момента высадки я магии поблизости не чувствовал, значит, в состав каскадовской группы преследования колдун не входит, что значительно облегчает нашу жизнь. Канатную дорогу, попользовавшись, можно испоганить со спокойной душой. Пускай шлепают горными тропами, по скалам взбираются. Короче говоря, у

нас есть все шансы прорваться...»

Щепка вела их уверенно, выбирая среди переплетения тропинок верную стежку. Ни разу не остановилась в задумчивости, ни разу не завертела головой, высматривая знакомые ориентиры. Такое впечатление создавалось, что Щепка имеет прямое отношение к рудокопам и путь к руднику знает как свои пять пальцев. На привале надо будет поинтересоваться, откуда ей знакомы здешние места. Ну а пока Щепка стала их командиром, потому что самому Сварогу никак не подворачивалось оказии покомандовать – каскадовцы ничем о себе не напоминали, вокруг было тихо и покойно, ничего поганого наперез не выскакивало. Благолепие, одним словом. И, как обычно бывает в подобных случаях, Сварога раздражали именно эти благолепные тишина и безмятежность вокруг. Незнание и постоянное ожидание нападения натягивают нервы похлеще открытой схватки...

Они давно уже двигались среди скал, почему-то имевших здесь коричневый оттенок. Присмотревшись, Сварог понял в чем дело – скальную породу покрывал тонкий буроватый налет, более всего походивший на скверного цвета плесень. Он провел пальцем по камню, ощутил прикосновение к склизкому и влажному, а на коже остался бурый след – словно о ржавчину испачкался. Сварог вытер палец о штанину.

– Красная дистария. Верный признак, что где-то поблизости залежи дисторита, – сказала Щепка, оглянувшись на Сварога. – Здесь добывали руду, содержащую дисторит, из которого делают элементы для аккумуляторов.

– А почему забросили добычу? Выгребли запасы подчистую, одна плесень осталась?

– Нет, тут еще добывать и добывать... Просто решено было оставить возле столицы стратегический запас. После того, как обнаружили месторождения дисторита в колониях. Оттуда теперь и возьмем.

– Эт-то нам знакомо, – усмехнулся Сварог. – Сплошь и рядом случается в отношениях между колониями и метрополией...

Обогнув похожую на огромный палец скалу, они увидели впереди постройку, что называется, сарайного типа. Ага, вот в луче солнца – точно светило специально для этого впервые за день прорвалось сквозь тучи, – сверкнула длинная тонкая нить, уходящая вверх, к нависающим над головами горам. Металлический трос, вот что это такое, причем не тронутый ни плесенью, ни ржой. Зато кабина подъемника и подъемные механизмы были ржавыми-пре-ржавыми. Еще более изъеденным коррозией выглядел вездеход, застывший на груди породы в серебристых прожилках – может быть, как раз на груди той самой руды.

– Вот ты какая, дорога канатная, – пробормотал Сварог. – Кин-дза-дза форменная, право слово...

– Сюда направляли на работы приговоренных к большим срокам, – вдруг заговорил Босой Медведь. – Здесь год за три шел... Сперва, знамо дело, добровольцев отправляли. Но охотники вскоре перевелись – слишком мало доживало до освобождения. Уж больно нехорошие разговоры кружили вокруг рудника, вот наш брат и предпочитал досиживать в лагерях. Тогда стали насильно отправлять.

– Заключение сюда привозили каждый день? – спросил Сварог, с сомнением рассматривая раскачивающийся на ветру трос.

– Не, канатной дорогой пользовались вольнонаемные. А заключенные жили где-то там, – Медведь махнул в сторону гор. – Где-то в горах оборудованы под содержание пещеры. Там их и держали... – Он помолчал малость, потом добавил шепотом: – А еще говорят, рудник прикрыли из-за того, что призраки одолели. Ну, души не то тех работяг, кто здесь сгинул, не то вообще незнамо кого... Знавал я одного бродягу – Папашу Черное Ухо. Когда речь заходила о Стоногом руднике, так это место называется, он прямо сам не свой становился. А если кто начинал его подначивать, типа: «Эй, слышь, Черное Ухо, а сколько ног у того рудничка?..», – так хватался за нож и длинные языки-то укорачивал...

– Ладно, отставить предания старины глубокой, пошли кататься, – мрачно сказал Сварог. – Кто-нибудь из вас управлял такой штукой?

– Приходилось, – неожиданно подала голос Щепка. – Дело немудреное...

Кабинка с ужасающим скрипом закачалась, приняв четверку людей. Сварог с лязгом задвинул дверцу, Щепка дотянулась до коробки, приваренной к вбитой в скальную породу рельсине. Но крышка пульта управления девичьим пальцам не поддавалась.

– Прикипела, – констатировал Сварог. – Монах!

Опальный служитель культа раздвинул складень, сунул лезвие в щель между крышкой и панелью, надавил – и крышка отскочила, слетела с насковзь проржавевших петель, упала на землю, подняв вокруг себя коричневое облако ржавчины.

– Дурные места, вестимо вам глаголю: дурные, и ждет нас тут погибель лютая... – необычайно тихо для себя проговорил Монах, убирая лезвие складня.

На панели обнаружилось два перекидных рычажка: на деревянном набалдашнике одного вырезана стрелка вверх, на другом – стрелка вниз. Так что не бином Ньютона, и ребенок разберется. Щепка перекинула нужный рычажок...

Под навесом, где располагался подъемный механизм, что-то щелкнуло, будто замкнуло реле, потом послышался протяжный, громкий до зубной боли скрип, что-то задрезжало, что-то загудело, скрежетнул над головой трос, кабинка встряхнулась и... и стронулась с места, пошла помаленьку – медленно поползла к горным вершинам.

Глава 5 ...И ПО ВОЗДУХУ

А вот интересно: почему технику не отключили от электропитания? Загадка. Хотя...

Сварог вспомнил Землю, армию, заброшенные военные «точки». В годы лихолетья и междувременья те «точки» закрывали одну за другой – и тоже, промежду прочим, не отключали от электропитания. Равно как и от телефонной связи. Таков был приказ с самых верхов. Считалось, что в любой момент «точка» должна быть готова к возвращению прежних обитателей. Железо ржавело, имущество потихоньку разворовывалось, а свет включи – и горит. Думается, и здесь имеет место та же история...

Кабинка между тем, поскрипывая и покачиваясь, рывками двигалась вверх. Стекла давно уже были то ли выбиты, то ли сняты. Сварог облокотился на край кабинки и молча глазел по сторонам. Вокруг – горы, внизу – предгорье, вдали – равнины и холмы... А вот открылась взглядам с высоты казавшаяся твердой и неподвижной та самая широкая сухоходная река, по которой они

немного не доплыли до намеченного места. А там – что это? – ба, да это ж железная дорога! Ну да, никаких сомнений: практически прямая серебристая полоска то исчезала за горными уступами и *под* ними, в тоннелях, то вновь змеилась, змеилась.

– Единственный рельсовый путь в Короне, – сообщила Щепка, проследив за его взглядом. – Через весь материк тянется...

Сварог понимающе кивнул.

Панорама казалась мрачной и враждебной. И не только из-за того, что над головой нависало серое непроглядное небо, но в большей степени из-за понимания, что где-то по этим пейзажам бродит группа каскадеров. А может, уже и не одна группа...

О чем совсем не хотелось думать, так это о том, что будет, если электропитание неожиданно отключится или отвалится какая-нибудь насквозь проржавевшая шестерня. Тогда они повиснут на высоте в несколько сотен уардов над бездной... Конечно, кое-какие способности Сварога помогут выбраться из передряги, но вот сколько на это уйдет времени? Может быть, как раз хватит, чтобы группа преследователей вышла к канатной дороге и перекинула бы рычажок со стрелкой, недвусмысленно указывающей вниз...

– А это еще что такое?! – Сварог вытянул руку, указывая на поросший чахлым лесом склон ближайшей горы.

Там, по-над куцами, блеклыми деревцами, плыл огромный плоский треугольник ярко-алого цвета; плыл неторопливо и величественно, по идеальной прямой, основанием вперед. Истинные его размеры оценить было невозможно, потому как конструкция эта совершенно не отбрасывала тени и могла находиться как над самыми верхушками сосен, так и в пятидесяти метрах над ними, но все же чувствовалось, что размеры его, мягко говоря, исполинские. Ирреальное было зрелище – над сонными лощинами и перевалами совершенно бесшумно скользит по своим делам аккуратный такой кусок не то пластмассы, не то крашеной фанеры без всяких опознавательных знаков... В магическом зрении все осталось по-прежнему: лес и треугольник над лесом, так что никаким колдовством здесь и не пахло. Непонятно лишь было, почему эта хрень не отбрасывает тени... Тем временем неопознанный летающий объект перевалил за взгорок, на миг замер, развернулся на сто восемьдесят – и исчез, растворился в сизой дымке.

– Ну? И что это было? – спросил Сварог. И с удивлением заметил, что голос его малость дрожит. Страшно не было, просто как-то... как-то не по себе было, что ли.

– Первый раз вижу, – шепотом признался Босой Медведь. – Всякого насмотрелся, но чтоб такое...

– Какая-нибудь секретная разработка? – предположил Сварог. – Аэропил нового поколения?

– Не человеческих рук, но дьявольских лап порождение, – снисходительно, как детям малым, объяснил Монах. – Вестимо, земли сии прокляты и отданы на поругание силам, кои...

– Ясно-ясно, – перебил Сварог быстро, пока Монаха не понесло, – не продолжай. Армия Тьмы, бесовские козни и все такое прочее. Это мы пока еще понимать можем...

Щепка же, прищурившись, молча смотрела вслед треугольнику.

По железной крыше кабинки застучал мелкий дождь, панораму гор и их окрестностей замутила серая рябь. Эдакий нудный поганенький дождик, который и посреди комфорта навеивает тоску, а уж в насквозь продуваемой скрипучей кабинке ощущения охватывают исключительно препоганые. Одно от-одно: неуклонно приближается конечная остановка. Уже можно разглядеть уступ, на котором темнеет невысокое корявое строение, куда заходит трос...

Они разминулись со встречной кабинкой. «Вот было бы здорово, если бы в ней кто-нибудь ехал и делал нам ручкой», – вяло подумал Сварог. Встреча кабинок, не иначе, знаменовала прохождение экватора, то бишь середины канатной трассы. Полпути, значица, одоле...

Сварог круто повернулся к спутникам. Нет, не одному ему показалось. Встрепенулся Босой Медведь. Монах, с самого начала поездки насупленный и задумчивый, сидел на железном крепеже сгнившей лавки, но сейчас голову поднял и вопросительно вскинул брови.

– Похоже на пчелиный рой, – проговорила Щепка, с непонятым выражением глядя на Сварога.

– Н-да, это «ж-ж-ж» неспроста... – раздумчиво сказал Сварог и прикурил сигаретку. – Но это ж сколько пчел должно быть... Скорее уж... Смотрите! Ах ты, мать твою!..

Из скопления туч на горизонте вывалились четыре черных крестика, закружились бестолково, как листья на ветру, потом вдруг выровнялись и образовали стройный клин. За этими показалась следующая четверка, и еще одна... Три клина, разойдясь, слаженно взяли курс аккурат на канатную дорогу. Фигурки на глазах укрупнялись, и уже можно было разглядеть мутное сияние пропеллеров, и уже можно было слышать стрекот винтов и тархтение моторов...

Босой Медведь последним догадался, что происходит:

– Аэропилы, будь я проклят!

Да, двенадцать машин тремя звеньями неслись по воздуху несомненно в их сторону, в сторону еле ползущей кабинки. Нехило, чего уж там. Уж накрыли так накрыли... Но, блин, елы-палы, даже в такую непогоду – а как лихо шуруют сквозь облака эти местные уточкины! Были б подходящие настроение и ситуация, Сварог зааплодировал бы.

– Что, думаешь, палить сразу начнут? – очень тихо спросил Босой Медведь. И голос его Сварогу не понравился. Как бы паника в отряде не началась...

– Думаю, палить начнут не сразу... – протянула Щепка. – Но от этого не легче. Достаточно уничтожить любой из механизмов, верхний или нижний, и мы застрянем здесь, между небом и землей, как мухи в паутине. И им останется лишь подогнать людей и стянуть нас вниз... Проклятье, лучше б мы потратили лишний день, забираясь в горы по козьим тропам...

Нет, показалось Сварогу: паникой в отряде и не пахло, Медведь просто впал в задумчивость.

– Вот режьте меня, но я не понимаю, как они вообще нас обнаружили, да еще так быстро... – с непонятым выражением проговорил он. – По любому, даже если *те* нагнали наши призрачные «отражения», атаманом созданные, даже если тут же сообщили на ближайший аэродром...

– Верно, – энергично кивнула Щепка, обменялась взглядом с Монахом, и ее скулы побелели. – Пока там разберутся что к чему, пока соберут авиаторов и

подготовят аэропилы... А эти будто поджидали нас. Будто знали, что мы решим воспользоваться именно канаткой...

Та-ак... Паникой в отряде не пахло – пахло, оказывается, подозрениями и бунтом.

И Сварог неожиданно ощутил прилив слепой ярости.

– Так, бойцы, – едва сдерживаясь, процедил он сквозь зубы, – давайте-ка на чистоту. Вы что, всерьез думаете, будто это я организовал погоню? Будто мне делать больше нечего, кроме как насыпать толпу каскадеров и целые эскадрильи за какими-то мелкими жуликами? Так, Щепочка?!

А жужжание все приближалось.

– Но кто-то же предупредил их... – вякнул было Медведь, но Щепка мотнула головой, отгоняя навязчивую мысль, и цепко взяла его за руку. Сказала твердо:

– Нет, Медведь. Это не он. Поверь мне, я знаю. Он не мог.

И, удивительное дело, Медведь заткнулся. Предводитель шайки послушался свою шестерку. Пробормотал лишь что-то неразборчивое и отвернулся.

А Сварог, сказавши: «Ладно, проехали», щелчком послал недокуренную сигарету за борт кабинки, механически проследив взглядом за тем, как ее тлеющий уголек искрами рассыпается в полете.

Высоконько они забрались, однако. Под ногами пропасть глубиной не меньше бездны – дна не видать, все туманом затянуто... Лететь туда до-олго придется, в случае чего... «Короче. Собираются они нас расстреливать или же просто хотят остановить на полпути – не суть. Главное, не подпустить их на близкое расстояние. И не миндальничать. На войне, как на войне...» Сварог собрался. Прокручивая в уме последовательность действий, оглянулся на спутников. Лица сподвижников не выражали ни особой бравады, ни особого страха – просто все тягостно напряглись в ожидании. От подозрительности не осталось и следа. И то хорошо.

Итак.

Сначала выводим из строя ведуще...

И тут...

«Ну ни хрена себе...» – вот такой была первая мысль, молнией пронзившая сознание Сварога, едва он увидел, что сотворилось в небесах.

Все аэропилы почти одновременно – с незначительной и несущественной разницей в одну-две секунды – развалились на составляющие. Буквально на лету. Бесшумно и, главное, беспричинно. Полетели в стороны части фюзеляжа, отвалились крылья, отделились и отправились в свободный полет шасси, хвосты, пропеллеры. Среди заполнивших небо обломков выделялись подвижные черные точки, и было их немало, сыпались из развалившихся машин, как горошины из стручка. Это были...

Сварог аж головой помотал, не веря своим глазам. Хотя... Раз существует такая местная штука, как Купол Спасения – выстреливаемое катапультной кресло пилота под большим парашютом, то логично предположить и наличие парашютов малых, индивидуальных. Правда, пока что эти человеки парашюты над собой не раскрывали. Они рассекали воздух в свободном полете, стаяй хищных птиц пикировали под углом, целеустремленно планировали в сторону канатной дороги...

Люди в кабинке, которая продолжала свое размеренное движение вверх,

потрясенно молчали, замороженные зрелищем. А зрелище действительно потрясло. И стало потрясать еще больше, когда черная человеческая стая сократила расстояние до фуникулера. То есть, когда стало возможным различить похожие на черные крылья, трепещущие перепонки между ногами и между разбросанными руками и туловищем.

– «Пауки»! – вскричал Босой Медведь, вцепившись в край кабинки. – Заде-ри меня дьявол, это «пауки»!

– Кто такие? – быстро спросил Сварог.

– Боевой элитный отряд Каскада, – на удивление спокойно пояснила Щепка. – Все думали – миф, сказка, потому что слухи про них ходили такие, что... Но... Но это бесспорно они, потому что никто другой...

И тут на сцену выступил Монах. Со словами: «Элитные, братья, не значит бессмертные», – бывший служитель культа быстро скинул плащ, снял пояс и закатал верхнюю часть трико до пояса, оголив поросший рыжим волосом торс. Отнюдь не худое тулово украшали многочисленные татуировки, исполненные синей и красной тушью, некоторые из которых являли собой прямо-таки живописные полотна. Назначение накожных рисунков было очевидно – утратить некрепких в вере врагов: все рисунки были религиозного содержания. Отвратное чудовище, одной лапой топчущее сосуд с вином, а другой – курительную трубку, попутно изрыгающее пламя на голую красотку с длинными распущенными волосами; плачущие грешники, коих карает сверкающий меч, сжимаемый могучей рукой; какой-то семилапый великан с дубиной в каждом щупальце... Вывалил Монах также и весь свой арсенал: складень, шокер-«мотылек», проволочную удавку, еще какие-то причиндалы, о назначении которых Сварог даже не хотел задумываться.

– Чую, планида наша – вынести схватку лютую и смерть принять на пути в небо, – сказал бывший поп, для проверки нажав на рычажок «мотылька», от чего раздался громкий треск, и между заостренными стержнями шокера пробежала извилистая синяя молния.

– А-атставить р-разговорчики про смерть!.. – рявкнул Сварог. – А бой прием... коль придется. И еще поглядим, кто кого!

Хотя, признаться, на душе у него кошки скребли. Крайне смутно, понимаете ли, представлял он себе, что должно произойти и как им удастся из всего происшедшего выпутаться. А пока действительно ничего не оставалось как, по примеру Монаха, готовиться к воздушному боестолкновению... Стоп, к воздушному ли? Зачем этим «паукам» воздушные схватки? Спланируют на парапланах к верхней площадке, там и встретят кабинку фуникулера...

Ошибся Сварог. Ошибся в главном. Оказывается, никаких парапланов людям-птицам просто не полагалось, никакие парашюты в снаряжение людей-птиц просто-напросто не входили.

Зато в их снаряжение входили прочные, эластичные нити с крючьями на конце.

Черт побери, это впечатляло. На сумасшедшей скорости черные фигуры проносились над канатной дорогой, в определенной точке каждый из «пауков» вдруг совершал в воздухе замысловатый кульбит, выбрасывал руку с нитью, та летела, разматываясь в полете, обвивала металлический трос подъемника, крюк на конце нити цеплялся за него, – летун же падал вниз, пока его не останавливал прочный растягивающийся поводок. Тогда летуна подбрасыва-

ло, какое-то время он качался вверх-вниз, как праздничный раскидай на резинке, потом покачивание замедлялось, и человек-паук начинал ловко карабкаться вверх по веревке. Смотреть бы на это с видовой площадки или в местном синематографе...

Едва начался сей звездопад, тросы подъемника заходили ходуном, и фуникулер принялось немилосердно раскачивать.

Босой Медведь едва успел отскочить, когда один из крюков влетел внутрь, громыхнул об пол, спустя какой-то миг подпрыгнул, стальной молнией пронесся через всю кабинку и впился острыми жалами в верхний край стенки, пробив ее насквозь. Лист металла сверху отошел от каркаса, выгнулся наружу, но из креплений не вылетел, лишь продолжал выгибаться под тяжестью человека, повисшего где-то внизу на своей «тарзанке».

Первым отреагировал Монах – он подскочил и перерезал лезвием складня нить возле самого «ушка» крюка. Сварог перегнулся через ограждение кабинки и увидел, как черный силуэт стремительно удаляется, а за ним анакондой вьется обрезанная «тарзанка». Но вот человек махнул рукой у пояса, в его ладони блеснул металл, и веревка резко отклонилась в сторону. Сварог наблюдал это падение всего несколько секунд, но сумел почувствовать, что в нем нет обреченности. Падающий выравнивал полет посредством своего чудного костюма, направлял себя к ближайшим скалам. Не иначе, эластичный трос был у него не единственным, и человек не терял надежду за что-нибудь зацепиться среди урочища камней и скальных обломков, амортизировать на каучуковом канате и выйти живым из передраги. Такой выдержке и храбрости следовало отдать должное. Да, все говорило за то, что и вправду они столкнулись с легендарной боевой элитой Каскада.

Глава 6 БЕСШУМНЫЙ БОЙ

«Пауков» было около двух дюжин. Против четверых.

Они обрушились на тросы подъемника со всех сторон. Некоторые уже добрались по своим «тарзанкам» непосредственно до тросов и теперь скользили по ним в направлении кабинки, ловко перебирая руками и ногами. Их лица были замотаны черно-зелеными платками, отчего все они походили друг на друга, как близнецы-братья. Кое-кто из человекопауков вцепился в трос встречного направления, ехал на нем и готовился, поравнявшись с кабинкой, перескочить на нее.

Высунувшись из кабинки, как Жеглов из автобуса, разве что не бросив Босому Медведю крылатую фразу: «Держи меня нежно», – Сварог поднял шаур и открыл бесшумный огонь.

Россыпи серебряных звезд брызнули веером в поисках движущихся черных целей.

Попадая в трос, зубчатые кругляши высекали искру. Множество искр вспыхивало на фоне сумрачного неба, однако помимо световых эффектов пользы от стрельбы было мало. Сварогу удалось всерьез зацепить и отправить в свободное падение в бездну только одного из нападавших.

Каскадовцы, едва их начали обстреливать, мгновенно повернулись на тросах ногами вперед – их продвижение замедлилось, но так они обезопасили себя от попаданий в голову. А, как оказалось, уязвимой для звездочек частью у них была только голова. Что уж там они поддели под черную ткань, неизвестно.

но, но кругляши застревали в телах, будто воткнувшись в дерево, никакого урона не нанося. А ведь – уж кому как не Сварогу это знать наверняка – зубчатые серебряные звездочки летают быстро и убойной силой обладают вполне даже внушительной. Ну а от подошв их сапог звездочки и вовсе, искря, отскакивали. Рикошетили и от перчаток.

Ничего себе! Это уже было из разряда каскадерства экстра-класса: этот хренов ниндзя скользил по металлическому тросу сверху вниз, стоя на тросе на полусогнутых ногах и балансируя руками. Лишь серебряный веер из шаура заставил его нырнуть под трос, обхватив его руками и ногами. Но стоило Сварогу перевести огонь на другого противника, как канатоходец вновь оказался сверху на тросе. И опять пришлось его сгонять.

Сварог бросил мимолетный взгляд в сторону верхней площадки – до нее еще кабинке скрипеть и скрипеть. Потом он ободряюще оглядел спутников, но те и без того держались молодцом.

Ага, еще один каскадер сорвался с тросов и отправился на свидание с землей. Похоже, серебряная звездочка угодила ему в щель между доспехами... или что у них там под одежкой...

Сварог отпускал курок шаура, лишь чтобы выцелить новую мишень. Но каскадовцы неумолимо и неуклонно подбирались к кабинке.

А потом началась рукопашная.

Черное гибкое тело ногами вперед влетело в кабинку, сбивая на пол Босого Медведя. На выручку своему атаману бросился Монах. Затрещали шокеры, пахнуло озоном. Зазвенело железо.

Сварог, сунув шаур за пояс, метнулся вперед, навстречу запрыгивающему в кабинку человеку. Перехватил вражью руку с кинжалом, вывернул, заставив пальцы разжаться и выпустить оружие, локтем в челюсть отправил противника в нокдаун и перекинул обмякшее тело за ограждение кабинки. После чего нагнулся за кинжалом...

Два обстоятельства радовали среди всеобщей беспросветности: каскадовцы были вооружены теми же одноразовыми шокерами типа «мотылек» и короткими кривыми ножами с широкими лезвиями. Будь у них пресловутые телескопические электродубинки, у людей в кабине не осталось бы ни единого шанса. Но дубинки требовали ранцев с конденсаторами, а с такими по воздуху не больно-то полетаешь. И еще что хорошо: у врага не получилось навалиться разом, всем скопом. Тогда тоже пришлось бы несладко.

Краем глаза уловив движение сзади, Сварог обернулся. Вовремя. Едва успел отклониться и уйти от направленного в шею «мотылька». Впрочем, и от его, ответного, взмаха кинжалом противник в свою очередь ушел столь же легко.

И тут синяя разрядная, слепящая дуга пробежала через всю кабинку, вонзилась в живот противнику Сварога – и каскадонец задергался, словно на электрическом стуле.

Сварог оглянулся.

Синяя дуга исходила от Щепки.

Девчонка держала руки чуть разведенными, между ладонями крутился синего цвета клубок с ярким шаровидным центром, вокруг которого на бешеной скорости, оставляя за собой голубоватый светящийся инверсионный след, носились по запутанным орбитам шарики поменьше. Ни дать ни взять – модель атома в представлении господина Бора, но именно из него, из этого клубка

Щепка лупила молниями по противнику.

Сварог отвлекся на эдакое чудо, чего уж греха таить, всего на секунду замешкался, но этого оказалось достаточно. Мощный удар в спину свалил его на пол. Перевернулся он на спину так быстро, как только смог, но... Но, наверное, не сумел бы все же избежать кинжала, разве что в самый последний момент ему удалось бы подставить руку и локтевой костью отклонить клинок, чтобы острие попало в пол, а не в живот. Пришлось бы пожертвовать рукой. Однако Сварога выручил Босой Медведь.

Бывший главный специалист по опустошению портовых складов бросился каскадовцу наперерез и подставил свой складень под кинжал.

Неудивительно, что Медведь проиграл этот молниеносный бой на ножах. Все-таки ему противостоял *профессионал*, не один год упорно тренировавшийся в рукопашных схватках. Однако Медведь выиграл для Сварога время, за которое тот успел подняться на ноги и выхватить шаур...

Миндальничать, цацкаться и церемониться Сварог не стал. Засадил из шаура очередь в упор в голову. После чего склонился над зажимающим живот Медведем.

– Хана... кончаюсь, – просипел тот.

– Заткнись, – ласково попросил Сварог. И крикнул: – Эй, Монах! Лови!

Монах поймал брошенный ему шаур.

– Прикрой меня!

Более ничего никому не объясняя, Сварог скинул руку Босого Медведя с живота и накрыл рану ладонями. Сосредоточился. Проговорил необходимое заклинание, вспоминая навыки военно-полевой магии, что в свое время вложили в него лары.

Медведь тяжело дышал и вздрагивал. Сварог ощущал ладонями теплую кровь, которой все больше и больше пропитывалась одежда раненого, в которой уже почти тонули ладони Сварога. Поможет ли магия ларов, удастся ли хотя бы остановить кровь? В любом случае, Сварог сделает все что сможет...

Из состояния предельной сосредоточенности его вывел громкий, закладывающий уши крик:

– Щепка!!!

Тряхнув головой, Сварог вернул себя в обычное состояние, а его уже тряс за плечо Монах:

– Там, там! – он тыкал пальцем в стену кабинки. – Не уследил! Моя вина! Не успел! Он ее «мотыльком», лист отогнуло, вывалились оба!..

Сварог вскочил на ноги, свесился за край кабинки и увидел две летящие к земле, сцепившиеся воедино фигуры. Каскадовец и Щепка.

Раздумывать было нечего.

– Монах! Встречаемся на Сиреневой гряде! Костер разведи, что ли, чтоб я увидел! – крикнул Сварог, выхватил у Монаха шаур. – Продержись, до площадки уже недалеко!

И Сварог перемахнул через ограждение кабинки.

Глава 7

НИЖНИЙ МИР ПРИДУМАН НЕ НАМИ...

Ветер лупил по лицу наотмашь, заставляя смаргивать слезы и щуриться. А как ветру еще прикажете бить, когда ты камнем падаешь вниз?

Сварог видел цель впереди себя (или следует говорить – «ниже себя»?) двух

сцепившихся людей. Вернее, одного человека, вцепившегося в другого. В общем, как ни назови, суть одна: Сварогу необходимо их догнать, догнать этих двоих.

Пока он находился на такой высоте, что, если б не ветер, скорость не ощущалась бы вовсе: далекие горные склоны были неподвижны, неподвижным было и дно ущелья с изломанной полосой расщелины, лишь немного поворачивалось, когда набегающий поток разворачивал тело Сварога. Ну да это ничего, это пройдет, когда он опустится ниже, тогда дно понесется навстречу с гипнотической скоростью, станет увеличиваться, станут видны детали – валуны, деревья, трещины в скалах, сама расщелина... станет отчетливо видно место, в которое его тело должно будет влететь с ускорением девять и восемь десятых...

Дудки. Это мы еще посмотрим. Мы ж все-таки лары...

Ага, вот что сделал летающий каскадовец – чем-то то ли привязал, то ли пристегнул к себе Щепку, чтобы освободить руки. И теперь разбросал в стороны конечности, натянув между ними ткань и сделавшись похожим на недомершего птеродактиля. Или на гигантскую летучую мышь. Бэтмен, бляха-муха.

Чтобы еще больше замедлить падение, летун выгнул спину буквой «С», хребтом кверху. Получился своего рода мешок или даже, можно сказать, небольшой парашют, которым этот хренов дельтапланерист ловил встречный воздушный поток. А дальше каскадовец начал показывать высший пилотаж свободного падения. Мало того, что он удерживался в принятом положении, хотя набегающий поток ударял в него с невероятной силой, норовя перевернуть и закрутить, он еще умудрялся *скользить* по воздуху, выходя на одному ему ведомую цель. Да-да, в этот момент он здорово напоминал серфингиста, летящего на доске по океанским волнам. И это с дополнительным-то грузом! Отчаянные каскадовские ребята, бесспорно, нравились Сварогу все больше и больше.

Конечно, только человек, ни разу не испытывавший на себе свободное падение с огромной высоты, полагает, что воздух – нечто однородное и при этом пустое. Фига. На самом деле воздух – это та же дорога, где-то ровная, где-то ухабистая, где-то и вовсе раздолбанная вдрызг. И можно умело *ехать* по воздуху, ежели, конечно, тонко чувствуешь кожей воздушные слои, течения и ямы и понимаешь, что тебе надлежит со всем этим делать. Свободное падение, как и все на свете, не столь уж и свободно, им тоже можно управлять. Только сколько ж для этого надо тренироваться... уму непостижимо!

Впрочем, замедляя свое падение, уменьшая скорость, каскадовец помогал Сварогу догнать себя. Дистанция между ними стремительно сокращалась. Однако почему он не отпускает Щепку, на кой ляд она ему сдалась? И без девчонки совершенно непонятно, на что он рассчитывает, а уж с нею-то – как пить дать расшибется вдребезги. Неужели боец столь фанатично верен приказу – во что бы то ни стало захватить живьем всех до единого? Кстати, вполне допустимо, что эти супермены зомбированы соответствующими методиками, вот откуда отчаянная храбрость, граничащая с безрассудством...

Сварог уловил краем глаза движение за левым плечом, повернул голову: его догоняли три черные тени. Трое каскадовцев, сейчас еще больше похожих на черных хищных птиц, летели, вытянувшись в струны, прижав руки к бо-

кам. «Вот сволочи! – в который уж раз с восхищением подумал Сварог. – По доброй воле сигают в пропасть, будто это им бассейн какой-то. Я-то ладно, лару разбиться не дано, но они-то, как я понимаю, простые смертные...»

Ну, в общем, отдал Сварог должное врагу, теперь следовало думать, как его, врага, уничтожить. Потому что в противном случае враг уничтожит тебя самого. И очень скоро. Они висят на хвосте конкретно и старательно, вот-вот догонят. Догонят, если Сварог хоть чуть-чуть пошевелится или просто изменит положение любой части тела, ладони, например, не говоря уж про то, что начнет крутиться: он враз потеряет скорость.

«Значит, вы у нас летаете, аки птицы-соколы, и в воздушных, стал быть, непобедимы? – подумал Сварог, сознательно заводя себя. – Ну так ща вы у меня узнаете, как летает советский десант!»

Маневр Сварог задумал сложнейший, который выполнял один-единственный раз в жизни, очень и очень давно, в давно позабытой жизни.

Но, как ни странно, получилось.

Бывший майор ВДВ скрестил руки на груди, наклонился, подставив под тугую воздушную струю затылок. А затем руки, голову и ноги резко откинул назад, вытянув носки и чуть прогнув спину – так входят в воду прыгуны с вышки.

Удалось. Он изменил траекторию полета! И сейчас Сварог несся вниз, к земле, под углом в сорок пять градусов.

Преследователи не ждали от противника ничего подобного, не приготовились к его маневру. А сотые доли секунды на такой сумасшедшей скорости означают десятки уардов и полную смену диспозиции. Не успели миновать эти сотые доли, как каскадовцы поравнялись со Сварогом.

И тогда Сварог повторил маневр. Получилось вот что: если преследователи летели строго по вертикали, то Сварог двигался ломаной линией, и сошлись они в одной точке. Только Сварог к этой точке приближался, предварительно выхватив из-за пояса шаур. И обрушил на неприятеля дождь из смертоносного серебра. Одного «бэтмена» завертело и враз отнесло далеко в сторону, другой получил зубчатый кругляш в голову, и его полет превратился в безжизненное падение. Третий вовремя раскинул руки-ноги и его подхватила подъемная сила, уводя из-под обстрела. Этот третий опять оказался за спиной Сварога и, наверное, собирался продолжить преследование, только вряд ли уж успеет... Впрочем, Сварогу так и так некогда было отвлекаться на воздушную погоню. Ибо, во-первых, он сам нагнал каскадовца, в чьих руках трепыхалась Щепка, а во-вторых, они уже достигли расселины. У Сварога еще в самом начале этого безумного полета возникло ощущение, что «бэтмен» номер раз знает, куда летит. Выруливает, так сказать, к определенному месту. Может быть, он знал здешние места, или по карте изучил рельеф местности, или же обладал поистине орлиным зрением, но нет никаких сомнений: он держал путь именно к этой расселине...

Горная долина, над которой они путешествовали в кабинке фуникулера, представляла собой огромную, казавшуюся бездонной чашу. И чаша имела дно. А дно разрезала трещина, разлом в горе, у которого тоже были своя глубина и свое дно.

Они провалились в эту узкую щель одновременно, рядом друг с другом. Справа-слева замелькали серые скалы, земля неслась в лицо стремительной,

извилистой полосой тумана сизого цвета.

Сварогу оставалось вытянуть руку и вцепиться в черную ткань... Но не хватило даже не сотой, а тысячной доли секунды.

Правую руку каскадовца вдруг окрасила оранжевая вспышка, в сторону стены метнулась стальная молния, промелькнув перед лицом Сварога. Отдачей этого выстрела его отбросило от графа Гэйра, бывшего майора ВДВ, – последний, чья скорость была больше, ухнул вниз и пролетел мимо «черного бэтмена», так и не схватив его.

Сварог тут же перевернулся на спину и увидел, как «бэтмен» отвел от пояса левую руку. Еще раз полыхнул оранжевый огонь, промелькнула еще одна стальная молния – в сторону противоположной стены... Блин, его же шваркнет о скалу так, что в мокрое место обратится не только он сам, но и девчонка...

Но Сварог уже ничего не мог поделать. Мог только закончить этот безумный, невероятный полет. И полет закончился секунды через три. Едва Сварог вонзился в туман, что клубился по дну ущелья, невидимые заботливые руки придержали его, он закачался в них, как выпрыгнувший из окна каскадер в великанской надувной подушке, и эти руки мягко опустили его на землю.

Несколько раз шумно выдохнув, успокаивая распалившееся сердечко, Сварог пощупал, на месте ли мешочек с Оком Бога – на месте – и огляделся. Прислушался.

Ага, ничего еще не потеряно. Хотя бы потому, что помирать каскадовец явно не собирался. Сварог его не видел – мешал туман, – но слышал. Поди тут не услышь... Тишина в ущелье стояла прямо-таки сверхъестественная. словно обложили со всех сторон ватой. Поэтому любой звук был слышен отчетливо. Тем более *такой*...

Звук походил на размеренное поскрипывание матрасных пружин: «хыть-ху, хыть-ху». Только амплитуда – а она легко определялась по паузе между двумя явственно полярными звуками – была огромной, словно матрас глубоко продавливался под телесами некоего местного Гаргантюа. Сварог, задрав голову, старательно шарил взглядом над собой, но кроме тумана пока не видел ничего. Амплитуда уменьшалась, и чуть погодя поскрипывание стихло вовсе. Потом последовало несколько щелчков – будто застегивали альпинистские карабины. Минуло еще несколько секунд, и раздалось долгое однообразное «в-ж-ж-ж», – Сварог почему-то представил себе раскручивающийся барабан ледбедки.

Ущелье, и без того узкое в том месте, где очутился Сварог, было уже самого себя – всего каких-нибудь пять уардов в ширину. Ага, вот наконец и «бэтмен» показался. Вышел «бэтмен» из тумана, вынул ножик из кармана... Из тумана он опускался на тросе. Как театральный бог – тот самый, который из машины.

Коснувшись ногами каменистого дна ущелья, каскадовец-человекопаук дотронулся до чего-то там на боку, последовал щелчок, и трос унесся вверх. Потом растегнул ремень, которым была пристегнута к нему Щепка, и аккуратно положил девушку на землю. После чего принялся неторопливо разматывать закрывавший лицо платок. Тряпка черно-зеленого цвета полетела за спину, открыв короткие белые волосы и сумрачное скуластое лицо.

Каскадовец не видел Сварога, стоящего в нескольких шагах, и никак не мог увидеть, потому что граф Гэйр применил то, что в колдовском лексиконе име-

нуется «отводить глаза». Однако «бэтмен», покрутив головой, вдруг безошибочно остановил взгляд на Свароге. И ухмыльнулся.

Он никак не мог увидеть прикрытого заклинанием лара – но, похоже, услышал. Поскольку Сварог форменным образом обратился в соляную статую, оставалось лишь одно предположение: каскадовец расслышал дыхание.

Ладони местного спецназовца нырнули к поясу, и два коротких метательных ножа, бешено крутясь, туманно-серебристыми кругами просвистели слева и справа от Сварога, который стоял, не шелохнувшись, и зазвенели по дну ущелья.

Неудача, похоже, нисколько не расстроила каскадовца и уж тем паче не повергла в мистический ужас. Он вроде бы оказался доволен результатом эксперимента, если судить по вновь заигравшей на губах улыбке.

– Нас специально тренируют на борьбу с магами, – вдруг заговорил он. Голос у него был дискантный. – Мы готовы ко всем вашим штучкам. Так что ты не надейся, приятель, что уйдешь от меня. Нам известны все ваши приемчики, и против всех разработаны контрмеры. Человек, видишь ли, сильнее мага, потому что маг полагается не на самого себя, а лишь на силу чужих заклинаний, тогда как на самом деле возможности человеческого организма несравненно более велики и могучи, нежели какие-то заклинания, пассы, чары и прочие мороки. Надо только развить эти возможности. Вот как нас учили...

Продолжая проповедь, боец Каскада расстегнул черную куртку, достал из-за пазухи коробку, похожую на сигарную, выдвинул из нее раму, провернул коробку вокруг своей оси, откинул крышку.

А это что еще за напасть?..

Озарение, как ему и полагалось, полыхнуло словно бы ниоткуда. Только что его не было – и вот оно, в голове, и удивляешься, как раньше до этого не додумался. То-то он зубы заговаривает! Ему просто требовалось время, чтобы привести в готовность сетеметатель.

«Бэтмен» это время и выигрывал.

Забарахтаться под сетью, что твоя рыба, Сварогу никак не глянулось. Он поднял шаур, вдавил курок...

До того подобное граф Гэйр видел лишь однажды – когда по настоянию Гаудина испытывал Мару. Лишь она уходила от звездочек шаура легко и непринужденно, будто те не летали со скоростью пуль, а ползали по воздуху, как жирные мухи по стеклу. Каскадовец улизнул из-под смертоносного серебряного веера, демонстрируя невероятные реакцию, скорость, прыжки и перекаты. Нет, все же он поймал пару-тройку зубчатых кругляшей. Но именно *поймал* – принял на руку, защищая лицо, и звездочки застряли в поддетой под куртку защите, остались торчать нелепыми серебряными украшениями на темной ткани.

После чего ниндзя этот метнулся к отвесной скальной стене, взбежал играючи по ней на высоту в два своих роста, сильно оттолкнулся ногами, перевернулся в воздухе, ступней отбил серебряную звездочку – брызнули искры, громко звякнуло, – мягко приземлился, перекатился, снова взмыл в воздух, взмахнул рукой – и в сторону Сварога полетела та самая хреновина, похожая на коробку из-под сигар, а в его руке осталась та самая рамка, что он давеча выдвигал...

Впрочем, и Сварог не стоял, разинув рот, дожидаясь, когда та коробка стук-

нет его по лбу. Он метнулся к привалившемуся к скале валуну – запрыгнуть на него, взмыть с него как можно выше и перепрыгнуть через падающую сеть. Но сеть оказалась значительно более широкой, нежели он предполагал. Сварогу не удалось выскочить из-под ее купола и, хоть и краем, но сеть его накрыла.

Глава 8 МЕЧТА ОТШЕЛЬНИКА

Быстрый ниндзя незамедлительно оказался рядом. И застыл над поверженным, барахтающимся в сети Сварогом, с оттенком брезгливости наклонив голову. Тогда Сварог снял заклинание отвода глаз, – все равно не помогает ничуть – и открыл мерзавцу свое истинное обличье. Подумал мельком, с холодной тоской: «Вот так и попадают из князи в грязи... Секунду назад искренне был уверен, что являешься верхом неуязвимости, а теперь вот лежишь, как муха, спеленутая пауком...». В общем, почти по классике: «В свою же сеть кулик попался»...

– Вряд ли это лично ты виноват в смерти Ок-Сатло, – задумчиво сказал каскадонец. – Слишком невероятным было бы совпадение... Но такой, как ты, убил мою сестру. Я давно мечтал лично, вот этими руками прикончить колдуна. Сколько раз вы попадали мне в руки! Но рядом постоянно кто-то оказывался. И вот с одним из магов я остался наедине.

Каскадонец неторопливо потянул из ножен на поясе кинжал.

– Я знаю, что мне грозит. Коу-Икин по прозвищу Пушечное ядро тоже однажды не донес пленника, чем нарушил циркуляр... Ну и что? Его на год отстранили от работы, а потом все равно вернули. Потому что нас слишком мало, нами нельзя разбрасываться. Поэтому я убью тебя, колдун.

Чертыхнувшись про себя, Сварог признал, что выбора ему не оставили. Как говаривала одна незабвенная животина по имени Белый Клык: «Ешь, или съедят тебя самого»...

Однако все ж таки жаль было убивать архаровца. И не потому, что они не были врагами. Просто досадное недоразумение столкнуло их лбами на одной дороге, так что не разойтись. К тому же, кому, как не офицеру-десатнику знать, насколько тяжело выпестовать столь совершенную боевую машину, что возвышалась перед ним в облике спецназовца из Каскада, машину, которой позавидовала бы любая армия, кому, как не майору ВДВ, знать и то, насколько редки подобные люди. Тут дело не в тренированности, так натренировать нельзя, тут все должно сойтись: незаурядные природные данные, какие выпадают одному из десяти тысяч, и умелое их развитие уже с раннего детства. А для этого требуется, чтобы человека выделили из общей массы уже в раннем детстве... да и много еще чего должно сойтись. Поэтому таких парней можно продавать на вес золота, любой спецназ любого мира возьмет, не торгуясь...

Но убить его придется.

Хотя...

Когда-то давным-давно, в самом начале новой жизни под именем граф Гэйр, Сварог, помнится, развлекался... А каменного крошева подходящего размера вокруг полно.

– Не, ты чего... – выдохнул Сварог, для приличия барахтаясь в сетке и испуганно глядя каскадowцу в глаза. Сеть была прочной. – Постой, погоди, давай

договоримся... Я... я – добрый маг...

Вон тот булыжник, размером с кулак взрослого человека, пожалуй, подойдет. Лишь бы не стукнулся ни обо что по дороге...

Брат неведомой Ок-Сатло покивал, переворачивая кинжал лезвием к себе и склоняясь над Сварогом:

– Но ты – маг. И бесполезно пробовать на мне заклинания голосом, взглядом, пассом или...

Черт, булыжник, поднимаясь в воздух, все-таки легонько царапнул о каменный выступ! А человек с ножом, надо отдать ему должное, не стал тратить время и рефлекторно оборачиваться: рефлекс у него были другие. Едва за спиной раздалось чуть слышное «тюк», тренированное тело каскадовца швырнуло себя в сторону, под защиту того самого валуна, от которого собирался оттолкнуться Сварог. И каскадовец успел бы – успел бы укрыться, перегруппироваться и контратаковать... если б камушек по-прежнему летел по прямой. Но мгновенным усилием воли Сварог изменил траекторию его полета, и камень, описав в воздухе крутой вираж, с глухим стуком ткнулся во вражий затылок. Каскадовец беззвучно ткнулся мордой в землю, всколыхнув туман.

Сварогу пришлось еще малость повозиться, пока он взглядом выворачивал кинжал из сведенных пальцев безымянного противника. Наконец освобожденное холодное оружие послушно скользнуло к нему, и теперь выпутаться из кокона было делом плевым.

Отбросив ошметки сети, Сварог подошел к поверженному «пауку», ногой перевернул тело лицом вверх. В приоткрытых глазах каскадовца застыли решимость и спокойствие. Н-да, перестарались вы, ваше величество, долбанули камушком зело сильно... Или это опять сработало здешнее правило «нелепой смерти»?..

Как бы то ни было, он снял с трупа ножны, сунул в них кинжал, повесил на пояс. Обыскал труп, но ничего не нашел. Ни другого оружия, ни каких-нибудь ниндзявских штучек, ни документов. Увы. Тогда он нашарил в тумане металлические ножи – пригодятся – и огляделся.

Сизый туман распределялся по ущелью неравномерно: где-то гуще, где-то жиже, где-то и вовсе было свободно от тумана. Как пена на воде. Сварог опустился на колени рядом со Щепкой. Она все еще была без сознания. Неизвестно, только ли разряд шокера стал причиной столь долгого и глубокого забытья, или пленивший ее каскадовец применил какой-нибудь каскадовский трюк. «Сейчас, – подумал Сварог. – Минутку. Выкурю сигарету и займусь Щепкой. Но сперва надо передохнуть. После эдаких полетов, не во сне происходивших, а наяву, надо, по-хорошему, восстанавливаться с недельку в бальнеологическом санатории, вот что я вам скажу, господа мои разлюбезные...»

Сварог сотворил сигаретку и выкурил ее в несколько энергичных затяжек. Не хватило. Пришлось сотворить еще одну. Вторую он принялся смаковать с нескрываемым удовольствием, прислонившись спиной к угловатому камню, но не чувствуя от этого никакого неудобства.

Опять навалилась эта невероятная тишина, живущая здесь, судя по всему, испокон веков. Тихий покойный мир, из которого не хочется уходить. Нижний мир, так его и растак...

– Мечта отшельника, – пробормотал Сварог под нос.

Наверное, нет большей противоположности мирской суете, чем такие вот места.

А Сварог вдруг подумал о том, что в воздушном бою уцелело еще два летуна, и хоть один из них вполне мог уцелеть при посадке. Будем исходить из худшего и допустим, что так оно и есть. И раз граждан «бэтменов» не было слышно ни до того, ни сейчас, возможно, они приземлились где-то вдалеке. Однако, отцепив свои замечательные шнурки и тросики, они примутся прочесывать расселину со всей скрупулезностью – в этом сомневаться не приходится, эти хлопчики, судя по всему, не умеют останавливаться на полпути и предаваться всяким меланхолиям и мерихлюндиям. Честно говоря, устраивать еще одни гладиаторские бои с такими подкованными ребятишками не тянуло ну совершенно и напрочь...

Застонала Щепка. Открыла глаза. Приподнялась на локтях.

– Кофе хочешь? – хмуро предложил Сварог.

– Кофе? – переспросила Щепка. – Кофе...

Она села, старательно огляделась. Помотала головой, потом прижала пальцы к вискам. Громко выдохнула:

– Кофе!

И расхохоталась. Вернее, зашлась истерическим смехом – аккурат в тот момент, когда Сварог услышал...

– Тихо! – Он зажал ей рот, повалил на землю и зашептал в ухо: – Ни звука! Ну, пришла в себя?

Щепка, помедлив, кивнула. Сварог внимательно посмотрел ей в глаза – вроде бы взгляд совершенно нормальный – и убрал руку. На всякий случай еще раз приложил палец к губам. Однако Щепка девочка была сообразительная, несомненно она уже поняла, что к чему и что следует делать, а чего делать не следует ни в коем случае.

Оба замерли, превратившись в слух. Ага, вот опять повторился тот же звук, что насторожил Сварога: шарканье. Да, более всего это походило именно на стариковское шарканье. Хрустнул камешек, попав под чью-то подошву.

И был еще один звук, сопровождающий шарканье. Сварогу на ум неведомым образом пришло странное сравнение: «сороконожье шебуршание». Да, несмотря на всю свою странность, сравнение как нельзя лучше подходило к случаю – звук вызывал на ум именно такую картину: множество мелких ножек, шустро перебирающих по камням.

Древние инстинкты призывали бежать прочь, любопытство призывало остаться и взглянуть, здравый смысл подсказывал, что позывы можно объединить, спрятавшись за... ну скажем, за этот выступ или забиться в эту подходящую нишу, сигнализатор опасности тренькал не то чтобы очень громко, но и не молчал. Дескать, а хрен его знает, товарищ командир, может, есть угроза, а может стать, что и нет...

Сварог подхватил Щепку и отнес за выступ. Правда, когда неизвестный... или неизвестные продвинутся дальше выступа, то непременно спрятавшихся углядят. Что ж, к тому времени следует принять какое-нибудь решение. Только и всего. Делов-то... Звук приближался. Неизвестные, отгороженные от Сварога и Щепки туманом, явно не торопились прибыть к месту, откуда ранее доносились человеческие голоса, топот ног, тихое звяканье металла и некоторые другие интригующие звуки. Уверены, что все равно успеют?

Так. Вот шарканье и шебуршание затихло. Словно производители звуков остановились на короткое совещание. «Кто шебуршится – не знаю, – вспомнился некстати бородатейший анекдот, – но колбасу лю-убит!..»

Рядом Сварог слышал частое дыхание Щепки. Теплый воздух ее выдохов касался его шеи. Нетрудно догадаться, что девчонку прямо-таки распирает, ведь наверняка во время затяжного падения она пребывала в беспомощности и не понимает, где находится, куда подевались те да эти, куда подевались, наконец, канатная дорога и высокогорный простор, но, молодец, дисциплинированно молчит...

А, ну вот и снова началось. Шарканье, похожее на стариковское, и шебуршание, похожее на царапанье по камню множества мелких ножек... Наконец они увидели...

Уф, твою мать! Девичья рука не по-девичьи сильно сжала Сварогу плечо. Сварог и не заметил, как его ладонь легла на рукоять безотказного шаура. Да, похоже, серебро в ближайшее время им с Щепкой очень пригодится.

Из сизых ключев тумана выплыли приземистые серые тени и скользнули, издавая то самое сороконожье шебуршание, к неподвижному телу каскадовца. И тут же облепили тело так, что черную ткань стало не видно под шевелящимся, копошащимся мохнатым серым покровом. Донеслось отвратительное хлюпанье, дополнявшееся чавканьем и окончившееся рыганьем.

Когда зверюшки, насытившись, отвалились от тела, Сварог наконец как следует разглядел этих тварей: размером с кошку, с крысиными мордами, на коротких ножках, число которых не поддавалось пересчету из-за закрывающего их меха, но число это значительно превосходило традиционное четыре, с раздувшимися после сытного обеда боками и отвисшим брюхом. Сварог увидел, что тело каскадовца, подвергнутое нападению и осквернению, малость осело, вроде бы стало покороче, словно сдулось... И поспешно отвел взгляд.

Мысленно пробежался по их боевому арсеналу: шаур, кинжал каскадовский, два метательных ножа. Плюс возможности лара, плюс какие-то фокусы Щепки – вроде той хреновины, похожей на планетарную модель атома, которой она лупила врага на канатной дороге, странно, ведь хреновина явно колдовского происхождения, а он, Сварог, не унюхал в девчонке никаких магических способностей... не о том, блин, думаешь! Что еще? Больше ничего. Биться придется практически голыми руками...

Однако серые тварюги не спешили отыскивать новую жертву. Насытившись, зверьки сбились в кучу и повернули морды в ту сторону, откуда недавно выскользнули. Похоже, ждали хозяина.

И хозяин не заставил себя ждать.

Сперва слышались медлительные шаркающие шаги да глухое деревянное постукивание, потом раздался сдавленный кашель, приглушенный туманом. В той стороне, откуда пришли звери, нарисовался расплывчатый силуэт, по мере приближения силуэт обретал плотность, объем, четкие границы... а потом р-раз – и из тумана вышел дед. Обыкновенный такой дедуся вышел, тяжело ударяя оземь сучковатой клюкой при каждом шаге, в сером армяке, дырявых шароварах и поношенных сапогах... Более всего он был похож на какого-нибудь древнего старовера из глухой деревни. Или вот, скажем, граф Лев Николаевич, доживи он годочков эдак до ста двадцати, наверное, выглядел бы так же: согбенный, с высохшей морщинистой кожей, обтягивающей скулы и

покрытой старческими веснушками, но – при густой, до пояса, совершенно седой бороде, с кустистыми бровями, нависающими над слезящимися глазками, с повязанной ремешком гривой белых как лунь волос, лохматыми космами, обрамляющими обширную плешь. Плешь была похожа на тонзуру.

Сварог посмотрел на Щепку: кто это? Та недоуменно пожалала плечами.

Старец же неторопливо приблизился, крайне неодобрительно оглядел Сварога и Щепку. Непонятно было, как он вообще что-либо видит – клокастые брови длиной с фалангу пальца, должно быть, совершенно закрывали ему обзор. Он пошамкал беззубым ртом и вдруг сказал зычным баритоном, совершенно не вяжущимся с его обликом:

– Расшумелись тут, с-сучьи дети... Чего надо? Чего приперлись?

Что интересно: вокруг самого старичка туман словно натыкался на невидимую преграду – клубился, шел водоворотиками, выпускал вялые сизые языки, но приблизиться к деду вплотную не мог, сохранял дистанцию примерно в метр. Так что дедуля шаркал по голой скале, а туман образовывал вокруг его ног почти правильную окружность чистого воздуха, которая и перемещалась вместе с ним. Зверюшки крутились позади, как болонки. Разве что хвостиками не виляли.

– А вы, дедушка... – оторопело начала Щепка, но дедушка вдруг шарахнул о землю сбитым концом посоха и рывкнул на Сварога, чуть ли брызжа слюной:

– Ты меня еще посканируй, посканируй, жопа! Живьем ведь в скалу закопаю!

И Сварог, который и в самом деле по привычке попытался *прощупать* старого хрыча на предмет магии, вдруг получил такой силы ментальный удар, что едва устоял на ногах, – но так ничего магическим зрением и не разглядел. Не успел.

– То-то, – проворчал ветеран более миролюбиво. – А то ишь моду взяли... Эй, орел, курить есть?

– Курить?.. – Сварог помотал головой. В голове после удара прямо-таки бесновались колокола. – Ах, курить...

Точно в полусне он достал из воздуха незажженную сигарету, протянул дедуле. Дедуля узловатыми пальцами сигарету взял, оглядел со всех сторон, брезгливо понюхал, сунул между пергаментных губ... и сигарета зажглась. Сама собой.

Сварог озадаченно склонил голову набок. А древлянин затаился, выпустил из ноздрей две струи дыма, прислушался к ощущениям в организме. И, кряхтя, сел.

Сел на чурбанчик, стоящий прямиком за его спиной. Сварог мог поклясться, что мгновение назад никакого чурбанчика там не было.

«Ах, в этом смысле...» – только и подумал он.

И неожиданно почувствовал, что – *отпускает*. Бегство по горам, бой на подъемнике, сумасшедший полет ко дну ущелья – все уходило куда-то, становилось мелким и блеклым, как детские воспоминания. Он посмотрел на Щепку – девчонка разглядывала старика исподлобья, и выражения ее лица было не видно.

– Можете звать меня дедом Пу. Так меня все кличут, кто еще помнит, – разрешил старец. Посох он поставил между ног и обнял обеими руками. Сигаретный дым путался в его бородище. – Ну и? Чего притазились, спрашиваю?

– Да нам бы наоборот, собственно, – выбраться отсюда... – осторожно сказал Сварог.

– Ага, выбраться, – пробурчал дед. – Сперва залезут, потом ноют: «Выбраться»... А чё тебе, парень, дома не сиделось-то?! Чё ты все шатаешься туда-сюда-обратно?.. Я в твоём возра... Тьфу ты, пакость какая! И как ты это дерьмо кошачье в рот только суешь...

Он выплюнул недокуренную сигарету в туман и надрывно закашлялся. Потом вытер рот тыльной стороной ладони, руку вытер об армяк и признался горестно:

– Курить вот никак не брошу... Ну спрашивай, спрашивай, вижу ведь, что неймется.

– Э... А вы кто? – спросил Сварог напрямик.

Дедушка посмотрел на него с удивлением и ласково произнес:

– Ты что, дурак? Сказал же: я – дедушка Пу.

– Понятно, – покладисто согласился Сварог. – А как насчет выбраться?

– Откуда?

– Отсюда.

– Откуда отсюда?

«Издевается, маразматик старый...», – раздраженно подумал Сварог, почему-то чувствуя себя как напроказничавший школьник в кабинете директора. И это чувство ему очень не нравилось.

– А ты спроси правильно, – обиделся старик, – тогда и отвечу. «Маразматик»... С мое поживи сначала, сопля!

– Дедушка Пу, – вдруг совершенно серьезно сказала Щепка, – вы не сердитесь. Это я виновата, что мы к вам без спросу...

– Ясный хрен, без спросу. Ясный хрен, виновата, – старый маразматик степенно огладил бороду. Настроение у него менялось, как ветер в штормовую погоду. – Мужика тебе, девонька, надо нормального, вот что. А то все в игрушки играешь, все никак не угомонишься, скачешь все...

– Вы о чем это? – насторожилась Щепка.

– Ой, дурочкой-то не прикидывайся, – отмахнулся дедушка Пу. – Сама знаешь, о чем. И парня этого неприкаянного зачем-то впутали... А ты что творишь? – накинулся он тут и на Сварога. – Камушки кидать в голову живому человеку, пукалкой размахивать – это мы умеем, чего ж не помахать-то, коли пукалка есть! Бирюльку волшебную на шею повесил и думаешь – самый сильный? А человека угробил! – он ткнул концом клюки в сторону останков каскадовца.

Сварог едва не ляпнул: «Он первый начал», – но смекнул вовремя, как это прозвучит, и прикусил язык. Попросил о другом: – Отец, как все же нам выбраться, а? И... как *мне* выбраться?..

– Ты с этой бирюлькой поосторожнее, – будто не слыша продолжал Пу. – Дел можешь натворить, а кто разгребать будет? Эх, молодежь... Ладно, остепенитесь еще, сам таким был. – Он сочувственно посмотрел на Сварога: – Как тебе выбраться, говоришь... Ну, уйти *отсюда* ты сможешь, не проблема... но куда ты от себя уйдешь-то, парень, а? Молчишь? Значит, умнеешь.

– Я поняла, – вдруг дерзко вскинула голову Щепка. – И я не согласна с вами. Нельзя же просто так взять и отказаться... от того, что тебе дает судьба! Потом никогда себе не простишь, если откажешься!

– Суета... – старик смотрел на нее печально и жалостливо.

Потом неторопливо поднялся, опираясь на посох, и посмотрел на заходящее солнце.

– Ладно, играйтесь, пока молодые... Вам во-он туда, видите дым от костра? Приятели ваши ждут не дождутся. Поторопитесь, так до ночи успеете.

И он посмотрел на закатное солнце. Стоп. Закатное солнце? Откуда?!. Сварог резко оглянулся... и беззвучно выматерился. Да черт подери всю эту магию! Оказывается, они уже стоят на гребне ущелья! По колено в сизом тумане – да, но не на дне расщелины, а на ее краю! Выбрались! Как, когда – этого Сварог совершенно не заметил. Только что слушали старца в полутьме подземелья – и вот уже закатное солнце...

Он обернулся к дедушке... И никого не увидел. Никого не было рядом с ними. Только горы, скалы, камни... Исчез даже туман.

– Ты что-нибудь понимаешь? – негромко спросил он. – Кто это был?

– Не знаю, – сказала Щепка, задумчиво глядя в черную пасть расщелины. – Но я все равно с ним не согласна.

Почему-то Сварог не стал спрашивать – в чем.

Глава 9 ВИЗАРИ, ДУБЛЬ ВТОРОЙ

Сварог сидел, подложив под себя сложенный в несколько раз плащ. Над головой бесконечной унылой чередой проносились плоские, как плиты, серые облака. И опять начал накрапывать дождь.

Дело происходило в середине следующего дня на пресловутой Сиреневой гряде, против ожидания выглядевшей самой что ни на есть заурядной грядой. Внизу расстилались выглядевшие дикими и безлюдными склоны: ни дымка, ни строения, ни малейшего движения. Разве что на закате, у самого горизонта виднелось нечто высокое, ярко-желтое, очертаний слишком правильных для творения природы форм, похожее на приземистую пирамиду. Однако рассмотреть загадочное строение вблизи им точно не удастся – их путь с перевала к Сиреневой гряде лежит в другую сторону. Сварог, любопытства ради, спросил, что за чудо поселилось среди гор, но про то никто не знал – ни Щепка, ни Монах, ни Босой Медведь.

Касательно встречи с дедом Пу Сварог со Щепкой по молчаливой договоренности решили не распространяться: все равно никто не поверит. А если и поверит, то что толку? Дед если и мог, то ни помогать, ни мешать им явно не хотел. Он жил в своем замкнутом мирке, словно в некоем параллельном пространстве... вот именно: «словно». Его мир походил на *действительно* параллельный, куда бы *действительно* мог уйти Сварог, не больше, чем, скажем, роман советского русофила-почвенника на всамделишную деревенскую реальность...

Так что Сварог и Щепка все больше помалкивали, а их неразговорчивость с лихвой компенсировал Монах.

– Высшая сила в тот день благоволила нам, а чернотелым упырям в подмоге отказала, ибо прогневали они Создателя, вообразив себя птахами летучими, – степенно рассказывал тот, поворачивая над огнем кинжал с насаженной на него тушкой кролика. – Ну мы и сами не оплошали, не подвели Создателя. Когда вы, атаман, – он повернулся к Сварогу, – вынудили броситься в погоню за вами аж трех чернотелых упырей, тем самым снимая с нас часть непосиль-

ной ноши, их осталось не столь уж много противу того, что было изначально. Всего трое их осталось... Хотя и одного эдакого нетопыря-зверя, возвращенного в злокозненном Каскаде, не пожелаешь себе врагом. Уж больно ловки прохвосты и увертливы зело!

Монах свел к переносице кустистые брови и неодобрительно покачал головой, когда Сварог наколдовал себе сигаретку. (Истины ради следует заметить, тот же Монах не выказывал ни малейшего неудовольствия, когда несколько минут назад Сварог магическим искусством сотворил вино – бывший служитель культа как ни в чем не бывало опорожнил кувшинчик, да притом практически в один заглот, утер губы рукавом и одобрительно крякнул.)

– На наше счастье один из злыдней метнул свою сеть, – размеренно продолжал экс-священник, – не приметившись, не подумавши хорошенько, и накрыл ею половину кибитки, да в придачу товарища своего, который забился в ней, аки сей кролик в силках. Второй же нетопырь вознамерился попасть в кибитку, ступив ногой на тот железный лист, что крючком был отогнут и висел на одной сопле. Коли нетопырь ведал бы, что Медведь наш живой и дышит, то был бы осмотрительней, но в том-то и состояло его горе со злосчастьем, что не ведал. Хотя Медведь и недужил премного от ранений, однако ж сподобился пнуть тот лист посильнее, да и вышибить его. Нетопырь улетел ко своим птицам вместе с железякой оторванной...

Монах коротко хохотнул, огладил широкой короткопалой пятерней бороду и продолжил:

– А третий, сиречь последний из оставшихся, прыгнул на крышу кибитки, да не знал, что гнила она и ненадежна, потому и провалился вниз, пробив дыру и ободравшись. И прямо мне в руки...

Одной из тех рук, в которые на свое несчастье попал каскадонец, Монах прихлопнул на шее комара и со словами: «Гореть те, упырь, в огне», – смахнул размазанное насекомое с ладони в костер.

– Вот так мы уцелели в том злоключении. А тут кибитка прибыла на гору. Вытащил я Медведя на голы скалы, углядел пещеру поблизости, да и занес туда, дабы он малость отлежался и силу вернул. А сам пошел осмотреться окрест. Осмотрелся, возвращаюсь...

– А я до сих пор не могу дознаться, где он шлялся столько времени, за которое меня двадцать раз могли прикончить, – вступил в беседу Босой Медведь, возлежа возле костра на боку и подпирая голову рукой. – Я уже рассказывал, что заключенных держали где-то в подземных тюрьмах на вершине горы. Когда рудник закрыли, кого-то отправили досиживать в обыкновенные тюрьмы, а кое-кто, оказывается, под шумок сбежал и остался жить в горах, в бывших пещерах-казематах. Здесь они и обитают до сих пор, пробавляются редкими вылазками на равнину, а так жизнь ведут все больше простую, незатейливую. Питаются корешками и горной козлятиной, ловят рыбу в ручьях... Зато на свободе, задери кабан, а не в камерах срока донашивают. Между прочим, они-то и следили, чтобы канатная дорога находилась в исправности, потому как сами нередко ею пользовались: чего ноги зря стаптывать... Вот, значит, эта банда и нагрянула в пещеру, когда Монах ходил по сторонам осматриваться. Зарезали бы они меня, – Медведь широко зевнул, – за милую душу, чтобы тайну свою сберечь, да хорошо, я в тот момент в сознании находился и, углядев, кто там ко мне подкрадывается с ножами, начал называть *имена*. Заслышав го-

лос, они остановились, а на именах ножички-то опустили. А когда выяснилось, что мы с Папашей Черное Ухо были лучшими друзьями, ихний теперешний атаман аж слезу пустил. Оставайся с нами, говорит, и нами верховодь...

Медведь сел, достал курительную трубку, пронесенную целехонькой сквозь лихие испытания, принялся неторопливо набивать ее табаком. А вот табакерку Медведь обронил еще во время высадки с электрохода. Некоторое время до появления Сварога он курил подаренный пещерными жителями дешевый кислый самосад, но с нескрываемым облегчением избавился от него, швырнув в огонь, когда появился Сварог. Правда, курить сигареты Медведь не стал, потому как не признавал эти «детские бумажные палочки», он предпочел добывать табак потрошением сотворенных Сварогом сигарет. Наверное, Сварог мог бы наколдовать вместо груды сигарет нормальный трубочный табак, только зачем напрягаться, когда гораздо проще использовать опробованные формы – штампу и все...

– После вашего колдовского врачевания мне здорово полегчало, но совсем не прошло, – говорил Медведь, попыхивая трубкой. – Ходок по горам из меня в тот час был никудышный, если сказать и вовсе никакой. Пришлось бы поступить так: Монах отправился б на перевал поджидать вас со Щепкой, а я отлеживался бы в пещере, пока не отлежался. Так бы и пришлось поступить, не повстречай мы бывших заключенных с рудника. Парни признали меня за своего, а когда я им сказал, что мы сцепились над пропастью не с кем-нибудь, с абагонами из Каскада – они наблюдали драчку из своих укрытий, – парни едва не обделались от восторга. По-моему, прикажи я им тогда прыгнуть в пропасть, – прыгнули бы, не задумываясь... Но они все равно пригодились. Несли меня на носилках до самого перевала, как какого-нибудь Владыку Логача, ну того, из сказок про старые времена. А еще снабдили какой-то мазью из горных трав, каковая и помогла мне скоренько на ноги встать...

– Тут мы вас и дожидались, пока, хвала Создателю, не дождались, – подвел итог рассказу Монах и потыкал кинжалом в кролика.

– Готово? – поинтересовался Сварог.

– Ему бы еще с полчаса над угольками потомиться, – сказал Монах.

– Пора идти, нас ждут, – решительно сказал Сварог. – Дождь усиливается, вымокнем тут к чертовой матери с твоим кроликом...

...Как и говорила Щепка, переход от перевала до Замка-на-горе занял не более трех часов. Цель своего путешествия они увидели издали – замок возвышался на краю скалы столь органично вписывался в ландшафт, что запросто можно было пройти мимо и не заметить.

«Н-да, мрачноватая картина, – подумал Сварог. – Особенно на фоне черно-лилового неба. Не удивлюсь, ежели замок битком набит нечистью и привидениями...»

Разумеется, Сварог оглядел подступы к Замку-на-горе «третьим глазом». В общем и целом, ничего особенного. Наблюдается, конечно, некоторое свечение магической природы внутри самого замка, но слабенькое, можно сказать – допустимого уровня... А вот вокруг имеется кое-что примечательное.

Крепостной стены вокруг замка не было. Да и зачем она – на такой-то высоте, да еще среди неприступных скал и отвесных пропастей; бойцам из неприятельского отряда пришлось бы взбираться по единственной тропе гуськом, цепочкой, друг за другом, что лишь порадовало бы стрелков из отряда

обороняющихся... Короче, в привычном понимании стены не было. Но при взгляде «третьим глазом» стена возникала – частокол лениво шевелящихся сиреневых щупалец окружал замок плотным кольцом, и Сварог сильно сомневался, что сквозь него проникнет не только незваный гость, но даже бронбойный снаряд, пущенный прямой наводкой. Чувство опасности молчало.

– Кто здесь жил? – спросил Сварог. Просто чтобы не молчать.

– Разное болтают, – ответила Щепка, как-то странно улыбнувшись. – Ходит легенда, например, что тут обитал барон Пальх Ахт-Логон, который более всего на свете уважал рагу из печени юных девственниц. Косточки несчастных невинных дев до сих пор находят там, в Храмовой Расселине. Пальх Ахт-Логон, видишь ли, самолично выбрасывал их, распотрошенных, из окна замка... Еще говорят, что это резиденция Полуночи, что в большую неделю Раннего сезона сюда слетаются ведьмаки со всего Гаранда и устраивают собрание впере-мешку с оргиями... Причем в оргиях непременно должны участвовать ожившие трупы самых уважаемых кро...

– Сказки, – перебил Босой Медведь. – А я ничего не слышал про этот Замок-на-горе. Знаю только, что нам, людям серьезным, в этих горах делать нечего. Тут ошивается всякая шелупонь, беглые в основном. Ну, вроде тех, что на горе нам повстречались.

– Не скажи, брат, – не остался в стороне и Монах. – О Сиреневой гряде шепчут всякое даже в Зеленой беседке... – и его передернуло.

– А сейчас в этом славном местечке поселился Визари, правильно я понимаю? – сказал Сварог. – И что, каскадовцы сюда не навещаются?

– А что им здесь делать? – пожал плечами Медведь.

– Маленькая хитрость, – усмехнулась Щепка. – Видели по дороге деревянных сов? Они лучше всяких стражей будут...

За разговором незаметно одолели последние лиги пути.

Замок мало того, что был выстроен практически на самой вершине скалы, подставленный всем на свете ветрам, мало того, что вела к нему одна-единственная узкая тропка, вдобавок он стоял на площадке, отделенной от большей части горной вершины узким перешейком. Но и это не все. Перешеек имел посередине разлом (искусственного или естественного происхождения – бог весть), глубиной около двух десятков метров.

Они перешли через мост, перекинутый к замку над разломом. Мост был не подъемный, однако Сварог почему-то не сомневался, что в случае необходимости хозяевами замка был предусмотрен вариант обрушения моста. Например, взрывом. «Если кто засядет в замке с надежным запасом провианта, предварительно обрушив мост, то долгонько сможет держать оборону, – подумал Сварог. – Но поскольку мост стоит целехонький, делаем вывод, что штурму и осаде замок не подвергался...»

Замок был окружен высокой полуразрушенной стеной с раздвоенными зубцами, покрытой зелеными пятнами мха. От ворот сохранилась одна створа – висела, покосившись, на нижней петле. А от правой створы уцелела лишь железная оковка: бесславно валяется на земле, вращая в дерн.

Земля во дворе была каменистая, с проплешинами песка. Насыпная, следует полагать. Там и сям по двору валялись поросшие лишайником тесаные камни. Трава росла все больше мелкая и редкая, вот разве что вдоль стены с внутренней стороны густо разрослись сочные лопухи. Во дворе сохранился ко-

лодец с ведром на цепи, прикованной к вбитому в каменную кладку кольцу. Поскольку трудно себе вообразить родник, бьющий из скалы на такой высоте, надо думать, что колодец призван собирать дождевую влагу. И до сего времени – Сварог из любопытства заглянул в него по дороге – колодец работает исправно, вода в нем стоит, отражая небо, чуть ли не у самого верха.

Замок нельзя было назвать ни большим, ни архитектурно достопримечательным. Архитектурно он представлял собой исполинскую прямоугольную башню, вздымающуюся над головой высотой, с многочисленными узкими окнами-бойницами, обросшую у основания, как пеня опятами, одноэтажными пристройками.

Щепка вдруг ускорила шаг и первой, решительно распахнув дверь, вошла внутрь. Сварог догнал ее уже за порогом, отметив походя, что полукруглая дверь преотлично сохранилась и даже не скрипнула.

Полное и беспросветное запустение, какого вполне можно было ожидать, глядя со стороны, внутри замкам отнюдь не царило. Из стен торчали не слишком проржавевшие крюки для факелов, более того, в них были вставлены загодя приготовленные факелы – только спичку поднеси. Деревянные панели, облагораживающие длинную стену, конечно, почернели и потрескались, но все же от стены не отстали, в труху не превратились, равно как и другое дерево внутри замка не было трачено жучками-древоточцами. А в углу, в зале нижнего этажа, висели доспехи. Крайне любопытные доспехи, между прочим, и Сварог подметил для себя, что потом надо будет подойти и внимательно их рассмотреть.

– Что это за вой? – в голосе Медведя, трусостью не отличавшегося, можно было разобрать едва заметную дрожь.

– Ветер завывает, – сказал Сварог. – Ветер, который здесь не стихает никогда. Плюс полное отсутствие стекол в окнах.

– Я лучше снаружи подожду, – помявшись на пороге, заявил Монах, развернулся и вышел на улицу. Видимо, это решение стало результатом нешуточных внутренних борений.

Сварог пожал плечами, но уговаривать не стал. Не до того. Предстоящая встреча с Визари была важнее религиозных метаний какого-то воришки. Они с Медведем, едва поспевая за Щепкой, поднялись по винтовой каменной лестнице на второй этаж. Здесь Сварог еще раз осмотрелся «магическим зрением». Внешний мир исчез, надежно скрытый за стеной щупалец.

– Сюда, – Щепка прошла в открытую настежь дверь, изуродованную изнутри так, словно ее пытались изрубить топором на щепу, да что-то вдруг помешало, прервало на полпути к победе.

Последовав за спутницей, они попали в просторный зал со сводчатым потолком, с выложенным шестиугольными каменными плитами полом. В дальнем краю темнела распахнутая пасть огромного камина.

В зале царила полутьма – стрельчатые оконца не давали много света, очень уж узкими они были, кошка разве что пролезет, хотя и довольно высокими. И все до единого забраны решетками. А одно окно закрывала плотная бордовая гардина с потрепанными кистями. Ветер шевелил ее складки и, казалось, что за ней кто-то прячется. Эффект был настолько правдоподобным, что Босой Медведь тотчас вознамерился проверить: отдернул занавесь рывком и тут же отступил на шаг, держа наготове нож-складень.

За гардиной, разумеется, никого не оказалось.

– Убежище, – буркнул Медведь, складывая нож, но далеко не пряча. – Это чье-то логово, как пить дать. Вроде того, что возле Мышиного склада на Хромом Мысу. Им редко кто пользуется, но все же оно не пусто. И тут, смотрю, факелы приготовлены, занавеска висит...

Щепка тем временем прошла в другой конец зала, отворила полукруглую невысокую дверцу в стене и шагнула в темный проем.

– Эй, а ты куда еще?! – крикнул Сварог.

Голос ударился о стены, и эхо заметалось под сводами замка.

– Я ненадолго. Скоро вернусь. Ждите, – сказала она. И исчезла во мраке. В этом зале не требовалось напрягать голосовые связки, чтобы докричаться, акустика была прекрасная.

– Может, все-таки пойдём за нею? – предложил Медведь.

– Не стоит, – сказал Сварог, поразмыслив. – Мы гости, будем вести себя соответственно. Мало ли зачем даме нужно немного побыть в одиночестве... Да и, кажется, она здесь уже бывала, и не раз. В общем, думаю, она знает, что делает, а мы ей вроде как доверяем...

– Кто говорит про недоверие! – Медведь возмущенно взмахнул рукой. – Но вдруг случится что...

– Это вряд ли, – Сварог, закурив, подошел к окну. Чувство опасности молчало, как партизан в застенках. Да и, в самом деле, отчего-то он доверял Щепке. При всех ее взбалмошности, необычности и недомолвках – доверял почему-то, вот и все...

А за окном близился закат. Из-за гор поднималось закатное зарево, прорезанное полосами облаков, окрашивая в багровые тона склоны, вершины, заснеженные пики.

– Смотрите-ка, атаман!

Сварог обернулся на встревоженный голос Медведя. Тот сидел на корточках и показывал рукоятью складня на центр шестиугольной плиты. Подойдя, Сварог наклонился и разглядел вырезанный в камне знак: орел, который одно крыло отвел в сторону, другое держит прижатым. И на каждой плите был такой.

– Ну и что? – нахмурился Сварог.

– У Папраша Кривое Ухо была в точности такая же татуировка на плече. Ну, очень похожая. И он рассказывал, что это не что иное, как...

Оба одновременно обернулись на звук – сильный хлопок и шипение. Это в камине вспыхнули лежавшие там обгорелые дрова и в два счета запылал сильный огонь.

– Колдовство... – Медведь хотел сплунуть на пол, но удержался в последний момент.

– Оно, родимое, – согласился Сварог.

Чувство опасности по-прежнему молчало... и как тут было не вспомнить, что и оно, бывало, подводило – в особенности когда начинаешь доверяться магии на все сто. И вполне возможно, что замок прямо-таки переполнен смертельной опасностью, но угрожает она, скажем, не лично Сварогу, а его непутевым спутникам. Или, допустим, в недрах мрачного сооружения скрываются некие силы (причем не обязательно колдовские, господа!), которые в настоящий момент не имеют никаких недобрых намерений. Вот именно – только в

настоящий момент. А что случится через минуту, одному богу известно...

Он поднял голову.

С потолка свисал сделанный из тележного колеса светильник со множеством толстых, оплавленных свечей по кругу; и вот эти-то свечи принялись загораться одна за другой. А тут еще порыв ветра, ворвавшись в окна, заставил развеяться бордовую гардину.

– Не зря наш Монах не пошел сюда, он чернокнижье чует за версту, – слышался шепот Медведя.

– Отставить панику, – сказал Сварог, кладя руку на рукоять шаура. – Просто нам включают свет, а то скоро темнеть начнет.

– И кто включает? Щепка? – спросил Медведь, но остался без ответа.

Иллюминация продолжалась. Последовательно вспыхивали и факелы на стенах, будто сработал фотоэлемент. Или же, выражаясь сообразно обстановке, будто невидимый слуга по причине надвигающихся сумерек подносит к ним лучину. В зале становилось все светлей. Ничего нового при усиленном свете не открылось, разве что лучше стали видны трещины на плитах пола, копоть от факелов на стенах и ржавчина на оконных решетках. А потом открылась та самая невысокая дверца, неизвестно куда ведущая, и появилась Щепка.

Хотя и не сразу они с Медведем ее узнали.

Дело даже не в том, что она переделалась – сменила дорожный костюм коммивояжера на наряд, в здешних краях Сварогом увиденный впервые: малиновые шаровары, высокие, до колен, сапоги с завязками, алую куртку с высоким стоячим воротником. Лоб стягивала широкая лента из прозрачного алого шелка, завязанная на затылке, и концы ленты спадали на грудь, доставая до пояса. А на пальцах обеих рук появились перстни... Нет, вовсе не в одежде было дело. В серой и незаметной мышке, которую исключительно по биологическим признакам можно было причислить к женскому полу, переменилось буквально все. Спина распрямилась, походка стала широкой и упругой, уверенной, смотрела она теперь прямо – с вызовом и гордостью. С превосходством мудрости, ежели так можно выразиться, смотрела она. И теперь выглядела старше, выше ростом, опытнее...

– Уф, – облегченно вздохнула она, – до чего же надоело ходить в обносках, если б вы знали. А встречать нашего... ну, назовем его визави – в том наряде как-то неприлично.

Даже голос у нее изменился, стал ниже, в нем появилась некая толика того, что зовется чувственностью.

– Эй... – булькнул Медведь. – Щ-щ... Щепка, ты, что ли?.. Это ты чего это... – Он оглянулся к Сварогу: видит ли предводитель то же, что видит он.

Предводитель видел. И пребывал в состоянии обалдения немногим меньшим, нежели Медведь. Да и то лишь потому, что ожидал нечто подобное. «Третий глаз» не помогал. «Третий глаз» был подавлен, ослеплен, выключен, называйте как хотите, но в магическом зрении не разглядеть было вообще ни черта, сплошная серая хмарь клубилась перед взором. Однако же чувство опасности по-прежнему признаков беспокойства не подавало... хотя в голове Сварога звенел, звенел тревожный колокольчик...

Медведь озадаченно поскреб в затылке и на всякий случай обнажил лезвие складня.

А Щепка, громко цокая набойками по плитам, прошла... нет, прошествовала в центр зала.

И сказала:

– Приступим к вызову нашего визави. Ритуал Стежки несложный, но навыков требует, – поучительно сказала она и улыбнулась. – Чтобы проложить Стежку, каждому магу необходимо иметь два камня палангида, – Щепка сняла с руки два перстня. – Камни кладутся друг от друга на расстоянии в один шаг. – Она положила перстни на каменный пол. – Желательно, чтобы и Око Бога находился неподалеку. Желательно, но необязательно. Затем я произношу следующее...

Прикрыв глаза и чуть раскачиваясь, Щепка заговорила на незнакомом языке, где звуки казались выкованными из железа и сплетались между собой в ажурную вязь. И едва стих последний звук, камни зажглись голубым нутряным огнем, из них выстрелили две световые струи, извиваясь, уперлись в каменный потолок, потом изогнулись судорожно и соединились, образовав колеблющуюся дугу примерно в полтора человеческих роста. Воздух наполнился противным вибрирующим гулом, который заглушил нескончаемую песню ветра снаружи и от которого у Сварога заныли зубы.

Потрясенный Медведь дернулся, как от удара парализатором, однако ни малейшей попытки смыться отсюда или напасть на преобразившуюся Щепку не сделал. Он что-то лихорадочно шептал себе под нос – не то молился, не то матерился. Все окружающее словно подернулось желтоватой дрожащей пеленой.

– Таковую же арку создал личный маг нашего визави, – пояснила Щепка, повысив голос. – Теперь следите внимательно. Я настраиваюсь на его волну. Как бы бросаю себя ему навстречу, а он бросит себя навстречу мне... Это уже сложнее, без должной подготовки практически невозможно, а подготовка длится шесть ступеней посвящения. Вот почему только сильные маги могут выстраивать Стежку.

Она встала на колени, коснулась указательными пальцами лежащих на полу камней. Камни затрепетали от ее прикосновения, дуга окрасилась густой синевою.

– И возникает Стежка...

Из дуги вдруг плеснуло сиянием, сияние это туннелем протянулось до стены, уткнулось в кладку – и кусок стены в форме арки исчез, растворился, открыв черный провал в никуда.

– Собственно, вот и все, – сказала Щепка, поднимаясь. – Теперь остается только ждать, когда кто-нибудь придет. Или сам маг, или его хозяин... А что ж это вы, господин атаман, молчите все? Даже наш друг Медведь – и тот бормочет чего-то...

– Ах, какое полезное изобретение! – Сварог покачал головой. – Скажите, это что, и между мирами можно вот так вот стенку разобрать?

– Не знаю, – поколебавшись, ответила Щепка сухо. Очевидно, забыла что атаман тоже кое-какой магии обучен и ожидала более бурной реакции. – Никто никогда не пробовал. Да и пробовать не было смысла – без некоторых необходимых вещей.

– И... долго нам ждать гостя?

– Все зависит того, когда он выйдет в путь... Что ж, теперь в защите нужды

нет.

Сварог почувствовал, что пелена, *избирательно* ослепляющая «третий глаз» в течение нескольких дней, наконец спала. Теперь он видел магическую *реальность* таковой, какая она была на самом деле, без шор и фильтров.

Н-да, можно было догадаться и раньше. Но как же детектор лжи, тоже был подавлен?..

Судя по всему, ожидаемый «визави» вышел в путь вовремя, потому что Сварог не успел бы выкурить сигарету, возникни у него такое желание, как опять полыхнуло – и из арки на шестиугольные плиты зала ступил человек, материализовавшись из ничего.

Он был весьма представителен, этот седовласый импозантный господин. Узкое породистое лицо, высокий лоб мыслителя. В нем чувствовалась сила и привычка повелевать. Прирожденный лидер, сразу ясно – даже если не смотреть на костюм.

– Я же говорила, что знаю настоящего Визари, – сказала Щепка. – Здравствуйте, верх-советник.

– Теперь я тоже знаю, – тяжело вздохнул Сварог. Он не чувствовал ни злости к девчонке, ни горечи от обмана, ни радости от встречи с революционным магом. Он чувствовал только усталость. Неимоверную усталость. Не хотелось уже ничего. Даже искать путь домой.

Кто сказал, что Визари – это обязательно мужчина?..

– Приветствую вас, – чинно сказал гость, с оттенком любопытства глянув на Сварога. – Не могу выразить словами, насколько я рад, что у вас получилось как нельзя лучше, госпожа.

И он поклонился Щепке.

– Чё?.. – громко спросил Медведь.

Глава 10 СОВЕТ ПОД ОБЛАКАМИ

Вино было отменное. Сварог, сам умеющий магическим искусством создавать неплохие вина и за последнее время перепробовавший напитки из самых разных винных погребов, в том числе и других миров, оценил его по достоинству. Изысканный букет, долгий вкус, умеренная терпкость, легкий, веселящий и быстро выветривающийся хмель. Создавая вино, Щепка бросила на него взгляд, означающий: «Мы тоже кое-что можем», в ответ на что Сварог лишь горделиво отвернулся, изо всех сил стараясь сохранить лицо.

Впрочем, имя Щепка отныне следовало забыть. Во-первых, оно никак не шло этой *новой* девушке, а во-вторых, негоже так обращаться к великому и ужасному Визари, к надежде всех несогласных с государственным устройством и грозе Каскада. Стол, что характерно, творили совместными усилиями магий двух миров. Непосредственно мебель наколдовала Щепка-Визари. Не мудрствуя лукаво, она пошла по пути простоты и надежности, и в финале по центру зала возникли огромный стол из струганых досок, пахнувший свежей древесиной, и лавки из тех же досок, приколоченных к чурбачкам. Стиль «назад, в деревню», в общем. Сварог поколебался, но решил не выделяться и общему настроению соответствовать. Яства и напитки, им сотворенные, у стороннего зрителя вызвали бы в памяти образ не самого бедствующего трактира, который заботится не столько о вычурности блюд и собственной помпезности, сколько о насыщении желудков изголодавшихся клиентов. На обшир-

ном столе были представлены: штук пять блюд с результатами разнообразных способов приготовления жареной птицы под разнообразными соусами, несколько голов источающего слезу сыра, куски ветчины с луком на деревянных подносах, пучки зелени, буханки горячего, мягчайшего хлеба, фрукты, два запотевших кувшина с ледяным пивом – литра на три каждый – и пузатый, исходящий паром кофейник... Короче, изголодавшиеся клиенты остались бы более чем довольны. Вот только изысканное вино, признаться, несколько диссонировало с обстановкой и с меню, но Сварог посчитал, что в таких условиях нет никакого резона корчить из себя привередливого, выдавшего всяческие гастрономические изыски гурмана.

Импозантный гость взирал на колдовство молча, но с нескрываемым интересом, лишь изредка поднимая бровь, когда из воздуха появлялось новое блюдо. Видно было, что он привык к другой обстановке и другой кухне, и Сварог подумал мельком: уж не специально ли в пику гостю Щепка выбрала именно этот стиль.

Босой же Медведь, окончательно потерявшийся под непосильным грузом событий, где одно было сногшибательней другого, о приятеле, однако, не забыл, отнес Монаху кувшинчик наколдованного Сварогом пива и стопку бутербродов с ветчиной. Позвал даже друга в замок, получив на то милостивое разрешение высоких сторон, но бывший служитель культа наотрез отказался подниматься в колдовскую цитадель. «Апостола чернокнижия из меня сделать хотите? Не дамся!» – пророкотал Монах во дворе, и его рык мало того что слышен был во всех закоулках замка, так еще и спугнул птиц, прятавшихся от ветра под крышей. Однако, что показательно, Босой Медведь вернулся обратно с пустыми руками, то бишь без вина магической природы и без бутербродов колдовского происхождения.

Нельзя сказать, чтобы Сварог был до глубины печенок потрясен явлением нового и, следует надеяться, последнего и окончательного Визари. Вот если бы где-нибудь среди портовых складов или на борту скоростника Щепка обернулась бы вокруг своей оси, за секунду изменила бы облик и открыла свою истинную суть, – ну тогда, пожалуй, граф Гэйр и офигел бы.

Впрочем, насчет истинности нынешней ее сущности – это еще вопрос открытый. Мало ли кто называет себя Визари? Одного такого мы уже встречали, причем он, как и Щепка, не лгал, называясь сим популярным именем, он свято в это верил. Как и любой сумасшедший, думается, верит, что он и есть Наполеон или там Цезарь. Поэтому Сварог решил с окончательными выводами не торопиться, принять игру такой, какой ему ее преподносят, а дальше... дальше будем смотреть по обстоятельствам.

Кстати, о магии.

В отличие от тихой магии ларов, неизбежным побочным продуктом которой является лишь холод да снег, как следствие эндотермической реакции, магия, которой пользовалась Щепка, была довольно шумной и чересчур эффективной. Чуть ли не ярмарочной. Скажем, когда напарница создавала стол, каждый ее пас сопровождался хлопком, будто где-то за стеной падала с полки книга, по каменной кладке пробегали едва заметные голубые всполохи, а в воздухе пахло озоном. Даже создание вина вызвало легкое возмущение в атмосфере – словно сквозняк промчался по ногам...

Когда все было готово, возникла махонькая заминка, от Сварога не укрыв-

шаяся: господин, пришедший по Стежке и представленный Щепкой как верх-советник Мар-Кифай, в сомнении показал взглядом Щепке на Медведя, мол, вы уверены в этом человеке? Щепка успокаивающе кивнула: не берите в голову, советник. Гость пожал плечами: ну, если вы за него ручаетесь...

«Эге», – подумал Сварог.

– Ну-с, кажется, все готово и мы можем начинать, – возвестил гость и сделал изящный жест рукой, приглашая участников занимать места. – Я искренне надеюсь, что это совещание станет историческим и войдет в учебники под названием... ну допустим, «Совет под облаками». Или «Совет на Сиреновой гряде». Его потом примутся воспроизводить в романах, в синемаатографических картинах, в песенных балладах.

И похоже, он верил в то, что говорил. По некоторым его и Щепки репликам, а еще больше по многозначительным паузам, Сварог, как мозаику из кусочков, составил для себя картину происходящего. А когда расселись, исчезли последние недомолвки. Верх-советник императора сам охотно и подробно изложил свой план. План дворцового переворота и впоследствии изменения государственного строя.

«Эге!»

Сварог занял место во главе стола, напротив него села девушка по имени Визари. («Госпожа Визари», – поправил он себя.) Справа сел Мар-Кифай, даже на лавке умудряющийся держать спину прямой, как аршин, слева сел Босой Медведь и сразу сторбился, чуть не касаясь носом столешницы – по всему было видно, что он чувствует себя неуютно и хотел бы стать как можно незаметней.

...Верх-советник Мар-Кифай и близко магом не являлся. Более того: он и не собирался осваивать колдовское искусство, справедливо полагая, что лучше уж совершенствоваться в том, к чему более всего приспособлен от рождения. А более всего он был приспособлен к политике, которая есть борьба за власть посредством интриг и абсолютно любых других методов, коими можно добиться желанной цели. Сварог его прямо, без обиняков и экивоков, спросил: а зачем же вы, сударь мой, ввязались в столь опасное предприятие, как заговор против существующей власти?

На что получил прямой и исчерпывающий ответ.

Позиция первая. Он, Мар-Кифай, уже достиг в этой жизни всего. Верх-советник, то есть член императорского совета, в который входят всего десять человек. Он – владелец поместья в двадцать квадратных ободов, а это – наибольший надел, какой может получить потомственный дворянин Короны. Жена – когда-то первая красавица Метрополии, сейчас – просто красавица. Четверо детей, двое уже взрослых, двое уже обзавелись собственными семьями. Одна жизнь прожита удачно. Есть ли возможность прожить *вторую* жизнь за срок, отведенный создателем и природой и ограниченный рождением и смертью? Такая возможность есть.

Позиция вторая. Он, Мар-Кифай, понимает, что уткнулся в потолок, что дальше двигаться некуда, остается лишь наслаждаться своим положением и сопутствующими ему благами, наверху только император, а эта скала представляется незыблемой... Но так ли уж она незыблема, если подумать?

Позиция третья. Честолюбие. Что делать, если честолюбие не дает покоя? Если ты осознаешь в себе стремление войти в Историю, стать человеком, о ко-

тором будут помнить на Гаранде и через несколько поколений, чьи портреты будут висеть в школах, о ком в университетах станут читать лекции? А такой человек как он, Мар-Кифай, достоин того, чтобы остаться в Истории навсегда.

Позиция четвертая, архиважнейшая. Он, Мар-Кифай, никогда бы не ввязался в предприятие, хоть в одной букве грозящее провалом. А раз Мар-Кифай ввязался, значит, видит шанс победить. Для чего и создал союз с неизвестным Визари... прошу прощения, неизвестной. Для чего и отправился сегодня по Стежке – встретиться с еще одним участником альянса, с господином Сварогом, без которого, по утверждениям Визари, замысел невыполним.

– А эта ваша Стежка? – аккуратноенько задал Сварог вопрос, который занимал его более всех свержений существующего строя. – Как мне объяснили, для того чтобы ее поддерживать, нужен маг, к тому же еще и сильный...

Мар-Кифай и на этот раз не стал уходить от прямого ответа. Да, среди слуг, обитающих в его особняке, имеется маг, о чем знают многие, в том числе и в первую очередь Каскад. Более того: величайшим соизволением каждому верх-советнику разрешено держать в своем особняке лояльного, тщательно проверенного и полностью подчиненного Каскаду мага, поскольку никто другой не сможет защитить от колдовства столь надежно, как посвященный в его, колдовства, тайнства. Не все верх-советники пользуются этой привилегией, но кое у кого, как и у Мар-Кифая, в особняках тоже обитают маги. Правда, личный маг Мар-Кифая, хоть и полностью проверен в свое время Каскадом, но, на беду последнего, отнюдь не полностью Каскаду подчинен, а если уж быть точным, то вовсе не подчинен.

Вот таким человеком оказался верх-советник Мар-Кифай, с которым сегодня свела судьба графа Гэйра, лорда Сварога.

– С чего же нам начать? – весело задала вопрос Щепка-Визари, катая яблоко по столу. – Уважаемый Сварог пока не в курсе всех тонкостей нашего предприятия... Да и уважаемому Мар-Кифаю будет небезынтересно узнать кое-какие подробности.

– Есть еще какие-то подробности? – нахмурился верх-советник. – Вы всякий раз удивляете меня, госпожа.

– Я вижу две возможности начать, – сказал Сварог. – Или с начала, или с главного.

– Полагаю, начать лучше будет все-таки с главного. Потому что если мы пойдем с самого начала, то утомим наших друзей, – Щепка поочередно кивнула в сторону Мар-Кифая и Медведя. – Потому что долго будем разбирать сугубо личные вопросы, касающиеся исключительно нас двоих.

– Признаюсь, – мрачно усмехнулся Сварог, – множество сугубо личных вопросов вертится у меня на языке.

– Понимаю, – кивнула Визари. – И мне самой кое о чем не терпится спросить. Но в преддверии едва ли не самой важной в нашей жизни минуты...

– Подождите! – Босой Медведь все же не выдержал. Он неуклюже встал, вытер рукавом пот со лба. – Я это... пойду, наверное, к Монаху...

Визари усмехнулась:

– Уверяю вас, уважаемый Медведь, что ваше присутствие не только уместно, но и желательно... К тому же, вы и так уже узнали немало секретов, каждый из которых тянет на немедленное *растворение*. Так что услышите вы чуть больше или меньше – никакого значения не имеет... И вообще, я хотела

бы, чтобы вы стали моим искренним и верным союзником. Возможно, вас ждет большое будущее.

Медведя перекосило от обращения на «вы» так, как не перекосило бы и алкоголика, которому вместо вина подсунули яблочный сок. Более он ничего не сказал, никуда не ушел, лишь молча сел, подвинул к себе стакан с пивом, крепко сжал его в ладонях и опустил глаза.

– Я вдруг поняла, с чего следует начать. Не с начала, нет, а с предначала. С того, что в книгах называют прологом, а в музыке прелюдией. Да, это необходимо, – Щепка-Визари неспешно поднялась со своего места, отошла к стене, провела по ней ладонью. Обернулась и сказала задумчиво, с ноткой сожаления. Таким тоном сказала, каким обычно говорят: «А погода-то сегодня, увы, не для верховых прогулок...»: – Прелюдия такова: этот замок принадлежит мне. Он мой – по праву рождения и наследования.

Сварогу, собственно, в этот момент было глубочайше наплевать, ее это замок или же нет, однако Мар-Кифай после некоторого остолбенелого молчания отреагировал более чем бурно:

– Пойдите-ка!

Мар-Кифай вскочил. Мар-Кифай выглядел бесконечно потрясенным.

– Мне, между прочим, известно, кому принадлежали эти земли и этот замок!.. Значит, что получается... Получается, вы из рода Ахт-Логон?!

– Вот видите, какой сегодня важный вечер в жизни каждого из нас, – печально улыбнулась Щепка. – Срываются покровы, снимаются маски, открываются лица. Даже мой давний и ближайший соратник Мар-Кифай, от которого у меня не было никаких... ну почти никаких тайн, – и тот поражен... Поворотный вечер! Таких в жизни человека насчитывается гораздо меньше, чем пальцев на одной руке. – И закончила несколько театрально: – Ах, я определенно чувствую, что в воздухе веет пряный аромат грядущих перемен, присутствует неуловимая атмосфера великого перелома...

Поскольку верх-советник все еще пребывал в состоянии ступора и пауза вот-вот грозила перерасти в сцену, обычно именуемую «милиционер родился», Сварог кашлянул и сказал первое, что пришло в голову:

– Как я понимаю, Визари – это не родовое имя, а... ну выразимся так, творческий псевдоним.

– И да, и нет, но об этом после, – отмахнулась Щепка. – А вот родовое имя почему-то испугало уважаемого верх-советника...

– Почему это испугало?! – ожил, вскинулся верх-советник.

– Испугало, испугало, не отрицайте. И я догадываюсь – почему. – Теперь Щепка обращалась исключительно к Сварогу: – А все дело в том, что вот уже три столетия именем Ахт-Логон пугают жителей Короны. Ходит бесконечное множество легенд и преданий, в которых мой предок, Пальх Ахт-Логон, выставлен сущим чудовищем. Он-де наводил ужас на обитателей этих гор и предгорий, похищал детей и женщин и творил над ними всяческие изуверства, перебирал по ночам, как сокровища, черепа лично убитых им людей, из этих же черепов пил свежую человеческую кровь...

– Понятно, – очень осторожно поддержал это направление беседы Сварог, хотя в голове вертелось множество совершенно других вопросов. И заметил: – Признаться, в разное время и в разных местах я вдоволь наслушался до жути похожих историй – про кровожадных князей и прочих баронов. В общем-то,

езде одно и то же... Значит, здесь и обитал ваш легендарный предок? Тогда не стоит удивляться, что замок стоит почти нетронутый любителями грабительской поживы... – Он положил в рот кусок сочного мяса, не торопясь прожевал. – Меня удивляет другое: каким образом при такой славе уцелел его род...

Визари подошла к окну, взялась пальцами за оконную решетку. К еде она так и не притронулась.

За окном уже совсем стемнело. Наверное, и похолодало. Ветер стучался в стены и завывал от бессилия проникнуть внутрь. Что там, в потемках, делает Монах – совершенно непонятно. Наверное, зашел в одну из пристроек, отыскал какую-нибудь лавку и вытянулся на ней, чтобы проспять до утра. И ни заботы, ни печали о судьбах мира, о поворотных точках истории, о прочих животрепещущих материях... Невольно позавидуешь. Как славно было бы растянуться хоть на голом полу, лишь бы ничто ни заботило и ни печалило...

– А род мой и не уцелел, – негромко сказала Щепка, не поворачиваясь от окна. – Не знаю, сколько правды и сколько вымысла в легендах об Пальхе Ахт-Логоне. Был ли он кровожадным чудовищем в человеческом обличье или таким его сделала молва – за увлечение магией? Наверное, истина где-то посередине. Обычно бывает именно так. Конечно, есть способы заглянуть в прошлое и выяснить... Только зачем? Да и вообще, мертвых людей и мертвую жизнь без большой нужды тревожить не стоит...

Щепка убрала руки с решетки, но от окна не отошла.

– Так, стойте. Это меняет дело. Вы, оказывается, слишком многое скрыли от меня. – Верх-советник промакнул губы салфеткой и приподнялся. – Я должен пересмотреть кое-какие пункты нашего договора...

– Поздно пересматривать, – неожиданно жестко сказала Визари, и в ее голосе впервые послышался металл. – Дело начато и остановлено быть не может... Впрочем, – добавила она с прежней ласковой интонацией, – если вы желаете, то можете беспрепятственно покинуть нас. И будем считать договор расторгнутым. Без взаимных претензий.

Мар-Кифай поразмыслил секунду, потом сел на место и в раздражении бросил салфетку на стол. Сказал холодно:

– Вы сказали, что род не уцелел. Но как же тогда понимать... – он запнулся.

– Не знаю точно, был ли Пальх Ахт-Логон чудовищем, – пожала плечами Визари, – но что совершенно достоверно – в конце концов ему пришлось спасаться бегством от толпы крестьян, охваченных жаждой расправы. Он укрылся здесь же, в горах Сиреневой гряды, зажил отшельником в пещерах, вместе с верными ему слугами... А когда Ахт-Логон умер, его кровь сохранили. Есть, знаете ли, способ заклинанием запечатать кровь в глиняном сосуде, чтобы та не сворачивалась и вообще не поддавалась воздействию времени... Следуя завещанию своего господина, слуги Ахт-Логона основали Братство, целью которого стало сохранение и передача магических знаний, а также поиски Визари. На воспитание стали брать кладбищенских детей...

– Это же было... Сколько ж вам лет?

Визари лишь улыбнулась:

– Советник, такие вопросы – даме?

Мар-Кифай открыл было рот, но ничего не сказал. И, как за спасательный круг ухватился за чашу с вином.

А Босой Медведь поднял взгляд, впервые оторвав глаза от столешницы, посмотрел на Щепку... и странным показался Сварогу его взгляд. Каким-то потеплевшим.

– Кажется, я один здесь не понимаю, о чем речь, – напомнил о своем существовании Сварог.

– Кладбищенские дети – это незаконные и нежеланные дети, от которых избавляются, принося их на кладбище и оставляя возле сторожки. Или на одной из могильных плит, – сказала Визари, отойдя от окна к стене. – Когда в Короне появились приюты, кладбищенские сторожа стали относить подкидышей туда... Но по негласному закону они также могут никуда детей не отдавать, если за ребенка вдруг предложат деньги... Меня выкупили братья хранителей крови Ахт-Логона.

– Так что же... Братство, получается, существует уже около двух сотен лет... – Мар-Кифай, выпятив нижнюю губу, задумчиво потер пальцами мочку уха.

– Существовало, – поправила Щепка. – Цель, поставленная Ахт-Логоном перед Братством, заключалась в том, чтобы дожидаться появления Визари. Согласно поверью, Ахт-Логон перед смертью совершил искупительный ритуал, очистив свою кровь от скверны. Поэтому его кровь, сохранив *силу*, не несет в себе черного проклятия. Согласно тому же поверью, его кровь сама найдет человека, чье имя будет Визари и которого кровь Ахт-Логона одарит магическим могуществом. А предназначение Визари будет заключаться в том, чтобы не губить людей, а спасать их.

– Братство распалось, потому что стало ненужным. Визари появился, – сказал Сварог.

– Да, – кивнула Щепка. – Обряд отождествления воспитанники проходили по достижении двенадцати лет. И впервые за двести лет кровь Ахт-Логона, поднесенная к губам испытуемого, не была отторгнута. Кровь была принята...

Она сделала паузу, потом продолжила:

– С малолетства меня, как и других воспитанников, обучали – обучали точно так же, как в младоофицерских приютах Каскада. Вдалбливали, наказывали за малейшую провинность, муштровали, вбивали знания и заставляли неоднократно, до оупения, повторять то, что не получалось с первого раза... Вот только учили нас не воинскому искусству, а магии. К двенадцати годам я многое знала и многое могла. Когда каждый день упражняешься с восхода до заката, знаете ли, можно и научиться... Но ощутив в себе кровь Ахт-Логона, почувствовав, как она перемешивается и зажигает мою собственную кровь, я вдруг поняла, что все эти детские фокусы просто смешны. И смешны мои наставники, потому что считают себя мастерами, тогда как до подлинного мастерства им дорасти не было суждено вовек. А вот мне суждено... К счастью, я была кладбищенским ребенком, видимо, не случайно Ахт-Логон повелел братья на воспитание именно брошенных детей. Кто с детства ощущает себя изгоем, тому проще обуздать свои порочные страсти. В результате я справились с захлестнувшим меня высокомерием, задавила его. И вот только после этого я почувствовала в себе подлинную *силу*.

– Ага... Есть у меня такое подозрение, что девушка по прозвищу Щепка не разбилась бы вдребезги, падая в обнимку с «пауком» в ущелье. Или я не прав? – спросил Сварог.

– Да, упомянутая девушка сумела бы избежать такой неприятности, но тем самым выдала бы себя каскадовцу, а... Увы, я хоть и Визари, но всего лишь человек. А человек смертен, следовательно, смертна и я. И «пауки» действительно так хороши, как о них шепчутся, они могут одолеть мага, даже сильного мага. Или, по крайней мере, доставить ему множество неприятностей и неудобств... Кроме того, я не собиралась открываться перед мужчиной по имени Сварог раньше срока, и на то были свои причины.

– О да, – согласился Сварог, – это мы почувствовали на собственной шкуре...

Верх-советник сосредоточенно резал сыр на тонюсенькие ломтики, но Сварог чувствовал, что его уши, как локаторы, ловят каждое слово. Не пропускал ни слова и Медведь, хотя не понимал, пожалуй, ни бельмеса.

– Однако не будем о грустном. Итак, как я понял, братство распалось, а бывшие братья стали ближайшими сподвижниками мага Визари, благодаря которым весь мир в полный голос заговорил о Визари, у Визари появились адепты, стали возникать тайные общества сторонников Визари и так далее, и тому подобное?

– Абсолютно верно, – сказала Щепка, возвращаясь к столу. – Но дело даже не в Визари и братьях, взваливших на себя черновую работу. Очень многие люди в душе ненавидели существующий режим и хотели бы его изменить, но им не хватало цели, не хватало веры в успех, не хватало лидера. Получив же все требуемое, они поверили и теперь готовы идти за нами, куда угодно, до самого конца. – Щепка села за стол, сцепила руки в замок. – Мы готовили наших единомышленников к наступлению Часа Призыва. Мы объясняли им, что существует Кристалл Единения, на который следует всем посвященным настроить свои эманации в Час Призыва, чтобы объединить усилия в решающий миг. Никакой лжи. Кристалл действительно существует. И Час Призыва мы старались приблизить изо всех сил... Но мы отчетливо осознавали, что наша попытка была бы обречена на провал, противники сильнее нас. До последнего времени мы напоминали полностью снаряженный и укомплектованный древний корабль, который, тем не менее, не может пуститься в плавание – не хватает парусов...

– Или нынешний корабль, которому не хватает батарейки, – раздумчиво сказал Сварог. – Я кажется, начинаю догадываться, чего так не хватало для наступления Часа Призыва. Некого сгустка магической энергии под названием Око Бога, не так ли?

Щепка грустно усмехнулась:

– Когда я узнала о существовании Ока и одновременно о том, кто им владеет, картина мира чуть было не разлетелась для меня на мелкие кусочки, вновь собрать которые воедино стало бы невероятно трудно, а то и невозможно. Ведь получалось, что любой болван, оказавшийся в нужном месте в нужное время, может начать творить мир по своему образу и подобию, каким бы мерзким этот образ не был. Но потом меня посетило озарение: все правильно, так и должно быть, принцип высшей справедливости и должен состоять в том, чтобы давать шанс всем без исключения. Все и всегда должно решаться в борьбе...

– У вас что же, не хватило бы объединенных магических возможностей совладать с этим выскочкой и самозванцем там, на ледяном острове? – Сварог закурил, а глядя на него запыхтел трубкой и Босой Медведь.

– Сил *совладать*, может быть, и хватило бы, а вот *добратся* до самозванца мы не могли. Тут, действительно, сил было явно недостаточно. Он не выпускал Око из виду и не покидал свой остров-химеру. Самозванец не использовал возможности Ока и на одну сотую, зато на все сто обезопасил ближние подступы. И тысяча величайших магов всех времен, соберись они вместе, не сумели бы разрушить защиту, воздвигнутую с помощью Ока вокруг острова, тоже, кстати, воздвигнутого с помощью Ока. Существовал лишь один способ проникнуть на остров и добраться до самозванца...

Последние кусочки мозаики вставляли на свои места. Однако, ну и хитрая же бестия, эта Щепочка...

– Чтобы лже-Визари сам зазвал, затянул в гости, – нахмурился Сварог. – Но наивностью и доверчивостью он не отличался. Ему следовало преподнести что-то в высшей степени необычное и одновременно неопасное для него – в его понимании. И при этом до крайности любопытное, мимо чего он пройти никак бы не смог. Например, человека из другого мира, владеющего магией другого мира и потому вроде бы не страшного для магии местной. Например, меня.

Глава 11 ТЕСНЫЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО ВИДА

Медведь, как видно, окончательно выпал из реальности – он смотрел на Сварога расширенными от изумления глазами и приоткрывши рот, трубка едва не выпала из разжавшихся зубов, дым из нее ел Медведю глаза, но он этого не замечал.

– Спросите меня, сколько я в политике, и я отвечу: сколько себя помню, – примирительно заметил Мар-Кифай, вступая в разговор. Судя по его вернувшемуся спокойствию, *эти* откровения для него сюрпризом не были. – Сами понимаете, я привык смотреть на вещи с циничной прямоотой. Так вот: наше положение не в пример хуже положения официальных властей. У них всегда найдутся резервы, за счет которых можно восполнить потери. У нас ничего этого нет. У них есть исправно действующая структура, где не столь уж важно, кто ее возглавляет, – чуть хуже, чуть лучше, но она будет работать. У нас много, если не все, держится на личности нашего предводителя, известного всем под именем Визари. Если наше дело лишится лидера, оно рухнет. Вы появились *здесь* как нельзя более вовремя, поэтому мы не имели права на ошибку, не имели права и упустить такой случай. У нас был всего один выстрел, и он должен был стать смертельным для самозванца, владеющего ключом к победе.

– Если уж договаривать до конца, милейший Мар-Кифай, со столь милой вашему сердцу циничной прямоотой, – едва сдерживаясь, чтобы говорить спокойно, ответил Сварог, – то самозванец сам по себе был вам не очень-то интересен и опасен, его самозванное бытие не очень-то беспокоило вас. Вас беспокоило Око, которое во что бы то ни стало должно оказаться у вашей команды. И, похоже, сейчас вы уверены, что добились своего. Что заполучили-таки Око.

И Сварог выразительно похлопал себя по груди.

– С циничной прямоотой я скажу вам: ошибаетесь, любезнейший Сварог, – Мар-Кифай грустно покривил губы. – Будь мы заинтересованы в одном лишь Оке, мы бы не разговаривали сейчас с вами в этом чудесном замке, а Око было бы уже у нас. Ведь вы, простите за откровенность, вашу спутницу по имени

Щепка ни в чем таком не подозревали?

– Ну, ну, господин верх-советник, – усмехнулся Сварог, – вы уж совсем меня за провинциала держите. Спутницу Щепку, конечно, не подозревал, врать не буду, но наготове был постоянно. Что называется, по привычке и на всякий случай, и застать меня врасплох – дело не самое легкое, смею вас уверить.

– Да прекратите вы, в самом-то деле, – Щепка-Визари стукнула вилкой по тарелке. – Мы не азартные игроки в политические кости и не авантюристы... Конечно, каждый из нас преследует и свои личные цели, неразумно было бы это отрицать. Но наши маленькие цели увязаны, как снопы веревкой, одной великой Целью. И я хотела бы, чтобы и ты, *атаман*, увидел свою личную цель в неразрывной связи с нашей великой Целью, стал бы нашим союзником. Нам необходимы сильные союзники не меньше, чем необходимо Око, здесь нечего и незачем скрывать. Поэтому мы решили играть с тобой в открытую...

– Но не сразу решили, позволю заметить, – перебил Сварог. – Сперва, похоже, вы хотели разыграть мою карту втемную. Сдается, вас одолевали серьезные сомнения, а смогу ли я пригодиться великой гарандской революции.

– Понимаю вашу иронию, – дипломатично сказал Мар-Кифай, – но напомню вам, что вы – чужой. Вы прибыли сюда, если это правда, не просто из другой страны – из другого мира. Наша же наука не отрицает такой возможности, я бы с удовольствием расспросил вас о других вселенных, о том, как вам удалось проникнуть к нам, о вашем родном мире, но... Но это все потом. Сейчас, извините за прямоту, вы нужны нам для более важных дел. Более важных для *этого* мира. Да, мы использовали вас. Потому что не могли рисковать. Вы, повторюсь, чужой. Кто мог заранее предугадать, какая логика движет вашими поступками, какой морали вы привыкли следовать, каково ваше отношение к королевской власти – тем более, что, по слухам, вы у себя на родине отнюдь не нужники чистили... Да и просто что вы за человек, в конце-то концов...

– Ладно. Хорошо. Допустим. Мы вроде бы хотели начать с главного, а начали с другого, – Сварог смочил горло вином. – Пора бы, по-моему, уже перейти к основной части нашей музыкальной пьесы. Итак, что у нас главное?

– Око, – не задумываясь, сказала Щепка-Визари. – С его помощью мы победим. Мы предлагаем тебе стать нашим союзником и пройти с нами остаток пути. Я достаточно узнала тебя, чтобы открыться и позвать с нами. Но если ты не захочешь присоединиться к восстанию, тогда скажи, на каких условиях готов уступить нам Око...

– А ежели же я наотрез откажусь уступить вам Око, то превращусь в смертельного врага, со всеми, как говорится, вытекающими, – Сварог насадил на серебряный двузубец кусок жареного мяса и, держа над ломтем хлеба, поднес ко рту. – Что, интересно, вы придумали, чтобы не дать мне выйти из замка?

– Зачем ты так... – Щепка, хоть и была великим магом, но обиженно надулась, как девчонка, и отвернула голову.

– Я столько слышал об этом знаменитом Оке и, честно признаюсь, не терпится взглянуть, – сказал Мар-Кифай. – Правда, я не уверен...

– Да почему нет! Могу доставить вам такое удовольствие. – Сварог, прожевывая мясо, сунул руку под трико и достал Око Бога.

По стенам завораживающе заскользили полосы света, на лицах заговорщиков играли причудливые блики. Повисла тишина, даже ветер за стенами как будто притих.

– У одного нашего романиста я вычитала хорошее сравнение человеческих страстей с огнем, – тихо произнесла Щепка. – «Огонь будет твоим преданным слугой на века, если ты правильно заботишься о нем. Но лиши его пропитания – и он умрет, зачахнув. Но накорми его вволю – и он сам сожрет тебя»... Око – тот же огонь. Я это сейчас очень хорошо почувствовала. С ним надо быть очень осторожным. Самозванец был ничтожеством, но в чем ему не откажешь, так это в осторожности. Он много мог бед понаделать, но предпочитал сидеть тихо, вдали от людей, запереться в собственном уютном мирке и не высовываться. Я думаю, оттого, что тоже чувствовал излучаемую Оком мощь и опасался ее...

Сварог спрятал Око, и наваждение развеялось.

– Не спешите с решением, *атаман*, – твердо сказал Мар-Кифай. – Выслушайте нас. А то, чего доброго, вы полагаете, что вам предлагают авантюру или вербуют поучаствовать в резне... Я ничего не могу сказать о возможностях Ока и полностью доверяю в этих тонких вопросах госпоже Визари... однако я неплохо разбираюсь в политической ситуации, а ситуация эта как нельзя более благоприятна для переворота. Да, да, – верх-советник взглянул на нахмурившуюся Визари, – эту часть замысла я предпочитаю называть своим именем: переворот. Хотя мы и замыслили самый мирный переворот в истории Гаранда, – Мар-Кифай улыбнулся Сварогу. – В императорский дворец под покровом ночи не ворвутся молодые горячие офицеры с кинжалами под плащами. Никто не выведет народ на площади и, вооружив камнями, не поведет громить кварталы знати. Не будет костров на площадях, восставших воинских частей и бомбометаний с аэропилов. Увы, как показывает та же история, власть, захваченная подобным образом, недолговечна...

По поводу последнего утверждения Сварог мог бы поспорить с уважаемым верх-советником, но момент для этого сейчас сложился крайне неподходящий. Потом как-нибудь покалякают, за рюмкой коньяка из императорских подвалов.

– Мы просто *подберем* власть, от которой откажутся нынешние вершители судеб, потому что сами не смогут править по-старому. А по-другому они не умеют. – Мар-Кифай выбрал из груды яблок на столе самое красное. – Поверьте, во мне нет ни капли идеализма. План построен на точном расчете и безусловном понимании ситуации. Император – ничто. Наш император больше похож на Гру-Охоша, персонажа синемаграфических комедий, на большого ребенка с недетскими пороками, чем на верховного правителя великой Короны. Он подписывает, не читая, все законы, вносимые Верх-советом. Так что реальная власть сосредоточена в руках Верх-совета, а наибольшим влиянием, что несколько не удивительно, пользуется глава Каскада.

Мар-Кифай взял короткий столовый нож, насадил яблоко на острие.

– Сперва потребуется впечатляющая демонстрация нашей силы. Для этого и необходимо Око. Как я уже говорил, при тотальном запрете магии, тем не менее, маги состоят на службе в Каскаде и даже при верховной власти. Увы, среди них есть сильные фигуры. Поэтому демонстрация должна быть по-настоящему впечатляющая, оглушительная. Чтобы верх-советники враз ощутили собственную уязвимость и незащитность, уверовали бы, что Каскад их не сможет уберечь. Вот тогда они точно согласятся на наше предложение. Тем более, что ничего ужасного от них не попросят. Это очень важно – начать с ма-

лого, с того, в чем не углядеть ни малейшего посягательства на власть. А *просьба* будет сводиться к одному-единственному пункту – объявить магию официально существующей... ну, не знаю, силой, партией... профессией, в конце концов! Легальным видом деятельности! И все, и больше ничего. Согласятся. Мне ли не знать тех, в чьих руках находятся рычаги управления Коронай.

Мар-Кифай вырезал у яблока часть мякоти вместе с черенком.

– Вам я могу подробно рассказать обо всех людях, в чьих руках находится непосредственное управление министерствами, промышленностью и вооруженными силами. Но зачем вам эти подробности *сейчас*? Коротко говоря, наш единственный серьезный противник на данный момент – Каскад.

Верх-советник принялся снимать с яблока кожуру, вода ножом по кругу.

– И после того, как указ о легализации магии начнет действовать, у Каскада будет всего одна возможность повлиять на ситуацию. Физически истребить верхушку заговорщиков, – и Мар-Кифай поочередно показал кончиком ножа, испачканным яблочной мякотью, на Визари, Сварога и даже на Босого Медведя. – Следовательно, задача номер два – не дать Каскаду добраться до нас. Если мы уцелеем, то спустя некоторое время – и я вас уверяю, непродолжительное время – подданные Короны радикальным образом переменят свое отношение к магии. Чему непременно поспособствует изменение идеологии. Легализовав магию, придется вносить коррективы во внутреннюю политику. Если конкретнее – людям будет объявлено, что черный маг Визари погиб в единоборстве с белым магом, с его смертью закончилась эпоха чернокнижья и наступит новая эпоха – белой магии. Может быть, скажем, что Визари погиб от рук своего брата или... или сестры. Ну да, конечно, сестры! Ведь практически никому не известно, что вождь революционеров – женщина... к тому очаровательная. Заодно проведем подспудную апелляцию к мифологии, где постоянно бьются между собой боги, которые тоже все друг другу родственники. Должно дополнительно подействовать... Но это уже детали и тонкости, которые придется додумывать профессиональным идеологам, социологам, психологам и иже с ними...

Серпантин яблочной кожуры опустился на доски стола, верх-советник держал в руках очищенное, лишенное кожи яблоко.

– Очень скоро естественным образом назреет необходимость ввести в Верх-совет советника по магии. Вам назвать этого советника? Нет, конечно, госпожа Визари явит себя народу Короны не под этим именем и уже тем более не под своим родовым именем... – Мар-Кифай досадливо поморщился и разрезал яблоко на две половины. – Жаль, что вы имеете отношение к Ахт-Логону. Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Может выплыть наружу. Строго говоря, вы не прямой потомок и не потомок вообще, и все же, все же...

– Не беспокойтесь, – перебила верх-советника Щепка-Визари. – Наружу не выплывет ничего, что сможет повредить. Выражаясь вашими словами, этим займутся профессионалы. Лучше поведайте нашему другу, что будет дальше.

– Что будет дальше? Дальше все будет происходить само собой, неотвратимо и стремительно. А чтобы *это* происходило еще стремительней и неотвратимей, мы не пустим события на самотек, но станем ими управлять, направлять, ускорять и – местами – замедлять; словом, направим бурную реку в нужное русло. Например, среднее звено, молодые дельные заместители, энергичные исполнители с нереализованными амбициями, почувствуют свой шанс

сразу выбиться в люди без долгой и нудной возни на ступенях...

– А вы изыщете способ намекнуть им, что их усилия не то что останутся незамеченными, а вовсе даже наоборот – будут должным образом вознаграждены, и со временем они смогут достичь неких серьезных высот, – без тени насмешки сказал Сварог. – И, таким образом, получите дополнительную опору своим реформам грядущего переустройства мира.

– Совершенно верно! – воскликнул верх-советник. – Вы схватываете на лету, с вами приятно иметь дело! Если бы еще как можно быстрее удалось нейтрализовать сопротивление Каскада, а сопротивление бесспорно будет, – Мар-Кифай принялся вырезать у яблока сердцевину, – и если бы мы только могли рассчитывать на вас в этом неминуемом противостоянии...

Мар-Кифай закончил фразу многозначительной недоговоренностью, рассчитывая, вероятно, на то, что Сварог, не сходя с места, ответит согласием на предложение. Сварог, однако, предпочел не торопиться.

– А в дальнейшем? – спросил он. – Как стратегически далеко вы заглядываете? На сколько лет вперед?

– Понимаю подтекст твоего вопроса, – снисходительно улыбнулась Щепка-Визари. – Не смотрим ли мы на мир сквозь радугу, как говорят в Нилле? Отнюдь. Мы прекрасно понимаем, что большинству людей все равно – в одном мире жить или в другом, в загоне находится магия или она разрешена, что будет завтра и уж тем более – послезавтра. Этому большинству необходима лишь сытая спокойная жизнь. Но даже они почувствуют, что жить им станет удобней, сытней и веселей. Впрочем, мы стараемся не для них, мы стараемся для меньшинства. Для того *всегдашнего* меньшинства, которое и толкает историю вперед. Им мы подарим возможность раскрыть себя и оживить все стороны жизни, которые сейчас спят глубоким сном...

Сварог размышлял недолго. Заговорщики заговорщиками, а у него были и свои дела... которые, вероятно, пересекутся с делами революционеров.

– У людей торговых профессий в ходу такое понятие, как контракт, – сказал он неторопливо. – А сие есть, как известно, взаимоустраивающая система договоренностей и оговорок, скрепленная гербовыми печатями или же словом честным, купеческим... Я, признаться, к торговым и купеческим людям отношения не имею, однако собственными интересами не поступлюсь... Так вот, подпольщики вы мои дорогие, я хочу, чтобы мы заключили с вами контракт. – Сварог сел прямо. – Я понял, чего вы добиваетесь, чего вы хотите от меня лично и от жизни как таковой. Чего же, спрашивается, хочу я от жизни как таковой? В данный момент, я хочу найти выход из вашего гостеприимного мира. Раз был вход, значит, найдется и выход. Посему в пункт первого нашего контракта, буде такой состоится, предлагаю занести следующее: сторона, именуемая себя «Визари и компания», обязуется в обмен на магический артефакт под названием Око Бога бросить все магические, человеческие и прочие силы на поиски Двери. Строго говоря, это может быть и Дверь, и Ворота, и Зеркало, и черт знает что еще, важно – чтобы это был выход из этого мира... вовне. Ваша Стежка, насколько я понял, есть нечто похожее, только моя должна соединять не две точки Гаранда, а две точки разных вселенных. Как только я окажусь на пороге этой Двери вовне и удостоверюсь, что это никакой не обман, Око перейдет вам.

Видя, что Мар-Кифай хочет что-то сказать, Сварог предостерегающе поднял

палец.

– Я прекрасно понимаю, что Око вам необходимо прямо сейчас, ждать вы не можете, да и не хотите, а лишней Двери у вас под рукой нет. По этому поводу предлагаю пункт второй нашего контракта. Я готов стать вашим союзником на то время, пока не отыщется Дверь. И Око будет служить нашим с вами общим интересам. Только уж не обессудьте, граждане подпольщики: из рук я его не выпущу. Я вам, конечно, доверяю и все такое, но так оно будет спокойней... А пункт третий нашего предполагаемого контракта я посвящаю исключительно вопросам доверия и недоверия.

Сварог надкусил яблоко, положил его на стол, сосредоточился... Получилось. Надкус затянулся – яблоко снова стало целым. Небольшое застольное магическое развлечение.

– Итак, пункт третий. Я должен знать, что именно предпринимается для поиска Двери, должен получать всю добываемую информацию. Также я должен принимать самое деятельное участие в поисках Двери. Насчет доверия к моей скромной персоне и моей лояльности сами что-нибудь придумаете. Вот, собственно, и все. Разве что осталось упомянуть пункт, который обычно в контракты не вписывают. Но мы впишем... скажем, как подпункт к пункту три. Это про обман, про попытки хитрить и блефовать. Я, знаете ли, наделен способностью *видеть*, когда мне лгут и когда со мной ведут нечестную игру. Так что, случись оные попытки с вашей стороны, и вы тут же станете свидетелями акта доподлинного волшебства, причем отнюдь не добрых, но диаметрально противоположных свойств. Из ценнейшего союзника я прямо у вас на глазах превращусь в опаснейшего врага. Не извольте сомневаться – у меня не дрогнет рука избавиться от вас в случае необходимости, несмотря на личную симпатию и общее боевое прошлое. Не люблю, знаете ли, когда предают. Это я не пугаю, упаси господи. Всего лишь хочу предостеречь от непродуманных действий. А так – считаю, мы договорились. Я, госпожа Визари, ваш союзник. Он встал, отвесил легкий поклон: – Вот теперь действительно все. Честь имею, верх-советник.

Глава 12 БЕСЕДЫ ПОД ТРЕСК ПОЛЕНЬЕВ

– ...**С**ердишься?
– Нет. Просто не люблю, когда из меня делают дурака, веришь ли.

Она фыркнула за его спиной:

– Перестань, никто из тебя дурака не делал. Ты просто... просто не все знал и поэтому не вполне понимал, что происходит.

– А я, веришь ли, не люблю, когда я чего-то не *вполне* понимаю. Или не знаю того, что знать должен.

– Тише, атаман, тише, отряд перебудешь... Представляю, сколько у тебя вопросов ко мне. Ну хорошо. А вот ежели я прямо сейчас отвечу тебе на *все* вопросы, ты перестанешь дуться?

– Да не дуюсь я... На все?

– Ну... почти.

– Во-во. И почему это я не удивлен...

Он сидел все в том же зале, в свежесотворенном кресле перед разожженным камином. Просто сидел с бокалом в руке, смотрел на огонь... и ни о чем

не думал.

Он был один. И был в растрепанных чувствах. Верх-советник, откланявшись и заверив всех в полном своем почтении, отбыл по Стежке восвояси, Монах и Медведь, пресытившись впечатлениями последних дней, дрыхли без задних ног наверху. Снаружи висела беззвездная ночь, люстра и факелы были потушены, и лишь тусклые отблески от камина скользили по полу и стенам.

А потом пришла Щепка... Пардон, Визари.

– Ты не понял, – мягко возразила она. – На некоторые вопросы я и сама не знаю ответов, а некоторые... Атаман, это не только моя тайна, я не имею права... Ну хорошо, – ударив кулачком по спинке кресла, Визари обошла его и грациозно – и где она раньше эту грацию прятала, колдунья чертова! – присела на шкуру какого-то диковинного зверя, распластавшуюся меж Сварогом и камином. – Ладно, коли ты такой неверящий. Не хочу, чтобы между нами оставались недомолвки, коли уж мы оказались в одной команде. Давай сыграем в вопросы и ответы. Ты спрашиваешь – я максимально правдиво отвечаю – если смогу, – и ты проверяешь искренность с помощью своей магии.

– До сих пор ты благополучно мою магию обманывала, – Сварог посмотрел на нее сквозь бокал вина.

– Не было никакого обмана! – Визари порывисто отбросила со лба прядь волос и на мгновенье стала прежней Щепкой, импульсивной, открытой и своей. – Слушай. Да, я сильный маг, быть может, самый сильный на Гаранде. Я умею очень и очень многое... Но только не противостоять твоей магии! Потому что она другая. Совсем другая. Понимаешь? И никто, наверное, не сумеет... Ну, это все равно как книга на незнакомом языке. Ты держишь в руках именно книгу, видишь в ней несомненно буквы, буквы образуют отчетливые слова, из слов складываются явственные предложения, а все вместе – наверняка увлекательное чтиво... Но прочитать ты не можешь ни слова! Так и здесь. Я понимаю, что ты произносишь заклинание, знаю, на что оно направлено, однако противодействовать не в состоянии. Слишком разные у нас законы магии.

– Ну так и почему же я не чувствовал, когда ты врала мне?

– Фу, ваше величество, что за лексикон у вас... – Она хитро улыбнулась. – А потому, что на каждый меч, как говорится, свой щит найдется. Вот я и воздвигала такой щит, когда ты пытался прощупать меня на предмет искренности или магических способностей. Пользуясь недавней аналогией – я закрывала ту самую книгу на незнакомом языке, чтобы она меня не могла *прочитать*... Но теперь все щиты опущены, а забрала, напротив, подняты, я перед тобой, можно сказать, обнажена до предела... – И добавила азартно: – Ну что, сыграем?

Нет, положительно невозможно было сердиться на мерзавку, и Сварог невольно усмехнулся. Наверное, следовало все ж таки уступить даме кресло, а не заставлять ее довольствоваться ковром, но... Но, во-первых, уступить кресло прямо сейчас значило бы сдать позиции, а во-вторых – эта двуличье, как оказалось, и на полу в свете камина смотрится весьма недурственно.

– Ну, давай попробуем, – вздохнул он.

– Спрашивайте, атаман, я в вашей власти.

Жаль, не было с ними незабвенного Рошаля. Вот уж кто бы смог вытрясти из чертовки всю правду, прикрывайся не прикрывайся магическими щитами!

Так что Сварог до конца так и не уверился на все сто процентов, что Щепка была с ним предельно откровенна. Хотя все, что она говорила, звучало по меньшей мере логично.

Собственно, все крутилось исключительно вокруг Ока Бога. А Око Бога необходимо было Щепке исключительно для разжигания пожара мировой революции. Да, наверное, она была самым сильным магом Гаранда – никто как-то не проверял, – однако ее силенок все равно не хватало. Она стала лидером магического подполья, бойцы-колдуны на всех обитаемых материках готовы были за нее в огонь и в воду, в народе ее обожали, власти ненавидели, но этого было недостаточно. Чем обширнее территория, которую захлестывает волна революции, тем сложнее держать ее под контролем, тем больше вероятность сбоя, ошибок... тем больше прольется крови. Необходима некая организующая, объединяющая сила, способная в решающий час сплотить и направить мятежные массы. Для чего и потребовалось Око Бога – артефакт мощи необычайной, способный не только наделять его обладателя (или обладателей) тысячекратной силой, но и, в частности, пробуждать магические таланты у *простого* человека. Именно что в частности – поскольку познать и воспользоваться всеми возможностями Ока Бога выше человеческого разума. Вообще, считалось, что Око есть не более чем миф, легенда, а если оно и существовало в действительности, то во времена незапамятные и доисторические и, следовательно, нынче либо утеряно навсегда, либо уже израсходовало всю свою силу. Однако Визари удалось не только найти доказательства его реальности, но и локализовать местоположение.

Дело осложнялось лишь тем, что проникнуть на остров было невозможно: лже-Визари хоть и был дураком, но дураком умным и обезопасил себя от любого вторжения. Следовательно, нужно было, чтобы он сам, по своей воле открыл проход...

Остальное открылось еще во время беседы за столом переговоров: Визари использовала Сварога как приманку для любопытного самозванца. И если б Сварог не грохнул этого психа с манией величия, то в дело вступила бы она сама...

– Так, стоп, – вдруг перебил Сварог, осененный премерзкой догадкой. – А вот с этого места поподробнее. Значит, это ты говорила со мной там, на подлодке? Насчет взаимовыгодного дельца?

– Ага, – спокойно кивнула Щепка. – Видишь, какие у меня способности... Хотела сразу договориться насчет объединения усилий в захвате Ока. Назначила встречу, но аэропил был сбит Каскадом, и я на какое-то время потеряла твой след. Разозлилась жутко!

– Охотно верю, – кивнул Сварог. – И поэтому в силу вступил план Б: пусть пришелец сам отправится в лапки к психу, а мы приглядим за ним, посмотрим, что он за фрукт...

– Ну да. К тому времени на контакт со мной вышел верх-советник, он и посоветовал сначала разобраться, что ты собой представляешь, проверить в полевых условиях, а уж потом открыться... И я решила сама поучаствовать в этом *дельце*...

Она говорила правду. Дьявол, да лучше б врала!

– А в чем дело? У тебя вдруг такое лицо стало...

– Ничего, – медленно проговорил он, чувствуя, как в душе закипает

ярость. – Абсолютно ничего... Позволь, я продолжу. Теперь оставалось только добиться, чтобы Сварог добровольно сдернул в направлении острова. Вербовка банды Медведя, захват скоростника – это все семечки для Визари, она и Медведя убедила, что работает у него на подхвате уже давно, и с кораблем подсобила.

– Ну так... – осторожно ответила Щепка, с беспокойством наблюдая за Сварогом.

– Да. Но чтобы Сварог пошел на все это, пришлось пожертвовать мелкой никчемной фигурой – неким Гором Рошалем. Ты его заразила какой-то редкой дрянью, лекарство от которой можно найти только неподалеку от острова с Оком. А дабы Сварог не заподозрил чего, попутно пустила в расход еще пару-тройку людей – как и Рошаль, якобы жертв применения магии.

– Ах вот ты о чем...

Визари встала, отошла к камину. Сказала, не оборачиваясь:

– Ты думаешь, что я ради камня убила твоего друга? Это не так. Можешь не верить, можешь подозревать, что я таки обманываю твой детектор, но *это не так*. Я не убийца. Да, я заразила Рошалья. Однако никакая это была не каменная лихорадка. Это было простенькое заклинание, вызывающее лишь симптомы болезни, внешние ее проявления, которые прошли бы сами собой через трое суток. Но определить, что это ложная лихорадка, можно только на специальном оборудовании. У Эйлони такое оборудование имелось... Не знаю, успела ли она поставить правильный диагноз или Каскад добрался до них раньше. Как бы то ни было, я его не убивала. И если я и виновата в его смерти, то исключительно лишь тем, что разлучила вас.

Сварог до рези в глазах всматривался в ее ауру, стараясь найти и боясь найти темные полосы лжи. И не находил. Шут ее разберет, эту ведьму...

– Тогда кто же его...

Он запнулся.

– Вот именно, – сказала Визари. – Каскад. У него было слабое сердце?

– Не знаю.

– Ну, на тамошних допросах ломались люди и с сердцем быка, уж поверь мне...

Ее взгляд неожиданно потемнел.

– Ладно, – сказал он, – предположим, верю. А другие смерти?

Щепка покачала головой:

– Тут уж тем более я никакого отношения не имею. И даже не представляю, отчего так все получилось. Кто отправил «Черную молнию» на перехват моей подлодке, кто приказал сбить аэропил, на котором ты летел на встречу со мной, атака канатной дороги... Кто-то усиленно *работает* против тебя, атаман.

– Или против тебя.

– Или так... И подозреваю, что это не Каскад – не их стиль. Я даже одно время думала, что это ты мне палки в колеса вставляешь. Что Каскад разработал хитроумнейшую операцию по внедрению в мой круг мага-перевертыша...

– Но потом передумала?

– Потом передумала.

– Вот спасибо... Н-да, дела. Хотя, с другой стороны, чему удивляться-то? С такой анкетой и такими способностями, как у тебя, весьма сомнительно, что

этот «кто-то» только один, десяток-другой иностранных разведок просто обязаны за тобой охотиться... Ведь есть у вас иностранные разведки?

Визари кивнула.

– Вот видишь... И вообще, душа моя, объясни ты мне, за каким лядом ты полезла в эти революционные игрища? Неблагодарное это дело, уж поверь знатоку...

Она сотворила бокал красного вина, покрутила в пальцах, опять опустилась на шкуры. Целая бутылка стояла на столике возле кресла, были и бокалы, но она предпочла колдовство. Машинально...

– Этот мир *остановился*, атаман, неужели ты сам не видишь? Знаешь, на что уходит треть имперского бюджета – та, что не оседает на личных счетах чиновников, приближенных к императору? На строительство плотин и ветряков. На поиски новых источников электрического тока. Гаранд задыхается, Гаранду не хватает энергии. А мы можем предложить ему новые источники! Или производство вообще без потребления энергии! Вот за что идет охота на магов: власти боятся лишиться доходов. Четыре пятых всех банков в Короне принадлежат акционерам из Гвидорского Союза. Почти восемьдесят процентов промышленности в Короне принадлежат им же. Протектораты и колонии *субсидируют* Империю! А поскольку Империя все ж таки цивилизованное общество, то мы не грабим их, но заключаем *договоры*. И по этим договорам львиная доля прибыли уходит обратно в Гвидор, а оставшаяся часть – в карманы тех, кто эти договоры заключает... И так далее. Я могу показать тебе экономические выкладки: против моей Короны идет самая настоящая война, без фронтов и военнопленных, но это война. Империя прогнила, и грифы слетаются со всех сторон...

– Значит, тебе за державу обидно, – едва слышно произнес Сварог.

Но Визари услышала. И взорвалась:

– Мне за себя обидно! И в первую очередь я сражаюсь за себя! Я не виновата, что я маг! И что еще почти полтора миллиарда человек на Гаранде наделены способностями к магии! Почему мы должны таиться, почему должны скрываться? Что мы, не люди?!

– Щепка, Щепочка... – мягко позвал Сварог. – Я ж не спорю. Это твоя борьба и твой мир. Но только поверь мне: обычно в теории все выглядит прекрасно, а вот на практике сплошь и рядом оказывается гораздо труднее. Грязнее. Кровавее...

– Знаю, – спокойно сказала она. – Не просто верю – знаю. Я изучала в университете теорию революций... Но здесь, в нашем случае, все обстоит совсем иначе, и поэтому у нас есть шанс на победу. Мы готовим отнюдь не дворцовый переворот. Это будет аккуратный *разворот* – в политике, в промышленности, в экономике, в сознании людей, в конце концов. Разворот, которого ждут уже не одно десятилетие, потому что нынешняя власть со своими обязанностями не справляется. А падающую власть обязательно подхватят другие. И это будем мы. Все просчитано специалистами, выработан долгосрочный стратегический план преобразования... Никто не собирается вешать на площадях баронов и министров, расстреливать несогласных или заваливать рынок дармовой продукцией. Никто не собирается разрушать! Структура власти и общественных отношений пока останется прежней. Экономические связи тоже. Хочешь – мы поможем тебе обрести некоторые, *узконаправленные* ма-

гические способности, только докажи, что готов к этому, что не используешь свою силу во зло. Не хочешь – живи так, но не мешай другим. И так не хочешь жить – тогда вали из Короны, но все равно не мешай...

– Ну-ну, – скептически заметил Сварог. На словах все действительно выглядело безоблачно. Хотя, кто их разберет, колдовской мятеж – это вам не пьяная солдатня на улицах и не трупы буржуев на фонарных столбах, глядишь, и получится. – И ты веришь этому своему верх-советнику? – неожиданно спросил он.

– Мар-Кифаю?! Конечно, нет, ты что! – Щепка удивленно посмотрела на него. В ее глазах прыгали отсветы пламени, как отсвет розового неба в глубоком колодце. – С какой стати? Просто пока наши задачи сходятся. Он хочет свалить императора – на этом этапе нам тоже необходимо выбить опору из под ног у противника... Но смена человека во главе Империи – это его единственная цель. Мы же собираемся изменить весь мир. За Мар-Кифаем следят, и если он попытается вести свою игру – что ж, придется наказывать. Он знает, какие ставки на кону... Господи, знал бы ты, как мне все надоело! Как хочется хоть на часок забыть, что я великий маг и вождь миллионов, как хочется побыть просто женщиной... Но – нельзя. Я уже выбрала свою судьбу и отступать не намерена. Возможно, этот дедушка из ущелья прав – все суета и детские игры... Однако я не сверну. Поздно сворачивать. – Визари отставила бокал и потянулась всем телом. – Ну?

– Что?

– Ты никак тоже каменную лихорадку подхватил? Долго ты там торчать намерен?

Некая сила вдруг ласково, но твердо вынула его из кресла, подняла над полом... Сварог даже испугаться не успел: миг – и он уже аккуратно был возложен на ковер рядом с колдуньей.

– Я и так сяду, и вот эдак, а он все допрашивает... Нельзя так, ваше величество, не бережете вы себя.

У Сварога на плечах зашевелилась ткань – это трико совершенно самостоятельно, без всяческих усилий с его стороны, как кожа со змеи, начало сползать с торса. Ведьмочка придвинулась вплотную, ее дыхание обжигало грудь.

– И откуда ты только свалился на мою голову?.. – прошептала она. – Впрочем, это даже здорово, что свалился. Обещай, что отправишься искать эту свою Дорогу не завтра... Тс-с! Молчи. Молчи... Мар-Кифай сведет тебя со знающими людьми, да и я помогу. Только не уходи завтра, ты нужен нам. Ты нужен мне...

Шепот ее стал прерывистым, слова – бессвязными. Да Сварог и не слушал ее. Не до Дорог ему было...

Глава 13

ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: СВЯЩЕННИК РОН-ГАРДАР

На душе было маятно.

И доискаться причин такого душевного состояния труда не составляло: одиночество, непогодь за окнами, чувство, что являешься пешкой в чужой игре и ничего не можешь с этим поделать, по крайней мере сейчас. Так, что впрямую взять в руки гитару и затянуть хриплым голосом, да с надрывом, да так чтоб до печенок продирало: «Эх, ребята, все не так, все не так, как надо».

Но была еще одна причина душевного разлада. С недавних пор Сварог яв-

ственно ощущал некую раздвоенность, словно от него отделилась часть его «Я» и отправилась куда-то существовать сама по себе. До раздвоения личности, правда, еще не дошло, но иногда Сварогу казалось, что именно к этому все потихоньку и катится. Он даже несколько раз на полном серьезе проверял, на месте ли его тень, что уже, согласитесь, симптоматично. А виной тому были сны.

С некоторых пор, а именно с попаданием в мир под названием Гаранд, Сварогу стали сниться прелюбопытные, престранные сны. Нет, на первый взгляд вроде бы ничего необычного: он видел Талар, видел свой дворец, видел Мару, Интагара, старуху Грельфи, друзей и придворных. Тоска по тому, что дорого и что покинуто, прорывается и во сны – ничего удивительного... Но сновидения были слишком долгими, пугающе реальными, логично продолжавшимися, они никогда не повторялись. Еще поражала и несвойственная снам достоверность в мельчайших деталях. Но главное, что смущало: во снах происходили события, свидетелем и уж тем более деятельным участником которых Сварог никак не мог быть – то были события, что могли произойти только после того, как он покинул Талар, окунувшись в Поток. И события те никак нельзя было назвать веселыми и радостными. Скорее уж в точности наоборот.

И почему-то особенно не давал покоя дворцовый балкон, с которого открывается вид на совершенно чужой мир. На этот потайной балкон он выходил во сне каждую ночь. С этого балкона он смотрел на сияющий огнями далекий незнакомый город, на залитые электрическим светом улицы, на шоссе с проносящимися по нему автомобилями.

Кстати, была еще одна удивительная особенность его сновидений – они не забывались на рассвете. Утром, после того, как ему впервые приснился потайной балкон, первой мыслью его было: «Может быть, этот балкон в Короне?! Тогда надо его во что бы то ни стало найти. Только как?»

Однако последующие сны кое-что прояснили. По *тому* шоссе проносились автомобили, а не электромобили. Кроме того, по скорости *те* машины значительно превосходили машины Короны. И городская архитектура была совершенно иная. И рекламы на улицах *того* города горело значительно больше, чем на *этих* улицах.

Сварог уж было отбросил мысль о Короне, когда его осенило: а если это – будущее мира Гаранд и, возможно даже, ближайшее будущее?! Это не может быть прошлое, хотя бы из-за автомобилей, которых на Гаранде отродясь не было. Но лет через несколько отчего бы им не появиться? А что до архитектуры, то Сварог познакомился лишь со столицей, а городов здесь хватает, как, наверное, и архитектурных стилей...

Если бы он мог управлять сном, то непременно оставил бы на время королевские заботы, оставил бы вместо себя в кабинете двойника, спрыгнул бы во сне с балкона вниз и проверил бы, что к чему. Но в том-то и дело, что своим сновидениям он не хозяин...

Эхе-хе, выпить бы хорошо, засидчиво, основательно, и не здешнего пойла с непременным карамельным привкусом, а натуральной водки, чистой аки слеза, да излить душу товарищу верному... но только где такого тут найдешь? А что ни говори, простой расейский загул снимает хмарь с души получше всяких лекарств и премудрых докторов.

Сварог предавался печальным мыслям в отведенных ему покоях на втором

этаже особняка верх-советника Мар-Кифая. Впрочем, покои эти он как раз намеревался покинуть. Уже осторожно скребся в дверь посланный Мар-Кифаем слуга и деликатно напоминал, что «господа собрались и ждут». Подождут. Поди, не за спасибо работают и не ради меня они благородно побросали все свои дела и примчались в этот столичный пригород.

Сварог уже облачился в трико для вечернего выхода в свет. Встал перед зеркалом, поправил накидку темно-вишневого цвета с красной изнанкой. Что за дурацкий вид! Особенно нелеп золотой треугольник на груди – ну что за безвкусица, право... да и пояс хорош, никак не позволяет отделаться от мыслей про реслинг. Насколько Сварогу было известно, фронтеры намерены возродить моду предыдущей эпохи – в этом они безусловно правы и заслуживают всяческой поддержки. «Или же, – подумал Сварог, – мое мрачное настроение черной тенью простирается надо всем. Вот и здешняя мода уже не по душе...» Он вышел в коридор и неторопливо направился к лестнице. Впереди бесшумно скользил по ковровой дорожке давешний слуга, предупредительно открывая двери на пути следования «господина Ар-Сварга». Под таким именем Сварог поселился в особняке Мар-Кифая, где ему одному отвели аж целый этаж. Впрочем, именно такого приема и заслуживал «полномочный представитель императора в находящейся на северо-западе материка Корона провинции Ахор», который имеет право доступа в императорский дворец и пользуется особыми привилегиями. Верх-советник никак не мог объявить Сварога кем-нибудь попроще, иначе не смог бы поселить гостя в особняке на законных основаниях. Разве что во флигеле вместе со слугами.

Мар-Кифай лишних людей в тайну Свароговой личности справедливо не посвящал. Даже вроде бы насквозь надежного личного мага. Мало ли кто кому вдруг надумает верой и правдой послужить или кто кому ненароком проболтается...

Между прочим, в кои-то веки Сварог не использовал чужую личину для изменения внешности, а прибегнул к простому человеческому гриму. Все по той же причине – мало ли кто чем владеет. Хотя Мар-Кифай и говорил, что проверяет своих людей и даже поощряет внутри особняка негласный присмотр друг за дружкой с последующим донесением хозяину обо всех странностях, но верх-советник сам же первый и не верил в то, что никто из его слуг и работников не получает второго жалованья в Каскаде. Увы, будь люди хоть трижды испытаны в делах, никак нельзя быть безусловно уверенными в ком-то, даже в своих домочадцах; никак нельзя исключать, что Каскад не завлек кого-то в свои сети, играя на слабостях человеческих, компромате и тщеславии людском.

Вот и не стоило прибегать к надеванию личин без нужды. Тем более, и под гримом Сварог был неузнаваем. Верх-советник лично загримировал его, по выражению Мар-Кифая, под типичного провинциального самодура. Есть такое поветрие в удаленных провинциях Короны – во всем, что безобидно и ненаказуемо, с вызовом идти наперекор столице. Если, скажем, в столицах носят короткие плащи, то мы, дворяне дальних земель, будем щеголять в плащах, волочащихся по земле. Если в столицах входит в моду стиль поведения «Загадочная грусть», взятый из нашумевшей синематографической ленты «Апсодерии», то мы, дворяне дальних земель, будем напоказ шумны и безудержно веселы. Если в столицах бреют лица начисто, то мы, дворяне даль-

них земель, станем отращивать бороды лопатой, усы вразлет, волосы до плеч и кустистые бакенбарды...

Вот только разве без бакенбардов обошелся Сварог, гримируясь под гостя из «мятежной» провинции.

Сварог спустился на первый этаж, свернул налево, следуя за слугой-проводником. Очутился в длинном коридоре, по всей длине которого, словно гренадеры на посту, стояли огромные, в человеческий рост вазы с узкими горлышками, покрытые затейливой росписью. Если верить словам верх-советника, такие вазы – последний писк дизайнерской моды. И, как и любой писк, вазы, разумеется, стоят неслабых денег.

Да и гостиная, дверь в которую с поклоном распахнул перед Сварогом вышколенный лакей, не отличалась спартанской простотой обстановки. Хорошо, признаться, живет верх-советник, зажиточно. И будь Сварог чуть помоложе и чуть менее опытен в делах житейских, непременно про себя удивился бы: «Ну зачем ему при таких богатствах рисковать, ставить все на карту заговора? Живи да радуйся!» Однако Сварог немножко пожил на этом свете и отлично понимал, что если человек одержим такой страстью, как власть, то это навсегда, это неостановимо, власти, как наркотика, нужно еще и еще, все больше и больше. Деньги, роскошь – все это несущественно, когда тебя сжигает изнутри жажда власти...

Гостиная была оформлена в желтых тонах. И называлась она зело оригинально – Желтая гостиная. Еще в особняке наличествовали Синяя, Зеленая и Красная гостиные. Тоже, кстати, дань новомодному увлечению. Считалось, что для большего психического комфорта следовало выбирать гостиную под стать господствующему настроению. Сварог забыл спросить у верх-советника, какому настроению соответствует желтый цвет, но если судить по лицам ожидавших прихода Сварога людей – не самому плохому на свете. Видимо, как раз перед приходом «господина Ар-Сварга» верх-советник рассказал нечто уморительное, и гости дома поднимались из кресел со спинками в виде лир, все еще продолжая хохотать.

Согласно принятому в Короне этикету, Сварог раскланялся, приложив к вообразимой шляпе один лишь указательный палец. Ему отвечали тем же, в полном согласии с принятым в хорошем обществе ритуалом. Помимо верх-советника Мар-Кифая в гостиной было еще два человека. Одного звали Рон-Гардар, другого – Пер-Дигостан. Первый был молод, энергичен и жизнерадостен, служил он при Храме в Службе Рвения, здешнем аналоге святой инквизиции, только пользующейся методами помягче. Второй господин был много старше, дороден, вальяжен в каждом жесте и служил на поприще исторической науки в должности ректора столичного университета.

Сварог был обрисован этим людям как состоятельный провинциальный аристократ, которого от скучного прозябания в глухомани повело на сумасбродные идеи. Аристократ и возжелал, чтобы его имя всенепременно гремело по Короне, а громче всего, конечно же, в столице. И прославиться он замыслил на синемаграфическом поприще, сняв ленту (непрерывно с продолжением) о странствиях по мирам. Богатый сумасброд желает сценарий написать собственноручно, а построить его хочет на достоверном материале, каковым почитает не только исследования ученых мужей о загадочных и необъяснимых явлениях, в которых можно заподозрить участие чужих миров, но и ле-

генды, предания, мемуары, рассказы разных там мореходов и прочего бродячего люда и так далее, вплоть до вырезок из бульварных газетенки.

Как говорится, чем бы дитя не тешилось, лишь бы денежки платило. Так думали люди, к которым обращался за помощью господин Ар-Сварг, и с удовольствием брались за работу. А поскольку господина Ар-Сварга рекомендовал сам верх-советник, то трудились эти люди со всем усердием и скрупулезностью. Сварогу же оставалось только отделять зерна от плевел.

Увы, доселе попадались сплошные плевелы.

Сварог сел за стол, кивнул лакею, чтобы тот наполнил его чашку горячим иджиго (местным заменителем кофе, добываемым из зерен какого-то растения с замысловатым названием. Дерево сие, кстати, произрастало исключительно на некоем острове Бошим, ну и понятно, что остров этот видел столько войн, контрабандистов, пиратов и авантюристов, что любая порядочная воинствующая страна должна была бы немедля удавиться от зависти. На иджиго делались огромные деньги, на иджиго разорялись, возносились к лучам светской славы и кончали жизнь самоубийством... Ну, это так, кстати).

Сварог закурил длинную, инкрустированную перламутром трубку.

– Любезнейшие господа, – сказал Сварог, выпустив первое табачное кольцо. – Право же, я искренне рад, что судьба свела меня со столь образованными и умными людьми, и надеюсь на долгое, плодотворное сотрудничество. У меня большие планы, и в них для вас найдется место. По величайшему секрету скажу вам, что синематографический мир, в который я столь опрометчиво окунулся с головой, не знает слов «благородство» и «честь». Каждый норовит выхватить изо рта у другого лакомый кусок. Нравы хуже, чем у людоедских дикарей. Дабы прикарманить хорошую идею, синематографические люди пойдут на любое преступление. Да, да, господа, на любое! Поэтому я надеюсь, наш разговор останется между нами?

Гости закивали с величайшим энтузиазмом – надо полагать, без труда уловили подтекст, скрытый за словами о любых преступлениях.

– Признаюсь вам как родным, – Сварог по-свойски подмигнул собеседникам и продолжал *нести*: – с отроческих лет мне не дает покоя сия загадочная тайна. Впервые я услышал о чужих мирах от своей няни Ар-Родиони, и тайна эта захватила меня всецело. Конечно, я довольно скоро перестал верить в действительное существование иных миров, кроме нашего, но тоска по ним осталась... Вот и я надумал избавиться себя от сей тоски, создав видимость чужого мира с помощью возможностей, что открывает нам синематограф. Трилогию... или даже тетралогию думаю назвать как-нибудь так... «Миры и войны» или «Война миров».

Кивками и мимикой гости выказали одобрение.

– Теперь, господа, я превращаюсь в слух. Я вижу у вас с собой записи, – Сварог показал на пухлую папку дорогой кожи с золотым гербом университета, лежащую на столе перед ректором Пер-Дигостаном (перед молодым инквизитором Рон-Гардаром тоже лежала папка, только малость потоньше). – Но я предпочел бы прежде, чем сесть за чтение, услышать от вас лично о проведенных изысканиях, чтобы иметь возможность что-то уточнить, о чем-то спросить. Давайте приступим. Кто начнет первый?

– Могу я, если уважаемый ректор не возражает! – выдохнул молодой священнослужитель с азартным лицом.

Ректор не возражал, и юноша порывисто расстегнул папку:

– Вы правильно сделали, господин Ар-Сварг, что обратились именно ко мне! Я ведь занимался чем-то подобным в свое время. Нетрудно было вспомнить и отыскать нужные документы. И удалось обнаружить кое-что любопытное. – Он зашуршал бумагами. – Мы сейчас всецело посвящаем себя Гвидору. На Короне уже не осталось ни сект, ни еретиков. Правда, нет-нет, да появляются маги-чернокнижники, но ими занимается Каскад. А мы противостояем лишь искажителям Учения об Истинном Свете. Ну а про Ханнру я вообще не говорю! Храм и наша Служба Рвения считает Ханнру землями, не достойными Истинного Света, поэтому, сами понимаете... – он пожал плечами. – О Ханнре вам надо расспрашивать путешественников. Хотя... Может быть, мой коллега что-нибудь знает о Ханнре из исторических документов...

На «коллегу» ректор Пер-Дигостан поморщился. Записывать в коллеги юнца такому солидному, уважаемому человеку, как ректор, явно не хотелось. Но он промолчал.

– На Гвидоре Храму приходится нелегко, – продолжал пылко вещать юноша. – Увы, Храм в тех землях принято отождествлять с верховной властью, а не секрет, что ее в протекторатах, мягко сказать, недолюбливают...

Может быть, юноша сообщал и не секрет, но голос однако механически приглушил.

– Разве что в протекторате Стошепт поддерживается хотя бы видимость благочестия, да и то потому лишь, что там расположены самые крупные порты Гвидора, а моряки, как известно, испокон веков почитают Храм, так как первые корабли были построены на средства Храма... Эхе-хе, а в остальных землях, куда ни глянь – разное верие, спекуляция на Истинной вере, чего там только нет... – Молодой священнослужитель обреченно махнул рукой. – Доморощенные пророки с сомнительным прошлым чувствуют себя на Гвидоре, как рыба в воде. Во всех городах направо и налево торгуют так называемыми подлинными Книгами Рождения Света, где якобы восстановлены главы, якобы изъятые из Книги служителями Храма, чтобы обмануть людей себе в угоду. Особенно досаждают нам адепты лжепророка Многоуста. В его честь чуть ли не в открытую строят часовни, не говоря уж про то, что в любом лесу можно отыскать украшенное бусами и лентами Живое Дерево, под которым и поклоняются этому бесноватому болтуну...

«Вот бы Монах слышал сейчас, как отзываются о его любимом пророке, – подумал Сварог, храня на лице печать глубочайшего внимания. – Минимум – в рыло засадил бы...»

– Я с удовольствием послушаю о трудностях Храма на Гвидоре в следующий раз, – мягко перебил он. – Сейчас меня занимают другие темы...

– Конечно, конечно, я помню, – торопливо проговорил Рон-Гардар. – Только я не случайно заговорил о непростом положении на Гвидоре... Дело в том, что зачастую места, тем или иным образом связанные с чудесами или с проявлениями таинственного и непознанного, враз становятся объектами поклонения и разнообразных мистических спекуляций. Очень часто вблизи таких мест возникают стихийные поселения. На Гвидоре даже существует такая разновидность торговли, как торговля артефактами с этих самых мест. Обломки склепа Неизвестного Короля, щепка Вечного Дерева, кости древних животных со дна Черного Озера. Нетрудно догадаться, что подделок гуляет гораздо боль-

ше, чем подлинных вещей. Мы стараемся отслеживать все, так или иначе связанное с объектами мистического поклонения. Я покопался в наших архивах. Отбросил откровенные басни и сказки, никоим образом не относящиеся к заданной теме. После тщательной проверки отбросил свидетельства, на первый взгляд интересные, но безусловно не имеющие под собой реальных оснований. Вроде старинной побасенки о Кирпичных Колодцах, куда загляни – и узришь «иную жизнь». Мало того, что об этих Колодцах все только слышали от кого-то, но не имеется ни одного показания очевидца. Мало того, что Храм не признает возможности узреть иную жизнь без веры в душе. Главное – если б такое чудо на самом деле существовало, смею вас уверить, его давно бы обнаружили, нанесли на карту и там давно стоял бы по меньшей мере шатровый городок, а какой-нибудь новоявленный пророк с утра до ночи проповедовал бы возле них сходную с бредом ересь.

– Ну а если все же... – задумчиво протянул Сварог.

– Исключено, – отрезал юноша. – Подобные «чудеса» разыскивают не только искатели приключений и прочие бродяги всех мастей, – их разыскивает и наша служба, в этом состоит одна из ее обязанностей...

– Понимаю, – кивнул Сварог. – Ваша задача – опередить конкурентов, не дать им развернуться, не дать открыть новую площадку для проповедников, что отнимают у Храма прихожан. Таким образом, логично будет предположить, что вы либо уничтожаете чудеса, либо превращаете их в места, находящиеся под защитой и покровительством Храма.

– По-разному бывает, – тонко усмехнулся молодой священнослужитель. – В каждом конкретном случае принимается отдельное решение в зависимости от обстоятельств и перспектив.

– Так что получается, Гвидор исхожен вдоль и поперек? – подал голос верховный советник Мар-Кифай.

– Нет, так не скажешь, – покачал головой Рон-Гардар. – Гвидор – это, конечно, не Ханнра, сплошь неизученная и неисхоженная, однако и на Гвидоре хватает мест, куда крайне нелегко добраться. Кроме того, новые чудеса обнаруживают даже в тех местах, где раньше ничего подобного не отмечалось. Например, не так давно вблизи города Талипак забил источник, вода из которого разглаживает морщины. Правда, ненадолго, эффект длится всего несколько мгновений, потом кожа возвращается к прежнему состоянию, но и этой малости оказалось достаточно, чтобы весть о целебной воде разносилась по всему Гвидору, и к роднику ринулись толпы жаждущих омыться. Конечно, большинство из них составляли женщины. Хорошо, что источник первыми обнаружили мы...

– Что, надо думать, приносит Храму неплохой доход, – негромко хмыкнул ректор.

– Свои доходы Храм употребляет исключительно на благие дела! Или, по вашему, лучше, чтобы подобные дароносные места узурпировали мошенники, благо закон это позволяет, и вырученные ими деньги оседали бы в карманах трактирщиков, гуляющих женщин и содержателей домов азартных игр? За обладание чудесами на Гвидоре приходится побороться. Вы слышали о Бархатной Книге? Странно, на Гвидоре о ней знает любой. Книга – реликвия города Шорг. Сперва мы заподозрили чистой воды мошенничество, потому что слишком большие доходы книга приносит городу, да и всей провинции... Еще

бы, неиссякаемый поток паломников! Однако проведенная проверка показала, что книга и вправду обладает приписываемыми ей свойствами. А свойства эти такие: несколько раз в день камни, вделанные в металлическую окантовку фолианта, начинают светиться, и пока они не погасли, любой человек может открыть книгу наугад, провести ладонью по странице и дальше ждать, что это ему принесет. Может принести что угодно: удачу, неудачу, исцеление от неизлечимой болезни, внезапную смерть. Скорее всего, ваша судьба зависит от того, какую страницу вы откроете. Мы тщательно отслеживали судьбы людей, соприкоснувшихся с Книгой, но какой-либо закономерности выявить не удалось. Грешники оказывались осыпаны благами, праведники наказаны. А то и наоборот. Однако бесспорный факт: что-либо, так или иначе влияющее на судьбу, происходило со всеми, кто проводил ладонью по страницам. А иногда, господин Ар-Сварг, соприкоснувшиеся с Книгой люди исчезали бесследно, будто проваливались из этого мира неизвестно куда. Они выходили из дома, входили в дом или сворачивали за угол, после чего никто никогда их больше не видел. И подобных случаев отмечено немало.

– Хм, неужели так много желающих рискнуть всем и изменить свою жизнь в неизвестную сторону? – задумчиво проговорил верх-советник.

– Не то слово! – воскликнул Рон-Гардар. – На счастье, камни в обложке Книги светятся не столь часто, а в ином состоянии Книга бесполезна. Дотрагивайся хоть сто раз – ничего не произойдет.

– Так что же внутри Книги? – спросил Сварог.

– Текст на незнакомом языке. Естественно мы скопировали большинство страниц, хоть доступ к ней, сами понимаете, всячески затруднен охранными предосторожностями. Постепенно копируем и остальные страницы. Однако мало что удалось установить, и нет никакой уверенности в окончательной удаче. Алфавит абсолютно неизвестен, аналогов не имеет, письмо скорее всего слоговое, расшифровке пока не поддается. Рисунков нет, зато много страниц, из которых ножом вырезаны фрагменты текста. Бесспорно, Книга древняя...

– Возраст Книги примерно полторы тысячи лет, если судить по состоянию пергамента, – вынужден был согласиться ректор. – Это один из древнейших артефактов Гаранда. Существует версия, по которой Книга создана первой цивилизацией нашего мира, около тысячи лет назад уничтоженной природными катаклизмами. Я знаю о Бархатной Книге не понаслышке. Дело в том, что один из моих коллег получил доступ к ней, что стоит, я вам скажу, весьма и весьма кусаче, и своей очереди ему пришлось дожидаться не один месяц. Однако, как выяснилось, стоило того. Он получил, что хотел – стал отцом.

– М-да, любопытная книжица, – сказал Сварог и нисколько не покривил душой. – А кроме нее что имеется?

– Кроме нее есть еще лестница Од, – продолжал молодой священнослужитель. – На востоке Гвидора проживает немногочисленная народность, называющая себя одринами. Язычники, совершенно невосприимчивые к Учению Истинного Света, хотя Храмом неоднократно предпринимались попытки обращения. Одрины поклоняются своим звероподобным богам, считают, что наш мир есть огромная лепешка с загнутыми, чтобы не выливалась вода, краями. Живут в землянках и красят зубы в черный цвет, полагая это красивым. При всей их дремучести, у них обнаруживаются вещи, появление которых невоз-

можно объяснить. Скажем, миссионер Дош-Вайлон видел в землянке одринов альтиметр странной конструкции, он после справлялся в Унии Авиаторов – ничего подобного никогда не существовало. Предмет стоял в углу, на полочке, украшенный сосновыми ветками, одрины к нему относились как к священной реликвии, а когда миссионер подошел, чтобы рассмотреть альтиметр вблизи, его с криками и тычками выставили из землянки. Другие миссионеры тоже описывали предметы, которых раньше нигде не встречали и назначение которых им было непонятно... Откуда они? Если одрины и отвечали на вопросы, то только в том смысле, что это, мол, дары богов. На земле одринов найдена так называемая лестница Од. Возле лесного озера находится несколько огромных валунов, сложенных друг на друга наподобие лестницы. Согласно одному из преданий одринов, это сооружение ни что иное, как трон Гостаса, бога громов и дождей, их верховного божества. И если кому-то необходимо предстать перед Гостасом, он должен в грозовую ночь взойти на каменный трон, три раза прокричать что есть силы имя бога, и тот призовет человека к себе... Вот только обратной дороги нет. Тот самый миссионер Дош-Вайлон, отличавшийся любопытством, проделал все, как нужно, но ничего не произошло.

– Наверное, бог Гостас признает только своих соплеменников, лишь для них открывает небесные двери, – хохотнул верх-советник Мар-Кифай. Юноша пожал плечами.

– Не скрою, нам немного известно об одринах и их богах. Как я говорил, наша служба особенно тщательно отслеживает деятельность всевозможных сект, по возможности уводя людей из-под их влияния. Сект в Короне, к сожалению, хватает. По вашему запросу, господин Ар-Сварг, могут представлять интерес Смотрящие в Воду и Ожидающие. Первые живут довольно крупным поселением на берегу моря, на самом юге Гвидора. По их убеждениям, Истинный Свет, ниспосланный Творцом, не пролился ни каплей на землю, а растворился в океанских водах, и нет на свете ничего благостнее и святее той воды. Они верят, что под водой существует особый мир, населенный людьми, во всем превосходящими обитателей земли. И тех, кто проживет жизнь достойно, будет взят под воду, где его воскресят и одарят бессмертием. Поэтому своих покойников они хоронят в лодках, просто отталкивая от берега.

– Очень интересно, – сказал Сварог. – А что Ожидающие?

– Ожидающие – секта старинная, существующая уже двести пятьдесят лет. Они живут в ими же построенном монастыре, находящемся неподалеку от города Некушд. Все двести пятьдесят лет они *ждут*. Чего? Сейчас я вам зачитаю выдержку из пророчества, которое Ожидающие чтут и по которому живут. Вот, послушайте: «В День Великий, в час Бушующего Света Дан будет Знак. Отверзнутся Врата, кои вширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже. Падут ниц народы и расы. Отринут богов неправедных и примут богов истонных. Прахом станут грады и веси. Из Врат выйдут Строители и из Света возведут грады новые, не заслоняющие Свет. И воцарится Царство Добра и Разума, простирающееся от мира до мира». Как вам?

– Мне доводилось слышать немало всяческих пророчеств. Главная, объединяющая их особенность – туманность предсказаний, – осторожно сказал Сварог.

– В данном случае в клубах пророческого тумана проступает одна весьма

четкая деталь. Пророчество должно сбыться именно в этом году, – Рон-Гардар вложил листы в папку. – У меня все.

Глава 14 ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: РЕКТОР ПЕР-ДИГОСТАН

— Мой коллега, – «коллегу» ректор Пер-Дигостан особо выделил голосом, – великолепно познакомил нас с религиозным беспокойством на Гвидоре. Не знаю, как много можно извлечь из этого для создания эпопейной ленты, но я слушал с удовольствием и не скрываю, что кое-что новое узнал. Надеюсь, и мне удастся обогатить коллегу некими новыми сведениями уже из области истории.

Теперь пришла пора раскрывать свою папку университетскому ректору.

– Я разыскал в университетских архивах интереснейшие документы. Как известно, ледяной материк Эшт посетили две экспедиции. Одна побывала там тридцать лет назад, другая – восемь. Первая, известная как Ледяной поход Гот-Фагора, не вернулась, и о ее судьбе ровным счетом ничего неизвестно. Второй повезло больше. Возглавлявший ее верх-шкипер Нори-Таст привел корабль назад и сумел сохранить половину экспедиции. Разбирая бумаги экспедиции, я наткнулся на любопытные записи в судовом журнале. В одной из них рассказывается о том, как одна из исследовательских групп, которые ежедневно направлялись с корабля для исследования материка, обнаружила ледяную пещеру. Вход в нее имел слишком правильные для природы очертания. Разумеется, исследователи вошли внутрь, где им пришлось довольно долго идти длинным извилистым коридором, который вывел их в конечном счете в огромных размеров зал. О размерах помещения в тех записях сказано так: высотой таков, как если бы поставить шесть человек одного на другого, в длину с корабль класса «скоростник», а в ширину даже превосходит такой же корабль раза в полтора. Из конца в конец зала тянулись в два ряда лежа изо льда, между которыми имелся лишь узкий проход. На каждом ложе лежал чело... Нет, лучше сказать, некое существо, обликом схожее с человеком, но в два раза выше человека. Лица великанов были узкими, вытянутыми и у каждого из них было лишь по одному глазу. Ни у кого из них грудь не вздымалась, не слышно было их дыхание, они не шевелились, но создавалось полное впечатление, что великаны спят. Исследователи прошли зал из конца в конец, этим и ограничились. Они решили больше ничего не предпринимать, а вернуться на корабль и доложить обо всем верх-шкиперу. Когда они вышли из пещеры, то попали под снежную лавину. Из группы исследователей уцелел лишь один. На следующий день к пещере отправилась новая группа исследователей, но вход они не нашли, видимо, он оказался завален снегом.

– Ведь это же было совсем недавно? – спросил Сварог.

– Я понял вашу мысль, – ректор сопровождал слова важным кивком. – Мне не составило труда навести справки о том, где сейчас находится тот самый, единственный уцелевший человек. В доме для страдающих психическими недугами. Он повредился в уме, вернувшись на Корону, и до сих пор пребывает в сумрачном состоянии рассудка. Если вам интересно, могу также сообщить, что верх-шкипер месяц назад отправился в очередную экспедицию к Поющим островам. Мне кажется, хотя это быть может и не мое дело, что с кинематографической точки зрения выгодно перенести события ленты на материк Эшт. Люди любят необычные виды, экзотический антураж...

– Вполне возможно, – не стал спорить Сварог. – Но есть еще и такой аспект, как затраты, которые всегда хочется свести к минимуму.

– Понимаю, – улыбнулся ректор. – Тогда я расскажу вам историю, воплощение которой представляется мне менее затратным. Случилась она более трехсот лет назад, так сказать, на стыке эпох. На севере Короны между городами Трот и Пер-Ладон лежали владения некоего Кен-Нецци, носившего ныне отмененный дворянский титул «земельный граф». Кен-Нецци особо не выделялся среди дворян той эпохи. Зиму проводил в столице на балах и приемах, на лето уезжал в родовое поместье, где с утра до вечера охотился, а в свободное от этого занятия время опустошал винные погреба и одаривал своим вниманием молоденьких розовощеких крестьянок.

И вот однажды «земельный граф» резко, в одночасье поменял образ жизни.

А столь разительно переменялся Кен-Нецци после того, как некий незнакомец побывал в замке «земельного графа». Этот человек проезжал мимо поздней порой и попросился на ночлег. Известно, что хозяин и гость провели ночь в неумеренном употреблении напитков разной крепости и вкуса и за разговорами. По уверению одного из лакеев, прислуживавших на ночной трапезе, хозяин и гость до рассвета до хрипоты спорили, существует или не существует... А вот что именно существует или нет, слуга не расслышал. Наутро они вскочили на коней и куда-то умчались вдвоем, запретив слугам себя сопровождать. Вернулись три стражи спустя. Гость торжествующим, хозяин подавленным. Незнакомец прогостил у Кен-Нецци до обеда, потом убыл навсегда, но после этого визита «земельного графа» как подменили.

Он перестал бывать у соседей, забыл о вине и крестьянках, забросил даже охоту. Теперь все дни напролет он проводил в библиотеке, в которую до этого не заходил ни разу в жизни. Кроме того, он стал выписывать из столицы новые книги, потом сам поехал в столицу и вернулся оттуда в сопровождении знаменитого ученого-энциклопедиста Дол-Бати, а еще привез целую гору ящиков и коробок, в которых, как выяснилось позже, лежали колбы, реторты, стеклянные и металлические трубки, непонятного предназначения инструменты, а также камни и порошки. Ящички «земельный граф» велел сложить в чулане, но не распаковывать. На следующий день после возвращения из столицы «земельный граф» и ученый, взяв с собой дюжину крепких ребят с лопатами, отправились в Долджмеонский лес. Граф уверенно вышел к небольшому холму на поляне и велел крестьянам его раскапывать. Сам же устроился поблизости, закурил трубку и стал наблюдать. Едва лопата одного из землекопов обо что-то звякнула, Кен-Нецци вскочил, отбросил трубку, велел всем прекратить работу. После чего он отправил всех землекопов в замок, наказав вернуться обратно с ящиками и коробками из чулана. Сам же граф вместе с ученым остался на той поляне.

Когда землекопы вернулись с ящиками, им было велено ящички вскрыть и убираться обратно. Землекопы, понятное дело, изнывали от любопытства и, отвлекаясь от вскрытия ящиков, тянули головы и вглядывались в раскоп. Тем более, раскоп увеличился – видимо, в их отсутствие граф с ученым взяли в беды рученьки лопаты и в кои-то веки испробовали на себе физический труд. Но землекопам мало что удалось увидеть. Один утверждает, что углядел «*внутри* земли бегущую по кругу и всю горящую змейку», другому привиделось переплетение железных штырей и присыпанные землей шары, а третий су-

мел увидеть аж «как изнутри наползает большая носатая животина». Короче говоря, все, что они потом насообщали, в итоге сводится к одному-единственному слову – несуразица.

Потом землекопы, как им велели, ушли. В эту ночь никто в замке не спал. Как тут уснешь? Хозяин, считай, один в лесу, случиться может что угодно, вроде бы надо ехать оберегать его, но он не велел никому даже приближаться к Долджмеонскому лесу. А когда вернется, хозяин не сказал. Вот и приходится не спать, а дожидаться возвращения.

В самый разгар ночи вдруг вдали, в той стороне, где находился упомянутый лес, рвануло вверх ослепительно яркое пламя оранжевого цвета, осветив всю округу. Правда, все в один голос уверяли, что никаких звуков с той стороны не долетало.

Понятно, что вся мужская половина замка похватила оружие, подвернувшееся под руку, вскочила на коней и помчала к хозяину на выручку. На поляне, на месте холма зияла воронка диаметром в сорок шагов, на дне которой колыхалось оранжевое пламя. Вскоре, впрочем, погасшее. Ни «земельного графа» Кен-Нецци, ни ученого нигде не было. Забегая вперед, скажу, что их так и не отыскивали, равно как и их останков. Какие-то отчаянные смельчаки в ту ночь, со стражу поколебавшись, спустились на дно воронки. К их удивлению воронка оказалась совсем неглубокой, и на дне не удалось отыскать ровным счетом ничего любопытного, разве что ровную, словно утрамбованную землю.

Со временем история забылась, в первую очередь потому, что наследников графа не очень-то и заботило, что да отчего. Слишком велика была их радость по поводу нежданно привалившего счастья, чтобы думать о чем-то еще.

Но вот что любопытно: племянник Кен-Нецци оставил после себя мемуары, больше, правда, похожие на кулинарную книгу, чем на воспоминания. Между советом, как правильно нафаршировать баклажаны, и сделать капустный салат по-армадерейски, племянник рассказал такую историю. Он заезжал к своему дяде как раз в те дни, когда тот не вылезал из библиотеки. Впрочем, ради племянника Кен-Нецци все же оставил ненадолго общество книг. Посидели в гостиной, испили вина, и в конце их разговора Кен-Нецци вдруг стал, как пишет племянник, таинственно намекать, что вскоре их род может невиданно возвыситься, стать более могущественным, чем королевская династия. Потому что, де, король ходит лишь по одной земле, а мы будем ходить по двум. И для второй земли мы будем брать, что родит только первая, а для первой – от второй. И таким образом станем нужнее любых королей. Племянник решил, что дядя слишком переутомился от такого непривычного для него занятия, как чтение, и поспешил уехать из замка. Больше он дядю не видел.

Между прочим, место, где Кен-Нецци и ученый-энциклопедист Дол-Бати проводили раскопки и какие-то опыты, хорошо известно. Воронка, разумеется, сохранилась, хотя и изрядно заросла. Вот такая история. На мой непрофессиональный взгляд, вполне экранизируемая. Кое-что домыслить, кое-что присочинить, приплести трагическую любовь и мага Визари – и выйдет преотличнейшая лента, обреченная на успех.

Ректор Пер-Дигостан промочил горло, отхлебнув остывший иджиги, затем выколотил трубку и принялся набивать ее по новой.

– Между прочим, – раскурив трубку, продолжил ректор, – секта Ожидających, о которой говорил мой *коллега*, мне тоже известна. Перебивать я не стал,

хотя могу дополнить его рассказ одной красочной подробностью, которая, вероятно, пригодится будущей ленте. *Коллега* завершил свое повествование на том, что сообщил об исполнении пророчества в этом году. Но почему именно в этом году, а не в каком-то другом, *коллега* так и не сказал. Может быть, он просто забыл сообщить ответ, тогда я с удовольствием умолкну и предоставлю ему возможность закончить рассказ.

Момент своего маленького триумфа ректор отложил напоследок и сейчас явно наслаждался замешательством молодого человека.

– Итак, я понимаю, продолжать придется мне, – сказал он, выдержав паузу – Охотно. Пророчество Ожидания должно исполниться в этом году потому, что именно в этом году откроется *Око Бога*.

– Что откроется? – спросил Сварог как можно небрежней, хотя внутренне напрягся. И скосил глаза на верх-советника – тот тоже сидел, абсолютно невозмутимый с виду. Ну еще бы: с таким-то опытом в политике...

– Как вы изволили выразиться, господин Ар-Сварг, все пророчества туманны. Что подразумевали составители пророчества под *Оком* сказать трудно, – ректор пожал плечами. – Может быть, особое расположение небесных светил или некий предмет, наделенный магическими свойствами, или даже некую словесную формулу. Но *Око откроется* в этом году, и с его помощью отверзнутся Врата, о которых нам зачитывал многоуважаемый *коллега*...

«Вот так, – подумал Сварог. – Кажется, удалось напасть на след. Какими бы заманчивыми не представлялись иные версии, но их следует проверять потом. *Око, Врата, Ожидание* кого-то или чего-то – слишком много совпадений, чтобы принимать их за случайность!»

– А вот еще прелюбопытнейшая история о Вечном Красавчике... – между тем бодро продолжал ректор, и Сварог прикрыл глаза.

Часть вторая

ВО ВЛАСТИ СУДЬБЫ

ИНТЕРЛЮДИЯ

Газета «Глашатай Вардрона», номер за седьмой день четвертой недели Пасмурного сезона.

Передовица «КРУГИ НА ВОДЕ»

Меня отговаривали писать эту статью. «Зачем людей смешить? – говорили мне. – Разве у нас мало других проблем? Незаконченное строительство Ураго-Голлотского канала, трагедия на Южно-Лейотском аэродроме, рост преступности на Гвидоре, болезни, новые дороги – долго можно перечислять. А ты хочешь говорить о слухах и сплетнях!» Так говорили мне.

Все правильно. Но я хочу говорить о слухах и сплетнях единственно для того, чтобы они прекратились. Уже нет никаких сил слышать эти повсеместные разговоры, что, дескать, не сегодня-завтра разрешат заниматься магией, можно будет свободно творить заклинания не только дома, но и в общественном месте, в аптеках начнут продавать колдовские снадобья, на книжных полках появятся в открытом доступе все запрещенные книги, в том числе и содержащие заклятия любой силы, в школах введут уроки начальной магии. И так далее, и тому подобное. Доходит по полного абсурда: всерьез обсуждается, займет или не займет черный маг Визари почетное место в Верх-совете.

Мы, конечно, понимаем, что слухи всегда существовали и что они неистребимы как явление. Однако есть слухи безвредные, а есть угрожающие и даже крайне вредные. К последним можно отнести все разговоры о легализации магии.

Давайте вспомним, откуда все пошло. В «Вестнике Верх-совета» стала печататься серия статей «Давайте отделим черное от белого». В этих статьях автор доказывает, что маги магам рознь. Что помимо Визари, который исповедует черную магию, направленную исключительно во вред людям, есть маги белого цвета, целью деятельности которых является служение людям, облегчение их жизни. И если мы хотим одолеть Визари – призывает автор этих статей – мы должны обратиться к оппозиции внутри магических кругов, поддержать белую оппозицию и тем внести в ряды сторонников Визари раскол. Этим мы добьемся для себя двойной выгоды, продолжает автор статей, ослабим позиции Визари и с помощью магии придадим ускорение прогрессу, особенно в таких областях, как медицина, энергетика, легкая промышленность.

Запомните прозвучавшее слово «раскол», дорогие читатели. А пока я вам напомню, что одновременно со статьями в «Вестнике Верх-совета» на экраны вышла лента «Магия против магии», которая с успехом идет сейчас во всех кинотеатрах страны. Говорят, она снята в рекордно короткие сроки. Неудивительно. Потому что мы что в отношении статей, что в отношении ленты имеем дело с обыкновенным щедро оплаченным заказом. Кто же у нас так разбрасывается деньгами? Думаете, нет ответа? Ошибаетесь.

Обращаю вас вновь к слову «раскол». Ни для кого не секрет, что в Верх-совете давно не наблюдается единства мнений. Сейчас мы не будем перечислять существующие и противоборствующие фракции Верх-совета, дело сего-

дня не в конкретных именах, а в том, что любое противостояние рано или поздно достигает вершины своего накала. Это мы сейчас и наблюдаем. Просто одна фракция перешла в наступление против другой фракции. И тема магии не более чем повод. Этим поводом могла стать любая другая острая тема. «Почему именно острая?» – спросите вы. «А сами вы еще не догадались?» – спрошу вас уже я.

Все очень просто. Одной фракции потребовалось не только внести раскол, но и накалить отношения до наивысшей точки. Таким накаляющим моментом станут дебаты в Верх-совете о магии белой и магии черной. Дело непременно дойдет до полнейшей конфронтации сторон, за которой следует... что? Правильно, воспоследует ситуация, которая в регулирующем отношении в Верх-совете прецедентном праве именуется как «патовая коллизия». И назначаются досрочные перевыборы. Стало быть, мы делаем вывод, что затеявшая весь этот переполох с магией сторона уверена в своей победе на перевыборах. Вот и вся разгадка слухам и сплетням.

Разве впервые это происходит? Разве мало мы с вами были свидетелями битв в Верх-совете, от которых, как от камня, брошенного в воду, расходились во все стороны круги? И все эти разговоры о разрешении магии – не более чем круги на воде. А брошенный в воду камень – раскол в Верх-совете.

И подумайте за чашкой иджиги или за трубкой доброго табаку, может быть, для обсуждения с друзьями есть более интересные темы, чем повторение сплетен о введении Визари в Верх-совет...

Газета «Глашатай Вардрона», номер за седьмой день пятой недели Пасмурного сезона.

Передовица «СВЕЖИЙ ВЕТЕР».

Если вы читали вчерашнее интервью с патронессой Общей лечебницы госпожой Неги-Стас, то помните ее рассказы о чудесных исцелениях последней недели. Маг, которому разрешили помогать врачам Общей лечебницы, буквально в считанные дни поднял на ноги пятерых безнадежно больных! И при этом в лечебнице не было отмечено ни одного случая ухудшения здоровья у других больных.

А сегодня у нас в гостях побывал крон-ректор университета Фундаментальных Изысканий господин Чер-Вашан. Полное интервью с ним мы опубликуем завтра, но некоторые выдержки можем привести прямо сейчас.

Крон-ректор на свой страх и риск организовал при университете консультационный клуб, куда вошли несколько магов первой и второй ступени (о том, что означают эти ступени, мы подробно рассказывали в одной из предыдущих передовиц). Крон-rektora неоднократно предупреждали звонками из Каскада, чтобы он оставил свою затею, запугивали его и членов его семьи. Ему даже пришлось пережить покушение на свою жизнь, но и это его не остановило. И, наверное, вскоре мы все скажем спасибо этому человеку за его мужество. Потому что уже первые дни работы консультационного клуба принесли сенсационные результаты.

О самых главных сенсациях вы прочитаете в завтрашней газете. Сегодня мы лишь приведем утверждение кронrektora о том, что наука сейчас стоит на пороге величайшего прорыва за всю историю Гаранда. Уже в скором време-

ни, по словам Чер-Вашана, можно будет создать новый тип летательного аппарата, для которого не нужны будут эстакады разгона, который сможет без дозарядки одолевая расстояния, пятикратно (!) превышающие нынешние, который (во что особо трудно поверить) будет использовать иной тип энергии, не электрической. Аналогичный прорыв ожидает нас и в кораблестроении. Чер-Вашан описал корабли-города, где будут созданы все условия для безбедного проживания людей, которые пожелают некую часть своей жизни провести в безостановочном морском путешествии.

Господин Чер-Вашан также сказал, что отныне нельзя считать пустой фантазией и полеты к далеким звездам. Конечно, это дело не завтрашнего дня, но мы с вами можем надеяться, что доживем и своими глазами увидим первый такой полет. Еще Чер-Вашан сказал, что в ближайшее время наука вплотную может подойти к разгадке такой неразрешимой тайны, как *творение*. Точно так же, как Свет творил из самого себя все сущее, так и мы сможем творить по своему желанию любую форму и суть.

Дух захватывает, не правда ли?

Мы с вами можем оказаться современниками Величайшей Эпохи, где каждый день будет одаривать нас новыми открытиями и изобретениями. Наша монотонная скучная жизнь окрасится в яркие цвета. И мы с вами вместе создадим новый Гаранд.

И еще!

Господин крон-ректор Чер-Вашан намекнул, что ничего невозможного отныне нет, а стало быть, и ключ к бессмертию теоретически может быть найден. Хотя, конечно, добавил он, рано еще об этом говорить конкретно и предметно. Но все же, все же...

Дух захватывает, не правда ли?

Газета «Глашатай Вардрона», номер за третий день шестой недели Пасмурного сезона.

Передовица «ДОКОЛЕ?!»

Хотим сказать вам прямо в лицо: «Мы не боимся вас!» Хватит, сколько можно вас бояться, сколько можно вас терпеть! Жить под властью страха и лжи!

Очень долго имперская власть обманывала нас, чтобы обогащаться за наш счет, жить в роскоши и удовольствиях, а главное оружие этой власти – Каскад – заточал в темницы и уничтожал несогласных и непокорных.

Мы боялись самого слова «Каскад». Нас запугивали этим словом с детства. Нам внушали, что Каскад видит каждый наш шаг, слышит каждое наше слово, читает наши мысли и не дай нам Свет в чем-то нарушить хоть один запрет или оступиться.

И ведь это было совсем-совсем недавно!

Нас держали в темноте и неведении, нам ввали на каждом шагу, нас сознательно оболванивали, чтобы легче было нами управлять. От нас намеренно скрывали правду о магии. Потому что нет большего удовольствия для власти предрержащих, чем иметь то, что недоступно остальным, и смотреть на простых людей свысока.

Но плотину народного гнева прорвало! Теперь мы получим все, что долгое время было нам недоступно! Отныне мы сами будем решать, что для нас хоро-

шо, а что для нас плохо, кто наш враг, а кто нам друг!

А всем, кто хочет нам помешать, мы говорим: «Лучше уйдите с нашего пути! Нас уже не остановить!»

Глава 15 ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ – ПЕРРОН ОСТАНЕТСЯ...

Она тянулась с севера на юг, связывая крупные города. Единственная в Короне, да и на всем Гаранде железная дорога. Ее полное официальное название было Большой Императорский Путь. Как прочитал Сварог на мраморной доске, привинченной к стене Центрального вокзала Вардрона: «Создана на средства императорской казны при участии благотворительных капиталов. Строительство начато в 238 году, окончено в 260 году. Первый поезд проследовал от Вардрона до Некушда в 261 году от Первой Империи». Нетрудно посчитать, что дорога совсем молодая, действует всего сорок один год.

Разумеется, в мире, где все стояло на электричестве, железнодорожное сообщение тоже работало на электротоке. Устроено все было до слез знакомым Сварогу образом: поезда двигались по ходовым рельсам (слава богу, по двум, а не по четырем и не по одному), локомотив и вагоны во время движения касались «плавниками» – металлическими пластинами на пружинах, торчащими в стороны и действительно напоминающими плавники, – контактного рельса, по которому шел постоянный ток высокого напряжения. Контактный рельс, ласково прозываемый работниками здешнего пути «ниточкой», тянулся вдоль колеи, повторяя все ее изгибы. Он находился в полушаге от ходового рельса, висел над землей на высоте двух локтей, накрытый деревянным коробом...

Короче говоря, метро. Так устроено обыкновенное земное метро. Разве что двигались местные поезда по земле, а не под землей. Нет, точности ради следует отметить, что и под землей здешние составы, случалось, проезжали – по тоннелям, когда дорога пересекала горы.

Локомотив напоминал вытянутую узкую морду некоего вымершего ящера. Вагоны же ничем снаружи Сварога не удивили, ну разве что по длине чуть уступали тем, к которым он привык, и стекла в них были непривычной овальной формы. В каждом отправляющемся составе было поровну пассажирских и товарных вагонов. Первыми по ходу движения шли товарные, замыкали – пассажирские, а последней к составу цепляли так называемую аварийную платформу, на которой – прямо как на бронепоезде в годы Гражданской войны – везли шпалы, рельсы, болты, гайки, изоляторы для контактного рельса, запчасти для подвижного состава и всякие прочие полезные вещи, что могут пригодиться в случае аварии.

Дорога была однопутная, встречные поезда разъезжались на полустанках, разъездах и станциях. Движение регулировалось световыми электрическими сигналами, где красный традиционно означал запрет на движение, а разрешающим был синий.

Сварога несколько удивило, что на Короне существует всего одна ветка – она хоть и пересекала материк с севера на юг, но далеко не по прямой, а скорее по наикривейшей кривой, извивалась змеей от города к городу. Почему же за сорок лет гарандцы не проложили ни одной дополнительной ветки? Скорее всего, подумал Сварог, императорская казна не слишком щедро финансировала развитие сети дорог, а до акционерного капитала или не дошло дело,

или просто еще не додумались. А может быть, всему виной косность в головах – не хватило пока времени, чтобы осознать, что будущее за «железкой», а не за речными каналами и электромобильными дорогами.

Вот и все, что знал Сварог о железнодорожном сообщении на Короне до того, как сел в поезд.

Шел второй день увлекательного железнодорожного путешествия. В четырехместном купе их ехало шестеро. Четверо пассажиров, к числу которых принадлежали Сварог и его спутница, путешествовали самым что ни на есть законным образом – согласно честно купленным билетам, двое других – дав на лапу проводнику, который в Короне носил гордое звание «дорожный старшина». Двое внеплановых пассажиров спали на третьих, багажных, гамачного вида полках, а днем сидели внизу вместе со всеми. Сие напоминало бывшему майору ВДВ возвращение поездами с южных курортов в давно забытые советские времена – тогда тоже мест в поездах было значительно меньше, чем желающих уехать.

Массовый отъезд из столицы начался две недели назад. После того, как распространилась информация о создании Вольной республики Корона со столицей в городе Некущд (кстати, очень уж быстро и повсеместно распространилась сия информация, чтобы не заподозрить за этим хорошую, продуманную организацию). И народ поехал.

На заседании Монитории было решено: отпускать. Потому что в противном случае можно занять движение сопротивления в собственном тылу, даже более того – у себя под носом. Пусть уж лучше все, кому не нравится новый порядок, находятся по ту сторону Черты, а все кто с нами – по эту. Так оно будет проще и яснее. В общем, как выразился Гай-Раббо, зампреда Монитории: «Хорошо, когда прыщи сами соскакивают с твоего тела и перебегают на тело недруга».

Сварог сидел у непривычного овального окна в дождевых потеках и смотрел на пробегающие за окном пейзажи. Смотрел, как ни странно, с любопытством, хотя виды были до зевоты однообразные: пашни, леса, реки, деревеньки, городишки, опять пашни, деревеньки и реки. И монотонная, нескончаемая лента сетчатой ограды, сопровождающей путь в десяти шагах от колеи. Ах да, и ветряки, конечно, как же без них... Сварог за этот месяц так привык к неперемому присутствию рядом этих серых электрических мельниц, к этому вечному «шур-шур-шур», доносящемуся либо сверху, либо сбоку, что уже воспринимал ветряные двигатели как что-то само собой разумеющееся, о чем и упоминать лишней раз не стоит, как, скажем, о тучах над головой...

Он вдруг понял, почему с таким упоением глядит в окно и почему его немало не тяготит дорога – он обыденно, элементарно соскучился по железнодорожным путешествиям, которые, положа руку на сердце, всегда любил, но уже очень давно не доводилось никуда прокатываться под стук колес, под мерное позвякивание, под мелькание за окном однообразных пейзажей. В последнее время он все больше плавал, летал и бродил между мирами.

Кто-то в соседнем купе тихо напевал, подыгрывая себе на струнном инструменте, судя по звучанию – на сорокаструнной лире.

А в их купе продолжался вялотекущий, типично поездной разговор – одновременно и ни о чем, и о самом болезненном.

– Я видел своими глазами. Они подступили к стенам электрической стан-

ции. Но солдаты Каскада остановили их меткими выстрелами у первой линии проволочного заграждения, – с жаром рассказывал рыжеволосый толстяк в одежде попугайской расцветки: ядовито-зеленом трико и желтом плаще. – Тогда они отступили на безопасное расстояние и стали совещаться, как быть. Разрушать стены электрической станции они не хотели, потому что не хотели потом восстанавливать...

Сварог уже знал, что этот с виду типичный лавочник носит титул стат-барона и до *событий* проживал в своем поместье – небольшом, но процветающем. Процветало поместье за счет фабрики по производству электромобильных шин. Причем стат-барон не сдавал землю в аренду оборотистым капиталодержателям, а на свои сбережения организовал производство и некоторое время даже самолично руководил процессом. Правда, довольно скоро он отошел в сторону, передав дела управляющему.

Работа встала спустя неделю после начала *событий*. Цеховые рабочие пришли на фабрику, но не разбрелись по рабочим местам, а скучковались во дворе, где долго спорили и в конце концов порешили: нечего впустую тратить силы, когда не сегодня-завтра маги завалят все прилавки наколдованными шинами. К тому же эти маги и дармовой едой нас завалят, и каждому дадут по мобиле, посему айда, ребята, по домам. Ну и разошлись.

Конечно, после того, как в одночасье обрушился такой любимый, такой сытный и уютный мир, казавшийся вечным и незыблемым, стат-барон не мог испытывать к новой власти иных чувств, кроме ненависти. Он и не скрывал, что едет за Черту «примкнуть к борцам против одурманенной магами черни». Сварог спросил его: неужели он хочет бороться с оружием в руках? На что толстяк, подумав, сказал, что с оружием он, пожалуй, не справится, да и годы не те, чтобы бегать и драться, но ведь пользу можно приносить и другим способом, например, обеспечивая борцов всем необходимым. Можно и так, согласился с ним Сварог.

В соседнем вагоне ехали жена и сын стат-барона, почти на каждой остановке он ходил навещать семейство.

– Они окружили станцию, не оставив даже щелочки, но ничего больше не предпринимали. Создавалось полное впечатление, что они чего-то ждут. Но вот только чего? – гадал я. Неужели решили дожидаться, когда солдаты Каскада умрут от голода и жажды? Однако ведь и младенцу известно, что на стратегическом объекте обязательно должен находиться стратегический запас еды и воды. И вскоре стало ясно, чего они дожидались, – продолжал рассказывать стат-барон. – Вернее, не чего, а кого. Через час в электромобиле прибыли три человека, и по их одеждам не составило труда догадаться, кто они такие...

– Эти их ужасные одежды! Мерзость, безвкусица, оскорбление! – воскликнула сидевшая напротив Сварога молодая девица с капризным лицом, одетая в траурные одежды. (Правда, в траур она вырядилась, как оказалось, не потому, что у нее кто-то умер, а по поводу безвременной кончины великой империи). Девица направлялась за Черту к своему жениху, который служил в звании юнк-лейтенанта в Седьмом полку береговой артиллерии, целиком перешедшем на сторону противников новой власти. – Как можно напялить на себя эти чудовищные бесформенные балахоны, которые ничего не обтягивают! Значит, им есть что скрывать на теле! Значит, они носят на себе противные, нечеловеческие предметы, которыми творят свое зло!

Стат-барон спокойно переждал этот эмоциональный всплеск и продолжил прерванный рассказ:

– Эти трое, прибывших к электрической станции, что-то разложили на земле, присели на корточки, что-то пошептали, взмахивая руками. Потом поднялись на ноги, и у каждого в руке зажегся большой огненный щит. Да, да, я видел это своими глазами, как вас! Огненный щит, которыми они прикрыли себя с головы до ног. Держа эти щиты перед собой, они двинулись к станции, а за каждым из них пристроились их приспешники – те, что до этого безуспешно осаждали станцию. И представьте себе: пули, летевшие со стороны станции, *вязли* в этих щитах. Или сгорали в них. Или просто исчезали. Я не знаю точно, что происходило с пулями, знаю лишь, что никакого вреда они не причиняли. Так нападавшие добрались до дверей станции. И ворвались внутрь...

– Можно представить, что творилось внутри, – сказал весьма молчаливый молодой человек с нервно подергивающейся щекой.

Все в купе надолго замолчали, напряженно глядя кто в пол, кто в окно и думая каждый о своем. В такт перестуку колес покачивались на кронштейнах электрические фонарики, стилизованные под уличные, образца прошлого века. Фонарики в купе были включены – хоть за окном стоял день-деньской, однако Пасмурный сезон продолжался во всей своей угрюмо-серой красе, и без света внутри было бы мрачновато.

– Да, сейчас жизнь в Короне выглядит совсем иначе, нежели всего какой-то месяц назад, – со вздохом произнесла пожилая дама, похожая на строгую учительницу бальных танцев и правил хорошего тона. – Ой, а я какой ужас расскажу! Я была фрейлиной жены нашего несчастного императора. Свет ясный, неужели это было совсем недавно! А теперь я еду неизвестно куда и зачем! И неизвестно, что станет с империей...

Она достала бежевый батистовый платок, принялась комкать в пальцах.

– Дворец пострадал от варваров первым. Я вышивала в гобеленовом зале, когда во дворе слышались крики. Выглянула в окно, увидела, как в ворота дворца врывается толпа. Часть сразу бросилась на Аллею императоров. Вы же, наверное, все бывали во дворце, знаете, ах, теперь надо говорить – знали эту аллею... Сколько романтических лент было снято на ее дорожках и в ее беседках! По всей длине стоят... стояли мраморные статуи всех императоров Короны. А толпа с радостными воплями, долетавшими и до верхних этажей, статуи стала сбрасывать с постаментов, они падали на дорожку и раскалывались. У меня сердце разрывалось на части! А те, что не раскалывались, толпа разбивала палками и камнями. В руках у всех у них были палки и камни. Ни один шедевр не уцелел...

Вот и пригодился тонкий батистовый платок: им были вытерты первые слезы.

– Я выбежала в коридор и услышала оглушающий топот ног по главной дворцовой лестнице. словно табун лошадей! Страшные звуки, господа! Ничего более пугающего и ужасного я в жизни не слышала! Вы знаете, во дворце обычно стояла полная тишина. Как в лесу. Нашего бедного императора раздражали громкие звуки, и во дворце старались ходить тихо, на цыпочках. При дворце даже имелся учитель походок, который обучал тех, кто не умел правильно ходить. Топтунов выгоняли из дворца, а наш император был так добр, что не хотел выставлять человека на улицу только из-за того, что тот не умел

ходить тихо...

И батистовый платок поднялся к глазам.

– Они ворвались на этаж императрицы, чуть не сорвав двери, рассыпались по комнатам. Я едва успела заскочить в ближайшую дверь, иначе толпа растоптала бы меня прямо в коридоре. Я оказалась в спальнях покоях младших фрейлин, господа. Девочки по заведенной во дворце традиции отдыхали после обеда, они только что проснулись от сотрясающих дворец звуков и сидели в кроватях, держа одеяла у подбородков. Вслед за мной в комнату влетели плебеи. Я никогда не забуду эти отвратительные, перекошенные злобой и сладострастием лица. Ни в какой ленте об ужасах, что вершил маг Визари, не сумели изобразить такие отвратительные лица. О, Тьма и Свет!

Фрейлина достала из рукава флакончик с успокаивающей нюхательной солью, откинула крышку, втянула поочередно левой и правой ноздрей источаемый солью запах, помотала головой и вернулась к рассказу:

– Они сразу же бросились к кроватям. Я не буду повторять вам, что они кричали, это невозможно повторить в приличном обществе. Девочки визжали, барахтались, но что они могли поделать, когда на каждую из них навалилось по три-четыре человека?! На меня плебеи не обратили никакого внимания, – фрейлина криво усмехнулась, – но я не обиделась. Как и не обрадовалась от того, что могу свободно уйти. Уходить я вовсе не собиралась. Я отбросила вышивку, выхватила из камина щипцы и решила, что умру, разможив головы хотя бы несколькими негодьям, и может быть, хоть одна девочка успеет убежать...

Фрейлина опять достала флакончик.

– И что же дальше? – не вытерпел стат-барон.

– Дальше я подняла щипцы над головой. И в этот момент в комнате раздался зычный голос. Знаете, такой сильный, густой, полнокровный голос, каким часто обладают проповедники Храма. «А ну стоять, нечестивые!» – вот что пророкотало чудовище, появившееся на пороге. Ничего общего с благообразным проповедником. Скорее уж бродяга. Приземистый, толстый, с сиреневым носом и огромным ножом, какие я видела до этого только у поваров на дворцовой кухне...

– Ха, а где же вы еще могли видеть ножи... – вставил реплику молодой человек, поглаживая щеку, которая вновь задергалась от нервного тика.

– Все обернулись на голос к дверям, – фрейлина не обратила никакого внимания на его слова. – Этот... господин с ножом прошел на середину комнаты, по-хозяйски огляделся и зарычал на своих же: «Гореть в аду захотели или растаять небытием во Тьме, черные души?! Крюк вам под ребра! Я накладываю запрет на лихое блудодейство, а за нарушение самолично буду испаривать брюхи и набивать их перцем. Или кто меня не знает?» Похоже, его знали все, потому что отступили от девиц, молча переглядываясь. Но один, видимо, самый распаренный, набросился на человека с большим ножом, размахивая руками, как ветряки крыльями. «Ты нам не указ! – кричал он. – Мы сами себе указы! Пошел вон отсюда!» «Ах вот оно как!» – сказал странный человек и... и всадил нож в самое сердце крикуна...

Волнительные воспоминания вызвали еще одну паузу в рассказе.

– На этом все не закончилось, – с трудом проговорила сквозь слезы бывшая фрейлина. – «Может, нам и этого не положено?!» – прокричал еще один него-

дней, хватая со стола шкатулку и вытряхивая ее содержимое. По ковру рассыпались бусы, цепочки, серьги, колье, другие драгоценности. «Это вам положено, – сказал странный человек с большим ножом. – И мне положено. Ибо сказано Многоустом: золото вредно для души». И стал первым набивать карманы драгоценностями и безделушками, даже сунул себе под плащ небольшое зеркальце в золотой оправе. «Если вредно, чего ж ты стараешься?» – спросили его негодяи. «Так у меня золота уже сегодня к вечеру не будет, можешь не сомневаться, заблудший». Шутка окончательно разрядила накаленную атмосферу. «Пусть забирают все, – подумала я, – ничего не жалко, главное, что девушки спасены»... Вот так, господа, вот что сейчас творится, и конца этому не видно.

«Как бы удивилась гражданка фрейлина, узнай она, что чудовище и по совестительству спаситель молодых девиц едет вместе с нами в одном из вагонов. И, разумеется, он не забыл дома свой складень...» – грустно подумал Сварог.

Вновь в купе воцарилось молчание, нарушаемое лишь всхлипами чувствительной фрейлины. Сварог подумал о том, сколько же он слышал за последний месяц подобных историй. Причем, зачастую об одном и том же событии он выслушивал сперва версию одной стороны, потом версию другой. Разумеется, трактовка событий была диаметрально противоположной, зачастую даже и объективную золотую середину с трудом удавалось нащупать.

И тут вдруг молодая девица в траурных одеждах и с капризным лицом неожиданно повернула голову к Сварогу и почти прокричала, повысив голос чуть ли не до визга:

– Я не понимаю, как вы можете в такое время думать о каких-то бабочках! Это преступно! Это неприлично!

Сварог на миг опешил. Ни с того ни с сего эта экзальтированная барышня вдруг вспомнила о его скромной интеллигентской персоне. Но в одном она была права – Сварог действительно ехал бабочек ловить, как бы глупо это не звучало.

Глава 16 ОПЕРАЦИЯ «ШТИРЛИЦ»

Такую легенду он сочинил себе сам, вспомнив кстати или некстати один польско-советский комедийный фильм перестроечной поры. Разве что направлялся он за бабочками не на Суматру, а в какую-то загадочную Голенойскую лесостепь. Но тоже в качестве энтомолога с непременным сачком, в дурацких круглых очочках с простыми стеклами, а на крюке в вагонной стене за спиной сейчас висела круглая шляпа с закатанной противомоскитной сеткой.

Сварог, посоветовавшись со знающими людьми, выбрал себе прикрытием статус приват-ректора энтомологии, что в переводе с научно-интеллигентского на человеческий означает: профессор по бабочкам и прочим мелкокрылым, не преподающий в университете, работающий на дому или где ему вздумается, по своей программе исследований, одобренной и оплачиваемой научными кругами. Хорошее прикрытие, между прочим, надежное. Таких кабинетно-полевых червей мало кто знает в лицо, кроме самых близких коллег. И отношение окружающих к ним снисходительно-невнимательное, как к чужим детям или городским сумасшедшим. И можно нести полную (но все ж таки подальше от политики) околесицу, не боясь, что тебя одни сочтут врагом трудово... пардон, колдовского народа, а другие – быдлом, замахнувшимся на вековые

устои. Подобные ученые мужи всегда живут в своем мирке, в симбиозе с какими-нибудь там чешуйчатокрылыми и членистоногими; они не полезны и не вредны для дел как революции, так и оппозиции, и потому абсолютно неинтересны ни тем, ни другим. Зато умные, в очках, понимаешь... Стало быть, под такой личиной зело удобно проскальзывать и просачиваться.

Что, собственно, и требуется.

– Помилуйте... – весьма натурально покраснел прославленный энтомолог и содрал с носа очки. Прищурился близоруко на капризную девицу, запыхтел: – Да по какому праву... Я не понимаю...

– Не понимает он, видите ли! – девица уже почти визжала. – Народ, сплотившись вокруг защитников трона, из последних сил противостоит банде прохиндеев, а этот, видите ли, не понимает! Ему важнее какие-то... какие-то мотыльки! Почему вы не на баррикадах?!

Баррикад на улицах столицы отродясь не было, в столице все *проходило* без особого шума и слишком уж поднятой пыли, однако подобной узости женского мышления приват-ректор стерпеть не мог. Храбро водрузив очки на нос, он захлебнулся возмущением и забубнил, постепенно увеличивая громкость и к финалу дойдя до форте:

– *Мотыльки!* Какие мотыльки? Да что вы понимаете! Я еду в Голеною, в Голенойе моим коллегой, профессором Таран-Тогой, обнаружен второй подвид спиралеголовки зеленоватокончиковой! *Второй!* Вы хоть понимаете, что это значит для всей науки?! Да что вы понимаете... Это переворот! Это революция в энтомологии! Оппоненты умоются слезами!..

– Ах, переворот? Ах, революция?! – девица перешла на фортиссимо. – А что под вашим носом творится, вы видите?!

Пожалуй, со скандалом Сварог переборщил. Еще, не дай бог, явится дорожный старшина... А привлекать особое внимание к своей персоне Сварог не собирался. На выручку приват-ректору, незаслуженно атакованному девицей с капризным лицом, пришел толстяк стат-барон.

– Полноте, барышня, – улыбнулся он траурной девице, раздвинув толстые щеки. – Приват-ректор же не виноват, что на нас свалилось эдакое несчастье. И наука тоже ни в чем не виновата. А научные исследования прекращать нельзя.

– Что вы такое говорите! – лицо девицы исказила недовольная гримаса, лишив его последних черт привлекательности, хотя тон она снизила. – Сейчас надо отменить все пустое и незначительное! Надо собраться всем людям вместе и ударить, ударить!

– Э, не скажите! – толстяк стат-барон уютно почмокал губами. – Кто знает, в каких пустяках таятся ключики к великим тайнам. Представьте себе, что господин приват-ректор откроет-таки доселе неизвестный вид бабочки, и на крылышках ее будет пыльца, которая... ну, скажем, с помощью которой он сможет приготовить снадобье, делающее людей неуязвимыми к магическому воздействию.

– Детский лепет какой-то, – фыркнула девица.

Сварог посмотрел на толстяка в попугайских одеждах новым взглядом. Этот, с виду типичный фат и прожигатель жизни, оказывается, не только стат-барон, но еще и философ. Сам Сварог смолчал, лишь обиженно и беспомощно хлопая глазами в полном согласии с ролью интеллигента.

И тут в защиту Сварога, хотя этого, вроде, особо уже и не требовалось, выступил еще один человек. Его жена.

Да, да, жена. Обзавелся он, представьте, и женой. Правда, жили они не в законном и даже не в гражданском браке, а в самом что ни на есть фиктивном, но про то мало кто знал. Лишних в эту историю не посвящали.

– А чего ты пристала, чего пристала? – наседала она на барышню с капризным лицом. – Ты кто такая? Мой муж – автор кучи книг, с ним считаются во всех университетах, к его словам прислушиваются политики! Бабочки ей не нравятся, подумаешь! Нет, ты кто такая?

Странная все-таки женщина была его «жена», с которой Сварог впервые встретился незадолго до отъезда. Келина Ван-Ради до *событий* вела подпольную работу на Гвидоре, откуда ее доставили специально посланным аэропилотом, потому что Щепка срочно собирала вокруг себя самых верных и способных соратников, а Келина, по словам Щепки, была товарищем проверенным и надежным. Вот только с первой же минуты знакомства она принялась играть роль супруги спеца по бабочкам, эдакой недалекой куклы, до безумия влюбленной в своего гениального мужа и живущей только его интересами (а точнее – влюбленной в его деньги и живущей на них); и из этой роли она не выходила ни на минуту. Даже если была наедине со Сварогом. Интересно, подумал он, а когда они окажутся наедине *надолго*, выйдет она из роли или продолжит ее естественным образом?..

Сварог знал, что без надежного помощника (и соглядатая заодно, куда ж без этого) его в дорогу не отправят, поэтому не возражал понапрасну. Тем более, ему требовался рядом толковый консультант по самым обыкновенным житейским вопросам. Хоть Сварог и провел в Короне немало, но как-то не было, знаете ли, времени вникать в бытовые тонкости, вдумчиво знакомиться со здешними обычаями, установлениями и условностями. Так, лишь немножко нахватался по верхам, в перерывах между погонями и стычками с превосходящими силами противника... Правда, выбранная им личина ученого-энтомолога выглядела удачной еще и потому, что в нее прекрасно вписывались любые чудачества, любая рассеянность и забывчивость. Однако дело было не только в том, чтобы самому выпутываться из щекотливых ситуаций, но и чтобы анализировать окружающую обстановку. Например, если кто-то рядом будет вести себя несообразно своему социальному статусу, Сварог этого не определит и, стало быть, вовремя не насторожится. А вовремя не насторожится – может быть застигнут врасплох с самыми непредсказуемыми последствиями. Потому что в довольно опасное предприятие они отправились, чего уж там.

Ссора утихла так же быстро, как и началась, девушка с капризным лицом тихонько всхлипывала, глядя на дождь за окном, Келина достала какую-то книжку и демонстративно углубилась в чтение.

А Сварог закрыл глаза и устало откинулся на спинку сиденья. Почему-то вспомнилась его предпоследняя встреча со Щепкой-Визари – на втором этаже в Монитории. Или же, выражаясь по-нашему, в Реввоенсовете Короны. Откуда и начался его путь в качестве энтомолога.

...Ранним утром, аккуратно на пятидесятые сутки после того, как официально было объявлено о низложении Императора и переходе власти в руки переходного правительства, его вызвали в штаб революции. Подняли прямо из постели, можно сказать. Дело, видать, было безотлагательное – вызов пришел не

обычным порядком, а посредством четкого ментального посыла. Мыслепередача информации была для новоиспеченных магов-связистов делом пока новым и не шибко освоенным, и ей пользовались лишь в экстренных случаях.

Сварог почувствовал легкую тревогу: что еще там случилось... Он быстро сполоснул лицо, облачился в форму и бегом спустился на второй этаж. Все руководство восстания (к коему, разумеется, принадлежал и Сварог) с некоторых пор обитало в здании Монитории – реквизированном под нужды революции дворце бывшего верх-советника Мар-Кифая, так что путь от жилья до места, так сказать, основной работы много времени не занимал. И хотя собирать всех вождей мятежного Вардрона под одной крышей, с одной стороны, было неразумно с точки зрения безопасности, но, со стороны другой, на то они и вожди, чтобы быть наиболее сильными и толковыми магами. Так что проблема безопасности решалась коллективно: общим воздействием, объединив усилия, высшие маги создали и поддерживали над дворцом невидимое простым глазом защитное поле, походя проверяли и фильтровали сторонних посетителей и даже организовали делооборот в Монитории – мимо Сварога сновали курьеры-немаги, степенно плыли по воздуху депеши, донесения и отчеты, причем документы из числа секретных были окутаны предохраняющим багровым сиянием...

Глядя со стороны, зрелище, конечно, было причудливое, если не сказать – потешное. Штаб восстания колдунов и чародеев, вдумайтесь! Форменный НИИЧаВо, право слово. Невольно представлялись отряды революционных зомби в полусгнивших тельняшках, стреляющие с глазами маузеры, бесплотные призраки добывают информацию прямоком сквозь стенки сейфов в штабе контрреволюционеров, в полночь прекрасные ведьмочки привораживают иностранный капитал, а храбрый разведчик, перекинувшись в волка, через кордоны спешит в Петроград с донесением в зубах... Нет, до такого абсурда, разумеется, не доходило, но все равно иногда накатывало ощущение полной нереальности происходящего.

Впрочем, Сварог уже привык.

Малый зал заседаний был погружен в полумрак, разгоняемый тремя плавающими у самого потолка шарами света. Здесь его уже ждал Совет – причем, противу ожиданий, далеко не в полном составе. А ежели быть точным, то в минимальном своем составе. В малом зале заседаний сидел за столом только председатель реввоенсовета. Женщина, которую некогда знавали под кличкой Щепка и под именем Визари.

Сварог удивленно огляделся:

– А?..

– Больше никого, мы одни, – подтвердила Визари. – Это я тебя вызвала, по закрытому каналу. Не хочу никого посвящать в мои планы. Планы щекотливые, а ситуация требует достаточно быстрого решения... Да не стой столбом, садись. Дело есть.

Сварог послушался, а Визари, напротив, порывисто встала, оправила куртку. И Сварог опять с трудом сдержал улыбку. Сколько раз видел, а спокойно смотреть не мог.

Однажды, вспомнив комиссаров в пыльных шлемах, он вскользь предложил Визари носить кожаную куртку с ремнями – мол, удобно, красиво, официально, да и ей к лицу будет. Шутливо предложил, конечно, однако та совет

восприняла всерьез и теперь щеголяла в черной скрипящей коже. И ведь действительно шло чертовке! Револьвера в потертой кобуре на боку не хватает... Она подошла к карте на стене, задумчиво на нее посмотрела. Сказала негромко:

– Знаешь, а я ведь даже сейчас не верю, что пока все удастся. Я столько лет ждала момента, когда мы *победим*, – а сейчас не верю...

– Все забывал спросить: ну и каково это – быть диктатором? – спросил он.

– Могло быть и хуже, – пожалала она плечами. – А то вы, ваше величество, не знаете. Одно скажу: продовольствия хватает, патронов немерено и смертных приговоров почему-то очень мало.

– Это тебе не нравится?

– Это меня настораживает. Ну не может быть, чтобы все шло так хорошо и так гладко... Кстати, хорошо и гладко идет далеко не все. Поэтому я тебя, собственно, и вызвала.

Она повернулась к карте, утыканной разноцветными булавками и испещренной красными стрелками, зелеными полями, синей штриховкой и какими-то значками, напрочь непонятными простому смертному.

Революционные волны катились по Короне. Не то чтобы стремительно, не то чтобы сметая все на своем пути и оставляя за собой трупы и пепелища, но они двигались. Росли и ширились, исходя из восьми эпицентров на обитаемой территории материка, и особого сопротивления не встречали. Что странно. Либо император действительно был настолько слаб и беспомощен, что оказалось достаточно одного толчка, дабы его *уронить*, либо революционные стратеги настолько все хорошо просчитали, либо...

Либо и вправду в народе столь укрепилась вера в силу магии.

Нет, с приходом нового правительства прежние государственные и муниципальные органы не были распущены (если, конечно, выразили полную лояльность); магазины не наполнились тут же до отказа халявной хавкой, заводы и фабрики не позакрывались, вытесненные производством товаров «из воздуха»; все так же бегали по дорогам электромобили, по рекам и океанам ходили корабли, аэропилы поднимались в воздух, и все это по-прежнему работало на энергии электрического тока. Революционеры оказались ребятами достаточно разумными, чтобы не ломать одним махом все общественные связи, не разваливать экономику и, как следствие, не уничтожать все государство, а потом на его обломках строить что-то светлое, доброе, вечное. Для них главным было подготовить народ к осознанию, что магия есть данность, что она такой же неотделимый элемент нынешней цивилизации, как, скажем, сословия, токарный станок, протектораты и синематограф. И Сварог подумал, что, вероятно, ребятки не так уж неправы, сначала устраивая революцию этическую, а перелом в политике, производстве и экономике оставляя на потом...

Разумеется, без вооруженных столкновений, актов саботажа и прочих проявлений несогласия не проходило – случалось всякое, но кровавые реки не текли. Да, имели место локальные бои с применением авиации и артиллерии, показательные расстрелы, пожизненное выселение на холодный и необитаемый Эшт... Но большей частью противостояние новой власти было вполне мирным, хотя головной боли добавляло. Провинция Паско, например, вежливо отказалась признавать Мониторию за орган государственного управления, мотивируя это тем, что как жили без колдунов не одно столетие, так и дальше

проживем, а любые перемены суть только вред. До сих пор не помогли ни угрозы, ни угрозы, ни даже бронемобильный корпус, занявший центр столицы. Из несогласных никто за оружие не хватался, диверсии и провокации не устраивал – просто был против. Все население, как один человек, сказало дружное «нет», и загвоздка была именно в этом, не расстреляешь же всех сто пятьдесят тысяч человек, которые активного противодействия не проявляют... Роут-Ганк, прибрежная зона на юге материка, вроде бы с радостью согласилась заменить имперского наместника на представителей Монитории. Однако юридические и бюрократические препоны, которые с милейшей улыбкой ставили им местные чиновники, ссылаясь как на прежние, так и на новые законы, грозили затяжной позиционной войной с аппаратом. В области Некушд, куда бежали несогласные, чтобы оттуда морем перебраться в колонии и протектораты, тоже что-то назревало. И так далее, и тому подобное...

Гробовое молчание хранила и официальная церковь, пока не высказывалась в поддержку мятежникам и не призывая к крестовому походу против колдунов. Это было на руку революции. Наверное, верх-понтификат, глава Храма, понимал, что, какое бы решение он не принял, это переведет конфликт в плоскость религии. А сие означает, что кровь хлынет бурными потоками, ее будет не остановить, и волны восстания окрасятся в багровое...

– Больше половины материка уже наша, – сказала Визари, неприязненно глядя на карту. – Двести семьдесят городов, четырнадцать провинций. Все государства Гвидора признали нового сюзерена, но наверняка усиленно сейчас размышляют, как бы под шумок расширить свои территории и отхапать кусок пожирнее. Организовывают альянсы, подумывают, не напасть ли на Корону, где граница послабее. Ханнра колеблется, но на переговоры с Гвидором пока не пойдет. Так что все хорошо. Все просто отлично!.. – она резко повернулась. – Как думаешь, может быть, все же имело смысл императора поставить к стенке?

Сварог вздрогнул и невольно напрягся. Если она начинает сомневаться, правильно ли поступила, отправив трясущегося от страха правителя и его семью в бессрочную ссылку, значит, дело действительно щекотливое. В свое время они спорили до хрипоты. Визари доказывала, что свергнутого монарха необходимо устранить, дабы не дать оппозиции шанса использовать старичка как символ, фетиш, знамя, под которым возможно сплотить недовольных. Сварог же, памятуя о печальной славе дома Ипатьева, уверял, что это бесполезно и только усложнит дело – ведь их основному противнику, Каскаду, наплевать с высокой колокольни на то, жив гарант Империи или мертв, тогда как смерть опального самодержца, во-первых, продемонстрирует бессмысленную жестокость новой власти, а с другой, позволит выставить его мучеником, невинно убиенным агнцем... Не забывай, Щепка, – говорил Сварог, – верх-понтификат еще не высказал мнения церкви по поводу нас. Ты что, хочешь, чтобы он нас проклял за убийство человека, которого самолично помазал на царствование?

Наверное, именно этот довод склонил ее к тому, что император остался жив. Однако теперь каждый раз, когда ей предстоял непростой выбор, Визари вспоминала тот спор.

– Щепка, что случилось? – спросил Сварог.

– Вот что случилось, – она хлопнула ладонью по темному вытянутому пят-

ну на карте.

Пятну, которое накрывало всю область Некушд, расположенную между Вардроном и побережьем, со столицей в одноименном городе – своего рода перевалочном пункте, куда стекались иммигранты со всей Короны, чтобы сесть на идущие в колонии корабли... Несколько дней назад, когда Сварог в последний раз смотрел на карту, пятно вроде бы было меньше.

– Некушд, – с ненавистью сказала Визари. – Проклятый Некушд...

...Сварог, разумеется, слышал о тамошних проблемах, но даже не предполагал, что дело может быть настолько серьезным. Некушд оставался единственным районом в этой области Короны, не перешедшим на сторону повстанцев. Пока Визари смотрела на такое безобразие сквозь пальцы, да и потому лишь, что через этот город из страны улепетывали те, кто не признавал власть магов и не мог или не хотел бороться с ней.

А теперь у Монитории, а следовательно, и лично у Щепки объявился враг. Сильный, умный, хитрый. Выбравший себе Некушд в качестве цитадели – и как выяснилось, неспроста. Пока он не был достаточно подготовлен, чтобы нанести удар, однако силы его росли с каждой новой партией иммигрантов. Каждый из страждущих покинуть Корону через Некушд, а таковых было большинство беглецов от новой власти, проходил тщательный отбор силами тамошнего отделения Каскада, и если каскадовцы полагали, что проверяемый подходит, ему делали недвусмысленное предложение: задержаться в Некушде и влиться в армию Сопротивления. Неважно, в качестве кого – к чему лежат душа и профессиональные склонности: разведчика, авиатора, писателя, уборщика. И соглашается буквально каждый третий! Таким образом таинственный противник собрал отличную команду, которая продолжает увеличиваться...

Иными словами, не так далеко от Вардрона возник и стремительно набирает мощь очаг контрреволюции.

Перекрыть ему кислород, пустить поток эвакуирующихся по другому пути невозможно: единственная в Короне железная дорога проходит аккуратно через Некушд, подавляющее большинство беглецов пользуются именно ею, окольных путей нет, и закрыть ее означает создать растущую день ото дня *запруду* из перепуганных и обозленных людей.

Объявить весь район закрытой зоной невозможно: железная дорога упирается в крупнейший на материке императорский пассажирский порт, попытка рассредоточить бурный поток беглецов по другим направлениям означает проблему транспорта, питания, временного жилья, денег и, как следствие, недовольство среди мирного населения; она, Визари, не может разбрасываться людьми и средствами, которых и без того не хватает, и не может настраивать против себя народ. Закрыть границу вообще тоже невозможно: месяц назад она, Визари, самолично и официально объявила, что границы Короны будут оставаться открытыми для выезда минимум еще год, и каждый честный гражданин, который не примирился с новыми порядками, может беспрепятственно покинуть материк. Так что она, Визари, не имеет права начинать правление со столь наглой лжи. Что еще?

– Взять город штурмом и размазать весь гадюшник по кустам? – предложил Сварог. – Пока не стало поздно...

– Стало поздно, – огрызнулась Щепка. – По моим разведанным, боевые отряды обороны Некушда уже переформированы в регулярную армию. Так что

штурмом город не взять. Остается только осада. Долгая и нудная. Перебрасывать войска с более важных позиций, подтягивать снабжение, вооружение... Нет, я не могу на это пойти. Я не имею права рисковать другими участками. Я говорила, что Гвидор собирается высадить десант, там тесные связи с легшими на дно каскадовцами. Каскад ведь еще не уничтожен.

– Бомба тоже отпадает... – сказал Сварог. – Постой, ты упомянула разведданные. У тебя что, в Некущеде есть свои люди?

– Там есть достаточно разветвленное подполье, еще с тех времен осталось, но слабое, из гражданских. Что они могут сделать?

– Действительно. А если под видом иммигрантов туда проникнет группа...

– Было. Вычислили на вокзале. Как – непонятно.

– Группа магов...

– Тоже было. Тоже вычислили на вокзале. Там на каждом шагу аппараты «боро». А все местные маги давно либо уничтожены, либо выдворены из области – во избежание.

– Ч-черт... Сдаюсь. У тебя есть соображения на этот счет?

Щепка отвернулась. Теперь она и в самом деле была похожа на Щепку – маленькая, уставшая, испуганная.

– Это очень сильный противник, атаман, – сказала она. – Может быть, даже тот самый, кто ставил нам палки в колеса – помнишь, «Черная молния», канатная дорога... Я уже восемнадцать раз пыталась нанести ему удар, и восемнадцать раз он отбивал его. Будто он предугадывает каждый мой шаг... или завербовал стукача среди руководства.

– Руководства Монитории?!

– Да. Поэтому я вызвала тебя поговорить наедине... Хочется верить, что я ошибаюсь, и он всего лишь просчитывает наши действия. Как бы то ни было, если мы не сломаем его сейчас, скоро он станет сильнее, и тогда я даже не берусь гадать, что будет...

– Щепка, – сказал Сварог, и она оглянулась. В ее глазах стояли слезы. – Выкладывай, давай, что я должен делать.

А делать что-то, *действовать* хотелось буквально до чесотки. Поэтому план Визари, сколь бы бредовым он не казался, Сварог принял с радостью и без раздумий. Тем более, что он вполне совпадал с его собственными планами.

В последнее время он ощущал себя прямо-таки Че Геварой, который, как известно, после победы на Кубе был назначен Фиделем на пост министра финансов и едва не свихнулся от скуки. Че Гевара, помнится, вскорости взбунтовался и слинял в Боливию заниматься любимым делом: революций. А куда бежать Сварогу? В какой-нибудь боевой отряд, устанавливающий новый порядок в провинциях, нельзя: раз в неделю к нему являлся курьер от Мар-Кифая и передавал скрупулезно собранные, сортированные и обработанные слухи и легенды о Дверях в иной мир – верх-советник выполнял свою часть договора. И хотя сведения эти на девяносто девять процентов представляли собой именно что пустые сплетни и не подлежащие проверке легенды, он должен был просматривать их – вдруг да пропустит что-то важное. И все! И никакого деятельного участия он в революции не принимал. Он был Хранителем Ока Бога, сам на себя взвалив этот пост, а потому не имел права ввязываться в вооруженные столкновения и вообще рисковать собой и драгоценностью. Вот и кис с тоски.

Драгоценность эта проклятая, кстати говоря, действительно *работала*. Сварог буквально кожей ощущал, как излучаемая Оком энергия незримо... преобразует, что ли, изменяет, *упорядочивает* все окружающее... Черт, нет в человеческом языке слова, которое объясняло бы, что эта энергия именно делает. Просто повстанцам удавались их начинания. Повстанцам везло. Повстанцы побеждали. Вот и все. Какое отношение к их успехам имеет Око, Сварог сказать не мог. Он просто чувствовал это.

А еще Око Бога, напомним, пробуждало в людях скрытые магические способности. Без всяких там спецэффектов, световых фонтанов и прочих фокусов. Человек подходил к Оку, простирал над ним руки, сосредотачивался... И опять же: вот и все. Уходил он уже ошарашенный каким-нибудь колдовским даром. (Первой жертвой Ока, кстати говоря, стал уголовный соратник: еще там, в Замке-на-горе, Щепка утром поставила над упирающимся Медведем эксперимент, проверить дабы, как работает кристалл и работает ли вообще – и теперь Медведь где-то в дремучих лесах под Картау-Дау разговаривает с животными и птицами, вербуя их в революционную армию... Увидев результаты эксперимента, Монах участвовать в богопротивных экзерсисах отказался наотрез.)

В общем, Око Бога работало. А Сварог на стену лез от безделья! Он не мог сбежать, оставив Око, – без кристалла ему не открыть пресловутую Дверь Ожидающих. А бежать вместе с Оком... Нет, господа, не по-людски это.

Зато теперь все складывалось как по писаному. Ведь возле города Некушд находится тот самый монастырь, где обитает таинственная секта не то Ждущих, не то Ожидающих. Сварог отлично помнил зачитанное молодым священнослужителем Рон-Гардаром пророчество, которому поклоняется секта: «*Отверзнутся Врата, и исполнится в этом году*». Какие Врата, что исполнится, в каком именно *этом* году неясно, ваша правда, но ключевым тут было все-таки слово «врата». Сварог не забывал и о существенном дополнении, сделанном ректором Пер-Дигостаном после расшифровки основного текста пророчества, – о том, что непонятные Врата откроет ни что иное, как некое Око. Короче, где же еще Хранителю Ока искать выход из Гаранда, как не в стенах монастыря Ждущих?

Вот почему идея Визари касательно Некушда вызвала в его душе даже не отклик – форменный ответный вопль. Визари сама предложила ему взять Око с собой!

Предприятие, которое получило кодовое обозначение «Штирлиц» (название придумал Сварог, остальным понравилось), преследовало одну-единственную цель: проникнуть в Некушд, в столицу Вольной, блин, республики Корона. И не просто проникнуть, что, в общем-то, было не столь и сложно для одиночки, а протащить с собой Око Бога. И сие было уже гораздо сложнее. Но и на этом задача не исчерпывалась, это был лишь первый этап операции. Далее следовало связаться с подпольем – необходимыми явками и паролями, всеми положенными «сорока девятью утюгами на подоконнике» Визари Сварога снабдила. После чего должен быть осуществлен завершающий и самый важный этап операции «Штирлиц». Попросту говоря, требовалось проделать то же самое, что раньше проделали в столице и некоторых других городах, – с помощью подпольщиков *растормозить* посредством Ока магические способности у наиболее активной и сознательной части населения. Удар, нанесен-

ный в самое сердце контрреволюции, причем изнутри, должен, по мысли Щепки, хотя бы на время сбить с толку неведомого противника. В самом городе, в центре оппозиции, можно сказать – под самым носом неожиданно возникает из ниоткуда пятая колонна магов! И моментально начать сражаться на два фронта враг не сможет чисто физически и его можно *брать*. Сражаться на два фронта – против Визари и против неожиданно откуда возникшей пятой колонны. А когда руководящий центр дает сбой, периферия приходит в растерянность, и ее можно брать голыми руками.

Как ни трудно было догадаться, цели операции «Тегеран» и личные цели Сварога совпадали друг с другом не во всем, и Сварог решил для себя дилемму так: во-первых, добраться до места (благо хоть место совпадало); во-вторых, проверить версию с сектой Ожидающих. Если все нормально, то бишь Врата на самом деле существуют и открываются как надо и куда надо, то перед своим прощанием с Гарандом он отдаст Око доверенному лицу, в каковые наметил Монаха. А революционеры пускай дальше без него. Ничего, справятся.

Вот, собственно говоря, откуда, зачем и почему появились на свет божий ученый-энтолог и его супруга – с лицом и фигурой ангела и характером фельдфебеля (а какая, скажите на милость, еще может быть супруга у вялого интеллигентишки, но с мировым именем и немалым стабильным доходом?). И теперь они летели на поезде сквозь непогоду в сторону города Некушд...

Глава 17

КАК ССАЖИВАЮТ БЕЗБИЛЕТНИКОВ

– Что это? – встрепелась бывшая фрейлина.

– Кажется, останавливаемся, – сказал Сварог.

Никаких сомнений: поезд явственно притормаживал.

– Граница Черты? – отчего-то полусшепотом спросил молодой человек с подергиваемой нервным тиком щекой.

Сидевший рядом с ним стат-барон пошевелился, словно из диванной подушки проступили иглы:

– Рано. До Черты нам еще ехать не меньше четырех стражей...

Сварог привстал, прильнул к окну. Недостатком овальных вагонных окон было то, что они не открывались. Для вентиляции была предусмотрена расположенная над окном и забранная решеткой вьюшка. Окно при необходимости, конечно, можно и выдавить – как это сделать наилучшим способом, рассказывала памятка, висящая у откидного столика и начинающаяся словами «При пожаре». Но, пожалуй, ситуацию еще рано было отождествлять с пожарной.

– Что происходит? – отодвинув дверцу купе, спросил молодой человек с нервным тиком у проходившего мимо дорожного старшины.

– Не беспокойтесь, выясним, уладим, – заученно отозвался усатый, осанистый старшина. – В пути всякое случается.

Что «случается» на этот раз, в окно Сварог так и не увидел – слишком узок был обзор. А поезд между тем остановился.

– Мы какое-то время простои́м, дорогая, а я пока обследую вон тот лужок, – Сварог потянулся к сачку. – Кажется, там должны водиться недолётки пупырчатые, или, на худой конец, доннерус веттерус псевдообыкновенный.

– Я с тобой, – поднялась с дивана и верная супруга.

– Эй, рискуете отстать! – шутливо замахал руками толстяк стат-барон. – Я,

конечно, ради вас дерну рычаг, но работает ли он!

– Ничего, я послежу, чтобы мы далеко не отходили, – заверила толстяка супруга энтомолога.

Соскочив с подножки на хрустящий щебень, Сварог помог сойти Келине Ван-Ради. Дождь пока перестал, и в воздухе висел мельчайший белесый туман.

– Я, конечно, не специалист... – тихо сказал Сварог. – Но у меня просыпается стойкое подозрение, что дело тут нечисто. Видишь, в голове поезда люди какие-то суеются. И очень мне не нравится эта суета. И место подобрано... подходящее.

Состав остановился аккурат на переезде – широкая, отличного качества электромобильная дорога пересекала железнодорожную колею. Эдакое шоссе федерального значения, как говорят в иных местах. Помимо шоссе в поле видимости находился лишь домик смотрителя переезда и лес, едва различимый в тумане.

– Что-то предчувствие у меня нехорошее, – прошептал Сварог.

– Тебе виднее, дорогой, – глупым голосом отозвалась «жена».

– Мы здесь одни, – поморщился Сварог. И в самом деле: дорожный старшина ушел к соседнему вагону, а из их вагона никто больше на насыпь не спрыгнул. – Можете, Келина, говорить нормально.

– Я не понимаю, ты о чем, дорогой? – глядя снизу вверх, пролепетала «супружница».

Сварог не без труда подавил в себе поднимающееся раздражение. Она нарочно издевается или что? А если издевается, то какого черта?..

– Вот я о чем, – Сварог вытянул руку в направлении шоссе и тихо, себе под нос, выругался.

Из-за поворота, скрытого от глаз лесом, на ведущий к путям прямой отрезок трассы выскочили несколько электромобилей. А точнее, три: один легковой и два грузовых. Грузовые, кстати, очень напоминали знаменитые «полуторки», но Сварогу было сейчас не до *ностальгирования*. Потому как в кузовах этих «полуторок» покачивались голова к голове крепкие ребята, которые, думается, сюда пожаловали не с пустыми руками.

– Что будем делать? – ага, наконец-то госпожа Келина Ван-Ради соизволила прекратить придуривание и заговорила, как и просили, нормально.

– Снимать трико и бегать, – огрызнулся Сварог, позволив себе небольшой ответный удар. Детство, конечно, но... – Идем к паровозу.

– Куда?!

– Ну, то есть... К локомотиву. В голову состава.

Сварог размашисто зашагал вдоль поезда.

– А если это не нападение? – Келина едва поспевала за ним, ей то и дело приходилось переходить на бег.

– А что же это еще? Отставшие пассажиры догоняют?.. Нет, любимая, вопрос надо ставить иначе: чье это нападение.

– Но... до этого на поезда ни разу не нападали! По крайней мере, на *нашей* территории!

– Вот именно что – на *нашей*. И, можно подумать, я не знаю, что творится на нашей территории. Кажется, я не бабочек ловил все это время... Да, не нападали. Но никогда не говори «никогда»... дорогая.

Сварог резко остановился, обернувшись, и Келина чуть не налетела на него.

– Сколько наших людей в поезде? – спросил он. – На них можно рассчитывать?

– Каких людей? – переспросила Келина, непонимающе хлопая длинными ресницами.

– Нас кто-нибудь негласно сопровождает?

– Не знаю, – сказала она.

Лжет, определил детектор. «Да и провались ты, – в сердцах сплюнул Сварог. – Конспираторы, бля... Пока ее убедишь отправиться за подмогой, пока она найдет этих людей, а то может и не людей, а одного человека... В общем, смысла нет».

Сварог развернулся и вновь быстро зашагал к локомотиву. Когда до электровагона оставалось два вагона, их нагнал запыхавшийся Монах, спросил деловито:

– Какие приказы, атаман?

– Сначала разведка, а там посмотрим. Но будь начеку.

Возле локомотива стояли два сумрачного вида хлопца в длинных, грязно-серого цвета плащах – Сварог знал, что такие плащи здесь называли «вседорожниками» и их носили те, кому приходится подолгу бывать на свежем воздухе: землекопы, фермеры и, в частности, путевые рабочие. Только эта сладкая парочка мало походила на путейцев. Слишком уж нагло смотрят, слишком сытые хари. Не говоря уж про то, что у рабочих, много времени проводящих на свежем воздухе, кожа обветрена, а у этих – не фи́га. И совсем мало общего у предметов, что торчат из-под плащей, с костыльными молотками и прочим дорожным инструментом.

Опять заморосил дождь – холодный, противный. Один из «путейцев» чуть усмехнулся, мазнув взглядом по Сварогову сачку для ловли бабочек, более внимательно присмотрелся к внушительным габаритам Монаха, во всех подробностях изучил взором фигуру «супруги»... но ничего подозрительного не усмотрел. Другой шагнул навстречу, откидывая полу плаща и вскидывая «баг» (проще говоря, обрез, который изготавливали из толстоствольной винтовки «Кабарбаг»; эффективен он был при стрельбе лишь на очень близкой дистанции, зато – с этой дистанции динозавра мог разве не разорвать в клочья).

– Стоять! Кто такие? Куда прешь?

– А что, разве нельзя? – искренне удивился приват-ректор. И несмело возмутился попраанием свободы передвижения: – Я полагал, это поезд, а не военный объект...

– Это поезд, а не парк, неча тут гулять, – отрезал человек в дорожном плаще, поводя «багом».

– Но позвольте...

– Возвращайтесь-ка в вагон, господа, – более любезно попросил напарник и тоже откинул полу плаща, но обрез пока не поднимал. – Тут закрытая зона, нам запрещено пропускать посторонних. К тому же, скоро поедем. Давайте, давайте!

Ага, вот со стороны кабины донеслись приглушенные стоны. А совсем недавно Сварог видел, что людей рядом с локомотивом было несколько больше, чем две единицы. Куда делись остальные, скажите, пожалуйста? И отку-

да взялись эти ребята с «багами»? А если это охрана, то почему вооружена неуставными, самодельными стволами? Разруха в стране – это понятно, но ведь пока еще не до такой степени, чтоб вооружения не хватало! Кому, как не Хранителю Ока Бога это знать! Через полгода – год – да, может наступить настоящий бардак и разброд, в полном соответствии с историческим материализмом... если Щепка сотоварищи не придумают какой-нибудь магический ход, но сейчас...

– Но хоть сколько мы стоять будем, это-то вы сказать можете? – шалея от собственной смелости спросил энтомолог. – И почему встали?

– Со слухом плохо? – потерял терпение первый охранник. – Валите!

Помощники Сварогу попались смышленные: маячили за спиной и без приказа командира активных действий предпринимать не собирались.

– Что вы кричите? – возмутился ученый, снял очки, как восьмиклассник перед дракой, нервно протер их пальцами от влаги. – Я же просто спросил! – демонстративно поднял сачок и принялся откручивать петлю с сеткой. – Пока стоим, я хотел сходить на лужок, там могут водиться чрезвычайно интересные экземпляры безбашенки тупорылой...

Сварог отбросил сетку, одним движением сорвал деревянную рукоять сачка и резко сдвинул к середине две крайние длинные трубки, освобождая на концах обоюдоострые, длиной с наконечник копья лезвия.

К моментальному превращению жалкого интеллигента в опасного противника вооруженные «багами» хлопцы оказались не готовы. Впрочем, Сварог не подарил им ни единого мига на то, чтобы переварить, перестроиться и что-то предпринять.

Первым вращательным движением Сварог выбил из рук ближайшего противника «баг», тут же, крутанув в руках «сачок» приемом «мулинэ» – в полном соответствии с искусством боя на шестах, – подшиб под колени второго противника, отчего тот, неловко взмахнув руками и выронив обрез, завалился на мокрую насыпь. И, не прекращая движения, Сварог полоснул по плечу первого хлопчика, который, очухавшись, бросился вперед со сжатыми кулаками. Боль в плече – не смертельно, но чувствительно – охладила его пыл, а получив носком сапога по голени, он и вовсе сник.

– Твое! – бросил Сварог Монаху и вскочил на подножку кабины. Обоюдоострый сачок пришлось выкинуть подальше – такое оружие годится на открытом месте, но никак не для драки в ограниченном пространстве.

Непростой «сачок» смастрячили по просьбе Сварога. Умельцы «Первой императорской кузни», зарабатывавшие на жизнь в основном изготовлением оград и решеток, управились с несложной задачей за час. Сварог придумал себе сие дополнительное оружие просто так, на всякий случай. Как оказалось, не зря, пригодилась вещица, даже до Черты не доехали...

Перебирая руками по поручням, Сварог взлетел на верхнюю ступеньку.

В кабине оказался еще один вооруженный хлопчик. И за ним были все преимущества: он находился сверху, он был настороже, услышав странные звуки снаружи, он вовремя высунул голову из проема. Словом, воспользуйся он прикладом своего «кабарбага» (а у него в руках был не обрез – полноценная винтовка) как дубинкой, Сварогу пришлось бы трудно. Сварог, конечно, попытался бы увернуться, удерживаясь за поручень одной рукой, а другой выхватывая из-за пояса шаур, но кто знает, успел бы или нет. Но хлопчик понадеялся на

поражающую силу огнестрельного оружия. Ну да, откуда ему знать о ларах...

Над головой бабахнул выстрел, от которого заложило уши, пуля просвистела совсем рядом, обдав щеку теплой волной. А Сварог, ухватившись за толстенное винтовочное дуло, обжигаяще горячее, с силой дернул хлопца на себя – и тот вылетел из кабины. А на земле его встретит Монах. Со всем теплом и гостеприимством.

Других противников в кабине локомотива не наблюдалось. Зато обнаружилась связанная по рукам и ногам поездная бригада в количестве двух человек и еще один персонаж в форме дорожного старшины. Видимо, на свою беду прибежал из ближайшего пассажирского вагона узнать, в чем дело, почему стоим.

Сварог быстро распутал всех, перерезав веревки перочинным ножом, повыдергал кляпы.

– Заводитесь, братцы, и вперед на всех электрических токах! – Ухватил за плащ рванувшегося к выходу дорожного старшину. – Куда, бля?! Не успеешь! Здесь оставайся!

– Они стояли на пути, махали красными платками, мы думали авария! – затараторил перемазанный маслом освобожденный пленник, судя возрасту – помощник машиниста.

Сварог его перебил:

– Некогда, после расскажешь. Врубай машины. И живо, живо! – Высунувшись в дверь, позвал Келину и Монаха: – Порядок? Давай наверх!

Сварог сперва втянул в кабину за руку Келину, потом принял от Монаха два обрезка и снятую с одного из хлопчиков сумку с боеприпасами.

– Фу-у! – отдуваясь, забрался наверх Монах. – Последнего вязать уж не было времени, пришлось охолодить кулаком по темечку... Потому как виновен, ибо сказано Многоутом: не трожь, выбросок, поезда быстроколесые.

И зычно расхохотался над своею шуткой, так что волнами заходил под коричневым плащом-рясой объемистый живот. Машинисты хоть и косились на незваных гостей, но их руки споро проделывали все необходимые манипуляции: крутили рукояти, переводили в рабочее положение рычаги, проверяли показания приборов...

Сварог выглянул в дверь кабины. До этого смотреть, как там поживают грузовики и легковуха, не было никакого смысла. Как бы ни поживали, требовалось действовать быстро и решительно, ни на что не отвлекаясь... Теперь же можно было и отвлечься.

Бляха-муха и мать твою через конденсатор! Колонна из трех электромобилей уже добралась до переезда, остановилась. Фигуры в развевающихся за спиной черных плащах бежали к поезду, пять, семь, десять... голов двадцать пять. Некоторые уже добрались и теперь споро карабкались в вагоны.

Ну наконец-то! По всей длине состава пронзительно заскрипело, поезд содрогнулся всеми сцепками, дернулся, сдвинулся с места и начал набирать ход. Отстающие безбилетники в черных плащах со всех ног припустили следом. Кто-то успел вскочить на подножку. Ага, один сорвался. Еще один, никак не успевая к подножке, уцепился за какую-то хреновину, торчащую под вагонным окном, провисел так некоторое время и сорвался к чертовой бабушке. А упорные ребята, однако...

Все, остальные не успели. Но этих самых остальных, по прикидкам Сварога,

выходило значительно меньше половины.

– И кто это нам жить мешает, кто-нибудь может мне ответить? – спросил Сварог, возвращаясь в кабину.

– Непокойные времена, – осторожно сказал машинист. – Кого только не встретишь на пути. Другие и вовсе не представляются при встрече.

– Надо было одного втащить сюда для обстоятельного расспроса, – Сварог поморщился от досады. – Моя промашка. Хорошо хоть «ниточку» не перерубили, уроды, с них станется...

– На Каскад не похоже, – задумчиво проговорила Келина.

Локомотив набирал скорость, ветер гудел за бортом, под ногами трещало и искрило. Пахло озоном.

– Тати ночные, лихие людишки, искатели легкой поживы, – уверенно сказал Монах. – Сбился в кучу всяческий сброд, от карманников до разбежавшейся солдатни, нашелся у них толковый вожак, который и придумал, как напасть на поезд и разграбить его. И не корите себя, ата... господин приват-ректор. Нечего у полоненного было бы дознавать. Стал бы он, шепелявя и пуская слюни, нам тут долдонить про то, как Шапа-Дранный Хвост вчера проиграл ворованный перстень Кривому Жупелу, а ночью прирезал счастливчика и перстень себе вернул. Эка радость все это слушать!

– Может, ты и прав, – сказал Сварог. Подошел к креслу машиниста, встал у того за спиной. – Сколько до Черты?

– При такой скорости домчим за стражу с четвертью. Вот... гляньте сами.

Машинист, видимо, привыкший во всем к точности и обстоятельности, открыл какой-то ящик, вынул из него протертую на изгибах карту и положил на приборную панель.

– Да шут с ней, с картой, – отмахнулся Сварог. – Вы мне скажите лучше: если поднажать, если скорость увеличить...

– На пределе ждем. А за предел выйдем – скovyрнемся на бок. Этот участок, отсюда и до моста Ро, весь, считай, как змея. Бойтесь, не угомонятся? – машинист понятиливо кивнул. – Я тоже так подумал, потому сразу по поезду отключил «барсучьи когти».

– Что отключил?!

– Систему экстренного торможения. Они в вагонах наверняка уже все рычаги пообрывали. Только ничего у них не выйдет. Теперь им остается лишь одно средство...

– А, понимаю, – сказал Сварог.

«Честное слово, какой-то восемнадцатый год, – подумал он, невидяще уставившись поверх головы машиниста на убегающий под локомотив рельсовый путь. – То заградотряд остановит, начнет вылавливать контру и ссаживать мешочников. То «зелено-буро-малиновые» нападут с гиканьем и посвистом – всякие там батьки Ангелы и отряды крестьянской самообороны. То просто путь разобран неизвестно кем и на кой. Словно отражение в зеркале, право слово... Хотя, если подумать, ничего удивительного. Людская суть везде одинакова, стало быть, когда возникают схожие обстоятельства, то и проявляется эта суть схожим образом.

Вот вам, милорды, еще одна параллель. Мои ближайшие подручные, мелкоголовные Монах с Медведем, тоже враз возвысились – как в семнадцатом-восемнадцатом люди из безнадежных низов сразу запрыгивали во

власть. Медведь так и вовсе – правая рука Щепки, великий чародей. И у некоторых неплохо получалось, между прочим. Куда-то враз девались шпанские замашки, зато проявлялась недюжинной цепкости хватка, зато выручала природная сметка. А учились на ходу и на бегу...»

– Кажется, пришла пора проверять наши с вами опасения, – сказал Сварог.

Машинист пожал плечами и показал на левую дверцу кабины.

– Лесенка с той стороны.

Для того чтобы все увидеть, лесенка и не потребовалась. Поезд как раз растянулся в длинном повороте, об изобилии которых на участке говорил машинист, и весь состав просматривался до самого хвоста. По крышам, ловко пере скакивая с вагона на вагон, бежали давешние безбилетники в развевающихся за спиной черных плащах.

Худшие опасения Сварога полностью подтвердились. Безбилетники не удовлетворились проникновением в поезд. Им во что бы то ни стало требовалось поезд остановить. Оно и понятно. Скоро состав доберется до Черты, а там солдаты – как и одни, так и другие. И ребяткам са-авсем не улыбается с ними встречаться.

Сварог скинул песочного цвета плащ, бросил его на откидную лавку рядом с тихо сидящим дорожным старшиной.

– Дай-ка мне трофейные пукалки, – сказал он Монаху.

– Мне не с вами? – удивленно вскинул Монах кустистые брови.

– Лишнее. Здесь будь. Присматривай, что да как.

В чем, в чем, а в лазаньях и прыжках, равно и в удерживании равновесия на бешеном ветру, Монах не силен – комплекция не та. А если сверзится, никакая магия не спасет.

– Я с тобой, – решительно шагнула к Сварогу Келина Ван-Ради.

– Отставить! – приказал Сварог самым командным из голосов, засовывая за пояс обрезы, как пираты носили кремневые пистолеты: крест-накрест. Закинул за спину сумку с боеприпасами: – Вам, супруга моя разлюбезная, будет еще чем заняться, не торопитесь.

Келина обиженно поджала губы, но подчинилась.

Сварог открыл левую дверцу кабины, возле которой действительно имелась узкая металлическая лесенка. В лицо ударил холодный ветер. «Ну, что скажете, милостивые государи? Королевское это дело – на паровоз карабкаться? Знамо, не королевское. Наполеон или, допустим, Александр Третий с обрезами за поясом на паровоз не полезут, пока подданные отдыхают. А я могу. Я лезу. Вот такой я царь-государь, извольте восхищаться!» – подумал Сварог, забравшись на крышу локомотива.

Бешеный порыв встречного ветра чуть не сшиб с ног, заставил пригнуться. Одежда затрепетала, как корабельный вымпел. Слева-справа проносились, сливаясь в серо-зеленые полосы, стена леса и стена ветряков перед ним. А над головой иссиня-черными плитами нависали опостылевшие тучи. Дождь то ли прекратился, то ли они уже выехали из-под грозового фронта.

Любители нападать на поезда, прозванные Сварогом безбилетниками, находились уже в двух вагонах от локомотива. Заметили! Ну еще бы, тут, наверно, все хорошо просматривается. Ага. Вот и первый выстрел прогремел. Разумеется, мимо.

Сварог опустил на одно колено. Положил перед собой на ходящую ходу-

ном мокрую крышу обреза, один поднял. Тщательно выцеливать особого смысла не было – слишком уж неточное оружие, и поправку на ветер не возьмешь, слишком сильный. Сварог рассчитывал на психологический эффект, поддавшись которому, противник распластается на вагонах и откроет ответный огонь. В перестрелке безбилетникам ничего не светит, но время они потеряют, да патроны подызрасходят. А еще хорошо бы затянуть перестрелку до Черты...

Сварог потянул тугой спуск, отдачей чуть не оторвало руку, пороховое облако в момент унесло и рассеяло ветром. Безбилетнички разом залегли. И тут же, уже из положения лежа, шарахнули в ответ из нескольких стволов. Выстрелов почти не было слышно, все заглушал грохот ветра и лихорадочный тарарам колес... Оп-паньки! А это как понимать? Один из безбилетников вскочил на ноги, закричал что-то, рубя воздух ладонями и указывая в сторону Сварога. Выстрелы прекратились, никто в Сварога больше не целился. Ну и? Им что, известно, кто есть Сварог? Что пули против него бессильны? Да ладно, быть того не может. Просто этот крикун, который, похоже, у безбилетников за главного, убеждает, что при таком ветре и с такой дистанции не попасть, надо подходить ближе.

Безбилетники поднимались один за другим, и Сварог бабахнул в их сторону из второго обреза, заставив вновь залечь. Теперь, чтобы вновь популять из здешнего оружия под названием «баг», его нужно долго и нудно заряжать через дуло. Но Сварогу не дали возможности поразвлечься с процессом зарядки – главный безбилетник опять что-то заорал, яростно жестикулируя. Его пылкие речи, как говорится, нашли горячий отклик в массах. Безбилетный взвод поднялся в атаку, ребятки старательно затопали по ребристому металлу, побежали так быстро, как только смогли бежать против ветра по раскачивающейся, покато́й крыше.

Сварог потянулся было к шауру, как вдруг его пронзила догадка. Буквально как обухом по голове. Оставалось лишь удивляться, почему он не подумал об этом раньше. Но логически продолжать мысль, равно как и строить всяческие предположения с гипотезами, сейчас было некогда и незачем. Сейчас всплывает совсем иная первоочередная задача, простая и незатейливая, но важнейшая – надо брать живьем главного безбилетника.

«Ну ща вы у меня, ребятки, удивитесь всерьез и надолго!» Сварог взвинтил себя до нужной злости и куража. Вставая, отбросил в стороны обреза, улетевшие под откос. Начал разбег, одновременно проговаривая себе под нос слова нехитрого заклинания. Проговаривая с таким расчетом, чтобы на последнем слове оттолкнуться ногой от края крыши.

Получилось.

И на крышу следующего за локомотивом вагона Сварог приземлился уже невидимым. Едва не поскользнулся, но, замахав руками, удержался. Хорошо, что никто не видит... Это должно было выглядеть со стороны так: прыгнул человек – и растаял в воздухе. В общем, то еще зрелище, особенно для слабонервных.

И таковые в безбилетных рядах обнаружили: человек восемь без лишних слов повернулись к Сварогу спиной, припустили к разрыву между вагонами и, чуть ли не отталкивая друг друга, стали спускаться вниз. Оп-па, а один уже катится по откосу. Ну совсем интересно. Сигают с поезда, забыв о грабеже.

Немного подумав, еще двое последовали за неотважной восьмеркой. Причем один последовал весьма экзотическим образом – отчаянным прыжком прямо с крыши. И ведь никто его не подталкивал. Видимо, что-то перемкнуло в котелке от испуга... Выходит, испуг был нешуточный. Ну а подобное поведение напрочь отметало гипотезу об элитном отряде Каскада типа «пауков», буде такая гипотеза сложилась у кого-то в головах. Как убедился Сварог на своем опыте, каковой повторять как-то тянуло, «пауков» на волшебной мякине не проведешь, чем-то простеньким вроде невидимости или отвода глаз не обманешь...

Он опять опустился на одно колено, оперся кулаками о крышу, нагнул голову, как спринтер перед стартом. Выждал, не желая раньше времени выдавать себя. Может быть, крыша под шагами будет едва заметно прогибаться и острый глаз это способен уловить. Или чем-то еще он себя выдаст.

После панического бегства слабонервных осталось всего четверо безбилетников. Все они находились на соседнем вагоне. Главный безбилетник, на которого выжидательно смотрели другие трое, сорвал плащ и бросил его рядом с собой на крышу. Плащ сдуло и он унесся, скручиваясь и извиваясь в полете. Главный что-то коротко приказал – остальные передвинули с боков на животы сумки, похожие на противогазные, раскрыли их, покопались внутри, каждый из трех помощников достал по какому-то предмету и протянул главному.

«Ах ты ж... Колдун!» – опешил Сварог. Вряд ли сильный, раз так долго готовится. Но давать ему развернуться нельзя, кто знает, чего он там задумал...

Уже на бегу Сварог вспомнил, что в одной синематографической ленте, посвященной борьбе хороших парней с плохим Визари, был такой персонаж – колдун, естественно весь из себя отрицательный, который владел... как там ее бишь звали... Предметной магией! Предметная магия, объясняли в ленте – это низшая разновидность волшебства, потому как требуется носить при себе уйму всякого добра, а некоторые компоненты этого добра никак нельзя держать вместе или вообще поблизости друг от друга. Словом, хлопотная штука, но от этого отнюдь не менее опасная. Если колдунишке позволить приготовиться, то может понаделать дел... Сварог одолел разрыв между вагонами, приземлился на пружинистые ноги в пяти шагах от колдуна, торопливо взявшегося с какими-то прозрачными шарами и зелеными пирамидками. Крыша дрогнула под тяжестью тела, тут уж как не услышишь, естественно, услышали, даже в таком грохоте. И трое помощников колдуна без всяких признаков страха и паники выдвинулись вперед и заслонили собой главного. В руках у них заблестели узкие, с коротенькой гардой кинжалы.

Благородную схватку Сварог затевать, ясное дело, не стал, тут уж было не до благородства. Он бил на поражение, стараясь, чтобы после удара правки не требовалось. Схватку с заслоном он решил в три удара.

Да, в общем-то, ничего особенного – бой на ограниченном пространстве, азбука десанта. А когда тебя еще прикрывает невидимость, чего ж не побеждать... Разве что бил Сварог голой рукой, а ему противостояли с кинжалами, что, так сказать, несколько уравнивало положение и давало противнику шанс. Это так, к вопросу о благородстве.

А потом Сварог едва успел перехватить руки колдуна – тот стремился соединить предметы, что держал в левой и правой: шар, заключенный в тонкую металлическую оплетку, и хитрым образом сцепленные друг с другом зелено-

ватые пирамидки с какими-то желтыми нашлепками в основаниях. Судя по тому, с каким неистовством вращались его глаза, какой злобой перекосило его лицо, колдуну оставалось последнее соединение. Еще бы чуть-чуть, и магическая конструкция заработала бы. Ну не повезло колдуну, что тут еще скажешь...

Отменной физической силой колдун не отличался, и Сварог, сдавив его запястья, без труда заставил разжаться пальцы сперва одной, потом другой руки. Выпавший из пальцев шар Сварог подбил ногой, не дав ему коснуться крыши, и отфутболил от греха подальше. Оказалось, не зря. Шар угодил в дренажную канаву, и тут же с этого места круто вверх узким столбом взметнулось ослепительное, апельсинового цвета пламя. Может быть, то было не пламя, а свечение или дым, образовавший в воздухе колонну оранжевого цвета. По-любому, здорово, что от этого чуда удалось оказаться достаточно далеко.

А зеленые пирамидки упали вниз без всяких спецэффектов.

Чтоб удобнее было дальше разговаривать, Сварог подсечкой уложил колдуна на лопатки, поставил колени на грудь, прижал покрепче к крыше. А догадка, давеча осенившая Сварога, заключалась в том, что будь это простые грабители, они отцепили бы пассажирские вагоны – или все, или несколько – да и удовлетворились бы вполне их грабежом. Но зачем-то им понадобилось остановить весь поезд. Зачем? А если вспомнить, что до сего дня поезда в Короне не грабили, то становится все страньше и страньше. Нет, конечно, все всегда бывает впервые и вновь, стоило поехать Сварогу – и на тебе! Странное совпадение! Вот про все про это и хотел Сварог выяснить у пленника.

– Видишь, мы остались вдвоем! – крикнул Сварог сквозь ветер. – С моей стороны никого. С твоей стороны никого. Словом, обстановка, способствующая полному доверию и задушевности. Вот давай к ним и перейдем. Тебя нужно запугивать или обойдемся? Могу свесить тебя головой вниз. Знаешь, вид бешено несущейся перед глазами земли, мельтешение шпал и вращение колес, которые могут тебя через миг переехать, очень сильно действует на человеческие души...

– А что вы мне можете пообещать? – наконец открыл рот поверженный. – Жизнь?

Он не выглядел сломленным. Смотрел дерзко, глаза в глаза, говорил насмешливо. У него было узкое загорелое лицо, по подбородку и верхней губе тянулась тонкая, словно нарисованная борода.

– Могу пообещать! – сказал Сварог. – Я не люблю отнимать жизни без необходимости. К тому же я резко добрее и мягчею, когда отвечают на все мои вопросы.

– Это наполняет мое сердце радостью. Но только вот что я скажу вам, любезный... – колдун растянул губы в презрительной ухмылке. – Наше положение отнюдь неравное. Я вас знаю – вы меня нет. Я знаю все ваши вопросы, – а вы не знаете мои ответы... Позвольте грубую аналогию, господин Сварог. Вы – слепец в черной повязке на глазах, с завязанными за спиной руками бредущий в полной темноте по абсолютно пустому коридору. А я и мой *наниматель*... а может, и *наниматели*... В общем, мы идем, дыша вам в затылок, с фонариками в руках, хихикаем над вашей беспомощностью и иногда делаем вам подножки... И как вы полагаете: кто кому в такой ситуации может ставить условия и делать выгодные предложения? То-то же. Сначала прозрейте, госпо-

дин Сварог, освободите руки, снимите повязку и обернитесь. Тогда и поговорим... Хотя, боюсь, *тогда* разговаривать будет уже не о чем, коли вы прозреете. Так что ситуация тупиковая... – Он замолчал, будто вслушиваясь в громогласный перестук колес, и крикнул яростно: – Значит, жизнь мне обещаете? Думаете, жизнь – это такое уж и благо?!

И засмеялся вымученным, искусственным смехом. А потом отрывисто произнес короткое слово, похожее на скрежет проржавевшего механизма.

На грудь колдуна свешивался на цепи медальон. Стоило ему произнести загадочное слово – цепь вмиг затянулась на шее, словно ее звеньев враз стало вдвое меньше. Колдун рефлекторно вскинул руки к горлу, схватился за цепь, но тут же усилием воли отвел руки, разбросал их в стороны. И снова попытался рассмеяться, но не вышло – цепь продолжала передавливать горло, уже впилась в кожу. И сжималась, сжималась, ломая шейные позвонки. Сварог автоматически попытался ослабить хватку цепи, просунуть пальцы под нее, но металл уже так глубоко вонзился в плоть, что не получилось.

И спустя несколько секунд все было кончено. Совсем недавно на крышах вагонов людей было, можно сказать, не протолкнуться, теперь Сварог остался совсем один. Если не считать, конечно, оставшиеся без ответа вопросы.

Глава 18

ГОРОД НЕКУШД, РАССАДНИК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Энтомолог повторно рассказывал эту историю, уступив просьбе бывшей Эфрейлины императрицы, которая пропустила рассказ номер один, потому что пребывала в тот момент в расстроенных чувствах, и ей необходимы были покой и сон. Почему бы и не рассказать, что еще делать в пути? Тем более – такое приключение, такое приключение, и разве может интеллигентный ученый отказать даме в такой малости, как рассказ...

И приват-ректор вторично с азартом поведал купе, как он вышел посмотреть, не водится ли поблизости пара-тройка занимательных экземпляров, потому что какой-то дорожный старшина из другого вагона сказал ему, что стоим долго, от поезда далеко они с женой не отходили, поэтому, когда состав внезапно тронулся, они добежали до насыпи, однако заскочить ни в один из пассажирских вагонов не успевали, вот и вынуждены были забраться на площадку товарного вагона, где провели все время пути до Черты. Людей в черных плащах они заметили сразу, но большого значения их появлению не придали. Мало ли кто сейчас, в наши тяжелые дни, садится на поезд, чтобы переждать смутное время вдалеке от разгула магии...

Как и во время первого изложения повести о злоключениях энтомолога, попутчик Сварога, молодой человек с подергивающейся щекой, в этом месте рассказа выразительно хмыкнул. Но на сей раз не удержался от комментария:

– «Как прекрасен у бабочки яркий полет над серой землей повседневности...»

Высоколобый ученый сделал вид, что не усмотрел в стихке тонкого намека на то, что кое-кто за своими бабочками не видит реальности, и продолжил повествовать о трагических событиях, что разыгрались на его глазах.

Как люди в черных плащах бежали вдоль вагонов к локомотиву, конечно же, чтобы проникнуть в кабину, остановить поезд, захватить его и уж я не знаю что сотворить с пассажирами. Но тут им навстречу вышел высокий мускулистый мужчина – тоже в черном плаще, но длинном, до пят, черном три-

ко и черных сапогах. На нем еще была черная маска, знаете, вот такая, закрывающая всю голову и пол-лица, только нижняя челюсть видна, и с небольшими острыми ушками, торчащими вертикально... Да, я тоже никогда о подобных костюмах не слышал, может, какая-то новая Гильдия создана? Ах, сейчас каждый день что-то новое... Пойдите-ка, у него же эмблема на груди была! Ну, да, я ясно разглядел, – кажется, желтый овал, и внутри какая-то разлапистая фигурка с крыльями... Да какая Уния авиаторов, что я, их эмблемы не видел!.. Вот именно, а такой – ни разу не видел... В общем, состоялся жестокий бой со стрельбой и рукопашной, в которой герой одержал полную и безоговорочную победу над плохими людьми. А когда поезд остановился на каком-то разъезде, чуть не доехав до Черты, энтомолог с супругой смогли вернуться в свой вагон. Только одежду, вот беда, запачкали и сачок потеряли. Очень обидно. Такой сачок был!

– Просто ужас! – воскликнула бывшая фрейлина императрицы. – Но кто же этот таинственный романтический герой? Откуда он взялся и куда делся потом?

По новой началось обсуждение приключения.

– Наверное, на крыше боролся агент железнодорожной полиции, – это мнение высказал толстяк стат-барон.

– Мне всегда казалось, что железнодорожные агенты – это невзрачные, несимпатичные люди, которые следят за чемоданами, вечно простуженные, – высказалась девица с капризным лицом.

– Ввиду серьезной ситуации в стране они посылают на дорогу своих лучших людей, – сказал молодой человек с нервным тиком.

Попутчики не особо расспрашивали Сварога о деталях схватки. Видимо, не верили в способность рассеянного ученого подмечать детали. Ну и славно.

Пересечение Черты много времени не заняло. Никто никого не досматривал, документы не проверял. Позиция революционной власти была Сварогу хорошо известна: пусть катятся, буржуины, если невтерпех. Возможно, границы и закроют, но произойдет это не так чтобы очень скоро... А может, все останется, как есть. В конце концов, Сварог не был специалистом по магическим революциям. Касательно же ценностей, которые беглецы могут прихватить с собой, считалось, что пусть прихватывают – много не вывезут, а вскоре страна вновь станет единой и неделимой, стало быть, ценности вновь окажутся в стране. Позиция властей Вольной республики Корона Сварогу была известна хуже, но факт оставался фактом – те въезду не препятствовали, и, по крайней мере на Черте, препон ни в чем не чинили. Разве что прогоняли поезд через коридор из металлических дуг. Сварог уже видел такие на причале, где швартовался «Пронзающий», и знал, что это ничто иное как прибор «Боро-6», улавливающий проявления магии, – в частности, нахождение под чужой личиной – и наличие магических предметов. Но поскольку Око Бога почему-то не идентифицировалось серией приборов «Боро» как магический предмет, волноваться было вроде нечего... Если не заставят достать и не увидят завораживающее сияние «кристалла»...

Разумеется, как же без нервного волнения, – какие-то страхи, бесспорно, присутствовали, но все прошло самым гладким образом – пересекли Черту и покатали дальше, уже по территории Вольной республики Корона – что никоим образом не отразилось на пейзажах за окнами, но отразилось на настрое-

ниях в вагоне. Пассажиры повеселели, и не только в их купе. Если до границы все в основном сидели по своим норам, то теперь выходили в коридор, подолгу там стояли, ходили, беседовали. Многие отправились отмечать пересечение Черты в кухонный вагон... Например, туда отправился толстяк стат-барон и девица с капризным лицом. Словом, в поезде воцарилось праздничное настроение.

От Черты до Некушда поезд летел без остановок, не задерживаясь даже на разъездах. Составу был предоставлен «синий путь»: все встречные обязаны были его пропускать. Ну и в положенный час локомотив въехал в город Некушд.

Сварог однажды уже видел этот город – с воздуха, издали. Город тогда показался Сварогу похожим на исполинского окаменевшего дикобраза, которому набросили на иголки новогоднюю гирлянду – столько было остроконечных спиц и электрической иллюминации. Из окна поезда впечатление, разумеется, складывалось другое. Вернее, пока никакого не складывалось. Состав проезжал мимо бесконечных складов, ангаров, густых парков, иногда вдали удавалось разглядеть высотные дома, эстакады и те самые спицы, но тут же вид на них заслонял очередной парк или длиннющий склад. Поезд проехал по мосту над дорогой, на которой наблюдалось оживленное – точно как в столице – электромобильное движение. А потом пошли сплошные пути, стрелки, депо и так вплоть до самого вокзала.

Поезд, погасив скорость до минимальной, въехал под огромную арку из металла и стекла, добрался до тупика и окончательно встал. Перрон, к которому прибыл состав, был совершенно пуст.

Пустым он оставался, правда, недолго. Стоило поезду замереть, как к выходам из вагонов побежали люди в одинаковых зеленых плащах – надо думать, вокзальные работники. Волокли за собой желтые металлические барьеры и миглом выстроили из этих барьеров коридоры, шириной – чтоб мог пройти один человек. Затем работники сами выстроились вдоль барьеров, а у выходов из коридоров появились люди в до боли знакомых Сварогу плащах – иссиня-черных с зеленой подкладкой. В руках кое у кого из них наблюдались ручные приборы серии «Боро». Каскад, кто же еще. Та структура империи Корона, что полностью встала на сторону Вольной республики.

Все эти приготовления Сварогу крайне не понравились. Уж больно серьезной проверкой пахло. Но, с другой-то стороны, чего ему волноваться? Документы у него – подлиннее не бывает, магических предметов при себе нет, а что шаур, что Око обнаружить возможно лишь при таком тщательном досмотре, что и на советской таможне, отличавшейся крайней степенью подозрительности, и то не устраивали. Ну а в личность его кто тут может знать? Даже если волей прихотливого случая он вдруг попадет на глаза каскадодцу, с которым сводила уже судьба или где-нибудь в застенках, или при задержании в кафе (хотя шанс такой встречи минимален, прямо как в «Спортлото»), то косметические изменения, каким Сварог подверг свой внешний вид, не позволят его опознать.

Келина Ван-Ради тоже признаков волнения не выказывала. Она вела себя так, как и должна себя вести по уши влюбленная в своего мужа супруга: смотрела не по сторонам, а только на него, беспокоилась, как бы не забыли что из багажа, ведь муж такой рассеянный, проверяла, все ли в порядке у благовер-

ного с одеждой.

От вагонов по огороженным барьерами коридорам протянулись очереди к столам на выходе. Очередь двигалась медленно, но двигалась. Сварогу некогда было скучать – он занимался постоянным перетаскиванием с места на место своего багажа, насчитывающего пятнадцать мест. Причем он знал только, что находится в одном-единственном чемодане, в других же было понапихано невинное барахло, проверить которое перед отъездом он счел занятием пустым.

Та-ак, Монах преодолел кордон беспрепятственно, это уже хорошо. Была опасность, что его опознает какой-нибудь глазастый каскадовец – что и говорить, Монах портил им кровь и в бытность свою уголовником, и позже, став активным деятелем революционного движения... Но Сварог предпочел рискнуть и взял его, решив, что знакомый черт лучше незнакомого.

Каскадовцы прохаживались вдоль барьеров, как эсэсовцы вдоль колючки, пристально оглядывая прибывших. Но на Свароге никто из них взгляд не задерживал. Похоже, в поле их пристального внимания угодил ни кто иной, как толстяк стат-барон – уж больно заметно нервничал, вертелся без конца, вытягивая шею. Сварог-то знал, что тот высматривает жену и сына, но со стороны его поведение выглядело весьма подозрительно.

Ну и довыглядывался. Бедолагу стат-барона промариновали на выходе гораздо дольше остальных, но, видимо, он не сумел убедить каскадовцев в своей честности и лояльности, и те отправили его не как остальных – к двери с горячей надписью «Город», а сопроводили к двери, вовсе никакой надписи не имевшей. Сварог даже пожалел забавного толстяка.

А вскоре наступила и их с Келиной очередь.

Человек за столом, типичная вьедливая канцелярская крыса, бегло просмотрел документы, взглядом-рентгеном прошелся по лицам и багажу, потом ткнул пальцем явно наугад в пухлый кожаный чемодан с двумя ремнями:

– Попрошу открыть.

Сварог противиться не стал. Хотя он и не знал, что в этом чемодане, но несколько не сомневался в невинности его содержимого. Так и оказалось: чемодан был доверху набит дамскими тряпками.

Другой служака, видимо, специалист по досмотру, принялся ловко перебирать шелковые, бархатные, атласные тряпочки, мелькнуло нечто воздушно-кружевное. Келина Ван-Ради, презрительно фыркнув, отвернулась, всем своим видом показывая, как она презирает людей, чья профессия – копаться в женском белье. В общем, все проходило, как и у всех до них. И вопросы задавали те же:

– Цель прибытия?

Сварог объяснил все про бабочек. Устроило.

– Ваша профессия? Где проживали в Вардроне?

Ну и в том же духе. Сейчас их должны направить к двери с надписью «Город».

И тут у Сварога тренькнуло чувство опасности. Легонько так, но явственно.

Что за черт! Он незаметно отсканировал обстановку вокруг себя – никаких тревожных признаков, никакихстораживающих изменений. Так, так... А показалось или не показалось, что курьер, разносящий от стола к столу бланки анкет, скрытно так стукнул пальцем по спине чиновника, который беседо-

вал сейчас с энтомологом и его супругой? Или это паранойя разыгралась? Тем более, что поведение чиновника не изменилось, он был по-прежнему казенно сух и неприветлив.

– Попрошу вас пройти с этим человеком для некоторых уточнений, – вдруг сказал чиновник, отдавая документы не Сварогу, а каскадовцу, которого помянул пальцем.

– В чем дело?! – изобразила возмущение «супруга энтомолога». «Молодец, Келина, – подумал Сварог. – Выигрывает время, чтоб я сообразил, что делать. А что делать? Сейчас пытаться *уходить* – в высшей степени неразумно. Во-первых, прямой угрозы пока нет. Во-вторых, слишком много каскадовцев ошивается вокруг. Повяжут в три секунды... Пока придется подчиняться».

– Мой муж – знаменитый ученый. Его знают во всех университетах Гаранда! – исполняла знакомую песню Келина.

– Дорогая, – тронул ее за рукав муж-интеллигент, – сходим, куда просят. Я уверен, это ненадолго. Наверное, просто недоразумение.

Супруга вскинула подбородок в знак того, что подчиняется, но оставляет за собой право презирать.

– А багаж? – робко поинтересовался Сварог.

– Оставьте, с ним ничего не случится, – заверил чиновник.

– Я только возьму с собой золотую часть коллекции, – Сварог сунул чиновнику под нос коробку, где сквозь стекло можно было посмотреть на бабочек, приколотых булавками к обитому мягкой тканью дну, – здесь бесценные экземпляры, которые вы нигде уже больше на Гаранде не найдете.

Сопровождать энтомолога и супругу отправился не один каскадовец, а двое – один шел впереди, другой замыкал процессию. «Ерунда, – подумал Сварог. – С двоими-то управлюсь. Парализаторов у них что-то не видно. Может, и обойдется...»

За дверью без надписи обнаружился длинный серый коридор с множеством дверей.

– Прошу, – первый сопровождающий толкнул ничем не приметную дверь, открывая доступ в тускло освещенную и пустую комнату.

– А что мы должны будем делать? – спросил Сварог.

– Сейчас к вам придут и объяснят, – ожидаемо ответил каскадовец.

Подчиняясь наитию, Сварог отступил на шаг назад и будто ненароком толкнул противоположную дверь.

В комнате был стол, на краю которого сидел толстяк стат-барон, курил трубку и по-свойски, как с добрыми старыми приятелями, трепался с каскадовцами. Увидев Сварога, он на мгновение смутился, пришел в замешательство, потом соскользнул со стола...

Чувство опасности взвыло как стадо мартовских котов. И Сварог не стал ждать, что предпримет добродушный толстяк. Сварог с силой захлопнул дверь и сходу включился в *работу*.

Подсек под голень ближайшего каскадовца, и, когда тот стал валиться, добавил ему «клювом ястреба» под кадык. Потом взвился в прыжке и каблуком свернул второму сопровождающему челюсть.

Не растерялась и Келина, вцепилась обеими руками в ручку двери, за которой находились стат-барон и его дружки-каскадовцы – чтоб выиграть время. И выиграла.

– Отпускай! – крикнул Сварог, раздирая ногтями коробку с драгоценными бабочками.

Келина отпустила ручку, и Сварог тут же, что есть силы врезал по двери ногой, отменно заехав в лоб тому, кто находился за дверью.

– По коридору! Уходи!

Она подчинилась, бросилась по коридору, Сварог за ней. Он уже выбросил разодранную коробку и сжимал в руке освобожденный из тайника свой верный шаур.

– Стой!!! – закричал Сварог, увидев, что стат-барон и каскадовцы, выскочив из комнаты, не преследуют их – стоят возле двери и просто смотрят.

Но уже ничего нельзя было поделывать. Первая решетка с лязгом обрушилась в пяти шагах перед ними, вторая – в трех шагах позади них. Они оказались заключенными в натуральную клетку.

– Око, – твердым, ровным голосом сказала Келина. – Доставайте Око, господин Сварог. И я им устрою день гнева. Мы не проиграли.

Достать Око было делом секундным, но Сварог замер в полной прострации, так и не дотронувшись до «кристалла».

И обалдеть было от чего, ей-богу. Сварог почувствовал, как челюсть его предательски отвисает на грудь.

Еще одна из коридорных дверей распахнулась, и послышался знакомый брюзжащий голос:

– Что ж это вы, маскап, сразу драться-то начинаете, а? Не разобравшись, не поинтересовавшись, не спросив... Ай-ай-ай, разбаловались вы в этой своей Монитории. В меня не стреляйте, хорошо?

Из кабинета, вытирая руки салфеткой, неторопливо вышел высокий худощавый человек.

– А я, признаться, успел соскучиться по вас, мастер Сварог, – сказал Гор Рощаль.

ГЛОССАРИЙ

Некоторые любопытные сведения о Короне, Великой Империи Четырех Контиентов.

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

1. Новое летосчисление было введено в Короне триста два года назад, в год провозглашения правившего тогда короля Пер-Лошега первым императором Короны. За единую точку отсчета как раз и приняли год провозглашения Короны империей. Поэтому в официальных документах принято указывать: «такой-то год от Первой Империи», хотя в разговорной речи зачастую можно услышать: «От первого императора», – или: «От Объединения». События, происходившие до означенной точки отсчета, помечают в официальных документах как «такой-то год до Первой Империи».

Сейчас, таким образом, 302 год от Первой Империи. До этого не существовало упорядоченной хронологии, чуть ли не у каждого государства была своя система летосчисления, но все же наибольшее распространение имел так называемый Храмовый отсчет. Согласно Храмовому канону, Книга Истинного Света была ниспослана человечеству восемьсот сорок семь лет тому назад – это и есть нулевая дата. Храм и по сию пору при составлении бумаг внутрицерковного хождения пользуется своим летосчислением – Храмовым отсчетом.

К историческим курьезам можно отнести бытовавший в поглощенном Короной крохотном государстве Верхний Годли-Отт счет годов, который вели «со дня первой брачной ночи». Имелась в виду первая брачная ночь легендарных перволюдей Олии-Отт и Годли-дан-Ротан, в которую был зачат первый верховный вождь Годли-Отт, согласно преданию и основавший государство Верхний Годли-Отт. По этому летосчислению сейчас идет 5891 год от первой брачной ночи.

А пророк Многоуст, живший в 136–103 годах до Первой Империи, предложил вести счет годам от «рождения звезды Ротритар». Сей пророк утверждал, что «когда звезда Ротритар зажглась в небеси, Бог явил себя первый и последний раз в обличье человеком, а после превратил свое сердце в светоносный Гелис, а свое тело – в Свет». Звезда Ротритар появилась на небе, по утверждению пророка Многоуста, 1740 лет назад. Разумеется, последователи Многоуста, которых особенно много на Гвидоре, считают годы в соответствии с заветами своего учителя.

2. Официальная историческая наука Короны выделяет следующие периоды всемирной истории: эпоха Всеобщей Дикости, эпоха Первых Королей, эпоха Утверждения Храма, эпоха Великих Войн, эпоха Владычества Империи и Электричества.

Правда, в последнее время завоевывает популярность предложенная ректором университета города Некушд классификация эпох по доминирующему способу жизнеобеспечения: эпоха Лесов, эпоха Пашен, Кузнечная эпоха, эпоха Ремесла, эпоха Электричества.

КАЛЕНДАРЬ

Год на Гаранде состоит из четырех сезонов: Жаркий сезон, Пасмурный сезон, Холодный сезон, Ранний сезон. Каждый сезон насчитывает двенадцать коротких недель (по семь дней) и одну длинную (восемь дней). Недели офици-

ально называют по порядковым номерам, допустим, «первая неделя Раннего сезона», «десятая неделя Пасмурного сезона». В народе распространены также обиходные названия недель: «больная неделя» (первая), «смешная неделя» (шестая), «резиновая неделя» (тринадцатая), «свадебная неделя» (седьмая неделя Пасмурного сезона) и так далее.

Разумеется, в фольклоре народов империи по поводу каждой из недель существуют свои пословицы, поговорки, присловья, суеверия и приметы. Например, считается, что на тринадцатой неделе любого сезона нельзя ни в коем случае признаваться в любви, играть свадьбы, заключать сделки и заготавливать продукты впрок. Кое-где, скажем, в провинции Дакмор, все четыре тринадцатые недели – выходные. А вторая неделя Раннего сезона издревле считается гадательной или определительной. Во время этой недели каждое событие, происходящее с человеком, истолковывается с прицелом на весь год. К примеру, если кто-то заболит на этой неделе, то ему надлежит весь год самым бережливым образом обходиться со своим здоровьем, побольше отдыхать, ничем не злоупотреблять, и только через год аналогичная неделя покажет, можно ли ему ослабить самоконтроль. А если кто на этой неделе потерпит неудачу в любви, то со свадьбами-женитьбами в этом году ему торопится не стоит, лучше год переждать.

ПРАЗДНИКИ

В Короне четыре главных праздника: 1. *День рождения Императора*. Сейчас отмечается в третий день одиннадцатой недели Пасмурного сезона – в этот день родился правящий ныне Император. К этому дню обычно приурочены награждения, повышения по службе, амнистии, торжественные открытия новых дорог, каналов, строительных объектов, спуск на воду кораблей и прочие официальные мероприятия. В этот день в столице, мегалополисе Вардрон, обязательно проводится парад авиаторов и Большой Дворцовый Прием, а в каждом из городов империи в честь Императора по главной улице проходит утреннее праздничное шествие. Простые люди в этот день празднично обедают в кругу семьи и дожидаются пятнадцатой стражи, когда на главные площади городов выкатывают оплаченные императорской казной бочки с вином. А с наступлением темноты на площади сжигают соломенное чучело, символизирующее беды, болезни и напасти, какие могут свалиться на Императора – сжигают, чтобы отвести эти напасти.

С некоторых пор еще сжигают и чучело мага Визари.

2. *Новый год*. Его справляют на стыке Холодного и Раннего сезонов. Главные торжества происходят в последнюю ночь Холодного сезона. На столе в эту ночь обязательно должен быть жареный двухмесячный поросенок и бочонок шарши (десятиградусный напиток на лесных ягодах). Обязательный новогодний ритуал – розыгрыш подарков. Все подарки складывают в сундук, поочередно достают, спрашивают: «Кому?», – человек с завязанными глазами называет имя. Доставшийся подарок нельзя передарить, от него нельзя отказаться. Традиция несет в себе элемент шуточного гадания. Какой подарок получишь – так год и проживешь. Новогодние праздники длятся шесть дней: три последних дня Холодного сезона и три дня Раннего сезона.

3. *День Первой Империи*. Отмечается в четвертый день шестой недели Жаркого сезона. Из традиций, закрепленных за этим днем, можно отметить лишь певческие состязания, которые проходят во всех крупных городах империи.

На бытовом уровне праздник сложился как день памяти. Люди посещают могилы своих родных, поминают ушедших в мир иной.

4. *Праздник Истинного Света*: религиозный праздник, возведенный в ранг государственного.

Его история такова: двести пятьдесят лет назад на материке Корона осталось лишь одно крупное государство, не признавшее над собой власть империи – страна Длиссов. Долгое время сосуществование государств носило взаимотерпимый характер. Государство Корона было занято интеграцией в империю только что покоренных стран, где сплошь и рядом вспыхивали мятежи, имели место саботажи и другие акции неповиновения, государство страна Длиссов не решалось нападать на могущественного соседа. Однако власти обеих стран понимали, что так не может продолжаться вечно, рано или поздно военный конфликт неизбежно произойдет.

Правители и военачальники страны Длиссов отдавали себе отчет, что у них нет никаких шансов победить в позиционной войне, слишком уж велико отставание одного государства от другого по части военной техники. У них оставался единственный шанс на победу – молниеносный, кинжальной остроты и точности удар в наиболее уязвимое место Короны. Таковым являлась военная база Ош-Голонг, расположенная на побережье океана. Там размещалось крупное соединение военного флота, там под охраной флота находились большие склады оружия и военного снаряжения. Удача в военной операции позволила бы правителям страны Длиссов не только захватить стратегически ключевой пункт и богатые трофеи, но и выиграть время, за которое они надеялись ликвидировать отставание в техническом развитии.

В безлунную ночь тысячи небольших лодок-плоскодонок выплыли из устья реки Опар и вдоль побережья устремились к базе Ош-Голонг. Десятки тысяч отборных воинов страны Длиссов, одетых в черные одежды, ждали той минуты, когда борта их плоскодонок стукнут о борта больших военных кораблей, можно будет вскарабкаться наверх и ворваться в подпалубные помещения, можно будет высыпать на набережные и устремиться к арсеналам. Блестящие части их оружия были замотаны темной материей, чтобы ни малейшим случайным отблеском не выдать своего приближения.

Когда авангард лодочного десанта находился в нескольких весельных гребках от первых кораблей императорской эскадры Короны, в небе вдруг вспыхнул яркий свет, осветивший разом всю гавань. Стало светло как днем. Эффект внезапности мгновенно сошел на нет, враг был обнаружен одновременно всеми часовыми и вахтенными, на кораблях и на суше поднялась тревога, в считанные секунды пришли в состояние боевой готовности корабли и береговая артиллерия. А потом состоялся полнейший и форменный разгром. Лодочная флотилия страны Длиссов была уничтожена полностью, уничтожена безжалостно. Пленных не брали. В той бойне уцелело лишь несколько сотен воинов страны Длиссов, спасшихся вплавь.

Это не легенда, события на самом деле имели место, что подтверждено тысячами свидетельств очевидцев. Разумеется, вспыхнувший в небе загадочный свет был объяснен исключительно с религиозной точки зрения. Жители страны Длиссов, тоже исповедовавшие Учение об Истинном Свете, уверовали, что высшая сила на стороне империи, а не на их стороне, их моральный дух был подавлен напрочь, и вскоре после событий на базе Ош-Голонг вошедшие в

страну Длиссов войска Короны не встретили на своем пути почти никакого сопротивления.

С тех пор четвертый день восьмой недели Жаркого сезона отмечается как день благоволения к империи высших сил и носит официальное название Праздник Истинного Света. В этот день во всех Светлых Домах проходят торжественные службы, прихожане приносят Храму богатые дары, а священнослужители чистым светом очищают прихожан от житейской греховной грязи. Дальнейшее празднование носит преимущественно семейный характер. По традиции в этот день много едят и выпивают большое количество легкого вина. Молодежь вечером выходит на гулянье с играми и танцами. Между прочим, свадебные предложения принято делать именно на Праздник Истинного Света.

Попытки ученых объяснить события той ночи с научной точки зрения (например, предлагалась версия о падающем метеорите) всегда встречали жесткий отпор со стороны священников Храма...

Лишь эти четыре официальных праздника являются всеобщими выходными днями. В провинциях и в отдельных городах существуют свои праздники, их множество по всей Короне. Самые известные и популярные из них:

1. *Фестиваль шарши* (напомним: десятиградусный напиток на лесных ягодах), проходящий в городе Ешхат. Знаменит питейными состязаниями, которые не раз пытались запретить после нескольких трагических случаев, вызванных злоупотреблением шарши, но безрезультатно.

2. *Праздник камней*. Проходит во всех городах и деревнях провинции Акчиндай (Гвидор). Обязан своим происхождением общинным временам и обычаю возводить общественные здания и частные дома всем миром. В полдень жители городов и деревень собираются за городской чертой всегда в одном и том же месте. Каждый приносит с собой камень, камни складывают в кучу, которая год от года растет. После чего возле так называемого Мирового кургана проходят конные состязания, а затем начинаются народные гулянья, которые длятся всю ночь до утра. Женщины в этот день украшают головы венком из полевых цветов.

Большой фестиваль борьбы Джаутай. Начинается в первый день первой недели Жаркого сезона и длится неделю. Проходит в городе Некушд; сперва проводился под городом, под открытым небом на Кротовом поле, теперь – в недавно отстроенном Дворце Состязаний, вмещающем пятьдесят тысяч человек. Ежегодно съезжается до полутора тысяч участников и несколько сотен тысяч зрителей. Помимо основных соревнований за Золотой Пояс проходят многочисленные состязания любителей борьбы. Любое заведение, от захудалого трактира до дорогой гостиницы, выставляет приз, оборудует площадку и проводит состязания для всех желающих, исключая профессиональных борцов.

Народные, семейно-бытовые праздники: в честь рождения ребенка, в честь первого зуба у ребенка, день совершеннолетия (достижение шестнадцати с половиной лет), свадьба, день рождения, пятидесятилетие (отмечается пышно, с приглашением всех родственников), праздник урожая (сельская местность, но многие горожане любят в этот день посещать деревни), день первого пения птиц и другие.

РЕЛИГИЯ

Большинство верующих исповедует Учение об Истинном Свете и принадлежит к Храму, к официальной церкви Короны. Формально религия в Короне отделена от государства, однако на деле Храм всецело подчинен и подконтролен государству. Даже в Верх-совете Храм представлен своим верх-советником по делам веры и духовности, имеющим равный голос с остальными членами Верх-совета.

Итак, господствующей религией в Короне является Учение об Истинном Свете. Оно возникло чуть более восьми столетий назад и обязано своим появлением Книге Истинного Света, которую, согласно Храмовому канону, 847 лет назад ниспослал людям Творец Истинного Света, сам Светом же и являющийся. Это главный постулат Учения: Творец суть Свет, проливающийся на нас, дающий тепло и жизнь. (Например, одна из самых злостных ересей пророка Многоуста как раз и заключается в утверждении, что Творец, до того как обратился в Свет, являл себя в человеческом облике. Храм этого категорически не признает и решительно борется с теми, кто считает, что Творец когда-то хоть в чем-то уподоблялся человеку).

Происхождение мира Учение об Истинном Свете объясняет так. Сначала было Ничто, или Пустота, потом зажегся Свет, заполнил собой все Пределы. Свет стал творить мир, людей, животных, растения, твердь и воду, огонь и холод – все. Поскольку слишком много Света ушло на сотворенное, его перестало хватать на все Пределы, и недостаток Света заполнила Тьма. Творец остановил творение на половине пути к совершенству, ибо тогда Тьмы в мире стало бы больше, чем Света и нарушилось бы равновесие. Творец наказал людям добиться совершенства самим и довести до совершенства обитаемый мир. Он помогает людям Светом. Он помогает людям не попадать под власть Тьмы, устроив жизнь так, чтобы люди спали, когда в мире владычествует Тьма.

В Книге Истинного Света всего семь заполненных страниц и двести пустых. Исконная Книга, ниспосланная Творцом и написанная Светом, существует в единственном экземпляре и хранится в Главном Светлом доме в мегалополисе Вардрон. Это главная реликвия Храма. Считается, что на пустых страницах однажды появится новый текст, и случится это не раньше, чем люди очистятся от Тьмы, поселившейся в их душах. Тогда им будет начертан следующий шаг к совершенству.

Во главе Храма стоит верх-понтификат, это должность пожизненная. Его ближайшее окружение составляют четыре светоносца, один из которых впоследствии становится верх-понтификатом. Дальше по иерархической лестнице следуют крон-патрии, про-патрии и патриии. Священнослужителям разрешено жениться и заводить детей, но строго запрещено употребление алкоголя и табакокурение. За нарушение этих двух запретов, равно как и за прелюбодеяние до брака и вне брака, священники лишаются сана навсегда, без права на обжалование и помилование.

Патриии, то есть рядовые священники, надевают на службу длинные, до пят, белые плащи, просторные куртку и штаны, похожие на кимоно, и головной убор под названием «пату» (опушенная беличьим мехом круглая белая шапочка). У про-патриев на плаще имеется вышитый золотом ромб – символ открытой Свету души. У крон-патриев головной убор высокий, по краям плаща пущена золотая канва, а еще им надлежит носить белые перчатки. Священнослужителям первых трех ступеней разрешено за пределами Светлых Домов

носить обыкновенную мирскую одежду. Священники двух высших ступеней всегда носят только церковную одежду, которая называется «вари» и представляет собой сложное сооружение из белой материи – ее невозможно надеть без посторонней помощи. При Храме существует так называемая Служба Рвения, коей вменяется в обязанность надзирать за священнослужителями, дабы те не порочили Храм, помогать миссионерам в обращении язычников в Учение Истинного Света и бороться с ересями. С момента образования империи еретиков не подвергают смертной казни (а до этого им рубили головы и головы эти выставляли на всеобщее обозрение – чтоб другие призадумались, пока есть чем), ныне вопросы жизни и смерти человека находятся исключительно в ведении суда. С еретиками Служба Рвения борется доступными ей средствами: переубеждением, разоблачением, иногда прибегая к обыкновенному подкупу – Храм не жалеет средств, когда дело касается вопросов веры. Ну а если кто-то из искажителей Учения переходит границы дозволенного, Служба Рвения прибегает к помощи Каскада, с которым давно и плотно сотрудничает.

Светлые Дома, то есть здания для молитв и проповедования Учения Истинного Света, существуют во всех городах Короны и в деревнях, где насчитывается больше полутысячи жителей. Отличительной особенностью Светлых Домов является обилие окон. По Храмовым канонам их не может быть менее тридцати, но обычно гораздо больше. В Светлых Домах современной постройки устанавливают прозрачный купол из прочного стекла. Сейчас и многие Дома старой постройки реконструируются – как раз для того, чтобы установить прозрачный купол. Внутри Светлых Домов стоят деревянные скамьи белого цвета, колонн нет совсем, имеются лишь полуколонны, по стенам висит множество зеркал и цветных витражей. Полы, как правило, мозаичные из камней светлых пород. Во время служб в Светлых Домах включают все электричество, а возле алтаря зажигают свечи. Это носит символический смысл: изгнание Тьмы, чем больше Света, тем меньше Тьмы. За алтарем в Светлых Домах располагается иконостас, где обязательно имеется изображение всех сорока пророков – тех, что несли людям слова Книги Истинного Света. Самый уважаемый Храмом пророк – Тор-Вардр, Тот, кто сберег Книгу.

Пророк Тор-Вардр

Согласно Храмовому канону Тор-Вардр был обыкновенным письмоноском. Однажды он, как обычно, нес сумку с письмами из одного города в другой, и путь его был далек. Тор-Вардр остановился на ночлег в полуразрушенной хижине в горах – там, где останавливался всегда. Он собрал хворост, разжег очаг и вдруг обнаружил на пыльной каменной полке толстую книгу в кожаном переплете, которой не было тут неделю назад, когда он последний раз проходил этим маршрутом.

Тор-Вардр раскрыл ее, начал читать... и забыл обо всем. Он перечитывал и перечитывал книгу всю ночь напролет. Он осознал, какое сокровище оказалось у него в руках, и понял, что избран высшей силой для его сбережения. Но Книгу мало было сберечь, необходимо было сделать ее достоянием всех людей. Еще же Тор-Вардр со всей отчетливостью понял, что раз есть кому сберечь, найдется и кому отнимать. Конечно же, силы Тьмы рано или поздно узнают про Книгу и сделают все, чтобы ее уничтожить. Так и вышло.

Утром, положив Книгу в сумку с письмами, Тор-Вардр покинул горную хи-

жину, как выяснилось, за тем, чтобы остаток дней провести в дороге. О странствиях Тор-Вардра известно не просто много, а *слишком* много. Чрезмерность всяких историй, домыслов, версий и легенд заставила Храм в двухсот третьем году от Первой Империи издать оллу (указ верх-понтификата), коей предписывалось считать каноническим текстом «Житие пророка Тор-Вардра, записанное с его слов странником Корти-Голлиго».

Согласно этому, признанному наиболее правдивым, жизнеописанию, Тор-Вардр отправился в город Мааринг, где проживал его дальний родственник, работающий переписчиком книг. По дороге Тор-Вардр выучил Книгу наизусть, прекрасно сознавая, что этим выносит себе смертный приговор – отныне силы Тьмы не смогут ограничиться отъемом Книги, отныне они должны будут уничтожить и человека, что хранит в голове священный текст.

Нелегким выдался для пророка путь. Силы Тьмы начали охоту за ним, едва он покинул горную хижину. Однако по горам и лесам, по болотам и пустыням, пешком, верхом и вплавь Тор-Вардр все же продвигался вперед, несмотря ни на что. Он постоянно встречал на своем пути препятствия и опасности, однако уходил от них, проявляя поразительную силу духа, чудеса хитрости и изворотливости, недюжинные способности ума.

Например, в пустыне Акс-Машут путь к колодцу преградили трое вооруженных людей. «Мы – стражи колодца», – сказали они. «Кто вас поставил?» – спросил Тор-Вардр. «Нас поставили люди, – ответили они. – И ты должен поделиться с людьми, если тебя мучает жажда». Тор-Вардр умирал от жажды, он понимал, что до следующего колодца ему не дойти, но единственное, чем он мог расплатиться – Книгой Истинного Света. «Хорошо, – сказал Тор-Вардр, – ваша взяла. Я очень хочу пить и готов заплатить за каждый глоток по десять золотых монет. Я сделаю десять глотков, таким образом вы получите сто золотых монет». Глаза у стражников колодца, или попросту говоря у разбойников, разгорелись, потому что сто золотых монет была огромная сумма, на которую можно было безбедно прожить целый год, ни в чем себе не отказывая. Пророк Тор-Вардр дал алчности проникнуть поглубже в разбойничьи сердца, потом сказал: «Только расплачусь я с вами потом, на обратном пути. Клянусь небом, Светом, матерью и моим честным именем: когда я пойду обратно, вы получите свои сто монет. Или же можете сейчас убить меня, забрать все, что есть у меня при себе, а это едва потянет и на пять медяков. Выбирайте. Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути».

Разбойники почесали затылки, выбрали сто монет, но на обратном пути, и дали Тор-Вардру напиться. Может, пророк и отдал бы разбойникам обещанные сто золотых монет, но он так никогда и не пошел обратным путем через пустыню Акс-Машут.

Фраза пророка: «Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути», – стала самой употребляемой в Короне пословицей, ее смысл можно перевести как: «Что лучше, синица в руках или журавль в небе?»

Еще пример из книги «Житие пророка Тор-Вардра...»:

У самого города Мааринг его захватил в плен некий землевладелец, по чьим землям он проходил. «Чернокнижник! – кричал землевладелец, гарцуя вокруг Тор-Вардра на лошади и размахивая саблей. – Ты хочешь наслать порчу на мой скот и на мои посевы, на моих людей ты насылаешь болезни!» Землевладелец погнался за Тор-Вардром в свой замок, где велел развести костер. Обезу-

мевший не без влияния сил Тьмы хозяин замка и окрестных земель собрался немедленно сжечь чернокнижника и его черную книгу, которую тот таскал с собою в сумке для носки писем. «Хорошо, – сказал Тор-Вардр, уже привязанный к столбу, который слуги землевладельца обкладывали хворостом, – твоя взяла. Только исполни мою последнюю маленькую просьбу». «Только если она не помешает казни», – насторожился землевладелец. «Сущий пустяк, – сказал пророк. – Я бы хотел в последний раз в жизни сыграть в свою любимую игру – подброс монетки. У меня есть медяк, я бы хотел его проиграть или выиграть еще один». «Ну только один раз», – усмехнулся землевладелец. По его приказу Тор-Вардра развязали, пророк достал из кармана медную монету самого мелкого достоинства. Землевладелец сам вызвался на игру и ему подали такую же монету. Они сыграли раз и Тор-Вардр выиграл. Тогда землевладелец сам пожелал сыграть еще раз и еще раз проиграл. Они играли целый день и еще день. Землевладелец проиграл свой замок, поместье и жену. Он не мог уже казнить Тор-Вардра, потому что свидетелями игры были сотни человек его двора и гости его замка – потом вмиг во все пределы разнеслась бы молва о неблагородном поведении этого землевладельца, о его запятнанной чести. «Пора остановиться, – вдруг сказал Тор-Вардр. – Предлагаю тебе выкуп за свою свободу – все выигранное мною». Землевладелец, разумеется, согласился и пророк получил свободу. «Как тебе удавалось все время выигрывать? Колдовство?» – спросил напоследок землевладелец. «Нет, – ответил пророк. – Мне помогала вера в Истинный Свет». На самом деле медяк подарил Тор-Вардру один из тех, кто благодаря пророку принял Истинный Свет и оставил свое прежнее ремесло – жульничество в азартных играх. Подарил со словами: «Это заговоренный медяк, который никогда не проигрывает. Боюсь соблазна, а выбросить жаль». Тор-Вардр принял медяк со словами: «Нет плохих и хороших вещей. Все зависит от того, чему они служат». Этот медяк послужил Истинному Свету.

Тор-Вардр добрался до города Мааринг, где его дальний родственник, переписчик книг, сделал десять копий Книги Истинного Света. Больше копий он сделать не сумел – скончался во сне от сердечного приступа, хотя никогда ранее на сердце не жаловался. Тор-Вардр взял десять копий и вновь отправился в путь, чтобы обойти разные земли и разные государства, отдавая копии в надежные руки с наказом копировать Книгу снова и снова и знакомить с нею как можно большее число людей. Тор-Вардр странствовал всю свою жизнь, а прожил он по разным сведениям от сорока до шестидесяти лет. Кстати, каноническое «Житие пророка Тор-Вардра» не сообщает, на каком году ушел из жизни пророк, но рассказывает о том, как это было. Тор-Вардр, прошедший жизнь в дороге, совершил свой последний переход – до маленькой горной хижины, в которой он когда-то обнаружил Книгу. У хижины уцелели лишь стены и фундамент, крыша же сгнила и провалилась. Но уцелела и печь, которую Тор-Вардр растопил, посидел возле нее, вспоминая свою жизнь, потом лег в углу, где обычно ложился в те годы, когда еще служил письмоношцем. И уснул навсегда.

Тор-Вардр сберег исконную Книгу Истинного Света, незадолго перед смертью он отдал ее в первый Светлый Дом, построенный в городе Додишуд, в бывшей столице ныне не существующего государства Блогдарак. Когда Додишуд примкнул к империи, признав над собой власть Короны, то правитель Доди-

шуда в знак верности преподнес Книгу Императору. С тех пор она хранится в столице, в главном Светлом Доме империи.

В прошлом году вышла скандальная синематографическая лента «Муки Тор-Вардра», в которой пророк побеждает своих врагов не силой духа и гибкостью ума, а грубой силой мышц и при помощи приемов борьбы джаутай. Например, эпизод с колодцем и разбойниками решен просто: Тор-Вардр расшвыривает разбойников (которых, к слову, в ленте не трое, а добрая дюжина) приемами джаутай, а свою знаменитую фразу «Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути» он произносит, свалив с ног ударом ноги последнего разбойника, отчего фраза абсолютно обесмысливается. Храм препятствовал выходу ленты, вопрос решался на Верх-совете, но у фильма оказались сильные покровители (по слухам, часть ленты была оплачена напрямую из императорской казны и несколько верх-советников связывали с фильмом свои коммерческие интересы). Храм не смог помешать выходу ленты на экраны, но упрямо продолжал борьбу и кое-чего все же добился: во-первых, текст к фильму должен быть переписан под надзором священнослужителей Храма, во-вторых, кандидатуры чтецов для синематографических залов должны согласовываться с Храмом, в-третьих, лента должна идти без музыкального сопровождения.

Сумка письмоносца, в которой Тор-Вардр носил Книгу Истинного Света, сохранилась и находится в городе Некушд в Светлом Доме памяти Тор-Вардра. Это вторая по значению реликвия Храма. Кроме Храма, существуют еще два монашеских ордена:

1. *Хранители Книги*. Носят коричневые плащи-рясы, коричневые клобуки, лиц не бреют. Орден возник как союз продолжателей дела Тор-Вардра по сбережению Книги Истинного Света.

2. *Орден Странников*. Возник как союз повторителей странствий Тор-Вардра, целью своей орден провозгласил – рассказывать людям об Учении Истинного Света и бороться с искажителями Учения. Члены Ордена одеваются, как миряне, но носят на груди на медной цепи знак принадлежности к ордену в виде заключенного в круг орла – символа всевидения.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

Основная денежная единица – гриффон.

1 гриффон = 100 сфинксам.

Гриффоны чеканят из сплава золота с другими металлами, сфинксы – из сплава меди с другими металлами.

В обращении монеты следующего достоинства: 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 грифонов и 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 сфинксов. Еще в обращении: 1 серебряный дракон = 5 гриффонам, 1 золотой единорог = 50 гриффонам.

Все монеты (гриффон, сфинксы, единороги, драконы) круглые. На реверсе – изображение мифологического животного, по кругу надпись: «Величие императора в благоденствии его подданных», на аверсе – цифра, по кругу – венок из дубовых листьев.

Некоторым провинциям на Гвидоре разрешено чеканить свои монеты, которые имеют равное с основной денежной единицей Империи хождение, но только на территории Гвидора. Наиболее уважаемой валютой помимо имперской является так называемая «башня», которую чеканят в провинции Гошлог. «Большая башня» = 40 гриффонам, «средняя башня» = 20 гриффонам,

«малая башня» = 7 гриффонам. Монеты «башни» шестиугольные, с круглым отверстием посередине, изготовлены из сплава золота с другими металлами. Остальные монеты Гвидора пользуются спросом в основном у коллекционеров, в торговых предприятиях их не принимают.

Сорок лет назад в обращение вошли бумажные деньги. Печатают только гриффоны достоинством в 5, 10, 25, 50, 100 гриффонов. Бумажные деньги в народе называют «тапарки» – от имени верх-советника по финансам Рогт-Тапара, благодаря которому эти деньги и появились в обращении. На Гвидоре бумажные деньги принимают неохотно, равное хождение с монетами они имеют лишь в крупных и портовых городах Гвидора.

Имперские «гриффоны» обеспечены всем богатством Короны – Империи Четырех Континентов.

Деньги, имевшие хождение в доимперский период, и те, что чеканили при Империи, но которые по тем или иным причинам вышли из обращения, имеют большую коллекционную ценность. Особенно ценятся деревянные монеты под названием «эжэл», которые имели хождение в давно исчезнувшем государстве Дрштег. Эти монеты изготавливались из «черного дерева», произраставшего только на островах Тьон-Шопри и полностью уничтоженного браконьерской вырубкой.

ОРДЕНА И НАГРАДНЫЕ КОЛЬЦА

Главная награда Империи – *Орден Золотой Короны*. Им награждаются за выдающиеся заслуги перед страной и лично перед Императором. Носится на груди на золотой цепи. К ордену прилагается церемониальная шпага и пояс с золотым вплетением. Среди привилегий, которые дает орден, – пожизненный доступ на ежегодный дворцовый бал в День Рождения Императора.

Военные ордена

Орден «Рубиновая молния»: носится на шее на серебряной цепи, вручается за долгую беспорочную службу;

орден Светлой отваги: прикалывается к груди, вручается за храбрость и героизм, проявленные на полях сражений;

орден Черного Грома: прикалывается к груди, крепится на черный бант, присваивается посмертно за самопожертвование во имя страны и Императора, вручается родным или близким павшего с правом ношения;

орден Беззаветной Славы: прикалывается к груди, вручается за мужество и отвагу;

орден Алмазного Щита: носится на шее на серебряной цепи, вручается работникам тыла и за участие в обороне городов, в мирное время – за выдающийся вклад в поддержание мира и стабильности. Наиболее чтимый Каскадом орден;

орден «Пламя Ош-Голонг»: носится на шее на бронзовой цепи, вручается за огромные заслуги и отважные подвиги на военно-морском поприще.

Гражданские ордена

Орден Мудрости и Верности, трех степеней. Десять лет беспорочной службы во славу империи – 1-я степень, двадцать лет – 2-я степень, тридцать лет – 3-я степень. Прикалывается к груди;

орден Гражданской Доблести, двух степеней. Вручается за достижения в области науки, инженерии, искусств, за новые рекорды в области авиаторства и мореходства. Прикалывается к груди;

орден «*Бирюзовая ветвь*». Прикалывается к груди, крепится на сиреневом банте. Вручается за приумножение богатства Империи и деяния во славу ее дальнейшего благосостояния;

орден *Тор-Вардрона*. Вручается за деяния на поприще распространения Учения Истинного Света, за большой вклад в духовное развитие подданных Империи. Носится на шее на бронзовой цепи.

Наградные кольца

Золотые:

«*Звезда Единорога*»: главный почетный знак полицейских и судебных чинов. «*Огненный лев*»: главный почетный знак служащих пожарной службы.

«*Коготь дракона*»: главный почетный знак чиновников императорских канцелярий.

«*Сердце гепарда*»: главный почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

Серебряные:

«*Глаз Орла*»: второй по значимости почетный знак полицейских и судебных чинов.

«*Крыло Ворона*»: второй по значимости почетный знак служащих пожарной службы.

«*Полет Ястреба*»: второй по значимости почетный знак чиновников императорских канцелярий;

«*Перо Альбатроса*»: второй по значимости почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

Медные:

«*Дубовый венок*»: третий по значимости почетный знак полицейских и судебных чинов.

«*Оливковая ветвь*»: третий по значимости почетный знак служащих пожарной службы.

«*Пшеничный колос*»: третий по значимости почетный знак чиновников императорских канцелярий; «*Лист орешника*»: третий по значимости почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

ФЛАГИ

Флаг Короны: алая и белая поперечные полосы, по центру полотнища – золотая корона с четырьмя зубцами, символизирующими четыре континента. Алый цвет символизирует честь и благородство, белый – цвет приверженцев Истинного Света.

Военно-морской флаг: синее полотнище с белым силуэтом скоростника, расположенным почти по центру, чуть ближе к верхнему краю.

Флаг торгового флота: зеленое полотнище с черным ромбом в правом верхнем углу, надпись по верхнему краю флага: «Богатство в морской волне».

ГЕРБ КОРОНЫ

Форма гербового щита: Цвета:

До сужения разделен на четыре квадрата: верхние слева направо – белый и алый; нижние слева направо – золотой и черный. Нижняя суживающаяся часть щита красного цвета. В белом квадрате – алая книга (символизирует оберегающее империю Учение Истинного Света). В аллом – серебряный единорог (символ императорской власти). В золотом – рука, сжимающая черный меч острием вверх (символ всеокрушающей мощи Империи). В черном – зо-

лотая чаша (символ мудрости и знаний). В нижней суживающейся части – фиолетовый контур весов, обрамленных дубовыми ветвями (символизирует общественный порядок и благоденствие).

О ПОЯСАХ

Сейчас в Короне большое значение имеет такая деталь одежды, как пояс. Впрочем, это гораздо больше, чем деталь одежды – это показатель социального статуса человека. Без пояса появляться на людях может позволить себе лишь отверженный обществом бродяга. Такого человека не пустят ни в одно заведение, такому не откроют дверь дома. Пояса не выдают, их покупают в магазинах и лавках, торгующих одеждой, но надеть пояс с эмблемой и знаками, не соответствующими твоему положению в обществе, считается серьезным проступком. Если человек завывает свой социальный статус, то это может быть даже приравнено к мошенничеству и стать предметом уголовного преследования. Если занижает (а такое хоть реже, но все же встречается), то подобный человек становится объектом насмешек и общественного осуждения.

О ЛОШАДЯХ

Лошади как средство передвижения используются только на Гвидоре. Во-первых, на Гвидоре крайне мало дорог, пригодных для движения электромобилей, во-вторых, там нет электромобильной промышленности, мобили везут морем и стоят они огромнейших денег. В-третьих, Гвидор во всем пытается противопоставлять себя Короне, отсюда и некоторая показная тяга к патриархальности во всем.

На Короне лошади превратились в аттракцион для знати. Несколько лет назад вошел в моду такой вид отдыха, как катание на лошадях в заповедниках для езды верхом, благодаря чему на Короне вновь ожили конезаводы.

ИМЕНА

Имена подданных Империи делятся на первое имя и второе.

Первое имя употребляется в основном в семейном кругу и среди близких друзей. Служивцы зачастую даже и не знают первое имя того, кто работает рядом с ними. Спрашивать об этом считается неприличным. Представляясь незнакомому человеку, первое имя не называют.

Второе имя – официальное, представительское. Это имя связывает человека с его родом, указывает на происхождение его фамилии.

К примеру, полное имя человека Паллий Лекс-Чевлог. Первое имя – Паллий. Второе имя – Лекс-Чевлог. Представляясь, носитель имени никогда не скажет (если он приличный человек): «Меня зовут Паллий Лекс-Чевлог», – он скажет: «Меня зовут господин Лекс-Чевлог».

Происхождение имен

Сперва расскажем о *первых* именах, которые вошли в употребление относительно недавно – сто – сто пятьдесят лет назад. Их появление было вызвано выдачей всем подданным Императора удостоверений личности – «патташе». Чтобы избежать путаницы – а она была бы неизбежна, ведь сколько родственников носит одно и то же имя, плюс однофамильцы – пришлось при выдаче «патташе» требовать от подданных придумать себе первое имя. Как правило, в первые официальные документы попадали семейные прозвища, например, «любимчик», «медведь», «злюка». Иногда люди просто записывали в графу «первое имя» – «старший», «младший» или «средний». Очень немногие из

бывших прозвищ остались в употреблении по сей день как первые имена, а если и остались, то зачастую измененными до неузнаваемости. Ну скажите, кто может узнать в имени Паллий некогда распространенное в семьях прозвище «Палец» (его, как правило, получали члены семьи, отличавшиеся чрезмерным любопытством, вспомните пословицу: «Любопытного всегда узнаешь по прищемленным пальцам»)?

Каждая эпоха диктовала свою моду на первые имена. Одно время в моду даже вошли имена, распространенные среди туземцев Ханнры – когда была предпринята попытка их подчинения (она окончилась неудачей, и моде на все туземное тут же пришел конец). В первые годы триумфального шествия по Короне синематографа, разумеется, установилась мода на имена любимых героев из синематографических лент. А сейчас модно давать мальчикам имена древних героев и знаменитых исторических персонажей, девочкам – имена королев доимперских государств.

С наречением первым именем стараются не затягивать. Как правило, имя выбирается родителями задолго до рождения, а записывают его в документы не позже, чем через неделю после рождения. Потому что бытует поверье – если не запишешь первое имя в течение недели, в мальчике может пробудиться страсть к бродяжничеству, а девочка может вырасти легкомысленной и ветреной.

Большинство *вторых* имен или собственно имен происхождением своим уходят в доимперскую эпоху.

Вторые имена делятся на одночастные и двучастные.

Двучастные, гораздо более распространенные (например, Лекс-Чевлог, Юж-Крафт, Тор-Вардр и пр.), происходят от так называемых двупоколенных имен. Носителями таких имен в доимперский период были исключительно жители Короны.

Покажем, как строилась конструкция двупоколенного имени. Для примера возьмем имя «Юж-Крафт». Основу двупоколенного имени составляло имя отца, в нашем случае – «Крафт». Префикс «Юж» происходил от сокращения имени деда (его основы). Причем сокращение носило достаточно произвольный характер. В выбранном нами случае деда могли звать «...– Южмар». Или «...– Урфарюж». Префикс имени деда обозначен в примере точками, потому что значения в передаче имени следующему поколению не имел – еще раз повторимся, что сокращалась только основа, префикс же просто утрачивался.

Таким образом именем выстраивалась цепочка от носителя имени к отцу его отца, чем подчеркивалась преемственность поколений, неразрывность кровных связей – и это имело огромное значение в клановый период развития общества. Но прогресс, открытие электричества, становление городов, упрочение императорской власти при ослаблении власти местечковых землевладельцев – все это стало стремительно разрушать клановую систему. И двупоколенные имена, утратив свой кровно-родственный смысл, неизбежно ушли бы в прошлое, так как были чересчур громоздки и сложны в образовании, если бы этой именной конструкции не был придан новый смысл.

Новым смыслом стала лояльность по отношению к Империи. Принятием свойственной Короне именной конструкции другие государства, присоединяемые к образуемой империи, и их жители как бы приносили присягу на верность. А непринятие сей конструкции логичным образом стало восприни-

маться как вольнодумство, как бунтарские настроения.

Разумеется, двупоколенные имена практически сразу «застыли», что-то отсекает и вновь пристыковывать уже представлялось людям утомительным и ненужным. Эти имена вскоре превратились в многопоколенные, иными словами, превратились в общесемейные имена. Но традиционный вид – двучастность – они сохранили и по сей день. Более того, двучастность стала повсеместной обязательной нормой, а одночастность – исключением, которое требуется подтвердить документально.

Одночастные (например, Дастарг, Бром-ранг, Дошергон) редки. Они закрепились за семьями во время правления Третьего Императора, который стал награждать привилегией носить одночастное имя за заслуги перед Империей. Как шептались в то время: «Императору дешево стоит, но народу нравится». Действительно, народу нравилось: во-первых, потому что подобное имя сразу выделяло его носителя из общей массы, во-вторых, привилегией одаривались не только дворяне, но и лица всех прочих сословий. Следующий, Четвертый Император перестал одаривать правом на одночастное имя, однако тем семьям, что получили привилегию при предыдущем правлении, было разрешено сохранять ее за собой бессрочно.

О ДВОРЯНАХ КОРОНЫ

Дворяне Короны носят следующие титулы:

1. Принц Короны
2. Крон-герцог
3. Герцог
4. Юрмирон
5. Граф
6. Стат-барон

Виконт Дворянство в Короне изживает себя. Родовые поместья обложены большим налогом. Чтобы платить его, дворяне вынуждены сдавать земли в аренду фермерам, разрешать строить на своей земле фабрики, ставить ветряки, рыть каналы, устанавливать причалы или проводить через свои земли электромобильные дороги. В случае невыплаты налога поместье отбирается в пользу императорской казны.

Оставшиеся на сегодня у дворянства привилегии носят исключительно декоративный характер, вроде разрешения носить на поясе родовой герб (а женщинам – вставлять в пояс драгоценные камни) или привилегии парковать электромобиль за сто шагов от императорского дворца, когда всем остальным разрешено не ближе чем в двухстах шагах.

Поэтому не удивительно, что дворяне тайно сочувствуют Визари и его сторонникам, потому что видят в них надежду на восстановление прежних патриархальных порядков, при которых возродятся все былые привилегии дворянства.

1

Таларская лига – 907 метров.

[^^^]

2

Таларский уард – 0, 75 м.

[^^^]

3

Древесный алфавит – древняя письменность, где 5 гласных и 13 согласных обозначены символами деревьев и кустарников, ассоциирующихся с мифологией; точное время создания неизвестно, алфавит почти забыт («Древняя магия», Ремиденум, 2206 г.).

[^^^]

4

«Серая гостиница» – жаргонное название общей могилы, куда закапывают бродяг, умерших в тюрьме, казненных.

[^^^]

5

См. Глоссарий.

[^^^]

6

См. Глоссарий.

[^^^]

7

Пеньковая Старушка (или Конопляная Тетушка) – виселичная веревка.

[^^^]

8

Рокантон – шлем с широкими железными полями (у разных мастеров выгнуты на разный манер) и высоким железным гребнем; носят его в основном кавалеристы, личные стражники дворян и королей.

[^ ^^]

9

Патримон – точнее, «рекс патримон»; земли, дающие их владельцу право на королевский титул.

[^^^]

10

Квартер – примерно 0, 875 л.

[^^^]

11

Лаур – обычное на Таларе обращение к дворянину (незамужняя дворянка – лаурета, замужняя – лаурисса).

[^^^]

12

Робар – остроконечный шлем с круглыми наушниками и назатыльником.

[^^^]

13

См. Глоссарий.

[^^^]

14

Ковенант – от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, – принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

15

Джайм – мера длины, принимаемая лишь в геральдике (около 3 см.).

[^^^]

16

Квинутн – мера веса в ювелирном деле (0,25 г.).

[^^^]

17

Реверен – «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников – скрибаносы. Соответствуют таларскому «мэтр».

[^^^]

18

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

19

Ронины – младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

20

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

21

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

22

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

23

Югер – квадратная лига.

[^^^]

24

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

25

За «полосатую яшму» малосведующий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

26

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

27

Бакан – родонит, или орлец.

[^^^]

28

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х.Э.

[^^^]

29

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

30

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров сословия Циркуля и высших полицейских чинов – так что простяга Паколет, привлеченный красотой ордена, немного промахнулся (или наоборот, из хитрости пожелал носить ту же награду, что и полицейские, его недавние гонители.

[^^^]

31

Триар – кубический уард.

[^^^]

32

Термины «министр» и «министерство» – относительно новые, в обиход введены лет двести назад; иные учреждения до сих пор именуются на старинный манер: «казначейство» (министерство финансов), адмиралтейство (военно-морское министерство) и др.; по неписаной, но твердой традиции, сановник, возглавляющий «старое» учреждение, стоит выше министра (даже если министр и превосходит его чином).

[^^^]

33

Селадоновый цвет – бледно-зеленый.

[^^^]

34

Габолер – карета, у которой при необходимости складной кожаный верх опускается на две стороны, вперед и назад, а оконное стекло убирается в дверцу.

[^^^]

35

Уитенагемот – совет при короле, состоящий из представителей знати, Сословий, а в последнее время и Гильдий; родословная его восходит к седой древности – народным собраниям и советам старейшин; своей присягой утверждает восшествие короля на трон (а в редких случаях и избирает короля), участвует в составлении законов и принятии особо важных для государства решений; однако на практике сплошь и рядом превращается при сильном короле в чисто декоративное заведение.

[^^^]

36

Великий понтифик – верховный священнослужитель того или иного бога, глава соответствующей церкви в стране.

[^^^]

37

Начальник полиции (города или провинции).

[^^^]

38

Тентир – персонаж старинной комедии масок – добрый дядюшка, глуповатый и безобидный чудак.

[^^^]

39

Жаргонное слово «латро» имеет два значения: разбойник или наемный убийца, а также – солдат-наемник.

[^^^]

40

Титульный дворянин – человек, пожалованный титулом, но не имеющий родового замка или поместья; есть и титульные чиновники, нигде не служащие, но имеющие право на ношение соответствующего вицмундира (с отличительным знаком); в последнее время появились и титульные военные.

[^^^]

41

Четверть часа.

[^^^]

42

Келимас – напиток типа коньяка; лучшими считаются сорта, изготовленные на Катайр Крофинд и в Полуденном Ронеро.

[^^^]

43

Старинная мера длины, вышедшая из употребления (примерно три с половиной лиги).

[^^^]

44

«Слава Симарглу», обычное среди приверженцев Крылатого Пса приветствие.

[^^^]

45

Обиходное название Дубовой улицы, располагающейся на месте высохшей лет сто назад речушки; когда-то там и в самом деле был мост, где размещалась тайная полиция; сейчас помещается заграничная разведка (Архивный Коллегиум).

[^^^]

46

Шеллон, граф Асверус (3553–3581 Х.Э.) – один из наиболее видных поэтов так наз. Кагинарского кружка, автор баллад, сатир и эпиграмм на темы политической и дворцовой жизни; был смертельно ранен на улице неизвестным убийцей; в 3602 г. в Равене ему поставлен памятник.

[^^^]

47

Троецарствие – период с 1231 по 1246 Х.Э.

[^^^]

48

Сандоварская битва состоялась в 1189 Х.Э.

[^^^]

49

Вишاپ – разновидность мифологического дракона, символ воды.

[^^^]

50

Корромандельский стиль – массивная, тяжелая мебель, обычно из черного дерева, с позолоченными углами, строгих очертаний.

[^^^]

51

Карбильские лампы – изобретенные в последнее время химические осветительные приборы, где всыпанный в воду порошок (остающийся гильдейским секретом) вызывает свечение, длящееся около двенадцати часов и достаточно яркое.

[^^^]

52

Баниция – изгнание за пределы страны; баниция с непременным условием означает, что вернувшийся без разрешения изгнанник будет казнен («баниция с плахой»), отправлен в тюрьму («баниция с решеткой») или на каторгу («баниция с кандалами»).

[^^^]

53

Междоусобная война двух дворянских группировок, длившаяся в период Троецарствия около шести лет; символом одного лагеря был дикий кабан, другого – волк.

[^^^]

54

Почта различается на обычную, доставляемую почтовыми каретами (зеленый конверт с изображением двух почтовых рожков) и срочную, которую возят верховые почтари (синий конверт с соколом).

[^^^]

55

Гран-платунг, гран-рота, гран-ала – отдельное гвардейское подразделение, приравненное по статусу к полку; как правило, превышает численностью обычный платунг, роту или алу (но полку все же значительно уступает).

[^^^]

56

Выловленную в океане рыбу разрешается продавать только в строго определенных портах; «ночными рыбаками» именуются люди, выправляющие на партии рыбы фальшивые документы (занятие крайне прибыльное, однако законом сурово преследуется).

[^^^]

57

Латеранский трактат положил конец Третьей войне храмов.

[^^^]

58

Большой боевой нож, длиной не менее локтя, заостренный только с одной стороны, как сабля.

[^^^]

59

Конь испокон веков считается животным, не любящим нечистую силу (и сам ненавидим ею); богословские традиции связывают коня со святыми Рохом, Круаханом и Катбертом-Молотом, древними борцами с силами зла; трилистник используется против нечисти, затворяя ей дорогу и в иных случаях изгоняя призраков.

[^^^]

60

Гойкар – искусство боя на палках.

[^^^]

61

Согласно принятой у крестьян традиции Бони – имя собственное, Скатур – название деревни или села, а Дерс – родовое имя.

[^^^]

62

Волчьи Головы – разбойники, обитающие в районе Каталаунского Хребта; самого пестрого состава (когда-то «волчьими головами» звались изгнанники из рода), от беспутных ронинов до беглых крестьян; выработали своеобразный устав и даже флаг – черная волчья голова на зеленом поле; иногда, подобно Вольным Топорам, нанимаются на службу.

[^^^]

63

Корд – короткий меч или длинный кинжал (обоюдоострый).

[^^^]

64

Шугута Семь Мечей – богатырь из легенд и сказок (некоторые историки считают его жившим в незапамятные времена родоплеменным князем).

[^^^]

65

Вурдалачья Ночь – крупное крестьянское восстание (3688–3690 Х.Э.). В первый его месяц восставшие начисто уничтожили возле крепости Гронк брошенный на подавление отряд Вольных Топоров.

[^^^]

66

Полицейский в королевском городе (название пошло от слова «габель», обозначающего налог, взимаемый некогда на содержание коронной полиции).

[^^^]

67

Небольшой конвойный корабль, сопровождающий грузовые суда; как правило, несет и парусное вооружение, и паровую машину.

[^^^]

68

Фейт – нечто вроде рокоша, мятеж, официально поднятый наследником престола против короля.

[^^^]

69

Черное каталанское пиво, очень крепкое.

[^^^]

70

Правый Треугольник – часть Ронеро, отгороженная Роном, примыкающая к Харлану, Ямурлаку, Хелльстаду и Иллюзору; Левый Треугольник примыкает к Харлану и Снольдеру, отделен Ителом.

[^^^]

71

Золотой арест – запрещение дворянину покидать свой дом или поместье в течение определенного срока, от дней до лет.

[^^^]

72

Ферлонг – одна двенадцатая часть лиги, около 75,5 м.

[^^^]

73

Бранбарг – древний фамильный замок Баргов; сейчас его стены скрыты, а башни и строения входят в равенский дворцовый комплекс.

[^^^]

74

Обиходное название Жемчужного бульвара, где разместились три основных корпорации стряпчих Равены.

[^^^]

75

Каболар – крупный драгоценный камень.

[^^^]

76

Доли Чалатар (3506–3577 Х.Э.) – известный мебельный мастер из Латераны; его изделия высоко ценятся; отличаются изяществом, плавными линиями, кажущейся хрупкостью.

[^ ^^]

77

Дагарас – музыкальный инструмент вроде виолонча, но гораздо проще, всего с четырьмя струнами.

[^^^]

78

Птелос – нечто вроде гонга, пустотелый металлический шар, в который бьют специальным биллом; употребляется в храмах Симаргла.

[^^^]

79

Письменное разрешение иностранному кораблю покинуть порт.

[^^^]

80

Жаргонное название зашифрованного текста, сообщающего о спрятанных сокровищах.

[^^^]

81

Князь Клабур – легендарный лоранский кутила, обессмертивший свое имя тем, что никогда не пил дважды из одного и того же стакана – опустошив, разбивал и требовал новый.

[^^^]

82

Повернуть их (или судно) навстречу ветру так, чтобы ветер ударил в лоб, перпендикулярно парусам; тогда их прижимает к мачтам, выгибает в обратную сторону, и корабль начинает двигаться задним ходом.

[^^^]

83

«Ледяным» моряк имеет право именоваться, если хоть раз высаживался на Диори, Шкипером Темного Моря – если пробыл в Море Мрака не менее суток.

[^^^]

84

Каторжная тюрьма в Святой Земле, где заключенные ходят внутри огромных колес, приводящих в движение портовые краны.

[^^^]

85

Панд – примерно 125 граммов.

[^^^]

86

Суб-генерал в княжестве Гаэдаро – по званию примерно соответствует земному генерал-майору, а по должности – ответствен за всю тактическую сторону разрабатываемых боевых операций. (Тогда как генерал занимается исключительно стратегической стороной).

[^^^]

87

Центавр – одна десятая рилла и одна сотая золотого орариса. На Димерее единая денежная система, но в разных странах разный золотой эквивалент.

[^^^]

88

Принятая на Димерее мера длины, соответствующая примерно 1,5 км.

[^^^]

Примерно 45 см.

[^^^]

90

Три Башни – университет в Шадтаге, один из старейших на Димерее, четыре-ста лет назад провозгласивший своей целью восстановление полного хода истории от первого цикла до последних дней. Хотя считается государственным, но финансирование происходит главным образом за счет меценатов, ученых-одиночек и негоциантов.

[^^^]

91

Тихун – жаргонное название филеров, сексотов и т. п.

[^^^]

92

Всехват – персонаж детской сказки, прототип царя Мидаса, наделенный способностью отыскивать всевозможные загадочные магические предметы. Кончил примерно так же, как Мидас.

[^^^]

93

Градоначальник в Гаэдаро.

[^^^]

94

Фалафельский барон – во всех странах Атара (за исключением Гидернии) обиходное и презрительное название пожалованного титула барона, баронство без земель, как бы в счет будущего. Как и всякий даруемый титул, иногда становится предметом торговли, средством пополнения казны. Носитель присвоенного титула родовой аристократией презирается и за равного не признается. Согласно неписаному кодексу чести, родовой дворянин, узнав, кто перед ним, не обесчестит себя разговором с фалафельским бароном только в единственном случае – если прежде словом или поступком оскорбит фалафельского барона. Титул становится полноценным и приемлемым, когда подкрепляется владением землей.

[^^^]

95

Мера силы ветра. В «четыре паруса» примерно соответствует двадцати метрам в секунду.

[^^^]

96

Земля – гаэдарская внесистемная мера длины, приблизительно равная двумстам пятидесяти лигам. Появилась благодаря преданию, в котором говорится об основателе династии Саутаров. Первый князь Гаэдаро – единственный, кто спасся с корабля, потерпевшего крушение вблизи нового материка. Расстояние, якобы преодоленное первым из Саутаров до берега, закрепилось в обиходе как «земля».

[^^^]

97

Второй по величине город Шадтага.

[^^^]

98

См. Глоссарий – Димерийская роза ветров.

[^^^]

99

См. Глоссарий – Димерийская роза ветров.

[^^^]

100

См. Глоссарий – Димерийская роза ветров.

[^^^]

101

Тоур – столица сюзерената Тоурант, где находится резиденция тоурантского короля. Тоурант объединяет пять доменов, каждый из которых имеет определенную самостоятельность.

[^^^]

102

Значительно подпорченный водой, текст «Полной истории» обнаружен Второй Бадрской имперской экспедицией (Граматар, 286 г.) среди руин королевской библиотеки в Катрании (Атар).

[^^^]

103

Книга Призыва, речь первая, зачин пятый.

[^^^]

104

Книга Призыва. Речь двенадцатая, зачин второй.

[^^^]

105

Книга Призыва. Речь двенадцатая, зачин второй.

[^^^]

106

Командир боевого корабля гидернийского флота.

[^^^]

107

Первый помощник командира. Примерно соответствует заместителю по тыловой части.

[^^^]

108

Чуга – жаргонное название чугратона, парадного головного убора высших морских офицеров Димереи. Представляет собой большую чёрную или темно-коричневую шляпу с загнутыми полями, украшенную плюмажем из перьев (как правило – длинных перьев фиолетового моа).

[^^^]

109

Съеркон-Кист – легендарный герой Трехцветной войны (483 – 485 гг.), арбалетчик, легендарный снайпер-одиночка, воевавший на стороне Шадтага и за три года военных действий уничтоживший более ста офицеров противника. Его имя стало нарицательным не только в Шадтаге.

[^^^]

110

Высшее гидернийское флотское звание.

[^^^]

111

Так ответил Наполеон Роберту Фултону – изобретателю колёсного парохода.

[^^^]

112

Политея-охотница – героиня множества народных гаэдарских песен, дочь колдуньи, изгнанная людьми в леса. Большинство песен заканчивалось тем, что Политея становилась женой князя.

[^^^]

113

Соответствует примерно 30 узлам (55, 5 км/ч).

[^^^]

114

Южная (кузовая) оконечность острова Гидерния.

[^^^]

115

Каменный Палец – кузовая оконечность Гаркатского хребта, высокая одиночная скала на самом берегу, видная издалика практически в любую погоду и потому являвшаяся постоянным береговым ориентиром для мореходов.

[^^^]

116

Морской мираж, фата-моргана. По морским поверьям, как правило, является предвестником несчастий.

[^^^]

117

Блокшив – корпус разоружённого судна, приспособленный для жилья, хранения запасов и т. п.

[^^^]

118

Святой Родомедр – ученик пророка Мииенны. Когда язычники, которым он проповедовал учение пророка, бросили в костёр Книгу Призыва, Родомедр шагнул в огонь, и огонь расступился перед ним. Чудо бросило язычников на колени и, как утверждает «Житие Родомедра», убедило их отказаться от своих богов и обратиться к Таросу (Пресветлому). День «огненного подвига» Родомедра отмечается как праздник везде, кроме Гидернии, и сопровождается карнавальными гуляньями с шумными фейерверками. Иногда этот день называют Пороховым праздником.

[^^^]

119

Морской служащий – работник береговых служб флота. Может быть как военным, так и гражданским лицом.

[^^^]

120

Гидернийский голлет равен 0, 54 грамма.

[^^^]

121

Шудбинат в гидернийском флоте соответствует контр-адмиралу.

[^^^]

122

Плутонг – группа орудий, объединённых на одном посту и имеющих одинаковый угол обстрела.

[^^^]

123

См. Глоссарий

[^^^]

124

Согласно легенде, король Лонимурт V во время войны Восьми Княжеств (Атар, 223 г. последнего Цикла), отстав от основных сил, был ранен в плечо и прикладывал к ране платок все время, пока рота охраны вытаскивала его из Карстских болот. Спустя несколько дней на сильно поредевшую роту случайно наткнулся диверсионный отряд Альгамских стрельцов, подданных короля Вилла, союзника Лонимуртта. Поскольку алые цвета Лонимуртта были неразличимы под слоем грязи, король принялся размахивать красным от крови платком и тем самым дал стрельцам понять, что перед ними свои. С тех пор кусок красной ткани служит на Димерее сигналом к переговорам или перемирию.

[^^^]

125

Баксары – легендарное племя амазонок, якобы обитавших на Атаре в первой трети последнего Цикла. Несмотря на то, что мифов о них сохранилось превеликое множество, ни одного материального подтверждения их существованию так и не было обнаружено.

[^^^]

126

Круарх-Альбинос – один из вильнурских князей, легендарный охотник на нечистую силу, на всех картинах изображался в чото (серебряная цепочка, на которую нанизано тридцать три жемчужины и которой опутывали правую руку от запястью до локтя), изготовленным им самолично и имевшим силу оберега.

[^^^]

127

Факт. Совсем как акула.

[^^^]

128

Натечные образования в карстовых пещерах в виде колонн, возникающие при соединении сталактитов и сталагмитов.

[^^^]

См. Глоссарий.

[^^^]

130

См. Глоссарий.

[^^^]

Пилоты Унии Авиаторов.

[^^^]

132

См. «Стенограмма допроса» в Глоссарий.

[^^^]

133

Подробнее о структуре Каскада см. Глоссарий.

[^^^]